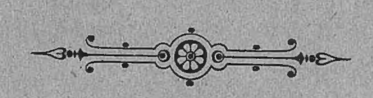
K 9 2/41

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

История паденія Польши.—Императоръ Александръ I.—Начала Русской Земли.—Древняя Россія.—Взглядъ на исторію установленія Государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго.—Историческія письма. — Восточный вопросъ.—Прогрессъ и Религія.— Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ.—Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ.—Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка.—Н. М. Карамзинъ и его „Исторія Государства Россійскаго“.—А. Л. Шлецеръ.— Шлецеръ и антиисторическое направленіе.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, 39.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Больш. Подъяч., 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ ПАДЕНІЯ ПОЛЬШИ.

Въ 1620 году католицизмъ праздновалъ великую побѣду: страна, въ которой нѣкогда было высоко поднято знамя возстанія противъ него во имя славянской народности,—страна, которая и теперь вздумала-было возстановить свою самостоятельность вслѣдствіе религіознаго движенія,— Богемія была залита кровію; десятки тысячъ народа покидали родину; іезуитъ могъ на свободѣ жечь чешскія книги и служить латинскую обѣдню. Теперь оставались только два самостоятельныхъ славянскихъ государства въ Европѣ — Россія и Польша; но и между ними исторія уже постановила роковой вопросъ, при рѣшеніи котораго одно изъ нихъ должно было окончить свое политическое бытіе. Въ томъ самомъ 1620 году, столь памятномъ въ исторіи славянъ, въ исторіи борьбы ихъ съ католицизмомъ [1]), на Польскомъ сеймѣ волынскій депутатъ, описывая нестерпимыя гоненія, которыя Русскій народъ въ польскихъ областяхъ терпѣлъ за свою вѣру, закончилъ такъ свою рѣчь: «Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ, чтобъ оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и теперь желаніе наше не исполнится, то будемъ принуждены съ пророкомъ возопить: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою».

Судъ Божій приближался: Русскіе люди были не одни среди враговъ своей вѣры и народности, за ними стояло обширное и независимое Русское, православное государство. Послѣ цѣлаго ряда возстаній, страшной рѣзни и опустошеній по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Малороссія поддалась Русскому царю. Завѣтная цѣль собирателей Русской Земли, Московскихъ государей, государей всея Руси, казалось, была достигнута. Послѣ небывалыхъ успѣховъ русскаго оружія, послѣ взятія Вильны, царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ право думать, что Малороссія и Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Литва останутся навсегда за нимъ. Но великое дѣло только-что начиналось, и для его окончанія нужно было еще безъ-малаго полтораста лѣтъ. Шатость, измѣнчивость казаковъ дали возможность Польшѣ оправиться и затянули войну, истощившую Московское государство, только-что начавшее собираться съ силами послѣ погрома Смутнаго времени [2]); гетманъ западной Украйны, Дорошенко, передался султану—и этимъ навлекалъ и на Польшу и на Россію новую войну съ страшными тогда для Европы турками. Россія и Польша, истощенныя тринадцатилѣтнею борьбою, спѣшили прекратить борьбу въ виду общаго врага; въ 1667 году заключено было Андрусовское перемиріе: Россія получала то, что успѣла удержать въ своихъ рукахъ въ послѣднее время, Смоленскъ, Черниговъ и Украйну на восточной сторонѣ Днѣпра, Кіевъ удерживала только на два года, но потомъ, по Московскому договору 1686 года, Кіевъ былъ уступленъ ей навѣки.

Здѣсь почти на сто лѣтъ пріостановлено было собираніе Русской Земли. Сначала опасность со стороны турокъ требовала не только прекращенія борьбы между Россіею и Польшею, но и заключенія союза между ними; въ слѣдъ за тѣмъ преобразовательная дѣятельность Петра Великаго подняла другую борьбу,—съ Швеціею. Съ основанія Русскаго государства, въ продолженіи осьми вѣковъ мы видимъ въ нашей исторіи движеніе на востокъ или сѣверо-востокъ. Въ XII и XIII вѣкахъ историческая жизнь видимо отливаетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, съ береговъ Днѣпра къ берегамъ Волги; Западная Россія теряетъ свое самостоятельное существованіе; Россія Восточная, Московское государство, сохраняя свою самостоятельность, распространяется все на востокъ, обхватываетъ восточную равнину Европы и потомъ занимаетъ всю Сѣверную Азію вплоть до Восточнаго океана, а на западѣ не только не распространяется, но теряетъ и часть своихъ зе-

---

[1]) Въ этомъ году православные Западной Руси получаютъ своихъ архіереевъ, поставленныхъ Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, вслѣдствіе чего пріобрѣтаютъ новыя силы въ борьбѣ. См. Исторію Россіи съ древн. врем. Изд. 4-е, 1888 г., т. X, стр. 73 и слѣд. (Издан. Товар. «Общ. Польза» кн. 2, т. I, стр. 1462.)

[2]) См. Исторію Россіи съ древн. врем. т. XI. (Издан. Товар. «Общ. Польза» кн. 3.)

мель, которыя въ первой четверти XVII вѣка отошли къ Польшѣ и Швеціи. Уходъ Русскаго народа на далекій сѣверо-востокъ важенъ въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, Русское государство могло окрѣпнуть вдали отъ западныхъ вліяній: мы видимъ, что тѣ славянскіе народы, которые преждевременно, не окрѣпнувъ, вошли въ столкновеніе съ Западомъ, сильнымъ своею цивилизаціею, своимъ римскимъ наслѣдствомъ, поникли передъ нимъ, утратили свою самостоятельность, а нѣкоторые даже и народность. Но и вредныя слѣдствія удаленія Русскаго народа на сѣверо-востокъ также видны: застой, слабость общественнаго развитія, банкротство экономическое и нравственное[1]). Окрѣпнувъ, Русское государство не могло долѣе ограничиваться однимъ востокомъ; для продолженія своей исторической жизни, оно необходимо должно было сблизиться съ Западомъ, пріобрѣсти его цивилизацію,—и въ концѣ XVII вѣка Россія перемѣняетъ свое прежнее направленіе на востокъ, поворачиваетъ къ западу. Этотъ поворотъ, который мы обыкновенно называемъ преобразованіемъ, тяжкій для народа, пошедшаго въ науку къ чужимъ народамъ, теперь однако не могъ повредить его самостоятельности, ибо Россія являлась передъ Европою могущественнымъ государствомъ. Этотъ поворотъ Россіи съ востока на западъ не замедлилъ обнаружиться и тѣмъ, что границы ея начинаютъ расширяться на западъ; повидимому Россія, съ начала XVIII вѣка, принимаетъ наступательное, завоевательное движеніе въ эту сторону. Всмотримся попристальнѣе въ явленіе.

Съ начала XVIII вѣка въ отношеніяхъ Россіи къ Западной Европѣ господствуютъ три вопроса: Швецкій, Турецкій, или Восточный, и Польскій; иногда они соединяются вмѣстѣ по два, иногда всѣ три. Первый поднялся—Шведскій, потому что поворотъ Россіи съ востока на западъ былъ поворотъ къ морю, безъ котораго она задыхалась какъ безъ необходимой отдушины, а море было въ шведскихъ рукахъ. Россія, послѣ упорной и тяжкой борьбы, овладѣла Балтійскимъ берегомъ. Швеція не могла забыть этого, и, при удобныхъ случаяхъ, при затруднительномъ положеніи Россіи, предъявляла свои притязанія на возвратъ старыхъ владѣній.

Другой господствующій вопросъ касался береговъ другого моря, Чернаго, ибо Россія, какъ извѣстно, родилась на дорогѣ между двумя морями, Балтійскимъ и Чернымъ. Первый князь ея является съ Балтійскаго моря и утверждается въ Новгородѣ, а второй уже утверждается въ Кіевѣ и побѣдоносно плаваетъ на Черномъ морѣ.

Еще до начала Русской исторіи Днѣпромъ шла дорога въ Грецію, и потому при первыхъ князьяхъ Русскихъ завязалась тѣсная связь у Руси съ Византіей, скрѣпленная принятіемъ христіанства, *Греческой вѣры*; а по нижнему Дунаю и дальше на югъ сидѣли все родныя славянскія племена, тѣмъ болѣе близкія къ Русскимъ, что исповѣдывали ту же Греческую вѣру. Когда турки взяли Константинополь, поработили и восточныхъ славянъ Греческой вѣры, Россія, отбиваясь отъ татаръ, собиралась около Москвы. Московское государство осталось единственнымъ независимымъ государствомъ Греческой вѣры; понятно, слѣдовательно, что къ нему постоянно обращены были взоры народовъ Балканскаго полуострова. Но въ какомъ отношеніи находился султанъ Турецкій къ христіанскому народонаселенію своихъ областей, въ такомъ же отношеніи находился государь Московскій и всея Россіи къ мусульманскому народонаселенію своихъ восточныхъ областей. Московскіе послы, возвращавшіеся изъ Турціи, привозили вѣсти: «Христіане говорятъ одно: далъ бы Богъ хотя малую побѣду великому государю, то мы бы встали и начали промышлять надъ туркомъ. Къ султану приходили послы отъ татаръ Казанскихъ и Астраханскихъ и отъ башкиръ, просили, чтобы султанъ освободилъ ихъ отъ русскихъ и принялъ подъ свою власть царство Казанское и Астраханское. Султанъ принялъ этихъ пословъ ласково, но сказалъ, чтобы подождали немного».

Чего же надобно было дожидаться—съ одной стороны христіанскому народонаселенію Турецкой имперіи, съ другой—мусульманскому народонаселенію восточныхъ областей Россіи? Дожидаться, чтобы взялъ верхъ кто-нибудь изъ двоихъ: царь Русскій, единственный на свѣтѣ православный государь восточный, какъ выражались въ XVII вѣкѣ; или султанъ Турецкій, естественный покровитель всего мусульманства. Кажется ясно, какъ этотъ вопросъ относится къ исторіи Европы и христіанства!

Вопросъ не былъ рѣшенъ ни въ XVII, ни въ первой половинѣ XVIII вѣка; побѣды Миниха только смыли позоръ прутскій. Россія, такъ поднятая въ глазахъ Европы Петромъ Великимъ, Россія, которой союза наперерывъ искали западныя державы,—Россія, въ отношеніи къ хищническому народонаселенію Востока, находилась въ томъ же положеніи, въ какомъ остановилась еще въ XVI вѣкѣ. Нестерпимое хищничество ордъ—Казанской, Ногайско-астраханской и Сибирской заставило Россію покончить съ ними; но она не была въ состояніи покончить съ самою хищною изъ ордъ татарскихъ,—съ Крымскою, которая находилась подъ верховной властію султана Турецкаго. Крымскій вопросъ былъ жизненнымъ вопросомъ для Россіи, ибо, допустивъ существованіе Крымской орды, надобно было допустить, чтобы Южная Россія навсегда оставалась степью; чтобы вмѣсто хлѣбныхъ каравановъ, назначенныхъ для прокормленія Западной Европы въ неурожайные годы, по ней тянулись разбойничьи шайки, гнавшія толпы плѣнниковъ, назначенныхъ для наполненія восточныхъ невольничьихъ рынковъ.

[1]) См. Исторію Россіи съ древн. врем. т. XIII, Гл. I. (Издан. Товар. «Общ. Польза», кн. 3.)

Вопросъ Крымскій не былъ рѣшенъ въ первой половинѣ XVIII вѣка и переданъ второй. Переданъ былъ и другой подобный же вопросъ,—вопросъ Польскій.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, волею-неволею, Россіи надобно было свести старые счеты съ Польшею. Привели дѣло къ концу: 1) русское національное движеніе, совершавшееся, какъ прежде, подъ религіознымъ знаменемъ; 2) завоевательныя стремленія Пруссіи; 3) преобразовательныя движенія, господствовавшія въ Европѣ съ начала вѣка до конца его.

Религіозная борьба, поднявшая Русь противъ Польши въ XVI вѣкѣ, повела во второй половинѣ XVIII-го къ знаменитому вопросу о диссидентахъ, игравшему такую роль въ исторіи паденія Польши. Здѣсь связь явленій, кажется, очень ясна; распространяться о ней не нужно. Что касается до завоевательныхъ стремленій Пруссіи, то мы за объясненіями ихъ можемъ обратиться къ нѣмецкимъ историкамъ, которые скажутъ намъ слѣдующее:

«Шляхетская республика (Польша) въ XVI столѣтіи взяла на себя относительно Восточной Европы ту же самую роль, какую, относительно Запада, взялъ на себя Филиппъ Испанскій, то есть: стремленіе къ всемірному владычеству во имя католицизма. Какъ Филиппъ, въ качествѣ защитника старой Церкви, старался подчинить себѣ Англію, такъ Сигизмундъ Польскій старался подчинить себѣ свою родину, Швецію; какъ Филиппъ имѣлъ приверженцевъ во Франціи, держалъ гарнизонъ въ Парижѣ и имѣлъ въ-виду посадить дочь свою на Французскій престолъ: такъ Сигизмундъ имѣлъ партію въ Москвѣ, занималъ своимъ войскомъ кремль и наконецъ видѣлъ избраніе сына своего въ цари Московскіе. Но и слѣдствія были одни и тѣ же, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ: повсюду кончилось неудачей. Какъ Франція соединилась около Генриха IV, такъ Россія собралась около Михаила Романова; какъ въ борьбѣ съ Филиппомъ развилась юная морская сила Англіи,—такъ въ польскихъ войнахъ выросъ герой протестантизма, Густавъ-Адольфъ[1]). Польша вышла изъ борьбы столь же изможженною и лишенною средствъ къ жизни, какъ и Испанія. Такая роль Польши въ религіозныхъ войнахъ конечно не могла смягчить той застарѣлой ненависти, которая изначала существовала между Польшей и Нѣмецкимъ сѣверомъ. Цѣлые вѣка оба народа вели борьбу за широкія равнины между Эльбой и Вислой, которыя сначала были заняты германцами, потомъ, по удаленіи послѣднихъ во время великаго переселенія народовъ, стали жилищами славянъ. Здѣсь нѣмецкая колонизація снова завоевала Бранденбургскія марки и Силезію, потомъ нѣмецкій мечъ покорилъ Прусскія земли. Господство Нѣмецкаго ордена утвердилось здѣсь сначала съ согласія поляковъ; но когда орденъ пересталъ признавать верховную власть Польши, послѣдовала смертельная борьба, кончившаяся, послѣ вѣковыхъ войнъ, полнымъ покореніемъ ордена. Восточная Пруссія стала польскимъ леномъ, западная—польскою провинціей. Страны эти приняли протестантизмъ, и Восточная Пруссія сдѣлалась черезъ это свѣтскимъ герцогствомъ, которое скоро послѣ того досталось курфирстамъ Бранденбургскимъ. Западная Пруссія, которой горожане и дворянство большею частью были протестантами, приняла относительно короля Сигизмунда положеніе, подобное положенію Нидерландовъ относительно Филиппа II; враждебное отношеніе провинціи къ королевству, нѣмецкаго языка къ польскому было усилено враждою религіозной здѣсь побѣда католической реакціи повлекла бы за собою непосредственно паденіе нѣмецкаго элемента. Курфирстамъ Бранденбургскимъ удалось принудить Польшу отказаться отъ своихъ ленныхъ правъ, и Восточная Пруссія стала самостоятельнымъ государствомъ. Польша подчинилась необходимости, но не забыла своихъ притязаній; скоро потомъ она заключила союзъ съ Людовикомъ XIV для возвращенія себѣ Пруссіи, и, когда Фридрихъ I принимъ титулъ Прусскаго короля, посыпались протесты польскихъ магнатовъ. Такъ родилось Прусское государство въ борьбѣ за нѣмецкую національность и свободу вѣроисповѣданія, въ полной внутренней и внѣшней противоположности къ Польшѣ. Вражда заключалась здѣсь въ натурѣ вещей. Кто объ этомъ не пожалѣетъ? Но что значитъ человѣческое сожалѣніе въ отношеніяхъ между народами? Пока Польша существовала, она должна была стремиться сдѣлать Кенигсбергъ опять польскимъ городомъ, а Данцигъ—католическимъ. Пока Бранденбургія оставалась страною нѣмецкою и протестантскою, главная задача ея состояла въ томъ, чтобы сдѣлать мархію и герцогство цѣлостнымъ государствомъ чрезъ освобожденіе Западной Пруссіи» [2]).

Третьею причиной паденія Польши указали мы преобразовательныя движенія XVIII вѣка. Преобразовательная дѣятельность европейскихъ правительствъ началась на востокѣ въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка: вслѣдствіе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, Восточная Европа приняла новый видъ и соединилась съ Западною; во второй половинѣ вѣка на новыя движенія въ литературѣ и обществѣ откликнулись три монарха: Екатерина II—въ Россіи, Фридрихъ II—въ Пруссіи, Іосифъ II—въ Австріи. Во Франціи правительство не сумѣло удержать въ своихъ рукахъ направленіе преобразовательнаго движенія — и слѣдствіемъ былъ страшный переворотъ, взволно-

[1]) Здѣсь нѣмецкій историкъ пропустилъ, что отпаденіе Малороссіи вслѣдствіе религіозной борьбы вполнѣ соотвѣтствуетъ отпаденію Нидерландовъ отъ Испаніи. Мы увидимъ, куда онъ, по своему взгляду, отнесетъ это соотвѣтствіе.

[2]) Sybel: *Geschichte der Revolutionszeit,* I, 157.

вавшій всю Европу. Среди преобразовательныхъ движеній, которыми знаменовался вѣкъ,—среди движеній, происходившихъ всюду около, Польша не могла оставаться спокойною, тѣмъ болѣе что въ ней преобразованія были нужнѣе чѣмъ гдѣ-либо: вслѣдствіе безобразно односторонняго развитія одного сословія, вслѣдствіе внутренняго безнарядья, Польша потеряла свое политическое значеніе; ея независимость была только номинальною, болѣе вѣка она уже страдала изнурительною лихорадкой, истощившею ея силы. Естественно, что нѣкоторые поляки должны были придти къ мысли, что единственнымъ средствомъ спасенія для ихъ отечества было преобразованіе правительственныхъ формъ; съ этою мыслію вступилъ на престолъ король Станиславъ-Августъ Понятовскій, который хотѣлъ быть для Польши тѣмъ же, чѣмъ его знаменитые сосѣди—Екатерина, Фридрихъ, Іосифъ—были для своихъ государствъ. Но что бываетъ спасительно для крѣпкихъ организмовъ, то губитъ слабые, и попытка преобразованія только ускорила паденіе Польши. Станиславъ Понятовскій взялъ на себя задачу, которая пришлась не по силамъ его, какъ короля, и не по силамъ его, какъ человѣка.

Чтобы понять преобразовательныя попытки въ Польшѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, мы должны обратиться къ устройству республики, въ какомъ засталъ ее Станиславъ-Августъ. Польша представляла собою обширное военное государство. Вооруженное сословіе, шляхта, имѣя у себя исключительно всѣ права, кормилась насчетъ земледѣльческаго, рабствующаго народонаселенія; городъ не поднимался и его народонаселеніе не могло сопоставить съ шляхтою другую, уравновѣшивающую силу, потому что промышленность и торговля были въ рукахъ иностранцевъ, нѣмцевъ, жидовъ. Войско, слѣдовательно, было единственною силою, могшею развиваться безпрепятственно и опредѣлить въ свою пользу отношенія къ верховной власти, которая была сдержана въ самомъ началѣ Польской исторіи и потомъ все никла болѣе и болѣе передъ вельможествомъ и шляхтою[1]). Отсутствіе государственныхъ и общественныхъ сдержекъ, сознаніе своей силы, исключительной полноправности и независимости условливали въ польской шляхтѣ крайнее развитіе личности, стремленіе къ необузданной свободѣ, неумѣнье сторониться съ своимъ *я* передъ требованіями общаго блага.

Король избирался—одною шляхтою. Шляхта, собиравшаяся на провинціальные сеймы (сеймики), выбирала пословъ на большой сеймъ, давала имъ наказы, и, по возвращеніи съ сейма, они обязаны были отдавать отчетъ избирателямъ своимъ. Сеймъ собирался каждые два года самъ собою. Для сеймоваго рѣшенія необходимо было *единогласіе:* каждый посолъ могъ *сорвать сеймъ*, уничтожить его рѣшенія, провозгласивши свое несогласіе (veto) съ ними: знаменитое право, извѣстное подъ именемъ *liberum veto.* Въ продолженіи 30-ти послѣднихъ лѣтъ всѣ сеймы были сорваны. Противъ произвольныхъ дѣйствій правительства было организовано и узаконено вооруженное возстаніе — *конфедерація:* собиралась шляхта, публиковала о своихъ неудовольствіяхъ и требованіяхъ, выбирала себѣ вождя, маршала конфедераціи, подписывала конфедераціонный актъ, предъявляла его въ присутственномъ мѣстѣ, и конфедерація, возстаніе получало законность.

Для управленія при королѣ находились независимые и безсмѣнные сановники, въ равномъ числѣ для Польши (для короны) и для Литвы: 2 великихъ маршала для гражданскаго управленія и полиціи; 2 великихъ канцлера и 2 вице-канцлера завѣдывали судомъ, были посредниками между королемъ и сеймомъ, сносились съ иностранными послами; 2 великихъ и 2 польныхъ гетмана начальствовали войсками и управляли всѣми войсковыми дѣлами; 2 великихъ казначея съ 2 помощниками управляли финансами; 2 надворныхъ маршала завѣдывали Дворомъ королевскимъ.

ГЛАВА I.

Рѣдкій государь восходитъ на престолъ съ такими миролюбивыми намѣреніями, съ какими взошла на Русскій престолъ Екатерина II. Это миролюбіе проистекало изъ убѣжденія въ необходимости прежде всего заняться внутренними дѣлами, поправить разстроенные финансы, а для этого нужно было, по разсчету императрицы, по крайней мѣрѣ пять лѣтъ мира. Отсюда понятно, съ какимъ безпокойствомъ смотрѣла Екатерина на Польшу, въ которой происходили сильныя волненія партій, грозившія еще усилиться, потому что королю Августу III оставалось недолго жить и предстояли королевскіе выборы. Екатерина должна была поддерживать свою партію между польскими вельможами, оказывать покровительство русскому православному народонаселенію, подававшему ей жалобы на притѣсненія отъ католиковъ; должна была заботиться, чтобъ избранъ былъ въ короли человѣкъ, отъ котораго ей нечего было бы опасаться въ будущемъ, и, въ то же время, должна была хлопотать изо всѣхъ силъ, чтобы все это было достигнуто мирнымъ путемъ. Задача очень нелегкая! Въ Польшѣ боролись двѣ партіи: партія придворная, во главѣ которой стоялъ всемогущій при Августѣ III министръ Брюль и зять его Мнишекъ, и партія, во главѣ которой стояли князья Чарторыйскіе; послѣдняя партія держалась Россіи, и это опредѣляло взглядъ Русскаго Двора на польскія дѣла: чтобы поддержать своихъ, надобно было дѣйствовать

---

[1]) См. Ист. Россіи съ древн. врем. I, II, III, (Издан. Товар. «Общ. Польза» кн. 3.)

противъ брюлевской или саксонской партіи, противодѣйствовать ея стремленію возвести на Польскій престолъ по смерти Августа III сына его, курфирста Саксонскаго.

Трудность задачи, какъ мы видѣли, состояла въ томъ, чтобы достигнуть своихъ цѣлей мирнымъ путемъ и, въ то же время, не показать слабости, неспособности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Встревоженная извѣстіями, что придворная партія готова употребить насилія надъ членами партіи Чарторыйскихъ, Екатерина, 1 апрѣля 1763 года, послала приказаніе послу своему при Польскомъ Дворѣ, Кайзерлингу: «Разгласите, что если осмѣлятся схватить и отвезти въ Кенигштейнъ кого-нибудь изъ друзей Россіи, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожскихъ казаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отомстить за оскорбленія, которыя наноситъ имъ король Польскій». Относительно православныхъ, Екатерина писала Казейрлингу: «Епископъ Георгій Бѣлорусскій [1]) подалъ мнѣ просьбу отъ имени всѣхъ исповѣдующихъ греческую вѣру, съ жалобами на бѣдствія, которыя они претерпѣваютъ въ Польшѣ; поручаю ихъ вашему покровительству; сообщите мнѣ, что нужно для усиленія моего значенія тамъ, моей партіи; я не пренебрегу ничѣмъ для этого». Но въ то же время она требовала отъ Кайзерлинга, чтобъ онъ сдерживалъ рьяность партіи Чарторыйскихъ; такъ писала она отъ 14 іюля: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацію; но я не вижу, къ чему поведетъ конфедерація при жизни короля Польскаго? Говорю вамъ сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тѣхъ поръ, пока я не приведу въ порядокъ финансовъ, чего въ одну минуту сдѣлать нельзя; моя армія не можетъ выступить въ походъ въ этомъ году: и потому я вамъ рекомендую сдерживать нашихъ друзей, а главное, чтобы они не вооружались, не спросясь со мною; я не хочу быть увлечена далѣе того, сколько требуетъ польза моихъ дѣлъ». Отъ 26 іюля: «Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я приказывала вамъ удерживать друзей моихъ отъ преждевременной конфедераціи; но въ то же время дайте имъ самыя положительныя удостовѣренія, что мы ихъ будемъ поддерживать во всемъ что благоразумно, будемъ поддерживать до самой смерти короля, послѣ которой мы будемъ дѣйствовать, безъ сомнѣнія, въ ихъ пользу».

Между тѣмъ не одну Варшаву вольновалъ вопросъ: кому быть королемъ по смерти Августа III. Сильно занимались имъ также въ Петербургѣ и Москвѣ, и Несторъ русскихъ дипломатовъ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, что всего лучше возвести на престолъ сына Августа III, будущаго курфирста Саксонскаго. Но иначе опредѣлилъ Совѣтъ, созванный императрицею, когда получено было извѣстіе, что король очень слабъ: Совѣтъ рѣшилъ, что при будущихъ выборахъ надобно дѣйствовать въ пользу Пяста (природнаго поляка), и именно стольника Литовскаго, графа Станислава Понятовскаго; если же его нельзя, то двоюроднаго брата его, князя Адама Чарторыйскаго, сына князя Августа, воеводы Русскаго; хранить это втайнѣ, держать 30,000 войска на границѣ, и еще 50,000 наготовѣ.

Наконецъ рѣшительная минута наступила: 5 октября 1763 умеръ король Августъ III. «Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля Польскаго; король Прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ», писала Екатерина Панину. Старикъ Бестужевъ опять подалъ мнѣніе въ пользу курфирста Саксонскаго, котораго слѣдовало поддерживать: «во-1) главнѣйше вслѣдствіе того намѣренія, которое уже о немъ при государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ принято, и союзнымъ дворамъ—Вѣнскому, Французскому и самому Саксонскому сообщено было, а притомъ и въ такомъ разсужденіи, что 2) всякій избираемый природный полякъ или Пястъ, сколь бы знатенъ и богатъ ни былъ, безъ чужестранной денежной помощи себя содержать не въ состояніи; слѣдовательно въ случаѣ перевѣса отъ кого-либо другого денежной дачи, для Россіи и вредителенъ будетъ. 3) Равномѣрно и изъ иностранныхъ принцевъ, а того больше изъ усилившагося Бранденбургскаго Дома для Россіи и ея интересовъ отнюдь индиферентенъ быть не можетъ. 4) Государь Петръ Великій по своей прозорливости и находя пользу своихъ интересовъ объ удержаніи Польской короны въ Саксонскомъ Домѣ со всею колеблемостію онаго наивозможнѣйше старался. 5) Избраніе помянутаго курпринца можетъ быть не столько затрудненій возымѣетъ, когда безъ сумнѣнія поляки уже къ тому исподоволь приготовлены, такъ-что можетъ быть и нужды не будетъ гораздо великихъ денегъ на то отсюда тратить. Между тѣмъ по имѣющимся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ дѣламъ извѣстно, что хотя поляки желаютъ лучше себѣ королемъ Пяста, но въ то же время подвергая выборъ онаго сколько отъ самихъ себя, столь же больше отъ мелкаго шляхетства крайнимъ затрудненіямъ или и самой невозможности, устремляются уже въ своихъ мысляхъ главнѣйше на двухъ иностранныхъ князей, то есть принца Карла Лотаринскаго и ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, изъ которыхъ о первомъ Вѣнскій, а о послѣднемъ Берлинскій Дворъ стараются, имѣя уже для того въ Польшѣ нѣкоторыя партіи. Но какъ избраніе того или другого изъ сихъ принцевъ россійскимъ интересамъ въ разсужденіи натуральной ихъ преданности и зависимости отъ Вѣнскаго или Берлинскаго Двора полезно, а потому и индиферентно быть не можетъ, то необходимо нужно немедленно избрать и назначить изъ другихъ иностранныхъ принцевъ или изъ Пястовъ такого кандидата, на котораго бы

[1]) Знаменитый Конисскій.

Россія совершенно полагаться могла, и который бы свое возвышеніе только ея императорскому величеству долженствовалъ и отъ нея единой зависимъ былъ. Если ея императорскому величеству неугодно будетъ избрать и назначить къ тому нынѣшняго курфирста Саксонскаго, то выборъ изъ другихъ иностранныхъ или изъ его же Саксонскаго Дома удѣльныхъ принцевъ ничѣмъ разниться не могъ бы и отъ самыхъ Пястовъ, потому что неминуемо надлежало бы избираемаго изъ первыхъ или послѣднихъ короля Польскаго для обязательства къ Россіи ежегодными денежными субсидіями спабдѣвать. Что особливо до Пястовъ касается, то сколько графу Бестужеву-Рюмину извѣстно, находятся въ Польшѣ только двое къ тому способныхъ, а съ другой стороны и для Россіи надежныхъ, а именно—князь Адамъ Чарторижскій да стольникъ Литовской графъ Понятовской. Но какъ первый очень богатъ, слѣдовательно, не имѣя большой нужды въ полученіи отъ Россіи денежнаго вспоможенія, хотя въ руки какой другой иностранной державы и не отдастся, однакожъ и отъ Россіи совсѣмъ зависимъ быть не похочетъ; то въ разсужденіи сего важнаго обстоятельства и въ случаѣ если всевысочайшее ея императорскаго величества соизволеніе точно на выборъ Пяста будетъ, не безъ основанія кажется, что сей послѣдній, то-есть графъ Понятовскій, для Россіи и ея интересовъ гораздо надежнѣйшимъ и полезнѣйшимъ былъ бы, столь наипаче, что пользуясь въ прибавокъ къ своему собственному достатку нѣкоторымъ ежегоднымъ отсюда денежнымъ вспоможеніемъ, натурально былъ бы въ россійской зависимости, а сверхъ того и возвышеніе свое единственно ея императорскому величеству долженствовалъ бы».

Старикъ жилъ воспоминаніями прошедшаго времени, когда онъ былъ канцлеромъ императрицы Елисаветы и сваталъ Саксонскую принцессу за наслѣдника Русскаго престола. Странно было теперь толковать о кандидатурѣ Саксонскаго курфирста, когда поддерживать послѣдняго значило губить «своихъ друзей»; когда въ Курляндіи русскія войска дѣйствовали противъ принца Карла, сына Августа III. Говорили, будто Бестужевъ дѣйствовалъ противъ Понятовскаго въ угоду Орловымъ, врагамъ послѣдняго; но мы видѣли, что Бестужевъ предлагалъ Понятовскаго, если уже непремѣнно нужно выбрать Пяста; вѣрнѣе, что самолюбивый старикъ защищалъ собственное дѣло: при Елисаветѣ Петровнѣ было порѣшено оставить Польскую корону въ Саксонской династіи!

Король Прусскій выскочилъ изъ-за стола, какъ услышалъ о смерти Августа III. Мысль объ увеличеніи своихъ владѣній насчетъ Польши не покидала Фридриха II; но теперь было не время ее высказывать. За пріобрѣтеніе Силезіи отъ Австріи онъ поплатился очень дорого. Истощенный Семилѣтнею войной, которая едва-было не довела его до погибели, онъ стоялъ одинокъ и сильно желалъ опереться на союзъ съ императрицею Русской. Съ этою цѣлію онъ рѣшился войдти въ виды Екатерины относительно избранія новаго короля, поддерживать ея кандидата, лишь бы онъ не предпринималъ никакихъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ Польши. Екатерина, лично нерасположенная къ Саксонской династіи и къ Маріи-Терезіи, сочувствуя Фридриху какъ человѣку и не имѣя причинъ опасаться его какъ государя, рада была дѣйствовать съ нимъ заодно въ Польшѣ, и самая дружеская переписка завязалась между ними. Фридрихъ не щадилъ ѳиміама передъ императрицей и женщиною; Екатерина отвѣчала ему въ томъ же тонѣ. Еще до кончины Августа III, Фридрихъ сообщилъ Екатеринѣ извѣстія изъ Вѣны, что тамъ думаютъ, какія имѣютъ подозрѣнія относительно видовъ на Польшу со стороны Россіи; просилъ не тревожиться мнѣніями и подозрѣніями Вѣнскаго Двора, потому что въ Вѣнѣ нѣтъ денегъ, и Марія-Терезія вовсе не въ такомъ выгодномъ положеніи, чтобы могла начать войну: «Вы достигнете своей цѣли», писалъ Фридрихъ, «если только немножко прикроете свои виды и накажете своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ опровергать ложные слухи, тамъ распускаемые; въ противномъ случаѣ ваши дѣла пострадаютъ. Вы посадите на Польскій престолъ короля по вашему желанію и безъ войны, а это послѣднее въ сто разъ лучше, чѣмъ опять погружать Европу въ пропасть, изъ которой она едва вышла. Саксонцы сильно встревожились; причины тревоги—дѣла курляндскія и вступленіе въ Польшу отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ Салтыкова. Крики поляковъ—пустые звуки; короля Польскаго бояться нечего: едва въ состояніи онъ содержать семь тысячъ войска. Но они могутъ заключить союзы, которымъ надобно воспрепятствовать; надобно ихъ усыпить, чтобъ они заранѣе не приняли мѣръ, могущихъ повредить вашимъ намѣреніямъ». Фридрихъ не скрывалъ, что желалъ бы видѣть на Польскомъ престолѣ Пяста; Екатерина отвѣчала, что это и ея желаніе, только бы этотъ Пястъ не былъ старикъ, смотрящій въ гробъ, ибо тогда начнутся новыя волненія и интриги съ разныхъ сторонъ въ чаяніи скорыхъ выборовъ.

Смерть Августа III повела къ объясненіямъ болѣе рѣшительнымъ относительно его преемника. Едва Августъ успѣлъ испустить духъ, какъ невѣстка его, новая курфирстина Саксонская отправила письмо къ Фридриху II съ просьбою помочь ея мужу въ достиженіи Польскаго престола, и быть посредникомъ между нимъ и Россіей, предлагая сдѣлать для послѣдней всѣ возможныя удовлетворенія. Фридрихъ, отправляя копію этого письма въ Петербургъ, писалъ Екатеринѣ: «Если ваше императорское величество подкрѣпите теперь свою партію въ Польшѣ, то никакое государство не будетъ имѣть права этимъ оскорбиться. Если

образуется противная партія, то велите только Чарторыйскимъ попросить вашего покровительства; эта формальность дастъ вамъ предлогъ, въ случаѣ нужды, отправить войско въ Польшу; мнѣ кажется, что если вы объявите Саксонскому Двору, что не можете согласиться на избраніе курфирста въ короли Польскіе, то Саксонія не двинется и не запутаетъ дѣла».

Навстрѣчу этому письму шло письмо изъ Петербурга въ Берлинъ: «Получивши извѣстіе о смерти короля Польскаго, мнѣ было естественно обратиться къ вашему величеству», писала Екатерина Фридриху: «такъ какъ мы согласны насчетъ избранія Пяста, то слѣдуетъ намъ теперь объясниться, и безъ дальнѣйшихъ околичностей я предлагаю вашему величеству между Пястами такого, который болѣе другихъ будетъ обязанъ вашему величеству и мнѣ за то, что мы для него сдѣлаемъ. Если ваше величество согласны, то это стольникъ Литовскій,—графъ Станиславъ Понятовской, и вотъ мои причины. Изъ всѣхъ претендентовъ на корону онъ имѣетъ наименѣе средствъ получить ее, слѣдовательно наиболѣе обязанъ будетъ тѣмъ, изъ рукъ которыхъ онъ ее получитъ. Этого нельзя сказать о главахъ нашей партіи: тотъ изъ нихъ, кто достигнетъ престола, будетъ считать себя обязаннымъ сколько намъ, столько же и своему умѣнью вести дѣла. Ваше величество мнѣ скажете, что Понятовскому нечѣмъ будетъ жить; но я думаю, что Чарторыйскіе, заинтересованные тѣмъ, что одинъ изъ ихъ дома будетъ на престолѣ, дадутъ ему приличное содержаніе. Ваше величество не удивляйтесь движеніямъ войскъ на моихъ границахъ: они въ связи съ моими государственными правилами. Всякая смута мнѣ противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дѣло совершилось спокойно».

Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ и что немедленно же прикажетъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать заодно съ Кайзерлингомъ въ пользу Понятовскаго. Прусскому королю дали знать, что французы и саксонцы интригуютъ изо всѣхъ силъ, чтобы внушить полякамъ отвращеніе къ Пясту; но Фридрихъ не боялся этихъ интригъ: онъ былъ твердо увѣренъ, что если русскій и прусскій министры вмѣстѣ объявятъ главнымъ вельможамъ о желаніи своихъ государей,—тѣ сейчасъ же согласятся. Фридрихъ былъ спокоенъ и относительно Австріи: по его убѣжденію, Вѣнскій Дворъ не вмѣшивается въ выборы, лишь бы соблюдены были формальности. «Что же касается Порты Оттоманской», писалъ Фридрихъ Екатеринѣ, «то я въ этомъ отношеніи предупредилъ ваши желанія». Фридрихъ приказалъ своему министру въ Константинополѣ дѣйствовать согласно съ желаніями обоихъ Дворовъ, брался внушить интернунцію, что избраніе Пяста въ короли Польскіе вполнѣ согласно съ интересами султана. «Я съ своей стороны», писалъ Фридрихъ, «не пощажу ничего, что бы могло успокоить умы, чтобы все прошло спокойно и безъ кровопролитія, и я заранѣе поздравляю ваше императорское величество съ королемъ, котораго вы дадите Польшѣ». Король не упускалъ случая высказаться, что смотритъ на мирное избраніе Понятовскаго какъ на дѣло рѣшеное. Екатерина послала ему въ подарокъ астраханскихъ арбузовъ; Фридрихъ (7 ноября 1763 г.) отвѣчалъ на эту любезность: «Кромѣ рѣдкости и превосходнаго вкуса плодовъ, безконечно дорого для меня то, отъ чьей руки получилъ я ихъ въ подарокъ. Огромное разстояніе между астраханскими арбузами и польскимъ избирательнымъ сеймомъ: но вы умѣете соединить все въ сферѣ вашей дѣятельности; та же рука, которая разсылаетъ арбузы, раздаетъ короны и сохраняетъ миръ въ Европѣ».

Прошелъ 1763 годъ. Въ началѣ 1764 Фридрихъ не переставалъ утверждать Екатерину въ тѣхъ же надеждахъ: Франція и Австрія будутъ мѣшать при выборахъ только тайкомъ, интригами, а не силою; надобно бояться одного,—чтобъ онѣ своими интригами не подняли Порту. Относительно поляковъ Фридрихъ безпокоился менѣе всего: «Деньгами и угрозами вы заставите ихъ сдѣлать все, что вамъ угодно; но, разумѣется, сначала должно употребить всѣ кроткія мѣры, чтобы не дать сосѣдямъ предлога вмѣшаться въ дѣло, которое вы считаете своимъ». Фридрихъ увѣрялъ, что не будетъ ничего серьезнаго, основываясь на своемъ знаніи національнаго польскаго характера: «Поляки горды, когда считаютъ себя внѣ опасности, и ползаютъ, когда видятъ опасность. Я думаю, что не будетъ пролито крови: развѣ отрѣжутъ носъ или ухо у какого-нибудь шляхтича на сеймикѣ. Поляки получили нѣкоторую сумму денегъ отъ Саксонскаго Двора; кто захочетъ получить ихъ, тотъ произведетъ нѣкоторый шумъ; но все и ограничится шумомъ. Ваше величество приведете въ исполненіе свой проектъ: этотъ оракулъ вѣрнѣе Калхасова».

Оракулъ дѣйствительно оказался вѣрнымъ. Какъ обыкновенно бывало при королевскихъ выборахъ, Польша взволновалась борьбою партій: въ челѣ одной стороны стояли Чарторыйскіе, въ челѣ другой, противной имъ стороны, находились—великій гетманъ коронный Браницкій[1]), первый богачъ Литвы князь Карлъ Радзивиллъ и Кіевскій палатинъ—графъ Потоцкій; въ Литвѣ противъ Радзивилла дѣйствовали Масальскіе: одинъ—гетманъ, другой—епископъ Виленскій. По обычаю, усобица была прекращена иностраннымъ оружіемъ: Чарторыйскіе призвали русскія войска, которыя

[1]) Браницкій самъ думалъ о коронѣ. Разсказывали, что между нимъ и Саксонскимъ курфирстомъ былъ заключенъ договоръ: если курфирстъ потеряетъ надежду на успѣхъ, то будетъ поддерживать Браницкаго. Курфирстъ имѣлъ въ виду при этомъ, что гетманъ старъ, скоро умретъ, и тогда можно будетъ опять возобновить свои искательства. Но вмѣсто старика гетмана умеръ молодой курфирстъ, и смерть его нанесла страшный ударъ саксонской партіи.

заставили Браницкаго и Радзивилла бѣжать за границу; восторжествовавшая сторона выбрала королемъ Станислава Понятовскаго (7 сентября 1764 г.). «Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы сдѣлали», писала Екатерина Никитѣ Ивановичу Панину, управлявшему внѣшними сношеніями; «сей случай наивяще умножилъ къ вамъ мою довѣренность, понеже я вижу сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры».

Что всего важнѣй было для Екатерины:—торжество ея въ Польшѣ не повело къ нарушенію мира въ Европѣ; Австрія и Франція не двинулись. Несмотря на то, спокойствіе со стороны Польши не могло быть продолжительно: съ одной стороны поднимался тамъ старый вопросъ о диссидентахъ, съ другой новый—о преобразованіяхъ. Еще до королевскаго избранія Чарторыйскіе, пользуясь своимъ торжествомъ, выказали явное стремленіе къ преобразованіямъ, и новый король вступилъ на престолъ съ тѣмъ же намѣреніемъ. Фридрихъ II встревожился. «Многіе изъ польскихъ вельможъ», писалъ онъ Екатеринѣ [1]), «желаютъ уничтожить liberum veto и замѣнить его большинствомъ: это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши; согласенъ, что намъ нечего безпокоиться при королѣ Станиславѣ; но на будущее время? Если ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться, и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей; тогда какъ поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будутъ средства дѣлать перемѣны, когда сочтете это для себя нужнымъ. Чтобъ воспрепятствовать полякамъ предаться первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма».

Екатерина дала знать Понятовскому, чтобъ онъ удержался отъ преобразованій. Король исполнилъ ея желаніе, но отвѣчалъ откровенно, что это самая тяжелая для него жертва: «Смѣю думать, ваше императорское величество видите самое сильное доказательство моего безграничнаго уваженія къ вамъ въ той жертвѣ, которую я принесъ на нынѣшнемъ сеймѣ: я пожертвовалъ тѣмъ, что мнѣ всего дороже. Большинство голосовъ на сеймикахъ и уничтоженіе *liberum rumpo* составляютъ предметы самыхъ пламенныхъ моихъ желаній. Но вы пожелали, чтобъ этого еще пока не было,—и это даже не было предложено». Чтобы выпросить у Екатерины позволеніе приступить немедленно къ реформамъ, Станиславъ-Августъ началъ представлять ей, что реформы необходимы для исполненія главнаго его желанія—полноправія диссидентовъ. «Вы хотите, чтобы Польша оставалась свободною», писалъ онъ ей [2]). «Вы желаете, чтобы союзъ Польши съ вашею имперіей сталъ еще тѣснѣе и выгоднѣе для обоихъ народовъ чѣмъ прежде; чтобы каждый гражданинъ польскій, включая сюда и диссидентовъ, любилъ васъ и былъ вамъ обязанъ. Я также хочу, чтобы Польша оставалась свободною, и потому-то я желалъ бы извлечь ее изъ того страшнаго безпорядка, который въ ней царствуетъ. Множеству ревностныхъ патріотовъ дотого стала противна анархія, что они начинаютъ громко говорить, что предпочтутъ абсолютную монархію тѣмъ постыднымъ злоупотребленіямъ своеволія, если уже невозможно достигнуть свободы болѣе умѣренной. Отъ этого-то отчаянія я хочу ихъ предохранить; но для того единственное средство—сеймовыя преобразованія. Ваше величество принимаетъ живое участіе въ диссидентахъ: но для ихъ дѣла, какъ для всякаго другого, нужно болѣе порядка на сеймахъ, а этого нельзя достигнуть безъ исправленія нашихъ сеймиковъ».

Но Станиславу-Августу было трудно убѣдить кого бы то ни было въ послѣднемъ. Опытъ былъ сдѣланъ, и оказалось, что успѣхъ дѣла диссидентовъ не могъ зависѣть отъ преобразованія сеймиковъ и сейма: едва только примасъ упомянулъ на сеймѣ о требованіяхъ диссидентовъ, какъ страшный, всеобщій крикъ остановилъ дѣло; здѣсь, слѣдовательно, не одинъ шляхтичъ своимъ veto *сорвалъ* сеймъ. Самъ король увѣдомилъ объ этомъ Екатерину, выставляя трудность дѣла и свое усердіе въ исполненіи желаній Русской императрицы: «Никогда во всю мою жизнь ничего не добивался я съ такимъ трудомъ, съ какимъ добивался у сейма позволенія вступить съ вами въ переговоры насчетъ предметовъ, вами желаемыхъ. Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ, я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы того желали. Чуть-чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи» [3]).

Но могла ли Екатерина отказаться отъ своего требованія? Могла ли Россія отказать въ помощи Русскому народу? Дѣло шло не объ одномъ уравненіи правъ православныхъ съ католиками; дѣло шло о томъ, что полтораста церквей были отняты у православныхъ. Екатерина не могла не помочь диссидентамъ, показывая въ то же время, что готова одинаково помогать и Польшѣ, защищать ее отъ своего союзника, короля Прусскаго. Чтобы сколько-нибудь поправить истощенную казну, польское правительство издало тарифъ относительно привозныхъ товаровъ. Прусскому королю это очень не понравилось, потому что пошлины легли преимущественно на привозимые изъ его владѣній товары. Чтобъ отомстить, онъ устроилъ на Вислѣ, недалеко отъ Маріенвердера, таможню, снабженную батареей; пушки грозили гибелью каждому польскому судну, которое бы отказалось заплатить пошлину съ перевозимыхъ товаровъ, а пошлина эта простиралась отъ 10 до 15 процентовъ. Поднялся всеобщій вопль. Станиславъ-Августъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбой о

[1]) 30 октября 1764 года.
[2]) 15 ноября 1764 года.
[3]) 20 апрѣля 1765 года.

помощи, написавъ къ Фридриху письмо въ сильныхъ выраженіяхъ. По поводу этого письма Екатерина писала къ Панину: «Признаюсь, я была испугана жаромъ, съ какимъ написанъ первый параграфъ этого письма. Написано прекрасно, но вовсе не прилично. О, какъ бы вы забранились, еслибъ я написала такое блестящее, но вредное для моихъ дѣлъ письмо! Прошу васъ, поставьте Польскаго короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня. Вы этимъ доставите ему величайшее благо, то-есть спокойное и благоразумное царствованіе; сдержите его живость, не дайте ему показывать столько остроумія насчетъ пользы его дѣлъ».

По ходатайству Русской императрицы, маріенвердерская таможня была снята. «Уничтоженіе маріенвердерской таможни», писалъ Станиславъ Екатеринѣ, «доказываетъ, съ одной стороны, истинную дружбу вашего императорскаго величества ко мнѣ, съ другой—силу вашего вліянія на короля Прусскаго. Страшно мнѣ было думать, что несчастіе, неизвѣстное Польшѣ при моихъ предшественникахъ, постигло ее въ мое царствованіе, и что бѣда пришла со стороны того государя, который содѣйствовалъ моему избранію; уже начались-было толки, что маріенвердерская таможня была выговорена въ награду за это содѣйствіе».

Важная услуга была оказана; но за нее слѣдовало заплатить. Вопросъ о диссидентахъ стоялъ на очереди.

ГЛАВА II.

Въ 1653 году посолъ Московскаго царя Алексѣя Михайловича, князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, потребовалъ отъ польскаго правительства, чтобы православнымъ Русскимъ людямъ впередъ въ вѣрѣ неволи не было, и жить имъ въ прежнихъ вольностяхъ. Польское правительство не согласилось на это требованіе, и слѣдствіемъ было отпаденіе Малороссіи. Черезъ сто съ чѣмъ-нибудь лѣтъ, посолъ Россійской императрицы, также князь Репнинъ, предъявилъ то же требованіе, получилъ отказъ, и слѣдствіемъ былъ первый раздѣлъ Польши.

Мы видѣли, какую важную долю вліянія на благопріятный исходъ польскихъ дѣлъ императрица приписывала Никитѣ Ивановичу Панину: «Я вижу, сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры», и это говорилось не въ рескриптѣ, назначенномъ для публики. Панинъ былъ недоволенъ старикомъ Кайзерлингомъ, неудовлетворительностію его донесеній о положеніи дѣлъ, и потому, не отзывая Кайзерлинга, отправилъ къ нему на помощь родственника своего, князя Николая Васильевича Репнина. Въ сентябрѣ 1764 года Кайзерлингъ умеръ, и Репнинъ остался одинъ. Всякому, кто знакомъ съ иностранными извѣстіями объ описываемыхъ событіяхъ, Репнинъ необходимо представляется человѣкомъ стремительнымъ на захватъ, на рѣшительныя, насильственныя мѣры. Не предупреждая событій, мы позволимъ себѣ только напомнить читателю, что Репнинъ былъ орудіемъ Панина, дѣйствовалъ по его инструкціямъ; но въ характерѣ Панина была ли эта стремительность? Всѣ отзывы о Панинѣ согласны въ одномъ: всѣ указываютъ на его медленность. Мы видѣли изъ собственнаго признанія Екатерины, какое вліяніе эта медленность, осторожность министра производили на рѣшенія пылкой императрицы: «О, какъ бы вы забранились, еслибъ я написала такое блестящее, но вредное для моихъ дѣлъ письмо! Прошу васъ, поставьте Польскаго короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня». Дѣйствительно, инструкціи Панина посламъ въ Польшѣ проникнуты осторожностью, желаніемъ какъ можно менѣе обнаруживать вмѣшательства въ дѣла. Такъ напримѣръ, когда Кайзерлингъ и Репнинъ дали знать, что Чарторыйскіе требуютъ русскаго войска, Панинъ подалъ мнѣніе: «Тысяча легкихъ войскъ уже готова и ожидаютъ польскихъ коммисаровъ для препровожденія, что казалось бы уже и довольно въ соотвѣтствіе саксонскимъ войскомъ; но, повидимому, наши друзья ищутъ сколько возможно облегчать свои собственные депансы, и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое всеподданнѣйшее мнѣніе: другую тысячу, по ихъ желанію, хотя и заготовить, но однакожъ къ графу Кайзерлингу напередъ написать, чтобъ наши друзья гораздо осмотрѣлись, *не могутъ ли они такимъ безвременнымъ введеніемъ къ себѣ чужестранныхъ войскъ возпричинствовать противъ себя національную недовѣренность и противу насъ подозрѣніе*, чѣмъ наипаче противные могутъ воспользоваться и отъ чужестранныхъ державъ достать себѣ большее деньгами подкрѣпленіе, а намъ навести отъ нихъ какія-либо безпокойства новыми дѣлами съ ихъ стороны. Итакъ не лучше ли остаться при первомъ нашемъ планѣ, чтобы, не притворяясь и не отлагая, устремиться къ изгнанію саксонцевъ изъ Польши производимыми движеніями нашихъ войскъ на границахъ и перепущеніемъ въ Польшу готовыхъ уже тысячи казаковъ, и потомъ стараться единодушно взять поверхность надъ противными нынѣ раздробленными факціями собственнымъ вооруженіемъ благонамѣренныхъ магнатовъ, и подкрѣпленіемъ ихъ нашими деньгами, нашимъ кредитомъ и нашею въ ихъ дѣлахъ инфлюенціею, соединенною съ королемъ Прусскимъ, и наконецъ тою опасностію, которую натурально поляки имѣть должны отъ насъ, когда ихъ дѣло пойдетъ противъ нашей воли, а особливо въ такое время, какъ у насъ со всѣхъ сторонъ руки останутся свободны, что мы несумнѣнно имѣть и будемъ, если *съ благоразумною умѣренностію* пойдемъ въ семъ дѣлѣ, не напрягая излишне свои струны». На этомъ мнѣніи Екате-

рина написала: «Я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна, и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефлекціи дѣлала».

Имѣемъ право ожидать, что и въ диссидентскомъ дѣлѣ Панинъ будетъ поступать такъ-же съ благоразумною умѣренностію,—и не ошибаемся. Вотъ что писалъ онъ Репнину 13 октября 1764 года: «Отъ проницанія вашего, согласія съ прусскимъ посломъ и отъ соображенія имѣющихся у васъ ея императорскаго величества постановленій долженствуетъ зависѣть благовременное кстати употребленіе такихъ *откровенно* избираемыхъ и употребляемыхъ способовъ (изъясненія съ королемъ и лучшими по характеру магнатами), дабы если совершенная невозможность одержать для диссидентовъ все у нихъ похищенное, по крайней мѣрѣ однакоже, что ни есть довольно знатное и важное въ пользу ихъ возстановлено и исходатайствовано было. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ея императорскаго величества слава интересованы въ доставленіи диссидентамъ справедливаго удовлетворенія. Для приклоненія къ тому короля и всѣхъ способствовать могущихъ магнатовъ довольно уже, и кромѣ формальныхъ трактатами опредѣленныхъ обязательствъ представлять имъ въ убѣжденіе, что когда ея императорское величество для пользы республики не жалѣла ни трудовъ, ни денегъ, дабы ее, въ толь смущенное и критическое время, каковы для нея бывали обыкновенно прежнія междоцарствія, сохранить отъ безпокойствъ, гражданскаго нестроенія и другихъ съ онымъ неразлучно соединенныхъ бѣдствій, безо всякой для себя изъ того корысти, то коль справедливо она можетъ требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всея республики, чтобъ правосудное и столь къ персональной ея величества славѣ, сколько къ собственной чести нынѣшняго польскаго вѣка служащее предстательство и заступленіе ея возымѣли дѣйствіе свое въ пользу нѣкоторой части ихъ сограждан, кои, вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страждутъ подъ игомъ порабощенія за одно исповѣданіе другихъ признанныхъ христіянскихъ религій, въ коихъ они рождены и воспитаны. Къ симъ представленіямъ можетъ ваше сіятельство присовокупить всѣ тѣ, кои вы сами за приличныя почесть изволите, отзываясь въ случаѣ крайности, то-есть когда всѣ другія средства втуне истощены будутъ, что и то имъ предостерегать должно, дабы ея императорское величество, увидя къ заступленію своему въ справедливомъ дѣлѣ столь малое со стороны республики уваженіе, не нашлась напослѣдокъ отъ ихъ дальняго упорства приневоленною одержать нѣкоторыми вынужденными способами то, чего она отъ признанія знатнаго имъ своего благодѣянія и дружбы инако достигнуть не могла, и чтобъ для того ея величество не указала далѣе ставить въ земляхъ ея тѣ самыя войска, кои по сю пору столь охотно и съ такимъ знатнымъ иждивеніемъ употребляемы были для единой пользы и службы республики, которая долженствовала бы сама собою чувствовать, что утѣсненіемъ одной части сограждан уничтожается общая ея вольность и равенство. При вынужденномъ иногда употребленіи сей угрозы надобно будетъ вашему сіятельству согласовать съ словами и самое дѣло, и сходно съ тѣмъ учреждать и дальнѣйшее войскъ нашихъ въ Польшѣ пребываніе, дабы, по крайней мѣрѣ, страхомъ вырвать у поляковъ то, чего отъ нихъ ласково добиться не можно было. *Не думаю я, да и думать почти нельзя,* чтобы можно было въ одинъ разъ возвратить диссидентамъ все то, чего они лишились: довольно когда они въ нѣкоторое равенство правъ и преимуществъ республики приведены и для переду отъ новаго гоненія совершенно ограждены будутъ, дабы инако продолженіемъ прежняго утѣсненія не могли они, и въ томъ числѣ и наши единовѣрные къ невозвратному ущербу государственныхъ нашихъ интересовъ вовсе искоренены быть».

Впослѣдствіи (15 сентября 1766 года) Репнинъ получилъ отъ императрицы подробную инструкцію, чего требовать для диссидентовъ: «Мы не удаляемся конечно отъ дозволенія и сохраненія господствующей религіи нѣкоторыхъ предъ терпимыми отличностей, какъ во всякомъ благоустроенномъ правленіи обыкновенно бываетъ, а посему и согласимся мы охотно на исключеніе диссидентовъ изъ сената и отъ чиновъ внѣ онаго, всю довѣренность республики требующихъ, то-есть гетманскихъ, еслибъ во взаимство сей важной уступки возвращено было диссидентамъ право избранія въ послы на сеймъ, въ депутаты къ трибуналамъ и городовые старосты, съ узаконеніемъ, чтобъ для соблюденія имъ навсегда сего права быть изъ нихъ въ нѣкоторыхъ воеводствахъ непремѣнно къ каждому сейму третьему послу при двухъ католикахъ. За важную бы отъ васъ услугу намъ и отечеству сочли мы одержаніе отъ васъ всего вышеписаннаго, но если и не будетъ во всемъ пространствѣ соотвѣтствовать успѣхъ сему нашему опредѣленію, не припишемъ мы однако недостатку усердія или трудовъ вашихъ, зная весьма, сколько трудно или паче невозможно преодолѣть гидру суевѣрія и собственную корысть въ людяхъ; и такъ полагаемъ мы за ультиматъ нашего желанія, чтобъ всемѣрно одержать для диссидентовъ способность владѣть городовыми староствами, дабы они тѣмъ или другимъ образомъ нѣкоторое участіе въ земскомъ правленіи, а чрезъ то самое и вящую нежели нынѣ сами по себѣ важность пріобрѣсть могли съ совершенною свободой исправленія ихъ религіи во всѣхъ пунктахъ до церкви касающихся. Если сеймъ не согласится ни на что, надлежитъ вамъ, имѣя въ Варшавѣ диссидентовъ сколько возможно въ большемъ числѣ, приготовить

ихъ къ тому, дабы они, отъѣзжая тогда всѣ вдругъ отъ сейма съ учиненіемъ по тамошнимъ обрядамъ правительства протестаціи, могли составить между собою конфедерацію, и оною формально просить помощи и защищенія у насъ, или же и вообще у тѣхъ своихъ сосѣдей, которые нынѣ въ ихъ пользу интересуются. Мы вѣрно полагаемся на ваше благоразуміе въ такомъ крайнемъ ресурсѣ, что вы его, безъ самой неизбѣжной нужды и съ нами не описавшись, въ дѣйство не произведете, однакожь тѣмъ не меньше вы можете онымъ яко послѣднею нашею твердою резолюціей воспользоваться и при негоціяціяхъ вашихъ тутъ, гдѣ надобно будетъ въ конфиденцію объ ней сообщать, съ тѣмъ чтобъ поляки знали и удостовѣрены были, что мы не допустимъ успокоить сіе дѣло по ихъ единовиднымъ желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности».

Напрасно въ Петербургѣ, желая дѣйствовать съ благоразумною умѣренностью, урѣзывали требованія диссидентовъ: въ Польшѣ не хотѣли уступить ничего. Мы видѣли, что еще въ 1763 году православный епископъ Могилевскій, Георгій Конисскій, подалъ императрицѣ жалобу на жестокія притѣсненія: «Гонители благочестія святаго», писалъ Конисскій, «не видя себѣ въ томъ гонительствѣ ни отъ кого воспященія, тѣмъ паче свирѣпѣютъ, и на всѣ церкви благочестивыя, особливо въ городѣ Могилевѣ состоящія, напасть вскорѣ при случаѣ нынѣшняго между королевства, намѣрены, и нѣкоторые священники, страха ради, на унію уже предаются; особенно же жившій въ монастырѣ моемъ іеромонахъ Никаноръ Митаревскій, кой родимецъ малороссійскій, бывъ прежде въ семинаріи Переяславской префектомъ и тамо въ важныя преступленія впавъ, отъ священнодѣйствія отлученъ, избѣгъ изъ Россіи и у уніатовъ былъ, послѣ пришедъ ко мнѣ въ Могилевъ для единаго только исправленія его при мнѣ безъ священнодѣйствія державъ, нынѣ въ отсутствіи моемъ предался къ уніятамъ въ Онуфріевскій, прежде благочестивый бывшій, а нынѣ уніятскій монастырь, къ живущему въ томъ монастырѣ архіепископу уніятскому, родимцу же малороссійскому, Лисянскому, и оной Митаревскій, согласясь съ плебаномъ Кричевскимъ Рейнолдомъ Излпчомъ, превеликое священству благочестивому, а особливо строителю монастыря Охорскаго Кричевскаго, дѣлаютъ угнетеніе, такъ что тотъ строитель съ братіею по лѣсамъ принужденъ отъ нихъ крытись». Отъ Кіевскаго митрополита пришло извѣстіе, что Трембовльскій староста Іоакимъ Потоцкій насильно четыре православныхъ церкви отнялъ на унію; Пинскій епископъ Георгій Булгакъ отнялъ на унію четырнадцать церквей, изувѣчилъ игумена Ѳеофана Яворскаго.

Когда русская партія восторжествовала, когда кандидатъ Русской императрицы избранъ былъ въ короли, Конисскій получилъ надежду, что его жалобы будутъ выслушаны въ Варшавѣ, и въ 1765 году рѣшился самъ туда отправиться; по вотъ что онъ доносилъ синоду объ успѣхѣ своего путешествія: «Когда я прошлаго іюня 15 дня, получивши отъ команды смоленской трехъ драгунъ въ конвой, выѣхалъ изъ Могилева, а іюля 11 прибылъ въ Варшаву, то по отдачи прежде поклону фамиліи его королевскаго величества и министрамъ коронныъ и литовскимъ, представленъ былъ его королевскому величеству. Его величество, выслушавъ мою рѣчь [1]) и принявъ челобитную, самъ оную, хотя и большая была, изволилъ вычитать, и обнадеживалъ во всемъ томъ удовольствіе учинить, на что имѣемъ права и привелегіи, только велѣлъ обождать пріѣзду въ Варшаву, вице-канцлера литовскаго, г. Предзѣцкаго. По прибытіи своемъ онъ, вице-канцлеръ литовскій, въ Варшаву, велѣлъ мнѣ челобитную мою передѣлать на двѣ челобитныя, изъ коихъ одну заключилъ — обиды, внутрь экономіи Могилевской починенныя, подать въ камеру королевскую, другую—съ обидами, внѣ экономіи подѣланными, расписавъ на три экземпляра, подать имъ министрамъ, короннымъ канцлеру и вице-канцлеру, и ему, вице-канцлеру литовскому, что я и учинилъ. Съ того же времени какъ начали водить, то и понынѣ водятъ безъ всякаго и малѣйшаго успѣха. Росписали до нѣкоторыхъ въ челобитной моей показанныхъ обидчиковъ, чтобъ въ отвѣты на мои жалобы присылали; я о томъ отъ нихъ же господъ министровъ извѣстясь, представлялъ имъ, что мнѣ чрезъ такое собираніе отвѣтовъ новая причиняется обида, понеже и не ко всѣмъ обидчикамъ за таковыми отвѣтами послано, и посылать ко всѣмъ невозможное дѣло, яко большая ихъ часть на судъ Божій позвана, и я съ таковыхъ никакой сатисфакціи не прошу, только возвращенія отнятаго, или только чтобы впредь подобныхъ обидъ дѣлать запрещено, да и которые обидчики въ живыхъ остались и пришлютъ отвѣты, то съ ихъ отвѣтовъ не доведется никакой чинить резолюціи, понеже сами себя виновными не признаютъ, и въ чемъ ложно извиняться захотятъ, я готовъ всегда опровергать, и такимъ способомъ собиранія отвѣтовъ да доказательствъ конца не будетъ, и какъ имъ обидчикамъ таковыхъ отвѣтовъ и доказательствъ съ домовъ своихъ безъ малѣйшихъ убытковъ присылка очень понаровочна, такъ мнѣ ожидать оныхъ отвѣтовъ здѣсь въ Варшавѣ и большіе убытки нести весьма тя-

[1]) Въ этой рѣчи Конисскій говорилъ между прочимъ: «Христіане отъ христіанъ угнетаемы, и вѣрные отъ вѣрныхъ болѣе, нежели отъ невѣрныхъ озлобляемы бываемъ. Затворяются наши храмы, гдѣ Христосъ непрестанно восхваляется; отверсты же и безпавѣтны жидовскіе синагоги, въ коихъ Христосъ непрестанно поруганъ бываетъ. Что мы человѣческихъ преданій въ равной съ вѣчнымъ Божіимъ закономъ важности имѣть, и землю мѣшать съ небомъ не дерзаемъ, — за то раскольниками, еретиками, отступниками насъ называютъ; и что гласу совѣсти безстудно противорѣчить страшимся,—за то въ темницы, на раны, на мечъ, на огнь осуждаемы бываемъ».

жело и несносно, и что на остатокъ съ моихъ жалобъ нѣкоторыя суть таковыя, которыя, по разсмотрѣніи документовъ письменныхъ, никакому изслѣдованію не подлежатъ. Таковое однако мое представленіе мѣсто у нихъ господъ министровъ не получило, еще учинили меня богатымъ: ты-де богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда по скудости ихъ не доведется».

Удивительное зрѣлище представляла въ это время Польша: народныя силы, казалось, пробуждались послѣ долгаго усыпленія, обнаруживалось необыкновенное единодушіе, но для чего?— для того ли, чтобъ установить лучшій порядокъ, освободиться отъ иностраннаго вліянія? Нѣтъ, для того, чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки требованіямъ диссидентовъ, чтобы не признать никакихъ правъ за христіанами другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ католическаго. И въ то же время все ограничивалось страдательнымъ упорствомъ, ограничивалось одними криками; никто не думалъ о средствахъ дѣятельнаго, серьезнаго сопротивленія сосѣднимъ державамъ, Россіи и Пруссіи, которыя не могли бросить диссидентскаго дѣла; фанатизмъ только гальванизировалъ мертвое тѣло, но къ жизни его не возбуждалъ. Репнинъ былъ въ изумленіи. «Что это такое»?—писалъ онъ въ Петербургъ: «нашимъ требованіямъ уступить не хотятъ; но на что же они надѣются? Своихъ силъ нѣтъ, иностранцы не помогутъ».

Положеніе Репнина въ Варшавѣ было незавидное. Изъ Петербурга присылаютъ къ нему умѣренныя, но твердыя требованія относительно диссидентовъ, тогда какъ на мѣстѣ онъ видитъ ясно, что требованіямъ этимъ ни малѣйшей уступки быть не можетъ. Всякому дипломату бываетъ очень непріятно, когда на него возлагаютъ порученіе, которое исполнить онъ не видитъ возможности; онъ не можетъ освободиться отъ тяжкой для его самолюбія мысли, что правительство его можетъ усумниться, дѣйствительно ли дѣло невозможно, не виновато ли въ этой невозможности, хотя отчасти, неумѣнье уполномоченнаго. Поэтому неудивительно, что Репнинъ сначала сдѣлалъ-было отчаянную попытку убѣдить свой Дворъ отказаться отъ диссидентскаго дѣла, рѣшился представить, что стоитъ ли заступаться за диссидентовъ:—между ними нѣтъ знатныхъ людей! Понятно, что попытка не удалась: «польза, честь отечества и персональная ея величества слава» требовали, чтобы Репнинъ проводилъ диссидентское дѣло. Такимъ образомъ, посолъ былъ поставленъ, съ одной стороны, между неуклонными требованіями своего Двора, и съ другой—упорствомъ поляковъ, отвергавшихъ всякую мысль къ уступчивости и сдѣлкѣ. Но неужели Репнинъ не могъ ни въ комъ найти себѣ помощи? Неужели фанатизмъ одинаково обуялъ всѣхъ? Что король? что Чарторыйскіе?

Репнинъ былъ отправленъ въ Польшу, чтобы поддерживать тамъ русскую партію, партію Чарторыйскихъ, и содѣйствовать возведенію на престолъ племянника ихъ, Станислава Понятовскаго. До достиженія этой цѣли Чарторыйскіе и Понятовскій составляли одно, что, разумѣется, облегчало положеніе Репнина, упрощая его отношенія къ этимъ лицамъ. Но съ достиженіемъ цѣли, съ восшествіемъ на престолъ Понятовкаго, положеніе посла затруднилось. Королю хотѣлось освободиться изъ-подъ опеки дядей, дѣйствовать самостоятельно; но, какъ человѣкъ слабохарактерный, онъ не могъ этого сдѣлать вдругъ, рѣшительно, да и человѣку съ болѣе твердымъ характеромъ нелегко было бы это сдѣлать въ положеніи Станислава-Августа. Въ отсутствіи дядей король былъ храбръ и самостоятеленъ; но только кто-нибудь изъ стариковъ являлся,—король не имѣлъ духа въ чемъ-либо попротиворѣчить, въ чемъ-либо отказать ему. Умные старики, разумѣется, сейчасъ же поняли, что эта уступчивость невольная, что тутъ нѣтъ искренности, что они своими личными достоинствами и своимъ значеніемъ въ странѣ дѣлаютъ только насиліе королю. Понятно, что вслѣдствіе этого возникла холодность между дядьми и племянникомъ, а это затруднило положеніе Репнина. Держаться теперь на одной ногѣ и съ королемъ, и съ Чарторыйскими стало тяжело: естественно, что Репнину хотѣлось упростить свои отношенія, то-есть—имѣть дѣло съ однимъ королемъ и для этого желать полной независимости послѣдняго отъ дядей. При этомъ естественномъ стремленіи Репнинъ легко перешелъ границу: Чарторыйскіе замѣтили, что посолъ ближе съ королемъ чѣмъ съ ними, и отплатили ему тѣмъ же удаленіемъ и холодностью. Репнинъ сталъ жаловаться на нихъ въ Петербургъ: «Что касается до моего обращенія съ князьями Чарторыйскими, то послѣ сейма коронаціи усумняясь о ихъ прямодушіи, а особливо послѣ какъ я отказалъ платить впредь до указу воеводѣ русскому мѣсячной пенсіи, братъ его единственно съ тѣхъ поръ холоденъ. Учтивость основаніе дѣлаетъ нашего обхожденія, о дѣлахъ же я болѣе съ самимъ королемъ говорю».

Въ Петербургѣ были увѣрены, что по милости Чарторыйскихъ не удалось диссидентское дѣло на первомъ сеймѣ; мы видѣли, въ какихъ выраженіяхъ писалъ объ этомъ король императрицѣ. «*Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ* (Чарторыйскіе были самые близкіе совѣтники), я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы того желали. Чуть-чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи» [1]). Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ Чарторыйскіе всѣмъ своимъ могущественнымъ вліяніемъ проводили диссидентское дѣло на сеймѣ,—и, вмѣсто того, узнаютъ, что они даже отговаривали короля начинать его! Еще 12 февраля 1765 года Панинъ писалъ Репнину: «Мы не можемъ и не хотимъ поставлять польскія дѣла

---

[1]) См. первую главу, письмо короля отъ 20 апрѣля 1765 г.

совсѣмъ оконченными, пока не сдѣлано будетъ справедливое поправленіе состоянію тамошнихъ диссидентовъ, хотябъ то и самой вооруженной негоціаціи требовало. Здѣсь удостовѣрены, что Чарторыйская фамилія есть та, которая въ семъ пунктѣ больше другихъ недоброжелательна и она существительною причиною въ вашей неудачѣ на послѣднемъ сеймѣ. Вамъ надлежитъ ту фамилію убѣждать и склонять, въ случаѣ же въ томъ безнадежности, воспользоваться настоящею разстроицею между ею и королемъ, и его величество ободрять противу ея. Кромѣ зачинающихся въ вашемъ мѣстѣ женскихъ сплетней и интригъ между фамиліею, и кромѣ духа господствованія двухъ братьевъ Чарторыйскихъ, новый государь больше горячо, нежели прозорливо, за свои дѣла принимается; надобно опасаться, чтобы такимъ образомъ примѣривая все ко внутреннему польскому аршину, онъ не навелъ на себя такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести въ разстроицу весь сѣверный акортъ и его посадить между двухъ стульевъ. Благоразуміе, конечно, требуетъ отъ его польскаго величества, чтобъ онъ для будущихъ своихъ выгодъ, изволилъ съ достаточною весьма политическою экономіею и уваженіемъ касаться до своихъ внутреннихъ дѣлъ, и сколько возможно, воздерживался отъ всего того, что истолкованіе и видъ новости получить можетъ, а вмѣсто того гораздо вѣрнѣе и надежнѣе быть кажется, еслибъ усугубилъ свое стараніе акредитовать и укрѣпить себя средствами истинной дружбы и союзовъ съ тѣми державами, которыя возобновленіе природныхъ королей въ Польшѣ постановляютъ частію ихъ политической системы».

Въ этомъ письмѣ Панинъ излагаетъ свой взглядъ на польскія отношенія и даетъ видѣть связь этого взгляда съ своимъ главнымъ стремленіемъ. Послѣднее состояло въ томъ, чтобы сѣверныя европейскія государства—Россія, Пруссія, Англія, Данія, Швеція и Польша—составляли постоянный союзъ, противоположный австро-французскому союзу Южной Европы. Польскій король своею поспѣшностію въ нововведеніяхъ могъ возбудить противъ себя непріязнь короля Прусскаго, и этимъ нарушить сѣверный *акортъ*, поставить Россію въ затруднительное положеніе между Польскимъ и Прусскимъ королями, одинаково ей союзными, и, что всего хуже, если вражда между Пруссіей и Польшею разгорится, то послѣдняя можетъ перейдти къ австро-французскому союзу. Соотвѣтственно этому основному своему взгляду, Панинъ писалъ Репнину, чтобы тотъ всѣми силами содѣйствовалъ браку Польскаго короля на дочери короля Португальскаго, ибо *это выгодно для сѣверной системы:* Португальскій Дворъ связанъ съ Англіей, и его вліяніе никогда не будетъ вредить союзу Польши съ Россіей и со всѣмъ сѣверомъ.

Но если въ Петербургѣ сердились на Чарторыйскихъ за охлажденіе къ русскимъ интересамъ, тѣмъ не менѣе не хотѣли разрыва съ могущественною фамиліей и предписывали Репнину сначала убѣждать и склонять ее. Самъ Репнинъ, жалуясь на Чарторыйскихъ, въ то же время писалъ о ихъ могуществѣ и слабости короля, и тѣмъ самымъ, разумѣется, обвинялъ себя въ слишкомъ поспѣшномъ предпочтеніи племянника дядьямъ: «Я уже предъ симъ доносилъ», писалъ онъ къ Панину[1]), «сколь двое братьевъ Чарторыйскихъ духомъ владычества исполнены, а притомъ что и кредитъ ихъ весьма въ націи великъ, который болѣе еще возросъ тѣмъ, что они въ послѣднее междоцарствіе были шефами нашей партіи, и что черезъ ихъ руки всѣ деньги шли для пріумноженія партизановъ, которые имъ преданы и осталися; къ тому же тотъ кредитъ содержится въ своей силѣ слабостью короля, который еще не можетъ осилиться и изъ привычки выйдти имъ что-либо отказать, хотя часто и съ неудовольствіемъ на ихъ требованія соглашается». Чѣмъ болѣе Репнинъ сближался съ королемъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся въ его слабости: «Во время бытности па охотѣ», писалъ[2]) онъ Панину, «имѣлъ я случай говорить съ его величествомъ о духѣ владычества князей Чарторыйскихъ и о необходимой нуждѣ, чтобъ онъ наконецъ старался самъ господиномъ быть, а не вѣчно бы въ зависимости ихъ остался. По несчастію, онъ себѣ въ голову ту надежду забралъ, что онъ своихъ дядьевъ резонами и ласкою убѣдитъ и приведетъ въ тѣ границы, въ коихъ подданнымъ быть надлежитъ. Слабость его столь удивительна, что не узнаютъ его передъ тѣмъ какъ онъ партикулярнымъ былъ человѣкомъ».

Но слабость короля естественно заставляла возвратиться къ Чарторыйскимъ, особенно въ виду сейма 1766 года, когда снова должно было подняться диссидентское дѣло. Заблагоразсудили войдти въ непосредственную переписку съ Чарторыйскими: старики увѣряли, что преданность ихъ къ Россіи не измѣнилась, жаловались на короля, на то, что онъ ихъ не слушается, жаловались и на Репнина, приписывая его холодность къ себѣ веселостямъ, которымъ предался посолъ. Репнинъ по этому случаю писалъ Панину[3]): «Князей Чарторыйскихъ содѣйствіе на будущемъ сеймѣ конечно необходимо нужно, не потому чтобы на ихъ прямодушное усердіе считать точно было можно, но потому что кредитъ ихъ весьма великъ, и что хотя при двоякости ихъ сердецъ, но головы, признаться должно, имѣютъ здравѣе нежели всѣ другіе въ сей землѣ. Изъясненія ихъ къ вашему высокопревосходительству не всѣ справедливы, какъ напримѣръ говоря о королевскомъ поведеніи. Согласенъ я весьма, что слабости и скоропостижности въ томъ чрезвычайно много; но не могу я на то согласиться, чтобы какое-нибудь однакожь дѣло хотя маловажное было сдѣлано безъ ихъ свѣдѣнія и согласія. Что же касается до моего противъ нихъ положенія, то не веселья конечно

1) 13 (26) мая 1765.
2) 2 января 1766.
3) 21 августа 1766.

мое отдаленіе вопричинствовали, но двоякость ихъ и неблагодарность къ нашему Двору».

Какъ бы то ни было, Репнинъ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Чарторыйскими. Одинъ братъ, Михаилъ, канцлеръ Литовскій, проводилъ лѣто 1766 года въ своихъ деревняхъ, и потому Репнинъ обратился къ князю Августу, воеводѣ Русскому, прося его назначить свободный часъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ; воевода отвѣчалъ, что завтра самъ пріѣдетъ къ послу. Репнинъ началъ разговоръ увѣреніемъ «о возвращеніи къ нему, Чарторыйскому, высочайшей довѣренности и благоволенія ея императорскаго величества, въ томъ точно упованіи, что его усердіе и преданность совершенно соотвѣтствуютъ сей высочайшей милости. Мнѣ повелѣно», продолжалъ Репнинъ, «съ истинною откровенностію во всѣхъ нашихъ дѣлахъ съ ними и съ канцлеромъ литовскимъ соглашаться и обще съ ними къ успѣху оныхъ доходить. Всемилостивѣйшей государынѣ желательно и пріятно будетъ, чтобъ его польское величество также противъ нихъ въ совершенной откровенности и довѣренности былъ, и совѣты бъ ихъ предпочиталъ прочимъ». Репнинъ заключилъ привѣтствіемъ, что онъ съ удовольствіемъ получилъ сіи высочайшія повелѣнія, и что пріятно ему будетъ ихъ въ самой точности исполнять. Чарторыйскій отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности. Послѣ этихъ взаимныхъ учтивостей Репнинъ приступилъ къ дѣлу, обратился къ Чарторыйскому съ просьбою открыть съ довѣренностію всѣ тѣ способы, которые могутъ привести диссидентское дѣло къ желанному успѣху. Воевода опять началъ рѣчь увѣреніями въ своемъ усердіи, но кончилъ объявленіемъ, что не хочетъ отвѣчать за успѣхъ дѣла. «Кто первый станетъ говорить объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ? я, признаюсь, сдѣлать этого не осмѣлюсь», сказалъ Чарторыйскій. Репнинъ сталъ говорить, что волненія между католиками по поводу диссидентскаго дѣла раздуваютъ епископы своими возмутительными разглашеніями: Виленскій—Масальскій, Краковскій—Солтыкъ и Каменецкій—Красинскій. «Не пристойно ли бы было, для ихъ усмиренія и для обузданія впредь прочихъ, расположить по ихъ деревнямъ находящіяся теперь въ Польшѣ россійскія войска»? спросилъ Репнинъ. Чарторыйскій противъ этого «крѣпко уперся», говоря, что такой поступокъ встревожитъ, оскорбитъ и отвратитъ «всѣ духи» отъ русской стороны. Репнинъ согласился, особенно когда услышалъ и отъ короля такое же мнѣніе. «Разсудилъ я лучше отъ сего поступка удержаться (писалъ онъ Панину), дабы не дать имъ претекста сказать, что я горячностію своею испортилъ то, чтобъ они усердною лаской и привѣтствіемъ исполнить могли. Признаюсь, что мнѣніе мое съ ними не согласно, считая, что въ такихъ возмутительныхъ покушеніяхъ твердостію одною дѣла въ порядокъ можно привести; но чувствую однакожъ, что сдѣлавъ то противъ ихъ согласія, чрезъ оное дамъ только имъ претекстъ къ извиненію въ случаѣ неудачи». Чарторыйскій, мало того что не согласился на занятіе русскими войсками епископскихъ деревень, но и выразилъ мнѣніе, что считаетъ полезнымъ вывести совсѣмъ русскія войска изъ Литвы во время сейма: этимъ, говорилъ онъ, нація будетъ обрадована, и докажется желаніе Россіи не силою, но ласкою приводить дѣла къ концу: «тѣмъ болѣе», прибавилъ воевода, «что русскія войска всегда могутъ опять сюда вступить по обстоятельствамъ».—На это Репнинъ замѣтилъ съ учтивостію, что конфедерація еще не разрушена, и потому причина, приведшая русскія войска въ Польшу, остается по-прежнему. (Конфедерацію устроили и русскія войска призвали Чарторыйскіе!)

Разговоръ съ воеводою Русскимъ привелъ однако Репнина въ отчаяніе, что видно по тону письма его къ Панину[1]): «Повелѣнія данныя (изъ Петербурга) по диссидентскому дѣлу ужасны, и истинно волосы у меня дыбомъ становятся, когда думаю объ ономъ, не имѣя почти ни малой надежды, кромѣ единственной силы исполнить волю всемилостивѣйшей государыни касательно до гражданскихъ диссидентскихъ преимуществъ». Репнинъ поѣхалъ къ королю и объявилъ ему подробно, чего требуетъ Россія для диссидентовъ, прибавя, что это послѣднее слово, и если на нынѣшнемъ сеймѣ всего этого не исполнятъ, то уже 40.000 войска готовы на границахъ для подкрѣпленія требованій. «Король», по словамъ Репнина, «представлялъ трудности или, паче сказать, невозможности къ сему націю согласить; всячески онъ меня оборачивалъ и выпрашивалъ, подлинно ли сіе наше послѣднее слово и подлинно ли наши вступятъ, коли всего на сеймѣ не исполнятъ, въ чемъ я его твердо увѣрялъ. Разговоръ кончился вопросомъ отъ короля: могу ли я точнымъ образомъ ему отвѣчать, что ея императорское величество, коли все требуемое мною исполнится, совершенно онымъ довольна будетъ и далѣе сего дѣла и впередъ не поведетъ, на которое я ему донесъ, что я считаю, что сіе обѣщаніе совершенно сдѣлать могу».

Послѣ этого разговора съ Репнинымъ, король написалъ къ своему министру при Петербургскомъ Дворѣ, графу Ржевускому, чтобъ онъ представилъ императрицѣ всю невозможность исполнить ея требованія относительно диссидентовъ: «Послѣднія приказанія, данныя Репнину», писалъ Понятовскій, «приказанія ввести диссидентовъ даже въ законодательство — громовой ударъ для страны и для меня лично. Если еще человѣчески возможно, то представьте императрицѣ, что корона, которую она мнѣ доставила, сдѣлаться для меня одеждою Нессоса: она меня сожжетъ, и смерть моя будетъ ужасна. Мнѣ предстоитъ или отказаться отъ дружбы

[1]) 6 сентября 1766.

императрицы, или явиться измѣнникомъ отечеству. Если Россія непремѣнно хочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то это будутъ (если бы даже ихъ было не болѣе 10 или 12) законно существующія главы партіи, которая будетъ видѣть въ государствѣ и правительствѣ Польскомъ враговъ, и которая будетъ необходимо и постоянно искать противъ нихъ помощи извнѣ».

Между тѣмъ Репнинъ сдѣлалъ новую попытку у Чарторыйскихъ: онъ обратился къ нимъ съ просьбою, чтобы дали честное слово, не отвѣчая за успѣхъ, приложить всѣ свои старанія къ доведенію диссидентскаго дѣла до желаемаго конца, то есть, чтобъ открыты были диссидентамъ всѣ гражданскіе чины въ судебныхъ мѣстахъ и дано было участіе въ правленіи, допустивъ ихъ хотя въ ограниченномъ числѣ въ земскіе послы (депутаты) на сеймы. Чарторыйскіе отвѣчали, что не могутъ дать слова и не въ состояніи употреблять свои труды во вредномъ для отечества дѣлѣ. Репнинъ обратился къ королю за рѣшительнымъ отвѣтомъ, и тотъ объявилъ, что не можетъ стараться о диссидентскомъ дѣлѣ. Репнинъ напомнилъ и королю, и Чарторыйскимъ о прежнемъ обѣщаніи ихъ содѣйствовать диссидентскому дѣлу: отвѣтъ былъ одинъ, что тогда разумѣлась одна терпимость. Увѣдомивши объ этомъ свой Дворъ, Репнинъ писалъ отъ 24 сентября 1766: «Для того я рѣшился къ генералъ-майору Салтыкову отъ сего-жъ числа чрезъ курьера повелѣніе послать вступить съ своимъ корпусомъ въ деревни епископовъ Краковскаго и Виленскаго, питаясь на ихъ коштѣ, ибо ничего уже хуже по диссидентскому дѣлу быть не можетъ, какъ то, что есть, а можетъ-быть сей поступокъ импрессію сдѣлаетъ и что-либо поправитъ. Никакой надежды нѣтъ безъ употребленія силы въ семъ дѣлѣ предуспѣть: и такъ на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему дѣлу противна будетъ, но и всѣ головой, когда сверхъ всего духовенства и его инфлюенцій присовокупляются къ противникамъ король, князья Чарторыйскіе и ихъ партизаны, что ужъ въ себѣ все и заключаетъ. Долженъ я донести, что во время сеймиковъ и для будущихъ расходовъ на сеймѣ по требованіямъ королевскимъ мной ему выдано 11,000 червонныхъ, изъ которыхъ 6,000 уже выданы послѣ объявленіи королю во всемъ пространствѣ нашихъ требованій по диссидентскому дѣлу: почему слѣдственно я и надѣялся, что сіе его заведетъ согласно съ нами о полномъ успѣхѣ онаго работать, а теперь я въ безпокойствѣ нахожусь по симъ издержкамъ».

На это донесеніе императрица отвѣчала Репнину рескриптомъ[1]), что *если* на сеймѣ диссидентское дѣло не будетъ доведено до формальной съ нимъ, посломъ, и съ диссидентами негоціаціи, изъ которой бы резонабельныхъ плодовъ ожидать было можно, и *если* опять потерю всякой надежды должно будетъ приписать одному коварству стариковъ Чарторыйскихъ, въ такомъ случаѣ, опредѣляя съ разборчивостію положеніе дѣлъ, употребить все стараніе къ разрыву генеральной конфедераціи и сейма, потому что Чарторыйскіе посредствомъ конфедераціи хотѣли провести преобразованія, и Августъ Чарторыйскій былъ маршаломъ конфедераціи. «Въ самомъ началѣ должно прямо адресоваться къ тѣмъ изъ соперниковъ фамиліи Чарторыйскихъ, которые пріобрѣтенному ея во дѣлахъ перевѣсу наиболѣе завидуютъ. Нельзя сомнѣваться, чтобъ такой во мнѣніяхъ нашихъ оборотъ не произвелъ важной въ духахъ перемѣны, и чтобъ многіе изъ соперниковъ князей Чарторыйскихъ, кои теперь диссидентскому дѣлу противны, не обратились на лучшія по оному мысли».

Дѣло усложнилось тѣмъ, что король, подъ шумокъ, хотѣлъ провести на сеймѣ важныя преобразованія, именно, чтобы вопросы объ умноженіи податей и войска рѣшались большинствомъ голосовъ. Но противники нововведеній дали знать Репнину о замыслахъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ наказъ удерживать короля. Вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа, Репнинъ сильно воспротивился проведенію большинства голосовъ; Чарторыйскіе, изъ нерасположенія къ королю съ одной стороны, а съ другой — видя невозможность успѣха и желая показать Русской императрицѣ свою преданность, желая показать, что они готовы служить ей во всемъ, что возможно, — Чарторыйскіе помогли Репнину въ этомъ дѣлѣ, помогли и въ дѣлѣ распущенія конфедераціи. Король, съ страшною тоской въ сердцѣ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній и публично заявить объ этомъ. Репнинъ былъ дѣйствительно подкупленъ поступками *фамиліи* [2]), писалъ съ похвалой въ Петербургъ о ея поведеніи, и холодность ея къ диссидентскому дѣлу приписывалъ единственно его непреодолимой трудности. «Прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство», писалъ онъ Панину [3]), не только графу Ржевускому, но если можно къ самимъ Чарторыйскимъ, включа великаго маршала коронпаго, князя Любомирскаго, ласково отозваться за содѣйствіе ихъ по дѣламъ истребленія множества (большинства) голосовъ и разрыва конфедераціи, а особливо къ князю Адаму Чарторыйскому, хотя чрезъ письмо ко мнѣ, кое бы я могъ показать: ибо онъ (князь Адамъ) былъ мнѣ первымъ инструментомъ къ приведенію стариковъ на мою сторону». Въ слѣдующемъ донесеніи писалъ [4]): «Я въ семъ дѣлѣ (уничтоженія большинства голосовъ) какъ точнымъ содѣйствіемъ короля, такъ и Чарторыйскихъ совершенно доволенъ. Я долженъ по справедливости донесть, что успѣхъ диссидентскаго дѣла не въ силахъ короля,

---

[1]) 6 октября 1766 года.

[2]) Говоря о Чарторыйскихъ, обыкновенно употребляли это слово.

[3]) 9 ноября 1766 г.

[4]) 12 ноября.

ни Чарторыйскихъ. Лучшее доказательство сему сіе самое истребленіе множества голосовъ, которое они вчерась сдѣлали. Неоспоримо, оное дѣло имъ гораздо дороже было и нужнѣе, но, видя пропасть разверстую, сами раздѣлали то, что имъ драгоцѣннѣе всего было, и тако и диссидентское-бъ дѣло сдѣлали, коль бы могли, ибо тѣхъ же точно крайностей и по оному ожидають, не имѣя однакожь таковой же противности къ нему, какъ къ первому. Однимъ словомъ, антузіазмъ и сумасбродство, заразившіеся отъ внушеній духовенства и отъ скупости, чтобъ авантажи коронные не раздѣлять съ диссидентами, столь чрезвычайны, что совершенно свыше всѣхъ здѣшнихъ силъ. Король же, коего я нынче видѣлъ во дворцѣ при обыкновенномъ по воскресеньямъ съѣздѣ, въ такомъ уныніи духа, что я онаго изобразить довольно не могу. Я лишь подошелъ къ нему и помянулъ объ разрушенномъ дѣлѣ множества голосовъ съ благодареніемъ, что онъ самъ о томъ публично говорилъ, то онъ вдругъ при всей публикѣ горько заплакалъ и ничего не былъ мнѣ въ состояніи отвѣчать. Сія самая горесть доказываетъ, сколь онъ къ сему дѣлу привязанъ былъ».

Чарторыйскіе не переставали увиваться около Репнина, выставлять свою преданность Россіи, просить о возвращеніи прежней милости и наговаривать на короля. Репнинъ писалъ Панину[1]): «Канцлеръ Литовской симъ утромъ у меня былъ, чтобъ мнѣ сообщить дружески объ учиненномъ разрывѣ конфедераціи, при чемъ я его благодарилъ за содѣйствіе ихъ въ ономъ и въ истребленіи множества голосовъ по матеріямъ умноженія податей и войска. Онъ много увѣреній дѣлалъ о преданности къ нашему Двору, и что бывъ въ послѣднихъ временахъ въ нѣкоторой у насъ недовѣркѣ, лестно бы ему было и съ братомъ имѣть увѣреніе отъ вашего высокопревосходительства о возвращеніи къ нимъ покровительства и милости ея императорскаго величества, для достиженія которой они все сдѣлали, что имъ возможно было. Канцлеръ Литовскій со мною изъяснился, что король часъ отъ часу болѣе къ нимъ недовѣрія имѣетъ, несогласіе ихъ умножася въ семъ послѣднемъ сеймѣ, чрезъ противность, которую они ему, въ угодность къ намъ, показали, и въ чемъ король не иначе согласился, какъ по необходимости. Канцлеръ прибавилъ, что увѣряся въ согласіи хотя принужденномъ королевскомъ, нужно будетъ учредить всѣ пункты новаго союза (съ Россіею), которымъ они весьма желаютъ убавить требованія королевскія, коимъ онъ во многомъ лишности даетъ».

Но всѣ эти увѣренія въ преданности и выказываніе услугъ не могли повести ни къ чему, благодаря роковому дѣлу о диссидентахъ. Въ другой разъ на сеймѣ всякое соглашеніе по этому дѣлу было отвергнуто съ прежнимъ ожесточеніемъ: грозились изрубить въ куски депутата Гуровскаго, начавшаго рѣчь въ пользу диссидентовъ. Репнинъ имѣлъ право доносить въ Петербургъ, что не въ силахъ Чарторыйскихъ преодолѣть фанатизмъ своихъ согражданъ; въ Петербургѣ могли этому вѣрить; но изъ этого не слѣдовало еще, что должно было принять позоръ неудачи и отказаться отъ дѣла, когда еще оставалось средство возможное и законное въ Польшѣ. Репнину уже было указано это средство: конфедерація между диссидентами, которые должны были обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи, и, если Чарторыйскіе откажутся содѣйствовать дѣлу, поднять противную имъ партію. Панинъ непосредственно обратился къ *фамиліи* съ вопросомъ, будетъ ли она помогать диссидентскому дѣлу. Чарторыйскіе отвѣчали уклончиво. Репнинъ замѣтилъ имъ это, замѣтилъ, что мало толковать о своемъ добромъ желаніи, надобно его доказать на дѣлѣ: «Вы говорите объ опасностяхъ отъ диссидентской конфедераціи для самихъ диссидентовъ, а не указываете другихъ средствъ, которыя можно было бы употребить вмѣсто конфедераціи; опасность будетъ грозить не диссидентамъ, а тѣмъ, которые позволятъ себѣ причинить какое-нибудь насиліе диссидентамъ, потому что Россія отомститъ страшно обидчикамъ». Репнинъ показалъ отвѣтъ Чарторыйскихъ главнымъ изъ дессидентовъ и спросилъ: когда они будутъ готовы съ своей конфедераціей. Тѣ назначили 9 марта 1767 года. Съ другой стороны, вполнѣ предавшійся Репнину референдарій коронный Подоскій отправился въ объѣздъ по главнымъ членамъ противной *фамиліи* партіи, къ Потоцкому, Оссолинскому, Мнишку, епископамъ—Солтыку и Красинскому, испытать ихъ расположеніе, обѣщая покровительство Россіи, посредствомъ котораго они могутъ взять верхъ надъ Чарторыйскими, если только, съ своей стороны, согласятся содѣйствовать диссидентскому дѣлу.

ГЛАВА III.

Вожди диссидентовъ сдержали слово, данное Репнину. Къ назначенному сроку, въ мартѣ 1767 года, образовалась конфедерація изъ протестантовъ въ Торнѣ, маршаломъ которой былъ графъ фонъ-Гольцъ; въ то же время образовалась другая конфедерація въ Слуцкѣ подъ маршальствомъ генерала Грабовскаго: къ ней принадлежали православные Новогрудска и другихъ сосѣднихъ областей. Чтобы поднять католическую конфедерацію изъ враговъ *фамиліи* и дать этой конфедераціи сильнаго вождя, еще въ январѣ начаты были сношенія съ изгнанникомъ, княземъ Радзивилломъ, первымъ богачемъ Литвы: ему обѣщано было позволеніе возвратиться въ отечество, съ возстановленіемъ во всѣхъ правахъ и въ преж-

[1]) 19 ноября 1766.

немъ значеніи, но подъ условіями: дѣйствовать въ интересахъ императрицы Всероссійской, особенно поддерживать ея намѣренія относительно диссидентовъ, не притѣснять ихъ въ своихъ имѣніяхъ, возвратить имъ ихъ церкви, выдавать русскихъ перебѣжчиковъ, вести себя благоразумно. Послѣднее условіе было необходимо, потому что знаменитый вельможа особенно подъ веселый часъ (а эти часы случались нерѣдко) позволялъ себѣ дикія выходки. Радзивиллъ былъ въ восторгѣ, и отвѣчалъ Репнину [1]), что, проникнутый чувствомъ самой живой признательности къ императрицѣ за предлагаемое покровительство, покорный ея великодушной волѣ для блага республики и всѣхъ добрыхъ патріотовъ, провозглашаетъ и обѣщаетъ, что будетъ всегда держаться русской партіи; что приказанія, которыя угодно будетъ Русскому Двору дать ему, будутъ приняты всегда съ уваженіемъ и покорностію, и что онъ будетъ исполнять ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, прямаго или косвеннаго (déclare et promet qu'il sera toujours du parti russe, qu'il fera dépendre toutes ses démarches de la cour de Russie, et que les ordres qu'il plaire à cette cour de lui faire donner, seront toujours reçu avec respect et soumission, et qu'il les suivra sans la moindre opposition directe ou indirecte). Чтобы не оставить и тѣни сомнѣнія насчетъ его поступковъ, чтобы не дать врагамъ ни малѣйшей возможности чернить его, и въ знакъ покровительства императрицы, Радзивиллъ просилъ, чтобы при немъ постоянно находился русскій чиновникъ, который бы давалъ ему непосредственно знать о намѣреніяхъ императрицы. Взаключеніе Радзивиллъ обѣщалъ содѣйствовать успѣху диссидентскаго дѣла всѣми силами и въ тѣхъ размѣрахъ, какіе Русскій Дворъ заблагоразсудитъ дать этому дѣлу.

Съ Радзивилломъ дѣло было улажено; и относительно другихъ вельможъ, враговъ *фамиліи*, пришли благопріятныя вѣсти. Мы видѣли уже, что о составленіи католической конфедераціи хлопоталъ коронный референдарій Гавріилъ Подоскій; въ началѣ марта онъ возвратился изъ своего объѣзда и донесъ Репнину, что видѣлся съ епископомъ Краковскимъ Солтыкомъ, съ воеводою Волынскимъ, Оссолинскимъ, съ надворнымъ маршалкомъ короннымъ, съ великимъ подскарбіемъ (казначеемъ) короннымъ, съ кухмистромъ Литовскимъ — Віельгурскимъ, съ воеводою Кіевскимъ и другими Потоцкими, которые всѣ согласны общимъ письмомъ просить покровительства императрицы, а потомъ образовать конфедерацію подъ ея протекціей и провести диссидентское дѣло по ея желанію, но хотятъ прежде всего видѣться съ русскимъ посломъ. Репнинъ далъ имъ знать, чтобы пріѣзжали въ Варшаву не позднѣе 10 апрѣля новаго стиля. «Кажется сіе начало столь хорошо, сколь желать было можно», писалъ Репнинъ Панину [2]): «однако я, бывъ уже здѣсь столько разъ каждымъ особо обманутъ, за успѣхъ отвѣчать совсѣмъ не смѣю, а стараться не упущу оный вѣрнымъ сдѣлать». Кромѣ Подоскаго, Репнинъ нашелъ себѣ еще союзника и не между поляками: разрывъ съ Чарторыйскими, неподатливость короля въ диссидентскомъ дѣлѣ, движеніе русскихъ войскъ въ польскія владѣнія возбудили въ принцѣ Карлѣ Саксонскомъ надежду на важныя перемѣны въ Польшѣ, которыми онъ могъ воспользоваться. Агентъ Карла, Алое, получилъ отъ него приказаніе сблизиться съ Репнинымъ и во всемъ сообразоваться съ его желаніями. Это было очень выгодно для русскаго уполномоченнаго, потому что Алое былъ въ сношеніяхъ со всею старою саксонскою партіей, съ которою теперь хотѣлъ дѣйствовать заодно противъ Чарторыйскихъ. При помощи Алое и Подоскаго, Репнинъ составилъ проектъ литовской католической конфедераціи.

Что же король? Въ январѣ мѣсяцѣ, когда дѣлались приготовленія къ конфедераціямъ, Станиславъ-Августъ удивилъ Репнина вопросомъ: какъ онъ думаетъ, — французская актриса Клеронъ предлагаетъ ему, королю, свои услуги, и онъ хочетъ ими воспользоваться, но безпокойства нынѣшняго года не помѣшаютъ ли удовольствіямъ. Репнинъ отвѣчалъ, что удивляется, какъ его величество серьезныя дѣла мѣшаетъ съ такими мелочами. Но король продолжалъ разговоръ объ актрисѣ и кончилъ вопросомъ: «Не пойдете ли вы на насъ войною»? Репнинъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ нихъ, потому что война бываетъ тамъ, гдѣ есть сопротивленіе; кто же не сопротивляется ни прямо, ни происками у другихъ, но, видя и право и силу въ соединеніи, старается имъ удовлетворить *добрымъ манеромъ*, смотря съ терпѣніемъ на подвиги ихъ, тотъ не можетъ опасаться войны. «Мое мнѣніе то же самое», сказалъ на это король: «увѣряю васъ, что не хочу ни прямо, ни стороной противиться Россіи въ случаѣ вступленія вашихъ войскъ сюда; но, кромѣ этого, что вы мнѣ присовѣтуете еще сдѣлать»? — «Удовлетворить нашимъ требованіямъ», отвѣчалъ Репнинъ; «если это удовлетвореніе будетъ соединено съ осторожнымъ и благоразумнымъ поведеніемъ, то ваше величество непремѣнно достигнете прежней дружбы съ Россіею» [3]).

Случай послѣдовать совѣту Репнина скоро представился: конфедераціи торнская и слуцкая потребовали, чтобы правительство признало ихъ законность, чтобы король принялъ ихъ пословъ. Чарторыйскіе настаивали, чтобы король не соглашался на это, а между тѣмъ въ глаза увѣряли Репнина, что нетолько ничего не предпринимаютъ противъ русскихъ мѣръ, но готовы и пособлять имъ по возможности; король же давалъ разумѣть послу, что дядья не позволяютъ ему принять кон-

[1]) 28 февраля 1767, изъ Дрездена.

[2]) 7 марта.

[3]) Репнинъ Панину 31 января 1767 г.

федератовъ. Во второй половинѣ марта созванъ былъ сенатскій Совѣтъ, въ которомъ читались русская и прусская деклараціи въ пользу диссидентовъ и самый актъ диссидентской конфедераціи. Засѣданіе кончилось тѣмъ, что назначили собрать генеральный сенатскій Совѣтъ къ 25 мая. Король далъ знать Репнину, что онъ нарочно отложилъ такъ надолго срокъ генеральнаго Совѣта, чтобы дать время русскимъ войскамъ углубиться въ польскія владѣнія. Но Репнину не этого хотѣлось: онъ хотѣлъ, чтобы король прямо и открыто дѣйствовалъ въ пользу диссидентовъ [1]). 4 апрѣля онъ призвалъ къ себѣ пана Огродскаго, управляющаго королевскимъ кабинетомъ, и потребовалъ немедленнаго и прямаго рѣшенія вопроса: приметъ ли король диссидентскихъ депутатовъ или нѣтъ. Посолъ кончилъ свой разговоръ съ Огродскимъ словами: «Если король и министерство не захотятъ депутатовъ съ пристойностію принять, то его величество рискнетъ лишиться дружбы нашей всемилостивѣйшей государыни». Слова эти произвели немедленное дѣйствіе: Огродскій возвратился съ объявленіемъ, что «король, уважая дружбу ея императорскаго величества и всегда желая доказывать свою къ ней преданность, хотя Совѣтъ его и противился, намѣренъ однакоже принять депутатовъ диссидентскихъ» [2]).

28 апрѣля новаго стиля былъ этотъ пріемъ. Послѣ предъявленія своихъ желаній, депутаты были допущены къ королевской рукѣ, что было знакомъ утвержденія законности диссидентской конфедераціи. Но уже не было тайною, что конфедерація не ограничивается предѣлами диссидентской; что готовится генеральная конфедерація, поднимаемая врагами Чарторыйскихъ и короля; что Радзивиллъ будетъ ея маршаломъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Станиславъ-Августъ обратился къ Репнину съ вопросомъ: «Правда ли, что князь Радзивиллъ будетъ маршаломъ генеральной коронной (польской) конфедераціи?» — «Правда»! отвѣчалъ посолъ.—«А для чего это дѣлается?» спросилъ опять король.—«Для того», отвѣчалъ Репнинъ, «что я болѣе увѣренъ въ его зависимости отъ насъ, чѣмъ въ зависимости всякаго другого; я желаю имѣть людей послушныхъ, а не ждать изъ чужихъ рукъ исполненія моихъ собственныхъ дѣлъ, тогда какъ я уже столько разъ былъ обманутъ фальшивыми обѣщаніями». Репнинъ впрочемъ кончилъ увѣреніемъ, что поведеніе Радзивилла останется совершенно въ границахъ умѣренности. Послѣ этого откровеннаго объясненія съ королемъ, является къ Репнину Чарторыйскій, воевода Русскій: «Конфедераціи начинаются, обстоятельства такія деликатныя: не знаю, какъ вести себя съ *фамиліей* и пріятелями; боюсь, чтобы по незнанію не сдѣлать чего-нибудь непріятнаго Императорскому Двору, которому мы такъ преданы».—«Знаю силу твоихъ словъ», подумалъ Репнинъ и отвѣчалъ: «Конфедераціи эти дѣлаются противъ вредныхъ новостей, введенныхъ въ правленіе, дѣлаются противъ нарушенія древнихъ законовъ и формы правленія, согласны слѣдовательно съ полезными видами ея императорскаго величества насчетъ республики здѣшней; а сверхъ того, такъ какъ эти конфедераціи прибѣгаютъ къ покровительству ея императорскаго величества, и ручательства ея просятъ, для непоколебимаго сохраненія правъ республики и вольностей, то это высочайшее покровительство имъ и слѣдуетъ, съ утвержденіемъ, по ихъ желанію, на всѣ вѣка, формы здѣшняго правленія и преимуществъ каждаго. Но такъ какъ великодушіе и человѣколюбіе суть основаніе справедливаго поведенія ея императорскаго величества, вслѣдствіе того и не должны эти конфедераціи никого силою принуждать къ соединенію съ ними, а только тѣхъ за злодѣевъ почитать будутъ, которые противъ нихъ дѣйствовать дерзнутъ. Поэтому вы, господа, совершенно вольны пристать къ конфедераціямъ, или нѣтъ, оставаясь покойными и нейтральными зрителями». Чарторыйскій разсыпался въ благодарности, превозносилъ умѣренность русскаго правительства, нежеланіе употреблять силу, взаключеніе предлагалъ свои услуги, сколько можетъ. Но услуги Чарторыйскаго могли теперь только затруднить Репнина: опять сближаться съ Чарторыйскими значило удалить всѣхъ новыхъ приверженцевъ, которые потому только и перешли на русскую сторону, что Репнинъ разладилъ съ *фамиліею* [3]).

Репнинъ, принужденный прибѣгнуть къ такому сильному средству, какъ конфедерація, хлопоталъ однако, какъ бы предотвратить безпорядки, потрясенія, бывшіе обыкновенно слѣдствіемъ конфедераціи. По старому обычаю, какъ скоро конфедерацiя образовывалась и получала признаніе, то вдругъ всѣ прежнія власти переставали дѣйствовать; авторитетъ всѣхъ существующихъ магистратуръ и юрисдикцій исчезалъ; все подчинялось верховной волѣ сконфедерованной шляхты; король, сенатъ, всѣ высшіе чиновники и суды должны были отдавать ей отчетъ. Репнинъ не хотѣлъ на это согласиться: «Понеже напрасно бъ я короля тѣмъ оскорбилъ, ибо по нашимъ видамъ оное не нужно, а только-бъ дало болѣе власти конфедераціи, отмщевая прежнія дѣла по внутреннимъ судамъ, несправедливости дѣлать. Сверхъ того, запретивъ всѣ юрисдикціи, запретили-бъ чрезъ то и коммисіи скарбовую и военную, а ихъ поправка хотя точно нужна, но совершенное испровержевіе мнѣ кажется не авантажно; и тако держусь сколь возможно и противлюсь сему закрытію юрисдикцій, а межъ тѣмъ пользуюсь симъ же, *угодность и пріятство тѣмъ дѣлаю королю*, котораго для переду въ преданности я хочу со-

[1]) Репнинъ Панину $\frac{\text{28 марта}}{\text{8 апрѣля}}$ 1767 г.

[2]) Репнинъ Панину 4 апрѣля стараго стиля 1767 г.

[3]) Репнинъ Панину 16/27 мая 1767 г.

блюсть къ нашему двору, находя за полезное, *чтобы не всегда здѣсь съ употребленіемъ силы все дѣлать*. Сверхъ же того долженъ я и въ томъ по справедливости признаться, что его величество, не входя явнымъ образомъ въ содѣйствованіе съ нами, противностей однакоже никакихъ не дѣлаетъ, и хотя съ оскорбленіемъ иногда и съ натуральною просьбой, чтобы друзей его сберегали, но все почти по внутреннимъ здѣсь моимъ мѣрамъ къ исполненію допускаетъ и удерживаетъ преданныхъ себѣ отъ безразсудной горячности»[1].

Дѣйствительно король допускалъ все по внутреннимъ мѣрамъ русскаго посла: смертію примаса, князя Лубенскаго, очистилось первое духовное мѣсто въ королевствѣ, архіепископство Гнезенское, и король согласился на желаніе Репнина возвести Подоскаго на это мѣсто. Репнинъ былъ очень доволенъ: «Возвышеніе Подоскаго въ примасы великое пріумноженіе нашей инфлюенціи здѣсь сдѣлаетъ [писалъ онъ въ Петербургъ [2]]. Онъ (Подоскій) открытымъ образомъ мнѣ преданъ былъ и какъ бы секретарь мой во всѣхъ настоящихъ обстоятельствахъ работалъ; черезъ его же возвышеніе увидитъ нація вся, коль мы великолѣпно награждаемъ тѣхъ, которые намъ прямо и усердно служатъ. Увидитъ она, что можно совершенно полную довѣренность имѣть къ покровительству нашего высочайшаго двора, когда въ самое сочиненіе столь оскорбительной королю конфедераціи, не могъ онъ отказать первый чинъ въ государствѣ тому точно, который въ угодность Россіи главнымъ и начальнымъ работникомъ въ томъ былъ».

Между тѣмъ, къ началу іюня 1767 года, въ Литвѣ образовалась уже 24 конфедераціи, маршалами которыхъ повсюду выбраны были друзья Радзивилла, а самъ онъ былъ выбранъ маршаломъ подляшской конфедераціи. Въ Польшѣ и Литвѣ конфедерація считала подъ своими знаменами до 80,000 шляхты. 3-го іюня Радзивиллъ, окруженный толпами шляхты, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Вильну, а черезъ три недѣли послѣ этого провозглашенъ былъ генеральнымъ маршаломъ соединенной польско-литовской конфедераціи, собравшейся въ Радомѣ (въ 15 миляхъ отъ Варшавы). Но Репнинъ тотчасъ же увидалъ, что этимъ дѣло не кончается, а только начинается. Репнинъ поднялъ генеральную конфедерацію, чтобы покончить диссидентское дѣло: не хотѣли кончать его король и Чарторыйскіе, пусть покончатъ враги ихъ. Но конфедераты откликнулись на приглашеніе русскаго посла, имѣя въ-виду свергнуть короля и сдѣлать съ Чарторыйскими то же, что тѣ сдѣлали съ ними во время своего торжества. Начальные люди конфедераціи къ диссидентскому дѣлу были равнодушны, а толпа была одушевлена тою же нетерпимостію какъ и прежде; слѣдовательно опять Репнинъ, чтобы преодолѣть это тупое сопротивленіе, долженъ былъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, къ военной силѣ. Рядомъ съ предложеніемъ о правахъ диссидентовъ шло предложеніе о томъ, чтобы все постановленное на будущемъ сеймѣ было гарантировано Россіей. Въ Радомѣ предложенія прошли, и то вслѣдствіе присутствія русскихъ войскъ; но въ провинціяхъ шляхта волновалась,—а что будетъ на сеймѣ? Краковскій епископъ Солтыкъ сталъ въ челѣ религіознаго движенія: пятнадцать секретарей день и ночь писали его пастырскія посланія. «Любезнѣйшіе сыны, пастырству нашему порученные»! гласили посланія: «упражняйтесь во всякаго рода добрыхъ дѣлахъ, взывайте съ сокрушеніемъ духа къ трону милосердія, чтобы ниспослалъ Духа Святаго на сеймъ для утвержденія вѣры св. католической, для мужественнаго отпора претензіямъ диссидентовъ, для сохраненія кардинальныхъ правъ вольности. Чтобы во все продолженіе сейма во всѣхъ косцелахъ ежедневно происходило молебствіе предъ св. тайнами, съ пѣніемъ: Святый Боже!» Въ этомъ посланіи Солтыкъ является передъ нами какъ епископъ католическій, но въ письмѣ къ одному изъ пріятелей своихъ, Віельгурскому, онъ является какъ политикъ: «Императрица», пишетъ онъ, «домогается двухъ вещей: генеральнаго поручительства и возстановленія диссидентовъ. Гарантировалъ король Польскій курляндскія вольности, утвердилъ привилегіи земель прусскихъ, а черезъ это обѣ націи привлечены были въ зависимость отъ республики. Главное средство отбиться отъ гарантіи,—это поднять вопросъ, что Турція не позволитъ. Что касается до диссидентовъ, то покой націи зависитъ отъ того, чтобы диссиденты, а именно не уніаты, не были ни въ сенатѣ, ни въ министерствѣ; довольно будетъ припомнить, что въ Россіи есть тридцать фамилій, которыя ведутъ свой родъ изъ Польши, а раздача достоинствъ въ Польшѣ находится во власти императрицы Русской: такъ хорошо ли будетъ, когда сенатъ Московскій перенесенъ будетъ въ Польшу, а насъ передвинутъ въ Сибирь Главная политика польскихъ недовольныхъ должна состоять въ продленіи сейма для того: 1) чтобы конфедерація пришла въ совершенство; 2) чтобы иностраннымъ дворамъ дать время къ негоціаціи; 3) чтобъ электоръ (Саксонскій) пришелъ въ совершеннолѣтіе; 4) чтобы лучше изъясниться съ Дворомъ Петербургскимъ чрезъ нашихъ посланниковъ, а не чрезъ того деспота (Репнина); 5) для слабости короля Прусскаго: если-бы умеръ, то что бы помѣшало саксонскому войску войти въ Польшу»?

Для большаго воспламененія умовъ, въ Польшѣ явилось циркулярное письмо къ епископамъ папы Климента XIII противъ правъ диссидентскихъ; на копіи письма, пересланной Репнинымъ въ Петербургъ, отмѣчено тою же рукою, которая писала Наказъ: «Куда папа гораздъ сказки сказывать»! Но что были сказки въ Петербургѣ,

[1] Репнинъ Панину 31 мая (11 іюня).
[2] 14 (25) іюня 1767 г.

тому съ благоговѣніемъ внимали въ Польшѣ. «Я не могу довольно изобразить», писалъ Репнинъ, «сколь заражена здѣшняя нація суевѣріемъ и фанатизмомъ закона, и думаю, что не могло то въ сильнѣйшемъ градусѣ быть и во время самыхъ кроазадовъ» [1]). Но кромѣ фанатизма толпы, Репнина приводило въ отчаяніе двоедушіе людей, руководившихъ толпою: посолъ видѣлъ, что и прежній вѣрный секретарь его, новый примасъ Подоскій, стакнулся съ Солтыкомъ, съ Красинскимъ (епископомъ Каменецкимъ), маршаломъ Мнишкомъ, Потоцкимъ (воеводою Кіевскимъ) и подскарбіемъ Весселемъ; но, дѣйствуя заодно, эти люди пріѣзжали къ Репнину, и, Богъ знаетъ что, наговаривали другъ на друга. «Изволите видѣть», писалъ Репнинъ: «съ сколь честными людьми я дѣло имѣю, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться». Но главнымъ мучителемъ посла былъ все тотъ же Солтыкъ: «Истинно я ему отъ себя-бъ что ни есть подарилъ, чтобъ онъ отсель куда-нибудь провалился: надоѣлъ ужь мнѣ смертельно», писалъ Репнинъ. Однажды пріѣзжаютъ къ нему два прелата, Подоскій и Солтыкъ, и начинаютъ жаловаться на насиліе русскихъ войскъ во время сеймиковъ, на арестъ шляхтича Чацкаго, сдѣланный по приказанію Репнина: «Если мы», говоритъ Солтыкъ, «не можемъ сносить деспотизма собственнаго короля, то тѣмъ менѣе можемъ сносить деспотизмъ иностранной государыни, которая ктому же еще объявляетъ, что поддерживаетъ нашу свободу». Репнинъ отвѣчалъ ему прямо: «Если вы такъ смотрите на дѣло, то объявите войну императрицѣ и ея войскамъ, собирайте для этого собственныя войска».—«У меня никогда не было въ головѣ столь страшныхъ и безумныхъ идей», сказалъ на это Солтыкъ: «я не хочу даже воевать съ посланникомъ императрицы; желаю только для себя и для націи пользоваться высокимъ покровительствомъ императрицы, дружбою и благосклонностію ея посланника». Во время этого разговора Подоскій сидѣлъ, не открывая рта [2]).

Приближалось время сейма. «Если хотимъ мы успѣха въ диссидентскомъ дѣлѣ на будущемъ сеймѣ», писалъ Репнинъ, «то необходимо надобно будетъ епископа краковскаго и подобныхъ фанатиковъ забрать подъ караулъ, а инакъ съ ними никакимъ образомъ не совладѣемъ». Получивъ на это позволеніе изъ Петербурга, посолъ отвѣчалъ Панину: «Имѣю честь отвѣчать съ увѣреніемъ наикрѣпчайшимъ, что безъ самой крайней необходимости конечно пользоваться не буду позволеніемъ употреблять мѣры силы противъ здѣшнихъ противниковъ, но признаюсь, что весьма боюсь, чтобы къ тому не былъ принужденъ [3]). Страхъ былъ напрасный. Солтыкъ разослалъ по сеймикамъ письма, въ которыхъ объявлялъ, что и на будущемъ сеймѣ будетъ поступать въ диссидентскомъ дѣлѣ точно такъ-же, какъ и на прошедшихъ; то же самое говорилъ всѣмъ въ Варшавѣ. Репнинъ поручилъ Подоскому поговорить дружески Солтыку: чтобъ онъ остерегался; что терпѣнію бываетъ конецъ; что передъ Россійскою императрицею онъ не важный господинъ; что его могутъ взять и не выпустить. «Не стану молчать, когда интересъ религіи потребуетъ моей защиты», отвѣчалъ Солтыкъ. «Сокрушаетъ онъ меня своимъ непреодолимымъ упорствомъ противъ диссидентскаго дѣла», писалъ Репнинъ: «я уже ему стороной внушалъ, чтобъ онъ на сеймъ не ѣздилъ, коль не хочетъ участвовать диссидентскому возстановленію и коль не можетъ воздержаться, чтобы противъ нихъ не говорить, но и на то не соглашается» [4]). Наконецъ Солтыкъ далъ знать Репнину, что желаетъ войдти съ нимъ въ соглашеніе, ручаясь за всѣхъ епископовъ и за всю свою партію. Репнинъ отвѣчалъ, что въ формальное трактованіе онъ можетъ войти только съ тѣми, кто по своему чину въ республикѣ имѣетъ на то право; епископъ же Краковскій и всѣ епископы вмѣстѣ этого права не имѣютъ; если же онъ хочетъ попріятельски договориться, то пусть пріѣзжаетъ самъ безо всякихъ церемоній; но прежде всего надобно согласиться въ самомъ главномъ, а именно, чтобы диссиденты были уравнены въ правахъ съ католиками, безъ чего ни въ какіе договоры вступать нельзя. Въ отвѣтъ на это, Солтыкъ началъ разглашать, что скорѣе тѣло свое на разсѣченіе дастъ, скорѣе умретъ со всѣми своими пріятелями, чѣмъ позволитъ на уравненіе диссидентовъ съ католиками. Желая показать, что готовъ подвергнуться той участи, какою грозилъ ему Репнинъ, онъ сталъ готовить подарки для тѣхъ, которые придутъ брать его подъ стражу, такъ что, по словамъ Репнина, комната его стала похожа на нюренбергскую лавку. Но мученичество, какъ видно, не очень нравилось Краковскому епископу, и онъ далъ знать Репнину, что берется уговорить всѣхъ ревностныхъ католиковъ дать удовлетвореніе диссидентамъ, если русскій посолъ позволитъ ему продолжать прежнее поведеніе для сохраненія кредита въ своей партіи. Репнинъ отвѣчалъ ему черезъ Подоскаго, что никакъ не можетъ на это согласиться: или епископъ не понимаетъ, что такое поведеніе можетъ причинить только вредъ дѣлу, а не пользу, что не дѣлаетъ чести его головѣ; или онъ хитритъ, чтобъ, испортивъ дѣло, послѣ вывернуться и всю вину сложить на другихъ, выставляя на видъ, что внутренно согласенъ былъ съ нимъ, посломъ. «Я прошу епископа», продолжалъ Репнинъ, «чтобъ онъ и словами и поступками, прямодушно и явно, дѣйствовалъ въ пользу совершеннаго равенства диссидентовъ съ католиками» [5]).

[1]) Репнинъ Панину 5 (16) августа.
[2]) Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).
[3]) Репнинъ Панину 6 (17) сентября.
[4]) Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).
[5]) Репнинъ Панину 12 (23) сентября.

Между тѣмъ король понималъ, что только тотъ можетъ утишить бурю, кто ее поднялъ; понималъ, что только Репнинъ можетъ защитить его отъ враговъ,—и отдался въ полное распоряженіе русскаго посла. «Король», писалъ Репнинъ, «со мною разговоръ имѣлъ, въ которомъ неоднократно съ клятвами обѣщалъ именно сими терминами, что хотя бы всѣ струны лопнули, хотя бы всѣ наши партизаны отъ насъ отстали, хотя бы наконецъ одинъ онъ остался, но непремѣнно и непоколебимо насъ держаться станетъ, и безъ изъятія все то дѣлать будетъ, что я потребую для успѣха диссидентовъ и желанныхъ нами дѣлъ, то есть и ручательства»[1]. Но надобно было условиться съ королемъ: чего-же именно требовать для диссидентовъ, какъ разумѣть уравненіе правъ.

Подчиняя все политическимъ разсчетамъ, Панинъ прямо писалъ Репнину, что Русское правительство, стараясь о диссидентскомъ дѣлѣ, вовсе не должно имѣть въ виду распространенія въ Польшѣ православія и протестантизма въ ущербъ католицизму. Самое видное право, которое всего лучше свидѣтельствовало объ уравненіи православныхъ съ католиками, состояло въ томъ, чтобы православные архіереи могли присутствовать въ сенатѣ наравнѣ съ католическими,—право, которое еще въ XVII вѣкѣ было уступаемо православнымъ на бумагѣ; но на дѣлѣ католики никогда не могли рѣшиться пустить православнаго архіерея въ сенатъ. Теперь православные требовали, чтобъ епископъ Бѣлорусскій получилъ мѣсто въ сенатѣ; но король требовалъ, чтобы, вмѣстѣ съ православнымъ епископомъ, вошли въ сенатъ и два уніатскіе. Россія требовала уравненія правъ не для однихъ православныхъ, но для всѣхъ диссидентовъ, дѣйствовала тутъ не одна, но вмѣстѣ съ другими державами протестантскими, слѣдовательно исключительности быть не могло. Но Панинъ взглянулъ на дѣло и съ другой стороны: «Хотя», писалъ онъ, «помѣщеніе въ сенатѣ двухъ епископовъ уніатскихъ и согласуетъ отчасти въ существѣ своемъ съ вышеположеннымъ главнымъ правиломъ (чтобы не имѣть въ виду распространенія другихъ вѣроисповѣданій въ ущербъ католицизму), однакоже въ разсужденіи настоящаго, совсѣмъ разнствующаго случая было бы весьма *прикро* для славы ея императорскаго величества. Не можетъ ли такое уніатскихъ епископовъ помѣщеніе показаться свѣту какъ бы нарочно сдѣланное въ досаду ея величества, когда напротивъ самое состояніе дѣлъ требуетъ, чтобъ всѣ ея желанія исполнены были».—На второе и третье требованіе короля, чтобы королемъ могъ быть только католикъ и чтобы католическая религія была признана господствующею, Панинъ изъявлялъ согласіе, но не соглашался на четвертое—объ опредѣленіи наказанія отступникамъ отъ господствующей религіи. Панина затрудняло то, что издавна позволено было уніатамъ переходить въ православіе, и потому надобно, писалъ онъ, «сохранить предъ глазами публики непорочность нашихъ намѣреній, касающихся до нашей собственной вѣры». На пятое королевское требованіе, чтобы необходимое число диссидентовъ въ сенатѣ и сеймѣ было съ точностію опредѣлено, Панинъ соглашался; требованіе это онъ даже считалъ для себя желательнымъ, потому что безъ точнаго опредѣленія числа королю-католику и шляхтѣ католической, составляющей огромное большинство, легко будетъ вовсе удалять диссидентовъ; но Панинъ не хотѣлъ согласиться на шестое требованіе,—чтобы четыре епархіи, отступившія въ унію, оставлены были въ настоящемъ ихъ состояніи нетронутыми. «Требованіе это», писалъ онъ, «будучи само по себѣ согласно съ главнымъ нашимъ правиломъ, не повстрѣчало бы конечно съ нашей стороны препятствія; но какъ всякое о сихъ епархіяхъ упоминовеніе можетъ подлежать неудобству, выше сего описанному, то дабы въ разсужденіи ихъ не навести себѣ и королю польскому новыхъ и напрасныхъ хлопотъ, всего лучше будетъ оставить ихъ со всею уніею какъ на сеймѣ, такъ и въ будущемъ трактатѣ въ полномъ и неприкосновенномъ молчаніи, яко такую секту, которая ни съ тѣмъ, ни съ другимъ закономъ прямо соединенною считаться не можетъ»[2].

Эти рѣшенія Панина не остались безъ сильныхъ возраженій со стороны Репнина. «Если воспрепятствовать введенію уніатскихъ епископовъ въ сенатъ, то это будетъ значить, что мы требуемъ уже не равенства, а преимуществъ; давая православнымъ больше правъ, побуждаемъ уніатовъ переходить въ православіе: какъ же не будемъ имѣть въ виду распространеніе нашей вѣры? Правда, что по закону 1635 года позволено было свободно переходить изъ уніи въ православіе и наоборотъ, но о католикахъ нигдѣ не упоминается, а есть найстрожайшіе законы, которые запрещаютъ отступать отъ католической религіи: какимъ же образомъ будетъ успокоить самасбродство и фанатизмъ, представляющій себѣ, что мы хотимъ совсѣмъ другое исповѣданіе здѣсь ввести и ихъ всѣхъ отъ католической религіи отвратить, когда не позволимъ возобновить этихъ законовъ? Нельзя опредѣлять необходимое число диссидентскихъ депутатовъ на сеймѣ, потому что нѣсколько сеймиковъ въ разныхъ мѣстахъ можетъ разорваться, но это не мѣшаетъ собираться сейму, хотя въ немъ и не будетъ депутатовъ съ разорванныхъ сеймиковъ; теперь можетъ случиться, что сеймики разорвутся именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны будутъ присылать диссидентскихъ депутатовъ, то неужели сеймъ не будетъ имѣть права собираться вслѣдствіе отсутствія диссидентскихъ депутатовъ, когда онъ собирается при отсутствіи католическихъ? развѣ мы можемъ этого требовать? Въ сенатѣ можетъ быть допущено опредѣленное число диссидентскихъ

[1]) Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).

[2]) Панинъ Репнину 14 августа 1767 г.

членовъ, но, разумѣется, отсутствіе кого-нибудь изъ нихъ по болѣзни или другой какой-нибудь причинѣ не можетъ уничтожить сенатскихъ совѣтовъ. Чтобъ оставить въ молчаніи четыре отпадшія на унію наши епархіи, стараться я стану; но если сумасбродство и фанатизмъ представляютъ себѣ, что мы хотимъ увеличить здѣсь число своихъ исповѣдниковъ, чѣмъ же то успокоить»[1])? Сами диссиденты усильно просили, чтобы не вводить ихъ въ правительство опредѣленнымъ числомъ: слишкомъ полуторавѣковое гоненіе, испытанное ими отъ господствующей религіи, истребило между ними знатную шляхту, и потому у нихъ не было достаточнаго числа кандидатовъ на высшія мѣста. Самое назначеніе епископа Бѣлорусскаго въ сенатъ встрѣчало затрудненіе: какъ сенатору, ему слѣдовало быть шляхетскаго происхожденія. Конисскій думалъ, что въ Малороссіи есть монахи изъ польской шляхты, и Репнинъ просилъ Панина освѣдомиться объ этомъ и дать знать, если найдутся люди, соединяющіе съ шляхетскимъ происхожденіемъ личныя качества, достойныя сенаторскаго званія [2]).

Но въ то время какъ Репнинъ думалъ еще о возможности утушить фанатизмъ, сохраняя уваженіе къ законамъ страны, не касаясь правъ господствующей религіи, Солтыкъ съ товарищами вели дѣло къ другой развязкѣ. Получивъ возможность сконфедероваться, благодаря Россіи, съ помощію русскаго войска, теперь, чтобъ отвергнуть русскія требованія, они, разумѣется, прежде всего должны были требовать удаленія этого войска. «Сейма нельзя держать при иностранныхъ войскахъ!» кричали они. Чтобы заглушить эти крики, король и маршалы конфедерацій согласились съ Репнинымъ, чтобы конфедерація декретомъ своимъ объявила русскія войска дружескими и помогающими вольности народной; потомъ, для избѣженія противорѣчія и *шумовъ*, конфедерація должна была объявить, что всѣ присяги, принесенныя на сеймикахъ земскими послами въ противность смысла акта конфедераціи и въ противность точныхъ правъ, уничтожаются. Но конфедераты отвергли оба декрета, несмотря на все стараніе обоихъ генеральныхъ маршаловъ, и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ явился незначительный шляхтичъ Кожуховскій, креатура маршала Мнишка. Репнинъ велѣлъ взять Кожуховскаго подъ арестъ, и потомъ скоро выпустилъ; но уже кратковременнаго ареста было достаточно, чтобы сдѣлать Кожуховскаго мученикомъ вѣры: папскій нунцій отправился къ нему съ визитомъ, за нунціемъ—поляки толпами. Тогда Репнинъ отослалъ Кожуховскаго въ его деревню подъ карауломъ [3]).

23 сентября долженъ былъ начаться сеймъ. Въ этотъ день, когда послы съѣхались у князя Радзивилла, чтобъ оттуда вмѣстѣ отправиться на первое засѣданіе, пріѣзжаетъ нунцій и начинаетъ говорить, что вѣра погибаетъ, что ихъ долгъ защищать ее до послѣдней капли крови, а не допускать до уравненія съ прочими религіями. Именемъ папскимъ объявилъ онъ, чтобы никакъ не соглашались на назначеніе отъ республики делегатовъ съ полною мочью для переговоровъ съ русскимъ посломъ, ибо слѣдствіемъ будетъ необходимо гибель вѣры. Собраніе было сильно наэлектризовано: послышались со всѣхъ сторонъ рыданія, клятвы, что готовы погибнуть за вѣру, что мученическая смерть будетъ имъ пріятна. Въ самый разгаръ этихъ сценъ вдругъ является въ собраніе Репнинъ. Нѣсколько умѣренныхъ депутатовъ выбѣжало къ нему навстрѣчу съ увѣщаніями, чтобъ возвратился, иначе они ни за что не отвѣчаютъ; но Репнинъ не принялъ ихъ совѣтовъ и вошелъ прямо въ середину толпы, которая встрѣтила его крикомъ, что всѣ готовы умереть за вѣру. «Перестаньте кричать»! сказалъ громко Репнинъ: «а будете продолжать шумѣть, то и я съ своей стороны шумъ заведу, и мой шумъ будетъ сильнѣе вашего». Тутъ оправились и маршалы конфедерацій, стали уговаривать депутатовъ перестать кричать. Когда водворилась тишина, Репнинъ началъ: «Я пріѣхалъ только съ визитомъ къ князю Радзивиллу, а не трактовать съ вами, потому что никто изъ васъ этой чести имѣть не можетъ, не будучи уполномоченъ отъ республики; но частнымъ образомъ, попріятельски, скажу вамъ, что удивляюсь и сожалѣю, видя васъ въ такомъ возмутительномъ состояніи; вы позабыли, сколько имѣете доказательствъ доброжелательства ея императорскаго величества; позабыли, что только подъ ея покровительствомъ могли вы сконфедероваться для сохраненія своей вольности и правъ».—Тутъ рѣчь Репнина была прервана крикомъ: «Мы соединились также и для сохраненія закона католическаго»! Въ другой разъ объявилъ Репнинъ, чтобы перестали шумѣть, иначе самъ шумѣть станетъ, и, когда крики утихли, продолжалъ: «Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть ревность къ своему закону, эта ревность конечно похвальна; но развѣ кто хочетъ нарушать права римскаго вѣроисповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобы никому въ вѣрѣ принужденія не дѣлать, быть непоколебимыми въ сохраненіи своихъ обязательствъ и въ отданіи справедливости каждому. Если хотите жить въ добромъ сосѣдствѣ съ Россіей и пользоваться покровительствомъ ея императорскаго величества, то соблюдайте договоры». Отвѣта на эту рѣчь не было, но раздались крики: «Освободить Кожуховскаго»!—«Если станете кричать», отвѣчалъ Репнинъ, «ничего не сдѣлаю; крикомъ у меня ничего не возьмете; просите тихимъ, учтивымъ, порядочнымъ образомъ, и тогда, можетъ быть, сдѣлаю вамъ удовольствіе». Подошелъ Радзивиллъ и сталъ просить учтиво о Кожуховскомъ; Репнинъ обѣщалъ и немедленно исполнилъ обѣщаніе.

[1]) Репнинъ Панину 6 (17) сентября.
[2]) Репнинъ Панину 21 сентября (2 октября).
[3]) Репнинъ Панину 21 сентября (2 октября).

Теперь надобно было хлопотать, чтобы на сеймѣ тѣмъ или другимъ образомъ началось дѣло о диссидентахъ. Репнину хотѣлось, чтобы сеймъ прислалъ къ нему делегатовъ спросить, чего ея императорское величество желаетъ для диссидентовъ. Если-бы противники воспрепятствовали этому, то не оставалось другого средства, какъ послать на сеймъ для прочтенія меморіалъ и просить рѣшительнаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ, Репнинъ хотѣлъ дѣйствовать сообща со всѣми иностранными министрами, поддерживавшими вмѣстѣ съ Россіею диссидентское дѣло. Главнымъ между ними былъ прусскій министръ Бенуа; но Репнину дали знать, что Бенуа подъ-рукою препятствуетъ успѣху диссидентскаго дѣла, увѣряя, что русскіе только грозятъ, а никогда угрозъ своихъ не исполнятъ, да и король Прусскій не выдастъ поляковъ; особенно Бенуа хлопоталъ, чтобы не была принята русская гарантія. Также подъ-рукою, тихо, но усердно работали противъ гарантіи Чарторыйскіе, видаясь по ночамъ съ Краковскимъ епископомъ. Со стороны Чарторыйскихъ особенно сильно дѣйствовалъ противъ Россіи князь Любомирскій, великій маршалокъ коронный, но также подъ-рукою. Зная расположеніе къ Россіи князя Адама Чарторыйскаго, старики-дядья запретили ему подъ проклятіемъ и лишеніемъ наслѣдства быть делегатомъ для трактованія съ Репнинымъ о диссидентскомъ дѣлѣ. Репнинъ имѣлъ по этому случаю разговоръ съ княземъ Адамомъ, уговаривалъ его быть делегатомъ, представляя, какія вредныя слѣдствія могутъ произойдти отъ ихъ упорства. Чарторыйскій отвѣчалъ, что чувствуетъ всю правду словъ Репнина, но согласиться на его требованіе не можетъ. Репнинъ видѣлъ, что бѣдный Адамъ говорилъ отъ искренняго сердца, потому что навзрыдъ плакалъ.

Между тѣмъ, благодаря стараніямъ Солтыка съ товарищами, умы всѣхъ депутатовъ были такъ настроены, что нечего было ожидать согласія на начатіе переговоровъ съ Репнинымъ относительно диссидентскаго дѣла и гарантіи. Сеймовое засѣданіе 1 (12) октября началось рѣчью епископа Кіевскаго, который въ своихъ выходкахъ противъ диссидентовъ дошелъ дотого, что вольность, утвержденную закономъ, называлъ дьявольскою, а не вольностію правовѣрныхъ; потомъ началъ протестовать противъ ареста Кожуховскаго, и, обратясь къ королю, требовалъ, чтобы тотъ не на словахъ только, а на дѣлѣ показалъ свое правовѣріе. Король отвѣчалъ, что, кромѣ усердія къ вѣрѣ католической, онъ обязанъ еще имѣть попеченіе о благополучіи отечества; напомнилъ объ обязательствахъ, въ которыя сама нація вступила чрезъ конфедерацію, и посольство, отправленное къ императрицѣ; указалъ на вредъ, который произойдетъ, если этихъ обязательствъ не исполнить, и взаключеніе потребовалъ, чтобъ прочтенъ былъ приговоръ конфедераціи. Когда приговоръ былъ прочтенъ, то начался страшный шумъ; со всѣхъ сторонъ крики: «Кто подписалъ грамоту»? На это отвѣчалъ секретарь конфедераціи, что подписали маршалы по приговору соединенной генеральной конфедераціи. Тутъ поднялся Солтыкъ: «Вся конфедерація и сочинявшіе ее совѣтники отроду кредитныхъ грамотъ не читывали, и вѣрно грамотѣ не умѣютъ, если такую грамоту подписали. Впрочемъ», продолжалъ онъ, «я этому не удивляюсь, потому что конфедерація принуждена была къ этому силою отъ абсолютной державы; но мы теперь можемъ и должны все, ею сдѣланное ко вреду Польши, ниспровергнуть, въ томъ числѣ и эту грамоту, какъ противную религіи и вольности; вольность наша нарушена совершенно взятіемъ Чацкаго и Кожуховскаго; надобно послать къ русскому послу делегатовъ отъ сейма съ требованіемъ письменнаго отвѣта: по чьему повелѣнію онъ такъ поступалъ и имѣлъ ли на то инструкцію. Прежде полученія отвѣта отъ Репнина и прежде освобожденія Чацкаго не позволяю ничего ни дѣлать, ни говорить на сеймѣ. Согласны ли всѣ на это»? Большая часть пословъ закричали: «Согласны»! Опять король началъ тихую рѣчь: «Сами не знаете, чего хотите; такая делегація оскорбитъ достоинство самой императрицы; вмѣсто всего этого надобно прилежно разсмотрѣть поданный при началѣ сейма княземъ Радзивилломъ проектъ, сличить его съ основаніемъ, то есть съ актомъ конфедераціи, и съ грамотою, отправленною къ ея императорскому величеству; для этого даю я времени до 16 числа этого мѣсяца». Засѣданіе кончилось.

Узнавши эти подробности, Репнинъ почелъ необходимымъ покончить съ Солтыкомъ. Во вторникъ, $^{2}/_{13}$ числа, у Краковскаго епископа собралось провинціальное засѣданіе Малой Польши. Тутъ хозяинъ говорилъ еще сильнѣе, чѣмъ на сеймѣ противъ диссидентовъ и гарантіи, и объявилъ, что сейма нельзя продолжать долѣе какъ два дня, будущую пятницу и субботу, потому что обыкновенный двухнедѣльный срокъ для чрезвычайныхъ сеймовъ этими двумя днями закончится. Еще сильнѣе Солтыка говорилъ воевода Краковскій, Венцеславъ Ржевускій, за нимъ архіепископъ Львовскій и епископъ Кіевскій — Залускій. Вся провинція была согласна съ ними, исключая одного маркиза Веліопольскаго, краковскаго земскаго посла, который тщетно противился этимъ рѣшеніямъ: никто его не слушалъ. Князь Чарторыйскій, воевода Русскій, бывъ въ засѣданіи, прямо противился гарантіи, о диссидентахъ же и продолженіи сейма говорилъ межъ зубовъ.

Когда засѣданіе кончилось и всѣ разъѣхались, Солтыкъ поѣхалъ ужинать къ маршалу Мнишку. Узнавъ здѣсь, что команда, отправленная Репнинымъ, уже дожидается его на возвратномъ пути, онъ расположился почевать у Мнишка; тогда полковникъ Игельстромъ вошелъ въ домъ къ Мнишку и арестовалъ Солтыка, оттуда отправился къ Залускому, захватилъ его, а между тѣмъ подполковникъ Штакельбергъ забралъ Ржевускаго и

сына его, Северина, старосту Долинскаго. Всѣ захваченные отправлены были съ достаточнымъ конвоемъ въ Вильну, къ генералъ-поручику Нумерсу, которому приказано было содержать ихъ съ довольствомъ и не оскорблять ничѣмъ [1]). На третій день послѣ арестовъ явились къ Репнину делегаты, по одному сенатору изъ каждой провинціи, съ просьбою, чтобъ арестованнымъ была возвращена свобода, и чтобъ остальные депутаты получили ручательство за свою безопасность. «Арестованныхъ не выпущу», отвѣчалъ Рѣпнинъ, «потому что они заслужили свою участь: я не отдаю никому отчета въ моихъ поступкахъ, кромѣ одной моей государыни, и, если хотите, можете обратиться прямо къ ней съ своею просьбой. По всемилостивѣйшему обѣщанію ея императорскаго величества, преимущества и безопасность каждаго члена республики будутъ свято соблюдаемы: если вы, въ свою очередь, будете свято сохранять свои обязательства, заключающіяся въ послѣднихъ актахъ конфедераціи и въ грамотѣ, отправленной къ ея императорскому величеству съ посольствомъ всей сконфедерованной республики; если земскіе послы поступать будутъ въ силу данныхъ имъ отъ сеймиковъ инструкцій.»

Все успокоилось. Назначена была коммисія для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла, и 19 ноября постановила слѣдующее: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтой во всѣхъ политическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери—въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ наполовину изъ католиковъ и наполовину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ; всякій и не принадлежащій къ католическому исповѣданію можетъ пріобрѣтать индигенатъ въ Польшѣ.

Между тѣмъ Репнинъ, котораго обыкновенно представляютъ тираномъ короля Станислава, старался разсѣять то впечатлѣніе, какое было произведено въ Петербургѣ врагами Понятовскаго, членами посольства, отправленнаго къ императрицѣ конфедераціею, Віельгорскимъ съ товарищами. Онъ старался выставить услуги, оказанныя королемъ Россіи въ послѣднее время; старался показать, что нѣтъ никакой нужды приносить Станислава-Августа въ жертву врагамъ его, которые вовсе несильны, и что конфедерація не имѣетъ той важности, какую ей приписываютъ ея посланники въ Петербургѣ; стоитъ только удовлетворить троихъ или четверыхъ вождей,—и все успокоится. Репнинъ представлялъ, что интересы императрицы требуютъ *уважать* короля, доказать ему, что съ ея дружбою тѣсно соединено его благополучіе, пріобрѣсть его полную довѣренность и прямую привязанность; приверженный къ Россіи, король не будетъ отказывать ея посланнику въ просьбахъ о награжденіи людей, преданныхъ Россіи, и такимъ образомъ легко будетъ составить себѣ сильную партію. Но какъ привязать къ себѣ короля, какъ составить себѣ партію изъ лучшихъ, достойнѣйшихъ людей? Король и лучшіе люди желали ограниченія liberum veto. Репнинъ по этому поводу писалъ Панину: «Если вы намѣрены Польшѣ дать какую, хоть малую консистенцію, для употребленія иногда противъ Турокъ, то внутренній сей порядокъ позволить нужно, ибо безъ онаго никакой, ни самой малой услуги или пользы мы отъ нея имѣть не будемъ: понеже сумятица и безпорядокъ въ гражданствѣ и во всѣхъ частяхъ въ такомъ градусѣ, что уже болѣе быть не могутъ. Если желаете, чтобы по прежнему всѣ головой матеріи на сеймахъ подъ единогласіемъ трактовались, и чтобы чрезъ liberum veto сеймы какъ и прежде разрывались, то и оное исполню. Сила наша въ настоящее время все можетъ. Но осмѣлюсь то представить, что не только тѣмъ не утвердимъ довѣренность націи къ намъ и нашу здѣсь инфлюенцію, но напротивъ совсѣмъ оныя разрушимъ, оставя въ сердцахъ рану всѣхъ резонабельныхъ и достойныхъ людей, которые раздѣленія законовъ желаютъ (на государственные проходящіе единогласіемъ и внутренніе принимаемые по большинству голосовъ), на которыхъ однихъ надѣяться можно и которые наконецъ одни же только и могутъ чрезъ свой разсудокъ націей предводительствовать; слѣдовательно, и оскорбимъ мы ту бо́льшую часть націи, если подвергнемъ ее прежнему безпорядку чрезъ совершенное разрываніе сеймовъ, особливо когда желаемый ими порядокъ намъ не вреденъ, чрезъ которое легко будетъ доказать всей націи, что мы иного не желаемъ, какъ ее видѣть въ порабощеніи и сумятицѣ. Таковое мнѣніе произведетъ натурально крайнюю недовѣрку и сильно слѣдовательно препятствовать будетъ къ собранію намъ, въ независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію надежныхъ и достойныхъ людей, на коихъ бы мы характеръ и на ихъ въ народѣ инфлюенцію полагаться могли. Если жъ нашу партію соберемъ изъ людей, кои почтенія въ націи не имѣютъ, то они намъ болѣе будутъ въ тягость нежели въ пользу, не имѣя сами по себѣ никакого кредита: и такъ принуждены будемъ всѣ дѣлать единственною силой, которая совершенно разрушаетъ сей важный предметъ, чтобы свою независимую въ землѣ партію имѣть; изъ сего же то произойдетъ, что при первомъ случаѣ, при коемъ аттенція наша или силы отвращены будутъ въ другую сто-

[1]) Рѣпнинъ Панину 4/15 октября.

рону, Польша, по безсилію только снося строгость нашего ига, тѣмъ воспользоваться захочетъ, дабы онаго избавиться. Правда, нами сдѣланы обѣщанія чрезъ декларацію о изпровержении всего того что вопреки вольности народной послѣдними сеймами постановлено было, обѣщая соблюсть націю въ ея преимуществахъ. Но не сдержимъ ли мы торжественнымъ образомъ наши обѣщанія, когда форму правленія чрезъ кардинальныя законы такъ утвердимъ, что уже не только конфедераціи, но и самое единогласіе того перемѣнить не будетъ въ силахъ? Не оставимъ ли мы націю въ преимуществахъ *liberum veto*, когда всѣ штатскія матеріи однимъ единогласіемъ на вольныхъ сеймахъ рѣшены быть могутъ? Достольное все принадлежитъ до единаго порядка, какъ-то внутренности судебнаго обряда, тожь економіи учрежденныхъ уже доходовъ и содержанія имѣющагося уже войска. Большая часть націи, въ томъ числѣ всѣ резонабельные люди того желаютъ. Не вѣрьте, ваше сіятельство, тѣмъ, кои вамъ противное сему отъ имени сконфедерованной націи говорятъ. Засѣданія конфедераціи совсѣмъ съ начала сейма ни единаго не было, а безъ собранія таковаго никакія повелѣнія именемъ ея посылаться не могутъ. Сіи всѣ доношенія вамъ чинящіяся суть токмо плоды интриги, желая при настоящемъ случаѣ въ мутной водѣ рыбу ловить и забирая на свои персоны репрезентаціи націи»[1]). Репнинъ оканчиваетъ свои представленія словами: «Какая слава составитъ счастіе цѣлаго народа, позволивъ ему выйти изъ безпорядка и анархіи! Я вѣрю въ возможность соединенія политики съ человѣколюбіемъ; я льстился быть исполнителемъ намѣреній императрицы, и вмѣстѣ содѣйствовать счастію народа, у котораго я имѣю честь быть ея представителемъ»[2]).

«Для чего бы не дозволить пользоваться сосѣдямъ нѣкоторымъ намъ индиферентнымъ порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться»? замѣтила императрица на донесеніе Репнина, и, вслѣдствіе этого, относительно сеймовой формы, было постановлено, что въ первыя три недѣли будутъ рѣшаться только экономическіе вопросы—и рѣшаться большинствомъ голосовъ; всѣ же государственныя дѣла будутъ рѣшаться въ въ послѣднія три недѣли—единогласіемъ.

ГЛАВА IV.

Въ началѣ 1768 года въ Петербургѣ могли думать, что тяжелое польское дѣло окончено. Репнинъ былъ щедро награжденъ; конфедерація, какъ достигшая своей цѣли, распущена; русскія войска вышли изъ Варшавы, готовились выйдти изъ королевства, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ были получены въ Варшавѣ извѣстія о безпокойствахъ въ Подоліи. Подкоморій Розаньскій, Красинскій, братъ епископа Каменецкаго, вмѣстѣ съ Іосифомъ Пулавскимъ, извѣстнымъ адвокатомъ, захватили городъ Баръ, принадлежавшій князю Любомирскому, и подняли такъ знамя возстанія за вѣру и свободу. Монахъ-фанатикъ, Маркъ, изъ Бердичевскаго монастыря, съ крестомъ въ рукахъ, ходилъ по селамъ и мѣстечкамъ, проповѣдуя необходимость приступить къ конфедераціи. Въ Галиціи образовалась другая конфедерація подъ предводительствомъ Іоахама Потоцкаго, подчашаго Литовскаго; Рожевскій провозгласилъ конфедерацію въ Люблинѣ. Но возстаніе это вовсе не было народнымъ: громкія слова *«вѣра и свобода»* не производили впечатлѣнія на массу; трудно было подниматься за вѣру, полагаясь только на слова какого-нибудь отца Марка, не видя, кто и какъ утѣсняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта, и пользовалась ею для того, чтобы составлять конфедераціи то противъ одного, то противъ другого, приглашая на помощь чужія войска, а теперь хотѣла поднять конфедерацію для вытѣсненія этихъ войскъ, провозглашая ихъ врагами свободы; но въ чемъ состояла эта враждебность — понять было очень трудно. Кромѣ недостатка сочувствія въ народѣ, успѣхамъ конфедераціи вредила поспѣшность, съ какою она была провозглашена, неприготовленность средствъ, недостатокъ военныхъ способностей и военной школы въ вождяхъ конфедераціи. Поэтому конфедераты ждали спасенія только отъ чужеземной помощи. Каменецкій епископъ Красинскій обѣгалъ Дворы — Дрезденскій, Вѣнскій, Версальскій, проповѣдуя всюду, что Россія хочетъ овладѣть Польшею, и какая бѣда будетъ отъ этого всей Европѣ! Но болѣе всего защитники вѣры ждали помощи отъ турокъ.

Несмотря однако на это невыгодное положеніе конфедератовъ, они могли на первыхъ порахъ затянуть борьбу съ Россіею, вслѣдствіе малочисленности русскихъ войскъ въ Польшѣ: страшныхъ притѣснителей вѣры и свободы польской было не болѣе 16,000 во всемъ королевствѣ, причемъ особенно мѣшалъ успѣшному преслѣдованію конфедератовъ недостатокъ въ легкой кавалеріи. 27 марта состоялось сенатское рѣшеніе—просить императрицу Всероссійскую, какъ ручательницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Репнинъ двинулъ войска въ разныхъ направленіяхъ, и конфедераты нигдѣ не могли выдержать ихъ напора. Города, занятые конфедератами, Баръ, Бердичевъ, Краковъ, были у нихъ взяты; но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератовъ, которыя разсыпались, по странѣ, захватывали казенныя деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовнаго и свѣтскаго человѣка. Награбивши денегъ, шайки

---

[1]) Репнинъ Панину 11 (22) декабря 1767 г.
[2]) Репнинъ Панину 12 (23) декабря.

эти убѣгали въ Венгрію или Силезію. Страшная смута и рознь господствовали повсюду: братъ не довѣрялъ брату; у каждаго были свои виды, свои интересы, свои интриги; никому не было дѣла до отечества, лишь бы страсть его была удовлетворена, лишь бы частныя его дѣла обдѣлались; одинъ братъ писалъ громоносные манифесты противъ русскихъ и соединялся съ конфедератами,—другой заключалъ контракты съ русскими, брался поставлять въ ихъ магазины хлѣбъ и овощи[1]). Между конфедератами, особаго рода удалью отличался ротмистръ Хлебовскій: встрѣтивъ на дорогѣ нищаго, жида или такъ какого-нибудь пѣшехода, сейчасъ повѣситъ на первомъ деревѣ, такъ что, говорятъ современники-поляки[2]),—русскимъ не нужно было проводниковъ: они могли настигать конфедератовъ по тѣламъ повѣшенныхъ. Шайка Игнатія Малчевскаго, старосты Сплавскаго, полтора года водила за собою русскихъ; гдѣ могли русскіе ее настигнуть, всякій разъ били; но шайка не уменьшалась, потому что плата хорошая, корму много и притомъ дароваго, развратъ, полная власть надъ жителями страны, униженіе самыхъ знатныхъ пановъ передъ конфедератами, которые недавно были ихъ слугами,—все это тянуло подъ знамена конфедераціи всякую голь, дворовую служню, горожанъ и крестьянъ, которые не хотѣли работать. За одинъ или два часа страху, испытаннаго при встрѣчѣ съ русскими и въ бѣгствѣ отъ нихъ, достаточною наградой было роскошное гулянье по странѣ, въ одеждѣ защитника вѣры и вольности[3]). Къ опустошенію страны конфедератами присоединился еще бунтъ гайдамаковъ, который начался такимъ образомъ:

Князья Любомирскіе, маршалокъ великій коронный и братъ—воевода Любельскій, заставили третьяго Любомирскаго, слабоумнаго пьяницу, подстолія Литовскаго, владѣльца огромныхъ имѣній, передать торжественнымъ актомъ это имѣніе своимъ дѣтямъ, причемъ ему самому и женѣ его выговорена была ежегодно значительная сумма изъ доходовъ. Такъ какъ дѣти Любомирскаго были малолѣтныя, то назначены были опекуны. Но эта сдѣлка не нравилась Сосновскому, писарю Литовскому, любовнику княгини Любомирской, обманутому въ надеждѣ составить себѣ состояніе. Онъ сталъ наговаривать княгинѣ, чтобы выкрала мужа изъ Варшавы, и пусть онъ опять приметъ имѣніе въ свое завѣдываніе: тогда она будетъ управлять слабоумнымъ мужемъ и его имѣніемъ, а не фамилія Любомирскаго и не опекуны. Княгиня взбунтовала мужа, выкрала его изъ Варшавы и привезла на контракты въ Львовъ въ 1768 году. Здѣсь люди совѣстливые не входили съ нимъ ни въ какія сношенія; но наѣхали игроки изъ Варшавы, обыграли Любомирскаго и заставили заплатить карточный долгъ имѣніями, подъ видомъ покупки. Но покупщики очень хорошо знали, что дѣло не обойдется легко, что опекуны дѣтей Любомирскаго не впустятъ ихъ ни въ одно имѣніе. Надобно было найдти людей, которые, получивъ полномочіе отъ Любомирскаго, приняли бы на себя обязанность бороться съ опекунами и ввести во владѣніе покупщиковъ. Такіе люди нашлись: два шляхтича, Бобровскій и Волынецкій.

Бобровскій отправился коммисаромъ въ имѣніе Любомирскаго Побереже; но его никто тамъ не хотѣлъ слушать, едва ушелъ поздорову, потому что одинъ изъ опекуновъ, Швейковскій, узнавъ о львовскихъ продѣлкахъ, разослалъ по всѣмъ имѣніямъ приказы, чтобы никто изъ управляющихъ не смѣлъ слушать Бобровскаго и Волынецкаго, какія бы бумаги отъ князя Любомирскаго они ни показывали. Бобровскій, выгнанный изъ Побережа, снесся съ Волынецкимъ, и оба рѣшили ѣхать въ другое имѣніе Любомирскаго, Смилянщизну, и поднять здѣсь крестьянъ обѣщаніемъ уничтоженія уніи. Чтобъ имѣть помощь и съ другой стороны, они отправились въ Баръ, къ Пулавскому, маршалку конфедераціи, съ просьбою, чтобы призналъ ихъ совѣтниками конфедераціи и далъ свои бланкеты для написанія разныхъ приказовъ его именемъ, за что обѣщали ему доставить для конфедераціи тысячу вооруженныхъ казаковъ. Пулавскій легко согласился на ихъ желаніе. Получивши бланкеты, Бобровскій и Волынецкій съ торжествомъ поѣхали въ Смилу, укрѣпленный замокъ Любомирскаго. Но ворота заперты, пускать не велѣно; управляющаго, Вонжа, нѣтъ дома, но отлично распоряжается всѣмъ его жена; въ замкѣ 50 казаковъ гарнизона, пороху и всякихъ запасовъ много: «Мужъ мой не знаетъ никакихъ коммисаровъ князя Любомирскаго, кромѣ опекуновъ молодыхъ князей»: велитъ жена управляющаго отвѣчать Бобровскому и Волынецкому на ихъ требованія отворить замокъ и на ихъ угрозы. Тогда коммисары обращаются къ казакамъ, живущимъ на земляхъ въ имѣніи, и уговариваютъ ихъ атаковать замокъ, но гарнизонные казаки отбиваютъ нападеніе. Бобровскій и Волынецкій придумываютъ средство: велятъ схватить женъ и дѣтей гарнизонныхъ казаковъ и ставятъ ихъ въ первую линію казаковъ, идущихъ на вторичный штурмъ. Но и это средство не помогло: гарнизонные казаки стрѣляютъ, несмотря на то, что отъ ихъ пуль падаютъ ихъ жены и дѣти. Видя такой страшный грѣхъ, казаки не пошли на штурмъ и отказались повиноваться коммисарамъ. Бобровскій и Волынецкій, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ обѣщали имъ ратовать за православіе, теперь начали имъ грозить, что придетъ Барская конфедерація и истребитъ ихъ всѣхъ до одного человѣка, и псы будутъ лизать ихъ кровь за ихъ непослушаніе. Угроза не подѣйствовала: казаки не шли штурмовать замокъ. Тогда Бобровскій и Волынецкій рѣшились ѣхать въ Баръ, и, чтобъ ис-

[1]) Депеша саксонскаго посланника Ессена къ своему Двору, 7 декабря 1768.

[2]) *Pamictniki do panowania Augusta III, i pierwszych lat Stanisl. Augusta, II*, 73.

[3]) Тамъ же, стр. 90.

полнить обѣщаніе, данное Пулавскому, велѣли начальнику казаковъ, Тымберскому, ѣхать за ними туда же со всѣми казаками. Тымберскій не смѣлъ ослушаться приказа, написаннаго отъ имени маршалка конфедераціи (на бланкетѣ Пулавскаго), и повелъ казаковъ въ слѣдъ за коммисарами.

Тымберскій былъ человѣкъ огромнаго роста и толщины, тяжко ему было ѣхать верхомъ, и коню было тяжко везти его,—сталъ просить Бобровскаго и Волынецкаго, чтобы позволили ему сойдти съ лошади и пересѣсть на телѣгу. Тѣ позволили. Но какъ скоро Тымберскій переселился на телѣгу, казацкіе старшины, сотники, атаманы, есаулы, остановили ее и обступили Тымберскаго съ вопросомъ: «Куда насъ ведешь, панъ полковникъ»?—«Приказъ имѣю отъ маршалка конфедераціи Барской явиться съ вами въ Баръ», отвѣчалъ тотъ.—«Если хочешь, панъ полковникъ», сказала старшина, «то ступай себѣ въ Баръ одинъ», и, обратившись къ казакамъ, крикнули: «Молодцы! За нами, домой въ Смилянщизну!» — И слѣдъ простылъ. Бобровскій, Волынецкій и Тымберскій поскакали одни въ Баръ, боясь за собою погони казацкой.

Вспомнимъ, что Волынецкій грозилъ казакамъ и крестьянамъ приходомъ войскъ конфедераціи, которыя истребятъ ихъ всѣхъ. Какъ нарочно, чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ, что идутъ двѣ польскія хоругви, ведутъ пойманныхъ на разбоѣ гайдамаковъ, чтобы сажать ихъ на колъ на на мѣстѣ преступленія въ Смилянщизнѣ. Казаки, боясь, что это войско прислано для ихъ наказанія за покинутіе Бобровскаго и Волынецкаго, стали перебѣгать за русскую границу, за Днѣпръ, подъ Переяславлемъ, гдѣ ихъ пускали и съ лошадьми, оставляя только оружіе ихъ при рогаткахъ.

Между посаженными на колъ гайдамаками находился родной племянникъ игумена, эконома Переяславскаго архіерея. Этотъ игуменъ, раздраженный позорною смертью племянника, сталъ уговаривать бывшихъ въ то время въ Переяславлѣ на богомольи Запорожцевъ и главнаго между ними—Желѣзняка, чтобъ они подняли съ поляками войну за вѣру, потому что поляки устроили Барскую конфедерацію противъ православной вѣры. Для сильнѣйшаго убѣжденія, игуменъ показалъ Желѣзняку на пергаментѣ указъ императрицы подниматься противъ поляковъ за вѣру; титулъ былъ написанъ золотыми буквами, подпись и печать поддѣланы. Желѣзнякъ отвѣчалъ игумену, что съ нѣсколькими сотнями Запорожцевъ онъ не можетъ начать этого дѣла; тогда игуменъ сказалъ ему: «А вотъ недалеко, при рогаткахъ, много бѣглыхъ казаковъ, которые убѣжали отъ войскъ конфедераціи, потому что поляки хотѣли ихъ всѣхъ истребить; уговорись съ этими казаками и ступайте въ Польшу, рѣжьте ляховъ и жидовъ; всѣ крестьяне и казаки будутъ за васъ».

Желѣзнякъ пошелъ къ казакамъ, показалъ имъ поддѣльный указъ императрицы,—и всѣ вмѣстѣ вторгнулись за Днѣпръ, поднимая крестьянъ и казаковъ, истребляя ляховъ и жидовъ. На деревьяхъ висѣли вмѣстѣ: полякъ, жидъ и собака, съ надписью: «Ляхъ, жидъ, собака—вѣра однака».

Такъ разсказываетъ о происхожденіи гайдамацкаго бунта полякъ-современникъ, слышавшій подробности отъ людей, самыхъ близкихъ къ событію. При началѣ своего разсказа, онъ говоритъ: «Это дѣло имѣло видъ, какъ будто бы произошло по наущенію русскаго правительства, но въ самомъ дѣлѣ поводы были другіе» [1]).

Репнина сильно раздосадовалъ гайдамацкій бунтъ. Онъ указывалъ на Переяславскаго архіерея Гервасія и Матренинскаго игумена Мелхиседека, какъ на «нѣкоторую причину» волненія, особенно вооружался противъ Мелхиседека, извѣстнаго ему своимъ безпокойнымъ характеромъ; требовалъ, чтобы всѣ православные польскихъ областей были отданы въ вѣдомство епископа Бѣлорусскаго, котораго черезъ это можно вывести изъ нищеты, предосудительной для достоинства православнаго закона[2]).

Бунтъ ширился, обхватилъ Смилянщизну, грозилъ Умани, принадлежавшей Кіевскому воеводѣ Потоцкому. У Потоцкаго главнымъ управителемъ здѣсь былъ Младановичъ, а кассиромъ Рогашевскій. Управляющій и кассиръ посылали тайкомъ жидовъ къ воеводѣ наговаривать другъ на друга. Для разбора, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, Потоцкій отправилъ въ Умань пана Цѣсѣльскаго, который разсказалъ Младановичу и Рогашевскому, какіе доносы на нихъ были сдѣланы воеводѣ. Тѣ, вмѣсто того, чтобы заподозрить другъ друга, заподозрили сотника Гонту, котораго любилъ Потоцкій и поручилъ ему заселеніе слободъ, почему Гонта и ѣздилъ часто къ воеводѣ. Управляющій и кассиръ стали мстить Гонтѣ, потребовали 100 злотыхъ за сотничество, и это въ то время, когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству.

Пришло требованіе отъ Барской конфедераціи, чтобы выслали въ Баръ всю милицію и казаковъ воеводы Кіевскаго. Но воевода распорядился иначе: онъ велѣлъ Цѣсѣльскому забрать всѣхъ казаковъ и поставить ихъ на степи, надъ рѣкою Синюхою, составлявшею границу съ Россіею, а къ Пулавскому написалъ, что, вмѣсто казаковъ, которые не будутъ охотно биться съ русскими, онъ приказалъ сформировать изъ шляхты конную и пѣшую милицію, и отослать съ трехмѣсячнымъ жалованьемъ и провіантомъ въ Баръ. Цѣсѣльскій, Младановичъ и Рогашевскій, чтобы не истощать казны воеводской сформированіемъ милиціи, назначили на этотъ предметъ чрезвычайный поборъ съ казаковъ,—и все это когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству и Уманьскіе казаки стояли въ степи, на Синюхѣ, подъ начальствомъ сотниковъ—Дуска, Гонты и Яремы, готовые союзники для Желѣзняка.

[1]) *Pamietnik do historyi polskiej* Adama Moszczynskiego. стр. 126 и слѣд.

[2]) Репнинъ Панину $^{20}/_{31}$ августа 1768 года.

Одни жиды чуяли бѣду и явились къ Цѣсѣльскому съ представленіями, что надобно остерегаться Гонты, тѣмъ болѣе что онъ теперь главный: Дуска умеръ въ степи. Жиды говорили, что Гонта навѣрное сносится съ Желѣзнякомъ; что есть слухъ, будто Гонта предлагалъ Дуску соединиться съ Желѣзнякомъ, но будто тотъ отвѣчалъ: «Семь недѣль будете пановать, а семь лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать».

Напуганный жидами, Цѣсѣльскій послалъ приказъ Гонтѣ немедленно явиться въ Умань. Тотъ прискакалъ и былъ сейчасъ же закованъ въ кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, подъ висѣлицу. Но, съ счастливой руки Хмельницкаго, казацкихъ богатырей все спасали женщины. И тутъ взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: «Оставьте въ живыхъ, я за него ручаюсь». Тронулся Цѣсѣльскій просьбами пани Обуховой и отпустилъ Гонту,—опять въ станъ на Синюху начальствовать казаками! Жиды увидали, что судьба ихъ въ рукахъ того, кого они подвели было подъ висѣлицу: они наклали брыки сукнами и разными матеріями, собрали денегъ и отвезли Гонтѣ съ поклономъ: «Батюшка! защити насъ». Гонта сказалъ жидамъ: «Выхлопочите у пана Цѣсѣльскаго мнѣ приказаніе выступить противъ Желѣзняка». Жиды выхлопотали приказъ; но Цѣсѣльскій велѣлъ тремъ полковникамъ принять начальство надъ казаками. Эта мѣра не помогла; на дорогѣ Гонта объявилъ полковникамъ: «Можете, ваша милость, ѣхать теперь себѣ прочь, мы въ васъ уже не нуждаемся». Полковники убрались поскорѣе въ Умань, а Гонта соединился съ Желѣзнякомъ. Скоро вся толпа явилась подъ Уманью; въ ближнемъ лѣсу разостлали коверъ, на которомъ усѣлись Желѣзнякъ съ Гонтою, казаки составили кругъ, и какой-то подъячій читалъ фальшивый манифестъ Русской императрицы. Потомъ началась попойка и шла всю ночь.

Въ замкѣ Уманьскомъ уже не было больше Цѣсѣльскаго: онъ исчезъ; главное начальство перешло къ Младановичу. Къ нему явился комендантъ Ленартъ и объявилъ, что пьяные казаки ночуютъ на фольваркѣ, и что ихъ ничего не стоитъ вырѣзать, сдѣлавши вылазку изъ замка. Но Младановичъ никакъ на это не рѣшился: онъ созвалъ жидовъ, велѣлъ имъ нагрузить брыки дорогими матеріями и везти къ Желѣзняку и Гонтѣ въ подарокъ, съ просьбою о капитуляціи. Гонта и Желѣзнякъ, пьяные, приняли подарки съ удовольствіемъ, но переговоры отложили до утра.

Дѣйствительно, утромъ на другой день, оба предводителя со всею старшиной подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми былъ мостъ, переброшенный черезъ глубокій ровъ. Комендантъ Ленартъ велѣлъ зарядить картечью четыре пушки; но Младановичъ и Рогашевскій, увидавши это, закричали: «Что вы дѣлаете? Вы насъ всѣхъ погубите»! Шляхта полегла на пушкахъ и отогнала артиллеристовъ, а между тѣмъ Младановичъ спѣшилъ окончить переговоры съ Желѣзнякомъ; положили: 1) казаки не будутъ рѣзать католиковъ, шляхту и поляковъ вообще, имѣнія ихъ не тронутъ; 2) въ жидахъ и ихъ имѣніи казаки вольны. По заключеніи капитуляціи, всѣ поляки пошли въ костелъ, а казаки ворвались въ городъ и начали рѣзать жидовъ. Потомъ, когда всѣ жиды были перерѣзаны, добрались до милиціи, назначенной въ Баръ; покончивъ съ нею, пошли къ костелу и начали вытаскивать оттуда мужчинъ, женщинъ, дѣтей и бить; нѣкоторыхъ женщинъ, которыя понравились, взяли за себя замужъ, а дѣтей усыновляли. Младановичъ и Рогашевскій погибли отъ Гонты; весь городъ былъ устланъ трупами, глубокій колодезь на рынкѣ наполнился убитыми дѣтьми. Крестьяне по селамъ въ это время били жидовъ, вязали поссесоровъ и шляхту, и привозили въ Умань, гдѣ пьяные казаки убивали ихъ.

Послѣ этихъ подвиговъ, Гонта провозгласилъ себя воеводою Брацлавскимъ, а Желѣзнякъ—Кіевскимъ, и разослали въ разныя стороны отряды рѣзать шляхту и жидовъ. Но Желѣзнякъ и Гонта недолго навоеводствовали: они были схвачены по распоряженію генерала Кречетникова; гайдамацкій бунтъ потухъ; но слѣдствія его обнаружились неожиданнымъ образомъ. Одинъ изъ разосланныхъ Желѣзнякомъ и Гонтою гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ сотника Шилы, направился къ Балтѣ, пограничному мѣстечку, которое рѣчка Кодыма отдѣляла отъ татарскаго мѣстечка Галты. Балта славилась своими ярмарками, на которыя приводили лошадей, рогатый скотъ, овецъ; для закупки лошадей пріѣзжали ремонтеры изъ Пруссіи и Саксоніи. Мѣстечко богатѣло отъ этихъ ярмарокъ; въ немъ жило много жидовъ, грековъ, армянъ, турокъ и татаръ: было кого порѣзать гайдамакамъ, было что пограбить. Шила съ своимъ отрядомъ явился въ Балту и началъ тѣмъ, что покололъ всѣхъ жидовъ; потомъ, проживъ дня четыре спокойно, собралъ свое войско и вышелъ изъ Балты. Увидавъ, что этимъ все кончилось, турки въ Галтѣ подняли крикъ и вмѣстѣ съ жидами перешли съ татарской стороны на польскую; одни пошли на гору въ погоню за гайдамаками, другіе начали бить православныхъ, сербовъ и русскихъ, грабить товары и зажгли предмѣстье. Шила, услыхавъ, что турки и жиды напали на православныхъ, возвратился, прогналъ непріятелей на татарскую сторону, перешелъ вслѣдъ за ними въ Галту и все здѣсь разорилъ и пограбилъ. На другой день битва возобновилась нападеніемъ турокъ, которые опять были прогнаны въ Галту. Послѣ этого гайдамаки помирились съ турками, и много отдали имъ назадъ изъ пограбленнаго. Но какъ скоро Шила выступилъ въ другой разъ изъ Балты, турки и жиды явились опять въ мѣстечкѣ, начали ругать христіанъ, многихъ пострѣляли и порубили, церкви ограбили. Вслѣдъ за басурманами явились конфе-

дераты—и православнымъ стало не легче: каждый день поляки *ревизовали христіанъ*, били и убивали до-смерти. Православные обратились съ просьбою о защитѣ къ русскому полковнику Гурьеву, и въ просьбѣ разсказали какъ было дѣло. Просьба оканчивалась такъ: «Конфедераты очень хотятъ, чтобы насъ теперь переловить и погубить; того ради просимъ не оставить насъ и показать надъ нами жалость, просимъ намъ бѣднымъ дать конвой, чтобы мы могли свое забрать. Къ сему отношенію подписалось цѣлое братство наше купеческое, греческое» [1]. Уже давно Франція хлопотала въ Константинополѣ, чтобъ заставить турокъ вмѣшаться въ дѣла польскія и объявить войну Россіи. Турецкое правительство придралось къ событіямъ въ Балтѣ, обвинило Россію въ нарушеніи границъ и объявило ей войну. Восточный вопросъ соединился съ Польскимъ. Турецкая война раздѣлила русскія силы, дала возможность конфедератомъ держаться, затруднила положеніе русскаго посла въ Варшавѣ.

«Стараться я, конечно, всячески буду о возстановленіи спокойствія; но къ несчастію не все такъ идетъ какъ желается» [2], писалъ Репнинъ въ Петербургъ. Чарторыйскіе увидали затруднительное положеніе Россіи, принужденной теперь вести томительную и безплодную войну, и заговорили иначе; особенно перемѣнили они тонъ, когда началась Турецкая война, вначалѣ неудачная для Россіи. Чарторыйскіе начали заговаривать съ Репнинымъ о необходимости измѣнить постановленіе о диссидентахъ и гарантіи. Королю, который до сихъ поръ преклонялся передъ силою Россіи,—королю показалось, что въ Барской конфедераціи высказалась другая сила,—сила польской національности. Какъ обыкновенно поступаютъ люди съ его характеромъ, онъ испугался этой новой силы, сталъ кланяться передъ нею, и также заговорилъ съ Репнинымъ о необходимости, для прекращенія волненій, отступить отъ диссидентскаго дѣла и гарантіи. «Я самъ знаю», писалъ Репнинъ, «что волненія прекратятся, если мы отступимся отъ этихъ двухъ пунктовъ, но дороже бы сія тишина была куплена нежели она стоитъ», и потому онъ «сдѣлалъ королю самый короткій и ясный отказъ». Прусскій посланникъ Бенуа также обратился къ Чарторыйскимъ съ просьбою, чтобъ они откровенно объявили его государю о способахъ примиренія; но Чарторыйскіе отвѣчали, что ни во что мѣшаться не могутъ, и что судьба республики зависитъ единственно отъ хода событій, отъ того, какъ пойдетъ Турецкая война [3].

Для успѣшнаго хода этой войны русскимъ войскамъ необходимо было занять двѣ крѣпости въ польскихъ владѣніяхъ, Замосць и Каменецъ Подольскій, особенно послѣдній, ибо, воюя съ конфедератами и не зная, какой оборотъ можетъ еще принять эта война, опасно было оставлять въ тылу у себя такую важную крѣпость, которая могла быть сдана туркамъ. Замосць находился въ частномъ владѣніи у Замойскаго, который былъ женатъ на сестрѣ королевской; поэтому Репнинъ частнымъ образомъ обратился къ брату короля, оберъ-камергеру Понятовскому, не можетъ ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тотъ не препятствовалъ русскимъ войскамъ въ занятіи Замосця. Но король, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать частнымъ же образомъ, собралъ министровъ и объявилъ имъ, что русскіе хотятъ занять Замосць. Вслѣдствіе этого Репнину была прислана нота, что министерство его величества и республики за долгъ поставляетъ просить не занимать Замосця. Репнинъ не принялъ ноты, отвѣтивъ, что онъ не требовалъ ничего относительно этой крѣпости, а великому канцлеру коронному Млодзѣевскому замѣтилъ, что русскія войска призваны польскимъ правительствомъ для успокоенія страны: на какомъ же основаніи не давать имъ выгодъ, одинакихъ съ выгодами польскихъ войскъ? Когда же Репнинъ сталъ пенять королю, зачѣмъ онъ не сдѣлалъ различія между поступкомъ *конфидентной откровенности* и *министеріальнымъ*, то Станиславъ-Августъ прямо сказалъ: «Не сдѣлай я такъ, вѣдь вы бы заняли Замосць». Репнинъ отвѣчалъ также прямо, что занятіе Замосця необходимо для безопасности Варшавы въ случаѣ татарскаго набѣга, и что такимъ поступкомъ король не удержитъ его отъ занятія крѣпости: «я ее займу, хотя бы и съ огнемъ».—«Это занятіе очень важно», продолжалъ король:—«стоитъ только начать».—«Не разумѣете ли вы Каменца?» спросилъ Репнинъ.—«Именно», отвѣчалъ король. Тутъ Репнинъ сказалъ ему: «Мы изъ Польши въ турецкія границы не выйдемъ, прежде нежели не будемъ имѣть Каменецъ для учрежденія тамъ нашего магазина и пласдарма; итакъ, если вы хотите, чтобы война шла не у васъ, а въ турецкихъ границахъ, то отдайте намъ Каменецъ». Зная, что король уже повидался съ дядюшками, Репнинъ спросилъ его: «Какъ ваше величество теперь съ ними? Разсуждали ли о настоящихъ обстоятельствахъ»? Король нѣсколько смутился и отвѣчалъ: «Они со мною попрежнему холодны; что же касается настоящихъ обстоятельствъ, то они говорятъ то же, что и вамъ говорили, то-есть—что нужно посредничество чужестранныхъ державъ, и что иначе націю успокоить нельзя, какъ отступиться отъ гарантіи и дессидентскаго дѣла, позволить диссидентамъ только свободу вѣроисповѣданія, отнявши доступъ въ судебныя мѣста и въ законодательство».—«Это лѣкарство хуже болѣзни, и конечно мы его не употребимъ», отвѣчалъ Репнинъ; «вамъ, другу Россіи, обязанному ей престоломъ, не годится уничтожать общаго дѣла: вы

---

1) Копія съ доношенія христіанскихъ обывателей Балты Гурьеву, отъ 16 іюня 1768 г., приложена къ депешѣ Репнина.

2) Репнинъ Панину $^{20}/_{31}$ августа.

3) Репнинъ Панину $^{5}/_{16}$ декабря.

должны продолжать свою преданность къ Россіи, особенно когда видите, что всѣ стараются свергнуть васъ съ престола, что и на Россію-то всѣ сердятся за то, что мы поддерживаемъ васъ на престолѣ». —«Я бы охотно свое мѣсто оставилъ», отвѣчалъ король, «если-бы могъ скоро успокоить свое отечество и доставить націи то, чего она такъ желаетъ, то-есть—уничтоженіе гарантіи и диссидентскаго дѣла».

Въ Совѣтѣ королевскомъ враждебные Россіи голоса явно взяли верхъ: маршалъ коронный, князь Любомирскій и графъ Замойскій отъ своего имени и отъ имени Чарторыйскихъ предложили, что войско правительства польскаго, назначенное, подъ начальствомъ Браницкаго, дѣйствовать противъ конфедератовъ, должно немедленно распустить по непремѣннымъ квартирамъ, иначе русскіе подговорятъ его на свою сторону и употребятъ противъ турокъ, изъ чего султанъ можетъ заключить, что Польша заодно съ Россіею противъ Турціи. Любомирскій съ товарищами сильно возставали противъ послѣдняго сенатскаго Совѣта, который рѣшилъ просить у Россіи помощи противъ конфедератовъ. Браницкій противился распущенію войска, говорилъ, что это произведетъ неудовольствіе въ народѣ и возбудитъ подозрѣніе въ русскомъ правительствѣ; но Замойскій продолжалъ настаивать на распущеніи войска и требовалъ, чтобъ отнынѣ принята была слѣдующая система: не давать Россіи явныхъ отказовъ, но постоянно находить невозможности въ исполненіи ея требованій, льстить, но ничего не дѣлать; королю нисколько не вмѣшиваться въ настоящія волненія,—пойдти противъ націи, не вооружаться и противъ турокъ, но выжидать, какой оборотъ примутъ дѣла. Король во время этихъ споровъ не отворялъ рта, и наконецъ присталъ ко мнѣнію Браницкаго. Положено не распускать войска, но запрещено ему приближаться къ турецкимъ границамъ; позволено требовать русской помощи и соглашать съ русскими войсками свои движенія только противъ бунтующихъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ русскими нигдѣ не быть, не показывать, что польское правительство заодно съ русскимъ [1]).

Вопросъ о Каменцѣ не переставалъ занимать Репнина, потому что императрица предписала стараться о занятіи Каменца всѣми способами,—кромѣ насилія. Зная, что король снова подпалъ вліянію Чарторыйскихъ, Репнинъ обратился къ нимъ, выставляя необходимость занятія Каменца. Чарторыйскіе отвѣчали: «Лучше подвергнуть весь тотъ край совершенному опустошенію, чѣмъ подать туркамъ причину къ объявленію войны, тѣмъ болѣе-что еще невѣрно, обратятся ли турки къ польскимъ границамъ; да хотя бы и этихъ причинъ не было, то отдать Каменецъ недостойно патріотовъ». Репнинъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что, по вашему мнѣнію, для васъ выгоднѣе,—чтобы Россія, или Порта взяла верхъ въ настоящей войнѣ?—ибо отъ рѣшенія этого вопроса должно зависѣть все ваше поведеніе».—«Ни то, ни другое», отвѣчали Чарторыйскіе: «выгода наша состоитъ въ томъ, чтобы не путаться нисколько въ это дѣло.»—«Достоинство вашей короны страдаетъ отъ презрительныхъ отзывовъ Порты на вашъ счетъ», сказалъ Репнинъ.—«Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ нѣтъ и достоинства, мы все потеряли», отвѣчали Чарторыйскіе, и Литовскій канцлеръ примолвилъ: «Il vaut mieux ne rien faire, que de faire des riens».

Репнинъ обратился къ королю. Тѣ же отвѣты, какіе слышалъ и отъ Чарторыйскихъ. Репнинъ представилъ ему, что онъ глядитъ не своими глазами, и что никогда не предстояло ему такой нужды быть въ самомъ полномъ согласіи съ Россіей, потому что она одна можетъ спасти его отъ паденія, которое ему готовятъ Порта и Франція и большая часть поляковъ. «Все это я очень хорошо вижу», отвѣчалъ король: «но есть такой періодъ бѣдствій, въ который уже никакая опасность нечувствительна; я теперь именно въ этомъ періодѣ, и потому отдаю свою жребій во власть событіямъ».—«Умоляю ваше величество подумать», сказалъ на это Репнинъ: «теперь у васъ еще есть хотя малая армія, а въ мартѣ мѣсяцѣ и той заплатить будетъ нечѣмъ; тогда если бы вы и захотѣли на что-нибудь рѣшиться и къ намъ приступить, то уже будетъ не съ кѣмъ». Король отвѣчалъ на это увѣреніями, что онъ съ своимъ войскамъ не сдѣлаетъ ни шага противъ русскихъ. Репнинъ этому вполнѣ вѣрилъ, но зналъ, что какъ скоро жалованье прекратится, то весь этотъ сбродъ составитъ новыя разбойничьи шайки. Репнинъ опять спросилъ короля: «Можемъ ли мы на васъ надѣяться?»—«Я, кажется, доказалъ свое усердіе, потерявъ черезъ него весь кредитъ въ своей націи и дошедши до безсилія, которое мнѣ въ вину поставить нельзя», отвѣчалъ король. — «Конечно», продолжалъ Репнинъ, «прошедшая ваша дружба забыта не будетъ; но надобно ее продолжать; а какъ скоро вы ее прекратите, то и все кончится».—«Если ея императорское величество», отвѣчалъ король, «дастъ мнѣ возможность быть ей полезнымъ, согласясь отступить совершенно отъ гарантіи и частію отъ диссидентскаго дѣла, — дастъ мнѣ черезъ это способы возвратить къ себѣ любовь и довѣренность моихъ подданныхъ, то я докажу дѣйствительнымъ образомъ, что нѣтъ человѣка преданнѣе мени ея императорскому величеству; но если она этого не сдѣлаетъ, то я хотя и останусь другомъ, но въ совершенномъ бездѣйствіи и небытіи». Репнинъ отвѣчалъ, что императрица не можетъ отступить отъ своихъ правъ и компрометировать свое достоинство. Король повторилъ также рѣшительный отказъ относительно сдачи Каменца, и Репнинъ кончилъ разговоръ словами, чтобы король пенялъ

[1]) Репнинъ Панину $^{20}/_{31}$ декабря. „Я все что въ приватномъ совѣтѣ у короля происходило знаю чрезъ весьма вѣрнаго человѣка, который самъ въ томъ находился.“

во всемъ на себя, а русскіе будутъ умѣть взять предосторожности, какія имъ нужны[1]). Въ другомъ разговорѣ съ Репнинымъ, король повелъ рѣчь о возможности своего близкаго паденія. Репнинъ замѣтилъ ему, что всегда непріятно съ престола сходить, а согнану быть и стыдно. «Меня конечно не сгонятъ», отвѣчалъ король: «я умру, давши себя застрѣлить въ своемъ дворцѣ, а мѣста своего не покину, буду здѣсь защищаться». — «Лучше бы не дожидаться такой крайности», возразилъ Репнинъ:—«славнѣе было бы умереть въ полѣ, а не въ своей комнатѣ; я самъ пойду къ вамъ въ адъютанты, если только вы примете это мужественное намѣреніе и соедините свои силы съ нашими; слава и счастье сами не приходятъ, а надобно идти къ нимъ навстрѣчу и ихъ искать».—«Въ моемъ положеніи нельзя думать о славѣ», отвѣчалъ король:—«выше славы поставляю свой долгъ, а долгъ запрещаетъ мнѣ перемѣнить свое поведеніе» [2]).

Итакъ рѣшеніе, принятое королемъ и Чарторыйскими, обозначилось ясно: или заставить Россію передѣлать свое дѣло, или оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, дожидаясь, чѣмъ кончится борьба Россіи съ Турціей и конфедератами, и какъ будутъ смотрѣть на эту борьбу другія державы; поставить черезъ это Россію въ самое затруднительное положеніе, ибо до сихъ поръ ея уполномоченный въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на польское правительство, а теперь это правительство складывало руки; но, объявляя себя не за Россію, оно тѣмъ самымъ объявляло себя противъ нея. Въ Петербургѣ хорошо понимали затруднительность этого положенія, и, какъ обыкновенно бываетъ, нашлись люди, которые поспѣшили обвинить во всемъ Репнина: не такъ принялся за дѣло, слишкомъ натянулъ, тѣмъ болѣе-что въ жалобахъ изъ Польши на деспотизмъ посла не было недостатка. И людямъ, болѣе сдержаннымъ, не спѣшащимъ отсылать въ пустыню козла очищенія, могло казаться, что, по новымъ обстоятельствамъ, роль Репнина въ Польшѣ должна кончиться; что надобно попробовать, нельзя ли выйти изъ затруднительнаго положенія путемъ нѣкоторыхъ уступокъ и соглашеній, а для этого нуженъ былъ другой человѣкъ, которому легче было начать другой образъ дѣйствій, чѣмъ Репнину. Репнинъ былъ отозванъ въ іюнѣ 1769 года; на его мѣсто назначенъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій. Эта перемѣна, какимъ бы путемъ ни дошли до убѣжденія въ ея надобности, была ошибкою. Князь Репнинъ былъ именно человѣкъ необходимый въ Польшѣ въ описываемое время. Онъ отлично зналъ страну, зналъ людей и умѣлъ обходиться съ ними. Предъ началомъ каждаго дѣла онъ соображалъ его трудности, могущія произойти неблагопріятныя послѣдствія, и не таилъ ихъ отъ своего правительства; но какъ скоро убѣждался въ необходимости дѣйствовать или получалъ рѣшительное приказаніе изъ Петербурга, то принимался за дѣло, — и уже ни шага назадъ, ни малѣйшаго колебанія. Репнина могли ненавидѣть, но его не могли не уважать; при томъ несчастномъ характерѣ, которымъ отличалось большинство польскихъ дѣятелей, именно былъ нуженъ человѣкъ, котораго бы уважали, котораго бы боялись, какъ Репнина. Это было нужно не для однихъ поляковъ: началась война такого рода, которая наиболѣе могла способствовать ослабленію дисциплины въ русскомъ войскѣ. Толпы конфедератовъ пробѣгали страну разбойничьими шайками, преслѣдователи ихъ могли легко увлечься примѣромъ: если свои поступали такъ, то чужіе и подавно, особенно въ странѣ, гдѣ враждебность къ русскимъ въ извѣстной части народонаселенія, давившей остальныя, высказывалась безпрестано самымъ мелочнымъ образомъ, наиболѣе вызывающимъ къ насилію. Репнинъ не позволилъ бы ни одному русскому отряду подражать конфедератскимъ шайкамъ: ручательствомъ служило его поведеніе относительно генерала Кречетникова, запятнавшаго себя корыстолюбіемъ. Наконецъ Репнинъ обладалъ военнымъ талантомъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было дѣломъ первой важности.

Прежде, нежели приступимъ къ обзору дѣятельности князя Волконскаго въ Варшавѣ, взглянемъ, что дѣлали конфедераты. Находившіеся въ Валахіи Іоахимъ Потоцкій и старикъ Пулавскій перессорились насмерть. Потоцкій обнесъ своего врага передъ турецкимъ правительствомъ—и Пулавскій умеръ въ константинопольской тюрьмѣ. Двое сыновей Пулавскаго, Казимиръ и Францъ, ворвались съ своими бандами въ Литву, но были окружены русскими и поражены при Ломазахъ: Францъ былъ убитъ, Казимиръ бѣжалъ за австрійскую границу. Австрія давала убѣжище конфедератамъ въ своихъ владѣніяхъ, и главная квартира ихъ была сначала въ Тешенѣ—въ Силезіи, потомъ въ Еперіесѣ — въ Венгріи. Генеральнымъ маршаломъ конфедераціи провозглашенъ былъ Михаилъ Пацъ, староста Зѣловскій. Съ большими деньгами явился къ конфедератамъ Радзивиллъ, снова отставшій отъ русскихъ и принужденный бѣжать отъ нихъ изъ Литвы.

Австрія довольствовалась тѣмъ, что давала убѣжище конфедератамъ; Франція хотѣла оказать имъ болѣе дѣятельную помощь. Въ 1768 году, первый министръ Людовика XV, герцогъ Шуазёль, отправилъ къ конфедератамъ на границы Молдавіи драгунскаго капитана Толеса. Толесъ пріѣхалъ съ значительною суммою денегъ; но, познакомившись съ конфедератами поближе, нашелъ, что не стоитъ тратить на нихъ французскихъ денегъ; что ничего нельзя сдѣлать для Польши, и рѣшился возвратиться во Францію. Желая увѣдомить объ этомъ рѣшеніи своемъ герцога Шуазёля и боясь, чтобъ, письмо его не попалось въ руки къ полякамъ, Толесъ написалъ: «Такъ какъ я не нашелъ въ

[1]) Репнинъ Панину 24 декабря 1768 г. (4 января 1769 г.)
[2]) Репнинъ Панину 28 января (7 февраля) 1769 г.

этой странѣ ни одной лошади, достойной занять мѣсто въ конюшняхъ королевскихъ, то возвращаюсь во Францію съ деньгами, которыхъ я не хотѣлъ употреблять на покупку клячъ»[1]).

Въ 1770 году Шуазёль отправилъ въ Еперіесъ знаменитаго впослѣдствіи Дюмурье, чтобъ помочь конфедератамъ установить порядокъ въ ихъ движеніяхъ противъ русскихъ. Но и на Дюмурье конфедераты произвели такое же впечатлѣніе, какъ на Толеса. Вотъ что онъ разсказываетъ о нихъ въ своихъ запискахъ[1]). Нравы вождей конфедераціи азіатскіе. Изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные обѣды, игра и пляска—вотъ ихъ занятія! Они думали, что Дюмурье привезъ имъ сокровища, и пришли въ отчаяніе, когда онъ имъ объявилъ, что пріѣхалъ безъ денегъ, и что, судя по ихъ образу жизни, они ни въ чемъ не нуждаются. Онъ далъ знать герцогу Шуазёлю, чтобъ тотъ прекратилъ пенсіи вождямъ конфедераціи, и герцогъ исполнилъ это немедленно. Войско конфедератовъ простиралось отъ 16 до 17,000 человѣкъ; но войско это было подъ начальствомъ осьми или десяти независимыхъ вождей, несогласныхъ между собою, подозрѣвающихъ другъ друга, иногда дерущихся другъ съ другомъ и переманивающихъ другъ у друга солдатъ. Все это была одна кавалерія, состоявшая изъ шляхтичей, равныхъ между собою, безъ дисциплины, дурно вооруженныхъ, на худыхъ лошадяхъ. Шляхта эта не могла сопротивляться нетолько линейнымъ русскимъ войскамъ, но даже и казакамъ. Ни одной крѣпости, ни одной пушки, ни одного пѣхотинца. Конфедераты грабили своихъ поляковъ, тиранили знатныхъ землевладѣльцевъ, били крестьянъ, завербованныхъ въ войско. Вожди ссорились другъ съ другомъ. Вмѣсто того, чтобъ поручить управленіе соляными копями двоимъ членамъ Совѣта финансовъ, вожди раздѣлили по себѣ соль и продали ее дешевою цѣною силезскимъ жидамъ, чтобъ поскорѣе взять себѣ деньги. *Товарищи* (шляхта) не соглашались стоять на часахъ,—они посылали для этого крестьянъ, а сами играли и пили въ домахъ; офицеры въ это время играли и плясали въ сосѣднихъ замкахъ.

Что касается до характера отдѣльныхъ вождей, то генеральный маршалъ Пацъ, по отзыву Дюмурье, былъ человѣкъ, преданный удовольствіямъ, очень любезный и очень вѣтреный; у него было больше честолюбія, чѣмъ способностей, больше смѣлости, чѣмъ мужества. Онъ былъ краснорѣчивъ—качество, распространенное между поляками, благодаря сеймамъ. Единственный человѣкъ съ головою былъ литвинъ Богушъ, генеральный секретарь конфедераціи, деспотически управлявшій дѣлами ея. Князь Радзивиллъ—совершенное животное,—но это самый знатный господинъ въ Польшѣ. Пулавскій очень храбръ, очень предпріимчивъ, но любитъ независимость, вѣтренъ, не умѣетъ ни на чемъ остановиться, невѣжда въ военномъ дѣлѣ, гордый своими небольшими успѣхами, которые поляки, по своей склонности къ преувеличеніямъ, ставятъ выше подвиговъ Собѣскаго.

Поляки храбры, великодушны, учтивы, общительны. Они страстно любятъ свободу; они охотно жертвуютъ этой страсти имуществомъ и жизнію; но ихъ соціальная система, ихъ конституція противятся ихъ усиліямъ. Польская конституція есть чистая аристократія, но въ которой у благородныхъ нѣтъ народа для управленія, потому что нельзя назвать народомъ 8 или 10 милліоновъ рабовъ, которыхъ продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ, какъ домашнихъ животныхъ. Польское соціальное тѣло—это чудовище, составленное изъ головъ и и желудковъ, безъ рукъ и ногъ. Польское управленіе похоже на управленіе сахарныхъ плантацій, которыя не могутъ быть независимы.

Умственныя способности, таланты, энергія въ Польшѣ отъ мужчинъ перешли къ женщинамъ. Женщины ведутъ дѣла, а мужчины ведутъ чувственную жизнь.

Дюмурье вѣрно взглянулъ и на русскихъ, на ихъ положеніе въ Польшѣ. «Это превосходные солдаты», говоритъ онъ, «но у нихъ мало хорошихъ офицеровъ, исключая вождей. Лучшихъ не послали противъ поляковъ, которыхъ презираютъ».—Дѣйствительно Турецкая война отвлекала русскія силы—и силы лучшія. Это печальное обстоятельство должно было отражаться и на русской дипломатіи въ Варшавѣ.

Преемникъ Репнина былъ человѣкъ достойный, но не Репнинъ; да и задача, возложенная на князя Волконскаго, была такъ трудна, что мы никакъ не рѣшимся сложить на него всю вину ея исполненія. Онъ долженъ былъ дѣйствовать и твердо, и вмѣстѣ мягко; онъ не долженъ былъ позволять никакихъ важныхъ, существенныхъ измѣненій въ томъ, что было сдѣлано Репнинымъ,—могъ сдѣлать только нѣкоторыя незначительныя уступки. Но какъ скоро показана была готовность къ уступкамъ, то вмѣстѣ показана была слабость, сознаніе затруднительности своего положенія, и это показано было людямъ, которые привыкли преклоняться только предъ силою, которые привыкли поднимать голову выше, чѣмъ слѣдовало, при первой уступкѣ. Уже на смѣну Репнина смотрѣли какъ на побѣду: видѣли въ этомъ сознаніе слабости со стороны Россіи, и тѣмъ болѣе начали заискивать передъ другою воображаемою силой, которую называли націей; преклоняясь предъ Россіей, оскорбили націю. Теперь со стороны Россіи уступчивость—признакъ слабости, а нація высказала свое неудовольствіе и обнаружила нѣкоторые признаки силы въ Барской конфедераціи, и потому начали прислуживаться къ націи, думая, что лучшимъ средствомъ прислужиться къ націи было заставить Россію отказаться отъ всего, вытребованнаго ею въ послѣднее время, или, по крайней мѣрѣ, не уступать ей ни въ чемъ. Дѣйствуя такъ, Понятовскій, съ одной стороны,

[1]) Lettres du baron de Vioménil, p. 7.
[2]) Liv. 1, chap. VII et VIII.

надѣялся пріобрѣсть расположеніе націи; съ другой,—былъ увѣренъ, что лично ему нечего опасаться отъ Россіи, которая не могла рѣшиться на сверженіе короля, ею возведеннаго на престолъ. Такимъ образомъ, перемѣна лица, перемѣна тона, большая мягкость и уступчивость—не вели ни къ чему; надобно было или уступить все, чего хотѣли, то-есть—отказатся отъ гарантіи и диссидентскаго дѣла, или не уступать ничего. Положеніе Волконскаго, вслѣдствіе этого, было затруднительное и непріятное: во дворцѣ на всѣ его увѣщанія и требованія отвѣли холоднымъ «нѣтъ». Онъ хлопоталъ объ образованіи новой русской партіи, объ образованіи реконфередаціи; но люди, которые ему казались приверженцами Россіи, были привержены только къ русскимъ деньгамъ; видя, что преемникъ Репнина дѣйствуетъ не порепнински, они видѣли въ этомъ сознаніе въ слабости Россіи, и потому служили двумъ господамъ. Притомъ Волконскій былъ человѣкъ хворый, подагрикъ; наконецъ относительно военныхъ дѣйствій онъ во всемъ положился на генерала Веймарна, а у Веймарна недоставало ни распорядительности, ни твердости для поддержанія дисциплины: онъ зналъ, какъ дурно ведутъ себя нѣкоторые начальники русскихъ отрядовъ, но ограничивался безплодными сожалѣніями.

Волконскій привезъ съ собою въ Варшаву инструкцію относительно требованій короля и Чарторыйскихъ. Во-первыхъ, относительно гарантіи онъ могъ обнародовать декларацію, въ которой заключалось точное и полное изъясненіе гарантіи, какъ вовсе не представляющей опасности для польской самостоятельности. Во-вторыхъ, относительно диссидентскаго дѣла послу было наказано: «Не входя и не участвуя никакъ въ модификаціи постановленныхъ диссидентамъ приемуществъ, умалчивать о тѣхъ уступкахъ, которыя иногда они сами между собою сдѣлать согласятся для скорѣйшаго успокоенія и примиренія съ своими соотчичами». Впослѣдствіи Панинъ уяснилъ Волконскому этотъ пунктъ наказа такимъ образомъ: «Надобно, чтобы сами диссиденты добровольно вошли въ точное разсмотрѣніе, стоитъ ли для нихъ собственно сохраненіе на послѣднемъ сеймѣ пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ того, чтобы покупать оное гражданскою въ отечествѣ войной, или же не лучше ли жертвовать добровольно частію выгодъ для возстановленія общей тишины и для обезпеченія другой части тѣхъ самыхъ выгодъ. Со всѣмъ этимъ слава и достоинство ея императорскаго величества не дозволяютъ, чтобы покушеніе о нуждѣ и пользѣ такого поступка было отъ насъ, а надобно, чтобы диссиденты сами на то попали, или же, по крайней мѣрѣ, вашимъ сіятельствомъ чрезъ третьяго весьма нечувствительнымъ и искуснымъ образомъ доведены были, чтобы диссиденты отозвались добровольно къ ея императорскому величеству, королю и правительству съ представленіемъ своего собственнаго желанія принести нѣкоторую часть своихъ преимуществъ въ жертву возстановленію внутренняго покоя».

Первымъ дѣломъ Волконскаго по пріѣздѣ въ Варшаву было опять поднять вопросъ о Каменцѣ. Панинъ далъ знать еще Репнину о домогательствахъ французскаго посла въ Царѣградѣ, чтобы турки какъ можно скорѣе овладѣли Каменцомъ для утвержденія себя въ Польшѣ; Панинъ поручилъ Репнину представить королю, что если польское правительство не могло согласиться отдать эту крѣпость подъ защиту русскаго войска, то правило нейтралитета требуетъ необходимо, чтобы русскіе получили формальное и точное обнадеженіе, что Каменецъ не будетъ отданъ въ руки ихъ непріятелю, а будетъ защищаемъ всѣми силами заодно съ русскими войсками. Обнадеженіе это получилъ уже Волконскій. Новый посолъ нашелъ короля въ совершенной зависимости отъ Чарторыйскихъ, безъ которыхъ онъ ничего не смѣлъ предпринять. Два раза по своемъ пріѣздѣ Волконскій видѣлся съ королемъ, и оба раза выслушалъ отъ него однѣ рѣчи, что прекратить волненія въ Польшѣ нельзя безъ уступки въ гарантіи и диссидентскомъ дѣлѣ; что онъ, король, долженъ *менажировать* націю, для чего необходима означенная уступка. Волконскій отвѣчалъ, какъ и Репнинъ, что уступки въ этихъ двухъ пунктахъ не будетъ. Несмотря однако на эти старые отвѣты, сейчасъ же стало замѣтно, что дѣла идутъ не постарому; примасъ Подоскій прямо объявилъ Волконскому, что Польша не можетъ быть счастлива, имѣя національнаго короля; что Понятовскій ненавидимъ націею и нѣтъ средства успокоить ее безъ его сверженія. Волконскій отвѣчалъ ему, что русское правительство не допуститъ никогда уничтожить собственное свое дѣло; но примасъ остался при своемъ мнѣніи. Изъ разговоровъ своихъ съ польскими магнатами Волконскій примѣтилъ, что они не хотятъ ни за что приниматься, въ ожиданіи какъ пойдутъ дѣла у русскихъ съ турками; Волконскій далъ также знать въ Петербургъ, что Дворъ и министры польскіе чуждаются его, ничего не сообщаютъ, не входятъ ни въ какія соглашенія, желая показать предъ націей, что не имѣютъ ничего общаго съ Россіей [1]).

Но, *менажируя*, націю и показывая для этого холодность къ Россіи, Понятовскій вовсе не обнаруживалъ холодности къ русскимъ деньгамъ. Мы видѣли, что, несмотря на мнѣніе Любомирскаго и Замойскаго, въ королевскомъ Совѣтѣ было рѣшено не распускать войска, находившагося подъ начальствомъ Браницкаго. Теперь это войско выступало въ походъ противъ конфедератовъ, и король, не дававшій знать Волконскому ни о чемъ, въ этомъ случаѣ далъ знать, но вмѣстѣ попросилъ на экспедицію 3,000 червонныхъ. Волконскій далъ деньги; но едва Браницкій дошелъ до Бреста-Литовскаго, какъ получилъ повелѣніе не вступать въ дѣло съ конфеде-

[1]) Волконскій Панину $^{11}/_{22}$ іюня 1769 г.

ратами и возвратиться назадъ со всѣмъ корпусомъ: Чарторыйскіе и Любомирскій успѣли внушить королю, что движеніе Браницкаго противъ конфедератовъ огорчитъ *націю*. Станиславъ-Августъ послалъ за Волконскимъ, объявилъ ему объ отозваніи Браницкаго, извинялся, но сказалъ, что не можетъ открыть причины такого поступка [1]). Браницкій отдалъ назадъ Волконскому 2,400 червонныхъ, а 600 уже были издержаны понапрасну. Чарторыйскій, великій канцлеръ Литовскій, въ разговорахъ съ Волконскимъ упорнѣе прежняго держался того, что безъ уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ и въ гарантіи никогда ничего сдѣлать нельзя. Волконскій отвѣчалъ свое, что это надобно выбить изъ головы, причемъ замѣтилъ, что возмутители собираются въ Ловичѣ и около Варшавы. Чарторыйскій сказалъ на это, что, можетъ-быть, они составятъ генеральную конфедерацію. «Генеральная конфедерація», возразилъ Волконскій, «будетъ противъ короля, слѣдовательно противъ васъ самихъ». — «Я не знаю», отвѣчалъ Чарторыйскій, «что съ нами будетъ: но Польша останется всегда Польшею». Король опять обратился къ Волконскому съ предложеніемъ, не лучше ли будетъ, если трактатъ и вся послѣдняя конституція будутъ уничтожены, и составится новая конституція? Волконскій прервалъ его: «Надобно это изъ головы выложить, потому что республика требовала у ея величества гарантіи чрезъ торжественное посольство.» — «Все это было сдѣлано силою», замѣтилъ король. — «Неправда», отвѣчалъ Волконскій: — «нельзя было силою заставить высылать торжественное посольство» [2]). И вскорѣ послѣ этого разговора король обратился къ Волконскому съ просьбою, нельзя ли дать денегъ, потому что доходы его забраны конфедератами, и ему почти ѣсть нечего. Волконскій далъ 5,000 червонныхъ и написалъ Панину: «Онъ по истинѣ радъ бы для насъ что-нибудь сдѣлать, но не смѣетъ и не умѣетъ; я никогда не думалъ найдти его въ такой слабости, онъ совсѣмъ предался Чарторыйскимъ». Изъ Петербурга пришло приказаніе выдать королю еще 5,000 червонныхъ: иначе войско его, не получая жалованья, разбѣжится и увеличитъ собою толпы мятежниковъ [3]).

Волконскій хлопоталъ, во-первыхъ, о томъ, чтобы не допустить конфедератовъ до образованія генеральной конфедераціи; во-вторыхъ, — о томъ, чтобы составить генеральную конфедерацію, которая бы дѣйствовала заодно съ Россіей. Отъ времени до времени являлись къ Волконскому люди съ проектами подобной конфедераціи; но дѣло не шло далѣе проектовъ. Такъ, извѣстный намъ графъ Браницкій и коронный кухмистръ Понинскій предложили планъ генеральной конфедераціи для успокоенія Польши при содѣйствіи Россіи, и, чтобы *менажировать націю*, потребовали не измѣненій въ Репнинскомъ трактатѣ, а уступки Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи, когда онѣ будутъ завоеваны русскими у турокъ. Панинъ, увѣдомленный объ этомъ, писалъ Волконскому, чтобы обѣщалъ присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи для ободренія благонамѣренныхъ поляковъ къ генеральной конфедераціи и для побужденія ихъ вступить съ Россіею въ явныя обязательства противъ турокъ; «теперь», заключаетъ Панинъ, «нужны Россіи не военныя силы республики, но естественныя и безпрепятственныя выгоды отъ земли, изъ которыхъ главными должно считать полученіе въ наши руки Каменца и распоряженіе имъ во все время войны. Что же касается до Молдавіи, то присоединеніе ея къ Россіи не можетъ быть полезно для послѣдней; Молдавія сама собою не въ состояніи защищаться ни противъ кого, и отдаленіе ея отъ нашихъ границъ всегда затруднитъ нашу собственную защиту, тогда какъ очень важно для Россіи, если православное молдавское дворянство, присоединясь къ Польшѣ, выговоритъ себѣ, подъ нашимъ покровительствомъ, всѣ права польскаго дворянства» [4]).

Несмотря на эти обѣщанія, генеральная конфедерація не образовывалась; король бралъ русскія деньги и ничего не дѣлалъ для Россіи, менажируя націю. Первое послѣ короля лицо въ республикѣ, примасъ Подоскій, также бралъ русскія деньги, и, мало того, что ничего не дѣлалъ для Россіи, интриговалъ еще въ пользу Саксонскаго Дома, что было противно видамъ Россіи. Россія должна была поддерживать свое вліяніе въ Польшѣ, потому что въ подобной странѣ отказаться отъ вліянія значило уступить его другому государству, которое стало бы пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Сохраненіе русскаго вліянія въ Польшѣ, по мысли Панина [5]), было необходимо для поддержанія сѣверной системы, безъ которой Россія никогда не могла достигнуть роли державы перваго класса. Для Россіи было нужно, чтобы королемъ въ Польшѣ былъ Пястъ; курфирстъ Саксонскій не могъ быть королемъ по разнообразнымъ и часто измѣняющимся интересамъ наслѣдственныхъ его земель, которыя, по своему положенію между Австріей и Пруссіей, и по разнымъ отношеніямъ этихъ государствъ къ Франціи, могли очень часто переходить отъ одного союза къ другому, увлекая за собою Польшу въ ту или другую сторону. По этимъ соображеніямъ, Панинъ писалъ Волконскому, что примасу надобно производить помѣсячно нѣкоторую опредѣленную и умѣренную дачу (потому что расходы въ настоящее время очень велики становятся), но надобно держать его въ желѣзныхъ рукавицахъ, потому что онъ саксонецъ душою и сердцемъ.

Чарторыйскіе уже давно объявили, что ничего

[1]) Волконскій Панину 26 іюня (7 іюля), 22 іюля (2 августа).
[2]) Волконскій Панину 26 іюля (6 августа), 27 іюля (7 августа).
[3]) Панинъ Волконскому 4 сентября.
[4]) Панинъ Волконскому 30 сентября.
[5]) Волконскій Панину 31 октября.

не предпримутъ; что будутъ ждать какъ пойдетъ война между Россіей и Турціей. Въ августѣ пришло извѣстіе, что русскія дѣла идутъ плохо; что главнокомандующій, князь Голицынъ, принужденъ былъ перейдти Днѣстръ,—и Чарторыйскій, воевода Русскій, объявилъ Волконскому: «Не какъ послу, но какъ моему старому другу, откроюсь чистосердечно, что кто здѣсь будетъ сильнѣе, того сторону мы и примемъ; я отсюда изъ Варшавы не поѣду, а королю себя спасать надобно, вы здѣсь не такъ сильны, чтобы могли насъ защитить» [1]). Чарторыйскіе поспѣшили сдѣлать первый шагъ впередъ противъ Россіи, оказавшейся въ ихъ глазахъ слабою; они уговорили короля созвать сенатъ, гдѣ было рѣшено отправить пословъ къ Русскому и другимъ Дворамъ съ объявленіемъ, что послѣдній трактатъ съ Россіей, какъ вынужденный княземъ Репнинымъ, долженъ быть уничтоженъ. Это было 30 сентября. Волконскій отправился къ королю: «Не стыдно ли вашему величеству приписывать насилію князя Репнина все сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, когда вы знаете, что все это одобрено ея императорскимъ величествомъ; да и зачѣмъ же вы сами съ сеймомъ ратификовали это дѣло? Пусть частные люди опасались насилій отъ князя Репнина, который, впрочемъ, не могъ бы ни на что рѣшиться безъ повелѣнія своего Двора, но в. в-ство чего боялись? Вѣдь васъ князь Репнинъ не взялъ бы! Сверхъ того, для чего вы молчали по сю пору; а теперь, когда больше всего надобно бы вамъ быть благодарнымъ Россіи за избавленіе отъ турокъ и отъ своихъ злодѣевъ, вы съ нею вздумали разрывать»! Король сначала ничего не отвѣчалъ, стоялъ какъ остолбенѣлый; но потомъ, оправившись, началъ увѣрять въ своей преданности къ императрицѣ, что и не думалъ сдѣлать ей что-либо непріятное, но, будучи полякомъ, долженъ былъ доказать націи свое попеченіе о ея благоденствіи [2]).

Понятовскій только сначала испугался сильной рѣчи Волконскаго: онъ не привыкъ слышать отъ него такихъ рѣчей; ему, вѣроятно, показалось, что передъ нимъ опять Репнинъ. Но потомъ онъ успокоился; его увѣрили, что 30 сентября онъ совершилъ геройскій поступокъ; онъ сталъ бодръ и веселъ, и когда Волконскій, чрезъ нѣсколько времени, въ другой разъ подошелъ къ нему съ представленіемъ, что Чарторыйскіе ведутъ его къ погибели, то король ничего не отвѣчалъ, улыбнулся и отошелъ прочь. Чарторыйскіе стали громко говорить, что они никогда еще не были на такой твердой ногѣ какъ теперь, и когда кто-то замѣтилъ, что Россія не можетъ быть довольна ихъ поведеніемъ, то воевода Русскій отвѣчалъ: «Правда, что первый ударъ можетъ быть для насъ чувствителенъ, но время все успокоитъ» [3]). Волконскій, въ раздраженіи, имѣлъ неосторожность истратить послѣдній зарядъ; онъ спросилъ у короля: «надѣется ли онъ остаться на тронѣ хоть недѣлю, если ея императорское величество лишитъ его своей защиты»? Понятовскій ничего не сказалъ на это, «только пожался» [4]). Посолъ позабылъ правило: не грозить, когда нѣтъ силы или желанія привести угрозу въ исполненіе.

На основаніи сенатскаго рѣшенія 30 сентября, хотѣли отправить князя Огинскаго въ Петербургъ съ протестомъ противъ Репнинскаго трактата; но изъ Петербурга дали знать, что Огинскаго не примутъ. Между тѣмъ король совершенно успокоился послѣ угрозы Волконскаго, потому что не было ничего похожаго на приведеніе ея въ исполненіе; онъ имѣлъ ежедневныя конференціи съ приближенными къ нему людьми, а они, особенно трое: Чарторыйскій (канцлеръ Литовскій), маршалъ Любомирскій и вице-канцлеръ Борхъ, публично кричали, что никогда еще Польша и они сами не находились въ лучшемъ состояніи, несмотря на то, что Россія начала успѣшно дѣйствовать противъ турокъ; изъ разныхъ угловъ имъ давали знать, что эти самые успѣхи побудятъ другія европейскія государства вооружиться противъ Россіи. Однажды епископъ Куявскій замѣтилъ Борху, что они и себя губятъ, и другихъ въ погибель влекутъ, дѣйствуя явно противъ Россіи, отъ которой одной Польша можетъ ожидать помощи; особенно безразсудно раздражать Россію теперь, когда она взяла верхъ надъ турками. Борхъ отвѣчалъ, что Россіи бояться нечего; хотя она и побѣдила турокъ въ эту кампанію, но, конечно, будетъ побѣждена въ будущую кампанію; да если-бы этого и не случилось, то вся Европа, чтобы воспрепятствовать усиленію Россіи, вступится за Польшу, особенно Австрія, которая вѣрно не будетъ смотрѣть, поджавъ руки, на побѣды русскихъ надъ турками и вступится за Польшу. Борхъ прибавилъ, что Россія, имѣя силу въ рукахъ, не посмѣетъ однако тронуть ни ихъ лично, ни имѣній ихъ, ибо до сихъ поръ ничего имъ не дѣлаетъ [5]).

Среди торжества, которое доставляло королю и его совѣтникамъ увѣренность, что Россія слаба, потому что посолъ императрицы никого не хватаетъ, ничьихъ имѣній не конфискуетъ, а только даетъ деньги, и что вся Европа заступится за Польшу,—среди этого торжества король былъ нѣсколько потревоженъ внушеніями прусскаго посланника Бенуа отъ имени Фридриха II, чтобы Понятовскій не терялъ дружбы Россійской императрицы. При первомъ свиданіи съ Волконскимъ, Станиславъ-Августъ началъ разговоръ словами, что онъ не желаетъ дѣлать ничего противнаго императрицѣ; но, не зная о чемъ идетъ дѣло, не можетъ слѣпо предаться Россіи. «Дѣло идетъ о

[1]) Волконскому Панинъ 22 августа (2 сентября).
[2]) Волконскій Панину 1 (12) октября.
[3]) Волконскій Панину 12 (23) октября.
[4]) Волконскій Панину 18 (29) ноября.
[5]) Волконскій Панину 27 ноября (8 декабря).

томъ», отвѣчалъ Волконскій, «чтобы удержать васъ на престолѣ и успокоить Польшу. Надобно вашему величеству, не теряя времени, подумать о себѣ, оставя злыхъ совѣтниковъ; я не могу изъясняться о мѣрахъ, предпринимаемыхъ нами для избавленія вашего и Польши, прежде чѣмъ вы не отстанете отъ этихъ совѣтниковъ, потому что нѣтъ сомнѣнія насчетъ желанія ихъ умножать замѣшательства. Канцлеръ Литовскій безпрестанно пишетъ въ Литву, возмущая ее противъ насъ, а маршалъ коронный (Любомирскій) явно говоритъ, что они не смѣютъ ничего предпринять противъ республики; когда же спросили у него, что онъ разумѣетъ подъ республикой?—то онъ отвѣчалъ: Барскую конфедерацію. Борхъ душой саксонецъ и, въ случаѣ несчастія вашего величества, конечно отъ васъ отречется». Король сказалъ на это, что Чарторыйскіе ему родня, и потому отстать отъ нихъ ему нельзя; что онъ не можетъ обѣщать исполнить все, чего хочетъ Россія, потому что, можетъ быть, Россія захочетъ ниспровергнуть все полезное для Польши, сдѣланное въ его царствованіе; наконецъ, что слухи, дошедшіе до посла о Чарторыйскомъ и Любомирскомъ, ложны. «Дядей своихъ вы можете почитать какъ родню», возразилъ Волконскій, «но не слушать ихъ совѣтовъ; ея величество отъ трактата своего и диссидентскаго дѣла никогда не отступитъ, насчетъ гарантіи сдѣлаетъ изъясненіе на извѣстномъ основаніи. Отнявъ же однажды отъ дядей вашихъ свою высочайшую протекцію, навсегда ихъ ея лишила; они возвысились одною ея милостію, пріобрѣли кредитъ, богатство и могущество, а послѣ употребили во зло милость ея величества».—Король спросилъ: «Кто же будутъ нашими друзьями? Развѣ Потоцкіе, которые оказали вамъ такую неблагодарность»?—«Не знаю», отвѣчалъ Волконскій, «благодарны или нѣтъ Потоцкіе; но знаю то, что Чарторыйскіе неблагодарны, и что Потоцкими нѣсколько разъ мы жертвовали для возвышенія Чарторыйскихъ».—Король разгорячился и спросилъ: «Что-жъ вы съ Чарторыйскими сдѣлаете? Неужели схватите ихъ, какъ Солтыка»?—«Не ручаюсь и за это, если они поведенія своего не перемѣнятъ», отвѣчалъ Волконскій.—«Въ такомъ случаѣ лучше схватить и меня», сказалъ король. «Надѣюсь», продолжалъ онъ, «что ея императорское величество, по великодушію своему, не принудитъ меня отстать отъ родни». Въ этомъ же разговорѣ король упомянулъ, что недурно было бы взять въ посредники какую-нибудь католическую державу. «Ваше величество вѣрно желаете Францію»? спросилъ Волконскій.—«Да, ее или Австрію, потому что дѣло идетъ о вѣрѣ», отвѣчалъ король.—«Зачѣмъ эта медіація», покончилъ Волконскій:—«какіе нужны медіаторы между императрицею и вами, котораго она возвела на престолъ и удерживаетъ на немъ?—медіацію же между Россіею и бунтовщиками, которыхъ вы называете націею, мы принять не можемъ» [1].

[1]) Волконскій Панину, 14 (25) декабря.

Между тѣмъ польскій резидентъ въ Петербургѣ, Псарскій, далъ знать королю, что Русскій Дворъ намѣренъ совершенно отступиться отъ гарантіи, и согласиться на исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, если диссиденты сами добровольно пришлютъ о томъ съ просьбою въ Петербургъ. При первомъ свиданіи, король показалъ Волконскому депешу Псарскаго. Посолъ отвѣчалъ, что объ отступленіи отъ гарантіи никакого повелѣнія не имѣетъ; что гарантію можно только изъяснить чрезъ декларацію или новый пополнительный трактатъ; что же касается диссидентовъ, то думаетъ, что если бы они сами добровольно пожелали отказаться отъ какихъ-нибудь правъ, то затрудненія въ этомъ со стороны Русскаго Двора не будетъ. Король, услыхавъ о пополнительномъ трактатѣ, пришелъ въ восторгъ и сказалъ: «Прекрасно! надобно работать!» Но Волконскій умѣрилъ его восторгъ, замѣтивъ, что прежде всего надобно получить удостовѣреніе, что Чарторыйскіе и прочіе совѣтники королевскіе будутъ устранены отъ содѣйствія, и что впередъ король будетъ раздавать награды не по ихъ представленіямъ, а по совѣту съ нимъ, посломъ. «Лучше дамъ себя въ куски изорвать, чѣмъ на это соглашусь!» отвѣчалъ король съ жаромъ.—«Въ такомъ случаѣ», сказалъ Волконскій, «если нужда дойдетъ до конфедераціи, то мы принуждены будемъ составить ее и безъ вашего величества».—«Не лишу я своихъ совѣтниковъ довѣренности», продолжалъ король:—«потому что если бы я ихъ отъ себя отдалилъ, то нація увидала бы, что я ихъ бросилъ за ихъ враждебность къ Россіи».—«Изъ этого выходитъ», сказалъ Волконскій,—«что ваше величество и сами стараетесь показать себя врагомъ Россіи; а помоему, ваше величество крѣпче сидѣли бы на тронѣ, еслибы нація увѣрилась, что вы съ нами». Король, увидѣвъ, что проговорился, не отвѣчалъ ни слова [2]).

Наступилъ 1770 годъ. Волконскій получилъ наказъ: «Сколько король, по лукавымъ совѣтамъ дядей своихъ, ни будетъ стараться о примиреніи съ мятущеюся частію націи, примиренія этого никогда не послѣдуетъ: поэтому въ ожиданіи перемѣнъ въ дѣлахъ, которыя изъ этихъ самыхъ тщетныхъ стараній скорѣе произойти должны, и надобно намъ поступать относительно короля съ нѣкоторою умѣренностію, дабы не отнимать у него всей надежды на будущее время; въ разсужденіи же возмутителей дѣйствовать всѣми силами, бить ихъ гдѣ только случай представится, не давая имъ нигдѣ утвердиться и составить нѣчто цѣлое и казистое, представляющее корпусъ республики, который бы, по наущенію Франціи и саксонскаго двора, могъ объявить престолъ вакантнымъ. Низверженіе нынѣ царствующаго короля, какъ ни мало надеженъ онъ для имперіи нашей по личному

[2]) Волконскій Панину, 17 декабря 1769 г. (7 января 1770).

своему характеру, не можетъ однако никоимъ образомъ согласоваться съ славою и интересами нашими, потому что, уступивъ польскій престолъ курфирсту Саксонскому или кому нибудь другому, подверглись бы мы предъ свѣтомъ ложному мнѣнію, что либо сѣверная наша система сама по себѣ несостоятельна, или же что вліяніе наше въ Польшѣ противъ французскаго устоять не могло, по недостатку естественныхъ силъ Россіи, слѣдовательно и по невозможности удѣлить изъ нихъ, во время войны съ Турками, столько, чтобъ они первое одною Россіею воздвигнутое политическое зданіе могли охранить отъ паденія. Но положимъ, что мы сами по неблагодарности короля польскаго, рѣшились лишить его короны и доставить ее кому нибудь другому: кого же тутъ избрать, чтобы націи былъ угоденъ, и интересамъ нашимъ не противенъ, и могъ съ пользою и успѣхомъ способствовать намъ въ примиреніи Польши? Курфирста саксонскаго исключаетъ наша сѣверная система и многіе вслѣдствіе ея заключенные трактаты и торжественныя деклараціи; а всякій другой Пястъ соединитъ въ себѣ всѣ тѣ же, а можетъ быть бо̀льшія еще неудобства, какія мы съ нынѣшнимъ королемъ встрѣтили». Панинъ прибавлялъ отъ себя: «По моему мнѣнію мы ничего не потеряемъ, оставляя еще на нѣкоторое время польскія дѣла ихъ собственному безпутному теченію, которое, истощаясь само собою, приблизится къ пункту того перелома, которымъ ваше сіятельство съ лучшимъ успѣхомъ воспользоваться можете»[1]).

Но до этого перелома было далеко, и положеніе русскаго посла въ Варшавѣ становилось все тяжелѣе. Въ самомъ началѣ января Понятовскому дали знать изъ Франціи, что тамошнее правительство обѣщаетъ ему помощь, одобряетъ его поведеніе, считаетъ сенатскій декретъ 30 сентября геройскимъ дѣломъ, хвалитъ короля за то, что, будучи въ рукахъ Россіи, такъ отважно дѣйствуетъ противъ нея. Слабый, легко всѣмъ увлекавшійся король, пришелъ въ восторгъ и публично говорилъ, что почитаетъ этотъ день самымъ счастливымъ въ своей жизни. Вице-канцлеръ Борхъ кричалъ, что теперь-то всѣ видятъ, какіе плоды произвели ихъ тайныя конференціи и чего отъ нихъ можно надѣяться. Волконскій спросилъ у короля, точно ли онъ получилъ письмо изъ Франціи. Тотъ рѣзко и сухо отвѣчалъ, что не получалъ. Станиславъ-Августъ видимо развивался: прежде онъ смущался, когда русскій посолъ обличалъ его въ чемъ-нибудь, прежде онъ жаловался на насилія Репнина, — теперь уже началъ говорить, что Репнинъ его обманывалъ. Жалуясь епископу Куявскому на Волконскаго, что тотъ не хочетъ сноситься съ его министерствомъ, король сказалъ: «Волконскій поступаетъ точно такъ же, какъ и Репнинъ, съ тою только разницей, что Репнинъ обманывалъ меня нагло, а Волконскій обманываетъ подъ рукою, скрытно». Но въ чемъ состоялъ обманъ, этого король не объяснилъ. Волконскій говорилъ, что Россія возвела Понятовскаго на престолъ: это была правда, а не обманъ; Волконскій говорилъ, что Россія хочетъ поддержать его на престолѣ: — и это была правда; король вѣрилъ этому, и какъ этимъ пользовался! Станиславъ-Августъ забылъ, что Репнинымъ и Волконскимъ нѣтъ нужды обманывать Понятовскихъ; Понятовскихъ обманываютъ Млодзѣевскіе: великій канцлеръ коронный Млодзѣевскій взялъ у Волконскаго 1,000 червонныхъ и разсказывалъ ему, что происходитъ у короля на тайныхъ конференціяхъ[2]).

Въ маѣ Волконскій услыхалъ, что король разослалъ письма по сенаторамъ по поводу сейма, который должно было созвать въ 1770 году. Волконскій отправился къ королю и выразилъ ему свое удивленіе, что дѣлаются приготовленія къ сейму, который, кажется, ни предпринять безъ согласія, ни привести къ концу безъ русскаго содѣйствія нельзя: «Не надѣялся я», прибавилъ Волконскій, «что совѣтники вашего величества и тутъ принудятъ васъ отъ насъ скрываться».—«Я это сдѣлалъ», отвѣчалъ король, «не по принужденію отъ совѣтниковъ, но чтобъ узнать мнѣніе сенаторовъ по поводу сейма; всякій хозяинъ воленъ въ своемъ домѣ, хотя и случается, что у него солдаты стоятъ постоемъ; дѣлать все съ вашего согласія—значитъ быть у васъ въ подданствѣ».— «Подданства тутъ нѣтъ никакого», сказалъ на это Волконскій:—«намѣреніе ея императорскаго величества состоитъ въ томъ, чтобы удержать васъ на тронѣ и успокоить Польшу, для этого и войска ея здѣсь находятся. Слѣдовательно и о мѣрахъ, служащихъ къ достиженію этой цѣли, намъ должно условливаться. Если солдаты стоятъ на квартирѣ для безопасности хозяина, то благоразуміе требуетъ отъ него предупреждать ихъ о своихъ распоряженіяхъ въ домѣ, дабы не произошло какого вреда по незнанію солдатъ, и такія сношенія хозяина съ солдатами нисколько не показываютъ его подданнической зависимости отъ нихъ».—«Я долженъ съ вами сноситься», сказалъ король, «а вы со мной не сноситесь, когда распоряжаетесь операціями своихъ войскъ».—«Очень естественно», отвѣчалъ Волконскій, «потому что ваше величество повѣряете все своимъ совѣтникамъ, а изъ нихъ нѣкоторые сносятся съ мятежниками и обо всемъ ихъ увѣдомляютъ». (Волконскій разумѣлъ здѣсь Любомирскаго, который переписывался съ конфедератами чрезъ Длускаго, подкоморія Люблинскаго.)—«Для чего же», спросилъ король, «вы не укажете этихъ мятежничихъ сообщниковъ»? —«Если ихъ указать», отвѣчалъ Волконскій, «то надобно и наказать, къ чему время еще не ушло»[3]).

Положеніе Волконскаго становилось невыносимымъ: играть въ глазахъ поляковъ роль Репнина,

[1]) Панинъ Волконскому 3 апрѣля 1770.

[2]) Волконскій Панину 8 (19) января, 17 (18) февраля, 18 (29) марта.

[3]) Волконскій Панину 20 (31) мая.

но безъ смѣлости, рѣшительности и казистости послѣдняго, было нелестно для Волконскаго; ждать, когда безпутное теченіе дѣлъ само приблизится къ пункту перелома и въ этомъ ожиданіи ничего не дѣлать и подвергаться непріятностямъ отъ людей, ободренныхъ такимъ бездѣйствіемъ, которое являлось имъ безсиліемъ,—было слишкомъ тяжело. Волконскій сталъ просить объ отзывѣ; его не отозвали; только позволили на лѣто ѣхать лѣчиться на воды, и въ его отсутствіе мѣсто его занималъ Веймарнъ. По возвращеніи Волконскаго въ Варшаву, осенью 1770 и зимою 1771 года, дѣла не перемѣнялись. Наконецъ, весною 1771, Волконскій былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Салдернъ, человѣкъ съ другимъ характеромъ, какъ увидимъ.

ГЛАВА V.

На мѣсто Волконскаго хотѣли назначить въ Варшаву кого-нибудь въ родѣ Репнина, и назначили Салдерна. Салдернъ дѣйствительно отличался характеромъ, противоположнымъ характеру Волконскаго, котораго онъ называлъ старою бабой, позволявшею себѣ сносить всевозможныя оскорбленія. Но дуга была перегнута въ противную сторону: Салдернъ, человѣкъ очень даровитый, отличался большою энергіей; но тутъ примѣшивалась значительная доля раздражительности, увлеченія, недоставало необходимой въ его положеніи холодности, спокойствія. Салдернъ, человѣкъ старый и больной, ѣхалъ въ Варшаву очень неохотно, составивъ себѣ напередъ самое печальное представленіе о томъ, что его ожидало; его уговорили ѣхать только обѣщаніемъ, что больше года не пробудетъ на своемъ постѣ. Это нерасположеніе къ дѣлу, которое Салдернъ взялъ на себя, разумѣется, не могло содѣйствовать успокоенію его раздражительности. И такъ какъ большинство польскихъ магнатовъ, съ которыми посолъ долженъ былъ имѣть дѣло, не могло внушить къ себѣ никакого уваженія, то Салдернъ далъ полную волю своему презрѣнію къ нимъ и сердился на тѣхъ изъ русскихъ, которые были сдержаннѣе въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, Салдернъ, по болѣзненной впечатлительности своей, готовъ былъ преувеличивать трудности, опасности своего положенія и положенія представляемаго имъ государства относительно Польши.

Пріѣхавъ въ Варшаву, Салдернъ занялся изученіемъ лицъ и партій, и результаты этого изученія отправилъ къ императрицѣ. Посолъ дѣлилъ дѣйствующихъ въ Польшѣ лицъ на пять частей: 1) король, 2) мнимые королевскіе друзья, 3) мнимые друзья Россіи, 4) конфедераты явные, 5) конфедераты тайные. Конфедератами онъ называетъ всѣхъ тѣхъ, которые ненавидятъ короля и число которыхъ превышаетъ $^3/_4$ населенія государства. Саксонскую партію посолъ нашелъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ думали: первыя фамиліи въ Варшавѣ держались еще Саксонскаго Дома. Кромѣ преданныхъ Саксонскому Дому, былъ другой родъ конфедератовъ,—именно тѣ, которые не терпятъ короля; число ихъ немалое, ибо невѣроятно, до какой степени простирается ненависть къ этому государю. «Если я», пишетъ Салдернъ, «съ генераломъ Веймарномъ сегодня выѣду изъ Варшавы, взявъ съ собою войска и пушки, то въ 24 часа вся Варшава сконфедеруется, и короля во дворцѣ убьютъ камнями. Я не скрылъ отъ короля этой истины и видѣлъ его въ жестокой необходимости со мной согласиться. Но есть еще другой родъ конфедератовъ: это духовные, которыми Польша, а особенно столица преисполнена. Эти адскіе служители злоупотребляютъ властію своею надъ слабыми душами до такой степени, что подъ страхомъ отлученія отъ святыхъ таинъ и неразрѣшенія грѣховъ принуждаютъ ихъ помогать явно и тайно конфедератамъ. Женщины служатъ вмѣсто шпіоновъ и набираютъ солдатъ для конфедерацій. Сюда же должно причислить и газетчиковъ, наполняющихъ Варшаву и разсылающихъ по всѣмъ провинціямъ ложныя новости». Характеры дѣйствующихъ лицъ Салдернъ очерчиваетъ такимъ образомъ: мнимые друзья Россіи: 1) примасъ Подоскій, не терпящій короля саксонецъ, непримиримый врагъ Чарторыйскихъ, имѣющій въ деньгахъ нашихъ нужду, есть первый изъ друзей нашихъ. Онъ не имѣетъ ни закона, ни вѣры, ни кредита, не уважается народомъ, презрѣнъ большими и нелюбимъ малыми. Въ немъ есть одна добрая черта,—онъ имѣетъ честность объявлять: «Если я не могу имѣть короля изъ Саксонскаго Дома, то всегда изъ благодарности буду повиноваться волѣ ея императорскаго величества». Впрочемъ онъ такой человѣкъ, которому никогда никакой тайны ввѣрить нельзя, котораго дѣйствующимъ лицомъ употребить нельзя и съ которымъ ни одинъ честный человѣкъ здѣсь дѣйствовать вмѣстѣ не согласится.

2) Епископъ Виленскій, князь Масальскій, человѣкъ тонкаго и хитраго разума, но такъ вѣтренъ, какъ французскій аббатъ петиметръ, надутый въ то же время своими достоинствами и дарованіями, стремящійся къ пріобрѣтенію важнаго значенія въ странѣ, желающій возвыситься съ паденіемъ Чарторыйскихъ. Надежда собрать сильную партію привлекла его къ нашей сторонѣ. Это человѣкъ лукавый, ненадежный; онъ имѣетъ нѣкоторый кредитъ въ Литвѣ, но и то у мелкихъ людей.

Болѣе его кредита въ Литвѣ имѣетъ 3) графъ Флемингъ, воевода Померанскій, единственный твердый и надежный человѣкъ; онъ другъ Россіи по внутреннему убѣжденію.

4) Воевода Подляшскій получаетъ отъ насъ пенсію; деньги—единственное божество его. За деньги намъ вѣренъ и добрый крикунъ, если нужда потребуетъ.

5) Воевода Калишскій, вполнѣ предавшійся графу Мнишку, безъ системы и трусъ преестественный.

6) Зять его, графъ Рогалинскій, похожъ на тестя и для дѣлъ нашихъ совершенно безполезенъ.

7) Великій канцлеръ коронный, епископъ Познанскій Млодзѣевскій, Макіавель Польши, продающій себя тому, кто дастъ дороже, безъ уваженія и кредита въ государствѣ.

8) Епископъ Куявскій, братъ Познанскаго, во всемъ подобенъ ему, только не такъ уменъ.

9) Великій кухмистръ коронный Понинскій получаетъ пенсію. Легкомысленъ и любитъ играть важную роль; для вѣстей способенъ, проворенъ.

10) Маршалъ Литовскій Гуровскій—хитрый человѣкъ, съ разумомъ, но безъ искры честности. «Я буду имѣть въ немъ нужду для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей».

Мнимые друзья королевскіе: 1) Воевода Русскій—князь Чарторыйскій. Онъ передъ всѣми отличается великими качествами души. «Кажется мнѣ, что онъ сильно начинаетъ упадать. Несмотря на то, онъ управляетъ всѣми движеніями государства, человѣкъ просвѣщенный, проницательный, умный, знающій совершенно Польшу, уважаемый одинаково друзьями и врагами; твердъ въ намѣреніяхъ и остороженъ, съ безпримѣрнымъ дарованіемъ пріобрѣтать себѣ сердца человѣческія, хитростью раздѣляетъ, краснорѣчіемъ соединяетъ, проникаетъ другихъ, а самъ непроницаемъ. Воевода Русскій умѣлъ заставить короля отстать отъ Россіи; король дѣлаетъ все, что онъ захочетъ. 2) Братъ воеводы Русскаго, канцлеръ, человѣкъ разумный, въ коварствахъ весьма много обращавшійся, нынѣ уже престарѣлый и служащій только орудіемъ своему брату, но впрочемъ любимый народомъ и умѣвшій найти себѣ друзей въ государствѣ, а особливо въ Литвѣ. 3) Князь Любомирскій, великій маршалъ коронный, зять воеводы Русскаго, человѣкъ проворный, предпріимчивый, но средняго разума, дѣйствующій только тогда, когда старики его заводятъ. Ненавидитъ короля, невзирая на родство; не любитъ Россіи. Есть еще два человѣка, которыхъ можно назвать спутниками князя Чарторыйскаго,—Борхъ и Пржездецкій, одинъ вице-канцлеръ коронный, а другой Литовскій: оба ябедники, оба жалкіе политики, безъ уваженія и кредита. Графъ Браницкій одинъ изъ друзей королевскихъ, который говоритъ ему правду твердо и необинуясь. «Онъ одинъ, на котораго я могу положиться. У короля честное сердце, но слабъ онъ до невозможности; широты и твердости нѣтъ въ его разумѣ, не привыкшемъ разсуждать и повелѣвать воображеніемъ. Онъ непремѣнно требуетъ руководителя, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшается и послѣ того, какъ уже рѣшеніе принято».

Убѣдившись очень скоро въ слабости и лукавствѣ мнимыхъ друзей Россіи, Салдернъ рѣшился дѣйствовать на короля, чтобы привлечь его и друзей его на свою сторону. Онъ постарался представить Станиславу-Августу весь ужасъ его положенія: ненависть къ нему народа, отсутствіе всякой помощи извнѣ, ибо и Русская императрица готова лишить его своего покровительства. Посолъ постарался уничтожить въ немъ убѣжденіе въ невозможности послѣдняго, объявивъ, что если король будетъ поступать попрежнему, то онъ немедлено же выѣдетъ въ Гродно, забравъ съ собою войско и всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ за нимъ слѣдовать, и въ Гроднѣ будетъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній императрицы. Испуганный король далъ запись: «Вслѣдствіе увѣреній посла ея величества императрицы Всероссійской въ томъ, что августѣйшая государыня его намѣрена поддерживать меня на тронѣ Польскомъ и готова употребить всѣ необходимыя средства для успокоенія моего государства; вслѣдствіе изъясненія средствъ, какія, по словамъ посла, императрица намѣрена употребить для достиженія этого дѣла; вслѣдствіе обѣщанія, что она будетъ считать моихъ друзей своими, если только они будутъ вести себя какъ искренніе мои приверженцы, и что она будетъ обращать вниманіе на представленія мои относительно средствъ успокоить Польшу,—вслѣдствіе всего этого я обязуюсь совѣщаться съ ея величествомъ обо всемъ и дѣйствовать согласно съ нею, не награждать, безъ ея согласія, нашихъ общихъ друзей, не раздавать вакантныхъ должностей и староствъ, въ полной увѣренности, что ея величество будетъ поступать со мною дружественно, откровенно и съ уваженіемъ, на что я въ правѣ разсчитывать послѣ всего сказаннаго ея посломъ.» Подписано 16 мая 1771 года. «Станиславъ-Августъ король».

Салдернъ, съ своей стороны, далъ королю запись: 1) кромѣ ея императорскаго величества только два человѣка будутъ знать о записи королевской: графъ Панинъ и графъ Орловъ. 2) Россія не сообщитъ объ этомъ ни одному Двору иностранному и ни одному поляку,—однимъ словомъ, запись останется подъ глубочайшимъ секретомъ. 3) Запись будетъ возвращена королю по возстановленіи спокойствія въ Польшѣ. 4) Императорскій посолъ будетъ обходиться съ королевскими друзьями, которые станутъ на сторону Россіи, какъ съ друзьями искренно примирившимися. 5) Императорскій посолъ въ теченіи трехъ дней распорядится освобожденіемъ изъ-подъ секвестра имѣній тѣхъ лицъ, списокъ которыхъ представитъ король.

Чтобы показать свое единеніе съ Россіею, король согласился вывести въ поле, противъ конфедератовъ, двухтысячный отрядъ своего войска, подъ начальствомъ Браницкаго. Но прежде всего нужно было обратить вниманіе на состояніе русскаго войска. Отправляясь въ Варшаву, Салдернъ представилъ императрицѣ свои опасенія насчетъ генерала Веймарна,—представилъ, что у него не

достаетъ твердости и быстроты въ исполненіи. Императрица согласилась, что у Веймарна дѣйствительно недоставало многихъ способностей, необходимыхъ въ его положеніи. Пріѣхавъ въ Варшаву, Салдернъ убѣдился еще болѣе въ неспособности Веймарна. Посолъ былъ пораженъ жалобами, которыя слышались со всѣхъ сторонъ на поведеніе русскихъ войскъ въ городахъ и селахъ. «Веймарнъ столько же огорченъ этимъ, какъ и я», писалъ Салдернъ императрицѣ [1]; «но что толку въ его безплодномъ сожалѣніи? Онъ сталъ желченъ, нерѣшителенъ, робокъ, мелоченъ. Я не смѣю надѣяться на успѣхъ, если здѣсь не будетъ другого генерала». Салдернъ просилъ прислать или Бибикова, или князя Репнина; относительно послѣдняго онъ писалъ: «Смѣю увѣрить, что здѣсь мнѣнія перемѣнились на его счетъ; предубѣжденіе исчезло и уступило мѣсто уваженію, какое дѣйствительно заслуживаютъ его честность и достоинства. Здѣсь начинаютъ даже желать его возвращенія; всѣ, кого я только видѣлъ, только отъ его присутствія ждутъ улучшенія своего положенія, относительно русскаго войска».

Войска этого было тогда въ Польшѣ 12,169 человѣкъ, да въ Литвѣ 3,818; 74 пушки и при нихъ 316 артиллеристовъ. Волконскій и Веймарнъ раздѣлили все войско по постамъ—неподвижнымъ и подвижнымъ. Подъ именемъ неподвижныхъ постовъ разумѣлись городскіе гарнизоны и посты, необходимые для поддержанія сообщеній. Подвижными постами назывались летучіе отряды, назначенные дѣйствовать противъ конфедератовъ всюду, по мѣрѣ надобности. Салдернъ никакъ не могъ согласиться, чтобы было полезно ограничиться одною оборонительною войною, какъ было въ послѣднее время, и употреблять на борьбу съ конфедератами только четвертую часть войска, оставляя другія три части въ гарнизонахъ. Войска, по мнѣнію Салдерна, портились отъ постояннаго пребыванія въ гарнизонахъ, пріучались къ неряшеству, солдаты начинали заниматься мелкою торговлею какъ жиды. «Я», писалъ Салдернъ, «займусь серьезно установленіемъ лучшаго порядка и лучшей полиціи въ столицѣ и ея окрестностяхъ, нимало не безпокоясь, будетъ ли это нравиться его польскому величеству или магнатамъ. Я выгоню изъ Варшавы конфедератскихъ вербовщиковъ: дѣло неслыханное, которое уже два года сряду здѣсь дѣлается! Я не позволю, чтобы бросали каменья и черепицу на патрули русскихъ солдатъ; дерзость доходитъ дотого, что въ нихъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ. Я не буду терять времени въ жалобахъ на эти преступленія великому маршалу, который находитъ всегда тысячу увертокъ, чтобъ уклониться отъ преданія виновныхъ въ руки правосудія. Образъ веденія войны въ Польшѣ мнѣ не нравится. Первая наша забота должна состоять въ томъ, чтобъ овладѣть большими рѣками. Недостатокъ въ офицерахъ, способныхъ командовать отрядами, или маленькими летучими корпусами, невѣроятенъ. Есть храбрые воины, но неспособные управлять ни другими, ни самими собою. Другіе думаютъ только о томъ, какъ бы нажиться. На способность и благоразуміе офицеровъ генеральнаго штаба положиться нельзя. Все, что здѣсь дѣлается хорошаго, дѣлается только благодаря доблести и неустрашимости солдатъ. Исключая генералъ-майора Суворова и полковника Лопухина, дѣятельность другихъ начальниковъ ограничивается тѣмъ, чтобы давать отъ времени до времени щелчки конфедератскимъ шайкамъ. Давши одинъ-другой щелчокъ, наши командиры ретируются съ добычею, собранною по дорогѣ въ имѣніяхъ мелкой шляхты и, расположившись на квартирахъ, ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ поръ, пока конфедераты не начнутъ снова собираться. Бывали примѣры, что наши начальники отрядовъ съѣзжались съ конфедератскими и вмѣстѣ пировали» [2]).

Порѣшивши съ королемъ, Салдернъ обратился къ націи; 14 мая (по ст. стилю) онъ издалъ декларацію, въ которой отъ имени императрицы приглашалъ благонамѣренныхъ поляковъ соединиться и подумать о средствахъ вывести Польшу изъ того ужаснаго положенія, въ какомъ она находилась; приглашалъ снестись насчетъ этого съ нимъ, посломъ; обѣщалъ убѣдить націю въ безкорыстіи императрицы, которая не желаетъ ничего, что могло бы вредить независимости республики; наконецъ приглашалъ и конфедератовъ къ примиренію. Оказалось, что декларація была написана слишкомъ мягко: насъ зовутъ, значитъ— въ насъ имѣютъ нужду; значитъ, мы сильны и можемъ не пойти на зовъ; дѣлай, что хочешь,—что возьмешь? Салдернъ началъ хлопотать, какъ бы поправить дѣло, сталъ повторять всѣмъ, что пріѣхалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы выпрашивать Христа ради или покупать успокоеніе Польши. Потомъ Салдернъ въ продолженіи восьми дней избѣгалъ разговоровъ съ-глазу-на-глазъ съ кѣмъ бы то ни было, давая чувствовать, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, передъ всею Европою сказалъ свое слово королю и націи; теперь ихъ чередъ отвѣчать ему. 27 мая явилась къ послу торжественная депутація отъ имени королевскаго. Оба великіе канцлера, коронный и Литовскій, разсыпались въ похвалахъ, въ выраженіяхъ удовольствія и глубочайшаго уваженія къ ея императорскому величеству, по поводу деклараціи. Посолъ отвѣчалъ на все это, что если король хочетъ воспользоваться деклараціею, то долженъ созвать всѣхъ епископовъ, сенаторовъ, сановниковъ и шляхту, находящуюся въ Варшавѣ, и представить имъ печальное состояніе государства [3]).

Король исполнилъ желаніе Салдерна, созвалъ всѣхъ и предложилъ вопросъ: что дѣлать при

[1]) 11 (22) мая 1771 года.

[2]) Салдернъ императрицѣ 1 (12) іюня.

[3]) Салдернъ Панину (28 мая) 8 іюня.

настоящихъ обстоятельствахъ? За отвѣтомъ король обратился къ первому примасу Подоскому. Тотъ отвѣчалъ, что надобно подождать, какое впечатлѣніе декларація произведетъ въ странѣ, и особенно между конфедератами. Двое другихъ *друзей Россіи*—Виленскій епископъ Масальскій и кухмистръ Понинскій—отвѣчали, что надобно снестись съ конфедератами и потомъ созвать сеймъ для разсужденія о томъ, что Русскій Дворъ представитъ для будущихъ соглашеній. Раздраженный Салдернъ принялся за Подоскаго, объявилъ ему, что интриги его съ саксонскимъ министромъ и конфедератами для низложенія короля извѣстны: «Вы меня больше не обманете вашими увѣреніями въ искренности, которая вамъ извѣстна только по имени». Потомъ посолъ пересчиталъ ему всѣ мелкія плутовства, которыя архіепископъ позволялъ себѣ при Волконскомъ, водя старика за носъ. На все это примасъ отвѣчалъ съ *нѣкотораго рода* гнѣвомъ, что хочетъ выѣхать изъ Варшавы. «Для этого», сказалъ Салдернъ, «я дамъ вамъ эскорту, достойную того мѣста, какое вы занимаете въ государствѣ, и которая можетъ замѣнить саксонскую гвардію». Надобно замѣтить, что прелатъ жилъ въ Саксонскомъ дворцѣ, что прислуга его состояла частію изъ саксонцевъ, и гвардіею служили ему два отряда саксонскихъ войскъ, которымъ позволено было оставаться въ Варшавѣ. Салдернъ упрекалъ Подоскаго за разныя плутовства его при Волконскомъ; но и съ нимъ архіепископъ сыгралъ хорошую штуку: вызвался перевести декларацію на польскій языкъ—и въ разныхъ мѣстахъ передѣлалъ; такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ говорилось о Польшѣ, что она до послѣдняго печальнаго времени была цвѣтущею, а въ переводѣ Подоскаго оказалось: «подъ правленіемъ Саксонской династіи цвѣтущая». Въ другомъ мѣстѣ говорилось: «Добродѣтельные граждане, которые стенаютъ въ молчаніи»; а Подоскій перевелъ: «Добродѣтельные граждане, которые стенаютъ въ Сибири». Когда Салдернъ сталъ упрекать его за такія искаженія, примасъ сложилъ всю вину на переписчика. «Вотъ съ какими людьми долженъ я имѣть дѣло въ этой странѣ, куда Богъ перенесъ меня въ крайнемъ гнѣвѣ своемъ», писалъ Салдернъ Панину [1]).

Послѣ примаса Салдернъ принялся за двоихъ другихъ друзей Россіи. Два часа старался онъ «исправить голову Масальскаго», но понапрасну потерялъ время. Посолъ говорилъ ему о дѣлахъ государственныхъ, а епископъ гнулъ все въ одну сторону, чтобы Салдернъ помогъ ему въ процессахъ, которые онъ велъ въ литовскихъ трибуналахъ. Выведенный изъ терпѣнія, посолъ сказалъ ему начисто, что считаетъ для себя безчестнымъ вмѣшиваться въ частныя тяжбы и помогать комунибудь въ судахъ, и что императрица будетъ презирать всѣхъ тѣхъ, которые будутъ имѣть въ виду свои частные интересы въ то время, когда идетъ дѣло о прекращеніи бѣдствій общественныхъ. Епископъ замѣтилъ на это, что въ Литвѣ 52,000 шляхты тайно сконфедерованной. «Жаль, что не вы командуете этою шляхтой», отвѣчалъ Салдернъ: «потому что 6,000 русскихъ солдатъ, находящихся въ Литвѣ, разбили бы васъ въ-пухъ.» Наконецъ дѣло дошло до Понинскаго. Салдернъ прямо выставилъ ему всю злостность его отвѣта въ то время, когда дѣло шло о спасеніи отечества, отвѣта, обнаружившаго скрытый ядъ, который онъ давно уже носилъ въ своей груди. «Я за вами слѣдилъ, я знаю, какъ вы вели себя съ княземъ Волконскимъ, которому вы обѣщали содѣйствовать всегда намѣреніямъ Россіи, у котораго вы вытянули 2,000 червонныхъ заразъ и пенсію въ 200 червонныхъ каждый мѣсяцъ. Я считаю васъ негоднымъ человѣкомъ и не дамъ вамъ ни копѣйки пенсіи» [2]).

Дней черезъ двадцать послѣ этихъ объясненій Салдернъ имѣлъ конференцію съ обоими канцлерами, короннымъ и Литовскимъ, и маршаломъ Любомирскимъ, по поводу деклараціи. Эти господа начали увѣреніями въ правотѣ своихъ намѣреній; что они очень хорошо чувствуютъ свои бѣдствія и потому серьезно желаютъ ихъ прекращенія, но, прежде чѣмъ вступить въ реконфедерацію, они должны взвѣсить всѣ послѣдствія предпріятія, которое можетъ быть еще гибельнѣе для ихъ отечества, и потому считаютъ необходимою со стороны Россіи новую декларацію публичную, въ которой бы яснѣе высказались намѣренія императрицы относительно двухъ пунктовъ, наведшихъ такой ужасъ на націю, именно: относительно гарантіи и диссидентовъ. Они настаивали, чтобы посолъ изъяснился положительно насчетъ каждаго пункта, и только тогда они могутъ поручиться ему за довольно значительное число довольно сильныхъ людей, могущихъ содѣйствоварть образованію представительнаго корпуса. При этомъ они ловко намекнули, что ихъ кредитъ чрезвычайно ослабѣлъ съ нѣкотораго времени; что враги короля въ то же время и ихъ враги, и что они нуждаются въ оружіи для устрашенія завистниковъ и враговъ. Они намекнули также очень тонко, что иностранное вліяніе противодѣйствуетъ ихъ спасительнымъ видамъ, и старались внушить послу опасенія насчетъ двусмысленнаго поведенія Вѣнскаго Двора, который не переставалъ явно покровительствовать конфедератамъ. Наконецъ они высказали свои сомнѣнія и насчетъ поведенія короля Прусскаго, который не желаетъ прекращенія смутъ въ Польшѣ. Салдернъ отвѣчалъ имъ, что ихъ авторитетъ и кредитъ чрезвычайно возвысились съ тѣхъ поръ, какъ они овладѣли особою короля и стали располагать важнѣйшими мѣстами и всѣми староствами. Салдернъ удосто-

[1]) Салдернъ Панину 1 (12) іюня.

[2]) Салдернъ Панину 4 (15) іюня.

вѣрилъ ихъ, что онъ очень хорошо знаетъ степень ихъ вліянія и большое число ихъ креатуръ. Посолъ покончилъ тѣмъ, что не откажется дать имъ письменныя объясненія и деклараціи, если они, съ своей стороны, дадутъ ему манифестъ какой должно, въ выраженіяхъ ясныхъ и приличныхъ, подписанный значительнымъ числомъ лицъ, которыя желали бы составить конфедерацію и предложили бы ему, послу, хлопатать вмѣстѣ для умноженія членовъ этой новой конфедераціи. Конференція этимъ и кончилась [1]).

Канцлеры приходили только затѣмъ, чтобъ узнать, на какія уступки готова Россія, находившаяся, по ихъ мнѣнію, въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Король также оправился отъ страха, нагнаннаго на него Салдерномъ въ первое время, и также увѣрился, что Россія больше всего нуждается въ успокоеніи Польши, и что, слѣдовательно, надобно только твердо держаться и этимъ принудить ее ко всевозможнымъ уступкамъ. Король и Любомирскій торжественно проповѣдывали придворнымъ и молодежи, что ихъ твердость въ послѣдніе два или три года положила границы русскому господству въ Польшѣ; что только эта твердость заставила Россію отказаться отъ гарантіи и диссидентовъ. Эти рѣчи страшно мучили раздражительнаго Салдерна, вонзали кинжалъ въ сердце, по его собственному выраженію. «Я вполнѣ убѣжденъ», писалъ онъ въ Петербургъ, «что князь Репнинъ совершенно правъ во всемъ томъ, что онъ здѣсь сдѣлалъ; бываютъ минуты, когда я плачу о томъ, что онъ не сдѣлалъ больше, то-есть зачѣмъ не выслалъ изъ Польши Любомирскаго и Борха. Этихъ двоихъ людей я боюсь гораздо больше, чѣмъ всѣхъ конфедератовъ» [2]). Твердость короля и окружающихъ его, которою они такъ хвалились, поддерживалась извѣстіями изъ Вѣны: оттуда писалъ братъ королевскій, генералъ Понятовскій, находившійся въ австрійской службѣ, что наврядъ ли Россія заключитъ миръ съ Турціей этою зимой; что война, быть-можетъ всеобщая, неизбѣжна. Король и Любомирскій съ товарищами толковали, что бояться нечего; что успѣхи русскихъ въ Крыму и на Дунаѣ вовсе не такъ велики, какъ о нихъ идетъ молва. Они нарочно говорили это при людяхъ, которые могли пересказать ихъ рѣчи Салдерну. У бѣднаго посла портилась кровь; были и другія обстоятельства, которыя ее портили: домъ, въ которомъ жили предшественники Салдерна, обветшалъ, и ни одинъ изъ вельможъ не хотѣлъ отдать своего дома въ-наймы русскому послу, хотя дома стояли пустые, владѣльцы не жили въ Варшавѣ. Русскихъ казаковъ, которыхъ разсылалъ Салдернъ, били вездѣ; около Варшавы происходили безпрестанныя воровства и убійства [3]). «Неизвѣстность, въ какой я нахожусь, и страхъ сдѣлать слишкомъ много, меня убиваютъ», писалъ Салдернъ Панину. Наконецъ извѣстія о возстаніи въ Литвѣ, возбужденномъ гетманомъ Огинскимъ, переполнили чашу горести, и посолъ отправилъ отчаянное письмо въ Петербургъ: «Большинство пробуждается отъ летаргическаго сна. Нація начинаетъ себя чувствовать. Ее поджигаютъ со всѣхъ сторонъ. Австрія не только не хочетъ ее выводить изъ заблужденія, но колетъ ее, стыдитъ, что горсть русскихъ держитъ ее въ рабствѣ. Франція всюду кричитъ, что надобно принимать болѣе къ сердцу польскіе интересы. Присылка офицеровъ и денегъ изъ Франціи поддерживаетъ пустыя надежды въ несчастныхъ Полякахъ. Все это увеличиваетъ наши затрудненія. Присоедините къ этому бунтъ Огинскаго въ Литвѣ. Если этотъ огонь разгорится, то будьте увѣрены, что всѣ наши преимущества будутъ потеряны. Краковъ не продержится шести недѣль, у насъ мало людей въ этомъ городѣ. Прибавьте къ тому, что мы принуждены будемъ очистить Познань. Каково же будетъ наше положеніе! Время не терпитъ, настоитъ крайняя необходимость принять другія мѣры, мѣры сильныя, которыхъ никто не ожидаетъ. Нельзя ли чтобы прусскій король отправилъ нѣсколько гусарскихъ полковъ къ литовскимъ границамъ?—это испугаетъ. Наше положеніе гораздо хуже чѣмъ я его вамъ описываю. Наше войско въ Литвѣ—жалкій отрядъ, внушающій всѣмъ презрѣніе; полковникъ Чернышевъ—человѣкъ совершенно безъ головы. Вообще воинскій духъ, съ немногими исключеніями, исчезъ. Оружіе у нашихъ солдатъ негодное; лошади—хуже себѣ представить нельзя, въ артиллеріи дурная прислуга» [4]).

Посолъ не имѣлъ никакого права такъ отчаяваться, и нечего было выставлять на видъ неспособности какого нибудь полковника. Въ Польшѣ былъ Суворовъ. Ночью, съ 22 на 23 сентября, Суворовъ разгромилъ Огинскаго—и возстанія литовскаго какъ не бывало. Вмѣсто Веймарна, присланъ былъ Бибиковъ. Салдернъ успокоился съ этой стороны; но возникло другое новое безпокойство,—и теперь уже не отъ польскихъ, но отъ прусскихъ войскъ.

Еще въ половинѣ 1770 года австрійскія войска изъ Венгріи вступили въ польскія владѣнія, заняли два староства, причемъ вмѣстѣ съ 500 деревень захватили богатыя соляныя копи Велички и Бохни. Это было не временное занятіе: установленное въ этихъ земляхъ правленіе употребляло печать съ надписью: «Печать управленія возвращенныхъ земель». Земли объявлены были возвращенными на томъ основаніи, что въ 1412 году онѣ отошли къ Польшѣ отъ Венгріи. Прусскій король, подъ предлогомъ защиты своихъ владѣній отъ мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ южной Польшѣ, занялъ своими войсками погранич-

[1]) Салдернъ Панину 25 (6 іюля).
[2]) Салдернъ Панину 13 (24) іюля.
[3]) Салдернъ императрицѣ 15 (26) іюня.
[4]) Салдернъ Панину 3 (14) сентября.

ныя польскія земли. Осенью 1770 года принцъ Генрихъ Прусскій заѣхалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, прогостилъ здѣсь довольно долго и впервые повелъ рѣчи о раздѣлѣ Польши. Рѣчи эти остались безъ непосредственныхъ послѣдствій: Екатерина вовсе не придавала большаго значенія польскимъ волненіямъ. Успокоеніе Польши и полное возстановленіе въ ней русскаго вліянія было бы немедленнымъ слѣдствіемъ прекращенія Турецкой войны. Войну эту, ознаменованную такими блистательными подвигами русскихъ, императрица хотѣла прекратить съ честію, положить первое начало освобожденію христіанскихъ народовъ изъ-подъ турецкаго ига. Для Россіи она выставила самыя умѣренныя требованія: обѣ Кабарды, Азовъ съ его областью, свободное плаваніе по Черному морю, одинъ островъ на Архипелагѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она потребовала освобожденія Крыма и Дунайскихъ княжествъ изъ-подъ власти султана. Когда Екатерина сообщила эти условія Фридриху II, то онъ отвѣчалъ [1]): «Турки никогда не согласятся на уступку Молдавіи, Валахіи и острова въ Архипелагѣ; независимость татаръ встрѣтитъ также большія затрудненія, и надобно бояться, чтобы Порта, если довести ее до крайности, не бросилась въ объятія Вѣнскаго Двора и не уступила ему Бѣлграда. Австрія также скорѣе начнетъ войну, чѣмъ согласится на отнятіе у Турціи Молдавіи и Валахіи. Все, что можетъ Турція уступить,—это обѣ Кабарды, Азовъ съ его областью и свободное плаваніе по Черному морю. Если Россія согласится на это, то онъ, Фридрихъ, сдѣлаетъ первый шагъ къ начатію переговоровъ; въ противномъ случаѣ онъ не двинется, ибо не предвидитъ никакого успѣха,—предвидитъ одно, что эти требованія присоединятъ къ старой войнѣ еще новую».

Екатерина отвѣчала на это подробнымъ объясненіемъ своихъ требованій [2]): «Я не требую никакихъ пріобрѣтеній собственно для моей имперіи. Обѣ Кабарды и Азовскій округъ принадлежатъ безспорно Россіи: они такъ же мало увеличатъ ея могущество, какъ мало уменьшили его, когда изъ нихъ сдѣлали границу; Россія чрезъ возвращеніе своей собственности выигрываетъ только то, что пограничные подданные ея не будутъ подвергаться воровству и разбоямъ, что стада ихъ будутъ пастись покойно. Свободное плаваніе по Черному морю есть такое условіе, которое необходимо при существованіи мира между народами. Россія согласилась на это ограниченіе, уступила варварскимъ предразсудкамъ Порты изъ любви къ миру; но этотъ миръ нарушенъ съ презрѣніемъ всѣхъ обязательствъ. Если я имѣю право на какое-нибудь вознагражденіе за войну, столь несправедливую, то конечно не здѣсь я могу и должна его найти. Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавіи и Валахіи; но я откажусь и отъ этого вознагражденія, если предпочтутъ сдѣлать эти два княжества независимыми. Этимъ я доказываю свою умѣренность и свое безкорыстіе; этимъ я объявляю, что ищу только удаленія всякой причины къ возбужденію войны съ Портою. Вѣнскій дворъ не понимаетъ своего прямаго интереса, позволяя себѣ такъ живо обнаруживать зависть относительно этого пункта. Я не отодвигаю своихъ границъ ни на одну линію; я остаюсь въ прежнемъ разстояніи отъ его владѣній; если вѣнскій дворъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ въ Туркѣ такого слабаго сосѣда, то долженъ быть еще болѣе доволенъ сосѣдствомъ маленькаго Молдо-Влахійскаго государства, несравненно болѣе слабаго и равно независимаго отъ трехъ имперій. Если положеніе Турокъ таково, что они должны получить миръ только съ уступками, то они поступятъ очень странно, если уступятъ Бѣлградъ, которымъ спокойно владѣютъ, а не уступятъ княжествъ, которыя уже болѣе не ихъ и возвращеніе которыхъ будетъ всегда зависѣть отъ жребія войны. Притомъ это еще вопросъ —чьи владѣнія имъ желательно увеличить: русскія или австрійскія? Но установленіе двухъ независимыхъ княжествъ вопросъ рѣшаетъ. Я знаю, что вѣнское министерство, по нынѣшней своей системѣ, много настаиваетъ на равновѣсіи Востока, которое до сихъ поръ еще не фигурировало съ такимъ блескомъ въ интересахъ западныхъ государей, и изобрѣтеніемъ котораго мы, быть-можетъ, обязаны союзу Австріи съ Франціей; однако я готова уступить этому политическому равновѣсію; но кто опредѣлитъ, что балансъ вѣренъ, когда границы турецкихъ владѣній простираются до Днѣстра, и что балансъ нарушенъ, если эти границы находятся на Дунаѣ? Жалко положеніе Востока, если отъ такой разницы въ разстояніи можетъ зависѣть его разрушеніе! Дѣло освобожденія Татаръ есть право человѣчества, котораго требуетъ цѣлая нація: я ей не могу отказать въ помощи. Возстановленіе независимости Татаръ не уменьшаетъ ни въ чемъ могущества Порты и не увеличиваетъ ни въ чемъ могущества Россіи, но отстраняетъ только пограничныя неудобства послѣдней. Вѣнскій дворъ не имѣетъ Татаръ своими сосѣдями, и потому не имѣетъ никакой причины къ безпокойству. Островъ, требуемый мною въ Архипелагѣ, будетъ только складочнымъ мѣстомъ для русской торговли; я вовсе не требую такого острова, который бы одинъ могъ равняться цѣлому государству, какъ напримѣръ Кипръ или Кандія, ни даже столь значительнаго какъ Родосъ. Я думаю, что Архипелагъ, Италія и Константинополь даже выиграютъ отъ этой складки сѣверныхъ произведеній, которыя они могутъ получать изъ первыхъ рукъ и слѣдовательно дешевле. Надѣюсь, ваше величество согласитесь наконецъ, что если Молдавія и Валахія будутъ провозглашены независимыми, то въ этомъ одномъ островѣ будетъ заключаться все мое вознагражденіе, и что, отказываясь отъ него, я откажусь рѣшительно отъ всего».

[1]) 4 января 1771 года.
[2]) 19 января 1771.

Но Фридрихъ добивался, чтобы Россія взяла въ вознагражденіе не маленькій островъ, а большую область, только не отъ Турціи. 2 марта 1771 года прусскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Сольмсъ, получилъ отъ своего короля слѣдующую депешу: «Изъ паспорта, даннаго правителемъ польской области, занятой австрійцами, одному старостѣ, оказывается ясно, что Вѣнскій Дворъ смотритъ на эту область уже какъ на принадлежащую къ Венгерскому королевству, и нельзя надѣяться, чтобъ Австрія отказалась отъ нея, если не будетъ принуждена къ тому силою. Это заставляетъ меня думать, что мы съ Россіей должны воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, и, подражая примѣру Вѣнскаго Двора, позаботиться также о собственныхъ нашихъ интересахъ и пріобрѣсти какую-нибудь существенную выгоду. Мнѣ кажется, что для Россіи все равно, откуда она получитъ вознагражденіе, на которое она имѣетъ право за военные убытки, и такъ какъ война (Турецкая) началась единственно изъ-за Польши, то я не знаю, почему Россія не можетъ взять себѣ вознагражденіе изъ пограничныхъ областей этой республики. Что же касается до меня, то я никакъ не могу обойтись безъ того, чтобы не пріобрѣсти себѣ такимъ же способомъ часть Польши. Это послужитъ мнѣ вознагражденіемъ за мои субсидіи [1]), равно какъ за потери, которыя я также потерпѣлъ въ этой войнѣ. Я буду очень радъ возможности говорить, что новымъ пріобрѣтеніемъ я обязанъ Россіи, что еще болѣе укрѣпитъ нашъ союзъ и дастъ мнѣ возможность быть полезнымъ Россіи въ другомъ случаѣ».

Депеша была передана Сольмсомъ Панину. Прошелъ мартъ, апрѣль, половина мая; 16 мая Сольмсъ пишетъ Панину: «Передъ отъѣздомъ въ Царское Село имѣю честь еще разъ напомнить вашему сіятельству о послѣднихъ представленіяхъ моихъ насчетъ необходимости прекратить военныя дѣйствія противъ турокъ, по крайней мѣрѣ на морѣ. Осмѣливаюсь также напомнить о дѣлѣ, которое касается особенныхъ интересовъ короля, моего государя, равно какъ и особенныхъ интересовъ Россіи. Король горячо заинтересованъ этимъ дѣломъ, не отступится отъ него, и если я не буду въ состояніи дать ему скоро положительныхъ удостовѣреній, то навлеку на себя жестокіе выговоры и сверхъ того не ручаюсь за рѣшеніе, которое его величество приметъ по собственному усмотрѣнію. Онъ руководится слѣдующимъ: такъ какъ въ этомъ дѣлѣ будетъ только подражаніе примѣру другого, то этотъ другой не можетъ вооружиться противъ насъ, дѣло идетъ только о приведеніи въ исполненіе уже рѣшенаго. Умоляю ваше сіятельство не отлагать рѣшенія здѣшняго Двора».

Рѣшеніе послѣдовало: войдти въ соглашенія съ Прусскимъ королемъ и потребовать у графа Сольмса изложенія видовъ и требованій его Двора. 11 іюня объ этомъ рѣшеніи дано было знать Салдерну въ Варшаву. Но еще прежде Бенуа сказалъ Салдерну: «Я знаю, что вы другъ моего государя; ради Бога, устроимъ такъ, чтобъ ему можно было получить достаточную долю Польши; я вамъ отвѣчаю за благодарность моего государя». Салдернъ отвѣчалъ холодно: «Не намъ съ вами дѣлить Польшу» [2]).

Между тѣмъ, депеша за депешей изъ Берлина въ Петербургъ, отъ Фридриха II къ Сольмсу. Россія должна согласиться на раздѣлъ Польши: это единственный для нея выходъ; Австрія не дастъ ей вознаградить себя насчетъ Турціи, не согласится никогда на независимость Молдавіи и Валахіи,—къ двумъ войнамъ у Россіи будетъ еще третья, съ Австріей; Пруссія будетъ не въ состояніи помогать ей. Если же Россія согласится на раздѣлъ Польши, тѣсно сблизится для этой цѣли съ Пруссіей, то Австрія не посмѣетъ ничего сдѣлать. «Австрія (писалъ Фридрихъ Сольмсу для сообщенія Панину) нисколько не можетъ разсчитывать на помощь Франціи, которая находится въ такомъ страшномъ истощеніи, что не могла оказать никакой помощи Испаніи, когда та готова была объявить войну Англіи. Я разсуждаю такъ: если-бы Вѣнскій Дворъ и желалъ начать войну, то захочетъ ли онъ объявить ее безъ надежды имѣть кого-либо союзникомъ, и вести войну съ Россіей и Пруссіей въ одно время? Это невѣроятно, и потому намъ нечего бояться при исполненіи проекта насчетъ пріобрѣтеній отъ Польши. Я гарантирую русскимъ все, что имъ захочется взять; они поступятъ точно такъ-же относительно меня; а если австрійцамъ покажется ихъ доля мала, то ихъ можно успокоить тою частью венеціанскихъ владѣній, которыя отрѣзываютъ Австрію отъ Тріеста; а еслибъ они тутъ заупрямились, то я отвѣчаю головой, что тѣсный союзъ Пруссіи съ Россіей заставитъ ихъ сдѣлать все, что намъ угодно. Вотъ почему я принимаю на себя всевозможныя гарантіи, какихъ только Россія потребуетъ отъ меня относительно областей, которыя она почтетъ нужными для своего округленія, и думаю, что не рискую войной вслѣдствіе этихъ гарантій. Это дѣло требуетъ только твердости, и я отвѣчаю за успѣхъ именно потому, что австрійцы должны перевѣдываться съ двумя державами, не имѣя ни одного союзника» [3]).

Россія для окончанія Турецкой, а слѣдовательно и Польской войны требуетъ независимости Молдавіи и Валахіи. Если Австрія на это согласится, то Польша останется нетронутою; но этого Фридрихъ II никакъ не хочетъ допустить: «Молдавія и Валахія будутъ всегда камнемъ преткновенія; но если ихъ присоединить къ Польшѣ, то Австрія не будетъ противиться ихъ отторженію отъ Турціи. Это присоединеніе къ державѣ, которая слаба сама по себѣ, не можетъ возбудить въ Австріи никакой

[1]) Фридрихъ II, вслѣдствіе союзнаго договора, платилъ субсидіи Россіи на время войны.

[2]) Салдернъ Панину 4 (15) іюня 1771 года.

[3]) Депеша отъ 14 іюня.

ревности, тѣмъ болѣе что оно должно служить вознагражденіемъ Польшѣ за области, которыя возьмутъ у нея Россія, Пруссія и Австрія, слѣдовательно Польша не получитъ больше того, сколько прежде имѣла» [1]).

За успокоеніями, обѣщаніями всевозможныхъ гарантій, слѣдовали угрозы: «Если Вѣнскій Дворъ объявитъ войну Россіи за Турцію, то надобно ожидать, что австрійцы станутъ дѣйствовать соединенно съ турками въ Молдавіи и Валахіи, чтобы вытѣснить оттуда графа Румянцева. Вотъ уже большая опасность имѣть передъ собою двухъ враговъ вмѣсто одного; но это еще не все. Какъ только поднимется Австрія, то въ Польшѣ образуется генеральная конфедерація противъ Россіи, изберутъ другого короля, и, быть-можетъ, поляки сдѣлаютъ впаденіе въ Россію и принудятъ содержать отдѣльный корпусъ для прикрытія собственныхъ границъ. Мнѣ говорятъ на это, что если я сдѣлаю диверсію, то Россія легко управится; но въ такомъ случаѣ я обращаю на себя всѣ силы Австрійскаго Дома, союзный корпусъ французскій [2]) и всѣ войска, которыя Вѣнскій Дворъ наберетъ у мелкихъ владѣльцевъ германскихъ, такъ что у меня можетъ очутиться на плечахъ 200,000 враговъ. Прибавьте къ тому два года сряду неурожая въ Пруссіи, что отнимаетъ у меня возможность выставить и 10,000 войска. Послѣ этого спрашиваю, не требуетъ ли благоразуміе попытаться уладить дѣло посредствомъ мирныхъ соглашеній?.. Я думаю, что австрійцы вооружаются только для того, чтобы дать больше вѣсу своимъ предложеніямъ. Я думаю, что они никогда не согласятся на отдѣленіе Молдавіи и Валахіи отъ Турціи. Я думаю, что присоединеніе Азова и все то, чего Россія потребуетъ отъ Турціи въ видахъ торговыхъ, не встрѣтитъ затрудненія. Я думаю, что татарское дѣло (то-есть независимость Крыма) можетъ еще уладиться по желанію Россіи. Всѣ эти мои мнѣнія основываются на объясненіяхъ, которыя я имѣлъ съ Вѣнскимъ Дворомъ. Вотъ почему я предлагаю, что, для вознагражденія себя за военныя издержки, Россія должна получить въ Польшѣ кусокъ по своему выбору. Если она согласится на это вознагражденіе, то я ручаюсь, что она его получитъ безъ кровопролитія» [3]).

Итакъ было ясно, что Россія можетъ разсчитывать на прусскую помощь только при условіи раздѣла Польши; въ противномъ случаѣ она должна будетъ безъ союзника бороться противъ Турціи, Польши и Австріи. Относительно послѣдней Фридрихъ II не ошибался и имѣлъ полное право закладывать голову, что при условіи вознагражденія Россіи насчетъ Польши, а не Турціи, войны не будетъ. Не дать Россіи утвердить свое вліяніе на Дунаѣ, сохранить цѣлость Турціи, не входя въ опасную войну съ Россіей за Турцію, выйдти изъ затруднительнаго положенія, не потерявъ ни одного человѣка и ни гроша денегъ,—мало того, пріобрѣтя богатую добычу:—все это было неотразимо привлекательно.

5 февраля 1772 года Фридрихъ II далъ знать Сольмсу о разговорѣ своемъ съ австрійскимъ посломъ въ Берлинѣ, барономъ фонъ-Свитеномъ. «*Ф.-Свитенъ.* Для предотвращенія всѣхъ недоразумѣній, хорошо было бы объясниться насчетъ претензій относительно Польши, насчетъ раздѣла, который намѣреваются сдѣлать. — *Король.* Это трудно, потому что еще нѣтъ ничего рѣшенаго; впрочемъ, дѣло возможное.—*Ф.-Свитенъ.* По крайней мѣрѣ можно дать письменное удостовѣреніе, что доли трехъ государствъ будутъ совершенно ровныя.—*Король.* Дѣло возможное; думаю, что и Россія отъ этого не откажется.—*Ф.-Свитенъ.* Нельзя ли намъ помѣняться: Австрія уступитъ в.—ству свою долю Польши, а вы возвратите ей графство Глацъ?—*Король.* У меня подагра только въ ногахъ; а такія предложенія можно было бы мнѣ дѣлать, если бы подагра была у меня въ головѣ; дѣло идетъ о Польшѣ, а не о моихъ владѣніяхъ; притомъ я держусь трактатовъ и удостовѣреній, сдѣланныхъ мнѣ императоромъ, что онъ не думаетъ больше о Силезіи.—*Ф.-Свитенъ.* Но Карпатскія горы отдѣляютъ Венгрію отъ Польши, и всѣ пріобрѣтенія, какія мы можемъ сдѣлать за горами, намъ не выгодны. — *Король.* Альпы отдѣляютъ васъ отъ Италіи, однако вы вовсе не равнодушны къ обладанію Миланомъ и Мантуею.—*Ф.-Свитенъ.* Намъ было бы гораздо выгоднѣе пріобрѣсти отъ турокъ Бѣлградъ и Сербію.—*Король.* Мнѣ очень пріятно слышать, что австрійцы не подверглись еще обряду обрѣзанія, въ чемъ ихъ обвиняютъ, и что они хотятъ получить свою долю отъ своихъ пріятелей турокъ.—*Ф.-Свитенъ.* Но что ваше величество думаетъ объ этой идеѣ?—*Король.* Я не думаю, чтобы было невозможно осуществить ее.—*Ф.-Свитенъ.* Я отпишу объ этомъ къ своему Двору, который будетъ оченъ радъ».—Но 22 февраля Фридрихъ далъ знать Сольмсу, что въ Вѣнѣ перемѣнили намѣреніе: отказываются отъ Сербіи и хотятъ взять свою долю изъ Польши.

Дѣло было покончено въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ. Теперь возвратимся въ Варшаву, къ Салдерну, котораго мы оставили въ сильномъ безпокойствѣ насчетъ поведенія прусскихъ войскъ въ польскихъ областяхъ: «Тягости, налагаемыя королемъ прусскимъ становятся день отъ дня невыносимѣе», писалъ инъ Панину. «Прусаки забираютъ все въ десяти миляхъ отъ Варшавы. Я не знаю, какъ генералъ Бибиковъ извернется, чтобы наполнить обыкновенные магазины, назначенные для продовольствія нашихъ войскъ, которыя теперь въ Польшѣ, не говоря уже о тѣхъ войскахъ, которыя мы безпрестанно поджидаемъ. Поведеніе прусскихъ офицеровъ приводитъ въ движеніе всю Польшу. Всякій ищетъ средствъ какъ помочь бѣдѣ, и сколько головъ, столько умовъ. Одни кричатъ

[1]) Депеша отъ 3 іюля.

[2]) Вспомнимъ, какъ прежде утверждалось, что Франція никакъ не можетъ помочь Австріи.

[3]) Депеша 10 сентября.

что надобно сдѣлать представленія тремъ дворамъ, петербургскому, вѣнскому и самому берлинскому, насчетъ крайностей, какія позволяетъ себѣ прусскій король; другіе въ ярости требуютъ самыхъ нелѣпыхъ мѣръ; но всѣ одинаково кричатъ противъ притѣсненій и насилій. Когда мнѣ объ этомъ говорятъ публично, то я отвѣчаю одно: обратитесь къ прусскому министру. Когда же мнѣ говорятъ межъ четырехъ глазъ, я отвѣчаю, что это наказаніе Божіе за то, какъ Поляки поступили этимъ лѣтомъ относительно декларацій ея императорскаго величества, и за то, что они кричали противъ русскихъ войскъ» [1]. Чрезъ нѣсколько дней пошла новая депеша изъ Варшавы въ Петербургъ, опять о пруссакахъ: «Поведеніе прусскихъ офицеровъ становится день ото дня оскорбительнѣе. Не жалобы Поляковъ заставляютъ меня говорить объ этомъ, но жестокая необходимость, наше собственное существованіе, самая ужасная будущность, которая насъ ожидаетъ. Прусскія войска забираютъ весь хлѣбъ въ воеводствахъ, и продовольствія намъ не будетъ доставать здѣсь, какъ уже не достаетъ для нашихъ отрядовъ въ Ловичѣ и Торнѣ. Голодъ неизбѣженъ, и необходимымъ слѣдствіемъ голода будетъ возмущеніе шляхты и крестьянъ. Бѣдствія умножаютъ безпрестанно число конфедератовъ. Прусскій министръ глухъ ко всему этому, говоритъ, что король не отвѣчаетъ ему ни слова на всѣ его представленія. Къ довершенію бѣдствія, прусскій король ввезъ въ Польшу посредствомъ жидовъ два милліона фальшивыхъ флориновъ» [2].

Салдерну отвѣчали изъ Петербурга, что нельзя дѣлать представленій Прусскому королю при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится теперь Петербургскій Дворъ къ Берлинскому. Представленія Салдерна о бѣдствіяхъ настоящихъ и будущихъ для русскаго войска въ Польшѣ отъ поведенія пруссаковъ много теряли силы вслѣдствіе донесеній Бибикова, который, по характеру своему, смотрѣлъ на вещи другими глазами, чѣмъ Салдернъ, то-есть гораздо спокойнѣе. Вотъ что писалъ онъ Панину въ концѣ 1771 года: «Не заботьтесь о конфедератахъ: они такъ малы, что если не помѣшаетъ что особливое, то будущую весну выживу и изъ тѣхъ гнѣздъ, въ которыхъ они теперь величаются со всѣми французскими вертопрахами, а развѣ одно имъ убѣжище будутъ австрійскія земли. Да бѣда моя общій нашъ другъ посолъ: такая горячность и такая нетерпѣливость, что съ ноги бьетъ. При самой пустой и неосновательной отъ Поляковъ вѣсти (а ихъ, къ несчастію, здѣсь много) зашумитъ и заворчитъ: вотъ конфедераты усиливаются, вотъ ужь они тамъ и сямъ, а мы ничего не дѣлаемъ! мы пропадемъ! они всѣ субстанціи у насъ отнимутъ. Вся моя холодность и все почтеніе къ сему старику нужны бываютъ, чтобы сохранить въ предѣлахъ его запальчивость и напуски. Но будьте увѣрены, ваше сіятельство, что сохраню, не взирая на странности его свойствъ. Часто мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не тотъ, котораго мы прежде знали, подозрѣнія странныя въ немъ примѣчаю, между прочимъ кажется ему, что я съ Поляками очень вѣжливъ, и что я на его счетъ хочу быть любимымъ; иногда не довольно бѣднаго посла почитаю. Нерѣдко уже и объяснялись, и я отъ него не разъ слышалъ: «Souvenez, mon cher et digne ami, que je suis representant de la Russie et votre pauvre ambassadeur». Я его иногда смѣхомъ, иногда суріозно переувѣрю, что у меня въ головѣ нѣтъ его уменьшать, и что я и безъ посольства его почитать привычку сдѣлалъ, да и теперь онъ дороже мнѣ какъ мой другъ Салдернъ, нежели посолъ. И послѣ сего опять хорошо идетъ. А когда придетъ на вѣжливость мою подозрѣніе, то зачнетъ говорить: «Vous donnez un démenti à votre ami et à votre ambassadeur, vous êtes si poli vis-à-vis de ces coquins de Polonais, il faut les traiter en canaille comme ils méritent». Въ семъ случаѣ нужно мнѣ бываетъ мое краснорѣчіе и шутка, и съ смѣхомъ стану я ему говорить, что я не могу этакъ грубіянить, какъ онъ; ему какъ старому человѣку больше простятъ нежели мнѣ, а про меня скажутъ: русскій невѣжа жить не умѣетъ. Клянусь вамъ Богомъ, что временемъ дѣлаетъ онъ мнѣ больше заботы, нежели всѣ вмѣстѣ конфедераты. Здѣшнія наши политическія дѣла буде имѣютъ по желанію нашему какой успѣхъ, тому глупость, трусость и нерѣшимость польскую извольте твердо почитать основаніемъ и ни къ чему иному его не приписывать, какъ симъ польскимъ качествамъ. А ненависть ихъ на нашего друга непересказуема. Боятся же его какъ какое пугалище».

Отдаленные отъ описываемыхъ событій почти вѣкомъ, мы можемъ спокойно взглянуть и на дѣятельность Салдерна и на дѣятельность Бибикова. Мы не можемъ не замѣтить въ Салдернѣ раздражительности, запальчивости, склонности къ преувеличеніямъ. *Грубіянить* дѣйствительно было не нужно; твердость и силу всего лучше можно выказать безъ грубіянства. Но, съ другой стороны, нужно было подальше гнать отъ себя мысль, что скажутъ: «русскій невѣжа жить не умѣетъ». Хорошо еще, когда были Бибиковы да Суворовы; но при другой обстановкѣ мысль эта приносила большой вредъ русскимъ людямъ, которые съ чужими иногда черезчуръ сдерживались этою мыслію, а съ своими ничѣмъ не сдерживались. Послѣдними строками своего письма Бибиковъ даетъ понять Панину, что если есть какой успѣхъ, то его никакъ нельзя приписать Салдерну, а только дурнымъ качествамъ поляковъ. Бибиковъ выставляетъ трусость поляковъ какъ средство къ успѣху для русскихъ; но чтобъ пользоваться этимъ средствомъ, чтобъ заставлять труса трусить, надобно его пугать. Салдерна боялись, говоритъ Бибиковъ, и

[1]) Салдернъ Панину 19 (30) ноября 1771 года.
[2]) Салдрепъ Панину 3 (14) декабря.

этими словами, вмѣсто обвиненія, оправдываетъ Салдерна, прямо показываетъ, что Салдернъ былъ полезенъ, умѣлъ пользоваться качествами враговъ.

Въ началѣ 1772 года, когда въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ дѣло подвигалось къ окончательному соглашенію между тремя державами относительно раздѣла Польши, къ Варшавѣ все еще толковали о притѣсненіяхъ отъ прусскихъ войскъ. Въ квартирѣ русскаго посла шелъ разговоръ между Салдерномъ и коронньмъ канцлеромъ Млодзѣевскимъ: «*Канцлеръ.*—Несчитаете ли вы приличнымъ, чтобы король обратился къ ея императорскому величеству, отправилъ къ ней министра для увѣдомленія о поступкахъ и притѣсненіяхъ Прусскаго короля?—*Посолъ.* Я думаю, что императрица не приметъ никакого посла отъ Польши пока смута продолжается. Ея императорское величество очень хорошо помнитъ все происшедшее здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ; она замѣчаетъ не только равнодушіе польскаго двора относительно ея, но и явное сопротивленіе всѣмъ ея добрымъ намѣреніямъ. Какъ вы хотите, чтобъ императрица заступилась за Польшу передъ прусскимъ королемъ, когда это единственный государь, который дѣйствуетъ единодушно съ нею въ настоящихъ дѣлахъ, и какъ вы можете думать, чтобы моя государыня захотѣла сдѣлать непріятность другу, заступаясь за Поляковъ, которые ни теплы ни холодны и на которыхъ можно смотрѣть какъ на враговъ Россіи? Я говорю не объ однихъ конфедератахъ, но и обо всѣхъ тѣхъ, которые хотя не замѣшаны открыто въ настоящія смуты, но которые дѣйствуютъ подъ рукою и которые наполняютъ Варшаву. Я не исключаю даже и двора. Ея императорское величество не забудетъ холодности, невниманія, непослѣдовательности и неправильности въ поступкахъ, какія король и его фамилія позволили себѣ, покровительствуя части народа, которая возмутилась противъ своего короля, поддерживаемаго моею государыней. Послѣ моей декларація я нѣсколько разъ имѣлъ разговоры съ дядьми короля и вице-канцлерами, и объявилъ имъ о намѣреніяхъ ея императорскаго величества успокоить Польшу, излагая имъ, что императрица согласна на измѣненія въ самыхъ существенныхъ пунктахъ послѣдняго договора; именно, что дастъ объясненія относительно гарантіи и не откажется ограничить права диссидентовъ въ томъ случаѣ, если они согласятся сами пожертвовать частью своихъ правъ для отнятія предлога у злонамѣренныхъ людей продолжать разбойничества подъ религіознымъ знаменемъ. Что же касается внутреннихъ дѣлъ, то императрица требуетъ только сохраненія liberum veto для всей шляхты. Они были очень довольны, но захотѣли ли воспользоваться добрыми намѣреніями ея императорскаго величества? приступили ли къ дѣлу? Князь воевода русскій сказалъ, что у насъ мало войска въ Польшѣ для поддержанія этого дѣла, что республика находится въ кризисѣ, и положеніе ея таково, что не можетъ ухудшиться. Я очень хорошо понимаю смыслъ этихъ словъ: воевода хотѣлъ сказать, что у насъ на плечахъ война, которая можетъ пойти для насъ неудачно, ибо онъ не могъ не знать, что у насъ въ Польшѣ 12,000 войска, число очень достаточное для ихъ поддержанія, еслибъ они захотѣли серьезно воспользоваться нашимъ добрымъ расположеніемъ, вмѣсто того чтобъ увеличивать смуту своимъ бездѣйствіемъ. Короля и республику никто не поддерживаетъ кромѣ императрицы: но оказывается ли къ ней довѣріе? Король обращается въ другую сторону, обольщаясь надеждою, что можетъ найти подпору въ сосѣдѣ, который до сихъ поръ не оказалъ ему ни малѣйшихъ знаковъ дружбы и пользы, наоборотъ, покровительствуетъ людямъ, посягающимъ на его власть и жизнь. Вѣнскій дворъ знаетъ и видитъ все, что король прусскій дѣлаетъ въ Польшѣ. Въ другое время онъ не смотрѣлъ бы на это равнодушно. Теперь Австрія не только овладѣла польскими землями, но, быть-можетъ, имѣетъ еще какіе-нибудь скрытые виды. Императрица требуетъ у короля и республики благоразумной дружбы, основанной на поддержаніи естественной польской конституціи. Если король и его друзья предпочитаютъ оставаться въ бездѣйствіи и упорствовать въ своемъ равнодушіи, то не ея вина, если она приметъ мѣры, соотвѣтствующія ея достоинству и интересамъ ея имперіи. Я предсказываю, что Польша должна ждать крайней смуты. Не разъ я давалъ вамъ чувствовать, что прошлое лѣто вы упустили самую благопріятную минуту успокоить Польшу вашими собственными силами при поддержкѣ Россіи; я давалъ вамъ чувствовать, что по упущеніи этой благопріятной минуты успокоеніе Польши уже не будетъ болѣе зависѣть отъ свободной націи, но что вы получите законы и миръ изъ рукъ вашихъ сосѣдей. Когда начались жалобы на поведеніе короля прусскаго, то никогда не скрывалъ я ни отъ короля, ни отъ васъ, что этотъ король будетъ для васъ еще тягостнѣе и что онъ болѣе всѣхъ пользуется смутою польскою» [1]).

Посолъ высказался ясно насчетъ того, что ожидало Польшу. Это было послѣднее его объясненіе. Вслѣдъ за тѣмъ Салдернъ сталъ умолять объ отзывѣ: «Я не сплю больше, желудокъ у меня уже больше не варитъ!» писалъ онъ Панину [2]) Не онъ долженъ былъ присутствовать при исполненіи своихъ предсказаній. Въ іюлѣ 1772 онъ получилъ желанный отзывъ, но, покидая свой постъ, старикъ не утерпѣлъ, послалъ въ Петербургъ жалобу на Бибикова: «Поведеніе Бибикова вовсе не соотвѣтствуетъ русской системѣ. Король, его братья и дядья поймали его за его слабую сторону: имъ управляютъ женщины—жена маршала Любомирскаго, гетмана Огинскаго и другія,

---

[1]) Салдернъ Панину 20 января (1 февраля) 1772 года.
[2]) 24 января.

подставленныя королемъ, чтобы не дать ему придти въ себя. Чарторыйскій канцлеръ, эта старая лисица, вызвалъ съ тою же цѣлію, изъ Литвы дочь Пршездецкаго. Бибиковъ дѣлаетъ все, что эти люди внушаютъ ему посредствомъ женщинъ; ему не даютъ ни одного дня отдыха, чтобъ онъ могъ опомниться: то охота, то загородная прогулка, то балъ, развлеченія всякаго рода, сопровождаемыя самой низкою лестью и угодничествомъ со стороны Поляковъ, держатъ его въ цѣпяхъ. Онъ не пропускаетъ ни одного вечера у госпожи Огинской, бывать у которой генералъ Веймарнъ запретилъ русскимъ офицерамъ по причинѣ поведенія мужа и фамиліи и по причинѣ азартной игры. Но теперь все позволено. Бибиковъ забывается до такой степени, что преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ Черторыйскіе и братъ короля. Судите, ваше сіятельство, сколько случаевъ имѣетъ войсковой начальникъ притѣснять кого захочетъ. Я употреблялъ всѣ средства для удержанія его отъ этого, и иногда успѣвалъ, особенно когда обращался къ нему письменно: онъ боялся, что отошлю копіи ко двору. У него нѣтъ секрета, какъ скоро найдено средство возбудить его тщеславіе. Лѣнь, которая беретъ свое начало въ образѣ его жизни, останавливаетъ движеніе дѣлъ, часто случается, что болѣе 60 приказовъ по 8 дней лежатъ безъ подписи» [1]).

Преемникомъ Салдерна былъ Штакельбергъ. 7 (18) сентября 1772 года, вмѣстѣ съ прусскимъ уполномоченнымъ Бенуа (австрійскій, баронъ Ревицкій, еще не пріѣзжалъ), онъ подалъ министерству декларацію о раздѣлѣ [2]). Начались частыя конференціи между королемъ и его приближенными, результатомъ было рѣшеніе—сносить все терпѣливо, ничего не уступая добровольно, пусть берутъ все силою, и требовать помощи у Дворовъ европейскихъ; при этомъ проволакивать время, противопоставлять требованіямъ трехъ державъ цѣлый лабиринтъ шиканствъ и формальностей [3]). Король однимъ декламировалъ противъ Россіи, другимъ внушалъ, что Русская императрица согласна вмѣстѣ съ нимъ на образованіе конфедераціи противъ раздѣла; король даже далъ знать объ этомъ австрійскому послу, чтобы пустить черную кошку между союзниками. Штакельбергъ вслѣдствіе этого старался внушить полякамъ, что Россія не покровительствуетъ королю, и что такъ какъ Чарторыйскіе теперь болѣе не монополисты нашихъ сношеній въ Польшѣ, то нація не рискуетъ быть обманутою [4]). Въ концѣ октября Штакельбергъ имѣлъ объясненіе съ королемъ. Станиславъ-Августъ приготовился и далъ полную свободу своему краснорѣчію: «Претерпѣвъ столько страданій за отечество, запечатлѣвъ своею кровью дружбу и приверженность къ императрицѣ, и видя, что государство мое обираютъ самымъ несправедливымъ образомъ, и меня самого доводятъ до нищенства, я понимаю, что меня могутъ постигнуть еще большія бѣдствія, но я ихъ уже не боюсь. Убитый, умирающій съ голода, я научился—погибнуть». Штакельбергъ отвѣчалъ спокойно: «Краснорѣчіе вашего величества и сила вашего воображенія перенесли васъ къ лучшимъ страницамъ Плутарха и древней исторіи; но все это не можетъ служить предметомъ нашего разговора; удостойте ваше величество снизойдти къ исторіи Польши и къ исторіи графа Понятовскаго». За этимъ послѣдовало изложеніе обстоятельствъ, повевшихъ къ несчастію, которое оплакивалъ король. Отъ прошедшаго Штакельбергъ перешелъ къ настоящему и предложилъ вопросъ: что станется съ нимъ, королемъ, если 100,000 войска наводнятъ Польшу, возьмутъ контрибуцію, заставятъ сеймъ подписать все, что угодно сосѣднимъ державамъ, и уйдутъ, оставя его, короля, въ жертву злобѣ враговъ его? Король поблѣднѣлъ, Штакельбергъ воспользовался этимъ и началъ доказывать ему, что его существованіе зависитъ отъ двухъ условій: отъ немедленнаго созванія сейма и отреченія отъ всякой интриги, которая бы имѣла цѣлію ожесточить поляковъ и вводить ихъ въ заблужденіе. Король обѣщалъ дѣлать все по желанію посла [5]).

Штакельбергъ еще не привыкъ къ варшавскимъ сюрпризамъ, и потому не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда, черезъ два дня послѣ приведеннаго разговора, король призвалъ его опять къ себѣ и объявилъ, что считаетъ своею обязанностью отправить Браницкаго въ Парижъ съ протестомъ противъ раздѣла. «Мнѣ ничего больше не остается», отвѣчалъ Штакельбергъ, «какъ жалѣть о вашемъ величествѣ и увѣдомить свой Дворъ о вашемъ поступкѣ. Чего вы, государь, ожидаете отъ Франціи противъ трехъ державъ, способныхъ сокрушить всю Европу»?—«Ничего», отвѣчалъ король: «но я исполнилъ свою обязанность» [6]). 23 ноября (4 декабря), Штакельбергъ подалъ декларацію: «Есть предѣлъ умѣренности, которую предписываютъ правосудіе и достоинство дворовъ. Ея величество императрица надѣется, что король не захочетъ подвергать Польшу бѣдствіямъ, необходимому результату медленности, съ какою его величество приступаетъ къ созванію сейма и переговорамъ, которыя одни могутъ спасти его отечество». Но, въ то время какъ Штакельбергъ принималъ мѣры, чтобы заставить короля перемѣнить его несчастное поведеніе, Бенуа твердилъ ему: «Оставьте его; тѣмъ лучше для насъ, мы больше возьмемъ» [7]).

Это стремленіе больше взять было причиною, что Штакельбергъ въ маѣ 1773 года получилъ отъ Панина слѣдующія инструкціи для предстоящихъ переговоровъ по поводу раздѣла и вообще устрой-

[1]) Салдернъ Панину 25 іюля (5 августа).
[2]) Штакельбергъ Панину 8 (19) сентября.
[3]) Штакельбергъ Панину 13 (24) сентября.
[4]) Штакельберги Панину 14 (25) октября.

[5]) Штакельбергъ Панину, 29 октября (9 ноября).
[6]) Штакельбергъ Панину, 1 (12) ноября.
[7]) Штакельбергъ Панину 26 ноября (6 декабря).

ства польскихъ дѣлъ: «Такъ какъ Польша болѣе всего опасается короля прусскаго, и такъ какъ торговля по Вислѣ составляетъ самый важный пунктъ для нея, то вы должны взять на себя роль посредника; вы должны пригласить барона Ревицкаго присоединиться къ вамъ, и вдвоемъ, однообразными представленіями старайтесь доставить Польшѣ самыя сносныя условія. Отправляясь отъ начала, что три двора намѣрены сохранить Польшу въ положеніи державы посредствующей, которая имѣла бы соотвѣтственную этой цѣли силу, вы можете представить слабость, до какой доведена Польша многолѣтнею смутою и усобицами, потерями отъ раздѣла, и сколько нужно лѣтъ, чтобъ она могла оправиться, а оправиться ей будетъ нельзя, если пресѣкутся къ тому способы относительно торговли. При опредѣленіи отношеній къ Австріи есть одинъ важный предметъ — это соль, предметъ первой необходимости: надобно, что бы Поляки могли получать ее по умѣреннымъ цѣнамъ; говоря за Поляковъ въ этомъ случаѣ, вы исполните предписаніе состраданія и человѣчества. Я чувствую, какъ подобное поведеніе ваше будетъ щекотливо относительно короля прусскаго, котораго распоряженія обличаютъ совершенно другіе виды; но, по крайней мѣрѣ, вы можете требовать, чтобы дали Польшѣ вздохнуть прежде чѣмъ извлекать изъ нея новыя выгоды, и чтобы первые годы послѣ раздѣла были наименѣе тяжки для нея. Всякій разъ, какъ прусскій министръ будетъ совѣтовать вамъ употреблять силу, а вы замѣтите, что есть еще другіе способы, то умѣряйте его стремленіе и принимайте его мнѣнія только въ крайности. Представляйте ему дружески, не вмѣшивая свой дворъ, все что узнаете вопіющаго насчетъ поведенія прусскихъ войскъ, уговаривайте его сдерживать ихъ, представляйте ему, что временныя выгоды солдата, который сытно кормится въ чужой землѣ, неидутъ въ сравненіе съ необходимостью извлечь Европу изъ кризиса, въ которомъ она теперь находится: внушайте все это осторожно, но вмѣстѣ съ силою истины».

Когда дѣло было покончено, раздѣлъ совершился, Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи, Сольмсъ въ Петербургѣ получилъ письмо отъ принца Генриха: «Во всемъ этомъ дѣлѣ я не думалъ о собственныхъ выгодахъ. Когда дѣло идетъ о счастіи государствъ, не должно примѣшивать сюда частныхъ интересовъ. Я вмѣняю себѣ въ славу, что служилъ великой императрицѣ и былъ полезенъ королю и моему отечеству; это мнѣ льститъ гораздо больше, чѣмъ пріобрѣтеніе какой-нибудь области. Я имѣю право говорить, что пребываніе мое въ Петербургѣ ознаменовано началомъ сношеній, поведшихъ къ тѣснѣйшему союзу между королемъ и Россіей. Я имѣю доказательство болѣе чѣмъ въ 20 собственноручныхъ письмахъ короля, что я поставилъ вопросъ, который повелъ къ соглашенію. Но я не требую за это вознагражденія; я ищу только славы, и признаюсь вамъ, что я буду счастливъ, получа эту славу изъ рукъ ея величества императрицы Русской; желаніе мое исполнится, если она удостоитъ, по случаю принятія во владѣніе земель отъ Польши, почтить меня письмомъ, которое будетъ служить доказательствомъ, что я содѣйствовалъ этому великому дѣлу. Повторяю вамъ откровенно, что я буду смотрѣть на это письмо какъ на величайшій монументъ моей славы».

Желаніе принца было исполнено,—императрица написала ему: «По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество можетъ считаться первымъ виновникомъ».

ГЛАВА VI.

Послѣ раздѣла Польша должна была принять отъ Россіи, Австріи и Пруссіи слѣдующія условія, на которыхъ она могла сохранить свое политическое бытіе: 1) она должна была навсегда удержать избирательную форму правленія; 2) только природный полякъ (Пястъ) могъ быть королемъ; 3) Польша сохраняла все свое прежнее республиканское устройство; 4) законодательная власть оставалась у сейма, состоявшаго изъ короля, сената и рыцарства; исполнительная была у вновь учрежденнаго *Постояннаго Совѣта*, состоявшаго изъ короля, 18 сенаторовъ и 18 пословъ сеймовыхъ. Этотъ Постоянный Совѣтъ дѣлился на пять коммисій: a) иностранныхъ сношеній, b) полиціи, c) военную, d) юстиціи, e) финансовую. Католическая партія, поддерживаемая Австріею, настояла, чтобъ шляхта греческаго неуніатскаго закона и диссиденты не могли быть ни въ сенатѣ, ни въ Постоянномъ Совѣтѣ; на сеймахъ изъ нихъ не могло быть болѣе трехъ пословъ. Русскіе уступили, потому что масса православнаго народонаселенія принадлежала къ низшимъ сословіямъ,—значительной шляхты было очень мало.

Послѣ перваго раздѣла исторія дала Польшѣ 15 лѣтъ отдыха, мира. Это время прошло въ борьбѣ короля съ оппозиціею, во главѣ которой стоялъ великій гетманъ коронный Францъ-Ксаверій Браницкій, соединившійся съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, человѣкомъ ничтожнымъ, вовсе непохожимъ на своего отца и дядю[1]). Браницкій хотѣлъ играть первую роль въ странѣ и враждебно столкнулся съ Постояннымъ Совѣтомъ, который своею военною коммисіею ограничивалъ власть гетмана надъ войскомъ. Русскій посолъ

---

[1]) Князь Михаилъ Чарторыйскій, великій канцлеръ Литовскій, умеръ вскорѣ послѣ раздѣла; князь Августъ, палатинъ Русскій, прожилъ еще семь лѣтъ.

Штакельбергъ стоялъ за Постоянный Совѣтъ,—и отсюда ненависть у Браницкаго къ Штакельбергу, поѣздка въ Петербургъ, хлопоты тамъ, чтобъ непріятный посолъ былъ отозванъ, чего Браницкій надѣялся достигнуть съ помощью Потемкина. Потемкинъ шелъ противъ Панина, а Панинъ покровительствовалъ Штакельбергу.

Но интрига въ России противъ Штакельберга не помогала; посолъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; не помогали интриги и въ Польшѣ противъ короля: тщетно запаивали и обдаривали [1]) шляхту передъ выборами на сеймъ 1776 г.; король обратился къ Штакельбургу съ просьбою о вооруженномъ вмѣшательствѣ, и появленіе двухъ русскихъ эскадроновъ въ Литвѣ положило здѣсь конецъ *патріотичеекой* дѣятельности Браницкаго и Чарторыйскаго. Вмѣстѣ съ депутатами явились въ Варшаву на сеймъ и русскія войска. *Патріоты* были сдержаны, вслѣдствіе чего нѣсколькимъ юристамъ, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго, было поручено составленіе новаго Уложенія, болѣе соотвѣтствующаго духу времени, болѣе благосклоннаго къ низшимъ классамъ народонаселенія; власть гетмановъ была ограничена; четыре гвардейскихъ полка были подчинены непосредственно королю. Король дѣлалъ все, что могъ, для вос кресенія Цольши въ этотъ пятнадцатилѣтній про межутокъ между первымъ и вторымъ раздѣломъ; заботился о варшавскомъ и виленскомъ кадетск имъ корпусахъ, которые и начали доставлять порядочныхъ офицеровъ; учреждена была артиллерійская школа, явились пушечный и оружейные заводы, построены цейгхаузы, казармы, тогда какъ прежде этого ничего не было. *Воспитательная коммисія* и *воспитательный Совѣтъ* хлопотали не безъ пользы о поднятіи университетовъ и школъ. Любовь короля къ наукѣ и искусству, мода на нихъ при Дворѣ также не остались безъ вліянія: таланты находили просторъ и почетъ.

Но всѣ эти цвѣтки, показавшіеся на поверхности почвы при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не были признаками возрожденія Польши, которая неминуемо должна была поплатиться жизнію за всю свою исторію. Признаки этой наступающей расплаты были явны для всякаго внимательнаго и разумнаго наблюдателя. Вотъ эти признаки:

«Вельможи, постоянно недовольные, въ постоянномъ соперничествѣ другъ съ другомъ, гоняются за пенсіями иностранныхъ Дворовъ, чтобъ подкапываться подъ свое отечество. Потоцкіе, Радзивиллы, Любомирскіе разорились вконецъ отъ расточительности. Князь Адамъ Чарторыйскій часть своего хлѣба съѣлъ еще на корню. Остальная шляхта всегда готова служить тому Двору, который больше заплатитъ. Въ столицѣ поражаетъ роскошь, въ провинціяхъ бѣдность. На 20 милліоновъ польскихъ злотыхъ ввозъ иностранныхъ товаровъ превысилъ вывозъ своихъ. Ежедневно происходятъ такія явленія, которыя невѣроятны въ другомъ государствѣ: злостныя банкротства купцовъ и вельможъ, безумныя азартныя игры, грабежъ всякаго рода, отчаянные поступки, порождаемые недостаткомъ средствъ при страшной роскоши. Преступленія совершаются людьми, принадлежащими къ высшимъ слоямъ общества. И какому наказанію подвергаются они?—никакому! Гдѣ же они живутъ, эти преступники?—въ Варшавѣ, постоянно бываютъ у короля, завѣдываютъ важными отраслями управленія, составляютъ высшее, лучшее общество, пользуются наибольшимъ почетомъ. Хотите знать палатина, который укралъ печать? или графа, мальтійскаго рыцаря, которому жена палатина Русскаго (Галицкаго) недавно говорила: «Вы украли у меня часы, только не велика вамъ будетъ прибыль: они стоятъ всего 80 червонныхъ». Кавалеры Бѣлаго Орла крадутъ у адвокатовъ векселя, предъявленные ихъ заимодавцами. Министры республики отдадутъ въ закладъ свое серебро черезъ камердинера, отошлютъ потомъ этого камердинера въ деревню, да и начинаютъ искъ противъ того, кто далъ деньги подъ закладъ, подъ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро и бѣжалъ, а черезъ полгода воръ опять служитъ у прежняго господина. Другой министръ захватилъ имѣніе сосѣда; Постоянный Совѣтъ рѣшилъ, что онъ долженъ возвратить захваченное; несмотря на то, похититель велѣлъ зятю своему, полковнику, вооруженною рукою удерживать захваченное; загорается битва между солдатами полковника и крестьянами законнаго владѣльца; полковникъ прогнанъ, но 30 человѣкъ остались на мѣстѣ битвы. Одинъ палатинъ уличается передъ судомъ въ подделкѣ векселей; другой отрицается отъ своей собственной подписи; третій употребляетъ фальшивыя карты и обираетъ этимъ молодыхъ людей,—въ числѣ обыгранныхъ былъ родной племянникъ короля; четвертый продаетъ имѣнія, которыя ему никогда не принадлежали; пятый, взявши изъ рукъ кредитора вексель, раздираетъ его въ то же мгновеніе и велитъ отколотить кредитора; шестой, занимающій очень важное правительственное мѣсто, захватываетъ молодую благородную даму, отвозитъ въ домъ, гдѣ велитъ стеречь ее своимъ лакеямъ, и тамъ насилуетъ. Покойный маршалъ Саксонскій имѣлъ полное право говорить, что нѣмецкій полумошенникъ въ Польшѣ честнѣйшія человѣкъ».

Мы едва ли бы рѣшились безъ оговорки приводить эти свидѣтельства, если бы они шли отъ русскаго, австрійца или пруссака; но они идутъ отъ саксонскаго резидента Ессена, который не имѣлъ никакихъ побужденій чернить поляковъ,—напротивъ: имѣлъ всѣ побужденія сочувствовать имъ, смотрѣть на нихъ съ самой благопріятной стороны. «Я трепещу при мысли», пишетъ Ессенъ, «что курфирстъ возложитъ на меня обязанность указать ему между поляками троихъ значительныхъ и вмѣстѣ честныхъ

[1]) Считали, что истрачено было на подкупъ до 150,000 золотыхъ.

людей: я не могу указать ему ни одного. Польскіе вельможи громко говорятъ: «Государи при сношеніи другъ съ другомъ имѣютъ въ виду одну собственную выгоду; мы республиканцы и государи и, потому, не дѣлаемъ ничего для другихъ государей безъ соблюденія собственной выгоды».— Россія, продолжаетъ Ессенъ, «эта великая и страшная имперія, принуждена тратить ежегодно отъ 40 до 50,000 червонныхъ на пенсіи, чтобы въ Постоянномъ Совѣтѣ и въ коммисіяхъ имѣть своихъ людей, и кромѣ того должна еще содержать эскадронъ легкой кавалеріи, готовый летѣть всюду при первой надобности. Несмотря на то, несмотря на всѣ письма и указы императрицы къ послу, русскіе подданные часто проигрываютъ процессы. Англійскій посланникъ Дальримпль съ каждою почтою проситъ свое правительство отозвать его отсюда; онъ говоритъ, что, исполняя здѣсь обязанности министра, онъ унижаетъ тѣмъ свое достоинство честнаго человѣка. Большая часть здѣшняго высшаго блестящаго общества въ другой странѣ подверглась бы преслѣдованію закона»[1].

«Мы республиканцы и государи», говорила польская шляхта, «мы соблюдаемъ вездѣ только собственныя выгоды.» И вотъ, когда на сеймѣ 1780 года представлено было новое Уложеніе, требующее равенства всѣхъ передъ закономъ, гласнаго судопроизводства, улучшенія участи горожанъ и крестьянъ, то «республиканцы и государи» съ ужасомъ и злобою отвергли такой еретическій кодексъ.

Преобразовательная дѣятельность Станислава-Августа только слегка коснулась поверхности; пораженное неизлѣчимою болѣзнію, общественное тѣло способно было только къ судорожному предсмертному движенію, когда поднялся — *Восточный вопросъ*.

Россія, вслѣдствіе раздѣла Польши, отказалась отъ своихъ требованій относительно независимости Дунайскихъ Княжествъ, отказалась отъ острова на Архипелагѣ для себя, но неожиданно, и къ великой досадѣ Австріи, силою оружія заставила Турцію въ Кучюкъ-Кайнарджи признать независимость Крыма. Это послѣднее событіе не могло остаться безъ послѣдствій: оно заставило Россію отказаться отъ сѣвернаго *акорта*, перемѣнить прусскій союзъ на австрійскій.

Турція долго не могла переварить условій Кайнарджійскаго мира, долго бросалась во всѣ стороны съ просьбою о помощи, нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить эти условія. Понятно, что всего чувствительнѣе была для нея потеря Крыма. По условіямъ Кайнарджійскаго мира, за султаномъ оставалось въ Крыму религіозное значеніе, какъ преемника калифовъ; но онъ упорно домогался верховныхъ правъ въ области гражданской и политической. Россія, разумѣется, не могла уступить этимъ домогательствамъ, ибо тогда гдѣ же была бы независимость Крыма? Вслѣдствіе враждебныхъ другъ другу вліяній съ двухъ сторонъ — русской и турецкой, — образовались партіи на полуостровѣ и вступили въ борьбу другъ съ другомъ, вполнѣ напоминающую намъ борьбу двухъ партій, русской и крымской, въ Казани передъ ея паденіемъ. Ханы смѣнялись вслѣдствіе движенія партій. Уже въ 1775 году свергнутъ былъ преданный Россіи ханъ Сагибъ-Гирей и возведенъ на престолъ преданный Турціи Девлетъ-Гирей; Россія свергнула послѣдняго и возвела на его мѣсто Шагинъ-Гирея. Шагинъ хотѣлъ быть дѣйствительно независимымъ и ввести необходимыя для усиленія своего государства преобразованія, сталъ вводить при этомъ новые, европейскіе обычаи; но этимъ онъ возбудилъ противъ себя сильную староверческую, турецкую партію: началась опять усобица, въ которой Россія должна была поддерживать Шагина. Такое положеніе дѣлъ становилось часъ-отъ-часу несноснѣе для Россіи. Война ея съ Турціей продолжалась въ Крыму; благодаря Крыму, ежечасно готова была вспыхнуть и непосредственно, въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тѣмъ сильнѣе становилось желаніе покончить съ Крымомъ, который не могъ оставаться независимымъ; тѣмъ охотнѣе должны были выслушиваться предложенія въ родѣ слѣдующаго, которое представилъ Потемкинъ:

«Крымъ положеніемъ своимъ разрываетъ наши границы. Нужна ли осторожность съ Туркомъ по Бугу или со стороны кубанской — во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ нынѣшній Туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ такъ-сказать въ сердце. Положите жь теперь, что Крымъ вашъ, и что нѣтъ уже сей бородавки на носу — вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное: по Бугу Турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ виденъ. Со стороны кубанской, сверхъ частыхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско Донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще въ добавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилостивѣйшая государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику, Цесарцы безъ войны у Турковъ въ Молдавіи взяли больше нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собой Азіи, Африки, Америки. Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только по-

[1]) Донесенія Ессена см. у Herrmann — Geschichte des russischen Staates, VI Band.

*

кой доставитъ. Ударъ сильный — да кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите, и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ, отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ Туркамъ, и кормить ихъ или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персіи что хотите, — онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоразны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ, она могла, да не хотѣла или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврически Херсонъ! исъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри какъ Екатерина Вторая паки вноситъ въ тебя кротость христіянскаго правленія».

По «свести бородавку съ носу» было нельзя безъ войны съ Турціею, а для этого нужно было обезпечить себя со стороны сосѣднихъ державъ— Пруссіи и Австріи, преимущественно со стороны послѣдней. Недавно соглашеніе этихъ державъ помѣшало Россіи заключить миръ съ Турціею на желанныхъ условіяхъ, заставило Россію войдти въ виды Пруссіи и Австріи относительно Польши; и теперь исходъ крымскаго дѣла зависѣлъ оттого, будетъ ли попрежнему существовать это соглашеніе между Пруссіей и Австріей, или можно будетъ разрознить ихъ интересы и заставить ту или другую державу войдти совершенно въ виды Россіи. Поведеніе Фридриха II относительно турецкихъ дѣлъ не могло не охладить къ нему Екатерины: онъ дѣйствовалъ вовсе не такъ, какъ бы можно было надѣяться отъ вѣрнаго союзника; не хотѣлъ принять извѣстныхъ объясненій справедливости русскихъ требованій отъ Турціи, что не могло не оскорбить; явно преслѣдовалъ только свои интересы и заставилъ сообразоваться съ ними. Разумѣется, обвинять за это Прусскаго короля, явно на него жаловаться не имѣлось никакого права, тѣмъ не менѣе горечь осталась. Но вначалѣ, то-есть послѣ раздѣла Польши и Кайнарджійскаго мира, нельзя было думать объ ослабленіи союза съ Пруссіей, ибо Австрія не давала возможности сближенія съ собою. Мы видѣли, что Потемкинъ въ приведенной запискѣ указывалъ, какъ она безъ войны взяла у турокъ болѣе чѣмъ мы. Дѣйствительно, еще до заключенія Кайнарджійскаго мира Австрія, подъ шумокъ, отрѣзала себѣ на границахъ довольно значительный участокъ земли. На запросъ Петербургскаго Кабинета по этому дѣлу, Вѣнскій отвѣчалъ, что за эти земли уже идетъ столѣтній споръ; Вѣнскій Дворъ очень бы желалъ, чтобъ это дѣло окончилось мирнымъ путемъ къ удовольствію обѣихъ сторонъ; но опытъ показалъ, какъ трудно улаживаться съ Портою, и потому почтено за лучшее занять спорную область вооруженною рукой. Дѣлать было нечего: Турція одна не могла защищаться, а Россія и Пруссія также не могли начать войны съ Австріей. Но подобное поведеніе послѣдней конечно не могло содѣйствовать сближенію Петербургскаго Кабинета съ нею, и Панинъ имѣлъ возможность продолжить систему *сѣвернаго акорта.* 10-го октября 1776 года онъ подалъ мнѣніе о продолженіи прусскаго союза: «На сихъ дняхъ читалъ мнѣ графъ Солмсъ полученную имъ отъ короля своего государя депешу, въ которой его прусское величество, изъявляя вновь желаніе свое о продолженіи съ вашимъ императорскимъ величествомъ настоящаго союза еще на 10 лѣтъ, повелѣваетъ ему сдѣлать вторично о томъ представленіе въ такой силѣ, что его величество, видя при изнемогающихъ силахъ приближеніе конца жизни своей, болѣе всего имѣетъ на сердцѣ получить отъ вашего императорскаго величества то дружеское утѣшеніе, чтобъ оставить преемника своего въ обязательствахъ и интересахъ вашего величества, слѣдовательно же и въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ имперіею Всероссійскою. А какъ по случаю перваго о томъ внушеніи угодно было вашему императорскому величеству мнѣ повелѣть, чтобъ я мое по оному мнѣніе представилъ, то я, донося чрезъ сіе о таковомъ вторичномъ отзывѣ графа Солмса, поставлю въ долгъ себѣ всеподданнѣйше изобразить здѣсь собственныя свои по оному мысли. Отъ собственнаго вашего императорскаго величества прозорливѣйшаго усмотрѣнія зависитъ опредѣлить, колико донынѣ союзъ нашъ съ берлинскимъ дворомъ могъ въ теченіи и производствѣ дѣлъ нашихъ полезенъ быть повсемѣстному почти успѣху ихъ. Происшедшія между Англіей и американскими ея селеніями распри, а изъ оныхъ и самая война предвозвѣщаетъ знатныя и скорыя, повидимому, перемѣны въ настоящемъ положеніи европейскихъ державъ, слѣдовательно же и во всеобщей системѣ. Удастся ли селеніямъ устоять въ присвоенной ими нынѣ независимости, или же предуспѣетъ напослѣдокъ Англія истощительными ея усиліями поработить ихъ своей власти, что безъ внутренняго тѣхъ селеній въ конецъ изнеможенія разсудительнымъ образомъ предполагаемо быть не можетъ: но въ обѣихъ сихъ случаяхъ на вѣрное считать надлежитъ, что лондонскій дворъ потеряетъ весьма много изъ своей настоящей знатности, и что оный, какъ совсѣмъ отдѣленная держава отъ твердой земли Европы, тогда наипаче принужденъ будетъ сокращать политику свою въ тѣснѣйшихъ еще предѣлахъ островозъ своихъ. Естественнымъ оборотомъ изъ сего, сколь вѣроятнаго, столько же и не удаленнаго послѣдствія, получатъ Бурбонскіе, толь тѣсно между собою соединенные домы, а особливо Франція, при непремѣнности коренныхъ и локальныхъ ихъ силъ и пособій, свободнѣйшія руки укоренять свою инфлюенцію и свою поверхность тамъ, гдѣ оныя донынѣ въ предѣлахъ умѣренности содержаны были

противувѣсіемъ англійскихъ силъ и интересовъ, что съ политическими правилами вашего императорскаго величества никакъ согласовать не можетъ, тѣмъ паче, что и вѣнскій дворъ, по настоящей своей связи съ версальскимъ, найдется тогда въ большей безпечности собственнаго своего положенія, когда ему сей послѣдній, безъ всякаго уже отъ Англіи помѣшательства, будетъ въ состояніи оказывать всякія снисхожденія къ его интересамъ, а взаимно таковыя же и для себя отъ вѣнскаго съ вящею выгодой заимствовать. Изъ чего собственно для Россіи такое неудобство родиться можетъ: когда станетъ приходить къ истеченію союзъ нашъ съ королемъ прусскимъ, тогда вѣнскій дворъ, и въ чистѣйшемъ намѣреніи содруженія своего съ нами, будетъ конечно размѣрять выгоды свои въ ономъ по выгодамъ имѣющагося съ Франціей союза. Въ разсужденіи всего сего продолженіе тѣснаго вашего союза съ королемъ и короною прусскими есть лучшій и надежнѣйшій способъ къ сохраненію установленной вами въ дѣлахъ политической системы и къ охраненію не одного сѣвера, но и всей уже Европы отъ перевѣса инфлюенціи версальскаго и вѣнскаго дворовъ».

Союзъ съ Пруссіей былъ возобновленъ, но только по формѣ. Крымскія дѣла, съ одной стороны, и баварское наслѣдство, съ другой, вели необходимо къ перемѣнѣ системы. Іосифъ II хотѣлъ, во что бы то ни стало, пріобрѣсть для Австріи Баварію послѣ пресѣченія тамошней династіи; Фридрихъ II, для безопасности Пруссіи и цѣлой Германіи, считалъ необходимымъ противодѣйствовать всѣми средствами такому усиленію Австріи. Оба, для своихъ цѣлей, должны были заискивать у Россіи,—у одной Россіи, ибо Франція, занятая англо-американскими дѣлами и истощенная вконецъ, не могла обнаружить своего вліянія на рѣшеніе баварскаго дѣла. На чью же сторону склонится Россія? Разумѣется, на ту, которая обѣщаетъ ей свое содѣйствіе для рѣшенія крымскаго дѣла; Австрія поспѣшила дать это обѣщаніе.

Въ маѣ 1779 года, Іосифъ II обязался за себя и за преемниковъ своихъ гарантировать Россіи всѣ ея владѣнія и всѣ ея договоры съ Портою; въ случаѣ нарушенія договоровъ съ турецкой стороны—объявить Портѣ войну; если во время этой предполагаемой войны съ турками на Россію нападетъ какая-нибудь другая держава, то Іосифъ будетъ помогать Россіи всѣми своими силами. Пруссія опоздала съ своими предложеніями, и что же предложила она? Тройной союзъ между Россіей, Пруссіей и *Турціей* противъ Австріи! «17 сентября 1779 года ея императорское величество соизволила читать сообщенную отъ прусскаго посланника, графа Гёрца, депешу ему отъ короля государя его съ приложеніемъ таковой же отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской Гафрона, относительно заключенія тройнаго союза наступательнаго и оборонительнаго, между имперіей Всероссійскою, короною прусскою и Портою Оттоманскою. Ея величество предложенія сіи не нашла вовсе себѣ угодными и сходственными съ прямою пользою для государства ея; ибо, не упоминая уже о томъ, колико оскорбителенъ былъ бы для деликатности ея союзъ съ державою непріязненною всей христіянской республикѣ, ниже коль вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвесть въ народахъ подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ, коихъ вѣнскій дворъ вящше тогда отъ насъ отвратить и привязать къ себѣ не упуститъ, встрѣчаются тутъ ея величеству слѣдующія размышленія. Если сей союзъ предполагается единственно преградою горделивымъ замысламъ вѣнскаго двора, то не довольно ли опытомъ доказано, что для обузданія онаго достаточно силъ ея императорскаго величества, соединенныхъ съ королемъ прусскимъ, и особливо послѣ того, когда и Франція, не взирая на разныя свои съ вѣнскимъ дворомъ обязательства, явила свѣту, сколь удалена она пособствовать дальнѣйшему могуществу австрійскаго распространенію, и когда по признанію прусскаго въ дѣлахъ повѣреннаго, изъ отзывовъ посла французскаго заключаемому, дворъ его поставляетъ себѣ въ тягость союзъ съ Австрійцами. Отъ Турокъ помощь не нужна и потому союзъ съ ними можетъ быть полезенъ только имъ: огражденные отъ внѣшняго страха, поправятся и приключатъ Россіи бóльшую заботу чѣмъ прежде. По непостоянству Турокъ вслѣдствіе частой перемѣны министерства, союзъ сей при первомъ дѣлъ оборотѣ ни во что обращенъ быть можетъ. Если будетъ заключенъ союзъ между Пруссіей и Турціей, то въ случаѣ распрей и войны между Россіей и сею послѣдней, къ которымъ дѣла татарскія, затрудненія въ торговлѣ и мореплаванія и другія по сосѣдству и невѣжеству турецкому недоразумѣнія причину подать могутъ, будемъ мы связаны и самимъ союзникомъ нашимъ, который пользу свою конечно въ томъ полагать будетъ, чтобъ бытіе новаго его союзника, то-есть Порты Оттоманской, ни малѣйшему ущербу подвержено не было,—словомъ, что все наше съ той стороны поведеніе зависѣть будетъ отъ двора берлинскаго. Посему угодно ея величеству, чтобъ сіе королемъ прусскимъ учиненное приглашеніе отклонено было образомъ благопристойнымъ. Что же касается собственно до Порты, то поелику настоитъ уже нынѣ съ нею трактатъ мира и дружбы, да и ко взаимной торговлѣ положено основаніе, ея величество желаетъ, чтобъ связь сія вяще могла утверждена быть посредствомъ коммерческаго трактата. Къ сему не нужно ничье постороннее посредство».

Въ 1779 году говорилось еще о возможности утвержденія связи съ Турціей коммерческимъ трактатомъ; но иначе пошли дѣла въ 1782 году, когда вспыхнуло возстаніе противъ Шагинъ-Гирея подъ предводительствомъ родныхъ его братьевъ, и ханъ долженъ былъ удалиться въ Таганрогъ. Екате-

рина обратилась къ новому союзнику своему, Іосифу II, и получила отъ него самый удовлетворительный отвѣтъ: «Получить письмо вашего императорскаго величества и отвѣчать на него въ продолженіи тѣхъ же двадцати четырехъ часовъ было во мнѣ однимъ чувствомъ и однимъ дѣйствіемъ. Мнѣ не нужно ни размышленій, ни соображеній, ни разсчетовъ, когда мое сердце чувствуетъ, и когда дѣло идетъ о томъ, чтобы служить, смѣю сказать, моей императрицѣ, моему другу, моей союзницѣ, моей героинѣ; да, я готовъ всегда ко всякому соглашенію съ вашимъ императорскимъ величествомъ относительно всѣхъ возможныхъ событій, каковыя могутъ произойти отъ смутъ въ Крыму» [1]).

«Моя радость равна была моей признательности при чтеніи письма, которое вашему императорскому величеству угодно было написать мнѣ», отвѣчала Екатерина. «Ваше императорское величество привыкли счастливить людей; вы спѣшите содѣйствовать счастію и вашей союзницы. Обѣщаніе вашего императорскаго величества войдти въ соглашеніе со мною относительно всѣхъ событій, могущихъ произойти отъ крымскихъ смутъ, это обѣщаніе служитъ для меня драгоцѣннымъ залогомъ вашей дружбы, за что позвольте выразить мою живѣйшую благодарность» [2]).

Должно быть, въ это время Безбородко написалъ свою знаменитую записку: «Россія не имѣетъ надобности желать другихъ пріобрѣтеній какъ 1) Очаковъ съ частію земли между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) Крымскаго полуострова, буде бы паче чаянія тамошнее правленіе по смерти нынѣшняго хана или по какимъ-либо непредвидимымъ замѣшательствамъ нашлось для насъ невыгоднымъ и вреднымъ, и наконецъ 3) одного, двухъ или трехъ острововъ въ Архипелагѣ для пользъ и нуждъ по торговлѣ. Напротивъ того вѣнскій дворъ возвращеніемъ Бѣлграда съ частію Сербіи и Босніи, а можетъ быть и банната Краіовскаго учинился бы въ положеніи предъ нами выгоднѣйшемъ. Но можно позволить ему сіе расширеніе предѣловъ своихъ, если онъ согласится съ нами относительно дальнѣйшаго жребія монархіи Оттоманской. Сей жребій опредѣлиться можетъ въ двухъ слѣдующихъ степеняхъ: 1) Ежели обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ сверхъ обоестороннихъ пріобрѣтеній полезно было бы имъ условливаться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакіи, учреждена была областью независимою, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіянскаго, тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго императорскаго дома, то хотя другая какая либо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи. Но положимъ, что упорство Порты съ одной стороны, а успѣхи съ другой подали бы способы къ совершенному истребленію Турціи и къ возстановленію древней Греческой имперіи въ пользу младшаго великаго князя, внука вашего императорскаго величества. Тутъ также за ранѣе предопредѣлить нужно точныя границы сея имперіи, назначая ихъ во владѣніяхъ турецкихъ въ Европѣ на твердой землѣ и въ островахъ архипелажскихъ, разумѣя тѣ, кои за удовлетвореніемъ другихъ останутся: ибо предполагать должно, что при таковомъ въ пользу нашу снисхожденіи вѣнскій дворъ захочетъ имѣть какое-либо основаніе въ Средиземномъ морѣ для торговли своей; что Англія и Франція и Гишпанія можетъ быть востребуютъ и себѣ нѣкоего пріобрѣтенія, что республика Венеціянская предъявитъ свои притязанія на Морею, которой ей уступать не должно, а лучше замѣнить въ островахъ, можетъ быть, что Франція и Гишпанія устремятъ намѣренія свои на порты въ Египтѣ или другія на африканскихъ берегахъ, въ чемъ еще менѣе затрудненія дѣлать слѣдуетъ».

На этихъ основаніяхъ отправлено было въ Вѣну слѣдующее предложеніе [3]): «Между тремя монархіями должно быть навсегда независимое отъ нихъ государство. Это государство, въ древности извѣстное подъ именемъ Дакіи, можетъ быть образовано изъ провинцій Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи подъ скипетромъ государя религіи греческой. Что касается до равенства въ пріобрѣтеніяхъ, то Россія желаетъ 1) городъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли. Хотя положеніе и плодоносіе турецкихъ областей, сосѣднихъ съ государствомъ вашего императорскаго величества, даютъ вашимъ пріобрѣтеніямъ совсѣмъ иное значеніе, однако моя личная дружба къ дорогому союзнику не позволитъ мнѣ колебаться и одной минуты сдѣлать ему это пожертвованіе, ибо я твердо увѣрена, что если наши успѣхи въ этой войнѣ дадутъ намъ возможность избавить Европу отъ врага имени христіянскаго изгнаніемъ его изъ Константинополя, то ваше величество не откажетесь содѣйствовать возстановленію монархіи Греческой, подъ непремѣннымъ условіемъ съ моей стороны сохранять эту возобновленную монархію въ полной независимости отъ моей, и возвести на ея престолъ младшаго внука моего, великаго князя Константина, который дастъ обязательство не имѣть никогда притязаній на престолъ россійскій, ибо двѣ эти короны никогда не должны быть соединены на одной главѣ».

Іосифъ отвѣчалъ [4]), что присоединеніе къ Россіи Очакова съ означенною областью не можетъ

---

[1]) 17 іюля 1782 года

[2]) 1 августа 1782 года

[3]) $^{10}/_{21}$ сентября 1782.

[4]) 13 октября 1782

встрѣтить никакого затрудненія. Что же касается до образованія новаго государства Дакіи и возведенія на Греческій престолъ великаго князя Константина, то это будетъ зависѣть отъ успѣховъ войны; съ его же стороны не будетъ затрудненія въ исполненіи всѣхъ этихъ желаній, если только будутъ исполнены и его желанія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: для Австрійской монархіи нужно присоединить: городъ Хотинъ съ небольшою областью, прикрывающею Галицію и Буковину, часть Валахіи, которую огибаетъ Алута, Никополисъ и отсюда оба берега вверхъ по Дунаю, слѣдовательно города Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ, для прикрытія Венгріи. Отъ Бѣлграда протянуть линію самую прямую и самую короткую къ Адріатическому морю, включая Golfo della Drina, и наконецъ всѣ владѣнія венеціянскія на твердой землѣ и съ прилежащими островами должны отойти къ Австрійской монархіи, ибо только этимъ средствомъ произведенія ея земель получатъ цѣнность. Полуостровъ Морея, который принадлежалъ нѣкогда венеціанамъ, острова Кандія, Кипръ и другіе архипелажскіе могутъ богато вознаградить этихъ республиканцевъ; онъ, императоръ, можетъ имѣть тогда морскія суда и быть слѣдовательно гораздо полезнѣе для Россіи; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрійскихъ подданныхъ какъ при входѣ въ Черное море, такъ и при выходѣ изъ него чрезъ Дарданеллы. Новыя государства—Дакійское и Греческое—обяжутся не взимать никакихъ пошлинъ съ австрійскихъ судовъ.

Эти соглашенія развязывали руки относительно Крыма; здѣсь Шагинъ-Гирей былъ возстановленъ съ помощію Россіи. Но, въ ожиданіи новыхъ смутъ и покушеній со стороны Турціи, Потемкину отправленъ былъ слѣдующій рескриптъ 14 декабря 1782 года: «Предполагая, что политическій составъ Оттоманской монархіи разными обстоятельствами былъ бы еще отдаленъ отъ конечнаго его разрушенія, и чтобъ мы даже послѣ войны нашлись еще одинъ разъ въ необходимости сдѣлать миръ съ сею державою: не были ль бы мы обязаны отвѣтомъ предъ совѣстью нашею, есть ли бы, имѣя въ рукахъ своихъ надежныя средства удалить на времена будущія всякій поводъ къ новой войнѣ и предварить всечасныя безпокойства, да съ такою выгодою для государства нашего случай тотъ благопоспѣшный изъ рукъ выпустили? Извѣстно, что однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ распрямъ нашимъ съ Турками отъ давняго времени служилъ полуостровъ Крымскій, изъ нѣдръ коего не однажды обезпокоены были границы наши. Преобразованіе его въ вольную и независимую область обратилось только въ новыя для насъ заботы со знатными издержками. Опыты времени отъ 1774 года доказываютъ, что таковая независимость мало свойственна татарскимъ народамъ, ибо, чтобъ удержать ее, надлежитъ почти всегда намъ быть вооруженными, и посреди мира изнурять войска трудными движеніями, неся большіе убытки какъ бы во время войны, безъ всякой надежды замѣнить оные. При малѣйшемъ со стороны нашей послабленіи, Турки, пользуясь одиновѣріемъ Татаръ и разными связями, предуспѣваютъ тамъ толико умножать свою силу, что почти всякій разъ паки къ войнѣ прибѣгать должно, дабы только дѣла поставить въ прежней степени. Таковое бдѣніе надъ крымскою независимостью принесло намъ уже болѣе 7,000,000 чрезвычайныхъ расходовъ, не щитая непрерывнаго изнуренія войскъ и потери въ людяхъ, кои превосходятъ всякую цѣну. Въ уваженіи на сіи обстоятельства приняли мы намѣреніе рѣшительнымъ образомъ тамошнимъ дѣламъ дать совсѣмъ иной оборотъ, и при дальнемъ со стороны турецкой противъ насъ не пристойномъ и интересамъ нашимъ вредномъ поведеніи такъ ихъ устроить, чтобъ полуостровъ Крымскій не гнѣздомъ разбойниковъ и мятежниковъ на времена грядущія остался, но прямо обращенъ былъ на пользу государства нашего, въ замѣну и награжденіе осмилѣтняго беспокойства вопреки миру нами понесеннаго и знатныхъ иждивеній на охраненіе цѣлости мирныхъ договоровъ употребленныхъ, чѣмъ и будетъ изъятъ впредь всякій поводъ къ войнѣ съ Турками, если они сей шагъ намъ самою необходимостью вынужденный не почтутъ за точную причину къ явному разрыву: но и въ семъ послѣднемъ случаѣ находимъ мы полезнѣе однажды навсегда кончить дѣла наши съ помянутою державою, нежели быть во всегдашней отъ нея тревогѣ, чтобъ не допустить ее паки къ крайнему намъ вреду усилиться въ татарской области и почти поработить себѣ оную. Вслѣдствіе того волю нашу на присвоеніе того полуострова и на присоединеніе его къ Россійской имперіи объявляемъ вамъ съ полною нашею довѣренностью и съ совершеннымъ удостовѣреніемъ, что вы къ исполненію сего не упустите ни времени удобнаго, ни способовъ, отъ васъ зависящихъ, но не инако, что поводомъ къ таковому присвоенію Крыма долженствуютъ служить случаи: 1) Буде постигнетъ смерть нынѣ владѣющаго хана, или непріятели его увезутъ; или утвердить его на владѣніи тамошнемъ будетъ ненадежно. 2) Буде онъ, паче чаянія, окажется измѣнникомъ или вовсе сомнительнымъ въ доброхотствѣ къ Россійской имперіи; или же сдѣлаетъ непристойное затрудненіе въ удержаніи нами Ахтъ-Ярской гавани, либо другихъ интересахъ нашихъ. 3) Буде Порта не подастся на прочіе главные артикулы нами требуемые. 4) Буде она пошлетъ войска въ Крымъ или на Кубань, либо морскія силы въ Черное море; или же начнетъ поджигать татаръ какимъ бы то образомъ ни было къ безпокойству и мятежу. 5) Буде она въ другой части намъ ближней или на другой станетъ противъ насъ тайно или явно собою или чрезъ другихъ дѣйствовать. 6) Буде императоръ римскій распространитъ далѣе свой кордонъ или границу на счетъ Молдавіи или Валахіи;

въ таковомъ случаѣ и мы должны искать средства къ соблюденію съ нимъ равенства». Потемкинъ долженъ былъ всячески стараться приклонить татаръ на свою сторону и внушать имъ, чтобы подали просьбу о присоединеніи Крыма къ Россіи; хану внушать, что будетъ осыпанъ милостями. Если Порта согласится отступить отъ всякаго къ татарамъ прикосновенія и исполнить мирный договоръ во всемъ его объемѣ, то присоединеніе Крыма отложить до другого времени, занявъ только Ахтъ-Ярскую гавань.

Въ 1552 году жестокости послѣдняго Казанскаго хана Шигъ-Алея заставили казанцевъ просить царя Іоанна IV свести отъ нихъ ненавистнаго Алея и прислать намѣстника московскаго: въ 1783 году жестокости хана Шагинъ-Гирея произвели такое же движеніе въ Крыму и повели къ уничтоженію его самостоятельности. 7 февраля 1783 года Екатерина послала Потемкину повелѣніе: «Изъ донесеній, присланныхъ къ вамъ отъ генералъ-поручика графа Дебалмена, а къ министерству нашему отъ посланника Веселицкаго, мы съ сожалѣніемъ увѣдомляемся о казни многихъ изъ Татаръ, кои вовлечены были въ участіе въ послѣднемъ тамъ происшедшемъ неспокойствѣ, несмотря на то, что хану Шагинъ-Гирею отъ помянутаго посланника внушаемо было отъ имени нашего о показаніи при семъ случаѣ всякой кротости и человѣколюбія во прощеніи виновныхъ. По сродной намъ жалости, желая отвратить по крайней мѣрѣ впредь всякую жестокость и особливо чтобъ оная тамъ мѣсто не имѣла, гдѣ силы наши воинскія обращаются, соизволяемъ мы, чтобъ вы предписали графу Дебалмену объявить помянутому хану въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, съ какимъ прискорбіемъ получили мы сіе непріятное извѣстіе; что когда возстановленіе его обладанія совершилось подъятіемъ оружія нашего безъ всякаго пролитія крови, и когда участвовавшіе въ возмущеніи приведены были въ раскаяніе, то не требовало ли самое человѣчество пощадить обратившихся къ повиновенію? Примѣры прежніе долженствовали его въ томъ научить; мятежъ въ 1777 году укрощенъ былъ конечно не его строгостію. Казни при томъ случаѣ употребленныя и повторенныя потомъ многократно не могли устрашить другихъ, а только огорчили его подданныхъ и предуготовили послѣднее возмущеніе. Онъ долженъ вѣдать, что еслибы мы таковую суровость съ его стороны предвидѣли, не обратили бы войскъ нашихъ на его защиту, ибо несходно то съ правилами нашими, чтобъ силой нашею низверженныхъ попускать на истребленіе. Скорѣе мы оставимъ всякое ему пособіе, нежели распространимъ оное на угнетеніе рода человѣческаго; что милость и покровительство наше не на одну его особу, но вообще на всѣ татарскіе народы распространяется, и что потому желаемъ, дабы онъ управлялъ сими народами съ кротостію, благоразумному владѣтелю свойственною, и не подавалъ причины къ новымъ бунтамъ, ибо не можетъ ему быть неощутительно, что сохраненіе его на ханствѣ не составляетъ еще для государства нашего такого интереса, для котораго мы обязаны были бы находиться всегда въ войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ распряхъ съ Портою, а и ни для чего не согласимся славу оружія нашего, извѣстную столько же побѣдами, сколько и пощадою побѣжденныхъ, подвергать какому-либо предосужденію. Заключивъ сіе изъясненіе требованіемъ, чтобы, до совершеннаго приведенія въ порядокъ дѣлъ въ томъ краѣ, онъ отдалъ на руки военнаго нашего начальства родныхъ своихъ братьевъ и племянника, такожъ и прочихъ подъ стражею содержащихся, бывъ увѣренъ, что какъ, съ одной стороны, жизнь сихъ людей охранена будетъ отъ всякаго противъ ихъ покушенія, такъ, съ другой, не можетъ онъ опасаться отъ нихъ новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ нѣтъ нужды скрывать въ народѣ его на истинѣ самой основанныя внушенія, дабы Татары видѣли, что подобныя казни намъ и военному нашему начальству всемѣрно отвратительны, что мы ничего не оставимъ употребить къ пресѣченію ихъ, и что всѣ тѣ, кои прибѣгнутъ подъ защиту войскъ нашихъ, воспользуются полною безопасностію; да и дѣйствительно предпишите о помѣщеніи ихъ подъ охраненіемъ нашимъ, гдѣ и какъ выгоднѣе, и о соблюденіи ихъ безопасности. Еслибы, паче чаянія, ханъ не съ удовольствіемъ принялъ такое увѣщаніе, и ежели бы онъ сдѣлалъ затрудненіе въ отдачѣ намъ братьевъ и племянника своихъ съ другими Татарами, въ заключеніи содержащимися, въ такомъ случаѣ повелѣваемъ всю стражу при немъ находящуюся, взявъ, отправить къ Ахтъ-Ярской гавани или куда вы за лучше признаете, и потомъ и помышлять только о своихъ дѣлахъ, о своей безопасности, объ удержаніи твердой ноги въ Крыму, и о приведеніи упомянутыхъ дѣлъ къ желаемой и выгоднѣйшей для насъ цѣли, оставляя его (то-есть хана) между народомъ. Впрочемъ казнь означенныхъ князей крови его долженствуетъ служить поводомъ къ совершенному отъятію руки нашей отъ сего владѣтеля, и сигналомъ къ спасенію Крыма отъ дальнѣйшихъ мучительствъ и утѣсненій способомъ, въ рескриптѣ нашемъ отъ 14 декабря 1782 года вамъ подписаннымъ».

Шагинъ-Гирей отказался отъ престола, и Крымъ бысъ присоединенъ къ Россіи указомъ 8 апрѣля 1783 года. Бывшій ханъ оставался жить въ Тамани; императрица распорядилась, чтобъ его перевели въ Воронежъ, но онъ не послушался и въ отвѣтѣ вошелъ въ разныя «нескладныя» изъясненія. Тогда отправленъ былъ къ нему генералъ Игельстромъ съ приказаніемъ, чтобы непремѣнно выѣхалъ изъ Тамани, выбравъ для жительства изъ трехъ городовъ: Воронежъ, Орелъ или Калугу. Игельстромъ долженъ былъ внушить хану, что «съ русской стороны не было упущено ничего къ сохраненію его на престолѣ: собственное его поведеніе, наипаче жестокость отдалила отъ него всѣхъ под-

властныхъ; Татары принимали ханомъ всякаго иного, кромѣ его, и многіе отзывались, что они лучше повиноваться будутъ всякому россійскому начальнику, нежели ему. Съ другой сторны, Порта готова была, да и начинала уже пользоваться симъ заботливымъ положеніемъ дѣлъ. Благо и тишину имперіи нашей не могли мы не поставить выше всякаго уваженія къ хану Шагинъ-Гирею или къ кому бы то ни было; что ханъ отрекся отъ правленія безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ нами или съ поставленными отъ насъ начальниками; что сама Порта подтвердила присоединеніе Крыма, слѣдовательно непристойно и непозволительно ему, хану, человѣку теперь частному, вступаться въ какія-либо дѣла, касающіяся до земель сихъ; не долженъ онъ жаловаться на министровъ или генераловъ нашихъ, вѣдая, что они исполняли только волю нашу».

Шагинъ-Гирея перевели въ Калугу.

ГЛАВА VII.

Несмотря на сильное волненіе, произведенное въ Турціи вѣстію о присоединеніи Крыма къ Россіи, Порта на первыхъ порахъ нашла необходимымъ признать это присоединеніе, что и было сдѣлано конвенціею 28 декабря 1783 года. Но это было только на первыхъ порахъ. Чѣмъ болѣе приходила Турція сама въ себя послѣ громоваго удара, тѣмъ яснѣе сознавала всю важность потери: послѣднее татарское царство подпало власти русской, подпалъ этой власти весь сѣверный берегъ Чернаго моря, откуда враждебные корабли не преминутъ при первомъ случаѣ явиться предъ Константинополемъ, и флотъ дѣйствительно заводился. Предупредить страшную опасность, кинуться на врага, когда онъ не ожидаетъ нападенія, не приготовился къ нему,—вотъ поступокъ, который могъ быть внушенъ Портѣ отчаяніемъ и вмѣстѣ благоразуміемъ. Лѣтомъ 1787 году рейсъ-ефенди представилъ русскому послу въ Константинополѣ, Булгакову, ультиматумъ, которымъ требовалось: выдача Молдавскаго господаря Маврокордата, удалившагося въ Россію; отозваніе русскихъ консуловъ изъ Яссъ, Букареста и Александріи; допущеніе турецкихъ консуловъ во всѣ русскія гавани и торговые города; признаніе Грузинскаго царя Ираклія, поддавшагося России, турецкимъ подданнымъ; осмотръ всѣхъ русскихъ кораблей, выходящихъ изъ Чернаго моря. Булгаковъ отвергъ требованія, и Порта объявила войну Россіи. Посолъ, вопреки условію Кайнарджійскаго мира, былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ. «Поселили меня въ домѣ комменданта», доносилъ Булгаковъ о своемъ заключеніи[1]). «Поступаютъ со мною учтиво, но не допускаютъ никого не только ко мнѣ, но даже и въ крѣпость. Интернунцій, сколь ни старался обо мнѣ, всегда съ презрѣніемъ и даже съ ругательствомъ былъ отвергаемъ. Въ несчастіи моемъ нашелся однако человѣкъ, который оправдалъ совершенно и мою довѣренность, и свою преданность къ высочайшему двору, а именно г. Гонфрисъ, датскій агентъ. Онъ въ самый день моего заключенія изыскалъ средства прислать ко мнѣ все нужное, и находитъ оныя понынѣ меня кормить, содержать, утѣшать и доставлять извѣстіе о происходящемъ. Сколь ни скоропостижно меня схватили, успѣлъ я скрыть наиважнѣйшія бумаги, цифры, архиву моего времени, дорогія вещи и проч. Казна также въ цѣлости, хотя и не велика».

Россія была застигнута врасплохъ; положеніе Потемкина, обязаннаго защищать Новую Россію, было крайне затруднительно; онъ не зналъ куда обратиться, съ чего начать; предвидѣлъ еще большія затрудненія, если Пруссія и Англія станутъ дѣйствовать непріязненно; писалъ въ Петербургъ, что надобно ласкать эти двѣ державы. Екатерина старалась поддержать его духъ: узнавши изъ его донесенія объ осадѣ Кинбурна турками, она писала[2]): «Что Кинбурнъ осажденъ непріятелемъ и уже тогда четыре сутки выдержалъ канонаду и бомбардираду, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря непріятна; по положимъ такъ, то для того не унывать, а стараться какъ ни на есть отмстить и брать реванжъ; имперія останется имперія и безъ Кинбурна; того ли мы брали и потеряли? Всего лутче, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь не уныли, а публика лжетъ въ свою пользу, и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складываетъ, и Царьградъ бомбардируетъ. Я слышу все сіе съ молчаніемъ и у себя на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно и поправлено, еслибы гдѣ и вырвалось чего непріятное. Усердіе Александра Васильевича Суворова, которое ты такъ живо описываешь мнѣ, весьма обрадовало; ты знаешь, что ничѣмъ такъ на меня не можно угодить какъ отдавая справедливость трудамъ, рвенію и способности. Ласкать Англичанъ и Прусаковъ ты пишешь: кой часъ Питтъ узналъ о объявленіи войны, онъ писалъ къ Воронцову, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему, и по пріѣздѣ ему сказалъ, что война объявлена, и что говорятъ въ Царѣградѣ что на то подущалъ Турокъ ихъ посолъ, и клялся что посолъ ихъ не имѣетъ на то приказанія отъ великобританскаго министерства. Сіе я вѣрю, но иностранныя дѣла Великобританіи не управляемы нынѣ англинскимъ министерствомъ, но самымъ ехиднымъ королемъ по правиламъ гановерскихъ министровъ; его величество уже добрымъ своимъ правленіемъ потерялъ 15 провинцій, такъ мудрено ли ему дать послу своему въ Царѣградѣ приказаніе въ противности интересовъ Англіи? Онъ упра-

[1]) 25 августа 1787 года.

[2]) 24 сентября 1787 года.

вляется мелкими личными страстьми, а не государственнымъ и національнымъ интересомъ. Касательно Прусаковъ, то имъ и понынѣ кромѣ ласки не оказано, но они хотятъ не ласки, и то можетъ-быть не король, а Герцберхъ. Молю Бога, чтобы тебѣ далъ силы и здоровья, и унялъ ипохондрію. Какъ ты все самъ дѣлаешь, то и тебѣ покоя нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, который бы имѣлъ мелкой детайль? Скажи кто тебѣ надобенъ, я пришлю; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтобъ одинъ изъ нихъ занялся мелочію, а главнокомандующій тѣмъ не замученъ былъ. Что не проронишь, того я увѣрена; но во всякомъ случаѣ не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ, и царь тебѣ другъ и покровитель. Проклятое оборонительное состояніе! И я его не люблю. Старайся его скорѣе оборотить въ наступательное: тогда тебѣ да и всѣмъ лехче будетъ, и больныхъ тогда будетъ менѣе; не все на одномъ мѣстѣ будутъ».

Ипохондрія Потемкина не проходила: онъ прислалъ просьбу о позволеніи сдать начальство надъ войскомъ Румянцеву, а самому пріѣхать въ Петербургъ. Просьба сильно не понравилась императрицѣ; она отвѣчала [1]): «Не запрещаю тебѣ пріѣхать сюда, если ты увидишь, что твой пріѣздъ не разстроитъ тобою начатое либо производимое. Приказаніе къ фельдмаршалу Румянцеву для принятія команды, когда ты ему здашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже, если послѣдуешь моему мнѣнію и совѣту; съ моей же стороны пребываю хотя съ печальнымъ духомъ, но со всегдашнимъ моимъ дружескимъ доброжелательствомъ».

Новое несчастіе окончательно отняло духъ у Потемкина. Любимое его созданіе, севастопольскій флотъ, былъ разбитъ бурею; сынъ счастія пришелъ въ совершенное отчаяніе, когда увидѣлъ, что начинаетъ быть несчастливымъ: «Матушка государыня, я сталъ несчастливъ; при всѣхъ мѣрахъ возможныхъ, мною предпріемлемыхъ, все идетъ на выворотъ. Флотъ севастопольскій разбитъ бурею; остатокъ его въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда, и лучше сказать не употребительныя; корабли и большіе фрегаты пропали. Богъ бьетъ, а не Турки. Я при моей болѣзни пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Я просилъ о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую; не дайте чрезъ сіе терпѣть дѣламъ. Ей, я почти мертвъ; я всѣ милости и имѣніе, которое получилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю стопамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу къ графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтобъ онъ вступилъ въ начальство, но не имѣя отъ васъ повелѣнія, не чаю чтобъ онъ принялъ, и такъ Богъ вѣстъ что будетъ. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ, тому свидѣтель Богъ» [2]). Въ отчаяніи Потемкинъ писалъ, что надобно вывести войска изъ Крыма.

«Конечно все это не радостно, однако ничто не пропало», отвѣчала ему Екатерина [3]). «Крайне сожалѣю, что ты въ такомъ крайнемъ состояніи, что хочешь сдать команду; сіе мнѣ болѣе всего печально. Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова; если сіе исполнишь, то родится вопросъ: что же будетъ и куда дѣвать флотъ севастопольскій? Я думаю, что всего бы лучше было, если бы можно было сдѣлать предпріятіе на Очаковъ либо на Бендеры, чтобъ оборону оборотить въ наступленіе. Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія нежели я сама; но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова. Ты нетерпѣливъ какъ пятилѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, на тебя возложенныя теперь, требуютъ терпѣнія невозмутимаго».

Побѣда Суворова надъ турками у Кинбурна нѣсколько ободрила Потемкина. Съ грустью, но уже спокойно, сталъ говорить онъ о потерѣ флота, о своемъ отчаяніи при этомъ: «Правда, матушка, что рана сія глубоко вошла въ мое сердце. Сколько я преодолѣвалъ препятствій, и труда понесъ въ построеніи флота, который бы черезъ годъ предписывалъ законы Царюгороду! Преждевременное открытіе войны принудило меня предпріять атаковать раздѣльный флотъ турецкій съ чѣмъ можно было; но Богъ не благословилъ. Вы не можете представить, сколь сей нечаянный случай меня почти поразилъ до отчаянія».

Мы видѣли, что Екатерина указывала на Очаковъ, взятіемъ котораго надобно было оборонительную войну перемѣнить на наступательную. Въ другой разъ, послѣ Кинбурнскаго дѣла, императрица писала Потемкину [4]): «Понеже Кинбурнская сторона важна, и въ оной покой быть не можетъ, дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятельскихъ, то за неволю подумать нужно о осадѣ сей, буде инако захватить не можно по вашему сужденію».—«Кому больше на сердцѣ Очаковъ какъ мнѣ»? писалъ Потемкинъ [5]). «Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня всѣ обращаются. Не стало бы за доброй волей моей, еслибъ я видѣлъ возможность. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не можетъ,—и къ ней столь много приготовленій! Теперь еще въ Херсонѣ учатъ миперовъ какъ дѣлать мины, также и прочему. До 100.000 потребно фашинъ, и много надобно габіо-

---

[1]) 25 сентября 1787 года.

[2]) 24 сентября.

[3]) 2 октября.

[4]) 2 ноября 1787 года.

[5]) 1 ноября 1787 года.

новъ. Вамъ извѣстно, что лѣсу нѣтъ по близости. Я уже надѣлалъ въ лѣсахъ моихъ польскихъ, откуда повезутъ къ мѣсту. Очаковъ намъ нужно конечно взять, и для того должны мы употребить всѣ способы вѣрные для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ разоренъ въ прошлую войну; въ мирное время Турки укрѣпляли его безпрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, по таковой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ они слабѣе. Если бы слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты; но сохраненіе людей столь драгоцѣнныхъ обязываетъ иттить вѣрными шагами и не дѣлать сумнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря въ нѣсколько тысячъ пойдетъ не взявши, и растроимся такъ, что уменьша старыхъ солдатъ, будемъ слабѣе на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятеля въ полѣ, какъ приступить къ городамъ? Полевое дѣло съ Турками можно назвать игрушкою; но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны».

Преждевременное начатіе войны и, соединенныя съ нимъ, невыгоды положенія—естественно внушали желаніе какъ бы поскорѣе освободиться отъ войны. Но здѣсь важный вопросъ: какъ другія державы будутъ смотрѣть на дѣло? Мы видѣли, что Потемкинъ сильно безпокоился насчетъ Пруссіи и Англіи. Легко было придти къ мысли повторить средство, уже испытанное въ первую Турецкую войну,—отправить флотъ въ Средиземное море; но какъ на это посмотрятъ морскія державы, Англія и Франція? «Французскія каверзы», писала Екатерина Потемкину [1]), «по двадцатипятилѣтнимъ опытамъ мнѣ довольно извѣстны; но нынѣ спознали мы и англійскія, ибо не мы одни, но вся Европа увѣрена, что посолъ англійскій и посланникъ прусскій Порту склонили на объявленіе войны. Теперь оба сіи двора отъ сего поступка отступаются. Они же (англичане) никогда и ни въ какое время ни на какой союзъ съ нами согласиться не хотѣли въ теченіи двадцати пяти лѣтъ. Франція, конечно и безспорно, находится въ слабомъ состояніи и ищетъ нашего союза; но колико можно долѣе себя менажировать (должно) съ Франціею и съ Англіею; безъ союза намъ будетъ полезнѣе иногда нежели самый союзъ тотъ или другой, понеже союзъ навлечетъ единаго злодѣя болѣе. Но въ случаѣ еслибы пришло рѣшиться на союзъ съ тою или другою державою, то таковой союзъ долженъ быть распоряженъ съ постановленіями сходными съ нашими интересами, а не по дудѣ и прихотямъ той или иной націи, еще менѣе по ихъ предписаніямъ. Я сама того мнѣнія, что войну сію укоротить должно колико возможно. Совѣтую вамъ на мой собственный счетъ закупить въ Украйнѣ, или гдѣ удобнѣе найдете, тысячъ на сто рублей или болѣе, барановъ и быковъ, и оными производить порціи солдатамъ, по стольку разъ въ недѣлю какъ заблагоразсудите. Буде никакой надежды къ миру чрезъ зиму не будетъ, то какъ ранѣе возможно весной отправить отселѣ флотъ; нужно чтобы оному отъ Англіи не было препятствія. Конечно, когда мои двадцать кораблей пройдутъ Гибралтарскій заливъ, тогда признаюсь, чтобы полезно быть могло, чтобъ авангардъ его была эскадра французская, и аріергардъ той же націи, а наши бы корабли составляли *корпъ-дарме*, и такъ бы дѣйствовали и или кончить войну проходя проливы. За сію услугу Французамъ бы дать можно участіе въ Египтѣ, а Англичане намъ въ семъ не подмогутъ, а захотятъ насъ вмѣшать въ свои глупыя и безтолковыя германскія дѣла, гдѣ не вижу ни чести, ни барыша, а пришло бы бороться за чужіе интересы; нынѣ же боремся по крайней мѣрѣ за свои собственные; и тутъ кто мнѣ поможетъ, тотъ и товарищъ».

Но помощниковъ и товарищей не являлось, а затрудненія увеличивались безпрестанно. 1788 годъ начался очень печально: къ страшной дороговизнѣ присоединились болѣзни. «Дай Боже, чтобъ болѣзни скорѣе пресѣклись», писала императрица Потемкину. «Дороговизна во всемъ ужасная; дай Боже силу снести всѣ видимыя и невидимыя хлопоты» [2]). Теперь Потемкинъ, въ свою очередь, написалъ ободрительное письмо: «Болѣзни, дороговизны и множество препятствій заботятъ меня, и къ тому совершенное оскудѣніе въ хлѣбѣ. Но и въ Петербургѣ, какъ изволите писать, не дужныхъ много. Въ семъ случаѣ, что вамъ дѣлать? Терпѣть и надѣяться неизмѣнно на Бога. Христосъ вамъ поможетъ, Онъ пошлетъ конецъ напастямъ. Пройдите вашу жизнь, увидите, сколько неожиданныхъ отъ Него благъ по несчастіи вамъ приходило. Были обстоятельства, гдѣ способы казались пресѣчены пути (sic),—вдругъ выходила удача. Положите на Него всю надежду и вѣрьте, что Онъ непреложенъ. Пусть кто какъ хочетъ думаетъ, а я считаю, что Апостолъ въ ваше восшествіе (на престолъ) припалъ не на удачу: «вручаю вамъ Фиву, сестру вашу сущу, служительницу церкви, да пріимете ю о Господѣ достойнѣ святымъ». Людямъ нельзя испытывать, для чего попускаетъ Богъ скорби; но знать надобно то, что въ такихъ случаяхъ къ Нему должно обращаться. Вы знаете меня, что во мнѣ сіе не суевѣріе производитъ».

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Россія, самымъ выгоднымъ представлялся Потемкину союзъ съ ближайшимъ государствомъ, съ Польшею. Еще въ то время, когда разсуждалось о пользѣ австрійскаго союза для войны Турецкой, и Безбородко указывалъ, что со стороны Польши нечего бояться препятствій, Потемкинъ замѣтилъ: «Справедливость тре-

[1]) 4 ноября 1787 года.

[2]) 26 января 1787.

буетъ, по увѣнчаніи успѣхами предпріятій вашихъ, удѣлить и Польшѣ, а именно: землю лежащую между рѣкъ Днѣпра и Буга». Теперь, 15 февраля 1788 года, Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Примите мое усерднѣйшее предложеніе, рѣшите съ Польшей, обѣщайте имъ пріобрѣтеніе; несказанная польза, чтобъ они были наши; ей-ей, они тверже будутъ всѣхъ другихъ; привяжите богатыхъ и знатныхъ, почтивъ ихъ быть шефами нашихъ полковъ или корпусовъ; они сами къ Россіи прилѣпятся, и большія деньги отъ себя въ пользу полковъ нашихъ употребятъ». Екатерина не раздѣляла надеждъ Потемкина, слишкомъ во всемъ дававшаго волю своему пламенному воображенію; однако употребила всѣ средства для склоненія Польши къ союзу. Она отвѣчала Потемкину [1]): «Касательно польскихъ дѣлъ, въ скоромъ времени пошлются приказанія, кои изготовляются, для начатія соглашенія; выгоды имъ обѣщаны будутъ; если симъ привяжемъ Поляковъ и они намъ будутъ вѣрными, то сіе будетъ первый примѣръ въ исторіи постоянства ихъ. Если кто изъ нихъ (исключительно пьянаго Радзивила и гетмана Огинскаго котораго неблагодарность я уже испытала) войдти хочетъ въ мою службу, то не отрекусь его принять; наипаче же гетмана графа Браницкаго, жену котораго я отъ сердца люблю и знаю, что она меня любитъ и памятуетъ, что она Русская; храбрость же его извѣстна; также воеводу русскаго Потоцкаго охотно приму, потому что онъ честный человѣкъ, и въ нынѣшнее время поступаетъ сходственно совершенно съ нашимъ желаніемъ. Впрочемъ, Поляковъ принять въ армію и сдѣлать ихъ шефами подлежитъ разсмотрѣнію личному, ибо вѣтренность, индисциплина или разстройство и духъ мятежа у нихъ царствуетъ. Впрочемъ, стараться буду, чтобы соглашеніе о союзѣ не замедлилось, дабы нація занята была. Дай Боже, чтобъ болѣзни прекратились; если роты сдѣлать сильнѣе, то и денегъ и людей болѣе надобно; вы знаете, что послѣдній наборъ былъ со ста душъ; деньгами же стараемся быть исправны, налоговъ же наложить теперь не время, ибо хлѣбу недорода; и такъ недоимокъ не малое число. Признаться должно, что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и къ оному мало склонны; авось-либо въ нынѣшнюю войну лучше притравлены будутъ. Морскіе командиры нужны паче иныхъ».

Въ это время, когда Потемкинъ такъ торопился союзомъ съ Польшею, Вѣнскій Дворъ сообщилъ Петербургскому о безпокойствахъ своихъ относительно намѣреній Пруссіи пріобрѣсти земли отъ Польши. Кауницъ предлагалъ вооружить поляковъ противъ Пруссіи обѣщаніемъ возврата уступленныхъ Пруссіи по раздѣлу земель. Но въ Петербургѣ нашли, что неблагоразумно такимъ поступкомъ вооружать противъ себя Прусскаго короля. Безбородко подалъ записку: «Въ условіяхъ съ Австріей было поставлено, что Россія подастъ помощь Австріи, если Пруссія или Франція нападутъ на нее. Но Вѣнскій дворъ сверхъ диверсіи отъ короля прусскаго предполагаетъ другой случай, тотъ, еслибы сей государь рѣшился, воспользуясь войною нашею съ Портой, сдѣлать безъ обнаженія меча пріобрѣтеніе насчетъ Польши или гдѣ индѣ. Цѣлость настоящихъ владѣній польскихъ предохранена ручательствомъ ея императорскаго величества. Отъ рѣшенія ея величества зависитъ, слѣдуетъ ли принять покушеніе короля прусскаго присвоить Данцигъ и какую-нибудь часть земли польской за нарушеніе мира и тому воспрепятствовать всѣми силами. Нельзя не признаться, что таковое безъ войны пріобрѣтеніе дало бы королю прусскому гораздо выгоды болѣе нежели намъ, кои долженствуемъ несть убытки въ людяхъ и деньгахъ. Можно будетъ Вѣнскому двору отвѣтствовать, что мы уже подали имъ достаточныя увѣренія въ исполненіи обязательствъ нашихъ на случай диверсіи короля прусскаго; что относительно подозрѣнія въ завладѣніи имъ частію изъ Польши, святость и сила разныхъ трактатовъ, ручательство наше сей республикѣ утвердившихъ, да и самые интересы наши могутъ совершеннымъ образомъ Вѣнскій дворъ обнадежить, что мы признаемъ подобное покушеніе за противное миру и, поколику возможность дозволитъ, тому воспротивимся. Кауницъ, упоминая съ похвалою о намѣреніи нашемъ заключить союзный трактатъ съ Польшей, внушаетъ о представленіи Полякамъ перспективы на возвращеніе отъ короля прусскаго, въ случаѣ враждебныхъ его покушеній, той части, которая уступлена ему раздѣльнымъ трактатомъ. Извѣстно, что подобныя дѣла въ Польшѣ негоцируются съ цѣлымъ почти народомъ; какимъ же образомъ можно, прежде настоянія случая, дѣлать подобныя обнадеживанія? Сіе значило бы совершенно непріязненныя намѣренія наши и вызовъ короля прусскаго къ войнѣ, которую мы теперь отдалять должны».

Хлопотали объ отдаленіи войны Прусской, потому что опасность начала грозить со стороны Швеціи. Здѣсь царствовалъ двоюродный братъ императрицы Екатерины по матери, Густавъ III, человѣкъ способный начинать важныя дѣла, но неспособный разсчитывать средства къ ихъ успѣшному окончанію. Въ 1772 году ему удалось усилить королевскую власть насчетъ шляхетской демократіи, ослаблявшей Швецію съ 1720 года. Это не могло, разумѣется, нравиться въ Петербургѣ: по господствующему правилу тогдашней политики, каждая держава должна была стараться о томъ, чтобы въ сосѣдней державѣ сохранялась такая форма правленія, которая бы давала какъ можно менѣе силы ея правительству и, такимъ образомъ, дѣлала ее безопасною для сосѣдей. Такъ, сосѣди Польши давно уже вносили въ свои договоры статью,— поддерживать господство шляхет-

[1]) 26 февраля 1788.

ской демократіи въ Польшѣ; такъ Россія, Данія и Пруссія обязаны были другъ передъ другомъ трактатами поддерживать и въ Швеціи форму правленія, установленную тамъ съ 1720 года. Несмотря на то, родственники—императрица Русская и король Шведскій—продолжали находиться въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Густавъ III посѣтилъ Екатерину въ Петербургѣ въ 1777 году; когда, въ 1782 году, у короля родился второй сынъ, онъ просилъ Екатерину быть воспріемницей, причемъ напоминалъ о слышанной имъ отъ нея русской пословицѣ, что только два сына—сынъ. Императрица отвѣчала, что онъ ошибается, пословица говоритъ: «Одинъ сынъ не сынъ, два сына—полсына, три сына—сынъ». Въ слѣдующемъ 1783 году, у родственниковъ было условлено свиданіе въ Фридрихсгамѣ, въ Финляндіи; но Густавъ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ руку, отчего свиданіе и не состоялось. Любезности продолжались: извѣстно, что Екатерина любила заниматься русской исторіей, которая была въ связи съ шведскою, поэтому императрица просила короля прислать къ ней шведскихъ историческихъ книгъ. Густавъ поспѣшилъ исполнить просьбу, и къ посылаемымъ книгамъ приложилъ реестръ съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждой книги; онъ писалъ, что реестръ составленъ имъ самимъ. Екатерина отвѣчала: «Я сомнѣваюсь, чтобы ваши ученые знали лучше васъ шведскую исторію. Съ этихъ поръ я смотрю на ваше величество не какъ на короля,—короли, какъ всѣ знатныя особы, знаютъ все, не учившись ничему,—но я смотрю на васъ какъ на знатока исторіи, какъ на одного изъ самыхъ достойныхъ членовъ моей Академіи».

Но отношенія перемѣнились при началѣ войны Турецкой. Густавъ возбудилъ въ Швеціи сильное и основательное подозрѣніе, что онъ намѣренъ предпринять еще новыя перемѣны въ формѣ правленія, еще болѣе усилить свою власть. Это повело къ тому, что на сеймѣ 1786 года онъ встрѣтилъ сильную оппозицію и не могъ провести своихъ предложеній. Королю хотѣлось поправить дѣла воинскими подвигами, пріобрѣсти силу и значеніе Густава-Адольфа, опереться на побѣдоносное войско и на всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога слава отечества. Удобный случай къ тому представила война Россіи съ Турціей,—война, вслѣдствіе которой сѣверозападныя границы Россіи были обнажены отъ войскъ. Густавъ думалъ, что ему легко будетъ напасть съ суши и съ моря на беззащитный Петербургъ и вынудить у Екатерины уступку завоеваній Петра Великаго. Шведскій вопросъ примкнулъ къ Восточному.

Когда русскій посолъ въ Стокгольмѣ, графъ Разумовскій, далъ знать своему Двору о враждебныхъ движеніяхъ въ Швеціи, Екатерина написала: «Императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738 или 39 году пребываніе свое лѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстіе, что Шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказала сдѣлать Шведамъ объявленіе въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобное чего, то что бы завѣрное полагали, что она въ самомъ Штокгольмѣ камень на камнѣ не оставитъ. По твердости сего объявленія или по инымъ причинамъ, остановилась тогда назойливость шведская. Но то неоспоримо, что доходы имперіи и ея силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство были противъ теперешняго едва ли не въ половинѣ и считалось нѣсколько губерній менѣе теперешняго, чего сообщить графу Разумовскому, дабы онъ легкомыслію, вѣтренности, назойливости и лживоразсѣяннымъ слухамъ зналъ чѣмъ преграду учинить».

Въ то время, какъ съ сѣвера начали приходить зловѣщіе слухи, на югѣ великолѣпный князь Тавриды опять запѣлъ печальную пѣсню о необходимости покинуть Тавриду. Екатерина отвѣчала ему [1]): «На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война, и если сіе гнѣздо оставить, тогда и Севастополь, и всѣ труды, и заведеніе пропадутъ, и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи, и кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзанъ будетъ, и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражнены будемъ и не будемъ знать, куда дѣвать военныя суда, кои ни въ Днѣпръ, ни въ Азовское море не будутъ имѣть убѣжища; ради Бога, не пущайся на сіи мысли, коихъ мнѣ понять трудно и мнѣ кажутся неудобны, понеже лишаютъ насъ многихъ пріобрѣтенныхъ миромъ и войною выгодъ; когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ? Въ Польшу давно курьеръ посланъ и съ проектомъ трактата, и думаю, что сіе дѣло уже въ полномъ дѣйствіи. Великій князь (наслѣдникъ Павелъ Петровичъ) сбирается къ вамъ въ армію, на что я согласилась, и думаетъ отселѣ выѣхать 20 іюня, буде шведскія дѣла его не задержатъ; буде же полоумный король шведскій начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь».

Съ шведской стороны начались враждебныя демонстраціи съ цѣлію вынудить русскихъ сдѣлать что-нибудь такое, на что можно было бы указать какъ на нарушеніе мира съ русской стороны. Но Густавъ ошибся въ разсчетѣ: съ русской стороны не было ни малѣйшаго враждебнаго движенія. Екатерина все еще надѣялась, что дѣло кончится однѣми демонстраціями. «Мнѣ кажется они не задерутъ, а останутся при демонстраціи», писала она къ Потемкину [2]). «Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстраціи? Еслибы ты былъ здѣсь, я бъ рѣшилась въ пять минутъ что дѣлать, переговоря съ тобою. Еслибы слѣдовать моей склонности, я бъ флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ Шведы паки не построили бы

[1]) 27 мая 1788.
[2]) 4 іюня 1788.

корабли; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ и потому никакъ не должно, что если онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть по ихъ конституціямъ никакой помоги, а буде мы задеремъ, то они дать должны; и такъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣбъ съѣсть».

Въ то время какъ *Catherine le Grand* (по выраженію принца де-Линя) умѣла сдерживать свою склонность, побуждавшую ее разбить въ прахъ демонстрацію, у Густава III уже закружилась голова: онъ уже приглашалъ своихъ придворныхъ дамъ на балъ, который сбирался дать имъ въ Петергофѣ, приглашалъ ихъ къ молебну въ петербургскій соборъ; ему уже представлялось, что его имя разносится по странамъ Азіи и Африки, какъ мстителя за Оттоманскую имперію. Шведы задрали; король явился въ Финляндіи и отправилъ къ русскому вице-канцлеру, графу Остерману, подъ видомъ условій мира, насмѣшливый вызовъ къ войнѣ. Король требовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ возвращенія Швеціи всѣхъ земель, уступленныхъ ею по Ништадтскому и Абовскому мирамъ, возвращенія Портѣ Крыма и т. д.

«Мы отъ роду не слыхали жалобъ отъ него», писала Екатерина Потемкину [1]), «и теперь не вѣдаю за что разозлился; теперь Богъ будетъ между нами судіею. Здѣсь жары преужасныя и духота, я переѣхала жить въ городъ. У насъ въ народѣ превеликая злоба противъ шведскаго короля сдѣлалась, и нѣтъ рода брани, которымъ бы его не бранили большіе и малые; солдаты идутъ съ жадностію, говорятъ: вѣроломца за усы приведемъ; другіе говорятъ, что войну окончатъ въ три недѣли, просятъ идти безъ отдыха; однимъ словомъ, диспозиція духовъ у насъ и въ его войскѣ въ моей пользѣ. Трудно сіе время для меня, это правда; но что дѣлать? Надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду ведутъ людей и вещей».

Послѣ сраженія при Хохландѣ, Екатерина писала [2]): «Усердіе и охота народная противъ сего непріятеля велика; не могутъ дождаться драки; рекрутъ ведутъ и посылаютъ отовсюду; мое одно село Рыбачья Слобода прислала добровольныхъ охотниковъ 65, а всего ихъ 1300 душъ. Царское Село возитъ подвижные магазины. Тобольскому полку мужики давали по 700 лошадей на станціи. Здѣшній городъ далъ 700 не очень хорошихъ рекрутъ добровольною подпиской; какъ услышали сіе на Москвѣ, пошла подписка, и Петръ Борисовичъ (Шереметевъ) первый подписалъ 500 человѣкъ. Островъ Эзель прислалъ (ты скажешь: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешнею), дворянство и жители, что сами вооружатся и просятъ только 200 ружей и нѣсколько пороха. Здѣсь жары такъ велики были, что на термометрѣ на солнцѣ было $39^1/_2$. Въ сей духотѣ, въ городѣ сидя, я терпѣла духоту еще по шведскимъ дѣламъ. Въ день баталіи морской 6 іюля (при Хохландѣ) духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ: ainsi, j'ai aussi senti la poudre».

Но и *фуфлыга-богатырь* (какъ называла Екатерина Густава III) также испыталъ духоту въ Финляндіи. Когда онъ далъ приказъ войскамъ своимъ напасть на Фридрихсгамъ, офицеры объявили, что не будутъ исполнять этого приказанія, потому что несправедливая война съ Россіей начата безъ согласія чиновъ, вопреки конституціи. Вслѣдствіе этого, шведскія войска отступили отъ Фридрихсгама и Нейшлота, и король возвратился въ Стокгольмъ. Мала этого: финляндскія войска отправили майора Егергорна въ Петербургъ для непосредственныхъ переговоровъ съ императрицею. Екатерина такъ писала объ этомъ Потемкину [3]): «Присланъ ко мнѣ отъ финскихъ войскъ депутатъ майоръ Егергорнъ съ меморіаломъ на шведскомъ языкѣ, что они участія не имѣютъ въ неправильно начатой королемъ войнѣ противъ народнаго права и ихъ законовъ, и много еще отъ нихъ словесныхъ предложеній. Мой отвѣтъ будетъ въ такой силѣ, что если они изберутъ способы тѣ, кои ихъ могутъ сдѣлать отъ Шведовъ свободными, тогда обязуюсь ихъ оставить въ совершенномъ покоѣ, и перевѣдаюсь со Шведами».

Не на радость возвратился Густавъ III и въ Швецію: здѣсь датчане, вслѣдствіе союза съ Россіей, напали на его владѣнія; но Пруссія и Англія поспѣшили къ нему на помощь,—не съ войсками, разумѣется; онѣ угрозами заставили Данію удержаться отъ нападенія на Швецію; Пруссія объявила, что если Данія будетъ продолжать Шведскую войну, то прусскія войска вступятъ въ Голштинію.

Наконецъ Прусскій король предложилъ свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Швеціею. Фридрихъ-Вильгельмъ извинялъ Густава III,—представлялъ, что онъ началъ войну по недоразумѣніямъ; изъявлялъ надежду, что Россія заключитъ съ Швеціею миръ, не требуя никакихъ вознагражденій; представлялъ, что король Шведскій первый обнаружилъ склонность къ примиренію. Фридрихъ Вильгельмъ предлагалъ свое посредничество и въ примиреніи съ Турціей, и, чтобы склонить къ принятію этого посредничества, указывалъ на свой союзъ съ Англіей и Голландіей; упоминалъ объ интересѣ своемъ сохранить равновѣсіе на сѣверѣ и востокѣ. Императрица передала прусскія предложенія на разсужденіе Совѣту, собранному 18-го сентября. Совѣтъ нашелъ въ этихъ предложеніяхъ не слова, а вещи колкія: «Король говоритъ въ первомъ своемъ рескриптѣ о миролюбивыхъ короля шведскаго расположеніяхъ, признавая самъ ихъ недостаточными къ учи-

[1]) 3 іюля 1788.
[2]) 13 іюля 1788
[3]) 31 іюля.

нению изъ того употребленія; но во второмъ изражаетъ пристрастно, будто сей государь вовлеченъ въ войну недоразумѣніемъ, а весь свѣтъ знаетъ, что онъ получилъ отъ Порты деньги, и въ надеждѣ получать оныя, рѣшился напасть на Россію. Упреждая всякое дружеское изъясненіе, которое съ нашей стороны имѣть съ нимъ старались, присоединилъ къ внезапному вѣроломству вредное хотѣніе отторгнуть отъ Россіи многими иждивеніями и кровію предковъ пріобрѣтенныя земли. Но извиненіямъ таковымъ по себѣ непристойнымъ прибавилъ король прусскій хуже того изреченіе, что ожидаетъ отъ двора нашего согласія возстановить миръ съ Швеціею въ томъ состояніи вещей, въ какомъ были онѣ до воспослѣдовавшаго разрыва. Намѣреніе таково доказываетъ явное неуваженіе къ тягости оскорбленія, причиненнаго ея императорскому величеству королемъ шведскимъ, и ни во что поставляются его покушенія на вредъ имперіи. Вмѣсто удовлетворенія соразмѣрнаго обидѣ, король прусскій разумѣетъ онымъ то, что король шведскій первый отзывъ учинилъ къ миру. Но какой государь, чувствующій силу, можетъ поступить на такую низость и оставить примѣръ сосѣду нападать, въ чаяніи при всякой неудачѣ покрыть злое дѣло единымъ токмо хотѣніемъ мира? Еще сія неприличность не столько бы насъ трогала, когда бы король прусскій вязался только за одну Швецію, но онъ распространяетъ свое настояніе и на войну нашу турецкую! Понять не трудно, что говоря о союзѣ своемъ съ Англіей и Голландіей, упоминая объ интересѣ своемъ же сохранить равновѣсіе на сѣверѣ и востокѣ, онъ страшитъ насъ общею отъ сихъ державъ препоною въ успѣхахъ нашихъ въ томъ и здѣшнемъ краяхъ. Посему въ видѣ медіатора зрится возстающій нетерпимый повелитель не токмо на настоящія наши дѣла, но и на будущія, которыя Россія въ свою оборону или для пользы государства предпринять бы могла. Соображая таковый подвигъ во всѣхъ его слѣдствіяхъ, совѣтъ весьма удаленъ согласиться на предлагаемую отъ короля прусскаго настоящую медіацію; ибо податливость на оную предосудительна достоинству имперіи Всероссійской и царствованію ея величества, чрезъ 27 лѣтъ великою славою сопровождаемому. Что уничтожительнѣе оной крайности, какъ пріять великой имперіи законъ отъ прусскаго государя? Всякое уваженіе къ нуждамъ и къ тягости новой войны при семъ размышленіи исчезаетъ. А по сему всемѣрно слѣдуетъ медіаціи сего государя отклонить; хотя впрочемъ съ твердостію, но въ изъясненіяхъ на сей разъ дружескихъ, можно бы во 1) сказать, что ея императорское величество по дружбѣ, толь долголѣтне пребывающей, ожидать не могла, чтобы предлагаемая медіація исключала всякое должное удовлетвореніе государю и государству за учиненныя оскорбленія или уваженіе пріобрѣсть безопасность границамъ на будущее время отъ подобныхъ насильствъ; 2) сказать о невозможности трактовать съ королемъ шведскимъ, поелику на его слова и обѣты положиться нельзя; 3) по шведскимъ дѣламъ предложены добрыя услуги и со стороны двора Версальскаго: но какъ ея величество состоитъ въ союзныхъ обязательствахъ по шведской войнѣ съ королемъ датскимъ, а противъ Турковъ съ императоромъ римскимъ, то безъ предварительнаго сношенія съ сими союзниками не можетъ на таковыя предложенія дать полнаго отвѣта.—Думая, что король прусскій не удовольствуется нашими объясненіями, совѣтъ полагаетъ, что турецкую войну должно обратить въ оборонительную, приготовляться къ войнѣ съ Пруссіею и пріобрѣтать союзниковъ, заключить союзъ съ Франціей и другими бурбонскими домами, ибо на сторонѣ Пруссіи Англія и Голландія. Ни унывать, ни бояться не должно, Россія безъ всякаго напряженія имѣетъ 300,000 боеваго войска». Мнѣніе подписали: Брюсъ, Панинъ, Вяземскій, Остерманъ, Воронцевъ, Стрекаловъ, Завадовскій. Графъ Андрей Шуваловъ не согласился, принимая въ соображеніе тяжелое состояніе финансовъ, и подалъ мнѣніе: объявить Англіи и Пруссіи, что мы не хотимъ отъ Швеціи никакихъ земель, а требуемъ только возстановленія прежней формы правленія, Россіею гарантированной; Англіи то не можетъ быть противно. Въ то же время открыть съ Англіею негоціацію о сближеніи торговымъ трактатомъ. Союзъ съ Франціею вреденъ: она тѣсно связана съ Швеціей и Турціей.

Чрезъ нѣсколько дней пришла депеша отъ Штакельберга изъ Варшавы, что Прусскій Дворъ явно препятствуетъ собранію сейма и утвержденію союза съ Россіею, толкуетъ о вооруженномъ посредничествѣ вмѣстѣ съ Англіею. Прочтя депешу, Екатерина сказала: «Буде два дурака не уймутся, то станемъ драться. Графа Румянцева-Задунайскаго обратимъ для наступательной войны на Пруссію, чтобъ отнять тѣ земли, что я ему отдала. Князь Потемкинъ-Таврическій будетъ дѣйствовать оборонительно» [1]). Изъ этихъ словъ было видно, что императрица не согласится съ мнѣніемъ Шувалова; тѣмъ прискорбнѣе было для нея услыхать, что графъ Дмитріевъ-Мамоновъ раздѣляетъ мнѣніе Шувалова. Въ сильномъ раздраженіи, почти сквозь слезы, сказала Екатерина: «Неужели мои подданные, видя дѣлаемыя мнѣ обиды отъ королей Прусскаго и Англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали» [2])?

Дипломатическая война между Россіей и Пруссіею уже началась въ Польшѣ, вслѣдствіе чего здѣсь между поляками уже образовались два лагеря, русскій и прусскій. Прусскій посланникъ Бухгольцъ получилъ отъ своего Двора значительную сумму денегъ для составленія прусской пар-

[1]) Записки Храповицкаго (по изд. Москов. Истор. Общ.), стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 115.

тіи. Прусскій министръ Шуленбургъ писалъ великому гетману Литовскому, Огинскому, что пришло время дать Польшѣ возможность играть роль и самому Огинскому участвовать въ этой роли. Для объясненія, что значатъ эти слова, Огинскій отправилъ въ Берлинъ адъютанта, который былъ представленъ королю, и Фридрихъ-Вильгельмъ II прямо сказалъ ему: «Я желаю Польшѣ добра, но не потерплю, чтобъ она вступила въ союзъ съ какимъ-нибудь другимъ государствомъ. Если республика нуждается въ союзѣ, то я предлагаю свой съ обязательствомъ выставить 40,000 войска на ея защиту, не требуя для себя ничего за это». Министръ Герцбергъ прибавилъ, что король можетъ помочь Польшѣ въ возвращеніи Галиціи отъ Австріи, лишь бы поляки не затрогивали турокъ.

Въ октябрѣ 1788 собрался въ Варшавѣ сеймъ, которому былъ предложенъ союзъ съ Россіею при рѣшеніи Восточнаго вопроса. Россія обязывалась вооружить на свой счетъ и содержать во все продолженіе войны двѣнадцатитысячный корпусъ польскаго войска, и, даже послѣ заключенія мира, въ продолженіи шести лѣтъ, выплачивать на его содержаніе ежегодно по милліону польскихъ злотыхъ; предложены были большія торговыя выгоды; дано обязательство вытребовать такія же выгоды и отъ Турціи при заключеніи мира. Король былъ всей душою за этотъ союзъ. Но Бухгольцъ подалъ сейму ноту, что его король не видитъ для Польши ни пользы, ни необходимости въ союзѣ съ Россіею; что не только Польша, но и пограничныя съ нею владѣнія прусскія могутъ пострадать, если республика заключитъ союзъ, который дастъ туркамъ право вторгнуться въ Польшу. Если Польша нуждается въ союзѣ, то его прусское величество предлагаетъ ей свой; его прусское величество употребитъ всѣ старанія, чтобъ избавить знаменитую польскую націю отъ всякаго чужестраннаго притѣсненія и отъ нашествія турокъ, обѣщаетъ всякую помощь для охраненія независимости, свободы и безопасности Польши.

Чего же хотѣла собственно Пруссія? Противодѣйствовать Россіи и Австріи насчетъ Турціи; противодѣйствовать успѣхамъ этого ненавистнаго для нея союза между двумя сосѣдними имперіями; отомстить Россіи, показать ей, что она можетъ только потерять отъ перемѣны прусскаго союза на австрійскій. Но, кромѣ этого, у Пруссіи были еще другія цѣли. Россія и Австрія вступили въ войну съ Турціею для увеличенія своихъ владѣній на ея счетъ: пусть ихъ достигнутъ этой цѣли, если и Пруссія при этомъ также увеличитъ свои владѣнія. Фридрихъ II воспользовался первою Турецкою войною—и получилъ часть Польши: надобно воспользоваться второю Турецкою войною и достигнуть того же и такимъ же образомъ, т. е. безъ войны, дипломатическимъ путемъ, какъ произведенъ былъ раздѣлъ Польши при Фридрихѣ II. Для этого министръ Фридриха-Вильгельма II хочетъ заключить союзъ съ Портою, которая, какъ добрая союзница, должна взять на себя издержки увеличенія прусскихъ владѣній, а именно: Россія и Австрія должны получить земли отъ Турціи; за это Россія уступитъ клочекъ Финляндіи Швеціи, Австрія—Галицію Польшѣ; Польша, получивъ Галицію, должна уступить Данцигъ и Торнъ Пруссіи; а Швеція, получивъ вознагражденіе отъ Россіи, должна уступить Пруссіи же свою Померанію. Можетъ быть, Турція не будетъ довольна? Турція останется довольна; за всѣ свои потери она получитъ громадное вознагражденіе: четыре державы—Россія, Пруссія, Австрія и Англія—гарантируютъ на будущее время цѣлость остальныхъ ея владѣній.

Въ Польшѣ ничего не знали объ этихъ соображеніяхъ. Здѣсь прусскія деньги приготовили умы и сердца, а великодушныя обѣщанія безкорыстной поддержки, возбужденная надежда, съ помощью Пруссіи, освободиться изъ-подъ вліянія Россіи, надежда играть роль—покончили дѣло. Невозможно было описать того восторга, съ какимъ была встрѣчена нота Бухгольца: все, что было способно увлекаться громкими словами, блестящими надеждами, бросилось въ прусскій лагерь. Король былъ за Россію: слѣдовательно всѣ люди, ему недоброжелательные, должны были стать за Пруссію. Королевская и русская партія пали, число и дерзость оппозиціи возрасли; Штакельбергъ нашелъ невозможнымъ провести союзный русскій трактатъ [1]), ибо никто изъ самыхъ приверженныхъ къ Россіи людей не рѣшился бы его поддерживать.

Сеймъ, преобразовавшійся въ конфедерацію, отвѣчалъ Бухгольцу на его ноту, что конфедерація вовсе не имѣетъ въ виду союза съ Россіею, но возстановленіе свободной формы правленія и принятіе мѣръ, необходимыхъ для защиты страны. Первою подобною мѣрою, разумѣется, должно было быть увеличеніе числа войска, и Валевскій, староста Сѣрацкій, предложилъ увеличить число войска до 100,000. Взрывъ рукоплесканій, слезы, объятія были отвѣтомъ на это предложеніе. Все ликовало, какъ будто бы стотысячная армія уже маневрировала подъ стѣнами Варшавы и Европа съ уваженіемъ смотрѣла на Польшу; никто не подумалъ о бездѣлицѣ: чѣмъ содержать стотысячное войско?—доходы простирались до 18 милліоновъ злотыхъ, а на одно содержаніе стотысячной арміи надобно было 50 милліоновъ! Въ пылу восторга, многіе предложили добровольныя пожертвованія; но когда восторгъ охладѣлъ,—пожертвованія оказались ничтожными. Четыре года потомъ толковали объ увеличеніи податей и налоговъ, не дотолковались до удовлетворительнаго результата—и число войска не превысило 60,000 человѣкъ.

Послѣ рѣшенія о стотысячномъ войскѣ пошла

[1]) Штакельбергъ вице-канцлору Остерману 15 октября 1788.

ломка. Военное управленіе было отнято у Постояннаго Совѣта и поручено совершенно независимой Военной Коммисіи, подъ очереднымъ предсѣдательствомъ четырехъ гетмановъ. Сеймъ объявленъ безсрочнымъ, чтобъ имѣть время привести въ исполненіе всѣ преднамѣренныя реформы. Штакельбергъ объявилъ, что императрица будетъ смотрѣть на это нарушеніе гарантированнаго ею устройства, какъ на разрывъ дружественныхъ отношеній между Россіею и Польшею. Сеймъ отвѣчалъ нотою, въ которой отвергалъ претензію Россіи ограничивать верховныя права республики; въ другой нотѣ сеймъ потребовалъ, чтобъ польскія владѣнія были очищены отъ русскихъ войскъ. Вѣтеръ, раздувавшій весь этотъ пожаръ, дулъ изъ Берлина; тамъ прямо высказывались рускому посланнику: «Что взяли, отставши отъ насъ и соединившись съ Австріею? Если бы были съ нами, то все бы получили; и теперь если опять будете съ нами, то все получите». Герцбергъ, пожимая руку посланнику императрицы, Нессельроду, говорилъ: «Если бы на насъ положились, то и Крымъ и Очаковъ были бы ваши». Екатерина отмѣтила противъ донесенія Нессельрода: «Намѣстникъ Божій, вселенною распоряжающій: зазнались совершенно». Когда Русскій Дворъ далъ знать Берлинскому, что императрица отступаетъ отъ союза съ Польшею, Герцбергъ отвѣчалъ: «Если императрица, по свойству великой души своей, отступаетъ отъ союза, могущаго нанести Польшѣ вредъ, то король, его государь, надѣется, что войска русскія ни входить, ни проходить, ни довольствоваться въ Польшѣ не будутъ, чтобъ не дать повода и туркамъ то же дѣлать». Екатерина отвѣчала: «Поступокъ сей Прусскаго двора похожъ на поступки Шведскіе нынѣшняго года. Я говорила, чѣмъ больше имъ уступать, тѣмъ болѣе они требуютъ» [1]).

6 декабря Потемкинъ взялъ Очаковъ, и это торжество, конечно, не могло заставить его согласиться, что надобно ограничиться оборонительною войною съ Турціей и сосредоточить всѣ силы на сѣверѣ. Онъ писалъ императрицѣ въ духѣ шуваловскаго предложенія: «Честь царствованія требуетъ оборота критическаго нынѣшняго положенія дѣлъ. Всѣ подданные ожидаютъ сего. Я не нахожу невозможности, лишь бы живѣе дѣйствовать въ политикѣ и препоручить людямъ преданнымъ. Во-первыхъ усыпить прусскаго короля, поманя его надеждою пріобрѣсти прежнюю довѣренность, что можно сдѣлать изъясняясь съ нимъ ласково о примиреніи насъ съ Турками, согласясь тутъ съ императоромъ для отнятія у него подозрѣнія. Полякамъ ежели показать, что вы намѣрялись имъ при мирѣ съ Портою доставить часть земли за Днѣстромъ, они оборотятся всѣ къ вамъ, и оружіе, что готовятъ, употребятъ на вашу службу. Ускорите съ Англіею поставить трактатъ коммерческій; симъ вы обратите къ себѣ націю, которая охладѣла противу васъ. Напрягите всѣ силы успѣть въ сихъ двухъ пунктахъ, тогда не только бранить, но и бить будемъ прусскаго короля. Иначе прусскій король легко отдѣлитъ противу цесаря 80,000 своихъ, да 25,000 Саксонцевъ, 80,000 противъ насъ да поляковъ съ 50,000. Извольте подумать, чѣмъ противъ сего бороться, не кончивъ съ Турками? Я первый того мнѣнія, что прусскому королю заплатить нужно, но помирясь съ Турками». Относительно Франціи Потемкинъ былъ пророкомъ: «La France est en délire», писалъ онъ, «и никогда не поправится, а будетъ у нихъ хуже и хуже».

Увѣщанія съ юга приходились не ко времени. Во-первыхъ, легко было Потемкину изъ Очакова совѣтовать усыпить Прусскаго короля: но въ Петербургѣ хорошо видѣли всю трудность, невозможность этого дѣла; во-вторыхъ, раздраженіе, произведенное тономъ прусскихъ предложеній и положеніемъ прусскаго правительства, ставшаго на всѣхъ дорогахъ, чтобы мѣшать Россіи,—раздраженіе было чрезвычайное. Императрица, въ отвѣтѣ своемъ, дала замѣтить Потемкину: возможное ли дѣло, при настоящемъ антагонизмѣ Австріи и Пруссіи, сблизиться съ послѣднею, не разрывая союза съ первою, — союза, заключеніе котораго самъ Потемкинъ больше всѣхъ совѣтовалъ. Потемкинъ оскорбился, что въ немъ преположили колебаніе мыслей: «Ежели мысль моя о ласканіи короля прусскаго не угодна», писалъ онъ, «на сіе могу сказать, что тутъ нейдетъ дѣло о перемѣнѣ союза съ императоромъ, но о томъ, чтобы, лаская его, избавиться препятствій, отъ него быть могущихъ. Вы изволите упоминать, что союзъ съ императоромъ есть мое дѣло: сіе произошло отъ усердія; отъ оного же истекалъ и польскій союзъ; въ томъ видѣ и покупка имѣнія Любомирскаго учинена [2]), дабы, сдѣлавшись владѣльцемъ, имѣть право входить въ ихъ дѣла и въ начальство военное. Мои совѣты происходили всегда отъ ревности; ежели я тутъ не угодилъ, то впередъ конечно кромѣ врученнаго мнѣ дѣла говорить не буду».

Несмотря на счастливое, повидимому, окончаніе 1788 года, новый 1789 годъ не принесъ никакихъ благопріятныхъ перемѣнъ. Передъ взятіемъ Очакова, жалуясь на короля Прусскаго и его союзниковъ, Екатерина писала Потемкину: «Они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ. Возьми Очаковъ и сдѣлай миръ съ Турками; тогда увидишь, какъ осядутся, какъ снѣгъ на степи послѣ оттепели, да поползутъ какъ вода по отлогимъ мѣстамъ». Очаковъ былъ взятъ; но блестящія надежды, которыя возлагались на это событіе, не оправдались. Затруднительное положеніе обоихъ союзныхъ императорскихъ Дворовъ весною 1789 года всего лучше очерчено въ письмѣ Іосифа II къ Екатеринѣ [3]): «Прусскія интриги достигаютъ въ Константинополѣ

[1]) Записки Храповицкаго, стр. 126.

[2]) Имѣніе куплено было Потемкинымъ.

[3]) 20 мая 1789.

все большихъ и большихъ результатовъ. Безуміе англичанъ и голландцевъ; энтузіазмъ поляковъ къ королю Прусскому; Данія, силою принужденная къ миру; король Шведскій, дерзающій на все и который успѣлъ усилить свою власть и свои средства; эта неудобная конфедерація германская; печальное состояніе Франціи и ложные принципы Испаніи: — все это мудрость вашего величества сумѣетъ оцѣнить и найдетъ средства противодѣйствовать злу. Мнѣ остается только повторить увѣреніе, что буду всегда готовъ помогать вашему величеству всѣми моими силами».

Густавъ III Шведскій, освобожденный Англіею и Пруссіею отъ Датской войны, дѣйствительно успѣлъ провести на сеймѣ такія постановленія, которыя дѣлали власть его почти неограниченною; сеймъ взялъ на себя королевскіе долги и далъ Густаву новыя денежныя средства къ продолженію Русской войны. Война эта и въ 1789 году кончилась неудачно для шведовъ; но они не заключали мира, и слѣдовательно Россія нисколько не была облегчена съ этой стороны; а тутъ война грозила ежеминутно со стороны Пруссіи и Польши: «съ Прусакомъ употребляется что возможно», писала Екатерина Потемкину: «но съ врагами вообще нѣтъ ничего исцѣлительнѣе, какъ ихъ бить». Но бить четырехъ враговъ заразъ было слишкомъ трудно. На югѣ, несмотря на блистательныя побѣды Суворова, дѣло не подвигалась къ концу; отъ австрійцевъ была плохая помощь; Потемкинъ жаловился на нихъ. На эти жалобы Екатерина писала [1]): «Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано, поноснымъ и несноснымъ. Мы Прусаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ терпѣть ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла»! Въ одной изъ записокъ императрицы, относящихся къ этому времени, читаемъ слѣдующія слова: «Молю Всевышняго, да отмститъ Прусаку гордость. Въ 1762 году я его дядюшкѣ возвратила Пруссію и часть Помераніи, что не исчезнетъ въ моей памяти. Не забуду и то, что двухъ нашихъ союзниковъ онъ же привелъ въ недѣйствіе; что со врагами нашими заключилъ союзъ; что Шведамъ давалъ денегъ и что съ нами имѣлъ грубые и неприлично повелительныя переписки. Будетъ и на нашу улицу праздникъ авось либо»!

Но праздника надобно было еще подождать. Союзникъ, Іосифъ II, умиралъ, изнемогая подъ тяжестію непріятностей, видя, какъ его реформы возбудили повсюду волненія, ненависть; видя необходимость отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Екатерина питала сочувствіе къ Іосифу, но не одобряла способа его дѣйствій при реформахъ, не одобряла излишней стремительности, неровности и мелочности: «Императоръ самъ ко мнѣ пишетъ (увѣдомляла Екатерина Потемкина), что онъ очень боленъ и печаленъ по причинѣ потери Нидерландіи. Если въ чемъ его оправдать нельзя, то въ семъ дѣлѣ: сколько тутъ перемѣнъ было! То онъ отъ нихъ все отнималъ, то возвращалъ, то паки отнималъ и паки отдавалъ. О союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единаго вѣрнаго человѣка, который бы ему говорилъ пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ ненавидимъ всѣми. Венгерцы мать его спасли въ 1740 году отъ потери всего: ябъ на его мѣстѣ ихъ на рукахъ носила» [2]).

Австрійскій союзъ принесъ мало пользы и при Іосифѣ, нельзя было ждать лучшаго при его преемникѣ, Леопольдѣ, а между тѣмъ Пруссія продолжала находиться относительно Россіи въ угрожающемъ и раздражающемъ положеніи, и двѣ войны— Турецкая и Шведская—не обѣщали скоро прекратиться. Печально начался 1790 годъ: мирное предложеніе, сдѣланное Россіею Швеціи посредствомъ испанскаго посланника, осталось безъ дѣйствія; Польша заключила союзъ съ Пруссіей. «Мучитъ меня теперь несказанно (писала Екатерина Потемкину) [3]), что подъ Ригою полковъ не въ довольномъ числѣ для защищенія Лифляндіи отъ прусскихъ и польскихъ набѣговъ, коихъ теперь почти ежечасно ожидать надлежитъ. Король шведскій мечется повсюду, какъ угорѣлая кошка. Долго ли сіе будетъ, не вѣдаю; только то знаю, что одна премудрость Божія и Его всесильныя чудеса могутъ всему сему сотворить благой конецъ. Странно, что воюющіе всѣ хотятъ и имъ нуженъ миръ, Шведы же и Турки дерутся въ угодность врага нашего скрытнаго, новаго европейскаго диктатора (короля Прусскаго), который вздумалъ отнимать и даровать провинціи, какъ ему угодно: Лифляндію посулилъ съ Финляндіею Шведамъ, а Галицію Полякамъ; послѣднее заподлинно, а первое моя догадка, ибо шведскій король писалъ къ испанскому министру, что когда прусскій король вступитъ въ войну, тогда уже безъ его согласія нельзя мириться, да и теперь ни на единый пунктъ, испанскимъ министромъ предложенный, не соглашается, а требуетъ многое себѣ попрежнему». На другой день императрица писала: «Если визирь выбранъ съ тѣмъ, чтобы не мѣшать миру, то кажется ты намъ вскорѣ доставишь сіе благополучіе; съ другой же стороны дѣла дошли до крайности. Есть-либъ въ Лифляндіи мы имѣли корпусъ тысячъ до 20, то бы все безопасно было, да и въ Польшѣ перемѣна ускорилась».

Весною Густавъ III возобновилъ непріятельскія дѣйствія. На сухомъ пути они были попрежнему незначительны; но на морѣ произошли два важныя сраженія, представившія быструю перемѣну

[1]) 18 октября 1789.

[2]) 10 января и 6 февраля 1790.
[3]) 13 мая 1790 г.

военнаго счастія; въ первомъ русскіе одержали блистательную побѣду надъ шведскимъ флотомъ, запертымъ въ Выборгскомъ заливѣ; во второмъ— потерпѣли пораженіе отъ шведовъ: «Послѣ сей, прямо славной побѣды (писала Екатерина Потемкину)[1]) шесть дней (спустя) послѣдовало несчастное дѣло съ гребною флотиліею, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурею ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе».

Но послѣдняя побѣда дала только возможность Густаву III съ честію окончить войну, для продолженія которой онъ не имѣлъ средствъ. Поэтому новое предложеніе Россіи было принято—и, 3 августа 1790 года, заключенъ былъ Верельскій миръ: границы обоихъ государствъ остались тѣ же, какія были до войны; Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла турецкія; Екатерина отказалась отъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла шведскія. «Велѣлъ Богъ одну лапу высвободить изъ вязкаго мѣста (писала Екатерина Потемкину)[2]). Сего утра я получила отъ барона Игельстрома курьера, который привезъ подписанный имъ и барономъ Армфельдомъ миръ безъ посредничества. Отстали они, если смѣть сказать, моею твердостью личною одною отъ требованія, чтобъ принять ихъ ходатайство у Турокъ».— Оставалось покончить съ послѣдними: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили; какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуія», читаемъ другомъ письмѣ[3]). Потемкинъ писалъ, что сталъ спать покойно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о мирѣ съ шведами. Императрица отвѣчала[4]): «Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ съ Шведами; на сіе тебѣ скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь».

ГЛАВА VIII.

«Вытащить другую лапу изъ грязи», т. е. покончить войну съ Турціею честнымъ миромъ, было дѣло очень трудное. Пруссія и Англія, а за ними Голландія и Польша сохраняли прежнее враждебное положеніе относительно Россіи и Австріи, попрежнему грозили войною, если императорскіе Дворы не помирятся съ Турціею съ возстановленіемъ прежнихъ условій, существовавшихъ до войны—(statu quo). Въ Берлинѣ было въ это время двѣ партіи: партія войны, главою которой былъ Герцбергъ, желавшій во что бы то ни стало пріобрѣсти для Пруссіи Данцигъ и Торнъ отъ Польши, и партія мира, главою которой былъ любимецъ короля Бишофсвердеръ. Въ Англіи не хотѣли воевать за Турцію съ Австріею и Россіею,—хотѣли союзами и вооруженіями напугать ихъ, заставить заключить съ Турціею миръ statu quo. Англійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ былъ Евартъ, имѣвшій сильное вліяніе на прусскія рѣшенія по своимъ способностямъ и энергіи; оффиціальнымъ представителемъ Россіи въ Берлинѣ былъ Нессельродъ; но въ то же время важныя сношенія были ведены другимъ дипломатомъ, Алопеусомъ, не имѣвшимъ оффиціальнаго значенія.

Англія и Пруссія успѣли напугать Австрію. Преемникъ Іосифа II-го, Леопольдъ, нашелъ свое государство въ самомъ печальномъ положеніи вслѣдствіе преобразованій Іосифа, приходившихся часто не ко времени и не къ мѣсту. Леопольду нужно было, во что бы то ни стало, заключить миръ съ Турціею и отклонить войну съ Пруссіею, чтобъ заняться внутреннимъ успокоеніемъ своего пестраго государства. По восшествіи своемъ на престолъ[5]), Леопольдъ написалъ Прусскому королю письмо, наполненное изъявленіями мирныхъ желаній; Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ ему[6]) въ томъ же тонѣ. «Мое честолюбіе въ настоящую минуту состоитъ въ томъ, чтобъ содѣйствовать успокоенію Европы; у меня никогда не будетъ стремленія къ завоеваніямъ. Вотъ мое исповѣданіе вѣры». Король предъявилъ и условія мира: «Или, по предложенію Англійскаго короля, возстановленіе status quo, или, что лучше по моему мнѣнію, такое общее распоряженіе, которое бы уравновѣшенною мѣною примиряло интересы государствъ, участвующихъ въ теперешнихъ смутахъ». Ясно было, въ чемъ должно состоять это общее распоряженіе: Пруссія безъ всякой войны и безъ всякой мѣны должна получить Данцигъ и Торнъ.

Но Леопольду дѣлать было нечего, надобно было мириться на томъ или на другомъ условіи. Старый канцлеръ Австріи, знаменитый Кауницъ написалъ Потемкину[7]): «Дѣла дошли до такого кризиса, что требуютъ самыхъ скорыхъ и самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ. Ожесточеніе Пруссіи и ослѣпленіе Англіи заставляютъ наши два Двора выбирать изъ двухъ крайностей,—одна хуже другой: или купить сохраненіе общаго спокойствія пожертвованіями, которыя будутъ очень тяжки послѣ несчастной войны; или рисковать всеобщею войною, лучшій исходъ которой для насъ будетъ, если ничего не потеряемъ и получимъ миръ съ Портою, сколько-нибудь сносный. Намъ надобно проложить дорогу посрединѣ этихъ двухъ крайностей, и всего лучше обезпечить для себя упомянутый исходъ, не подвергаясь случайностямъ, потерямъ и неисчислимымъ бѣдствіямъ всеобщей войны. Нечего колебаться въ выборѣ между уменьшеніемъ выгодъ и важными, существенными

---

[1]) 17 іюля 1790 г.
[2]) 5 августа 1790 г.
[3]) 9 августа 1790 г.
[4]) 29 августа 1790 г.

[5]) 25 марта 1790 года. [6]) 14 апрѣля.
[7]) 2 мая.

*

потерями. Никакія выгоды не могутъ вознаградить насъ за потерю Нидерландовъ и Галиціи; что же касается Россіи, то ничто не можетъ вознаградить ее за потерю вліянія въ Польшѣ и за соединеніе англійскаго флота съ шведскимъ; для обоихъ Дворовъ одинаково ничто не можетъ вознаградить за преобладаніе Пруссіи на сѣверѣ и за исключительное господство ея въ Польшѣ».

Въ Вѣнѣ приходили въ ужасъ отъ одной мысли, что Пруссія можетъ увеличить свои владѣнія, усилить гдѣ-нибудь свое вліяніе, и, потому, придумали средство: предложить возвращеніе Галиціи Польшѣ, но съ тѣмъ, чтобы Пруссія и Россія также отказались отъ своихъ долей, полученныхъ по раздѣлу 1772 года. Кауницъ написалъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ, Люи Кобенцелю [1]): «Мы бы очень желали, еслибъ Русскій Дворъ согласился возвратить свою долю. Нельзя ожидать никакой опасности отъ несдержанія слова, а Пруссія подвергается явному предосужденію, особенно въ глазахъ поляковъ». Но въ Петербургѣ смотрѣли иначе на дѣло: страхомъ всеобщей войны Екатерину нельзя было заставить отдать Бѣлоруссію или, предложивъ это возвращеніе, не сдержать слова. Она накидала на бумагу слѣдующіе пункты по поводу австро-прусскихъ дѣлъ: «1) Всякая несправедливость внушаетъ ужасъ. Поведеніе Берлинскаго двора относительно Вѣнскаго отличается такою несправедливостью, какой я еще не знаю примѣра. Берлинскій дворъ требуетъ, чтобы дворъ Вѣнскій уступилъ Польшѣ большую часть Галиціи, обладаніе которою гарантировано покойнымъ Прусскимъ королемъ и нами. Вознагражденіе Австріи Берлинскій дворъ обѣщаетъ на счетъ Турокъ, Турокъ, съ которыми Берлинскій дворъ только-что заключилъ оборонительный и наступательный союзъ. 2) Но отдавая области своихъ союзниковъ, Пруссія увѣрена ли, что Турки уступятъ ихъ? слѣдовательно хотятъ ограбить Австрію и обѣщаютъ ей въ вознагражденіе то, что можетъ быть Турки еще и не уступятъ, т. е. почти что ничего. 3) Все это дѣлается Берлинскимъ дворомъ для пріобрѣтенія Торна и Данцига съ частію Познани—вотъ и другой новый союзникъ Прусскаго короля, котораго онъ хочетъ ограбить. То есть деретъ съ живаго и съ мертваго. 4) Надобно увѣрить Вѣнскій дворъ, что мы вполнѣ исполнимъ свои обязательства во всякомъ случаѣ. 5) Мы желаемъ мира съ Турками, общаго или отдѣльнаго единственно для того, чтобы дѣятельнѣе помогать нашему союзнику противъ общихъ враговъ. 6) Я предпочитаю прямые переговоры съ Портою; и справедливо, чтобъ и Вѣнскій дворъ трактовалъ въ тоже время. 7) Если Вѣнскій дворъ будетъ трактовать отдѣльно съ посредниками или безъ посредниковъ, то справедливость требуетъ, чтобъ и мы могли дѣлать то же самое, т. е. отдѣльно».

[1]) 2 мая 1790.

Леопольду нужно было прежде всего отвратить грозу съ сѣвера, гдѣ Пруссія, въ подкрѣпленіе своихъ требованій, выставляла большое войско; въ Галиціи поляки волновались. Леопольдъ согласился на конгрессъ, который долженъ былъ собраться въ Рейхенбахѣ, въ Силезіи, въ іюлѣ 1790 г. Австрійскіе и прусскіе уполномоченные должны были уладиться при посредствѣ англійскаго и голландскаго уполномочнныхъ. Въ первой конференціи австрійскіе уполномоченные уступили въ пользу Польши часть Галиціи во 144 мили съ 308,000 душъ. Прусскіе уполномоченные отвергли это предложеніе съ угрозами, и потребовали округа Бохни, Тарнова, Замосця, города Бродъ, что составляло 500,000 душъ съ 700,000 флориновъ дохода. Въ вознагражденіе соглашались на присоединеніе къ Австріи турецкой Кроаціи и всего того, чѣмъ владѣла Австрія по миру Пассаровицкому, но съ условіемъ срытія Бѣлградской крѣпости. Тутъ же пруссаки объявили, что хотятъ взять Данцигъ, Торнъ, Дубно, землю между Нетцою и Вартою [2]). Но имъ скоро напомнили, что они не одни съ австрійцами въ Рейхенбахѣ: англійскій уполномоченный объявилъ Герцбергу, что Англія никогда не будетъ способствовать къ тому, чтобы турки, безъ ихъ согласія, лишены были своихъ владѣній; что ни Пруссія, ни Австрія не могутъ отказаться отъ основанія переговоровъ—status quo, и если Австрія принимаетъ его, то нѣтъ никакого предлога къ начатію войны. Это значило, что если Пруссія будетъ настаивать на свой проектъ мѣны владѣній и объявитъ Австріи войну, то будетъ воевать одна съ Австріей и Россіей. Явился изъ Варшавы прусскій посланникъ при Польскомъ Дворѣ, маркизъ Люкезини, и объявилъ, что Польша рѣшительно не согласна на уступку Данцига и Торна. Планъ Герцберга рушился. 15 іюля онъ долженъ былъ предложить австрійскимъ уполномоченнымъ—немедленно же заключить перемиріе съ турками на основаніи status quo. Австрія согласилась, причемъ обязалась ничѣмъ не помогать Россіи къ продолженію войны.

Герцбергъ съ бѣшенствомъ возвратился изъ Рейхенбаха. Увидавшись съ Алопеусомъ, онъ началъ увѣрять его, что никогда не хлопоталъ о *status quo*; что его планъ, одобренный уже и Австріею на рейхенбахскихъ конференціяхъ, былъ совсѣмъ другой, и Россія была бы имъ очень довольна. Австрійскій Дворъ соглашался уступить Польшѣ Броды, Замосць, Жолкву, съ 500,000 жителей, на условіи, чтобы Польша уступила Пруссіи два города, совершенно безполезные для Польши, Данцигъ и Торнъ, съ народонаселеніемъ едва ли во 100,000; Пассаровицкія границы были бы возстановлены между Турціею и Австріею, и Очаковъ остался бы за Россіею. «Таковъ былъ мой проектъ»,

[1]) Депеша вице-канцлера Филиппа Кобенцеля изъ Вѣны австрійскому послу Люи Кобенцелю въ Петербургъ 13 іюля.

продолжалъ Герцбергъ: «этотъ проектъ былъ внушенъ мнѣ патріотизмомъ; но когда все было улажено, все въ одну минуту разрушилось, потому что иностранцы [т. е. Люкезини [1]], которые естественно не могутъ имѣть такой же привязанности къ странѣ, какъ я, въ ней родившійся, иностранцы захотѣли пріобрѣсть себѣ важность насчетъ Пруссіи. Я не понимаю этого человѣка (Люкезини): прошлую зиму онъ увѣрялъ, что поляки будутъ совершенно согласны уступить Данцигъ и Торнъ, если имъ отдадутъ эту часть Галиціи; а теперь онъ утверждаетъ, что имъ надобно всю Галицію; но вы понимаете, что это невозможно. Тутъ-то пришли къ этому знаменитому status quo, который давно уже былъ предложенъ Англіею и который всегда нравился королю. Я не могъ идти противъ потока и сталъ просить отставки; король не согласился. По моему мнѣнію, есть еще средство придти къ соглашенію насчетъ Очакова, если Русскій Дворъ обяжется тайно не препятствовать уступкѣ Данцига и Торна; я знаю, что со стороны поляковъ будутъ затрудненія, но эти затрудненія могутъ быть побѣждены. Необходимо, чтобъ Россія и Пруссія пришли наконецъ къ соглашенію; Пруссія вовсе не хочетъ противодѣйствовать вліянію Россіи въ Польшѣ. Россія хотѣла вовлечь Польшу въ войну съ турками и обогатить ее насчетъ послѣднихъ; политика Пруссіи требовала этому противодѣйствовать, потому что увеличеніе Польши было ей противно и, слѣдовательно, ей нужно было отстранять все, могущее этому содѣйствовать. Дѣйствительно нашъ Дворъ обязался въ отношеніи къ Турціи помочь ей возвратить все потерянное въ послѣднюю войну; но такъ какъ императрица требуетъ такой малости—Очакова съ областью до Днѣстра, то можно заставить турокъ понять, что они должны согласиться на это условіе; надобно только, чтобъ съ вашей стороны было сдѣлано намъ предложеніе въ такой формѣ: если королю Прусскому удастся посредствомъ дипломатическихъ сношеній и сдѣлокъ, а не путемъ силы склонить Польшу къ уступкѣ ему Данцига и Торна, то Петербургскій Дворъ не воспротивится этому, напротивъ—будетъ помогать посредствомъ своей партіи въ Польшѣ. Даю вамъ честное слово, что король запретилъ мнѣ говорить объ уступкѣ Данцига и Торна; но если предложеніе будетъ сдѣлано съ вашей стороны, то я могу, несмотря на всѣ запрещенія, не только принять его для донесенія (ad referendum), но и подкрѣплять его; мнѣ будетъ легко доказать, что пріобрѣтеніе дружбы Россіи и обладаніе Данцигомъ и Торномъ гораздо важнѣе дружбы государства, для котораго мы сдѣлали такъ много, и которое само не въ состояніи ничего сдѣлать».

Алопеусъ донесъ въ Петербургъ объ этомъ разговорѣ съ Герцбергомъ, прибавивъ, что между королемъ и его министромъ господствуетъ сильное несогласіе, но что король, несмотря на свое природное упрямство, не имѣетъ духа удалить Герцберга отъ дѣлъ [1].

Россія осталась одна; но не думала уступать требованіямъ Пруссіи и Англіи и заключать миръ съ Турціею на основаніи status quo: пріобрѣтеніе Очакова съ прилежащею областью между Бугомъ и Днѣстромъ было объявлено ею какъ необходимое условіе мира. Англія и Пруссія, успѣвъ напугать Австрію вооруженіями, думали, что могутъ напугать тѣмъ же и Россію. Первый министръ Георга III, знаменитый Питтъ, разослалъ приказы усиливать флотъ и держать его въ готовности выйти въ море. Пруссія также продолжала истощать свои финансы, держа наготовѣ многочисленное войско, причемъ она попрежнему не теряла изъ виду Данцига и Торна, и Англія, имѣя общее дѣло съ Пруссіею, считала необходимымъ потворствовать ея желаніямъ. Въ ноябрѣ 1790, польскій посланникъ въ Голландіи, Огинскій, получилъ отъ своего правительства порученіе ѣхать въ Лондонъ и провѣдать, какъ тамъ смотрятъ на стремленіе Пруссіи пріобрѣсти Торнъ и Данцигъ. «Какая вамъ, полякамъ, выгода владѣть Торномъ и Данцигомъ»? спросилъ его Питтъ. «Какая вамъ выгода имѣть эти два рынка для вашихъ произведеній при той слабости, въ какой вы находитесь до сихъ поръ, стеная подъ гарантіею Петербургскаго Двора? Король Прусскій, предлагая вамъ свою дружбу и союзъ, представляетъ вамъ средства выйдти изъ этого презрѣннаго положенія, и это одно стоитъ нѣкоторыхъ пожертвованій. Но чего требуетъ Прусскій король—это даже нельзя назвать и пожертвованіями, потому что, съ своей стороны, онъ отказывается отъ значительнаго дохода, получаемаго съ таможенъ». Тутъ министръ показалъ Огинскому копію съ письма къ нему Прусскаго короля: Фридрихъ-Вильгельмъ II откровенно объяснялъ побужденія, которыя заставляли его желать Торна и Данцига. «Неужели вы считаете ни за что купить этою цѣною торговый трактатъ съ Англіею и Голландіею»? продолжалъ Питтъ. «Вы говорите, что, потерявъ Данцигъ, единственное свободное мѣсто, гдѣ вы сбываете ваши произведенія, вы должны будете подвергаться всѣмъ таможеннымъ придиркамъ и платить всѣ пошлины, какія отъ васъ потребуютъ. Но не должно забывать, что вы теперь платите гораздо больше, чѣмъ будете платить по новому торговому трактату, вамъ предлагаемому. Наконецъ, что касается придирокъ, то ваши опасенія могли бы быть еще основательны, если бы вы не имѣли дѣло съ союз-

---

[1]) Герцбергъ говорилъ послѣ полякамъ: «Votre plus grand ennemi c'est ce serpent Italien (Люкезини). C'est lui qui a compromit et qui compromet sans cesse les interets de la Pologne et de son roi. Les Italiens ont moins de politique que de ruse. Ils ne combattent pas, ils harcelent: ce sont les cosaques de la diplomatie. (Булгаковъ Безбородку $^{11}/_{22}$ августа 1792 года).

[1]) Алопеусъ Остерману 25 ноября (6 декабря) 1790.

никомъ и другомъ и еслибъ у васъ не было гарантій Англіи и Голландіи. Вы лучше меня знаете, какія были старинныя сношенія торговыя у Польши съ Англіею и Голландіею. У васъ была маленькая гавань на Балтикѣ подлѣ рѣки Свенты, если не ошибаюсь; гавань эта засорилась—и вамъ нечего жалѣть о ней; но у васъ было много городовъ во внутренности страны, гдѣ купцы голландскіе и англійскіе имѣли богатыя конторы и гдѣ вы складывали вашъ хлѣбъ; его покупали у васъ на мѣстѣ, вамъ не нужно было возить его до балтійскихъ гаваней. Я нынче утромъ смотрѣлъ на картѣ положеніе Ковна и Мереча. Первый изъ этихъ городовъ, расположенный на двухъ судоходныхъ рѣкахъ, былъ, какъ говорятъ, очень населенъ и производилъ большую торговлю; за городомъ сохранились еще слѣды нѣсколькихъ сотенъ домовъ, которые, какъ говорятъ, были заняты голландскими и англійскими купцами. Что было прежде, то можетъ быть возстановлено, и если торговый трактатъ съ Польшею осуществится, то мы сумѣемъ освободить васъ отъ всѣхъ придирокъ данцигскихъ таможенныхъ чиновниковъ, пріѣзжая за вашими произведеніями во внутренность страны, чтобъ получать ихъ изъ первыхъ рукъ. Торговля съ Польшею для насъ очень выгодна, потому что у васъ нѣтъ фабрикъ, вы потребляете много иностранныхъ товаровъ и предметовъ роскоши, и съ лихвою отдаете намъ то, что отъ насъ берете. Такъ будьте увѣрены, что мы принимаемъ горячее участіе въ судьбѣ Польши и ея торговли, и никогда не потерпимъ, чтобы торговый трактатъ, о которомъ идетъ дѣло, не гарантировалъ вашей странѣ всѣхъ выгодъ на которыя она имѣетъ право.

«Я объяснился съ полною откровенностью», закончилъ Питтъ: «я не утаилъ моего образа мыслей, который вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ мыслей нашего правительства». Таковъ былъ образъ мыслей короля и его министровъ; Георгъ III и Питтъ хотѣли непремѣнно заставить Россію заключить миръ съ турками statu quo, и, чтобъ имѣть съ собою Пруссію, готовы были отдать ей Данцигъ. Но Огинскій могъ сейчасъ же убѣдиться, что дѣло еще вовсе не рѣшено, если правительство такъ думаетъ; что есть люди, которые думаютъ иначе, и эти люди могутъ рѣшить дѣло иначе въ палатахъ. Огинскій повидался съ Фоксомъ и съ другими членами оппозиціи: всѣ изъявили свое сочувствіе къ Польшѣ, къ движеніямъ, въ ней происходящимъ; но Фоксъ при этомъ процитовалъ извѣстный латинскій стихъ: «Incidit in Scyllam qui vult vitare Carybdim» (впадаетъ въ Сциллу, кто хочетъ избѣжать Харибды). «Не очень довѣряйте вашему новому союзнику» (королю Прусскому), сказалъ онъ Огинскому; «разсчитывайте на свой патріотизмъ, на свою энергію, на духъ времени,—и вы сумѣете обезпечить свою свободу и независимость» [1]).

[1]) Mémoires de Michel Oginski. I, 88—102.

Что же дѣлала въ это время Австрія? Австрія спѣшила пользоваться рейхенбахскими постановленіями, вознаградить себя за унизительныя условія, какія должна была принять, спѣшила успокоить волненія въ Галиціи, Венгріи и Бельгіи, возстановить поколебленное было свое государственное зданіе, чтобъ потомъ явиться на арену европейской борьбы съ новыми силами, съ развязанными руками. Обязавшись въ Рейхенбахѣ не помогать Россіи, Австрія, въ сношеніяхъ съ послѣднею, не переставала называть себя самою вѣрною ея союзницею. 2 января 1791 года Кауницъ писалъ Кобенцелю въ Петербургъ: «Все, чего Русскій императорскій Дворъ можетъ требовать отъ самаго вѣрнаго союзника,—это положительное удостовѣреніе съ нашей стороны, что онъ можетъ разсчитывать на насъ съ первой минуты, какъ только намъ будетъ возможно придти къ нему на помощь. Возстановленіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ было въ настоящее время самою большою и единственною услугою, которую нашъ августѣйшій монархъ могъ указать своей союзницѣ, ибо возстановленіе внутренняго порядка дастъ намъ средство быть ей полезными попрежнему: отсутствіе силъ могло бы повести только къ тому, что дѣла не были бы въ соотвѣтствіи съ обѣщаніями».

Австрійскій министръ былъ на этотъ разъ совершенно искрененъ: Австрія боялась больше всего на свѣтѣ, чтобы Россія не потерпѣла неудачи въ предстоящей борьбѣ и ненавистная Пруссія не поднялась на ея счетъ. Очаковскія степи, которыхъ требовала Россія, не возбуждали зависти въ Вѣнѣ, а между тѣмъ раздраженіе противъ Пруссіи и Англіи за вмѣшательство и наложеніе условій мира съ турками было страшное. Въ Берлинѣ нѣкоторые поняли это положеніе Австріи,—поняли, что возстановившая свои силы Австрія будетъ опасна въ тылу при готовящейся борьбѣ съ Россіею, и рѣшилась попытаться, нельзя ли сблизиться съ Австріею и оттянуть ее совершенно отъ Россіи, и нельзя ли опять поднять вопросъ о пріобрѣтеніи Данцига и Торна, причемъ пусть нарушается status quo при мирѣ Австріи и Россіи съ турками. Война съ Россіею опасна при враждебности Австріи и при неувѣренности, какъ-то еще будетъ помогать Англія; гораздо выгоднѣе избѣжать опасной войны и получить польскія земли, какъ было сдѣлано при Фридрихѣ II. Разумѣется, возможности для Пруссіи сблизиться съ Австріею никакъ не могъ понять Герцбергъ, птенецъ Фридриха II: вражда къ Австріи вошла у него въ плоть и кровь; это было чувство, безъ котораго Герцберга нельзя было представить. Слѣдовательно, надобно было дѣйствовать мимо Герцберга,—и придумали *средство*.

По Берлину вдругъ пронеслась вѣсть, что любимецъ короля, Бишофсвердеръ, подвергся опалѣ и долженъ оставить столицу. Бишофсвердеръ дѣйствительно исчезъ изъ Берлина—и очутился въ Вѣнѣ, гдѣ потребовалъ тайныхъ переговоровъ съ Кауницемъ:

тотъ отвѣчалъ, что не можетъ самъ вести эти переговоры, ибо это возбудило бы всеобщее вниманіе и помѣшало дѣлу, но что поручитъ переговоры вице-канцлеру, графу Филиппу Кобенцелю. 20 февраля 1791 года происходилъ первый разговоръ Кобенцеля съ Бишофсвердеромъ:

«*Бишофсвердеръ*. Мой первый вопросъ, на которомъ основана вся моя коммисія, состоитъ въ слѣдующемъ: угодно ли его и—скому в—ству перемѣнить соперничество, такъ долго существующее между двумя Дворами, на тѣсную дружбу?—*Кобенцель*. Императоръ ничего такъ пламенно не желаетъ, какъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ королемъ, знаменитымъ какъ по своему могуществу, такъ и по личному характеру, потому что онъ считается государемъ — честнымъ человѣкомъ.—*Бишофсвердеръ*. Но скажите: вполнѣ здѣсь увѣрены, что король дѣйствительно таковъ? Если у васъ есть сомнѣнія на этотъ счетъ, скажите, на чемъ они основаны, чтобъ мнѣ можно было ихъ уничтожить.—*Кобенцель*. Императоръ нисколько въ этомъ не сомнѣвается, и если иногда случаются вещи, которыхъ мы никакъ не можемъ согласить съ совершенною правотою, то мы обыкновенно приписываемъ ихъ дурнымъ совѣтникамъ.—*Бишофсвердеръ*. Прекрасно! это именно такъ и есть. Король—это сама честность, и хочетъ, чтобъ вся вселенная была въ этомъ убѣждена. Несмотря на такое счастливое расположеніе, его часто вовлекаютъ въ заблужденіе; его часто заставляютъ дѣйствовать вопреки его благородному образу мыслей: вотъ почему, желая пламенно сблизиться съ его имп. в—ствомъ, онъ посылаетъ къ нему не ученаго и просвѣщеннаго министра, но человѣка, котораго онъ удостоиваетъ своею довѣренностью, который не большой знатокъ въ государственныхъ дѣлахъ, но который знаетъ сердце и образъ мыслей своего государя лучше всѣхъ его министровъ, и который будетъ считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если успѣетъ упрочить благо двухъ народовъ тѣсною дружбою между двумя Дворами. Герцбергъ всегда представляетъ это королю дѣломъ невозможнымъ, но не убѣждаетъ короля. Многіе изъ насъ, вѣрныхъ слугъ королевскихъ, думаютъ одинаково съ королемъ, и должно сказать, что общее мнѣніе не за насъ; одинаково съ нами думаютъ Моллендорфъ и герцогъ Брауншвейгскій; послѣдній помогъ мнѣ уговорить короля послать меня сюда для такого спасительнаго дѣла, безъ вѣдома Герцберга, который будетъ всегда противъ подобнаго проекта. Хотятъ уговорить короля къ сближенію съ Россіею; представляютъ, что ему стоитъ только исполнить желаніе императрицы, и она за это доставитъ ему все нужное для Пруссіи. Намъ даютъ это чувствовать очень ясно. Вы можете быть увѣрены, что отъ насъ зависитъ жить въ ладахъ съ Россіею, когда только захотимъ, и эти лады доставятъ намъ величайшія выгоды; но король предусматриваетъ еще большія выгоды въ тѣсномъ союзѣ съ Австрійскимъ Домомъ. Онъ бы не хотѣлъ способствовать усиленію Россіи, какъ это дѣлаете вы изъ желанія противопоставить Пруссіи страшнаго врага, который день-ото-дня будетъ становиться страшнѣе также и для Австріи. Онъ бы хотѣлъ, чтобы, вмѣсто этого, императоръ заключилъ тѣсный и постоянный союзъ съ Пруссіею, подъ защитою котораго обѣ монархіи, наслаждаясь глубокимъ миромъ между собою, не боялись бы никакого другого государства, имѣя возможность соединять свои силы противъ всякаго, ктобы захотѣлъ ихъ обезпокоить или нарушить равновѣсіе Европы, и противъ всякаго иностранца, который захотѣлъ бы присвоить себѣ вліяніе на дѣла Германіи. Къ этому союзу, заключенному между нашими двумя Дворами, присоединились бы всѣ настоящіе союзники Пруссіи. — *Кобенцель*. Также и турки?—*Бишофсвердеръ*. Почему нѣтъ? Вашъ собственный интересъ требуетъ больше всего, чтобы турки не были изгнаны русскими изъ Европы.—*Кобенцель*. Тогда надобно будетъ отказаться съ обѣихъ сторонъ отъ всякаго пріобрѣтенія?—*Бишофсвердеръ*. Вы безъ сомнѣнія знаете, что поднятъ вопросъ о Данцигѣ, и дѣйствительно это пріобрѣтеніе было бы очень желательно для короля, если бы онъ могъ его сдѣлать съ полнаго согласія Польши, вознаградивъ республику другими выгодами. Мы увѣрены, что Россія будетъ на это согласна, если мы согласимся содѣйствовать ея настоящимъ видамъ; король надѣется, что и императоръ не будетъ противъ, если дружба и союзъ между ними разъ установится. Впрочемъ, не должно думать, что король никакъ уже не можетъ отказаться отъ мысли о Данцигѣ. Прежде всего онъ желаетъ союза съ Австрійскимъ Домомъ: всякая другая идея, всякій другой проектъ уходитъ на второй планъ.—*Кобенцель*. Его прусское величество конечно уже имѣетъ въ виду основанія, на которыхъ созиждется этотъ союзъ?—*Бишофсвердеръ*. Да, есть много основаній, въ которыхъ мы условились съ герцогомъ Брауншвейгскимъ. Вотъ эти основанія: примиреніе Россіи съ турками безъ опасности для послѣднихъ быть изгнанными изъ Европы; противодѣйствіе русскому вліянію на дѣла Германіи; поддерживаніе соединенными силами германской конституціи; соглашеніе, какъ дѣйствовать противъ французской революціи». При этомъ Бишофсвердеръ объявилъ, что у него есть инструкція, написанная герцогомъ Брауншвейгскимъ. Кобенцелю казалось это очень страннымъ; онъ не понималъ, какъ подобный трактатъ могъ быть заключенъ безъ Герцберга. Бишофсвердеръ растолковывалъ ему: «Я условлюсь здѣсь въ главныхъ основаніяхъ; потомъ произойдетъ свиданіе между императоромъ и королемъ, послѣ котораго король велитъ Герцбергу сочинить договоръ,—и тотъ сочинитъ, потому что дѣло уже сдѣлано, слово дано, спорить больше нельзя». Кобенцель замѣтилъ, что было бы гораздо проще смѣнить министра. Бишофсвердеръ отвѣчалъ, что нѣтъ ни-

кого, кто бы могъ занять его мѣсто. Наконецъ Бишофсвердеръ разсказалъ, какъ русскій посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, былъ у него и просилъ уговаривать короля войти въ виды Россіи, обѣщая сдѣлать за это королю всякое удовольствіе, а его, Бишофсвердера, обогатить; но онъ, Бишофсвердеръ, отклонилъ предложеніе [1]).

4 марта Бишофсвердеръ имѣлъ второй разговоръ съ Кобенцелемъ. Неизбѣжный Данцигъ опять явился на сцену. Бишофсвердеръ объявилъ: «Если бы мы могли сдѣлать это пріобрѣтеніе, или въ вознагражденіе за нашу уступчивость требованіямъ Россіи, или въ вознагражденіе за издержки вооруженія, а быть можетъ и цѣлой кампаніи, то нашлась бы возможность и вамъ удержать что-нибудь изъ вашихъ завоеваній; напримѣръ: король могъ бы на Чистовскомъ конгрессѣ (гдѣ велись переговоры между Австріею и Турціею при посредничествѣ Пруссіи и ея союзниковъ) не настаивать на строгое statu quo; онъ могъ бы даже самъ склонить турокъ къ уступкѣ, давъ имъ почувствовать, что миръ для нихъ необходимъ и что король не можетъ доставить его имъ на другихъ условіяхъ. Но для этого не нужно бы было спѣшить заключеніемъ мира. Помоему, было бы благороднѣе и даже полезнѣе для короля отказаться отъ всякаго пріобрѣтенія; но не всѣ такъ думаютъ въ Берлинѣ, и проектъ измѣненія status quo въ пользу Австріи будетъ всегда крайнимъ средствомъ и найдетъ защитниковъ, которые предпочтутъ его намѣренію рисковать войною съ Россіею безъ увѣренности, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ Австрія, и безъ увѣренности, въ какой мѣрѣ Пруссія можетъ надѣяться на серьезную помощь со стороны Англіи». Кобенцель отвѣчалъ, что его Дворъ, *быть можетъ*, выслушаетъ предложеніе Пруссіи, если ему поставятъ на видъ возможность получить вознагражденіе насчетъ Турціи. Кобенцель при этомъ далъ замѣтить, что Вѣнскій Дворъ не можетъ полагаться на совершенную откровенность прусскаго министерства; не можетъ быть увѣренъ, что въ это же самое время Пруссія не трактуетъ съ Россіею насчетъ Данцига и Торна. Бишофсвердеръ въ отвѣтъ показалъ ему письмо къ себѣ короля, которое оканчивалось такъ: «Не увлекайтесь никакими предложеніями Алопеуса; какъ бы ни были велики выгоды, предлагаемыя Россіею, я все нахожу гораздо больше выгоды въ союзѣ съ императоромъ; союзъ съ Россіею отъ насъ не уйдетъ, если австрійцы не захотятъ насъ».

Изъ Вѣны дали знать въ Петербургъ обо всѣхъ этихъ разговорахъ. Кауницъ писалъ Люи Кобенцелю [2]), что оба императорскіе Двора должны сообщать другъ другу всѣ внушенія, какія будутъ приходить къ нимъ изъ Берлина; что оба Двора должны показывать Берлинскому Двору рѣшительное отвращеніе трактовать съ нимъ отдѣльно о предметахъ, оба ихъ одинаково интересующихъ; особенно императорскіе Дворы должны хлопотать о томъ, чтобъ Прусскому королю не досталась добыча, тогда какъ Австрія останется безъ вознагражденія за Турецкую войну. Австрія отказалась отъ этого вознагражденія, но съ условіемъ, чтобъ и Пруссія ничего не получила. Австрія охотно соглашается на пріобрѣтенія, которыя сдѣлаетъ Россія, если Турція согласится принять ея ультиматумъ; но главное, чтобъ общій врагъ (Пруссія) не получилъ при этомъ ничего. Императоръ проникнутъ принципомъ, что пріобрѣтенія союзниковъ насчетъ Турціи вовсе не желательны, если они уравновѣсятся прусскими пріобрѣтеніями, особенно насчетъ Польши; и если надобно будетъ приступить къ подобному соглашенію между тремя государствами, то это только въ послѣдней крайности.

Австрія приняла холодно попытку Пруссіи къ сближенію; ничего не надобно намъ, лишь бы Пруссія ничего не получила:—вотъ принципъ, которымъ былъ проникнутъ императоръ Леопольдъ. Бросились къ Россіи. По возвращеніи изъ Вѣны, Бишофсвердеръ предложилъ Алопеусу заключить секретную конвенцію: «Прусскій король обязывается не препятствовать императрицѣ посредствомъ соглашеній получить отъ Турціи Очаковъ съ областью до Днѣстра; король даже будетъ помогать ей въ этомъ дѣлѣ своими дружескими и убѣдительными представленіями. За это императрица обязывается, тотчасъ по заключеніи мира съ Портою, возобновить прежній союзъ Россіи съ Пруссіею» [3]). Екатерина, прочтя депешу Алопеуса, написала: «Кабалу на себя дать я не намѣрена; Очаковъ же, также какъ Туркамъ отъ Прусскаго двора гарантированный Крымъ въ моихъ рукахъ находится безъ дозволенія его Прусскаго величества. Угорѣлыя кошки всегда повсюду мечутся».

Въ Вѣнѣ неудача, въ Петербургѣ неудача, а между тѣмъ упрямый Питтъ не хочетъ слышать ни о какихъ сдѣлкахъ, вслѣдствіе которыхъ Россія могла бы что-нибудь получить отъ Турціи. Онъ хочетъ непремѣнно заставить ее заключить миръ съ Портою statu quo до войны, и условливается съ Пруссіею, что Англія пошлетъ 35 линейныхъ кораблей въ Балтійское море, а король Прусскій войдетъ съ 85,000 войска въ Лифляндію, за что получитъ Данцигъ. Курьеръ былъ готовъ везти ультиматумъ въ Петербургъ, какъ только предложеніе Питта пройдетъ въ парламентѣ; но это былъ еще вопросъ,—пройдетъ ли оно въ парламентѣ.

27 марта 1791 Питтъ держалъ совѣтъ съ своими товарищами по Кабинету о необходимости войны съ Россіею. Не всѣ были согласны съ мнѣ-

[1]) Rapport de Vice-Chancelier de Cour et d'Etat au Chancelier pr. de Kaunitz Richtberg sur la conversation avec M. de Bischofswerderr le 20 fevr. 1791.

[2]) 28 марта 1791.

[3]) Алопеусъ Остерману $^{8}/_{19}$ февраля 1791.

ніемъ перваго министра. Герцогъ Ричмондъ счелъ своею обязанностію вечеромъ того же дня написать Питту, что чѣмъ болѣе думаетъ онъ объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе приходитъ къ убѣжденію, что Англія страшно рискуетъ, начиная войну безъ увѣренности, что Голландія и Польша будутъ съ нею и что англійскимъ кораблямъ будетъ свободный ходъ въ шведскія гавани. «Я взвѣсилъ всѣ ваши аргументы, и не могу сказать, чтобъ они меня убѣдили» [1].

Но письмо Ричмонда не могло остановить Питта. На другой день, 28 марта, онъ внесъ въ палату общинъ объявленіе отъ имени короля: «Такъ какъ старанія его величества и союзниковъ его прекратить войну между Россіею и Портою остались безполезными, то онъ считаетъ необходимымъ увеличить немного свои морскія силы, и надѣется, что его вѣрныя общины назначатъ сумму на покрытіе нужныхъ для этого издержекъ». Только-что объявленіе было заслушано, какъ поднялся глава оппозиціи, Фоксъ, и заявилъ свое несогласіе; въ слѣдующій день и потомъ нѣсколько разъ онъ вооружался противъ проекта съ обыкновенною своею силою; въ палатѣ общинъ его поддерживали Грей, Шериданъ и Уэйтбридъ, въ палатѣ перовъ—лордъ Лоборо, лордъ Стормонъ и лордъ Нортъ. Краснорѣчіе ораторовъ оппозиціи произвело сильное впечатлѣніе: начинать войну, дѣлать огромныя издержки—для чего?—чтобъ не дать Россіи куска степи между Бугомъ и Днѣстромъ и полуразрушенной крѣпости! Министерство получило большинство, но большинство 80 голосовъ. Въ странѣ война становилась день ото дня непопулярнѣе. Питтъ почувствовалъ, что надобно отступить, и отправилъ немедленно курьера къ англійскому посланнику въ Петербургѣ, чтобъ тотъ удержался отъ подачи Остерману грозной ноты, уже заготовленной имъ.

Екатерина торжествовала; она одержала одну изъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ своихъ: ея твердость, неуступчивость предъ угрозами англо-прусской коалиціи увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ; Екатерина имѣла полное право говорить: «Мы никогда войны не начинаемъ, но защищаться умѣемъ», и повторять стихъ Расина:

> Je craint Dieu, cher Abner, et n'ai point
> d'autre crainte.
> (Боюсь Бога, и нѣтъ у меня другого страха.) [2]

И другая лапа была вытащена изъ грязи, ибо скорый и честный миръ съ Турціею быть теперь несумнителенъ. Питтъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы отступить съ наименьшимъ позоромъ. Онъ боялся, что Россія увеличитъ теперь свои требованія, и предложилъ императору Леопольду оборонительный союзъ между Англіею, Пруссіею, Австріею, Голландіею и Турціею, которыя должны взаимно гарантировать ненарушимость своихъ владѣній, причемъ Австрія, разумѣется, немедленно же должна заключить миръ съ Турціею на строгомъ status quo. Что же касается Данцига, то это дѣло чисто торговое: Англія согласна на присоединеніе его къ Пруссіи, если Польша согласится на это свободно. Питтъ надѣялся, что одно объявленіе объ этомъ пятерномъ союзѣ заставитъ Россію заключить миръ съ Турціею. Леопольдъ, проникнутый своимъ принципомъ, отвѣчалъ, что онъ тогда только исполнитъ свои рейхенбахскія обязательства, когда Пруссія откажется отъ намѣренія искать пріобрѣтеній въ Польшѣ. Пруссія отказалась. Но скоро надежды ея опять были возбуждены сильнѣе прежняго: польскія отношенія получили новый видъ вслѣдствіе революціи 3 мая.

ГЛАВА IX.

Мы оставили Польшу въ концѣ 1788 года, когда, раздуваемая изъ Берлина, стала сильно разгораться вражда къ Россіи и обнаружилось стремленіе къ ломкѣ учрежденій, Россіею гарантированныхъ. Видѣли Россію въ затруднительномъ положеніи—и хотѣли воспользоваться этимъ; не могли воспользоваться для того, чтобъ вдохнуть новыя силы въ разбитое параличемъ государственное тѣло: за то вполнѣ насладились удовольствіемъ лягнуть льва, не разобравши, что левъ не только не былъ при смерти, даже не былъ и боленъ.

Партія реформы выступила смѣлѣе съ 1789 года: въ челѣ ея находились двое братьевъ Потоцкихъ, Игнатій и Станиславъ, самые блистательные члены польской аристократіи по талантамъ и образованію. Игнатій тридцати лѣтъ былъ уже великимъ маршаломъ Литовскимъ; къ нему примыкали два человѣка, пріобрѣтшіе громкую извѣстность въ послѣднее время Польши,—Піатоли и Коллонтай. Италіанецъ Піатоли, капуцинъ, домашній учитель у княгини Любомирской; рекомендованный ею королю, онъ скоро сдѣлался самымъ довѣреннымъ у него человѣкомъ; поклонникъ Руссо, онъ сталъ оракуломъ тогдашнихъ польскихъ прогрессистовъ и главнымъ излагателемъ ихъ плановъ. Коронный референдарій, Гуго Коллонтай, не уступалъ Піатоли въ способностяхъ; но это былъ человѣкъ самой легкой нравственности, безъ убѣжденій, рабъ всякой силы, будь то человѣкъ, будь то партія.

Игнатій Потоцкій составилъ проектъ уничтоженія Постояннаго Совѣта. 19 января 1789 года было бурное засѣданіе сейма: дѣло шло объ этомъ уничтоженіи. Нѣсколько разъ король принимался говорить противъ предложенія объ уничтоженіи

---

1) Stanhope—Life of William Pitt, II, chap. XV.

2) Екатерина не забыла союзниковъ. Записки Храповицкаго, стр. 243: «Требую мраморный бюстъ Фокса, съ котораго сдѣлавъ бронзовой, поставлю на коллонадѣ, подлѣ Демосѳена, онъ краснорѣчіемъ своимъ не допустилъ Англію до войны съ Россіею». — Я (Храповицкій). Il se croira trop honoré. — „Non, je ne puis autrement exprimer ma reconnoissance“.

Совѣта; примасъ Понятовскій, братъ короля, протестовалъ, что предложеніе это противно конституціи; въ томъ же смыслѣ говорилъ князь Масальскій, епископъ Виленскій, Іосифъ Косаковскій, епископъ Ливонскій, еще трое епископовъ. Изъ свѣтскихъ противъ уничтоженія Совѣта были: великій маршалъ коронный Мнишекъ, графъ Ожаровскій, кастелланъ Войницкій, прямо говорившій о томъ, что не должно раздражать Россіи; нѣсколько другихъ сенаторовъ и пословъ, числомъ до пятидесяти, были того же мнѣнія. Совѣтъ удержался бы, еслибъ не началъ говорить противъ него гетманъ Браницкій: «Я подаю голосъ за уничтоженіе Совѣта, какъ потому, что всегда былъ противъ него, такъ и потому, что сама императрица сказала мнѣ въ 1774 году, что не хочетъ навязывать націи этого Совѣта. Курьеръ былъ отправленъ по этому случаю къ графу Штакельбергу; но посолъ, несмотря ни на что, одинъ настоялъ на учрежденіе Совѣта». Это объявленіе произвело сильное впечатлѣніе на большинство. За Браницкимъ произнесъ рѣчь Игнатій Потоцкій; онъ не счелъ нужнымъ, подобно Браницкому, успокоивать сеймъ увѣреніемъ, что Русская императрица будетъ равнодушна къ уничтоженію Постояннаго Совѣта. Потоцкій старался раздуть ненависть къ Россіи: «Я бы желалъ», сказалъ онъ, «чтобъ меня отправили въ Петербургъ, какъ въ 1768 году сослали въ Сибирь епископовъ и сенаторовъ». Когда такимъ образомъ масло было подлито въ огонь, пророческія слова короля не могли произвести впечатлѣнія: «Я хочу», говорилъ Станиславъ-Августъ, «быть навѣки неразлучнымъ съ моимъ народомъ, и потому-то я приглашаю его внимательнѣе подумать надъ нашею общею судьбою, особенно въ эту критическую минуту, ибо кто знаетъ: эта минута не есть ли послѣдній предѣлъ, назначенный Провидѣніемъ для существованія Польши»? Король хотѣлъ отсрочить засѣданіе; но ему стали грозить возстаніемъ,—и предложеніе объ уничтоженіи Совѣта прошло [1].

Что же Штакельбергъ?—оказалъ полное равнодушіе. Это было всего благоразумнѣе въ его положеніи, когда онъ не могъ, подобно своимъ предшественникамъ, опираться на вооруженную силу. Онъ доносилъ своему Двору, что надобно предоставить самимъ себѣ толпу безумцевъ; что настоящій сеймъ—это болѣзнь, въ которой надобно оставить дѣйствовать природу, чтобъ не убить больнаго лѣкарствами [2]. Но на природу нельзя было надѣяться при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Равнодушіе Штакельберга къ уничтоженію Постояннаго Совѣта сначала озадачило патріотовъ; но потомъ они увидали въ этомъ сознаніе слабости, и тѣмъ сильнѣе начали дѣйствовать. Самыми яростными выходками противъ Россіи отличался маршалъ сеймовый со стороны Литвы, князь Казиміръ Сапѣга, генералъ артиллеріи литовской, племянникъ гетмана Браницкаго, горячая, страстная натура, способная къ самымъ рѣзкимъ переходамъ. Предводитель знатной польской молодежи въ ночныхъ оргіяхъ, Сапѣга былъ способенъ превратить и сеймовое засѣданіе въ оргію. Сдержки не было: Штакельбергъ уклонялся, разыгрывалъ равнодушнаго, и тѣмъ самымъ уступалъ поле дѣйствія послу прусскому. Преемникомъ Бухгольца въ Варшавѣ былъ маркизъ Люкезини — выборъ чрезвычайно удачный относительно цѣлей Берлинскаго Двора. Съ одушевленіемъ, съ огнемъ въ глазахъ, восторженнымъ тономъ проповѣдника говорилъ италіанецъ полякамъ о необходимости и возможности въ настоящее время возстановить силу, свободу, самостоятельность Польши, заставить ее играть роль въ Европѣ; говорилъ о великодушныхъ намѣреніяхъ Фридриха-Вильгельма II, защитника угнетенныхъ;—говорилъ онъ это среди народа, такъ способнаго увлекаться горячими, громкими красивыми словами, и, разумѣется, успѣхъ проповѣдника былъ громадный. Сапѣга съ товарищами кричитъ объ освобожденіи Польши изъ-подъ вліянія Россіи; но Россія тутъ, въ самой Польшѣ, и въ этой Россіи также могутъ раздаться крики объ освобожденіи отъ Польши! Сапѣга съ товарищами толкуютъ о волненіяхъ въ Украйнѣ, и вдругъ приходитъ страшная вѣсть изъ Волыни, что богатый шляхтичъ Вельченскій ночью зарѣзанъ съ женою и пятью домашними. «Вотъ начало бунта»! кричатъ патріоты; толкуютъ, что уже схваченъ русскій священникъ, участникъ въ заговорѣ. Гетманъ Браницкій, за обѣдомъ у Штакельберга, сказалъ ему, что, по мнѣнію очень многихъ, бунты начинаются по наущенію русскихъ чиновниковъ [3]. И, дѣйствительно, чего ждать хорошаго, когда русскія войска проходятъ черезъ Польшу; русскіе купцы и возчики снуютъ по ней во всѣхъ направленіяхъ, а тутъ естественные враги Польши, русскіе попы, которые не хотятъ знать католическаго правительства Польши и молятся за свою покровительницу, единовѣрную Русскую царицу? Что могутъ они внушить своимъ духовнымъ дѣтямъ?

Сеймовое засѣданіе 5 апрѣля началось чтеніемъ извѣстій изъ Волыни о тамошнихъ мнимыхъ волненіяхъ, возбужденныхъ попами и московскими купцами и возчиками. Депутатъ Нѣмцевичъ говоритъ: «Послѣ такихъ доказательствъ дружбы со стороны Россіи, я предоставляю мудрости сейма рѣшить, можно ли пускать черезъ Польшу русскіе транспорты и войска, чтобъ они окончили начатое дѣло»? За Нѣмцевичемъ говорятъ другіе патріоты въ томъ же смыслѣ. Король закрываетъ засѣданіе; но эта мѣра только усиливаетъ раздраженіе. На другой день Сапѣга открываетъ засѣданіе самою зажигательною рѣчью, какой никогда еще не произносилъ: нельзя позволять Россіи держать свои вой-

[1]) Штакельбергъ Остерману $^{10}/_{21}$ января.
[2]) Штакельбергъ Остерману $^{13}/_{24}$ января.

[3]) Штакельбергъ Остерману 28 марта (8 апрѣля).

ска въ Польшѣ; не должно пропускать русскихъ войскъ черезъ польскія владѣнія въ Турцію; надобно обратиться съ просьбою о помощи въ этомъ дѣлѣ къ Прусскому королю, другу и подпорѣ республики. Сапѣгу поддерживалъ депутатъ Кублицкій, объявившій, что король Прусскій никогда не былъ тираномъ Польши. За Кублицкимъ говорили въ томъ же духѣ депутаты Суходольскій и Миржеевскій, а депутатъ Сухоржевскій кричалъ, что надобно объявить войну Россіи и выслать Штакельберга. Несмотря на всѣ эти рѣчи, патріоты не могли заставить сеймъ отказать Россіи наотрѣзъ въ пропускѣ ея войскъ черезъ Польшу [1]).

Черезъ недѣлю новая причина волненія, новыя оскорбленія Россіи: Сапѣга съ Виленскимъ палатиномъ Раздивилломъ обвинили православнаго епископа, Виктора Садковскаго, въ томъ, что онъ волнуетъ крестьянъ въ Слуцкой области и даже взялъ съ нихъ присягу. Поднялись крики, что надобно заключить въ оковы измѣнника. Тщетно Штакельбергъ представлялъ, что Викторъ, епископъ Переяславскій, викарій кіевскій, подданный императрицы. Посолъ могъ добиться только того, что Виктора привезли въ Варшаву въ сопровожденіи офицера для безопасности, и обѣщали не осуждать его, не выслушавши [2]). Но арестомъ епископа, русскаго подданнаго, не удовольствовались: солдаты ворвались въ домовую церковь русскаго посла и схватили священника для преданія его суду. Штакельбергъ потребовалъ удовлетворенія; удовлетворенія не было дано. Сеймъ постановилъ, чтобъ со всего русскаго духовенства взята была присяга на вѣрность республикѣ; но въ Литвѣ нѣкоторые отказались присягать безъ приказанія императрицы [3]).

При этихъ внутреннихъ причинахъ къ раздраженію не было недостатка и во внѣшнихъ побужденіяхъ: шведскій резидентъ при Варшавскомъ Дворѣ, Енгстрёмъ, сильно подливалъ масло въ огонь; англійскій министръ Гэльсъ (Hales) говорилъ полякамъ: «Если вы теперь не сядете на коней, то навсегда останетесь націею безъ значенія». Люкезини былъ умѣреннѣе всѣхъ: онъ совѣтовалъ не подниматься безъ нападенія со стороны Россіи. Охота слѣдовать совѣту англійскаго министра была очень не у многихъ, и чтобъ не дать этимъ немногимъ возможности дѣйствовать на большинство, въ Петербургѣ было рѣшено вывести русскія войска изъ Польши и транспортамъ не касаться польскихъ границъ. Цѣль была достигнута: патріоты до времени должны были прекратить свои выходки противъ Россіи [4]).

Средина и конецъ 1789 года прошли спокойно; но въ началѣ 1799 года Штакельбергъ началъ бить тревогу, пугать свой Дворъ, толковать, что надобно, во что бы то ни стало, заключить миръ съ турками,—иначе придется плохо: дѣло идетъ о союзѣ между Пруссіею и Польшею; поднимается вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ Станислава-Августа. Штакельбергъ доносилъ о тайномъ совѣщаніи, происходившемъ между маршаломъ Малаховскимъ, Игнатіемъ Потоцкимъ и двумя братьями Чацкими: читали письмо Люкезини, въ которомъ тотъ обѣщаетъ согласіе своего короля на установленіе наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, если выберутъ принца изъ его Дома.

Екатерина не хотѣла заключать постыднаго мира съ турками, и потому рѣшилась спокойно смотрѣть, что бы ни происходило въ Польшѣ. Поэтому она отправила слѣдующій рескриптъ къ Штакельбергу [5]): «Я нужнымъ нахожу предписать, чтобъ вы по настоящимъ дѣламъ удержались отъ всякихъ на письмѣ декларацій, отговаривая отъ того же и римско-императорскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, потому что я для пользы службы моей считаю на нынѣшнее время сходнѣе спокойно смотрѣть на неистовства Поляковъ, въ собственный ихъ вредъ обратиться могущія, нежели ускорять дальнія безпокойства. Самыя словесныя ваши внушенія и объясненія долженствуютъ быть располагаемы съ крайнею осторожностію съ людьми, которые всякое слово переносятъ непріятелямъ и завистникамъ нашимъ».

13 февраля [6]) Люкезини формально предложилъ польскому правительству объ уступкѣ Данцига и Торна за уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ предложеніемъ, было самое неблагопріятное для Пруссіи, вслѣдствіе чего изъ Берлина поспѣшили дать знать, что берутъ назадъ предложеніе: «вѣдь это было только простое предложеніе на случай, если Польша признаетъ его выгоднымъ для своей торговли». Это предложеніе не открыло глаза ослѣпленнымъ: они и тутъ не поняли, въ чемъ дѣло, и, вмѣсто того, чтобъ вести себя осторожнѣе относительно Пруссіи, начали превозносить умѣренность Фридриха-Вильгельма и торопиться заключеніемъ съ нимъ союза [7]).

Какъ же велъ себя въ этихъ обстоятельствахъ король Станиславъ-Августъ? Своимъ яснымъ умомъ онъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло, и продолжалъ плыть противъ теченія, хотя можно было уже видѣть, что ненадолго станетъ у него нравственныхъ силъ для этого. Онъ объявилъ Штакельбергу, что непремѣнно присоединитъ предложеніе о торговомъ трактатѣ съ Пруссіею къ предложенію о союзномъ трактатѣ съ нею, для того, чтобъ отстранить послѣдній или, по крайней мѣрѣ, протянуть время. Наканунѣ того дня, въ который дѣло должно было быть предложено сейму, во дворцѣ былъ дипломатическій ужинъ. Штакельбергъ видѣлъ, какъ несчастнымъ королемъ завладѣлъ сначала Люкезини, а потомъ сейчасъ же

[1]) Штакельбергъ Остерману 7/18 апрѣля.
[2]) Тотъ же тому же 14/25 апрѣля.
[3]) Штакел. Остерману 29 апрѣля (10 мая).
[4]) Тотъ же тому же 18/29 апрѣля, 9/20 мая, 19/30 мая.

[5]) 7 февраля 1790.
[6]) Стараго стиля.
[7]) Штакельб. Остерману 2/13 марта 1790.

Гэльсъ, который истощалъ все свое краснорѣчіе, чтобъ отвлечь короля отъ его намѣренія насчетъ двойнаго трактата. Штакельбергъ понапрасну дожидался, пока уѣдутъ прусскій и англійскій министры. Люкезини остался до самаго конца: король только успѣлъ сказать Штакельбергу мимоходомъ, что Люкезини ему грозилъ.

Между тѣмъ, Сапѣга приготовлялся къ бурному засѣданію. Такъ какъ на засѣданія допускались и посторонніе лица, такъ называемые *арбитры*, съ правомъ выражать свое одобреніе или неодобреніе рѣчамъ депутатовъ и рѣшеніямъ ихъ, то Сапѣга поилъ этихъ посѣтителей и внушалъ имъ, что можно будетъ взяться и за сабли. Сеймъ начался изложеніемъ хода переговоровъ съ Пруссіею; затѣмъ слѣдовало чтеніе депешъ, присылаемыхъ польскими министрами при иностранныхъ Дворахъ: князь Яблоновскій, изъ Берлина, выдавалъ завѣрное, что Петербургскій Дворъ предлагалъ Берлинскому Данцигъ и Торнъ на условіи, чтобъ Пруссія отказалась отъ союза съ республикою. Деболи, изъ Петербурга, писалъ о томъ же, хотя не такимъ рѣшительнымъ тономъ. Приготовивши умы этими извѣстіями, предложили проектъ союза съ Пруссіею. Депутаты—Кублицкій, Нѣмцевичъ и Вейссенгофъ—произнесли рѣчи съ сильными выходками противъ Россіи, требуя прусскаго союза безъ торговаго трактата. Начнетъ кто-нибудь говорить въ другомъ смыслѣ,—крики, угрозы заставляютъ его замолчать. Сталъ говорить король, изложилъ подробно, что можно сказать за и что противъ союза, упирая болѣе на то, что не слѣдуетъ раздѣлять двухъ трактатовъ, но кончилъ словами: «Если нація противнаго мнѣнія, то я съ нею соглашаюсь». Раздались рукоплесканія. Адамъ Чарторыйскій говорилъ за союзъ; въ томъ же смыслѣ говорилъ Игнатій Потоцкій, кончившій словами, что ничто не можетъ быть хуже одиночества. Несмотря на всѣ эти рѣчи, по замѣчанію Штакельберга, большинство было бы противъ союза, еслибъ король обнаружилъ больше твердости [1]).

Слѣдственная коммисія по дѣлу епископа Виктора окончила свои занятія—и 15 марта докладъ былъ прочитанъ сейму: «Съ тѣхъ поръ», говорилось въ этомъ докладѣ, «съ тѣхъ поръ, какъ Кіевъ пересталъ принадлежать республикѣ и греки неуніаты вышли изъ-подъ власти Константинопольскаго престола, Россія стала для нихъ вторымъ отечествомъ. Ихъ воспитаніе, ихъ священники, ихъ зависимость отъ новой метрополіи—все съ дѣтства привязывало ихъ къ Россіи. Будучи подданными республики по мѣсту жительства, они тянули къ чужому государству по отношеніямъ нравственнымъ, которыя сильнѣе политическихъ. На области, въ которыхъ они обитали, можно было смотрѣть, какъ на провинціи Россіи». Поведеніе епископа Виктора докладчикъ описывалъ такъ: «Садковскій, преданный ученикъ епископа Могилевскаго (Конисскаго), былъ главнымъ дѣятелемъ въ этихъ скрытныхъ и ловкихъ движеніяхъ противъ Польши. Мѣсто священника при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ дало ему возможность вполнѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Захваченныя у него бумаги открываютъ достаточно, съ какою заботливостію старался онъ поражать взоры неуніатовъ польскихъ дѣйствіями благосклоннаго покровительства, оказываемаго имъ Россіею; съ какимъ усердіемъ питалъ онъ въ ихъ сердцахъ тайное отвращеніе ко власти *національной* (!). Почти всѣ священническія мѣста были мало-по-малу, безъ обращенія вниманія на право прихожанъ, заняты духовными, присланными изъ Россіи. Съ 1783 года являются въ Польшѣ указы русскаго Синода. Садковскій сдѣланъ Слуцкимъ архимандритомъ по рекомендаціи русскаго посла. Въ Польшѣ распространенъ русскій краткій катехизисъ. Архивъ Садковскаго наполненъ синодскими указами, содержаніе которыхъ составляютъ: празднованія счастливыхъ для имперіи Россійской событій, публичныя молитвы за Императрицу и Царствующій Домъ, опредѣленіе монаховъ и священниковъ русскихъ на вакантныя мѣста безъ вѣдома прихожанъ, наконецъ самыя мелочныя распоряженія Петербургскаго Синода. Рапорты Садковскаго о точномъ исполненіи полученныхъ указовъ и о различныхъ распоряженіяхъ или уже сдѣланныхъ, или долженствующихъ сдѣлаться, ясно показываютъ рѣшительное намѣреніе не оставлять ничего *національному* правительству въ дѣлахъ польскихъ грековъ неуніатовъ [2]). По мысли Конисскаго учреждена епископія Слуцкая и епископъ долженъ быть коадъюторомъ митрополита Кіевскаго, чтобъ удобнѣе держать польскихъ грековъ неуніатовъ въ подчиненіи Россіи. Садковскій сдѣланъ епископомъ Переяславскимъ и далъ присягу хранить тайну ненарушимо и вѣрно исполнять все ему порученное: никакой потентатъ въ мірѣ и никакое *народное множество* не возмогутъ отвлечь его отъ повиновенія. Со времени посвященія Садковскаго въ епископы число православныхъ церквей въ его епархіи возрасло отъ 94 до 300».

Докладчикъ вѣрно изобразилъ ходъ дѣла: раздѣленіе западной Россіи отъ восточной въ политическомъ отношеніи подъ двѣ различныя династіи повело въ XV вѣкѣ къ раздѣленію церковному: великій князь Литовскій, владѣвшій западною Россіею, не хотѣлъ, чтобъ духовенство, а чрезъ него и все народонаселеніе послѣдней зависѣло отъ митрополита, жившаго въ Москвѣ, и настоялъ, чтобъ въ Кіевѣ былъ особый митрополитъ. Въ XVII вѣкѣ политическое возсоединеніе Кіева съ Москвою необходимо повлекло къ возсоединенію церковному,—Кіевскій митрополитъ подчинился Московскому патріарху, а съ уничтоженіемъ патріарше-

[1]) Штакельб. Остерману $^{7}/_{18}$ марта.

[2]) Grecs non unis de Pologne.

ства—Синоду; съ этимъ вмѣстѣ Синоду подчинялось и все православное духовенство во владѣніяхъ Польской республики. За все это поляки могли сердиться на исторію, но не имѣли никакого права обвинять епископа Виктора за то, что онъ повиновался своему начальству, принималъ отъ него приказанія, исполнялъ ихъ и доносилъ объ ихъ исполненіи. Въ этомъ отношеніи докладъ былъ составленъ крайне недобросовѣстно,—именно съ цѣлію, во что бы то ни стало, обвинить. Епископъ былъ виноватъ въ томъ, что все дѣлалъ по сношенію съ Синодомъ, не давая никакого участія *національному* (!) правительству въ церковныхъ дѣлахъ православнаго исповѣданія: но докладчику прежде все нужно было объяснить, въ чемъ же должно было выражаться это участіе. Епископъ виноватъ въ томъ, что увеличилъ число церквей; виноватъ въ томъ, что распространялъ русскій катехизисъ;—но какой же другой слѣдовало ему распространять? Епископъ присягалъ неповиноваться никакой власти въ мірѣ, если ея приказанія противорѣчили его обязанностямъ въ отношеніи къ Церкви, къ церковному правительству: и эта присяга поставлена въ вину!

Обвинить Переяславскаго епископа не было никакой возможности; но понятно, что изложеніе дѣла въ докладѣ должно было сильно раздражить сеймъ, затрогивая самое больное мѣсто; архіерейская присяга сейчасъ же получила политическій смыслъ: архіереи присягаютъ въ повиновеніи русскому Синоду, а нашего правительства клянутся не слушать! Въ нѣдрахъ республики находится многочисленный народъ, подчиненный русскому правительству! Потомъ начали читать письма Конисскаго, захваченныя у Виктора, толкуя ихъ все въ одномъ смыслѣ и оканчивая толкованія криками о необходимости прусскаго союза! Станиславъ-Августъ уже совершенно выбился изъ силъ, не могъ болѣе плыть противъ теченія, и объявилъ, что среди такихъ великихъ опасностей надобно спѣшить опереться на прусскій союзъ. Оборонительный союзъ былъ заключенъ 29 марта 1790; союзныя державы обязались подавать другъ другу помощь войсками: Пруссія выставляетъ 16,000, Польша—12,000 войска, которое, по требованію, могло быть увеличено—со стороны Пруссіи до 30,000, со стороны Польши—до 20,000, а въ случаѣ нужды союзники обязывались помогать другъ другу и всѣми своими силами. Никто не долженъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, и если представленія Пруссіи будутъ недѣйствительны, то она обязана подавать выговоренную помощь. Обѣ державы гарантировали владѣнія другъ друга и отказались отъ всякихъ притязаній.

Относительно Россіи, сеймъ рѣшилъ напечатать обо всѣхъ ея злодѣйствахъ: разсылаетъ синодскіе указы къ архіереямъ, Синоду подвѣдомственнымъ; разсылаетъ катехизисы, и т. п., и сообщить всѣмъ европейскимъ Дворамъ. Опредѣлили, чтобъ польскій министръ въ Константинополѣ уладился съ тамошнимъ патріархомъ насчетъ будущаго церковнаго управленія грековъ неуніатовъ. Маршаламъ велѣно публиковать манифестъ, успокоивающій неуніатовъ относительно свободы ихъ исповѣданія; призвать въ Варшаву двоихъ неуніатовъ и двоихъ диссидентовъ и, сообща съ ними, уладить ихъ церковныя дѣла [1]).

Константинопольскій патріархъ отклонилъ предложеніе польскаго правительства взять опять Православную Церковь въ Польшѣ въ свое завѣдываніе. Тогда начали думать о томъ, какъ бы учредить въ самой Польшѣ консисторію или синодъ для православныхъ; опредѣлили, что если будетъ въ Польшѣ независимый русскій митрополитъ, то дать ему мѣсто въ сенатѣ [2]).

Въ это время послѣдовало отозваніе Штакельберга и назначеніе на его мѣсто Булгакова, освобожденнаго изъ едикула. Потемкинъ настаивалъ на эту перемѣну: онъ и прежде не любилъ Штакельберга по наговорамъ гетмана Браницкаго (женатаго на племянницѣ Потемкина, Энгельгардтъ), а теперь еще больше разсердился на него за неудачу русскаго дѣла въ Варшавѣ [3]). Императрица не раздѣляла раздраженія Потемкина, не обвиняла Штакельберга въ томъ, что онъ не заключилъ союза съ Польшею и позволилъ господствовать прусскому вліянію; она не отзывала его до тѣхъ поръ, пока посолъ дѣйствительно не провинился въ ея глазахъ. Провинился онъ тѣмъ, что поступилъ не такъ, какъ слѣдовало въ дѣлѣ епископа Садковскаго [4]); потомъ испугался и позволилъ себѣ давать совѣты о заключеніи постыднаго мира съ турками: Екатерина не любила такихъ совѣтовъ, особенно отъ тѣхъ, кого не спрашивала. Наконецъ Штакельбергъ позволилъ себѣ, безъ спросу, непосредственно сноситься съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, графомъ Нессельродомъ, поручать ему, чтобъ старался узнать мысли тамошняго министерства насчетъ наслѣдства Польскаго престола. Екатерина замѣтила Штакельбергу по этому случаю: «Не могу оставить безъ примѣчанія, чтобъ вы таковыхъ препорученій не дѣлали, ибо помянутый министръ имѣетъ отсюда достаточныя наставленія, какъ и о чемъ говорить съ симъ кабинетомъ, отъ котораго конечно никакого дружественнаго и чистосердечнаго поступка ожидать не можно».

---

[1]) Штакельб. Остерману $^{20}/_{31}$ марта.

[2]) Анш. Остерману $^{17}/_{28}$ іюля.

[3]) Въ одномъ письмѣ Потемкина къ императрицѣ находимъ о Штакельбергѣ: „Онъ всюду бьетъ въ набатъ, если бъ онъ не подписалъ своего имени, то я бы могъ его письмо принять за Лукезиніево“. Въ другомъ письмѣ: „Изъ неограниченнаго моего усердія говорю, что вреденъ въ Польшѣ Стакельбергъ“.

[4]) Екатерина замѣтила по этому дѣлу: „Il (Штакельбергъ) n'a rien fait de ce qu'on lui a ordonné, et il a fait tout ce qui lui étoit defendu, outre cela il entend tout infiniment mieux que nous autres“.

Новый русскій посолъ нашелъ Варшаву въ сильномъ движеніи по поводу предложенія основныхъ перемѣнъ въ правительственной формѣ. Предложеніе ввести наслѣдственное правленіе встрѣтило сильное сопротивленіе; должны были ограничиться предложеніемъ избрать при жизни короля наслѣдника престола. Продолжающіяся хлопоты Пруссіи о Данцигѣ и Торнѣ охладили энтузіазмъ поляковъ къ великодушному союзнику; но при этомъ вражда къ Россіи не уменьшалась: польскій посланникъ въ Константинополѣ, Петръ Потоцкій, хлопоталъ о заключеніи союза между республикою и Портою.

Когда Булгаковъ далъ знать въ Петербургъ объ этомъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, то получилъ слѣдующій наказъ отъ императрицы[1]: «Теперь имѣю вамъ предписать не иное что, какъ только чтобъ вы продолжали тихимъ, скромнымъ и ласковымъ обхожденіемъ привлекать къ себѣ умовъ, пока нашъ миръ съ Турками заключенъ будетъ. Друзей нашихъ обнадежьте, что преданность ихъ къ намъ не останется безъ признанія, но къ сему еще время не настало. Рейхенбахскій конгрессъ открылъ глаза многимъ Полякамъ, здернулъ бѣльмо съ очей ослѣпленной публики и въ прочихъ земляхъ, ибо тутъ явно открылось, что ни о чемъ иномъ дѣло не шло, а кромѣ о собственной гордости и барышей того, который вздумалъ сдѣлаться диктаторомъ Европы, и который въ самомъ дѣлѣ лишь только что цѣлитъ на Польскія поссессіи и для того заводитъ ихъ въ хлопоты и отдаленіе отъ насъ, яко державы, которая одна ему препятствуетъ своею неустрашимой твердостію выполнить его намѣреніи. Ежели мы могли сіе обдержать посреди Турецкой и Шведской войны, то теперь, когда со Швеціей миръ заключенъ, то у насъ тѣмъ паче къ тому руки развязаны. Польша, заключая союзъ оборонительный и наступательный съ Портою, въ самомъ дѣлѣ сильнѣе не будетъ, понеже слабое и растроенное состояніе Турокъ вамъ довольно извѣстно; но сей химерой лишь ее отъ насъ стараются отдалить, тогда какъ она болѣе всего можетъ имѣть нужду въ насъ для обезпеченія ея цѣлости. Кто ей словами обѣщалъ Галицію и Молдавію, тотъ ей нынѣ сулить можетъ Кіевъ, Бѣлорусь, Смоленскъ и Москву. Мы бы съ болѣе основанными рѣчами могли имъ обѣщать всю остъ и вестовую Пруссію, ежели бы не почитали за нелѣпу и непристойность сулить и обѣщать чужое и что неподвластно намъ нынѣ, но тридцать лѣтъ назадъ въ нашихъ рукахъ однако завоевано оставалось, а прочее не иначе какъ по заключенной съ ними и съ Вѣнскимъ дворомъ конвенціи занято, по тогдашнимъ неотступнымъ докукамъ теперешнихъ союзниковъ нынѣшняго сейма Польскаго. Что войска рѣчи посполиты подвинулись къ Украйнѣ къ нашей границѣ, сіе намъ извѣстно и наши расположены же кордономъ войска на всякой отпоръ. Пусть король Прусскій сыплетъ деньгами: скорѣе его сокровища исчерпнуты (будутъ), въ чемъ самъ министръ его, пишучи къ своему одному другу, признался такими словами: мы возвратимся въ Берлинъ съ пустымъ кошелькомъ, со страшными вооруженіями по пустому и съ непримиримыми врагами. Понеже надворный маршалъ Потоцкій (Игнатій), не смотря на присягу свою, къ деньгамъ оказался лакомъ: гдѣ полезенъ быть можетъ, вы то къ случаю не оставьте сіе употребить въ нашу и друзей нашихъ пользу. Касательно особы короля Польскаго слабое его поведеніе намъ довольно извѣстно; понеже онъ кромѣ насъ всегда мало имѣлъ подпору, то вы къ нему, какъ и ко всей націи, сохраните все должное уваженіе; если же онъ избѣгаетъ обращенія съ вами, то и вы лишнее не окажите стремленіе приблизиться къ нему. Не умножитъ онъ къ себѣ почтеніе, бравъ со всѣхъ сколько можетъ и бывъ окруженъ Италіанцами, приверженными къ единоземцу своему маркизу Лукезинію. Личное разореніе многихъ изъ сеймующихъ, кои, бросая дѣла, разъѣзжаются, оставляя все въ рукахъ у тѣхъ, кто живетъ прусскими деньгами, и выводимыя ваши изъ того заключенія, что всѣ будутъ падки на деньги, когда кто дороже заплатитъ, суть весьма справедливы; но время еще не настало, низачто приниматься не надлежитъ, дондеже миръ съ Турками не заключится, а до тѣхъ поръ пусть Поляки чувствуютъ все неистовство своего поведенія и да поживутъ на счетъ короля Прусскаго; кто похочетъ и вы сказать можете, что не деньги, не приказаніе ни имѣется ни на что и совершенно пассивной (будьте) смотритель происходящаго и бдите единственно сохраненіе (о сохраненіи) добраго согласія между нами и республики. Касательно умысла сдѣлать Польскую корону наслѣдною съ удовольствіемъ вижу, что оной обратился счастливо въ ничто. Патріотическій фанатизмъ принудилъ короля стараться о томъ; равномѣрно, не успѣвъ въ одномъ, принялся онъ за другое, и имянно, чтобъ наслѣдникъ былъ выбранъ при его жизни и тотчасъ: но сіе противно законамъ тѣмъ польскимъ, кои гласятъ, что при жизни короля да не изберется король или преемникъ короны. Но каково бы при разосланномъ вопросѣ по провинціямъ—хочетъ ли народъ теперь выбрать наслѣдника? не подѣйствовали прусскія деньги, сей вопросъ самъ по себѣ либо въ послѣдствіи не рѣшится безъ насъ, и тутъ подкрѣпить вамъ надлежитъ сперва мысли тѣхъ, кои сему незаконному выбору найдете противны, они довольно имѣютъ и примѣры до того не допустить, и буде явно будутъ рекламировать подпору и помощь нашу, то непремѣнно дадимъ; желательно было, еслибъ дѣло протянулось до мира, но однако въ приготовленіи умовъ пройти могутъ нѣсколько мѣсяцевъ, а миръ, если Богъ изволитъ, не замѣш-

[1]) Отъ 25 сентября.

кается долѣе заморозы. Не единой изъ кандидатовъ Лукезины нами до Польской короны допущенъ быть не можетъ, понеже по чести и достоинству долженствуемъ держаться статьямъ трактата: да не падетъ выборъ на иного окромѣ Піаста, изъ Піастовъ не на (кого кромѣ) неколебленно привязаннаго къ Россіи. Но теперь казусъ не о выборѣ короля, которой еще здравствуетъ, но о кандидатѣ къ наслѣдію, Прусскимъ королемъ Польшѣ даруемомъ: для того либо препятствовать и не допустить сего выбора, либо намъ придетъ изгнать избраннаго, а безъ насъ дѣло не обойдется. Король Станиславъ на обѣщанныя ему деньги для уплаты своихъ долговъ не болѣе класть можетъ надежду, какъ король Шведскій на субсидіи, въ надеждѣ коихъ разорилъ себя и свою землю. Постарайтесь подъ рукою колко можно умы удержать, дондеже получите извѣстіе о заключеніи мира, послѣ котораго тонъ возвысимъ. Приласкайте Поляковъ какъ возможно больше; ежели ихъ видите склонны къ реконфедераціи и къ рекламаціи нашей помощи, то примите то и другое на донесеніе пассивное, а за ними не ходите, и не оказывайте, что намъ сіе нужно либо на сердцѣ лежитъ. Доброжелающимъ, подпору требующимъ, кои разумѣютъ подъ оною какой-нибудь поступокъ (уступку) съ нашей стороны въ пользу Польши, скажите, чтобъ они вамъ открылись явнѣе, въ чемъ оной поступокъ состоять имѣетъ для ихъ пользы. Я мышлю, что въ ихъ дѣлѣ, по злобѣ націи Польской къ Россіи, мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не призоветъ, развѣ откроется впредь случай такой, гдѣ съ пристойностію къ тому приступить могу, котораго не упущу конечно. Съ удовольствіемъ вижу, что гетмана графа Браницкаго расположенія таковы, какъ вы ихъ описываете. Вы не оставьте его племянника и сестру подкрѣпить въ нынѣшнемъ ихъ перемѣнившемъ(ся) образѣ мыслей».

Булгаковъ сообщилъ въ Петербургъ планъ Игнатія Потоцкаго соединить Польшу съ Пруссіею подъ однимъ королемъ [1]). Императрица отвѣчала: «Когда за нѣсколько лѣтъ у нѣкоторыхъ Поляковъ приходила мысль о соединеніи Россіи съ Польшею, тогда отъ насъ сей планъ оставленъ былъ въ молчаніи, понеже мы взирали на Польшу, яко на державу посереди четырехъ сильнѣйшихъ находящуюся и служащую преградою отъ многихъ сосѣдственныхъ раздоровъ. Сію преграду сохранить елико возможно долѣе мы пеклись донынѣ и пещись будемъ; дондеже злостные затѣи враговъ нашихъ и самой Польши насъ не принудятъ перемѣнить наше объ ней благое расположеніе, и всякой благомыслящій Полякъ въ насъ найдетъ слѣдовательно во всякое время защиту свою и отечества его. Таковыя и тому подобныя разсужденія дозволяемъ вамъ употребить и внушать друзьямъ нашимъ».

Планъ Потоцкаго не нашелъ поддержки; гораздо болѣе приверженцевъ имѣлъ курфирстъ Саксонскій. Въ октябрѣ положено было, чтобъ сконфедерованный старый сеймъ оставался въ полномъ составѣ до тѣхъ поръ, пока утвердится новая форма правленія, но число депутатовъ должно быть удвоено новыми выборами. Въ концѣ 1790 и началѣ 1791 года преобразователей одушевляло враждебное положеніе Пруссіи и Англіи относительно Россіи по вопросу о status quo турецкаго мира: ждали войны, въ которой хотѣли принять дѣятельное участіе и между тѣхъ безпрепятственно провести преобразованія. Но вотъ приходитъ страшная вѣсть, что англо-прусская коалиція противъ Россіи разстроилась и Польша будетъ предоставлена самой себѣ. Рѣшили не медлить болѣе и вдругъ провести на сеймѣ новую конституцію: иначе приверженцы старины и Россіи усилятся и помѣшаютъ дѣлу. Игнатій Потоцкій, Піатоли и Коллонтай принялись работать надъ новою конституціею; для проведенія ея, къ нимъ присоединились сеймовый маршалъ Станиславъ Малаховскій, братья Чацкіе, Станиславъ Солтыкъ, племянникъ извѣстнаго епископа, Потоцкій, Чарторыйскіе, Нѣмцевичъ, Вейссенгофъ, Мостовскій, Матушевичъ, Выбицкій, Забѣлло. Наступала Пасха, приходившаяся въ этотъ годъ 24 апрѣля (новаго стиля). На Пасху многіе депутаты разъѣзжались изъ Варшавы по домамъ и не могли возвратиться къ началу засѣданій, т. е. къ Ѳомину понедѣльнику, 2 мая. Хотѣли воспользоваться отсутствіемъ противниковъ, а свои были всѣ тутъ, не разъѣзжались. Вторникъ, 3 мая, назначенъ былъ для переворота. Послушаемъ одного изъ очевидцевъ событій знаменитаго дня [2]).

«На разсвѣтѣ меня будятъ: «Панъ! что это въ Варшавѣ дѣлается? войска валятъ къ замку, Краковскимъ предмѣстьемъ».—Я вскочилъ съ постели и на улицу: идетъ полкъ; полковникъ знакомый,—я къ нему: Что это значитъ?—«Хоть убей, не знаю», отвѣчалъ полковникъ: «ночью получилъ приказъ выступать».—Идетъ полкъ конной гвардіи; капитанъ знакомый;—я къ нему: тотъ же отвѣтъ! Встрѣтилъ еще нѣсколько знакомыхъ: никто ничего не знаетъ; одни говорятъ, что король умеръ, другіе, что бунтъ какой-то. Пустился я къ замку: Краковское предмѣстье залито войскомъ, стоятъ пушки. Тѣснота страшная, булавкѣ негдѣ упасть! а никто не знаетъ, что такое. Здѣсь и тамъ раздавались крики: «Виватъ, круль»! Изъ Краковскихъ воротъ показывается густая толпа народу съ криками: «Виватъ, Малаховскій»!—Въ срединѣ несутъ на рукахъ Малаховскаго, маршала сеймоваго, окруженнаго сенаторами и депутатами. Окна сосѣднихъ домовъ унизаны зрителями, машутъ платками, хлопаютъ въ ладоши, кричатъ: «Виватъ»!

---

[1]) Депеша $^{12}/_{23}$ октября 1790 года.

[2]) Pamiętniki Ochockiego. II, 48.

Такъ было на улицѣ; но посмотримъ, что дѣлается въ *Избѣ* (сеймовой залѣ). *Изба* наполнена сенаторами, послами (депутатами), генералами, арбитрами (посторонними посѣтителями); король тутъ. Сеймовый маршалъ Малаховскій открываетъ засѣданіе объявленіемъ, что польскіе министры, находящіеся при разныхъ Дворахъ, прислали печальныя вѣсти. Новое несчастіе грозитъ Польшѣ! Станиславъ Солтыкъ трагическимъ тономъ объясняетъ въ чемъ дѣло: «Не только дипломаты, всѣ поляки, находящіеся за границею, пишутъ согласно, что иностранные Дворы готовятъ новый раздѣлъ Польши. Медлить нельзя, мы должны воспользоваться настоящею минутою для спасенія отечества». Тутъ Сухоржевскій, прежде одинъ изъ самыхъ сильныхъ крикуновъ противъ Россіи, а теперь ставшій поборникомъ старой воли, проситъ позволенія говорить. Ему не даютъ говорить; онъ бросается на колѣни, проползаетъ между ногами предстоящихъ къ трону и умоляющимъ голосомъ проситъ позволенія говорить. Король даетъ ему это позволеніе. Сухоржевскій начинаетъ говорить о заговорѣ противъ свободы; кричитъ, что не хочетъ наслѣдственнаго правленія. Послѣ этой сцены читаются депеши изъ Гаги, изъ Петербурга: сообщаются слухи о раздѣлѣ; о томъ, что миръ съ турками будетъ заключенъ насчетъ Польши. Дипломаты совѣтуютъ, для избѣжанія удара, торопиться великимъ дѣломъ новой конституціи [1]). Игнатій Потоцкій обращается къ королю, чтобъ тотъ, въ своей мудрости, указалъ средства спасти отечество. «Мы погибли», отвѣчаетъ король, «если долѣе будемъ медлить съ новою конституціею. Проектъ готовъ, и надѣюсь, что его нынче же примутъ; промедлимъ еще двѣ недѣли—и тогда, быть-можетъ, уже будетъ поздно». Читаютъ проектъ:

1) Господствующею признается католическая вѣра; всѣ прочія терпимы. 2) Всѣ привилегіи шляхты сохраняются. 3) Всѣ города вмѣстѣ имѣютъ право присылать на сеймъ 24 депутата, которые представляютъ желанія своихъ довѣрителей; право же голоса имѣютъ только при разсужденіи о тѣхъ дѣлахъ, которыя непосредственно касаются городскаго сословія. Горожане получаютъ право служить въ войскѣ, кромѣ національной кавалеріи, которая составляется изъ шляхты въ духовномъ званіи—могутъ быть прелатами и канониками; вмѣстѣ съ шляхтою засѣдаютъ въ коммисіи полицейской, финансовой и въ ассесорскихъ судахъ, гдѣ рѣшаются въ послѣдней инстанціи споры городовъ и мѣщанъ съ шляхтою. Во всѣхъ этихъ верховныхъ коммисіяхъ мѣщане имѣютъ голосъ дѣйствительный и рѣшительный по всѣмъ дѣламъ, касающимся городовъ и торговли. Послѣ двухъ лѣтъ службы въ означенныхъ коммисіяхъ мѣщане возводятся въ шляхетское сословіе; въ военной службѣ они достигаютъ этого по достиженіи капитанскаго чина. Мѣщанинъ можетъ покупать шляхетскія земли и получаетъ чрезъ это шляхетскія права на первомъ сеймѣ. Каждый сеймъ будетъ жаловать шляхетскія права 30 мѣщанамъ, избирая такихъ, которые отличились или на военномъ поприщѣ, или на промышленномъ, отличились устройствомъ мануфактуръ, фабрикъ и предпріятіями полезными для торговли. 4) Сохраняются договоры, которые землевладѣльцы заключили съ своими крестьянами или впредь заключатъ. Иностранцы пользуются полною свободою. 5) Законодательная власть принадлежитъ сенаторской и посольской избѣ. Каждые два года собирается обыкновенный, каждыя двадцать пять лѣтъ—конституціонный сеймъ. 6) Исполнительная власть принадлежитъ королю и его Совѣту, который состоитъ изъ шести министровъ, отвѣтственныхъ предъ націею,—король можетъ ихъ назначать и увольнять; онъ долженъ ихъ смѣнить, если двѣ трети сейма того потребуютъ. 7) Установляется наслѣдственное правленіе; по смерти царствующаго короля престолъ принадлежитъ нынѣ царствующему курфристу Саксонскому, а по немъ—его дочери; король и нація изберутъ для нея супруга. 8) Конфедераціи и *liberum veto* уничтожаются.

Маршалъ Малаховскій начинаетъ превозносить проектъ: «У насъ передъ глазами два республиканскихъ устройства», говоритъ онъ: «англійское и американское; нашъ проектъ, по моему мнѣнію, превосходитъ ихъ оба и обезпечиваетъ намъ свободу, безопасность и независимость. Умоляю короля принять вмѣстѣ съ нами эту новую конституцію и тѣмъ обезпечить благополучіе Польши».

Но нѣкоторые депутаты не хотятъ этого благополучія; начинаются горячіе споры. Чтобъ поддержать защитниковъ проекта, король объявляетъ: «Иностранные министры хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобъ помѣшать принятію новой конституціи; одинъ изъ нихъ признался, что если проектъ пройдетъ, то это повлечетъ за собою большія перемѣны въ европейской политикѣ, и они будутъ принуждены почтительнѣе обходиться съ Польшею». Но споры продолжаются; многіе депутаты не хотятъ сейчасъ же принять проектъ безъ обсужденія; защитники проекта требуютъ отъ короля, чтобъ онъ сейчасъ же присягнулъ на новой конституціи: «всѣ любящіе отечество поляки послѣдуютъ его примѣру». Король провозглашаетъ, что всякій, кто любитъ отечество, долженъ быть за проектъ, и спрашиваетъ: «Кто за проектъ, пусть отзовется»! Въ отвѣтъ крики: «Всѣ! всѣ»! Не хотятъ даже допустить вторичнаго чтенія проекта. Арбитры кричатъ: «Да здравствуетъ новая конституція!» и заглушаютъ крики: «Nie ma zgody»! (несогласны). Королю подносятъ Евангеліе, и онъ присягаетъ. Засѣданіе кончилось: король встаетъ, чтобъ идти въ костелъ Св. Яна; большинство за нимъ; познаньскій депутатъ, Мельжынскій, противникъ новой конституціи, падаетъ

[1]) Эссенъ и Гэльсъ утверждаютъ, что депеши были фальшивыя,—сфабрикованы въ Варшавѣ.

наземь передъ дверями, чтобъ воспрепятствовать выходу, но понапрасну: шагаютъ черезъ него, топчутъ. Около 50 депутатовъ остаются въ избѣ и рѣшаютъ подать протестъ противъ принятія новой конституціи.

Но протеста не принимаютъ въ городскомъ судѣ. Вся Варшава обхвачена восторгомъ. Въ костелѣ Св. Яна присягаютъ на новой конституціи сенаторы и депутаты, послѣ чего отправляется благодарственный молебенъ. Воздухъ потрясается отъ грома пушекъ и восклицаній многочисленной толпы. 4 числа пріѣзжаетъ въ Варшаву гетманъ Браницкій съ 400 шляхты, хочетъ подать въ градскомъ судѣ протестъ противъ рѣшенія сейма 3-го мая; но судъ запертъ. 5 мая опять засѣданіе сейма съ восторгами; сеймовый секретарь читаетъ проектъ: такъ какъ теперь всѣ сословія равны передъ закономъ и мѣщанамъ открытъ доступъ до высшихъ чиновъ, то и шляхтѣ дозволяется заниматься торговлею и участвовать въ правахъ городскихъ. Проектъ принятъ съ восторгомъ, безъ разсужденія. Король начинаетъ говорить. Исчисливши выгоды для страны отъ новой конституціи, онъ заканчиваетъ словами: «За все претерпѣнное мною въ продолженіи царствованія, я награжденъ этимъ восторгомъ и единодушіемъ моего народа». При этихъ словахъ король заливается слезами; изба потрясается криками: «Да здравствуетъ король! да здравствуетъ возлюбленный Станиславъ-Августъ! Король съ народомъ, народъ съ королемъ»! По окончаніи засѣданія, оба маршала сеймовые, сенаторы, депутаты, арбитры потянулись къ ратушѣ; тамъ Малаховскій, Сапѣга и другіе объявили, что желаютъ вписаться въ число мѣщанъ. Это произвело новый взрывъ восторга; толпа выпрягла лошадей изъ кареты Малаховскаго и привезла на себѣ новаго мѣщанина. На другой день Сапѣга явился на сеймъ въ кожаной лакированной портупеѣ, на которой виднѣлась бляха съ надписью: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ»! Съ такими же бляхами явилось и нѣсколько депутатовъ литовскихъ. Не прошло трехъ дней, какъ эти бляхи были уже на большей части жителей Варшавы; золотыхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, бросивъ всѣ другія работы, только и дѣлали, что портупеи съ бляхами. Вечеромъ въ Саксонскомъ саду показалось нѣсколько знатныхъ дамъ съ голубыми поясами, на которыхъ черными буквами были выбиты слова: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ»!—и вотъ всѣ варшавянки бросились заказывать себѣ такіе же пояса [1]).

Гетманъ Браницкій не рѣшился плыть противъ теченія и, вмѣстѣ съ другими противниками конституціи 3-го мая, подписалъ ее. Успѣхъ Игнатія Потоцкаго съ товарищами, повидимому, былъ полный. Но, вглядѣвшись внимательнѣе, легко было увидать, что знаменитая реформа была дѣломъ партіи, была проведена заговоромъ. 3 мая присутствовало на сеймѣ не болѣе 157 членовъ, отсутствовало не менѣе 327 [2]); богатые варшавскіе мѣщане были за реформу, которая открывала имъ дорогу къ шляхетству; ихъ восторгъ былъ неподдѣльный; но много было также и поддѣльныхъ голосовъ. Многочисленные противники реформы, привыкшіе уступать всякой силѣ, теперь испугались варшавскихъ восторговъ и замолкли, но вовсе не отказались отъ своихъ старыхъ убѣжденій и ждали только удобнаго времени, чтобъ подняться, опираясь на какую-нибудь внѣшнюю силу. За скорую побѣду ручалось имъ, во-первыхъ, то, что въ провинціяхъ большинство было враждебно или равнодушно къ реформѣ; во-вторыхъ, параличъ государственнаго и народнаго тѣла, которое нельзя было возбудить къ жизни никакими реформами, никакими восторженными криками, портупеями и поясами, къ чему присоединялась еще слабохарактерность короля и между виновниками реформы отсутствіе человѣка съ великими государственными способностями; въ-третьихъ, наконецъ, отношеніе къ сосѣднимъ державамъ: въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ были употреблены всѣ средства, чтобъ раздражить Россію; раздражили Россію въ угоду Пруссіи, а Пруссію оттолкнули отказомъ уступить ей Данцигъ и Торнъ.

Майскія событія не перемѣнили нисколько политики Петербургскаго Двора относительно Польши: «Мы какъ прежде, такъ и теперь останемся спокойными зрителями, до тѣхъ поръ, пока сами Поляки не потребуютъ отъ насъ помощи для возстановленія прежнихъ законовъ республики», отвѣчала Екатерина на донесенія Булгакова о переворотѣ [3]). Послѣ событій 3-го мая вниманіе русскаго посла было особенно обращено на русское дѣло въ Польшѣ. Еще въ ноябрѣ 1790 года Булгаковъ писалъ въ Петербургъ: «Дѣло архіерея Слуцкаго начинаетъ подавать надежду къ доброму концу. Король спрашивалъ коммисію его судящую, заклиная сказать правду. Главный его непріятель Залѣскій отвѣчалъ, что, по совѣсти говоря, не находитъ въ немъ вины. Приняли намѣреніе выпустить его на волю, если никакое новое обстоятельство не перемѣнитъ ихъ добрыхъ расположеній». Добрыхъ расположеній не оказалось; епископъ продолжалъ сидѣть подъ стражею. 2 марта 1791 года православные подали сейму просьбу объ установленіи у себя іерархіи и отправлять повсюду свободно всѣ обряды своей религіи. Правительство позволило имъ держать для этого предмета конгрегацію въ Пинскѣ. 15 іюня собрались здѣсь 100 православныхъ депутатовъ,

---

[1]) Pamiętniki Ochockiego II, 56.

[2]) Депеши Эссена у Hermann—Geschichte des russischen Staates, VI, 358.

[3]) О своемъ участіи въ событіяхъ Булгаковъ доносилъ: «Сколь ни разглашаютъ, что я издержалъ 60,000 червонныхъ: не издержалъ я ничего, ибо, предвидя все, было бы деньги бросать въ воду». Булгаковъ императрицѣ 30 апрѣля (11 мая).

духовныхъ и міранъ, и въ продолженіи двухъ недѣль держали конференцію, сочиняли проекты объ учрежденіи въ Польшѣ церковной іерархіи, составляли списки церквей и всѣхъ лицъ, исповѣдающихъ Греческую вѣру, а 1-го іюля, въ присутствіи присланнаго отъ сейма коммисара, сендомирскаго посла Кохановскаго, принесли присягу на вѣрность королю и республикѣ, на повиновеніе и защиту конституціи 3-го и 5-го мая, отрекаясь отъ всякой заграничной зависимости и сохраняя по духовнымъ только дѣламъ отношенія къ Константинопольскому патріарху, пока республика не учредитъ въ своихъ владѣніяхъ отдѣльной грековосточной іерархіи [1].

Когда узнали объ этомъ въ Римѣ, то забили тревогу. Кардиналъ-префектъ *пропаганды* сейчасъ же написалъ мемуаръ изъ трехъ пунктовъ: 1) Неприлично въ католической странѣ давать чуждому исповѣданію тѣ же права, какими пользуется господствующая вѣра. 4) Такой примѣръ очень опасенъ и повлечетъ за собою множество дурныхъ послѣдствій для господствующей религіи, которая будетъ все болѣе и болѣе ослабѣвать, и которую постараются уничтожить окончательно. 3) Не одни религіозныя побужденія, но и политическія причины не позволяютъ давать большихъ правъ въ Польшѣ грекамъ-диссидентамъ, ибо они каждую минуту могутъ нарушать спокойствіе государства и будутъ орудіями, которыя Россія употребитъ для достиженія своей цѣли, а эта цѣль—порабощеніе Польши, превращеніе ея въ русскую провинцію.

14 сентября нунцій подалъ королю грамоту отъ своего Двора съ представленіями противъ дарованія правъ православнымъ. Король отвѣчалъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко и воспрепятствовать ему нельзя, тѣмъ болѣе что затѣяли его лица очень почтенныя, которыя не захотятъ отстать отъ него. «Притомъ же», прибавилъ король, «мы надѣемся извлечь большую выгоду отъ Пинскаго конгресса, а именно—совершенно отвлечь грековъ отъ Россіи и такимъ образомъ освободиться отъ ея вліянія».—«А по моему мнѣнію», отвѣчалъ нунцій, «дѣло невозможное отчудить грековъ отъ Россіи, потому что между ними связь самая крѣпкая,—связь религіозная. Они теперь даютъ обѣщанія и клятвы для того только, чтобъ получить извѣстныя выгоды. Патріархъ Константинопольскій на жалованьи у Россіи и, слѣдовательно, будетъ поддерживать всегда между греками привязанность къ Россіи и отвращеніе къ тѣмъ, которые не одной съ ними вѣры».

Послѣ этого нунцій получилъ изъ Рима такой наказъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что приверженцы новой философіи стараются повсюду, слѣдовательно и здѣсь, распространять ученіе о неограниченной терпимости и смѣшивать такимъ образомъ всѣ религіи, чтобъ не было потомъ ни одной. Нѣтъ сомнѣнія, что проповѣдники новаго ученія настроили и грековъ предъявить свои требованія. Если уже непремѣнно хотятъ удовлетворить нѣкоторымъ требованіямъ грековъ, то вы должны соглашаться только на самыя неважныя. Въ крайности можно допустить, чтобъ у нихъ былъ одинъ епископъ и чтобъ все оставалось постарому».

Такимъ образомъ, новые польскіе порядки возбудили сильное негодованіе въ Римѣ. Иначе было въ Вѣнѣ. Здѣсь всѣ взгляды, всѣ отношенія подчинялись одному основному правилу: не давать усиливаться Пруссіи. «Императорскіе Дворы», писалъ Кауницъ Люи Кобенцелю въ Петербургъ [2], «должны выбирать одно изъ двухъ: или противиться утвержденію новаго порядка вещей въ Польшѣ, или разстроить виды Берлинскаго Двора, объявивши себя за революцію. Несомнѣнно, что первое изъ этихъ рѣшеній будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ тѣсный союзъ между Польшею, Саксоніею и Пруссіею,—будетъ содѣйствовать именно тому, чего Берлинскій Дворъ можетъ желать болѣе всего въ своей враждѣ къ обѣимъ имперіямъ. Притомъ же настоящія обстоятельства вовсе не благопріятствуютъ такому предпріятію, которое встрѣтитъ всякаго рода препятствія, и успѣхъ будетъ очень сомнителенъ. Напротивъ, Австріи и Россіи очень выгодно объявить себя за революцію 3-го мая. Разумѣется, въ случаѣ окончательнаго утвержденія новаго порядка вещей въ Польшѣ, могутъ встрѣтиться вещи, вовсе не желательныя обоимъ императорскимъ Дворамъ; но вѣдь дѣло идетъ объ учрежденіяхъ, для утвержденія которыхъ надобны года и года: Австрія и Россія, продолжая искреннее согласіе во всемъ, касающемся ихъ интересовъ, могутъ легко найти средство положить преграду тому, что для нихъ неудобно. Вѣрно одно, что въ настоящую минуту нечего больше дѣлать, какъ отнестись дружелюбно къ послѣднимъ польскимъ событіямъ, и это особенно необходимо относительно Саксоніи, которой нейтралитетъ такъ полезенъ въ случаѣ войны съ Пруссіею».

Легко понять, какъ принято было это внушеніе въ Петербургѣ. Объявить себя за революцію 3 мая! Легко было это говорить Кауницу, потому что Австрія не подвергалась въ Польшѣ съ 1788 года постояннымъ, нестерпимымъ для могущественной державы оскорбленіямъ; Австріи не было дѣла до того, что Станиславъ-Августъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ хотѣли возстановить дѣло Витовта, уничтоженное Московскимъ договоромъ, раздѣлить Русскую Церковь: но для Россіи это былъ жизненный вопросъ. Первый раздѣлъ Польши, предложенный Пруссіею, представлялся въ Петербургѣ преимущественно раздѣломъ Польши, и потому на него неохотно согласились; но когда въ Варшавѣ вздумали возстановить дѣло Витовта, то вопросъ получилъ для Россіи уже настоящее

[1]) Булгаковъ Остерману 9/20 іюля 1791 г.

[2]) 24 мая 1791 года.

значеніе: дѣло пошло уже не о раздѣлѣ Польши, а о соединеніи русскихъ земель. Польша стала грозить раздѣленіемъ Россіи, и Россія должна была поспѣшить политическимъ соединеніемъ предупредить раздѣленіе церковное. Австрія твердила о враждѣ Пруссіи къ обоимъ императорскимъ Дворамъ; но императорскій Россійскій Дворъ хорошо зналъ, отчего эта недавняя вражда у Пруссіи къ Россіи: оттого, что Россія соединилась съ враждебною для Пруссіи Австріею; это соединеніе произошло потому, что Австрія согласилась поддерживать виды Россіи относительно Турціи; но Турецкій, Восточный вопросъ терялъ на время свое значеніе: на первомъ планѣ стоялъ вопросъ Польскій, и если Австрія отказывалась тутъ содѣйствовать видамъ Россіи, то надобно было сблизиться съ Пруссіею, которая всегда будетъ въ восторгѣ отъ этого сближенія. Но война Турецкая еще не кончена, и потому не время приступать къ чему-нибудь рѣшительному,—надобно отмалчиваться и ждать, когда настанетъ пора говорить и дѣйствовать. А между тѣмъ на западѣ Европы происходятъ явленія, которыя подаютъ надежду, что не нужно будетъ мѣнять союзъ австрійскій на прусскій;—можно сдѣлать то, что было совершенно немыслимо прежде,—остаться въ союзѣ съ Австріею и въ то же время возобновить союзъ съ Пруссіею и заставить обѣ державы содѣйствовать видамъ Россіи: эту надежду подавали воинственныя движенія революціонной Франціи.

Со вниманіемъ, съ самаго начала слѣдила Екатерина за разгаромъ Французской революціи, указывала на ошибки правительства, неумѣнье пользоваться людьми[1]), сердилась на слабость Людовика XVI, на его *двуволіе*, не ждала ничего добраго отъ этого, предвидѣла, до какихъ крайностей можетъ дойти движеніе[2]). Когда эти крайности обнаружились, когда революціонная Франція начала грозить европейскимъ монархіямъ войною и пропагандою своего политическаго ученія, Екатерина громко заговорила о необходимости единодушнаго дѣйствія противъ революціи; охотно приняла предложеніе Австріи и Пруссіи дѣйствовать заодно, сейчасъ же назначила большую сумму денегъ для вспоможенія принцамъ, братьямъ Людовика XVI, и эмигрантамъ. Хлопоча о составленіи и поддержаніи коалиціи противъ Франціи, Екатерина имѣла двѣ цѣли: съ одной стороны, она считала необходимымъ, для безопасности престоловъ, остановить революціонныя движенія и пропаганду. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого она считала возбужденіе внутренняго антиреволюціоннаго движенія во Франціи, во главѣ котораго должны были стать принцы, братья королевскіе. Они должны были опереться не на иноземныя войска, но на многочисленныхъ французовъ, не сочувствующихъ революціи, или ея крайностямъ, сосредоточить ихъ около себя, обѣщаніемъ забыть прошлое должны были успокоить противниковъ,—однимъ словомъ, дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ знаменитый предокъ ихъ, Генрихъ IV, успокоившій взволнованную Францію: успѣхъ былъ несомнѣненъ, ибо Франція, по убѣжденію Екатерины, была страна монархическая. Съ другой стороны, возбуждая Швецію, Пруссію и Австрію къ согласному дѣйствію противъ революціонной Франціи, Екатерина хотѣла отвесть вниманіе этихъ державъ отъ востока на западъ, пріобрѣсти этимъ для себя полную свободу дѣйствія, возстановить то блистательное положеніе Россіи, которое имѣла она до 1788 года[3]).

Густава III Шведскаго легко было отвлечь на западъ: Русская императрица представила ему, какую честь, славу и пользу получитъ онъ, принявши начальство надъ войскомъ, которое пойдетъ возстановлять Французскую монархію, по примѣру Густава-Адольфа, который спасъ Германію отъ Австріи. Густавъ III тѣмъ болѣе обязанъ это сдѣлать, что Швеція поручилась за Вестфальскій договоръ, нарушенный теперь Франціею, которая измѣнила отношенія Эльзаса къ Германской имперіи, выговоренныя въ Вестфальскомъ договорѣ. Труднѣе было убѣдить германскія государства, Пруссію и особенно Австрію, вступиться за Германскую имперію; труднѣе было убѣдить императора Леопольда вступиться за свою сестру, Французскую королеву Марію-Антуанету. Императору Леопольду не хотѣлось вмѣшиваться во французскія дѣла, пока онъ не вывелъ еще окончательно Австрію изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ оставилъ ее Іосифъ, и пока не кончился Восточный вопросъ; притомъ Леопольдъ съ радостію думалъ, что революція обезсилитъ Францію; что, вслѣдствіе ограниченія королевской власти, уже не явится оттуда новый Людовикъ XIV. Если нельзя избѣжать войны съ Франціею вслѣдствіе задирокъ ея революціоннаго правительства, то, по крайней мѣрѣ, Леопольдъ хотѣлъ вести эту войну не одинъ, а въ союзѣ съ Англіею, Россіею и Пруссіею. Такъ уже Французская революція начала дѣйствовать на перемѣну политической системы, которая сначала условливалась религіозною борь-

---

[1]) Записки Храповицкаго, стр. 202: Разговоръ о Франціи: «Со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментація тамъ должна быть; нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: Фаэта, comme un ambitieux, взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ! Замѣть, что дѣлали здѣсь съ восшествія?»

[2]) Храповицкій, стр. 206: «Да, ils sont capables de pendre leur roi à la lanterne, c'est affreux». Стр. 209. Изволила мнѣ сказывать, что короля съ фамиліею перевезли на житье въ Тюльери: «il aura le sort de Charles I».

[3]) Записки Храповицкаго, стр. 258: «Въ воскресенье, при разборѣ московской почты, сказано мнѣ: «Je me casse la tête, чтобъ подвигнуть Вѣнской и Берлинской Дворы въ дѣла французскія. Прусскій бы пошелъ, но останавливается Вѣнскій». Написали записку къ Вице-Канцлеру: «Они меня не понимаютъ: ai-je tort? Il y a des raisons, qu'on ne peut pas dire; je veux les engcer dans les affaires, pour avoir les coudées franahes: у меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не помѣшали».

бою и стремленіемъ Габсбургскаго Дома, потомъ стремленіями Людовика XIV, далѣе стремленіями Фридриха II Прусскаго, а теперь Французская революція заставляетъ восточную и среднюю Европу соединяться съ Англіею противъ Франціи. Польша погибнетъ при этомъ образованіи новой системы; Восточный вопросъ отложится; но система созрѣетъ нескоро, ей будетъ особенно мѣшать соперничество Австріи и Пруссіи; чтобъ она созрѣла, нуженъ будетъ Наполеонъ и его гнетъ надъ Европою.

Въ августѣ 1791 года императоръ Леопольдъ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ въ Пильницѣ. Сюда же явился младшій братъ Людовика XIV, графъ Артуа, и передалъ обоимъ государямъ записку, въ которой требовалъ: чтобъ родственники королевы Маріи-Антуанеты и государи Бурбонскаго Дома протестовали противъ дѣйствій французскаго національнаго собранія, объявили рѣшенія его недѣйствительными и со стороны короля вынужденными; чтобъ старшій послѣ короля братъ, графъ Прованскій, былъ объявленъ регентомъ; чтобъ жители Парижа объявлены были, подъ смертною казнію, отвѣтственными за безопасность королевской фамиліи; чтобъ императоръ, вмѣстѣ съ Пруссіею и Сардинеію, двинулъ войска къ французскимъ владѣніямъ и позволилъ эмигрантамъ вооружаться въ своихъ владѣніяхъ. Императоръ и король отвѣчали: возстановленіе порядка и монархіи во Франціи вопросъ важный для всей Европы; государи имѣютъ намѣреніе пригласить къ соучастію всѣ державы, и если онѣ согласятся, то Австрія и Пруссія обѣщаютъ свое дѣятельное вмѣшательство. Но Англія уже объявила, что, въ случаѣ разрыва между Австріею и Франціею, будетъ содержать строжайшій нейтралитетъ.

Французскіе принцы обратились къ Русской императрицѣ; посредникомъ былъ принцъ Нассау-Зигенъ, котораго они ввели въ свой совѣтъ. Екатерина назначала 500,000 рублей на вспоможеніе принцамъ, но писала къ Нассау [1]): «Буду хлопотать изо всѣхъ силъ о союзѣ державъ противъ революціонной Франціи, но для успѣха первое и самое существенное условіе состоитъ въ томъ, чтобы принцы полагались гораздо болѣе на самихъ себя и на своихъ многочисленныхъ приверженцевъ французовъ, чѣмъ на какую нибудь внѣшнюю помощь; пусть установятъ порядокъ и дисциплину у себя, пусть господствуютъ между ними любовь и взаимная довѣренность, пусть поддерживаютъ мужество, внушаютъ энтузіазмъ, необходимый для окружающихъ, пусть выбираютъ удобную минуту, и, выбравши, дѣйствуютъ немедленно. Денежныя затрудненія будутъ продолжаться только пока они находятся внѣ границъ Франціи. Я писала къ королю Прусскому, къ императору, къ королю Шведскому, послала убѣдительныя внушенія и къ королевѣ Французской, чтобъ она дѣйствовала заодно съ принцами».

Екатерина обѣщала хлопотать изо всѣхъ силъ о союзѣ противъ революціонной Франціи; Леопольдъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ какъ нибудь отклонить Французскую войну. Его сильно безпокоило молчаніе Россіи относительно Польши, относительно революціи 3-го мая; а тутъ новое сильное безпокойство со стороны Пруссіи: 9 октября Берлинскій Дворъ сообщилъ Вѣнскому, что принцесса Оранская, сестра короля Фридриха-Вильгельма II, хочетъ женить втораго сына своего на принцессѣ Курляндской Биронъ, съ тѣмъ, чтобъ Курляндія перешла къ этому принцу. Король писалъ императору, чтобъ тотъ освѣдомился въ Петербургѣ, согласится ли на это Россія.

Въ сильномъ безпокойствѣ о Польскомъ вопросѣ, Кауницъ писалъ Кобенцелю въ Петербургъ [2]): «Тяжелый опытъ въ продолженіи слишкомъ столѣтія давалъ чувствовать Европѣ тотъ перевѣсъ, который имѣла Франція подъ неограниченнымъ правленіемъ, благодаря физическому положенію и громаднымъ средствамъ этого государства. Австрія убѣждена, что ничто не можетъ такъ обезпечить ея разсѣянныя и окруженныя могущественными врагами владѣнія, какъ ослабленіе внутреннихъ пружинъ этой грозной монархіи,—ослабленіе, которое отвлечетъ ея энергію отъ внѣшнихъ предпріятій. Оба императорскіе Двора должны немедленно и откровенно объясниться насчетъ польскаго дѣла. Еще 23 мая мы сообщили Петербургскому Кабинету наши идеи, просили дать намъ знать объ идеяхъ императрицы. Не разъ вашему превосходительству былъ обѣщанъ отвѣтъ. Медленность въ исполненіи этого обѣщанія ставитъ насъ вдвойнѣ въ затруднительное положеніе: во-первыхъ, потому, что изъ настоящихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній республики могутъ выйдти самые невыгодные результаты, если оба императорскіе Двора не примутъ сейчасъ же опредѣленнаго рѣшенія. Во-вторыхъ, такъ какъ нашему Двору необходимо отвѣчать Дворамъ Дрезденскому и Берлинскому благопріятно относительно новой польской конституціи, то намъ будетъ очень прискорбно, если мы въ этомъ случаѣ, по незнанію, будемъ говорить разное съ нашею союзницею Россіею. У Австріи и Россіи одни виды насчетъ Польши: обѣ должны желать, чтобъ Пруссія ни увеличивалась насчетъ Польши, и чтобъ Польша не усиливалась и не стала опасною сосѣдкою, тогда какъ Пруссія желаетъ слабости Польши съ единственною цѣлію распространить свои владѣнія на ея счетъ. Изъ сказаннаго выводятся слѣдующія заключенія: 1) Дальнѣйшій раздѣлъ Польши можетъ быть выгоденъ только одной Пруссіи, значитъ, болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, обоимъ императорскимъ Дворамъ. 2) Необходимо полагать ограниченія королевской власти въ Польшѣ и вообще поддерживать духъ независимости въ польской шляхтѣ. 3) Не менѣе однако необходимо въ будущемъ положить конецъ этому

[1]) 20 сентября 1791.

[2]) 12 ноября 1791.

крайнему безпорядку: ничто такъ не выгодно для прусскихъ плановъ, какъ эти частые выборы королей и легкость, съ какою мѣняются конституціи, благодаря страшной неправильности въ управленіи и сеймахъ. 4) Наслѣдственный король Польскій будетъ всегда искреннѣе преданъ обоимъ императорскимъ Дворамъ, чѣмъ король избирательный, который никогда не можетъ дѣйствовать по одной постоянной системѣ. Наслѣдственный король будетъ тщательно охранять цѣлость владѣній республики, взирая на эти владѣнія, какъ на наслѣдство и поддержку своей фамиліи,—поэтому будетъ сильнѣе противиться прусскимъ видамъ, чаще требовать помощи у другихъ своихъ сосѣдей, преимущественно у Россіи, чѣмъ король избирательный, готовый всегда жертвовать владѣніями, которыя по его смерти перейдутъ къ другой фамиліи. Примѣръ показалъ нынѣшній король Польскій, который благопріятствовалъ прусскому проекту сдѣлать изъ уступки Данцига статью простаго торторговаго трактата. 5) Легче будетъ обоимъ Дворамъ императорскимъ препятствовать улучшенію состоянія Польши, ибо и Пруссія никогда не позаботится объ этомъ улучшеніи. 6) Шляхта будетъ сильнѣе противиться дальнѣйшему усиленію королевской власти при королѣ саксонцѣ или вообще при иностранцѣ, чѣмъ при Пястѣ. 7) Если не дать польской формѣ правленія большей твердости, то надобно бояться, чтобъ французскіе демократическіе принципы не взяли здѣсь верха, что будетъ опасно для сосѣдей. 8) Установленіе наслѣдственности Польскаго престола, быть можетъ, представляетъ лучшее средство къ уничтоженіи энтузіазма и тщеславія поляковъ, ихъ желанія существовать самостоятельно, ихъ удаленія отъ всякаго посторонняго вліянія, ихъ страсти къ образованію могущественной арміи, ихъ склонности къ патріотическимъ пожертвованіямъ и значительнымъ субсидіямъ. Оно внесетъ духъ несогласія, породитъ партіи въ этой безпокойной націи по предметамъ внутренняго управленія, особенно усилитъ противодѣйствіе малѣйшему увеличенію государевой власти».

Понятно, что Вѣнскій Дворъ не могъ никого убѣдить этими доводами въ Петербургѣ,—могъ только раздражить, идя съ такою назойливостію противъ русскихъ интересовъ. Кобенцель не получилъ и на этотъ разъ никакого отвѣта. Императрица высказалась передъ своими объ австрійской нотѣ въ такихъ выраженіяхъ [1]: «По дѣламъ Французскимъ Вѣнскій дворъ пишетъ и дѣлаетъ такое противорѣчіе, которое ниначто не похоже. Рѣчамъ же императора впредь мало вѣры дать можно. По его доказательству и предложенію мы вошли въ его дѣла: ни противорѣчить, ни перемѣнить наше поведеніе я не нахожу пристойно, еще менѣе плясать по перемѣнчивому Италіанскому макіавелизму, который сдѣлавъ шагъ впередъ, поворачивается назадъ, не смотря на то, теряетъ ли достоинство и пристойность. Положеніе короля Французскаго отчаянное: онъ и члены семейства его—люди мертвые. Очень бы я желала быть дурною пророчицею. Вести переговоры съ бунтовщиками не нужно. Все что можетъ сдѣлать Вѣнскій дворъ самаго благоразумнаго въ пользу короля и королевы Французскихъ—это держать на готовѣ значительный корпусъ войска, который могъ бы войти во Францію въ случаѣ нужды. Надобно согласиться, что планъ Вѣнскаго двора настоящій Австрійскій, планъ прирожденнаго врага Франціи. Императоръ съ королемъ Прусскимъ будутъ владычествовать въ Германіи. Я боюсь ихъ гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея нелѣпыми принципами. Поведеніе императора не показываетъ ни благородства въ мысляхъ, ни благородства въ дѣйствіяхъ, ни одной опредѣленной идеи, вездѣ недостатокъ принциповъ и энергіи, и это они называютъ мудростію, благоразуміемъ: поздравляю ихъ съ этимъ, но подражать имъ не хочу. Замѣтьте, что Вѣнскій дворъ всегда старался удалить насъ отъ европейскихъ дѣлъ, исключая случаевъ, когда для собственныхъ цѣлей увлекалъ насъ ко вмѣшательству... Съ теченіемъ времени Французы все болѣе и болѣе будутъ примыкать къ партіи принцевъ, братьевъ королевскихъ, ибо монархическое правленіе есть единственное приличное для Франціи; всегда здѣсь, во всѣхъ возстаніяхъ противъ монархическаго правленія, оно торжествовало напослѣдокъ. Я читаю будущее въ прошедшемъ».

Относительно Польскаго вопроса, Екатерина писала: «У насъ трактаты съ Польшею; трактаты имѣли для насъ всегда священную обязательность, и такъ какъ отъ этого зависитъ безопасность Имперіи со стороны Польши, то у насъ не будетъ другихъ правилъ кромѣ нашихъ трактатовъ. Все что противно нашимъ трактатамъ съ Польшею, противно нашему интересу. Заключивъ трактатъ съ республикою, гарантировавъ *pacta conventa* (ограничительныя условія) нынѣшняго короля, нарушенныя конституціею 3-го мая, я не соглашусь ниначто изъ этого новаго порядка вещей, при утвержденіи котораго не только не обратили никакого вниманія на Россію, не осыпали ее оскорбленіями, задирали ее ежеминутно. Но если другіе не хотятъ знать Россіи, то слѣдуетъ ли изъ этого, что и Россія также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господамъ членамъ Иностранной Коллегіи, что мы можемъ сдѣлать все, что намъ угодно въ Польшѣ, потому что противорѣчивые полуволи дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго противопоставятъ намъ только кипу писаной бумаги и мы покончимъ наши дѣла сами. Я высказываюсь враждебно только къ тѣмъ, которые хотятъ меня испугать. Екатерина II часто приводила въ трепетъ враговъ своихъ, но не знаю, чтобъ враги Леопольда II когда-нибудь его трусили».—Когда нѣкоторые совѣто-

[1]) Собственноручная записка Екатерины 4 декабря 1791.

вали составлять русскую партію въ Польшѣ и дѣлать внушенія сосѣднимъ Дворамъ, то Екатерина написала: «А я говорю, чтобъ дворамъ не сказывать ни слова, а партія сыщется всегда, когда нужно будетъ. Нельзя, чтобъ не было людей, кои бы лучше желали старину; тутъ же дѣло идетъ о продажѣ старостствъ и о уничтоженіи гетмановъ. Взять кажется тутъ Волынію и Подолію много разныхъ предлоговъ, лишь выбрать».

Наконецъ рѣшительная минута наступила: въ концѣ декабря 1791 года заключенъ былъ у Россіи миръ съ турками въ Яссахъ и, въ то же время, революціонное французское правительство своимъ поведеніемъ относительно Германіи заставляло Австрію и Пруссію приняться за оружіе. 7 февраля 1792 дода послѣдовало соглашеніе между Австріею и Пруссіею: каждая обязалась выставить отъ 40 до 50,000 войска для войны Французской. *Союзники поневолѣ*, занимаясь дѣлами Франціи, не могли забыть о Польшѣ, и тутъ Леопольдъ, для поддержанія союза, долженъ былъ уступить Пруссіи, которая объявила, что конституція 3-го мая противна ея интересамъ; что союзъ ея съ Польшею 1790 года нисколько ея не обязываетъ относительно новой конституціи. Леопольдъ могъ выговорить только слѣдующій сепаратный артикулъ: «Союзники согласятся и пригласятъ императорскій Россійскій Дворъ къ соглашенію съ ними въ томъ, что они не посягнутъ на цѣлость владѣній и на свободную конституцію Польши (qu'elles n'entreprendront rien pour altérer l'intégrité et le maintien d'une libre constitution de la Pologne); что они никогда не будутъ стараться посадить на Польскій престолъ одного изъ своихъ принцевъ ни посредствомъ брака на принцессѣ инфантѣ Саксонской, ни въ случаѣ новыхъ выборовъ, и не употребятъ своего вліянія на этихъ выборахъ въ пользу какого-нибудь другого принца, безъ взаимнаго соглашенія другъ съ другомъ».

Черезъ 10 дней по заключеніи этого договора, прусскій посолъ въ Петербургѣ, Гольцъ, получилъ слѣдующее внушеніе отъ Двора, при которомъ находился: «Среди дружественныхъ сообщеній между Дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ по поводу дѣлъ французскихъ, министерство его величества прусскаго сдѣлало нѣсколько намековъ и относительныхъ дѣлъ польскихъ. Ея императорское величество не поколебалась бы отвѣчать на это съ полною довѣренностію; но она сочла за нужное отложить дѣло до окончанія мирныхъ переговоровъ съ Портою. Теперь, когда эта счастливая минута наконецъ наступила, императрица, не теряя времени, пользуется ею, чтобъ изложить свой образъ мыслей относительно событій въ Польшѣ. Если дѣло 3-го мая прошлаго года должно остаться и крѣпнуть, то нѣтъ сомнѣнія, что Польша, въ соединеніи съ Саксоніею и при помощи новой организаціи, сдѣлается опасною или, по крайней мѣрѣ, неудобною сосѣдкою. Правда, что Россія тутъ будетъ обязана только наблюдать за безопасностію своихъ границъ; но Пруссія, кромѣ того, должна имѣть въ виду еще Германію, гдѣ Саксонія, благодаря соединенію своему съ Польшею, непремѣнно усилитъ свое вліяніе, и, быть можетъ, получитъ перевѣсъ. Обо всемъ этомъ Россія и Пруссія должны серьезно подумать и согласиться, какъ можно скорѣе насчетъ мѣръ, которыя онѣ должны принять, дабы уладить дѣла соотвѣтственно своимъ интересамъ».

Алопеусъ давалъ знать, что въ Берлинѣ думаютъ отложить вмѣшательство въ польскія дѣла до окончанія дѣлъ французскихъ. Вице-канцлеръ Остерманъ отвѣчалъ ему (въ февралѣ): «Вразумляйте, что чѣмъ болѣе дадутъ времени новому порядку вещей утверждаться въ Польшѣ, тѣмъ труднѣе будетъ послѣ его искоренять, тогда какъ теперь для этого потребуются очень небольшія усилія, которыя нисколько не могутъ ослабить вооруженій противъ Франціи».

Въ это самое время, когда Австрія своими представленіями, противными самымъ существеннымъ интересамъ и достоинству Россіи, заставила послѣднюю сблизиться съ Пруссіею, умираетъ императоръ Леопольдъ II-й. Наслѣдникъ его, Францъ II-й, сначала хочетъ слѣдовать политикѣ отцовской: опять идетъ изъ Вѣны предложеніе въ Берлинъ—согласиться на введеніе въ Польшѣ наслѣдственнаго правленія, а для безопасности сосѣдямъ отъ новаго соединеннаго Польско-Саксонскаго королевства гарантировать постоянный нейтралитетъ Польши и выговорить, чтобъ она никогда не имѣла болѣе 40,000 войска. Это предложеніе приводитъ короля Фридриха-Вильгельма въ сильное негодованіе: «Никогда», говоритъ онъ, «никогда не соглашусь на это! Для Пруссіи не можетъ быть ничего опаснѣе подобной державы, образованной изъ соединенія Польши и Саксоніи; при ея союзѣ съ Австріею у Пруссіи не будетъ Силезіи, съ Россіею—не будетъ Восточной Пруссіи. Ограниченіе числа войска—вздоръ, потому что при первой войнѣ это условіе исчезнетъ само собою». Но король не хотѣлъ останавливаться на томъ, чтобъ только помѣшать соединенію Польши съ Саксоніею: 12 марта онъ объявилъ своимъ министрамъ, что новый раздѣлъ Польши всего выгоднѣе для Пруссіи, а 20 апрѣля Франція объявила войну Францу II-му, что заставило и Австрію уступить эту выгоду Пруссіи.

Но въ то время, когда судьба Польши рѣшалась въ Петербургѣ, Берлинѣ и Парижѣ, что дѣлалось въ Варшавѣ?

ГЛАВА X.

Въ Варшавѣ все громче и рѣзче высказывались неудовольствія противъ майской конституціи. Самое сильное неудовольствіе возбуждено было мѣрою, предпринятою для увеличенія финансовыхъ

средствъ: рѣшено было отобрать староства [1]) и продавать ихъ. Двое первостепенныхъ вельможъ стали во главѣ недовольныхъ майскимъ переворотомъ: Феликсъ Потоцкій, генералъ артиллеріи коронной, и Ржевускій, гетманъ польный коронный. Осенью они отправились въ Молдавію къ Потемкину хлопотать о русской помощи. Потемкинъ умеръ: они обратились къ Безбородко, ведшему въ Яссахъ мирные переговоры съ Турціею. Къ нимъ присоединился и великій гетманъ Браницкій, отправившійся въ Россію подъ предлогомъ полученія наслѣдства послѣ Потемкина. По всѣмъ провинціямъ Потоцкій и Ржевускій разослали письма съ обѣщаніемъ помочь націи возвратить ея старыя права и вольности; Ржевускій прислалъ формальный протестъ противъ конституціи 3-го мая, обращенный къ королю и Совѣту министровъ (Стражу). Сеймъ отнялъ у Потоцкаго и Ржевускаго ихъ должности; но это нисколько не помогло. Гроза приближалась. Скорый миръ у Россіи съ Турціей былъ несомнителенъ. Польское правительство перетрусилось, какъ нашалившее дитя, почуявъ приближеніе гувернера. Стали кланяться, заискивать у государыни, которую въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно оскорбляли: въ декабрѣ 1791 года отправили въ Петербургъ, въ очень учтивыхъ выраженіяхъ, увѣдомленіе о переворотѣ 3-го мая, тогда какъ другимъ Дворамъ это увѣдомленіе было послано давно,—Берлинскому на другой же день, 4 мая. Раздражили Россію въ угоду Пруссіи: такъ, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи найдутъ себѣ защиту отъ Россіи. Обратились къ Пруссіи съ просьбою рѣшительно объясниться насчетъ конституціи 3-го мая и подкрѣпить ее своимъ признаніемъ. Люкезини словесно объявилъ Станиславу-Августу отвѣтъ своего государя: «Его прусское величество сохранитъ дружбу свою къ республикѣ и намѣренъ исполнять всѣ обязательства, содержащіяся въ трактатѣ союза; но ни мало не будетъ вмѣшиваться въ то, что воспослѣдовало въ Польшѣ послѣ заключенія этого трактата». Эта декларація сильно встревожила Дворъ; а тутъ еще другая причина тревоги: Прусскій король запретилъ своимъ подданнымъ покупать въ Польшѣ староства [2]).

Наконецъ, 17 января 1792 г., получена была въ Варшавѣ страшная вѣсть о подписаніи въ Яссахъ мира между Россіею и Турціею. Въ то же время польскій министръ при Петербургскомъ Дворѣ, Деболи, доносилъ о своемъ разговорѣ съ вице-канцлеромъ Остерманомъ насчетъ увѣдомленія о майскихъ событіяхъ. Остерманъ сказалъ ему: «Я еще не говорилъ императрицѣ о сдѣланномъ вами сообщеніи, и, признаюсь, у меня едва ли достанетъ смѣлости говорить ей объ этомъ, ибо поляки слишкомъ долго медлили дать ей знать сюда о своей новой конституціи, о которой императрица узнала изъ газетъ. Ея величеству нечего вамъ отвѣчать. Польша объявила, что не хочетъ допускать никакой гарантіи; объявила, что хочетъ управляться сама собою безъ вмѣшательства какой бы то ни было державы: слѣдовательно Русскій Дворъ не можетъ подать вамъ никакого совѣта». Деболи прибавлялъ, что Россія, согласясь съ сосѣдними державами, не дастъ благопріятнаго отвѣта, и ожидаетъ только удобной минуты, чтобъ обратить свое оружіе противъ Польши. Это донесеніе такъ поразило короля, что онъ упалъ въ обморокъ. Со всѣхъ сторонъ непріятныя вѣсти: въ Берлинѣ оказываютъ большую холодность; въ Дрезденѣ курфирстъ вовсе не спѣшитъ принять опасный даръ—наслѣдство Польской короны, дѣлаетъ безконечныя возраженія, выставляетъ формальности; въ Вѣнѣ видимо хитрятъ, покажутъ надежду, которая вдругъ исчезнетъ; ясно одно,—что императоръ не отступится отъ союза съ Россіею и не побѣжитъ за мечтою. Надобно защищаться однимъ, надобно готовиться къ войнѣ; но гдѣ средства, а главное,—гдѣ привычка къ такому образу дѣйствія? Военные недовольны, жалуются на приказанія Войсковой Коммисіи, кричатъ противъ тиранства. Янъ Потоцкій, возвратясь изъ Краснаго Става (подъ Люблиномъ), разсказываетъ о худомъ состояніи войскъ, о ихъ ропотѣ. Князь Іосифъ Понятовскій, назначенный главнокомандующимъ, не хочетъ принять начальства, прежде нежели дадутъ ему все нужное [3]).

А тутъ еще на рукахъ тяжелое дѣло о епископѣ Викторѣ и русскихъ священникахъ, обвиненныхъ въ подстрекательствѣ къ бунту. Въ началѣ 1792 года король созвалъ разъѣхавшихся членовъ слѣдственной коммисіи и приказалъ имъ поспѣшить окончаніемъ дѣла. Опять допрошены были епископъ и священники,—и опять ничего нельзя было вывести преступнаго изъ ихъ показаній. Какъ быть? Какой дать оборотъ дѣлу; какъ привязаться къ тому, чтобъ не имѣть въ Польшѣ архіерея, зависящаго отъ Россіи? Оправдать Виктора—значитъ признаться въ сдѣланной ему несправедливости и отнять у себя способъ отдалить его отъ епархіи; а осудить, выслать изъ Польши—не за что! Сдѣлали запросъ епископу: зачѣмъ онъ въ разныхъ случаяхъ искалъ покровительства русскаго посла, какъ это оказалось изъ его бумагъ? Викторъ отвѣчалъ, что онъ слѣдовалъ общему обыкновенію, видя, что не только сенаторы и вельможи, но и самъ король находилъ это нужнымъ [4]).

Между тѣмъ Феликсъ Потоцкій и Ржевускій явились въ Петербургѣ съ просьбою о помощи для возстановленія стараго порядка. Мы видѣли, что уже давно было рѣшено: оставаться въ покоѣ до

---

[1]) Государственныя имущества, раздававшіяся въ пользованіе знати.
[2]) Булгаковъ Остерману $^{15}/_{26}$ января 1792 г.

[3]) Булгаковъ Остерману $^{18}/_{26}$ января, $^{4}/_{15}$ февраля.
[4]) Булгаковъ Остерману $^{6}/_{17}$ марта.

тѣхъ поръ, пока сами поляки не потребуютъ помощи для возстановленія конституціи, гарантированной Россіею [1]). 9 марта отправлено было приказаніе Булгакову выйти изъ прежняго недѣятельнаго положенія, обѣщать приверженцамъ старины помощь Россіи. Булгаковъ прислалъ два списка;—первый заключалъ имена тѣхъ, на которыхъ уже теперь можно было положиться; здѣсь было 15 сенаторовъ и 36 пословъ сеймовыхъ (депутатовъ); сенаторы были: 1) епископъ Инфляндскій Косаковскій, 2) епископъ Жмудскій Гедройцъ, 3) воевода Сирадскій Валевскій, 4) кастелянъ Троцкій Платеръ, 5) воевода Витепскій Косаковскій, 6) воевода Мазовецкій Малаховскій, 7) воевода Мстиславскій Хоминскій, 8) гетманъ коронный Браницкій, 9) великій канцлеръ коронный Малаховскій, 10) маршалъ надворный коронный Рачинскій, 11) кастелянъ Войницкій Ожаровскій, 12) кастелянъ Гнѣзенскій Мясковскій, 13) кастелянъ Инфляндскій Косаковскій, 14) кастелянъ Премышльскій князь Антонъ Четвертинскій, 15) кастелянъ Любачевскій Рышевскій.—Второй списокъ заключалъ имена лицъ, которыя, будучи недовольны дѣйствіями сейма, присоединятся къ первымъ, какъ скоро увидятъ хоть малую надежду на успѣхъ; здѣсь было 19 сенаторовъ и 20 пословъ. Булгаковъ писалъ при этомъ, что епископъ Косаковскій, канцлеръ Малаховскій, маршалъ Рачинскій и кастелянъ Ожаровскій могутъ направлять всѣмъ дѣломъ, на нихъ твердо можно положиться: люди опытные, съ связями и кредитомъ въ Польшѣ, и съ самаго начала движенія не переставали отличаться преданностію къ Россіи. Начать ниспроверженіе новой формы правленія въ Варшавѣ было невозможно, по мнѣнію Булгакова: «Вся сила, всѣ способы обольщенія, наградъ, обѣщаній, угрозъ, наказаній, однимъ словомъ,—казна, войско, суды находятся въ полной зависимости господствующей факціи. При наималѣйшемъ здѣсь покушеніи или сопротивленіи всѣхъ ихъ сомнутъ. Сіе самое заставляетъ всѣхъ недовольныхъ пребывать въ молчаніи до способнаго времени не только здѣсь, но и по провинціямъ, гдѣ ихъ, по моимъ свѣдѣніямъ, весьма много, безъ вступленія въ Польшу сильнаго войска не можно ни къ чему открытымъ образомъ приступить» [2]).

Деболи продолжалъ извѣщать свое правительство о враждебныхъ намѣреніяхъ Петербургскаго Двора, и господствующая факція сильно хлопотала объ усиленіи средствъ къ защитѣ: сеймъ все болѣе и болѣе увеличивалъ власть короля, который самъ сбирался командовать войскомъ. Столько лѣтъ толковали о слабости, безхарактерности короля,—теперь все забыли, не умѣли вникнуть въ смыслъ этихъ словъ: «Станиславъ-Августъ—диктаторъ! Станиславъ-Августъ—военачальникъ»! Послали занимать деньги въ Голландіи, генераловъ и офицеровъ выписывали изъ Пруссіи. Толковали о самыхъ сильныхъ мѣрахъ: о поголовномъ вооруженіи (посполитое рушеніе), объ освобожденіи крестьянъ. Хотѣли дѣйствовать на Бѣлоруссію, на тамошнихъ крестьянъ. Игнатій Потоцкій предложилъ въ Коммисіи Полиціи перевесть и напечатать на русскомъ языкѣ конституцію 3-го мая и разослать по русской границѣ; въ Вильнѣ печатались прокламаціи для возмущенія русскихъ крестьянъ. Игнатій Потоцкій приходилъ въ восторгъ, что такъ легко исполняются его преобразовательные замыслы, говорилъ: «Поляки такъ добры, что, несмотря на ихъ набожность и суевѣріе, я берусь заставить ихъ перемѣнить религію, если это будетъ необходимо.» Иногда впрочемъ эти восторги и самонадѣянность реформатора смѣнялись грустными размышленіями: новый военачальникъ, Станиславъ-Августъ, обнаруживалъ безпокойство, во дворцѣ господствовалъ паническій страхъ. Боялись внутренней немощи, разврата, легкости, съ какою можно было подкупать поляковъ; боялись ложныхъ братій, которые ждали первой минуты, чтобъ заговорить: «Вы навлекли на насъ войну съ вашею прекрасною конституціею; мы жили такъ счастливо и спокойно безъ нея». Игнатій Потоцкій говорилъ: «Мы не боимся войны, но боимся легкости, съ какою Россія можетъ сдѣлать контръ-революцію, особенно теперь, когда столько недовольныхъ. Религія—готовое орудіе въ рукахъ Русской императрицы, которымъ она можетъ поднять нашихъ украинскихъ крестьянъ и заставить ихъ биться противъ насъ.» 3-го мая хотѣли праздновать годовщину революціи заложеніемъ церкви во имя *Промысла Божія*. Когда узнали, что проповѣдь поручена говорить епископу [3]) Малиновскому, то прислали ему безыменное письмо, въ которомъ предлагали слѣдующій текстъ для проповѣди изъ книги Бытія: «И сниде Господь видѣти градъ и столпъ, его же созидаша сынове человѣчестіи... И разсѣя ихъ оттуда Господь по лицу всея земли: и престаша зиждуще градъ и столпъ». Былъ еще другой пророкъ, который восторженнымъ, поэтическимъ языкомъ также предсказывалъ разрушеніе града и столпа: то былъ маркизъ Люкезини. «Громъ гремитъ вдалекѣ», говорилъ онъ: «небо омрачается со стороны Борисѳена, гроза приближается и ясность 3-го мая исчезнетъ навсегда» [4]).

Гроза приблизилась: $^{19}/_{30}$ апрѣля Булгаковъ получилъ отъ своего Двора извѣщеніе, что между $^{1}/_{12}$ и $^{10}/_{22}$ мая русское войско, подъ началь-

[1]) Записки Храповицкаго, 7 марта: Разсматривая почту московскую, сказали, что „устали, никогда столько дѣлъ не было. Да еще пріѣздъ Потоцкаго и Ржевускаго время занимаетъ. Какъ ихъ не принять? Одинъ 30 лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ; а другой, изъ непріятеля, по обстоятельствамъ, сдѣлался намъ другъ, потому что Польская республика не можетъ устоять противъ Россіи. По польскимъ дѣламъ есть одинъ изъ самыхъ неблагодарныхъ... c'est le roi“.

[2]) Булгаковъ императрицѣ 31 марта (11 апрѣля) 1792.

[3]) In partibus infidelium

[4]) Булгаковъ императрицѣ $^{12}/_{23}$ апрѣля, $^{6}/_{17}$ мая.

ствомъ генерала Коховскаго, вступить въ Польшу; одновременно съ вступленіемъ русскихъ полковъ образуется на границахъ конфедерація для возстановленія стараго порядка вещей; маршаломъ конфедераціи будетъ Феликсъ Потоцкій. Около этого же времени Булгаковъ долженъ подать польскому правительству декларацію императрицы. Онъ ее подалъ $^{7}/_{18}$ мая. Въ декларации говорилось, что честолюбцы, недовольные настоящимъ своимъ положеніемъ, представили русскую гарантію, какъ тяжкое и постыдное иго, тогда какъ величайшія государства, между прочимъ Германія, ищутъ подобныхъ гарантій, какъ самаго крѣпкаго основанія для своихъ владѣній и независимости; описывалось, съ какими насиліями былъ произведенъ переворотъ 3-го мая; исчислялись оскорбленія, нанесенныя Россіи виновниками переворота: настояли, чтобъ русскія войска и магазины были удалены изъ польскихъ владѣній; мало того: предъявили притязанія на пошлины при провозѣ чрезъ Днѣстръ запасовъ, которые были закуплены у польскихъ землевладѣльцевъ, къ великой выгодѣ послѣднихъ. Подданные императрицы, находившіеся въ Польшѣ по дѣламъ торговымъ, были злостно обвинены въ возбужденіи мѣстныхъ жителей къ бунту; были, подъ этимъ предлогомъ, схвачены и брошены въ тюрьмы. Судьи, не находя никакихъ слѣдовъ преступленія, прибѣгали къ пыткамъ, чтобъ вынудить признаніе, и, вынудивши его, приговаривали несчастныхъ къ смертной казни. Жители православнаго греческаго исповѣданія подверглись преслѣдованію. Епископъ Переяславскій, подданный императрицы, несмотря на свой санъ и чистоту нравовъ, былъ схваченъ и отвезенъ въ Варшаву, гдѣ и теперь находится въ тяжкомъ заключеніи. Народное право не было соблюдено и въ отношеніи къ послу императрицы: солдаты вторглись въ его домовую церковь и схватили священника. Отправили чрезвычайное посольство въ Турцію, находившуюся въ открытой войнѣ съ Россіею, чтобъ предложить ей союзъ противъ Россіи. Въ сеймовыхъ рѣчахъ не сохранено надлежащаго уваженія къ особѣ императрицы. Эти оскорбленія, не считая опущенныхъ для краткости, могутъ вполнѣ оправдать предъ Богомъ и государствами самое сильное возмездіе. Но императрица не хочетъ смѣшивать всего польскаго народа съ извѣстною его частію. Большое число поляковъ, знаменитыхъ происхожденіемъ, саномъ и личными достоинствами, составили законную конфедерацію противъ незаконной Варшавской, и прибѣгли съ просьбою о помощи къ императрицѣ, которая сочла себя обязанною трактатами подать имъ эту помощь, и приказала части войскъ своихъ войти во владѣнія республики. Они являются друзьями, чтобъ содѣйствовать возстановленію старинныхъ правъ и вольностей польскихъ. Тѣ, которые примутъ ихъ въ этомъ значеніи, получатъ, кромѣ совершеннаго забвенія прошедшаго, всякаго рода помощь и безопасность, какъ для себя лично, такъ и для имуществъ своихъ [1]).

Декларація произвела сильное волненіе. Немедленно созванъ былъ *Стражъ* (Совѣтъ министровъ); черезъ день декларацію прочли на сеймѣ; король говорилъ рѣчь: «Вы видите, господа, съ какимъ презрѣніемъ въ этомъ актѣ отзываются не только о вашемъ дѣлѣ 3-го мая, но и обо всѣхъ вашихъ прежнихъ постановленіяхъ. Вы видите усилія, съ какими хотятъ разрушить до основанія власть и самое существованіе настоящаго сейма, уничтожить въ то же время всю нашу независимость. Вы видите, что наши соотечественники, которые противятся волѣ и благу отечества, получили открыто помощь. Вы видите наконецъ, что цѣлой націи дѣлаютъ самыя гордыя угрозы, а чрезъ это видите явное наступательное движеніе на насъ со стороны Россіи. Вы видите, что мы, съ своей стороны, должны необходимо позаботиться о всѣхъ возможныхъ средствахъ для защиты и спасенія отечества. Средства эти двухъ родовъ: средства перваго рода заключаютъ въ себѣ все то, къ чему могутъ побудить храбрость и отвага. Все, что вы постановите въ этомъ отношеніи, я одобрю, мало того,—явлюсь лично всюду, гдѣ мое присутствіе будетъ полезно или для приданія духу въ опасностяхъ, или для лучшаго направленія вашихъ силъ. Втораго рода средства для нашего спасенія заключены въ негоціяціяхъ. Прежде всего мы должны обратиться къ нашему союзнику, королю Прусскому. Вспомните, что, съ самаго начала настоящаго сейма, всѣ самыя важныя распоряженія ваши были предприняты по внушенію и совѣтамъ его прусскаго величества, именно: наше освобожденіе отъ русской гарантіи, посольство въ Турцію, выводъ изъ нашихъ владѣній магазиновъ и войскъ русскихъ. Тотъ же нашъ великодушный сосѣдъ выразилъ желаніе, чтобъ мы учредили у себя твердое правительство, на основаніи котораго онъ хотѣлъ упрочить свой союзъ съ нами. Вслѣдствіе этого союза, торжественно обѣщалъ намъ сначала посредничество (bona officia), а потомъ и дѣйствительную помощь, въ случаѣ, если посредничество не приведетъ къ желанному результату, не прикроетъ нашей независимости и нашихъ границъ»! Взаключеніе рѣчи король изъявилъ надежду, что и Русская императрица, узнавши лучше истину, затемненную Феликсомъ Потоцкимъ съ товарищами, откажется отъ своихъ враждебныхъ намѣреній» [2]).

Принялись за средства перваго рода: удвоили всѣ подати, платимыя въ казну, что могло увеличить доходы до 18 милліоновъ; приняли проектъ универсала къ народу съ изложеніемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ и причинъ, почему сеймъ продолжается на неопредѣленное время; учреж-

---

[1]) Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne, par le comte d'Angeberg, p. 274.

[2]) Булгаковъ Остерману $^{12}/_{28}$ мая.

денъ чрезвычайный сеймовый судъ изъ пяти человѣкъ; дана власть королю распоряжаться всеобщимъ вооруженіемъ въ каждомъ воеводствѣ и повѣтѣ, когда увидитъ въ томъ надобность; дано королю два милліона злотыхъ на столъ и на приготовленія къ походу. Депутація, разсматривавшая дѣло о мнимыхъ бунтахъ православнаго народонаселенія, читала свой докладъ и мнѣніе: положено—епископа Переяславскаго и игумна держать до дальнѣйшаго времени, а двоихъ другихъ захваченныхъ выпустить [1]). 13 мая по всей Варшавѣ по улицамъ прибито было печатное объявленіе, неизвѣстно отъ кого, приглашавшее рѣзать всякаго, кто говорилъ, писалъ, противился или впередъ будетъ это дѣлать противъ конституціи 3-мая, съ обѣщаніемъ награды всякому такому убійцѣ. Полиція сорвала объявленія. Разставленные повсюду шпіоны и угрозы тѣмъ, кто отважится бывать у русскаго посла, прервали сообщенія Булгакова съ цѣлымъ городомъ, такъ-что онъ писалъ: «Теперешняя моя жизнь походитъ совершенно на едикульскую». Послано приказаніе жечь хлѣбныя скирды повсюду, гдѣ пойдутъ русскія войска [2]).

Въ то же время было употреблено и средство втораго рода: обратились къ великодушному союзнику, королю Прусскому. Мы уже видѣли, какой вѣтеръ подулъ въ Берлинѣ съ начала весны. Шуленбургъ, завѣдывавшій внѣшними сношеніями Пруссіи, 24 апрѣля пригласилъ къ себѣ Алопеуса и началъ его увѣрять, что король никоимъ образомъ не будетъ препятствовать дѣйствіямъ ея императорскаго величества въ Польшѣ; желательно одно, чтобъ въ Петербургѣ вошли въ подробности насчетъ того, что намѣрены дѣлать, открылись искренне, потому что тутъ множество предметовъ, заслуживающихъ внимательнаго обсужденія; возстановить въ Польшѣ совершенно старый порядокъ трудно, чтобъ не сказать невозможно. Взиманіе налоговъ, напримѣръ, совершенно перемѣнило прежній характеръ: вся шляхта согласилась платить наравнѣ съ остальнымъ народонаселеніемъ. Необходимо сосѣднимъ державамъ условиться, какъ дѣйствовать въ томъ случаѣ, если поляки рѣшатся на отчаянныя средства, напримѣръ, вздумаютъ отдаться одному изъ сосѣдей, на что, разумѣется, другіе сосѣди никакъ не могутъ согласиться [3]).

Алопеусъ доносилъ [4]) о сильной тревогѣ въ Берлинѣ, когда узнали, что русскія войска готовы вступить въ Польшу, а между тѣмъ не послѣдовало никакого соглашенія между сосѣдними державами. Министры англійскій и голландскій начали сильно кричать противъ властолюбивыхъ намѣреній Россіи. Вѣнскій Дворъ, негодуя на сближеніе Россіи съ Пруссіею, былъ также не прочь понапугать Фридриха-Вильгельма II-го. «Но я отвѣчаю», писалъ Алопеусъ, «что все это не поведетъ ни къ чему, если мы подкрѣпимъ графа Шуленбурга. Онъ преданъ Россіи по принципу и по убѣжденію. Онъ даже вотъ что мнѣ сказалъ: «Было бы очень хорошо, еслибъ вашъ дворъ изъявилъ желаніе, чтобъ для заключенія союза отправленъ былъ въ Петербургъ Бишофсвердеръ: польщенный этимъ порученіемъ и обласканный у васъ, онъ сдѣлается вашимъ». Придумали средство подойти поближе къ цѣли: Шуленбургъ сказалъ Алопеусу: «Я буду писать къ графу Гольцу, что со всѣхъ сторонъ намъ даютъ знать, будто императрица хочетъ соединить дѣла польскія съ французскими; я не понимаю, что это значитъ, и потому пусть графъ Гольцъ попроситъ у вашего вице-канцлера объясненій» [5]).

Въ это самое время, когда въ Берлинѣ хотѣли соединить дѣла польскія съ французскими, т. е. за Французскую войну получить вознагражденіе насчетъ Польши, и послали въ Петербургъ предложить эту мысль, какъ будто идущую изъ Петербурга,—въ это самое время пріѣзжаетъ въ Берлинъ Игнатій Потоцкій съ письмомъ отъ своего короля къ великодушному союзнику. Станиславъ-Августъ писалъ: «Я пишу въ то время, когда все налагаетъ на меня обязанность защищать независимость и владѣнія Польши. Тѣ и другія подверглись нападенію со стороны ея величества, императрицы Россійской. Если союзъ, существующій между вашимъ величествомъ и Польшею, даетъ право обратиться къ вамъ за помощію, то мнѣ существенно важно знать, какимъ образомъ вашему величеству угодно будетъ исполнить свои обязательства. Положительныя свѣдѣнія о чувствахъ вашего величества такъ же необходимы для моего поведенія, какъ необходимы ваши войска для моихъ успѣховъ. Среди безпокойствъ и страданій, я утѣшаюсь тѣмъ, что стою за святое дѣло и опираюсь на союзника, самаго почтеннаго и самаго вѣрнаго въ глазахъ современниковъ и потомства».

Потоцкій привезъ слѣдующій отвѣтъ отъ вѣрнаго союзника: «Изъ письма вашего величества съ сожалѣніемъ вижу тѣ затрудненія, въ какія теперь поставлена республика Польская; но скажу откровенно, что ихъ легко было предвидѣть послѣ того, что произошло въ Польшѣ годъ тому назадъ. Вспомните ваше величество, что не одинъ разъ маркизу Люкезини поручаемо было передавать вамъ мои справедливыя опасенія на этотъ счетъ. Съ той минуты, какъ возстановленіе общаго спокойствія въ Европѣ позволяло мнѣ объясниться, и съ тѣхъ поръ, какъ императрица Россійская обнаружила рѣшительно свою враждебность къ новому порядку вещей, установленному революціею 3-го мая, мой образъ мыслей и языкъ моихъ министровъ никогда не измѣнялись, и, взирая спо-

[1]) Булгаковъ Остерману $^{19}/_{30}$ мая.
[2]) Булгаковъ Остерману $^{15}/_{26}$ мая.
[3]) Алопеусъ Остерману 24 апрѣля (5 мая).
[4]) Алопеусъ Безбородку 27 апрѣля (8 мая).

[5]) Алопеусъ Остерману $^{8}/_{19}$ мая.

койнымъ окомъ на новую конституцію, которую дала себѣ республика, безъ моего вѣдома и содѣйствія, я никогда не думалъ ее поддерживать или ей покровительствовать. Напротивъ, я предсказывалъ, что угрожающія мѣры и военныя приготовленія, къ которымъ не переставалъ прибѣгать сеймъ, непремѣнно вызовутъ враждебное чувство со стороны императрицы Россійской и навлекутъ на Польшу бѣдствія, которыхъ думали избѣгнуть. Не будь этой новой правительственной формы, не выкажи республика усилій для ея поддержанія,—Русскій Дворъ не рѣшился бы на тѣ сильныя мѣры, которыя онъ теперь приводитъ въ исполненіе. Какова бы ни была дружба, питаемая мною къ вашему величеству, и участіе, принимаемое мною во всемъ, до него касающемся, оно пойметъ само, что вслѣдствіе совершенной перемѣны дѣлъ со времени заключенія союза между мною и республикою, и вслѣдствіе настоящихъ отношеній, созданныхъ конституціею 3-го мая, и неприложимыхъ къ обязательствамъ, въ трактатѣ постановленнымъ, отъ меня не зависитъ удовлетворить ожиданіямъ вашего величества, если намѣренія патріотической партіи остаются тѣ же самыя, и если она непремѣнно хочетъ поддержать свое созданіе. Но если она захочетъ возвратиться назадъ, обращая вниманіе на затрудненія, возникающія со всѣхъ сторонъ, то я буду готовъ снестись съ императрицею и съ Вѣнскимъ Дворомъ, постараюсь примирить различные интересы и согласить относительно мѣръ, могущихъ возвратить Польшѣ спокойствіе».

Патріотическая партія не захотѣла возвращаться назадъ, разрушать собственное созданіе: она попыталась безъ союзника помѣриться съ Россіею. Польша могла выставить въ поле не болѣе 45,000 войска, большая часть котораго находилась на Украйнѣ, подъ начальствомъ племянника королевскаго, князя Іосифа Понятовскаго, находившагося прежде въ австрійской службѣ и начавшаго свое военное поприще въ послѣдней войнѣ австрійцевъ съ турками. Второстепенными вождями при немъ были: Михаилъ Віельгорскій и Ѳаддей Косцюшко, который воспитывался въ варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ былъ во французской и американской службѣ. Другая, меньшая часть польской арміи находилась въ Литвѣ, подъ начальствомъ генерала Юдицкаго. Русскія войска, въ числѣ около 100,000, должны были войти въ польскія владѣнія съ трехъ сторонъ: съ юга, востока и сѣвера. Южная армія, закаленная въ Турецкой войнѣ, двигалась изъ Бессарабіи, подъ начальствомъ генерала Коховскаго. Тотчасъ по вступленіи ея въ польскія владѣнія, въ маленькомъ украинномъ городкѣ Тарговицѣ образовалась конфедерація для возстановленія стараго порядка вещей; Феликсъ Потоцкій былъ провозглашенъ ея генеральнымъ маршаломъ, Браницкій и Ржевускій—совѣтниками; къ нимъ присоединились Антонъ Четвертинскій, Юрій Віельгорскій, Мошинскій, Сухоржевскій (знаменитый сначала своими выходками противъ Россіи на сеймѣ, а потомъ своимъ сопротивленіемъ конституціи 3-го мая), Злотницкій, Загорскій, Кобылецкій, Швейковскій и Гулевичъ. Война состояла въ томъ, что польскія войска постоянно отступали передъ русскими. Значительная битва была, въ началѣ іюня, при деревнѣ Деревичи, недалеко отъ Любара, гдѣ потерпѣлъ пораженіе Віельгорскій. Второй упорный бой былъ при Зеленцѣ (недалеко отъ Полоннаго); здѣсь генералъ Марковъ, несмотря на превосходное число непріятеля, удержалъ поле сраженія. Въ Литву русскія войска вступили подъ начальствомъ генерала Кречетникова, и не встрѣчали сопротивленія; 31 мая занята была Вильна, гдѣ съ торжествомъ была провозглашена литовская конфедерація для возстановленія старины; 25 іюня былъ занятъ Гродно, а на другой день, 26, Коховскій занялъ Владиміръ-Волынскій; въ началѣ іюля перешелъ онъ Бугъ и выбилъ Косцюшко изъ неприступнаго положенія его при Дубенкѣ (или Ухапкѣ), между Бугомъ и австрійскою границею.

Это было послѣднее дѣло. Въ Варшавѣ давно уже увидали, что дѣло проиграно, и спѣшили просить прощенія у Россіи. 7 іюля, ночью, пріѣхалъ къ Булгакову Литовскій вице-канцлеръ Хрептовичъ отъ имени короля просить о перемиріи. Булгаковъ отвѣчалъ: «Перемиріе отъ меня не зависитъ и мѣста имѣть не можетъ прежде, нежели здѣсь совершенно во всемъ прежнемъ раскаются, поданную мною декларацію примутъ за основаніе всему, чистосердечно и съ доброю вѣрою прибѣгнутъ къ великодушію ея императорскаго величества». Хрептовичъ объявилъ, что сейчасъ же отправляются къ князю Понятовскому два королевскіе адъютанта съ приказаніемъ отступать для избѣжанія сраженій и предложить русскому главнокомандующему перемиріе. Наконецъ Хрептовичъ признался, что присланъ къ Булгакову за совѣтомъ: что имъ дѣлать. Посолъ отвѣчалъ: «Я не могу въ формальные переговоры вступать иначе, какъ въ смыслѣ деклараціи, которую прежде всего надлежитъ вамъ принять за основаніе; а ежели хотите имѣть ко мнѣ довѣренность, то единый совѣтъ могу вамъ дать тотъ, чтобы прибѣгнули, не теряя времени, къ великодушію ея императорскаго величества. Но и въ этомъ случаѣ нужны нелицемѣрное чистосердечіе и добрая вѣра, безъ которыхъ ничто прочно быть не можетъ». Хрептовичъ объявилъ, что не только король, но и маршалъ Малаховскій, Коллонтай и другіе главные зачинщики зла согласны прибѣгнуть къ великодушію императрицы: «Мы сами всѣ видимъ», говорилъ Хрептовичъ, «что нѣтъ другого для насъ спасенія, какъ я всегда это твердилъ, предсказывалъ и подвергался за то злобѣ и гоненію. Намѣреніе и желаніе короля и всѣхъ истинно любящихъ отечество поляковъ есть: предложить Польскій тронъ съ наслѣдствомъ для великаго князя Константина Павловича, съ прось-

бою къ ея императорскому величеству учредить новое и прочное правленіе для Польши. Ежели это предложеніе не будетъ соотвѣтственно желаніямъ ея императорскаго величества или встрѣтитъ какія политическія неудобства, мы удовольствуемся и тѣмъ, чтобы соблаговолили выбрать намъ государя при нынѣшнемъ королѣ, кого заблагоразсудить изволятъ. Ежели и это ея императорское величество отвергнетъ, то просимъ заключить союзъ съ Польшею вѣчный или временный, на какомъ угодно основаніи. Ежели и это не удостоится высочайшей аппробаціи, то просимъ поправить нашу форму правленія, выбросить изъ нея то, что неугодно, внести—что угодно. Наконецъ, ежели и это не понравится, то предаемся неограниченно волѣ ея императорскаго величества и желаемъ, чтобъ Польша и Россія составляли впредь, такъ сказать, единый народъ». Булгаковъ отвѣчалъ: «Вотъ это всего лучше, и надобно составить новый сеймъ съ помощію начавшейся новой генеральной конфедераціи». Хрептовичъ прервалъ его: «Этого-то мы и боимся: кто будетъ въ новомъ сеймѣ?—все тѣ же поляки, тѣ же вражды, тѣ же злобы, тѣ же мщенія, то же легкомысліе, безразсудность, несообразность, личность, собственный интересъ. Они слѣдовательно могутъ надѣлать конституцій еще нынѣшней хуже, и, для избѣжанія этого, желаемъ мы, чтобъ ея императорское величество соблаговолила сама поправить форму правленія и намъ ее дать готовую».—«Опасаться нечего», отвѣчалъ Булгаковъ: «конфедерація составлена подъ покровительствомъ и съ помощію ея императорскаго величества: слѣдовательно, надлежитъ надѣяться, что не выступитъ изъ предѣловъ, которые сама себѣ предписала; впрочемъ, россійскій здѣсь министръ будетъ имѣть за нею смотрѣніе и не попуститъ, чтобъ будущій сеймъ уподобился нынѣшнему. Чрезвычайно было бы полезно, еслибы его величество препроводилъ всѣ эти предложенія письмомъ къ ея императорскому величеству, не краснословіемъ, но искренностію наполненнымъ».

10 числа Хрептовичъ привезъ къ Булгакову письмо королевское къ императрицѣ, запечатанное, копію съ него и записку, содержащую предложенія; но все это было очень кратко, темно и поверхностно. Булгаковъ сказалъ Хрептовичу наотрѣзъ, что эти бумаги не заключаютъ въ себѣ того, что было условлено, и потому не могутъ произвести дѣйствія, какого ожидаетъ отъ нихъ король. Все это было перепутано, какъ выражается Булгаковъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, который хотя и согласился на то, чтобъ король вошелъ въ сношенія съ императрицею, однако совѣтовалъ не забывать достоинства республики и равенства ея съ другими державами, которое они, Потоцкій съ товарищами, ей доставили. Увидавъ неудовольствіе посла, Хрептовичъ тотчасъ объявилъ, что король перемѣнитъ письмо, какъ будетъ угодно Булгакову.—«Я совѣтую держаться того, какъ мы съ вами условились», отвѣчалъ Булгаковъ. Хрептовичъ уѣхалъ и, чрезъ нѣсколько часовъ, возвратился съ черновымъ, совершенно новымъ письмомъ. Булгаковъ сдѣлалъ на него нѣкоторыя примѣчанія, Хрептовичъ поправилъ отмѣченныя мѣста, и на другой день прислалъ пакетъ съ копіею, прося переслать письмо къ императрицѣ съ своими представленіями о настоящемъ положеніи польскаго правительства и о чистосердечномъ намѣреніи короля искать спасенія только въ покровительствѣ императрицы. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Я объяснюсь откровенно, потому что пишу къ вамъ. Удостойте прочесть мое письмо благосклонно и безъ предубѣжденія. Вамъ нужно имѣть вліяніе въ Польшѣ; вамъ нужно безпрепятственно проводить чрезъ нее свои войска всякій разъ, какъ вамъ угодно будетъ заняться или турками, или Европою. Намъ нужно освободиться отъ безпрестанныхъ революцій, къ которымъ подаетъ поводъ каждое междуцарствіе, когда всѣ сосѣди вмѣшиваются въ наши дѣла, вооружая насъ самихъ другъ противъ друга. Сверхъ того, намъ нужно внутреннее правленіе болѣе правильное, чѣмъ прежде. Теперь удобная минута согласить все это. Дайте мнѣ въ наслѣдники своего внука, великаго князя Константина; пусть вѣчный союзъ соединитъ обѣ страны; заключимъ и торговый договоръ взаимно полезный. Сеймъ далъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ. Поэтому я умоляю васъ согласиться на это перемиріе какъ можно скорѣе,—и я вамъ отвѣчаю за остальное, если вы мнѣ дадите время и средства. Здѣсь теперь произошла такая перемѣна въ образѣ мыслей, что предложенія мои, вамъ сдѣланныя, принимаются, быть можетъ, съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ все совершенное на этомъ сеймѣ. Но я не долженъ отъ васъ скрыть, что если вы настойчиво потребуете всего того, что содержитъ ваша декларація, то не во власти моей будетъ совершить все то, чего я такъ желаю. Еще разъ умоляю васъ, не отвергайте моей просьбы, дайте намъ поскорѣе перемиріе, и смѣю повторить, что все, предложенное мною, будетъ принято и исполнено націею, если только вы удостоите одобрить средства, мною предложенныя».

Отправляя въ Петербургъ королевское письмо, Булгаковъ доносилъ: «Перемѣна мыслей въ самыхъ запальчивыхъ головахъ велика. Всѣ теперь кричатъ, что надлежитъ къ Россіи прибѣгнуть, всѣ вопіютъ на короля Прусскаго, всѣ почти упрекаютъ Потоцкихъ и другихъ начальниковъ факціи, что погубили они Польшу, а сіи извиняются тѣмъ, что хотѣли сдѣлать добро, что обстоятельства тому воспротивились и что Прусскій король измѣнилъ» [1].

Но *факція* обнаруживала еще свое существованіе, хотя въ предсмертныхъ, судорожныхъ движе-

[1] Булгаковъ императрицѣ $^{11}/_{22}$ іюня.

ніяхъ: Переяславскаго епископа Виктора отправили съ конвоемъ въ Ченстоховъ, для содержанія въ тамошней крѣпости. Разглашали: что англичане и французы возбудили Порту опять начать войну съ Россіею; что турки взяли уже Очаковъ; что 50,000 татаръ вошли въ русскія границы. Появилось печатное сочиненіе, побуждающее короля ко всеобщему вооруженію (посполитому рушенію). Король, понуждаемый Игнатіемъ Потоцкимъ съ товарищами, выдалъ универсалъ по всѣмъ цивильно-войсковымъ коммисіямъ, чтобъ высылали въ лагерь, собранный подъ Варшавою, шляхту, вписавшуюся въ реестры на защиту государства; чтобъ снабдили всѣмъ нужнымъ начальниковъ надъ такими охотниками, и увѣщевали остальную шляхту приниматься за оружіе. Но большинство мало ожидало пользы отъ этого замаскированнаго посполитаго рушенія, если бы даже оно и состоялось: двѣ трети Польши заняты были уже русскими войсками, время упущено къ созванію шляхты и не принято никакихъ мѣръ къ ея прокормленію. У театра приклеили сатиру на лагерь подъ Варшавою: «Антрепренеры національной защиты будутъ имѣть честь дать печальной публикѣ представленіе новой оригинальной комедіи, сочиненной Варшавскимъ Военнымъ Совѣтомъ, подъ заглавіемъ: «Экспедиція противъ комаровъ, или смѣхотворный лагерь за Прагою»; затѣмъ непосредственно актеры нѣмецкіе и русскіе дадутъ большую трагедію подъ заглавіемъ: «Разрушеніе Польши». Такъ какъ послѣдняя пьеса стоитъ казнѣ около 20 милліоновъ, то входъ для публики безплатный».

Между тѣмъ Хрептовичъ продолжалъ ѣздить къ Булгакову и спрашивать у него совѣтовъ; между прочимъ, онъ сказалъ, что король намѣренъ собрать сеймъ, представить ему положеніе дѣлъ и распустить его. Булгаковъ отвѣчалъ, что ничего не можетъ быть вреднѣе для короля. Хрептовичъ согласился и предложилъ созвать senatus consilium. Булгаковъ отвѣчалъ, что если будетъ нужда, то это можетъ быть сдѣлано, когда конфедерація будетъ въ Варшавѣ; но главное, чтобъ король приступилъ къ конфедераціи. Потомъ Хрептовичъ спрашивалъ о тайномъ Совѣтѣ при королѣ: оставить ли прежній, придать ли къ нему, кого захочетъ онъ, посолъ, или составить совершенно новый и изъ кого? Булгаковъ отвѣчалъ, что лучше составить совершенно новый, и назвалъ имена лицъ, изъ которыхъ онъ долженъ состоять. Хрептовичъ объявилъ, что Малаховскій (сеймовый маршалъ) и Игнатій Потоцкій принуждали короля ѣхать въ лагерь, угрожая въ противномъ случаѣ издать противъ него манифестъ, и спрашивалъ, будетъ безопасенъ король, когда русскія войска придутъ въ Варшаву? Булгаковъ отвѣчалъ, что если король оставитъ Варшаву, то это будетъ побѣгъ; манифестъ пускай они пишутъ: онъ ничего не значитъ и имъ во вредъ обратится; для короля нѣтъ мѣста безопаснѣе Варшавы, когда русскія войска придутъ; но должно ему тогда тотчасъ подписать конфедерацію, чего онъ теперь, не подвергаясь явной опасности, сдѣлать еще не можетъ[1]).

Наконецъ былъ полученъ отвѣтъ императрицы (отъ $^2/_{13}$ іюля) на письмо королевское: Екатерина писала, что она обѣщала помогать конфедераціи, и исполнитъ свое обѣщаніе, и что король, не дожидаясь послѣдней крайности, долженъ приступить къ конфедераціи. Вице-канцлеръ Остерманъ сообщилъ Булгакову объясненія, почему предложенія королевскія не могутъ быть приняты: «Предложеніе наслѣдства Польскаго престола В. Князю Константину, когда императрица одною изъ главныхъ причинъ войны объявила намѣреніе свое возстановить прежній законъ республики относительно избирательности королей,—есть предложеніе, съ одной стороны, противное образу мыслей императрицы и видамъ ея относительно устройства своей фамиліи; съ другой—способное заподозрить ея безкорыстіе и потревожить довѣренность и согласіе, царствующее между нею и Дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ, въ особенности относительно дѣлъ польскихъ. Предлагается императрицѣ заключить союзный и торговый договоры: но она предполагаетъ ихъ постоянно существующими между Россіею и настоящею республикою Польскою, несмотря на безчисленныя нарушенія, сдѣланныя похитителями власти; предлагать заключить подобные трактаты—значитъ, стараться вовлечь императрицу въ сношенія съ похитителями власти; значитъ—хотѣть вынудить у нея нѣкоторое признаніе опасныхъ нововведеній, противъ которыхъ она вооружилась и которыя старается ниспровергнуть. Домогаться наконецъ у нея перемирія,—значитъ, хотѣть дать видъ, что война идетъ у государства съ государствомъ, тогда какъ на дѣлѣ этого нѣтъ: Россія въ искреннемъ и совершенномъ союзѣ съ настоящею республикою противъ ея внутреннихъ враговъ».

Булгаковъ былъ боленъ, когда получилъ бумаги изъ Петербурга, и потому не могъ самъ ѣхать къ королю. 11 іюля онъ призвалъ къ себѣ Хрептовича и пересказалъ ему содержаніе присланныхъ приказаній. Хрептовичъ записалъ для памяти сообщенное и признался, что въ настоящемъ печальномъ состояніи короля нужно его къ этому приготовить и что онъ приметъ мѣры вмѣстѣ съ княземъ-примасомъ. Переговоривъ съ послѣднимъ, Хрептовичъ подалъ королю письмо императрицы и сообщилъ обо всемъ, слышанномъ отъ Булгакова. Станиславъ-Августъ пришелъ въ отчаяніе и въ первомъ порывѣ приказалъ Хрептовичу ѣхать къ Булгакову, просить его отправить курьера къ императрицѣ съ донесеніемъ, что онъ, король, готовъ сложить корону, лишь бы новая конституція осталась въ цѣлости. Хрептовичъ замѣтилъ ему, что сложеніе короны не поможетъ конститу-

[1]) Булгаковъ Остерману $^{16}/_{29}$ іюня, $^{19}/_{30}$ іюня, 30 іюня (11 іюля), $^{7}/_{18}$ іюля.

ціи, и слѣдовательно онъ сдѣлаетъ только себѣ вредъ, а Польшѣ не поможетъ. Поуспокоившись, король послалъ Хрептовича къ Булгакову съ условіями, на которыхъ онъ согласенъ исполнить волю императрицы: 1) цѣлость владѣній республики; 2) сохраненіе арміи; 3) чтобъ конфедерація не судила обывателей чрезъ такъ называемые санциты; 4) чтобъ до прибытія ея король сохранялъ власть надъ скарбовою и войсковою коммисіями; 5) чтобъ обезпечены были сдѣланные республикою займы. Булгаковъ отвѣчалъ, что условія въ настоящемъ положеніи имѣть мѣста не могутъ; но, для успокоенія его в—ства, онъ скажетъ собственное свое мнѣніе: 1) цѣлость владѣній есть главный пунктъ деклараціи ея и. в—ства и акта генеральной конфедераціи; 2) вся польская армія едва ли составляетъ теперь 30,000 человѣкъ, т. е. именно такое число, которое было гарантировано Россіею, и потому безполезно говорить о ея сохраненіи; 3) конфедерація, будучи занята важнѣйшими государственными дѣлами, не будетъ имѣть времени упражняться въ санцитахъ, да и не осмѣлится, находясь подъ высочайшимъ покровительствомъ. Исполненіе четвертаго и пятаго пункта зависитъ отъ конфедераціи. Въ тотъ же день Станиславъ-Августъ прислалъ къ Булгакову проектъ письма, въ которомъ обѣщалъ приступить къ конфедераціи; посолъ, прибавя нѣсколько словъ, нашелъ письмо достаточнымъ.

Впослѣдствіи Станиславъ-Августъ поступалъ очень недобросовѣстно, утверждая, что ему обѣщана была цѣлость владѣній республики, и что только на этомъ условіи онъ приступилъ къ конфедераціи. Булгаковъ ему прямо объявилъ, что *условія имѣть мѣста не могутъ*, и потомъ прибавилъ свое собственное мнѣніе; но личное мнѣніе посла и обѣщаніе, данное правительствомъ,—двѣ вещи совершенно разныя.

На другой день, 12 числа, король созвалъ Совѣтъ министровъ, прочелъ письмо императрицы, представилъ настоящее положеніе дѣлъ и требовалъ мнѣнія каждаго. Князь-примасъ просилъ какъ можно скорѣе приступить къ конфедераціи, такъ какъ ни откуда никакой нѣтъ надежды. Великій маршалъ коронный Мнишекъ сказалъ, что онъ никогда не былъ согласенъ на новую форму правленія, тѣмъ болѣе теперь не желаетъ терять драгоцѣннаго времени. Великій маршалъ Литовскій Игнатій Потоцкій объявилъ, что признаетъ одну конфедерацію — Варшавскую, и всякая другая, хотя бы опиралась на пяти монархахъ, есть незаконная, и что онъ готовъ на всѣ несчастія. Великій канцлеръ коронный Малаховскій высказался въ сильныхъ выраженіяхъ, что, не теряя времени, сейчасъ же надобно вступить въ сношенія съ конфедераціею. Вице-канцлеръ коронный Коллонтай также изъявилъ согласіе на приступленіе къ конфедераціи. Вице-канцлеръ Литовскій Хрептовичъ просилъ не терять времени. Великій подскарбій Тишкевичъ сказалъ, что съ самаго начала былъ противникомъ конституціи 3 мая, и просилъ о приступленіи къ конфедераціи. Маршалъ надворный Литовскій Солтанъ говорилъ, что не надобно отчаяваться: храбрость народа можетъ поправить дѣло; указывалъ на примѣръ Голландіи, которая также находилась на краю гибели, но нашли способъ подняться. Подскарбій надворный коронный Островскій совѣтовалъ королю приступить къ конфедераціи, но о себѣ сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать по убѣжденію въ пользѣ конституціи 3-го мая. Подскарбій надворный Литовскій Дзяконскій соглашался на приступленіе къ конфедераціи. Маршалъ сеймовый коронный Малаховскій говорилъ, что съ бунтовщиками (тарговицкими конфедератами) и говорить не слѣдуетъ, но что можно продолжать негоціаціи прямо съ Петербургскимъ Дворомъ. Маршалъ сеймовый Литовскій Сапѣга объявилъ, что онъ во всемъ послѣдуетъ за королемъ. Оказалось 8 голосовъ противъ четырехъ за приступленіе къ конфедераціи. Король подписалъ актъ, не дожидаясь даже и присылки депутатовъ отъ конфедераціи[1]).

Когда Булгаковъ узналъ, что актъ приступленія къ конфедераціи подписанъ, то первымъ его дѣломъ было освободить епископа Переяславскаго Виктора: король послалъ тотчасъ повелѣніе въ Ченстоховъ; епископъ былъ привезенъ въ Варшаву и помѣщенъ въ домѣ русскаго посла. Черезъ мѣсяцъ съ чѣмъ-нибудь, когда торжествующая конфедерація взяла въ свои руки правленіе, она признала епископа невиннымъ, обѣщала доставить ему удовлетвореніе въ понесенныхъ имъ убыткахъ и разореніяхъ, велѣла дать ему конвой какъ для безопасности въ дорогѣ, такъ и во время пребыванія его въ Слуцкѣ, куда онъ долженъ былъ отправиться для вступленія въ прежнюю должность и для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ во время заключенія его дѣлъ[2]).

Когда по Варшавѣ разнеслась вѣсть о приступленіи короля къ конфедераціи, то 13 числа литовскіе волонтеры, служители при разныхъ коммисіяхъ и разный сбродъ собрались въ Саксонскомъ саду въ числѣ отъ 200 до 300 человѣкъ, бранили короля, грозили его убить, министровъ, согласившихся подписать актъ приступленія, перевѣшать, перебили окна у канцлера Малаховскаго—и разошлись. На другой день начали-было опять собираться, угрожая перевѣшать королевскую фамилію; но все кончилось однимъ шумомъ. Маршалы Игнатій Потоцкій и Солтанъ ходили по улицамъ и уговаривали горожанъ къ возстанію, но—безъ успѣха. Тогда, отчаявшись поддержать конституцію 3-го мая внутренними средствами, маршалъ сеймовый Малаховскій, Игнатій Потоцкій и Солтанъ сложили свои должности и выѣхали за границу; за ними послѣдовалъ и Коллонтай[3]).

[1]) Булгаковъ Безбородкѣ $^{16}/_{27}$ іюля.
[2]) Булгаковъ Остерману 28 іюля (8 августа), $^{18}/_{29}$ сентября.
[3]) Булгаковъ Остерману $^{16}/_{27}$ іюля.

Судьба конституціи 3-го мая рѣшилась на берегахъ Вислы, судьба Польши рѣшилась на берегахъ Майна и Рейна.

ГЛАВА XI.

Французская война, какъ справедливо разсчитывала Екатерина, заставила Австрію прекратить свое заступничество за конституцію 3-го мая; нуждаясь въ союзѣ Пруссіи и Россіи, Вѣнскій Дворъ долженъ былъ согласоваться съ ихъ видами относительно Польши. Еще 1-го іюня австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при Варшавскомъ Дворѣ, Декаше, получилъ отъ своего правительства слѣдующее приказаніе: «Такъ какъ Вѣнскій Дворъ не можетъ постигнуть, на чемъ основаны разглашаемыя въ Польшѣ толкованія и надежды, будто бы онъ будетъ защищать новую конституцію 3-го мая: то повелѣваетъ ему, Декаше, опровергать этотъ неосновательный слухъ и отзываться, гдѣ только случай представится, что Вѣнскій Дворъ о томъ никогда не помышлялъ; доказательствомъ служитъ то, что до сихъ поръ постоянно избѣгалъ онъ отвѣчать и изъясняться на дѣлаемые ему частые отъ Польши отзывы, вопросы, представленія и домогательства; хотя императоръ любитъ и почитаетъ Саксонскаго курфирста, однако и это не заставитъ его вмѣшаться въ польскія дѣла, тѣмъ болѣе-что курфирстъ съ самаго начала объявилъ, что никогда не приметъ короны безъ согласія Петербургскаго и Берлинскаго Дворовъ; наконецъ, польскія замѣшательства, происходящія отъ намѣренія удерживать силою новую правительственную форму, могутъ поколебать равновѣсіе, нужное для спокойствія Европы[1]). Немного спустя, Люи Кобенцель въ Петербургѣ получилъ приказаніе отъ своего Двора предувѣдомить русское правительство, что его апостольское величество не колеблется согласовать свои виды съ видами высокой союзницы относительно возстановленія старой польской конституціи 1775 года[2]).

Но вопросъ о возстановленіи старой польской конституціи сейчасъ же долженъ былъ уступить мѣсто другому вопросу въ сношеніяхъ между Вѣнскимъ и Берлинскимъ Дворами. Австрія, Пруссія и Россія начинаютъ войну съ Франціею,— войну, требующую большихъ издержекъ, и гдѣ же вознагражденіе за эти издержки? Шуленбургъ, разговаривая въ іюнѣ мѣсяцѣ съ принцемъ Нассау объ этомъ важномъ вопросѣ, выразился такъ: «Топографическое положеніе Австріи позволяетъ ей сдѣлать земельныя пріобрѣтенія насчетъ Франціи, тогда какъ для Пруссіи и Россіи такія пріобрѣтенія невозможны; единственное вознагражденіе для нихъ — взять деньги съ Франціи, но денегъ у Франціи нѣтъ»[3]). Послѣ этого разговора Шуленбургъ открылся Алопеусу, что Австрія могла бы сдѣлать земельныя пріобрѣтенія насчетъ Франціи, и это не уменьшило бы политическаго значенія послѣдней страны. Вѣнскій Дворъ боится вооружить противъ себя этимъ большую часть Европы, но въ сущности дѣйствуетъ тутъ не этотъ страхъ, а желаніе осуществить свой проектъ промѣна Бельгіи на Баварію. Здѣсь, въ Берлинѣ, не находятъ въ этомъ такихъ опасностей, какія находили прежде, если только посредствомъ новыхъ пріобрѣтеній и со стороны Пруссіи поддержится равновѣсіе. Эти пріобрѣтенія не могутъ быть для Пруссіи со стороны Франціи, какъ по причинѣ отдаленности, такъ и потому, что не слѣдуетъ дробить Францію, какъ Польшу, долженствующую играть второстепенную роль; слѣдовательно вознагражденіе для Пруссіи возможно только въ Польшѣ. Шуленбергъ увѣрялъ Алопеуса, что онъ еще не знаетъ видовъ короля на этотъ счетъ, но намѣренъ говорить объ этомъ королю. Для Пруссіи важно имѣть часть Польши, которая соединила бы Пруссію съ Силезіею; а Россіи выгодно бы было пріобрѣсть Польскую украйну, которая бы соединила старыя русскія области съ новыми пріобрѣтеніями отъ Турціи[4]).

Въ то время, когда прусскіе дипломаты уже толковали о раздѣлѣ Польши, поляки бросались во всѣ стороны, чтобъ не сдаваться безусловно Россіи. Мы видѣли, что король Станиславъ-Августъ предлагалъ Польскій престолъ внуку Екатерины, великому князю Константину Павловичу; Игнатій Потоцкій въ Берлинѣ предлагалъ этотъ престолъ второму сыну Прусскаго короля, принцу Людовику; а Піатоли и Мостовскій хлопотали въ Дрезденѣ, какъ бы заставить Англію поддерживать Польшу, писали объ этомъ два мемуара въ Лондонъ. Мало того, Піатоли прислалъ письмо къ Алопеусу, приглашая его съѣхаться съ нимъ гдѣ-нибудь между Берлиномъ и Дрезденомъ, обѣщая сообщить важныя идеи; письмо было самое льстивое, напримѣръ: «Его величество (Станиславъ-Августъ) и достойный министръ его, графъ Хрептовичъ, безпрестанно указывали на васъ, какъ на единственнаго человѣка, способнаго соединить усердіе къ своей государынѣ съ искреннимъ участіемъ въ благополучіи польской націи. Вы одни можете быть ходатаемъ великаго (!) короля и почтеннаго народа предъ Екатериною. Ваши политическіе таланты, ваша опытность, милости къ вамъ императрицы, и особенно ваша испытанная честность дѣлаютъ васъ достойнымъ быть человѣкомъ двухъ націй»[5]). Екатерина, получивши донесеніе объ этомъ, написала: «Запретить надлежитъ Алопеусу, чтобъ онъ отнюдь не вошелъ съ Піатоліемъ ни въ какія связи. Сей интригантъ вездѣ суетится какъ угорѣлая кошка. Напишите скорѣе, дабы

---

[1]) Булгаковъ Остерману $^{2}/_{13}$ іюня.
[2]) Кауницъ Кобенцелю 9 іюня 1792.

[3]) Алопеусъ Остерману $^{19}/_{30}$ іюня.
[4]) и [5]) Алопеусъ Остерману 22 іюня 3 (іюня).

переписка и мошенничество пресѣклись наискорѣе». Когда Прусскій король былъ въ Лейпцигѣ, Піатоли явился въ окрестностяхъ этого города и выпросилъ свиданіе съ Бишофсвердеромъ: онъ предложилъ, что Польша присоединится къ союзу австро-прусскому противъ Франціи, если Австрія и Пруссія рѣшатся дѣйствовать противъ Россіи. Бишофсвердеръ отвѣчалъ, что не вмѣшается въ дѣла, которыми завѣдывалъ Шуленбургъ[1]).

Наконецъ Австрія высказалась, что желала бы обмѣнять Бельгію на Баварію, а Пруссіи предложила вознагражденіе насчетъ Польши. Австрійское министерство при этомъ дало замѣтить, что какъ ни выгоденъ промѣнъ Бельгіи на Баварію въ политическомъ отношеніи, однако Австрія потеряетъ относительно доходовъ; впрочемъ, если не будетъ и никакого вознагражденія, то Вѣнскій Дворъ не сочтетъ это слишкомъ большимъ для себя несчастіемъ.—Послѣднее особенно встревожило Шуленбурга: онъ представилъ себѣ, что Австрія дѣйствительно не захочетъ взять никакого вознагражденія—съ цѣлію ослабить Пруссію: ибо такое государство, какъ Австрія, не разорится, если къ массѣ его долговъ присоединится еще сумма въ какихъ-нибудь 50 милліоновъ, тогда какъ Пруссія съ трудомъ перенесетъ опустошеніе своей казны, которое произойдетъ вслѣдствіе войны[2]).

Въ Майнцѣ оба *союзника-поневолѣ*, Францъ II-й и Фридрихъ-Вильгельмъ II-й, свидѣлись для соглашенія въ общихъ мѣрахъ относительно похода; наканунѣ отъѣзда обоихъ государей изъ города происходила третья конференція по вопросу о вознагражденіи. Положено было, что Австрія получаетъ Баварію взамѣнъ Бельгіи, Пруссія вознаграждается насчетъ Польши. Такъ какъ промѣнъ Бельгіи на Баварію уменьшаетъ доходы Австріи на два милліона, то Австрія должна за это получить вознагражденіе. Если планъ вообще не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, или если нельзя будетъ найти для Австріи вознагражденіе за потерю двухъ милліоновъ дохода, то обѣ стороны отказываются отъ земельныхъ вознагражденій и получаютъ съ Франціи деньги. Со стороны австрійскихъ дипломатовъ сдѣлано было предложеніе, чтобы Пруссія уступила Австріи, въ прибавку къ Баваріи, Аншпахъ и Байрейтъ, и въ такомъ случаѣ Австрія не будетъ требовать вознагражденія за потерю вдухъ милліоновъ дохода. Прусскіе министры отвѣчали, что доложатъ объ этомъ королю[3]), и впослѣдствіи Пруссія не согласилась на это предложеніе.

Войска союзниковъ приближались къ границамъ Франціи; Алопеусъ слѣдовалъ за прусскою арміею, при которой находился самъ король съ обоими сыновьями. Сначала пруссакамъ казалось, что походъ будетъ веселою прогулкою: придутъ, увидятъ и побѣдятъ, особенно съ такимъ полководцемъ, каковъ былъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, человѣкъ, пользовшійся фальшивою репутаціею, далеко не соотвѣтствовавшею его настоящимъ достоинствамъ. Но скоро начали прокрадываться сомнѣнія относительно успѣха предпріятія. Эмигранты нахвастали, что у нихъ повсюду соумышленники въ крѣпостяхъ; но оказалось, что все это неправда[4]). Сдалась пограничная крѣпость Лонгви, сдался Вердюнъ; но этимъ и кончились успѣхи союзниковъ. Когда пришелъ слухъ изъ Варшавы, что отрядъ русскаго войска, подъ начальствомъ Кутузова, получилъ приказаніе выступить къ границамъ Франціи, то герцогъ Брауншвейгскій сказалъ по этому случаю Алопеусу: «Хотя нѣтъ сомнѣнія, что мы войдемъ въ Парижъ, однако я не вижу, чтобъ этотъ входъ положилъ конецъ несчастіямъ Франціи; нѣтъ возможности оставить тамъ всю прусскую армію, однако безъ значительныхъ силъ нельзя сдержать жителей этого сильнаго государства[5]). Политическое головокруженіе и мятежъ пустили такіе глубокіе корни, что въ одинъ или въ два года ихъ не вырвешь; вражда, вызванная, къ несчастію, правительствомъ самымъ развращеннымъ и питаемая управленіемъ самымъ отвратительнымъ, такъ вкоренилась, что для ея утушенія нужно цѣлое поколѣніе. Будущее правительство, какова бы ни была его форма, не должно никогда удаляться отъ началъ самаго строгаго правосудія и справедливости; но можно ли ожидать чего-нибудь подобнаго отъ эмигрантовъ? Эти люди пріобрѣли неискоренимую привычку, вмѣсто правосудія, опираться на королевскую благосклонность; вмѣсто справедливости, употреблять угнетеніе; посмотрите, какъ они высокомѣрно ведутъ себя даже съ нами, тогда какъ они кормятся насчетъ Прусскаго короля»[6]).

Непосредственно императрицѣ отправлено было слѣдующее описаніе поведенія эмигрантовъ: «Едва прусская армія коснулась границъ Франціи, какъ вмѣсто 8,000 эмигрантовъ, которыхъ ожидали, явилось около 14,000 и въ то же время и въ той же пропорціи усилились самыя нелѣпыя требованія. Императорскіе министры протестовали противъ такого нарушенія Майнцкой конвенціи, по которой союзники обязались содержать только 8,000 эмигрантовъ; императорскіе министры объявили, что они исполнятъ буквально конвенцію и не дадутъ ни обола больше; но король, по добротѣ своей, назначилъ принцамъ 13 августа еще 8,000 лишнихъ раціоновъ; всего издержано было Пруссіею

[1]) Алопеусъ Остерману изъ Франкфурта $^{13}/_{24}$ іюля.

[2]) Алопеусъ Остерману $^{18}/_{24}$ іюля.

[3]) Алопеусъ Остерману изъ Луксембурга $^{8}/_{19}$ августа.

[4]) Алопеусъ Остерману изъ Люксембурга $^{8}/_{19}$ августа

[5]) Еще прежде Шуленбургъ говорилъ Алопеусу, что по занятіи Франціи нужно будетъ оставить въ ней русскія войска, которыя менѣе нѣмецкихъ могутъ быть подвержены опасности увлечься французскими приманками (elles sont moins sujettes à être ébranlés que le militaire allemand, qui ne resistera pas également auxappas de la séduction française).

[6]) Алопеусъ Остерману изъ Вердюна 25 августа (5 сентября).

на эмигрантовъ 5.422,168 ливровъ. Несмотря на это и несмотря на пособія, которыя приходили изъ Берлина, Петербурга, Вѣны и Парижа, войско эмигрантское нуждалось въ необходимомъ, ибо Калоннь явился въ станѣ такимъ же расточителемъ, какимъ былъ во время министерства своего при Людовикѣ XVI. Были генералы, которые брали на однихъ себя по 500 раціоновъ; у графа Артуа было болѣе 100 адъютантовъ. Отъ бывшихъ линейныхъ войскъ (гвардіи и жандарміи, Royal-Allemand, Royal-Saxon и проч.) явились только жалкіе остатки; вся же прочая масса эмигрантскаго войска представляла пеструю толпу изъ людей всѣхъ сословій и возрастовъ, способныхъ только затруднять армію и никакъ не быть ей полезными. Но, что всего хуже, куда только ни появлялись эти эмигранты, повсюду они обнаруживали тотъ же самый характеръ, который былъ для нихъ источникомъ несчастій во Франціи,—наглость и легкомысліе. Каждый день новые планы, новые проекты и новыя интриги, которые разстроивали и проводили въ отчаяніе начальниковъ союзныхъ войскъ. Развращеніе ихъ нравовъ и ихъ оскорбительное высокомѣріе вооружили противъ нихъ народы, среди которыхъ они нашли гостепріимство. Эти непріятныя впечатлѣнія перешли и къ обѣимъ союзнымъ арміямъ, и трудно себѣ представить ту степень ненависти и презрѣнія, съ какими обѣ арміи смотрѣли на когорты, не знающія ни порядка, ни дисциплины. При вступленіи во Францію, вмѣсто симпатіи и помощи, которыя обѣщаны были союзнымъ арміямъ, нужно было каждый шагъ впередъ покупать кровію, и вездѣ встрѣчено было рѣшительное нерасположеніе къ возстановленію стараго порядка вещей и непримиримая ненависть къ эмигрантамъ. И надобно признаться, что послѣдніе употребили всѣ средства, чтобъ укрѣпить это чувство. Едва только они появились, подъ покровительствомъ прусскихъ пушекъ, въ Лонгви и Вердюнѣ, какъ главные изъ нихъ начали расточать ругательства и площадные эпитеты горожанамъ и вообще жителямъ всѣхъ сословій, а другіе эмигранты, не такъ чиновные, позволили себѣ даже опустошеніе и грабежи».

Эмигранты дѣйствительно вели себя очень дурно; но неуспѣхъ кампаніи не зависѣлъ единственно отъ дурнаго поведенія эмигрантовъ. По непростительной медленности герцога Брауншвейгскаго, Дюмурье, начальствовавшій французскими войсками, успѣлъ занять Аргоньскія тѣснины, Ѳермопилы Франціи по дорогѣ къ Парижу, и укрѣпиться тутъ. Та же нерѣшительность герцога спасла французовъ при Вальми, гдѣ дѣло ограничилось одною безполезною канонадою. Наконецъ король сдѣлалъ новую ошибку: завелъ переговоры съ Дюмурье о мирѣ, что было очень выгодно для Дюмурье, выигрывавшаго время для усиленія своего войска, а пруссаки, между тѣмъ, пришли въ самое печальное положеніе: по пяти дней не ѣли; дурная пища произвела болѣзни, усилившіяся еще отъ мокрой осенней погоды на болотистыхъ мѣстахъ, такъ-что больные составляли треть войска. Брауншвейгъ 30 сентября началъ отступленіе, а между тѣмъ еще нѣсколькими днями прежде французскій генералъ Кюстинъ началъ наступательное движеніе на Германію, провозглашая войну дворцамъ тирановъ и миръ хижинамъ правдивыхъ. Онъ захватилъ Шпейеръ; Маинцъ сдался при первомъ появленіи французовъ; ужасъ распространился повсюду, все бѣжало; французы заняли Франкфуртъ.

Алопеусъ писалъ въ Петербургъ, что для него много непонятнаго въ отступленіи Брауншвейга, хотя дѣйствительно больныхъ много и большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. По мнѣнію Алопеуса, съ небольшимъ пожертвованіемъ войска, можно бы принудить Дюмурье къ отступленію и навести страхъ на остальную Францію. «Осторожность герцога Брауншвейгскаго зашла слишкомъ далеко, чтобъ не сказать больше. Положительно вѣрно, что онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо послѣ отступленія непріятеля отъ Гранпрэ, онъ мнѣ самъ сказалъ, что дорога къ Парижу теперь открыта. Графъ Бретёйль просилъ меня повергнуть его къ стопамъ императрицы и умолять Ея И. В—ство не покинуть короля Французскаго въ эту минуту. Онъ увѣрялъ меня, что спасеніе Людовика XVI будетъ зависѣть отъ корпуса войскъ, который императрица соблаговолитъ отправить весною во Францію» [1]).

Послѣ очищенія Франціи, въ октябрѣ собрались въ Люксембургѣ австрійскіе и прусскіе дипломаты и завели конференціи о вознагражденіи за Французскую войну. Австрійцы повторяли старое: что промѣнъ Бельгіи на Баварію не только не представляетъ никакого вознагражденія, но еще убытокъ. Слѣдовательно, чтобъ не было убытка, Австрія должна взять у Франціи часть Лотарингіи и Эльзаса по Мозелю, такъ чтобы эта рѣка составляла австрійскую границу; но, для обезпеченія этой границы, Австрія возьметъ еще крѣпости: Тіонвиль, Мецъ, Понтамуссонъ и Нанси. Пруссаки объявили, что они возьмутъ вознагражденіе въ Польшѣ, равномѣрное пріобрѣтеніямъ Австріи, не будутъ ни въ чемъ противорѣчить видамъ Русской императрицы и передадутъ ей рѣшеніе всего дѣла.—Получивши отъ Алопеуса донесеніе объ этомъ, Екатерина написала: «Послѣ такой блистательной кампаніи, они еще смѣютъ толковать о завоеваніяхъ»!

---

[1]) Алопеусъ Остерману, Вердюнъ, 20 сентября (2 октября). Алопеусъ находилъ много непонятнаго въ поведеніи герцога Брауншвейгскаго. Но вспомнимъ, что герцогъ Фердинандъ, подъ именемъ Eques à Victoria, былъ главнымъ великимъ магистромъ массонства въ Германіи; вспомнимъ, какую роль играло массонство въ революціонныхъ движеніяхъ Франціи; что главные дѣятели въ этихъ движеніяхъ принадлежали къ ложамъ; вспомнимъ, что герцогъ Брауншвейгскій провозглашался кандидатомъ на Французскій престолъ по сверженіи Бурбоновъ.

Но какое бы негодованіе ни возбуждала блистательная кампанія, надобно было забыть о ней и думать о второй; а этой второй кампаніи не хотѣли предпринимать безъ вознагражденія. 25 октября Пруссія объявила Австріи, что король Фридрихъ-Вильгельмъ будетъ продолжать войну съ Франціею только подъ условіемъ, чтобы вознагражденіе польскими землями было ему обезпечено Россіею и Австріею, и чтобы онъ могъ дѣйствительно вступить во владѣніе этими землями. Въ ноябрѣ Шуленбургъ объявилъ Алопеусу, что генералъ Мёллендорфъ получилъ королевское приказаніе поставить на военную ногу 17 батальоновъ пѣхоты, 20 эскадроновъ конницы и батарею легкой артиллеріи; что, подъ предлогомъ войны Французской, это войско будутъ держать наготовѣ ко вступленію въ Польшу, если прусскій проектъ относительно вознагражденій будетъ одобренъ императрицею. Шуленбургъ замѣтилъ, что это сообщеніе вовсе не оффиціальное, министерство не получило еще приказанія сдѣлать его; тѣмъ не менѣе, оно рѣшило его сдѣлать, зная правило короля относиться во всѣхъ дѣлахъ къ ея и. в.—ству съ безпредѣльною довѣренностію и неограниченною откровенностію. Шуленбургъ прибавилъ, что если императрицѣ угодно будетъ согласиться на проектъ королевскій, то надобно скорѣе приводить его въ исполненіе, потому что волненія въ Польшѣ становятся день ото дня сильнѣе и ширится духъ мятежа, который надобно задушить при самомъ рожденіи [1]).

Дѣйствительно, Булгаковъ доносилъ вице-канцлеру отъ 30-го октября (10 ноября): «Неоднократно уже я имѣлъ честь доносить, что отступленіе назадъ во Франціи соединенныхъ войскъ и онаго слѣдствія производятъ въ Польшѣ, и особливо въ Варшавѣ нѣкоторое волнованіе, которое то умножается, то уменьшается по мѣрѣ полученія изъ той стороны добрыхъ или худыхъ извѣстій. Занятіе Маинца и Франкфурта, взятыя съ нихъ контрибуціи, успѣхи Французовъ въ Савоіи и въ другихъ мѣстахъ, и наконецъ сношеніе живущихъ въ Лейпцигѣ недовольныхъ Поляковъ съ Парижемъ, опять вскружили головы до такой степени, что начались было безпорядки въ публичныхъ мѣстахъ, какъ-то въ театрахъ и на редутахъ. По счастію число явныхъ оныхъ зачинщиковъ весьма мало; всѣ они почти дворяне, голые. По сіе время непримѣтно, чтобъ Варшавскіе мѣщане мѣшались въ ихъ шалости, которыя состоятъ въ безыменныхъ сочиненіяхъ, въ дерзкихъ разсужденіяхъ, въ крикахъ, въ шумѣ, въ повтореніяхъ такихъ пассажей изъ комедій, кои могутъ они толковать на изворотъ или обращать во вредъ и посмѣяніе членовъ конфедераціи; но сія, будучи о томъ извѣщена, прислала наконецъ строгое повелѣніе къ маршалу коронному Мнишку о укрощеніи подобныхъ буянствъ и обѣщаетъ принять дѣйствительнѣйшія мѣры къ пресѣченію зла. Есть нѣкоторое подозрѣніе, что взявшіе здѣсь отставку, непринятые въ военную службу и возвратившіеся сюда генералы Віельгорскій и Мокрановскій поджигаютъ между прочими изъ-подъ тиха на заведеніе шума бродягъ, но сами они явно нигдѣ участниками не оказываются, въ обществахъ же своихъ твердятъ о революціи, о возстановленіи конституціи 3-го мая и т. п. Сверхъ того расположеніе на зимнія квартиры войскъ нашихъ подало поводъ къ жалобамъ и крикамъ отъ недовольныхъ, кои пользуются симъ обстоятельствомъ для приведенія ихъ въ ненависть повсюду. Доходило даже до того, что въ Варшавѣ возобновили разглашеніе, дѣланное уже во время вступленія ихъ въ Польшу, о Сицилійской вечернѣ. Генералъ Коховскій, исчисля, сколько нужно на пропитаніе ввѣренной ему арміи и истребовавъ реестръ дымовъ или домовъ въ каждомъ воеводствѣ, разложилъ оное нужное количество на всѣ вообще, такъ что, напримѣръ, въ Варшавской землѣ, гдѣ, выключая городъ, считается до 70,000 домовъ, приходитъ каждому дому поставить на цѣлые семь мѣсяцевъ только два четверика муки, полтора гарнца крупы, четверикъ овса, три пуда сѣна. Но маршалы и совѣтники конфедерацій воеводскихъ или повѣтовыхъ, располагая, вслѣдствіе онаго росписанія, поставку фуража, исключаютъ деревни свои собственныя, своихъ пріятелей или покровителей, отчего тягость упадаетъ на бѣдныхъ дворянъ и заставляетъ ихъ кричать».

Отъ того же самаго числа новое донесеніе: «Баснямъ здѣшнимъ по поводу Французовъ нѣтъ конца. Одни полагаютъ уже ихъ близь Дрездена, другіе въ шести только миляхъ отъ польскихъ границъ и прибавляютъ, что вступленіе ихъ въ Польшу будетъ сигналомъ всеобщаго бунта и возмущенія крестьянъ».

Эти извѣстія, съ одной стороны, съ другой—несогласіе Прусскаго короля вести войну съ Франціею безъ вознагражденія насчетъ Польши, наконецъ невозможность успокоить Польшу собственными ея средствами, ибо главы конфедераціи, взявши въ свои руки правленіе, оказались совершенно къ нему неспособными, думали только о своихъ личныхъ выгодахъ, спѣшили воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы обогатиться, и ссорились другъ съ другомъ,—все это заставляло Екатерину немедленно же войти въ виды Пруссіи относительно втораго раздѣла, на который, послѣ замысловъ польскихъ реформаторовъ относительно русскаго православнаго народонаселенія, смотрѣли уже не какъ на раздѣлъ Польши, но какъ на соединеніе раздробленной Россіи. Право распоряжаться считали за собою полное, потому что Польша была завоевана и сдалась безусловно на волю побѣдителей; конфедерація нисколько не помогала русскимъ войскамъ, но шла по ихъ слѣдамъ и крѣпла съ ихъ успѣхами [2]).

[1]) Алопеусъ Остерману, Берлинъ, $^{6}/_{17}$ ноября.

[2]) Записки Храповицкаго, стр. 283: Изъ Риги получе-

Въ ноябрѣ прусскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Гольцъ, представилъ карту Польши, гдѣ отмѣченъ былъ участокъ, желаемый Пруссіею. «Ея И. В—ству всеподданнѣйше докладываемо о домогательствахъ Прусскаго министра графа Гольца получить отвѣтъ на предъявленное со стороны короля его государя желаніе, касающееся до пріобрѣтенія имъ части земли отъ Польши, чертою на картѣ означенной и до введенія войскъ его въ ту часть. По разсмотрѣніи всѣхъ бумагъ и разныхъ свѣдѣній по сей матеріи, Ея В—ство указала въ высочайшемъ своемъ присутствіи и подъ собственнымъ Ея усмотрѣніемъ протянуть черту на картѣ Польской для показанія того удѣла, который предназначается къ Всероссійской Имперіи въ удовлетвореніе убытковъ ея и вслѣдствіе общихъ видовъ обоихъ союзныхъ дворовъ поставить Польшу въ такое положеніе, чтобъ она, служа барьеромъ между окружающими ея, не могла однакожь сама собою безпокоить ихъ: въ лучшее же объясненіе монаршей воли описавъ нѣкоторыя мѣста и урочища по той чертѣ, Ея В—ство изволила утвердить оную своеручною приписокою» [1]). Черта была проведена отъ восточной границы Курляндіи мимо Пинска, черезъ Волынь, къ границамъ Австрійской Галиціи. Прусскій удѣлъ заключалъ: Познань, Гнѣзно, Калишъ, Сераджь, Ленчицу, Ченстоховъ, Торнъ, Данцигъ. Екатерина послѣднее время усердно занималась древнею Русскою исторіею; ей было тяжело, что не всѣ русскія области войдутъ въ составъ Всероссійской имперіи, останутся за чужими стольные города знаменитыхъ Русскихъ князей; но она разсчитывала, что современемъ можно будетъ вымѣнять ихъ у Австріи на турецкія области [2]).

Привести въ исполненіе планъ раздѣла Екатерина поручила не Булгакову, который былъ отозванъ, а Сиверсу, который умѣлъ самыя непріятныя дѣла обработывать такимъ образомъ, что люди, получившіе непріятность, не сердились на него, оставались къ нему въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Въ рескриптѣ императрицы къ новому послу говорилось слѣдующее [3]): «Извѣстно вамъ на какихъ основаніяхъ взаимно полезныхъ и сосѣдственной тишинѣ благопріятствующихъ съ начала нашего вступленія на престолъ нашъ хотѣли мы учредить сношенія наши съ республикою польскою. Пріобрѣтенное нами въ правительствѣ ея вліяніе устремлялось всегда на утвержденіе вольности и независимости ея съ предохраненіемъ законныхъ правъ согражданъ ея. Но всѣ сіи подвиги, вмѣсто должнаго ими признанія, произвели злобу къ государству нашему, междоусобную зависть и кровопролитные мятежи, кои пресѣклись наконецъ раздѣломъ въ 1773 году въ дѣйство произведеннымъ. Не можетъ быть конечно ни одного Поляка, нѣсколько свѣдущаго о дѣлахъ, который бы не зналъ, сколь приступленіе наше къ таковой мѣрѣ вынуждено было обстоятельствами и сколь и тутъ умѣли мы не только ограничить собственныя наши права въ предѣлахъ крайней умѣренности, но и воздержать лакомство и алчность другихъ дворовъ въ ономъ съ нами участвовавшихъ. Казалось бы по всѣмъ вѣроятностямъ, что вышеупомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для переду, что дальняя цѣлость и спокойствіе Польскихъ владѣній зависятъ нераздѣльно отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надменность, вѣроломство и неблагодарность сему народу свойственныя не могутъ быть исправлены ниже самими бѣдствіями; ибо какъ скоро управляющіе онымъ увидѣли насъ озабоченными двумя явными войнами и происками потаенными нашихъ завистниковъ, то не усумнились поползнуться на расторженіе всѣхъ торжественныхъ съ нами обязательствъ и на разные всякаго рода оскорбительные поступки какъ противъ насъ самихъ, такъ особливо противъ войскъ нашихъ и даже противъ подданныхъ нашихъ, по невиннымъ своимъ промысламъ въ Польшѣ находившихся, увѣнчавъ напослѣдокъ всѣ сіи неистовства испровергеніемъ въ 3-й день мая 1791 формы правленія, нашимъ ручательствомъ утвержденной. Перемѣна столь несвойственная кореннымъ пользамъ государства нашего не могла быть отъ насъ долго терпима, и мы твердо положили оную уничтожить при первомъ удобномъ случаѣ, который намъ и представился въ замиреніи нашемъ съ Портою Оттоманскою. Уважая вышеозначенныя нарушенія торжественныхъ договоровъ и разныя обиды намъ отъ Поляковъ причиненныя, имѣли мы бы неоспоримое право приступить къ исполненію нашего намѣренія и точнымъ объявленіемъ войны. Но упреждая напрасное пролитіе крови и предпочитая вездѣ и всегда способы кротости и человѣколюбія, мы прибѣгнули къ средству въ Польшѣ издавна извѣстному и въ чрезвычайныхъ случаяхъ обыкновенно употребляемому, т. е. къ составленію новой конфедераціи. Для сего велѣли мы призвать ко двору нашему изъявившихъ гласно неудовольствіе

но по почтѣ письмо Северина Ржевускаго въ собственныя руки. Онъ дѣлаетъ возраженія на раздѣлъ Польши и описываетъ, сколь затруднительно теперь положеніе его и графа Потоцкаго. Онъ не вѣритъ, чтобы была на то воля ея в—ства.—„Я думала войти въ Польшу къ готовой конфедераціи, но вмѣсто того войска мои дошли до Варшавы и конфедерацію открыли за спиной арміи. Они сами не сдержали слова, и теперь беру Украйну въ замѣнъ моихъ убытковъ и потери людей".

[1]) Записка Безбородко 2 декабря 1792 г.

[2]) Записки Храповицкаго, стр. 286: Сказывали, что Елагинъ дивится откуда собранъ родословникъ древнихъ князей Россійскихъ (составленный Екатериною), и многое у себя въ Исторіи поправилъ. Дошли до занятія Польши: «Владиміръ на Волыни мы теперь не взяли по причинѣ. Но со временемъ надобно вымѣнять у императора Галицію: она ему не кстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія Турецкаго».

[3]) Рескриптъ отъ 22 декабря.

ихъ о перемѣнахъ въ ихъ отечествѣ воспослѣдовавшихъ отъ короны генерала артиллеріи графа Потоцкаго и польнаго гетмана Ржевускаго, и отъ Литвы находящагося въ службѣ нашей генералъ-поручика Косаковскаго; скоро присоединились къ нимъ коронный великій гетманъ Браницкій и человѣкъ до 12 разныхъ чиновъ изъ рыцарства. Но сколь ни малолюдно сіе число, однакожь при соглашеніи съ министерствомъ нашимъ о предварительныхъ мѣрахъ и о началахъ будущаго правленія примѣчено было разнообразіе видовъ, не предвѣщающихъ ни единодушія, ни прочности, въ созидаемомъ зданіи, какимъ бы образомъ оно ни устроилось. Одни помышляли о сохраненіи или распространеніи преимуществъ чиновъ ихъ, другіе о пріобрѣтеніи оныхъ, а третіи, исключа ручательство наше на форму правленія, хотѣли сохранить армію Польскую въ томъ количествѣ, которое опредѣлилъ ей послѣдній сумасбродный сеймъ. Словомъ мало изъ нихъ, или лучше сказать никто, кромѣ генерала артиллеріи графа Потоцкаго, не занимались прямо благомъ отечества, согласуя оное съ выгодами сосѣдей его, и не примѣшивая къ тому личныхъ и корыстолюбивыхъ видовъ. Но какъ главный вопросъ состоялъ не въ раздробленіи сихъ видовъ, а паче въ поспѣшеніи предположеннымъ дѣламъ, то и повелѣли ихъ наискорѣе отправить къ начальникамъ войскъ нашихъ, а симъ съ разныхъ сторонъ вступить въ предѣлы польскіе и тамъ подъ защитою оружія нашего обнародовать генеральную конфедерацію, которая и взяла свое бытіе подъ именемъ Тарговицкой. Его В—ство призналъ наконецъ конфедерацію. Но сколь поступокъ сей былъ нечистосердеченъ, то явно изобличается его поведеніемъ; ибо не говоря о тѣхъ коварныхъ предложеніяхъ, которыя онъ намъ чинилъ въ намѣреніи поссорить насъ съ другими сосѣдственными дворами, мы достовѣрно знаемъ, что онъ и по нынѣ продолжаетъ возбуждать и питать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ намъ и войскамъ нашимъ, въ чемъ онъ довольно и предуспѣлъ, ибо вседневно обнаруживаются разные знаки таковыхъ непріятныхъ расположеній, и особливо самымъ непристойнымъ неуваженіемъ къ главнымъ начальникамъ помянутыхъ войскъ нашихъ. Къ вящщему доказательству сей строптивости духа, нынѣ тамъ господствующаго, долженствуетъ служить собственное признаніе главныхъ членовъ присыланной сюда конфедератской делегаціи, что какъ скоро войска наши выступятъ изъ предѣловъ Польши, то все тамъ подъ ихъ щитомъ установленное въ мгновеніе ока испровергнуто будетъ. Но не столько заботимся мы симъ могущимъ воспослѣдовать событіемъ, сколько расположеніемъ нынѣшняго пагубнаго французскаго ученія до такой степени, что въ Варшавѣ развелись клубы на подобіе Якобинскихъ, гдѣ сіе гнусное ученіе нагло проповѣдуется и откуда легко можетъ распространиться до всѣхъ краевъ Польши и слѣдовательно коснуться и границъ ея сосѣдей. Нѣтъ мѣръ предосторожности и строгости, каковыхъ бы опасеніе толь лютаго зла оправдать не долженствовало. Рѣшительный отзывъ короля Прусскаго принудилъ насъ войти въ ближайшее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и околичностей въ ономъ встрѣчающихся. Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощутительно во 1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по непостоянству и вѣтрености сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ разврату и неистовствамъ французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда, иначе какъ приведя его въ сущее безсиліе и немогущество; во 2) что неподатливостію нашею на предложеніе короля Прусскаго и послѣдуемымъ за тѣмъ его отпаденіемъ отъ Римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ, мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи, и въ 3) что король Прусскій, ожесточенный безполезностію употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая и на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ по извѣстной горячности его нрава или теперь силою завладѣть тѣми землями, или, для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами Поляки готовы будутъ содѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, *которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россія принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ*».

Въ Берлинѣ были въ восторгѣ отъ согласія Россіи на раздѣлъ Польши; но чѣмъ веселѣе были въ Берлинѣ, тѣмъ печальнѣе были въ Вѣнѣ: Пруссія получитъ немедленно вознагражденіе за войну, а Австрія?—должно ждать обмѣна Бельгіи на Баварію, а между тѣмъ французы уже заняли Бельгію и мѣнять стало нечего! Король Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ въ Петербургъ Гольцу [1]): «Вы изъясните графу Остерману въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ признательность, какую внушили мнѣ поступки его государыни». Но въ этомъ же письмѣ король увѣдомляетъ, что Вѣнскій Дворъ не хочетъ довольствоваться вознагражденіемъ, которое получаетъ въ промѣнѣ Бельгіи на Баварію, а требуетъ еще польскихъ земель во временное владѣніе, на случай, если выговоренный промѣнъ не состоится. Чтобъ отвязаться отъ Австріи, Прусскій король предлагаетъ новую

[1]) 26 декабря 1792.

сдѣлку: если нельзя будетъ отнять Бельгіи у французовъ, и нечего будетъ промѣнивать на Баварію, то вознаградить Австрію церковными владѣніями въ Германіи (посредствомъ секуляризаціи). Въ то же время[1]) Кобенцель получаетъ отъ своего правительства приказаніе настаивать въ Петербургѣ, чтобъ Россія двинула корпусъ войскъ своихъ изъ Польши противъ французовъ и гарантировала промѣнъ Бельгіи на Баварію и суррогатъ, который должна еще получить Австрія. Филиппъ Кобенцель писалъ Люи Кобенцелю: «Мы никогда не соглашались на требуемый королемъ Прусскимъ весьма знатный удѣлъ въ Польшѣ, а только былъ оный принятъ *ad referendum*, буде бы согласился намъ уступить при всемъ отъ него зависящемъ споспѣшествованіи въ Баварскомъ обмѣнѣ Аншпахъ и Байрейтъ. Поелику король въ семъ уступленіи на отрѣзъ отказалъ, то изъ сего выводится само по себѣ слѣдствіе, что онъ, по всей справедливости, удовольствуется гораздо меньшимъ польскимъ пріобрѣтеніемъ, и что намъ безъ сомнѣнія желать надобно всевозможнаго уменьшенія оному, какъ то всеконечно интересу Россійскаго императорскаго двора прилично. При нынѣшнемъ крайне сумнительномъ положеніи нашихъ обстоятельствъ само по себѣ явствуетъ, что мы не будемъ домогаться всевозможнаго соразмѣрнаго уменьшенія Прусскаго удѣла въ Польшѣ, ниже настоять непосредственно на отсроченіе явно признаннаго взятія во владѣніе онаго и прямымъ образомъ противоборствовать Берлинскому двору. Совсѣмъ различно однакоже при семъ положеніе Ея И—скаго россійскаго В—ства, и токмо отъ ея твердой рѣшительности зависитъ какъ на всеобщій, такъ особенно нашъ интересъ обратить все то дѣятельное вниманіе, котораго ожидать должно отъ Ея дружества къ Его И. В—ству. Существеннѣйшее въ семъ зависѣть будетъ отъ того, чтобы Ея россійское И. В—ство потщилось ограничить удѣлъ Прусскій по справедливой соразмѣрности, причемъ мы вообще признаемъ совершенно основательнымъ предложенное г. Зубовымъ правило, чтобы стараться при новомъ раздѣлѣ удержать Польшу яко державу посреди лежащую и уклоняться отъ того, чтобы были тѣ три двора въ сосѣдствѣ. Потомъ чтобы Ея россійское И. В—ство согласилось на раздѣлъ сей токмо съ двоякимъ *conditio sine qua non*, дабы съ одной стороны король Прусскій продолжалъ войну противу Франціи со всевозможнымъ усиліемъ, съ другой же стороны дабы нашъ обмѣнъ былъ равнымъ образомъ приведенъ въ порядокъ, а послѣ войны къ окончанію».

Вѣнскій Дворъ прямо признавался, что не смѣетъ явно дѣйствовать противъ Пруссіи, имѣя нужду въ союзѣ ея противъ Франціи; но тайно позволялъ себѣ дѣйствовать и противъ Пруссіи, и противъ Россіи, мѣшая имъ въ Польшѣ. Сеймъ 1793 года назначенъ былъ въ Гроднѣ. Сюда пріѣхалъ и Сиверсъ, и 29 марта (9 апрѣля) подалъ декларацію о раздѣлѣ. Все было спокойно, сопротивленія быть не могло, но скоро[2]) посолъ далъ знать императрицѣ о письмѣ польскаго министра при Австрійскомъ Дворѣ, Войны, къ канцлеру Малаховскому: Война писалъ, что императоръ Францъ утѣшалъ его насчетъ печальной участи Польши, уговаривалъ не терять надежды. «Я не одобряю раздѣла и въ немъ не участвую», говорилъ Францъ: «но мое положеніе таково, что не могу ничего сдѣлать. Утѣшьтесь и успокойте своихъ поляковъ насчетъ этой бѣды, ибо обстоятельства навѣрное могутъ измѣниться». Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Варшавѣ, Декаше, говорилъ громко, что его Дворъ при другихъ обстоятельствахъ сталъ бы противодѣйствовать раздѣлу. Вслѣдствіе этого, король Станиславъ-Августъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

Между тѣмъ, военное счастіе перешло на сторону союзниковъ; Бельгія была очищена отъ французовъ; несмотря на то, надежды промѣнять ее на Баварію было еще меньше чѣмъ прежде. Англія, присоединившаяся къ союзу противъ Франціи, требовала, чтобъ Бельгія оставалась за Австріею и была усилена линіею крѣпостей, отнятыхъ у Франціи: для Англіи было важно, чтобъ Бельгія принадлежала одному изъ самыхъ сильныхъ государствъ въ Европѣ и, такимъ образомъ, сдерживала бы Францію на сѣверѣ, тогда какъ независимая Бельгія, по слабости своей, не могла представлять никакой сдержки. Наслѣдники Баварскаго престола также не соглашались на обмѣнъ. Это заставляло Австрію еще сильнѣе волноваться насчетъ событій, происходившихъ въ Польшѣ. Иностранными сношеніями Вѣнскаго Двора управлялъ въ это время знаменитый Тугутъ. 16 іюня онъ писалъ Кобенцелю въ Петербургъ: «Императоръ въ промѣнѣ Бельгіи на Баварію никакъ не можетъ видѣть части вознагражденія, которое онъ долженъ получить, ибо, по крайней мѣрѣ, сомнительно, чтобъ огромная несоразмѣрность въ народонаселеніи и доходахъ была вознаграждена выгодами округленія, какія представляются со стороны Баваріи. Въ настоящую минуту нерасположеніе Англіи, болѣе чѣмъ двусмысленныя расположенія Прусскаго короля, сопротивленіе курфирста Баварскаго и его наслѣдниковъ не позволяютъ императору долѣе останавливаться на проектѣ, который можно привести въ исполненіе только силою, и который потому возбудитъ самыя сильныя жалобы со стороны главныхъ членовъ имперіи, доставитъ недоброжелателямъ и завистникамъ Австріи случай оклеветать намѣренія его в—ства, отдалить отъ него всѣ германскіе Дворы и умножить этимъ настоящія затрудненія и невыгоды нашего положенія. Императоръ, рѣшившись избѣгать такихъ важныхъ неудобствъ, не можетъ по-

[1]) 23 декабря.

[2]) $^{17}/_{28}$ апрѣля.

этому самому согласиться и на секуляризацію и ни на какое пріобрѣтеніе въ Германіи, ибо этимъ можно подать опасный примѣръ для жадности Берлинскаго Двора, который имъ воспользуется, сложивъ всю вину на насъ, и вооружитъ противъ Австріи всѣ германскія государства. Изъ этого слѣдуетъ, что въ случаѣ, если нельзя будетъ выполнить нашихъ намѣреній относительно Франціи, императору не останется ничего болѣе, какъ искать вознагражденія въ той же Польшѣ, по примѣру Дворовъ Петербургскаго и Берлинскаго. Его в—ство будетъ принужденъ, такимъ образомъ, прибѣгнуть къ великодушной дружбѣ своей искренней союзницы, дабы ея в—ству императрицѣ благоугодно было напередъ согласиться и гарантировать вознагражденіе Австріи въ Польшѣ, въ томъ предположеніи, если, несмотря на всѣ усилія императора и дѣятельную помощь, которой онъ въ правѣ ожидать отъ союзниковъ, ему нельзя будетъ получить вознагражденія насчетъ Франціи. Быть можетъ, вашему превосходительству возразятъ, что Польша будетъ совершенно уничтожена, если императоръ будетъ также въ ней искать вознагражденія наравнѣ съ двумя другими Дворами: но я буду имѣть честь вамъ замѣтить, что въ томъ состояніи, въ какомъ будетъ находиться Польша вслѣдствіе пріобрѣтеній, уже сдѣланныхъ на ея счетъ, когда она будетъ служить очень недостаточнымъ барьеромъ между пограничными державами, окончательный раздѣлъ остающагося не можетъ повлечь за собою очень большихъ неудобствъ. Исключая крайняго случая, императоръ вовсе не желаетъ обогащаться насчетъ Польши; дѣло идетъ не о томъ, чтобъ распространять наши владѣнія въ Польшѣ, но укрѣпить, сдѣлать болѣе сносною нашу настоящую границу. Императору желательно было бы получить городъ Краковъ: положеніе Ченстохова, столь грозное для Галиціи, необходимо заставляетъ насъ желать этого оборонительнаго пункта».

Въ то время, какъ явился третій претендентъ на владѣнія республики, на ея древнюю столицу, въ Гроднѣ не хотѣли уступать требованіямъ ни Россіи, ни Пруссіи. Король Станиславъ - Августъ въ рѣчи своей 20 іюня объявилъ сейму, что онъ приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, подъ условіемъ неприкосновенности польскихъ владѣній; что онъ никоимъ образомъ не будетъ содѣйствовать уступкѣ польскихъ провинцій, въ надеждѣ, что и сеймъ будетъ поступать точно такъ же. Но Сиверсъ и прусскій посолъ Бухгольцъ потребовали, чтобъ сеймъ немедленно выбралъ и уполномочилъ коммисію для переговоровъ съ ними. Король настаивалъ, чтобъ не соглашались на коммисію, а вмѣсто того отправили бы посольства къ дружественнымъ Дворамъ съ просьбою о посредничествѣ. Несмотря на то, большинствомъ 107 голосовъ противъ 24, было рѣшено выбрать коммисію, но уполномочить и вести переговоры только съ Сиверсомъ, а не съ Бухгольцемъ.

Какъ скоро въ Вѣнѣ получено было извѣстіе, что сеймъ выставилъ сопротивленіе требованіямъ пословъ русскаго и прусскаго, такъ пошла депеша отъ Тугута къ Кобенцелю въ Петербургъ [1]): «Императоръ обращается съ довѣренностью къ августѣйшей союзницѣ, проситъ ее взвѣсить въ своей мудрости—перемѣны, происшедшія въ расположеніи сейма, не представляютъ ли важныхъ побужденій къ тому, чтобъ не употреблять сильныхъ средствъ къ ускоренію раздѣла, но отложить его до окончанія войны. Прежде всего это единственное средство обезпечить болѣе или менѣе дѣятельное содѣйствіе Прусскаго короля до конца войны съ Франціею. Содѣйствіе это необходимо ослабнетъ, если и не прекратится совершенно, съ той самой минуты, какъ онъ вступитъ въ полное владѣніе польскими областями и не будетъ болѣе видѣть въ нихъ будущую награду обѣщанныхъ усилій для блага общаго дѣла».

Депеша опоздала. 13 іюля уже начались въ Гроднѣ конференціи у Сиверса съ сеймовою коммисіею. Угроза, что русскій посолъ сочтетъ дальнѣйшую проволочку дѣла за объявленіе войны, заставила сеймъ принять предложенный Россіею договоръ, согласиться на уступку требуемыхъ земель. 11 іюля (ст. ст.) договоръ былъ подписанъ. 13 іюля Бухгольцъ потребовалъ отъ сейма назначенія новой коммисіи для переговоровъ объ уступкахъ въ пользу Пруссіи. Сиверсъ поддержалъ требованіе прусскаго посла. Несмотря на то, оно было встрѣчено упорнымъ сопротивленіемъ со стороны сейма: воспоминаніе о поведеніи Пруссіи съ 1788 года возбуждало сильную ненависть къ недавнимъ великодушнымъ союзникамъ. Сеймъ затянулъ дѣло. Угроза Бухгольца, что генералъ Мёллендорфъ начнетъ непріятельскія дѣйствія, не помогла. Сиверсъ ввелъ русскихъ солдатъ въ замокъ, гдѣ происходило засѣданіе сейма; коммисія была уполномочена подписать договоръ объ уступкѣ требуемыхъ Пруссіею земель, но съ условіями: напримѣръ, чтобъ архіепископъ - примасъ жилъ въ Польшѣ, но пользовался доходами съ имѣній, отходящихъ къ Пруссіи; что договоръ объ уступкѣ земель не прежде будетъ подтвержденъ, какъ по заключеніи торговаго договора между Польшею и Пруссіею. Бухгольцъ потребовалъ безусловнаго подписанія договора. Это повело къ сильному волненію на сеймѣ. Нѣкоторые депутаты позволили себѣ рѣзкія выходки противъ обоихъ Дворовъ и ихъ представителей. Сиверсъ велѣлъ схватить четверыхъ депутатовъ [2]) и выпроводить изъ Гродна. Тутъ-то, 23 сентября (н. ст.), послѣдовало знаменитое *нѣмое* засѣданіе, когда депутаты думали, что могутъ *отмолчать* свои земли. Сиверсъ велѣлъ объявить, что онъ не выпуститъ депутатовъ изъ залы, пока не заговорятъ, не выпуститъ и короля. Пробила полночь—молчаніе; пробило три

[1]) Отъ 12 іюля.

[2]) Краснодемскаго, Шидловскаго, Микорскаго и Скаржинскаго.

часа утра—молчаніе. Наконецъ раздался голосъ Анквича, депутата краковскаго: «Молчаніе есть знакъ согласія», сказалъ онъ. Сеймовый маршалъ Бѣлинскій обрадовался и три раза повторилъ вопросъ: уполномочиваетъ ли сеймъ коммисію на безусловное подписаніе договора съ Пруссіею? Глубокое молчаніе. Тогда Бѣлинскій объявилъ, что рѣшеніе состоялось единогласное. 25 сентября (н. ст.) договоръ былъ подписанъ. Съ Россіею заключенъ былъ договоръ, по которому обѣ державы взаимно ручались за неприкосновенность своихъ владѣній, обязывались подавать другъ другу помощь въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, причемъ главное начальство надъ войскомъ принадлежало той державѣ, которая выставитъ большее число войска; Россія могла во всѣхъ нужныхъ случаяхъ вводить свои войска въ Польшу; безъ вѣдома Россіи Польша не могла заключать союза ни съ какою другою державою; безъ согласія императрицы Польша не можетъ ничего измѣнить въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Число польскаго войска не должно превышать 15,000 и не должно быть менѣе 12,000.

Такъ произошелъ второй раздѣлъ Польши, доказавшій прежде всего, что въ Польшѣ не было народа; народъ молчалъ, когда шляхетскіе депутаты волновались въ Гроднѣ вслѣдствіе требованій Россіи и Пруссіи. Оказались слѣдствія того, что въ продолженіи вѣковъ народъ молчалъ, и шумѣлъ только одинъ шляхетскій сеймъ, на немъ только раздавались красивыя рѣчи. Но такое явленіе не могло быть продолжительно, и сеймъ принужденъ былъ онѣмѣть, потому что все вокругъ было нѣмо. Быть можетъ, нѣкоторые будутъ поражены этимъ нѣмымъ засѣданіемъ сейма; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ возбудится сильное сочувствіе къ онѣмѣвшимъ депутатамъ: но развѣ ихъ не сильнѣе поражаетъ еще болѣе страшное онѣмѣніе, онѣмѣніе цѣлаго народа; развѣ они не видятъ въ онѣмѣніи депутатовъ послѣдняго сейма только необходимое слѣдствіе онѣмѣнія цѣлаго народа?

Въ то время, когда Россія и Пруссія вознаграждали себя насчетъ Польши, Австрія и Англія стремились вознаградить себя насчетъ Франціи. Теперь Пруссія уже бьетъ тревогу и взываетъ къ императрицѣ Русской, чтобъ она не позволяла Австріи слишкомъ усиливаться. Въ концѣ августа, въ главную квартиру Прусскаго короля явился графъ Лербахъ съ тайнымъ порученіемъ отъ императора Франца. Лербахъ объявилъ уже извѣстное намъ, именно,—что промѣнъ Бельгіи на Баварію труденъ по сопротивленію родственниковъ Палатинскаго Дома и по сопротивленію Англіи; императору, слѣдовательно, остается вознаградить себя насчетъ Франціи, а въ такомъ случаѣ Эльзасъ и Лотарингія больше всего ему пригодны и завоевать ихъ всего легче. Лербахъ требовалъ, чтобъ Прусскій король обязался вести войну съ Франціею до тѣхъ поръ, пока Австрія не получитъ это вознагражденіе. Фридрихъ-Вильгельмъ отказалъ Лербаху и отправилъ жалобу въ Петербургъ: «Ея и. в—ство, руководясь чувствомъ дружбы, насъ соединяющей, отдастъ мнѣ справедливость, что я сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ сколько обязался сдѣлать, и что, при всемъ моемъ желаніи, я не могу продолжать на свой счетъ войны, которой я принесъ въ жертву, въ продолженіи двухъ разорительныхъ кампаній, мою казну и кровь моихъ подданныхъ. Австрія отказалась приступить къ петербургской конвенціи (о вознагражденіи Россіи и Пруссіи насчетъ Польши) и до сихъ поръ даромъ пользовалась моею помощью, а теперь отвращается отъ настоящей цѣли войны и имѣетъ только въ виду завоеваніе французскихъ областей, и мы не знаемъ еще, гдѣ будетъ положенъ предѣлъ этимъ завоеваніямъ. Нельзя повѣрить, чтобы графъ Лербахъ, назвавши мнѣ Эльзасъ и Лотарингію, исчерпалъ этимъ притязанія своего Двора; безъ сомнѣнія, сюда присоединится еще Французская Фландрія, которая уже завоевана отчасти. Англія также питаетъ завоевательные замыслы противъ своей старинной соперницы, и я взываю къ просвѣщенной политикѣ ея и. в—ства: слѣдуетъ ли мнѣ, къ моему собственному ущербу, содѣйствовать обширнымъ замысламъ этихъ обоихъ государствъ? И развѣ это будетъ большая требовательность съ моей стороны, если я у нихъ попрошу денежныхъ пособій на издержки третьей кампаніи, отъ которой они получатъ главныя выгоды» [1]).

Денежныя пособія, которыхъ Фридрихъ-Вильгельмъ II потребовалъ у союзниковъ, простирались до 22 милліоновъ: изъ нихъ 9 должна была заплатить Англія, 3—Австрія, остальные 10 должны быть распредѣлены между членами Германской имперіи; но такъ какъ съ послѣднихъ вдругъ собрать такой суммы нельзя, то пусть Австрія и Англія заплатятъ и эти 10 милліоновъ, а потомъ уже сами вѣдаются съ германскими владѣтелями. Прусскій король объявилъ, что если ему не заплатятъ этихъ 22 милліоновъ, то онъ, по необходимости, долженъ будетъ отказаться отъ главной роли въ войнѣ и ограничиться поданіемъ той помощи, которую онъ обязанъ давать Австріи, въ ея качествѣ главной державы, подвергшейся нападенію, независимо отъ прусскаго участка въ имперской арміи [2]).

Вѣнскій Дворъ, въ свою очередь, приходилъ въ ужасъ отъ поведенія Пруссіи и обращался въ Петербургъ съ горькими жалобами на «ненавистныя процедуры нечестной политики Берлинскаго Двора» [3]). Въ Петербургѣ спѣшили успокоить Вѣну, по крайней мѣрѣ, относительно Польши,—объявили, что у Россіи съ Польшею будетъ вѣчный союзъ, который исключитъ всякое вліяніе

[1]) Депеша Гольцу 25 октября 1793.
[2]) Депеша Гольцу 15 ноября.
[3]) Тугутъ Кобенцелю 18 декабря.

Прусскаго Двора на польское правительство. Чтобъ обезпечить Польшу отъ дальнѣйшихъ замысловъ Пруссіи, республика будетъ приглашена укрѣпить многіе города, въ томъ числѣ Краковъ и другіе, на которые укажетъ Австрія, какъ на необходимое прикрытіе галиційкой границы отъ враждебныхъ движеній Пруссіи; мало того, Австріи дано будетъ право держать въ этихъ крѣпостяхъ гарнизоны. Россія обѣщала все это сдѣлать для Австріи, лишь бы только императоръ не настаивалъ на свое право—въ крайнемъ случаѣ искать вознагражденія въ Польшѣ; чтобъ отказался отъ своего проекта овладѣть Краковомъ и распространить свои владѣнія насчетъ Польши.

Всѣ эти предложенія изъ Петербурга нисколько не могли уменьшить въ Вѣнѣ страшной тоски по вознагражденіямъ: Тугутъ писалъ Кобенцелю[1]): «Мы знаемъ очень хорошо, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ союза между Россіею и Польшею будетъ неограниченное вліяніе первой на вторую, благодаря которому Польша превратится почти въ провинцію Россійской имперіи. Но такъ какъ императоръ вполнѣ увѣренъ въ чувствахъ императрицы и знаетъ, что взаимные интересы обѣихъ имперій не допускаютъ зависти относительно выгодъ, получаемыхъ тою или другою изъ нихъ, то послу русскому въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, данъ былъ самый удовлетворительный отвѣтъ насчетъ союза Россіи съ Польшею. Что касается двухъ другихъ пунктовъ, то я представилъ графу Разумовскому, что его в—ство можетъ отказаться отъ права въ крайнемъ случаѣ искать вознагражденія въ Польшѣ только при увѣренности, что его августѣйшая союзница укажетъ ему на другое вознагражденіе и обяжется облегчить ему его пріобрѣтеніе всѣми своими силами и средствами».

Съ началомъ 1794 года все болѣе и болѣе усиливались жалобы Австріи на Пруссію за ея требованіе пособій во Французской войнѣ деньгами и натурою. 27 февраля Тугутъ писалъ Кобенцелю: «Императоръ смѣетъ ожидать съ довѣренностію отъ дружбы, великодушія и справедливости своей августѣйшей союзницы, что она соблаговолитъ неотлагательно воспользоваться своимъ первенствующимъ положеніемъ и употребитъ самыя дѣйствительныя средства для предупрежденія и сдержки дальнѣйшихъ неправдъ отвратительной политики Берлинскаго Двора». Россія платила Австріи ежегодно по 400,000 рублей на военныя издержки; но, въ мартѣ 1794 года, Вѣнскій Дворъ, кромѣ этого пособія, сталъ просить еще корпуса русскихъ войскъ для прямаго дѣйствія противъ французовъ[2]). На этотъ разъ войска нельзя было отправить противъ французовъ: войско опять стало нужно—въ Польшѣ.

[1]) 18 декабря.
[2]) Тугутъ Кобенцелю 13 марта 1794.

ГЛАВА XII.

Послѣ печальнаго конца майской конституціи у ея приверженцевъ, какъ выѣхавшихъ за границу, такъ и оставшихся въ Варшавѣ, было одно средство дѣйствовать въ пользу проиграннаго дѣла:—составлять заговоры, возбуждать неудовольствіе и дожидаться удобнаго случая для поднятія возстанія. Въ Варшавѣ главнымъ дѣятелемъ былъ генералъ графъ Дзялынскій; но для успѣха дѣла ему нужны были союзники въ другихъ сословіяхъ, и онъ обратилъ вниманіе на самаго виднаго человѣка между купцами, Капостаса. Капостасъ былъ родомъ изъ Венгріи[3]); въ 1780 году переѣхалъ въ Варшаву, служилъ сначала у купца Баугофера, а въ 1785 году завелъ самъ банкирскую контору въ товариществѣ съ Мазингомъ. Начались преобразовательныя движенія; Капостасъ былъ уже купеческимъ старшиною и ратманомъ въ магистратѣ; онъ составилъ проектъ банка, напечаталъ и представилъ въ 1790 году сейму, за что возведенъ былъ въ шляхетство. Когда, въ 1793 году, въ исходѣ мая или началѣ іюня, Капостасъ пришелъ къ Дзялынскому для сведенія торговыхъ счетовъ, то Дзялынскій началъ говорить ему: «Ко мнѣ ежедневно стекаются военные и гражданскіе чиновники, мѣщане,—всѣ хотятъ революціи, хотятъ видѣть Польшу независимою и завоевать недавно потерянныя земли».— «Объ этомъ дѣлѣ надобно подумать и подумать», отвѣчалъ Капостасъ: «нетрудно начать, но какъ кончить?—чтобъ не было хуже»!—«Я говорилъ то же самое многимъ», сказалъ на это Дзялынскій: «но мнѣ возражаютъ, что хуже настоящаго положенія быть не можетъ, потому что если мы и будемъ побѣждены, то можно ожидать только общаго раздѣла всего государства; но не лучше ли быть подъ какою-нибудь чужою державою, нежели подъ нынѣшнимъ нашимъ правленіемъ»? Тутъ же Дзялынскій познакомилъ Капостаса съ людьми, принимавшими дѣятельное участіе въ движеніи. Для заговорщиковъ было важно привлечь на свою сторону Закржевскаго, человѣка очень виднаго, поборника конституціи 3 мая и бывшаго муниципальнымъ президентомъ въ Варшавѣ до отмѣны конституціи 3 мая. Дзялынскій и Капостасъ спрашивали у Закржевскаго, не хочетъ ли онъ съ ними соединиться и подкрѣпить предпріятіе совѣтами и деньгами; Закржевскій не согласился изъ любви къ женѣ и дѣтямъ. Онъ обѣщалъ только хранить все въ-тайнѣ, прибавивъ: «Если вы сдѣлаете что-нибудь благоразумное, то послѣ явнаго начатія дѣла пожертвую собою благу отечества». Главными заправителями дѣла стали теперь: Дзялынскій, Капостасъ, Сцисъ, Павлиновскій, Ельскій и Алое. Они рѣшили на-

[3]) Собственныя показанія Капостаса генералъ-прокурору Самойлову въ Петербургѣ (неизданныя).

чинать дѣло не прежде, какъ удостовѣрятся: во 1) какъ расположено общество въ другихъ городахъ; 2) какъ расположены военные въ провинціяхъ;—въ Варшавѣ же заговорщики могли вполнѣ положиться на войско, потому что офицеры были главными дѣятелями въ распространеніи революціоннаго духа; 3) имѣетъ ли все государство довѣренность къ Костюшкѣ; 4) приметъ ли Косцюшко на себя опасное званіе предводителя возстанія; 5) могутъ ли заговорщики положиться хотя на тайную помощь Австріи, по крайней мѣрѣ, на дружественный нейтралитетъ, чтобъ изъ австрійскихъ областей получить все нужное для войны; 6) начнетъ ли Турція или Швеція войну противъ Россіи и Пруссіи; 7) нельзя ли получить отъ Франціи въ займы денегъ; 8) нельзя ли начать вездѣ вдругъ, обезоружить войска русскія и прусскія [1].

Дзялынскій, Ельскій и Капостосъ собрали деньги и отправили на нихъ двоихъ эмиссаровъ: одного—въ Краковъ съ областью, другого—въ Литву и Вильну—испытывать расположеніе тамошнихъ жителей. Два дня спустя по отправленіи эмиссаровъ, Капостасъ пришелъ къ Дзялынскому и засталъ у него бригадира Мадалинскаго съ подполковникомъ Петровскимъ: они объявили, что въ краковскомъ корпусѣ, состоявшемъ изъ 13,000 человѣкъ, заключена уже конфедерація, чтобъ освободить Польшу и не допустить до уменьшенія ея войскъ. Мадалинскій за тѣмъ и пріѣхалъ въ Варшаву, чтобъ присоединить къ конфедераціи варшавскій гарнизонъ и мѣщанство. Дзялынскій и Капостасъ уговорили его оставить это намѣреніе и приступить къ ихъ плану, т. е. чтобъ выбрать Косцюшку начальникомъ возстанія. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого пришли извѣстія отъ эмиссаровъ изъ Кракова и Литвы, также изъ Великой Польши, что тамъ все готово къ возстанію. Тогда варшавскіе заговорщики отправили двоихъ нарочныхъ къ Косцюшкѣ, Игнатію Потоцкому и Коллонтаю, которые жили въ Лейпцигѣ.

Косцюшко [2], послѣ приступленія короля къ Тарговицкой конфедераціи, оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ, потомъ поѣхалъ во Львовъ, чтобъ удостовѣриться, правда ли, что всѣ говорили и писали въ газетахъ, будто госпожа Косаковская подарила ему имѣніе съ 20,000 флориновъ дохода. Косцюшко былъ у нея, и она лично подтвердила ему это извѣстіе. Косцюшко отказался отъ подарка, хотя былъ бѣденъ. При выходѣ въ отставку у него было только 1,000 червонныхъ; потомъ двѣ дамы дали ему около 1,000 червонныхъ. Публика женила его тогда разомъ на пяти женщинахъ, хотя онъ ухаживалъ за одною—вдовою Потоцкаго, съ цѣлію жениться; но дѣло не сладилось. Когда, на возвратномъ пути изъ Львова, Косцюшко былъ въ Замостьи, является къ нему австрійскій офицеръ съ приказаніемъ отъ своего правительства оставить австрійскія владѣнія, и въ то же время Косцюшко получаетъ анонимное письмо изъ Варшавы съ предостереженіемъ, чтобъ не возвращался въ Польшу, потому что русскія войска получили приказаніе его схватить. Это письмо заставило Косцюшко пролить много слезъ, по его собственному признанію. Онъ въ ту же ночь оставилъ Замосць и отправился въ Лейпцигъ, гдѣ нашелъ Игнатія Потоцкаго, Коллонтая, Забѣлло, Вейсенгофа и другихъ эмигрантовъ. Получая извѣстія о событіяхъ 93 года въ Польшѣ, они придумывали средства, какъ бы помочь бѣдѣ. Сначала рѣшили обратиться къ Вѣнскому Двору, и Потоцкій написалъ поздравительное письмо къ Тугуту со вступленіемъ въ министерство, но не получилъ никакого отвѣта. Потомъ придумали послать кого-нибудь во Францію съ просьбою о помощи; выборъ палъ на Косцюшку, и онъ отправился. Пріѣхавши въ Парижъ, онъ обратился къ министру Лебрену, но тотъ отпотчивалъ его неопредѣленными и невѣрными обѣщаніями денежнаго пособія и помощи со стороны турокъ. Косцюшко возвратился ни съ чѣмъ опять въ Лейпцигъ. Тутъ-то явились къ нему посланцы отъ Варшавскаго комитета, съ просьбою принять начальство надъ войскомъ, котораго болѣе 20,000. Посланцы объявили: что Варшава хочетъ непремѣнно свергнуть невыносимое иго; что неудовольствіе растетъ въ странѣ день ото дня; что рѣшились защищать варшавскій арсеналъ, который русскіе хотятъ непремѣнно взять, и надобно бояться, чтобы дѣло уже не началось въ Варшавѣ. Косцюшко отвѣчалъ, что единственное желаніе его—сражаться за отечество, и что если десять человѣкъ согласны, то онъ охотно пойдетъ въ одиннадцатые; но прибавилъ, что Варшава не Польша; если варшавяне начнутъ,—тѣмъ хуже для нихъ; но если они хотятъ дѣйствительно предпринять защиту отечества, то должны снестись съ жителями и войсками во всей Польшѣ и запастись средствами для борьбы. Нѣсколько недѣль спустя, Ельскій съ другимъ товарищемъ пріѣхали опять отъ того же Варшавскаго комитета съ просьбою, чтобъ Косцюшко, изъ любви къ отечеству, пріѣхалъ бы, по крайней мѣрѣ, въ Краковъ, потому что всѣ въ страшномъ отчаяніи, что пришелъ указъ уменьшить войска, хотятъ взять арсеналъ и всѣ хотятъ защищать его при малѣйшемъ движеніи русскихъ войскъ. Косцюшко отвѣчалъ, что арсеналъ пустяки въ сравненіи съ Польшею, и далъ Ельскому инструкцію съ бланкетами для генераловъ въ воеводствахъ, чтобъ они набирали людей, доставали оружіе, припасы, деньги, платье; въ на-

[1] Тутъ Капостасъ прибавляетъ: «А послѣ намѣревались мы отправить немедленно въ Петербургъ курьера съ порученіемъ, что если ея в—ство позволитъ намъ возстановить конституцію 3 мая и востребовать отъ Пруссіи земли вооруженною рукою, то мы уступимъ ей въ Украйнѣ и Подоліи такую часть, какую она признаетъ нужною для сообщенія съ предѣлами турецкими, да наслѣдство Польскаго престола отдали бы одному изъ Россійскихъ принцевъ».

[2] Собственныя его показанія въ Петербургѣ (неизданныя).

значенное время генералы должны были прислать ему подробное донесеніе обо всемъ. Въ Лейпцигѣ послѣ этого нашли опять нужнымъ отправить Барща во Францію—представить тамошнему правительству, что отчаяніе заставляетъ поляковъ взяться за оружіе, и просить денегъ. Чрезъ нѣсколько недѣль Косцюшко явился въ окрестностяхъ Кракова, гдѣ имѣлъ свиданіе съ генераломъ Водзицкимъ и бригадиромъ Монжетомъ, и, видя, что ничего еще не сдѣлано по его инструкціямъ, и найдя очень немного изъ обѣщанныхъ донесеній, уѣхалъ въ Римъ, оставя письма къ генераламъ, въ которыхъ увѣрялъ, что всегда будетъ съ ними для защиты отечества.

Между тѣмъ въ Польшѣ все сильнѣе и сильнѣе волновались военные слухомъ объ уменьшеніи арміи; чтобъ предупредить эту мѣру, они торопили возстаніе, пріѣзжали въ Варшаву къ Дзялынскому и требовали, чтобъ, до прибытія Косцюшки, онъ сдѣлался начальникомъ возстанія, угрожая смертію, если не согласится. То же дѣлали офицеры краковскаго корпуса съ Мадалинскимъ. Дзялынскій и Капостасъ всѣми силами старались отсрочить вспышку, и, единственно для успокоенія горячихъ головъ, отправили Ельскаго и Горзковскаго, въ октябрѣ 1793 года, въ Италію отыскать Косцюшку и привезти его переодѣтаго если не въ Варшаву, такъ въ Краковъ. Посланные возвратились только въ январѣ 1794 года и объявили, что нашли Косцюшку въ Римѣ, откуда онъ поѣхалъ въ Дрезденъ, велѣвши сказать въ Варшавѣ, что дѣло еще не готово; что нѣтъ надежды на денежное пособіе и вообще на иностранные Дворы, и что надобно отложить революцію до будущей весны. Отвѣтъ этотъ не понравился офицерамъ, которыхъ распалилъ еще больше Ясинскій, полковникъ литовской артиллеріи, пріѣхавшій делегатомъ литовскихъ войскъ изъ Вильны, съ объявленіемъ, что всѣ тамъ готовы. Дзялынскій и Капостасъ послали просить Косцюшку, чтобъ онъ въ началѣ февраля пріѣхалъ въ Галицію для переговоровъ съ ними, потому что они ѣхали во Львовъ на контракты. Горячія головы[1]) нѣсколько успокоились; Ясинскій уѣхалъ въ Вильну. Дзялынскій и Капостасъ въ началѣ февраля пріѣхали во Львовъ, но о Косцюшкѣ не было никакого слуху. Капостасъ возвратился въ Варшаву, Дзялынскій—въ свои деревни. Между тѣмъ выданъ былъ декретъ Постояннаго Совѣта объ уменьшеніи польской арміи въ исходѣ февраля и началѣ марта. Горячія головы опять взволновались, хотѣли поднять возмущеніе немедленно,—начались конференціи, составлялись военные планы. Капостасъ настоялъ отправить еще разъ къ Косцюшкѣ, и послали Прозора, Литовскаго обозпаго, и священника Дмуховскаго. 25 февраля назначена была конференція у камергера Венгерскаго; собралось человѣкъ болѣе 70; тутъ же уже не говорили, начинать ли безъ Косцюшки или нѣтъ, но начинать ли чрезъ два дня, или нѣтъ. Капостасъ началъ говорить, чтобъ предпріятіе было отложено на 5 или на 6 дней до полученія отвѣта отъ Косцюшки. Но тутъ артиллерійскій капитанъ Миллеръ выхватилъ шпагу и, замахнувшись на Капостаса, закричалъ: «Я вижу, что ты измѣнникъ; ты нарочно къ намъ присоединился, чтобъ мѣшать намъ и средства къ спасенію государства отдать въ руки враговъ, потому что гдѣ будутъ черезъ пять или шесть дней храбрые воины и оружіе наше, когда уже сегодня начинаютъ уменьшать число ихъ! Лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, ибо странно предположить, чтобъ враги не знали о нашихъ движеніяхъ. Они нарочно притворяются для того, чтобъ послѣ уменьшенія арміи тѣмъ удобнѣе перехватать насъ одного за другимъ».—«Гораздо лучше умереть тысячѣ, чѣмъ нѣсколькимъ стамъ тысячъ людей вслѣдствіе нашего безразсуднаго предпріятія»: отвѣчалъ Капостасъ. Собраніе успокоилось, всѣ разошлись; но на другой же день все было узнано.

Полномоченнымъ посломъ императрицы въ Варшавѣ былъ въ это время генералъ Игельстромъ, человѣкъ давно знакомый съ Польшею, бывшій въ Варшавѣ еще при Репнинѣ и отличавшійся точнымъ исполненіемъ приказовъ. Но, какъ часто бываетъ, вѣрный исполнитель чужихъ приказаній, Игельстромъ оказался не совсѣмъ состоятельнымъ, когда пришлось самому быть главнымъ распорядителемъ; оказалось также, что Игельстромъ, несмотря на давнее пребываніе свое въ Польшѣ, не совершенно изучилъ поляковъ. Между жителями Варшавы поднялся сильный ропотъ вслѣдствіе помѣщенія русскихъ войскъ и особенно офицеровъ: благодаря распоряженію польскихъ чиновниковъ, о которомъ мы уже имѣемъ понятіе по донесеніямъ Булгакова въ 1792 году, вознагражденіе за квартиры получали только избранные по разнымъ отношеніямъ, бѣдные должны были держать постояльцевъ даромъ, тратить большія деньги на отопленіе въ зимнее время; притомъ же квартиры вздорожали, что было тяжко для бѣдныхъ людей, неимѣющихъ своихъ домовъ. Игельстромъ, слыша жалобы и желая сдѣлать облегченіе городу, вывелъ часть русскихъ войскъ изъ Варшавы; но ропотъ не уменьшился, только уменьшились средства противъ заговорщиковъ [2]), что придавало духа послѣднимъ, и мы видѣли, какія начались многочисленныя сборища. Сборище 25-го февраля однако не могло утаиться отъ Игельстрома. На другой день онъ распорядился, чтобъ за всѣми пріѣзжающими изъ-за границы былъ строгій надзоръ, съ цѣлію отыскать между ними Косцюшку; также былъ отданъ приказъ схватить Венгерскаго, Капостаса и другихъ подозри-

[1]) Я употребляю выраженіе Капостаса. Весь этотъ разсказъ въ точности составленъ по соединеннымъ показаніямъ Косцюшки и Капостаса.

[2]) Записки генерала Пистора: въ Pamiętniki z 18 wieku. I, 16

тельныхъ лицъ. Венгерскаго и Сѣрпинскаго схватили; они указали, какъ ходилъ слухъ [1]), начальникомъ предпріятія—двоихъ Потоцкихъ, Игнатія и Станислава, Коллонтая, Малаховскаго, Сапѣгу, Косцюшку и другихъ. Дзялынскаго отправили въ Кіевъ. Но Капостасъ былъ предувѣдомленъ 28 февраля: онъ переночевалъ слѣдующую ночь въ чужомъ домѣ, зашелъ на другой день поутру домой, чтобъ взять денегъ и спрятаться въ предмѣстьи Прагѣ; здѣсь онъ получилъ отвѣтъ отъ Косцюшки: «Дожидаться; уменьшеніе войска не такъ вредно, какъ преждевременное начатіе революціи». Послѣ этого Капостасу нельзя было долѣе оставаться въ Прагѣ; 15 марта онъ выѣхалъ оттуда, черезъ Краковъ, въ Кальварію, въ Галиціи.

Между тѣмъ Игельстромъ, обезпокоенный варшавскими заговорами, далъ знать о нихъ въ Петербургъ и просилъ увеличить его войско. Екатерина не любила этихъ просьбъ: она думала, что *количество* дѣло послѣднее; что безъ него можно легко обойтись, когда есть хорошія *качества*, и потому отвѣчала Игельстрому отъ 30 марта: «Примѣченное вами дурное расположеніе умовъ и въ самой Варшавѣ по справедливости возбуждаетъ заботу и попеченіе ваши. Но казалось бы, на укрощеніе и удержаніе ихъ въ должныхъ предѣлахъ при твердости довольно было и тѣхъ силъ, кои вы понынѣ въ вашемъ распоряженіи въ окружностяхъ сей столицы имѣли. Отъ умноженія оныхъ можно опасаться различныхъ неудобностей, а между прочимъ того, чтобъ не обнажить во все и другихъ важныхъ мѣстъ, не затруднить пропитаніе и притомъ излишними предосторожностями не придать злонамѣреннымъ отваги и наглости и не дать имъ болѣе уваженія, чѣмъ достойны они, а тѣмъ самымъ и ускорить произведеніемъ въ дѣйство враждебныхъ ихъ замысловъ. Вы изъ опытовъ знаете, что мы почти всегда не столько числомъ, сколько мужествомъ и храбростію войскъ нашихъ побѣждали и покоряли нашихъ враговъ, почему и почитаемъ, что найдете достаточнымъ число войскъ нашихъ нынѣ до 10,000 въ окружностяхъ Варшавы и въ ней самой простирающееся къ удержанію тишины и повиновенія, тѣмъ болѣе, что не взирая на увѣреніе гетмана Косаковскаго, нужно вамъ самимъ на Литву обращать все вниманіе и не выводить болѣе изъ нее войскъ. Повелѣваемъ вамъ употреблять всѣ дѣятельные способы, въ рукахъ вашихъ находящіеся къ усмиренію волненія, наблюдая строго поступки людей подозрительныхъ, захватывая подъ стражу всѣхъ тѣхъ, которые нескромностію рѣчей или поведенія изобличатся въ худыхъ намѣреніяхъ и предавая иныхъ сеймовому суду, а другихъ удаляя изъ города въ такія мѣста, гдѣ ихъ злые умыслы могли бы остаться безъ дѣйствія. Всѣ сіи дѣянія можете вы оправдывать силою и разумомъ самого союзнаго нашего трактата съ республикою польскою, которымъ препоручаются намъ попеченіи о предохраненіи внутренней и внѣшней ея безопасности».

Мы видѣли, что главное побужденіе къ революціонному движенію заключалось въ уменьшеніи войска. Эту мѣру должно было привести въ исполненіе къ 15 марта. Но какъ это дѣлалось? Полкъ Дзялынскаго, находившійся въ Варшавѣ, отпустилъ только 16 человѣкъ, объявивъ Игельстрому, что это весь лишекъ противъ числа, опредѣленнаго гродненскимъ сеймомъ [2]). Бригада Мадалинскаго, стоявшая между Бугомъ и Наревомъ, собравши свои эскадроны подъ Остроленкою, прямо объявила, что не допуститъ до сокращенія своихъ кадръ. Игельстромъ немедленно отправилъ противъ нея отрядъ войска подъ начальствомъ Багреева; узнавъ объ этомъ, Мадалинскій рѣшился на отчаянное предпріятіе: вдоль прусскихъ границъ пробраться въ Галицію и тамъ со всею бригадою вступить въ австрійскую службу. Багреевъ не могъ догнать Мадалинскаго, который изъ Млавы перешелъ прусскую границу и, гоня передъ собою малые отряды прусскихъ гусаръ, составлявшихъ пограничную стражу, переправился чрезъ Вислу у Вышеграда, въ 7 миляхъ отъ Варшавы; отсюда пошелъ двумя дорогами: одинъ отрядъ направился чрезъ южную Пруссію, другой—варшавскимъ округомъ до Иновлодза, гдѣ, перешедши Пилицу, направилъ путь чрезъ Сендомирское воеводство къ Кракову. Игельстромъ отправилъ за нимъ войско, подъ начальствомъ генерала Тормасова.

Между тѣмъ Косцюшко получилъ извѣстіе въ Дрезденѣ, что многіе заговорщики схвачены въ Варшавѣ; что жители ея черезъ два или три дня непремѣнно возьмутся за оружіе. Чрезъ нѣсколько времени пришло вѣрное извѣстіе, что Мадалинскій началъ возстаніе. Косцюшко разсердился на эту поспѣшность; но дѣлать было нечего, выѣхалъ изъ Дрездена съ Зайончекомъ, братомъ Коллонтая и Дмуховскимъ. Пріѣхавши въ Краковъ, онъ нашелъ тамъ уже много людей, которые его ждали, и провозгласилъ возстаніе 24 марта (н. с.). Въ это самое время явился въ Краковъ и Капостасъ, потому что хозяинъ дома, гдѣ онъ жилъ въ Кальваріи, не хотѣлъ держать его болѣе трехъ дней. Косцюшко сначала встрѣтилъ Капостаса очень холодно, упрекалъ, зачѣмъ оставилъ Варшаву, и не хотѣлъ слушать оправданій; но потомъ смягчился, когда Капостасъ купилъ на свой счетъ 5,000 косъ и подарилъ ихъ революціонному войску. Соединившись съ Мадалинскимъ и набравши толпы повстанцевъ, вооруживъ крестьянъ косами, топорами и пиками, Косцюшко выступилъ изъ Кракова; 24 марта (4 апрѣля) подъ деревнею Рацлавицами встрѣтилъ отрядъ генерала Тормасова и сломилъ его,

[1]) Ceux-ci ont nommé, dit-on. Такъ выражается король Станиславъ-Августъ въ своихъ запискахъ (неизданныхъ).

[2]) Писторъ, стр. 15.

пользуясь перевѣсомъ своихъ силъ и невыгодою положенія русскихъ [1]).

Это дѣло, ничтожное само по себѣ, имѣло важное значеніе, какъ первый удачный шагъ начальника возстанія, особенно въ такомъ впечатлительномъ, увлекающемся народѣ, какъ поляки. Еще какъ только Косцюшко провозгласилъ возстаніе въ Краковѣ, варшавскіе заговорщики начали сильно волноваться: на углахъ улицъ стали появляться афишки, призывавшія народъ къ соединенію съ Косцюшкою; въ театрахъ возбуждали патріотизмъ піесами, приноровленными къ настоящему положенію; наконецъ стали поднимать чернь частыми пожарными всполохами. Извѣстіе о пораженіи Тормасова еще болѣе усилило революціонное движеніе. Ни одному изъ русскихъ не позволялось входить въ арсеналъ, а между тѣмъ всѣ знали, что тамъ день и ночь работаютъ, льютъ пули и ядра, и готовятъ все нужное для артиллеріи. Генералъ-квартермистръ Писторъ предложилъ Игельстрому захватить арсеналъ, окружить ночью и побрать въ плѣнъ полкъ Дзялынскаго и баталіонъ канонерскій, отличающіеся революціоннымъ духомъ. «Какъ можно»! отвѣчалъ Игельстромъ: «а союзный трактатъ съ Польшею! Возстаніе начинаетъ не республика, а только нѣкоторыя лица; правительство республики высказалось противъ Косцюшки въ своемъ манифестѣ; взять арсеналъ—значитъ—начать непріятельскія дѣйствія противъ республики; шагъ этотъ будетъ сигналомъ къ возстанію цѣлаго города». Игельстромъ полагался на великаго гетмана коронпаго Ожаровскаго, который головою ручался за вѣрность гарнизона; Ожаровскій смотрѣлъ на все глазами варшавскаго комменданта Циховскаго, а Циховскій принадлежалъ къ числу заговорщиковъ.

Между тѣмъ вторженіе Мадалинскаго въ прусскія границы встревожило пруссаковъ; войска ихъ начали стягиваться и приближаться къ Варшавѣ, сносясь съ Игельстромомъ насчетъ совокупнаго дѣйствія противъ Косцюшки. Это испугало варшавянъ; магистратъ прислалъ къ Игельстрому съ просьбою, чтобъ не позволялъ прусскимъ войскамъ входить въ городъ и размѣщаться по квартирамъ. Генералъ обѣщалъ исполнить просьбу магистрата съ условіемъ, если варшавяне будутъ вести себя спокойно, въ противномъ случаѣ пруссаки войдутъ въ городъ. Магистратъ далъ торжественное обѣщаніе, что онъ съ добрыми гражданами будетъ противится изо всѣхъ силъ затѣямъ головорѣзовъ. Не менѣе варшавянъ испугалось движенія прусскихъ войскъ австрійское правительство. Тугутъ, объявляя Петербургсквму Двору [2]) объ отъѣздѣ императора Франца въ Бельгію, просилъ, чтобъ русское правительство «наблюдало и сдерживало своими войсками вредные проекты, которыми можетъ заняться безпокойная политика Двора, равно опаснаго для обѣихъ имперій. Извѣстіе о нѣкоторыхъ оскорбленіяхъ, какія позволилъ себѣ Мадалинскій, проходя вдоль новыхъ границъ прусскихъ, едва достигло Берлина, какъ сейчасъ же былъ отданъ приказъ двинуть войска въ Польшу; а между тѣмъ при Дворѣ и въ городѣ не скрывали радости, что это событіе должно повести къ раздѣлу остальной Польши, ибо надобно положить конецъ правительству слабому, неспособному обезпечить спокойствіе своихъ сосѣдей. «Мы постоянно надѣемся», писалъ Тугутъ, «что храбрость русскихъ войскъ скоро потушитъ смуту, возбужденную безразсудною дерзостію нѣсколькихъ искателей приключеній; мы надѣемся также, что баронъ Игельстромъ, оправившись отъ перваго впечатлѣнія внезапнаго взрыва, увидитъ, что собственныхъ его силъ очень достаточно для уничтоженія нестройныхъ бандъ, и вовсе ненужно прибѣгать къ помощи прусскихъ войскъ». Тугутъ удивляется, что Игельстромъ согласился на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу.

Къ несчастію, Игельстромъ не успѣлъ еще оправиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго первымъ внезапнымъ взрывомъ, какъ послѣдовалъ другой. Игельстромъ церемонился, не хотѣлъ захватывать арсенала и войскъ, зараженныхъ революціоннымъ духомъ, уважая права союзнаго государства. Но заговорщики не церемонились, разглашая, что русскіе намѣрены захватить арсеналъ и въ наступающее Свѣтлое Воскресенье произвести всеобщую рѣзню въ Варшавѣ, въ которой пруссаки примутъ ревностное участіе, что, слѣдовательно, надобно предупредить враговъ возстаніемъ. Главными подстрекателями были военные; но они знали, чтобъ безъ мѣщанъ и черни ничего не сдѣлаютъ. Капостасъ ушелъ, и потому заговорщики обратились къ другому богатому мѣщанину, также ратману магистрата. Въ 1780 году пріѣхалъ изъ Познани въ Варшаву башмачникъ Янъ Килинскій. Молодой, ловкій, красивый краснобай, Килинскій въ короткое время пріобрѣлъ большую извѣстность у варшавскихъ дамъ, сдѣлался моднымъ башмачникомъ, купилъ два каменныхъ дома, сталъ членомъ магистрата. Будучи самымъ виднымъ человѣкомъ въ цехѣ сапожниковъ, многочисленнѣйшемъ изъ варшавскихъ цеховъ, Килинскій могъ оказать возстанію самую дѣятельную помощь; ксендзъ Мейеръ свелъ его съ офицерами-заговорщиками; но первое братское цѣлованіе съ ними дорого стоило Килинскому. О сборищѣ донесли Игельстрому: на другой же день явился отъ него офицеръ къ Килинскому и пригласилъ его къ генералу. Килинскій захватилъ съ собою кинжалъ, чтобъ заколоть Игельстрома и себя, если бы генералъ велѣлъ засадить его въ тюрьму; но онъ самъ признается, что когда вошелъ въ домъ, занимаемый генераломъ, ноги у него задрожали отъ великаго страха [3]). Игель-

[1]) Писторъ, стр. 25.
[2]) Тугутъ Кобенцелю 10 апрѣля 1794.

[3]) Записка Килинскаго въ Pamiętniki z 18 wieku, I, 177.

стромъ началъ его *распекать*: «Ахъ ты, бестія, бунтовщикъ, шельма, измѣнникъ, каналья, воръ! вотъ я тебя велю повѣсить»! Кончивши распеканье, Игельстромъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что-жь ты, дуракъ, думаешь?» — «Не знаю, за что изволите гнѣваться», отвѣчалъ Килинскій; «до сихъ поръ не слышу о моемъ преступленіи». Игельстромъ пошелъ въ кабинетъ и вынесъ рапортъ, гдѣ было подробно описано вчерашнее свиданіе Килинскаго съ заговорщиками. Опять у Килинскаго задрожали ноги и волосы встали на головѣ, когда генералъ сталъ читать ему рапортъ. Какъ быть? — запереться нельзя; нельзя ли обмануть и вывернуться отъ бѣды? «Ясновельможный добродѣй»! отвѣчалъ Килинскій: «я стою передъ тобою виноватымъ, это правда; но кто же тому причиною, какъ не самъ панъ? У вашей милости на дняхъ былъ нашъ президентъ магистратскій, и вы его просили, чтобъ насъ всѣхъ ратмановъ отъ вашего имени просилъ наблюдать въ кофейныхъ, погребкахъ и билліардныхъ, что толкують о бунтѣ, и доносить президенту, который будетъ доносить вамъ, либо самъ арестовывать виновныхъ. Президентъ насъ обо всемъ этомъ просилъ вашимъ именемъ, и я старался отыскивать людей, толкующихъ о бунтѣ, и вчера нашелъ ихъ; когда я къ нимъ вошелъ, то они стали и меня уговаривать къ бунту; но мнѣ что же было имъ другое говорить, какъ только поддакивать, ибо иначе я бы ничего отъ нихъ не узналъ: вотъ я имъ и началъ говорить все, что у васъ тамъ написано въ донесеніи; а еслибъ я имъ сказалъ, что не хочу быть съ ними заодно, то они бы меня сейчасъ же вытолкали, а можетъ и убили гдѣ-нибудь въ закоулкѣ. Я ужь обо всемъ началъ у себя писать, чтобъ донести президенту, а всѣхъ офицеровъ-заговорщиковъ позвать къ себѣ, и какъ бы только они ко мнѣ пришли, то я послалъ бы за полиціею и всѣхъ ихъ перехваталъ». Игельстромъ всему повѣрилъ, началъ просить извиненія у почтеннаго гражданина, что такъ съ нимъ сначала обошелся, велѣлъ принести вина и потчивалъ Килинскаго, а Килинскій, возвратившись съ торжествомъ домой, началъ всѣми силами хлопотать, какъ бы привлечь къ заговору побольше ремесленниковъ,—только дѣйствовалъ осторожно.

Днемъ возстанія назначенъ былъ четвергъ Страстной недѣли, 6 (17) апрѣля. Ночью было все спокойно на улицахъ, и чѣмъ ближе было къ взрыву, тѣмъ менѣе можно было ожидать его. Килинскій раздавалъ деньги черни, роздалъ 6,000 злотыхъ [1]). Между войскомъ разгласили, что русскіе въ эту ночь овладѣютъ арсеналомъ и пороховымъ магазиномъ [2]). Въ 4 часа утра послышалось какое-то движеніе въ арсеналѣ; потомъ отрядъ конной гвардіи выѣхалъ изъ своихъ казармъ и ударилъ на русскій пикетъ, который стоялъ съ двумя пушками между казармами и желѣзными воротами Саксонскаго сада. Пикетъ выстрѣлилъ два раза изъ пушекъ и отступилъ предъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ. Отрядъ, подрубивши колеса у пушекъ, возвратился въ казармы; вслѣдъ затѣмъ выѣхала вся конная гвардія: два эскадрона направились къ арсеналу, два—къ пороховому магазину. Изъ арсенала даны были сигнальные выстрѣлы. Генералъ Циховскій послалъ приказъ полку Дзялынскаго выступать, а самъ изъ окна кричалъ народу: «Къ оружію! къ оружію!» Съ разныхъ сторонъ стремились къ арсеналу войска: скарбовая милиція, народовая кавалерія. Въ арсеналѣ раздавали палаши и ружья всякому, кто только хотѣлъ брать; лучшіе мѣщане сидѣли спокойно по домамъ, заперши двери; главное участіе въ возстаніи принимали ремесленники, лакеи, извощики. Гдѣ только завидятъ русскаго— хватаютъ, бьютъ, умерщвляютъ, офицеровъ забираютъ въ плѣнъ, деньщиковъ, по большей части, убиваютъ. Генералъ Игельстромъ, услыхавъ о возмущеніи, приказалъ генералъ-поручику Апраксину разставить всѣ отряды русскаго войска на опредѣленныхъ заранѣе мѣстахъ. Главное нападеніе повстанцевъ было на квартиру Игельстрома, на Медовой улицѣ. Нѣсколько разъ съ разныхъ концовъ напирала толпа, и всякій разъ была отражаема русскими войсками. Что же дѣлалось въ это время во дворцѣ? Короля разбудили въ 5 часовъ: къ нему пріѣхалъ маршалъ Постояннаго Совѣта, графъ Анквичъ, съ извѣстіемъ, что отъ его дома снятъ почетный караулъ; вслѣдъ за Анквичемъ пріѣхали во дворецъ великій маршалъ Мошинскій и великій гетманъ Ожаровскій, которые не знали, что значитъ эта суматоха въ городѣ. Король сначала посылаетъ за своею конною гвардіею и за уланами, чтобъ ѣхали немедленно ко дворцу, но ихъ уже и слѣдъ простылъ: они отправились къ арсеналу и пороховому магазину. Король сошелъ внизъ на дворцовый дворъ, чтобъ увѣриться, тутъ ли, по крайней мѣрѣ, обычные караулы, и запретилъ имъ двигаться съ мѣста; потомъ вышелъ, въ сопровожденіи пяти или шести человѣкъ, посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ, и видитъ, что вооруженныя толпы куда-то бѣгутъ. Минутъ десять спустя, раздается шумъ сзади,—король оборачивается: гвардейцы, которые сейчасъ дали ему слово не трогаться съ мѣста, бѣгутъ. Король идетъ къ нимъ навстрѣчу, кричитъ, машетъ рукою; солдаты останавливаются; молодой офицеръ подходитъ къ королю и, съ клятвами въ вѣрности къ его в—ству, объявляетъ, что они должны идти туда, куда зоветъ ихъ честь.—«Честь и обязанность повелѣваютъ вамъ быть подлѣ меня», отвѣчаетъ король. Но въ это самое время слышится выстрѣлъ въ той сторонѣ, гдѣ живетъ Игельстромъ, и гвардія бросается туда, такъ-что король едва не былъ сбитъ съ ногъ; во дворцѣ не остается ни одного караульнаго. Часъ спустя, является магистратъ съ объявленіемъ, что онъ потерялъ всякую власть

[1]) Показанія Деболи (неизданныя).
[2]) Записки короля А. С. Понятовскаго (неизданныя).

надъ мѣщанами, которые разломали оружейныя лавки, вооружились и бѣгутъ на соединеніе съ войсками. Тутъ король посылаетъ своего брата къ генералу Игельстрому съ предложеніемъ выйдти изъ города съ русскими войсками, чтобъ ему, королю, можно было успокоить городъ, ибо народъ и солдаты кричатъ, что безъ этого они не перестанутъ драться. Игельстромъ отвѣчаетъ, что принимаетъ предложеніе. Подождавши часъ и видя, что Игельстромъ не трогается и стрѣльба не перестаетъ, король посылаетъ къ Игельстрому стараго генерала Бышевскаго съ прежнимъ предложеніемъ. Игельстромъ хотѣлъ сначала самъ ѣхать къ королю; но когда Бышевскій представилъ ему, что онъ рискуетъ подвергнуться большимъ опасностямъ со стороны народа, то Игельстромъ посылаетъ племянника своего для переговоровъ съ королемъ. Вмѣстѣ съ молодымъ Игельстромомъ ѣдутъ Бышевскій и Мокрановскій, съ цѣлію защищать его отъ народа; но разъяренныя толпы кидаются на Игельстрома и умерщвляютъ его; Бышевскій, хотѣвшій-было защитить его, самъ тяжело раненъ въ голову; Мокрановскій, какъ видно, не употреблялъ большихъ усилій къ защитѣ, и потому остался цѣлъ и невредимъ. Станиславъ-Августъ затѣялъ всѣ эти переговоры и приказывалъ извѣстить Игельстрома о расположеніи войска и народа, вовсе не зная этого расположенія. Только когда убили молодаго Игельстрома, король вышелъ на балконъ и сталъ говорить народу, что надобно выпустить Игельстрома съ войскомъ изъ города. Народъ закричалъ, что русскіе могутъ выйдти, положивши оружіе. Король отвѣчалъ, что русскіе никогда на это не согласятся; тогда въ толпѣ раздались оскорбительные для короля крики, и онъ долженъ былъ прекратить разговоръ. Въ десять часовъ привели къ королю тамбуръ-мажора, который отличился тѣмъ, что овладѣлъ русскою пушкою. Станиславъ-Августъ не счелъ приличнымъ съ нимъ объясняться и велѣлъ ему выйдти изъ комнаты; но тутъ же, въ виду короля и въ его комнатахъ, собрали большую подписку для тамбуръ-мажора [1]). Между тѣмъ завязался сильный бой на улицѣ Свентокржыской, гдѣ генералъ Милашевичъ и полковникъ князь Гагаринъ удерживали полкъ Дзялынскаго, находившійся подъ начальствомъ полковника Гаумана. Здѣсь поляки сначала хотѣли дѣйствовать обманомъ: отъ Гаумава явился къ Милашевичу офицеръ съ увѣреніями, что дзялынцы не имѣютъ никакого враждебнаго намѣренія, а идутъ, по королевскому приказу, въ замокъ, чтобъ заодно съ русскими дѣйствовать противъ повстанцевъ; но Милашевичъ не вдался въ обманъ, потому что имѣлъ отъ Игельстрома точное приказаніе не пропускать полка Дзялынскаго. Послѣ пріѣхалъ къ Милашевичу генералъ Мокрановскій, съ требованіемъ отъ королевскаго имени, чтобы пропустилъ полкъ Дзялынскаго, который долженъ дѣйствовать заодно съ русскими противъ мятежниковъ; но Милашевичъ, вмѣсто отвѣта, показалъ ему приказъ Игельстрома. Еще въ третій разъ дзялынцы потребовали пропуска, и, получивши опять отказъ, начали стрѣлять картечами. Долго Милашевичъ и Гагаринъ съ успѣхомъ отбивались отъ непріятеля; но, истративши боевые запасы и терпя сильный уронъ отъ стрѣльбы изъ оконъ домовъ, отступили на Саксонскую площадь. При этомъ отступленіи оба генерала были тяжело ранены, отнесены въ ближайшіе дома, и здѣсь Милашевичъ былъ взятъ въ плѣнъ, а князь Гагаринъ умерщвленъ чернью. Это несчастіе имѣло рѣшительное дѣйствіе. И безъ того русскія войска находились въ самомъ печальномъ положеніи. Русскіе солдаты привыкли дѣйствовать въ чистомъ полѣ, брать города; а теперь они были застигнуты мятежемъ въ тѣсныхъ улицахъ большаго города, гдѣ на каждомъ шагу засада, гдѣ стрѣляютъ изъ оконъ домовъ. До чего могло доводить это движеніе по закоулкамъ, — доказательствомъ служитъ, что одинъ русскій батальонъ, шедшій для соединенія съ своими, встрѣтилъ ихъ, принялъ за поляковъ и такъ попотчивалъ пушечными ядрами, что тѣ должны были рвануться въ сторону. Баталіоны, расположенные поодиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ, были предоставлены самимъ себѣ, не могли стягиваться для общаго дѣйствія, ибо не было общаго направленія, не было общаго начальника, сообщенія были прерваны, адъютанты не могли скакать съ приказаніями: ихъ били повстанцы. Сыскался одинъ герой-медикъ Лебедевъ, который взялся передавать приказанія, продираясь между рядами повстанцевъ; но одного Лебедева было мало, притомъ же ему плохо вѣрили, не зная, кто его уполномочилъ! Послѣ этого нечему удивляться, что большая часть русскихъ войскъ, стянувшихся подъ начальствомъ генерала Новицкаго, ушла изъ Варшавы, не зная, что дѣлается у квартиры Игельстрома, предоставляя своего главнаго начальника собственной его судьбѣ. При соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, нельзя, какъ намъ кажется, много толковать о томъ, что русскаго войска было достаточно для подавленія мятежа [2]), потому что польскихъ войскъ было не болѣе 1,200 человѣкъ и столько же повстанцевъ изъ народа: число при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ теряетъ свое значеніе, — надобно принимать въ соображеніе главное, какой вредъ могла наносить небольшая толпа повстанцевъ при благопріятныхъ имъ мѣстныхъ условіяхъ, и какое впечатлѣніе эта возможность должна была производить на русскихъ. Говорятъ [3]), что надобно было руководствоваться обстоятельствами, а не предписаніями. Но нельзя требовать отъ каждаго батальоннаго начальника суворов-

[1]) Записки короля; показанія Деболи.

[2]) 9 батальоновъ и двѣ компаніи, 8 эскадроновъ, 36 пушекъ.

[3]) Писторъ, который хочетъ сложить всю вину на нераспорядительность русскихъ.

ской геніальности и вмѣстѣ смѣлости взять на себя отвѣтственность. Главнокомандующій зналъ, что готовится возстаніе, но не зналъ дня, когда оно должно вспыхнуть. Войска не были приготовлены; офицерамъ и солдатамъ въ голову не приходило, что могло случиться что нибудь подобное. Одному батальону была очередь говѣть на Страстной недѣлѣ, и, въ Великій четвергъ, въ день возстанія, онъ находился въ церкви для пріобщенія Св. Таинъ; здѣсь онъ былъ окруженъ повстанцами, перерѣзанъ или разобранъ въ плѣнъ.

Но обратимся къ генералу Игельстрому, который отбивался у своей квартиры, на Медовой улицѣ. Въ первый день отбиты были всѣ нападенія повстанцевъ. Ночью Игельстромъ сжегъ секретнѣйшія бумаги, но не рѣшился оставить своей квартиры и выйдти изъ города, воспользовавшись темнотою, хотя ему и представляли, что на другой день можетъ быть плохо, потому что о русскихъ войскахъ, которыя могли бы придти къ нему на помощь, не было слышно (Новицкій уже ушелъ изъ Варшавы). На разсвѣтѣ другого дня повстанцы начали нападеніе на квартиру генерала со стороны Подвальной улицы, открыли убійственный огонь на домъ Игельстрома съ домовъ Сенаторской улицы. Оставивъ отрядъ для защиты своей квартиры, Игельстромъ съ остальнымъ войскомъ перешелъ на площадь Красинскихъ, ибо на Медовой улицѣ держаться было нельзя,—ее обстрѣливали со всѣхъ сторонъ. Но и новое положеніе было не выгоднѣе стараго: повстанцы сосредоточили свои силы въ окрестностяхъ, и русскіе попали въ перекрестный огонь. Игельстромъ попробовалъ, нельзя ли дать дѣлу мирный оборотъ и послалъ бригадира Бауера въ арсеналъ для переговоровъ. Командовавшій въ арсеналѣ генералъ Мокрановскій велѣлъ отвѣчать, что непріятельскія дѣйствія прекратятся, когда Игельстромъ запретитъ своимъ стрѣлять и сдастся на милость. Тогда Игельстромъ началъ отступленіе и, подъ выстрѣлами, преодолѣвая множество затрудненій, пробился съ своимъ маленькимъ отрядомъ за городъ и соединился съ пруссаками въ Повонзкахъ (дача княгини Чарторыйской). Маленькіе русскіе отряды, оставшіеся въ разныхъ мѣстахъ Варшавы, послѣ упорнаго сопротивленія, были истреблены или забраны.

Русскихъ не было болѣе въ Варшавѣ; надобно было учредить революціонное правительство. Еще въ первый день возстанія толпы народа ворвались во дворецъ, схватили здѣсь Мокрановскаго и Закржевскаго, понесли ихъ въ ратушу и тамъ провозгласили: Закржевскаго—муниципальнымъ президентомъ Варшавы, а Мокрановскаго—военнымъ начальникомъ города. На третій день 8 (19), въ ратушѣ устроили Правительственный Совѣтъ изъ Закржевскаго, Мокрановскаго и 12 другихъ особъ, 8 шляхтичей и 6 мѣщанъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Килинскій. Члены новаго Совѣта послали сказать королю, что сохраняютъ въ отношеніи къ нему уваженіе и привязанность, но повинуются только Косцюшкѣ; желаютъ, чтобъ король благопріятствовалъ ихъ намѣренію, и требуютъ, чтобъ онъ не покидалъ Варшавы. Король въ отвѣтъ предложилъ имъ вести себя не пояковбински, уважать религію и позаботиться о полиціи. На другой день, въ Свѣтлый праздникъ, король могъ удостовѣриться, какое уваженіе будетъ ему оказываемо: Закржевскій надѣлъ орденъ Бѣлаго Орла, и подвергся за это оскорбленіямъ отъ народа. Килинскій явился съ просьбою объ арестованіи нѣкоторыхъ лицъ и, въ просьбѣ, назвалъ себя главою народа.

29 апрѣля назначено было торжественное поминовеніе по убитымъ 17 и 18 числа. Король отправился въ соборную церковь къ заупокойной обѣднѣ. Во время проповѣди, ораторъ Вытошинскій обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Такъ какъ вы здѣсь сами лично, государь, то позвольте обратиться къ вамъ съ свободою служителя алтаря и вольнаго гражданина. Я знаю доброту и кротость вашего характера; вы могли быть обмануты; кто знаетъ, какіе совѣты посмѣютъ вамъ давать еще. Но теперь наступила послѣдняя эпоха вашего царствованія,—дѣло идетъ о томъ, возстановится ли Польша на прочномъ основаніи, или могущественный и мстительный врагъ изгладитъ навсегда имя Польское; теперь вы не можете, вы не должны отдаляться отъ націи: вы должны или погибнуть, или спастить вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ. Соблаговолите, государь, испытать вашу душу и приготовить ее къ этимъ двумъ крайностямъ. Соблаговолите отвратить слухъ вашъ навсегда отъ измѣнниковъ и враговъ отечества. Быть можетъ, указывая вамъ какой-нибудь лучъ надежды, они будутъ вамъ совѣтовать отдѣлиться отъ народа или что-нибудь еще хуже этого: приходите въ гнѣвъ и ужасъ при мысли объ этомъ! Неужели вы захотите царствовать только надъ измѣнниками отечества и надъ рабами; неужели вы захотите приблизиться къ своему трону по могиламъ гражданъ! Я знаю твое сердце кроткое и благодѣтельное: ты этого не сдѣлаешь; я увѣренъ, что ты твердо рѣшился жить или умереть съ народомъ».—При этихъ словахъ король, по его собственному выраженію, не могъ долѣе удержать своей чувствительности, но, прервавши проповѣдь, сказалъ громкимъ голосомъ: «Вы говорите непонапрасну. Я поступлю по вашимъ совѣтамъ. Я буду всегда съ народомъ, хочу жить и умереть съ народомъ»!

Все это было сказано заднимъ числомъ. Все это было умѣстно 3 или 5 мая 1791 года, когда движеніе происходило подъ королевскимъ знаменемъ; когда королю готовы были вручить диктаторскую власть. Но теперь революція шла другимъ путемъ: теперь и Килинскій, въ опьянѣніи отъ новой роли, называлъ себя главою народа. Революціонеры признали верховнымъ правителемъ своимъ *генералиссимуса* Косцюшку. Каково же было положеніе ко-

роля? Двѣ власти—старая и новая—другъ подлѣ друга, что вело необходимо къ образованію двухъ партій, къ борьбѣ между ними. 1 мая пріѣхалъ курьеръ отъ Косцюшки: генералиссимусъ одобрялъ все, сдѣланное въ Варшавѣ; назначилъ Мокрановскаго своимъ намѣстникомъ. Вмѣстѣ съ этимъ озаботился и насчетъ своего соперника — короля: предлагалъ взять предосторожности, чтобъ Станиславъ-Августъ не уѣхалъ изъ Варшавы, ни съ кѣмъ не переписывался; чтобъ всѣ особы, близкія къ королю, были арестованы. Вслѣдствіе этого, члены новаго правленія явились во дворецъ съ требованіемъ, чтобъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ приверженцевъ Россіи, Виленскій епископъ, князь Масальскій, отдалъ имъ драгоцѣнный крестъ, полученный отъ Русской императрицы послѣ подписанія Гродненскаго трактата. Въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, явился къ королю Мокрановскій съ требованіемъ, чтобъ велѣлъ арестовать Виленскаго епископа и выдать его правленію; король отказался: тогда правленіе само распорядилось, арестовало Масальскаго, Скорчевскаго, епископа Хельмскаго, и Мошинскаго великаго маршала: всѣ трое помѣщены были въ Брюльскомъ дворцѣ. Король рѣшился завести сношенія съ генералиссимусомъ. 6 мая послалъ объявить Косцюшкѣ, что тѣсно соединилъ свое дѣло съ народнымъ, и не сдѣлаетъ ни одного отдѣльнаго шага для собственнаго спасенія. Но въ Варшавѣ не вѣрили этимъ заявленіямъ. 8 мая король выѣхалъ погулять изъ Варшавы въ Прагу: народъ взволновался, думая, что онъ хочетъ бѣжать, и правленіе прислало просить его, чтобъ онъ не выѣзжалъ больше изъ Варшавы въ предмѣстье. Между тѣмъ народъ волновался и по другой причинѣ: онъ требовалъ казни лицъ, извѣстныхъ своею приверженностію къ Россіи, — и поспѣшили удовлетворить требованіямъ народа: 9 мая были повѣшаны гетманъ коронный Ожаровскій, гетманъ Литовскій Забѣлло, Анквичъ; народъ требовалъ казни Масальскаго,—и епископа повѣсили, несмотря на протестъ папскаго нунція Литты. Народъ не былъ доволенъ: поджигаемый Килинскимъ и какимъ-то Чижомъ, онъ требовалъ новыхъ жертвъ: тогда Закржевскій вышелъ къ нему и сказалъ: «Поставьте висѣлицу передъ моимъ домомъ и повѣсьте меня перваго». Эти слова произвели дѣйствіе: толпы стихли.

Эмигранты возвратились: Игнатій Потоцкій, Коллонтай, Капостасъ. 27 мая король имѣлъ любопытный разговоръ съ Потоцкимъ, который клялся, что онъ не якобинецъ; но такъ какъ должно дѣлать стрѣлы изъ всякаго дерева, и такъ какъ крестьяне сдѣлали и дѣлаютъ много для революціи, то надобно имъ льстить до извѣстной степени, равно какъ и горожанамъ; а потомъ, мало-по-малу, надобно обрѣзывать все, что будетъ слишкомъ. — *Король.* «Должно ли вѣрить слухамъ, что Косцюшко имѣлъ тайныя сношенія съ пруссаками?—*Потоцкій.* Никогда не было прямыхъ сношеній объ этомъ; но Косцюшко старался дать понять пруссакамъ на дѣлѣ, что не хочетъ враждебно дѣйствовать даже противъ настоящихъ границъ прусскихъ, если только пруссаки не будутъ непріятельски поступать противъ насъ.—*Король.* Каковы наши отношенія къ Австріи? Палатинъ Венгерскій будетъ ли моимъ наслѣдникомъ съ условіемъ принятія конституціи 3 мая?—*Потоцкій.* Дѣло объ этомъ только начинается. Если Тугутъ утвердитъ свой кредитъ, то наши надежды могутъ увеличиться. — *Король.* Что вы мнѣ скажете о туркахъ?—*Потоцкій.* Пока еще ничего; но по моему мнѣнію они двинутся.—*Король.* Получили вы деньги изъ Франціи? — *Потоцкій.* Нѣтъ, но, можетъ быть, получимъ. — *Король.* Если вы ихъ получите, то будете принуждены слѣдовать французской системѣ и французскимъ правиламъ?—*Потоцкій.* Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вначалѣ будетъ нѣкоторое сходство, но не впослѣдствіи»[1]).

28 мая, по распоряженію генералиссимуса, образовался Верховный Правительственный Совѣтъ, членами котораго были: Сулистровскій, Вавржецкій, Мышковскій, Коллонтай, Закржевскій, Веловейскій, Игнатій Потоцкій и Яскевичъ. На другой день Закржевскій и Потоцкій явились къ королю и показали ему подлинное предписаніе Косцюшки, что Верховный Совѣтъ обязанъ отдавать почетъ королю и сообщать ему обо всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Обнародованіе новаго учрежденія произвело сильное волненіе между мѣщанами: въ прежнемъ Совѣтѣ они были членами на одинакихъ правахъ съ шляхтою, а изъ новаго исключены!—допущены въ каждый департаментъ, такъ называемые, *застенцы*, но не въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ, ибо безъ рѣшительнаго голоса. Килинскій объявилъ, что воспротивится открытію новаго Совѣта именемъ всего варшавскаго мѣщанства, пока Косцюшко не назначитъ въ члены Совѣта и изъ мѣщанъ. Капостасъ, видя, что сопротивленіе Килинскаго можетъ ослабить кредитъ Косцюшки, столь необходимый для успѣха революціоннаго дѣла, настоялъ, чтобъ не принимать предложенія Килинскаго, не мѣшать дѣйствію новаго Совѣта, но отправить депутацію къ Косцюшкѣ съ просьбою исполнить желаніе мѣщанства. Депутація возвратилась безъ успѣха: генералиссимусъ отвѣчалъ, что онъ, слѣдуя желаніямъ своего сердца, охотно бы согласился на требованія мѣщанъ, но никакъ не можетъ этого сдѣлать по разнымъ, ему одному извѣстнымъ, важнымъ политическимъ причинамъ, а потому и просилъ ради Бога не безпокоиться. Мѣщанство успокоилось[2]). Капостасъ, если вѣрить его собственному свидѣтельству, много работалъ въ это время: какъ ратманъ магистрата, онъ имѣлъ надзоръ за мучниками, булочниками и мясниками, чтобъ они не поднимали цѣнъ на не-

[1]) Записки С. А. Понятовскаго.
[2]) Показанія Капостаса.

обходимые съѣстные припасы; наблюдалъ за раздачею денегъ бѣднымъ, большое число которыхъ отсылалось ежедневно работать надъ городскими укрѣпленіями. Капостасъ сочинилъ проектъ о дисциплинѣ и правахъ мѣщанскаго войска; проектъ этотъ, съ небольшими измѣненіями, былъ одобренъ, напечатанъ и разосланъ ко всѣмъ начальникамъ мѣщанскихъ войскъ для руководства. Въ званіи генералъ-инспектора казенной ассигнаціонной дирекціи, Капостасъ, съ помощью разныхъ людей, особенно купцовъ, сочинилъ указъ Верховнаго Совѣта, которымъ выпускались ассигнаціи; написалъ другой проектъ о приведеніи въ порядокъ ассигнаціонной дирекціи и о составленіи ассигнацій. Несмотря на всю эту дѣятельность, Капостасъ не могъ соперничать съ Килинскимъ относительно вліянія на толпу: Капостасъ работалъ въ магистратѣ, въ ассигнаціонной дирекціи, а Килинскій всегда находился съ толпою, начальствовалъ при работахъ на шанцахъ, и работать было весело, благодаря тому же Килинскому, который нанималъ музыку, угощалъ тѣхъ, которые могли доставлять ему вліяніе. Капостасъ не безъ зависти смотрѣлъ на значеніе, пріобрѣтенное Килинскимъ, что видно изъ отзывовъ его о знаменитомъ башмачникѣ. Говоря объ участіи Килинскаго въ заговорѣ, Капостасъ замѣчаетъ: «Килинскій обѣщалъ въ случаѣ возмущенія выставить тотчасъ въ разныхъ мѣстахъ многія партіи мѣщанъ на помощь войску. Но онъ, какъ я подъ рукою узналъ, а особливо отъ Гасчеровскаго, тогдашняго адъютанта коронной гвардіи, выполнилъ это очень дурно или, лучше сказать, ничего не выполнилъ, и еслибъ чернь не присоединилась къ войскамъ вскорѣ сама собою, то они бы погибли именно вслѣдствіе неисполненія Килинскимъ своего обѣщанія. Даже многіе сказывали мнѣ, что не понимаютъ, почему Килинскому приписываютъ такъ много важнаго, тогда какъ никто не знаетъ за нимъ ни одного поступка, достойнаго такихъ похвалъ, какія ему расточаютъ. Зная самолюбіе его непомѣрное, несомнѣваюсь я нисколько, чтобъ онъ не хвалился тридцатью подвигами, изъ которыхъ едва ли справедливъ тридцатый. Какъ ни честенъ характеръ этого человѣка, однако онъ такъ слабъ и недальновиденъ, что каждый мнимый патріотъ можетъ склонить его ко всему, къ чему угодно» [1]). Скоро Килинскій долженъ былъ оставить Варшаву; но чтобъ объяснить причину этого удаленія, мы должны обратиться къ военнымъ дѣйствіямъ.

Мы видѣли, что, по выходѣ своемъ изъ Варшавы, генералъ Игельстромъ соединился съ пруссаками; отрядъ его заключалъ въ себѣ около 250 человѣкъ; потомъ, перешедши въ Ловичъ, онъ стянулъ около себя 7,000 войска. Генералъ Денисовъ стоялъ съ своимъ корпусомъ въ Щекоцинахъ (на рѣкѣ Пилицѣ, къ сѣверу отъ Кракова); въ двухъ миляхъ отъ Щекоцинъ, въ Жарновцѣ стояли пруссаки подъ начальствомъ генерала Фавра. Къ нимъ на помощь скоро явился съ войскомъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ II. Пруссаки спѣшили наступательными движеніями на Польшу, во-первыхъ, для того, чтобъ не дать распространиться мятежу въ областяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи; во-вторыхъ, чтобъ воспользоваться малочисленностью русскихъ войскъ въ Польшѣ и взять себѣ здѣсь первенствующую роль, которая бы дала возможность пріобрѣсть хорошій кусокъ при третьемъ, послѣднемъ раздѣлѣ: раздѣлъ этотъ былъ несомнѣненъ при такъ безразсудно начатомъ движеніи со стороны поляковъ. 6 іюня (н. с.), Косцюшко напалъ на соединенныя русскія и прусскія войска при Щекоцинахъ и потерпѣлъ пораженіе. 8 іюня русскій генералъ Дерфельденъ поразилъ при Хельмѣ поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Зайончека; 15 іюня Краковъ сдался пруссакамъ. Косцюшко былъ въ отчаянномъ положеніи. Онъ хотѣлъ поднять крестьянъ, набралъ изъ нихъ отрядъ, поддѣлывался къ нимъ, надѣлъ деревенскую сермягу, ѣлъ и цѣлые дни проводилъ съ ними. [2]) Но все это не вело ни къ чему: придавленные крестьяне не понимали, какое у нихъ можетъ быть общее дѣло съ шляхтою; не понимали, зачѣмъ они должны драться, чтобъ дать торжество такъ называемой Польской республикѣ надъ ея врагами. Крестьяне не поднимались, а между тѣмъ шляхта сильно встревожилась, увидавъ поведеніе генералиссимуса относительно крестьянъ, и нисколько не думала сообразоваться съ этимъ поведеніемъ. Въ то время, когда Косцюшко заставлялъ крестьянъ въ рядахъ своихъ биться за *ойчизну*, шляхта обременяла женъ и дѣтей ихъ *паньщизною* (барщиною). Косцюшко разослалъ универсалъ, въ которомъ стращалъ шляхту, что Москва старается поднять польскихъ крестьянъ, указывая имъ на ихъ злую долю и обѣщая облегченіе властью императрицы Екатерины. Косцюшко требовалъ: чтобъ крестьянинъ былъ лично объявленъ свободнымъ; чтобъ рабочіе дни были уменьшены; чтобъ землевладѣлецъ могъ отнимать у крестьянина землю, только доказавши передъ судомъ, что тотъ неисполняетъ своихъ обязательствъ; чтобъ землевладѣльцы и управляющіе за притѣсненія крестьянъ отвѣчали передъ судомъ, какъ виновные въ намѣреніи погубить дѣло національнаго возстанія [3]). Универсалъ возбудилъ въ шляхтѣ страшный ропотъ на нарушеніе права собственности—и остался безъ исполненія [4]).

Въ это время, когда шляхта не хотѣла сдѣлать ни малѣйшаго облегченія сельскому люду, въ Варшавѣ, въ церкви Св. Креста, проповѣдникъ съ каѳедры, во время обѣдни, произносилъ похвальное слово Робеспьеру. Понятно, что королю послѣ этого стало не очень пріятно въ Варшавѣ. 16

[1]) Показанія Капостаса.

[2]) Pamiętnik Jozefa Zajęczka, въ: Pamiętniki z 18 wieku, II, 118.

[3]) D'Angeberg—Recueil des traités et. c. p. 373.

[4]) Zajęczek. 119.

іюня, увѣдомляя Косцюшку о необходимости укрѣпить Варшаву въ извѣстныхъ мѣстахъ, Станиславъ-Августъ писалъ, что надобно отправить дамъ изъ города и освободить знатныхъ арестантовъ, чтобъ революція не носила якобинскаго характера. Тутъ же король изъявлялъ желаніе находиться въ лагерѣ подлѣ генералиссимуса, и жаловался, что Верховный Совѣтъ сообщаетъ ему о дѣлахъ поверхностно, и то когда уже рѣшеніе постановлено; что члены Совѣта избѣгаютъ свиданія съ нимъ: Потоцкій и Закржевскій были только разъ во дворцѣ. Когда король повторилъ эти желанія и жалобы Деболи, тотъ отвѣчалъ: «Мое мнѣніе—оставайтесь здѣсь и будьте покойны, оставьте правительствующимъ лицамъ дѣлать все, что они хотятъ». Король сказалъ на это: «Если бы я руководился единственно самолюбіемъ, то былъ бы вашего мнѣнія; но я люблю народъ и хочу спасти настоящее правительство». — «Правительство въ хаосѣ, оставайтесь спокойнымъ зрителемъ», отвѣчалъ Деболи[1]). По свидѣтельству Нѣмцевича, Коллонтай употреблялъ всѣ средства, чтобъ погубить короля[2]).

Вѣсти о пораженіяхъ Косцюшки и Зайончека и о сдачѣ Кракова подали поводъ въ Варшавѣ къ явленіямъ, напомнившимъ сентябрскіе дни Французской революціи. 27 іюня Казимиръ Конопка, бывшій секретарь Коллонтая, сталъ произносить предъ народными толпами зажигательную рѣчь, указывалъ на измѣну краковскаго коменданта Венявскаго, сдавшаго городъ пруссакамъ; говорилъ, что въ стѣнахъ Варшавы много такихъ же измѣнниковъ, пощаженныхъ 9 мая; увѣщевалъ народъ требовать ихъ казни. Ночью народъ въ разныхъ мѣстахъ поставилъ висѣлицы, а на другой день, 28 числа, толпы направились къ тюрьмѣ, повѣсили прежде всего начальника тюрьмы, Маевскаго, за то, что онъ не хотѣлъ имъ выдать списка заключенныхъ, а потомъ перевѣшали безъ разбора и послѣднихъ. Капостасъ вмѣстѣ съ Килинскимъ старались тутъ утишить разсвирѣпѣвшую толпу, но понапрасну: имъ самимъ грозили висѣлицею. Килинскій разсердился и подалъ въ Верховный Совѣтъ предложеніе—забрать нѣсколько тысячъ бѣдныхъ и безпокойныхъ людей, участвовавшихъ въ дѣлѣ 28 числа, и отправить ихъ въ армію къ Косцюшкѣ. Предложеніе было принято, и самого Килинскаго сдѣлали полковникомъ и отправили къ войску: «Воспользовались случаемъ», говоритъ Капостасъ,—«чтобы только съ честію выпроводить его изъ города, потому что слишкомъ сильное вліяніе его на чернь, при всей честности его сердца, но при слабости ума, могло сдѣлаться вреднымъ».

Но удаленіе безпокойныхъ людей и Килинскаго не уничтожило якобинскихъ замашекъ, которыя сильно тревожили короля. 1-го іюля онъ писалъ Косцюшкѣ: «Надобно, чтобъ вы знали, въ какомъ положеніи находится Варшава. Открыто на рынкѣ и въ питейныхъ домахъ поютъ пѣсню, въ концѣ которой говорится: «Мы, краковяне, носимъ на поясѣ шарикъ: мы на немъ повѣсимъ короля и примаса». Тѣ же угрозы слышались въ толпахъ 28 іюня. Всей Варшавѣ извѣстно, что въ продолженіи двухъ ночей передъ 28 числомъ дворецъ и Вислу стерегла община рыбаковъ, чтобъ воспрепятствовать моему мнимому бѣгству; слухами объ этомъ бѣгствѣ свернули головы народу и слѣдствіемъ были ужасы 28 іюня. Въ цѣлой Варшавѣ теперь нѣтъ ни одного человѣка, которому было бы поручено и который былъ бы въ состояніи охранять меня. Поэтому я прошу васъ прислать сюда отрядъ войска для сохраненія безопасности и спокойствія, и для моей защиты, только бы этотъ отрядъ состоялъ не изъ рекрутъ, недавно набранныхъ въ Варшавѣ».

Но Косцюшкѣ было не до этого. Послѣ пораженія при Щекоцинахъ, онъ поспѣшилъ къ Варшавѣ и ввелъ свои войска въ линіи ея укрѣпленій; но въ то же время стремился къ Варшавѣ и король Прусскій, и 13 іюля осадилъ ее, подкрѣпляемый русскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ Ферзенъ, смѣнившій Игельстрома. Пруссаки хотѣли воспользоваться своимъ численнымъ преимуществомъ, чтобъ распорядиться Польшею въ свою пользу; русскіе, разумѣется, не должны были допускать ихъ до этого. Фридрихъ-Вильгельмъ II жаловался, что Ферзенъ день ото дня становится менѣе *traitabel* (сговорчивъ). Къ ужасу своему, король узналъ, что императоръ Францъ хочетъ пріобрѣсть себѣ южные палатинаты Польши — Люблинъ, Хельмъ, Краковъ и Сендомиръ. Пруссаки сильно сердились, а Ферзенъ хладнокровно говорилъ, что австрійскія желанія вполнѣ справедливы. Въ прусскомъ лагерѣ было разногласіе во мнѣніяхъ относительно веденія войны: Люкезини совѣтовалъ дѣйствовать энергически, взять Варшаву, перейти Вислу, вступить въ Литву, такъ чтобы послѣ, при раздѣлѣ, можно было хвалиться умѣренностью, ограничившись линіею Вислы съ Сендомиромъ и Краковомъ. Другого мнѣнія былъ Бишофсвердеръ: онъ говорилъ, что не слѣдуетъ тратить прусскихъ солдатъ въ кровопролитномъ дѣлѣ взятія Варшавы, которая должна сама сдаться, когда жители увидятъ серьезныя приготовленія къ осадѣ. Рѣшено было длить осаду и пускать русскихъ биться около польскихъ шанцевъ: пусть ихъ тратятъ своихъ солдатъ. Но Ферзенъ на это не поддался. Когда король приглашалъ его къ отдѣльному нападенію, то онъ отвѣчалъ, что слишкомъ слабъ, чтобъ дѣйствовать порознь, а вмѣстѣ съ пруссаками готовъ. Гольцъ присылалъ изъ Петербурга вѣсти, что тамъ вполнѣ одобряютъ поведеніе Ферзена; что генералъ этотъ, пожалуй, уйдетъ за Вислу и оставитъ пруссаковъ однихъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, въ августѣ, отправилъ въ Петербургъ одного изъ своихъ диплома-

[1]) Записки С.-А. Понятовскаго.
[2]) Показанія Нѣмцевича (неизданныя).

товъ, Тауенцина, который долженъ былъ внушить русскому министерству: что король желаетъ для себя земель между Силезіею, южною Пруссіею и Вислою; король считаетъ полезнымъ, чтобъ между Россіею и Пруссіею находилось небольшое отдѣльное владѣніе; это владѣніе Тауенцинъ долженъ былъ предложить графу Зубову, съ условіемъ, чтобъ тотъ поддержалъ прусскія требованія противъ австрійскихъ. Но скоро пришла вѣсть, что король Прусскій отступилъ отъ Варшавы. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ увѣдомилъ объ этомъ императрицу слѣдующимъ письмомъ[1]): «Съ горестію узналъ я о варшавскихъ убійствахъ, и, преисполненный такимъ же негодованіемъ, какое было возбуждено и въ в. в—ствѣ, я съ рѣдкою энергіею занялся средствами наказать ихъ виновниковъ. Я собралъ наспѣхъ всѣ войска, какія только были поблизости, и разбилъ, вмѣстѣ съ генераломъ Денисовымъ, постоянно возраставшую армію такъ называемаго генералиссимуса, котораго повстанцы себѣ назначили. Не обращая вниманія на тысячу военныхъ потребностей, которымъ я не имѣлъ времени удовлетворить, я ускорялъ походъ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ; я заставлялъ непріятеля покидать одну позицію за другою и заставилъ наконецъ броситься въ линіи Варшавы. Но если наши храбрыя войска умѣли побѣждать въ открытомъ полѣ, то существуютъ препятствія, которыхъ одно мужество преодолѣть не въ состояніи. Я нашелъ передъ столицею, гдѣ я надѣялся уничтожить гнѣздо мятежа, страшныя укрѣпленія, многочисленную артиллерію, а у меня именно недоставало артиллеріи. Въ то время, какъ я распоряжался, чтобъ осадныя орудія были взяты изъ прусскихъ крѣпостей и доставлены подъ Варшаву съ большими издержками, мятежники успѣли усовершенствовать свои укрѣпленія и, что всего хуже, возбудить мятежъ въ провинціяхъ, недавно мною пріобрѣтенныхъ, и характеръ этого мятежа становился день ото дня опаснѣе. Я долго льстилъ себя надеждою, что, взявши Варшаву, я предупрежду взрывъ, и если бы корпусъ генерала Дерфельдена, находившійся уже въ Пулавахъ, не получилъ приказа принять другое направленіе, вмѣсто того чтобъ пособить мнѣ нанести рѣшительный ударъ, то конечно я не обманулся бы въ моей надеждѣ. Принужденный ограничиться собственными средствами, я однако не терялъ мужества, несмотря на умножавшіяся препятствія. Я приказалъ сдѣлать всѣ распоряженія къ послѣдней атакѣ; но наканунѣ получаю печальное извѣстіе, что суда мои съ транспортомъ взяты или потоплены инсургентами. Со всѣхъ сторонъ меня извѣщаютъ, что мятежъ въ южной Пруссіи пріобрѣтаетъ день ото дня болѣе силы. Наши сообщенія прерваны, полученіе запасовъ ненадежно, равно какъ и спокойствіе моихъ провинцій.

«Въ этомъ положеніи, при потерѣ надежды, что или корпусъ войска вашего величества или императорскій могутъ на правомъ берегу Вислы помочь усиліямъ, которыя я посвящалъ взятію Варшавы, такъ какъ не было возможности и по опасности сообщеній и по малости времени вознаградить скоро потерю снарядовъ, которыхъ я ожидалъ съ такимъ живымъ нетерпѣніемъ, то мнѣ не оставалось другого выбора какъ отступить съ моими войсками, причемъ часть ихъ ввести въ взбунтованную провинцію, остальныя же помѣстить въ недальнемъ разстояніи отъ столицы, чтобъ держать въ страхѣ ея виновныхъ защитниковъ».

Когда письмо это было получено въ Петербургѣ, то на Тауенница повѣялъ дипломатическій холодъ: императрица проходила мимо молча; Марковъ и Остерманъ толковали, какую ошибку сдѣлалъ король, потому что одно взятіе Варшавы могло положить конецъ волненіемъ въ прусскихъ областяхъ. Зубовъ, на извѣстное предложеніе, отвѣчалъ, что слишкомъ много чести, да и австрійцы не позволятъ; что всего хуже для Тауенцина, Зубовъ объявилъ, что Австрію надобно вознаградить за ея борьбу съ Французскою революціею, а вознаградить больше негдѣ, какъ въ Польшѣ. Когда Тауенцинъ объявилъ притязанія своего Двора на земли въ 1,300 квадратныхъ миль, то Зубовъ, Марковъ и Остерманъ отвѣчали, что хотя доля и велика, однако они употребятъ у императрицы всѣ старанія въ пользу Пруссіи. Но Екатерина отвѣчала, что она проситъ короля отказаться отъ воеводствъ Краковскаго и Сендомирскаго, необходимыхъ для Австріи; что же касается до русской доли, то сама природа указала границы: Бугъ и Нѣманъ; да еще къ Россіи отойдетъ Курляндія, потому что при двухъ прежнихъ раздѣлахъ Россія не получила приморскихъ городовъ. Вся остальная Польша отдавалась Пруссіи съ городомъ Варшавою. При этомъ третьемъ раздѣлѣ Россія получала 2,000 съ чѣмъ нибудь квадратныхъ миль, Австрія—1,000, Пруссія—съ чѣмъ нибудь 700; но хуже всего для Пруссіи было то, что Австрія получала перевѣсъ. Тауенцинъ былъ въ самомъ печальномъ положеніи. Къ большему его несчастію, приходитъ извѣстіе, что договоръ Пруссіи съ Англіею для веденія Французской войны нарушенъ; что генералъ Моллендорфъ идетъ назадъ съ Рейна. «Императрица», говорилъ Остерманъ, «не хочетъ обсуживать, кто здѣсь правъ, кто виноватъ, Пруссія или Англія. Но ея величество не понимаетъ, противъ кого Пруссіи нужно усиливать войска свои въ Польшѣ. Она думаетъ, что Пруссія не должна была бы показывать себя въ такой зависимости отъ англійскихъ денегъ; теперь она видитъ, какъ хорошо сдѣлала, что не послала своихъ войскъ на западъ въ такую коалицію. Какъ блистательно отличается поведеніе Австріи, которая, несмотря на всѣ пожертвованія, продолжаетъ оказывать ревность къ Французской войнѣ». Марковъ говорилъ: «Въ Пруссіи забыли благодѣянія договора 1793 года, не хотятъ обра-

[1]) Отъ 1-го сентября 1794.

тить вниманіе на то, что южная Пруссія составляетъ вознагражденіе не за одинъ, но за пять походовъ; позабыли, что въ договорѣ прямо обѣщано не оканчивать войны до совершеннаго уничтоженія Французской революціи». Всѣ эти разговоры заставили Пруссію торопиться начатіемъ сношеній съ Франціей; а Россіи былъ данъ отвѣтъ, что Пруссія не можетъ уступить Кракова, который въ прусскихъ рукахъ будетъ только пунктомъ защиты, потому что лежитъ на сѣверъ отъ горъ, а въ австрійскихъ—пунктомъ нападенія, и Прусская Силезія будетъ со всѣхъ сторонъ окружена австрійскими владѣніями. Если же нельзя удовлетворить требованіямъ Пруссіи, то она вовсе не желаетъ раздѣла [1]).

Судьба Польши рѣшилась русскимъ оружіемъ: для этого императрица отправила Суворова, хотя званіе главнокомандующаго носилъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. Суворовъ поразилъ корпусъ генерала Сѣраковскаго при монастырѣ Крупчицѣ, потомъ добилъ его въ окрестностяхъ Бреста 8 сентября: 8 часовъ бились холоднымъ оружіемъ; поляковъ едва спаслось 500 человѣкъ, плѣнныхъ было взято мало,—едва нѣсколько сотъ. «Ея и. в—ства побѣдоносныя войска», писалъ Суворовъ Румянцеву, «платили его (непріятеля) отчаянность, не давая пощады, отчего нашъ уронъ примѣчателенъ, хотя не великъ; поле покрыто убитыми тѣлами свыше пятнадцати верстъ. Мы очень устали» [2]). Суворовъ шелъ на соединеніи съ Ферзеномъ; 3,000-й польскій отрядъ, подъ начальствомъ Понинскаго, былъ высланъ помѣшать переправѣ Ферзена черезъ Вислу; но онъ не успѣлъ этого сдѣлать, оправдывая себя впослѣдствіи густою мглою. Въ такихъ обстоятельствахъ Косцюшко рѣшился соединиться съ остатками корпуса Сѣраковскаго, съ Понинскимъ и напасть на Ферзена, не допуская его до соединенія съ Суворовымъ. Главная квартира польскаго войска, послѣ удаленія пруссаковъ, перенесена была въ Мокотово, имѣніе княгини Любомирской. 5-го октября (н. с.) Косцюшко отдалъ приказъ, чтобъ два полка пѣхоты съ нѣсколькими орудіями перешли мостъ подъ Прагою и шли на соединеніе съ отрядомъ Сѣраковскаго. Вечеръ Косцюшко, Игнатій Потоцкій, Нѣмцевичъ и нѣсколько другихъ членовъ ихъ кружка провели у Закржевскаго; вечеръ былъ веселый и оживленный; никто изъ собесѣдниковъ не предчувствовалъ, что разстаются такъ надолго и что ихъ ожидаетъ такое тяжкое несчастіе [3]). На другой же день, 6 числа, Косцюшко вмѣстѣ съ Нѣмцевичемъ отправился въ лагерь Сѣраковскаго; 7-го, недождавшись ни подкрѣпленія изъ Варшавы, ни Понинскаго, Косцюшко выступилъ противъ Ферзена съ 6,500 пѣхоты и 4,000 кавалеріи; 9 числа, около 4 часовъ пополудни, поляки, держа путь къ селенію Мацѣевицы, вышли изъ большаго лѣса. Косцюшко и Нѣмцевичъ, въ товариществѣ нѣсколькихъ улановъ, выѣхали напередъ—и черезъ нѣсколько минутъ открылась имъ русская армія, стоявшая обозомъ вдоль Вислы. Польскіе вожди должны были признаться, что впечатлѣніе, производимое этою арміею, было и сильно и нададавало страху. Поляки немедленно же начали перестрѣлку съ казаками; но эта перестрѣлка скоро утихла; ночью приготовились къ битвѣ. Русскіе превосходили числомъ войска и орудій; у поляковъ было выгоднѣйшее положеніе: они стояли на землѣ сухой и возвышенной, тогда какъ русскіе—въ болотѣ, гдѣ съ каждымъ шагомъ грязли орудія и люди. Русскіе дѣйствовали убійственно своею артиллеріею, потомъ, приблизившись на карабинный выстрѣлъ, начали страшный ручный огонь. Въ мгновеніе ока земля покрылась убитыми и ранеными,—Польскія пушки умолкли, поляки потеряли всякое терпѣніе; польскій отрядъ полковника Кржицкаго рванулся-было, чтобы ударить въ атаку; но русскія ядра стелятъ его мостомъ и не даютъ проходу крестьянамъ, вооруженнымъ косами. Наконецъ поляки обращаются во всеобщее бѣгство. Ихъ было побито на мѣстѣ 5,000 да взято въ плѣнъ 1,500, большею частью раненыхъ; уронъ русскихъ, отъ отчаяннаго сопротивленія непріятелей, былъ не малъ. Честь дѣла принадлежитъ генералъ-майору Денисову; Ферзенъ явился уже къ концу битвы. Польскіе генералы: Каминскій, Сѣраковскій, Княжевичъ, бригадиръ Копецъ, Нѣмцевичъ, были взяты въ плѣнъ. Около пяти часовъ вечера явился въ главную квартиру отрядъ русскихъ солдатъ, которые несли полумертваго человѣка: то былъ Косцюшко. Кровь покрывала его тѣло и голову; лицо было блѣдно-синее [4]).

[1]) Sybel — Geschichte des Revolutionszeit, III, 268 и слѣд.

[2]) Донесеніе изъ Бреста 8 сентября 1794 года.

[3]) Нѣмцевича: о битвѣ подъ Мацѣевицами, въ Pamiętniki z 18 wieku, t. II.

[4]) Извѣстно знаменитое выраженіе Косцюшки, когда онъ падалъ отъ ранъ: «Finis Poloniæ». Впослѣдствіи, въ 1803 году, въ письмѣ къ графу Сегюру, онъ самъ отрицаетъ это извѣстіе: «Прежде всего, до окончанія сраженія, я былъ почти смертельно раненъ и очнулся только два дня спустя, когда уже находился въ рукахъ моихъ враговъ. Потомъ, если подобное слово непослѣдовательно и преступно въ устахъ каждаго поляка, то оно было бы гораздо болѣе непослѣдовательнымъ и преступнымъ въ моихъ устахъ. Я не былъ послѣднимъ полякомъ, съ моею смертію Польша не могла, и не должна кончиться» (Recueil des traités, conventions etc. par le Comte d'Angeberg, page 392).—Понятно, что въ 1803 году Косцюшко считалъ себя обязаннымъ опровергнуть извѣстіе о „finis Poloniæ“. Мы вовсе не думаемъ уличать его во лжи; но замѣтимъ, что если онъ очнулся только два дня спустя, то спрашивается: могъ ли онъ помнить, что ему пришло на умъ и на языкъ въ минуту отчаянія. Онъ защищаетъ свою скромность; но зачѣмъ же было ему относить гибель Польши къ собственной особѣ: Польша погибла потому, что истощала послѣднія силы, и, проигравши сраженіе, выигрышъ котораго могъ бы дать еще какую-нибудь, хотя слабую надежду помѣриться съ русскимъ силами, Косцюшко имѣлъ полное право

Получивъ извѣстіе о плѣнѣ Косцюшки, Суворовъ писалъ Румянцеву: «Поздравляю въ живыхъ перваго героя, Россійскаго Нестора. Господь силъ съ нами»! Еще легче и раньше было потушено литовское возстаніе. И здѣсь, какъ въ Польшѣ, среди спокойнаго народонаселенія страны волновалась одна Вильна, и небольшіе отряды войска были единственными представителями возставшихъ. Мы видѣли, какую роль игралъ артиллеристъ Ясинскій въ варшавскомъ заговорѣ: легко понять, что онъ былъ главнымъ двигателемъ виленскаго возстанія, когда въ Литвѣ распространилась вѣсть о событіяхъ въ Краковѣ и Варшавѣ. Ясинскій, съ 300 солдатъ и съ небольшою толпою народа, взволновалъ Вильну. Русскій генералъ Арсеньевъ, по своей невнимательности, попался въ плѣнъ; гетманъ Косаковскій былъ повѣшанъ какъ измѣнникъ. Но послѣ этого взрыва сейчасъ же оказалось, что въ Литвѣ нечего больше сдѣлать; ни людей съ правительствеными способностями, ни войска, ни денегъ, а между тѣмъ русскіе отряды перекрещивали Литву во всѣхъ направленіяхъ. Командующимъ литовскою арміею Косцюшко назначилъ Віельгорскаго. Новый главнокомандующій, пріѣхавши въ Вильну, пришелъ въ ужасъ отъ рапорта о состояніи арміи; еще въ большій ужасъ пришелъ онъ, когда, сдѣлавъ смотръ войскамъ, увидалъ малое число солдатъ, способныхъ къ бою, недостатокъ артиллеріи. Послали къ Косцюшкѣ представить ему это бѣдственное состояніе; Косцюшко отвѣчалъ, что, будучи самъ стиснутъ непріятелемъ, находившимся у воротъ Варшавы, не можетъ раздѣлять своихъ войскъ и подать помощь Литвѣ; онъ просилъ Віельгорскаго не отчаяваться и не начинать съ русскими рѣшительнаго дѣла, чтобъ имѣть вотможность держаться какъ можно долѣе въ Литвѣ [1]).

Но это было трудно сдѣлать: русскіе явились подъ Вильною; Віельгорскій, больной физически и нравственно, сдалъ команду генералу Хлевинскому, и тотъ очистилъ Вильну передъ русскими войсками, которыя вошли въ городъ 12 августа.

Оставалось покончить съ Варшавою. Вѣсть о плѣнѣ Косцюшки встрѣчена была здѣсь отчаяніемъ. Верховный Совѣтъ далъ ему въ преемники генерала Вавржецкаго. Сдѣланы были разныя распоряженія; всѣ войска сосредоточены около столицы; всѣхъ жителей заставили работать надъ укрѣпленіями Праги; но уже со всѣхъ сторонъ громко толковали о необходимости сдаться русскимъ на милость. Суворовъ не заставилъ себя долго ждать, тѣмъ болѣе что ему хотѣлось предупредить Прусскаго короля. 4 ноября, на разсвѣтѣ, русскіе начали атаку пражскихъ укрѣпленій, особенно тѣхъ, которыя находились на лѣвомъ берегу Вислы. Въ короткое время всѣ они были взяты, людей не жалѣли съ обѣихъ сторонъ; 8,000 поляковъ погибло, вся ихъ артиллерія досталась русскимъ. Прага, состоявшая преимущественно изъ деревянныхъ домовъ, представляла однѣ обгорѣвшія трубы и кучи пепла. Бомбы много зажгли домовъ и въ самой Варшавѣ. Верховный Совѣтъ рѣшился наконецъ сдать городъ; сначала онъ отправилъ къ Суворову Игнатія Потоцкаго; но Суворовъ не принялъ Потоцкаго, объявивши, что не войдетъ въ сношенія ни съ однимъ изъ главъ мятежа. Тогда магистратъ назначилъ троихъ уполномоченныхъ депутатовъ, которые и подписали съ Суворовымъ условія сдачи: жителямъ обѣщана была личная и имущественная безопасность и прощеніе прошлаго; они были всѣ обезоружены.

Революціонное правительство было уничтожено; король на время вступалъ опять во всѣ свои права и написалъ Екатеринѣ слѣдующее письмо: «Судьба Польши въ вашихъ рукахъ; ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее; какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мнѣ лично, я не могу забыть своего долга къ моему народу, умоляя за него великодушіе вашего императорскаго величества. Польское войско уничтожено, но народъ существуетъ; но и народъ скоро станетъ погибать, если ваши распоряженія и ваше великодушіе не поспѣшатъ къ нему на помощь. Война прекратила земледѣльческія работы, скотъ взятъ, крестьяне, у которыхъ житницы пусты, избы сожжены, тысячами убѣжали за границу; многіе землевладѣльцы сдѣлали то же по тѣмъ-же причинамъ. Польша уже начинаетъ походить на пустыню, голодъ неизбѣженъ на будущій годъ, особенно если другіе сосѣди будутъ продолжать уводить нашихъ жителей, нашъ скотъ и занимать наши земли. Кажется, право поставить границы другимъ и воспользоваться побѣдою принадлежитъ той, которой оружіе все себѣ подчинило». Екатерина отвѣчала: «Судьба Польши, которой картину вы мнѣ начертали, есть слѣдствіе началъ разрушительныхъ для всякаго порядка и общества, почерпнутыхъ въ примѣрѣ народа, который сдѣлался добычею всѣхъ возможныхъ крайностей и заблужденій. Не въ моихъ силахъ было предупредить гибельныя послѣдствія и засыпать подъ ногами Польскаго народа бездну, выкопанную его развратителями, и въ которую онъ наконецъ увлеченъ. Всѣ мои заботы въ этомъ отношеніи были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Конечно, надобно ждать теперь ужаснѣйшаго изъ бѣдствій, голода; я дамъ приказанія на этотъ счетъ сколько возможно: это обстоятельство вмѣстѣ съ извѣстіями объ опасностяхъ, которымъ ваше величество подвергались среди разнузданнаго народа Варшавскаго, заставляетъ меня желать, чтобъ ваше величество какъ можно скорѣе переѣхали изъ этого

сказать „Finis Poloniæ“. Нѣмцевичъ, описавшій намъ сраженіе подъ Мацѣевицами, говоритъ прямо, что Косцюшко былъ еще живъ и не раненъ, когда уже судьба сраженія не могла быть сомнительна, когда уже русскіе овладѣли полемъ битвы.

[1]) Mémoires de M. Oginski, I, 415 и сл.

виновнаго города въ Гродно. Ваше величество должны знать мой характеръ; я не могу употребить во зло моихъ успѣховъ, дарованныхъ мнѣ благостью Провидѣнія и правдою моего дѣла. Слѣдовательно вы можете покойно ожидать, что государственные интересы и общій интересъ спокойствія рѣшатъ насчетъ дальнѣйшей участи Польши».

Королю очень не хотѣлось выѣхать изъ Варшавы; онъ представилъ Суворову, что ему не съ чѣмъ выѣхать въ Гродно, не съ чѣмъ оставить въ Варшавѣ своихъ родныхъ и служителей, потому что онъ давно уже не получаетъ никакого дохода, живетъ въ долгъ. Суворовъ отвѣчалъ, что князь Репнинъ позаботится объ этомъ въ Гроднѣ. Король обратился къ Репнину, и тотъ отвѣчалъ, что въ Гроднѣ все готово къ его принятію и онъ не будетъ имѣть ни въ чемъ нужды. Баронъ Ашъ, завѣдывавшій дипломатическими дѣлами, увѣрялъ короля, что всѣ остававшіеся послѣ него въ Варшавѣ будутъ обезпечены. Король въ разговорѣ съ Ашемъ, упомянувъ о новомъ раздѣлѣ Польши, сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ согласится лучше отречься отъ престола и провести остатокъ жизни въ Римѣ. Ашъ отвѣчалъ, что отреченіе совершенно зависитъ отъ воли королевской, что его величество можетъ устроить это дѣло въ Гроднѣ съ княземъ Репнинымъ. 8 января 1795 года Станиславъ-Августъ простился съ главнокомандующимъ, и былъ такъ тронутъ нѣжнымъ прощаніемъ Суворова, что растерялся и не припомнилъ всего, что хотѣлъ ему сказать [1]).

Станиславъ-Августъ не возвратился въ Варшаву; Польша исчезла съ карты Европы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо къ Императрицѣ Екатеринѣ Александра Ильича Бибикова, изъ Варшавы 14 августа 1772 года. «Реляція моя извѣститъ В. И. Величество о покореніи крѣпости Ченстноховской и объ окончаніи польской войны, каковая донынѣ здѣсь продолжалась, а настоящимъ моимъ письмомъ домолвить осмѣлюсь, что хотя отъ всей католицкой горячей вѣры умаливанъ былъ чудотворной Ченстоховской Богоматери образъ, дабы Она насъ шизматиковъ до своего лика не допустила, однако усердіе наше и солдатскіе молитвы съ такою же пріятностью отъ сего святаго образа пріемлются какъ и отъ истинныхъ Римскаго исповѣданья католиковъ. Папской нунціусъ г. Дурини приписываетъ сіе польскому невѣрію и съ досады ѣдитъ отсюда скорѣй нежели збирался. Паулинскаго ордена Ченстоховскіе монахи живутъ и жить будутъ яко со братію своею Углицкаго пѣхотнаго ордена. Не будетъ между ими такой войны, какая была у капуциновъ съ Францишканами за капишонъ св. Франциска».

[1]) Записки С.-А. Понятовскаго.

2) Записка Безбородка 1790 года о томъ, что по окончаніи Шведской войны нельзя начинать войны съ Пруссіею и Англіею, но должно сблизиться съ Пруссіею. «Что война съ Портою и понынѣ продолжающаяся, и другая недавно съ шведскимъ королемъ оконченная привели государство въ большое итощеніе какъ и людьми, такъ и деньгами въ томъ не можетъ настоять ни малѣйшее сомнѣніе. Число рекрутъ въ теченіи четырехъ лѣтъ взятыхъ изъ всякихъ состояній народныхъ, простирается за 400,000 человѣкъ. Что же касается до денегъ, недостатокъ въ нихъ такъ великъ, что и самые налоги не могутъ удовлетворить нуждамъ нашимъ. Вексельный курсъ съ начала турецкой войны и по сю пору упадать продолжаетъ. Займы внѣшніе отъ часу становятся затруднительнѣе. Въ такомъ положеніи не можно не признаться чтобы не было опасно и бѣдственно отважиться на новую войну, прибавляя противъ себя толь сильныхъ непріятелей, каковы король Прусскій и его союзники. Ко внутреннему положенію надлежитъ присовокупить и внѣшнее. Мы теперь не имѣемъ союзниковъ. Король Прусскій воспользовался растройствомъ Австрійской монархіи и слабостью нынѣ владѣющаго Императора, поставилъ его въ совершенное недѣйствіе, которое повидимому и по собственнымъ изъясненіямъ Вѣнскаго двора не прервется и при самомъ на насъ нападеніи, по крайней мѣрѣ на первый годъ. Между тѣмъ никто ручаться не можетъ, что если дѣйствія Прусскія въ теченіи сего года будутъ сильны и успѣхомъ сопровождаемы, Императоръ отважился бы вмѣшаться въ войну. Данія на дѣлѣ совсѣмъ выведена изъ системы нашей и отъ нея никакой помощи ожидать нельзя. Союзъ съ Швеціею еще сомнителенъ».

3) Записка Императрицы къ графу Зубову о Людовикѣ XVI: «Aussi longtemps que le roi de France aura deux volontés contradictoires dont l'une detruira l'autre continuellement dans les effets je pense qu'il deviendra à peu près inutile de se meler d'orenavant de ses affaires, et que dès que la volonté secrère et la volonté publique ne feront plus qu'un et cesseront d'être contradictoire, le roi de France n'aura plus besoin qu'on l'aide».

4) Записка Императрицы относительно революціонной Франціи 1791 года: «Je crains que mes efforts ne soyent vains dans ce moment. Il me parait qu'il en est des grandes affaires en général comme des vaisseaux qu'on lance du chantier. Tous les supports sont abbattus, mais le vaisseau ne bouge que lorsque son propre poid l'ebranle. Mais alors en vain voudrait on l'arreter»! Способъ дѣйствія, предлагаемый Екатериною: «D'employer cette hyver à travailler d'un parfait accord à établir et consolider un concert ou un plan positif tant entre nous qu'avec l'empereur, les rois de Prusse, d'Espagne et de Sardaigne et à tirer d'eux des

promesses precises d'agir au commencement du printems. En supposant ce qui est plus que probable que l'esprit de subversion continuira longtemps en France, que l'assemblée prétendue nationale ira d'incongruité en incongruité que personne dans ce pays ne saura ni commender, ni obéir et qu'il en resultera necessairement des procedés qui fourniront de plus en plus des grifes à tous les souverains et acheveront de les indigner et provoquer, ce sera alors le cas et le moment d'entreprendre et d'executer la descente projettée (en Normandie). De tacher de savoir au vrai sur tout les sentiments et les dispositions du roi et de la reine de France et d'obtenir un aveu ou une authorisation à ce qu'on entreprendra en leur faveur afin de calmer les scrupules du roi de Prusse qui ne veut point les servir contre leur gré et de légitimer ce qu'on ferait. Il est vrai que le plein pouvoir illimité donné par le roi à Monsieur aurait pu tenir lieu d'un pareil acte aux yeux de sa Majesté Prussienne: mais comme elle y attache de l'importance, il serait bon de la contenter la dessu. Il faut endormir l'assemblée prétendue nationale, lui faire croir que la vivacite des armements est rallentie de toutes partes».

5) Письмо короля Французскаго Людовика XVI къ королю Шведскому Густаву III, 26 ноября 1791 года. «Monsieur mon frère. Il me tardait bien de trouver une occasion sure pour témoigner à Votre Majesté toute ma sensibilité de l'interet qu'elle m'a tèmoigné dans les differents circonstances ou je me suis trouvé, je compte assez sur son amitié et sur ses sentiments pour moi pour être sur de conserver toujours en elle un allié et un ami fidéle. Votre Majesté sentira aisement que ma position exige de grands ménagements.

J'espère dans peu pouvoir lui faire part de touts mes projets, et mettant ma confiance dans sa façon de penser noble et genereuse, je ne doute pas qu'elle ne les se conde de tout son pouvoir et qu' elle n'emploie l'influence qu'elle a sur l'Emperatrice de Russie pour la decider en ma faveur. Je désire bien que Votre Majésté se serve de celle qu'elle a à Coblence et à Vorms pour empecher qu'on fasse quelque entreprise qui derangerait mes projets et ne pourrait qu'être fatale à moi et à mon royaume».

6) Письмо Людовика XVI къ королю Прусскому, отъ 3 декабря 1791 года. «J'ai appris par Monsieur de Moutier l'interet que Votre Majésté avait témoigné non seulement pour ma personne, mais encore pour le bien de mon royaume. La disposition de V. M. à m'en donner des témoignages dans touts les cas ou cet interet pourrait être utile pour le bien de mon peuple a excité vivement ma sensibilité, je le reclame avec confiance dans ce moment—ci ou malgré l'acceptation que j'ai faite de la nouvelle constitution les factieux montrent ouvertement le projet de detruire entierement les restes de la monarchie. Je viens de m'adresser à l'Empereur, à l'Emperatrice de Russie, aux rois d'Espagne et de Suede et je leur presente l'idée d'un congrès des principales puissan ces de l'Europe, appuyé d'une farce armée comme la meilleure manière pour arreter ici les factieux, donner le moyen d'établir un ordre de choses plus desirable et empecher que le mal qui nous travaille puisse gagner les autres Etats de l'Europe. J'espère que V. M. approuvera mes idées et qu'elle me gardera le secret le plus absolu sur la demande que je fais auprès d'elle.

7) Письмо Маріи-Антуанеты къ Екатеринѣ II, 3-го декабря 1791 года. «Dès le mois de Juillet j'ai demandé, j'ai conjuré l'Empereur de s'occuper de nos affaires, j'avois donné dès lors un plan à mon frère pour rassembler un congrès ou toutes les puissances se reuniraient. Le moment etait pressant alors, et si l'Empereur m'avait repondu il aurait fixé notre conduite sur acceptation (конституціи). Il est très essentiel que nous n'y paraissions en rien (на конгрессѣ) et même qu'ici uous puissions suivre exactement la marche que nous avons adoptée pour ne pas donner aucun soupçon. L'extrême prudence que nous devons mettre dans nos projets et toutes nos actions, fait qu'il nous a été impossible d'instruire les frères du roi de nos idées, à Dieu ne plaise qu'il y aye la moindre méfiance entre nous comme on veut le répendre: nous jugons de leurs coeurs par les notres et nous savons bien qu'ils ne sont occupés que de nous; mais tout ce qui les entourent n'est pas de même. La legereté des uns, l'indiscretion des autres, l'ambition meme de quelques uns tout impose à nos coeurs la loi penible de ne pas leur parler avec l'abandon».

8) Записка Екатерины безъ означенія числа: «Je suis de l'avis de Brissot que le seul moyen pour la France de sortir d'affaire c'est la guerre».

9) О Маріи-Антуанетѣ по поводу проекта спасти ее одну съ дофиномъ изъ Франціи. «Je ne suis pas de cet avis. Sortir de France avec son fils est très risqueux pour tous les deux: on cassera la mariage et remariera le mari».

10) Записка безъ числа. «Les nouvelles les plus fraiches disent les Princes dans l'intention de faire une contrerevolution. On les voit triste, abatu, delaissé, faisant pitié, tout le monde sorti de France les craint et les fuit. J'avoue que je ne leur aime point cette contenance la! Si ils sont dans l'intention de faire une contre-revolution, je voudroit leur voir l'air noble et assuré, le visage toujours serein, intimement persuadés de la justice de leur cause et de

leur entreprise, parlant peu de ce qui leur roule reellement par la tête, mais faisent sortir de grande coeur que des gens de courage et surtout d'esprit ont toujours à leur disposition quantité de ressource dont le vulgaire ne s'avise pas et que par la meme ils en savent toujours infinement plus que les autres, qu'a cette contenance ils ajoutent cette politesse de bienveillance qui gagne les esprits et ils auront fait bien du chemin, je voudroit par leur contenance les voir encourager tout le monde par la les attirer à eux, mais non pas les attrister ni faire pitié, la pitié est un sentiment penible qui fait que bien des gens vous fuye an lieu que l'encouragement attire toutes les ames abbatue. C'est precisement remède qu'il faut à cette maladie du decouragement universel qu'a donné l'ancien regime et auquel le nouveau n'a pas remedié. Ces memes nouvelles disent que le roi de l'Esp. et l'Emp. donnent chaquun aux princes 10,000 hommes; je le souhaite. Elles disent encore que les princes en auront 60,000 et moi je dis qu'il ne leurs en faut pas tant, 10,000 suffisent, mais il y faut de l'ordre et de la discipline. Il ne faut rien entreprendre avant que de savoir ce que veut le roi la reine les princes sont ils unis ou desunis. Il ne doivent avoir qu'un seul interets celui du retablissement de la monarchie de l'ordre et de la tranquillité avec le maintien de l'eglise catholi romaine dans la constitution par les conciles oecumenique. Il est singulier quelle meffiance pregne entre tous les Français de tout les partis et malgrè çela ils sont d'une indiscretion rare. Les princes doutes si les Autrich. les pr. d'Allemagne sont pour eux ou pour partager le gateau. De toutes les puissances celle qui ne pense aucunement au partage du gateau mais à son maintien intacte c'est la Russie».

10) «Le reine Elisabeth preta quelque argent à Henri IV pour l'aider à conquerir le throne de ses ayeux. Elle lui demandoit Calais et Dunkerque et la Bretagne. Catherine Seconde pretera aux princes volontiers 500,000 roubles pour delivrer le roi et famille royale de captivité et son royaume de l'anarchie; ils lui rendront son argent quand ils pourront, mais Elle ne leur demande rien (si non leur amitié) sinon de n'être jamais nommée pendant l'entreprise ni même après, parceque la chose meme rendra un servicê essentiel à toute l'Europe et que si on la nommoit d'autres puissances peut être par une jalousie mal entendue pourroit y contribuer avec moins de chaleur ou meme contrarier la reussite».

11) Записка къ Румянцеву во Франкфуртъ по дѣламъ французскимъ. «Il faut mettre fin aux incertitudes et à la lenteurs de la diete de l'Empire et faire decreter une declaration de guerre en bonne et due forme et la faire soutenir par le plus de troupes que l'Empire d'Allemagne est capable de mettre sur pied. Je ne pretend pas rester en arriere ni en effet reel ni en negotiations. Mon poste est pris et mon role assigné: je me charge de veiller sur les Turcks, les Polonois et la Suede, celle-ci a presentement pour tuteur de son jeune roi un des chefs de cette engeance mistique de Th o-sophes (герцогъ Зюдерманландскій) qui travaille au renversement de la religion chretienne et des thrones, la Suede est rongée de democratie, le jeune roi est menacé et ses jours ne sont pas en sureté. La Pologne est aussi remplie de cloub jacobinite. Les Turks sont incité et tourmenté par milord Ainsly et les democrates à declarer la guerre à deux cours imperiales. Ma posture est telle que j'espere de tenir en respect ceux dont je me charge, outre cela je remplirai avec exactitude ce à quoi mon traité d'Alliance m'engage vis-à-vis de l'Empereur et j'assisterai le princes frères du roy du surplus de ce que j'ai offert en dela de mes engagements. Pour ce qui regarde mon consentiment à ce projet de voyage de M. d'Artois à Petersbourg, vous pouvés assurer les princes que c'est avec satisfaction qui je ferai la connoissance personnelle de ce prince un des chefs du parti que je regarde comme juste et necessaire de soutenir si jamais l'ordre doit se retablir dans leur malheureuse patrie. Que je remets parfaitement aux jugemens des princes et de leur conseil, si le moment present peut-être favorable pour que M. le Cte d'Artois puisse s'eloigner de son partie et meme de l'endroit le plus proche des frontières de la France où les hautes Alliés ont dessidé qu'il se tienne, si leurs partisans qui sont dépourvu de bien des choses necessaires ne trouveroient pas pour le moment à redire à la depense meme de ce voyage à peu près inutile; ourte cela il peut se presenter réellement quelque moment favorable qu'un voyage aussi lointain pourroit laisser echapper. La conversation que vous avez eu avec le baron de Tougout à Luxembourg est assurement bien curieuse. Il est facheux qu'au milien d'aussi difficiles circonstances tout le monde aye perdu la tête, du moins faut-il convenir que le baron de Thougout le premier a eu la sincerîté rare de l'avouer. Mais si en toutes les occasions les grands faiseurs de ce tems ci employent des moyens aussi peu efficaces que ceux qu'ils ont imaginé de demander assistance des puissances d'Italie pour le roi de Sardaigne et le credit ou la bourse de l'electeur de Treves pour les princes il ne faudra plus etonner de ce que le plus belle et la plus juste des causes est aussi pitoyablement servi et que de grandes et belles armées se laissent detruire et battre par un ramas des armées de la plus vile canaille tan-

dis que leurs chefs negocient avec les chefs de ces rebelles et qui se mocquent d'eux et qu'on voit en rang d'oignon les cachets du duc de Bronswig et celui de Dumourier ou quelque chose d'approchant. Michelson ne traitait pas avec Pougatschef, il se seroit cru criminel comme lui s'il y avait en ombre de parole portée entre eux. Il y avait amnistie publiée pour ceux qui mettoit bas les armes et pendaison pour ceux qui etaint pris les armes à la main, mais jamais armistice n'eut lieu entre les rebelles et les troupes envoyés pour les detruire. Voila l'etat des choses d'après lequel il est tems d'arranger les mesures à prendre tout militaires que politiques pour remedier aux fautes enormes qui ont été commises parcequ'on n'a pas voulu employer à tems tous les moyens qu'on avait pour reprimer le mal dans la naissance et qu'on l'a laissé accroitre croyant qu,il etait d'une très fine politique de detruire la rivale par elle meme. Pour moi je voulois qu'on la retablisse par elle meme, assurement il n'y a que la restauration de la monarchie qui le puisse faire, cette restauration encore ne peut se faire que par des mains françoises. Mais presentement avant tout il faut chasser de l'Allemagne et des pays bas les hordes de canibals qui ruinent et devastent et malgre cela trouvent des apotres. Le apotres il faudroit en faire des exemples et non pas les tolerer, encore moins les excuser. Je l'ai dit plus haut et je le repete il ne faudroit negliger aucun des moyens qu'on a et loin de montrer du mepris pour les emigrés, se faire un devoir de les regarder comme des victimes estimables, le roi Louis XIV foisoit moins de conquetes que les rebelles, cependant les adversaires l'accusoient de tenter à la monarchie universelle et toute l'Europe presque se ligua contre lui. Les rebelles annoncent qu'ils veulent donner leurs lois et constitution à l'univers, ils y marchent à grand pas, dans un mois de tems ils ont percé jusqu'au centre de l'Allemagne sans resistance, ils se sont emparé de la Savoye, et menacent les pays bas dont Mons est deja prit. Il est singulier que M. Tougout vous dit que les princes et leur parti avaient été inutile pendant cette campagne tandisque vous avez été present à Mayence lorsqu'on se concertoit qu'ils le fussent et qu'à cet effet on les divisa en trois corps et que plu d'une fois vous avez entendu repeter que s'ils bougoient, que s'ils entreprenoient quelques faits militaires, les canons autrichiens et prussiens braqués sur eux en feroient raison. Il est assurement plus singulier encore que lorsqu'on dit à l'Empire qu'on n'a rien pour le defendre, on s'occupe à aneantir ce corps militaire des emigrés au lieu de lui prescrire de se eunir contre Custine pour le chasser des endroits qu'il occupe. De la maniere dont en a traité les princes, les emigrés et leur cause n'est pas etonnant, comme vous l'avez fait remarquer au baron de Tougout que leurs partisant en France n'ayent pas pu se montrer et en general tous les arguments dont vous vous êtes servi vis-a vis de lui, je les approuve et les trouve convainquant preuve de cela est que le baron lui-meme s'y rendit».

12) **Письмо Императрицы Екатерины II-й къ принцу Нассау-Зигенъ о дѣлахъ Французскихъ:** «Qu'est ce que cette nouvelle apparation du Roi (Людовика XVI) dans ce manege? pourquoi? pour declarer qu'il a pris la resolution selon le desir de la nation d'envoyer 150,000 hommes en Allemagne pour en chasser les emigrés. Mais si jamais cette nation à vingt quatre souls par jour d'après l'avis de laquelle le conseil du roi se regle, demande que S. M. abdique. S'y resoudra-t-il et est ce que ses conseillers le lui conseilleront? Est-ce le troupeau qui mene le pasteur? ou est-ce le pasteur qui doit conduire le troupeau? et qu'est ce que le troupeau devient sans pasteur. Puisque les Tuilleries sont en contradiction aves eux-memes, de quoi vous etonnez-vous de ce que des particuliers s'avisent de precher et de propager leurs opinions, personne ne sait à quoi et à qui s'en tenir dans de malheureux pays. Il est impossible que l'empire d'Allemagne et les princes qui le composent regardent avec indifference les invasions, les hostilités, les infractions de toutes les traités et la vente publique des biens de ceux d'entre eux qui en ont en Alsace. Mais aussi le royaume de France aura bien des frais à payer et les régnes de touts le rois de France ensemble et toutes les guerres de la monarchie ne lui auront pas couté si cher que cette diable de revolution dégénerée non régénérante. Je n'ose dire ce que je pense, mais cent fois il m'est entré dans l'esprit que le refus noble des princes d'entendre à aucun demembrement grand ou petit a pu attiedir plus d'un voisin ou participant».

13) **Къ тому же, 5 января 1792.** «Les banquiers d'Hollande se sont adressé à nous pour savoir si réellement je donnais un credit illimité à M. de Calonne et que sur ce credit prétendu il cherchait à emprunter chez eux. Comme personne de Notres n'avait ordre pour pareille chose ils ont répondu en consequence. Il seroit à souhaiter qu'à l'avenir les employés de leurs Altesses royales s'abstinssent de pareilles étourderies qui ne sauraient faire de bien à leurs affaires. N'allez pas croire que je négligerai pour cela leur interets réels, je les aiderai là ou-je verrai qu'ils en auront besoin et on je le jugerai convenable, mais je voudrai qu'on fit un emploi juste et mesuré des moyens qu'on les appliquat à la chose essentielle, que tout y

tendît et qu'on ne mit ni ne melât aucune sorte de discredit à une aussi belle et grande cause et pour que cela soit il faut recommender à toutes les employés la plus exacte probité. Au reste il me parait que la disposition des cours est infinement plus favorable qu'elle ne l'etait il y a deux mois; mas il faut de la persévérence, ce n'est qu'elle qui peut mener les choses à une heureuse fin. Si j'etais à leur place à leur âge je n'aurois que la conduite de Henri IV devant les yeux, avec de plus petits moyens il fit beaucop et tout ce qu'il voulût».

14) Къ тому же, 24 сентября 1792. «Enfin donc vous voilà en France et dans un moment vous deviez être à Paris, si les *si* et les *mais* n'etaient point de la partie. Je vous avoue sincerement que je ne comprend rien à cette continuelle penurie d'argent et que je regarde comme immense et sans exemple les moyens que les princes ont eu depuis un an. Je pense, qu'accompagné d'un coté de la justice et de l'autre de la magnanimité on pourroit marcher tout droit au but plus facilement qu'avec des biaiseries dont jusqu'ici nous n'avons encore vu sortir rien de tout et qui sert admirablement à empirer les choses, à augmenter les depenses, à faire arriver la famine, la peste et Dieu sait quels autres inconvenients, car de fait on n'a remedié à rien ayant cependant 200 mille hommes en marche à cette fin. Je ne comprends rien à ce qu'on vous dit de l'arrivée de mes trouppes tandis qu'à moi on ma proposé des deux côtés de donner mon subside en argent à quoi j'ai acquiescé surtout voyant la tournure que prennent les affaires et sachant qu'il y a plus de trouppes qu'il n'en faut pour rétablir l'état des choses au gout des puissances dont j'ignore jusqu'ici les plans et desseins n'en entendant parler du tout que par les gazettes et autres nouvelles à la main et ignorant parfaitement tout ce qui regarde les concerts des hauts alliés à ce sujet».

15) Къ тому же, 6 декабря 1792. «Je suis bien faché de ce que M. le duc Bronswic dans cette campagne aye perdu la considération dont on était persuadé qu'il jouissait à juste titre. Il faut reussir, ceux qui ne réussissent pas on leur suppose de fausses mesures et de celle-ci on s'en prend à la judiciaire. Mais enfin si le duc de Bronswic a perdu la confiance de l'armée prussienne et des Alliés je pense que le plus sage seroit que le duc luimeme se retira chez lui pour ne pas nuire par sa présence aux affaires du roy et que S. M. prit Elle-même le commandement des troupes, et qu'avant on s'appliqua de chasser les hordes des rebelles de l'Allemagne, je suis persuadée que la chose en elle-meme n'est pas si dificile, je fais plus, je ne doute pas qu'il ne soit très facile de les battre, la terreur est le premier motif de leur nouveau gouvernement une fois attaqué et battu ce qui est un synonime dans ce cas, vous verrez comme la terreur s'emparera d'eux et ils courreront si loin qu'on aura de la peine à les rattraper. Toute la faute du duc Albert de Saxe qui lui ont fait perdre les pays—Bas réside dans demivolontés et dans les eternelles négociations que je voudrois non seulement voir mise de coté avec les rebelles, mais être reconnues pour honteux et autant que nuisible à la bonne cause, car avec qui negocier? personne en France n'est en droit de negocier. Si l'on reconnoitra la republique on se mettra dans l'inconvénient tous les huit jours de reconnaitre toutes les formes par lesquelles les caprices des rebelles la feront passer, et ce seront eux qui meneront les hauts alliés et non pas ceux-ci qui finiront les choses selon leurs déclarations en faveur de la cause des Roys. Le roy de Prusse se couvrira d'une gloire que nul n'osera lui envier ni la disputer si on prenant lui meme le commendement de son armée il la conduira d'un pas ferme sans negocier ni vaciller à l'ennemi, celui-ci de l'Allemagne, entrera en France, fera des prines et de leurs parti tel qu'il est son avant-garde, fera soutenir ceux-ci par son avant-garde Prussienne, menera à la suite l'ancien gouvernement, le retablira partout où il percera en France, ne traitera qu'avec lui. Je ne vois que ce moyen la pour ramener l'ordre en Europe; car dans ce moment ci je ne vois d'ambition qu'aux rebelles de France qui veuillent engloutir dans leur infernal gouvernement l'univers entier. Temoin l'envoy de Semonville en Turquie par une flotte avec des millions et les bijoux de la couronne de France afin que les Turques rejoignent à eux et me déclarent la guerre de nouveau. Arpès avoir forcé les Turques á cette demarche ils viendront avec eux dans la mer noire et se jetteront sur la Tauride et c. En attendant la Suede et la Pologne sont rongée de democratie. Vous voyez par la combien peu je puis me preter à envoyer mes troupes aussi loin de chez moi».

16) Записка къ Безбородкѣ по полученіи извѣстія о варшавскомъ мятежѣ: «Отъ Игельстрема пріѣхалъ курьеръ, по несчастію все правда что не писано, а кромѣ того, что Костюшко не пріѣхалъ въ Варшаву, но самъ король изволилъ руководствовать симъ дѣломъ. Пріѣзжай въ совѣтъ поранѣе».

17) Изъ показаній Коспюшки. «*Вопросъ:* Quel est le nom de sotnik ou officier des cosaques, qui pendant le siège de Varsovie est venu aux postes avancés des polonais pour demander à parler à l'officier qui y commandait et auquel il avait remis un ecrit, contenant des offres de desertion avec plusieurs de ses camarades à de certaines

conditions et quelles suites a eu cette affaire? *Отвѣтъ:* Je ne me souviens pas de nom de sotnik, l'ecrit contenait su les offres des grades et une demande si cela est vrai qu'il y a une revolte chez eux près de Don; pour ce qui regarde des grades je les ai offert, mais quant à la seconde question, je lui fit répondre que je ne savait pas et craignant qu'on ne deboche pas nos troupes ou qu'ils ne fassent pas un pretexte pour savoir nos endroits faibles et forts, je fis cesser toute communication, sous peine rigide. Dans les choses politiques c'est Potocki qui m'auroit guidé, car je ne comprends pas du tout. Quant à l'argent que les troupes m'ont apporté c'est Manget avec sa brigade 60 ou 80 mill. florins, Madalinski avec la sienne 40 ou 50 mill., Grochowski 80,000 ou davantage. Si les Turques faisoient la guerre à la Russie, nous aurions cherché de faire l'âlliance avec eux en demandant qu'ils ne fassent pas la paix jusqu'à ce que la Pologne n'auroit pas recouvert ses provinces prises, qu'elle ne soit independente et ne ratablisse son gouvernement tel que le nation voudrait».

18) Изъ показаній Нѣмцевича: «A juger de la mefiance qu'on lui (королю С. А.) temoignait dans le cour de la revolution il parait qu'il n'a pas été du secret, ce prince malgré tant de bonnes qualités qu'il possede à une faiblesse de caractere qui le rendait toujours egalement inutile àla Russie et à son propre pays et qui eloignait de lui la confiance de deux cotés, je ne lui ai vu jouer aucun role dans la revolution, il n'est venu voir le camp qu'après que le siège était levé, il paraissait cependant prendre part à nos succès et à nos revers, il assistait à toutes les ceremonies d'Eglise, peut être était ce par crainte car malgré que Mr. Kosciuszko lui temoignait toujours beaucoup de respect et de menagement, l'abbé Kolontay faisait tout son possible pour le perdre. Quoique je ne me rapelle pas du nom de sotnik des cosaques, je peux cependant, Monseigneur, vous donner des details très circonstenciés sur cette affaire et plus à Dieu que je fusse aussi bien informé du reste comme je le suis de cette circonstence. V. E. ne rejetteroit pas sur le manque de sincerité ce que n'est chez moi que manque d'information. Le sotnik dans l'écrit qu'il a remis à notre officier désirait de savoir si les demelés qui avait eu lieu sur le Don subsistait encore? que dans ce cas s'ils pouvaient obtenir des bonnes conditions chez nous, plusieurs de ses camarades passeroient de notre cotés; nous leur promimes dans notre réponse tous les avantages imaginables, franchises, libertés, terres en proprietés, avancements, distinctions et. c., mais après cette reponse le sotnik à notre grand etonnement ne revint plus à la charge, la desertion s'etant mise dans notre armée, le general a defendu toute conversation avec l'ennemi».

19) Донесеніе премьеръ-майора Титова генералъ-прокурору Самойлову. *Отъ 9 декабря 1794 года:* «Донося вчерашняго дня о задумчивости г. Костюшки, которая умножается часъ отъ часу сильнѣе даже до такой степени, что начинаетъ забываться и безпрестанно плачетъ. Сколько ни старался его уговаривать, ничего не помогаетъ, къ чему приписать оное его поведеніе не знаю, и для того большое опасеніе имѣю въ разсужденіи его жизни.—*13 декабря:* Грусть его нѣсколько уменьшилась, но началъ кашлять, и чрезвычайно мало спитъ каждую ночь. *14 декабря:* Съ утра до вечера сидитъ на одномъ мѣстѣ въ превеликой задумчивости. Вчерашній день объявлялъ мнѣ свои мысли, что ежелибъ оный такъ счастливъ былъ, что милосердіе нашей государыни освободило его отъ сей неволи, оный ту же минуту уѣхалъ бы въ Америку, въ которой остатокъ дней своихъ остался бы.—*16:* Посѣщенія В. Высокопревосходительства подкрѣпляютъ очевидно извѣстнаго арестанта, которой чрезвычайно жалѣлъ о вашемъ вторичномъ приходѣ, что не слыхалъ отъ сего забвенія.—*27:* Вчерашній день г. Костюшка жаловался чрезвычайно на головную боль, которая его нѣсколько разъ въ забытіе приводила; я спрашивалъ своего штабъ-лекаря о причинѣ онаго, онъ мнѣ сказалъ, что оное происходитъ единственно отъ того, что сидитъ на одномъ мѣстѣ недвижимъ по цѣлымъ суткамъ, сколько ему ни совѣтовалъ пройтиться по горницѣ, но онъ молчитъ и никакого лѣкарства не принимаетъ.—*28:* Присланныя газеты В. Высокопревосходительства извѣстный арестантъ читалъ и крайне удивлялся Французамъ, что по ихъ разстройству дѣлаютъ такіе успѣхи.—*7 января 1795 года:* Арестантъ вельми нездоровъ и грустенъ по прежнему.—*20 мая:* Очень боленъ; лѣкарь нашелъ, что внутренняя лихорадка. Въ началѣ іюня вслѣдствіе продолжающейся болѣзни обѣщано ему дать домъ съ садомъ».

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА — ДИПЛОМАТІЯ.

Часть первая

ЭПОХА КОАЛИЦІЙ.

I.

Александръ и Наполеонъ.

Какъ въ отдѣльныхъ народахъ сильныя движенія, перемѣны и борьбы служатъ мѣриломъ силъ народныхъ, крѣпости извѣстнаго государственнаго строя; какъ въ отдѣльныхъ народахъ исторія этими движеніями и борьбами провѣряетъ, постукиваетъ и выслушиваетъ, что въ народномъ организмѣ крѣпко и что слабо, гдѣ болѣзнь, отъ которой народъ можетъ или не можетъ излечиться,—такъ и въ цѣлой группѣ народовъ, которые живутъ общею жизнію, какъ народы европейскіе, подобныя движенія и борьба служатъ той же цѣли, указывая силу или слабость каждаго члена народной группы, выясняя характеръ, задачи, историческое значеніе каждаго изъ нихъ. Поэтому, изученіе такихъ великихъ движеній бываетъ въ высокой степени поучительно, и дѣятельность лицъ, стоявшихъ на первомъ планѣ во время этихъ событій, останавливаетъ особенно вниманіе историка.

Общія великія движенія въ Европѣ слѣдуютъ одно за другимъ, послѣ того какъ политическій организмъ ея сложился; они происходятъ въ силу стремленія поддержать этотъ организмъ, равновѣсіе между органами, поддержать выработанное европейско-христіанскою жизнію начало—общую жизнь народовъ или государствъ при ихъ самостоятельности: такова была продолжительная и упорная борьба Франціи съ Габсбургскимъ Домомъ, въ которой сильнѣйшія государства Европы сдерживали другъ друга. Тридцатилѣтняя война, начавшаяся подъ религіознымъ знаменемъ, кончилась также стремленіемъ сдержать усиленіе Габсбургскаго Дома, что и удалось Франціи. Война за Испанское наслѣдство произошла изъ того же стремленія—обезопасить Европу отъ французской гегемоніи, и увѣнчалась успѣхомъ; Семилѣтняя война имѣла цѣлію сдержать опасное усиленіе Пруссіи. Но всѣ эти борьбы затмились въ сравненіи съ страшною борьбою, которую Европа должна была вести въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка съ завоевательными стремленіями Франціи.

Причинъ такой важности и продолжительности послѣдней борьбы, разумѣется, надобно искать на той и на другой изъ борющихся сторонъ. Со стороны Франціи сила завоевательныхъ стремленій условливалась тѣмъ, что войско и его главнокомандующій, способнѣйшій изъ генераловъ, явились на первомъ планѣ съ своими интересами. Послѣдніе дѣятели конвента покончили съ революціею, съ республикою, когда, въ борьбѣ съ реакціею, призвали на помощь войско, генерала. Но это обращеніе къ войску произошло не случайно, не было личнымъ дѣломъ, чьимъ-либо. Революція истребила всѣхъ своихъ крупныхъ дѣятелей, своихъ вождей; на ея сторонѣ не было больше способностей; но въ это самое время въ арміи увеличилось число военныхъ способностей, вслѣдствіе переворота, который далъ возможность даровитымъ людямъ быстро двигаться снизу вверхъ; война усилила эту возможность, ускорила развитіе военныхъ способностей. Такимъ образомъ, на сторонѣ войска не была одна матеріальная сила. Кромѣ того, революціонное движеніе оказалось несостоятельнымъ въ глазахъ большинства; идеалы, выставленные двигателями революціи, явились недостижимыми; нарушенія извѣстныхъ нравственныхъ интересовъ, кровавыя явленія и лишенія матеріальныя возбудили отвращеніе къ обманувшему надежды движенію,—и, какъ скоро революція истребила послѣднихъ своихъ сильныхъ дѣятелей, оказалась могущественною реакція. Народъ требовалъ прекращенія революціоннаго движенія, требовалъ отдыха, возстановленія спокойствія, порядка, требовалъ силы, которая бы разобралась

въ развалинахъ, примирила интересы, или хотя бы даже задавила борьбу между ними: эту силу можно было найти только въ войскѣ. Внутри обманъ, разочарованіе, лишенія всякаго рода, тоскливая жажда выхода изъ настоящаго положенія—безъ средствъ къ этому выходу, ибо, при недовольствѣ настоящимъ, разрывъ съ прошедшимъ былъ такъ силенъ, что возвращеніе къ прошедшему для многихъ и многихъ не было желательно и возможно; но извнѣ—необыкновенные военные успѣхи, слава побѣдъ и завоеваній. Это была единственно свѣтлая сторона народной жизни; все сочувствіе славолюбиваго народа должно было обратиться къ войску и вождямъ его, и если одинъ изъ этихъ вождей станетъ выше всѣхъ способностями и успѣхами, то въ его рукахъ будетъ судьба страны. Такимъ былъ Наполеонъ Бонапартъ.

Италія давно уже высылала сыновъ своихъ, которые отдавали свои способности и дѣятельность разнымъ государствамъ Европы. Недостатокъ государственнаго единства родной страны рано дѣлалъ ихъ космополитами, искателями приключеній, въ родѣ старинныхъ сказочныхъ богатырей, которые служили въ семи ордахъ семи королямъ, пріучая ихъ примѣняться къ различнымъ народностямъ и положеніямъ, служить многоразличнымъ интересамъ, оставаясь холодными ко всѣмъ этимъ интересамъ, кромѣ собственнаго, личнаго. Оторванность отъ родной почвы, безъ привязанности къ странѣ пріютившей, ставила ихъ въ какое-то междоумочное, нейтральное, международное положеніе, вслѣдствіе чего они преимущественно посвящали себя дипломатической дѣятельности. Находясь между небомъ и землею, они были очень способны создавать общіе, широкіе, смѣлые планы, въ которыхъ частнымъ соображеніямъ давалось мало мѣста: отсюда и въ ихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ съ перваго раза странна смѣсь хитрости, коварства, неразборчивости средствъ, и—въ то же время—широты и величія, смѣшаннаго съ фанастичностью.

Эти черты даровитыхъ итальянцевъ, служившихъ чужимъ государствамъ, чужимъ народностямъ, черты Мазарини, Альберони, Піатоли, Люккезини и другихъ, находимъ и въ Бонапартѣ, корсиканцѣ, пріемышѣ Франціи. Космополитизмъ, присущій ему по его положенію среди чуждой народности, развился въ немъ еще сильнѣе отъ воспитанія, полученнаго во время революціи, проникнутой началомъ космополитизма, которое особенно усилилось вслѣдствіе потрясенія начала религіознаго: Бонапартъ былъ бы готовъ стать ренегатомъ и предводительствовать войсками султана. Вообще, революція если не породила, то развила многія основныя черты въ характерѣ знаменитаго корсиканца. Среди страшной ломки, крушенія стараго государственнаго зданія, онъ привыкъ безбоязненно и равнодушно вращаться среди опасностей, привыкъ къ игрѣ случая, къ возвышенію сегодня, къ паденію завтра, пріобрѣлъ магометанскую вѣру въ судьбу; привыкъ въ то же время къ развалинамъ и трупамъ, привыкъ равнодушно располагать и жизнью человѣческою, и жизнью династій и государствъ. Корсиканецъ не принесъ въ революціонную Францію никакихъ государственныхъ и общественныхъ идеаловъ и убѣжденій; онъ былъ совершенно чистъ отъ нихъ; чуждый происходившему вокругъ него, интересамъ, боровшимся, сокрушавшимъ другъ друга,—онъ привыкъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія, бить, чтобъ не быть убиту, взбираться наверхъ по трупамъ, чтобъ не быть погребеннымъ подъ ними. Привычка дѣйствовать по инстинкту самосохраненія развила въ немъ хищническіе пріемы: притаиться, хитрить, плести пестрыя рѣчи для того, чтобъ обмануть, усыпить жертву и вдругъ скакнуть, напасть на неприготовленныхъ; напасть врасплохъ, поразить ужасомъ—было любимымъ его пріемомъ. Убѣжденіе въ необходимости дѣйствовать ужасомъ (терроромъ) основано было на презрѣніи къ людямъ, какъ стаду, лишенному нравственной силы, и въ убѣжденіи этомъ онъ окрѣпъ, дѣйствуя въ послѣднія времена революціи, когда сильные люди были покошены гильотиною и поколѣніе измельчало нравственно, и Бонапартъ не находилъ нужнымъ съ нимъ церемониться. Извнѣ, въ сношеніяхъ съ другими народами, онъ также имѣлъ несчастіе встрѣчать постоянно людей мелкихъ нравственно, гибкихъ передъ силою, и пріучался ими къ насилію въ словѣ и дѣлѣ, и рѣдкія исключенія не могли сдерживать его, а только раздражали и заставляли еще сильнѣе высказываться печальныя стороны его характера, врожденныя и пріобрѣтенныя.

Будучи чуждъ Франціи, ея прошедшему, и очутившись при началѣ своего поприща въ революціонной Франціи, которая такъ рѣзко порвала съ своимъ прошедшимъ, постаралась вырыть такую пропасть между нимъ и своимъ настоящимъ, Бонапартъ не могъ быть Монкомъ и возстановить старую династію. Окруженный развалинами и не уважая ни новыхъ людей, ни новыя учрежденія, не питая никакого сочувствія къ настоящему, какъ результату общаго труда, Бонапартъ не могъ быть и Вашингтономъ Франціи. Вся обстановка вела къ тому, чтобы онъ взялъ верховную власть себѣ и явился деспотомъ. Но предстоялъ страшный вопросъ: долго ли можетъ просуществовать военный деспотизмъ во Франціи? Онъ былъ допущенъ усталымъ большинствомъ, которое требовало прежде всего и во что бы то ни стало внутренняго успокоенія, чтобъ отдохнуть, разобраться послѣ страшной бури; военный деспотизмъ былъ допущенъ по закону реакціи, но надолго ли? Французскій народъ отличился своею способностію скоро отдыхать, скоро оправляться; но, оправившись, отдохнувъ, приметъ ли онъ военный деспотизмъ, какъ необходимую, постоянную форму своего новаго правленія подъ новою

династіею? Отвѣтъ естественно долженъ былъ представляться отрицательнымъ, особенно послѣ революціи, съ которою Бонапартъ долженъ былъ постоянно считаться, по крайней мѣрѣ, формально; но можно ли было ограничиться только формами? Римскіе цезари считали нужнымъ считаться съ республикою, уважать ея формы; но въ ихъ время республика съ ея формами была явленіемъ отживающимъ свой вѣкъ, чего нельзя было сказать о началахъ, провозглашенныхъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, и надобно было дожидаться, что устраненныя временно, они появятся съ новою силою и предъявятъ свои права на осуществленіе. Не въ характерѣ Бонапарта была однако возможность уступки имъ; съ другой стороны, онъ не могъ не предвидѣть, что при необходимомъ столкновеніи съ ними борьба должна быть страшная и побѣда вовсе не вѣрная. Но оставался выходъ, возможность предупредить борьбу. Право Бонапарта на мѣсто, которое онъ занялъ во Франціи, основывалось на его побѣдахъ; но на чемъ основывалось оно,—тѣмъ должно было и поддерживаться; какъ только пройдетъ нѣсколько продолжительное время послѣ побѣдъ, память о нихъ будетъ ослабѣвать и значеніе побѣдителя уменьшаться, какъ бы ни были полезны его внутреннія учрежденія и распоряженія; какъ скоро, благодаря либеральнымъ формамъ, которыхъ власть обойти не могла, выскажутся либеральныя начала, борьба съ ними заставитъ забыть всякую внутреннюю заслугу. Оставалось одно средство для новой, неосвященной власти сохранять вполнѣ свою силу:—это постоянно отвлекать вниманіе народа отъ внутренняго къ внѣшнему, постоянно ослѣплять славолюбивый народъ военною славою, поддерживать нравственное преклоненіе предъ властію постоянными ея тріумфами. Но и тутъ одной нравственной поддержки было недостаточно. Какъ для борьбы внѣшней, такъ и на случай борьбы внутренней, необходимо было войско, войско вполнѣ преданное, боготворившее вождя; а эту преданность войска государь вчерашняго дня могъ поддерживать только постоянными войнами и побѣдами, усиливая постоянно значеніе войска въ глазахъ народа, дѣлая войско представителемъ народа, сосредоточивая въ арміи духъ націи,—съ другой стороны, питая честолюбіе и корыстолюбіе вождей второстепенныхъ почестями и выгодами, которыя они получали послѣ каждой войны, т. е. послѣ каждаго завоеванія. Такимъ образомъ, кромѣ основнаго характера своего, какъ предводителя войска, характера, отъ котораго Бонапартъ, разумѣется, не могъ никакъ отказаться, который долженствовалъ быть всегда на первомъ планѣ и требовать постояннаго удовлетворенія, по самому положенію своему, для поддержанія этого положенія онъ долженъ былъ вести постоянныя войны. Слова: «Наполеонъ, Французская имперія»—стали для Европы синонимами постоянной войны, постоянныхъ завоеваній, постоянныхъ территоріальныхъ измѣненій, не говоря уже о томъ, что каждая война, оканчивавшаяся успѣхомъ, завоеваніемъ, порождала необходимо новую войну, усиливая обиду, увеличивая число обиженныхъ, раздраженныхъ.

Франція осуждена была на постоянныя войны, постоянныя побѣды и завоеванія, что необходимо вело ко всемірной монархіи. Но основное начало европейской политической жизни состояло въ недопущеніи такой монархіи. Наполеонъ долженъ былъ формально уступать этому началу. Какъ республиканская Франція, вступивъ въ борьбу съ монархическою Европою, изъ завоеванныхъ ею странъ дѣлала республики, повидимому независимыя, не сливая ихъ съ собою, но только умножая число однородныхъ по формамъ государствъ, для противовѣса государствамъ съ другими формами:—такъ и Наполеонъ, перемѣнивъ правительственную форму во Франціи, ставши въ ней монархомъ, передѣлалъ эти республики въ государства съ монархическими формами, устраивая подобныя же государства и изъ дальнѣйшихъ завоеваній, государства повидимому независимыя, посажалъ на престолы ихъ своихъ родственниковъ, для своей безопасности и удобствъ, продолжая производить въ Европѣ перевороты только династическіе. Здѣсь, повторяемъ, была уступка господствовавшему въ европейской исторіи началу; Франція и ея императоръ, повидимому, не хотѣли всемірной монархіи; отдѣльныя народности, повидимому, были обезпечены. Но это только—повидимому; уступка была только формальная; на самомъ же дѣлѣ народности, ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ, не были обезпечены отъ тяжкаго преобладанія французскаго народа. Ихъ новые правители были вассалами Французской имперіи, чувствовавшіе тяжелую руку своего сюзерена, при первой попыткѣ подумать объ интересахъ своихъ государствъ не въ связи съ интересами имперіи, какъ они представлялись императору французовъ. Такимъ образомъ, обманъ въ уступкѣ правамъ народностей оказывался съ самаго же начала, и опасность, грозившая повидимому только старымъ династіямъ, грозила одинаково и народностямъ, вслѣдствіе чего въ необходимой борьбѣ противъ всемірной монархіи дѣло старыхъ династій тѣсно связалось съ дѣломъ народностей.

Европа должна была бороться противъ императорской Франціи однимъ способомъ, который уже давно употреблялся въ подобныхъ случаяхъ: посредствомъ соединенія силъ остальныхъ державъ противъ державы, стремящейся къ преобладанію, посредствомъ, такъ называемой, коалиціи. Успѣхъ борьбы на сторонѣ коалиціи считался, по опыту и простотѣ разсчета, несомнѣннымъ, и если борьба была продолжительная и страшная, и долгое время Франція побѣдоносно боролась съ коалиціями, то необходимо предположить, кромѣ чрезвычайнаго напряженія силъ и особенно благопріят-

ныхъ условій на ея сторонѣ, также упадокъ силъ и особенныя неблагопріятныя обстоятельства на сторонѣ противоположной. Мы употребили множественное число: «коалиціи», и это уже самое показываетъ слабость общаго дѣйствія, перерывъ его, недружность стремленія, что и давало возможность долгаго торжества Наполеону. Правила его политики, которая служила подспорьемъ его наступательнымъ военнымъ движеніямъ, были естественно одинаковыя съ военными правилами: быстрымъ, внезапнымъ движеніемъ не дать времени непріятельскимъ силамъ сосредоточиться, разрѣзывать враждебное войско, бить его по частямъ; въ то же время переговорами не давать государствамъ вступать въ союзы, разстроивать коалицію, разъединять интересы державъ и сокрушать ихъ силы поодиночкѣ. На сторонѣ противниковъ были условія, которыя долгое время давали ему возможность употреблять эти средства съ блестящимъ успѣхомъ.

Эти условія высказались еще въ концѣ прошлаго вѣка при борьбѣ съ революціонною Франціею. Окруженная слабыми, мелкими, разъединенными государствами, итальянскими, нѣмецкими, Швейцаріею, Франція могла быстро овладѣть ими, равно какъ и Голландіею, которой австрійскіе Нидерланды, по своей отдаленности отъ главной державы, служили плохою защитою. Препятствіе она могла встрѣтить въ восточныхъ, самыхъ сильныхъ германскихъ державахъ — старой Австріи и молодой Пруссіи, которыя должны были защищать Германію. И, дѣйствительно, первая коалиція, образовавшаяся противъ революціонной Франціи, была коалиція австро-прусская. Но могла ли быть крѣпка коалиція между державами, у которыхъ вовсе еще не остыла ненависть другъ къ другу, вынесенная изъ Силезской и Семилѣтней войнъ? Каждая изъ державъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за всякимъ движеніемъ другой: не имѣетъ ли это движеніе цѣлью пріобрѣсть что-нибудь, усилиться; въ каждой изъ нихъ неудача другой возбуждала великую радость, а малѣйшій успѣхъ — тревогу и досаду. Обязанныя защищать Германію отъ французовъ, вступая поневолѣ въ коалицію, Австрія и Пруссія имѣли прежде всего въ виду не Французскую войну, а наблюденіе, чтобъ одна какъ нибудь чего-нибудь не пріобрѣла больше, чѣмъ другая; онѣ загодя уже выговаривали себѣ плату за войну, которая сама по себѣ не могла окупиться: Австрія брала себѣ Баварію, взамѣнъ невыгодныхъ для нея Нидерландовъ; Пруссія — польскія области, по второму раздѣлу. Пруссія, скрѣпя сердце, соглашалась на эту сдѣлку, ибо долю Австріи считала значительнѣе своей. Коалиціи и при лучшихъ отношеніяхъ между союзниками удаются тогда, когда коалиція, ея цѣль для нихъ на первомъ планѣ; когда всѣ счеты по частнымъ интересамъ они откладываютъ до времени совершеннаго достиженія этой цѣли; когда идутъ прямо къ ней, не озираясь на стороны: понятно, что австро-прусская коалиція не удалась. Невольные союзники перессорились изъ-за дѣлежа добычи. Австрія дѣйствовала враждебно противъ Пруссіи при второмъ раздѣлѣ Польши; Австріи не хотѣлось допустить Пуруссію немедленно же пріобрѣсти польскія области, тогда какъ усиленіе Австріи чрезъ промѣнъ Бельгіи на Баварію было только еще впереди; потомъ Пруссія не хотѣла допустить Австрію къ участію въ третьемъ раздѣлѣ Польши. Коалиція представляла картину постоянной борьбы между союзниками, и, наконецъ, Пруссія заключила отдѣльный миръ съ Франціею въ Базелѣ (1795 г.), пожертвовавъ интересами Германіи, причемъ въ Берлинѣ министры высказывались такъ: «Какъ можно скорѣе и съ какими бы то ни было пожертвованіями мы должны заключить отдѣльный миръ съ Франціею. Хуже всего то, что мы точно такъ-же должны бояться побѣдъ нашихъ союзниковъ, какъ и торжества нашихъ враговъ. Каждый успѣхъ Австріи противъ французовъ есть шагъ къ нашей пагубѣ».

Австрія оставалась одна; но оставить ее одну — значило отдать на жертву Франціи, упрочить торжество и преобладаніе послѣдней въ Европѣ. Обязанность воспрепятствовать этому, спасти Европу отъ французской игемоніи — падала на двѣ другія сильнѣйшія державы: — Россію и Англію. Обѣ въ описываемое время очень хорошо сознавали эту обязанность, разумѣется, тѣсно соединенную съ самыми существенными ихъ интересами. Въ Англіи могли найтись люди, которые говорили: зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ дѣла континента, море спасаетъ насъ отъ опасности со стороны тамошнихъ завоевательныхъ стремленій; и въ Россіи могли найтись люди, которые говорили и теперь, и послѣ: Франція далеко отъ насъ, нападать на насъ не можетъ, изъ-за чего же мы будемъ воевать съ нею, вмѣшиваясь въ чужія дѣла? Но такой близорукій взглядъ не могъ быть раздѣляемъ государственными умами обѣихъ странъ, ибо отдаленность и не такая, какъ отдаленность Франціи отъ Россіи, не спасала народовъ отъ нашествія завоевателей, и мудрость политическая состоитъ въ предусмотрѣніи и предотвращеніи опасности въ самомъ ея зародышѣ. Въ Англіи могли радоваться смутамъ французской революціи въ ихъ началѣ; но когда волненіе, по самому положенію Франціи, по ея историческому значенію и характеру народа, быстро начало выходить изъ береговъ, грозя залить всю Европу, Англія вооружилась, и, съ ничтожнымъ перерывомъ, вела неутомимую борьбу до тѣхъ поръ, пока французскій разливъ не вошелъ въ берега. Въ Россіи, Екатерина II оканчивала свое знаменитое царствованіе съ неослабною дѣятельностію и нетускнѣющею ясностію политическаго взгляда. Екатерина поняла, что ей относительно Франціи предстоитъ тотъ же образъ дѣйствія, какой былъ

принятъ императрицею Елисаветою относительно Пруссіи, т.-е. установлять и поддерживать коалиціи державъ противъ напора завоевательнаго движенія. Англія, какъ держава неконтинентальная, по незначительности сухопутныхъ силъ, не могла принимать непосредственно важнаго участія въ борьбѣ на материкѣ Европы: она должна была стараться составлять коалиціи и поддерживать ихъ преимущественно денежною помощію. Россія, по своей отдаленности отъ Франціи, такъ же не могла принять непосредственное участіе въ борьбѣ: она должна была составлять и поддерживать войскомъ коалицію ближайшихъ къ Франціи державъ, преимущественно Австріи и Пруссіи;—при этомъ тѣсный союзъ Россіи съ Англіею подразумѣвался.

Екатерина, съ самаго начала слѣдя зорко за всѣми фазами революціи и ея разливомъ, выступленіемъ изъ границъ Франціи, считала необходимостью поддерживать австро-прусскую коалицію. Будучи занята вначалѣ ближайшими отношеніями къ Швеціи, Турціи и Польшѣ, она могла поддерживать борьбу противъ Франціи только деньгами, причемъ, для прекращенія внутренняго революціоннаго движенія во Франціи, она считала единственнымъ средствомъ внутреннее же національное движеніе: по ея взгляду, французскіе принцы могли успѣть въ своихъ предпріятіяхъ только въ томъ случаѣ, если бы дѣйствовали по примѣру Генриха IV. Отпаденіе Пруссіи отъ коалиціи, невозможность оставить одну Австрію безъ помощи заставили Екатерину заключить союзъ съ Англіею и Австріею, причемъ Россія обязалась выставить корпусъ войска для поддержанія послѣдней. Но смерть Екатерины разстроила дѣло; Павелъ I не захотѣлъ продолжать его: слѣдствіемъ были разгромъ Австріи Бонапартомъ и Кампо-Формійскій миръ. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка образовалась другая коалиція: изъ Россіи, Австріи и Англіи; но отъ это коалиціи только на долю Россіи выпала слава суворовскихъ подвиговъ. Коалиція была неполная, ибо въ ней не участвовала Пруссія; у союзниковъ не было яснаго, опредѣленнаго плана дѣйствія; не было утверждено, что всѣ частные счеты и распредѣленія должны происходить только по достиженіи общей цѣли. Россія вела войну по принципу, чему благопріятствовали ея отдаленность, ея независимость отъ преданій прошлаго и отъ непосредственныхъ отношеній къ Франціи, отъ которыхъ могли бы родиться частные интересы и счеты. Но Австрія жила преданіями, вела съ Франціею долгую борьбу, длинные счеты, и при каждомъ возобновленіи борьбы все принимало въ ея глазахъ практическій смыслъ. Въ продолженіи многихъ вѣковъ она боролась съ Франціею въ Италіи, которая, по отсутствію государственнаго единства и проистекавшей отсюда слабости, представляла свободную арену для борьбы сильныхъ сосѣдей, была «res nullius, quae cedit primo occupanti». Практическій вопросъ для Австріи постоянно состоялъ въ томъ: усилиться ли самой въ Италіи, или дать усилиться въ ней Франціи. Достиженіе цѣли, поставленной Россіею, — возстановленіе престоловъ и алтарей—не вело къ рѣшенію практическаго вопроса, ибо возстановленіе мелкихъ итальянскихъ владѣній, не давая Италіи силы и самостоятельности, не прекращало на ея почвѣ борьбы между Австріею и Франціею. Практическій вопросъ рѣшался однажды навсегда объединеніемъ Италіи; но до этого было еще далеко; пока онъ рѣшался такимъ образомъ: получитъ успѣхъ въ борьбѣ Австрія, — Италія или, по крайней мѣрѣ, преобладаніе въ ней должно принадлежать Австріи; восторжествуетъ Франція—она и должна господствовать въ Италіи. При такомъ различіи отношеній, взглядовъ и стремленій, — различіи, не отстраненномъ на время сознаніемъ общей опасности и необходимости прежде всего довести до конца избавленіе отъ нея, коалиція не могла быть прочна и продолжительна, даже оставя въ сторонѣ вліяніе характера главныхъ дѣятелей. Коалиція кончилась разрывомъ, враждою, которая грозила совершенною перемѣною системы: Россія вступала въ союзъ съ Франціею и въ войну съ Англіею. Въ эту-то рѣшительную для Европы минуту въ Россіи произошла перемѣна: на престолъ вступаетъ молодой императоръ Александръ I.

Прошелъ ровно вѣкъ со вступленія Россіи въ общую жизнь Европы, и ни одинъ еще государь не всходилъ на Русскій престолъ при такомъ затруднительномъ положеніи европейскихъ дѣлъ, какъ Александръ I, которому предназначено было принять такое первенствующее участіе въ выводѣ Европы изъ этого положенія, такъ наглядно показать значеніе вступленія Россіи въ общую европейскую жизнь. Александръ взошелъ на престолъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Ему было 12 лѣтъ, когда началась революція во Франціи, и не исполнилось еще 19-ти лѣтъ, когда революція, обманувши столько надеждъ, оканчивалась, выставивъ новыя силы и отношенія и оставляя столько вопросовъ на рѣшеніе игрѣ этихъ новыхъ силъ и отношеній—и въ то же время умираетъ великая бабка,—отнялась отъ Россіи сильная, искусная, опытная правительственная рука, и началось сильное колебаніе, качка, повергавшая экипажъ корабля все болѣе и болѣе въ печальное, болѣзненное состояніе. Въ это время молодой Александръ долженъ былъ принять обязанности кормчаго. Необыкновенно воспріимчивый, впечатлительный по природѣ, въ самый впечатлительный возрастъ, онъ подвергался впечатлѣнію цѣлаго рода явленій, небывалыхъ по своей силѣ, и когда оглушительное дѣйствіе ихъ стало прекращаться, началась эта внутренняя тряска, качка, которыя не давали покоя и возможности для сосредоточенія мыслей и чувствъ. Впечатлѣніе отъ этой качки могло бы еще ослабѣвать, если бы молодому человѣку можно было привыкнуть мысленно сосредоточиваться на важныхъ занятіяхъ, входить въ подробности дѣлъ и чрезъ

это создавать подъ собою твердую почву, вращаться среди дѣйствительныхъ, близкихъ, осязуемыхъ отношеній. Но такихъ занятій онъ былъ лишенъ; онъ осужденъ былъ относиться ко всему или страдательно, или отрицательно. События отдаленныя, по своей силѣ и значенію, дѣйствовали могущественно, захватывали все вниманіе; явленія ближайшія—шли подаль, являлись чуждыми и мелкими. Съ конца XVIII вѣка начинается новый періодъ въ новой русской исторіи, вслѣдствіе новой постановки и осложненія европейскихъ отношеній. Съ начала XVIII вѣка и до послѣдняго его десятилѣтія отношенія Россіи къ западной Европѣ были просты и спокойны. При сравнительномъ взглядѣ на свое и чужое, въ народѣ живомъ и развивающемся являлась сильная потребность, стремленіе заимствовать какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе то, что являлось лучшимъ у опередившихъ насъ въ цивилизаціи народовъ, и это заимствованіе казалось легкимъ, ибо на все заимствуемое смотрѣли какъ на что-то внѣшнее, на всѣ нововведенія по чужому образцу смотрѣли какъ на переодѣваніе въ болѣе удобное и красивое платье. Это дѣлалось очень легко, безъ всякой внутренней, нравственной тяжести, безо всякаго нравственнаго приниженія. Напротивъ того, русскій человѣкъ высоко поднималъ голову, чувствуя свою силу, свое превосходство. Передъ нимъ возвышался небывалый образъ историческаго дѣятеля,—образъ Петра Великаго; народная гордость питалась значеніемъ европейской дѣятельности дочери Петра, удачею и блескомъ плановъ Екатерины II. Политическія отношенія къ европейскимъ народамъ, къ ихъ государственному устройству были также просты и, такъ-сказать, внѣшни; различныя политическія формы производили главное впечатлѣніе только по отношенію къ силѣ или слабости государства. Польша погибала вслѣдствіе своихъ республиканскихъ формъ; въ Швеціи боялись больше всего усиленія королевской власти, ибо это усиленіе дало бы странѣ могущество, сдѣлавъ ее опасною для сосѣдей. Но событія послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка произвели переворотъ во взглядахъ и отношеніяхъ: то, о чемъ прежде читалось только въ книгахъ и могло спокойно, надосугѣ, по выбору, съ передѣлками и ограниченіями, по волѣ власти, примѣняться къ извѣстному государственному строю, то теперь изъ теоріи перешло въ практику въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, съ явнымъ стремленіемъ на дѣлѣ пересоздать общества на новыхъ началахъ. Вопросы внутренняго строя народовъ выдвинулись впередъ, овладѣли вниманіемъ мыслящихъ людей, стали опредѣлять симпатіи и антипатіи правительствъ и народовъ. Такое осложненіе отношеній не могло остаться безъ сильнаго вліянія на русскихъ людей, давленіе западно-европейскихъ явленій удвоилось, и для многихъ спокойное отношеніе къ нимъ исчезло и замѣнилось болѣе страстнымъ, т. е. болѣе страдательнымъ. Такимъ образомъ, отношенія русскихъ людей къ европейской цивилизаціи въ XIX вѣкѣ явились иныя, чѣмъ были въ XVIII, и поколѣніе, котораго императоръ Александръ I былъ представителемъ, стояло на границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ двухъ міровъ, и должно было выдержать первый напоръ отъ усиленнаго вліянія Запада, тамошнихъ порывистыхъ движеній впередъ и соотвѣтственно порывистыхъ отступленій назадъ или реакцій. Деспотизмъ Наполеона смѣнилъ революціонныя бури; наполеоновскій гнетъ надъ своими и чужими народами усилилъ симпатіи къ подавленнымъ этимъ гнетомъ формамъ, которыя и ожили вслѣдствіе паденія Наполеона и, въ свою очередь, начали грозить усиленнымъ развитіемъ и порождать реакціи. Не могши, по своему положенію, быть простымъ зрителемъ этихъ движеній, при сознаніи своихъ средствъ, дававшихъ возможность могущественнаго участія и рѣшенія, Александръ естественно призналъ своею задачею какъ внѣшнее, такъ и внутреннее успокоеніе народовъ, примиреніе борющихся началъ. Задача обольстительная; но была ли она легка?

Наконецъ, затруднительность положенія молодаго императора увеличивалась отсутствіемъ помощниковъ въ первое, самое тяжелое время. Для народнаго утѣшенія, Александръ объявилъ, что будетъ царствовать по мысли бабки своей Екатерины, и собралъ около себя оставшихся дѣятелей знаменитаго царствованія. Но это были дѣятели второстепенные, исполнители, привыкшіе ждать внушеній и по нимъ дѣйствовать; другіе же, болѣе самостоятельные люди не имѣли тѣхъ способностей, которыя даютъ силу совѣту, мнѣнію, или имѣли одностороннее направленіе, или были далеко и не хотѣли приблизиться. Все это были уже старики, а государственная машина, естественно, нуждалась въ новыхъ, молодыхъ работникахъ, которые, разумѣется, вносили въ работу новыя понятія и стремленія. Явились одна подлѣ другой двѣ группы людей, имѣющихъ мало общаго другъ съ другомъ. Императоръ, по возрасту своему, естественно болѣе близкій къ молодымъ, долженъ былъ соединять старыхъ съ молодыми, и обыкновенно соединялъ ихъ попарно въ извѣстныхъ кругахъ дѣятельности, подлѣ старика ставилъ молодаго, прибиралъ ихъ по извѣстнымъ отношеніямъ другъ къ другу, чтобъ не было между ними борьбы.

Новый императоръ обѣщалъ царствовать по мысли знаменитой бабки; внѣшнія отношенія, которыя онъ получилъ въ наслѣдство, были опредѣлены вовсе не по мысли Екатерины II, и, несмотря на то, Александръ и лучшіе люди должны были сознавать, что было бы вовсе не по мысли Екатерины круто и порывисто измѣнить всѣ эти отношенія. Александръ наслѣдовалъ войну съ Англіею, вражду съ Австріею, сближеніе съ Франціею и Пруссіею и нѣкоторыя тяжелыя для Россіи обязательства относительно государствъ второстепенныхъ. Безцѣльную и, по обстоятельствамъ, больше чѣмъ безцѣльную войну съ Англіей надобно было прекратить, пока она еще не началась настоящимъ

образомъ; но въ союзѣ съ Англіею и въ пожертвованіяхъ для этого союза другими отношеніями не предстояло еще нужды. По общему ходу дѣлъ, надобно было прекратить и вражду съ Австріею; но эту, разгромленную Бонапартомъ, Австрію нельзя было сейчасъ же сдѣлать авангардомъ новой коалиціи противъ Франціи; относительно же послѣдней нужно было естественно принять выжидательное положеніе: что будетъ съ этой республикой, которою управлялъ побѣдоносный генералъ подъ именемъ перваго консула. Чего должна ждать отъ этого генерала Европа: новыхъ ли завоевательныхъ движеній, которымъ должно противопоставить новыя коалиціи, или Бонапартъ обратится къ внутреннему устройству потрясенной революціей Франціи и этимъ дастъ возможность и другимъ державамъ разоружиться и заняться внутренними дѣлами; послѣднее казалось мало вѣроятнымъ, но во всякомъ случаѣ надобно было ждать.

Въ инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ Дворахъ высказаны были основанія политики императора Александра (4 іюля 1801 года). Императоръ отказывается отъ всякихъ завоевательныхъ замысловъ и увеличенія своего государства: «Если я подниму оружіе»,—говоритъ онъ,—«то это единственно для обороны отъ нападенія, для защиты моихъ народовъ или жертвъ честолюбія, опаснаго для спокойствія Европы. Я никогда не приму участія во внутреннихъ раздорахъ, которые будутъ волновать другія государства, и каковы бы ни были правительственныя формы, принятыя народами по общему желанію, онѣ не нарушатъ мира между этими народами и моею имперіею, если только они будутъ относиться къ ней съ одинаковымъ уваженіемъ. При восшествіи своемъ на престолъ я нашелъ себя связаннымъ политическими обязательствами, изъ которыхъ многія были въ явномъ противорѣчіи съ государственными интересами, а нѣкоторыя не соотвѣтствовали географическому положенію и взаимнымъ удобствамъ договаривающихся сторонъ. Желая однако дать слишкомъ рѣдкій примѣръ уваженія къ публичнымъ обѣщаніямъ, я наложилъ на себя тяжелую обязанность исполнить, по возможности, эти обязательства. Убѣжденный, что союзъ великихъ державъ можетъ одинъ возстановить миръ и общественный порядокъ, котораго нарушители торжествовали при пагубномъ разрывѣ этого союза, я немедленно позаботился о томъ, чтобъ обмануть ихъ надежды, заявивши Вѣнскому Двору искреннее желаніе забыть все прошлое. Общій планъ вознагражденій (государствамъ, пострадавшимъ отъ французскихъ завоеваній) будетъ главнымъ предметомъ моихъ переговоровъ съ Вѣнскимъ Дворомъ, и, если онъ хочетъ искренно содѣйствовать моимъ благодѣтельнымъ видамъ, мы соединимъ наши усилія для того, чтобъ этотъ планъ былъ принятъ и Пруссіею. Большая часть германскихъ владѣній просятъ моей помощи. Независимость и безопасность Германіи такъ важны для будущаго мира, что я не могу пренебречь этимъ случаемъ для сохраненія за Россіею первенствующаго вліянія въ дѣлахъ имперіи. Рѣшившись продолжать переговоры, начатые съ Франціею, я руководствовался двойнымъ побужденіемъ: упрочить для моей имперіи миръ, необходимый для возстановленія порядка въ разныхъ частяхъ управленія, и, въ то же время, по возможности содѣйствовать ускоренію окончательнаго мира, который бы далъ Европѣ время возстановить поколебленное зданіе соціальной системы. Если первый консулъ сохраненіе и утвержденіе своей власти поставитъ въ зависимость отъ раздоровъ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не признаетъ, что власть, основанная на неправдѣ, всегда непрочна, ибо питаетъ ненависть и даетъ законность возмущенію; если онъ позволитъ увлечь себя революціонному потоку; если наконецъ онъ ввѣритъ себя одному счастію:—война можетъ продолжиться, и при такомъ порядкѣ вещей уполномоченный, которому ввѣрены мои интересы во Франціи, долженъ ограничиться наблюденіемъ хода тамошняго правительства и тянуть время, пока обстоятельства болѣе благопріятныя позволятъ употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ. Но въ случаѣ, если первый консулъ окажется болѣе понимающимъ собственные интересы и болѣе чувствительнымъ къ истинной славѣ; если захочетъ излечить раны, нанесенныя революціей, и дать своей власти основаніе болѣе прочное уваженіемъ независимости правительствъ, то многія чрезвычайно вѣскія соображенія могутъ внушить ему желаніе искренняго согласія съ Россіею и заставить принять рядъ мѣръ къ возстановленію европейскаго равновѣсія: въ такомъ случаѣ переговоры, начатые въ Парижѣ, могутъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Въ этомъ предположеніи моему уполномоченному велѣно предложить Тюльерійскому Кабинету многія статьи, которыя могутъ служить основаніемъ ко всеобщему умиротворенію. Легкость, съ какою Бонапартъ принялъ большую часть изъ нихъ, не даетъ еще мнѣ достаточнаго ручательства въ томъ, что онъ раздѣляетъ мои виды. Возможно, что онъ будетъ охотнѣе содѣйствовать имъ, когда лучше узнаетъ ихъ добросовѣстность и безкорыстіе; вѣрно то, что въ царствованіе покойнаго императора консулъ имѣлъ особенно въ виду пріобрѣсть помощь моего августѣйшаго родителя противъ Великобританіи, а теперь, быть можетъ, онъ старается только выиграть время для вывѣданія моей системы, чтобы, по соображенію съ нею, распорядить и свои политическія операціи, не обращая вниманія на обязательства, заключенныя въ промежуточное время. Отъ его дальнѣйшаго поведенія будетъ зависѣть мое рѣшеніе, и необходимая осторожность не позволяетъ мнѣ ускорить этимъ рѣшеніемъ. Я поручилъ графу Моркову (русскій посолъ въ Парижѣ) дать первому консулу самыя положительныя удостовѣренія, что въ моихъ сближеніяхъ съ Дворами Вѣнскимъ и Лондонскимъ не скрывается никакого враждебнаго намѣренія противъ Франціи; что ни

тотъ, ни другой не предлагалъ мнѣ наступательнаго союза, и что я не буду принимать подобныхъ предложеній, если французское правительство будетъ уважать права и независимость моихъ союзниковъ».

Это изложеніе политики новаго императора прежде всего останавливаетъ вниманіе заявленіемъ начала невмѣшательства во внутреннія движенія и установленія правительственныхъ формъ въ другихъ государствахъ; правительство Наполеона и всякое другое не могло быть помѣхою сближенію и общему дѣйствію Россіи съ Франціею, если только это французское правительство не будетъ продолжать завоевательнаго движенія; въ противномъ случаѣ Россія будетъ служить твердою стѣною, на которую обопрется всякая коалиція противъ нападчика. Коалиціи еще нѣтъ, сближеніе съ Англіею и Австріею не есть наступательный союзъ съ ними; но сближеніе превратится въ такой союзъ, если Франція начнетъ наступательное движеніе. Въ этой, повидимому, столь умѣренной и осторожной программѣ положено было начало борьбы съ наполеоновскою Франціею, могшей кончиться только паденіемъ знаменитаго корсиканца, ибо твердо и ясно было выставлено начало недопущенія преобладанія Франціи въ Европѣ.

Но эта мирная программа повела прежде всего къ ожесточенной борьбѣ между русскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, и управлявшимъ иностранными дѣлами въ Петербургѣ, графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ,—къ борьбѣ, въ которой всего лучше отражаются отношенія императора Александра къ людямъ, наслѣдованнымъ имъ отъ предшествовавшихъ царствованій. Авторомъ или редакторомъ приведенной инструкціи былъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, завѣдывавшій почти исключительно иностранными дѣлами, ибо другой *парный* министръ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, не принималъ участія собственно во внѣшнихъ сношеніяхъ. Панинъ былъ унаслѣдованъ Александромъ отъ павловскаго царствованія, былъ дѣятелемъ этого времени. Собственно представителемъ екатерининскаго царствованія изъ дипломатовъ оставался графъ Морковъ, принимавшій важное участіе въ послѣднихъ его событіяхъ; но Морковъ былъ отправленъ въ Парижъ—вести переговоры съ первымъ консуломъ и наблюдать за нимъ. Были еще два старыхъ дипломата, братья Воронцовы, графъ Александръ и графъ Семенъ Романовичи; по времени своего служенія, оба они всецѣло принадлежали екатерининскому царствованію; но въ дѣйствительности не были и не хотѣли быть его представителями по фамильнымъ отношеніямъ. Родные племянники елисаветинскаго канцлера, графа Михаила Илларіоновича Воронцова, они всѣми своими лучшими воспоминаніями и самыми сильными привязанностями принадлежали царствованію знаменитой «дщери Петровой»; будучи родными братьями Елисаветы Романовны Воронцовой, они не раздѣляли симпатій и антипатій другой своей сестры, Екатерины Романовны (Дашковой), и враждебно встрѣтили переворотъ 28 іюня. Екатерина II, не умѣвшая удалять отъ службы способныхъ людей, не удалила отъ нея и Воронцовыхъ, но не могла питать къ нимъ и особеннаго расположенія; они никогда не могли надѣяться на приближеніе, чувствовали себя постоянно въ почетной опалѣ и потому постоянно находились въ оппозиціи главнымъ силамъ и ихъ дѣятельности. Никита Ивановичъ Панинъ, замѣнившій канцлера Воронцова (графа Михаила Илларіоновича) въ управленіи иностранными дѣлами, не терпѣлъ Воронцовыхъ и заставилъ графа Александра Романовича покинуть дипломатическое поприще, и этимъ создалъ себѣ и своей политической системѣ непримиримыхъ враговъ въ графѣ Александрѣ и братѣ его Семенѣ, которые по тѣсной дружбѣ составляли одного человѣка, такъ что графъ Семенъ, перемѣнившій впослѣдствіи военное поприще на дипломатическое, въ перепискѣ своей не щадилъ выходокъ противъ Панина и его управленія, видѣлъ однѣ ошибки въ его политической системѣ, въ прусскомъ союзѣ и его слѣдствіяхъ. Графъ Александръ, перешедши къ дѣламъ внутренняго управленія, съ почетомъ занималъ важныя должности, былъ сенаторомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи, но стоялъ въ отдаленіи собственно отъ Двора, и клиенты Потемкина считали его вліятельнымъ членомъ кружка, враждебнаго ихъ патрону; послѣднее время царствованія Екатерины и все царствованіе Павла онъ провелъ вдали отъ дѣлъ. Выше его по способностямъ былъ графъ Семенъ, занимавшій съ 1785 года постъ русскаго министра при Лондонскомъ Дворѣ до самой кончины Екатерины. Осыпанный сначала милостями при Павлѣ, онъ вдругъ подвергся опалѣ, былъ отставленъ, имѣніе его конфисковано. Александръ, по восшествіи на престолъ, поспѣшилъ отнестись къ обоимъ Воронцовымъ съ особенною ласкою и уваженіемъ; графъ Семенъ возстановленъ былъ на прежнемъ любимомъ мѣстѣ; графъ Александръ сдѣланъ членомъ Совѣта. Графъ Семенъ, оставаясь горячимъ патріотомъ, съ участіемъ слѣдя за всѣмъ, что дѣлалось въ Россіи, не могъ однако не подвергнуться вліянію долгаго пребыванія внѣ Россіи и въ странѣ, которая ему, по разнымъ причинамъ, очень нравилась, приходилась вполнѣ по его природѣ, неспособной гнуться предъ людьми и обстоятельствами, по стремленію къ независимости. Министръ, которому не очень по душѣ та страна, въ которой онъ служитъ представителемъ своего государства, спокойнѣе, безпристрастнѣе смотритъ на отношенія къ ней своего отечества, легко мирится и съ мыслію о возможности охлажденія между ними, и съ мыслію о возможности покинуть свой постъ. Но министръ, которому очень нравится въ странѣ, гдѣ онъ пребываетъ, боится столкновенія между нею и своимъ отечествомъ, какъ имѣющаго нарушить его привычныя отношенія и связи, столь дорогія ему, боится мысли быть принужденнымъ совершенно

порвать ихъ и удалиться изъ любимой среды. Упрекъ, который дѣлали графу Семену въ его пристрастіи къ Англіи, нельзя назвать неосновательнымъ: доказательствомъ служило его неудовольствіе на постановленія вооруженнаго нейтралитета, который естественно и необходимо вытекалъ изъ національной русской политики, былъ на морѣ такимъ же дѣйствіемъ, какимъ на сушѣ участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ и борьба ея съ Наполеономъ. Но съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка положеніе графа Семена было чрезвычайно выгодно, потому что, по необходимости борьбы съ Франціею, тѣсное сближеніе Россіи съ Англіею стояло на очереди, должно было требоваться государственными людьми какъ необходимость.

Графъ Семенъ Воронцовъ сначала былъ хорошо расположенъ къ графу Н. П. Панину: это расположеніе Панинъ умѣлъ заискать уваженіемъ, довѣренностію, которыя выражались въ его письмахъ къ Воронцову. Но графъ Александръ Воронцовъ написалъ брату очень дурной отзывъ о характерѣ представителя непріятной фамиліи,— и этого было довольно, чтобъ перемѣнить отношенія графа Семена къ Панину: съ одной стороны, неограниченное довѣріе къ брату, съ другой—невольное раздраженіе старика, принужденнаго находиться въ извѣстномъ подчиненіи у молодаго человѣка,—раздраженіе, которое обыкновенно ищетъ только предлога, оправданія, чтобъ выразиться. Панинъ, еще въ царствованіе императора Павла, имѣлъ неосторожность высказать, въ одномъ изъ писемъ къ графу Семену, основанія своей политической системы: эта система состояла въ союзѣ съ Англіею, Пруссіею и Портой Оттоманскою. «По моимъ принципамъ»,— писалъ Панинъ,—«надобно обуздывать честолюбіе Австріи политикою Екатерины II-й и сдерживать Швецію союзомъ съ Турціей». Но эта политика очень напоминала политику дяди Панина, знаменитаго Никиты Ивановича, вслѣдствіе чего племянникъ, въ глазахъ Воронцовыхъ, явился такимъ же пруссакомъ, какъ и дядя,— а этого наслѣдственнаго грѣха простить ему было нельзя, особенно когда приверженецъ прусскаго союза не употреблялъ всѣхъ своихъ усилій для удовлетворенія требованіямъ Англіи, необходимаго — по мнѣнію приверженца англійскаго союза. Такъ, графу Моркову поручено было, между прочимъ, предложить Бонапарту посредничество Россіи въ примиреніи Франціи съ Турціею. Въ Англіи сильно встревожились, потому что боялись вліянія Франціи въ Константинополѣ. Самъ король счелъ нужнымъ переговорить объ этомъ съ Воронцовымъ: «Императоръ Павелъ»,— говорилъ Георгъ III,— «во время самой сильной ненависти противъ насъ, сдѣлалъ это предложеніе Бонапарту, зная, что миръ между этимъ консуломъ и Портой будетъ чрезвычайно вреденъ и враждебенъ для Великобританіи; а нынѣшній императоръ, другъ Великобританіи, дѣлаетъ Франціи то же предложеніе, какое императоръ, его отецъ, сдѣлалъ по ненависти. Положимъ, что императоръ Александръ также питаетъ нерасположеніе къ Англіи, что, впрочемъ, кажется невозможнымъ; но зачѣмъ же онъ хочетъ принести въ жертву и Турцію; ибо какую безопасность этимъ миромъ она пріобрѣтетъ противъ интригъ Франціи, для которой нѣтъ ничего священнаго? Франція снова поведетъ выгодную торговлю съ Левантомъ, которая дастъ ей средства продолжать войну съ нами. Она заведетъ консула, вице-консула и другихъ агентовъ по всѣмъ областямъ Турціи, гдѣ они сдѣлаютъ то же, что ихъ товарищи сдѣлали въ Швейцаріи: станутъ революціонировать грековъ,— и, меньше чѣмъ въ три года, Европейская Турція представитъ сцены болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, которыя опозорили человѣчество во Франціи въ первые годы ея проклятой революціи. Я предоставляю его величеству императору обсудить: справедливо ли и выгодно ли для его имперіи подвергать пожару сосѣдку Турцію. Революція, начавшись въ Эпирѣ, Македоніи, Босніи, Болгаріи, перейдетъ въ Молдавію и Валахію, и явится на границахъ Русской имперіи. Но прежде всего Порта очутится въ неловкихъ отношеніяхъ къ Англіи, которыя необходимо поведутъ къ войнѣ. Эта война ускоритъ гибель Турціи, ибо Франція, подъ предлогомъ сохраненія для Порты странъ, подверженныхъ нападенію англійскихъ эскадръ, введетъ туда французскіе гарнизоны, которыхъ уже больше не выведетъ и которые сдѣлаются центромъ для революціонированія жителей. Такимъ образомъ, если его величество императоръ желаетъ охранить Турцію, которая вовсе для него не опасна, то онъ долженъ не совѣтовать ей заключенія отдѣльнаго мира съ Франціей, но внушать ей, чтобы она не отставала отъ Великобританіи, которая никогда не покидаетъ своихъ союзниковъ и не постановитъ мира съ Франціею, не включивъ въ него Порты».

Но въ Петербургѣ никакъ не трогались объясненіями его великобританскаго величества, что сильно безпокоило и раздражало Воронцова, дѣлая неловкимъ его положеніе въ Англіи, гдѣ имѣли право думать, что онъ или не хочетъ настаивать при своемъ Дворѣ на удовлетвореніи англійскимъ требованіямъ, или не можетъ этого сдѣлать, не имѣетъ достаточно вліянія. Въ этомъ раздраженіи Воронцовъ обрушивается на Панина: онъ всему виною, чрезъ него одного императоръ ведетъ иностранныя дѣла, съ нимъ однимъ совѣтуется;— другое дѣло, еслибъ иностранныя дѣла проходили чрезъ Совѣтъ: тамъ братъ Александръ и его единомышленники. Въ это время сильнаго раздраженія приходитъ циркулярная инструкція. Ее написалъ Панинъ, мальчикъ, которому было 13 лѣтъ, когда Воронцовъ оставилъ Россію, а теперь этотъ мальчикъ пишетъ наставленія, и какія наставленія! Инструкція представляла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ темноту, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ противорѣчіе, представляла нѣкоторыя неудачныя выраженія. Воронцовъ рѣшился воспользоваться всѣмъ этимъ, разгромить инструкцію, и сдѣлать

это въ письмѣ къ самому императору. Основныя положенія Воронцова были: иностранныя дѣла должны обсуждаться въ Совѣтѣ предъ государемъ, а не поручаться одному лицу; этимъ довѣреннымъ лицомъ ни какъ не можетъ быть Панинъ. Громя инструкцію, Воронцовъ давалъ видъ, что приписываетъ ее одному Панину, выдѣляя совершенно императора, что для послѣдняго могло быть не менѣе оскорбительно. Но Воронцовъ сослался на письмо Александра, гдѣ тотъ писалъ ему: «Я долженъ васъ благодарить за то, что вы сочли меня достойнымъ внимать истинѣ. Жду отъ вашей вѣрности и отъ вашего патріотизма, что вы будете продолжать говорить мнѣ съ тою же прямотою».

Александръ не отрекся отъ этихъ требованій своихъ; онъ благодарилъ Воронцова за откровенность, съ какою написано его письмо; повторялъ, что требуетъ отъ каждаго правды, и, въ доказательство, съ какимъ удовольствіемъ будетъ онъ принимать все, что напишетъ ему человѣкъ такихъ лѣтъ, такой опытности и такихъ заслугъ, какъ Воронцовъ, императоръ вошелъ въ объясненія по поводу его письма. Онъ призналъ пользу обсужденія иностранныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ и высказывалъ надежду, что впослѣдствіи будетъ возможность вносить въ Совѣтъ дѣла наиболѣе важныя, но до сихъ поръ онъ не могъ этого сдѣлать, долженъ былъ ограничиться работою въ кабинетѣ съ каждымъ изъ министровъ отдѣльно, потому что уже нашелъ такой порядокъ установленнымъ и не хотѣлъ измѣнять его, не пріобрѣтя прежде извѣстной опытности и извѣстнаго спокойствія, которыя могли бы дать средства подумать о перемѣнѣ полезной. Александръ признавалъ всю справедливость замѣчаній Воронцова насчетъ пользы сближенія съ Англіею; но замѣчалъ, въ свою очередь, что нельзя было вдругъ въ пользу Англіи отказаться отъ началъ вооруженнаго нейтралитета, пожертвовать выгодами сѣверныхъ державъ, Швеціи и Даніи, которыя Россіею же были привлечены къ союзу противъ Англіи, и нельзя было вдругъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ Англіи: это значило бы обнаружить страхъ предъ ея флотомъ, который находился въ Балтійскомъ морѣ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Англіи императора Павла. «Но теперь», писалъ Александръ,—«когда опытность освоила меня съ этими предметами, и затрудненія, встрѣченныя мною при восшествіи на престолъ, начинаютъ ослабѣвать, конечно, я не смѣшаю интересовъ Россіи съ интересами сѣверныхъ державъ. Я особенно постараюсь слѣдовать національной системѣ, т.-е. системѣ, основанной на выгодахъ государства, а не на пристрастіяхъ къ той или другой державѣ, какъ это часто случалось. Я буду хорошъ съ Франціею, если сочту это полезнымъ для Россіи, точно такъ, какъ теперь эта самая польза заставляетъ меня поддерживать дружбу съ Великобританіею». Наконецъ, императоръ счелъ нужнымъ упомянуть и о мнѣніи Англійскаго короля относительно примиренія Турціи съ Франціею, потому что Воронцовъ сильно настаивалъ на справедливости этого мнѣнія и требовалъ его принятія. Александръ объявилъ, что онъ не признаетъ его основательнымъ. Россія не могла отказать Портѣ въ посредничествѣ для примиренія ея съ Франціею, тѣмъ болѣе что въ случаѣ отказа Порта обошлась бы и безъ русскаго посредства, обратившись прямо къ французскому правительству; кромѣ того, отказъ возбудилъ бы въ туркахъ подозрѣніе относительно видовъ Россіи, тогда какъ слѣдуетъ сохранять ихъ довѣріе. Наконецъ, принятіе посредничества необходимо слѣдуетъ изъ искренняго желанія императора видѣть установленіе всеобщаго спокойствія; Россія точно также предложила свое посредничество и Англіи для примиренія ея съ Франціею.

Спокойный тонъ, который господствовалъ въ письмѣ государя, въ сравненіи съ раздражительностію и страстностію, отличавшими письмо подданнаго, придавалъ письму Александра особенное величіе, и объясненіямъ императора—особенную вѣскость. Воронцовъ не могъ не почувствовать всей силы урока, который данъ былъ ему, старику, очень молодымъ государемъ, несмотря на всѣ увѣренія послѣдняго въ своемъ уваженіи и довѣріи къ лѣтамъ и опытности заслуженнаго вельможи. Особенно урокъ былъ силенъ въ пунктѣ о національной политикѣ, которая исключаетъ пристрастіе къ той или другой державѣ. Воронцовъ долженъ былъ увидать, что, преслѣдуя Панина, встрѣтился съ борцомъ болѣе сильнымъ, и что сущность инструкціи принадлежала не Панину, а самому Александру, готовому защищать ее. Что же касается графа Панина, то императоръ въ этомъ же письмѣ объявлялъ Воронцову, что молодой министръ самъ удалился отъ дѣлъ, недовольный, какъ говорили, тѣмъ, что императоръ недостаточно наградилъ его въ день коронаціи, и тѣмъ, что, по поводу жалобы, поданной на него княземъ Куракинымъ, императоръ взялъ сторону послѣдняго. Но торжество Воронцовыхъ зависѣло не отъ удаленія Панина, а оттого, что *національный интересъ* дѣлалъ невозможнымъ сближеніе съ Франціею и Пруссіею, а требовалъ сближеніе съ Англіею и Австріею. Вполнѣ соотвѣтственно этому требованію, въ челѣ управленія иностранными дѣлами явился графъ Александръ Воронцовъ, составлявшій по своимъ убѣжденіямъ одно существо съ братомъ. Помощникомъ старику Воронцову былъ приданъ другъ молодости императора, польскій князь Адамъ Чарторыйскій. Чарторыйскій нравился обоимъ Воронцовымъ: онъ, повидимому, вполнѣ раздѣлялъ ихъ взгляды, не могъ быть приверженцемъ прусской системы Паниныхъ, которая повела къ раздѣлу Польши; какой же былъ собственный взглядъ Чарторыйскаго, — о томъ онъ Воронцовымъ не говорилъ.

II.

Первый разрывъ съ Наполеономъ.

Въ началѣ XIX-го вѣка Европа представляла удивительное на первый взглядъ явленіе, бывшее результатомъ всей ея исторіи. Два крайнія государства ея на континентѣ, Россія и Франція, неимѣвшія, повидимому, никакихъ точекъ соприкосновенія, стояли другъ передъ другомъ, готовыя къ борьбѣ. Что противъ Франціи на первомъ планѣ стояла Россія,—это самое показывало уже, что дѣло идетъ не о частномъ какомъ-нибудь интересѣ. Отъ Франціи шло наступательное, завоевательное движеніе; въ ея челѣ стоялъ первый полководецъ времени, задачею котораго было ссорить, разъединять, бить поодиночкѣ, поражать страхомъ, внезапностью нападенія, силою притягивать къ себѣ чужіе народы. Отъ Россіи, наоборотъ, шло движеніе оборонительное, и государь ея, въ соотвѣтствіе этому характеру движенія, отличался не воинственными наклонностями, не искусствомъ браннаго вождя, но желаніемъ и умѣньемъ соединять, примирять, устраивать общее дѣйствіе, рѣшать европейскія дѣла на общихъ совѣтахъ, приводить въ исполненіе общія рѣшенія. Во время борьбы съ Наполеономъ Александръ является составителемъ и вождемъ коалицій для отпора завоевательному движенію Франціи. Съ окончательнымъ успѣхомъ послѣдней коалиціи, съ низверженіемъ виновника завоевательнаго французскаго движенія, цѣлію Александра является поддержаніе обще-европейскаго союза для сохраненія мира и общественнаго порядка, поддержаніе общаго дѣйствія, общаго управленія Европы посредствомъ собраній, совѣтовъ государей и уполномоченныхъ ихъ, посредствомъ конгрессовъ. Такимъ образомъ, дѣятельность Александра I-го, вслѣдствіе личнаго характера его и вслѣдствіе положенія Европы и Россіи, раздѣляется 1814 годомъ на двѣ половины: эпоху коалицій и эпоху конгресовъ.

Если императоръ Александръ съ самаго начала своего царствованія предвидѣлъ, какая дѣятельность предстояла ему въ европейскихъ событіяхъ,—дѣятельность начинателя и главы коалицій противъ завоевательныхъ стремленій Франціи, то Наполеонъ такъ же ясно видѣлъ, что такая дѣятельность могла принадлежать только Россіи, ея государю. Безъ Россіи никакая коалиція, если бы и была возможна, то не была бы ему опасна, и потому главная цѣль его политики въ отношеніи къ Россіи заключалась въ томъ, чтобы разными хитростями и приманками отталкивать Россію, по возможности, отъ связи съ другими державами, пока не принудитъ ихъ поодиночкѣ подчиниться своей волѣ: тогда Россія должна будетъ отказаться отъ дѣятельности, оставшись въ одиночествѣ, и если вздумаетъ противиться, то будетъ поражена все-европейскою коалиціею, направленною противъ нея подъ знаменами перваго полководца вѣка. Какъ въ прошломъ столѣтіи Фридрихъ II заключилъ союзъ съ Россіей и, обезпечивъ себя имъ, не хотѣлъ слышать съ русской стороны предложеній расширить этотъ союзъ введеніемъ въ него ряда другихъ, слабѣйшихъ державъ, ибо это связывало ему руки: такъ теперь Наполеонъ не хочетъ слышать русскихъ предложеній—вести дѣла сообща съ какою нибудь другою державою. Для Россіи нужна прочность отношеній между державами, обезпечивающая продолжительный миръ, а эта прочность отношеній условливается союзомъ большинства значительнѣйшихъ державъ. Александръ не хотѣлъ исключать изъ этого союза могущественную Францію, хотѣлъ ея присутствіемъ въ союзѣ еще болѣе скрѣпить его; но человѣкъ, управлявшій Франціею подъ именемъ перваго консула, вовсе не хотѣлъ прочности отношеній между державами, ведшей къ продолжительному миру. Онъ смотрѣлъ на миръ только какъ на перемиріе, дававшее передышку и время устроить нѣкоторыя выгодныя для будущей войны отношенія: потому Наполеонъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ общемъ дѣлѣ, общемъ соглашеніи, которое бы связывало ему руки. Русскій посланникъ Колычевъ, отправленный въ Парижъ еще императоромъ Павломъ, писалъ [1]), что первый коснулъ отвергъ тотчасъ же статьи предложеннаго ему съ русской стороны договора, въ которыхъ заключалось обязательство при общемъ замиреніи не допускать для вознагражденій никакихъ другихъ основаній, кромѣ установленныхъ Россіею, Пруссіею и Франціею. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, выразилъ положительно желаніе своего правительства войти прямо и просто въ соглашеніе съ Русскимъ императоромъ относительно предметовъ, гдѣ интересы обоихъ правительствъ сойдутся. Талейранъ при этомъ внушалъ Колычеву, что необходимо составить общій планъ, чтобъ воспрепятствовать Дворамъ Берлинскому и Вѣнскому воспользоваться настоящими обстоятельствами и пріобрѣсти въ Германіи больше того, на что дѣйствительно имѣютъ право.

Эти настоящія обстоятельства заключались въ томъ, что, по Люневильскому миру, заключенному (9-го февраля 1801 года) Германскою имперіею съ Франціею, вслѣдствіе послѣдняго погрома Австріи, лѣвый берегъ Рейна отходилъ къ Франціи. Германія лишилась 1,150 квадратныхъ миль; но владѣльцы не хотѣли лишиться ничего; имъ выговорено было вознагражденіе, которое они должны были получить посредствомъ такъ называемой секуляризаціи, т.-е. отдачи свѣтскимъ князьямъ въ потомственное владѣніе церковныхъ владѣній, епископствъ и аббатствъ; вольные города также должны были потерять свою вольность для вознагражденія владѣльцевъ, лишившихся своихъ земель на лѣвомъ берегу Рейна. Казалось бы, что такое чисто-германское дѣло надобно было устроить

[1]) 22-го марта (3-го апрѣля) 1801 года.

внутри Германіи, по соглашенію однихъ ея владѣтелей. Но если бы это соглашеніе было возможно, то не было бы и Люневильскаго мира и уступки Франціи лѣваго берега Рейна. Крупныя германскія государства, Австрія и Пруссія, потеряли свое значеніе, и мелкія, не имѣвшія обо что опереться у себя, бросились, какъ слабыя, ко внѣшней силѣ, начали преклоняться предъ французскимъ правительствомъ,—и дѣло вознагражденія перешло въ руки Наполеона, который, желая пока имѣть на своей сторонѣ Россію, соглашался уступить извѣстную долю участія въ дѣлѣ Русскому императору, но съ исключеніемъ всякой германской державы. Почуявъ, гдѣ сила, гдѣ рѣшеніе дѣла, уполномоченные германскихъ Дворовъ бросились въ Парижъ и не щадили ничего, ни денегъ, ни ласкательствъ, ни униженія, чтобы только сослужить вѣрную службу своимъ высокимъ довѣрителямъ: это были патріоты и вѣрноподданные своего рода. Въ Парижѣ производилась торговля епископствами, аббатствами, вольными городами; нѣмецкіе посланники, съ деньгами въ рукахъ, взапуски ползали передъ любовницею Талейрана, передъ его секретаремъ Матьё, передъ французскимъ посланникомъ въ Регенсбургѣ, Лафорестомъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ явленіемъ на перваго консула и создаваемое имъ французское сановничество, было ужасное, развращающее; оно внушало имъ полное презрѣніе къ слабымъ, надежду на одну силу, которой все позволено. И легко понять, какъ для избалованнаго раболѣпствомъ главы Французской республики невыносимъ былъ представитель какого-нибудь государства, который съ достоинствомъ поддерживалъ это представительство, который не гнулся передъ людьми, привыкшими кричать: «Горе побѣжденнымъ»!—не гнулся потому, что не признавалъ своего государства побѣжденнымъ. Колычевъ былъ непріятенъ первому консулу и его министрамъ именно потому, что велъ себя съ достоинствомъ: съ нимъ надобно было считаться, говорить иначе, чѣмъ съ другими послами, что особенно видно изъ слѣдующаго. Вѣсть о кончинѣ императора Павла была для Наполеона громовымъ ударомъ; по обычаю, онъ искалъ, на комъ бы сорвать сердце, и сорвалъ его въ «Монитерѣ» на англичанахъ; но, кромѣ выходки въ журналѣ, другого средства достать англичанъ не было; легче и пріятнѣе было сорвать сердце на Сардинскомъ королѣ, за котораго заступался покойный императоръ Павелъ, требуя возвращенія ему Пьемонта. Теперь, когда заступника уже болѣе не было, Наполеонъ поспѣшилъ дать Пьемонту управленіе, одинаковое съ управленіемъ всѣхъ другихъ французскихъ департаментовъ, причемъ предписалъ: если Колычевъ станетъ на это жаловаться, то отвѣчать, что дѣло еще нерѣшеное; что Сардинскій король вывелъ перваго консула изъ терпѣнія своимъ неуваженіемъ къ нему; а если бы сталъ жаловаться прусскій посланникъ, Люккезини, то ему отвѣчать, что французское правительство не обязано разсуждать съ Прусскимъ королемъ объ италійскихъ дѣлахъ.

Колычевъ дѣйствительно протестовалъ, и протестовалъ сильно противъ французскихъ распоряженій въ Италіи, настаивая на исполненіи обѣщаній, данныхъ императору Павлу, и давая знать *гражданину* Талейрану, что если эти обѣщанія не будутъ исполнены, то возстановленіе дружбы между Россіею и Франціею не можетъ быть долговременно. Гражданинъ Талейранъ жаловался на рѣзкій тонъ Колычева, который скоро былъ отозванъ; но Наполеонъ и Талейранъ ничего не выиграли отъ этой перемѣны. Преемникомъ Колычеву былъ назначенъ графъ Морковъ, какъ болѣе искусный и способный на трудномъ постѣ посланника при Французской республикѣ; притомъ же опальный сановникъ прошлаго царствованія возобновлялъ свою дѣятельность на блестящемъ постѣ внѣшнемъ, тогда какъ возобновленіе этой дѣятельности на какомъ-нибудь внутреннемъ не очень желалось. Морковъ отличался самыми изысканными придворными манерами XVIII вѣка, утонченною вѣжливостію, входилъ и раскланивался по правиламъ танцовальнаго искусства, ступалъ на цыпочкахъ, говорилъ на ухо,—и все остроты. Но этотъ утонченнѣйшій маркизъ превращался во льва, когда надобно было охранять интересы и честь Россіи; онъ принадлежалъ къ такимъ русскимъ дѣятелямъ, о которыхъ говорили, что они *катеринствуютъ*,—къ людямъ, привыкшимъ при Екатеринѣ считать Россію первымъ государствомъ въ мірѣ, рѣшительницею судебъ другихъ народовъ.

11-го октября (н. ст.) 1801 года Морковъ заключилъ тайную конвенцію между Россіею и Франціею: обѣ державы обязались сообща, въ полномъ согласіи, покончить дѣло о вознагражденіи германскихъ владѣльцевъ вслѣдствіе Люневильскаго мира, причемъ выражено было желаніе—допускать какъ можно менѣе перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ Германіи, сохранять справедливое равновѣсіе между Домами Австрійскимъ и Бранденбургскимъ; соблюдать искреннее согласіе и сообщать другъ другу свои намѣренія относительно устройства Италіи и свѣтскихъ отношеній Римскаго Двора для дружескаго окончанія всѣхъ этихъ дѣлъ. Первый консулъ обязывался, при русскомъ посредничествѣ, открыть въ скорости мирные переговоры съ Оттоманскою Портой; сохранить неприкосновенность владѣній короля обѣихъ Сицилій, и, какъ скоро судьба Египта будетъ рѣшена, вывести французскія войска изъ Неаполитанскаго королевства. Обѣ державы обѣщали заняться дружески и доброжелательно интересами короля Сардинскаго, сколько возможно по настоящему положенію вещей; независимость республики семи Іоническихъ острововъ была признана, и постановлено, чтобы въ ней не оставалось болѣе иностранныхъ войскъ; Русскій императоръ обѣщалъ ста-

раться объ освобожденіи французовъ, находившихся въ турецкомъ плѣну. Обѣ державы обязались немедленно заняться средствами утвердить на вышесказанныхъ основаніяхъ всеобщій миръ, возстановить должное равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта, обезопасить свободу морей и дѣйствовать согласно, убѣжденіями и силою для блага человѣчества, общаго спокойствія и независимости правительствъ.

Сила, военная удача дали Франціи первенствующее положеніе въ Западной Европѣ; но на востокѣ Европы было государство, съ которымъ Франція должна была считаться, подѣлиться своимъ значеніемъ, сообща распорядиться европейскими дѣлами, причемъ Россія прямо выставляетъ свое начало, свою цѣль: дѣйствовать для блага человѣчества, общаго спокойствія и независимости государствъ. Намъ теперь все это можетъ показаться наивными фразами въ конвенціи, заключаемой съ Наполеономъ; но мы видѣли, что императоръ Александръ именно хотѣлъ испытать новаго правителя Франціи. Не обращая вниманія ни на форму, ни на имя, ни на происхожденіе французскаго правительства, Русскій государь задавалъ вопросъ: согласно ли будетъ это правительство содѣйствовать видамъ Россіи въ установленіи всеобщаго спокойствія и прочныхъ правильныхъ отношеній между государствами Европы: если будетъ согласно, то, какъ бы ни назывался правитель Франціи, первымъ консуломъ или иначе, Россія будетъ съ нимъ въ тѣсномъ союзѣ; если же нѣтъ, то слѣдствіемъ будетъ постоянная вражда. Такимъ образомъ, конвенція естественно вытекла изъ основнаго взгляда императора Александра на внѣшнія отношенія Россіи. Сильно были недовольны конвенціею въ Англіи; сильно потому сердился на нее графъ Семенъ Воронцовъ и не щадилъ насчетъ ея рѣзкихъ выраженій, причемъ продолжалъ толковать о панинскихъ внушеніяхъ, выгораживая Моркова, какъ невольное орудіе. Отчего же конвенція заслужила такую немилость на другомъ берегу пролива? Здѣсь, какъ и во Франціи, вообще не были довольны поведеніемъ новаго Русскаго государя, несмотря на то, что онъ миролюбиво, дружественно отнесся ко всѣмъ. Въ Англіи ждали, что въ Петербургскомъ Кабинетѣ произойдетъ полная реакція послѣднимъ направленіямъ политики предыдущаго царствованія; что новый императоръ сейчасъ же порветъ съ Франціею и тѣсно соединится съ Англіею. Сколько въ Англіи надѣялись на такой переворотъ въ политикѣ Россіи, столько же во Франціи боялись его; успокоились, когда увидали, что его нѣтъ, но все же не были довольны миромъ Россіи съ Англіею, спокойнымъ, безпристрастнымъ тономъ политики новаго государя, ея самостоятельностію и независимостію, что все не давало надежды употребить Россію орудіемъ для своихъ цѣлей, заставляло считаться съ нею. Какъ бы то ни было, положеніе, которое принялъ Александръ, должно было повести хотя къ кратковременному успокоенію Европы: Англія и Франція обѣ были утомлены войною; но скорый миръ былъ бы невозможенъ, еслибъ Франція надѣялась на русскую помощь, какъ было при Павлѣ, или если бы по смерти Павла произошла та реакція, какой ожидали въ Англіи, которая оперлась бы на Россію для полученія болѣе выгодныхъ мирныхъ условій. Но спокойное и безпристрастное положеніе Россіи предоставляло Англіи и Франціи перевѣдываться однимъ другъ съ другомъ; онѣ устали, нуждались хотя въ кратковеременной передышкѣ; континентальные успѣхи одной были уравновѣшены морскими успѣхами другой. Россія, которая могла положить свою тяжесть на ту или другую чашку вѣсовъ, отстранялась, и воюющія державы приступили къ мирнымъ переговорамъ; Питтъ, котораго имя было неразлучно съ представленіемъ о борьбѣ на-жизнь и на-смерть между Англіею и Франціею, — Питтъ вышелъ изъ министерства; преемникъ его, Аддингтонъ, поставилъ своею задачею заключеніе и поддержаніе мира.

1-го октября 1801 года были подписаны въ Лондонѣ прелиминарныя статьи мира между Франціею и Англіею: послѣдняя возвращала Французской республикѣ и ея союзникамъ всѣ колоніи, захваченныя у нихъ англичанами во время войны, кромѣ испанскаго острова Тринидада, въ Америкѣ, и голландскаго Цейлона, въ Азіи, которые оставались навсегда за Англіею; Египетъ возвращался Турціи, Мальта — ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго; французскія войска должны были очистить римскія и неаполитанскія владѣнія, англійскіе острова и гавани Средиземнаго и Адріатическаго морей; обезпечивалась цѣлость Португаліи.

Прелиминарныя лондонскія статьи и парижская франко-русская конвенція были заключены почти въ одно время, вели къ одной общей цѣли, никакого противорѣчія въ себѣ не заключали, а между тѣмъ въ Англіи сильно были взволнованы и раздражены франко-русскою конвенціею: въ ней опять затрогивалось чувствительное мѣсто. Мы видѣли, какимъ раздраженіемъ было встрѣчено въ Англіи русское предложеніе первому консулу посредничать при заключеніи мира между Франціею и Турціею. Теперь Англія взялась быть посредницей, выговаривая возвращеніе Египта Турціи, и вдругъ узнаетъ, что Россія не отказалась отъ своего посредничества и внесла его въ парижскую конвенцію. Въ Англіи не умѣли при этомъ скрыть своего раздраженія, не умѣли скрыть своего стремленія отстранить русское вліяніе въ Константинополѣ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гоуксбюри, объявилъ графу Воронцову, что король сильно огорченъ невниманіемъ императора Александра къ его прежнимъ просьбамъ отказаться отъ плана отдѣльнаго мира между Франціею и Турціею, потому что Англія не заключитъ мира съ Франціею безъ включенія въ него Турціи. Морковъ долженъ былъ знать о лондонскихъ прелиминарныхъ статьяхъ, и, несмотря на это, все же внесъ въ

свою конвенцію условіе о посредничествѣ Россіи между Франціею и Турціею

Англія хотѣла уничтожить вліяніе Россіи на Востокѣ; но до столкновенія этихъ двухъ державъ здѣсь было еще далеко; Восточный вопросъ не становился еще на очередь; отношенія на Западѣ оттягивали все вниманіе, а здѣсь человѣкъ, управлявшій Французскою республикою, хотѣлъ отнять у Англіи всякое вліяніе на дѣла континента. Когда, послѣ подписанія лондонскихъ прелиминарій, открылись между Англіею и Франціею переговоры въ Амьенѣ, французскій уполномоченный, братъ перваго консула, Іосифъ Бонапартъ, получилъ внушеніе, что французское правительство не хочетъ слышать при переговорахъ ни о королѣ Сардинскомъ, ни о внутреннихъ дѣлахъ Батавіи (Голландіи), Германіи, Швейцаріи и республикъ итальянскихъ; все это совершенно чуждо переговорамъ между Франціею и Англіею, и при составленіи прелиминарій было объ этомъ говорено очень мало — достаточное доказательство, что теперь вовсе не нужно поднимать объ этомъ вопроса. Кабинетъ Аддингтона хотѣлъ во что бы то ни стало заключить поскорѣе миръ: въ этомъ онъ поставлялъ свое значеніе, свою славу, возможность существованія, предполагая сильное желаніе народа видѣть конецъ войны. При сильномъ желаніи уладить что-нибудь, обыкновенно смотрятъ сквозь пальцы на нѣкоторыя затрудненія, спѣшатъ обойти ихъ молчаніемъ, предполагая, что съ теченіемъ времени все уладится, хотя очень часто, съ теченіемъ времени, эти затрудненія являются неодолимыми и разрушаютъ желанное дѣло. Миръ между Англіею и Франціею былъ заключенъ въ Амьенѣ, 25-го марта 1802 года, и народъ въ Англіи, дѣйствительно желавшій передышки, встрѣтилъ его съ восторгомъ. Но когда первое впечатлѣніе прошло, когда наступили минуты спокойнаго обсужденія дѣла, положенія, имъ созданнаго, то стало оказываться, что положеніе это вовсе не выгодно; что противъ стремленія Франціи къ усиленію нѣтъ никакихъ гарантій,—континентъ отданъ ей на жертву. Это обсужденіе положенія, созданнаго Амьенскимъ миромъ, началось двумя обычными, открытыми путями: путемъ парламентскихъ преній и путемъ печати. Въ парламентѣ поднялась оппозиція изъ приверженцевъ прежняго Питтова министерства; раздались слова: «Англія похожа на крѣпость, которая потеряла свои внѣшнія укрѣпленія.—Амьенскій договоръ представляетъ прелиминаріи смертнаго приговора Англіи»[1]). Министры могли отвѣчать одно: «Необходимость требовала заключить миръ: мы оставлены союзниками, новая коалиція на континентѣ въ эту минуту невозможна».

Печать, съ своей стороны, указывала на невыгоды Амьенскаго мира, на ошибки, сдѣланныя при его заключеніи. Англійскіе министры привыкли спокойно относиться къ выходкамъ печати противъ своихъ дѣйствій; но не привыкъ къ этому правитель Франціи. Кромѣ условій, заключавшихся въ характерѣ Наполеона и не позволявшихъ ему равнодушно сносить и свободнаго отзыва о его дѣйствіяхъ — не только оскорбленія, самое положеніе его заставляло его быть чрезвычайно чувствительнымъ къ публичнымъ, печатнымъ порицаніямъ. Добиваясь власти и ея утвержденія, онъ былъ осужденъ на постоянную борьбу съ препятствіями, съ людьми, которые не желали его власти, ея утвержденія; онъ не былъ законный государь,—онъ былъ только вождь партіи, которую надобно постоянно усиливать, дѣлать господствующею. Средствомъ для этого былъ успѣхъ очевидный, признанный; блескъ, слава, заставляющіе молчать противниковъ; похвала, восторгъ могущественно дѣйствуютъ на толпу, на большинство, заставляютъ его преклоняться предъ человѣкомъ, которому раздаются постоянныя похвалы, имя котораго произносится съ восторгомъ. Но вотъ раздаются слова сомнѣнія, порицанія,—и вождю партіи кажется, что уже толпа смущается, дѣлится, обаяніе исчезаетъ, кумиръ безъ ѳиміама уже не богъ; ему кажется, что число поклонниковъ его уже уменьшается, партія слабѣетъ: поэтому понятно, въ какое раздраженіе приводитъ его каждый враждебный голосъ; понятно, какъ онъ пользуется своею силою, чтобы заставить молчать своихъ противниковъ, враждебныя партіи. На увѣщанія установить свободу печати, Наполеонъ отвѣчалъ: «Чего ожидать отъ этихъ людей, которые все еще сидятъ на своей метафизикѣ 1780 года! Свобода печати! Стоитъ мнѣ только ее возстановить, такъ сейчасъ же появится тридцать журналовъ роялистскихъ, столько же журналовъ якобинскихъ, и мнѣ придется управлять съ меньшинствомъ»!

Во Франціи слышится одна хвала человѣку силы, вождю господствующей партіи; онъ успокоивается, чувствуетъ подъ собою твердую почву, цѣль утвержденія власти кажется достигнутою; но смущаютъ его враждебныя рѣчи, раздающіяся изъ странъ чужихъ; хотя и не вдругъ, и не безъ труда, но проникнутъ онѣ во Францію и могутъ произвести то же дѣйствіе, какъ если бы онѣ раздавались прямо внутри страны. Раздраженіе и опасеніе усиливаются тѣмъ, что эти враждебныя статьи и сочиненія выходятъ не только изъ-подъ пера иностранцевъ, мнѣнія которыхъ встрѣчаютъ противодѣйствіе въ патріотическомъ чувствѣ, но также изъ-подъ пера французовъ, роялистовъ, конституціонистовъ, якобинцевъ, у которыхъ есть сообщники... сомышленники въ самой Франціи. Раздраженіе усиливалось еще тѣмъ, что уничтожить эти враждебныя сочиненія, наказать ихъ авторовъ было не во власти правителя Франціи; враги кололи человѣка силы и смѣялись надъ его безсильною яростью; обаяніе силы уменьшалось. Но сила, развиваясь, отвыкаетъ предполагать для себя препятствія неодолимыя, и первый консулъ требуетъ у англій-

[1]) Рѣчи лорда Гренвиля и Виндгама.

скаго правительства прекращенія выходокъ англійской печати; требуетъ изгнанія или наказанія французовъ, нашедшихъ убѣжище въ Англіи и пишущихъ противъ новаго порядка вещей въ своемъ отечествѣ. Ему отвѣчаютъ, что по англійской конституціи печать пользуется полною свободою; что въ Англіи не потерпятъ вредныхъ дѣйствій французскихъ эмигрантовъ, но принимать противъ нихъ мѣры предварительныя несогласно съ честью и закономъ гостепріимства. Наполеонъ возражалъ, что англійское правительство можетъ позволять печати порицаніе дѣйствій своего внутренняго управленія; но есть высшія требованія, требованія международнаго права, предъ которыми должны молчать законы отдѣльныхъ государствъ; что можно терпѣть у себя и противъ себя,—того нельзя позволять въ отношеніи къ чужимъ правительствамъ. Эти новыя положенія международнаго права не могли быть признаны англійскимъ правительствомъ, и Наполеонъ сталъ вести войну противъ англійскихъ газетъ въ своей газетѣ, въ «Монитёрѣ», гдѣ постоянно появлялись самыя грубыя выходки противъ основъ англійской политической жизни. Любопытны счеты, какіе иногда въ «Монитёрѣ» сводились между двумя хищничествами, французскимъ и англійскимъ; сравнивая французовъ съ англичанами, «Монитёръ» однажды воскликнулъ: «Какое различіе между народомъ, который дѣлаетъ завоеванія изъ любви къ славѣ, и народомъ торгашей, который становится завоевателемъ!»

Понятно, что такая газетная война не могла успокоить раздраженія; она напоминала обычай первобытныхъ народовъ—передъ началомъ битвы ругаться, особенно осыпать насмѣшками и бранью вождей. Обычай сохранился съ тѣмъ различіемъ, что у народовъ первобытныхъ бранятся устно передъ битвой, а у народовъ цивилизованныхъ бранятся печатно, въ газетахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ прозѣ, а иногда и въ стихахъ; слѣдствіе же одно и то же—взаимное раздраженіе. Но, кромѣ этого раздраженія, были и другія причины, не допускавшія продолженія мира. Наполеонъ не хотѣлъ признать за Англіею никакого права вмѣшиваться въ его распоряженія съ сосѣдними слабыми народами; на представленія относительно этихъ распоряженій онъ отвѣчалъ съ такою безцеремонностію, отъ какой новые европейско-христіанскіе народы давно уже отвыкли. Англія, съ своей стороны, не могла удержаться отъ искушенія удерживать за собой драгоцѣнную Мальту, оправдывая такое нарушеніе договора его непрочностью вслѣдствіе поступковъ перваго консула. Наполеонъ присоединилъ къ Франціи Пьемонтъ и островъ Эльбу, и распоряжался хозяиномъ въ Швейцаріи; англійское правительство заговорило по этому поводу о политическомъ равновѣсіи, о Люневильскомъ мирѣ. Наполеонъ велѣлъ отвѣчать на это угрозами: «Безъ сомнѣнія, Англія станетъ искать союзниковъ въ Европѣ. Если она ихъ найдетъ, то этимъ она только заставитъ насъ завоевать Европу. Первому консулу только 33 года; онъ сокрушалъ только до сихъ поръ государства второстепенныя! Кто знаетъ, сколько ему понадобится времени, чтобъ измѣнить лицо Европы и возстановить Западную имперію»? Но въ Англіи думали, что если дать Наполеону свободу распоряжаться на континентѣ—такъ, какъ онъ до сихъ поръ распоряжался, то не будетъ безопасности и для владычицы морей. Въ парламентѣ раздавались слова: «Ждать-ли, чтобъ онъ овладѣлъ всѣмъ континентомъ и тогда только начать противъ него дѣйствовать. Бонапартъ заключилъ договоръ съ французами: они согласны повиноваться ему подъ условіемъ, что онъ доставитъ имъ владычество надъ вселенной». Раздраженіе и безъ того уже было сильно, когда Наполеонъ, съ цѣлію пристращать Англію, коснулся главнаго ея интереса: въ началѣ 1803 года въ «Монитёрѣ» появилось донесеніе Себастіани, отправленнаго первымъ консуломъ на Востокъ; здѣсь говорилось о легкости вторичнаго завоеванія Египта Франціею; по утвержденію Себастіани, для этого достаточно было 6,000 французскаго войска. Нельзя было придумать лучшаго средства задѣть англичанъ за живое; раздраженіе ихъ достигло высшей степени. Аддингтонъ долженъ былъ отказаться отъ своей системы поддерживать миръ во что бы то ни стало. Наполеонъ слалъ одну угрозу за другой: онъ объявилъ въ «Монитёрѣ», что 500,000 войска готово защищать республику и мстить за нее. Наполеонъ, какъ всѣ люди его характера и положенія, считалъ только своимъ правомъ грозить, пугать, и выходилъ изъ себя, если угрожаемый становился въ боевое положеніе. Такъ, когда король Георгъ III повѣстилъ палатѣ общинъ, что надобно принять мѣры предосторожности, Бонапартъ въ сильномъ волненіи подошелъ къ англійскому посланнику лорду Уитворту и сказалъ ему громко: «Итакъ, вы рѣшились объявить намъ войну! Мы воевали десять лѣтъ; вы хотите воевать еще 15 лѣтъ,—вы меня къ этому принуждаете». Подлѣ стояли два посла—русскій, Морковъ, и испанскій, Азара; Наполеонъ обратился къ нимъ: «Англичане хотятъ войны; но если они первые обнажатъ шпагу, то я послѣдній вложу ее въ ножны; они не уважаютъ договоровъ, которые должно покрыть чернымъ крепомъ». Послѣ этой выходки, Наполеонъ обратился опять къ Уитрорту: «Зачѣмъ вооруженіе? Противъ кого мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля въ моихъ гаваняхъ! Вы хотите драться, и я буду драться! Вы можете убить Францію, но не испугать!» — «Мы бы не хотѣли ни того, ни другого, хотѣли бы жить въ добромъ согласіи съ Франціею»,—сказалъ посланникъ.—«Такъ надобно уважать договоры»,—закричалъ Наполеонъ:—«горе неуважающимъ договоры!» Наполеонъ этими словами намекалъ на то, что Англія не очищала Мальты; но упрекъ другимъ въ неуваженіи договоровъ звучалъ очень дико въ устахъ Наполеона. Въ отвѣтъ на выходку перваго консула, Англія потребовала, въ

видѣ гарантіи, Мальту на десять лѣтъ и, въ то же время, потребовала, чтобъ Франція вывела войска свои изъ Батавской республики (Голландіи), изъ Швейцаріи и дала вознагражденіе королю Сардинскому. Подобныя требованія могли быть сдѣланы только для того, чтобы выйдти изъ тяжелаго нерѣшительнаго положенія; цѣль была достигнута: война между Англіею и Франціею началась снова; французы заняли Ганноверъ, принадлежавшій Англійскому королю.

А между тѣмъ Наполеонъ не хотѣлъ войны съ Англіею: кромѣ убытковъ, вѣрныхъ морскихъ пораженій, потери флота, эта война не могла ему ничего обѣщать; руки были коротки; достать ненавистный островъ, несмотря на всю его близость, было нельзя; угроза высадки, несмотря на всѣ приготовленія, оставалась только угрозою; занятіе Ганновера, принадлежавшаго Англійскому королю, нисколько не трогало англичанъ. Но и миръ съ Англіею былъ невозможенъ, потому что Англія не хотѣла смотрѣть равнодушно, какъ Наполеонъ распоряжался на континентѣ. Точно въ такомъ же положеніи находился Наполеонъ и къ Россіи: онъ не хотѣлъ войны съ нею, а война была неизбѣжна, потому что Россія не давала ему распоряжаться въ Европѣ, порабощать слабѣйшія государства; съ Россіею заключены были обязательства — съ тѣмъ, разумѣется, чтобъ ихъ не исполнять; но Россія отъ нихъ не отступалась; надобно было какъ-нибудь ее занять навремя, заставить выпустить изъ виду общіе интересы для частнаго, соблазнить, указавъ на какой-нибудь лакомый кусочекъ. Въ 1802 году, когда готовился разрывъ Амьенскаго мира, Морковъ доносилъ своему Двору, что Бонапартъ постоянно заводилъ разговоръ о близкомъ распаденіи Оттоманской имперіи. Это произвело тревогу въ Петербургѣ. Все вниманіе сосредоточено было на Западѣ; Турція, не успѣвшая еще опомниться послѣ египетскаго похода Наполеонова, когда страшная опасность стала грозить ей со стороны, откуда она вовсе ея не ожидала, Турція не подавала никакого повода къ неудовольствію, и въ Петербургѣ брало верхъ мнѣніе, что слабая Турція есть самый удобный сосѣдъ и трогать ея не слѣдуетъ. Объ этомъ твердилъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ; слѣдовательно, таково-жъ было убѣжденіе и брата его, графа Александра, теперь канцлера, причемъ Воронцовымъ было пріятно указывать, что политика Екатерины II относительно Турціи была ошибочна: здѣсь они дѣйствовали въ духѣ партіи, ибо не могли не знать, что обѣ Турецкія войны при Екатеринѣ II были начаты совершенно противъ воли русскаго правительства. Взглядъ Воронцовыхъ вполнѣ раздѣлялъ молодой, близкій къ императору Александру, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій посланникомъ въ Константинополѣ и потомъ короткое время помогавшій канцлеру Воронцову въ завѣдываніи иностранными дѣлами до Чарторыйскаго. Кочубею, какъ знакомому съ положеніемъ Турціи, принадлежалъ теперь первый голосъ, когда надобно было подумать о восточныхъ дѣлахъ вслѣдствіе донесенія Моркова. Кочубей объявилъ, что, при поднятіи Восточнаго вопроса, Россіи предстоитъ выборъ: «или приступить къ подѣлу Турціи съ Франціею и Австріею, или стараться отвратить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впередъ быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Кочубей совѣтовалъ снестись по этому дѣлу съ Англіею и предостеречь Турцію. Мнѣніе было принято, и, 24 декабря 1802 года, канцлеръ Воронцовъ отправилъ Моркову письмо, въ которомъ уполномочивалъ его каждый разъ отвѣчать Бонапарту ясно, что императоръ Александръ никакъ не намѣренъ принять участіе ни въ какомъ проектѣ, враждебномъ Турціи.

Удочка закидывалась понапрасну; Россія не пошла на эту приманку. Попробовали другое средство: въ доказательство своего уваженія къ императору Александру, Наполеонъ предложилъ ему быть не только посредникомъ, но верховнымъ рѣшителемъ спора между Англіей и Франціей. Александръ отклонилъ эту опасную честь: война уже началась; согласится ли Англія для ея окончанія подчиниться рѣшеніямъ Русскаго государя; если не согласится, то это будетъ оскорбленіе, и Франція получитъ право требовать союза Россіи противъ державы оскорбившей. Но если бы даже Англія и согласилась, то развѣ легко было безпристрастнымъ рѣшеніемъ удовлетворить обѣ державы? Александръ принялъ болѣе скромную роль посредника и предложилъ условія: Франціи — очистить Ганноверъ, Голландію, Швейцарію, Верхнюю и Нижнюю Италію; Пьемонтъ останется за нею, но Сардинскій король получитъ за него вознагражденіе. Александръ предлагалъ занять русскими войсками островъ Мальту, съ тѣмъ, чтобы срокъ этого занятія былъ опредѣленъ впослѣдствіи. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ заключить миръ съ Англіей только на амьенскихъ условіяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ очиститъ, когда придетъ время, Голландію, Италію и Швейцарію; но это никакъ не можетъ войти въ условія мира съ Англіей. Наполеонъ требовалъ перемирія и конгресса для рѣшенія всѣхъ споровъ. Но условія, предложенныя Александромъ, были такъ же необходимы и для Россіи, какъ для Англіи. Прежде всего, по отношенію къ Балканскому полуострову, нельзя было допустить владычества французовъ въ Италіи. Графъ Семенъ Воронцовъ, руководясь интересомъ минуты, даже совѣтовалъ англійскому министерству удержать Мальту въ видахъ недопущенія французовъ въ турецкія владѣнія; совѣтъ былъ неблаговиденъ; графу Семену послали изъ Петербурга на этотъ счетъ внушеніе и придумали средство прекратить споръ и

обезопасить свои интересы — занятіемъ Мальты русскими войсками; но отвѣтъ Наполеона, что онъ очиститъ Италію, Швейцарію, Голландію, когда придетъ время, показывалъ всю его неискренность. Россія, по своему положенію, непосредственно войны начать не могла; она могла стать только во главѣ коалиціи, поддерживать другія ближайшія къ Франціи державы; Англія могла поддерживать коалицію деньгами, но безъ Россіи не могла ничего сдѣлать на континентѣ, и потому, какъ скоро Россія и Англія видѣли, что Наполеонъ не можетъ остановиться на пути захвата, то необходимо сближались для образованія и поддержки коалиціи. Отсюда, передъ разрывомъ Англіи съ Франціей, когда старанія Россіи поддержать Амьенскій миръ оставались тщетными, сближеніе Россіи съ Англіей становилось тѣснѣе, и русскій посолъ во Франціи, естественно, долженъ былъ сближаться съ посломъ англійскимъ; и послѣ разрыва мира въ 1803 году, по удаленіи лорда Уитворта изъ Парижа, графъ Морковъ долженъ былъ вести себя по-прежнему, ибо со стороны французскаго правительства не видно было ни малѣйшей склонности удовлетворить русскимъ требованіямъ. Поведеніе Моркова, самостоятельное и твердое, сильно раздражало Наполеона; не могъ онъ выносить присутствія человѣка, въ глазахъ котораго читалъ: «Я за тобою слѣжу и очень хорошо тебя понимаю, ты меня не обманешь!» Хотя Наполеонъ не могъ не понимать, что охлажденіе между Россіей и Франціей, и даже разрывъ между ними — неизбѣженъ по самому ходу дѣлъ, но все же перемѣна посла представляла нѣкоторую возможность отдалить развязку: быть можетъ, пришлютъ кого-нибудь менѣе проницательнаго, искуснаго и твердаго, чѣмъ Морковъ.

Въ августѣ 1803 года, Талейранъ поручилъ французскому посланнику въ Петербургѣ, Гедувилю, потребовать отъ русскаго правительства, именемъ перваго консула, отозванія Моркова изъ Франціи! Причины приводились слѣдующія, причемъ не пощажено было ничего, чтобъ очернить русскаго посла въ глазахъ его государя: «Пока миръ продолжался» (между Франціей и Англіей),— писалъ Талейранъ,— «Моркова терпѣли въ Парижѣ, хотя онъ велъ себя, какъ истый англичанинъ, потому что это не было опасно; но теперь, когда началась война, которой нельзя предвидѣть конца, присутствіе человѣка, столь недоброжелательнаго къ Франціи, болѣе чѣмъ непріятно для перваго консула. 18-ть мѣсяцевъ г. Морковъ заставлялъ извѣстнаго Фуилью распространять бюллетени, заключавшіе въ себѣ оскорбленія и клеветы. Первый консулъ не хотѣлъ придавать важности такому поведенію, потому что г. Морковъ недавно пріѣхалъ, могъ еще не испробовать почвы, гдѣ находился. Но и послѣ восьмнадцати-мѣсячнаго пребыванія поведеніе его не стало болѣе дружественнымъ и болѣе скромнымъ. Онъ болтаетъ во всѣхъ углахъ Парижа и болтаетъ такъ, что первый консулъ не можетъ болѣе выносить этой болтовни. Должно сказать, что онъ не щадитъ и поступковъ собственнаго правительства, не щадитъ даже особы его величества. Чего не наговорилъ онъ объ указѣ относительно народнаго просвѣщенія, о поощреніяхъ его величества крестьянскому освобожденію! Онъ безпрестанно повторяетъ фразу: «У императора своя воля, а у русскаго народа другая». При настоящихъ обстоятельствахъ, г. Морковъ ежедневно предсказываетъ, что пламя войны обхватитъ весь континентъ, и нельзя съ нимъ имѣть никакого разговора: онъ все перетолкуетъ въ дурную сторону. Самъ лордъ Уитвортъ былъ пораженъ яростью, съ какою Морковъ побуждалъ къ войнѣ; изумленіе его было такъ сильно, что онъ сказалъ гражданину Іосифу Бонапарту, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ, что г. Морковъ играетъ ненавистную роль».

Бонапартъ не разстался съ Морковымъ мирно. Онъ возненавидѣлъ его еще болѣе потому, что оскорбилъ, и не могъ удержаться отъ нападенія на ненавистнаго человѣка; притомъ очень нравилось молодому генералу, власти новой, унижать представителей древнихъ властей; распекать по-военному пословъ иностранныхъ входило въ привычку. Въ сентябрѣ 1803 года, во время одной изъ публичныхъ аудіенцій, Бонапартъ подошелъ къ Моркову, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, дрожащими губами, и сталъ ему говорить задыхающимся, но громкимъ голосомъ: «Зачѣмъ императоръ покровительствуетъ Дантрегу, французскому уроженцу, который живетъ въ Дрезденѣ и пишетъ тамъ пасквили противъ французскаго правительства? Еслибъ я позволялъ себѣ такое же поведеніе относительно русскаго подданнаго, поселившагося во Франціи, то, конечно, императоръ не былъ бы доволенъ».—«Дантрегъ»,—отвѣчалъ Морковъ,—«давно уже числится въ русской службѣ, и могу увѣрить, что императоръ ничего не зналъ о пасквиляхъ его противъ французскаго правительства, а еслибъ узналъ, то немедленно заставилъ бы его прекратить такую дѣятельность; я также ничего не зналъ объ этомъ: въ первый разъ слышу». Отбитый словами, смыслъ которыхъ состоялъ въ томъ, что о такихъ ничтожныхъ дѣлахъ, какъ дѣло Дантрега, правительства, прежде упрековъ и жалобъ изъ устъ главы государства, даютъ знать другъ другу чрезъ министровъ, если только находятъ нужнымъ давать знать, Наполеонъ бросился въ другую сторону, но къ такому же собственно полицейскому дѣлу, срывая свое сердце въ ругательствахъ противъ Кристэна. Этотъ Кристэнъ былъ родомъ швейцарецъ, находился также въ русской службѣ и получалъ отъ Русскаго Двора пенсію. Теперь вдругъ французское правительство его схватило и посадило въ крѣпость. Морковъ протестовалъ, и за этотъ-то протестъ Бонапартъ счелъ нужнымъ теперь дать на него окрикъ: «Я велѣлъ схватить и отвести въ крѣпость Кристэна, потому что онъ французъ и былъ секретаремъ принцевъ (Бурбонскихъ), да и всегда велъ себя гадко».—

«Кристэнъ», — отвѣчалъ Морковъ, — «вовсе не французъ, а швейцарецъ, и я имѣлъ достаточное право оказать ему покровительство въ случаѣ его невинности». Слыша и тутъ твердую отповѣдь, Наполеонъ оставилъ Моркова, но, уходя, сказалъ громко: «Мы не такія бабы, чтобъ терпѣливо сносить подобные поступки со стороны Россіи, и я буду арестовывать всѣхъ, которые станутъ дѣйствовать противъ интересовъ Франціи».

На другой день Морковъ поѣхалъ къ Талейрану и далъ ему записку, въ которой излагалась вчерашняя сцена. Талейранъ обратилъ все это въ шутку и сталъ упрашивать Моркова взять записку назадъ и не давать дѣлу хода. «Вы», — говорилъ онъ, — «должны смотрѣть на эти вещи спокойнѣе, чѣмъ другіе, потому что вы больше другихъ получаете предпочтенія и уваженія, которыя вамъ здѣсь расточаютъ при всякомъ случаѣ». Морковъ, смотря ему пристально въ лицо, отвѣчалъ: «Эти знаки уваженія секретъ для меня и для другихъ, тогда какъ оскорбленіе было мнѣ нанесено публично, и я васъ прошу представить мою записку первому консулу, чтобъ впередъ мнѣ было обезпеченіе отъ подобныхъ выходокъ». Талейранъ началъ толковать о томъ уваженіи, какое Бонапартъ всегда оказываетъ къ желаніямъ императора Александра. «Гдѣ это уваженіе»? — отвѣчалъ Морковъ: — «императоръ проситъ васъ уважать нейтралитетъ государствъ ему союзныхъ и такихъ, которыхъ торговые интересы связаны съ интересами его подданныхъ, а вы продолжаете наводнять ихъ войсками. Императоръ, по человѣколюбію и съ вашего согласія, образовалъ маленькое государство на Іоническихъ островахъ, а вашъ повѣренный въ Корфу сѣетъ тамъ раздоръ и анархію, и самъ первый консулъ позволилъ себѣ такой неслыханный поступокъ, назначивъ на своемъ жалованьи коммерческаго агента для этой маленькой республики. Я вамъ подаю рекламаціи, и не получаю никакого отвѣта». Талейранъ: «Охотно будемъ уважать нейтралитетъ на сушѣ, только заставьте Англію уважать его на морѣ; а на Іоническихъ островахъ ваше вліяніе сильнѣе французскаго».

Въ тотъ же день Талейранъ прислалъ свою жену завтракать съ дочерью Моркова, ребенкомъ пяти съ половиною лѣтъ. Другая дама разсказала русскому послу, что первый консулъ жалѣетъ о своей живости и что объ этомъ слышала она отъ самой Жозефины Бонапартъ. Для уясненія себѣ, въ какомъ положеніи находятся дѣла, Морковъ обратился къ брату перваго консула — Луціану, зная, что онъ хорошъ съ Талейраномъ. Луціанъ отвѣчалъ, что они съ братомъ Іосифомъ часто говорили о немъ, Морковѣ, брату Наполеону, и тотъ жаловался на нѣкоторую гордость или рѣзкость характера Моркова, которая его оскорбляетъ, тѣмъ болѣе что всѣ остальные послы преклонялись предъ нимъ. Луціанъ прибавилъ, что они съ братомъ Іосифомъ часто горевали, видя уступчивость императора Александра относительно перваго консула. Если бы Наполеонъ встрѣтилъ препятствія со стороны Русскаго государя, то, несмотря на бурность своего характера, духъ правоты, которымъ онъ въ то же время обладаетъ (?), остановилъ бы его относительно многихъ вещей; но теперь, увѣрившись, что нечего бояться со стороны далекой Россіи, и низложивши или обольстивши все окружающее, онъ считаетъ для себя все позволительнымъ и не перестаетъ затѣвать предпріятія, которыя рано или поздно могутъ привести его и родныхъ его къ погибели.

Скоро послѣ этого Морковъ былъ отозванъ. Александръ далъ знать первому консулу, что не усматриваетъ виновности Моркова, ибо все, что донесено на него, противно точной истинѣ (exacte vérité); но отзываетъ его вслѣдствіе собственной его повторенной просьбы, ибо нельзя оставлять его въ такомъ непріятномъ положеніи (17 октября 1803 года). Въ рескриптѣ Моркову говорилось, что государь съ сожалѣніемъ лишается его службы на этомъ постѣ; что обвиненія, на него взведенныя, суть клеветы. Преемникъ Моркову назначенъ не былъ; во Франціи остался русскій повѣренный въ дѣлахъ — Убри. Испытаніе, означенное въ политической программѣ Александра, кончилось: Наполеонъ оказался неспособнымъ уважать независимость державъ и содѣйствовать установленію европейскаго равновѣсія; сношенія съ нимъ не повели къ удовлетворительному результату. Для его достиженія, надобно было обратиться къ другому средству, — къ составленію коалиціи; Англія была уже въ войнѣ съ Франціей; надобно было склонить къ общему дѣйствію Австрію и Пруссію.

Австрія, послѣ двухъ бонапартовскихъ погромовъ, имѣла нужду въ отдыхѣ и должна была желать, чтобъ отдыхъ этотъ былъ какъ можно продолжительнѣе; но все же борьба съ Франціею представлялась ей какъ необходимость, и всѣ усилія направлялись къ тому, чтобъ встрѣтить эту необходимость при возможно благопріятныхъ условіяхъ, съ лучшимъ приготовленіемъ. Она чувствовала себя въ осадномъ положеніи отъ Франціи, которая стояла у ея воротъ — и въ Германіи, и въ Италіи; преимущественно въ послѣдней странѣ, гдѣ въ дѣйствительности границы французскія сходились съ австрійскими, и окончательный шагъ къ слитію Италіи съ Франціею долженъ былъ принудить Австрію къ отчаянному усилію для воспрепятствованія этому шагу. Тяжелый опытъ, несчастное окончаніе двухъ кампаній убѣждали, что Австрія не можетъ вести борьбу съ Наполеономъ одинъ-на-одинъ; что на соединеніе съ Пруссіею надѣяться нечего; что помощи можно ожидать отъ одной Россіи, и гибель стала грозить Австріи, когда, при императорѣ Павлѣ, Россія отвернулась отъ нея, входя въ соглашенія съ Франціею и Пруссіею. Чѣмъ сильнѣе было въ Вѣнѣ чувство страшной опасности, тѣмъ отраднѣе была вѣсть о вступленіи на престолъ Александра, объявившаго, что

будетъ идти по стопамъ Екатерины. Не дожидаясь извѣщенія о восшествіи на престолъ новаго Русскаго государя, императоръ Францъ отправилъ Александру письмо, съ выраженіемъ сильнѣйшаго желанія возстановить между Россіею и Австріею старый союзъ, отчего зависитъ судьба Европы. Но послѣ этого общаго заявленія, въ Вѣнѣ спѣшили оговориться, точнѣе опредѣлить отношенія, чтобъ письмо императора Франца не показалось въ Петербургѣ предложеніемъ коалиціи, и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Коллоредо, сообщилъ князю Куракину такой мемуаръ (27 мая 1801 года): «Императоръ-король, спѣша открыть свои самыя сокровенныя мысли послѣдователю Екатерины II-й, начинаетъ признаніемъ полнаго различія въ мѣрахъ, требуемаго совершеннымъ различіемъ между политическими обстоятельствами, въ какихъ оставила Европу эта великая государыня, и тѣми, какія существуютъ теперь. Не къ составленію враждебной коалиціи противъ Французской республики клонятся желанія Австріи. Она чувствуетъ необходимость мира: это первая потребность Европы и особенно первая потребность австрійскихъ владѣній, ослабленныхъ, истощенныхъ относительно людей и финансовыхъ средствъ. Къ поддержанію мира, его возможности, его твердости устремлены всѣ заботы и желанія Австріи. Главное средство удержать французское правительство въ границахъ — это возстановленіе согласія между важнѣйшими государствами; но дѣло вознагражденія германскихъ Дворовъ, выговореннаго въ Люневильскомъ договорѣ, препятствуетъ этому согласію. Французы и друзья ихъ стараются воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ удалить другъ отъ друга императорскіе Дворы, поселя въ русскомъ правительствѣ подозрѣнія насчетъ намѣреній Австріи».

Въ Вѣнѣ дѣйствительно думали, что французы и друзья ихъ (т.-е. Пруссія) стараются удалить Россію отъ сближенія съ Австріею; но основанія политики молодаго Русскаго императора были такъ тверды, что никакія перессориванія не могли достигать цѣли: рѣшено было испытать, способно ли французское правительство къ миру, и если неспособно, то дѣйствовать посредствомъ коалиціи; но сильная неувѣренность въ успѣхѣ испытанія и необходимость имѣть въ виду коалицію заставляли самымъ дружественнымъ образомъ относиться къ Австріи. Ея посланникъ, князь Шварценбергъ, былъ принятъ чрезвычайно радушно императоромъ и министрами. Князь Куракинъ говорилъ ему о сильнѣйшемъ желаніи императора Александра возстановить дружественныя отношенія между обоими государствами; Панинъ говорилъ, что до сихъ поръ шли по ложной дорогѣ, и эти слова имѣли для Шварценберга особенный вѣсъ именно въ устахъ Панина; другія вліятельнѣйшія лица также выражали склонность къ союзу съ Австріею. Вопросъ для Русскаго Кабинета заключался въ томъ, въ какой степени этотъ союзъ можетъ быть полезенъ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился Австрійскій Дворъ. Въ знаменитой инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ Дворахъ, объ австрійскихъ отношеніяхъ императоръ Александръ говорилъ: «Такъ какъ я убѣжденъ, что союзъ великихъ державъ одинъ въ состояніи возстановить миръ и общественный порядокъ, то однимъ изъ первыхъ моихъ дѣлъ было заявленіе Вѣнскому Двору искренняго желанія предать забвенію все прошлое. Такое же стремленіе, основанное на тѣхъ же самыхъ побужденіяхъ, заставило Римскаго императора идти навстрѣчу моимъ желаніямъ. Не ожидая извѣщенія о моемъ восшествіи на престолъ, этотъ государь въ собственноручномъ письмѣ выразилъ мнѣ самое сильное желаніе возстановить дружескія отношенія. Австрія, поставленная между Франціею, къ которой питаетъ боязнь и ненависть, между Пруссіею, которой не вѣритъ, и остальною Германіею, которую отчудила отъ себя своими корыстными замыслами, чувствуетъ необходимость сблизиться съ Россіею. Этотъ принципъ сближенія, превосходный въ теоріи, можетъ оказаться ничтожнымъ въ практикѣ, какъ скоро будетъ дурно приложенъ; а этого надобно опасаться, пока благонамѣренность государя и ревность подданныхъ, наиболѣе преданныхъ доброму дѣлу, будутъ встрѣчать препятствія въ придворныхъ и министерскихъ интригахъ, въ взаимной ненависти и страстяхъ вліятельныхъ лицъ. Эти лица суть: императрица, Тугутъ и эрцгерцогъ Карлъ. Около нихъ составлены партіи, раздирающія государство. Эксминистръ (Тугутъ, которому приписывались всѣ дѣйствія, повелшія къ разрыву австро-русской коалиціи при императорѣ Павлѣ), хотя находится въ отсутствіи, но приводитъ въ движеніе Коллоредо, а черезъ него имѣетъ вліяніе на всѣ разсужденія Кабинета». Въ Петербургѣ получались донесенія изъ Вѣны, что императрица Марія-Тереза совершенно владѣетъ императоромъ, не показываетъ его въ публику, не отходитъ отъ него, и ненавидима народомъ, который жалѣетъ Франца, предполагая въ немъ большую доброту. Тугутъ живетъ въ Пресбургѣ, но съ нимъ безпрестанно пересылаются курьерами, совѣщаются; онъ сохранилъ свое вліяніе надъ императоромъ, или, лучше сказать, надъ императрицею. Народъ приписываетъ Тугуту всѣ бѣдствія имперіи. Императрица и Тугутъ дѣйствуютъ интригами; но у эрцгерцога Карла есть партія, которая его обожаетъ по мѣрѣ ненависти къ его личнымъ врагамъ—императрицѣ и Тугуту. Писать къ императору Александру понудилъ Франца графъ Траутмансдорфъ, человѣкъ благонамѣренный.

Сближеніе съ одною Австріею было недостаточно, особенно въ видахъ коалиціи; Александру I предстоялъ тотъ же страшный трудъ, который былъ употребленъ понапрасну его бабкою и отцомъ,— трудъ склонить Пруссію къ общему дѣйствію, и тутъ прежде всего нужно было мирить непримири-

ные интересы Австріи и Пруссіи. Попрежнему эти державы забывали общую опасность, общій интересъ, когда поднимался вопросъ о добычѣ, вознагражденіи; обѣ державы, позабывая все, имѣли въ виду только одно: чтобъ какая-нибудь изъ нихъ не получила больше. Въ концѣ XVIII вѣка онѣ перессорились, потеряли возможность общаго дѣйствія изъ-за польской добычи; теперь, въ началѣ XIX вѣка, онѣ косились изъ-за вознагражденія, которое германскіе владѣльцы должны были получить за лѣвый берегъ Рейна, отошедшій къ Франціи по Люневильскому миру; Австрія втягивалась въ это дѣло потому, что должна была получить вознагражденіе для одного изъ своихъ принцевъ, потерявшаго Тоскану, и, главное, хлопотала, чтобъ Пруссія не получила много. Въ Вѣнѣ съ ужасомъ видѣли, что Россія склонна удовлетворить прусскимъ требованіямъ, хотя въ Петербургѣ и подсмѣивались надъ аптекарскимъ счетомъ, составленнымъ въ Берлинѣ. Стало празднымъ мѣсто архіепископа Кёльнскаго: Австрія хотѣла, чтобы выборы послѣдовали немедленно, имѣя въ виду избраніе одного изъ своихъ принцевъ; Пруссія требовала, чтобъ выборы были отложены до рѣшенія вопроса о вознагражденіяхъ; Россія раздѣляла мнѣніе Пруссіи, какъ соотвѣтствующее обстоятельствамъ. Австрія твердила, что готова согласиться на все въ пользу Баваріи, Вюртемберга и Бадена, лишь бы только Пруссія не получила ничего лишняго. «Неужели»,—говорили въ Вѣнѣ,—«въ Петербургѣ такъ ослѣплены, что не видятъ опасности, какая грозитъ Россіи отъ Пруссіи? Ни Порта, ни Швеція не могутъ быть для Россіи такими страшными врагами, какъ Пруссія». Въ Петербургѣ австрійскій посланникъ, графъ Заурау, сказалъ графу Кочубею: «Россія будетъ раскаяваться, что содѣйствовала увеличенію Пруссіи, не обращая никакого вниманія на Австрію».

Въ Россіи дѣйствительно не обращали вниманія, только не на Австрію, а на ея внушенія противъ Пруссіи; здѣсь были убѣждены, что опасность для Россіи и Европы грозитъ изъ Франціи, и для предотвращенія этой опасности державамъ надобно стоять въ тѣсномъ союзѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и что этотъ союзъ будетъ неполонъ, если въ него не будетъ входить Пруссія. Склонить ее къ этому было чрезвычайно трудно; это значило въ государствѣ самодержавномъ, что трудно было склонить короля Фридриха-Вильгельма III. Дѣйствительно, находили причины прусскаго бездѣйствія въ характерѣ короля, въ отсутствіи энергіи, военныхъ способностей, откуда проистекала робость предъ рѣшительнымъ шагомъ, предъ вступленіемъ въ борьбу съ такимъ врагомъ, какъ Наполеонъ. Нельзя отрицать въ натурѣ Фридриха-Вильгельма III значительной доли мягкости, которая дѣлала для него труднымъ рѣшительный шагъ; нужно было исторіи употребить сильныя средства, нужны были тяжелые удары судьбы, чтобъ заставить его рѣшиться на энергическія мѣры или, по крайней мѣрѣ, сочувственно смотрѣть на ихъ проведеніе. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что робость, нерѣшительность Фридриха-Вильгельма происходили также отъ сознанія положенія и средствъ своего государства. Пруссія жила славою, наслѣдованною отъ Фридриха II; но, при внимательномъ взглядѣ, можно было усмотрѣть, что средства внутреннія и условія внѣшнія далеко не соотвѣтствовали тому значенію, какое придавалось ей, и какое, разумѣется, ей очень хотѣлось поддержать. Пруссія была обязана своимъ значеніемъ преимущественно личности Великаго Фридриха; но, не смотря навсѣ усилія этого государя, Пруссія, по его смерти, не была великою державою, которая бы представляла вполнѣ независимую силу, особенно когда поднялась Франція при Наполеонѣ. Пруссія явилась слабою среди сильныхъ: по одну сторону Франція была сильнѣе ея, по другую—Россія была сильнѣе ея, да и враждебная Австрія превосходила ее внутренними средствами, возможностью вести борьбу и скорѣе оправляться послѣ пораженія. Оказывалось ясно, что Европѣ предстоитъ долгая и тяжкая борьба вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій Франціи, главное противодѣйствіе которымъ будетъ оказываться со стороны Россіи; борьба, слѣдовательно, будетъ идти между этими главными, столповыми государствами Европы; государства слабѣйшія, находящіяся посрединѣ, должны, по своимъ интересамъ и обстоятельствамъ, примыкать къ той или другой. Наступательное движеніе идетъ явно со стороны Франціи, которая не останавливается въ своихъ захватахъ; политика Россіи охранительная, она представляетъ защиту, опору коалиціи противъ Франціи. Казалось бы, поэтому, что самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ было примкнуть къ Россіи; но для Прусскаго короля и его приближенныхъ людей существовали причины, производившія раздумье. Пруссія не была въ такихъ непосредственныхъ столкновеніяхъ съ Франціею, какъ Австрія по отношенію къ Италіи. Главною соперницею Пруссіи считалась Австрія; на союзъ съ нею въ Пруссіи смотрѣли какъ на противоестественный. Попытка къ нему оказалась неудачною въ концѣ прошлаго вѣка, Пруссія разорвала противный ей союзъ, заключила отдѣльный миръ съ Франціей, и миръ не прерывался,—это уже было преданіе. Россія предлагаетъ защиту, опору,—все это прекрасно, и, въ случаѣ нужды, надобно имѣть въ виду эту защиту и опору; но не надобно спѣшить. Союзъ съ Россіею, какъ съ государствомъ сильнѣйшимъ, имѣлъ невыгоды: тутъ нѣтъ равенства, а во всякомъ случаѣ нѣкоторое подчиненіе; благоразумно ли содѣйствовать усиленію Россіи, и безъ того уже опасной сосѣдки? Даже и въ томъ случаѣ, если бы она не увлеклась своею силою, властолюбіемъ, Россія дѣйствуетъ по своимъ принципамъ, имѣетъ въ виду поддержаніе европейскаго равновѣсія, и т. п. Ей хорошо, ей нечего расширять своихъ владѣній, она и безъ того велика и сильна, а Пруссіи еще нужно рости, нужно еще много рас-

ширяться и округляться, чтобъ сравняться съ Россіею и Франціею; восторжествуетъ Россія съ помощію Пруссіи, начнетъ дѣлить своихъ союзниковъ посвоему, и ненавистной Австріи дастъ столько же, сколько Пруссіи—для сохраненія равновѣсія! Такой русскій дѣлежъ Пруссія уже испытала при Екатеринѣ II: нѣтъ надобности дожидаться подобнаго и при внукѣ, который обѣщаетъ идти по слѣдамъ бабки. Но восторжествуетъ ли Россія въ борьбѣ? Ея войска составили себѣ славу побѣдами надъ поляками и турками; Суворовъ билъ и французовъ, да безъ Бонапарта; теперь у французовъ Бонапартъ; у русскихъ Суворова нѣтъ. Въ случаѣ торжества Франціи, Россія останется нетронутой, а поплатится Пруссія.

При такихъ соображеніяхъ, изъ которыхъ истекало печальное убѣжденіе, что слабое государство находится между двумя борющимися другъ съ другомъ сильными, находится между двухъ огней,—при такихъ соображеніяхъ, разумѣется, съ непреодолимою силою должны были ухватиться за возможность выхода безъ обжога, съ выгодою, по крайней мѣрѣ безъ потерь и съ сохраненіемъ чести: эту возможность представлялъ нейтралитетъ. Россія съ Франціею непосредственно бороться не можетъ,—можетъ бороться только черезъ Австрію и Пруссію; интересъ послѣдней состоитъ въ томъ, чтобы не допустить борьбы, служить посредницею между Россіею и Франціею,—положеніе почетное! Станутъ вести войну черезъ Австрію—разнимать, понуждать къ миру, въ случаѣ нужды и угрозою—пристать къ той или другой сторонѣ, болѣе податливой на миръ или болѣе правой. Важное, почетное значеніе сохранено, а между тѣмъ, пользуясь обстоятельствами, тѣмъ, что съ разныхъ сторонъ заискиваютъ, можно пріобрѣсть и выгоды, увеличить свою территорію, округлиться, и сдѣлать это безъ пожертвованій. Образъ дѣйствій Фридриха II по обстоятельствамъ былъ невозможенъ; надобно было возобновить политику его предшественниковъ, Фридриха I, Фридриха-Вильгельма I, ловко держаться между воюющими сторонами и, при первомъ удобномъ случаѣ, схватить что-нибудь; да и самъ Фридрихъ II развѣ не посредничествомъ между Россіею и Австріею пріобрѣлъ земли по первому раздѣлу Польши даромъ, безъ всякихъ пожертвованій. Уже давно Германія дѣлится на двѣ половины—сѣверную, протестантскую, и южную, католическую; въ послѣдней Австрія и Франція давно уже борются за вліяніе; если Франція осилитъ здѣсь Австрію — не бѣда, лишь бы сѣверная Германія осталась нетронутою подъ защитой Пруссіи, которая здѣсь должна искать себѣ средствъ къ усиленію. И вотъ Пруссія, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ началѣ XIX вѣка крѣпко держится системы нейтралитета; въ ней видитъ спасеніе самъ король; по собственному убѣжденію или по выгодѣ быть одного убѣжденія съ королемъ, или по тому и другому вмѣстѣ, системы нейтралитета держатся люди близкіе къ королю, генералъ-адъютанты, члены Кабинета.

Но противъ системы нейтралитета слышались вѣскія возраженія. Сильные не любятъ нейтралитета слабыхъ; эта претензія на независимость и самостоятельность раздражаетъ ихъ иногда даже болѣе, чѣмъ явная вражда, ибо все явное менѣе безпокоитъ, чѣмъ неопредѣленное, тайное; притомъ желаніе сохранять нейтралитетъ обыкновенно предполагаетъ робость, слабость; сильные не уважаютъ слабыхъ и, при нужномъ случаѣ, не позадумаются нарушить нейтралитетъ. При нейтралитетѣ небольшая надежда на пріобрѣтеніе какой-нибудь выгоды; хорошо платятъ за союзъ, за дѣйствительную помощь; за нейтралитетъ ничего не даютъ или даютъ дешево, и посредничество державы, заподозрѣнной въ робости или слабости, не имѣетъ важнаго значенія; угрозы ея не производятъ большаго дѣйствія. Пруссія слаба, разбросана; ей нужно окрѣпнуть, усилиться, чтобъ получить важное значеніе; для этого робкая политика нейтралитета не годится: надобно прямо вступать въ союзъ съ тою стороною, которая предлагаетъ бо́льшія выгоды. Но это мнѣніе не могло осилить противоположнаго взгляда у короля и большинства его совѣтниковъ, потому что предлагались мѣры рѣшительныя, энергическія, которыхъ боялись, въ успѣхъ которыхъ мало вѣрили, не видѣли обезпеченія на востокѣ со стороны Россіи, при союзѣ съ Франціею, и не видѣли обезпеченія на западѣ, со стороны Франціи, при союзѣ съ Россіею. Обезпеченіе могло заключаться въ сознаніи своей силы, а этого сознанія не было; на востокѣ видѣли количество, на западѣ—количество и качество, у себя не видали ни того, ни другого. Очень хорошо знали, что провозглашеніе системы нейтралитета и готовность поддержать его при случаѣ вооруженною рукою, принятіе на себя посреднической роли для сохраненія спокойствія Европы—все это было только выставка, за которою притаились слабость и робость; видѣли, что должны сквозь пальцы смотрѣть на дѣйствія правителя Франціи, чтобъ не вызвать его на борьбу, и въ то же время нѣжничать съ Россіею, чтобъ на всякій случай имѣть въ ней прибѣжище; видѣли неловкость, недостоинство такихъ отношеній, и тѣмъ болѣе сердились на людей, которые возражали противъ нихъ, и этимъ прямо обвиняли въ робости. Поведеніе подобныхъ людей раздражало и оскорбляло короля, потому что они, вооружаясь противъ его системы, не брали на себя отвѣтственности въ случаѣ затрудненій и бѣдъ, легко могшихъ произойти отъ системы противоположной; вся отвѣтственность падала на короля. Эти люди красовались передъ публикою своимъ патріотизмомъ, своимъ стремленіемъ поддержать честь и пользу отечества; но они красовались насчетъ короля, пріобрѣтали популярность насчетъ его популярности. Тѣмъ благосклоннѣе король относился къ людямъ, которые входили въ его виды, признавали ихъ необходимость, не выставляли въ противоположность королевской системѣ своей системы, могшей привлекать большее сочувствіе публики,

но служили королю вѣрную службу, жертвуя ему своею популярностію, перенимая на себя негодованіе публики, приписывавшей непріятный для нея образъ дѣйствій не королю, а близкимъ къ нему людямъ.

Затрудненія начались съ возобновленіемъ войны между Франціею и Англіею. Англійскому королю на твердой землѣ принадлежалъ Ганноверъ, который и становился первою добычею Наполеона. Но Ганноверъ составлялъ часть Германской имперіи; Пруссія не должна была равнодушно смотрѣть на его занятіе французами, и въ Берлинѣ рождался вопросъ: нельзя ли воспользоваться обстоятельствами и пріобрѣсти Ганноверъ, сперва занять его хотя временно, подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія его для Германіи отъ чуждаго завоеванія, а потомъ, безъ войны, посредствомъ переговоровъ и сдѣлокъ, закрѣпить и навсегда за собою. Дѣло трудное, но возможное; въ XVIII вѣкѣ Пруссія пріобрѣтала же владѣнія такимъ образомъ; отчего же нельзя этого сдѣлать въ XIX? Англійскій король, курфюрстъ Ганноверскій, разумѣется, не скоро на это согласится; но англійскій народъ равнодушенъ къ германскимъ владѣніямъ своего короля. Россія, которая такъ старается привлечь Пруссію на свою сторону и не имѣетъ причины не желать ея усиленія въ виду общаго дѣйствія съ нею, не должна отказаться употребить все свое вліяніе въ Лондонѣ, чтобъ заставить здѣсь войти въ виды Пруссіи; Наполеона также можно склонить обѣщаніемъ союза или нѣкоторыми уступками его видамъ. Такъ, при войнѣ съ Англіею, для Наполеона было важно, чтобъ Англія, пользуясь своимъ господствомъ на моряхъ, не уничтожила французской торговли недопущеніемъ къ ней нейтральныхъ кораблей; если бы Пруссіи удалось склонить Англію признать основанія вооруженнаго нейтралитета, то Наполеонъ за это могъ бы позволить Пруссіи занять Ганноверъ. Лондонскому Кабинету было сдѣлано предложеніе относительно нейтралитета, съ обѣщаніемъ за это охранять и защищать Ганноверъ отъ французовъ. Но Англія, съ обычною своею безцеремонностію въ тонѣ, отвергла прусское предложеніе, ибо не могла отказаться для Ганновера отъ средства наносить врагу самый чувствительный ударъ, да и король Георгъ III предпочиталъ занятіе Ганновера французами занятію пруссаками, потому что первое было временное, тогда какъ второе легко могло обратиться въ вѣчное. Въ Петербургѣ такъ-же поняли настоящія намѣренія Пруссіи, ихъ неблаговидность и вредъ отъ нихъ для общаго дѣла: Австрія была бы раздражена, и Пруссія могла занять Ганноверъ только съ большими уступками Наполеону, что вовсе не могло входить въ планы Россіи. Когда король Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ императору Александру за совѣтомъ, тотъ прямо высказалъ ему свой взглядъ на дѣло: «заботясь о сохраненіи славы короля», Александръ не совѣтовалъ ему занимать Ганноверъ. Ганноверъ былъ занятъ французами.

Такимъ образомъ, возможность пріобрѣтенія соблазнительной добычи стала зависѣть преимущественно отъ Франціи, и поднимался вопросъ о союзѣ съ Наполеономъ. Но какія бы ни представлялись выгоды этого союза, королю и его министрамъ, завѣдывавшимъ попеременно иностранными дѣлами, графу Гаугвицу и барону Гарденбергу, трудно было заглушить въ себѣ сознаніе непрочности французскаго союза. Они ясно видѣли, что Наполеонъ не позволитъ Пруссіи употребить Францію орудіемъ для своихъ цѣлей, а наоборотъ:— союзъ съ нимъ будетъ для Пруссіи равносиленъ подчиненію. Невозможно было освободиться отъ мысли, что рано или поздно столкновеніе съ нимъ необходимо; притомъ же союзъ съ Франціею велъ къ разрыву съ Россіею, чего никакъ не хотѣли— какъ вслѣдствіе прямыхъ невыгодъ и опасностей разрыва, такъ и вслѣдствіе сознанія надобности въ Россіи, единственно вѣрной опорѣ противъ наполеоновскихъ захватовъ; наконецъ вслѣдствіе вліянія, пріобрѣтеннаго императоромъ Александромъ надъ королемъ во время свиданія ихъ въ Мемелѣ, въ іюнѣ 1802 года. Такое колебаніе, выжиданіе, одинакій страхъ передъ разрывомъ и съ Франціею и съ Россіею не могли внушить ни той, ни другой большаго уваженія къ Пруссіи. Русскій посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, писалъ канцлеру Воронцову [4 (16) ноября 1803 года] о несчастномъ состояніи сѣверной Германіи «вслѣдствіе глубокой апатіи Прусскаго короля; о слѣдствіяхъ для Россіи господства, къ которому стремится Франція посредствомъ своей коварной политики. Нѣмецкая имперія существуетъ только по имени. Австрія, ослабленная послѣдними войнами, вовсе не видитъ кормила своего правленія въ рукахъ, способныхъ извлечь выгоды изъ большихъ средствъ, которыя еще у нея остались, несмотря на всѣ потери. Пруссія почти не считается въ политическомъ равновѣсіи Европы. Это машина, въ движеніяхъ которой можно еще видѣть, что она вышла изъ рукъ Фридриха II-го, но часть колесъ этой машины уже сломана». Подъ вліяніемъ подобныхъ извѣстій, въ Петербургѣ не могли очень любезно относиться къ Пруссіи. Россія предлагала ей выслать вмѣстѣ войска къ Эльбѣ, потребовать отъ Франціи, чтобы она очистила Ганноверъ, и, когда это очищеніе послѣдуетъ, занять его союзными русско-прусскими войсками; но король никакъ на это не согласился, предполагая, что Россія затягиваетъ его въ войну съ страшнымъ Наполеономъ. Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ: пока ни одинъ прусскій подданный не будетъ убитъ на прусской почвѣ, до тѣхъ поръ онъ не приметъ участія ни въ какой распрѣ. Но, боясь оскорбить императора Александра отказомъ, онъ написалъ ему въ началѣ 1804 года: «Ваше величество не разъ увѣряли меня, что при нуждѣ я всегда найду васъ готовымъ на помощь. Теперь я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ, сильно желая, чтобъ мнѣ не пришлось когда-нибудь обратиться къ вамъ за чѣмъ-нибудь другимъ. Выгнать фран-

цузовъ изъ Ганновера было бы предпріятіемъ, могущимъ повести еще къ большему несчастію. Но если Бонапартъ, обманутый въ надеждѣ приковать къ себѣ безусловно прусскую политику, попытается отмстить за это Пруссіи прямо или косвенно, то насколько послѣдняя въ такомъ случаѣ можетъ разсчитывать на помощь Россіи и ея союзниковъ? Я буду покоенъ насчетъ судебъ Пруссіи, если Россія соединитъ ихъ съ своими». Александръ отвѣчалъ (16 марта н. с.), что «бываютъ случаи, когда вѣрнѣйшій другъ не въ состояніи подать совѣтъ, когда каждый долженъ принять самъ свое рѣшеніе. Императоръ предлагалъ королю самый дружескій совѣтъ; но тотъ счелъ нужнымъ послѣдовать другимъ мнѣніямъ. Королю принадлежитъ выборъ: на одной сторонѣ честь, слава, истинный интересъ Прусской монархіи; на другой—рѣшительная и неизбѣжная гибель послѣдней, при вѣчномъ упрекѣ въ содѣйствіи ко всемірной монархіи человѣка, столь мало ея достойнаго. Если король вооружится за независимость и благо цѣлой Европы, то немедленно найдетъ императора подлѣ себя; Пруссія не должна бояться, что Россія покинетъ ее одну въ такой благородной борьбѣ». Въ Россіи говорили о необходимости борьбы; въ Пруссіи отвѣчали, что борьбу начинать рано, — надобно потихоньку приготовляться. А между тѣмъ Наполеонъ схватилъ на нѣмецкой независимой почвѣ одного изъ Бурбонскихъ принцевъ и убилъ его.

Наполеонъ готовился сдѣлать послѣдній шагъ для утвержденія своей власти во Франціи; онъ уже былъ провозглашенъ пожизненнымъ первымъ консуломъ; оставалось только велѣть провозгласить себя наслѣдственнымъ императоромъ, и въ такое-то рѣшительное время онъ былъ страшно раздраженъ заговорами приверженцевъ старой династіи. Въ этомъ раздраженіи Наполеону, по его природѣ, мало было казнить, разослать вѣрныхъ слугъ Бурбонской династіи, орудіе заговора,—ему нужна была жертва болѣе значительная, кто-нибудь изъ самихъ Бурбоновъ. Этою жертвою сдѣлался молодой герцогъ Ангьенскій, внукъ Конде, который жилъ въ Эттенгеймѣ, въ баденскихъ владѣніяхъ. Неприкосновенность независимыхъ владѣній должна была служить ему вѣрнымъ ручательствомъ безопасности; но во времена Наполеона этого ручательства не было болѣе. Въ мартѣ 1804 года французскіе жандармы являются ночью въ Эттенгеймъ, схватываютъ герцога и отвозятъ во Францію. Судьба его была рѣшена: Наполеону нужно было показать свою силу, поразить враговъ ужасомъ, наругаться надъ ними, унизить передъ толпою древнюю династію казнью одного изъ видныхъ ея членовъ, поразить толпу впечатлѣніемъ, что для ея правителя казнить и принца ничего не значитъ. Герцогъ Ангьенскій былъ разстрѣлянъ во рву Венсенскаго замка.

Въ тотъ день, какъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе о смерти герцога Ангьенскаго, жена французскаго посланника, мадамъ Гедувиль, съ жившею у нея родственницею поѣхали вечеромъ къ князю Бѣлосельскому, гдѣ собралось больше шестидесяти человѣкъ. Послѣ ледянаго пріема ее оставили на диванѣ одну съ кузиною; никто къ нимъ не подошелъ; долго француженки бесѣдовали другъ съ другомъ, накопецъ отправились домой за часъ до ужина. «Я вижу, что на насъ смотрятъ здѣсь какъ на зараженныхъ», сказала мадамъ Гедувиль, уѣзжая. 5-го апрѣля былъ назначенъ совѣтъ по поводу венсенскаго событія. Большинство членовъ было за то, чтобъ наложить трауръ и отозвать повѣреннаго въ дѣлахъ Убри,—было вообще за энергическія мѣры. Графъ Завадовскій объявилъ, что Россія, по своимъ силамъ и по своему географическому положенію, безопасна, если бы даже французы перемутили всѣ сосѣднія государства. Графъ Николай Румянцевъ объявилъ, что не надобно разрывать съ Франціею безъ важныхъ причинъ и не надобно давать другимъ государствамъ увлекаться въ войну. Только одни государственныя причины могутъ повести къ какимъ-нибудь рѣшеніямъ, а чувства должны оставаться въ сторонѣ, и потому надобно только надѣть трауръ и замолчать. Князь Чарторыйскій присоединился къ Румянцеву.

Но императоръ былъ не за молчаніе; онъ понималъ, что дѣло идетъ не о чувствахъ только, когда правитель одного государства хватаетъ вооруженною рукою въ другомъ независимомъ государствѣ непріятнаго ему человѣка и разстрѣливаетъ его. Алопеусъ давалъ знать Александру, что венсенское событіе произвело сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ;—но какія же слѣдствія? Александръ написалъ Фридриху-Вильгельму: «Я уже знаю изъ письма Алопеуса, что в. в. были сильно оскорблены ужаснымъ поступкомъ, который позволилъ себѣ Бонапартъ похищеніемъ герцога Ангьенскаго. Но, государь, на нашемъ мѣстѣ часто бываетъ недостаточно только почувствовать справедливое негодованіе въ глубинѣ своего сердца,—надобно его выразить. До сихъ поръ Россія и Пруссія обходились съ Франціею очень кротко,—и что выиграли? Надобно перемѣнить обращеніе. Бонапартъ нагналъ на всѣ правительства паническій страхъ, который служитъ главнымъ основаніемъ его могущества. Встрѣтитъ онъ твердое сопротивленіе—и пылъ его утихнетъ». Но правительства, находящіяся подъ вліяніемъ паническаго страха, могутъ ли оказать твердое сопротивленіе: могутъ ли и принять совѣтъ о его необходимости? Исторія герцога Ангьенскаго показала это всего лучше. Дѣло касалось прежде всего Германской имперіи: неприкосновенность ея границъ была нарушена самымъ наглымъ образомъ; имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ былъ въ самомъ непріятномъ положеніи: и стыдно промолчать, и что и какъ сказать? Наполеонъ!—лучше, безопаснѣе промолчать, не обратить ни какого вниманія; дѣло скоро забудется. Начали успокоиваться, какъ вдругъ, неожиданная, непрошенная, приходитъ

русская нота въ сильныхъ выраженіяхъ, съ требованіемъ протеста, съ указаніемъ на опасность, какая произойдетъ для Европы, если такія насилія будутъ производиться безпрепятственно, пропускаться безъ вниманія. Къ русскому протесту присоединился ганноверскій посланникъ, представитель члена имперіи; Шведскій король, Густавъ IV, также прислалъ протестъ. У Германіи былъ глава—императоръ: онъ не могъ молчать, когда заговорилъ императоръ Русскій. Въ Вѣнѣ нехотя промолвили, что можно попросить у французскаго правительства достаточнаго успокоительнаго уясненія дѣла. Промолвили—и испугались; велѣли въ Парижѣ извиниться: «желалось сохранить глубокое молчаніе и до сихъ поръ не произносили ни слова; но царь заставилъ говорить; французское правительство, которое и безъ того дало бы разъясненіе, конечно будетъ довольно, получивши объ этомъ такое умѣренное предложеніе отъ императора Франца». Хвалились, что, вмѣсто жесткаго русскаго требованія, поставлено умѣренное, приличное предложеніе. Но въ Парижѣ не тронулись этими извиненіями, потому что раздражались всякимъ требованіемъ отвѣта, когда отвѣта давать не хотѣли; въ Парижѣ на учтивости австрійскаго посла отвѣчали упреками въ соглашеніи Австріи съ Россіею: австрійскому послу приходилось при этомъ отрекаться болѣе трехъ разъ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Шампаньи, требовалъ, чтобы Вѣнскій Дворъ склонилъ курфюрста Баденскаго сообщить въ Регенсбургъ сейму, что онъ, курфюрстъ, получилъ отъ Франціи самыя удовлетворительныя объясненія, и что все произошло съ его согласія. Это было уже слишкомъ: требованіе отклонили. Тогда французское правительство обошлось и безъ помощи Австріи относительно курфюрста Баденскаго: онъ прислалъ въ Регенсбургъ заявленіе: тутъ была и благодарность Русскому императору за его чистое намѣреніе и благожелательное участіе, и увѣренность въ дружескихъ чувствахъ французскаго правительства и его высокаго главы, и, наконецъ, настоятельная просьба не давать дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій. У представителей германскихъ государей на сеймѣ отлегло отъ сердца. Пруссія прямо присоединилась къ баденскому заявленію; Австрія не возражала; только русскій посланникъ не хотѣлъ понять, какъ такимъ образомъ могутъ быть обезпечены достоинство и самостоятельность Германской имперіи. Чтобъ не имѣть больше дѣла съ такою странною непонятливостью, сеймъ придумалъ отличное средство: онъ разъѣхался до срока.

Но во Франціи дѣло кончилось обратно: оттуда уѣхалъ русскій повѣренный въ дѣлахъ. Когда Убри передалъ Талейрану ноту съ протестомъ противъ поступка главы французскаго правительства съ герцогомъ Ангьенскимъ и съ изложеніемъ всѣхъ недружественныхъ поступковъ французскаго правительства относительно русскаго, Талейранъ сказалъ тихонько, какъ будто про себя: «Мнѣ кажется, что это дѣло сдѣлано немного легкомысленно». Убри всталъ съ разсерженнымъ видомъ. Талейранъ при этомъ движеніи сказалъ съ живостью: «Я нахожу вездѣ духъ и пріемы г. Моркова».—«Это мнѣніе императора», сказалъ Убри; но Талейранъ продолжалъ утверждать, что все это Морковъ.—«Не Морковъ»,—говорилъ Убри,—«но уклоненіе отъ обязательствъ, постановленныхъ въ секретномъ договорѣ относительно Неаполя, Сардинскаго короля и проч., заставило императора высказать все свое неудовольствіе противъ Франціи». Послѣ доклада Бонапарту, Талейранъ отвѣчалъ нотою, въ которой русское правительство обвинялось въ томъ, что держитъ въ Дрезденѣ и Римѣ заговорщиковъ противъ Франціи и стремится нарушить безопасность и независимость націй. Относительно герцога Ангьенскаго говорилось, что германскіе государи не протестуютъ, изъ чего же Россія хлопочетъ? «Если»,—говорилось въ нотѣ,—«настоящая цѣль его величества состоитъ въ томъ, чтобъ образовать въ Европѣ новую коалицію и возобновить войну, то къ чему служатъ пустые предлоги, и почему не дѣйствовать открыто? Первый консулъ не знаетъ на землѣ никого, кто бы могъ испугать Францію, никого, кому бы онъ позволилъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны». Затѣмъ была пущена корсиканская стрѣла: на Англію взведено обвиненіе въ замыслахъ противъ императора Павла съ прибавкою, что если бы въ Россіи узнали, что злоумышленники находятся недалеко отъ границы, то, конечно, схватили бы ихъ. Убри потребовалъ паспортовъ; Талейранъ уговаривалъ его остаться. Тогда Убри, для продолженія дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею, потребовалъ немедленнаго удовлетворенія по тремъ пунктамъ: очищенія Неаполя, вознагражденія Сардинскаго короля, очищенія сѣверной Германіи. Удовлетворенія не было. Въ августѣ 1804 года, Убри снова потребовалъ паспортовъ, и на этотъ разъ получилъ ихъ.

III.

Первая коалиція.

У первобытныхъ народовъ существовалъ обычай, при закладкѣ какого-нибудь зданія, для его прочности, приносить человѣческую жертву. Въ основу зданія Французской имперіи положенъ былъ трупъ герцога Ангьенскаго. Едва покончилась венсенская трагедія, какъ сенатъ явился къ первому консулу съ предложеніемъ императорской короны. Но дѣло объ имперіи еще не было кончено, когда послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею: императорскій титулъ Наполеона не былъ признанъ Россіею; Пруссія поспѣшила признать его; призналъ и Германскій императоръ, выговоривъ себѣ признаніе наслѣдственнаго императорскаго титула,

какъ государю австрійскихъ земель. Превращенію Французской республики въ имперію даже очень радовались въ высшихъ кругахъ Вѣны, ибо думали, что дѣло покончено съ революціею; но радость была непродолжительна. То, чѣмъ могъ довольствоваться первый консулъ, тѣмъ не могъ довольствоваться императоръ: новый титулъ требовалъ новой, блистательнѣйшей обстановки, и средства для этой обстановки должна была доставить Европа. Странно было думать, что Наполеонъ, ставши императоромъ, сдѣлается умѣреннѣе; какъ будто онъ не долженъ былъ заплатить за новую верховную честь новою славою для народа, новыми пріобрѣтеніями для него; странно было думать, что Наполеонъ, который не хотѣлъ отказаться отъ Италіи, когда былъ первымъ консуломъ, откажется отъ нея, ставши императоромъ; а здѣсь-то, въ Италіи,—и мѣсто столкновенія между Австріею и Франціею. Столкновеніе было необходимо; къ нему надобно было готовиться; въ Вѣнѣ не могли обманывать себя надеждою на нейтралитетъ, какъ обманывали себя въ Берлинѣ; но точно такъ же, какъ и въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ дрожали при мысли начать борьбу съ Наполеономъ, а начать ее одинъ-на-одинъ считали невозможностью.

Были союзники. Какъ только возобновилась война между Англіею и Франціею, британское правительство начало искать союзниковъ на континентѣ, хлопотать о коалиціи, причемъ не могло не обратиться къ Австріи, старой союзницѣ своей въ борьбѣ съ Франціею. Но старыя времена прошли; Австрія не была болѣе первенствующею державою восточной Европы; въ Германіи ее постоянно давилъ кошмаръ Пруссіи, а на востокѣ была Россія, которая одна могла стать въ челѣ коалиціи. И потому на англійскія предложенія въ Вѣнѣ былъ одинъ отвѣтъ: безъ Россіи ничего сдѣлать нельзя. Этого мнѣнія крѣпко держался человѣкъ, управлявшій тогда внѣшними сношеніями Австріи, графъ Людвигъ Кобенцль, пріобрѣтшій, какъ дипломатъ, громкую извѣстность въ XVIII вѣкѣ, особенно какъ австрійскій министръ при Русскомъ Дворѣ, при Дворѣ Екатерины. Кобенцль, подобно Моркову, былъ полный представитель того добраго стараго времени, когда шутя дѣлали важныя дѣла; когда въ эрмитажѣ, за веселымъ разговоромъ, втыкая иголку въ канву, дѣлили царства. Кобенцль славился своимъ волокитствомъ; несмотря на тяжелую и крайне непріятную наружность, славился умѣньемъ играть на театрѣ; имѣя около 60 лѣтъ, не переставалъ брать уроки пѣнія. Курьеръ прискачетъ изъ Вѣны съ важными депешами, а посланникъ передъ зеркаломъ разучиваетъ роль. Дурныя извѣстія, которыя получалъ Кобенцль изъ Вѣны во время неудачной борьбы Австріи съ республиканскою Франціею, не мѣшали ему давать блестящіе балы; когда узнавали о побѣдахъ французовъ надъ австрійцами, то говорили: «Прекрасно! въ субботу будетъ балъ у Кобенцля». Екатерина говорила: «Вы увидите, что онъ бережетъ лучшую пьесу ко дню входа французовъ въ Вѣну».

Кобенцль выѣхалъ изъ Россіи съ убѣжденіемъ, что Австрія можетъ быть безопасна только въ союзѣ съ этою державою; съ этимъ убѣжденіемъ онъ принялъ въ свое завѣдываніе внѣшнія дѣла. Въ Вѣнѣ не могли не знать, по крайней мѣрѣ не могли не подозрѣвать, что въ Петербургѣ не придаютъ большаго значенія союзу съ Австріею, вслѣдствіе военной слабости, обнаруженной ею въ послѣднее время. Такому взгляду въ Вѣнѣ приписывали и старанія Россіи привлечь на свою сторону Пруссію, и явную потачку видамъ послѣдней, какъ казалось, одолѣваемой ревностію Австріи. Съ цѣлью внушить русскому правительству большее уваженіе къ военнымъ силамъ Австріи, лѣтомъ 1803 года отправился въ Петербургъ братъ императора, Венгерскій палатинъ; но хотя онъ привезъ въ Вѣну успокоительное извѣстіе, что и къ Пруссіи въ Петербургѣ не питаютъ особеннаго уваженія, однако не замѣтилъ тамъ и желанія сблизиться съ Австріею. Въ Петербургѣ хотѣли дѣятельнаго союза, а не безполезнаго сближенія; на первый же была плохая надежда, судя по извѣстіямъ, приходившимъ изъ Вѣны. По этимъ извѣстіямъ, Тугута уже съ годъ ни о чемъ не спрашивали; вліяніе эрцгерцога Карла ограничивалось одними военными дѣлами; императрица не имѣетъ *важнаго* вліянія,—она хохочетъ съ утра до вечера, устраиваетъ фантастическіе деревенскіе праздники, строитъ странные замки. Администрація слабая, хочетъ дѣлать сама, выводитъ темныхъ людей, и хочетъ этимъ показать, что ищетъ силъ во всѣхъ классахъ общества. Французскій посланникъ пользуется въ Вѣнѣ огромнымъ значеніемъ; онъ знаетъ все, потому что посланникъ испанскій, министры итальянскій, прусскій сообщаютъ ему о всѣхъ своихъ поступкахъ, совѣтуются съ нимъ обо всемъ, передаютъ ему всѣ извѣстія. Франціи терпѣть не могутъ, но страшно боятся. Армія въ лучшемъ положеніи, чѣмъ можно было надѣяться, но полководцевъ нѣтъ.

Представителемъ Австрійскаго Двора въ Петербургѣ былъ графъ Филиппъ Стадіонъ, человѣкъ, пользовавшійся по своимъ личнымъ качествамъ всеобщимъ уваженіемъ и давно пріятный въ Россіи. Но Стадіону была задана трудная задача. «Старайтесь»,—писалъ ему Кобенцль,—«поставить насъ въ самыя лучшія отношенія къ Россіи, но чтобы при этомъ мы не обязаны были вести войны». Кобенцлю давали знать, что изъ сановниковъ, завѣдывавшихъ иностранными дѣлами Россіи, князь Чарторыйскій раздѣлялъ воинственный жаръ императора Александра, но графъ Воронцовъ смотрѣлъ на дѣло спокойнѣе и систематичнѣе, и Кобенцль предписывалъ Стадіону извлечь пользу изъ миролюбивыхъ наклонностей русскаго канцлера. Но Воронцовъ не былъ такъ миролюбивъ, какъ про

него насказали Кобенцлю: Воронцовъ напоминалъ Стадіону то доброе старое время, — время незабвенной Елисаветы, когда Россія и Австрія были въ тѣсномъ союзѣ, и слѣдствія этого союза хорошо зналъ Фридрихъ II; теперь слѣдствія такого союза долженъ узнать Наполеонъ, — иначе зачѣмъ союзъ? Война есть бѣдствіе, но избѣжать ея трудно. Россія можетъ двинуть 90,000 войска, съ такимъ же корпусомъ удерживать Пруссію; будетъ стараться въ Баваріи, Виртембергѣ и Баденѣ, чтобъ эти владѣнія не примкнули къ Франціи. «Русскія войска», — говорилъ Воронцовъ, — «могутъ выступить въ походъ въ 8 дней».

Русскія предложенія произвели сильное смущеніе въ Вѣнѣ. Министерство было за условное принятіе ихъ; эрцгерцогъ Карлъ требовалъ безусловнаго отверженія; наконецъ отправили (1 апрѣля 1804 г. н. ст.) въ Петербургъ отвѣтъ съ чистосердечнымъ признаніемъ жалкаго финансоваго положенія Австріи, которая едва могла бы вести войну и оборонительную, и ужь никакъ не можетъ рѣшиться на войну наступательную; при этомъ старались доказать, что тѣсная связь Россіи съ Австріею одна можетъ удержать Наполеона отъ дальнѣйшихъ захватовъ. Такая уклончивость и поведеніе Вѣнскаго Двора въ дѣлѣ герцога Ангьенскаго не могли не произвести раздраженія въ Петербургѣ. Императоръ Александръ не скрывалъ этого чувства въ разговорахъ съ австрійскимъ военнымъ агентомъ Штуттергеймомъ: «Вы идете по дорогѣ, которая приведетъ васъ къ погибели», — говорилъ государь: — «вы отдаетесь подъ покровительство Франціи, которая съ вами играетъ, и кто знаетъ, куда васъ заведетъ ваша робость». Раздраженіе усилилось, когда Австрія признала императорскій титулъ Наполеона. Въ Вѣнѣ одинаково боялись раздражить и Россію, и Францію. Старались представить въ Петербургѣ, что не должно вступать въ борьбу ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно: преждевременный разрывъ, безъ приготовленія по меньшей мѣрѣ равныхъ съ непріятелемъ силъ, только закрѣпитъ цѣпи, а не разобьетъ ихъ. Бѣдственное существованіе Сардинскаго короля, опасности, грозящія Неаполю, требуютъ, конечно, величайшаго вниманія; но что все это значитъ въ сравненіи съ соединеніемъ Италіи съ Франціею, съ этимъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ ко всемірной монархіи? Для войны требовали отъ Россіи 150,000 войска, отъ Англіи — большихъ денежныхъ субсидій. Страннымъ долженъ былъ казаться въ Петербургѣ страхъ предъ соединеніемъ Италіи съ Франціею на бумагѣ, когда уже все было къ тому приготовлено на дѣлѣ. Въ отвѣтъ на такую странность императоръ Александръ черезъ Штуттергейма не переставалъ увѣщевать Австрію, чтобы она вооружалась, иначе погибнетъ, и ея паденіе повлечетъ за собою паденіе цѣлой Европы: «Нѣтъ другого средства сдержать Наполеона, какъ усилить свое войско; развѣ Австрійскій Кабинетъ не видитъ, что право сильнаго составляетъ всю настоящую политику?» Когда въ Петербургѣ узнали, что папа ѣдетъ въ Парижъ короновать Наполеона, то Александръ говорилъ Штуттергейму: «Вы потеряли дорогое время; папа возложитъ корону на этого человѣка, который надъ вами смѣется, закрѣпляя свое положеніе. Чтобъ привязать къ себѣ французовъ, надобно ихъ ослѣпить. Партіи противъ Наполеона, о которыхъ вы говорите, не образуются. Вы дали ему время утвердиться, вы даете ему еще досугъ, и онъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается королемъ Итальянскимъ».

Въ послѣднемъ трудно было сомнѣваться; очень вѣроятно было и то, что Австрія выйдетъ изъ своей неподвижности при этомъ рѣшительномъ шагѣ Наполеона ко всемірному владычеству. Въ Петербургѣ не хотѣли терять дорогаго времени, хотѣли закрѣпить дѣло по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ можно было бросить якорь, — въ Англіи.

Мы видѣли, что при завѣдываніи внѣшними сношеніями графа Александра Воронцова можно было ожидать только самыхъ пріязненныхъ отношеній Россіи къ Англіи, что вполнѣ соотвѣтствовало обстоятельствамъ времени, требовавшимъ тѣснаго союза между обѣими странами. Мы видѣли также, что, относительно политическихъ взглядовъ, графа Александра Воронцова нельзя отдѣлить отъ брата его, посла въ Англіи, графа Семена Романовича, вліяніе котораго на брата очевидно. Въ 1802 году графъ Семенъ рѣшился покинуть любезную Англію и побывать въ Петербургѣ: конечно, желаніе уговориться съ братомъ относительно веденія дѣлъ, окончательно закрѣпить свои внушенія, не могло быть чуждо этой поѣздкѣ. На возвратномъ пути, графъ Семенъ провелъ 13 дней въ Берлинѣ и Потсдамѣ и переслалъ брату любопытныя извѣстія о Прусскомъ Дворѣ и главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Мы видѣли, что у Воронцовыхъ не было недостатка въ побужденіяхъ относиться враждебно къ Пруссіи, а что поразсказали теперь графу Семену пріятели въ Берлинѣ, — не могло уменьшить этой враждебности; и такъ какъ отзывы графа Семена не могли остаться неизвѣстными императору Александру и не могли остаться безъ вліянія на опредѣленіе его взгляда на нѣкоторыхъ прусскихъ дѣятелей, напримѣръ графа Гаугвица, то мы не можемъ не обратить вниманія на эти отзывы. Король, по словамъ Воронцова, уменъ отъ природы, но необразованъ, неохотникъ заниматься дѣлами, робокъ и чрезвычайно скупъ, не способенъ къ безчестному поступку и въ частной жизни безупречной нравственности. Кромѣ военнаго дѣла, король не вмѣшивается ни во что, и отдалъ все на волю министрамъ, которыхъ видитъ рѣдко, и всегда подписываетъ ихъ доклады; любитъ уединенную жизнь съ женою, братьями и немногими адъютантами, изъ которыхъ на одного смотритъ какъ на друга, и который преданъ Франціи: это Кокерицъ. Пруссіею управляютъ три министра: графъ Шулембургъ, Струензе и графъ Гаугвицъ. Два первыхъ завѣдываютъ финансами и внутреннею администраціею; это люди искусные, приведшіе свои департаменты

въ такой порядокъ, какого нѣтъ нигдѣ, даже въ Англіи; люди неутомимые и честные, разумѣется, относительно только собственнаго государя и отечества, ибо гдѣ можно стянуть нѣсколько тысячъ талеровъ или отхватить у сосѣда землицу, то нѣтъ коварства, какого бы они себѣ не позволили; тутъ, чтобъ сильнѣе дѣйствовать на короля, они присоединяются къ Гаугвицу, котораго, впрочемъ, презираютъ по причинѣ его безнравственности. Въ этой странѣ все уступаетъ системѣ захвата. Гаугвицъ очень уменъ и образованъ, гибокъ, двоедушенъ и лживъ въ высшей степени; по обстоятельствамъ былъ то гернгутеромъ, то иллюминатомъ; когда иллюминаты обманывали покойнаго короля некромантіею, выводя передъ нимъ тѣни знаменитыхъ людей, жившихъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и когда королю захотѣлось увидѣть ангеловъ и, наконецъ, самого Христа, то представить Спасителя поручено было Гаугвицу, который такъ отлично исполнилъ порученіе, что король никакъ не могъ узнать своего министра. Есть подозрѣніе, что и Гаугвицъ такъ же преданъ Франціи, какъ и Кокерицъ; то же подозрѣніе падаетъ и на Ломбарда, выведеннаго Гаугвицемъ и помѣщеннаго имъ при королѣ въ должности тайнаго секретаря. Изъ всего сказаннаго Воронцовъ выводитъ, что Пруссія есть не иное что какъ большая французская провинція; изъ Парижа приходятъ приказанія, какъ вести дипломатическія дѣла; что министры прусскіе при всѣхъ Дворахъ Европы суть адъютанты министровъ французскихъ, которымъ они сообщаютъ все и служатъ видамъ Франціи или, лучше сказать, ея деспота, Бонапарта. Воронцовъ не могъ произнести имени правителя Франціи, чтобъ не сдѣлать выходки противъ него; такъ и тутъ онъ писалъ брату: «Несчастіе, что нашъ императоръ былъ вовлеченъ, не знаю какимъ образомъ, въ частную переписку, не только съ Прусскимъ королемъ, но и съ самимъ Бонапартомъ. Не говоря уже о происхожденіи корсиканца, его безнравственности, гнусныхъ преступленіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ достигъ тиранніи, никогда не слѣдовало бы имѣть съ нимъ частной переписки, да и ни съ какимъ государемъ въ мірѣ. Эта переписка всегда ведетъ къ большому злу и никогда не производитъ никакого добра. Одинъ изъ переписывающихся всегда обманутъ другимъ. Императоръ такъ великъ и добродѣтеленъ, что не захочетъ обманывать; но другіе не имѣютъ его нравственности и возвышенности его духа; такимъ образомъ, самъ не зная того, со своею чистотою онъ ведетъ борьбу противъ Бонапарта, Талейрана и ихъ орудій, Гаугвица и Ломбарда, которые заставляютъ короля писать то, что сами ему продиктуютъ». Гдѣ же та счастливая страна, которая могла помочь народамъ освободиться отъ бонапартовскаго ига? Разумѣется, это—Англія: «эта страна заключаетъ въ самой себѣ всѣ элементы для сохраненія своего благоденствія и независимости и для поданія помощи другимъ, если они откроютъ глаза на опасности, грозящія имъ отъ французскаго деспота, и если они захотятъ отложить до другого времени свои взаимныя ненависти, чтобъ соединиться противъ общаго врага, котораго честолюбіе и деспотизмъ не знаетъ границъ, который грозитъ всѣмъ тронамъ, всѣмъ правительствамъ, такъ-что тираннія Рима надъ другими странами есть правленіе отеческое сравнительно съ властію Бонапарта въ Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Голландіи и Германіи».

Доклады графа Александра Воронцова императору, относительно средствъ предохранить Европу отъ французскихъ *«перековеркиваній»*, какъ онъ выражался, были эхомъ мнѣній графа Семена. Въ 1802 году графъ Александръ писалъ въ докладѣ: «Съ самаго вступленія моего въ управленіе иностраннымъ департаментомъ изъяснился я предъ Вашимъ Величествомъ, что направленіе французской республики ко всемірному владычеству остановить могутъ только совокупныя усилія Россіи, Англіи и Австріи; на берлинскій дворъ я и тогда уже не разсчитывалъ... Къ чему послужатъ Россіи всѣ новыя учрежденія къ просвѣщенію, къ успѣхамъ промышленности и къ благосостоянію народному, когда гибель, всѣмъ прочимъ государствамъ угрожающая, поработивъ постепенно оныя, постигнуть можетъ и ее?» Въ 1804 году канцлеръ прямо совѣтовалъ обратиться къ Англіи, причемъ сильно преувеличивалъ значеніе послѣдней, котораго она, какъ держава континентальная, никогда не могла имѣть; Воронцовъ приписывалъ ей именно то значеніе, какое имѣла одна Россія. «Признаться должно»,—писалъ канцлеръ,—«что мы, не выпуская изъ виду всѣхъ опасеній, кои Франція не наводить не можетъ могуществомъ своимъ, и чувствуя надобность въ принятіи мѣръ, тому противоборствующихъ, не вызывались однакоже къ той самой державѣ, которая, по могуществу морскихъ своихъ силъ, чрезмѣрнымъ ея денежнымъ оборотамъ, по кореннымъ своимъ интересамъ и, сверхъ того, будучи въ войнѣ съ Франціею, не оказала бы претительности къ составу общей лиги противъ державы, всю Европу устрашающей. Сію истину трудно не признать, что Англія, такъ сказать, дастъ душу и силу коалиціи (?), если она составиться еще можетъ. Морскія силы Англіи держатъ, такъ сказать, морскія силы Франціи въ блокадѣ, такъ-что и въ Средиземномъ морѣ французскіе военные корабли, несмотря, что почти всѣ порты онаго моря въ зависимости ея—показаться тамъ не смѣютъ. Итакъ, не признать нельзя, что Англія есть та стѣна, которая охраняетъ безопасность и независимость Европы и къ которой прислоняться могутъ всѣ тѣ, кои о независимости своей еще помышляютъ (?). Долго-ль она похочетъ сію обузу на себя брать, не видя ни отъ кого себѣ содѣйствія, мнѣ кажется, сей вопросъ заслуживаетъ вниманіе. Но невѣроятнымъ кажется, чтобъ на семъ основаніи лондонскій дворъ похотѣлъ долго войну сію продолжать, не видя, такъ сказать, себѣ и предмета, тѣмъ паче, что мѣрами принятыми для его соб-

ственной обороны, кажется отвращена уже опасность, которая сначала не невозможной была: высадка французскихъ армій въ Англіи, коею Бонапартъ такъ хвастался. Англія, получа себѣ въ добычу разныя селенія французскія внѣ Европы, можетъ легко особенный свой миръ съ Франціею заключить, и при возвращеніи части своихъ завоеваній выговорить себѣ нѣкоторыя выгоды, служащія къ личному ея успокоенію. А и Бонапартъ, удостовѣрясь о затрудненіи въ исполненіи плана его о высадкѣ армій французскихъ въ Англію и въ настоящемъ своемъ положеніи достигнувъ до главнаго предмета, императорской короны, и не захотя подвергнуть потрясенію то состояніе, до котораго онъ дошелъ, можетъ быть и не несклоненъ будетъ съ Англіею примириться, такъ какъ и въ народѣ французскомъ оно и весьма желается. Ничего столь пагубнаго не было бы для независимости Европы, какъ таковое событіе. Извѣстно по прежнимъ примѣрамъ и, можно сказать, по самому роду правленія англійскаго, что, примирясь съ Франціею, не вскорѣ могутъ они рѣшиться опять на новыя вооруженія; слѣдовательно, Бонапартъ будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, совершенную свободу кроить и перековеркивать, какъ похочетъ, на твердой землѣ. Нельзя безъ примѣчанія оставить, что хотя пріуготовленіе его на десантъ въ Англію и не исполнилось на дѣлѣ; но собранныя по берегамъ Франціи около 200,000 войска могутъ легко обратиться на другой предметъ; ибо тогда, имѣя отъ Англіи свободныя руки, не найдетъ онъ препятствія оказать явнымъ образомъ своего негодованія и даже непріятельскими предпріятіями на тѣ державы, на кои онъ злость имѣетъ. Всѣ сіи событія, можетъ, и упредились бы, еслибъ главные кабинеты Европы на твердой землѣ болѣе заботы со своей стороны оказали къ высвобожденію себя отъ угрожаемаго ига французскаго, не теряя времени для соглашенія о семъ съ Англіею. А масса силъ европейскихъ еще такова, что, при единодушіи и съ помощью и съ соглашеніемъ Англіи, весьма достаточна учинить преграду властвованію Франціи и обезпечить твердую землю Европы на будущія времена».

Воронцовъ указываетъ на возможность мира между Англіею и Франціею, что было бы бѣдствіемъ для Европы. Эта угроза была сдѣлана въ Англіи графу Семену Воронцову. Когда Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ, въ Англіи Питтъ снова вступилъ въ министерство, что означало ожесточенную борьбу съ Франціею. Но для такой борьбы одного моря было недостаточно,—надобно было возбудить континентальную войну, составить каолицію. Попытки къ составленію коалиціи были неудачны вслѣдствіе робости Пруссіи и Австріи, и послѣдняя на внушенія Лондонскаго Двора прямо указывала на Россію, безъ которой нельзя двинуться; чтобы побудить Россію дѣйствоватъ энергичнѣе при составленіи коалиціи, Питтъ употребилъ угрозу: «Нѣтъ человѣка въ мірѣ», говорилъ онъ графу Семену Воронцову, «нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы болѣе моего былъ противникомъ мира съ Франціею при томъ положеніи, въ какомъ она теперь; но если мы будемъ продолжать биться они, то нашему народу это наскучитъ, а вы знаете хорошо нашу страну, знаете, что когда народъ рѣшительно чего захочетъ, то волею-неволею надобно подчиниться». Графъ Семенъ писалъ брату въ сентябрѣ 1804 г.: «Если ничего не сдѣлаете въ теченіи 1805 г., то Бонапартъ такъ утвердится и усилится, что Австрія еще менѣе посмѣетъ двинуться. Пруссія еще болѣе офранцузится. Бонапартъ не теряетъ времени и пріобрѣтаетъ силы въ то время, какъ другіе разсуждаютъ только; и такъ какъ здѣсь увѣрены, что нечего больше бояться высадки французовъ, то вѣроятно, что англичане потребуютъ мира съ страшнымъ крикомъ, и миръ будетъ заключенъ въ 1806 году. Итакъ, если я останусь здѣсь будущій годъ, и если къ концу этого года не будетъ ничего устроено относительно континентальной коалиціи, то я буду просить моего отозванія, ибо предметъ, для котораго и здѣсь, и въ Россіи уговариваютъ меня остаться, не будетъ существовать болѣе».

Въ то время, какъ старый Воронцовъ думалъ, что онъ необходимъ въ Англіи для устройства коалиціи, для этого самаго дѣла ѣхалъ въ Англію одинъ изъ молодыхъ приближенныхъ къ императору людей, товарищъ министра юстиціи, Николай Николаевичъ Новосильцевъ, долго жившій въ Англіи и англоманъ, подобно Воронцову. Послѣднему хотѣли оставить всю оффиціальную сторону дѣла, переговоры съ министерствомъ, заключеніе договора; но Воронцовъ казался старъ, упрямъ, узокъ въ своихъ взглядахъ и слишкомъ пылокъ въ ихъ проведеніи. Новосильцевъ везъ цѣлый обширный планъ дѣйствія: обнять его не по силамъ Воронцову; старикъ будетъ спорить то о той, то о другой части плана,—лучше обойти старика. Новосильцевъ явится въ Англіи подъ предлогомъ знакомства съ юристами по поводу новаго Уложенія, составляемаго въ Россіи; а между тѣмъ войдетъ въ сношеніе съ министерствомъ и съ главами оппозиціи, и если успѣетъ въ томъ, что министерство приметъ планъ, то самъ Питтъ будетъ предлагать его отъ себя Воронцову, и тотъ, разумѣется, согласится изъ уваженія къ авторитету, а между тѣмъ Новосильцевъ, какъ будто отъ себя, будетъ убѣждать старика въ разумности содержанія плана, что Новосельцеву сдѣлать будетъ нетрудно по давнему доброму расположенію къ нему Воронцова.

Что-жъ это былъ за планъ?

Это былъ планъ не только уничтоженія французскаго перевобладанія, но и новаго установленія отношеній въ Европѣ послѣ ея умиренія. Уже въ прошломъ вѣкѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Россіи приходилось обнаруживать сильное вліяніе на европейскія дѣла, можно было замѣтить различіе въ ея политическихъ взглядахъ и взглядахъ другихъ

европейскихъ государствъ. Составляя особый міръ, чуждый религіозныхъ интересовъ западной Европы, чуждый и политическихъ интересовъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, сводя свои счеты съ государствами, имѣвшими незначительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Европѣ, Швеціею, преимущественно же Польшею, и, главное, по обширности своей территоріи, не чувствуя побужденій къ распространенію своихъ владѣній, особенно послѣ достиженія морскихъ береговъ, Россія необходимо въ своей европейской дѣятельности являлась болѣе свободною, чѣмъ другія государства, имѣвшія давніе счеты другъ съ другомъ, давніе, исторически выработавшіеся интересы и неудержимое стремленіе округлиться и распространить свои территоріи, и не дать сдѣлать этого другимъ. Такая свобода Россіи порождала въ ней необходимо стремленіе играть посредствующую роль, устраивать европейскія отношенія на общихъ началахъ, по общимъ интересамъ; Россіи всего легче было предлагать и проводить теорію устройства европейскихъ отношеній, тогда какъ другія государства руководились практикою и были неподатливы на удовлетвореніе общимъ интересамъ, отстаивая во что бы то ни стало свои частные. Такимъ образомъ, теоретическія стремленія Россіи сталкивались иногда враждебно съ практическими стремленіями другихъ государствъ; кромѣ того, эти государства, не зная прошедшаго Россіи и проистекшаго изъ него ея настоящаго существа, не понимали въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, не признавали ея стремленій теоретическихъ, видѣли тутъ неискренность, прикрытіе практическихъ стремленій. Но такъ какъ теорія имѣетъ свою необходимую сторону въ жизни, то и русскіе планы, хотя въ частяхъ, осуществлялись, несмотря на противоборство частныхъ интересовъ.

Выраженіемъ такихъ теоретическихъ стермленій Россіи былъ планъ, привезенный Новосильцевымъ въ Англію въ 1804 году; планъ этотъ представлялъ увертюру, гдѣ встрѣчались мотивы, которые подробнѣе были выполнены послѣ, когда обстоятельства позволили разыграть всю оперу. Что Россія, по означеннымъ причинамъ, была податлива на политическія теоріи, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы планы необходимо составлялись одними русскими людьми; такъ, и въ планѣ, которымъ мы теперь занимаемся, оказывались внушенія двоихъ извѣстныхъ политическихъ теоретиковъ: Піатоли, учителя Чарторыйскаго, и Жозефа де-Местра, сардинскаго министра въ Петербургѣ. Въ инструкціи императора Александра Новосильцеву, «человѣку, пользующемуся неограниченною довѣренностію государя и знающему всѣ его мысли», говорилось: «Самое могущественное оружіе, которымъ пользовались до сихъ поръ французы и которымъ еще угрожаютъ всѣмъ странамъ, состоитъ въ общемъ мнѣніи, что ихъ дѣло есть дѣло свободы и благосостоянія народовъ. Было бы постыдно для человѣчества, чтобы на такое прекрасное дѣло смотрѣли какъ на цѣль правительства, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающаго быть его защитникомъ. Благо человѣчества, истинный интересъ законныхъ правительствъ и успѣхъ предпріятія, которое задумываютъ двѣ державы (Россія и Англія), требуютъ отнятія у французовъ столь страшнаго оружія и пріобрѣтенія его себѣ, чтобъ обратить его противъ самихъ же французовъ. Между обоими правительствами, русскимъ и англійскимъ, должно состояться соглашеніе: въ странахъ, которыя должно будетъ освободить отъ ига Бонапарта, не возстанавливать прежнихъ злоупотребленій и такого положенія дѣлъ, къ которому народы, испытавшіе формы независимости, примѣниться не могутъ; напротивъ, надобно постараться упрочить имъ свободу, установленную на своихъ настоящихъ основаніяхъ». Для приложенія этого общаго начала требовалось, чтобы Сардинскій король былъ возстановленъ, владѣнія его должны быть увеличены, но онъ долженъ дать своимъ подданнымъ свободную и мудрую конституцію. Голландіи и Швейцаріи должно также дать полную свободу устроиться, какъ хотятъ. Франціи надобно объявить, что союзники сражаются не съ нею, а съ ея правительствомъ, которое такъ же угнетаетъ и ее, какъ остальную Европу; что ей дается свободный выборъ формы правленія. Выборъ короля для Франціи — дѣло второстепенное. По окончаніи войны и умиренія Европы, никто не помѣшаетъ заняться договоромъ, который станетъ основаніемъ взаимныхъ сношеній европейскихъ государствъ. Здѣсь дѣло идетъ не объ осуществленіи мечты вѣчнаго мира, но будетъ что-то похожее, если въ этомъ договорѣ опредѣлятся ясныя и точныя начала народнаго права. Для упроченія внѣшняго мира необходимо, чтобы внутренній строй государствъ былъ основанъ на благоразумной свободѣ, дающей крѣпость правительствамъ, сдерживая страсти правителей. Въ инструкціи говорилось уже, что для безопасности государствъ они должны имѣть удобныя границы, какими всего лучше могутъ быть горы и моря; говорилось, что каждое государство должно имѣть одноплеменное народонаселеніе. По указаніямъ опыта, признана необходимость усилить второстепенныя государства, чтобъ они были въ состояніи выдержать первый ударъ сильнѣйшаго и дождаться помощи союзниковъ. Средства для этого—присоединеніе мелкихъ владѣній къ крупнѣйшимъ и образованіе федерацій. Такъ, для сдерживанія Франціи, необходимо распорядиться въ Италіи и Германіи. Въ послѣдней второстепенныя владѣнія можно высвободить изъ-подъ вліянія Австріи и Пруссіи, и образовать изъ нихъ тѣсный союзъ.

Въ инструкціи говорилось, что Россія и Англія были единственныя державы въ Европѣ, интересамъ которыхъ негдѣ было сталкиваться, и въ той же инструкціи указано было мѣсто столкновенія. Изъ послѣдующихъ объясненій Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ видно, что людей, близкихъ къ государю, которымъ приписывали главное

вліяніе на дѣла, тяготилъ упрекъ, что русское правительство заботится только объ общемъ благѣ Европы и пренебрегаетъ прямыми русскими интересами. Особенно эти упреки были чувствительны Чарторыйскому, во-первыхъ, какъ завѣдывавшему иностранными дѣлами; во-вторыхъ, какъ человѣку не-русскому, поляку, знавшему за собою вину относительно Россіи—въ исключительности помысловъ о возстановленіи Польши. Поэтому совѣтникамъ императора, и особенно Чарторыйскому, естественно было поднимать вопросы о средствахъ удовлетворить этимъ прямымъ интересамъ Россіи, причемъ, разумѣется, Восточный вопросъ, слабость и варварство турецкаго правительства, невозможность равнодушно смотрѣть на положеніе христіанъ въ Турціи, опасность отъ французскихъ интригъ въ этой странѣ:—все это было на первомъ планѣ. Присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи удовлетворяло такъ-называемымъ прямымъ интересамъ Россіи и вознаграждало за то, что могла потерять Россія по планамъ Чарторыйскаго относительно Польши. Отъ Молдавіи и Валахіи естественно разговоры доходили до освобожденія турецкихъ христіанъ, до возможности соединенія грековъ и турецкихъ славянъ съ Россіею или подъ однимъ скипетромъ съ нею, что нисколько не противорѣчило основнымъ планамъ Чарторыйскаго. По его свидѣтельству, императоръ Александръ отвергалъ подобныя предложенія; но, какъ видно, императоръ не нашелъ неудобнымъ узнать относительно Турціи мысли Британскаго Кабинета, и потому Новосильцевъ долженъ былъ предложить англійскому правительству согласиться насчетъ участи Оттоманской Порты. Ея слабость, анархія, возрастающее неудовольствіе христіанскихъ подданныхъ грозили постоянно спокойствію Европы. Надобно было принять противъ этого мѣры, и если бы Турція вошла въ союзъ съ Франціею или по другимъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ стало невозможнымъ, то союзники должны были распорядиться устройствомъ различныхъ ея частей. Новосильцевъ долженъ былъ коснуться другого больнаго мѣста: предложить объ измѣненіи поведенія англичанъ на моряхъ, нестерпимаго для нейтральныхъ державъ, негодованіе которыхъ на Англію было очень выгодно для Франціи.

22 ноября 1804 года, Новосильцевъ писалъ государю: «Графъ Воронцовъ сперва принялъ меня довольно холодно; но не прошло сутокъ, какъ прежнее расположеніе его ко мнѣ возвратилось; потомъ часъ-отъ-часу лучше и, наконецъ, онъ сдѣлался только такимъ орудіемъ, каковымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ его имѣть нужно. Все будетъ дѣлаться черезъ него и окончено имъ». Однако, изъ письма Новосильцева отъ 24 декабря видно, что дѣло было не такъ легко: «Я не иначе могъ успѣть заставить здѣшнее министерство принять всѣ правила в. в—ства во всей ихъ полнотѣ, какъ чрезъ непосредственное мое съ министрами, а особливо съ г. Питтомъ сношеніе. Сколь трудно было до сего достигнуть, не оскорбивъ честолюбія гр. Воронцова и не вооруживъ его противъ себя! Сколь много было мнѣ безпокойствъ, чтобъ удалить его подозрѣнія и успокоить его воображеніе насчетъ всѣхъ моихъ сношеній, а особливо съ принцемъ Валлійскимъ и съ лордомъ Моира, а теперь съ Фоксомъ! Труднѣе, безпокойнѣе для духа и непріятнѣе я ничего не встрѣчалъ. Удалось поддержать хорошія сношенія вполнѣ. Система ваша получитъ нужную прочность и не встрѣтитъ никакого сопротивленія въ оппозиціи, потому что принцъ Валлійскій обѣщалъ мнѣ, при лордѣ Моира, когда все приходить будетъ къ окончанію, дать свое честное слово, или, какъ онъ говоритъ, la parole de cavalier, что онъ, съ своей стороны, будетъ всѣми мѣрами содѣйствовать во всемъ, что къ утвержденію оной служить можетъ, и что онъ, по вступленіи на Великобританскій престолъ, будетъ свято и ненарушимо оную сохранять. Лордъ Моира, тотъ человѣкъ, который при перемѣнѣ царствованія, конечно, болѣе всѣхъ будетъ имѣть силы въ дѣлахъ, увѣрялъ меня, что онъ не знаетъ (ничего) соотвѣтственнѣе благу человѣческому вообще и пользамъ обоихъ государствъ въ особенности, почему и беретъ на себя обѣтъ защищать всѣми силами сію систему. Фоксъ также, какъ слышно, за русскую систему, слѣдовательно и оппозиція за нее, что важно, ибо она будетъ наблюдать, чтобъ министерство неуклонно ее проводило».

Дѣйствительно, въ Англіи никто не могъ быть противъ русской системы вообще. Питтъ, разумѣется, былъ совершенно согласенъ, что надобно составить коалицію, низвергнуть Наполеона и установить во Франціи безопасное для Европы правительство; Питтъ здѣсь прямо указывалъ на Бурбоновъ, впрочемъ, не настойчиво — дѣло трудное, да и рано еще объ этомъ думать. Питтъ былъ совершенно согласенъ и съ тѣмъ, что, по сверженіи Наполеона, надобно будетъ распорядиться и судьбою странъ, которыя коалиція освободитъ изъ-подъ власти Франціи, распорядиться согласно съ ихъ безопасностью и безопасностью Европы. На все это легко было согласиться, потому что здѣсь не затрогивались интересы Англіи; но иначе пошло дѣло относительно тѣхъ вопросовъ, гдѣ эти интересы затрогивались. Вопросъ о морскомъ кодексѣ, о свободѣ морей былъ отложенъ на неопредѣленное время: здѣсь Англія была Наполеономъ. Другой вопросъ, не перестававшій подавать поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ, былъ вопросъ Восточный. До какой степени въ Англіи были чувствительны къ этому вопросу и до какой степени Воронцовъ былъ чувствителенъ ко всему, къ чему были чувствительны въ Англіи, лучше всего показываетъ письмо его къ кн. Чарторыйскому (отъ 10 октября н. ст.): «Не могу не признаться, что депеша ваша, гдѣ дѣло идетъ о союзѣ, который Порта хочетъ возобновить съ нами, и отъ котораго мы стараемся по возможности уклониться, чрезвычайно меня за-

трудняетъ. Принужденный прочесть ее Питту и Гарроуби, я увидалъ ихъ изумленіе, и признаюсь вамъ подружески, что депеша можетъ быть истолкована, какъ будто наше правительсто имѣетъ тайное желаніе увеличить свои владѣнія насчетъ Оттоманской имперіи, которая разрушается и упадетъ, если не будетъ поддержана Россіею и Великобританіею. Они меня спросили, какъ я думаю, нѣтъ ли у насъ мысли взять что-нибудь у турокъ. Внутренно затрудненный вопросомъ, ибо смыслъ вашей депеши возбуждалъ во мнѣ нѣкоторое подозрѣніе чего-то подобнаго, я, однако, отвѣчалъ, что не вижу въ депешѣ ничего такого, что они видятъ. Они мнѣ сказали, что предметъ такъ важенъ и такъ сложенъ, что они не могутъ отвѣчать, тѣмъ болѣе, что содержаніе депеши не достаточно развито; что они пошлютъ въ Турцію войско только съ одною цѣлію—изгнанія французовъ или для ихъ предупрежденія, когда будетъ очевидно, что французы намѣрены туда войти; но сдѣлаютъ это всегда съ твердымъ намѣреніемъ возвратить Портѣ области, занятыя съ цѣлію ихъ защиты. Лордъ Гарроуби опять мнѣ говорилъ объ этомъ дѣлѣ; его сокрушаетъ мысль, нѣтъ ли у насъ намѣренія взять что-нибудь у турокъ. Признаюсь»,—оканчивалъ Воронцовъ,—«что я буду въ отчаяніи, если у насъ существуютъ планы увеличенія территеріи. Мы уже и такъ страшно распространились, вслѣдствіе чего страна не можетъ быть хорошо управляема. У насъ съ турками естественная граница—море и Днѣстръ; сохранимъ ихъ, удержимъ сосѣдями этихъ бѣдныхъ турокъ: вѣдь они лучшіе сосѣди, чѣмъ шведы, пруссаки и австрійцы». Несмотря на это письмо Воронцова, Новосильцеву было предписано затронуть Восточный вопросъ: въ разговорѣ съ Питтомъ онъ началъ дружескимъ выговоромъ, что въ Англіи слишкомъ подозрительны насчетъ русскихъ намѣреній относительны Порты. Питтъ, недовольный возобновленіемъ этого непріятнаго вопроса, замѣтилъ, что бывало много примѣровъ, какъ покровительство надъ страною оканчивалось ея покореніемъ, и когда Новосильцевъ имѣлъ наивность сказать, что если бы даже Россія и дѣйствительно имѣла виды на Турцію, то друзьямъ Россіи, англичанамъ, нечего безпокоиться, торговля ихъ еще лучше будетъ обезпечена,—Питтъ указалъ, какъ несвоевременно заниматься теперь планами насчетъ Турціи, когда надобно думать объ освобожденіи европейскихъ державъ отъ насилій Франціи. Питтъ сводилъ дѣло къ одному: Россія должна устроить коалицію противъ Наполеона, Англія будетъ платить союзникамъ деньги. По извѣстіямъ Новосильцева, и глава оппизиціи, Фоксъ, былъ согласенъ съ русскою системою. Можетъ быть, онъ и былъ согласенъ съ русскою системою, но онъ расходился съ Питтомъ въ томъ, что министръ хотѣлъ начинать дѣло какъ можно скорѣе, а глава оппозиціи этого не хотѣлъ, что видно изъ позднѣйшаго письма его къ Чарторыйскому (отъ 17 марта 1806 н. с.): «Я имѣлъ несчастіе не одобрить планъ прошлаго года и не скрылъ своего мнѣнія на этотъ счетъ. Если бы послѣднія слова мои Новосильцеву, сказанныя въ присутствіи принца Валлійскаго, произвели большее впечатлѣніе! Я сказалъ: *идите по крайней мѣрѣ тихонько—piano, piano*».

Когда, въ началѣ 1805 года, открылся англійскій парламентъ, то въ тронной рѣчи говорилось объ искреннихъ союзахъ съ континентальными государствами, особенно съ Россіею, которой монархъ далъ сильнѣйшія доказательства своей мудрости, благородныхъ чувствъ и живаго участія въ безопасности и независимости Европы. Въ бюджетѣ стояло 5 милліоновъ фунтовъ на пособіе континентальнымъ державамъ. 30 марта (11 апрѣля) 1805 года былъ заключенъ между Россіею и Англіею договоръ: обѣ державы согласились принять самыя скорыя и дѣйствительныя мѣры для образованія коалиціи, которая выставила бы 500,000 войска, съ цѣлью побудить французское правительство къ миру и возстановленію политическаго равновѣсія въ Европѣ; для послѣдняго признано необходимымъ освобожденіе Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Ганновера и Сѣверной Германіи и установленіе въ Европѣ порядка, который бы обезпечивалъ на будущее время всѣ государства отъ насилій. Императоръ Александръ хотѣлъ-было включить въ договоръ, что Мальта будетъ занята русскимъ гарнизономъ; но графъ Семенъ Воронцовъ писалъ ему, что когда онъ сообщилъ объ этомъ Питту, тотъ былъ пораженъ этимъ, какъ громовымъ ударомъ; никогда Воронцовъ не видалъ его въ такомъ горѣ. Наконецъ онъ сказалъ, что парламентъ и нація этого не потерпятъ, ибо это значитъ отдать Средиземное море, Сицилію, Левантъ и Египетъ во власть французамъ; что Англія для содержанія Мальты и постоянной эскадры при ней беретъ на себя громадныя издержки, потому что Франція замышляетъ раздробленіе Турецкой имперіи, завоеваніе Египта, которое дастъ французамъ возможность выгнать англичанъ изъ Индіи; а это изгнаніе разоритъ Великобританію вконецъ. Русскій гарнизонъ на Мальтѣ не воспрепятствуетъ французамъ господствовать на окружныхъ водахъ; должно имѣть тамъ постоянно сильную эскадру. Надобно было оставить Мальту англичанамъ. Относительно субсидій затрудненій не было: Англія обязалась помогать коалиціи своими сухопутными и морскими силами и платить ежегодно по 1.200,000 фунтовъ на каждыя сто тысячъ войска. Какія же державы могли быть членами коалиціи?

На Австрію прежде всего можно было разсчитывать, потому что страшный для нея Итальянскій вопросъ становился на-очередь: что сдѣлаетъ новый императоръ французовъ съ Италіею? Не можетъ же императоръ оставаться президентомъ Итальянской республики! За вопросомъ Итальянскимъ виднѣлся уже во всей своей грозѣ вопросъ Восточный, къ которому Австрія менѣе, чѣмъ какая другая держава, могла быть равнодушна.

Было очевидно, что война между Францiею и Англiею возобновилась преимущественно изъ-за Восточнаго вопроса; яблокомъ раздора послужила Мальта, важная станцiя между Францiею и Египтомъ; англичане не хотѣли выпускать ея изъ своихъ рукъ, особенно напуганные донесенiемъ Себастiани; въ Россiи не могли долѣе оставаться при мысли, что турки — самые покойные сосѣди, когда увидали, что, вмѣсто турокъ, сосѣдями могутъ быть французы. Вслѣдствiе этой перемѣны взгляда, туча прошла между естественными союзницами — Россiею и Англiею; Австрiя не могла быть покойна, ибо дѣло могло начаться въ ея сосѣдствѣ, затрогивая ея ближайшiе интересы. Эти два вопроса—Итальянскiй и Восточный,— преимущественно первый, ибо гроза втораго гремѣла еще далеко,—эти два вопроса заставили Австрiю заключить съ Россiею конвенцiю (6 ноября н. с. 1804 года): въ случаѣ новыхъ покушенiй Францiи на независимость Италiи, либо на занятiе Египта, Австрiя обязалась выставить 250,000 войска, Россiя—115,000 и, сверхъ того, корпусъ войскъ на границахъ Австрiи и Пруссiи, на случай враждебности послѣдней; Англiя давала субсидiи Австрiи. Опираясь на эту конвенцiю, Австрiя рѣшилась въ концѣ 1804 года освѣдомиться о намѣренiяхъ императора французовъ насчетъ Италiи; дѣлу данъ былъ такой оборотъ, что соединенiе Италiи съ Францiей противорѣчило бы условiямъ Люневильскаго мира, и что Наполеонъ до сихъ поръ слѣдовалъ правилу,—чтобы между Австрiею и Францiею находились независимыя государства. Какое право, былъ отвѣтъ, имѣетъ Австрiя вмѣшиваться во внутреннiя дѣла Итальянской республики? Какъ независимое государство, послѣдняя можетъ избирать какую угодно правительственную форму. Дѣло идетъ не о правительственной формѣ, но о независимости:—было замѣчено съ австрiйской стороны. Когда Талейранъ доложилъ Наполеону объ австрiйскихъ внушенiяхъ, тотъ велѣлъ ему отвѣчать: «Скажите графу Кобенцлю [1]), я еще и самъ не знаю, какiя перемѣны я произведу въ Италiи; но я не намѣренъ сдѣлать изъ нея французскую провинцiю. Всѣ слухи объ этомъ ложны». Чрезъ нѣсколько дней императоръ Францъ получаетъ отъ Наполеона письмо съ извѣщенiемъ о желанiи императора французовъ сдѣлать королемъ Италiи своего брата (Iосифа). Тяжело, но все не такъ: все еще какая-то независимость, даже больше прежней, да и родные братья не всегда дружно живутъ. Можно согласиться, особенно если что-нибудь дадутъ за согласiе. Но въ то время, какъ Австрiя собиралась поторговаться, подороже продать свое согласiе Наполеону, тотъ поступилъ посвоему. Узнавши, что въ Австрiи дѣлается передвиженiе войскъ, Наполеонъ, на прiемѣ въ новый 1805 годъ, обратился къ австрiйскому посланнику съ словами: «Императоръ двигаетъ 40,000 войскъ; угрозами ничего отъ меня получить нельзя; я двину 80,000; если императоръ вооружается, и я буду вооружаться, чтобы изъ этого ни вышло». Императоръ Францъ написалъ Наполеону, что войско двинуто къ итальянскимъ границамъ не противъ Францiи, а противъ моровой язвы. Этимъ объясненiемъ, повидимому, остались довольны; но объ Италiи ни полслова, несмотря на всѣ старанiя австрiйскаго посланника завести рѣчь объ этомъ любопытномъ предметѣ; наконецъ молчанiе было нарушено извѣщенiемъ, что императоръ французовъ принялъ титулъ короля Италiи.

Громъ разразился; изъ Петербурга—увѣщанiя, что нельзя болѣе медлить. Но эрцгерцогъ Карлъ подаетъ мнѣнiе, что надобно медлить; что средства Австрiи, даже и при русской помощи, не въ уровень съ французскими. Штуттергейнъ передалъ мнѣнiе эрцгерцога Александру и получилъ отвѣтъ: «Я начинаю думать, что все останется при однихъ проектахъ и ничего серьезнаго не будетъ; это мнѣ наскучитъ. Пруссiю никакъ нельзя вывести изъ ея апатiи; вы, остальные, ничего не дѣлаете, ничего не приготовляете, ничего яснаго не говорите. Все идетъ дурно, и я утомляюсь». Когда русскiй посолъ въ Вѣнѣ, графъ Разумовскiй, потребовалъ, чтобъ Австрiя приступила къ договору, заключенному между Россiею и Англiею, то ему отвѣчали, что присоединиться къ договору значитъ— обязаться объявить войну Францiи; но только весною 1806 года Австрiя можетъ начать войну съ надеждою на успѣхъ. Между тѣмъ, Наполеонъ, встревоженный слухомъ о состоявшейся коалицiи, спѣшилъ предупредить ее и уяснить для себя дѣло—заставить враговъ высказаться: онъ написалъ Англiйскому королю письмо съ предложенiемъ мира. Въ Англiи поняли въ чемъ дѣло, и, чтобъ усилить тревогу императора французовъ, отвѣчали очень ловко, что Англiйскiй Кабинетъ ведетъ переговоры для соглашенiя съ главными державами континента, и особенно съ Русскимъ императоромъ, съ которымъ его связывали отношенiя самыя конфиденцiальныя. Чтобъ усилить впечатлѣнiе этого отвѣта, Англiя предложила императору Александру принять на себя веденiе переговоровъ съ Наполеономъ: предложить мирныя условiя, могшiя успокоить Европу, съ угрозою коалицiей, въ случаѣ несогласiя съ французской, стороны; эта угроза имѣла гораздо большее значенiе въ устахъ Россiи, главнаго континентальнаго государства, чѣмъ Англiи. Въ то время графъ Александръ Воронцовъ, по нездоровью и неудовольствiю ходомъ дѣлъ внутренняго управленiя, уже не управлялъ больше внѣшними сношенiями и жилъ въ Москвѣ, сохраняя званiе государственнаго канцлера; но въ важныхъ вопросахъ Чарторыйскiй, по приказанiю государя, обращался къ нему за совѣтами; такъ случилось и по вопросу о предложенiи Англiи послать въ Парижъ русскаго уполномоченнаго. Графъ Александръ отвѣчалъ,

[1]) *Филиппъ* Кобенцль, австрiйскiй посланникъ при Французскомъ Дворѣ.

что, по его мнѣнію, въ англійской депешѣ большая смута въ идеяхъ. Видно, что Англія сама не ждетъ никакого успѣха отъ этой посылки; быть можетъ, она имѣетъ въ виду возбудить неудовольствіе внутри Франціи, если Наполеонъ отвергнетъ предложеніе, а съ другой стороны—оправдать и усилить министерскую партію въ Англіи. Но если англичане ожидаютъ какого-нибудь успѣха отъ этой посылки, тогда какъ надобно приводить весь континентъ въ движеніе обширными средствами, то онъ, Воронцовъ, не видитъ причины, почему Лондонскій Дворъ не употребилъ самаго простаго средства,—не поручилъ своему государственному секретарю вести переписку съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобъ навязывать намъ дѣло, которое можетъ только компрометтировать достоинство Россіи, подвергая ея уполномоченнаго вспышкамъ и выходкамъ Бонапарта. Совѣтъ старика (который скоро послѣ того умеръ) не былъ принятъ: молодости естественно было не желать уклоняться отъ дѣятельности на первомъ планѣ, упустить изъ рукъ веденіе дѣла, которое имѣло общеевропейскій характеръ, и тотъ же Новосильцевъ, который ѣздилъ въ Лондонъ, сталъ собираться въ Парижъ. Онъ долженъ былъ требовать отъ Наполеона независимости Швейцаріи, Голландіи, Италіи; для смягченія послѣдняго условія, для новаго короля Италіи, соглашались на устройство въ сѣверной Италіи владѣнія въ пользу кого-нибудь изъ родственниковъ Наполеона. Англія обѣщала возвратить Франціи нѣсколько маленькихъ острововъ и Пондишери.

Единственная возможность заставить—если не принять эти условія, то начать переговоры на ихъ основаніи, заключалась въ угрозѣ коалиціею. Но чѣмъ грозить, когда коалиціи не было? Къ Вѣнскому Двору отправили требованіе, чтобъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ поддерживалъ Новосильцева. Послѣдовалъ отказъ: Австрія еще не можетъ вести общаго дѣла съ Россіею и Англіею и говорить угрожающія рѣчи, потому что нападеніе французовъ на австрійскія владѣнія будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ этого. Другое дѣло, еслибъ была увѣренность въ приступленіи Пруссіи къ коалиціи; но такъ какъ этой увѣренности нѣтъ, то благоразуміе требуетъ дѣлать предложенія какъ можно умѣреннѣе, чтобъ не повели къ разрыву; какъ скоро переговоры начнутся, то можно увеличивать и уменьшать требованія, смотря по увеличенію и уменьшенію надежды на участіе Пруссіи. Представленіе Австріи раздражило одинаково и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ. «Эти господа въ Вѣнѣ»,—говорилъ Питтъ,—«всегда отстаютъ на годъ, на войско и на идею». Когда Штуттергеймъ началъ представлять императору Александру, что Австрія не признаетъ Наполеона королемъ Италіи, но пусть дадутъ ей лѣто для приготовленія къ войнѣ, то императоръ отвѣчалъ: «Ахъ, Господи! Сколько времени вы толкуете о приготовленіяхъ, и все еще не готовы!... Какія пропадаютъ благопріятныя минуты!... Бонапартъ усиливается, міръ привыкаетъ къ его господству и находитъ все естественнымъ. У васъ нѣтъ никакой энергіи: это несчастіе для вашихъ союзниковъ». Въ іюнѣ 1805 года, императоръ Александръ потребовалъ отъ Вѣнскаго Двора прямаго отвѣта: можетъ ли и хочетъ ли Австрія принять участіе въ войнѣ; пусть назначится срокъ, къ которому она надѣется быть готовою; отъ Австріи зависитъ рѣшеніе участи Европы, ибо Пруссія волею или неволею должна будетъ принять участіе въ войнѣ. Если союзники будутъ имѣть только 365,000 войска (250,000 австрійцевъ и 115,000 русскихъ), то можно отважиться на борьбу. Французская армія не на военной ногѣ; союзники Франціи дурно къ ней расположены; часть войска Наполеонъ долженъ оставить на случай высадки англичанъ, другую часть употребить на охрану Голландіи и Бельгіи, устьевъ Эльбы и Везера. Чѣмъ долѣе оставлять Наполеона укрѣпляться въ завоеванныхъ областяхъ, тѣмъ менѣе послѣ можно ожидать помощи отъ ихъ народонаселенія. Теперь самое благопріятное время для войны; Россія выставитъ 180,000 войска, и, такимъ образомъ, у обоихъ союзниковъ будетъ 430,000 подъ ружьемъ. Императоръ Александръ рѣшился принудить Пруссію къ участію въ войнѣ, а за нею послѣдуютъ и другіе.

Съ одной стороны, русскія заявленія отстраняли сомнѣніе, что война будетъ предпринята не съ равными силами; съ другой,—пришло извѣстіе, что Наполеонъ присоединилъ Лигурійскую республику (Генуя) къ Франціи, вслѣдствіе чего Новосильцевъ не поѣхалъ въ Парижъ: «Съ нами поступаютъ, какъ съ ребятишками», писалъ ему Чарторыйскій. Въ Петербургѣ раздражились захватомъ Генуи, какъ насмѣшкою, поддразниваніемъ; въ Вѣнѣ смотрѣли на дѣло съ другой точки: нынче взялъ Генуя, завтра дойдетъ очередь до Венеціи,—Наполеонъ не оставитъ у Австріи ничего изъ итальянскихъ земель, оправдаетъ свой титулъ короля Италіи. Слуги Наполеона прямо говорятъ объ этомъ. Можно ли же при такой опасности отвергать союзъ съ Россіею, отталкивать ее къ Пруссіи? Но эрцгерцогъ Карлъ, лучшій полководецъ, съ успѣхомъ боровшійся противъ французовъ, опять говоритъ громко за миръ. Дѣйствительно, все говорилось только о количествѣ: «у насъ будетъ много войска, у Наполеона будетъ меньше, мы его побѣдимъ»; а не говорили, что противъ Наполеона, перваго полководца времени, мы выставимъ подобнаго ему; противъ его знаменитыхъ генераловъ, противъ его воспитаннаго на побѣдахъ войска мы выставимъ такихъ же генераловъ, такое же войско. Лучшіе полководцы въ томъ числѣ (очень небольшомъ) и эрцгерцогъ Карлъ, понимали всю неправильность этого *матеріалистическаго* взгляда, весь вредъ этого разсчета на одно количество, съ забвеніемъ ка-

чества,—и отсюда проистекала ихъ осторожность, ихъ неохота мѣряться съ Наполеономъ, ихъ система отступленія, войны только оборонительной. Другое дѣло — полная коалиція, соединенное, дружное дѣйствіе всей Европы противъ одной Франціи: тутъ никакія усилія первоклассснаго военнаго генія не помогутъ, и эрцгерцогъ Карлъ спрашиваетъ: «Будетъ ли Пруссія участвовать въ коалиціи»?— «Пруссія, волею или неволею, будетъ участвовать», отвѣчали изъ Россіи; выраженіе «неволею» было загадочно, да и во всякомъ случаѣ это было только еще въ будущемъ.

«Но если ждать, то чего же ждать»?—спрашивали съ другой стороны. «Какое ручательство противъ неудержимаго стремленія Наполеона къ захвату? Стоять вооруженными, на-готовѣ къ защитѣ?—но онъ и этого не позволитъ; при извѣстіи о сборѣ войска, о его движеніи, онъ кричитъ, грозитъ нападеніемъ и непремѣнно исполнитъ угрозу. Если что можетъ еще сдержать его, дать надежду на сохраненіе мира, такъ это— союзъ Австріи съ другими державами. Какъ скоро Наполеонъ увидитъ, что Австрія одинока, то непремѣнно объявитъ ей войну. Понятно, что и война представляетъ опасность; но изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее, и если эрцгерцогъ указываетъ на многія неудобства войны, то онъ не указываетъ средства, какъ сохранить миръ, когда союзники будутъ потеряны». Легко понять затруднительное положеніе императора Франца, когда ему предстояло рѣшить споръ двухъ сторонъ, вооруженныхъ такими сильными доказательствами въ свою пользу, когда братъ, лучшій полководецъ, лучшій знатокъ военнаго положенія Австріи, утверждаетъ, что не должно воевать, а министръ иностранныхъ дѣлъ Кобенцль спрашиваетъ: «Если не воевать, то какія средства сохранить миръ»? Наконецъ императоръ рѣшилъ споръ въ пользу министра, и въ началѣ іюля курьеръ поскакалъ въ Петербургъ, къ Стадіону, съ приказаніемъ вступить въ переговоры относительно приступленія Австріи къ англо-русскому коалиціонному трактату.

Разумѣется, для уничтоженія главнаго возраженія противниковъ войны, Россія должна была прежде всего стараться о полнотѣ коалиціи. Страшно трудно было увлечь Пруссію; легко было это сдѣлать съ Швеціею, ибо ея король, Густавъ IV, такъ же ненавидѣлъ наполеоновское правительство, какъ отецъ его, Густавъ III, ненавидѣлъ революціонныя движенія Франціи. Важность шведскаго союза для Россіи, какъ главы коалиціи, была очевидна уже изъ того, что Наполеонъ добивался дружбы Густава IV, причемъ, по своему обычаю, не щадилъ приманокъ, предлагалъ Швеціи Норвегію взамѣнъ германскихъ ея владѣній—Помераніи: послѣдняя была очень нужна Наполеону—и какъ приманка для Пруссіи, и какъ сдержка для нея и важный пунктъ относительно Россіи. Но Густавъ IV не согласился и прежде другихъ сталъ членомъ коалиціи, хотя въ Петербургѣ и не могли полагать большой надежды на его помощь. Еще въ 1803 году, русскій министръ въ Стокгольмѣ, Алопеусъ 2-й, сообщилъ своему Двору печальныя извѣстія объ умственномъ состояніи короля и его поведеніи. Густавъ IV постоянно посѣщалъ масонскія ложи; никогда не видали улыбки на вѣчно-серьезномъ и суровомъ лицѣ его; никакое развлеченіе не допускается во дворцѣ; король мучитъ солдатъ безполезными формальностями; вѣритъ въ какую-то несчастную звѣзду; считаетъ себя Карломъ XII-мъ, носитъ драбантскій мундиръ его времени; народъ очень недоволенъ. Но какъ бы то ни было, союзомъ съ Швеціею заручиться было необходимо, хотя бы только по причинамъ близкаго сосѣдства, и этотъ союзъ, благодаря Помераніи, долженъ былъ имѣть вліяніе и на отношенія Россіи къ Пруссіи.

Пруссія продолжала упорно отказываться измѣнить свои отношенія къ Россіи и Франціи. Тщетно въ Петербургѣ думали, что эттенгеймское происшествіе заставитъ Пруссію тронуться. На извѣстное письмо императора Александра объ этомъ происшествіи король Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что заботы и чувства императора достойны его характера и требуютъ самой живой благодарности... *Но*—должна имѣться въ виду великая цѣль сохраненія спокойствія, а Наполеона нельзя принудить дать полное удовлетвореніе иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Александръ указывалъ другую великую цѣль; онъ писалъ королю: «Признаюсь, страшная скорбь будетъ для меня, если я не увижу ваше величество принимающимъ самое дѣятельное участіе въ славѣ возстановленія политическаго равновѣсія Европы». Фридрихъ-Вильгельмъ, въ своемъ упорномъ желаніи сохранить миръ, не быть принужденнымъ къ страшному, по его убѣжденію, риску, не хотѣлъ признать, что уступка Наполеону ведетъ точно такъ же, если еще не скорѣе, къ войнѣ, какъ и сопротивленіе. Германія уступила ему въ эттенгеймскомъ дѣлѣ,—сейчасъ же пошли другія нарушенія международнаго права. Наполеонъ заставилъ Баварскій и Кассельскій Дворы выслать находившихся при нихъ англійскихъ посланниковъ; наконецъ французскій отрядъ, ночью», на нейтральной гамбургской почвѣ схватилъ Румбольда, англійскаго посланника при нижне-саксонскомъ округѣ. Въ этомъ поступкѣ находили еще большее нарушеніе международнаго права, чѣмъ въ поступкѣ съ герцогомъ Ангьенскимъ, потому что Румбольдъ былъ посланникъ, а герцогъ Ангьенскій считался частнымъ человѣкомъ. Оскорбленіе коснулось прямо Пруссіи, потому что, по тогдашнему германскому устройству, Прусскій король обязанъ былъ блюсти за спокойствіемъ и безопасностію нижне-саксонскаго округа; наконецъ, гдѣ же была послѣ того неприкосновенность сѣверной Германіи, на чемъ такъ сильно настаивалъ Фридрихъ-Вильгельмъ? Посланники русскій и ан-

глійскій приступили съ требованіями, чтобы Румбольду было оказано покровительство, причемъ Алопеусъ напомнилъ о соглашеніи между Россіею и Пруссіею, гдѣ нарушеніе неприкосновенности сѣверной Германіи было опредѣлено какъ причина войны съ Франціею (casus fœderis). Король велѣлъ требовать у французскаго правительства удовлетворенія за нарушеніе нейтралитета и освобожденія Румбольда. Но что далѣе?— что, если Наполеонъ не исполнитъ этого требованія? Въ это время графъ Гаугвицъ, который считалъ для себя должнымъ и полезнымъ вполнѣ сообразоваться со взглядами короля, былъ въ безсрочномъ отпуску, и внѣшними дѣлами завѣдывалъ баронъ Гарденбергъ, который позволялъ себѣ высказывать мнѣніе, что поддержаніе, во что бы то ни стало, нейтралитета и мира и постоянная уступчивость Франціи будутъ имѣть печальныя слѣдствія для Пруссіи. Такое мнѣніе Гарденбергъ высказалъ и теперь, обративъ вниманіе короля и на то, что крайняя уступчивость его произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе на прусскую армію и народъ. Королю, разумѣется, были очень непріятныя подобныя представленія; онъ возражалъ, что нельзя въ поступкѣ съ Румбольдомъ видѣть непремѣнно оскорбленіе Пруссіи,—оскорблена Англія, а не Пруссія. И кчему тутъ народъ, армія? Имъ до политики дѣла нѣтъ. Вообще, у Гарденберга какія-то странныя мнѣнія:—неудобный министръ! Надобно спросить мнѣніе Гаугвица, и король пишетъ ему. «Я потребовалъ удовлетворенія у Бонапарта за нарушеніе нейтралитета и освобожденія Румбольда. Но если Бонапартъ не согласится, что должна дѣлать Пруссія для поддержанія своего достоинства и выполненія своихъ обязательствъ какъ относительно Россіи, такъ и владѣній сѣверной Германіи? Многіе хотятъ войны, а я не хочу. Мнѣ кажется, что есть средства выйдти изъ затрудненія, не прибѣгая къ такой крайности; мнѣ противно возжигать континентальную войну единственно изъ-за этого».—«А я не хочу!»—Разумѣется, и Гаугвицъ тоже не захотѣлъ, а счастье на этотъ разъ помогло. Наполеонъ, зная, что Россія и Англія стараются составить коалицію противъ него, хлопоталъ, чтобъ эта коалиція не составилась, или, по крайней мѣрѣ, была бы неполная; для этого ему нужно было удержать Пруссію при себѣ или, по крайней мѣрѣ, нейтральною. Вотъ почему онъ исполнилъ требованіе Фридриха-Вильгельма, освободивъ Румбольда, и объявилъ, что это сдѣлано для Прусскаго короля. Такая уступка утвердила окончательно короля въ политикѣ мира и нейтралитета: стоитъ только что-нибудь потребовать съ твердостію,—ни въ чемъ не откажутъ ни съ той, ни съ другой стороны; никто не тронетъ Пруссію, чтобъ не имѣть ея противъ себя, и она будетъ наслаждаться миромъ, да и Европѣ дастъ миръ, потому что безъ насъ не будутъ воевать. Король былъ на седьмомъ небѣ: блистательная побѣда безъ кровопролитія!

Но восторгъ былъ непродолжителенъ. И въ Лондонѣ, и въ Вѣну изъ Россіи давали знать, что Пруссія будетъ втиснута въ коалицію неволей, если не захочетъ войти въ нее добровольно. Мы видѣли, что Воронцовы питали сильное нерасположеніе къ Пруссіи; въ послѣднемъ мнѣніи своемъ канцлеръ, графъ Александръ, писалъ: «Считаю долгомъ замѣтить, что если надобно будетъ предложить Пруссіи приманку, обѣщать ей увеличеніе территоріи, чтобъ склонить ее ко вступленію въ коалицію, то интересы Россіи не допускаютъ увеличенія прусскихъ владѣній на сѣверѣ Германіи у балтійскихъ береговъ, но пусть она распространяется во Фландріи, Нидерландахъ и нѣмецкихъ земляхъ, отошедшихъ къ Франціи по Люневильскому миру. Увеличеніе прусскаго могущества здѣсь не только намъ не опасно, но даже выгодно, сталкивая непосредственно Пруссію съ Франціею». Дружба Воронцовыхъ съ Чарторыйскимъ закрѣплялась нерасположеніемъ къ Пруссіи. Но Воронцовы руководились русскими интересами, тогда какъ поляку Чарторыйскому до русскихъ интересовъ было мало дѣла. Жозефъ де-Мэстръ оставилъ о Чарторыйскомъ такую замѣтку: «Онъ высокомѣренъ, скрытенъ, отталкиваетъ отъ себя; я сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣющій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ русскимъ». Чарторыйскій ненавидѣлъ Пруссію, какъ главную виновницу паденія Польши, и во враждебномъ столкновеніи Россіи съ Пруссіею видѣлъ средство возстановленія своего отечества во всей цѣлости. По его плану, жители польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, должны были возстать при первомъ появленіи русскихъ войскъ въ прусскихъ предѣлахъ; эти области присоединялись къ тѣмъ, которыя отошли къ Россіи по тремъ раздѣламъ, и, возстановленная, такимъ образомъ, Польша признаетъ своимъ королемъ императора Александра. Австрія не будетъ этому противиться и даже отдастъ Галицію, потому что щедро будетъ вознаграждена Силезіею и Баваріею. Кромѣ другихъ очевидныхъ затрудненій къ осуществленію этого плана, первое затрудненіе заключалось уже въ самомъ императорѣ Александрѣ. Онъ могъ согласиться на то, чтобъ употреблена была угроза, которая бы заставила короля принять мнѣніе людей, желавшихъ вступленія Пруссіи въ коалицію противъ Франціи; но захотѣлъ ли бы Александръ привести въ исполненіе угрозу—это было очень сомнительно, тѣмъ болѣе-что со временъ мемельскаго свиданія была личная дружба между нимъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Чарторыйскій считалъ это мемельское свиданіе пагубнымъ событіемъ.

Первое непріятное объясненіе между Петербургскимъ и Берлинскимъ Дворами произошло по поводу Швеціи. По договору съ Англіею, Густавъ IV обязался выставить въ своей части Помераніи 25,000 войска для войны съ Франціею. Въ Берлинѣ взволновались: театръ войны перенесется въ сѣверную Германію,—гдѣ же послѣ того будетъ

ея нейтралитетъ, о которомъ такъ хлопотала Пруссія? Изъ Берлина поэтому дали знать Густаву IV, что Пруссія, для охраненія нейтралитета сѣверной Германіи, займетъ своимъ войскомъ шведскую Померанію; но изъ Петербурга присылается въ Берлинъ внушеніе, что если хоть одинъ прусскій солдатъ войдетъ въ шведскую Померанію, то Россія будетъ принуждена выполнить свой союзный договоръ съ Швеціею и поспѣшить къ ней на помощь. Въ то же время изъ Петербурга требовали, чтобъ, въ случаѣ войны Россіи съ Франціею, данъ былъ свободный проходъ русскимъ войскамъ чрезъ прусскія владѣнія; но это, другими словами,—требованіе отказаться отъ драгоцѣннаго нейтралитета. Около Фридриха-Вильгельма борьба. Гаугвицъ искусно излагаетъ мнѣнія короля, излагая собственныя мнѣнія; Гаугвицъ за нейтралитетъ, въ которомъ видитъ собственную политику Пруссіи; послѣдняя не должна отказываться отъ этой политики и предать себя всѣмъ случайностямъ колеблющейся политики Россіи и Австріи, которыя притомъ же не открываютъ своихъ плановъ Пруссіи. Впрочемъ, и съ этими державами не должно рѣзко разрывать. «Нейтралитетъ», — отвѣчаетъ Гарденбергъ,—«есть могила самостоятельности и чести Прусскаго государства, а войны все же не избѣжать, только надобно будетъ ее вести по волѣ побѣдителя и для его цѣлей». Гаугвицъ ставилъ навидъ, что Россія и Австрія, побуждая Пруссію вступить съ ними въ коалицію, скрываютъ однако отъ нея свои намѣренія. Нельзя было вступить съ ними въ соглашеніе, не узнавши прежде ихъ цѣлей. Для этого узнанія отправленъ былъ въ Петербургъ генералъ-адъютантъ Застровъ, и привезъ собственноручную ноту императора Александра. «Чтобъ отвѣчать съ полной откровенностью на желаніе короля знать всѣ мои политическія отношенія, надобно прежде знать мнѣ въ точности: его величество признаетъ ли необходимость прибѣгнуть къ оружію противъ Бонапарта, въ случаѣ если онъ не приметъ мирныхъ предложеній? Рѣшится ли король соединить свои войска съ войсками Россіи и Австріи, если эти державы прибѣгнутъ къ сильнымъ мѣрамъ для достиженія мира? Впрочемъ, я не колеблюсь объявить теперь же: что мои мирныя предложенія будутъ заключать въ себѣ одно необходимое для будущей безопасности и независимости Европы; что Англія сдѣлаетъ всѣ пожертвованія, какія только можно разумно надѣяться отъ нея. Если переговоры не поведутъ ни къ чему и надобно будетъ прибѣгнуть къ силѣ, то я поведу войну съ союзниками, которые, подобно мнѣ, обяжутся не полагать оружія до всеобщаго мира; я буду охотно содѣйствовать къ доставленію имъ денежной помощи и къ опредѣленію вознагражденій за потери. Дѣло будетъ идти объ утвержденіи независимости Европы, а не для произведенія контръ-революціи и не для низверженія Франціи съ того мѣста, которое принадлежитъ ей въ общей системѣ. Если король хочетъ соединиться именно на этихъ основаніяхъ, я обѣщаю ему употребить гораздо болѣе 100,000 войска и принять мѣры къ тому, чтобъ не подвергать Пруссію опасности со стороны Франціи».

Упоминая о мирныхъ предложеніяхъ, императоръ Александръ имѣлъ въ виду тѣ, которыя Новосильцевъ долженъ былъ сдѣлать въ Парижѣ; но мы видѣли, что Новосильцева возвратили съ дороги, и Пруссія потеряла послѣднюю надежду на миръ. Пруссія одною изъ причинъ своего колебанія приступить къ коалиціи выставляла неувѣренность въ достаточной энергіи Австріи, а та съ своей стороны останавливалась колебаніемъ Пруссіи. Понятно, что надобно было употребить всѣ средства для уничтоженія, по крайней мѣрѣ на время, соперничества и подозрѣнія между этими державами. Австрія первая предложила забыть о Силезіи, забыть старое для новаго; выставила убѣжденіе, что ослабленіе Австріи теперь будетъ вредно для Пруссіи и наоборотъ; увѣряла, что вовсе не думаетъ о пріобрѣтеніи вліянія въ Германіи, а только заботится о сохраненіи равновѣсія въ Европѣ и Германской имперіи; даже въ случаѣ счастливой войны не имѣетъ намѣренія измѣнить существующій порядокъ вещей въ Баваріи или гдѣ бы то ни было. Но въ Берлинѣ слушали все это однимъ ухомъ, и, въ мартѣ 1805 года, Гарденбергъ сказалъ австрійскому посланнику, по поводу русскихъ требованій: «Короля никогда не принудятъ къ мѣрамъ, вызывающимъ войну, и я увѣренъ, что наши два Двора думаютъ въ этомъ отношеніи одинаково по сходству ихъ положенія; Россіи нечего бояться войны, а Пруссія и Австрія одинаково могутъ пострадать». Послѣ этого въ Вѣнѣ перестали полагаться на Гарденберга: начали считать его такимъ же французомъ, какъ и Гаугвица.

Сильнѣйшее искушеніе для Берлинскаго Двора пришло съ запада. Наполеону нужно было разбить коалицію, удержать Пруссію при себѣ, и онъ рѣшается не щадить ни убѣжденій, ни приманокъ, чтобъ заставить Фридриха-Вильгельма покинуть систему нейтралитета. «Какъ только Россія объявитъ войну Франціи, то войска послѣдней сейчасъ же занимаютъ главный городъ шведской Помераніи, ибо Швеція въ союзѣ съ Россіею: что же станется съ прусской системой нейтралитета для сѣверной Германіи? Напротивъ, союзъ съ Франціею представляетъ для Пруссіи выгоды несомнѣнныя, многочисленныя и непосредственныя, опасности же—никакой. Пруссія должна вспомнить, что у нея нѣтъ такихъ средствъ къ усиленію себя, какими обладаютъ ея сосѣди, которые, будучи вмѣстѣ ея врагами, не дадутъ ей распространить своихъ владѣній. Императоръ французовъ предлагаетъ Прусскому королю Ганноверъ въ вѣчное владѣніе и обязывается уступку его сдѣлать необходимымъ условіемъ мира съ Англіей, которая основываетъ всѣ свои надежды на континентальной войнѣ; но Россія и Австрія не начнутъ войны, если Пруссія выступитъ какъ союзница Франціи:

такимъ образомъ королю достанется слава примирителя Франціи съ Англіею. Уступка Ганновера не представитъ непреоборимыхъ затрудненій: не король Георгъ будетъ заключать миръ, а народъ англійскій; отъ Пруссіи же Франція требуетъ одного ручательства въ сохраненіи существующаго порядка въ Италіи. Государство, которое не увеличивается, уменьшается».

Это внушеніе произвело сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ, затрогивая самыя нѣжныя струны, совпадая съ самыми завѣтными помышленіями и цѣлями: уже стали мечтать, что пріобрѣтенія не должны ограничиться однимъ Ганноверомъ,—можно пріобрѣсти и Богемію и вымѣнить Саксонію на польскія области. Не слѣдуетъ быть злодѣемъ вполовину! Не легко было, по мнѣнію Гарденберга, выставить основанія, говорившія въ пользу французскаго союза, съ большею вѣскостію и обольстительностію, и многія основанія были дѣйствительно вѣски: съ одной стороны—предложенія, хотя и не совсѣмъ безопасныя, но возможныя, съ выгодою сохранить миръ, и если бы это не удалось, съ видами на могущественную помощь сильнѣйшей державы; съ другой стороны—извѣстное намѣреніе принудить Пруссію ко вступленію въ коалицію, тонъ Русскаго Кабинета, становящійся все грознѣе и грознѣе, и еще болѣе угрожающее положеніе русскаго войска;—никакихъ выгодъ, развѣ отдаленныя, которыя еще нужно завоевать, пріобрѣтенія невѣрныя. Но, въ то же время, кто не понималъ, что взять что-нибудь у Наполеона значило—продать свою душу врагу и дать на нее кровавое рукописаніе,—рабство было необходимымъ слѣдствіемъ. Короля могла прельстить больше всего надежда на сохраненіе мира (да еще съ Ганноверомъ!); но этой надеждѣ вполнѣ предаваться было нельзя по грозному положенію Россіи: еще пока-то французское войско явится на помощь, русское будетъ уже въ прусскихъ владѣніяхъ, и Пруссія сдѣлается ареною борьбы, исходъ которой неизвѣстенъ. Для короля и, конечно, не для одного его, оба союза, французскій и русскій, представляли только однѣ невыгоды, и потому, разумѣется, онъ могъ рѣшиться на тотъ или другой только въ случаѣ крайности, а до тѣхъ поръ долженъ былъ упорствовать въ нейтралитетѣ. Гаугвицъ также совѣтуетъ крѣпко держаться нейтралитета, и для его сохраненія вооружаться; яркими красками выставилъ Гаугвицъ невѣрность французскихъ обѣщаній, и, съ другой стороны, опасность разрыва съ Россіею: точь-въ-точь, какъ думалъ самъ король! Итакъ, вооруженный нейтралитетъ! имъ всего скорѣе можно достигнуть желанной цѣли, сохраненія мира: и Наполеонъ, да и Россія съ Англіею и Австріею будутъ податливы и помирятся при прусскомъ посредничествѣ. Наполеону отвѣчали, что никакая приманка увеличеніемъ территоріи не можетъ побудить короля къ мѣрамъ наступательнымъ; нельзя изъ-за совершенно разореннаго Ганновера подвергать бѣдствіямъ войны старыя цвѣтущія прусскія области. Есть надежда сохранить миръ, если императоръ Наполеонъ, по соглашенію съ Пруссіею, обезпечитъ цѣлость и независимость остальной Италіи, республики Батавской и Гельветической и Германской имперіи, если онъ дастъ королю возможность какъ можно скорѣе передать слова мира въ Петербургъ и Вѣну.—Императору Александру король писалъ (5-го сентября 1805 г.), что твердо рѣшился поддерживать нейтралитетъ свой и своихъ сосѣдей, и вооружается для защиты послѣднихъ; притомъ Франція еще ничего не сдѣлала такого, что бы заставляло Пруссію объявить ей войну. Король надѣется, что императоръ Александръ также не сдѣлаетъ ничего, что бы нарушило покой сѣверной Германіи.

Въ то время, какъ въ Пруссіи только еще рѣшали, что надобно вооружаться, чтобъ дать больше вѣсу своимъ мирнымъ предложеніямъ, въ Австріи давно уже вооружались, и все еще надѣялись, что войны можно избѣжать, по крайней мѣрѣ, что она не начнется въ текущемъ 1805 году. Когда императоръ Александръ въ іюнѣ узналъ о присоединеніи Генуи къ Франціи, то сказалъ Штуттергейму: «Этотъ человѣкъ (Наполеонъ) ненасытимъ, его честолюбіе не знаетъ границъ, это бичъ вселенной! Въ Вѣнѣ должны остановиться на этомъ событіи. Я его предвидѣлъ; но никакъ не ожидалъ, чтобы Генуя была обращена во французскую провинцію въ то самое время, когда хотѣли начать мирные переговоры съ этимъ господиномъ; онъ надъ нами смѣется, онъ хочетъ войны: ну, хорошо, онъ будетъ ее имѣть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Видите: мы медлимъ, а онъ этимъ пользуется». Когда Штуттергеймъ замѣтилъ, что надобно подождать до весны, то Александръ сказалъ: «Я не буду изъ всѣхъ силъ спѣшить, но война неизбѣжна». Но «этотъ человѣкъ» былъ не такой человѣкъ, чтобъ сталъ сидѣть спокойно, видя, какъ другіе вооружаются. Онъ велѣлъ Талейрану объявить австрійскому посланнику, что лагери въ Тиролѣ и Штейермаркѣ должны быть сняты: отказъ въ этомъ Наполеонъ приметъ за объявленіе войны. Въ концѣ августа, Австрія отвѣчала, что она вооружается для поддержки выговоренныхъ трактатами условій; что она готова вступить съ Французскимъ Дворомъ въ переговоры о сохраненіи континентальнаго мира, и удостовѣряетъ, что монархи Австрійскій и Русскій обязались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, не нарушать существующаго порядка Германской имперіи и цѣлости Порты Оттоманской. Въ Вѣнѣ произошла въ это время перемѣна: воинственный дипломатъ Кобенцль восторжествовалъ надъ знаменитымъ, но требующимъ мира полководцемъ, эрцгерцогомъ Карломъ. Отчего же произошла такая удивительная перемѣна? Явился генералъ-квартирмейстеръ Макъ, который обѣщалъ поставить армію на военную ногу, вмѣсто шести мѣсяцевъ, въ два мѣсяца, и исполнилъ обѣщаніе; но не доволь-

ствовались приготовленіемъ арміи: тому же Маку поручено было перевести ее за баварскую границу, чтобъ предупредить Наполеона. Суворовъ, Наполеонъ побѣждали стремительностію, умѣньемъ предупреждать непріятеля, нападать на него врасплохъ; стоило только принять такой же образъ дѣйствія, предупредить непріятеля, и Макъ становился Суворовымъ, Наполеономъ! Но дѣйствительно ли Макъ предупреждалъ Наполеона? Въ Вѣнѣ по крайней мѣрѣ думали, что «театральный монархъ», какъ тамъ величали Наполеона, ничего не знаетъ, ни къ чему не готовъ, или бездѣйствуетъ, потерявъ голову отъ стыда и затруднительности положенія.

Императоръ Александръ былъ изумленъ такою энергіею и поспѣшностію Австріи! Столько времени на его увѣщанія къ войнѣ былъ одинъ отвѣтъ: «не готовы и раньше весны 1806 года готовы быть не можемъ». Русскій государь былъ въ полной увѣренности, что раньше этого срока войны не будетъ, обѣщалъ Штуттергейму не торопиться, а теперь принужденъ былъ спѣшить, спѣшить двумя дѣлами:—и отправленіемъ войска на помощь Австріи, и склоненіемъ Пруссіи ко вступленію въ коалицію.

Въ августѣ императоръ послалъ королю письмо, въ которомъ предлагалъ личное свиданіе на границахъ, снова говорилъ о необходимости приступить къ коалиціи и требовалъ согласія на проходъ своихъ войскъ черезъ прусскія владѣнія. Король отвѣчалъ, что согласенъ на первое, но никакъ не можетъ согласиться на послѣднее, ибо это «непремѣнно погубило бы Европу». Фридрихъ-Вильгельмъ спрашивалъ, какимъ образомъ императоръ Александръ, принявшій на себя прекрасную роль защитника международнаго права и особенно права нейтральныхъ государствъ, можетъ безъ малѣйшаго предлога нарушить право сосѣда и союзника, представляющаго оплотъ для безопасности сѣвера и говорившаго всегда языкомъ мира. Сильнѣйшее впечатлѣніе произведено было донесеніемъ Алопеуса 7 (19) сентября о разговорѣ своемъ съ Гарденбергомъ. Послѣдній передалъ русскому посланнику слова короля: «Если императоръ»,—говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ, — «намѣренъ принудить меня дѣйствовать противъ моихъ правилъ и нарушить законъ, который я самъ себѣ предписалъ, законъ—не подвергать моихъ народовъ бѣдствіямъ войны, то я скорѣе погибну, чѣмъ соглашусь на это. Но неужели возможно, чтобъ императоръ, котораго я считалъ своимъ первымъ другомъ, къ которому, Богъ свидѣтель, я питалъ довѣріе безпредѣльное,—возможно ли, чтобъ онъ употребилъ во зло это довѣріе? Еслибъ онъ нашелся въ опасности, еслибъ теперь, начавши великую борьбу, онъ испыталъ какое-нибудь бѣдствіе, то я полетѣлъ бы къ нему на помощь. Хотѣть заставить меня смотрѣть на вещи точно такъ, какъ онъ смотритъ,—это значитъ посягать на мою независимость. Но если я потеряю независимость, то какъ я осмѣлюсь взглянуть на изображенія моихъ предковъ, какъ мнѣ хотя минуту остановиться на мысли, что между ними былъ Фридрихъ II, Великій курфюрстъ [1]). Нѣтъ, если мнѣ суждено погибнуть, то погибну со славою; я паду жертвою моего довѣрія къ государю, который умѣлъ завоевать мое сердце». Алопеусъ донесъ также о словахъ короля, сказанныхъ генералу Кёкерицу: «Много государей погибло отъ страсти къ войнѣ; а я погибну оттого, что люблю миръ». Императоръ Александръ находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны такіе протесты Фридриха-Вильгельма; съ другой—въ Вѣнѣ и Лондонѣ заявлено, что Русскій государь *заставитъ* Пруссію приступить къ коалиціи; съ третьей стороны, разумѣется, Чарторыйскій настаивалъ на вступленіи въ Пруссію и поднятіи поляковъ. Александръ былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія самымъ главнымъ союзникомъ. Штуттергеймъ сталъ дѣлать сильныя представленія противъ войны съ Пруссіею. «Но это значитъ меня компрометтировать»,—возражалъ Александръ,—«нѣтъ, я не могу отступить; если я могу возвратить вамъ Силезію, то вы можете на меня положиться». Пришли депеши изъ Вѣны съ такими же отсовѣтованіями нападать на Пруссію; Штуттергеймъ усилилъ свои представленія; наконецъ Чарторыйскій подался. Этого только, разумѣется, и нужно было: русскія войска были задержаны на границѣ впредь до личнаго свиданія государей; да скоро трудно стало думать о войнѣ съ Пруссіею, когда узнали о быстрыхъ движеніяхъ Наполеона.

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ думали, что «театральный императоръ» находится въ бездѣйствіи, Наполеонъ съ необыкновенною скрытностію и быстротою двигалъ свои войска на востокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ очень радъ этой континентальной войнѣ, ибо сосредоточеніе силъ на берегахъ Атлантическаго океана, для преднамѣренной будто бы высадки въ Англію, не достигало цѣли; Англію нельзя было этою угрозою принудить къ миру, а высадку Наполеонъ не могъ не признавать предпріятіемъ отчаяннымъ. Теперь континентальная война давала ему отличный предлогъ покончить съ приготовленіями къ высадкѣ, которыя скоро грозили стать смѣшными, и нанести Англіи ударъ пораженіемъ коалиціи, о которой она такъ хлопотала. Это пораженіе было вѣрное въ глазахъ Наполеона: коалиція была неполная, Пруссія къ ней не приступала, Австрія же сдѣлала страшную ошибку, выдвинувъ часть своихъ войскъ за-границу и не дождавшись русской помощи. Въ концѣ сентября н. с. французскія войска стояли уже въ Швабіи и Франконіи, подъ начальствомъ самого Наполеона; курфюрсты Баденскій, Вюртембергскій и ландграфъ Дармштадтскій были за Францію; за нее же была и Баварія, несмотря на австрійскія угрозы. Пруссіи Наполеонъ опять предложилъ союзъ. «Заключать союзъ съ воюющею державою

---

[1]) Такъ называли обыкновенно знаменитаго курфюрста Бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма.

значитъ — принять участіе въ войнѣ»: — былъ отвѣтъ. Съ французской стороны соглашались договориться на основаніи нейтралитета Пруссіи, соглашались дать ей Ганноверъ подъ залогъ, соглашались на ея посредничество — все для того, чтобъ выиграть время. 1-го октября (н. с.) въ Шарлоттенбургѣ, въ присутствіи стараго вождя прусскихъ войскъ, герцога Брауншвейгскаго, была конференція, гдѣ Гарденбергъ предлагалъ не постановлять ничего съ Франціею до свиданія короля съ Русскимъ императоромъ, ибо послѣдній оскорбится такимъ постановленіемъ; занятіе Ганновера должно произойти съ согласія всѣхъ сторонъ. Король, противъ своего обыкновенія, обнаруживалъ въ конференціи нетерпѣніе и неудовольствіе: толковали о личномъ свиданіи его съ Русскимъ императоромъ, а онъ именно не хотѣлъ этого свиданія, боясь нравственнаго вліянія обаятельнаго друга болѣе, чѣмъ насильственнаго перехода русскихъ войскъ черезъ прусскія владѣнія; онъ предполагалъ въ послѣднюю минуту подъ какимъ-нибудь предлогомъ отказаться отъ свиданія и послать, вмѣсто себя, герцога Брауншвейгскаго. Предлогъ былъ уже придуманъ — болѣзнь ноги. Но Наполеонъ перемѣнилъ ходъ дѣла: по его приказанію, французскія войска, для удобства движенія противъ Австріи, нарушили нейтралитетъ Пруссіи, пройдя черезъ ея владѣнія (въ Аншпахѣ). Извѣстіе объ этомъ произвело страшное впечатлѣніе въ Берлинѣ. Король былъ въ отчаяніи: драгоцѣнный нейтралитетъ исчезъ; теперь нельзя было сказать Русскому императору, что со стороны Франціи не сдѣлано ничего, могущаго дать Пруссіи право объявить ей войну. Въ Пруссіи давно уже существовала такъ-называемая патріотическая партія, которая видѣла униженіе отечества въ равнодушіи къ захватамъ Наполеона: сама королева, двоюродный братъ короля, принцъ Людвигъ думали такимъ образомъ. Партія сдерживалась противнымъ образомъ мыслей короля; но теперь она возвысила голосъ и увеличилась въ числѣ. Неудовольствіе не могло уменьшиться, когда Наполеонъ, извиняясь, въ письмѣ къ королю, въ аншпахскомъ происшествіи, старался дать дѣлу такой видъ, какъ будто это была бездѣлица; когда Талейранъ написалъ, что виноватъ Берлинскій Кабинетъ, который все толковалъ о нейтралитетѣ сѣверной Германіи, тогда какъ прусскія владѣнія — Аншпахъ и Байрейтъ — находятся на югѣ, слѣдовательно внѣ демаркаціонной линіи.

Императоръ Александръ рѣшился пользоваться обстоятельствами. Прусскаго короля долго было дожидаться на границахъ, — императоръ самъ поѣхалъ къ Фридриху-Вильгельму и 25-го октября (н. с.) прибылъ въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ жителями съ необыкновеннымъ восторгомъ. Надобно было спѣшить привлеченіемъ Пруссіи въ коалицію и этимъ помочь Австріи, дѣла которой шли дурно. Французы перешли Дунай, поразили австрійцевъ въ трехъ сраженіяхъ, заняли Аугсбургъ и Мюнхенъ, а Макъ, придвинувшись къ Ульму изъ желанія предупредить Наполеона, затворился въ этомъ городѣ и спокойно смотрѣлъ, какъ непріятель окружалъ его со всѣхъ сторонъ. Послѣ побѣды, одержанной французами, подъ начальствомъ маршала Нея, при Эльхингенѣ, Макъ былъ совершенно запертъ, завелъ переговоры и сдался: 23,000 австрійскаго войска положило оружіе, французамъ досталось 59 пушекъ. 20-го октября сдался Макъ; 21-го — англійскій адмиралъ Нельсонъ истребилъ французско-испанскій флотъ при Трафальгарѣ и заплатилъ жизнію за побѣду; 25-го — пріѣхалъ Александръ въ Берлинъ и начались конференціи о томъ, какъ поправить континентальныя дѣла. Сначала шли они между Чарторыйскимъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ императоромъ, Гаугвицемъ и Гарденбергомъ; 28-го числа присутствовали императоръ, король и герцогъ Брауншвейгскій; 3-го ноября дѣло было кончено; государи ратификовали договоръ, извѣстный подъ именемъ Потсдамскаго: Прусскій король принималъ на себя посредничество между воюющими державами, но посредничество вооруженное, результатомъ котораго должно быть или непосредственное возстановленіе континентальнаго мира, или, въ случаѣ непринятія Франціею мирныхъ условій, дѣйствительное участіе Пруссіи въ войнѣ. Мирныя условія заключались въ томъ, что за Франціею оставалось все, полученное ею по Люневильскому и послѣдующимъ договорамъ; уничтожались только тѣ распоряженія Наполеона, которыя возбудили противъ него коалицію: возстановлялось независимое Сардинское королевство, выговаривалась независимость Голландіи, Швейцаріи, Неаполя и Германской имперіи; королевство Итальянское, которое названо было Ломбардскимъ для избѣжанія слишкомъ широкаго смысла, заключавшагося въ словѣ «итальянское», долженствовало быть независимо отъ Французской короны; наконецъ, выговаривалась неприкосновенность Турціи.

Обстоятельства представляли нѣчто новое противъ прежняго: Пруссія принимала рѣшительное положеніе, и, не согласившись на ея предложенія, Наполеону надобно было вести войну противъ небывалой еще коалиціи, что могло заставить его задуматься; но, съ другой стороны, нельзя было надѣяться, чтобъ Наполеонъ принялъ предложенія: это значило бы признаться, что испугался коалиціи, уничтожить обаяніе, которое онъ производилъ надъ французами, — обаяніе силы, незнающей препятствій, и это послѣ того, какъ народъ, находившійся подъ такимъ обаяніемъ, провозгласилъ его императоромъ. И побѣжденный — Наполеонъ не могъ принять потсдамскихъ условій, а теперь онъ блистательно началъ кампанію: на сторонѣ французовъ бодрость, возбужденная успѣхомъ; на сторонѣ противниковъ упадокъ духа — слѣдствіе ульмскаго позора. Коалиція опасна; но она еще не вполнѣ образовалась: Пруссія еще не объявляла войны, и нѣтъ сомнѣнія, что Фридрихъ-Вильгельмъ войны не хочетъ попрежнему, онъ подвергся нравствен-

*

ному насилію; Пруссія не вступила прямо въ коалицію, согласилась только на вооруженное посредничество, и здѣсь уже видна ясно уступка Александра своему другу; здѣсь слабое мѣсто, которымъ легко воспользоваться; австрійцы—старые знакомые, ихъ бояться нечего; русскіе—враги новые; но кто ими предводительствуетъ? И притомъ — въ соединеніи два чуждыхъ другъ другу войска, два императора:— сколько интересовъ и страстей въ столкновеніи!

Очень важно было то, кто будетъ присланъ къ Наполеону съ мирными предложеніями изъ Берлина: если это будетъ человѣкъ изъ патріотической партіи, желающей вступленія Пруссіи въ коалицію, то онъ повернетъ дѣло быстро и непріятнымъ для Наполеона образомъ, предложивъ вопросъ: миръ на извѣстныхъ условіяхъ или война? и не входя въ дальнѣйшія объясненія. Но Фридрихъ-Вильгельмъ, именно не хотѣвшій крутаго поворота дѣла, не хотѣвшій, боявшійся попрежнему войны, выбралъ человѣка, въ которомъ былъ увѣренъ, что не доведетъ дѣла до крайности, сумѣетъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы выгородить Пруссію съ ея интересами; кого же онъ могъ выбрать лучше, какъ не несравненнаго графа Гаугвица, полнаго своего представителя, свой портретъ относительно политическихъ воззрѣній. Странно, что императоръ Александръ не настоялъ на выборѣ другого лица для посылки къ Наполеону, тѣмъ болѣе что онъ, пріѣхавши въ Берлинъ, явно обнаружилъ свое нерасположеніе къ Гаугвицу и благосклонность къ Гарденбергу. Въ Петербургѣ были невѣрно извѣщены о положеніи партій въ Берлинѣ и считали Гаугвица съ Ломбардомъ главами французской партіи; но мы видѣли, что Гаугвицъ если принадлежалъ къ какой-нибудь партіи,—то къ королевской, стоялъ за нейтралитетъ, за миръ во что бы то ни стало, совѣтовалъ ни подъ какимъ видомъ не разрывать съ Россіею, тогда какъ Гарденбергъ, ратуя противъ нейтралитета, вовсе не настаивалъ на необходимости держаться Россіи. Теперь Гаугвицъ ѣхалъ къ Наполеону для исполненія королевскихъ желаній, но, разумѣется, не безъ горечи противъ коалиціи, потому что былъ сильно оскорбленъ холодностію главы ея.

Коалиція была неполная; присоединеніе Пруссіи предполагалось еще въ будущемъ; дѣйствія союзниковъ начаты были недружно; Австрія, не дожидаясь русскихъ войскъ, выдвинула свои въ Баварію и потерпѣла уже страшное пораженіе. Недостатокъ полководца, котораго можно было бы противопоставить Наполеону, привелъ императора Александра къ мысли о вызовѣ знаменитаго французскаго генерала Моро, изгнаннаго Наполеономъ въ Америку за участіе въ роялистскомъ заговорѣ; но Моро не поспѣлъ бы во всякомъ случаѣ; надобно было употребить въ дѣло остатки екатерининскихъ, суворовскихъ временъ. Имя перваго русскаго генерала, которое услыхалъ Наполеонъ, было имя Кутузова. Человѣкъ, которому послѣ суждено было проводить завоевателя изъ Россіи, долженъ былъ теперь встрѣтить его въ Баваріи. При несчастной непредвидѣнной поспѣшности, съ какою Австрія начала войну, русское войско должно было не идти, а бѣжать ей на помощь. Русскіе прибѣжали на Иннъ въ ненастье, по грязнымъ дорогамъ, въ очень некрасивомъ видѣ, въ изношенномъ платьи, босые,—и отовсюду дурные слухи, союзники дали себя разбить, теперь вся тяжесть ударовъ побѣдителя падетъ на русскія плечи. Естественно, русскіе не могли отнестись благопріятно къ австрійцамъ, тѣмъ болѣе что память о послѣднемъ походѣ Суворова, о его отношеніяхъ къ австрійцамъ, была жива. Русскіе презрительно относились къ людямъ, «привыкшимъ битыми быть», по выраженію Суворова; австрійцы, въ отместку, называли ихъ словомъ, которое первое попадается на языкъ западнаго европейца, когда онъ недоволенъ русскими,—называли ихъ варварами, смѣялись надъ недостаткомъ у нихъ военной выправки. Русскіе должны были отступать, сдерживая и отбиваясь отъ превосходнаго числомъ непріятеля; маршалу Мортье сильно досталось отъ Кутузова при Дюрренштейнѣ: услыхали о давно неслыханномъ дѣлѣ, о разбитіи французовъ; самъ Наполеонъ назвалъ битву рѣзнею. Такая же рѣзня произошла при Шёнграбенѣ, гдѣ умѣлъ отбиться знаменитый суворовецъ, князь Багратіонъ, оставленный, по словамъ Кутузова, на неминуемую гибель для спасенія арміи. Багратіонъ не погибъ, а армія была спасена отступленіемъ въ Моравію, гдѣ съ нею соединились другія русскія войска, только-что прибывшія изъ Россіи, и небольшой австрійскій корпусъ, отступившій отъ Вѣны, которая была уже занята французами. Союзники стояли у Ольмюца, куда пріѣхали и оба императора — Александръ и Францъ; Наполеонъ занялъ Брюннъ. Союзники рѣшили идти къ нему навстрѣчу, и 20-го ноября встрѣтились у Аустерлица. Наполеонъ побѣдилъ; изъ рядовъ русскаго войска выбыло слишкомъ 20,000 человѣкъ.

Въ нашу задачу не входитъ подробное описаніе и обсужденіе военныхъ дѣйствій; но всякое явленіе должно быть уяснено въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, должно быть уяснено въ той степени, въ какой обнаруживаетъ характеры дѣйствующихъ лицъ, ихъ отношенія и взгляды, въ какой имѣетъ вліяніе на послѣдующія отношенія ихъ и взгляды. Позоръ пораженія послѣ екатерининскихъ войнъ, послѣ суворовскаго похода въ Италію, не могъ быть перенесенъ равнодушно современниками; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они должны были съ чрезвычайною страстностію искать виноватаго, накидываясь на перваго встрѣчнаго, не будучи въ состояніи выслушивать оправданій, изслѣдовать дѣло безпристрастно и спокойно. Разумѣется, прежде всего стали виноваты союзники—австрійцы. Мы не станемъ останавливаться на обвиненіяхъ, что австрійцы изъ вражды къ

русскимъ, открыли Наполеону планъ сраженія и т. п.; но не подлежитъ сомнѣнію, что австрійцы испортили кампанію въ самомъ началѣ, выдвинувши свои войска въ Баварію, не дожидаясь прихода русскихъ, и если это дѣйствіе объясняется желаніемъ предупредить Наполеона, то трудно не предположить здѣсь и другого желанія—заручиться успѣхомъ до прихода русскихъ войскъ, чтобы смыть позоръ прежнихъ неудачъ и не дать утвердиться мнѣнію, что успѣхъ для Австріи возможенъ только при чужой помощи. Мы видимъ любопытное явленіе, которое не останется одинокимъ: противъ войны былъ извѣстный своими способностями полководецъ, завѣдывавшій военною частію въ имперіи, эрцгерцогъ Карлъ, тогда какъ за войну былъ преимущественно министръ иностранныхъ дѣлъ, Кобенцль, потому что для послѣдняго было невыносимо тяжело невыгодное положеніе Австріи въ политической системѣ Европы;—это, при своей должности, онъ долженъ былъ чувствовать ежедневно, и война представлялась единственнымъ выходомъ; Кобенцль поддерживалъ и превозносилъ похвалами Мака въ его поспѣшныхъ распоряженіяхъ. Но въ Россіи обвиняли не Кобенцля, а русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго: зачѣмъ онъ не доносилъ своему правительству объ ошибкахъ австрійскаго, зачѣмъ не протестовалъ противъ перехода австрійскихъ войскъ черезъ Иннъ, какъ будто невоенный человѣкъ могъ рѣшиться протестовать противъ военныхъ распоряженій, протестовать противъ того, къ чему Россія постоянно побуждала Австрію. Сильно нарекали на завѣдывавшаго иностранными дѣлами въ Россіи, кн. Чарторыйскаго; но его заподозрѣвали вообще, какъ поляка, въ непріязни къ Россіи; въ печальномъ же окончаніи коалиціи онъ виноватъ не былъ. Черторыйскій, оскорбленный обвиненіями, написалъ императору Александру длинное письмо, гдѣ, оправдывая себя, главнымъ виновникомъ бѣды выставилъ самого императора. По его мнѣнію, Александръ былъ виноватъ, вопервыхъ, въ томъ, что не послушался его совѣта и не вторгнулся съ войскомъ въ Пруссію для возстановленія Польши, а во-вторыхъ,—въ томъ, что поѣхалъ самъ къ дѣйствующей арміи, гдѣ его пребываніе, вмѣсто пользы, приносило только вредъ. На первомъ обвиненіи намъ останавливаться не нужно: оно показываетъ пунктъ помѣшательства, очень непріятный въ русскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Но второе обвиненіе имѣетъ за себя кажущуюся правду. Если бы, по мнѣнію Чарторыйскаго, главнокомандующій Кутузовъ былъ предоставленъ самому себѣ, не стѣснялся присутствіемъ государя, то, отличаясь прозорливостію, онъ сталъ бы избѣгать сраженія до вступленія Пруссіи въ коалицію. Таково было именно мнѣніе Кутузова. Въ интересахъ Бонапарта было не терять времени, въ нашихъ интересахъ—длить время; онъ имѣлъ всѣ причины желать рѣшительнаго сраженія, союзники — всѣ причины избѣгать его. Надобно было утомлять непріятеля частными битвами, не вводя въ бой главныя силы, идти въ Венгрію и войти въ сношеніе съ нетронутыми австрійскими корпусами. Итакъ, Чарторыйскій указываетъ намъ человѣка, по мнѣнію котораго не должно было давать сраженія подъ Аустерлицемъ: этотъ человѣкъ былъ *главнокомандующій* Кутузовъ, и мнѣніе главнокомандующаго не было принято! Зачѣмъ же онъ послѣ того оставался главнокомандующимъ? Самъ императоръ Александръ оставилъ намъ свидѣтельство, почему мнѣніе главнокомандующаго не было принято: «Я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть настойчивѣе». Вина, слѣдовательно, заключалась въ Кутузовѣ, который ненастойчиво проводилъ свое мнѣніе и тѣмъ обнаружилъ недостатокъ гражданскаго мужества. Разсказывали, что наканунѣ сраженія Кутузовъ пришелъ къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому и сказалъ: «Уговорите государя не давать сраженія, мы его проиграемъ».—«Мое дѣло знать соусы да жаркія», — отвѣчалъ Толстой; — «война — ваше дѣло». Этой неискренности подъ Аустерлицемъ приписывали послѣдующее нерасположеніе императора къ Кутузову. Но имѣемъ ли мы право предположить у Кутузова въ такой степени недостатокъ гражданскаго мужества? Дѣйствительно ли онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи изъ нежеланія, изъ страха противорѣчить государю, желавшему сраженія? Подобно эрцгерцогу Карлу, Кутузовъ не разсчитывалъ на успѣхъ при встрѣчѣ съ Наполеономъ; но какъ не встрѣтиться! Трудность рѣшенія этого вопроса понималъ лучше другихъ Кутузовъ, знавшій, что въ интересахъ Наполеона было именно дать сраженіе, и знавшій, какъ трудно заставить Наполеона отказаться отъ своего желанія въ пользу враговъ. Уклониться отъ рѣшительной битвы, когда такой полководецъ, какъ Наполеонъ, ея хочетъ,—трудно, невозможно; надобно отступить; но для этого надобно имѣть планъ отступленія, надобно знать, куда отступать, съ какими средствами, и какія средства можно найти въ странѣ, куда будетъ направлено отступленіе. Отступать въ Венгрію: но что такое Венгрія? Не надобно забывать, что русскій главнокомандующій былъ въ чужой странѣ, ходилъ ощупью, въ потьмахъ; начальникомъ штаба былъ у него австрійскій полковникъ Вейнротеръ, потому что хорошо зналъ мѣстность; австрійцы своими искусными распоряженіями уже заморили голодомъ русское войско въ Моравіи: лучше ли будетъ въ Венгріи? И главное: хотѣли ли австрійцы отступленія, продленія войны? Они этого не хотѣли; они были утомлены войною во всѣхъ отношеніяхъ, и, такъ или иначе, желали ея окончанія; выдерживать Австрія не умѣла, не привыкла, народной войны боялась: въ 1797 году въ подобномъ же положеніи австрійскій министръ Коллоредо произнесъ знаменитыя слова: «Побѣдоносному врагу

зажму я ротъ одною провинціею, но народъ вооружить—значитъ тронъ низвергнуть». Австрійцы желали рѣшительнаго сраженія и надѣялись на его успѣхъ: дѣйствія русскихъ войскъ при Дюрренштейнѣ и Шёнграбенѣ служили основаніемъ этой надеждѣ. Но теперь легко представить положеніе императора Александра, русскаго главнокомандующаго и всѣхъ русскихъ: австрійцы желаютъ сраженія; русскіе, пришедшіе къ нимъ на помощь, русскіе, знаменитые своею храбростію, вдругъ станутъ уклоняться отъ битвы, требовать отступленія, обнаружатъ трусость предъ Наполеономъ! Всякій долженъ чувствовать, что въ такомъ положеніи ничего подобнаго нельзя было требовать отъ Александра и окружавшихъ его; нельзя было требовать отъ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, колебанія,—и здѣсь, въ этомъ положеніи предъ австрійцами, желающими сраженія, основаніе того воинственнаго задора, за который такъ щедро теперь упрекаютъ императора Александра и его приближенныхъ. Всякій долженъ чувствовать, что Кутузовъ также не могъ настаивать на уклоненіи отъ сраженія, на отступленіи, ибо видѣлъ, что на устахъ каждаго русскаго готовый отвѣтъ: «Да, вѣдь, это позоръ для насъ; и войско упадетъ духомъ, если заставить его отступать». Наконецъ, надобно прибавить и сильную физическую причину, заставлявшую спѣшить сраженіемъ: голодъ. Есть извѣстіе, что солдаты по два дня не ѣли; что на обѣдѣ у императора одинъ жареный гусь подавался на 20 человѣкъ.

Но писателямъ исторій непремѣнно надобно было найти одного какого-нибудь человѣка и сложить на него вину Аустерлица. Подъ руку попался имъ генералъ-адъютантъ императора Александра, князь Петръ Петровичъ Долгорукій, который передъ сраженіемъ былъ отправленъ къ Наполеону для переговоровъ. Князь Долгорукій обвиненъ въ томъ, что держалъ себя гордо передъ Наполеономъ, раздражалъ его, отнялъ всякую возможность къ дальнѣйшимъ переговорамъ. Но для Наполеона были горды, раздражали его и Колычевъ и Морковъ; его могли не раздражать только люди, пресмыкавшіеся предъ нимъ, уступавшіе всѣмъ его требованіямъ, доступные обаянію его звонкихъ, пестрыхъ рѣчей. Князь Долгорукій не позволилъ себѣ ничего болѣе, кромѣ предложенія условій, измѣнять которыя не имѣлъ никакого права. Разговоръ его съ Наполеономъ для насъ важенъ потому, что въ немъ обнаружилось все различие во взглядѣ между соперниками. Наполеонъ не могъ или не хотѣлъ понять, чтобъ Русскій государь могъ вести войну за независимость державъ, за возстановленіе политическаго равновѣсія въ Европѣ, нарушеннаго захватами Франціи; не хотѣлъ допустить, чтобъ Русскій государь владѣлъ тою широтою взгляда, по которой онъ долженъ былъ предупреждать опасность, какою восточной Европѣ, Россіи, грозило образованіе имперіи Карла-Великаго на Западѣ Европы. Наполеонъ привыкъ имѣть дѣло съ державами, для которыхъ первый и послѣдній вопросъ былъ: «Что мнѣ тутъ взять? что мнѣ за это дадутъ?» Онъ предполагалъ то же самое и въ побужденіяхъ Александра.—«Зачѣмъ мы ведемъ войну; какія существуютъ могущественныя причины, заставляющія Францію и Россію драться другъ съ другомъ? Я этого не понимаю»: вотъ слова, которыми Наполеонъ встрѣтилъ Долгорукаго. — «Цѣлый свѣтъ знаетъ эти причины, ихъ повторять не нужно»,—отвѣчалъ Долгорукій.

Наполеонъ. Нѣтъ ничего легче, какъ возстановить согласіе между мною и императоромъ Александромъ: хочетъ онъ Валахіи?—стóитъ ему только объ этомъ вымолвить слово, и дѣло будетъ улажено.

Долгорукій. У императора Александра достаточно земель, и онъ намѣренъ охранять цѣлость Порты; у него другія цѣли: возстановленіе равновѣсія въ Европѣ, независимость Голландіи и Швейцаріи.

Наполеонъ. Развѣ эти страны не независимы? У меня нѣтъ ни одного солдата въ Швейцаріи; впрочемъ, все это можно уладить.

Долгорукій. Возстановленіе короля Сардинскаго...

Наполеонъ. Король Сардинскій—мой личный врагъ; я не могу терпѣть его въ Италіи; впрочемъ, можно согласиться вознаградить его гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ.

Долгорукій. Однако ваше величество обѣщали это въ заключенномъ съ Россіею договорѣ?

Наполеонъ. Но подъ какимъ условіемъ это было обѣщано?—чтобъ императоръ Александръ помогъ мнѣ ограничить морское владычество англичанъ. Россія не сдержала своего слова, и я свободенъ отъ своего... Итакъ, мы будемъ драться.

Наполеонъ долго хвалился аустерлицкимъ солнцемъ; оно сіяло ему—до самаго московскаго зарева. Для Александра съ Аустерлица начинается рядъ тяжкихъ испытаній въ продолженіи почти семи лѣтъ.

IV.

Вторая коалиція.

Неизвѣстно, что намѣревались дѣлать въ австрійскомъ лагерѣ въ случаѣ удачи среженія; но очевидно, что, въ случаѣ неудачи, было рѣшено покончить войну на какихъ бы то ни было условіяхъ. На другой день послѣ Аустерлицкой битвы, императоръ Францъ послалъ уже съ мирными предложеніями къ Наполеону; императора Александра онъ просилъ позволить ему заключить миръ. «Дѣлайте, какъ хотите»,—отвѣчалъ Александръ:—«только не вмѣшивайте меня ни подъ какимъ видомъ». На слѣдующій день, 22 ноября, произо-

шло личное свиданіе между Францемъ и Наполеономъ, которому прежде всего нужно было не только разорвать коалицію въ настоящемъ, но и предупредить возможность ея въ будущемъ: онъ потребовалъ, чтобъ русское войско вышло немедленно изъ австрійскихъ владѣній, причемъ внушалъ Францу, что странно было бы для Австріи соединяться съ Россіею, которая одна можетъ вести войну по прихотямъ своей фантазіи; послѣ пораженія русское войско спокойно возвратится въ свои степи, а союзникъ поплатится областями. Русское войско ушло, Австрія поплатилась. Отъ нея потребовали: чтобъ она отдала Франціи Венецію и венеціанскія области на твердой землѣ, признала Наполеона королемъ Италіи; Тироль, который справедливо сравниваютъ съ громадною естественною крѣпостью, имѣющею великое значеніе для того, кто ею владѣетъ, Тироль съ Форарльбергомъ Австрія должна была уступить Баваріи; другія владѣнія свои въ областяхъ Верхняго Дуная и Рейна должна была уступить Виртембергу и Бадену, - должна была, такимъ образомъ, заплатить всѣмъ этимъ германскимъ владѣніямъ за союзъ ихъ съ Наполеономъ противъ нея, лишилась всего 1,114 квадратныхъ миль и 2.785,000 жителей. У Австріи, впрочемъ, былъ доброжелатель подлѣ Наполеона, составитель широкихъ политическихъ плановъ, знаменитый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ. Послѣ Аустерлица онъ написалъ Наполеону: «Въ волѣ вашего величества теперь или разбить Австрійскую монархію, или возстановить ее. Существованіе этой монархіи въ ея массѣ (dans sa masse) необходимо для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ; умоляю ваше величество перечитать проектъ, который я имѣлъ честь отправить вамъ изъ Страсбурга». По этому проекту Австрія должна была лишиться и Венеціи, и Тироля, и швабскихъ земель; но должна была получить вознагражденіе. Впервые, по плану Талейрана, Австрія возводилась въ Дунайское государство—чинъ, которымъ ее жалуютъ и теперь, желая, чтобы она скорѣе убралась изъ Германіи, и въ то же время считая ее необходимою для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ. Талейранъ отдавалъ Австріи Сербію, Молдавію, Бессарабію и сѣверную часть Болгаріи. А почему Талейранъ считалъ Австрію, какъ Дунайское государство, необходимою для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ,—это вытекало изъ того, что самая опасная соперница Франціи, а слѣдовательно самый опасный врагъ цивилизаціи, была Россія, которая рано или поздно должна была завоевать Турцію; поэтому надобно вдвинуть между Россіею и Турціею Австрію, которая, такимъ образомъ, станетъ соперницею Россіи, союзницею Франціи и обезпечитъ Портѣ безопасность и долгое будущее. Англія не найдетъ болѣе союзниковъ на континентѣ, а если и найдетъ, то безполезныхъ, русскіе, запертые въ своихъ степяхъ, бросятся на южную Азію, тамъ столкнутся съ англичанами и, вмѣсто настоящаго союза, произойдетъ между ними вражда.

Талейранъ прежде всего желалъ обезпеченія для Франціи существующаго порядка, столь и для него самого выгоднаго; поэтому естественно онъ желалъ, чтобы новая Франція пріобрѣла для себя въ Европѣ друзей, а не враговъ только, и самою возможною союзницею, по соображеніямъ настоящаго и прошедшаго, казалась ему Австрія, особенно когда отнималось яблоко раздора—Италія. Талейранъ хотѣлъ сказать: довольно, будетъ съ насъ, пора перестать пріобрѣтать, надобно заняться упроченіемъ пріобрѣтеннаго; но говорить это Наполеону—значило говорить глухому. Наполеонъ былъ человѣкъ борьбы и безъ борьбы существовать не могъ; богатырь только-что расходился, ему нужны были враги для борьбы, а не друзья, не союзники постоянные. Онъ старался заключать союзы то съ тѣмъ, то съ другимъ государствомъ, но для того, чтобъ въ извѣстное время, передъ борьбою, ослабить, разорвавъ союзъ, противъ него направленный,—все это было на время только, для удобства борьбы; мысль о чемъ-нибудь постоянномъ, прочномъ, объ окончаніи, успокоеніи была ему противна; въ талейрановскихъ планахъ и внушеніяхъ слышалось ему *memento mori*. Здѣсь начало разлада между нимъ и Талейраномъ, который своими широкими планами становился въ его глазахъ причастнымъ грѣху непростительному: грѣхъ этотъ Наполеонъ называлъ *идеологіею*; другое дѣло обѣщать, показать красивую приманку въ будущемъ, чтобъ заставить согласиться на требованія въ настоящемъ,—и Наполеонъ позволяетъ Талейрану, при переговорахъ съ австрійскими уполномоченными, обѣщать имъ земли по Нижнему Дунаю, даже земли отъ Пруссіи, которая должна получить Ганноверъ, если только они заключатъ какъ можно скорѣе миръ на требуемыхъ условіяхъ. Но удочка была закинута понапрасну: у австрійскаго правительства уже составилось убѣжденіе, что «Турецкая имперія во всей своей цѣлости необходима для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ»; что надобно всѣми силами защищать драгоцѣнное владычество османовъ на Балканскомъ полуостровѣ отъ посягновеній Россіи; а теперь заставляютъ саму Австрію посягнуть на цѣлость владѣній Порты и навлечь на себя вражду Россіи. Напуганные австрійцы отвѣчали, что никакъ не могутъ на это согласиться, ибо слѣдствіемъ будетъ разрывъ Австріи съ Россіею. Тщетно Талейранъ увѣрялъ, что опасности никакой нѣтъ; что Франція гарантируетъ будущія нижнедунайскія владѣнія Австріи; тщетно заявлялъ, какъ онъ, Талейранъ, стоитъ за союзъ Франціи съ Австріею, какъ онъ говорилъ Наполеону: мы будемъ воевать съ Австріею, а кончимъ союзомъ съ нею. «Спѣшите заключеніемъ мира»,—говорилъ Талейранъ, — «у Наполеона приходитъ аппетитъ въ то время, какъ онъ ѣстъ». Австрійскіе уполномоченные не соглашались; они тянули время

въ надеждѣ на Пруссію, которая своимъ грознымъ положеніемъ могла бы сдержать требовательность Наполеона; но когда эта надежда исчезла, австрійцы принуждены были согласиться на всѣ требованія съ французской стороны и заключить миръ въ Пресбургѣ 14 (26) декабря 1805 года.

Посылка Гаугвица съ мирными условіями и съ объявленіемъ войны въ случаѣ ихъ непринятія императоромъ французовъ уже показывала, что въ дѣйствіяхъ Пруссіи не будетъ ничего рѣшительнаго. Гаугвицъ, вѣрный представитель короля, поѣхалъ не за тѣмъ, чтобъ вовлечь немедленно Пруссію въ войну съ побѣдителемъ, какимъ былъ Наполеонъ и до Аустерлица: Гаугвицу прежде всего хотѣлось выждать, какъ пойдетъ дѣло, и по этому ходу располагать свои дѣйствія. Фридрихъ-Вильгельмъ боялся войны—и въ случаѣ побѣды Наполеона, и въ случаѣ побѣды союзниковъ, которые, приписывая однимъ себѣ весь успѣхъ дѣла, возьмутъ себѣ львиную часть; Гаугвичъ боялся войны въ томъ и другомъ случаѣ, да еще боялся Фридриха-Вильгельма. Отъ этого страха образъ его дѣйствій совершенно совпадалъ съ образомъ дѣйствій Наполеона, которому нужно было протянуть время, не доходить съ прусскимъ уполномоченнымъ до рѣшительныхъ объясненій, не допустить такимъ образомъ коалиціи до полноты, и, пользуясь этою неполнотою, разбить союзниковъ, принудить Австрію къ миру и тогда уже легко раздѣлаться съ одною Пруссіею такъ или иначе. Гаугвицъ не очень торопился сборомъ въ дорогу, не очень торопился и въ дорогѣ. Въ Прагѣ получилъ онъ извѣстіе о дюрренштейнской рѣзнѣ и поспѣшилъ въ письмѣ къ королю ослабить впечатлѣніе, какое это дѣло могло произвести: «хотя русское войско и отличилось, но все же оно принуждено отступать»; Гаугвицъ поддерживалъ въ королѣ страхъ передъ Наполеономъ или, лучше сказать, подлаживался подъ этотъ страхъ; онъ писалъ: «Напрасно обвиняютъ великаго полководца, зачѣмъ онъ отъ Рейна прорвался къ границѣ Венгріи, гдѣ предстоитъ ему опасность быть отрѣзаннымъ и уничтоженнымъ; онъ не пойдетъ въ Венгрію, ибо знаетъ трудности похода въ этой странѣ; онъ идетъ за врагами въ Моравію, и если непріятельское войско отступитъ, то онъ вторгнется въ Силезію и по теченію Одера откроетъ себѣ дорогу черезъ прусскія владѣнія, гдѣ не встрѣтитъ сопротивленія, ибо прусское войско разсѣяно на обширномъ пространствѣ отъ Майна до Лузаціи». Этимъ внушеніемъ Гаугвицъ заранѣе оправдывалъ свое намѣреніе не торопиться рѣшительнымъ объясненіемъ съ Наполеономъ, чтобъ не подвергнуть Пруссію опасности въ случаѣ побѣды французовъ или отступленія русскихъ въ Венгрію. Король, разумѣется, заранѣе былъ согласенъ со своимъ любимымъ министромъ. Тщетно императоръ Александръ писалъ ему съ жалобами на медленность Гаугвица; тщетно льстилъ по поводу стойкости прусскаго войска: «Мы не недостойны имѣть союзникомъ государя, у котораго такое знаменитое войско, какъ ваше»:—все напрасно; король отвѣчалъ, что занимается собираніемъ войска въ ожиданіи исхода переговоровъ графа Гаугвица, который прибылъ, наконецъ, въ Брюннъ къ Наполеону, употребивши 14 дней на проѣздъ изъ Берлина въ этотъ городъ. Разумѣется, онъ предложилъ посредничество Пруссіи, но не заявилъ ничего рѣшительнаго; Наполеонъ отправилъ его въ Вѣну къ Талейрану: тотъ разсыпался передъ нимъ въ учтивостяхъ, и Гаугвицъ очень пріятно провелъ время въ ожиданіи, чѣмъ кончится дѣло въ Моравіи. Дѣло кончилось Аустерлицемъ, и когда Наполеонъ возвратился оттуда въ Вѣну,—Гаугвицъ явился поздравить его съ побѣдою. Наполеонъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ успѣхъ не смягчаетъ. У него сильно кипѣло на сердцѣ, страшно хотѣлось распечь Гаугвица, т. е. правительство прусское: какъ оно осмѣлилось оскорбиться нарушеніемъ нейтралитета съ его стороны; какъ оно осмѣлилось стать въ отношеніи къ нему въ грозное положеніе, предлагать ему мирныя условія; какъ осмѣлилось дать увлечь себя такъ-называемымъ патріотамъ и, подъ вліяніемъ царя, подписать Потсдамскій договоръ. Но, съ другой стороны, миръ съ Австріею еще не былъ заключенъ, разрывъ съ Пруссіею могъ повести къ возстановленію тройной коалиціи, тогда какъ теперь представлялся удобный случай уничтожить возможность подобной коалиціи на будущее время: Пруссія, испуганная Аустерлицемъ, не полагаясь болѣе ни на Россію, ни на Австрію, одинокая, согласится на союзъ съ Франціею, закабалитъ себя за Ганноверъ и останется навсегда въ рабствѣ, ибо за Ганноверъ перессорится со всѣми. Если же и теперь окажетъ колебаніе, станетъ опять толковать о нейтралитетѣ, то надобно раздавить ее какъ можно скорѣе, ибо никто за нее не заступится; Австрія, заключивши миръ, не начнетъ вдругъ новой войны,—у Россіи въ свѣжей памяти Аустерлицъ.

Въ Шёнбруннскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ, въ кабинетѣ знаменитой императрицы-королевы Маріи-Терезіи, Наполеонъ принялъ Гаугвица, принялъ ласково. Гаугвицъ, человѣкъ хорошій, мягкій, уступчивый, все говоритъ, что онъ преданъ Франціи; онъ еще недавно пострадалъ за это, получивъ оскорбительно-холодный пріемъ отъ императора Александра: какое теперь торжество для него получить совершенно другой пріемъ отъ аустерлицкаго побѣдителя! Но видно было, что Наполеонъ, лаская Гаугвица, насилу сдерживался,—и вдругъ переходъ къ королю: «Почетнѣе было бы для вашего государя прямо объявить мнѣ войну; онъ бы этимъ услужилъ своимъ новымъ союзникамъ; я бы дважды подумалъ прежде, чѣмъ дать сраженіе. Но вы хотите быть союзниками цѣлаго свѣта,—такъ нельзя: надобно выбирать между ними и мною. Будьте со мною искренни, или я съ вами разстанусь. Я предпочи-

таю открытыхъ враговъ ложнымъ друзьямъ. Я бы могъ отмстить вамъ, занять Силезію, поднять Польшу и нанести Пруссіи такіе удары, отъ которыхъ она никогда бы не оправилась. Но я хочу забыть прошлое и явиться великодушнымъ; я прощаю за минутное увлеченіе, но съ однимъ условіемъ: чтобъ Пруссія соединилась съ Францією самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ союзомъ и взяла Ганноверъ». Гаугвицъ былъ смущенъ этимъ предложеніемъ, зная, что оно не понравится королю, сталъ отговариваться неимѣніемъ инструкцій; но Наполеонъ стоялъ на-своемъ: или союзъ и Ганноверъ, или война,—и тутъ же новыя ласки относительно Гаугвица. Ласки не помогли бы, если бы, съ другой стороны, не велѣно было внушать Гаугвицу, какъ-будто подъ величайшимъ секретомъ, что уже все готово для прусской кампаніи, что французскія войска двинутся на Силезію. Но мы видѣли, что Гаугвицъ именно этого и боялся. Онъ рѣшился подписать союзный договоръ (15 декабря н. с.): Франція передавала всѣ свои права на Ганноверъ Пруссіи, которая за то уступала Аншпахъ въ пользу Баваріи, а княжество Невштательское прямо Франціи. Король могъ не утвердить договора, а между тѣмъ время было выиграно, Пруссія была избавлена отъ внезапнаго нашествія. Но дѣло въ томъ, что заключеніемъ этого союза между Пруссією и Францією отнята была всякая надежда у Австріи на возможность продолжать войну или получить лучшія условія мира, и если Аустерлицкое сраженіе имѣло такія рѣшительныя слѣдствія, заставило Австрію заключить такой тяжелый для нея миръ и поставило очень скоро Пруссію въ еще болѣе тяжелое положеніе, такъ виною всему этому, разумѣется, была прусская политика, представителемъ которой былъ Гаугвицъ, вѣрный носитель королевскихъ мыслей и взглядовъ,—политика, благодаря которой коалиція оказалась неполною, что именно и нужно было для успѣховъ Наполеона. Съ прусской стороны явились упреки Русскому и Австрійскому императорамъ, зачѣмъ они рѣшились на битву, не дождавшись срока, назначеннаго королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ (именно 15 декабря н. с.) для движенія прусской арміи противъ французовъ, *если бы* Наполеонъ не принялъ мирныхъ условій, отправленныхъ къ нему съ Гаугвицемъ. Но могли ли императоры Александръ и Францъ разсчитывать на какіе-нибудь сроки, видя со стороны Гаугвица медленность и бездѣйствіе? И о событіяхъ послѣ сраженія не слѣдовало съ прусской стороны высказывать такихъ заключеній: «Положеніе дѣлъ вовсе не было отчаяннымъ. Перемиріе могло быть нужнымъ, можно было начать переговоры, причемъ графъ Гаугвицъ явился бы посредникомъ; императоръ Александръ долженъ былъ внушить мужество императору Францу, удержать короля Фридриха-Вильгельма при трактатѣ 3 ноября, ускорить военныя движенія Пруссіи». Но Австрія именно и длила переговоры затѣмъ, чтобы Гаугвицъ, наконецъ, явился посредникомъ; но онъ не явился, а заключилъ союзъ съ Францією, что и заставило Австрію отказаться отъ мысли о войнѣ. Надобно было вести мирные переговоры; но если первымъ условіемъ для этого было постановлено удаленіе русскихъ войскъ изъ австрійскихъ владѣній, то любопытно было бы знать, какъ императоръ Александръ могъ внушать мужество императору Францу? Что касается короля Фридриха-Вильгельма, то императоръ Александръ послѣ Аустерлица передалъ въ его распоряженіе русскія войска, находившіяся въ Селезіи и сѣверной Германіи, и далъ обѣщаніе помогать ему всѣми своими средствами, если король въ нихъ нуждается. Отъ императора Франца явился въ Берлинъ генералъ Штуттергеймъ и прямо объявилъ, что присланъ посмотрѣть, что сдѣлаетъ Пруссія; что его государь протянетъ мирные переговоры для узнанія королевскихъ рѣшеній: если король пожелаетъ помочь ему, то онъ не подчинится слишкомъ тяжелымъ условіямъ; но если будутъ медлить помощію, то это поставитъ въ необходимость заключить миръ. Помощь была замедлена, Гаугвицъ заключилъ союзъ съ Францією; Австрія должна была заключить миръ,—коалиція рушилась.

На письмо императора Александра, предлагавшаго всѣ свои средства въ помощь Пруссіи, король отвѣчалъ, что принимаетъ предложеніе съ благодарностью, потому что имѣетъ великую нужду въ помощи при такихъ трудныхъ и критическихъ обстоятельствахъ. Гарденбергъ на конференціи съ Алопеусомъ объявилъ, что король очень разсчитываетъ на помощь русскаго войска; но войска этого, находящагося въ Селизіи и сѣверной Германія, мало, такъ-что оно не можетъ уравновѣсить прусскія силы съ французскими; полагаться же на австрійцевъ было бы непростительною мечтою послѣ неоднократныхъ опытовъ: союзникъ слабый всегда служитъ не помощью, а бременемъ,—Австрія же представила доказательства своей слабости, чтобъ не сказать хуже, сообщивши Бонапарту Потсдамскій договоръ, и генералъ Штуттергеймъ говорилъ о союзѣ между Австріею и Францією, какъ о дѣлѣ возможномъ. Когда Алопеусъ спросилъ: «Въ случаѣ возобновленія войны, — признаетъ ли Прусскій король случай союза (casus fœderis), вытекающій изъ Потсдамскаго договора»?—то Гарденбергъ отвѣчалъ, что король не откажется отъ своихъ обязательствъ, основанныхъ на союзѣ и совершенномъ согласіи съ Петербургскимъ Дворомъ; но, вслѣдствіе всего случившагося, обязательства Потсдамскаго договора нуждаются въ большихъ измѣненіяхъ, о которыхъ съ прусской стороны всегда готовы войти въ соглашенія съ величайшимъ довѣріемъ.

Еще только новыя соглашенія! Но прежде,

чѣмъ эти новыя соглашенія могли начаться, пріѣхалъ графъ Гаугвицъ съ подписаннымъ имъ договоромъ оборонительнаго и наступительнаго союза между Пруссіею и Франціею. Нѣсколько дней совѣщались о судьбѣ этого удивительнымъ образомъ рожденнаго ребенка; наконецъ рѣшили усыновить его; король ратификовалъ договоръ, только съ нѣкоторыми объясненіями и ограниченіями: король соглашался на одинъ оборонительный союзъ, а не наступительный. Потомъ въ объяснительной запискѣ говорилось, что обязательства Пруссіи по этому договору начнутся только съ той минуты, когда миръ съ Австріею утвердитъ уступки этого Двора, а миръ съ Англіею утвердитъ пріобрѣтеніе Ганновера Пруссіею; но, въ ожиданіи этихъ мировъ и утвержденій, Прусскій король вступаетъ во владѣніе Ганноверомъ и отвѣчаетъ Франціи за спокойствіе сѣверной Германіи, и только когда Ганноверъ сдѣлается собственностью короля, вслѣдствіе мира между Франціею и Англіею, Пруссія немедленно сдѣлаетъ съ своей стороны уступки, обозначенныя въ договорѣ. Неизмѣненнымъ осталось условіе договора, по которому Франція и Пруссія гарантировали независимость и цѣлость Оттоманской имперіи, — условіе, служившее Наполеону вѣрнымъ средствомъ поссорить Пруссію съ Россіею, у которой уже начинались враждебныя отношенія къ Турціи. Гарденбергъ упрекалъ своего соперника, Гаугвица, зачѣмъ онъ заключилъ такой невыгодный для Пруссіи союзный договоръ съ Франціею: уже если хотѣли вступить въ союзъ съ Франціею, то, по его мнѣнію, надобно было сдѣлать это посильнѣе и совершенно предаться этой системѣ. Но Гаугвицъ, котораго посылали опять къ Наполеону съ утвержденнымъ договоромъ и объяснительною запискою, — Гаугвицъ обѣщалъ королю, что онъ доставитъ ему еще важныя выгоды, кромѣ Ганновера: слѣдствіемъ Пресбургскаго мира должно быть преустройство Германской имперіи; — южная Германія, съ ослабленіемъ Австріи, отойдетъ подъ завѣдываніе Франціи; можно на это согласиться съ тѣмъ, чтобъ сѣверная Германія отошла къ Пуссіи, чтобъ Прусскій король былъ провозглашенъ императоромъ сѣверной Германіи.

Итакъ, съ Франціею у Пруссіи союзъ; какія же будутъ у послѣдней отношенія къ Россіи, которая продолжаетъ быть въ войнѣ съ Франціею?

Говорили, что императоръ Александръ возвратился послѣ Аустерлица болѣе побѣжденный, чѣмъ его армія; онъ считалъ себя безполезнымъ для своего народа, потому что не имѣлъ способностей начальствовать войсками, и это его чрезвычайно печалило. Это извѣстіе, котораго мы не имѣемъ права отвергать, по неимѣнію другихъ, болѣе вѣрныхъ, которыя бы ему противорѣчили, это извѣстіе показываетъ намъ значеніе Аустерлица: важно было для императора Александра освободиться отъ мнѣнія о своихъ военныхъ способностяхъ, важно было для него и для всѣхъ русскихъ освободиться отъ мнѣнія о возможности легко управиться съ Наполеономъ, — мнѣнія, основаннаго на томъ, что онъ не имѣлъ дѣла съ русскими, которые съ Суворовымъ били французовъ. Для государя и народа важно было освободиться отъ неправильнаго мнѣнія о своихъ средствахъ и средствахъ противника, ибо это освобожденіе дастъ возможность заняться исканіемъ другихъ средствъ къ борьбѣ. Долго горевать о прошломъ было нельзя, ибо надобно было поскорѣе думать о будущемъ, и, къ счастью, оказалось, что Александръ не былъ способенъ долго горевать. Аустерлицъ имѣлъ еще то значеніе, что теперь трудно уже было толковать, что Россія, по своему положенію, можетъ быть безопасна отъ наполеоновскаго властолюбія. Австрія, показавъ свое безсиліе, принуждена заключить миръ на всей волѣ побѣдителя и, разумѣется, не выйдетъ изъ этой воли, по крайней мѣрѣ, долго; Пруссія ведетъ тайкомъ какіе-то подозрительные переговоры съ Франціею. Французское войско стояло недалеко отъ Польши, и Наполеонъ уже проговорилъ роковое слово о ея подпятіи. Съ другой стороны, Наполеонъ стремится овладѣть восточными берегами Адріатическаго моря, стать сосѣдомъ Турціи. Теперь дѣло идетъ уже не о поддержаніи политическаго равновѣсія Европы только, — идетъ дѣло о непосредственныхъ интересахъ Россіи, встаютъ вопросы Польскій и Восточный. Въ Совѣтѣ, собранномъ съ цѣлью опредѣлить положеніе и будущую дѣятельность Россіи, прямо высказываютъ убѣжденіе, что Наполеонъ занимается возстановленіемъ Польши; что ему легко уговорить Пруссію уступить свою долю польскихъ областей за Ганноверъ и шведскую Померанію, и ничего не стоитъ возмутить Галицію, недовольную австрійскимъ правительствомъ; кромѣ того, съ уничтоженіемъ могущества Австріи, Бонапартъ долженъ получить сильное вліяніе на Порту. Въ Петербургѣ угадывали планъ Талейрана или знали о немъ. По мнѣнію князя А. Б. Куракина, «представлялось предположеніе, что можетъ Бонапартъ, для удовлетворенія Австріи за области, которыя, вѣроятно, ему пожертвованы будутъ, захотѣть принудить Порту уступить ей нѣкоторую часть ея европейскихъ владѣній; и какъ сіе не инако бы совершилося, какъ съ положительнымъ обѣщаніемъ Австріи ему подвластною пребыть, то сіе событіе столь же бы мало сообразовалося съ пользами Россіи, какъ вѣроятная уступка Австріи владѣемой ею части бывшей венеціанской республики къ новому королевству италійскому; ибо Бонапартъ, бывъ обладателемъ онаго, получитъ чрезъ то способъ надъ Адріатическимъ моремъ господствовать и Порту въ непресѣкающемся опасеніи и страхѣ содержать». По мнѣнію Куракина, неисчислимы были способы, которыми Франція могла вредить Россіи и весь внутренній составъ ея изнурять, и потому онъ совѣтовалъ предложить Наполеону союзъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ не позволялъ себѣ дальнѣй-

шаго расширенія своихъ владѣній, т.-е. совѣтовалъ повторить то, что уже оказалось совершенно безполезнымъ. Другіе члены Совѣта также указывали на опасности отъ Франціи со стороны Польши; третьи обращали особенное вниманіе на Турцію; одни совѣтовали войти въ сношеніе съ Наполеономъ, другіе считали это недостойнымъ или ненужнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательны слова графа Н. П. Румянцева: «Будучи твердъ въ правилахъ, я обязываюсь и при нынѣшнемъ случаѣ сказать, что если утверждалъ, что не было пользы скоропостижно выставлять военныя ополченія, то и нынѣ въ скоропостижныхъ исканіяхъ мира пользы я не предвижу. Если мы и при Петрѣ Великомъ, и при Екатеринѣ II-й умѣли сносить раны минутныхъ неудачъ военныхъ, уничиженія никогда и нигдѣ сносить мы не умѣли». Чарторыйскій изъ всѣхъ этихъ мнѣній составилъ такое заключеніе или программу дѣйствій: 1) Россія не должна опасаться возмущенія Польши, особенно по уходѣ французовъ изъ австрійскихъ владѣній; 2) Франція, чрезъ пріобрѣтеніе Далмаціи, получила средства измѣнить отношенія между Россіею и Турціею и привести въ исполненіе свои виды на Порту; 3) для противодѣйствія этому надобно держаться союза съ Англіей, сохранить довѣренность Турціи и завязать сношенія съ турецкими славянами и греками; 4) воспрепятствовать Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей и, въ случаѣ надобности, предложить помощь Пруссіи; 5) принять мѣры къ разузнанію намѣреній Наполеона относительно Россіи; 6) держать наготовѣ сухопутныя и морскія силы, чтобъ можно было употребить ихъ немедленно, особенно въ Молдавіи и Валахіи, въ случаѣ движенія туда Австріи или въ случаѣ войны Франціи съ Портою.

Система установилась. 12-го февраля 1806 года, въ рескриптѣ Разумовскому, въ Вѣну, императоръ Александръ говорилъ: «Моя система будетъ состоять преимущественно въ защитѣ моихъ владѣній и государствъ, которыя потребуютъ моей помощи или которыхъ существованіе будетъ необходимо для моей безопасности». Баварскій курфюрстъ, который согласился на бракъ своей дочери съ пасынкомъ Наполеона, Евгеніемъ Богарне, прислалъ, конечно, не безъ вѣдома Наполеона, просить руки сестры Русскаго императора, Екатерины Павловны, для своего сына. Чарторыйскій объявилъ секретарю баварскаго посольства, что, независимо отъ другихъ побужденій, по которымъ императоръ не можетъ согласиться на этотъ бракъ, его величество не хочетъ стѣснять наслѣдника Баварскаго престола: быть можетъ, Бонапартъ назначаетъ ему въ супруги одну изъ своихъ родственницъ, какъ онъ соединилъ принцессу Баварскую съ Евгеніемъ Богарне» (6 марта).

Положено было препятствовать Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей. Въ то время, какъ отправляли Гаугвица въ Парижъ съ ратификацією союзнаго договора при дополнительной запискѣ, люди, стоящіе наверху въ Пруссіи, говорили въ одинъ голосъ, что дѣломъ первой важности было сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи. Герцогъ Брауншвейгскій, въ разговорѣ съ Гарденбергомъ, высказался, что онъ не прочь самъ отправиться въ Петербургъ. Гарденбергъ обрадовался и предложилъ объ этомъ королю, который охотно согласился. Положеніе герцога, какъ владѣтельнаго лица, и уваженіе, которымъ пользовался старикъ, дѣлали его способнѣе всякаго другого успѣть въ дѣлѣ; притомъ современникъ, безпристрастный къ герцогу, баронъ Гарденбергъ, признавалъ въ немъ разсудительность, ловкость, краснорѣчіе, умѣнье скрасить дѣло не очень красивое. Но еще до отъѣзда герцогъ присутствовалъ въ конференціи, гдѣ было рѣшено поставить войско на мирное положеніе и пригласить командующихъ русскими войсками, отданными въ распоряженіе короля, возвратиться въ отечество: это было сдѣлано на основаніи заявленія французскаго посланника Лафореста въ Берлинѣ, что, судя по выраженіямъ полученной имъ депеши отъ Талейрана, надобно предположить, что прусскія дополнительныя условія приняты Наполеономъ. Относительно посольства герцога Брауншвейгскаго Лафорестъ писалъ Талейрану: «Герцогъ имѣетъ двойную задачу — объяснить императору Александру основанія системы, принимаемой Пруссіею, и склонить его сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Франціей. Я нахожу его отлично расположеннымъ въ этомъ смыслѣ и отлично инструированнымъ. Если онъ будетъ говорить въ Петербургѣ такъ, какъ говорилъ мнѣ здѣсь, то онъ можетъ освободить императора Александра и самыхъ здравомыслящихъ людей его Двора отъ безумныхъ мечтъ и честолюбивыхъ плановъ». Лафорестъ боялся одного, — что герцогъ, по чрезвычайной учтивости своей, не станетъ противорѣчить мнѣніямъ другихъ. О немъ говорилъ, что онъ кажется всегда раздѣляющимъ мнѣніе того, кто съ нимъ говоритъ. Но Лафорестъ надѣялся, что герцогъ услышитъ немного возраженій, вслѣдствіе того, что финансы Россіи находятся въ печальномъ положеніи. Императоръ Александръ взялъ на свою долю очень мало изъ англійскихъ субсидій, данныхъ на коалицію, что страшно обременило русское государственное казначейство. Неаполитанскій король присталъ къ коалиціи; для его защиты отправлено было русское войско, которое стоило чрезвычайно дорого, а возвратилось, ничего не сдѣлавши, вслѣдствіе Аустерлица.

Герцогъ Брауншвейгскій отправился въ Петербургъ въ полной надеждѣ, что Пруссія, союзница Франціи, можетъ остаться и въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, которую помиритъ съ Франціею, и всѣ будутъ довольны и счастливы, кромѣ Австріи, разумѣется, что было необходимо для довольства и счастія Пруссіи. 29-го января (н. с.)

1806 года отправился герцогъ въ Петербургъ, а отъ 8 февраля пришла изъ Парижа громовая депеша Гаугвица: «Наполеонъ, раздраженный дополнительною запискою къ союзному договору, не хочетъ его знать». Гаугвицъ упалъ съ седьмаго неба. Мы видѣли, съ какими розовыми мечтами поѣхалъ онъ въ Парижъ: убаюканный ласками Наполеона въ Вѣнѣ, онъ надѣялся встрѣтить тѣ же ласки и въ Парижѣ и привезти оттуда своему королю титулъ императора сѣверной Германіи, — и вдругъ слышитъ угрозу, что если не подпишетъ союзнаго договора, какой угодно Наполеону, то Францiя заключитъ союзъ съ Австріею. Но этого мало: Гаугвицъ видѣлъ, что во Франціи все готово къ войнѣ съ Пруссiею, тогда какъ въ послѣдней войска были уже на мирномъ положеніи, союзныя арміи отпущены; Гаугвицъ видѣлъ, что съ Пруссіею церемониться не будутъ, по ея одиночеству; Россіи не боятся, а въ Англіи умеръ Питтъ, и преемникъ его, Фоксъ, — за миръ съ Франціею. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Гаугвицъ поступилъ точно такъ же, какъ послѣ Аустерлица: чтобъ не навлечь на Пруссію немедленной, внезапной войны, дать ей время приготовиться, онъ заключилъ новый союзный договоръ, по которому Пруссія обязалась въ одно и то же время уступить извѣстныя свои владѣнія Наполеону и взять безусловно въ свою полную собственность Ганноверъ, именно въ пятый день послѣ обмѣна ратификацій договора. Король созвалъ конференцію: всѣ, кромѣ Гарденберга, были согласны, что при настоящихъ обстоятельствахъ, при неготовности къ войнѣ, необходимо ратификовать договоръ; король ратификовалъ и написалъ императору Александру (28 февраля н. с.): «Герцогъ Брауншвейгскій разскажетъ вамъ, какъ меня обманули, и какія были слѣдствія обмана. Все было бы поставлено на карту, еслибъ я не прибѣгъ къ крайней мѣрѣ. Пусть зложелательство или заблужденіе клевещутъ на меня,—я признаю только двоихъ судей: совѣсть и васъ. Первый судья мнѣ говоритъ, что я долженъ разсчитывать на втораго, и этого убѣжденія для меня достаточно».

Горькіе плоды союза оказались немедленно: по настоянію Наполеона, Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ удалить министра Гарденберга, котораго императоръ французовъ считалъ враждебнымъ себѣ. Завладѣніе Ганноверомъ повело къ войнѣ Пруссіи съ Англіею: около ста прусскихъ кораблей было захвачено въ англійскихъ гаваняхъ; прусскія гавани объявлены были въ блокадѣ. Фоксъ сказалъ прусскому посланнику въ Лондонѣ ужасныя слова: «Пруссія становится соучастницею бонапартовскихъ притѣсненій. Нельзя смотрѣть на такіе обмѣны иначе, какъ на воровство. Другое дѣло завоевать, и другое дѣло овладѣть безъ сопротивленія».

Съ нетерпѣніемъ ждали, что скажетъ одинъ изъ судей. Герцогъ Брауншвейгскій пріѣхалъ въ Петербургъ $^{7}/_{19}$ февраля, и былъ принятъ императоромъ чрезвычайно ласково. Еще не было извѣстно, какъ былъ принятъ Гаугвицъ въ Парижѣ; еще герцогъ Брауншвейгскій передавалъ убѣжденіе прусскаго правительства, что Наполеонъ ратификуетъ договоръ съ прусскими ограниченіями, а императоръ Александръ уже указывалъ герцогу, что на эту ратификацію нельзя полагаться; указывалъ, что французскія войска еще не очистили Германіи, и не видно, чтобъ скоро это сдѣлали. «Россія», — говорилъ Александръ, — «не нужно искать мира; если мириться, такъ надобно, чтобъ миръ былъ честный и приличный, а я ни изъ чего не вижу, чтобъ онъ могъ быть такимъ; у меня нѣтъ даже и данныхъ, по которымъ я могъ бы заключить, что Франція хочетъ со мною сблизиться». При разборѣ статей Франко-Прусскаго договора, Александръ одобрилъ статью о гарантіи цѣлости турецкихъ владѣній, но сказалъ: «Я самъ ее гарантирую; система Екатерины II-й относительно Востока совершенно оставлена; я другъ Порты и хочу ее поддерживать; но я предвижу, что этою статьею Франція хочетъ поссорить меня съ Пруссіей». Относительно овладѣнія Ганноверомъ, императоръ спросилъ герцога: «Если Пруссія и Франція увеличиваютъ свои владѣнія, то не находите ли вы, что и Россіи слѣдуетъ также увеличиться?» Когда пришло извѣстіе о новомъ Франко-Прусскомъ союзномъ договорѣ, когда пришло письмо короля съ обращеніемъ къ двоимъ судьямъ, одинъ изъ этихъ судей не оказался строгимъ; герцогъ Брауншвейгскій привезъ королю письмо отъ императора: «Самый тѣсный союзъ между Россіею и Пруссіею»,—писалъ Александръ, —«кажется мнѣ болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ, и это въ то же время—самое дорогое желаніе моего сердца. Въ минуту опасности ваше величество должны помнить, что имѣете во мнѣ друга, готоваго летѣть къ вамъ на помощь». Но въ Берлинѣ хотѣли помощи особаго рода: прежде всего хотѣли, чтобъ Россія вела себя какъ можно тише, какъ можно безкорыстнѣе, не дѣлала бы ничего такого, что бы снова воспламенило войну. Такъ, русское войско, во время послѣдней войны, заняло, съ согласія австрійцевъ, важное мѣсто на Адріатическомъ морѣ, Бокка-ди-Каттаро; Наполеонъ требовалъ, чтобъ Австрія заставила Россію очистить эту гавань, какъ принадлежавшую къ Далмаціи, уступленной ему по Пресбургскому миру, грозя въ противномъ случаѣ войною,—и Пруссія подкрѣпляетъ требованія Австріи въ Петербургѣ объ очищеніи Бокка-ди-Каттаро. Потомъ Пруссія требовала, чтобы Россія помирила ее съ Англіею; изъ Петербурга отвѣчаютъ, что это дѣло возможно, если Пруссія объявитъ, что взяла Ганноверъ на время; но Пруссія никакъ не хочетъ этого объявить, представляя, что Ганноверъ для нея необходимъ, что она не хочетъ уступить его Англійскому королю. Какъ легко было Россіи предлагать англійскому правительству уступку Ганновера Пруссіи на-вѣки,—можно было

видѣть изъ донесенія Воронцова императору Александру о своемъ разговорѣ съ королемъ Георгомъ III-мъ, который приписывалъ неудачу австро-русской коалиціи лживому, двоедушному и неполитичному поведенію Пруссіи, и произнесъ пророческія слова о послѣдствіяхъ такой политики: «Это двоедушіе Пруссіи будетъ наказано, ибо, потерявши всякое уваженіе, она потеряла и независимость свою, и кончитъ тѣмъ, что будетъ опозорена этимъ самымъ Бонапартомъ: онъ будетъ обходиться съ нею, какъ съ Баваріею, Вюртембергомъ, Баденомъ и Голландіею».

Во время этихъ сношеній съ Пруссіей, въ Россіи произошла важная перемѣна: Чарторыйскій просилъ уволить его отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, и получилъ увольненіе. Въ письмахъ къ императору онъ жаловался, что Александръ хочетъ все дѣлать самъ; жаловался, что императоръ перемѣнилъ политику, которая должна быть энергическая, рѣшительная. При внимательномъ изученіи русской политики описываемаго времени, мы не можемъ понять этого обвиненія, если не предположимъ, что Чарторыйскій не переставалъ имѣть въ виду рѣшительности дѣйствій Россіи для возстановленія Польши, и дѣйствительно онъ не переставалъ утверждать, что вся неудача австро-русской коалиціи произошла оттого, что Россія не разгромила Пруссіи точно такъ же, какъ Бонапартъ разгромилъ Австрію. Но мы видѣли свидѣтельство Штуттергейма, какъ самъ Чарторыйскій помогъ ему убѣдить императора не дѣлать этого. Скажутъ: зачѣмъ же вѣрить Штуттергейму, а не вѣрить Чарторыйскому? Но трудно предпочесть свидѣтельство Чарторыйскаго, который послѣ своего увольненія писалъ Гарденбергу: «Со дня моего вступленія въ министерство, я былъ постоянно одушевленъ желаніемъ соединенія Пруссіи съ Россіею; въ этомъ союзѣ, по моему мнѣнію, самое вѣрное средство спасенія Европы». Чарторыйскій былъ замѣненъ барономъ Будбергомъ, о которомъ говорили, что онъ *катеринствуетъ*, и этотъ отзывъ показывалъ, что императоръ, избирая такого человѣка, намѣренъ вести внѣшнія дѣла, какъ требовало достоинство Россіи, какъ велись они при знаменитой бабкѣ. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, Гольцъ, боялся поэтому, что Русскій Дворъ станетъ принимать теперь слишкомъ быстрыя и смѣлыя рѣшенія; но онъ скоро успокоился и писалъ, что та же осторожность и умѣренность, которыя характеризовали министерство князя Чарторыйскаго, отличаютъ и поведеніе барона Будберга, взгляды котораго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще болѣе выгодны для Пруссіи, чѣмъ взгляды его предшественника.

Наконецъ между Россіею и Пруссіею заключенъ былъ договоръ при посредничествѣ Алопеуса и Гарденберга. Послѣдній *тайкомъ* велъ сношенія съ Россіею, потому что здѣсь не хотѣли имѣть: дѣло съ Гаугвицемъ. Прусскій король обязался: 1) что союзъ Пруссіи съ Франціею не будетъ вредить союзному Прусско-Русскому трактату 1800 года; 2) Пруссія не соединится съ Франціею противъ Россіи, ни въ томъ случаѣ, когда между ними начнется война вслѣдствіе столкновенія въ Турціи (если Франція нападетъ на Турцію, или если Россія вооружится противъ Турціи за несоблюденіе договоровъ), ни въ томъ случаѣ, когда Россія вступится за Австрію вслѣдствіе нарушенія Франціею Пресбургскаго мира; 3) Пруссія гарантируетъ вмѣстѣ съ Россіею независимость и цѣлость Оттоманской Порты, владѣнія Австрійскаго Дома, какъ они опредѣлены Пресбургскимъ договоромъ, сѣверной Германіи и Даніи; 4) гарантируетъ и владѣнія короля Шведскаго, если Русскій императоръ склонитъ его къ умѣренности; 5) Пруссія употребитъ всѣ старанія, чтобъ французскія войска вышли изъ Германіи какъ можно скорѣе; 6) употребитъ все вліяніе для поддержанія коммерческихъ сношеній на сѣверѣ Германіи, какъ они были до занятія Ганновера; 7) когда споры съ Швеціею кончатся къ удовольствію Пруссіи, то послѣдняя займется необходимыми средствами, чтобъ выставить свою армію въ страшномъ видѣ.— Эти обязательства или—по крайней мѣрѣ, форма ихъ—не понравилась Будбергу; онъ сдѣлалъ замѣчаніе Алопеусу, зачѣмъ онъ допустилъ такія неопредѣленныя выраженія, ибо на Пруссію полагаться нельзя. Русскія обязательства заключались въ слѣдующемъ: 1) употреблять постоянно бо́льшую часть своихъ силъ на защиту Европы, и всѣ свои силы на поддержаніе независимости и цѣлости государства Прусскаго; 2) продолжать систему безкорыстія относительно всѣхъ государствъ Европы; 3) сохранять въ глубокой тайнѣ обязательства, принятыя Прусскимъ королемъ. Императоръ Александръ подписалъ свои обязательства 12-го іюля, и Гольцъ писалъ Гарденбергу: «Поздравляю короля съ принятіемъ рѣшенія, которое, среди всѣхъ противорѣчій и опасностей настоящаго положенія дѣлъ, скрѣпляя его отношенія съ лучшимъ изъ союзниковъ и друзей, доставляетъ ему напередъ роль, способную поддержать достоинство, славу и безопасность его короны. Шаткость, съ какой графъ Гаугвицъ держитъ прусскіе интересы, не можетъ долго продержаться; мы уже потеряли довѣріе нашихъ союзниковъ, пора его возстановить; мы не можемъ разсчитывать на Францію, она не можетъ быть другомъ никому; но Россія не требуетъ, чтобъ мы разрывали съ нею, и въ случаѣ неизбѣжной войны мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ друга, который намъ поможетъ отъ всего сердца и души».

Война, которой такъ не хотѣли, которой такъ боялись въ Пруссіи, произошла изъ мирныхъ переговоровъ, которыхъ такъ желали тамъ. Мы упоминали о смерти Питта; преемникъ его, Фоксъ, уже изъ одной послѣдовательности своей системѣ долженъ былъ начать мирные переговоры съ Франціею, будучи изначала поборникомъ мира. Наполеонъ, какъ на войнѣ, такъ и въ мирныхъ переговорахъ,

слѣдовалъ одному правилу—дѣлить противниковъ, бить ихъ по-одиночкѣ на войнѣ и заключать съ ними отдѣльные миры. Понятно, что благоразуміе должно было внушить противникамъ завоевателя правило не разлучаться ни на войнѣ, ни въ мирныхъ переговорахъ, и Фоксъ объявилъ, что не станетъ вести переговоровъ отдѣльно отъ Россіи. Но прежде чѣмъ начались серьезные переговоры, Наполеонъ спѣшилъ распорядиться въ Германіи, Италіи, Голландіи, чтобъ закрѣпить эти распоряженія въ мирномъ договорѣ. Баварія и Вюртембергъ сдѣланы королевствами; Баденъ—великимъ герцогствомъ; Баварскій король, Максъ-Іосифъ, былъ пожалованъ Тиролемъ, Аншпахомъ и Аугсбургомъ и, какъ уже было упомянуто, выдалъ дочь свою за пасынка Наполеона, Евгенія Богарне. Изъ взятаго у Пруссіи Клеве и у Баваріи Берга сдѣлано великое герцогство для Мюрата, мужа сестры Наполеона, Каролины. Батавская республика была приневолена просить себѣ государя изъ фамиліи императора французовъ, и этимъ государемъ сдѣланъ братъ Наполеона, Людовикъ, съ титуломъ короля Голландскаго. Мы видѣли, что Неаполь присталъ къ коалиціи: вслѣдствіе этого, на другой день по заключеніи Пресбургскаго мира, изданъ былъ императоромъ французовъ декретъ: «Династія Бурбоновъ въ Неаполѣ перестала царствовать». Отставленная такимъ образомъ династія переселилась въ Сицилію, и королемъ Неаполитанскимъ былъ назначенъ братъ Наполеона, Іосифъ. Южная Германія была уже давно въ дѣйствительной зависимости отъ Франціи; но послѣ Пресбургскаго мира и прусскаго союза Наполеонъ увидѣлъ возможность устроить и формальную зависимость ея. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Дармштадтъ, Клеве-Бергъ, Нассау образовали Рейнскій союзъ, протекторомъ котораго былъ провозглашенъ императоръ французовъ; по требованію протектора, союзъ былъ обязанъ выставлять 63,000 войска. Священная Римско-Германская имперія рушилась; по требованію Наполеона, императоръ Францъ сложилъ съ себя титулъ императора Германскаго, и изъ Франца II-го сталъ Францемъ I-мъ, императоромъ Австрійскимъ. Что права протектора не ограничивались правомъ брать 63,000 войска; что протекторство тяжело чувствовалось внутри Рейнскаго союза, видно изъ слѣдующаго происшествія: появилась книжка подъ заглавіемъ «Германія въ своемъ глубочайшемъ униженіи»,—книжка, направленная противъ французскаго ига. Нюренбергскій книгопродавецъ Пальмъ былъ обвиненъ въ распространеніи этой книжки и приговоренъ къ смертной казни.

Австрія молчала: ей было не дотого. Мы упоминали, что Наполеонъ, основываясь на Пресбургскомъ договорѣ, требовалъ Бокка-ди-Каттаро себѣ и настаивалъ, чтобъ Австрія, какимъ бы то ни было средствомъ, взяла его у Россіи и передала Франціи. Грозила война или съ Франціею, или съ Россіею. «Конечно, было бы несчастіемъ для государства»,—писалъ эрцгерцогъ Карлъ,—«еслибъ пришлось воевать съ тѣмъ или другимъ изъ обоихъ колоссовъ. Многочисленныя войска обоихъ стоятъ на нашихъ границахъ; первыя непріятельскія дѣйствія внесутъ войну въ сердце австрійскихъ владѣній, вслѣдствіе чего часть наслѣдственныхъ земель будетъ опустошена и завоевана прежде, чѣмъ мы будемъ въ состояніи собрать въ Венгріи армію, да и та будетъ во всемъ нуждаться. Впрочемъ, если уже выбирать изъ двухъ золъ, то война съ Франціею представляетъ безконечно опаснѣйшіе результаты, чѣмъ война съ Россіею. Новая война съ Франціею будетъ смертнымъ приговоромъ для Австрійской монархіи, тогда какъ въ случаѣ войны съ Россіею Галиція была бы немедленно опустошена и помощь Наполеона была бы куплена обремененіемъ уже истощенныхъ провинцій, да и миръ былъ бы заключенъ не иначе, какъ подъ диктатурою Франціи. Но русскихъ можно побить, и Австрійская имперія не погибнетъ безвозвратно: потому Россія менѣе опасна, чѣмъ Франція». Въ министерствѣ произошла перемѣна: мѣсто Кобенцля заступилъ Стадіонъ. Новый министръ внушалъ болѣе уваженія, довѣрія своею серьёзностью, но относительно политическихъ взглядовъ не разнился отъ своего предмѣстника: то же убѣжденіе въ необходимости русскаго союза, то же убѣжденіе, что союзъ съ Франціею будетъ союзомъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ будетъ подданствомъ. Вѣсть о мирныхъ переговорахъ между Россіею и Англіею съ Франціей произвела въ Вѣнѣ большую радость, ибо посредствомъ нихъ могло уладиться грозившее такою опасностію дѣло о Каттаро; миръ, хотя былъ бы перемиріемъ, могъ дать передышку, возможность собраться съ силами для будущаго; наконецъ Россія, при сближеніи съ Франціею, могла выговорить нѣкоторыя выгодныя условія для Австріи. Для мирныхъ переговоровъ со стороны Россіи назначенъ былъ статскій совѣтникъ Убри, знавшій людей и отношенія ихъ во Франціи. Болѣе значительнаго человѣка назначить не могли, ибо это унизило бы достоинство Россіи: переговоры должны были вестись въ Парижѣ безъ всякаго предложенія со стороны Франціи; да и Убри ѣхалъ въ Парижъ вовсе не какъ уполномоченный для веденія мирныхъ переговоровъ: онъ долженъ былъ сначала отправиться въ Вѣну съ порученіемъ къ русскому послу тамъ, графу Разумовскому, и уже изъ Вѣны ѣхать въ Парижъ, подъ предлогомъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ о русскихъ плѣнныхъ и доставленія имъ денежной помощи. Изъ инструкціи, данной Убри, мы видимъ, что въ Петербургѣ въ описываемое время главное вниманіе было обращено на отношенія Франціи къ Турціи, вслѣдствіе приближенія французскихъ владѣній къ владѣніямъ Порты по Пресбургскому миру и послѣ занятія неаполитанскихъ владѣній французами. Для Россіи важно было, съ одной стороны, какъ-нибудь воспрепятствовать этому приближенію, или черезъ возстановленіе Неапо-

литанскаго короля, или чрезъ очищеніе французами Далмаціи, или чрезъ образованіе независимыхъ владѣній между Италіею и Турціею; съ другой стороны, важно было удержать за собою какой-нибудь пунктъ между Италіею и Турціею. Поэтому Убри не долженъ былъ принимать никакихъ условій, которыя препятствовали бы Россіи содержать гарнизонъ въ Корфу, либо давали Франціи право ослаблять обязательства, принятыя Портою въ отношеніи къ Россіи. Убри могъ согласиться на признаніе императорскаго титула для Наполеона, если бы Франція купила это признаніе уступкою Сициліи королю Неаполитанскому, очищеніемъ всей или части Далмаціи и согласіемъ на образованіе отдѣльныхъ владѣній между Турціей и Италіей. Всѣ прочія распоряженія Бонапарта Убри могъ признать только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ согласился на возстановленіе короля Неаполитанскаго и образованіе самостоятельнаго владѣнія для короля Сардинскаго. Мы видѣли, что Россія не соглашалась хлопотать въ Англіи за Пруссію, чтобъ послѣдней былъ уступленъ Ганноверъ, и въ обязательствахъ между Россіею и Пруссіею объ этомъ не было упомянуто. Тѣмъ болѣе теперь, чтобъ не порозниться съ Англіею при веденіи мирныхъ переговоровъ, Убри запрещено было подписывать условія, утверждавшія какой-нибудь земельный обмѣнъ между Франціей и Пруссіей во вредъ курфюрсту Ганноверскому и стѣсненія торговли сѣверной Германіи, особенно же Даніи и Швеціи. Убри долженъ былъ вести переговоры вмѣстѣ съ англійскимъ уполномоченнымъ; отдѣльный миръ онъ могъ заключить только въ случаѣ, еслибъ договоръ заключалъ въ себѣ чрезвычайно крупныя выгоды для Россіи и вмѣстѣ могъ служить къ непосредственному соглашенію между Россіею, Англіею и Франціею. Убри отправлялся еще при Чарторыйскомъ; мы не знаемъ, какія внушенія были ему сдѣланы министромъ, — по крайней мѣрѣ Убри увѣрялъ въ Вѣнѣ, что ему велѣно обращать постоянное вниманіе на интересы Австріи.

Сильный протестъ противъ мира послышался со стороны человѣка, который давно уже укрѣпилъ въ себѣ основное убѣжденіе, что не можетъ быть мира съ корсиканцемъ. «Великій Боже»! — писалъ графъ Семенъ Воронцовъ Новосильцеву, — «возможно ли, чтобъ примѣръ монархій Французской, Испанской, Австрійской и Прусской не производилъ накакого впечатлѣнія на императора (Александра)! Первая разрушена, а другія явно разрушаются; достовѣрность ихъ паденія уже предсказана потерею ихъ независимости, и все это случилось вслѣдствіе слабости ихъ государей, ихъ нерѣшительности, робости, дѣтскаго страха предъ опасностями предполагаемыми, которыя успѣли имъ внушить интриги дураковъ и измѣнниковъ, взявшихъ верхъ надъ министрами прозорливыми, честными и твердыми. Разумѣется, съ арміею разстроенною, какъ теперь наша, съ этою арміею, уничтоженною Павломъ, потерявшею духъ и опозоренною при Аустерлицѣ, не должно вести войны; но можно, оставаясь у себя, не позорить себя гнуснымъ миромъ, который обезславитъ имя русское и погубитъ имперію. Фоксъ хочетъ мира во что бы то ни стало, безъ всякаго нравственнаго принципа. Поклонникъ счастія корсиканца и Талейрана, онъ обрадовался желанію мира, выраженному императоромъ Александромъ, какъ предлогу заключить миръ и съ своей стороны, пожертвовавши королемъ Неаполитанскимъ; онъ не считаетъ своею обязанностію сдержать обѣщаніе Питта. Но что можетъ сдѣлать какая-нибудь дрянь, не боящаяся позора, прожившая 57 лѣтъ въ презрѣніи у честныхъ людей, тому не долженъ подражать императоръ Русскій! Русскій императоръ вошелъ въ обязательство съ королемъ Неаполитанскимъ не заключать мира безъ того, чтобъ Неаполь не былъ ему возвращенъ. Вслѣдствіе этого обязательства, король нарушилъ свой нейтралитетъ, слѣдовательно онъ падетъ жертвою своей вѣры въ силу и добросовѣстность императора. Такъ пусть императоръ вспомнитъ возвышенное письмо Петра Великаго Шафирову о Кантемирѣ; пусть вспомнитъ, что этотъ великій государь скорѣе соглашался уступить южную Россію до Курска, чѣмъ измѣнить данному слову; Петръ бымъ убѣжденъ, что у государей нѣтъ другой собственности, кромѣ чести; что отказаться отъ этой собственности — значитъ перестать быть монархомъ. Надобно объявить корсиканцу, что безъ возвращенія Неаполитанскаго королевства его законному государю не будетъ никогда не только мира, но и никакого сношенія между Россіею и Франціею; надобно выгнать всѣхъ французовъ изъ Россіи и запретить всѣ французскіе товары. Надобно только быть твердыми и хорошо вооруженными у себя дома, не вѣрить Пруссіи, быть въ хорошихъ отношеніяхъ къ Швеціи и взять твердый и внушительный тонъ относительно турокъ, послѣ чего можно спокойно выжидать благопріятнаго времени». Можно думать, что мнѣніе Воронцова не могло не произвести впечатлѣнія въ Петербургѣ, ибо слова, написанныя Новосильцеву, не могли быть тайною для императора, который былъ очень чувствителенъ къ указаніямъ на единственную собственность государей.

Впрочемъ, Воронцовъ напрасно безпокоился и насчетъ англійскаго министра: миръ былъ невозможенъ, ибо у Наполеона и у Англіи трудно было посредствомъ переговоровъ вырвать изъ рукъ что-нибудь, разъ захваченное. Талейранъ предложилъ англійскому уполномоченному, лорду Ярмуту, три уступки: Ганноверъ, Мальту и Мысъ Доброй Надежды. Какъ французъ, Талейранъ не могъ обойтись безъ риторики, и выражалъ свои предложенія такъ, что Ганноверъ уступается для чести Англійской короны, Мальта — для чести морской державы, а Мысъ, для чести торговой. Но англичанинъ остался холоденъ къ такой красивой фразѣ; изъ

всѣхъ завоеванныхъ колоній удержать только одинъ Мысъ Доброй Надежды было невыгодно. Въ Европѣ отдавали Мальту; но эта самая готовность со стороны Франціи уступить Мальту, тогда какъ прежде никакъ не хотѣли этого сдѣлать, показывала, что островъ потерялъ свою цѣну: Франція такъ устроилась теперь на берегахъ Адріатическаго моря, такъ приблизилась къ владѣніямъ Порты для выгоднаго себѣ рѣшенія Восточнаго вопроса, что могла позволить Англіи владѣть мальтійскою скалою. Теперь для Англіи предметомъ первой важности было не перепустить Сицилію въ руки французовъ, и Фоксъ поставилъ необходимымъ условіемъ мира удержаніе этого острова за королемъ Фердинандомъ. Франція, съ своей стороны, требовала Сицилію себѣ какъ вознагражденіе за уступку Ганновера, а для короля Фердинанда предлагала Ганзейскіе города. Въ Англіи на это никакъ не соглашались; тогда Талейранъ сдѣлалъ новое предложеніе, которое должно было всего болѣе встревожить Англію, не спускавшую глазъ съ драгоцѣннаго Востока: Талейранъ предложилъ въ вознагражденіе короля Фердинанда за Сицилію—Далмацію, Албанію и Рагузу, тогда какъ Албанія принадлежала Турціи; съ англійской стороны предлагали вмѣсто *чужой* Албаніи вознаградить короля Фердинанда французскими владѣніями на берегахъ Адріатическаго моря, пріобрѣтенными по Пресбургскому миру; но понятно, что это была только дипломатическая игра.

Лордъ Ярмутъ получалъ изъ Англіи сильнѣйшія внушенія, чтобъ дѣйствовалъ заодно съ русскимъ уполномоченнымъ; но Убри трудно было сыскать. Если въ Англіи понимали, что надобно было и дипломатически дѣйствовать сообща, и настояли на совмѣстномъ веденіи переговоровъ, то во Франціи, и уступивши этому требованію, хотѣли все же поставить насвоемъ, разбить союзниковъ, заключить съ однимъ изъ нихъ отдѣльный миръ и этимъ принудить и другого быть уступчивѣе. Планъ кампаніи удался: напали на слабѣйшаго, на Убри: объявили ему, что не хотятъ видѣть въ немъ простаго русскаго агента,—хотятъ видѣть уполномоченнаго, озадачивали, утомляли его спорами, продолжавшимися по 14-ти часовъ сряду, и бороться долженъ былъ Убри противъ дипломатическаго Наполеона, противъ Талейрана, котораго смѣнялъ генералъ Кларке; вдвоемъ утомляли, *застращивали* одного; но чѣмъ же могли застращивать? Когда лордъ Ярмутъ сталъ упрекать Убри за его удаленіе отъ общихъ переговоровъ, укрывательство,—тотъ отвѣчалъ: «Я считаю своею обязанностію такъ поступать, даже заключить отдѣльный миръ, если этимъ я могу спасти Австріею отъ грозящей ей опасности». Зная, какія обѣщанія надавалъ Убри въ Вѣнѣ, мы должны придавать этому отвѣту особенное значеніе, равно какъ и другимъ оправдательнымъ словамъ его изъ письма въ Петербургъ: «Еслибъ я разорвалъ переговоры, то возобновилась бы война, которую Франція повела бы съ большею энергіею противъ государствъ вовсе неприготовленныхъ; наоборотъ, подписывая мирный договоръ, я давалъ этимъ государствамъ время приготовиться къ войнѣ». Убри 8 (20) іюля подписалъ отдѣльный договоръ, статьи котораго также прямо указываютъ, что русскій уполномоченный имѣлъ въ виду исполнить обѣщанія, данныя въ Вѣнѣ: Россія уступила Франціи Бокка-ди-Каттаро,—слѣдовательно Австрія успокоивалась; въ три мѣсяца французскія войска должны очистить Германію—успокоеніе окончательное. Что же касается успокоенія Россіи, то обѣ державы взаимно ручались за независимость и цѣлость Оттоманской Порты; французскія войска очищали Рагузу; должны были очистить и Черногорію, если ее заняли; русское войско на Іоническихъ островахъ не могло превышать 4,000 человѣкъ. Относительно Неаполитанскаго короля странное условіе: если онъ лишится Сициліи, то Россія и Франція обязывались выпросить для его сына Балеарскіе острова у короля Испанскаго: вмѣсто отца, получалъ вознагражденіе сынъ изъ чужаго владѣнія, которое нужно было еще выпросить. О королѣ Сардинскомъ и Ганноверѣ не упоминалось. Кромѣ внушеній, какія могъ получить Убри передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, въ Парижѣ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ другихъ внушеній: воспитатель императора Александра, Лагарпъ, одобрялъ условія, и, для успокоенія Убри, далъ ему оправдательное письмо къ императору. Основная мысль письма состояла въ томъ, что заключаемый миръ есть перемиріе, которымъ надобно воспользоваться для приготовленія къ новой борьбѣ, потому что Наполеонъ остановиться не можетъ; но Лагарпъ забывалъ, что перемиріе носило названіе мира, и мирный договоръ утверждалъ право на то, что было захвачено вопреки прежнимъ договорамъ; каждый миръ освящалъ новые захваты, новыя порабощенія, чему нисколько не мѣшало то, что кому-нибудь угодно было называть миръ перемиріемъ.

Что договоръ Убри былъ не въ пользу Россіи, доказывалось тѣмъ, что Наполеонъ и его приближенные ставили его выше побѣды, одержанной на войнѣ; но побѣда для одной стороны необходимо условливаетъ пораженіе другой. Наполеонъ, по обычаю, спѣшилъ пользоваться побѣдою, ратификовалъ договоръ черезъ шесть часовъ послѣ его заключенія и немедленно дать знать о немъ всюду, куда слѣдовало: пусть Русскій государь не ратификуетъ договоръ,—объ этомъ узнаютъ нескоро, а первое впечатлѣніе уже произведено, и прежде всего оно произведено на лорда Ярмута. Генералъ Кларке, ведшій съ нимъ переговоры, провозглашая отдѣльный миръ съ Россіею какъ великою побѣду, объявилъ Ярмуту, что послѣ такой побѣды Наполеонъ имѣлъ бы право увеличить свои требованія, но онъ остался при старыхъ. Фоксъ, на помощь Ярмуту, котораго находилъ слишкомъ уступ-

чивымъ, отправилъ еще другого уполномоченнаго. Шли удивительные, небывалые переговоры: Наполеонъ торговалъ областями, вовсе ему непринадлежавшими, уступалъ, мѣнялъ, давалъ въ вознагражденіе чужія владѣнія—Ганноверъ, Албанію, Рагузу, Ганзейскіе города, Балеарскіе острова. Главный споръ шелъ о Сициліи, которою владѣлъ бывшій Неаполитанскій король Фердинандъ, которую Наполеонъ не завоевалъ и никогда послѣ не могъ завоевать, но теперь требовалъ непремѣнно, чтобъ укомплектовать владѣніе брата своего Іосифа, т. е. чтобы самому владѣть всею Италіею. Одинъ французскій писатель, очень нерасположенный къ Наполеону, говоритъ, что въ такой странной торговлѣ, по крайней мѣрѣ, было начало умопомѣшательства. Мы несогласны съ почтеннымъ авторомъ уже и потому, что современники начала умопомѣшательства тутъ не видали; явленіе было обыкновенное: сила, не встрѣчая препятствія, разваливалась все болѣе и болѣе. Исторія благословляетъ тѣхъ дѣятелей, которые ставятъ преграду силѣ, не допуская ея до насилія.

Странные переговоры, торговля чужимъ добромъ не повели ни къ чему. Когда Убри привезъ свой договоръ въ Петербургъ, то императоръ отдалъ его на разсмотрѣніе Совѣта, который единогласно призналъ невозможность ратификовать его, и Александръ согласился съ мнѣніемъ Совѣта; а въ самомъ началѣ сентября умеръ Фоксъ, что прекращало попытку къ заключенію мира Англіи съ Франціею. Послѣ Аустерлица непосредственная борьба между Россіею и Франціею продолжалась на берегахъ Адріатическаго моря, въ Далмаціи; вице-адмиралъ Сенявинъ, начальствуя флотомъ и сухопутнымъ отрядомъ, дѣйствовалъ противъ французовъ съ помощію славянскихъ жителей страны, особенно черногорцевъ; Бокка-ди-Каттаро не былъ сданъ ни французамъ, ни австрійцамъ; но скоро Сенявинъ получилъ приказаніе отправиться въ Архипелагъ.

Мы знаемъ, что съ самаго начала вступленія Россіи въ общую жизнь Европы, при необходимыхъ столкновеніяхъ въ интересахъ двухъ сильнѣйшихъ континентальныхъ державъ, Россіи и Франціи, и при затруднительности непосредственной борьбы между ними по географическому положенію, Франція дѣйствовала противъ Россіи, противъ ея интересовъ дипломатическими средствами въ трехъ ближайшихъ пунктахъ, била въ три самыя чувствительныя мѣста для Россіи: въ Швеціи, Польшѣ и Турціи. Во время борьбы съ Наполеономъ Швеція, по убѣжденіямъ ея короля, могла быть только въ союзѣ съ Россіею противъ Франціи; возобновленіе Польскаго вопроса могло еще только ожидаться; оставалась Турція, въ которой можно было дѣйствовать противъ Россіи,—и Наполеонъ, разумѣется, не упустилъ этого изъ виду. Онъ отправилъ посланникомъ въ Константинополь уже извѣстнаго намъ Себастіани, хорошо знакомаго съ Востокомъ,—и слѣдствія внушеній его скоро оказались. Сановники, стоявшіе за дружескія отношенія между Россіею и Портою, были удалены, и мѣста ихъ заняли люди, доступные внушеніямъ французскаго посланника. Внушенія состояли въ томъ, что Порта не должна терпѣть, чтобъ ея христіанскіе подданные получали какія-нибудь выгоды отъ Россіи, привыкали къ ея покровительству, почему запрещено было грекамъ, которые плавали подъ русскимъ флагомъ, пользоваться привиллегіями русскихъ подданныхъ; уничтоженъ былъ такимъ образомъ обычай, ведшійся издавна. Договорами было утверждено, что господари Молдавскій и Валахскій не могутъ быть смѣнены Диваномъ ранѣе семи лѣтъ, если только не совершатъ преступленія, доказаннаго по слѣдствію, произведенному сообща Россіею и Портою. Вслѣдствіе внушеній Себастіани, султанъ смѣнилъ обоихъ господарей до срока, безъ всякой причины, безъ предварительнаго изслѣдованія. По договору 1805 года, русскимъ военнымъ кораблямъ дозволенъ былъ свободный проходъ и перевозъ войска чрезъ Босфоръ и Дарданеллы: теперь Порта объявила, что не намѣрена больше исполнять этого условія. Такое нарушеніе договора объяснялось тѣмъ, что Себастіани подалъ Дивану ноту, въ которой тревовалъ, чтобъ Босфоръ былъ запертъ для русскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ; отказъ въ этомъ требованіи Франція сочтетъ для себя враждебнымъ дѣйствіемъ со стороны Турціи и получитъ право двигать свои войска черезъ турецкія владѣнія для борьбы съ русскимъ войскомъ на берегахъ Днѣстра. Въ нотѣ Себастіани говорилось: «Возобновленіе или продолженіе союза Турціи съ врагами Франціи, именно съ англичанами и русскими, будетъ не только явнымъ нарушеніемъ нейтралитета, но участіемъ въ войнѣ, которую эти народы ведутъ съ Франціею». Оказывалось, что турки вовсе не такіе спокойные сосѣди Россіи, какъ думали недавно нѣкоторые дипломаты. Нарушеніемъ договоровъ они прямо объявляли войну; оставлять долѣе Порту подъ диктатурою французскаго посланника и дожидаться новыхъ враждебныхъ поступковъ и дерзостей было бы странно,—и русскія войска получили приказаніе занять Дунайскія княжества. Но русское войско встрѣтилось съ французскимъ не на берегахъ Днѣстра, а на берегахъ Нѣмана.

Наполеонъ, во время переговоровъ съ Англіею, торгуя чужими владѣніями, прежде всего безцеремонно распорядился Ганноверомъ, который, по послѣднему союзному договору съ Пруссіею, принадлежалъ этой державѣ, былъ занятъ ея войскомъ. Наполеонъ возвращалъ Ганноверъ прежнему курфюрсту, королю Англійскому. Пруссія объ этомъ ничего не знала. Наполеонъ, не любившій церемониться ни съ кѣмъ, всего менѣе считалъ нужнымъ церемониться съ Пруссіею, которая своимъ поведеніемъ потеряла у человѣка силы всякое уваженіе: можно что-нибудь ей дать за Ганноверъ или обѣщать, а если будетъ имѣть неблагоразуміе обижаться, спорить, то заставить замолчать оружіемъ; это не будетъ стоить большаго труда, когда будетъ

заключенъ миръ съ Россіею и Англіею. Если же миръ заключенъ не будетъ, то Ганноверъ останется за Пруссіею; во время же переговоровъ можно и обманывать, и, дѣйствительно, предлагая Ганноверъ Англійскому королю, Наполеонъ приказывалъ увѣрить Прусскаго короля, что онъ никогда не отступитъ отъ обязательствъ, заключенныхъ съ Пруссіею относительно Ганновера. Относительно Ганновера можно было пока обманывать, но относительно образованія Рейнскаго союза, уничтоженія прежняго германскаго строя, въ который входила Пруссія, обманывать было нельзя; употребили приманку: Пруссія можетъ подѣлить Германію съ Франціею, устроить такой же союзъ изъ остальныхъ сѣверо-германскихъ государствъ подъ своимъ протекторатомъ. Но переговоры съ Англіею о Ганноверѣ могли огласиться, и тогда приманка протекторатомъ надъ сѣверною Германіею могла бы не подѣйствовать, особенно если бы миръ съ Россіею и Англіею не былъ заключенъ: въ такомъ случаѣ надобно приготовиться къ войнѣ или, по крайней мѣрѣ, напугать Пруссію этими приготовленіями, заставить ее проглотить свою обиду, свое негодованіе:—и вотъ во французской арміи громкіе разговоры о предстоящей войнѣ съ Пруссіею; иначе для чего бы увеличивать число войска и направлять его къ прусскимъ границамъ.

Прусскій посланникъ въ Парижѣ, Люккезини, узналъ и донесъ своему Двору: что Наполеонъ уступаетъ Ганноверъ Англійскому королю; что, можетъ быть, потребуютъ отъ Пруссіи и другихъ земельныхъ уступокъ; что Наполеонъ предлагалъ Россіи прусскую Польшу; что между Наполеономъ и Александромъ существуетъ соглашеніе возстановить Польшу въ пользу вел. кн. Константина Павловича. Насчетъ русскихъ переговоровъ могли ходить всевозможные слухи вслѣдствіе таинственности, съ какою они были ведены; да и съ французской стороны были побужденія распускать подобные слухи, чтобъ возбудить въ Пруссіи неудовольствіе противъ Россіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился на борьбу съ Франціею и, конечно, историкъ не станетъ удивляться этому рѣшенію. Желаніе мира, страхъ передъ борьбою были сильны въ душѣ короля; но, по своему характеру и положенію, онъ могъ предаваться этому желанію и страху только тогда, когда при этомъ для него существовали извѣстныя опоры, когда, съ одной стороны, въ нейтралитетѣ, въ посредствующемъ положеніи онъ думалъ сохранить почетное положеніе для Пруссіи, а съ другой—пріобрѣсти выгоды, когда пріобрѣтеніемъ Ганновера безъ войны онъ заставлялъ молчать приверженцевъ воинственной или патріотической партіи, возобновляя тѣ счастливыя времена, когда при его предшественникахъ ловкою политикою Пруссія даромъ пріобрѣтала области, какія трудно было пріобрѣсти и посредствомъ кровопролитныхъ войнъ. Но теперь человѣкъ силы смѣется надъ Пруссіею, обходится съ нею какъ съ ничтожнымъ по своей слабости и робости государствомъ, и смѣется насмѣшкою самою злою, отнимая то, за что пожертвовано многимъ, если не всѣмъ. Аншпахскимъ событіемъ рушилась одна опора—нейтралитетъ, дававшій почетное, посредствующее положеніе; но эту опору замѣнилъ Ганноверъ; теперь рушилась и эта, самая крѣпкая опора, и въ то же время мнѣніе партіи становилось общественнымъ мнѣніемъ; король безоружнымъ являлся передъ обществомъ, требовавшимъ перемѣны политики, ибо старое направленіе осуждено было своимъ неуспѣхомъ. Какъ обыкновенно бываетъ, общество клеймило позоромъ близкихъ къ королю людей, приписывая имъ вину прежняго направленія и требуя ихъ смѣны; королю была подана просьба объ удаленіи Гаугвица и членовъ Кабинета, о замѣнѣ послѣдняго отвѣтственнымъ и благонамѣреннымъ Государственнымъ Совѣтомъ; просьба была подписана принцами королевскаго Дома, извѣстнымъ своею твердостію и смѣлостію, министромъ Штейномъ, двумя генералами, Рюхелемъ и Фулемъ. Король взглянулъ на эту просьбу какъ на посягательство противъ своихъ правъ, сдѣлалъ непосредственно и посредственно строгія внушенія подписавшимъ. Просьба не была исполнена: въ ней высказывалось оскорбительное для короля мнѣніе, что дурные совѣтники ввели его въ заблужденіе, и ошибка можетъ быть поправлена только съ помощію другихъ совѣтниковъ. Но въ характерѣ Фридриха-Вильгельма не было упорства, и онъ счелъ необходимымъ для поддержанія своего значенія на дѣлѣ, а не по праву только, стать на челѣ воинственнаго движенія и этимъ охранить и Гаугвица съ товарищами отъ нареканія: онъ, король, сначала слѣдовалъ извѣстному направленію, и люди приближенные исполняли его волю; теперь, убѣдившись, что прежнее направленіе болѣе не годится, онъ перемѣняетъ его при помощи тѣхъ же старыхъ совѣтниковъ. Дѣйствительно, человѣкъ, завѣдывавшій иностранными сношеніями, Гаугвицъ, давно уже въ Парижѣ, гдѣ Наполеонъ заставилъ его подписать второй союзный договоръ, убѣдился въ необходимости перемѣнить направленіе, убѣдился, что на императора французовъ полагаться нельзя; что отъ сближенія съ Франціею, кромѣ опасности и униженія, нечего ожидать болѣе. Мы видѣли, что Гаугвицъ не былъ преданъ или проданъ Франціи, а держался одинаковаго взгляда съ королемъ, и теперь для него, какъ для короля и, какъ видно, прежде чѣмъ для короля, рушились опоры его прежняго убѣжденія; и для него, какъ для короля, но еще сильнѣе, чѣмъ для короля, явилась необходимость не только уступить восторжествовавшему воинственному направленію, но и стать горячимъ его приверженцемъ, и Гаугвицъ является сильнымъ противникомъ Франціи, проповѣдникомъ необходимости вооруженія.

Но вооружаться противъ Наполеона значило сближаться съ Россіею. Отъ 21-го августа (н. с.) Гольцъ прислалъ успокоительное извѣстіе, что

договоръ, заключенный Убри въ Парижѣ, не ратификованъ въ Петербургѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, начали являться внушенія, что Россія въ непродолжительномъ времени должна будетъ потребовать отъ Пруссіи рѣшительнаго отвѣта, на чьей же она сторонѣ:—на сторонѣ Франціи или Россіи. Мы видѣли, что борьба съ Франціею принимала для Россіи новый обборотъ, затрогивая ея непосредственные интересы и отношенія. Франція дѣйствовала противъ Россіи въ Константинополѣ; естественно было ожидать, что она станетъ дѣйствовать противъ нея въ Польшѣ, и дѣйствовать непосредственно, проведя свои войска черезъ владѣнія Австріи, которая, волею или неволею, должна будетъ согласиться на это. Петербургскій Кабинетъ указывалъ здѣсь Берлинскому предлогъ къ вооруженію, ибо военныя дѣйствія должны происходить въ сосѣдствѣ съ Пруссіею. Въ Петербургѣ все еще сохраняли прежнее мнѣніе, что Гаугвицъ преданъ Франціи, и потому внушали Гольцу, что его необходимо удалить, если король хочетъ рѣшительно сблизиться съ Россіею. Графъ Штакельбергъ, замѣнившій Алопеуса въ Берлинѣ, писалъ Будбергу, отъ 25-го августа (с. с.): «Освободить короля отъ его презрѣннаго и коварнаго окруженія, конечно, есть цѣль самая желательная, но вмѣстѣ и самая трудная для достиженія. Власть этихъ приближенныхъ есть слѣдствіе привычки и ловкости. Первая очень важна относительно государя робкаго, мало привычнаго къ труду, и котораго большой, выпуклый талантъ, вѣроятно, затмилъ бы. Надобно было бы имѣть подъ руками двоихъ незначительныхъ людей, знающихъ, съ одной стороны, ходъ дѣлъ, а съ другой—имѣющихъ легкость въ работѣ, чтобы сейчасъ же замѣнить ими Бейме и Ломбарда. Графъ Гаугвицъ есть не иное что, какъ креатура ихъ обоихъ. Первый человѣкъ дѣйствительно вліятельный и глава всей этой шайки; но его искусно руководитъ Ломбардъ, въ жену котораго Бейме влюбленъ. Послѣдняго не считаютъ такимъ продажнымъ, какъ Ломбарда, который весь состоитъ изъ безнравственности и пороковъ». Такой отзывъ понятенъ: русскіе министры въ Берлинѣ смотрѣли глазами членовъ воинственной партіи, которая вмѣстѣ была и русскою партіею, особенно глазами Гарденберга, завѣдывавшаго тайно сношеніями съ Россіею и теперь уже отъявленнаго врага Гаугвица.

Задача Гаугвица теперь была чрезвычайно трудная—скрыть отъ Наполеона военныя приготовленія Пруссіи, до послѣдней минуты усыпляя его дружественными увѣреніями. Въ этомъ смыслѣ былъ данъ наказъ Луккезини, съ тою же цѣлію былъ отправленъ къ Наполеону генералъ Кнобельсдорфъ. Во Франціи, разумѣется, тотчасъ же узнали о военныхъ приготовленіяхъ въ Пруссіи. Наполеонъ не показалъ никакого раздраженія, не сдѣлалъ Пруссіи грознаго запроса, зачѣмъ она вооружается; онъ принялъ Кнобельсдорфа очень ласково, объявилъ только, что отказъ Русскаго императора ратификовать договоръ Убри заставляетъ Францію усилить свои войска въ Германіи; впрочемъ эта мѣра вовсе не направлена противъ сѣверной Германіи; все вниманіе обращено къ сторонѣ Италіи и Далмаціи. Вслѣдъ затѣмъ между Талейраномъ и Кнобельсдорфомъ началась переписка. Талейранъ указывалъ на вооруженія Пруссіи, на необходимость и для Франціи также вооружаться; писалъ, что императоръ Наполеонъ ни прямо, ни косвенно не подалъ никакого повода къ этой странной ссорѣ; что война между Франціею и Пруссіею есть политическое уродство. А между тѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ читалъ записку графа Гаугвица, гдѣ тотъ заклиналъ короля не вѣрить лживымъ словамъ Наполеона, вступить въ борьбу не ради Пруссіи только, но ради всей Европы, и начать военныя дѣйствія, не дожидаясь помощи другихъ державъ. 21-го сентября (н. с.) Фридрихъ-Вильгельмъ выѣхалъ въ Наумбургъ, чтобъ оттуда отправиться къ войску; 24-го Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ Майнцъ. 26-го изъ Наумбурга король отправилъ къ Наполеону длинное письмо, въ которомъ пересчитывалъ всѣ его захваты, указывалъ на все свое долготерпѣніе, которымъ послѣднія дѣйствія Наполеона положили конецъ. Письмо оканчивалось пожеланіемъ, чтобъ можно было еще удалить дѣло на основаніяхъ, которыя «сохраняли для Наполеона нетронутою всю его славу, а для другихъ народовъ сохраняли честь и поканчивали для Европы лихорадочное состояніе, производимое страхомъ и ожиданіемъ, среди которыхъ никто не можетъ разсчитывать на будущее и сообразить свои обязанности». Эти основанія, отправленныя королемъ какъ ультиматумъ, были: 1) немедленный выходъ французскихъ войскъ изъ Германіи; 2) Франція не должна дѣлать ни малѣйшаго препятствія образованію Сѣверо-Германскаго союза, который долженъ составиться изъ всѣхъ владѣній, не обозначенныхъ въ фундаментальномъ актѣ Рейнскаго союза; 3) немедленное открытіе переговоровъ съ Пруссіею для улаженія всѣхъ споровъ между нею и Франціею; 4) согласіе на переговоры съ другими государствами. Король назначилъ 8-е октября срокомъ для полученія отвѣта на свои требованія: 8-го октября французскія войска начали наступательное движеніе на прусскія. Прусскою арміею начальствовалъ герцогъ Брауншвейгскій, старикъ 71 года. 10-го октября, при Саальфельдѣ, пруссаки потеряли сраженіе, въ которомъ былъ убитъ принцъ Людвигъ-Фердинандъ; 14-го октября они потерпѣли страшное двойное пораженіе при Іенѣ и Ауерштедтѣ, послѣ чего монархія Фридриха II-го развалилась, какъ карточный домикъ. Войско распалось на отряды, которые поодиночкѣ доставались французамъ; сильныя крѣпости сдавались безъ выстрѣла, и 27-го октября Наполеонъ былъ уже въ Берлинѣ.

*

Мы видѣли побужденія, которыя заставили Фридриха-Вильгельма перемѣнить свою политику; но все же можетъ показаться страннымъ, какъ онъ могъ такъ скоро рѣшиться на борьбу съ такимъ страшнымъ врагомъ, первымъ полководцемъ вѣка; какъ могъ такъ понадѣяться на свое войско, на своихъ полководцевъ. Но подобные рѣзкіе переходы именно и возможны у людей съ природою Фридриха-Вильгельма. Изъ нежеланія войны онъ былъ способенъ натянуть свои положеніе до крайности; но все чрезъ мѣру натянутое разрывается, а этотъ разрывъ, эта потеря всѣхъ средствъ держаться долѣе въ прежнемъ положеніи производитъ стремленіе выйдти какъ можно скорѣе изъ этого положенія, выйдти во что бы ни стало. При такомъ состояніи духа обыкновенно обращаются за поддержкою къ такимъ средствамъ, противъ которыхъ прежде выставлялись сильныя возраженія: прежде въ пользу мира и нейтралитета выставлялась слабость Пруссіи, недостаточность ея военныхъ средствъ для борьбы съ Наполеономъ; но когда средства мира исчезли въ сознаніи короля и Гаугвица съ товарищами, схватились за послѣднее средство, которое до сихъ поръ выставляли поборники войны, стали въ немъ искать нравственной поддержки для себя и другихъ. И въ самомъ дѣлѣ—чего же бояться? Австрійцы разбиты Наполеономъ, русскіе разбиты; но прусская армія, армія, созданная Фридрихомъ-Великимъ, остается непобѣжденная и служитъ предметомъ удивленія для иностранцевъ: въ какихъ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о ней Русскій государь! Что прежде выслушивалось съ подозрительною улыбкою, принималось за хвастовство,—то теперь выслушивается съ удовольствіемъ, и вѣрятъ тому, чему желаютъ вѣрить. Съ удовольствіемъ выслушивались пѣсни новыхъ нѣмецкихъ бардовъ, восклицанія: «Теперь предстоитъ борьба за нѣмецкую національность, нравы и свободу; нога чужеземца никогда еще не топтала почву древнихъ каттовъ, херусковъ и саксовъ»! Съ удовольствіемъ выслушивались слова: «Если бы при Ульмѣ и Аустерлицѣ были пруссаки, то дѣла пошли бы иначе. У насъ полководцы, которые войну разумѣютъ, которые смолоду служили; а эти французскіе генералы, портные и сапожники, поднялись въ революцію; они побѣгутъ передъ нашими генералами!» Генералъ Рюхель на парадѣ въ Потсдамѣ сказалъ королю: «Такихъ генераловъ, какъ г. Бонапартъ, въ арміи вашего величества много». Можно было часть этихъ отзывовъ отнести къ патріотическимъ преувеличеніямъ; но оставалось то, что армія, т.-е. ея представители, одушевлены, имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе, подтверждаемое и свидѣтельствомъ чужихъ, а опытъ не говорилъ ничего противъ, возражать было нельзя, да теперь и пріятно стало, что возражать было нечего; нужда заставила приняться за средство непочатое, и успокоительно было слышать, что это средство надежное. Но чѣмъ выше было мнѣніе прусскаго войска, прусскихъ генераловъ о самихъ себѣ, тѣмъ слабѣе было въ нихъ желаніе получить немедленно помощь, вступить въ войну вмѣстѣ съ союзниками. Дожидаться прихода союзниковъ—значило выказать свою слабость; раздѣливъ побѣду съ сильнымъ союзникомъ, надобно было дѣлить съ нимъ и плоды; но мы уже видѣли, что въ Пруссіи боялись русскаго вліянія, не сочувствовали русской политикѣ, которая никакъ не могла помириться съ захватомъ Ганновера: чего же ожидать отъ Россіи, если она получитъ большое вліяніе при будущихъ территоріальныхъ распредѣленіяхъ? Притомъ король сохранялъ до послѣдней минуты надежду, что Наполеонъ будетъ остановленъ рѣшительностію Пруссіи, вступитъ въ переговоры, сдѣлаетъ уступки; съ Наполеономъ было легко уговариваться насчетъ разныхъ пріобрѣтеній, онъ это дѣло понималъ; онъ говорилъ: «Государство, которое не увеличивается, уменьшается»; а въ Россіи этого не понимали, тамъ все какіе-то принципы, политическое равновѣсіе. Наконецъ аустерлицкій опытъ показалъ, что дѣйствовать вмѣстѣ съ союзниками и опасно. Было у всѣхъ въ свѣжей памяти, какъ послѣ Аустерлица пріѣхали въ Берлинъ князь Петръ Долгорукій и австріецъ Штуттергеймъ и спорили, складывая другъ на друга вину пораженія; какъ Штуттергеймъ дошелъ дотого, что упрекалъ императора Александра, зачѣмъ онъ оказалъ такое довѣріе къ начальнику штаба Вейротеру, какъ будто Вейротеръ не былъ данъ съ австрійской стороны. Но еще и прежде Аустерлица вожди прусской патріотической партіи съ неудовольствіемъ слышали о русскомъ союзѣ,—конечно въ надеждѣ, что однихъ херусковъ, каттовъ и саксовъ достаточно для сокрушенія Наполеона: въ сентябрѣ 1804 года, пріѣзжалъ въ Вѣну прусскій принцъ Людвигъ, и когда Кобенцль сталъ ему говорить о необходимости союза между Австріею, Пруссіею и Россіею для борьбы съ Наполеономъ, то принцъ сказалъ: «Какая нужда въ сѣверномъ государствѣ?—Союза Австріи и Пруссіи вполнѣ достаточно». И когда Кобенцль настаивалъ на необходимости участія Россіи, принцъ возразилъ: «Этимъ только затянется дѣло». Послѣ же Аустерлица могли слышаться сильныя возраженія противъ отсрочки войны для соединенія съ русскимъ войскомъ; а въ случаѣ неудачи или продолжительности войны русская помощь была обезпечена обязательствомъ императора Александра. Относительно австрійскаго союза король совершенно справедливо думалъ, что Австрія непремѣнно вступитъ въ союзъ съ Пруссіею—при успѣхѣ послѣдней, но не прежде. Съ Англіею сближаться не хотѣлось по причинѣ Ганновера.

Такимъ образомъ понятно, почему Пруссія поспѣшила вступить въ войну съ Наполеономъ, не дожидаясь союзниковъ. Война кончилась небывалымъ разгромомъ государства, имѣвшаго такое важное значеніе въ политической системѣ Евро-

пы, — государства, имѣвшаго недавніе блестящіе военные успѣхи, обязаннаго своимъ важнымъ значеніемъ побѣдамъ, военному искусству своего знаменитаго короля-полководца. Но военные таланты Фридриха II-го не были унаслѣдованы его преемниками; государство, получившее важное значеніе вслѣдствіе побѣдъ и завоеваній, стало отличаться миролюбивою политикою, стремленіемъ сохранять и пріобрѣтать не силою оружія, но ловкостію политическою, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, стало жить насчетъ прошедшаго, жить славою, памятью прежнихъ побѣдъ; Пруссія сохранила видъ военнаго государства, войско стояло на первомъ планѣ, но стояло какъ памятникъ, какъ драгоцѣнная археологическая рѣдкость, тщательно сохраняемая, недопускавшая ничего новаго, никакихъ измѣненій. Поддержка почтеннаго памятника старины стоила дорого; имъ хвалились, имъ грозили; но все же это былъ только памятникъ, въ сущности что-то мертвое, безъ движенія, что-то оторванное отъ общей жизни, не входившее живымъ образомъ въ организмъ народный. Но естествеено бываетъ поползновеніе пренебрегать существеннымъ, когда что-либо дѣлается напоказъ, когда преобладаетъ форма и духъ ослабѣваетъ. Въ образцовомъ войскѣ вооруженіе было плохое; было множество ненужныхъ вещей, годныхъ только для парада, и между тѣмъ у цѣлаго полка ружья никуда не годились. Генералы, офицеры были большею частію старики; изъ семи полныхъ генераловъ младшіе имѣли 58 и 59 лѣтъ, четверо было семидесятилѣтнихъ и одинъ восьмидесяти-лѣтній; изъ генералъ-лейтенантовъ младшій имѣлъ 52 года, девять по семидесяти и 11-ть по шестидесяти лѣтъ. Но вредъ происходилъ не отъ преклонныхъ лѣтъ, а оттого, что старики, вмѣсто живой, непрерывной опытности, отличались дряхлостію, отвычкою отъ дѣятельности, давно умерли для настоящаго, для движенія, и жили одною стариною. Военныя экзерциціи состояли изъ старыхъ штукъ, и, умѣя въ совершенствѣ продѣлывать эти штуки, считали себя неподражаемыми мастерами тактики. Армія состояла только частію изъ природныхъ пруссаковъ, другую же часть составляли, по вербовкѣ, иностранцы, искатели приключеній, бродяги, склонные къ бѣгамъ. И такая армія стоила дорого не въ одномъ матеріальномъ отношеніи, не потому только, что на нее тратилось много денегъ: офицеры, особенно въ гарнизонныхъ мѣстахъ, господствовали неограниченно; генералъ былъ деспотъ, не обращавшій вниманія ни на какое состояніе, ни на какую образованность, ни на какой возрастъ, ни на какое личное значеніе вообще, — никто не былъ изъятъ отъ оскорбленія съ его стороны.

Трупъ, отлично сохранившійся въ безвоздушномъ пространствѣ, разсыпался при выносѣ на свѣжій воздухъ. Но, разумѣется, этого не предвидѣли, думая, что имѣютъ дѣло вовсе не съ трупомъ, а съ чѣмъ-то живымъ и крѣпкимъ. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное неожиданнымъ разрушеніемъ, тѣмъ большій упадокъ духа послѣдовалъ, когда, вмѣсто ожидаемаго торжества, увидали небывалое позорное пораженіе. Губернаторъ Берлина, графъ Шуленбургъ, издалъ прокламацію, въ которой говорилось, что главная обязанность гражданина есть сохраненіе спокойствія, и когда обнаружилось патріотическое движеніе, когда стали являться охотники вступить въ войско, губернаторъ съ неудовольствіемъ отказывалъ. Министры, чиновники присягнули побѣдителю. Ударъ оглушилъ, но на время только; страшное бѣдствіе возбуждало нравственныя силы и вело къ благотворному, живоносному движенію, къ излеченію больнаго организма. Но побѣдитель пользовался своимъ временемъ. Успѣхъ и несчастіе—два мѣрила нравственныхъ силъ души человѣческой, и теперь это измѣреніе чрезвычайнымъ успѣхомъ оказалось къ невыгодѣ Наполеона; онъ разнуздался и сталъ, какъ дикарь, ругаться надъ побѣжденными, съ забвеніемъ всякаго приличія. Прусской королевѣ приписывалось сильное участіе въ патріотическомъ, воинственномъ движеніи, и Наполеонъ, побѣдивъ мужчинъ, объявилъ теперь войну женщинамъ. Въ бюллетеняхъ королева Луиза выставлялась красотою, погубившею Пруссію, какъ Елена погубила Трою. Въ Вюртембергѣ цензоръ вычеркнулъ изъ газеты, приводившей бюллетень, выходки противъ королевы Луизы: вюртембергское правительство отставило цензора отъ должности. Наполеонъ не ограничивался бюллетенями; принимая прусскихъ сановниковъ, онъ говорилъ имъ: «Ваши жены хотѣли войны: ну, вотъ, теперь вы видите плоды этого». Повторялъ, что королева Луиза погубила Пруссію, какъ Марія-Антуанета—Францію. Обратившись къ турецкому посланнику, сказалъ: «Вы, османы, правы, что запираете женщинъ».

Но въ то время, какъ Наполеонъ велъ войну противъ женщинъ, что дѣлали мужчины? Они вели мирные переговоры съ побѣдителемъ. 30 октября (н. с.) съ французской стороны были предложены слѣдующія основанія мира. Пруссія соглашается на приступленіе Саксоніи и всѣхъ государствъ на лѣвамъ берегу Эльбы къ Рейнскому союзу и на всѣ распоряженія, которыя императоръ Наполеонъ сдѣлаетъ относительно этихъ государствъ; Пруссія уступитъ Франціи все, чѣмъ владѣетъ на лѣвомъ берегу Эльбы, исключая провинціи Магдебургскую и Старую Мархію; платитъ сто милліоновъ франковъ военной контрибуціи. Фридрихъ-Вильгельмъ, который переѣзжалъ изъ одного города въ другой, ища безопасности, соглашался на эти основанія; но когда французы заняли Познань и проникли до Вислы, когда имъ сдались Магдебургъ и Кюстринъ, то Наполеонъ возвысилъ свои требованія, предложилъ перемиріе на тяжелыхъ условіяхъ. По мнѣнію Штейна и Гарденберга, этихъ условій принять было нельзя: «Теперь», — писалъ Штейнъ Гарденбергу, — «мы

должны смотрѣть на себя какъ на союзниковъ Россіи, на свою страну—какъ на ея страну».— «Мы должны», — отвѣчалъ Гарденбергъ,—«смотрѣть на себя, какъ на находящихся подъ покровительствомъ Россіи, какъ на простыхъ ея союзниковъ; двигаться исключительно по ея указаніямъ и отвоевать съ нею нашу честь и наше существованіе, или погибнуть подлѣ нея». Въ Остероде, гдѣ находился тогда король, созванъ былъ Совѣтъ по вопросу—принимать или отвергнуть новыя наполеонскія условія перемирія. Гаугвицъ съ большинствомъ былъ за принятіе условій; Штейнъ, другой министръ Фоссъ, генералъ Кёкерицъ и тайный кабинетъ-совѣтникъ Бейме—противъ принятія. Замѣчаютъ, что оба послѣдніе подали свой голосъ противъ, зная, что король заранѣе рѣшилъ не принимать условій. Когда это королевское рѣшеніе было объявлено, Гаугвицъ сталъ просить отставки, потому что отказъ на требованія Наполеона предполагалъ войну въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею; но при явномъ нерасположеніи Русскаго Двора къ нему, Гаугвицу, онъ не могъ оставаться министромъ иностранныхъ дѣлъ. Король, хотя съ горестію, долженъ былъ согласиться на удаленіе Гаугвица, считая это необходимымъ при отношеніяхъ своихъ къ Русскому императору.

Когда въ Петербургъ достигли слухи о пораженіяхъ прусскаго войска, императоръ Александръ написалъ Фридриху-Вильгельму, возобновляя самое торжественное увѣреніе, что онъ никогда не измѣнитъ извѣстныхъ королю расположеній своихъ. «Будучи вдвойнѣ связанъ съ в. в-ствомъ и узами политическаго союза, и узами самой нѣжной дружбы, я не пощажу»,—писалъ Александръ,—«никакихъ пожертвованій и стараній, чтобъ показать всю силу моего подчиненія драгоцѣннымъ обязанностямъ, налагаемымъ на меня союзомъ и дружбою. По характеру чувствъ моихъ, они могутъ только удвоиться, если это возможно, вслѣдствіе положенія, въ какомъ в. в-ство находитесь. Корпусъ генерала Беннигсена уже въ походѣ; корпусъ Буксгевдена, въ числѣ 60,000 человѣкъ, будетъ немедленно готовъ его поддерживать. Соединимся еще тѣснѣе, чѣмъ прежде: останемся вѣрны принципамъ чести и славы, и предоставимъ остальное Провидѣнію, которое не преминетъ положить конецъ успѣхамъ тиранства, доставивъ торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу». Въ разговорахъ съ прусскимъ посланникомъ, Гольцемъ, Александръ подробнѣе изложилъ свои взгляды на событія. «Я трепещу»,—говорилъ онъ,—«чтобъ Наполеонъ не сдѣлалъ вашему государю предложеній, которыя заставятъ его вступить въ непосредственные переговоры. Я боюсь, что Наполеонъ сначала будетъ уступчивъ и мягокъ, чтобъ тѣмъ удобнѣе впослѣдствіи заставить короля почувствовать всю тяжесть своей опасной дружбы. Онъ, конечно, не ограничится тѣмъ, что возьметъ у короля нѣсколько провинцій; онъ постарается впутать его въ свои интересы, заставитъ его гарантировать независимость Порты и такимъ образомъ приготовитъ всѣ предлоги къ будущей ссорѣ съ Россіею, и король, желающій единственно спокойствія, будетъ, по примѣру Баваріи, вовлеченъ въ войны, которыя заставятъ сердце его обливаться кровью и вконецъ истощатъ средства его государства. Нѣтъ, я не вижу возможности мира честнаго и удовлетворительнаго, и если такъ, то должно продолжать войну, которая, при дѣятельной помощи Россіи, представляетъ возможность благопріятнаго исхода. Мои интересы тождественны съ интересами Пруссіи; моя дружба съ королемъ, равно какъ моя политика и безопасность моей имперіи настойчиво требуютъ, чтобъ я удержалъ Пруссію отъ паденія. Устойчивость короля и моя помощь заставятъ Австрію высказаться въ пользу Пруссіи; наканунѣ открытія войны между мною и Портою, Австріи остается только это, если она не хочетъ быть порабощена Франціей, а примѣръ Австріи увлечетъ всѣ государства, которыя еще отказываются принять прямое участіе въ войнѣ. На мѣстѣ короля я бы вотъ что сдѣлалъ: я бы сталъ избѣгать битвы, сосредоточилъ бы свое войско за Одеромъ, удерживалъ бы эту позицію до послѣдней крайности, и въ случаѣ новыхъ неудачъ отступилъ бы дальше для соединенія съ русскими. Бонапартъ началъ бы бояться за себя и не рѣшился бы идти дальше, онъ уступилъ бы устойчивости то, чего не уступилъ бы силѣ оружія. Но я долженъ вамъ признаться, что если король заключитъ миръ, то я буду считать все потеряннымъ, и интересы моего собственнаго государства заставятъ меня перемѣнить систему и взгляды. Если король заключитъ миръ, то ничто не разубѣдитъ меня въ томъ, что внутри его государства есть враги общаго дѣла, благопріятели Франціи, которые, быть можетъ, охотно довели бы дѣло до разрыва съ нею, будучи заранѣе увѣрены, что борьба не будетъ выдержана, и Пруссія посредствомъ мира будетъ поставлена въ полную зависимость отъ Франціи». Послѣднія слова прямо относились къ Гаугвицу, котораго теперь упрекали въ томъ, что онъ былъ виновникомъ поспѣшнаго разрыва съ Франціею. Король въ слѣдующихъ выраженіяхъ увѣдомилъ императора объ отставкѣ Гаугвица: «Министръ, занимающій первое мѣсто въ моемъ Кабинетѣ, не внушалъ в. и. в-ству довѣрія въ той степени, въ какой я питаю его къ нему вслѣдствіе его талантовъ, долгой службы и просвѣщеннаго патріотизма. В. в-ство знаете, какъ мнѣ было это тяжело, ибо я былъ увѣренъ, что если бы вы знали его покороче, то сочли бы его достойнымъ своей высокой благосклонности, которой онъ такъ всегда сильно желалъ. Однако опасеніе, что его завѣдываніе иностранными дѣлами можетъ хоть сколько-нибудь нарушить довѣріе, которое теперь болѣе чѣмъ когда-либо должно служить основаніемъ нашихъ отношеній, заставило меня принять его просьбу объ отставкѣ. Признаюсь, я

сдѣлалъ это съ сожалѣніемъ, но въ убѣжденіи, что долженъ былъ принести жертву этимъ самымъ отношеніямъ,—жертву, которая бы снова упрочила всю правду и силу моихъ несокрушимыхъ чувствъ». Касательно борьбы, на которую рѣшился король, онъ писалъ Александру: «Примите, государь, торжественное обѣщаніе, что я положу оружіе противъ отъявленнаго врага европейской независимости только тогда, когда ваши интересы, съ этихъ поръ неразрывно связанные съ моими, заставятъ васъ самихъ этого желать. Таково мое твердое рѣшеніе».

Въ другой разъ императоръ Александръ долженъ былъ исполнять свои союзническія обязанности при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, долженъ былъ не соединять свои силы съ свѣжими, бодрыми силами союзника, но спѣшить на помощь къ союзнику пораженному, потерявшему матеріальныя и нравственныя средства, брать такимъ образомъ на одно свое войско удары побѣдоноснаго врага. Какъ нарочно, Пруссія въ 1806 году сдѣлала то же самое, что Австрія въ 1805: вдругъ, не дождавшись русской помощи, выдвинула свое войско подъ удары Наполеона, дала ему разбить себя въ одиночку, и теперь должна была бороться съ нимъ Россія, также въ одиночку, что именно и было ему нужно; такъ-что оба раза коалиціи въ сущности не было, и это объясняетъ неудачу обѣихъ войнъ. Въ приведенномъ разговорѣ съ Гольцемъ Александръ прямо объяснилъ побужденія, заставлявшія его спѣшить на помощь Пруссіи и уговаривать ея короля не мириться съ Наполеономъ: Пруссію необходимо было поднять и привязать къ себѣ, иначе она непремѣнно становилась въ рукахъ Наполеона орудіемъ противъ Россіи относительно самыхъ важныхъ русскихъ интересовъ, относительно Восточнаго и Польскаго вопросовъ. Остаться равнодушнымъ къ судьбѣ Пруссіи значило то же самое, что во время войны дать непріятелю овладѣть выгодною мѣстностію или крѣпостію и обратить ея выгоды противъ насъ, все равно, что позволить нашъ собственный авангардъ обратить противъ нашего же войска. Наполеонъ не думалъ, чтобъ Александръ, послѣ Аустерлица, рѣшился поддерживать Пруссію въ обстоятельствахъ еще менѣе выгодныхъ, чѣмъ въ прошломъ году передъ Аустерлицемъ, и потому сдѣлалъ ошибку, предложивши Пруссіи слишкомъ тяжелыя условія, поднявши этимъ патріотическую партію, которая представляла, что отчаяваться нечего; что въ народѣ сильное одушевленіе; что, при помощи Россіи, можно надѣяться на успѣхъ,— и король оперся на этихъ представленіяхъ. Наполеонъ увидѣлъ свою ошибку. Въ порывѣ раздраженія онъ высказалъ угрозу: «Если русскіе будутъ побиты, то не будетъ больше короля Прусскаго». *«Если»!* А если нѣтъ, или съ ними будетъ не война, а *рѣзня*, какъ уже былъ опытъ? Кампанія была кончена необыкновенно блестящимъ образомъ, войско ждало славнаго мира, отдыха, а тутъ новая война съ непріятелемъ, отличающимся упорствомъ, война въ неблагопріятной мѣстности, въ самое неблагопріятное время года; притомъ Наполеону неравилось долгое отсутствіе изъ Франціи, могшее дать большую свободу внутреннимъ врагамъ. Наполеонъ сталъ толковать о своей склонности къ миру; но миръ долженъ быть общій, твердый, въ одно время съ Россіею и Англіею. Отъ этого зависитъ судьба Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ поколебался отъ страха и надежды, и отправилъ въ Петербургъ предложеніе начать мирные переговоры. есть новая важная выгода, Наполеонъ хочетъ договариваться въ одно время съ Россіею, Англіею и Пруссіею, и мирные переговоры не остановятъ военныхъ дѣйствій. Императоръ Александръ не отвергъ предложенія, требуя только подробностей насчетъ основаній мира, а между тѣмъ военныя дѣйствія уже начались. Мы видѣли, что двинуты были въ Пруссію два корпуса подъ начальствомъ Беннигсена и Буксгевдена; но для единства дѣйствія нуженъ былъ главнокомандующій, подъ начальство котораго поступилъ бы и остатокъ прусскаго войска. Александръ далъ знать королю, что назначаетъ главнокомандующимъ фельдмаршала графа Каменскаго: «Во всѣхъ отношеніяхъ»,— писалъ императоръ,—«онъ способенъ къ должности, которую я на него возложилъ: съ обширными военными познаніями онъ соединяетъ большую опытность, пользуется довѣріемъ войска, народа и моимъ». Каменскій былъ старый генералъ, пріобрѣтшій извѣстность въ екатерининское время; при Павлѣ онъ былъ сдѣланъ графомъ и фельдмаршаломъ не за военные подвиги, а за то, что былъ въ опалѣ при Екатеринѣ за невыносимый характеръ и жестокое обращеніе съ подчиненными; но и при Павлѣ онъ былъ скоро уволенъ отъ службы, послѣ чего десять лѣтъ жилъ въ деревнѣ. Слава Каменскаго выросла отъ удаленія, отъ опалы, отъ отсутствія людей, выдающихся военными способностями, отъ затруднительнаго положенія, въ какомъ находилась Россія, и Каменскій пріобрѣлъ довѣріе, о которомъ говорилъ императоръ; русская фамилія также способствовала этому довѣрію у войска и народа. Александръ послѣ говорилъ, что назначилъ Каменскаго противъ своего убѣжденія, уступая общественному мнѣнію. 69-лѣтній больной старикъ, давно отвыкшій отъ дѣла, принялъ на себя страшную обязанность бороться съ Наполеономъ. Но мы знаемъ, что всѣ лучшіе генералы считали лучшимъ средствомъ въ борьбѣ съ Наполеономъ избѣганіе рѣшительныхъ битвъ, отступленіе, затягиваніе непріятеля; поэтому неудивительно, что, прибывши къ войску въ Пултускъ, найдя его въ неудовлетворительномъ положеніи и слыша о наступленіи Наполеона, Каменскій отдалъ приказаніе отступать къ границамъ, и, зная, что отъ него вовсе не этого ожидали въ Россіи, послалъ къ государю просьбу объ увольненіи. Беннигсенъ не исполнилъ приказанія Каменскаго, встрѣтилъ и отбилъ французовъ у Пултуска (14 декабря) съ большимъ для нихъ урономъ. Сраженіе подъ Пул-

тускомъ доставило ему главное начальство надъ войскомъ.

Начало 1807 года ознаменовалось страшною рѣзнею: болѣе 50,000 мертвыхъ и раненыхъ покрыли снѣжныя поля подъ Прейссишъ-Элайу 26 и 27 января; битва была нерѣшительная. Наполеонъ, по собственнымъ его словамъ, потому только призналъ себя побѣдителемъ, что русскіе, послѣ битвы, первые тронулись отъ Элайу къ Кёнигсбергу. Но впечатлѣніе битвы, гдѣ Наполеонъ не разбилъ непріятеля и гдѣ потерялъ почти половину войска и болѣе десятка орловъ, было страшное. Непобѣда значила пораженіе: такъ Наполеонъ пріучилъ Францію и Европу смотрѣть на свои войны. Французское войско упало духомъ, къ чему оно такъ склонно при неудачѣ; въ Парижѣ ужасъ, бумаги на биржѣ упали; Наполеонъ послалъ приказаніе своимъ сановникамъ давать балы, чтобъ разсѣять грустное настроеніе общества. Дѣйствительно, положеніе Наполеона было крайне непріятное; новая кампанія противъ новаго врага только-что начиналась, и начиналась неуспѣшно; одно враждебное государство было побѣждено, почти все занято, а на границѣ новый непріятель, который дерется отчаянно; битва при Эйлау вовсе не похожа на Аустерлицкую. Но нельзя ли слѣдствія ея сдѣлать похожими на слѣдствія Аустерлица? Русскіе не уйдутъ, не прекратятъ войны; но если Пруссія, которая теперь въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ была Австрія послѣ Аустерлица, согласится на миръ? Фридрихъ-Вильгельмъ жилъ тогда въ Мемелѣ, чтобъ быть, на всякій случай, какъ можно ближе къ Россіи; въ Мемель явился къ нему французскій генералъ Бертранъ съ мирными предложеніями отъ Наполеона: «Жалко стало императору французовъ видѣть, какъ Россія затрудняетъ заключеніе мира и Пруссія продолжаетъ страдать отъ войны; императору хотѣлось узнать поближе Польшу, и теперь онъ убѣдился, что эта страна не должна имѣть независимаго существованія; императоръ поставилъ себѣ въ славу возвратить королю его владѣнія и его права; ему желательно одному пріобрѣсть за это благодарность, безъ чьего бы то ни было вмѣшательства. Съ этой точки зрѣнія легко было бы согласиться на условія, которыя дали бы королю возможность снова пріобрѣсть силы, необходимыя для полученія прежняго мѣста среди государей европейскихъ. Вслѣдствіе всего этого, императоръ ожидаетъ, что король пришлетъ къ нему довѣренное лицо для заключенія мира, посредствомъ котораго онъ можетъ очень скоро возвратиться въ свои замки. Императоръ Наполеонъ не требуетъ отъ короля никакаго пожертвованія относительно союзниковъ и друзей, онъ даетъ ему право улаживаться съ ними, какъ онъ сочтетъ для себя выгоднымъ, а императоръ самъ по себѣ будетъ имѣть дѣло съ Россіею и Англіею, и какъ скоро между Франціею и Пруссіею миръ будетъ заключенъ, французскія войска немедленно очистятъ прусскія владѣнія». Смыслъ былъ ясенъ: миръ Франціи съ Пруссіею прекратитъ войну, французскія войска оставятъ Пруссію; Россія, поневолѣ, не имѣя съ кѣмъ сражаться, уведетъ свои войска; Наполеонъ съ торжествомъ возвратится во Францію, какъ послѣ Аустерлица: онъ однимъ ударомъ сокрушилъ монархію Фридриха II, гордую своимъ войскомъ; передъ нимъ русскіе отступили послѣ рѣзни при Эйлау; Пруссія, счастливая тѣмъ, что могла получить миръ не столь тяжкій, нескоро опомнится отъ пораженія, нескоро задумаетъ мѣшать планамъ іенскаго побѣдителя; Австрія — также; а это изолируетъ Россію, уничтожитъ возможность континентальныхъ коалицій. Но первая часть рѣчей, переданныхъ Бертраномъ, была уже слишкомъ наивна, била совершенно мимо, указывая прямо, что предлагающій находится въ непріятномъ положеніи, и потому принимать эти предложенія не слѣдуетъ. Въ совѣщаніи у короля министръ иностранныхъ дѣлъ, замѣнившій Гаугвица, генералъ Застровъ, признавалъ необходимость принять предложенія Наполеона; Гарденбергъ говорилъ противъ, — и король согласился съ нимъ. 5 марта (н. ст.) Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ къ императору Александру только-что полученное письмо Наполеона, причемъ писалъ: «Языкъ его носитъ печать увѣренности, но я вамъ предоставляю судить, должны ли мы этому вѣрить. Онъ предлагаетъ также перемиріе». — «Послѣ всего того, что произошло въ послѣднее время», — отвѣчалъ Александръ, — «было бы верхомъ ослѣпленія надѣяться получить прочный и честный миръ одиночнымъ соглашеніемъ съ Франціею. Отдѣльный миръ между вашимъ величествомъ и Франціею будетъ только средствомъ временнымъ и мнимымъ, Пруссія увидитъ себя осужденною остаться подъ игомъ Франціи. Наши средства еще довольно значительны и даютъ намъ возможность продолжать борьбу съ энергіею. Въ то же время умоляю ваше величество подумать, что я долженъ сдѣлать по обязанностямъ моимъ къ собственной странѣ, если я долженъ остаться одинъ. Гоню отъ себя эту мысль, и сердце мое говоритъ мнѣ, что съ такимъ союзникомъ, какъ вы, подобное опасеніе невозможно. Если бы Бонапартъ хотѣлъ искренняго соглашенія съ вашимъ величествомъ, то онъ сообщилъ бы вамъ основанія этого соглашенія. Онъ бы обратилъ вниманіе на прочность узъ, связывающихъ Пруссію съ Россіею; онъ бы сообразилъ, что ваше величество, извѣдавъ по печальному опыту его двоедушіе, никогда не согласитесь отдѣлить свои интересы отъ интересовъ союзническихъ; но ему ни до чего дѣла нѣтъ, и самая крайность его безстыдства является для меня новою причиною причислить и эти коварныя предложенія къ такимъ хитростямъ, которыя онъ такъ любитъ употреблять и которыя такъ часто служили ему съ успѣхомъ для того, чтобъ ослаблять усилія, противъ него направленныя, и сѣять несогласіе между противниками. Бонапартъ изъявлялъ также желаніе мириться съ Россіею и

Англіею, но и здѣсь та же неопредѣленность, недопускающая никакого довѣрія. Россія достаточно доказала, что она хочетъ мира не мнимаго, котораго выгоды исключительно были бы на сторонѣ Франціи: она хочетъ мира справедливаго и прочнаго; то же должно предполагать и со стороны Англіи. Такъ пусть Бонапартъ объяснится точно и прямо объ условіяхъ, на которыхъ онъ хочетъ мириться съ Пруссіею, Россіею и Англіею, и онъ увидитъ готовность этихъ государствъ уступить все, что совмѣстно съ ихъ интересами и достоинствомъ».

2 апрѣля (н. ст.) пріѣхалъ въ Мемель императоръ Александръ. Къ нему приступили со всѣхъ сторонъ съ политическими и военными планами. Гарденбергъ, котораго императоръ хотѣлъ непремѣнно сдѣлать министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто Застрова, и достигъ, наконецъ, своей цѣли,—Ганденбергъ предлагалъ употребить всѣ усилія, чтобъ поднять Австрію противъ Наполеона и побудить Англію помогать рѣшительнѣе. Императоръ Александръ, разумѣется, былъ съ этимъ совершенно согласенъ, но ни Австрія, ни Англія не двигались. Гарденбергъ предполагалъ, что Пруссія не въ состояніи сопротивляться малѣйшему удару со стороны Франціи, если не сдѣлать ее сильнѣе увеличеніемъ территоріи, лучшимъ округленіемъ и лучшими границами: Наполеонъ, чтобъ отвлечь Саксонію отъ Пруссіи, сдѣлалъ Саксонскаго курфюрста королемъ; по мнѣнію Гарденберга, хорошо было бы этого новаго короля перевести въ Польшу, а Пруссію, за потерю польскихъ областей, вознаградить Саксоніею. И это было принято во вниманіе; но нельзя было дѣлить шкуру, не убивши медвѣдя. Чтобъ убить медвѣдя, предлагались разные планы, но ни одного изъ нихъ нельзя было принять. Находясь въ крайнемъ затрудненіи, не находя ни между своими, ни между чужими людей, которыхъ можно было бы выставить противъ Наполеона, императоръ Александръ пришелъ къ мысли заняться самому изученіемъ военнаго искусства—сначала теоретически, для чего принялъ въ свою службу изъ прусской генерала Фуля, имѣвшаго извѣстность отличнаго теоретика, хотя и сомнѣвались въ его способности прилагать къ дѣлу свои познанія. Любопытный проектъ военно-политическаго свойства былъ представленъ княземъ Радзивилломъ: никто не сомнѣвался въ намѣреніи Наполеона употребить Польшу орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей въ восточной Европѣ, т.-е. для подчиненія и ея своему вліянію, какъ подчинялась ему западная Европа; отсюда у людей, боровшихся съ Наполеономъ, естественно должна была явиться мысль идти тѣмъ же ходомъ, употреблять Польшу орудіемъ противъ Наполеона; но Польшу можно было поднять противъ кого бы то ни было только обѣщаніемъ ея возстановленія. О чемъ до сихъ поръ только тайкомъ толковалось въ петербургскихъ дворцахъ между императоромъ Александромъ и другомъ его юности, княземъ Чарторыйскимъ,—о томъ теперь явно разсуждалось въ совѣщаніяхъ между государями и ихъ министрами. Мы видѣли, что Гарденбергъ предлагалъ возстановленіе Польши, съ чисто-прусской точки зрѣнія: отдать Польшу Саксонскому королю, а Саксонію присоединить къ Пруссіи; но это могло случиться, разумѣется, только при сведеніи счетовъ послѣ пораженія Наполеона. Радзивиллъ предлагаетъ другое: поляки поднимаются по внушенію Наполеона, который манитъ ихъ независимостію; надобно возбудить между ними возстаніе противоположное,—противъ Наполеона, обѣщая имъ независимость со стороны Пруссіи и Россіи. Король Прусскій долженъ былъ принять титулъ короля Великой Польши, императоръ Русскій — титулъ короля Литовскаго, великаго герцога Подольскаго и Волынскаго; оба государя должны устроить польскіе легіоны и тѣмъ отвлечь поляковъ отъ Франціи; князь Радзивиллъ хотѣлъ самъ стать въ челѣ прусско-польскихъ легіоновъ. Король былъ согласенъ на проектъ Радзивилла, который сбирался въ маѣ мѣсяцѣ ѣхать въ Вѣну черезъ Галицію, чтобъ по дорогѣ переговорить съ разными поляками.

Но что же главнокомандующій Беннигсенъ,—какіе были его планы? Онъ о нихъ молчалъ, и напрасно императоръ Александръ предлагалъ ему произнести сужденіе о чужихъ планахъ, или начертать свой. Беннигсенъ упорно молчалъ; молчалъ и человѣкъ, пользовавшійся полною его довѣренностію, генералъ-квартирмейстеръ Штейнгейль,—и вотъ образуется мнѣніе: генералъ Беннигсенъ человѣкъ лично храбрый и хладнокровный на полѣ сраженіи; но у него нѣтъ способностей главнокомандующаго; ему чужды великіе стратегическіе замыслы, притомъ же онъ человѣкъ болѣзненный. Рѣшеніе насчетъ справедливости этого приговора мы предоставляемъ спеціалистамъ, военнымъ историкамъ. Мы сообщимъ только результатъ своихъ наблюденій. Мы видимъ, что лучшіе генералы въ борьбѣ съ Наполеономъ имѣютъ одинъ планъ: они совѣтуютъ прежде всего не начинать съ нимъ войны; когда же война начата, стараются уклониться отъ рѣшительныхъ битвъ, отступаютъ; принужденные принять сраженіе, даже когда имъ удавалось сдѣлать исходъ его нерѣшительнымъ, они опять отступали, поставляя главнымъ средствомъ успѣха завлечь геніальнаго полководца въ положеніе для него новое, крайне затруднительное, воспользоваться особенными условіями мѣста и времени года, наконецъ задавить многочисленностію. Планъ—тяжкій для личнаго и народнаго самолюбія, но тѣмъ болѣе мы должны поставить его въ заслугу людямъ, которые имъ руководствовались. Мы видѣли поведеніе эрцгерцога Карла, поведеніе нашего Кутузова, его нежеланіе принять Аустерлицкое сраженіе. На него пало обвиненіе, зачѣмъ онъ ненастойчиво высказалъ это нежеланіе, зачѣмъ не отступилъ въ Венгрію и т. д. Генералъ, которому суждено было имѣть

главное начальство надъ русскими войсками во второй борьбѣ съ Наполеономъ, хорошо воспользовался опытомъ прошлаго: онъ избѣгаетъ наступательныхъ движеній; принявши поневолѣ сраженіе, выдержавши рѣзню, онъ отступаетъ, онъ протягиваетъ время, затягиваетъ непріятеля; Наполеону теперь еще желательнѣе, чѣмъ въ 1805 году въ Моравіи, сразиться съ непріятелемъ, побѣдить его, кончить войну и съ торжествомъ возвратиться во Францію, которую нельзя оставлять на такое долгое время; Беннигсенъ твердо стоитъ на томъ, чтобъ не исполнять желаніе врага, не давать ему битвы. Планъ его ясенъ; зачѣмъ же Беннигсенъ молчитъ? Высказаться трудно; онъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ Кутузовъ въ Моравіи.

Нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ вести войну въ землѣ союзника, для поддержанія, спасенія котораго война и ведется. Народъ потерпѣлъ страшное пораженіе; земля его занята непріятелемъ самымъ безцеремоннымъ образомъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ; но остается надежда избавленія: идетъ союзное войско! Чѣмъ сильнѣе страданія, тѣмъ сильнѣе желаніе избавиться отъ этихъ страданій какъ можно скорѣе; всѣ сгараютъ отъ нетерпѣнія, чтобъ союзное войско поспѣшнѣе сразилось съ непріятелемъ, побило его, выгнало изъ страны. Въ этой болѣзненной нетерпѣливости избавиться отъ бѣдствій, никто не разсуждаетъ, что борьба идетъ съ первымъ полководцемъ вѣка; что первая обязанность его противника быть Фабіемъ въ отношеніи къ новому Аннибалу. Медленность въ движеніяхъ, избѣганіе рѣшительныхъ битвъ, продолжая бѣдствія войны, страданія народа, вызываютъ вопли негодованія, проклятія противъ медленнаго полководца. Больной въ страшныхъ спазмахъ кричитъ, чтобъ лекарь какъ можно скорѣе далъ ему чего-нибудь, что бы сейчасъ же облегчило его страданія, а лекарь говоритъ, что такихъ средствъ нѣтъ, что надобно потерпѣть, припадокъ пройдетъ самъ собою, надобно дѣйствовать медленно и радикально противъ причины болѣзни; естественно противъ лекаря раздаются проклятія со стороны больнаго и людей къ нему близкихъ: что это за лекарь?—нѣтъ у него средствъ прекратить немедленно страданія! Такіе же вопли раздавались противъ Беннигсена отъ болѣзненно нетерпѣливыхъ пруссаковъ. А тутъ еще новыя причины къ неудовольствіямъ. Продовольственная часть въ русскомъ войскѣ далеко не отличалась правильностію и безкорыстіемъ людей, ею завѣдывавшихъ; раздѣленія занятій не было; все зависѣло отъ главнокомандующаго, который былъ обремененъ несвойственными ему занятіями. Если голодные солдаты воспользуются случаемъ утолить свой голодъ насчетъ мѣстныхъ жителей, то отсюда новые вопли: «Союзники, вмѣсто помощи, разоряютъ землю! Москвитяне думаютъ объ одномъ,—какъ-бы опустошить страну и защитить себя этою пустынею. Если Австрія и Англія намъ не помогутъ, надобно хлопотать о мирѣ. Русскіе не избавятъ насъ отъ ига; предположимъ, что вмѣсто Беннигсена будетъ другой полководецъ, который будетъ послѣ своихъ побѣдъ ходить впередъ, а не назадъ, то мы все же получимъ отъ него не страну, а пустыню». Относительно безпорядковъ по части продовольственной обвиняли самого главнокомандующаго, по крайней мѣрѣ его жену, будто бы бравшую богатые подарки. Мы не имѣетъ теперь средствъ ни принять, ни отвергнуть этого обвиненія; но легко понять, какъ подобное мнѣніе вредило Беннигсену, тѣмъ болѣе - что личныя средства защиты были у него слабы: онъ не могъ быть популяренъ въ войскѣ, ибо не только носилъ иностранную фамилію, что нисколько не мѣшало бы ему быть истымъ русскимъ и популярнымъ между русскими, но онъ не владѣлъ русскимъ языкомъ, не могъ говорить съ солдатомъ. Говорятъ, что сознаніе этого безсилія своего, невозможности пріобрѣтенія популярности заставляло Беннигсена быть слабымъ относительно нарушенія дисциплины, что имѣло чрезвычайно вредныя слѣдствія и не могло ни въ комъ поднять уваженія къ главнокомандующему, тѣмъ менѣе въ недавнихъ товарищахъ его, генералахъ, которые простили бы внезапное возвышеніе побѣдителю-полководцу, блистательно ведшему кампанію, но не хотѣли оказывать должнаго уваженія человѣку, отступавшему или державшему войско въ бездѣйствіи, скрытному и—къ довершенію всего—не-русскому. Вражда генераловъ къ Беннигсену достигла такой степени, что государь принужденъ былъ отправить къ войску Новосильцева для потушенія этихъ распрей; но этотъ самый пріѣздъ Новосильцева для того, чего Беннигсенъ самъ не могъ сдѣлать, не могъ поднять значенія послѣдняго. Наконецъ, на Беннигсенѣ лежало пятно участія въ мрачномъ событіи, предшествовавшемъ воцаренію императора Александра. Жозефъ-де Мэстръ писалъ по этому случаю: «Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что спаситель Европы не долженъ называться Беннигсеномъ».

Благодаря всему этому, императоръ Александръ, по пріѣздѣ своемъ въ Пруссію, находился въ самомъ затруднительномъ, печальномъ положеніи. Онъ велъ войну для избавленія союзнаго государства; но союзники не отходили отъ него съ жалобами, что обѣщаннаго избавленія нѣтъ; что война не ведется; что послѣ битвы при Эйлау, произведшей такое сильное впечатлѣніе, русская армія почти четыре мѣсяца стоитъ въ бездѣйствіи: какъ смѣлъ Беннигсенъ вызвать императора къ арміи, чтобы сдѣлать его свидѣтелемъ такого позора? Государь обращается къ главнокомандующему: какой его планъ, когда же, наконецъ, и куда онъ двинется? Главнокомандующій молчитъ, не рѣшается сказать государю, требующему движенія впередъ, что его планъ состоитъ въ совершенно противномъ, что онъ не считаетъ возможнымъ дѣйствовать наступательно противъ Наполеона, а хочетъ выжи-

дать, отступать, затягивать. Отсюда отношенія, которыя не могли повести ни къ чему хорошему. Императоръ Александръ былъ подозрителенъ, не любилъ людей хитрыхъ, скрытныхъ, и сейчасъ же заподозрилъ Беннигсена въ этихъ качествахъ, слѣдовательно оттолкнулся отъ него; за подозрѣніемъ въ хитрости, естественно, слѣдовало подозрѣніе въ неспособности, которую хотѣлось скрыть отнѣкиваніями и отмалчиваніями, и, конечно, не было недостатка въ людяхъ, которые утверждали государя въ этомъ мнѣніи; досада была тѣмъ сильнѣе, что надобно было признаться въ своей ошибкѣ: императоръ прежде имѣлъ высокое мнѣніе о способностяхъ Беннигсена. Но этого было мало. Беннигсенъ отговаривался отъ движенія, указывая на недостаточность продовольствія; но вокругъ государя говорили, что Беннигсенъ самъ виноватъ въ этомъ. Государь взялъ у него продовольственную часть и поручилъ старику Попову, извѣстному своею дѣятельностію при Потемкинѣ. Это, разумѣется, оскорбило Беннигсена; оскорбляло его и то, что государь и по чисто-военнымъ дѣламъ больше обращался къ другимъ, чѣмъ къ нему. Беннигсенъ жаловался, что къ нему нѣтъ довѣрія, что ему связываютъ руки, и прямо объявлялъ, что будетъ просить увольненія по причинѣ болѣзни,— болѣзни дѣйствительно тяжкой.

Наконецъ, къ довершенію затрудненій, между русскими и людьми, близкими къ государю, пріѣхавшими вмѣстѣ съ нимъ въ Пруссію, образовалась сильная партія, требовавшая мира, съ двумя оттѣнками: одни говорили, что нельзя изъ-за чужаго—прусскаго—интереса приносить такія жертвы людьми и деньгами; другіе признавали, что война начата въ общихъ европейскихъ, а слѣдовательно и русскихъ интересахъ, но теперь нѣтъ средствъ продолжать ее. Главами этой партіи были такъ называемые «неразлучные» (inséparables): Чарторыйскій, Новосильцевъ и Строгановъ. За войну сильнѣе всѣхъ стоялъ министръ иностранныхъ дѣлъ Будбергъ. Партія мира усилилась съ пріѣздомъ въ главную квартиру, по дорогѣ въ Вѣну, князя Александра Бор. Куракина, пользовавшагося особенною довѣренностью императрицы Маріи Ѳеодоровны. И желавшіе продолженія войны, и желавшіе мира, и Будбергъ и Чарторыйскій съ Новосильцевымъ, обратились къ Куракину съ просьбою убѣдить государя возвратиться въ Петербургъ или, по крайней мѣрѣ, утвердить свое пребываніе въ какомъ-нибудь близкомъ къ границамъ русскомъ городѣ. Но убѣжденія были напрасны: кромѣ живой природы, не допускавшей императора быть зрителемъ издалека важнѣйшихъ для него событій; кромѣ неудовлетворительнаго хода этихъ событій, чему государь считалъ своею обязанностью помогать непосредственно, у императора Александра была еще цѣль, которую онъ высказалъ Куракину: наблюдать за пруссаками. Потомъ Чарторыйскій и Новосильцевъ открыли Куракину свои взгляды насчетъ войны и мира: по ихъ мнѣнію, благопріятная минута для начатія переговоровъ съ Наполеономъ была пропущена: это послѣ битвы при Эйлау, когда онъ не получилъ еще подкрѣпленій, нуждался въ продовольствіи и былъ ошеломленъ стойкостью русскаго войска. Они, Чарторыйскій и Новосильцевъ, представляли тогда объ этомъ императору на словахъ и на бумагѣ, но ихъ представленія не имѣли успѣха; они сильно желаютъ мира и не ждутъ ничего хорошаго отъ продолженія войны; они жалѣютъ, что у Россіи такая тѣсная связь въ Пруссіею, и боятся, что отвѣтъ, ожидаемый изъ Вѣны, будетъ уклончивый, ибо тамъ увидятъ, что мы находимся подъ прусскимъ вліяніемъ, и наши требованія менѣе служатъ къ удовлетворенію нашихъ интересовъ, чѣмъ прусскихъ. Если бы мы цѣною всѣхъ нашихъ пожертвованій достигли возстановленія Пруссіи по всей цѣлости, то никогда мы не можемъ положиться на продолжительную преданность Пруссіи: какъ только миръ будетъ заключенъ,—она опять, по слабости и привычкѣ, подпадетъ подъ власть Франціи. Чарторыйскій и Новосильцевъ обратились даже къ Гарденбергу съ представленіями о необходимости мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Положеніе Гарденберга было крайне непріятное, потому что императоръ Александръ прямо запретилъ ему говорить о политикѣ съ Новосильцевымъ, а только съ однимъ Будбергомъ. Между послѣднимъ и Чарторыйскимъ была вражда: кромѣ разницы во взглядахъ, Чарторыйскій питалъ естественное нерасположеніе къ человѣку, его замѣстившему въ завѣдываніи иностранными дѣлами, и Будбергу было непріятно, что эксъ-министръ все еще пользуется большимъ значеніемъ. Чарторыйскій и Будбергъ взаимно унижали другъ друга передъ Гарденбергомъ; Будбергъ твердилъ, что императоръ ни слова не говоритъ о политикѣ ни съ Новосильцевымъ, ни съ Чарторыйскимъ, и прибавлялъ, что у послѣдняго одно въ головѣ—возстановленіе Польши.

Во второй половинѣ мая начались значительныя военныя дѣйствія, къ которыхъ русскіе имѣли явный успѣхъ; но въ отзывахъ императора Александра выражалось раздраженіе противъ главнокомандующаго,—мнѣніе, что трудно ожидать отъ него чего нибудь важнаго. Императоръ объявилъ, что посмотритъ, какъ будетъ дѣйствовать Беннигсенъ, и если опять остановится, то будетъ смѣненъ генераломъ Эссеномъ 1-мъ, а между тѣмъ Куракинъ писалъ императрицѣ Маріи: «Не перестаю повторять, что, не теряя времени, надобно подумать о мѣрахъ, по обстоятельствамъ необходимыхъ для нашихъ истинныхъ интересовъ. Здѣсь одно желаніе у всѣхъ,—желаніе мира. Новосильцевъ и Чарторыйскій продолжаютъ утверждать, что чѣмъ долѣе будутъ отлагать, тѣмъ менѣе миръ будетъ выгоденъ, и я думаю согласно съ ними. Пруссія продолжаетъ войну, потому что мы этого хотимъ и потому что она насъ боится. Пруссаки, министры и генералы, дипломаты и военные, единодушно

желаютъ мира и кричатъ, что война опустошаетъ ихъ страну безъ всякой цѣли». Сказавши о послѣднихъ блестящихъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, Куракинъ продолжаетъ: «по умѣренному счету, мы уже потеряли до 30,000 людей, не пріобрѣтя никакихъ важныхъ выгодъ, и если бы даже мы одержали болѣе рѣшительную побѣду, то недостатокъ въ продовольствіи и трудность его пріобрѣсти помѣшаетъ намъ преслѣдовать непріятеля и двигаться далеко впередъ. Что я говорю,— повторяется всѣми, повторяется военными, самыми опытными въ своемъ дѣлѣ. Какъ же не желать окончанія такой упорной и кровопролитной войны, которая можетъ увеличить затрудненія и жертвы всякаго рода и вести только къ потерямъ и бѣдствіямъ?» Неожиданный пріѣздъ великаго князя Константина Павловича еще болѣе усилилъ это мирное настроеніе. Между великимъ княземъ и Чарторыйскимъ съ одной стороны, и Будбергомъ—съ другой былъ сильный споръ. Будбергъ горячо доказывалъ необходимость и возможность продолженія войны; говорилъ, что наша армія еще не разбита; что у насъ есть еще большая армія въ резервѣ; что мы можемъ положиться на вѣрность нашихъ польскихъ провинцій, и вообще императоръ можетъ разсчитывать на свой народъ. Чарторыйскій возражалъ, что Будбергъ сильно ошибается насчетъ нашихъ польскихъ подданныхъ; что они поднимутся противъ Россіи, какъ только Бонапартъ перейдетъ наши границы; а великій князь прибавилъ, что нѣтъ никакой большой арміи въ резервѣ, а только 35,000 человѣкъ; что у насъ нѣтъ ни оружія, ни припасовъ, ни денегъ; а что касается народа, то онъ знаменитъ храбростью и преданностью государямъ, но что онъ долженъ быть защищаемъ правильными военными силами, а самъ не можетъ сопротивляться побѣдоносной арміи, когда та нападетъ на него.

Между тѣмъ Чарторыйскій и Новосильцевъ опять обратились къ Гарденбергу, чтобъ онъ склонилъ императора и короля къ открытію мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Гарденбергъ отвѣчалъ, что каждый день ожидаются извѣстія отъ Лондонскаго и Вѣнскаго Дворовъ, и когда эти извѣстія отнимутъ всякую надежду на поддержку, тогда только можно будетъ приступить къ мирнымъ переговорамъ. Гарденбергъ все ждалъ, что Австрія объявитъ себя противъ Франціи. По его словамъ, у него всегда былъ въ головѣ планъ нѣмецкаго союза, главами котораго съ равнымъ вполнѣ интересомъ были бы Австрія и Пруссія, одинаково сильныя, чтобъ поддерживать свою независимость и свои права противъ Россіи и Франціи; теперь, для оправданія своего плана, онъ ссылался и на то, что въ русскихъ отношеніяхъ большой безпорядокъ. Въ началѣ осени 1806 года, когда Пруссіи грозилъ разрывъ съ Франціею, Берлинскій Дворъ высказалъ Вѣнскому желаніе, чтобъ австрійскія войска были сосредоточены въ Богеміи и въ нужномъ случаѣ безъ потери времени соединились съ прусскимъ и саксонскимъ войсками, ибо Австрія и Пруссія фактически находятся въ тѣсномъ соединеніи, и паденіе одной влечетъ за собою неминуемо и паденіе другой. Въ Вѣнѣ, разумѣется, естественно рождался вопросъ: почему Берлинскій Дворъ не находилъ такой тѣсной связи между обоими государствами, когда недавно Пруссіи, для поддержанія Австріи, слѣдовало сдѣлать именно то, чего она теперь желаетъ отъ Австріи. По мнѣнію Стадіона, только страхъ заставлялъ Пруссію сближаться съ Австріею; чтобъ не нести одной всей тяжести войны и раздѣлить опасность или совершенно отклонить ее отъ себя, она желаетъ загородиться Саксоніею и Австріею. Рѣшили: признать принципъ взаимнаго охраненія, но этимъ и ограничиться; наблюдать осторожность въ выраженіяхъ, чтобъ въ нихъ не заключалось ничего болѣе, кромѣ надежды, чтобъ не было ничего похожаго на обѣщаніе; а императоръ Францъ наказывалъ Стадіону, чтобъ содержаніе депешъ, отсылаемыхъ въ Берлинъ, сдѣлать въ еще болѣе общихъ выраженіяхъ и менѣе обязательнымъ. Но въ Вѣнѣ хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ начать вооруженія, не возбуждая противъ себя гнѣвъ Наполеона: когда онъ спроситъ, зачѣмъ идутъ вооруженія, — отвѣчать, что хотятъ составить наблюдательный корпусъ противъ Пруссіи.

Наполеонъ, по обычаю, не хотѣлъ драться съ двумя врагами вдругъ, и, по обычаю, закидалъ пестрыми рѣчами графа Меттерниха, австрійскаго посланника въ Парижѣ. «Я не хочу»,—говорилъ онъ,—«быть Германскимъ императоромъ, я хочу только нѣкоторыя земли тѣснѣе соединить съ Франціею, что дѣлали и прежде Французскіе короли и безъ чего Австрія и Пруссія прикарманили бы себѣ Германію. Я не хочу отъ васъ ничего болѣе; мы теперь будемъ жить мирно. Я знаю вашу армію: она такъ же хороша, какъ и моя, только деморализована. Мой солдатъ идетъ на битву съ увѣренностью въ побѣдѣ, а у васъ—наоборотъ; вы можете бить пруссаковъ, русскихъ и турокъ, но никогда—французовъ. Повѣрьте мнѣ, все требуетъ времени и вы нуждаетесь въ покоѣ. Новая коалиція подвергла бы Австрію большимъ опасностямъ; двѣ первыя имѣли религіозную цѣль: то была борьба религіи противъ невѣрія, монархіи противъ республики. Генуа не была причиною войны; зачѣмъ вы ничего не требовали? Хотите знать основанія прусскихъ вооруженій? Люккезини распространилъ слухъ, что я при переговорахъ съ Россіею поставилъ условіемъ возстановленіе Польши подъ властью Константина, а герцогъ Клевскій (Мюратъ) долженъ пріобрѣсть Вестфалію. И вотъ Прусскій король бросаетъ милліоны за окно, а я надъ этимъ смѣюсь. Константина посадить на Польскій престолъ! Мысль объ европеизмѣ и здравая политика должны это отвергнуть. Кчему тутъ русскіе? У меня 200,000 солдатъ въ Гер-

маніи; Пруссіи надобно четыре мѣсяца для окончанія своихъ вооруженій: я буду скорѣе въ Берлинѣ. Что прусская армія хочетъ драться—понятно, потому что она со мною еще не мѣрилась. Я хочу мира. Когда хотятъ создать флотъ, то нельзя драться на сушѣ; тратить 250 милліоновъ ежегодно на корабли, да еще держать 500,000 войска — дѣло неподходящее. А, если бы Англіи не было! Господь Богъ нашелъ Францію уже очень красивою и потому посадилъ ей шишку: эта шишка—Англія!» Талейранъ предлагалъ Меттерниху союзъ между Австріею и Франціею, предлагалъ забыть недавнее прошедшее и помнить, что лучшее время для Франціи и Австріи было то, когда онѣ были соединены тѣснѣйшимъ союзомъ. Но въ Вѣнѣ не хотѣли союза, т.-е. полнаго порабощенія; Стадіонъ твердилъ, что надобно пользоваться обстоятельствами и какъ можно скорѣе вооружаться: «Каждый часъ дорогъ», — писалъ онъ,—«и малѣйшее промедленіе въ такое важное время можетъ потомъ повести къ гибели монархіи». Относительно Россіи въ Вѣнѣ было рѣшено поступить точно такъ же, какъ и относительно Пруссіи; Стадіонъ предписывалъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ говорить такъ, чтобы не отнимать у Россіи надежду имѣть Австрію впослѣдствіи своею союзницею, но быть при этомъ крайне осторожнымъ, чтобъ не высказать чего-нибудь такого, что могло бы быть сочтено за обѣщаніе или обязательство.

Хотя въ Вѣнѣ не ожидали и не желали блестящихъ успѣховъ Пруссіи въ войнѣ, но вѣсть о совершенномъ погромѣ Пруссіи послѣ Іены и Ауерштедта страшно перепугала. «Такой же разгромъ грозитъ теперь всей Европѣ», писалъ Стадіонъ. Не знали, что дѣлать; императоръ Францъ спрашивалъ у всѣхъ мнѣнія. Разумѣется, нашлись люди, которые совѣтовали сдѣлать то, что въ старину дѣлали жители деревень при первомъ крикѣ нападающихъ разбойниковъ:—лечь ничкомъ и не шевелиться, пока разбойники будутъ всѣмъ распоряжаться; нашлись люди, которые совѣтовали принять совершенно пассивную политику и прекратить вооруженія. Послѣдняго не исполнили, —въ Богемію ввели войско, несмотря на запросы съ французской стороны, задаваемые вмѣстѣ съ требованіями союза. Такъ какъ война затягивалась вслѣдствіе участія въ ней Россіи, то Наполеону нужно было не только удержать Австрію въ нейтралитетѣ, но и вступить съ нею въ союзъ, чтобъ отнять у коалиціи всякую надежду имѣть ее когда-либо на своей сторонѣ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Ларошфуко, не требовалъ отъ Стадіона, чтобы Австрія соединила свои войска съ французскими, а только чтобы былъ заключенъ договоръ, гдѣ бы стояло слово: «союзъ»;—за это Австрія получитъ что-нибудь, а въ случаѣ отказа придется ей нехорошо: союзъ будетъ заключенъ между Франціею и Россіею. Угроза эта для Австріи соединялась съ двумя вопросами—Польскимъ и Восточнымъ. Въ Парижѣ толковали о возстановленіи Польши и называли будущимъ королемъ ея Іеронима, брата Наполеонова. Меттерниxъ писалъ, что сообщаются статистическія свѣдѣнія по вопросу, будетъ ли Австрія достаточно вознаграждена Силезіею за уступку Галиціи. Императоръ Францъ боялся возстанія поляковъ въ Галиціи; боялся, что Наполеонъ убѣдитъ императора Александра сдѣлать противоположное тому, на что Фридрихъ II-й уговорилъ Екатерину—отказаться отъ Польши и получить за это богатое вознагражденіе насчетъ Турціи. Францъ не вѣрилъ также и выходкѣ Наполеона насчетъ занятія Польскаго престола русскимъ великимъ княземъ; боялся, что Наполеонъ согласится на это, чтобы только Россія не помогала Пруссіи. «Вообще, я боюсь»,—писалъ Францъ,—«что Франція и Россія, наконецъ, согласятся подѣлить между собою Европу, что всего опаснѣе для насъ». Разрывъ между Россіею и Турціею, по интригамъ Франціи, страшно безпокоилъ вѣнскихъ государственныхъ людей; боялись успѣховъ Россіи въ Турціи; боялись, что Наполеонъ на помощь султану пошлетъ свои войска чрезъ австрійскія владѣнія. «Пламя войны, зажженное на Востокѣ, произведетъ пожаръ въ цѣлой Европѣ», писалъ Стадіонъ. И съ русской стороны не скрывали, что готовы на всякія соглашенія для изгнанія турокъ изъ Европы; что если Россія пріобрѣтетъ Молдавію и Валахію, то Австрія можетъ пріобрѣсти Сербію, Боснію и турецкую Кроацію.

Въ Вѣнѣ чувствовали себя очень неловко, и господствующее мнѣніе было, что Россія покинетъ Пруссію и воспользуется случаемъ, чтобы удовлетворительно для себя рѣшить Восточный вопросъ, —какъ вдругъ получается извѣстіе, что изъ Петербурга отправлено особое лицо для переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, лицо, хорошо извѣстное въ Вѣнѣ: то былъ Поццо-ди-Борго, корсиканецъ, одинъ изъ главъ національной партіи на островѣ, ведшей ожесточенную борьбу съ французами и ихъ приверженцами, къ которымъ принадлежали Бонапарты.—При торжествѣ національной партіи, Бонапарты были изгнаны; но когда французы овладѣли островомъ, то пришла очередь Поццо покинуть отечество; онъ пріютился сначала въ Англіи, потомъ, въ 1804 году, вступилъ въ русскую службу, удержавъ изъ своего прошлаго заклятую ненависть къ Бонапартамъ. Легко было догадаться, съ какими предложеніями могъ явиться полковникъ русской службы Поццо-ди-Борго въ концѣ 1806 года. Онъ передалъ императору Францу письмо отъ императора Александра: «Какъ бы ни была велика увѣренность Русскаго государя въ своихъ собственныхъ средствахъ для поддержанія своихъ правъ, не можетъ онъ однако, при настоящихъ обстоятельствахъ, надѣяться одинъ спасти Европу отъ удручающихъ ее золъ. У государя Австрійскаго въ распоряженіи значительныя силы и выгодное положеніе;

судьба міра будетъ зависѣть большею частію отъ его рѣшенія. Война, которую французы ведутъ въ Польшѣ, направлена одинаково и противъ безопасности австрійскихъ владѣній. Какой государь болѣе императора Австрійскаго испыталъ лживость французскихъ обѣщаній? Если онъ теперь рѣшится вступить въ войну, то императоръ Всероссійскій не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ всего того, что необходимо для будущей безопасности обоихъ государствъ». Хорошо знали, что главнымъ противникомъ войны противъ Наполеона будетъ эрцгерцогъ Карлъ, и онъ получилъ лестное письмо отъ Русскаго императора: «Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ побѣдѣ императоръ считаетъ содѣйствіе и великіе таланты эрцгерцога, который въ предстоящей борьбѣ, конечно, увидитъ случай пріобрѣсти славу, подобную которой не знаетъ исторія». Начались переговоры съ Поццо; англійскій посланникъ, при нихъ присутствовавшій, спѣшилъ отстранить главное препятствіе соглашенію между Россіею и Австріею, поручившись, что Россія, пока находится въ союзѣ съ Англіею, не пріобрѣтенъ ничего изъ турецкихъ областей. Несмотря на то, переговоры не повели ни къ чему; и письмо къ эрцгерцогу Карлу не помогло: попрежнему высказался онъ сильно за мирную политику, и рѣшили соблюдать нейтралитетъ, но ни у Франціи, ни у Россіи не отнимать надежды на будущее: «Австрія», — объявилъ Стадіонъ Поццо, — «основываетъ свою систему не на общихъ положеніяхъ относительно критическаго состоянія Европы, но на точномъ и хладнокровномъ разсчетѣ своихъ собственныхъ отношеній. Россія сама затруднила рѣшеніе Австріи въ пользу коалиціи своимъ поведеніемъ относительно Каттаро и военнымъ движеніемъ противъ Порты; Австрія не можетъ принять предложенія императора Александра, не ставя на карту существованія монархіи». Отдѣлались и отъ французскаго союза. Наполеонъ предоставилъ Австріи на выборъ — удержать за собою Галицію или промѣнять ее на Силезію. Такимъ образомъ, Силезія была такою же приманкою для Австріи, какъ Ганноверъ для Пруссіи. Но въ Австріи не пошли на удочку; Стадіонъ отвѣчалъ, что императору не угодно мѣняться владѣніями, и что Силезія, какъ страна, еще не завоеванная французами и не уступленная имъ никакимъ трактатомъ, не можетъ быть предметомъ переговоровъ.

Но, отдѣлавшись отъ союза съ обѣими сторонами, не хотѣли оставаться въ страдательномъ положеніи, хотѣли пріобрѣсть даромъ важное значеніе посредниковъ, примирителей; принять это значеніе побуждала и боязнь: а что, если воюющія стороны помирятся, и Австрія останется предметомъ непріязни для обѣихъ? Въ главную французскую квартиру отправился изъ Вѣны генералъ Винцентъ, который, въ самомъ концѣ 1806 года, нашелъ Наполеона въ Варшавѣ, и былъ закиданъ, по обычаю, пестрыми рѣчами: «Зачѣмъ Австрія вооружается? Насчетъ Польши могутъ быть покойны въ Вѣнѣ: желанія польскихъ вѣтрогоновъ исполнены не будутъ съ французской стороны. Съ Россіею надобно покончить и обезпечить независимость Порты, чему Австрія можетъ содѣйствовать, не впутываясь въ войну. Что касается Пруссіи, то судьба хотѣла, чтобъ императоръ французовъ уничтожилъ, противъ своего желанія, истинную союзницу турокъ и свою собственную союзницу противъ Россіи и Австріи. Съ Австріею онъ не прочь отъ союза, и рано или поздно союзъ будетъ». Когда Винцентъ упомянулъ о посредничествѣ, то Наполеонъ отвѣчалъ: «Я этого не требую, но и не отвергаю; съ Пруссіею я уже началъ сношенія; съ Россіею я веду войну только изъ-за Порты; если въ Россіи захотятъ отстать отъ восточныхъ плановъ, то я ничего больше не потребую; затѣмъ будетъ слѣдовать миръ съ Англіею, которая также не можетъ смотрѣть равнодушно на занятіе Молдавіи русскими». Тутъ Винцентъ, не понявши, что Наполеонъ никакъ не хочетъ допустить, чтобы кто-нибудь взялъ что-нибудь у турокъ, проговорился очень некстати, что Австріи желательно имѣть свою долю въ добычѣ: «Австрійскій интересъ требуетъ», — сказалъ онъ, — «не позволять Россіи овладѣть Бѣлградомъ и Оршовою, и если бы Австрія была обезпечена съ французской стороны, то заняла бы эти мѣста». Наполеонъ притворился, что не понялъ смысла словъ Винцента, — повернулъ этотъ смыслъ такъ, что Австрія хочетъ занять названные города только временно, для турокъ, и отвѣчалъ: «Я ничего противъ этого не имѣю, если Австрія согласится напередъ съ Портою; но во всякомъ случаѣ австрійцы должны явиться въ предѣлы Порты переодѣтые турками или сербами. Придетъ время, когда я, котораго представляютъ злѣйшимъ врагомъ Австріи, явлюсь передъ Вѣною съ 100,000 войска, чтобъ защищать Австрію противъ русскихъ».

Увидавши, какое чувствительное мѣсто составляетъ для Австріи Восточный вопросъ, съ французской стороны тотчасъ воспользовались имъ, какъ ловушкою. Талейранъ предложилъ Винценту уладиться насчетъ восточныхъ дѣлъ, и изъ этого соглашенія разовьется союзъ, основанный на взаимныхъ интересахъ; только Франція и Австрія могутъ имѣть рѣшительный голосъ относительно судьбы Порты; Австрія, союзомъ своимъ съ Франціею, можетъ принудить Россію къ миру. Но въ Вѣнѣ упорно отвергали союзъ, настаивая попрежнему на посредничествѣ, тѣмъ болѣе что изъ Петербурга приходили успокоительныя извѣстія насчетъ Турціи: Россія соглашалась заключить миръ съ Портою безъ всякихъ пріобрѣтеній; въ Петербургѣ принимали и мысль Стадіона о всеобщемъ конгрессѣ. Россія предлагала не трогать турецкихъ владѣній; но Наполеонъ изъ словъ Винцента догадался о желаніяхъ Австріи и предложилъ заключить договоръ, тайный или явный — все равно, въ которомъ бы постановлено было

дѣлить Турцію или оставить ее въ цѣлости. Но и эта приманка не помогла. Стадіонъ говорилъ императору Францу, что вступить въ союзъ съ Франціею при настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлиться отъ остальной Европы, вступить въ дружбу съ Наполеономъ и способствовать, къ собственному вреду, укрѣпленію перемѣнъ, произведенныхъ съ Пресбургскаго мира въ Италіи и Германіи, принять участіе въ войнѣ и биться противъ собственныхъ интересовъ,—было бы, въ его глазахъ, величайшимъ несчастіемъ. Въ Вѣнѣ постоянно ставился вопросъ: кто опаснѣе для Австріи: Наполеонъ или Россія? На этотъ вопросъ Стадіонъ отвѣчалъ: «Настоящія отношенія Франціи къ Австріи сокрушаютъ наши государственныя силы, отнимаютъ независимость у нашей политики, высасываютъ всѣ средства администраціи; уже и теперь это—настоящее порабощеніе; что же будетъ, когда военнымъ счастіемъ такія отношенія утвердятся навсегда? Ничего подобнаго нѣтъ въ отношеніяхъ къ Россіи, импонирующей извнѣ своею массою, передъ которою мы никогда не будемъ въ равенствѣ. При военномъ счастіи, по географическому положенію Россіи, ея вліяніе на западную Европу никогда не можетъ превратиться въ господство, какимъ пользуется теперь Франція, и Россія всегда будетъ принуждена дѣлить вліяніе съ нами. Наша настоящая слабость передъ Россіею происходитъ большею частію отъ гнета, уничтожающаго всѣ наши государственныя силы, и какъ скоро мы избавимся отъ политическаго ига Франціи, то это дастъ намъ въ будущемъ силы выставлять надлежащее сопротивленіе и русскому преобладанію. Нельзя отрицать, что внѣшнія обстоятельства съ послѣдняго ноября чрезвычайно выгодны для Австріи. Все, чего мы желали, случилось. Двѣ великія силы Европы борются другъ съ другомъ и взаимно себя ослабляютъ. Война удалилась отъ нашихъ предѣловъ; у насъ пятью мѣсяцами болѣе времени для возстановленія своихъ силъ. Если мы теперь этимъ не воспользуемся, то мы пропадемъ, и по своей винѣ пропадемъ». Какъ, въ недавнія времена, при Кобенцлѣ, воинственному министру иностранныхъ дѣлъ возражалъ миролюбивый полководецъ, тотъ же эрцгерцогъ Карлъ: «Войска собраны», — писалъ онъ, — «но находятся далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, многаго недостаетъ, все еще молодо, въ зародышѣ. Новая выставка военныхъ австрійскихъ силъ безъ соглашенія съ Наполеономъ есть объявленіе войны. Наполеона обмануть нельзя». Голосъ полководца пересилилъ голосъ министра. Стадіону оставалось одно посредничество, и 1-го апрѣля (н. с.) Австрія предложила его обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Наполеонъ принялъ предложеніе, съ условіемъ шестимѣсячнаго перемирія, и чтобы прежде всего было упомянуто о цѣлости Порты. Для каждаго было ясно, что Наполеону нужно было побывать во Франціи и приготовить громадныя средства для борьбы, чтобы рѣшить ее поскорѣе въ свою пользу, и для этого онъ требовалъ шестимѣсячнаго перемирія. Будбергъ отвѣчалъ, что Россія согласна на австрійское предложеніе, если Вѣнскій Дворъ представитъ съ французской стороны основанія для мира, могущія успокоить насчетъ успѣшнаго окончанія переговоровъ. Въ томъ же смыслѣ былъ и прусскій отвѣтъ. Надежда на блестящую роль примирительницы исчезла для Австріи, а между тѣмъ приходили страшныя вѣсти, что воюющія стороны хотятъ заключить миръ и безъ нея. Въ Вѣнѣ засуетились, начались толки, переговоры о приступленіи къ коалиціи; рѣшили отправить Штуттергейма въ русскую Главную Квартиру, чтобъ поддержать сторонниковъ войны, отклонить отдѣльный миръ; а между тѣмъ громко раздавался голосъ австрійской Кассандры, эрцгерцога Карла: «Какъ только вы вступите въ войну съ Франціею, армія непремѣнно потерпитъ пораженіе и государство будетъ разрушено!» Въ Вѣнѣ продолжали суетиться, Штуттергеймъ не уѣзжалъ...

Австрія была неисправима въ своемъ отставаніи,—ея нельзя было дожидаться; Англія, въ которой прежде такъ смѣялись надъ отставаніемъ Австріи, послѣдовала ея примѣру. Знаменитыхъ соперниковъ—Питта и Фокса—болѣе не было, и шла борьба между ихъ партіями, которая мѣшала заняться какъ должно европейскими дѣлами. Коалиція не существовала; императоръ Александръ одинъ на развалинахъ Пруссіи долженъ былъ вести борьбу съ Наполеономъ, осаждаемый людьми, самыми близкими, которымъ онъ привыкъ довѣрять, и эти люди твердили о необходимости мира, о невозможности продолжать войну; главнокомандующій былъ того же мнѣнія,—если двигался, то двигался по-неволѣ; военныя дѣйствія возобновились, и съ успѣхомъ; но, послѣ успѣховъ, Беннигсенъ попрежнему отступаетъ, что раздражаетъ и приводитъ въ отчаяніе пруссаковъ, которые приступаютъ съ жалобами къ императору. То же самое роковое положеніе, какое было и передъ Аустерлицемъ! Когда пришла вѣсть, что Беннигсенъ отступилъ послѣ удачнаго для него сраженія подъ Гейльсбергомъ, Гарденбергъ приступаетъ къ императору съ представленіями, что въ арміи у него интриги въ пользу мира; что братъ его, цесаревичъ, во главѣ мирной партіи. Александръ съ жаромъ отвѣчаетъ, что относительно великаго князя—все неправда, и что всѣ старанія помѣшать достиженію цѣли—поведутъ только къ противоположному. Въ армію отправленъ былъ Поповъ съ полномочіемъ отнять у Беннигсена главное начальство и передать его генералу Эссену, если Беннигсенъ не двинется впередъ. Наконецъ, 2-го іюня, Александръ былъ выведенъ изъ невыносимаго положенія, хотя лекарство было такъ же тяжко, какъ и болѣзнь: 2-го іюня больной Беннигсенъ потерпѣлъ пораженіе подъ Фридландомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ имѣлъ въ виду миръ въ случаѣ неблагопріятнаго

исхода рѣшительной битвы, и потому немедленно согласился на представленіе Беннигсена о необходимости перемирія, вслѣдствіе печальнаго состоянія арміи, немедленно согласился и на предложеніе Наполеона—начать тотчасъ же переговоры о мирѣ. Война должна была продолжаться только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ потребовалъ тяжелыхъ условій для Россіи и слишкомъ тяжелыхъ для Пруссіи. Война, разумѣется, могла продолжаться не иначе, какъ она велась послѣ, въ 1812 году: русскія войска должны были перейти свои границы, отступать внутрь страны, не давая битвъ и завлекая непріятеля все далѣе и далѣе. Конечно, естественно придти къ мысли, что дѣло должно было увѣньчаться успѣхомъ, какъ увѣнчалось имъ послѣ, и, слѣдовательно, Европа выиграла бы шесть лѣтъ. Но историкъ не можетъ разсуждать такимъ образомъ. Каждое дѣло постепенно развивается, зрѣетъ и достигаетъ полнаго развитія, зрѣлости тогда только, когда соединяются всѣ благопріятныя для того условія. Въ 1807 году война велась, во-первыхъ, изъ-за Пруссіи, чтобъ не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы и не сблизить русскія границы съ границами Наполеоновой имперіи; во-вторыхъ, вслѣдствіе поднятія самыхъ важныхъ для Россіи вопросовъ—Польскаго и Восточнаго,—нельзя было позволить Наполеону распорядиться Польшею и хозяйничать въ Константинополѣ. Перенесеніе войны въ русскіе предѣлы не имѣло смысла относительно Пруссіи, ибо тогда она подпадала окончательно владычеству Наполеона, и Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ бы переѣхать въ Россію; точно также должно было бы оставить на произволъ Наполеона и Польшу; что же касается Турціи, то возможно ли было вести войну на Дунаѣ, имѣя непріятеля во внутреннихъ русскихъ областяхъ! Наконецъ, вспомнимъ, что около Александра была сильна партія мира, которая твердила, что нельзя вести такую кровопролитную и разорительную войну изъ-за чужихъ государствъ: что же было бы, еслибъ оставалась та же видимая причина войны, и война эта переносилась въ русскіе предѣлы? Такимъ образомъ, перенесеніе войны внутрь Россіи въ 1807 году было немыслимо, исключая одинъ случай:—если бы Наполеонъ предложилъ тяжелыя мирныя условія. Но понятно, что Наполеонъ никогда не могъ позволить себѣ предложить подобныя условія Александру и затянуть войну въ безконечность переводомъ ея на русскую почву. Наполеонъ съ восторгомъ схватился за русское предложеніе перемирія и потребовалъ немедленныхъ мирныхъ переговоровъ. Ему представился теперь желанный случай не только заключить миръ, но и союзъ съ Россіею. До сихъ поръ, при всякомъ своемъ захватѣ, насиліи, онъ встрѣчалъ протестъ со стороны Россіи, которая служила опорою для всякаго, кто былъ обиженъ и хотѣлъ защищаться отъ Наполеона; Россія подразумѣвалась во главѣ всякой коалиціи противъ Наполеона, всякаго сопротивленія ему: привлечь Россію на свою сторону,—значило для Наполеона—развязать себѣ руки относительно исполненія всѣхъ замысловъ, всѣхъ распоряженій въ Европѣ, сломить всякое сопротивленіе, ибо кто могъ возстать противъ него безъ Россіи?

Вотъ почему Наполеонъ принялъ съ необыкновенною ласкою и радушіемъ генерала, князя Лобанова-Ростовскаго, отправленнаго къ нему императоромъ Александромъ для предварительныхъ переговоровъ. Онъ продержалъ его болѣе пяти часовъ, говоря безъ умолку съ необыкновенною живостью и веселостью; пригласилъ обѣдать, пилъ здоровье императора Александра, превозносилъ его похвалами, клялся, что всегда его уважалъ, всегда желалъ его дружбы, а теперь желаетъ это доказать заключеніемъ съ нимъ союза, полезнаго для обѣихъ имперій и необходимаго для спокойствія Европы. Когда Наполеонъ такимъ образомъ выражалъ свое удовольствіе въ неумолкаемыхъ рѣчахъ передъ княземъ Лобановымъ, Александра удручала мысль, что онъ первый принужденъ былъ обратиться къ врагу съ мирными предложеніями; онъ старался передъ самимъ собою и передъ другими оправдать этотъ шагъ, и придумывалъ, какія могли быть честныя условія, на которыхъ слѣдовало помириться. Границы Россіи должны остаться нетронутыми, иначе миръ невозможенъ; но на рукахъ Пруссія; Наполеонъ въ полномъ правѣ, какъ завоеватель, требовать всевозможныхъ уступокъ съ этой стороны, и, чтобъ умѣрить эти требованія, надобно ему чѣмъ-нибудь заплатить съ русской стороны: союзомъ съ нимъ, разрывомъ съ его врагами; надобно уступить относительно Восточнаго и Польскаго вопросовъ. «Мы потеряли страшное количество офицеровъ и солдатъ»,—говорилъ Александръ Куракину,—«почти всѣ наши генералы, и именно лучшіе,—ранены или больны; въ арміи осталось пять-шесть генералъ-лейтенантовъ, не имѣющихъ ни опытности, ни военныхъ талантовъ. Мнѣ нельзя продожать войну одному, безъ союзниковъ; Англія дурно вела себя съ самаго начала, и теперь даетъ ничего незначащія обѣщанія выставить 10—12,000 человѣкъ, не означая срока; субсидій обѣщаетъ не болѣе 2.200,000 фунтовъ въ годъ, и эта сумма должна быть раздѣлена между Россіею, Пруссіею и Австріею: этого слишкомъ мало. Думаю, что Франція не захочетъ ничего потребовать изъ русскихъ областей, а для возвращенія Пруссіи ея владѣній я предложу занятыя нашими войсками Молдавію, Валахію и семь Іоническихъ островов. Наконецъ, бываютъ обстоятельства, когда надобно думать преимущественно о самихъ себѣ, имѣть въ виду единственно благо государственное».

Александръ думалъ о мирѣ и его условіяхъ; Наполеонъ думалъ о союзѣ, для котораго готовъ былъ на уступки, еще болѣе готовъ былъ на всевозможныя обѣщанія: это ему ничего не стоило, ибо ему ничего нестоило ихъ неисполненіе. Но прельстить обѣщанія-

ми, закидать пестрыми рѣчами, обмануть притворною искренностью, фальшивымъ добродушіемъ—всего легче было при личныхъ сношеніяхъ; прельщать такимъ образомъ пословъ уполномоченныхъ—не достигало цѣли: впечатлѣніе ослабѣвало, исчезало при передачѣ; притомъ эти люди имѣли инструкціи, были подъ властью, могущею отвергнуть все, ими постановленное; другое дѣло, если бы можно было войти въ сношенія съ самимъ самодержцемъ, съ нимъ обо всемъ условиться одинъ-на-одинъ,—его прельстить! Всѣ самыя сильныя побужденія желать свиданія съ императоромъ Александромъ были на сторонѣ Наполеона; со стороны Русскаго государя были также сильныя побужденія вести дѣло непосредственно съ Наполеономъ. При живости своей природы, Александръ былъ страстный охотникъ лично вести переговоры, имѣть непосредственныя сношенія съ государями, вліятельными министрами, направлять совѣщанія, уговаривать, улаживать; страсть усиливалась тѣмъ, что тутъ Александръ могъ твердо положиться на свои способности, могъ надѣяться выйдти съ побѣдою; сюда присоединялась недовѣрчивость къ людямъ: въ одномъ подозрѣвалъ онъ недостатокъ надлежащихъ способностей, въ другомъ—нравственныхъ качествъ; въ третьемъ, при отсутствіи этихъ недостатковъ,—подозрѣвалъ какое нибудь убѣжденіе, несогласовавшееся съ его собственнымъ и могшее повредить въ данномъ случаѣ. Послѣ Фридланда, имѣя при себѣ Будберга, Чарторыйскаго, Новосильцева, Александръ поручилъ важное дѣло веденія переговоровъ князю Лобанову,—къ общему удивленію, ибо въ наружности, пріемахъ и способностяхъ именно къ этому дѣлу у Лобанова никто не видалъ достаточныхъ условій для такого выбора. Но Будбергъ былъ горячій сторонникъ войны, отъявленный врагъ Наполеона, и потому уже негодился для примиренія съ Наполеономъ; что же касается Чарторыйскаго и Новосильцева, то мы видѣли, какое поведеніе позволяли они себѣ во время войны: они явно шли наперекоръ желанію императора,—толками о необходимости мира, о невозможности продолжать войну; какъ люди приближенные къ государю, видные по своимъ способностямъ, они своими рѣчами производили сильное впечатлѣніе, смущали, отнимали духъ у военныхъ,—смущали, раздражали пруссаковъ. Конечно, Александръ не разсердился бы на нихъ, еслибъ они ему одному открыли свои мнѣнія, убѣждая къ миру: онъ привыкъ съ ними разсуждать и спорить обо всемъ; но они сдѣлали себя главами партіи и дали своимъ дѣйствіямъ характеръ интриги. И страсть ихъ къ миру была новостью, ибо прежде они были за борьбу съ Наполеономъ; другое дѣло—князь Куракинъ, который постоянно съ самаго начала былъ за миръ. Здѣсь, въ этомъ поведеніи Чарторыйскаго, Новосильцева и Строганова, заключается причина неудовольствія на нихъ Александра, вслѣдствіе чего потомъ, «неразлучные» уже перестали имѣть при немъ прежнее значеніе; по неудовольствію на ихъ поведеніе до Фридланда, Александръ не сдѣлалъ ихъ участниками переговоровъ съ Наполеономъ послѣ Фридланда, что, разумѣется, произвело въ нихъ неудовольствіе, а непринятіе Александромъ Наполеонова предложенія относительно возстановленія Польши окончательно отталкивало Чарторыйскаго и «неразлучныхъ» съ нимъ. Но неудовольствіе на Чарторыйскаго и Новосильцева, неимѣніе людей, которымъ можно было бы поручить веденіе переговоровъ при такихъ важныхъ, рѣшительныхъ обстоятельствахъ заставляли императора Александра сильно желать свиданія съ Наполеономъ, лично условиться съ нимъ о мирѣ, союзѣ; важно было принять къ свѣдѣнію и то, что промелькнетъ, какъ-будто невзначай, въ потокѣ пестрыхъ рѣчей. Такимъ образомъ, побужденія къ личному свиданію были чрезвычайны сильны у обоихъ императоровъ, и если одинъ предложилъ его, то другой долженъ былъ сейчасъ же съ радостью согласиться; кто предложилъ—рѣшить пока нельзя по разногласію свидѣтельствъ; но, скорѣе всего, предложилъ Наполеонъ, по характеру и положенію своему; первое движеніе принадлежитъ нападающему, а напасть хотѣлъ Наполеонъ,—Александръ долженъ былъ защищаться. Какъ бы то ни было, желанное свиданіе произошло у Тильзита, на плоту, построенномъ среди Нѣмана, раздѣлявшаго русскую армію отъ французской; потомъ это свиданіе повторилось, и переговоры о мирѣ и союзѣ кончились между двумя государями; князья Куракинъ и Лобановъ—съ русской, и Талейранъ—съ французской стороны, только формально были уполномочены для веденія переговоровъ и заключенія договора. Этотъ знаменитый Тильзитскій договоръ былъ ратификованъ 27-го іюня.

Цѣлію Наполеона было заключеніе не мира только, а союза съ Россіею; цѣлію Александра было, во-первыхъ, спасти сколько можно больше остатковъ прусскаго корабля, потерпѣвшаго страшное крушеніе, а во-вторыхъ—охранить русскіе интересы по вопросамъ Польскому и Восточному. Достиженіе первой цѣли было чрезвычайно трудно. Наполеонъ не могъ не понимать значенія Пруссіи въ Германіи. Чтобъ она не служила болѣе помѣхою для Франціи, необходимо было,—если оставить ей существованіе, то самое ничтожное; дать же ей сколько-нибудь значительныя средства—значило создать въ ней для Франціи непримиримаго врага, который никогда не забудетъ прежняго значенія и употребитъ данныя ему средства для возвращенія этого значенія въ ущербъ Франціи; особенно было непріятно возстановлять Пруссію въ угоду Русскому императору, ибо этимъ, естественно, поддерживалась и затягивалась тѣсная связь между Россіею и Пруссіею. Въ интересахъ Франціи было, чтобъ въ Германіи не существовало крупныхъ независимыхъ владѣній; ей нужно было прусскими землями увеличить германскія владѣнія, вполнѣ

зависѣвшія отъ Франціи; на востокѣ, вблизи Россіи и Австріи, Наполеонъ хотѣлъ создать значительное государство, вполнѣ ему преданное: такимъ была Саксонія. Чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи прусскія земли; чтобъ императоръ Александръ отказался отъ заступничества за Пруссію,—Наполеонъ предложилъ ему приманку: взять себѣ восточную Пруссію до Вислы; потомъ еще бо́льшую приманку: взять польскія области, принадлежавшія Пруссіи, и принять титулъ короля Польскаго, иначе польскія области Пруссіи должны быть, вмѣсто нѣмецкихъ, отданы Саксонскому королю, если нѣмецкія останутся за Пруссіею. Александръ не принялъ предложенія. Для улучшенія условій для Пруссіи, Александръ отказался отъ наслѣдства Екатерины II, княжества Іеверскаго, между Фрисландіею и Ольденбургомъ, въ пользу Голландскаго короля; отказался, въ пользу Франціи, отъ Іоническихъ острововъ и отъ Бокка-ди-Каттаро. Пруссія, сохранивъ свой составъ отъ Эльбы до Нѣмана, сохранила драгоцѣнное наслѣдство отъ Фридраха II—Силезію, которую Наполеонъ хотѣлъ-было присоединить, вмѣстѣ съ польскими областями, къ Саксоніи, и на престолъ этого значительнаго государства возвести своего брата Іеронима, а Саксонскій король долженъ быть вознагражденъ Гессеномъ и прусскими владѣніями на лѣвомъ берегу Эльбы. Такое сосѣдство Іеронимовыхъ владѣній съ Россіею найдено препятствіемъ для сохраненія союза между двумя имперіями, и Наполеонъ призналъ за лучшее, чтобъ между ними была независимая Пруссія съ владѣніями отъ Эльбы до Нѣмана. Польскія области Пруссіи, подъ именемъ герцогства Варшавскаго, отходили къ Саксонскому королю, а для Іеронима Бонапарта изъ прусскихъ владѣній за Эльбою образовано было новое королевство, подъ именемъ Вестфальскаго. Такъ покончилъ императоръ Александръ Прусскій вопросъ, и въ первой статьѣ Тильзитскаго договора говорилось: «Императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ императору Всероссійскому и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить королю Прусскому, союзнику е. в. императора Всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенные». Король Прусскій оставался союзникомъ Русскаго императора,—такъ онъ названъ въ договорѣ. Для подкопанія этого союза, Наполеонъ настаивалъ, чтобъ Александръ присоединилъ къ Россіи кусокъ прусской земли, дѣйствительно очень выгодный, — отъ устья Нѣмана къ границамъ Курляндіи съ гаванью Мемелемъ. Александръ не взялъ, но согласился взять изъ польскихъ земель, уже изъ доли короля Саксонскаго, Бѣлостокскую область. При поднятіи Польскаго вопроса это пріобрѣтеніе могло имѣть значеніе; кромѣ того, императоръ могъ желать заставить молчать тѣхъ, которые говорили, что кровопролитная война велась даромъ изъ-за Пруссіи.

Въ связи съ Прусскимъ вопросомъ—рѣшился Польскій, также удовлетворительнѣе, чѣмъ сколько можно было надѣяться по обстоятельствамъ. Возстановленіе Польши въ интересахъ Наполеона было задержано, оставлено на первой ступени: часть польскихъ земель получила самостоятельное устройство, но подъ именемъ—не Польши, а герцогства Варшавскаго, и должно было находиться подъ властью—не брата Наполеонова, но короля Саксонскаго, и нѣкоторая часть польскихъ земель отошла къ Россіи. Относительно Восточнаго вопроса было сдѣлано такое соглашеніе: если Турція не приметъ французскаго посредничества для примиренія съ Россіею, или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то Франція соединится противъ нея съ Россіею, и обѣ договаривающіяся стороны согласятся на-счетъ средствъ—избавить отъ турецкаго ига и притѣсненій всѣ области Оттоманской имперіи въ Европѣ, исключая города Константинополя и провинціи Румеліи.

V.

Эрфуртъ и Австрійская война 1809 года.

Нѣкоторые были въ восторгѣ отъ Тильзитскаго мира и союза. Князь Куракинъ писалъ императрицѣ Маріи: «Русскій Богъ не перестаетъ бодрствовать надъ нами и распространять на насъ свои благословенія! Россія выходитъ изъ этой войны со славою и счастіемъ неожиданнымъ; у нея заискиваетъ враждебная держава, имѣющая рѣшительный перевѣсъ силъ на своей сторонѣ и побѣдившая насъ. Ничего не потерявъ изъ своихъ владѣній, Россія пріобрѣтаетъ новыя, пріобрѣтаетъ для своихъ польскихъ областей новую военную границу. Россія становится ангеломъ-хранителемъ Прусскаго короля, который видитъ въ императорѣ своего спасителя, и получитъ изъ его рукъ большую часть своихъ владѣній, которыхъ не умѣлъ ни охранять, ни защищать».

Но далеко не всѣ русскіе люди могли быть въ такомъ восторгѣ отъ Тильзитскаго мира. Самое непродолжительное спокойное размышленіе надъ явленіемъ достаточно было для перемѣны взгляда, создавшагося подъ первымъ впечатлѣніемъ. Естественно и необходимо рождался вопросъ: для чего были эти заискиванія со стороны побѣдоносной силы у державы побѣжденной?—и отвѣтъ былъ одинъ: для того, чтобъ послѣдняя, оставаясь еще достаточно сильною и опасною, не мѣшала побѣдителю въ дальнѣйшихъ замыслахъ; — и какіе это могли быть замыслы? При тильзитскихъ свиданіяхъ у Наполеона вырывались слова искушенія: «Раздѣлимъ міръ!» Но искушеніе должно было исчезнуть опять при первомъ спокойномъ размышленіи. Дѣлежъ могъ имѣть одно основаніе: для Франціи—Западъ, для

Россіи—Востокъ; Франціи на Западѣ оставалось добрать Пиренейскій полуостровъ; Россіи, въ соотвѣтствіе, слѣдовалъ Балканскій. Но императоръ французовъ уже и теперь не допускалъ такого, повидимому, столь естественнаго дѣлежа; на Балканскомъ полуостровѣ оба императора должны были дѣйствовать вмѣстѣ и дѣлиться, тамъ была уже указана и мѣстность, на которой начертано: «nec plus ultra». Что же, спрашивается, остается Россіи при дѣлежѣ міра? Дѣлежъ былъ неравный и велъ къ новой борьбѣ по своей черезполосицѣ. Очевидно, Тильзитскій миръ былъ только перемиріемъ; выгода его для Россіи состояла только въ томъ, что давала ей необходимую передышку, время собраться съ силами и дать для этого время другимъ. Наполеону нужно было перемиріе, нуженъ былъ фальшивый союзъ съ Россіею, чтобы осуществить свои планы на Западѣ; Александру нужно было это перемиріе и фальшивый союзъ съ Франціею, чтобъ имѣть извѣстное время свободныя руки для дѣйствій по вопросамъ Восточному и Польскому; дальнѣйшій ходъ ихъ, разумѣется, долженъ былъ привести къ борьбѣ съ Наполеономъ, но для этой-то борьбы и нужно было отдохнуть, приготовиться, не спуская глазъ съ Наполеона: что онъ еще задумаетъ, какъ будетъ далѣе истощать мѣру долготерпѣнія народовъ, гдѣ и какъ споткнется на пути захватовъ. Тильзитскій миръ былъ необходимъ и условія его были выгодны для обѣихъ сторонъ: для Наполеона—тѣмъ, что останавливали помѣху его замысламъ со стороны Россіи; для Александра—тѣмъ, что останавливали вредные для Россіи замыслы Наполеона и относительно Германіи сохраненіемъ Пруссіи, и относительно Польскаго вопроса—не возстановленіемъ Польши, а образованіемъ только герцогства Варшавскаго, слѣдовательно, остановкою на зародышѣ, и относительно Восточнаго вопроса посредничествомъ Франціи, вмѣсто враждебнаго ея дѣйствія. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы императоръ Александръ смотрѣлъ иначе на Тильзитскій миръ и видѣлъ въ немъ болѣе необходимаго перемирія. Онъ самъ не могъ быть доволенъ положеніемъ, которое было создано для него Тильзитскимъ миромъ и союзомъ съ Наполеономъ; онъ, какъ государь, долженъ былъ наложить на себя тяжкую обязанность не выражать этого неудовольствія; но другіе, многіе и многіе, будучи недовольны, громко жаловались и обвиняли того, кто принялъ на себя всю отвѣтственность, устроивши непосредственно новыя отношенія. Сознательно и безсознательно въ русскихъ людяхъ вкоренилось убѣжденіе, что отношенія Россіи къ западной Европѣ, къ Наполеону, какъ они существовали до сихъ поръ, были самыя правильныя, согласныя съ достоинствомъ и значеніемъ Россіи; вкоренилось убѣжденіе, что на Западѣ, въ лицѣ Наполеона, воплотилось хищничество, попраніе всѣхъ международныхъ правъ, порабощеніе народовъ, и что Россія высказала этому протестъ, не признала правъ силы и насилія, постоянно боролась съ насильникомъ, защищая слабыхъ. Аустерлицъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что отъ неудачъ военныхъ давно отвыкли; но неудача не перемѣнила отношеній, и послѣ Аустерлица Россія осталась въ томъ же возвышенномъ положеніи, готовая продолжать борьбу, защищать слабыхъ отъ насилія. Но теперь, послѣ Тильзита, это возвышенное положеніе было потеряно; Русскій государь, бывшій постоянно вѣрнымъ святому знамени, которымъ гордилась Россія, теперь бросилъ его, протянулъ руку, побратался съ тѣмъ, кого привыкли называть врагомъ рода человѣческаго. И для чего? Настоящія побужденія, политическія соображенія были скрыты и все отнесено къ лицу, его чувствамъ и впечатлѣніямъ. Война была ведена дурно, потерпѣли пораженіе, испугались и отдались въ руки побѣдителю, заключили съ нимъ союзъ,—для чего? Союзъ съ Наполеономъ — значитъ — постоянная война, ибо онъ постоянно воюетъ, и Россія будетъ теперь ходить на войну, куда онъ захочетъ—союзъ! И прежде всего ссора съ Англіею, естественною, всегдашнею союзницей, прекращеніе выгодной, необходимой торговли, и за все это Наполеонъ далъ Бѣлостокскую область, отнятую у нашего же союзника, Прусскаго короля. Начавшаяся немедленно Шведская война усилила непріятное впечатлѣніе: война съ государемъ, который былъ нашимъ постояннымъ союзникомъ, который сталъ виноватъ тѣмъ, что остался вѣренъ знамени, покинутому нами: вотъ прямыя слѣдствія союза съ Наполеономъ,—война, безконечная война въ угоду врага рода человѣческаго! И все приписывалось одному лицу, ибо все сдѣлано имъ однимъ: не было никакого Гаугвица, никакого Ломбарда для отвлеченія. Вотъ уже седьмой годъ—и не въ чемъ нѣтъ удачи! Если тяжело было положеніе императора Александра послѣ Аустерлица, то эта тяжесть не значила ничего въ сравненіи съ тяжестію положенія настоящаго. Онъ зналъ все, зналъ даже въ преувеличенномъ видѣ, благодаря людямъ, находившимъ свои выгоды напугать его, представить слова дѣлами или близкими къ дѣлу;—онъ зналъ, какъ смотрѣли на Тильзитъ, и не могъ не уважать основаній этого взгляда. Онъ не перемѣнялъ системы, не отказывался отъ борьбы съ Наполеономъ, не вѣрилъ его словамъ и обѣщаніямъ, ибо и человѣкъ съ менѣе тонкимъ умомъ, чѣмъ у императора Александра, не могъ имъ вѣрить; но не могъ не признать, что имѣлось основаніе толковать о крутой перемѣнѣ системы, о слабости, непостоянствѣ человѣка, способнаго къ такимъ перемѣнамъ, о невозможности полагаться на него; самый снисходительный отзывъ могъ состоять въ томъ, что онъ былъ обольщенъ Наполеономъ. Какъ страшно должно было страдать самолюбіе!

Много было сдѣлано для Пруссіи; чувствовалась нравственная необходимость сдѣлать это, потому что было обязательство, Пруссія была отклонена отъ отдѣльнаго мира съ Франціею въ концѣ 1806 года и потомъ послѣ Эйлау. Въ Россіи люди, нѣ-

*

когда самые близкіе, не принимая во вниманіе нравственныхъ отношеній, упрекали за пожертвованія чуждымъ интересамъ; но, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи были довольны?—нисколько! Александръ дѣлалъ пожертвованія, доказывая, что на него можно положиться, что онъ не измѣняетъ своимъ союзникамъ, не забываетъ своихъ обязательствъ: но въ Пруссіи именно Александръ объявленъ былъ человѣкомъ, неспособнымъ выдерживать, человѣкомъ, бросающимъ своихъ союзниковъ въ бѣдѣ, на котораго, поэтому, полагаться нельзя. И этотъ обвинительный голосъ послышался изъ устъ человѣка, который пользовался особеннымъ расположеніемъ Александра, который ему былъ обязанъ настоящимъ своимъ положеніемъ, — Гарденберга. Онъ сталъ толковать, что Александръ былъ обойденъ Наполеономъ при тильзитскихъ свиданіяхъ; Александру не слѣдовало здѣсь вступать въ борьбу при такомъ неравномъ оружіи: Наполеонъ далеко превосходилъ его опытностію, лживостію и энергіею, да еще опирался на хитраго Талейрана; тогда какъ отъ Александра онъ отстранилъ всѣхъ помощниковъ, говоря: «Государь! я буду вашимъ секретаремъ, а вы—моимъ». Гарденбергъ рѣшился говорить, что помощь, оказанная Пруссіи Александромъ при тильзитскихъ переговорахъ, была не сильнѣе помощи, оказанной оружіемъ. Наконецъ Гарденбергъ рѣшился сказать королю, что, при всемъ его злополучіи, считаетъ его счастливѣе Александра, у котораго Наполеонъ умѣлъ отнять честь. Раздраженіе Гарденберга объясняется общимъ раздраженіемъ въ Пруссіи. Какъ во время войны надѣялись, что съ приходомъ русскихъ—сейчасъ же побѣда, изгнаніе французовъ и выгодный миръ, и когда надежда не исполнялась, начали кричать противъ русскихъ: такъ и теперь, при мирныхъ переговорахъ, надѣялись, что императоръ Александръ выговоритъ для Пруссіи самыя выгодныя условія, и когда условія не понравились, начался крикъ противъ Александра. До чего доходили несбыточныя надежды въ Пруссіи при открытіи мирныхъ переговоровъ, свидѣтельствуетъ прусскій проектъ мирнаго договора. Ганденбергъ вообразилъ себя Фридрихомъ II-мъ, — и не Фридрихомъ II-мъ послѣ куннерсдорфскаго пораженія, когда великій король, въ отчаяніи, хотѣлъ лишить себя жизни, что было бы сходно съ положеніемъ послѣ Фридланда,—но Фридрихомъ II-мъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка, когда онъ, благодаря счастливому выходу изъ Семилѣтней войны, имѣлъ громадный авторитетъ, громадное вліяніе на дѣла Европы. Фридрихъ II-й въ это время воспользовался благопріятными обстоятельствами, нежеланіемъ Россіи вести двойную войну съ Турціею и Австріею, уговорилъ Екатерину II-ю удовольствоваться самыми умѣренными пріобрѣтеніями отъ Турціи и вознаградить себя насчетъ Польши, причемъ и Австрія съ Пруссіею также получили вознагражденіе отъ Польши, неизвѣстно за что. Теперь Гарденбергъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, только наоборотъ: возстановить Польшу и раздѣлить Турцію—въ пользу Пруссіи, и хотѣлъ онъ это сдѣлать послѣ страшнаго погрома, который потерпѣла Пруссія, послѣ того, какъ почти всѣ ея владѣнія были заняты непріятелемъ, слѣдовательно хотѣлъ стать гораздо выше Фридриха II-го. Планъ состоялъ въ томъ, что Пруссія уступала свои польскія владѣнія (кромѣ департаментовъ Познанскаго, Данцигскаго и Торнскаго) для возстановленія Польши, которая отдавалась королю Саксонскому, а Саксонія съ Лужичами отходила къ Пруссіи. Послѣдняя уступала Франціи Вестфалію, но за то брала себѣ земли по сѣверному берегу Майна, также города Любекъ и Гамбургъ; сверхъ того, пріобрѣтала верховную власть надъ мекленбургскими и саксонскими герцогствами и другими мелкими владѣніями сѣверной Германіи. Хотѣли, такимъ образомъ, сдѣлать неслыханное чудо: государство, потерпѣвшее страшное пораженіе, завоеванное и несдѣлавшее ничего для своего возстановленія, выходило изъ борьбы болѣе сильнымъ и округленнымъ, чѣмъ было прежде; хотѣли сдѣлать, чтобъ извѣстныя слова: «Горе побѣжденнымъ!» смѣнились словами: «Счастье побѣжденнымъ!» Но чтобы Франція, Россія и Австрія не очень удивлялись этому чуду (другой причины не видно), Гарденбергъ предлагалъ имъ заняться войною съ Турціею, послѣ которой онѣ получали право раздѣлить между собою европейскія владѣнія Порты такимъ образомъ: Россія получала Молдавію, Валахію, Бессарабію, Болгарію, Румелію, съ крѣпостями на азіатскомъ берегу; Австрія—Далмацію, Боснію, Сербію; Франція—Ѳессалію, Ливадію, Негропонтъ, Морею, Кандію и острова Архипелага; въ Турціи же получали долю: король Фердинандъ Неополитанскій получалъ Албанію и семь Іоническихъ острововъ, взамѣнъ Сициліи, отходившей къ Іосифу Бонапарту; король Сардинскій получалъ Македонію. Понятно, что если таковы были надежды, то каково же было раздраженіе, когда узнали тильзитскія условія относительно Пруссіи, съ прибавкою, что ей возвращаются извѣстныя земли только въ угоду Русскому государю.

Александръ, заключая миръ и союзъ въ Тильзитѣ, имѣлъ въ виду Польскій и Восточный вопросы; но Наполеонъ очень хорошо понималъ, что эти вопросы могутъ повести очень рано, раньше, чѣмъ ему было нужно, къ новымъ столкновеніямъ и борьбѣ между Россіею и Франціею; ему хотѣлось отвлечь вниманіе Русскаго государя на другую сторону, съ юга и запада на сѣверъ, въ мѣстность поближе къ его столицѣ, чѣмъ Молдавія и Валахія. Всего выгоднѣе было бы для Наполеона, если бы у Россіи началась война съ Швеціею: Россія можетъ легко занять Финляндію; но Швеціи трудно будетъ согласиться уступить ее; война затянется, англичане будутъ поддерживать шведовъ, и Александру не будетъ времени думать ни о туркахъ, ни о полякахъ, ни о комъ-либо другомъ. Какъ знаменитый гастрономъ умѣетъ указать неопыт-

ному въ чревоугодіи собесѣднику лакомый кусокъ:—такъ мастеръ въ дѣлѣ захвата чужихъ областей, Наполеонъ, указывалъ въ Тильзитѣ Александру на необходимость взять Финляндію у Швеціи. «Шведскій король»,—говорилъ онъ,—«въ какихъ бы отношеніяхъ случайно къ вамъ ни находился, постоянно онъ вашъ непріятель географическій. Петербургъ слишкомъ близко къ шведской границѣ; петербургскія красавицы не должны больше изъ домовъ своихъ слышать грома шведскихъ пушекъ». Этими словами Наполеонъ намекалъ на послѣднюю Шведскую войну при Екатеринѣ II-й.

Мы видимъ, что для Наполеона важенъ былъ не миръ съ Россіею только, но главнымъ образомъ союзъ, уничтоженіе возможности коалиціи, отнятіе у Англіи надежды на возможность бороться съ Франціею на континентѣ посредствомъ Россіи:—этимъ Англія принуждалась заключить съ Франціею выгодный для послѣдней миръ; если же мира не будетъ, то Россія, по Тильзитскому договору, изъ союзницы станетъ врагомъ Англіи. Эта вражда была необходима Наполеону для приведенія въ исполненіе его, такъ-называемой, континентальной системы, имѣвшей цѣлію уничтожить сбытъ англійскихъ товаровъ въ Европѣ. Чтобъ это уничтоженіе было повсемѣстнымъ, въ Тильзитѣ было выговорено: если Англія не согласится на миръ, то Россія и Франція приглашаютъ Данію, Швецію и Португалію запереть для англійскихъ кораблей свои гавани и объявить Англіи войну. Если же которая-нибудь изъ этихъ державъ не приметъ приглашенія, то Россія и Франція объявятъ ей войну; если окажетъ упорство Швеція, то онѣ заставятъ Данію воевать съ нею. Александръ принялъ на себя посредничество для примиренія Франціи съ Англіей; какъ основное условіе мира, Наполеонъ постановилъ, чтобъ Англія возвратила всѣ захваченныя ею колоніи, французскія, испанскія и голландскія, за что со стороны Франціи будетъ возвращенъ ей Ганноверъ; Александръ выговорилъ длинный срокъ для прекращенія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіею, если послѣдняя не согласится на миръ; этотъ срокъ былъ 1-е октября. При заключеніи Тильзитскаго мира, русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ былъ Алопеусъ 1-й, знакомый намъ по Берлину. Въ это время виги, которые своею медленностію въ поданіи помощи такъ содѣйствовали Тильзитскому миру, не управляли болѣе дѣлами страны: ихъ смѣнило торійское министерство Кассльри, Персиваля и Каннинга. Когда Алопеусъ объявилъ Каннингу о заключеніи Тильзитскаго мира съ объясненіемъ причинъ, заставившихъ Русскаго государя заключить его: послѣ Эйлау императоръ всю зиму ждалъ, что Австрія и Англія примутъ дѣятельное участіе въ войнѣ, Англія обѣщала помощь и не сдержала своихъ обѣщаній,—то Каннингъ отвѣчалъ самымъ спокойнымъ тономъ: «Я нисколько не буду возражать противъ справедливыхъ вашихъ словъ; сдѣлайте одолженіе, прочтите нынѣшнія газеты,—вы тамъ найдете мои слова, сказанныя въ палатѣ общинъ въ оправданіе дѣйствій Россіи и для указанія ошибокъ англійскаго Кабинета». Но, выставляя съ удовольствіемъ ошибки предшествовавшаго Кабинета, новое министерство рѣшило не повторять ихъ, а съ удвоенною энергіею продолжать борьбу съ Наполеономъ; для успѣха же этой борьбы необходимо было содѣйствіе Россіи. Въ Англіи очень хорошо знали, что Тильзитскій миръ и союзъ очень непрочны; что союзъ Англіи съ Россіею, коренившійся на основныхъ условіяхъ времени, былъ гораздо прочнѣе, и потому, несмотря на то, что посредничество Россіи не повело ни къ чему и послѣдовалъ разрывъ между старыми союзниками, вражда Англіи къ Россіи, по своей дѣйствительной цѣнѣ, вполнѣ соотвѣтствовала дружбѣ Россіи съ Франціею. Но отношенія Россіи къ Англіи были Тильзитскимъ договоромъ тѣсно связаны съ отношеніями къ Швеціи. Императоръ Александръ, зная хорошо мнѣніе и правительственныхъ лицъ въ Швеціи и, можно сказать, всего народа, имѣлъ основаніе думать, что Швеція не станетъ воевать съ Россіею и будетъ слѣдовать одной съ нею политикѣ; конечно, надобно было взять въ разсчетъ характеръ короля, который могъ поступить по-своему; но тутъ разсчетъ былъ труденъ, ибо нельзя было никакъ угадать, на чемъ вдругъ остановится Густавъ IV. Онъ остановился на томъ, что остался въ союзѣ съ Англіею и продолжалъ одинъ войну съ Франціею, которой войска вытѣснили его изъ Помераніи; несмотря на то, Густавъ продолжалъ прежнюю систему, накликая на себя русскую войну. Такимъ положеніемъ дѣлъ воспользовались англичане. Въ то время, какъ между лучшими людьми, не привыкшими преклоняться предъ силою и во всѣмъ ее оправдывать, раздавались крики негодованія противъ захватовъ Наполеона, англичанамъ захотѣлось услужить континентальному хищнику, показавши, что на морѣ есть сила, которая ему не уступитъ и даже еще превзойдетъ его. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1807 года, сильный англійскій флотъ явился у береговъ Даніи и потребовалъ у ея правительства заключенія союза съ Англіею, выдачи всего флота и введенія англійскихъ гарнизоновъ въ важнѣйшія мѣста. «Слабый долженъ уступать сильному», отвѣчали англичане на возраженія датчанъ, и когда послѣдніе отказались исполнить ихъ требованія, то «сильные» начали бомбардировать Копенгагенъ, сожгли половину города, истребивъ 2,000 человѣкъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, и взяли флотъ и морской арсеналъ. Но Наполеонъ не хотѣлъ позволить, чтобъ англичане соперничали съ нимъ, изумляя міръ подобными поступками; онъ нашелъ средство заставить забыть копенгагенское происшествіе: онъ задумалъ покореніе Пиренейскаго полуострова, сверженіе Бурбонской династіи съ Испанскаго престола и замѣну ея династіею Бонапартовскою.

Своею уступчивостію, готовностію къ союзу съ сильною сосѣдкою, испанскіе Бурбоны уживались

до сихъ поръ въ мирѣ и съ республиканскою, и съ императорскою Франціею. Но понятно, что не уступчивость Испаніи, не союзъ съ нею удерживали Наполеона отъ захвата. По своей природѣ, по своему положенію и по своимъ замысламъ, которымъ судьба такъ благопріятствовала до сихъ поръ, онъ не могъ спокойно смотрѣть на независимость государствъ Пиренейскаго полуострова. Если Людовикъ XIV говорилъ: «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ», то Наполеонъ долженъ былъ считать Испанію и Португалію необходимымъ дополненіемъ создаваемой имъ имперіи; Бурбоны изгнаны изъ Франціи, изъ Неаполя: съ какой стати оставаться имъ въ Испаніи? Что такое будетъ Западная имперія безъ Пиренейскаго полуострова? Наполеонъ могъ допустить существованіе Пруссіи, даже ея усиленіе, еслибъ она не мѣшала ему, находилась въ постоянномъ, тѣсномъ союзѣ съ Франціею, еслибъ не колебалась между нею и Россіею; могъ легко допустить существованіе Австріи, еслибъ не историческое соперничество по поводу Италіи;—но Испанія была ему такъ же нужна, какъ Италія, и только постоянное отвлеченіе на востокъ, вражда съ Россіею, составительницею коалицій, препятствовала ему заняться Пиренейскимъ полуостровомъ. Но какъ только борьба съ Россіею прекращалась союзнымъ договоромъ, какъ скоро чрезъ это Наполеонъ пріобрѣталъ безопасность на востокѣ,—сейчасъ же онъ обращался къ Испаніи. Тильзитъ и переворотъ въ Испаніи связаны между собою какъ причина съ слѣдствіемъ. Ожесточенная борьба съ Англіею, стремленіе Наполеона нанести неуловимой противницѣ чувствительный ударъ, стремленіе прекратить повсюду англійскую торговлю, также имѣли близкую связь съ замыслами противъ Испаніи. Португалія, разобщенная отъ Франціи Испаніею, находилась въ торговой и промышленной зависимости отъ Англіи. Заставить Португалію выйдти изъ этой зависимости можно было только посредствомъ Испаніи, что было неудобно, затруднительно; да и относительно самой Испаніи, при слабости ея правительства, не было увѣренности, что мѣры Наполеона будутъ приводиться въ исполненіе. Присоединеніе Пиренейскаго полуострова къ Французской имперіи дѣлало Средиземное море французскимъ озеромъ, исключало изъ него Англію; легкое покореніе береговъ сѣверной Африки было необходимымъ слѣдствіемъ, послѣ чего рѣшался вопросъ Восточный, ибо владѣть міромъ было нельзя, не владѣя Константинополемъ, по мнѣнію Наполеона. Какъ долженъ былъ рѣшиться Восточный вопросъ,—низложеніемъ Россіи или какою-нибудь сдѣлкою съ нею: это было дѣломъ будущаго.

Но, начавъ испанское дѣло завоеваніемъ Португаліи, изгнаніемъ ея королевскаго Дома въ Бразилію, приготовляя войска для наводненія ими Испаніи, обдумывая предлогъ къ ссорѣ, Наполеонъ не могъ не оглядываться на Россію, что тамъ дѣлается: оставитъ ли его новый союзникъ спокойно управляться на Пиренейскомъ полуостровѣ. Наполеону чрезвычайно хотѣлось, чтобъ Русскій государь немедленно бросился на Швецію и затянулся въ долгую войну съ нею; Наполеонъ старался поставить императора Александра въ такое же затруднительное положеніе на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ какое потомъ самъ попалъ на Пиренейскомъ! Но къ нему пришли тревожныя вѣсти, что Александръ медлитъ войною съ Швеціею, ведетъ съ нею переговоры, а вмѣсто того занимается Восточнымъ вопросомъ, что было всего хуже для Наполеона. Ему хотѣлось, чтобъ Россія не затрогивала преждевременно Восточнаго вопроса, заключила перемиріе съ турками, очистивъ Молдавію и Валахію, и воевала съ Швеціею; а тамъ, когда Наполеонъ управится въ Испаніи, — другое дѣло: тогда онъ начнетъ управляться съ Турціею. Но понятно, что Александръ долженъ былъ спѣшить приготовить для Россіи успѣшное рѣшеніе Восточнаго вопроса, прежде всего занять выгодную, необходимую позицію, т.-е. пріобрѣсть Молдавію и Валахію, и поддержать сербское движеніе, которое шло подъ знаменемъ Георгія Чернаго. Для разузнанія, что дѣлается въ Россіи, какъ ведетъ себя новый союзникъ, Наполеонъ послалъ въ Петербургъ одного изъ самыхъ довѣренныхъ людей, генерала Савари, который нашелъ тамъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Мы видѣли, что Будбергъ, смѣнившій Чарторыйскаго, уже этимъ самымъ пріобрѣлъ себѣ въ немъ врага. Чарторыйскій не переставалъ осаждать императора Александра требованіями смѣны Будберга и военнаго министра Вязмитинова, который также ему не нравился. Любопытенъ письменный отвѣтъ ему императора: «Выставивъ бѣдствія, грозящія Россіи, вы предлагаете для избавленія отъ нихъ: 1) чтобъ я объявилъ себя королемъ Польскимъ; 2) смѣнилъ министровъ—военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Было бы долго входить въ разсужденія по первой статьѣ; что же касается второй, то объявляю, что доволенъ службою обоихъ министровъ; кромѣ того, я не вижу никого, кто бы могъ ихъ замѣнить. Не генералъ ли Сухтеленъ? Говорю громко, что не нахожу въ немъ способностей, нужныхъ для военнаго министра, и предпочитаю Вязмитинова. Точно такъ же я не вижу никого для иностранныхъ дѣлъ. Хотите Паниныхъ, Морковыхъ [1])? Надобно, чтобы я уважалъ тѣхъ, съ которыми работаю; только при этомъ условіи я могу имъ довѣрять. Крики меня мало безпокоятъ, они обыкновенно бываютъ порожденіемъ духа партіи». Но Тильзитскій миръ необходимо долженъ былъ вести къ перемѣнѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Будбергъ былъ отъявленный врагъ Наполеона, который, не рѣшаясь прямо потребовать у Александра смѣны министра, какъ потребовалъ у Фридриха-Виль-

---

[1]) Этими именами Александръ колетъ Чарторыйскаго, который ненавидѣлъ Панина за привязанность къ Пруссіи, а Моркова—за дѣятельное участіе въ послѣднихъ екатерининскихъ распоряженіяхъ насчетъ Польши.

гельма смѣны Герденберга, однако позволялъ себѣ въ Тильзитѣ выходки противъ Будберга. Не Будбергъ велъ переговоры, не онъ подписывался подъ договоромъ. При видимой перемѣнѣ системы нельзя было ему оставаться министромъ, и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, который всегда былъ противъ вражды съ Франціею. Но противники вражды съ Наполеономъ ставили на видъ, что борьба ведется на основаніи общихъ началъ, изъ-за чужихъ интересовъ, причемъ препебрегаются интересы собственные, которые соблюдутся лучше при соглашеніи съ императоромъ французовъ. Поэтому Румянцеву было необходимо доказать справедливость такого взгляда пріобрѣтеніемъ дѣйствительныхъ выгодъ отъ союза съ Наполеономъ, прежде всего, разумѣется, выгоднымъ рѣшеніемъ турецкаго дѣла, пріобрѣтеніемъ Дунайскихъ княжествъ, не говоря уже о томъ, что въ глазахъ своего государя новый министръ могъ выказать свои способности въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, ведя это дѣло вполнѣ согласно съ видами и желаніями императора. Вотъ почему со стороны министра, слывшаго приверженцемъ французскаго союза, Савари услыхалъ слова, непріятнѣе которыхъ не могъ бы ему сказать никакой Будбергъ. «Единственная красивая сторона союза съ вами»,—говорилъ ему Румянцевъ,—«которую мы можемъ представить народу, состоитъ въ пріобрѣтеніи Молдавіи и Валахіи, а вы хотите отнять у насъ эту возможность. Что мы будемъ отвѣчать, когда насъ спросятъ, зачѣмъ мы не стояли за нихъ крѣпко, и какъ позволили лишить себя этой выгоды, когда мы терпимъ такія потери въ войнѣ съ Англіей? Не говорите о Европѣ,—Европа ничего не скажетъ. Что такое Европа, гдѣ она?—вся Европа въ насъ съ вами». Савари донесъ Наполеону, что въ Петербургѣ дѣло нехорошо, сильное неудовольствіе противъ французскаго союза въ обществѣ, сильное желаніе удержать Дунайскія княжества—въ правительствѣ. А между тѣмъ испанское дѣло уже началось, надобно было его кончить. Наполеонъ рѣшилъ послать льстивое письмо Александру, какъ ребенку отвести глаза, показавши вдали блестящую игрушку, убѣдить завязаться въ Шведскую войну, наконецъ предложить личное свиданіе, чтобъ до тѣхъ поръ было остановлено движеніе на Дунаѣ. Чѣмъ сильнѣе желалъ онъ самъ поскорѣе покончить дѣло на Пиренейскомъ полуостровѣ, тѣмъ сильнѣе желалъ, чтобъ Александръ не начиналъ дѣла на Балканскомъ.

2-го февраля (н. ст.) 1808 года Наполеонъ написалъ Александру: «Генералъ Савари только-что пріѣхалъ. Я провелъ съ нимъ цѣлые часы, чтобъ наговориться о вашемъ величествѣ. Все, что онъ ни говорилъ, доставляло мнѣ сердечное удовольствіе, и я ни на минуту не хочу откладывать изъявленія благодарности за всѣ милости, вами ему оказанныя. Ваше величество прочли рѣчи, говоренныя въ англійскомъ парламентѣ, и рѣшеніе продолжать войну до послѣдней крайности. Только посредствомъ великихъ и обширныхъ средствъ можемъ мы достигнуть мира и утвердить нашу систему. Увеличивайте и усиливайте вашу армію. Вы получите отъ меня всю помощь, какую я только въ состояніи вамъ дать. У меня нѣтъ никакого чувства зависти къ Россіи; напротивъ, я желаю ея славы, благоденствія, распространенія. Вашему величеству угодно ли выслушать совѣтъ отъ человѣка, преданнаго вамъ нѣжно и искренне. Вамъ нужно удалить шведовъ отъ своей столицы; вы должны съ этой стороны распространить свои границы какъ можно дальше. Я готовъ помочь вамъ въ этомъ всѣми моими средствами. Армія въ 50,000 чел., франко-русская, быть можетъ, нѣсколько австрійская, которая направится чрезъ Константинополь въ Азію, не дойдетъ еще до Евфрата, какъ Англія затрепещетъ и бросится на колѣни предъ континентомъ. Я твердо стою въ Далмаціи, ваше величество — на Дунаѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ мы уговоримся, армія можетъ быть на Босфорѣ. Ударъ отзовется въ Индіи, и Англія будетъ покорна. Я не отказываюсь ни отъ какихъ предварительныхъ соглашеній, необходимыхъ для достиженія столь великой цѣли. Взаимный интересъ нашихъ государствъ долженъ быть обсужденъ и уравновѣшенъ. Но это можетъ быть сдѣлано только при личномъ свиданіи, или послѣ зрѣлыхъ обсужденій между Румянцевымъ и Коленкуромъ [1]) и присылки сюда человѣка, который былъ бы крѣпокъ въ системѣ [2]). Толстой [3]) хорошій человѣкъ, но наполненъ предразсудками, недовѣріемъ къ Франціи и вовсе не въ уровень съ высотою тильзитскихъ событій и новаго положенія, въ которое поставила вселенную наша тѣсная дружба съ вами. Все можетъ быть рѣшено и подписано 15-го марта. Къ 1-му мая наши войска могутъ быть въ Азіи, и, въ то же время, войско вашего величества можетъ быть въ Стокгольмѣ. Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, прогнанные изъ Леванта, будутъ подавлены подъ тяжестью событій, которыми будетъ заряжена атмосфера. Ваше величество и я предпочли бы сладость мира, возможность проводить свою жизнь среди своихъ обширныхъ имперій, оживлять ихъ, доставлять имъ благоденствіе посредствомъ искусствъ и благодѣяній администраціи. Всеобщіе враги этого не хотятъ. Надо быть противъ воли болѣе великими. Мудрость и политика требуютъ исполнять требованія судьбы,—идти туда, куда влечетъ неодолимый ходъ событій. Тогда тучи пигмеевъ, которые не хотятъ видѣть, что настоящія событія таковы, какимъ подобныхъ надобно искать въ исторіи, а не въ газетахъ по-

---

[1]) Французскимъ посломъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ на постоянное пребываніе, тогда какъ Савари пріѣзжаго только временно.

[2]) То-есть въ системѣ франко-русскаго союза.

[3]) Графъ Петръ Александровичъ, русскій посолъ въ Франціи, отправленный послѣ Тильзита.

слѣдняго столѣтія, преклонятся, послѣдуютъ движенію, данному вашимъ величествомъ и мною, и русскій народъ будетъ доволенъ славою, богатствомъ и счастьемъ, которыя будутъ слѣдствіемъ этихъ великихъ событій. Тильзитское дѣло направитъ судьбы міра».

Александръ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ: «Письмо вашего величества перенесло меня во времена Тильзита, воспоминаніе о которыхъ останется для меня всегда драгоцѣннымъ. Виды вашего величества являются мнѣ одинаково великими и справедливыми. Такому высшему генію, какъ вашъ, предоставлено создать такой обширный планъ,—вашему же генію предоставлено и руководить его исполненіемъ». Александръ писалъ, что передалъ Коленкуру русскія требованія; если Наполеонъ согласится на ихъ исполненіе, то Александръ предлагаетъ армію для индійскаго похода и другую для Малой-Азіи,—также флотъ. Если идеи Александра сходятся съ идеями Наполеона, то первый согласенъ на личное свиданіе, для котораго избираетъ городъ Эрфуртъ: «Я уже заранѣе готовлю себѣ праздникъ изъ этого свиданія»,—писалъ Александръ;—«я смотрю на это время, какъ на самое прекрасное въ моей жизни». Что касается Швеціи, то Александръ извѣщалъ, что русскія войска уже занимаютъ всѣ значительныя мѣста въ Финляндіи, идутъ на Або, бомбардируютъ Свеаборгъ.

Пересылая нѣжный отвѣтъ на нѣжное письмо, Александръ очень хорошо зналъ, что искренній союзникъ вовсе не думаетъ о походѣ въ Индію, а замышляетъ что-то другое, о чемъ тщательно скрываетъ отъ своего друга. Но долго скрывать испанскихъ замысловъ было нельзя. До сихъ поръ ни одинъ русскій посланникъ не былъ по-душѣ Наполеону [1]); графъ Толстой раздѣлялъ участь своихъ предшественниковъ, Колычова и Моркова; Наполеонъ прямо требуетъ его отозванія, выставляя его человѣкомъ нерасположеннымъ къ Франціи; требуетъ присылки человѣка, который слѣдовалъ бы противоположной системѣ, тильзитской системѣ. Чтобъ познакомиться съ человѣкомъ и узнать причины, почему Толстой такъ не понравился Наполеону, послушаемъ разговоръ, который происходилъ у императора французовъ съ русскимъ посланникомъ 24-го января (5-го февраля) 1808 года. — *Толстой:* «Въ Тильзитѣ не было помина о томъ, чтобъ связать турецкое дѣло съ прусскимъ; мы готовы помочь вамъ добыть себѣ часть Турецкой имперіи; но въ Тильзитѣ не говорилось, что за пріобрѣтенное Россіею въ Турціи Франція получаетъ себѣ вознагражденіе на-счетъ Пруссіи».—*Наполеонъ:* «Трудно, невозможно теперь осуществить виды на Турецкую имперію; я хочу взять Кандію и Морею; но препятствія со стороны англичанъ, которые овладѣютъ Архипелагомъ; я не знаю, какъ удержусь и на Іоническихъ островахъ. Дать вамъ Молдавію и Валахію—значитъ—слишкомъ усилить ваше вліяніе, привести васъ въ прочную связь съ сербами, которые вамъ преданы, съ черногорцами, греками, — вашими единовѣрцами и любящими васъ».—*Толстой:* «Все это не причина для вашего величества искать вознагражденія въ Пруссіи, которая одна отдѣляетъ насъ отъ Франціи, и замедлять ея очищеніе; притомъ Россія не можетъ не безпокоиться, видя, что ваше величество набираете 80,000 войска, когда у васъ его уже 800,000; противъ кого это, если вы въ союзѣ съ Россіею? Савари и Коленкуръ донесутъ вашему величеству, что вы можете положиться на нашего императора».—*Наполеонъ:* «Чтобъ сдѣлать угодное императору Александру, я исполняю все относительно Турціи; я не могу не одобрить его желанія имѣть Дунайскія княжества, потому что они сдѣлаютъ его господиномъ Чернаго моря; но если вы хотите, чтобъ я вамъ пожертвовалъ своимъ союзникомъ, то справедливость требуетъ, чтобъ вы пожертвовали мнѣ своимъ, и не противились тому, чтобъ я взялъ у Пруссіи Силезію, тѣмъ болѣе-что она далеко отъ вашихъ границъ. Силезію я хочу взять ни себѣ, ни отдать своему родственнику: отдамъ ее такому государству, которое мнѣ будетъ благодарно, и ослаблю Пруссію, которой я сдѣлалъ столько зла, что уже разсчитывать болѣе на нее не могу. Я свято исполню Тильзитскій договоръ, если вы согласитесь очистить турецкія владѣнія, или согласитесь на какую-нибудь сдѣлку. Я вамъ доказалъ, что у васъ нѣтъ логики».—*Толстой:* «Я не могу убѣдиться словами вашего величества, и привыкъ судить не по словамъ, а по дѣламъ».—Тутъ Наполеонъ взялъ обѣими руками свою шляпу, бросилъ ее на полъ и сказалъ: «Слушайте, г. Толстой! не императоръ французовъ говоритъ съ вами, а простой дивизіонный генералъ говоритъ съ другимъ дивизіоннымъ генераломъ: пусть буду я послѣднимъ изъ людей, если не исполню самымъ добросовѣстнымъ образомъ Тильзитскаго договора, если я не очищу отъ своихъ войскъ Пруссіи и герцогства Варшавскаго, но тогда только, когда вы очистите Молдавію и Валахію. Впрочемъ, въ годъ все уладится между Россіею и Франціею». — *Толстой:* «Срокъ очень долгъ»!—*Наполеонъ:* «Я считаю отъ Тильзитскаго мира—значитъ, въ шесть мѣсяцевъ. Видно, что вы не дипломатъ: вы хотите, чтобъ дѣло шло—какъ войско—галопомъ. Такія важныя дѣла, какимъ подобныхъ никогда не бывало въ Европѣ, должны хорошенько созрѣть; но у васъ, кажется, своя система и отличная отъ системы вашего Двора; вы принадлежите къ партіи антифранцузской—и отсюда въ васъ недовѣрчивость».—*Толстой:* «Эти упреки въ принадлежности къ партіи меня оскорбляютъ; я русскій—и только! не принадлежу ни къ англійской, ни къ французской партіямъ». — Наполеонъ кончилъ разговоръ словами: «Я еще вамъ не говорю, что я не очищу Пруссіи, если даже вы сдѣлаете Дунай своею границею».

[1]) Мы не считаемъ Убри, который не былъ посланникомъ.

Уже и прежде Наполеонъ говорилъ Толстому, что Россія можетъ добыть себѣ земли отъ Швеціи, а 5-го февраля объявилъ ему рѣшительно, что онъ согласится на то, чтобъ Россія пріобрѣла себѣ всю Швецію, не исключая и Стокгольма. Тутъ же онъ объявилъ Толстому въ первый разъ, что готовитъ войско—противъ Африки! Объявилъ, что хочетъ основать военныя колоніи по берегамъ этой части свѣта до самаго Египта, хочетъ запереть Средиземное море для англичанъ и вознаградить нѣкоторымъ образомъ свой народъ за потери торговыя и колоніальныя; объявилъ, что разрушеніе Варварійскихъ владѣній входитъ также въ его планы. На всѣ рѣчи Наполеона относительно Дунайскихъ княжествъ, Силезіи, Швеціи съ русской стороны былъ отвѣтъ: что императоръ Александръ не можетъ допустить никакого отношенія между Портою и Пруссіею: Тильзитскій договоръ дѣйствительно налагалъ обязанность на Россію вывести войска изъ княжествъ; но въ конференціяхъ между двумя императорами Наполеонъ согласился на словахъ, чтобъ русскія войска остались въ княжествахъ, и обѣщалъ не препятствовать тому, чтобы, при заключеніи мира, Молдавія и Валахія были присоединены къ Россіи; что Франція не исполнила своихъ обязательствъ, не очищая до сихъ поръ Пруссіи; но Россія исполнила свои, объявивъ войну Англіи и Швеціи.

Наполеонъ говорилъ Толстому о своихъ замыслахъ противъ Африки, чтобъ до послѣдней минуты скрыть движенія противъ Испаніи. Но долго скрывать было нельзя, и Наполеонъ не вполнѣ спокойно отправлялъ свои отряды, одинъ за другимъ, въ Испанію: какъ взглянутъ на испанское дѣло въ Петербургѣ, останутся ли равнодушны къ Пиренейскому полуострову, согласятся ли взять Скандинавскій, — или захотятъ воспользоваться отвлеченіемъ французскаго войска въ Испанію, чтобъ уладить свои дѣла на Балканскомъ? На всякій случай, Наполеонъ велѣлъ спросить у Себастіани въ Константинополѣ: «Если русскіе захотятъ удержать Молдавію и Валахію, то Порта намѣрена ли вести войну противъ Россіи вмѣстѣ съ Франціею? Какія у нея военныя средства?» Но, прежде всего, нужно было покончить съ Испаніею. Чтобъ кончить скорѣе, надобно было, разумѣется, двинуть какъ можно болѣе войска. Двинуто было 80,000, но и этого Наполеону казалось мало. Передъ Толстымъ онъ прикрывалъ движеніе войскъ замыслами противъ Африки; оффиціально они были прикрыты необходимостью защитить полуостровъ отъ предполагаемой высадки англичанъ у Кадикса. Что же испанское правительство? Оно было въ такомъ положеніи, что привлекало хищника запахомъ трупа. Съ крайнею слабостью соединялся страшный скандалъ: король Карлъ IV былъ тѣнью государя на престолѣ, и въ челѣ управленія стоялъ фаворитъ королевы Годой, извѣстный подъ именемъ князя Мира, человѣкъ, нисколько не похожій на Ришелье или Мазарини. При такихъ отношеніяхъ, любовь народа, естественно, обращалась къ наслѣднику престола, принцу Астурійскому Фердинанду, который былъ во враждѣ съ Годоемъ, слѣдовательно съ матерью и отцомъ, ибо король смотрѣлъ на все глазами королевы. Фердинандъ пишетъ Наполеону письмо, представляетъ свое тяжкое положеніе, умоляетъ героя, затмѣвающаго всѣхъ героевъ предшествовавшихъ, оказать ему отеческое покровительство и выдать за него одну изъ принцессъ императорской французской фамиліи. Но за Фердинандомъ наблюдали; всѣ бумаги его, между которыми оказались очень подозрительныя, были схвачены, самъ принцъ посаженъ подъ арестъ; король издаетъ къ народу манифестъ противъ своего наслѣдника, и въ то же время обращается къ своему другу, императору французовъ, открываетъ свое намѣреніе лишить виновнаго сына наслѣдства, проситъ помочь мудрымъ совѣтомъ. Потомъ узнали о сношеніяхъ Фердинанда съ Наполеономъ, испугались, — помирились, повидимому. Между тѣмъ французскія войска двигались къ Мадриду; областные правители, по королевскому повелѣнію, принимали ихъ самымъ дружественнымъ образомъ, а друзья, гдѣ только было можно, занимали крѣпости. Годоемъ овладѣлъ страхъ, вслѣдствіе чего страшно стало королевѣ и королю. Главнокомандующимъ французскою арміею былъ назначенъ зять Наполеона, Мюратъ, герцогъ Клевебергскій. Но Мюратъ былъ недоволенъ своимъ маленькимъ нѣмецкимъ владѣніемъ и распалилъ себѣ воображеніе престоломъ Испаніи и Америки. Годой уговорилъ короля и королеву бѣжать въ Севилью; въ народѣ и войскѣ начинается волненіе, которое 17-го марта (н. с.) оканчивается возмущеніемъ противъ Годоя. Король, чтобъ спасти его, отказывается отъ престола въ пользу сына; народъ съ восторгомъ привѣтствуетъ новаго короля Фердинанда VII. Извѣстіе объ этомъ переворотѣ очень непріятно поразило Мюрата, уже подошедшаго къ Мадриду: свергнуть новаго короля, обожаемаго народомъ, и занять его мѣсто казалось не такъ легко, какъ справиться съ Карломъ IV. Но скоро искатель престоловъ ободрился, узнавши, что отрекшійся король обнаруживаетъ сильную ненависть къ сыну, приписывая послѣднему все свое несчастье. Мюратъ сдѣлалъ видъ, что отреченіе Карла IV было невольное, и потому не призналъ королемъ Фердинанда VII, а между тѣмъ, пользуясь смутою, вступилъ въ Мадридъ съ войскомъ. Въ рѣшеніи не признавать Фердинанда Мюратъ вполнѣ сошелся съ Наполеономъ, который писалъ ему: «Пока новый король не будетъ признанъ мною, вы должны дѣлать видъ, какъ-будто бы еще царствовалъ старый», и, въ то же самое время, написалъ брату своему, Людовику, королю Голландскому: «Я рѣшилъ посадить французскаго принца на Испанскій престолъ. Голландскій климатъ для васъ вреденъ». Если я васъ назначу Испанскимъ королемъ, будете ли вы согласны»? Рѣшеніе Мюрата не признавать Фердинанда

поставило въ затруднительное положеніе русскаго посланника въ Мадридѣ, барона Строганова. Онъ представился новому королю; за это Мюратъ сдѣлалъ ему выговоръ: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?»—спросилъ его Мюратъ:—«кто вамъ сказалъ, что отреченіе добровольное?»—«Самъ отрекшійся», отвѣчалъ Строгановъ.—«Вы должны были дождаться своихъ кредитивныхъ грамотъ»,—сказалъ на это Мюратъ. Строгановъ отвѣчалъ:—«Это нужно для моихъ оффиціальныхъ сношеній съ министрами королевскими; но я не могъ не исполнить моихъ обязанностей въ отношеніи къ королю, котораго права на корону неоспоримы».

Самъ Наполеонъ явился на испанскихъ границахъ; но онъ не хотѣлъ ѣхать въ Мадридъ улаживать дѣло; и старый и новый король были уговорены отправиться къ нему навстрѣчу въ пограничный французскій городъ Байону, и здѣсь дѣло было улажено: Фердинандъ былъ принужденъ возвратить престолъ отцу, и Карлъ IV отрекся отъ него опять — въ пользу Наполеона, которому уступилъ свои права и Фердинандъ, какъ наслѣдникъ Испанскаго престола. Королемъ въ Испанію былъ переведенъ Іосифъ Бонапартъ, изъ Неаполя, который достался Мюрату. Но, при этомъ улаженіи испанскихъ дѣлъ, Наполеонъ счелъ нужнымъ объясниться предъ тильзитскимъ союзникомъ; въ письмѣ изъ Байоны (отъ 8-го іюля н. с.), онъ писалъ императору Александру, что Испанія будетъ независимѣе отъ него, чѣмъ прежде. Она возстановитъ свои морскія силы. Всѣ въ Испаніи довольны перемѣною, кромѣ монаховъ, которые предвидятъ уничтоженіе злоупотребленій, и кромѣ агентовъ инквизиціи. Скажутъ, что все заранѣе придумано и возбуждено имъ, Наполеономъ! Но еслибъ онъ имѣлъ въ виду французскіе интересы, онъ завоевалъ бы что-нибудь въ Испаніи для Франціи, ибо узы родства не имѣютъ большаго значенія въ политикѣ, и то уничтожается черезъ 20 лѣтъ. Филиппъ V воевалъ съ дѣдомъ Людовикомъ XIV. Легко понять, какое впечатлѣніе произведено было въ Петербургѣ байонскими событіями, и могло ли письмо Наполеона ослабить это впечатлѣніе. Отношенія испанскихъ Бурбоновъ къ старшей, французской линіи въ XVIII вѣкѣ не могли идти въ сравненіе, ибо извѣстно было, какъ Наполеонъ относился къ своимъ братьямъ и родственникамъ, посаженнымъ на разные престолы. Въ самое время байонскихъ событій, Голландскій король, Людовикъ Бонапартъ, говорилъ русскому посланнику при своемъ Дворѣ, кн. Долгорукову: «Если Голландія должна погибнуть, то и я должна погибнуть съ нею. Братъ меня не слушаетъ, и только покровительство императора Александра можетъ спасти меня. Я вовсе не думалъ быть королемъ, когда брату захотѣлось сдѣлать меня имъ. Я согласился съ условіемъ, что мнѣ будутъ помогать. Я просилъ, чтобъ мнѣ отдали пять милліоновъ, взятыхъ въ долгъ у Голландіи, чтобъ съ перваго же раза не ожесточить самаго республиканскаго народа. Мнѣ не отвѣчали на мою просьбу, и, вмѣсто помощи, затрудняютъ всѣ мои дѣйствія. По возвращеніи въ Парижъ, братъ мнѣ сказалъ, что сдѣлалъ дурно, не присоединивши Голландію къ Франціи. «Хотите вы сдѣлать это теперь?»—спросилъ я его.—«Нѣтъ, нѣтъ»,—отвѣчалъ онъ:—«такъ какъ вы теперь тамъ, то сидите; но если вы умрете—другое дѣло». Вы видите изъ этихъ словъ, чего я долженъ ждать. Горько, будучи первымъ Голландскимъ королемъ, быть въ то же время и послѣднимъ по испытаніи такихъ страданій и усилій безполезныхъ. Министры французскіе при моемъ Дворѣ дѣлаютъ мнѣ постоянныя непріятности, мнѣ оказывается всякаго рода неуваженіе. Я хочу быть здѣсь популяренъ, говорю съ народомъ откровенно, а французскіе журналы все искажаютъ, передаютъ такія мои слова, какихъ я никогда не говорилъ. Здѣсь если человѣкъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ прежде, то онъ любитъ короля и монархію, а если хуже, то злится на короля и посылаетъ его къ чорту; здѣсь мнѣ кланяются съ видомъ покровительства, какъ будто говорятъ: «Я вамъ кланяюсь, потому что вами доволенъ». Голландія совершенно разорится отъ застоя торговли и закрытія гаваней вслѣдствіе англійской войны». Когда узнали, что Александръ и Наполеонъ должны имѣть свиданіе «для рѣшенія участи Европы», по выраженію короля Людовика, то послѣдній поручилъ Долгорукому просить императора Александра заступиться за Голландію, сохранить ей отдѣльное существованіе. Людовикъ не нашелъ тогда защиты, и, немного спустя, Голландія была присоединена къ Франціи.

Указаніе Людовика на отношенія голландцевъ къ королю и къ правительственнымъ формамъ объясняетъ взглядъ Наполеона на Испанію. Избалованный легкостью, съ какою принимались его распоряженія въ Италіи и Голландіи, Наполеонъ думалъ, что такъ же легко будетъ принята династическая перемѣна и въ Испаніи: будутъ удовлетворены частные интересы наиболѣе крупныхъ лицъ, и станутъ новому королю кланяться, а шайки недовольныхъ можно перестрѣлять и тѣмъ задать спасительный, успокоивающій страхъ. Но императоръ французовъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Онъ не разсчиталъ, что въ Испаніи онъ будетъ впервые имѣть дѣло съ большимъ государствомъ. Говоря о сопротивленіи, которое встрѣтилъ Наполеонъ въ Испаніи, указываютъ преимущественно на областную особность въ этомъ государствѣ, слабость централизаціи и потому неважное, не-рѣшающее значеніе столицы при возникновеніи политическихъ вопросовъ, вслѣдствіе чего Мадридъ могъ подчиниться Іосифу Бонапарту; но области не слѣдовали его примѣру. Дѣйствительно, по природнымъ условіямъ своей государственной области, по малочисленности народонаселенія, ослаблявшагося выселеніемъ за океанъ, выселеніемъ не вслѣдствіе избытка въ числѣ жителей, а вслѣдствіе страсти къ приклю-

ченіямъ и легкой наживѣ, по застою, политическому малокровію, отсюда происшедшему, недостатку промышленнаго и торговаго развитія,— вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ не было живой циркуляціи въ государственномъ организмѣ, откуда и происходила особность областей, малая зависимость ихъ отъ столицы; но этимъ дѣло не объясняется. Надобно замѣтить, что значеніе столицъ поднимается не вслѣдствіе одной правительственной централизаціи, а вслѣдствіе сосредоточенія промышленной и торговой дѣятельности, вслѣдствіе сосредоточенія средствъ жизни не только матеріальныхъ, но — что важнѣе — духовныхъ, вслѣдствіе сосредоточенія учрежденій, развивающихъ духовную жизнь народа, вслѣдствіе сосредоточенія талантовъ ученыхъ и художественныхъ, вслѣдствіе сильнаго движенія литературнаго. Только при этихъ условіяхъ столица имѣетъ могущественный авторитетъ, рѣшающій голосъ. Если же въ странѣ вообще нѣтъ сильнаго развитія, то столица не можетъ имѣть важнаго значенія только по одному административному сосредоточенію, а при смутѣ, происшедшей по причинамъ внутреннимъ или внѣшнимъ, это значеніе можетъ перенестись въ другое мѣсто. Испанія отъ наполеоновскаго погрома спаслась не особностію областей, а единствомъ, высшимъ государственнымъ и народнымъ единствомъ, которое было выработано для нея исторіею. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, Испанія была объединена, и это единство окрѣпло въ народномъ сознаніи и народномъ чувствѣ; отдѣльныя области бились противъ французовъ не для того, чтобъ каждой получить независимое, самостоятельное положеніе,—онѣ бились за единую Испанію, за самостоятельность, независимость единой, цѣлой Испаніи, поруганной самымъ наглымъ нарушеніемъ народныхъ правъ. Другое дѣло, когда завоеватель покоритъ народъ и перемѣнитъ правительство; народъ уступаетъ свои права, видя собственную несостоятельность при ихъ защитѣ, истощивъ всѣ средства въ борьбѣ; но тутъ неслыханнымъ образомъ чужая сила до покоренія распорядилась судьбою страны, перемѣнила правительство. Большаго поруганія нельзя было нанести народу,—и народъ поднялся, народъ, который долго спалъ вслѣдствіе означенныхъ причинъ, но въ своемъ снѣ сохранилъ всю свою энергію и чувство своей личности. Іосифъ Бонапартъ увидалъ, что Испанія не Неаполь. Когда въ Неаполѣ встрѣтилъ онъ сопротивленіе своей власти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и частяхъ народонаселенія, преданнаго изгнанному королевскому Дому, то получилъ на этотъ счетъ такія внушенія отъ Наполеона: «Никогда не сдерживайся общественнымъ мнѣніемъ; разстрѣливай лазарони безъ милосердія; только спасительнымъ страхомъ можешь ты пріобрѣсть уваженіе итальянцевъ. Твое поведеніе нерѣшительно; солдаты и генералы должны жить въ изобиліи; любезностями не выигрывается народная привязанность; въ твоихъ прокламаціяхъ не довольно виденъ государь. Вижу съ удовольствіемъ, что возмутившаяся деревушка сожжена». Но Іосифъ скоро увидалъ, что эти правила непримѣнимы въ Испаніи; французскія войска не устояли противъ всеобщаго народнаго движенія,—Іосифъ долженъ былъ оставить Мадридъ, и писалъ Наполеону: «Нужно было бы 100,000 постоянныхъ эшафотовъ для поддержанія государя, осужденнаго царствовать въ Испаніи».

Эта неожиданная неудача должна была заставить Наполеона напрячь всѣ свои силы, чтобъ смыть пятно съ французскаго войска, потерявшаго славу непобѣдимости, и задавить мятежъ, какъ онъ называлъ возстаніе испанцевъ, тѣмъ болѣе-что англичане, отличавшіеся до сихъ поръ такою медленностію и вялостію, когда дѣло шло о высадкѣ ихъ войска на помощь континентальнымъ державамъ, теперь признали ближайшій англійскій интересъ, когда Наполеонъ наложилъ свою руку на Пиренейскій полуостровъ, и выслали сюда войско. Но для того, чтобъ направить бóльшія силы въ Испанію, надобно было обезпечить себя насчетъ Востока, гдѣ была своего рода Испанія— Пруссія, которой было сдѣлано столько зла, что разсчитывать на ея доброе расположеніе было нельзя: корсиканецъ понималъ это очень хорошо; тамъ же была ненадежная Австрія; тамъ была Россія, къ движенію которой могли примкнуть и Пруссія, и Австрія. Правда, Русскій императоръ былъ другъ и союзникъ; но онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ бы хотѣлось императору французовъ, добивался Дунайскихъ княжествъ, но для нихъ не хотѣлъ покинуть Пруссіи, позволить опять у нея Силезію. Надобно было, вслѣдствіе испанскихъ дѣлъ, заручиться, что Россія не двинется, и для этого, дѣлать нечего, придется кое-что уступить ея государю; чтобъ уступокъ не было, или было ихъ какъ можно меньше, чтобъ было какъ можно больше обѣщаній, словъ и меньше дѣла, надобно было личное свиданіе, на что уже давно согласился Александръ. Въ сентябрѣ союзники свидѣлись въ Эрфуртѣ.

Наполеону пришлось уступить, и не въ словахъ, а на бумагѣ. Начали съ того, что предположили мирные переговоры съ Англіею: основаніемъ договора съ нею было опредѣлено сохраненіе каждымъ того, чѣмъ владѣлъ (uti possidetis): такимъ образомъ Россія получила Финляндію, Молдавію и Валахію, дѣйствительно занятыя ея войсками; а Франція удерживала для Іосифа Бонапарта Испанію, которая не была занята французскими войсками, и потому не подходила подъ uti possidetis; но тѣмъ легче было на это согласиться съ стороны Россіи. Русскій императоръ, занимая Молдавію и Валахію, долженъ былъ начать одинъ-на-одинъ переговоры съ султаномъ для пріобрѣтенія этихъ областей, безъ посредничества Франціи; если Турція откажется уступить княжества, то въ послѣдующей за это войнѣ Франція не приметъ участія; но если вмѣшается въ войну Австрія или какая-

нибудь другая держава, то Франція помогаетъ Россіи; равно Россія помогаетъ Франціи, если Австрія объявитъ ей войну. Оба императора обязались поддерживать цѣлость всѣхъ другихъ областей турецкихъ.

Съ Наполеономъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ Талейранъ, который не былъ болѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ въ почтенномъ удаленіи, не поладивъ съ Наполеономъ. Мы теперь должны ближе познакомиться съ этимъ лицомъ. Знатный господинъ и епископъ временъ старой монархіи, Талейранъ сбросилъ съ себя церковный санъ передъ силою революціоннаго движенія. «Только сумасшедшіе остаются въ домѣ, который горитъ», говаривалъ онъ. Талейранъ вовремя успѣлъ уйти отъ гильотины; вовремя возвратился въ отечество, когда революціонная горячка стала утихать. Почуявъ вовремя новую силу на очереди, онъ сталъ служить Наполеону, и Европа съ этимъ страшнымъ для нея именемъ привыкла соединять имя Талейрана, герцога Беневентскаго: въ промежутки великихъ войнъ дипломатическія игра, сосредоточиваясь въ Парижѣ, шла съ необыкновенною силою; послѣ каждой кампаніи измѣнялась карта Европы, разстроивались старые союзы, приготовлялись новые, и понятно, какое значеніе имѣлъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ привыкъ онъ видѣть себя въ центрѣ громадной дѣятельности. Онъ привыкъ, чтобъ государи и народы заботливо и тоскливо смотрѣли на его портфель, заключавшій въ себѣ рѣшенія ихъ участи. Авторитетъ неподражаемаго дипломатическаго дѣльца, блестящія манеры, французская представительность, французское умѣнье товаръ лицомъ продать, смѣлость, умѣнье, не стѣсняясь ничѣмъ, озадачивать, свободно, властительно, побарски обращаться съ каждымъ вопросомъ, съ каждымъ явленіемъ:—все это давало Талейрану средства играть блестящую, видную роль и подлѣ Наполеона, не затмѣваться имъ. И вотъ эти два человѣка, которые такъ подходили другъ къ другу, разошлись...

Съ нѣкотораго времени Талейранъ началъ чувствовать, что въ великолѣпномъ домѣ, который строилъ Наполеонъ, стало пахнуть гарью: пожаръ! А домъ такъ хорошъ, удобенъ для самого Талейрана: нельзя ли принять мѣры противъ пожара. Мѣра одна — остановиться въ захватахъ и заняться упроченіемъ пріобрѣтеннаго для новой династіи и ея вѣрныхъ слугъ, созданіемъ политической системы извнѣ, основанной на прочныхъ союзахъ, прочныхъ и добровольныхъ, при равенствѣ интересовъ между союзниками, и внутренними распоряженіями, обезпечивающими новый порядокъ вещей для людей, которымъ онъ выгоденъ, и ведущими къ тому, чтобъ онъ былъ выгоденъ для большинства. Но при этомъ необходимое условіе— упроченіе новой династіи, а у Наполеона нѣтъ дѣтей, изъ братьевъ—нѣтъ ни одного выдающагося своими способностями, да и какія у нихъ права? Слѣдовательно необходимъ разводъ Наполеона съ Жозефиною Богарне и вступленіе въ новый бракъ. Наполеонъ долженъ развестись съ женой и перестать воевать:—вотъ программа Талейрана и его сообщниковъ, между которыми на первомъ планѣ знаменитый министръ полиціи Фуше: Фуше также половилъ въ мутной водѣ рыбы, причемъ загрязнилъ руки, и поэтому мысль о прошломъ, о возможности его возстановленія была ему непріятна болѣе чѣмъ кому-либо другому. Наполеонъ долженъ развестись съ женою и перестать воевать! Разводъ былъ возможенъ, но на первый разъ попытка склонить къ нему Наполеона не удалась; прекратить войны, какъ мы уже видѣли, было рѣшительно невозможно, и Наполеонъ почетно удалилъ обоихъ, и Талейрана, и Фуше, изъ слишкомъ обширныхъ и важныхъ сферъ дѣятельности, увидѣвъ, что они думаютъ свое и дѣйствуютъ слишкомъ самостоятельно. Талейранъ увидалъ, что Наполеона или надобно пересилить, заставить дѣйствовать иначе, или низвергнуть; пусть домъ горитъ, надобно только изъ него выбраться заблаговременно, а домъ сгоритъ непремѣнно,—Франція долго не выдержитъ завоевательной системы Наполеона и терпѣніе чужихъ народовъ прекратится.

Несмотря однако на холодность Наполеона къ Талейрану, императоръ взялъ послѣдняго съ собой въ Эрфуртъ: при переговорахъ и договорахъ былъ необходимъ такой дѣлецъ; въ Эрфуртѣ же находились Толстой и Коленкуръ. Главная цѣль поѣздки Наполеона была—обезпечить себѣ бездѣйствіе Александра на Западѣ во время окончательнаго сокрушенія испанскихъ затрудненій. Безпокоила Австрія: что, если бы удалось поссорить съ нею Россію окончательно? Между ними холодность, начавшаяся послѣ Аустерлица, усилилась еще оттого, что Австрія не помогла Россіи и Пруссіи въ послѣдней войнѣ. Наполеонъ ѣхалъ въ Эрфуртъ, чтобъ ссорить Россію съ Австріей; Талейранъ ѣхалъ туда же съ цѣлію мирить Россію съ Австріею, устроить между ними сближеніе. Коленкуръ находился совершенео подъ вліяніемъ Талейрана и способствовалъ сближенію его съ графомъ Толстымъ, который пріѣхалъ въ Эрфуртъ въ самомъ враждебномъ расположеніи къ Наполеону.

Но Талейрану нужно было заявить императору Александру о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону, Франціи, Европѣ. Онъ явился къ Русскому государю съ такими словами: «Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете только борьбою съ Наполеономъ. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь—варваръ; Русскій государь человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій: итакъ, Русскій государь долженъ быть союзникомъ Французскаго народа.—Рейнъ, Альпы, Пиренеи—это завоеванія Франціи; остальное есть завоеваніе императора; Франція въ этомъ не нуждается». По возвращеніи въ Парижъ, Талейранъ говорилъ австрійскому посланнику, графу Меттерниху: «Со временемъ Аустерлица отношенія Александра къ

Австріи никогда еще не были такъ благопріятны, какъ теперь; отъ васъ и отъ вашего посланника въ Петербургѣ (князя Шварценберга) зависитъ завязать между Россіею и Австріею такія же тѣсныя отношенія, какія были до Аустерлица. Коленкуръ вполнѣ раздѣляетъ мой политическій взглядъ, онъ будетъ содѣйствовать князю Шварценбергу». Графъ Толстой подтвердилъ Меттерниху слова Талейрана; поведеніе Коленкура въ Эрфуртѣ не оставило въ Толстомъ никакого сомнѣнія въ неограниченной преданности его Талейрану, который толковалъ Меттерниху: «Интересъ самой Франціи требуетъ, чтобъ государства, могущія противиться Наполеону, соединились и противупоставили оплотъ его ненасытному честолюбію. Дѣло Наполеона не есть болѣе дѣло Франціи; Европа можетъ быть спасена только тѣснымъ союзомъ между Австріею и Россіею».

Что такой союзъ былъ необходимъ, противъ этого никто не спорилъ, только этотъ союзъ былъ неполный, а главное—преждевременный: Россія, имѣя на рукахъ двѣ войны, Шведскую и Турецкую, не могла предпринять третью противъ Франціи; если Наполеонъ хлопоталъ отвлечь вниманіе Россіи отъ Запада, пока не управится въ Испаніи, то Россія старалась воспользоваться испанскими затрудненіями, чтобъ тѣмъ временемъ управиться съ Швеціею и Турціею, обезпечить сѣверозападную границу пріобрѣтеніемъ Финляндіи и занять необходимое положеніе на Нижнемъ Дунаѣ, пріобрѣтеніемъ Молдавіи и Валахіи. Въ Петербургѣ очень хорошо знали, что въ Вѣнѣ именно послѣдняго-то и не желаютъ; но это обстоятельство, конечно, не могло быть побужденіемъ для Россіи спѣшить заключеніемъ союза съ Австріею противъ Франціи. Съ другой стороны, для полноты коалиціи, нужно было подождать Пруссіи, которая обнаруживала признаки жизни—и жизни сильной,—но была подъ ножемъ. Никто лучше Наполеона не чувствовалъ вѣрности знаменитаго изрѣченія: «Ненавижу того, кого я оскорбилъ». Онъ ненавидѣлъ Пруссію покорсикански, былъ убѣжденъ, что она платитъ ему тѣмъ же чувствомъ, и потому могъ успокоиться только съ прекращеніемъ ея политическаго существованія. Въ Тильзитѣ онъ долженъ былъ согласиться на продолженіе этого существованія, согласиться на то, чтобъ Пруссія осталась въ союзѣ съ Россіею, подъ охраною послѣдней, и это еще болѣе усиливало его раздраженіе: нельзя ничего предпринять противъ Пруссіи безъ протеста со сторны Россіи, а Россія пока нужна. Несмотря на то, что Пруссія, по Тильзитскому миру, потеряла половину своихъ земель и болѣе чѣмъ половину народонаселенія, Наполеонъ хотѣлъ отнять у нея Силезію, и, въ случаѣ согласія на это Россіи, соглашался на пріобрѣтеніе послѣднею Дунайскихъ княжествъ; но Россія не согласилась. Несмотря однако и на заступничество Россіи, Наполеонъ придумалъ средство давить Пруссію: онъ не выводилъ изъ нея своихъ войскъ, и когда Россія требовала ихъ вывода, отвѣчалъ сначала, что и Россія не выводитъ своихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ; а потомъ,—что Пруссія не исполняетъ своихъ обязательствъ, не выплачиваетъ контрибуціи по договору. 157,000 французскихъ солдатъ высасывали Пруссію, они тащили все: лошадей, скотъ, хлѣбъ, деньги; ихъ начальники задавали балы, праздники, на которые жители должны были поставлять припасы изъ дальнихъ городовъ. А между тѣмъ торговля упала вслѣдствіе разрыва съ Англіею, вслѣдствіе континентальной системы, страна наполнилась фальшивою монетою, цѣны необходимыхъ вещей страшно возрасли; тысячи отставныхъ чиновниквъ и офицеровъ скитались безъ хлѣба (изъ однѣхъ польскихъ провинцій 7,000 чиновниковъ). Наконецъ, испанскія затрудненія заставили Наполеона подумать объ очищеніи Пруссіи: войско понадобилость на Пиренейскомъ полуостровѣ; а между тѣмъ какъ оставить на свободѣ *озлобленную* Пруссію, которой сдѣлано столько зла? И вотъ какія условія предлагаетъ Наполеонъ Прусскому принцу Вильгельму (брату королевскому), который семь мѣсяцевъ понапрасну хлопоталъ въ Парижѣ о выводѣ войскъ: Пруссія за этотъ выводъ должна была заплатить 194 милліона франковъ; оставить въ рукахъ французовъ три при-одерскія крѣпости—Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау,—уменьшить свои войска до 42,000, помогать Франціи войскомъ въ случаѣ войны ея съ Австріею. Принцъ Вильгельмъ могъ выговорить только уменьшеніе 194 милліоновъ до 140 милліоновъ, да императоръ Александръ въ Эрфуртѣ склонилъ Наполеона уступить еще 20 милліоновъ.

Тяжкія испытанія, матеріальныя лишенія различно дѣйствуютъ на различные характеры людей Людей слабыхъ духомъ они унижаютъ до послѣдней степени; всѣ тѣ, которые прежде были противъ борьбы съ Франціею во что бы то ни стало, теперь подняли головы подъ предводительствомъ генераловъ Застрова и Кёкерица: они торжествовали побѣду своей мудрости и совѣтовали довести дѣло до конца, спасти Пруссію совершеннымъ подчиненіемъ волѣ Наполеона, отказомъ отъ независимости, вступленіемъ въ Рейнскій союзъ, котораго Наполеонъ былъ протекторомъ. Къ счастію для Пруссіи, эти люди не побѣдили, и на первый планъ выступили другіе, которые, при тяжкихъ испытаніяхъ, при матеріальныхъ лишеніяхъ, обратились къ духу народа, къ его нравственнымъ силамъ, и стали содѣйствовать ихъ поднятію. Честь принадлежала королю за то, что онъ сумѣлъ дать мѣсто дѣятельности этихъ людей не безъ борьбы съ самимъ собою, съ извѣстными предразсудками, слабостями власти; онъ сумѣлъ призвать къ дѣятельности Штейна, котораго еще недавно, за несогласіе измѣнить свои убѣжденія относительно преобразованій высшаго управленія, называлъ «упрямымъ, непослушнымъ государственнымъ слугою, гордящимся своими талантами,

капризнымъ, дѣйствующимъ по страсти, личной ненависти и раздраженію». Штейнъ былъ дѣйствительно упрямъ, страстенъ, властолюбивъ; но эти недостатки въ великія и страшныя для государствъ времена, времена собранія нравственныхъ силъ народа, прежде расточенныхъ, становились драгоцѣнными качествами при высокихъ основахъ Штейнова характера. На этихъ-то основахъ, религіозности и нравственности, Штейнъ хотѣлъ поднять народную жизнь въ Пруссіи, хотѣлъ въ новыя формы вложить духъ, безъ котораго формы самыя лучшія остаются мертвы, не приносятъ пользы народу. Слѣдствіями дѣятельности Штейна было уничтоженіе крѣпостнаго права, городское самоуправленіе, освобожденіе городовъ, находившихся въ частной зависимости. Несостоятельность войска вызывала военныя преобразованія, причемъ выдвинулись на первый планъ новые люди, новыя способности, Шарнгорстъ, Гнейзенау,—Гнейзенау, который на самомъ себѣ испыталъ неудобства прежняго порядка: несмотря на познанія и способности, онъ въ 46 лѣтъ былъ только капитаномъ; товарищи въ насмѣшку называли его капернаумскимъ капитаномъ, потому что десять лѣтъ понапрасну ждалъ повышенія. Военная коммисія, подъ предсѣдательствомъ Шарнгорста, уничтожила сословныя преимущества въ военной службѣ, всякій могъ дослуживаться до высшихъ чиновъ; право на офицерскіе чины въ мирное время могли давать только познанія, въ военное—подвиги, уничтожена вербовка заграницею. За способность народа воспользоваться новыми формами ручалось нравственное движеніе, въ немъ обнаружившееся. Возбудителями и направителями этого нравственнаго движенія были, разумѣется, люди науки: Шлейермахеръ, въ своихъ «Рѣчахъ о религіи», старавшійся поднять религіозное чувство; Фихте—въ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», Арндтъ—въ «Духѣ Вѣка», возбуждавшіе патріотизмъ и готовность къ борьбѣ съ демоническою силою Наполеона. Слово приносило свой плодъ — дѣло. Весною 1808 года, въ Кёнигсбергѣ образовалось небольшое общество: члены постановили устно и письменно содѣйствовать усиленію патріотизма, приверженности къ государю и государственному устройству, религіозности, любви къ наукѣ и искусству, гуманитета и братства. Это общество, извѣстное подъ названіемъ Союза Добродѣтели (Tugendbund) было утверждено королемъ, но въ слѣдующемъ году уничтожено—по политическимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе враждебности къ нему Франціи, вслѣдствіе враждебности Австріи, гдѣ не хотѣли имѣть дѣло съ Шарнгорстомъ, какъ съ членомъ тугендбунда, и враждебности своихъ прусскихъ шикателей на всякое высшее, нравственное движеніе въ народѣ, какъ опасное: эти господа боялись всего больше, что французы, раздраженные патріотическимъ движеніемъ, придутъ и возьмутъ ихъ деньги. Общество исчезло, да и не-для-чего ему было болѣе существовать, ибо движеніе, котораго оно было плодомъ, распространялось болѣе широкими волнами въ народѣ.

Это движеніе не зависѣло отъ одного человѣка, не прекратилось, когда долженъ былъ сойти съ поприща одинъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей, Штейнъ. Французы перехватили письма его къ князю Витгенштейну, гдѣ говорилось, что надобно поддерживать неудовольствіе противъ французовъ въ Вестфаліи и побуждать Пруссію къ союзу съ Австріею. Какъ нарочно, это случилось передъ заключеніемъ договора съ принцемъ Вильгельмомъ о выводѣ французскихъ войскъ изъ Пруссіи. Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ оправдать свое стремленіе давить Пруссію, оправдать тяжелыя условія, предложенныя имъ принцу Вильгельму. Придавая письмамъ оффиціальный характеръ, Наполеонъ объявлялъ, что Пруссія нарушила Тильзитскій миръ. «Я съ быстротою молніи уничтожу всякое проявленіе злонамѣренности»,—говорилъ онъ прусскому посланнику:—«по письмамъ одного изъ вашихъ министровъ я знаю, что у васъ замышляютъ, какія возлагаютъ надежды на испанскія событія. Ошибаются: у Франціи такая громадная сила, что она вездѣ можетъ противиться врагамъ своимъ. Я знаю все, я знаю образъ мыслей вашихъ министровъ; меня провести нельзя». Въ Эрфуртѣ императоръ Александръ, кромѣ уступки 20.000,000, не могъ ничего сдѣлать для облегченія участи Пруссіи, потому что Наполеонъ выставлялъ письма Штейна, какъ неопровержимое доказательство враждебности прусскаго правительства къ Франціи. Разумѣется, самого Штейна Наполеонъ не могъ оставить въ покоѣ: онъ настоялъ, чтобъ король Фридрихъ-Вильгельмъ отставилъ своего министра; въ Рейнскомъ союзѣ Штейнъ былъ объявленъ изгнанникомъ и лишеннымъ своихъ имѣній. Только въ Россіи могъ онъ найти безопасное убѣжище.

Нѣкоторыя важныя преобразованія, замышляемыя Штейномъ, не состоялись послѣ его удаленія; но движеніе въ общемъ характерѣ не останавливалось. Въ то время, какъ Наполеонъ думалъ сдержать враждебное ему движеніе въ Пруссіи занятіемъ сильнѣйшихъ ея крѣпостей, прусское правительство заложило въ Берлинѣ крѣпость особаго рода: въ 1809 году, несмотря на страшныя финансовыя затрудненія, основанъ былъ берлинскій университетъ, который, при умномъ, патріотическомъ пользованіи имъ, при стремленіи сосредоточить въ немъ лучшія ученыя силы Германіи, пріучилъ молодыя поколѣнія ея смотрѣть на Берлинъ, какъ на духовную столицу Германіи, что необходимо приготовляло къ политическому преобладанію Пруссіи.

И въ Австріи былъ порывъ послѣ погрома 1805 года обновиться внутренно. 1-го февраля 1806 года императоръ Францъ издалъ удивительный манифестъ, въ которомъ обѣщалъ увели-

чить внутреннія государственныя силы посредствомъ распространенія духовной культуры, оживленія національной промышленности, возстановленія общественнаго кредита; явились попытки замѣнить чисто-полицейское управленіе болѣе дѣятельнымъ, болѣе творческимъ. Движеніе шло отъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Филиппа Стадіона. Мы видѣли, что Стадіонъ, подобно своему предшественнику, былъ во главѣ воинственной партіи, требовалъ присоединенія Австріи къ прусско-русскому союзу. Но дорогое время было пропущено; заключенъ былъ Тильзитскій миръ и союзъ между Россіею и Франціею, вслѣдствіе чего Австрія нашлась въ самомъ затруднительномъ положеніи. По мнѣнію Стадіона, это положеніе было такое же, какъ и послѣ Пресбургскаго мира, т.-е. судьба Австріи будетъ зависѣть совершенно отъ произвола Наполеона, отъ котораго надобно ждать требованій разныхъ уступокъ и промѣновъ; будетъ ли Австрія соглашаться на все или выставитъ сопротивленіе, — во всякомъ случаѣ онъ рискуетъ потерять свое существованіе. Но Стадіонъ обманулся на этотъ разъ. Наполеону вовсе не нужно было затрогивать Австрію, потому что голова его была занята испанскими замыслами. Онъ послѣ говорилъ, что объ Испаніи уже шла рѣчь въ Тильзитѣ, и Русскій императоръ былъ согласенъ на его распоряженія. Что въ Тильзитѣ шла рѣчь объ Испаніи—это болѣе чѣмъ вѣроятно, но что Александръ былъ согласенъ на послѣднія распоряженія Наполеона относительно Испаніи—это опровергается приведеннымъ выше письмомъ Наполеона къ Александру изъ Байоны. Что Наполеонъ былъ занятъ въ Тильзитѣ Испаніею, — доказательствомъ служитъ ласковый пріемъ, сдѣланный имъ извѣстному Штуттергейму, который 9 іюля (н. с.) пріѣхалъ въ Тильзитъ и прямо къ Будбергу—испросилъ аудіенцію у императора Александра, который въ этотъ вечеръ оставлялъ Тильзитъ. Александръ не принялъ его; тогда онъ къ Наполеону, которому прямо сказалъ: «Я посланъ былъ къ императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму предложить еще разъ посредничество Австріи, но, къ сожалѣнію, опоздалъ».—«Дѣло уже уладилось»,—отвѣчалъ Наполеонъ:—«я лично обязанъ вашему императору; мое положеніе много разъ было затруднительно и было бы для меня очень опасно имѣть на шеѣ австрійскую армію; въ какомъ положеніи ваши финансы?»—«Въ хорошемъ»,—отвѣчалъ Штуттергеймъ: — «венгерцы склонны къ пожертвованіямъ».—«Бумажныя деньги»,—замѣтилъ Наполеонъ, — «производятъ революцію, разрушаютъ духъ войска; я совѣтовалъ императору, при личномъ свиданіи, вырвать зло съ корнемъ.—Я ничего не требую, кромѣ слѣдующаго мнѣ по договору; мы уладимся, повторяю еще разъ: я обязанъ императору». Разговоръ кончился насмѣшками Наполеона надъ пруссаками и русскими.

Наполеонъ ласковъ; но что значитъ? Онъ что-нибудь задумываетъ такое, причемъ также не хочетъ имѣть на шеѣ австрійскую армію; но что это за новый замыселъ? Объ Испаніи, разумѣется, не догадались; былъ интересъ поближе. Наполеонъ съ Александромъ заключилъ союзъ: первымъ дѣломъ новыхъ союзниковъ будетъ подѣлить Турцію,—страшная опасность для Австріи! Она очутится совершенно въ тискахъ между двухъ колоссовъ, если бы даже ей что-нибудь и дали изъ остатковъ послѣ львиной трапезы. Чрез нѣсколько дней послѣ Штуттергейма имѣлъ разговоръ съ Наполеономъ Винцентъ, который замѣтилъ, что ходятъ слухи, будто при тильзитскихъ свиданіяхъ рѣшена судьба Порты.—«Кто это говоритъ?»—спросилъ сначала Наполеонъ; потомъ, подумавши немного, продолжалъ:—«по этому предмету только вошли въ соглашеніе, что я буду посредникомъ мира съ Портою, которой будутъ возвращены потерянныя области, да и не вижу я, какъ этотъ раздѣлъ Турціи произойдетъ; необходимость мнѣ это предписываетъ, мой вкусъ и желаніе влекутъ меня къ этому раздѣлу, но разсудокъ запрещаетъ».—«Мы»—замѣтилъ Винцентъ,—«не имѣемъ никакого интереса ускорять разложеніе больнаго тѣла Турціи».—«Правда»,—сказалъ Наполеонъ,—«но вы не умѣете ни за что взяться; вы хотите соглашеній насчетъ отдѣльныхъ пунктовъ, прежде чѣмъ послѣдовало соглашеніе объ основаніяхъ». Винцентъ замѣтилъ, что союзъ съ Австріею гораздо болѣе соотвѣтствовалъ бы интересамъ и видамъ императора французовъ, чѣмъ русскій союзъ.—«Согласенъ»,—отвѣчалъ Наполеонъ,—«вы порядочнѣе, чѣмъ русскіе, и уже изъ европеизма я бы желалъ сблизиться съ вами, но вы не захотѣли. Впрочемъ, наши счеты кончены, и я не вижу никакой причины къ ссорѣ между Австріею и Франціею».

Въ Вѣнѣ мучились Восточнымъ вопросомъ: раздѣлятъ Турцію и, что всего хуже, раздѣлятъ безъ Австріи. Надобно заключить союзъ съ Франціею.—«Союза не заключатъ»,—отвѣчалъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ, знаменитый впослѣдствіи графъ Меттернихъ:—«намъ предложатъ союзъ только тогда, когда поссорятся съ Россіею». Но если нельзя быть въ союзѣ, то нужно сдѣлать какъ-нибудь, чтобъ не быть совершенно оставленными въ сторонѣ; сохраненіе Порты—на первомъ планѣ между интересами Австріи; но если Франція и Россія станутъ давить Турцію, то Австрія должна быть въ-третьихъ, «чтобы несоразмѣрнымъ, одностороннимъ увеличеніемъ этихъ государствъ судьба Австріи не ухудшилась». И вдругъ Талейранъ, который уже прежде толковалъ о присоединеніи къ Австріи нижнедунайскихъ земель, спрашиваетъ Меттерниха, согласенъ ли его Дворъ принять участіе въ раздѣлѣ Турціи, и указываетъ на Боснію и Болгарію, которыя должны достаться Австріи. По мнѣнію Стадіона, надобно было принять предложеніе, хотя назначаемая доля и невыгодна; о Сербіи не упомянуто; да и вообще

чрезъ это земельное увеличеніе Австрія не станетъ сильнѣе, ибо эти обѣ провинціи, удаленныя отъ центра монархіи, населенныя безпокойнымъ и мало-образованнымъ народомъ, пограничныя, вслѣдствіе раздѣла съ Россіею и Франціею, принесутъ Австріи не выгоды, а только постоянную заботу и большія издержки для сохраненія внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности. Но дѣлать нечего: изъ двухъ золъ надобно избирать меньшее, только нельзя ли иначе опредѣлить долю Австріи, отдать ей область Хотинскую, Валахію до устья Димбовицы или Алуты въ Дунай, турецкую Кроацію, Боснію, Сербію, Болгарію до устья Дуная и потомъ связать эти области съ Архипелагомъ линіею по рѣкѣ Вардару до Салоникъ. Но и на это хотѣли согласиться только въ крайности, и Меттерниху былъ посланъ наказъ употребить всѣ усилія для уничтоженія замысловъ Наполеона противъ Порты, и, главное, чтобъ не было рѣчи объ обязательствѣ Австріи за свои новыя пріобрѣтенія уступить что-нибудь изъ старыхъ владѣній, именно — прежде всего заботиться о сохраненіи адріатическаго побережья. Когда дѣло коснулось Восточнаго вопроса, то и эрцгерцогъ Карлъ вышелъ изъ своего миролюбиваго настроенія и подалъ двѣ записки: «Наполеонъ», — писалъ онъ, — «дѣйствуетъ быстро; русскіе уже на берегахъ Дуная; успѣютъ они занять Оршову и Бѣлградъ, — тогда Австрія потеряетъ базисъ своихъ операцій и свободное пользованіе Дунаемъ, и доля ея при раздѣлѣ будетъ зависѣть отъ доброй воли чужихъ государей; поэтому Австрія должна обезпечить себѣ эти два города. Прежде всего для безопасности Австріи необходимо, чтобъ Россія не владѣла Молдавіею и Валахіею и не стала госпожею Дуная, не вошла ни въ какое соприкосновеніе съ подданными Австріи и не обхватила послѣдней съ юга».

Самъ императоръ Францъ требовалъ, чтобъ были употреблены всѣ усилія сохранить Турецкую имперію, какъ лучшую сосѣдку Австріи; но Меттернихъ изъ Парижа и другіе министры сообщали самыя печальныя извѣстія: отказъ Англіи войти въ мирные переговоры ведетъ къ ускоренію Восточнаго вопроса; Наполеонъ имѣетъ въ виду не одну Турцію, но и азіатскія владѣнія Англіи, хочетъ склонить Россію къ походу въ Индію; Константинополь долженъ остаться нейтральнымъ торговымъ городомъ; Россія возьметъ лѣвый берегъ Дуная до самаго устья, Болгарію и Румелію, какъ секундогенитуру для одного изъ великихъ князей, Австріи отдадутъ Сербію и Боснію, Франція возьметъ адріатическіе берега и азіатскія земли; уже собираются войска, назначены генералы. И все это былъ обманъ: морочили Востокомъ, чтобъ отвести глаза отъ Запада. Въ первыхъ числахъ апрѣля пришла громовая вѣсть объ испанскихъ событіяхъ; всѣхъ больше поразила она императора: дѣло пошло о смѣнѣ династій; нынче Наполеонъ свергнулъ безъ всякаго повода Бурбоновъ испанскихъ: что помѣшаетъ ему завтра сдѣлать то же съ Габсбургами австрійскими? Австрія ему нужна: черезъ ея владѣнія идетъ прямая дорога на Востокъ, относительно котораго онъ питаетъ такіе блестящіе замыслы. «Испанская династія», — говоритъ Стадіонъ, «заслужила свою судьбу: она первая вошла въ союзъ съ Франціею и служила ей съ необыкновеннымъ усердіемъ. Ея гибелью Провидѣніе насъ предостерегаетъ. Надобно воспользоваться предостереженіемъ и готовиться къ борьбѣ». Воинственность овладѣла и эрцгерцогомъ Карломъ: «Планы Наполеона стали ясны», — говорилъ онъ, — «нечего спрашивать, чего онъ хочетъ: онъ хочетъ всего». Стали вооружаться; но было хорошо извѣстно, что малѣйшій шорохъ оружія поднималъ Наполеона; Меттернихъ долженъ былъ выдержать публично его выходку: 15 августа, въ день своихъ имянинъ, на пріемѣ дипломатическаго корпуса, Наполеонъ громко говорилъ Меттерниху: «Ваше вооруженіе во всякомъ случаѣ неполитично, возбуждая неудовольствіе во Франціи и Россіи. Болѣе 500 писемъ первыхъ купцовъ въ Вѣнѣ говорятъ о предстоящемъ разрывѣ; у васъ публично оскорбляютъ французовъ и нѣмцевъ изъ государствъ Рейнскаго союза: я не могу этого спокойно сносить». — «Цѣль нашихъ вооруженій экономическаго свойства», — замѣтилъ Меттернихъ, — «и, кромѣ того, она служитъ для сохраненія равновѣсія въ Европѣ». — «Оставьте эти пустяки», — сказалъ Наполеонъ: — «ваши побужденія мнѣ извѣстны; вашъ Дворъ хочетъ вмѣшаться въ турецкія отношенія, чтобъ противодѣйствовать Франціи и Россіи. Но въ нашемъ интересѣ щадить меня и Россію; обманываетесь, если думаете, что можете противиться намъ обоимъ. Если вы хотите войны, то зачѣмъ вы ея не объявили, когда я стоялъ на Нѣманѣ; а теперь это была бы глупость, подобная прусской глупости. Я считаю войну неизбѣжною, и если ея не будетъ, то благодаря только Русскому императору. Ваши вооруженія заставляютъ и меня вооружаться, а то разоритъ Германію. Я сдѣлаю двойной наборъ въ этомъ году, и если мнѣ недостанетъ мужчинъ, то я выставлю противъ васъ женщинъ. Вы соберете 400,000, а я соберу 800,000; вы доставите мнѣ финансовыя средства. Два раза я былъ господиномъ вашихъ владѣній и отдалъ ихъ вамъ назадъ, а вы не стали умнѣе. Если вы не разоружитесь, то война неизбѣжна, — война рѣшительная, не на-животъ, а на-смерть: или вы будете въ Парижѣ, или я въ сердцѣ австрійскихъ владѣній. Ваши вооруженія не нравятся въ Петербургѣ; Александръ вамъ объявитъ, чтобы вы разоружились, — и вы разоружитесь; но тогда я не вамъ буду благодаренъ за сохраненіе спокойствія въ Европѣ, а царю, и я васъ не пущу къ рѣшенію важныхъ, васъ касающихся вопросовъ, я буду вести дѣло вмѣстѣ съ Россіею, а вы будете только смотрѣть».

Черезъ нѣсколько дней Меттернихъ явился къ Наполеону съ извѣстіемъ, что вооруженія Австріи прекращаются. «Будемте говорить съ вами, какъ

частные люди»,—отвѣчалъ Наполеонъ:—«никогда я не думалъ, чтобъ Францъ, Стадіонъ или Карлъ хотѣли войны; вы въ дурныхъ отношеніяхъ съ Россіею, поэтому не можете объявать мнѣ войны; но я боюсь, что вы вовлечетесь въ войну со мною по ложнымъ слухамъ. Васъ испугали испанскія событія; вы ждете, что и съ вами то же будетъ. Но какая разница! Испаніею я долженъ былъ овладѣть для обезпеченія моего тыла; Годой, вмѣсто того, чтобъ увеличивать морскія силы, увеличилъ сухопутныя; тронъ занимали Бурбоны, мои личныя враги: они и я—мы не могли одновременно царствовать. Я дѣлаю различіе между Домами Бурбонскимъ и Лотарингскимъ».—«Угодно заключить съ нами союзъ?—я готовъ вступить въ переговоры»,—сказалъ Меттернихъ.—«Для этого нужно прелиминаріи; скажите императору Францу, что я считаю все поконченнымъ».

Предложеніе союза было вовсе некстати для Наполеона: онъ ѣхалъ въ Эрфуртъ, и до результатовъ свиданія съ Русскимъ государемъ нельзя было входить ни въ какія опредѣленія отношеній. Понятно, какое значеніе должно было имѣть для Австріи эрфуртское свиданіе; какъ желали въ Вѣнѣ знать, что тамъ будетъ происходить, что будетъ говориться объ Австріи между двумя рѣшителями судебъ Европы. Талейранъ совѣтовалъ самому императору Францу поѣхать въ Прагу и потомъ неожиданно явиться въ Эрфуртѣ. Но пріѣхать незванымъ-непрошенымъ—это было бы верхъ неприличія и забвенія своего достоинства. Говорили, что Францъ долженъ упасть среди двухъ императоровъ, какъ бомба; но бомба пугаетъ, тогда какъ Францъ своимъ появленіемъ никого испугать не могъ. Его можно было сравнить не съ бомбою, а съ резиновымъ мячемъ. Не сочли приличнымъ послать и кого-нибудь изъ эрцгерцоговъ; хотѣли, чтобъ Меттернихъ сопровождалъ Наполеона въ Эрфуртъ; Меттернихъ обратился къ преемнику Талейрана въ завѣдываніи иностранными дѣлами, Шампаньи, и получилъ отказъ: «Въ Эрфуртѣ»,—говорилъ Шампаньи,—«будутъ уговариваться, какими средствами принудить Англію къ миру, Австрія тутъ не причемъ». Но надобно кого-нибудь имѣть въ Эрфуртѣ: отправили Винцента съ двумя незначительными письмами Франца къ обоимъ императорамъ. Винцентъ привезъ изъ Эрфурта статьи договора, заключеннаго между Александромъ и Наполеономъ, договора, очень непріятнаго для Австріи по отношенію къ Дунайскимъ княжествамъ и къ Россіи, въ случаѣ войны Австріи съ Франціею; привезъ и отвѣтныя письма отъ обоихъ императоровъ. Письмо Наполеона было самое дерзкое: «Въ моей власти было уничтожить Австрійскую монархію; настоящее существованіе вашего величества есть слѣдствіе моей воли,—доказательство, что наши счеты сведены и я ничего болѣе отъ васъ не требую. Но вы не должны поднимать вопроса, рѣшеннаго пятнадцатилѣтнею войною, не должны подавать повода къ новой войнѣ. Ваше величество должны удержаться отъ всякаго вооруженія, которое можетъ меня безпокоить». Письмо Александра отличалось противоположнымъ тономъ; въ немъ была одна фраза, важная для Австріи: Русскій государь увѣрялъ императора Франца, что принимаетъ участіе въ сохраненіи цѣлости Австрійской имперіи. Винцентъ объяснилъ, что это значитъ: Александръ требовалъ отъ Наполеона, чтобъ цѣлость Австріи не была нарушена; но Наполеонъ согласился на это съ условіемъ, чтобъ Австрія прекратила вооруженія. Талейранъ хвалился передъ Меттернихомъ, что онъ вмѣстѣ съ Толстымъ склонили Александра не уступать требованіямъ Наполеона, враждебнымъ Австріи.

Разумѣется, было бы слишкомъ страннымъ предположеніе, что Талейранъ и Толстой могли убѣдить императора Александра въ необходимости беречь Австрію отъ Наполеона. Прежде всего надобно было, чтобъ Австрія сама себя берегла и не бросалась одна въ войну съ Наполеономъ; но Австрія спѣшила сдѣлать то, что Наполеонъ называлъ безуміемъ, и за что Пруссія такъ дорого поплатилась. Что же могло побуждать ее къ этому? Она разсчитывала, во-первыхъ, на испанскія дѣла; но разсчетъ былъ невѣренъ, причемъ надобно замѣтить, что этимъ испанскимъ дѣламъ вообще приписываютъ больше значенія, чѣмъ сколько они имѣли. Изъ желанія нанести испанскому движенію рѣшительный ударъ, Наполеонъ могъ въ извѣстное время стараться, чтобъ его не отвлекли на Востокѣ; но Испанія не могла поглотить всѣ его силы; Испанія могла быть для него тѣмъ, чѣмъ послѣ Алжиръ былъ для Франціи, Кавказъ—для Россіи; но она не могла помѣшать ему распоряжаться въ остальной южной и средней Европѣ. Во-вторыхъ, Австрія разсчитывала, что какъ скоро она начнетъ войну съ Наполеономъ, то и въ Германіи произойдетъ то же самое, что въ Испаніи,—народная война. Стадіонъ не ошибался въ томъ, что борьба съ Наполеономъ начала принимать новый характеръ; что теперь она не была только борьбою правительствъ, но и борьбою народовъ. Въ 1804 году, въ извѣстномъ проектѣ, который Новосильцевъ возилъ въ Англію, императоръ Александръ предлагалъ убѣдить народы, что господство Наполеона не принесетъ имъ свободы и благоденствія; но теперь народы убѣдились въ этомъ сами, и сильная ненависть къ Наполеону, къ французскому владычеству, сильное поднятіе патріотическаго чувства, особенно въ сѣверной Германіи, были слѣдствіемъ наполеоновскаго гнета. Но и на эти одни народныя чувства Австріи разсчитывать было нельзя: чтобъ эти чувства высказались, надобно было, чтобъ Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, чтобъ онъ потерялъ обаяніе непобѣдимой силы, чтобъ другая сила стала на германской почвѣ и дала опору движенію: иначе все могло ограничиться только отдѣльными вспышками, безплодными и скоро потухающими. Стадіонъ мечталъ, что Австрія станетъ во главѣ этого новаго, народнаго движенія противъ наполеонов-

скаго ига, сокрушитъ всеобщаго врага и этимъ пріобрѣтетъ себѣ право на первенствующее положеніе, ибо всѣ государства пойдутъ за нею, а не она будетъ ходить за другими, какъ было до сихъ поръ. Прекрасная мечта, которая дѣлаетъ честь мечтателю-патріоту. Стадіонъ усыпилъ Австрію, и она видѣла прекрасный сонъ. Сонъ послѣ и сбылся, только не для Австріи.

Третьимъ побужденіемъ для Австріи къ начатію войны были донесенія Меттерниха изъ Франціи. «*Дружба, нейтралитетъ* суть слова, лишенныя смысла для Наполеона», — писалъ Меттернихъ въ концѣ 1808 года.—«Прусская война, казалось, была предпринята для уничтоженія приверженцевъ системы *нейтралитета*». Низверженіе Испанской династіи, древнѣйшей, испытаннѣйшей и безкорыстнѣйшей союзницы не только Наполеона, но и всѣхъ прежнихъ французскихъ правительствъ (замѣчаніе важное, ибо уничтожаетъ династическую враждебность), должно доказать міру, что никакое государство не можетъ спастись *дружбою*. Нельзя быть ни врагомъ, ни нейтральнымъ, ни другомъ: — что же остается правительству, которое не можетъ, подобно португальскому, уложить свои чемоданы и океаномъ отдалить себя отъ бича, удручающаго Европу?» Послѣ этого вступленія, знакомящаго насъ съ литературными пріемами человѣка, котораго потомъ величали дипломатическимъ геніемъ, Меттернихъ переходитъ къ указаніямъ на возможность Австріи воевать съ Наполеономъ. Испанская война нанесла Франціи большой уронъ; средства Франціи противъ Австріи уменьшились наполовину, средства Австріи увеличились вдвое. Теперь уже сражается не французскій народъ; настоящая война не есть даже война французской арміи, но чисто наполеоновская. Внутри Франціи давно уже существуетъ партія, противная завоевательнымъ видамъ Наполеона; она сплотилась въ молчаніи; самъ Наполеонъ далъ ей силу своимъ нападеніемъ на Испанію. Ея главы—Талейранъ и Фуше. «Мы дожили до того времени», — писалъ Меттернихъ,— «когда союзники представляются намъ внутри самой Франціи; эти союзники не ничтожные интриганы: люди, имѣющіе право быть представителями націи, требуютъ нашей помощи; эта помощь есть наше собственное дѣло, всецѣло наше собственное дѣло, дѣло потомства!»

Итакъ, союзники—народъ испанскій, народъ нѣмецкій, союзники въ самой Франціи—Талейранъ и Фуше. Но старая союзница, Россія, будетъ противъ! Это останавливало. Меттернихъ успокоивалъ и на этотъ счетъ: онъ передавалъ въ Вѣну убѣжденія Талейрана, что Наполеонъ не увлечетъ Александра противъ Австріи, что, попрежнему, самый тѣсный союзъ можетъ быть заключенъ между Россіею и Австріею. Талейранъ принадлежалъ къ числу тѣхъ предсказателей, которые предсказываютъ вѣрно, не обозначая только срока, когда сбудется предсказаніе; а въ Вѣнѣ, какъ обыкновенно бываетъ, назначили для исполненія самый ближайшій срокъ, потому что этого желали, не обращая вниманія на главное, что Россія, не кончивши двухъ войнъ, какъ ей надобно, не можетъ начать третьей. Въ добромъ расположеніи императора Александра къ Австріи, въ нежеланіи его отдать ее въ жертву Наполеону нельзя было сомнѣваться: для для этого не нужно было особенной проницательности; если въ Эрфуртѣ было постановлено, что начатіе съ Австріею войны обязываетъ Россію помогать Франціи, то не могъ же Александръ предполагать, что Австрія ринется одна въ войну. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцевъ, будучи послѣ Эрфурта въ Парижѣ, прямо говорилъ Меттерниху, что придетъ время, когда тѣсный союзъ съ Австріею будетъ необходимъ для всеобщаго избавленія: «Не предпринимайте ничего; вы поставите Россію въ величайшее затрудненіе»,— говорилъ Румянцевъ. 31-го января 1809 года императоръ Александръ говорилъ австрійскому посланнику, князю Шварценбергу: «Можно ли начинать такую неравную борьбу послѣ того, какъ упустили благопріятный случай (въ началѣ 1807 года)? Наполеонъ и его войска непобѣдимы; надобно выждать время, не бросаться зря,—придетъ благопріятный часъ мщенія. Теперь Австрія должна сохранять свои силы только для защиты и не дѣлать ни малѣйшаго вызывательнаго шага; если Австрія начнетъ войну,—все пропало. Я гарантирую императору Францу справедливость моихъ словъ; обѣщаю и относительно Австріи войти въ такое же обязательство, въ какомъ я относительно Франціи, т.-е. всѣми моими силами защищать ее отъ нападенія». Но Австрія непремѣнно хотѣла войны. Тогда Александръ сказалъ Шварценбергу: «Я даю великое доказательство довѣрія, обѣщая вамъ, что сдѣлано будетъ все человѣчески возможное, чтобъ не нанести вамъ ударовъ съ нашей стороны; мое положеніе такъ странно, что хотя мы съ вами стоимъ на противоположныхъ линіяхъ, однако я не могу не желать вамъ успѣха». Александръ обѣщалъ медлить, по возможности, выступленіемъ войскъ въ походъ и приказалъ имъ избѣгать, по возможности, всякаго столкновенія и враждебныхъ дѣйствій съ австрійцами. Вслѣдствіе этого обѣщанія, Шварценбергъ не передалъ предписанныхъ ему изъ Вѣны угрозъ, что Австрія будетъ помогать Портѣ противъ Россіи и содѣйствовать возстановленію Польши.

Отъ Россіи обратились къ Пруссіи, которая очутилась между двухъ огней: съ одной стороны, она находилась подъ ножемъ Наполеона, у котораго было французскаго войска между Рейномъ и Эльбою 70,000, да въ его распоряженіи были войска польскія, саксонскія и вестфальскія, числомъ до 80,000, а у Пруссіи только 42,000. Въ два перехода саксонцы могли быть въ Глогау и отрѣзать Силезію; въ три перехода французы и вестфальцы изъ Магдебурга могли быть въ Берлинѣ. Вступить въ союзъ съ Австріею противъ Франціи значило— идти на вѣрную гибель; понятно, что императоръ

Александръ долженъ былъ отклонять отъ этого Пруссію всѣми силами; если уговаривали Австрію ждать удобнѣйшаго времени, когда всѣ главныя силы Европы будутъ въ сборѣ, то тѣмъ болѣе должны были уговаривать Пруссію ждать «часа мщенія». Но, съ другой стороны, самое это положеніе подъ ножемъ было нестерпимо; какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлые народы въ болѣзняхъ и страданіяхъ не могутъ спокойно относиться къ причинамъ и слѣдствіямъ этихъ болѣзней и страданій, и бросаются на первую возможность немедленнаго облегченія; надежда получить облегченіе растетъ соотвѣтственно желанію облегченія, да и во всякомъ случаѣ, кажется, что хуже настоящаго положенія уже не будетъ. Кромѣ того, представлялась мысль: благоразумно или неблагоразумно поступаетъ Австрія, но она непремѣнно хочетъ воевать; если не присоединиться къ ней и дать ей погибнуть, что станется съ Пруссіею? Новое торжество, новое усиленіе Наполеона есть вмѣстѣ съ тѣмъ новое бѣдствіе, окончательное паденіе Пруссіи, которую онъ будетъ замучивать на медленномъ огнѣ. Всего печальнѣе было положеніе короля Фридриха-Вильгельма, который видѣлъ всю опасность разрыва съ Франціею, всю справедливость русскихъ внушеній: «Австріи король не спасетъ, а только рѣшитъ собственную гибель, отнявши у Россіи средства воспрепятствовать ей». И въ то же время король долженъ былъ сдерживать нетерпѣніе лучшихъ людей, которые требовали войны съ Наполеономъ, требовали во имя страданій народа, который не хочетъ болѣе сносить ига и двинется противъ воли короля. Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ уступать этимъ воплямъ, позволять вести переговоры съ Австріею о союзѣ, но въ рѣшительную минуту объявилъ: «Не могу безъ Россіи!» Это объявленіе не успокоивало его; невыносимо тяжко было безпрестанно встрѣчаться съ людьми, въ глазахъ которыхъ онъ читалъ упрекъ въ слабости, нерѣшительности, трусости,—и король пишетъ умоляющее письмо императору Александру, чтобъ тотъ разорвалъ союзъ съ Франціею. Изъ Петербурга отвѣта нѣтъ. Эти требованія съ австрійской и прусской стороны не могли не производить здѣсь раздражающаго, оскорбительнаго впечатлѣнія. Въ 1805 г., послѣ долгихъ отнѣкиваній, Австрія вдругъ рванулась на войну, не дождавшись русскихъ войскъ,—потерпѣла пораженіе; Пруссія, несмотря на всѣ настаиванія Россіи, не двинулась. Потомъ и ей пришла охота повторить ошибку Австріи: въ слѣдующемъ году и она вдругъ рванулась на войну одна,—была разгромлена; Россія пришла къ ней на помощь и, сдержавъ Наполеона, стала уговаривать Австрію войдти въ союзъ противъ него, что должно было имѣть рѣшительное значеніе. Австрія не двинулась; необходимымъ слѣдствіемъ былъ Тильзитскій миръ, и со всѣхъ сторонъ крики, упреки Александру въ слабости, невыдержливости, измѣнчивости; а теперь, когда Россія занята двумя войнами, Австрія опять рвется на борьбу и требуетъ русской помощи; того же требуетъ и Пруссія! Это была какая-то насмѣшка надъ Россіею. Тщетно императоръ Александръ говорилъ Австріи, чтобъ подождала болѣе благопріятнаго времени, что она можетъ быть покойна: ея не тронутъ, онъ за это ручается. Ему не вѣрили; вѣрили—Талейрану, который совѣтовалъ предупредить Наполеона войною. 8 февраля (н. ст.) 1809 года эрцгерцогъ Карлъ объявилъ въ Совѣтѣ: «Я не подавалъ голоса за войну; отвѣтственность падетъ на тѣхъ, которые ея непремѣнно хотятъ». Въ апрѣлѣ австрійцы начинаютъ войну вторженіемъ въ Италію, Баварію, герцогство Варшавское. Старая ошибка — раздѣленіе силъ, старыя слѣдствія: Наполеонъ занимаетъ Вѣну, одерживаетъ рѣшительную побѣду при Ваграмѣ (8 іюля),—австрійцы спѣшатъ заключить перемиріе (12 іюля).

То, что Наполеонъ называлъ безуміемъ, было сдѣлано. Наполеонъ былъ сердитъ; сначала онъ объявилъ: «Не хочу мира съ Австріею; я ее раздѣлю на цѣлый рядъ независимыхъ государствъ; только отреченіе императора Франца отъ престола понудитъ меня вступить въ переговоры». Въ другой разъ объявилъ: «Хотя я не имѣю никакого довѣрія къ Австріи, однако рѣшаюсь еще разъ на миръ и даже предложу умѣренныя условія, если Францъ откажется отъ престола въ пользу одного изъ членовъ императорской фамиліи, и если императоромъ будетъ великій герцогъ Вюрцбургскій, то я оставлю монархію во всей ея цѣлости». Эти грозныя рѣчи показывали, что миръ можетъ быть купленъ только очень дорогою цѣною. Во время перемирія образовались двѣ партіи—партія войны и партія мира, и первую поднимали требованія Наполеона. Брались за разные планы: одни хотѣли, чтобъ, при посредствѣ англійскаго посланника, былъ заключенъ поскорѣе миръ между Россіею и Турціею, вслѣдствіе чего можно было бы образовать тройной союзъ между Австріею, Англіею и Турціею; другіе возражали, что, наоборотъ, надобно уговаривать турокъ къ энергическому продолженію войны съ Россіею, пока послѣдняя будетъ въ союзѣ съ Наполеономъ. Меттернихъ предложилъ планъ возстановленія Польши подъ самостоятельнымъ государемъ, чтобы поднять поляковъ противъ Наполеона. Австрія уступала возобновленному государству западную Галицію, обѣщала и остальную, если дадутъ вознагражденіе въ Италіи или Германіи; между Австріею, Пруссіею, Польшею, Турціею, Англіею, Испаніею, Португаліею, Сициліею и Сардиніею долженъ быть заключенъ оборонительный и наступательный союзъ. Громоздкій планъ (съ Португаліею, Сициліею и Сардиніею!!) былъ разрушенъ замѣчаніемъ Стадіова: какая охота полякамъ для возстановленія своего государства входить въ союзъ съ Австріею, когда они могутъ надѣяться достичь этого гораздо легче посредствомъ Франціи? Притомъ, Россія,

*

увидавши австрійскіе замыслы, станетъ усерднѣе помогать Наполеону.

Изъ длиннаго меттерниховскаго перечня *возможныхъ* союзниковъ одна Англія могла бы оказать дѣйствительную помощь; но она спѣшила, вслѣдствіе британскихъ интересовъ, испортить и теперь дѣло точно такъ же, какъ и въ 1807 году. Стадіонъ не напрасно разсчитывалъ на патріотическія движенія противъ французовъ въ сѣверной Германіи: они обнаружились. Но мы уже замѣтили, что эти движенія могли бы имѣть значеніе только тогда, когда получили бы помощь, опору и единство. Прусскій майоръ Шилль поднялъ возстаніе, и недалеко отъ Магдебурга побилъ французовъ; но, не видя ни откуда помощи, заперся въ Штральзундѣ, былъ тамъ осажденъ и палъ въ битвѣ. Герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ Брауншвейгскій набралъ себѣ кавалерійскій отрядъ изъ 2,000 человѣкъ («Черный легіонъ мщенія»), ворвался въ Саксонію, овладѣлъ Дрезденомъ, Мейсеномъ и Лейпцигомъ; но опять, не видя ни откуда помощи, долженъ былъ отступить предъ превосходными силами Вестфальскаго короля, пробился чрезъ всю сѣверную Германію и спасся на англійскихъ корабляхъ. Эти движенія могли имѣть успѣхъ, распространиться, если бы нашли себѣ опору; эту опору дало бы имъ англійское войско, если бы высадилось гдѣ-нибудь на берегахъ сѣверной Германіи; но такая отдаленная высадка была не въ англійскихъ интересахъ, которые требовали овладѣнія чѣмъ-нибудь болѣе выгоднымъ, ближайшимъ. Чтобъ овладѣть Антверпеномъ и устьями Шельды, 40,000 англичанъ высадились на островъ Валхеренъ — и потерпѣли полную неудачу. Въ Испаніи англійское войско, подъ начальствомъ Уеллеслея (послѣ — лорда Веллингтона), должно было отступить передъ французскимъ маршаломъ Сультомъ въ Португалію; испанское войско было разбито французами недалеко отъ Толедо. Эти извѣстія заставили императора Франца принять тяжелыя мирныя условія и выдать тирольцевъ, которые геройски дрались за Австрію противъ французовъ и баварцевъ. 14-го октября (н. с.) былъ заключенъ Вѣнскій миръ, по которому Австрія потеряла 2,000 квадратныхъ миль и три съ половиною милліона жителей; потеряна была Иллирія, которою она такъ дорожила и которая теперь такъ важна была для Наполеона по отношенію къ Балканскому полуострову, какъ самъ Наполеонъ заявлялъ во время переговоровъ. Западная Галиція съ Краковомъ и остальными областями, доставшимися Австріи по третьему раздѣлу Польши, отошли къ Варшавскому герцогству, восточная Галиція — къ Россіи; Австрія должна была присоединиться къ континентальной системѣ, заплатить 85 милліоновъ контрибуціи и обязалась не держать болѣе 150,000 войска.

Исчезъ прекрасный сонъ, когда Австріи грезилось, что она находится въ челѣ народовъ, возставшихъ за свободу и независимость. Австрія прокляла коварный сонъ и поспѣшила погрузиться въ дѣйствительность. Человѣкъ, который навелъ этотъ сонъ на Австрію, который вздумалъ-было проповѣдывать какую-то духовную культуру, Стадіонъ, долженъ былъ удалиться, какъ глава воинственной партіи, главный виновникъ неудавшейся войны. Все пришло въ надлежащій порядокъ; императоръ Францъ не имѣлъ уже подлѣ себя такого безпокойнаго, страннаго нововводителя и могъ предаться вполнѣ своей системѣ, — системѣ освященной. По убѣжденію Франца, государство была машина; все государственное управленіе должно было идти, какъ заведенные часы. Ничто не должно нарушать обычнаго хода машины: разъ заведена, — и пусть идетъ. Нечего трогать, перемѣнять — только испортишь: Іосифъ II-й, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ, вздумалъ потрогать машину, перемѣнить колеса, — и что же вышло? — только разстроилъ. Хорошо шла машина прежде, пусть и теперь такъ же идетъ. «Держитесь старины, старина — хорошее дѣло», — говорилъ Францъ профессорамъ лайбахскаго лицея: — «нашимъ предкамъ было хорошо при старинѣ, отчего же намъ будетъ дурно? Теперь новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобряю». Новыхъ идей было много въ новыхъ нѣмецкихъ книгахъ, печатанныхъ въ сѣверной Германіи, и потому эти книги были строго запрещены въ Австріи. Но при Іосифѣ II-мъ и въ самой Австріи было напечатано много книгъ съ разными идеями: болѣе 2,500 этихъ старыхъ іосифовскихъ книгъ было теперь запрещено въ Австріи. Въ книжной торговлѣ господствовали рыцарскіе романы. Рыцарскіе романы можно читать: они не разстраиваютъ головы разными идеями, не препятствуютъ пищеваренію, а это главное: здоровый желудокъ, хорошій столъ и хорошая музыка — больше ничего не нужно для народнаго благосостоянія. Ѣсть, пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслью: вотъ главное правило добраго подданнаго. Музыка очень хорошее искусство: она услаждаетъ и успокоиваетъ, убаюкиваетъ. Францъ былъ большой охотникъ до музыки и музыкантовъ: при немъ музыкантъ могъ дойти до генералъ-адъютантскаго званія. Францъ не любилъ войны и въ мирное время не любилъ военныхъ упражненій: тутъ было много движенія, шума, блеска; все это способнѣе было возбуждать, чѣмъ успокоивать. Другое дѣло канцелярія: тамъ все тихо, спокойно и правильно; бумага составляется, прочитывается, докладывается, занумеровывается, подписывается и передается законному правильному теченію; течетъ тихо, плавно, спокойно, медленно, величаво, своимъ появленіемъ въ извѣстныхъ мѣстахъ возбуждаетъ тихое, спокойное движеніе переписки, отписки; наконецъ бумага совершаетъ свой путь и впадаетъ въ море-океанъ бумажный. Теченіе бумаги окончено, — дѣло сдѣлано. «Какое дѣло»? — спрашиваютъ. Но такіе вопросы могутъ поднимать только идеологи.

Направленію государя долженъ былъ соотвѣтствовать первый министръ. Кобенцль и Стадіонъ, несмотря на видимое различіе, существенно были похожи другъ на друга. Разница между ними была такая же, какая между вельможею XVIII-го вѣка, съ пудрою на головѣ, въ расшитомъ золотомъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, и вельможею XIX-го вѣка, въ черномъ суконномъ фракѣ. Но оба были похожи другъ на друга тѣмъ, что оба были министры безпокойные, воинственные, оба мечтали дать Австріи важное значеніе посредствомъ борьбы съ преобладающею силою Франціи, и Стадіонъ даже придумалъ какое-то внутреннее, народное движеніе, поднятіе нравственныхъ силъ народныхъ, какую-то духовную культуру, союзъ съ народными движеніями извнѣ. Что-жъ вышло хорошаго? Слѣдствіемъ политики Кобенцля была несчастная война 1805 года; слѣдствіемъ политики Стадіона—несчастная война 1809 года. Эта политика осуждена своими слѣдствіями; теперь должна быть политика другая, и представителемъ этой новой политики является новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Меттернихъ. Мы видѣли, что Меттернихъ, будучи посломъ въ Парижѣ, заплатилъ дань направленію Стадіона; его донесенія могущественно содѣйствовали рѣшенію Австрійскаго Кабинета начать войну; мало того, онъ писалъ о необходимости народнаго возбужденія: «Всякое правительство»,—писалъ онъ,—«всегда найдетъ въ критическія минуты великія средства въ народѣ; оно должно возбуждать и особенно употреблять ихъ; одинъ примѣръ силы, хорошо направленный государемъ и поддержанный его народомъ, быть можетъ, остановилъ бы опустошительное движеніе Наполеона». Кромѣ того, что Меттернихъ могъ считать необходимымъ поддѣлываться подъ направленіе своего монарха, подъ направленіе, становившееся господствующимъ при Дворѣ, Меттернихъ находился въ Парижѣ подъ вліяніемъ сильнаго авторитета, Талейрана; наконецъ, оставя въ сторонѣ разсчеты и внѣшнія вліянія, Меттернихъ извѣстное время могъ смотрѣть именно такъ на дѣло, скользя по его поверхности, ибо только при сосредоточеніи полнаго вниманія на предметѣ и при свободномъ его обсужденіи можетъ образоваться опредѣленный взглядъ, въ которомъ окончательно и выскажется личность человѣка. Это и случилось съ Меттернихомъ, когда онъ замѣнилъ Стадіона, сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ настоящее время онъ отказался для Австріи отъ всякаго почина въ войнѣ; если Австрія и должна была принять участіе въ войнѣ, то когда другіе сдѣлаютъ главные и самые трудные шаги, когда успѣхъ будетъ вѣренъ и выгоды несомнѣнны. Такой образъ дѣйствія признанъ для Австріи обязательнымъ и навсегда. Спокойнымъ, свободнымъ отъ всякаго вліянія патріотическаго чувства взглядомъ взглянулъ Меттернихъ на Австрію и нашелъ, что она слаба, слаба не временно, не относительно только наполеоновской Франціи, но слаба вообще, слаба сравнительно съ Россіею, Франціею, Пруссіею; слабость заключается въ пестротѣ состава имперіи, въ отсутствіи національнаго единства, что съ особенною ясностію выступило именно теперь, когда вопросъ народности становился на очередь вслѣдствіе наполеоновскаго гнета. Въ Испаніи, Германіи обнаружилось народное движеніе противъ поработителей; Стадіонъ и самъ Меттернихъ признавали его необходимымъ и въ Австріи для успѣха борьбы; но когда Меттернихъ, въ спокойную минуту, взглянулъ поближе на дѣло, то отчурался навсегда отъ мысли вызывать народное движеніе. Въ Пруссіи движеніе было національное, нѣмецкое, оно обхватывало основное, теперь исключительное народонаселеніе государства и, распространяясь по Германіи, служило только къ поднятію значенія Пруссіи. Но въ Австріи, составленной изъ нѣсколькихъ народностей, національный вопросъ, вопросъ о національной равноправности, о неподчиненіи одной національности другой велъ къ усобицѣ и разложенію монархіи. Какъ скоро страшная опасность была сознана, въ основу системы было положено отсутствіе всякаго внутренняго движенія, все должно оставаться постарому и пребывать въ полномъ спокойствіи. Но сохраненіе существующаго порядка внутри Австрійской имперіи чрезвычайно трудно, если около будутъ происходить опасныя движенія и перемѣны. И потому главною задачею внѣшней политики Австріи должно быть сохраненіе старины по возможности во всѣхъ государствахъ Европы, преимущественно ближайшихъ. При сознаніи своей слабости, Австрія должна избѣгать войны; но когда война готова будетъ возгорѣться между другими государствами, Австрія не можетъ осудить себя на страдательное положеніе; она пользуется случаемъ показать свое значеніе, возвысить его, является посредницею, старается захватить въ своя руки узелъ переговоровъ и направлять ихъ по своимъ интересамъ, выжидая благопріятныхъ обстоятельствъ, пользуясь каждою случайностію, грозя и отступая, опять грозя и отступая. Это консервативное во что бы то ни стало стремленіе внутри и внѣ дало Австріи характеръ государства дипломатическаго: внутри, состоя изъ разныхъ государствъ, изъ разныхъ народовъ, она должна управлять ими дипломатическими средствами, сохраняя равновѣсіе, раздѣляя и властвуя; извнѣ сознаніе слабости, страхъ предъ рѣшительными мѣрами, предъ войною, заставляетъ поддерживать и поднимать свое значеніе также дипломатическими средствами, лавируя между сильными, раздѣляя ихъ, одиноча сильнѣйшихъ. Эта черты австрійской политики стали являться постоянными съ тѣхъ поръ, какъ завѣдываніе иностранными дѣлами принялъ Меттернихъ, человѣкъ системы. Создавши себѣ разъ систему, Меттернихъ проводилъ ее неуклонно; и такъ какъ основная ея черта, консерватизмъ, могла быть

проведена для Австріи только при помощи проведенія ея и въ другихъ государствахъ, то Меттернихъ является проповѣдникомъ своей системы; эта система, по обстоятельствамъ времени, какъ увидимъ, пріобрѣла сочувствіе многихъ и многихъ: поэтому австрійскій министръ, авторъ системы, является главою школы, начинаетъ играть роль наставника государей, руководителя министровъ. Ораторскій талантъ, сильная логика давали ему къ тому средства. Каждый политическій вопросъ учитель объяснялъ, указывалъ причины и слѣдствія, приводилъ въ связь съ своею системою, прилагалъ къ нему ея правила. Меттернихъ былъ охотникъ писать длинныя посланія, которыя отзывались учительскимъ тономъ; основныя положенія онъ обыкновенно подчеркивалъ, точно въ учебникахъ, гдѣ важнѣйшее печатается крупнымъ шрифтомъ, а менѣе нужныя подробности мелкимъ. Меттернихъ зналъ все, что дѣлается тайнаго въ разныхъ углахъ Европы, и готовъ былъ служить каждому государю сообщеніемъ нужныхъ для послѣдняго свѣдѣній, причемъ сообщалъ свои взгляды на то, какъ должно управлять народами для ихъ благоденствія и для благоденствія правительствъ. Меттернихъ очень заботился о спокойствіи простаго рабочаго народа, который въ его глазахъ былъ настоящимъ народомъ. Этотъ народъ, по словамъ Меттерниха, занятъ положительными и постоянными работами, и недосугъ ему кидаться въ отвлеченности и въ честолюбіе; этотъ народъ желаетъ только одного: сохраненія спокойствія; враги настоящаго народа—это люди обыкновенно изъ средняго класса, которыхъ самонадѣянность, постоянная спутница полузнанія, побуждаетъ стремиться къ новому, къ перемѣнамъ. Противъ этихъ-то людей Миттернихъ приглашалъ привительства составить союзъ.

Но благодѣтель настоящего народа забывалъ о достоинствѣ и обязанностяхъ настоящаго правительства. Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ,—оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобъ не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально,—чтобъ поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушенія дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію. Народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобъ ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно,—и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно: оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными; думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легкое дѣло, особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ переломаетъ! Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы, потруднѣе и посложнѣе, требуются при охраненіи и развитіи жизни.

Кромѣ того, Меттернихъ самъ любилъ писать посланія къ государямъ для внушенія имъ основаній своей системы; онъ нашелъ въ Вѣнѣ человѣка, который съ необыкновеннымъ усердіемъ явился глашатаемъ меттерниховой системы и прославителемъ мудрости австрійскаго министра: то былъ извѣстный публицистъ, Фридрихъ Генцъ. Генцъ началъ свое публицистическое поприще въ Берлинѣ; поклонникъ французской революціи вначалѣ, онъ скоро, подобно многимъ, оттолкнулся отъ этого явленія, испуганный его темною стороною, и въ своемъ «Историческомъ журналѣ» все свое сочувствіе обратилъ къ Англіи, впрочемъ не безкорыстно: онъ получалъ *субсидію* отъ англійскаго правительства, равно какъ и отъ другихъ державъ, когда сталъ извѣстенъ, какъ противникъ и послѣ-революціоннаго порядка вещей во Франціи, противникъ Наполеона. Деньги были нужны Генцу вслѣдствіе страшно-безпорядочной жизни: чувственныя удовольствія, женщины, игра мгновенно поглощали пенсіи, получаемыя за авторскую благонамѣренность. Въ Сѣверной Германіи, въ Берлинѣ Генцу было неловко: здѣсь были строже нравственныя требованія отъ общественнаго дѣятеля, чѣмъ и объясняется возрожденіе Пруссіи на нравственной почвѣ послѣ 1806 года. Генцъ уже давно посматривалъ на югъ, на Вѣну, какъ на обѣтованную землю для людей съ его наклонностями, и охотно принялъ предложеніе графа Кобенцля переселиться въ Австрію. При Кобенцлѣ и Стадіонѣ Генцъ продолжалъ ратовать противъ Наполеона; при Меттернихѣ онъ совершенно подчинялся взглядамъ этого министра, подчинился тому повороту, какой произошелъ въ австрійской политикѣ послѣ войны 1809 года.

VI.

Послѣдняя борьба.

Въ войнѣ 1809 года лежалъ зародышъ войны 1812 года. Наполеонъ изъ дѣйствій русскаго вспомогательнаго отряда увидалъ ясно, что союзъ съ Россіею только формальный; что Русскій государь преслѣдуетъ свои интересы, не хочетъ быть слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ, тогда какъ Наполеонъ подъ именемъ союзниковъ разумѣлъ то же самое, что древніе римляне разумѣли подъ этимъ именемъ, т.-е. подчиненныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того, пораженіе Австріи, перемѣна ея политики, обнаружившаяся исканіемъ родственнаго союза съ императоромъ французовъ, дали Наполеону возможность не церемониться съ Россіею, освободить себя отъ крайне непріятныхъ отношеній къ государю, который заявлялъ претензію стоять съ нимъ въ полномъ равенствѣ. Александръ долженъ почувствовать теперь свое полное одиночество и смириться; если же не захочетъ и сдѣлаетъ то же, что сдѣлала Пруссія въ 1806 и Австрія въ 1809, то будетъ такъ же жестоко наказанъ за свой поступокъ.

Александръ кончилъ одну войну — Шведскую. Финляндія была покорена; въ мартѣ 1809 года русскія войска по льду достигли Аландскихъ острововъ и одтуда, по льду же, перешли въ Швецію, какъ получено было предложеніе перемирія и мира. Въ Швеціи произошелъ переворотъ. Густавъ IV послалъ три гвардейскихъ полка, всего 2,000 человѣкъ, высадиться въ Финляндіи, взять Або и идти на Петербургъ. Полки, разумѣется, возвратились, ничего не сдѣлавши, и за это были наказаны. Съ этихъ поръ повсюду въ войскѣ начались заговоры. Король, подозрѣвая шведовъ, вызвалъ для собственной охраны два нѣмецкихъ полка прежняго штральзундскаго гарнизона. Деньги употреблялись на шпіоновъ, а войска оставались безъ жалованья. Король наложилъ чрезвычайную контрибуцію — въ пять разъ больше той, которая была опредѣлена государственными чинами; выплатить ее было нельзя уже потому, что сумма превышала всѣ деньги, находившіяся въ обращеніи въ Швеціи. Густавъ началъ требовать у Англіи большихъ субсидій, и когда англійскій министръ при его Дворѣ, Мерри, прочелъ ему отказъ своего правительства, то король выхватилъ шпагу—и Мерри убѣжалъ. Потомъ Густавъ опять призвалъ Мерри, выслушалъ его спокойно, повернулся и убѣжалъ,— вѣрно для того, чтобъ передразнить Мерри. Подполковникъ Адлерспарре поднялъ возстаніе въ войскѣ, слѣдствіемъ чего было отреченіе Густава IV отъ престола. Королемъ былъ провозглашенъ дядя его, Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, подъ именемъ Карла XIII, который и заключилъ миръ съ Россіею въ Фридрихсгамѣ (сентябрь, 1809), уступивъ ей Финляндію и Аландскіе острова; Швеція отказывалась отъ союза съ Англіею и заперла свои гавани для ея кораблей.

Шведскій вопросъ былъ рѣшенъ; но оставались— Турецкій и Польскій. Императоръ Александръ, въ виду неминуемой борьбы съ Наполеономъ, желалъ какъ можно скорѣе кончить Турецкую войну, такъ же скоро пріобрѣсть Дунайскія княжества, какъ пріобрѣлъ Финляндію; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его желаніямъ: война затянулась. Приступы къ Журжѣ и Браилову не удались. Главнокомандующій, старикъ князь Прозоровскій, плакалъ отъ отчаянія; находившійся при немъ Кутузовъ утѣшалъ его: «Я и Аустерлицкое сраженіе проигралъ, да не плакалъ». Такъ какъ было извѣстно, что турки отлично защищаются въ крѣпостяхъ, то государь требовалъ, чтобъ Прозоровскій, не занимаясь ихъ осадою, переходилъ Дунай и Балканы, угрозою Константинополю побудилъ Порту заключить скорѣе миръ. Но Прозоровскій медлилъ; онъ боялся высадки англичанъ гдѣ-нибудь на сѣверномъ берегу Чернаго моря, боялся даже австрійцевъ, тогда какъ въ Петербургѣ боялись больше всего Наполеона. Военный министръ, графъ Аракчеевъ, писалъ: «Если паденіе Австріи совершится, прежде нежели мы окончимъ войну съ турками, то Наполеонъ вмѣшается въ наши дѣла и затруднитъ ихъ, и даже можетъ случиться, что послѣ всѣхъ нами сдѣланныхъ пожертвованій, мы будемъ принуждены очистить Молдавію и Валахію. Совсѣмъ иное будетъ, если паденіе Австріи застанетъ насъ въ мирѣ съ турками. Тогда Наполеонъ уже не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Очевидно, какъ полезно для насъ побудить турокъ къ неотлагательному заключенію мира». Пророчеству Аракчеева суждено было исполниться съ черной его стороны. Прозоровскій умеръ; но преемникъ его, князь Багратіонъ, не успѣлъ сдѣлать многаго, и въ концѣ кампаніи виднѣе была неудача русскихъ, которые сняли осаду Силистріи и перешли назадъ, на лѣвый берегъ Дуная, тогда какъ Наполеонъ торжествовалъ Вѣнскій миръ. Ему не нравилось окончаніе Шведской войны; но онъ былъ очень доволенъ ходомъ дѣлъ на Дунаѣ, и говорилъ въ ноябрѣ русскому послу, кн. Куракину: «Эти турки умѣютъ биться только въ крѣпостяхъ и за ретраншементами; итакъ вы получите Молдавію и Валахію, какъ получили Финляндію». Куракинъ не догадался, что тутъ была насмѣшка.

Но, кромѣ турецкихъ дѣлъ, въ которыя боялись вмѣшательства Наполеона, и боялись совершенно основательно, былъ еще важный вопросъ — Польскій. Однимъ изъ главныхъ побужденій къ Тильзитскому миру и союзу было желаніе удержать возстановленіе Польши Наполеономъ, по крайней мѣрѣ, на первой стадіи,—образованіи герцогства Варшавскаго, подъ властію Саксонскаго короля. Понятно, что Александръ долженъ былъ стараться, чтобъ дѣло не переступило на вторую стадію вслѣдствіе Австрійской войны. Съ лѣтъ ранней молодости, Польскій вопросъ сильно занималъ его,

и нельзя думать, что въ этомъ отношеніи онъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ Чарторыйскаго. Послѣдній, какъ человѣкъ, помѣшанный на вопросѣ, могъ только наскучить Александру своею неотвязчивостью. Въ отношеніяхъ Александра и Чарторыйскаго по поводу Польскаго вопроса мы ясно видимъ въ Чарторыйскомъ человѣка, страстно относящагося къ дѣлу, а въ Александрѣ — человѣка, спокойно обдумывающаго его, соображающаго всѣ благопріятныя и неблагопріятныя условія, испытывающаго то или другое средство для приведенія его къ концу, въ связи со многими другими вопросами. Рѣшеніе Польскаго вопроса, какъ оно было задумано Александромъ и послѣ исполнено, проистекало прямо изъ природы Александра, постоянною цѣлію котораго было примиреніе интересовъ, улаживаніе. Съ лѣтъ ранней молодости Александръ слышалъ различные толки о Польскомъ вопросѣ, о раздѣлахъ Польши. Съ одной стороны, русскіе люди выставляли свое право и свой интересъ, противъ которыхъ возражать было нельзя; съ другой стороны, съ запада слышались громкіе вопли противъ распоряженій трехъ державъ относительно Польши, и этимъ воплямъ подлѣ Александра вторилъ не одинъ Чарторыйскій: были и русскіе, которые, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, относились неодобрительно къ политикѣ Екатерины относительно Польши, — вспомнимъ Воронцовыхъ, имѣвшихъ большое вліяніе. Александръ, поставленный между двухъ сторонъ, по своему основному стремленію, естественно долженъ былъ придти къ мысли примирить эти стороны, согласить интересы возстановленіемъ Польши и вмѣстѣ соединеніемъ ея съ Россіею подъ однимъ скипетромъ. А между тѣмъ борьба, поднятая Наполеономъ и взволновавшая всю Европу, вызывала мысль о Польшѣ и въ другихъ сферахъ, потому что пошла страшная ломка, передѣлка карты, создавались новыя государства, измѣнялись границы старыхъ; на Польшу не могли не обратить при этомъ вниманія; о новыхъ отношеніяхъ къ ней толковали и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ: каждое государство хотѣло воспользоваться ею для своихъ цѣлей, поднимать ее противъ враговъ, вымѣнивать ея области на другія, болѣе подходящія и т. п. Но понятно, что рѣшеніе вопроса зависѣло отъ двухъ сильнѣйшихъ государствъ, располагавшихъ судьбою Европы,—Россіи и Франціи; для нихъ Польша стала мѣстомъ и причиною борьбы на-животъ и на-смерть. Наполеонъ уже началъ дѣло возстановленія Польши въ своихъ интересахъ; не допустить дальнѣйшаго хода этого дѣла было жизненнымъ вопросомъ для Россіи. Демонически искусительно было предложеніе Наполеона Александру въ Тильзитѣ — взять себѣ Польшу и отдать Пруссію на жертву Наполеону. «Единственная собственность государей» — честь — заставила Александра отвергнуть предложеніе; но Польскій вопросъ, вмѣстѣ съ Восточнымъ, уже ставилъ обоихъ союзниковъ въ положеніе борцовъ, не спускающихъ глазъ другъ съ друга, слѣдящихъ взаимно за малѣйшимъ движеніемъ. Во время Австрійской войны 1809 года, столкновеніе послѣдовало при общемъ дѣйствіи, именно въ Галиціи, куда вступило русское войско подъ начальствомъ князя Голицына (Сергѣя Ѳедоров.), а съ другой стороны—вступило польское войско Варшавскаго герцогства, подъ начальствомъ кн. Понятовскаго, который сталъ величать себя «главнокомандующимъ польской арміи». Поляки хотѣли распоряжаться въ польскихъ областяхъ Австріи, какъ уже въ принадлежащихъ имѣющему немедленно возстановиться Польскому королевству, и занимали ихъ именемъ Наполеона, тогда какъ императоръ Александръ имѣлъ въ-виду одно:—чтобъ созданіе Наполеона, Варшавское герцогство, никакъ не усиливалось пріобрѣтеніемъ польскихъ областей Австріи; чтобъ возстановленіе Польши въ интересахъ Наполеона не вступило такимъ образомъ на вторую стадію, ибо на третьей Варшавское герцогство принимало титулъ королевства Польскаго съ претензіями на русскія земли, принадлежавшія Польшѣ до раздѣловъ. Претензіи уже обнаружились немедленно: по знаку, данному Наполеономъ, типографскіе станки Варшавскаго герцогства должны были работать неутомимо, печатая воззванія ко всѣмъ полякамъ—вооружаться для возстановленія отчизны, разорванной преступною стачкою трехъ державъ; поведеніе Россіи въ настоящей войнѣ выставлялось въ самомъ черномъ видѣ, какъ враждебное польскимъ интересамъ, и, разумѣется, прославлялся великій человѣкъ, посвятившій свой геній и силы для отмщенія за Польшу. Зажигательные листы проникли въ Литву, на Волынь, гдѣ польскій слой народонаселенія волновался. Въ Петербургѣ знали, что все это происходитъ по приказанію, или, по крайней мѣрѣ, съ согласія Наполеона. Императоръ Александръ говорилъ Коленкуру: «Я не претендую, чтобъ князь Понятовскій занималъ что-либо въ Австріи моимъ именемъ; но точно также я не могу согласиться, чтобъ именемъ императора Наполеона занимали земли, завоеванныя моимъ оружіемъ. Какое намѣреніе Франціи? Что, она хочетъ удержать Галицію за собою? Но я никогда не соглашусь, чтобъ на моей границѣ была французская провинція. Ни народъ мой, ни потомство мнѣ этого никогда бы не простили. Сколько пожертвованій принесено мною французскому союзу: война съ Англіею причинила страшный вредъ русской торговлѣ; война съ Австріею стоитъ огромныхъ издержекъ. Послѣ такихъ пожертвованій я имѣю полное право удивляться тому, что происходитъ въ Польшѣ: Варшава пылаетъ бѣшеною ненавистію къ русскимъ,—только о томъ и рѣчей, чтобъ возбудить возстаніе въ Литвѣ, и неужели это согласно съ союзомъ между Россіею и Франціею?» Графъ Румянцевъ говорилъ Коленкуру еще сильнѣе: «Вы спокойно смотрите, какъ разгараются политическія страсти во всѣхъ городахъ Варшавскаго герцогства; вы позволяете дѣлать воззванія къ жителямъ прежней Польши; я

вамъ объявляю, г. посолъ: мы пожертвуемъ последнимъ человѣкомъ, мы продадимъ послѣднія наши рубашки, а не согласимся на возстановленіе Польши».

Послѣ заключенія перемирія съ Австріею, Наполеонъ написалъ Александру письмо, въ которомъ предлагалъ отправить русскаго уполномоченнаго для веденія сообща переговоровъ, или, быть можетъ, Александръ согласится быть включеннымъ въ договоръ въ качествѣ союзника Франціи. Александръ отказался отправить уполномоченнаго: такія дѣла онъ любилъ вести самъ; и дѣйствительно, трудно было выбрать человѣка, на котораго можно было бы возложить отвѣтственность за веденіе дѣла при такихъ натянутыхъ обстоятельствахъ. «Я»,—сказалъ онъ Коленкуру,—«вручаю интересы моей имперіи союзнику моему императору Наполеону и совершенно полагаюсь на его рѣшенія. Императоръ Наполеонъ держитъ теперь въ своихъ рукахъ судьбу Австріи: мое личное желаніе, чтобъ Франція ограничила военныя силы этого государства, а не раздробляла его; впрочемъ, я ограничиваюсь здѣсь только выраженіемъ моего желанія. Я выскажусь прямо относительно одного вопроса, въ которомъ ничто не можетъ меня поколебать: я буду противъ всякой мѣры, которая поведетъ къ возстановленію Польши. Я не могу пожертвовать своей привязанности къ императору Наполеону интересомъ и безопасностію своей имперіи. Пусть императоръ дастъ мнѣ по этому дѣлу удовлетворительный отвѣтъ, и онъ можетъ на меня положиться. Онъ говоритъ, что міръ великъ, можно уладиться: императоръ Наполеонъ ошибается, если дѣло идетъ о возстановленіи Польши: въ этомъ случаѣ міръ не такъ великъ, чтобъ мы могли уладиться, ибо я ничего не хочу для себя». Наполеонъ велѣлъ Коленкуру объяснить императору Александру, что Галицію нельзя возвратить Австріи: жители Галиціи подняли оружіе противъ Австріи, которая имъ будетъ мстить за это. Но Александръ отвѣчалъ: «Если вы хотите отнять всю Галицію у Австріи, то отдайте ее одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, который бы не былъ подъ вашимъ вліяніемъ. Хотите раздѣлить ее между мною и герцогствомъ Варшавскимъ,—въ такомъ случаѣ герцогство должно получить малую долю, а я—бо́льшую, ибо я не могу и не хочу согласиться ни на что, что бы могло дать надежду породить даже идею о возстановленіи Польши. Россія дѣйствовала сообща съ вами, она имѣетъ право разсчитывать на общія выгоды съ вами. Затянемъ союзъ противъ Англіи и заботливо удалимъ все, что можетъ насъ разъединить, не дѣлая ничего, что бы могло вести къ возстановленію Польши. На этомъ держится миръ морской и миръ континентальный». Румянцевъ распространялъ мысли государя: «Какъ вы хотите имѣть союзниковъ»,—говорилъ онъ Коленкуру,—«внушая имъ страхъ за собственную безопасность въ то время, какъ они бьются за васъ? Я не вижу ничего, что могло бы нарушитъ великій союзъ, соединяющій насъ противъ Англіи, если императоръ Наполеонъ не имѣетъ намѣренія возстановить Польшу. Если герцогство Варшавское получитъ небольшое приращеніе, Россія также удовольствуется малымъ; но если вы возьмете значительную часть Галиціи, то мой государь требуетъ двухъ третей этой страны и только одну треть уступаетъ герцогству».

Требованія были высказаны какъ нельзя яснѣе: миръ морской и миръ континентальный зависѣли теперь оттого, какъ Наполеонъ распорядится польскими владѣніями Австріи: двѣ трети Россіи и треть Варшавскому герцогству. Наполеонъ распорядился совершенно наоборотъ: Россіи—восточную Галицію съ 400,000 жителей; герцогству Варшавскому—западную Галицію и округи Кракова и Замосця съ 1.500,000 жителей. Что заставило его это сдѣлать? Во-первыхъ, Польскій вопросъ нужно было значительно двинуть; онъ не хотѣлъ возстановлять Польши окончательно, но и не хотѣлъ тушить надежду поляковъ: надобно было, чтобъ результатъ сколько-нибудь соотвѣтствовалъ тому возбужденію, какое онъ самъ произвелъ въ жителяхъ герцогства и въ полякахъ Галиціи; послѣ такого возбужденія отдать Галицію Австріи или Россіи было дѣйствительно для него трудно. Во-вторыхъ, онъ уже не хотѣлъ болѣе церемониться съ Россіею, и хотѣлъ отмстить ея государю за нарушеніе, въ его глазахъ, союза, за неусердную помощь въ войнѣ; теперь онъ уже ненавидѣлъ Александра, ибо считалъ себя обманутымъ; теперь онъ уже не могъ положиться ни въ чемъ на тильзитскаго союзника, который явился для него не добродушнымъ, мягкимъ, довѣрчивымъ человѣкомъ, но грекомъ Византійской имперіи, котораго надобно остерегаться, а не считать покорнымъ орудіемъ; мысль, что онъ самъ могъ служить орудіемъ для человѣка, котораго считалъ своимъ орудіемъ, была невыносима для Наполеона. Наконецъ, раздражалъ тонъ Александра, рѣшительность и ясность требованій, угроза важными послѣдствіями неисполненія этихъ требованій. Легко понять чувство Александра, когда онъ узналъ, какъ союзникъ распорядился Галиціею. Страшное оскорбленіе увеличивалось еще необходимостію принять долю, назначенную Наполеономъ, иначе самъ Александръ способствовалъ бы усиленію герцогства Варшавскаго; онъ долженъ былъ взять восточную Галицію по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ взялъ Бѣлостокскую область.

И, несмотря на то, сдѣлана была еще попытка уладить польское дѣло между Россіею и Франціею. «Надобно»,—говорилъ Наполеонъ Куракину,—«вконецъ искоренить въ вашихъ областяхъ польскую горячку. Что касается меня, то я никогда не имѣлъ видовъ на Польшу и никогда не буду имѣть ихъ; я желаю только вашего спокойствія. Что я сдѣлалъ для герцогства Варшавскаго,

то я долженъ былъ сдѣлать, чтобъ дать ему существованіе, чтобъ его укрѣпить. Надобно запретить вашимъ польскимъ подданнымъ служить и оставаться въ Варшавскомъ герцогствѣ; надобно въ этомъ отношеніи установить общія правила для всѣхъ собственниковъ и строго наблюдать за ихъ исполненіемъ».—Въ письмѣ Шампаньи къ графу Румянцеву говорилось, что Наполеонъ готовъ согласиться, чтобъ слова: «Польша», «поляки» исчезли не только изъ актовъ, но даже изъ исторіи. Вслѣдствіе этихъ заявленій, Россія предложила Наполеону конвенцію для опредѣленія будущей судьбы герцогства Варшавскаго. Наполеонъ согласился. Коленкуръ получилъ полномочіе, и конвенція была заключена 23 декабря 1809 года (4 января 1810); она была основана на заявленіяхъ Наполеона и заключала въ себѣ статьи: Польское королевство не будетъ никогда возстановлено; слова: «Польша, поляки»—не будутъ употребляться въ публичныхъ актахъ; великое герцогство Варшавское не будетъ болѣе распространяться насчетъ прежде бывшихъ польскихъ областей. Наполеонъ отвергъ соглашеніе, объявивъ, что Коленкуръ превысилъ полномочіе. Наполеонъ указывалъ на невозможность утвердить первую статью, что Польша не будетъ никогда возстановлена. Наполеонъ предлагалъ перемѣнить ее такъ, что Франція обязывается не содѣйствовать ни прямо, ни косвенно возстановленію Польши. «Я не могу»,—говорилъ Наполеонъ,—«предварить рѣшеній Провидѣнія и не хочу воевать съ другими государствами, которымъ придетъ фантазія возстановлять Польшу». Такая увертка, такое слишкомъ несерьезное толкованіе въ дѣлѣ столь важномъ показывали всю неискренность Наполеона. Для всякаго было понятно, какъ кто-нибудь другой могъ возстановить Польшу безъ согласія Наполеона, и какъ онъ не будетъ воевать въ такомъ случаѣ. Отъ Наполеона требовали прямо, чтобъ обязательствомъ: «Польша никогда не будетъ возстановлена»—онъ уничтожилъ надежды и волненія поляковъ. Онъ выдалъ свою мысль, требуя, чтобъ соглашеніе оставалось тайнымъ, тогда какъ Россія требовала напротивъ, чтобъ оно было публично. Это дѣло о конвенціи насчетъ Польши, бывшее основною причиною уничтоженія тильзитскаго союза, основною причиною окончательной борьбы между Россіею и Франціею, объясняется слѣдующимъ: когда со стороны Наполеона послѣдовали заявленія, что онъ никогда не намѣренъ возстановлять Польшу и готовъ изгладить ея имя даже изъ исторіи, онъ разводился съ своею женою, Жозефиною Богарне, и предлагалъ свою руку сестрѣ императора Александра, великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. 6-го февраля (н. с.) Наполеонъ получилъ отъ Коленкура извѣстіе о нерѣшительномъ отвѣтѣ или, лучше сказать, объ учтивомъ отказѣ со стороны императора Александра, и въ тотъ же самый день онъ велѣлъ дать знать Русскому Двору о своемъ отказѣ утвердить соглашеніе о Польшѣ.

Какое значеніе имѣлъ этотъ отказъ для будущихъ отношеній между Россіею и Франціею—было видно изъ словъ Александра Коленкуру: «Моя умѣренность и справедливость моего дѣла извѣстны; не я нарушу покой Европы; я не нападу ни на кого; но если на меня нападутъ, то я буду защищаться». Эти слова не были слѣдствіемъ сильнаго волненія, безпокойства, страха: они были слѣдствіемъ спокойнаго обсужденія своего положенія и знанія, съ кѣмъ имѣлось дѣло. Конвенція служила пробою: если бы Наполеонъ согласился утвердить конвенцію и публиковать ее, то можно было успокоиться, по крайней мѣрѣ, на значительное время и заняться внутренними дѣлами. Если же онъ отказывался; если, не довольствуясь западомъ Европы, хотѣлъ обнаруживать могущественное вліяніе и на востокѣ ея, употреблять Россію какъ орудіе для своихъ цѣлей, держать ее въ тискахъ, подъ ножемъ, постоянно готовымъ опуститься,—то рушилось равенство между двумя имперіями, рушилось, слѣдовательно, основаніе, на которомъ было создано тильзитское соглашеніе; Россія не могла признать уничтоженія этого равенства, и надобно было вступать въ борьбу. Александръ предписалъ Куракину не соглашаться ни на какое измѣненіе конвенціи о Польшѣ и объявить Наполеону, что отказъ утвердить соглашеніе онъ, Александръ, считаетъ доказательствомъ рѣшенія со стороны императора французовъ когда-нибудь возстановить Польшу. Эти рѣшительныя требованія, этотъ языкъ вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли—поддержать равенство; но могъ ли выносить это равенство Наполеонъ, могъ ли на него согласиться? «Что значитъ этотъ языкъ? Россія хочетъ войны!» говорилъ Наполеонъ.—«Я первый не нападу; но если на меня нападутъ, то буду защищаться», говорилъ Александръ. Роковое слово: «война»—было произнесено и во Франціи, и въ Россіи. И здѣсь и тамъ начались приготовленія. 10-го іюля 1810 года (н. с.) Наполеонъ потребовалъ отъ своего военнаго министра извѣстія: получено ли въ Варшавѣ оружіе, которое онъ туда послалъ; сколько вообще оружія находится въ герцогствѣ,—тамъ должно быть много его, чтобъ народонаселеніе въ нужномъ случаѣ могло быть вооружено. 2-го августа потребовалъ онъ отъ Коленкура точныхъ свѣдѣній о русскомъ войскѣ, которыя должны доставляться ежемѣсячно шифрованныя. Черезъ два дня, приказъ военному министру усилить гарнизоны прусскихъ крѣпостей; король Саксонскій, герцогъ Варшавскій, долженъ укрѣпить Модлинъ; саксонцамъ должно быть отправлено оружіе; французская армія въ Германіи должна быть доведена до 200,000 человѣкъ и т. д. Россію должно предупредить: нельзя позволить ей захватить Польшу и ввести свое войско въ Пруссію, гдѣ народонаселеніе питаетъ страшную ненависть къ французамъ, гдѣ все поднимется, получивъ опору въ русскомъ войскѣ,—война будетъ тогда трудная. Чтобъ съ успѣхомъ

кончить дѣло, сломить послѣднее государство, которое хочетъ быть независимо, держать себя въ равенствѣ, выставлять свои интересы и тѣмъ препятствовать интересамъ Франціи,—чтобъ сломить это государство, послѣднюю надежду порабощенныхъ народовъ, надобно сдѣлать громадныя приготовленія, ибо ударъ долженъ быть нанесенъ рѣшительный: надобно навсегда освободиться отъ этой послѣдней помѣхи на континентѣ и вмѣстѣ нанести рѣшительный ударъ и Англіи; громадныя приготовленія требуютъ времени,—годъ, можетъ быть, два—и потому не надобно явно ссориться до тѣхъ поръ, пока будетъ все готово. Болѣе двухъ лѣтъ, вооружаясь постоянно, оскорбляя Россію своими распоряженіями, Наполеонъ закидывалъ русскихъ посланниковъ пестрыми рѣчами, переплетая откровенныя выходки съ явнымъ притворствомъ и ложью, выставляя свою правоту, обвиняя императора Александра и, въ то же время, заявляя о своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему. Какъ образчикъ этихъ рѣчей, приведемъ разговоръ Наполеона съ княземъ Куракинымъ (Алексѣемъ) 7-го августа 1810 года: «Мое вниманіе обращено исключительно на Англію, Голландію, Испанію, Италію; поэтому нѣтъ ничего, что бы могло вести къ недоразумѣніямъ между нами, кромѣ польскихъ дѣлъ. Они могутъ возбуждать въ васъ недовѣріе; но вѣдь сами же вы виноваты въ событіяхъ, которыя повели къ этому! Такъ какъ въ послѣднюю Австрійскую войну вы не двинулись въ самомъ началѣ и не заняли тотчасъ Галиціи, то дали время полякамъ овладѣть ею и отняли у себя средство имѣть ее теперь, ибо, разъ занятая вашими войсками, она должна была бы остаться за вами. При Вѣнскомъ мирѣ мнѣ было нельзя уступить ее вамъ; не могъ я также и возвратить ее прежнему государю: я не могъ принести въ жертву страну, которая оказала мнѣ преданность. Я не хочу возстановленія Польши,—кажется, я это доказалъ, потому что я могъ это сдѣлать и въ Тильзитѣ, и послѣ Вѣнскаго мира. Еслибъ я имѣлъ это въ виду, то я бы далъ герцогство Варшавское не Саксонскому королю,—человѣку слабому, апатичному, который никогда не двинется. По винѣ вашего Кабинета, вы получили въ послѣдній разъ такъ мало. Вы всегда прежде, чѣмъ начать дѣйствовать, заглядываете въ послѣдствія событій; но въ нашъ вѣкъ событія идутъ одно за другимъ съ такою быстротою, что, упустивши разъ благопріятную минуту, послѣ уже ея не поймаешь. Правота моего поведенія должна вамъ доказать искренность моихъ намѣреній. Государи, поставленные въ челѣ великихъ имперій, не должны дѣйствовать иначе; интриги приличны только королю Прусскому и мелкимъ князьямъ германскимъ, которые не умѣютъ и не могутъ вести себя иначе. Если я буду принужденъ воевать съ вами, то совершенно противъ моей воли: вести 400,000 войска на сѣверъ, проливать кровь безъ всякой цѣли, не имѣя въ виду никакой выгоды! Что вы получили отъ своей войны въ Италіи? Погибло множество народа единственно, чтобъ доставить славу Суворову. Я не пойду, какъ императоръ Павелъ, чтобъ схватиться за Мальтійскіе орденъ и сдѣлаться его гроссмейстеромъ. Хочу, чтобъ меня поняли и не тревожились словоизверженіемъ праздныхъ людей и газетчиковъ. Я велѣлъ сказать Портѣ, чтобъ не думала о возвращеніи Молдавіи и Валахіи. Я долженъ желать, чтобъ эти княжества вамъ принадлежали, во-первыхъ, потому, что они укрѣпляютъ вашу границу на лѣвомъ берегу Дуная, границу—естественную, которую вы должны непремѣнно имѣть; потомъ—это пріобрѣтеніе составляетъ предметъ сильнаго желанія императора Александра; а наконецъ,—нечего скрывать,—это пріобрѣтеніе сдѣлаетъ васъ навсегда врагами Австріи; скажу вамъ, что она боится васъ столько же, какъ и меня».

«Хочу, чтобъ меня поняли», говорилъ Наполеонъ. Какъ понималъ его императоръ Александръ,—видно изъ разговора его съ княземъ Чарторыйскимъ въ концѣ 1809 года, до разрыва, по поводу конвенціи о Польшѣ. Когда Чарторыйскій замѣтилъ, какъ Наполеонъ успѣлъ увѣрить поляковъ въ своемъ доброжелательствѣ къ нимъ, императоръ прервалъ его: «Э! что вы мнѣ говорите! Это еще ничего; я знаю навѣрное, что въ то самое время, когда въ законодательномъ корпусѣ читалось изложеніе состоянія имперіи, гдѣ говорилось, что императоръ никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши, Наполеонъ увѣрялъ поляковъ въ противномъ, старался оживить ихъ надежды всевозможными объясненіями и обѣщаніями». Когда Чарторыйскій упомянулъ, что ходятъ слухи о болѣзни Наполеона, о возможности сумасшествія, императоръ сказалъ: «Никогда Наполеонъ не сойдетъ съ ума. Среди самыхъ сильныхъ волненій у него голова всегда спокойна и холодна. Страстныя выходки его—большею частью обдуманы. Онъ ничего не дѣлаетъ, не разсчитавши заранѣе. Самыя насильственныя и отважныя его дѣйствія хладнокровно разсчитаны. Его любимая поговорка, что во всякомъ дѣлѣ надобно сначала найти методу; что всякая трудность преодолѣвается, если найдена настоящая метода, какъ поступать. У Наполеона всѣ средства хороши, лишь бы вели къ цѣли».

Составивъ себѣ такое понятіе о характерѣ своего противника, Александръ готовился къ войнѣ и, разумѣется, ничто уже не могло его болѣе удивить въ поступкахъ, въ новыхъ захватахъ Наполеона. Съ своей стороны, онъ поставилъ себѣ правиломъ: не подавать повода къ разрыву, не быть зачинщикомъ открытой борьбы, но вести себя такъ, чтобъ сохранить полное равенство въ отношеніяхъ къ западному императору, не позволяя ему требовать больше того, что Россія должна была исполнить по точному смыслу договоровъ, и протестуя, когда Наполеонъ позволялъ себѣ нарушеніе договоровъ. По Тильзитскому договору, Россія разорвала съ Англіею и, по тому самому, примкнула къ конти-

нентальной системѣ, не допускала англійскихъ кораблей въ свои гавани; но въ договорѣ не было условія, что русскія гавани должны быть заперты и для нейтральныхъ судовъ,—и нейтральные корабли допускались. Наполеону давали знать, что на этихъ нейтральныхъ корабляхъ, именно американскихъ, провозятся въ Россію англійскіе товары; мало того, — что даже англійскіе купцы пробираются въ Россію подъ нейтральнымъ флагомъ. Наполеонъ страшно раздражался, требовалъ прекращенія этого явленія, какъ наносившаго сильный вредъ континентальной системѣ; ему отвѣчали, что въ договорѣ нѣтъ ничего о торговлѣ нейтральныхъ. Русское правительство издало тарифъ, облагавшій высокою пошлиною произведенія французской промышленности. Наполеонъ взбѣшенъ: осмѣливаются прямо дѣйствовать противъ интересовъ Франціи! Ему спокойно отвѣчаютъ, что это внутреннее распоряженіе, въ которое иностранное государство не имѣетъ права вмѣшиваться. Для проведенія той же континентальной системы, чтобъ обезпечить исключеніе англійскихъ товаровъ на берегахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, Наполеонъ захватилъ ганзейскіе города и вмѣстѣ владѣнія герцога Ольденбургскаго, родственника императора Александра. Среди гробового молчанія, произведеннаго французскимъ игомъ во всей Европѣ, раздался, какъ по смерти герцога Ангьенскаго, одинъ протестующій голосъ Россіи, и легко понять, какое впечатлѣніе производилъ онъ среди всеобщаго молчанія: все живое, питавшее ненависть къ чужому игу, обращалось туда, откуда раздавался этотъ голосъ, говорившій, что есть страна—непорабощенная. Наполеонъ опять былъ взбѣшенъ: «Зачѣмъ»,—говорилъ онъ, — «императоръ Александръ протестовалъ? зачѣмъ не вошелъ въ соглашеніе? Герцогъ Ольденбургскій получилъ бы вознагражденіе». Наполеонъ не понималъ или не хотѣлъ понять, что протестъ произошелъ вслѣдствіе нарушенія равенства въ отношеніяхъ между двумя имперіями; что соглашеніе должно было предшествовать факту, а не слѣдовать за нимъ.

Война готовилась. Вооруженіямъ со стороны Франціи соотвѣтствовали вооруженія Россіи. Но императору Александру предстоялъ для рѣшенія труднѣйшій вопросъ: встрѣтить ли непріятеля на чужой землѣ, или ждать его на своей. Опытъ всей борьбы съ Наполеономъ приводилъ необходимо къ заключенію, что единственное средство побороть его заключалось въ томъ, чтобъ избѣгать рѣшительныхъ битвъ, отступать, завлекать внутрь страны, отнимать средства продовольствія; въ его выгодѣ постоянно было: покончить дѣло какъ можно скорѣе; слѣдовательно въ выгодѣ противника было—истомить его медленностью. Послѣ Аустерлица толковали, зачѣмъ было вступать въ сраженіе, надобно было отступать въ глубь Венгріи. Но эти толки не помогли: пруссаки выдвинулись—и были разгромлены. Рѣшеніе старика Каменскаго—отступить, за что онъ былъ объявленъ сумасшедшимъ, было проблескомъ новой, необходимой системы въ борьбѣ; странный на первый взглядъ образъ веденія войны Беннигсена является для историка необходимымъ звеномъ въ цѣпи явленій борьбы, попыткою, неудавшеюся вслѣдствіе указанныхъ выше самыхъ неблагопріятныхъ условій. Теперь, при отстраненіи этихъ условій, для новой системы, естественно, наступалъ чередъ, тѣмъ болѣе что послѣдняя Австрійская война 1809 года нанесла окончательный ударъ старой системѣ, а война въ Испаніи давала подкрѣпленіе новой, для которой Россія представляла самыя благопріятныя условія. Конечно, эта система была бы принята съ перваго же раза, еслибъ императоръ Александръ не останавливался важнымъ обстоятельствомъ. Естественно было ожидать, что Наполеонъ начнетъ свои враждебныя дѣйствія противъ Россіи провозглашеніемъ возстановленія Польши, что должно было отразиться въ западныхъ русскихъ областяхъ среди тамошняго ополяченнаго шляхетскаго слоя и произвести большія затрудненія для Россіи. Предупредить Наполеона, возстановить Польшу подъ скипетромъ Русскаго государя и встрѣтить французскія войска въ областяхъ такъ-называемаго Варшавскаго герцогства, опираясь на поляковъ, а не имѣя ихъ противъ себя, — было мѣрою, на которой трудно было не остановиться. Совѣты возстановить Польшу продолжали подаваться императору. Князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, начальствовавшій русскимъ вспомогательнымъ отрядомъ въ войнѣ 1809 года, писалъ государю, выставляя усердіе галицкаго народонаселенія къ Россіи, что было бы полезно возстановить Польское королевство подъ скипетромъ Русскаго государя. Полковникъ Чернышевъ, отправленный съ письмомъ Александра къ Наполеону, писалъ изъ Парижа въ самомъ началѣ 1811 года: «Наполеонъ только притворяется миролюбивымъ; его честолюбію и захватамъ нѣтъ предѣловъ; во Франціи всеобщее неудовольствіе вслѣдствіе несчастной войны Испанской, прекращенія торговли, банкротствъ, деспотизма. Нужно поскорѣе заключить миръ съ Турціею, снестись съ Австріею и Швеціею: первой обѣщать часть Валахіи и Сербіи, второй — Норвегію; взойти внезапно въ герцогство Варшавское, императору провозгласить себя королемъ Польскимъ. Участь поляковъ (Варшавскаго герцогства) печальна отъ налоговъ и лишеній всякаго рода; они все это сносятъ въ надеждѣ сдѣлаться націею, и если императоръ Александръ осуществитъ эту надежду, то поляки предпочтутъ Русскаго императора Французскому».

Все это прекрасно; но главное дѣло именно и состояло въ томъ, чтобъ увѣриться, можно ли положиться на поляковъ при возстановленіи королевства, при вступленіи русскаго войска въ герцогство Варшавское. Императоръ велѣлъ отвѣчать кн. Голицыну, чтобъ онъ прежде всего удостовѣрился вполнѣ: магнаты варшавскіе и галицкіе имѣютъ ли прямое и твердое желаніе поступить подъ скипетръ императора. Понятно, что кн. Голицынъ не имѣлъ

возможности въ этомъ удостовѣриться. Гораздо больше средствъ для этого имѣлъ кн. Чарторыйскій, и Александръ, въ самомъ концѣ 1810 года, обратился къ нему съ вопросами: есть ли у него достаточно вѣрныя данныя насчетъ расположенія умовъ жителей Варшавскаго герцогства; имѣетъ ли онъ основанія думать, что варшавцы съ жадностію схватятся за *увѣренность* въ возстановленіи ихъ отечества, изъ какого государства ни явилась бы эта увѣренность, или онъ предполагаетъ существованіе партій, которое воспрепятствуетъ единству рѣшенія. «Если»,—писалъ императоръ,—«вашъ отвѣтъ поселитъ во мнѣ надежду на единомысліе варшавцевъ, особенно арміи, относительно возстановленія Польши, откуда бы оно ни пришло, въ такомъ случаѣ успѣхъ несомнѣненъ съ помощію Божіею, ибо онъ основанъ не на надеждѣ выставить противъ Наполеона равный военный талантъ, но единственно на недостаткѣ силъ у него, къ чему присоединяется общее ожесточеніе всей Германіи». Отвѣтъ Чарторыйскаго не могъ поселить никакой надежды: Наполеонъ внушилъ полякамъ убѣжденіе, что, какъ скоро послѣдуетъ разрывъ между Россіею и Франціею, Польша будетъ возстановлена; сюда присоединяется чувство благодарности за то, что Наполеонъ уже сдѣлалъ для нихъ, братство по оружію между французами и поляками, идея, что французы—друзья, а русскіе—враги; конечно, если съ русской стороны будутъ предложены уже очень большія выгоды, то поляки могутъ и согласиться. Взаключеніе Чарторыйскій просилъ совершеннаго увольненія изъ русской службы, а это всего лучше показывало, что поляки ожидаютъ всего съ запада, и потому надобно было спѣшить отдѣлаться отъ востока. Несмотря на то, императоръ Александръ счелъ нужнымъ продолжать переписку съ Чарторыйскимъ: въ своихъ письмахъ онъ давалъ знать вліятельному польскому магнату, что въ предстоящей борьбѣ нельзя считать русскаго дѣла проиграннымъ; что со стороны поляковъ, слѣдовательно, надобно вести себя осторожно, имѣя въ виду возстановленіе Польши посредствомъ Русскаго государя. Александръ съ полною откровенностію описываетъ свое положеніе, свои намѣренія и средства; средства эти, матеріальныя и нравственныя, велики, на успѣхъ разсчитывать можно. «Пока я не буду имѣть увѣренности въ содѣйствіи поляковъ, я рѣшился не начинать войны. Если это содѣйствіе должно осуществиться, то надобно, чтобъ я имѣлъ тому доказательства *несомнѣнныя*. Разрывъ съ Франціею кажется неизбѣжнымъ. Цѣль Наполеона — уничтожить или, по крайней мѣрѣ, унизить послѣднее самостоятельное государство въ Европѣ. Хотя и была бы возможность продвинуть наши силы до Вислы, даже перейти ее и вступить въ Варшаву, однако благоразумнѣе не основывать своихъ разсчетовъ на такихъ выгодныхъ возможностяхъ. Поэтому надобно создать центръ дѣйствій въ собственныхъ областяхъ. Русское войско имѣетъ за собою обширнѣйшее пространство земли для отступленія, причемъ Наполеонъ, удаляясь все болѣе и болѣе отъ своихъ средствъ, будетъ увеличивать свои затрудненія. Если война начнется, то у насъ рѣшено ее не прекращать [1]). Военныя средства приготовлены обширныя; общественный духъ превосходенъ, и существенно разнится отъ того, какой былъ во время первыхъ двухъ войнъ; нѣтъ болѣе хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ — оцѣниваютъ свою силу, думаютъ, что неудачи очень возможны, но, несмотря на то, принято твердое рѣшеніе поддерживать честь имперіи до послѣдней крайности. Какое впечатлѣніе произвело бы присоединеніе къ намъ поляковъ въ такихъ обстоятельствахъ! Масса нѣмцевъ, влекомыхъ силою, конечно, послѣдовала бы ихъ примѣру».

Рѣшеніе Польскаго вопроса опредѣляло способъ начатія войны; вслѣдствіе этого оно же опредѣляло и отношенія Россіи къ Турціи и Австріи. Если бы Чарторыйскій далъ увѣренность, что въ Варшавскомъ герцогствѣ можно получить опору въ предстоящей войнѣ, то Александръ пошелъ бы туда навстрѣчу къ Наполеону, причемъ, разумѣется, нуждался въ поддержкѣ со стороны Пруссіи и Австріи. Для пріобрѣтенія согласія послѣдней на возстановленіе Польши подъ скипетромъ Русскаго государя, Александръ готовъ былъ уступить Австріи Молдавію и Валахію. Но когда Чарторыйскій далъ отвѣтъ неудовлетворительный и когда рѣшено было принять врага на русской почвѣ, то Александръ отнесся гораздо равнодушнѣе къ вопросу, на чьей сторонѣ будутъ Австрія и Пруссія. Еслибъ послѣдняя объявила себя на сторонѣ Россіи, то, конечно, послѣдняя должна была бы, для ея защиты, двинуть свои войска въ ея области, здѣсь встрѣтить Наполеона, и тогда могли бы повториться всѣ невыгоды войны 1807 года. Приближеніе «великой катастрофы» ужасало Прусскаго короля. «Мое несчастное положеніе вамъ извѣстно»,—писалъ онъ Александру, въ концѣ марта 1811 года.—«Взглядъ на карту, на расположеніе французскихъ войскъ, военныя дороги и сообщенія покажетъ, въ какомъ безпримѣрномъ положеніи нахожусь я, съ какою осторожностію долженъ дѣйствовать, чтобъ не подвергнуть мое государство гибели. Безъ благопріятной перемѣны дѣлъ я могу найтись въ необходимости пойти такою дорогою, которая наиболѣе противна моимъ желаніямъ и правиламъ. Война между Франціею и Россіею будетъ всегда для Пруссіи величайшимъ бѣдствіемъ». Для успѣха войны Фридрихъ-Вильгельмъ совѣтуетъ Александру войти въ связь съ Австріею, Швеціею, возстановить Польшу, давши ей свободный выборъ короля; Австрія недовольна Турецкою войною, видами Россіи на Молдавію и Валахію: король внушаетъ, что Австрію надобно успокоить въ этомъ отношеніи, иначе она можетъ перейти на сторону Напо-

[1]) Письмо 1-го апрѣля 1812 года. „On est résolu ici à ne plus poser les armes“.

леона. Въ этомъ письмѣ король уже внушаетъ, что онъ можетъ быть приневоленъ къ союзу съ Франціею. Ко большему отягченію положенія Фридриха-Вильгельма, взгляды главныхъ совѣтниковъ его расходятся. Шарнгорстъ стоитъ за союзъ съ Россіею; Гарденбергъ, принятый снова въ службу съ позволенія Наполеона, получившій мѣсто канцлера, предпочитаетъ союзъ съ Франціею. «По всей вѣроятности», — говоритъ Гарденбергъ, — «Пруссія погибнетъ, если, заключивъ теперь союзъ съ Россіею, вступитъ въ войну съ Франціею. Опасность французскаго союза менѣе грозна, позднѣе обнаружится и скорѣе можетъ быть избѣгнута». Рѣшено играть въ двойную игру: вести переговоры о союзѣ и съ Франціею и съ Россіею. Король опять пишетъ императору Александру: «Если Австрія и герцогство Варшавское будутъ съ вами, если ваши войска будутъ близко отъ моихъ границъ и въ состояніи меня защищать, то я не буду колебаться ни минуты и стану подлѣ васъ. Въ противномъ случаѣ, какъ я охраню существованіе моего государства, не войдя въ союзъ съ Франціею? Отъ Наполеона зависитъ уничтожить Пруссію, прежде чѣмъ в. в-ство будете въ состояніи придти ко мнѣ на помощь. Вотъ основаніе моего сердечнаго желанія, чтобъ войны при настоящихъ обстоятельствахъ не было». — «Вы ускорите войну своими переговорами съ Наполеономъ, ибо успокоите его насчетъ вашихъ намѣреній», — отвѣчалъ Александръ. — «Я войны не хочу. Мои военныя мѣры суть только мѣры предосторожности. Политическій интересъ Россіи требуетъ сохраненія Пруссіи. Движеніе Наполеона противъ Пруссіи будетъ сочтено въ Россіи объявленіемъ войны ей самой. Въ случаѣ войны, должно избѣгать большихъ сраженій; для отступательныхъ движеній надобно устроить длинныя операціонныя линіи, оканчивающіяся укрѣпленными лагерями. Эта система доставила Веллингтону побѣду въ Испаніи, и я рѣшился ей слѣдовать. Наполеонъ долженъ начинать войну; я, по крайней мѣрѣ, хочу имѣть утѣшеніе, что не буду зачинщикомъ. Движенію французскихъ войскъ черезъ Пруссію я воспрепятствовать не могу, но это движеніе не будетъ равнозначаще паденію монархіи, если будутъ существовать укрѣпленные лагери при Кольбергѣ и Пиллау. Занявши около себя французскія войска, они дадутъ возможность русскимъ двигаться впередъ; французы будутъ принуждены снять осаду, чтобъ идти противъ моихъ войскъ: тогда пруссаки станутъ дѣйствовать во флангъ и въ тылъ непріятеля».

Предложеніе союза съ прусской стороны не было принято Наполеономъ: приготовленія къ войнѣ не были еще окончены, союзъ съ Пруссіею могъ возбудить подозрѣніе въ Россіи, заставить ее принять наступательное движеніе. А между тѣмъ французскія войска все болѣе и болѣе усиливаются, обхватываютъ Пруссію со всѣхъ сторонъ. Всѣми овладѣваетъ мысль, что Наполеонъ не хочетъ имѣть Пруссію союзницею, хочетъ ее уничтожить, не довѣряя ей. Въ отчаяніи кидаются опять къ Россіи: отправляютъ въ Петербургъ для соглашеній Шарнгорста подъ величайшимъ секретомъ; начинаютъ вооружаться; но отъ Наполеона приходитъ грозное слово, чтобъ вооруженія были прекращены. Наполеонъ видѣлъ однако, что, притѣсняя такимъ образомъ Пруссію, онъ можетъ заставить ее перейти рѣшительно на сторону Россіи, и потому изъявилъ согласіе на переговоры между Франціею и Пруссіею о союзѣ. Когда начались эти переговоры, пріѣзжаетъ Шарнгорстъ изъ Петербурга съ заключенною тамъ военною конвенціею, которая состояла въ слѣдующемъ: «Не увеличивать и не сосредоточивать войскъ, чтобъ не внушать Франціи опасеній и не разрывать съ нею. Но если съ французской стороны послѣдуетъ движеніе войскъ съ явною цѣлію вторженія въ Пруссію или Россію, или значительное увеличеніе войскъ на Эльбѣ и Одерѣ, или занятіе одной изъ прусскихъ областей подъ какамъ бы то предлогомъ ни было, — то считать это за объявленіе войны. Въ такомъ случаѣ правое крыло русскаго войска, находящееся подъ начальствомъ князя Витгенштейна, идетъ на помощь Пруссіи, чтобъ вмѣстѣ съ прусскими войсками дѣйствовать на Вислѣ и въ герцогствѣ Варшавскомъ; кромѣ того, корпусъ русскихъ войскъ перейдетъ границу для прикрытія Кёнигсберга». И эта конвенція нисколько не успокоивала короля: его могло успокоить только немедленное прибытіе сильныхъ русскихъ войскъ въ Пруссію, предупреждавшее французовъ, ибо въ противномъ случаѣ каждая минута промедленія могла быть гибельна для Пруссіи. Было очевидно, что интересы двухъ государей и государствъ совершенно разрознивались въ эту страшную, рѣшительную минуту: весь предшествовавшій опытъ борьбы приводилъ Русскаго государя къ убѣжденію, что не должно быть зачинщикомъ войны, не должно выдвигать войско за границу, навстрѣчу Наполеону, — надобно дать ему вторгнуться въ Россію и затянуть его въ глубь этой океана-земли. Король Прусскій былъ того убѣжденія, что ему, обхваченному войсками Наполеона, находящемуся подъ занесеннымъ ножемъ, можно было вступить въ союзъ съ Россіею только тогда, когда послѣдняя станетъ зачинщицею войны, дастъ ему помощь прежде нападенія французовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ находился въ положеніи человѣка, который настигнутъ движеніемъ большой толпы: броситься въ сторону нельзя, онъ долженъ бѣжать вмѣстѣ съ толпою; если же остановится, то будетъ стоптанъ, уничтоженъ. Король писалъ Гарденбергу: «Только отчаяніе и полная невозможность получить отъ Наполеона сносныя условія союза могутъ насъ заставить перейти на сторону Россіи, которая, нехотя и только чтобъ удержать насъ при себѣ, отказалась (шарнгорстовой конвенціей) отъ перваго военнаго плана; сильной дѣятельности отъ русской арміи ждать нельзя: она при первой возможности возвратится къ этому первому плану».

Утопающему оставалась еще соломина: Шарнгорстъ отправился въ Вѣну: не будетъ ли оттуда помощи. Но услыхалъ отъ Меттерниха, что Австрія не приметъ сторону Франціи, останется нейтральною, и въ Берлинѣ могутъ быть убѣждены, что интересы Австріи и Пруссіи соединены неразрывно и безъ трактата. При этомъ Меттернихъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи сдѣлать выходку противъ Россіи: «Вызываетъ для себя оборонительную войну; для Пруссіи ничего не дѣлаетъ; противъ заключенія союза между Франціею и Пруссіею дѣйствуетъ только на бумагѣ вмѣсто того, чтобъ протестовать противъ него высылкою своего войска на Одеръ». Гарденбергу Меттернихъ писалъ: «Что тутъ будешь дѣлать, если держава, которая постоянно хочетъ имѣть все, кромѣ средствъ для достиженія цѣли—и цѣль эту постоянно перемѣняетъ,—если такая сильная держава, какъ Россія, изъ всѣхъ дорогъ избираетъ самую колеблющуюся и потому самую ложную». Прусскому повѣренному, барону Якоби, Меттернихъ говорилъ: «Ищите зло тамъ, гдѣ оно скрывается: въ безчисленномъ множествѣ ложныхъ шаговъ, ложныхъ надеждъ и ложныхъ разсчетовъ державы, которая, еслибъ не ея печальное ослѣпленіе, была бы призвана міръ спасти, и, вмѣсто того, дѣлаетъ сама себя орудіемъ его гибели». И соломина исчезла въ волнахъ. Пруссія заключила союзъ съ Франціею, который совершенно отдавалъ ее въ распоряженіе Наполеона въ войнѣ его съ Россіею. Наполеонъ отвергъ робкія требованія Пруссіи нѣкоторой самостоятельности, нѣкотораго облегченія послѣ войны; онъ не хотѣлъ ни насколько приподнять своей желѣзной руки отъ страны, которую ненавидѣлъ, потому что зналъ ненависть къ себѣ ея народа. Онъ говорилъ въ это время о Пруссіи: «Министръ (Гарденбергъ) благоразуменъ; король добрый человѣкъ; но народъ скверный, я его не люблю, въ немъ кроется злой умыселъ. Лучшій способъ обезпечить себѣ спокойствіе Пруссіи—держать ее въ невозможности сдѣлать какое-нибудь движеніе».

Трудно предположить, чтобъ союзъ Пруссіи съ Франціею произвелъ очень неблагопріятное впечатлѣніе на императора Александра. Этотъ союзъ развязывалъ ему руки, позволялъ вполнѣ слѣдовать военному плану, который, въ его убѣжденіи, одинъ только обѣщалъ успѣхъ. Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ императору въ мартѣ 1812 года: «Пожалѣйте обо мнѣ, а не обвиняйте меня. В. в-ство сами бывали въ такомъ положеніи, когда разсудокъ заставлялъ покоряться тяжкимъ обстоятельствамъ, когда вы принимали благоразумныя рѣшенія, стоившія дорого вашему великодушному сердцу (намекъ на Тильзитъ). Во всякомъ случаѣ, моя непоколебимая привязанность къ особѣ в. в-ства останется одинакою. Если начнется война, то мы не повредимъ другъ другу болѣе, чѣмъ сколько потребуютъ строгія правила войны, и не будемъ забывать, что мы друзья, и придетъ время, когда будемъ союзниками». Въ Петербургѣ не могли завидовать Наполеону, что онъ пріобрѣлъ такого союзника, и потому могли не очень безпокоиться насчетъ слѣдствій союза.

Болѣе непріятное впечатлѣніе произвела вѣсть о союзѣ Австріи съ Франціею, о вспоможеніи, которое первая обязалась доставить второй, на случай ея войны съ Россіею. Поступокъ Пруссіи оправдывался крайностію ея положенія; Австрія не находилась въ такой крайности, и могла остаться нейтральною, какъ и заявила Пруссіи. Могли удивляться поступку Австріи, еще не зная основаній политики человѣка, начавшаго заправлять внѣшними дѣлами Австріи. Кобенцль и Стадіонъ не сознавали слабости Австріи, слабости коренной, неисцѣлимой: они жили еще идеями XVIII вѣка; они не замѣчали новаго начала, ставшагося на очередь,—начала народности; они всецѣло были заняты борьбою съ Франціею, причемъ естественно признавали необходимость тѣснаго союза съ Россіею; ихъ безпокоили отношенія Россіи къ Турціи, но все же эти отношенія не стояли для нихъ на первомъ планѣ. Меттернихъ, надобно отдать ему честь, первый почуялъ восходъ новаго начала, начала народности, и, слѣдовательно, почуялъ полную несостоятельность Австріи въ отношеніи къ этому началу. Но сознаніе своей слабости, сознаніе, что только искуснымъ лавированіемъ, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, можно спастись, естественно возбуждало подозрительность и вражду ко всякой силѣ, особенно ближайшей, которая имѣла крѣпкія основы историческаго существованія и особенно могла выиграть при новомъ началѣ. И до Меттерниха знали въ Австріи, что она находится между двумя колоссами—Франціею и Россіею; но думали, что съ послѣднимъ Австріи можно жить и имѣть важное значеніе въ Европѣ; что гораздо опаснѣе Франція. Взглядъ Меттерниха былъ иной: онъ недаромъ пожилъ во Франціи, поговорилъ съ Талейраномъ; онъ видѣлъ, что у французскаго колосса глиняныя ноги; что онъ есть созданіе случайности, держится военнымъ геніемъ одного человѣка: не будетъ этого человѣка, или измѣнитъ ему побѣда,—и колоссъ рушится. Гораздо опаснѣе, слѣдовательно, Россія, потому что основанія силы ея постоянныя, тогда какъ ослабленіе можетъ быть только временное, случайное. Въ Австріи послѣ Іосифа II-го становилось все сильнѣе и сильнѣе убѣжденіе, что для нея выгодно не разрушеніе, а сохраненіе Турціи. Меттернихъ, видя главную опасность для Австріи со стороны Россіи; видя, что колоссальная держава волею-неволею стремится къ Балканскому полуострову, слилъ Восточный вопросъ съ Австрійскимъ, поставилъ существованіе Австрійской имперіи въ тѣсную связь съ существованіемъ Турецкой. Главная опасность для Австріи будетъ настоять тогда, когда Россія обхватитъ ее съ двухъ сторонъ,—со стороны Польши, соединивъ ее какъ бы то ни было съ собою, и со стороны славянъ Балканскаго полуострова: сербскія движенія для

сверженія турецкаго ига подъ защитою Россіи являлись уже для австрійскаго министра началомъ конца; а это упорство Россіи въ пріобрѣтеніи Дунайскихъ княжествъ, необходимыхъ ей для соединенія съ славянами Балканскаго полуострова? Если Россіи удастся обхватить Австрію Польшею и славянами Балканскаго полуострова, западнымъ и южнымъ славянствомъ, то гдѣ найдетъ Австрія защиту? Внутри самой себя?—но тамъ то же западное и южное славянство. Въ Германіи? — но тамъ Пруссія. Правда, Меттернихъ толкуетъ, что соперничество между Австріею и Пруссіею должно исчезнуть, ихъ интересы одинакіе, они должны стоять вмѣстѣ противъ Франціи и Россіи; еще прежде Меттерниха начали объ этомъ толковать и въ Австріи, и въ Пруссіи; но въ Пруссіи толкуютъ объ этомъ, пока она находится подъ ножемъ Наполеона:—оправится Пруссія отъ случайной бѣды, то при своей внутренней національной силѣ, при своемъ единеніи съ Германіею, при своемъ союзѣ съ Россіею, съ которой ей пока нечего дѣлить, легко заговоритъ другія рѣчи. Итакъ, главная опасность со стороны Россіи; каждое движеніе, каждое дѣло Австрія должна совершать, имѣя въ виду эту опасность. Для ея предотвращенія, надобно прежде всего сохранить цѣлость Турціи. За Польшею смотритъ Наполеонъ; но Молдавію и Валахію онъ уступилъ Россіи, и эта уступка будетъ имѣть силу, пока будетъ сохраняться согласіе между нимъ и Русскимъ государствомъ; слѣдовательно, нужно подорвать это согласіе, которое вообще гибельно для Австріи, ибо ставитъ ее въ тиски между двумя колоссами. Страшная опасность: согласіе можетъ еще болѣе скрѣпиться бракомъ Наполеона на сестрѣ Русскаго императора. Надобно помѣшать этому браку, и Австрія сама предлагаетъ въ невѣсты Наполеону эрцгерцогиню Марію-Луизу, дочь императора Франца. Наполеонъ обрадовался предложенію: его мучила мысль о возможности, вѣроятности отказа изъ Петербурга. Онъ повелъ сватовство на двухъ невѣстахъ, и, какъ только послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ изъ Петербурга, обручился на Маріи-Луизѣ: 6 февраля былъ полученъ отвѣтъ изъ Петербурга,—въ тотъ же день Наполеонъ объявилъ, что не утверждаетъ конвенціи о невозстановленіи Польши, а на другой день, 7 февраля, былъ подписанъ брачный контрактъ съ австрійскою эрцгерцогинею. Австрія опять вошла подъ вліяніе благодѣтельнаго для нея божества — брака, опять получилъ значеніе старый латинскій стихъ: «А ты, счастливая Австрія, заключай браки»! (Tu, felix Austria, nube.)

Конечно, Австрія не могла надѣяться получить скорую, непосредственную выгоду отъ этого брака. Наполеонъ говорилъ, что бракъ не можетъ имѣть никакого политическаго значенія, и говорилъ правду: онъ не былъ такой человѣкъ, чтобъ изъ за прекрасныхъ глазъ эрцгерцогини отдалъ бы хотя какой-нибудь клочекъ земли. Но, во-первыхъ, Австрійская династія успокоивалась: она не будетъ тронута, ибо вступила въ связь съ Бонапартовскою династіею, входила въ систему государствъ, престолы которыхъ были заняты родственниками Нополеона; во-вторыхъ, Россія была удалена, и противъ нея легче стало дѣйствовать, легче было заставить Наполеона содѣйствовать достиженію главной цѣли Австріи,—недопущенію Россіи усиливаться насчетъ Турціи. Наполеонъ немедленно начинаетъ получать внушенія отъ родственнаго Двора: «У Европы одинъ страшный врагъ — это Россія; цивилизаціи Запада грозитъ варварство московское; его независимость находится въ опасности отъ этой страшной имперіи. Императоръ Наполеонъ одинъ можетъ ее сдержать: отъ его твердости и высокой предусмотрительности Западъ ожидаетъ своего спасенія». Спаситель Запада пока молчалъ, не объявлялъ, какими средствами будетъ спасать Западъ; онъ былъ очень доволенъ, что Восточный вопросъ возбуждаетъ такую ненависть въ Австріи противъ Россіи, и самъ не спускалъ глазъ съ береговъ Дуная. Лѣтомъ 1810 года онъ былъ встревоженъ удачными движеніями русскихъ за Дунаемъ, взятіемъ Базарджика и Силистріи. Въ Вѣнѣ эти успѣхи приводили въ ужасъ. Меттернихъ говорилъ французскому посланнику Отто: «Моего государя очень безпокоятъ русскіе успѣхи, грозящіе гибелью Турціи; дѣло важное, требующее мѣръ быстрыхъ, энергическихъ; пришло время Франціи и Австріи соединиться, чтобъ не дать Оттоманской имперіи сдѣлаться добычею Россіи». Австрію сильно безпокоило объявленіе Наполеона, что родственный союзъ не ведетъ къ политическому, и потому она непремѣнно хотѣла добиться послѣдняго: иначе цѣль родственнаго союза не достигалась для Австріи: послѣдняя принесла тяжелую жертву,—эрцгерцогиня выдана замужъ за императора «революціонною милостію», а выгоды никакой,—на дѣлѣ продолжается политическій союзъ Франціи съ Россіею, и послѣдняя, пользуясь этимъ союзомъ, бьетъ турокъ. Меттернихъ и самъ императоръ Францъ выпрашивали союзъ у Наполеона. Меттернихъ жаловался Отто на какія-то интриги, которыя хотятъ удалить его Дворъ отъ Франціи и отдать Англіи. Францъ прямо говорилъ Отто: «Всѣ интриги кончатся, когда будетъ подписанъ союзный договоръ между Франціею и Австріею». Турція также умоляла Наполеона о помощи. Но въ 1810 году ему было еще рано разрывать съ Россіею, что неминуемо воспослѣдовало бы, еслибъ онъ вмѣшался въ турецкія дѣла, нарушивъ эрфуртское условіе насчетъ Молдавіи и Валахіи; рано было поэтому заключать союзъ и съ Австріею, ибо предвидѣлось главное требованіе ея—гарантія цѣлости Турецкой имперіи. Поэтому Наполеонъ ограничился заявленіемъ Турціи, что сохранить для нея Дунайскія княжества онъ не можетъ,—пусть защищаетъ ихъ сама, но что онъ не позволитъ Россіи занять правый берегъ Дуная и провозгласить независимость Сербіи. Онъ заявилъ это и Россіи въ разговорѣ съ Чернышевымъ: война

у него съ Россіею можетъ произойти въ двухъ случаяхъ: если Россія заключитъ отдѣльный миръ съ Англіей, и если захочетъ что-нибудь пріобрѣсти на правомъ берегу Дуная; существованіе Турціи слишкомъ важно для политическаго равновѣсія Европы, и онъ не можетъ согласиться на дальнѣйшее ея раздробленіе.

Но позволить Россіи овладѣть Молдавіею и Валахіею и особенно теперь, когда отношенія между нею и Франціею день-ото-дня натягиваются все болѣе и болѣе? Хорошо сказать туркамъ, чтобъ они дрались, не мирились съ уступкою Дунайскихъ княжествъ; но въ состояніи ли они это сдѣлать одни? Франціи рано; но что, еслибъ Австрія вмѣшалась въ войну? — «Чтобъ Молдавія и Валахія не доставались Россіи — для меня это дѣло второстепенное, а для васъ главное», — велѣлъ онъ сказать въ Вѣнѣ; — «такъ надобно знать, на что вы рѣшитесь: рѣшитесь ли воевать съ Россіею»? Австрія, разумѣется, на это не рѣшилась. Она попыталась предложить свое посредничество для заключенія мира между Россіею и Портою, съ условіемъ, чтобъ границею между ними служилъ Днѣстръ; но предложеніе ея было отвергнуто Россіею.

Война съ Франціею была несомнѣнна; въ ходу былъ первый планъ — предупредить Наполеона занятіемъ герцогства Варшавскаго и возстановленіемъ Польши; но Австрія должна была мѣшать этому всѣми средствами; не будетъ ли возможно заставить ее согласиться на возстановленіе Польши подъ скипетромъ Русскаго государя, предложеніемъ уступки со стороны Дуная? Изъ двухъ золъ Александръ избираетъ, въ его глазахъ, меньшее, и, въ началѣ 1811 года, поручаетъ своему посланнику въ Вѣнѣ, графу Штакельбергу, предложить Вѣнскому Кабинету, что, въ случаѣ войны съ Франціею, для предупрежденія возстановленія Польши Наполеономъ, Россія займетъ ее сама, но Австрія за это получаетъ Молдавію и Валахію по рѣку Серетъ. Но Меттернихъ уклонялся отъ объясненій по этому предмету: для него одна мысль о посягновеніи на цѣлость Турціи была преступной, и успѣхи русскаго войска на Дунаѣ, подъ начальствомъ Кутузова, опять вызываютъ крики негодованія со стороны австрійскаго министра. Успѣхи вели къ выгодному для Россіи миру, и Меттернихъ заявляетъ, что всякій миръ Россіи съ Турціею будетъ невыгоденъ для Австріи, если Россія что-нибудь пріобрѣтетъ. Между тѣмъ Наполеонъ разсчиталъ, что въ 1812 году можетъ вторгнуться въ Россію со всѣми средствами къ успѣху, и потому заключилъ союзъ съ Австріею [2 (14) марта 1812]: Австрія обязалась участвовать въ войнѣ съ Россіею, выставляя для этого тридцатитысячный корпусъ; королевство Польское будетъ возстановлено подъ гарантіею Франціи и Австріи, и если для него понадобится Галиція, то Австрія получаетъ, взамѣнъ ея, отъ Франціи иллирійскія провинціи; Франція и Австрія гарантируютъ цѣлость Оттоманской имперіи, въ случаѣ если Порта, порвавши мирные переговоры съ Россіею, будетъ продолжать съ нею войну.

Успѣхи Кутузова повели къ этимъ переговорамъ въ Бухарестѣ. Сборы Наполеона заставляли Россію спѣшить съ заключеніемъ мира и не требовать Молдавіи и Валахіи. Императоръ Александръ писалъ Кутузову: «Величайшую услугу вы окажете Россіи поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Портой. Слава вамъ будетъ вѣчная. Если бы невозможно было склонить турецкихъ полномочныхъ подписать трактатъ по нашему желанію, можете вы сдѣлать необходимую уступку въ статьѣ о границѣ въ Азіи; въ самой же крайности, дозволяю вамъ заключить миръ, положа Прутъ, по впаденіе онаго въ Дунай, границею. *На сію, однакожъ, столь важную уступку не иначе повелѣваю вамъ согласиться, какъ постановя союзный трактатъ съ Портою*». Переговоры близились къ концу, когда Наполеонъ прислалъ султану предложеніе союза: султанъ долженъ былъ выступить противъ Россіи въ челѣ сто-тысячнаго войска, за что Франція не только гарантировала ему цѣлость настоящихъ его владѣній, но и обязывалась возвратить Крымъ и все, что Турція должна была уступить Россіи въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Но султану нельзя было думать о новой войнѣ, въ которой онъ долженъ былъ принять участіе въ челѣ сто-тысячнаго войска. Отъ послѣднихъ пораженій оставалось только 15,000 регулярнаго войска; все, что можно было выжать изъ народа, — было выжато и истрачено; янычары бунтовали, паши стремились къ независимости. Англія объявила, что флотъ ея прорвется чрезъ Дарданеллы, обратитъ въ пепелъ сераль, заморитъ Константинополь голодомъ, если Порта осмѣлится заключить союзъ съ Франціею; что императоръ Александръ и Наполеонъ очень не желаютъ войны, и если послѣдуетъ между ними соглашеніе, то, конечно, на основаніи раздѣла европейской Турціи. Султанъ созвалъ чрезвычайный Совѣтъ: изъ 54-хъ членовъ — 50 подали голоса за миръ, и миръ былъ заключенъ (16-го мая 1812 года) съ перенесеніемъ русской границы съ Днѣстра къ Пруту, согласно волѣ императора Александра. Но Кутузовъ не исполнилъ воли государя относительно союза съ Портою. Для чего понадобился этотъ, повидимому, странный союзъ, видно изъ письма императора Александра къ адмиралу Чичагову, смѣнившему Кутузова въ начальствованіи Южною или Дунайскою арміею: «Если этотъ миръ (Бухарестскій) будетъ подписанъ, то мы пріобрѣтемъ, безъ сомнѣнія, великія выгоды въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Но не должно скрывать отъ себя, что этотъ миръ представляетъ также неудобства. Генералъ Кутузовъ пренебрегъ чрезвычайно-важнымъ дѣломъ: не предложилъ нашихъ уступокъ подъ условіемъ союза оборонительнаго и наступательнаго. Только этотъ союзъ могъ вывесть насъ изъ неловкаго положенія, въ какое миръ поставилъ насъ въ отношеніи къ сербамъ и другимъ

славянскимъ народамъ, столь важнымъ для насъ, особенно въ настоящее время. Еслибъ представилась возможность добыть союзъ съ Портою и ея содѣйствіе, преимущественно посредствомъ сербовъ и другихъ славянскихъ народовъ, противъ Франціи и ея союзниковъ,—то не должно ничѣмъ пренебрегать въ этомъ отношеніи. Вы можете предложить Портѣ, вмѣсто вспомогательнаго войска, дать намъ сербовъ, босняковъ, кроатовъ и другіе христіанскіе народы, представивъ на видъ, что это предложеніе дѣлается съ цѣлью щадить мусульманскую кровь». Въ-виду того, что Западъ Европы ополчался на Востокъ ея всѣми своими средствами, въ-виду того, что Западный императоръ не хотѣлъ дѣлиться, хотѣлъ утвердить свою власть и на Востокѣ, Александръ считалъ необходимымъ «принять обширный планъ дѣйствій», противопоставить Наполеону славянскій міръ; онъ велѣлъ Чичагову внушать турецкимъ славянамъ о возможности созданія «Славянской имперіи». Мысль о славянскихъ средствахъ, естественно, должна была явиться у Александра при извѣстіи о союзѣ Австріи съ Наполеономъ. Австрія въ это время находилась въ крайне-затруднительномъ положеніи вслѣдствіе ссоры съ венгерцами; Александръ имѣлъ въ виду усилить это затрудненіе поднятіемъ австрійскихъ славянъ, какъ видно также изъ письма его къ Шведскому наслѣдному принцу. Но когда Россія сдѣлала свои представленія въ Вѣнѣ по поводу союза между Австріею и Франціею, то Меттернихъ объявилъ Штакельбергу, что союзъ—вынужденный; что, вмѣсто 30,000, въ австрійскомъ вспомогательномъ корпусѣ будетъ только 26,000 человѣкъ, и если Россія будетъ смотрѣть на это австрійское обязательство сквозь пальцы, то Австрія готова вступить съ нею въ тайное соглашеніе; что на всѣхъ другихъ границахъ обѣихъ имперій миръ не будетъ нарушенъ. То же повторялъ Штакельбергу самъ императоръ Францъ: «Если я»,—говорилъ Францъ,—«принужденъ былъ заключить семейный союзъ для спасенія моей имперіи, то тѣ же побужденія заставили меня заключить и этотъ новый союзъ». Францъ выражалъ желаніе, чтобъ императоръ Александръ успокоился на этихъ объясненіяхъ, иначе Австрія будетъ принуждена выставить противъ Россіи 200,000 войска, которое могло бы принести пользу Россіи, служа угрозою для Франціи при будущихъ мирныхъ переговорахъ. На всѣ эти объясненія Александръ отвѣчалъ, что поведеніе Россіи будетъ зависѣть отъ поведенія Австріи.

Извѣстіе о союзѣ между Франціею и Австріею получено было въ Петербургѣ изъ Стокгольма.— Если Наполеонъ спѣшилъ заключить союзы съ Пруссіею и Австріею; если онъ старался снова поднять противъ Россіи и полумертвую Турцію, то легко понять, какъ важно было для него имѣть въ союзѣ Швецію, которая могла нанести Россіи гораздо болѣе вреда, чѣмъ прусскій и австрійскій отряды, и могла сдѣлать это охотно вслѣдствіе недавней борьбы и потери Финляндіи. Новый король Шведскій, Карлъ XIII, не имѣлъ дѣтей, и потому надобно было спѣшить избраніемъ ему наслѣдника; былъ избранъ принцъ Августенбургскій, двоюродный братъ Датскаго короля; но весною 1810 года принцъ былъ пораженъ внезапною смертью. Надобно было опять выбирать наслѣднаго принца,—дѣло чрезвычайной важности для Россіи, ибо война съ Франціею была неминуема. И вотъ приходитъ извѣстіе, что наслѣднымъ принцемъ избранъ одинъ изъ маршаловъ Наполеона — Бернадотъ, князь Понте-Корво. Первою мыслью императора Александра, разумѣется, была мысль о полной зависимости Швеціи отъ Франціи вслѣдствіе этого избранія; въ этой тревогѣ у него вырвались слова: «Я вижу ясно, что Наполеонъ хочетъ поставить меня между Варшавою и Стокгольмомъ». Какъ въ этихъ словахъ высказалась историческая связь явленій! Въ XVI и XVII вѣкахъ главною заботою Русскихъ государей было, чтобъ не стать между Варшавою и Стокгольмомъ; въ XVIII, казалось, Петръ и Екатерина удалили опасность; но въ XIX страшная враждебная сила стремится снова заключить Россію въ старый заколдованный кругъ турецко-польско-шведскихъ отношеній: Наполеонъ поднимаетъ султана, приготовилъ возстановленіе Польши, и французскій маршалъ является наслѣдникомъ Шведскаго престола. Преемникъ Петра и Екатерины, вслѣдствіе этого, долженъ бороться на трехъ пунктахъ: онъ ведетъ войну на Дунаѣ; пытается, нельзя ли самому возстановить Польшу, а теперь новая тяжелая забота со стороны Швеціи. Но именно тамъ, гдѣ, съ перваго взгляда, опасность казалась очевидною, — явилась помощь. Какъ обыкновенно бываетъ въ положеніи Бернадота, главною обязанностью представилась для него — обязанность пріобрѣсть популярность въ Швеціи, явиться здѣсь не французомъ, а шведомъ, имѣющимъ въ виду только шведскіе интересы; а главный, насущный интересъ Швеціи находился въ прямой противоположности съ интересомъ Наполеона: послѣдній требовалъ отъ Швеціи того же, чего и отъ Россіи,—подчиненія континентальной системѣ во всей ея строгости, тогда какъ такое подчиненіе разрушало въ корнѣ благосостояніе Швеціи. Стало-быть, наслѣдный принцъ уже никакъ не могъ пріобрѣсть популярность подчиненіемъ главному требованію Наполеона, и здѣсь уже было сильное столкновеніе интересовъ. Столкновенія, всякаго рода препятствія отстраняются или, по крайней мѣрѣ, стараются ихъ отстранить, если внутри человѣка существуютъ сильныя побужденія къ этому; но Бернадотъ не чувствовалъ въ себѣ вовсе побужденій угождать Наполеону: Бернадотъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ сановниковъ Французской имперіи, которые всѣмъ были обязаны Наполеону. Имперія застала его уже заслуженнымъ, знаменитымъ генераломъ; онъ подчинился новой власти, сохраняя нерасположеніе къ товарищу, который сдѣлался государемъ; самолюбіе на позво-

ляло Бернадоту приписывать возвышеніе Наполеона личнымъ достоинствамъ послѣдняго: онъ, какъ водится въ этихъ случаяхъ, приписывалъ его счастью, случайности. Наполеонъ, съ своей стороны, зналъ эти отношенія Бернадота къ себѣ и не любилъ его. Эти же самыя отношенія, естественно, вводили Бернадота въ кругъ тѣхъ людей, которые разорвали съ Наполеономъ, убѣдившись, что его честолюбіе, неумѣнье остановиться влечетъ Францію къ гибели, и Бернадотъ, разрывая съ Наполеономъ въ качествѣ наслѣднаго принца Шведскаго, оправдывалъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ многихъ въ самой Франціи, что онъ разрываетъ вовсе не съ Франціею, своимъ прежнимъ отечествомъ, а съ человѣкомъ, который, преслѣдуя интересы своего честолюбія, сталъ врагомъ Франціи, дѣйствуетъ вопреки ея интересамъ, ведетъ ее къ погибели,—съ человѣкомъ, котораго надобно побороть, низвергнуть въ интересахъ Франціи. Другое дѣло, еслибъ Наполеонъ, желая привязать къ себѣ Бернадота въ его новомъ положеніи, сдѣлалъ уступки этому положенію, забылъ совершенно прошлое и обходился съ Бернадотомъ, какъ съ другомъ и товарищемъ; но Наполеонъ, наоборотъ: въ своихъ требованіяхъ обращался съ Шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, какъ съ вассаломъ, причемъ ясно проглядывало прежнее нерасположеніе къ маршалу Бернадоту. Александръ воспользовался ошибкою противника.

Человѣкъ входитъ въ незнакомое общество, къ которому не принадлежитъ по своему происхожденію; онъ чувствуетъ неловкость, самолюбіе его страдаетъ,—какъ на него взглянутъ: не будетъ ли чего-нибудь оскорбительнаго въ пріемѣ, не дадутъ ли ему чувствовать своего превосходства. И какъ онъ будетъ благодаренъ тому члену этого общества, который пойдетъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями, своимъ дружескимъ обращеніемъ ободритъ, дастъ развязность, заставитъ забыть, что есть какая-то неравность. Императоръ Александръ поспѣшилъ заслужить эту благодарность Бернадота, обратившись къ нему съ самымъ любезнымъ письмомъ; въ январѣ 1811 года русскій посланникъ Сухтеленъ засталъ наслѣднаго принца въ восторгѣ отъ этого письма. «Изъ всѣхъ писемъ, какія я когда либо получалъ въ моей жизни, это самое для меня лестное»,—говорилъ Бернадотъ:—«не могу выразить, какъ оно меня тронуло, особенно этотъ задушевный, дружескій тонъ письма, который, смѣю сказать, я заслуживаю своимъ уваженіемъ и преданностью къ особѣ императора». На Бернадотѣ лежала теперь вся отвѣтственность, ибо, за тяжкою болѣзнью короля, онъ управлялъ государствомъ. Положеніе было затруднительное: онъ былъ лично нерасположенъ къ Наполеону и разсчитывалъ на непрочность его могущества; императоръ Александръ умѣлъ привлечь его къ себѣ. Лично наслѣдный принцъ Шведскій охотно соединился бы съ Александромъ противъ Наполеона, который не переставалъ раздражать его; но Бернадота останавливали другія соображенія: онъ долженъ былъ, прежде всего, заботиться о шведскихъ интересахъ, долженъ былъ отблагодарить шведовъ за свое избраніе блистательными заслугами, утвердить этимъ свою династію. Союзъ съ Россіею или Франціею долженъ былъ принести Швеціи большія выгоды. Россія не могла возвратить Финляндіи; она предлагала то, что Петръ Великій предлагалъ Карлу XII-му за уступку балтійскаго побережья—Норвегію, на что Карлъ XII и соглашался. Мысли великихъ людей рано или поздно исполняются, и теперь, почти вѣкъ спустя, Россія предлагаетъ Швеціи за союзъ свое содѣйствіе въ пріобрѣтеніи Норвегіи. Съ другой стороны,—Наполеонъ, хотя поздно, хотя поневолѣ, вслѣдствіе нерасположенія своего къ Бернадоту, предложилъ союзъ: Швеція должна напасть на Финляндію съ 30,000 войска, за что Наполеонъ обязывается не мириться съ Россіею безъ того, чтобъ она не уступила этой страны Швеціи. Но оба предложенія, и русское, и французское, одинаковы по своей невѣрности: за Финляндію надобно опять воевать и—кто знаетъ—чѣмъ кончится война у Россіи съ Франціею, а всякій знаетъ, какъ Наполеонъ исполнялъ свои обязательства, особенно относительно людей, лично ему непріятныхъ. Бернадотъ склоняется на сторону Россіи; но потомъ его беретъ страшное раздумье насчетъ слѣдствій нашествія Наполеона на Россію, и онъ передъ самымъ этимъ нашествіемъ предлагаетъ Наполеону союзъ, но съ тѣмъ, чтобъ, кромѣ Финляндіи, ему досталась и Норвегія. Быть можетъ, онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ не согласится на это, какъ и дѣйствительно случилось, и хотѣлъ только очистить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и глазахъ тѣхъ, которые могли упрекать его за несоблюденіе шведскихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, двойная игра—такое явленіе, которое оправдано быть не можетъ, можетъ быть только объяснено. Такія времена, какъ Наполеоновское, времена насилій и захватовъ, самыхъ безцеремонныхъ со стороны сильнаго, бываютъ очень неблагопріятны для развитія международной нравственности, честности, ибо слабые позволяютъ себѣ двойную игру, оправдываясь насиліемъ сильнаго, указывая въ немъ примѣръ игры въ обѣщанія, договоры, указывая на невозможность бороться съ нимъ открыто, чисто Заявленіе, сдѣланное императоромъ Александромъ въ Австріи передъ ея войною 1809 года насчетъ несерьезности вспоможенія своего Франціи; заявленіе сдѣланное императоромъ Францемъ Россіи передъ войною 1812 года; почти постоянная двойная игра Пруссіи съ Франціею и Россіею, двойная игра наслѣднаго принца Шведскаго:—вотъ явленія, которыя характеризуютъ время и падаютъ, разумѣется, прежде всего на главнаго грѣшника.

Наполеонъ не согласился на требованіе Бернадота относительно Норвегіи,—и Швеція осталась на сторонѣ Россіи. Во время этихъ сношеній меж-

ду Россіею и Швеціею, любопытны разговоры Бернадота съ русскимъ посланникомъ относительно предстоявшей великой войны. Бернадотъ совѣтывалъ императору Александру: объявить себя Польскимъ королемъ; заключить какъ можно скорѣе миръ съ Турціею на какихъ бы то ни было условіяхъ; склонить на свою сторону Австрійскаго эрцгерцога Карла обѣщаніемъ королевства, хотя бы Баварскаго; войти въ сношенія съ Испаніею. «Я прошу императора»,—говорилъ Бернадотъ,—«не давать генеральныхъ сраженій, маневрировать, отступать, длить войну:—вотъ лучшій способъ дѣйствія противъ французской арміи. Если *онъ* подойдетъ къ воротамъ Петербурга, я буду считать его ближе къ гибели, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы ваши войска стояли на берегахъ Рейна. Особенно употребляйте казаковъ: они даютъ вамъ большое преимущество предъ французскою арміею, которая не имѣетъ ничего подобнаго. Пусть казаки имѣютъ въ виду великую задачу — искать случая проникнуть въ главную квартиру и схватить, если возможно, самого императора Наполеона. Пусть казаки забираютъ все у французской арміи: французскіе солдаты дерутся хорошо, но теряютъ духъ при лишеніяхъ; не берите плѣнныхъ, исключая офицеровъ».

Полуострова Скандинавскій и Балканскій не вошли въ движеніе, направленное Наполеономъ противъ Россіи; но средства его все же были громадны. До сихъ поръ въ борьбѣ Россіи съ Франціею Александръ становился во-главѣ коалиціи; теперь Наполеонъ велъ противъ Александра страшную коалицію, и тѣ державы, посредствомъ которыхъ обыкновенно Россія дѣйствовала противъ Франціи, державы, ближайшія къ Россіи,—Австрія и Пруссія—были теперь членами наполеоновской коалиціи. Россія была одна, и, несмотря на то, принимала борьбу. Александръ говорилъ послу Наполеона: «Я вооружаюсь, потому что вы стали вооружаться. У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какіе у васъ; самъ я не такой генералъ и не такой администраторъ, какъ Наполеонъ; но у меня добрые солдаты, у меня преданный народъ, и мы помремъ всѣ съ мечемъ въ рукахъ, а не позволимъ обходиться съ собою, какъ съ голландцами или гамбургцами. Но увѣряю васъ честію, что я не начну первый войны; я не хочу войны, мой народъ также не хочетъ войны; но когда на него нападутъ,—онъ не отступитъ». И Александръ былъ силенъ въ это время. Силу давало ему убѣжденіе въ необходимости войны, ясное пониманіе характера Наполеона, и, вслѣдствіе того, увѣренность, что съ такимъ человѣкомъ равенство положенія невозможно; силу давалъ самый характеръ предстоящей войны, войны оборонительной: сколько бы войска ни навелъ противникъ, оно будетъ поглощено этимъ сухимъ океаномъ, который называется Россіею; планъ отступленія, завлеченія противника въ глубь этого океана—былъ установленъ, и, 22 іюня 1812 года, Александръ писалъ Бернадорту: «Разъ война начата—мое твердое рѣшеніе не оканчивать ее, хотя бы пришлось сражаться на берегахъ Волги».

Наполеонъ сдѣлалъ громадныя приготовленія, обезпечилъ себѣ всевозможныя средства къ успѣху. Что онъ сознавалъ важность, затруднительность войны,—это доказываетъ медленность, обширность самыхъ приготовленій; конечно, онъ разсчитывалъ, что успѣхъ будетъ купленъ дорого; что русскіе будутъ защищаться отчаянно; но, какъ видно, онъ не сознавалъ, что война—небывалая, новая, а средства у него старыя, хотя и громадныя. И привычки были старыя, идти съ угрозами, бранью, пугать и не знать мѣры дерзости на словахъ и письмѣ. Онъ говорилъ австрійскому посланнику: «Вижу, что эти дураки хотятъ со мною воевать: я выставлю противъ нихъ 500,000 войска!» Прусскому посланнику говорилъ: «Эта война будетъ имѣть тяжкія послѣдствія, какихъ не имѣла ни одна война; императоръ Александръ будетъ плакать кровавыми слезами». Наконецъ отправлено было къ противнику дерзкое письмо: «Наступитъ время, когда в. в-ство признаетесь, что если бы вы не перемѣнились съ 1810 года, если бы вы, желая измѣненій въ Тильзитскомъ договорѣ, прибѣгли къ прямымъ, откровеннымъ сношеніямъ, то вамъ принадлежало бы одно изъ самыхъ прекрасныхъ царствованій въ Россіи. У в. в-ства недостало стойкости, довѣрія и, позвольте мнѣ это вамъ сказать, искренности. *Вы испортили все свое будущее*».

Чаша была выпита до дна, день воскресенія приближался. Трудно найти въ исторіи болѣе страшныя слова: «Вы испортили все свое будущее». Это было написано въ то самое время, когда небывалое могущество человѣка, написавшаго эти слова, приблизилось къ своему паденію, и необыкновенная слава готовилась осѣнить того, кому грозили порчею всего будущаго.

Спустя сто лѣтъ послѣ шведскаго нашествія, врагъ опять вступилъ въ русскіе предѣлы. Система отступленій или «ретроградныхъ линій», которая была принята императоромъ Александромъ, не была тайною еще до начала войны и подвергалась обсужденію въ разныхъ мѣстахъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Не могли не признать, что она необходима, составляя послѣдній выводъ изъ всей борьбы съ Наполеономъ; но выставляли на видъ, что успѣхъ ея не обезпеченъ для Россіи, которая представляетъ страну открытую, не имѣетъ сильныхъ крѣпостей, которыя могли бы поддерживать движеніе или облегчать отступленіе войска. Другое дѣло, еслибъ Наполеонъ боялся за свой тылъ и фланги; но ему нечего бояться за нихъ. Самое сильное возраженіе было одно: войско, которое постоянно отступаетъ, падаетъ духомъ. Дѣйствительно, если мы видѣли, что система отступленій и затягиванія войны была крайне неудобна въ странѣ союзной, какъ было въ 1805 и 1807 годахъ, то столь же сильныя неудобства она встрѣ-

чала и въ родной странѣ. Свое знаменитое рѣшеніе—не мириться съ врагомъ на русской почвѣ—императоръ Александръ могъ основывать только на увѣренности, что русскій народъ будетъ драться, или уйдетъ, но не помирится, не уживется съ врагомъ, будучи не въ состояніи терпѣть его подлѣ себя. Но въ народѣ есть сознаніе, что войско, на которое такъ много жертвуется, существуетъ для защиты родной страны, и если это войско, вмѣсто защиты, отдаетъ родную землю врагу, отступаетъ, то народъ видитъ тутъ уклоненіе войска отъ самой существенной своей обязанности, начинаетъ скорбѣть и роптать, подозрѣвая дурное, не зная и не понимая высшихъ военныхъ соображеній. Войсковая масса сознаетъ также ясно свою обязанность защищать родную страну, и не можетъ не раздражаться страшно, чувствуя, какъ на него смотрятъ, когда оно отступаетъ безъ битвы, покидая страну на опустошеніе врагамъ. Это отношеніе войска и народа къ системѣ отступленія составляетъ самую печальную сторону войны 1812 года до самаго выхода Наполеона изъ Москвы. На этомъ отношеніи основывалась вражда между генералами, которая, какъ бываетъ во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, раздувалась личными страстями, прикрывавшимися священнымъ знаменемъ. Барклая де-Толли, неудобнаго по своей иностранной фамиліи, смѣнилъ Кутузовъ, въ другой разъ встрѣтившійся съ Наполеономъ,—только теперь не въ австрійскихъ владѣніяхъ, а между Смоленскомъ и Москвою. Кутузовъ, быть можетъ, и передъ Бородинымъ объ исходѣ битвы думалъ точно такъ же, какъ передъ Аустерлицемъ; но долженъ былъ дать сраженіе, чтобъ не отдать Москвы безъ боя. Кутузовъ не былъ разбитъ при Бородинѣ,—и отступилъ, отдалъ Москву.

Наполеонъ совершилъ кампанію съ успѣхомъ, какого только могъ желать. Съ обычною быстротою онъ прорвался до центра Россіи и готовился вступить въ столицу, старую, коренную русскую столицу. Русскія войска отступали передъ нимъ, отступили и послѣ страшной бородинской рѣзни, какъ послѣ Эйлау. Передъ нимъ послѣдняя, самая дальняя европейская столица, и ее отдаютъ ему, какъ отдавали Берлинъ, Вѣну... И вдругъ, что это такое?.. Войско отступало—это въ порядкѣ вещей, Наполеонъ привыкъ, чтобъ непріятельское войско отступало передъ нимъ. Но тутъ... небывалое, немыслимое дѣло! Столица отступила, Москва ушла! Громаднѣйшій, яркоцвѣтный городъ лежитъ пустой, мертвый во всей своей печальной красѣ... Скоро показываются дымъ и пламя: невѣдомыя руки жгутъ Москву...

Кутузовъ далъ знать государю о Бородинской битвѣ какъ о побѣдѣ, а потомъ увѣдомилъ объ отступленіи и отдачѣ Москвы. Старое нерасположеніе Александра къ Кутузову, подновленное недавнимъ неисполненіемъ его воли относительно турецкаго союза и донесеніями о поведеніи его въ Дунайскихъ княжествахъ, нашло еще подкрѣпленіе въ этихъ противорѣчивыхъ извѣстіяхъ, и выразилось въ письмѣ императора къ наслѣдному принцу Шведскому (19 сентября). Это письмо, впрочемъ, важно не по началу своему, а по концу: «Случилось то, чего я боялся. Князь Кутузовъ не сумѣлъ воспользоваться прекрасною побѣдою 26 августа. Непріятель, потерпѣвшій страшныя потери, въ шесть часовъ послѣ обѣда прекратилъ огонь и отступилъ за нѣсколько верстъ, оставляя намъ поле битвы. У Кутузова не достало смѣлости напасть на него въ свою очередь, и онъ сдѣлалъ такую же ошибку, какая помрачила для насъ день Прейсишъ-Эйлау, а для англичанъ и испанцевъ дни Талавейры и Бюзакао, когда на другой день послѣдовало отступленіе; позиція, занимаемая Кутузовымъ, стала, по его словамъ, слишкомъ обширна для арміи послѣ потерь, которыя она понесла въ эти три славные дня. Эта непростительная ошибка повлекла за собою потерю Москвы, потому что не найдено было передъ этою столицею ни одного удобнаго положенія. Но непріятель получилъ Москву пустую. Эта потеря жестокая, я согласенъ, но болѣе въ отношеніи нравственномъ и политическомъ, чѣмъ военномъ. По крайней мѣрѣ, она дастъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей устойчивости въ поддержаніи борьбы противъ ея притѣснителя, ибо послѣ этой раны всѣ другія суть только царапины. Я повторяю в. королев. высочеству торжественное увѣреніе, что я и народъ, въ челѣ котораго я имѣю честь находиться, тверже чѣмъ когда либо рѣшились выдерживать до конца и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, чѣмъ войти въ соглашеніе съ новымъ Аттилою».

Наполеонъ не зналъ объ этомъ рѣшеніи. Москва сгорѣла; красивый городъ представлялъ безобразные остовы зданій, и на этомъ кладбищѣ гробовое молчаніе, производившее страшное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго быть центромъ самаго шумнаго вращенія жизни и теперь находившагося въ положеніи мореплавателя, выброшеннаго на необитаемый островъ. Чего еще дожидаются? Отчего не присылаютъ съ мирными предложеніями, какъ водилось вездѣ? И страшная мысль: «А что, если не пришлютъ варвары»? Наконецъ, не стало болѣе силъ дожидаться; улыбнулась мысль: Александръ не хочетъ сдѣлать первый шагъ; побѣдитель не унизится, если облегчитъ побѣжденному этотъ шагъ, вызоветъ его на переговоры. 19 сентября Александръ написалъ приведенное письмо къ Бернадоту; на другой день, 20-го числа, Наполеонъ пишетъ письмо къ Александру, и въ этихъ обоихъ письмахъ выразилось вполнѣ все различіе положенія писавшихъ: несмотря на всѣ усилія поддержать тонъ величія, письмо Наполеона отразило въ себѣ весь гнетъ окружающихъ условій, вышло жалкимъ; старинная привычка учить, какъ бы надобно было сдѣлать, являлась тутъ совершенно некстати, являлась чѣмъ-то совершенно изношеннымъ. «Кра-

сивый, великолѣпный городъ Москва не существуетъ; Растопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей пойманы на мѣстѣ преступленія; всѣ они объявили, что жгли по приказанію губернатора и полиціймейстера; ихъ разстрѣляли. Пожаръ, кажется, прекратился. Три четверти домовъ сгорѣло, четверть осталась. Это поступокъ гнусный и безцѣльный. Хотѣли отнять нѣкоторыя средства? Но эти средства были въ погребахъ, которыхъ огонь не коснулся. Впрочемъ, какъ рѣшиться уничтожить городъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ и произведеніе вѣковъ для достиженія такой ничтожной цѣли? Такъ поступали, начиная съ Смоленска, и пустили 600,000 семействъ по-міру. Человѣколюбіе, интересы в. в-ства и этого обширнаго города требовали, чтобъ онъ былъ мнѣ отданъ въ залогъ, потому что русская армія не защищала его; надобно было оставить въ немъ правительственныя учрежденія, власть и гражданскую стражу. Такъ дѣлали въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ; такъ мы сами поступили въ Миланѣ предъ вступленіемъ туда Суворова. Пожары ведутъ къ грабежу, которому предается солдатъ, оспаривая добычу у пламени. Еслибъ я предполагалъ, что подобныя вещи могли быть сдѣланы по приказанію в. в-ства, я бы не писалъ вамъ этого письма; но я считаю невозможнымъ, чтобъ вы, съ своими правилами, съ своимъ сердцемъ, съ вѣрностію своихъ идей, могли уполномочить на такія крайности, недостойныя великаго государя и великаго народа. Я велъ войну съ в. в-ствомъ безъ озлобленія: одно письмо отъ васъ прежде или послѣ Бородинской битвы остановило бы мое движеніе, я бы даже пожертвовалъ вамъ выгодою вступленія въ Москву. Если в. в-ство сохраняете еще ко мнѣ остатки прежнихъ чувствъ, то вы примите радушно это письмо. Во всякомъ случаѣ вы не можете на меня сердиться за извѣстія о томъ, что дѣлается въ Москвѣ».

Отвѣта нѣтъ. Прежнее гробовое молчаніе; приближается зима; въ войскѣ разстройство при недостаткахъ всякаго рода; со стороны русской арміи наступательное движеніе: ждать болѣе нечего, надобно уйти,—куда и какъ? Къ себѣ, въ мѣста извѣстныя, въ знакомую обстановку; уйти какъ можно скорѣе, по дорогѣ извѣстной, какія бы невыгоды она ни представляла, чтобъ только избавиться отъ этой неизвѣстности, отъ незнакомыхъ условій, которыя не даютъ почвы подъ ноги, при которыхъ мысль блуждаетъ, умственная дѣятельность останавливается, голова идетъ кругомъ. Наполеонъ ушелъ, но одинъ: громадная армія исчезла.

Великое рѣшеніе царя и народа достигло своей цѣли: къ концу 1812 года ни одного вооруженнаго врага не оставалось на Русской землѣ. Но предстояло другое великое рѣшеніе—перенести войну за границу, продолжать ее, не давая отдыха войску и народу, и покончить борьбу только рѣшительнымъ низложеніемъ новаго Аттилы. Остановиться на полдороги было бы величайшею ошибкою, ибо миръ съ Наполеономъ былъ бы только кратковременнымъ перемиріемъ; Наполеонъ не могъ долго пробыть въ неудачѣ; онъ держался только успѣхомъ, славою, побѣдами, пріобрѣтеніями: безъ нихъ онъ переставалъ царствовать, терялъ право на царство. Надобно было спѣшить, ибо Германія съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждала русскаго войска, какъ опоры для возстанія; надобно было спѣшить пользоваться впечатлѣніемъ, что человѣкъ, считавшійся непобѣдимымъ, прибѣжалъ одинъ, потерявши громадное войско, подобнаго которому качествомъ уже не будетъ имѣть. Несмотря на эту очевидную необходимость продолжать войну, несмотря на вѣрность успѣха, рѣшеніе не останавливаться на границахъ представляло великій подвигъ, больший, чѣмъ рѣшеніе не прекращать борьбы внутри Россіи, ибо надобно было не усумниться потребовать отъ народа новаго напряженія силъ, вмѣсто отдыха послѣ страшнаго погрома; ибо вокругъ, начиная отъ главнокомандующаго [1]), шли толки о необходимости остановиться передъ своею границею.

Можно было разсчитывать на успѣхъ; но его надобно было купить большими жертвами и необыкновенною устойчивостію; надобно было бороться съ Наполеономъ, который употребитъ всѣ средства, средства наполеоновскія, для защиты своего политическаго существованія; надобно было въ то же время бороться съ союзниками. Наполеона можно было одолѣть только посредствомъ коалиціи—и коалиціи полной. Поэтому, прежде всего, прежде чѣмъ Наполеонъ соберется съ силами, надобно было составить коалицію.

Война 1812 года самымъ нагляднымъ образомъ показывала расширеніе исторической сцены, усложненіе европейскаго политическаго организма. Судьба Европы рѣшалась на отдаленномъ Востокѣ, въ той странѣ, которая только сто лѣтъ назадъ открыла себя Европѣ и приняла участіе въ ея дѣлахъ. Въ небываломъ безпокойствѣ, съ страшно напряженнымъ вниманіемъ все мыслящее въ Европѣ обращалось къ этой далекой странѣ, прислушивалось къ каждому звуку, ибо вѣсти, приходившія оттуда, были вѣсти о жизни или смерти европейской независимости. Прусскій канцлеръ Гарденбергъ, подъ гнетомъ тяжкихъ условій, въ какія французское иго поставило Пруссію, въ мукахъ ожиданій, чѣмъ кончится борьба на Востокѣ, ищетъ хотя какого-нибудь успокоенія, обращается

[1]) На слова Шишкова, зачѣмъ онъ, Кутузовъ, будучи того мнѣнія, что не должно переходить за границу, не представляетъ о томъ государю, Кутузовъ отвѣчалъ: «Я представлялъ ему объ этомъ; но—первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; и другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ».—И передъ Аустерлицемъ Александръ смотрѣлъ съ другой стороны, которой Кутузову совсѣмъ опровергнуть было не можно.

за мнѣніями, за совѣтами къ Меттерниху. «Геній Наполеона, слабость характера императора Александра, недостатокъ единства въ русскихъ планахъ и въ ихъ исполненіи поведутъ ли быстро къ невыгодному миру для Россіи? Или, если Александръ будетъ держаться крѣпко, если самыя побѣды мало-по-малу истощатъ силы Франціи, если ея войска, затянувшіяся въ далекія страны въ ненастное время года, почувствуютъ недостатокъ продовольствія, будутъ окружены многочисленнымъ народомъ, для котораго война будетъ національною,—геній Наполеона не явится ли несостоятельнымъ, и громадныя полчища, которыми онъ располагаетъ, не потерпятъ ли, наконецъ, неудачи, не потратятся ли?» Съ такими вопросами обращался Гарденбергъ къ вѣнскому оракулу, и получилъ отвѣтъ (5 октября 1812 н. с.): «Въ недостаточности перваго русскаго плана, въ покинутіи оборонительной системы, въ вынужденномъ отступленіи изъ самыхъ лучшихъ и богатѣйшихъ провинцій имперіи, въ неслыханномъ опустошеніи Москвы я вижу только признаки и доказательства безсвязности и слабости. Государь, который бы взвѣсилъ хладнокровно результаты плановъ, представленныхъ ему министрами; который бы сдѣлалъ все для предупрежденія несчастій или для обращенія ихъ противъ непріятеля,—такой государь представлялъ бы для меня крѣпкую точку опоры. Я не нахожу ея въ безплодныхъ жертвахъ, въ разрушеніи стольких обширныхъ замысловъ многихъ великихъ предшественниковъ; я тутъ вижу только потерю европейскаго существованія Россіи и, къ несчастію, въ этой потерѣ страшное усиленіе тяжести, давящей насъ. Я не разсчитываю ни на какую твердость со стороны императора Александра, ни на какую связность въ настоящихъ и будущихъ планахъ его Кабинета, ни на какіе рѣшительные результаты въ его пользу вслѣдствіе климата, приближенія зимы; я отрицаю возможность, чтобъ тѣ же самые люди, которые поставили государство у края погибели, могли вывести его изъ этого положенія».—«Итакъ, нѣтъ спасенія»! готовъ былъ воскликнуть Гарденбергъ.—«Зачѣмъ же такъ скоро отчаяваться? Австрія спасетъ Европу!»—провѣщалъ оракулъ.—«Зимою испанскія событія чрезвычайной важности, печальное положеніе Россіи, истощеніе всѣхъ континентальныхъ государствъ, необходимость мира, чувствуемая и Англіею, все это можетъ намъ дать миръ. Я сдѣлаю попытку въ Англіи; мы поговоримъ въ этомъ же смыслѣ съ Московскимъ императоромъ [1]); мы постараемся уяснить, чего надобно ждать съ той и другой стороны».

Въ концѣ 1812 года въ Европѣ увидали, что спасеніе ея приходитъ не изъ Австріи. Но Меттернихъ не уступитъ. Въ страшной досадѣ, заставляющей его безпрестанно огрызаться на Россію, онъ перемѣняетъ свои рѣчи относительно результатовъ войны, но не перестаетъ внушать, что Австрія можетъ спасти Европу миромъ, хотя Гарденбергъ никакъ не можетъ согласиться съ этимъ. Меттернихъ пишетъ: «По столькимъ доказательствамъ измѣнчивости и слабости Петербургскаго Кабинета можно было разсчитывать, что императоръ Александръ, послѣ занятія Москвы, вступитъ въ переговоры. Эта надежда была обманута: видно, Россія покидаетъ свои непосредственные интересы вовсе не такъ легко, какъ покидаетъ своихъ союзниковъ». Но, какъ бы то ни было, Наполеонъ потерпѣлъ первую страшную неудачу, которая произвела на всѣ европейскіе народы громадное впечатлѣніе. Тѣмъ лучше, тѣмъ склоннѣе онъ будетъ къ миру, и Австрія будетъ посредницею, возьметъ въ свои руки судьбы Европы, потому что, кромѣ нея, ни одна держава не можетъ быть посредницею. Есть препятствіе: Австрія въ союзѣ съ Франціею, обязана помогать послѣдней войскомъ. Какъ же соединить роль союзницы съ ролью посредницы? Поэтому надобно прежде всего высвободить себя изъ французскаго союза, повести ловкіе переговоры съ Наполеономъ, съ цѣлію отклонить его требованія помощи въ войнѣ; сначала не становиться ни на чью сторону. Разумѣется, Россія и Пруссія будутъ настаивать, чтобы Австрія немедленно вступила съ ними въ коалицію противъ Наполеона; но на это нельзя согласиться; пусть Россія начинаетъ, пусть къ ней присоединится и Пруссія,—Австрія будетъ выжидать, а между тѣмъ сильно вооружится, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ выступить вооруженною посредницею, и такимъ образомъ держать въ своихъ рукахъ и Наполеона и коалицію, противъ него направленную. Оставаться нейтральною невозможно:—это значило бы потерять всякое значеніе, тогда какъ Австрія должна играть главную, первенствующую роль, для чего именно необходимо вооруженное посредничество. Если Наполеонъ не согласится на австрійскія предложенія, обезпечивающія для Австріи территоріальныя выгоды и важное значеніе, то Австрія должна примкнуть къ Россіи и Пруссіи, чтобъ принудить Наполеона къ миру, вовсе не для того однако, чтобъ вести дѣло къ его окончательному низверженію. Австрія слаба, и потому, для поддержанія своего значенія, для нея необходимо поддерживать равновѣсіе между двумя колоссами, Россіею и Франціею; низложеніе Наполеона поведетъ необходимо къ преобладанію Россіи, что для Австріи еще опаснѣе, чѣмъ преобладаніе Наполеона. Для Австріи необходимо, чтобъ Россія не возстановляла Польши и не трогала Турціи, не обхватывала Австрію со всѣхъ сторонъ славянщиною; но какъ этому помѣшать, если Александръ низвергнетъ окончательно Наполеона и получитъ преобладаніе въ Европѣ?—его замыслы относительно Польши и Турція извѣстны. Отъ Пруссіи ждать добра нечего: съ нею необходимо соперничество въ Германіи; увеличивать нѣмецкія владѣнія Пруссіи, усиливать ея вліяніе въ

[1]) „A l'empereur de Moscou"—подчеркнуто. Понятна вся злость этого выраженія послѣ сожженія Москвы.

Германіи никакъ не слѣдуетъ; никакъ не слѣдуетъ способствовать объединенію Германіи подъ какими бы то ни было формами, возстановлять имперію, ибо это принесетъ только пользу Пруссіи, главной нѣмецкой державѣ: всего выгоднѣе установить между германскими государствами связь самую слабую, интересомъ самостоятельности поддерживать ихъ правительства противъ Пруссіи, и на дѣлѣ, а не по формѣ, дать Австріи возможность имѣть на нихъ господствующее вліяніе. Вотъ программа Меттерниха. Императоръ Францъ былъ въ восторгѣ, что наконецъ пришло его время: пусть сильные дерутся, истощаютъ другъ друга,—слабая Австрія предпишетъ имъ законы. Узнавъ, что Наполеонъ принужденъ оставить Москву, Францъ сказалъ: «Пришло время, когда я могу доказать императору французовъ, что я такое!»

Прежде всего императора французовъ надобно напугать, чтобъ былъ сговорчивѣе, принялъ посредничество Австріи, ея условія. Наполеону внушаютъ изъ Вѣны: Англія увѣрена въ своихъ окончательныхъ успѣхахъ въ Испаніи; движеніе народовъ противъ французскаго преобладанія всеобщее; о Пруссіи говорить нечего, да и въ Австріи не лучше: «если императоръ французовъ не поможетъ дружественнымъ правительствамъ мѣрами, противоположными тѣмъ, какія до сихъ поръ служили основаніемъ его политики, то эти правительства наконецъ увидятъ себя не въ состояніи сдержать народное движеніе». Для императора французовъ это не было новостію. Покинувъ остатки своего войска, Наполеонъ мчался черезъ Варшаву и Дрезденъ въ Парижъ, чтобъ уничтожить здѣсь движеніе недовольныхъ, ободренныхъ неудачею деспота, и принять мѣры для сдержанія враждебныхъ ему народныхъ движеній въ Германіи. Въ Варшавѣ онъ говорилъ: «Никто не могъ предвидѣть такого несчастнаго исхода кампаніи, начавшейся такъ славно. Я сдѣлалъ двѣ ошибки: во-первыхъ, пошелъ въ Москву, а потомъ оставался тамъ слишкомъ долго. Меня за это будутъ порицать, и однако это была великая и смѣлая мѣра; но правда: отъ высокаго до смѣшнаго одинъ маленькій шагъ. До 6-го ноября я былъ господиномъ въ Европѣ, а теперь уже нѣтъ. Знаю, что Германія волнуется; мнѣ надобно спѣшить въ Парижъ, чтобы оттуда смотрѣть за Вѣною и Берлиномъ. Въ Парижъ я упаду какъ бомба. Въ Парижѣ и въ цѣлой Франціи ни о чемъ не будутъ больше говорить, какъ только о моемъ возвращеніи, и забудутъ все, что случилось. Я соберу армію въ 300,000, выступлю съ нею весною и уничтожу москвитянъ». Въ Дрезденѣ, 14-го декабря н. с., онъ написалъ императору Францу и королю Фридриху-Вильгельму письма съ требованіемъ усиленія вспомогательныхъ войскъ. Но скоро узнали, что прежнее вспомогательное прусское войско, бывшее подъ начальствомъ генерала Іорка, по приглашенію русскихъ генераловъ, отдѣлилось отъ остатковъ наполеоновой арміи и заключило договоръ съ ближайшимъ русскимъ отрядомъ. Король былъ испуганъ этимъ слишкомъ быстрымъ оборотомъ дѣла: онъ былъ еще окруженъ французскими войсками, ничего не зналъ вѣрнаго относительно намѣреній Россіи и Австріи. По обычаю, Фридрихъ-Вильгельмъ сталъ играть въ двойную игру: передъ французами не одобрилъ соглашенія Іорка, послалъ генерала Клейста смѣнить его; но императору Александру далъ знать, что одобряетъ поступокъ Іорка, только явно признать его не можетъ; если императоръ двинетъ свои войска черезъ Вислу до Одера, то Пруссія готова заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ. 2 (14) января 1813 года князь Сергѣй Долгорукій доносилъ фельдмаршалу Кутузову изъ Кенигсберга о разговорѣ своемъ съ Іоркомъ. Генералъ разсказывалъ, что король присылалъ къ нему тайно офицера предувѣдомить его о мѣрахъ, какія онъ временно принужденъ былъ принять противъ него: какъ скоро онъ узнаетъ объ указѣ генералу Клейсту арестовать его, то отдался бы подъ покровительство императора Александра и старался держаться недалеко отъ прусскаго войска. Долгорукій тутъ же доносилъ, что прусское войско и народъ волнуются и негодуютъ на короля за его уклончивое поведеніе. Нѣкоторые говорили, что было бы хорошо, если бы французы захватили Фридриха-Вильгельма: тогда войско и народъ будутъ имѣть возможность обнаружить всю свою энергію. Долгорукій оканчивалъ свое донесеніе словами, что надобно бить желѣзо пока горячо, пользоваться одушевленіемъ пруссаковъ.

Король стоялъ твердо на томъ, чтобы *одному* не начинать, и употреблялъ всѣ средства, чтобъ подвинуть Австрію начать вмѣстѣ: отправленный въ Вѣну, полковникъ Кнезебекъ долженъ былъ говорить тамъ: «Союзъ Австріи съ Пруссіею представляетъ единственное средство бороться противъ господства Франціи и воспрепятствовать, чтобъ Россія при дальнѣйшемъ своемъ побѣдоносномъ движеніи не пріобрѣла авторитета въ германскихъ и европейскихъ дѣлахъ, что не можетъ быть выгодно ни для Австріи, ни для Пруссіи». Австрія отклонила союзъ, выставляя, что не можетъ нарушить союза съ Франціею; но не хотѣла исполнять и союзныхъ обязательствъ въ отношеніи къ Наполеону; хотѣла для этого мира. «Союзъ нашъ съ Франціею»,—внушала она Наполеону,—«долженъ быть вѣченъ, какъ вѣчны побужденія, къ нему поведшія. Не Франціи боимся мы, а Россіи; если русскіе воспротивятся умѣреннымъ условіямъ мира, то не только вспомогательный корпусъ, всѣ силы нашей монархіи обратятся противъ нихъ. Но всеобщій миръ можетъ все исправить и укрѣпить новую французскую династію. Снова вторгнуться теперь въ Россію нельзя, слѣдовательно война должна вестись во владѣніяхъ союзниковъ Франціи; императоръ Францъ обязанъ передъ своими народами не позволять, чтобъ она была перенесена на австрійскую почву. Остается Пруссія и герцогство Вар-

шавское: но какая выгода произойдетъ отъ совершеннаго опустошенія этихъ государствъ? Австрія не дастъ Франціи больше того, что обязана дать по союзному договору». Наполеонъ спрашивалъ: «Отчего Австрія не хочетъ ничего сдѣлать для войны; если денегъ нѣтъ, то я деньги доставлю».—«Дѣло не въ деньгахъ»,—отвѣчали ему, «но въ общественномъ настроеніи. В. в-ству извѣстно, что очень значительная часть Венгріи населена греками (т.-е. православными славянами), которые по вѣрѣ склонны къ Россіи; а Россія не упускаетъ ничего для извлеченія выгоды изъ этой склонности. Венгерцы смотрятъ на Русскаго императора какъ на покровителя ихъ конституціи, а въ в. в-ствѣ видятъ систематическое стремленіе ее уничтожить».—«Ну, хорошо, миръ такъ миръ!» сказалъ Наполеонъ и предложилъ условія: онъ отказывался только отъ одной Португаліи въ пользу Браганцкаго Дома и удерживалъ за собою все остальное; въ пользу Россіи онъ предлагалъ не объявлять никакихъ притязаній на области, пріобрѣтенныя ею по раздѣламъ Польши; но изъ герцогства Варшавскаго не уступалъ ни одной деревни и не хотѣлъ позволить, чтобъ Россія увеличилась насчетъ своихъ сосѣдей. Наполеонъ понималъ, какъ эти условія будутъ приняты въ Вѣнѣ, и потому требовалъ, что если они не понравятся, то пусть Австрія остается нейтральною, смотритъ спокойно, какъ онъ будетъ раздѣлываться съ Россіею.

Извѣстіе о разрывѣ Іорка съ французскою арміею сильно встревожило Наполеона: «Миръ казался мнѣ очень возможнымъ прежде отпаденія генерала Іорка»,—говорилъ онъ:—«теперь я больше о немъ не думаю; поступокъ Іорка вскружитъ Русскому Кабинету голову; это великое политическое событіе!» Онъ теперь предвидѣлъ тяжелую войну на Востокѣ вслѣдствіе возможности для Россіи составить коалицію. Онъ сталъ заигрывать съ Пруссіею, манить ее Вестфаліею, Варшавскимъ герцогствомъ. Посланный Прусскаго короля (князь Гатцфельдъ) увѣрялъ Наполеона, что самое сильное желаніе Фридриха-Вильгельма сформировать для него новый вспомогательный корпусъ; но денегъ нѣтъ, и притомъ главная опасность—это общественное мнѣніе, которое всюду противъ Франціи. Наполеонъ долженъ помочь прусскому правительству деньгами и тѣмъ избавить его отъ бича революціи, который будетъ опасенъ и для Франціи по сосѣдству. Наполеонъ отвѣчалъ: «О деньгахъ я подумаю; что вы мнѣ говорите о народныхъ движеніяхъ, то это величайшее для васъ несчастіе. Что касается меня, то я совершенно покоенъ относительно Франціи: французъ болтаетъ, бранится; то хочетъ онъ, чтобъ я завоевалъ Китай или Египетъ, то—чтобъ оставался спокойно по сю сторону Рейна; все ограничивается словами, а дѣлаютъ все то, что я хочу».

Пруссія пугала народнымъ движеніемъ; Австрія—что у нея уже 100,000 войска,—лучшее средство для ускоренія мира, ибо Россія испугается; и, конечно, для того, чтобъ испугать Россію, императоръ Францъ далъ австрійскому корпусу, назначенному дѣйствовать противъ русскихъ, повелѣніе отступить передъ ними въ Галицію. Наполеонъ не вытерпѣлъ, разразился: «Это противно договору; это первый шагъ къ отпаденію. Французское войско должно теперь очистить Варшаву и уйти за Одеръ; успѣшное вооруженіе поляковъ будетъ остановлено. Я принялъ ваше предложеніе насчетъ мира; но вооруженный посредникъ мнѣ неудобенъ. Быть можетъ, я отодвину свои войска за Рейнъ и улажусь съ русскими: двѣ великія державы найдутъ всегда средство соглашенія; но вы тогда уже не разсчитывайте на меня». Но по тону это уже не была выходка, подобная прежнимъ выходкамъ противъ пословъ непріятныхъ державъ: въ настоящихъ упрекахъ и угрозахъ слышалась грусть, чувство, что съ нимъ могутъ теперь такъ поступать, и угрозы его уже недѣйствительны. Ударъ былъ нанесенъ; а между тѣмъ Меттернихъ говорилъ полковнику Кнезебеку, присланному къ нему изъ Берлина: «*Пока* Австрія будетъ ограничиваться словами, пользоваться обстоятельствами; Вѣнскій Дворъ вовсе не боится сближенія съ Россіею,—напротивъ: желаетъ его, ибо безъ этого опасно, чтобъ Россія не приняла болѣе дѣятельнаго участія въ борьбѣ съ Франціею». Опасность была и другая: что, если угроза Наполеона исполнится,—Россія войдетъ въ соглашеніе съ Франціею?

Но въ Пруссіи не могли ограничиваться словами; народъ громко требовалъ сверженія французскаго ига; Гарденбергъ объявляетъ королю, что французы хотятъ его захватить, и Фридрихъ-Вильгельмъ уѣзжаетъ изъ Потсдама въ Силезію, въ Бреславль, чѣмъ освобождается отъ давленія французскаго войска; но предлогомъ къ отъѣзду все еще было объявлено, что король ѣдетъ собирать войско для вспомогательнаго корпуса Наполеону. Первый шагъ былъ сдѣланъ, второй—союзъ съ Россіею, войска которой приближались, слѣдовалъ необходимо. Отъ Австріи можно было получить только отрицательное обѣщаніе: «Король можетъ быть увѣренъ, что съ австрійской стороны противъ него никогда враждебныхъ дѣйствій не будетъ; остальное зависитъ оттого, будутъ ли другіе (т.-е. русскіе) вести себя *разумно*». Положительныя заявленія получалъ король въ письмахъ отъ императора Александра, который предлагалъ ему союзъ и возстановленіе Пруссіи въ прежнемъ видѣ. Русскія войска уже занимали часть прусскихъ владѣній, управленіе которыми императоръ поручилъ Штейну, бывшему до сихъ поръ въ Россіи. Это распоряженіе содѣйствовало еще болѣе народному энтузіазму и стремленію къ русскому союзу. Но въ какомъ положеніи находилась Пруссія, какъ не безопасны были ея дороги отъ французовъ, доказательствомъ служитъ письмо, отправленное изъ Бреславля Гарденбергомъ къ Штейну въ Кенигсбергъ: оно было адресовано дѣвицѣ Каролинѣ Гейнзіусъ и содер-

жало въ себѣ слѣдующее: «Любезная сестра! Спѣшу извѣстить тебя, что нашъ добрый отецъ (король) намѣренъ дядѣ (императору Александру) переслать по вѣрной оказіи брачный контрактъ (союзный договоръ): такимъ образомъ бракъ нашей любезной Амаліи (Пруссіи) долженъ скоро и навѣрное состояться. Не говори тамъ нашимъ ничего объ этомъ: отецъ хочетъ, чтобъ все осталось въ тайнѣ, пока дядя всѣмъ не распорядится». Въ Клодаву, гдѣ находился тогда императоръ Александръ, отправленъ былъ для заключенія союза тотъ же Кнезебекъ, который только-что передъ тѣмъ былъ въ Вѣнѣ. Съ обѣихъ сторонъ одинаково желали скорѣйшаго заключенія союзнаго договора; нельзя было тратить времени въ разсужденіяхъ о второстепенныхъ предметахъ; особенно странно было бы входить въ подробности о будущихъ пріобрѣтеніяхъ, дѣлить шкуру, не убивши медвѣдя. Но Кнезебекъ ѣхалъ изъ Вѣны, пропитанный тамошними внушеніями, что прежде всего нельзя допускать возстановленія Польши подъ властію Русскаго государя, и потому при постановленіи мирнаго договора онъ прежде всего начинаетъ толковать о Польшѣ. Императоръ Александръ говоритъ ему: что до мира не можетъ быть рѣчи о Польшѣ; что нельзя теперь входить въ подробности о вознагражденіяхъ, которыя Пруссія можетъ получить и въ Германіи. Но Кнезебекъ стоялъ на-своемъ и писалъ Гарденбергу вѣнскія фразы, что нельзя оставить безъ рѣшенія Польскаго вопроса, иначе французское иго замѣнится русскимъ. Тогда, чтобы избавиться отъ Кнезебека, императоръ Александръ посылаетъ въ Бреславль къ королю стат. сов. Анстета съ проектомъ союзнаго договора: цѣлью союза назначалось возстановленіе Пруссіи. Для борьбы съ Франціею Россія выставляетъ 150, Пруссія 80 тысячъ войска. Императоръ обязывается не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссія не будетъ возстановлена въ объемѣ и силѣ, какія она имѣла до 1806 года; для этого могутъ служить всѣ сѣверо-германскія области, добытыя союзниками по договору или оружію, съ исключеніемъ владѣній Ганноверскаго Дома; императоръ гарантируетъ королю Восточную Пруссію съ участкомъ земли, которая въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ соединяла бы ее съ Силезіею. Проектъ былъ принятъ королемъ, и союзъ заключенъ (договоръ утвержденъ въ Калишѣ, 16 февраля 1813 г.).

Въ этомъ договорѣ Пруссія успокоена насчетъ своего возстановленія въ прежнемъ объемѣ, но о прежнихъ ея польскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ герцогства Варшавскаго, не говорится ни слова. Въ іюнѣ 1812 года Чарторыйскій писалъ императору Александру, что, какъ полякъ, не можетъ болѣе оставаться въ русской службѣ, ибо это запрещено въ актѣ генеральной конфедераціи, торжественно провозгласившей возстановленіе Польши. Но Наполеонъ, встрѣченный съ восторгомъ поляками, какъ возстановитель Польши, отдѣлался на этотъ счетъ одними обѣщаніями, и 9 октября Чарторыйскій пишетъ, что нельзя ли будетъ при мирѣ Россіи съ Франціею устроить въ Польшѣ великаго князя Михаила Павловича. Письмо 6 декабря уже начинается словами: «Побѣда, кажется, рѣшительно увѣнчиваетъ усилія В. И. В-ства. Если вы вступите побѣдителемъ въ Польшу, то обратитесь ли снова къ старымъ планамъ относительно этой страны? Покоряя ее, сохраните ли желаніе покорить также и сердца ея жителей?» Въ слѣдующемъ письмѣ онъ изъявляетъ опасеніе, что континентальныя державы будутъ дѣлать императору внушенія противъ возстановленія Польши, и люди, окружающіе государя, также выскажутъ свои сомнѣнія. Чарторыйскій думалъ, что передъ страхомъ новой войны съ Наполеономъ Александръ долженъ пріобрѣтать расположеніе поляковъ, чтобъ имѣть въ нихъ союзниковъ; онъ зналъ также хорошо, какое сопротивленіе выставитъ Австрія возстановленію Польши при условіи вѣчнаго соединенія съ Россіею подъ одною верховною властью, и потому снова говоритъ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, прибавляя, что поляки боятся предполагаемаго наслѣдника Александрова, цесаревича Константина Павловича; въ случаѣ же согласія на избраніе Михаила, Чарторыйскій обѣщалъ немедленно все подписать, и ручался, что все будетъ исполнено, чего бы императоръ ни потребовалъ. Александръ отвѣчалъ, что успѣхи не перемѣнили его чувствъ и намѣреній относительно Польши; мщеніе есть чувство ему неизвѣстное; но поляки раздражали русскій народъ своимъ поведеніемъ во время послѣдней кампаніи: пусть заставятъ забыть это поведеніемъ противоположнымъ; кромѣ того, если теперь же обнаружить намѣреніе возстановить Польшу, то это заставитъ Австрію и Пруссію броситься въ объятія Франціи; наконецъ, что касается до великаго князя Михаила, то это немыслимо: никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить Россію въ томъ, что Литва, Подолія и Волынь могутъ принадлежать другому государю, а не тому, кто управляетъ Россіею.—Чарторыйскій боялся, что приближенные къ государю люди будутъ противъ возстановленія Польши; дѣйствительно, находившійся въ это время при императорѣ для иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде подалъ сильную записку: «Проектъ возстановленія Польши можетъ быть разсматриваемъ только какъ *средство*, и никогда какъ *цѣль*; ибо какую цѣль можетъ имѣть Россія, отказавшись отъ трехъ или четырехъ лучшихъ своихъ областей? Отъ этого не выиграетъ ни ея сила, ни ея спокойствіе, ни ея вліяніе. Въ головѣ Наполеона идея возстановленія была всегда только средствомъ достиженія цѣли — ослабленія Россіи. Герцогство Варшавское такъ слабо, что не можетъ ни сдѣлать намъ вреда, ни принести пользы въ борьбѣ съ Наполеономъ. Въ продолженіе всей войны Волынь, Подолія и Украйна были покойны и послушны намъ: для чего же намъ отъ нихъ отказываться? Невыгоды возстановленія: изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, польскій — самый

легкомысленный и безпокойный; польская исторія есть исторія долгой анархіи, заключающей постоянные элементы войнъ и раздоровъ между сосѣдями. Если раздѣленіе Польши было противно публичному праву и равновѣсію, то результатъ былъ благодѣтеленъ. Съ возстановленіемъ Польши намъ нужно будетъ навсегда отказаться отъ союза съ Австріей, которая не захочетъ потерять своей части, и бросится въ объятія Франціи; Наполеонъ не возстановилъ въ послѣднее время Польши именно потому, что не хотѣлъ трогать Австріи. Россія непремѣнно потеряетъ свои провинціи, ибо соединеніе Польши съ Россіею подъ однимъ скипетромъ есть состояніе переходное: совершенная независимость отъ Россіи есть задняя мысль всякаго поляка. Нравственное состояніе этого народа, состоящаго изъ нѣсколькихъ магнатовъ, анархической массы мелкой шляхты, жидовскаго средняго сословія и толпы невольниковъ, униженныхъ до скотства самымъ жестокимъ рабствомъ,—дѣлаетъ его неспособнымъ къ той степени мудрости, умѣренности и просвѣщенія, какая необходима для свободы, основанной на общественныхъ правахъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только всмотрѣться въ настоящее состояніе герцогства варшавскаго: хотя здѣсь конституція даетъ большую власть королю, однако царствуетъ полная анархія; администраторы—невѣжды, взяточники, своевольники; управляемые—несчастны, утѣснены, ожесточены; общественное и частное благосостояніе уничтожены. На Русскихъ императоровъ возложится трудная задача быть въ одно время самодержцами и конституціонными королями; только Двина и Днѣпръ будутъ раздѣлять политическія учрежденія столь противорѣчивыя; они всячески будутъ сталкиваться, и рано или поздно одни необходимо должны будутъ поглотить другія. Третье побужденіе — не соглашаться на возстановленіе Польши—это сопротивленіе каждаго русскаго; и теперь, послѣ такихъ подвиговъ преданности, оскорбить русскихъ возстановленіемъ Польши — будетъ несправедливо и неполитично. Русскій народъ увидитъ здѣсь вознагражденіе тѣмъ провинціямъ, которыя его всего менѣе заслужили, увидитъ награду союзникамъ Наполеона, которые во время нашествія поступали съ русскими жесточе французовъ».—Когда, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, появилось снова внушеніе, чтобы Александръ объявилъ себя королемъ Польскимъ, Новосильцевъ (6 августа) подалъ меморію, что отъ этого надобно удержаться, потому что прежде всего нужно кончить главное дѣло въ союзѣ съ Австріею и Пруссіею, а возстановлять Польшу — значитъ, прежде всего, вооружить противъ себя Австрію. Лучше всего занять войсками герцогство Варшавское, императору объявить себя его протекторомъ, приготовлять дѣло возстановленія, взять присягу съ жителей, послать намѣстникомъ великаго князя Николая или Михаила. Рѣшеніе Польскаго вопроса было отложено на все время борьбы съ Наполеономъ, и легко понять, что главная причина этого заключалась въ отношеніяхъ къ Австріи: нельзя было полагать препятствія движенію этой державы въ пользу коалиціи. Императоръ Александръ упорно молчалъ о Польшѣ, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ начиналъ съ нимъ о ней заговаривать.

Мы упомянули о мнѣніи графа Нессельроде, находившагося при государѣ для иностранныхъ дѣлъ. Министра, графа Румянцева, императоръ не взялъ съ собою въ походъ; тотъ долго ждалъ, что его вызовутъ, наконецъ написалъ государю письмо, въ которомъ, жалуясь на забвеніе, въ какомъ онъ оставленъ, просилъ отставки. Александръ отвѣчалъ ему, что не взялъ его съ собою единственно изъ опасенія за его здоровье, и жаловался, въ свою очередь, на письмо Румянцева, какого не ожидалъ, такъ какъ всегда отдавалъ справедливость Румянцеву за исполненіе ввѣренной ему должности. «Впрочемъ»,—писалъ государь,—«могу вамъ поручиться, по опыту и по внутреннему убѣжденію своему, что дипломатамъ и негоціаторамъ почти нечего дѣлать въ эпоху, въ которую мы живемъ: одинъ мечъ можетъ и долженъ рѣшить исходъ событій! Не желаніе скрыть что-либо отъ васъ заставляло меня не писать къ вамъ такъ долго, но неудобство мѣстностей и постоянное движеніе». Взаключеніе императоръ уговаривалъ Румянцева оставать свою просьбу объ увольненіи до возвращенія его изъ похода. Дѣятельность Румянцева, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительно кончилась, и мы должны сказать нѣсколько словъ о характерѣ этой дѣятельности и о томъ, какъ императоръ Александръ распорядился должностью министра иностранныхъ дѣлъ послѣ Румянцева.

При такой страшной борьбѣ, при такомъ страшномъ столкновеніи народныхъ интересовъ, какое представляетъ намъ описываемая эпоха, нельзя надѣяться, чтобъ лицо, занимавшее такое мѣсто, какое занималъ Румянцевъ, при такомъ сильномъ вліяніи на ходъ событій, даже только предполагавшемся, могло быть пощажено противною партіею. Поэтому неудивительно, что Румянцевъ, управлявшій иностранными дѣлами въ печальное время послѣ Тильзита, представлялся поклонникомъ Наполеона, человѣкомъ преданнымъ и даже проданнымъ французскому союзу. Принужденный извѣстными обстоятельствами къ заключенію Тильзитскаго мира и союза, имѣя задачею посредствомъ этого союза обезпечить заблаговременно два важнѣйшіе интереса Россіи—Польскій и Восточный,—императоръ Александръ нашелъ въ Румянцевѣ человѣка, который вполнѣ сочувствовалъ этой задачѣ. Съ одной стороны, раздѣлать то, что было сдѣлано Наполеономъ относительно Польши; съ другой—пріобрѣсти важное, необходимое для Россіи положеніе на Дунаѣ завоеваніемъ Молдавіи и Валахіи,—стало основною мыслію Румянцева, и ни отъ одного изъ министровъ французскіе послы не встрѣчали такихъ настаиваній, такихъ рѣзкихъ выходокъ, какъ отъ Румянцева, когда дѣло доходило до этихъ двухъ дорогихъ для него предметовъ.

Мы уже имѣли случаи приводить его разговоры съ Савари и Коленкуромъ. 8 мая (н. с.) 1811 года Румянцевъ объявилъ Коленкуру: «Дѣло не въ Ольденбургѣ и не въ указѣ 19 декабря 1810 г. (о пошлинахъ); есть дѣло поважнѣе, дѣло о великомъ герцогствѣ Варшавскомъ: это великое герцогство не можетъ оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ оно теперь». Съ такою же цѣпкостію держался Румянцевъ до конца за Молдавію, за границу по Серетъ, если уже нельзя стало пріобрѣсть Валахію. Вслѣдствіе такихъ стремленій, очень скоро обнаружившихся, Румянцевъ навлекъ на себя страшную ненависть Меттерниха. Не хотѣли обращать вниманіе на то, что Румянцевъ прямо высказывался о непрочности тильзитскихъ отношеній, уговаривалъ Австрію подождать: — будетъ время дѣйствовать вмѣстѣ противъ Наполеона; на Румянцева злобились не за то только, что возстаніе противъ Наполеона находилъ онъ преждевременнымъ, а главнымъ образомъ за политику его по польскимъ и турецкимъ отношеніямъ, вслѣдствіе которой Австрія могла быть обхвачена славянщиною и съ сѣвера и съ юга. Ненависть, разумѣется, не разбирала средствъ, когда нужно было вредить ненавидимому человѣку, и Румянцевъ въ Вѣнѣ явился министромъ, проданнымъ Наполеону. Эта клевета страшно раздражала императора Александра, который глубоко уважалъ своего министра за его образцовое безкорыстіе. Императоръ не могъ быть равнодушенъ и къ враждѣ противъ Румянцева за его политику, которая была политикою государя, враждѣ, высказывавшейся не въ одной Австріи, но и въ Россіи. Раздраженіе государя выразилось по поводу полученнаго имъ извѣстія о распространяемыхъ въ Вѣнѣ клеветахъ на Румянцева. Кромѣ постоянно живущихъ пословъ, Александръ обыкновенно отправлялъ съ разными порученіями къ особенно интересовавшимъ его Дворамъ довѣренныхъ людей, которые своими наблюденіями дополняли необходимыя для него свѣдѣнія. Одинъ изъ такихъ довѣренныхъ людей, графъ Шуваловъ, посланный въ Вѣну, сообщилъ государю (30 декабря 1809 года), что тамъ подозрѣваютъ канцлера Румянцева въ связяхъ съ французскимъ правительствомъ, которому Румянцевъ доноситъ все. Отвѣтъ императора обличаетъ сильное раздраженіе. Замѣчая, что Шуваловъ самъ не изъятъ отъ недовѣрія къ Румянцеву, Александръ писалъ: «Я это приписываю только вашей малоопытности. Я прежде всего по цвѣту призналъ представленіе, сообщенное вамъ Поццо-ди-Борго. Это интриганъ совершенный, пансіонеръ Англіи, человѣкъ на всѣ средства и готовый перевернуть все, чтобъ только заставить насъ перемѣнить систему. Мнѣ очень непріятно, что вы вошли въ сношенія съ нимъ, ибо все, что вы отъ него узнаете, будетъ носить его печать. Я вамъ предписываю не оказывать ему ни малѣйшаго довѣрія и тщательно избѣгать малѣйшаго явнаго сообщенія съ нимъ». — Нѣтъ сомнѣнія, что Поццо, съ своею корсиканскою ненавистію къ Наполеону, не могъ успокоиться на тильзитской политикѣ Россіи и, по своей страстности, южной крикливости, выражался рѣзко о политикѣ и министрѣ, ее проводившемъ; но нельзя думать, чтобъ источникъ клеветы на Румянцева, о которой писалъ Шуваловъ, скрывался у Поццо, а не у Меттерниха. Это былъ не первый и не послѣдней разъ, что Александръ заступался за Румянцева. Въ 1812 году, англійскій агентъ Уильсонъ, находившійся при русскомъ войскѣ и бывшій свидѣтелемъ патріотическихъ и непатріотическихъ движеній между русскими генералами послѣ очищенія Смоленска, пріѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ государю, что генералы готовы для него на всякія пожертвованія, если будутъ увѣрены, что императоръ перестанетъ довѣрять совѣтникамъ, которымъ они не довѣряютъ: разумѣлся Румянцевъ. Александръ въ сильномъ волненіи отвѣчалъ: «Армія ошибается насчетъ Румянцева: онъ не совѣтовалъ мнѣ подчиняться Наполеону; я его очень уважаю, потому что онъ почти одинъ, который никогда ничего не просилъ у меня для себя, тогда какъ другіе просятъ почестей, денегъ то для себя, то для родныхъ. Я не хочу жертвовать имъ безъ причины. Ступайте, скажите арміи о моемъ рѣшеніи: — не полагать оружія, пока хотя одинъ вооруженный французъ останется на русской почвѣ; я готовъ отослать мое семейство внутрь страны, готовъ на всякое пожертвованіе, скорѣе отпущу себѣ бороду и пойду ѣсть картофель въ Сибирь, но я не могу уступить насчетъ выбора моихъ министровъ». — Когда, въ началѣ 1813 года, въ Вѣнѣ узнали, что Румянцевъ не находится при императорѣ Александрѣ, то Генцъ писалъ: «Русскій Дворъ, который своею безпокойною, эгоистичною, жадною къ завоеваніямъ и владычеству политикою такъ долго навлекалъ на себя справедливое недовѣріе и ненависть всѣхъ своихъ сосѣдей, кажется, наконецъ, рѣшительно отсталъ отъ своей прежней системы. Графъ Румянцевъ, послѣдній отъявленный покровитель этой системы, постоянно въ удаленіи отъ императора».

Иностранныя сношенія сосредоточились въ Главной Квартирѣ; больной Румянцевъ почетно и незамѣтно сошелъ съ поприща, и другого министра иностранныхъ дѣлъ не было. По отзову современниковъ, самыхъ способныхъ дать въ этомъ случаѣ вѣрное свидѣтельство, отличнымъ министромъ могъ бы быть Поццо-ди-Борго, соединявшій въ себѣ всѣ качества государственнаго человѣка; но императоръ Александръ, какъ увидимъ, нашелъ для Поццо мѣсто, гдѣ тотъ могъ обнаружить всѣ свои достоинства, принести всю пользу. Событія, начиная съ 1813 года, заставляли императора Александра принимать самое живое, непосредственное участіе во внѣшнихъ сношеніяхъ, что соотвѣтствовало вполнѣ и его природнымъ наклонностямъ и полученному имъ значенію установителя и охранителя мира Европы. Императоръ Александръ сталъ самъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, избравши

двоихъ помощниковъ, какъ-бы въ соотвѣтствіе двумъ направленіямъ—либеральному и консервативному, трудную задачу соединенія которыхъ императоръ взялъ на себя. Объ одномъ изъ этихъ помощниковъ мы уже упомянули:—это былъ графъ Нессельроде; другой не замедлитъ появиться на сцену — графъ Каподистріа. Графъ Нессельроде сталъ извѣстенъ своими способностями, какъ секретарь русскаго посольства въ Парижѣ, въ то время, когда готовилось паденіе тильзитской системы. Видя, что разрывъ близокъ, Нессельроде оставилъ Парижъ и черезъ Вѣну отправился въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ ему хотѣлось повидаться съ Меттернихомъ, съ которымъ былъ друженъ; но отъ стараго друга онъ не добился ничего положительнаго, не получилъ никакихъ обѣщаній. Въ Петербургѣ императоръ Александръ такъ опредѣлилъ его будущую дѣятельность: «Въ случаѣ войны мнѣ нуженъ будетъ человѣкъ молодой (Нессельроде было тогда съ небольшимъ 30 лѣтъ), могущій всегда слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать моею политическою перепиской. Канцлеръ графъ Румянцевъ старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить свой выборъ на васъ; надѣюсь, что вы вѣрно *и съ должнымъ молчаніемъ* будете исполнять это порученіе, доказывающее мое къ вамъ довѣріе». Генцъ, говоря, что зналъ графа Нессельроде съ первой молодости, находился съ нимъ въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ, изучилъ его характеръ вполнѣ,—представляетъ намъ его человѣкомъ благоразумнымъ, умѣреннымъ, безъ всякихъ наклонностей къ честолюбію, интригѣ, чуждымъ романтическихъ проектовъ и другомъ мира; по мнѣнію Генца, вліяніе графа Нессельроде будетъ всегда благодѣтельно и безопасно для сосѣдей Россіи. «Въ этомъ отношеніи, болѣе отрицательномъ, правда, чѣмъ положительномъ, его назначеніе драгоцѣнно для всѣхъ тѣхъ, которые интересуются общимъ спокойствіемъ. Онъ не будетъ довольно силенъ, чтобъ всегда предотвращать причины нарушенія спокойствія, но, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не будетъ имъ благопріятствовать». Здѣсь замѣчательно выраженіе, что графъ Нессельроде былъ чуждъ романтическихъ проектовъ, ибо Меттернихъ смотрѣлъ на дѣятельность императора Александра какъ на романтическую. Человѣкомъ, избраннымъ для внѣшнихъ сношеній въ соотвѣтствіе этой романтической дѣятельности, въ Вѣнѣ считали графа Каподистріа. Каподистріа, грекъ изъ Корфу, былъ нѣсколькими годами старше Нессельроде. Значительное время своей молодости провелъ онъ въ Падуанскомъ университетѣ, изучая медицину; потомъ переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ ему посовѣтовали отправиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ вышелъ скоро на-видъ, благодаря особенно покровительству Новосильцева, и сталъ служить по дипломатической части, а приблизился къ государю не ранѣе 1814 года: «величайшее безкорыстіе относительно мѣстъ и денегъ, простота и скромность поведенія, большая откровенность, очень искусно соединенная съ большимъ подчиненіемъ»,—день ото дня укрѣпляли, усиливали, по словамъ Генца, кредитъ Каподистріа у императора Александра. Другіе современники, хорошо знавшіе Каподистріа, люди не-романтическаго направленія, отзывались о немъ, что онъ очень уменъ, но иногда ему недостаетъ разсудительности; онъ обладаетъ проницательностію, тонкостію, но не всегда логикою; находили, что у него нѣтъ опытности въ людяхъ и дѣлахъ; что онъ трудится для міра, составленнаго изъ избранныхъ, столь же совершенныхъ, какъ онъ самъ; его упрекали тѣмъ, что онъ прельщенъ сочиненіями Гизо. Сравнивая его съ Поццо, говорили, что у Каподистріа душа чище, чувства благороднѣе, безкорыстнѣе, но у него далеко не тѣ средства, какъ у Поццо, не тѣ познанія, особенно нѣтъ такого здраваго, практическаго смысла, необходимаго для веденія дѣлъ въ семъ дольнемъ мірѣ. — Таковъ былъ слуга того направленія дѣятельности императора Александра, которое въ Вѣнѣ называли романтическимъ. Но въ минуту, на которой мы остановились, это направленіе тщательно скрывалось; страшная борьба была еще далека до своего окончанія.

Калишскій договоръ ставилъ Европу, повидимому, въ то же положеніе, въ какомъ она была въ началѣ 1807 года. Союзъ между Россіею и Пруссіею; къ нему примыкаетъ Англія съ своими субсидіями, и Швеція съ помощнымъ войскомъ; но если во время коалиціи 1807 года отъ Швеціи нельзя было ожидать дѣятельной помощи вслѣдствіе личности короля Густава IV, такъ и теперь противоположная личность наслѣднаго принца не внушала много довѣрія: до сихъ поръ онъ оставался явно въ выжидательномъ положеніи. Помощь Австріи, точно такъ же, какъ и въ 1807 году, была еще впереди. Союзники отбрасывали небольшіе отряды французскаго войска, освободили отъ нихъ Берлинъ, вступили въ Саксонію; но тутъ должны были встрѣтить Наполеона съ войскомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ у нихъ, и попрежнему они не могли противопоставить ему ни одного генерала съ блестящими военными способностями. Надобно было готовиться къ пораженіямъ, отступать, и тутъ-то императоръ Александръ долженъ былъ опять собрать всѣ силы своего духа, чтобъ устоять, ибо у него на рукахъ былъ напуганный, больной человѣкъ, король Прусскій, который приходилъ въ совершенное отчаяніе при словѣ: «отступленіе»; при видѣ идущаго назадъ войска, пораженному воображенію его уже представлялись прежнія печальныя слѣдствія отступленія, потеря столицы, государства, — все то страшное время, которое онъ пережилъ послѣ Іены. Какъ только неудача, отступленіе, затягиваніе войны—сейчасъ уже ропотъ пруссаковъ, что союзники, русскіе, вмѣсто помощи, содѣйствуютъ только опустошенію страны, хотя вначалѣ русскіе полки встрѣчаемы были, какъ освободители, съ неописаннымъ вос-

торгомъ; а тутъ заискиванія Наполеона, предложенія отдѣльнаго, выгоднаго для Россіи мира...

Но испытаніе было непродолжительно. Условія первой половины 1813 года только повидимому были сходны съ условіями кампаніи 1806—1807 годовъ: разница была существенная. Она состояла въ томъ, что прошелъ 1812 годъ, давшій другое нравственное настроеніе не однимъ русскимъ. До 1812 года былъ одинъ непобѣдимый полководецъ—Наполеонъ, и, благодаря ему, одинъ непобѣдимый народъ—французскій, одна непобѣдимая армія—французская. Но теперь явилась страна, одолѣніе которой оказалось невозможнымъ; страна, которая поглотила непобѣдимую французскую армію; страна, изъ которой непобѣдимый полководецъ убѣжалъ самъ-третей, повторяя, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ,—и страна эта континентальная, повидимому, легко досягаемая. Страна эта была постоянною помѣхою для поработителя Европы своими стремленіями къ равенству положенія съ его имперіею, требованіями уваженія къ своимъ интересамъ, надеждою, какую полагали на нее всѣ недовольные въ Европѣ. Для уничтоженія этой помѣхи и предпринятъ былъ походъ, съ небывалою обстановкою, которая должна была дать ему вѣрный, блестящій успѣхъ,—и вмѣсто успѣха небывалая неудача, небывалое пораженіе. Повидимому, что еще за бѣда для Наполеона? Онъ могъ сдѣлать неосторожность: какой же человѣкъ ея не дѣлалъ? какой знаменитый дѣятель не терпѣлъ пораженій, не бывалъ въ отчаянномъ положеніи? Петръ Великій, Фридрихъ II! Войско онъ наберетъ, необыкновенное военное искусство при немъ, слѣдовательно и побѣда будетъ при немъ. Но та помѣха, которая была прежде, отъ которой покоя не было, которую нужно было уничтожить во что бы то ни стало, теперь существуетъ въ усиленномъ видѣ; надежда, которую полагали на нее всѣ недовольные, выросла; претензіи Россіи увеличились; движеніе обхватываетъ Германію; Пруссія явно въ союзѣ съ Россіею; Австрія перемѣнила тонъ; Швеція выступитъ при первой увѣренности въ успѣхѣ; въ Испаніи дѣла идутъ дурно. По меньшей мѣрѣ, борьбу надобно начинать снова: одинъ годъ уничтожилъ десять или больше лѣтъ блестящихъ успѣховъ. Борьбу надобно начинать снова,—а гдѣ средства? Франція истощена; чтобъ остановить движеніе новой коалиціи, выжатъ былъ послѣдній сокъ изъ страны, создана новая большая армія; но эта армія далеко не прежняя, которая погибла въ Россіи; съ новою арміею, съ этими сравнительно слабыми дѣтьми, нельзя было того сдѣлать, что съ старою, закаленною въ бояхъ, въ побѣдахъ, арміею; преданія были порваны, духъ былъ не тотъ.

Лучшею повѣркою перемѣны положенія, значенія 1812 года—служило поведеніе Австріи; она хочетъ мирить, но для мира требуетъ уступокъ—отъ Наполеона. Сначала Наполеонъ не хочетъ мира, потому что не хочетъ дѣлать уступокъ; мысль о малѣйшемъ шагѣ назадъ на своемъ поприщѣ для него ужасна, нестерпима; уступить—значитъ—признать свое пораженіе, признать значеніе 1812 г. Вѣсть объ отпаденіи Пруссіи заставляетъ его задуматься; онъ рѣшается войти въ переговоры, но по-своему, по-старому: бить по частямъ, сманить Австрію раздѣломъ Пруссіи. Онъ дѣлаетъ слѣдующее предложеніе: у Пруссіи теперь 5 милліоновъ душъ; эти пять милліоновъ раздѣлить на три доли: милліонъ оставить Пруссіи на правомъ берегу Вислы; два милліона—Австріи и два милліона — Саксоніи и Вестфаліи. Лучшая доля достанется Австріи — Силезія! Мало того: если Австрія согласится войти въ тѣснѣйшій союзъ съ Франціею, то получитъ назадъ иллирійскія провинціи. Но Австрію обольстить было нельзя этими приманками: ей нужно было прежде всего освободиться отъ давленія желѣзной руки Наполеона, ибо тогда только и пріобрѣтенія могли быть прочными; взять же Силезію и Иллирію за содѣйствіе утвержденію французскаго ига въ Европѣ былъ неразсчетъ: всѣ эти пріобрѣтенія могли быть скоро отняты. Притомъ, чтобы дѣлить Пруссію, надобно было побѣдить ее и русское войско, которое поддерживалось народнымъ энтузіазмомъ въ Германіи, возбужденнымъ русско-прусскими либеральными провозглашеніями; эти провозглашенія приводили въ отчаяніе Меттерниха: надобно было непремѣнно сдержать Александра и Фридриха Вильгельма вліяніемъ Австріи,—иначе, по мнѣнію Меттерниха, они устроятъ въ Германіи революціонные комитеты. Наконецъ, союзъ съ Франціею былъ невозможенъ и по страшному ожесточенію, которое господствовало противъ французовъ въ самой Австріи.

Побѣда можетъ перемѣнить все, и Наполеонъ спѣшитъ въ Саксонію, навстрѣчу союзникамъ. Встрѣча послѣдовала при Люценѣ; страшная рѣзня, битва нерѣшительная, но союзники отступили, и Наполеонъ провозгласилъ себя побѣдителемъ. Благопріятная минута для мирныхъ предложеній! Союзники побѣждены, отступили, увидѣли, что Наполеонъ все тотъ же и, потому, будутъ умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Наполеонъ также долженъ быть умѣреннѣе: битва не похожа на Аустерлицкую или Іенскую,—еще нѣсколько такихъ побѣдъ, и армія его погибла. Меттернихъ предлагаетъ условія: уничтоженіе Рейнскаго союза, возвращеніе Австріи иллирійскихъ провинцій, свобода ганзейскихъ городовъ, разрушеніе Варшавскаго герцогства, возстановленіе Прусской монархіи. Предложеніе страшно раздражило Наполеона, и дѣйствительно отношенія явились странныя, небывалыя: Наполеонъ стоялъ съ войскомъ въ Саксоніи; онъ побѣдилъ, враги отступили, и отъ него требуютъ, чтобъ онъ отказался отъ пріобрѣтеній, купленныхъ двумя предпослѣдними войнами,—отношенія совершенно извращенныя!—отъ побѣдителя требуютъ уступокъ! А между тѣмъ внутренній голосъ говоритъ Наполеону, что въ сущности тутъ ника-

кого извращенія нѣтъ, что былъ 1812 годъ! Австрія получала возможность дѣлать ему такія предложенія, ибо соединеніе ея войска съ русско-прусскимъ давало коалиціи численное превосходство, что должно было нанести окончательный ударъ его послѣднему войску. Но этотъ внутренній голосъ, разумѣется, не уменьшалъ раздраженія. Особенно раздражало его то, что Австрія предписываетъ ему законы,—Австрія, которая обязана помогать ему въ войнѣ,—Австрія, которая не сдѣлала ничего, что бы дало ей право играть первую роль. Наполеонъ велитъ отвѣчать на австрійскія предложенія, что онъ прощаетъ Австріи все прошлое, хочетъ мира и можетъ заключить его на условіи, чтобы все оставалось какъ было до войны (statu quo ante bellum). Если бы онъ захотѣлъ, то уладился бы съ императоромъ Александромъ, предложивъ ему Польшу; посылка въ Главную русскую Квартиру раздѣлила бы міръ пополамъ.

Эта угроза давно была бы исполнена, еслибъ только было можно. Но въ Вѣнѣ очень хорошо знали, что императоръ Александръ не войдетъ въ отдѣльное соглашеніе съ Наполеономъ, развѣ только Австрія своею медленностію пристать къ союзу принудитъ его къ этому; но Австрія прежде всего не хотѣла повторенія тильзитскихъ отношеній; опытъ прошлаго пошелъ въ прокъ: Меттернихъ не хотѣлъ повторять ни ошибки Пруссіи передъ Аустерлицемъ, ни ошибки Австріи передъ Фридландомъ. Наполеонъ уже освобождалъ Австрію отъ союзныхъ обязательствъ, требовалъ только нейтралитета *невооруженнаго*; но Австрія непремѣнно хотѣла быть въ вооруженномъ нейтралитетѣ, съ тѣмъ, чтобы взять сторону союзниковъ, если Наполеонъ не согласится на ея мирныя условія. Стадіонъ, находившійся въ Главной Квартирѣ союзниковъ, ободрялъ Вѣну своими донесеніями, что, несмотря на отступленіе союзниковъ послѣ Люцена, духъ войска ихъ нисколько не упалъ; напротивъ,—военный жаръ все болѣе и болѣе усиливается, подкрѣпленія подходятъ ежедневно, кавалерія и артиллерія превосходныя. Въ началѣ мая, въ Дрезденъ къ Наполеону явился посланный Австрійскаго императора, графъ Бубна, который объявилъ, что австрійскія мирныя условія очень умѣренны; что союзники требуютъ гораздо большаго, и императоръ Францъ очень радъ, что Наполеонъ побилъ ихъ: станутъ поскромнѣе; въ противномъ случаѣ Австрія знаетъ что дѣлать: вмѣсто 30,000, она отдастъ въ распоряженіе Наполеона 200,000; но надобно заключить перемиріе и завести переговоры. Наполеонъ не могъ принять австрійскихъ условій, не могъ возвратиться во Францію побѣжденнымъ, принужденнымъ къ уступкамъ; но, съ другой сторны, онъ видѣлъ страшную опасность въ случаѣ присоединенія 200,000 войска къ союзникамъ. Императоръ Францъ имѣлъ удовольствіе унизить Наполеона, выжать изъ желѣзной груди болѣзненный вопль, могъ теперь говорить: «Я показалъ императору французовъ, что я такое». Наполеонъ рѣшился написать тестю письмо, какого еще никогда не писывалъ: «Если в. в-ство принимаете какое-нибудь участіе въ моемъ счастіи, то позаботьтесь о моей чести! Я скорѣе умру въ челѣ послѣднихъ великодушныхъ людей Франціи, чѣмъ соглашусь быть посмѣшищемъ для англичанъ и причиною тріумфа враговъ моихъ»! Въ отвѣтъ французскій посланникъ въ Вѣнѣ доносилъ: «Конечно, Австрія желаетъ какъ можно скорѣе объявить намъ войну при первомъ благопріятномъ случаѣ; она бѣшенно вооружается, и нѣтъ никакой надежды имѣть ее союзницею».

Надобно сдѣлать послѣднюю попытку. Коленкуръ посылается къ императору Александру съ предложеніями: «Одеръ будетъ границею германской конфедераціи; проведется линія отъ Глогау до Богеміи; Вестфалія получитъ 1.500,000 душъ; за то Пруссія получитъ великое герцогство Варшавское, съ городомъ и округомъ Данцига; Пруссія пріобрѣтетъ такимъ образомъ 4 или 5 милліоновъ жителей; съ своей стороны, Россія пріобрѣтетъ вторую границу, ее прикрывающую, ибо Пруссія, имѣя свою столицу подлѣ нея, будетъ находиться въ ея системѣ. Франція и Россія будутъ удалены другъ отъ друга на 300 льё разстоянія, будутъ раздѣлены государствомъ въ 200 льё пространства». Но Коленкуру было наказано: «Главное—разговориться. Соглашеніе будетъ легко, если мы узнаемъ виды императора Александра. Мое намѣреніе постлать ему золотой мостъ, чтобы избавить его отъ интригъ Меттерниха. Если ужь надобно сдѣлать пожертвованія, то лучше ихъ сдѣлать въ пользу императора Александра, который велъ добрую войну, и короля Прусскаго, которымъ онъ интересуется, чѣмъ въ пользу Австріи, которая измѣнила союзу, и теперь, подъ титуломъ посредницы, присвоиваетъ себѣ право располагать всѣмъ, взявши себѣ долю, какую ей нужно». Императоръ Александръ отказался принять Коленкура, объявивъ, что всѣ переговоры должны идти чрезъ посредство Австріи, и этотъ отказъ послѣдовалъ на другой день послѣ битвы при Бауценѣ, гдѣ Наполеонъ опять одержалъ побѣду; но эта побѣда стоила ему до 25,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя; союзники дрались отлично и отступили твердою ногою, не разрываясь; изъ 180,000 солдатъ, приведенныхъ Наполеономъ въ Саксонію, оставалось 120,000. Австрія была тутъ съ предложеніемъ перемирія и конгресса; Наполеонъ принялъ и то, и другое. Во время этого перемирія союзники заключили договоры съ Англіею и Австріею; опредѣлено было количество войска, которое выставлялъ каждый изъ нихъ, количество субсидій, выплачиваемыхъ Англіею; Австрія обязалась перейти на сторону союзниковъ, если къ 10-му августа н. с. Наполеонъ не приметъ ея мирныхъ условій. Самъ Меттернихъ отправился къ Наполеону, въ Дрезденъ, для убѣжденія его принять мирныя условія, ибо для Австріи важнѣе всего было остановить борьбу, удержать равновѣсіе

между Россіею и Франціею и овладѣть навсегда посредствующимъ положеніемъ между ними. Въ Въ пылу раздражающихъ рѣчей, Наполеонъ высказалъ знаменитыя слова, которыя должны были бы убѣдить «дипломатическаго генія», какое заблужденіе думать, что Наполеонъ согласится на долгій миръ, когда у него вытребуютъ уступки, заставятъ признаться побѣжденнымъ: «Ваши государи, рожденные на престолѣ, не могутъ понимать моихъ чувствъ: побѣжденные, возвращаются они въ свои столицы и царствуютъ спокойно, какъ прежде; но я солдатъ,—мнѣ нужны честь и слава; я не могу показаться своему народу въ уничиженіи, я долженъ оставаться великъ и славенъ». Но если Меттернихъ ошибался насчетъ возможности мира съ Наполеономъ и уравновѣшенія его могуществомъ могущества Россіи, то и Наполеонъ жестоко ошибался, все еще надѣясь сблизиться съ Россіею и отмстить Австріи отнятіемъ у нея всякаго вліянія. Въ наказѣ Коленкуру, отправленному на конгрессъ, назначенный въ Прагѣ, говорилось: «Намѣреніе императора Наполеона состоитъ въ томъ, чтобы заключить съ Россіею миръ, славный для этой державы,—миръ, который отниметъ у Австріи все ея вліяніе въ Европѣ и этимъ накажетъ ее за вѣроломство и за ошибку, какую она сдѣлала, нарушивъ союзъ 1812 года, чѣмъ сблизила Францію съ Россіею. Императоръ намѣренъ установить такой порядокъ вещей, который отстранитъ всякія столкновенія между нимъ и Россіею. Если Россія получитъ выгодный миръ, то она его купитъ опустошеніемъ своихъ областей, потерею своей столицы и двумя годами страшной войны, бѣдствія которой будетъ долго чувствовать. Австрія, напротивъ, не принеся никакой жертвы, ничего не заслужила. Если она извлечетъ какую-нибудь пользу изъ своихъ интригъ, то она заведетъ другія, для полученія новыхъ выгодъ. Предметы ея требованій отъ Франціи безконечны. Разъ сдѣланная ей уступка ободритъ ее къ требованію новыхъ. Итакъ, въ интересѣ Франціи, чтобы Австрія не пріобрѣла ни одной деревни». Но сближеніе съ Россіею, попрежнему, было невозможно; Пражскій конгрессъ кончился ничѣмъ, и Австрія присоединилась къ союзникамъ; а между тѣмъ англичане вступили во Францію подъ предводительствомъ Веллингтона.

19 іюля изъ Петервальдау императоръ Александръ писалъ Румянцеву, что на его плечахъ громадный трудъ; съ апрѣля мѣсяца въ его распоряженіи не было не только одного дня, даже одной ночи; съ начала апрѣля онъ оставался на одномъ мѣстѣ только два дня въ Дрезденѣ, а послѣ этого находился въ постоянномъ движеніи. Цѣль трудовъ была достигнута: давно признанная необходимою, но до сихъ поръ не могшая образоваться, тройная коалиція между Россіею, Пруссіею и Австріею наконецъ составилась; Наполеонъ, потерявшій громадную армію въ Россіи, увидалъ и теперь противъ себя превосходное числомъ войско союзниковъ и проигралъ Лейпцигскую битву, «великую битву народовъ». Германія была очищена, союзники перешли Рейнъ, вступили на французскую почву; Наполеонъ отбивался отчаянно, истощая всѣ средства своего необыкновеннаго военнаго искусства. Въ это самое время соперникъ его, императоръ Александръ, велъ тяжелую и неутомимую борьбу особаго рода, уговаривая, улаживая союзниковъ, чтобъ дѣйствовали дружно, не теряли времени въ отступленіяхъ и безполезныхъ переговорахъ. Австрія вошла въ коалицію не съ тѣмъ, чтобъ окончательно освободить Европу отъ Наполеона, какъ хотѣлъ императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, или, по крайней мѣрѣ, лучшіе люди Пруссіи: Австрія старалась при первомъ удобномъ случаѣ остановиться, завести переговоры съ Наполеономъ, помириться съ нимъ, удержать его на Французскомъ престолѣ, все—съ цѣлію посредствомъ него не дать преобладанія Россіи и сохранить важное положеніе для себя, быть въ третьихъ, съ равнымъ значеніемъ. Но Австрія была побѣждена въ своихъ стремленіяхъ, уступивъ торжество Александру; въ своихъ разсчетахъ она не обратила вниманія на положеніе Наполеона, не вникла въ смыслъ словъ его, сказанныхъ Меттерниху въ Дрезденѣ, что онъ не можетъ возвратиться во Францію побѣжденный и продолжать царствовать. Александръ восторжествовалъ, потому что онъ зналъ человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло; зналъ, что съ Наполеономъ не можетъ быть мира, а только кратковременное перемиріе. Наполеонъ хотѣлъ отмстить Австріи, заключивши миръ съ Александромъ; но Александръ, отвергая отдѣльный миръ, заставилъ Наполеона отмстить Австріи другимъ образомъ,—уклоненіемъ отъ общаго мира и собственною гибелью, ибо Австрія ничего такъ не желала, какъ мира и сохраненія Наполеона на Французскомъ престолѣ. Наполеонъ, разрушая разсчетъ Австріи, продолжая борьбу, давалъ торжество, главное, великое значеніе Александру,—значеніе вождя, ведшаго коалицію неуклонно впередъ до самыхъ воротъ Парижа, тогда какъ Австрія, въ своихъ стремленіяхъ къ миру, остановкѣ, прекращенію дѣла, естественно становилась на самый задній планъ, взявши на себя жалкую роль державы отступающей, оттягивающей дѣло, трусливой. Въ то время, какъ Россія и Пруссія торжествовали побѣду, доведши до конца великое дѣло, Австрія, ихъ союзница, являлась побѣжденною, ибо извѣстно было, какъ она не хотѣла этой побѣды, какъ полагала всевозможныя препятствія, чтобъ великое дѣло не было доведено до конца. Благодаря Австріи, коалиція уже дѣлилась: на одной сторонѣ — императоръ Александръ, стремившійся довести дѣло до конца, мириться съ Франціею, а не съ Наполеономъ, съ которымъ миръ невозможенъ; Прусскій король не отступалъ отъ Русскаго государя; на другой сторонѣ — императоръ Францъ съ своимъ главнокомандующимъ Шварценбергомъ и съ своимъ канцлеромъ Меттернихомъ; послѣднему удалось своими внушеніями

произвести сильное впечатлѣніе на англійскаго уполномоченнаго при коалиціи, лорда Кэсльри. Взявши на себя незавидную, низменную роль, естественно стремились свести съ высоты человѣка, который избралъ роль противоположную, и Меттернихъ объяснялъ стремленіе Александра покончить дѣло тщеславнымъ желаніемъ непремѣнно войти въ Парижъ въ челѣ войскъ коалиціи! Легко понять, какая досада овладѣла Меттернихомъ, когда всѣ его разсчеты разстроились, когда Александръ восторжествовалъ, и этимъ торжествомъ упрочилъ для себя и страны своей первенствующее положеніе, а на долю Австріи остались осадки того положенія, которое она сама выбрала; легко понять, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ Меттернихъ отзываться о Наполеонѣ, — человѣкѣ, который разстроилъ всѣ его разсчеты, отвергнувъ, по непонятному упорству, руку помощи, погубилъ самъ себя и поставилъ въ печальное положеніе желавшую ему добра Австрію.

Когда при неудачахъ — а онѣ не могли быть рѣдки въ борьбѣ съ Наполеономъ — Меттернихъ и Кэсльри начинали толковать о мирѣ, императоръ Александръ объявлялъ: «Положеніе дѣла необходимо требуетъ, чтобъ мы продолжали войну: всякіе переговоры, неизбѣжно связанные съ потерею времени, дадутъ непріятелю возможность усилиться. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, если союзники будутъ единодушны». Когда союзники въ конференціяхъ настаивали на мирѣ, Александръ говорилъ: «Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое вамъ позволитъ разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый разъ поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 льё. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ». И Наполеонъ спѣшилъ доказать, какъ правъ былъ его соперникъ: говоря о мирныхъ условіяхъ, предлагаемыхъ союзниками, которые требовали, чтобъ Франція осталась при старыхъ своихъ границахъ до 1792 года, Наполеонъ писалъ брату Іосифу: «Еслибъ я подписалъ такой договоръ, то черезъ два года я поднялъ бы оружіе, объявивъ націи, что то былъ не миръ, а капитуляція».

Дѣйствительно, Наполеонъ, и потерявшій всѣ свои завоеванія и даже завоеванія республики, могъ бы оставаться нѣкоторое время безопасно на престолѣ, ибо Франція была совершенно истомлена и ничего болѣе не желала, какъ мира; но эта страна оправляется быстро, и Наполеонъ опять долженъ былъ бы воевать — для поддержанія себя на престолѣ. 1 января 1814 года, онъ сказалъ членамъ законодательнаго собранія, позволившимъ себѣ ропотъ на внутренніе безпорядки и требовавшимъ законовъ, которые бы обезпечили французамъ свободу, безопасность, собственность: «Вы хотите овладѣть властію; но что вы съ нею сдѣлаете? Франціи нужна теперь не палата, нужны не ораторы, а генералъ. Между вами есть ли генералъ? И гдѣ ваше полномочіе? Франція меня знаетъ, а васъ знаетъ ли? Тронъ — это нѣсколько досокъ, обитыхъ бархатомъ; тронъ — это человѣкъ, это я съ моею волею, съ моимъ характеромъ, съ моею славою». Черезъ два года, а конечно еще скорѣе, Наполеонъ долженъ былъ бы сказать, что Франціи нужна не палата, не ораторы, нуженъ генералъ для возвращенія славы и пріобрѣтеній, для уничтоженія слѣдствій капитуляціи. Но Наполеону невозможно было заключить такую капитуляцію, невозможно было не только двухъ лѣтъ, двухъ дней пробыть послѣ нея, потерявши въ собственномъ сознаніи всѣ права на власть: онъ долженъ былъ биться до конца, и, по истощеніи всѣхъ средствъ, отречься отъ престола.

Часть вторая.

ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ.

I.

Первый Парижскій миръ.—Вѣнскій конгрессъ.

Впервые знаменитая столица Франціи, считавшая себя столицею цивилизованнаго міра, проводила такую страшную ночь, какъ ночь съ 18-го на 19-е марта 1814 года: на другой день въ нее должны были вступить союзные государи Европы съ своими войсками! Парижъ пережилъ Варѳоломеевскую ночь, пережилъ кровавые ужасы революціи, но никогда еще побѣдоносной врагъ не вступалъ въ него, неся рѣшеніе его участи. Недавно, во время революціи, когда Франція казалась совершенно беззащитною, враждебныя войска вступили на ея почву съ надеждою проникнуть до Парижа и поддержать здѣсь падающій престолъ, но со стыдомъ должны были оставить Францію. А теперь, послѣ неслыханной въ исторіи военной славы, послѣ небывалаго въ новой, христіанской Европѣ господства, Франція должна признать себя покоренною и принять условія побѣдителей, какія они предпишутъ ей въ Парижѣ! Никогда исторія не видала такихъ событій, такого изумительнаго движенія, такого прилива и отлива счастія и величія, какъ въ первыя 15 лѣтъ XIX вѣка. Никогда Европа не жила такою общею жизнію, никогда всѣ части ея не участвовали въ такомъ общемъ движеніи. Это движеніе пошло изъ Франціи: по волѣ ея императора, народы высылали свои полки, изъ которыхъ составилось огромное ополченіе, устремившееся на востокъ, въ Россію. Цѣль похода была достигнута: отдаленная, восточная столица Россіи была занята; но здѣсь обнаружился страшный обманъ: столица оказалась пустая, и скоро сгорѣла отъ руки таинственныхъ поджигателей; мечты завоевателя исчезли,—онъ обнялъ призракъ. Начался отливъ: войсковыя массы потянулись назадъ съ востока на западъ, и какъ прежде войска разныхъ народовъ примыкали къ легіонамъ Наполеона, такъ теперь примыкаютъ къ полкамъ русскимъ и останавливаются не прежде, какъ у воротъ Парижа.

Народы истомились этимъ приливомъ и отливомъ,—этими движеніями, которыя напоминали начало среднихъ вѣковъ и были не къ лицу цивилизованной Европѣ XIX вѣка. Движеніе исходило изъ Франціи, и въ послѣднее время условливалось положеніемъ и характеромъ одного человѣка, Наполеона. Европа хотѣла покончить съ движеніемъ, и поэтому должна была покончить съ Наполеономъ. Но что же Франція? что же Парижъ, давно уже втянувшій въ себя умъ и волю Франціи? Опустѣлъ ли онъ, какъ Москва, передъ приближеніемъ соединенныхъ войскъ Европы? готовится ли къ пожару? Поднятіемъ Наполеона оправдались пророческія слова Адріана Дюпора, сказанныя въ разгарѣ революціи: «Надобно поспѣшить, чтобы воспрепятствовать окончательному разстройству государственному; не нужно стѣснять свободы и равенства, но нужно обхватить ихъ правительствомъ справедливымъ и сильнымъ. Если этого нельзя сдѣлать, то конституція погибнетъ, и государство будетъ растерзано партіями. Потомъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ опытовъ, знаете ли, кому будетъ принадлежать государство? Деспотизму, въ которомъ станутъ искать убѣжища всѣ души истомленныя, истощенныя». Но сынъ революціи, Наполеонъ, поступилъ подобно своей матери: онъ, въ свою очередь, истомилъ, истощилъ души, искавшія убѣжища въ его власти. Франція и Парижъ истощены, разслаблены физически и нравственно, и болѣе другихъ жаждутъ прекращенія движенія. И безъ того страшнаго истощенія силъ, которому подвергалась Франція при Наполеонѣ, неудачи наступательной войны служатъ дурнымъ приготовленіемъ къ войнѣ оборонительной: при потеряхъ матеріальныхъ, духъ падаетъ въ войскѣ и народѣ, особенно когда нѣтъ убѣжденія въ правдѣ начатой войны; не можетъ быть той свѣжести и твердости въ отпорѣ, съ какимъ защищается народъ, подвергшійся сначала нападенію въ своей странѣ. Сюда присоединялась непрочность отношеній Наполеона къ Франціи, недавность власти, которой право основывалось на военной дѣятельности, военной славѣ. Какъ ни чувствителенъ французскій народъ къ военной славѣ, но односторонняя дѣятельность всегда утомляетъ; и деспотизмъ можетъ приготовить народъ только къ неправильнымъ революціоннымъ движеніямъ, къ дѣятельности отрицательной, а не къ твердой защитѣ существующаго. Многіе могли чувствовать сильную горечь въ сердцѣ, при видѣ нашествія враговъ на родную землю; но трудно было съ ожесточеніемъ

отнестись къ врагу, пришедшему не по своей винѣ, пришедшему съ требованіемъ мира и устраненія человѣка, при которомъ миръ былъ невозможенъ; негодованіе, при видѣ враговъ на родной землѣ, естественно отвлекалось отъ этихъ враговъ и падало на человѣка, который поднялъ враговъ и не успѣлъ защитить отъ нихъ Францію. Могли вооружиться люди изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, не разсуждая о причинахъ и слѣдствіяхъ, видя только враговъ передъ собою; но для этихъ людей нужны были вожди, а вожди могли явиться изъ людей того общества, гдѣ соображаютъ причины и слѣдствія.

При такихъ-то невыгодныхъ для себя обстоятельствахъ Наполеонъ изъ Фонтенебло отправилъ Коленкура къ императору Александру съ мирными предложеніями. Императоръ принялъ посланнаго чрезвычайно ласково; но тѣмъ безотраднѣе зазвучалъ спокойный отвѣтъ, что союзники не хотятъ знать Наполеона, и ждутъ, какъ распорядится Франція насчетъ своего будущаго правительства.

Итакъ, Франція должна рѣшить свою судьбу; но какъ она это сдѣлаетъ и способна ли это сдѣлать? Дважды истомленная нравственно, революціею и военнымъ деспотизмомъ имперіи, она не имѣла средствъ энергически высказаться въ пользу той или другой правительственной формы, въ пользу того или другого человѣка. Партія республиканская, пораженная нравственно, потерявшая кредитъ вслѣдствіе неудачъ революціи, была придавлена матеріально при Наполеонѣ, и теперь не время было ей подавать свой слабый голосъ въ присутствіи соединенныхъ государей Европы. Правительственная форма, существовавшая до сихъ поръ во время имперіи, терпѣлась только благодаря личности императора и падала вмѣстѣ съ нимъ; слѣдовательно ограниченная монархія была единственною формою, стоявшею на-очереди. Но кто будетъ конституціоннымъ монархомъ Франціи? Кандидатство малолѣтняго сына Наполеона, при регентствѣ матери, имѣло большую невыгоду въ отсутствіи силы и самостоятельности, имѣло и выгоду, удовлетворяя войско и отнимая у стараго Наполеона право безпокоить Францію и Европу. Это кандидатство могло бы пройти, еслибъ было поддержано могущественною партіею; но наполеоновская партія была слаба, какъ побѣжденная; противъ имперіи естественно и необходимо шла сильная реакція; противъ нея, какъ обыкновенно бываетъ, раздавались страшныя слова: «Горе побѣжденнымъ!» и сталкивали наполеоновскую династію съ очереди; войско не принималось въ разсчетъ, ибо его побѣды были забыты, когда непріятель стоялъ подъ Парижемъ. Кто же могъ быть кандидатомъ? Старый маршалъ Франціи, теперь наслѣдный принцъ Шведскій, Бернадотъ? Но, кромѣ того положенія, случайнымъ образомъ пріобрѣтеннаго, у Бернадота не было никакихъ другихъ правъ противъ его товарищей.

Выборъ быкъ крайне трудный, и потому легко было напомнить о себѣ забытымъ людямъ—Бурбонамъ, старшій изъ которыхъ носилъ титулъ Французскаго короля подъ именемъ Людовика XVIII. Надежды этого короля—оживали при каждомъ возобновленіи борьбы съ Наполеономъ; и такъ какъ борьба давно велась собственно между Франціею и Россіею, то Людовикъ XVIII постоянно обращался къ Русскому императору съ просьбою вспомнить о его правахъ и поднять его знамя, способное помочь Россіи и Европѣ въ борьбѣ съ похитителемъ Французскаго престола. Но мы видѣли, что императоръ Александръ нисколько не раздѣлялъ взглядовъ и надеждъ представителя старой французской династіи, и думалъ, что ея знамя способно не помочь, но повредить Россіи и ея союзникамъ въ борьбѣ съ императоромъ французовъ. Въ 1805 году, когда императоръ Александръ становился во главѣ коалиціи противъ Наполеона, Людовикъ XVIII напомнилъ о себѣ письмомъ отъ 20 февраля (4-го марта) изъ Митавы. Король вызвался быть при войскѣ, которое должно было дѣйствовать противъ Франціи; писалъ, что надобно вызвать средство, которое одно можетъ дать успѣхъ коалиціи, средство нравственное, *мнѣніе* (l'opinion), ибо до сихъ поръ, въ борьбѣ съ революціонною Франціею, «никогда не противополагали право преступленію, наслѣдника 30-ти королей эфемернымъ тиранамъ, легитимность (légitimité) революціи». 8-го (20) октября 1806 г. новое письмо: «Личное и дѣятельное участіе (въ войнѣ) *короля Французскаго* есть единственное оружіе, которымъ можно низложить похитителя и похищеніе. Зло, опасность для Европы состоитъ не въ честолюбіи и личныхъ средствахъ одного человѣка, а въ самой революціи. Если захотятъ предписать новые законы Франціи, то возмутятъ ее; если объявятъ, что она вольна сама создать себѣ правительство, какое хочетъ, то этимъ предложится ей анархія. Между двумя означенными опасностями есть вѣрная дорога—противопоставить право насилію, законнаго государя похищенію, болѣе даже чѣмъ похитителю». Людовикъ обращался въ своихъ письмахъ къ императору Александру: «Monsieur, mon Frère et Cousin»! Императоръ отвѣчалъ ему: «Monsieur le Comte» [1])! Обстоятельства предписываютъ подождать развязки, прежде чѣмъ рѣшиться на средство, упомянутое въ вашемъ письмѣ».—Дождавшись развязки, Людовикъ опять написалъ императору 22-го октября (3-го ноября): «Король Прусскій потерпѣлъ пораженіе, Берлинъ во власти Бонапарта. Чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ нужнѣе принять противъ нея средства. Чтобъ извлечь изъ дѣятельнаго вмѣшательства *короля* (т.-е. Людовика XVIII) всю пользу, надобно провести меня во Францію, на берега моего отечества, съ войскомъ, достаточнымъ для обезпеченія высадки и для поставленія опоры моимъ вѣрнымъ подданнымъ». Александръ отвѣчалъ: «Несмотря на мое убѣжденіе, что предложенная вами мѣра могла

[1]) Старый титулъ Людовика—*графъ Прованскій.*

*

бы имѣть хорошій успѣхъ; она неудобоисполнима въ настоящую минуту, по причинѣ поздняго времени года и долговременныхъ приготовленій, необходимыхъ для подобной экспедиціи». Въ 1807 году племянникъ короля, герцогъ Ангулемскій, просился волонтеромъ въ русскую армію: просьба не была принята.

Тильзитскій миръ заставилъ Людовика XVIII оставить русскія владѣнія и искать убѣжища въ Англіи. Наступилъ 1812 годъ, наступила рѣшительная для всей Европы борьба между Россіею и Франціею; Бурбоны опять напомнили о себѣ. 23-го іюля герцогъ Ангулемскій опять прислалъ императору Александру письмо съ просьбою о вступленіи волонтеромъ въ русскую армію. Императоръ отвѣчалъ (9-го октября): «Я бы принялъ ваше предложеніе, если бы замышлялъ высадку на французскіе берега; но изъ Англіи это сдѣлать удобнѣе». Армія Наполеона исчезла въ Россіи, Александръ перешелъ за границу для окончанія борьбы: Людовикъ XVIII возобновилъ свои домогательства подъ благовиднымъ предлогомъ. 14-го февраля 1813 года онъ написалъ императору Александру изъ Гартуэлля: «Жребій войны отдалъ въ руки вашего императорскаго величества болѣе 150,000 плѣнныхъ; большая часть ихъ французы. Мнѣ нѣтъ нужды до того, подъ какими знаменами они шли: они несчастны, и я вижу въ нихъ только дѣтей моихъ; поручаю ихъ щедротамъ вашего императорскаго величества». Послѣ этого нѣжнаго введенія, король приступаетъ къ дѣлу, проситъ императора объявить себя за Бурбонскую династію во Франціи и предлагаетъ высадку въ Нормандію. 26-го марта (7-го апрѣля) другое письмо, въ которомъ король проситъ позволенія герцогу Ангулемскому пріѣхать въ русскую армію. Отвѣтъ прежній (отъ 24-го апрѣля): «Съ великимъ бы удовольствіемъ увидѣлъ я герцога Ангулемскаго на континентѣ; но думаю, что настоящая минута еще неблагопріятна».

Прогремѣла «битва народовъ»; Наполеонъ долженъ былъ уйти за Рейнъ, и вслѣдъ за нимъ союзники готовились вступить во Францію; въ челѣ союза стоялъ Русскій императоръ, и Людовикъ XVIII снова обращается къ неумолимому; письмо изъ Бата отъ 15-го ноября: «Похититель не можетъ защитить несправедливыхъ завоеваній; но онъ старается встревожить французовъ насчетъ намѣренія государей, вооружившихся противъ его нападеній. Единственное средство вырвать у него послѣднее оружіе—это указать Франціи вѣрную гарантію ея независимости и счастія въ возстановленіи отеческой и законной власти. Я не могу спокойно видѣть чужую армію на границахъ моихъ владѣній, тогда какъ намѣренія союзниковъ неизвѣстны, мои права не признаны и моя законная власть не провозглашена. Я никогда не желалъ сохранить завоеванія, столь же гибельныя для спокойствія Франціи, сколько несовмѣстныя съ безопасностію другихъ правительствъ; но я боюсь честолюбивыхъ видовъ, которые встревожатъ французовъ, заставятъ ихъ защищать власть ненавистную. Меня увѣряютъ, что генералъ Сультъ, тайный врагъ Бонапарта, очень расположенъ служить моему дѣлу, и что если ваше императорское величество изволите гарантировать обѣщаніе, которое мнѣ предложили ему сдѣлать, то онъ скоро обратитъ свое оружіе противъ тирана».

Но императоръ Александръ продолжалъ считать лучшимъ средствомъ успокоить Францію—это дать ей свободу устроить самой свое правительство; онъ не считалъ поэтому себя въ правѣ мѣшать Бурбонамъ, если сама Франція ихъ призоветъ; но не хотѣлъ дѣлать ни одного шага, произносить ни одного слова въ ихъ пользу: одинаково сдержанно относился онъ и къ Бурбонамъ, и къ союзникамъ, и къ самимъ французамъ. Уже во Франціи, при вступленіи императора Александра въ Труа, нѣкоторые изъ жителей этого города просили его о возстановленіи Бурбоновъ. «Прежде, чѣмъ думать о Бурбонахъ, надобно побѣдить Наполеона», отвѣчалъ Александръ. Въ Лангрѣ роялисты вызывались набирать волонтеровъ на службу старой династіи: Александръ согласился, но съ тѣмъ, чтобъ этотъ наборъ не имѣлъ никакого отношенія къ движеніямъ союзниковъ и производился въ областяхъ, ими еще незанятыхъ. Иначе относилось къ дѣлу англійское правительство, у котораго Людовикъ нашелъ пріютъ и сочувствіе. Мы видѣли, что еще въ 1804 году Питтъ указывалъ Новосильцеву на пользу возстановленія Бурбоновъ. Восколько здѣсь дѣйствовало убѣжденіе, что Франція при Бурбонахъ не будетъ сильна и опасна Англіи, — мы не знаемъ; по крайней мѣрѣ, въ началѣ 1814 года Англійскій принцъ-регентъ высказался предъ русскимъ посланникомъ, что онъ считаетъ нужнымъ дать французамъ свободу распорядиться насчетъ своего будущаго правительства, но думаетъ, что было бы не безполезно напомнить имъ о существованіи ихъ законной династіи. Но тутъ-же принцъ-регентъ предоставлялъ это дѣло Русскому императору, «вождю безсмертной коалиціи, къ которому обращены всѣ надежды». Вождь безсмертной коалиціи, не высказываясь насчетъ будущаго государя Франціи, дошелъ до ея столицы. Людовикъ XVIII счелъ нужнымъ сдѣлать послѣдній шагъ и предложить приманку, чтобъ заставить Русскаго императора высказаться за него въ рѣшительную минуту,— и къ русскому посланнику въ Лондонѣ является любимецъ Людовика, Блака, съ изъявленіемъ чувствъ благодарности своего государя къ императору Александру, какъ спасителю Франціи и Бурбоновъ: «Король»,— говорилъ Блака, — «чувствуетъ, сколько онъ еще можетъ надѣяться впередъ для счастія своей страны и для утвержденія своего трона отъ могущественнаго покровительства его императорскаго величества. Чѣмъ болѣе король сознаетъ благодѣянія императора и долгъ благодарности за нихъ, тѣмъ болѣе желаетъ скрѣпить самыми тѣсными узами связь между двумя госу-

дарствами, которая обезпечивала бы его подданнымъ постоянное расположеніе ихъ покровителя». Блака, отъ имени королевскаго, предложилъ бракъ между сестрою императора Александра и племянникомъ Людовика XVIII, герцогомъ Беррійскимъ, причемъ однако сдѣлалъ намекъ, что будущая королева Французская должна быть римско-католическаго исповѣданія, и приводилъ въ примѣръ Русскую княжну Анну Ярославну, бывшую за Французскимъ королемъ Генрихомъ I-мъ. Императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать, что онъ готовъ содѣйствовать браку сестры съ герцогомъ Беррійскимъ, но рѣшеніе зависитъ отъ императрицы Маріи Ѳедоровны; притомъ, если перемѣна исповѣданія есть непремѣнное условіе брака, то онъ невозможенъ.

Помощь Русскаго императора нельзя было пріобрѣсти никакимъ средствомъ; но онъ не будетъ препятствовать Бурбонамъ занять Французскій престолъ, если сама Франція этого захочетъ. Истощенная матеріально и нравственно, Франція не въ состояніи возвысить замирающій на устахъ голосъ, да и не знаетъ, какое слово, чье имя произнести. При такомъ положеніи страны, первый вліятельный человѣкъ, который рѣшительно и громко скажетъ свое слово, произнесетъ извѣстное имя, будетъ имѣть навѣрное успѣхъ уже по тому самому, что будетъ говорить при всеобщемъ молчаніи, и это молчаніе примется за знакъ всеобщаго согласія. Бурбонамъ, слѣдовательно, нужно было найти такого человѣка, который бы произнесъ ихъ забытое имя, и они нашли такого человѣка: это былъ Талейранъ.

Мы уже хорошо познакомились съ Талейраномъ; мы видѣли, какъ давно почувствовалъ онъ, что домъ затлѣлъ, и не хотѣлъ въ немъ оставаться; мы видѣли, съ какими рѣчами явился онъ къ Александру въ Эрфуртѣ. На третій годъ, 15 сентября 1810, Талейранъ писалъ императору Александру, что расположеніе, оказанное ему Русскимъ государемъ въ дни печали, стало утѣхою и гордостію всей его жизни. Жалуясь на цѣлую систему упрековъ, стѣсненій, внутреннихъ мученій, какую онъ претерпѣваетъ со времени эрфуртскаго свиданія, систему, разстроившую его дѣла, Талейранъ— просилъ у императора полтора милліона франковъ. Александръ отказалъ въ этой просьбѣ, отвѣчая, что ея исполненіе можетъ повредить самому Талейрану и противно тѣмъ чистымъ и простымъ правиламъ,—которыми императоръ руководится въ сношеніяхъ съ иностранными государями и съ тѣми, которые имъ служатъ.—Теперь, въ 1814 году, императоръ Александръ встрѣтился съ Талейраномъ, какъ съ чародѣемъ, который дорого проситъ за свои предсказанія, но предсказываетъ вѣрно. И теперь Талейранъ занимался какимъ-то таинственнымъ дѣломъ. Домъ сгорѣлъ; куда же перебраться? Наполеонъ — императоръ, герой ста битвъ, завоеватель—низверженъ; война должна прекратиться, но съ прекращеніемъ войны должна начать дѣйствовать дипломатія: пришелъ, слѣдовательно, чередъ дипломатическому Наполеону,—и Талейранъ готовъ. Онъ въ Парижѣ, мудрецъ, прошедшій огонь и воду, знающій все и всѣхъ. Глаза всѣхъ обращены на него: на кого онъ укажетъ? Около Талейрана давно уже собирались люди, недовольные правительствомъ Наполеона, давно произносилось и имя Бурбоновъ. Роялисты, возвратившіеся во Францію при Наполеонѣ, служили императору и молчали, пока онъ былъ въ силѣ; но теперь, когда на имперію разсчитывать было нельзя болѣе, они естественно обратились къ *законной* династіи и начали дѣйствовать въ пользу ея; дѣйствовать становилось все легче и легче, ибо соперничества не было; другія партіи, пораженныя безсиліемъ, безмолвствовали. Талейранъ молчалъ, прислушиваясь и приглядываясь, и, наконецъ, рѣшилъ, что одни Бурбоны возможны.

Въ четвергъ, 19 (31) марта, союзники торжественно вступили въ Парижъ. Императоръ Александръ ѣхалъ между Прусскимъ королемъ и фельдмаршаломъ Шварценбергомъ; императоръ Францъ не хотѣлъ участвовать въ торжествѣ, которое было ему очень не по душѣ. Въ такія великія минуты духъ главнаго историческаго дѣятеля, какимъ былъ Александръ, переполнялся впечатлѣніями настоящаго и прошлаго въ ихъ тѣсной, необходимой связи; Александръ имѣлъ нужду высказаться, освободиться отъ этой тяжести впечатлѣній и, разумѣется, онъ выскажетъ то, что для него въ эти минуты представляетъ главное, существенное, что всего больше занимаетъ его духъ. Онъ высказывается невольно; чрезъ нѣсколько времени, успокоившись отъ волненія, придя, такъ-сказать, въ себя, онъ бы не сказалъ этого не только другимъ, онъ бы и самого себя постарался убѣдить, что не то должно быть для него на первомъ планѣ, не то должно преимущественно занимать его. Въ описываемыя минуты Александру представилось его прошлое со дня вступленія на престолъ, когда онъ явился провозгласителемъ великой идеи успокоенія Европы отъ революціонныхъ бурь и войнъ, идеи возстановленія равновѣсія между государствами, правды въ ихъ отношеніяхъ, при удовлетвореніи новымъ потребностямъ народовъ, при сохраненіи новыхъ формъ, явившихся вслѣдствіе этихъ потребностей. Въ этой Европѣ, пережившей страшную, неслыханную бурю, слѣды которой наводили столько раздумья, въ этой Европѣ передъ государемъ Божіею милостію, предъ внукомъ Екатерины II-й, выдавался впередъ образъ человѣка новаго, человѣка вчерашняго дня, который во время революціонной бури личными средствами сталъ главою могущественнаго народа. Воспитанникъ швейцарца Лагарпа, демократически, безъ предубѣжденій, протянулъ руку новому человѣку, приглашая его вмѣстѣ работать надъ водвореніемъ въ Европѣ новаго, лучшаго порядка вещей. Но сынъ революціи не принялъ предложенія либеральнаго самодержца; у него были другіе за

мыслы, другое положеніе: онъ хотѣлъ основать династію, хотѣлъ быть новымъ Карломъ Великимъ, а для этого нужно было образовать имперію Карла Великаго. Завоевательныя стремленія Наполеона, необходимо соединенныя съ насиліями, съ подавленіемъ народныхъ личностей, дали въ немъ Александру страшнаго врага и освободили отъ опаснаго соперника. Александръ сталъ противъ геніальнаго главы французскаго народа представителемъ нравственныхъ началъ, нравственныхъ средствъ, безъ колебаній вступилъ въ страшную борьбу, опираясь на эти начала и средства, убѣжденный въ великомъ значеніи своего дѣла, во всеобщемъ сочувствіи къ нему. Но борьба шла неудачно; неудача за неудачей, униженіе за униженіемъ; чувствовались, слышались внутри и внѣ страшные для самолюбія отзывы: «Онъ не въ уровень своему положенію; гдѣ ему бороться съ великаномъ! Онъ слабъ, невыдержливъ, на него полагаться нельзя». Восколько тутъ было несправедливаго, восколько тутъ было горечи обманутыхъ надеждъ, желанія сложить свою вину на другого — это было въ сторонѣ; толпа судила по видимости, оскорбительные отзывы повторялись и крѣпли, становились общимъ мнѣніемъ, утвержденнымъ приговоромъ. Прошло шесть лѣтъ тяжкихъ испытаній. Наконецъ, во время страшной бури, засвѣтился лучъ надежды. Однимъ подвигомъ твердости — не мириться съ завоевателемъ — завоеватель былъ изгнанъ съ позоромъ, съ потерею всего войска; другимъ подвигомъ твердости — докончить борьбу низложеніемъ Наполеона — освобождена была Европа, и Русскій государь получалъ небывалую и исторіи славу. Чувство этой славы, въ данную минуту еще ничѣмъ не отравленное, въ противоположность съ недавнимъ горькимъ чувствомъ униженія, переполнило душу Александра и вылилось въ словахъ, сказанныхъ имъ Ермолову: «Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простячкомъ». — «Слова, которыя я удостоился слышать отъ в. в-ства, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному», — отвѣчалъ Ермоловъ. Но когда какой монархъ находился въ положеніи, подобномъ положенію Александра?

Еще одно чувство переполняло душу Александра въ описываемую минуту. При окончаніи подвига сильнѣе чувствуется главная трудность, встрѣтившаяся при его совершеніи; но мы знаемъ, что главная трудность Александра при достиженіи цѣли великой коалиціи заключалась въ противодѣйствіи австрійской политикѣ, причемъ императоръ, употребляя всѣ средства, чтобъ уговорить Шварценберга не останавливаться, иногда долженъ былъ забывать свое высокое положеніе: Александръ помнилъ, какъ ему приходилось ночью, съ фонаремъ, отправляться въ ставку Шварценберга и убѣждать его къ движенію впередъ. И это воспоминаніе вылилось при входѣ въ Парижъ; Александръ сказалъ тому же Ермолову, указывая на Шварценберга: «По милости этого толстяка, не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка».

Такія чувства переполняли душу Александра. Что же чувствовали парижане, глядя на знаменитаго царя?

Парижъ въ этомъ случаѣ вѣрно представилъ Францію: народъ толпился и молчалъ въ нравственномъ безсиліи, при отсутствіи яснаго пониманія и опредѣленнаго чувства своего положенія. На свободѣ могли волноваться роялисты съ своими криками, съ своимъ бѣлымъ знаменемъ. Но французы, при своей впечатлительности, не могутъ долго сдерживаться; тутъ было лицо, производившее сильное впечатлѣніе своимъ значеніемъ, предъ которымъ поникало значеніе Наполеона, и лицо чрезвычайно симпатичное: то былъ Русскій государь, который вызвалъ громкія привѣтствія со стороны не однихъ роялистовъ. На Елисейскихъ поляхъ остановились союзники, чтобъ сдѣлать смотръ своимъ войскамъ; но что дѣлать послѣ смотра, съ чего начать, что сказать Парижу, Франціи? Отъ кого узнать о состояніи умовъ въ Парижѣ, Франціи? Больше не отъ кого, какъ отъ Талейрана, и статсъ-секретарь Русскаго императора, Нессельроде, ѣдетъ въ улицу С.-Флорантэнъ, гдѣ жилъ Талейранъ. Во время разговора дипломатовъ о состояніи Франціи, Нессельроде получаетъ записку отъ императора, въ которой говорится, что во время смотра войскъ дано знать, будто подъ Елисейскій дворецъ, гдѣ намѣревался остановиться императоръ Александръ, подведены мины. Талейранъ пользуется случаемъ и предлагаетъ императору свой домъ, какъ совершенно безопасный и удобный. Императоръ соглашается, и въ тотъ же день между хозяиномъ и высокимъ гостемъ происходитъ совѣщаніе о будущности Франціи: «Республика — невозможность; Марія-Луиза правительницею или Бернадотъ на престолѣ — интрига; одни Бурбоны — принципъ», — говоритъ Талейранъ, — и рѣшаетъ дѣло. Вслѣдствіе этого рѣшенія, прокламація союзныхъ государей объявила Франціи, что они не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи; что они уважаютъ цѣлость прежней Франціи, какъ она была при короляхъ *законныхъ*; что признаютъ и гарантируютъ конституцію, какую французскій народъ себѣ дастъ, и приглашаютъ сенатъ назначить временное правительство. Временное правительство назначаетъ Талейранъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ пяти людей къ себѣ близкихъ.

Дипломатъ, ушедшій вовремя изъ горящаго дома, господствуетъ; въ иномъ положеніи находится другой наполеоновскій дипломатъ, который въ глазахъ Талейрана былъ сумасшедшимъ, потому что не хотѣлъ оставить горящаго дома и употреблялъ отчаянныя усилія затушить пожаръ, спасти хозяина. Коленкуръ ѣздитъ по знатнымъ людямъ, обязаннымъ всѣмъ Наполеону, умоляетъ ихъ дѣй-

ствовать въ пользу императора, но—говоритъ глухимъ. Сенатъ произноситъ низверженіе Наполеона на томъ основаніи, что онъ нарушилъ законы, въ силу которыхъ призванъ былъ царствовать, попралъ свободу частную и общественную. Императоръ Александръ убѣждаетъ Коленкура не тратить понапрасну времени въ Парижѣ, ѣхать въ Фонтенебло и уговаривать Наполеона отречься отъ престола, причемъ предложено было падшему императору убѣжище въ Россіи, гдѣ онъ найдетъ блистательное и радушное гостепріимство. Но Наполеонъ не хочетъ еще уступить безъ боя; онъ думаетъ напасть на союзниковъ, электризуетъ солдатъ, но въ высшихъ слояхъ войскъ, между генералами и офицерами, разсудительность беретъ верхъ надъ чувствомъ, здѣсь не питаютъ никакой надежды на успѣшное продолженіе борьбы. Маршалы—Удино, Ней, Макдональдъ—намекаютъ на необходимость отреченія въ пользу сына. Наполеонъ говоритъ имъ, что это не поведетъ ни къ чему; жена и сынъ его не удержатся, и чрезъ 15 дней на ихъ мѣстѣ будутъ Бурбоны. Онъ соглашается завести переговоры съ союзниками насчетъ отреченія въ пользу сына только для того, чтобъ выиграть время, обмануть союзниковъ и нечаянно напасть на нихъ. Для переговоровъ отправляются въ Парижъ Коленкуръ, Ней и Макдональдъ; на дорогѣ присоединился къ нимъ и маршалъ Мармонъ, который уже завелъ переговоры съ союзниками, обѣщаясь съ своимъ корпусомъ отступить отъ Наполеона и покинуть важное положеніе при рѣкѣ Ессонѣ, прикрывавшее Фонтенебло. Прибывши въ Парижъ, маршалы цѣлую ночь провели въ переговорахъ съ императоромъ Александромъ, настаивая на регентствѣ Маріи-Луизы во время малолѣтства Наполеона II-го. Въ переднихъ комнатахъ они столкнулись съ роялистами, перебранились съ ними и подняли шумъ; Талейранъ долженъ былъ напомнить имъ, что они въ квартирѣ Русскаго императора.

Между тѣмъ Наполеонъ, все думая о томъ, какъ напасть на союзниковъ, послалъ въ корпусъ Мармона за начальствовавшимъ тамъ въ отсутствіе маршала генераломъ Сугамомъ; тотъ испугался, объявилъ товарищамъ, что, должно быть, Наполеонъ узналъ объ ихъ переговорахъ съ союзниками и требуетъ его для разстрѣлянія; чтобъ избавиться отъ бѣды, генералы рѣшили перейти немедленно же къ союзникамъ и привели въ исполненіе свое рѣшеніе. Вслѣдствіе этого, въ Парижѣ произошла любопытная сцена: когда императоръ Александръ, вмѣстѣ съ королемъ Прусскимъ и министрами коалиціи, принялъ въ другой разъ маршаловъ, то они опять начали говорить въ пользу Наполеона II-го и регентства Маріи-Луизы, выставляя на видъ, что у Наполеона I-го еще много войска, ему преданнаго, а потому доводить его до крайности нельзя. Но въ то время, когда рѣчи маршаловъ начинали производить сильное впечатлѣніе, входитъ русскій адъютантъ и тихонько что-то говоритъ своему императору. Коленкуръ, понимавшій немного по-русски вслѣдствіе своего пребыванія въ Петербургѣ, услыхавъ слова: «шестой корпусъ», сейчасъ догадался въ чемъ дѣло, особенно, когда императоръ, наклонившись къ адъютанту, спросилъ: «цѣлый корпусъ?» Немедленно послѣ этого разговора, Александръ удалился для совѣщаній съ королемъ Прусскимъ и министрами, а Коленкуръ объявилъ своимъ, что все кончено. Дѣйствительно, императоръ, выйдя опять къ маршаламъ, объявилъ твердымъ тономъ, что одни Бурбоны пригодны для Франціи и для Европы; что армія, во имя которой говорили маршалы, по крайней мѣрѣ раздѣлена: цѣлый корпусъ перешелъ къ союзникамъ. Маршаламъ нечего было отвѣчать, и Наполеону въ Фонтенебло нечего было думать о продолженіи борьбы; онъ отрекся отъ престола безусловно. Онъ сохранилъ титулъ императора и получилъ во владѣніе островъ Эльбу. Это мѣстопребываніе обѣщалъ ему императоръ Александръ въ разговорѣ съ Коленкуромъ, и потомъ настоялъ на исполненіи обѣщанія, хотя другіе союзники сильно возражали, представляя близость острова къ Италіи и Франціи.

Только-что пронеслась вѣсть объ отреченіи, какъ толпа, жаждущая наругаться надъ падшимъ величіемъ, начала свое дѣло. У героя ста битвъ, передъ которымъ недавно все преклонялось, нѣтъ другого названія, какъ «Людоѣдъ Корсиканскій»а Наполеонъ долженъ готовиться къ отъѣзду нь Эльбу и жалуется, что ему придется проѣзжать чрезъ южныя провинціи, что народъ убьетъ его тамъ. Еще въ Россіи, во время насчастнаго отступленія, на другой день послѣ битвы при Малоярославцѣ, когда казаки чуть-было не взяли его въ плѣнъ, Наполеонъ велѣлъ своему доктору приготовить сильный пріемъ опіуму на случай плѣна. Ядъ остался у него, и теперь, ночью 11 апрѣля, онъ его принялъ; но дѣло кончилось одной рвотой, и, послѣ крѣпкаго сна, Наполеонъ не заблагоразсудилъ поворить пріемъ. Онъ выѣхалъ изъ Фонтенебло на югъ, въ сопровожденіи коммисаровъ отъ каждой изъ союзныхъ державъ. Опасенія его сбылись: въ Оранжѣ раздались крики: «Смерть тирану!» Въ Авиньонѣ требовали корсиканца, чтобъ разорвать его или утопить. Наполеонъ, для предосторожности, переодѣлся въ иностранный мундиръ. Въ Оргонѣ народъ явился съ висѣлицею и бросился къ каретѣ; но графу Шувалову, коммисару съ русской стороны, который одинъ могъ объясняться легко по-французски, удалось утишить толпу. Среди этихъ сценъ Наполеонъ однажды не выдержалъ—и заплакалъ.

Когда оканчивали съ Наполеономъ, нужно было начинать съ Бурбонами. Изъ нихъ первый, съ которымъ парижане познакомились (трудно сказать, чтобъ возобновили знакомство), былъ графъ Артуа, братъ короля Людовика и наслѣдникъ престола; Артуа въѣхалъ торжественно въ Парижъ, въ мундирѣ національной гвардіи, но съ бѣлой кокардой, и помѣстился въ Тюльери. Переступая порогъ этого стараго жилища Французскихъ королей, принцъ

такъ былъ взволнованъ, что его нужно было поддержать. Сначала были довольны этимъ представителемъ возстановленной династіи: Артуа былъ живѣе, обходительнѣе, симпатичнѣе обоихъ старшихъ братьевъ, въ немъ было болѣе французскаго, національнаго, и теперь онъ находился въ особенно хорошемъ настроеніи, былъ со всѣми ласковъ, всѣмъ жалъ руки, давалъ на всѣ стороны обѣщанія, говорилъ безъ умолку и заговорился дотого, что совершенно забылъ о старшемъ братѣ, королѣ; только уже послѣ, надававши обѣщаній, закричалъ: «А братъ!—мы о немъ не подумали: что онъ скажетъ?» Мы видѣли, какъ произошла перемѣна династіи, какъ высказался французскій народъ: при всеобщемъ молчаніи, при затворенныхъ дверяхъ, адвокаты обѣихъ династій, старой и новой, защищали своихъ кліентовъ предъ Русскимъ императоромъ, въ которомъ признавали верховнаго судью и рѣшителя дѣла; адвокаты Бурбоновъ, по обстоятельствамъ, взяли верхъ, вслѣдствіе чего Наполеонъ отрекся безусловно, и Людовикъ XVIII былъ провозглашенъ законнымъ королемъ Франціи. Но теперь предстоялъ вопросъ: какъ долженъ царствовать новый король. Рѣшеніе этого вопроса взялъ на себя наполеоновскій сенатъ, не пользовавшійся сочувствіемъ, какъ раболѣпное орудіе падшаго властителя, и желавшій теперь прежде всего удержать за своими членами важное и выгодное положеніе. Сенатъ опредѣляетъ, что Людовикъ призывается на престолъ свободною волею народа, причемъ сенатъ превращается въ палату наслѣдственныхъ пэровъ, и новые пэры могутъ быть назначены королемъ только на вакантныя мѣста, — условіе, поставленное для того, чтобъ король не ввелъ въ палату эмигрантовъ; наполеоновскій законодательный корпусъ долженъ составить нижнюю палату впредь до возобновленія ея новыми выборами. Понятно, что эмигранты должны были взволноваться такими условіями; но императоръ Александръ за условія; онъ велѣлъ внушить совѣтникамъ графа Артуа, что Бурбоны обязаны всѣмъ сенату, и какъ бы ни нападали на него, все же онъ заключаетъ въ себѣ лучшихъ людей; не съ эмигрантами, незнающими Франціи, Европы и вѣка, можно управлять страшнымъ французскимъ народомъ. Эти внушенія раздражаютъ людей, которые считали *лучшими* себя, вѣрныхъ слугъ законной династіи, а не сенаторовъ, рабовъ похитителя; около Артуа начали уже раздаваться крики, оскорбительные для императора Александра. Кричать было можно, но противиться волѣ Агамемнона союза было поздно, и Артуа объявляетъ сенату, что хотя онъ и не получалъ отъ брата полномочія принять конституцію, но увѣренъ, что король приметъ ея основанія.

Король, прежде торжественнаго въѣзда въ Парижъ, торжественно въѣхалъ въ Лондонъ, и сказалъ принцу-регенту: «Послѣ Провидѣнія, я буду всегда приписывать возстановленіе мое на тронѣ предковъ совѣтамъ вашего королевскаго высочества, вашей славной странѣ и довѣрію ея жителей». Въ этихъ словахъ была доля правды; хотѣлось также польстить Англіи, сблизиться съ нею, найти въ ней опору въ будущемъ, хотѣлось и уколоть Русскаго императора; но вышло, что эти слова больше всего оскорбили французовъ, которые мечтали, что свободно призываютъ Бурбоновъ, а по признанію самого короля,—имъ жаловала ихъ Англія. Переѣхавши во Францію, Людовикъ остановился въ Компьенѣ, и здѣсь-то долженъ былъ рѣшиться вопросъ о конституціи. Еще прежде Александръ отправилъ къ нему Поццо-ди-Борго съ письмомъ, гдѣ говорилось: «Ваше величество покорите всѣ сердца, если обнаружите либеральныя идеи, клонящіяся къ поддержанію и утвержденію органическихъ уставовъ Франціи». Совѣтъ былъ принятъ холодно. Императоръ Александръ, по своей привычкѣ къ личному дѣйствію, не удержался и тутъ, поѣхалъ въ Компьень уговаривать Людовика принять условія сената. Король принялъ его величаво, какъ старикъ принимаетъ молодаго человѣка, выслушивалъ спокойно, ничего не отвергъ, ничего не уступилъ; соблюдая строго старинный этикетъ, удерживалъ за собою первое мѣсто, что не могло не оскорбить высокаго гостя, а этотъ гость низвергъ Наполеона! Торопливость законодательнаго корпуса уничтожила все впечатлѣніе, какое могло быть произведено на Людовика представленіями Русскаго императора: прежде чѣмъ было рѣшено дѣло о конституціи, депутаты законодательнаго корпуса явились въ Компьень поклониться своему новому государю. Такимъ образомъ, Людовикъ былъ признанъ безусловно, и, въ качествѣ законнаго короля, а не короля по призванію, *пожаловалъ* конституціонную хартію. 3 мая онъ въѣхалъ въ Парижъ; 30 былъ заключенъ Парижскій миръ: Франція вошла въ въ границы 1790 года съ ничтожными прибавками; наполеонская добыча—произведенія искусства разныхъ странъ остались въ Парижѣ: о нихъ умолчали. Франція должна была уступить Англіи свою старую колонію Иль-де-Франсъ; за Англіею остался также Мысъ Доброй-Надежды.

Но Парижскимъ миромъ, опредѣлявшимъ границы Франціи, не могла быть успокоена Европа, взволнованная революціею и Наполеономъ, перемѣшавшимъ старыя грани и старыя отношенія. Для того, чтобъ разобраться въ развалинахъ, причиненныхъ страшною бурею, надобенъ былъ конгрессъ. Новая христіанская Европа привыкла къ дѣйствіямъ, въ которыхъ принимаютъ участіе нѣсколько государствъ; привыкла къ войнамъ, которыя велись цѣлыми союзами государствъ; привыкла и къ общимъ мирнымъ переговорамъ, для которыхъ уполномоченные разныхъ государей составляли съѣзды, или конгрессы. Знаменитъ былъ въ XVII вѣкѣ конгрессъ Вестфальскій, кончившій Тридцатилѣтнюю войну; но конгрессъ, къ которому теперь готовилась Европа, былъ гораздо важнѣе, ибо онъ долженъ былъ установить отношенія послѣ небывалой борьбы, въ которой всѣ европейскія державы при-

нимали участіе. Конгрессъ былъ назначенъ въ Вѣнѣ на осень 1814 года. Въ ожиданіи великаго конгресса, государи и министры ихъ разъѣхались изъ Парижа, по своимъ странамъ, гдѣ ждали ихъ привѣтствія торжествующихъ, освобожденныхъ народовъ. Но съ какими чувствами съѣдутся союзники въ Вѣну? Союзъ ихъ въ прежней ли силѣ?

Цѣль союза была достигнута въ Парижѣ. Страшный врагъ палъ предъ его усиліями; но мы видѣли, что, когда еще союзъ былъ только въ зародышѣ, союзники начали осматривать другъ друга и опредѣлять отношенія между собою, и началось опасное дѣйствіе—дѣлежъ добычи, дѣлежъ вліянія. Съ самаго начала наступательныхъ движеній со стороны Франціи, въ концѣ XVIII вѣка, уже обозначалось, что она встрѣтитъ себѣ главное препятствіе въ Россіи, и дѣйствительно борьба, до самаго ея окончанія, шла преимущественно между двумя сильнѣйшими государствами континентальной Европы—между Франціею и Россіею; столкновенія Франціи съ другими государствами являлись только поводами къ борьбѣ ея съ Россіею, которая сознала необходимость постоянно поддерживать слабыхъ. Государства, находившіяся между Франціею и Россіею, не могли имѣть самостоятельности и подчинялись вліянію той или другой. Это всего лучше обозначилось въ 1812 и 1813 годахъ, когда сначала вся Европа пошла съ Франціею противъ Россіи, а потомъ пошла съ Россіею противъ Франціи. Императоръ французовъ палъ окончательно въ этой борьбѣ и своимъ паденіемъ очищалъ первое мѣсто императору Русскому, «вождю безсмертной коалиціи, стяжавшему славу умиротворителя вселенной».

Но такъ величать Александра могли англичане, и то въ первыя минуты восторга отъ паденія Наполеона, потому что въ Англіи это паденіе было самымъ желаннымъ дѣломъ. Мы видѣли, что Австрія не хотѣла паденія Наполеона, именно потому, что хотѣла его силою уравновѣшивать силу Россіи, а самой при этомъ играть роль посредствующей державы, быть третьею европейскою силою. Страшно досадовали, что эти желанія не исполнились; страшно досадовали на Наполеона, который былъ самъ причиною своего паденія, велъ себя такъ, что помочь ему не было никакой возможности. Но одною досадою не ограничивались. Потерпѣвъ неудачу въ стремленіи удержать для Русскаго государя одного могущественнаго соперника, начали стараться поднять многихъ, хотя и менѣе сильныхъ, сдержать Александра коалиціею. Лѣтомъ 1814 года всюду слышались толки о властолюбивыхъ замыслахъ Русскаго императора. Поццо-ди-Борго, назначенный русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, писалъ своему государю: «Меттернихъ закутался въ свои собственныя интриги, и Австрія стремится къ огромнымъ завоеваніямъ—съ тономъ великаго уничиженія».

Что распространялось въ это время изъ Вѣны, видно изъ одного письма Генца: «Искреннее желаніе Австрійскаго Кабинета было примириться съ Наполеономъ, ограничить его могущество, обезпечить его сосѣдей отъ замысловъ его безпокойнаго честолюбія, но сохранить его и его семейство на тронѣ Французскомъ. Меттернихъ былъ убѣжденъ, въ своей мудрости, что возстановленіе Бурбоновъ гораздо больше послужитъ частному интересу Россіи и Англіи, чѣмъ Австріи или общему интересу Европы; что Франція, истощенная до послѣдней степени всѣмъ тѣмъ, что претерпѣла она въ послѣднія двадцать лѣтъ, впадетъ, подъ слабымъ скипетромъ Бурбоновъ, въ состояніе безсилія и совершеннаго ничтожества, которое долго не позволитъ ей поддерживать политическое равновѣсіе. И, слѣдовательно, Россія, гордая своими успѣхами, своею славою, вліяніемъ своимъ въ Германіи, тѣсно и постоянно связанная съ Англіею, не боящаяся болѣе Швеціи и мало сдерживаемая, особенно въ первые годы, Пруссіею, получитъ свободное и обширное поле для своихъ честолюбивыхъ предпріятій, снова будетъ грозить Портѣ, будетъ держать Австрію въ постоянномъ безпокойствѣ и достигнетъ перевѣса, опаснаго для сосѣдей и для всей Европы».

Толковали о замыслахъ Александра относительно Польши. Что онъ признавалъ преждевременнымъ въ 1813 году, то считалъ возможнымъ въ 1814, когда его провозглашали вождемъ безсмертной коалиціи, умиротворителемъ вселенной; а возстановленіе Польши развѣ не относилось прямо къ этому умиротворенію? Главное затрудненіе со стороны Пруссіи было улажено. Мы видѣли, какъ давно Пруссія была готова отказаться отъ польскихъ областей, если бы получила за нихъ вознагражденіе въ Германіи, причемъ имѣлась постоянно въ виду Саксонія. Теперь это могло устроиться: Саксонскій король, вслѣдствіе преданности своей Наполеону, находился въ плѣну у союзниковъ и считался у германскихъ патріотовъ измѣнникомъ народному дѣлу, потерявшимъ поэтому право на корону.

Россія и Пруссія были согласны; но легко понять, какъ должна была смотрѣть на это соглашеніе Австрія, подлѣ которой, съ одной стороны, подымалось страшное могущество Русскаго императора и вмѣстѣ короля Польскаго, съ другой—не менѣе страшное могущество Пруссіи. «Расширеніе русскихъ границъ»—писалъ Генцъ—«уже само по себѣ есть событіе достаточно невыгодное и безпокойное для сосѣдей; а сюда присоединяется еще возстановленіе Польши, т. е. центра волненій, движеній и политическихъ интригъ»! Легко понять, какъ испугались второстепенные германскіе государи, наполеоновскіе короли, видя, что Саксонскаго короля, за союзъ съ Наполеономъ, хотятъ лишить владѣній и отдать ихъ Пруссіи, чѣмъ положится начало объединенію Германіи. Сильнѣе всѣхъ заметалась Баварія. Но не въ Баваріи пока было дѣло: что скажетъ четвертый великій членъ союза, Англія? Изъ Парижа «вождь безсмертной коа-

лиціи» отправился въ Лондонъ, и былъ принятъ тамъ съ восторгомъ необыкновеннымъ. Но туда же отправился и Меттернихъ: «И вотъ»,—пишетъ Генцъ,—«въ то время какъ толпа приходила въ экстазъ отъ героевъ сѣвера, Англійскій Кабинетъ мудро взвѣшивалъ великіе интересы Европы и все болѣе и болѣе сближался съ Австріею. Судя по результатамъ, поведеніе кн. Меттерниха въ Лондонѣ было верхомъ совершенства». Но, судя по результатамъ, Англійскій Кабинетъ не вполнѣ поддался внушеніямъ Меттерниха, ибо Меттернихъ, конечно, не сталъ бы дѣлать внушеній въ пользу Пруссіи. Англія поставила вопросъ между прошедшимъ и будущимъ: прошедшее показало, какъ опасно для Европы усиленіе Франціи, какъ необходимо, слѣдовательно, поставить оплотъ этому усиленію; но Франція, по крайней мѣрѣ, на время была ослаблена, а въ ближайшемъ будущемъ грозно было могущество Россіи, поднявшееся на развалинахъ французскаго могущества. Слѣдовательно въ средней Европѣ должны существовать сильныя государства, которыя могли бы сдерживать и натискъ съ Запада, со стороны Франціи, и натискъ съ Востока, со стороны Россіи; эти государства—Австрія и Пруссія, и потому Англія была согласна на усиленіе Пруссіи чрезъ присоединеніе Саксоніи, но никакъ не хотѣла согласиться на усиленіе Россіи чрезъ присоединеніе къ ней возстановленнаго Польскаго королевства.

Только два союзника были вполнѣ согласны, третій былъ противъ, четвертый былъ противъ наполовину; но легко было предвидѣть, что когда дѣло пойдетъ на что-нибудь рѣшительное, то Англія примкнетъ совершенно къ Австріи. Итакъ, между союзниками ссора при дѣлежѣ: двое на двое. Кто же будетъ больше всѣхъ радъ этому? Разумѣется, та держава, противъ которой былъ составленъ союзъ,—Франція. Несмотря на провозглашеніе союзниковъ, что они воюютъ съ Наполеономъ, а не съ Франціею, по сверженіи Наполеона, по возстановленіи Бурбоновъ, Франція была державою опальною: ее обрѣзывали, противъ нея строили плотины, изъ соединенія Голландіи съ Бельгіею образовывали Нидерландское королевство, усиливали королевство Сардинское присоединеніемъ къ нему генуэзскихъ владѣній, хлопотали объ усиленіи Германіи. Слова явно не ладили съ дѣломъ: всѣ эти предосторожности были направлены не противъ Эльбскаго императора, а прямо противъ Франціи. Положеніе новаго короля Людовика XVIII было тяжело и унизительно, ибо его восшествіе на престолъ не избавило Францію отъ униженія и враждебности со стороны остальной Европы. Надобно было, слѣдовательно, для пріобрѣтенія популярности среди славолюбиваго народа, поднять значеніе Франціи, дать ей мѣсто среди великихъ державъ. Несогласія между союзниками представляли лучшее къ тому средство: въ Вѣнѣ, среди столкновеній дипломатическихъ между четырьмя державами, ловкій представитель Франціи легко найдетъ возможность занять почетное мѣсто, заставить себя выслушивать; разсорившіеся союзники естественно будутъ стараться привлечь французскаго уполномоченнаго каждый на свою сторону; положеніе его будетъ чрезвычайно выгодное, потому что Франція, при этомъ столкновеніи интересовъ, подобно Англіи, ничего не будетъ требовать для себя, и потому получитъ значеніе безкорыстной, безпристрастной рѣшительницы споровъ. А если эти споры поведутъ къ войнѣ между союзниками, Франція примкнетъ къ одной изъ сторонъ, и новому правительству Франціи представится случай возстановить военное значеніе своего народа, воспользоваться побѣдами для измѣненія условій послѣдняго мира, новою славою ослабить воспоминаніе старой наполеоновской славы, и, вмѣстѣ, дать упражненіе безпокойнымъ силамъ, оставшимся отъ императорскихъ временъ и столь опаснымъ для возстановленной династіи.

Заранѣе можно было угадать, къ какой сторонѣ примкнетъ Франція: Людовикъ XVIII былъ оскорбленъ равнодушіемъ Русскаго императора къ его интересамъ; притомъ старанія Александра о томъ, чтобъ реставрація получила наиболѣе либеральныя формы, никакъ не могли содѣйствовать примиренію его съ Бурбонами старой линіи и ихъ безусловными приверженцами. Но чѣмъ болѣе чувствовали побужденій удаляться отъ Россіи, тѣмъ болѣе хлопотали о тѣснѣйшемъ сближеніи съ Англіею. Мы видѣли, что Людовикъ уже призналъ торжественно Англію виновницею своего возстановленія. Заискиванія Франціи приводили въ затрудненіе англійское министерство; лордъ Кастльри считалъ неприличнымъ чрезъ сближеніе съ Франціею преждевременно порвать союзъ; притомъ же сближеніе съ Франціею было непопулярно въ Англіи. Но Людовикъ XVIII и его министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, не отчаявались: у нихъ въ Парижѣ остался герцогъ Веллингтонъ, котораго Телейранъ скоро успѣлъ убѣдить въ необходимости англо-французскаго союза; Веллингтонъ писалъ къ Кастльри: «Положеніе дѣлъ таково, что Англіи и Франціи будетъ *естественно* принадлежать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ на конгрессѣ, если только онѣ поймутъ другъ друга, и это пониманіе можетъ сохранить общій миръ». Веллингтонъ считалъ нужнымъ, чтобъ Кастльри, на дорогѣ въ Вѣну, заѣхалъ въ Парижъ для соглашенія съ Талейраномъ, хотя это и произведетъ непріятное впечатлѣніе на союзниковъ. Герцогъ Беррійскій былъ отправленъ въ Лондонъ съ объявленіемъ, что король, его дядя, считаетъ тождественными интересы обоихъ государствъ.

Послѣ этихъ приготовленій, Телейранъ отправился въ Вѣну быть представителемъ Франціи на конгрессѣ. Онъ повезъ съ собою слѣдующія инструкціи, имъ самимъ написанныя:

«Конгрессъ долженъ быть общій, и всѣ государства, принимавшія участіе въ войнѣ, должны прислать на него своихъ уполномоченныхъ, не и-

ключая самыхъ малыхъ. Самыя малыя государства, которыя можно было бы исключить по ихъ слабости, всѣ или почти всѣ находятся въ Германіи. Германія должна образовать конфедерацію, которой они будутъ членами; слѣдовательно организація ея интересуетъ ихъ въ высшей степени; ея нельзя сдѣлать безъ нихъ, не нарушая ихъ естественной независимости, признанной VI параграфомъ трактата 30 мая; организація будетъ сдѣлана на конгрессѣ,—слѣдовательно несправедливо исключать ихъ изъ участія въ конгрессѣ. Кромѣ справедливости, присутствія уполномоченныхъ отъ мелкихъ государствъ требуетъ и польза Франціи. Интересы мелкихъ государствъ тѣсно связаны съ ея интересами. Всѣ они захотятъ сохранить свое существованіе: Франція должна желать этого сохраненія. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ желать распространенія своихъ предѣловъ: Франціи выгодно это распространеніе, восколько оно препятствуетъ распространенію большихъ государствъ. Политика Франціи должна состоять въ покровительствѣ мелкимъ державамъ; но это надобно дѣлать такъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Покровительствовать имъ будетъ неудобно, если уполномоченные ихъ не будутъ присутствовать на конгрессѣ, когда придется предъявлять за нихъ требованія, вмѣсто того, чтобы только поддерживать требованія, заявленныя ихъ уполномоченными. Съ другой стороны, нужда, которую они будутъ чувствовать въ помощи Франціи, дастъ послѣдней вліяніе на нихъ.

«Публичное право имѣетъ два основныя положенія: власть надъ государствомъ не можетъ быть пріобрѣтена простымъ фактомъ завоеванія, ни перейти къ завоевателю, если государь не уступитъ ему ея; никакое право на власть не имѣетъ силы для другихъ государствъ, пока они не признали его. Государь, котораго владѣнія завоеваны, не переставая быть государемъ (если только самъ не уступилъ или не отказался отъ своихъ правъ), сохраняетъ право послать своего уполномоченнаго на конгрессъ. Такимъ образомъ, Саксонскій король можетъ прислать своего уполномоченнаго на конгрессъ, и не только можетъ, но это необходимо, потому что въ случаѣ, когда станутъ распоряжаться его владѣніями, всѣми или частію, этого нельзя сдѣлать законно безъ уступки или отказа съ его стороны, и надобно, чтобы кто-нибудь, имъ уполномоченный, могъ уступить или отказаться его именемъ. И такъ какъ третье положеніе публичнаго европейскаго права говоритъ, что уступка или отказъ недѣйствительны, если они сдѣланы не свободно самимъ государемъ, не находящимся на свободѣ, то посланники французскіе должны стараться, чтобы кто-нибудь на конгрессѣ потребовалъ освобожденія Саксонскаго короля, и должны поддерживать это требованіе; въ случаѣ же нужды должны сами сдѣлать его.

«Въ Италіи надобно препятствовать господству Австріи, противопоставляя ея вліянію вліянія противныя; въ Германіи надобно противодѣйствовать Пруссіи. Физическая конституція Прусской монархіи дѣлаетъ для нея честолюбіе необходимостью. Всякій предлогъ для нея хорошъ. Никакое внушеніе совѣсти ея не останавливаетъ. Такимъ образомъ, въ 1763 году она увеличила свое народонаселеніе отъ 4 до 10 милліоновъ и образовала кадры громадной монархіи, захватывая здѣсь и тамъ отдѣльныя области, которыя старается соединить, подбирая и области между-лежащія. Страшное паденіе, навлеченное ея честолюбіемъ, не исправило ея. Въ эту минуту ея эмиссары и приверженцы волнуютъ Германію,—толкуютъ, что Франція снова готова напасть на нее и что одна Пруссія въ состояніи защитить ее; кричатъ, что для сохраненія Германіи нужно отдать ее Пруссіи. Пруссія хочетъ имѣть Бельгію и все пространство земель между нынѣшними границами Франціи, Маасомъ и Рейномъ. Она хочетъ и Луксембурга. Все потеряно, если ей не дадутъ Майнца; нѣтъ для нея безопасности, если она не владѣетъ Саксоніею. Говорятъ, союзники обязались возстановить Пруссію въ прежнемъ ея могуществѣ, то-есть съ 10.000,000 подданныхъ. Пусть дадутъ ей волю: скоро у нея будетъ 20 милліоновъ, и Германія цѣликомъ будетъ въ ея рукахъ. Итакъ, необходимо положить преграду ея честолюбію, ограничивая, по возможности, ея владѣнія въ Германіи, и потомъ ограничивая ея вліяніе федеральною организаціей. Распространеніе ея владѣній будетъ ограничено сохраненіемъ всѣхъ мелкихъ государствъ и увеличеніемъ среднихъ. Всѣ мелкія государства должны быть сохранены, потому что они существуютъ. Но если мелкія государства должны быть сохранены, то тѣмъ болѣе королевство Саксонское. Король Саксонскій сорокъ лѣтъ управлялъ своими подданными какъ отецъ, подавая примѣръ добродѣтелей частнаго человѣка и государя. Застигнутый бурею въ возрастъ, долженствующій быть возрастомъ покоя, и возстановленный тою же самою рукой, которая низложила его, если онъ и оказался виновнымъ, то развѣ въ законной боязни и въ томъ чувствѣ, которое всегда почтенно, кто бы ни былъ предметомъ этого чувства. Тѣ, которые его упрекаютъ, виноваты гораздо болѣе его, не имѣя тѣхъ извиненій, какія имѣетъ онъ. Что было ему дано,—было дано безъ его просьбы, безъ его желанія, даже безъ его вѣдома. Онъ перенесъ счастіе съ умѣренностью, и теперь переноситъ бѣдствія съ достоинствомъ. Къ этимъ побужденіямъ, которыя одни могли заставить короля не покидать короля Саксонскаго, присоединяются узы родства, ихъ соединяющія, и необходимость воспрепятствовать, чтобы Саксонія не досталась Пруссіи, которая этимъ пріобрѣтеніемъ сдѣлаетъ рѣшительный шагъ къ безусловному владычеству надъ Германіею.

«Если короля Саксоніи захотятъ перемѣстить на другой престолъ, то и въ такомъ случаѣ Саксонія должна оставаться независимымъ королев-

ствомъ; пусть ее отдадутъ герцогской линіи, что будетъ особенно пріятно Русскому императору, ибо наслѣдникомъ Саксоніи будетъ тогда его зять, наслѣдникъ Веймарскій. Если нельзя отдать Саксонію пруссакамъ, то нельзя отдать и Майнца, нельзя отдать ни клочка земли на лѣвомъ берегу Мозеля. Пусть съ этой стороны распространитъ свои границы Голландія; пусть увеличиваютъ свои владѣнія Баварія, Гессенъ, Брауншвейгъ и особенно Ганноверъ, чтобы доля Пруссіи была какъ можно меньше.

«Возстановленіе королевства Польскаго было бы благомъ—и великимъ благомъ, но только подъ тремя условіями: 1) чтобъ оно было независимо; 2) чтобы получило крѣпкую конституцію; 3) чтобы не нужно было вознаграждать Австрію и Пруссію за тѣ польскія области, которыми онѣ владѣли по раздѣламъ; но эти условія всѣ невозможны, и второе болѣе чѣмъ другія. Прежде всего Россія не хочетъ возстановленія Польши съ условіемъ потери пріобрѣтеннаго для себя; она хочетъ этого возстановленія съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти и то, чѣмъ не владѣетъ. Но возстановить Польшу съ тѣмъ, чтобы всецѣло отдать ее Россіи и увеличить народонаселеніе послѣдней въ Европѣ до 44 милліоновъ, и границы ея распространить до Одера, это значитъ—создать для Европы опасность столь великую и столь близкую, что хотя слѣдуетъ все сдѣлать для сохраненія мира, но если исполненіе такого плана можетъ быть остановлено только силою оружія, не должно колебаться ни минуты для объявленія войны. Тщетная надежда, что Польша, такимъ образомъ соединенная съ Россіею, отложится отъ нея сама собою. Неизвѣстно еще, чтобъ она этого захотѣла; еще менѣе вѣрно, чтобъ она могла это сдѣлать; но несомнѣнно одно, что еслибъ она хотѣла и могла бы сдѣлать это въ извѣстное время, то освободится отъ ига только съ тѣмъ, чтобы снова подпасть подъ него, ибо Польша, получивъ независимость, вмѣстѣ съ этимъ будетъ предана на жертву анархіи. Величина страны исключаетъ собственно такъ-называемую аристократію, а монархія не можетъ существовать тамъ, гдѣ народъ не имѣетъ гражданской свободы, гдѣ шляхта имѣетъ свободу политическую, или независимость, и гдѣ царствуетъ анархія. Разумъ говоритъ это, исторія цѣлой Европы подтверждаетъ. Какимъ образомъ, возстановляя Польшу, отнять политическую свободу у шляхты, или дать гражданскую свободу народу? Послѣдняя не можетъ быть дана манифестомъ, закономъ. Гражданская свобода будетъ пустымъ словомъ, если народъ, которому ее даютъ, не имѣетъ независимыхъ средствъ къ существованію, собственности, промышленности, искусствъ, и этого всего ни манифестъ, ни законъ создать не могутъ: все это можетъ создать только время. Польша могла выйдти изъ анархіи только съ помощію самодержавія; и такъ какъ въ ней самой не было элементовъ самодержавія, то оно пришло извнѣ, то-есть Польша была покорена. Она была покорена, какъ скоро сосѣди этого захотѣли, и это покореніе было для нея счастіемъ: доказательствомъ служитъ прогрессъ тѣхъ ея частей, которыя достались на долю народовъ болѣе цивилизованныхъ. Пусть дадутъ Польшѣ независимость, пусть дадутъ ей короля, не избирательнаго, а наслѣдственнаго; пусть присоединятъ къ тому всѣ возможныя учрежденія: чѣмъ менѣе эти учрежденія будутъ свободны, тѣмъ противнѣе они будутъ духу, привычкамъ, воспоминаніямъ шляхты, которую надобно будетъ подчинять силою,—а гдѣ взять эту силу? Съ другой стороны, чѣмъ свободнѣе будутъ эти учрежденія, тѣмъ скорѣе Польша опять впадетъ въ анархію, которая окончится попрежнему завоеваніемъ. Въ Польшѣ два народа, для котораго нужны двѣ конституціи, исключающія другъ друга. Не имѣя возможности слить эти два народа, ни создать единую власть, могущую примирить все; не имѣя возможности, съ другой стороны, безъ явной опасности для Европы, отдать всю Польшу Россіи,—всего лучше оставить Польшу такъ, какъ она была послѣ третьяго раздѣла. Это тѣмъ важнѣе, что положитъ конецъ притязаніямъ Пруссіи на Саксонію, потому что Пруссія осмѣливается требовать Саксоніи только въ предположеніи возстановленія Польши. Австрія, вѣроятно, также потребуетъ вознагражденія за потерю 5 милліоновъ подданныхъ въ двухъ Галиціяхъ; или если она этого не потребуетъ, то станетъ тѣмъ сильнѣе во всѣхъ итальянскихъ вопросахъ. Если, вопреки всякому вѣроятію, Русскій императоръ согласится отдать то, чѣмъ онъ владѣетъ по раздѣламъ Польши; если захотятъ сдѣлать опытъ, то король не станетъ этому противодѣйствовать, хотя и не ждетъ никакихъ счастливыхъ результатовъ. Въ такомъ случаѣ желательно было бы, чтобы король Саксонскій былъ и королемъ Польскимъ. Но если Польша не можетъ быть возстановлена съ полною независимостью, то пусть все остается, какъ было по третьему раздѣлу. Оставаясь раздѣленною, Польша не будетъ навсегда уничтожена. Не образуя болѣе политическаго тѣла, поляки всегда будутъ составлять одно семейство. У нихъ не будетъ одного общаго отечества, но у нихъ останется одинъ общій языкъ,—слѣдовательно между ними останется самая крѣпкая и самая долговѣчная связь. Подъ чуждымъ владычествомъ они достигнутъ зрѣлаго возраста, до котораго не могли достигнуть въ десять вѣковъ независимости, и моментъ, въ который они созрѣютъ, не будетъ далеко отъ момента ихъ освобожденія и сосредоточенія около одного центра.

«Англія, завоевательница внѣ Европы, въ дѣлахъ европейскихъ руководится охранительнымъ началомъ. Это, можетъ-быть, зависитъ исключительно отъ ея островнаго положенія и отъ ея относительной слабости, не позволяющей ей сохранять завоеваній на континентѣ. Но все равно, необходимость это или добродѣтель, Англія дѣй-

ствуетъ въ охранительномъ духѣ даже относительно Франціи, своей соперницы: такъ она дѣйствовала при Генрихѣ VIII, Елизаветѣ, Аннѣ и, быть-можетъ, также въ эпоху къ намъ ближайшую. Франція, приносящая на конгрессъ виды вполнѣ охранительные, имѣетъ право надѣяться, что Англія поможетъ ей, если только она сама удовлетворитъ самымъ сильнымъ желаніямъ Англіи, которая ничего такъ не желаетъ, какъ уничтоженія торга неграми.»—Въ заключеніи инструкціи пересчитываются четыре пункта, на которыхъ долженъ былъ настаивать Талейранъ: «1) не оставлять Австріи никакой возможности посадить на Сардинскій престолъ принца изъ своего Дома; 2) Неаполь долженъ быть отнятъ у Мюрата и отданъ Бурбонамъ; 3) Польша во всей своей цѣлости не должна быть отдана Россіи; 4) Пруссія не должна пріобрѣсти ни Саксоніи, по крайней мѣрѣ въ цѣлости, ни Майнца».

Такимъ образомъ, уполномоченные Франціи и Англіи являлись на конгрессъ съ охранительными видами; вслѣдствіе этихъ самыхъ видовъ, къ нимъ необходимо должна была пристать Австрія; союзъ естественно разрушался: три державы съ охранительными видами становились противъ двухъ державъ съ видами революціонными. Конгрессъ долженъ былъ кончиться или войной Австріи, Англіи и Франціи противъ Россіи и Пруссіи, или уступкою со стороны двухъ послѣднихъ охранительному началу, выставленному тремя первыми. Во всякомъ случаѣ, побѣда останется за Франціею, за Талейраномъ, за этимъ представителемъ побѣжденной, опальной державы, котораго изъ милости пригласили на конгрессъ, котораго сначала въ Вѣнѣ не хотѣли допускать до участія въ обсужденіи вопросовъ по земельнымъ раздѣламъ въ Германіи, Италіи и Польшѣ. 28-го сентября Талейранъ получилъ отъ Меттерниха коротенькій пригласительный билетъ на конференцію, имѣющую быть на другой день: Меттернихъ приглашалъ къ себѣ Талейрана *присутствовать* (assister) при конференціи, въ которой найдетъ собранными (réunis) уполномоченныхъ Англіи, Россіи и Пруссіи. Такой же пригласительный билетъ получилъ и уполномоченный испанскій, Лабрадоръ. Въ назначенный часъ конференція собралась: за зеленымъ столомъ сидѣли Касльри (на предсѣдательскомъ мѣстѣ), Меттернихъ, Нессельроде и уполномоченные прусскіе, Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ; знаменитый публицистъ Генцъ велъ протоколъ; для французскаго уполномоченнаго оставлено было мѣсто между президентомъ и Меттернихомъ. Входитъ Талейранъ и представляетъ собранію Лабрадора: уполномоченный младшей линіи Бурбоновъ подъ крыломъ уполномоченнаго старшей. Приступаютъ къ дѣлу. «Цѣль нынѣшней конференціи», говоритъ предсѣдатель, обращаясь къ Талейрану: «познакомить васъ съ тѣмъ, что четыре Двора уже сдѣлали со времени своего прибытія сюда... У васъ протоколъ?» продолжалъ онъ, обращаясь къ Меттерниху. Тотъ подалъ Талейрану бумагу, скрѣпленную пятью подписями. Первое, что остановило Талейрана въ протоколѣ,—это слово *союзники*, какъ еще продолжали называть себя четыре державы. «Союзники!»—сказалъ Талейранъ:—«позвольте спросить: гдѣ мы?—въ Шомонѣ или Лаонѣ? развѣ миръ не заключенъ? развѣ идетъ еще война? и противъ кого?»—Ему отвѣчали, что слово «союзники» нисколько не противорѣчитъ существующимъ отношеніямъ, и что оно употреблено только для краткости.—«Для краткости»,—возразилъ Талейранъ,—«нельзя жертвовать точностію выраженія». Талейранъ началъ опять читать протоколъ и черезъ нѣсколько минутъ проговорилъ: «Не понимаю». Опять углубился въ чтеніе,—и опять восклицаніе: «Все же ничего не понимаю!» Комедія кончилась, и Талейранъ объявилъ прямо, что для него существуютъ двѣ даты, между которыми нѣтъ ничего: 30-е мая, когда было рѣшено созваніе конгресса, и 1-е октября, когда долженъ конгрессъ открыться; все, что сдѣлано въ промежутокъ времени между этими двумя числами, для него чуждо, не существуетъ. Собрались на конгрессъ для того, чтобъ удовлетворить правамъ всѣхъ, и было бы большое несчастіе, если бы начали нарушеніемъ этихъ правъ; мысль—покончить все, прежде чѣмъ конгрессъ собрался, для него нова; онъ думалъ, что надобно начать съ того, чѣмъ теперь хотятъ кончить. Послѣ долгихъ разговоровъ, разъѣхались, ничего не рѣшивъ. Искусный полководецъ сбилъ враговъ съ позиціи, заставилъ ихъ ретироваться въ безпорядкѣ. Генцъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Вмѣшательство Талейрана и Лабрадора страшно разстроило и разорвало наши планы; они протестовали противъ формы, какую мы приняли; они насъ отлично отдѣлывали цѣлые два часа; я никогда не забуду этой сцены».

Черезъ день, 1-го октября, другая сцена. Талейранъ былъ приглашенъ къ императору Александру. Мы видѣли, какія образовались отношенія между императоромъ Александромъ и новымъ правительствомъ Франціи. Талейранъ, чтобъ удержать портфель иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVIII, долженъ былъ сообразоваться со взглядами послѣдняго, то-есть удаляться отъ Россіи и приближаться къ Англіи. Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Парижа, не простившись съ Талейраномъ, котораго это очень обезпокоило; онъ былъ дальновиднѣе своего короля; гнѣвъ могущественнаго императора Русскаго могъ быть опасенъ, и Талейранъ написалъ письмо Александру (13-го іюня 1814 г.): «Я не видалъ ваше величество передъ вашимъ отъѣздомъ, и осмѣливаюсь сдѣлать за это упрекъ въ почтительной искренности самой нѣжной привязанности. Государь, давно уже важныя сношенія открыли вамъ мои сокровенныя чувства, ваше уваженіе было слѣдствіемъ этого; оно меня утѣшало въ продолженіи многихъ лѣтъ и помогало мнѣ сносить тяжкія искушенія. Я предугадывалъ вашу судьбу; я чувствовалъ, что при-

детъ время, когда я, оставаясь французомъ, буду имѣть право присоединиться къ вашимъ проектамъ, ибо они не измѣнили бы своего великодушнаго характера. Вы совершенно исполнили это прекрасное предназначеніе; если я слѣдовалъ за вами въ вашей благородной карьерѣ, то не лишайте меня моей награды: я этого прошу у героя моего воображенія, и, смѣю прибавить, у героя моего сердца».

Теперь въ Вѣнѣ Талейранъ опять увидѣлся съ героемъ своего воображенія и сердца, который считалъ необходимымъ склонить французскаго уполномоченнаго къ тому, чтобъ онъ не мѣшалъ польско-саксонскому проекту. Въ донесеніи своемъ королю Людовику XVIII, Талейранъ подробно описалъ свое свиданіе съ Русскимъ императоромъ. Мы оставляемъ подробности, ибо не знаемъ, какія жертвы французскій дипломатъ принесъ точности повѣствованія; существенное заключалось въ томъ, что императоръ высказалъ рѣшительно свою волю относительно присоединенія къ Россіи герцогства Варшавскаго, подъ именемъ Польши, и присоединенія Саксоніи къ Пруссіи; высказался, что для исполненія этого онъ не остановится и передъ войною, а Талейранъ противопоставлялъ желанію императора права другихъ и обычное великодушіе самого Александра.

Объясненіе не повело ни къ чему, развѣ къ большему охлажденію между объяснившимися. Благодаря Талейрану, открытіе конгресса замедлилось и было отсрочено до 1-го ноября. Французскій уполномоченный, вѣрный своимъ инструкціямъ, настаивалъ, чтобы представители всѣхъ державъ приняли живое участіе въ конгрессѣ. Это эму неудалось, но удалось внести въ объявленіе объ отсрочкѣ конгресса до 1-го ноября выраженіе, что конгрессъ будетъ руководствоваться *началами народнаго права*. По поводу этого выраженія былъ сильный споръ; Гарденбергъ настаивалъ, что выраженіе лишнее: само собою разумѣется, что конгрессъ будетъ поступать на основаніи народнаго права. «Это будетъ разумѣться гораздо лучше, если будетъ точно выражено», отвѣчалъ Талейранъ. «Какое значеніе имѣетъ здѣсь публичное право?» спросилъ Гумбольдтъ. «Благодаря публичному праву вы здѣсь», отвѣчалъ Талейранъ. Такъ дѣйствовалъ представитель Франціи на конференціяхъ, гдѣ теперь, кромѣ предвителей Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи, Франціи, Испаніи, присутствовали представители Португаліи и Швеціи. Внѣ конференцій Талейранъ сближался съ представителями второстепенныхъ державъ, жаловался имъ на конгрессъ, на легкомысліе представителей великихъ державъ, на неприготовленность къ рѣшенію ни одного важнаго вопроса, причемъ выставлялъ безкорыстіе Франціи, охранительницы права, защитницы всѣхъ утѣсненныхъ: «Франція не желаетъ для себя ничего, ни одной деревни, — она желаетъ только справедливости для всѣхъ; если не будутъ меня слушать, я выйду изъ конгресса, я подамъ протестъ». Въ Парижѣ шли дальше: здѣсь Веллингтонъ, въ сношеніяхъ съ любимцемъ королевскимъ, Блака, утверждалъ, что присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи нисколько не противорѣчитъ здравой политикѣ; Блака возражалъ, что Людовикъ XVIII никогда не содласится на это присоединеніе, и внушалъ, что Саксонія — это единственный пунктъ, чрезъ который Англія и Франція могутъ проводить свое вліяніе на сѣверъ Европы. Когда Веллингтонъ указывалъ на возможность войны и на опасность, какою эта война могла грозить Бурбонской династіи, Блака отвѣчалъ: если Англія не будетъ противъ Франціи, то нѣтъ никакой опасности, и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ миръ опаснѣе самой несчастной войны.

Открытіе конгресса было отсрочено до 1-го ноября именно для того, чтобы дать важнѣйшимъ вопросамъ время созрѣть для рѣшенія. Важнѣйшимъ вопросомъ былъ вопросъ Польскій. Послѣ личнаго свиданія съ императоромъ Александромъ, которое не повело ни къ чему, Касльри, 12-го октября обратился къ нему съ письменными объясненіями по Польскому вопросу: «Такъ какъ я сопровождалъ ваше величество во время трудной и нерѣшительной борьбы, то считаю себя въ правѣ особенно сильно желать, чтобы конецъ дѣла соотвѣтствовалъ его общему характеру, чтобы ваше величество употребили свое вліяніе и свой примѣръ для внушенія европейскимъ Кабинетамъ, при настоящихъ великихъ отношеніяхъ, духа примиренія, умѣренности и великодушія; этотъ духъ одинъ можетъ упрочить Европѣ спокойствіе, для котораго ваше величество сражались, а вашему величеству — славу, которая должна окружать ваше имя. Умоляю ваше величество не вѣрить, что я буду смотрѣть безъ удовольствія на значительное расширеніе вашихъ границъ со стороны Польши. Мои возраженія касаются только пространства и формы этого расширенія. Ваше величество можете получить очень значительный залогъ благодарности Европы, не требуя отъ своихъ союзниковъ и сосѣдей распоряженія, несовмѣстнаго съ ихъ политическою независимостью. Я могу, если нужно, обратиться къ прошедшему для доказательства, что я и мое правительство чужды политики, враждебной способу воззрѣнія и интересамъ Россіи. Мы только-что разстались съ тяжкою политикой относительно Норвегіи; мы долго обрекали себя на эту политику по настояніямъ вашего величества, чтобъ обезпечить вамъ поддержку Швеціи во время войны, чтобъ укрѣпить за вами Финляндію, доставивъ Швеціи въ Норвегіи соотвѣтственное вознагражденіе съ другой стороны. Руководимые тѣмъ же дружественнымъ чувствомъ своего правительства къ вашему величеству, наши министры при Портѣ Оттоманской содѣйствовали заключенію мира между Россіею и Турціею, который доставилъ вашей имперіи обширную область. Миръ съ Персіей, доставившій вамъ важныя и обширныя пріобрѣтенія, былъ заключенъ вслѣдствіе дѣятельнаго посредничества

англійскаго посланника. Если я упоминаю объ этомъ, то единственно изъ опасенія, чтобы вашему величеству не истолковали дурно моихъ побужденій въ настоящее время, когда я изъ чувства моихъ общественныхъ обязанностей къ Европѣ и особенно къ вашему величеству, долженъ настаивать на измѣненіи, а не на отказѣ отъ вашихъ требованій. Духъ, съ какимъ ваше величество отнесетесь къ вопросу объ увеличеніи вашего государства, исключительно рѣшитъ, долженъ ли настоящій конгрессъ составить счастіе вселенной, или представить только сцену раздоровъ, интригъ и несдержанной борьбы для пріобрѣтенія власти насчетъ принциповъ. Положеніе, занимаемое вашимъ величествомъ теперь въ Европѣ, позволяетъ вамъ сдѣлать все для общаго блага, если вы основете свое посредничество на справедливыхъ началахъ, предъ которыми преклонится Европа. Есть путь, на которомъ ваше величество можете соединить ваши благодѣтельныя намѣренія относительно польскихъ подданныхъ вашихъ съ тѣмъ, чего требуютъ ваши союзники и цѣлая Европа. Они не желаютъ, чтобы поляки были унижены, лишены административной системы, кроткой, примирительной, сообразной съ ихъ потребностями. Они не желаютъ, чтобы ваше величество заключили такія условія, которыя стѣсняли бы вашу верховную власть надъ вашими собственными областями. Они желаютъ только, чтобы для сохраненія мира ваше величество шествовали постепенно къ улучшенію административной системы въ Польшѣ; чтобы вы (если только не рѣшились на полное возстановленіе и совершенную независимость Польши) избѣжали мѣры, которая, при громкомъ титулѣ короля, распространитъ безпокойство въ Россіи и странахъ сосѣднихъ, и которая, льстя честолюбію малаго числа людей изъ знатныхъ фамилій, въ сущности дастъ менѣе свободы и настоящаго благоденствія, чѣмъ болѣе умѣренное и скромное измѣненіе въ административной системѣ страны». Къ этому письму былъ приложенъ меморандумъ: здѣсь Касльри указываетъ, что Россія, Австрія и Пруссія связаны договорами 1813 года, въ которыхъ утверждено, что эти три державы раздѣлятъ между собою герцогство Варшавское, распорядятся имъ полюбовно. Планъ Русскаго императора—присоединить герцогство Варшавское къ русскимъ областямъ, доставшимся Россіи по тремъ раздѣламъ, и сдѣлать изъ нихъ отдѣльную монархію подъ властію Русскаго императора, какъ Польскаго короля,—этотъ планъ распространилъ волненіе и ужасъ при Дворахъ Австрійскомъ и Прусскомъ, наполнилъ страхомъ всѣ государства Европы. Россія, уже увеличенная Финляндіей, Бессарабіею, землями персидскими, устремляется на западъ, въ сердце Германіи, не имѣющей съ этой стороны оборонительной линіи; Россія приглашаетъ поляковъ соединиться около русскаго знамени для возстановленія ихъ королевства; Россія возбуждаетъ легкомысленный и безпокойный народъ къ тѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ борьбамъ, которыми поляки ознаменовали себя въ исторіи. Планъ Русскаго императора противорѣчитъ не только буквѣ, но и духу договоровъ 1813 года: можно ли предположить, чтобъ императоръ Австрійскій и король Прусскій, уговорившись раздѣлить герцогство Варшавское съ Россіею, согласились теперь отдать его все Россіи, разрушая собственныя границы и оставляя столицы свои беззащитными? Проектъ Русскаго императора не можетъ быть разсматриваемъ и какъ нравственный долгъ. Если нравственный долгъ требуетъ, чтобы положеніе поляковъ было улучшено такимъ рѣшительнымъ способомъ, какъ возстановленіе ихъ монархіи, то пусть эти дѣла совершатся по принципу широкому и либеральному; пусть возстановляется нація независимая, а не дѣлается изъ нея страшное военное орудіе въ рукахъ одного государства. Такая либеральная мѣра будетъ принята съ восторгомъ всею Европой. Правда, это была бы жертва со стороны Россіи, по обыкновеннымъ государственнымъ разсчетамъ; но если императоръ Русскій не готовъ къ такой жертвѣ по отношенію къ собственной имперіи, то онъ не имѣетъ никакого нравственнаго права дѣлать подобные опыты насчетъ своихъ союзниковъ и сосѣдей. Русскій императоръ не можетъ надѣяться, чтобъ уполномоченные Австріи и Пруссіи, по собственному побужденію, передъ глазами Европы, предложили покинутіе своихъ военныхъ границъ, какъ мѣру благоразумную и почетную. Уполномоченные Великобританіи, Франціи, Испаніи и вѣроятно другихъ государствъ, большихъ и малыхъ, имѣютъ одинаковый взглядъ насчетъ этого проекта. Въ какомъ же печальномъ положеніи очутится Европа, если его императорское величество не захочетъ отказаться отъ своего проекта и рѣшился овладѣть герцогствомъ Варшавскимъ противъ общаго мнѣнія?

Письмо и меморандумъ Касльри, быть-можетъ, безъ яснаго сознанія автора, имѣли способность произвести сильное раздраженіе. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ (30-го октября) императоръ Александръ естественно обратился къ исчисленію заслугъ Англіи въ пользу расширенія русскихъ предѣловъ, и возстановилъ настоящее значеніе этихъ заслугъ: «Мы приступаемъ къ разсужденію о будущемъ, и для этого естественно объясниться насчетъ прошедшаго. Всѣ пріобрѣтенія, мною сдѣланныя, имѣютъ только оборонительное значеніе. Если бы во время борьбы на-жизнь и на смерть, какую я велъ въ сердцѣ моихъ владѣній, я не былъ спокоенъ со стороны турокъ, то могъ ли бы я употребить для продолженія войны всѣ великія средства, которыя я ей посвятилъ, и Европа была ли бы освобождена? Вы говорите, что Англія согласилась на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи только для того, чтобъ обезпечить меня насчетъ обладанія Финляндіею. Что касается до меня, то я отправлялся отъ принципа болѣе великодушнаго: уговаривая Англію гарантировать Швеціи обла-

даніе Норвегіей, я хотѣлъ присоединить Швецію къ нашему союзу. Я не могъ потерять изъ виду великія морскія выгоды, которыя Норвегія доставляла Швеціи противъ меня. Впрочемъ, моя столица становилась неприступною, а Швеціи, болѣе сосредоточенной, нечего было больше бояться. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ выигрывали относительно безопасности, и всѣ причины распрей и опасеній были отстранены. Если уже тутъ не соблюдены правила равновѣсія, то не знаю, гдѣ ихъ больше послѣ того искать. Вы видите, милордъ, что я очень хорошо понимаю настоящій смыслъ, въ которомъ вы привели нѣсколько дѣйствій вашей политики, и я вовсе не намѣренъ уменьшать достоинство этихъ дѣйствій. Безъ сомнѣнія, отъ исхода настоящаго конгресса зависитъ будущая судьба европейскихъ государствъ, и всѣ мои старанія, всѣ мои пожертвованія имѣютъ ту цѣль, чтобы члены нашего союза пріобрѣли размѣры, способные поддержать общее равновѣсіе. Я не понимаю, какимъ образомъ, при такихъ принципахъ, конгрессъ можетъ сдѣлаться сценою интригъ, вражды и беззаконныхъ усилій для пріобрѣтенія могущества. Пусть цѣлый міръ, который видѣлъ мои принципы, со времени перехода черезъ Вислу до перехода черезъ Сену, рѣшитъ, можетъ ли желаніе пріобрѣсти лишній милліонъ душъ или упрочить за собою какой-нибудь перевѣсъ одушевлять меня и руководить моими поступками. Чистота моихъ намѣреній дастъ мнѣ силу. Если я стою за порядокъ вещей, который я хотѣлъ бы установить въ Польшѣ, такъ это вслѣдствіе убѣжденія, что его установленіе послужитъ къ общей пользѣ. Такая нравственная политика, какой бы оттѣнокъ вы ей ни давали, быть-можетъ, найдетъ цѣнителей у народовъ, которымъ нравится все, что безкорыстно и благодушно».

Къ письму былъ присоединенъ меморандумъ, написанный Чарторыйскимъ: здѣсь объяснялось, что договоры 1813 года насчетъ герцогства Варшавскаго въ настоящее время не могутъ имѣть никакого значенія, ибо они состоялись въ то время, когда Австрія и Пруссія не могли имѣть въ виду огромныхъ владѣній, какія достаются имъ теперь; при этихъ условіяхъ и Россія получаетъ право требовать бо́льшія вознагражденія. Въ первомъ договорѣ 1813 г. говорится о раздѣлѣ герцогства Варшавскаго между тремя союзными державами, а во второмъ уже говорится только о полюбовномъ распоряженіи ихъ насчетъ будущей судьбы герцогства. Условія послѣдняго договора выполнены. Пруссія получила Данцигъ съ округомъ, Австрія — Галицію, соляныя копи Велички, предмѣстье и уѣздъ Краковскій. Страна, которую получитъ Пруссія для связи между своими древними провинціями, одна изъ самыхъ населенныхъ и самыхъ богатыхъ въ герцогствѣ, самая цивилизованная, самая цвѣтущая земледѣліемъ и промыслами, наполненная мануфактурами, которыхъ нѣтъ въ остальныхъ частяхъ. Выходитъ, что Австрія возвращаетъ себѣ, кромѣ трехъ милліоновъ гульденовъ чистаго дохода, участокъ, богатый каменноугольными копями и сѣрою, уѣздъ, безъ котораго Краковъ не значитъ ничего; слѣдовательно Россія отказывается въ герцогствѣ отъ четвертой доли народонаселенія и отъ третьей доли богатствъ и доходовъ, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ 2.200,000 душъ и около 8 милліоновъ гульденовъ дохода. Можно ли послѣ этого еще болѣе ограничивать русскій участокъ? Можно ли это пріобрѣтеніе назвать громаднымъ, какъ оно величается въ англійскомъ меморандумѣ? Можетъ ли онъ быть названъ значительнымъ и равнымъ въ сравненіи съ участками Австріи и Пруссіи, расположенными въ странахъ, наиболѣе облагодѣтельствованныхъ природой, обильныхъ источниками промышленности и богатства? Если къ этому авторъ меморандума прибавитъ картину внутренняго состоянія герцогства, разореннаго войною, голодомъ, заразительными болѣзнями, выселеніями, то что останется отъ его горячихъ выходокъ противъ громадности этого пріобрѣтенія? Напрасно авторъ меморандума вопіетъ, что съ присоединеніемъ герцогства къ Россіи страшная опасность станетъ грозить беззащитнымъ столицамъ Австріи и Пруссіи. Достаточно бросить взглядъ на карту для убѣжденія, что эти опасности существуютъ только въ воображеніи. Защита естественная находится на сторонѣ Австріи, искусственная, посредствомъ крѣпостей — на сторонѣ Пруссіи, а герцогство, выдающееся между этими двумя государствами, всегда можетъ быть схвачено ихъ арміями. Національность, которая должна быть возвращена полякамъ, не представляетъ никакой опасности; напротивъ: здѣсь будетъ вѣрное средство утишить безпокойство, въ которомъ упрекаютъ поляковъ, и примирить всѣ интересы. Императоръ носитъ въ себѣ это убѣжденіе; время и событія докажутъ, что оно основательно.

То обстоятельство, что меморандумъ былъ написанъ Чарторыйскимъ, внушило Каслри мысль, что онъ можетъ безцеремонно отвѣчать на него, не нарушая уваженія къ особѣ императора. Отвѣтному меморандуму (отъ 4 ноября) Каслри представилъ извинительное письмо къ императору: «Я нахожу большое облегченіе въ мысли, что меморандумъ, съ которымъ имѣю дѣло, не выражаетъ собственныхъ идей вашего императорскаго величества. Мои замѣчанія написаны съ полною свободой спора, съ цѣлію представить предъ вашимъ трибуналомъ, государь, начала, въ которыхъ я несогласенъ съ авторомъ меморандума». Каслри утверждаетъ, что договоры 1813 года, Рейхенбахскій и Теплицкій, сохраняютъ всю свою силу: развѣ императоръ Австрійскій согласился, въ силу расширенія своихъ владѣній въ Италіи, отказаться отъ права быть защищеннымъ со стороны Польши? Развѣ различныя государства, принявшія участіе въ Парижскомъ мирѣ, назначая По границею Австріи въ Италіи, думали, что они этимъ самымъ

уничтожають военную границу между Россіей и Австріей со стороны Польши? Кэсльри настаиваетъ, что нельзя ничего доказывать на основаніи характера императора: каковы бы ни были добродѣтели государя, не на личной довѣренности, не на жизни одного человѣка должны основываться свобода и безопасность государствъ. Потомъ Кэсльри указываетъ на ложныя показанія, которыя позволилъ себѣ Чарторыйскій: число жителей Варшавскаго герцогства уменьшено болѣе чѣмъ на милліонъ; доходъ ея соляныхъ копей для Австріи, вмѣсто 300,000, показанъ въ 3 милліона: «Мы бы не кончили»,—говоритъ Кэсльри,—«если бы захотѣли означить всѣ неточности, которыхъ множество на каждой страницѣ меморандума». Взаключеніе Кэсльри сильно упрекаетъ Чарторыйскаго за выставленный въ меморандумѣ принципъ, что военныя издержки могутъ быть вознаграждаемы земельными пріобрѣтеніями: великія военныя державы, восторжествовавшія въ борьбѣ, должны вспомнить, что онѣ боролись за собственную свободу и свободу Европы, а не для расширенія своихъ владѣній.

21-го ноября Кэсльри получилъ отвѣтный русскій меморандумъ (написанный Каподистріею). Обращаясь къ договорамъ 1813 года, меморандумъ говоритъ, что исторія дипломатіи представляетъ нѣсколько примѣровъ, когда одна изъ договаривающихся сторонъ не считала болѣе обязательными для себя договоровъ по причинѣ совершенной перемѣны обстоятельствъ. Сама Англія, основываясь на этомъ принципѣ, не сочла себя обязанною исполнять Амьенскій договоръ. Неизмѣнное правило справедливости требуетъ, чтобы выгоды, пріобрѣтаемыя каждымъ изъ союзниковъ при торжествѣ общаго дѣла, были пропорціональны его усиліямъ и величинѣ пожертвованій. Необходимость политическаго равновѣсія предписываетъ, съ своей стороны, давать каждому государству силу, способную содержать гарантію политическихъ интересовъ въ собственныхъ средствахъ, какія она имѣетъ для того, чтобы заставить уважать ихъ. Сообразуясь неизмѣнно съ этими двумя принципами, императоръ рѣшился вести войну, вначалѣ одинъ, и продолжать ее посредствомъ коалиціи до тѣхъ поръ, пока общее умиротвореніе Европы могло опереться на прочныя, несокрушимыя основанія независимости народовъ и священныя права націй. Когда Одеръ былъ перейденъ, Россія сражалась только за своихъ союзниковъ, для увеличенія могущества Пруссіи и Австріи, для освобожденія Германіи, для спасенія Франціи отъ бѣшенствъ деспотизма. Если бы императоръ основалъ свою политику на разсчетахъ частнаго интереса, то заключилъ бы миръ съ Франціею въ то время, когда армія Наполеона, собранная на иждивеніе цѣлой Европы, нашла себѣ могилу въ Россіи. Но императоръ воспользовался великодушнымъ порывомъ своего народа, чтобы сражаться за дѣло, съ которымъ связаны судьбы всего человѣчества. Россія давно могла бы дать силу своимъ правамъ надъ страною, завоеванною ея оружіемъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія; но она постоянно удерживалась отъ всякаго произвольнаго поступка и отсрочила проектъ законнаго увеличенія своихъ владѣній до того времени, когда всѣ европейскія государства, получившія полную независимость, придутъ разсуждать о своихъ интересахъ и способствовать соглашенію интересовъ союзниковъ. Это время наступило, и союзники, получившіе значительное приращеніе своего могущества, не въ правѣ оспаривать у Россіи того, что она требуетъ не въ видахъ усиленія своихъ средствъ, но для равновѣсія Европы. Могущество Великобританіи обхватываетъ весь земной шаръ: она господствуетъ на океанѣ, распространяется на всѣхъ морскихъ берегахъ, властвуетъ въ Индіи, предписываетъ законы американскому континенту, разрабатываетъ неистощимый рудникъ Леванта, держитъ въ своихъ рукахъ ключи Средиземнаго моря; нѣтъ соперниковъ ея могуществу морскому и торговому, а ея отношенія къ Голландіи и возвращеніе курфюршества Ганноверскаго даютъ ей прямое и сильное вліяніе на дѣла континента. Австрія распространяетъ свой скипетръ и свое вліяніе на лучшую половину Германіи, покрытой развалинами своихъ древнихъ учрежденій; она обладаетъ прекрасными областями Италіи, которыя были покорены соединенными усиліями великаго союза подъ самыми стѣнами Парижа; она присоединила къ своимъ обширнымъ владѣніямъ провинціи Иллирійскія, которыя доставляютъ ей господство на Адріатическомъ морѣ и обезпечиваютъ первенствующее вліяніе въ Европейской Турціи; по своему настоящему положенію въ Италіи, она способна предписывать законы королевствамъ Неаполитанскому и Сардинскому, могущественно влiять на Швейцарію и охранять противъ Франціи границу альпійскую. Пруссія беретъ на себя сѣверную часть великаго наслѣдства Германской имперіи и упрочиваетъ свою власть на Вислѣ, Эльбѣ и Рейнѣ. Германія получаетъ политическую крѣпость, какой прежде никогда не имѣла. Франція, обрѣзанная вслѣдствіе крайностей колоссальнаго честолюбія, безъ флота и торговли, можетъ надѣяться только на мудрость своего правительства. Пиренейскій полуостровъ, истощенный и занятый гибельною борьбой съ собственными колоніями, не представляетъ никакой точки опоры. Остается Россія. Что это за увеличенія ея владѣній, которыя грозятъ спокойствію Европы? Неужели пріобрѣтеніе Финляндіи и Бессарабіи можетъ подать поводъ къ такимъ опасеніямъ? Нельзя ли спросить наоборотъ: неужели Германія или Италія могутъ обезпечить Россію противъ враждебныхъ замысловъ какой-нибудь державы, которая захочетъ воспользоваться своими новыми выгодами? Россія можетъ ли льстить себя совершенною безопасностію внутри, если не получитъ хорошей военной границы, и особенно если покинетъ жителей герцогства Варшавскаго на жертву отчаянію и прельщенію съ разныхъ сто-

ронъ? Для Россіи предметъ первой важности—положить конецъ всѣмъ безпокойствамъ поляковъ. Затушенныя теперь, эти безпокойства вспыхнутъ когда-нибудь подъ иностраннымъ вліяніемъ, и эта вспышка взволнуетъ необходимо Россію и весь сѣверъ.

Этому второму меморандуму предпослано было письмо императора Александра къ Кэсльри въ нѣсколькихъ строкахъ, гдѣ императоръ выражаетъ надежду, что частная корреспонденція этимъ и окончится, и проситъ лорда на будущее время представлять свои бумаги обыкновеннымъ порядкомъ.

Безполезная полемика кончилась; дѣла пошли обыкновеннымъ порядкомъ. Кэсльри настаивалъ, какъ мы видѣли, что договоры 1813 года имѣютъ силу по тому самому, что другіе союзники не могутъ желать уничтоженія ихъ обязательной силы. Въ подтвержденіе этого, 2-го ноября, Меттернихъ, по приказанію своего государя, обратился къ прусскому канцлеру Гарденбергу съ слѣдующею нотой: «Прусскому министерству не безъизвѣстно, сколько виды Русскаго Двора относительно герцогства Варшавскаго,—виды, совершенно противные смыслу трактатовъ, заключенныхъ союзными государями противъ Франціи,—воспрепятствовали соглашенію государствъ между собою относительно своихъ интересовъ и ходу конгресса. Его императорское величество (Австрійское) сочтетъ неисполненіемъ своихъ обязанностей относительно счастія и спокойствія своихъ народовъ, если не будетъ настаивать самымъ рѣшительнымъ образомъ на исполненіи трактатовъ, которые должны обезпечить, какъ Австріи, такъ и Пруссіи, военную границу, необходимую для безопасности и спокойствія обѣихъ монархій. Его императорское величество обращается къ его величеству Прусскому съ просьбою напомнить его величеству императору Всероссійскому объ ихъ общихъ правахъ». Къ нотѣ былъ присоединенъ меморандумъ насчетъ устройства будущей судьбы герцогства Варшавскаго: 1) Одушевляемая принципами самыми либеральными и наиболѣе соотвѣтствующими установленію системы европейскаго равновѣсія, противодѣйствуя съ 1772 года всѣмъ проектамъ раздѣла Польши [1]), Австрія готова согласиться на возстановленіе этого королевства, свободнаго и независимаго отъ всякаго иностраннаго вліянія, въ границахъ до перваго раздѣла. 2) Допуская, что мало вѣроятности въ принятіи подобнаго проекта Русскимъ Дворомъ, Австрія согласна на возстановленіе свободной и независимой Польши въ предѣлахъ 1791 года. 3) Если императоръ Русскій не приметъ и этого предложенія, Австрія готова согласиться на расширеніе русскихъ границъ до праваго берега Вислы: Россія удержитъ Варшаву съ уѣздомъ, Пруссія—Торнъ; Висла должна остаться свободною для владѣльцевъ обоихъ береговъ. 4) Австрія, постоянно далекая отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла своихъ сосѣдей, предоставитъ императору Всероссійскому попеченіе дать своимъ польскимъ провинціямъ такую форму управленія, какую онъ сочтетъ полезною и приличною. Австрія будетъ согласна и на то, чтобъ императоръ Всероссійскій назвалъ свои новыя владѣнія, порознь или вмѣстѣ съ старыми польскими провинціями, королевствомъ Польскимъ, Сѣвернымъ или Восточнымъ; но въ такомъ случаѣ его императорское величество (Австрійское) предоставляетъ себѣ право соединить свои польскія провинціи подъ названіемъ королевства Польскаго Южнаго; такое же право должно быть предоставлено и его величеству Прусскому.

Гарденбергъ поспѣшилъ исполнить желаніе Вѣнскаго Двора, имѣлъ съ императоромъ Александромъ длинный разговоръ, который описалъ въ секретномъ меморандумѣ лорду Кэсльри (отъ 7-го ноября): «Длинный разговоръ, который я, въ присутствіи короля, имѣлъ съ Русскимъ императоромъ, не привелъ ни къ чему. Его императорское величество продолжалъ жаловаться на упорство, съ какимъ противятся его намѣреніямъ, тогда какъ великія услуги, которыя онъ оказалъ общему дѣлу, дали Австріи, Пруссіи и другимъ государямъ не только возможность войти въ прежніе предѣлы, но и увеличить свои владѣнія. Считая себя въ правѣ требовать того же и для себя, императоръ ограничился такою мѣрой, которая обезпечиваетъ спокойствіе Европы, успокоивая окончательно націю недовольную и волнующуюся, поставляя ее подъ управленіе Кабинета, который сумѣетъ ее сдержать. Союзники, вмѣсто того, чтобы считать эту мѣру опасною, должны, напротивъ, поддерживать ее, тѣмъ болѣе что императоръ готовъ дать всевозможныя гарантіи: онъ присоединитъ къ новому королевству всѣ русскія провинціи, бывшія прежде польскими; дастъ конституцію, которая отдѣлитъ его отъ Россіи; выведетъ изъ него всѣ русскія войска. На мои представленія о наступательной линіи, которую дастъ Польшѣ обладаніе Торномъ, Калишемъ, Ченстоховымъ и Краковомъ, императоръ объявилъ, что онъ готовъ обязаться никогда не укрѣплять Кракова. Я кончилъ разговоръ сильными настаиваніями, чтобъ императоръ согласился на какую-нибудь сдѣлку, причемъ я прибавилъ, что, по моему мнѣнію, ему уступятъ относительно политическаго вопроса, если онъ что-нибудь уступитъ относительно границъ. По вѣрнымъ извѣстіямъ, даже и князь Чарторыйскій хлопочетъ теперь, чтобъ императоръ уладился насчетъ границъ. По моему мнѣнію, надобно употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть въ этомъ отношеніи приличнаго соглашенія. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы должны уступить насчетъ политическаго вопроса, потому что я здѣсь вижу гораздо большія выгоды,

[1]) Подробности этого противодѣйствія см. въ моей *Исторіи паденія Польши.* *Примѣч. Автора.*

чѣмъ опасности для спокойствія Европы вообще, и для сосѣдей Россіи въ особенности. *Сила Россіи скорѣе ослабѣетъ, чѣмъ увеличится отъ этого новаго Польскаго королевства, подъ скипетромъ одного съ нею государя находящагося.* Собственная Россія потеряетъ области очень значительныя и плодоносныя. Соединенныя съ герцогствомъ Варшавскимъ, онѣ получатъ конституцію, совершенно отличную и гораздо болѣе либеральную, чѣмъ конституція имперіи. *Поляки будутъ пользоваться привилегіями, какихъ нѣтъ у русскихъ. Скоро духъ двухъ націй станетъ въ совершенной оппозиціи;* зависть между ними помѣшаетъ единству, родятся всякаго рода затрудненія, *императоръ Русскій и вмѣстѣ король Польскій будетъ гораздо менѣе страшенъ, чѣмъ государь имперіи Россійской,* присоединяющей къ Россіи большую часть Польши, которую у него не оспариваютъ какъ провинцію. Я вовсе не боюсь, чтобы польскіе подданные Австріи и Пруссіи, стремясь соединиться съ своими соотечественниками, производили бы смуты. Управленіе мудрое и отеческое легко устранитъ опасенія подобнаго рода. Однимъ словомъ, въ моемъ умѣ образовалось самое глубокое убѣжденіе, что, *препятствуя императору возстановлять королевство Польское подъ своимъ скипетромъ, мы работаемъ противъ нашего собственнаго интереса.* Признаюсь также, что, размышляя объ устроеніи трехъ польскихъ королевствъ, я тутъ вижу большія неудобства безъ всякой существенной выгоды. Развѣ этимъ мы не будемъ питать стремленія къ соединенію, чего такъ боимся? Притомъ же прусская доля особенно, каковы бы ни были уступки, которыя удастся получить отъ императора Александра, будетъ всегда такъ незначительна, что не стоитъ давать ей титулъ королевства. Такъ рѣшимъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ объявить императору, что, отказываясь отъ секретнаго параграфа договора 15-го (29-го) января 1797 года, мы согласимся на возстановленіе королевства Польскаго, отдѣльнаго отъ имперіи Россійской, къ которому онъ присоединитъ всѣ русскія провинціи, прежде бывшія польскими, и дастъ особенную конституцію, если только онъ согласится на такое земельное распредѣленіе, которое насъ удовлетворитъ, и если онъ намъ гарантируетъ наши польскія владѣнія. Насчетъ этихъ владѣній я останусь при прежнихъ требованіяхъ; Австрія уже нѣсколько разъ заявляла, что она удовольствуется Краковомъ съ страною до рѣки Ниды и округомъ Замойскимъ; Пруссія требовала Торна и линію Варты. Требовать теперь линію Вислы и на лѣвомъ берегу уступать только Варшаву съ уѣздомъ,—значитъ еще болѣе раздражать и удаляться отъ нашей цѣли».

Мнѣніе Гарденберга было принято; основаніе соглашеній, которыя онъ былъ уполномоченъ сдѣлать императору Александру, были слѣдующія: Пруссія получаетъ Торнъ и линію Варты; Австрія—уѣздъ Замойскій и Краковъ, и границею здѣсь будетъ рѣка Нида. Если императоръ приметъ эти условія, то Австрія и Пруссія готовы согласиться на его политическіе виды относительно Польши съ гарантіями, которыя будутъ опредѣлены съ общаго согласія. Контръ-проектъ, сообщенный съ русской стороны, предлагалъ Торнъ и Краковъ сдѣлать вольными городами и пограничную линію провести между Краковомъ и Сендомиромъ черезъ Калишъ на западѣ и Вислу—на югѣ; но такъ какъ эту линію представляютъ опасною для союзниковъ, то императоръ соглашался отнять у нея этотъ характеръ съ условіемъ sine qua non, чтобы Саксонія вся была присоединена къ Пруссіи, а Майнцъ сдѣланъ былъ имперскою крѣпостью. Но тутъ Меттернихъ объявляетъ Гарденбергу, что Пруссія должна ограничить свои требованія относительно Саксоніи, и Кэсльри становится на сторону Австріи. Дѣло объясняется тѣмъ, что второстепенныя державы Германіи, особенно Баварія, съ ожесточеніемъ возстали противъ плана присоединенія Саксоніи къ Пруссіи и, разумѣется, нашли точку опоры въ Талейранѣ. Меттернихъ, который прежде не имѣлъ духа прямо противиться требованіямъ Пруссіи и обѣщалъ Гарденбергу свое согласіе на присоединеніе цѣлой Саксоніи, теперь, найдя сильную поддержку, выступаетъ прямо противъ такого присоединенія: «Австрія»,—говоритъ онъ,—«становится въ челѣ державъ, которыя противятся присоединенію Саксоніи къ Пруссіи; Австрія дѣлаетъ это прежде всего для того, чтобы не уступить этой роли Франціи». Кэсльри же сталъ уклоняться отъ своего прежняго намѣренія, потому что король Саксонскій нашелъ сильныхъ приверженцевъ въ Англіи, и самъ принцъ-регентъ былъ за него.

Въ прусскомъ лагерѣ забили сильную тревогу. 16-го декабря Гарденбергъ подалъ императору Александру ноту: «Объявленіе князя Меттерниха»,—писалъ Гарденбергъ,—«діаметрально противоположно всѣмъ объясненіямъ, письменнымъ и словеснымъ, которыя до сихъ поръ происходили между Кабинетами Прусскимъ и Австрійскимъ, особенно письму князя Меттерниха отъ 22-го октября, въ которомъ Австрія соглашается, подъ извѣстными условіями, на всецѣлое присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, и письму, отъ того же числа, къ лорду Кэсльри, содержащему объявленія совершенно въ томъ же смыслѣ. Самыя сильныя причины противятся раздробленію Саксоніи: народное благо и народное желаніе, громко заявляющее себя каждый день; слово, данное его величествомъ императоромъ Всероссійскимъ; интересъ Пруссіи, интересъ, наконецъ, Европы. Пруссія должна быть сильна для поддержанія равновѣсія и спокойствія Европы; она должна быть устроена такъ, чтобы могла защищаться; ее нельзя заставлять стремиться къ дальнѣйшему распространенію своихъ предѣловъ для пріобрѣтенія средствъ, необходимыхъ для ея защиты. Его величество ко-

роль докажетъ свои права предъ союзниками, но особенно онъ полагается на дружбу его величества императора Всероссійскаго, которой слѣдствія онъ уже часто испытывалъ».

Саксонскій вопросъ сталъ на первый планъ и возбудилъ страшное ожесточеніе. Представители второстепенныхъ германскихъ державъ толковали о войнѣ, которая должна окончиться паденіемъ Пруссіи. Пруссія не переставала требовать всей Саксоніи, и, въ свою очередь, грозила войной. Талейранъ умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и, по его мысли, 3-го января 1815 г., былъ заключенъ секретно-оборонительный союзъ между Австріею, Англіею и Франціею, которыя «сочли необходимымъ»,—какъ сказано въ договорѣ,—«по причинѣ претензій, недавно обнаруженныхъ, искать средствъ къ отраженію всякаго нападенія на свои владѣнія». Договаривающіяся стороны обязываются: если, вслѣдствіе предложеній, которыя онѣ будутъ дѣлать и поддерживать вмѣстѣ, владѣнія одной изъ нихъ подвергнутся нападенію, то всѣ три державы будутъ считать себя подвергнувшимися нападенію и станутъ защищаться сообща; каждая держава выставляетъ для этого 150,000 войска, которое выступаетъ въ походъ не позднѣе шести недѣль по востребованію. Англія имѣетъ право при этомъ выставить наемное иностранное войско, или платить по 20 фунтовъ стерлинговъ за каждаго пѣхотнаго солдата и по 30 за кавалериста; договаривающіяся державы могутъ приглашать другія государства присоединиться къ договору,—и приглашаютъ къ тому немедленно королей Баварскаго, Ганноверскаго и Нидерландскаго.

Телейранъ былъ въ восторгѣ: онъ далъ знать Людовику XVIII, что разорвалъ коалицію и далъ Франціи такую систему союзовъ, какую едва-ли могли бы приготовить пятьдесятъ лѣтъ переговоровъ. Утверждая, что Россія и Пруссія не рѣшатся на войну, Талейранъ требовалъ, однако, у своего правительства, на всякій случай, чтобы присланъ былъ къ нему генералъ Рикаръ, отлично знавшій Польшу, и убѣдилъ новыхъ союзниковъ, въ случаѣ надобности, пригласить Порту къ нападенію на Россію. Баварія съ Гессенъ-Дармштадтомъ, Ганноверъ и Нидерланды приступили къ союзу. Но война не открылась. Больше всѣхъ боялся ея Касльри, — боялся онъ дать Франціи возможность поправить свое положеніе и предъявить новыя требованія; боялся ввести французскія войска туда, откуда съ такими усиліями ихъ вытѣснили. Отвѣтственный министръ боялся больше всего расположенія умовъ въ Англіи,— зналъ, что тамъ ждутъ отъ конгресса полнаго умиротворенія, а не войны; зналъ, что война въ союзѣ съ Франціею должна быть менѣе всего популярна въ Англіи, особенно война противъ Пруссіи. На третій день по заключеніи договора, Касльри, въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, уже старался убѣдить его, что если отдать Пруссіи всю Саксонію, то Саксонскаго короля придется перемѣстить на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ онъ непремѣнно будетъ союзникомъ Франціи; надобно оставить часть Саксоніи старому королю, и все бы легко уладилось, еслибъ императоръ согласился уступить еще кое-что въ Польшѣ. Императоръ отвѣчалъ, что польское дѣло кончено; что же касается Саксоніи, то онъ согласится на раздѣленіе, если Прусскій король объявитъ себя удовлетвореннымъ, въ противномъ случаѣ — нѣтъ. Вѣсти, получаемыя изъ Франціи, о затрудненіяхъ тамошняго правительства, изъ Италіи—о народномъ здѣсь неудовольствіи на Австрію, должны были еще болѣе убѣдить Касльри и Меттерниха въ необходимости покончить конгрессъ мирнымъ образомъ, дать Пруссіи значительную часть Саксоніи, а за остальную вознаградить въ другихъ мѣстахъ. Пруссія пошла на эту сдѣлку; самъ императоръ Александръ совѣтовалъ Гарденбергу согласиться напередъ съ лордомъ Касльри насчетъ плана раздѣла, прежде нежели начнутся разсужденія объ этомъ въ конференціяхъ. Дѣла останавливались за тѣмъ, что Пруссіи не хотѣлось отказаться отъ Лейпцига, который вмѣстѣ съ Дрезденомъ хотѣли возвратить старому королю: императоръ Александръ предложилъ Пруссіи взамѣнъ Лейпцига Торнъ, отказываясь отъ прежняго намѣренія сдѣлать его вольнымъ городомъ. Такимъ образомъ устранены были всѣ препятствія, и два важнѣйшіе вопроса, Польскій и Саксонскій, грозившіе повести ко всеобщей войнѣ, были порѣшены.

Но кто же при этомъ рѣшеніи имѣлъ право быть довольнѣе всѣхъ? Перечтемъ инструкціи Талейрана,—и получимъ отвѣтъ. Блистательная дипломатическая кампанія была совершена французскимъ уполномоченнымъ. Наполеону какъ будто стало завидно, и онъ поспѣшилъ прекратить торжество своего стараго министра и непримиримаго врага. Наполеонъ ушелъ съ Эльбы и явился во Франціи.

II.

Сто дней.

Бурбонамъ съ эмигрантами трудно было управлять *страшнымъ* французскимъ народомъ, по выраженію императора Александра. Дѣйствительно, французскій народъ былъ страшенъ; дѣйствительно, этотъ народъ давно уже игралъ главную роль въ западной континентальной Европѣ. Представимъ себѣ общество, составленное изъ людей съ различными характерами: одинъ человѣкъ очень умный, дѣятельный и дѣловой; онъ постоянно и исключительно занятъ своими ближайшими интересами, отлично обдѣлалъ свои дѣла, разбогатѣлъ страшно; но онъ при этомъ необщителенъ, держитъ себя въ сторонѣ, неуклюжъ, не представителенъ, не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія въ другихъ, принимаетъ участіе въ общихъ дѣлахъ толь-

ко тогда, когда тутъ замѣшаны его собственныя выгоды, да и въ такомъ случаѣ не любитъ дѣйствовать непосредственно, но заставляетъ дѣйствовать за себя другихъ, давая имъ деньги, какъ разбогатѣвшій мѣщанинъ нанимаетъ вмѣсто себя рекрута. Таковъ англичанинъ, таковъ англійскій народъ. Другой человѣкъ—очень почтенный, но односторонне развившійся, ученый, сильно работающій головою, но не могшій, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое дѣло и потому неспособный къ сильной физической дѣятельности, безъ средствъ отбивать нападеніе сильныхъ, безъ средствъ поддержать свое значеніе, заставить уважать свою неприкосновенность при борьбѣ сильныхъ: это—нѣмецкій народъ. Третій человѣкъ, подобно второму, не могъ, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло, но южная, живая, страстная натура, кромѣ занятій наукою и особенно искусствомъ, требовала практической дѣятельности. Не имѣя способовъ удовлетворить этой потребности у себя дома, онъ часто уходитъ къ чужимъ людямъ, предлагаетъ имъ свои услуги, и нерѣдко имя его блеститъ на чужбинѣ славными подвигами, обширною, смѣлою дѣятельностію: таковъ итальянскій народъ. Четвертый человѣкъ смотритъ истомленнымъ; но, какъ видно, онъ крѣпкаго тѣлосложенія, способный къ сильной дѣятельности; и, дѣйствительно, онъ велъ долгую, ожесточенную борьбу за извѣстные интересы, и никто въ это время не считался храбрѣе и искуснѣе его. Борьба, въ которую онъ страстно ушелъ весь, истощила его физическія силы, а между тѣмъ интересы, за которые онъ боролся, ослабѣли, смѣнились другими для остальныхъ людей; но онъ не выработалъ себѣ другихъ интересовъ, не привыкъ ни къ какимъ другимъ занятіямъ; истомленный и праздный, онъ погрузился въ долгій покой, судорожно повременамъ обнаруживая свое существованіе, безпокойно прислушиваясь къ призывамъ новаго и въ то же время оттягиваясь закоренѣлыми привычками къ старому: этотъ народъ испанскій. Но больше всѣхъ этихъ четверыхъ членовъ нашего общества обращаетъ на себя вниманіе пятый, ибо никто не одаренъ такими средствами и никто не употребляетъ такихъ усилій для возбужденія къ себѣ всеобщаго вниманія, какъ онъ. Энергическій, страстный, быстро воспламеняющійся, способный къ скорымъ переходамъ отъ одной крайности въ другую, онъ употребилъ всю свою энергію на то, чтобъ играть видную роль въ обществѣ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ. Никто больше и лучше его не говоритъ; онъ выработалъ себѣ такой легкій, такой удобный языкъ, что всѣ принялись усвоивать его себѣ, какъ языкъ преимущественно общественный. У него такая представительная наружность, онъ такъ прекрасно одѣтъ, у него такія изящныя манеры, что всѣ невольно смотрятъ на него, перенимаютъ у него и платье, и прическу, и обращеніе. Онъ весь ушелъ во внѣшность; дома ему не живется; долго, внимательно заниматься своими домашними дѣлами онъ не въ состояніи: начнетъ ихъ улаживать—надѣлаетъ множество промаховъ, побурлитъ, побушуетъ, какъ выпущенный на свободу ребенокъ, устанетъ, потеряетъ изъ виду цѣль, къ которой началъ стремиться, и, какъ ребенокъ, дастъ себя вести кому-нибудь. Но за то никто такъ чутко не прислушивается, такъ зорко не приглядывается ко всему, что дѣлается въ обществѣ, у другихъ. Чуть гдѣ шумъ, движеніе,—онъ уже тутъ; поднимется гдѣ какое-нибудь знамя, онъ первый несетъ это знамя; выскажется какая-нибудь идея,—онъ первый усвоитъ ее, обобщитъ и понесетъ всюду, приглашая всѣхъ усвоить ее; впереди другихъ въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ движеніи, передовой, застрѣльщикъ и въ крестовомъ походѣ и въ революціи, опора католицизма и невѣрія, увлекающійся и увлекающій, легкомысленный, непостоянный, часто отвратительный въ своихъ увлеченіяхъ, способный возбуждать къ себѣ сильную любовь и сильную ненависть, *страшный* народъ французскій! Среди угловатаго и занятаго постоянно только своимъ дѣломъ англичанина, ученаго, трудолюбиваго, но слабаго и вовсе не изящнаго нѣмца; живаго, но неряшливаго и разбросавшагося итальянца; молчаливаго, полусоннаго испанца,—французъ движется неутомимо, говоритъ безъ умолку, говоритъ громко и хорошо, толкаетъ, будитъ, никому не даетъ покоя. Другіе начнутъ борьбу нехотя, по нуждѣ, французъ бросается въ борьбу изъ любви къ борьбѣ, изъ любви къ славѣ. Всѣ сосѣди его боятся, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ, что онъ дѣлаетъ: иногда кажется, что онъ угомонился, истомленный внѣшнею борьбою, занялся своими домашними дѣлами; но эти домашнія занятія кончатся или революціею, которая возбудитъ движеніе по всему сосѣдству, или военнымъ деспотизмомъ, который, чтобъ дать занятіе и славу народу, не оставитъ въ покоѣ Европы.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ первымъ дѣломъ объединенной Франціи было броситься на Италію. Испанія, могущество Габсбурговъ могли только сдержать страшный французскій народъ въ его властолюбивыхъ стремленіяхъ; но и тутъ Франціи удалось расширить свои владѣнія насчетъ Германіи. Слабость послѣднихъ Валуа дала протестантизму усилиться во Франціи, дала страшному народу возможность самому порѣшить религіозный вопросъ; онъ порѣшилъ его послѣ ожесточенной усобицы, гдѣ католики и протестанты «съ французскою яростію» (furia francese) терзали другъ друга, варварски истребляя женщинъ и дѣтей. Занявшись этимъ домашнимъ дѣломъ, французы оставили въ покоѣ Европу на извѣстное время; но когда религіозная усобица прекратилась, Франція сейчасъ же принимаетъ грозное положеніе относительно сосѣдей. Смерть помѣшала Генриху IV осуществить его планы; смуты, происходившія въ началѣ царствованія Людовика XIII, опять заняли французовъ дома; но когда Ришелье успокоилъ

эти смуты, Францiя снова является на первомъ планѣ, рѣшительницею судебъ Европы во время Тридцатилѣтней войны. Послѣ *Дѣтской игры* (фронды), одного изъ характеристичнѣйшихъ эпизодовъ французской исторiи, Людовикъ XIV, самый представительный, слѣдовательно самый французскiй изъ французскихъ королей, солнце-король, великiй король для Францiи, даетъ своему народу обширную внѣшнюю дѣятельность и великую славу; Францiя достигаетъ цѣли своихъ постоянныхъ стремленiй: она первенствующее государство въ Европѣ; ея великiй король служитъ недосягаемымъ образцомъ для государей; онъ распоряжается въ сосѣднихъ странахъ, какъ хочетъ: коалицiи противъ него не удаются; но когда Людовикъ XIV сказалъ, что «нѣтъ болѣе Пиренеевъ», образуется сильна коалицiя, предъ которою великiй король долженъ смириться.

Истомленная царствованiемъ Людовика XIV, Францiя, повидимому, прiутихла надолго, и Европа стала поуспокоиваться на ея счетъ; относительно было тихо и внутри, даже и во фронду не играли. А между тѣмъ страшный народъ былъ занятъ сильною работою умственною, кипѣла дѣятельность литературная; французскiе писатели съ «furia francese» ринулись на прошедшее и настоящее, допрашивая ихъ: что сдѣлано и дѣлается для человѣка и человѣчества? Подлѣ запросовъ законныхъ, подлѣ выводовъ разумныхъ, тутъ было много фрондерства, много школьничества; тутъ высказались слѣдствiя того умственнаго, литературнаго рабства, въ которомъ древнiй мiръ, съ эпохи Возрожденiя, держалъ европейское человѣчество, несмотря на видимое процвѣтанiе литературъ нацiональныхъ. Въ наше время классическое образованiе сообщаетъ человѣку, его получившему, полноту знанiя жизни человѣчества, дѣлая человѣка живымъ, непосредственнымъ соучастникомъ жизни юнаго человѣчества; оно освѣжаетъ его, возвращаетъ ему силы, какъ сельская жизнь лѣтомъ, соединенiе съ безъискусственною и, потому, великою художницею природою, освѣжаетъ, возстановляетъ силы человѣка, истомленнаго городскою дѣятельностiю. Въ наше время, классическое образованiе лишено своего односторонняго, вреднаго влiянiя, благодаря тому, что мы относимся свободно къ древнему мiру, благодаря успѣхамъ исторiи, науки человѣческаго и народнаго самопознанiя, благодаря усиленному изученiю исторiи и другого, европейско-христiанскаго, мiра, благодаря изученiю своего, народнаго. Въ Англiи и въ вѣка предшествовавшiе влiянiе классическаго образованiя умѣрялось практическою дѣятельностiю классически образованныхъ людей, которая безпрестанно обращала ихъ къ своему, заставляла изучать его, заставляла съ любовiю и уваженiемъ относиться къ своей *старой Англiи*. Не такъ было во Францiи, гдѣ впечатлѣнiя, полученныя въ школѣ отъ изученiя явленiй древняго мiра, оставались во всей своей силѣ. Древнiй мiръ былъ поднятъ высоко, явленiя греческой и римской исторiи являлись образцовыми, исключительно достойными подражанiя; свое было унижено, считалось варварскимъ; съ презрѣнiемъ и даже ненавистiю отзывались о среднихъ вѣкахъ. И здѣсь мы не должны упускать изъ виду народнаго характера французовъ, которые, не изучая внимательно подробностей, особенно увлекались блестящею, картинною дѣятельностiю Грецiи и Рима, увлекались сценическою постановкою дѣятелей; а извѣстно, какiе охотники французы до этой сценической постановки. Жизнь древнихъ республикъ являлась великолѣпнымъ театральнымъ представленiемъ, и какъ сильно хотѣлось участвовать въ подобномъ же представленiи, дѣйствовать на такой широкой сценѣ. Это влiянiе односторонняго изученiя древняго мiра обнаруживалось болѣе или менѣе повсюду, рѣзко выразилось въ сочиненiи, которое болѣе всѣхъ другихъ пришлось по настроенiю французскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка и, въ свою очередь, наиболѣе содѣйствовало этому настроенiю,— въ сочиненiи, которое имѣло самое сильное влiянiе на ходъ революцiонныхъ явленiй: я говорю о «Contrat socal» Ж.-Ж. Руссо. Ясно видно, что, когда авторъ писалъ это сочиненiе, онъ постоянно имѣлъ предъ глазами Грецiю и Римъ, формы ихъ политической жизни; отсюда такъ понятна знаменитая выходка его противъ представительной формы: «Идея представительства есть идея новая; мы ее получили отъ феодальнаго правительства, отъ этого неправеднаго и нелѣпаго правительства, въ которомъ человѣчество унижено, въ которомъ самое имя человѣка употреблялось въ унизительномъ значенiи. Въ древнихъ республикахъ, и даже въ древнихъ монархiяхъ, никогда народъ не имѣлъ представителей».

Въ то время, когда французское общество теоретически раздѣлывалось съ своимъ прошедшимъ и настоящимъ, объявило имъ непримиримую войну, правительство отказалось отъ своей направительной дѣятельности; отчуждивъ себя совершенно отъ жизни общества, не зная, не понимая, что въ немъ дѣлалось и сдѣлалось, оно, разумѣется, потеряло всѣ средства *править, давать направленiе*,—и слѣдствiемъ была страшная революцiя. Французская республика перешла въ имперiю; императоръ далъ французскому народу неслыханную славу; но, возбудивъ противъ себя всю Европу, долженъ былъ промѣнять громадную монархiю на островъ Эльбу. Францiя вошла въ прежнiя границы и получила старую династiю съ новыми правительственными формами. Но могъ ли успокоиться страшный народъ?

Дѣло неслыханное въ исторiи, чтобъ какой-нибудь народъ, потрясенный революцiоннымъ движенiемъ, вдругъ успокоивался; тѣмъ менѣе могъ успокоиться народъ французскiй по своему характеру и по условiямъ своей революцiи. Въ XVII вѣкѣ была революцiя въ Англiи, по нѣкоторымъ при-

знакамъ сходная съ французскою; но въ сущности разница между обоими явленіями была громадная. Въ то время, какъ сильное религіозное движеніе потрясло Англію, династія Тюдоровъ прекращается и восходитъ на престолъ новая, чужая, Шотландская династія. Кто повнимательнѣе вглядится въ фигуры Стюартовъ, какъ онѣ очертились въ исторіи, для того судьба знаменитой ошибками и несчастіями фамиліи будетъ ясна: это были люди чужіе, случайно попавшіе въ непривычную среду; они не знали началъ англійской жизни, англійскихъ преданій; у нихъ были свои преданія, свои привычки; эти преданія и привычки столкнулись съ преданіями и привычками англійскими; Стюарты начали дѣйствовать по-шотландски, какъ Шотландскіе короли,—и слѣдствіемъ была революція. Въ основѣ движенія была борьба за англійскую старину противъ новаго, чужаго, шотландскаго, стюартовскаго. Религіозное движеніе давало только особую окраску явленію, поддавало болѣе горючаго матеріала. Для огромнаго большинства революція была печальнымъ явленіемъ, несчастіемъ; военный деспотизмъ Кромвеля, преобладаніе людей, которыхъ Кромвель по убѣжденію и разсчету былъ представителемъ, еще болѣе возбудили нерасположеніе большинства къ революціи, и народъ съ искреннимъ, сознательнымъ восторгомъ привѣтствовалъ возвращеніе Карла II, привѣтствуя возвращеніе желанной старины, стараго, привычнаго хода дѣлъ, и только совершенная неспособность Стюартовъ—передѣлаться изъ Шотландскихъ королей въ Англійскіе, вынудила вторую революцію.

Совершенно другое было во Франціи. Здѣсь революціонное движеніе пошло вслѣдствіе стремительнаго желанія оторваться отъ старины и создать новый, лучшій міръ отношеній для себя и для цѣлаго человѣчества, ибо для француза мало устроить что-нибудь для себя,—ему нужна широкая, всемірная сцена: онъ пропагаторъ по природѣ; ему нужно, чтобъ всѣ народы слушали его, принимали, волею или неволею, его ученіе. Крайности движенія, неприложимость выработанныхъ теоретически началъ оттолкнули многихъ отъ революціи. Но на главный, существенный вопросъ были разные отвѣты для англичанина и для француза. Англичанинъ спрашивалъ: какую выгоду принесла ему его революція, кромѣ защиты англійской старины отъ шотландскихъ притязаній Стюартовъ? Отвѣтъ былъ, что выгоды нѣтъ, и защита старины стоила слишкомъ дорого, можно было бы подешевле. Получивши такой отвѣтъ, англичанинъ отворачивался отъ своей революціи. Но для француза былъ другой отвѣтъ: если революція не принесла блаженства на землѣ, какъ ожидали люди съ слишкомъ разгоряченнымъ воображеніемъ; если она сопровождалась явленіями очень непривлекательными; если, наконецъ, она показала свою несостоятельность, бросивши истомленную Францію въ добычу военному деспотизму,—то, съ другой стороны, она уничтожила такія явленія, которыя были ненавистны, создала рядъ новыхъ, лучшихъ для большинства отношеній. Карлъ II Стюартъ возвращался на Англійскій престолъ съ условіемъ возстановленія старины, возстановленія того порядка вещей, который былъ при его предшественникахъ, и который былъ нарушенъ революціею. Людовикъ XVIII настаивалъ и настоялъ, что онъ добровольно дастъ новое политическое устройство Франціи; но это было плохое прикрытіе: тѣмъ самымъ, что онъ признавалъ необходимость царствовать не такъ, какъ царствовали его предшественники, онъ осуждалъ старое правленіе и оправдывалъ революцію. Въ Англіи огромное большинство было за полное возстановленіе старины при возстановленіи Стюартовъ; во Франціи за полное возстановленіе старины было незначительное меньшинство, незначительная партія. Эта партія преимущественно состояла изъ эмигрантовъ, людей, которые оставили Францію вмѣстѣ съ Бурбонами; теперь возвратились вмѣстѣ съ ними и нашли: свои имѣнія—въ чужихъ рукахъ; должности, которыя принадлежали имъ по старинному праву, замѣщенными новыми людьми, дѣтьми революціи. Но какимъ образомъ возвратились они теперь, въ 1814 году?—по милости правительства?—но эту милость предлагалъ имъ и Наполеонъ, и они не приняли ея. Они возвратились теперь вслѣдствіе торжества своего начала, которому они оставались до конца вѣрными. Слѣдовательно они возвратились торжествующими, побѣдителями? Но гдѣ же слѣдствія торжества, побѣды? гдѣ награды, гдѣ почетъ за вѣрность тому началу, которое теперь торжествовало; гдѣ раскаяніе со стороны людей, не признававшихъ этого начала и теперь принужденныхъ признать его? Эмигрантамъ бросали въ глаза упрекъ, что они ничему не научились, ничего не забыли; отъ нихъ требовали сдѣлки между старымъ и новымъ; но благоразумно ли требовать невозможнаго? Сдѣлка предполагаетъ взаимныя уступки; но какую уступку сдѣлали представители новой Франціи представителямъ старой?—ту, что признали старую династію единственно законною? Но какую награду получили люди, которые постоянно признавали это; что было уступлено въ пользу старыхъ слугъ и приверженцевъ этой старой династіи?—Ничего! Новая Франція не хотѣла ничего уступить старой. Новая Франція нашла для себя полезнымъ возвратить изъ изгнанія старую династію, возвратить ей прежнее значеніе; но не считала для себя выгоднымъ возвратить прежнее значеніе, прежнія матеріальныя средства вѣрнымъ слугамъ этой династіи, отъ которыхъ требовалось, чтобъ они забыли прошлое. Но какъ они могли забыть прошлое, когда въ памяти о немъ и заключалось все ихъ значеніе, все ихъ достоинство, всѣ ихъ права? Какъ они могли забыть его именно теперь, когда и новая Франція вспомнила о немъ и возстановляла его? Новая Франція помнила прошлое, насколько это было для нея выгодно, и забывала все то, что могло нанести ущербъ ея новымъ выгодамъ; отъ ста-

рой Франціи требовалось, наоборотъ, чтобъ она забыла для себя прошлое и научилась—жертвовать всѣмъ для новой Франціи, когда послѣдняя не хотѣла ничѣмъ для нея пожертвовать. Къ требованію неблагоразумному, къ требованію невозможнаго присоединялось требованіе не очень нравственное: требовалось, чтобъ Бурбоны, изъ-за выгоды быть на тронѣ новой Франціи, забыли объ интересахъ старыхъ вѣрныхъ слугъ своихъ, страдавшихъ за эту вѣрность къ нимъ.

Такимъ образомъ, возвращеніе Бурбоновъ условливало необходимо продолженіе революціоннаго движенія во Франціи, ибо старая и новая Франція были сопоставлены безъ всякой сдѣлки, безъ взаимныхъ уступокъ, слѣдовательно были сопоставлены для борьбы. Кромѣ того, существовали условія, благопріятствовавшія усиленію борьбы и ея продолженію. Король Людовикъ XVIII былъ человѣкъ умный, но старый, болѣзненный, во время своего долгаго царствованія только по имени, не могшій получить привычки къ правительственной дѣятельности, не могшій потому дать должную силу своему правительству, особенно среди такого народа, какъ французскій, правитель котораго, чтобъ быть сильнымъ и популярнымъ, долженъ энергически заявлять свое существованіе, свою дѣятельность. Людовикъ XVIII былъ бы очень хорошій король въ государствѣ, гдѣ конституціонный порядокъ уже окрѣпъ; но былъ мало способенъ содѣйствовать его укрѣпленію во Франціи, гдѣ этотъ порядокъ только-что начался. Не имѣя собственной семьи и прикрѣпленный болѣзнію къ кресламъ, Людовикъ нуждался всегда въ любимцѣ, въ человѣкѣ, который двигался за него, смотрѣлъ и слушалъ за него; король, повидимому, сильно привязывался къ такому человѣку; но старый эгоистъ скоро утѣшался, если обстоятельства заставляли его удалить отъ себя любимца, и спѣшилъ замѣмѣнить его другимъ. По своей холодной натурѣ, по отсутствію сильныхъ убѣжденій религіозныхъ и политическихъ, Людовикъ XVIII, казалось, былъ способенъ кое-что забыть и кое-чему научиться, т.-е. былъ способенъ забывать объ интересахъ людей, тѣсно связанныхъ съ династіею, способенъ обращать вниманіе на интересы новой Франціи; но эта способность не повела ни къ чему, при отсутствіи яснаго, опредѣленнаго взгляда на свое положеніе и положеніе Франціи, и, главное, при отсутствіи энергіи. Революціонное движеніе во Франціи могло быть сдержано только правителемъ сильнымъ по своимъ личнымъ средствамъ, какъ взволнованная религіозною борьбою Франція была успокоена Генрихомъ IV, который сталъ ходить къ обѣднѣ въ угоду католическому большинству, и издалъ Нантскій эдиктъ для протестантскаго меньшинства; но при этомъ все чувствовало силу правительства, король не царствовалъ только, но управлялъ, направлялъ народныя силы, народную дѣятельность. Но предпослѣдній Бурбонъ былъ похожъ не на перваго Бурбона, а на послѣднихъ Валуа. Какъ послѣдніе Валуа, по слабости своей, выпустили изъ рукъ направленіе народнаго движенія, дали католикамъ и протестантамъ самимъ перевѣдываться другъ съ другомъ и выбирать себѣ вождей, которые заслоняли собой королей, и послѣднимъ оставалось одно—перебѣгать отъ одной партіи къ другой: такъ и Людовикъ XVIII, не имѣя безстыдной откровенности Екатерины Медичи, дѣйствовалъ однако совершенно въ ея духѣ: готовъ былъ, смотря по обстоятельствамъ, нынче идти къ обѣднѣ, а завтра къ проповѣди; не умѣя направлять движенія, онъ далъ усилиться и разнуздаться партіямъ и погубилъ свою династію. Скажутъ: положеніе Людовика XVIII было совершенно иное, чѣмъ, напримѣръ, положеніе Генриха IV; Франція при Людовикѣ XVIII получила либеральную конституцію, для утвержденія которой личность короля не должна была сильно выдаваться впередъ. Но не должно збывать, что Франція только-что начинала свою новую, конституціонную жизнь, и начинала ее при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ; слабость новорожденнаго строя была очевидна при каждомъ движеніи машины; король съ яснымъ, опредѣленнымъ политическимъ взглядомъ и съ сильною волею долженъ былъ тутъ явиться на помощь и отстранить неблагопріятныя условія, мѣшавшія укрѣпленію новаго устройства; это новое устройство было монархическое; его судьба тѣсно была соединена съ судьбою возстановленной Бурбонской династіи въ виду двоихъ враговъ—республики и бонапартизма. Для низложенія этихъ враговъ, для утвержденія конституціонной монархіи, личность перваго конституціоннаго монарха должна была сильно выдаваться впередъ, особенно среди французсаго народа, который, по природѣ, доступнѣе другихъ обаянію сильной личности. Сравненіе съ Генрихомъ IV является не случайно: поведеніе перваго Бурбона относительно большинства и меньшинства должно было служить образцомъ для возстановленнаго Бурбона: большинство и меньшинство должно было удовлетворить немедленно и потомъ сильною рукою удерживать ихъ отъ возобновленія борьбы; сильною рукою сдерживать людей, которые бы стали провозглашать, что удовлетвореніе недостаточно.

Несостоятельность перваго короля возстановленной династіи была главнымъ неблагопріятнымъ условіемъ для его утвержденія, для прекращенія революціоннаго движенія. Вторымъ условіемъ было раздѣленіе въ Домѣ королевскомъ. Наслѣдникомъ бездѣтнаго Людовика XVIII былъ братъ его, графъ Артуа, человѣкъ, уступавшій ему въ умѣ и образованности, но имѣвшій цѣльную натуру, неспособный измѣнять своимъ убѣжденіямъ, своимъ привязанностямъ; онъ явился въ новую Францію полнымъ представителемъ старой, и потому, разумѣется, всѣ тѣ, которые сочувствовали старой Франціи, сосредоточились около него. Король не могъ имѣть вліянія на брата, не умѣлъ заставить его сообразоваться съ своими взглядами, потому что эти взгляды

не были ясно опредѣлены; не умѣлъ заставить приверженцевъ старой Франціи подчиниться своей волѣ, потому что эта воля была слаба, и, такимъ образомъ, передалъ ихъ брату, дѣлалъ изъ своего наслѣдника главу партіи. Имѣя главу въ наслѣдникѣ престола, имѣя, слѣдовательно, за себя будущее, эта партія дѣйствовала мимо короля, на котораго, какъ на слабаго старика, не могшаго долго жить, она мало обращала вниманія. Ея претензіи, не могшія, разумѣется, уменьшиться, вслѣдствіе такого положенія, раздражали приверженцевъ новой Франціи, которые, видя, что наслѣдникъ престола не будетъ за нихъ, враждебно относились къ старшей линіи Бурбоновъ. Графъ Артуа былъ уже старикъ, но и сыновья его давали мало обезпеченія для новой Франціи: старшій, герцогъ Ангулемскій, не отличался ни дарованіями, ни привлекательнымъ характеромъ; онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ своей, дочери Людовика XVI; бездѣтная, безъ привязанностей, которыя бы могли смягчить ея душу, сдѣлать ее доступною радостямъ настоящаго и надеждамъ въ будущемъ, герцогиня Ангулемская жила прошедшимъ, изъ котораго вынесла непримиримую ненависть къ новой Франціи и не скрывала этой ненависти. Бездѣтность герцога Ангулемскаго сосредоточивала надежды приверженцевъ династіи на второмъ сынѣ графа Артуа, герцогѣ Беррійскомъ, отличавшемся чрезвычайно непріятнымъ характеромъ, рѣзкими, раздражающими манерами.

Подлѣ старшей линіи Бурбоновъ, обѣщавшей такъ мало для будущей новой Франціи, существовала младшая, Орлеанская линія, представитель которой, Людовикъ-Филиппъ, уже давно не могъ скрыть наслѣдственныхъ честолюбивыхъ стремленій. Его менторъ, знаменитый Дюмурье, еще въ 1795 году писалъ къ предводителю Вандейскаго возстанія, Шаретту, что Франція нуждается въ монархіи, только не въ монархіи Людовика XIV; что нуженъ король, который третьему сословію далъ бы то, что Бурбоны могли бы дать только дворянству и духовенству; что единственною возможною связью между республикою и монархіею служитъ молодой герцогъ Орлеанскій. Ученикъ усвоилъ себѣ вполнѣ взглядъ учителя. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ давали знать въ Россію о его дѣятельности въ Англіи, въ 1804 году: «Онъ молодъ, но не вдается ни въ какія развлеченія, свойственныя молодости. Хитрый, интриганъ, честолюбивый чрезъ мѣру, онъ проводитъ свои досуги за ландкартами, всюду поддерживаетъ корреспонденцію, даже во Франціи. Какой-то Монжуа, который принимаетъ иногда нѣмецкую фамилію Фробергъ, его повѣренный, безпрестанно разъѣзжаетъ изъ Англіи на континентъ по порученіямъ своего принца. Принцъ, повидимому, помирился съ Людовикомъ XVIII, но не перестаетъ добиваться Французскаго престола, и если Бонапартъ будутъ свергнутъ, то друзья герцога Орлеанскаго представятъ, что отъ законнаго монарха не будетъ никакой безопасности для людей, вотировавшихъ смерть Людовика XVI, также для пріобрѣтшихъ имѣнія эмигрантовъ и духовенства, тогда какъ герцогъ Орлеанскій, такъ сильно впутанный въ революцію, не будетъ никому мстить и не будетъ покровительствовать эмигрантамъ». Герцогъ готовъ былъ принять предложеніе Шведскаго короля, Густава IV, служить подъ шведскими знаменами противъ наполеоновской Франціи; готовъ былъ принять начальство надъ англійскою экспедиціею въ Мексику или Буэносъ-Айресъ, или на Іоническіе острова. Въ 1808 году, онъ явился въ Гибралтарѣ, чтобъ принять участіе въ испанскомъ возстаніи противъ французовъ, но не былъ допущенъ до этого англичанами, по представленіямъ Людовика XVIII. Въ 1814 году, когда возникъ вопросъ о томъ, кому занять праздный престолъ Французскій, то мысли объ удобствахъ младшей линіи Бурбоновъ передъ старшею необходимо пошли въ ходъ; ихъ раздѣлялъ и императоръ Александръ; но существовало сильное возраженіе: старшая линія имѣла преимущество предъ всѣми другими соискателями по законности, *легитимности;* какъ скоро начала этой законности нарушались и выставлялись выборы, то герцогъ Орлеанскій не имѣлъ преимущества предъ другими соискателями: почему, напримѣръ, его должно было предпочесть Бернадоту? Людовику-Филиппу оставалось продолжать заявлять свое сочувствіе къ новой Франціи, заявлять свой либеральный образъ мыслей, чѣмъ онъ пріобрѣталъ расположеніе Русскаго государя; такъ, онъ принялъ порученіе императора Александра внушить королю Обѣихъ Сицилій о необходимости перемѣнить прежнее поведеніе на болѣе либеральное. Совѣты, подкрѣпленные именемъ могущественнаго императора, рѣшителя судебъ Европы, подѣйствовали: Палермскій Кабинетъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать, что король постарается мудрымъ управленіемъ уничтожить невыгодное впечатлѣніе, произведенное на императора Александра его прежнимъ поведеніемъ; что дурной совѣтникъ, именно духовникъ королевскій, потеряетъ прежнее значеніе и не будетъ вмѣшиваться ни во что. Между тѣмъ, Людовику-Филиппу оставалось дожидаться, пока старшая линія будетъ низвержена вслѣдствіе своей слабости, и онъ принялъ это выжидательное положеніе,—положеніе вврона надъ умирающимъ. Но Людовикъ-Филиппъ, предвидя низверженіе старшей линіи, не понималъ ясно главной причины этого низверженія; не понималъ, что для Франціи нужно правительство сильное, король, сильный своими достоинствами, энергическій, способный стоять наглядно въ челѣ народа, способный давать чувствовать, что сильная рука правитъ, направляетъ и умѣряетъ движеніе. Употребляя самыя легкія средства для обращенія на себя вниманія недовольныхъ старшею линіею, либеральничая и популярничая, усиливая болѣзнь, которою страдала Франція, потому что эта болѣзнь была ему выгодна, Людовикъ-Филиппъ вовсе не обладалъ средствами,—

по достиженіи своей цѣли, остановить развитіе болѣзни. Онъ страдательно далъ себя въ распоряженіе обстоятельствамъ; это страдательное положеніе, бывшее слѣдствіемъ слабой природы человѣка, въ свою очередь, разумѣется, не могло развить въ немъ силы, энергіи. Такимъ образомъ, и младшая линія Бурбоновъ, въ своемъ представителѣ, оказывалась несостоятельною. Возстановленные Бурбоны думали, что они возвращаются владѣть отцовскимъ достояніемъ, и не понимали, что они должны завоевать Францію, какъ завоевалъ ее Генрихъ IV; Франція 1814 года была похожа на сказочную богатырку, соглашавшуюся отдать свою руку только тому богатырю, который прежде побѣдитъ ее въ бою: между Бурбонами обѣихъ линій не было ни одного такого богатыря.

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, заключавшимся въ личныхъ свойствахъ членовъ возстановленной династіи и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, присоединялось неблагопріятное отношеніе массы французскаго народа къ этой династіи. Масса была равнодушна къ Бурбонамъ. Оставя уже въ сторонѣ характеръ французскаго народа, легкость, съ какою онъ забываетъ старое и бросается на новое, не надобно упускать изъ вниманія того, какія событія пережилъ этотъ народъ: въ какія-нибудь двадцать лѣтъ онъ видѣлъ столько внутреннихъ перемѣнъ, столько движенія, подвиговъ, славы, что это короткое время, равнявшееся вѣкамъ по богатству событій, могло отбить у него память о прошломъ. Въ крайнемъ изнеможеніи, съ равнодушіемъ, отъ этого изнеможенія происткавшимъ, Франція приняла Бурбоновъ. Возстановленная династія не пользовалась этимъ временнымъ изнеможеніемъ Франціи, чтобъ завоевать ее, пустить въ ея почву глубокіе корни, и потому, какъ скоро изнеможеніе исчезло, исчезли и Бурбоны, неспособные совладѣть съ возстановленными силами и направить ихъ. Реставрація, произведенная наспѣхъ въ Парижѣ, въ извѣстномъ кружкѣ, заставила Францію вспомнить о Бурбонахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она помнила хорошо и недавно прожитое ею послѣ старой монархіи, она помнила хорошо республику и имперію. Такимъ образомъ, исторія создавала для Франціи три партіи: бурбонскую или роялистскую, республиканскую и императорскую или бонапартистскую; трудность для Бурбоновъ старшей линіи уладиться съ новою Франціею создавала еще четвертую партію — орлеанскую. Въ 1814 году, три послѣднія партіи — республиканская, императорская и орлеанская — были слабы: республиканская не могла собрать своихъ силъ при Наполеонѣ; императорская пала вслѣдствіе несчастій имперіи; орлеанская была въ зародышѣ. Роялистская партія была сильнѣе другихъ; но не должно забывать, что она усилилась не собственными средствами; не она, своими силами, средствами, добытыми ею внутри Франціи, низвергла Наполеона и произвела реставрацію; наоборотъ: — реставрація, произведенная паденіемъ Наполеона предъ усиліями коалиціи, подняла роялистскую партію. События французской исторіи съ 1814 года, какъ ближайшія слѣдствія этой исторіи съ 1789 года, представляютъ намъ борьбу названныхъ партій. Борьба эта, разумѣется, не могла ограничиться одною парламентскою сферою; каждая партія имѣла цѣлью перемѣну династіи или перемѣну образа правленія: отсюда ошибки и ослабленіе одной партіи, ведшія къ усиленію другихъ, вели въ то же время къ революціи, которою пользовалась наиболѣе по обстоятельствамъ усилившаяся партія. Условія такого хода борьбы, такого хода исторіи заключаются: въ силѣ перваго переворота, направленнаго къ совершенному уничтоженію стараго, и въ трудности, поэтому, установить что-нибудь прочное, ибо исчезли преданія, исчезло уваженіе къ существующему на фактѣ, какъ къ чему-то освященному, вѣками нерушимому; въ привычкѣ отсюда рѣшать каждое столкновеніе переворотомъ, какъ средствомъ самымъ легкимъ; въ большомъ количествѣ партій, богатомъ наслѣдствѣ революціи и ея слѣдствій; въ несостоятельности королей возстановленной династіи, давшихъ своею слабостью просторъ партіямъ; наконецъ въ характерѣ народа, жаднаго къ борьбѣ внутренней и внѣшней, жаднаго и привычнаго къ борьбѣ партій и къ рѣшенію ея уличнымъ боемъ въ Парижѣ: ибо, изучая исторію Франціи въ XIX вѣкѣ, не должно забывать Лиги и Фронды.

Съ первыхъ же дней пребыванія возстановленныхъ Бурбоновъ въ Тюльери обозначились всѣ тѣ отмели и подводные камни, между которыми имъ нужно было проводить свой старый, поврежденный бурею корабль. Немедленно же Бурбоны явились передъ глазами новой Франціи, окруженные привидѣніями, выходцами съ того свѣта; но эти выходцы спѣшили показать, что у нихъ есть плоть и кровь. Старинное высшее дворянство, получившее придворныя должности, стремилось занять и должности правительственныя, но тутъ оно встрѣтило соперниковъ, людей имперіи, похитителей въ его глазахъ, какъ похитителемъ былъ самъ императоръ въ глазахъ законнаго короля: если возстановлена власть законная, то справедливо ли вѣрныхъ слугъ этой законной власти отстранять въ пользу слугъ власти незаконной? Старинное дворянство второстепенное требовало возвращенія имѣній и мѣстъ, занятыхъ другими, новыми людьми, также слугами власти незаконной. Людовикъ XVIII думалъ, что, сопоставивши старыхъ и новыхъ людей при страшномъ взаимномъ ожесточеніи, онъ примиряетъ старую и новую Францію! Понятна, что представители старой Франціи назвали короля якобинцемъ и сосредоточились около наслѣдника престола, графа Артуа, который былъ послѣдовательнѣе брата: «Захотѣли», — говорилъ онъ, — «конституціоннаго правленія; попробуемъ его: если черезъ годъ или черезъ два дѣло не пойдетъ на ладъ, то возвратятся къ естественному порядку вещей». Роялистскимъ депутатамъ юга онъ сказалъ: «Будемъ поль-

зоваться настоящимъ, господа, а за будущее я вамъ ручаюсь». Это ручательство за будущее заставляло людей новой Франціи искать взорами другого человѣка, который бы поручился имъ въ другомъ смыслѣ за будущее; ихъ взоры встрѣчались съ герцогомъ Орлеанскимъ, который своею привѣтливою улыбкою говорилъ имъ: «Все, что только вамъ угодно, господа,—все въ будущемъ».

Борьба начала немедленно разыгрываться; призывъ къ ней послышался съ церковныхъ каѳедръ. Къ борьбѣ политическихъ партій присоединялась борьба религіозная.

Христіанство заявляетъ свою вѣчность тѣмъ, что ставитъ наивысшее требованіе для нравственнаго человѣческаго совершенствованія, и тѣмъ, что отрѣшается отъ всѣхъ временныхъ, преходящихъ формъ, и, имѣя дѣло съ внутреннимъ міромъ человѣка, съ его нравственнымъ совершенствованіемъ, посредствомъ этого совершенствованія дѣйствуетъ и на улучшеніе общественныхъ формъ. Отсюда понятно, что христіанство сильно, когда свободно отъ примѣси вещей міра сего, и слабѣетъ по мѣрѣ пріобщенія къ нему чуждыхъ началъ. Такъ, оно ослабѣло въ католицизмѣ, который запуталъ религію въ политическія отношенія, сдѣлалъ «царство не отъ міра сего»—царствомъ міра сего, и возбудилъ противодѣйствіе, выразившееся въ протестантизмѣ XVI-го и невѣріи XVIII-го вѣка. Но попытка XVIII-го вѣка, безъ помощи религіи, во имя разума человѣческаго создать новое, лучшее общество,—не удалась; отчаянные борцы за царство разума должны были, послѣ ужасовъ французской революціи, воскликнуть, подобно Юліану: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Послѣ этого естественно и необходимо должно было начаться обращеніе къ религіи, къ христіанству. Жозефъ де-Мэстръ имѣлъ полное право говорить людямъ, жаловавшимся на революцію: «На что вы жалуетесь? скажите пожалуйста! Развѣ вы не сказали формально Богу: «Мы Тебя не хотимъ, выходи изъ нашихъ законовъ, изъ нашихъ учрежденій, изъ нашего воспитанія!» Что же сдѣлалъ Богъ? Онъ вышелъ и сказалъ вамъ: «Дѣлайте, какъ знаете!» Результатъ—милое царствованіе Робеспьера. Ваша революція—это великая и страшная проповѣдь, произнесенная Провидѣніемъ человѣчеству; проповѣдь состоитъ изъ двухъ частей; первая: злоупотребленія порождаютъ революцію,—эта часть относится къ государямъ; вторая часть: злоупотребленія все же лучше революціи—относятся къ народамъ».

Но въ страшной проповѣди была еще третья часть, которую не разслушали люди съ направленіемъ Жозефа де-Мэстра. Третья часть состояла въ томъ: что не должно чистое смѣшивать съ нечистымъ; что не должно папою и іезуитами отпугивать народы отъ христіанства; что христіанство могло быть усилено, возстановлено только тѣми средствами, какими оно было первоначально распространено; что правительство можетъ содѣйствовать распространенію въ народѣ христіанства однимъ способомъ—когда оно само проникнуто христіанскимъ духомъ, дѣйствуетъ, постоянно сообразуясь съ правилами христіанской нравственности. Но когда, вмѣсто духовныхъ средствъ, правительство станетъ дѣйствовать средствами внѣшними, матеріальными, предписаніями, принужденіями, приманками, то нанесетъ только страшный вредъ религіи, породитъ, съ одной стороны, толпу лицемѣровъ и ханжей, съ другой — толпу ожесточенныхъ враговъ религіи, ибо нельзя къ чистому прикасаться нечистыми руками.

Въ описываемое время можно было съ успѣхомъ дѣйствовать для распространенія религіозности во Франціи, если бы французское духовенство умѣло приблизиться къ чистотѣ голубиной и мудрости змѣиной; если бы было способно дѣйствовать духовными, апостольскими средствами. Но французское духовенство не имѣло среди себя людей, сильныхъ личными средствами, которые бы производили могущественное впечатлѣніе своею мудростью и чистотою. На самомъ верху оно представляло однѣ посредственности, неспособныя понять свое положеніе, его выгоды и невыгоды, неспособныя сдерживать и направлять меньшихъ собратій своихъ. И духовенство взглянуло на реставрацію, какъ взглянули на нее эмигранты, т.-е. какъ на возстановленіе старины, нарушенной революціей, причемъ всякая сдѣлка съ послѣднею была въ ихъ глазахъ беззаконіемъ, грѣхомъ. И духовенство, подобно эмигрантамъ, прежде всего ухватилось за самый сильный матеріальный интересъ, раздѣлявшій старую и новую Францію: во время революціи, имѣнія эмигрантовъ и духовенства были распроданы; въ покупщикахъ этихъ имѣній новая Франція пріобрѣла самыхъ сильныхъ приверженцевъ, старая—самыхъ злыхъ враговъ, боявшихся, что старые владѣльцы потребуютъ назадъ свои имѣнія. Хартія Людовика XVIII обезпечивала новыхъ владѣльцевъ; но старые не обращали вниманія на хартію, и продолжали возбуждать опасеніе новыхъ; тщетно послѣдніе опирались на хартію: роялистскіе журналы отвѣчали на это, что законъ могъ обезпечить матеріальную сторону продажъ, но онъ не могъ сообщить имъ нравственности, не могъ сдѣлать, чтобъ дѣло безнравственное превратилось въ дѣло честное предъ общественною совѣстью. Въ эту борьбу между старыми и новыми свѣтскими землевладѣльцами вмѣшалось французское духовенство, соединивъ свое дѣло съ дѣломъ старыхъ землевладѣльцевъ, и стало ратовать за матеріальный интересъ средствами, вовсе не для этой цѣли назначенными, чѣмъ произвело соблазнъ и унизило свой нравственный характеръ въ виду многочисленныхъ враговъ, порожденныхъ XVIII-мъ вѣкомъ и революціею: съ церковныхъ каѳедръ раздались возгласы противъ продажи церковныхъ и эмигрантскихъ имѣній; священники не давали причастья покупщикамъ этихъ имѣній. Въ Парижѣ былъ случай, который показывалъ, что духовенство хотѣло оставаться вполнѣ вѣрнымъ своимъ

старымъ взглядамъ и обычаямъ: оно отказалось хоронить актрису Рокуръ.

Духовенство жило одними воспоминаніями старины и тѣмъ возбуждало противъ себя новую Францію. Правительство своею неловкостью увеличивало раздраженіе. Оно вѣрило, что можно возстановить и усилить религіозность во французскомъ народѣ внѣшними мѣрами, правительственными распоряженіями. Король и братъ его думали, что правительственнымъ предписаніемъ можно легко, вдругъ, ввести во Франціи такое же строгое соблюденіе воскресныхъ дней, какое они видѣли въ Англіи, не обративъ вниманія ни на характеръ французскаго народа, ни на привычки, пріобрѣтенныя имъ со времени революціи. По настоянію короля, главный директоръ полиціи, не посовѣтовавшись съ министрами, издалъ приказаніе не работать въ воскресные и праздничные дни, купцамъ не торговать, не отпирать своихъ лавокъ и магазиновъ; кофейныя и другія заведенія подобнаго рода не могли быть отперты въ продолженіи церковной службы; другимъ предписаніемъ возстановлялись церковныя церемоніи во всей Франціи, причемъ во время процессіи съ Тѣломъ Христовымъ предписано было украшать всѣ дома. Предписанія возбудили сильныя волненія, особенно между людьми, которыхъ матеріальные интересы были ими нарушены, между лавочниками, чернорабочими и т. п. Протестанты кричали, что нарушается свобода вѣроисповѣданія, выговоренная хартіею, потому что протестанта принуждаютъ украшать свой домъ для церемоніи, въ которой онъ видитъ выраженіе суевѣрія; дѣтей реформаціи, которыхъ было немного, поддерживали своими криками дѣти революціи, или такъ-называемые философы, которыхъ, было очень много. Правительство обнаружило, при этомъ удобномъ случаѣ, свою неспособность и слабость; перепуганные министры стали требовать, чтобъ директоръ полиціи подалъ въ отставку и тѣмъ утишилъ бурю. Самый рѣзкій, самый скорый на жесткое слово и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ, не самый твердый и храбрый изъ членовъ королевскаго Дома, герцогъ Беррійскій, накинулся на несчастнаго директора полиціи: «Мнѣ хорошо во Франціи»,—говорилъ герцогъ,—«я не хочу возвращаться туда, откуда мы пріѣхали, а это непремѣнно случится, если мы дадимъ волю ханжамъ».

Здѣсь былъ необдуманный поступокъ, невниманіе къ свойствамъ среды, въ которой правительство должно было дѣйствовать. Но были случаи, гдѣ Бурбоны, безъ нарушенія своего царственнаго и человѣческаго достоинства, не могли уклониться отъ столкновенія съ новою Франціею. Торжественная заупокойная служба по Людовикѣ XVI и его семействѣ, въ присутствіи королевской фамиліи, была торжественнымъ упрекомъ для многихъ и многихъ; эта служба была тяжела и для тѣхъ, къ которымъ могъ относиться упрекъ въ страшномъ дѣлѣ или въ сочувствіи къ нему, и для тѣхъ, которые въ этихъ воспоминаніяхъ видѣли торжество представителей старой Франціи; многіе готовы были жалѣть и раскаяваться; но тяжко было униженіе, въ которое людей новой Франціи ставило это раскаяніе передъ людьми старой Франціи, не имѣвшими въ чемъ раскаяваться. И послѣдніе не сдержались при этомъ случаѣ;—не скажемъ: не хотѣли сдержаться, потому что намъ, спокойно смотрящимъ на дѣло, представляется необходимо вопросъ: могли ли они сдержаться? Всякое торжество есть слѣдствіе потребности выразить извѣстное чувство, и, въ свою очередь, служитъ къ возбужденію, усиленію этого чувства. Обратимъ вниманіе и на характеръ народа, съ которымъ имѣемъ дѣло, и не удивимся, что представители старой Франціи, по поводу этихъ печальныхъ торжествъ, сильно высказали свои чувства; что въ печати явились жестокія выходки противъ революціи и ея слѣдствій, противъ идей, ею порожденныхъ. Эти выходки, разумѣется, сильно раздражили приверженцевъ новой Франціи и несочувствовавшихъ революціоннымъ увлеченіямъ, и раздраженіе было тѣмъ сильнѣе, что нельзя еще было вполнѣ его высказать.

Перчатка была брошена, вызовъ на смертельный бой между старою и новою Франціею сдѣланъ,—вызовъ, необходимый уже вслѣдствіе самаго появленія среди новой Франціи представителей старой Франціи; вызовъ, необходимый среди народа, страстнаго къ борьбѣ, мало способнаго къ сдѣлкамъ, и при отсутствіи сильной руки, которая бы развела людей, готовыхъ броситься другъ на друга, и дала другой выходъ ихъ возбужденнымъ силамъ. Но какъ ни необходима была борьба, какъ ни сильны были побужденія къ ней вслѣдствіе ошибокъ слабаго правительства, все же эта борьба не могла вдругъ повести къ перевороту, къ сверженію этого слабаго правительства: Франція была слаба, истощена; ей нужно было собраться съ силами; партіямъ надобно было рѣзче обозначиться; Франція была застигнута врасплохъ паденіемъ имперіи и реставраціею,—ей нужно было нѣсколько времени, чтобъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи. Но, прежде чѣмъ она осмотрѣлась, переворотъ совершился; какъ будто по театральному свистку, декораціи перемѣнились: Бурбоны исчезли изъ Тюльери, гдѣ опять явился императоръ. Этотъ внезапный переворотъ совершился вслѣдствіе отношеній войска къ Бурбонамъ.

Имперія и войско были понятія, немыслимыя другъ безъ друга; имперія пала вслѣдствіе того, что императорское войско было не въ состояніи бороться съ войсками цѣлой Европы,—вслѣдствіе того, что побѣда оставила его знамена. У войска отняли полководца, водившаго его къ побѣдамъ, давшаго ему такое великое значеніе, такое выгодное положеніе. Все, что было враждебно императору, было враждебно и войску,—орудію силы и власти императора; и все это, враждебное императору, теперь торжествовало, и реставрація была слѣдствіемъ

этого торжества: каково же было положенiе войска, его отношенiя къ Бурбонамъ? Войско было императорское; побѣды, возбуждавшiя къ нему сильное сочувствiе въ воинственномъ народѣ, были побѣды императора: это нестерпимо кололо глаза представителямъ старой Францiи, раздражало, возбуждало ихъ непрiязнь къ войску, которое платило имъ тою же монетою. Императорское войско было побѣждено, унижено войсками союзныхъ государей: представители старой Францiи превозносили, какъ благодѣтелей, враговъ, помрачившихъ военную славу новой Францiи. Правительство Бурбоновъ было безъ войска; но войско существовало—и было противъ правительства. Для утвержденiя востановленной династiи, ей нужно было создать свое войско; но этого было мало: нуженъ былъ новому войску знаменитый полководецъ изъ Бурбоновъ или изъ ихъ ревностныхъ приверженцевъ, который былъ бы способенъ побѣдить старое императорское войско, или своими побѣдами могъ заставить войско забыть о побѣдахъ императора. И то и другое было невозможно, а другихъ средствъ привязать къ себѣ императорское войско не было у Бурбоновъ.

При первомъ вступленiи Бурбоновъ въ Тюльери, вражда ихъ къ императорскому войску, страхъ ихъ передъ нимъ обнаружились самымъ рѣзкимъ образомъ: они никакъ не могли рѣшиться провести ночь подъ охраною наполеоновскихъ гвардейцевъ, и гренадеры императорской гвардiи были отосланы съ дворцовыхъ карауловъ. Этимъ первымъ дѣйствiемъ востановленной династiи вполнѣ обозначилось отношенiе ея къ войску. Войско, оттолкнутое такимъ образомъ отъ правительства, составило необходимо народъ въ народѣ съ своими особыми интересами; оттолкнутое новымъ государемъ страны, оно продолжало жить памятью о старомъ императорѣ; но это не была одна только память. Бурбоны, какъ было естественно въ ихъ положенiи, поспѣшили создать себѣ свое войское: востановлена была королевская гвардiя (maison militaire du roi); собрано было 10,000 дворянъ, старыхъ и молодыхъ, и дано имъ содержанiе, равнявшееся содержанiю 50,000 простаго войска (именно 20.000,000). Явилось королевское, бурбонское войско; а другое—старое—войско было чье?—оно, разумѣется, осталось войскомъ императора Наполеона, не могло на себя смотрѣть иначе, ибо само правительство,—всѣ смотрѣли на него такъ; поэтому неудивительно, что въ казармахъ безпрестанно раздавались клики: «Да здравствуетъ императоръ!» Войсковая масса, какъ вообще народныя массы, не можетъ дѣйствовать во имя отвлеченныхъ принциповъ, она приковывается къ извѣстной личности, къ извѣстному имени, и легко приводитъ ее въ движенiе этимъ лицомъ, этимъ именемъ. Отъ сильнаго усердiя и уваженiя до суевѣрнаго поклоненiя переходъ легокъ. А тутъ дѣлалось все, чтобъ привязать войско еще сильнѣе къ имени Наполеона: армiю сокращали; до 16,000 императорскихъ офицеровъ были отпущены на половинномъ жалованьи; и это въ то самое время, когда набрана была королевская гвардiя; когда въ армiю и флотъ помѣщали старыхъ роялистовъ; когда морскимъ офицерамъ-эмигрантамъ, вступившимъ теперь въ королевскiй флотъ, зачиталось время службы ихъ иностраннымъ державамъ; трехцвѣтная кокарда новой Францiи была отнята у войска и замѣнена бѣлою кокардою старой Францiи. Много старыхъ наполеоновскихъ солдатъ возвратилось во Францiю изъ плѣна, изъ гарнизоновъ иностранныхъ крѣпостей, сданныхъ союзникамъ только въ послѣднее время: у этихъ старыхъ солдатъ не могли отнять трехцвѣтной кокарды; они объясняли реставрацiю тѣмъ, что, въ ихъ отсутствiе, иностранцы, по заговору дворянъ и поповъ, вошли во Францiю и учредили новое правительство. Такимъ образомъ, во Францiи стояло лагеремъ враждебное правительству войско, не обнаруживавшее явно вражды только по отсутствiю полководца, дожидавшееся его возвращенiя, и правительство не имѣло другого, своего войска противопоставить этой враждебной вооруженной силѣ: оно не имѣло ни войска, ни полководца. Бурбоны старались привлечь къ себѣ наполеоновскихъ маршаловъ; но только правительства сильныя могутъ надѣяться крѣпко привязать къ себѣ людей, перешедшихъ по силѣ обстоятельствъ и по слабости убѣжденiй изъ враждебнаго лагеря. Люди подобнаго рода служатъ усердно только сильному правительству; какъ же скоро правительство обнаруживаетъ слабость, непрочность; какъ скоро подлѣ правительства образуются другiя силы: то эти люди обыкновенно позволяютъ себѣ получать выгодныя мѣста, брать награды у правительства, и въ то же время заискивать у другихъ силъ, показывать предъ ними, что они служатъ правительству только такъ, вовсе не изъ усердiя; показывать свое недовольство правительствомъ, позволять себѣ злословить его, насмѣхаться надъ нимъ. Только правительству сильному выгодно подкупать способныхъ людей; правительство слабое напрасно истрачивается на это: примѣръ несчастнаго Людовика XVI служитъ тому доказательствомъ. Притомъ же слабость востановленныхъ Бурбоновъ высказывалась всего яснѣе у нихъ во дворцѣ: король не имѣлъ твердости и силы заставить окружающихъ сообразоваться со своею волею. Если онъ ласкалъ наполеоновскихъ маршаловъ, желалъ привязать ихъ къ себѣ, желалъ слить старую знать съ новою, то придворные его не хотѣли этого слитiя, и особенно женщины давали полную свободу своимъ чувствамъ: жена маршала Нея была оскорблена пренебреженiемъ, оказаннымъ ей придворными дамами. Но и мужчины были не очень осторожны: восторгъ придворныхъ предъ герцогомъ Веллингтономъ, побѣдителемъ войскъ императорскихъ, конечно, не могъ быть прiятенъ маршаламъ императорскимъ.

Партiя бонапартистская была сильна тѣмъ, что

за нее была вооруженная сила; кромѣ того, она могла разсчитывать на большинство сельскаго народонаселенія, которое, будучи чуждо конституціоннымъ вопросамъ, позабывъ о Бурбонахъ въ революціонное время, по характеру своему, находилось подъ обаяніемъ личности императора, какъ олицетворенія силы и славы, тогда какъ возстановленные Бурбоны, безцвѣтные, безличные, были приведены иностранцами. Кромѣ сельскаго народонаселенія, бонапартистская партія могла разсчитывать и на низшее городское народонаселеніе; наконецъ эта партія была сильна тѣмъ, что имѣла ясно опредѣленную цѣль. Не въ такомъ выгодномъ положеніи находилась либеральная или конституціонная партія, хотя и многочисленная въ высшихъ гражданскихъ сферахъ. Ея положеніе было затруднительно по отношенію къ правительству, которое хотя уступило странѣ либеральную конституцію, но представляло мало ручательства, что эта конституція будетъ поддержана на будущее время. Другое затрудненіе этой партіи состояло въ томъ, что конституціонный вопросъ во Франціи былъ спорный, рѣшался теоретически на непрочной почвѣ, взрытой революціею; разнородные мнѣнія и взгляды перекрещивали другъ друга:—отсюда темнота, неопредѣленность, легкое и безплодное отрицаніе. По всему было видно, что зданіе конституціонной монархіи во Франціи не было готово, какъ только была дана хартія; что его нужно было долго и долго отстраивать; а легко ли было это сдѣлать на колеблющейся почвѣ, при смутныхъ отношеніяхъ правительственныхъ, при борьбѣ партій, при извѣстномъ характерѣ народа, способнаго и привычнаго къ разрушенію стараго, способнаго проповѣдывать новое, но невыдержливаго, мало способнаго на тяжелый, усидчивый трудъ созиданія.

Слабость либеральной партіи во Франціи, слабость, которою она до сихъ поръ страдаетъ, высказалась въ описываемое время въ органѣ этой партіи, «Цензорѣ», издававшемся двумя молодыми адвокатами — Контомъ и Дюнуайе. Несмотря на то, что въ хартіи была обѣщана свобода печати, правительство сочло нужнымъ, по обстоятельствамъ времени, удержать цензуру для сочиненій, имѣвшихъ менѣе 30-ти печатныхъ листовъ, вслѣдствіе чего либеральные журналы, чтобъ избавиться отъ цензурныхъ сдержекъ, выходили большими томами. Страстный поклонникъ свободы, равенства, справедливости, демократіи, «Цензоръ» громилъ крайности революціи, военный деспотизмъ, не былъ противъ Бурбоновъ, но отвергалъ принципъ божественнаго освященія королевской власти, отвергалъ аристократію, вліяніе духовенства. Мало ясности, опредѣленности могъ сообщить «Цензоръ» своимъ читателямъ при обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ, и могъ усиливать только вредную привычку къ безплодному либеральничанью,—привычку легко обходиться, легко порѣшать съ серьезными явленіями политической жизни народовъ, пробавляться громкими словами и фразами. Положительная сторона журнала относилась къ вопросамъ торговымъ, промышленнымъ, политико-экономическимъ; но эта сторона не могла удовлетворять общество, неуспокоенное насчетъ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ.

«Цензоръ» не допускалъ никакой сдѣлки между старою и новою Франціею; онъ былъ органомъ того мѣщанскаго направленія, которое, усиливаясь все болѣе и болѣе, стремилось къ господству и достигло его. Примирить старую Францію съ новою задумалъ первый талантъ времени, Шатобріанъ. Мало французскихъ дѣятелей представляло въ такой чистотѣ кельтическую натуру, живую, страстную, воспріимчивую, способную бросаться изъ одной стороны въ другую, честолюбивую, тщеславную, созданную для борьбы, ведущую борьбу дла самой борьбы. Бретонскій дворянинъ, Шатобріанъ былъ воспитанъ въ старомъ, уединенномъ замкѣ, въ фамиліи, бѣдной настоящимъ, которая жила одною памятью о прошломъ; гордый своимъ происхожденіемъ, отецъ, набожная мать, восторженная сестра: — вотъ первое окруженіе будущаго знаменитаго писателя. Лишенный твердой, здоровой, школьной, научной пищи, онъ подчинился безраздѣльному господству фантазіи. Съ такимъ-то приготовленіемъ молодой Шатобріанъ перекинулся изъ своей провинціи въ Парижъ, гдѣ готовилась революція. Первая оргія революціи, взоткнутыя на пики головы произвели такое сильное впечатлѣніе на Шатобріана, что онъ тогда же рѣшился эмигрировать. Но политическая буря уже расшевелила его: поднялось честолюбіе, страшное желаніе играть роль; но какую избрать роль при томъ страшномъ хаосѣ, безъ яснаго пониманія въ чемъ дѣло? Вдругъ приходитъ ему въ голову мысль открыть сѣверный путь изъ Европы въ Азію—и, безъ приготовленія, безъ средствъ, онъ отправляется въ Америку. Возвратясь оттуда, ничего не сдѣлавши, онъ узнаетъ, что родные его гибнутъ на гильотинѣ, и пристаетъ къ эмигрантамъ; но здѣсь отталкиваютъ его односторонность, мелкость интересовъ у людей, мелкихъ по натурѣ: Шатобріанъ удаляется въ Англію и принимается за перо. Въ первомъ его произведеніи—*«Историческій опытъ о революціи»*,—ярко выразились столкновенія двухъ впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ: одно—изъ революціонной Франціи, другое—изъ эмигрантскаго лагеря. Онъ нападаетъ на революцію, но объявляетъ ее неизбѣжною; нападаетъ на абсолютизмъ, но республику въ развращенное время считаетъ невозможною; въ теоріи признаетъ суверенитетъ народа, на практикѣ—смотритъ на него съ отвращеніемъ; отрицаетъ всякую гражданскую свободу и допускаетъ только личную; кто не хочетъ зависѣть отъ людей, тотъ долженъ обратиться къ жизни дикихъ. О Христѣ говоритъ, какъ о человѣческомъ явленіи; папство, реформацію, всю исторію христіанства представляетъ въ черномъ свѣтѣ, даетъ христіанству только два

года жизни и ждетъ новой религіи; господство закона называетъ отвратительнымъ тиранствомъ; появленіе законовъ и правительствъ—величайшимъ несчастіемъ. Впослѣдствіи самъ Шатобріанъ называлъ свой «Опытъ» противорѣчивою, отвратительною и смѣшною книгою; но книга эта имѣетъ свое значеніе: въ ней вполнѣ отразился весь ходъ понятій, явившійся въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка вслѣдствіе революціи; весь этотъ хаосъ удобно прошелъ черезъ горячую голову молодаго кельта, который въ дѣтствѣ питался мечтами въ феодальномъ замкѣ, встрѣтился съ жизнію—въ революціонномъ Парижѣ и потомъ въ эмигрантскомъ лагерѣ, и, въ промежутокъ, побывалъ въ Америкѣ и прочелъ кое-что. У Шатобріана сильно высказалось и это отчаяніе, которое овладѣло тогда людьми, видѣвшими, что революція не обновила міра; отчаявшись въ возможности этого обновленія человѣческими средствами, они стали ждать помощи свыше; но, разсорясь съ прошедшимъ и настоящимъ, они стали ждать новой религіи.

Но уже это самое ожиданіе новой религіи предвѣщало скорое обращеніе къ христіанству, религіи нестарѣющейся, всегда способной обновлять человѣка и общество. Два года прошло, новая религія не являлась, обращеніе къ христіанству становилось все сильнѣе и сильнѣе, и Шатобріанъ является глашатаемъ и пособникомъ этого обращенія. Послѣ сильнаго изверженія непереваренныхъ впечатлѣній и понятій въ «Опытѣ о революціи», поворотъ въ другую сторону совершился быстро въ горячей натурѣ Шатобріана. Въ то время, когда Бонапартъ, удовлетворяя требованію большинства французскаго народа, заключилъ конкордатъ съ папою;—въ тотъ самый день, когда въ Нотръ-Дамъ было возстановлено богослуженіе, въ «Монитёрѣ» было объявлено съ похвалою о новой книгѣ Шатобріана: «Духъ христіанства», заключавшей въ себѣ поэтическое оправданіе обстановки христіанства, какъ она образовалась въ западной католической Европѣ. Успѣхъ книги былъ чрезвычайный: авторъ хвастался, что онъ своею книгою убилъ вліяніе Вольтера, спасъ дѣло, которое Римъ не могъ поддержать, окончилъ революцію и началъ новую литературную эпоху. Люди, не сочувствовавшіе книгѣ, говорили въ насмѣшку, что Шатобріанъ доказалъ, что христіанство даетъ больше матеріаловъ для оперы, чѣмъ другія религіи. Авторъ преувеличивалъ достоинство своей книги; но за то и насмѣшники, противъ воли своей, указывали на важное ея значеніе для большинства. Вольтеръ сильно повредилъ религіи, дѣйствуя могущественнымъ средствомъ для большинства, особенно во Франціи, дѣйствуя насмѣшкою, онъ билъ не въ сущность дѣла,—билъ во внѣшнее, накладное, но производилъ сильное впечатлѣніе на большинство, которое обыкновенно неспособно проникнуть въ сущность дѣла, ограничивается однимъ внѣшнимъ, накладнымъ. Книга серьезная философско-богословскаго содержанія, и потому доступная немногимъ, не могла бы съ успѣхомъ противодѣйствовать вольтеріанизму; надобно было подѣйствовать на большинство доступнымъ для него образомъ; надобно было показать, что то, надъ чѣмъ смѣялись, не смѣшно, а прекрасно. Многіе и многіе, желавшіе обратиться къ христіанству, но удерживаемые страхомъ моды, насмѣшки, теперь, благодаря Шатобріану, освобождались отъ этого страха: то, что было поругано, явилось теперь въ привлекательномъ свѣтѣ. Если до сихъ поръ древній грекоримскій міръ производилъ сильное впечатлѣніе красотою своей обстановки, и если Шатобріанъ доказалъ, что христіанство своею обстановкою выше другихъ религій, больше даетъ человѣку человѣческой пищи, то понятно, какъ его книга должна была содѣйствовать перемѣнѣ взгляда, какъ долженъ былъ выиграть тотъ міръ, въ которомъ образовалась обстановка христіанства.

Бонапартъ принялъ хорошо книгу Шатобріана, какъ соотвѣтствовавшую цѣлямъ правительства; авторъ вступилъ въ суужбу этого правительства, но скоро оставилъ ее: убійство герцога Ангіенскаго произвело на него такое же сильное впечатлѣніе, какъ и головы на пикахъ революціонеровъ. Прошло десять лѣтъ. Политическое низверженіе Наполеона совершилось; толпа, жадная на поруганіе падшаго величія, стаскивала статую императора съ Аустерлицкой колонны; но этихъ низверженій было мало, понадобилось низверженіе нравственное, и Шатобріанъ былъ тутъ съ своею громовою брошюрою, въ которой приписывалось Наполеону все безнравственное; Людовикъ XVIII былъ очень доволенъ услугою, оказанною ему Шатобріаномъ: дѣйствительно, на первыхъ порахъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, впечатлѣніе было сильное; но скоро оказалось, что униженіе противника не могло восполнить недостатокъ величія въ представителѣ Бурбоновъ, и Наполеонъ выросъ снова.

Теперь Шатобріанъ выступаетъ съ новою брошюрою, написанною въ иномъ, примирительномъ духѣ *(Политическія размышленія о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ и объ интересахъ всѣхъ французовъ)*. Мы часто встрѣчаемъ добрыхъ людей, которые говорятъ: «И N. N. прекрасный человѣкъ, и М. М. прекрасный человѣкъ; и какъ жаль, что такіе прекрасные люди не терпятъ другъ друга,—что бы имъ помириться? они оба рождены, чтобы любить другъ друга»! Иногда добрые люди стараются помирить прекрасныхъ людей, и, къ крайнему удивленію и огорченію своему, убѣждаются, что примиреніе невозможно. Шатобріанъ въ своемъ сочиненіи старается увѣрить, что старая Франція, старое управленіе были прекрасны; что паденіе ихъ должно быть вѣчнымъ предметомъ сожалѣнія; но и новая Франція такъ же прекрасна,—у нея есть хартія, которая не представляетъ что-нибудь совершенно новое: свобода была въ старой Франціи, какъ во всѣхъ другихъ

европейскихъ государствахъ; французская конституція не есть подражаніе англійской, потому что англійскій парламентъ есть не иное что, какъ усовершенствованное подражаніе французскимъ генеральнымъ чинамъ, такъ-что французы повидимому только подражаютъ своимъ сосѣдямъ, а на самомъ дѣлѣ возвращаются къ учрежденіямъ своихъ отцовъ. Новые французы не такъ легкомысленны, какъ старые; болѣе естественны, болѣе просты, болѣе отличаются народнымъ характеромъ; молодежь новой Франціи, воспитанная въ лагерѣ или уединеніи, болѣе серьезна и своебытна; религіозность новыхъ французовъ не есть дѣло привычки, но результатъ убѣжденій; нравственность не есть плодъ домашняго воспитанія, но слѣдствіе просвѣщеннаго разума. Высшіе интересы заняли вниманіе; цѣлый міръ прошелъ передъ нами. Когда приходится защищать свою жизнь; когда передъ глазами падаютъ и возвышаются троны, то человѣкъ становится серьезнѣе, чѣмъ въ то время, когда единственнымъ предметомъ разговора служитъ придворная интрига, прогулка въ Булонскомъ лѣсу. Французы очень возмужали противъ того, какъ они были тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Людовикъ XVIII былъ очень доволенъ и этою брошюрою Шатобріана: «Начала, въ ней развитыя, должны быть усвоены всѣми французами»,—сказалъ король. Дѣйствитэльно, какъ было бы прекрасно, еслибъ всѣ французы вдругъ помирились; какъ было бы пріятно и спокойно, особенно старику въ его креслахъ. И было много французовъ, которые готовы были помириться; но все затрудненіе состояло въ томъ: какъ, на чемъ помириться. Шатобріанъ восхитительно доказалъ, что старая и новая Франція, будучи обѣ прекрасны, должны помириться; но какъ?—этого нельзя было, къ сожалѣнію, отыскать въ его брошюрѣ. И нашлись упрямцы между представителями и старой и новой Франціи, которые не соглашались съ знаменитымъ писателемъ: одни—насчетъ красотъ новой, другіе—насчетъ красотъ старой Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, если старая Франція была такъ прекрасна, то какъ же случилось, что ее вдругъ сдали въ архивъ? Вдругъ явились люди, которые начали разрушать прекрасное зданіе; а другіе, изъ преступной слабости или злонамѣренности, спокойно смотрѣли на это, признавали законными всякую силу, всякій совершившійся фактъ,—и теперь эти люди правы, имъ должны уступить люди, которые, признавая, подобно Шатобріану, прекрасное прекраснымъ, протестовали и протестуютъ противъ его разрушенія,—люди, которые одни вели себя какъ прилично мужамъ! Приверженцы старой Франціи объявили, что они не хотятъ, въ угоду Шатобріану, смѣшивать людей самыхъ добродѣтельныхъ и самыхъ честныхъ съ людьми самыми преступными; что имъ мало дѣла до равенства, свободы, прогресса, равновѣсія властей, происхожденія и выгодъ представительнаго правленія. И, разумѣется, они были совершенно правы, объявивши, что вполнѣ довольны тою Франціею, которая, по словамъ Шатобріана, была такъ восхитительна. Но всего болѣе должно было оскорбить ихъ то, что человѣкъ, выступившій защитникомъ старой Франціи, взявшійся вѣчно оплакивать паденіе прежняго управленія, поступилъ измѣннически, опозорилъ старую Францію, сказавши, что она занималась только придворными интригами да прогулками въ Булонскомъ лѣсу; что высшіе интересы вызваны новою Франціею. Демократы, съ своей стороны, были очень недовольны похвалами старой Франціи, которая была имъ ненавистна, и насмѣялись они надъ декламаторскою галиматьею автора, надъ его энтузіазмомъ къ среднимъ вѣкамъ. Удивительное дѣло! кажется, расхвалилъ и тѣхъ и другихъ:—и тѣ, и другіе рассердились.

Мириться было трудно, ссориться легко; легко было становиться на сторону старой или новой Франціи. Четыре журнала ратовали въ пользу первой (Débats, Gazette de France, Quotidienne; Journal Royal). Цензура мѣшала имъ прямо высказываться противъ хартіи, но не мѣшала имъ вооружаться противъ конституціонныхъ началъ, смѣяться надъ ихъ защитниками, позорить революцію, имперію, восхвалять старую Францію, восхвалять Испанскаго короля Фердинанда VII, возстановлявшаго всецѣло старую Испанію. Странно было бы требовать, чтобъ цензура запрещала имъ все это; а между тѣмъ выходъ подобныхъ статей съ позволенія цензуры заставлялъ думать, что правительство руководитъ ихъ направленіе, потому что похвалы Наполеону или дѣятелямъ революціи не позволялись. Для этого нужно было хитрить, что дѣлалъ бонапартистскій журналъ «Желтый Карло». Журналъ «искусствъ и литературы». «Желтый Карло» ратовалъ за классицизмъ противъ романтизма, какъ проистекавшаго изъ стремленій обратиться къ старинѣ, къ этимъ ненавистнымъ среднимъ вѣкамъ. Тутъ цензура не могла ничего запрещать: это было дѣло невинное, литературное; гдѣ же дѣло касалось политики, тамъ «Желтый Карло» съ благоговѣніемъ отзывался о королѣ, о Людовикѣ Желанномъ, порицалъ честолюбіе Наполеона, его нелиберальное направленіе. Но при этомъ хитрый и злой «Карло» вооружился страшнымъ, особенно во Франціи, оружіемъ—насмѣшкою, которою преслѣдовалъ защитниковъ реставраціи: изобрѣлъ орденъ *Гасильника*, въ кавалеры котораго жаловалъ людей, извѣстныхъ своимъ обращеніемъ къ старинѣ; изобрѣлъ другой орденъ—*Флюгера*—для тѣхъ, которые, бывъ прежде ревностными слугами и хвалителями имперіи, теперь стали пламенными роялистами; созданъ былъ типъ провинціальнаго дворянина, воздыхающаго о возвращеніи феодализма; подъ *Волтижерами Людовика XIV* были осмѣяны старые офицеры-эмигранты, явившіеся вмѣстѣ съ Бурбонами во Францію въ старыхъ костюмахъ, съ требованіемъ возстановленія полной старины. Цѣль была до-

стигнута: на что нельзя было явно нападать, то было подкопано насмѣшкою.

Такимъ образомъ, пригрѣтыя слабостію правительства, партіи оживали одна за другой и расправляли свои силы. Шумъ, происшедшій отъ этого дѣйствія оживающихъ партій, испугалъ англійское правительство, которое вызвало изъ Парижа своего представителя, герцога Веллингтона, боясь, чтобы, при вспышкѣ революціи, знаменитый ея полководецъ не былъ задержанъ. Представитель Русскаго императора, Поццо-ди-Борго, смотрѣлъ иначе на дѣло: онъ видѣлъ слабость Бурбоновъ, неумѣніе править, видѣлъ оживленіе партій, но не считалъ революцію близкою. По его мнѣнію, правительственная машина шла плохо: король рѣшаетъ дѣло съ однимъ министромъ,—другіе ничего не знаютъ, какъ случилось по поводу распоряженія о соблюденіи воскресныхъ дней: одинъ министръ распорядился, всѣ другіе объявили, что ничего не знаютъ. Маршалы принимаютъ все отъ Двора и не имѣютъ деликатности признать себя довольными; у нихъ недостаетъ великодушія говорить съ генералами и офицерами откровенно, что предписываетъ имъ законъ чести вслѣдствіе новыхъ обязательствъ ихъ передъ королемъ; будучи такими же придворными, какъ и другіе, они не признаются однако, что имъ хорошо при Дворѣ, и даже выставляютъ противное. Нація далеко еще не увѣрена въ утвержденіи Бурбоновъ на тронѣ; нѣкоторые разсчитываютъ на возвращеніе Бонапарта; другіе—не потеряли изъ виду герцога Орлеанскаго. О Наполеонѣ серьезно не жалѣетъ никто изъ тѣхъ, которые хотятъ имѣть и признавать отечество; но значительное число людей, которымъ выгоднѣе смута, желаютъ имѣть такого вождя, какъ онъ. Въ случаѣ, если бы обнаружилась серьезная реакція противъ короля, то корона будетъ предложена герцогу Орлеанскому. Въ іюнѣ 1814 года, Поццо-ди-Борго отправился къ любимцу королевскому, графу Блака, чтобъ прочесть ему наставленіе, какъ долженъ поступать конституціонный король: когда существуетъ въ странѣ народное правительство, то министерство должно быть Королевскимъ Совѣтомъ. При настоящихъ обстоятельствахъ надобно окружить палаты уваженіемъ, опредѣлить участь арміи, оставить подъ ружьемъ такое число людей, которымъ можно правильно уплачивать жалованье, остальныхъ отослать: они перестанутъ быть опасными, какъ скоро перестанутъ составлять корпусъ; устроить дѣла ордена Почетнаго Легіона какъ можно деликатнѣе, чтобъ не оскорбить кавалеровъ, и, главное, надобно разсуждать и рѣшать всѣ дѣла въ Совѣтѣ Министровъ. Поццо-ди-Борго не скрылъ отъ Блака тѣ опасенія, которыя были возбуждены усиленіемъ его собственнаго вліянія на короля.

До сентября 1814 года тянулось еще дѣло о бракѣ великой княжны Анны Павловны съ герцогомъ Беррійскимъ,—дѣло, начатое еще по предложенію Людовика XVIII изъ Англіи. Этого брака сильно желали люди, которые хотѣли посредствомъ вліянія императора Александра оттянуть Бурбоновъ отъ старой Франціи къ новой; но различіе исповѣданій служило неодолимымъ препятствіемъ. Императоръ Александръ требовалъ, чтобъ его сестра имѣла свою православную церковь во дворцѣ, и соглашался на одно,—чтобъ она присутствовала публично при всѣхъ католическихъ церемоніяхъ. Король объявилъ препятствіе неодолимымъ, но прибавилъ, что, не принимая русскихъ условій, онъ и не отвергаетъ ихъ окончательно, а предоставляетъ императору и себѣ время подумать и найти какое-нибудь новое средство соглашенія. Блака предложилъ Поццо-ди-Борго слѣдующее: католическій Могилевскій митрополитъ, поговоривъ съ великою княжною, дастъ знать министру королевскаго Двора, что ея высочество показываетъ явное расположеніе къ католицизму, и что бракъ можетъ окончательно побудить ее къ публичному его принятію. Блака протестовалъ, что онъ не имѣетъ инструкціи отъ короля, но надѣется, что король приметъ эту *теологическую турнюру*, для отстраненія всѣхъ препятствій, и позволитъ великой княжнѣ имѣть греческую церковь, предоставляя чудесамъ благодати подѣйствовать современемъ; кардиналъ Гонзальви предложилъ уговорить папу согласиться на *теологическую турнюру*. Но императоръ Александръ отвѣчалъ, что предложеніе Блака нельзя принять; Поццо-ди-Борго долженъ замолчать, дожидаясь, что придумаетъ король, потому что онъ обѣщалъ думать. Такъ же окончилось дѣло и по испанскому предложенію о заключеніи брака между великою княжною Анною Павловною и королемъ Фердинандомъ VII. Здѣсь королевскіе министры внушали русскому послу Татищеву, что бракъ великой княжны съ герцогомъ Беррійскимъ представляетъ очень отдаленную перспективу, тогда какъ бракъ ея съ Фердинандомъ VII сдѣлаетъ ее тотчасъ королевою прекрасной страны. Что же касается до безпокойства, возбуждаемаго въ Россіи относительно вліянія монаховъ при Испанскомъ Дворѣ, то власть ихъ надъ королемъ вовсе не такова, чтобъ могла быть опасною для великой княжны. Герцогъ Сэнъ-Карлосъ умолялъ Татищева увѣрить императора, что великая княжна, ставши Испанскою королевою, будетъ одна управлять и мужемъ, и государствомъ. Но императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ вслѣдствіе религіознаго препятствія.

Бракъ герцога Беррійскаго съ русскою великою княжною не состоялся; вліяніе Россіи, котораго такъ желали умѣренные либералы-роялисты, не усилилось; напротивъ, Людовикъ XVIII и министръ его Талейранъ разсчитывали поднять славу реставраціи, занять войско, отвлечь вниманіе войнолюбиваго народа отъ внутреннихъ дѣлъ войною противъ Россіи и Пруссіи въ союзѣ съ Англіею и Австріею; но эти надежды были обмануты уступчивостью Россіи и Пруссіи въ дѣлѣ польскомъ и саксонскомъ, и французское войско скоро нашло себѣ занятіе.

Мы видѣли, что, благодаря слабости Бурбоновъ, партіи оживали во Франціи, расправляли свои силы; но ни одна изъ нихъ не усилилась до такой степени, чтобы могла произвести революцію. Переворотъ произошелъ не изнутри, а извнѣ, когда среди войска, недовольнаго реставраціею, сохранившаго вполнѣ сочувствіе къ имперіи, явился знаменитый императоръ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Положеніе, созданное наспѣхъ союзниками для Наполеона, было положеніе невозможное: всѣ понимали, что человѣку, который недавно предписывалъ законы Европѣ, будетъ тѣсна Эльбская имперія; отсюда естественный страхъ предъ его замыслами, естественное, нескрываемое желаніе видѣть его гдѣнибудь гораздо подальше отъ Европы. Это самое внушало страхъ Наполеону, заставляло его предупредить враждебныя противъ него намѣренія, ибо ему давали знать, что ему назначаютъ другую имперію—на Азорскихъ островахъ. Прежде чѣмъ стать императоромъ на Азорскихъ островахъ, нельзя ли попытаться стать опять императоромъ французовъ? Успѣхъ очень вѣроятенъ: изъ Франціи, въ началѣ 1815 года, были вѣрныя извѣстія, что Бурбонами недовольны, войско живетъ памятью объ императорѣ; союзники разъѣдутся изъ Вѣны 20 февраля, сильно охлажденные относительно другъ друга: разъ прекратилось общее дѣйствіе, возобновить его будетъ уже трудно. Уже не говоря объ Азорскихъ островахъ, и на Эльбѣ жизнь невыносима: императоръ привыкъ къ дѣятельности, началъ строиться—нѣтъ средствъ, изъ Франціи не присылаютъ положенныхъ двухъ милліоновъ франковъ въ годъ; и сильное раздраженіе вслѣдствіе этого, и сильное оправданіе: въ неисполненіи условій — разрѣшеніе начать враждебныя дѣйствія.

1 марта 1815 года корабль, несущій Цезаря, присталъ къ берегамъ Франціи, и Франція, обыкновенно такая чуткая ко всякому шороху, остается покойною въ виду событія, долженствующаго рѣшить ея судьбу. Власти офиціально заявляютъ непоколебимую преданность Франціи къ потомству Генриха IV; либеральные писатели провозглашаютъ, что Франція не хочетъ деспота, останется вѣрна королю, давшему хартію: Франція слушаетъ все это и остается неподвижною. Дѣло должно быть рѣшено оружіемъ; но войско принадлежитъ императору. Бурбоны должны выбирать одно изъ двухъ: выслать войско противъ Наполеона, т.-е. отдать ему его въ руки, или сосредоточить войско около себя, т.-е. предать Наполеону беззащитную страну. Рѣшаются выставить войско; но, при первой встрѣчѣ съ императоромъ, солдаты, блѣдные какъ смерть, не стрѣляютъ, и Наполеонъ уже говоритъ, что черезъ десять дней будетъ въ Тюльери. Въ потемкахъ начинаютъ дѣйствовать нечистыя силы; а во Франціи были тогда потемки, смута. Общество, расшатанное революціею, крайне ослабѣло нравственно, и въ такомъ разслабленіи общество позволяетъ выходить на первый планъ нечистымъ силамъ, нечистымъ людямъ. Является Фуше,—Фуше, обрызгавшій себя кровью во время революціи, министръ полиціи во время имперіи; Фуше, вмѣстѣ съ Талейраномъ, вынесшій изъ бурной эпохи то убѣжденіе, что только глупецъ остается въ домѣ, который горитъ. Когда, въ 1814 году, французское общество, не имѣвшее ни силъ, ни желанія поддерживать падавшую имперію, и, въ то же время, не знавшее, кѣмъ замѣнить императора, должно было, однако, волею-неволею, заняться рѣшеніемъ вопроса, предложеннаго союзными государями, должно было выбрать изъ кандидатовъ, къ которымъ было одинаково равнодушно, тогда, въ этой смутѣ и нерѣшительности, явился на первомъ планѣ Талейранъ и обдѣлалъ дѣло въ пользу возстановленія Бурбоновъ. Фуше, отправленный Наполеономъ къ Неаполитанскому королю Мюрату, страшно досадовалъ, что его не было въ Парижѣ при паденіи имперіи; что все сдѣлалъ Талейранъ, возстановивъ старшую Бурбонскую линію, которая не могла дать значенія цареубійцѣ Фуше. Но теперь пришло его время: имперія поднимается; общество, равнодушное къ Наполеону, въ то же время не имѣетъ ни силы, ни желанія поддерживать Бурбоновъ. При такой смутѣ, нерѣшительности, отнимавшей, въ свою очередь, послѣднія нравственныя силы у общества, выдвигается Фуше. Изнеможенное нравственно, общество позволяетъ ему дѣйствовать, позволяетъ дѣйствовать всякому, кто сохранилъ способность къ дѣйствію. Видя слабость, затруднительное положеніе Бурбоновъ, Фуше еще до высадки Наполеона сталъ расправлять свои силы въ полной надеждѣ, что скоро придетъ его время, какъ вдругъ является Наполеонъ. Это сначала разстроило Фуше; но онъ скоро понялъ, что и Наполеонъ такъ же слабъ, какъ Бурбоны, ибо если войско дастъ ему несомнѣнное торжество, то это войско попрежнему не въ состояніи бороться съ цѣлою Европою, а истощенная Франція не можетъ дать новыхъ средствъ къ борьбѣ; всего скорѣе произойдетъ сдѣлка между имперіею и Европою: на Французскомъ престолѣ будетъ малютка Наполеонъ II съ регентствомъ матери, Маріи-Луизы, а слабое женское правленіе всего выгоднѣе для Фуше. «Это страшилище опять несетъ къ намъ деспотизмъ и войну», — говорилъ прежній министръ о своемъ прежнемъ государѣ: — «дѣлать нечего, надобно ему помочь; а тамъ увидимъ, что дѣлать: вѣроятно, онъ найдется въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ и мы».

Въ Тюльери держатся за послѣдняго человѣка, могущаго своею славою, своимъ вліяніемъ въ войскѣ спасти Бурбоновъ отъ «страшилища»; въ Тюльери ласкаютъ маршала Нея. Маршалъ, человѣкъ развитый односторонне, выдержливый въ битвѣ, не выдержалъ придворной ласки и лести, подумалъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ ровня Наполеону, и, какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ обстоятельствахъ люди, подобные ему, сталъ хвастаться и обѣщать, что привезетъ Наполеона въ клѣткѣ. Ней отправился къ войску,—и тутъ

другого рода внушенія, чѣмъ въ Тюльери: ему привозятъ письма отъ Наполеоновскаго гофмаршала Бертрана, представляютъ ему дѣло такъ, что все давно было улажено между Эльбою, Парижемъ и Вѣною; что Наполеонъ дѣйствуетъ по согласію съ своимъ тестемъ, императоромъ Австрійскимъ; что англійскіе корабли нарочно удалились, чтобы пропустить маленькую флотилію императора, плывшую къ берегамъ Франціи. Ней не имѣлъ въ себѣ средствъ устоять и противъ этихъ внушеній. Итакъ, Бурбоны воспользовались его простотою, невѣдѣніемъ, и обошли; страшная досада, раздраженіе, что далъ себя такъ обмануть и поставить въ такое положеніе: войска не пойдутъ противъ императора, притомъ за него Австрія и Англія;—какая же охота принести все въ жертву проигранному дѣлу? а тутъ и оправданіе: Бурбоны теперь ласкали потому, что имѣли нужду, а прежде какъ при ихъ Дворѣ обошлись съ женою маршала? Ней собралъ солдатъ и объявилъ имъ, что дѣло Бурбоновъ навсегда проиграно, Наполеонъ долженъ царствовать. Восторженные крики были отвѣтомъ. Войско вмѣстѣ съ полководцемъ перешло на сторону своего императора, и Ней написалъ женѣ: «Мой другъ, ты не будешь больше плакать, уѣзжая изъ Тюльери».

Ней не привозитъ Наполеона въ клѣткѣ: Ней измѣнилъ. Бурбоны въ отчаяніи обратились къ Фуше за совѣтомъ и помощію, какъ слабый человѣкъ въ бѣдѣ обращается къ колдунамъ и гадальщицамъ. Фуше отвѣчалъ, что теперь поздно; что единственное средство спасенія уѣхать; если бы прежде къ нему обратились, то онъ бы спасъ; пусть не дивятся, если чрезъ нѣсколько дней онъ будетъ министромъ Наполеона; онъ приметъ его министерство для избѣжанія его тиранства и для ускоренія его гибели; а избавившись отъ этого опаснаго безумца, онъ, Фуше, быть можетъ и сдѣлаетъ для Бурбоновъ то, чего теперь сдѣлать не можетъ. Получивши такой отвѣтъ, велѣли схватить Фуше, но онъ убѣжалъ черезъ садъ въ домъ бывшей королевы Голландской Гортензіи. 19-го марта, Бурбоны выѣхали изъ Парижа и могли остановиться только Гентѣ; 20-го, Наполеонъ вступилъ въ Тюльери,—и Фуше сталъ при немъ министромъ полиціи. «Смерть Бурбонамъ! долой роялистовъ! долой поповъ!» кричала толпа.

Но крики толпы не могли обмануть Наполеона. Когда цѣль еще была впереди, тогда все вниманіе было обращено на средства къ ея достиженію; когда цѣль была достигнута, тогда затрудненія и опасности положенія стали обозначаться все яснѣе и яснѣе. Наполеонъ былъ прежній въ томъ смыслѣ, что способности, энергія его не уменьшились; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ произошла и большая перемѣна. При постоянномъ успѣхѣ слабѣетъ сознаніе возможности неудачи: отсюда смѣлость и быстрота, необращеніе большаго вниманія на препятствія, на условія неуспѣха; послѣ неудачи человѣкъ становится осторожнѣе, боязливѣе, т. е. онъ обращаетъ больше вниманія на препятствія. условія неуспѣха яснѣе для него выставляются. Такая перемѣна произошла и въ Наполеонѣ послѣ паденія. Прежде всего, онъ сознавалъ, что онъ уже не тотъ для другихъ; что очарованіе непобѣдимости, неодолимой силы исчезло; что на него смотрятъ уже другими глазами,—гораздо смѣлѣе; и на сколько убыло у него, на столько прибыло у другихъ. Это мучительное сознаніе уменьшенія своихъ нравственныхъ средствъ невольно заставляетъ человѣка приникать, уравниваться съ другими, заискивать въ нихъ, перемѣнять тонъ, что мѣшаетъ его прежней свободѣ, прежней развязности! 1-го января 1814 года, желая затушить первое проявленіе самостоятельности Законодательнаго Корпуса, Наполеонъ говорилъ ему: «Вы хотите овладѣть властію; но что вы съ нею сдѣлаете? Франціи нужна теперь не палата, не ораторы, а генералъ. Между вами есть ли генералъ? и гдѣ ваше полномочіе? Франція меня знаетъ, а васъ знаетъ ли? Тронъ—это нѣсколько досокъ, обитыхъ бархатомъ; тронъ—это человѣкъ, и человѣкъ этотъ—я, съ моею волею, съ моимъ характеромъ, со моею славой. Знайте, что меня можно убить, но нельзя оскорблять». Въ январѣ 1814 года Наполеону можно было такъ говорить, но въ мартѣ 1815 нельзя: генералъ не спасъ Франціи отъ вражьяго нашествія,—и Франція отреклась отъ своего уполномоченнаго; воля, характеръ, слава не спасли его; онъ остался живъ, но оскорбленный, и какъ оскорбленый! Онъ возвратился слишкомъ скоро; въ ушахъ французовъ еще раздавались самые оскорбительные отзывы о немъ, самые бранные эпитеты; очарованіе публично неприкосновеннаго имени исчезло: Наполеонъ возвращался уже не прежнимъ Наполеономъ.

Тяжело было Бурбонамъ утвердиться на Французскомъ престолѣ: между ними и новою Франціею стояла имперія, эпоха могущества и славы. Бурбоны, не будучи въ состояніи дать Франціи такого могущества и славы, предложили вмѣсто того хартію. Теперь въ томъ же положеніи находился Наполеонъ: между нимъ и старою имперіею прошли Бурбоны; о самихъ Бурбонахъ не жалѣли, ихъ не защищали, но жалѣли о порядкѣ вещей, который, волею-неволею, принесли съ собою Бурбоны; хотѣли удержать этотъ порядокъ,—и Наполеона встрѣчаютъ требованіемъ, чтобы онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ прежде; чтобъ не было прежняго честолюбія, прежняго деспотизма. И Наполеонъ не говорилъ въ отвѣтъ того, что сказалъ онъ законодательному корпусу 1-го января 1814 года; напротивъ: сулитъ миръ, свободу, обѣщаетъ быть другимъ человѣкомъ, чѣмъ прежде. Онъ знаетъ, что хотя войско привело его въ Парижъ, но войско не удержитъ его на престолѣ, если Франція останется равнодушною передъ войсками враждебной ему Европы, и онъ заискиваетъ передъ Франціею, входитъ съ нею въ соглашенія, наддаетъ передъ Бурбонами; старается

показать, что онъ лучше Бурбоновъ; что Франціи выгоднѣе имѣть его государемъ, чѣмъ Бурбоновъ. Нѣтъ, Наполеонъ далеко не прежній Наполеонъ, и самъ онъ говоритъ на всѣ стороны, что онъ уже не тотъ: «Я пробылъ годъ на Эльбѣ, и тамъ, какъ въ гробу, я могъ слышать голосъ потомства; я знаю, чего должно избѣгать; знаю, чего должно хотѣть. Спасти дѣло революціи, упрочить нашу независимость политикою или побѣдою, и потомъ приготовить конституціонный тронъ сыну:—вотъ единственная слава, которой я добиваюсь. Завтра же мы дадимъ свободу печати. Чего мнѣ ея бояться? Послѣ того, что было написано въ продолженіи года, ей нечего больше сказать обо мнѣ; но у нея еще остается сказать кое-что о моихъ противникахъ. Прошлый годъ говорили, что я возстановилъ Бурбоновъ; этотъ годъ они меня возстановляютъ: мы квиты. Я умѣю исправиться, не то что Бурбоны, которые въ 25 лѣтъ ничему не научились, ничего не забыли».

Уяснилось, въ чемъ дѣло: два соперника борются за престолъ; ошибки одного поднимаютъ другого; Франціи, равнодушной къ обоимъ, предоставляется право выбирать того, кто дастъ больше выгодъ; все вниманіе обращено на то, чтобъ уронить противника. Наполеонъ наивно выражается насчетъ свободы печати; онъ вовсе не смотритъ на нее съ конституціонной точки зрѣнія, а только какъ на средство борьбы съ Бурбонами: «Мнѣ она не опасна, про меня уже сказано все дурное; пусть поговоритъ теперь о Бурбонахъ: это произведетъ сильное впечатлѣніе, потому что печать не будетъ направляться правительствомъ, цензурою». Молодой совѣтникъ при королевскомъ Дворѣ, знаменитый впослѣдствіи Деказъ, отказался подписать поздравительный адресъ императору; ему выставляли на видъ быстрый успѣхъ Наполеона, свидѣтельствующій привязанность къ нему Франціи: въ двадцать дней онъ прошелъ всю Францію, не встрѣчая нигдѣ препятствія: «Я не зналъ»,—отвѣчалъ Деказъ,—«что престолъ Франціи служитъ бѣговымъ призомъ». Ни одинъ порядочный французъ не долженъ былъ знать этого;—но, къ несчастію для Франціи, такъ было дѣйствительно. Реставрація имперіи застигла Францію такъ же второпяхъ, застигла ее такою же усталою и равнодушною, какъ и реставрація Бурбоновъ. И Наполеонъ скоро это понялъ: когда старые приверженцы поздравляли его съ чудеснымъ возвращеніемъ, съ торжественнымъ пріемомъ, какой онъ встрѣтилъ въ народѣ, то Наполеонъ перебивалъ ихъ словами: «Время комплиментовъ прошло! они меня встрѣтили точно такъ же, какъ проводили *тѣхъ* (т.-е. Бурбоновъ)». Въ руки императору попались адресы къ Людовику XVIII, написанные по поводу высадки Наполеона,—адресы, наполненные выходками противъ «Корсиканскаго людоѣда», увѣреніями въ преданности къ Бурбонамъ; по пріѣздѣ въ Парижъ, Наполеонъ получилъ адресы изъ тѣхъ же мѣстъ, подписанные тѣми же лицами: они заключали въ себѣ выходки противъ Бурбоновъ, увѣренія въ преданности къ императору.

Наполеонъ выигралъ бѣговой призъ; но торжество не было окончательное: затрудненія и опасности только-что начинались. «Народъ, солдаты, субъ-лейтенанты сдѣлали все: имъ, однимъ имъ я всѣмъ обязанъ»,—говорилъ Наполеонъ. Войско все сдѣлало, войско все и сдѣлаетъ; но тяжелый опытъ говорилъ другое. Когда нужно было защищать имперію отъ цѣлой Европы, тогда войско ничего не сдѣлало, и народъ не тронулся; соединенные государи обратились не къ народу, не къ войску. И Наполеонъ, для обезпеченія себя на случай неудачи, заискиваетъ въ якобинцахъ, въ ненавистныхъ идеологахъ. Онъ уже объявилъ себя раскаявающимся грѣшникомъ; произнесъ роковое: «*Не буду*; не буду ни завоевателемъ, ни деспотомъ». Произнося эти слова, Наполеонъ думалъ, что усиливается, беретъ верхъ надъ соперниками: видимо было такъ, но, съ другой стороны, исчезло очарованіе силы и величія; отношенія перемѣнились. Люди несомнѣнной преданности къ имперіи, опальные за это при Бурбонахъ, отказывались принимать должности, предлагаемыя теперь императоромъ; другіе, принявшіе должности, обращались къ императору вовсе не съ прежнимъ благоговѣніемъ; дисциплина ослабѣла; полубогъ явился простымъ смертнымъ, признавшимся въ своихъ ошибкахъ, обѣщавшимъ, что впередъ не будетъ такъ дѣлать, какъ прежде. И военный успѣхъ не былъ вѣренъ: едва ли Наполеонъ удержится на престолѣ, не отбиться ему и теперь отъ цѣлой Европы, какъ не отбился въ прошломъ году! И Наполеонъ, самъ далеко неувѣренный въ успѣхѣ, видѣлъ ясно, какъ и другіе въ немъ не увѣрены, какъ со страхомъ смотрятъ впередъ, озираются на всѣ стороны, ища другой опоры, другого обезпеченія. Наполеонъ испыталъ страшное для человѣка съ его характеромъ и привычками чувство: чувство слабости, чувство, невыносимое для человѣка сильнаго, и только сильный человѣкъ можетъ испытывать это чувство.

Императоръ прежде всего долженъ былъ обратиться къ такъ называемымъ якобинцамъ,—людямъ, сильно замѣшаннымъ въ революціи: они больше всѣхъ желали низверженія Бурбоновъ, которые не мирились съ ними, держали въ опалѣ. Карно, Фуше были призваны въ министерство; но Наполеонъ зналъ, что это не бонапартисты; что у этихъ людей своя вѣра, свои преданія; что они могутъ поддерживать его только случайно, навремя, въ виду общаго врага. Наполеонъ не довѣрялъ имъ, и не пустилъ другихъ якобинскихъ кандидатовъ въ министерство, что раздражило партію. Еще на дорогѣ къ Парижу, Наполеонъ объявилъ обѣ палаты распущенными, и повѣстилъ, чтобъ въ теченіи мая мѣсяца избирательныя коллегіи департаментовъ собрались въ Парижѣ, подъ

именемъ чрезвычайнаго собранія Майскаго поля, для принятія мѣръ къ исправленію и измѣненію конституціи, согласно съ интересами и волею народа. Надобно было, слѣдовательно, какъ можно скорѣе приготовить эту исправленную и измѣненную конституцію. Но кто же возьмется за это трудное дѣло? Наканунѣ пріѣзда Наполеона въ Парижъ, 19 марта, въ «Journal des Débats» появилась яростная статья противъ возвращающагося императора: «Со стороны короля»,—говорилось въ статьѣ,—«конституціонная свобода, безопасность, миръ; со стороны Бонапарта—рабство, анархія и война; при немъ намъ угрожаетъ мамелюкское управленіе. Это Аттила, это Чингисъ-ханъ, болѣе страшный, болѣе ненавистный, ибо въ его рукахъ средства цивилизаціи. Онъ является снова, этотъ человѣкъ, покрытый нашею кровію, преслѣдуемый недавно всеобщими проклятіями. Мы будемъ презрѣннѣйшимъ изъ народовъ, если протянемъ къ нему руки. Мы станемъ посмѣшищемъ Европы, бывши прежде ея ужасомъ. Наше рабство не будетъ имѣть извиненія, наше униженіе не будетъ имѣть границъ». Статья была подписана Бенжаменъ-Констаномъ, который изъ республиканца сдѣлался роялистомъ. Авторъ такъ говорилъ о себѣ въ приведенной статьѣ: «Я желалъ свободы подъ всѣми формами; я увидалъ, что она возможна при монархіи; я вижу, какъ король соединяется съ народомъ; я не буду презрѣннымъ перебѣжчикомъ, не стану волочиться отъ одной власти къ другой и прикрывать безчестіе софизмомъ». «Вотъ человѣкъ, на котораго можно положиться», говорили роялисты: «онъ самъ поставилъ между собою и Наполеономъ неодолимую преграду». Но Наполеонъ лучше зналъ людей,—въ видимой силѣ и стремительности умѣлъ угадывать признаки слабости: и Ней обѣщалъ Бурбонамъ привезти его въ клѣткѣ. Наполеонъ призвалъ къ себѣ Бенжаменъ-Констана, чтобъ поручить ему дѣло составленія новой конституціи. Наполеонъ любилъ поговорить, особенно съ людьми замѣчательными, на которыхъ онъ хотѣлъ произвести сильное впечатлѣніе, которые могли передать это впечатлѣніе другимъ; онъ встрѣтилъ длиннымъ монологомъ представителя либераловъ, идеологовъ: «Франція отдохнула и хочетъ или думаетъ, что хочетъ имѣть трибуну, палаты. Она не всегда ихъ хотѣла; она бросилась къ моимъ ногамъ, когда я достигъ власти. Вы должны хорошо помнить то время; вы тогда попробовали-было стать въ оппозицію: но гдѣ вы нашли подпору, силу?—нигдѣ! Я взялъ меньше власти, чѣмъ сколько мнѣ давали. Теперь все перемѣнилось. Правительство слабое, противное національнымъ интересамъ, дало этимъ интересамъ привычку стоять насторожѣ и задирать власть. Вкусъ къ конституціямъ, преніямъ, рѣчамъ, кажется, возвратился. Однако не обманывайте себя: вѣдь только меньшинство этого хочетъ. Народъ хочетъ только меня. Говорятъ, что я только солдатскій императоръ,—неправда: я императоръ крестьянъ, плебеевъ, Франціи! Между нами симпатія, не то что между мною и привилегированными. Я вышелъ изъ народныхъ рядовъ: народъ отзывается на мой голосъ. У меня и у него одна натура. Народъ смотритъ на меня, какъ на свою защиту, на своего избавителя отъ благородныхъ. Мнѣ стоитъ только сдѣлать знакъ, или отвернуть только голову, какъ всѣ благородные будутъ перерѣзаны во всѣхъ провинціяхъ. Но я не хочу быть королемъ жакеріи. Если есть средства управлять съ конституціею, — въ добрый часъ! Я человѣкъ изъ народа: если народъ хочетъ свободы, я обязанъ ему дать ее. Я призналъ его господство, я долженъ сообразоваться съ его волею, даже съ его капризами. Я не врагъ свободы; я ее отстранялъ, когда она загораживала мнѣ дорогу, но я ее понимаю, я былъ воспитанъ въ ней. Я хочу мира и могу получить его только посредствомъ побѣдъ. Я предвижу долгую войну; въ этой войнѣ нація должна меня поддержать; въ вознагражденіе за эту поддержку она, думаю, потребуетъ свободы—и получитъ ее. Я старѣю; спокойствіе конституціоннаго государя можетъ быть по мнѣ; по всей вѣроятности, оно будетъ еще больше по моему сыну».

Не нужно было имѣть много проницательности, чтобъ понять суть этого монолога, этой смѣси угрозъ своею силою и признанія въ своей слабости: «Я возвратился по народной волѣ; но для утвержденія моего на престолѣ я долженъ вести долгія войны, одерживать побѣды. Франція должна меня поддержать; за эту поддержку она требуетъ свободы,—я ее дамъ. Я обязанъ дать конституцію, если народъ ея хочетъ, потому что я признаю господство народа. Но если народъ ея не хочетъ?.. да онъ и дѣйствительно ея не хочетъ, хочетъ ея только меньшинство; народъ хочетъ одного меня, и, смотрите: мнѣ стоитъ только отвернуть голову,—и народъ васъ всѣхъ перерѣжетъ». Въ словахъ Наполеона заключался тотъ же смыслъ, что и въ словахъ графа Артуа: «Захотѣли конституціоннаго правленія: попробуемъ его; если черезъ годъ или черезъ два дѣло не пойдетъ на-ладъ, то возвратятся къ естественному порядку вещей». — «Если есть средства управлять съ конституціею,—въ добрый часъ», говорилъ Наполеонъ. Разница состояла въ томъ, что въ словахъ Наполеона было еще меньше ручательства за будущность конституціонной Франціи. Несмотря на то, Бенжаменъ-Констанъ, назначенный государственнымъ совѣтникомъ, принялъ порученіе составить новую конституцію и быстро исполнилъ его; думать много было нечего: стоило переписать англійскую конституцію. Наполеонъ сдѣлалъ возраженія противъ наслѣдственнаго пэрства, но согласился допустить его: ему было мало дѣла до того, во сколько новая конституція пригодна для Франціи и будетъ ли долговѣчна; онъ смотрѣлъ на новую конституцію, какъ на временное

постановленіе, соотвѣтствующее извѣстнымъ условіямъ его положенія, и обнародовалъ ее подъ именемъ «Дополнительнаго акта къ постановленіямъ имперіи». Упрекая Бурбоновъ за то, что они не хотѣли забыть своего прошедшаго, онъ не хотѣлъ забывать своего, выставляя на видъ славу этого прошедшаго. Когда Бенжаменъ-Констанъ настаивалъ, чтобъ въ новой конституціи не было помину о первой имперіи, Наполеонъ отвѣчалъ ему: «Вы у меня отнимаете мое прошедшее, а я хочу сохранить его. Что вы хотите сдѣлать изъ одиннадцати лѣтъ моего царствованія? Думаю, что у меня есть кое-какія права. И вся конституція должна быть связана съ прежнею; она чрезъ это получитъ освященіе многихъ лѣтъ славы и успѣха». Никакъ не согласился императоръ также и на тотъ параграфъ новой конституціи, которымъ отмѣнялась конфискація имуществъ. Этотъ параграфъ былъ въ конституціи, данной Людовикомъ XVIII; но Наполеонъ упрекалъ Бурбоновъ въ непростительной слабости, и когда члены комитета, составленнаго изъ предсѣдателей отдѣленій Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія проекта новой конституціи, настаивали на принятіи параграфа, Наполеонъ въ сильномъ раздраженіи, задыхающимся голосомъ, съ конвульсивными движеніями въ рукѣ, сказалъ имъ: «Меня толкаютъ не на мою дорогу: меня ослабляютъ, меня связываютъ. Франція меня ищетъ и не находитъ болѣе. Франція спрашиваетъ, что случилось съ рукою прежняго императора,—съ рукою, которая нужна ей для побѣды надъ Европою? Что мнѣ толкуютъ о благости, объ отвлеченномъ правосудіи, о естественныхъ законахъ? Первый законъ — законъ необходимости; первое требованіе справедливости есть требованіе спасенія государства. Хотятъ, чтобъ люди, которыхъ я осыпалъ богатствомъ, пользовались этимъ богатствомъ для составленія заговоровъ противъ меня за-границею. Этого быть не можетъ, этого не будетъ; когда будетъ заключенъ миръ, тогда посмотримъ. Каждому дню его забота, каждому обстоятельству его законъ, каждому его натура. Моя натура не ангельская; повторяю, надобно, чтобъ почувствовали руку стараго императора».

Старый императоръ обнаруживалъ изумительную дѣятельность: писалъ по 150 писемъ въ день, а между тѣмъ руки стараго императора не чувствовалось. Никто не былъ увѣренъ, чтобъ этой руки было достаточно; и не былъ увѣренъ въ этомъ самъ Наполеонъ. Сначала онъ разсчитывалъ, что быстротою успѣха своего онъ смутитъ государей, уже разъединенныхъ, и они согласятся оставить его спокойно царствовать во Франціи; онъ надѣялся, что Австрія, больше всѣхъ напуганная поднятіемъ значенія Россіи, поспѣшитъ уравновѣсить это значеніе поддержкою императорской Франціи. На дорогѣ къ Парижу, созывая чрезвычайное собраніе Майскаго-поля, Наполеонъ цѣлію этого собранія, кромѣ измѣненія конституціи, поставилъ еще присутствіе при коронаціи императрицы Маріи-Луизы и короля Римскаго, и нѣкоторые были обмануты этимъ торжественнымъ объявленіемъ,—думали, что дѣйствительно Австрія на сторонѣ Наполеона, и что императоръ Францъ поспѣшитъ прислать дочь и внука во Францію. Но долго обманываться и обманывать было нельзя.

Извѣстіе о возвращеніи Наполеона во Францію дѣйствительно поразило сильно вѣнскихъ гостей и хозяевъ. Прежде всего излили свою горечь въ упрекахъ императору Александру, зачѣмъ онъ настоялъ на отсылкѣ Наполеона на островъ Эльбу, въ такое близкое сосѣдство съ Италіею и Франціею; но потомъ, по инстинкту самосохраненія, должны были подчиниться вліянію Русскаго императора, превосходившаго всѣхъ другихъ государей личными средствами. Наполеонъ опять оказывалъ ему услугу: Польско-Саксонскій вопросъ разстроилъ союзъ между четырьмя сильнѣйшими государствами Европы, ослабилъ значеніе императора Александра, бывшаго главою этого союза, далъ возможность и французскому правительству высказать свои враждебныя отношенія къ Россіи, условленныя личными отношеніями Людовика XVIII къ Русскому императору. Но теперь опасность, снова начавшая грозить всѣмъ отъ Наполеона, возстановляла союзъ, возстановляла значеніе императора Александра, его первенство между союзными государями. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись и отношенія Франціи къ Россіи. Императоръ Александръ, имѣвшій столько причинъ къ неудовольствію на Талейрана и не скрывавшій этого неудовольствія, теперь перемѣнилъ свое обращеніе съ министромъ Людовика XVIII, выразивъ всю готовность помочь королю въ борьбѣ съ похитителемъ. Талейранъ писалъ королю, что если иностранная помощь необходима, то надобно, чтобъ при поданіи этой помощи Россія играла главную роль, потому что она одна не можетъ думать объ увеличеніи своихъ владѣній насчетъ Франціи. 13-го марта представители восьми государствъ подписали декларацію, составленную Талейраномъ. Въ деклараціи говорилось, что Наполеонъ Бонапартъ, уничтоживши конвенцію, по которой онъ былъ утвержденъ владѣтелемъ острова Эльбы, и вторгнувшись во Францію съ цѣлію произвести смуту и переворотъ, тѣмъ самымъ потерялъ право на покровительство законовъ и показалъ предъ лицомъ вселенной, что съ нимъ нельзя имѣть ни мира, ни перемирія. Вслѣдствіе чего государства объявляютъ, что Наполеонъ Бонапартъ поставилъ себя внѣ всякихъ отношеній гражданскихъ и общественныхъ, и, какъ врагъ и нарушитель общаго спокойствія, предалъ себя общественному мщенію. Государства употребятъ всѣ средства и соединятъ всѣ усилія для обезпеченія Европы отъ всякой попытки, которая будетъ грозить народамъ возобновленіемъ революціонныхъ безпорядковъ и бѣдствій. Всѣ государи Европы увѣрены, что Франція станетъ крѣпко при своемъ законномъ королѣ

и уничтожитъ безумную и безсильную попытку; но если, противъ чаянія, изъ этого событія произойдетъ какая нибудь серьезная опасность, то они готовы подать Французскому королю и народу и всякому другому правительству, подвергнувшемуся нападенію, необходимую помощь, какъ только она будетъ потребована.

Мы не будемъ разсуждать о томъ, имѣли ли союзные государи право объявлять Наполеона внѣ отношеній гражданскихъ и общественныхъ за то, что онъ, въ качествѣ независимаго государя, напалъ на другого государя; мы замѣтимъ только, что эта декларація составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ актовъ европейской исторіи, показывая, до какихъ результатовъ могло дойти общее союзное дѣйствіе государей и до какихъ результатовъ можно было дойти впослѣдствіи, еслибъ союзное дѣйствіе, по обстоятельствамъ, продолжилось.

Въ деклараціи 13 марта, государи еще говорили объ увѣренности своей, что *безумная* попытка Наполеона не удастся. Скоро они должны были разувѣриться; но чѣмъ быстрѣе были успѣхи Наполеона, тѣмъ сильнѣе становилась ревность императора Александра поддержать союзъ и заставить его дѣйствовать такъ, какъ говорилось въ деклараціи. 25 марта подписанъ былъ договоръ между Россіею, Пруссіею, Австріею и Англіею, въ которомъ союзники обязывались соединить всѣ свои силы для поддержанія Парижскаго договора 30 мая 1814 года и рѣшеній Вѣнскаго конгресса. Россія, Австрія и Пруссія обязались выставить немедленно по 150,000 войска, Англія—платитъ 5 милл. фунт. субсидій. Знаменитѣйшій изъ генераловъ союза, герцогъ Веллингтонъ, отправился въ Нидерланды для организованія средствъ къ защитѣ противъ наступательнаго движенія Наполеона. Надѣялись еще, что Людовикъ XVIII и члены его фамиліи удержатся въ какомъ-нибудь углу Франціи; но и эта надежда скоро исчезла. Король не могъ остаться въ Лиллѣ при видѣ враждебнаго расположенія къ себѣ гарнизона, и удалился въ Нидерланды, гдѣ остался жить въ Гентѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Лилля онъ сказалъ герцогу Орлеанскому: «Вы можете дѣлать все, что вамъ угодно». Герцогъ объявилъ, что отправляется въ Англію, куда уже отослалъ свое семейство. «Это всего лучше», отвѣчалъ король. Людовикъ-Филиппъ написалъ маршалу Мортье прощальное письмо, въ которомъ находились слѣдующія выраженія: «Отдаю вамъ вполнѣ команду, которую имѣлъ счастіе раздѣлять съ вами... Будучи добрымъ французомъ, я не могу жертвовать интересами Франціи, потому что новыя несчастія принуждаютъ меня ее покинуть; уѣзжаю, чтобъ погребсти себя въ уединеніе и забвеніе». Король и принцы были очень недовольны этими выраженіями. Разсказывали, что, при прощаніи съ маршаломъ Мортье, герцогъ показалъ ему маленькую трехцвѣтную кокарду и сказалъ: «Она меня никогда не покидала; не правда ли, что тяжело быть принужденнымъ покинуть Францію, не будучи въ состояніи опять надѣть эту кокарду»?

Роялистскія движенія въ разныхъ углахъ Франціи были остановлены; вся Франція признала возстановленную имперію; но это нисколько не подѣйствовало на перемѣну отношеній Европы къ Наполеону. Напрасно старался онъ войти въ сношенія съ разными Дворами, увѣряя въ своемъ миролюбіи; напрасно переслалъ императору Александру договоръ, заключенный между Австріею, Англіею и Франціею противъ Россіи и Пруссіи: всѣ письма его были складываемы на столѣ конгресса и читаемы въ общемъ присутствіи; агентовъ его останавливали. Въ Германіи обнаружилось страшное ожесточеніе противъ Франціи, органомъ котораго явился преимущественно журналъ «Рейнскій Меркурій»: здѣсь говорилось, что съ французами нельзя обходиться какъ съ обыкновенными врагами, но какъ съ бѣшеными собаками—бить! Надобно вести войну съ Наполеономъ, но еще больше съ французскимъ народомъ, который 25 лѣтъ мучитъ Европу; нужно его разбить на нѣсколько отдѣльныхъ народностей: Бургундовъ, Шампанцевъ, Овернцевъ, Бретоновъ, давъ каждой особаго короля; Альзасъ, Лотарингію и Фландрію присоединить къ Германіи, которую усилить единствомъ, давши императора. Но союзные государи и теперь, какъ въ 1814 г., спѣшили отдѣлить дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи, объявить, что они ведутъ войну только съ Наполеономъ. Въ то же время союзники отстраняли и вопросъ о возвращеніи Бурбоновъ. Въ англійскомъ парламентѣ послышались сильныя возраженія противъ войны за Бурбоновъ, противъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи. Вслѣдствіе этого, министерство, хотя и желавшее больше всего возстановленія Бурбоновъ, сочло нужнымъ объявить союзникамъ, что его Британское величество не считаетъ себя обязаннымъ вести войну съ цѣлію навязать Франціи какое-нибудь правительство. Когда пошла рѣчь о манифестѣ союзниковъ, въ которомъ бы говорилось,—что Европа принимается за оружіе для сокрушенія могущества Наполеона, то представитель Англіи въ Вѣнѣ, лордъ Кланкарти, объявилъ, что манифестъ не скажетъ всего, что долженъ сказать; нельзя довольствоваться низверженіемъ Бонапарта; не должно отворять двери якобинцамъ, которые хуже Бонапарта. Императоръ Александръ замѣтилъ на это, что якобинцы опасны только какъ союзники Наполеона, и потому ихъ надобно отвлечь отъ него; въ случаѣ его паденія, они ему не наслѣдники. Надобно отложить всякую декларацію до того времени, когда союзныя войска приблизятся къ Франціи. Но надобно согласиться, что дѣлать, когда Бонапартъ будетъ низвергнутъ; надобно сообразить послѣдствія, принять мѣры для успокоенія Европы, которая не можетъ быть покойна, если во Франціи будутъ происходить волненія; а волненія не прекратятся, пока не установится въ ней правительство, удовлетворяющее всѣмъ. Лордъ Кланкарти сказалъ на это, что

Франція была счастлива подъ скипетромъ короля, имѣвшаго за себя голосъ націи. Императоръ замѣтилъ, что Людовикъ XVIII имѣлъ за себя страдательную часть народа, которая умѣетъ только вздыхать о бѣдствіяхъ революціи, а не умѣетъ ей препятствовать; но другая часть народа, которая дѣйствуетъ, выдается на первый планъ, владѣетъ страною,—эта часть подчинится ли правительству, которому измѣнила, будетъ ли ему вѣрна? Можно ли навязать его ей насильно войною истребительною и, можетъ быть, безконечною?—Кланкарти сказалъ на это, что обязанность оканчивается тамъ, гдѣ начинается невозможность; но, пока возможно, государства обязаны поддерживать права законнаго государя и не потрясать ихъ возбужденіемъ вопроса о томъ, нужно ли ихъ покинуть. «Мы прежде всего»,—возразилъ императоръ,—«имѣемъ обязанности въ отношеніи другъ къ другу и къ нашимъ народамъ. Если мы не увѣрены въ прочности королевскаго правительства, то, возстановляя его (какъ бы ни легко было возстановленіе), мы приготовимъ только для Франціи и для Европы новыя катастрофы. Въ случаѣ новаго переворота будемъ ли мы въ соединеніи, какъ теперь? Будетъ ли у насъ милліонъ солдатъ? Какая вѣроятность, что съ тѣми же элементами правительство Людовика XVIII будетъ болѣе прочно? Возстановленіе короля, котораго мы всѣ желаемъ, и я особенно, можетъ встрѣтить препятствія неодолимыя: надобно ихъ сообразить, приготовиться. Прошлый годъ можно было бы установить регентство; мнѣ казалось, что оно можетъ согласить всѣ интересы; но Марія-Луиза, съ которою я говорилъ, не хочетъ ни подъ какимъ видомъ возвратиться во Францію,—хочетъ, чтобъ сынъ ея остался въ Австріи. Австрія также не хочетъ регентства, не думаетъ о немъ. Притомъ обстоятельства уже не тѣ. Я думаю, что для общаго соглашенія всего удобнѣе герцогъ Орлеанскій, французъ, Бурбонъ, мужъ принцессы изъ Дома Бурбонскаго; онъ имѣетъ сыновей, онъ служилъ конституціонному дѣлу, носилъ три цвѣта, которыхъ никогда не должно было бы покидать,—я это часто говорилъ въ Парижѣ. Онъ соединилъ бы всѣ партіи. Какъ вы объ этомъ думаете? Каково будетъ объ этомъ мнѣніе въ Англіи?» Лордъ Кланкарти отвѣчалъ, что онъ не можетъ угадать мнѣнія своего Двора о предметѣ совершенно новомъ; но, по его мнѣнію, опасно покидать законность для какого бы то ни было похищенія. Меттернихъ, узнавши объ этомъ разговорѣ, объявилъ, что не время еще поднимать подобные вопросы, а надобно дожидаться событій; но во французской газетѣ, которая, какъ было извѣстно, издавалась подъ русскимъ вліяніемъ, появилась статья, гдѣ говорилось, что государства твердо рѣшились низвергнуть Наполеона, но не хотятъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, которая будетъ вольна избрать себѣ правительство, какое захочетъ.

Такимъ образомъ, если не былъ рѣшенъ вопросъ о Бурбонахъ, то вопросъ о Наполеонѣ былъ рѣшенъ окончательно, и это рѣшеніе отнимало руки у него и у его приверженцевъ. Видѣли изнеможеніе Франціи, недостаточность ея средствъ, видѣли невозможность успѣха въ борьбѣ съ цѣлою Европою—итѣмъ болѣе раздражались противъ человѣка, который требовалъ безплодныхъ усилій народныхъ, который своимъ появленіемъ поставилъ страну въ такое опасное положеніе, который служитъ единственнымъ препятствіемъ для возстановленія мира, для возстановленія истощенныхъ силъ. И даже въ случаѣ успѣха какая выгода?—Ясно видно, что «Дополнительный актъ» только временная мѣра, и побѣдоносный императоръ не будетъ долго обращать на него вниманія. Положеніе Наполеона было тяжко: для своего поддержанія, для полученія средствъ къ борьбѣ, онъ постоянно долженъ былъ принимать мѣры, которыя не соотвѣтствовали его характеру, его привычкамъ, связывали ему руки, унижали его въ собственныхъ глазахъ. Онъ долженъ былъ уступить *идеологамъ*, которыхъ такъ не любилъ, надъ которыми прежде такъ смѣялся; долженъ былъ дать имъ «Дополнительный актъ», который однако удовлетворилъ очень немногихъ. Но его ждало еще новое униженіе: онъ долженъ былъ дозволить демократическое движеніе, заискивать у черни. 24 апрѣля, толпа жителей изъ департаментовъ, составлявшихъ старинную Бретань, сошлась въ Реннѣ и подписала актъ, которымъ обязывалась поддерживать національное дѣло, вооружиться для защиты свободы и императора. Наполеонъ сильно разсердился сначала на эту незваную и непрошеную бретонскую федерацію; но братъ его, Луціанъ, Карно и Фуше уговорили его признать ее и воспользоваться ея силами для борьбы съ Европою. Движеніе, признанное правительствомъ, быстро распространилось повсюду. Въ Парижѣ пошли въ федералы преимущественно рабочіе изъ предмѣстій, получившихъ кровавую извѣстность во время революціонныхъ ужасовъ; Наполеонъ счелъ нужнымъ заискать у нихъ, поѣхалъ къ нимъ, называлъ храбрыми патріотами, обѣщалъ имъ 40,000 ружей, сдѣлалъ имъ смотръ; федералы кричали: «Да здравствуетъ императоръ!» но чаще и сильнѣе кричали: «Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ свобода!» Это возобновленіе революціонныхъ сценъ и криковъ навело ужасъ на достаточные классы и увеличило его отвращеніе къ правильству, вызвавшему эти сцены и крики. Въ провинціяхъ движеніе было еще сильнѣе, крики еще яростнѣе; раздавались угрозы духовенству, дворянамъ, богатымъ; Марсельскій гимнъ, смолкнувшій двадцать лѣтъ назадъ, раздавался повсюду. Наполеонъ, раздраженный этими явленіями и еще болѣе раздраженный сознаніемъ собственной слабости, собственнаго униженія, складывалъ всю вину на Бурбоновъ, которые, по его словамъ, сдали ему Францію сильно избалованною. Говорятъ, будто онъ признавался, что если бы могъ предвидѣть, до какой степени онъ долженъ будетъ заискивать у демократической партіи, то никогда бы не оставилъ Эльбы.

Напрасно также Наполеонъ надѣялся, что освобожденная печать не будетъ ему опасна, что она бросится на Бурбоновъ, а его оставитъ въ покоѣ, потому что все дурное о немъ уже сказано. Роялистскіе писатели открыто защищали Бурбоновъ и требовали ихъ возвращенія, какъ единственнаго средства спасти Францію. Другіе говорили, что такъ какъ союзники не хотятъ входить въ сношеніе съ императоромъ, то будущая палата представителей должна отправить къ нимъ депутацію и предложить имъ войти въ сношеніе съ націею; мало того: въ печати явились прямые вызовы къ убійству Наполеона. Въ новую палату депутатовъ было выбрано очень мало бонапартистовъ. Между адресами къ императору отъ избирательныхъ коллегій, собранныхъ къ Майскому-полю, многіе отличались большою смѣлостію, сильно вооружались противъ деспотизма и безпрерывныхъ войнъ первой имперіи; объявляли, что «Дополнительный актъ» недостаточенъ; что нація ожидаетъ полной либеральной конституціи. Биржевой барометръ падалъ низко: при извѣстіи о высадкѣ Наполеона курсъ ренты понизился отъ 77 до 60 франковъ; 20 марта поднялся до 73 франковъ, но потомъ постепенно понизился до 55; банковыя акціи упали съ 1,200 до 800.

Это паденіе биржеваго барометра предвѣщало приближеніе войны. Въ «Вѣнской газетѣ» явился докладъ коммисіи, составленной изъ представителей восьми государствъ, гдѣ помѣщены были возраженія насчетъ того, что иностранныя государства не имѣютъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и низвергать государя, принятаго націею. «Государства знаютъ очень хорошо правила, которыми должны руководствоваться въ отношеніяхъ своихъ къ странѣ независимой, и не станутъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, назначать ей форму правленія, давать ей государей согласно съ интересами или со страстями ея сосѣдей. *Но они знаютъ также, что свобода націи — перемѣнять свою систему правленія—должна имѣть предѣлы,* и если иностранныя государства не имѣютъ права предписывать употребленіе, какое она можетъ сдѣлать изъ этой свободы, то они имѣютъ право протестоватьпротивъ злоупотребленія, какое она можетъ позволить себѣ на ихъ счетъ. Государства не считаютъ себя въ правѣ навязывать Франціи привительство; но они никогда не откажутся отъ права препятствовать тому, чтобъ, подъ видомъ правительства, во Франціи не образовался источникъ безпорядка и разрушенія для другихъ государствъ. Уничтоженіе правительства, которое хотятъ теперь возстановить, было основнымъ условіемъ мира съ Франціею. Вступая въ Парижъ, государи объявили, что никогда не вступятъ въ мирные переговоры съ Бонапартомъ. Это объявленіе, съ восторгомъ принятое Франціею и Европою, повело къ отреченію Наполеона и конвенціи 11 апрѣля». Коммисія выставляла на видъ, что французы, если бы даже при возстановленіи Наполеона они дѣйствовали свободно и единодушно, этимъ возстановленіемъ уничтожали Парижскій договоръ и объявляли войну союзникамъ, возобновляя тѣ самыя отношенія, какія существовали до вступленія союзниковъ въ Парижъ. Противъ этого существовало возраженіе: между положеніемъ союзниковъ и Франціи въ 1814 и въ 1815 годахъ большая разница: въ 1814 г. Наполеонъ не предлагалъ мира на тѣхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ миръ Парижскій; теперь, въ 1815 году, Наполеонъ предлагаетъ точно такой же миръ: на какомъ основаніи союзники отвергаютъ его?— только изъ оскорбленнаго самолюбія, зачѣмъ Франція возстановила то правительство, съ которымъ они прежде не хотѣли вступать въ мирныя соглашенія? На этотъ вопросъ коммисія отвѣчала очень нелестнымъ изображеніемъ Наполеона, для показанія, что съ такимъ человѣкомъ нельзя никогда входить въ мирныя соглашенія: «Человѣкъ, который пожертвовалъ милліонами людей и счастіемъ цѣлаго поколѣнія системѣ завоеваній, причемъ кратковременныя перемирія дѣлали систему еще тягостнѣе и ненавистнѣе; который, утомивши счастіе безразсудными предпріятіями, вооруживши противъ себя цѣлую Европу и истощивши всѣ средства Франціи, былъ принужденъ, наконецъ, оставить свои проекты и отречься отъ власти; который въ то время, когда европейскіе народы предавались надеждѣ продолжительнаго спокойствія, замышлялъ новые перевороты и овладѣлъ покинутымъ трономъ, овладѣлъ посредствомъ двойного воровства въ отношеніи къ государствамъ, слишкомъ великодушно его пощадившимъ, и въ отношеніи къ правительству, низвергнутому самою черною измѣною:—такой человѣкъ не представляетъ Европѣ другого ручательства, кромѣ своего слова. Послѣ пятнадцатилѣтняго жестокаго опыта, кто будетъ имѣть смѣлость принять это ручательство? Миръ съ правительствомъ, находящимся въ такихъ рукахъ, будетъ состояніемъ неизвѣстности, безпокойства и опасности. Государства должны будутъ постоянно держать войска свои наготовѣ; народы не воспользуются никакою выгодою настоящаго мира, они будутъ подавлены налогами всякаго рода; довѣренность не установится нигдѣ; промышленность и торговля будутъ находиться въ самомъ печальномъ положеніи, не будетъ ничего постояннаго въ отношеніяхъ политическихъ; чувство недовольства овладѣетъ всѣми, и каждый день Европа въ тревогѣ будетъ ждать взрыва. Открытая война, разумѣется, предпочтительнѣе такого положенія».

Указывалось, что теперь отношенія между Франціею и Европою такія же, какія были въ прошломъ году до вступленія союзниковъ въ Парижъ: и люди близкіе и приверженные къ Наполеону не могли не признать вѣрности этого указанія, относительно средствъ борьбы для Европы и для Франціи. Невозможность борьбы представлялась ясно уму каждаго, и, вслѣдъ за тѣмъ, представля-

лось, какъ единственное средство избѣжать борьбы, то же средство, какое было употреблено и въ 1814 году, отреченіе Наполеона, котораго Европа такъ-же не хочетъ и теперь, какъ тогда не хотѣла,— мысль тѣмъ болѣе доступная для приверженцевъ имперіи, что являлась возможность отреченія Наполеона въ пользу сына, ибо союзники продолжали не настаивать на возвращеніи Бурбоновъ. Вслѣдствіе исчезновенія прежняго благоговѣнія къ непобѣдимому герою, близкіе люди обращались теперь свободно съ Наполеономъ и рѣшились говорить ему о необходимости отреченія, которое успокоитъ Францію и утвердитъ его династію. Но странно было бы ожидать, чтобы герой ста битвъ рѣшился на вторичное отреченіе, не испытавши военнаго счастія; отреченіе не уйдетъ и послѣ пораженія. «Такъ вы хотите австрійку регентшею?»—отвѣчалъ онъ предлагавшимъ отреченіе:—«я не соглашусь на это никогда, ни какъ отецъ, ни какъ мужъ, ни какъ гражданинъ. По-мнѣ лучше Бурбоны. Моя жена будетъ игрушкою всѣхъ партій, мой сынъ будетъ несчастенъ, Франція будетъ унижена подъ иностраннымъ вліяніемъ. Есть фамильныя причины, которыхъ я не могу сказать». Но объ отреченіи сильно толковали уже враждебные журналы; «Цензоръ» говорилъ: «Если Наполеонъ отрекся въ 1814 году для предотвращенія междоусобной войны и прекращенія войны внѣшней, то зачѣмъ онъ не отрекается въ 1815 году, когда междоусобная война готова вспыхнуть и Франціи грозитъ нашествіе всѣхъ народовъ Европы? Развѣ отечество менѣе дорого ему въ нынѣшнемъ году, чѣмъ въ прошломъ, и неужели отреченіе въ пользу Бурбоновъ предпочитаетъ онъ отреченію въ пользу собственнаго сына»?

Арміи союзниковъ со всѣхъ сторонъ приближались къ французскимъ границамъ. Было рѣшено, что императоръ встрѣтитъ ихъ на чужой почвѣ. Но прежде отъѣзда къ арміи, 1-е іюня назначено было днемъ Майскаго-поля, или торжества принятія новой конституціи, то-есть «Дополнительнаго акта». На Марсовомъ-полѣ собралось 30,000 національныхъ гвардейцевъ изъ Парижа и департаментовъ, 20,000 императорской гвардіи и линейныхъ войскъ, члены избирательныхъ коллегій, депутаціи сухопутнаго и морскаго войска, новоизбранные члены палаты депутатовъ. Наполеонъ пріѣхалъ въ мантіи, усѣянной пчелами, въ токѣ съ перьями, въ атласныхъ башмакахъ. Архи-канцлеръ провозгласилъ результаты подачи голосовъ въ пользу и противъ «Дополнительнаго акта»: 1.288,357 голосовъ оказались въ пользу; 4,207— противъ. Герольдмейстеръ, именемъ императора, провозгласилъ, что «Дополнительный актъ» принятъ народомъ. Наполеонъ говорилъ рѣчь: «Императоръ, консулъ, солдатъ—я все получилъ отъ народа. Въ счастіи, бѣдствіи, на полѣ бранномъ, въ Совѣтѣ, на тронѣ, въ изгнаніи, Франція была постояннымъ предметомъ моихъ мыслей и дѣйствій. Негодованіе при видѣ попранныхъ правъ, священныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ двадцатью годами побѣдъ, вопль поруганной французской чести, мольбы націи снова призвали меня на этотъ тронъ. Если бы я не видѣлъ, что стремленія враговъ направлены противъ отечества, я отдалъ бы имъ это существованіе, противъ котораго они высказываютъ такое ожесточеніе. Французы, имѣющіе возвратиться въ свои департаменты, скажите согражданамъ, что пока они будутъ питать ко мнѣ чувства любви, ярость враговъ нашихъ будетъ безсильна. Французы! моя воля есть воля народа, мои права—права народа, моя честь, моя слава, мое счастіе—суть честь, слава, счастіе Франціи»

Но восторженные клики слышались только въ рядахъ войска, при видѣ котораго у многихъ сжималось сердце; тяжелое предчувствіе владѣло большинствомъ, и Майское-поле не произвело ожидаемаго дѣйствія. Было обѣщано, что въ этотъ день будетъ коронація императрицы и короля Римскаго: но гдѣ жена, гдѣ сынъ? Наполеонъ явился одинокъ, обманутый и обманувшій. Нѣкоторые спѣшили на Марсово-поле въ ожиданіи, что здѣсь произойдетъ отреченіе Наполеона отъ престола. Во время самаго торжества, Фуше сказалъ тихонько королевѣ Гортензіи: «Императоръ упустилъ прекрасный случай отреченіемъ завершить свою славу и упрочить престолъ за сыномъ; я ему это совѣтовалъ, но онъ не хочетъ слушать совѣтовъ». Всѣ возвратились неудовлетворенные, и Майское-поле явилось представленіемъ старой, наскучившей пьесы съ обветшалыми декораціями и костюмами.

Собралась новая палата депутатовъ; Императоръ хотѣлъ, чтобъ президентомъ палаты былъ избранъ братъ его, Луціанъ, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ государственныхъ министровъ, именно—графъ Мерлэнъ-де-Дуэ. Палата знала желаніе императора и выбрала прежняго сенатора Ланжюине, высказавшаго свою враждебность къ имперіи въ 1814 году; даже ни одинъ бонапартистъ не попалъ и въ вице-президенты, которыхъ было четыре. Составъ палаты представлялъ хаосъ; партіи, изъ которыхъ ни одна не могла обѣщать себѣ большинства, безпорядочно сталкивались другъ съ другомъ (discordia semina rerum!); но менѣе всего можно было видѣть въ этой странной палатѣ желаніе поддержать имперію. Наполеонъ сердился, грозилъ: «Я не Людовикъ XVI; я не позволю предписывать себѣ законы адвокатамъ или отрубить себѣ голову бунтовщикамъ! За всѣ уступки меня оскорбляютъ; ну, хорошо! я распущу палату и аппеллирую къ Франціи, которая знаетъ одного меня». Занялись составленіемъ палаты пэровъ, и многіе отказались отъ опасной чести быть наполеоновскими пэрами; особенно огорчилъ Наполеона отказъ маршала Макдональда.

Но побѣда можетъ все поправить и превратить мятежниковъ въ льстецовъ.... 12-го іюня Наполеонъ отправился къ арміи.

Чрезъ 12 дней курсъ на биржѣ поднялся,—бу-

детъ скоро миръ: получено было извѣстіе о пораженіи Наполеона, при Ватерлоо, англо-прусскою арміею.

III.

Вторая реставрація до Ахенскаго конгресса.

Великій полководецъ поставилъ на одну битву всю свою будущность,—и битва была проиграна. Въ Ланѣ остановился на нѣсколько часовъ побѣжденный императоръ, чтобъ хотя сколько-нибудь собраться съ силами и съ мыслями. Зашумѣли мнѣнія: надобно возвратиться въ Парижъ немедленно, обратиться къ палатамъ за помощью, ободрить патріотовъ своимъ присутствіемъ, напугать противныя партіи. Въѣхать императору въ Парижъ въ настоящую минуту—значитъ погубить себя, говорили другіе; палаты, не видя его болѣе въ челѣ арміи, пожертвуютъ имъ для своего спасенія. Наполеонъ хотѣлъ-было сначала предпочесть второе мнѣніе, засѣсть въ Ланѣ и собирать остатки разбитой арміи; но огромное большинство было противъ этого рѣшенія, а Наполеонъ уже потерялъ вѣру въ самого себя и привычку брать все на свою отвѣтственность: въ такомъ положеніи голосъ большинства даетъ человѣку ту опору, которую онъ потерялъ внутри самого себя, хотя умъ и протестуетъ противъ этого голоса. «Я увѣренъ», говорилъ Наполеонъ, садясь въ карету,—«что меня заставляютъ сдѣлать глупость: мое настоящее мѣсто здѣсь».

Возвратиться въ Парижъ безъ побѣды, безъ мира, требовать крайнихъ усилій у людей истощенныхъ, жаждущихъ покоя! Наполеонъ и окружавшіе его должны были помнить, въ какомъ положеніи они оставили Парижъ: глубокое молчаніе царствовало повсюду, печаль была написана на всѣхъ лицахъ; знакомые избѣгали встрѣчи другъ съ другомъ, боялись промолвить слово, потому что вездѣ сновали шпіоны; мѣста публичныхъ прогулокъ, самъ Палерояль, превратились въ пустыню; торговля остановилась; купцы, издерживавшіе по 50 и 60 франковъ въ день, не продавали и на 6 франковъ въ недѣлю. Только миръ могъ прекратить это невыносимое положеніе, а Наполеонъ шелъ въ Парижъ предлагать ожесточенную войну.

Ночью съ 20 на 21 іюня сильное движеніе въ Елисейскомъ дворцѣ: пріѣхалъ императоръ. Задыхающимся отъ усталости и волненія голосомъ, въ отрывочныхъ фразахъ разсказывалъ Наполеонъ Коленкуру о страшномъ пораженіи, складывая вину на паническій страхъ, овладѣвшій войскомъ, на маршала Нея. «А что палаты?»—«Плохо»,—отвѣчалъ Коленкуръ:—«желаютъ отреченія, у всѣхъ дурное расположеніе духа».—«Я это предвидѣлъ»,—говоритъ Наполеонъ:—«я былъ увѣренъ, что будетъ раздѣленіе и потеряютъ послѣднія средства, которыя у насъ еще остаются. Бѣдствіе велико, но въ соединеніи мы могли бы поправиться, раздѣленные—мы добыча иностранцевъ». На другой день, братья Наполеона и министры собрались во дворецъ для совѣщанія: надобно принять рѣшительныя мѣры, объявить отечество въ опасности, призвать всѣхъ къ оружію, защищаться до послѣдней крайности; но это все пустыя слова безъ рѣшенія главнаго вопроса: что палаты?—одни говорятъ, что на нихъ нельзя положиться; другіе утверждаютъ противное; одни говорятъ, что если палата депутатовъ откажется помогать императору, то онъ долженъ распустить ее и овладѣть диктатурою для спасенія страны; другіе предлагаютъ, что ненужно распускать палату, а только прекратить на время ея засѣданія.

Въ Елисейскомъ дворцѣ разсуждали о томъ, что сдѣлать съ палатою; въ палатѣ разсуждали о томъ, что дѣлать съ Наполеономъ. Если во дворцѣ естественно и необходимо рождался вопросъ объ отстраненіи палаты, о диктатурѣ, то между членами палаты естественно и необходимо являлась прежде всего мысль, что во дворцѣ будетъ поставленъ вопросъ объ ея отстраненіи, а натура Наполеона, его положеніе заставляли думать, что вопросъ будетъ рѣшенъ не въ пользу палаты. Фуше и тутъ дѣйствуетъ на первомъ планѣ, пользуется *своимъ временемъ*. Домъ горитъ, надобно изъ него бѣжать, надобно какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ Наполеона для собственной безопасности; Фуше уже прежде пугалъ членовъ палаты: «*Онъ* возвратился какъ бѣшеный, предложитъ чрезвычайныя мѣры, и если вы не согласитесь, то распуститъ палаты». Когда *онъ* возвратился, то Фуше прямо давалъ знать, что въ Елисейскомъ дворцѣ уже рѣшено распущеніе палаты. И палата дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія, спѣшитъ отстоять себя, причемъ, разумѣется, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія, видитъ въ Наполеонѣ врага своего, котораго существованіе несовмѣстимо съ ея существованіемъ. Но кто же первый начнетъ дѣйствовать въ палатѣ, кто первый подастъ голосъ? Подаетъ его человѣкъ передовой въ революціи, имѣвшій право нѣкоторое время считать себя главною силою во Франціи, забытый потомъ, но теперь дождавшійся своего времени. Въ палатѣ говоритъ Лафайетъ: «Въ первый разъ послѣ двадцати-пяти лѣтъ я поднимаю голосъ, который, конечно, узнаютъ старые друзья свободы: я чувствую призваніе говорить вамъ объ опасностяхъ отечества, которое вы одни теперь можете спасти. Зловѣщіе слухи, къ несчастію, подтвердились. Наступило время собраться около стараго трехцвѣтнаго знамени, знамени 89 года,—знамени свободы, равенства и общественнаго порядка; это знамя мы должны теперь защищать противъ иностранныхъ притязаній и противъ внутреннихъ попытокъ сломить его. Позвольте ветерану этого священнаго дѣла,

всегда чуждому духа партій, сдѣлать вамъ нѣсколько предложеній». Предложенія состояли въ слѣдующемъ: «Палата объявляетъ, что независимость націи въ опасности. Палата объявляетъ себя постоянною; всякая попытка распустить ее есть измѣна; виновный въ подобной попыткѣ будетъ провозглашенъ измѣнникомъ отечества и немедленно судимъ какъ таковой. Министры военный, иностранныхъ дѣлъ, полиціи и внутреннихъ дѣлъ приглашаются немедленно явиться въ палату».

Не было толковъ о томъ, что эти предложенія были революціонныя, не конституціонныя; что палата незаконно захватывала въ свои руки всю власть, незаконно отнимала у власти исполнительной право распускать палату, грозя этой исполнительной власти обвиненіемъ въ измѣнѣ отечеству. Палата, по призыву знаменитаго революціонера, открыто устремилась по революціонной дорогѣ, дѣйствуя по инстинкту самосохраненія, поставивши прямо вопросъ: *или я, или онъ?* Предложенія Лафайета были приняты съ восторгомъ; когда одинъ изъ депутатовъ спросилъ Лафайета: можно ли надѣяться безъ Наполеона сладить съ врагами внутренними и внѣшними,—тотъ отвѣчалъ ему: «Будьте покойны; когда мы избавимся отъ него, то все уладится». Палата пэровъ послѣдовала примѣру палаты депутатовъ.

Въ Елисейскомъ дворцѣ тотчасъ же узнали о рѣшеніяхъ палатъ, и началась агонія власти: то вдругъ выскажется чувство своей силы, память о прошломъ значеніи; то вдругъ ясный умъ представитъ всѣ трудности положенія, отсутствіе средствъ къ борьбѣ, и наступаетъ убѣжденіе въ необходимости прекратить борьбу, отказаться отъ дѣятельности: «Передъ 500,000 враговъ я все, другіе ничто; пошлю отрядъ гвардіи и разгоню дерзкую палату: армія будетъ въ восторгѣ, народъ не тронется; приму диктатуру и спасу Францію»! Но гдѣ эта армія, которая будетъ въ восторгѣ; гдѣ средства спасти Францію? Одного человѣка недостаточно, хотя бы этотъ человѣкъ и назывался Наполеономъ; притомъ же очарованіе имени исчезло, ибо къ нему нельзя было больше прибавить эпитетъ: «*непобѣдимый*». «Если Франція во мнѣ больше не нуждается, то я отрекусь».—Потомъ опять гнѣвъ и угроза бросить въ Сену депутатовъ. Съ императоромъ братъ его, Луціанъ, человѣкъ смѣлый, рѣшительный, но безъ средствъ распознавать знаменія времени; Луціанъ не могъ понять различія 1815 года отъ 1799, когда онъ помогъ низвергнуть директорію. «Смѣлѣй, смѣлѣй!»—говоритъ онъ теперь Наполеону.—«Увы!»—отвѣчалъ тотъ:—«я былъ слишкомъ смѣлъ. Я разгоню депутатовъ, но они поднимутъ противъ меня провинціи, и я останусь императоромъ якобинцевъ».

Въ палатѣ продолжается волненіе. Фуше лжетъ; но Наполеонъ лишилъ себя права жаловаться на ложь, солгавши самъ: когда онъ явился во Францію съ Эльбы, то обманулъ народъ ложью, что Австрія за него; теперь Фуше выдаетъ за вѣрное, что Наполеонъ—единственное препятствіе къ миру; что коалиція согласна дать Франціи Наполеона II. Какъ не вѣрить Фуше?—онъ знаетъ все! Люди, враждебные Бурбонамъ, спокойны насчетъ будущаго и съ нетерпѣніемъ ждутъ втораго отреченія. Министры повинуются рѣшенію палаты, несутъ ей свои отчеты, съ ними идетъ и Луціанъ Бонапартъ, какъ коммисаръ императора; Луціанъ еще надѣется убѣдить палату въ необходимости удержать Наполеона на престолѣ: онъ представляетъ возможность борьбы, стыдъ для Франціи—принять Наполеона какъ освободителя, и, чрезъ 25 дней, испугавшись одной потерянной битвы, угрозы иностранцевъ, объявлять того же Наполеона причиною всѣхъ золъ, гнать его съ престола: какое непостоянство! Но Лафайетъ спѣшитъ изгладить впечатлѣніе, произведенное словами Луціана. «Князь!»—говоритъ онъ,—«вы клевещете на народъ; потомство обвинитъ Францію не за то, что она покинула вашего брата, но за то, что слишкомъ долго за нимъ слѣдовала—въ Италію, въ Египетъ, въ Испанію, въ Германію, въ Россію; 600,000 французовъ полегло на берегахъ Эбро, и Таго; можете вы счесть, сколько лежитъ на Дунаѣ, на Эльбѣ, Нѣманѣ и Москвѣ? Если бы Франція не была такъ постоянна, то она сохранила бы 2.000,000 своихъ сыновъ, избавила бы вашего брата, вашу фамилію, насъ всѣхъ отъ той пропасти, въ какую мы теперь ввергаемся». Луціанъ былъ уничтоженъ этими громовыми словами, и не одинъ Луціанъ: палата рѣшаетъ отправить къ союзнымъ государямъ депутацію для переговоровъ, не отъ имени Наполеона, но отъ имени палатъ. Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу сына. Биржевой барометръ поднялся еще выше, но чтобъ не дать ему упасть, нужно было отстранить признаніе Наполеона II императоромъ, что и было сдѣлано.

Образовалось временное правительство (исполнительная коммисія) изъ пяти членовъ: троихъ—Карно, Фуше и Гренье—выбрала палата депутатовъ, двоихъ—Коленкура и Кинетта—назначила палата пэровъ. Всеобщее расслабленіе, желаніе выхода изъ тяжкаго, неутѣшительнаго положенія какими бы то ни было средствами, жажда покоя заставили отдать судьбу Франціи въ нечистыя руки Фуше, который сталъ президентомъ исполнительной коммисіи. Безъ соблюденія народнаго достоинства отступились отъ Людовика XVIII и приняли Наполеона; безъ соблюденія народнаго достоинства отступились отъ побѣжденнаго Наполеона, не чувствовали въ себѣ силъ съ честію выйдти изъ критическаго положенія, видѣли впереди униженіе и пошли къ нему навстрѣчу подъ предводительствомъ Фуше, который былъ преклоненнымъ знаменемъ побѣжденной Франціи, побѣжденной матеріально и нравственно. Были суевѣрные люди, которые думали, что Фуше свергнулъ Наполеона; что Фуше можетъ отдать корону Франціи кому хочетъ; что могущественный волшебникъ мо-

жетъ заклясть бурю. Волшебникъ самъ этого не думалъ: онъ старался только угадать, на чьей сторонѣ сила, чтобъ предложить этой сторонѣ свои услуги, а между тѣмъ съ каждымъ держалъ особую рѣчь: революціонерамъ онъ говорилъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, кромѣ Бурбоновъ, не должно исключать никого рѣшительно; что неблагоразумно связывать себя въ какомъ бы то ни было смыслѣ, пусть идетъ свободно вопросъ о Наполеонѣ II, герцогѣ Орлеанскомъ, о какомъ-нибудь иностранномъ принцѣ, даже о республикѣ; что, оставаясь въ нерѣшительномъ положеніи, можно содѣйствовать раздѣленію въ коалиціи. Людямъ робкимъ онъ говорилъ: зачѣмъ высказываться заранѣе, даже противъ Бурбоновъ? не должно лишать себя возможности трактовать и съ ними въ случаѣ, если неодолимая сила снова введетъ ихъ во Францію. Бонапартистамъ Фуше обѣщалъ, что вмѣстѣ съ Меттернихомъ устроитъ регентство для Наполеона II.

Но для Фуше было ясно, что у Франціи нѣтъ возможности рѣшить вопросъ своими внутренними средствами, независимо отъ посторонняго вмѣшательства; какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, иностранцы должны были дать Франціи правительство, несмотря на то, что, повидимому, союзные государи отклоняли отъ себя это дѣло. На комъ же остановится ихъ выборъ? Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправленный императоромъ Александромъ въ Гентъ, Поццо-ди-Борго писалъ лорду Касльри: «Несмотря на таланты и бѣшенство людей, овладѣвшихъ властію во Франціи, народъ находится еще въ состояніи нерѣшительности и волненія: если мы пойдемъ сплоченными рядами, то проникнемъ повсюду. Въ этомъ случаѣ переходъ французовъ на нашу сторону очень вѣроятенъ, особенно если мы выставимъ Французскій интересъ, къ которому можно будетъ примкнуть. Я не перестаю думать, что единственный человѣкъ, котораго мы должны призвать и выставить впередъ,—это король Людовикъ XVIII; если мы отступимъ отъ этого правила, то не будемъ знать, гдѣ остановиться. Всякое другое правительство, даже изъ Бурбонской династіи, будетъ договоромъ съ якобинцами, и новый государь, каковъ бы ни былъ его титулъ, будетъ только орудіемъ въ ихъ рукахъ. Неполитично давать поводъ думать, что мы можемъ легко склониться къ подобной мѣрѣ; если мы можемъ только одного короля Людовика XVIII представить Франціи, какъ средство установить прочно наши отношенія къ ней, то было бы крайне неблагоразумно уменьшать интересъ, который онъ можетъ внушить націи, равнодушіемъ, какое мы будемъ ему оказывать совершенно некстати. Я знаю, что его обвиняютъ въ неумѣньи управлять; онъ сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что не имѣлъ инціативы; но отдѣльные акты его администраціи вообще безукоризненны, и не должно забывать, что еще никогда человѣкъ не находился въ такомъ трудномъ положеніи. Мы его поставили лицомъ къ лицу со всѣми демонами революціи, мы сложили на его плечи всѣ ошибки,—его и свои. Тутъ является Бонапартъ; войско низвергаетъ тронъ, который оно было обязано поддерживать; народъ остается изумленнымъ и безсмысленнымъ зрителемъ; онъ больше будетъ апплодировать пьесѣ противоположной, когда мы, какъ надѣюсь, дадимъ ему этотъ праздникъ; но мы не должны удовольствоваться комплиментами, насъ ожидающими. Если мы хотимъ спокойствія, то надобно дать королю Людовику XVIII средства распустить старое французское войско, создать новое и очистить Францію отъ пятидесяти великихъ преступниковъ, которыхъ существованіе несовмѣстимо съ миромъ. Французы должны взять на себя исполненіе, а союзники должны дать имъ возможность это сдѣлать. Мы обязаны своимъ спасеніемъ единству; но единство наше есть преимущественно слѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, которыя нелегко возобновляются».

Такимъ образомъ, еще въ апрѣлѣ была начертана программа будущаго поведенія союзниковъ относительно французскаго правительства и, вмѣстѣ, программа дѣйствій этого правительства. Англія была совершенно согласна съ программою; другіе союзники согласны или равнодушны; но они не были равнодушны къ другому вопросу: что сдѣлать съ Франціею,—оставить ли ее въ прежнихъ границахъ, или раздробить, урѣзать, чтобы отнять у страшнаго народа средства безпокоить Европу на будущее время? Мы видѣли, какъ въ Германіи обнаружилось сильное движеніе въ пользу второго рѣшенія вопроса. Самые видные государственные люди этой страны, печать, были за него; за него былъ и знаменитѣйшій изъ полководцевъ германскихъ, Блюхеръ, получившій, вмѣстѣ съ герцогомъ Веллингтономъ, особенное значеніе по событіямъ послѣдней кампаніи, и могущій скорѣе всѣхъ быть съ войскомъ у Парижа. Послѣ побѣды оба полководца сильно порознились въ своихъ взглядахъ относительно судьбы побѣжденнаго. Временное фрунцузское правительство послало къ Веллингтону генерала Номмелэна ходатайствовать, чтобъ отрекшемуся императору позволено было отправиться въ Америку. Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакого права ни позволять, ни не позволять этого. Но иначе смотрѣлъ на дѣло Блюхеръ: онъ далъ знать Веллингтону, что намѣренъ захватить Наполеона и убить его. Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ согласиться на это; что судьба Наполеона должна быть рѣшена по общему соглашенію всѣхъ союзныхъ правительствъ, и, во всякомъ случаѣ, если государи пожелаютъ казнить Наполеона, то пусть назначатъ палача, а онъ, Веллингтонъ, этимъ палачемъ не будетъ. Временное правительство прислало также къ Веллингтону пятерыхъ депутатовъ просить о прекращеніи военныхъ дѣйствій, потому что человѣкъ, противъ котораго вооружилась Европа, не былъ уже болѣе

императоромъ французовъ. На это герцогъ отвѣчалъ, что отреченіе Наполеона не представляетъ еще для союзниковъ такого ручательства, которое могло бы побудить его къ немедленному прекращенію военныхъ дѣйствій; онъ сдѣлаетъ это въ томъ случаѣ, когда Наполеонъ будетъ выданъ союзнымъ государямъ; когда авангарды союзныхъ войскъ вступятъ въ Парижъ, и когда во Франціи установится правительство, которое будетъ пользоваться довѣріемъ не только Франціи, но и всей Европы. Депутаты спросили герцога: что онъ хочетъ сказать послѣдними словами. Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ права распространяться объ этомъ; но если они хотятъ знать его мнѣніе, какъ частнаго человѣка, то онъ думаетъ, что Франція должна призвать Людовика XVIII безъ всякихъ условій; что честь Франціи требуетъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, прежде чѣмъ могло бы явиться предположеніе, что король возвращенъ по настоянію союзниковъ. Депутаты согласились съ мнѣніемъ герцога, и хотя объявили, что въ конституціи должны быть сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, однако признали за лучшее не дѣлать этой перемѣны условіемъ королевскаго возвращенія.

Итакъ, Людовикъ XVIII долженъ былъ возвратиться; Франція приметъ его безъ условій; но что такое Франція? гдѣ слышится ея голосъ?—все молчитъ, все недвижимо. Наполеонъ уѣхалъ изъ Парижа; онъ живетъ въ Мальмезонѣ вмѣстѣ съ падчерицею своею, бывшею Голландскою королевою Гортензіею; онъ не ѣдетъ къ западнымъ берегамъ Франціи, чтобъ оттуда отправиться въ Америку; онъ все еще чего-то ждетъ, нетерпѣливо прислушивается, не раздастся ли гдѣ голосъ, призывающій его остаться; но все тихо. Вмѣсто Наполеона, во главѣ французскаго правительства Фуше; но и Фуше нечего дѣлать при этомъ всеобщемъ бездѣйствіи; если не съ кѣмъ бороться, нечего улаживать, ему остается одно—обманывать людей, которые незнакомы съ положеніемъ дѣлъ во Франціи и которые, видя Фуше наверху, думаютъ, что онъ силенъ, можетъ все сдѣлать. И Фуше обманываетъ Людовика XVIII, всю Европу; король думаетъ, что если Франція приметъ его и приметъ хорошо, то по милости Фуше; колдуну отлично удался обманъ: бури вовсе нѣтъ и не отъ чего ей быть, а всѣ думаютъ, что она заклята чародѣйною силою. Фуше—сила, съ которою надобно считаться: онъ держитъ въ своихъ рукахъ корону. Но есть еще другая сила внѣ Франціи: это Талейранъ. Фуше увѣряетъ, что онъ возвращаетъ Бурбоновъ и долженъ удержать за это при нихъ первенствующее значеніе. Талейранъ также хочетъ имѣть первенствующее значеніе: онъ въ прошломъ году настоялъ на возвращеніи Бурбоновъ; онъ въ Вѣнѣ поднялъ значеніе Франціи, безъ него Людовикъ XVIII со своимъ любимцемъ Блака, со своими эмигрантами; надѣлалъ множество ошибокъ и потерялъ престолъ; онъ, Талейранъ, устроилъ новую коалицію противъ Наполеона, онъ поддерживалъ Бурбоновъ. Людовикъ XVIII возвратится теперь снова по его милости и, чтобъ удержаться на престолѣ, долженъ подчиниться вполнѣ его руководству, чтобъ не было при Дворѣ никакого другого вліянія. На другой день послѣ Ватерлооской битвы, Талейранъ пріѣхалъ въ Брюссель, возвращаясь изъ Вѣны; онъ остановился здѣсь, не поѣхалъ къ королю въ Гентъ, явился особою, самостоятельною силою, съ которою Людовикъ XVIII долженъ былъ договариваться. Талейранъ сейчасъ же сталъ разглашать условія договора: катастрофа 20 марта была прямымъ результатомъ ошибокъ нѣкоторыхъ министровъ, особенно Блака, прямымъ результатомъ дѣйствія эмигрантовъ, которыми окружилъ себя графъ Артуа; Блака долженъ быть удаленъ; министры должны дѣйствовать заодно и отвѣчать другъ за друга; должно быть провозглашено всепрощеніе; людямъ и интересамъ революціи должна быть дана полная безопасность. Талейранъ говорилъ, что королю нельзя возвратиться въ Парижъ прямою дорогою чрезъ сѣверные департаменты, вслѣдъ за иностранными войсками,—что ему надобно явиться въ южныхъ областяхъ, гдѣ народонаселеніе болѣе предано Бурбонамъ, здѣсь окружить себя французами и, такимъ образомъ, заставить иностранцевъ уважать въ себѣ независимую силу.

Но Веллингтонъ далъ знать королю, что ему выгодно приблизиться къ сѣверной французской границѣ. 22-го іюня, Людовикъ XVIII оставилъ Гентъ и пріѣхалъ въ Монцъ въ одно время съ Талейраномъ; но послѣдній и тутъ не поспѣшилъ представиться королю, занялъ домъ на противоположномъ концѣ города, началъ принимать посѣтителей и говорить съ ними безъ всякой сдержанности о текущихъ событіяхъ. Король не приглашалъ Талейрана, а между тѣмъ главное условіе его было исполнено: Блака удаленъ, потому что противъ любимца были и либералы, и эмигранты; первые требовали удаленія человѣка, который, по ихъ мнѣнію, оттягивалъ короля къ старой Франціи; эмигрантамъ Блака мѣшалъ своею самостоятельностью: они надѣялись безъ него совершенно овладѣть слабымъ королемъ; со всѣхъ сторонъ кричали, что Блака страшно непопуляренъ во Франціи; что съ нимъ нельзя возвратиться. Блака подалъ въ отставку и назначенъ былъ посланникомъ въ Неаполь. Людовикъ XVIII плакалъ на разставаньи съ своимъ другомъ, который очень хорошо понималъ старика:—«Первые дни»,—говорилъ Блака,—«онъ обо мнѣ потоскуетъ, но скоро привыкнетъ безъ меня обходиться, скоро привыкнетъ къ другому».

У Людовика XVIII недостало твердости удержать Блака; но у него достало твердости не послать за Талейраномъ, а Талейранъ не зналъ, въ чемъ король слабъ и въ чемъ твердъ. Составлялось новое министерство, а за Талейраномъ не посылали. Поццо-ди-Борго, Шатобріанъ и другіе, счи-

тавшіе въ это время нужнымъ имѣть Талейрана въ министерствѣ и его вліяніемъ уравновѣшивать вліяніе графа Артуа съ эмигрантами, уговаривали Талейрана ѣхать къ королю: «Если вы не поѣдете, то онъ не станетъ васъ дожидаться, уѣдетъ изъ Монса». Талейранъ улыбался. Это было вечеромъ, а ночью ему даютъ знать, что король велѣлъ приготовить лошадей къ четыремъ часамъ утра. Тутъ лицо знаменитаго дипломата приняло другое выраженіе, улыбка исчезла; Талейранъ спѣшитъ одѣться и скорѣе къ королю. Тотъ принялъ его какъ побѣдитель, и, быть можетъ, ни одинъ полководецъ такъ не торжествовалъ своей побѣды, рѣшавшей судьбу царствъ, какъ Людовикъ XVIII торжествовалъ побѣду надъ Талейраномъ; онъ далъ вполнѣ почувствовать побѣжденному всю тяжесть пораженія. Чтобъ поправиться, сломить гордость побѣдителя, Талейранъ грозитъ покинуть службу, проситъ позволенія ѣхать въ Карлсбадъ. «Карлсбадскія воды превосходны», — отвѣчаетъ король, — «онѣ вамъ очень помогутъ, до свиданія!» Король уѣхалъ.

Выдержалъ, — а Талейранъ все же остался министромъ, остался точно такимъ же образомъ, какъ Блака былъ удаленъ: и свои, а главное чужіе, Поццо-ди-Борго, Веллингтонъ, представили необходимость удержать Талейрана, который и получилъ приказаніе вмѣстѣ съ другими министрами, остававшимися въ Монсѣ, пріѣхать къ королю. Письмо отъ Веллингтона: совѣтуетъ ѣхать; и Талейранъ ѣдетъ, въ Камбрэ представляется королю и принимается благосклонно; ни слова о томъ, что было въ Монсѣ. Но теперь пришла очередь Талейрану трубить побѣду: онъ убѣждаетъ министровъ, что королю, при вступленіи во Францію, необходимо издать прокламацію, гдѣ онъ долженъ сознаться въ своихъ ошибкахъ и дать обѣщаніе исправиться. Прокламація написана; ее читаютъ въ Совѣтѣ, гдѣ присутствуютъ принцы. Графъ Артуа жалуется на униженіе, которому хотятъ подвергнуть короля, заставляя его просить прощенія въ прошлыхъ ошибкахъ и обѣщать, что впередъ не повторитъ ихъ. Въ прокламаціи говорится, что король былъ увлеченъ своими привязанностями. — «Не хотятъ ли здѣсь указать на меня»? спрашиваетъ графъ Артуа. — «Да», — отвѣчаетъ Талейранъ: — «вы сдѣлали много зла». — «Князь Талейранъ забывается», говоритъ графъ Артуа. — «Быть можетъ, я и забываюсь, но правда выше всего», отвѣчаетъ Талейранъ. — «Только присутствіе короля меня сдерживаетъ», кричитъ герцогъ Беррійскій: — «иначе я не позволилъ бы никому такъ обращаться съ моимъ отцомъ». Король спѣшитъ утишить бурю: объявляетъ, что ему одному принадлежитъ право судить о томъ, что говорится въ его присутствіи; что онъ не можетъ одобрить ни прокламаціи, ни спора, который произошелъ по ея поводу; что надобно измѣнить ее. Составили новую прокламацію, которую король одобрилъ; но и въ ней король признавалъ, что, можетъ быть, сдѣланы ошибки, потому что бываютъ трудныя времена, когда самыя чистыя намѣренія не могутъ направить на путь истинный; одинъ опытъ можетъ научить, и онъ не будетъ потерянъ. Король обѣщалъ, что отнынѣ министры будутъ дѣйствовать заодно; увѣрялъ владѣльцевъ національныхъ имуществъ (прежнихъ церковныхъ и эмигрантскихъ), что пріобрѣтенная ими собственность неприкосновенна; обѣщалъ прощеніе тѣмъ французамъ, которые были увлечены другими къ измѣнѣ, но исключалъ изъ прощенія главныхъ виновниковъ преступленія. Партія графа Артуа была недовольна прокламаціею: программа Талейрана была въ ней слишкомъ явна; не были довольны и тѣ, которыхъ именно хотѣлось удовольствовать, не были довольны исключеніями изъ амнистіи. Не прокламація прокладывала дорогу Бурбонамъ ко вторичному возвращенію: какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, прокладывали имъ дорогу иностранныя войска, которыхъ государи считали возвращеніе Бурбоновъ простѣйшимъ разрѣшеніемъ труднаго вопроса; и чѣмъ далѣе входили иностранныя войска во внутренность Франціи, тѣмъ биржевой барометръ поднимался все болѣе и болѣе, и Парижъ оживился попрежнему, — самый вѣрный знакъ, что Людовикъ XVIII поселится опять въ Тюльери. Остатки императорскихъ войскъ пошумѣли-было противъ Бурбоновъ, представивъ на видъ палатамъ, что войско было оскорблено Бурбонами, что ему нельзя съ ними ужиться. На это не палаты, а само войско должно было отвѣчать, отвѣчать не словомъ, а дѣломъ, должно было побѣдить иностранныя арміи; но такъ какъ никто не могъ надѣяться на эту побѣду, то обращеніе войска къ палатамъ съ просьбою о защитѣ отъ Бурбоновъ было странно и безплодно.

Исходъ дѣла былъ ясенъ для Фуше, и онъ завелъ сношенія съ Людовикомъ XVIII; роялисты ободрились и съ разныхъ сторонъ начали пріѣзжать къ королю. Но до какой степени господствовала смута, до какой степени всѣ ходили въ потемкахъ, не могли различать предметовъ и создавали себѣ небывалые страхи, — доказательствомъ служитъ то, что роялисты, пріѣзжавшіе къ королю, говорили о могуществѣ Фуше, безъ котораго ничего нельзя сдѣлать; настаивали, что королю надобно сблизиться съ нимъ во что бы то ни стало; графъ Артуа съ своими настаивалъ на то же самое; необходимость сближенія съ Фуше выставлялъ и Веллингтонъ. Впослѣдствіи Шатобріанъ вѣрно представилъ этотъ хаосъ, благодаря которому Фуше получилъ такое значеніе, вѣрно представилъ, какъ все противоположное перемѣшалось, соединилось, чтобъ превознести могущество колдуна, «религія и нечестіе, добродѣтель и порокъ, роялистъ и революціонеръ, иностранецъ и французъ»; 6 іюля, Людовикъ XVIII, находившійся въ С.-Дени, далъ знать Веллингтону и Талейрану, что готовъ принять Фуше и назначить его министромъ полиціи. На другой день Талейранъ ввелъ съ торжествомъ Фуше въ кабинетъ королевскій:

Бурбоны преклонились предъ революціею, цареубійца сдѣлался министромъ брата Людовика XVI. «Я знаю услуги, вами мнѣ оказанныя»,—сказалъ король Фуше:—«герцогъ Веллингтонъ увѣдомилъ меня о нихъ. Я назначилъ васъ министромъ полиціи; надѣюсь, что въ этомъ званіи вы мнѣ окажете новыя услуги». Когда новый министръ откланялся, король сказалъ: «Нынче я потерялъ свое дѣвство».

На другой день, 7 іюля, пруссаки и англичане вошли въ Парижъ и разставили пушки на всѣхъ мостахъ; прусскій офицеръ вошелъ въ залу, гдѣ засѣдала исполнительная коммисія, и положилъ на бюро бумагу, подписанную Блюхеромъ: въ бумагѣ требовалось 100 милліоновъ военной контрибуціи. члены коммисіи исчезли при видѣ магической бумаги, оставивъ ее въ наслѣдство Людовику XVIII; палаты разошлись; вмѣсто трехцвѣтнаго знамени, на Тюльери поднялось бѣлое, и, 8 іюля, Людовикъ XVIII вторично вступилъ въ Парижъ. Вечеромъ Веллингтонъ и Кэслри были приглашены въ Тюльери и нашли короля въ сильномъ волненіи и восторгѣ отъ пріема, сдѣланнаго ему парижанами; по его мнѣнію, онъ былъ принятъ еще радушнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. И теперь, вечеромъ, почти невозможно было разговаривать съ королемъ: такъ оглушительны были крики народа, наполнявшаго Тюльерійскій садъ, несмотря на темноту. На разставаніи король подвелъ Веллингтона и Кэслри къ открытому окну; свѣчи были поданы и дали возможность народу видѣть короля вмѣстѣ съ герцогомъ; народъ сбѣжался на это зрѣлище со всѣхъ концовъ сада, образовалъ огромную, густую массу и наполнилъ воздухъ восклицаніями.

Веллингтонъ ввелъ короля въ Парижъ; но что скажутъ сосѣдніе государи? зачѣмъ до нихъ и безъ нихъ произведена была вторая реставрація? Разумѣется, всего опаснѣе могло быть неудовольствіе Русскаго императора; поэтому Кэслри и Веллингтонъ почли за нужное отправить Поццо-ди-Борго навстрѣчу къ императору Александру съ объясненіемъ, почему надобно было спѣшить со второю реставраціею. Другою, большею заботою Веллингтона и Кэслри было сдерживаніе Блюхера и его пруссаковъ: кромѣ огромной контрибуціи, наложенной ими на Парижъ, они обнаруживали твердое намѣреніе взорвать Іенскій мостъ, чтобъ не было въ Парижѣ ненавистнаго памятника ихъ безславія. Веллингтонъ требовалъ, чтобъ они удержались, по крайней мѣрѣ, до пріѣзда государей. Государи пріѣхали 10 іюля: Людовикъ XVIII бросился къ императору Александру съ мольбою о защитѣ,—и Блюхеръ былъ сдержанъ: контрибуція уменьшена до 8 милліоновъ и мостъ Іенскій спасенъ отъ разрушенія. Обнаружилось ясно могущество Русскаго императора; ясно было, что, при рѣшеніи вопроса о будущемъ положеніи Франціи относительно сосѣдей, въ немъ одномъ Франція могла найти защитника. За это ручался характеръ императора, извѣстная его любовь къ французскому народу и наконецъ разсчетъ политическій: Франція была опасна Россіи менѣе, чѣмъ какой нибудь другой державѣ европейской; для Россіи выгодно было сблизиться съ Франціею и уничтожить возможность возобновленія талейрановскаго тройнаго союза между Франціею, Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи; союзъ Англіи и Австріи не былъ опасенъ для тройнаго союза Россіи, Франціи и Пруссіи. Если въ 1814 году, во время Вѣнскаго конгресса, Талейранъ хлопоталъ о союзѣ бурбонской Франціи съ Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи, то послѣ 20 марта приверженцы Наполеона хлопотали о подобномъ же о союзѣ бонапартовской Франціи съ Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи, старались отвести Англію отъ союза съ Россіею, возбуждая опасеніе англичанъ насчетъ могущества императора Александра. Знаменитая Сталь, сдѣлавшаяся изъ непримиримаго врага Наполеона его защитницею, когда онъ сталъ играть въ конституцію и сблизился съ ея пріятелемъ, Бенжаменъ Констаномъ,—Сталь писала въ Англію, въ апрѣлѣ 1815 года: «О, да будетъ принцъ-регентъ великъ, великодушенъ! пусть онъ станетъ посредникомъ; пусть скажетъ народамъ: *я хочу мира и вы останетесь въ мирѣ!* Чрезъ это Англія можетъ быть владычицею міра, тогда какъ во время войны она будетъ только частію цѣлаго, уже раздѣленнаго. Принцъ-регентъ не можетъ начальствовать англійскими войсками; онъ можетъ владычествовать народами, только предписывая имъ всѣмъ миръ. Если они устремятся на войну, то владыкою ихъ станетъ императоръ Русскій, *Агамемнонъ*, царь царей! Принцу-регенту дается на выборъ: или быть богомъ мира, или позволить Русскому императору стать царемъ этой войны».

Въ Англіи, и безъ внушеній Сталь, очень хорошо понимали, что Русскій императоръ будетъ снова Агамемнономъ союза, и очень хорошо понимали также, что съ Русскимъ императоромъ возможенъ миръ, а съ Наполеономъ онъ не возможенъ, и потому прежде всего хотѣли покончить съ бонапартовскою Франціею, для чего общее дѣйствіе съ Россіею было необходимо. Императоръ Александръ, съ своей стороны, дѣлалъ все возможное, чтобъ не возбуждать подозрительности и зависти Англіи, сохранить съ нею доброе согласіе. Въ маѣ 1815, въ Вѣнѣ, разговаривая съ лордомъ Каткартомъ о движеніяхъ русскихъ войскъ, онъ сказалъ: «Надѣюсь, пришло время, когда увидятъ, что могущество Россіи можетъ быть только полезно для Европы, а не опасно для нея». Теперь въ Парижѣ императоръ выразилъ лорду Кэслри свое желаніе дѣйствовать сообща съ принцемъ-регентомъ для упроченія европейскаго мира, и спросилъ его прямо, не питаетъ ли принцъ-регентъ какого-нибудь неудовольствія противъ него за его поведеніе въ Лондонѣ въ прошломъ году [1]). Сообщая объ этомъ во-

[1]) Здѣсь разумѣется сближеніе императора съ нѣкоторыми членами оппозиціи.

просѣ лорду Ливерпулю, Касльри прибавилъ, что императоръ Александръ оказываетъ необыкновенное вниманіе герцогу Веллингтону и англійскому войску. Чрезъ нѣсколько дней Касльри получилъ отвѣтъ: принцъ-регентъ поручалъ ему передать Русскому императору, что онъ совершенно удовлетворенъ заявленіемъ, что если что-нибудь было, то было совершенно ненамѣренно, и что онъ, принцъ, не можетъ питать къ его императорскому величеству другихъ чувствъ, кромѣ чувства искренней дружбы. Такимъ образомъ, спѣшили отстранить всѣ препятствія къ дружному дѣйствію при рѣшеніи предстоящаго вопроса: на какихъ условіяхъ заключать новый миръ съ Франціею; какія обезпеченія нужны для того, чтобъ страшный народъ не нарушилъ снова мира Европы. Благодаря преимущественно Англіи, послѣдовало и второе возстановленіе Бурбоновъ; но именно потому, что Англія была главною виновницею дѣла, она больше всѣхъ и должна была безпокоиться насчетъ его послѣдствій. 10 іюля, лордъ Ливерпуль писалъ Касльри тревожное письмо: «Очевидно, что у короля нѣтъ партіи; Геркулесова работа—дать вещественную силу этому правительству; что это за король, который не поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, войскомъ или сильною національною партіею? Я радъ, что онъ принялъ въ службу Фуше. Фуше можетъ измѣнить королю, но онъ можетъ понять, что ему выгодно, и спасти его. При отчаянномъ положеніи дѣлъ мы должны употреблять и отчаянныя средства. Чѣмъ болѣе я разсматриваю настоящее внутреннее состояніе Франціи, чѣмъ менѣе нахожу обезпеченія для безопасности Европы въ характерѣ и силѣ французскаго правительства, тѣмъ болѣе мы должны искать безопасности на границахъ въ матеріальномъ ослабленіи могущества Франціи. Это мнѣніе быстро распространилось у насъ».

Такимъ образомъ, взглядъ англійскаго министерства, руководимаго общественнымъ мнѣніемъ страны, совпадалъ со взглядомъ нѣмецкихъ патріотовъ. Но нѣмецкіе патріоты не впадали въ противорѣчія; они были равнодушны къ вопросу, кто будетъ царствовать во Франціи, — лишь бы Франція была ослаблена и не грозила болѣе Германіи. Англія же хлопотала объ утвержденіи Бурбоновъ, видѣла слабость короля,—отъ этой слабости заключала къ необходимости ослабить Францію, и тѣмъ сильнѣе наносила ударъ возстановленной династіи, отнимая у нея популярность, возбуждая противъ нея упрекъ, что иностранцы, ея союзники, ея возстановители, обрѣзали, унизили Францію. Положеніе императора Александра было самое выгодное: онъ не настаивалъ на возвращеніи Бурбоновъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, за Францію, и потому всѣ французы, которымъ дорога честь и сила родной страны, должны обратиться къ нему, какъ единственному своему покровителю, и прежде всѣхъ долженъ обратиться къ нему король. Ливерпуль, въ письмахъ своихъ къ Касльри, твердилъ свое, что слабость французскаго правительства очевидна; что уступки, которыя оно дѣлаетъ, суть слѣдствія слабости, а не милосердія. Король распустилъ армію, но какую надежду можно возложить на новую армію, составленную изъ стараго матеріала? да если бы можно было создать и совершенно новое войско, то какая опасность будетъ грозить отъ 40,000 отставныхъ офицеровъ, людей безъ средствъ къ жизни и между тѣмъ обладающихъ значительною долею талантовъ и энергіи. Строгое наказаніе заговорщиковъ, вызвавшихъ Бонапарта съ Эльбы, могло бы послужить спасительнымъ примѣромъ; но его трудно ожидать теперь, когда король принужденъ дать правительственныя мѣста членамъ якобинской партіи. При такомъ положеніи дѣлъ надобно принять иныя мѣры безопасности, и союзники сдѣлаютъ непростительную ошибку, если оставятъ Францію, не устроивши границы, достаточной для защиты сосѣднихъ государствъ. Въ Англіи господствующая мысль, что союзники имѣютъ полное право воспользоваться настоящимъ случаемъ и взять у Франціи назадъ главныя пріобрѣтенія Людовика XIV. Все равно, Франція никогда не забудетъ униженія, которому уже подверглась, и воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для возстановленія своей военной славы: слѣдовательно союзники обязаны воспользоваться настоящимъ временемъ и предупредить вредныя послѣдствія собственныхъ успѣховъ; въ прошломъ году союзники были великодушны,—и какіе оказались результаты этого великодушія? Теперь надобно промыслить самимъ о себѣ. Понятно, что Русскій императоръ пожелаетъ принять роль покровителя французскаго народа; но это расположеніе его императорскаго величества должно быть сдержано въ разумныхъ предѣлахъ; онъ не долженъ забывать о сосѣднихъ съ Франціею державахъ; онъ, какъ посредникъ, естественно долженъ сдерживать чрезмѣрныя и неразумныя претензіи нѣкоторыхъ изъ союзниковъ; но онъ не долженъ безопасность союзниковъ приносить въ жертву претензіямъ французскаго народа. «Мы не должны забывать»,—писалъ Ливерпуль лорду Касльри,—«что Австрія и Пруссія, во всемъ этомъ вопросѣ имѣютъ съ нами гораздо болѣе общихъ интересовъ, чѣмъ Россія».

Такъ смотрѣли на дѣло англичане, находившіеся въ Англіи; нѣсколько иначе должны были смотрѣть на него англичане, находившіеся во Франціи. «Я совершенно согласенъ съ вашимъ заключеніемъ»,—отвѣчалъ Касльри Ливерпулю,—«что основные интересы Великобританіи въ настоящее время тождественнѣе съ интересами Австріи и Пруссіи, чѣмъ Россіи; но въ то же самое время я долженъ замѣтить, что за этими обоими Дворами надобно внимательно смотрѣть, какъ они преслѣдуютъ свои частныя цѣли, чтобъ намъ не впутаться въ такую политику, съ которою Великобританія не имѣетъ ничего общаго. Ни Австрія, ни Пруссія и ни одна изъ меньшихъ державъ не имѣютъ

искренняго желанія поскорѣе окончить настоящее положеніе дѣлъ, потому что оно доставляетъ имъ возможность кормить, одѣвать и платить жалованье своему войску насчетъ Франціи, откладывая при этомъ себѣ въ карманы англійскія субсидіи. Австрійцы ввели цѣлую армію въ Провансъ, чтобъ кормить ее насчетъ этой бѣдной и вѣрной королю страны. Пруссаки кормятъ насчетъ Франціи 200,000 войска. Баварцы, чтобъ не потерять удобнаго случая покормиться на чужой счетъ, поспѣшили перевезти на телѣгахъ свое войско отъ Мюнхена на берега Луары, когда въ ихъ помощи уже не было болѣе никакой нужды, и перевозка, разумѣется, поставлена насчетъ Франціи. Теперь во Франціи союзныхъ войскъ не менѣе 900,000, содержаніе которыхъ стоитъ ежедневно странѣ 112,000 фунтовъ стерлинговъ. Безупречно въ этомъ отношеніи ведетъ себя Русскій императоръ: онъ согласился со мною, что треть контрибуціи, которую возьмутъ союзники съ Франціи, должна идти на пограничныя укрѣпленія: если взять въ разсчетъ отдаленный интересъ Россіи въ этомъ дѣлѣ, то это очень безкорыстно со стороны его императорскаго величества. Онъ привелъ въ движеніе свою вторую армію безъ всякихъ уговоровъ съ нами насчетъ субсидій, прежде чѣмъ получилъ малѣйшее увѣреніе въ помощи; онъ остановилъ свои войска, велѣлъ имъ возвратиться назадъ въ Россію, какъ только я представилъ ему, что въ нихъ нѣтъ болѣе нужды. Теперь онъ торопитъ насъ, чтобы какъ можно скорѣе оканчивали съ Франціею въ собственныхъ нашихъ интересахъ, ибо миръ освободитъ насъ отъ обязанности платить субсидіи, причемъ императоръ желаетъ отправить свои войска назадъ».

26 іюля, графъ Каподистріа, уполномоченный императора Александра въ конференціяхъ между министрами союзныхъ государей, представилъ мемуаръ, въ которомъ заявлялось, что цѣлію союза было: освобожденіе Франціи отъ Бонапарта и революціонной системы; возстановленіе для нея внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, установленныхъ Парижскимъ договоромъ; обезпеченіе для нея и для всей Европы постановленій этого договора и Вѣнскаго конгресса. Такъ какъ поддержаніе Парижскаго договора было выставлено причиною войны, то для прекращенія войны нельзя требовать его измѣненія. Притомъ, если посягнуть на цѣлость французской территоріи, то надобно будетъ все снова передѣлать, перемѣнить и вѣнскія постановленія, служащія основою европейскаго равновѣсія. Союзники, возстановившіе Людовика XVIII на тронѣ, должны, по справедливости и въ собственныхъ интересахъ, утвердить его власть, помочь ему основать нравственную силу его правительства на общемъ и національномъ интересѣ. Принудить короля къ уступкамъ, которыя будутъ въ глазахъ французовъ доказательствомъ неувѣренности союзныхъ державъ въ прочности ихъ собственнаго дѣла, — значитъ — нанести смертельный ударъ реставраціи. Соглашаясь въ недостаточности однихъ нравственныхъ обезпеченій, Каподистріа предлагалъ, чтобъ союзники объявили Наполеона Бонапарта и его фамилію лишенными права когда-либо царствовать во Франціи; чтобъ они, съ согласія Людовика XVIII, приняли во Франціи военное положеніе и сохраняли его до тѣхъ поръ, пока новое правительство не утвердится во Франціи и пока союзныя государства не успѣютъ усилить свою оборонительную систему; наконецъ взять съ Франціи контрибуцію, которая пойдетъ на покрытіе военныхъ издержекъ и на устройство новыхъ укрѣпленій, которыя союзныя государства выставятъ противъ громадной линіи французскихъ крѣпостей. Каподистріа объявилъ, что пора прервать грозное молчаніе союзниковъ относительно Франціи; что надобно войти въ прямыя, откровенныя объясненія съ народомъ, въ высшей степени гордымъ и самолюбивымъ, способнымъ еще обнаружить сильную энергію, — съ народомъ, котораго нельзя доводить до отчаянія.

Мемуаръ Каподистріа встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны нѣмецкихъ дипломатовъ и генераловъ: Гарденбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, генералъ Кнезебекъ, Меттернихъ, фонъ-Гагернъ подали мемуары, въ которыхъ старались доказать необходимость измѣнить границы Франціи. Франція, говорилось въ нѣмецкихъ мемуарахъ, перешла свои естественныя границы, отнявши со временъ Людовика XIV естестяенныя границы у своихъ сосѣдей. Чтобъ получить теперь миръ продолжительный и прочный, надобно, чтобъ Франція отдала своимъ сосѣдямъ ихъ оборонительную линію, которую она у нихъ отняла, т.-е. Альзасъ и крѣпости нидерландскія, крѣпости Мааса, Мозеля и Сарры: тогда только и Франція получитъ свою настоящую оборонительную линію, т.-е. Вогезскія горы и двойную линію крѣпостей отъ Мааса до моря. На основаніи этихъ мемуаровъ, Франція должна была лишиться почти всей Фландріи, сѣверной части Шампаніи и Лотарингіи, всего Альзаса и значительной части Франшъ-Конте и Бургундіи; должна была потерять не менѣе трехъ милліоновъ народонаселенія. Нѣмцы, разумѣется, настаивали на томъ, что союзники имѣютъ полное право отнять все это у Франціи: смѣшно было бы думать, говорили они, что послѣдняя война велась противъ одного Наполеона; что французы въ ней не участвовали. Англійское министерство также вооружилось противъ мемуара Каподистріи; въ замѣчаніяхъ на этотъ мемуаръ, пересланныхъ Ливерпулемъ лорду Кэсльри, говорилось: «Если бы французскій народъ отозвался на призывъ, сдѣланный въ декларацiяхъ союзниковъ изъ Вѣны въ мартѣ и маѣ мѣсяцахъ, и матеріально содѣйствовалъ низверженію Бонапарта, то союзныя державы могли бы считать себя связанными Парижскимъ трактатомъ и не могли бы претендовать на вѣчныя уступки земель со стороны

Франціи по праву завоеванія. Но если обратить вниманіе, какъ велики были пожертвованія союзниковъ кровію и деньгами въ послѣднюю войну; если обратить вниманіе на то, что король Людовикъ XVIII былъ возстановленъ союзными войсками; что крѣпости французскія сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока оставалась хотя малѣйшая надежда на помощь, и что занятіе союзными арміями страны къ сѣверу отъ Луары есть дѣйствительно занятіе вслѣдствіе завоеванія,—то не можетъ быть сомнѣнія, что союзники имѣютъ право на плоды завоеванія, на пріобрѣтенія, которыя, по ихъ мнѣнію, необходимы для ихъ собственной безопасности». Несмотря на такой взглядъ, англійское министерство заявляло, что союзники должны были получить себѣ обезпеченіе уменьшеніемъ наступательныхъ средствъ французскаго народа; но это уменьшеніе могло произойти или посредствомъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, или посредствомъ временнаго занятія французскихъ областей союзными войсками.

Относительно права союзниковъ требовать обезпеченія отъ Франціи, не стѣсняясь Парижскимъ договоромъ 1814 года, Англія соглашалась съ нѣмцами; относительно же того, въ чемъ должно было заключаться это обезпеченіе, она не рѣшала вопроса, допуская возможность и того средства, какое предлагала Россія, т. е. временнаго занятія нѣкоторыхъ частей Франціи союзными войсками. Но англійское министерство скоро должно было принять русское предложеніе, потому что за него высказались и герцогъ Веллингтонъ и лордъ Кассльри. Послѣдній писалъ Ливерпулю, что онъ не можетъ не признать справедливости мнѣнія герцога Веллингтона, который предпочитаетъ временное занятіе французскихъ областей совершенному ихъ отторженію отъ Франціи, потому что это отторженіе соединитъ всѣхъ французовъ противъ Англіи или, скорѣе, противъ того государства, которое возьметъ себѣ отторженныя области; по всѣмъ вѣроятностямъ, король Нидерландскій первый подвергнется нападенію со стороны Франціи, и потому надобно хорошенько подумать объ этомъ. Временное же занятіе, напротивъ, не представляетъ никакой опасности: извѣстно, что Людовикъ XVIII и его министры желаютъ, чтобъ иностранныя войска остались во Франціи; если дѣло уладится съ обращеніемъ вниманія на чувства и на интересы французскаго народа, то король, его правительство и роялистская партія будутъ на сторонѣ союзниковъ. Король, поддержанный ими, будетъ имѣть возможность постепенно утвердить свою власть, что важнѣе для союзниковъ всѣхъ другихъ обезпеченій. Если онъ падетъ, то союзники будутъ свободны отъ упрека, что ускорили его паденіе, и будутъ имѣть время принять всѣ нужныя предосторожности. Если же, наоборотъ, союзники будутъ вести дѣло до крайности, то они оттолкнутъ отъ себя короля, который будетъ принужденъ или вести народъ свой на войну, или уступить престолъ болѣе смѣлому и предпріимчивому сопернику. Этотъ взглядъ основывается на убѣжденіи, что дѣло королевское во Франціи вовсе не безнадежно, если будетъ хорошо ведено, и европейскій союзъ можетъ поддержать его, если при взятіи обезпеченій не будутъ дѣйствовать враждебно къ Франціи.—23 августа, Ливерпуль отвѣчалъ Кассльри, что Лондонскій Кабинетъ согласенъ съ мнѣніемъ герцога Веллингтона. Франція должна была сдѣлать нѣсколько земельныхъ уступокъ, но ничтожныхъ въ сравненіи съ нѣмецкими требованіями [1]); но она должна была заплатить союзникамъ 600 милліоновъ контрибуціи, да 200 милліоновъ на постройку крѣпостей, долженствующихъ охранять сосѣднія государства отъ Франціи; наконецъ 150,000 иностраннаго войска, содержимаго Франціею въ продолженіи семи лѣтъ, должно было занимать 18 крѣпостей. Но при томъ значеніи, какое имѣлъ Парижъ, самымъ тяжелымъ и оскорбительнымъ слѣдствіемъ вторичнаго занятія иностранными войсками столицы Франціи была отдача по принадлежности произведеній искусствъ, забранныхъ Наполеономъ въ разныхъ странахъ и сосредоточенныхъ въ Луврѣ. Еще 15 іюля лордъ Ливерпуль писалъ Кассльри: «Принцъ-регентъ поручилъ мнѣ обратить вниманіе на собраніе статуй и картинъ, которыя французы захватили въ Италіи, Германіи и Нидерландахъ. Рѣшатъ ли возвратить ихъ по принадлежности, или раздѣлить ихъ между союзниками,—во всякомъ случаѣ, союзныя войска имѣютъ относительно ихъ то же право завоеванія, какое имѣли французы, овладѣвая ими. Желательно удалить ихъ изъ Франціи съ политической точки зрѣнія, ибо, находясь въ ней, они будутъ необходимо поддерживать воинственный духъ и тщеславіе народа». Французское правительство, соглашаясь на всѣ другія условія, не согласилось на это: картины и статуи были взяты насильно нѣмецкими и англійскими солдатами; герцогъ Веллингтонъ принялъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и навлекъ на себя сильную ненависть французовъ: тѣмъ еще сильнѣе стала популярность Русскаго императора.

Занятіе союзными войсками французскихъ крѣпостей считалось необходимымъ для укрѣпленія правительства Бурбоновъ; но кто же могъ мѣшать этому укрѣпленію? Наполеонъ, упустивъ благопріятное время для отправленія въ Америку, отдался англичанамъ и былъ отправленъ на островъ Св. Елены. Если Наполеонъ, по возвращеніи съ Эльбы, говорилъ, что Бурбоны своими ошибками возстановили его, то теперь Бурбоны, въ свою очередь, имѣли право говорить, что Наполеонъ своимъ стодневнымъ царствованіемъ оказалъ имъ

[1]) Одна должна была уступить Нидерландамъ: Конде, Филиппевиль, Маріенбургъ, Живе; Германіи—Сарлуи и Ландау; Швейцаріи—фортъ Жу; Сардиніи—фортъ Эклюзъ, Шамбери и часть Савоіи, удержанную въ 1814 году.

большую услугу. Имъ страшна была слава знаменитаго императора, страшно было сожалѣніе о немъ въ народѣ: императоръ надолго помрачилъ свою славу при Ватерлоо. Имъ страшно было императорское войско, жившее воспоминаніями о своемъ непобѣдимомъ вождѣ: этотъ вождь явился, и подъ его предводительствомъ войско потерпѣло сильное, окончательное пораженіе. Наполеонъ истощилъ всѣ средства своей партіи, которая была такъ грозна во время первой реставраціи. Съ паденіемъ Бонапарта Бурбонамъ нечего было бояться другихъ партій: республиканская была слишкомъ слаба, орлеанская—только въ зародышѣ. Отсюда, кромѣ истощенія народа, жаждущаго отдыха, мира, причиною страдательнаго положенія Франціи было отсутствіе знаменъ, около которыхъ можно было бы сосредоточиться для дѣйствія. Одно только знамя было поднято,—знамя Бурбоновъ, поднято было иностранцами, безъ вѣдома и сочувствія народнаго большинства—нѣтъ нужды! Все же это было единственное поднятое знамя, которому другихъ противопоставить было нельзя; кто хотѣлъ дѣйствовать, шелъ подъ это знамя; кто не сочувствовалъ знамени, тотъ осуждалъ себя на страдательное положеніе, не имѣя на что опереться. Бурбонская партія была такъ безсильна, что не могла собственными средствами возстановить короля; она поднялась чужими средствами, — именно, когда союзники ввели Людовика XVIII въ Парижъ, но все же поднялась и могла дѣйствовать на просторѣ, безъ помѣхи со стороны другихъ партій, была *во времени*—и воспользовалась своимъ временемъ. Во всякомъ обществѣ есть люди, которые хотятъ дать волю страстямъ своимъ, разнуздать ихъ, побушевать. Въ спокойное время, при правильномъ общественномъ движеніи, эти люди связаны, и если позволятъ себѣ что-нибудь, то испытываютъ очень непріятныя для себя послѣдствія; но когда происходитъ въ обществѣ неправильное революціонное движеніе, эти люди тутъ и предлагаютъ свои услуги сильнѣйшей партіи, знаменемъ которой прикрываются. Партіи обыкновенно имѣютъ неосторожность принимать услуги подобныхъ людей, набирать изъ нихъ себѣ войско, и, такимъ образомъ, брать на себя отвѣтственность за ихъ дѣйствія, брать на себя обязанность оправдывать эти дѣйствія, какъ бы они ни были возмутительны. Такъ было и теперь во Франціи, когда бурбонская партія хотѣла воспользоваться своимъ временемъ: на югѣ, гдѣ народонаселеніе склонно къ страстной борьбѣ партій, обнаружилось движеніе противъ бонапартистовъ и вообще людей, несочувствующихъ Бурбонамъ: ихъ сотнями запирали въ тюрьмы, не по судебному рѣшенію, а вслѣдствіе народной воли; убійства и пожары распространились по деревнямъ: въ Нимѣ, въ продолженіи трехъ дней, толпы убійцъ бѣгали по улицамъ, врываясь въ дома бонапартистовъ или тѣхъ, кому захотѣли дать это имя. Такъ начался «бѣлый терроръ юга», который обнаруживался въ разныхъ мѣстахъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Приверженцы Бурбоновъ считали необходимымъ, чтобъ нѣкоторыя лица были исключены изъ амнистіи, дарованной королемъ при его возвращеніи во Францію; англійское министерство и англійскіе журналы высказывали то же требованіе; 57 именъ внесено было въ этотъ списокъ исключенныхъ и два имени стояли впереди: Ней и Лабедуайеръ—оба были разстрѣляны. Господство бурбонской партіи, исключительно дѣйствовавшей на югѣ бѣлымъ терроромъ, естественно произвело то, что новая палата наполнилась роялистами; возрастъ депутата, опредѣленный хартіею въ 40 лѣтъ, теперь былъ пониженъ до 25; возрастъ избирателя въ 30 былъ пониженъ до 21 года; число депутатовъ, вмѣсто прежняго 258, было увеличено до 402. Исключеніемъ людей, замѣшанныхъ въ переворотѣ 20 марта, и назначеніемъ новыхъ членовъ въ палатѣ пэровъ также перевѣсилъ роялистскій элементъ; званіе пэра объявлено наслѣдственнымъ.

Чѣмъ болѣе прежде при Дворѣ боялись сопротивленія Бурбонамъ и соглашались на разныя сдѣлки и уступки для его ослабленія, тѣмъ болѣе теперь раскаявались въ этихъ уступкахъ и стыдились ихъ, когда видѣли, что сопротивленія нѣтъ, что были обмануты, напуганы ложными страхами. Человѣкъ, въ приближеніи котораго къ королю была сдѣлана самая тяжелая уступка, который обманулъ фальшивою важностію своего значенія, которымъ понапрасну напугали,—этотъ человѣкъ долженъ былъ скоро поплатиться за обманъ. Какъ скоро увидали, что бури нѣтъ, то Фуше, могущественный чародѣй, призванный заклинать бурю, превратился въ ловкаго обманщика—небольше, и судьба его была рѣшена. Относительно Фуше при Дворѣ чувствовали такое же раздраженіе, какое чувствуетъ знатный баринъ, когда, по ошибкѣ, протянулъ руку простолюдину и обошелся съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Какъ только исчезъ первый страхъ и началась роялистская реакція,—такъ начались нападки на Фуше: въ одной изъ роялистскихъ брошюръ упрекали Людовика XVIII за презрѣніе, оказанное имъ французскому народу тѣмъ, что онъ сдѣлалъ своимъ министромъ Фуше, «чудовище, запятнанное всѣми преступленіями». Не будучи въ состояніи плыть противъ теченія, желая показаться усерднымъ, Фуше представляетъ длинный списокъ лицъ, которыхъ должно исключить изъ амнистіи: роялисты не довольны, что не всѣ тутъ, которыхъ надобно; побѣжденныя партіи озлоблены тѣмъ, что Фуше выдаетъ людей, которыхъ былъ самъ недавно соумышленникомъ, товарищемъ. Академикъ Арно поутру завтракалъ вмѣстѣ съ Фуше, который не сказалъ ему ничего, а вечеромъ узналъ, что осужденъ на изгнаніе; онъ бѣжитъ къ Фуше съ вопросомъ, что это значитъ. Тотъ отвѣчаетъ ему: «Что же дѣлать! проливной дождь: надобно спрятаться подъ большое дерево; быть можетъ, ваше изгнаніе послужитъ нѣкогда для васъ правомъ на почести и благосклонность».

Колдунъ опять принялся за предсказанія будущаго, но теперь эти предсказанія не спасутъ его. Напрасно онъ прибѣгаетъ къ своимъ обычнымъ средствамъ, напрасно пугаетъ, напрасно читаетъ въ Совѣтѣ министровъ, въ присутствіи короля, мемуаръ, что поведеніе союзныхъ войскъ довело народъ до крайняго раздраженія, вслѣдствіе котораго самыя противоположныя партіи сливаются, и готовится всеобщее возстаніе, страшная рѣзня, причемъ король снова долженъ будетъ удалиться. Напрасно читаетъ другой мемуаръ, въ которомъ доказываетъ, что роялисты сильны только въ 10 департаментахъ, что въ 15 уравниваются другими партіями, а въ другихъ департаментахъ составляютъ только ничтожное меньшинство; что Франція не снесетъ отъ Бурбоновъ того, что сносила отъ Наполеона, опиравшагося на свои побѣды и униженіе Европы; что короля любятъ и уважаютъ, но боятся его наслѣдниковъ; что равенство и свобода пустили такіе глубокіе корни, что нельзя безнаказанно до нихъ дотрогиваться. Все это напрасно: прежде вѣрили ложнымъ страхамъ, теперь не вѣрятъ и тому, что было справедливаго въ указаніяхъ Фуше. Наконецъ палата депутатовъ, съ преобладаніемъ людей, которыхъ Фуше впервые назвалъ *крайними* (ultras), не допускала никакой возможности оставаться ему долѣе министромъ. Фуше все еще упорствовалъ, говорилъ, что палатою надобно управлять посредствомъ мятежей, но никто изъ его товарищей, министровъ, не соглашался помогать ему устраивать эти мятежи.

Одинаковая участь грозила и Талейрану: и его оставили министромъ иностранныхъ дѣлъ, и даже сдѣлали предсѣдателемъ Совѣта министровъ, по настоянію герцога Веллингтона, изъ страха передъ сильными препятствіями, которыя встрѣтятся при вторичномъ утвержденіи Бурбоновъ на Французскомъ престолѣ, въ надеждѣ, что Талейранъ поможетъ преодолѣть эти препятствія, особенно въ отношеніи къ союзникамъ. Но скоро увидали, что Талейранъ, вмѣсто помощи, служитъ только препятствіемъ: между союзными государями единственнымъ доброжелателемъ Франціи, единственнымъ ея защитникомъ являлся императоръ Александръ, которому король и долженъ былъ поэтому предаться вполнѣ. Но императоръ Александръ очень хорошо помнилъ поведеніе Талейрана въ Вѣнѣ, и оказывалъ къ нему совершенную холодность. Такимъ образомъ, Талейранъ становился между Франціею и Россіею, и потому его надобно было отстранить. Людовику XVIII тѣмъ легче было это сдѣлать, что ему навязали насильно Талейрана, властительныхъ манеръ котораго онъ не могъ выносить. Ультра-роялисты, съ своей стороны, преслѣдовали Талейрана, какъ человѣка, болѣе другихъ напоминавшаго революцію и имперію; ультра-роялисты преслѣдовали его наравнѣ съ Фуше, преслѣдовали, какъ «отступника, чуждаго всякой религіи, всякой нравственности, всякаго стыда».

Талейранъ и Фуше были удалены. Кто же могъ замѣнить Талейрана на трудномъ мѣстѣ министра иностранныхъ дѣлъ? Выбранъ былъ человѣкъ, совершенно ему противоположный, безупречный въ нравственномъ отношеніи,—герцогъ Ришелье. Внукъ знаменитаго маршала, герцогъ покинулъ Францію въ началѣ революціи и вступилъ въ русскую службу; при императорѣ Александрѣ онъ былъ правителемъ Новороссійскаго края, гдѣ оставилъ по себѣ добрую память. Императоръ очень любилъ его и уважалъ; Людовикъ XVIII, желая угодить покровителю Франціи, назначилъ-было Ришелье министромъ Двора на мѣсто любимца своего Блака, но герцогъ отклонилъ предложеніе, не желая быть товарищемъ Фуше. Теперь, когда Фуше не было болѣе между министрами, императоръ и король настояли, чтобъ Ришелье принялъ мѣсто Талейрана. Назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка, имѣвшаго, можно сказать, два отечества, Францію и Россію, съ одинакими обязанностями къ обѣимъ, было яснымъ знакомъ преобладающаго вліянія Русскаго императора на дѣла Франціи и тѣснаго союза ея съ Россіею. Разумѣется, многимъ и многимъ это сильно не понравилось; но дѣлать было нечего, и Кясльри, въ письмахъ къ Ливерпулю, старается успокоить министерство именно тѣмъ, что дѣлать нечего и нѣтъ еще большой бѣды отъ преобладающаго вліянія Русскаго императора; онъ писалъ: «Связь герцога Ришелье съ Русскимъ императоромъ и вмѣшательство Поццо во всѣ дѣла, естественно, даетъ новому правительству сильный русскій цвѣтъ, и на него уже нападаютъ за это. Но, несмотря на тонъ покровительства, употребляемый императоромъ, я не нахожу причины жаловаться на поведеніе его императорскаго величества, и онъ спокойно смотритъ на нашу работу въ Луврѣ[1]). Зависть къ преобладающему вліянію Россіи, по моему мнѣнію, не должна побуждать насъ къ ослабленію правительства герцога Ришелье. Главная наша цѣль—поддерживать на престолѣ Людовика XVIII; система умѣренности, по моему мнѣнію, есть самое лучшее къ тому средство, и я не думаю, чтобы герцогъ вдался въ крайности. У герцога много здраваго смысла, и онъ могъ бы быть отличнымъ министромъ въ честной странѣ; но публичная жизнь его ограничивается крымскимъ губернаторствомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что не знаетъ въ лицо ни одного изъ своихъ товарищей, и что не былъ во Франціи съ 1790 года: можете представить себѣ трудности, которыя онъ долженъ встрѣтить». Этотъ упрекъ Ришелье, что онъ знаетъ лучше Россію, чѣмъ Францію, былъ въ устахъ всѣхъ тѣхъ, которымъ не нравилось его новое назначеніе, начиная съ Талейрана. «Это французъ, который лучше всего знаетъ Крымъ», сказалъ свергнутый министръ о своемъ преемникѣ, и острое слово съ наслажденіемъ повторялось

[1]) Увозъ произведеній искусства.

противниками русскаго вліянія. Это вліяніе сильно давало себя чувствовать, и Франція увидѣла ясно, какъ выгодно ей имѣть министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка, лучше всего знающаго Крымъ: Франція удержала пять крѣпостей изъ числа тѣхъ, которыя должна была уступить по прежнему плану; сумма контрибуціи уменьшалась на сто милліоновъ; союзныя войска должны были оставаться во Франціи не семь, а пять лѣтъ.

Талейранъ и по выходѣ изъ министерства остался въ Парижѣ—ждать своего времени; знаменитый оракулъ не утратилъ своего авторитета, своихъ поклонниковъ; домъ его былъ открытъ для всѣхъ, недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, для всѣхъ, недовольныхъ вліяніемъ Россіи. Не то было съ Фуше, котораго дѣятельность была всегда мелка въ сравненіи съ дѣятельностью Талейрана; ненависть ультра-роялистовъ налегла со всею силою на жертву, которую никто не рѣшался защищать. Фуше отправился въ почетную ссылку,—министромъ къ Саксонскому Двору, а въ слѣдующемъ году почетная ссылка была замѣнена дѣйствительною. Понапрасну обращался Фуше къ Кэсльри и Веллингтону; въ длинномъ письмѣ къ послѣднему онъ наговорилъ много прекрасныхъ вещей: «Развратъ и неспособность губятъ государства»,— писалъ онъ; «добродѣтель и талантъ возстановляютъ ихъ. Если господствуетъ партія, то обязательства частныя являются сильнѣе обязательствъ общихъ; теперь не союзные государи торжествуютъ надъ Франціею,—партія торжествуетъ надъ народомъ; междоусобная война только перемѣнила мѣсто; ультра-роялисты побѣдители, а всѣ остальные французы—побѣжденные. Какую выгоду можно извлечь изъ господства партіи? Конецъ ея близокъ, самый терроръ ея не поддержитъ, потому что терроръ исчезаетъ при первомъ проблескѣ безопасности. Придетъ чередъ господству другой партіи. Что станется съ Франціею, что станется съ Европою, если насъ будутъ терзать очередныя и скоропреходящія торжества партій? При такомъ порядкѣ вещей, гдѣ найти націю? Нѣтъ болѣе общихъ интересовъ; всѣ пружины, всѣ связи общественнаго существованія сокрушены; сердце государства поражено; остается только тѣнь отечества. Въ дѣлахъ человѣческихъ часто приходятъ къ самымъ печальнымъ крайностямъ, увлекаясь словами, которыя ихъ освящаютъ. Не дай Богъ, чтобъ слово *легитимность* стоило намъ такъ же дорого, какъ и слово *равенство!* Зло происходитъ почти всегда подъ священными предлогами. Къ счастію, заблужденіе не безсмертно, какъ истина. Я не жалуюсь и не удивляюсь, что изгнанъ изъ Франціи тѣми, которымъ я протянулъ руку, чтобъ помочь имъ войти во Францію. Я знаю пороки сердца человѣческаго; я привыкъ къ капризамъ судьбы. Въ моемъ положеніи утѣшаюсь мыслію, что никто не можетъ измѣнить природы вещей: ложь не можетъ стать истиною. Правосудіе и голосъ вѣковъ произнесутъ: въ событіяхъ, навлекшихъ бѣдствіе отечеству своему, виноваты или нѣтъ всѣ стороны, и на которой сторонѣ самая большая вина». Фуше аппеллировалъ къ правосудію и голосу вѣковъ, но онъ произнесъ страшныя для себя слова: «ложь не можетъ стать истиною».

Министромъ полиціи, вмѣсто Фуше, назначенъ былъ уже извѣстный намъ Деказъ. Будучи самымъ младшимъ членомъ королевскаго парижскаго суда, Деказъ обратилъ на себя вниманіе смѣлостью, съ какою отказался подписать адресъ и присягнуть на вѣрность Наполеону послѣ 20 марта. Этотъ поступокъ не могъ быть забытъ по возвращеніи Бурбоновъ, и Деказъ былъ сдѣланъ префектомъ полиціи, подъ начальствомъ Фуше. Подозрительность, какую питали къ Фуше, заставила выдвинуть Деказа и ввести его въ непосредственныя сношенія съ королемъ. Префектъ полиціи былъ тогда 35-ти лѣтъ; пріятная наружность, талантъ, живость ума, быстрота, ловкость, неутомимость въ исполненіи, испытанная вѣрность и въ то же время отсутствіе крайности въ направленіи обратили на него вниманіе Людовика XVIII; по удаленіи Фуше, Деказъ сдѣлался министромъ полиціи, и скоро увидали, что мѣсто Блака при старомъ королѣ замѣщается: Деказъ становился любимцемъ.

Союзные государи оставили Парижъ; но посланники ихъ здѣсь образовали постоянную конференцію, которая собиралась каждую недѣлю, чтобъ разсуждать: о состояніи страны; о мѣрахъ, какія нужно было принимать со стороны союзныхъ государей; о совѣтахъ, какіе должны были подавать ихъ посланники французскому министерству. Главную роль между дипломатами игралъ русскій посланникъ, Поццо-ди-Борго; но Александръ не вполнѣ на него полагался по страстности, порывистости его характера, и потому оставилъ въ Парижѣ Каподистріа. Англійскимъ посланникомъ былъ кавалеръ Стюартъ, братъ лорда Кэсльри, человѣкъ, невыдававшійся впередъ своими личными достоинствами и, кромѣ того, уступавшій первое мѣсто герцогу Веллингтону, который жилъ въ Парижѣ, какъ главный начальникъ союзныхъ войскъ, оставленныхъ во Франціи. Положеніе Веллингтона было незавидное, потому что поведеніе Англіи въ послѣднее время возбудило сильную ненависть въ французахъ; особенно не могли простить Веллингтону его дѣятельнаго участія въ опустошеніи Лувра; при Дворѣ не могли простить ему того, что не нашли въ немъ ожидаемой поддержки. Видя всеобщее ожесточеніе, видя холодность при Дворѣ, тогда какъ онъ привыкъ находить тамъ одни восторженные пріемы, герцогъ сердился и не старался сдерживаться въ выраженіяхъ своего гнѣва. Онъ удалился изъ роялистскаго общества, гдѣ имѣли неосторожность показать къ нему презрѣніе, и началъ посѣщать общества, отличавшіяся противоположными политическими мнѣніями; особенно часто стали видѣть его у госпожи Гамелэнъ, которая у роялистовъ пользовалась дурною репута-

ціею; о которой шла молва, что она сильно интриговала въ пользу Бонапарта передъ его возвращеніемъ съ Эльбы. Поццо-ди-Борго обезпокоило такое поведеніе герцога; онъ боялся, что противныя правительству партіи станутъ пользоваться его неудовольствіемъ. Разговоръ съ Стюартомъ еще болѣе усилилъ его опасенія: англійскій посланникъ сталъ открыто жаловаться на короля и окружавшихъ его; объявилъ, что негодованіе Веллингтона достигло высшей степени, и прибавилъ, что если съ Бурбонами случится новое несчастіе, то народное негодованіе въ Англіи воспрепятствуетъ министерству вооружиться за нихъ. Спустя нѣсколько времени, самъ Веллингтонъ, разговаривая съ Поццо-ди-Борго въ томъ же смыслѣ, кончилъ словами: «Неужели мы должны еще обнажить шпагу и драться *за нихъ»?* Поццо, послѣ совѣщанія съ графомъ Каподистрія и герцогомъ Ришелье, предложилъ королю и графу Артуа приласкать Веллингтона. Графъ Артуа поѣхалъ къ нему, и герцогъ остался доволенъ посѣщеніемъ и разговоромъ наслѣдника престола. Спустя нѣсколько времени, герцогъ поѣхалъ къ королю и былъ обласканъ; при прощаніи, король подалъ ему руку; герцогъ нагнулся-было, чтобъ ее поцѣловать, но король сказалъ ему: «Позвольте мнѣ поступить по французскому обычаю», и поцѣловалъ его. На другой день Ришелье имѣлъ разговоръ съ Веллингтономъ и остался очень доволенъ; когда онъ намекнулъ, что заговорщики, въ своихъ движеніяхъ противъ Бурбоновъ, разсчитываютъ на его равнодушіе, то Веллингтонъ сказалъ: «Пусть попробуютъ: узнаютъ меня»! Между тѣмъ пруссаки предложили Ришелье, что, въ случаѣ новыхъ волненій, прусская нижнерейнская армія будетъ готова вступить во Францію. Но король не хотѣлъ принимать никакихъ предложеній ни отъ кого безъ вѣдома Русскаго императора. По мнѣнію Поццо, французское правительство должно было гнать отъ себя мысль объ иностранной помощи или вмѣшательствѣ; если Франція, къ своему несчастію, снова принуждена будетъ просить помощи у иностранцевъ, то погибель ея будетъ неминуема; ея внутреннее спокойствіе должно поддерживаться собственными средствами, и Поццо изъявлялъ полную увѣренность, что эти средства можно найти.

Средства дѣствительно были; опасности для Бурбоновъ сильно преувеличивались. Главная опасность заключалась въ нихъ самихъ, въ слабости короля, который не умѣлъ сдержать своихъ, который далъ приверженцамъ Бурбоновъ раздѣлиться на двѣ партіи,—ультра-роялистовъ и приверженцевъ конституціонной монархіи; позволилъ имъ вступить въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ, благодаря которой противныя партіи поднялись и окрѣпли. Представители иностранныхъ державъ, видя, что ультра-роялистская партія не имѣетъ глубокихъ корней во французской почвѣ, боясь новыхъ переворотовъ, какіе могли произойти отъ неблагоразумныхъ ея стремленій, внушали королю и его министерству, чтобъ они не слѣдовали увлеченіямъ графа Артуа и окружающихъ его, соблюдали умѣренность, давали своему правленію либеральное направленіе и такимъ образомъ привлекали къ себѣ сочувствіе большинства. Но совѣтовать слабому умѣренность и либеральность,—значитъ—побуждать его къ послабленію и либеральничанью, точно такъ, какъ совѣтовать ему твердость—значитъ—побуждать его къ жестокости и къ задерживанію живыхъ силъ народа, къ погашенію въ обществѣ свѣта, необходимаго для правильной его дѣятельности.

Осенью 1815 года, бурбонская реакція была въ полномъ ходу и отразилась на выборахъ въ новую палату депутатовъ (chambre introuvable, по выраженію Людовика XVIII); надежды ультрароялистовъ сначала были возбуждены и тѣмъ, что министерство было очищено отъ людей, представляющихъ новую Францію, Талейрана и Фуше; члены палаты пэровъ, Полиньякъ и Лабурдоннэ, прямо отказались присягать въ соблюденіи хартіи. Въ палатѣ депутатовъ прошли строгіе законы противъ лицъ, которыя бы вздумали устно или письменно возбуждать народъ противъ правительства, хотя бы ихъ поступки не имѣли слѣдствій и не были связаны ни съ какимъ заговоромъ; учрежденъ былъ въ каждомъ департаментѣ *превотальный* (военный) судъ; въ палатѣ слышались слова: «Время положить конецъ милосердію». Между ультра-роялистскими депутатами обозначился человѣкъ, которому суждено было играть важную роль въ исторіи реставраціи: то былъ Виллель. Обиженный природою, которая дала ему вовсе невидную наружность и непріятное произношеніе, Виллель привлекалъ вниманіе вѣрностью, практичностью своихъ замѣчаній. Его административная дѣятельность началась далеко, на островѣ Бурбонѣ, гдѣ онъ укрылся отъ революціонныхъ бурь; во время имперіи онъ возвратился во Францію, купилъ землю подлѣ Тулузы и занимался сельскимъ хозяйствомъ. При отправленіи административныхъ должностей въ провинціи онъ выказалъ тѣ же способности, какъ и на островѣ Бурбонѣ, и теперь принесъ въ палату свой здравый смыслъ, свой практическій, но часто узкій взглядъ, слѣдствіе прежней узкой сферы дѣятельности и недостатка научнаго образованія. Сочиненіе его, написанное противъ конституціоннаго правленія, опредѣляло его мѣсто и значеніе въ палатѣ.

Въ то время, когда въ палатѣ строгими мѣрами хотѣли сдержать всякое публичное выраженіе несочувствія къ бурбонскому правительству,—хотѣли также очистить администрацію отъ людей, заявлявшихъ прежде, какимъ бы то ни было образомъ, свое несочувствіе къ нему, и здѣсь не ограничились людьми, занимавшими важныя должности, но коснулись людей самыхъ мелкихъ, отыскивая въ прежнемъ ихъ поведеніи, въ увлеченіяхъ молодости, во время революціи, причины къ удаленію. Всѣ эти люди, которые при силь-

номъ правительствѣ, умѣющемъ дать направленіе дѣятельности своихъ служителей, спокойно подчинились бы этому направленію и остались полезными работниками,—теперь, удаленные и лишенные средствъ къ жизни, явились въ первыхъ рядахъ недовольныхъ. Но этимъ очищеніемъ администраціи дѣло не ограничивалось: по поводу правительственнаго предложенія объ амнистіи, въ палатѣ былъ составленъ проектъ закона, который грозилъ смертію, тюремнымъ заключеніемъ, изгнаніемъ огромному числу лицъ (не менѣе тысячи). Страстные крики членовъ господствующей партіи въ палатѣ и въ салонахъ напоминали страстные крики революціонеровъ девяностыхъ годовъ, и теперь, какъ тогда, женщины превосходили мужчинъ. «Неужели думаютъ», говорила одна знатная дама, «что мы удовольствуемся двумя головами (Нея и Лабедуайера) за 20-е марта?» Между господствующею партіею и министерствомъ произошелъ явный разрывъ, потому что министерство не раздѣляло крайнихъ стремленій партіи. Противъ министерства была господствующая партія съ одной стороны, съ другой—работалъ противъ него Талейранъ, окруженный интриганами всякаго рода. Не имѣя возможности дѣйствовать въ Парижѣ, они перенесли свою сцену дѣйствія въ Лондонъ, установили политическую корреспонденцію, которую публиковали посредствомъ журналовъ. Здѣсь король и королевская фамилія подвергались постояннымъ нападкамъ; Талейранъ представлялся гонимымъ мудрецомъ, удаленіе котораго изъ министерства было причиною всей смуты; подкапывались подъ русское вліяніе, порицая зависимость королевскаго правительства отъ С.-Петербургскаго Двора. Герцогъ Орлеанскій, находившійся въ Англіи, подъ рукою, ободрялъ эту тактику, и его сторонники въ Парижѣ приняли въ ней участіе. Англійскій посланникъ въ Парижѣ, Стюартъ, человѣкъ ограниченный и мелочной, раздраженный тѣмъ, что не могъ играть при Французскомъ Дворѣ первенствующей роли, поддерживалъ интригу покровительствомъ, какое оказывалъ корреспонденціи, зная очень хорошо ея содержаніе. Подвергаясь нападеніямъ съ разныхъ сторонъ, министерство Ришелье не находило подпоры въ королѣ, слабость котораго оказывалась для всѣхъ самымъ очевиднымъ образомъ, ибо направленіе господствующаго движенія перешло къ графу Артуа, къ партіи *павильона Марсанъ*, какъ тогда выражались (потому что графъ Артуа жилъ въ части Тюльерійскаго дворца, носившей это названіе). Слабость короля послужила предлогомъ новой интриги, направленной противъ министерства Ришелье. Партія павильона Марсанъ и партія Талейрана подали другъ другу руку; съ обѣихъ сторонъ пошло предложеніе возвратить бывшаго любимца Блака; на конференцію представителей иностранныхъ державъ дѣйствовали тѣмъ, что призваніе Блака есть единственное средство вывести короля изъ бездѣйственнаго положенія. Сопротивленіе Ришелье, поддержаннаго Поццо, разстроило интригу.

Такъ кончился 1815 годъ. 1 января 1816 года, депутація второй палаты обратилась къ королю съ такою краткою рѣчью: «Государь! ваши вѣрноподданные палаты депутатовъ желаютъ и приготовляютъ вамъ болѣе счастливый годъ!» На другой же день въ палатѣ начались жаркія пренія объ амнистіи. Послышались рѣчи противъ «новой филантропіи, этой революціонной выдумки, которая покрыла Европу преступленіями, кровью и слезами»; послышались горькіе упреки нерѣшительному поведенію министровъ, которые хотятъ возобновить слабую политику 1814 года, рискуя навлечь на Францію тѣ же самыя бѣдствія. Главные ораторы умѣренной партіи, Роайе-Колларъ, Пакье, де-Серръ, произнесли также сильныя рѣчи въ пользу амнистіи, какъ акта политической необходимости. Большинство палаты отвергло ту обширную проскрипцію, на которую настаивали ультра-роялисты; но приняло исключеніе изъ амнистіи для людей, участвовавшихъ въ осужденіи Людовика XVIII: имъ опредѣлено изгнаніе, и король согласился съ рѣшеніемъ палаты. Въ провинціяхъ перестала литься кровь; но сцены насилія и грабежа продолжались по деревнямъ. Во многихъ мѣстахъ, протестантское богослуженіе было прервано; администраторы и суды, или по духу партіи, или по слабости, изъ страха предъ мятежными толпами, не могли обезпечить полнаго правосудія протестантамъ и людямъ, считавшимся бонапартистами. Большая часть людей, виновныхъ въ убійствахъ, оставались нетронутыми; тѣ изъ нихъ, которыхъ притягивали къ суду, были торжественно оправдываемы, потому что никто не смѣлъ противъ нихъ свидѣтельствовать. Въ Тарасконѣ, въ департаментѣ Устьевъ-Роны, два человѣка были отданы подъ судъ, за участіе въ народныхъ волненіяхъ: мятежная толпа освободила ихъ изъ тюрьмы съ криками: «Долой бонапартистовъ! долой богачей!» и принудила судъ произнести приговоръ объ освобожденіи обвиненныхъ. Въ палатѣ, если кто-нибудь изъ депутатовъ былъ такъ смѣлъ, что указывалъ на такія явленія, то голосъ его былъ заглушаемъ. Очищенія администраціи продолжались; очищено было и учебное вѣдомство или, такъ называемый, «Университетъ»: больше трети ректоровъ академій и цѣлая толпа инспекторовъ, профессоровъ и учителей были отставлены; вакантныя каѳедры были замѣщены духовными лицами; многія высшія школы были закрыты изъ экономіи. Закрыта была и Политехническая школа, подозрительная по своему духу; но обратили вниманіе на первоначальное народное обученіе: первоначальныя школы были ввѣрены надзору комитетовъ, учрежденныхъ въ каждомъ кантонѣ, подъ предсѣдательствомъ священника. Верховная коммисія народнаго просвѣщенія должна была постановить правила и указать методы преподаванія; ежегодно назначалось 50,000 фран-

ковъ на изданіе нужныхъ книгъ, на учрежденіе образцовыхъ школъ и на награды отличнымъ учителямъ. Религіозныя и благотворительныя общества были допущены къ учрежденію и веденію школъ съ условіемъ, чтобъ ихъ правила и методы были одобрены коммисіею народнаго просвѣщенія, и чтобъ школы ихъ подвергались общему, установленному надзору. Епископы, объѣзжая епархіи, имѣли право освѣдомляться о преподаваніи Закона Божія въ школахъ; префекты, субпрефекты и мэры сохраняли свой прежній административный надзоръ. Этимъ регламентомъ и нѣкоторыми другими постановленіями, благопріятными для народнаго образованія, Франція была преимущественно обязана дѣятельности предсѣдателя верховной коммисіи народнаго просвѣщенія, Роайе-Коллару.

Роайе-Колларъ принадлежалъ къ небольшому кружку людей, которые въ палатѣ выставляли открытое сопротивленіе «крайнимъ». Эта борьба между двумя роялистскими партіями—крайнею и умѣренною—очень важна, потому что объясняетъ многое въ положеніи Франціи. «Крайніе» стремились къ возстановленію стараго порядка вещей, какъ было до революціи; но, видя министерство противъ себя и въ то же время видя свое выгодное положеніе въ палатѣ, пользовались парламентскою формою для достиженія своихъ цѣлей и временно стояли за эту реформу, прикрывались ею; уваженіе къ конституціи было у нихъ условною фразою; но иногда они проговаривались не въ палатѣ, а въ салонахъ; такъ однажды одинъ изъ крайнихъ, Бувилль, сказалъ: «Говорятъ, что я не люблю хартіи; я на ней сижу верхомъ, но стану гнать лошадь до тѣхъ поръ, пока она издохнетъ». Монморанси сказалъ одному изъ политическихъ противниковъ: «Да, вы любите короля точно такъ же, какъ мы любимъ хартію». Въ палатѣ они стояли горой за конституцію; а умѣренные, или приверженцы конституціонной монархіи, наоборотъ, настаивали на усиленіи королевской власти, королевскаго значенія; утверждали, что французская конституція не должна быть совершенно похожа на англійскую. Во время сильныхъ преній по вопросу, должна ли палата возобновляться по частямъ, какъ постановлено было въ хартіи, или всецѣло, какъ хотѣли крайніе, Роайе-Колларъ говорилъ: «Въ Англіи инціатива, высшая администрація и большая часть правительства находятся у палаты общинъ; у насъ правительство всецѣло находится въ рукахъ короля, который нуждается въ содѣйствіи палаты только, когда надобенъ новый законъ и для бюджета. Какъ только правительство перейдетъ къ большинству палаты, какъ скоро палата получитъ возможность низвергать министровъ короля и навязывать ему другихъ, такъ будетъ покончено не только съ хартіею, но и съ независимою королевскою властью,—у насъ будетъ республика. Если вмѣсто французской хартіи вы дадите намъ британское правленіе, то дайте намъ всѣ физическія и нравственныя условія Англіи; сдѣлайте, чтобъ англійская исторія была нашею; дайте намъ сильную аристократію, неразрывно связанную съ короною; сдѣлайте еще болѣе: вмѣстѣ съ теоріею, на которой зиждется ея политическая система, дайте намъ злоупотребленія Англіи, злоупотребленія столь могущественныя, что самая теорія находится подъ ихъ охраною. У насъ нѣтъ еще аристократіи, мы должны получить ее съ теченіемъ времени. Аристократія, созданная хартіею, есть еще только фикція; она получитъ дѣйствительное существованіе только тогда, когда будетъ вѣрнымъ выраженіемъ превосходства, дѣйствительно существующаго и всѣми признаннаго. До тѣхъ поръ не думайте, что если королевская власть будетъ ослаблена, то палата пэровъ будетъ въ состояніи придти къ ней на помощь и поднять ее. Разъ униженная, королевская власть поднимается только посредствомъ революціи и бурь. Ученіе о представительствѣ страны есть предразсудокъ, и депутаты вовсе не уполномоченные народа. Палата у насъ есть власть, а не представительство; она существуетъ только благодаря хартіи; она выражаетъ только собственное свое мнѣніе, а не мнѣніе народа. Гдѣ существуетъ народное представительство, тамъ въ немъ сосредоточены всѣ силы; передъ нимъ остаются только власти подчиненныя или враждебныя, осужденныя повиноваться или исчезнуть. Революція есть не иное что, какъ ученіе о народномъ представительствѣ, приведенное въ дѣйствіе».—«Англія не монархія»,—говорилъ де-Серръ;—«хартія французская не похожа на хартію британскую; въ Англіи существуютъ партіи давно образовавшіяся, тѣсно связанныя съ конституціею, слѣдовательно не опасныя; король обязанъ избирать министровъ между ихъ вождями; присоединяя къ ихъ вліянію вліяніе Двора, онъ легко получаетъ перевѣсъ и овладѣваетъ на фактѣ, хотя не прямо, инціативою въ законодательствѣ. Во Франціи, наоборотъ, не должно быть партій, и если онѣ есть,—король долженъ возвышаться надъ всѣми; королевская власть во Франціи не должна быть бездѣйственною, неподвижною, но дѣятельною; ей не слѣдуетъ скрываться подъ покрываломъ, но являться постоянно, сіять предъ глазами всѣхъ».

Въ преніяхъ о бюджетѣ «крайніе» обнаружили ясно свое намѣреніе низвергнуть министерство Ришелье. Посланники четырехъ союзныхъ державъ пришли въ сильное волненіе: если министерство будетъ свергнуто, то произойдетъ страшная смута. Представителей Англіи, Австріи и Пруссіи особенно безпокоило то, что во время этой смуты нельзя будетъ получить съ Франціи денегъ, которыя она обязалась платить по послѣднему договору. Посланники пригласили въ конференцію герцога Веллингтона и упросили его написать письмо къ королю, представить печальное положеніе дѣлъ, и выразить надежду, что его величество побудитъ свой Дворъ содѣйствовать интересамъ правительства. Веллингтонъ написалъ письмо: «Вашему

величеству извѣстны начала, на которыхъ союзныя державы основали систему временнаго занятія части вашихъ владѣній, инструкціи, ими мнѣ данныя, и отвѣтственность, ими на меня возложенную. Хотя я смотрю на это занятіе какъ на средство для поддержанія мира, однако я могу быть принужденъ опять поставить всю Европу подъ ружье; моя обязанность предувѣдомить ваше величество, когда обстоятельства будутъ клониться къ такому кризису. Извѣстно, что фамилія вашего величества, лица, принадлежащія къ вашему Двору и къ Двору принцевъ, дѣйствуютъ въ палатѣ наперекоръ министрамъ. Въ настоящее время необходимость требуетъ, чтобъ ваше величество высказались съ твердостію и поддержали свое министерство всѣмъ вліяніемъ Двора, который до сихъ поръ имѣлъ только вредное вліяніе на дѣло». Отославши письмо къ королю, Веллингтонъ, спустя нѣсколько времени, отправился къ графу Артуа съ тѣми же представленіями перемѣнить вредное вліяніе на полезное. Артуа отвѣчалъ, что ни онъ, ни сыновья его не вмѣшиваются ни во что и не имѣютъ никакого вліянія на дѣла; а между тѣмъ въ павильонѣ Марсанъ было положено отправить Полиньяка къ Веллингтону, вывѣдать, какъ союзныя державы примутъ низверженіе министерства Ришелье. Веллингтонъ отвѣчалъ ему, что примутъ очень дурно.

Посланники дожидались, какое впечатлѣніе произведетъ на короля письмо Веллингтона. Впечатлѣніе было неблагопріятное: король разсердился; ему не понравилось, что его хотѣли учить. Но рѣзко высказать свой гнѣвъ было нельзя; чрезъ нѣсколько недѣль онъ сказалъ герцогу: «Дѣйствія правительства должны были вамъ показать, что на ваши совѣты обращено вниманіе». Герцогъ и тутъ опять повторилъ свои совѣты. Поццо-ди-Борго, съ своей стороны, сдѣлалъ подобныя же представленія, и ему отвѣчали также уклончиво, а графъ Артуа рѣшился сказать, что императоръ Александръ получилъ невѣрныя извѣстія о положеніи дѣлъ во Франціи, тогда какъ эти извѣстія могъ сообщить ему никто другой, какъ Поццо. Съ посланникомъ императора Александра стали обходиться съ холодною учтивостью при Дворѣ; но противъ герцога Веллингтона и англичанъ вообще ожесточеніе «крайнихъ» дошло до высшей степени; уже начали поговаривать, что Бурбоны могутъ сдѣлаться популярны только посредствомъ войны.

Засѣданія палаты прекратились. Депутаты, наболѣе потрудившіеся въ дѣлѣ реакціи, были съ торжествомъ приняты въ своихъ провинціяхъ; въ Тулузѣ въ честь Виллеля устроили тріумфальную арку; народъ отпрягъ его карету и повезъ ее на себѣ; вечеромъ городъ былъ освѣщенъ; въ театрахъ пѣли куплеты въ честь ему. Повидимому, торжество «крайнихъ» было полное: такое сочувствіе народа! Хотѣли пользоваться своимъ временемъ, упрочить торжество: 15 депутатовъ большинства, жившіе въ Парижѣ, образовали, подъ покровительствомъ графа Артуа, комитетъ, который сносился съ депутатами, жившими въ департаментахъ, передавалъ имъ, какъ нужно дѣйствовать. Неудовлетворительное состояніе здоровья Людовика XVIII, ожиданіе скорой перемѣны на престолѣ усиливали также партію крайнихъ, въ челѣ которыхъ находился наслѣдникъ престола: честолюбцы со всѣхъ сторонъ примыкали къ партіи, за которой было скорое будущее. Но для людей, смотрѣвшихъ безпристрастно на состояніе Франціи, все болѣе и болѣе оказывалось яснымъ, что «крайніе» составляютъ незначительное меньшинство; что большинство раздражено и волнуется, волнуется безсильно, потому что нѣтъ пока вождей и знаменъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорываются возстанія, разсчитанныя на сильное раздраженіе въ народѣ.

Видя, что во Франціи играютъ въ опасную игру, императоръ Александръ не хотѣлъ оставаться спокойнымъ зрителемъ этой игры. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, Поццо-ди-Борго, по приказанію императора, прочелъ Людовику XVIII мемуаръ, въ которомъ указывалось несоотвѣтствіе дѣйствій французскаго правительства видамъ союзныхъ державъ, какіе онѣ имѣли при возстановленіи Бурбоновъ, несоотвѣтствіе поступковъ французскаго правительства совѣтамъ императора Александра. Король оправдывался, какъ могъ. И другія союзныя державы, какъ ихъ ни тяготило то, что Россія дѣлаетъ первый шагъ въ этомъ дѣлѣ, должны были признать необходимость поддерживать представленія русскаго правительства. Но однихъ представленій было мало: надобно было указать средства, какъ унять «крайнихъ». Необходимое слѣдствіе слабости — употребленіе сильныхъ крайнихъ средствъ. Король, по слабости своей, не умѣлъ взять въ руки своихъ ярыхъ приверженцевъ, сдержать и направить ихъ дѣятельность; позволилъ брату стать въ ихъ челѣ. Они надѣлали вреда своею ревностью не по разуму; король, потерявъ надъ ними всякую власть, не былъ въ состояніи ихъ остановить, и потому нужно было прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, къ распущенію палаты, которую король называлъ «безподобною» (introuvable), которая состояла изъ его ревностныхъ приверженцевъ! Безсмыслица, и безсмыслица страшно вредная по своимъ послѣдствіямъ; но другого средства нельзя было придумать. Поццо началъ настаивать на распущеніи палаты и на избраніи новой порядкомъ, опредѣленнымъ въ хартіи. Чтобъ побудить короля къ принятію этой мѣры, онъ представилъ ему, что императоръ Александръ очень желаетъ уменьшить тягость военнаго занятія французскихъ областей; но что помощь, которую императоръ можетъ оказать въ этомъ случаѣ, зависитъ совершенно отъ мудрости и твердости королевскаго правленія. Король отвѣчалъ: «Увѣрьте императора, что я останусь конституціоннымъ государемъ». Но Поццо-ди-Борго, зная, что здѣсь надежда на будущую свою твердость только прикрываетъ настоящую слабость, началъ

представлять, что его величество, желая теперь пощадить себя отъ тяжелаго усилія воли, увидитъ себя принужденнымъ сдѣлать еще большее усиліе впослѣдствіи, среди смятенія и скандала преній, придворныхъ интригъ и шума парижскихъ салоновъ. Король отвѣчалъ, что министры занимаются этимъ вопросомъ въ Совѣтѣ; что онъ самъ думаетъ о немъ безпрестанно и подвергнетъ его обсужденію послѣ самаго серьезнаго изслѣдованія. Ришелье былъ совершенно согласенъ съ Поццо, что противъ «крайнихъ» нѣтъ другого средства, кромѣ распущенія палаты. Но ни Поццо, ни Ришелье не могли бы достигнуть своей цѣли безъ помощи любимца королевскаго, министра полиціи Деказа, который мало-по-малу умѣлъ привести Людовика XVIII къ убѣжденію въ необходимости распустить палату. Онъ представлялъ ему донесенія главныхъ полицейскихъ агентовъ о состояніи страны; а въ донесеніяхъ ярко изображалось всеобщее неудовольствіе въ странѣ на «крайнихъ», ужасъ отъ ихъ рѣчей и предложеній во время засѣданій палаты. Когда король подчинился вліянію этихъ донесеній, то Деказъ поставилъ вопросъ: хочетъ ли онъ быть королемъ партіи или королемъ Франціи. Было употреблено и другое сильное средство: донесено, какъ оскорбительно отзываются «крайніе» о королѣ; какую радость изъявляютъ они каждый разъ, какъ пойдутъ слухи о плохомъ состояніи его здоровья. Надобно распустить палату,—и страшно: какъ распустить? Король колеблется, и Ришелье колеблется; Деказъ настаиваетъ: надобно уничтожить палату, которая постоянно мѣшаетъ правительству, ослабляетъ его авторитетъ, похищаетъ его власть, стремится унизить его, поднимаясь выше трона, ставя свою волю выше воли королевской, пріучая народъ къ мысли, что настоящая верховная власть находится у собранія депутатовъ, имъ избранныхъ. Надобно уничтожить палату, которая обнаружила свою несовмѣстимость со всякою мыслію о примиреніи; которая оскорбляла и раздражала армію, оскорбляла народъ во всѣхъ его чувствахъ; тревожила всѣ интересы, подрывала публичный кредитъ, и, поддерживая безпокойство и неудовольствіе въ народѣ, отнимала у правительства возможность установить спокойствіе внутреннее и пріобрѣсти независимость внѣшнюю. Бюджетъ не возможенъ съ палатою, которая ввела въ честь банкротство; которая объявила войну всякому, кто дастъ правительству деньги въ-займы; которая не побоялась возвести въ принципъ, что никакой контрактъ не обязателенъ для казны, если депутатамъ угодно освободить ее отъ него. Идея о чемъ-нибудь прочномъ не можетъ укорениться въ дѣлахъ народа, когда члены большинства палаты, при каждомъ удобномъ случаѣ, обнаруживаютъ свою ненависть къ хартіи и надежду на возстановленіе стараго порядка.

5 сентября (н. ст.) 1816 года подписанъ былъ знаменитый ордонансъ о распущеніи *безподобной* (introuvable) палаты; подписанъ былъ тайкомъ отъ графа Артуа. Поведеніе Людовика XVIII въ этомъ случаѣ всего лучше показываетъ характеръ его. Считали неприличнымъ не увѣдомить наслѣдника престола объ ордонансѣ прежде, чѣмъ узнаетъ о немъ публика, и въ то же время король хотѣлъ избѣжать сцены съ братомъ. Для этого онъ велѣлъ Ришелье, въ двѣнадцатомъ часу ночи, увѣдомить графа Артуа объ ордонансѣ, въ то время какъ самъ уже заперся въ спальнѣ, чтобъ лечь въ постель. Артуа, узнавши отъ Ришелье въ чемъ дѣло, закричалъ, что это невозможно, и что онъ сейчасъ же пойдетъ уговаривать короля перемѣнить рѣшеніе; но Ришелье, хотя съ трудомъ, удержалъ его, увѣривши, что король уже легъ и не велѣлъ никого впускать къ себѣ. Видя, что дѣлать нечего, Артуа ничего не говорилъ потомъ брату; но герцогиня Ангулемская не выдержала; не выдержалъ и король, котораго ничѣмъ нельзя было такъ раздражить, какъ знаками внѣшняго неуваженія и неповиновенія. «Если бы вы не были дочерью Людовика XVI», сказалъ онъ племянницѣ, «то не испытали бы крайняго снисхожденія, съ какимъ я на этотъ разъ обхожусь съ вами». Раздраженіе «крайнихъ» не знало предѣловъ; въ салонахъ С.-Жерменскаго предмѣстья гремѣли проклятія Деказу, котораго считали главнымъ виновникомъ ордонанса 5 сентября,—не щадили и короля; разсказывали, что одна знатная дама велѣла вынести бюстъ Людовика XVIII на чердакъ. Огорченію «крайнихъ» соотвѣтствовала радость въ другихъ кружкахъ: цѣловались на улицахъ, разсказывая другъ другу радостную вѣсть, и превозносили до небесъ Деказа. Толпу ликующихъ, разумѣется, увеличивали и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые недавно готовы были впрягаться въ карету Виллеля: вѣтеръ перемѣнился, сила оказалась на другой сторонѣ. Перемѣну вѣтра на хорошую погоду показывало то, что биржевой барометръ поднялся сильно.

Барометръ говорилъ правду только на завтрашній день, а въ отдаленіи собиралась буря. Распущеніе «безподобной» палаты было событіемъ, показывавшимъ лучше всего ложное положеніе правительства: самые ревностные приверженцы династіи становились самыми злыми врагами правительства, которое, поэтому, необходимо отталкивалось въ противоположную сторону. Какъ далеко оно могло пойти въ этомъ направленіи,—опредѣлить было нельзя. Разумѣется, сначала хотѣли опереться на *умѣренныхъ* роялистовъ, въ которыхъ видѣли большинство; но переходъ отъ умѣренныхъ роялистовъ къ разнымъ либеральнымъ и нелиберальнымъ партіямъ былъ незамѣтенъ, потому что ихъ связывала приверженность къ интересамъ новой Франціи и вражда къ старой; переходъ былъ незамѣтенъ и потому, что вначалѣ члены разныхъ партій, чтобъ подняться на ноги, являлись умѣренными роялистами. Еслибъ правительство было сильно и имѣло за себя будущность, то и члены разныхъ партій легко бы сдѣлались умѣренными роялистами, т.-е. искренними приверженцами правительства. Но какое обез-

печеніе могъ представить имъ тронъ, занимаемый слабымъ, болѣзненнымъ старикомъ, котораго смерть была недалеко, а послѣ него вступитъ на престолъ предводитель «крайнихъ», предводитель приверженцевъ старой Франціи! Понятно, что члены партій воспользовались только ссорою правительства съ «крайними», чтобъ подняться на ноги и поднять свои знамена; понятно, что и умѣренные роялисты, не видя никакого ручательства за свое будущее въ старшей линіи Бурбоновъ, имѣли побужденіе переходить подъ эти знамена, и именно подъ ближайшее, — Орлеанское. Сначала и «крайніе», и правительство, сдерживаясь страхомъ предъ враждебными династіи партіями, хотѣли дѣйствовать осторожно; но съ теченіемъ времени вражда между ними разгорѣлась до такой степени, что «крайніе» не стали разбирать средствъ, лишь бы только повредить ненавистному министерству. Въ ихъ глазахъ члены враждебныхъ династіи партій были предпочтительнѣе членовъ партіи министерской: такое поведеніе «крайнихъ» заставляло и министерство все болѣе и болѣе сближаться съ либеральными людьми разныхъ оттѣнковъ, заискивать въ нихъ, дѣлать свою програму все либеральнѣе, и, такимъ образомъ, содѣйствовать оживленію и усиленію враговъ династіи.

Наступали выборы въ новую палату депутатовъ: кто придетъ? — вопросъ первой важности для министерства. Ришелье писалъ Деказу: «Употребите всѣ усилія, чтобъ между депутатами не было настоящихъ якобинцевъ; крайніе роялисты все лучше революціонеровъ; такъ называемые либералы, умѣренные «Ста дней»—якобинцы; намъ нужны умѣренные, но чистые, ни ultra, ни citra». Коммисары правительства разъѣзжали по департаментамъ, чтобъ дѣлать внушенія относительно выборовъ; агенты партіи графа Артуа разъѣзжали также съ этими цѣлями; а въ то же время между обѣими сторонами происходила печатная борьба: Шатобріанъ издалъ сочиненіе «Конституціонная монархія» (La monarchie selon la Charte), гдѣ требовалъ для палаты депутатовъ всѣхъ правъ англійской палаты общинъ; требовалъ, чтобъ министерство исходило изъ большинства палаты, раздѣляло его мнѣнія; въ то же самое время требовалъ, чтобъ Церковь содержалась доходами съ своей собственности, а не была на жалованьи у правительства; чтобъ Церкви были возвращены ея судебныя привилегіи, чтобъ ей принадлежало направленіе народнаго просвѣщенія. Признавая, что надобно уважать матеріальные интересы революціи, Шатобріанъ утверждалъ, что не должно давать никакой пощады ея нравственнымъ интересамъ. Самое сильное раздраженіе высказывалось въ сочиненіи противъ Деказа, вѣдомство котораго называлось министерствомъ, рожденнымъ въ революціонной грязи отъ сочетанія деспотизма съ анархіею. Кромѣ министерскихъ журналовъ, Шатобріану отвѣчалъ Гизо въ особомъ сочиненіи: «О представительномъ правленіи и настоящемъ состояніи Франціи». Гизо повторилъ утвержденіе умѣренныхъ роялистовъ, что нельзя вдругъ перенести англійскія учрежденія на французскую почву: для этого нужна привычка къ авторитету и возстановленіе крѣпкихъ нравственныхъ вѣрованій. Гизо отвергъ различіе, сдѣланное Шатобріаномъ между матеріальными и нравственными интересами революціи, утверждая, что хартія считалась одинаково съ обоими. Шатобріанъ требовалъ англійской конституціи; но были другія сочиненія членовъ крайней партіи, которыя подбрасывались тайкомъ: въ нихъ требовалось, чтобъ французы взяли примѣръ съ испанцевъ и уничтоженіемъ хартіи завоевали себѣ короля.

«Крайне» были побѣждены на выборахъ: правительство получило большинство. Хотя Виллель и человѣка четыре главныхъ ораторовъ ультрароялистской партіи и были избраны вновь, однако много другихъ именъ рьяныхъ членовъ этой партіи не досчитывалось въ спискахъ, не досчитывалось много людей древнихъ фамилій, придворныхъ, провинціальныхъ дворянъ, которые составляли основу большинства въ «безподобной» палатѣ; вмѣсто нихъ, теперь явились въ новую палату купцы и чиновники. Иностранные дипломаты, желавшіе перемѣны 5 сентября и содѣйствовавшіе ей, поздравляли себя съ успѣхомъ: они съ удовольствіемъ указывали, что ревностные роялисты прежней палаты сдѣлались демагогами, называли ихъ придворными якобинцами за то, что, въ своей ярости противъ министерства, они поддерживали принципъ неограниченной свободы печати; съ удовольствіемъ указывали они на то, что люди, упрекаемые прежде въ якобинствѣ, явившись теперь въ большинствѣ, обнаруживаютъ умѣренность, уваженіе къ желаніямъ короля и къ предложеніямъ министровъ. Вслѣдствіе этого, число иностраннаго войска, находившагося во Франціи, было уменьшено на 30,000. Это облегченіе, разумѣется, было очень выгодно для министерства, ибо и здѣсь главную роль играла Россія, поддерживавшая герцога Ришелье. Съ другой стороны, французскіе изгнанники, столпившіеся преимущественно въ Нидерландахъ, обманулись въ своихъ надеждахъ относительно Россіи. Интригуя противъ Бурбоновъ, они обратились къ наслѣдному принцу Нидерландскому, женившемуся на сестрѣ Русскаго императора, открывая ему виды на французскую корону. «Нація не хочетъ Бурбоновъ», говорили они ему, «и потому ей остается навыборъ: или взять герцога Орлеанскаго, покровительствуемаго Англіею, или маленькаго Наполеона, поддерживаемаго Австріей, или ваше высочество, на сторонѣ котораго будетъ наиболѣе голосовъ, ибо Орлеанскій нелюбимъ старыми военными, которые думаютъ, что въ немъ нѣтъ мужества, что онъ слишкомъ облѣнился, а остальные французы будутъ недовольны, видя, что его поддерживаютъ англичане, ненавидимые больше всѣхъ иностранцевъ. Маленькій Наполеонъ, еслибъ имѣлъ 20 лѣтъ, вмѣсто 5-ти, имѣлъ бы за себя большинство; но онъ малъ,

и потому боятся долгаго регентства и вліянія Австріи. Къ вашему же высочеству всѣ партіи будутъ расположены одинаково хорошо, какъ къ иностранцу; кромѣ того, вы принесете союзъ съ Россіею, самый желанный для французовъ, ибо самый естественный для Франціи. Старики военные склонны къ вамъ; тотчасъ послѣ отреченія Наполеона въ арміи уже говорили, что надобно завести сношенія съ вами; ваша религія не можетъ служить препятствіемъ, напротивъ—представляетъ ручательство для протестантовъ, угнетаемыхъ правительствомъ, да и католики будутъ рады, потому что они освободятся отъ пагубнаго вліянія своихъ поповъ». Но твердое рѣшеніе императора Александра поддерживать старшую линію Бурбоновъ отнимало у французскихъ изгнанниковъ надежду употребить наслѣднаго принца Нидерландскаго орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Имъ оставалось держаться герцога Орлеанскаго; его агентомъ въ Брюсселѣ былъ одинъ англійскій лордъ, который тайно раздавалъ деньги жившимъ здѣсь въ изгнаніи французскимъ офицерамъ. Говорили, что герцогъ Орлеанскій предлагалъ жезлъ коннетабля Франціи принцу Евгенію Богарне, въ случаѣ, если ему удастся получить Французскій престолъ.

Но главнымъ союзникомъ Людовика-Филиппа во Франціи былъ графъ Артуа, который своимъ поведеніемъ уничтожалъ всѣ надежды умѣренныхъ и заставлялъ ихъ поневолѣ обращать взоры къ младшей линіи Бурбоновъ. Герцогъ Веллингтонъ, по совѣту Поццо, опять рѣшился обратиться къ наслѣднику престола съ представленіями, чтобъ онъ перестал находиться въ постоянной и ожесточенной оппозиціи правительству. Артуа встрѣтилъ эти представленія съ «невозмутимою неисправимостію»; онъ отвѣчалъ герцогу, что во всемъ виноваты министры; что Ришелье честный человѣкъ, но его водятъ другіе; впрочемъ, онъ, Артуа, не прочь войти въ соглашеніе съ Ришелье. Веллингтонъ спросилъ: Какія условія соглашенія? Отвѣтъ: удалить дурныхъ министровъ, перестать давать должности врагамъ законной монархіи и управлять посредствомъ честныхъ людей. Веллингтонъ возразилъ, что такимъ поведеніемъ Ришелье погубитъ короля и свою репутацію. Артуа отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ онъ останется вѣренъ своей партіи и своей системѣ.

Веллингтонъ: «Я думалъ, что говорю съ наслѣдникомъ престола, а не съ вождемъ партіи».

Артуа: «Я прежде всего человѣкъ, и хочу дѣйствовать по чести и совѣсти».

Веллингтонъ: «Честь и обязанность предписываютъ вамъ быть въ соединеніи съ интересами и чувствами народа, которымъ вы будете управлять, а не возбуждать раздѣленія, которыя вамъ могутъ быть гибельны».

Артуа: «Я не знаю расположеній народа; большинство раздѣлитъ мои мнѣнія, если правительство захочетъ дать власть людямъ, которые имѣютъ одинакіе со мною принципы».

Веллингтонъ: «Вы принимаете меня за глупца, полагая, что я не знаю состоянія Франціи».

Артуа: «Вы, иностранцы, не знаете людей; я знаю дѣло лучше,—моя партія, конечно, самая сильная».

«Невозмутимая неисправимость» графа Артуа, основанная на сознаніи, что его партія самая сильная, неумолимая вражда «крайнихъ» къ министерству, естественно, заставляли послѣднее усиливать свою партію, все болѣе и болѣе сближаться съ такъ называемыми либералами разныхъ оттѣнковъ. Герцогъ Ришелье сознавалъ опасность этого сближенія; онъ упирался при каждомъ новомъ шагѣ, который правительство хотѣло сдѣлать въ этомъ направленіи; но онъ не имѣлъ ни достаточной силы воли, ни достаточной силы разумѣнія, и невольно увлекался роковою силою обязательствъ. Несмотря на первенство Ришелье, сильнѣе его въ министерствѣ былъ Деказъ, сильнѣе по своей живости и энергіи и по своимъ отношеніямъ къ королю; но Деказъ, на котораго преимущественно, исключительно была направлена ненависть «крайнихъ», имѣлъ всѣ побужденія къ тому, чтобы удариться въ противоположную сторону. Онъ дѣлалъ это и по инстинкту самосохраненія, ибо, какъ человѣку, совершенно новому, ему не было примиренія ни съ чѣмъ старымъ; онъ дѣлалъ это и по самолюбію, потому что онъ считался главнымъ виновникомъ дѣла 5-го сентября; ему трудно было возвращаться назадъ, раздѣлывать собственное дѣло. Онъ провозгласилъ, что въ сближеніи съ новою Франціею правительство должно себя *популяризировать* и *націонализировать*. Дѣйствительно, правительство должно было это дѣлать; но у Деказа недоставало ни личныхъ средствъ, ни средствъ положенія, чтобъ дѣлать это съ успѣхомъ. Тонъ составляетъ музыку; въ обществѣ ясно различается тонъ правительственной музыки; управляемые чуютъ инстинктивно твердость или слабость правительства, способность или неспособность направлять движеніе; такъ, въ стремленіи Деказа популяризировать правительство сейчасъ же почуялась слабость, стараніе заискивать популярность, и сейчасъ же выросли силы, независимыя отъ правительства, и начали смотрѣть на правительство, какъ на средство для достиженія своихъ цѣлей. Желая ослабить оппозицію ультра-роялистскую, подали руку либераламъ; либералы оперлись на поданную имъ руку; но вмѣсто одной ультрароялистской оппозиціи приготовилась другая, либеральная,—и слабое правительство стало между двухъ огней.

И мадамъ де-Стааль была независимая и опасная сила съ своею литературною знаменитостью, съ своимъ неизмѣримымъ самолюбіемъ и съ своимъ безцѣльнымъ либерализмомъ, служащимъ для пріятнаго препровожденія времени и украшенія салона наравнѣ съ картинами, статуями и цвѣтами. И старый министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, былъ независимая и опасная сила: около оракула

собирались поклонники и съ благоговѣніемъ внимали гнѣвнымъ выходкамъ и злымъ насмѣшкамъ мстительнаго бога, направленнымъ противъ каждаго дѣйствія правительства, противъ каждаго министерства, потому что богъ былъ согнанъ съ Олимпа и теперь занимался подведеніемъ подкоповъ подъ священную гору. Назависимою и опасною силою былъ и банкиръ Лафиттъ: заискиванія и ласкательство правительства вздули и безъ того страшное тщеславіе человѣка, который не умѣлъ ни о чемъ серьезно подумать, но умѣлъ обо всемъ красно поговорить и прослыть поэтому человѣкомъ очень способнымъ. Лафиттъ не хотѣлъ служить слабому правительству; онъ стремился быть самостоятельною силою; денежный царекъ бросалъ деньги направо и налѣво и составлялъ себѣ обширный кругъ поклонниковъ, подданныхъ изъ остатковъ бонапартистской партіи, изъ адвокатовъ, революціонныхъ писателей, изъ мелкихъ торговцевъ парижскихъ. Независимою и опасною силою былъ и Лафайетъ, perpetuum mobile революціи. И много другихъ независимыхъ и опасныхъ силъ было вызвано слабостію правительства.

Стремленіе министерства популяризовать и націонализировать правительство высказалось сильно въ войсковыхъ преобразованіяхъ, совершенныхъ новымъ военнымъ министромъ, маршаломъ Гувіономъ С.-Сиромъ: люди изъ партіи крайнихъ были имъ замѣнены людьми болѣе способными, но неизвѣстными своею преданностію династіи Бурбоновъ; многіе изъ военныхъ временъ имперіи, находившіеся въ опалѣ послѣдніе два года, были приняты снова на службу. Мѣры очень хорошія, если бы Бурбонская династія могла привязать къ себѣ войско, могла заставить его забыть недавнее прошедшее; если бы крайніе яростными воплями противъ военнаго министра не напоминали войску, что ждетъ его въ скоромъ будущемъ. Недолго министерство могло предаваться обольщенію, что либералы будутъ поддерживать его противъ ультра-роялистовъ; противъ правой стороны (ультра-роялистовъ) въ палатѣ образовалась лѣвая, которая чрезъ возобновленіе пятой части палаты становилась все сильнѣе, въ ущербъ правой сторонѣ, но не въ пользу министерства: въ нѣкоторыхъ вопросахъ и правая и лѣвая стороны соединялись противъ министерства. Борьба партій, ставшихъ теперь на ноги, отразилась въ литературѣ. Если «крайніе» печатали, что французская революція была зломъ, возведеннымъ на высшую степень своего могущества; что людей должно собирать только въ церковь да подъ ружье, потому что тутъ они не разсуждаютъ, а только слушаютъ и повинуются,—то либералы въ своихъ сочиненіяхъ оправдывали революцію, называли конвентъ по преимуществу французскимъ собраніемъ, пытались даже извинять казнь Людовика XVI. Либералы спѣшили отомстить за недавнее униженіе и гоненіе, за *бѣлый терроръ* 1815 года: не было конца ихъ разсказамъ объ этомъ времени, ихъ жалобамъ на злодѣйства реакціонеровъ. Если въ сочиненіяхъ либераловъ еще не было прямаго нападенія на короля и на монархію, то крайнія демократическія стремленія высказывались ясно, дворянство и духовенство преслѣдовались съ страшною ненавистью. Чтобъ противодѣйствовать нечестію дѣтей Вольтера, миссіонеры разсѣялись по провинціямъ, возбуждая религіозное чувство горячею проповѣдію и благочестивыми упражненіями; но въ своей дѣятельности они руководились часто одною ревностію не по разуму: не отличаясь образованностію, они рѣдко обращали вниманіе на свойства той среды, въ которой должны были дѣйствовать, и ихъ неловкое поведеніе служило богатымъ содержаніемъ для выходокъ и насмѣшекъ дѣтей Вольтера, которыя указывали на явное возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ. Появленіе іезуитовъ особенно было вредно для дѣла религіи, потому что заставляло и людей религіозныхъ присоединяться къ такъ-называемымъ философамъ. Славолюбивая нація, особенно молодежь, съ жадностью бросилась на приманку, выставленную бонапартистами и вообще врагами Бурбонской династіи, съ жадностію бросилась на разсказы о недавней славѣ Франціи, о временахъ столь противоположныхъ настоящему унизительному положенію отечества; однѣ пѣсни Беранже сколько надѣлали вреда Бурбонамъ! Въ водевиляхъ рѣдко не вставлялся куплетецъ въ честь *храбрымъ*, потому что онъ непремѣнно возбуждалъ сильныя рукоплесканія.

Эта явленія причиняли сильное безпокойство иностраннымъ дипломатамъ. Въ маѣ 1818 года, герцогъ Веллингтонъ такъ высказался насчетъ состоянія Франціи: «Французское правительство въ послѣдніе 8—10 мѣсяцевъ вело себя неблагоразумно, не принимая въ разсчетъ истинныхъ интересовъ Франціи, особенно монархическихъ принциповъ, на которыхъ это государство должно быть управляемо. Желаніе популяризировать, націонализировать (какъ выражаются министры) правительство—привело ихъ на ложную дорогу. Они обратили вниманіе на публичные крики, не на крики партіи самой многочисленной, самой разумной, роялистовъ (я отличаю здѣсь «крайнихъ», которые хотятъ возстановленія до-революціоннаго порядка вещей),—они обратили вниманіе на крики партіи, которая кричала всѣхъ громче, на крики либераловъ, бонапартистовъ, якобинцевъ. Избирательный законъ даетъ все вліяніе мелкимъ землевладѣльцамъ, которые во время революціи пріобрѣли національныя имущества. Имъ выгодно поддерживать принципы, которымъ они обязаны своимъ богатствомъ. Законъ о рекрутскомъ наборѣ и повышеніяхъ въ арміи есть мѣра, которую я громко порицаю, потому что онъ подрываетъ французскую монархію, отнимаетъ у короля всю власть, всякое вліяніе на войско, и дѣлаетъ изъ арміи королевской, какою она должна быть, армію національную. Общественный духъ во Франціи обнаруживаетъ пагубное вліяніе на правительство. Первая забота мудрой администраціи состоитъ въ томъ, чтобъ

овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, предвидѣть заранѣе все то, что можетъ его волновать, и вовремя брать инициативу, чтобъ дать ему надлежащее направленіе; но французскіе министры, будучи слишкомъ слабы для того, чтобъ стать въ челѣ общества, вздумали порулярizировать себя, идя вслѣдъ за обществомъ. Они ошиблись относительно выбора. Они сочли демагоговъ органами большинства націи. Они испугались ихъ крика. Какое англійское министерство осмѣлилось бы, безъ потери общаго уваженія и власти, слушаться ярыхъ декламацій лондонскихъ демагоговъ! А такихъ-то именно людей французское правительство ласкаетъ; истинныхъ же защитниковъ трона оно отталкиваетъ и отнимаетъ у нихъ духъ. Якобинцы, бонапартисты въ такомъ поведеніи французскаго министерства почерпаютъ себѣ ободреніе и смѣлость. Они громко проповѣдуютъ свои принципы. Несчастіе Франціи состоитъ въ томъ, что аристократическій классъ, насчетъ котораго мелкіе землевладѣльцы обогатились, не имѣетъ ни богатства, ни кредита для обнаруженія вліянія, необходимаго для безопасности трона. Я считаю герцога Ришелье честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но онъ слабъ. Самый сильный человѣкъ, Деказъ, тщеславенъ, легкомысленъ, неспособенъ выказать силу, необходимую въ настоящемъ положеніи правительства. По моему мнѣнію, во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, способнаго энергически вести дѣло. На всѣ мои замѣчанія у короля одинъ отвѣтъ,— что необходимо популяризировать его правительство. Франціи грозятъ волненія и смуты. Она не вышла изъ состоянія революціи, и съ 1815 года она пошла назадъ въ своей реставраціи».

Но тотъ же Веллингтонъ объявилъ, что какъ ни неправиленъ ходъ правительства во Франціи, сколько элементовъ смуты ни представляетъ столкновеніе партій, однако нельзя еще опасаться серьезнаго волненія: союзъ державъ въ состояніи сдержать всѣ партіи. Итакъ, можно ли вывести союзныя войска изъ Франціи, и въ какомъ отношеніи должны были стать къ ней союзныя державы?— вотъ вопросы, которые предстояло рѣшить на конгрессѣ, назначенномъ въ Ахенѣ осенью 1818 года.

IV.

Ахенъ.— Карлсбадъ.

Если мы внимательно вглядимся въ движенія, происходившія на памяти исторіи въ человѣческихъ обществахъ, то главную причину этихъ движеній найдемъ въ стремленіи опредѣлить отношенія личности къ обществу. Природа человѣка требуетъ жизни въ обществѣ; но, входя въ общество, человѣкъ долженъ отказаться отъ извѣстной доли своей самостоятельности и свободы въ пользу другихъ, въ пользу общества. «Отъ извѣстной доли», —но именно отъ какой?... вотъ вопросъ, который и рѣшается въ продолженіи всей исторіи человѣчества, ибо для успѣховъ человѣческой, т.-е. общественной жизни, личность должна сохранять извѣстную и значительную долю самостоятельности и свободы. Для охраненія своей самостоятельности и свободы, личность имѣетъ прежде всего свою внутреннюю, духовную природу, посредствомъ которой сносится съ высшимъ міромъ, гдѣ находитъ высшую повѣрку всѣмъ дѣйствіямъ и отношеніямъ. Понятно, какъ вѣрованіе въ загробную жизнь, въ вѣчное существованіе каждой отдѣльной личности способствуетъ къ тому, чтобъ дать послѣдней свободное и независимое положеніе; понятно, какія средства даетъ ей это вѣрованіе въ борьбѣ съ матеріальною силою и случайностями. Кромѣ религіи, кромѣ вѣрованія въ вѣчное самостоятельное существованіе личности, послѣдняя, для своей охраны, имѣетъ еще семейство и собственность, которыя даютъ ей возможность устроивать въ обществѣ свой особый и самостоятельный міръ. Такимъ образомъ, религія, семейство и собственность составляютъ три крѣпости, посредствомъ которыхъ личность отстаиваетъ свою свободу и самостоятельность; и общество, для правильнаго установленія своихъ отношеній къ личности, не должно касаться этихъ твердынь ея. Когда же онѣ подкапываются разными способами, когда личность выманивается изъ нихъ обѣщаніемъ большей свободы и независимости, которыми прикрывается стремленіе къ порабощенію личности, то происходитъ смута, могущая прекратиться только съ возстановленіемъ твердынь, охраняющихъ личность.

На поприщѣ болѣе обширномъ мы видимъ движеніе, столкновеніе народныхъ личностей. Очевидно, что благородная натура европейско-христіанскихъ народовъ влечетъ ихъ къ жизни сообща, вслѣдствіе чего международныя отношенія сильно измѣнились, особенно въ теченіи послѣднихъ вѣковъ. По единству интересовъ, по возможности наблюдать за жизнію другъ друга, не разъ являлись у народовъ общія дѣйствія, общія распоряженія; народная личность почувствовала со стороны общества народовъ посягновенія на свои права, на свободу и независимость дѣйствій. Народъ объявляетъ другому войну; но нѣсколько другихъ народовъ вмѣшивается и требуетъ прекращенія войны, выставляя общій интересъ, сохраненіе политическаго равновѣсія и т. п. Свобода народной личности явно ограничивается обществомъ народовъ, интересами этого общества. Но этого мало, что свобода ограничивается дѣйствіями извѣстной народной личности по отношенію къ другой личности; одинъ народъ вмѣшивается во внутреннія дѣла другого народа, наприм., протестантскіе государи считаютъ своимъ правомъ и обязанностью поддерживать протестантскихъ подданныхъ другихъ державъ противъ ихъ правительствъ. Наконецъ, государства, на основаніи общей пользы и безопасности, на основаніи политическаго равновѣсія, начали считать себя въ правѣ, съ общаго согласія,

дѣлить владѣнія извѣстнаго государства, какъ, наприм., раздѣлены были владѣнія Испаніи. Разумѣется, что, при такомъ движеніи международной европейской жизни, народная личность должна была протестовать, и необходимо поднимался вопросъ о вмѣшательствѣ и невмѣшательствѣ чужихъ державъ въ дѣла извѣстнаго государства, вопросъ — насколько народная личность должна отказаться отъ своихъ правъ въ пользу общей международной жизни, гдѣ должны быть поставлены границы вмѣшательству. Разумѣется, рѣшенія такихъ вопросовъ нельзя ожидать въ скоромъ времени. События конца XVIII и начала XIX вѣка преимущественно содѣйствовали поднятію вопроса о вмѣшательствѣ: революціонная пропаганда, войны Французской республики и, особенно, завоевательныя стремленія имперіи повели къ образованію коалицій, изъ которыхъ послѣдняя, самая обширная, побѣдивъ Французскую имперію, естественно, сочла себя въ правѣ распорядиться такъ, чтобы бѣдствія, испытанныя европейскими народами отъ Франціи, больше не повторялись. Такимъ образомъ, насилія, какія позволилъ себѣ одинъ сильный народъ противъ другихъ, повели къ тѣсному и продолжительному союзу между послѣдними. Общая опасность отъ Франціи поддерживала союзъ, вела къ общимъ мѣрамъ; представители союзныхъ державъ въ Парижѣ составляли постоянныя конференціи, совѣщались о мѣрахъ, какія нужно предложить французскому правительству для внутренняго успокоенія страны; войска союзниковъ занимали французскія крѣпости: никогда еще Европа не видала подобнаго явленія, подобнаго вмѣшательства. Но это вмѣшательство должно было окончиться; признано было нужнымъ освободить отъ него Францію, чтобъ дать бо́льшую силу ея правительству, и теперь рождался вопросъ: долженъ ли вмѣстѣ съ этимъ кончиться союзъ, уже шестой годъ соединявшій сильнѣйшія европейскія державы.

Вопросъ рѣшался различно этими державами. Еще въ 1805 г., предлагая Англіи союзъ для положенія предѣловъ усиленію военной Французской имперіи, Русскій императоръ предлагалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ мира заняться трактатомъ, «который ляжетъ въ основаніе взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ; здѣсь дѣло идетъ не объ осуществленіи мечты вѣчнаго мира, однако будетъ что-то похожее, если въ этомъ трактатѣ опредѣлятся ясныя и точныя начала народнаго права». Не въ 1805, а въ 1815 году императору Александру удалось осуществить первую часть своего плана — избавить Европу отъ Наполеона. Но онъ не забылъ и второй части плана, и спѣшилъ положить начало ея осуществленію въ Священномъ Союзѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею, государи которыхъ соединились «узами неразрывнаго братства, обязывались оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства, для охраненія вѣры, правды и мира». Но Русскій императоръ не хотѣлъ ограничиваться союзомъ между тремя державами: онъ хотѣлъ призвать къ нему всѣ европейскія державы и, такимъ образомъ, осуществить то, что въ 1805 было осторожно названо «чѣмъ-то похожимъ на вѣчный миръ». Со стороны короля Прусскаго, безгранично преданнаго императору Александру, нельзя было ожидать сопротивленія этому плану; но и въ Пруссіи уже начала высказываться непріязнь къ Россіи: въ самомъ началѣ 1816 года въ Петербургѣ знали, что знаменитый генералъ Гнейзенау толковалъ объ опасности, которая грозитъ Пруссіи со стороны Россіи, и о необходимости вовремя принять мѣры къ предотвращенію этой опасности. «Прусскій Кабинетъ», — писалъ Генцъ, — «къ счастію, убѣдился, что для него нѣтъ спасенія, кромѣ тѣснаго союза съ Австріею, — союза, который дастъ этимъ двумъ государствамъ средства сообща располагать силами остальной Германіи. Эта система восторжествовала надъ системою русскаго союза, который основывался только на временныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ. Русскій союзъ не имѣлъ теперь ни одного приверженца въ Пруссіи; самъ король, хотя лично преданный императору Александру, кажется, оттолкнулся отъ русскаго союза безвозвратно». Гораздо громче толковали въ Вѣнѣ объ опасности, которая грозитъ Австріи отъ Россіи, ибо въ Вѣнѣ понимали, что пестрая Австрійская монархія вся состоитъ изъ слабыхъ мѣстъ, и страхъ былъ господствующимъ чувствомъ Вѣнскаго Кабинета, особенно страхъ предъ Россіею по племенной связи ея съ многочисленными славянскими подданными Австріи. Несмотря на то, что императоръ Францъ былъ членомъ Священнаго Союза, опытные и внимательные дипломаты подмѣчали въ 1816 году, что австрійское правительство ведетъ съ Россіею подземную войну. Австрія старалась быть со всѣми правительствами въ сношеніяхъ дружественныхъ или даже очень дружественныхъ. Говорили, что князь Меттернихъ имѣлъ искусство устроить себѣ изъ дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ настоящій мужской сераль; и горе тому дипломату, который не хотѣлъ обожать вѣнскаго Далай-Ламу. Въ этой совершенно *физической* странѣ, въ этомъ *царствѣ желудка*, какъ уже тогда отзывались объ Австріи, нравственныя правила и побужденія считались старомоднымъ явленіемъ, и дипломатъ, хотѣвшій поддержать свое значеніе, долженъ былъ прежде всего запастись хорошимъ поваромъ. Но хорошіе обѣды не могли заглушить опасеній насчетъ различныхъ народностей, смотрящихъ въ разныя стороны: Иллиріи былъ данъ титулъ королевства изъ страха предъ Россіею, предъ сочувствіемъ къ ней славянъ; католицизмъ явился готовымъ и надежнымъ орудіемъ для ослабленія этого сочувствія, и началось сильное движеніе противъ православія. Много было также хлопотъ и съ итальянцами, которыхъ

надобно было онѣмечить. Недовольные говорили, что въ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи надобно было не только жить, но и умирать по-нѣмецки отъ нѣмецкой руки, потому что Ломбардія была наводнена медиками, высланными туда изъ нѣмецкихъ владѣній Австріи.

Опасаясь болѣе всего Россіи, видя въ ея императорѣ втораго Наполеона, только подъ другими формами, Вѣнскій Кабинетъ подозрительно смотрѣлъ на всѣ планы Александра: въ его либеральныхъ стремленіяхъ онъ видѣлъ исканіе средствъ пріобрѣсти расположеніе дѣтей революціи, людей, ей сочувствующихъ; въ его желаніи — ввести въ Священный Союзъ всѣ, и второстепенныя государства, Вѣнскій Кабинетъ видѣлъ желаніе пріобрѣсти въ этихъ мелкихъ государствахъ послушныя орудія для господства, для управленія дѣлами Европы,—желаніе, тѣмъ болѣе опасное для Вѣнскаго Кабинета, что эти мелкія державы были самыя податливыя на либеральныя перемѣны, посредствомъ которыхъ могло усилиться революціонное движеніе, столь страшное для рухлаго зданія Австрійской имперіи. Страхъ смѣнялся въ Вѣнѣ надеждою, основанною на характерѣ Александра и другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. «Тамъ, гдѣ неограниченная власть одного человѣка рѣшаетъ все»,—писалъ Генцъ,—«и гдѣ, къ довершенію затрудненій, характеръ этого человѣка составляетъ загадку,—разсчеты и предположенія не имѣютъ твердаго основанія. Императоръ Александръ, несмотря на ревность и энтузіазмъ, какіе онъ всегда показывалъ къ Великому Союзу, изъ всѣхъ государей можетъ всего легче обойтись безъ него. Онъ не имѣетъ нужды ни въ чьей помощи; если существуютъ для него опасности, то онѣ, по крайней мѣрѣ, не внѣ его имперіи, тогда какъ вся Европа страшится его могущества, и страшится основательно. Великій Союзъ для него только орудіе, посредствомъ котораго онъ проводитъ свое вліяніе въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, что составляетъ предметъ его честолюбія,—орудіе удобное и спокойное, которымъ онъ владѣетъ съ большою ловкостію; но онъ сломаетъ его въ ту же минуту, когда найдетъ возможность замѣнить его чѣмъ-нибудь болѣе непосредственнымъ и дѣйствительнымъ. Его интересъ въ сохраненіи этой системы не похожъ на интересъ Австріи, Пруссіи, Англіи, интересъ необходимости или страха; для него это свободный и разсчитанный интересъ, отъ котораго онъ можетъ отказаться тотчасъ, какъ скоро другая система представитъ ему бо́льшія выгоды. Русскій императоръ есть единственный государь, который въ состояніи осуществить самыя обширныя предпріятія. Онъ въ челѣ единственной въ Европѣ арміи, которою можно располагать. Ничто не устоитъ передъ первымъ ударомъ этой арміи. Никакія препятствія, останавливающія другихъ государей, для него не существуютъ, какъ, напримѣръ, конституціонныя формы, общественное мнѣніе и проч. Задуманное нынче онъ можетъ осуществить завтра. Говорятъ, что онъ непроницаемъ, и однако всѣ позволяютъ себѣ судить о его намѣреніяхъ. Онъ чрезвычайно дорожитъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ, быть можетъ болѣе, чѣмъ собственно такъ называемою славою. Названія умиротворителя, покровителя слабыхъ, возстановителя своей имперіи — имѣютъ для него болѣе прелести, чѣмъ названіе завоевателя. Религіозное чувство, въ которомъ нѣтъ никакого притворства, съ нѣкотораго времени сильно владѣетъ его душою и подчиняетъ себѣ всѣ другія чувства. Государь, въ которомъ добро и зло перемѣшаны такимъ удивительнымъ образомъ, долженъ необходимо подавать поводъ къ большимъ подозрѣніямъ, и безразсудно было бы утверждать, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Но когда я его вижу въ отношеніяхъ данныхъ и положительныхъ, то, мнѣ кажется, не будетъ безразсуднымъ предположить, что онъ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ. Онъ смотритъ на себя, какъ на основателя европейской федераціи, и хотѣлъ бы, чтобъ на него смотрѣли, какъ на ея вождя. Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ не написалъ ни одного мемуара, ни одной дипломатической бумоги, гдѣ бы эта система не была представлена славою вѣка и спасеніемъ міра. Возможно ли, чтобъ послѣ того, предъ общественнымъ мнѣніемъ, которое онъ уважаетъ и боится, предъ религіею, которую онъ чтитъ, онъ бросился въ предпріятія несправедливыя для разрушенія дѣла, отъ котораго онъ ждетъ себѣ безсмертія! Если многіе думаютъ, что все это съ его стороны комедія, то я попрошу доказательствъ. Но положимъ, что въ идеяхъ и чувствахъ императора произойдетъ внезапная перемѣна: будетъ ли онъ въ состояніи осуществить свои честолюбивые планы? Россія страдаетъ общею всѣмъ европейскимъ государствамъ болѣзнію — финансовымъ разстройствомъ. Пока Австрія и Пруссія въ союзѣ, Россія не можетъ предаться одиночнымъ предпріятіямъ. Вначалѣ она не встрѣтитъ большихъ препятствій; но мало-по-малу противодѣйствіе организуется, вся Германія подвигнется на помощь Австріи и Пруссіи, и равновѣсіе въ силахъ установится, не считая содѣйствія Англіи. Россіи останется союзъ съ Франціею, союзъ возможный и самый страшный; но оба эти государства не въ состояніи причинить вредъ, пока не будетъ разорвана срединная линія, состоящая изъ государствъ, которыя желаютъ мира».

Въ виду конгресса, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о характерѣ союза между европейскими державами, Меттернихъ построилъ свою систему, которая состояла въ слѣдующемъ: «Наполеонъ поставилъ свой тронъ на революціи, не сокрушивши ея. Когда этотъ тронъ разрушился, революція снова появилась; съ знаменитой эпохи «Ста дней» начинается расширеніе революціонныхъ принциповъ, болѣе или менѣе распространенныхъ въ каждомъ государствѣ. Явится ли новый владыка, котораго призовутъ для удержанія этого

зла? Нѣтъ, прежде всего возможность этой роли не находится въ характерѣ и принципахъ ни одного изъ царствующихъ государей, настолько сильныхъ, чтобы принять ее на себя. Состояніе Европы требуетъ власти: при Наполеонѣ эта власть была деспотическая. Если не хотятъ, чтобъ она стала демократическою, то она должна быть сохранена и поддержана четырьмя великими державами, поставленными въ челѣ европейской системы; съ теченіемъ времени къ нимъ можно присоединить пятую державу — Францію. Пусть зависть называетъ эту систему аристократическою: слова не значатъ ничего, лишь бы достигались благія цѣли и зло было сдержано; впрочемъ, для того, чтобъ эта система продолжалась и имѣла вліяніе, которое одно можетъ сдѣлать ее полезною, необходимо согласіе въ принципахъ и доктринахъ, отреченіе отъ частныхъ видовъ и соперничествъ и согласіе относительно исполненія». Послѣдними словами Меттернихъ намекалъ на Русскаго императора, котораго принципы розпились отъ принциповъ Вѣнскаго Кабинета. За-то послѣдній былъ согласенъ съ охранительною политикою торійскаго Кабинета въ Англіи.

Конгрессъ собрался въ Ахенѣ, осенью 1818 года. Различіе въ принципахъ немедленно обнаружилось на конференціяхъ: Англія и Австрія настаивали на необходимости продолженія четвернаго союза (Россія, Англія, Австрія и Пруссія); Россія настаивала на союзѣ общемъ, европейскомъ, или Великомъ Союзѣ, братскомъ и христіанскомъ. Обнаружилась тѣсная связь между Кабинетами Лондонскимъ и Вѣнскимъ; главною причиною этой связи была ревность, страхъ, возбужденный колоссальнымъ величіемъ Россіи, вмѣшательствомъ ея Кабинета во всѣ европейскія отношенія. Было замѣчено съ русской стороны, что Англія и Австрія стремились: во-первыхъ, чтобъ держать Францію въ продолжительномъ несовершеннолѣтіи; во-вторыхъ, слѣдовать той же политикѣ и относительно Испаніи; въ-третьихъ, держать Нидерланды и Португалію въ зависимости отъ Англіи; въ-четвертыхъ, государства итальянскія держать въ такой же зависимости отъ Австріи; въ-пятыхъ, вооружить германскую конфедерацію для удержанія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ; въ-шестыхъ, установить прямыя сношенія между Германіею и Оттоманскою Портою, съ цѣлію дѣйствовать на Россію, не нарушая, повидимому, четвернаго союза; въ седьмыхъ, вмѣшиваться въ отношенія сѣверныхъ государствъ; въ восьмыхъ, вмѣшиваться также въ отношенія Россіи къ Персіи и Турціи. Австрійскій и англійскій уполномоченные, Меттернихъ и Кэсльри, съ своей стороны, внимательно слѣдили на конгрессѣ за императоромъ Александромъ. Результаты наблюденій оказались успокоительнаго свойства, и Кэсльри писалъ Ливерпулю: «Мнѣ кажется, Русскій императоръ думаетъ, что между Великобританіею и Австріею существуетъ тайное соглашеніе; но, несмотря на всѣ эти идеи, дѣйствующія на его нѣсколько подозрительный умъ, я убѣжденъ, что онъ намѣренъ преслѣдовать мирную политику; онъ стремится къ власти, но у него нѣтъ желанія перемѣнить союзниковъ, или дать революціонному духу въ Европѣ болѣе движенія; напротивъ, онъ расположенъ наблюдать за нимъ». Даже подозрительность Меттерниха успокоилась насчетъ властолюбивыхъ замысловъ самого императора Александра; но такъ какъ Россія и завоевательная политика — были понятія нераздѣльныя въ умѣ знаменитаго придворнаго и государственнаго канцлера, то онъ направилъ свою подозрительность на дѣйствія русскихъ агентовъ; онъ объявилъ Кэсльри, что личный характеръ императора представляетъ для Европы единственную гарантію противъ опасности отъ русскаго могущества. Генцъ загремѣлъ восторженными похвалами императору Александру: «Всѣ безпокойства исчезли... Императоръ Александръ изложилъ свои чувства и свои политическіе виды съ удивительною искренностію, ясностію и точностію. Узнали, что онъ не имѣлъ никогда ни малѣйшаго расположенія сближаться съ Франціею насчетъ своихъ тѣсныхъ сношеній съ союзниками; что онъ считаетъ преступленіемъ, измѣною противъ Европы одну мысль о разрушеніи четвернаго союза; что онъ желаетъ сохраненія мира, договоровъ, поддержанія системы, которой три года слѣдуютъ великія державы. Эти рѣчи, подкрѣпляемыя выраженіями самаго благороднаго энтузіазма къ общему благу, нравственности, религіи, чести, ко всему, что есть самаго возвышеннаго въ дѣлахъ человѣческихъ, произвели впечатлѣніе самое быстрое и могущественное. Исчезли боязнь и недоумѣніе. Поздравляли себя съ тѣмъ, что не отказались отъ конгресса, который приносилъ величайшую пользу Европѣ уже тѣмъ одпимъ, что повелъ къ этимъ объясненіямъ. Императоръ Александръ остался вѣренъ своимъ заявленіямъ. Его поведеніе во время конференціи отличалось мудростію, добросовѣстностію, умѣренностію. Исторія Ахенскаго конгресса сосредоточивается около его августѣйшей особы; онъ былъ его двигателемъ, направителемъ героемъ».

Главное дѣло, для котораго собрался Ахенскій конгрессъ, — рѣшеніе вопроса объ отношеніи союзныхъ державъ къ Франціи, кончилось согласно желанію Русскаго императора: Франція была освобождена отъ опеки четырехъ державъ и ея государственная область была очищена отъ иностранныхъ войскъ. Россія домогалась этого, какъ средства усилить нравственно королевскую власть во Франціи, усилить министерство Ришелье, сдѣлать его популярнымъ, ибо старанію герцога, его вліянію на Русскаго императора должны были приписать освобожденіе Франціи изъ-подъ опеки; съ поднятіемъ значенія Ришелье естественно усиливалась связь Франціи съ Россіею; не говоримъ уже о личномъ расположеніи императора Александра къ французскому народу, о желаніи пріобрѣсти благодарность и привязанность любимаго народа. Со стороны Англіи не могло быть противодѣйствія:

вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи скрѣпляло непріятный для Англіи союзъ континентальныхъ державъ, который императоръ Русскій старался все болѣе и болѣе распространить и усилить, и въ которомъ преобладаніе Россіи было ощутительно; очень было важно ослабить этотъ союзъ отстраненіемъ главной причины общаго дѣйствія; укрѣпленіе же русскаго вліянія во Франціи, при тамошнихъ отношеніяхъ и движеніяхъ, не обѣщавшихъ прочности Кабинету, еще не могло считаться вѣрнымъ. Меттернихъ представлялъ на видъ рановременность очищенія Франціи отъ союзныхъ войскъ при усиленіи революціоннаго духа; но его одиночное сопротивленіе не могло помѣшать дѣлу; Пруссія держалась Россіи.

Но, кромѣ дѣла объ очищеніи Франціи отъ иностранныхъ войскъ, были еще два другіе важнѣйшіе вопроса: о продолженіи союза и общаго дѣйствія державъ, и объ отношеніяхъ Франціи къ этому союзу и общему дѣйствію. Россія настаивала на укрѣпленіи и расширеніи союза и общаго дѣйствія, и на безусловномъ участіи въ нихъ Франціи; но встрѣтила противодѣйствіе со стороны Англіи, за спиною у которой стояла Австрія и дѣйствовала въ томъ же духѣ. Чтобъ дать укрѣпиться, пустить поглубже корни общему дѣйствію, общему управленію дѣлами Европы, Россія требовала, чтобъ конгрессы, съѣзды государей или министровъ ихъ происходили періодически, собирались въ извѣстное опредѣленное время, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Лордъ Кэсльри, пообжившійся на континентѣ, очень полюбилъ конгрессы, очень понравилось ему это участіе, и, благодаря значенію Англіи, сильное участіе въ улаживаніи европейскихъ дѣлъ, блестящая роль въ собраніи государей, на которое были обращены глаза всѣхъ. Кэсльри писалъ съ Ахенскаго конгресса Ливерпулю: «Вообще, дѣла идутъ какъ нельзя лучше, и намъ остается только поощрять чувства привязанности, которыя государи расточаютъ другъ передъ другомъ, и которыя, думаю, въ эту минуту, искренни. Я вполнѣ убѣжденъ, что привычка къ общему дѣйствію, общая слава и эти случайные съѣзды служатъ для Европы лучшими обезпеченіями въ продолжительности мира». Въ другомъ письмѣ Кэсльри говоритъ: «Пріятно замѣчать, какъ мало замѣшательства и какъ много прочнаго добра проистекаетъ отъ этихъ собраній, которыя издали кажутся такими страшными. Конгрессъ представляется мнѣ новымъ изобрѣтеніемъ въ европейскомъ правительствѣ, уничтожающимъ паутину, которою дипломатія затемняетъ горнизонтъ, представляющимъ всю систему въ настоящемъ свѣтѣ, и дающимъ совѣтамъ великихъ державъ дѣйствительность и почти простоту одного государства». Но этихъ взглядовъ на конгрессъ не раздѣляли люди, смотрѣвшіе на него *издали*. По поводу вопроса о періодическихъ конгрессахъ, Каннингъ заявилъ въ Кабинетѣ мнѣніе, что система такихъ періодическихъ собраній представителей четырехъ великихъ державъ для обсужденія общихъ европейскихъ дѣлъ — новость, польза которой подлежитъ большому сомнѣнію; что она глубоко втянетъ Англію въ политику континента, тогда какъ настоящая англійская политика состоитъ въ томъ, чтобъ не вмѣшиваться въ дѣла континента, исключая случаевъ нудящей необходимости. Всѣ другія государства должны протестовать противъ такого покушенія поработить ихъ; конгрессы могутъ сдѣлаться сценами кабалъ и интригъ; въ англійскомъ народѣ возбудится опасеніе насчетъ его свободы, если Англійскій Дворъ согласится участвовать въ съѣздахъ съ неограниченными монархами, разсуждать, въ какой степени революціонный духъ можетъ вредить общественной безопасности и требовать вмѣшательства союза для его подавленія. Другіе члены Кабинета, не соглашаясь вполнѣ съ Каннингомъ, прежде всего, однако, имѣли въ виду свои отношенія къ парламенту, прежде всего задавали себѣ вопросъ: какое впечатлѣніе произведетъ на парламентъ рѣшеніе насчетъ періодическихъ конгрессовъ? Задавали вопросъ: что, если многіе изъ членовъ парламента посмотрятъ на дѣло такъ, какъ взглянулъ на него Каннингъ? что, если оппозиція станетъ развивать въ парламентѣ тѣ же мысли, какія Каннингъ развивалъ въ Кабинетѣ? изъ-за чего подвергать министерство такой опасности? Бордъ Батурстъ писалъ Кэсльри: «Зачѣмъ преждевременно представлять новому, сомнительнаго характера, парламенту систему, которая, если бы дѣйствительно была хороша, должна установиться сама собою такимъ образомъ, чтобъ каждый конгрессъ обусловливалъ слѣдующій при видимой пользѣ, обнаруживающейся при каждомъ съѣздѣ; а такъ какъ всякая политическая система имѣетъ свое время, то конецъ этой системы будетъ менѣе замѣтенъ, если періодическіе конгрессы не будутъ заранѣе установлены».

Также несочувственно принята была Англійскимъ Кабинетомъ и мысль о включеніи Франціи въ союзъ, и также причиною отстраненія ея была выставлена отвѣтственность Кабинета передъ парламентомъ. Лордъ Ливерпуль писалъ Кэсльри по этому случаю: «Прежде всего здѣсь не практическій вопросъ, — это болѣе споръ о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ. Мы всѣ довольны нашими существующими обязательствами. Взгляды Русскаго императора не могутъ быть допущены. Мы должны сказать одно, что мы остаемся вѣрными нашимъ существующимъ трактатамъ и обязательствамъ, и что, если когда-нибудь государи или министры ихъ будутъ имѣть случай совѣщаться сообща о какихъ-нибудь дѣлахъ, имѣющихъ возникнуть изъ условій послѣдняго мира, французское правительство будетъ приглашено къ участію въ совѣщаніяхъ. Если сочтутъ полезнымъ, въ виду удержанія Франціи въ порядкѣ, назначить время, когда государи опять соберутся, то мы не видимъ препятствія къ этому; но часто бываетъ также неблагоразумно смотрѣть слишкомъ далеко въ будущее, какъ и суживать

границы нашего кругозора. Мы должны сами помнить и нашимъ союзникамъ дать почувствовать, что всѣ эти вопросы отзовутся въ британскомъ парламентѣ; что у насъ будетъ новый, сомнительнаго характера парламентъ, непривыкшій смотрѣть на вопросы внѣшней политики, какъ прежніе парламенты, находившіеся подъ давленіемъ великой опасности извнѣ. Дайте понять русскимъ, что у насъ—парламентъ и публика, передъ которыми мы отвѣтственны, и что мы не можемъ вовлечься въ виды политики, которая совершенно не соотвѣтствуетъ духу нашего правительства».

Оба вопроса были рѣшены соотвѣтственно взглядамъ Лондонскаго Кабинета. Въ протоколѣ конференціи 16 ноября было объявлено, что Дворы, подписавшіе протоколъ: во 1) Твердо рѣшились ни въ отношеніи другъ къ другу, ни въ отношеніи къ другимъ государствамъ, не отступать отъ принципа тѣснаго союза, принципа, господствовавшаго до сихъ поръ въ ихъ сношеніяхъ и общихъ интересахъ; союзъ этотъ сталъ крѣпче и неразрывнѣе вслѣдствіе узъ христіанскаго братства, которыми связали себя государи. 2) Союзъ этотъ, заимствующій свою дѣйствительность и прочность оттого, что держится не на какомъ-нибудь отдѣльномъ интересѣ, не на какихъ-нибудь временныхъ, случайныхъ соображеніяхъ, имѣетъ одну цѣль—поддержаніе всеобщаго мира, основанное на религіозномъ уваженіи къ обязательствамъ, внесеннымъ въ трактаты, и ко всѣмъ правамъ, отсюда проистекающимъ. 3) Франція, присоединенная къ другимъ державамъ вслѣдствіе возстановленія монархической власти, законной и конституціонной, обязывается содѣйствовать съ этихъ поръ поддержанію и утвержденію системы, которая дала миръ Европѣ и одна можетъ обусловить его продолженіе. 4) Если, для лучшаго достиженія означенной цѣли, державы найдутъ необходимымъ установить особыя собранія или между самими государями, или между министрами и уполномоченными, для разсужденія сообща объ ихъ собственныхъ интересахъ, то время и мѣсто этихъ собраній будутъ заблаговременно опредѣлены посредствамъ дипломатическихъ сообщеній; и если эти собранія будутъ имѣть предметомъ дѣла, связанныя съ интересами другихъ державъ европейскихъ, то они будутъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по формальному приглашенію со стороны этихъ державъ, причемъ необходимо, чтобъ послѣднія участвовали въ нихъ или прямо, или посредствомъ уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ, на Ахенскомъ конгрессѣ было остановлено развитіе общаго управленіе европейскими дѣлами посредствомъ конгрессовъ. Небывалое прежде общее дѣйствіе государей съ 1813 года естественно и необходимо вело къ общему управленію посредствомъ конгрессовъ; предстояло сдѣлать новый шагъ—узаконить это общее правленіе и его форму постановленіемъ, что конгрессы должны быть періодическими. Но сильный протестъ изъ Лондона — и предложеніе о періодическихъ конгрессахъ взято назадъ. Роль Англіи въ этомъ случаѣ замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: по самому островному положенію своему, Англія—отрѣзанный ломоть отъ континентальной Европы; ни въ какомъ случаѣ ея интересы не могутъ быть такъ тѣсно связаны съ интересами континентальныхъ державъ, какъ связаны интересы послѣднихъ между собою;—отсюда у Англіи всегда своя особая политика, крайне осторожная относительно вмѣшательства, допускаемаго только въ крайнихъ случаяхъ, когда столкновенія интересовъ на континентѣ прямо грозятъ интересамъ Британіи. Съ конца XVIII вѣка интересы континентальныхъ государствъ тѣсно связаны вслѣдствіе революціоннаго движенія, причемъ революціонное движеніе Франціи служитъ источникомъ и поддержкою революціоннаго движенія подсюду. Но Англія и тутъ въ сторонѣ; формы ея политической жизни установились гораздо прежде, независимо отъ континентальныхъ движеній; и хотя демократическія движенія континента и находятъ отголоски въ Англіи; хотя эти отголоски могутъ становиться все сильнѣе и сильнѣе и очень озабочивать англійскихъ государственныхъ людей охранительнаго направленія: однако дѣло вовсе не такъ близко касается Англіи, какъ державъ континентальныхъ. Такимъ образомъ, Англія, по своему географическому положенію и по своей исторіи, способнѣе всѣхъ другихъ странъ поддерживать принципъ невмѣшательства. Но, при поддерживаніи этого принципа, Англія выставила вопросъ чрезвычайной важности, именно—вопросъ объ отношеніи конституцій различныхъ державъ къ этому общему управленію дѣлами Европы на конгрессахъ. Русскій императоръ требовалъ, чтобъ всѣ европейскія государства вошли въ великій союзъ и улаживали свои отношенія на конгрессахъ; но спрашивалось: государи неограниченные и министры ихъ, не отвѣчающіе за свои рѣшенія ни передъ кѣмъ, будутъ ли одинаково поставлены на конгрессахъ съ государями конституціонными и министрами ихъ, имѣющими извѣстныя отношенія къ своему народному представительству? Такимъ образомъ, большее развитіе извѣстныхъ народныхъ личностей, различіе въ формахъ политической жизни у разныхъ европейскихъ народовъ—становились помѣхою для утвержденія общаго управленія дѣлами Европы.

Мысль о періодическихъ конгрессахъ не была осуществлена; положено собирать конгрессы по требованію обстоятельствъ. Обстоятельства требовали конгрессовъ.

Германія, сильно развитая въ умственномъ отношенія къ концу XVIII вѣка, была задерживаема въ развитіи политическомъ раздѣленіемъ своимъ на слишкомъ триста владѣній. Конвульсивное движеніе пробѣжало по этому странному средневѣковому тѣлу, когда послышались первые восторженные клики Французской революціи. Но мечты, возбужденныя этими кликами, были жестоко обма-

нуты: люди, провозгласившіе себя освободителями народовъ, явились за Рейномъ страшными ихъ утѣснителями; на словахъ отъ потомковъ Бренна слышалось: «Свобода угнетеннымъ, война дворцамъ, миръ хижинамъ!» а на дѣлѣ выходило старинное: «Горе побѣжденнымъ!» Ни одинъ европейскій народъ не испилъ такой полной чаши стыда, униженія и матеріальныхъ лишеній, какъ нѣмцы отъ революціонной и императорской Франціи. Но эта чаша выпита была на здоровье: Пруссія заявила свою жизненность, свое первенство въ Германіи необыкновенно быстрымъ возстановленіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ послѣ необыкновенно быстраго паденія; Германія приготовилась къ великимъ событіямъ 1812 и 13 годовъ, къ участію въ борьбѣ народовъ. Борьба кончилась въ 1815 году; но возбужденныя ею силы не могли вдругъ успокоиться; въ продолженіи послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ было такъ много передумано и перечувствовано въ Германіи! Возбужденіе силъ выразилось прежде всего въ широкомъ научномъ движеніи, какъ и слѣдовало ожидать, ибо и прежде, за отсутствіемъ политическаго развитія, германскій народъ развивался преимущественно въ этомъ направленіи, слѣдовательно почва была приготовлена. Если во Франціи неудачи опытовъ революціи, неудачи въ построеніи государственнаго зданія на общихъ теоретическихъ началахъ безъ историческаго фундамента заставили обратиться къ внимательному изученію своей непосредственной старины, заставили обратиться къ изученію этихъ варварскихъ среднихъ вѣковъ, столь долго пренебрегаемыхъ,—то въ Германіи сильное возбужденіе народнаго чувства, вслѣдствіе борьбы за народную независимость, за народное значеніе, необходимо заставило обратиться къ своему, къ своей старинѣ, въ ней искать разрѣшенія важныхъ вопросовъ настоящаго для ума, въ ней искать оживленія и укрѣпленія своего народнаго чувства. Отсюда великое научное движеніе; отсюда ясное сознаніе великаго значенія исторической науки; отсюда господство историческаго метода; отсюда стремленіе къ изученію народности, — изученію самому подробному, микроскопическому; отсюда признаніе односторонности стремленій XVIII вѣка, стремленія къ общечеловѣческому съ отстраненіемъ народнаго; отсюда движеніе народнаго духа, заявленіе правъ народностей всюду, гдѣ не изсякли родники народной жизни; отсюда освобожденіе европейской мысли, европейской науки отъ преобладающаго вліянія классическсой древности. Исчезла въ этомъ отношеніи односторонность, исчезло рабство, и немедленно явились благія слѣдствія свободныхъ отношеній: изученіе классической древности не ослабѣло, напротивъ,—усилилось и, получивъ должное мѣсто въ расширившемся кругу историческаго знанія, внесло новыя, неизсякаемыя средства къ пониманію полноты жизни человѣчества, ея органическаго развитія. Разумѣется, каждое человѣческое дѣло имѣетъ свою темную сторону, каждое направленіе имѣетъ крайности, увлеченія: такъ и при означенномъ великомъ движеніи XIX вѣка мы видимъ крайности и увлеченія въ романтизмѣ и въ этомъ чрезмѣрномъ прославленіи германской народности, которымъ страдаетъ западная историческая наука.

Но, возбужденныя великою борьбою, силы въ Германіи не могли найти себѣ упражненія въ одной умственной, научной дѣятельности; онѣ были возбуждены для практической дѣятельности, для рѣшенія великаго вопроса о свободѣ, самостоятельности и значеніи отечества. Прусскій король, призывая подданныхъ къ оружію, обѣщалъ возстановленіе единой свободной имперіи. Дѣйствительно, во время французскаго преобладанія, нѣмцы испытали очень хорошо вредныя слѣдствія раздѣленія и безсилія своего отечества, и поняли, что самое вѣрное средство—не испытывать впередъ подобныхъ бѣдствій,—состояло въ объединеніи Германіи. Патріоты ждали этого объединенія отъ Вѣнскаго конгресса, который долженъ былъ начертать новую карту Европы; но конгрессъ собрался для того, чтобъ успокоить Европу послѣ революціи и ея слѣдствій, а не возмутить Европу новою страшною революціею, какой потребовало бы объединеніе Германіи. Старая Священная Римско-Германская имперія была разрушена окончательно; новой создать было нельзя, и вотъ создался Германскій союзъ, т. е. цѣлый рядъ самостоятельныхъ государствъ прикрыли названіемъ союза, которое служило, съ одной стороны, связью съ прошедшимъ, съ другой—приготовленіемъ къ будущему, по крайней мѣрѣ, указаніемъ на него.

Но германскимъ патріотамъ хотѣлось невозможнаго, хотѣлось вдругъ, такъ или иначе, достигнуть объединенія Германіи. И недовольные патріоты волновались. Но былъ еще другой, сильно волнующій вопросъ,—вопросъ о свободныхъ учрежденіяхъ. Въ прокламаціи Прусскаго короля эти учрежденія были обѣщаны, что сильно обезпокоило Австрію. Когда надобно было приступить къ исполненію обѣщанія, то сочли естественнымъ и достаточнымъ обратиться къ той формѣ представительности, которая существовала искони въ германскихъ земляхъ и исчезла въ XVII вѣкѣ предъ усилившимся монархическимъ началомъ,—къ земскимъ чинамъ. При установленіи Германскаго союза, въ 13-мъ параграфѣ союзнаго акта обѣщаны были земскіе чины всѣхъ государствамъ, вошедшимъ въ союзъ; но обѣщаніе сдѣлано въ общихъ выраженіяхъ, безъ изложенія принциповъ, способовъ приведенія въ исполненіе и времени, къ которому правительства обязаны были ввести это учрежденіе. Нѣкоторыя государства южной и средней Германіи ввели у себя представительство въ формѣ земскихъ чиновъ на болѣе или менѣе либеральныхъ основахъ; но въ двухъ самыхъ сильныхъ государствахъ, Австріи и Пруссіи, оказывалось рѣшительное нерасположеніе правительствъ двигаться по новой дорогѣ. Пруссія, которая, послѣ

іенскаго погрома, обнаружила такіе сильные признаки жизненности; которая, благодаря Штейну съ товарищами, такъ быстро пошла по дорогѣ преобразованій; которая, въ 1813 году, такъ высоко подняла знамя свободы и независимости Германіи: Пруссія, послѣ 1815 года, ограничилась провинціальными совѣщательными чинами безъ гласности. Король, тяжелый на всякое движеніе, на всякій выходъ изъ привычныхъ формъ, только неминучею бѣдою принужденный дать волю преобразователю, Штейну съ товарищами,—теперь, когда борьба кончилась, когда все, повидимому, вошло въ прежнюю колею, спѣшилъ удовлетворить требованіямъ своей природы и предаться спокойствію, гоня отъ себя тяжкую мысль о всякомъ новомъ движеніи, о всякой перемѣнѣ, снова отворачиваясь отъ людей движенія, которые, въ его глазахъ, были революціонерами, республиканцами. Это отчужденіе прусскаго правительства отъ людей самыхъ популярныхъ въ Германіи по своей дѣятельности въ послѣднее время—усиливало неудовольствіе людей, обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ, а толпу, жаждущую продолженія движеній и волненій, прельщало мыслію, что ея дѣло есть дѣло лучшихъ людей. Такъ какъ въ Германіи описываемаго времени научный интересъ былъ сильнѣе другихъ; такъ какъ жизнь особенно приливала къ школьнымъ университетскимъ кругамъ: то понятно, что наибольшее участіе въ волненіяхъ, по поводу недовольства настоящимъ положеніемъ страны, принимала университетская молодежь. Въ раздражающихъ явленіяхъ не было недостатка. На западѣ, во Франціи,—сильное движеніе по поводу конституціонныхъ вопросовъ; на востокѣ—Русскій императоръ даетъ леберальную конституцію Польшѣ. Австрія дѣйствуетъ систематически и открыто: императоръ Францъ и канцлеръ князь Меттернихъ прямо провозглашаютъ, что революція не кончилась; что обязанность всѣхъ правительствъ дружно, всѣми средствами ей противоборствовать, охраняя существующія формы; Австрія дѣйствуетъ явно и наступательно противъ либеральнаго движенія. У Прусскаго короля нѣтъ системы, онъ не любитъ движенія по природѣ своей. Вслѣдствіе этой же природы короля, прусское правительство отвернулось отъ двигателей, не благопріятствуетъ движенію, но и не дѣйствуетъ противъ него наступательно, обнаруживаетъ ту терпимость, къ которой никогда нѣтъ сочувствія отъ людей, ею пользующихся, за которую никогда не благодарятъ; а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ правительства поддерживаютъ либеральное движеніе, ища популярности.

Новое направленіе, обращеніе къ народной старинѣ, исканіе для всего исторической основы также употреблено было недовольными, согласно съ ихъ цѣлями. Въ 1817 году, въ протестантской Германіи, съ великимъ торжествомъ праздновали трехсотлѣтіе реформаціи. 18-го октября, студенты и нѣкоторые профессора собрались близъ Эйзенаха, въ историческомъ замкѣ Вартбургѣ: говорились зажигательныя рѣчи, пѣлись зажигательныя пѣсни, и дѣло кончилось тѣмъ, что, по примѣру Лютера, сжегшаго папскую буллу, сожжены были сочиненія, написанныя въ консервативномъ духѣ, направленныя противъ либеральнаго движенія. Судъ и приговоръ былъ произнесенъ надъ сочиненіями—одинъ только шагъ къ исполненію приговора и надъ сочинителями. Много ненависти скопилось надъ головою Августа Коцебу, извѣстнаго драматическаго писателя и журналиста. Коцебу былъ ревностный консерваторъ, но не это одно возбуждало противъ него ненависть: никто такъ безпощадно не осмѣивалъ странность нѣмецкаго либеральнаго движенія, этого разброда чувствъ и ума нъ новомъ дѣлѣ, къ которому было такъ мало приготовленія; ничто такъ не раздражаетъ, какъ ловкая насмѣшка, попадающая въ цѣль, и раздраженіе противъ Коцебу было страшное. Коцебу былъ въ русской службѣ, имѣлъ русскій чинъ, имѣлъ порученіе сообщать русскому правительству о всѣхъ политическихъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ Германіи. Либералы догадывались, въ какомъ тонѣ Коцебу дѣлалъ свои сообщенія. «Коцебу—русскій шпіонъ, Коцебу—измѣнникъ отечества!» Вотъ судъ, произнесенный людьми, считавшими себя представителями свободной Германіи, и между распаленными студентами нашелся человѣкъ, который рѣшился казнить такого страшнаго преступника, измѣнника отечеству, въ устрашеніе другихъ подобныхъ. Въ мартѣ 1819 года, въ Мангеймѣ, студентъ Зандъ закололъ Коцебу.

Извѣстное направленіе можетъ быть терпимо въ обществѣ сознательно или безсознательно, по разсчету или по слабости, но можетъ быть терпимо только до тѣхъ поръ, пока не принимаетъ наступательнаго движенія. Поступокъ Занда извѣстилъ объ опасности, о врагѣ. Принимаются средства къ оборонѣ, которая, естественно, въ подобныхъ случаяхъ переходитъ въ наступленіе. Прежнее нерадѣніе, отсутствіе разумнаго сдерживанія и направлянія заставляютъ спѣшить мѣрами обороны, усиливать ихъ, и къ этому усиленію побуждаетъ еще неизвѣстность о средствахъ врага. Уже давно знали, что всѣ нѣмецкіе университеты обхвачены тайнымъ обществомъ, носящимъ названіе *Тевтонія*; говорили, что общество имѣло цѣлію превратить всю Германію въ республику единую и нераздѣльную, свергнуть государей и вмѣсто нихъ установить военную демократію. Теперь эта таинственная «Тевтонія» высказалась; чрезъ нѣсколько недѣль, послѣ убійства Коцебу, было произведено покушеніе на жизнь Ибелля, министра герцога Нассаускаго; преступникомъ оказался также студентъ; сочувствіе, обнаруженное молодежью къ этимъ явленіямъ, заставляло предполагать соумышленничество, систему. Въ такихъ обстоятельствахъ особенное вниманіе заслужилъ голосъ тѣхъ людей, которыхъ нельзя было упрекнуть въ нерадѣніи и недальновидности, которые

предвидѣли, предсказывали, предостерегали. Въ челѣ этихъ людей былъ канцлеръ Австріи; безуміе Занда выставило въ яркомъ свѣтѣ мудрость Меттерниха и приготовило ему важную роль; при страшной тревогѣ должны были необходимо обратиться къ человѣку, который оказался мудрѣе другихъ, довѣриться его руководству. Тревога была сильная. Штейнъ, котораго Прусскій король называлъ республиканцемъ,—Штейнъ писалъ великому герцогу Веймарскому, какъ его печалитъ усиленіе дурнаго направленія въ Германіи; онъ просилъ великаго герцога обратить особенное вниманіе на брошюру подъ заглавіемъ: «*Книжка вопросовъ и отвѣтовъ*»[1], на которую Штейнъ смотрѣлъ какъ на катехизисъ нѣмецкаго якобинства, заключающій въ себѣ почти всѣ принципы бывшаго тогда въ ходу либеральнаго ученія, но приспособленные къ понятіямъ простаго народа и подтверждаемые мѣстами Св. Писанія; въ основаніи былъ выставленъ принципъ полновластія народа; послѣ сильной выходки противъ германскихъ государей, высказывалось, что всѣ бѣды Германіи происходятъ оттого, что она не едина. Невозмутимый и сильно дорожившій своимъ спокойствіемъ, Гете былъ также встревоженъ состояніемъ умовъ въ Германіи. По его мнѣнію, неустановленность и волненія, господствующія здѣсь, не позволяютъ разсчитывать на слѣдствія мѣръ, которыя хотятъ принять; не позволяютъ предугадывать, какія мѣры поведутъ къ добру и какія ко злу. Убійство Коцебу внезапнымъ впечатлѣніемъ, какое оно произвело, и сильными мѣрами, къ какимъ должно повести, можетъ породить благопріятное для общественнаго порядка направленіе, если правительство сумѣетъ принять мѣры разумныя и согласныя съ общественнымъ настроеніемъ.

Для принятія сильныхъ мѣръ положено было министрамъ главныхъ германскихъ Дворовъ собраться лѣтомъ въ Карлсбадѣ; должны были пріѣхать министры иностранныхъ дѣлъ—австрійскій, прусскій, баварскій, саксонскій, ганноверскій, виртембергскій, баденскій, мекленбургскій и нассаускій. Но прежде начатія дѣла въ Карлсбадѣ, Меттернихъ свидѣлся съ Прусскимъ королемъ въ Теплицѣ, гдѣ между двумя главными германскими государствами было улажено насчетъ мѣръ, которыя должно было предложить въ Карлсбадѣ. 7-го августа начались конференціи въ Карлсбадѣ и окончены были въ двадцать дней. Меттернихъ, съ особеннымъ искусствомъ, отличавшимъ его, изложилъ въ чемъ дѣло; указалъ на необходимость принять быстрыя и дѣйствительныя мѣры для предохраненія германской конфедераціи вообще и каждаго государства, ее составляющаго, въ особенности, отъ опасностей, которыми грозятъ революціонныя движенія и демагогическія общества. Члены союза, обязанные взаимною защитою и помощью, имѣютъ полное право принимать общія мѣры для поддержанія внутренняго спокойствія въ Германіи. Это спокойствіе можетъ быть нарушено не однимъ матеріальнымъ движеніемъ кого-нибудь изъ членовъ союза противъ другого: оно можетъ быть нарушено и нравственнымъ дѣйствіемъ одного правительства на другое, также движеніемъ партіи, которая найдетъ терпимость и покровительство въ одномъ или многихъ государствахъ союза. Въ этомъ случаѣ, спокойствіе самой конфедераціи подвергается опасности, и государь, который будетъ терпѣть подобные безпорядки, явится виновнымъ въ измѣнѣ противъ союза. Печать въ Германіи стала исключительнымъ достояніемъ партіи, враждебной всякому общественному порядку, всякому существующему учрежденію, и столь могущественна, что могла заставить молчать всѣхъ благонамѣренныхъ писателей. Общность языка и другія многоразличныя отношенія державъ союза не позволяютъ ни одной изъ нихъ оцѣпить свои границы отъ заразы, которая началась въ другихъ государствахъ: ясно, слѣдовательно, что если одно государство, даже самое малое, откажется содѣйствовать общепринятымъ мѣрамъ для прекращенія зла, то отъ него будетъ зависѣть заразить всю конфедерацію. Такой порядокъ вещей невозможенъ; конфедерація имѣетъ право принять оборонительныя мѣры противъ злоупотребленій печати и принудить всѣхъ своихъ членовъ сообразоваться съ ними; параграфъ союзнаго акта, обѣщающій Германіи общій уставъ о свободѣ печати, долженъ быть понимаемъ въ этомъ смыслѣ. Для достиженія этого однообразія нужно или уничтожить цензуру и тамъ, гдѣ она существуетъ, или возстановить ее въ тѣхъ государствахъ, гдѣ ее уничтожили. Первое изъ этихъ средствъ неисполнимо: государства, сохранившія цензуру,—самыя многочисленныя и самыя значительныя; остается достигнуть обѣщаннаго однообразія возстановленіемъ цензуры тамъ, гдѣ она уже не существуетъ, тѣмъ болѣе-что правительства, поспѣшившія уничтожить цензуру, превысили свою власть, ибо сейму принадлежитъ власть изъяснять и приводить въ исполненіе параграфы союзнаго договора. Въ союзномъ актѣ существовалъ еще параграфъ 13-й, обѣщавшій введеніе конституціи съ земскими чинами. Меттернихъ счелъ нужнымъ распространиться и насчетъ этого параграфа. По его мнѣнію, выраженіе: *конституція съ земскими чинами*—было употреблено въ противуположность выраженію: *конституція представительная*. Первая изъ этихъ правительственныхъ формъ была болѣе сродна древнимъ обычаямъ германскимъ, болѣе національна, чѣмъ другая форма, пришедшая изъ-за границы, созданная революціями. Первая форма состоитъ въ правѣ членовъ или депутатовъ существующихъ корпорацій участвовать въ законодательной дѣятельности; а въ конституціяхъ представительныхъ лица, призванныя къ прямому участію въ законодательствѣ и важнѣйшихъ дѣлахъ

[1] Frage-und-Antwort. Büchlein über allerlei was in Deutschland besonders Norh thut.

правительственныхъ, не обязаны защищать исключительно интересы извѣстныхъ сословій или корпорацій, но представляютъ цѣлый народъ. Конституція съ земскими чинами, защищая всѣ права и вольности, оставляетъ неприкосновенными существенныя прерогативы государей. Но конституція представительная основана на ложномъ началѣ народнаго полновластія: она постоянно стремится—призракъ мнимой національной свободы, т.-е. общенародной воли, поставить на мѣсто общественнаго порядка и подчиненности, и химеру общаго равенства передъ закономъ—на мѣсто различія состояній и правъ, различія, установленнаго самимъ Богомъ.

Внушенія Меттерниха производили тѣмъ большее впечатлѣніе, что министры, собравшіеся въ Карлсбадѣ, не могли чувствовать себя очень спокойно и удобно. Ни одинъ изъ нихъ, не исключая и самого Меттерниха, не могъ найти въ своемъ департаментѣ или въ своей странѣ человѣка, на убѣжденія котораго можно было бы положиться и которому можно было бы довѣрить тайны совѣщаній, такъ что сами министры должны были исполнить должность секретарей, вести протоколы и переписку со своими Дворами. Революціонная партія въ Германіи, чувствуя, что ей готовится бѣда въ Карлсбадѣ, дѣйствовала устрашеніемъ: министръ герцога Нассаускаго получилъ эстафету отъ редактора *Рейнскаго Листка*, который извѣщалъ, что отказывается отъ редакціи журнала и проситъ для себя охраны, чтобъ быть безопасну отъ страшныхъ угрозъ, которыя онъ слышитъ въ собственномъ семействѣ и получаетъ въ анонимныхъ письмахъ. Революціонная партія грозила ему за то, что онъ аристократъ, а между тѣмъ въ Австріи его журналъ былъ запрещенъ, какъ слишкомъ либеральный. Все это помогло Меттерниху провести пять предложеній, которыми ограничивалось полновластіе отдѣльныхъ державъ союза и усиливалось значеніе сейма, ограничивалась свобода печати на пять лѣтъ, установлялся надзоръ надъ университетами, учреждалась въ Майнцѣ слѣдственная коммисія съ цѣлію открытія демагогическихъ заговоровъ. 20 сентября, эти предложенія были переданы Франкфуртскому сейму, и сеймъ утвердилъ ихъ. Въ ноябрѣ назначены были конференціи въ Вѣнѣ для пересмотра и уясненія параграфовъ союзнаго акта. Нѣкоторыя германскія правительства были недовольны карлсбадскими и франкфуртскими рѣшеніями, и спѣшили заявить на дѣлѣ свое несогласіе съ принципами, провозглашенными Меттернихомъ; но это не помѣшало реакціи. Государственные люди, сочувствовавшіе движенію, должны были поплатиться за его крайности, за то, что не умѣли и не могли направить его, должны были отказаться отъ общественной дѣятельности и уступить мѣсто другимъ, которыхъ убѣжденія или отсутствіе убѣжденій приходились теперь ко времени. Профессора, пасторы, извѣстные привычкою подмѣшивать политику въ лекціи и проповѣди, были отставлены или отданы подъ строгій надзоръ; школы гимнастики были закрыты, потому что здѣсь былъ главный притонъ революціоннаго духа: въ приведенной выше книжкѣ «Вопросовъ и отвѣтовъ» говорилось: «Въ мирное время солдатъ не нужно; каждый смолоду долженъ упражняться въ военномъ дѣлѣ». Отсюда—особенное значеніе, какое получили въ это время въ Германіи гимнастическія школы. Схваченъ былъ профессоръ Янъ, пользовавшійся особенною популярностью между университетскою молодежью, одинъ изъ передовыхъ людей въ патріотическомъ движеніи 1813 года; въ Берлинѣ, Боннѣ, Гессенѣ захвачены были студенты, военные, горожане, извѣстные крайностью своихъ мнѣній. Этими мѣрами прекращена была нѣмецкая фронда, движеніе школьной молодежи, разыгравшейся съ 1813 года въ политику и патріотизмъ.

Меттернихъ достигалъ своей цѣли. Нѣмецкія правительства, подъ вліяніемъ страха, прижимались другъ къ другу и готовы были слушаться опытнаго вождя, котораго мудрая предусмотрительность была оправдана событіями; благодаря вліянію Меттерниха, усилилось и вліяніе Австріи на дѣла Германскаго союза. Но, кромѣ этого союза, существовалъ еще другой союзъ,—и что скажетъ главный членъ его, императоръ Русскій? Прежде его взглядъ сильно разнился отъ взгляда австрійскаго канцлера; останется ли онъ и теперь при этомъ взглядѣ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ остановитъ реакцію, которая пошла такъ успѣшно? Этотъ вопросъ сильно безпокоилъ Меттерниха. Германскія волненія, поступокъ Занда огорчали императора Александра болѣе, чѣмъ кого-либо. Онъ надѣялся, что революціонное движеніе прекратится всеобщимъ миромъ и дарованіемъ новыхъ либеральныхъ началъ для народной жизни. Тяжело было обманываться въ этой надеждѣ; тяжело было привыкать къ мысли, что направленіе, освященное его именемъ, начинаетъ слыть несостоятельнымъ; тяжко обмануться, еще болѣе тяжко считаться обманувшимся,—и высота положенія усиливаетъ эту тяжесть. Въ іюнѣ 1819 года, русскіе министры при германскихъ Дворахъ получили слѣдующее наставленіе: «Если таковы результаты ученій, преподаваемыхъ въ германскихъ университетахъ; если осмѣливаются употреблять во зло религію, благодѣтельницу человѣчества; если такова, наконецъ, цѣль, указываемая свободѣ: то не настоитъ ли нужда задушить зло при его рожденіи? Не надлежитъ ли общими мѣрами утвердить господство принциповъ, которыхъ государи и народы не могутъ забывать безнаказанно? Во время своего пребыванія въ Веймарѣ, императоръ обратилъ вниманіе великаго герцога на эти великія и спасительныя истины. Продолжайте эти внушенія, поддерживайте вашимъ кредитомъ мѣры, которыя Австрія предложитъ въ этомъ отношеніи, сообща съ другими нашими союзниками, но не берите на себя иниціативы въ вопросѣ, которой относится пре-

имущественно къ германской конфедераціи». Эта сдержанность не могла нравиться Меттерниху. Ему нужно было, чтобъ императоръ Александръ, считавшійся главною опорою либеральнаго направленія, объявилъ торжественно народамъ Европы, что онъ отступается отъ этого направленія, одобряетъ мѣры, принимаемыя германскими правительствами подъ руководствомъ Австріи: тогда либеральное направленіе, лишенное покровительства могущественнѣйшаго изъ государей, получило бы самый тяжелый ударъ. Въ Карлсбадѣ, когда приняты были мѣры, имъ предложенныя, Меттернихъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ русскихъ дипломатовъ, выразилъ желаніе, чтобъ императоръ Александръ высказалъ публично, при первомъ удобномъ случаѣ, свое сочувствіе принятымъ мѣрамъ: «Демагоги въ Баваріи и Баденѣ часто употребляли во зло августѣйшее имя императора, безстыдно проповѣдуя, что конституція, дарованная имъ Польшѣ, есть самая либеральная какую только можно придумать. Я думаю, когда нѣмцы узнаютъ изъ газетъ, что императоръ торжественно высказался о мудрости принятыхъ теперь нами мѣръ, то у революціонеровъ отнимется предлогъ употреблять его имя для поддержанія своего дѣла». Но на это предложеніе не было обращено вниманія; въ началѣ октября, императорскіе министры при германскихъ Дворахъ получили новое наставленіе: 1) удерживаться отъ всякаго участія во внутреннихъ дѣлахъ Германіи; 2) отзываться самымъ благосклоннымъ, искреннимъ и честнымъ образомъ о тѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, которыя надѣются уладить чрезвычайными мѣрами, и не отдавать предпочтенія никакой системѣ; 3) что касается самихъ этихъ чрезвычайныхъ мѣръ и вопросовъ, съ ними связанныхъ, — то не высказывать никакого мнѣнія, пока не будутъ спрошены, и въ послѣднемъ случаѣ высказывать мнѣніе, основанное на принципахъ права, достоинства государей и благосостоянія народовъ. Истинное благосостояніе народовъ истекаетъ исключительно изъ нравственной силы правительствъ.

Нѣмецкіе министры, собравшіеся въ концѣ 1819 года въ Вѣнѣ, были въ отчаяніи отъ этого поведенія Русскаго Кабинета, тѣмъ болѣе что послѣдній высказывалъ явное неодобреніе *диктаторской власти*, какою они хотѣли облечь сеймъ. Нѣмецкіе министры приписывали это не личному взгляду императора, но взгляду его министра, Каподистріа, что видно изъ письма прусскаго канцлера Гарденберга лорду Касльри въ декабрѣ 1819 года: «Г. Каподистріа, котораго софизмы мы всѣ знаемъ и который надѣлалъ намъ столько хлопотъ въ Ахенѣ, взялъ себѣ въ голову, что мы хотимъ измѣнить актъ германской федераціи, гарантированный державами; что Австрія и Пруссія хотятъ посягнуть на свободу и полновластіе малыхъ или меньшихъ государствъ германскихъ; онъ боится уменьшенія русскаго вліянія и почерпаетъ свои извѣстія и свои доказательства изъ газетъ революціонной партіи французской и нидерландской, наполненныхъ ложью. Говорить неблагосклонно о мѣрахъ, принятыхъ въ Карлсбадѣ; питать этимъ неудовольствіе, которое Баварія и Виртембергъ съ самаго Вѣнскаго конгресса не перестаютъ поддерживать въ видахъ своего честолюбія, давать инструкціи русскимъ министрамъ за границею въ духѣ, противномъ видамъ, которые мы раздѣляемъ съ Австріею и съ большею частію государствъ германскихъ,—видамъ, вполнѣ чистымъ и согласнымъ съ договорами и обстоятельствами:—такое поведеніе можетъ быть только вредно для общаго блага». Другіе нѣмецкіе министры толковали, что цѣль Россіи—произвести *всеобщую смуту*, и что спокойствіе Европы не можетъ быть обезпечено, пока у Россіи такая громадная армія, готовая двинуться по первому мановенію. Англійскіе дипломатическіе агенты доносили своему Кабинету, что главная цѣль русскихъ министровъ при германскихъ Дворахъ состоитъ въ уничтоженіи вліянія Австріи и Англіи, въ замѣнѣ этого вліянія вліяніемъ Россіи. Но нѣмецкіе министры жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ насчетъ Англіи! Лордъ Касльри ясно высказалъ взглядъ своего правительства относительно вмѣшательства по внутреннимъ вопросамъ: «Мы должны симпатизировать другъ другу въ усиліяхъ, какъ симпатизируемъ въ опасностяхъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что революціонеры всѣхъ странъ подаютъ другъ другу руки и дѣйствуютъ сообща. Ихъ успѣхи или неудачи въ одной странѣ будутъ необходимо имѣть вліяніе на ихъ движенія во всѣхъ другихъ. Эта общая опасность, безъ сомнѣнія, объединяетъ интересы всѣхъ правительствъ; *но она не должна объединять ихъ дѣйствія: дѣйствіе должно оставаться въ совершенной особности и быть національнымъ.* Намъ опасно казаться въ союзѣ, потому что это будетъ союзъ правительствъ противъ народовъ, и съ этихъ поръ паденіе первыхъ будетъ неизбѣжно. Вслѣдствіе этого, наше собственное благо предписываетъ намъ оставаться совершенно нейтральными и чуждыми мѣръ, принятыхъ германскими государствами для своей безопасности, и британское правительство особенно должно удерживаться даже въ произнесеніи своего приговора насчетъ ихъ, ибо въ этомъ оно должно будетъ отдать отчетъ своему парламенту. Самое спокойствіе Германіи требуетъ, чтобъ всякій споръ объ этомъ предметѣ былъ удаленъ отъ парламента, чтобъ отнять у нѣмецкой революціонной партіи это средство публичности, ибо другія средства у нея отняты франкфуртскими постановленіями. Мы, съ своей стороны, рѣшились бороться съ нашимъ домашнимъ зломъ со всею требуемою энергіею, и думаемъ, что этою борьбою дѣятельно служимъ общему дѣлу; но для успѣха здѣсь никакая чуждая опора, вліяніе или даже совѣтъ не должны находить къ намъ доступа». Тотъ же лордъ Касльри, въ письмѣ къ графу Ливену, приглашалъ Русскій Импе-

раторскій Кабинетъ къ совершенному безучастію въ дѣлахъ Германіи, съ явною цѣлію, чтобы Россія не противодѣйствовала австрійскому вліянію: «Изъ мнѣній его величества императора Русскаго принцъ-регентъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидалъ согласіе въ видахъ и принципахъ Дворовъ Лондонскаго и Петербургскаго относительно дѣлъ германскихъ. Оба Двора одинаково избѣгаютъ всякаго вмѣшательства въ эти дѣла—вмѣшательства, на которое можно было бы смотрѣть, какъ на нарушеніе правъ и независимости германской конфедераціи. Этотъ принципъ опредѣлилъ поведеніе С.-Джемскаго Кабинета, когда Дворы Вѣнскій и Берлинскій дали ему знать о сущности мѣръ, принятыхъ въ Карлсбадѣ и Франкфуртѣ. Хотя эти сообщенія могли оправдать и даже вызвать публичное заявленіе чувствъ принца-регента, однако его королевское высочество не счелъ приличнымъ ни въ собственныхъ нотахъ означеннымъ Дворамъ, ни въ инструкціяхъ дипломатическимъ агентамъ за-границею, выразить свое мнѣніе о постановленіяхъ германскаго сейма. Принцъ-регентъ взглянулъ на нихъ, какъ на акты иностранныхъ, независимыхъ правительствъ, изданные для установленія ихъ частныхъ дѣлъ и внутренняго управленія. Этотъ принципъ невмѣшательства, руководившій принцемъ-регентомъ, не исключаетъ всякой мысли о возможности вмѣшательства; очень можетъ быть, что раздоры между государствами, составляющими германскую конфедерацію, примутъ характеръ, столь опасный для ихъ собственнаго спокойствія, а слѣдовательно и для спокойствія Европы, что будетъ законно со стороны дружественныхъ и союзныхъ державъ (особенно, если онѣ будутъ призваны господствующимъ мнѣніемъ въ Германіи), сдѣлать нѣсколько осторожныхъ шаговъ въ видахъ примиренія. Но такихъ явленій теперь вовсе нѣтъ, и если мы обратимъ вниманіе на то, сколькъ разъ одного ожиданія иностраннаго вмѣшательства было достаточно для замедленія переговоровъ самыхъ важныхъ и даже для воспрепятствованія окончательному рѣшенію дѣлъ, то ваше сіятельство позволитъ мнѣ представить ему чрезвычайную важность, какую нашъ Дворъ полагаетъ въ томъ, чтобъ употреблять такой языкъ, который уничтожалъ бы въ Германіи всякое подозрѣніе въ возможности подобнаго вмѣшательства».

Англія старалась болѣе всего объ устраненіи вмѣшательства, причемъ, въ описываемое время, вмѣшательство представлялось для нея всегда русскимъ вмѣшательствомъ; но Австрія, которую она поддерживала въ стремленіи играть первенствующую роль въ Германіи и поднять свое значеніе въ Европѣ, Австрія не думала ограничиваться видами англійской политики. Австрія желала вмѣшательства Россіи, но съ тѣмъ, чтобъ Русскій императоръ при этомъ вмѣшательствѣ измѣнилъ свое прежнее направленіе. Меттернихъ не терялъ надежды произвести это измѣненіе даже и относительно Германіи, состояніе которой онъ описывалъ такимъ образомъ «Наблюдая съ нѣкоторымъ вниманіемъ внутреннее состояніе Германіи, открываемъ и здѣсь, какъ въ большей части другихъ государствъ европейскихъ, тѣ же элементы разрушенія, которые гложатъ связи общественнаго тѣла, ту же слабость верховной власти, ту же игру партій; наконецъ—ту же тупость въ массахъ. Единственная особенность, но рѣзко выдающаяся, представляемая федераціею, состоитъ въ томъ, что только въ Германіи находимъ мы монархическія правительства, которыхъ вся дѣятельность направлена на поддержаніе либерализма, которыя покровительствуютъ политическимъ сектамъ, спекулируютъ на произведенія нравственнаго обольщенія и ведутъ себя такъ, какъ будто результаты такого порочнаго поведенія не окажутъ своего гибельнаго вліянія на ихъ собственную судьбу. Эти маленькія государства чувствуютъ себя сильными вслѣдствіе покровительства, которымъ они пользуются, въ силу федеральныхъ гарантій и подъ эгидою консервативнаго начала, служащаго основаніемъ политики великаго союза. Безпокойный духъ маленькаго Двора, освобожденнаго отъ важной отвѣтственности политической, заставляетъ его искать ложной популярности. Покровительствуя революціоннымъ ученіямъ, онъ воображаетъ, что играетъ въ вѣрную игру и обезпечиваетъ себѣ успѣхъ во всякомъ случаѣ,—восторжествуетъ ли монархическое начало, или партія либеральная возьметъ верхъ. Первое революціонное движеніе началось въ Прусской монархіи. Это движеніе, которое, между 1812 и 1815 годами, сообщилось и нѣкоторымъ другимъ сосѣднимъ государствамъ, съ теченіемъ времени до такой степени ослабѣло въ Пруссіи, что это государство можно теперь считать однимъ изъ самыхъ обезпеченныхъ относительно будущихъ волненій. Великое герцогство Веймарское, изъ всѣхъ малыхъ государствъ, было первое, которое послужило очагомъ самому рѣзкому радикализму. Опытъ способствовалъ его потушенію. Убійство Коцебу открыло глаза покровителямъ горячки нѣмецкаго юношества, и карлсбадскія конференціи положили конецъ важной роли, которую играла Іена. Баварія, вводя къ себѣ представительную систему, смѣшивая форму преимущественно нѣмецкую провинціальныхъ чиновъ съ порядкомъ вещей, существенно чуждымъ германской почвѣ и духу ея народовъ, причинила зло. Гибельный примѣръ, поданный Баваріею, скоро увлекъ Дворы Баденскій и Гессенскій. Карлсбадскій съѣздъ, обнародованіе его рѣшеній во Франкфуртѣ, особенно же установленіе центральной слѣдственной коммисіи въ Майнцѣ, нанесли рѣшительный ударъ дѣятельности сектъ, университетскимъ заговорамъ и усиліямъ либерализма вводить всюду представительную систему. Новая эра началась для Германіи съ осени 1819 года. Нравственное содѣйствіе императора Всероссійскаго окончательно дастъ средства небольшому числу германскихъ Дворовъ возвратиться съ ложной дороги, по которой они до сихъ поръ слѣдо-

вали. Обязанность членовъ великаго союза—указать имъ правый путь; это указанiе станетъ легко съ того дня, когда министры союзниковъ заговорятъ однимъ языкомъ о важныхъ вопросахъ, обозначенныхъ въ настоящемъ мемуарѣ. Учрежденiе слѣдственной коммисiи оказало существенныя услуги Германiи, устрашая, сбивая съ дороги заговорщиковъ, обрывая нити множества скрытыхъ во мракѣ проектовъ, которые, созрѣвши, могли бы имѣть самыя гибельныя послѣдствiя. Новый уставъ университетской полицiи, уничтожая тайныя общества, въ которыя вовлечена была разгоряченная молодежь, возстановилъ порядокъ и спокойствiе, насколько можно было это сдѣлать въ такое бурное время; но нельзя сказать того же о законахъ, которые должны были обуздать злоупотребленiя печати. Законъ 1819 года, возлагая на германскiя правительства обязанность возстановить мудрую и умѣренную цензуру, обезпечивалъ имъ то, что всего лучше могло содѣйствовать ихъ безопасности и спокойствiю. Нѣкоторыя изъ германскихъ правительствъ, не испытавшiя до сихъ поръ революцiонныхъ потрясенiй, задремали среди обманчивой безопасности. Между этими правительствами должно прежде всѣхъ поименовать правительство саксонское. Непонятное нерадѣнiе, съ которымъ это правительство, вопреки многочисленнымъ представленiямъ, получаемымъ отъ другихъ Дворовъ, смотрѣло на вопiющiя злоупотребленiя печати, было тѣмъ болѣе вредно, что Саксонiя принадлежитъ къ тѣмъ германскимъ странамъ, гдѣ больше всего пишутъ и печатаютъ, и что Лейпцигъ служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для книжной нѣмецкой торговли. Зло, причиненное саксонскимъ правительствомъ въ этомъ отношенiи, частiю, какъ кажется, вслѣдствiе денежныхъ разсчетовъ, слишкомъ мелкихъ въ подобномъ вопросѣ,—это зло усилилось тѣмъ, что послужило примѣромъ и предлогомъ для мелкихъ государствъ, окружающихъ королевскую Саксонiю. Другiя правительства, и особенно тѣ, которыя ввели у себя конституцiю, руководились, относительно печати, внушенiями страха. Эти правительства думали, что, стѣсняя слишкомъ свободу писателей, они подвергнутся крикамъ, упрекамъ, быть можетъ — протестамъ, чего они боялись гораздо больше, чѣмъ законовъ безсильнаго сейма и неудовольствiя государей, соблюдающихъ эти законы. Впрочемъ, существуетъ замѣчательное различiе въ поведенiи Дворовъ, находящихся въ этой категорiи. Баварскiй Дворъ, если не всегда владѣетъ необходимою энергiею, чтобъ дѣйствовать согласно съ своимъ убѣжденiемъ, по крайней мѣрѣ отличается честностью и благонамѣренностiю. Такъ, журналы и брошюры баварскiе хотя издаются, нельзя сказать, чтобъ въ хорошемъ духѣ, сохраняютъ однако умѣренность, которую надобно приписать единственно личнымъ чувствамъ министра, управляющаго политикою Баварiи. Дѣйствiе цензуры благонамѣренной, хотя боязливой и часто слабой, оказывается даже на редакцiи знаменитой «Аугсбургской Газеты». Преданная, вообще, либерализму, хотя и не отвергая сообщенiй, дѣлаемыхъ въ противоположномъ смыслѣ, эта газета, странная смѣсь статей всякаго направленiя и цвѣта, должна была, по крайней мѣрѣ, поддерживать этотъ характеръ ложнаго нейтралитета, которому обязана отчасти своею репутацiею; но репутацiю эту она не заслужила ни чистотою принциповъ, ни достовѣрностiю своихъ извѣстiй. Идя почти одною дорогою съ баварскимъ правительствомъ, правительство баденское даетъ еще менѣе поводовъ къ жалобамъ. Но въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ цензура существовала только по имени. Эта страна наводнена зажигательными памфлетами, и «Майнцская Газета» каждый день обличаетъ въ ничтожествѣ или злонамѣренности правительство, ее терпящее. Наконецъ, въ Германiи есть правительство, по принципу враждебное всякой мѣрѣ, клонящейся къ удержанiю потока своеволiя. Въ другихъ странахъ нѣмецкихъ, неутомимые враги мира и общественнаго порядка только терпимы: въ Виртембергѣ они пользуются покровительствомъ, ихъ ласкаютъ и явно поддерживаютъ. Главнымъ арсеналомъ для нихъ служитъ газета, издающаяся въ Штутгартѣ, подъ именемъ «Неккарской Газеты».

Такимъ образомъ, Меттернихъ былъ доволенъ, или, по крайней мѣрѣ, объявлялъ себя довольнымъ результатами майнцской слѣдственной коммисiи и уставомъ университетской полицiи; не былъ доволенъ только слабостью цензуры и считалъ нужнымъ обратить на это вниманiе Русскаго императора, взывая къ его нравственному содѣйствiю для обращенiя германскихъ Дворовъ на правый путь. Слѣдовательно, въ то время, какъ Англiя хлопотала, чтобъ отклонить императора Александра отъ вмѣшательства въ германскiя дѣла, Меттернихъ хлопоталъ о томъ, чтобъ затянуть его въ это вмѣшательство, воспользоваться его могущественнымъ влiянiемъ для сдержанiя и подавленiя революцiонныхъ движенiй, неизбѣжныхъ спутниковъ представительныхъ учрежденiй. Причины этого различiя во взглядахъ Лондонскаго и Вѣнскаго Кабинетовъ ясны: несмотря на всю консервативность тогдашняго торiйскаго министерства Англiи, на его отвращенiе, страхъ предъ революцiонными движенiями и полное оттого сочувствiе австрiйской политикѣ, островное государство все же смотрѣло издали и холодно на внутреннiя континентальныя движенiя, слѣдствiя которыхъ хотя и могли оказать свое влiянiе за проливомъ, но нескоро и не въ такой степени. Глядѣть же напряженно впередъ считалось въ англiйской политикѣ такъ же неразумнымъ, какъ и вовсе ничего не предусматривать. Но понятно, что это отвращенiе отъ соображенiя дальнихъ послѣдствiй извѣстныхъ движенiй, это стремленiе руководиться осязательнымъ фактомъ происходило въ англiйской политикѣ отъ островной разобщенности, отъ отсутствiя непосредственныхъ соприкосновенiй съ континен-

тальною жизнью, отъ происходящей отсюда узкости сферы. Если ближайшее государство увеличиваетъ свои военныя силы, то сейчасъ же забить тревогу и спѣшить усиленіемъ средствъ защиты своего острова — это по-англійски, потому что тутъ дѣло ясное; но соображать возможныя слѣдствія какихъ-нибудь внутреннихъ континентальныхъ движеній, и по этимъ соображеніямъ составлять планы, входить въ союзы, связывать себѣ руки на будущее, подвергаясь риску повредить какому-нибудь ближайшему своему интересу, — на это Лондонскій Кабинетъ не согласится, тѣмъ болѣе-что все это нужно будетъ объяснять въ парламентѣ и выдержать бурю. Такъ и въ описываемое время Англійскій Кабинетъ обращалъ преимущественное вниманіе на внѣшнее, близкое и очевидное, оставляя внутреннее, ненаходящееся въ непосредственной связи съ англійскими интересами; внѣшнее, близкое и очевидное было могущественное вліяніе Россіи; слѣдовательно всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобъ ослаблять это вліяніе, вытѣснять его отовсюду, не давать пускать корней. Задача очень простая; ея рѣшенію чрезвычайно помогаетъ теорія невмѣшательства, хотя нѣтъ правила безъ исключенія: гдѣ интересы Англіи потребуютъ, — тамъ можно и вмѣшаться. Рѣзкое различіе въ положеніи Англіи и Австріи условливало различіе взглядовъ, несмотря на симпатію ихъ Кабинетовъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Австрія—держава континентальная, нераздѣльная часть европейскаго политическаго организма, подверженная непосредственному вліянію внѣшнихъ и внутреннихъ движеній; притомъ Австрія, несмотря на свои видимые крупные размѣры, была держава крайне слабая по своему внутреннему пестрому составу. Сознаніе этой слабости должно было изощрять вниманіе австрійскихъ государственныхъ людей относительно всѣхъ движеній, внѣшнихъ и внутреннихъ: движеніе, которое могло только поколебать, взволновать временно другое, болѣе сильное государство, могло разрушить Австрію. Внѣшняя опасность прекратилась, по крайней мѣрѣ чрезвычайно ослабѣла съ паденіемъ Наполеона; но немедленно явилась другая опасность, внутренняя — революціонныя движенія, которыя, если заразятъ Австрію, могутъ сглодать ея слабое тѣло скорѣе, чѣмъ всякое другое. Отсюда главная забота Меттерниха противодѣйствовать этому революціонному движенію всюду, преимущественно въ странахъ ближайшихъ. Такъ, естественно, должны были порозниться стремленія Англіи и Австріи, изъ которыхъ первая преслѣдовала преимущественно внѣшнее, вторая — внутреннее. Отсюда же и различіе отношеній ихъ къ Россіи. Австріи точно также противно было могущественное вліяніе Россіи: она имѣла еще больше причинъ чѣмъ Англія, бояться Россіи, особенно по отношенію къ своему славянскому народонаселенію. Но вопросъ внѣшней безопасности стоялъ теперь для нея на заднемъ планѣ, а для удовлетворительнаго рѣшенія внутренняго, — необходимо было содѣйствіе могущественной Россіи. Господствующее стремленіе Австріи, какъ державы слабой, было стремленіе употреблять чужія силы для своихъ цѣлей, для своего поддержанія. Меттернихъ не боялся усилить вліяніе Россіи на дѣла Европы, если это вліяніе будетъ служить его цѣлямъ, если онъ успѣетъ направить его противъ революціонныхъ движеній; притомъ сила Россіи и не будетъ опасна, когда ея правительство будетъ занято какимъ-нибудь внутреннимъ европейскимъ вопросомъ и, противодѣйствуя революціонному движенію, явится съ строго охранительнымъ характеромъ: Австрія будетъ безопасна и будетъ играть важную роль, какъ разумная сила, направляющая силы матеріальныя для охраненія спокойствія и общественнаго порядка; иниціатива дѣла у нея, — а всякое дѣло мастера боится.

Цѣль разумѣется, не могла быть достигнута вдругъ; она достигалась исподоволь, при содѣйствіи обстоятельствъ. Волненія нѣмецкой школьной молодежи, скоро успокоенныя, и либеральныя статьи «Неккарской Газеты» не могли имѣть важнаго вліянія на направленіе русской политики; но конституціонное дѣло идетъ дурно въ Польшѣ, не по мысли государя, давшаго конституцію; Франція сильно волнуется, скоро взволнуются Испанія, Италія...

Мы оставили Францію въ опасномъ положеніи, когда слабое правительство, не сумѣвъ сдержать своихъ естественныхъ защитниковъ, разорвало съ ними и стало опираться на либераловъ. Но за либералами, которые были рады поддерживать конституціонный тронъ Бурбоновъ, стояли люди изъ другихъ лагерей—республиканцы, бонапартисты, которые сначала всѣ смѣшались въ общей оппозиціи крайнимъ роялистамъ, всѣ одинаково привѣтствовали правительство, разорвавшее съ послѣдними; всѣ казались одинаково ему преданными. Но потомъ, когда поднялись и стали на ноги, опираясь на руку, протянутую имъ правительствомъ, то распустили свои знамена и стали дѣйствовать противъ правительства, которое, стремясь себя *популяризировать* и *національзировать*, разнуздывало ихъ все болѣе и болѣе. Сюда присоединялась новость конституціоннаго дѣла во Франціи и страсть французовъ къ игрѣ въ оппозицію: сюда присоединялось и то, что либеральные приверженцы Бурбоновъ ослаблялись тревогою относительно скораго будущаго, когда тронъ долженъ будетъ перейти къ принцу, явно стоявшему въ челѣ крайнихъ роялистовъ. Думали, что рѣшеніе Ахенскаго конгресса, очищеніе Франціи отъ иностранныхъ войскъ, освобожденіе ея отъ опеки союзниковъ — послужатъ средствомъ къ *популяризированію* и *національзированію* правительства, особенно къ популяризированію герцога Ришелье, которому, послѣ императора Александра, Франція преимущественно была обязана за ахенскія рѣ-

шенія. Но вышло иначе, и Ришелье недолго пробылъ министромъ по возвращеніи изъ Ахена. Ришелье понималъ опасность шага, какой сдѣлало правительство, разрывая съ ультра-роялистами и сближаясь съ либералами; видѣлъ и слѣдствія этого шага—усиленное движеніе въ рядахъ враговъ династіи, жаловался, протестовалъ, требовалъ, чтобъ не очень отдалялись отъ правой стороны, не очень враждебно относились къ ней и не очень потворствовали лѣвой. Но все это были слова, а не дѣло, для котораго, какъ въ высшей степени труднаго, у Ришелье не было средствъ: бо̀льшими способностями къ дѣлу, бо̀льшею энергіею отличался министръ полиціи Деказъ, который владѣлъ полною довѣренностью и волею короля; но мы уже видѣли, по какой дорогѣ пошелъ Деказъ. Ришелье не нравилась эта дорога, и, чувствуя разладъ между собственными взглядами и взглядами товарищей, Ришелье тяготился своимъ положеніемъ и желалъ выйдти въ отставку по окончаніи того дѣла, которое считалъ своимъ призваніемъ,— дѣла очищенія Франціи отъ иностраннаго войска; но императоръ Александръ уговорилъ его остаться, причемъ опирался также и на желаніе короля Людовика XVIII.

Въ Ахенѣ Ришелье еще болѣе былъ обезпокоенъ насчетъ ложнаго пути, которымъ слѣдовало правительство, ибо государи и министры ихъ въ одинъ голосъ указывали ему на опасное положеніе Франціи. Подъ вліяніемъ этихъ внушеній, Ришелье писалъ изъ Ахена въ Парижъ сильныя письма, возбуждая товарищей къ наступательному движенію противъ ультра-либераловъ: «Время либеральныхъ уступокъ прошло; мы сдѣлали ихъ довольно и все понапрасну: обратили ли мы хотя одного изъ этихъ негодяевъ? Схватимся, наконецъ, съ нашими настоящими врагами! Мы побили правое крыло, теперь соединимъ наши силы противъ лѣваго крыла, гораздо болѣе страшнаго по сильнымъ резервамъ, которые сзади него». Но Деказъ не раздѣлялъ воинственнаго настроенія главы Кабинета: съ правымъ крыломъ онъ покончилъ безвозвратно, а лѣвое бить боялся, чтобъ не остаться совершенно безъ помощи. Что намъ пріятно и легко, то обыкновенно кажется разумнымъ и необходимымъ: такъ и Деказу — единственно разумнымъ и необходимымъ казалось популяризировать и націонализировать правительство посредствомъ сближенія съ либералами—это была его система; самолюбіе требовало ея поддержанія, и на воинственныя выходки стараго Ришелье молодой Деказъ отвѣчаетъ представленіями о необходимости дѣйствовать обдуманно, осторожно, не пугаясь, не торопясь, — совѣты, которые, смотря по человѣку, иногда обличаютъ опытность и мудрость, а иногда—безсиліе, робость, неспособность къ мѣрамъ рѣшительнымъ. По возвращеніи Ришелье изъ Ахена, глава Кабинета все болѣе и болѣе расходился съ министромъ полиціи: Ришелье настаивалъ на необходимости сближенія съ правой стороной, Деказъ — держался крѣпко стороны *популярной*, остальные министры дѣлились между ними. Съ такимъ раздвоеніемъ Кабинетъ существовать не могъ. Безпокойство овладѣло всѣми, ибо всѣ интересы были затронуты; биржевой барометръ то опускался, то поднимался въ самое короткое время. Ришелье, больной нервами отъ страшнаго безпокойства, лишившійся сна, подалъ въ отставку; упрашиваемый королемъ не покидать его; угрожаемый, что, въ случаѣ выхода его изъ министерства, король долженъ призвать на его мѣсто Талейрана, онъ соглашался на одномъ непремѣнномъ условіи, чтобъ Деказъ вышелъ изъ министерства. Людовикъ XVIII расплакался, но рѣшился принести эту жертву. Ришелье началъ составлять новый Кабинетъ, и никакъ не могъ сладить съ этимъ дѣломъ: тутъ онъ представилъ королю невозможность для себя оставаться долѣе министромъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представилъ, что нѣтъ никакой необходимости призывать и Талейрана. Начали искать, кого бы назначить главою Кабинета,—и нашли генерала Дессоля, человѣка не безъ способностей, уживчиваго, монархиста и либерала, лично извѣстнаго и пріятнаго императору Александру; послѣднее обстоятельство было очень важно, ибо знали, какъ дурно будетъ принято въ Петербургѣ извѣстіе о выходѣ герцога Ришелье изъ министерства. Дессоль принялъ предложеніе безъ всякаго затрудненія, и, съ своей стороны, предложилъ Деказу остаться въ министерствѣ; тотъ объявилъ, что никакъ на это не согласится, если король не прикажетъ; король, разумѣется, приказалъ. Деказъ сталъ членомъ новаго Кабинета съ портфелемъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто полиціи: 30-го декабря 1818 года, публика узнала о новомъ Кабинетѣ, въ которомъ самымъ виднымъ членомъ былъ не президентъ Дессоль, но министръ внутреннихъ дѣлъ—Деказъ.

Выходъ Ришельё, стремившагося къ сближенію съ правою стороною, и образованіе новаго министерства съ Деказомъ, стремившимся къ популяризированію и націонализированію правительства, были торжествомъ либеральной партіи. Но это тожество, это упроченіе системы, противъ которой высказались четыре главныя державы, не могло не встревожить ихъ представителей въ Парижѣ; изъ нихъ одинъ только былъ радъ перемѣнѣ — англійскій посланникъ Стюартъ, который, въ выходѣ Ришелье изъ министерства, видѣлъ конецъ русскому вліянію. Стюартъ не умѣлъ скрыть своего восторга и бросился къ новому министерству съ распростертыми объятіями, надѣясь получить при немъ то же значеніе, какое Поццо-ди-Борго имѣлъ во время министерства Ришелье. Русскій, австрійскій и прусскій посланники имѣли причину тревожиться: военное министерство осталось за маршаломъ Гувіономъ С. Сиромъ, который находился подъ явнымъ вліяніемъ бонапартистовъ и демократовъ. Хранитель печати (министръ

юстиціи) Десерръ, человѣкъ съ блестящими талантами, но увлекающійся и страстный, сильно тянулся къ лѣвой сторонѣ — и вслѣдствіе недавней ожесточенной борьбы своей съ правою, и вслѣдствіе особенной дружбы своей съ учеными представителями либеральной партіи или, такъ называемыми, доктринерами. Глава Кабинета, маркизъ Дессоль, повидимому, такой умѣренный, уживчивый со всѣми, не имѣлъ яснаго сознанія своего положенія и положенія страны, не былъ самостоятеленъ и постепенно подчинялся вліянію людей, болѣе сильныхъ нравственными средствами; общество наполеоновскихъ генераловъ, которымъ онъ былъ всегда окруженъ, также не оставалось безъ вліянія на его образъ мыслей. Три континентальныя союзныя державы—Россія, Австрія и Пруссія—сочли нужнымъ прибѣгнуть къ вмѣшательству; предлагалось возобновить прежнія конференціи посланниковъ четырехъ союзныхъ Дворовъ въ Парижѣ, какъ то было до Ахенскаго конгресса, представить французскому правительству о необходимости уволить военнаго министра С.-Сира, или, вообще, сдѣлать коллективное предложеніе французскому правительству о необходимости перемѣнить систему. Но Англія и тутъ выставила неодолимое сопротивленіе. Лордъ Касльри объявилъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, Эстергази, что государство не имѣетъ никакого права наблюдать за ходомъ внутреннихъ дѣлъ въ другомъ государствѣ; революціонеры воспользуются этимъ, чтобъ начать еще сильнѣе кричать противъ правительства и даже предпринять что-нибудь поважнѣе. Касльри высказалъ при этомъ, что даже изгнаніе Бурбоновъ онъ не считаетъ поводомъ къ вмѣшательству, и четверной союзъ противъ Франціи примѣнителенъ только къ слѣдующимъ предположеніямъ: 1) нападеніе со стороны Франціи; 2) неминуемая опасность для Европы вслѣдствіе внутренняго состоянія Франціи; 3) возвращеніе Наполеона.—Англійскому посланнику въ Вѣнѣ Касльри писалъ: «Министры принца-регента видятъ ясно ошибки французскаго правительства; видятъ ясно опасности, которыя могутъ, рано или поздно, проистечь для Европы отъ внутреннихъ волненій этой страны и отъ опасныхъ замысловъ, питаемыхъ здѣсь нѣкоторыми партіями; но Англійскій Кабинетъ всегда сомнѣвался и теперь сомнѣвается: можетъ ли вмѣшательство со стороны союзниковъ служить къ предотвращенію опасности. Если бы король Французскій или министры его, среди запутанностей и затрудненій, съ которыми безпрестанно борются, могли по своему произволу направлять ходъ дѣлъ, тогда Лондонскій Кабинетъ согласился бы съ Петербургскимъ, что торжественное заявленіе серьезныхъ тревогъ, которыми объяты союзные Дворы, могло быть полезно; но намъ всегда казалось, что препятствія, которыя во Франціи встрѣчаетъ установленіе мудраго и твердаго правительства, происходятъ отъ другихъ причинъ, а не отъ отсутствія добрыхъ намѣреній или частныхъ расположеній королевскихъ министровъ. Эти препятствія британское правительство находитъ болѣе въ продолжительныхъ слѣдствіяхъ революціи, въ настоящемъ составѣ законодательной власти, въ новости для Франціи представительной системы. Трудность, при такихъ условіяхъ, вести дѣла посредствомъ министра, посредствомъ партіи какой-нибудь, или посредствомъ сліянія партій,—эта трудность недостаточно признается и оцѣнивается; наконецъ эти препятствія заключаются, большею частію, въ избирательномъ и рекрутскомъ законахъ, бывшихъ слѣдствіемъ уступки желаніямъ арміи и народа. Законы эти изданы, безъ сомнѣнія, съ самыми чистыми намѣреніями, но они не перестаютъ явственнымъ образомъ обезсиливать власть короля, и, къ несчастію, ихъ гораздо легче было издать, чѣмъ теперь измѣнить. Министры принца-регента убѣждены, что вмѣшательство иностранныхъ державъ только усилитъ опасности положенія». Русскому посланнику Касльри говорилъ: «Франція заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе сѣменъ демократіи, чѣмъ Англія. Послѣдніе выборы дали тому доказательство. Это расположеніе сдѣлаетъ ее жадною ко всякому предлогу мятежа; ея первыя усилія будутъ направлены къ тому, чтобъ уничтожить тронъ, который мы хотимъ защищать, и первый предлогъ къ тому—вліяніе иностранныхъ правительствъ на французское. Политическая система Европы измѣнилась сильно съ 1815 года. Введеніе конституціи въ Германіи и Бельгіи, общее либеральное стремленіе возбудили въ сосѣднихъ странахъ сильное сочувствіе къ Франціи; подданные теперь не пойдутъ за правительствами противъ нея. Правительства не водятъ болѣе народы на войну, не сказавъ имъ напередъ, за что они будутъ биться. Только причина законная и очевидная можетъ теперь оправдать призывъ къ оружію».

Такимъ образомъ, и по французскимъ дѣламъ, какъ и по германскимъ, вопросъ о вмѣшательствѣ былъ рѣшенъ отрицательно. Но скоро поднимутся бури съ юга, и опять будетъ поставленъ роковой вопросъ.

V.

Троппау.—Лайбахъ.

Революціонное броженіе видимо обходило Европу; затихало движеніе въ Германіи,—начиналось на южныхъ полуостровахъ, и здѣсь шло въ извѣстномъ порядкѣ: сначала обнаружилось на Пиренейскомъ, потомъ на Апеннинскомъ, наконецъ—на Балканскомъ.

Съ 1820 года, Испанія вступаетъ въ свой революціонный періодъ, періодъ долгій и тяжелый по условіямъ государственной и общественной жизни страны, по условіямъ историческаго воспитанія, полученнаго народомъ. Въ средніе вѣка, главное явленіе исторической жизни народовъ

Пиренейскаго полуострова заключалось въ борьбѣ, которую они вели съ магометанскими завоевателями, аравитянами. Борьба эта поглощала всѣ другіе интересы жизни; народъ запечатлѣлся рыцарскимъ характеромъ; онъ жилъ въ постоянномъ крестовомъ походѣ; религіозный интересъ, въ борьбѣ съ невѣрными, стоялъ на первомъ планѣ. Къ концу среднихъ вѣковъ, жители Пиренейскаго полуострова составили изъ себя населеніе преимущественно съ военнымъ и духовнымъ характеромъ: это былъ народъ рыцарей, дворянъ, борцовъ за христіанство противъ невѣрныхъ, и — народъ монаховъ. Въ этомъ постоянномъ крестовомъ походѣ, увѣнчавшемся, къ концу XV вѣка, блестящимъ успѣхомъ, развились силы, требовавшія выхода. Португальцы и испанцы бросились на открытія; но дѣятельность ихъ въ новооткрытыхъ странахъ была продолженіемъ того же крестоваго похода противъ невѣрныхъ; цѣлію подвиговъ и завоеваній было распространеніе христіанства. Скоро, для испанцевъ и въ Европѣ нашлась дѣятельность по нимъ: походъ подъ религіознымъ знаменемъ, борьба съ протестантизмомъ. Главные герои Испаніи въ этой борьбѣ—Лойола и Филиппъ II-й. Въ 1521 году, когда на Вормсскомъ сеймѣ нѣмецкій монахъ Лютеръ рѣшительно объявилъ, что не отречется отъ своихъ мнѣній относительно Римской Церкви,—молодой испанецъ Лойола, лечившійся отъ ранъ, полученныхъ въ войнѣ съ французами, воспламенялся житіями святыхъ, подвигами героевъ христіанства. Лойола основалъ знаменитый орденъ, въ которомъ католицизмъ получилъ превосходное войско для наступательнаго движенія,—людей, отлично приготовленныхъ для нравственной ловли другихъ людей; всѣ способности іезуита были изощрены именно для захвата добычи. Но одною нравственною ловлею дѣло не ограничивалось: Испанія дала Римской Церкви не одного Лойолу,—она дала ей Филиппа II и герцога Альбу. Испанія начала блестящую роль въ Европѣ съ того времени, когда ея король, Карлъ I-й, сдѣлался императоромъ Карломъ V-мъ; но Карлъ V-й не былъ представителемъ испанскаго народа въ Европѣ. Знаменитый императоръ, котораго дѣятельность обхватывала всю Европу, котораго присутствіе нужно было и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Нидерландахъ, оставался иностранцемъ для Испаніи. Только при концѣ жизни испанскія наклонности какъ будто пробудились во внукѣ Фердинанда и Изабеллы: онъ удалился въ Испанію и умеръ въ монастырѣ. Карлъ V не былъ цѣльнымъ испанцемъ: онъ принадлежалъ къ двумъ или тремъ національностямъ, и уже по одному этому взглядъ его былъ шире, дѣятельность свободнѣе; эта широта и свобода развились при его обширной, многосторонней дѣятельности; притомъ Карлъ воспитался въ эпоху сильнаго движенія, сильнаго неудовольствія противъ Римской Церкви, и этимъ объясняются отношенія его къ протестантизму, возможность интерима, возможность сдѣлокъ. Но Филиппъ II принадлежалъ уже другому времени,—тому времени, когда крайности и рознь въ протестантизмѣ оттолкнули отъ него религіозныхъ людей, заставили ихъ искать болѣе твердой почвы, чрезъ что была вызвана католическая реакція: представителемъ этой реакціи и былъ Филиппъ II-й. Притомъ, по природѣ и воспитанію своему, Филиппъ былъ соотечественникъ Лойолы, былъ цѣльный испанецъ. Зная предшествовавшую исторію Испаніи; зная, какое значеніе имѣла здѣсь религія, Церковь,—мы поймемъ, почему Испанія должна была играть главную роль при католической реакціи, почему она выставила Лойолу и Филиппа II. И тотъ, и другой, въ разныхъ положеніяхъ, задали себѣ одну задачу: возстановить господство единой Римской Церкви, уничтожить ересь. Филиппъ не разъѣзжалъ по Европѣ, подобно отцу своему, не предпринималъ и походовъ въ Африку: онъ велъ неподвижную жизнь въ Испаніи; отъ этого горизонтъ его необходимо суживался; вокругъ—однообразіе и мертвая тишина, и тѣмъ сильнѣе и сильнѣе овладѣваетъ королемъ одна мысль, недопускающая ни малѣйшаго уклоненія, никакой сдѣлки. Филиппъ не чувствуетъ разнообразія, онъ не пойметъ, не признаетъ никогда правъ его. Филиппъ неподвиженъ въ своемъ кабинетѣ, но тѣмъ сильнѣе работаетъ голова человѣка съ энергическою природою; онъ хочетъ все знать, всѣмъ управлять. Борясь неуклонно, неутомимо съ ересью за единство Церкви, Филиппъ продолжаетъ народную религіозную борьбу, которою знаменуется исторія Испаніи, народъ видитъ въ немъ *своего*. Филиппъ II уничтожилъ начатки протестантизма, показавшіеся-было въ Испаніи; запылали костры и «лютеранская язва» исчезла изъ католической страны. Отличаясь особенною ревностью въ истребленіи «лютеранской язвы» и въ борьбѣ съ мусульманами въ сѣверной Африкѣ и на Средиземномъ морѣ, испанцы, понятно, не могли уживаться въ ладу съ маврами, остававшимися среди нихъ по уничтоженіи мусульманскаго государства на югѣ Испаніи. Кромѣ вражды религіозной, испанцы считали мавровъ своими заклятыми врагами, врагами домашними и тѣмъ болѣе опасными, особенно опасными въ то время, когда турецкое могущество висѣло грозною тучею надъ Европою. Испанія не могла переварить этого отдѣльнаго и враждебнаго народа среди своего народа, «народа въ народѣ»,— и мавры были изгнаны. Испанія покончила съ маврами у себя; въ Европѣ она являлась первенствующею державою; глаза всѣхъ католиковъ были постоянно обращены на нее, какъ на главную защитницу Церкви; протестанты боялись Испаніи больше всего, и нельзя было не бояться перваго, по своей храбрости и искусству, войска въ Европѣ, которымъ постоянно предводительствовали знаменитѣйшіе полководцы. Славолюбіе рыцарскаго народа было удовлетворено; роль его обозначилась и въ томъ, что испанскія моды господствовали

при Дворахъ европейскихъ. Знаменитой роли соотвѣтствовало сильное литературное движенiе, самостоятельное, передовое, которымъ воспользовались народы, такъ сильно враждовавшiе съ Испанiею,—англичане и французы. Сильно развивалась испанская жизнь, но развивалась односторонне. Народъ воиновъ, рыцарей—могъ бы въ древности покорить многiе народы, основать всемiрную монархiю; но въ новой Европѣ онъ долженъ былъ вести войны съ сильными народами, съ сильными союзами государствъ, долженъ былъ истощать свои силы въ продолжительной, далекой, славной, но безполезной для могущества страны борьбѣ, въ борьбѣ, преимущественно, за принципъ, за католицизмъ противъ ереси. И когда религiозное движенiе въ Европѣ затихло, Испанiя, по необходимости, отыграла свою роль, сошла съ исторической сцены, ибо ей нечего было больше дѣлать въ Европѣ, не за что бороться, а между тѣмъ, въ другихъ условiяхъ, которыя поддержали бы ея историческую жизнь, оказался сильный недочетъ: развитiе было одностороннее; испанцы были народъ воиновъ и монаховъ; промышленность, торговля были занятiями не нацiональными, были въ упадкѣ; матерiальныя средства истощились въ долгой борьбѣ, истощились финансы, истощилось народонаселенiе,—много его погибло въ войнахъ по разнымъ концамъ Европы, еще больше ушло въ Новый Свѣтъ; марискu изгнаны. Вслѣдствiе этихъ условiй, испанцы явились неготовыми къ продолженiю дѣятельной исторической жизни. Старое, чѣмъ такъ долго жилось, оказалось несостоятельнымъ, ненужнымъ, и потому страннымъ и смѣшнымъ, какъ все старомодное; знаменитѣйшее произведенiе испанской литературы, «Донъ-Кихотъ», представлялъ насмѣшку надъ рыцарствомъ, насмѣшку надъ основнымъ явленiемъ испанской нацiональной жизни: стало быть, это явленiе изжилось. Старое изжилось, а новаго не было наготовѣ, и народъ не зналъ что дѣлать, погрузился въ продолжительный сонъ,—естественное состоянiе послѣ долгой и изнурительной дѣятельности, изнурительной потому, что односторонней, ибо только разнообразiе занятiй, широта сферы поддерживаютъ силы и отдѣльнаго человѣка, и цѣлыхъ народовъ; однообразiе же справедливо носитъ постоянное названiе мертвеннаго.

Война за Наслѣдство Испанскаго престола пробудила народный духъ, народныя силы, и съ этого времени въ Испанiи начинается движенiе, выражавшееся въ преобразовательныхъ попыткахъ, которыхъ нельзя приписывать только перемѣнѣ династiи и дѣятельности министровъ изъ иностранцевъ. Съ iезуитами поступлено было точно такъ же, какъ прежде съ марисками: 5,000 членовъ ордена были схвачены и вывезены изъ Испанiи; вмѣсто нихъ, вызваны были нѣмецкiе колонисты-протестанты: это уже указывало общее направленiе преобразованiй. Но, по извѣстному закону, всякая новизна встрѣчаетъ сопротивленiе въ старомъ. Сила этого сопротивленiя зависитъ оттого, какъ глубоко старина пустила свои корни; тронуты или не тронуты еще они въ глубинѣ народнаго духа; измѣнились ли,—и въ какой степени измѣнились условiя, укоренившiя старый порядокъ вещей; наконецъ—преобразователи имѣютъ ли достаточно личныхъ средствъ, для успѣшнаго веденiя своего дѣла. Старина въ Испанiи была укоренена долгимъ застоемъ, отсутствiемъ правильнаго, постепеннаго и самостоятельнаго движенiя; старина была свое, освященное; новизна была чужое, извнѣ пришедшее; борьба—и борьба продолжительная, упорная—была необходима, тѣмъ болѣе что знамена были подняты, а вождей искусныхъ, опытныхъ и сильныхъ недоставало. На сѣверѣ отъ Пиренеевъ—страшная революцiя, смѣненная могущественною имперiею,—опасное сосѣдство для Испанiи, носившей, попрежнему, всѣ признаки государственнаго истощенiя. Въ 1808 году, гроза разразилась; но сверженiе стараго королевскаго Дома и возведенiе новаго короля, по волѣ чужаго деспота, пробудили силы испанскаго народа. Страна была очищена отъ незваныхъ гостей; но это движенiе, это пробужденiе народныхъ силъ не могло остаться безслѣднымъ. Повидимому, всѣ части испанскаго народонаселенiя дѣйствовали дружно въ борьбѣ съ французами, имѣли одну цѣль — возстановленiе независимости и самостоятельности родной страны; несмотря на то, тутъ были два знамени: масса билось за свое, привычное—противъ новаго и чужаго; а народные представители, взявши старое названiе кортесовъ, провозглашали въ Кадиксѣ, въ 1812 г., новую, крайне-либеральную конституцiю, составленную по чужому образцу, и своими крайностями доказывавшую незрѣлость своихъ виновниковъ и приверженцевъ. По окончанiи общаго дѣла, различiе знаменъ ясно обозначилось и возвѣстило продолженiе борьбы между старымъ и новымъ,—борьбы, начавшейся во второй половинѣ XVIII вѣка. Возвращенный изъ французскаго плѣна, король Фердинандъ VII сталъ подъ старое знамя безъ всякой сдѣлки съ новымъ,—дотого, что съ уничтоженiемъ новой либеральной конституцiи возстановлена была старая инквизицiя. Гоненiе постигло не только всѣхъ *офранцуженныхъ* (afrancesados), т. е. приверженцевъ короля Iосифа Бонапарте, занимавшихъ при немъ какiя-нибудь должности, но и вожаковъ и приверженцевъ кортесовъ, людей, получившихъ знаменитость въ войнѣ за освобожденiе, но нехотѣвшихъ возстановленiя стараго порядка. Гоненiя сдавили на время приверженцевъ новаго, но не уничтожили ихъ, не уничтожили духа и направленiя, уже принявшагося въ Испанiи въ XVIII вѣкѣ и развившагося съ 1808 года, направленiя незрѣлаго, выражавшагося порывисто и странно, скачками, какъ обыкновенно бываетъ при условiяхъ новизны и незрѣлости, но, тѣмъ не менѣе, направленiя принявшагося; это была уже не «лютеранская язва»

XVI вѣка, для которой почва Испаніи была такъ мало приготовлена и съ которою, потому, легко было бороться. Сжатое правительственною силою и силою большинства, новое, преобразовательное направленіе притаилось наврмя и начало подземную работу посредствомъ тайныхъ масонскихъ обществъ, посредствомъ заговоровъ, а у правительства, кромѣ внѣшней матеріальной силы, не было другого средства къ борьбѣ: неспособный король былъ окруженъ людьми неспособными; онъ безпрестанно мѣнялъ министровъ; но смѣна одной бездарности другою не поправляла дѣла; государственная машина была въ полномъ разстройствѣ, и тѣмъ давалось оправданіе людямъ, стремившимся къ преобразованіямъ. Въ 1820 году, эти люди нашли и матеріальную поддержку, возможность дѣйствовать посредствомъ войска. Мы видѣли, что въ Германіи революціонное движеніе приливало преимущественно къ университетамъ, потому-что, при сильномъ развитіи образованія и при отсутствіи политической дѣятельности, это было самое чувствительное мѣсто. Но на южныхъ полуостровахъ Европы, Пиренейскомъ и Апеннинскомъ, университеты далеко не могли имѣть такого значенія, какое они имѣли въ Германіи, и здѣсь революціонное движеніе, созрѣвая въ тайныхъ обществахъ, начало приливать къ вооруженной силѣ, къ войску. Къ 1820 году, въ Испаніи войско было собрано въ Кадиксѣ, откуда должно было отправиться въ Америку, для подавленія возстанія въ колоніяхъ. Отдаленность экспедиціи и мысль, что надобно будетъ сражаться съ своими, возбуждали сильное неудовольствіе въ войскѣ, которое находилось и безъ того уже въ опасномъ бездѣйствіи по недостатку денегъ и средствъ къ перевозкѣ,—и все это на революціонной почвѣ Кадикса. Вдругъ узнаютъ, что командующій войскомъ генералъ Одоннелль, открылъ большой заговоръ, арестовалъ много офицеровъ, обезоружилъ и удалилъ тысячи солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ, другой слухъ,—что самъ Одоннелль былъ главнымъ двигателемъ заговора, что онъ отставленъ; но войско все стоитъ у Кадикса. 1-го января 1820 г., въ немъ вспыхиваетъ возстаніе; предводители — полковникъ Квирога и подполковникъ Ріего—провозглашаютъ конституцію 1812 года. Войска, высланныя правительствомъ противъ возставшихъ, дѣйствуютъ медленно, ибо предводители боятся дурнаго духа между солдатами. Уже другой мѣсяцъ идетъ борьба; по Европѣ распространяются противорѣчивые слухи: то мятежники доведены до крайности, то торжествуютъ. И то и другое—правда: въ то время, какъ возстание слабѣетъ на югѣ, оно вспыхиваетъ на сѣверѣ: въ Короньѣ, въ Галиціи, генералъ-капитинъ свергнутъ, и учреждается юнта, которая провозглашаетъ конституцію 1812 года. Движеніе распространяется по всей Галиціи; въ Наваррѣ за революцію дѣйствуетъ знаменитый партизанскій вождь Мина, скрывавшійся до сихъ поръ во Франціи. Аррагонія, Каталонія сильно волнуются. Въ Мадридѣ ужасъ. Экстраординарный Государственный Совѣтъ нѣсколько дней разсуждаетъ о мѣрахъ, какія надобно принять въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но несостоятельность правительства рѣзко обнаруживается въ ужасѣ, въ безплодныхъ совѣщаніяхъ, въ полумѣрахъ и колебаніяхъ. Главный вопросъ: кого назначить начальникомъ войска для усмиренія возстанія. Нѣтъ человѣка! Король, извѣстный своею подозрительностью, поручаетъ спасти свою власть человѣку, котораго незадолго передъ тѣмъ, какъ подозрительнаго, отрѣшили отъ начальства надъ войскомъ—Одоннеллю! 3-го марта, Одоннелль выступилъ изъ Мадрида, и на другой же день перешелъ на сторону революціонеровъ, и провозгласилъ конституцію. При извѣстіи, что правительство уже не можетъ разсчитывать на войско, Мадридъ начинаетъ волноваться, и, 7-го марта, король объявляетъ о немедленномъ созваніи кортесовъ, обѣщаетъ дѣлать все, что требуетъ интересъ государства и благо народовъ, представлявшихъ ему столько доказательствъ вѣрности. Но вожаки революціи не хотятъ дожидаться кортесовъ, хотятъ пользоваться благопріятною минутою, и толпы народа кричатъ передъ дворцомъ, требуютъ конституціи 1812 года. Правительство уступаетъ, и Фердинандъ VII клянется быть вѣрнымъ конституціи 1812 года. Инквизиція упраздняется, объявляется свобода печати, амнистія за всѣ политическія преступленія, и общественныя должности переходятъ въ руки либераловъ, гонимыхъ съ 1814 года.

Какъ же взглянули на этотъ переворотъ европейскіе Кабинеты, уже напуганные революціонными движеніями въ Германіи и все болѣе и болѣе обезпокоиваемые насчетъ Франціи? Въ Вѣнѣ боялись уже давно, привыкли бояться, привыкли предусматривать, пророчить страшныя событія, предостерегать другихъ и принимать мѣры предосторожности: потому въ Вѣнѣ относились спокойнѣе къ революціоннымъ движеніямъ, какъ къ давно ожидаемымъ. Но въ Берлинѣ испугались недавно, и потому не могли еще придти въ себя отъ страха, били сильную тревогу, тѣмъ болѣе что держава, за которую привыкли держаться, какъ ребенокъ держится за платье матери, Россія не входила, какъ желалось, въ виды Берлинскаго Кабинета относительно революціонныхъ страховъ: въ-половинѣ съ графомъ Нессельроде иностранными дѣлами при императорѣ Александрѣ завѣдывалъ человѣкъ, котораго при германскихъ Дворахъ величали *корифеемъ либерализма*,—Каподистріа. Его вліянію приписывали то, что относительно германскихъ распоряженій императоръ Александръ говорилъ языкомъ неопредѣленнымъ, иногда темнымъ, и отвращеніе слѣдствій этой неопредѣленности приписывали только объявленію Англійскаго Кабинета, что не должно вмѣшиваться въ германскія дѣла, какъ внутреннія. «Каподистріа»,—писалъ Генцъ,—«съ своимъ об-

ширнымъ умомъ, съ почтенными принципами, съ любовію къ добру въ полномъ смыслѣ слова, давно уже впалъ въ гибельное заблужденіе, что двѣ противоположныя системы, борьба которыхъ виною всѣхъ несчастій времени, могутъ быть примирены въ какой-то химерической средѣ, и что поддержаніе порядка совмѣстно съ господствомъ либеральныхъ идей. Съ сердцемъ нѣжнымъ и любящимъ, этотъ министръ подверженъ слабостямъ, происходящимъ отъ продолжительныхъ страданій физическихъ. Онъ щекотливъ, подозрителенъ, склоненъ видѣть вездѣ дурную сторону; меланхолія доводитъ его до мизантропіи. Онъ не любитъ Вѣнскаго Кабинета, особенно не любитъ князя Меттерниха, не любитъ также Пруссіи, немного помирился съ англійскими министрами, не уважаетъ государственныхъ людей Франціи, — коротко сказать: не желая зла никому, онъ во враждѣ съ цѣлымъ свѣтомъ». Стремленіе къ примиренію противоположныхъ системъ приписывалось Каподистріи!

При Дворахъ, испуганныхъ испанскою революціею, прежде всего досталось Фердинанду VII-му: «Всѣ эти ужасныя событія могли быть въ Испаніи предупреждены гораздо легче, чѣмъ во всякой другой странѣ, если бы король, постоянно окруженный дурными совѣтниками, въ продолженіи шести лѣтъ не дѣлалъ ошибки за ошибкою, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ. И теперь всѣ эти ошибки увѣнчаны самою громадною: лучше бы ему было подвергнуться всевозможнымъ бѣдствіямъ, чѣмъ принять безусловно такую безумную конституцію. Въ ожиданіи выборовъ новыхъ кортесовъ, король будетъ совершенно въ рукахъ военныхъ вождей революціи. Армія потребуетъ вознагражденія за услуги, оказанныя ею отечеству; не удовлетворится тѣмъ, что кортесы будутъ въ состояніи и захотятъ для нея сдѣлать. Онъ возстанетъ противъ кортесовъ, которые, найдя въ своей средѣ всѣ сѣмена раздоровъ, предадутъ Испанію въ жертву анархіи и военнаго деспотизма». Въ Россіи, кажется, будутъ смотрѣть удовлетворительно на дѣло; но что скажетъ Англія съ своимъ принципомъ невмѣшательства? Гарденбергъ обращается къ Кэсльри: «Событія, происшедшія въ Испаніи, могутъ быть крайне опасны для спокойствія Европы. Примѣръ арміи, производящей революцію, — гибельный. Петербургскій Дворъ, не зная еще окончательныхъ слѣдствій возстанія, счелъ необходимымъ согласиться сообща въ мѣрахъ, какія должны быть приняты относительно Испаніи, и пригласить къ общему совѣщанію Францію, которая тутъ вдвойнѣ заинтересована. Петербургскій Дворъ предлагаетъ воспользоваться для этого парижскими конференціями, открытыми для посредничества между Испаніею и Португаліею. Я считаю эту идею чрезвычайно благоразумною. Мы готовы согласиться на всякую полезную мѣру. Мы все надѣемся, что французскія дѣла примутъ благопріятный оборотъ, если только не подѣйствуетъ вредно примѣръ Испаніи. Людовикъ XIV говорилъ: «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ!» Какъ было бы хорошо, еслибъ теперь эти горы стали границею непроходимою!»

Новый страхъ: разнесся слухъ, что англійское посольство въ Мадридѣ принимало участіе въ произведеніи революціи. Слухъ впослѣдствіи оказался неосновательнымъ; тѣмъ не менѣе, Англія и по поводу испанскихъ дѣлъ высказалась также рѣзко въ пользу невмѣшательства. На вызовъ со стороны Французскаго Двора, лордъ Кэсльри отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, державы должны ограничиться простымъ наблюденіемъ, и что Франція и Англія, какъ наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ, могутъ, впослѣдствіи, войти въ соглашенія, если обстоятельства заставятъ ихъ принять роль болѣе дѣятельную. При другихъ Дворахъ, англійское министерство повторяло, что вмѣшательство во внутреннія дѣла чужой страны можетъ быть оправдано только прямою опасностью, которою эти внутреннія дѣла грозятъ вмѣшивающемуся государству; но такая опасность не грозитъ никому со стороны Испаніи; притомъ самый характеръ испанскаго народа неудобенъ для вмѣшательства, которое будетъ одинаково опасно и для державы вмѣшавшейся, и для короля, въ пользу котораго она вмѣшается. Англійское министерство тѣмъ болѣе должно было настаивать на невмѣшательствѣ, что извѣстіе объ испанской революціи было принято съ восторгомъ въ Англіи.

Австрія и Пруссія, видя отпоръ со стороны Англіи, успокоились; одна Россія считала нужнымъ, чтобъ Европа высказалась насчетъ событія, и этимъ дала нравственную опору умѣренно-либеральной партіи въ Испаніи противъ революціонеровъ и солдатъ. Фердинандъ VII, по обычаю, извѣстилъ всѣ Дворы о перемѣнѣ, происшедшей въ формѣ испанскаго правительства. Приверженцамъ этой перемѣны въ Испаніи очень важно было знать мнѣніе о ней могущественнѣйшаго изъ государей Европы; они надѣялись получить опору въ одобреніи Русскаго императора. Зеа Бермудесъ, испанскій посланникъ въ Петербургѣ, зналъ, что здѣсь недовольны и крайностями конституціи 1812 года, и способомъ, какъ она вытребована у короля, и потому придумалъ средство вынудить у Петербургскаго Двора одобреніе конституціи, показавъ ему, что иначе онъ впадетъ въ противорѣчіе. Къ королевскому письму Зеа присоединилъ ноту, въ которой изъявлялъ желаніе узнать взглядъ императора на событіе, совершившееся въ Испаніи, причемъ дѣлалъ намекъ, что въ 1812 году, при заключеніи союза между Россіею и возставшею противъ Наполеона Испаніею, императоръ прямо одобрилъ конституцію, составленную кортесами въ Кадиксѣ,— ту самую конституцію, которая теперь возстановлена въ Мадридѣ. Зеа получилъ отвѣтъ, что императоръ съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о происшедшемъ въ Мадридѣ; если даже въ этомъ происшествіи видѣть только плачевныя слѣдствія

ошибокъ, которыя съ 1813 года предсказывали катастрофу на полуостровѣ, то и тогда нельзя оправдать покушенія, которое предаетъ отечество на жертву случайностямъ насильственнаго кризиса. Будущее Испаніи представляется снова въ мрачномъ видѣ; въ цѣлой Европѣ возбуждены справедливыя опасенія; но чѣмъ важнѣе обстоятельства, чѣмъ болѣе возможно то, что они будутъ гибельны для общаго спокойствія, тѣмъ менѣе права у государствъ, поручившихся за общее спокойствіе, высказывать отдѣльно и поспѣшно свое окончательное сужденіе. Безъ сомнѣнія, вся Европа единогласно будетъ говорить съ испанскимъ правительствомъ языкомъ правды, языкомъ откровенной дружбы. Свергая чуждое иго, наложенное французскою революціею, Испанія пріобрѣла вѣчное право на уваженіе и благодарность всѣхъ державъ европейскихъ. Россія выразила ей эти чувства въ союзномъ договорѣ 1812 года, продолжала оказывать ей сочувствіе и послѣ всеобщаго замиренія. Императоръ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы власть королевская утвердилась и въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, съ помощью прочныхъ учрежденій, особенно прочныхъ правильностью способа ихъ установленія. Исходя отъ трона, учрежденія получаютъ характеръ охранительный; исходя изъ среды мятежа, они порождаютъ хаосъ: опытъ всѣхъ временъ это доказываетъ. Испанскому правительству принадлежитъ судить, могутъ ли учрежденія, данныя насильственнымъ, революціоннымъ образомъ, осуществить благодѣянія, которыхъ Испанія и Америка ожидали отъ мудрости короля и отъ патріотизма его совѣтниковъ. Пути, которые Испанія изберетъ для достиженія этой цѣли; средства, которыми она постарается уничтожить впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ мартовскими событіями,—опредѣлятъ характеръ отношеній императора къ Мадридскому Кабинету. Объявляя объ этомъ сообщеніи Дворамъ Вѣнскому, Лондонскому, Берлинскому, Парижскому, С.-Петербургскій Кабинетъ высказался противъ солдатской революціи, произведенной въ Мадридѣ, которая наврядъ можетъ держаться. Кортесы могли бы еще ее умѣрить, но для этого они должны быть поддержаны нравственно великими союзными державами. Представители этихъ державъ въ Парижѣ должны сообща объявить испанскому уполномоченному, что ихъ Дворы съ прискорбіемъ узнали о мартовской революціи, и что на кортесахъ лежитъ обязанность смыть это пятно съ Испаніи: устанавливая благоразумно-либеральное правленіе, они должны, въ то же время, издать новые строгіе законы противъ возстаній и бунтовъ: только въ такомъ случаѣ союзныя державы могутъ сохранить съ Испаніею дружественныя сношенія, основанныя на довѣренности. Но Лондонскій Кабинетъ снова возсталъ противъ вмѣшательства; Кабинетъ Парижскій предложилъ другую форму нравственнаго вмѣшательства: онъ объявилъ, что вмѣшательство прямое и открытое раздражитъ испанскихъ патріотовъ, и потому предложилъ отправить къ представителямъ пяти великихъ державъ въ Мадридѣ одинакія инструкціи; когда всѣ посланники, вслѣдствіе этого, заговорятъ однимъ языкомъ съ испанскимъ правительствомъ, то это должно произвести сильное впечатлѣніе на испанцевъ и удержать ихъ отъ крайностей. Въ случаѣ, если король не будетъ болѣе находиться въ безопасности, или, если опасность будетъ угрожать сосѣднимъ державамъ, то пять посольствъ выскажутъ формальное неодобреніе такому порядку вещей, могутъ даже оставить Мадридъ, и тогда державы будутъ совѣщаться, что дѣлать. Но Лондонскій Кабинетъ отвергъ и это средство, потому что, если допустить подобное вмѣшательство въ чужія дѣла, то надобно допустить его и въ свои; впрочемъ, Лондонскій Кабинетъ допускалъ возможность вмѣшательства въ двухъ случаяхъ: 1) если Испанія нападетъ на Португалію, и Лиссабонскій Кабинетъ, на основаніи договора, потребуетъ помощи у Англіи; 2) если жизнь Фердинанда VII будетъ дѣйствительно въ опасности.

Въ то время, когда происходили эти сношенія по дѣламъ испанскимъ, Италія уже горѣла революціоннымъ пожаромъ. Какъ въ Испаніи, такъ и здѣсь тайныя общества взрыли вулканическую почву; самое многочисленное и вліятельное изъ нихъ носило названіе *карбонари*, которые дѣлились на пять степеней: ученики, магистры, великіе магистры, просвѣтленные и высокопросвѣтленные; во главѣ ихъ находился патріархъ. Карбонари, для своихъ цѣлей, раздѣлили Италію на одиннадцать областей, въ которыхъ главные города были: Римъ, Неаполь, Козенца, Матера, Флоренція, Болонья, Генуа, Венеція, Миланъ, Туринъ и Анкона. Правленіе состояло изъ пяти сенаторовъ, находившихся въ Римѣ; въ другихъ главныхъ городахъ находился трибуналъ изъ семи трибуновъ; въ городахъ менѣе значительныхъ, находившихся въ округахъ главныхъ городовъ,—трибуналы изъ пяти трибуновъ; послѣдніе сносились съ трибуналами главныхъ городовъ, а тѣ—съ сенаторами. Сенаторы избирались трибунами главныхъ городовъ; послѣдніе назначались сенаторами; трибуны менѣе значительныхъ городовъ—трибунами городовъ главныхъ. Обязанность трибуновъ была — направлять духъ низшихъ членовъ общества, которые не должны знать высшихъ властей. Цѣль общества—возстановленіе независимости Италіи. Кромѣ карбонари, были еще другія тайныя общества: *гвельфы*, имѣвшіе цѣлью итальянскую независимость и введеніе конституціоннаго образа правленія; *консисторіалы*, имѣвшіе цѣлію освобожденіе Италіи отъ нѣмцевъ и раздѣленіе ея, потомъ, на три равныя части: между Папою, Сардиніею и Моденою. Менѣе значительныя общества были: *общество съ знакомъ смерти*, члены котораго были обязаны истреблять всякаго, кто покусится на итальянскую корону; *реформированные иллюминаты*, хотѣвшіе соединенія Италіи подъ

*

одну власть; *адельфы*—въ Піемонтѣ, дѣйствовавшіе въ пользу принца Кариньянскаго, которому приписывались либеральныя стремленія.

Революціонное движеніе обнаружилось не тамъ, гдѣ такъ сильно было неудовольствіе на чужеземное иго, не въ итальянскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Австріи; не тамъ, гдѣ такъ сильно тяготились злоупотребленіями клерикальнаго управленія и гдѣ находился карбонарскій сенатъ, не въ Римѣ: возстаніе вспыхнуло въ Неаполѣ, гдѣ меньше всего могло быть неудовольствія на правительственный гнетъ, ибо король Фердинандъ, благодаря, какъ мы видѣли, внушеніямъ императора Александра, правилъ очень кротко, и страна процвѣтала относительно матеріальнаго благосостоянія. Явленіе понятное: трудно найти другую страну, гдѣ народъ былъ бы такъ слабъ, такъ младенчески мягокъ, какъ въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ-Сицилій. Кто не завоевывалъ его! Во время борьбы Испаніи съ Франціею, Неаполь переходилъ отъ одной державы къ другой, какъ мячъ въ рукахъ играющихъ имъ дѣтей; такъ же легко перешелъ онъ потомъ отъ Австріи опять къ Испаніи, такъ же легко былъ захваченъ Французскою республикою и такъ же легко былъ отнятъ у нея; необыкновенно быстро вспыхиваетъ здѣсь революція, съ такою же быстротою и потухаетъ; народъ обнаруживаетъ полное нравственное безсиліе предъ всякою силою; слабый ребенокъ или разбитый параличемъ старикъ—съ кѣмъ его сравнить?—недоумѣваетъ историкъ.

2 іюля 1820 года, кавалерійскій офицеръ Морелли и священникъ Миникини, оба изъ общества карбонари, вышли изъ города Нолы съ эскадрономъ и отрядомъ національной гвардіи, при крикахъ: «Богъ, король и конституція!» Они направлялись къ Авеллино, главному городу провинціи, и были встрѣчены здѣсь такими же криками; изъ Неаполя пришелъ къ нимъ цѣлый полкъ, подъ начальствомъ генерала Пепе,—также карбонари, которому и передано было главное начальство. Войска, высланныя противъ Пепе правительствомъ, обнаруживали явное сочувствіе къ возставшимъ; революція распространялась по провинціямъ самымъ отдаленнымъ; даже въ Неаполѣ правительство потеряло всякую способность къ дѣйствію,—и тѣмъ сильнѣе дѣйствовали карбонари. Въ ночь съ 5 на 6-е іюля, пять человѣкъ карбонари явились во дворцѣ, и, отъ имени войска, гражданъ и тайныхъ обществъ, потребовали конституціи, давая королю только два часа сроку. Король согласился; но какая же будетъ конституція? Съ начала года глаза всѣхъ были обращены на Испанію, гдѣ революція торжествовала; тамъ провозгласили конституцію 1812 года; должно быть,—хорошая конституція, и въ Неаполѣ провозглашаютъ испанскую конституцію 1812 года. Говорятъ, когда стали освѣдомляться, что это за конституція 1812 года, то ни одного экземпляра ея не могли найти въ Неаполѣ. «Одна изъ самыхъ странныхъ революцій!»—писалъ англійскій резидентъ изъ Неаполя:—«королевство въ высшей степени цвѣтущее и счастливое, находившееся подъ самымъ кроткимъ правленіемъ, вовсе не отягченное податями, падаетъ предъ шайкою инсургентовъ, которую полбатальона хорошихъ солдатъ уничтожили бы въ минуту! Такова сила дурнаго примѣра и слова, непонимаемаго половиною тѣхъ, которые его употребляютъ. Каждый офицеръ теперь хочетъ быть Квирогою, и слово «конституція» производитъ на всѣхъ чародѣйственное вліяніе. Мы не должны себя обманывать: дѣло не въ конституціи, а въ торжествѣ якобинства, т.-е. войны бѣдности противъ собственности; низшіе классы выучились сознавать свою силу.—Такого отеческаго и либеральнаго правленія никогда еще не было въ этой странѣ. Съ большею строгостью и съ большимъ недовѣріемъ можно было бы достигнуть другихъ результатовъ; но судьба хотѣла, чтобъ крайность либерализма повела здѣсь совершенно къ такому же концу, къ какому въ Испаніи повела крайность почти противоположнаго направленія. Тайныя общества и неслыханная измѣна войска, хорошо одѣтаго, получающаго хорошее жалованье, ни въ чемъ не нуждающагося, низвергли правительство, популярное въ большей части народа, о которомъ будутъ долго и сильно жалѣть; и надобно замѣтить, что эти тайныя общества обязаны своимъ существованіемъ самому правительству, низверженію котораго они такъ много теперь содѣйствовали. Они были изобрѣтены и поощряемы, какъ машина, способная подкопать могущество французовъ, владѣвшихъ тогда страною».

Какъ бы то ни было, неаполитанская революція должна была встревожить европейскіе Кабинеты гораздо сильнѣе, чѣмъ испанская. Послѣдняя объяснялась ошибками правительства и могла оказать вредное вліяніе на одну Францію; но королевство Обѣихъ-Сицилій не было отдѣлено отъ другихъ государствъ чѣмъ-нибудь въ родѣ Пиренеевъ; революціонный пожаръ могъ быстро обхватить всю Италію, благодаря карбонари, а на сѣверѣ Италіи—австрійскія владѣнія. Сама Англія, настаивая на невмѣшательствѣ, исключала однако тотъ случай, когда внутреннія волненія въ одной странѣ будутъ грозить опасностью сосѣднимъ державамъ. Австрія немедленно усилила свои войска въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, и, въ то же время, императоръ Францъ пригласилъ Русскаго императора и короля Прусскаго на свиданіе въ Пестъ, для совѣщанія о мѣрахъ противъ революціи. Меттернихъ переслалъ Кабинетамъ С.-Петербургскому, Берлинскому, Лондонскому и Парижскому планъ дѣйствія: австрійская армія двинется на Неаполь для потушенія революціи; пять великихъ державъ не будутъ признавать ни одного акта правительства, созданнаго революціею, не будутъ принимать отъ него никакихъ объясненій; ихъ посланники въ

Вѣнѣ составятъ постоянную конференцію съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, для того, чтобъ объединить виды пяти Дворовъ и употреблять одинъ языкъ. Въ другомъ мемуарѣ, адресованномъ къ Дворамъ итальянскимъ, Австрійскій Кабинетъ, выставляя себя естественнымъ покровителемъ полуострова, объявлялъ, что приложитъ попеченіе о средствахъ возстановить на немъ порядокъ, и отстранялъ мысль, что можно предотвратить новыя волненія уступками конституціоннымъ идеямъ, причемъ ясно высказывалось намѣреніе возстановить и въ Неаполѣ старый порядокъ вещей.

Такъ хотѣла дѣйствовать Австрія въ виду ближайшей опасности, дѣйствовать твердо во имя извѣстнаго начала, не позволять себѣ никакой сдѣлки съ началомъ противоположнымъ. Но что скажутъ другія державы? Разумѣется, Пруссія будетъ согласна на такой образъ дѣйствія; но конституціонныя державы, Франція и Англія, согласятся ли дѣйствовать для поддержанія стараго порядка вещей въ Италіи; а главное—согласится ли на это Русскій императоръ, сильно высказавшійся противъ революціи, но не отрекшійся отъ своего прежняго либеральнаго взгляда? Франція, основываясь на ахенскихъ рѣшеніяхъ, потребовала конгресса и пригласила другіе Дворы объявить предварительно, что они уважаютъ независимость и права государствъ, но не могутъ причислить къ этимъ правамъ—право ниспровергать учрежденія страны посредствомъ возстанія войска; что они не могутъ признать конституціи королевства Обѣихъ-Сицилій законною, пока король и народъ, освобожденные отъ ига партій, свободно дадутъ себѣ законы, по ихъ мнѣнію, лучшіе, и если для этого освобожденія короля и народа необходимо употребить силу, то австрійскія войска двинутся къ Неаполю и будутъ, въ случаѣ надобности, поддержаны войсками всѣхъ союзниковъ, съ согласія государей итальянскихъ.— Если Франція требовала конгресса, то, понятно, что Австрія должна была ждать такого же требованія и отъ Россіи, ибо конгрессъ былъ любимою формою Русскаго государя для рѣшенія европейскихъ дѣлъ. Императоръ Александръ отклонилъ съѣздъ въ Пестѣ и потребовалъ другого мѣста свиданія, потребовалъ конгресса именно въ Троппау, безъ согласія котораго австрійская армія не могла перейти границы неаполитанскихъ владѣній; притомъ императоръ Александръ не требовалъ полнаго возстановленія стараго порядка вещей въ Неаполѣ, какъ хотѣлось Австріи, но установленія новаго порядка на законныхъ основаніяхъ, какъ хотѣлось Франціи. Въ письмѣ къ Австрійскому императору, Александръ указывалъ, что еще по поводу испанской революціи онъ предлагалъ общее совѣщаніе о мѣрахъ для сдержанія дальнѣйшихъ революціонныхъ движеній; но тогда его предложеніе не было принято, а теперь онъ видитъ съ удовольствіемъ, что державы возвращаются къ предложенному имъ средству.

Австріи очень не нравился конгрессъ: протянется время въ совѣщаніяхъ, тогда какъ пожаръ надобно тушить какъ можно скорѣе; надобно будетъ подчиниться рѣшеніямъ конгресса, а нѣтъ надежды, чтобъ конгрессъ согласился на полное возстановленіе стараго порядка въ Неаполѣ; ясно, что Россія и Франція будутъ за-одно противъ этого. Меттернихъ отправилъ австрійскаго посланника при Петербургскомъ Дворѣ, Лебцельтерна, въ Варшаву, гдѣ тогда находился императоръ Александръ,—уговаривать послѣдняго согласиться на немедленное движеніе австрійскихъ войскъ къ Неаполю. Лебцельтернъ представлялъ противъ конгресса, что Англія, вѣроятно, откажется въ немъ участвовать, но получилъ отвѣтъ, что, дѣлать нечего, можно обойтись и безъ содѣйствія Англіи въ вопросѣ чисто-континентальномъ. Англія дѣйствительно была противъ конгресса, и основанія этому лордъ Касльри высказалъ въ длинномъ письмѣ къ англійскому уполномоченному при Вѣнскомъ Дворѣ, лорду Стюарту (Soewart):

«Если бы опасность произошла отъ нарушенія нашихъ договоровъ, то чрезвычайное собраніе государей и министровъ ихъ было бы лучшимъ средствомъ для поправленія дѣла; но когда опасность проистекаетъ отъ внутреннихъ волненій въ независимыхъ государствахъ, въ такомъ случаѣ политичность подобнаго шага подлежитъ сомнѣнію: вспомнимъ, какъ вредны были, въ началѣ войны съ революціонною Франціею, конференціи въ Пильницѣ и манифестъ герцога Брауншвейгскаго; какое раздраженіе произвелъ онъ во Франціи! Впрочемъ, я надѣюсь, что Русскій императоръ не выведетъ троппаускаго свиданія изъ тѣхъ благоразумныхъ границъ, которыя предложены союзникомъ его, императоромъ Австрійскимъ; что министерскія конференціи здѣсь могутъ быть разсматриваемы только какъ дополненіе къ нашимъ другимъ мѣрамъ конфиденціальнаго объясненія, и что все будетъ постановлено относительно только частнаго случая, безъ общихъ провозглашеній. Разсужденія объ отвлеченныхъ принципахъ не имѣютъ никакого дѣйствія въ настоящее время. Принять предложеніе Австріи относительно плана дѣйствій противъ Неаполя—значитъ, со стороны пяти державъ, составить союзъ, враждебный существующему на фактѣ неаполитанскому правительству. Британское правительство не можетъ вступить въ такой союзъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) Союзъ заставитъ его принять на себя такія обязательства, которыхъ оно не можетъ оправдать передъ парламентомъ. 2) Союзъ можетъ каждую минуту привести британское правительство къ необходимости употребить силу: ибо ясно, что существующее на фактѣ неаполитанское правительство можетъ, по обыкновеннымъ международнымъ законамъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, наложить секвестръ на британскую собственность въ Неаполѣ и закрыть свои гавани для британскихъ торговыхъ кораблей,

причемъ продолжительность союза будетъ зависѣть отъ общаго рѣшенія всѣхъ державъ, его составляющихъ. 3) Союзъ противорѣчитъ нейтралитету, который британское правительство объявило посредствомъ своего посланника въ Неаполѣ, въ видахъ безопасности королевской фамиліи. 4) Союзъ наложитъ на британское правительство нравственную и парламентскую отвѣтственность за всѣ его послѣдствія, отвѣтственность за дѣйствія Австріи, которая двинетъ свои войска въ неаполитанскія владѣнія,—дѣйствія, которыя британское правительство не имѣетъ возможности контролировать въ подробностяхъ,—а только такой контроль могъ бы оправдать принятіе на себя подобной отвѣтственности. 5) Прежде чѣмъ Австрія получитъ право дѣйствовать противъ Неаполя, всѣ мѣры должны быть постановлены съ общаго согласія: такимъ образомъ, австрійскій главнокомандующій долженъ дѣйствовать по указанію Совѣта союзныхъ министровъ, пребывающихъ въ Главной Квартирѣ, что неудобоисполнимо и неприлично. 6) Союзъ навѣрное не будетъ одобренъ нашимъ парламентомъ; но и въ противномъ случаѣ, каждое дѣйствіе австрійской арміи въ Неаполитанскомъ королевствѣ будетъ подлежать непосредственному вѣдѣнію и суду британскаго парламента, точно такъ, какъ если бы это было дѣйствіе британскаго войска, британскаго главнокомандующаго. — Изложивши всѣ препятствія къ союзу, я постараюсь указать на болѣе естественный ходъ дѣла. Неаполитанская революція хотя собственно не подходитъ подъ условія и предположенія Союза, однако, по своей важности, по своему нравственному вліянію на соціальную и политическую систему Европы, необходимо должна обратить на себя самое серьезное вниманіе союзниковъ; они согласно смотрятъ на событіе, какъ заключающее въ себѣ опасность и дурной примѣръ, потому что произведено бунтующимъ войскомъ и тайнымъ обществомъ, цѣль котораго—уничтожить всѣ, существующія въ Италіи, правительства и создать изъ нея единое государство. Эта опасность, однако, касается въ такой различной степени членовъ Союза, что каждый изъ нихъ, въ отношеніи къ ней, долженъ принимать совершенно различныя мѣры. Возьмемъ двѣ державы, именно—Великобританію и Австрію. Послѣдняя держава можетъ чувствовать, что ей никакъ нельзя медлить принятіемъ непосредственныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ противъ опасности. Англія же понимаетъ, что опасность для нея вовсе не такова, чтобъ можно было оправдать ея вмѣшательство въ неаполитанскія дѣла согласно съ ученіемъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла другой державы,—ученіемъ, которое до сихъ поръ поддерживалось въ британскомъ парламентѣ. Если таково положеніе этихъ двухъ державъ, то онѣ никакъ не могутъ быть вмѣстѣ въ одномъ союзѣ, который имѣетъ цѣлію употребленіе силы и возлагаетъ общую и равную отвѣтственность. То же самое, болѣе или менѣе, прилагается и ко всѣмъ другимъ союзнымъ державамъ. Изъ этого естественно слѣдуетъ, что Австрія должна принять на себя исполненіе предложенной мѣры; она можетъ, по предварительному и конфиденціальному сношенію, узнать образъ мыслей своихъ союзниковъ; удостовѣриться, что она не навлечетъ на себя ихъ неодобренія; но она должна вести войну подъ своею собственною отвѣтственностью, отъ своего имени, а не отъ имени пяти державъ. И прежде, чѣмъ Австрія получитъ согласіе или одобреніе отъ союзниковъ насчетъ своихъ дѣйствій, она должна удостовѣрить союзниковъ, что предпринимаетъ войну противъ Неаполя не въ видахъ расширенія своихъ владѣній, не съ цѣлію получить въ Италіи преобладаніе, несогласное съ существующими договорами,—коротко сказать, что она не имѣетъ никакихъ корыстныхъ цѣлей, но что ея планы ограничиваются самосохраненіемъ. Князь Меттернихъ, безъ сомнѣнія, такъ и думаетъ ограничить свои виды; но, для внушенія необходимой довѣренности и огражденія себя отъ зависти другихъ державъ, онъ долженъ высказаться точнѣе, чѣмъ какъ онъ это сдѣлалъ въ своемъ мемуарѣ. Если это будетъ сдѣлано, то ни одна держава не сочтетъ себя въ правѣ затруднить Австрію въ ея дѣйствіяхъ, необходимыхъ для ея собственной безопасности. Мы желаемъ, чтобъ никто не мѣшалъ Австріи дѣйствовать какъ она хочетъ; но мы должны требовать и для самихъ себя такой же свободы дѣйствій. Въ интересахъ Австріи, мы должны сохранять такое положеніе. Оно даетъ намъ возможность, въ парламентѣ, смотрѣть на ея мѣры и уважать ихъ, какъ дѣйствія независимаго государства; а этого намъ нельзя будетъ дѣлать, если мы сами будемъ участвовать въ дѣлѣ. Австрія должна быть довольна, если назначенныя конференціи облегчатъ ей достиженіе ея цѣлей; но она не должна посредствомъ этихъ конференцій вовлекать другія державы въ совершенную общность интересовъ и отвѣтственности; результатомъ послѣдняго будетъ то, что она свяжетъ собственную свободу дѣйствія».

Когда русскій посланникъ высказалъ лорду Кальри взглядъ своего государя на итальянское дѣло, какъ на дѣло общее, которое, поэтому, нужно рѣшить сообща, объявить Европѣ общую мысль и бороться со зломъ общими силами, то Кальри отвѣчалъ: «Нельзя не благоговѣть предъ императоромъ, высказывающимъ подобные принципы, принципы консервативные, обезпечивающіе безопасность всѣхъ государствъ. Но, быть можетъ, приложеніе ихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ встрѣтитъ важныя возраженія. Эти возраженія могутъ быть встрѣчены со стороны всѣхъ государствъ вообще, и со стороны Англіи въ особенности. Всѣ государства могутъ возразить противъ впечатлѣнія, какое произведетъ на мнѣніе нашего вѣка коллегія государей, располагающая жребіемъ народовъ; ибо такова точка зрѣнія, съ какой смотрятъ на кон-

грессы недовольные всѣхъ странъ и даже масса вообще. Что же касается до Англіи въ особенности, то ея нравственное положеніе препятствуетъ ей даже принимать какое-либо участіе въ совѣтахъ, назначаемыхъ для обсужденія подобныхъ вопросовъ, и ея содѣйствіе здѣсь можетъ сдѣлаться источникомъ большаго вреда, не принося ни малѣйшей пользы».

Такимъ образомъ, одинъ изъ членовъ союза, Англія отказалась отъ участія въ конгрессѣ, указывая, какъ на главное препятствіе къ этому участію, на свою парламентскую форму правленія. Она не прислала своего уполномоченнаго въ Троппау, ни лорда Касльри, ни герцога Веллингтона, котораго желалъ императоръ Александръ: въ Троппау пріѣхалъ англійскій посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, лордъ Стюатръ (Stewart), подъ тѣмъ предлогомъ, что посланникъ долженъ быть тамъ, гдѣ государь, при которомъ онъ аккредитованъ; ему запретили подписывать протоколы конгресса. Положеніе лорда Стюарда было очень затруднительно, и онъ не умѣлъ избѣжать непослѣдовательности въ своемъ поведеніи: то являлся какъ простой зритель, то какъ представитель страны, участвующей въ переговорахъ, спохватывался, и въ рѣшительныя минуты уѣзжалъ въ Вѣну, подъ предлогомъ свиданія съ молодою женою. Франція, какъ держава конституціонная, сочла своею обязанностью подражать Англіи: она также не послала особаго уполномоченнаго на конгрессъ; но въ Троппау пріѣхали два французскіе дипломата—маркизъ Караманъ, посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, и графъ Ла-Ферронэ, посланникъ при Дворѣ Петербургскомъ,—оба на томъ же основаніи, на какомъ явился и лордъ Стюартъ.

20 октября, въ одинъ и тотъ же день, пріѣхали въ Троппау императоры Русскій и Австрійскій; король Прусскій, по нездоровью, могъ пріѣхать не ранѣе 5 ноября, но онъ прислалъ наслѣднаго принца; съ императоромъ Францемъ пріѣхалъ князь Меттернихъ; съ императоромъ Александромъ — графы Каподистріа и Нессельроде; съ прусской стороны явились старый канцлеръ князь Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ.

Конгрессъ открылся 23 октября, подъ предсѣдательствомъ Меттерниха. Предсѣдатель представилъ уполномоченнымъ мемуаръ, въ которомъ изложилъ виды своего Двора. Въ этомъ мемуарѣ развивалась мысль, что каждое правительство имѣетъ право вмѣшиваться, по поводу политическихъ измѣненій, происшедшихъ въ чужомъ государствѣ, если эти измѣненія грозятъ его интересамъ, грозятъ основамъ его существованія. Выставлены были опасности, которыми неаполитанская революція грозитъ Австріи и всей Италіи. Императоръ Австрійскій собралъ силы, достаточныя для дѣйствія противъ Неаполя, и надѣется на нравственную поддержку союзниковъ. Если, по возстановленіи законной власти, нужно будетъ оставить оккупаціонную армію, то императоръ Францъ готовъ и на это; король Неаполитанскій, получивши свободу, можетъ устроить свое государство, какъ ему угодно, соображаясь, впрочемъ, съ секретною статьею договора, заключеннаго имъ съ Австріею, въ іюнѣ 1815 года: въ статьѣ говорилось, что король Фердинандъ не допуститъ въ своемъ государствѣ никакой перемѣны, которая была бы противна древнимъ монархическимъ учрежденіямъ и принципамъ, принятымъ Австріею во внутреннемъ управленіи своими итальянскими провинціями. Эта статья была тайною для дипломатовъ, и Меттернихъ объявилъ ее преждевременно. Разумѣется, онъ не могъ ждать возраженій со стороны Пруссіи, также и со стороны Англіи, которой все равно, какія правительственныя формы существуютъ на континентѣ—сходны онѣ съ ея формами, или нѣтъ, лишь бы ея ближайшіе интересы были охранены. Но другое дѣло—Франція: пропаганда—въ духѣ ея народа, которому непремѣнно надобно защищать и распространять всюду извѣстныя начала, у него господствующія. Находившійся въ Троппау, французскій посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ, Ла-Ферронэ, заговорилъ первый противъ австрійскаго мемуара: какъ французъ, приверженецъ конституціоннаго порядка, онъ вооружился противъ секретной статьи; какъ французъ, онъ также не могъ помириться съ мыслью, что Австрія будетъ распоряжаться въ Италіи, господствовать въ ней, утверждая всюду свои правительственныя формы, свою правительственную систему. Императоръ Францъ, увидавши его въ первый разъ въ Троппау, сказалъ ему прямо: «Неизмѣняемость моей системы составляетъ всю ея силу; я буду проводить ее до конца моей жизни». Зная эту систему, убѣдившись изъ Меттернихова мемуара, изъ знаменитой секретной статьи, какъ система рѣзко проводится, Ла-Ферронэ началъ говорить всѣмъ собравшимся въ Троппау дипломатамъ, не исключая и самого Меттерниха, что, въ австрійскомъ мемуарѣ, съ дѣйствіями Австріи противъ неаполитанской революціи связаны такіе принципы, которые дѣлаютъ невозможнымъ содѣйствіе конституціонныхъ государствъ. Идеи сокрушаются нравственною силою, а не силою оружія. Если прибѣгнуть къ военному дѣйствію, то надобно потребовать большихъ денежныхъ пожертвованій отъ страны, въ дѣло которой хотятъ вмѣшаться, и оставить въ ней оккупаціонную армію. Это прямое неудобство. Но еще больше неудобства въ требованіи исполненія секретной статьи договора 1815 года: изъ нея видно рѣшительное намѣреніе Австріи противиться всюду, гдѣ только ей возможно, установленію свободныхъ учрежденій; это значитъ—возбуждать народы къ мятежамъ, приводя ихъ въ отчаяніе. Ненависть итальянцевъ къ Австріи питаетъ болѣе всего революціонный духъ; движеніе австрійскихъ войскъ въ Неаполю усилитъ эту ненависть и ускоритъ взрывъ революціи; очень можетъ статься, что въ сѣверной Италіи вспыхнетъ мятежъ въ то самое время, какъ австрійцы будутъ заняты на югѣ.

Легко можно понять, какъ должно было раздражить Австрійскаго императора и Меттерниха указаніе на ненависть итальянцевъ къ Австріи. Меттернихъ отвѣчалъ: что во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ народное большинство не участвуетъ; что не должно принимать желанія нѣсколькихъ честолюбцевъ за выраженіе народнаго мнѣнія и потребности времени; что если будутъ имѣть неблагоразуміе уступить революціонерамъ, то послѣдніе воспользуются этими уступками для того, чтобы низвергнуть сдѣлавшихъ уступки; что революція въ Италіи имѣетъ единственнымъ основаніемъ владычество секты, партіи, арміи надъ народными массами; что должно идти уничтожить въ Неаполѣ это владычество и освободить народъ. Вслѣдствіе этого спора Ла-Ферроннэ съ Меттернихомъ въ Троппау, мнѣнія раздѣлились: Каподистріа былъ согласенъ съ Ла-Ферроннэ; Нессельроде склонялся къ Меттерниху; Пруссія была за австрійское предложеніе; Англія не высказывалась; наконецъ Меттернихъ выигралъ тѣмъ, что Караманъ не раздѣлялъ мнѣнія Ла-Ферроннэ. Эти два француза представляли двѣ разныя Франціи, по выраженію Меттерниха, и когда Ла-Ферроннэ написалъ мемуаръ, въ которомъ высказался противъ вооруженнаго вмѣшательства въ неаполитанскія дѣла, Караманъ объявилъ, что здѣсь высказано не его мнѣніе и не мнѣніе французскаго правительства, а только личное мнѣніе Ла-Ферроннэ. Опасность отъ французскаго мемуара исчезала или, по крайней мѣрѣ, очень уменьшалась для Меттерниха, и главный вопросъ заключался въ томъ, что скажетъ русскій мемуаръ. Каподистріа былъ на сторонѣ Ла-Ферроннэ! Наконецъ Каподистріа сообщилъ Меттерниху страшный мемуаръ: въ немъ говорилось, что, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, надобно предложить неаполитанскому правительству отречься отъ принципа возстанія, снова покориться королю, истребить революціонныя общества, согласиться на установленіе такого порядка вещей, который соотвѣтствовалъ бы настоящему народному желанію, законно выраженному. Только въ случаѣ отказа, австрійская армія, дѣйствуя въ значеніи арміи европейской, должна двинуться къ Неаполю, освободить короля и народъ, которые, по взаимному соглашенію, установятъ свободныя учрежденія. Мемуаръ очень не понравился Меттерниху; но всѣ старанія его убѣдить императора Александра отказаться отъ него или измѣнить его— остались тщетными. 7-го ноября, мемуаръ былъ прочтенъ въ конференціи; Меттернихъ долженъ былъ согласиться, чтобъ прежде похода приняты были увѣщательныя мѣры; согласился не настаивать на исполненіи секретной статьи договора 1815 года; но за-то настоялъ, чтобы королю Фердинанду дана была полная свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не обязывать его непремѣнно дать конституцію, что выходило одно и то же, ибо Меттернихъ зналъ, что король добровольно не дастъ конституціи. Наконецъ Меттернихъ предложилъ пригласить Фердинанда на конгрессъ: «Если король пріѣдетъ»,—говорилъ Меттернихъ,—«то мы заставимъ его играть роль, исполненную благородства и приличія; мы сдѣлаемъ его посредникомъ между конгрессомъ и народомъ неаполитанскимъ. Если его не пустятъ, то мы засвидѣтельствуемъ, что онъ лишенъ свободы, и тогда намъ ничего не останется дѣлать, какъ идти освобождать его». При этомъ Меттернихъ предложилъ перемѣнить мѣсто конгресса: вмѣсто Троппау, назначить ближайшій къ Италіи Лайбахъ, чтобы не заставлять старика Фердинанда ѣхать такъ далеко на сѣверъ.

Россія и Пруссія приняли охотно предложеніе пригласить Фердинанда на конгрессъ; Ла-Ферроннэ согласился на пріѣздъ Неаполитанскаго короля въ Лайбахъ, но утверждалъ, что недопущеніе Фердинанда къ отъѣзду со стороны народа нисколько не должно давать права на объявленіе войны противъ Неаполя. Каподистріа высказывался въ томъ же смыслѣ: «Я скорѣе соглашусь»,—говорилъ онъ,—«отрубить себѣ руки, чѣмъ подписать объявленіе несправедливой войны; а что можетъ быть несправедливѣе войны, которую начинаютъ, не истощивши прежде всѣхъ средствъ къ соглашенію». Англійскаго посланника, лорда Стюарта, не было въ это время въ Троппау; его замѣнялъ секретарь посольства, Гордонъ, который, согласно съ основнымъ взглядомъ своего правительства, твердилъ одно, что ненужно конгресса, ненужно вмѣшательства цѣлой Европы въ неаполитанскія дѣла; надобно предоставить все одной Австріи, которой интересы непосредственно замѣшаны въ итальянскомъ движеніи: «Зачѣмъ конгрессъ при рѣшеніи вопроса, который касается одной Австріи? Дѣло идетъ не о принципахъ, а о фактѣ. У Вѣнскаго Двора былъ договоръ съ Неаполемъ; договоръ нарушенъ, гроза собралась противъ Австріи и Италіи, и Австріи не останется ничего больше, какъ двинуть войско противъ Неаполя. Какая нужда Европѣ вмѣшиваться въ это дѣло?» До сихъ поръ англичане боялись больше всего преобладающаго вліянія Россіи; но теперь они увидѣли еще другую опасность: ненавистная Франція оправляется, начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европы, и Гордонъ открыто говоритъ въ Троппау: «Мы не можемъ сносить, чтобы Франція играла роль, пріобрѣтала опять вліяніе».

Такимъ образомъ, Англія прямо поддерживала Меттерниха; но онъ имѣлъ возможность извлечь изъ этой поддержки пользу для себя въ другомъ смыслѣ. Англія упорно противилась вмѣшательству во внутреннія дѣла государствъ цѣлою Европою сообща, упорно противилась общему управленію европейскими дѣлами посредствомъ конгрессовъ, во-первыхъ, потому, что эта форма давала возможность высказываться преобладанію сильнѣйшаго изъ континентальныхъ государствъ — Россіи; во-вторыхъ, потому, что эта форма была неудобна для Англіи, какъ государства конституціоннаго; Франція—также государство конститу-

ціонное—волею-неволею, должна была оттягиваться на сторону Англіи; и чрезъ это пять великихъ державъ необходимо дѣлились на двѣ группы: три государства съ неограниченнымъ правленіемъ и два—конституціонныхъ. Императоръ Александръ, для котораго форма конгресса была любимою формою, видя явное сопротивленіе Англіи и уклоненіе Франціи, долженъ былъ ограничиться совокупнымъ дѣйствіемъ съ Австріею и Пруссіею. Австрійскій министръ пользовался этими отношеніями и, поддѣлываясь подъ взгляды Русскаго государя, твердилъ о необходимости скрѣпленія Священнаго Союза, какъ оплота противъ революціонныхъ движеній, повсюду обнаруживающихся; твердилъ, что Священный Союзъ возможенъ только между тремя неограниченными государями; что Франція—очагъ революціи—не можетъ быть членомъ Союза; старался, такимъ образомъ, отдалить императора Александра отъ Франціи, подорвать прежнее расположеніе его къ ея народу.

Раздѣленіе между великими державами обозначилось въ Троппау тѣмъ, что уполномоченные только трехъ государствъ—Россіи, Пруссіи и Австріи — подписали слѣдующій протоколъ 19-го ноября, въ четвертой конференціи: «Государства, входящія въ европейскій союзъ, подвергшись измѣненію своихъ правительственныхъ формъ посредствомъ мятежа, измѣненію, которое будетъ грозить опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ это самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за порядокъ и прочность. Союзныя государства не ограничатся провозглашеніемъ этого исключенія, но обязываются другъ предъ другомъ не признавать перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ совершились подобныя перемѣны, будутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, и когда союзныя державы могутъ оказать на нихъ дѣйствительное и благодѣтельное вліяніе, въ такомъ случаѣ онѣ употребляютъ, для возвращенія первыхъ въ нѣдра союза, сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и принудительныя мѣры, если употребленіе силы окажется необходимо». Въ приложеніи этихъ общихъ постановленій къ частному случаю, именно — къ Неаполитанскому вопросу, Россія, Австрія и Пруссія постановляли употребить свое вмѣшательство для возвращенія свободы королю и его народу, оставить въ странѣ оккупаціонную армію, образовать, подъ предсѣдательствомъ Австріи, конференцію для приведенія въ исполненіе означенныхъ распоряженій, а прежде всего три Двора постановили пригласить короля Обѣихъ-Сицилій пріѣхать въ Лайбахъ для совѣщаній съ союзными государствами. Дворы Парижскій и Лондонскій приглашаются объявить свое мнѣніе насчетъ содержанія протокола и, съ своей стороны, постараться убѣдить Неаполитанскаго короля пріѣхать въ Лайбахъ.

Представители Франціи и Англіи были очень удивлены протоколомъ, который имъ не показывали до 19-го ноября; имъ сообщили его прямо для пересылки къ своимъ державамъ. Лордъ Стюартъ и Ла-Ферроннэ высказались на этотъ разъ согласно противъ отдѣльныхъ совѣщаній и соглашеній между уполномоченными трехъ державъ. «Кто намъ поручится», — говорилъ лордъ Стюартъ,—«что вы не займетесь вопросами и странами, совершенно чуждыми настоящему предмету, для котораго мы собрались»?—«Обратите вниманіе»,—говорилъ Ла-Ферроннэ,—«на неудобство положенія, въ какое вы ставите мое правительство: оно принуждено или принять, или отвергнуть актъ такой важности, и мы при этомъ не можемъ ему объяснить побужденія, которыми вы руководствовались въ приготовленіи этого акта». Меттернихъ въ отвѣтъ представлялъ необходимость спѣшить дѣломъ; лучшимъ отвѣтомъ былъ бы вопросъ: въ какомъ отношеніи представители Англіи и Франціи находятся къ конгрессу? Такіе ли они уполномоченные, какъ Меттернихъ, Каподистріа или Гарденбергъ? Соглашался ли лордъ Стюартъ подписывать протоколы и гдѣ онъ былъ, когда дѣло шло о приглашеніи Неаполитанскаго короля на конгрессъ? Ла-Ферроннэ просилъ Меттерниха высказаться, какъ три Двора намѣрены были поступить въ случаѣ, если королю Неаполитанскому не будетъ возможности пріѣхать на конгрессъ. Меттернихъ отвѣчалъ, что если неаполитанцы воспрепятствуютъ отъѣзду короля, то надобно будетъ прибѣгнуть къ крупнымъ средствамъ; а если отказъ будетъ полученъ лично отъ короля, то въ самыхъ причинахъ отказа, выставленныхъ королемъ, будутъ искать побужденія продолжать переговоры или начать новые. Графъ Каподистріа прибавилъ: «Безъ сомнѣнія, никто изъ насъ не подумаетъ употребить военныя средства, прежде нежели исчезнетъ всякая надежда успѣть посредствомъ переговоровъ». Было рѣшено пріостановить конференцію до полученія отъ Неаполитанскаго короля отвѣта на пригласительныя письма троихъ государей: императоровъ Русскаго, Австрійскаго и короля Прусскаго. Письма были написаны 20-го ноября.

Если лордъ Стюартъ сильно высказался противъ протокола въ Троппау, то еще сильнѣе высказался противъ него лордъ Касльри въ Лондонѣ, въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ: «Неслыханное дѣло! три Двора, безъ сообщенія, безъ предварительнаго соглашенія съ двумя другими Дворами, которыхъ содѣйствія они искали, позволяютъ себѣ постановить окончательно кодексъ межеународной полиціи. Это—всемірная монархія, провозглашенная и осуществленная тремя державами, тѣми самыми, которыя нѣкогда сговорились раздѣлить Польшу. Если Англійскій король подпишетъ протоколъ, то этимъ самымъ подпишетъ свое отреченіе. Если государи неограниченные дѣйствуютъ такимъ образомъ, то правительства кон-

ституціонныя должны соединиться для противодѣйствія». Положеніе французскаго правительства было самое затруднительное: съ одной стороны, какъ правительство конституціонное, оно тянуло къ Англіи и раздѣляло ея взглядъ на знаменитый троппаускій протоколъ 19-го ноября; съ другой стороны, оно хорошо понимало, что изъ всѣхъ европейскихъ правительствъ Франція можетъ полагаться только на русское, ибо всѣ другія ей враждебны, и потому нужно было сохранять доброе расположеніе императора Александра и не дать торжества Австріи, старавшейся поссорить его съ Франціею; наконецъ, Франціи, какъ государству континентальному, нельзя было принять уединеннаго положенія на континентѣ, не принимать участія въ общихъ дѣлахъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ положеніяхъ, хотѣли выйдти изъ затрудненій среднею дорогою—удовлетворить и той и другой сторонѣ. Людовикъ XVIII написалъ письмо королю Неаполитанскому съ приглашеніемъ исполнить желаніе союзныхъ государей—пріѣхать на конгрессъ. Въ письмѣ говорилось, что короля Фердинанда ожидаетъ самая чистая слава, что онъ будетъ содѣйствовать утвержденію въ Европѣ основъ общественнаго порядка, предохранитъ свой народъ отъ грозящихъ ему бѣдъ, и обезпечитъ его благоденствіе сочетаніемъ власти съ свободою. Въ то же время, Караманъ и Ла-Ферроннэ объявили въ Троппау, что Франція будетъ дѣйствовать сообща съ союзными державами для умиротворенія Европы; и если, въ случаѣ войны, Англія откажется принимать участіе въ совѣщаніяхъ союзниковъ, Франція не послѣдуетъ ея примѣру и будетъ участвовать въ совѣщаніяхъ, чтобъ умѣрить бѣдствія войны. Представители Франціи настаивали при этомъ, что, прежде чѣмъ рѣшиться на войну, надобно истощить всѣ средства соглашенія, и что, вмѣсто оккупаціонной арміи, надобно установить въ Неаполѣ твердое правительство, которое удовлетворяло бы всѣмъ интересамъ, т.-е. правительство конституціонное.

Императоръ Александръ былъ очень доволенъ поступкомъ Людовика XVIII и объявленіемъ его посланниковъ: «Это все, чего я желалъ и даже больше, чѣмъ сколько я надѣялся», сказалъ онъ Ла-Ферроннэ,—причемъ поздравилъ его съ рѣшеніемъ, которое освобождало Францію отъ нѣкотораго рода зависимости отъ правительства англійскаго, не хотѣвшаго объяснить союзникамъ, чего оно хочетъ. Императоръ прибавилъ, что съ помощью Франціи онъ надѣется избѣжать войны, уничтожая, въ то же время, революцію. Но это удовольствіе, которое доставило Русскому государю поведеніе французскаго правительства, было непродолжительно: знаменитый протоколъ 19-го ноября былъ публикованъ; Франція должна была высказаться на его счетъ. Въ депешѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, которую Караманъ и Ла-Ферроннэ должны были сообщить конгрессу, французское правительство, хотя въ очень осторожныхъ выраженіяхъ, однако довольно ясно, высказало свое несочувствіе къ протоколу. Въ депешѣ было сказано, что король не имѣетъ средствъ высказаться насчетъ принциповъ, къ разсужденію о которыхъ его посланники не были допущены и которые не получили въ протоколѣ полнаго развитія; король считаетъ неизмѣннымъ правиломъ для своего поведенія—постановленія Ахенскаго конгресса. Хотя эти постановленія и не налагаютъ на него положительныхъ обязанностей, однако онъ, сообразуясь съ ними, считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать утвержденію порядка, установленнаго въ Европѣ договорами; король всегда расположенъ, въ интересахъ своихъ союзниковъ, дѣлать все то, чего не запрещаетъ рѣшительно его личное положеніе.—И этотъ отзывъ французскаго правительства о протоколѣ уже никакъ не могъ понравиться; но Караманъ, подпавшій въ Вѣнѣ вліянію Меттерниха и вполнѣ ему довѣрявшій, имѣлъ неосторожность показать австрійскому министру другую депешу, гдѣ французское правительство высказалось откровенно противъ протокола,—депешу, которая вовсе не назначалась для сообщенія кому-либо изъ иностранныхъ министровъ. Меттернихъ, которому хотѣлось ссорить Россію съ Франціею, уговорилъ Карамана показать депешу и графу Каподистріа; цѣль была достигнута: императоръ Александръ высказалъ сильное неудовольствіе противъ Французскаго Двора, какого прежде никогда не высказывалъ. Что касается англійскаго правительства, то лордъ Стюартъ прочелъ конгрессу мемуаръ лорда Касльри, въ которомъ повторялось то же самое, что уже было высказано въ приведенной выше депешѣ Касльри Стюарту: установлять систему общаго вмѣшательства неудобоисполнимо и опасно; въ случаѣ существенной, явной необходимости, каждое государство имѣетъ право вмѣшательства для защиты собственныхъ интересовъ. Но этотъ случай не можетъ сдѣлаться a priori предметомъ союза между великими державами Европы; если подобнаго рода союзъ и былъ заключенъ въ 1815 году противъ Франціи, то онъ былъ основанъ на завоевательномъ характерѣ, который приняла французская революція, и этотъ примѣръ не можетъ быть приложенъ ко всѣмъ революціямъ. Поведеніе англійскаго правительства, не нравившееся въ Троппау, возбудило сильное сочувствіе во второстепенныхъ государствахъ Европы, боявшихся, чтобъ аристократическая, по выраженію Меттерниха, форма господства нѣсколькихъ сильнѣйшихъ державъ не замѣнила монархическую форму наполеоновскаго господства. Нидерландскій король сказалъ британскому посланнику при своемъ Дворѣ, что всѣ второстепенныя государства, для сохраненія своей независимости, должны соединиться около Англіи, заслужившей ихъ довѣріе своею политикою. Въ Мюнхенѣ, Штутгартдѣ и Карлсруэ нѣкоторое время думали о конгрессѣ въ Вюрцбургѣ, который хотѣли противопоставить конгрессу великихъ державъ. Но въ это время въ Германіи

только *думали*, и воображаемый Вюрцбургскій конгрессъ нисколько не былъ опасенъ дѣйствительнымъ конгрессамъ Троппаускому и Лайбахскому.

5-го декабря, въ Неаполѣ, въ совѣтѣ министровъ, наслѣдникъ престола, герцогъ Калабрійскій, объявилъ, что король, отецъ его, получилъ отъ союзныхъ государей пригласительныя письма на конгрессъ въ Лейбахѣ. Въ совѣтѣ было рѣшено, что король долженъ принять приглашеніе. На третій день, министры извѣстили отъ имени короля объ этомъ рѣшеніи парламентъ, которому Фердинандъ объявлялъ, что употребитъ всѣ усилія для обезпеченія своему народу благоразумной и либеральной конституціи, и изъявлялъ желаніе, чтобъ въ его отсутствіе, до окончанія переговоровъ, парламентъ не предлагалъ никакихъ нововведеній и ограничилъ свои занятія устройствомъ арміи; герцогъ Калабрійскій останется правителемъ королевства. Для обсужденія этого объявленія, парламентъ нарядилъ особую коммисію. Между тѣмъ, карбонари сильно волновались. Боясь, въ одинаковой степени, и возстановленія прежней формы правленія, и установленія правильной конституціонной формы, при которой они также потеряли бы всякое значеніе, карбонари стали поднимать провинціи; созваны были *венты* или частныя собранія; общее собраніе объявило себя постояннымъ и отправило увѣщаніе къ членамъ парламента, чтобъ они оставались вѣрными конституціи. Вооруженныя шайки бѣгали по городу съ крикомъ: «Испанская конституція или смерть!» Во дворцѣ царствовалъ ужасъ; члены парламента были не въ меньшемъ страхѣ. 8-го декабря, передъ тѣмъ, какъ идти въ парламентъ, многіе изъ нихъ написали завѣщанія, другіе исповѣдались и пріобщились; они должны были проходить черезъ толпы карбонари, грозившихъ кинжалами тѣмъ, кто вздумалъ бы измѣнить испанской конституціи. Парламентъ постановилъ отвѣчать королю, что не можетъ согласиться на отъѣздъ его величества, если это путешествіе не будетъ имѣть цѣлію—поддержаніе настоящей конституціи. Король Фердинандъ, испуганный народнымъ волненіемъ, считалъ свою жизнь въ опасности, и, желая какъ можно скорѣе убѣжать отъ этой опасности, согласился на все. 10-го декабря, онъ объявилъ, что его пребываніе въ Лейбахѣ будетъ имѣть единственною цѣлію поддержать конституцію и отклонить войну; 12-го числа, парламентъ согласился на отъѣздъ Фердинанда и объявилъ регентомъ герцога Калабрійскаго; 16-го числа, король отплылъ на англійскомъ кораблѣ въ Ливорно; на платьи его виднѣлись карбонарскіе знаки. Но 19-го числа, когда онъ прибылъ въ Ливорно, этихъ знаковъ уже на немъ не было. Въ присутствіи англійскаго посланника, онъ объявилъ, что вырвался отъ убійцъ и ѣдетъ въ Лайбахъ для того, чтобъ броситься въ объятія союзниковъ и отдать въ ихъ распоряженіе свое государство и свою собственную особу. Онъ тотчасъ же отправилъ къ союзнымъ государямъ письмо, въ которомъ отрекался отъ всего сдѣланнаго имъ въ Неаполѣ *по принужденію*. Узнавъ объ этомъ поведеніи Фердинанда, Касльри писалъ Стюарту: «Еслибъ я былъ Меттернихомъ, то не согласился бы впутывать своего дѣла въ эту паутину двоедушія и неискренности, которыми изобилуетъ жизнь короля Фердинанда. Я остаюсь при мнѣніи, что Меттернихъ существенно ослабилъ свое положеніе, сдѣлавши изъ Австрійскаго вопроса—Европейскій. Онъ скорѣе привлекъ бы на свою сторону общественное мнѣніе (особенно у насъ), еслибъ просто настаивалъ на опасномъ характерѣ карбонарскаго правительства для каждаго итальянскаго государства, чѣмъ спустивши свой корабль въ безграничный океанъ. Но нашъ другъ Меттернихъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, предпочитаетъ сложную негоціацію смѣлому и быстрому удару».

Изъ Леворно король Фердинандъ отправился во Флоренцію, и отсюда медленно ѣхалъ въ Лайбахъ, чтобъ дать собраться въ этотъ городъ государямъ и министрамъ. 4-го января 1821 г. пріѣхалъ въ Лайбахъ императоръ Францъ, 7-го—императоръ Александръ; король Прусскій не пріѣхалъ. Министры въ Лайбахѣ были тѣ же, что и въ Троппау; только съ французской стороны къ Караману и Ла-Ферроннэ былъ присоединенъ Блака, могшій имѣть большое значеніе по своимъ отношеніямъ къ Людовику XVIII, по твердости своего характера и по обширнымъ свѣдѣніямъ, какія онъ имѣлъ объ итальянскихъ дѣлахъ. Итальянскіе государи: папа, король Сардинскій, великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій, прислали своихъ министровъ; герцогъ Моденскій пріѣхалъ и самъ. 8-го января пріѣхалъ въ Лайбахъ король Неаполитанскій, и съ самаго начала разразился въ жалобахъ на то, что съ нимъ случилось въ Неаполѣ; прямо высказалъ желаніе, чтобъ все было возстановлено здѣсь постарому, для чего необходимо употребить силу. Фердинандъ нашелъ совѣтъ и поддержку въ князѣ Руффо, посланникѣ своемъ въ Вѣнѣ, который находился совершенно подъ вліяніемъ меттерниховскихъ идей. Каподистріа, который и въ Лайбахѣ продолжалъ съ Меттернихомъ борьбу, начатую еще въ Ахенѣ, рѣшился сказать Руффо, что его вліяніе пагубно для его отечества; что онъ больше австріецъ, чѣмъ неаполитанецъ. Но борьба съ Меттернихомъ въ Лайбахѣ была трудна: его поддерживалъ король Фердинандъ и князь Руффо; его поддерживали министры всѣхъ итальянскихъ государей; герцогъ Моденскій прямо говорилъ: «Если дадутъ конституцію Неаполю, то мнѣ не останется ничего больше, какъ продать мои владѣнія съ аукціона и выѣхать изъ Италіи». Наконецъ Меттернихъ нашелъ себѣ опору тамъ, гдѣ никакъ не надѣялся найти ея: онъ нашелъ ее въ Поццо-ди-Борго, который еще въ Троппау, куда былъ вызванъ изъ Парижа, высказался рѣзко насчетъ итальянскихъ событій, представлялъ, что неаполитанцы, да и всѣ итальянцы, по своей общественной неразвитости и врожденнымъ недостаткамъ,

неспособны къ либеральной формѣ правленія. Знаменитый корсиканецъ пользовался большимъ авторитетомъ; сужденіе итальянца объ Италіи производило сильное впечатлѣніе, которое увеличивалось еще тѣмъ, что Поццо былъ человѣкъ независимый, нисколько не находившійся подъ вліяніемъ австрійскаго министра, — напротивъ, боровшійся съ нимъ. Когда, въ Лайбахѣ, Ла-Ферроннэ, въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, выразилъ опасеніе, что справедливое негодованіе на революціи испанскую и неаполитанскую можетъ охладить императора къ конституціоннымъ учрежденіямъ, которыхъ онъ былъ до сихъ поръ ревностнымъ покровителемъ, то Александръ отвѣчалъ: «Чѣмъ я былъ, тѣмъ остаюсь теперь, и останусь навсегда. Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить; но можно ли вводить ихъ безъ различія у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы въ равной степени готовы къ ихъ принятію; ясное дѣло, что свобода и права, которыми можетъ пользоваться такая просвѣщенная нація, какъ ваша, нейдутъ къ отсталымъ и невѣжественнымъ народамъ обоихъ полуостровов». Въ этихъ словахъ нельзя не признать близкой связи съ словами Поццо-ди-Борго. И теперь, когда императоръ Александръ все еще выражалъ надежду, что дѣло можетъ кончиться мирными соглашеніями, Поццо настаивалъ, чтобъ не входить въ сношенія съ бунтовщиками; онъ говорилъ: «Какъ скоро король возвратится и порядокъ будетъ возстановленъ, тогда можно будетъ видѣть, что сдѣлать, но, во всякомъ случаѣ, не должно учреждать въ Неаполѣ ничего такого, что не можетъ быть учреждено и въ Миланѣ».

16 января, конгрессъ сообщилъ князю Руффо оффиціальное свое рѣшеніе: — не признавать неаполитанскую революцію и положить ей конецъ или мирными средствами, если возможно; или силою, если будетъ необходимо. По уничтоженіи новаго правительства и по возстановленіи спокойствія въ странѣ, у государей будетъ одно желаніе, чтобы король, окруживъ себя людьми самыми мудрыми и честными, изгладилъ самую память о печальной революціонной эпохѣ установленіемъ такого порядка вещей, который въ самомъ себѣ носилъ бы ручательство за свою прочность; который соотвѣтствовалъ бы истиннымъ интересамъ народа и былъ способенъ успокоить сосѣднія государства насчетъ ихъ безопасности. 19 января, Руффо отвѣчалъ отъ имени королевскаго, что Фердинандъ, видя неизмѣнное рѣшеніе великихъ державъ, подчиняется необходимости, и, чтобъ избавить своихъ подданныхъ отъ бѣдствій войны, дастъ знать герцогу Калабрійскому о состояніи дѣла. Письмо стараго короля къ сыну, одобренное конгрессомъ, заключалось въ слѣдующемъ: «Государи рѣшительно высказались противъ порядка вещей, который, по ихъ мнѣнію, нарушаетъ спокойствіе Италіи; они даже опредѣляли уничтожить его оружіемъ, если увѣщательныя средства не помогутъ. Если въ Неаполѣ откажутся отъ него добровольно, то дальнѣйшія распоряженія будутъ сдѣланы при моемъ посредничествѣ; но и въ этомъ случаѣ Дворы требуютъ ручательствъ, необходимыхъ для безопасности сосѣднихъ державъ. Не стѣсняя свободы моихъ дѣйствій, союзники, однако, указали мнѣ общую точку зрѣнія, съ какой они смотрятъ на систему, долженствующую смѣнить нынѣшній порядокъ вещей въ Неаполѣ: они желаютъ, чтобы я, окруженный самыми честными и самыми мудрыми людьми въ королевствѣ, согласилъ постоянные интересы моего народа съ сохраненіемъ общей безопасности». Къ этому письму, которое герцогъ Калабрійскій долженъ былъ опубликовать, приложено было еще письмо конфиденціальное, въ которомъ король объяснилъ, что должно разумѣть подъ гарантіями, которыхъ требовали союзники: должно было разумѣть временное пребываніе въ Неаполитанскомъ королевствѣ корпуса австрійскихъ войскъ, которыя, впрочемъ, будутъ находиться подъ начальствомъ герцога Калабрійскаго. Противъ этого тщетно спорили французскіе уполномоченные: король Фердинандъ и Руффо объявили, что они безъ австрійскаго войска ни подъ какимъ видомъ не возвратятся въ Неаполь.

Въ ожиданіи отвѣта изъ Неаполя на королевское письмо, австрійскія войска перешли р. По, 5 февраля, и вступили въ Папскія владѣнія, а конгрессъ занялся обсужденіемъ вопроса о будущемъ устройствѣ Неаполитанскаго королевства, что подало поводъ къ сильнымъ спорамъ.

Меттернихъ хотѣлъ, чтобы король Фердинандъ сдѣлалъ въ Лайбахѣ какое-нибудь рѣшеніе, разумѣется, согласное съ видами Австріи, и оставался ему вѣренъ въ Неаполѣ. Представители Франціи требовали, чтобъ предоставить королю полную свободу рѣшать дѣла въ Неаполѣ: въ Лайбахѣ — говорили они — въ странѣ чужой, у него только одинъ совѣтникъ, князь Руффо, тогда какъ въ Неаполѣ онъ будетъ окруженъ самыми свѣдущими людьми въ цѣломъ королевствѣ. Меттернихъ выразился на этотъ счетъ очень откровенно: «Но если король, по возвращеніи въ Неаполь, приметъ вашу хартію?» — Блака отвѣчалъ ему съ такою же откровенностью: «Въ этомъ случаѣ, мы будемъ поддерживать волю Сицилійскаго величества». Каподистріа, какъ обыкновенно, былъ противъ Меттерниха. Когда онъ, однажды, произнесъ слово: «конституція», Меттернихъ не вытерпѣлъ и сказалъ, что это слово не должно быть произносимо въ конгрессѣ; Австрія не потерпитъ, чтобъ, въ Неаполѣ была конституція. «Но если самъ король ее дастъ?» спросилъ Каподистріа. — «Въ такомъ случаѣ», — отвѣчалъ Меттернихъ, — «мы объявимъ войну королю, чтобъ заставить его отказаться отъ конституціи, ибо для насъ она всегда опасна, какъ бы ни явилась; и это рѣшеніе не одной Австріи, но всѣхъ государей итальянскихъ». Впрочемъ, Меттернихъ видѣлъ, что надобно идти на сдѣлку;

онъ заявилъ Блака, что онъ вовсе не врагъ благоразумной свободы, понимаетъ необходимость благоразумныхъ реформъ, и жаловался, что никакъ не можетъ убѣдить Руффо въ выгодѣ серьезнаго совѣщательнаго собранія: «Если онъ не образумится»,—прибавилъ Меттернихъ,—«то мы отошлемъ его въ Вѣну, и обдѣлаемъ дѣло безъ него». 14-го февраля, Руффо и Меттернихъ представили конференціи два проекта, сходные въ основѣ: Большой Государственный Совѣтъ для цѣлаго королевства; двѣ консульты: одна—въ Неаполѣ изъ 20 членовъ, для твердой земли, другая—въ Палермо изъ 12 членовъ, для Сициліи, составленныя изъ самыхъ богатыхъ собственниковъ, подаютъ свои голоса по всѣмъ вопросамъ администраціи, по всѣмъ проектамъ, поступающимъ въ Государственный Совѣтъ, и спеціально разсматриваютъ бюджеты для обѣихъ частей монархіи. Въ каждой провинціи—Совѣтъ, члены котораго избираются королемъ изъ знатнѣйшихъ собственниковъ; обязанность Совѣта состоитъ въ разложеніи податей и въ распоряженіи другими предметами мѣстнаго интереса; для той же цѣли, муниципальные Совѣты въ каждой общинѣ. По проекту Меттерниха, болѣе либеральному, каждая консульта сама избирала своего президента; провинціальные Совѣты имѣли участіе въ выборѣ членовъ консульты, которые отправляли свою должность въ продолженіи трехъ лѣтъ и не могли снова быть избраны. Конференція поручила князю Руффо соединить общія черты обоихъ проектовъ въ одну редакцію, предоставляя королю, впослѣдствіи, опредѣлить подробности. 21-го февраля, представители итальянскихъ государствъ объявили, что основанія, изложенныя въ проектѣ, могутъ содѣйствовать утвержденію спокойствія въ Италіи; но сардинскій министръ прибавилъ условіе, чтобъ совѣщательный корпусъ былъ организованъ въ монархическихъ формахъ; а министръ моденскій потребовалъ—избѣгать всякаго вида соглашенія съ революціонною партіею. Уполномоченные Россіи, Австріи и Пруссіи изъявили желаніе, чтобъ проектъ оказалъ благопріятное вліяніе на страну и былъ счастливо и совершенно приведенъ въ исполненіе. Французскіе министры, отказываясь выразить свое мнѣніе, объявили однако, что король ихъ узнаетъ съ удовольствіемъ о рѣшеніи короля Неаполитанскаго—окружить себя самыми вѣрными подданными, для установленія учрежденій, которыя должны обезпечить счастіе его подданныхъ и спокойствіе Италіи. Лордъ Стюартъ говорилъ въ томъ же смыслѣ. По этому смыслу выходило, что король Фердинандъ окружитъ себя вѣрными подданными,—это главное; но что выйдетъ вслѣдствіе такого окруженія? Ла-Ферроннэ, обратившись къ Меттерниху, спросилъ его: какъ смотрѣть на трудъ, представленный княземъ Руффо,—смотрѣть ли на него, какъ на простой проектъ, который король Фердинандъ можетъ впослѣдствіи измѣнить, или это обязательство съ его стороны. Меттернихъ смутился неожиданнымъ вопросомъ и, помолчавши нѣсколько времени, отвѣчалъ, что это—обязательство. «Значитъ, если король, возвратясь въ свои владѣнія, захотѣлъ бы измѣнить проектъ, то онъ не властенъ этого сдѣлать»? спросилъ опять Ла-Ферроннэ.—«Конечно»,—отвѣчалъ Меттернихъ:—«итальянскія государства не могутъ смотрѣть иначе на дѣло, не могутъ потерпѣть учрежденій, несовмѣстимыхъ съ ихъ спокойствіемъ».—«Благодарю васъ, князь»,—сказалъ Ла-Ферроннэ,—«мнѣ это только и нужно было знать».

Двѣ противоположныя системы олицетворялись въ это время въ двухъ дѣятеляхъ—Меттернихѣ и Каподистріа; конгресъ представлялся боемъ между этими соперниками; могущественный Русскій государь стоялъ между бойцами, и на чью сторону онъ склонится, та и получитъ торжество. Держится Русскій императоръ либеральнаго направленія,—значитъ вліяніе Каподистріа сильно; уклоняется отъ этого направленія,—значитъ вліяніе Меттерниха усилилось, Русскій императоръ находится въ его рукахъ. Такъ смотрѣли современники; такъ повторяется въ сочиненіяхъ, описывающихъ эпоху конгрессовъ. Но мы не считаемъ согласнымъ съ историческою осторожностью и точностью представлять дѣло именно такимъ образомъ; мы не можемъ приписать Меттерниху такого сильнаго вліянія на императора Александра, на перемѣну его образа мыслей; не можемъ допустить и рѣзкости этой перемѣны. Не Меттернихъ, но революціонныя движенія, обхватывавшія всю Европу, должны были производить сильное впечатлѣніе на императора Александра. Эти движенія не могли заставить его перемѣнить своего прежняго взгляда, но должны были, какъ обыкновенно бываетъ при столкновеніи извѣстнаго взгляда съ дѣйствительностью, повести къ извѣстнымъ ограниченіямъ, опредѣленіямъ, какъ напримѣръ: либеральныя учрежденія не должны быть добываемы революціоннымъ путемъ; не всѣ народы въ равной степени способны пользоваться одними и тѣми же учрежденіями, при введеніи которыхъ, слѣдовательно, надобно наблюдать постепенность. Эти опредѣленія, особенно второе, должны были очень нравиться, ибо успокоивали: основное направленіе оставалось нетронутымъ, только развивалось въ подробностяхъ, въ приложеніи, согласно съ событіями. Но Меттернихъ не могъ пріобрѣтать вліянія предложеніемъ такихъ успокоительныхъ опредѣленій, ибо къ нимъ можно было придти, отправляясь отъ принциповъ, противоположныхъ принципамъ австрійскаго министра. Поццо-ди-Борго могъ утверждать, что итальянцы не способны къ либеральнымъ учрежденіямъ, и производить своими словами сильное впечатлѣніе, ибо отправлялся отъ мысли, что другіе народы, болѣе зрѣлые, способны къ либеральнымъ учрежденіямъ, и императоръ Александръ, основываясь на словахъ Поццо, могъ говорить французскому посланнику: «Что полезно вамъ, просвѣщеннымъ

французамъ, то вредно отсталымъ, невѣжественнымъ итальянцамъ». Но Меттернихъ не могъ отправляться отъ мысли, отъ которой отправлялся Поццо: его взглядъ, его система были слишкомъ хорошо извѣстны; подчиняться вліянію Меттерниха могли только люди, или не имѣвшіе собственныхъ взглядовъ и убѣжденій, или издавна согласные съ направленіемъ австрійскаго канцлера и находившіе въ его системѣ и дѣятельности лучшее и полнѣйшее выраженіе своихъ убѣжденій; или, наконецъ, люди, изъ страха передъ революціоннымъ движеніемъ, круто повернувшіе въ противоположную сторону. Но императоръ Александръ не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ людей; онъ не могъ разорвать съ своимъ прошедшимъ; онъ могъ, въ силу обстоятельствъ, изъ словъ Поццо вывести извѣстное ограниченіе или опредѣленіе для своего взгляда, ибо этотъ взглядъ былъ у него одинаковъ съ Поццо, но не могъ подчиниться вліянію Меттерниха, котораго основной взглядъ былъ совершенно иной, и который, съ Вѣнскаго конгреса, не пользовался расположеніемъ Русскаго императора. Вся сила, все значеніе Меттерниха основывались на благопріятныхъ для него, для его системы обстоятельствахъ, которыми онъ умѣлъ пользоваться; то, что должно было преимущественно приписать силѣ обстоятельствъ, приписали личной нравственной силѣ Меттерниха, тѣмъ болѣе-что онъ употреблялъ всѣ усилія овладѣть вниманіемъ и волею Русскаго государя. Но успѣхъ австрійскаго канцлера на конгрессѣ не былъ полонъ уже и потому, что онъ долженъ былъ входить въ сдѣлку съ прямо противоположнымъ направленіемъ, какъ то видно изъ его проекта, несравненно болѣе либеральнаго, чѣмъ проектъ, составленный Руффо.

7-го февраля, пріѣхалъ въ Неаполь курьеръ съ письмомъ отъ короля Фердинанда къ герцогу Калабрійскому: старый король писалъ, что государи приняли неизмѣнное рѣшеніе не признавать порядка вещей, созданнаго въ Неаполѣ революціею и, въ случаѣ необходимости, сокрушить его силою оружія, слѣдовательно неотлагательная покорность есть единственное средство предохранить королевство отъ бѣдствій войны. Затѣмъ Фердинандъ давалъ знать сыну, что государи и въ этомъ случаѣ требуютъ нѣкоторыхъ гарантій; что же касается до будущаго, то указывалъ на основанія, находившіяся въ проектѣ Меттерниха-Руффо. 9-го числа, русскій, австрійскій и прусскій посланники объявили регенту: что австрійская армія получила приказъ выступить въ походъ; что она или займетъ королевство дружественнымъ образомъ, или проникнетъ въ него силою; что если австрійскія войска будутъ отражены, то русскія выступятъ вслѣдъ за ними; что союзныя державы полагаются на благоразуміе самого герцога, который сумѣлъ привесть націю къ желаемому порядку вещей. Герцогъ отвѣчалъ, что если бы даже онъ имѣлъ въ рукахъ необходимую силу, то и тогда не употребилъ бы этой силы противъ націи, отъ которой никогда не отдѣлится. 13-го числа, лайбахскія рѣшенія было объявлены парламенту; 15-го—парламентъ объявилъ ихъ несовмѣстными съ достоинствомъ, честью и независимостью неаполитанскаго народа. Герцогъ Калабрійскій отвѣчалъ отцу, что онъ не можетъ смотрѣть на его письмо, какъ на свободное выраженіе его воли, и что онъ рѣшился раздѣлить опасности и судьбу націи, и пожертвовать своею жизнью и жизнью своего семейства для защиты правъ, независимости и чести родной страны.

Посланники русскій, австрійскій и прусскій выѣхали изъ Неаполя; повѣренные въ дѣлахъ англійскій и французскій остались. Нерѣшительныя дѣйствія Франціи, ея колебанія между политикою континентальныхъ великихъ державъ и политикою Англіи возбуждали неудовольствіе императора Александра, который прямо высказалъ Ла-Ферроннэ, къ чему повело такое поведеніе французскаго правительства. «Я не менѣе вашего огорченъ въ глубинѣ сердца, что Неаполитанскій вопросъ не разрѣшился примирительнымъ образомъ; но для этого было необходимо, чтобъ верховное рѣшеніе принадлежало Россіи и Франціи; Австрія и Прусскія всегда хотѣли войны. Такъ какъ Австрія въ этомъ дѣлѣ, естественно, призвана къ главной роли, то я не могъ отдѣлиться отъ нея иначе, какъ разрушивши великій союзъ, что повело бы къ переворотамъ въ Италіи, быть можетъ и въ Германіи, и я счелъ своею обязанностью скорѣе пожертвовать своимъ личнымъ взглядамъ, чѣмъ допустить до подобныхъ явленій. Притомъ, это вѣрный способъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархіи и нечестія, представляемому тайными обществами, которыя подрываютъ основанія общественнаго порядка». 26-го февраля, Лайбахскій конгрессъ оффиціально закрылся, причемъ положено было собраться на новый конгрессъ во Флоренціи, въ сентябрѣ будущаго 1822 года. Неаполитанскій король долженъ былъ отправиться во Флоренцію и тамъ дожидаться, чѣмъ кончатся дѣла въ его королевствѣ. Фердинанда должны были сопровождать дипломатическіе агенты со стороны великихъ державъ. Австрійскій агентъ получилъ отъ своего Двора инструкцію не позволять удаляться отъ основаній, изложенныхъ въ проектѣ Меттерниха-Руффо. Со стороны Россіи отправлялся Поццо-ди-Борго, котораго инструкція предоставляла ему только право совѣта, причемъ онъ долженъ былъ обращать вниманіе на мнѣнія короля и націи. Меттернихъ понапрасну старался заставить зачеркнуть послѣднее слово. Прусскій уполномоченный Бернсторфъ сказалъ по этому случаю: «Мы было-думали, что императоръ обяжетъ короля Фердинанда употребить нѣсколько примѣровъ строгости».—«Значитъ, вы ошибаетесь относительно намѣреній императора», — отвѣчалъ Каподистріа:—«совѣтъ его величества королю

Фердинанду можетъ состоять только въ томъ, чтобъ оказывать наибольшую умѣренность».

Несмотря на офиціальное закрытіе конгресса, оба императора и министры разныхъ Дворовъ оставались въ Лайбахѣ, дожидаясь успокоительныхъ извѣстій изъ Неаполя; но пришли тревожныя вѣсти изъ сѣверной Италіи: въ Піемонтѣ вспыхнула революція.

Давно уже политическая жизнь, изсякшая въ другихъ частяхъ Италіи, сохранялась только въ Піемонтѣ, въ значеніи котораго для раздробленной и безсильной Италіи нельзя не замѣтить сходства съ значеніемъ Пруссіи для раздробленной и безсильной Германіи. Находясь постоянно между двухъ огней, между двумя великими державами—Франціею и Австріею, стремившимися утвердить свое вліяніе и владычество въ Италіи, слабые владѣльцы Піемонта, герцоги Савойскіе, умѣли держаться ловкою и далеко небезупречною политикою, сходною съ политикою великаго курфюрста Бранденбургскаго въ борьбѣ между Швеціею и Польшею. Мѣнять, по обстоятельствамъ, союзъ съ одною соперничествующею державою на союзъ съ другою, выговаривая себѣ разныя вознагражденія за эти союзы,—служило основаніемъ піемонтской политики. Какъ Бранденбургскіе курфюрсты добились, наконецъ, королевскаго титула по освобожденіи изъ польскаго вассальства Пруссіи, чѣмъ, по словамъ Фридриха II, заброшено было въ Гогенцоллернскій Домъ сѣмя честолюбія, которое рано или поздно должно было дать плодъ: такъ и герцоги Савойскіе добились королевскаго титула по островамъ, сначала Сициліи, потомъ Сардиніи. И здѣсь этотъ титулъ былъ, какъ видно, сѣменемъ честолюбія. Сардинскіе короли начали также хлопотать объ усиленіи себя, объ округленіи своихъ владѣній въ Италіи, причемъ не спускали глазъ съ Миланской области: «Сынъ!» говаривалъ король Карлъ-Эммануилъ своему наслѣднику: «Миланская область—это артишокъ, который надобно кушать листикъ за листикомъ». Еще въ 1733 году, между Парижскимъ и Туринскимъ Дворами былъ заключенъ договоръ, по которому австрійцы должны были быть изгнаны изъ Италіи; Миланъ присоединяется къ Піемонту и составляетъ Ломбардское королевство; Мантуа также присоединяется къ Піемонту, за-то Савойя уступается Франціи. Бурныя движенія революціонной Франціи смыли съ карты континентальной Европы Сардинское королевство; послѣ паденія Наполеона, королевство было возстановлено съ придаткомъ Генуи; но правительство и народъ возстановленнаго королевства вынесли изъ эпохи испытанія непримиримую ненависть къ Австріи, которая своимъ поведеніемъ, во время очищенія Италіи Суворовымъ, доказала всю свою враждебность къ Піемонту, а теперь, съ 1814 года, Австрія пользовалась въ Италіи самымъ могущественнымъ вліяніемъ. Знаменитый савояръ, Жозефъ де-Местръ, писалъ въ 1804 году: «Пока живъ, не перестану повторять, что Австрія есть естественный и вѣчный врагъ короля (Сардинскаго). Чего хочетъ король?—утвержденія своей власти въ сѣверной Италіи. Чего боится Австрія?—этого самаго утвержденія. Итакъ...» Это: «итакъ» очень хорошо понимали въ Піемонтѣ. Теперь Австрія распоряжается въ Италіи, хочетъ ввести свои войска въ Неаполь, уничтожить тамъ новый порядокъ вещей. А этотъ порядокъ имѣетъ въ Піемонтѣ многочисленныхъ приверженцевъ; адвокаты, купцы, литераторы, студенты недовольны возстановленіемъ привилегій, вспоминаютъ съ сожалѣніемъ о равенствѣ, которое было у нихъ во время французскаго владычества; карбонаризмъ пустилъ корни и въ Піемонтѣ; сосѣдство волнующейся Франціи, революціи испанская, неаполитанская оказывали сильное вліяніе. Гостиная французскаго посланника, герцога Дальберга, была мѣстомъ свиданія недовольныхъ, которые изъ словъ посланника имѣли право заключить, что, въ случаѣ возстанія, они будутъ поддержаны Франціею. 11-го января, произошла въ Туринѣ студенческая вспышка; солдаты усмирили студентовъ; но этимъ дѣло не кончилось, потому-что обширный заговоръ зрѣлъ въ войскѣ и даже въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ хотѣли французской партіи. Молодой принцъ Кариньянскій, глава младшей линіи королевскаго Дома и ближайшій наслѣдникъ престола послѣ герцога Генуезскаго, брата королевскаго, не имѣвшаго, также какъ и король, сыновей, не былъ чуждъ замысламъ заговорщиковъ; мы видѣли, что существовало особое тайное общество «адельфовъ», дѣйствовавшее въ пользу либеральнаго герцога Кариньянскаго. 10-го марта, часть алессандрійскаго гарнизона съ нѣсколькими сотнями *патріотовъ* или, такъ называемыхъ, *итальянскихъ федератовъ*, провозгласили конституцію, овладѣли крѣпостью и учредили временную юнту; въ тотъ же день революція вспыхнула въ Пиньероли, и на другой день—въ самомъ Туринѣ; здѣсь революціонеры овладѣли крѣпостью при крикахъ: «Да здравствуетъ король! да здравствуетъ испанская конституція! война австрійцамъ»! Скоро эти крики раздались по всему городу. Король Викторъ-Эммануилъ, видя, съ одной стороны, невозможность сладить съ революціею, а съ другой, не желая уступить ей, отрекся отъ престола; и такъ какъ братъ его, герцогъ Генуезскій, находился въ это время у зятя своего, герцога Моденскаго, то регентомъ въ Туринѣ провозглашенъ былъ принцъ Кариньянскій, который принужденъ былъ уступить требованіямъ народа и провозгласить испанскую конституцію. Сильное волненіе обнаружилось и въ Ломбардіи, гдѣ также дѣйствовали карбонари.

Извѣстія о событіяхъ въ Алессандріи и Туринѣ произвели въ Лайбахѣ такое же громовое впечатлѣніе, какое, въ 1815 г., было произведено въ Вѣнѣ извѣстіемъ о высадкѣ Наполеона на берега Франціи: смотрѣли другъ на друга въ нѣмомъ ужасѣ. Боялись, что подобныя же явленія обнаружатся и

въ другихъ частяхъ полуострова; что народныя массы, поддержанныя войсками Неаполя и Сардиніи, подавятъ ненавистную итальянцамъ австрійскую армію; опасались, что движеніе отзовется во Франціи, въ Германіи, въ Польшѣ. Страхъ овладѣлъ Меттернихомъ, который вовсе не отличался твердостью духа въ опасностяхъ. Но какъ въ 1815 году въ Вѣнѣ, такъ и теперь въ Лайбахѣ, императоръ Александръ положилъ конецъ этому всеобщему ужасу; онъ сказалъ императору Францу: «Мои войска въ распоряженіи вашего величества, если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя». Австрійскій императоръ принялъ это предложеніе съ благодарностью,—и стотысячная русская армія получила приказъ вступить въ Галицію; прежде истеченія двухъ мѣсяцевъ, она должна была явиться въ Италіи.

Сто тысячъ русскаго войска! Да кромѣ этихъ ста тысячъ, Русскій императоръ приказалъ готовить еще двѣ другія арміи! Значитъ, опять судьба Европы въ рукахъ Русскаго государя, и, разъ уничтоживши революціонныя движенія своимъ войскомъ, императоръ Александръ можетъ распорядиться въ Италіи не такъ, какъ бы хотѣлось Австріи: Поццо-ди-Борго получилъ же инструкцію принимать въ соображеніе мнѣніе короля и націи! Меттерниху стало страшно; но когда австрійскому министру становилось страшно предъ Россіею, то онъ могъ быть увѣренъ, что найдетъ полное сочувствіе въ Англіи. Сочувствіе выразилось въ томъ, что Меттернихъ и Гордонъ, оба ненавидѣвшіе Францію, рѣшились обратиться къ этой державѣ, чтобъ ея силами уравновѣсить силы Россіи. Императоръ Францъ выразилъ Ла-Ферроннэ желаніе, чтобъ Франція взялась потушить піемонтскую революцію для отнятія у Россіи предлога двигать свои войска. «Мы не можемъ»—говорилъ императоръ— «дѣйствовать противъ Піемонта, какъ дѣйствуемъ противъ Неаполя: австрійцы и піемонтцы ненавидятъ другъ друга; насъ заподозрятъ въ корыстныхъ видахъ». Ла-Ферроннэ отвѣчалъ, что какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Туринѣ французское правительство не позволитъ себѣ вооруженнаго вмѣшательства и, сильно порицая возмущеніе піемонтской арміи, ограничится дѣйствіемъ чисто нравственнымъ. Дѣлать нечего, надобно было ждать страшной русской помощи. Но движеніе русскихъ войскъ наводило страхъ не на одну Австрію и Англію; безпокойство овладѣло всею Европою: сомнѣвались, чтобъ такая огромная армія была нужна для потушенія піемонтской революціи; подозрѣвали, нѣтъ ли соглашенія между неограниченными монархами уничтожить всюду либеральныя учрежденія и потушить самый очагъ пожара—во Франціи. Ла-Ферроннэ, отправляясь во Францію, счелъ своею обязанностью высказаться откровенно предъ императоромъ Александромъ насчетъ этихъ опасеній. Императоръ сталъ торопить его, чтобъ поскорѣе ѣхалъ во Францію и старался тамъ, съ одной стороны, уничтожить ложныя опасенія, съ другой—внушить своему Кабинету болѣе твердую политику. На прощаньи и императоръ Францъ старался разувѣрить Ла-Ферроннэ насчетъ враждебныхъ намѣреній противъ французской конституціи: «Признаюсь»—говорилъ Францъ—«что я не люблю всѣ эти новыя конституціи; но мнѣ никогда не приходило въ голову касаться существующихъ учрежденій. И потомъ, относительно Франціи, большая разница: эта страна такъ просвѣщенна!» Императоръ Александръ сказалъ ему, что скорѣе пожертвуетъ половиною своей арміи, чѣмъ допустить какое-нибудь государство посягнуть на территорію или на учрежденія Франціи: «Столкновеніе»—сказалъ онъ—«можетъ произойти только отъ васъ. Мои войска пойдутъ медленно, и если въ Піемонтѣ все уладится, то они получатъ приказъ тотчасъ же остановиться».

Случилось послѣднее. Неаполитанцы остались вѣрны своей исторіи, вѣрны преданію не биться съ чужими войсками, которымъ, зачѣмъ бы то ни было, вздумается войти въ ихъ владѣнія. Сначала, впрочемъ, можно было подумать, что неаполитанскій характеръ измѣнился: 7 марта, карбонарскій генералъ Пепе напалъ на австрійцевъ при Ріэти; но, убивъ у непріятеля человѣкъ 60, неаполитанцы сочли это совершенно достаточнымъ—и обратились въ бѣгство. Другая неаполитанская армія, стоявшая при Гирильяно подъ начальствомъ генерала Караскозы, услыхавъ о пораженіи Пепе, начала исчезать: волонтеры и старые солдаты толпами покидали знамена; не бѣжала одна гвардія королевская, но та стояла за короля Фердинанда, какимъ онъ былъ до революціи. Герцогъ Калабрійскій, пріѣхавшій-было принять начальство надъ войскомъ, счелъ за лучшее какъ можно скорѣе возвратиться въ Неаполь. Австрійскій генералъ Фримонъ, какъ видно, плохо знавшій прежнюю неаполитанскую исторію, растерялся при видѣ такого страннаго явленія; сначала подумалъ-было, что ему готовятъ западню, но скоро успокоился: дорога была совершенно чиста, никакой западни, никакого сопротивленія. 12 марта, собрался парламентъ и вотировалъ адресъ королю Фердинанду: извиняясь въ томъ, что было сдѣлано до сихъ поръ, парламентъ думалъ, что дѣйствовалъ согласно съ королевскимъ желаніемъ. Парламентъ умолялъ Фердинанда явиться среди народа и высказать откровенно свои намѣренія, объявить какъ можно скорѣе улучшенія, какія онъ признаетъ нужными; но чтобы иностранцы, *ультрамонтаны*, не становились между народомъ и его главою. Король отвѣчалъ напоминаніемъ о своемъ письмѣ изъ Лайбаха: тамъ сказано все, что нужно знать его подданнымъ о его будущихъ намѣреніяхъ. 24 марта, австрійцы вступили въ Неаполь при кликахъ народа: «Да здравствуетъ король!»

Піемонтская революція также скоро прекратилась; но при этомъ нельзя останавливаться на одномъ видимомъ сходствѣ явленій. Въ Піемонтѣ только половина войска была за революцію; въ

остальномъ народонаселеніи — меньше половины; между людьми, желавшими перемѣны, образовались двѣ партіи—умѣренная и крайняя. Умѣренная партія, сильная въ Туринѣ, имѣла вождя въ принцѣ Кариньянскомъ, и хотѣла конституціи съ прекращеніемъ революціоннаго движенія; крайняя партія, господствовавшая въ Алессандріи, хотѣла соединенія всей Италіи въ одно государство, требовала немедленнаго объявленія войны Австріи и нападенія на Ломбардію, для отвлеченія австрійскихъ силъ отъ Неаполя. Крайняя партія брала явный перевѣсъ; тогда принцъ Кариньянскій, принужденный каждый день соглашаться на мѣры, которыхъ не одобрялъ, тайно ночью (съ 21 на 22 марта) выѣхалъ изъ Турина въ Новарру, гдѣ сосредоточивалось вѣрное прежнему порядку войско, и объявилъ, что отказывается отъ должности регента; многіе изъ умѣренныхъ либераловъ послѣдовали его примѣру и отказались отъ своихъ должностей. Такимъ образомъ, направленіе движенія сосредоточилось въ крайней партіи, слабой отпаденіемъ умѣренныхъ и не пользовавшейся сочувствіемъ большинства. Для низложенія этой крайней партіи не стоило двигать ста тысячъ войска, и императоръ Александръ выразилъ желаніе, чтобъ Піемонтъ былъ успокоенъ увѣщательными средствами. Русскій посланникъ въ Туринѣ, графъ Мочениго, предложилъ революціонному правительству свое посредничество; французскій посланникъ присталъ къ нему. Графъ Мочениго требовалъ, чтобъ революціонное правительство оказало безусловную покорность новому королю и, въ такомъ случаѣ, не только австрійцы не вступятъ въ Піемонтъ, но будетъ дана полная амнистія и сдѣланы будутъ улучшенія, административныя реформы. Туринская юнта согласилась бы на это охотно; но алессандрійская объявила, что не откажется отъ испанской конституціи,—и революціонная армія приняла наступательное движеніе противъ роялистской, сосредоточенной, какъ мы видѣли, въ Новаррѣ, подъ начальствомъ графа Латура. Но въ самомъ началѣ битвы, австрійскій корпусъ явился на помощь роялистамъ; продержавшись нѣсколько часовъ противъ сильнѣйшаго вдвое непріятеля, конституціонисты должны были отступить, и отступленіе скоро превратилось въ бѣгство. Революція была сломлена; члены временнаго правительства, ночью, бѣжали изъ Турина, и на другой день графъ Латуръ, приближавшійся къ столицѣ, встрѣтилъ депутацію, которая просила его вступить въ городъ только съ сардинскими войсками. Латуръ согласился, и 10-го апрѣля занялъ Туринъ; герцогъ Генуезскій принялъ корону подъ именемъ Карла-Феликса.

Италія была успокоена, и Меттернихъ торжествовалъ, пѣлъ побѣдную пѣснь, перемѣшанную съ пророчествами о новыхъ опасностяхъ, съ жалобами на слабость правительствъ: «Результаты мѣръ, принятыхъ монархами въ Лайбахѣ, осязательны для всѣхъ, положительны, несомнѣнны. Мы имѣли счастіе аттаковать машину, на сооруженіе которой наши противники употребили много иждивенія, разсчитывая на непремѣнное ея дѣйствіе; но ни одно желаніе ихъ не исполнилось, ни одно намѣреніе ихъ не осуществилось. Лагерь противниковъ въ полномъ разгромѣ, и хотите доказательствъ этого разгрома,—вы ихъ найдете въ усиленіи радикализма; либеральные цвѣта почти всюду поблѣднѣли, роли обозначались яснѣе, желанія высказались положительнѣе, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, число противниковъ уменьшается. Правительства всѣ безъ исключенія отдають справедливость намѣреніямъ и поведенію твердому, благородному и великодушному великихъ монарховъ. Съ 1814 года я не видалъ единодушія, такъ рѣзко выразившагося. Люди благонамѣренные довольны и позволяютъ себѣ это говорить. Идеалисты стыдятся того, что они передъ тѣмъ проповѣдывали, и люди чистые между ними довольны; между ними господствуетъ раздраженіе противъ малодушія итальянскихъ реформаторовъ. Послѣдовательные революціонеры, т.-е. радикалы, признаютъ себя побитыми, ибо они осмѣливаются провозглашать, что одно проигранное сраженіе часто не рѣшаетъ еще судьбу войны. Они правы; одушевляемые этою надеждою, они находятъ средства изгладить память о своемъ пораженіи и вознаградить свои потери новыми побѣдами. Я желалъ бы, чтобъ мнѣ доказали съ другой стороны, что слабость правительствъ менѣе опасна, чѣмъ какъ мнѣ кажется. Извѣстія изъ Неаполя и Піемонта сообщаютъ много данныхъ насчетъ неспособности обоихъ Дворовъ. Мы идемъ по условленной дорогѣ; какъ скоро узнаемъ о ложномъ шагѣ, такъ сейчасъ же высказываемся противъ него, и мы, надѣюсь, кончимъ тѣмъ, что вытащимъ корабль, безпрестанно готовый утонуть. Представители Дворовъ стоятъ прямо и твердо, ибо дѣйствуютъ согласно:—громадное благодѣяніе и естественное послѣдствіе совершеннаго согласія между монархами. Мы сильно хлопочемъ около Римскаго Двора, чтобъ вывести его изъ неподвижности; есть нѣкоторая надежда, что успѣемъ. Немного бодрости и смысла у итальянскихъ правительствъ— и Италія будетъ поставлена внѣ всякой опасности въ настоящую минуту. Во Франціи правительство могло бы сдѣлать много, еслибъ было такъ сильно, какъ должно было бы быть. Великій революціонный очагъ постоянно тамъ въ наибольшей дѣятельности, и средства потушить его—найти чрезвычайно трудно, потому что главные его агенты служатъ сами въ полиціи. Я сдѣлалъ, въ этомъ отношеніи, значительныя открытія. Послѣднія пренія въ палатѣ депутатовъ отличаются большою горячностью; мнѣ это нравится, ибо чѣмъ болѣе ожесточенія, тѣмъ болѣе спадаетъ масокъ. Англійское правительство отдаетъ справедливость поведенію монарховъ. Послѣ битвъ, которыя оно дало противъ Троппау, борьба, кажется, не находитъ новой пищи въ актахъ лайбахскихъ. Британскіе агенты за-границею сбиты съ дороги, ибо они никогда не могли хорошо уяснить себѣ сущности во-

проса. Шведскій король Карлъ-Іоаннъ становится автоматомъ; кажется, онъ любитъ радикаловъ только на другихъ полуостровахъ. Испанія—эта бездна нечестія—стремится къ неминуемой погибели, ибо неестественно, чтобъ принципы, которые тамъ проповѣдуются, не погубили государства. *Эти принципы оттуда не выйдутъ.* Португалія идетъ по той же дорогѣ, и будетъ имѣть ту же участь».

Результаты дѣятельности тайныхъ обществъ, итальянскія революціи были уничтожены, но не уничтожены были тайныя общества, распространившіяся по всей Европѣ и повсюду имѣвшія одинакія цѣли. Меттернихъ начерталъ ихъ исторію и придумалъ планъ дѣйствія противъ нихъ со стороны правительствъ. Въ исторіи указаны были три главныя эпохи, съ которыхъ идетъ чрезвычайное распространеніе тайныхъ обществъ въ послѣднее время. «Французская революція, при началѣ своемъ, остановила ихъ работу: когда арена была открыта для всѣхъ заблужденій человѣческаго разума и для всякаго рода честолюбій, что могли выиграть агенты въ таинственныхъ сборищахъ? Они всѣ бросились на поприще, которое, льстя мечтамъ ихъ воображенія, открывало имъ возможность блистательно устроить свою судьбу. Такимъ образомъ, революціонныя правительства во Франціи набирались изъ членовъ тайныхъ обществъ, и масонскія ложи опустѣли. Но во время имперіи, когда Бонапартъ поочистилъ администрацію, тайныя общества начали возстановляться. Паденіе Наполеона освободило міръ отъ громадной тяжести; но такъ какъ эта тяжесть лежала одинаково на хорошемъ и на дурномъ,—хорошее и дурное одновременно почувствовали себя освобожденными отъ нея, и скоро революціонный духъ пріобрѣтаетъ новыя силы. Организація тайныхъ обществъ во Франціи въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, не восходитъ далѣе 1820 года. Съ 1821 года прямыя сношенія устанавливаются между революціонерами нѣмецкими и французскими, и въ челѣ первыхъ находятся нѣмецкіе бонапартисты. Самыя значительныя теперь мѣстности Германіи, относительно сосредоточенія революціонныхъ средствъ нѣмецкихъ и французскихъ, суть королевство Виртембергское, городъ Франкфуртъ и нѣкоторые города швейцарскіе. Люди, играющіе въ этихъ мѣстностяхъ главныя роли, суть братья Мургардъ, нѣкоторые франкфуртскіе литераторы и редакторы «Неккарской Газеты». Эта газета подчинена прямому вліянію главнаго комитета въ Парижѣ, и ея главный редакторъ, докторъ Линднеръ, служилъ долгое время дѣятельнымъ агентомъ Бонапарта въ Германіи. До 1820 г. французскіе радикалы имѣли образцомъ свою собственную революцію; но многія попытки поднять массы должны были доказать этимъ людямъ, что подобныя предпріятія теперь уже не представляютъ такой возможности успѣха, какъ въ 1789 году,—и, вотъ, ихъ вниманіе обратилось на новое средство, употребленное съ успѣхомъ въ Испаніи; и когда то же самое средство въ три дня ниспровергло законное правительство въ Неаполѣ, то французскіе революціонеры должны были усвоить его, какъ самое дѣйствительное и скорое. Изъ всѣхъ тайныхъ обществъ, самое практическое—это карбонизмъ. Рожденный среди народа мало цивилизованнаго, но страстнаго, карбонизмъ носитъ отпечатокъ характера этого народа; отличаясь впечатлительностью, южный итальянецъ какъ легко воспринимаетъ, такъ же легко и приводитъ въ исполненіе. Цѣль, ясно высказанная въ высшихъ степеняхъ общества; средства къ достиженію цѣли—простыя и свободныя отъ метафизическихъ бредней масонства; крѣпкое правленіе въ рукахъ у вождей; извѣстное число степеней для классификаціи членовъ; кинжалъ—для наказанія непослушныхъ, нескромныхъ или враговъ:—таковъ карбонизмъ, самая совершенная изъ политическихъ сектъ по своей практической организаціи.

«Но какія же средства могутъ правительства противопоставить этому злу? Есть два средства: во-первыхъ,—объединеніе интересовъ самосохраненія; во-вторыхъ,—установленіе центра свиданій. Революціонеры враждебны всѣмъ государствамъ, монархіямъ чистымъ, монархіямъ конституціоннымъ, республикамъ: всѣмъ грозитъ одинакая опасность отъ *уравнителей* (нивелёровъ). Никогда еще не было такого единства между великими тѣлами политическими, какое существуетъ въ два послѣдніе года между Россіею, Австріею и Пруссіею. Заботливо отдѣляя интересъ охраненія отъ интересовъ обыкновенной политики и подчиняя общему интересу всѣ интересы частные, три монарха нашли настоящее средство поддержать свой святой союзъ и совершить благое дѣло громадной важности. Франція теперь дорого платитъ за мечты, которымъ предавались ея послѣднія правительства; настоящее министерство, кажется, слѣдуетъ по дорогѣ, сближающей его съ принципомъ союза. Англія, по вопросу, насъ занимающему, должна всегда стоять одиноко, ибо никогда ея политика не можетъ совершенно отождествиться съ политикою державъ континентальныхъ. При этомъ тождествѣ политики, существующемъ между тремя сѣверными государствами, существенно важно присоединить къ нимъ и правительство французское. Этого легче достигнуть путемъ фактическимъ, чѣмъ разсужденіями о необходимости этого тождества; а фактическій путь долженъ состоять въ образованіи центра взаимныхъ сообщеній. Такимъ образомъ, пусть императоръ Россійскій и король Прусскій назначатъ отъ себя по довѣренному лицу въ Вѣну; императоръ Австрійскій назначитъ такое же лицо съ своей стороны. Эти три довѣренныя лица составятъ секретный комитетъ, который составитъ центральный пунктъ, куда будутъ стекаться извѣстія. Каждое правительство, съ этою цѣлью, приметъ мѣры для указанія комитету слѣдовъ всѣхъ заговоровъ, которые оно откроетъ. Центральная слѣдственная коммисія, учрежденная въ Майнцѣ, будетъ продолжать свою дѣятельность, согласно

съ единодушнымъ почти желаніемъ всѣхъ членовъ германской конфедераціи. Работы этой коммисіи будутъ сообщаемы центральному комитету. Австрійское правительство занято теперь составленіемъ коммисіи итальянской, похожей, по цѣли, на майнцскую, но совершенно различной по формамъ: та будетъ составлена изъ членовъ, назначенныхъ всѣми правительствами полуострова. Открытія, сдѣланныя итальянскою коммисіею, будутъ представляемы также центральному комитету. Будетъ полезно обратиться и къ французскому правительству, чтобъ оно назначило отъ себя довѣренное лицо, для принятія участія въ этихъ занятіяхъ».

Изобрѣтательность австрійскаго канцлера развивалась въ борьбѣ съ революціонными движеніями. До сихъ поръ эти движенія выражались въ извѣстныхъ, одинакихъ повсюду, формахъ, и противъ нихъ могли быть употребляемы извѣстныя, одинакія повсюду, средства. Противъ революціонныхъ движеній — правительства могли высказать правила охранительной политики, какъ, напримѣръ, правило, что извѣстныя учрежденія не должны быть добываемы революціоннымъ путемъ; что не всѣ народы одинаково способны къ принятію тѣхъ или другихъ учрежденій, и т. п. Но въ то самое время, какъ вниманіе правительствъ было обращено на революціонныя движенія на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, на Балканскомъ полуостровѣ обнаружилось явленіе, повидимому, сходное, — и австрійскій канцлеръ старается именно заставить смотрѣть на него, какъ на обыкновенное революціонное движеніе; но старанія его остаются тщетными, несмотря на благопріятныя обстоятельства, на сильную поддержку со стороны Англіи: Меттернихъ не можетъ приложить своихъ взглядовъ, своихъ мѣръ — къ греческому возстанію.

VI.

Греческое возстаніе.

Обозрѣвъ исторію отношеній между европейскими государствами въ первыя шесть лѣтъ послѣ окончательнаго разрушенія первой Французской имперіи, мы не могли не замѣтить въ ней слѣдующихъ самыхъ видныхъ явленій: революціонное движеніе, повидимому, прекращенное въ 1814—1815 году разнаго рода реставраціями и сдѣлками стараго съ новымъ, снова начинается и обходитъ всю Европу. Во Франціи поднимаются разныя партіи и начинаютъ борьбу съ возстановленными Бурбонами. Но среди подробностей этой борьбы нельзя не усмотрѣть главной причины движенія, главной причины неудовольствія: воинственному, самолюбивому, привыкшему къ игемоніи въ Европѣ народу было не посебѣ, не могъ онъ ужиться съ правительствомъ, которое, въ его глазахъ, не было способно исполнить свою главную обязанность — давать народу славу и величіе; вопросы внутренніе, вопросъ конституціонный не былъ на первомъ планѣ: они были только предлогомъ къ движенію, начало же и цѣль движенія были другія. «Славы, игемоніи!» — вотъ крикъ французскаго народа правительству, которое, если хочетъ удержаться, должно, по возможности, удовлетворять этимъ требованіямъ, какъ въ старину властители Рима должны были удовлетворять народнымъ крикамъ: «Зрѣлищъ и хлѣба!» Въ Германіи также обнаружилось революціонное движеніе и прилило къ самому чувствительному здѣсь мѣсту, — къ университетамъ; но среди либеральныхъ плановъ и мечтаній, у стариковъ и молодыхъ можно замѣтить также одну главную цѣль, одну главную потребность — единство Германіи. Въ революціонныхъ судорогахъ Италіи была явственна та же цѣль, но еще съ большимъ освѣщеніемъ: съ стремленіемъ къ единству страны соединялось стремленіе къ освобожденію отъ чужаго ига. Въ Испаніи революціонное движеніе присоединялось, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, къ преобразовательному движенію, которое началось для страны еще въ XVIII вѣкѣ, и нельзя было не замѣтить, что эти движенія мѣшали другъ другу, а раздѣлить ихъ или примирить не было ни силы, ни разумѣнія. Всѣ эти движенія застали европейскія правительства въ союзѣ, происшедшемъ вслѣдствіе общаго дѣйствія противъ Наполеона. Между союзниками сначала господствовали различные взгляды: императоръ Русскій отличался либеральнымъ направленіемъ, т.-е. онъ думалъ, что революціи должны быть прекращены уступками новому насчетъ стараго, уступками правительствъ извѣстнымъ законнымъ требованіямъ народовъ. Революціонныя движенія, начавшіяся въ разныхъ углахъ Европы, повели къ ограниченію, къ опредѣленію этого взгляда: перемѣны въ правительственныхъ формахъ должны исходить отъ самихъ правительствъ, а не должны вымогаться народами у правительствъ путемъ возмущеній; во-вторыхъ, не всѣ народы одинаково созрѣли для либеральныхъ правительственныхъ формъ.

Либеральному взгляду Русскаго императора противополагался взглядъ Австрійскаго министра, князя Меттерниха, нежелавшаго никакихъ сдѣлокъ съ революціею. Революціонныя движенія Франціи, Германіи и южныхъ полуострововъ дали Меттерниху большую выгоду: либеральный взглядъ опредѣлялся, ограничивался, и въ этомъ ограниченіи уже заключалось важное обезпеченіе противъ революціонныхъ движеній. Меттернихъ съ уступками шелъ навстрѣчу уступкамъ со стороны либеральнаго направленія (разумѣется, не безъ надежды, что благопріятныя обстоятельства освободятъ его отъ обязанности дѣлать эти уступки), лишь бы только скрѣпить союзъ между государями, заставить ихъ сообща дѣйствовать противъ революціонныхъ движеній. Но союзъ правительствъ противъ революціонныхъ движеній былъ уже не

тотъ, какой образовался противъ Французской имперіи: Англія, провозгласивъ начала невмѣшательства, вышла изъ союза; съ другой стороны, Франція должна была играть междоумочную, нерѣшительную роль: какъ державѣ конституціонной, ей было неловко примкнуть прямо къ тройному союзу неограниченныхъ государей, направленному противъ движеній, происходившихъ съ цѣлью получить либеральныя правительственныя формы. Съ другой стороны, какъ держава континентальная, Франція не могла, подобно Англіи, уединиться, не принимать дѣятельнаго участія въ общихъ дѣлахъ Европы. Наконецъ, зная свою слабость и вражду къ Франціи другихъ державъ французское правительство видѣло единственнаго союзника и защитника въ императорѣ Александрѣ, и потому должно было заботиться о поддержаніи его пріязни, что могло быть достигнуто только сближеніемъ съ русскою политикою. Это сближеніе было тѣмъ легче для Франціи, что направленіе Русскаго императора могло служить среднимъ звеномъ между политикою Франціи, условленною ея правительственными формами, и политикою союза неограниченныхъ государей. Императоръ Александръ, съ своей стороны, желалъ присоединенія Франціи къ общему дѣйствію—и по сознанію важнаго значенія этой державы, и по особенному расположенію къ французскому народу, и по той помощи, какую Франція должна была оказывать ему при общихъ дѣйствіяхъ, становясь всегда на сторонѣ болѣе либеральныхъ мѣръ, въ противоположность стремленіямъ Австріи и теперь сильно сочувствующей ей Пруссіи.

Такъ образовались отношенія между важнѣйшими державами Европы въ 1821 году, когда пришло извѣстіе о греческомъ возстаніи. Это неожиданное событіе если въ первую минуту не поражало такимъ ужасомъ, какъ уходъ Наполеона съ Эльбы во Францію или вспышка піемонтской революціи, то, по зрѣломъ обсужденіи, представляло страшныя затрудненія. Только-что согласились считать непозволительнымъ возстанія подданныхъ противъ правительствъ, согласились поддерживать въ такихъ случаяхъ правительства, —и вдругъ обнаруживается возстаніе, которое должно составить исключеніе изъ принятаго правила; а извѣстно, какъ ослабляется правило, изъ котораго немедленно же должно допустить исключеніе. Была пора, когда интересъ религіозный господствовалъ, когда европейское человѣчество сознавало свое значеніе, свое единство въ христіанствѣ, и борьбу съ иновѣрцами считало своею самою священною обязанностью. Эта пора высказалась лучше всего въ Крестовыхъ походахъ, самомъ блистательномъ подвигѣ героическаго періода европейской исторіи. Какъ героическій періодъ древней Греціи ознаменовался движеніемъ на востокъ, въ Колхиду, подъ Трою: такъ и героическій періодъ христіанской Европы—движеніемъ на востокъ въ большихъ размѣрахъ и подъ религіознымъ знаменемъ. Послѣ господства религіознаго интереса, которое кончилось реформою, розпью и злою усобицею въ западномъ христіанствѣ, наступаетъ пора, когда господствуютъ чисто-политическіе интересы: здѣсь видимъ стремленіе извѣстныхъ государствъ усилиться насчетъ другихъ, распространить, округлить свою область и получить первенствующее вліяніе; съ другой стороны, видимъ стремленіе сдержать подобное движеніе. Въ этой борьбѣ, вмѣстѣ съ пугаломъ всемірной монархіи, выставлено было знамя политическаго равновѣсія. Подъ этимъ знаменемъ отношенія христіанскихъ государствъ Европы къ государству мусульманскому, занявшему Балканскій полуостровъ, должны были, разумѣется, измѣниться: христіанскіе государи сочли возможнымъ вступить въ сношеніе, въ союзъ съ врагомъ Креста Христова, поднимать его противъ государствъ христіанскихъ; потомъ сочли необходимымъ поддерживать его существованіе для охраненія политическаго равновѣсія. На то, что въ Европейской Турціи христіанское большинство народонаселенія находилось подъ варварскимъ гнетомъ мусульманскаго меньшинства, не обращали вниманія. Кромѣ общаго направленія эпохи, этому способствовало еще то, что государства протестантскія—Англія, Голландія—невнимательно относились къ страданіямъ турецкихъ христіанъ по обычной протестантской холодности къ религіознымъ вопросамъ и по торгашескимъ взглядамъ. Державы же католическія питали, кромѣ того, враждебное чувство къ христіанамъ восточнаго исповѣданія, и послѣдніе объявили, что имъ выгоднѣе оставаться подъ властью турокъ, не посягающихъ на ихъ вѣру, чѣмъ перейти подъ власть западныхъ христіанъ, которыхъ первымъ дѣломъ будетъ религіозное преслѣдованіе, насильное обращеніе къ папѣ. Западныя державы обращали вниманіе на турецкихъ христіанъ только по отношенію къ Россіи: когда надобилось поднимать Россію противъ турокъ, то царямъ указывали на ихъ священную обязанность—освободить единовѣрныхъ братій отъ варварскаго ига. Когда же Россія въ XVIII вѣкѣ получила возможность мало-по-малу исполнять эту священную обязанность, то связь турецкихъ христіанъ съ Россіею, по единовѣрію и единоплеменности, явилась пугаломъ для западныхъ державъ, явилась какъ лучшее средство для Россіи разрушить турецкое владычество и вмѣстѣ разрушить политическое равновѣсіе Европы. Когда Россія громомъ «преславной викторіи» извѣстила Европу о своемъ вступленіи въ общую жизнь ея народовъ, то на Западѣ, привыкшемъ руководиться преданіями Рима, сейчасъ же представили себѣ, что подлѣ Западной Римской имперіи должна вскорѣ явиться Восточная, и Восточнымъ императоромъ, «цесаремъ оріентальнымъ», долженъ быть царь Русскій. И хотя Петръ Великій порѣшилъ со всѣми этими ветхостями, принялъ титулъ императора, но императора Русскаго, а не Римскаго Восточнаго; хотя

Фридрихъ II, ближе другихъ знавшій Россію, прославлялъ Петра за мысль не расширять русскіе предѣлы, а сократить ихъ, сосредоточивъ малочисленное по пространству народонаселеніе во внутреннихъ губерніяхъ:—однако на Западѣ постоянно подозрѣвали Россію въ намѣреніи овладѣть европейскими областями Турціи, пользуясь сочувствіемъ единовѣрнаго и единоплеменнаго народонаселенія, и выдумывали завѣщаніе Петра Великаго. Это подозрѣніе было перенесено изъ восемнадцатаго вѣка въ девятнадцатый, и продолжало служить основаніемъ политическаго взгляда на Восточный вопросъ. Но, съ конца XVIII вѣка, политическое направленіе, господствовавшее послѣ религіознаго, не могло проводиться во всей чистотѣ. Вслѣдствіе революціонныхъ движеній, оно должно было считаться съ извѣстными требованіями народовъ и съ общимъ сочувствіемъ къ этимъ требованіямъ. Отсюда взглядъ на Восточный вопросъ долженъ былъ измѣниться: съ одной стороны, правительствамъ было важно, изъ страха предъ Россіею, поддержать Турецкую имперію, чтобы, вслѣдствіе ея паденія, не усилить Россія новыми подданными или новыми естественными союзниками; но, съ другой стороны, правительства должны были считаться съ сочувствіемъ своихъ подданныхъ къ требованіямъ христіанскаго народонаселенія турецкихъ областей, къ освобожденію народовъ, высшихъ по христіанской основѣ своей цивилизаціи, изъ-подъ ига варварскаго правительства. Такимъ образомъ, греческое возстаніе повело въ Европѣ къ новой, сильной борьбѣ между двумя направленіями,—старымъ, чисто-политическимъ, и новымъ, которое назовемъ либеральнымъ.

Мы видѣли, что въ 1821 году на политическомъ горизонтѣ Европы на первомъ планѣ обозначались два лица: Русскій императоръ Александръ и австрійскій канцлеръ Меттернихъ, выдвинувшійся, благодаря революціоннымъ движеніямъ, какъ представитель охранительной политики, и торжествовавшій уступки, сдѣланныя въ пользу охранительнаго начала Русскимъ императоромъ. Оба эти лица поставлены были греческимъ возстаніемъ въ самое затруднительное положеніе. Только-что было провозглашено: что возстаніе подданныхъ противъ правительствъ непозволительно; что союзъ правительствъ долженъ вмѣшиваться въ такихъ случаяхъ и уничтожать революціонное движеніе. Императоръ Александръ спасалъ свое либеральное направленіе въ томъ смыслѣ, что стремился въ Священномъ Союзѣ создать общее европейское правительство, которому должно было принадлежать право устранять столкновенія между частными правительствами и ихъ подданными, утверждая всюду начала религіи, нравственности и правосудія, вслѣдствіе чего вооруженное возстаніе подданныхъ являлось самоуправствомъ и не могло быть терпимо по отношенію къ союзу; но это стремленіе Русскаго императора не было достаточно уяснено и признано. Греки возстали противъ своего правительства, точно такъ, какъ испанцы и итальянцы возставали противъ своихъ правительствъ, и если союзъ объявилъ себя противъ возставшихъ, на сторонѣ правительствъ, то и теперь долженъ былъ объявить себя противъ грековъ на сторонѣ султана: по крайней мѣрѣ, для избѣжанія крайняго противорѣчія, не долженъ былъ заступаться за бунтовщиковъ. Но, съ другой стороны, возстали христіане для сверженія ига мусульманскихъ поработителей. Отказаться отъ сочувствія этому явленію для Россіи, для Русскаго царя—значило вступить въ вопіющее противорѣчіе съ собственною исторіею: Россія также находилась подъ игомъ мусульманскихъ варваровъ, освободилась отъ него съ оружіемъ въ рукахъ, и освобожденіе это прославлялось наукою и религіею, какъ великое дѣло народа и великое благодѣяніе Божіе. Но противорѣчіе не ограничивалось одною древнею русскою исторіею. Продолжая, и послѣ освобожденія своего, борьбу съ мусульманскими варварами, Россія находилась въ постоянно-тѣсной связи съ оставшимися въ порабощеніи у нихъ христіанами, съ этими греками, съ которыми русскіе исповѣдывали одну *греческую* вѣру. Греки видѣли въ Русскихъ царяхъ своихъ естественныхъ защитниковъ и будущихъ освободителей; царскую казну они считали своею, потому-что никогда имъ не было отказа въ ихъ просьбахъ; но одною денежною помощью дѣло не ограничивалось. Мысль объ освобожденіи, которая никогда ни покидала турецкихъ христіанъ, была у нихъ неразрывно соединена съ мыслью о Россіи, которая своею исторіею, своимъ политическимъ ростомъ воспитывала ихъ для свободы. Какъ только начались у Россіи непосредственныя войны съ Турціею, онѣ были немыслимы безъ возстанія турецкихъ христіанъ на помощь *своимъ*. Постепенное усиленіе русскаго вліянія въ Константинополѣ имѣло слѣдствіемъ постепенное облегченіе участи турецкихъ христіанъ, которые, благодаря русскому покровительству, имѣя точку опоры все болѣе и болѣе воспитывались для свободы; мысль Екатерины II-й о необходимости постепеннаго образованія изъ разлагавшейся Турціи независимыхъ христіанскихъ владѣній,—одна эта мысль сколько способствовала успѣхамъ этого воспитанія! Екатерининская мысль не умерла вмѣстѣ съ великою императрицею: сознательно или безсознательно, она осуществлялась постепенно, чему доказательствомъ служила судьба Дунайскихъ княжествъ и Сербіи. Теперь, когда между греками явилась мысль, что приспѣло время освобожденія, могли ли они подумать, что Россія будетъ равнодушна и даже враждебна ихъ дѣлу, станетъ въ противорѣчіе со всею своею древнею и новою исторіею? Когда Россія вступала въ войну съ Турціею, то самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ для нея было обращаться къ турецкимъ христіанамъ, и эти считали своею обязанностью

отзываться на ея призывъ; а теперь, когда греки вступятъ въ борьбу съ турками и обратятся къ Россіи, то неужели это не будетъ сочтено самымъ простымъ и естественнымъ дѣломъ, и Россія откажетъ въ помощи? И когда же?—когда Россія на верху могущества, когда ея императоръ безспорно занимаетъ первое мѣсто между европейскими государями, и когда этотъ императоръ поставилъ себѣ цѣлію—утвержденіе всюду началъ религіи, нравственности и правосудія! Стать въ вопіющее противорѣчіе съ своимъ народомъ, съ его исторіею! Но этого мало: въ борьбѣ грека съ туркомъ какой порядочный человѣкъ въ образованной Европѣ станетъ на сторонѣ турка противъ грека? Чтобы, по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ и интересамъ, дать себѣ право сочувствовать турку, для этого нужно придумать какой-нибудь длинный рядъ политическихъ и всякихъ хитросплетеній.— Но, съ другой стороны, помогать подданнымъ въ ихъ возстаніи противъ правительства—значитъ стать въ противорѣчіе съ только-что объявленными рѣшеніями Союза, и, кромѣ того, возбудить подозрѣніе въ честолюбивыхъ замыслахъ,—подозрѣніе въ томъ, что греки подняли возстаніе не безъ соглашенія съ русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе,—что грекъ Каподистріа, объявленный покровитель либеральныхъ движеній, человѣкъ близкій къ Русскому императору. Если дать усилиться этому подозрѣнію, то Союзъ рушится; нужно будетъ начать борьбу съ прежними союзниками; а кто воспользуется этою борьбою?— революціонеры!

Не одобрить возстанія, остаться равнодушнымъ къ борьбѣ: но если турки станутъ тушить возстаніе варварскими средствами; если Порта, сознавая очень ясно тѣсную связь между христіанскими подданными и Россіею, станетъ враждебно относиться и къ послѣдней? Тутъ выказалась вся тяжесть блистательнаго положенія главы европейскаго Союза,—положенія, необходимо соединеннаго съ ущербомъ въ свободѣ дѣйствій императора Всероссійскаго. Благодаря этому положенію, надобно было избрать такой путь: не принимать участія въ борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ; въ случаѣ же варварскаго поведенія и враждебности турокъ къ Россіи—требовать отъ европейскихъ державъ, чтобъ онѣ образумили Порту и не поставили Россію въ необходимость взяться за оружіе.

Затруднительное положеніе Меттерниха условливалось затруднительнымъ положеніемъ императора Александра, потому что австрійскій канцлеръ долженъ былъ трепетать при мысли, что глава охранительнаго Союза имѣетъ могущественныя побужденія измѣнить провозглашеннымъ началамъ Союза. Меттерниху, разумѣется, нужно было выставить съ неблаговидной стороны эту непослѣдовательность; но такъ какъ у сторонниковъ греческаго возстанія былъ сильный аргументъ, что это возстаніе не имѣетъ ничего общаго съ революціонными движеніями въ остальной Европѣ, и потому во враждебныхъ отношеніяхъ къ испанской и итальянской революціи и въ сочувственныхъ, въ то же время, отношеніяхъ къ греческому возстанію не будетъ непослѣдовательности, то Меттерниху нужно было настаивать, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями, и произведено по общему революціонному плану, чтобъ повредить Союзу и его охранительнымъ стремленіямъ.

Много было сказано о причинахъ греческаго возстанія, сказано съ разныхъ точекъ зрѣнія. Мы въ предшествовавшихъ строкахъ уже коснулись этого предмета. Причины возстанія грековъ лежатъ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя вскрылись немедленно же послѣ паденія Восточной или Греческой имперіи, послѣ взятія Константинополя турками. Какія явленія видимъ мы на Балканскомъ полуостровѣ послѣ знаменитаго 1453 года? Покорители—турки въ маломъ числѣ, сравнительно съ покоренными христіанами, поддерживающіе себя только матеріальною силою, благодаря разрозненности покоренныхъ племенъ,—турки малочисленны и неспособны къ развитію; кромѣ того, не могутъ получить матеріальной поддержки отъ своихъ, отъ народовъ единовѣрныхъ и живущихъ съ ними подъ однѣми формами быта, ибо магометанскій востокъ, въ лицѣ ихъ, сдѣлалъ послѣднее наступательное движеніе; онъ выбросилъ турокъ на европейскій берегъ и оставилъ ихъ тамъ безъ поддержки. Куда туркамъ обратиться на востокъ съ требованіемъ помощи? Къ слабой и враждебной по расколу Персіи? Малочисленные покорители могли бы получить силу и питаніе, слившись съ покоренными; но это для нихъ невозможно по религіи, по основамъ ихъ народной жизни. Подлѣ этихъ безпомощныхъ матеріально и нравственно покорителей—покоренные, имѣющіе средства постоянно рости, усиливаться и получать поддержку извнѣ. Эти покоренные, по христіанской основѣ своей цивилизаціи, способны сами къ дальнѣйшему развитію; съ первой минуты покоренія для нихъ уже начинается процессъ возстановленія силъ, приготовленіе къ освобожденію. Въ своей религіи, въ Церкви они находятъ объединяющее начало, которое безпрестанно напоминаетъ имъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ покорителями; что они выше послѣднихъ; что они временно могутъ быть только подъ варварскимъ игомъ, но рано или поздно освободятся. Они живутъ будущимъ и работаютъ для него; у нихъ великая цѣль, которая бодритъ ихъ и даетъ имъ ростъ; они идутъ впередъ, тогда-какъ турки неподвижны; при своемъ движеніи, ростѣ, христіане пользуются всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобъ подниматься выше и выше, пріобрѣтать матеріальныя средства, занимать правительственныя должности. Но, кромѣ собственныхъ силъ, христіанскіе подданные Порты имѣли громадную выгоду въ томъ, что опирались на Европу, на цѣлое христіанство, составляя нераздѣльную ихъ часть, естественно и

необходимо тянули къ нимъ, получали отъ нихъ питаніе, поддержку. Мы видѣли, какъ они это питаніе и поддержку находили въ единовѣрной Россіи, съ которою, въ извѣстномъ отношеніи, жили одною жизнью, росли ея ростомъ. Новая жизнь, новое сильнѣйшее умственное движеніе начинается у нихъ въ то же время, въ какое оно начинается и въ Россіи, именно съ XVIII вѣка; распространяются школы, переводятся книги; богачи не жалѣютъ ничего для распространенія просвѣщенія между своими. Такъ дожили они до XIX вѣка, постоянно идя впередъ, постоянно приготовляясь къ перемѣнѣ своей участи, ибо чѣмъ дальше они шли, тѣмъ тягостнѣе становилось варварское иго. Но въ то время, какъ греки шли все дальше и дальше, турецкая правительственная машина, остановившись, подвергалась все болѣе и болѣе естественному слѣдствію остановки — гніенію, разложенію; между пашами начали являться люди, стремившіеся къ самостоятельности. Въ султанѣ Махмудѣ II-мъ судьба какъ-бы нарочно дала Турціи человѣка, который для борьбы съ враждебными обстоятельствами способенъ былъ употребить всѣ средства, какими можетъ располагать восточный владыка, не дрожавшій ни передъ какимъ изъ этихъ средствъ; но дѣятельность Махмуда всего лучше показала несостоятельность этихъ азіатскихъ средствъ, когда надобно спасать азіатское гніющее общество, которое находится въ осадномъ положеніи, обхваченное европейскимъ движеніемъ. Съ 1815 года греки стали принимать особенное участіе въ этомъ движеніи: въ западной Европѣ, съ одной стороны, исчезла прежняя католическая узкость взгляда на восточныхъ христіанъ, съ другой — могущественно было либеральное направленіе; грекамъ сильно сочувствовали не столько какъ христіанамъ, но болѣе какъ потомкамъ Мильтіадовъ, Эпаминондовъ, Сократовъ, и еще болѣе какъ народу, находящемуся подъ варварскимъ игомъ и стремящемуся освободиться отъ него. Между Греціею и западною Европою обнаружилась тѣсная связь, скрѣпляемая взаимными посѣщеніями: если молодые греки являлись въ западныхъ университетахъ и здѣсь получали сильное возбужденіе къ освобожденію своего славнаго отечества, то, съ другой стороны, европейскіе путешественники стали толпами посѣщать Грецію и тѣмъ поднимали ея значеніе въ глазахъ народа, возбуждая надежды на сочувствіе и помощь; Европа видимо принимала Грецію во владѣніе. Такъ въ высшемъ слоѣ греческаго народонаселенія выработалось сознаніе необходимости освобожденія и вмѣстѣ сознаніе того, что условія для него благопріятны. Тайное общество, такъ-называемая *гетерія*, основанное Николаемъ Скуфасомъ, въ Одессѣ, съ цѣлію «дать торжество кресту надъ луною», сильно распространилось между греками. Подготовка была сдѣлана; но для успѣха возстанія понадобились матеріалы особаго рода, которые также были готовы. Такими матеріалами служила масса христіанскаго народонаселенія, которая въ своемъ религіозномъ одушевленіи, въ своей ненависти къ врагамъ креста должна была поддержать борьбу. Борьба между двумя національными: одною—долго порабощенною, но сознававшею свои жизненныя силы, свои права на независимое существованіе, и другою—поработившею, но которой грозила потеря господства, борьба между двумя національностями, поставленными въ такія отношенія, да еще при ненависти религіозной, разумѣется, должна была съ самаго начала принять характеръ самый ожесточенный, истребительный, не допускать соглашеній и сдѣлокъ. Такая борьба могла кончиться только истребленіемъ одной національности другою, и потому, чтобъ не довести ея до такого исхода, необходимо было разнять борющихся, отдѣлить ихъ совершенно другъ отъ друга. Но масса христіанскаго народонаселенія Греціи, несмотря на все ея сочувствіе къ борьбѣ, не могла вести ее непосредственно: для этого нужна была вооруженная сила. Такую силу въ Греціи представляли *арматоры*, мѣстная милиція, охранявшая порядокъ и спокойствіе, сохранившаяся отъ времени паденія Византійской имперіи по договорамъ нѣкоторыхъ областей (горныхъ) съ турецкимъ правительствомъ, и особенно *клефты*, имѣвшіе одинакое происхожденіе и характеръ съ нашими старинными казаками. Люди отважные, богатые физическою силою и ловкостью, неспособные къ мирной работѣ при тяжкихъ рабскихъ отношеніяхъ къ туркамъ, удалялись въ горы, какъ наша удалая голутьба стремилась въ степь, чтобъ тамъ гулять, вести свободную жизнь насчетъ чужихъ и своихъ. Когда вспыхнула борьба съ турками, клефты явились на первомъ планѣ, дали войско. Таковы были побужденія и средства къ возстанію. Но при этомъ ненадобно забывать и большихъ препятствій къ успѣху борьбы. Первое и главное препятствіе заключалось въ разрозненности силъ и національныхъ интересовъ христіанскаго народонаселенія Турецкой имперіи; это народонаселеніе, по національностямъ, дѣлилось на три главныя группы: греческую, славянскую и румынскую. Благодаря вліянію Россіи, ея поддержкѣ, постепенное выдѣленіе изъ разлагавшейся Турціи болѣе или менѣе независимыхъ отъ нея во внутреннемъ управленіи владѣній началось съ сѣвера, по близости къ русской границѣ. Самые энергическіе и храбрые изъ турецкихъ славянъ, сербы, уже находились подъ управленіемъ князя изъ своего народа, имѣли уже свой опредѣленный кругъ отношеній, интересовъ, причемъ ихъ дѣйствія зависѣли отъ личныхъ взглядовъ правителя, обязаннаго прежде всего заботиться о своемъ, о своихъ; обязаннаго осторожно и зорко смотрѣть во всѣ стороны, преимущественно на сѣверъ. Румынскія княжества, составлявшія отдѣльное цѣлое по своей національности, давно уже привыкли жить въ страдательномъ ожиданіи улучшенія своей участи, своей независимости и свободы не отъ какихъ-либо

внутреннихъ движеній, но отъ военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ могущественнаго народа, у котораго возникла мысль о Дакійскомъ королевствѣ. Притомъ неправильныя отношенія высшаго класса, бояръ, къ остальному народонаселенію въ Дунайскихъ княжествахъ и вражда въ грекамъ, которые являлись здѣсь съ своими господарями изъ фанаріотовъ (знатныхъ константинопольскихъ грековъ) съ цѣлію высасывать деньги изъ страны, не могли побудить народонаселеніе Дунайскихъ княжествъ принять дѣятельное участіе въ греческомъ возстаніи. Такимъ образомъ, греки должны были бороться одни; но и между ними самими не было единства. Природныя условія, которыя въ древности раздробили Грецію на множество мелкихъ отдѣльныхъ владѣній, дѣйствовали и теперь, заставляя отдѣльныя области ея бороться въ одиночку; арматолы и клефты не могли образовать единаго войска, сколько-нибудь дисциплинированнаго, способнаго повиноваться единому вождю; да и такого вождя, человѣка способнаго подняться надъ всѣми и дать единство движеніемъ, — не было. При подобныхъ препятствіяхъ, несмотря на все одушевленіе, храбрость и выдержливость грековъ, дѣло ихъ грозило кончиться неуспѣхомъ, еслибъ они не имѣли поддержки въ Европѣ, и преимущественно—въ Россіи.

Понятно, что глаза всѣхъ людей, желавшихъ освобожденія Греціи, всѣхъ членовъ гетеріи были обращены на грека, который занималъ важное мѣсто между тогдашними европейскими дѣятелями; который стоялъ подлѣ Меттерниха въ значеніи главнаго его соперника,—на графа Каподистріа. Если помощь Европы, и особенно Россіи, была необходима для грековъ, то никто скорѣе Каподистріа не могъ склонить Русскаго императора къ поданію этой помощи. Но никто лучше Каподистріа не понималъ, что время, избираемое гетеристами для начала дѣйствія, неблагопріятно, и потому онъ находился въ самомъ неловкомъ положеніи относительно гетеристовъ, которые приступали къ нему съ представленіями, что пора начинать, и что они не пропустятъ этой поры. Ему оставалось одно: отклонить отъ себя участіе въ дѣлѣ; но онъ не могъ поставить себя во враждебное къ нему отношеніе, не могъ открыть о немъ, не могъ не желать ему успѣха; съ этимъ желаніемъ могло соединяться и другое, чтобы греческое возстаніе, будучи иного рода, чѣмъ революція, испанская или итальянская революція, спутало установившіеся взгляды и отношенія и нанесло ударъ врагу — Меттерниху. Какъ бы то ни было, Каподистріа оставался въ сторонѣ, и гетеристы обратились къ другому греку, находившемуся въ русской службѣ. Храбрый генералъ-маіоръ, потерявшій руку подъ Кульмомъ, князь Александръ Ипсиланти, живой, сочувствующій всему хорошему и возбуждавшій къ себѣ сочувствіе, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые считаются достойными власти до тѣхъ поръ, пока не получатъ эту власть въ свои руки. Гетеристы не могли не остановить своего выбора на Ипсиланти, какъ на человѣкѣ, болѣе другихъ способномъ начать дѣло и съ успѣхомъ вести его. Ипсиланти не могъ не увлечься мыслью —быть главнымъ вождемъ греческаго возстанія. Ипсиланти, сынъ того Валахскаго господаря, Константина Ипсиланти, который сильнѣе другихъ принималъ къ сердцу знаменитый проектъ образованія Дакійскаго царства,—и, потерявъ свое господарство въ 1806 г., долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Россію. Александръ Ипсиланти, способный, по природѣ своей, къ увлеченіямъ, принимавшій во вниманіе одно общее направленіе, не разсуждая частностей, особенныхъ условій, которыя ускоряютъ или задерживаютъ явленіе, рано или поздно необходимое, неспособный останавливаться на вопросѣ: пора или рано? когда сильно желается, чтобы была пора,—Александръ Ипсиланти, увѣренный въ томъ, что Россія, по своимъ общимъ необходимымъ условіямъ, должна немедленно же подать помощь возставшимъ грекамъ, увѣрялъ въ этомъ другихъ уже однимъ положеніемъ своимъ: генералъ русской службы, другъ Каподистріа, могъ ли онъ рѣшиться на дѣйствіе безъ самыхъ вѣрныхъ обнадеживаній со стороны Россіи? Было увлеченіе; могъ быть и разсчетъ поднять грековъ и вообще турецкихъ христіанъ именемъ Россіи, а Россію заставить помогать возстанію именемъ грековъ и христіанъ.

Нельзя много упрекать Ипсиланти за то, что мѣстомъ начальнаго дѣйствія онъ выбралъ Дунайскія княжества: прежде всего они были близки къ Россіи; во-вторыхъ, они имѣли извѣстную степень самостоятельности; въ-третьихъ, что было всего важнѣе, Турція по трактатамъ не могла въ нихъ дѣйствовать свободно, безъ согласія Россіи, которая, такимъ образомъ, волею-неволею втягивалась въ дѣло, причемъ не могла дѣйствовать противъ своихъ. Въ Греціи такихъ благопріятныхъ условій не было: здѣсь турки могли дѣйствовать свободно, не спрашиваясь ни у кого, и могли скорѣе задавить возстаніе. Чтобы возстаніе въ Греціи могло быть успѣшно, нужно было отвлечь отъ нея вниманіе и силы турокъ на сѣверъ, туда, гдѣ они должны будутъ необходимо столкнуться съ Россіею.

Въ мартѣ 1821 года, въ Лайбахѣ, императоръ Александръ получилъ письмо изъ Яссъ отъ Ипсиланти съ увѣдомленіемъ о возстаніи: «Благородныя движенія народовъ исходятъ отъ Бога»—писалъ Ипсиланти—«и безъ сомнѣнія по Божію вдохновенію поднимаются теперь греки свергнуть съ себя четырехвѣковое иго. Долгъ въ отношеніи къ отечеству и послѣдняя воля родительская побуждаютъ меня посвятить себя этому дѣлу. Болѣе 200 адресовъ, подписанныхъ болѣе чѣмъ 600,000 именъ лучшихъ людей Греціи, призвали меня стать въ челѣ возстанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, среди грековъ образовалось тайное общество, имѣющее единственною цѣлію—освобожденіе Греціи; оно выросло быстро и его вѣтви распространяются повсюду, гдѣ только есть греки. Божественное Про-

видѣніе, покровительствующее всегда правому дѣлу, удостоило бросить взглядъ состраданія на мое несчастное отечество и ослѣпить глаза его тирановъ. Они остались въ совершенномъ бездѣйствіи, несмотря на частыя предостереженія англичанъ и духъ независимости, сильно обнаруживавшійся между греками. Государь! Неужели вы предоставите грековъ ихъ собственной участи, когда однимъ словомъ можете освободить ихъ отъ самаго чудовищнаго тиранства и спасти ихъ отъ ужасовъ долгой и страшной борьбы? Все говоритъ намъ, что васъ, государь, избрало Провидѣніе, чтобы положить конецъ нашимъ вѣковымъ страданіямъ. Не презрите мольбы 10.000,000 христіанъ, которые возбуждаютъ ненависть тирановъ своею вѣрностью нашему Божественному Искупителю. Спасите насъ, государь, спасите религію отъ ея гонителей, возвратите намъ наши храмы, наши алтари, откуда божественный свѣтъ Евангелія просвѣтилъ великій народъ, вами управляемый»! Впечатлѣніе, произведенное на императора этимъ письмомъ, и результаты его должны были отразить на себѣ условія, въ какихъ Александръ находился въ Лайбахѣ. Императоръ, по характеру своему, прежде всего былъ пораженъ благородствомъ чувствъ Ипсиланти: у Россіи и Турціи шли переговоры о возвращеніи Ипсиланти имѣнія, конфискованнаго Портою; дѣло шло о нѣсколькихъ милліонахъ, и молодой человѣкъ, не думая объ этихъ милліонахъ, повинуясь только внушеніямъ долгу, становится въ челѣ возстанія противъ турокъ. «Я всегда говорилъ, что этотъ достойный молодой человѣкъ питаетъ благородныя чувства», сказалъ императоръ, прочтя письмо. Но послѣ оцѣнки человѣка человѣкомъ, должна была слѣдовать оцѣнка дѣла государемъ, главою европейскаго союза государей въ 1821 году. Неловкое указаніе на *тайное общество* способно было уничтожить все доброе впечатлѣніе трогательнаго письма. Императоръ Александръ только-что высказалъ свою программу, и въ данномъ случаѣ не хотѣлъ отступить отъ нея: народы должны пріобрѣтать извѣстныя степени свободы не революціоннымъ путемъ, но путемъ мирнымъ, путемъ общаго соглашенія правительствъ, причемъ степень свободы должна соотвѣтствовать степени ихъ развитія. Отвѣтъ Ипсиланти, заключавшійся въ письмѣ Каподистріа, былъ составленъ по этой программѣ. «Получивъ ваше письмо, императоръ испыталъ тѣмъ болѣе скорбное чувство, что всегда цѣнилъ благородство чувствъ, которое вы обнаруживали, находясь въ его службѣ. Императоръ былъ далекъ отъ опасенія, что вы позволите увлечь себя духу времени, который побуждаетъ людей въ забвеніи своихъ главныхъ обязанностей искать блага, достигаемаго только точнымъ исполненіемъ обязанностей религіи и нравственности. Безъ сомнѣнія, человѣку врождено желаніе улучшенія своей участи; безъ сомнѣнія, многія обстоятельства заставляютъ грековъ желать не всегда оставаться чуждыми своимъ собственнымъ дѣламъ; но развѣ они могутъ надѣяться достигнуть этой высокой цѣли путемъ возмущенія и войны междоусобной? Развѣ какой-нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнѣніе императора. Онъ старался обезпечить грекамъ свое покровительство договорами, заключенными между Россіею и Портою. Теперь эти мирныя выгоды не признаны, законные пути оставлены, и вы соединили свое имя съ событіями, которыхъ его императорское величество не одобряетъ. Какъ вы смѣли обѣщать жителямъ княжества поддержку великаго государства? Если вы разумѣли здѣсь Россію, то ваши соотечественники увидятъ ее неподвижною, и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ; на васъ, всею своею тяжестью, ляжетъ отвѣтственность за предпріятіе, которое могли присовѣтовать только безумныя страсти. Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы отъ императора, ибо мы повторяемъ, что недостойно его подкапывать основанія Турецкой имперіи постыдными и преступными дѣйствіями тайнаго общества. Если вы намъ укажете средства прекратить смуту безъ малѣйшаго нарушенія договоровъ, существующихъ между Россіею и Портою, то императоръ не откажется предложить турецкому правительству принять мудрыя мѣры для возстановленія спокойствія въ Валахіи и Молдавіи. Во всякомъ другомъ случаѣ Россія останется только зрительницею событій, и войска императора не тронутся. Ни вы, ни ваши братья не находятся болѣе въ русской службѣ, и вы никогда не получите позволенія возвратиться въ Россію». Чтобъ отклонить всякое подозрѣніе въ участіи со стороны Россіи, императоръ послалъ приказаніе русскому главнокомандующему въ Бессарабіи, князю Витгенштейну, соблюдать строгій нейтралитетъ, и уволилъ Ипсиланти изъ русской службы.

Строгое соотвѣтствіе этихъ рѣшеній уже прежде высказанной программѣ не даетъ намъ права утверждать, что они состоялись подъ вліяніемъ новыхъ внушеній Меттерниха, хотя австрійскій канцлеръ, разумѣется, долженъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы удержать Русскаго императора при его программѣ. Меттернихъ слѣдующимъ образомъ изложилъ свой взглядъ на греческое возстаніе: «Монархи, соединившіеся для поддержки принципа *охраненія всего законно существующаго*, не могутъ нисколько колебаться въ прямомъ приложеніи этого принципа къ плачевнымъ событіямъ, совершившимся недавно въ Оттоманской имперіи. Приложеніе принципа требуется съ наибольшею силою къ этимъ важнымъ событіямъ, ибо несомнѣнно, *что греческое возстаніе (какъ бы оно ни связывалось съ общимъ движеніемъ умовъ въ Европѣ; какъ бы ни приготавливалось въ стремленіи чисто національномъ; какъ бы, наконецъ, ни естественно было возстаніе народа, страдающаго подъ самымъ страшнымъ гнетомъ),—греческое возстаніе есть непосредственное слѣдствіе плана, заранѣе составленнаго и прямо*

направленнаго противъ самаго страшнаго для революціонеровъ могущества, противъ союза двоихъ монарховъ съ цѣлію охраны и возстановленія [1]). Событіе не одиночно; оно находится въ связи съ общимъ планомъ. Оно имѣетъ не преходящее только значеніе; его слѣдствія будутъ долго давать себя чувствовать. Настоящіе виновники его задумали его не въ интересѣ греческаго народа; они не могутъ скрыть отъ себя того нравственнаго паденія, до какого доведенъ этотъ народъ вѣками. Событія задуманы съ цѣлію поссорить Россію съ Австріею; они служатъ средствомъ не дать потухнуть огню, поддержать либеральный пожаръ; средствомъ поставить въ затруднительное положеніе самаго могущественнаго монарха греческаго исповѣданія и всѣхъ его единовѣрцевъ, взволновать русскій народъ въ смыслѣ противоположномъ движенію, какое его государь даетъ своей политикѣ; заставить Русскаго государя отвернуться отъ запада и сосредоточить свое вниманіе на востокѣ. Падетъ ли или освободится народъ, въ пользу котораго, повидимому, произведено движеніе,—до этого нѣтъ дѣла людямъ, назначившимъ день взрыва. Демагоги имѣютъ въ виду только свои собственныя выгоды, и никакое пожертвованіе не кажется слишкомъ велико человѣку, который не значитъ ничего и хочетъ быть чѣмъ-нибудь! Все, что можно постановить въ принципѣ, ограничивается тѣмъ, что ваше императорское величество удостоили сказать мнѣ сами. Должно приложить къ турецкимъ дѣламъ, точно такъ же какъ и ко всѣмъ дѣламъ, могущимъ занимать насъ теперь и въ ближайщемъ будущемъ, консервативное начало. Это начало неразрывно со святостью договоровъ. Съ точки зрѣнія политической нѣтъ нужды, кто управляетъ, турки или греки, лишь бы только не господствовала революція и неминуемое ея слѣдствіе—*пропаганда*».

Меттернихъ выставлялъ революцію, пропаганду и, наконецъ, разумѣется, былъ доволенъ, что этими общими пугалами могъ прикрыть другой страхъ, собственно австрійскій. Мы уже видѣли, какъ давно Австрія сохраненіе цѣлости Турецкой имперіи считала необходимымъ для собственнаго существованія, а Меттернихъ, какъ человѣкъ системы, возвелъ это сохраненіе въ принципъ. 5-го февраля 1814 года, передъ рѣшеніемъ великаго западнаго вопроса, Генцъ писалъ: «Поддержка равновѣсія между государствами будетъ постоянно основнымъ принципомъ, компасомъ и полярною звѣздою австрійскаго правительства. Никогда не могло быть въ планахъ этого Двора промѣнять одну опасность на другую и уничтожить преобладаніе Франціи для того, чтобъ приготовить преобладаніе Россіи. Князь Меттернихъ смотритъ теперь и болѣе чѣмъ когда-либо на существованіе Оттоманской Порты, какъ на необходимость въ общемъ равновѣсіи Европы. Его твердо принятое намѣреніе—дѣйствовать постоянно въ смыслѣ этого принципа. Его предложенія, планы, дѣйствія будутъ неизмѣнно направлены къ этой цѣли. Онъ будетъ защищать интересы Порты, какъ самые прямые и самые драгоцѣнные интересы самой Австріи. Онъ никогда не потерпитъ, чтобъ Россія хотя сколько-нибудь прикоснулась къ нимъ, и какъ ни сильно его желаніе поддержать миръ въ Европѣ, онъ не побоится борьбы съ Россіею, если кто-нибудь злоумышленно внушитъ этому государству подобный проектъ. Въ эту минуту все заставляетъ думать, что Россія очень далеко отъ него; но ей постараются дать знать очень опредѣленно, на все будущее время, о видахъ Вѣнскаго Кабинета; дадутъ понять, что никакой другой интересъ не отклонитъ самаго серьезнаго вниманія Вѣнскаго Кабинета отъ благосостоянія Порты и сохраненія цѣлости ея владѣній».

Въ то же время въ Вѣнѣ были убѣждены, что есть еще страна, которая смотритъ одинаково на дѣло:—эта страна Англія. Генцъ въ 1816 году шлетъ совѣтъ, чтобъ въ Константинополѣ вошли съ Австріею и Англіею въ самую тѣсную связь, относились къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, совѣтовались съ ними обо всемъ и слѣдовали ихъ совѣтамъ. Главный совѣтъ—чтобъ Порта избѣгала всячески столкновенія съ Россіею, ибо императоръ Александръ самъ не начнетъ войны. Опасность столкновенія существуетъ: въ Бухарестскомъ договорѣ очень неопредѣленно выражена статья объ азіатскихъ границахъ; въ Вѣнѣ совѣтуютъ Портѣ не спорить противъ русскаго толкованія статьи: «Турецкая имперія»,—пишетъ Генцъ,—«можетъ существовать вѣка, не имѣя границею рѣки Фазиса; но она готовитъ себѣ гибель неизбѣжную, не спѣша окончаніемъ своихъ споровъ съ Россіею».

Рѣшимость императора Алевсандра — отстраниться отъ всякаго участія въ дѣлѣ Ипсиланти, ненадолго успокоила австрійскаго канцлера. Возстаніе, потухнувшее въ Дунайскихъ княжествахъ по недостатку матеріала и благопріятныхъ условій, по отсутствію русской помощи,—возстаніе вспыхнуло въ Греціи, и турки позволили себѣ страшныя неистовства противъ христіанъ, не разбирая праваго и виноватаго, причемъ правительство султана не только позволяло эти неистовства, но еще и подстрекало къ нимъ своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе этого, враждебное столкновеніе Турціи съ Россіею было неминуемо, тѣмъ болѣе что турки, привыкшіе въ продолженіи вѣковъ признавать необходимую и страшную для себя связь христіанскаго народонаселенія своихъ областей съ Россіею, правыкшіе слышать постоянныя внушенія отъ европейскихъ Кабинетовъ насчетъ опасности этой связи, не могли не отнестись подозрительно и враждебно къ Россіи, заслышавъ о возстаніи въ Дунайскихъ княжествахъ и Греціи. Они понимали по-своему *Священный Союзъ*: они видѣли въ немъ явныя стремленія христіанскихъ государей къ уничтоженію магометанства, а главою Союза былъ Русскій императоръ; турки имѣли тѣмъ болѣе права придавать такое значеніе Союзу, что и

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

прежде союзы христіанскихъ государствъ противъ нихъ носили названіе *священныхъ*. Бухарестскій миръ, заключенный, по обстоятельствамъ, слишкомъ поспѣшно, давалъ поводъ къ спорамъ объ опредѣленіи границъ; споры тянулись до сихъ поръ; ничего не было рѣшено, а между тѣмъ русское правительство возбудило сильное раздраженіе въ Диванѣ тѣмъ, что не позволяло туркамъ производить чредъ Россію торговлю рабами, которыхъ освобождали въ Ѳеодосіи. Туркамъ тѣмъ легче было вѣрить въ участіе Россіи въ греческомъ возстаніи, что въ христіанской Европѣ такъ легко этому вѣрили. Турки знали, какъ русское вліяніе распространено повсюду въ ихъ областяхъ, и знали связь Россіи съ греками, съ греческимъ духовенсавомъ; знали также, что всѣ русскіе консулы изъ грековъ; что русская морская торговля на Черномъ морѣ и въ Левантѣ производится посредствомъ грековъ — гидріотовъ, спеціотовъ, ипсаріотовъ. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, баронъ Строгановъ, былъ извѣстенъ какъ другъ грековъ; при немъ находился Катакази, родственникъ Ипсиланти, братъ Бессарабскаго губернатора, у котораго въ Кишиневѣ Ипсиланти приготовилъ походъ свой въ Молдавію. Драгоманъ Порты, Мурузи, былъ совершенно преданъ Строганову. Спустя нѣсколько дней послѣ назначенія Валахскимъ господаремъ князя Каллимахи, на мѣсто умершаго Александра Суццо, въ Константинополѣ получено было первое извѣстіе о возстаніи въ Малой Валахіи. Рейсъ-эффенди сдѣлалъ русскому посланнику оффиціальное сообщеніе, въ которомъ говорилось, что хотя каймакамы новаго господаря, которые должны немедленно отправиться, получили приказаніе употребить всѣ средства для поддержанія порядка въ провинціи и для обезпеченія спокойствія жителей, съ помощью тамошняго гарнизона, чтобъ не было нужды вводить въ княжества мусульманскія войска, — однако Порта проситъ посланника написать съ своей стороны къ генеральному консулу русскому въ Бухарестѣ, чтобъ тотъ способствовалъ каймакамамъ въ этомъ дѣлѣ. Баронъ Строгановъ не поколебался ни минуты удовлетворить требованіямъ Порты. Вечеромъ 22 февраля (6-го марта), онъ получилъ изъ Бухареста донесеніе генеральнаго консула Пини, что возстаніе усиливается. Строгановъ сейчасъ же сообщаетъ Портѣ полученныя имъ депеши и предлагаетъ публиковать въ Валахіи прокламацію, чтобы именемъ покровительствующей державы вывести умы жителей изъ заблужденія, и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ высказать неодобреніе людямъ, заведшимъ смуту въ княжествахъ, одинаково виновнымъ и противъ Россіи и противъ Порты. Рейсъ-эффенди обѣщалъ отвѣчать на это,—и не отвѣчалъ. 24-го февраля, рейсъ-эффенди сообщилъ Строганову оффиціальную ноту, что Порта дала приказаніе комендантамъ дунайскихъ крѣпостей держать свои войска на-готовѣ къ походу, при первомъ требованіи валахскихъ каймакамовъ. Посланникъ отвѣчалъ, что эта мѣра сама по себѣ не соотвѣтствуетъ въ принципѣ существующимъ договорамъ и, даже, какъ исключеніе, можетъ быть допущена только по предварительному согласію русскаго консула, причемъ призывъ турецкихъ войскъ долженъ быть сдѣланъ мѣстными властями. Между тѣмъ, Пини прислалъ новыя вѣсти о движеніяхъ Ипсиланти. Строгановъ сообщаетъ Портѣ и консульскія донесенія, и письмо самого Ипсиланти, и письмо господаря Молдавскаго, и 9-го марта публикуетъ декларацію купцамъ и подданнымъ русскимъ противъ внушеній инсургентовъ; но въ тотъ же день турки берутъ подъ арестъ архіепископа Эфесскаго, потомъ многихъ знатныхъ грековъ. 12-го марта, посланникъ имѣлъ свиданіе съ рейсъ-эффенди, которому сообщилъ депеши изъ Лайбаха относительно валахскихъ смутъ. Депеши показывали ясно охранительные принципы Россіи; турокъ очень доволенъ: «увѣренія, которыми онъ отвѣчалъ на эти сообщенія именемъ Порты, носили очень замѣтный характеръ теплаго чувства и искренности». Но 17-го марта посланникъ узналъ, что четверо знатныхъ грековъ казнены, и на другой день, 18-го, вышелъ султанскій манифестъ, имѣвшій цѣлью возбудить фанатизмъ турокъ. 20 марта происходило обезоруженіе всѣхъ грековъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ султана, при содѣйствіи Константинопольскаго патріарха; 25 марта схвачены архіепископы Терапійскій и Никомидійскій; митрополиты Адріанопольскій, Салоникскій и Тарновскій отданы подъ надзоръ. 29-го марта, янычары, которымъ назначенъ походъ въ Валахію, начинаютъ буйствовать противъ христіанъ. 1-го апрѣля Строгановъ имѣлъ свиданіе съ рейсъ-эффенди по поводу новыхъ депешъ изъ Лайбаха: здѣсь онъ увидалъ, что Порта рѣшилась свирѣпствовать противъ христіанъ. 4-го апрѣля посланникъ разослалъ циркуляръ русскимъ консуламъ въ Левантѣ, что императоръ не одобряетъ предпріятія Ипсиланти, и сообщилъ копію Портѣ; но въ тотъ же самый день пришло извѣстіе о возстаніи морейскихъ грековъ. За это немедленно поплатились греки константинопольскіе; драгоманъ Порты, князь Константинъ Мурузи, былъ схваченъ въ своемъ бюро и обезглавленъ вмѣстѣ съ многими другими греками, а 5-го числа янычары разграбили греческія деревни по Босфору. Самую важную жертву турки приберегали къ 10-му апрѣля, къ Свѣтлому празднику христіанъ: въ первый день Пасхи, у патріаршей церкви, былъ повѣшенъ Цареградскій патріархъ Григорій вмѣстѣ съ тремя митрополитами; жиды таскали за ноги тѣло патріарха по улицамъ съ страшными ругательствами и бросили въ море. Русскій посланникъ протестовалъ; но буйства черни продолжались безнаказанно; нанесено было оскорбленіе русскимъ судамъ, убиты русскіе матросы. На новые протесты Строганова Порта отвѣчала пустыми извиненіями: преступленіе янычаръ оправдывалось радостью и сильною ревностію солдатъ, идущихъ на войну противъ

мятежниковъ. Тогда посланникъ объявилъ, что онъ испроситъ у императора вооруженное судно, которое будетъ стоять при входѣ изъ канала въ Черное море и защищать русскихъ. 19-го апрѣля новыя казни: обезглавлено семеро грековъ, между ними два брата русскаго драгомана, князя Ханджери, и племянникъ ихъ; кромѣ того, греческій епископъ. 22-го числа толпа школьниковъ и черни опустошила патріаршую церковь и церковь Синайскаго епископа, вмѣстѣ съ пятью другими церквами. Строгановъ подалъ новую ноту, на которую рейсъ-эффенди объявилъ, что, во-первыхъ, турецкія войска войдутъ въ Молдавію и Валахію, несмотря на покорность тамошнихъ бояръ. Во-вторыхъ, греки, спасшіеся въ Россіи, должны быть выданы. Въ-третьихъ, паши будутъ управлять княжествами до назначенія господарей; а господари назначатся только тогда, когда бѣглые греки будутъ выданы Россіею, наказаны, и спокойствіе возстановится въ княжествахъ. Строгановъ, съ своей стороны, потребовалъ: 1) немедленнаго отправленія господарей въ княжества вмѣстѣ съ войскомъ; 2) приказа войскамъ дѣйствовать только противъ вооруженныхъ инсургентовъ, а не противъ безоружныхъ жителей. 1-го мая рейсъ-эффенди объявилъ, что всякій корабль съ хлѣбомъ, идущій изъ Чернаго моря, долженъ отдавать свой грузъ въ правительственные магазины. Строгановъ протестовалъ энергическою нотою, а между тѣмъ буйство черни продолжалось, потому что само правительство подстрекало ее, объявивъ, чтобъ мусульмане удвоивали бдительность и дѣятельность. 17-го мая Порта отвергла приведенныя выше предложенія русскаго посланника относительно Дунайскихъ княжествъ и настаивала на своихъ мѣрахъ. Строгановъ не согласился. 21-го мая пришелъ первый русскій пакетботъ: рейсъ-эффенди далъ знать посланнику, чтобъ пакетботъ вышелъ немедленно изъ Босфора, иначе капитанъ-паша употребитъ силу; наконецъ Порта запретила перевозить вещи посланника изъ Перы въ лѣтнее пребываніе, въ Буюкдере. Тогда Строгановъ объявилъ, что императорская миссія не можетъ продолжать сношенія съ Портою, а пакетботъ не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы депеши.

«Мой языкъ и особенно мои услуги, оказанныя въ началѣ возстанія, казалось, тронули турокъ», — доносилъ Строгановъ. — «Нѣкоторое время турки думали, что я буду содѣйствовать ихъ кровавой и мстительной системѣ дѣйствія относительно грековъ. Но скоро потомъ Порта, убѣждаясь, что Россія *не смѣетъ* объявить ей войну, подумала, что мы тайкомъ поджигаемъ возмущеніе. Она въ этомъ смыслѣ истолковала помощь, которую я оказалъ несчастнымъ, и убѣжище, которое они нашли въ русскихъ владѣніяхъ. Она съ неудовольствіемъ видѣла мои усилія предотвратить опустошеніе княжествъ и убійства въ столицѣ; она съ трудомъ принимала мои представленія объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ христіанской религіи. Заявленія Россіи остановили, по возможности, общее возстаніе. Но это благодѣяніе было оплачено удвоенными жестокостями и преступленіями. Средства защиты у грековъ этимъ ослаблены, тогда какъ реакція стала кровожаднѣе прежняго. Кровь христіанская льется повсюду и невиновный лишается жизни въ видахъ отомщенія нѣкоторымъ виновнымъ. Покровительственное вмѣшательство въ дѣла княжествъ, признанное за Россіею трактами, допущено, правда, по формѣ, но совершенно отстранено на дѣлѣ. Я здѣсь игрушка коварной медленности Порты; меня занимаютъ пустыми переговорами, тогда какъ войска оттоманскія дѣйствуютъ и предаются неистовствамъ. Съ презрѣніемъ отвергаютъ предложенія справедливыя и гораздо болѣе полезныя утѣснителямъ, чѣмъ утѣсненнымъ, ибо если бы они были приняты, то не доставали бы достаточнаго ручательства для великодушныхъ видовъ императора. Услуги, оказанныя императорскимъ посольствомъ, забыты. Каждое событіе ведетъ къ новому оскорбленію, и мои старанія удалить все то, что можетъ оскорбить интересы турокъ, не производятъ на нихъ никакого дѣйствія. Права русскихъ подданныхъ, интересы торговли явно нарушены. Нашъ флагъ подвергся оскорбленію, матросы убиты или ранены, и это оправдывается радостью и жаромъ войскъ мусульманскихъ! Мѣры произвольныя, нарушающія наши привилегіи, приняты, а мы не удостоены совѣщаніемъ объ нихъ. Проходъ чрезъ Дарданеллы запрещенъ нашимъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ. Велѣно осматривать корабли вопреки смыслу договоровъ».

Изъ донесеній Строганова видно, что онъ считалъ войну необходимою, и думалъ, что медленность со стороны Россіи ведетъ только къ большему кровопролитію. Въ отвѣтъ на свои донесенія онъ получилъ слѣдующую депешу: «Мы не можемъ скрыть отъ себя, что ходъ событій и особенно ошибки, которыя Порта дѣлаетъ одну за другою, съ самою пагубною поспѣшностью, предвѣщаютъ Турціи близкую и неизбѣжную катастрофу. Вмѣсто того, чтобъ затушить революціонный духъ, Порта его распространяетъ; вмѣсто того, чтобъ погубить окончательно дѣло революціи, она старается его облагородить; наконецъ, вмѣсто того, чтобъ доказать греческому народу, что заводчики смуты его обольщаютъ и вводятъ въ заблужденіе, она всѣми мѣрами доказываетъ ему, что ему больше ничего не остается, кромѣ отчаянія или смерти. Она вооружается не для собственной защиты и безопасности: она нападаетъ на христіанство. Она сама подаетъ знакъ къ безпорядку, призывая на помощь ярость слѣпаго фанатизма; сама уничтожаетъ для себя возможность существовать вмѣстѣ съ христіанскими правительствами, какъ будто греческіе революціонеры засѣдаютъ въ ея совѣтахъ и ведутъ ее къ погибели. Если крайности, которымъ предаются турки, продолжатся; если въ ихъ владѣніяхъ наша святая религія будетъ каждый день

предметомъ новыхъ оскорбленій; если они будутъ стремиться къ истребленію греческаго народа: то, понятно, что Россія, равно какъ и всякая другая европейская держава, не останется спокойною зрительницею такого нечестія и такихъ жестокостей. Мы не смѣшиваемъ заводчиковъ смуты и ихъ приверженцевъ съ людьми, которыхъ турецкое правительство, въ своей безпокойной свирѣпости, преслѣдуетъ съ такимъ варварскимъ ожесточеніемъ; мы не будемъ оспаривать у Порты права поставить первыхъ въ невозможность исполнить ихъ планы; но Порта должна признать справедливымъ и необходимымъ успокоить вторыхъ. Здѣсь вся трудность. Но Россія, сильная сознаніемъ добра, которое она сдѣлала грекамъ, и желаніемъ доставить имъ спокойное пользованіе уступками, необходимыми для ихъ гражданскаго существованія и для ихъ счастія,—Россія будетъ искренно трудиться для полученія этого полезнаго результата, если только турецкое министерство дастъ ей къ тому средства. Если же турецкое правительство будетъ продолжать свою систему разрушенія и нечестія, то вы должны оставить Константинополь со всѣми чиновниками и людьми, принадлежащими къ посольству».

Понятно, что эти событія и вѣроятнѣйшій исходъ ихъ сильно безпокоили австрійское правительство, которое должно было стараться всѣми силами не допускать до войны между Россіею и Турціею: война съ Россіею отвлечетъ турецкія силы, поддержитъ возстаніе, необходимо поведетъ къ связи между Россіею и греками, тогда-какъ сохраненіе дружественныхъ отношеній между Россіею и Турціею отниметъ у возставшихъ всякую надежду, заставитъ ихъ положить оружіе, и надолго уничтожитъ русское вліяніе на востокѣ, ибо Россія оставитъ безъ помощи своихъ единовѣрцевъ. Узнавши о константинопольскихъ кровавыхъ сценахъ, о казни патріарха, Меттернихъ написалъ для австрійскаго интернунція въ Константинополѣ, графа Лютцова, инструкцію, въ которой говорилось: «Вся Европа исповѣдуетъ христіанство, имперія Русская принадлежитъ къ Греческой Церкви; движеніе не замедлитъ сообщиться христіанамъ, и правительства, самыя пріязненныя султану, легко могутъ быть вовлечены въ такія дѣйствія, которыя, по своимъ результатамъ, будутъ гораздо опаснѣе для Порты, чѣмъ для государствъ христіанскихъ, взятыхъ вмѣстѣ». Въ то же время Меттернихъ написалъ графу Нессельроде: «Императоръ приказалъ мнѣ составить инструкцію для своего интернунція, которую я спѣшу сообщить вамъ. Вы убѣдитесь, что правота чувствъ моего августѣйшаго государя нисколько не потерпитъ отъ разности исповѣданій въ религіи истины и мира; казнь верховнаго пастыря Греческой Церкви возбудила въ императорѣ такое же чувство негодованія, какъ если бы это преступленіе было совершено надъ верховнымъ пастыремъ Церкви Римской». По поводу этого письма, графу Головкину, русскому посланнику въ Вѣнѣ, поручено было представить австрійскому министерству, что турецкое правительство объявило войну религіи, которую исповѣдуетъ Россія, и предаетъ истребленію цѣлый народъ, въ которомъ императоръ принимаетъ постоянное и искреннее участіе по единству вѣроисповѣданія и по договорамъ. Императоръ требуетъ одного,—чтобъ Порта отказалась отъ системы, разрушающей ея собственное владычество, и приняла другую систему, которая позволила бы ей существовать вмѣстѣ съ другими европейскими государствами. Императоръ приглашаетъ всѣхъ своихъ союзниковъ соединить всѣ свои усилія, и дать почувствовать турецкому министерству необходимость такой перемѣны. Но каковъ бы ни былъ исходъ дѣла съ турецкой стороны, императоръ никогда не отступитъ отъ пути, имъ себѣ начертаннаго; его всегдашнее желаніе — поддерживать во всей неприкосновенности союзъ, столь счастливо установленный и наблюдаемый европейскими державами, слѣдовательно не иначе, какъ *по соглашенію* со всѣми союзниками императоръ желаетъ видѣть возстановленіе порядка на Востокѣ, чтобъ обезпечить для Европы и съ этой стороны консервативную систему. Императоръ не думаетъ, чтобъ христіанская Европа могла согласиться на истребленіе цѣлаго христіанскаго народа, да и — оставя въ сторонѣ религію — одно человѣколюбіе не можетъ допустить до такого печальнаго снисхожденія. Чѣмъ болѣе императоръ, по согласію со всѣми союзниками, не одобряетъ предпріятія зачинщиковъ греческой революціи; чѣмъ прискорбнѣе для него мысль, что это событіе, быть можетъ, связывается съ ненавистными происками заводчиковъ смуты въ другомъ государствѣ:—тѣмъ важнѣе, по его мнѣнію, не дать людямъ преступнымъ опаснаго торжества, или предоставивъ въ ихъ пользу послѣдствія революціи, если она получитъ успѣхъ, или позволивъ туркамъ истребить цѣлый народъ. Къ этимъ общимъ разсужденіямъ присоединяются частныя относительно Россіи, ея положенія, вѣры, ею исповѣдуемой, и договоровъ, заключенныхъ ею съ Оттоманскою имперіею; но Россія никогда не будетъ дѣйствовать въ своихъ исключительныхъ видахъ и безъ соглашенія съ другими государствами. Россія требуетъ отъ этихъ державъ, чтобъ онѣ прямо сообщили ей свои намѣренія, свои желанія, средства, по ихъ мнѣнію, наилучшія для счастья Востока, если турецкое правительство, не принявъ болѣе благоразумныхъ и умѣренныхъ мѣръ, вызоветъ событія, предупрежденіе которыхъ для ней самой всего выгоднѣе: русское войско, готовое отразить всякое нападеніе съ ея стороны, будетъ готово тогда осуществить планъ, который союзные Дворы начертятъ по общему соглашенію для отвращенія несчастій, которыми турецкія смуты могутъ грозить другимъ государствамъ европейскимъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, русское войско пойдетъ не для распространенія границъ имперіи, не для доставленія ей перевѣса,

котораго она не желаетъ, но для возстановленія мира, для утвержденія европейскаго равновѣсія, для доставленія странамъ, изъ которыхъ слагается европейская Турція, благодѣяній политическаго существованія—счастливаго и для другихъ неопаснаго.

Смыслъ этихъ внушеній былъ очень ясенъ. Турецкое правительство, по своему характеру, не можетъ уладиться съ своими христіанскими подданными такимъ способомъ, какой можетъ быть терпимъ христіанскою Европою вообще и Россіею въ особенности; слѣдовательно необходимо уладить дѣло вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, по общему ихъ соглашенію. Порта не согласится допустить это вмѣшательство: надобно принудить ее къ тому силою — и русское войско будетъ готово привести въ исполненіе приговоръ новаго конгресса, причемъ Русскій императоръ обязывается не думать о своихъ частныхъ выгодахъ. Такимъ образомъ, Союзъ будетъ поддержанъ, и система, принятая Союзомъ, не будетъ нарушена; походъ въ Турцію будетъ предпринятъ также противъ революціонеровъ, ибо если возставшіе греки восторжествуютъ, то это будетъ торжество революціи; если же восторжествуютъ турки, то извѣстно, какъ они воспользуются своимъ торжествомъ, и это опозоритъ Союзъ, опозоритъ правительства передъ народами. Императоръ Александръ писалъ къ императору Францу: «Я не буду разбирать причинъ греческаго возстанія, но имѣю основаніе думать, что революціонеры произвели революцію на Востокѣ съ цѣлію разобщить союзныя державы. Я думаю также, что Союзъ, который побѣдилъ ихъ въ Неаполѣ и Туринѣ, предохраняя отъ заразы остальную Италію, побѣдитъ ихъ въ Левантѣ, сопротивленіемъ этому новому испытанію и свидѣтельствуя предъ цѣлымъ свѣтомъ несокрушимость связей мира и дружбы, существующими между европейскими державами».

Европейскія державы сочли опаснымъ для себя принять русскія предложенія, къ счастію для грековъ, разумѣется, потому что въ 1821 году конгрессъ, собравшійся по восточнымъ дѣлимъ, не могъ бы постановить для грековъ такихъ выгодныхъ условій, какія были постановлены въ тридцатыхъ годахъ. Не могли освободиться отъ страха предъ могуществомъ Россіи, предложенія которой поэтому казались дарами Данаевъ, и потеряли самое удобное время для рѣшенія Восточнаго вопроса наиболѣе сообразно съ своими желаніями. Для Англіи и Австріи была противна мысль о вмѣшательствѣ, и о вмѣшательствѣ подъ русскимъ знаменемъ. Впустить русское войско въ турецкія владѣнія! Русскій императоръ, правда, обязывается, что его войско будетъ только приводить въ исполненіе общія рѣшенія державъ; но успѣхи этого войска (и какъ далеко будутъ простираться эти успѣхи?) развѣ останутся безъ вліянія на будущія общія распоряженія? Турки будутъ противиться и, благодаря этому сопротивленію, русское войско займетъ Константинополь; что тогда постановитъ конгрессъ для счастія жителей Балканскаго полуострова, — конгрессъ, на которомъ будетъ предсѣдательствовать владыка Византіи? Во всякомъ случаѣ, какъ бы въ Петербургѣ ни золотили пилюлю; какъ бы ни представляли, что походъ будетъ направленъ противъ революціи, — допустить этотъ походъ—значитъ—допустить противорѣчіе принятой системѣ: въ Италію войско ходило противъ возмутившихся подданныхъ для возстановленія законнаго правительства, а въ Турцію войско пойдетъ противъ правительства, чтобъ заставить его не очень строго поступать съ возмутившимися подданными. Быть можетъ, это все равно для людей, желающихъ установленія общаго европейскаго правительства, обязаннаго умѣрять движенія и сверху и снизу, водворяя всюду правила человѣколюбія, религіи и нравственности, исполняя законныя требованія всѣхъ; но австрійскій канцлеръ и англійскіе министры вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ людей: — для нихъ это не все равно.

Какъ же быть? Надобно стараться протянуть время и не допустить до войны между Россіею и Турціею. Средство къ тому можно найти въ самой сложности вопроса, въ темнотѣ, отсюда проистекающей. Вопросъ представляетъ двѣ стороны: обще-европейскую и частную—русскую; надобно сначала, для уясненія вопроса, раздѣлить эти двѣ стороны, заняться прежде требованіями Россіи, которая считаетъ себя оскорбленною, ищетъ удовлетворенія; надобно уяснить, опредѣлить точнѣе эти требованія. Они основываются на трактатахъ: надобно опредѣлить съ точностью смыслъ трактатовъ, — такъ ли толкуются извѣстныя статьи; можно начать длинные переговоры по этому случаю, а между тѣмъ султанъ покончитъ съ греками; тогда можно будетъ уговорить его быть поснисходительнѣе, а Россію оставить въ сторонѣ, занять ее чѣмъ-нибудь на Западѣ.

Въ Вѣнѣ было положено дѣйствовать осторожно, не раздражать Русскаго императора, сдерживать султана. Лютцовъ, получивши инструкціи въ этомъ смыслѣ, началъ дѣйствовать ревностно, ревностнѣе, чѣмъ даже сколько желало его правительство, потому что былъ грекофилъ и вполнѣ сочувствовалъ русскому посланнику. Иначе поступалъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Странгфордъ, который съ островитянскою безцеремонностью выражалъ свое сочувствіе къ Турціи и несочувствіе къ Россіи. Графъ Головкинъ долженъ былъ заявить австрійскому министерству, что въ печальномъ положеніи барона Строганова въ Константинополѣ единственнымъ утѣшеніемъ были ему почти ежедневныя знаки участія, оказываемые ему австрійскимъ интернунціемъ; министры шведскій и датскій слѣдуютъ благородному примѣру графа Лютцова; но англійскій посланникъ не раздѣляетъ великодушныхъ чувствъ своихъ товарищей. Вмѣсто того, чтобъ

поддерживать барона Строганова въ печальной обязанности уяснять турецкому правительству его собственные интересы, лордъ Странгфордъ, наоборотъ, одобряетъ Порту въ ея странныхъ расположеніяхъ. Его постоянно холодное и не очень приличное обхожденіе съ барономъ Строгановымъ, возрастающая день ото дня пріязнь къ Дивану могли только усилить въ турецкомъ правительствѣ опасныя надежды, что его ложныя и жестокія мѣры найдутъ одобреніе и поддержку въ Британскомъ Кабинетѣ.

Дѣйствительно, между Диваномъ и представителемъ Англіи была большая дружба. Порта съ надеждою и сочувствіемъ обращалась къ Англіи, какъ къ державѣ, не участвующей въ Священномъ Союзѣ, котораго турки такъ боялись. Всевозможныя, даже неслыханныя почести были расточаемы лорду Странгфорду и его женѣ; предложенъ былъ и подарокъ—собраніе медалей, конфискованныхъ у казненнаго Ханджери, и благородный лордъ принялъ его. За то Странгфордъ призналъ за турецкимъ правительствомъ право забирать хлѣбъ съ иностранныхъ судовъ въ свои магазины, противъ чего протестовалъ Строгановъ; разумѣется, при этомъ англійскій посланникъ опредѣлилъ цѣну, безобидную для своихъ купцовъ. Турецкіе министры съ восторгомъ выставляли разницу въ поведеніи Россіи и Англіи: русскій консулъ въ Патрасѣ явился главнымъ виновникомъ возстанія, англійскій консулъ тамъ же первый предостерегъ Порту; Россія принимаетъ къ себѣ измѣнниковъ, Іоническая республика отсылаетъ ихъ назадъ; англійскій флагъ въ Архипелагѣ будетъ защищать турецкіе корабли противъ греческихъ разбойничьихъ судовъ, русскій флагъ развѣвается на этихъ судахъ; они плаваютъ съ русскими паспортами, и русскій консулъ въ Хіосѣ, убѣжавши въ Ипсару, вооружилъ тамъ корабли, которые потомъ соединились съ кораблями Гидры и Специи. Лордъ Странгфордъ, въ своей рѣчи, увѣрялъ султана, что Англія никогда не допуститъ, чтобъ кто-нибудь напалъ на турецкія владѣнія; Строгановъ, вопреки договорамъ, отказывается возвратить азіатскія крѣпости [1]) и хочетъ отнять у Порты право управлять провинціями, ей принадлежащими, и наказывать возмутившихся подданныхъ.

Позволяя или предписывая своему посланнику такое поведеніе въ Константинополѣ, Англійскій Кабинетъ старался убѣдить русское правительство, что оно должно терпѣть все, что бы ни происходило въ Турціи. 16-го іюля онъ сообщилъ въ Петербургъ, что Англія оплакиваетъ крайности, какія позволили себѣ турки, свирѣпствуя противъ грековъ; порицаетъ поведеніе Порты относительно барона Строганова и даетъ своему посланнику приказаніе употребить всѣ средства для обращенія турецкаго правительства къ болѣе умѣреннымъ принципамъ и къ мѣрамъ, въ которыхъ Русскій императоръ могъ бы найти доказательство уваженія къ особѣ его представителя. Въ случаѣ, если Порта позволитъ себѣ какое-нибудь насиліе противъ барона Строганова или кого либо изъ его товарищей, лордъ Странгфордъ немедленно оставитъ Константинополь и объявитъ турецкому правительству, что Англійскій король не можетъ держать своего посольства въ странѣ, гдѣ международное право и характеръ представителей иностранныхъ государствъ болѣе не уважаются. Если фанатизмъ и упорство турокъ сдѣлаютъ безполезными всѣ усилія лорда Странгфорда, Англія желаетъ, чтобъ Россія продолжала свою систему долготерпѣнія, дабы дать туркамъ время успокоиться, покинуть свои заблужденія, перестать питать недовѣрчивость. Англія ласкаетъ себя надеждою, что Россія продолжитъ свою систему долготерпѣнія: во-первыхъ, потому, что смуты турецкія нисколько не нарушаютъ внутренняго спокойствія Россіи; во-вторыхъ, потому, что вооруженное вмѣшательство нарушитъ миръ между Россіею и Портою не только для настоящаго времени, но и на будущее и, быть можетъ, будетъ имѣть печальныя послѣдствія для Европы; въ третьихъ, потому, что разрывъ Россіи съ Портою будетъ торжествомъ для враговъ порядка, ибо эти преступные люди были виновниками греческой революціи и возбудили ее для того, чтобы занять Россію и воспрепятствовать ей слѣдить за ихъ пагубными заговорами и уничтожить ихъ въ другихъ государствахъ европейскихъ.—Графу Каподистріо поручено было написать замѣчанія на эти странныя сообщенія. Относительно первой причины, почему Россія должна была спокойно смотрѣть на турецкія событія, онъ замѣтилъ: турецкія смуты сильно вредятъ самымъ существеннымъ интересамъ южныхъ областей Россіи. Торговля черноморская остановилась. Княжества Валахія и Молдавія пользуются особеннымъ покровительствомъ Россіи, и, несмотря на то, турки опустошаютъ ихъ, истребляютъ жителей. Относительно второй причины: если вооруженное вмѣшательство должно раздражать турокъ и увѣковѣчить вражду между двумя имперіями, то какія средства предложатся для того, чтобы успокоить Порту и возстановить между нею и Россіею дружественныя отношенія? Умѣренность одной стороны — это безнаказанность другой. Съ марта мѣсяца какое вышло слѣдствіе нашей умѣренности? Турки не откажутся добровольно отъ системы, которую преслѣдуютъ, и нельзя ихъ принудить къ тому однѣми угрозами. Англія болѣе всякаго другого государства должна быть убѣждена въ этой истинѣ. Въ 1807 году, адмиралъ Дуквартъ грозилъ бомбардировать сераль и Константинополь, если Порта не порветъ союза своего съ Бонапартомъ. Порта осталась непоколебима. Халибъ-эффенди, уполномоченный оттоманскій, объяснилъ это явленіе одному изъ русскихъ

[1]) Т. е. не хотѣлъ истолковать Бухарестскаго договора объ азіатскихъ границахъ въ пользу Турціи.

уполномоченныхъ во время бухарестскихъ переговоровъ: «Порта знала хорошо, что Англія не хотѣла ни овладѣть сама Константинополемъ, ни отдать его Россіи, и потому она знала, что ни сераль, ни столица не подвергаются никакой опасности». Турки такимъ же образомъ будутъ смотрѣть и теперь на угрозы разрыва. Относительно третьей причины: бездѣйствіемъ всего лучше помогать революціонерамъ. Пока въ Турціи будетъ происходить рѣзня, вниманіе Россіи будетъ приковано здѣсь. Самое лучшее средство разрушить замыслы революціонеровъ—это какъ можно скорѣе покончить греческую революцію.

И въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ сильно желали покончить какъ можно скорѣе греческую революцію, но желали, чтобы она была покончена турками безо всякаго вмѣшательства, тогда-какъ въ Россіи считали турокъ неспособными покончить революцію и требовали вмѣшательства. Въ отвѣтъ на требованіе русскаго правительства—перемѣнить систему дѣйствія, Порта отвѣчала, что эта система естественна и необходима; по объясненіямъ турецкаго правительства, «греческій народъ былъ осыпанъ благодѣяніями Порты, и за эти благодѣянія отплатилъ гнусною неблагодарностью, внявъ дьявольскимъ внушеніямъ. Порта, дѣйствуя по началамъ справедливости, ее характеризующимъ, и высокаго милосердія, которое постоянно испытываютъ ея подданные, вначалѣ употребила только средства кротости и убѣжденія относительно измѣнниковъ; она заставила патріарха проклясть заблудшихъ членовъ греческой націи. Однако открылось, что этотъ самый патріархъ, глава націи, былъ главою возмущенія, ибо жители всѣхъ мѣстъ, куда были посланы грамоты съ проклятіями, вмѣсто того, чтобы покориться,—первые возстали. Жители области Калавраты, въ Мореѣ, родины патріарха, возставъ первые, осмѣлились перебить попавшихся въ ихъ руки мусульманъ и надѣлали множество жестокостей всякаго рода: *отсюда ясно*, что патріархъ былъ главнымъ виновникомъ возмущенія, и было доказано перехваченными письмами и документами нѣкоторыхъ вѣрныхъ подданныхъ, что жители Мореи, и особенно Калавраты, не могли бы начать возмущенія, еслибъ не были въ согласіи и не были поддержаны патріархомъ. Каждое правительство имѣетъ право брать и наказывать безъ милосердія подобныхъ злодѣевъ для поддержанія добраго порядка и блага націи, и такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть вопроса о различіи религіи, исповѣданія, званія или характера, то высокая Порта, убѣдившись въ виновности патріарха и его приближенныхъ, свергла его съ патріаршества, назначила другого на его мѣсто, и старый патріархъ, ставшій простымъ священникомъ, понесъ заслуженное наказаніе. Исторія Оттоманской имперіи представляетъ много примѣровъ наказанія патріарховъ по статутамъ имперіи, и хотя Порта не имѣетъ нужды прибѣгать къ статутамъ государствъ иностранныхъ, однако при случаѣ можно привести, что во время царя Петра I Русскій патріархъ былъ наказанъ смертію за совершенное преступленіе, и потомъ патріархатъ былъ совершенно уничтоженъ. Удивительно, что такой образованный и ученый министръ, какъ баронъ Строгановъ, могъ не знать этого факта! По соглашенію съ Русскимъ Дворомъ, Порта отправила войско въ Дунайскія княжества, и успѣла истребить большое количество бунтовщиковъ, но всѣмъ извѣстно, что княжества еще не совершенно очищены отъ нихъ; слѣдовательно войска должны оставаться. Порта, согласно съ договоромъ, требовала выдачи бывшаго господаря Михаила Сутцо и многихъ другихъ бѣглецовъ, нашедшихъ убѣжище въ Россіи. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ русскій посланникъ упомянулъ, что его Дворъ принялъ бѣглецовъ подъ свое покровительство изъ великодушія. Высокая Порта не можетъ не замѣтить, что договоры, установляющіе взаимныя отношенія правительствъ,—одно, а личное великодушіе—другое. Между правительствами, связанными посредствомъ договоровъ, нѣтъ большаго великодушія, какъ исполненіе этихъ самыхъ договоровъ. Выдача этихъ бѣглецовъ особенно важна для Порты въ настоящую минуту; въ ней заключается самое вѣрное средство къ возстановленію порядка и спокойствія въ княжествахъ, ибо страхъ, что бѣглецы могли найти убѣжище въ Россіи, особенно питалъ подозрѣніе между побѣдоносньмъ народомъ магометанскимъ. Высокая Порта сама не можетъ избавиться отъ справедливаго недовѣрія, пока эти бѣглецы находятъ покровительство. Но когда бѣглецы будутъ выданы на основаніи договоровъ, тогда будущіе господари будутъ имѣть поразительный примѣръ передъ глазами, Порта получитъ довѣріе и поспѣшитъ назначить и отправить господаря».

Въ концѣ іюля, баронъ Строгановъ уѣхалъ изъ Константинополя. Въ Вѣнѣ нашли поведеніе Строганова сначала неразсудительнымъ, потомъ страстнымъ, наконецъ вѣроломнымъ и невыносимымъ. Въ Вѣнѣ сочли нужнымъ, чтобъ самъ императоръ Францъ въ письмѣ къ императору Александру выразилъ порицаніе барону Строгонову за его поспѣшный отъѣздъ, и торжественнымъ тономъ представилъ печальное состояніе Европы, подкапываемой революціею, которая ожидаетъ новой помощи—отъ войны Россіи съ Турціею: «Если общество обязано, быть можетъ, своимъ сохраненіемъ нашему союзу, то надежда, что оно можетъ выдержать самый сильный кризисъ, можетъ основываться только на этомъ же союзѣ. Настоящій кризисъ превосходитъ всѣ предшествовавшіе, потому-что міръ въ послѣдніе годы сдѣлалъ огромные шаги къ своей гибели, и потому-что настоящій кризисъ грозитъ подкопать самыя могущественныя основы и единственное средство спасенія для Европы отъ нашествія самой неистовой демагогіи. Все теперь поставлено на линію громаднѣйшихъ рисковъ. Ваше величество и я, мы, съ перваго

раза, угадали планъ дезорганизующей партіи, мы до сихъ поръ счастливо съ нею боролись; наша обязанность—не заблудиться на дорогѣ, которую мы проходимъ вмѣстѣ, и доказать этой партіи, что ея разсчеты никогда не сдѣлаются нашими и что сознаніе нашихъ обязанностей сумѣетъ всегда преодолѣть ея хитрости и ея смѣлость. Я не могу выразить ту скорбь, которая объяла меня при извѣстіи объ отъѣздѣ посланника вашего величества изъ Константинополя». Высказывая порицанія русскому посланнику за его неразсчетливость, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, императоръ Францъ продолжаетъ: «Знаю, что отъѣздъ русскаго министра не есть еще война между вашимъ величествомъ и Портою; но Европа этого не знаетъ, и зло, съ которымъ мы должны бороться, болѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Турціи. Выводъ, который сдѣлаетъ публика изъ событій, который революціонеры внушатъ жертвамъ своего обмана,—этотъ выводъ будетъ состоять въ томъ, что между союзными Дворами нѣтъ уже болѣе солидарности. Я знаю личное положеніе вашего величества при нынѣшнихъ жестокихъ обстоятельствахъ; потребна вся сила вашей души, чтобы эти обстоятельства не повели къ великимъ несчастіямъ. Каждый день доставляетъ мнѣ доказательства обширности и силы зла, произведшаго катастрофу, которая насъ теперь заимаетъ; каждый день обнаруживаетъ пружины, приводимыя въ движеніе для поддержанія пожара, и силу, направляющую всецѣло машину. Вѣрьте, государь, моимъ словамъ; я поставленъ такъ, что часто могу предчувствовать истины, прикрытыя обманчивою наружностью. Достаточно наблюдать за людьми, которые теперь съ необыкновеннымъ жаромъ защищаютъ самозванные христіанскіе интерессы. Въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи—это тѣ самые люди, которые не вѣрятъ въ Бога, не уважаютъ ни Его заповѣдей, ни законовъ человѣческихъ. Не думайте, государь, что я не раздѣляю вашихъ желаній и вашихъ заботъ о благѣ христіанскаго угнетеннаго народа; но мы сдѣлаемъ зло, если проти вопоставимъ одну религію другой, и если, удалясь съ политической почвы, мы поставимъ себя на почву борьбы, которая имѣетъ мало границъ и которой результаты трудно предвидѣть».

Итакъ, не должно сходить съ политической почвы. Но это чрезвычайно трудно въ Восточномъ вопросѣ; трудно даже для князя Меттерниха, который, въ своихъ инструкціяхъ графу Лютцову, принужденъ былъ сойти съ политической почвы и смотрѣть русскимъ взглядомъ: «Порта»,—писалъ австрійскій канцлеръ,—«имѣетъ несомнѣнное право требовать выдачи грековъ, бѣжавшихъ въ Россію; но, въ то же время, мы видимъ невозможность исполнить эту статью договора,—невозможность, заключающуюся въ общемъ положеніи дѣлъ европейскихъ и въ особенномъ положеніи Русскаго императора. Султанъ не можетъ отказаться отъ корана и Русскій императоръ не можетъ предать своихъ единовѣрцевъ мечу оттоманскому. Все сдѣлано, чтобъ бунтъ превратить въ религіозную войну,—и цѣль, къ несчастію, достигнута; такимъ образомъ, дѣло нейдетъ болѣе о бунтовщикахъ, но о единовѣрцахъ, и не Русскій императоръ установилъ это различіе! Пусть султанъ пойметъ, что теперь государствамъ легче ввести въ Турцію милліонъ солдатъ, чѣмъ удержаться на линіи, соотвѣтствующей ихъ договорамъ и, признаемся откровенно, соотвѣтствующей интересу всѣхъ сторонъ. Если Дивану извѣстно настоящее расположеніе умовъ въ Европѣ, то онъ не усомнится, что страсть къ приключеніямъ двинетъ на азіатскія поля цѣлые народы, снабженные всѣми средствами къ войнѣ, привыкшіе къ дисциплинѣ, неизвѣстной въ средніе вѣка, и которымъ тѣсно въ предѣлахъ государствъ европейскихъ. Итакъ, оттоманское правительство имѣетъ неоспоримое право настаивать на выдачѣ своихъ бунтовщиковъ, убѣжавшихъ въ Россію; но этому праву мы противополагаемъ наше чувство невозможности, въ какой находится императоръ Александръ выполнить свой договоръ».

Князь Меттернихъ требовалъ отъ султана и Дивана, чтобъ они вникнули въ состояніе умовъ въ Европѣ и сошли съ политической почвы въ интересѣ Россіи и Европы, тогда-какъ султанъ, естественно и необходимо, давно уже сошелъ съ политической почвы, только въ собственномъ интересѣ, въ интересѣ и духѣ своей религіи. «Султанъ не можетъ отказаться отъ корана, и Русскій императоръ не можетъ выдать своихъ единовѣрцевъ»:—этими словами высказывалась вся сущность Восточнаго вопроса, вся невозможность рѣшить его тѣми средствами, которыя хотѣлъ употребить австрійскій канцлеръ, а именно,—напугать Диванъ, заставить его отказаться отъ требованія выдачи бѣжавшихъ грековъ, быть податливѣе къ требованіямъ Россіи относительно частныхъ русскихъ интересовъ, и обходить главный вопросъ.

Россія продолжала предлагать другія средства; она говорила Австріи и Англіи: «Вы сами убѣждены, что теперь турецкое правительство, *«въ безвыходномъ хаосѣ своихъ непослѣдовательностей»*, не имѣетъ никакихъ средствъ быстраго и вѣрнаго спасенія, и еще менѣе оно можетъ найти эти средства, *«когда будетъ истощено собственными конвульсіями»* [1]). Въ Молдавіи и Валахіи почти всѣ начальственныя лица и огромное большинство жителей остались вѣрны султану, и однако мусульманскія войска опустошили страну. Въ виду южныхъ областей Россіи турки совершаютъ свои неистовства, подробности которыхъ возмущаютъ человѣческое чувство. Развѣ такое поведеніе можетъ внушать надежду, что турецкое пра-

[1]) Подчеркнутыя строки заимствованы изъ письма Касльри къ императору Александру.

вительство возвратится къ принципамъ умѣренности? Оно произведетъ то, что греки не повѣрятъ никакимъ обѣщаніямъ султана и откажутся навсегда подчиниться его власти. Опытъ показываетъ, что и въ странахъ цивилизованныхъ революція есть продолжительное бѣдствіе, отъ котораго могутъ излечить только медленное дѣйствіе времени и мудрость просвѣщеннаго правительства. Чего же надобно ожидать отъ восточной революціи и отъ турецкаго правительства, которому будетъ предоставлено лечить отъ нея? Наконецъ, если борьба продолжится, здравая политика можетъ ли позволить видѣть равнодушно—здѣсь разрушеніе и мщеніе, тамъ постоянную анархію? Русскій императоръ будетъ простирать свое долготерпѣніе до крайней возможности; но всему есть предѣлы: обязанности религіозныя и политическія, заботы о благосостояніи самыхъ прекрасныхъ областей Россіи, интересы торговли, честь флага полагаютъ предѣлы его терпѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, что одновременное дѣйствіе державъ, согласное съ принципами великаго союза, возвратитъ Востоку спокойствіе и счастіе. Нѣтъ сомнѣнія также, что успѣхъ ихъ общаго дѣйствія укрѣпитъ еще болѣе европейскую систему. Никто болѣе Русскаго императора не желаетъ мира; но онъ желаетъ такого мира, какого долженъ желать, — мира, который позволилъ бы ему исполнить всѣ его обязанности относительно своихъ единовѣрцевъ,—мира, какой былъ до марта мѣсяца».

Австрія и Англія не хотѣли понять, что для Россіи главное былъ Греческій вопросъ. Меттернихъ и Кэсльри свидѣлись осенью въ Ганноверѣ, и порѣшили, что греческое возстаніе гораздо болѣе европейское, чѣмъ турецкое дѣло; гораздо болѣе дѣло революціонной партіи въ образованныхъ странахъ Европы, чѣмъ результатъ желанія грековъ свергнуть турецкое иго. Порѣшили, что если революціонная партія желаетъ изгнанія турокъ изъ Европы, то надобно желать противоположнаго, т.-е. сохраненія Турецкой имперіи въ Европѣ. Ибо что поставить на мѣсто Турціи? и какими средствами дѣйствовать тутъ?—всякое крупное измѣненіе на политическомъ полѣ они признали вреднымъ: рѣшили, что прежде всего надобно возстановить дипломатическія сношенія между Россіею и Портою. «Можно ли думать о мирѣ», отвѣчало имъ русское министерство, «когда въ Молдавіи и Валахіи турецкія войска увеличиваются, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться; укрѣпляются, вмѣсто того чтобъ очищать княжества? Военная и мусульманская администрація продолжаетъ увеличивать здѣсь число бѣдствій. Турецкіе солдаты безпрестанно производятъ новые безпорядки. Священники еще разъ были истреблены и монастыри превращены въ пепелъ. Даже сцена неистовствъ и рѣзни расширяется. Островъ Кипръ, который никогда не принималъ участія въ возстаніи, залитъ христіанскою кровью; жители доведены до такого отчаянія, что многіе изъ нихъ отказались отъ христіанства. Какую возможность имѣетъ турецкое правительство удовлетворить нашимъ требованіямъ,—видно изъ собственныхъ вашихъ утвержденій, что турецкое правительство слабо; что янычары наводятъ на него ужасъ; что Порта очень часто не бываетъ въ состояніи прекратить безпорядки и заставить себя слушаться. Старайтесь всѣми силами, чтобы турецкое правительство исполнило немедленно наши предварительныя требованія; но мы желаемъ не однодневнаго мира, а мира прочнаго. Повторяемъ, что когда ничто не будетъ въ состояніи открыть глаза Дивану, насчетъ собственныхъ его интересовъ, и тогда императоръ, принужденный прибѣгнуть къ оружію, употребитъ это оружіе не для расширенія русскихъ предѣловъ, не для усиленія своего политическаго вліянія, а только для того, чтобы выполнить свои обязанности къ своему народу—съ одной стороны, къ своимъ единовѣрцамъ—съ другой: отъ выполненія этихъ обязанностей онъ никогда не откажется. Императоръ будетъ сражаться не за исключительные интересы Россіи, но за интересы всѣхъ, и среди своей арміи онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ бы былъ окруженъ представителями Австріи, Франціи, Великобританіи и Пруссіи».

Но Австрія и Англія, продолжая обходить Греческій вопросъ, старались всѣми силами заключить миръ между Россіею и Турціею, хотя бы *однодневный:* и въ одинъ день извѣстіе объ этомъ мирѣ отниметъ руки у грековъ и заставитъ ихъ покориться Портѣ. Турецкое правительство уже объявило, что не будетъ требовать выдачи бѣжавшихъ въ Россію грековъ, но упорствовало въ очищеніи княжествъ и въ назначеніи для нихъ господарей. Лордъ Странгфордъ, для прекращенія этого упорства, прибѣгнулъ-было къ подкупу: англійское правительство предоставило въ его распоряженіе на этотъ случай 50,000 фунтовъ стерлинговъ; но попытка не удалась. Окончательный разрывъ Порты съ Россіею пугалъ дипломатовъ еще въ другомъ отношеніи; лордъ Странгфордъ писалъ Кэсльри въ концѣ 1821 года:

«Мои товарищи и я, зная обстоятельства страны и духъ, развитый ими въ народѣ, испытываемъ жестокое безпокойство, чтобы война не навлекла на греческій народъ жесточайшія бѣдствія, хотя для своего оправданія и для своей цѣли и будетъ имѣть интересы человѣчества. Ярость турокъ не сдержится мыслью о вѣрномъ возмездіи, и несчастный народъ, въ пользу котораго война будетъ объявлена, пострадаетъ до послѣдняго человѣка. Дней десять тому назадъ янычарскому отряду было дано приказаніе готовиться къ походу; начальники его отвѣчали, что готовы къ выступленію, но двинутся не прежде, какъ всѣ греки въ Константинополѣ будутъ умерщвлены или изгнаны въ Азію». Лордъ Странгфордъ, по внушеніямъ изъ Вѣны, призналъ, что англійскіе интересы не требуютъ, при столкновеніи Россіи съ Турціею, непремѣнно, самымъ

грубымъ образомъ, по душевному желанію, становиться сейчасъ же на сторону Турціи; Меттерниху удалось убѣдить его, что въ англійскихъ интересахъ играть примирительную роль, убѣждать турокъ къ уступчивости относительно Россіи. По свидѣтельству Генца, Меттернихъ нашелъ въ Странгфордѣ превосходное для себя орудіе; что англійскій посланникъ въ Константинополѣ дѣйствовалъ по внушеніямъ изъ Вѣны, что признавалъ и самъ Странгфордъ. Но лучше всѣхъ свидѣтельствъ Генца, письма и разговоры Странгфорда показываютъ, что онъ перемѣнилъ прежнее поведеніе и дѣйствовалъ въ примирительномъ, меттерниховскомъ духѣ.

Въ началѣ 1822 года, въ Константинополѣ, между лордомъ Странгфордомъ и рейсъ-эффенди шли любопытные переговоры.

Рейсъ-эффенди: Мы увѣрены въ вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ; все, что вы ни скажите, не будетъ истолковано нами въ дурномъ смыслѣ. Вы нашъ другъ, и мы вамъ вѣримъ.

Л. Странгфордъ: Дай Богъ, чтобъ было такъ. Вопросъ, который насъ занимаетъ, поставленъ въ самые узкіе предѣлы. Очистите княжества, возстановите тамъ прежнее управленіе, излечите зло, которое произведено въ несчастныхъ областяхъ вашими войсками, незнающими дисциплины; назначьте господарей (если не изъ грековъ, то изъ тамошнихъ бояръ), и такимъ образомъ докажите намъ, что вы не противны системѣ общаго замиренія, столь счастливо установленной въ Европѣ. *Сдѣлайте это*, и всѣ европейскія государства будутъ вашими друзьями, всѣ будутъ помогать вамъ удалиться съ Россіею. *Откажитесь* это сдѣлать, или, что также плачевно, *медлите* этимъ, и черезъ мѣсяцъ вы увидите у себя громадную армію, какой еще никогда не выставляла Россія. Вы увидите русскій флотъ въ Архипелагѣ, готовый помогать вашимъ врагамъ; наконецъ, вы потеряете дружбу всѣхъ державъ европейскихъ, которыя своими стараніями отклоняли войну до сихъ поръ. Пришло время, когда вы должны отвѣчать: *да* или *нѣтъ*. Какой же изъ этихъ отвѣтовъ я долженъ отъ васъ услышать?

Рейсъ-эф.: Но съ какой стати у насъ будетъ война? Мы требуемъ только немного времени для улаженія нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Русскій императоръ справедливъ; онъ не можетъ почитать наши требованія несправедливыми. Онъ не желаетъ войны, но есть люди подлѣ него, которые ея желаетъ.

Л. Странг.: Не давайте вводить себя въ заблужденіе мыслью, что европейскія правительства завидуютъ другъ и другу, и что они станутъ опасаться Россіи, когда она будетъ въ войнѣ съ вами. Напротивъ, они знаютъ, что Россія заступается за ихъ дѣло, защищая святость договоровъ.

Рейсъ-эф.: Но отчего вы не хотите дать намъ немного времени? Зачѣмъ понуждать насъ сейчасъ же очищать княжества? Мы васъ увѣряемъ, что сдѣлаемъ это, какъ скоро греческій мятежъ будетъ достаточно укрощенъ и мы будетъ въ состояніи очистить княжества безъ опасности для себя.

Л. Странг.: Укрощеніе мятежа зависитъ существенно отъ мира съ Россіею, а послѣдній не можетъ состояться безъ очищенія княжествъ. Выполните ваши договоры съ Россіею, и главная надежда мятежниковъ исчезнетъ. Во время войны у васъ съ Россіею, ваши настоящіе враги сдѣлаются друзьями, быть можетъ союзниками Россіи, которой тогда уже нельзя будетъ ихъ оставить. Греки получатъ время образовать что-нибудь похожее на правильное правительство, и когда вы будете принуждены заключить миръ, то должны будете признать это правительство. Если бы какая нибудь изъ дружественныхъ державъ предложила вамъ двѣнадцать линейныхъ кораблей и 30 или 40,000 войска противъ мятежниковъ, то вы сочли бы себя очень счастливыми и были бы очень признательны: мы вамъ предлагаемъ, для укрощенія мятежа, средство равно дѣйствительное, да еще гораздо выгоднѣе, потому-что не будетъ стоить Портѣ ни гроша, ни капли крови мусульманской. Объявите по всей имперіи возобновленіе вашихъ дружественныхъ сношеній съ Россіею, и вы увидите, что греки будутъ просить у васъ помилованія, ибо они смотрятъ на русскую войну и на сильное отвлеченіе, какое она произведенъ въ ихъ пользу, какъ на послѣднее средство спасенія.

Рейсъ-эф.: Но зачѣмъ Россія требуетъ немедленнаго очищенія княжествъ? Какая выгода ей отъ этого немедленнаго очищенія?

Л. Странг.: Выгода та, что она освободится отъ униженія въ глазахъ цѣлой Европы, отъ униженія оставаться спокойною зрительницею вопіющаго нарушенія своихъ договоровъ; выгода— успокоить собственныхъ подданныхъ, недовольныхъ тѣмъ, что правительство не защищаетъ ихъ единовѣрцевъ; наконецъ, выгода — освободиться отъ этого несноснаго междоумдочнаго состоянія, которое не есть ни миръ, ни война.

Рейсъ-эф.: Но мы также должны уважать національную волю. Если бы мы захотѣли вывесть свои войска изъ княжествъ, то народъ скажетъ: «Вы теряете изъ виду очагъ возмущенія, оно возгорится тамъ опять»; и если мы назначимъ господарей изъ грековъ, то каждый мусульманинъ завопитъ: «Вы ободряете и награждаете измѣнниковъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ наказывать».

Л. Странг.: Константинопольская чернь не знаетъ, сколько у васъ войска въ княжествахъ,— 500 человѣкъ, или 50,000; и скажите пожалуйста, какъ свѣдаетъ константинопольская чернь о вашихъ нотахъ къ вамъ и вашихъ обязательствахъ, напримѣръ, если вы обяжетесь, что въ опредѣленное время въ княжествахъ не будетъ ни одного турецкаго солдата и господари будутъ назначены? Но я вамъ скажу, что чернь можетъ узнать, и что она пойметъ очень хорошо, это именно, должна ли она будетъ или нѣтъ умирать съ голоду — вопросъ, который долго не останется нерѣшеннымъ,

*

если война возгорится. Точно также народъ пойметъ свое настоящее положеніе, когда узнаетъ, что въ одно прекрасное утро англійское посольство и англійскіе консулы выѣдутъ изъ Константинополя. Тотъ, кто возьметъ на себя распространять эту новость, гораздо скорѣе произведетъ мятежъ, чѣмъ тотъ, кто станетъ толковать о внутреннемъ устройствѣ двухъ отдаленныхъ провинцій, которыхъ имя даже неизвѣстно половинѣ константинопольскаго народонаселенія.

Рейсъ-эф.: Въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ замѣтно неудовольствіе; люди неблагонамѣренные ждутъ только предлога, чтобъ приступить къ дѣйствію, и они получатъ предлогъ, когда узнаютъ, что господари назначены изъ грековъ, изъ того народа, который положилъ уничтожить исламизмъ и имя мусульманское. Мы не можемъ вывести свои войска и послать ихъ опять въ случаѣ новаго мятежа въ княжествахъ. Это было бы слишкомъ жестоко относительно жителей, ибо тогда войска, въ слѣпой ярости, опустошили бы въ-конецъ княжества.

Л. Странг.: Такъ вы опустошаете княжества *теперь*, чтобъ не опустошать ихъ *потомъ*; я не понимаю такого особаго рода милосердія къ жителямъ.

Рейсъ-эф.: Это неправда, мы не опустошаемъ княжествъ, наши войска ведутъ себя хорошо.

Л. Странг.: Я могу вамъ доказать противное. Я видѣлъ оффиціальныя сообщенія. Но, чтобъ возвратиться къ нашему предмету, позвольте напомнить вамъ, что вы обѣщали очистить княжества въ короткое время: не угодно ли точно опредѣлить это время, напримѣръ, въ мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго дня?

Рейсъ-эф.: Мы не можемъ опредѣлить времени: можетъ быть, меньше чѣмъ въ мѣсяцъ, можетъ быть—меньше, чѣмъ въ недѣлю. Только мы одни можемъ судить о нашемъ внутреннемъ положеніи и рѣшать, *когда* оно намъ позволитъ исполнить требуемое вами. Будьте увѣрены, что мы его исполнимъ скоро. Мы не хотимъ войны; мы не сдѣлаемъ ничего, чтобъ ее вызвать. Мы выполнимъ наши договоры буквально;— но имѣйте къ намъ довѣріе и позвольте намъ управлять своимъ народомъ посвоему.

Турки никакъ не могли понять того, что такъ хорошо понимали въ Вѣнѣ и Лондонѣ,—что миръ Порты съ Россіею убьетъ греческое возстаніе. Но какъ же въ Вѣнѣ и Лондонѣ могли надѣяться, что въ Петербургѣ позволятъ русскимъ миромъ убить греческое дѣло? Если въ Вѣнѣ и Лондонѣ били на то, чтобъ отдѣлить русскій миръ отъ греческаго замиренія, то могли ли на это согласиться въ Петербургѣ? Въ Вѣнѣ и Лондонѣ ласкали себя надеждою, что это раздѣленіе можетъ произойти вслѣдствіе предполагаемаго раздѣленія между Русскимъ императоромъ и его Кабинетомъ. Меттернихъ писалъ Лютцову: «Императоръ Александръ вполнѣ убѣжденъ, что война будетъ бичемъ для него и для Европы... Онъ не желаетъ ничего больше, какъ быть выведеннымъ изъ ложнаго положенія, въ какое вовлеченъ своимъ Кабинетомъ. Дѣйствія послѣдняго разсчитаны на сопротивленіе Дивана всѣмъ русскимъ требованіямъ; если Диванъ будетъ противиться немедленному очищенію княжествъ, то это будетъ торжествомъ для Кабинета. Я вамъ представляю здѣсь вопросъ во всей его простотѣ. Я понимаю, что Порта находитъ нѣкоторое затрудненіе при переводѣ нашихъ бумагъ; но эти бумаги предназначаются не для одной Порты, а для другихъ Дворовъ, которые ихъ понимаютъ. Наши разсужденія — для Петербурга, наши простыя требованія—для Константинополя. Если бы мы могли составлять наши бумаги отдѣльно для обоихъ мѣстъ, то дѣло было бы легче. Въ такомъ случаѣ наша послѣдняя нота Дивану заключалась бы въ слѣдующемъ: «Ваше дѣло правое передъ Богомъ и передъ людьми. Интриги, которыя всѣ сходятся въ Русскомъ Кабинетѣ, приготовили, начали и поддерживаютъ возстаніе вашихъ подданныхъ. Однако вы должны были вести себя иначе, чѣмъ какъ вы вели себя; вы должны были намъ вѣрить и отдѣлить намѣреніе Русскаго монарха отъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ его министровъ. Все это, впрочемъ, дѣло прошлое. Займемся настоящимъ. Хотите войны, такъ ведите ее. Не хотите войны,—такъ не играйте игры вашихъ противниковъ. Чѣмъ больше вы будете уступать ихъ требованіямъ, тѣмъ меньше вы сдѣлаете имъ удовольствія. Вы можете согласиться на все, чего отъ васъ требуютъ, потому-что требованія справедливы; они не были бы справедливы, еслибъ люди, желающіе смуты, не разсчитывали на то, что вы ихъ отвергнете, и тогда они оснуютъ разрывъ съ вами на видимой умѣренности съ своей стороны. Слѣдуйте нашимъ совѣтамъ, потому-что они подаются въ вашемъ интересѣ, а не въ интересѣ партіи, которая разсчитываетъ на ваши ошибки гораздо болѣе, чѣмъ на справедливость своего дѣла».

Графъ Головкинъ былъ человѣкомъ Кабинета въ глазахъ Меттерниха, человѣкомъ, не имѣвшимъ достаточно довѣрія къ Австріи, позволявшимъ себѣ не соглашаться съ «дипломатическимъ геніемъ» относительно Восточнаго вопроса. Меттернихъ старался показать ему, что въ этомъ вопросѣ двѣ части, т. е. возстановленіе силы договоровъ, — что предоставляется Россіи, и замиреніе грековъ, — что можетъ быть предметомъ коллективнаго дѣйствія. Головкинъ замѣтилъ на это, что, предоставляя первую часть одной Россіи, союзники лишаютъ ее средствъ помочь имъ во второй, ибо, въ такомъ случаѣ, должно произойти одно изъ двухъ: или война, или совершенный застой въ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ. Въ обоихъ случаяхъ замиреніе грековъ становится невозможнымъ для союзниковъ; для достиженія этого замиренія единственное средство—присоединиться къ Россіи и заставить Порту возстановить силу договоровъ, ибо только въ такомъ случаѣ Россія можетъ, въ свою

очередь, присоединиться къ коллективному дѣйствію въ пользу грековъ. Канцлеръ настаивалъ на невозможности смѣшенія обѣихъ частей вопроса; признался, что провести демаркаціонную линію между ними чрезвычайно трудно, но, при *взаимномъ довѣріи*, трудности проблеммы могутъ быть отстранены ко всеобщему удовольствію. Къ несчастію, замѣтилъ Меттернихъ, этой взаимности нѣтъ; Австрія питаетъ болѣе довѣрія къ Россіи, чѣмъ Россія къ Австріи. Головкинъ такъ отзывался о ходѣ дѣлъ по Восточному вопросу: «Если прослѣдить всѣ бумаги, полученныя нами отъ двухъ Кабинетовъ, Лондонскаго и Вѣнскаго, по поводу дѣлъ турецкихъ, то непремѣнно придемъ къ заключенію, что всѣ онѣ содержатъ въ себѣ только слѣдующія немногія слова: «Вы правы, а турки виноваты, если вы будете сохранять миръ; если же возгорится война, то вы будете виноваты, а турки правы, что бы вы ни дѣлали для избѣжанія войны». *Интересы* частной политики исключительно замѣнили *обязанности* политики общей».

Въ началѣ 1822 года, въ Вѣну пріѣхалъ на помощь Головкину для веденія труднаго дѣла по Восточному вопросу другой уполномоченный Русскаго императора, сенаторъ Татищевъ, который получилъ такой рескриптъ отъ своего государя: «Я не хочу войны. Я это доказалъ. Я это доказываю еще вашимъ отправленіемъ и приказаніями, данными моимъ представителямъ у Дворовъ Лондонскаго, Парижскаго и Берлинскаго. Но предотвратить войну можно, только обратившись къ туркамъ отъ имени Европы и говоря съ ними языкомъ, ея достойнымъ. Дѣло нейдетъ о томъ, чтобъ сдѣлать изъ Турціи державу европейскую: дѣло идетъ о томъ, чтобъ заставить ее снова занять мѣсто, которое она занимала въ политической системѣ въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Надобно спасти ее силою. Попытки, постоянно возобновляемыя и всегда безполезныя, поведутъ къ тому, что союзъ потеряетъ всякое уваженіе. Порта сдѣлается неисправимою, и, конечно, не такую сосѣдку хотятъ завѣщать союзные Дворы Россіи для упроченія системы, на которой основывается спокойствіе Европы».

Впечатлѣніе, произведенное Татищевымъ въ Вѣнѣ, было таково, что онъ пріѣхалъ не только безо всякаго опредѣленнаго плана, но безо всякой ясной идеи о средствахъ прекратить настоящую запутанность въ дѣлахъ; подобно тѣмъ, которые его прислали, онъ единственно разсчитывалъ на дружественное расположеніе Вѣнскаго Двора и на дипломатическій геній князя Меттерниха. Не зная, что должно дѣлать для избѣжанія войны съ честью и особенно для успокоенія императора, онъ питалъ неопредѣленную надежду, что сыщетъ въ Вѣнѣ средство къ рѣшенію этой проблеммы. Впослѣдствіи Меттернихъ хвалилъ Татищева за то, что онъ дѣйствовалъ согласно съ желаніями Вѣнскаго Кабинета. Если его объясненія и представляли оттѣнки, то они происходили отъ затруднительнаго положенія посланника, у котораго были двѣ инструкціи, не только различныя, но даже противоположныя (инструкція императора и инструкція Кабинета!). Съ своей стороны, Татищевъ убѣдился, что австрійскій канцлеръ желаетъ предложить систему обмана, которую онъ принялъ относительно Россіи, и что онъ откажется отъ нея только тогда, когда увидитъ, что Россія его поняла и рѣшилась не даваться болѣе въ обманъ. Тогда онъ уступитъ Россіи все, въ чемъ не посмѣетъ отказать. Татищевъ приступилъ къ Греческому вопросу. «Я думаю»—сказалъ онъ Меттерниху—«что греки скорѣе дадутъ себя истребить до одного человѣка, чѣмъ согласятся идти въ прежнее рабство; съ другой стороны, силы султана недостаточны для ихъ порабощенія: какъ же союзники могутъ смотрѣть равнодушно на продолженіе подобной борьбы?» Меттернихъ замѣтилъ, что союзники должны согласиться насчетъ будущей участи грековъ. Татищевъ разсказалъ ему, что въ Петербургѣ думаютъ устроить эту участь высвобожденіемъ грековъ изъ непосредственныхъ отношеній къ турецкому правительству. Меттернихъ отвѣчалъ, что невозможно получить отъ Дивана такія важныя уступки подъ формою политическою, но, быть можетъ, можно доставить грекамъ тѣ же выгоды мѣрами законодательными. Татищевъ объявилъ, что Россія согласится поручить веденіе новыхъ переговоровъ Австріи, если будетъ опредѣлено, какое положеніе приметъ Австрія относительно Порты, когда послѣдняя не согласится на предложенныя ею условія. «Чего же вы отъ насъ хотите?»—спросилъ Меттернихъ.—«Чтобъ вы порвали съ нею сношенія»,—отвѣчалъ Татищевъ.—«Какъ, отозвать интернунція?»—«Безъ сомнѣнія».—«Такъ вы хотите бросить Порту совершенно въ объятія Англіи?—англійскій посланникъ тамъ останется,—и султанъ будетъ видѣть въ немъ единственную опору!»—«Мы не завидуемъ довѣрію, какое Порта оказываетъ Англіи и, во всякомъ случаѣ, мы примемъ послѣдствія на свой счетъ. Но отъ васъ мы потребуемъ этого доказательства согласія, царствующаго между нашими двумя монархами».—«Но лучше, чтобъ всѣ согласились; надобно узнать мнѣніе Англійскаго Кабинета».—«Условимся вдвоемъ и потомъ вмѣстѣ будемъ работать въ Лондонѣ, чтобъ и тамъ принято было наше рѣшеніе».—«Это значитъ все потерять, союзъ разрушится».—«Отчего же?»—«Увидятъ, что мы болѣе связаны съ вами, чѣмъ съ другими».—«По моему мнѣнію, ничто не можетъ дать такой прочности союзу, какъ искреннее единеніе между двумя императорскими Дворами».—«Безъ сомнѣнія; но не должно этого выказывать; впрочемъ, мы еще поговоримъ обо всемъ этомъ».

Изъ Константинополя пришли дурныя вѣсти. Диванъ, видя, съ одной стороны, настойчивость Англіи и Австріи, чтобъ Порта удовлетворила русскимъ требованіямъ, съ другой—видя раздраженіе между мусульманами противъ христіанъ, не хо-

гѣлъ взять дѣла на свою отвѣтственность, и созвалъ Совѣтъ изъ главныхъ сановниковъ государственныхъ, членовъ администраціи, янычарскихъ депутатовъ и ремесленныхъ старостъ въ Константинополѣ. Число призванныхъ было болѣе двухъ сотъ. На другой день, послѣ совѣщанія, началось волненіе въ Константинополѣ, которое правительство утишило безъ труда; но интернунцій получилъ извѣщеніе, что Порта отлагаетъ на неопредѣленное время выводъ войскъ своихъ изъ княжествъ; что она не нарушила ни въ чемъ договоры, и требуетъ, чтобы Россія очистила азіятскія провинціи, занимаемыя ею съ Бухарестскаго мира, и выдала бѣжавшихъ грековъ. Меттернихъ, именемъ императора Франца, объявилъ Головкину и Татищеву, что нота турецкаго правительства не можетъ быть принята; что интернунцію послано приказаніе возвратить ее Портѣ съ краткимъ заключеніемъ, что неприлично было поручать Вѣнскому Кабинету подобную передачу союзному Кабинету Русскому. Меттернихъ объявилъ, что императоръ Францъ не только признаетъ за императоромъ Александромъ право принять всѣ мѣры, какія онъ сочтетъ нужными, относительно Порты, но и не поколеблется присоединиться къ инициативѣ, какую императоръ Александръ приметъ въ этомъ случаѣ, и поддерживать ее всѣми зависящими отъ него средствами; что сообщенія, составленныя въ этомъ смыслѣ, будутъ отправлены ко всѣмъ союзнымъ Дворамъ для соглашенія о томъ, какое положеніе принять относительно Порты, причемъ Вѣнскій Кабинетъ подастъ мнѣніе объ отозваніи изъ Константинополя посольствъ и объ оставленіи тамъ только агентовъ для покровительства торговлѣ. Но при этомъ Меттернихъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ журнала австрійской миссіи въ Константинополѣ, въ которыхъ указаны интриги грековъ въ столицѣ, чтобъ заставлять Порту поступать вопреки ея интересамъ, также указаны интриги революціоннаго комитета въ Одессѣ. Цѣль всѣхъ этихъ интригъ — заставить Порту думать, что настойчивыя требованія Англіи и Австріи клонятся только къ тому, чтобъ напугать ее и склонить къ уступкамъ.

Въ этомъ заявленіи Меттерниха русскимъ министрамъ выразился весь страхъ, нагнанный на него извѣстіями изъ Константинополя: Турція отвергла рѣшительно требованія Россіи, — значитъ, послѣдней ничего болѣе не остается, какъ двинуть свои войска: какое торжество для бунтовщиковъ-грековъ, для воинственнаго Русскаго Кабинета, для Каподистріо; какое пораженіе и опасность для Австріи! Единственный выходъ для послѣдней — не дать Россіи дѣйствовать одной. Потомъ страхъ началъ проходить, явилась надежда. Императоръ Александръ не хочетъ войны — это ясно; войны хочетъ только Кабинетъ. Императоръ Александръ, по своей любимой мысли, не хочетъ дѣйствовать одинъ, слѣдовательно можно протянуть время въ переговорахъ съ союзниками, а между тѣмъ можно заставить и турокъ перемѣнить свое рѣшеніе: ихъ нота оффиціальнымъ образомъ не передана въ Петербургъ, оффиціально Петербургскій Кабинетъ не знаетъ объ оскорбительномъ отвѣтѣ Порты. 12-го апрѣля, былъ составленъ протоколъ конференціи между Татищевымъ, Головкинымъ и Меттернихомъ: «Русскіе уполномоченные объявили, что е. в. императоръ, питая искреннее желаніе доказать союзнымъ монархамъ, какъ онъ дорожитъ сохраненіемъ мира съ Оттоманскою Портою, ограничилъ такимъ образомъ условія, на которыхъ дружественныя сношенія между Россіею и Турціею могутъ быть поддержаны: императоръ удовольствуется заявленіемъ, сдѣланнымъ прямо его министерству Портою, что она признаетъ право Россіи, на основаніи договоровъ, требовать неприкосновенности греческой религіи, возобновленія разрушенныхъ церквей и, по отношенію къ возставшимъ грекамъ, справедливаго различенія между невинными и виновными. Предварительно Порта очищаетъ совершенно и немедленно княжества Молдавію и Валахію; временно поручаетъ управленіе этихъ странъ Диванамъ, подъ предсѣдательствомъ греческихъ каймакамовъ, избранныхъ Портою по правиламъ, установленнымъ для назначенія господарей; высылаетъ уполномоченныхъ для соглашенія съ русскими уполномоченными о мѣрахъ, которыя она, соединенно съ Россіею, приметъ для доставленія мирнаго и счастливаго существованія своимъ христіанскимъ областямъ, договорами поставленнымъ подъ покровительство Россіи и плачевными событіями увлекающимся въ бездну революціи. Если Порта не согласится исполнить этихъ требованій, императоръ Австрійскій объявитъ ей, что онъ не будетъ помогать ей ни прямо, ни посредственно, и признаетъ справедливымъ дѣло Россіи. Для доказательства заводчикамъ смутъ европейскихъ, что союзъ между державами крѣпче прежняго, императоръ Австрійскій отзоветъ изъ Константинополя своего интернунція и порветъ всѣ сношенія съ Портою, по-крайней-мѣрѣ ограничится оставленіемъ въ Турціи дипломатическихъ агентовъ для торговли. Относительно грековъ общія мѣры должны состоять въ слѣдующемъ: прекращается война въ возставшихъ областяхъ; Портѣ обезпечивается спокойное обладаніе ими; постановляется, что мирные жители возставшихъ областей и тѣ, которые положатъ оружіе, будутъ пользоваться религіозною свободою; ихъ имущество, личность и жизнь будутъ находиться подъ постояннымъ и дѣйствительнымъ обезпеченіемъ. Князь Метттернихъ, воздавъ хвалу чистотѣ намѣреній императора Всероссійскаго и умѣренности предложеній, сдѣланныхъ его уполномоченными, объявилъ, что императоръ, его государь, не можетъ совѣтовать своему августѣйшему другу и союзнику никакой перемѣны въ своемъ ультиматутѣ; признаетъ, что оттоманское правительство не сможетъ замирить возставшія греческія провинціи безъ содѣйствія Россіи; что это замиреніе не бу-

детъ прочно, если участь грековъ не будетъ рѣшена на основаніяхъ, предложенныхъ русскими уполномоченными, и если ихъ отношенія къ турецкому правительству не будутъ поставлены подъ могущественную гарантію великаго союза. Несмотря на то, такъ какъ предложеніе русскаго вмѣшательства не основывается ни на какомъ предшествующемъ договорѣ, и Порта можетъ отвергнуть его, а союзники не будутъ въ состояніи его поддержать, то необходимо основать переговоры на другомъ принципѣ. Для достиженія этой цѣли, императоръ Австрійскій готовъ совѣщаться съ союзниками относительно основанія и способа негоціаціи. Но, желая дать своему августѣйшему другу и союзнику самое сильное доказательство своего безграничнаго довѣрія къ его правосудію, умѣренности и мудрости, императоръ Австрійскій объявляетъ, что за однимъ Русскимъ императоромъ остается право рѣшить: настоящее положеніе его имперіи относительно Порты можетъ ли быть продолжено, или необходимо прибѣгнуть къ оружію. Въ послѣднемъ случаѣ, императоръ Австрійскій не только не окажетъ Портѣ никакой помощи, ни прямой, ни посредственной, но признаетъ обязательнымъ для себя и для своихъ союзниковъ отозваніе изъ Константинополя ихъ представителей, и будетъ съ новою силою настаивать у Кабинетовъ на принятіи этой мѣры. Русскіе министры, принявъ объявленіе господина канцлера относительно отозванія миссій, предоставили себѣ повергнуть на рѣшеніе императора, своего государя, предложенія насчетъ греческихъ возставшихъ провинцій».

Меттернихъ отказался подписать этотъ протоколъ, настаивая на томъ, что Россія, по договорамъ, не имѣетъ права покровительства надъ христіанскими областями Турціи, которыя теперь возстали противъ власти султана. Вмѣсто подписанія протокола, канцлеръ прислалъ ноту, сущность которой состояла въ слѣдующемъ: «Столкновеніе между Россіею и Турціею должно рѣшиться или путемъ переговоровъ, или оружіемъ. Въ первомъ случаѣ, необходимо соглашеніе съ союзниками относительно основанія и способа, какъ начать переговоры съ Портою. Въ плачевномъ случаѣ разрыва императоръ не поколеблется отозвать изъ Константинополя своего представителя и прекратить дипломатическія сношенія съ Портою; но онъ убѣжденъ, что такое рѣшеніе должно быть общее для всѣхъ союзниковъ, для чего уже и сдѣланы надлежащія сообщенія Кабинетамъ Французскому, Великобританскому и Прусскому». Одновременно съ этою нотою, Меттернихъ составилъ слѣдующій меморандумъ, который Татищевъ долженъ былъ взять съ собою въ Петербургъ для представленія императору Александру: «Е. в. императоръ Русскій заявилъ неизмѣнное рѣшеніе въ своихъ дѣйствіяхъ по Восточному вопросу — не нарушать политической системы, которая теперь служитъ основаніемъ спокойствія Европы и сохраненія общественнаго порядка. Это рѣшеніе обязываетъ Кабинеты соединить всѣ свои силы для такого рѣшенія вопроса, которое соотвѣтствовало бы и справедливымъ желаніямъ его величества и охранило бы Европу отъ опасностей, какія могутъ произойти для нея изъ восточныхъ безпорядковъ. Передъ нами двоякаго рода вопросы: юридическій, касающійся исполненія договоровъ, и вопросъ общаго интереса. Исполненіе договоровъ не можетъ встрѣтить никакого затрудненія: уваженіе къ договорамъ есть основа народнаго права въ Европѣ. Вопросы общаго интереса должны имѣть свой источникъ въ желаніяхъ, одобренныхъ предъ трибуналомъ благоразумной политики и человѣколюбія. Они должны соединять интересы тѣхъ, къ которымъ обращены требованія, съ интересами тѣхъ, въ пользу которыхъ дѣлаются уступки. Такъ-какъ дѣло нейдетъ объ ограниченіи верховной власти султана, то желанія Кабинетовъ не выйдутъ изъ круга законовъ и управленія. Австрія, наравнѣ съ другими державами, не признаетъ права вмѣшательства во внутреннія дѣла государства, если перемѣны, въ немъ происходящія, не угрожаютъ непосредственно безопасности сосѣднихъ державъ. Но въ настоящемъ положеніи Турецкой имперіи существуютъ отношенія, которыя заставляютъ державы искать способъ успокоить Турцію не посредствомъ утишенія смуты, купленнаго потоками крови, но посредствомъ прочнаго мира, безъ котораго нѣтъ обезпеченія для существованія Турецкой имперіи и для спокойствія Европы. Эта необходимость есть единственное основаніе права и единственное средство относительно Порты. Чтобъ работать на этомъ основаніи, прежде всего необходимо, чтобъ Порта объявила дѣйствительную амнистію, и необходимо, чтобъ инсургенты подчинились ей. Что касается княжествъ, то достаточно ихъ очищенія, возстановленіями прежняго порядка и сохраненія правъ, выговоренныхъ трактатами. Морея и острова имѣютъ многообразное управленіе; разумныя, съ верховною властью Порты удобосоединимыя, желанія христіанскаго народонаселенія этихъ странъ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ условіяхъ: свободное исповѣданіе религіи; юридическія опредѣленія для безопасности личной и собственности; правильное судопроизводство. Такъ-какъ Диванъ готовъ выполнить трактаты, и споръ идетъ только о времени и способѣ исполненія, то надобно требовать отъ Дивана немедленнаго очищенія княжествъ и возстановленія въ нихъ прежняго порядка; надобно настоять, чтобъ Порта въ извѣстный срокъ дала амнистію, и увѣрить ее, что союзники готовы всѣми силами понуждать инсургентовъ къ ея принятію; надобно требовать назначенія уполномоченныхъ, которые съ уполномоченными Россіи и союзныхъ державъ должны совѣщаться о средствахъ доставить Турецкой имперіи скорый и продолжительный миръ».

Императоръ Александръ, желая прежде всего скораго разрѣшенія Восточнаго вопроса по той

связи, въ какой онъ представлялся ему съ общимъ положеніемъ Европы, принялъ австрійскій меморандумъ въ основаніе этого рѣшенія, и Татищевъ возвратился въ Вѣну, чтобъ здѣсь, вмѣстѣ съ представителями другихъ четырехъ великихъ державъ, участвовать въ конференціяхъ, которыя должны были подготовить дѣло для конгресса, назначеннаго осенью 1822 года въ Веронѣ.

Таково было рѣшеніе Восточнаго вопроса, выработавшееся въ австрійскихъ или англо-австрійскихъ рукахъ въ первый годъ греческаго возстанія. Повидимому, австрійскій канцеръ торжествовалъ: дѣло было въ его рукахъ, воинственная, грекофильская партія въ Россіи была поражена, Каподистріо призналъ нужнымъ выйти въ отставку. Несмотря однако на эту наружность явленій, «дипломатическій геній» потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ о томъ, чтобъ не допустить до войны между Россіею и Турціею, будучи увѣренъ, что извѣстіе о возстановленіи между ними дружественныхъ сношеній отниметъ руки у возставшихъ грековъ и заставитъ ихъ безусловно покориться султану. Но, удерживая Россію отъ войны, Меттернихъ этимъ самымъ придавалъ духъ Портѣ, которая считала неопаснымъ для себя упорствовать въ неисполненіи русскихъ требованій, считая настаиванія англійскаго посланника и австрійскаго интернунція только пустыми угрозами. Греки, одушевляемые надеждою, что не нынче, такъ завтра война возгорится, продолжали борьбу, и дѣло пришло къ тому, что, для избѣжанія войны, вопросъ былъ переданъ на общее рѣшеніе великихъ державъ, причемъ надобно было опредѣлить и уступки возставшимъ грекамъ. Какъ бы ни были умѣренны эти уступки, но Австрія признала необходимость ихъ сдѣлать, скрѣпя сердце, съ оговорками, ничего невыражающими, признала необходимость вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, и не съ тѣмъ, чтобъ поддержать султана противъ бунтующихъ грековъ, но чтобъ заставить его сдѣлать уступки мятежнымъ подданнымъ. Но это еще только первая неудача «дипломатическаго генія» въ его борьбѣ — противъ исторіи.

Второго пораженія для австрійскаго канцлера нельзя было ожидать на новомъ конгрестѣ, который собирался при обстоятельствахъ, чрезвычайно благопріятныхъ для системы Вѣнскаго Кабинета. Тайныя общества продолжали дѣйствовать. Испанская революція доходила до крайностей, напоминавшихъ исходъ французской революціи. 1 января 1822 года, Меттернихъ писалъ императору Александру: «Для Испаніи наступилъ кризисъ. Судьба, ожидающая эту страну, поставлена внѣ всякихъ разсчетовъ. 1793-й годъ былъ для Франціи естественнымъ, необходимымъ и полезнымъ результатомъ 1798 года. 1822-й годъ будетъ для Испаніи результатомъ 1720 года. Примѣръ Франціи забытъ въ Европѣ и, такимъ образомъ, потерянъ для нея. Провидѣніе, въ своихъ тайныхъ намѣреніяхъ, поставило предъ очами людей второй примѣръ. Оно напоминаетъ людямъ простой и вѣрный фактъ, что одно и то же зло должно всегда вести къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. Философы, идеологи и доктринеры снова провели цѣлые годы въ доказываніи невѣрности этого принципа. Вѣчный разумъ будетъ сильнѣе ихъ софизмовъ, а факты заговорятъ громче ихъ тезисовъ».

Изъ Англіи, отъ Кассльри тѣ же внушенія: «Первое, что заслуживаетъ полнаго вниманія императора,—это широкое и усиливающееся распространеніе революціоннаго движенія по американскому и европейскому континенту. Послѣднія событія въ Мексикѣ, Перу, Каракасѣ, Бразиліи рѣшили, что обѣ Америки увеличатъ каталогъ государствъ, управляемыхъ на основаніи республиканскомъ или демократическомъ. Тотъ же духъ быстро распространяется и по Европѣ: Испанія и Португалія испытываютъ тѣ же волненія. Франція носится между противоположными видами и интересами, серьезно и, быть можетъ, равно опасными для ея внутренняго спокойствія. Италія, хотя на время и вырвана изъ когтей революціонеровъ, однако сдерживается только австрійскими оккупаціонными войсками. Тотъ же духъ глубоко проникъ въ Грецію. Возстаніе въ европейской Турціи, въ своей организаціи, цѣляхъ, дѣйствіяхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ, ничѣмъ не отличается отъ движеній въ Испаніи, Португаліи и Италіи, кромѣ прибавочныхъ затрудненій, происходящихъ отъ связи возстанія съ безобразною системою турецкаго управленія, ненавистью къ которому возстаніе прикрываетъ свое настоящее стремленіе, возбуждаетъ интересъ и такимъ образомъ достигаетъ своей цѣли. Императоръ долженъ видѣть, что начало революціоннаго потока—въ Греціи, и оттуда распространяется по его южнымъ областямъ, въ неразрывной связи съ потокомъ, стремящимся изъ-за Атлантическаго океана, и я не сомнѣваюсь, что е. и. в. будетъ основывать свои дѣйствія на этомъ принципѣ, а не на мѣстныхъ видахъ политики. Принципъ, на которомъ должно дѣйствовать британское правительство, есть принципъ невмѣшательства, доведенный до послѣдней крайности; но я увѣренъ, что если бы то, что происходитъ теперь въ Греціи, преимущественно въ Мореѣ, подъ вліяніемъ иностранныхъ искателей приключеній, оказалось въ какой нибудь другой сосѣдней съ Россіею странѣ, то императоръ сталъ бы дѣйствовать какъ въ Лайбахѣ, и никакой споръ съ турками не удержалъ бы его выставить сопротивленіе общему и болѣе опасному врагу. Русская армія не можетъ двинуться въ Турцію противъ революціонеровъ, какъ австрійская армія въ Неаполитанское королевство, не столкнувшись враждебно и съ турками и съ греками. Но если императоръ не можетъ уничтожить зла собственными средствами, то тѣмъ болѣе онъ не долженъ мѣшать оттоманскому правительству въ истребленіи мя-

тежа, который грозитъ и общему спокойствію, и его собственной власти. Сравнивая обѣ борющіяся стороны, мы видимъ, что Турція не представляетъ революціонной опасности; греческое дѣло глубоко проникнуто ею, и не можетъ, по крайней мѣрѣ теперь, быть отдѣлено отъ нея. Русскій императоръ долженъ отстать отъ греческаго дѣла, какъ существенно революціоннаго. Онъ долженъ скорѣе благопріятствовать, чѣмъ отвлекать оттоманское правительство отъ его уничтоженія; долженъ смотрѣть на свое столкновеніе съ Портою, какъ на дѣло второстепенное, пока мятежъ не будетъ укрощенъ».

Внушенія изъ Австріи и Англіи могли быть заподозрѣны. Но были внушенія и изъ любимой страны. Бергассъ, одинъ изъ видныхъ членовъ роялистской партіи во Франціи, сблизившійся съ императоромъ Александромъ по единству религіознаго взгляда, писалъ ему:

«Швейцарія, которую волнуютъ, болѣе чѣмъ когда-либо, искусные и неутомимые революціонеры, требуетъ теперь особеннаго вниманія государей. Недавно здѣсь произошло соединеніе многихъ масонскихъ ложъ самаго дурнаго рода, гдѣ догматъ народнаго господства, разрушающій всякую нравственность, всякое правительство и всякую религію, составляетъ первый членъ исповѣданія вѣры адептовъ. Въ Испаніи, какъ небезызвѣстно в. в-ству, солдатское возстаніе вспыхнуло, благодаря французскимъ революціонерамъ и значительной суммѣ денегъ, отправленной одною изъ нашихъ главныхъ масонскихъ ложъ. На предстоящемъ конгрессѣ не только должно заняться истребленіемъ адской секты, грозящей цивилизованному міру, но и ученія этой секты, ибо секта не истребится, если не докажется торжественно ложность ея ученія. Чего хочетъ нечестивая секта, которую пора, наконецъ, уничтожить? Она хочетъ, чтобъ на конгрессѣ, возвѣщенномъ съ такою торжественностью, и отъ котораго зависитъ судьба общественнаго порядка, государи, сдержанные преувеличенными препятствіями и на самомъ дѣлѣ ничтожными, если сравнить ихъ съ высокою обязанностію, возложенною на нихъ Божествомъ,— чтобъ государи запутались въ сѣтяхъ ложнаго благоразумія и представили изумленному міру зрѣлище своей нерѣшительности, тогда-какъ люди съ помыслами возвышенными ждутъ отъ нихъ блестящаго заявленія могущества. Что читается въ журналахъ защитниковъ королевской власти?— что дѣло Фердинанда есть дѣло всѣхъ государей; что дѣло испанское есть дѣло всѣхъ народовъ, желающихъ сохранить у себя религію и нравственность; что есть высшее международное право,—право обезпечивать себя отъ нравственной заразы, которая уже произвела въ Европѣ такія опустошенія. Почему леберальные журналы такъ пламенно желаютъ, чтобъ намъ загражденъ былъ путь въ Испанію?—потому, что они хорошо видятъ, что возстановленіе порядка въ этой монархіи нанесетъ ихъ партіи неизбѣжный ударъ; тогда-какъ защитники королевской власти понимаютъ, что уничтожить въ Испаніи либеральную партію— значитъ—приготовить ея будущее уничтоженіе и во Франціи, и ускорить минуту, когда общественный порядокъ найдетъ свои вѣчныя основанія».

При такихъ внушеніяхъ собрался Веронскій конгрессъ.

VII.

Послѣдній конгрессъ.—Конецъ эпохи.

Опаснымъ состояніемъ всѣхъ трехъ южныхъ полуострововъ Европы должны были заняться государи, положившіе съѣхаться на конгрессъ въ Верону; но испанская революція составляла главную ихъ заботу. Итальянская революція была прекращена австрійскими войсками; испанская могла быть прекращена только французскими, и императоръ Александръ уже давно указывалъ Франціи на эту обязанность ея. Но согласится ли и сможетъ ли Франція сдѣлать то въ Испаніи, что сдѣлала Австрія въ Италіи? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ внутренняго состоянія Франціи, отъ положенія и силы ея правительства.

Мы оставили Францію послѣ Ахенскаго конгресса, когда правительство Людовика XVIII, въ борьбѣ съ ультра-роялистами, оперлось на либераловъ, но тѣмъ самымъ подняло и враждебныя себѣ партіи, дало имъ возможность открытаго дѣйствія. Положеніе умѣренныхъ либераловъ, приверженцевъ конституціонной монархіи Бурбоновъ, было самое затруднительное: они должны были защищать конституцію противъ ультра-роялистовъ и защищать династію противъ враждебныхъ ей партій, популяризировать и національзировать ее, представлять необходимою для конституціонной свободы такую династію, которой глава былъ умирающій старикъ, а наслѣдникъ— глава приверженцевъ старой Франціи, глава ультра-роялистовъ! Естественно, приверженцы конституціи дѣлились и тѣмъ обезсиливали себя: одни изъ нихъ, видя опасность отъ поднятія антидинастическихъ партій, выбирали изъ двухъ золъ, по ихъ мнѣнію, меньшее, требовали сближенія съ ультра-роялистами, уступки имъ, не опредѣляя, какъ далеко должно идти сближеніе, уступчивость, боясь этого опредѣленія, предчувствуя, что оно укажетъ имъ опасность или тщету ихъ стремленій. Другіе—изъ двухъ золъ также выбирали, по ихъ мнѣнію и отношеніямъ, меньшее, требовали сближенія съ людьми революціи и имперіи, уступчивости имъ, опять не опредѣляя, какъ далеко должны идти сближеніе и уступчивость, боясь этого опредѣленія. Такъ, вслѣдствіе этого различія во взглядахъ и отношеніяхъ, порознились два министра Людовика XVIII, Ришелье и Деказъ, и первый долженъ былъ оставить министерство.

Министерство Дессоля, самымъ виднымъ членомъ котораго былъ Деказъ, указывало на торжество второго направленія между приверженцами конституціи,—торжество, которое условливалось и личнымъ неограниченнымъ вліяніемъ Деказа на короля.

Разумѣется, люди, стоявшіе между двухъ огней, измѣняли свои взгляды, свое положеніе, смотря по степени давленія, какое испытывали они отъ той или другой стороны. Деказъ, разорвавшій съ ультра-роялистами и сближавшійся, потому, съ ультра-либералами, долженъ былъ разорвать и съ послѣдними, когда увидалъ крайность ихъ требованій и стремленій. Такимъ образомъ, либеральное министерство потеряло свою популярность и между либералами, не уменьшивши нисколько ненависти къ себѣ ультра-роялистовъ. Наступили выборы въ палату 1819 года. Ультра-роялисты, зная, что не получатъ большинства, не хотѣли дать большинства умѣреннымъ либераламъ, которые должны были поддерживать министерство, но придумали дать большинство революціонерамъ, чтобы этимъ средствомъ свергнуть ненавистное министерство и произвести реакцію. Газета «Бѣлое Знамя», органъ ультра-роялистовъ, выражалась такимъ образомъ: «Министерство—самый опасный врагъ роялистовъ,—такъ его нужно бить прежде всего и постоянно; выборъ якобинскихъ кандидатовъ менѣе гибеленъ, чѣмъ выборъ министерскихъ, потому что первый ускоритъ спасительный кризисъ». Они достигли своей цѣли, и люди, боявшіеся революціи и изъ страха передъ нею прятавшіеся подъ «Бѣлое Знамя», были страшно напуганы избраніемъ ультра-либеральныхъ кандидатовъ, особенно аббата Грегуара, который во время революціи, будучи членомъ конвента, одинъ изъ первыхъ требовалъ провозглашенія республики и суда надъ Людовикомъ XVI, и потомъ, будучи въ отсутствіи во время приговора, письменно заявлялъ, что одобряетъ осужденіе короля на смерть. Демократическая партія была въ восторгѣ отъ этого выбора; не скрывали своего злорадства и ультра-роялисты, указывая на исполненіе своего пророчества, что «Кровавая дочь конвента» (Ультра-либеральная палата) явится, какъ необходимое слѣдствіе 5-го сентября, утверждали, что волненія и безпорядки, обнаружившіеся въ это время и въ другихъ странахъ Европы, были слѣдствіемъ системы, которой держалось французское министерство. Виновникъ 5-го сентября, Деказъ, испугался торжества ультралиберальной партіи, и началъ внушать своимъ товарищамъ о необходимости передѣлать дѣло 5-го сентября, измѣнить избирательный законъ. Но три министра—Дессоль, Гувіонъ де-Сенъ-Сиръ и баронъ Люи—не согласились на перемѣну политики и вышли изъ министерства; Деказъ обратился къ Ришелье съ просьбою составить новое министерство; но тотъ отказался, выставляя недостаточность своихъ средствъ вести правительственное дѣло въ такое бурное время. Тогда Деказъ самъ сдѣлался президентомъ Совѣта новаго министерства, сохраняя свой прежній портфель внутреннихъ дѣлъ; Пакье взялъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Руа—финансовъ, генералъ Латуръ-Мобуръ—военное; Де-Серръ, рѣшительно разорвавшій съ ультра-либералами, остался хранителемъ печати (министромъ юстиціи).

Деказъ и Де-Серръ задали себѣ трудную задачу: отстать отъ ультра-либераловъ, противодѣйствовать ихъ стремленіямъ, не сближаясь съ ультра-роялистами. Отъ нападенія лѣвой стороны въ палатѣ они не находили защиты въ правой, которая въ началѣ 1820 года дождалась, наконецъ, желанной реакціи, вызванной поступкомъ одного безумца. 1 (13) февраля, во время масляницы, второй сынъ графа Артуа, герцогъ Беррійскій, былъ пораженъ у дверей театра сѣдельнымъ подмастерьемъ Лувелемъ, который наслушался толковъ, что Бурбоны—виновники всѣхъ бѣдствій Франціи. Герцогъ умеръ на другой день, оставивъ пятимѣсячную дочь и беременную жену. Большинство парижскаго народонаселенія было ошеломлено этимъ событіемъ; революціонная партія, по отзывамъ очевидцевъ, обнаруживала варварское удовольствіе; въ палатѣ началась усиленная борьба партій. «Палата должна обратить вниманіе на источникъ зла», говорилось справа: «надобно уничтожить всѣ козни фанатизма, который ведетъ къ такимъ гибельнымъ результатамъ. Остановить позорныя и гибельныя движенія, которыми начинаются революціи, можно только сковавши снова революціонный духъ, вооружившись противъ безразсудныхъ писателей, дерзкихъ вслѣдствіе безнаказанности». Справа требовалось, чтобы въ адресѣ, который должно было подать королю по поводу печальнаго событія, было сильно выражено желаніе палаты энергически содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, которыя будутъ приняты для истребленія гибельныхъ ученій, подкапывающихъ троны и всѣ авторитеты и грозящихъ цивилизаціи поднятіемъ новыхъ революцій.—«Въ адресѣ», говорилось слѣва, «должна идти рѣчь только о слезахъ, проливаемыхъ надъ принцемъ, о которомъ сожалѣютъ всѣ французы, о которомъ особенно сожалѣютъ друзья свободы, ибо они знаютъ, что гнуснымъ преступленіемъ воспользуются для того, чтобы уничтожить свободу и права, признанныя мудростію монарха».

Даже въ палатѣ одинъ изъ депутатовъ рѣшился выставить Деказа, какъ соучастника въ преступленіи Лувеля. Здѣсь чувство приличія удержало отъ выраженія сочувстія этой выходкѣ; но не удерживались въ гостиныхъ, гдѣ ожесточеніе противъ Деказа не знало предѣловъ; особенно отличались женщины. Громко высказывалось сожалѣніе, что уголовные законы стали слишкомъ мягки; что не употребляется болѣе пытка, которая заставила бы преступника выдать своихъ сообщниковъ. Съ 3 (15) числа ультра-роялистскіе жур-

налы вдругъ, по данному знаку, повели аттаку противъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ преступленіи Лувеля они указывали слѣдствіе гибельныхъ ученій, которыя высказывались подъ покровительствомъ правительства; провозглашали, что нельзя въ челѣ правительства оставлять министровъ, которыхъ нравственное участіе въ преступленіи Лувеля неоспоримо. Деказъ выставлялся человѣкомъ, который воспиталъ, ласкалъ и спустилъ съ цѣпи революціоннаго тигра. Мы видѣли, что Деказъ еще до убіенія герцога Беррійскаго началъ удаляться отъ ультра-либераловъ и, напуганный результатами послѣднихъ выборовъ, сталъ думать о необходимости измѣненія избирательнаго закона. Теперь, дѣйствительно встревоженный опаснымъ общественнымъ настроеніемъ, признакомъ котораго служило преступленіе Лувеля, и, желая избавиться отъ ультра-роялистскихъ нареканій, онъ приготовилъ проекты двухъ законовъ:—объ ограниченіи личной свободы и объ ограниченіи свободы печати. Тогда ультра-роялисты соединились съ ультра-либералами, чтобъ не дать министерству провести эти законы и поразить его безсиліемъ; съ другой стороны, и умѣренные либералы объявили Деказу, что они готовы поддерживать его два проекта только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отказался отъ измѣненія избирательнаго закона. За исключеніемъ англійскаго посланника, дипломатическій корпусъ былъ также враждебенъ Деказу, въ которомъ представители иностранныхъ Дворовъ видѣли безразсуднаго либерала, подвергнувшаго Францію, а чрезъ нее и всю Европу, большимъ опасностямъ. Наконецъ, герцогиня Беррійская, удалившаяся въ С.-Клу, говорила, что не переѣдетъ въ Тюльери, если будетъ обязана встрѣчаться тамъ съ Деказамъ, и прямо объявила королю, что никогда не пуститъ къ себѣ на глаза министра внутреннихъ дѣлъ. Деказъ представилъ королю необходимость для себя выйти изъ министерства и указалъ на герцога Ришелье, какъ на единственнаго человѣка, способнаго быть главою министерства при тогдашнихъ обстоятельствахъ: отвращеніе Ришелье отъ ультра-либераловъ и желаніе сблизиться съ ультра-роялистами были извѣстны, и все же Ришелье не былъ ультра-роялистъ. Но королю было очень тяжело рѣшиться на перемѣну министерства: во-первыхъ, ему должно было разстаться съ любимцемъ; оскорбленія, которымъ подвергался любимецъ, онъ считалъ своими собственными оскорбленіями; во-вторыхъ, любимца выживала ультра-роялистская партія, противная Людовику XVIII,—партія, имѣвшая во главѣ наслѣдника графа Артуа. Уступить этой партіи, пожертвовать ей любимцемъ, было крайне тяжело. Наконецъ, король предвидѣлъ (и для этого не нужно было имѣть очень большой проницательности), что ультра-роялисты не удовольствуются этою уступкою, не успокоятся на министерствѣ Ришелье; при ихъ стремленіи овладѣть всѣмъ, это министерство будетъ только переходное къ чистому ультра-роялистскому министерству: «Волки требуютъ у пастуха одного, чтобъ онъ пожертвовалъ имъ собакою», отвѣчалъ король Деказу, когда тотъ доказывалъ ему необходимость уступить ультра-роялистамъ и перемѣнить министерство Деказа на министерство Ришелье. Пастухъ видѣлъ всю опасность для себя въ исполненіи требованія волковъ, но не имѣлъ силы отказать имъ. Ультра-роялистскіе журналы удвоиваютъ ярость своихъ нападеній на колеблющагося министра, называютъ его: «Бонапартомъ передней»; человѣкомъ, котораго политика устрашаетъ царей и народы; министромъ, всемогущимъ противъ вѣрности, безсильнымъ противъ измѣны и убійства. Уже идутъ слухи, что нѣкоторые изъ отчаянныхъ ультра-роялистовъ рѣшились убить Деказа: графу Артуа внушаютъ необходимость обратиться къ королю съ настоятельными требованіями удалить Деказа. Вечеромъ 6 (18) февраля, графъ Артуа и герцогиня Ангулемская бросаются на колѣни предъ Людовикомъ XVIII и умоляютъ уступить требованію обстоятельствъ, указываютъ на опасность, которая грозитъ любимцу, если онъ будетъ оставаться министромъ. Вечеромъ 20-го числа король подписываетъ приказъ, назначающій герцога Ришелье президентомъ Совѣта министровъ; Деказъ увольняется по нездоровью, возводится въ герцоги и назначается посланникомъ въ Англію; король былъ въ отчаяніи. «Все теперь для меня кончено», сказалъ онъ испанскому посланнику.

Законы объ ограниченіи личной свободы и свободы печати прошли въ палатахъ; нѣкоторые журналы должны были прекратиться; новый избирательный законъ усилилъ вліяніе избирателей, платящихъ высшія подати. Правительственная реакція была въ ходу; ультра-роялисты видимо торжествовали; министерство все болѣе и болѣе сближалось съ ними. Но ясно было и то, что дѣла находились далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ были они десять лѣтъ тому назадъ, послѣ Ста-дней. Революціонная партія была теперь на ногахъ; сдерживающія дѣйствія правительства только раздражали ее и содѣйствовали развитію ея средствъ. Споры въ палатѣ о новыхъ законахъ подавали поводъ къ сильнымъ волненіямъ въ Парижѣ в провинціяхъ. Законъ далъ министерству право заключать опасныя для государства лица безъ суда и слѣдствія; сейчасъ же составилось общество съ цѣлію покровительствовать лицамъ, захваченнымъ правительствомъ, и заботиться объ ихъ семействахъ. Общество было закрыто правительствомъ: на его мѣсто явился тайный распорядительный комитетъ, во главѣ котораго сталъ Лафайетъ. Герцогиня Беррійская разрѣшилась отъ бремени сыномъ (герцогомъ Бордосскимъ); ультра-роялисты были въ восторгѣ; но тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовали люди, которые утвержденіе старшей Бурбонской линіи на Французскомъ престолѣ считали несовмѣстнымъ съ утвержденіемъ конституціоннаго порядка во Франціи. Къ нимъ примыкали люди, которые хотѣли и другого,

но сходились въ одномъ стремленіи,—освободиться отъ старой Франціи съ ея старшими Бурбонами и ультра-роялистами. Это стремленіе естественно выдвигало герцога Орлеанскаго: приверженцы конституціи видѣли въ немъ ближайшаго и способнѣйшаго кандидата на тронъ по удаленіи старшей Бурбонской линіи; республиканцы и бонапартисты готовы были употребить его своимъ орудіемъ для произведенія революціи и для сокрушенія принципа легитимности, соглашались принять его царствованіе какъ переходное къ желанному ими порядку вещей. Если ультра-либералы старались выдвинуть герцога Орлеанскаго, говорили о немъ, какъ о главѣ государства, способномъ примирить всѣ революціонные интересы,—то герцогъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ средства, совмѣстныя съ его положеніемъ, чтобъ заискивать расположеніе представителей новой Франціи; онъ оказывалъ явное предпочтеніе лицамъ, которыя были извѣстны своимъ нерасположеніемъ къ королю и его фамиліи; старшій сынъ его посѣщалъ публичную школу наравнѣ съ дѣтьми частныхъ людей. Такое поведеніе раздражало короля и членовъ старшей линіи и, вмѣстѣ съ вопросами этикета, удаляло все болѣе и болѣе отъ нихъ герцога. Онъ постоянно требовалъ титула королевскаго высочества и постоянно получалъ отказъ; онъ требовалъ себѣ подушки во время публичныхъ церемоній, и ему отвѣчали, что старые обычаи не допускаютъ этого. Когда крестили дочь герцога Беррійскаго и присутствовавшіе должны были подписать актъ, то король самъ запретилъ кардиналу Перигору подать перо герцогу Орлеанскому, велѣлъ это сдѣлать простому священнику. Герцогъ не присутствовалъ на фамильномъ обѣдѣ, не присутствовалъ и на придворномъ спектаклѣ, потому что не получилъ приглашенія въ королевскую ложу. Нѣкоторые думали, что французская революція должна была кончиться такъ же, какъ англійская: какъ въ Англіи утвердился конституціонный порядокъ съ изгнаніемъ мужской линіи Стюартовъ и съ возведеніемъ на престолъ женской линіи, такъ, думали, и во Франціи новой порядокъ утвердится съ изгнаніемъ старшей линіи Бурбоновъ и съ возведеніемъ на престолъ младшей, Орлеанской. Но внимательные наблюдатели замѣчали, что «герцогъ Орлеанскій менѣе всего способенъ покончить революцію: не имѣя личнаго мужества, великодушія и таланта править и заставлять людей уважать свое правительство, герцогъ не въ состояніи распоряжаться партіями, но партіи будутъ имъ распоряжаться, увлекать его. Похищеніе имъ престола будетъ торжествомъ демагогіи, и, слѣдовательно, началомъ новыхъ революцій. Отъ природы герцогъ не получилъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, а воспитаніе къ посредственности его нравственной природы прибавило еще ложное и мелочное направленіе. Онъ стремится овладѣть престоломъ и въ то же время отличается скупостію и робостію; онъ заискиваетъ у недовольныхъ военныхъ; но военные никогда не увидятъ его въ челѣ войскъ. Бонапартовскіе военные обращаются къ принцу Евгенію, который то ихъ выслушиваетъ, то клянется, что не промѣняетъ ни на что своего спокойнаго и счастливаго существованія, не хочетъ добиваться ничего путемъ преступленій и опасностей. Сестра его, мадамъ Лё (королева Гортензія), не одобряетъ этихъ колебаній и всѣми силами поддерживаетъ интриги и надежды революціонеровъ. Герцогъ Орлеанскій проповѣдуетъ крайній либерализмъ и хочетъ быть королемъ милостію демократовъ и идеологовъ революціи. Его преждевременное возвышеніе будетъ началомъ смуты, которую онъ не будетъ въ силахъ прекратить и остановить движеніе, ибо онъ не будетъ творцомъ, а только рабскимъ орудіемъ. Герцогъ день-ото-дня все болѣе и болѣе погружается въ *вульгаризмъ* своими рѣчами и манерами».

Посторонніе наблюдатели отыскивали источникъ зла не во внѣшней только борьбѣ партій. «Революціонное воспитаніе уничтожило границы добра и зла. Почти всѣ должностныя лица видятъ въ самыхъ радикальныхъ перемѣнахъ только вліяніе, какое эти перемѣны будутъ имѣть на ихъ личное существованіе. Когда существуетъ такое направленіе, первымъ правиломъ жизни становится—не повредить себѣ, т. е. не исполнять своихъ обязанностей, какъ должно. Эта всеобщая шаткость ослабляетъ власть и даетъ заводчикамъ смуты важное преимущество. Множество причинъ увлекаетъ Францію къ демократіи, и, быть можетъ, самая главная изъ нихъ заключается въ необычайномъ самолюбіи, которое считаетъ скромность слабостію и уваженіе къ чужимъ достоинствамъ—униженіемъ. Какъ только раздастся голосъ, возбуждающій недовѣріе къ авторитетамъ самымъ естественнымъ въ общественномъ порядкѣ, тысячи другихъ голосовъ отзываются на него съ сочувствіемъ. Самую слабую сторону правительства составляютъ второстепенные чиновники. Значительное число ихъ ведется отъ временъ республики, прошло директорію и имперію. Деказъ прибавилъ сюда своихъ шпіоновъ и своихъ темныхъ креатуръ, и изъ этого вышла такая амальгама, которая больше всего способствуетъ извращенію идей въ среднемъ классѣ народа. Направленіе народнаго просвѣщенія такъ опасно и такъ ошибочно, какъ только можно себѣ представить; въ школахъ проповѣдуется нечестіе и возмущеніе; онѣ стали аренами безбородыхъ гладіаторовъ».

Когда вскрывались такія причины нравственныхъ безпорядковъ, съ которыми нельзя было бороться одними внѣшними средствами, престарѣлый король, уже отказавшійся отъ движенія, не сходившій съ своихъ креселъ все лѣто 1820 года, жилъ однимъ воспоминаніемъ о своемъ удалившемся любимцѣ, Деказѣ. Безпрестанно говорилъ онъ о немъ, о его семействѣ, о его дѣлахъ и о всѣхъ мелочахъ, его касавшихся. Однажды Людовикъ XVIII-й распространился о Деказѣ въ присутствіи

Ришелье; тотъ не умѣлъ скрыть своего удивленія и нетерпѣнія; король, замѣтивъ это, сказалъ: «Я понимаю, что это должно васъ удивлять; но еслибъ вы могли знать, что я чувствую въ моемъ сердцѣ къ этому человѣку, то вы первый оправдали бы выраженія моей нѣжности къ нему».

Если Францію считали очагомъ революціи, то теперь этотъ очагъ получалъ топливо отъ революцій въ сосѣднихъ странахъ, Испаніи и Италіи. Лѣтомъ 1820 года и во Франціи составленъ былъ планъ обширнаго военнаго возстанія, съ цѣлію низверженія старшей Бурбонской линіи; но заговоръ не удался и далъ новое торжество ультра-роялистамъ, новое оправданіе борьбы, которую вели они съ революціей. Революціонныя движенія въ разныхъ странахъ Европы, съ оказавшимся вліяніемъ ихъ на Францію, заставляли многихъ людей, и несочувствовавшихъ стремленіямъ ультра-роялистовъ, становиться однако на ихъ сторону для избѣжанія бо́льшаго зла—революціи. Министерство явно держалось правой стороны, на выборахъ 1820 года поддерживало ея кандидатовъ и дало ей здѣсь блистательную побѣду, такъ что нѣкоторые ультра-роялистскіе журналы уже стали предсказывать въ близкомъ будущемъ уничтоженіе пагубныхъ учрежденій, которыя Франція, въ припадкѣ безумія, заимствовала отъ Англіи. Людовикъ XVIII-й, не пропускавшій случая поострить, говорилъ: «Вотъ мы теперь въ положеніи того всадника, который, не будучи въ состояніи сѣсть на лошадь, такъ усердно началъ молиться Св. Георгію, что тотъ далъ ему больше силъ, чѣмъ сколько нужно было, и всадникъ перескочилъ черезъ сѣдло». Для бо́льшаго сближенія правительства съ побѣдоносною стороною, двое самыхъ видныхъ членовъ ультра-роялистской партіи, Виллель и Корбьеръ, вошли въ Кабинетъ министрами безъ портфелей. Министерство искало опоры у сильной ультра-роялистской партіи; но скоро пришла повѣрка, и оказалось, что эта сила была только видимая, оказалась и главная причина слабости приверженцевъ старой Франціи—отсутствіе нравственно сильныхъ людей. Когда, въ 1821 году, пьемонтская революція отозвалась немедленно же во Франціи; когда вспыхнуло волненіе въ Греноблѣ, Ліонѣ; когда во всѣхъ городахъ толковали объ отреченіи короля, о регентствѣ герцога Орлеанскаго, о принятіи конституціи 1791 года и трехцвѣтной кокарды; когда ультра-либеральная партія предавалась шумной радости:—ужасъ напалъ на ультра-роялистовъ, никто не думалъ о сопротивленіи, и тѣ, которые громче другихъ кричали въ палатѣ противъ революціи, когда, повидимому, настало время дѣйствовать противъ нея, оказались самыми робкими. Они осаждали биржу, чтобъ продать тамъ свои бумаги, за какую-угодно низкую цѣну; говорили, что все пропало. Въ подобныя минуты ищутъ обыкновенно сильнаго человѣка; графъ Артуа не нашелъ ни одного между своими,—и сталъ совѣтовать брату возвратить Деказа!

Эта мѣра оказалась ненужною вслѣдствіе быстраго прекращенія итальянскихъ революцій, которое отняло руки у французскихъ революціонеровъ и снова подняло ихъ противниковъ; ультра-роялисты стали громко говорить, что стоитъ только захотѣть—и французскіе революціонеры исчезнутъ точно такъ же, какъ итальянскіе; стали обвинять министерство въ трусости, даже въ измѣнѣ. Господствующая партія не довольствовалась уступками, какія ей дѣлало министерство; она хотѣла, чтобъ министерство совершенно принадлежало ей, отказалось совершенно отъ всякой самостоятельности въ отношеніи къ ней; господствующая партія видѣла, что если министерство дѣлаетъ ей уступки, то дѣлаетъ это неохотно, принуждаемое обстоятельствами, и потому не могла положиться на него, упрекала его въ недостаткѣ прямоты, въ желаніи ходить извилистыми путями. Виллель и Корбьеръ, которые вошли въ Кабинетъ какъ представители ультра-роялистовъ, въ знаменіе сближенія правительства съ послѣдними, не считали своею обязанностію посредничать между партіей, къ которой принадлежали, и Кабинетомъ, въ который вошли, склоняя ихъ къ уступкамъ взаимнымъ; имъ гораздо пріятнѣе и легче было играть въ Кабинетѣ роль представителей господствующей партіи, наблюдать за ея интересами, заставляя своихъ товарищей по Кабинету подчиняться этимъ интересамъ. Отношенія Виллеля и Корбьера къ министерству всего лучше уясняются слѣдующими двумя случаями. Двое изъ министровъ въ Совѣтѣ предложили открыть Гренобльскую юридическую школу, закрытую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по поводу революціонныхъ движеній въ Греноблѣ. Корбьеръ, какъ предсѣдатель Совѣта народнаго просвѣщенія, сильно возсталъ противъ этого, говоря, что надобно показать твердость и этимъ успокоить роялистовъ. Школа осталась закрытою. Въ другомъ засѣданіи Совѣта министровъ Корбьеръ вдругъ объявилъ, что надобно перемѣнить нѣсколькихъ префектовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Пакье, спросилъ: «За что ихъ перемѣнять»?—«Я не знаю за ними никакой вины», отвѣчалъ Корбьеръ: «я даже ихъ вовсе не знаю; но между нами есть люди, которые нуждаются, и пора сдѣлать что-нибудь для роялистовъ». Тутъ Ришелье сказалъ, что никогда не согласится отставить чиновника безъ вины; въ случаѣ же виновности, радъ будетъ замѣнить дурныхъ префектовъ означенными роялистами. Ультра-роялисты пришли въ сильное негодованіе, узнавши, что требованіе Корбьера было отвергнуто. Послѣ этого Виллель и Корбьеръ объявили Ришелье, что если правительству угодно въ своихъ интересахъ пользоваться ихъ вліяніемъ на ихъ политическихъ друзей, то пусть сдѣлаетъ ихъ настоящими министрами, съ портфелями. Ришелье уступилъ требованію, предложилъ Виллелю министерство морское, отъ котораго старый министръ отказывался, а для Корбьера образовалъ новое министерство народнаго просвѣщенія. Но Виллель требовалъ для себя ми-

нистерства внутреннихъ дѣлъ, министръ котораго, Симсонъ, былъ особенно непріятенъ ультра-роялистамъ; потомъ Виллель согласился принять министерство морское, но потребовалъ, чтобъ военное отдано было одному изъ ультра-роялистовъ. Ришелье соглашался на это въ случаѣ, если настоящій военный министръ (Латуръ-Мобуръ) подастъ въ отставку; но Виллель и Корбьеръ требовали, чтобъ эти перемѣны въ министерствѣ послѣдовали немедленно же. Ришелье не согласился; Виллель и Корбьеръ вышли изъ Кабинета. А между тѣмъ, какъ роялисты ссорились такимъ образомъ между собою, двое молодыхъ людей (Dugied и Joubert) распространили во Франціи итальянскій карбонаризмъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Почва была приготовлена, и число членовъ общества быстро увеличивалось; между ними были пріобрѣтшіе впослѣдствіи извѣстность: Августинъ Тьерри, Пьеръ Леру и другіе. Безъ Лафайета, разумѣется, дѣло обойтись не могло, и онъ записался въ карбонари, сталъ президентомъ высокой венты; за нимъ пошли и его друзья: Дюпонъ-де-Леръ, Манюель, Кехлинъ, богатый фабрикантъ мюльгаузенскій, Могэнъ, Мерилу. Въ три мѣсяца въ одномъ Парижѣ уже было 50 вентъ, весь Альзасъ скоро былъ покрытъ ими. Навстрѣчу карбонари шло другое тайное общество—«Рыцарей Свободы». Карбонари искали себѣ сочленовъ въ образованныхъ классахъ, но «Рыцари Свободы» обратили вниманіе на работниковъ и старыхъ солдатъ, разсѣянныхъ по деревнямъ. Въ 1831 году оба общества слились въ одно.

Для противодѣйствія этимъ революціоннымъ машинамъ съ противоположной стороны была выставлена также огромная стѣнобитная машина, знаменитая «конгрегація». Въ послѣднее время имперіи, во время плѣна папы Пія VII, во Франціи составилось тайное общество, съ цѣлію облегченія сношеній ревностныхъ католиковъ съ папою. Послѣ реставраціи, главы общества—Монморанси (Матвѣй), Полиньякъ, Ривьеръ и Руже, начали употреблять общество какъ средство для поддержанія католицизма и ультра-роялизма, и главою общества сталъ графъ Артуа. Скоро послѣ этого политическаго общества стали образовываться общества религіозныя, то же съ нимъ связанныя: собственно такъ называемая *Конгрегація*, составленная изъ лицъ значительныхъ; Общество Св. Николая—изъ мелкихъ промышленниковъ и рабочихъ; Общество Добрыхъ Дѣлъ, занимавшееся тюрьмами и школами. Іезуиты, по единству цѣлей, присоединились къ конгрегаціи, такъ-что іезуитъ и конгреганистъ сдѣлались синонимами; съ другой стороны, подъ именемъ конгрегаціи начали разумѣть и политическое и религіозное общество вмѣстѣ. Какъ скоро въ противоположномъ лагерѣ увидали, что религія употребляется какъ средство для возвращенія народа къ старой Франціи, то стали вооружаться противъ религіи, стали въ большомъ количествѣ издавать анти-религіозныя сочиненія философовъ XVIII вѣка. Чтобъ противодѣйствовать этой пропагандѣ, конгрегація основала нѣсколько обществъ—Общество хорошихъ книгъ, Общество доброй школы, Общество для защиты католической религіи и т. п., для чтенія публичныхъ лекцій и изданія книгъ, соотвѣтствующихъ своимъ содержаніемъ цѣлямъ конгрегаціи. Старыя сочиненія, латинскія и французскія, исправлялись въ изданіяхъ Общества хорошихъ книгъ соотвѣтственно тѣмъ же цѣлямъ. Въ департаменты посылались миссіонеры съ цѣлію возбуждать религіозное чувство проповѣдями и разными церемоніями; въ Реймсѣ, напримѣръ, устроено было 14 тріумфальныхъ воротъ, въ которыя шли миссіонеры съ военною музыкою, въ сопровожденіи духовенства, національной гвардіи и огромной толпы народа, которая кричала: «Да здравствуетъ крестъ! да здравствуетъ религія! да здравствуютъ Бурбоны»! шли къ искусственно устроенной горѣ (Голгоѳѣ), на которой и водрузили огромный крестъ. Ультра-роялистскіе журналы объявляли о многочисленныхъ обращеніяхъ, совершаемыхъ миссіонерами; но люди безпристрастные и далеко не сочувствующіе революціоннымъ стремленіямъ замѣчали вредъ, наносимый религіи миссіонерами. Главная бѣда конгрегаціи состояла въ томъ, что между ея членами не было людей съ высокимъ нравственнымъ и умственнымъ авторитетомъ, которые могли бы вести святое дѣло достойнымъ его образомъ; конгрегація не понимала, что христіанство можетъ быть возстановлено и поддержано тѣми же средствами, какими было распространено; а распространено оно было не процессіями съ военною музыкою. Противники конгрегаціи говорили въ палатѣ устами Бенжамэнъ-Констана: «Кто не знаетъ, что религія есть благодѣяніе! кто не знаетъ, что человѣкъ счастливъ, когда вѣритъ. Передайте религію человѣческому сердцу, которое не перестанетъ никогда имѣть въ ней надобность; пусть ея служители, не прибѣгая къ опорѣ свѣтской власти, заставляютъ уважать ее, внушая уваженіе къ себѣ; пусть они будутъ сами религіозны, кротки; пусть будутъ отличаться терпимостію, пусть остаются въ своей сферѣ, дѣлаютъ добро у себя; пусть не возбуждаютъ угасшія ненависти, не воскрешаютъ исчезнувшія суевѣрія; пусть не ведутъ они жизни бродяжнической и неправильной, не бѣгаютъ по селамъ, не обманываютъ легковѣрныхъ, не пугаютъ слабыхъ и не вносятъ раздоръ въ семейства, скандалъ въ хижины, невѣжество въ школы, смуты въ города: тогда религія укрѣпится и безъ помощи уголовныхъ законовъ». Бенжамэнъ-Констану мы и не повѣрили бы; но есть другіе свидѣтели, болѣе безпристрастные: Поццо-ди-Борго, напримѣръ, никакъ нельзя заподозрить въ ультра либерализмѣ; но онъ впослѣдствіи, въ 1826 году, говорилъ о королѣ Карлѣ X-мъ, главѣ конгрегаціи: «Если бы король не считалъ преобладанія духовенства и іезуитовъ необходимымъ для сохраненія своей династіи, то народъ былъ бы болѣе религіозенъ и болѣе преданъ его особѣ и его фамиліи». Тотъ же государственный человѣкъ указывалъ въ 1828 году

главную причину неуспѣха охранительныхъ стремленій правительства во Франціи: «Эта монархія богата всѣми дарами Провидѣнія, кромѣ людей, которые или были бы способны, или при способности получили бы возможность хорошо управлять ею».

Герцогъ Ришелье, несмотря на всю свою благонамѣренность, не былъ способенъ управлять Франціею, держаться между ультра-роялистами и ультра-либералами; не находя поддержки въ большинствѣ палаты, онъ потерялъ поддержку и въ королѣ. Людовикъ XVIII не могъ долго жить одними воспоминаніями о Деказѣ; ему нужно было человѣка, который былъ бы при немъ, ухаживалъ за нимъ нравственно; такой человѣкъ нашелся. Графиня Каила, ведя процессъ со своимъ мужемъ и зная, что король предубѣжденъ противъ нея, домогалась свиданія съ нимъ, чтобъ уничтожить въ немъ это предубѣжденіе. Она была введена въ королевскій кабинетъ, и успѣла внушить Людовику XVIII сильную привязанность. Старый король не довольствовался тѣмъ, что принималъ ее три раза въ недѣлю, сталъ переписываться съ нею каждый день. Ультра-роялисты спѣшили употребить графиню Каила орудіемъ для своихъ цѣлей: если она умѣла уничтожить въ королѣ предубѣжденіе противъ себя, то теперь должна была уничтожить въ немъ предубѣжденіе противъ ультра-роялистовъ, или, какъ они выражались, «отнять у Людовика XVIII его собственныя идеи, передѣлать его мозгъ, его память, его сердце, всѣ его способности и страсти». Графиня повела дѣло съ большимъ успѣхомъ, и графъ Артуа велѣлъ благодарить ее, причемъ просилъ не безпокоиться слухами, которые могутъ распространять противъ нея глупость и злоба, и спокойно пользоваться благороднымъ употребленіемъ, какое она дѣлала изъ привязанности и довѣрія къ себѣ короля. Графъ Артуа, видя, что власть идетъ къ нему въ руки, перемѣнилъ тонъ съ Ришелье; онъ потребовалъ отъ него отставки ста-пятидесяти генераловъ, чтобъ отдать ихъ мѣста ультра-роялистамъ. Герцогъ не согласился, и Артуа сказалъ ему: «Ясно, что не хотятъ ничего сдѣлать противъ дурныхъ людей, ничего въ пользу хорошихъ». Несмотря на это, Ришелье не боялся ничего со стороны Артуа, потому что, предъ вступленіемъ Ришелье въ министерство, тотъ далъ ему честное слово поддерживать его. Ришелье былъ слишкомъ слабъ, чтобъ сдерживать принцевъ и вельможъ желѣзною рукою, какъ знаменитый предокъ его, кардиналъ, и, въ то же время, слишкомъ честенъ, чтобъ заискивать въ сильныхъ людяхъ, отказывалъ имъ въ выгодныхъ мѣстахъ, титулахъ, и чрезъ это пріобрѣталъ въ нихъ для себя враговъ. Рѣшено было покончить съ главою министерства, который не хотѣлъ ничего дѣлать для «порядочныхъ» людей. Яростныя нападенія на министерство съ правой стороны палаты достигли высшей степени, причемъ послѣдовало соединеніе правой стороны съ лѣвою, и проведенъ былъ адресъ королю, враждебный министерству. Талейранъ, съ нетерпѣніемъ слѣдившій за борьбою и ждавшій своего времени, не упускалъ случая бросать камни въ ненавистнаго Ришелье: «Чего ждать», — говорилъ онъ, — «отъ министра, который, чтобъ рѣшиться на что-нибудь, обязанъ ждать курьера изъ Петербурга». Ришелье не дожидался курьера изъ Петербурга, чтобъ рѣшительно объясниться съ графомъ Артуа, напомнить ему честное слово его насчетъ поддержки: «Ахъ, любезный герцогъ!»—отвѣчалъ Артуа,—«вы приняли мои слова слишкомъ буквально, и потомъ обстоятельства были такія трудныя»! Ришелье посмотрѣлъ на него пристально, обернулся и вышелъ, не говоря ни слова, только сильно хлопнувши дверью. Онъ отправился послѣ этого къ самому близкому къ себѣ изъ товарищей по министерству, Пакье (министру иностранныхъ дѣлъ), и тамъ, бросившись въ кресло, сказалъ плачевнымъ голосомъ: «Онъ измѣняетъ своему слову, своему дворянскому слову!» Когда онъ потомъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ Артуа королю, тотъ отвѣчалъ: «Чего-жъ хотѣть: онъ составлялъ заговоры противъ Людовика XVI, составлялъ заговоры противъ меня, будетъ составлять заговоры противъ самого себя».

Министерство Ришелье кончилось; его мѣсто заняло министерство ультра-роялистское, въ которомъ главную роль игралъ Виллель, министръ финансовъ, хотя собственно президента не было назначено. Но это торжество приверженцевъ старой Франціи совершалось, по мнѣнію Поццо-ди-Борго, въ присутствіи враговъ сильныхъ и ожесточенныхъ, въ странѣ, уравненной демократіею и деспотизмомъ власти,—въ странѣ, хотя представляющей множество политическихъ оттѣнковъ, но представляющей въ то же время громадную и страшную массу людей, которыхъ интересы и мнѣнія діаметрально противоположны людямъ и мнѣніямъ, стремившимся къ исключительному господству. Принимая такое положеніе дѣлъ отвлеченно, надобно ожидать неизбѣжнаго и скораго разложенія; но агонія можетъ быть продолжительна. Франція привыкла къ повиновенію, вслѣдствіе силы и блеска наполеоновскаго царствованія. Если возвышеніе и паденіе Наполеона завѣщали странѣ большіе запасы смутъ, то его могущество создало охранительныя средства, создало администрацію, при которой народъ на всемъ пространствѣ монархіи находится подъ наблюденіемъ огромнаго числа агентовъ, точно солдаты въ казармѣ. Министерство располагаетъ по произволу судьбою этихъ самыхъ агентовъ, можетъ платить имъ исправно и можетъ прогнать ихъ безотвѣтственно, въ его рукахъ около милліарда денегъ для ежегодной раздачи; этимъ золотымъ дождемъ оно возбуждаетъ однихъ, льститъ надеждамъ другихъ, держитъ ихъ въ возбужденномъ состояніи, утомляетъ, не приводя въ отчаяніе. Кажется, новое министерство понимаетъ эту тактику лучше прежняго, и такъ какъ оно поддерживается въ одно время королемъ и наслѣдни-

комъ, чего не бывало со времени реставраціи, то оно можетъ просуществовать долго.

Конецъ 1821 и начало 1822 года ознаменовались карбонарскими заговорами. Заговоры не удавались. Но, по мнѣнію Поццо, ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что число недовольныхъ ограничивается людьми, которые осмѣлились выставить себя передъ правительствомъ: быть можетъ, большинство французскаго народонаселенія втайнѣ желало успѣха заговорщикамъ. Это печальное расположеніе умовъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свое начало въ революціи; но революціонныя вліянія чрезвычайно усилились съ тѣхъ поръ, какъ правительство приняло характеръ партіи, и партіи далеко непопулярной.

Въ такомъ положеніи находились дѣла во Франціи предъ открытіемъ послѣдняго конгресса. Въ октябрѣ 1822 года, въ Верону съѣхались: императоръ Австрійскій съ Меттернихомъ и Генцемъ, съ княземъ Эстергази, графомъ Зиши и барономъ Лебцельтерномъ (посланниками въ Лондонѣ, Берлинѣ и Петербургѣ); императоръ Русскій съ Нессельроде, Ливеномъ и Поццо-ди-Борго; король Прусскій съ двумя принцами, Вильгельмомъ и Карломъ, съ графомъ Бернсторфомъ и барономъ Гумбольдтомъ; представителемъ Англіи явился герцогъ Веллингтонъ; Франція прислала министра иностранныхъ дѣлъ Монморанси и Шатобріана, посланника въ Лондонѣ (который смѣнилъ здѣсь Деказа). Ультра-роялистское французское министерство, разумѣется, должно было больше всего и прежде всего желать прекращенія революціи въ Испаніи возстановленіемъ королевской власти; но это могло произойти не иначе, какъ посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства другихъ державъ и, прежде всего, Франціи, по ея географическому положенію. Относительно этого вооруженнаго вмѣшательства члены Кабинета дѣлились: Виллель, по своему характеру и всей прежней дѣятельности, былъ представителемъ той робкой, разсчетливой, можно сказать *мѣщанской*, противной духу французскаго народа политикѣ, которая послѣ господствовала въ царствованіе Людовика-Филиппа и была одною изъ главныхъ причинъ паденія Орлеанской династіи. Виллель боялся и неуспѣха французскихъ войскъ въ Испаніи, и дурнаго расположенія этихъ войскъ, и нерасположенія въ остальныхъ частяхъ французскаго народонаселенія къ подобной войнѣ, и траты денегъ. Но другіе члены Кабинета, члены ультра-роялистской партіи вообще, и члены конгрегаціи особенно, были за войну, смотрѣли на дѣло болѣе по-французски, чѣмъ Виллель. Шатобріанъ очень хорошо изложилъ этотъ французскій взглядъ: «Виллель не замѣчалъ», говорилъ онъ, «что легитимность умирала по недостатку побѣдъ послѣ торжествъ Наполеона, и особенно послѣ опозорившихъ ее дипломатическихъ сдѣлокъ. Идея свободы въ головѣ французовъ, которые никогда не поймутъ хорошо этой свободы, не замѣнитъ никогда идеи славы, ихъ естественной идеи. Почему вѣкъ Людовика XV упалъ такъ низко во мнѣніи современниковъ? Почему онъ породилъ эти философскія системы, погубившія королевскую власть? Потому, что, кромѣ битвы при Фонтенуа и нѣсколькихъ подвиговъ въ Квебекѣ, Франція находилась въ постоянномъ униженіи. Если робость Людовика XV пала на голову Людовика XVI, то чего нельзя было опасаться для Людовика XVIII или для Карла X-го послѣ униженій, которымъ подверглась Франція по вѣнскимъ договорамъ. Эта мысль давила насъ, какъ кошмаръ, въ продолженіи первыхъ восьми лѣтъ реставраціи, и мы вздохнули только послѣ успѣховъ войны Испанской». Подъ давленіемъ такого же кошмара находился, вмѣстѣ съ Шатобріаномъ, и Монморанси, и потому они оба въ Веронѣ уклонились отъ осторожной политики Виллеля, въ инструкціяхъ котораго говорилось: «Франція, будучи единственною державою, которая должна дѣйствовать вооруженною силою въ Испаніи, одна имѣетъ право опредѣлить, когда должна наступить необходимость дѣйствовать. Французскіе уполномоченные не должны соглашаться на то, чтобъ конгрессъ предписалъ Франціи, какъ она должна вести себя относительно Испаніи». Монморанси предложилъ конгрессу вопросы: 1) Въ случаѣ, если Франція принуждена будетъ порвать дипломатическія сношенія съ Испаніею, союзныя державы сдѣлаютъ ли то же самое? 2) Если война возгорится между Франціею и Испаніею, въ какой формѣ союзники дадутъ первой нравственную опору, которая должна сообщить ея дѣйствіямъ силу союза и внушить спасительный страхъ революціонерамъ всѣхъ странъ? 3) Если окажется необходимымъ дѣятельное вмѣшательство союзниковъ, то какую матеріальную помощь намѣрены они оказать Франціи?—Пруссія и Австрія отвѣчали, что онѣ согласны отозвать своихъ министровъ изъ Мадрида и доставить Франціи всякую нравственную опору; что же касается матеріальной помощи, то король Прусскій объявилъ, что онъ готовъ подать ее, сколько позволитъ его положеніе и заботы о внутреннемъ состояніи Пруссіи; Австрійскій же императоръ объявилъ, что необходимо будетъ новое общее совѣщаніе союзныхъ Дворовъ для опредѣленія количества, качества и направленія матеріальной помощи. Одинъ Русскій императоръ объявилъ, что онъ подастъ Франціи и нравственную и матеріальную помощь, въ какой она будетъ нуждаться, безъ всякихъ ограниченій и условій. Наоборотъ, герцогъ Веллингтонъ вооружился противъ всякаго вмѣшательства постороннихъ державъ во внутреннія дѣла Испаніи, объявилъ, что рѣшенія Россіи, Австріи и Пруссіи противны цѣли, желаемой союзниками; опытъ показалъ, что вооруженное вмѣшательство чужихъ державъ всегда ослабляетъ и подвергаетъ опасности сторону, въ интересахъ которой оно происходитъ, и всего болѣе этого надобно бояться въ Испаніи. Мы видѣли, что и въ итальянскихъ дѣлахъ Англія провозглашала принципъ невмѣшательства; но

тамъ она соглашалась, чтобъ одна Австрія потушила революцію на полуостровѣ, потому что ей выгодно было охранять Австрію, нужную ей противъ Россіи и Франціи; теперь же вооруженное вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла было совершенно противно интересамъ Англіи, и она не хочетъ допустить никакого ограниченія принципа. Испанская революція должна была обезпечить отдѣленіе и независимость американскихъ колоній, что было именно нужно Англіи, и потому она не хотѣла скораго прекращенія революціи.

17-го ноября, на конгрессѣ было рѣшено отправить отъ союзныхъ Дворовъ къ испанскому правительству ноты съ требованіемъ перемѣны политической системы; въ противномъ случаѣ французское войско должно вступить въ Испанію. Веллингтонъ не подписалъ протокола. Во Французскомъ Кабинетѣ поведеніе Монморанси въ Веронѣ не было одобрено; Монморанси, вслѣдствіе этого, счелъ невозможнымъ для себя долѣе оставаться въ министерствѣ; но Шатобріанъ счелъ возможнымъ для себя занять его мѣсто. Англія употребляла всевозможныя усилія, угрозы, интриги, чтобъ отвратить Францію отъ вмѣшательства. Каннингъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами въ Англіи по смерти Касльри, такъ объяснялъ поведеніе Англіи предъ континентальными дипломатами: «Вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе опасности, чѣмъ самая революція, если ее предоставить естественному ходу; мы боимся, что столкновеніе Франціи съ Испаніею на спасетъ послѣднюю, но ввергнетъ обѣ державы въ одну бездну. Революціонное пламя не потушится на полуостровѣ, но искры посыплются на Францію; а когда здѣсь сдѣлается пожаръ, то онъ будетъ всеобщимъ». Ему возражали, что революціонное пламя не потухнетъ въ Испаніи, если его не станутъ тушить со стороны; союзные государи имѣютъ въ виду спокойствіе не одной Франціи, но безопасность всѣхъ троновъ европейскихъ; они признали, что пришло время поразить революцію анаѳемою въ глазахъ всѣхъ народовъ. Каннингъ отвѣчалъ: «Правда, что англійское правительство не имѣетъ столько причинъ бояться революціоннаго духа, сколько ихъ имѣютъ другія правительства, и потому оно далеко отъ того, чтобы оспаривать у нихъ право принимать мѣры для своей безопасности; впрочемъ, между Англіею и Испаніею существуетъ компликація особенныхъ интересовъ, которая не даетъ Британскому Кабинету такой свободы дѣйствія, какая возможна для другихъ кабинетовъ. Уже 8 лѣтъ мы требуемъ у Испаніи вознагражденія за убытки, понесенные нашею торговлею, но вмѣсто удовлетворенія терпимъ новые убытки. Чтобъ доставить себѣ управу, мы отправили эскадру въ западную Индію». Но объясненіе, разумѣется, не могло никого удовлетворить. Гораздо откровеннѣе высказался глава Кабинета, лордъ Ливерпуль: «Во всѣхъ вопросахъ, касающихся существованія Испаніи, Португаліи или Нидерландовъ, Англія считаетъ своей обязанностью выступить на первый планъ. Она не можетъ допустить дѣйствія французскаго правительства, особенно когда оно громко объявляетъ намѣреніе возстановить въ Испаніи фамильное вліяніе, которому Англія противоборствовала всѣми силами болѣе вѣка». Англія старалась помѣшать вооруженному вмѣшательству Франціи въ испанскія дѣла; Поццо-ди-Борго требовалъ, именемъ своего государя, чтобы французское министерство шло прямою, открытою дорогою, какою обыкновенно шли союзники его христіаннѣйшаго величества во всѣхъ дѣлахъ общаго интереса. Поццо долженъ былъ внушить, что со степенью прямоты, съ какою Тюльерійскій Кабинетъ будетъ поступать съ союзниками, будетъ соразмѣрена помощь, какую союзники подадутъ Франціи какъ противъ испанскихъ революціонеровъ, такъ и противъ самой Англіи, если, по несчастью, это будетъ нужно. Виллель, желая избѣжать войны, началъ склонять испанское правительство къ уступкамъ требованію союзниковъ; но дружественные совѣты Французскаго Кабинета были отвергнуты точно такъ же, какъ и грозныя требованія Россіи, Австріи и Пруссіи. Весною 1823 года, французская армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, вступила въ Испанію, и революція была уничтожена въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ, какъ тогда выражались. Причиною успѣха было то, что низшіе слои народные не выставили сопротивленія, будучи противъ революціи, оскорблявшей ихъ религіозное чувство, а войска не могли держаться противъ французовъ также по недостатку горячаго сочувствія къ новому порядку вещей, кромѣ того, вслѣдствіе недостатка дисциплины и вслѣдствіе плохаго вооруженія. Но когда, послѣ прекращенія революціоннаго движенія въ Испаніи, обнаружилась реакція, то императоръ Александръ, согласно своей системѣ, отправилъ въ Мадридъ Поццо-ди-Борго остановить своими внушеніями реакцію: образованіе новаго, лучшаго министерства было слѣдствіемъ поѣздки Поццо.

Покончили съ революціями итальянскою и испанскою; но съ греческимъ возстаніемъ покончить было трудно. Императоръ Александръ говорилъ въ Веронѣ Шатобріану: «Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; существуетъ только одна политика—общая, которая должна быть принята и народами и государями для общаго счастья. Я первый долженъ показать вѣрность принципамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе — возстаніе Греціи; религіозная война противъ Турціи была въ моихъ интересахъ, въ интересахъ моего народа, требовалась общественнымъ мнѣніемъ моей страны. Но въ волненіяхъ Пелопоннеза мнѣ показались признаки революціонные, и я удержался. Чего только ни дѣлали, чтобъ разорвать союзъ? Старались внушить мнѣ предубѣжденія, уязвить мое самолюбіе,—меня открыто оскор-

бляли. Очень дурно меня знали, если думали, что мои принципы проистекали изъ тщеславія, могли уступить желанію мщенія. Нѣтъ, я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Должно позволить государямъ заключить явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ. На какую приманку я могу пойти? Нуждаюсь ли я въ увеличеніи моей имперіи? Провидѣніе дало въ мое распоряженіе 800,000 солдатъ не для удовлетворенія моего честолюбія, но чтобъ я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію; чтобъ далъ господство этимъ началамъ порядка, на которыхъ зиждется общество человѣческое».

Подъ вліяніемъ этихъ же мыслей была написана русская декларація, которую Татищевъ прочелъ въ конференціи уполномоченныхъ 9-го ноября: «Порта старается выставить Петербургскій Кабинетъ и его агентовъ участниками въ греческомъ возстаніи; но какъ же она не хочетъ обращать вниманія на ясныя доказательства, что это несчастное возстаніе есть дѣло сектъ, навлекшихъ то же бѣдствіе на Испанію, Португалію, Италію, и готовыхъ возбудить волненіе всюду, гдѣ появится хотя малая надежда на успѣхъ. Диванъ можетъ ли забыть, что его императорское величество приказалъ двинуться своимъ войскамъ противъ революціонеровъ неаполитанскихъ и пьемонтскихъ, когда волненія въ княжествахъ дали ему знать, что революціонеры перенесли свою дѣятельность на востокъ. Развѣ министры оттоманскіе забыли русскую декларацію относительно этихъ волненій и ихъ виновниковъ? Развѣ они не знаютъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ это время барономъ Строгановымъ, и о благодарности, выраженной за нихъ Портою? Развѣ они не знаютъ, что съ этихъ поръ императоръ не переставалъ относиться враждебно къ революціонному дѣлу, что онъ пламенно желаетъ возстановленія спокойствія въ Греціи; что онъ продолжалъ содѣйствовать тому, вмѣстѣ со своими союзниками, и что многіе изъ русскихъ агентовъ получили отъ турецкихъ чиновниковъ признательность за ихъ поведеніе въ началѣ той революціи, которая теперь выставляется какъ слѣдствіе ихъ происковъ? Если будутъ приведены неоспоримыя доказательства, что хотя одинъ изъ русскихъ агентовъ позволилъ себѣ быть слѣпымъ орудіемъ сектаторовъ и ослушаться повелѣній императора, то виновный подвергнется должному наказанію. Русскій уполномоченный имѣетъ приказаніе настаивать на этомъ пунктѣ, ибо существенно важно, чтобы Порта знала полную истину. Также важно, чтобъ она знала условія, на которыхъ могутъ быть возстановлены ея дипломатическія сношенія съ Россіею: 1) Умиреніе Греціи,— или Порта должна согласиться на переговоры между уполномоченными русскими, союзными и оттоманскими относительно гарантій, какія должны получить греки, возвращаясь подъ власть султана; или надобно, чтобъ *цѣлый рядъ фактовъ* доказалъ, что Порта уважаетъ религію, поставленную договорами подъ покровительство Россіи, и что она старается возстановить внутреннее спокойствіе въ Греціи такимъ образомъ, чтобъ Россія могла получить надежду на прочный миръ, могла бы быть довольна участью своихъ единовѣрцевъ, видя, что они получили вѣрные залоги счастья и безопасности. 2) Относительно Валахіи и Молдавіи, Порта должна непосредственно объявить Россіи о совершенномъ очищеніи княжествъ отъ турецкихъ войскъ и о назначеніи господарей. Послѣ этого объявленія, русскіе агенты возвратятся въ княжества для исполненія обязанностей, опредѣленныхъ договорами, и для удостовѣренія въ томъ,—мѣры, принятыя Портою и новыми господарями, соотвѣтствуютъ ли статьямъ договоровъ. 3) Торговля и мореплаваніе:—Порта отмѣнитъ всѣ мѣры, принятыя противъ торговли и свободнаго плаванія по Черному морю. Въ этомъ отношеніи она должна выбрать одно изъ двухъ: или допускать корабли испанскіе, португальскіе, сицилійскіе и другіе,— или уважать флагъ, которымъ эти корабли прикрывались прежде. Этотъ обычай освященъ долговременною практикою, и Порта нарушила его теперь въ первый разъ».

Уполномоченные другихъ державъ признали умѣренность этихъ требованій и обѣщали всѣми силами содѣйствовать тому, чтобъ Порта удовлетворила имъ. Вѣнскій Кабинетъ былъ очень доволенъ рѣшеніемъ восточнаго дѣла въ Веронѣ, и надѣялся: что оно скоро кончится, Россія помирится съ Турціею; греки, лишившись надежды на войну между этими державами, должны будутъ удовольствоваться тѣмъ, что выговорятъ въ ихъ пользу христіанскія государства, причемъ значеніе Россіи сильно упадетъ на востокѣ. Но скоро послѣдовало жестокое разочарованіе. Турки, узнавъ о расположеніи государей, собиравшихся въ Веронѣ; узнавъ, что депутатъ греческаго народа не былъ допущенъ на конгрессъ,—турки не хотѣли удовлетворять русскимъ требованіямъ, а между тѣмъ политикѣ австрійскаго канцлера готовился неожиданный и страшный ударъ. До сихъ поръ въ греческомъ дѣлѣ Англія шла рука-объ руку съ Австріею по единству интересовъ, требовавшихъ, чтобъ Россія была отстранена отъ вмѣшательства, и дѣло было покончено турецкимъ правительствомъ; отсюда Касльри, точно такъ-же, какъ и Меттернихъ, старался представить Русскому императору греческое дѣло съ его революціонной стороны. Но въ 1822 году англійское правительство должно было замѣтить, что средства такой политики истощаются, что греки держатся противъ турокъ, и сочувствіе къ нимъ усиливается, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Съ другой стороны, Россія достигаетъ своей цѣли: вслѣдствіе революціонныхъ движеній, союзъ между континентальными государями крѣпнетъ, и Русскій императоръ — глава этого союза; Англія проиграла свое дѣло, принципъ вмѣшательства восторжествовалъ; Англія съ

своимъ принципомъ невмѣшательства исключена изъ участія въ континентальныхъ дѣлахъ, — она одинака, поражена безсиліемъ. Какъ же ей выйдти изъ такого тяжкаго, унизительнаго положенія? Средство одно: идти наперекоръ политикѣ союза; союзъ консервативенъ, его главная задача—тушить революціонные пожары во всѣхъ углахъ; англійская политика, слѣдовательно, должна стать либеральною, поддерживать народныя движенія, и — прежде всего — поддерживать грековъ, тѣмъ болѣе-что они обманулись въ своихъ надеждахъ на Россію, и потому легко у нихъ замѣнить русское вліяніе англійскимъ. Крутые повороты политики въ вопросахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, смотря по обстоятельствамъ, — дѣло обычное и легкое на островѣ: глава государства не заручается ничѣмъ; если средства одного направленія истощаются, другое беретъ верхъ, то смѣняются лица въ Кабинетѣ, и политика безцеремонно беретъ противоположное направленіе. Кэсльри лишилъ себя жизни; его мѣсто занялъ Каннингъ, и, въ апрѣлѣ 1823 года, лордъ Странгфордъ получаетъ отъ новаго министра внушенія, изъ которыхъ видитъ, что долженъ перемѣнить свой образъ дѣйствій. Внушенія начинались тѣмъ, что, благодаря умѣренности Русскаго Кабинета, несогласія между Россіею и Портою должны скоро прекратиться окончательно. Россія покидаетъ свое передовое мѣсто; Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе-что человѣчество этого требуетъ. «Къ положенію этого христіанскаго народа (грековъ), который въ продолженіи вѣковъ стоналъ подъ игомъ варварства, Англія не можетъ быть равнодушна. Королю угодно, чтобъ великобританскій посланникъ сдѣлалъ Портѣ представленіе въ пользу грековъ, какъ христіанъ; требовалъ у Порты исполненія обѣщаній, данныхъ ею министрамъ союзныхъ державъ, и пригрозилъ, что если эти требованія не будутъ исполнены, то дружественныя отношенія между Турціею и Англіею продолжаться не могутъ».

Увѣренность въ помощи Англіи дала грекамъ новыя силы. Еще въ концѣ 1821 года многіе вожди изъ Мореи и западной Греціи обращались къ Англіи съ просьбою принять Грецію въ свое покровительство, на условіяхъ Іоническихъ острововъ. Теперь это предложеніе было возобновлено. Англійскіе агенты распространили въ Греціи слухи, что союзные государи высказали въ Веронѣ свое нежеланіе вмѣшиваться въ греческія дѣла и приравняли грековъ къ неаполитанскимъ и пьемонтскимъ революціонерамъ; что одинъ герцогъ Веллингтонъ имѣлъ инструкціи, благопріятныя грекамъ. Какъ прежде, такъ и теперь, Англія не хотѣла допускать до войны между Россіею и Турціею, ибо въ торжествѣ первой не могло быть сомнѣнія. Англія хотѣла отдѣлить русское дѣло отъ греческаго, уладить первое, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать на главномъ планѣ—во второмъ. Для этого лордъ Странгфордъ угрозами заставлялъ Порту уступить русскимъ требованіямъ; онъ говорилъ рейсъ-эффенди: «Война между Россіей и Портою должна вести къ нарушенію европейскаго равновѣсія: Порта должна будетъ уступить многія области Россіи; для возстановленія равновѣсія, Англія должна будетъ стараться объ увеличеніи своей силы и своихъ владѣній, ей не у кого взять кромѣ Порты, которая сама виновата своимъ вреднымъ упрямствомъ». Устрашенная Порта согласилась уступить русскимъ требованіямъ, кромѣ относящихся къ грекамъ: объ этихъ послѣднихъ требованіяхъ Странгфордъ молчалъ. Но въ Петербургѣ не молчали. Вслѣдствіе готовности Порты выполнить русскія требованія, въ январѣ 1824 года пріѣхалъ въ Константинополь русскій дипломатическій агентъ, Минчаки, и былъ принятъ съ честію; но онъ тотчасъ же объявилъ, что не имѣетъ полномочія касаться политическихъ вопросовъ, кругъ дѣйствій его долженъ ограничиться одними торговыми отношеніями. Присылку настоящаго министра въ Константинополь Петербургскій Кабинетъ ставилъ въ зависимость отъ исполненія всѣхъ требованій по греческому дѣлу. Въ мемуарѣ своемъ объ умиротвореніи Греціи (9-го генваря 1824 года) Русскій Кабинетъ спрашивалъ: «Если во время прибытія императорскаго министра въ Константинополь не будетъ еще никакого соглашенія насчетъ греческихъ дѣлъ, то не будетъ ли онъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе? Онъ будетъ свидѣтелемъ борьбы между турками и греками, и борьба эта можетъ имѣть одинъ изъ двухъ результатовъ: или греки и въ этомъ году удержатъ пріобрѣтенную ими независимость; или будутъ низложены силою оружія. Въ первомъ случаѣ турки могутъ приписать свою неудачу тайнымъ проискамъ и сношеніямъ императорскаго министра, какъ было при баронѣ Строгановѣ, который и принужденъ былъ оставить Константинополь. Во второмъ случаѣ, русскіе посланники и министры союзныхъ Дворовъ могутъ ли оставаться неподвижными и нѣмыми свидѣтелями безпорядковъ, которые всегда сопровождаютъ побѣды оттоманскихъ войскъ и которые еще болѣе увеличатъ жажду мщенія? И способна ли будетъ Порта въ минуту побѣды выслушивать представленія самыя основательныя? И, однако, будетъ ли возможно не дѣлать ей никакихъ представленій? По веронскимъ протоколамъ, греческія дѣла касаются всѣхъ членовъ союза; и было постановлено, что всѣ члены союза коллективно будутъ принимать участіе въ ихъ рѣшеніи; слѣдовательно, ихъ министры вмѣстѣ съ русскимъ министромъ будутъ находиться въ одинаковомъ положеніи: отказываясь дѣйствовать, они не будутъ исполнять своихъ обязанностей; дѣйствуя, они должны будутъ бояться, что ихъ требованія будутъ отвергнуты, и это поведетъ къ нарушенію добрыхъ отношеній ихъ къ Портѣ. Россія не можетъ равнодушно видѣть продолженія порядка вещей, который парализуетъ ея тор-

*

говлю и вредитъ самымъ дорогимъ ея интересамъ. Другія союзныя государства, конечно, не имѣютъ такихъ важныхъ побужденій; но будетъ ли и съ ихъ стороны политично и великодушно не положить конца бѣдствіямъ Греціи и Турціи? Союзники считаютъ священною обязанностію содѣйствовать сохраненію общаго мира; но этого мира не будетъ, пока идетъ борьба у Порты съ Мореею и островами Архипелагскими, пока здѣсь господствуетъ революція и анархія. Не будетъ мира матеріально, потому что далеко еще до окончанія борьбы; не будетъ мира и нравственнаго, потому что борьба эта порождаетъ въ Европѣ во всѣхъ умахъ безпокойство, которое грозитъ опасностію. Союзные Дворы однимъ своимъ единодушіемъ придавили препятствія, безъ того неодолимыя, свергли съ престола похитителя и разрушительнаго генія завоеваній, удержали бичъ военныхъ революцій, возстановили общественный порядокъ на его древнихъ основаніяхъ: такъ неужели теперь они откажутся отъ одного изъ естественныхъ слѣдствій своей системы и не увѣнчаютъ своихъ успѣховъ, которыми стяжали себѣ признательность настоящаго и будущаго? Люди благонамѣрные поражены будутъ такою перемѣною и должны будутъ упрекать союзниковъ въ недостаткѣ постоянства и мужества. Съ другой стороны, революціонеры, изгнанные изъ государствъ, гдѣ они сумѣли соединить слабость съ измѣною, перенесутъ всю свою гибельную дѣятельность въ Грецію, дадутъ здѣсь торжество своимъ разрушительнымъ ученіямъ и быть можетъ, успѣютъ ввести въ заблужденіе народы, обвиняя союзъ въ стремленіи отдать Грецію подъ власть анархическую и варварскую, и поставить на одну линію магометанство и религію христіанскую. Излишне исчислять всѣ вредныя послѣдствія такихъ заблужденій. Они отнимутъ духъ у друзей добра и наполнятъ радостію сердца заводчиковъ смуты, которые разсчитываютъ на бѣдствія человѣчества. Союзу необходимо, слѣдовательно: уяснить свои истинныя намѣренія; показать, что всюду онъ успѣлъ установить миръ; для этого онъ долженъ спѣшить приведеніемъ къ счастливому концу переговоровъ, иначе часть Европы будетъ страдать отъ продолжительнаго кровопролитія, и нельзя будетъ установить прочныхъ отношеній между Россіею и Портою. Желая содѣйствовать счастливому исходу дѣла, Русскій Кабинетъ укажетъ средства для этого, по его мнѣнію, самыя вѣрныя, причемъ ограничится одними общими взглядами. Очевидно, что турки не согласятся никогда признать политическую независимость Греціи подъ какими бы то ни было формами. Не менѣе очевидно, что греки, съ своей стороны, не согласятся никогда войти, относительно Порты, въ положеніе, бывшее до войны. Надобно найти, слѣдовательно, среднее положеніе, именно—установить въ континентальной Греціи княжества, подобныя Дунайскимъ. Такихъ княжествъ будетъ три, по географическому положенію Греціи: въ составъ перваго войдутъ Ѳессалія, Беотія, Аттика, или Греція восточная; въ составъ второго—прежній Венеціанскій берегъ, Эпиръ, Акарнанія, или Греція западная; третье княжество будетъ состоять изъ Мореи, или южной Греціи, къ которой можно присоединить островъ Кандію. Что касается до островов Архипелага, то имъ можно дать муниципальное управленіе Порта сохранитъ верховную власть надъ страною; она не будетъ посылать туда ни пашей, ни губернаторовъ, но будетъ получать ежегодную дань,—однимъ словомъ, отношенія будутъ тѣ же самыя, въ какихъ Порта находится къ Валахіи и Молдавіи. Представителемъ греческихъ княжествъ и островов въ Константинополѣ будетъ тамошній патріархъ, который будетъ пользоваться покровительствомъ международнаго права».

Новая причина сильнаго безпокойства въ Вѣнѣ! Россія прямо высказываетъ, какъ, по ея мнѣнію, всего лучше должны опредѣлиться отношенія между Греціею и Турціею; но здѣсь высказывается основная мысль Русскаго Кабинета: онъ не хочетъ независимой Греціи, но княжествъ, которыхъ представителемъ будетъ Констатинопольскій патріархъ, которыя, слѣдовательно, подпадутъ русскому вліянію. Какъ тутъ быть? Другія державы не могутъ не принять въ основѣ петербургскаго предложенія. Единственное средство—замедлить дѣло. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ предлагаетъ отложить его до конца кампаніи 1824 года. Турки навѣрно потерпятъ неудачу, и потому должны будутъ согласиться на предложеніе державъ, сдѣланное въ смыслѣ русскаго плана. Но Петербургскій Кабинетъ не хочетъ медлить, требуя, чтобы тотчасъ же было приступлено къ дѣлу. Въ іюнѣ начались въ Петербургѣ конференціи по греческимъ дѣламъ. Дѣло трудное; и на этой трудности Меттернихъ основывалъ свои разсчеты. «Вопросъ о вмѣшательствѣ»,—писалъ онъ интернунцію,—«принадлежитъ къ вопросамъ неразрѣшимымъ. Хорошо, еслибъ можно было его избѣжать; но если нельзя, то надобно распорядиться такъ, чтобы доказательства неразрѣшимости вопроса были очевидны. Въ этомъ состоитъ вся моя тайна. Турки не хотятъ, греки также не хотятъ: этого съ меня довольно, чтобы идти дальше». Турки дѣйствительно не хотѣли; когда они узнали изъ газетъ о содержаніи русскаго мемуара 9 января, то рейсъ-эффенди сильно противъ него высказался: «Въ какомъ договорѣ написано, что европейскіе государи имѣютъ право распоряжаться въ Турціи, когда христіанскимъ подданнымъ Порты угодно будетъ возмутиться? Чѣмъ можетъ быть оправдана такая претензія: тѣмъ, что наше оружіе не принудило бунтовщиковъ къ покорности? Но кто въ этомъ виноватъ? Кромѣ явныхъ враговъ, грековъ, мы должны бороться еще съ тайными, которые намъ подносятъ только дружественныя слова, а бунтовщикамъ даютъ оружіе, деньги, совѣты и помощь всякаго рода. Мы не требуемъ ничего,

кромѣ уваженія къ нашей независимости; мы не вмѣшиваемся въ чужія дѣла и рѣшились не позволять, чтобы другіе вмѣшивались въ наши». Когда и въ Греціи узнали о русскомъ планѣ 9 января, то газета временнаго правительства, «Гидрейскія Вѣдомости», высказалась противъ него; греки требовали у Каннинга, чтобы Англія помогла имъ точно такъ же, какъ помогла испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ. Каннингъ былъ въ затруднительномъ положеніи; поспѣшность Россіи сбивала его; ему нужно было подумать, какъ бы выиграть ходъ передъ Россіею. Онъ замедлилъ посылкою въ Петербургъ обѣщаннаго уполномоченнаго по греческимъ дѣламъ, племянника своего лорда Стратфорда Каннинга, и этотъ уполномоченный долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ—черезъ Вѣну! А въ Вѣнѣ, между тѣмъ, хлопотали о томъ, какъ бы усилить несогласіе между Россіею и Англіею, посылали въ Петербургъ внушенія, что Каннингъ руководствуется представленіями революціоннаго греческаго правительства; такія же внушенія посылались изъ Вѣны и въ Константинополь.

Каннингъ не руководился представленіями греческаго правительства. Онъ это ясно показалъ въ своемъ отвѣтѣ ему (1 декабря 1824 г.): Каннингъ писалъ, что въ Греціи напрасно такъ вооружаются противъ русскаго проекта 9 января; если нужно посредничество державъ для прекращенія борьбы, то посредничество немыслимо безъ сдѣлки, въ которой бы, съ одной стороны, была ограничена верховная власть Порты, а съ другой—независимость грековъ; если же обѣ стороны отвергаютъ всякую сдѣлку, то нечего думать о посредничествѣ. Греки требуютъ у британскаго правительства помощи, сравнивая свои права на эту помощь съ правами американскихъ испанскихъ колоній, отдѣлившихся отъ метрополіи;—но въ борьбѣ между Испаніею и ея колоніями Великобританія держалась строгаго нейтралитета; такой же нейтралитетъ соблюденъ Англіею и въ войнѣ, опустошающей Грецію. Временное правительство Греціи можетъ разсчитывать на неизмѣнное продолженіе этого нейтралитета. Оно можетъ быть увѣрено, что Великобританія не приметъ участія ни въ какой попыткѣ заставить грековъ помириться на условіяхъ, противныхъ ихъ желаніямъ; и если греки рано или поздно сочтутъ нужнымъ для себя просить посредничества Англіи, послѣдняя предложитъ его Портѣ и употребитъ всѣ усилія, чтобъ сдѣлать его дѣйствительнымъ, вмѣстѣ съ другими державами, которыхъ содѣйствіе облегчитъ дѣло и дастъ ему прочность.

Въ Вѣнѣ были увѣрены, что Каннингъ не думаетъ о независимости Греціи, хочетъ принять русскій планъ, но не съ тѣмъ, чтобы отдавать Грецію русскому вліянію, а чтобъ подѣлиться на Балканскомъ полуостровѣ вліяніемъ съ Россіею: какъ Россія оторвала отъ Турціи—Сербію и Дунайскія княжества, такъ Англія хотѣла оторвать Грецію и утвердить здѣсь свое вліяніе, подобное русскому вліянію въ Сербіи, Молдавіи и Валахіи. Въ Греціи очень обрадовались отвѣту Каннинга, хотя въ дѣйствительности радоваться было нечему; схватились преимущественно за ту часть его письма, гдѣ онъ обѣщалъ, что Англія не соединится съ другими державами, чтобы заставить грековъ помириться съ Портою на невыгодныхъ для нихъ условіяхъ: заключили изъ этого, что нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ; что Англія заступится за грековъ и передъ союзниками точно такъ же какъ передъ Портою; что, однимъ словомъ, надобно ждать спасенія отъ одной Англіи! Но нѣкоторые попытались присоединить къ Англіи и Австрію, заставить послѣднюю предпочесть независимость Греціи русскому плану. Генцъ получилъ письмо отъ Александра Маврокордато, главы англійской партіи въ Греціи: «Если Порта»,—писалъ Маврокордато,—«находитъ до извѣстной степени поддержку въ Кабинетахъ европейскихъ; если существованіе Порты желательно для нихъ, то, конечно, они имѣютъ при этомъ одну цѣль—сохранить оплотъ противъ будущаго усиленія Россіи. Факты доказали, что Порта неспособна служить этой цѣли. Представляется однако возможность, чтобъ она служила ей въ будущемъ. Отдѣленіе собственной Греціи не ослабитъ Турцію, но усилитъ ее, сдѣлаетъ ее способною противиться честолюбивымъ замысламъ Россіи. Обязанная держать значительные гарнизоны въ крѣпостяхъ греческихъ, Турція теряетъ часть своихъ средствъ, которыя могла бы употребить противъ своихъ непріятелей; турецкое народонаселеніе, разсѣянное въ греческихъ областяхъ, не можетъ содѣйствовать всеобщему вооруженію, какое султанъ обыкновенно назначаетъ въ самое опасное время. Въ случаѣ отдѣленія Греціи, всѣ эти силы будутъ подъ руками у султана. Греки самые злые враги турокъ, и имѣютъ причину враждовать къ нимъ; но какъ скоро независимость Греціи будетъ признана и границы опредѣлены, греки обязаны будутъ поддерживать существованіе Турціи, не имѣя причины бояться ея, и, наоборотъ, имѣя важныя причины опасаться Россіи. Естественные враги турокъ, греки, превратятся въ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ ихъ, когда Россія вздумаетъ выгнать турокъ изъ Европы».

Генцъ отвѣчалъ, что Маврокордато исключительно занимается вопросомъ объ интересѣ; но есть высшій вопросъ—о принципахъ. Борьба между турками и греками не есть тяжба, которую европейскія державы призваны судить, ибо одна изъ тяжущихся сторонъ постоянно отстраняетъ ихъ вмѣшательство. Признать независимость грековъ—это значитъ, со стороны европейскихъ державъ, произнести, безъ апеляціи, приговоръ въ дѣлѣ, имъ чуждомъ. По какому праву державы поступятъ такимъ образомъ? Въ ихъ кодексѣ, кодексѣ трактатовъ, нѣтъ оружія для борьбы съ правами имперіи Оттоманской.—Несмотря на то, въ Вѣнѣ приняли къ свѣдѣнію вопросъ о выгодахъ призна-

нія независимости Греціи, чтобы въ крайности выставить его противъ Россіи.

Между тѣмъ въ Англіи, перемѣнивъ политику относительно Греческаго вопроса, затѣявъ новое дѣло, не знали, какъ вести его, и рѣшились, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ положеніяхъ, ничего не дѣлать, ждать и смотрѣть, что другіе будутъ дѣлать, и всего лучше, если можно, помѣшать и другимъ что-нибудь сдѣлать. 1824-й годъ проходилъ, а племянникъ Каннинга, Стратфортъ Каннингъ, не являлся въ Петербургъ съ полномочіями. 21 декабря Стратфордъ Каннингъ пріѣхалъ въ Вѣну и объявилъ, что онъ не можетъ быть свидѣтелемъ, даже и нѣмымъ, петербургскихъ конференцій, и что онъ ѣдетъ въ Петербургъ только затѣмъ, чтобъ предложить отсрочить конференцію до того времени, когда греки или турки, или тѣ и другіе, вмѣстѣ, усталые, истощенные, обратятся къ европейскимъ державамъ съ просьбою о посредничествѣ; при этомъ Стратфордъ Каннингъ приглашалъ Меттерниха дѣйствовать за-одно противъ Россіи. Но Меттернихъ не поддался этимъ внушеніямъ: Англія отказывается отъ участія въ рѣшеніи Греческаго вопроса, но Россія не откажется и тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствовать; какъ Англія тутъ будетъ ей мѣшать,—неизвѣстно. Генцъ, конечно, выражалъ мысль своего патрона, когда писалъ: «Турецкая имперія должна бояться государствъ *одиночныхъ*, а вовсе не государствъ *соединенныхъ*; ибо никогда не будетъ *двухъ*, которыя соединятся на ея погибель, тогда какъ ихъ раздѣленіе можетъ дать тому или другому интересы, противоположные интересамъ Порты. По этому принципу, который долженъ быть начертанъ золотыми буквами надъ дверями Дивана, опасность заключается въ отдѣленіи Англіи; средства спасенія сосредоточены въ союзѣ державъ континентальныхъ. Нѣтъ нужды, что между членами этого союза находится исконный врагъ Турціи; надобно имѣть въ виду не Россію, какъ таковую, но Россію, составляющую нераздѣльную часть союза, которому она больше предана, чѣмъ какому-нибудь изъ своихъ частныхъ интересовъ». Такимъ образомъ, въ Вѣнѣ никакъ не хотѣли оставить Россію одну, и Меттернихъ отвѣчалъ Стратфорду Каннингу, что Австрія будетъ довольна, если Россія откажется отъ петербургскихъ конференцій; но приметъ въ нихъ участіе, какъ скоро Россія, несмотря на отпаденіе Англіи, пожелаетъ ихъ. Въ Петербургѣ, узнавъ о предложеніяхъ племянника въ Вѣнѣ, высказали свое удивленіе насчетъ поведенія дяди, который прежде заявлялъ совершенно другое, и покончили тѣмъ, что объявили прекращеніе сношеній между Россіею и Англіею по поводу дѣлъ турецкихъ и греческихъ. Въ Вѣнѣ совершенно вѣрно оцѣнили безпринципное, руководящееся случайностями и ближайшими выгодами поведеніе Каннинга, въ которомъ олицетворилась національная англійская политика, тогда какъ предшествовавшая политика Кэсльри, вслѣдствіе продолжительнаго общаго дѣйствія со всею Европою, много теряла изъ этого островнаго, особнаго характера англійской политики. Генцъ писалъ: «Что касается англійскаго правительства, то не думаю, чтобъ оно приняло какое-нибудь рѣшеніе относительно дѣлъ турецкаго и греческаго. Каннингъ не хотѣлъ вдаваться въ обсужденіе этихъ дѣлъ, что могло бы поставить его въ разладъ съ общественнымъ мнѣніемъ страны или увлечь въ поступки, могущіе стѣснить полную свободу его движеній въ различныхъ фазахъ, какія представятъ событія. Вотъ секретъ его протеста противъ конференцій. Онъ не выскажется зря по такому сложному вопросу. Онъ хочетъ выиграть время, наблюдая за оборотомъ, какой приметъ вопросъ; а между тѣмъ онъ будетъ избѣгать и открытой ссоры съ Портою и не выскажется прямо противъ греческихъ претензій».

При такомъ поведеніи Англіи тѣмъ желательнѣе было для Россіи сближеніе съ Франціею. Здѣсь, въ сентябрѣ 1824 года, умеръ король Людовикъ XVIII-й, и ему наслѣдовалъ братъ, графъ Артуа, подъ именемъ Карла X-го. На представленія Поццо-ди-Борго, что Франція въ Восточномъ вопросѣ должна дѣйствовать діаметрально противоположно Англіи, т. е. не уклоняться отъ рѣшенія дѣлъ сообща, но тѣсно примкнуть къ союзу, новый король отвѣчалъ, что и до вступленія своего на престолъ, и теперь, онъ видѣлъ и видитъ спасеніе Франціи и Европы вообще въ принципахъ союза и въ поддержкѣ его; что онъ сожалѣетъ объ удаленіи Англіи, ибо ея равнодушіе или противодѣйствіе умножатъ трудности и осложнятъ положеніе; но эта непріятность должна только усилить континентальный союзъ. Не обманывая себя насчетъ препятствій, которыя будутъ встрѣчены союзниками и со стороны турокъ, и со стороны грековъ, надобно, по требованію общаго интереса, испытать всѣ средства, чтобъ мудрыя и великодушныя предложенія Русскаго императора были приняты. Графъ Лаферроннэ немедленно отправится въ Петербургъ съ инструкціями, уполномоченный участвовать въ конференціяхъ и другихъ дѣйствіяхъ, какія сочтутся нужными для достиженія спасительной цѣли. Король прибавилъ, что онъ знаетъ все добро, какое императоръ Александръ сдѣлалъ міру въ прошедшемъ, и что его довѣренность къ нему, относительно будущаго, безгранична; что, съ своей стороны, онъ будетъ содѣйствовать этому добру, управляя Франціею, по возможности, правосудно и благоразумно, и оставаясь въ неразрывной связи съ политическою федераціею, которая составляетъ источникъ нашей силы и ручательство за общую безопасность.

Итакъ, несмотря на удаленіе Англіи, въ 1825 году въ Петербургѣ будутъ конференціи по греческимъ дѣламъ. Вѣнскій Дворъ уполномочилъ своего посланника, графа Лебцельтерна, участвовать въ нихъ, причемъ ему было предписано: если не согласятся на совершенное покореніе грековъ султана съ нѣкоторыми уступками въ пользу улучшенія гражданскаго быта покорившихся, то соглашаться

только на совершенную независимость грековъ. Лебцельтернъ незамедлилъ пустить предложенiе о независимости. Когда въ конференцiяхъ пошла рѣчь о томъ, что, въ случаѣ отказа со стороны Порты допустить вмѣшательство союзныхъ Дворовъ, надобно употребить противъ нея принудительныя средства, или начать прямо непрiятельскiя дѣйствiя, или занять нѣкоторыя турецкiя провинцiи, Лебцельтернъ объявилъ, что его Дворъ не согласится на это, и гораздо лучше признать независимость Грецiи, что послужитъ, вмѣсто оружiя, принудительнымъ средствомъ и внушитъ спасительный страхъ Дивану. Странность этого предложенiя была очевидна: Россiя требовала у союзныхъ Дворовъ, чтобъ они, вмѣстѣ съ нею, употребили свое посредничество для немедленнаго прекращенiя борьбы между турками и греками, тѣмъ болѣе-что греки, какъ было видно, не смѣли надѣяться на успѣхъ, а Вѣнскiй Дворъ, для избѣжанiя принудительныхъ средствъ, предлагаетъ признать независимость Грецiи, что одно, безъ поданiя помощи грекамъ, нисколько не могло содѣйствовать прекращенiю кровопролитiя. Это объявленiе могло быть непрiятно, оскорбительно для Порты—и только, она боялась больше всего вмѣшательства; объявленiе же независимости одно, при нейтралитетѣ европейскихъ державъ, было неопасно туркамъ: они свободно продолжали бы истребительную войну и покорили бы народъ, провозглашенный независимымъ. Съ русской стороны предложенiе Лебцельтерна было отвергнуто; но Вѣнскiй Дворъ считалъ себя при этомъ въ большомъ выигрышѣ; по его мнѣнiю, Россiя, отвергнувъ австрiйское предложенiе, обнаружила себя предъ союзниками, показавъ, что она никогда не имѣла въ виду освобожденiя Грецiи; но, требуя вмѣшательства, преслѣдовала свои честолюбивые виды. При такихъ условiяхъ, когда Англiя отказалась отъ участiя въ конференцiяхъ, Австрiя приняла въ нихъ участiе съ явною цѣлiю мѣшать дѣлу, когда двѣ другiя державы, участвовавшiя въ конференцiяхъ, Францiя и особенно Пруссiя, боялись рѣшительныхъ мѣръ, могшихъ вести къ войнѣ,—при такихъ условiяхъ понятно, что конференцiи 1825 года могли имѣть самый незначительный результатъ. Было опредѣлено, что представители союзныхъ Дворовъ въ Константинополѣ попытаются убѣдить Порту въ необходимости допустить принципъ вмѣшательства великихъ континентальныхъ государствъ для прекращенiя смуты на Востокѣ, сдѣлаютъ съ этою цѣлiю устныя и конфиденцiальныя представленiя рейсъ-эффенди, докажутъ ему необходимость и выгоды этого вмѣшательства.

Попытка уполномоченныхъ, какъ легко было предвидѣть, не удалась. Еще прежде полученiя извѣстiя объ этой неудачѣ, Петербургскiй Кабинетъ обратился къ Вѣнскому, Парижскому и Берлинскому Кабинетамъ съ вопросомъ: что они намѣрены дѣлать въ случаѣ, если Порта отвергнетъ вмѣшательство. Кабинеты отвѣчали, что они будутъ несогласны на употребленiе какого-нибудь принудительнаго средства. Союзники отказывались дѣйствовать; а между тѣмъ въ Грецiи потеряли надежду продолжать съ успѣхомъ борьбу одними собственными средствами, и въ iюлѣ мѣсяцѣ составленъ былъ актъ, которымъ греческiй народъ предавалъ неограниченному покровительству Великобританiи свою нацiональную независимость и свое политическое существованiе. Съ другой стороны, Порта остановилась въ удовлетворенiи русскимъ требованiямъ: въ Дунайскихъ княжествахъ существовали особые полицейскiе отряды (бешли) для защиты жителей отъ турокъ и для высылки послѣднихъ за Дунай; эти отряды находились въ полной зависимости отъ господарей, безъ позволенiя которыхъ офицеры ихъ (башбешли) не могли сноситься съ турецкими пашами. Но теперь изъ бешли Порта образовала особое войско, совершенно независимое отъ господарей, и тогда какъ до 1821 года содержанiе бешли стоило Валахiи ежегодно 125,000 пiастровъ, теперь стоило 880,000. Въ сентябрѣ Менчаки получилъ изъ Петербурга бумагу, въ которой ясно выражалось, какъ теперь императорское правительство относилось къ *союзникамъ:* «Упорство Порты по вопросу о бешли», говорилось въ этой бумагѣ, «возбудило въ высшей степени справедливое негодованiе императора и открыло ему глаза относительно той роли, какую играютъ въ Константинополѣ посланники австрiйскiй, французскiй и прусскiй. Съ этихъ поръ императору неугодно въ Восточномъ вопросѣ обращать вниманiе на союзниковъ: онъ будетъ здѣсь идти путемъ, который соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россiи и его достоинству». Въ Вѣнѣ, гдѣ съ такимъ напряженнымъ вниманiемъ слѣдили за Восточнымъ вопросомъ, почувствовали, что Россiя не хочетъ долѣе оставаться на колеблющейся почвѣ, на какой стояла она до сихъ поръ. Меттернихъ сильно тревожился; ему давали знать, что императоръ Александръ въ высшей степени недоволенъ и наклоненъ къ перемѣнѣ политики: австрiйскаго канцлера сильно тревожило то, что императоръ отправился на югъ, гдѣ работали гетеристы, отправился въ сопровожденiи генерала Дибича и другихъ желающихъ войны людей. Главнокомандующiй южною армiею, графъ Витгенштейнъ, незадолго передъ тѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ и оттуда опять поѣхалъ къ армiи. Меттернихъ писалъ интернунцiю: «Императоръ Александръ хочетъ выйдти изъ своего, конечно, ложнаго положенiя. Предоставленный самому себѣ, онъ можетъ принять рѣшенiе, которое можетъ быть опять невѣрнымъ средствомъ; но если Портѣ нанесенъ ударъ, то все равно, какъ онъ нанесенъ. Если Диванъ не совсѣмъ ослѣпъ, то долженъ насъ понять. Неужели для Порты существованiе башбешли такъ же важно, какъ и существованiе Оттоманской имперiи въ Европѣ? Если Порта такъ ослѣплена, что оба вопроса для нея равносильны, то мы принуждены будемъ поставить себя на болѣе благодарную почву и не будемъ хлопо-

тать за державу, которая сама не въ состоянии стоять прямо».

Порта послушалась и объявила, что башбешли будутъ выведены изъ княжествъ и все будетъ по-старому. Когда австрійскій посланникъ сообщилъ объ этомъ графу Нессельроде, то получилъ отвѣтъ: «Настоящій узелъ затрудненій находится не въ побочныхъ столкновеніяхъ, а въ несчастномъ Греческомъ вопросѣ, вопросѣ основномъ. Союзники не хотятъ принять русскихъ предложеній, а между тѣмъ не указываютъ *другихъ* средствъ, способныхъ вести къ умиротворенію, съ которымъ, по убѣжденію императора Александра, тѣсно связана его честь, его слава. Гдѣ найти эти *другія средства*, кромѣ употребленія силы»?

Россія хочетъ употребить силу противъ Турціи; до этого допускать нельзя; но какъ же не допустить? Австріи одной нельзя воевать противъ Россіи за Турцію; надобно пріобрѣсть союзниковъ, и Меттернихъ ѣдетъ въ Парижъ, подъ предлогомъ опасной болѣзни жившей тамъ жены; во Франціи надобно прежде всего повредить вліянію Россіи, вліянію Поццо-ди-Борго, и Меттернихъ говоритъ Виллелю: «Давно я не былъ въ Парижѣ; естественно, что я нашелъ много перемѣны; но всего больше меня поразило то, что Поццо-ди-Борго теперь не больше какъ русскій посолъ». Виллель началъ говорить о Восточномъ вопросѣ; Меттернихъ притворился спокойнымъ и равнодушнымъ. Виллель, для указанія важности вопроса, привелъ слова императора Александра Ла-Ферроннэ: «Помогите мнѣ уладить это греческое дѣло; знайте, что я одинъ, въ цѣлой моей имперіи, хочу мира для обращенія всѣхъ моихъ силъ противъ революціонеровъ южной и западной Европы; но я могу умереть, и вы останетесь тогда въ страшной опасности». Меттернихъ отвѣчалъ: «Эта опасность меня не пугаетъ, я берусь предохранить отъ нея Европу». Виллель не зналъ, что Меттернихъ въ 1812 году точно такъ-же брался спасти Европу — посредничествомъ Австріи въ мирныхъ переговорахъ и установленіемъ равновѣсія между Россіею и Франціею посредствомъ сохраненія Наполеона.

Меттернихъ не нашелъ во Франціи того, чего хотѣлъ; и, чтобъ напугать Россію ея одиночествомъ, поколебать ея надежду на Францію, какъ на ея естественную тогда союзницу, Меттернихъ распустилъ всюду слухи, что чрезвычайно доволенъ своимъ пребываніемъ во Франціи и нашелъ въ Виллелѣ виды и намѣренія, совершенно сходные съ своими. По этимъ слухамъ начали уже толковать, что Меттернихъ заключилъ въ Парижѣ секретный договоръ съ французскимъ правительствомъ. — Изъ Парижа Меттернихъ хотѣлъ пробраться въ Лондонъ; но Каннингъ поручилъ лорду Гренвилю, англійскому посланнику въ Парижѣ, внушить австрійскому канцлеру, чтобъ онъ не ѣздилъ въ Лондонъ. Ему, Каннингу, извѣстно, какъ онъ, Меттернихъ, вредилъ ему у короля; пусть не надѣется имѣть съ королемъ тайныхъ разговоровъ: по англійскимъ обычаямъ, онъ, Каннингъ, долженъ присутствовать при всѣхъ объясненіяхъ иностранныхъ министровъ съ королемъ. Меттернихъ ненавидѣлъ Каннинга за то, что послѣдній нанесъ страшный ударъ его системѣ, отлучивъ Англію отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріею въ пользу Турціи противъ грековъ. Каннингъ платилъ ему тою же монетою; онъ писалъ Гренвилю: «Вы должны прежде всего знать, что я думаю о Меттернихѣ: это величайшій мошенникъ и наглѣйшій лжецъ на всемъ континентѣ и, быть можетъ, въ цѣломъ цивилизованномъ мірѣ». Императоръ Александръ говорилъ Ла-Ферроннэ: «Каннингъ и Меттернихъ не могутъ терпѣть другъ друга, — это личная вражда; но вы хорошо знаете дѣла; знаете, что безъ большихъ неудобствъ Каннингъ можетъ говорить дурно о Меттернихѣ, а Меттернихъ о Каннингѣ, — это дальше не пойдетъ. Но мы съ вами обязаны соблюдать большую умѣренность».

Перемѣна русской политики въ Восточномъ вопросѣ произвела такую же тревогу и въ Лондонѣ, какъ въ Вѣнѣ. Каннингъ объявилъ Меттерниху, что оставитъ безъ отвѣта просьбу грековъ о принятіи ихъ въ англійское подданство; объявилъ всѣмъ, что Великобританія держится строгаго нейтралитета, и между тѣмъ всѣ знали, что преимущественно изъ Англіи идутъ средства для поддержанія греческаго возстанія; но въ Греціи — Франція начинаетъ соперничать съ Англіею; французскіе агенты хлопочутъ, чтобы греки образовали особое королевство подъ властію одного изъ французскихъ принцевъ (Орлеанскаго Дома). Можно было дожидаться и ничего не дѣлать, пока Россія вела съ своими союзниками безплодные переговоры въ Петербургѣ, но теперь нельзя долѣе оставаться въ бездѣйствіи: Россія увидала безплодность переговоровъ, безплодность союзнаго дѣйствія, и хочетъ дѣйствовать рѣшительно. Дѣло идетъ о войнѣ между Россіею и Турціею, — значитъ, дѣло идетъ о существованіи Турціи въ Европѣ, о Константинополѣ. Каннингъ послалъ лорда Странгфорда въ Петербургъ, а племянника своего, Стратфорда Каннинга, въ Константинополь. Вслѣдствіе этого, осенью 1825 года, дѣло пошло живѣе въ Петербургѣ. Въ ноябрѣ французскій посланникъ, графъ Ла-Ферроннэ, первый выступилъ съ предложеніемъ объявить Портѣ отъ имени пяти державъ, что онѣ считаютъ войну между турками и греками конченною, вслѣдствіе чего требуютъ отъ Порты, чтобъ она объявила, какія выгоды и ручательства намѣрена она дать своимъ греческимъ подданнымъ, а державы обязываются заставить грековъ принять предложенія Порты. Новый порядокъ вещей, который имѣетъ произойти изъ этого соглашенія, пребудетъ подъ покровительствомъ пяти державъ. Странгфордъ объявилъ съ своей стороны, что средства, употребленныя до сихъ поръ для прекращенія печальнаго состоянія дѣлъ на востокѣ, оказались недѣйствительными;

нужно употребить другія, посильнѣе, но не такъ однако, которыя бы могли вывести за линію нейтралитета и исключить надежду на сохраненіе мира между Россіею и Турціею. Для этого Россія должна оставить въ сторонѣ всѣ второстепенные вопросы и отправить въ Константинополь минустра, который дѣйствовалъ бы совершенно согласно съ министрами другихъ державъ. Всѣ они должны внушить Портѣ, чтобы она послушалась представленій пяти державъ въ греческомъ дѣлѣ, и не обманывала себя надеждою, что между нами господствуетъ несогласіе. Если предложенія пяти державъ, сдѣланныя такимъ путемъ, будутъ приняты Портою, союзники употребятъ свое вліяніе, чтобъ они могли быть приняты греками, не прибѣгая, ни въ отношеніи къ грекамъ, ни въ отношеніи къ туркамъ, къ принудительнымъ мѣрамъ. Если Порта отвергнетъ предложенія, русскій министръ оставитъ Констаннинополь, и министры другихъ четырехъ державъ объявятъ, что они предоставляютъ Порту ея участи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ Европѣ узнали о кончинѣ главнаго дѣятеля эпохи, Императора Александра I.

Время Александра I-го дѣлится на двѣ половины 1814 годомъ: въ первой на первомъ планѣ—борьба съ Наполеономъ; во второй—установленіе внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній у европейскихъ народовъ посредствомъ общихъ совѣтовъ между ихъ правительствами, или конгрессовъ. Но это различіе, вызванное перемѣною въ характерѣ событій, нисколько не нарушаетъ цѣльности духовной природы Александра 1-го и ея проявленій. Въ первыхъ дѣйствіяхъ и словахъ молодаго государя уже можно было замѣтить основы той политики, которой онъ оставался вѣренъ до конца и которая дала ему его историческое значеніе. Эти основы заключались въ свободѣ и широтѣ взгляда, его многосторонности, которыя даютъ способность признавать право на бытіе за многоразличными явленіями, интересами и отношеніями, и чрезъ это даютъ силу стремиться къ ихъ соглашенію. Эти основы, даръ природы, рано получили развитіе вслѣдствіе благопріятныхъ условій: молодой человѣкъ на высотѣ своего положенія воспитывался подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ движеній, вызывавшихъ своими крайностями движенія противоположныя, которыя также доходили до крайностей и давали этимъ оправданіе первымъ явленіямъ. Эти крайности направленій, быстро смѣнявшихъ другъ друга, одинаково не пришлись ни по уму, ни по сердцу Александра, и закрѣпили въ немъ убѣжденіе, что, удерживая направленія отъ крайностей, можно заставить ихъ существовать другъ подлѣ друга, не сталкиваясь и не сталкивая народы въ кровавыя борьбы, внутреннія и внѣшнія.

Задача, принятая на себя Александромъ, была самая трудная, самая неблагодарная изъ задачъ. Неистощимы похвалы, расточаемыя безпристрастію, широтѣ, многосторонности взгляда; но жестоко ошибется тотъ, кто въ своихъ дѣйствіяхъ будетъ имѣть въ виду эти похвалы. Человѣкъ, отвергающій односторонности, крайности направленій, становится чуждъ и враждебенъ людямъ, которые стремятся во что бы то ни стало дать торжество своему направленію, безо всякихъ сдѣлокъ, требуемыхъ естественнымъ ходомъ жизни, развитія, безъ мира и даже безъ перемирія; они хотятъ имѣть друзей для удачной борьбы съ врагами, и не любятъ посредниковъ. И вотъ, для однихъ Александръ является опаснымъ либераломъ, возмутителемъ народовъ, ибо считаетъ необходимымъ признать законными извѣстныя формы, выработанныя тѣмъ или другимъ народомъ на пути своего историческаго развитія. Александръ является опаснымъ либераломъ за то, что первымъ условіемъ успѣха въ борьбѣ съ революціею поставлялъ избѣганіе реакцій, избѣганіе того поведенія со стороны правительствъ, которое вызываетъ революцію. Для другихъ Александръ являлся главою союза, направленнаго противъ свободы народовъ, потому что не считалъ согласнымъ съ интересами народовъ и ихъ свободы благопріятствовать подземной дѣятельности тайныхъ обществъ и солдатскимъ революціямъ. Ни одно изъ направленій, боровшихся за господство послѣ паденія Наполеона, не было довольно Александромъ: каждое высказало свое неодобреніе его дѣятельности, и эти отзывы перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ, легли въ основу обсужденіямъ характера одного изъ самыхъ знаменитыхъ историческихъ дѣятелей. Умѣренный, снисходительный отзывъ заключался въ томъ, что характеръ Александра представлялъ загадку,—отзывъ легкій: не хочу дать себѣ трудъ изучить, объяснить явленіе,—и объявляю его загадочнымъ. Если убѣжденія меттерниховскія, убѣжденія французской конгрегаціи не заключали въ себѣ ничего загадочнаго; если такою же ясностью отличались убѣжденія карбонарскія и другія, болѣе или менѣе къ нимъ подходящія, то такъ же ясно было убѣжденіе Александра, что ни тѣ, ни другія не представляютъ ручательства за благосостояніе народной жизни, за ея правильное и спокойное развитіе. Что всякое одностороннее направленіе доступнѣе для толпы,—изъ этого не слѣдуетъ, чтобы направленіе неодностороннее было загадочнымъ. Другіе не останавливались на приведенномъ отзывѣ. Положеніе между крайностями, положеніе срединное, примиряющее, для толпы, для людей, неодаренныхъ тонкою наблюдательностію, всегда, или, по крайней мѣрѣ, очень часто, является чѣмъ-то двойственнымъ: человѣкъ, для соглашенія, постоянно обращается и къ той и другой сторонѣ, говоритъ языкомъ, ей доступнымъ: выражаетъ свое сочувствіе къ извѣстной долѣ ея интересовъ и убѣжденій, но, въ заключеніе, требуетъ уступки явленію, началу, непріятному, враждеб-

ному. Человѣкъ, сочувствующій соглашенію, понимаетъ всю естественность, необходимость и правду такого поведенія; но человѣкъ, отвергающій соглашеніе, какъ невыгодное для себя, раздражается и у него готовы слова для заклейменія примирительнаго поведенія: двоедушіе, лукавство: «онъ только притворяется мнѣ сочувствующимъ, ибо въ то же время выражаетъ свое сочувствіе другому; онъ нынче говоритъ и дѣлаетъ одно, завтра—другое: на него полагаться нельзя: измѣнчивый характеръ»; самый снисходительный отзывъ выразится тутъ словами: слабость, колебаніе.

Отзывы партій крайнихъ направленій закрѣпляются въ книгахъ, написанныхъ людьми партій, и повторяются въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ безъ изслѣдованія правды. Нѣкоторые очень хорошо понимали въ чемъ дѣло; понимали, что въ характерѣ Александра не было ничего загадочнаго; для нихъ было ясно его направленіе,—направленіе примирительное. Они не видали никакой слабости, колебанія, подчиненія то тому, то другому чуждому вліянію; но, преслѣдуя сами крайнее направленіе, полагая въ немъ спасеніе если не для всѣхъ, то для себя, они враждебно относились къ примирителю, мѣшавшему успѣху ихъ направленія; недобросовѣстно твердили о слабости характера Александра, его увлеченіи, и, желая показать, что могущественный императоръ на ихъ сторонѣ, придумали нелѣпость, что его направленію противодѣйствуютъ его же министры. Но эти люди не умѣли выдерживать, проговаривались: прямо указывали, что у Александра есть своя система, свое направленіе, которому онъ неуклонно слѣдуетъ; но, по ихъ мнѣнію, это направленіе не поведетъ ни къ чему, — примиреніе началъ, равновѣсіе между ними—дѣло несбыточное, мечта; направленіе Александра есть направленіе романическое. Когда пришло извѣстіе о кончинѣ Александра, то Меттернихъ писалъ: «Исторія Россія должна начаться тамъ, гдѣ окончился романъ». Но прошло 22 года, и въ ту роковую минуту, когда Меттернихъ, при видѣ разрушенія построеннаго имъ на пескѣ зданія, принужденъ былъ бѣжать изъ Вѣны, представился ли ему величественный, привѣтливый и скорбный образъ государя съ романическимъ направленіемъ? Признался ли «дипломатическій геній», что въ романѣ было гораздо больше прочной дѣйствительности, чѣмъ въ *реальномъ* направленіи вѣнскихъ мудрецовъ?

Прошло сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго историческаго дѣятеля, слишкомъ полвѣка послѣ его кончины, и пора отозваться о его дѣятельности исторически, научно. Всякій историческій дѣятель, въ извѣстной степени, есть произведеніе своего вѣка, и значеніе его дѣятельности опредѣляется тѣмъ, какъ онъ содѣйствовалъ рѣшенію задачъ своего времени относительно своего народа и относительно другихъ народовъ, въ обществѣ которыхъ его народъ живетъ, ибо эти двѣ стороны неразрывно связаны. Мы видѣли, что духовный организмъ Александра I-го сложился подъ вліяніемъ страшной политической бури, страшной борьбы между старымъ и новымъ, между разрушеніемъ и охраненіемъ. Обязанный, по своему положенію, принять самое дѣятельное участіе въ событіяхъ, Александръ, по свойствамъ своей личной природы, воспитанія и положенія, явился на поприще съ требованіями соглашенія, примиренія, и здѣсь высказался дѣятель времени, ибо время требовало покоя, отдохновенія послѣ борьбы, возможности разобраться въ развалинахъ и матеріалахъ, нагроможденныхъ сильнымъ движеніемъ. Спокойное, равноправное соглашеніе правительствъ касательно установленія внѣшнихъ отношеній между народами, спокойное и свободное, независимое установленіе внутреннихъ отношеній въ каждомъ народѣ:—вотъ основаніе системы молодаго Русскаго государя. Но предъ нимъ предсталъ Наполеонъ, и, прежде всего, нужно было вступить въ страшную борьбу съ геніемъ войны, съ геніемъ революціи, стремившимся, посредствомъ насилія, перемѣнить видъ Европы. Александръ принялъ борьбу, которая представила небывалое въ исторіи явленіе. Съ одной стороны, необыкновенный военный геній и необыкновенныя боевыя средства, необыкновенное приготовленіе къ бою; съ другой — сознаніе, полученное жестокимъ опытомъ, что ничего этого нѣтъ въ равной степени, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшеніе принять борьбу и вести ее до конца, не отступая ни передъ какими жертвами, — рѣшеніе, показывающее силу нравственныхъ средствъ, давшую торжество въ этой, повидимому, столь неравной борьбѣ. Въ исторію человѣчества было вписано небывалое, по своему величію, явленіе. Военный геній дорогъ для народовъ, когда онъ служитъ ихъ защитѣ, утвержденію необходимаго для нихъ значенія, мѣста среди другихъ народовъ; но военный геній, поставившій себѣ задачею, постояннымъ упражненіемъ — порабощеніе другихъ народовъ, есть явленіе, вовсе неидущее къ новой европейской исторіи;—есть явленіе изъ міра древняго, языческаго, и соперникъ этого военнаго генія, уничтожившій его темную дѣятельность, не пощадившій для этого никакихъ усилій и жертвъ, ведшій неутомимо войну не для войны, не для покоренія, а для освобожденія народовъ, есть дѣятель по преимуществу новой европейской исторіи, дѣятель исторіи христіанской.

Россія имѣетъ полное право гордиться такою дѣятельностію своего государя и видѣть въ ней дѣятельность свою, народную. Вошедши въ общую жизнь европейскихъ народовъ съ большою силою, съ большимъ значеніемъ, Россія, по поводу важнѣйшихъ событій этой жизни, должна была высказаться, выразить характеръ своихъ стремленій. Народъ, чуждый завоевательныхъ стремленій по природѣ и по отсутствію побужденій искать чужаго хлѣба; страна, по своей чрезвычайной обширности, довлѣющая сама себѣ, — не могли явить-

ся съ завоевательными стремленіями; они высказались въ защитѣ народовъ отъ насилій сильнаго. Этотъ характеръ Россіи выразился въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ Семилѣтней войнѣ; въ XIX-мъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ борьбѣ Александра съ Наполеономъ. Народное слово было сказано, задача народной дѣятельности уяснена.

Послѣ сверженія Наполеона, Александръ приступилъ къ исполненію своей задачи, которую сознавалъ въ началѣ царствованія, о которой заявлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Мы видѣли, какъ трудна была эта задача,—задача примиренія и соглашенія противоположныхъ направленій и безпрестанно сталкивающихся многоразличныхъ интересовъ. Александръ и здѣсь, въ борьбѣ съ препятствіями, обнаружилъ ту же твердость и выдержливость, какія показалъ и въ борьбѣ съ Наполеономъ; онъ явился неутомимымъ политическимъ бойцомъ, героемъ конгрессовъ, какъ Наполеонъ былъ героемъ битвъ. Европа, послѣ революціонныхъ бурь и военныхъ погромовъ, требовала прежде всего мира, спокойнаго улаженія, хотя на первое время, всего перевернутаго, переломаннаго во время этихъ бурь и погромовъ. Отсутствіе возможности общихъ мирныхъ совѣщаній и отсутствіе на этихъ совѣщаніяхъ могущественнаго авторитета, примиряющаго и соглашающаго интересы, охраняющаго все, что нуждалось въ защитѣ, въ подпорѣ для существованія и развитія, — отсутствіе такихъ совѣщаній и такого авторитета на нихъ повело бы къ страшной смутѣ, къ кровавымъ поминкамъ по революціи и Наполеонѣ, къ господству силы и насилія. Отъ этого Европа была спасена неутомимою дѣятельностію Александра, Агамемнона среди царей, пастыря народовъ: названія эти сохранятся за нимъ въ исторіи, въ исторіи эпохи, знаменитой самою сильною совокупною дѣятельностію народовъ.

НАЧАЛА РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

I.

Три условія имѣютъ особенное вліяніе на жизнь народа: природа страны, гдѣ онъ живетъ; природа племени, къ которому онъ принадлежитъ; ходъ внѣшнихъ событій; вліянія, идущія отъ народовъ, которые его окружаютъ.

Россія есть обширнѣйшее государство въ мірѣ, заучиваемъ мы съ малолѣтства; въ лѣтахъ зрѣлыхъ стараемся уразумѣть смыслъ этихъ словъ. Чрезвычайная величина органическаго тѣла заставляетъ предполагать особенныя условія для поддержанія его строя, равновѣсія частей; заставляетъ опасаться за существованіе этихъ условій въ достаточной степени, за прочность тѣла; заставляетъ опасаться возможности ранняго его распаденія. Если обширное государство произошло путемъ завоеванія разныхъ народовъ однимъ какимъ либо, то непрочность его очевидна; если произошло путемъ распространенія одного народа по обширной странѣ,—народа, постепенно крѣпнувшаго въ своемъ государственномъ строѣ, то это явленіе предполагаетъ чрезвычайную медленность движенія, отсталось сравнительно съ другими государствами, занимающими меньшую область, ибо всѣ государственныя отправленія въ обширной области должны совершаться медленно, особенно когда государство представляетъ обширную страну съ относительно небольшимъ, разбросаннымъ по ней народонаселеніемъ. При такомъ отношеніи, въ несплоченные ряды народонаселенія удобно проникаютъ чуждые, неудобоваримые въ народномъ организмѣ элементы; кромѣ того, несплоченныя части народонаселенія должны приводиться въ связь и общее движеніе внѣшнею силою, отчего правительственная дѣятельность должна достигать крайняго напряженія, не встрѣчая подмоги въ крѣпко сплоченной массѣ народонаселенія. Внутренній процессъ развитія совершается здѣсь чрезвычайно медленно; равновѣсіе между частями устанавливается очень нескоро; жизненныя силы народа, по разнымъ обстоятельствамъ, приливаютъ то къ тому, то къ другому концу, вслѣдствіе чего происходитъ перенесеніе правительственныхъ центровъ, столицъ изъ одного угла въ другой, что именно необходимо въ обширной странѣ: въ небольшой комнатѣ владѣлецъ ея, сидя въ серединѣ или въ одномъ углу, легко видитъ все, что дѣлается вокругъ него и все у него подъ руками, далеко ходить ненужно; въ помѣщеніи обширномъ съ середины, а тѣмъ менѣе изъ угла не видно, что происходитъ въ другихъ частяхъ зданія; имѣя надобность въ чемъ нибудь, находящемся въ одномъ углу, должно совершать туда долгіе переходы и остановки. Хорошо защищена обширная государственная область природными границами,—внутренній процессъ развитія совершается правильнѣе и спокойнѣе, причемъ народъ, занятый этимъ внутреннимъ процессомъ, долго живетъ особою жизнію, можетъ навсегда остаться при ней, затвердѣвъ въ извѣстныхъ, выработанныхъ имъ, формахъ цивилизаціи, потерявши способность къ дальнѣйшему движенію. Дурно защищена государственная область природою, имѣетъ открытыя границы,—народъ долженъ съ постояннымъ, напряженнымъ усиліемъ отстаивать главное свое благо, независимость; долженъ вести постоянную, тяжелую борьбу съ сосѣдями, которая мѣшаетъ внутреннему процессу развитія совершаться правильно, постепенно, вынуждаетъ народъ, для уравненія себя въ средствахъ борьбы съ другими народами, спѣшить пріобрѣтеніями этихъ средствъ, быстрѣе должнаго вытягиваться въ ростѣ своемъ, что не можетъ не имѣть также вредныхъ послѣдствій для организма государственнаго.

Если Россія есть обширнѣйшее государство въ мірѣ, то въ ея исторіи мы необходимо должны встрѣтиться съ извѣстнымъ рядомъ указанныхъ неудобствъ,—неудобствъ, являющихся въ высшей степени именно по отношенію къ чрезвычайной обширности страны. Но если народъ вынесетъ всѣ эти неудобства, преодолѣетъ препятствія, встрѣчавшіяся ему на долгомъ пути развитія; если успѣетъ образовать государство, крѣпкое единствомъ своего народонаселенія, крѣпкое соотвѣтствіемъ числа этого народонаселенія пространству, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ частяхъ своихъ, наконецъ крѣпкое цивилизаціею, которая все болѣе и болѣе уничтожаетъ природныя препятствія и

главное изъ нихъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, уничтожающихъ пространства,—если народъ успѣетъ образовать такое государство: то обширность его станетъ обратно условіемъ, въ высшей степени благопріятнымъ, условіемъ внѣшняго могущества и внутренняго процвѣтанія, ибо, при равно благопріятныхъ условіяхъ, тѣло большее необходимо сильнѣе меньшаго.

Страна, которую мы называемъ Россіею, природою назначена быть обширнѣйшею областью единаго государства, представляя въ европейской части своей равнину. Долина, какъ бы мала ни была, условливаетъ особность народную и политическую, ибо горы раздѣляютъ народы; равнина, какъ бы обширна ни была, условливаетъ единое государство, равняя однообразія и народонаселенія соотвѣтственно собственной равности и однообразію. Безводныя степи, подобно высокимъ горамъ, разбиваютъ народы на отдѣльныя государства; но въ собственной Россіи такихъ степей нѣтъ; напротивъ, обширности равнины соотвѣтствуютъ многочисленныя и большія рѣки, почти переплетающіяся своими притоками, составляющія водную сѣть, которая опутывала народонаселеніе и не давала частямъ его возможности обособляться. Сѣверная Азія, отрѣзанная отъ остальной Азіи пустынею, и отдѣляясь отъ Европейской Россіи горами невысокими, переходъ черезъ которыя незамѣтенъ, естественно примкнула къ послѣдней.

Природа условила обширнѣйшую государственную область и тѣмъ условила медленность развитія страны, образованіе въ ней особаго міра, которому слѣдовало долго жить внѣ общей жизни народовъ, именно вслѣдствіе медленности, трудности процесса внутренняго развитія. Теперь надобно обратить вниманіе на то: другія природныя условія воскольско были благопріятны или неблагопріятны, восколько могли противодѣйствовать вліянію обширности страны, или усиливать это вліяніе.

Извѣстны благопріятныя условія, которыя сдѣлали изъ Европы страну свѣта, самую любимую исторіею. Эти условія состоятъ въ умѣренности климата, въ гармоническомъ сочетаніи формъ, въ расчлененіи ея и наибольшей длинѣ береговой линіи, что даетъ сильное вліяніе морю, общителю народовъ. Но, говоря объ этихъ условіяхъ, столь благопріятныхъ развитію народной жизни, надобно разумѣть Европу западную, ибо восточная этихъ условій лишена, представляя обширнѣйшую равнину съ малымъ, относительно, прикосновеніемъ къ морю, съ суровымъ континентальнымъ климатомъ. Лучшія по природнымъ условіямъ страны скорѣе приходятъ къ исторической дѣятельности, чѣмъ худшія, ибо первыя привлекаютъ къ себѣ народонаселеніе, а вторыя населяются медленно, и этимъ вполнѣ объясняется, почему въ Европѣ сначала на историческую сцену являются полуострова Средиземнаго моря, потомъ приходятъ на нее среднія части, далѣе сѣверозападныя и послѣ всѣхъ восточная окраина,—наша Россія.

Это явленіе, что Россія, хотя и позднѣе другихъ частей Европы, выступила однако на широкую историческую сцену, вошла въ общую жизнь европейскихъ народовъ, и, главное, вошла въ нее съ могущественнымъ вліяніемъ, — это явленіе есть слѣдствіе характера господствующаго народонаселенія ея, славянскаго, принадлежащаго любимому исторіею арійскому племени. Въ сильной природѣ этого племени лежала возможность преодолѣнія всѣхъ препятствій, представляемыхъ природою-мачихою, возможность цивилизаціи страны и важное значеніе ея историческое.

Когда и по какимъ обстоятельствамъ арійцы-славяне явились на восточной европейской украйнѣ,—этотъ темный доисторическій вопросъ, ведущій къ однѣмъ шаткимъ догадкамъ, не имѣетъ для насъ важности. Для насъ важны условія, въ которыхъ изначала нашлось это племя здѣсь, и всѣ извѣстія о странѣ, идущія изъ глубокой древности, имѣютъ для насъ значеніе въ той мѣрѣ, въ какой они уясняютъ намъ эти условія.

Въ каждомъ отдѣльномъ, значительно обширномъ государствѣ отдѣльныя его части или области имѣютъ, по своему положенію, особое значеніе, особую исторію; особое значеніе имѣютъ области срединныя; особое—области, расположенныя по границамъ, и эти послѣднія области рознятся въ своемъ значеніи смотря по тому, соприкасаются ли онѣ съ моремъ, или съ пустынею, или ограждены высокими горами, или безъ всякихъ естественныхъ преградъ сообщаются съ народонаселеніемъ странъ чуждыхъ, причемъ свойство этого народонаселенія оказываетъ важное вліяніе. Точно такъ же и въ цѣлой группѣ или системѣ государствъ, какую представляютъ государства европейско-христіанскія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ единствомъ вѣры, общаго происхожденія и результатами цивилизаціи, выработанной общею историческою жизнію, и въ этой группѣ отдѣльныя государства рознятся другъ отъ друга, смотря по положенію своему, морскія-ли они или континентальныя, и послѣднія рознятся смотря по тому, западныя ли они или восточныя, пограничныя съ Азіею. Россія есть государство пограничное, есть европейская окраина, или украйна со стороны Азіи. Это украинское положеніе Россіи, разумѣется, должно имѣть рѣшительное вліяніе на ея исторію.

Въ самой глубокой древности, мы видимъ столкновенія между народами, стоящими на разныхъ ступеняхъ развитія, и происходившія именно отъ этого различія. Таковы были издавна противоположность и враждебность двухъ формъ быта, — кочевой и осѣдлой. Западная Европа и южные ея полуострова, бывшіе главною сценою древней исторіи, по свойствамъ своей природы, не представляли никакихъ удобствъ для кочеваго быта, и потому мы не находимъ въ преданіяхъ этихъ странъ извѣстій о немъ и о столкновеніяхъ между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ. Азія и Африка, въ своихъ степяхъ и пустыняхъ давали—

и до сихъ поръ даютъ—возможность народамъ вести кочевой образъ жизни; до сихъ поръ Средняя Азія, области, на дняхъ вошедшія въ составъ Русскаго государства, представляютъ любопытную картину отношеній между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ, наглядно возстановляющую отношенія, которыя нѣкогда существовали и въ другихъ мѣстахъ, именно въ Восточной Европѣ, на той обширной, прилежащей къ Азіи равнинѣ, на которой образовалась русская государственная область. Эта великая восточная равнина во все продолженіе такъ называемой древней исторіи носила названіе то Скиѳіи, то Сарматіи. Для нашей цѣли вовсе ненужно входить въ безконечные споры о томъ, къ какому племени принадлежатъ скиѳы и сарматы: для насъ важно, что они безспорно были кочевники, слѣдовательно, по условіямъ страны, кочевой элементъ долго господствовалъ въ восточной Европѣ. Извѣстны разрушительныя нашествія этихъ кочевниковъ на осѣдлые, образованные народы Европы и Азіи. Въ эпоху паденія Римской имперіи, ихъ смѣнили кочевники съ другими именами, но съ тѣмъ же значеніемъ для осѣдлаго и образованнаго міра. Въ это печальное для послѣдняго время кочевники обнаружили притязаніе привести и западную Европу въ такое же отношеніе къ себѣ, въ какомъ была восточная; на послѣднія средства древняго міра въ соединеніи со средствами новаго, Аэцій съ германцами остановили гунновъ съ ихъ Аттилою; на Шалонскихъ поляхъ можно поставить мѣтку, что до сихъ поръ доходило самое сильное наводненіе кочеваго элемента въ Европѣ. За гуннами слѣдовало наводненіе аварское, за аварскимъ — мадьярское, наконецъ — монгольское; но мѣтка этихъ наводненій отодвигается все далѣе и далѣе на востокъ, и вся тяжесть ихъ падаетъ на восточную европейскую равнину, на эту украйну европейскаго міра, и когда исторія начала освѣщать ее, то здѣсь представилась любопытная картина отношеній между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ, ихъ постоянной борьбы.

Въ первыхъ извѣстіяхъ о восточной Россіи, записанныхъ у Геродота, мы уже встрѣчаемся съ отношеніями между кочевымъ и осѣдлымъ ея народонаселеніемъ. Геродотъ отличаетъ скиѳовъ кочевыхъ и скиѳовъ земледѣльцевъ, и говоритъ, что первые господствовали надъ вторыми. Мы не станемъ рѣшать нерѣшимаго вопроса, принадлежали ли эти два вида геродотовыхъ скиѳовъ къ одному племени или разнымъ: для насъ важно отношеніе—кочевые господствуютъ надъ осѣдлыми; для насъ важно то, что въ извѣстіяхъ лѣтописца о началѣ русской исторіи мы находимъ то же отношеніе: кочевники или полукочевники хозары, живя на востокѣ, у Дона и Волги, господствуютъ надъ осѣдлыми племенами славянскими, живущими на западѣ по Днѣпру и его притокамъ. Разница для насъ здѣсь въ томъ, что, послѣ геродотовскаго извѣстія, слѣдуетъ многовѣковой перерывъ: туманъ застилаетъ страну, и, благодаря ему, только смѣлая фантазія можетъ рисовать какіе-то образы и отношенія между ними, тогда какъ съ начальнаго извѣстія лѣтописца, извѣстія прямаго и яснаго, идетъ безъ перерыва цѣлый рядъ извѣстій, объясняющихъ дѣло. Въ странѣ, посредствующей между Европою и Азіею,—на украйнѣ живутъ осѣдлыя племена славянъ и, по своему мѣсту жительства, входятъ въ постоянныя столкновенія съ кочевыми жителями степей; эти отношенія должны положить рѣзкую печать на исторію народа, государства, которое образуется изъ этихъ осѣдлыхъ племенъ. Мы видимъ, что кочевые господствуютъ надъ осѣдлыми, изъ чего заключаемъ, что кочевые сильнѣе осѣдлыхъ. Но мы очень хорошо знаемъ, что сила кочевниковъ всегда внѣшняя и скоропреходящая; столпившись въ большую массу, они могутъ произвести опустошительный набѣгъ, но потрясти крѣпкое государственное тѣло не могутъ и скоро подчиняются его вліянію, его господству; потрясти, разрушить, овладѣть они могутъ государствами только дряхлыми, отжившими, или, наоборотъ, могутъ подчинить себѣ народы, находящіеся въ младенческомъ состояніи, не успѣвшіе привесть въ связь свои части, сложиться въ крѣпкій организмъ. Слѣдовательно, если кочевники господствовали въ концѣ первой половины IX вѣка надъ осѣдлымъ народонаселеніемъ восточной равнины, то мы прямо заключаемъ, что послѣднее было слабо, или отъ дряхлости, или отъ младенчества. Лѣтописецъ указываетъ намъ вторую причину: осѣдлое народонаселеніе жило еще въ первичныхъ формахъ быта, жило разрозненно, не успѣвъ выработать порядка и государственной связи. Такимъ образомъ, одно извѣстіе лѣтописца о господствѣ хозаръ надъ славянами повѣряется, объясняется и дополняется другими о разрозненномъ бытѣ восточныхъ славянъ.

Ясно и точно лѣтописецъ опредѣляетъ бытъ осѣдлаго славянскаго народонаселенія восточной равнины: «жилъ каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ». Человѣкъ, существо общественное, не можетъ жить безъ общества, безъ связи съ другими людьми, и первымъ союзомъ является кровный или родовой. Семья крѣпка братствомъ младшихъ членовъ ея и естественнымъ, необходимымъ подчиненіемъ ихъ отцу. Отецъ умираетъ; дѣти не хотятъ признать не только совершеннаго исчезновенія его, не хотятъ признать и отчужденія, удаленія его отъ интересовъ потомства при новыхъ безтѣлесныхъ условіяхъ быта. Покойный является божествомъ, покровителемъ своего потомства; ему предлагаются покормы, или жертвы,—онъ продолжаетъ считаться хозяиномъ жилища: избавился человѣкъ отъ бѣды, получилъ удачу,—все это съ нимъ случилось, благодаря заступничеству, помощи покойнаго отца, предковъ вообще. Стремленіе возстановить связь съ покойнымъ отцомъ и вообще съ предками, дѣдами, возстановить возможность

пользоваться ихъ совѣтами, указаніями въ важныхъ случаяхъ жизни вело къ обычаю, столь распространенному въ древности, къ обычаю вызыванія умершихъ, некромантіи. Но всѣ эти стремленія поддержать связь съ умершимъ главою семьи не могли достигать цѣли—видимаго, дѣйствительнаго поддержанія кровнаго союза, и общественный инстинктъ внушаетъ средство: старшій братъ получаетъ значеніе отца для младшихъ, союзъ удерживается, ибо старшій братъ, «въ отца мѣсто» [1]), какъ отецъ, все остается постарому. Родъ умножается, но союзъ держится, многочисленный родъ все представляетъ одну семью, въ которой старшій въ родѣ, старшій братъ, какой бы то ни было степени, дядя занимаетъ мѣсто отца, сохраняетъ сожитіе членовъ въ одномъ мѣстѣ, общія занятія, общее владѣніе.

Говорятъ, что родовой бытъ можетъ сохраняться только у народовъ кочевыхъ. Но это мнѣніе основано на одностороннемъ взглядѣ. Какъ, вообще, въ исторіи надобно наблюдать крайнюю осторожность относительно рѣшительныхъ утвержденій, такъ прежде всего относительно разныхъ разграниченій по времени. Въ исторіи, какъ въ естественныхъ наукахъ, только самыя внимательныя и точныя, микроскопическія наблюденія всей обстановки явленія въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ освобождать отъ невѣрныхъ выводовъ относительно общихъ законовъ наблюдаемой жизни. Для того, чтобъ осѣдлость могла разлагающимъ образомъ дѣйствовать на родовой бытъ, необходимо, чтобъ были условія, вызывающія представленіе объ отдѣльной земельной собственности, ибо родовой бытъ необходимо связанъ съ общимъ землевладѣніемъ. Но когда можетъ возникнуть такое представленіе, обнаружиться стремленіе къ отдѣльной земельной собственности, къ отдѣльной хозяйственной дѣятельности? Этому необходимо должны предшествовать особыя явленія, содѣйствующія развитію личности, личныхъ способностей, раздѣленію занятій,—однимъ словомъ, развитію. Таково: появленіе дружины, общества, основаннаго на иномъ началѣ, чѣмъ кровный или родовой союзъ, на началѣ соглашенія; появленіе городовъ, промысловъ, торговли; умноженіе движимаго имущества, денегъ; возвышеніе цѣнности земли; черезъ умноженіе денегъ увеличеніе числа рабовъ, посредствомъ которыхъ можно обработывать большіе участки земли, пріобрѣтаемой въ собственность. Но если народъ, при переходѣ отъ кочеваго быта къ осѣдлости, поселяется въ обширной странѣ, на которой свободно разбрасывается, то родовой бытъ не только получаетъ всѣ условія для своей поддержки, но долженъ необходимо возникнуть и укрѣпиться, если бы даже прежде этотъ бытъ и разлагался при какихъ либо менѣе благопріятныхъ для себя условіяхъ. Большое разстояніе, въ какомъ отдѣльныя семьи поселились другъ отъ друга, условливаетъ ихъ отдѣльность и самостоятельность, причемъ каждая должна удовлетворять одна своимъ потребностямъ, изъ которыхъ главныя—пропитаніе и защита. Удовлетвореніе обѣимъ этимъ потребностямъ требуетъ, чтобъ по смерти отца братья поддерживали союзъ, не раздѣлялись, для чего и служитъ родовая форма, единство рода, при управленіи старшаго, при общемъ землевладѣніи и при общей защитѣ и родовой мести. Чѣмъ многочисленнѣе родъ, тѣмъ потребность защиты легче удовлетворяется: всякій побоится напасть на человѣка, за котораго будетъ много мстителей. Понятно, что чѣмъ обширнѣе страна, чѣмъ малочисленнѣе разбросанное по ней народонаселеніе,—тѣмъ развитіе, разлагающее родовую форму быта, медленнѣе, тѣмъ родовой бытъ держится упорнѣе, тѣмъ онъ вѣковѣчнѣе, ибо дѣйствительно надо пройти многимъ и многимъ вѣкамъ, чтобъ условія, разлагающія родовой бытъ, появились и усилились. Появится дружина, появятся кое-гдѣ города въ смыслѣ торговыхъ, промышленныхъ и административныхъ центровъ, образуется государство, а родовой бытъ, при благопріятныхъ для себя условіяхъ, именно при обширности страны, при разбросанности малочисленнаго народонаселенія, при земледѣльческомъ характерѣ государства, остается долго и долго въ силѣ. Историку долго приходится встрѣчаться съ нимъ, постоянно считаться съ родовыми явленіями, если не хочетъ упорно зажмурить глаза, если хочетъ, по гибельной въ наукѣ привычкѣ, не основываться на наблюденіяхъ сравнительной жизни народовъ, а все размѣрять и разлиневывать по заранѣе принятой теоріи, полагать для формъ народной жизни рѣзкія границы, какъ напримѣръ: кочевой народъ живетъ въ родовыхъ формахъ быта; когда усаживается на одномъ мѣстѣ, живетъ въ общинныхъ формахъ, или родовой бытъ долженъ быть отнесенъ къ доисторическимъ временамъ, на памяти исторіи является уже общинный бытъ, тогда какъ, чтобъ не далеко ходить, у насъ въ Россіи теперь, послѣ тысячелѣтняго государственнаго существованія, встрѣчаются еще явленія, напоминающія девятый и десятый вѣка. Правильными могутъ быть здѣсь выраженія: при переходѣ народа изъ кочеваго быта въ осѣдлый, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ начаться ослабленіе родоваго быта; при появленіи дружины, образованіи городовъ въ полномъ смыслѣ слова, при основаніи государства можетъ и должно начаться ослабленіе родоваго быта и замѣна его общиннымъ; но пойдетъ ли упомянутое ослабленіе скоро или медленно,—это будетъ зависѣть отъ особыхъ обстоятельствъ народной жизни. Родовой бытъ есть бытъ сельскій; въ городахъ, принимаемыхъ въ нашемъ смыслѣ, онъ невозможенъ, ибо здѣсь постоянный приливъ и отливъ народонаселенія, постоянныя столкновенія чужихъ людей, всту-

[1]) Думаемъ, что первоначально это выраженіе: «въ отца мѣсто» означало, что старшій только намѣстникъ покойнаго, который попрежнему остается владыкою рода.

пающихъ другъ съ другомъ въ соглашенія, въ искусственныя связи; здѣсь постоянное выдѣленіе личности по способностямъ, которымъ дается просторъ. Большое количество городовъ на сравнительно маломъ пространствѣ даетъ странѣ, государству особый характеръ, который не остается безъ быстраго вліянія и на сельскій бытъ. Этотъ бытъ необходимо приравнивается къ быту городскому, и, такимъ образомъ, въ странѣ гражданственной, цивилизованной, съ сильнымъ развитіемъ промышленнымъ и торговымъ, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, при удобныхъ путяхъ сообщенія, при быстротѣ движенія, родовой бытъ исчезаетъ и развѣ только гдѣ-нибудь въ захолустьи отыщутся его остатки—общее землевладѣніе съ сохранившеюся памятью, что эти люди, владѣющіе сообща землею, происходятъ отъ одного додоначальника. Такъ въ западной Европѣ, городской Европѣ; но на востокѣ ея, въ странахъ славянскихъ, въ государствахъ до сихъ поръ земледѣльческихъ по-преимуществу, тамъ мы до сихъ поръ встрѣчаемся съ родовымъ бытомъ, съ цѣлыми селами, состоящими изъ одного рода; встрѣчаемся съ необходимыми условіями родоваго быта, съ общимъ землевладѣніемъ. Родовой бытъ съ своимъ необходимымъ спутникомъ — общимъ землевладѣніемъ—предполагаетъ необходимо экономическую и общую неразвитость, постоянное пребываніе на одной ступени, разобщеніе, отсутствіе столкновенія съ другими формами жизни, возбуждающаго движеніе, желаніе перемѣны, предполагаетъ равенство, равенство бѣдности. Какъ скоро это равенство нарушается вслѣдствіе появленія людей, выдающихся по своимъ способностямъ и средствамъ, болѣе чуткихъ къ явленіямъ, происходящимъ внѣ ихъ узкой сферы, — людей, болѣе потому доступныхъ желанію перемѣны: такъ является выходъ изъ родоваго быта и общаго землевладѣнія; развивающаяся личность въ своей болѣе широкой и свободной дѣятельности не хочетъ стѣсняться ни тѣмъ, ни другимъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ историческаго наблюденія надъ ходомъ европейской цивилизаціи выходитъ, что родовой бытъ и общее землевладѣніе несовмѣстимы съ развитіемъ, съ цивилизаціею. Но теперь, когда результаты экономическаго развитія ужаснули мыслящихъ людей чудовищемъ пролетаріата, вниманіе естественно обратилось къ явленію добраго стараго-престараго времени, обѣщающему противоядіе настоящему злу; съ особеннымъ вниманіемъ и на Западѣ обратились къ изученію родоваго быта и, главное, остатка его—общаго землевладѣнія. Къ какимъ практическимъ результатамъ придетъ экономическая наука вслѣдствіе этого изученія, мы не знаемъ. Ученый, потрудившійся надъ собраніемъ извѣстій о родовомъ бытѣ, говоритъ: «По мѣрѣ того, какъ движется то, что мы привыкли называть цивилизаціей, чувства и связи семейныя ослабѣваютъ и меньше имѣютъ вліянія на дѣйствія людей. Этотъ фактъ такъ общъ, что можно въ немъ видѣть закона общественнаго развитія. Теперь личность затеряна среди народа. Религія, эта могущественная связь душъ, потеряла большую часть своеего братскаго дѣйствія, и семья, сильно потрясенная, представляетъ только организацію наслѣдства. Человѣкъ, существо общественное, и какъ нарочно уничтожили или ослабили учрежденія, гдѣ общественность воплощалась и давала твердое основаніе государству»[1]. Но возможно ли возстановить эти учрежденія безъ возстановленія «могущественной связи душъ»? Мы думаемъ, что, при сохраненій этого зиждительнаго духовнаго начала, всѣ формы были бы хороши, ибо «духъ есть иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ». Какъ бы то ни было, для историка важно то, что потрясена вѣра въ безусловный прогрессъ; что поникло знамя, съ которымъ носились такъ долго и съ такимъ торжествомъ,—знамя, на которомъ было написано что золотой вѣкъ впереди, а не назади, ибо теперь провозглашаютъ, что золотой вѣкъ былъ именно назади, когда господствовалъ родовой бытъ съ его условіями. Вслѣдствіе потрясенія вѣры въ безусловный прогрессъ, естественно должно произойти обращеніе къ болѣе серьезному и трезвому изученію законовъ развитія общественныхъ организмовъ. Что же касается нашей ближайшей цѣли, то поднятіе вопроса о родовомъ бытѣ западными учеными, внимательное изученіе его и его остатковъ повсюду, внимательное изученіе извѣстій о немъ въ историческихъ и юридическихъ памятникахъ, разумѣется, не можетъ не подать помощи намъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ объ этомъ столь важномъ въ нашей исторіи явленіи, расширяя средства сравненія, а слѣдовательно и уясненія.

Мы не знаемъ славянъ въ кочевомъ быту, ибо предположенія, что извѣстные кочевники, обитавшіе въ восточной Европѣ, были славяне, остаются предположеніями только. Мы знаемъ славянъ осѣдлыми и живущими въ формѣ родоваго союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ ихъ потомковъ живутъ и теперь. Когда въ послѣднее время заданъ былъ во многихъ южно-славянскихъ мѣстностяхъ вопросъ: всѣ ли *задругары* (живущіе въ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ *задруги*) свои по крови или нѣтъ?—то отовсюду былъ полученъ одинъ отвѣтъ: всѣ задругары свои между собою по крови; принимаютъ чужаго въ томъ случаѣ, когда онъ женится въ задругѣ; всѣ родня и находятся въ тѣсномъ и любовномъ союзѣ; а когда это любовное отношеніе исчезаетъ, то дѣлятся. Задругары свои между собою по крови, во второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ колѣнѣ. Употребительно усыновленіе. Случается, что сестра-вдова возвратится къ своимъ и живетъ съ дѣтьми

[1] Laveleye—De la propriété, p. 195, 268, 269.—См. объ этомъ подробнѣе въ моихъ: «Наблюденіяхъ надъ историч. жизнью народовъ», ч. I, ст.: «Разложеніе древняго міра». *Прим. Автора.*

въ задругѣ; дѣти, и выросши, остаются въ той же задругѣ. Если случится, что часть членовъ задруги, отдѣлившись отъ своихъ родныхъ, примкнетъ къ совершенно чужой задругѣ, то согласіе между ними не бываетъ продолжительно: начинаются ссоры, и они раздѣляются. Наконецъ, если въ какой-нибудь *кучѣ*, или задругѣ, перемрутъ почти всѣ, то принимаютъ чужихъ людей; обыкновенно же всѣ задругары родня между собою, кромѣ прислуги [1]).

Когда внимательно всмотрѣлись въ общины Индіи, то нашли, что это союзы родственниковъ, естественно и усыновленно нисходящихъ отъ извѣстнаго праотца и владѣющихъ землею сообща; нашли, что индѣйское народонаселеніе есть совокупность естественныхъ родовыхъ группъ, а не смѣшанная толпа, какъ, напримѣръ, въ Англіи [2]), и, такимъ образомъ, проведена связь между извѣстіями о настоящемъ бытѣ сельскаго народонаселенія въ Индіи и между древнѣйшимъ свидѣтельствомъ объ этомъ бытѣ, свидѣтельствомъ Неарха, сохранившемся у Страбона, что индѣйцы живутъ отдѣльными родами, которые сообща обрабатываютъ землю [3]). Но возвратимся къ Европѣ. Здѣсь мы не будемъ толковать о греческихъ и римскихъ родахъ (γενος и gens): это слишкомъ отдаленно; мы ограничимся указаніемъ на горныхъ шотландцевъ, у которыхъ кланъ считаетъ себя большимъ семействомъ, гдѣ всѣ члены соединены кровною связью. Въ Валлисѣ считаютъ 18 степеней родства; широкая родственность (cousinerie) бретонцевъ вошла въ пословицу; она простирается до безконечности въ Нижней Бретани; 15 августа, день, когда всѣ жители прихода собираются вмѣстѣ, называется братчиною, праздникомъ родни (la fête des cousins). Въ другихъ мѣстахъ Франціи путешественники конца XVIII вѣка указываютъ роды или большія семьи, живущія вмѣстѣ съ нераздѣльнымъ хозяйствомъ относительно недвижимости, подъ властью общаго родоначальника, и много свидѣтельствъ, что прежде такая форма сельскаго быта была повсемѣстна во Франціи [4]). Въ швейцарскомъ кантонѣ Аппенцеллѣ существуетъ дѣленіе народонаселенія на группы, въ которыхъ изслѣдователи основательно видятъ родовое происхожденіе, сравнивая ихъ съ кельтическимъ кланомъ и съ римскою *gens*; но что всего любопытнѣе, эти группы сохранили названіе *родовъ* (Rhoden) [5]).

Итакъ, родовой бытъ есть явленіе, общее многимъ временамъ, странамъ и народамъ, и, какъ явленіе первоначальное, простое, представляетъ всюду черты поразительнаго сходства. Это явленіе вовсе не доисторическое. Мы въ своей разработкѣ русской исторіи должны были постоянно считаться съ нимъ: дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, оно провожаетъ насъ и въ XVIII вѣкъ. И вотъ, въ послѣднее время западные ученые, начавшіе свои работы совершенно самостоятельно, съ другого конца, приходятъ къ намъ на помощь, повторяя тѣ же выводы. «Съ той минуты», говоритъ Мэнъ, «какъ родовой союзъ окончательно утверждается въ опредѣленной странѣ, земля становится базисомъ общества на мѣсто кровной связи. Но измѣненіе происходитъ чрезвычайно медленно и идетъ чрезъ всю исторію народа» [6]). Мы употребляемъ названіе родоваго быта, на основаніи извѣстій лѣтописца: «Жилъ каждый съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ». Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ о родоначальникѣ, представителѣ рода, какъ въ послѣдующихъ актахъ перечисляются люди «съ братьями и племянниками», т. е. опять берутся только одни представители родовъ. Понятно, что когда родовой бытъ господствовалъ, то, какъ для явленія общаго, для него не выработались ни особое названіе, ни извѣстныя опредѣленія отношеній между его членами; явленіе получаетъ особое имя и опредѣленія, когда перестаетъ быть господствующимъ, сталкивается съ другими и должно отличиться отъ нихъ, опредѣлиться. Такъ, древнѣйшее опредѣленіе, описаніе родоваго быта у славянъ мы встрѣчаемъ въ старой чешской пѣснѣ по поводу столкновенія этого быта съ другимъ новымъ, который являлся чужимъ. Такъ и теперь, у южныхъ славянъ, во многихъ мѣстностяхъ форма быта цѣлымъ родомъ, какъ форма общая, не имѣетъ особаго названія, а есть оно для явленія исключительнаго, для отдѣльнаго, одинокаго хозяйства (inokostina). Но въ другихъ мѣстностяхъ являются уже различныя названія для родовой формы быта, и здѣсь любопытно слѣдить за постепенною смѣною представленій; простѣйшее представленіе выражается словами: *большая куча* (жилище) для родъ и *малая куча*—для отдѣльной семьи; далѣе является уже болѣе точное опредѣленіе двухъ формъ быта: *нераздѣльная куча*—для рода и *отдѣльная куча*—для семьи; здѣсь опредѣляется, описывается внѣшнее отношеніе между ними и вмѣстѣ происхожденіе второй формы. Наконецъ въ родовой формѣ обращается вниманіе на внутреннюю, существенную сторону дѣла, на союзъ, и это выражается въ названіяхъ: *братство, дружество, задруга, скупчина, кучна, дружина.* Названіе братство для родовой формы быта, какъ видно, употреблялось и у насъ, что показываютъ слова: братство, братовщина, братчина—для обозначенія общихъ складчинныхъ пировъ или столовъ, которые всегда и вездѣ были остатками и напомина-

[1]) Bogisic—Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznih Slovena, 18.

[2]) Maine—Lectures on the early history of institutions, 30, 78.

[3]) Κατὰ δυγγένειαν κοινῆ τὰς καρπὰς ἐργαδαμένες...

[4]) Laveleye—De la propriété, p. 226 et qu.

[5]) Тамъ же, стр. 271. Разумѣется, мы поостережемся сказать, что населеніе Аппенцелля было славянское; слово можетъ происходить изъ той древней эпохи, когда кельты, славяне и германцы имѣли много одинакихъ словъ.

[6]) Означенное соч. стр. 72 и 88.

ніями о прежнемъ дѣйствительномъ братствѣ, родовой связи населенія. Обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ, хотя бы семья была такъ велика, что члены ея должны были жить въ разныхъ избахъ [1]). Изъ XIV и XV вѣка имѣемъ свидѣтельства, что братья, владѣвшіе нераздѣльно земельною собственностію, назывались *братениками*, или *сябрами*. Послѣднее слово любопытно: въ немъ нельзя не узнать слова *«сербы»*, которое Шафарикъ основательно видитъ въ греческомъ словѣ *споры*, какъ Прокопій называетъ славянъ [2]).

На вопросъ, поскольку бываетъ въ родовомъ союзѣ членовъ изъ разныхъ югославянскихъ мѣстностей, былъ данъ отвѣтъ, что ихъ бываетъ отъ 10 до 60, среднемъ же числомъ можно положить отъ 25 до 30 душъ. Возможность такого большаго количества членовъ при настоящихъ обстоятельствахъ, вообще неблагопріятныхъ для родоваго быта, заставляетъ насъ предполагать, что въ старину, при сильнѣйшихъ побужденіяхъ, при отсутствіи безопасности внѣ большихъ родовыхъ союзовъ, число членовъ этихъ союзовъ должно было быть гораздо больше; родовая связь должна была сохраняться между множествомъ семей. Связь эта сохранялась единымъ родоначальникомъ, который былъ для всѣхъ «въ отца мѣсто». На вопросъ о назначеніи главы родоваго союза въ настоящее время у южныхъ славянъ, были получены отвѣты, что такимъ главою обыкновенно бываетъ старый человѣкъ, но можетъ быть и младшій, если имѣетъ больше способностей къ управленію; обыкновенно онъ бываетъ женатый; но если между женатыми нѣтъ способнаго, то можетъ быть холостой или вдовецъ. Холостой молодой рѣдко бываетъ старшиною: «Младшій долженъ слушаться, старшій приказывать; гдѣ старшаго не слушаютъ, тамъ Богъ не помогаетъ; у стараго голова, у молодаго тѣлесная сила». Изъ нѣкоторыхъ мѣстностей были даны отвѣты: члены задруги не избираютъ старѣйшины, но старшій изъ нихъ лѣтами становится кучнымъ старшиною. Изъ одной мѣстности доставлено было свѣдѣніе о томъ, какъ именно бываетъ при назначеніи новаго старшины по смерти старшаго. Въ присутствіи всей «кучной челяди» самый старшій въ родѣ начинаетъ говорить: «Братья и дѣти! остались мы безъ главы; давайте побратски договоримся, кого назначить на его мѣсто». Слѣдующій за нимъ по старшинству, отвѣчаетъ ему: «Ненадобно никакого договора, нечего новый законъ на старой землѣ навязывать: старшинство твое, владѣй и управляй»! Имѣемъ право предположить, что такъ водилось съ незапамятныхъ поръ въ родовыхъ союзахъ; старшинство физическое давало неоспоримое право владѣть и управлять родомъ; исключеніе дѣлалось въ случаѣ крайности, когда старшій являлся очевидно неспособнымъ: тогда должны были происходить выборы, выбирали младшаго, но способнаго. Но къ подобнымъ выборамъ должны были, разумѣется, приступать неохотно, ибо нарушали священный обычай, старой землѣ навязывали новый законъ; потомъ придти къ соглашенію было не всегда легко, и это вело къ смутамъ, какъ мы хорошо знаемъ изъ исторіи родовыхъ отношеній русскихъ князей. Такъ было не у однихъ славянъ. Мэнъ приводитъ свидѣтельство Спенсера, что у всѣхъ ирландцевъ, по смерти вождя, всѣ собираются въ назначенное мѣсто для выбора новаго, и большею частію выбираютъ не старшаго сына и ни кого либо изъ сыновей умершаго вождя, но старшаго въ родѣ и достойнѣйшаго,—обыкновенно роднаго или двоюроднаго брата умершаго. Въ недалекомъ родѣ старшинство переходитъ къ старшему сыну умершаго главы рода; но его назначеніе зависитъ отъ выборовъ братства,—онъ можетъ быть отстраненъ, и, въ такомъ случаѣ, выборъ обыкновенно падаетъ на брата умершаго старшины предпочтительно предъ племянникомъ [3]). Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ борьбу двухъ представленій—о правѣ племянниковъ отъ старшаго брата и правѣ дядей, и родъ даетъ преимущество послѣднему представленію, именно какъ болѣе способному охранять единство рода, ибо первое представленіе необходимо приводитъ къ выдѣлу изъ рода привиллегированной семьи, которой родъ долженъ постоянно подчиняться.

Борьба этихъ представленій, подробное описаніе которой мы имѣемъ въ нашихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ отношеніяхъ князей Рюрикова Дома,—борьба этихъ представленій происходитъ мирно, когда родовые союзы существуютъ въ государствѣ, обязанномъ блюсти за мирнымъ разрѣшеніемъ всякихъ столкновеній; но, разумѣется, эти столкновенія не могли всегда и даже часто разрѣшаться мирно въ тѣ отдаленныя времена, когда роды жили отдѣльно, самостоятельно. Та же исторія родовыхъ отношеній между нашими князьями Рюриковичами показываетъ намъ, что происходитъ, когда главы рода въ этихъ спорахъ не имѣютъ надъ собою никакой сдерживающей власти и расправляются сами собою. Такое же явленіе, т. е. усобицу, мы должны предположить и между отдѣльно живущими родами. Самый легкій исходъ усобицы—это удаленіе недовольнаго меньшинства на другія жилища, выдѣлъ изъ рода. Такой выдѣлъ въ государствѣ не можетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій; но, при несуществованіи госу-

[1]) Записки Геогр. Общ. по отд. этнографіи, VIII, 5.

[2]) Ср. латинское sobrinus – родственникъ, двоюродный братъ; ср. также пасербъ—пасынокъ. Около Матхуры (въ Индіи) общее владѣніе землею сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полной силѣ; оно называется здѣсь особымъ терминомъ Ъhoyacari, что въ приблизительно точномъ переводѣ значитъ „братскій обычай" или „братчина". Совладѣтели, живущіе въ одной деревнѣ, обыкновенно производятъ себя отъ одного предка и принадлежатъ одной кастѣ. Землею надѣляется каждый членъ общины. Ежегодно передѣляютъ они съизнова свою землю. (Минаева путешеств. по Индіи, Ж. М. Н. Пр. декабрь 1876 г.)

[3]) Early history of institutions, p. 200–201.

*

дарства, при независимости родовъ, онъ можетъ вести къ продолженію усобицы и къ ея ожесточенію. Этимъ объясняется извѣстіе лѣтописца о войнѣ между родами, хотя эти войны, разумѣется, могли вестись между родами, имѣющими самую отдаленную связь общаго происхожденія, по сосѣдскимъ столкновеніямъ.

Эти войны, не говоря уже о нашествіяхъ хищныхъ ордъ и опасности отъ дикихъ звѣрей, должны были заставить родовые союзы ограждать, укрѣплять свои жилища, жить въ *городахъ*. Отсюда у насъ до сихъ поръ сохранилось такое значительное количество остатковъ старинныхъ укрѣпленій, или такъ называемыхъ *городищъ*. Жили ли всѣ члены рода въ такомъ городѣ, или нѣкоторыя семьи выселялись поодаль, сохраняя между собою родовую связь, городъ, — или огороженное, укрѣпленное жилище рода, не могъ имѣть никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе, на появленіе дружины, какъ постояннаго отряда, назначеннаго для охраненія города и живущаго всегда въ городѣ около главы или вождя рода. Городъ рубили для безопасности рода, и всѣ родичи, въ случаѣ опасности, должны были защищать свое жилище, свой городъ. Если мы и предположимъ, что нѣкоторыя семьи, для хозяйственныхъ или для какихъ бы то ни было удобствъ, жили и внѣ города, то, при вѣсти объ опасности, онѣ сбѣгались въ городъ и всѣ принимали участіе въ его защитѣ; такъ было и въ государственное время, въ XVII вѣкѣ, когда, при вѣсти о приближеніи непріятеля, народонаселеніе уѣзда сбѣгалось въ городъ. Предположеніе образованія дружины изъ постоянныхъ гарнизоновъ или заставъ въ городахъ слишкомъ отзывается новымъ временемъ, не соотвѣтствуетъ первоначальной простотѣ отношеній, поднимаетъ дѣло на ходули. При изслѣдованіяхъ подобнаго рода, необходима чрезвычайная осторожность и точность. Если мы смотримъ на первоначальный городъ, какъ на огороженное, укрѣпленное жилище отдѣльнаго рода, то должны отрѣшиться отъ представленія позднѣйшаго города, какъ жилища дружины, ремесленныхъ и торговыхъ людей и проч. Незначительная обширность нашихъ городищъ должна помогать ученой осторожности, сдерживать фантазію изслѣдователя. Измѣненія въ бытѣ могли происходить отъ другихъ причинъ, которыхъ отвергать нельзя: при войнахъ между родами, если одинъ родъ осиливалъ другой и тотъ почему-либо не могъ уйти далеко для избавленія себя отъ насилій торжествующаго рода и подчинялся ему, то это подчиненіе естественно вело къ осложненію отношеній; между воинственными шотландцами цѣлые кланы были порабощены другими. Въ началѣ ирландской исторіи мы видимъ различіе между свободными и подчиненными родами.

Съ другой стороны, изслѣдователь не можетъ пропустить явленія, встрѣчающагося чрезвычайно рано въ человѣческихъ обществахъ, — это именно закладничества или захребетничества. Одинъ человѣкъ или даже съ семьею, по причинамъ физическимъ, или по другимъ какимъ-нибудь, волею или неволею лишился рода, оставилъ его, лишился его покровительства, сталъ беззащитнымъ, сталъ *сиротою*, — положеніе страшное въ первоначальныя времена человѣческихъ обществъ; у него нѣтъ средствъ къ поддержанію своей жизни трудомъ одиночнымъ, всякій можетъ его обидѣть, убить безнаказанно, ибо некому за него отомстить. Онъ долженъ примкнуть къ чужому роду, отъ него получить средство къ жизни и безопасности; но какъ чужой, онъ не можетъ быть принятъ на правахъ родича, онъ долженъ стать въ зависимое положеніе. Степень зависимости опредѣляется разными обстоятельствами и условіями: онъ можетъ быть принятъ какъ простой работникъ, холопъ, рабъ или какъ сосѣдъ, подсосѣдникъ, съ большею или меньшею степенью зависимости. Участіе главы рода въ пріемѣ этихъ чужихъ людей и его отношенія къ нимъ имѣютъ важное значеніе. Для всѣхъ остальныхъ родичей онъ старшій, въ отца мѣсто, а для чужихъ онъ начальникъ, не отецъ-господинъ, а хозяинъ, господарь, государь. Родоначальники въ Ирландіи располагали незанятою землею: здѣсь они имѣли своихъ закладчиковъ или захребетниковъ (fuidhirs), изгнанниковъ изъ другихъ племенъ, прибѣгшихъ подъ ихъ покровительство и связанныхъ съ новымъ родомъ только зависимостію отъ вождя. Ирланскій владыка рода окруженъ зависящими отъ него людьми. Такъ какъ въ прежнія времена важность заключалась не въ землѣ, которой много, а въ средствахъ къ ея обработкѣ, то *сирота* обращался къ главѣ рода съ просьбою дать ему извѣстное количество скота; принимая скотъ, свободный ирландецъ становился захребетникомъ, вассаломъ съ извѣстными обязанностями [1]).

Вотъ явленія, которыя, по ихъ естественности и необходимости, мы не можемъ отрицать нигдѣ при господствѣ родоваго быта, объясняя, какъ могли составиться большіе роды и племена подъ властію одной фамиліи, утвердившей эту власть мало-помалу посредствомъ людей подчиненныхъ или зависимыхъ. Съ теченіемъ времени, такимъ способомъ образуются цѣлые народы. Но нашъ древнѣйшій источникъ указываетъ не такое происхожденіе русскаго народа. Въ слѣдующей главѣ разсмотримъ его извѣстія.

II.

Въ предыдущей главѣ, на основаніи сравнительнаго изученія первоначальнаго быта племенъ, мы старались уяснить краткія извѣстія нашего лѣтописца о бытѣ восточныхъ славянъ до основанія Русскаго государства. Теперь, когда мы приступаемъ къ извѣстіямъ лѣтописца объ этомъ основаніи, могутъ насъ спросить: заручились ли мы

[1]) Maine 93, 133, 145, 151, 157, 158.

убѣжденіемъ въ вѣрности его извѣстій; первыя извѣстія лѣтописца о призваніи Варяго-Русскихъ князей изъ-за моря въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ называются «баснею». Слѣдовательно необходимо прежде всего сказать нѣсколько словъ объ этой баснѣ.

Разумѣется, здѣсь представляется первый вопросъ: откуда эта басня взялась? Конечно, люди, считающіе разсказъ лѣтописца о началѣ Русской Земли баснею, глубоко сожалѣютъ о самихъ себѣ: исторіею какого бѣднаго, жалкаго народа должны они заниматься,—народа, который потерялъ совершенно память о своемъ происхожденіи и допустилъ толпу составителей, переписчиковъ хроникъ навязать себѣ басню о своемъ происхожденіи! Былъ сильный народъ, который образовалъ большое государство; но въ одно прекрасное утро у народа, у его грамотныхъ людей, у его вельможъ и князей какимъ-то чудомъ отшибло память: вдругъ позабыли о предкахъ князей, о тѣхъ знаменитыхъ вождяхъ народныхъ, которые первые положили основаніе единству и силѣ народа; позабыли ихъ имена, преемство, дѣла,—позабыли все, и вотъ, вслѣдствіе такого забвенія, какой-то грамотѣй сочинилъ басню, что Кіевскіе князья происходятъ отъ новгородскаго владѣльца, не славянина родомъ, а вызваннаго изъ-за моря, изъ чужаго народа. Любопытно было бы изслѣдовать, когда, въ какомъ мѣстѣ происходилъ тотъ знаменитый съѣздъ лѣтописцевъ и переписчиковъ, на которомъ было постановлено начинать каждый списокъ лѣтописи этою баснею. Здѣсь дѣло идетъ не объ отдаленной древности, когда событія и лица представляются въ миѳическомъ туманѣ: басня представляетъ времена относительно недавнія, представляетъ простыхъ смертныхъ, о которыхъ коротко, сухо разсказываетъ самыя простыя дѣла: строятъ городки, плывутъ внизъ по большой рѣкѣ, облагаютъ данью разбросанныя племена и т. п. Лѣтописецъ разсказываетъ, что знавалъ старика, который помнилъ крещеніе Руси; старикъ былъ молодъ при Владимірѣ Св., а Владиміръ былъ правнукъ перваго князя басни, Рюрика, призваннаго изъ-за границы. Правнукъ и его современники должны были знать о прадѣдѣ, откуда онъ пришелъ, гдѣ княжилъ; зналъ объ этомъ старикъ, зналъ отъ старика лѣтописецъ, который въ началѣ своего разсказа помѣстилъ извѣстіе о призваніи Рюрика изъ-за моря въ Новгородъ. Нѣтъ, говорятъ, это басня: предки Русскихъ князей никогда не были призваны съ сѣвера, изъ-за моря; они жили на югѣ, въ Кіевѣ, были князьями славянскаго племени роксоланъ. Какъ же ихъ звали, какъ они усилились, гдѣ объ этомъ говорится, въ какой лѣтописи, въ какомъ памятникѣ? Нигдѣ объ этомъ ни слова; впрочемъ, все это было въ первоначальныхъ спискахъ лѣтописи, но потомъ уничтожено, и вставлена басня о призваніи варяго-руссовъ. Чародѣйство! Но послушаемъ, откуда взялась басня.

«Извѣстно, что средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое нибудь отдаленное происхожденіе и притомъ льстящее народному самолюбію. Напримѣръ, франки выводили себя отъ энеевыхъ троянъ, бургунды—отъ римлянъ и т. п. Но самымъ обычнымъ пріемомъ было выводить *народы* изъ Скандинавіи. Такъ Іорнандъ производилъ готовъ изъ Скандинавіи и называлъ эту страну vagina gentium. Павелъ Діаконъ производитъ оттуда же лонгобардовъ. Видукиндъ сообщаетъ мнѣніе, которое оттуда же выводитъ саксовъ. Очевидно происхожденіе изъ далекаго полумиѳическаго острова Скандіи пріобрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого-то благородства. Этотъ столь распространенный обычай выводить своихъ предковъ изъ Скандинавіи, по всей вѣроятности, отразился и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи о выходѣ оттуда варяжской Руси». Но выходъ извѣстныхъ народовъ изъ Скандинавіи основывается на народномъ преданіи, и во сколько вѣрно или не вѣрно это преданіе,—это еще вопросъ, а главное—ни откуда не видно, чтобъ этотъ выходъ изъ Скандинавіи считался почетнымъ. Самъ авторъ, рѣшившійся выступить съ такимъ объясненіемъ, не былъ смѣлъ до конца, сталъ выражаться очень неопредѣленно, слѣдовательно ни для кого не убѣдительно: «*какого-то* благородства, по всей вѣроятности». Вѣроятность превращается въ полную невѣроятность, когда обратимъ вниманіе, что изъ Скандинавіи производятъ себя только германскіе народы; а съ какой стати славянскому народу считать почетнымъ происхожденіе изъ Скандинавіи? Если бы нашъ авторъ доказалъ, что въ IX вѣкѣ Скандинавія пользовалась такимъ почетомъ у славянъ, то мы бы попросили его признать вѣрнымъ извѣстіе о призваніи, ибо представленію всего естественнѣе было перейти въ фактъ. Но доказательствъ этому для IX вѣка нѣтъ, въ XI—Скандинавія, по своему состоянію, не могла имѣть никакого почета на Руси, а позднѣе сочиненіе басни невозможно именно въ Новгородѣ, вслѣдствіе начавшейся сильной борьбы съ Швеціею: не современникъ ли Александра Невскаго проникался такимъ уваженіемъ къ Скандинавіи? Другое дѣло производить себя отъ римлянъ, владыкъ вселенной, или отъ троянъ, въ которыхъ, благодаря Виргилію, видѣли предковъ тѣхъ же римлянъ; и у насъ производили Московскихъ царей отъ Августа Кесаря.

Разсуждаютъ: «Свой настоящій видъ она (басня) получила не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, т. е. не ранѣе той эпохи, когда Новгородъ достигаетъ значительнаго развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ Ганзою, т. е. съ германскими и скандинавскими побережьями Балтійскаго моря. Съ XIII вѣка по преимуществу сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси, и только съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европейской цивилизаціи. Между тѣмъ Южная Русь была раз-

орена и подавлена тучею азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ половцевъ русскіе постепенно были оттѣсняемы отъ прибрежьевъ Чернаго моря и торговыя сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затруднялись. А когда нагрянула татарская орда, эти сношенія прекратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась; между прочимъ, заглохли и самыя воспоминанія о русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали бы о нихъ, если бы не извѣстіе арабовъ. Преданіе о трехъ братьяхъ—Кіи, Щекѣ и Хоривѣ—есть ничто иное, какъ та же попытка отвѣтить на вопросъ, откуда пошло Русское государство. Эта попытка конечно южно-русскаго, кіевскаго происхожденія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно говоритъ только о своихъ, туземныхъ, и связываетъ ихъ память съ Византіей и съ болгарами дунайскими. Это преданіе оттѣснили на задній планъ и не дали ему ходу списатели, которые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи варяжскихъ князей».

Относительно этого разсужденія замѣтимъ сначала, что живыя сношенія Новгорода съ Ганзою—дѣло извѣстное; но какимъ образомъ ганзейская торговля могла повести къ тому, что въ списки русской лѣтописи внесено сказаніе о призваніи первыхъ князей изъ Варяговъ,—для объясненія этого подождемъ новаго обширнаго разсужденія, а до тѣхъ поръ подобнымъ выводамъ нельзя дать мѣста въ серьезныхъ ученыхъ сочиненіяхъ. Пусть намъ укажутъ, какъ нѣмецкій купецъ отыскалъ преданіе о Рюрикѣ или сочинилъ его и, силою своего нѣмецкаго авторитета, а можетъ быть обѣщаніемъ выгодной торговой сдѣлки, заставилъ новгородскихъ купцовъ принять это преданіе, а купцы заставили списателей внести его въ списки лѣтописей, зачеркнувши находившіяся тамъ прежде извѣстія. Но любопытнѣе всего выраженіе, что «съ XIII вѣка на германское и скандинавское побережье преимущественно устремлено было вниманіе *Сѣверной Руси*». Гдѣ на это доказательства? Какъ будто не извѣстно, на что съ XIII вѣка обращено было вниманіе сѣверной Руси. Какъ будто не извѣстно, какъ сѣверные лѣтописцы не благоволятъ къ новгородцамъ, а этихъ лѣтописцевъ заставляютъ рабски заимствовать изъ новгородскихъ лѣтописей извѣстіе о призваніи князя изъ-за моря! Далѣе говорится, что, вслѣдствіе нашествій кочевыхъ народовъ, нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась, и это содѣйствовало замѣненію въ лѣтописяхъ южнорусскихъ преданій новгородскою баснею позднѣйшей ганзейской работы. Но это можно было бы допустить только тогда, когда бы мы имѣли дѣло съ сочинителями исторій, а не съ списателями, которые считали религіознымъ подвигомъ переписать лѣтопись со всевозможною точностью, вставляли, какъ умѣли, лишнія извѣстія изъ другихъ списковъ, хотя и противорѣчивыя, но не вычеркивали одниxъ и не замѣняли ихъ другими. И какъ будто какой нибудь Лаврентій Мнихъ могъ имѣть яснѣйшее представленіе о Балтійскомъ, чѣмъ о Черномъ морѣ и потому предпочелъ новую новгородскую сказку о призваніи первыхъ князей изъ-за Балтійскаго моря извѣстіямъ старыхъ лѣтописей о туземномъ ихъ происхожденіи! Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же переписывались событія отдаленнаго приднѣстровья, отношенія венгерскія и польскія; зачѣмъ сохраняли извѣстія о походахъ на Тмутаракань, Херсонь, на ясовъ и касоговъ: вѣдь нить преданій здѣсь порвалась! Самъ авторъ приведеннаго разсужденія говоритъ, что сказаніе о призваніи князей изъ-за Балтійскаго моря есть позднѣйшее новгородское сочиненіе: значитъ, до XIII вѣка существовали лѣтописи, въ которыхъ вначалѣ находилось извѣстіе о туземномъ происхожденіи князей; но въ такомъ случаѣ это уже было освященное преданіе; какъ же теперь предположить, чтобы переписчики, питавшіе къ лѣтописи религіозное уваженіе, рѣшились, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, измѣнить этому преданію и вмѣсто него вставить новое измышленіе какого-то новгородскаго лѣтописца (существовавшаго впрочемъ только въ воображеніи)? Наконецъ рѣшаются подкопать вѣру въ лѣтописное извѣстіе о появленіи первыхъ князей молчаніемъ объ этомъ призваніи другихъ древнихъ памятниковъ; указываютъ, что о немъ молчитъ «Слово о Полку Игоревѣ», не давая себѣ труда объяснить, съ какой стати и въ какомъ именно мѣстѣ сочинитель «Слова» долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ. Указываютъ на «Похвалу» Владиміру митрополита Иларіона, гдѣ Владиміръ называется сыномъ Святослава и внукомъ Игоря, а дальше сочинитель нейдетъ; но вѣдь это извѣстная родословная форма: сынъ такого-то и внукъ такого-то! Дѣло впрочемъ здѣсь въ томъ, что это молчаніе во всякомъ случаѣ ничего бы не доказывало, ибо авторъ приведенныхъ памятниковъ, не упоминая о призванномъ изъ-за моря Варяжскомъ князѣ Рюрикѣ, не упоминаетъ также объ отцѣ Игоря, какъ туземномъ славянскомъ князѣ. Развѣ въ «Словѣ о Полку» или въ Иларіоновой «Похвалѣ» есть извѣстіе о туземномъ славянскомъ прадѣдѣ князя Владиміра? Даже хотятъ, чтобъ Константинъ Багрянородный упомянулъ о пришествіи варяго-руссовъ, и если не упоминаетъ, то говорятъ, что «одно молчаніе такого свидѣтеля способно уничтожить всю норманскую систему». Но почему же онъ не упоминаетъ объ основаніи Русскаго государства какими нибудь роксоланскими князьями? Какъ же это случилось, что ни свои, ни чужіе ничего не знаютъ объ этихъ первыхъ туземныхъ роксоланскихъ князьяхъ; ничего не знаютъ о прадѣдѣ Владиміра, принявшаго христіанство; ничего не знаютъ объ отцѣ Игоря, въ историческомъ существованіи котораго никто не сомнѣвается, и въ лѣтописяхъ, изъ которыхъ въ продолженіе вѣковъ русскій народъ узнавалъ о началѣ своею Земли, выста-

влена басня? Повторяемъ, что дѣло идетъ вовсе не о доисторическихъ временахъ, насчетъ которыхъ грамотѣи разныхъ вѣковъ могутъ фантазировать, сколько имъ угодно, и сочинять разныя генеалогіи: дѣло идетъ объ отцѣ Игоря, о которомъ знаетъ не одна русская лѣтопись, дѣло идетъ о прадѣдѣ Св. Владиміра. Нашъ Рюрикъ соотвѣтствуетъ не какому нибудь миѳическому родоначальнику Меровинговъ, котораго можно было произвести и изъ Трои; нашъ Рюрикъ соотвѣтствуетъ франкскому Кловису, котораго непосредственно изъ Трои произвести было нельзя.

Вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ лѣтописный. Много было написано, можно еще больше написать изслѣдованій, филологическихъ и всякихъ по этому вопросу; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о лѣтописи. Кто не согласится рѣшать легко трудные вопросы (какъ наприм., кто-то въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ выдумалъ басню о призваніи Рюрика изъ за моря, и басня эта чудеснымъ образомъ очутилась въ началѣ нашихъ лѣтописей), тотъ не согласится считать баснею лѣтописное извѣстіе о происхожденіи князей; не согласится признать, что правнуки не знали о происхожденіи своего прадѣда; что народъ, лучшіе въ немъ люди не знали, позабыли, откуда пошла Русская Земля, не сохранилось объ этомъ ни одного преданія, и на чистой доскѣ (tabula rasa) можно было впослѣдствіи помѣстить какую угодно басню или, что еще страннѣе, уничтожить древнее освященное преданіе и, вмѣсто него, вставить новый вымыселъ, не могшій ни почему быть доступнѣе для разумѣнія или чувства народнаго. Кто не согласится на это, тотъ спокойно будетъ относиться къ натяжкамъ въ объясненіяхъ названій днѣпровскихъ пороговъ или именъ первыхъ князей. И потому, сколько бы ни писали многотомныхъ изслѣдованій, но если относительно главнаго вопроса, лѣтописнаго, будутъ ограничиваться предположеніями, основанными на словахъ: «вѣроятно, можетъ быть» и т. п., то всѣ эти толки не поведутъ ни къ чему, вопросъ не получитъ серьезнаго научнаго значенія.

Люди, отвергающіе лѣтописное извѣстіе о началѣ Русской Земли, признаются, что въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно ни одной легендѣ (?) такъ не посчастливилось, какъ этому свидѣтельству: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Но, признавши такое явленіе, надобно было бы прежде всего заняться его объясненіемъ: значитъ, въ этомъ свидѣтельствѣ существуютъ внутреннія условія силы, обязательности. Провѣрка извѣстій и разныхъ взглядовъ бываетъ очень затруднительна, когда исторія какого-нибудь народа не изучена всецѣло, не является въ сознаніи какъ нѣчто связное, органическое; но когда историческая наука уже достаточно окрѣпла, ходъ народной жизни представляется въ связи, преемственность ступеней развитія ясна, то повѣрка извѣстій и взглядовъ становится легкою. Такъ лѣтописныя извѣстія о IX вѣкѣ повѣряются извѣстіями объ XI и XII вѣкахъ, извѣстіями, которыхъ никто не отвергаетъ. Каждаго, внимательно изучающаго русскую лѣтопись, поражаетъ тѣсная, необходимая связь явленій, въ ней встрѣчаемыхъ, *историчность,* послѣдовательность, вѣрность общимъ законамъ развитія при извѣстныхъ условіяхъ; явленія XI и XII вѣка понятны намъ только тогда, когда мы знаемъ первыя строки лѣтописи, идемъ съ лѣтописцемъ шагъ за шагомъ. Если мы внесемъ свой произвольный взглядъ, то сейчасъ же спутаемъ ходъ событій и въ результатѣ получимъ ошибку. Предположите, напримѣръ, что русскій народъ и государство получили начало гораздо прежде того времени, на которое указываетъ лѣтописецъ, и при другихъ условіяхъ изнутри славянскихъ племенъ,—и ошибка на-лицо, ибо явленія, указанныя лѣтописцемъ, мы должны предположить совершившимися дважды, да еще поднять дѣло на ходули, иначе что же бы сталъ дѣлать сильный русскій народъ, уже давно образовавшійся? Событія послѣдующихъ вѣковъ немедленно уличатъ насъ въ ошибкѣ, ибо наша фактическая постройка никакъ не придется къ нимъ, тогда какъ лѣтописный разсказъ приходится по нимъ совершенно.

Этотъ-то драгоцѣнный характеръ нашего лѣтописца, эта историчность его извѣстій, при всей первобытной простотѣ и сухости, и принудили насъ сдѣлать приведенныя замѣчанія насчетъ мнѣнія, по которому надобно оторвать начало лѣтописи, какъ совершенно баснословное, и замѣнить догадкою Стрыйковскаго о роксоланахъ. На Западѣ стали громить древнюю римскую исторію, разгромили, не оставили камня на камнѣ, и, усталые отъ такого научнаго вандализма, съ отчаяніемъ зачеркнули древнюю исторію Рима и начинаютъ—съ середины; тогда какъ въ этихъ зачеркнутыхъ извѣстіяхъ гораздо болѣе жизни и правды, чѣмъ въ книгахъ, написанныхъ для ихъ опроверженія. У насъ относительно русской исторіи захотѣлось подражать этому подвигу хотя въ маломъ видѣ: зачеркнули Рюрика съ Олегомъ, и начинаютъ русскую исторію съ Игоря, хотя Игорь есть сынъ Рюрика, и послѣдній есть простой смертный, не ведетъ своего происхожденія отъ Марса, не сынъ весталки, — извѣстенъ очень скромною дѣятельностію, постройкою городковъ, дѣятельностію, знаменательною въ глазахъ историка, но не имѣющею ни малѣйшей миѳической окраски. Кажется, эта попытка рабскаго подражанія извѣстнымъ критическимъ пріемамъ нѣсколько запоздала: крайности этихъ пріемовъ достигли послѣдней степени, и должно ожидать поворота на новый путь, если исторической наукѣ суждено еще преуспѣвать.

Понятно, что для нашей цѣли, для охраненія исторической цѣлостности и послѣдовательности хода событій, было бы не нужно останавливаться на мнѣніи, которое принимаетъ начальныя извѣстія лѣтописца,—извѣстія о призваніи и первой

дѣятельности князей, только утверждаетъ, что эти князья были призваны отъ славянъ, и именно отъ славянъ поморскихъ или рюгенскихъ. Мы бы не остановились на извѣстной натяжкѣ того мѣста, гдѣ лѣтописецъ, говоря о варягахъ, причисляетъ къ нимъ только одни неславянскія племена, хотя очень хорошо знаетъ послѣднія, ихъ жилища; мы бы не остановились на натяжкахъ для объясненія нѣкоторыхъ, явно неславянскихъ именъ: безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ мы высказали свое мнѣніе о значеніи народности первыхъ князей и ихъ первой дружины, высказали мнѣніе, что эта народность не имѣетъ сколько-нибудь важнаго значенія. Но мы не можемъ не остановиться, когда приверженцы мнѣнія, выводящаго первыхъ князей изъ Рюгена, позволяютъ себѣ увлекаться своимъ Рюгеномъ точно такъ же, какъ такъ называемые норманисты увлекались своими скандинавами, всюду видѣли ихъ однихъ. Вотъ любопытный пріемъ: на балтійскомъ поморьи найдено нѣсколько названій, напоминающихъ *Русъ, Росъ*,—и вотъ, начиная отъ устья Вислы, идутъ по странамъ, населеннымъ литвою и восточными славянами, отыскиваютъ и, разумѣется, находятъ въ большомъ количествѣ подобныя названія, равно какъ названія, напоминающія слова: *витъ* и *радъ*, и заключаютъ, что это слѣды руссовъ-рюгенцевъ. Бѣдные восточные славяне! бѣдная литва! это были нѣмцы буквально, нѣмые, у нихъ не было языка! Они не смѣли употреблять слова, означавшія свѣтъ, блескъ, яркій цвѣтъ, казистость, видность и потому чрезвычайно плодовитыя въ своихъ производныхъ; привилегія употребленія этихъ словъ принадлежала только рюгенцамъ! Люди, рѣшившіеся употребить такой пріемъ, сами испугались и спѣшатъ оговориться: «Мы впередъ согласимся,» говорятъ они, «что иныя изъ этихъ именъ принадлежатъ общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ». Но въ такомъ случаѣ какъ же они отдѣлятъ *иныя* изъ этихъ названій, принадлежащихъ восточнымъ славянамъ, отъ названій, принесенныхъ рюгенцами? Чѣмъ докажутъ, что всѣ эти названія, какъ общія славянамъ и родственнымъ съ ними племенамъ, не явились *естественно и необходимо* вслѣдствіе занятія извѣстныхъ мѣстностей славянами, литвою, не нуждаясь вовсе для своего объясненія въ предположеніи прихода какихъ то рюгенцевъ? И если бы кто-нибудь отправился обратно съ востока на западъ, то развѣ не имѣлъ бы точно такого же права утверждать, что извѣстныя названія принесены на балтійское поморье какимъ-нибудь восточнымъ славянскимъ племенемъ, хотя бы съ береговъ рѣки Роси? Эти защитники славянскаго происхожденія варяжскихъ князей и дружинъ ихъ не хотятъ принять естественнаго для дружинъ быстраго ихъ ославяненія, приравненія къ той средѣ, въ которой утвердились, и заключаютъ, что дружина, утвердившаяся въ финскихъ областяхъ, должна была офиниться. Отвѣчаемъ: можетъ быть, тѣ дружины, которыя Рюрикъ послалъ въ Ростовъ и на Бѣлоозеро, и офинились; но какое намъ до нихъ дѣло? Вѣдь о нихъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Извѣстно одно, что уже при Владимірѣ Святомъ, послѣ принятія крещенія, отправился въ финскій Ростовъ князь Борисъ съ дружиною, совершенно славянскою или ославяненною; въ это время славянскій языкъ, сдѣлавшійся церковнымъ, богослужебнымъ, уже одинъ давалъ славянскому элементу такое значеніе, при которомъ неславяне могли принимать финскую народность, а финны славоянскую, не говоря уже о неразрывной связи князей и дружинъ ихъ съ Кіевомъ, что уничтожало для нихъ всякую возможность потерять славянскую народность.

Среди подобныхъ пріемовъ и бездоказательныхъ возгласовъ о баснѣ, извѣстія лѣтописца о началѣ Русской Земли стоятъ непоколебимо въ *силу своей* внутренней исторической правды. Въ половинѣ IX вѣка онъ приводитъ насъ на европейскую украйну [1]), въ тѣ мѣстности, гдѣ проходила граница между двумя формами, имѣющими такое важное значеніе въ нашей исторіи, между полемъ (степью) и лѣсомъ. Степь—море сухое, но обитатели этого моря представляютъ жидкій, подвижной, безформенный элементъ народонаселенія. Вѣчное движеніе осуждаетъ ихъ на вѣчный застой относительно цивилизаціи; они не чувствуютъ подъ собою твердой почвы; они не любятъ непосредственно соприкасаться съ нею, проводя время на спинѣ верблюда или лошади. Остановка ихъ на одномъ мѣстѣ коротка; они не обращаютъ вниманія на землю, не работаютъ надъ нею; ихъ животное ищетъ для себя корма и даетъ отъ себя кормъ хозяину. Ихъ дѣло: догнать живую добычу на бѣгу, поймать, убить; ихъ дѣло напасть на другихъ кочевниковъ или на осѣдлаго человѣка, ограбить, взять его въ плѣнъ; они охотники нападать, но не умѣютъ защищаться, при первомъ сопротивленіи мчатся назадъ: да и что имъ защищать? Но, убѣжавши въ степь, гдѣ никто не догонитъ, кочевникъ скоро возвращается назадъ и нечаянными разбойничьими нападеніями не оставитъ въ покоѣ осѣдлаго человѣка, живущаго на окраинѣ степи. И города не всегда спасутъ послѣдняго: толпы кочевниковъ окружаютъ городъ и голодомъ заставляютъ его сдаться. Но вѣрное спасеніе осѣдлому человѣку отъ кочевника—это лѣсъ дремучій съ его влагою, его болотами. Крѣпкій и выдержливый вообще, кочевникъ, какъ ребенокъ, боится влаги, сырости и страдаетъ отъ нихъ: поэтому онъ не пойдетъ далеко въ лѣсную сторону, скоро воротится назадъ.

Въ степи виднѣются круглыя вежи кочевниковъ, какъ громадныя постройки животныхъ, громадныя муравьиныя кучи; быстро воздвигаются онѣ, быстро исчезаютъ, складываются, ибо въ

[1]) Любопытно, что славяне у писателей носятъ названіе антовъ; санскритское слово *anta* значитъ рубежъ, край; у южныхъ славянъ *anta*—межевая насыпь.

нихъ почти нѣтъ ничего твердаго. Этой круглой вежѣ кочевника осѣдлый славянинъ противоположилъ свой крѣпкій, долго стоящій домъ, который построилъ изъ твердаго матеріала въ лѣсу или въ его близости, и любопытныя названія остались въ его языкѣ для обозначенія этого главнаго отличія его жизни въ противоположность съ жизнію кочевника. Прежде всего надобно было для построенія дома выжечь въ лѣсу мѣсто—это *огнище*, названіе, перенесенное и на самый домъ; до сихъ поръ такъ называются еще пятна, остающіяся отъ выжиги лѣса или травы въ полѣ. Это названіе для дома можетъ указывать на различіе жилища, утвержденнаго непосредственно на землѣ, освобожденной отъ лѣса силою огня, отъ первоначальнаго жилища, устроеннаго на деревьяхъ. Послѣ выжиги мѣста слѣдовало приготовленіе и прилаживаніе лѣснаго матеріала, рубка, рѣзаніе, кроеніе дерева. Отсюда выраженіе: *рубить* для построекъ; не только дома, срубы, города *рубили*, какъ выражается лѣтописецъ. Но и тутъ отъ дѣйствія происходитъ названіе и для сдѣланнаго: отъ корня *кар*, *кра* (ударять, рубить, кроить, карать) произошли названія построекъ: кремъ или кремль, кромъ (кромный городъ), храмъ, хоромъ, хоромы. Но когда постройка совершена, когда оказалось слѣдствіе рубки, кроенія, каранія, явилось зданіе, оно получаетъ имя отъ сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ на человѣка: оно стоитъ твердо, непоколебимо, его нельзя разобрать, сложить какъ вежу кочевническую, отсюда названіе: истоба, истобка, истьба, изба, то что твердо, есть, существуетъ, какъ *истое*, неподвижное [1]). Но жилище осѣдлаго человѣка, производя сильное впечатлѣніе этимъ своимъ качествомъ, производило такое же сильное впечатлѣніе формою постройки: въ противоположность круглой вежѣ кочевника, оно было угловатое, четыреугольное, «безъ четырехъ угловъ не становилось», уголъ до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ дома, отдѣльнаго, независимаго хозяйства, такъ говорится: лучше всего имѣть свой уголъ. Это выраженіе можетъ вести начало изъ глубокой древности, когда въ одномъ домѣ, принадлежавшемъ роду, по угламъ жили члены рода. Рядъ однозвучныхъ названій для постояннаго жилища и его главнаго отличія, угла (кутъ, контъ, кошъ, коштъ, кутя, куча, куштa, куща, хата) вызывалъ представленія о мѣстѣ укрытомъ, запертомъ, крѣпкомъ, нетронутомъ, цѣломъ [2]); о хозяйствѣ, казнѣ (кошъ, кошница). Наконецъ постоянное жилище славянина носитъ названіе *соба*, откуда: *собина* (собственность); это названіе относится уже къ тому времени, когда члены рода жили въ особыхъ жилищахъ, хотя обѣдать и ужинать собирались вмѣстѣ, что существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи [3]). Общій столъ служитъ самымъ рѣзкимъ признакомъ братчины, родоваго быта, тогда какъ отдѣльное жилище, свой уголъ, *собина* служитъ первою ступенью къ независимости, самостоятельности. Домъ есть первая недвижимая собственность человѣка, потомъ онъ беретъ себѣ къ дому, въ собственность, землю около дома, тогда какъ остальная земля, поля, луга, лѣса составляютъ общее владѣніе рода.

Составляя не только символъ, но и суть осѣдлой жизни, домъ, постоянное жилище требовало особенныхъ предосторожностей, чтобы было безопаснымъ, удобнымъ, ибо домъ строился надолго, навсегда. Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служила неприступная мѣстность на крутомъ берегу рѣки, въ чащѣ лѣса, не говоря уже о свайныхъ постройкахъ, объ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, на высокихъ столбахъ или деревьяхъ, объ избушкахъ, входъ въ которыя былъ такъ запрятанъ, что сказка заставляетъ путника употреблять заклинаніе: избушка, обернись къ лѣсу, задомъ, а ко мнѣ передомъ! Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служилъ *городъ*, ограда, тынъ, острогъ, ровъ, валъ. Но были враги невидимые, противъ которыхъ прежде всего надобно было принять мѣры предосторожности. При вѣрованіи въ загробную жизнь и въ сильное участіе душъ умершихъ людей въ дѣлахъ живыхъ, при господствѣ родоваго быта, прежде всего необходимо являлось представленіе о своихъ покойникахъ, о своихъ *родителяхъ* (родныхъ вообще), благопріятствующихъ своимъ, оставшимся на землѣ, и чужихъ, враждебныхъ, и потому готовыхъ дѣлать всевозможныя непріятности и бѣды. Первыхъ надобно было привлечь въ новое постоянное жилище, чтобы они были въ немъ попрежнему хозяева, покровители; послѣднихъ—отогнать отъ новаго дома; въ томъ и другомъ случаѣ нужны были особенныя дѣйствія, *чародѣйства*, буквально: духодѣйства, ибо до сихъ поръ въ областныхъ нарѣчіяхъ *чаръ* значитъ *духъ* [4]).

Мы должны были остановиться на отношеніяхъ славянина къ своему дому, ибо послѣдній составлялъ самое рѣзкое различіе его быта отъ быта кочевниковъ, съ которымъ судьба заставила его вести постоянную борьбу. Какъ осѣдлый человѣкъ откупилъ свой домъ отъ злаго духа извѣстною жертвою [5]), такъ откупалъ онъ его отъ кочевника данью, ибо первымъ дѣломъ жителя юрты или вежи было—истребить, сжечь постоянное жилище осѣдлаго человѣка,—и восточные славяне, ближайшіе къ степи, платятъ дань кочевникамъ. Было замѣчено, что это означало слабость осѣд-

¹) Тоже въ германск. stuba, въ латышск. istaba, ustuba.

²) Castus—крѣпкій, цѣлый, нетронутый, castrum, cateau, chateau.

³) Записки географич. Общ. по отд. этнографіи, VIII, 35.

⁴) Говорятъ: весной медвѣдь выйдетъ изъ берлоги такой худой, въ чемъ только *чаръ* есть.—Въ западной Пруссіи, прежде чѣмъ войти жить въ новый домъ, запираютъ въ немъ на ночь собаку или кошку, домашнихъ животныхъ по преимуществу.

⁵) Andree—Ethnographische Parallelen, 27.

лаго человѣка предъ кочевникамъ. Благодаря лѣтописцу, мы имѣемъ возможность стоять здѣсь на твердой почвѣ, слѣдить за постояннымъ развитіемъ народа шагъ за шагомъ, заставъ его въ колыбели слабымъ, безпомощнымъ младенцемъ. Но, разумѣется, стоитъ только сойти съ твердой почвы, оставить руководство лѣтописца, и сейчасъ же человѣкъ заблудится, начнутся галлюцинаціи: вмѣсто слабаго младенца, лежащаго въ колыбели, представится взрослый человѣкъ; вмѣсто розно, разбросанно по большимъ пространствамъ живущихъ родовъ, представится цѣльный, сильный народъ. Въ этомъ патологическомъ состояніи обыкновенно повторяютъ два слова: «города, торговля». Города были, торговля была: слѣдовательно, говорятъ, нельзя славянское народонаселеніе нынѣшней Россіи представлять себѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно является въ лѣтописи; христіанскій монахъ изъ ненависти къ языческимъ обычаямъ изобразилъ славянъ IX вѣка живущими, какъ звѣри, въ лѣсахъ. Но здѣсь дѣло не въ языческихъ обычаяхъ, а въ городахъ и торговлѣ. Оба эти представленія крайне неопредѣленныя и растяжимыя, обращаться съ ними надобно съ крайнею осторожностію, дѣлать о нихъ опредѣленные выводы можно только на основаніи другихъ данныхъ, а не ихъ полагать въ основаніе какихъ бы то ни было выводовъ, не давши имъ точной опредѣленности; и Петербургъ городъ, и Якутскъ также городъ. Если лѣтописецъ говоритъ, что племена жили отдѣльными родами и, въ то же время, упоминаетъ о городахъ, то здѣсь не должно предполагать никакого противорѣчія, свидѣтельство о разоренномъ, первоначальномъ бытѣ ни уничтожаетъ свидѣтельства о городѣ, но представленіе о городѣ опредѣляется извѣстіемъ о бытѣ: городъ долженъ быть огороженнымъ, укрѣпленнымъ жилищемъ рода; городъ великъ или малъ, смотря по числу членовъ рода. Наши казаки, при покореніи Сибири, встрѣчали большіе и крѣпкіе города, которые брать стоило имъ большаго труда; но эти города были жилищемъ одного большаго рода, управляемаго своимъ старшимъ или князьцемъ, какъ его называли казаки. Кіевъ до Олега постоянно назывался у лѣтописца *городкомъ*. Какое понятіе имѣли уже позднѣе о бѣдности славянъ, какъ племени сравнительно съ другими народами, показываетъ слѣдующее извѣстіе лѣтописца: Владиміръ побѣдилъ болгаръ; дядя его, Добрыня, сказалъ ему: «Я смотрѣлъ плѣнныхъ: всѣ въ сапогахъ; эти не будутъ давать дани: пойдемъ искать лапотниковъ». Въ XII вѣкѣ Кіевъ и нѣкоторые другіе города въ западной полосѣ отъ Балтійскаго до Чернаго моря были извѣстны своею большою (по тогдашнему) торговлею, были значительными городами въ настоящемъ смыслѣ слова; но это черезъ два съ половиною вѣка! Извѣстія о значеніи этихъ русскихъ городовъ будутъ намъ понятны, если мы обратимъ вниманіе на утвержденіе къ этому времени болѣе прочнаго порядка вещей на балтійскомъ побережьи, поднятіе здѣсь торговли и городовъ, ею богатыхъ, что необходимо поднимало торговое движеніе по извѣстной полосѣ Русской Земли отъ Балтійскаго моря до Чернаго, по пути «изъ варягъ въ греки». Но до половины IX вѣка условія, въ какихъ находились сосѣднія страны на сѣверозападѣ, и самая западная часть нынѣшней Россіи по варяго-греческому пути, допускали ли сильное торговое движеніе и существованіе большихъ и богатыхъ вслѣдствіе его городовъ? Но и относительно позднѣйшаго времени, при благопріятныхъ для развитія торговли и городовъ условіяхъ, мы должны очень осторожно употреблять выраженія: «сильная торговля, богатые города», ибо никакихъ статистическихъ данныхъ мы не имѣемъ, никакого опредѣленія сдѣлать не можемъ, а между тѣмъ, употребляя выраженіе «сильная торговля, богатые города», мы руководствуемся своими настоящими понятіями, которыя изъ XIX вѣка необходимо переносимъ въ XII-й, не имѣя возможности образы XII вѣка перенести къ себѣ въ XIX вѣкъ. Торговлю можно найти всюду. Нѣтъ такой дикой страны, такого свирѣпаго народа, куда бы купецъ не проложилъ себѣ пути чрезъ тысячу препятствій, лишь бы только выгодно продать и купить. Но пребываніе иностраннаго купца среди народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, вымѣнъ у нихъ естественныхъ произведеній ихъ страны, цѣнимыхъ дорого въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, вымѣнъ ихъ на ничтожныя по цѣнѣ произведенія промышленности, на нравящіяся первобытному человѣку,—такое пребываніе купца, даже довольно частое, такая торговля не производятъ никакого вліянія на бытъ народа, или вліяніе ничтожное, а между тѣмъ имѣемъ полное право говорить, что чрезъ такія-то страны и народы идетъ торговый путь.

Существованіе большихъ городовъ находится въ тѣсной связи съ густымъ, сплоченнымъ народонаселеніемъ; но можно ли такое предположить на восточной европейской равнинѣ въ половинѣ IX вѣка? Главное неудобство, которое испытываетъ Россія въ своемъ историческомъ развитіи отъ начала ея до нашего времени, состоитъ въ слишкомъ малочисленномъ народонаселеніи, разбросанномъ на слишкомъ обширныхъ пространствахъ, въ противоположность съ западною Европою, страдающею слишкомъ большимъ количествомъ народонаселенія на относительно малыхъ пространствахъ. Но если и теперь у насъ народонаселеніе не велико, то что же было 1000 лѣтъ назадъ? Явленіе объясняются, во-первыхъ, относительною суровостію климата; во-вторыхъ, положеніемъ страны на восточномъ краю Европы, которая съ сѣвера, запада и юга граничитъ съ моремъ, а на востокѣ имѣетъ сухопутную границу, границу съ Азіею, степною Азіею, изъ которой двигались на западъ хищныя кочевныя орды, которыя или истребляли встрѣчное народонаселеніе, или брали его въ плѣнъ; въ третьихъ, характеромъ страны, именно въ той ея

части, которая при борьбѣ съ кочевниками представляла удобство для осѣдлаго человѣка: это была страна, наполненная лѣсами и болотами; такою она была въ XVI и XVII вѣкахъ. Какова же она была въ IX вѣкѣ? Что лѣсъ господствовалъ въ странѣ, населенной восточными славянскими племенами, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, который говоритъ о нихъ: «Живяху въ лѣсѣхъ». У полянъ, которые, какъ видно, получили названіе свое не отъ своихъ обрабатываемыхъ полей, а отъ пограничности съ полемъ, степью, былъ городокъ, знаменитый Кіевъ, и около этого городка былъ «лѣсъ и боръ великій». Если славяне и занимались земледѣліемъ, то лѣсное звѣроловство, добыча пушнаго звѣря имѣла важное значеніе: «бяху ловяще звѣрь». Мѣхами платили дань, мѣха составляли главный предметъ торговли, мѣхами князья дарятъ другихъ владѣтельныхъ лицъ. Какой видъ и назначеніе имѣла впослѣдствіи, во времена Московскаго государства, сѣверная часть европейской Россіи и Сибирь,—такой видъ и значеніе имѣли въ IX и непосредственно слѣдовавшіе вѣка внутреннія и югозападныя области Европейской Россіи, противополагаясь, какъ лѣсная сторона южной и юго-восточной частямъ, степи, полю. Но такое обиліе лѣса, обширное звѣроловство необходимо предполагаютъ пустынность страны, рѣдкое населеніе. Обширность страны и рѣдкость населенія вмѣстѣ съ украинностію страны условливаютъ характеристическія явленія русской исторіи, русской народной жизни во все ея продолженіе. Они условливаютъ продолжительность періода движенія, періодъ волнующагося, жидкаго состоянія, когда ничего твердаго, прочнаго не могло образоваться; когда правительственное начало кружило по неизмѣримымъ пространствамъ, связывая извѣстными общими интересами, общими дѣйствіями разсѣянныя племена и области; когда дешевая и пустая земля не могла привязать къ себѣ человѣка могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношеній; когда все было похоже на *перекати-поле*. Необходимое слѣдствіе—слабость развитія органовъ народнаго тѣла и чрезвычайное усиленіе, чрезмѣрное напряженіе правительственнаго органа для внѣшней централизаціи народныхъ силъ и направленія ихъ къ общей дѣятельности, при недостаткѣ централизаціи внутренней, которая основывается на сплоченности народонаселенія и уничтожается его разбросанностію на обширныхъ пространствахъ, какія бы ни были формы жизни особыхъ его частицъ, ибо человѣкъ существо общественное и всегда создаетъ себѣ извѣстныя формы общественной жизни, въ главныхъ чертахъ одинаковыя у разныхъ народовъ, повидимому очень далеко отстоящихъ другъ отъ друга. Путешественники по дикой Африкѣ говорятъ, что среди первобытнаго чернаго народонаселенія обыкновенно встрѣчали зданія, отличающіяся отъ другихъ своею обширностію: то были мѣста сходокъ или народныхъ совѣщаній.

Обширность страны, безпрепятственность движенія, просторъ неодолимою силою тянулъ народонаселеніе, и безъ того рѣдкое и разбросанное, къ дальнѣйшему разброду. При первомъ препятствіи, которое можно было уничтожить соединенными силами, по трудности, невозможности этого соединенія, избирали уходъ, средство легкое при простотѣ быта, которая, въ свою очередь, условливается движеніемъ, привычкою къ уходу для избѣжанія всякаго препятствія. Но и безъ препятствій, безъ давленія, самый просторъ, легкость движенія приглашали къ переходу и все большей и большей разбросанности, большему разрѣженію народонаселенія. Врожденное человѣку желаніе лучшаго и недовольство настоящимъ влечетъ къ перемѣнѣ мѣста, когда нѣтъ удерживающихъ условій физическихъ и нравственныхъ; когда рѣзко ограниченная и запечатлѣнная опредѣленнымъ характеромъ мѣстность не образовала не только отдѣльной народности, внѣ которой тяжко человѣку, но даже сильнаго провинціализма; когда, куда ни пойдетъ человѣкъ, всюду найдетъ свое, по крайней мѣрѣ не найдетъ чужаго; когда еще къ тому присоединялось сманиваніе землевладѣльцами, дававшими льготы новымъ поселенцамъ. Движеніе должно было усилиться, когда и послѣднія, политическія грани между частями земли уничтожились; когда исчезли отдѣльныя княжества и Земля собралась воедино. Такъ было бы крайне односторонне, напримѣръ, приписывать покинутіе новгородскими крестьянами своихъ прежнихъ жилищъ только тяжестью новаго порядка, послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ; дѣло объясняется проще:—уничтоженіемъ послѣдней политической границы между Новгородскою и Низовою Землею. Это движеніе, условленное просторомъ, обиліемъ земли, отнимало у нея значеніе, цѣнность; ослабляло стремленіе пріобрѣтать землю въ отдѣльную собственность; земля остается въ общемъ владѣніи и тамъ, гдѣ между совладѣльцами нѣтъ родовой связи, хотя родовой бытъ, разумѣется, долженъ былъ положить первыя основанія привычкѣ къ общему землевладѣнію. Когда казацкія общества явились на неизмѣримыхъ степныхъ пространствахъ, то понятно, что земля, которую они считали своею и которой границъ сами не знали, и не желали знать, должна была находиться у нихъ въ общемъ владѣніи, тѣмъ болѣе-что главными промыслами ихъ были рыболовство и звѣроловство.

Расходомъ, расплывчивостію народонаселенія заняты были неизмѣримыя пространства въ Европѣ и Азіи, намѣчена небывалая по своей обширности государственная область. Мы имѣемъ право говорить, что Россія расширялась не завоеваніями, а колонизацією, колонизацією сухопутною, при которой занимались постепенно прилежащія страны, входившія естественно въ составъ одного государства, въ противоположность западно-европейской заморской колонизаціи, заселенію земель,

лежащихъ за океаномъ, и потому находящихся въ самой хрупкой связи съ метрополіею. Но выгоды отъ этой русской колонизаціи, занятія обширныхъ пространствъ—въ будущемъ; а изъ свидѣтельствъ прошедшаго мы видимъ, что страна при такой колонизаціи не сбывала излишка народонаселенія, но истощалась уходомъ и безъ того небольшаго народонаселенія; вслѣдствіе этого оставшимся становилось тяжело исполнять требованія государства, что, въ свою очередь, усиливало уходъ жителей, уменьшало средства народныя и государственныя, затрудняло необходимыя отправленія государства и производило замедленіе въ развитіи народной жизни.

По условіямъ природнымъ, движеніе славянской колонизаціи получило направленіе къ сѣверо-востоку вплоть до Восточнаго океана. На югѣ и юго-востокѣ, въ степи, въ полѣ, какими бы удобствами для осѣдлой жизни извѣстная мѣстность здѣсь не отличалась, мирный земледѣлецъ не смѣлъ ими пользоваться: онъ немедленно становился добычею хищнаго кочевника; ему тяжело, а наконецъ и невыносимо стало жить и на окраинахъ поля вслѣдствіе безпрестанныхъ нападеній кочевниковъ. Старая днѣпровская Русь, это европейско-христіанское государство на скиѳской почвѣ, носитъ изначала характеръ военнаго поселенія, пограничной военной линіи: князья съ своими дружинами должны въ извѣстное время выходить въ степь, чтобы провожать купцовъ, оберегать ихъ отъ кочевниковъ. Несмотря на такія средства для поддержанія торговли знаменитой матери городовъ русскихъ, Кіевъ утонулъ во время наводненія Руси кочевниками въ XIII вѣкѣ. Но не для одной торговли старая Русь должна была употреблять такія чрезвычайныя средства. Князья должны были весною отправляться въ степной походъ на кочевниковъ, чтобъ дать земледѣльцу спокойно вспахать поле: двѣ яркія черты быта Руси, какъ окраины, украины. Но черезъ шесть съ половиною вѣковъ, когда имя русское стало, по древнему выраженію, «честно и грозно» въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ; когда на дипломатическія козни враговъ Россія отвѣтила Кагуломъ и Чесмою; когда войска Екатерины II заняли Крымъ,—послѣднее убѣжище степныхъ хищниковъ на черноморскомъ прибрежьи, они вывели оттуда болѣе 10,000 русскихъ рабовъ!

1877—1879 г.

ДРЕВНЯЯ РОССІЯ.

«Персы говорятъ, что финикіяне были первыми виновниками вражды между Европою и Азіею, потому что они въ Аргосѣ похитили греческихъ женщинъ; греки старались отомстить имъ за это. Потомъ Александръ, сынъ Пріама, похитилъ Елену изъ Лакедемона. Персы говорятъ: если похищать женщинъ есть дѣло несправедливое и достойное наказанія, то, съ другой стороны, стараться мстить за подобнаго рода оскорбленія есть дѣло людей неразумныхъ. Азіатцы никогда не придавали большой важности этимъ похищеніямъ, тогда какъ греки изъ-за лакедемонянки разрушили Трою».

Такъ Геродотъ начинаетъ свой знаменитый разсказъ, который съ такимъ восторгомъ слушали греки, которому съ такимъ участіемъ внимаютъ всѣ образованные народы. Это участіе объясняется легко: Геродотъ разсказываетъ о великой борьбѣ между греками и персами, между Европою и Азіею, борьбѣ, въ которой нравственныя силы восторжествовали надъ силами матеріальными, европейское качество побѣдило азіятское количество. Наше сочувствіе къ побѣдителямъ въ этой борьбѣ возбуждается уже первыми строками Геродотова разсказа, ибо въ этихъ строкахъ мы уже ясно видимъ различіе между Европою и Азіею и причину постоянной борьбы между ними. Азіатецъ, для удовлетворенія своей чувственности, похищаетъ женщину у европейца; сынъ Пріама нарушаетъ семейную святыню, на которой зиждется европейское общество, и грекъ жестоко мститъ ему за оскорбленіе: величайшій эпосъ, оставленный намъ древнимъ міромъ, имѣетъ содержаніемъ своимъ эту месть. Азіатецъ никакъ не можетъ понять этого: мстить за похищеніе женщины онъ считаетъ дѣломъ неразумнымъ. По его мнѣнію, на такое оскорбленіе не стоитъ обращать большаго вниманія, ибо для него женщина—вещь, и потому онъ считаетъ себя въ правѣ имѣть много женъ и не заботиться, когда у него ихъ похищаютъ. Иначе смотрѣлъ на дѣло грекъ, представитель Европы, и, потому, одноженецъ: изъ-за одной лакедемонянки онъ разрушилъ Трою. Такъ великій историкъ древняго міра подмѣтилъ существенное различіе между Европою и Азіею, и обозначеніемъ его началъ разсказъ свой о борьбѣ между ними.

Борьба съ Азіею, которую должны были вести греки во все продолженіе своей исторіи, условливалась географическимъ положеніемъ страны ихъ, юговосточной европейской украйны, гдѣ поэтому съ незапамятныхъ временъ должны были происходить столкновенія европейскихъ народовъ съ азіятскими. Когда историческая жизнь Европы сосредоточивалась на берегахъ Средиземнаго

моря; когда здѣсь сосредоточивались духовныя, нравственныя силы европейскаго народонаселенія,—тогда видимъ блистательныя торжества Греціи надъ Азіею; тогда послѣдніе герои Греціи, Александръ Македонскій, успѣлъ разрушить имперію Ксеркса. По слѣдамъ героевъ греческихъ шли римскіе легіоны для завладѣнія богатыми остатками Александровой добычи, и Азія долго должна была признавать владычество Европы. Но когда историческая жизнь начала отливать съ юга Европы на сѣверъ; когда Греція и Римъ передали свою дѣятельность новымъ, молодымъ народамъ, германцамъ на западѣ и Славянамъ—на востокѣ: тогда Азія начала опять наступательныя движенія на юговосточную европейскую украйну. Несмотря на то, что здѣсь Римская имперія сосредоточила послѣднія свои силы, Новый Римъ, Византія, сравнительно съ новыми, юными государствами Европы, представляла одряхлѣвшее зданіе и потому не могла долго выносить тяжелыхъ ударовъ азіятскаго народа. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ европейскихъ странъ добычею Азіи сдѣлалась именно та знаменитая страна, которая въ древности прославилась своимъ торжествомъ надъ Азіею; представительница древняго міра, Византія, пала предъ турками въ то время, когда новыя государства на двухъ противоположныхъ концахъ, Россія на сѣверовостокѣ, Испанія—на югозападѣ, отбились съ торжествомъ отъ азіатцевъ, Россія—отъ татаръ, Испанія—въ аравитянъ.

Подобно юговосточной европейской украйнѣ, Греціи, сѣверовосточная европейская украйна, принявшая съ половины IX вѣка названіе Руси, Россіи, по природному положенію своему, должна была вести постоянную борьбу съ азіатцами, первая принимаетъ на себя ихъ удары. Въ то время, какъ юговосточная украйна, Греція, съ такимъ успѣхомъ, съ такою славою отбивалась отъ персовъ, сѣверовосточная украйна, сколько знала ее тогда исторія, находилась подъ владычестомъ кочевыхъ азіатцевъ, которымъ осѣдлое народонаселеніе рабствовало. Такой порядокъ вещей продолжался до половины IX вѣка по Р. Х. Славянскія преданія сохранили память объ азіатскихъ движеніяхъ, объ этихъ исполинахъ (обрахъ, аварахъ), гордыхъ своею матеріальною силою и любящихъ показывать эту силу надъ существами слабыми, что такъ противно тѣмъ нравственнымъ понятіямъ, которыми отличались народы европейскіе: преданіе говоритъ, что когда нужно было ѣхать обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни коня, ни вола, но приказывалъ впрягать по три, по четыре или по пяти женщинъ. Были обры, продолжаетъ то-же преданіе, тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ, всѣ померли, не осталось ни одного; есть поговорка на Руси и теперь: «Погибли какъ обры». Но гибель обровъ не спасла славянъ отъ ига другихъ азіятцевъ. Только съ основанія Русскаго государства начинается освобожденіе славянскихъ племенъ, осѣдлаго европейскаго народонаселенія восточной украйны отъ ига кочевыхъ и полукочевыхъ азіатцевъ. Новое государство беретъ на себя удары степныхъ хищниковъ, долго борется съ перемѣннымъ счастіемъ. Но вотъ въ XIII вѣкѣ Азія, вслѣдствіе сильнаго движенія въ степяхъ своихъ, высылаетъ на западъ безчисленныя толпы кочевниковъ: Русь склоняется передъ ними, но не погибаетъ подъ ихъ ударами; собираетъ силы; и, въ то время, какъ Византія падаетъ предъ турками, Россія, Московское государство торжествуетъ надъ татарами и начинаетъ въ свою очередь наступательное движеніе на Азію. Что же дало Россіи силы устоять противъ Азіи и потомъ явиться великою державою среди державъ европейскихъ? Эти силы долженствовали быть силы нравственныя, ибо матеріальныя были безспорно на сторонѣ Азіи.

Въ человѣкѣ признаки дряхлой старости бываютъ одинаковы съ признаками слабаго младенчества. Такъ бываетъ и въ обществахъ человѣческихъ; одряхлѣвшая Римская имперія оканчиваетъ бытіе свое раздѣленіемъ; видимымъ раздѣленіемъ начинаютъ бытіе свое новыя государства европейскія, вслѣдствіе слабости несложившагося еще организма. Во внутреннихъ борьбахъ гибнутъ государства устарѣвшія; сильную внутреннюю борьбу видимъ и въ государствахъ новорожденныхъ. И древняя русская исторія, до половины XV вѣка, представляетъ безпрерывныя усобицы: «Тогда земля сѣялась и росла усобицами; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался. Тогда по Русской Землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы; часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу. Сказалъ братъ брату: это мое, а это мое же: и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на Землю Русскую. Встоналъ Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по Русской Землѣ». Русь превратилась въ станъ воинскій; бурнымъ страстямъ молодаго народа открыто было широкое поприще; сильный безнаказанно угнеталъ слабаго. Какъ же могло существовать общество при такихъ обстоятельствахъ? Чѣмъ спаслось оно?

Общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частнымъ интересомъ интересу общему. Общество образовалось не по контракту, какъ думали въ XVIII вѣкѣ; члены первоначальнаго общества не договаривалось жертвовать личнымъ интересомъ общему; но, какъ провозгласилъ великій философъ древности, человѣкъ есть животное общественное, и потому первоначальное, естественное общество человѣческое, семейство, уже основано на жертвѣ: отецъ и мать перестаютъ жить для самихъ себя и живутъ для существъ, отъ нихъ рожденныхъ. Общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе

между его членами сознаніе, что основа общества есть жертва: Греція была на вершинѣ внутренней силы и могущества, когда за нее умиралъ Леонидъ; Римъ—когда за него умиралъ Децій; и благо тому обществу, гдѣ молодое поколѣніе воспитывается въ сочувствіи Леонидамъ и Деціямъ, въ сочувствіи безсмертнымъ твореніямъ, прославляющимъ ихъ подвиги. Но если основа общества есть жертва, если общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе сознаетъ эту основу свою: то понятно, какъ могущественно должна содѣйствовать укрѣпленію общества религія, проповѣдующая Великую Жертву, принесенную за міръ.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ по основаніи государства, религія христіанская была провозглашена господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія, въ трудныя времена государственнаго младенчества, поддерживала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни,—юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ. Но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимою стремительностію влекла къ паденію, та же самая сила помогла человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охрапявшія тѣло отъ разрушенія. Какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часто были насилія: такъ же сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей; такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы; такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріальною. Навстрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію,—выходилъ монахъ, и, въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь, и просить другого болѣе почетнаго—мантіи монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество; отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди, и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны, и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ. Общество спаслось тѣмъ, что, внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это-то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно-то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода въ бытъ лучшій. Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго европейца; юность, условливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру; юность, стремительно увлекавшая ко злу и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ:—эта юность даетъ историку ключъ къ уразумѣнію характера дѣйствующихъ лицъ. Нѣкоторые, напримѣръ, обнаруживаютъ сомнѣніе относительно вѣрности лѣтописныхъ извѣстій о знаменитомъ Ермакѣ, сперва буйно разгуливавшемъ по Волгѣ, широкому раздолью казацкому, а потомъ, во время сибирскаго похода, сдѣлавшемся чрезвычайно религіознымъ, наложившемъ на себя и на всю дружину свою обѣтъ цѣломудрія. Но если мы не хотимъ вѣрить лѣтописцу, подозрѣваемъ его въ намѣренномъ измѣненіи характера, не понимаемъ быстраго перехода отъ волжскаго казака къ благочестивому предводителю, который даетъ своему походу значеніе религіозное, то должны повѣрить древней народной пѣснѣ, которая представляетъ своихъ героевъ вполнѣ соотвѣтственно характеру времени. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко Святымъ мѣстамъ, подвигъ вовсе не соотвѣтствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: «Смолоду много было бито, граблено, подконецъ надо душу спасти». Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный смолоду насиліями, вдругъ

приходилъ въ сознаніе своей грѣховности и спѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь и тамъ, и на востокѣ, и на западѣ, общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія—признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія. Общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріальныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство; подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа среднихъ вѣковъ, и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантіею инока мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться, хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовскомъ полѣ бились два монаха; на Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ средніе вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

Между тѣмъ общество мужало; Земля собиралась; утверждалось единовластіе. Но эти явленія не могли произойти безъ борьбы, борьбы тяжелой, кровавой; ибо все, что держалось старымъ порядкомъ вещей, все, что находило въ его сохраненіи свои выгоды, должно было бороться отчаянно. Въ такихъ отчаянныхъ борьбахъ не бываетъ хладнокровія, не бываетъ умѣренности; дѣйствуя по инстинкту самосохраненія, противники не щадятъ другъ друга; падшимъ нѣтъ пощады. Таковы были на Руси послѣднія усобицы княжескія; такова была борьба государей Московскихъ съ притязаніями людей, смотрѣвшихъ назадъ, которымъ новый порядокъ вещей не представлялъ тѣхъ выгодъ, какія представляла старина. Борьба эта, начавшаяся во времена Іоанна III, продолжавшаяся при сынѣ его Василіи, доведена была до страшныхъ крайностей при Іоаннѣ IV. При борьбѣ съ такимъ характеромъ, при развитіи чувства самосохраненія, при частыхъ насиліяхъ, къ которымъ привыкли, гражданскія чувства, на которыхъ зиждется общество, ослаблялись все болѣе и болѣе; сознаніе о необходимости пожертвованія частнымъ благомъ общему, о необходимости безкорыстнаго исполненія общественныхъ обязанностей затмѣвалось; на происходившее отсюда зло слышались отовсюду громкія жалобы, зло сознавалось, но не сознавались настоящія, дѣйствительныя средства для его уничтоженія. Общество показывало признаки страшной внутренней болѣзни, и, въ то же время, на границахъ государства, въ степяхъ, толпились люди, разрознившіе свои интересы съ интересами государства,—люди, хотѣвшіе жить чужимъ трудомъ; люди, искавшіе въ степяхъ безнаказаннаго удовлетворенія своимъ противуобщественнымъ привычкамъ; какъ хищныя птицы, они толпились около пораженнаго тяжелою болѣзнію тѣла, ожидая удобной минуты безпрепятственно напасть на него. Они ждали недолго; Смутное время начиналось.

Оно началось кровью младенца, пролитою въ Угличѣ. За убійствомъ слѣдовалъ обманъ; явился самозванецъ, Лжедимитрій, или заставили его явиться. Когда это орудіе оказалось болѣе ненужнымъ и опаснымъ, то отъ него поспѣшили избавиться, съ помощію заговора, обмана, мятежа, убійства; закричали, что поляки бьютъ того, кого большинство признавало царемъ Димитріемъ; граждане, не участвовавшіе въ заговорѣ, бросились защищать этого Димитрія; но имъ выкинули обезображенный трупъ его, крича, что онъ былъ злодѣй, обманщикъ, еретикъ и чернокнижникъ. Его мѣсто занялъ новый царь, главный участникъ въ гибели своего предшественника. Недавно области получили изъ Москвы извѣстіе, что Годуновъ былъ похититель престола, что законный наслѣдникъ, сынъ царя Іоанна, явился и низложилъ Годуновыхъ; области повѣрили, ибо привыкли вѣрить извѣстіямъ, приходившимъ къ нимъ изъ Москвы. Но вотъ приходитъ къ нимъ другая вѣсть изъ Москвы: что тотъ, кого Москва признала Димитріемъ, истиннымъ сыномъ царя Іоанна, обманулъ ее, явился еретикомъ, чернокнижникомъ, вслѣдствіе чего и погибъ, а на мѣстѣ его сидитъ другой, котораго области должны признавать царемъ законнымъ. Вслѣдствіе этого признанія въ обманѣ, вслѣдствіе темноты дѣла, отсутствія подробностей въ извѣстіяхъ о немъ, рушилась нравственная связь между Москвою и областями, которыя потеряли къ ней довѣріе; явились смуты, колебаніе, шатость, по тогдашнему выраженію. Не знали, кому и чему вѣрить, когда опять явился Димитрій съ объявленіемъ, что онъ спасся отъ вторичнаго покушенія на его жизнь; потерявши вѣру въ одно законное, всѣми признанное, впали естественно въ суевѣріе, начали вѣрить всѣмъ и всему; духъ лжи повѣялъ гибелью на государство. Вслѣдствіе потери довѣрія и сочувствія ко власти, въ Москвѣ пребывающей; вслѣдствіе отсутствія твердой опоры нравственной, у гражданъ добрыхъ отнялись духъ и руки; у злыхъ же, напротивъ, развязались руки на всякое зло: имъ открылась полная возможность преслѣдовать свои личныя, корыстныя цѣли въ ущербъ пользѣ общественной. Толпы степныхъ отверженниковъ общества потянулись на опустошеніе государства подъ знаменами разноименныхъ самозванцевъ; къ нимъ примкнуло много внутреннихъ отверженниковъ общества, воспользовавшихся случаемъ пожить на чужой счетъ; люди болѣе значительные, которые не надѣялись получить почестей и выгодныхъ мѣстъ отъ Шуйскаго въ Москвѣ, потянулись къ царику въ Тушино; когда царикъ

ослабѣлъ, стали продаваться королю Польскому за богатыя пожалованія. Отъ этого страшнаго разврата, отъ принесенія общей пользы въ жертву личнымъ разсчетамъ и корыстямъ, государство быстрыми шагами шло къ погибели, становилось предметомъ презрѣнія и посмѣянія для народовъ сосѣднихъ, уже заранѣе дѣлившихъ легкую добычу.

Между добрыми гражданами обнаружилось движеніе для поданія помощи государству; но это движеніе сначала обнаружилось во имя матеріальныхъ интересовъ, нарушаемыхъ приверженцами Тушинскаго вора, причемъ у гражданъ выказалось также колебаніе, равнодушіе, а все это не могло произвести движенія сильнаго, единодушнаго. Устюжане писали къ вычегодцамъ: «Въ Ярославлѣ правятъ тушинцы по осьмнадцати рублей съ сохи, а у торговыхъ людей у всѣхъ товары переписали и въ полки отсылаютъ. Пожалуйте, помыслите съ міромъ крѣпко, и не спѣшите крестъ цѣловать (Лжедимитрію); не угадать, на чемъ совершится; если послышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю Русскую Землю, то еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать». Устюжане рѣшили не цѣловать креста тому, кто называется царемъ Димитріемъ, стоять накрѣпко и людей собирать.—Не будемъ цѣловать крестъ тому, кто называется царемъ Димитріемъ, говорили граждане: слѣдовательно они вовсе не убѣждены въ самозванствѣ Тушинскаго царика и потому не убѣждены въ законности Шуйскаго; не будемъ цѣловать крестъ, ибо приверженцы Тушинскаго царя разоряютъ поддавшіеся имъ города: ясно, что побужденіемъ къ сопротивленію служатъ одни матеріальные интересы; подождемъ, до насъ далеко, еще успѣемъ крестъ поцѣловать Димитрію, если онъ возьметъ верхъ надъ соперникомъ своимъ: эти слова показываютъ господствующую мысль объ однихъ себѣ.

Съ такими господствующими мыслями нельзя было спасти государства. Приведенные въ ужасъ неистовствами самозванцевъ, граждане ждали спасенія отъ успѣховъ племянника царскаго, князя Скопина-Шуйскаго; на него возлагали всю надежду, въ немъ видѣли точку опоры для настоящаго и будущаго. Но Провидѣнію угодно было путемъ испытаній довести Московское государство до полнаго очищенія; Провидѣнію не угодно было, чтобъ государство спаслось—вѣрою въ человѣка, и Скопинъ-Шуйскій умеръ внезапною смертію. Поляки и Лжедимитрій явились подъ Москвою, которая должна была выбирать между ними и выбрала въ цари Владислава: но отецъ его, Сигизмундъ, захотѣлъ самъ царствовать въ Москвѣ,—Сигизмундъ притѣснитель православія въ своихъ владѣніяхъ. Вѣрѣ отцовъ стала грозить страшная опасность отъ замысловъ Сигизмундовыхъ; интересъ высшій, духовный, интересъ религіозный выступаетъ на первое мѣсто, отстраняя всѣ другіе матеріальные интересы, и чрезъ это открывается возможность къ спасенію. Земля встала; собралось ополченіе и пошло для очищенія Москвы отъ поляковъ. Но ополченіе это не имѣло успѣха, ибо полнаго нравственнаго очищенія еще не было. Во главѣ ополченія стоялъ Ляпуновъ, человѣкъ даровитый, съ природою сильною, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ плоти и крови, человѣкъ, дававшій полную волю своимъ страстямъ, менѣе всякаго другого способный сознать, что основа общества есть жертва; что для успѣха общаго святаго дѣла необходимо принести самую тяжелую для человѣка жертву, пожертвовать страстями своими. «Отецкимъ дѣтямъ», говоритъ лѣтописецъ, «было много отъ Ляпунова позору и безчестія, не только дѣтямъ боярскимъ, но и самимъ боярамъ: придутъ къ нему на поклонъ и долго дожидаются у его избы, пока выйдетъ; никого не пускалъ къ себѣ прямо, и, при малѣйшемъ прекословіи, при малѣйшемъ неудовольствіи, бранныя рѣчи сыпались на всѣхъ безъ разбора». Помраченный страстями, умъ Ляпунова не могъ понять, что дѣло чистое можетъ быть совершено только людьми чистыми; страсти не позволяли Ляпунову никогда разбирать средствъ для достиженія цѣли. Изъ ненависти къ Шуйскому, изъ желанія дѣйствовать на первомъ планѣ, онъ самъ стоялъ прежде подъ знаменами самозванца, и теперь пригласилъ хищныя толпы Заруцкаго, Просовецкаго и другихъ дѣйствовать заодно съ добрыми гражданами, съ служилыми людьми государства для его очищенія. Ляпуновъ палъ жертвою этого непониманія дѣла: казаки убили его. Но тутъ всего яснѣе обнаружилось, какъ, вслѣдствіе тяжелыхъ испытаній, нравственныя силы общества уже были напряжены; какъ лучшіе люди достигли до сознанія о необходимости жертвы; явился признакъ выздоровленія общественнаго тѣла: при убійствѣ Ляпунова, врагъ его, Ржевскій, бросился къ нему на помощь и палъ вмѣстѣ съ нимъ подъ ударами убійцъ.

Общество, въ которомъ граждане умѣютъ умирать, какъ умеръ Ржевскій, не можетъ погибнуть вслѣдствіе гибели одного человѣка. Города, объявляя другъ другу о гибели Ляпунова, не обнаруживаютъ нисколько признаковъ отчаянія въ дѣлѣ спасенія государства; напротивъ, показываютъ твердую рѣшимость продолжать начатое дѣло; они пишутъ: «Подъ Москвою, промышленника и побораттеля по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную вѣру и за Московское государство, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили. Но мы всѣ сговорились, чтобъ быть намъ всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, за Московское государство стоять и держать приговоръ крѣпко, до тѣхъ поръ, пока намъ дастъ Богъ на Московское государство государя; и выбрать бы намъ на Московское государство государя всею Землею Россійской державы; а если казаки станутъ выбирать государя по своему изволенію, одни, не сославшись со всею Землею, то намъ такого государя на государство не хотѣть». И, дѣйствительно, несмотря на временное торжество шаекъ Заруцкаго и Просовецкаго, присягнувшихъ третьему самозванцу по смерти Ляпунова; несмотря

на то, что враги внѣшніе овладѣли и Смоленскомъ и Новгородомъ Великимъ; несмотря на то, что матеріальныя силы государства были повсюду поражены: нравственныя его силы росли день ото дня. Среди немощи человѣческой слышался голосъ Бога живаго, — и мертвое оживлялось, какъ нѣкогда предъ очами пророка; кость слагалась съ костію и облекалась плотію, и вѣялъ духъ. Явилось сознаніе о необходимости всеобщаго нравственнаго очищенія, сознаніе, выразившееся во всеобщемъ строгомъ постѣ, и вотъ наконецъ послышались слова, которыя показывали ясно, что общество, путемъ испытаній, поняло, наконецъ, что должно его спасти; поняло, что основа общества есть жертва: «Будетъ намъ похотѣть помочь Московскому государству», говорилъ Мининъ въ Нижнемъ-Новгородѣ: «то не жалѣть намъ животовъ своихъ, не жалѣть — и дворы свои продавать, и женъ и дѣтей закладывать». Что говорилъ Мининъ, то было на мысли, то было на сердцѣ у всѣхъ, и потому всѣ встали на слова Минина. Поднялись послѣдніе, основные, коренные люди. Бури Смутнаго времени смели людей, болѣе или менѣе слабыхъ нравственно, способныхъ колебаться, шататься, подобно Ляпунову, увлекаться въ разныя стороны страстями своими; теперь дѣло дошло до людей крѣпкихъ, основныхъ, которые противопоставили бурямъ, поднятымъ врагами внутренними и внѣшними, несокрушимую нравственную твердость. «Какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми», говоритъ лѣтописецъ, «такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ». Второе ополченіе достигло своей цѣли, успѣло очистить государство: во главѣ его стоялъ человѣкъ, по характеру своему вовсе непохожій на Ляпунова. Пожарскій умѣлъ говорить: «Еслибъ теперь такой столбъ, какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, былъ здѣсь, то за него-бъ всѣ держались; и я-бъ за такое великое дѣло мимо его не принялся; а теперь меня бояре и вся Земля къ такому дѣлу силою приневолили». Будучи главнымъ вождемъ ополченія, Пожарскій умѣлъ подписывать свое имя въ земскихъ грамотахъ на десятомъ мѣстѣ, уступая первыя девять мѣстъ людямъ болѣе сановнымъ; слѣдовательно Пожарскій умѣлъ жертвовать тѣмъ, чего Ляпуновъ никакъ не могъ принести въ жертву общему дѣлу. Съ другой стороны, опытъ Ляпунова научилъ вождей ополченія, что дѣло чистое можетъ быть совершено только людьми чистыми, и потому они отреклись отъ союза съ шайками Заруцкаго.

Москва была очищена; избранъ государь всею Землею. Послы отъ Собора отправились въ Кострому бить челомъ новоизбранному, чтобъ принялъ царство. Мать молодаго Михаила возражала, что сынъ ея въ несовершенныхъ лѣтахъ; что люди Московскаго государства измалодушествовались, прежнимъ государямъ не прямо служили; что государство разорилось до конца, и новому государю нечѣмъ служилыхъ людей жаловать, свои обиходы полнить и противъ недруговъ стоять. Послы отвѣчали ей, что теперь не прежнее время; что тяжелое испытаніе очистило, умудрило людей; что они понаказались всѣ, и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Въ подобныя времена, великія слова не произносятся всуе, но сопровождаются великими дѣлами: соборные послы утверждали передъ новоизбраннымъ царемъ, что люди Московскаго государства понаказались, очистились, поняли на чемъ зиждется общество, получили способность жертвовать всѣмъ для общаго дѣла—и Сусанинъ падаетъ за Михаила. У народовъ существуетъ повѣрье, что никакое зданіе не прочно безъ жертвы: возрожденное русское общество послѣ бурь Смутнаго времени могло обѣщать себѣ прочность: оно основывалось на крови Ржевскаго, Сусанина и многихъ другихъ безыменныхъ жертвъ.

Великій подвигъ былъ совершенъ; но очистителямъ государства предстоялъ подвигъ еще болѣе великій, еще болѣе трудный: имъ предстояло продолжать дѣло нравственнаго очищенія; имъ предстояло отыскиваніе средствъ, чрезъ которыя между гражданами распространялись бы познанія обязанностей гражданскихъ: познанія того, на чемъ зиждется благосостояніе общества; познанія своего отечества; познанія, чрезъ которыя всякій могъ быть полезенъ отечеству, содѣйствовать его процвѣтанію, его славѣ. Нравственное очищеніе и совершенствованіе возможно только при сознаніи несовершенствъ и при твердой рѣшимости отъ нихъ избавиться: и вотъ Россія XVII вѣка громко вопіетъ противъ этихъ нравственныхъ недостатковъ; правительство церковное и гражданское въ сильныхъ, безпощадныхъ выраженіяхъ указываетъ на общественныя язвы, требуя ихъ исцѣленія, употребляя къ тому средства, вооружаясь противъ людей, которые не сознавали того, что гражданинъ прежде всего долженъ имѣть въ виду общее благо, а не частныя корыстныя цѣли. Такое глубокое сознаніе своихъ несовершенствъ, такое сильное, искреннее, горячее исканіе выхода въ положеніе лучшее не могли не принести плода: средство упрочить крѣпость, благосостояніе и величіе государства было найдено; это средство было просвѣщеніе. Восточная Греческая Церковь, которой, въ ея тяжкомъ положеніи, были такъ дороги благосостояніе и слава Россіи, единственной независимой православной державы,— Восточная Церковь устами одного изъ своихъ святителей благословила новый путь, на который вступала Россія: «Если бы меня спросили», говорилъ Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, «еслибъ меня спросили: какіе столпы Церкви и государства? — то я бы отвѣчалъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ—училища и въ третьихъ— училища». Убѣжденіе въ этой истинѣ укоренялось все болѣе и болѣе между русскими людьми, и царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ объявилъ, что подобно Соломону, онъ ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, «царскихъ должностей родительницѣ, всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совер-

шительницѣ, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруются».

Такова была древняя Россія. Уже давно, съ прошлаго вѣка, въ нашей исторической литературѣ поднятъ вопросъ о характерѣ древней Россіи, о ея отношеніи къ новой. Уже давно нѣкоторые писатели наши, оскорбленные упрекомъ иностранцевъ, а также и русскихъ, вторившихъ этимъ упрекамъ, старались показать, что предки наши и до XVIII вѣка не были варварами. Для этого они старались доказать, что предки наши издавна имѣли законы, много похвальныхъ обычаевъ, промышленность, вели торговлю и даже очень обширную, оставили намъ множество письменныхъ памятниковъ и т. п. Но эти доказательства убѣждали немногихъ, ибо возражать на нихъ было легко. Турки, персіяне, китайцы, индѣйцы имѣютъ законы, похвальные обычаи; занимаются съ большимъ успѣхомъ извѣстными отраслями промышленности, ведутъ торговлю, хранятъ въ архивахъ своихъ много письменныхъ памятниковъ, и, несмотря на все это, слывутъ варварами; во-вторыхъ, въ древней Россіи легко было найти много такихъ явленій, которыхъ никакъ нельзя было защитить! Варварство и не варварство народа, въ извѣстную эпоху его бытія, опредѣляются по другимъ признакамъ: варварскій народъ тотъ, который сдружился съ недостатками своего общественнаго устройства, не можетъ понять ихъ, не хочетъ слышать ни о чемъ лучшемъ; напротивъ, народъ никакъ не можетъ назваться варварскимъ, если, при самомъ неудовлетворительномъ общественномъ состояніи, сознаетъ эту неудовлетворительность и стремится выйти къ порядку лучшему; при этомъ, чѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ онъ на своемъ пути къ порядку, тѣмъ выше его подвигъ; если онъ преодолѣваетъ ихъ, тѣмъ болѣе великимъ является такой народъ передъ исторіею. Итакъ были ли наши предки варварами?

Брошенные на край Европы, оторванные отъ общества образованныхъ народовъ, въ постоянной борьбѣ съ азіатскими варварами, подпадая даже игу послѣднихъ, русскіе люди неутомимо совершали свое великое дѣло, завоевывая для европейско-христіанской гражданственности неизмѣримыя пространства отъ Буга до Восточнаго океана, завоевывая не оружіемъ воинскимъ, но преимущественно мирнымъ трудомъ; русскій народъ долженъ былъ самъ все создавать для себя въ этой странѣ дикой и пустынной. Находясь въ обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ, предоставленные самимъ себѣ, предки наши никогда не утрачивали европейско-христіанскаго образа. Ни одинъ вѣкъ нашей исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ коснѣнія; въ каждомъ замѣчается сильное движеніе и преуспѣяніе. Послѣ сильнаго движенія, имѣвшаго слѣдствіемъ намѣченіе границъ государственной области, собраніе племенъ съ одной стороны и принятіе христіанства— съ другой, наступаетъ періодъ, знаменуемый господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній. Князья борются другъ съ другомъ вслѣдствіе своихъ родовыхъ счетовъ; а между тѣмъ дѣло внутренняго порядка идетъ впередъ: христіанство распространяется; общество постоянно выдѣляетъ изъ среды себя людей, которые словомъ и дѣломъ даютъ силу нравственнымъ началамъ. Славяно-русская колонизація распространяется все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ, основываются города, населяются пустыни. Народонаселеніе изъ племеннаго быта переходитъ въ областной, находитъ средоточіе свое въ главныхъ городахъ областей, стольныхъ городахъ княжескихъ. И эти области, несмотря на видимую особность свою, имѣютъ общее средоточіе, имѣютъ общій главный интересъ, вслѣдствіе этихъ же родовыхъ княжескихъ отношеній; потому что, благодаря единству княжескаго рода и происходящему отсюда перемѣщенію князей съ одного стола на другой, перемѣна, происшедшая въ Кіевѣ, отзывается въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и Суздалѣ, и поэтому всѣ части Россіи живутъ одною общею политическою жизнію. Несмотря на громадныя пространства, на которыхъ разсѣялось русское народонаселеніе, въ немъ все болѣе и болѣе укореняется сознаніе о своемъ единствѣ. Южная, днѣпровская Русь сходитъ съ главной сцены: на ея мѣсто выступаетъ Русь сѣверная съ новымъ характеромъ, съ новою дѣятельностію; начинается собираніе Земли, утвержденіе единовластія. Оканчивается это трудное дѣло. Новое государство Московское, продолжая борьбу съ Азіею, въ то же время обращаетъ взоры на Западъ, къ тѣмъ европейскимъ государствамъ, которыя были поставлены въ болѣе благопріятныя обстоятельства, и старается усвоить себѣ плоды цивилизаціи. Но и тутъ новыя трудности, требующія новыхъ подвиговъ. Россія должна завоевывать плоды европейской цивилизаціи, ибо сосѣднія государства, боясь ея могущества, не хотятъ допустить ее до свободнаго пользованія этими плодами. Польскій король Сигизмундъ-Августъ такъ писалъ Англійской королевѣ Елизаветѣ о причинахъ, заставившихъ его препятствовать нарвской торговлѣ: «Московскій государь день ото-дня увеличиваетъ свое могущество, благодаря тому, что получаетъ онъ чрезъ Нарву: ибо сюда привозится оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное: мало того, сюда пріѣзжаютъ сами художники и привозятъ къ нему свое искусство; эти средства доставили ему возможность побѣждать всѣхъ. Вашему величеству, конечно, извѣстно его могущество. Мы до сихъ поръ побѣждали его тѣмъ только, что онъ былъ лишенъ искусства, не зналъ цивилизаціи. Но если приходъ кораблей къ Нарвѣ будетъ продолжаться, то что останется ему неизвѣстнымъ?» И вотъ русскіе люди съ береговъ Волги, гдѣ боролись со гнѣздомъ татарскихъ хищниковъ, должны были отправляться въ походъ на западъ, къ берегамъ балтійскимъ, чтобы завоевывать цивилизацію, чтобы имѣть возмож-

ность не бояться Азіи. Такимъ образомъ, эти мнимые варвары являются предъ исторіею борцами за цивилизацію и на Востокѣ и на Западѣ; а когда наступили внутреннія смуты, какую способность къ очищенію показали русскіе люди, какіе подвиги совершили, какіе жертвы принесли! А потомъ этотъ громкій вопль, слышимый въ продолженіе XVII вѣка, вопль противъ общественныхъ и нравственныхъ безпорядковъ, неутомимое исканіе средствъ выйти изъ положенія, недостаточность котораго была сознана, и наконецъ отысканіе этихъ средствъ:—вотъ подвиги предковъ нашихъ, предъ которыми благоговѣйно и признательно должны мы преклониться. Вѣчная слава имъ за то, что они не умѣли помириться со зломъ; что они постоянно и неутомимо искали выхода къ добру.

Но если подвигъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе препятствій къ его совершенію; если подвиги предковъ велики, потому что они постоянно должны были вести тяжелую борьбу съ азіатскими ордами, потому что русскій славянинъ, населитель и цивилизаторъ неизмѣримыхъ пустынныхъ пространствъ восточной Европы и сѣверной Азіи, долженъ былъ одною рукою вести плугъ по землѣ, имъ очищенной, а въ другой держать оружіе для защиты себя и своего благодѣтельнаго труда отъ степнаго хищника; если для предковъ нашихъ, съ этою тяжелою борьбою противъ Азіи, соединялся еще болѣе тяжелый трудъ установленія внутренняго порядка, дѣла труднаго, медленнаго уже по самой громадности государственнаго тѣла; если древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіанскихъ народовъ, отрядомъ, выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто, гдѣ онъ безпрерывно долженъ бороться съ врагами, подвергаться въ то же время непогодѣ и всякаго рода лишеніемъ: то когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвратятся, чтобъ занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели, вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ, мы станемъ укорять ихъ за то, что они явятся передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненые, покрытые пылью и кровью? Древнее русское общество имѣетъ безспорно много черныхъ, непривлекательныхъ сторонъ: но должны ли онѣ смущать насъ, когда мы знаемъ, что предки не мирились съ этими сторонами, искали средства избавиться отъ нихъ, нашли и передали его намъ?

Если же наука представляетъ предковъ нашихъ не только не варварами, но борцами за цивилизацію, людьми, сохранившими высокую способность не мириться со зломъ, неутомимо и побѣдоносно съ нимъ боровшимися; если, при внимательномъ изученіи жизни ихъ, многотрудной, суровой и подвижнической, можетъ возбуждаться только чувство удивленія и благодарности, а не упрекъ: то, съ другой стороны, какое значеніе могутъ имѣть попытки тѣхъ людей, которые стараются расцвѣтить и разукрасить эту суровую и многотрудную жизнь предковъ, нашить яркія заплаты на ихъ простую одежду? Что могутъ прибавить къ славѣ древнихъ русскихъ людей—утвержденія, что они давно уже чеканили свою монету; что они еще до Рюрика производили обширную торговлю; что они имѣли важныя общественныя учрежденія еще во времена Русской Правды, первая статья которой говоритъ: «Если убьетъ человѣкъ человѣка, то убійцѣ долженъ мстить такой-то и такой-то родственникъ убитаго»? Прибавить къ славѣ предковъ подобныя утвержденія не могутъ, но убавить могутъ очень много; ибо когда обнаруживаются средства, то необходимо раждается упрекъ: зачѣмъ же не воспользовались этими средствами; зачѣмъ, съ ихъ помощію, не скоро вышли изъ того состоянія, которое признано было неудовлетворительнымъ? Не говоримъ уже о вредѣ, который наносится этими утвержденіями правильному пониманію отечественной исторіи: ибо читатель, видя общество расцвѣченнымъ вначалѣ и не находя соотвѣтствующихъ этому явленій послѣ, необходимо приходитъ къ мысли, что общество не преуспѣвало, но шло назадъ. Здѣсь дѣло идетъ не о чисто ученныхъ вопросахъ, какъ напримѣръ: вѣкомъ ранѣе или вѣкомъ позднѣе начали у насъ бить монету? какъ обширна была торговля въ древней Россіи? кѣмъ построена извѣстная церковь—византійскими, западными или русскими художниками? Дѣло идетъ не о подмѣчаніи любопытныхъ учрежденій и обычаевъ, не объ отысканіи связи между ними и послѣдующими учрежденіями и обычаями; дѣло идетъ о той неприличной, вредной для науки раздражительности, съ какою рѣшаются эти вопросы. Явится статья, въ которой доказывается, что извѣстное полезное учрежденіе, извѣстный похвальный обычай явился въ древней Россіи вѣкомъ позднѣе: — и вотъ на нее нападаютъ съ гнѣвомъ, заподозриваютъ автора въ намѣреніи помрачить славу предковъ. Найдутъ какое-нибудь любопытное учрежденіе, обычай, и, вмѣсто того, чтобъ пріискать ему надлежащее мѣсто въ ряду другихъ явленій, лишаютъ его всякаго мѣста, преувеличивая его значеніе. Крайность вызываетъ другую крайность: люди, оскорбленные подобными преувеличеніями, перегибаютъ дугу въ противоположную сторону, стараются указывать въ древнемъ русскомъ обществѣ однѣ черныя его стороны, и, какъ обыкновенно бываетъ при страстныхъ увлеченіяхъ, начинаютъ вѣрить, что въ древней Россіи все было дурно, тогда какъ противники ихъ начинаютъ вѣрить, что все въ ней было хорошо. Но легко понять, какъ вредно для науки, какъ препятствуетъ вѣрному пониманію прошедшаго, вѣрному объясненію настоящаго изъ прошедшаго это стремленіе отыскивать только хорошее или дурное, причемъ, большею частію, явленія берутся отдѣльно, безъ связи другъ съ другомъ. Намъ скажутъ, что изъ борьбы противоположныхъ мнѣній возникаетъ наконецъ истина. Справедливо;

*

однако наука не можетъ же становиться на противоположныхъ концахъ, на сѣверѣ или на югѣ, на востокѣ или на западѣ, ибо на противоположныхъ сторонахъ необходимо найдется односторонность, слѣдовательно отсутствіе истины; обязанность науки спѣшить уясненіемъ дѣла, спѣшить прекращеніемъ спора, продолженіе котораго можетъ быть очень вредно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ познаніе отечественной исторіи, народное самопознаніе. Многіе изъ людей, желающихъ расцвѣтить старину, дѣйствуютъ такъ изъ чувства въ высшей степени почтеннаго, изъ чувства любви къ своему; но увлеченіе всякимъ чувствомъ, какъ бы оно почтенно ни было, можетъ повести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ: чувства должны руководиться свѣтомъ разума; извѣстно, что позволяли себѣ жрецы Цибелы и другихъ азіатскихъ божествъ, увлекавшіеся чувствомъ очень почтеннымъ, желаніемъ служить и жертвовать своему божеству. Мы сравнили нашихъ предковъ съ людьми передовыми, которые, подвергаясь всякаго рода лишеніямъ, физическимъ и нравственнымъ, совершили многотрудный подвигъ и по тому самому часто не могутъ являться передъ нами въ привлекательномъ образѣ. Если есть люди, которые, изъ любви къ своему, стараются изукрасить этотъ образъ, не думая, что этимъ самымъ уменьшаютъ подвиги предковъ, то могутъ найтись также люди, которые, взявъ этотъ образъ, какъ онъ есть, постараются приравнять къ нему свой собственный образъ, позабывъ, что предки, какъ только вздохнули свободнѣе послѣ великаго труда, такъ начали искать средства измѣнить этотъ образъ, въ чемъ оставили для насъ священный завѣтъ и примѣръ. Въ великую эпоху возрожденія наукъ въ Европѣ, когда предъ сгарающими жаждою познанія людьми открылся дивный міръ произведеній древняго генія, нашлись люди, которые дотого увлеклись, что начали жалѣть объ исчезнувшемъ древнемъ мірѣ, о его вѣрованіяхъ, и нѣкоторые даже дѣйствительно заставляли себя увѣровать въ олимпійскія божества. Неудивительно, что и у насъ, когда передъ сгарающими жаждою народнаго самопознанія людьми открылись древнія памятники, то нѣкоторые увлеклись и признали превосходство стараго предъ новымъ, позабывъ, что новое безконечно выше стараго именно этою возможностію народнаго самопознанія, приготовленнаго знаніемъ вообще, знаніемъ, которое досталось намъ вслѣдствіе многотруднаго подвига предковъ. Но есть надежда, что эпоха увлеченій приближается къ концу; что недолго изученіе отечественной исторіи будетъ для насъ дѣломъ новымъ, допускающимъ увлеченіе; что скоро мы получимъ способность стать предъ лицомъ науки просто, внимать ея вѣщаніямъ благоговѣйно и спокойно, какъ прилично важности предмета.

1856 г.

Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго.

(Публичныя чтенія.)

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Если къ каждому частному человѣку можно обратиться съ вопросомъ: «Скажи намъ, съ кѣмъ ты знакомъ, и мы скажемъ тебѣ, кто ты таковъ»,—то къ цѣлому народу можно обратиться съ слѣдующими словами: «Разскажи намъ свою исторію, и мы скажемъ тебѣ, кто ты таковъ».—Въ настоящее время, когда у насъ обнаружилась такая сильная потребность познать свое прошедшее, познать, кто мы таковы, я не рѣшился занять ваше вниманіе, мм. гг., изложеніемъ событій внѣшней отечественной исторіи, но счелъ болѣе приличнымъ представить въ сжатомъ очеркѣ важнѣйшую сторону нашей внутренней исторіи, именно постепенное установленіе государственнаго порядка, или, какъ выражались наши предки, наряда въ Русской Землѣ.

Гдѣ, при какихъ природныхъ вліяніяхъ дѣйствовалъ народъ, и съ какими чужими народами и государствами изначала и преимущественно долженъ былъ имѣть дѣло:—вотъ первые вопросы въ исторіи каждаго народа.

Задолго до начала нашего лѣтосчисленія, знаменитый грекъ, котораго зовутъ отцомъ исторіи, посѣтилъ нынѣшнюю южную Россію: вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнились одни другими, образовалось могущественное государство; но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается попрежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ ослабляетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ, одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было вначалѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: «Въ Скиѳіи», говоритъ онъ, «нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны». Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особной жизни. Какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводниками первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города. Такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юговостокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону. Рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли вначалѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ, по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ, Русская Земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая; третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси; четвертую область верхней Волги, область Ростовская.

Великая равнина открыта на юго-востокъ, соприкасается непосредственно съ степями средней Азіи: толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими. Какъ на ясной памяти исторіи въ нынѣшней южной Россіи господство одного кочеваго народа смѣнялось господствомъ другого, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство скиѳовъ смѣнилось господствомъ сарматовъ; но отъ этой перемѣны исторія столь-же мало выигрывала, какъ отъ смѣны печенѣговъ половцами; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что бытъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій. Ясное понятіе объ этомъ бытѣ, противоположности его съ бытомъ историческихъ народовъ можетъ дать намъ преданіе о походѣ Персидскаго царя Дарія Истаспа въ Скиѳію. Скиѳы не встрѣтили полчищъ персидскихъ, но стали удаляться въ глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе. Персы начали кружить за ними. Утомленный безплодною погонею, Дарій наконецъ послалъ сказать Скиѳскому царю: «Странный человѣкъ! зачѣмъ бѣжишь ты дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же нѣтъ, то остановись, поднеси своему повелителю въ даръ землю и воду, и вступи съ нимъ въ разговоръ». Скиѳъ отвѣчалъ: «Никогда еще не передъ однимъ человѣкомъ не бѣгалъ я изъ страха; не побѣгу и передъ тобою; что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира; а почему не бьюсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете или истребите. Но у насъ есть отцовскія могилы; попробуйте ихъ разорить, такъ узнаете, будемъ ли мы биться съ вами, или нѣтъ». Однѣ кости мертвецовъ привязывали скиѳа къ странѣ, и ничего, кромѣ могилъ, не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ.

У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ греческіе города построили свои колоніи для выгодной торговли съ варварами. Можно видѣть любопытную картину быта греческихъ колонистовъ въ разсказѣ Діона Хризостома, который въ одной изъ колоній, именно въ Оливіи, искалъ убѣжища отъ преслѣдованій Домиціана. Когда жители Ольвіи увидали заморскаго оратора, то съ греческою жадностію бросились послушать его рѣчей: старики, начальники усѣлись на ступеняхъ Юпитерова храма; толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Діонъ восхищался античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые всѣ, подобно грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и длинными бородами; но всѣ они были также вооружены: наканунѣ толпы варваровъ показались передъ городомъ; и, въ то время, когда Діонъ произносилъ свою рѣчь, городскія ворота были заперты, и на укрѣпленіяхъ развѣвалось военное знамя; когда же нужно было выступить противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Иліады, которую почти всѣ ольвіополиты знали наизусть. Быть можетъ, спросятъ: не производили ли эти греческія колоніи хотя медленнаго, но замѣтнаго въ исторіи вліянія на бытъ окружныхъ варваровъ. Извѣстія древнихъ показываютъ между скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ красотою греческихъ женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы къ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію, но погибнутъ отъ рукъ единородцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая. Вторженіе персовъ въ Скиѳію не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей; попытки Митридата возбудить востокъ, міръ варваровъ противъ Рима, остались также тщетными. Движенія изъ Азіи не могли возбудить исторической жизни въ странахъ Понтійскихъ. Но вотъ слышится преданіе о противоположномъ движеніи, съ запада, изъ Европы, о движеніи племенъ, давшихъ странѣ исторію, племенъ славянскихъ.

Славянское племя не помнитъ о своемъ приходѣ изъ Азіи, о вождѣ, который вывелъ его оттуда; но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ, вслѣдствіе натиска отъ какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, не подлежащій сомнѣнію: древнее пребываніе славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясные слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ; сильныхъ враговъ у славянъ на Дунаѣ было много: съ запада кельты, съ сѣвера германцы, съ юга римляне, съ востока азіатскія орды; только на сѣверо-востокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверо-востокѣ славянское племя могло найти себѣ убѣжище, гдѣ, хотя не безъ сильныхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ вліяній и натисковъ Запада, до тѣхъ поръ, пока оно, собравши силы, могло уже безъ опасенія за свою независимость выступить на поприще, и обнаружить, съ своей стороны, вліяніе и на востокъ и на западъ.

Краткія, но ясныя указанія на бытъ славянъ впервые встрѣчаемъ у Тацита: сравнивая славянъ съ народами европейскими и азіатскими, осѣдлыми и кочевыми, среди которыхъ они жили, Тацитъ говоритъ, что ихъ должно отнести къ первымъ, потому что они строятъ домы, носятъ щиты и сражаются пѣши; все это, продолжаетъ Тацитъ, совершенно отлично отъ сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣ и на лошади. Такимъ образомъ, первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдлымъ, рѣзко от-

личнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ славянинъ выводится на историческую сцену въ видѣ европейскаго воина, пѣшъ и со щитомъ. Такое-то племя явилось въ областяхъ нынѣшней Россіи и разселилось на огромныхъ пространствахъ, преимущественно по берегамъ большихъ рѣкъ. Славяне жили особыми родами: «Каждый жилъ съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, и владѣлъ родомъ своимъ», говоритъ нашъ древній лѣтописецъ. Когда умиралъ князь, старшина, глава рода, то мѣсто его заступалъ старшій сынъ, который былъ для младшихъ братьевъ вмѣсто отца; по смерти послѣдняго, старшиною рода становился слѣдующій за нимъ братъ, и такъ далѣе, всегда старшій въ цѣломъ роды. Такимъ образомъ, старшинство не переходило прямо отъ отца къ сыну, не было исключительнымъ достояніемъ одной линіи, но каждый членъ рода имѣлъ право, въ свою очередь, получать его. Легко понять, что при такомъ порядкѣ вещей тишина и согласіе внутри родовъ не могли долго сохраняться. Связь между членами общества была только чисто родовая, и слабѣла тѣмъ болѣе, отношенія становились тѣмъ неопредѣленнѣе, чѣмъ въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ родства находился старшина къ остальнымъ членамъ рода; чѣмъ болѣе размножались и расходились родовыя линіи, тѣмъ запутаннѣе и спорнѣе становились права на старшинство: отсюда необходимо проистекали несогласія, усобицы. При столкновеніяхъ отдѣльныхъ родовъ дѣла также съ трудомъ могли рѣшаться миролюбиво, потому что каждый родъ, старшина каждаго рода долженъ былъ блюсти честь и выгоды послѣдняго, и не уступать другимъ: отсюда необходимо также возстаніе рода на родъ, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. Чтобъ возстановить согласіе, единство, нарядъ между родами, единственнымъ средствомъ было отдать рѣшеніе родовыхъ споровъ судьѣ безпристрастному, призвать Князя —нарядника извужа, изъ чужаго рода: такъ и сдѣлали нѣсколько сѣверныхъ племенъ—Славянскихъ и Финскихъ, чѣмъ и положили начало Русскому государству въ половинѣ IX вѣка.

Прежде нежели обратимся къ слѣдствіямъ этого великаго событія, бросимъ взглядъ на состояніе другихъ европейскихъ народовъ въ означенное время. Въ другихъ странахъ Европы, въ половинѣ IX вѣка происходили явленія также великой важности. Знаменитая роль франкскаго племени и вождей его кончилась въ началѣ IX вѣка, когда оружіемъ Карла Великаго политическія идеи Рима и Римская Церковь покорили себѣ окончательно варварскій міръ, и вождь франковъ былъ провозглашенъ императоромъ Римскимъ. Духовное единство западной Европы было скрѣплено окончательно, съ помощія Рима; теперь выступало на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, германцами, на почву имперіи; теперь начинается матеріальное распаденіе Карловой монархіи, начинаются выработываться отдѣльныя государства, члены западно-европейской конфедераціи. IX вѣкъ былъ вѣкомъ образованія государствъ какъ для восточной, такъ и для западной Европы, вѣкомъ великихъ историческихъ опредѣленій, которыя дѣйствуютъ во все продолженіе новой европейской исторіи, дѣйствуютъ до сихъ поръ. Въ то время, когда на Западѣ совершается трудный, болѣзненный процессъ разложенія Карловой монархіи и образованія новыхъ государствъ, новыхъ національностей, Скандинавія, это старинная колыбель народовъ, высылаетъ многочисленныя толпы своихъ пиратовъ, которымъ нѣтъ мѣста на родной землѣ; но континентъ уже занятъ, скандинавамъ нѣтъ болѣе возможности двигаться къ югу сухимъ путемъ, какъ двигались ихъ предшественники,—имъ открыто только море, они должны довольствоваться грабежами, опустошеніемъ морскихъ и рѣчныхъ береговъ. Въ Византіи происходитъ также важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекратились; въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, созванъ былъ послѣдній Седьмой Вселенскій Соборъ, для окончательнаго утвержденія догмата, какъ будто бы для того, чтобъ этотъ окончательно установленный догматъ передать славянскимъ народамъ, среди которыхъ въ то же самое время начинаетъ распространяться христіанство; тогда же, въ помощь этому распространенію, является переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳодія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ, обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить на себя наше особенное вниманіе. По своему положенію, западные славяне должны были съ самаго начала войти во враждебныя столкновенія съ германцами, сперва съ турингами, а потомъ съ франками. У послѣднихъ Карловинги смѣнили Меровинговъ. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый германскими вождями на старинной почвѣ Римской имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомокъ Геристаля принялъ титулъ Римскаго императора; располагая силами западной Европы, Карлъ Великій двинулся на восточную съ проповѣдью римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Что же могла противопоставить ему восточная Европа? Народы, жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Легко было предвидѣть, что новый Цезарь получитъ такіе же успѣхи надъ младенчествующими народами восточной Европы, какіе старый Цезарь получилъ нѣкогда при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. По смерти Карла Великаго, преемники его уже не могли съ такимъ постоянствомъ и силою дѣйствовать противъ славянъ, и между послѣдними видимъ стремленіе къ самостоятельности,

чѣмъ особенно отличаются князья Моравскіе. Но эти князья должны были понимать, что для независимаго состоянія Славянскаго государства прежде всего была необходима независимая Славянская Церковь; что съ нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости славянъ; что съ латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только съ внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князья Моравскіе должны были обратиться къ Византійскому Двору, который могъ прислать въ Моравію славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить славянское богослуженіе и основать независимую Славянскую Церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскимъ князьямъ на этотъ путь. Со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ германскимъ: она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ изъ Моравіи отправляется въ Константинополь посольство съ просьбою о славянскихъ учителяхъ; просьба исполнена: знаменитые братья Кириллъ и Меѳодій распространяютъ славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Но не западнымъ славянамъ суждено было основать среди себя независимую Славянскую Церковь: въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка на границахъ славянскаго міра явились венгры. Политика Дворовъ—Византійскаго и Нѣмецкаго—съ самаго начала обратила этотъ народъ въ орудіе противъ Моравской державы. Къ несчастію для послѣдней, въ 894 году умеръ знаменитый князь ея Святополкъ, въ то время, когда западнымъ славянамъ нужно было сосредоточивать всѣ свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ—нѣмцамъ и венграмъ; моравскія владѣнія раздѣлились на части между сыновьями Святополка; вражда послѣднихъ погубила страну, которая стала добычею венгровъ. Разрушеніе Моравской державы и основаніе Венгерскаго государства въ Панноніи имѣли важныя слѣдствія для славянскаго міра: славяне южные были отдѣлены отъ сѣверныхъ; уничтожено было центральное владѣніе, которое начало-было соединять ихъ, гдѣ произошло столкновеніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ, между славянскимъ и германскимъ племенемъ, гдѣ, съ помощію Византіи, основалась Славянская Церковь; теперь Моравія пала, и связь славянъ съ югомъ, съ Греціею рушилась; венгры стали между ними. Славянская Церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурею, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать ей питаніе и укрѣпленіе. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ Востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть къ западному римско-германскому міру и въ церковномъ и политическомъ отношеніи. Самостоятельное Славянское государство могло образоваться и окрѣпнуть только на отдаленномъ востокѣ, куда не достигали западныя вліянія, ни матеріальныя, ни духовныя. Къ судьбѣ этого-то государства мы теперь и обратимся.

Мы видѣли, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленія наряда въ Землѣ, взволнованной родовыми усобицами. Установленіе наряда среди племенъ, сосредоточеніе ихъ около одного правительственнаго начала, дало имъ силу; этою силою сѣверныхъ объединенныхъ племенъ князья пользуются для того, чтобъ подчинить себѣ, сосредоточить подъ своею властію и остальныя племена, обитавшія въ нынѣшней средней и южной Россіи. Теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ нашелся князь къ племенамъ, призвавшимъ его и къ подчинившимся впослѣдствіи? Для рѣшенія этого вопроса, должно обратиться къ понятіямъ племенъ, призвавшихъ власть. Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнію вслѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ. Племена знали по опыту, что миръ, нарядъ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ, съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство; хотятъ, чтобъ всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, князсмъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужаго рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое либо другое новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенія князя уяснится намъ кругъ его власти, его отношенія къ призвавшимъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ и гадалъ о своемъ владѣніи, какъ старшина о своемъ родѣ, думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Вождь на войнѣ, онъ былъ судьею во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ; его дворъ—мѣсто суда, его слуги—исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемѣна, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него. Но если кругъ власти призваннаго князя былъ такой-же, какой былъ кругъ власти прежняго родоначальника, то въ первое время на отношеніяхъ князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношеній, которой слѣдствія и постепенное исчезнованіе мы увидимъ послѣ. Теперь же мы должны обратиться къ вопросу первой важности, а именно: что стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племенъ? Удержали ли они прежнее значеніе относительно своихъ родовъ, и, окруживъ новаго

князя изъ чужаго рода, составили высшее сословіе, боярство съ важнымъ земскимъ значеніемъ, съ могущественнымъ вліяніемъ на остальное народонаселеніе? Соединеніе многихъ родовъ въ одно цѣлое, съ однимъ общимъ княземъ во главѣ, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно: мы еще видимъ нѣкоторое время старцевъ, участвующихъ въ Совѣтахъ князя, прежде нежели явились всеобщіе Совѣты, или Вѣча; но общественная жизнь, получая все большее и большее развитіе, условливала распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи, причемъ прежнее представительное значеніе старшихъ въ цѣломъ родѣ должно было мало-по-малу исчезать. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованіе прежнихъ славянскихъ князей, или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ бояръ съ земскимъ значеніемъ, забываютъ, что родовой бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну; тогда какъ у нашихъ славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старшинства; каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству. Слѣдовательно, одна какая-нибудь линія не могла выдвинуться впередъ предъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; никогда линія не могла получить большаго значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣніе было общее; какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линіями; ясно, слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по ненаслѣдственности этого званія въ одной линіи. Изъ этого ясно видно, что бояре нашихъ первыхъ князей не происходили отъ старинныхъ родоначальниковъ, но имѣли происхожденіе дружинное.

Таково было значеніе князя, таковы были отношенія его къ подчиненному народонаселенію. Само собою разумѣется, что эти отношенія устанавливались не вдругъ, но постепенно,—у однихъ племъ прежде, у другихъ послѣ: прежде у племенъ, участвующихъ въ призваніи князя, послѣ—у племенъ, подчинившихся позднѣе преемникамъ Рюрика, и болѣе отдаленныхъ отъ главнаго мѣста дѣйствія, т. е. отъ воднаго пути между Новгородомъ и Кіевомъ. Не вдругъ, но мало-по-малу обнаруживались и перемѣны къ быту племенъ, вслѣдствіе подчиненія ихъ одной общей власти: дань, за которою самъ князь ходилъ, была первоначальнымъ видомъ этого подчиненія, связи съ другими соподчиненными племенами. Но при такомъ видѣ подчиненности сознаніе этой связи, разумѣется, было еще очень слабо. Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность, вслѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣстомъ, потому что съ этимъ участіе племенъ въ общей жизни принимало болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовало сознанію о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены различныхъ племенъ, находившихся до того времени въ весьма слабомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, участвовали въ одной общей дѣятельности, составляли одну дружину подъ знаменами Русскаго князя. Здѣсь нагляднымъ образомъ пріобрѣтали они понятіе о своемъ единствѣ, и, возвратясь домой, передавали это понятіе своимъ родичамъ, разсказывая имъ о томъ, что они сдѣлали вмѣстѣ съ другими племенами подъ предводительствомъ Русскаго князя. Наконецъ, выходу племенъ изъ особнаго, родоваго быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей Земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переводъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти на образованіе юнаго общества; но это вліяніе сильно обнаружилось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы видимъ около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его Совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ варяговъ; но въ нее открытъ доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, туземцамъ. Съ появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ, для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ, основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получали возможность развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства; получали возможность личною доблестію пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ

значеніе давалось извѣстною степенью по родовой лѣствицѣ. Въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, которую они доставляли князю и Землѣ. Съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и Землѣ. Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и Землѣ въ западной Европѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На Западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей, съ цѣлію завоеванія какой нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина не находилась къ вождю въ служебныхъ отношеніяхъ; вождь былъ только первый между равными: «Мы избираемъ тебя въ вожди», говорила ему дружина, «и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдемъ и мы за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго». И, дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою нибудь страною, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ, на Руси, съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ Земли; въ значеніи князя этихъ племенъ, въ значеніи князя извѣстной страны, онъ расширяетъ свои владѣнія. Около него видимъ дружину, которая постоянно пополняется новыми членами, пришлецами и туземцами, но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться для того, чтобъ дѣлить Землю, ими не завоеванную, они могли явиться только для того, чтобъ служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорилъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: во-первыхъ, князь покорялъ ихъ не съ одною дружиною, но соединенными силами всѣхъ, прежде подчинившихся племенъ; во-вторыхъ, покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; на нихъ налагалась дань—и только; но ихъ не дѣлили между членами дружины. Земли было много у Русскаго князя; онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ; но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія; имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ, ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ,—однимъ словомъ, получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству мочно пожаловати».

Такъ было вездѣ: такъ было и у насъ.—Въ Скандинавскихъ Сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ, княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь; мужъ и жена соперничали, у кого будетъ болѣе знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину. Подтвержденіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвиги, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

«Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, князя, сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто».

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина: дружина Игорева говорила: «Кто съ моремъ совѣтенъ», и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: «Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ», говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось страшнымъ позоромъ для добраго дружинника; и хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности: такъ Святославъ не принялъ вызова Цимисхіева на поединокъ, конечно не изъ трусости, но изъ того, чтобъ не отдѣлиться отъ дружины, не покинуть ея на жертву врагамъ въ случаѣ своей смерти; такъ во время похода Владиміра Ярославича на грековъ, тысяцкій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурею воинамъ, и сказалъ: «Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною».—Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе. Дружина говоритъ Игорю: «Отроки Свѣнельдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ нами въ дань». Хорошій князь ничего не жалѣлъ для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу;

такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его, Мстиславѣ, говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питьѣ и пищѣ ей не отказывалъ. При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кружку, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится, что онъ любилъ дружину и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, потому что дружина станетъ смѣяться. Бояре, вмѣстѣ съ городскими старцами, рѣшаютъ, что должны принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры.

Кромѣ дружины, войско составляли особые полки, набиравшіеся изъ народонаселенія городскаго и сельскаго, къ состоянію котораго теперь и обратимся. Прежніе города славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженныя села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ. Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родоваго быта: по смерти общаго родоначальника сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобъ соединенными силами обработывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе промыслы, мѣна торговля; какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной самостоятельной дѣятельности пріобрѣсть болѣ другихъ членовъ рода, то съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной жизни, самостоятельной дѣятельности. Различіе занятій и мѣна условливались тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народонаселенія—воинскіе отряды, дружины князей. Въ нѣкоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ—мужи княжіе съ воинскими отрядами; этотъ приплывъ народонаселенія съ средствами къ жизни, но не промышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промышленность, которыя, въ свою очередь, должны были дѣйствовать на ослабленіе прежняго родоваго быта. Ослабленію родоваго быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ князьями, содѣйствовало и то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселеніемъ, собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ сѣвера. Переселенцы эти были вообще доступнѣе для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условій общественной жизни, чѣмъ живущее разсѣянно, отдѣльными родами сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чужеродцы, для которыхъ необходимы были новыя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ ослабленію и паденію родоваго быта въ городахъ должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники—десятскіе, сотскіе. Что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служитъ важное вліяніе, гражданское значеніе тысяцкаго: эти новыя формы соединенія, новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были наносить ударъ старымъ формамъ быта.—Появленіе города пробуждало жизнь и въ ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовался правительственный центръ, къ которому должно было тянуть окружное сельское народонаселеніе. Сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношенія съ княжескою властію при платежѣ дани, теперь входили въ сношенія съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ княжъ, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и сельскимъ народонаселеніемъ необходимо должна была возникнуть торговля, вслѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ начали появляться села съ народонаселеніемъ особаго рода; князья, ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя ихъ рабами, купленными или взятыми въ плѣнъ, также наемными работниками. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и, вмѣсто племенныхъ названій, встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ.

Такъ были положены основы русскому обществу; таковы были перемѣны, произведенныя новыми началами въ бытѣ восточныхъ племенъ славянскихъ. Но легко замѣтить, что въ начертанной картинѣ образованія юнаго русскаго общества чего-то недостаетъ, и недостаетъ самаго главнаго, недостаетъ—духовнаго начала. Какъ въ дивномъ видѣніи ветхозавѣтнаго пророка мы видимъ, что кости складываются съ костями, связываются съ жилами, облекаются плотію,—но духа еще нѣтъ въ новомъ тѣлѣ: этотъ духъ принесенъ былъ христіанствомъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Въ предшествующую бесѣду мы видѣли, какъ положены были основы русскаго общества; мы видѣли, какъ сложились его части; но мы замѣтили, что не было еще духовнаго начала, которое бы дало этимъ частямъ духовную связь, духовное единство: это духовное начало явилось вмѣстѣ съ христіанствомъ, принесеннымъ въ Россію изъ Византіи. Прежде, нежели приступимъ къ разсказу о принятіи христіанства, его распространеніи и вліяніи на новорожденное общество, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ князѣ, которому суждено было сдѣлаться просвѣтителемъ русскаго

народа. Мы видѣли, какими способами и путями начало, призванное для установленія наряда, исполнило свое назначеніе въ первое время существованія русскаго общества; мы видѣли, какъ правительственное начало собирало племена, разсѣянныя на безмѣрномъ пространствѣ, сосредоточивало ихъ около правительственныхъ центровъ,—около городовъ; какимъ образомъ переводило оно народонаселеніе изъ быта племеннаго въ бытъ областной. Съ другой стороны, правительственное начало должно было стоять на-сторожѣ Русской Земли; должно было постоянно защищать это юное общество, эти первыя основы общества отъ непрестанныхъ вторженій степныхъ варваровъ,—потому что Русское государство, передовое государство европейское, основалось на границахъ степей, на границахъ Европы съ Азіею. Изъ князей, которые всего болѣе старались объ этомъ внутреннемъ нарядѣ, преданіе выставляетъ намъ два лица, соединенныя въ немъ однимъ именемъ, однимъ прозваніемъ, одинаковымъ характеромъ дѣятельности, хотя эти два лица и разныхъ половъ: это князь Олегъ,—второй по призваніи, и княгиня Ольга, жена Игоря,—третьяго князя. Преданіе выставляетъ одинаковую дѣятельность этихъ двухъ лицъ относительно устроенія наряда въ Землѣ, указывая, какъ эти лица старались опредѣлить отношенія племенъ къ главному центру, къ сосредоточивающему началу; какъ, собирая эти племена, населяли пустынныя страны, строили города. Мы сказали, что преданіе даетъ обоимъ этимъ лицамъ одно прозваніе—«мудрыхъ»; мы знаемъ, кого обыкновенно народное преданіе называетъ мудрыми, кому приписываетъ это свойство:—оно приписывается тѣмъ правительственнымъ лицамъ, которыя преимущественно заботятся о внутреннемъ нарядѣ, о внутреннемъ благосостояніи общества. Иначе разсказываетъ преданіе о сынѣ Ольги: Святославъ въ преданіи выставляется героемъ, вождемъ дружины по преимуществу, но ни нарядникомъ; въ преданіи сохранилась жалоба, что онъ оставилъ родную страну для чужой, заботился о чужой странѣ, а между тѣмъ родную Землю безъ него едва-было не взяли печенѣги. Съ другимъ характеромъ является сынъ Святослава—Владиміръ. Это лицо есть любимый герой древней Руси. Конечно, его великое значеніе какъ Апостола, просвѣтителя Русской Земли, даетъ ему право быть главнымъ героемъ древней русской исторіи. Неудивительно потому въ народныхъ поэтическихъ сказаніяхъ видѣть это лицо совопросникомъ царя Давида, вмѣстѣ съ нимъ рѣшающимъ важный вопросъ о началѣ и концѣ міра. Но съ Владиміромъ соединены еще и другія преданія, которыя не могутъ быть объяснены однимъ его религіознымъ значеніемъ: къ княженію Владиміра относится циклъ богатырскихъ нашихъ пѣсенъ и сказаній. Витязи, богатыри, главные герои этихъ преданій, суть сподвижники, дружинники Владиміра; Владиміръ тотъ князь, который распоряжается ихъ подвигами. Отчего же въ этихъ сказаніяхъ о геройскихъ подвигахъ богатырей играетъ главную роль Владиміръ, а не отецъ его Святославъ, герой по преимуществу? Если мы обратимся къ лѣтописи, то она точно укажетъ намъ, что Владиміръ совершилъ много походовъ, преимущественно съ тою цѣлію, чтобы скрѣпить окончательно между племенами связь, ослабѣвшую во время удаленія отца его въ Болгарію и во время междуусобій братьевъ. Но преимущественная дѣятельность Владиміра состояла въ томъ, что онъ отражалъ степныхъ варваровъ, сдерживалъ ихъ стремленія противъ новорожденнаго общества; около Кіева, около центра русскаго общества въ то время, съ цѣлію защиты отъ нападеній варваровъ, построилъ рядъ городовъ; все его княженіе проходитъ большею частію въ битвахъ съ варварами. Здѣсь, въ этихъ битвахъ идетъ дѣло о самыхъ главныхъ интересахъ общества, народа; здѣсь совершается борьба за имущество, свободу, жизнь. Неудивительно послѣ того, что подвиги Святослава не могли служить содержаніемъ народныхъ пѣсенъ и сказаній: они были совершаемы вдали отъ родной страны и не для родной страны, тогда какъ подвиги Владиміра были совершаемы въ виду всей Русской Земли и съ цѣлію ея защиты отъ степныхъ варваровъ: вотъ почему благодарный народъ такъ удержалъ въ своей памяти Владиміра и сдѣлалъ его героемъ цѣлаго цикла богатырскихъ преданій; а между тѣмъ самъ Владиміръ не былъ богатырь, какъ былъ отецъ его Святославъ. Но Владиміръ, кромѣ того, заслужилъ еще народную добрую память другими чертами своего характера: изъ сличенія всѣхъ преданій, записанныхъ въ лѣтописи и существующихъ въ народныхъ сказаніяхъ, мы видимъ, что этотъ князь имѣлъ широкую, любящую душу и потому не любилъ жить одиноко, но любилъ жить съ другими вмѣстѣ; а извѣстно, какъ это качество способно пріобрѣтать любовь народа и добрую память.

Таковъ былъ князь, которому суждено было быть Апостоломъ Россіи. Знакомство съ христіанствомъ начинается очень рано въ нашемъ отечествѣ вслѣдствіе раннихъ походовъ Русскихъ князей и племенъ на Константинополь: уже во время похода Игоря, третьяго Русскаго князя, лѣтопись говоритъ о христіанахъ, бывшихъ въ его войскѣ, и о церкви христіанской, находившейся въ Кіевѣ. Раннее распространеніе и усиленіе христіанства на Руси доказывается и тѣмъ, что, послѣ Игоря, жена его, Ольга, управлявшая дѣлами новаго общества, за малолѣтствомъ сына своего Святослава, принимаетъ христіанство: это явленіе было и слѣдствіемъ распространенія христіанства и причиною дальнѣйшаго его распространенія. Но когда христіанство начало усиливаться на Руси, въ тогдашнемъ центрѣ ея—Кіевѣ, какъ скоро оно обратило на себя вниманіе, тогда необходимо было ожидать враждебнаго столкновенія его съ древней языческой религіей. Когда Ольга увѣщевала сына

своего принять христіанство, онъ отказался: въ характерѣ Святослава лежало неодолимое препятствіе къ тому. Но, какъ сказано, самый примѣръ Ольги долженъ былъ способствовать къ усиленію христіанства, а вмѣстѣ съ успѣхами послѣдняго должно было возникнуть и сопротивленіе со стороны язычества. Это сопротивленіе обозначается въ лѣтописи тѣмъ, что христіанъ хотя не притѣсняли, но смѣялись надъ ними; борьба такимъ образомъ начиналась насмѣшками. Есть нѣкоторыя извѣстія, что въ концѣ княженія Святослава эта борьба приняла уже другой характеръ,—насмѣшки превратились въ притѣсненія; но Святославъ, преслѣдуя христіанство (если вѣрить этимъ извѣстіямъ), оставилъ однако по своемъ удаленіи малолѣтнихъ сыновей своихъ при бабкѣ ихъ христіанкѣ, и есть также извѣстіе, что старшій сынъ его, Ярополкъ, былъ приверженъ къ христіанству, хотя явно и не принималъ его изъ страха предъ сильной языческой стороною. Есть еще далѣе извѣстіе, что Владиміръ, князь Новгородскій, въ борьбѣ съ Ярополкомъ былъ обязанъ успѣхамъ своимъ стараніямъ языческой стороны, которая не хотѣла Ярополка, но хотѣла князя вполнѣ язычника. Вѣрность этого извѣстія подтверждается тѣмъ, что какъ скоро Владиміръ осилилъ брата и занялъ Кіевъ, тогда мы видимъ язычество въ полномъ разгарѣ. Никогда еще, по свидѣтельству лѣтописи, язычество не выказывалось такъ рѣзко на Руси, какъ въ началѣ княженія Владиміра; никогда не было приносимо такъ много жертвъ, требовались даже человѣческія жертвы. Владиміръ, обязанный торжествомъ своимъ языческой сторонѣ, спѣшитъ удовлетворить ей, спѣшитъ украсить язычество и языческій бытъ: онъ ставитъ изукрашенныхъ идоловъ, приноситъ имъ частыя жертвы. Но въ этомъ самомъ торжествѣ язычества, этомъ стараніи поднять, украсить его, въ этомъ самомъ мы видимъ уже признакъ его скораго паденія: стараясь поднять язычество, стараясь украсить его, Владиміръ и тѣ, которые содѣйствовали ему въ этомъ, истощали всѣ средства язычества и тѣмъ рѣзче обнаруживали всю его ничтожность, всю его несостоятельность предъ другими религіями, особенно предъ христіанской. Что бываетъ иногда въ жизни частныхъ людей, то же замѣчается и въ жизни цѣлыхъ обществъ: мы видимъ иногда, что самые ревностные поклонники какого нибудь начала, оставляя прежній предметъ своего поклоненія, вдругъ переходятъ на другую сторону, и дѣйствуютъ съ удвоенною ревностію въ ея пользу,—это значитъ, что они въ своемъ сознаніи истощили всѣ средства своего прежняго поклоненія. У насъ, на Руси, въ Кіевѣ, въ малыхъ размѣрахъ случилось то же самое, что нѣкогда имѣло мѣсто въ Римѣ, при императорѣ Юліанѣ: его ревность всего болѣе способствовала паденію язычества; онъ истощилъ всѣ средства, которыя могло дать язычество для умственной и нравственной жизни общества, и тѣмъ показалъ его ничтожность и несостоятельность предъ христіанствомъ: такъ и наше языческое общество при Владимірѣ, истощивъ всѣ средства язычества, приготовило тѣмъ самымъ торжество христіанства.

Подъ 983 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ слѣдующій любопытный разсказъ: пришелъ Владиміръ изъ похода противъ ятвяговъ, и начали приносить жертвы кумирамъ; собралась толпа и потребовала человѣческой жертвы; кинули жребій,—жребій палъ на одного изъ варяговъ, который исповѣдывалъ христіанскую вѣру вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, принесшимъ ее изъ Константинополя. Толпа послала сказать старику, чтобы онъ отдалъ сына своего въ жертву богамъ; варягъ отвѣчалъ: «Ваши боги суть дерево,—нынѣ есть оно, завтра сгніетъ; одинъ только Богъ, Которому кланяются греки, Который сотворилъ небо и землю; а что сдѣлали ваши боги?—они сами сдѣланы; не отдамъ сына своего бѣсамъ». Разъяренная толпа убила проповѣдника;—ярость прошла, но проповѣдь осталась: «Ваши боги—дерево»!—и безотвѣтны стояли кумиры Владиміра предъ этимъ грознымъ вызовомъ. И въ самомъ дѣлѣ, что могла древняя наша языческая религія дать обществу; что могла она выставить; что могла отвѣтить на всѣ тѣ важные вопросы, которые задавали ей проповѣдники другихъ религій, особенно религіи христіанской?

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которые безпокоили всѣ сѣверные народы, и которые такъ сильно способствовали распространенію между ними христіанства, былъ вопросъ о началѣ міра и о будущей жизни. Болгарское преданіе о принятіи христіанства говоритъ, что Болгарскій князь всего болѣе былъ пораженъ картиною Страшнаго Суда; то же самое повторяетъ преданіе и о нашемъ Владимірѣ. Въ преданіи Владиміръ созываетъ старцевъ и бояръ, чтобъ посовѣтоваться съ ними о вѣрѣ; онъ говоритъ имъ: «Приходили ко мнѣ проповѣдники разныхъ вѣръ; каждый хвалитъ свою вѣру; пришли и греки; они разсказали мнѣ много о началѣ и концѣ міра; хитро говорятъ они, любо ихъ слушать». Что этотъ вопросъ о началѣ и концѣ міра сильно занималъ сѣверные народы и много способствовалъ къ распространенію между ними христіанства,—это доказывается тѣмъ, что подобное же преданіе находимъ мы и на противуположномъ концѣ западной Европы—знакъ, что это преданіе вѣрно, вѣрно духу времени и духу народовъ: христіанскіе проповѣдники приходятъ къ одному Англо-саксонскому королю; король, подобно Владиміру, созываетъ дружину и старшинъ для совѣщанія, принять ли имъ новую вѣру, или нѣтъ. И вотъ одинъ изъ вождей говоритъ: «Ты вѣрно припомнишь, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты съ дружиною своей сидишь въ теплой комнатѣ, каминъ пылаетъ, всѣмъ такъ хорошо, а на дворѣ вьюга, мятель, дождь, снѣгъ; и вотъ иногда въ это время случится, что малень-

кая птичка влетитъ въ одну дверь и вылетитъ въ другую: мгновеніе этого перелета такъ пріятно ей. Но это мгновеніе кратко и она снова погружается въ бурю и снова бьетъ ее ненастье: такова и жизнь наша, если сравнить ее съ тѣмъ временемъ, которое ей предшествуетъ и послѣдуетъ,—это время безпокоитъ и страшитъ насъ своею неизвѣстностію. Итакъ, если новое ученіе дастъ извѣстіе о томъ, что было и что будетъ, то стоитъ принять его». Такъ говорятъ преданія, являющіяся совершенно независимо одно отъ другого въ разныхъ концахъ Европы. На вѣрность ихъ указываетъ ихъ согласіе. Но есть еще другое преданіе, также несомнѣнно вѣрное: это преданіе о выборѣ вѣръ. Оно говоритъ, что Владиміръ долженъ былъ выбирать изъ разныхъ вѣръ: язычество показало свою несостоятельность, нужно было перемѣнить его на другую вѣру,—и вотъ Владиміръ избираетъ изъ многихъ вѣръ христіанскую. Это преданіе также согласно съ обстоятельствами времени и тогдашняго общества. Выборъ изъ многихъ вѣръ есть особенность русской исторіи: другимъ, западнымъ народамъ нельзя было выбирать изъ многихъ вѣръ, имъ можно было только перемѣнить язычество на христіанство. Но русское общество находилось на границахъ Европы и Азіи; здѣсь, на этихъ границахъ, сталкивались не только разные народы, но и разныя религіи; слѣдовательно обществу въ такихъ обстоятельствахъ должно было выбирать изъ разныхъ религій. Далѣе, на Востокѣ, еще прежде основанія Русскаго государства, основалось Казарское царство, которое представляетъ намъ нѣсколько различныхъ народовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и нѣсколько различныхъ религій: и вотъ у казаръ существовало преданіе, что ихъ кагану нужно было также выбирать изъ разныхъ вѣръ; что къ нему приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ,—азіатскій народъ выбираетъ вѣру іудейскую. Теперь, далѣе, къ западу, на границахъ Европы и Азіи, основывается другое общество, съ европейскимъ населеніемъ и характеромъ; но обстоятельства тѣ же, и то же преданіе повторяется; на этотъ разъ европейское общество выбираетъ христіанство. Христіанство было давно уже знакомо въ Кіевѣ, вслѣдствіе тѣсныхъ связей съ Константинополемъ: русскіе люди часто бывали въ Константинополѣ и приносили оттуда разсказы о чудесахъ греческой религіи и гражданственности. Эти бывальцы въ Византіи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ бывали и въ другихъ странахъ и имѣли случай сравнить различныя религіи,—эти бывалые люди имѣли полное право сказать Владиміру то, что въ преданіи говорятъ ему бояре, отправленные имъ для испытанія различныхъ вѣръ: «Лучше греческаго богослуженія, лучше греческой религіи найти нельзя; всякой, отвѣдавъ разъ сладкое, не захочетъ горькаго; если ты не примешь христіанской вѣры, то мы уйдемъ назадъ въ Константинополь». Митрополитъ Иларіонъ, современникъ Владимірова сына, Ярослава, Иларіонъ, авторитетъ котораго для насъ безпрекословенъ, говоритъ, что Владиміръ безпрестанно слышалъ о греческой вѣрѣ, богослуженіи, о чудесахъ христіанства. Но и для тѣхъ, которые не бывали въ Константинополѣ, было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: «Если бы христіанство не было лучшею изъ религій», говорили они Владиміру, «то твоя бабка Ольга не приняла бы его, а Ольга была мудрѣйшая изъ людей». Такимъ образомъ все было готово къ принятію христіанства. Прибавимъ еще и другое обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ малюткой изъ Кіева и отвезенъ въ Новгородъ, гдѣ и воспитанъ; на сѣверѣ христіанство было мало знакомо, язычество господствовало здѣсь вполнѣ; въ борьбѣ съ Ярополкомъ Владиміръ явился съ сѣверными полками, набранными изъ скандинавовъ, новгородцевъ, кривичей, финновъ,—все ревностныхъ язычниковъ; этотъ приплывъ языческаго элемента и былъ причиною торжества язычества въ началѣ княженія Владиміра. Но потомъ время и мѣсто взяли свое, язычество не могло долѣе противиться; языческая религія, которая удовлетворяла потребностямъ племенъ разсѣянныхъ, жившихъ особно въ родовомъ бытѣ, не могла уже теперь удовлетворить кіевлянамъ, познакомившимся съ христіанствомъ. Въ совѣтѣ Владиміра было рѣшено, что христіанство есть лучшая вѣра. Не станемъ повторять дальнѣйшихъ подробностей о томъ, какъ Владиміръ, не смѣя прямо приступить къ такому великому дѣлу, говоритъ:—«Подожду еще немного», и предпринимаетъ походъ въ Корсунь; замѣтимъ, что это преданіе такъ вѣрно и естественно, что мы имѣемъ право принять его; оно показываетъ намъ, какъ Владиміръ даетъ обѣтъ принять христіанство, если Богъ христіанскій поможетъ ему: мы знаемъ, что это не первый вождь языческаго народа, который принимаетъ христіанство вслѣдствіе подобныхъ обѣтовъ. И вотъ Владиміръ возвращается въ Кіевъ христіаниномъ, сокрушаетъ идоловъ; духовенство, приведенное имъ, проповѣдуетъ христіанство по улицамъ города. Многіе, давно знакомые съ христіанствомъ, съ радостію принимаютъ его; другіе колеблются, какъ прежде колебался и Владиміръ; нѣкоторые же упорно стоятъ за старую вѣру. Тогда Владиміръ употребляетъ средство сильнѣе: онъ объявляетъ, чтобы на другой день весь народъ явился къ рѣкѣ, и кто не явится, тотъ будетъ врагомъ князю. Тѣ, которые колебались, ждали чего-нибудь рѣшительнаго, съ радостію пошли теперь къ рѣкѣ, руководствуясь примѣромъ князя и бояръ, говоря, что если бы христіанство не было лучшею религіею, то князь и бояре не приняли бы его. Нѣкоторые, по словамъ митрополита Иларіона, шли неохотно, изъ страха предъ повелѣвшимъ; нѣкоторые же, закоренѣлые язычники, удаляются изъ Кіева, скрываются въ лѣсахъ и степяхъ. Это извѣстіе объ удаленіи нѣкоторыхъ язычниковъ въ лѣса и степи можно принимать въ связи съ извѣстіемъ объ умноженіи разбоевъ: закоренѣлые язычники, удалившись отъ общества, разумѣется, должны

были враждебно противъ него дѣйствовать. Любопытно, что богатыри Владиміра, по преданіямъ, вооружаются противъ разбойниковъ: все это можетъ вести ко мнѣнію, что эта борьба хотя отчасти носила характеръ религіозный; приводятъ разбойника, — его отдаютъ митрополиту; разбойникъ кается въ домѣ послѣдняго. Какъ бы то ни было, въ Кіевѣ христіанство принялось безъ большихъ затрудненій. Но не такъ было тамъ, гдѣ оно не было еще знакомо,—у племенъ сѣверныхъ и восточныхъ, которыя жили еще въ простотѣ первоначальнаго быта, для которыхъ старая языческая религія была еще удовлетворительна. Любопытно видѣть, что христіанство распространялось у насъ тѣмъ же путемъ, какимъ вначалѣ распространялась и государственная область; проповѣдники, митрополиты и другія духовныя лица идутъ по великому водному пути,—изъ Кіева въ Новгородъ, потомъ бѣлозерскимъ путемъ до Ростова. Но христіанство встрѣчаетъ здѣсь на сѣверѣ сильныя препятствія; язычество, не удовлетворяясь страдательнымъ противуборствомъ христіанству, осмѣливается иногда прямо и явно наступать на него; являются иногда волхвы, и явно возмущаютъ народъ противъ христіанства. Большія смуты произвели они въ Ростовской области, такъ-что князь Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться на сѣверъ для усмиренія волненій; въ Новгородѣ одинъ волхвъ возмутилъ народъ дотого, что когда епископъ вышелъ съ крестомъ въ рукѣ, то на сторонѣ волхва стало все народонаселеніе; на сторонѣ епископа остался одинъ князь съ дружиною, и только особенная смѣлость князя помѣшала исполниться намѣреніемъ волхва.

Для окончательнаго торжества христіанства и низложенія язычества, греческое духовенство присовѣтовало Владиміру мѣру самую дѣйствительную: христіанство не могло съ надлежащимъ успѣхомъ распространяться среди стараго поколѣнія, которое было воспитано въ язычествѣ и потому жило прежними, языческими понятіями; съ другой стороны, родители, пропитанные языческими понятіями, не могли воспитать новое поколѣніе въ понятіяхъ христіанскихъ: и вотъ, по совѣту греческихъ епископовъ, Владиміръ отбираетъ у лучшихъ граждан дѣтей и отдаетъ ихъ по церквамъ духовенству учиться грамотѣ и вмѣстѣ догматамъ христіанскимъ, воспитываться въ христіанскомъ духѣ. Сынъ его, Ярославъ, то же самое дѣлаетъ въ Новгородѣ. Св. Леонтій подобнымъ же образомъ поступаетъ въ Ростовѣ: не имѣя возможности сладить съ упорнымъ язычествомъ, Св. Леонтій обращается къ молодому поколѣнію, собираетъ около себя дѣтей и воспитываетъ ихъ въ христіанствѣ, за что и терпитъ страдальческую кончину отъ родителей этихъ дѣтей. Но въ Кіевѣ и Новгородѣ эта мѣра удалась какъ нельзя лучше: новое, молодое поколѣніе, воспитанное христіански и выученное грамотѣ, имѣло средство узнать догматы новой религіи и дѣйствовать гораздо сильнѣе противъ прежней.

Теперь разсмотримъ, каковы были подвиги этого новаго, молодаго поколѣнія, поколѣнія грамотнаго, наученнаго догматамъ своей религіи. Представителями его являются въ семействѣ княжескомъ уже дѣти Владиміра, и, во-первыхъ, любимые его сыновья—Борисъ и Глѣбъ. Легко понять, что христіанство, по самому характеру своему, должно было прежде всего подѣйствовать на самыя нѣжныя отношенія, на отношенія семейныя, родственныя, должно было скрѣпить ихъ и дать имъ большую мягкость и нѣжность: это и видимъ мы въ Борисѣ и Глѣбѣ, въ этихъ образцахъ братской любви и благоговѣнія къ началамъ семейнымъ; они падаютъ жертвою этихъ новыхъ понятій, новыхъ чувствъ; они являются первыми гражданами новаго міра, первыми борцами новаго христіанскаго общества противъ языческаго. Потомъ, представителемъ новаго поколѣнія является третій сынъ Владиміра — Ярославъ, который былъ великимъ княземъ. Ярославъ, говоритъ лѣтопись, былъ христіанинъ и умѣлъ читать книги: эти два сопоставленія чрезвычайно важны; именно, по понятіямъ тогдашняго общества, христіанство и грамотность—были нерасторжимы; слѣдовательно Ярославъ былъ полнымъ представителемъ новаго поколѣнія. Умѣя самъ читать книги, будучи настоящимъ христіаниномъ, зная догматы своей вѣры, Ярославъ заботился, чтобъ и другіе имѣли тѣ же знанія: онъ собираетъ писцовъ, которыхъ заставляетъ переводить, переписывать книги; въ Новгородѣ, какъ сказано выше, отбираетъ у лучшихъ граждан дѣтей и отдаетъ ихъ учиться, строитъ церкви, даетъ отъ себя содержаніе приставленнымъ къ нимъ священникамъ, которымъ поручаетъ учить народъ. Потомъ, послѣ семьи княжеской, представителемъ новаго поколѣнія является митрополитъ Иларіонъ, который, понимая различіе и превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ, старался и другимъ показать это превосходство.

Но этого еще было мало; новое поколѣніе грамотныхъ христіанъ должно было выставить проповѣдниковъ не слова только, но и дѣла, — и оно выставило цѣлый рядъ подвижниковъ, которые жизнію, на самомъ дѣлѣ, доказали явно превосходство новаго порядка вещей и дали окончательное торжество христіанству. Мы говоримъ объ этихъ великихъ подвижникахъ христіанства, о древнихъ нашихъ инокахъ, преимущественно инокахъ Кіевопечерскаго монастыря, который имѣетъ такое важное значеніе въ нашей древней исторіи. Какъ прежде русскіе люди изъ Кіева ходили въ Грецію за добычей, за славой: такъ теперь новое поколѣніе, воспитавшееся въ христіанствѣ, путешествуетъ въ Грецію, но не за добычею, не за славою, а за тѣмъ, чтобы получить тамъ окончательное просвѣщеніе, окончить свое христіанское, духовное воспитаніе. Таковъ былъ Святой Антоній, который отправился съ этими цѣлями въ Грецію, возвратился инокомъ, и положилъ основаніе Кіевопечерской обители. Кромѣ Антонія, мы видимъ еще

другого представителя новаго поколѣнія: это былъ Святой Ѳеодосій. Въ жизни Ѳеодосія всего легче можно видѣть эту борьбу стараго поколѣнія съ новымъ и торжество послѣдняго. Преданіе говоритъ, что когда Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ людей для ученія, то матери-полуязычницы плакали по своимъ дѣтямъ, какъ по мертвымъ: такова была мать и Св. Ѳеодосія; въ самой ея любви представитель новаго поколѣнія встрѣтилъ сильное препятствіе своимъ намѣреніямъ; она не хотѣла, чтобы онъ посвятилъ себя исключительно религіи. Но Ѳеодосій преодолѣлъ всѣ препятствія, ушелъ въ Кіевъ, явился къ Антонію, вступилъ въ монастырь и былъ послѣ него игуменомъ. Но кромѣ Антонія и Ѳеодосія, Печерскій монастырь выставилъ цѣлый рядъ подвижниковъ христіанства, которые своимъ примѣромъ, своими дѣлами, такъ много способствовали распространенію христіанства въ областяхъ Русскихъ.

Показавъ средства, какими христіанство распространялось и утверждалось на Руси, обратимся къ вліянію этого новаго могущественнаго начала на гражданскій бытъ юнаго русскаго общества. Немедленно послѣ принятія новой вѣры, мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей. Но христіанство принято отъ Византіи. Русь составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство византійское: отсюда понятно будетъ гражданское вліяніе греко-римскаго міра на юное русское общество. Церковь, по главной задачѣ своей — дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя по этому самому и подчинились церковному суду. Легко понять, какое вліяніе должна была оказать Церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленіе чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ. Духовенство своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, противъ насильственныхъ браковъ. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила ея значеніе, постановивши обязанности дѣтей къ матери наравнѣ съ обязанностями къ отцу. Семья, до сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чуждой власти; христіанство отнимаетъ у отцовъ семействъ жреческій характеръ, который они имѣли во времена языческія; подлѣ отцовъ плотскихъ являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковному. Нужно ли прибавлять, что такое вліяніе Церкви на семейный бытъ могущественно содѣйствовало къ переходу народонаселенія отъ старыхъ формъ родоваго быта къ новымъ, гражданскимъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Въ прошедшихъ бесѣдахъ мы видѣли, какъ образовалось русское общество, и какъ духовное, религіозное начало дѣйствовало при этомъ образованіи. Мы видѣли, что предъ призваніемъ князей племена, обитавшія въ областяхъ нынѣшней Россіи, жили въ формахъ родоваго быта. При содѣйствіи правительственнаго начала, дружины и Церкви, эти формы быта начали уступать мѣсто другимъ гражданскимъ формамъ; но родовой бытъ оставался еще столько могущественнымъ, что въ свою очередь дѣйствовалъ на измѣнявшія его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать чисто родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ правительственный, не могъ подчиняться вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю Русскую Землю въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, причемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя. Когда умеръ старшій, или великій князь, то достоинство его, вмѣстѣ съ главнымъ столомъ, переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ, который и перемѣщается на главный столъ, а вмѣстѣ съ этимъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Связь между старшими и младшими членами рода была чисто родовая, а не государственная: когда великимъ княземъ былъ отецъ, дѣдъ, то отношенія его къ младшимъ членамъ рода, сыновьямъ, внукамъ были прочны, опредѣленны, ясны; но когда, съ умноженіемъ членовъ рода, великимъ княземъ бывалъ троюродный или четвероюродный дядя или братъ, то родственныя отношенія необходимо ослабѣвали, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣвало уваженіе, повиновеніе младшихъ старшему, особенно когда замѣчали стремленіе старшаго блюсти болѣе выгоды ближайшихъ родичей, ослабѣвала общая связь рода, увеличивались случаи къ враждебнымъ столкновеніямъ между его членами. Завязались споры между различными линіями о старшинствѣ, одна линія начала исключать другую. Народонаселеніе волостей вмѣшалось въ эти споры, стало выбирать князей, которые были ему любы, не обращая вниманія на родовые счеты Рюриковичей: отсюда новыя смуты, новая запутанность, новыя усобицы. Мы упоминали, что въ отношеніяхъ между княземъ и подчиненнымъ народонаселеніемъ оставались еще неопредѣленности; но князья не имѣли возможности опредѣлить точнѣе своихъ отношеній къ народонаселенію волостей, потому что все вниманіе ихъ было поглощено собственными ихъ родовыми счетами и борьбою, вслѣдствіе этихъ счетовъ происходившею; доискиваясь старшинства, они переходили изъ

одной волости въ другую, не занимаясь установленіемъ прочнаго порядка вещей въ послѣднихъ, оставляя все попрежнему.

Такимъ образомъ мы видимъ, что причиною усобицъ, нестроеній, характеризующихъ эпоху отъ смерти Ярослава I-го, былъ тотъ же родовой бытъ, для выхода изъ котораго сѣверныя племена призвали первыхъ князей. Теперь, слѣдовательно, для прекращенія безпорядковъ, усобицъ въ самомъ родѣ княжескомъ, нужно было: чтобъ въ немъ самомъ повторилось то же явленіе, чтобъ въ немъ самомъ родовыя отношенія упразднились, уступили мѣсто государственнымъ; чтобъ старшій въ родѣ князь явился государемъ относительно младшихъ, а послѣдніе подчинились его власти, какъ подданные. Для этого, во-первыхъ, нужно было, чтобъ великій князь началъ имѣть не одно родовое значеніе, какъ только старшій, но чтобъ онъ сталъ смотрѣть на остальныхъ родичей, какъ на подданныхъ, и при этомъ имѣлъ бы довольно матеріальной силы, чтобъ заставить родичей смотрѣть на себя, какъ на государя. Во-вторыхъ, нужно было: чтобъ князья перестали считать всю землю общимъ достояніемъ цѣлаго рода, но чтобъ каждый утвердился навсегда въ своей волости, началъ заботиться объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ силъ, расширять свои владѣнія насчетъ другихъ; чтобъ сильнѣйшіе князья начали собирать Русскую Землю, присоединяя къ одной большой области другія, меньшія. Это явленіе, перемѣна въ характерѣ великихъ князей и перемѣна во взглядѣ на собственность произошло на сѣверѣ, въ области верхней Волги, въ княжествѣ Ростовскомъ; первый князь, который рѣшился измѣнить родовыя отношенія, началъ поступать не такъ, какъ старшій въ родѣ, но какъ государь, былъ Андрей Боголюбскій. Что же за причина этой перемѣны? Какимъ образомъ Андрей Боголюбскій получилъ мысль о ея возможности и необходимости? Такъ какъ перемѣна эта произошла на сѣверѣ, то тамъ должно искать и причину ея.

Въ Русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени—славянскому—сухимъ путемъ. Мы видимъ съ самаго начала, что князья наши преимущественно заботятся о населеніи пустынныхъ пространствъ, о построеніи городовъ; сперва населялись страны юго-западныя, потомъ колонизація шла далѣе на сѣверо-востокъ; часть населенія сѣверо-востока, пустынной области верхней Волги, преимущественно принадлежитъ Юрію Владиміровичу Долгорукому, построившему здѣсь цѣлый рядъ городовъ, куда онъ сводилъ народонаселеніе изъ разныхъ мѣстъ, изъ разныхъ племенъ. Эта новонаселенная область, эти новые города обязаны были князю своимъ политическимъ существованіемъ, были его собственностію: князь былъ здѣсь хозяиномъ полновластнымъ, здѣсь не было мѣста никакой неопредѣленности въ отношеніяхъ. Среди этого-то новаго міра, на этой-то новой почвѣ родился, выросъ и возмужалъ сынъ Юрія Долгорукаго, знаменитый Андрей Боголюбскій. Слишкомъ тридцать лѣтъ прожилъ онъ на сѣверѣ, принялъ на себя впечатлѣнія окружавшей среды, воспитался въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ какія существовали между княземъ и городами на югѣ; воспитался въ отдаленіи отъ остальныхъ линій княжескаго рода, въ отчужденіи отъ ихъ привычныхъ интересовъ, и тѣмъ способнѣе, слѣдовательно, былъ онъ для того, чтобъ выдѣлиться изъ рода, порвать съ нимъ связь. И вотъ, когда въ зрѣломъ мужествѣ явился онъ на югъ, то чуждъ и враждебенъ показался онъ ему; онъ спѣшилъ удалиться на свой родной сѣверъ, и когда досталось ему старшинство въ цѣломъ родѣ, когда всѣ князья признали его великимъ княземъ, Андрей обнаруживаетъ попытку къ перемѣнѣ существующаго порядка вещей, имѣя, по отношеніямъ своимъ къ сѣверному народонаселенію, полную свободу дѣйствовать и привыкнувъ пользоваться этою свободою, что давало ему и силу матеріальную, и сообщало ему единство и постоянство его стремленіямъ. Андрей перемѣняетъ обращеніе съ младшими князьями-родичами; послѣдніе изумились этой перемѣнѣ, поняли всю опасность для себя отъ нея и вооружились противъ новизны: «Мы признали тебя старшимъ», говорили они Андрею, «а ты поступаешь съ нами не какъ съ родственниками, но какъ съ подручниками». Роковое слово было произнесено, слово новое для выраженія понятія новаго, понятія подручника, подданнаго вмѣсто родича. Но этого мало: ставши великимъ княземъ, старшимъ въ родѣ, Андрей не поѣхалъ на югъ, въ Кіевъ, стольный городъ всѣхъ прежнихъ великихъ князей, онъ остался на сѣверѣ въ своей прежней волости, и оттуда распоряжался дѣлами юга.

Примѣръ поданъ, почва приготовлена для новаго порядка вещей; и сѣверные князья, преемники Андрея, слѣдуютъ его примѣру, пользуются приготовленными имъ средствами. Они не обращаютъ вниманія на родовыя отношенія, родовые счеты, смотрятъ на себя какъ на владѣльцевъ отдѣльныхъ областей; не переходятъ изъ одной волости въ другую, но постоянно живутъ въ одной. Великіе князья, пользуясь старшинствомъ, заботятся о томъ, какъ бы усилить свои матеріальныя средства, удержать власть и силу въ своей семьѣ, дать первенство своему княжеству, увеличить его насчетъ другихъ. Младшіе князья хорошо понимаютъ стремленіе великихъ князей, противобор-

ствуютъ имъ всѣми средствами; но когда одинъ изъ младшихъ достигнетъ старшинства, то начинаетъ дѣйствовать точно такъ же, какъ его предшественникъ, противъ котораго онъ самъ прежде вооружался. Понятно, что такой великій переворотъ не могъ совершиться скоро; для этого нужны были вѣка борьбы постоянной и кровавой. Наконецъ княжество Московское, вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, пересиливаетъ всѣ остальныя; Московскіе князья начинаютъ собирать Русскую Землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ они къ своему владѣнію остальныя княжества; постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ, удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ.

Характеръ явленій, которыя мы видѣли на сѣверѣ, условливался также самымъ характеромъ народонаселенія сѣвернаго. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго какъ тѣлесную, такъ и умственную; пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго нелегкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли,—понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію народы окружные, отличающіеся другимъ характеромъ; таково народонаселеніе сѣверной Руси, какъ оно является въ исторіи. Несмотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область—была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, къ степи, жилищу варварскихъ кочевыхъ народовъ, дѣлали ее неспособною стать государственнымъ ядромъ для Россіи; отсюда Кіевская область вначалѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси. Въ южной Руси, въ области Днѣпровской, зачалась и развилась древняя русская жизнь во всей широтѣ, при всей неопредѣленности отношеній, характеризующей обыкновенное общество юное, только-что начавшее жить самостоятельною жизнію. Вслѣдствіе родовыхъ отношеній, князья съ своими дружинами переходили изъ одного города въ другой; подлѣ, въ степяхъ кочевали азіатскіе хищники, грабившіе Русь; на границахъ степей жили разноименные народцы, составлявшіе переходъ отъ степняковъ, или половцевъ, къ осѣдлому народонаселенію. Не могши, по слабости своей, быть самостоятельными между половцами и Русью, всѣ эти народцы примкнули къ послѣдней, стали служить князьямъ ея, и въ войнахъ съ половцами и въ распряхъ междоусобныхъ, выбирая вмѣстѣ съ гражданами князей, которые были имъ любы, или которые были сильны. Таковы были составныя части народонаселенія въ древней Руси; но все это было, выражаясь словами поэта, только еще несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ (discordia semina rerum): князья съ дружинами жили сами по себѣ; города сами по себѣ, пограничные народцы сами по себѣ. Князья были, большею частію, необыкновенно храбры, умѣли и у себя дома, и въ чужихъ странахъ честь свою взять; дружины уподоблялись своимъ вождямъ. Но что значила вся эта храбрость при такомъ безпорядкѣ? Легко было перессорить князей родичей, ничего нестоило разрознить интересы князей съ интересами гражданъ и пограничныхъ народцевъ: вотъ почему древняя южная Русь, несмотря на внѣшній блескъ своего быта, не могла устоять ни противъ стремленія сѣверныхъ князей, потомковъ Долгорукаго, ни противъ натиска азіатской орды. Войска Боголюбскаго опустошили Кіевъ, который принялъ князя отъ руки завоевателя; при братѣ Боголюбскаго, Кіевскіе князья признавались, что не могутъ обойтись безъ могущественнаго сѣвернаго собственника, и когда явились монголы въ первый разъ, то южная Русь хотя выслала противъ нихъ сонмъ своихъ князей-витязей, но эти князья завели распрю и погубили рать; когда же явились монголы во второй разъ, то враждебные другъ другу князья умѣли соединиться только въ общемъ бѣгствѣ въ чужія страны: граждане старыхъ городовъ не могли и представить себѣ возможности соединенія, и поодиночкѣ полегли въ развалинахъ. Такова была судьба южной, старой Руси.

Различіе въ характерѣ сѣвернаго и южнаго народонаселенія обозначается примѣтно въ источникахъ нашей исторіи: иностранцы-современники хвалятъ храбрость дружинъ южной Руси; онѣ отличались стремительностію въ нападеніяхъ, но не отличались стойкостію. Противоположные отзывы встрѣчаемъ о населеніи сѣверной Руси: оно не любитъ вообще войны, не отличается стремительностію натиска; но гдѣ нужно стать крѣпко и защищаться, тамъ оно неодолимо; здѣсь на сѣверѣ образовался тотъ русскій воинъ, котораго, по извѣстному выраженію, можно убить, но не сдвинуть съ мѣста. Сѣверное русское народонаселеніе, какъ сказано, не отличается въ исторіи порывистыми движеніями; въ поведеніи его мы замѣчаемъ преимущественно медленность, осторожность, постоянство въ достиженіи цѣли; обдуманность, медленность, осторожность въ пріобрѣтеніи, стойкость въ защищеніи пріобрѣтеннаго. Соотвѣтственно характеру народонаселенія, все на сѣверѣ принимаетъ характеръ прочности. О дружинахъ южныхъ лѣтописецъ говоритъ, что онѣ храбро бились съ врагами, и расплодили Русскую Землю. Таково точно назначеніе старой, южной Руси: расплодить, распространить Русскую Землю, намѣтить

границы. Но Руси сѣверной выпалъ удѣлъ—закрѣпить пріобрѣтенное, связать, сплотить части, дать имъ внутреннее единство, собрать Русскую Землю. И вотъ князья сѣверной Руси являются полными представителями своего народа, превосходно выполняютъ назначеніе сѣверной Руси. Въ ихъ поведеніи мы не замѣчаемъ того блеска, какой видимъ въ поведеніи князей-витязей юга, смотрѣвшихъ на битву, какъ на судъ Божій, и при всякомъ спорѣ прибѣгавшихъ къ этому суду; сѣверные князья—собственники, не любятъ рѣшать споровъ своихъ оружіемъ, прибѣгаютъ къ нему только въ крайности, или тогда, когда успѣхъ несомнѣненъ; но отъ невѣрной битвы не любятъ ставить въ зависимость того, что пріобрѣтено, промышлено долгими трудами. Южные князья прежде всего думаютъ, какъ бы въ битвѣ взять свою часть; сѣверные князья прежде всего думаютъ, какъ бы безъ невѣрной битвы получить пользу для своего владѣнія. Всѣ они похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ; каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными; въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ, мы видимъ ясно постепенность этой смѣны, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ великаго князя, старшаго брата, который носитъ уже титулъ Царя. Это главное, основное явленіе—переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя, условливаетъ рядъ другихъ явленій. Господство родовыхъ отношеній между князьями имѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, могущественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, имѣло могущественное вліеніе на бытъ городовъ, на положеніе дружины: когда родовыя отношенія между князьями начали смѣняться государственными, то эта смѣна должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была повлечь измѣненія и въ бытѣ городовъ и въ положеніи дружины. Отсюда ясно, что великіе князья Московскіе, въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ, должны были встрѣтить сопротивленіе не со стороны однихъ князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ привычка дружинниковъ переходить отъ одного князя къ другому, которую они пріобрѣли въ то время, когда Землею владѣлъ нераздѣльно цѣлый родъ княжескій, и которую они должны были потерять, когда явилось единовластіе. Не имѣя теперь возможности переходить отъ одного князя къ другому въ Русской Землѣ, многіе изъ дружинниковъ считали себя въ правѣ отъѣзжать къ чужимъ государямъ. Къ этимъ противугосударственнымъ стремленіямъ дружинниковъ присоединились еще противогосударственныя стремленія потомковъ прежнихъ князей, которые продолжали питать вражду къ новому порядку. Борьба со всѣми этими стремленіями и была причиною тѣхъ печальныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто въ царствованіе Іоанна IV. Во время этой борьбы Іоаннъ IV задалъ вопросъ одному изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ старины, князю Курбскому: «что лучше—настоящій ли порядокъ вещей, когда государство успокоилось, пришедши въ порядокъ при единомъ государѣ, или прежнее время, когда усобицы терзали Землю?». На этотъ вопросъ отвѣчалъ не Курбскій: на него отвѣчала вся Земля, все Московское государство. Но прежде, нежели обратимся къ этому отвѣту, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ произошла великая перемѣна въ жизни русскаго общества, и о слѣдствіяхъ этой перемѣны во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Мы видѣли, что Русское государство, основанное на границѣ Европы съ Азіею, должно было вести постоянную борьбу съ степными варварами. Отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII въ этой борьбѣ не было перевѣса ни на сторонѣ кочевыхъ ордъ, ни на сторонѣ славянскихъ племенъ, объединенныхъ подъ именемъ Руси. Печенѣги и за ними половцы наносятъ иногда сильныя опустошенія Приднѣпровью; но за то иногда и русскіе князья входятъ въ глубь степей ихъ, за Донъ, и плѣнятъ ихъ вежи. Но отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ азіатцы, въ лицѣ монголовъ. Не имѣя тѣхъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь,—южная Русь, послѣ монгольскаго опустошенія, подпала подъ власть князей Литовскихъ. Это обстоятельство не было гибельно для народности южно-русскихъ областей, потому что литовскіе завоеватели приняли русскую вѣру, русскій языкъ,—все оставалось постарому; но гибельно было для русской жизни на юго-западѣ соединеніе всѣхъ литовскихъ владѣній съ Польшею, вслѣдствіе восшествія на Польскій престолъ Литовскаго князя Ягайла. Съ этихъ поръ юго-западная Русь должна была вступить въ борьбу съ Польшею, за свою народность, основою которой была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для юго-западной Руси сохранить свою народность, условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностію и могуществомъ. Монголы опустошили значительную часть сѣверной Руси, наложили дань на жителей, заставили князей брать отъ своихъ хановъ ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была смѣна стараго поряд-

*

ка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отчего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна всего внутренняго порядка, и такъ какъ начало новаго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде монголовъ, то монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали или препятствовали утвержденію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе монголовъ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Монголы остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все какъ было, слѣдовательно оставляя въ полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ неприкосновеннымъ на столѣ ни великаго, ни удѣльнаго князя, онъ только обезпечивалъ волости ихъ отъ татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ князья не обращали вниманія на ярлыки: они знали, что всякій, кто свезетъ больше денегъ въ Орду, получитъ ярлыкъ преимущественно предъ другими и войско на помощь. Независимо отъ монголовъ, обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, — именно ослабленіе родовой связи, возстаніе сильнѣйшихъ князей на слабѣйшихъ мимо всѣхъ родовыхъ правъ и счетовъ, стараніе пріобрѣсти средства къ усиленію своего княжества насчетъ другихъ; монголы въ этой борьбѣ являются для князей только орудіями. Когда борьба кончилась усиленіемъ одного княжества насчетъ всѣхъ другихъ, то новое государство пользуется своимъ единствомъ и силою для того, чтобъ побѣдить монголовъ и начать наступательное движеніе на Азію. Съ другой стороны, усиленіе сѣверной Руси, вслѣдствіе новаго порядка вещей, условливаетъ успѣшную борьбу ея съ королевствомъ Польскимъ, постоянною цѣлію которой становится соединеніе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державою; наконецъ соединеніе частей, единовластіе, окончаніе внутренней борьбы даетъ сѣверной Руси, или Московскому государству, возможность войти въ сношенія съ европейскими государствами, приготовлять себѣ мѣсто среди нихъ. Въ такомъ положеніи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣклась Рюрикова династія.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ прошлыхъ бесѣдахъ я упоминалъ о томъ главномъ явленіи нашей исторіи, что племена славянскія, поселившіяся изначала на западѣ, выселялись постепенно на востокъ; слѣдовательно историку русскому, при объясненіи явленій отечественной исторіи, никакъ не должно упускать изъ виду этого важнаго обстоятельства, этого постепеннаго заселенія дикихъ, пустынныхъ странъ. Но обыкновенное явленіе, сопровождающее всегда колонизацію, есть борьба, которую должны выдерживать колонисты съ прежнимъ варварскимъ населеніемъ: отсюда и въ нашей исторіи эта постоянная борьба съ жителями степей. Но мало того: для государства, которое образовалось съ помощію колонизаціи, населеній, необходимо предстояла борьба съ другимъ элементомъ, полуварварскимъ, ибо нѣкоторые передовые отряды населенія, вдававшагося все глубже и глубже въ пустыню, дичаютъ уже по тому самому, что, оторвавшись отъ государства, находятся въ ближайшихъ сношеніяхъ съ дикарями. Отсюда русскому обществу, которое образовалось посредствомъ колонизаціи, необходимо было выдержать сильную борьбу, съ одной стороны, съ азіатскими кочевыми ордами, съ другой—съ тѣми одичалыми передовыми отрядами, которые хотя иногда сами оказывали большую помощь государству, ратуя противъ степныхъ кочевниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи полудикарями, враждебно смотрѣли на установленіе государственнаго порядка, и, съ своей стороны, не менѣе азіатскихъ ордъ, причиняли бѣдствія юному государству. Вредная дѣятельность этого пограничнаго народонаселенія оказалась преимущественно въ началѣ XVII вѣка, когда на государство Русское послано было страшное испытаніе. Династія Рюрикова, давшая столько нарядниковъ Русской Землѣ, пресѣклась; крамолою свергнутъ былъ Годуновъ, крамолою возведенъ и свергнутъ Шуйскій; нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ, части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, Земля замутилась. Тогда-то открылось свободное поприще дѣйствовать тѣмъ, которые не хотѣли установленія наряда, тѣмъ полудикимъ толпамъ, которыя основали свое пребываніе на границахъ государства; онѣ кинулись съ разныхъ сторонъ на послѣднее; къ нимъ пристали внутри государства тѣ, которымъ хотѣлось жить насчетъ государства. Польша выслала въ Московское государство толпы своихъ отверженниковъ общества. Началась страшная борьба, въ которой новорожденному Московскому государству надлежало, повидимому, погибнуть; ибо со всѣхъ сторонъ сыпались на него страшные удары, которые трудно было выдержать, а между тѣмъ общественныя основы, на которыя оно могло опереться, часъ отъ часу слабѣли болѣе и болѣе. Негдѣ было искать спасенія. Лучшіе, энергическіе люди, около которыхъ можно было сосредоточиться, погибли жертвами безнарядья; люди, разрознившіе свои интересы съ интересами государства, брали явно верхъ. Но въ это-то страшное время оказалась вся сила, все дѣйствіе того порядка вещей, который окончательно утвердился при Московскихъ государяхъ. Единство религіозное и государственное были такъ сильны, что, несмотря на всѣ удары, на всѣ бѣдствія, общество умѣло соединиться, повидимому, безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, соединиться духовно, внутренне, руководствуясь привычнымъ стремленіемъ къ единству религіозному и государ-

ственному. Земля собралась и очистила государство; народъ, по современному выраженію, всталъ какъ одинъ человѣкъ для этого очищенія. Тогда-то одинъ отвѣтъ на вопросъ Іоанна IV Курбскому: что лучше, прежнее время, когда Земля гибла въ междоусобіяхъ, или настоящее, когда она успокоилась единодержаніемъ. Послѣ страшнаго испытанія, Земли даетъ торжественный отвѣтъ на этотъ вопросъ: Земскій Совѣтъ объявляетъ, чтобъ все было такъ, какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ, и выбираетъ новую династію.

Бѣдственно было однако состояніе государства послѣ этого великаго испытанія; силы его были истощены. Молодой царь, котораго избрала Земля, спрашивалъ у пословъ Земскаго Совѣта: гдѣ же средства для управленія государства; гдѣ ручательство, что прежнія смуты не повторятся. Послы выставили ручательствомъ то, что всѣ люди Московскаго государства уже наказались, т. е. узнали по опыту пользу прежнихъ государственныхъ стремленій; узнали, для кого нужны были смуты, самозванцы, кто ихъ поддерживалъ. И точно, по вступленіи на престолъ царя изъ новой династіи, Московское государство показало явно, что его жители наказались уже. Несмотря на страшное разстройство силъ государственныхъ; несмотря на то, что, при такомъ разстройствѣ, государство должно было еще бороться съ сильными врагами внутренними и внѣшними, первому государю изъ новой династіи удалось успокоить Землю. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ созываетъ Соборы, и всегда находитъ здѣсь нужный совѣтъ и средства для установленія порядка.

Царствованіе перваго государя изъ новой династіи протекло въ этомъ установленіи наряда. Но, кромѣ установленія наряда, мы должны обратить вниманіе на тѣ новыя стремленія и новыя потребности, которыя высказались при этомъ. Еще гораздо прежде, и особенно во время смутъ, Московское государство узнало, что для успѣшной борьбы со внѣшними и внутренними врагами необходимо было перемѣнить военный строй, потому что при старомъ строѣ русскія войска оставались почти всегда побѣжденными. И вотъ, въ царствованіе перваго государя изъ новой династіи, начинаются преобразованія: при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ уже видимъ полки, набранные изъ иностранцевъ.

Но этого мало: при немъ же видимъ и русскіе полки, выученные иностранному строю; образовались конные—рейтерскіе, драгунскіе полки, пѣхотные солдатскіе. Окончательное преобразованіе войска совершилось въ XVIII вѣкѣ. Но это преобразованіе военнаго строя вело необходимо къ болѣе важнымъ преобразованіямъ; оно должно было перемѣнить отношенія прежняго разряда ратныхъ людей, носившихъ названіе дворянъ и дѣтей боярскихъ; должно было перемѣнить и отношенія тѣхъ родовъ, которые вслѣдствіе мѣстничества выдвинулись на первыя мѣста въ государствѣ. Западныя европейскія государства образовались посредствомъ того, что варвары-завоеватели вступили на римскую почву, вслѣдствіе чего начало, принесенное германцами, пришло въ столкновеніе съ государственнымъ началомъ, завѣщаннымъ Римскою имперіею. У насъ также видимъ дружину, но она вступила на почву дѣвственную, гдѣ никакое государство не оставило слѣдовъ своихъ. У насъ дружина должна была войти въ столкновеніе съ племенами, которыя жили подъ формами родоваго быта; отсюда необходимое столкновеніе начала дружиннаго, начала служебнаго съ началомъ родовымъ, отчего произошло извѣстное явленіе—мѣстничество. Мы видѣли, какъ сильно было родовое начало; если оно такъ долго господствовало въ междукняжескихъ отношеніяхъ, то должно было господствовать и въ отношеніяхъ дружинныхъ. Но теперь упадокъ родовыхъ отношеній вообще, смѣна ихъ государственными и необходимость новаго военнаго устройства должны были повести къ уничтоженію мѣстничества, и вотъ, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, на Соборѣ оно было проклято, какъ Богу ненавистное дѣло. За уничтоженіемъ мѣстничества должно было послѣдовать то явленіе, что всѣ разряды служилыхъ людей, безъ исключенія извѣстныхъ родовъ, которые только вслѣдствіе мѣстничества составили изъ себя что-то замкнутое, недоступное для другихъ,—всѣ разряды служилыхъ людей должны были составить одно сословіе, одно тѣло съ равными правами для всѣхъ его членовъ. Должно было явиться дворянское сословіе. Но преобразованіе военнаго строя должно было вести къ другой перемѣнѣ въ бытѣ ратныхъ людей. До сихъ поръ, только при объявленіи войны они должны были являться въ полки, но въ мирное время, живя въ своихъ помѣстьяхъ, они участвовали, наравнѣ съ остальнымъ народонаселеніемъ, во всѣхъ явленіяхъ областной жизни. Теперь же, когда оказалась нужда измѣнить военный строй, учредить постоянное войско, то служилые люди не могли уже оставаться въ своихъ помѣстьяхъ; они должны были выдѣлиться изъ общей областной жизни, составить особенное сословіе, особое тѣло.

Въ это же время, при первыхъ государяхъ новой династіи, подтверждено было и то учрежденіе, которое также имѣло мѣсто по отношенію къ потребностямъ служилыхъ людей. Здѣсь опять мы должны обратить вниманіе на то явленіе, которое имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, на эту обширность и малонаселенность областей Россіи, и на постоянное стремленіе населить ихъ. Мы замѣтили это стремленіе съ самаго начала русской исторіи. На сѣверѣ оно продолжалось. Князья даютъ своимъ подданнымъ большіе участки земли, даютъ большія льготы тѣмъ изъ нихъ, которые привлекутъ на эти участки населеніе изъ чужихъ областей. Но когда отдѣльныя области вошли въ составъ одного государства, то стремленіе землевладѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ участковъ въ ущербъ другимъ, явилось въ противоположности съ интересами государства: владѣльцы

большихъ земельныхъ участковъ разными льготами перезывали къ себѣ крестьянъ съ малыхъ участковъ, розданныхъ въ помѣстья ратнымъ людямъ, которые за это обязаны были по первому зову правительства являться въ полки въ полномъ вооруженіи, на коняхъ, и приводить съ собою извѣстное число вооруженныхъ людей, смотря по величинѣ помѣстья. Но ясно, что если это помѣстье не имѣло надлежащаго числа крестьянъ, перезываемыхъ постоянно на участки богатыхъ вотчинниковъ, то помѣщикъ, не получая доходовъ, не могъ исполнять своихъ обязанностей, не могъ являться на войну въ исправности. Это заставляло правительство принимать мѣры къ воспрепятствованію перехода крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Указанія на эти мѣры мы видимъ ясно въ концѣ XVI вѣка; въ XVII вѣкѣ государи изъ новой династіи подтверждаютъ ихъ вслѣдствіе жалобъ мелкихъ помѣщиковъ на то, что богатые вотчинники перезываютъ ихъ крестьянъ на свои земли. Если жалобы мелкихъ владѣльцевъ продолжаются и имѣютъ своимъ слѣдствіемъ мѣры правительства къ удержанію крестьянъ на постоянныхъ мѣстахъ жительства, то мы имѣемъ полное право заключить, что и въ XVI вѣкѣ эти мѣры являются вслѣдствіе тѣхъ же жалобъ.

Но однимъ начальнымъ преобразованіемъ военнаго строя не ограничились первые государи новой династіи. Были и другія, столь же важныя, нудящія потребности. Мало было завести постоянное войско, нужно было содержать его; нужно было умножить доходы государства. Главнымъ источникомъ доходовъ должна быть промышленность, торговля; и вотъ уже при первомъ государѣ новой династіи видимъ вызовъ изъ-за-границы ремесленниковъ, людей способныхъ завести разные промыслы. Правительство требуетъ отъ нихъ, чтобы они выучили русскихъ своимъ мастерствамъ, утвердили ихъ въ Россіи. Такъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ видимъ, что правительство даетъ 10, 15, 20-лѣтнія привиллегіи тѣмъ изъ иностранцевъ, которые захотятъ завести въ Россіи фабрики и заводы; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были заведены кожевенные, стеклянные, канительные, желѣзные заводы. Около Астрахани и на Терекѣ заведено винодѣліе и шелководство.

Но не однихъ ремесленниковъ и фабрикантовъ вызывало правительство. Были другія потребности, которымъ можно было удовлетворить только утвержденіемъ науки, и вотъ Михаилъ призываетъ извѣстнаго ученаго Олеарія, и пишетъ къ нему: «Мы знаемъ, что ты человѣкъ ученый, что ты географъ, астрономъ, землемѣръ; а намъ такіе люди нужны». Если дѣду понадобился географъ, астрономъ и землемѣръ, то неудивительно, что внуку понадобилась Академія Наукъ. Но просвѣщеніе необходимо было не для удовлетворенія однѣмъ только матеріальнымъ потребностямъ государства; оно было необходимо для очищенія нравовъ: выборные, явившіеся на Соборъ по случаю взятія Азова казаками, къ своихъ отвѣтахъ или сказкахъ, показали ясно необходимость главнаго улучшенія нравственности, указали ясно на главное зло, отъ котораго страдало общество и которое препятствовало утвержденію государственнаго порядка,—на своекорыстное стремленіе отдѣльныхъ интересовъ противъ интереса государственнаго. Противъ этого зла сильно ратовалъ внукъ Михаила, и вотъ, въ вѣкъ Екатерины II-й, было найдено, что его можно устранить только просвѣщеніемъ, только просвѣщеннымъ, нравственнымъ воспитаніемъ; вѣкъ Екатерины откликнулся на требованія, высказанныя при первомъ государѣ новой династіи. Но при этой потребности очищенія нравственности народной, не могло молчать то сословіе, которое было поставлено хранителемъ чистоты нравственной, не могла молчать Церковь, и вотъ въ царствованіе трехъ первыхъ государей новой династіи Церковь требуетъ просвѣщенія для улучшенія народной нравственности. Прочтемъ окружное посланіе Ростовскаго митрополита Іоны, дѣянія и правила Соборовъ 1647 и 1681 г.,—и мы удивимся тождественности этихъ правилъ съ тѣми правилами, которыя являются при Петрѣ и его преемникахъ. Здѣсь и тамъ указывается на одно зло, указывается и одно средство для его уничтоженія.

Но Церковь имѣла и другія причины требовать просвѣщенія: явились расколы—слѣдствіе невѣжества и грубости нравовъ; мало того: вслѣдствіе ближайшей связи съ Польшею и другими сосѣдними государствами, явились стремленія другихъ вѣроисповѣданій—католицизма и протестантизма—войти въ Московское государство. Православной Церкви нужно было бороться, съ одной стороны, съ своими раскольниками, съ другой—съ католиками и протестантами. Единственнымъ средствомъ къ охраненію чистоты православнаго ученія было просвѣщеніе, и вотъ, и свои пастыри и восточные патріархи, пріѣзжавшіе въ Россію, громко требуютъ заведенія школъ. Восточные патріархи, явившіеся по дѣлу Никона, увѣщеваютъ народъ полюбить науку, увѣщеваютъ пастырей Церкви содѣйствовать всѣми силами къ ея распространенію, вслѣдствіе чего уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича заведено было, при патріархѣ Филаретѣ, первое училище, а въ царствованіе третьяго государя изъ новой династіи, Ѳеодора Алексѣевича, при болѣе сильныхъ потребностяхъ, заведена была Славяно-Греко-Латинская академія, и этой академіи Церковь поручила блюсти за чистотою православнаго ученія.

Такъ, при трехъ первыхъ государяхъ новой династіи, въ теченіе XVII вѣка, обозначались явно новыя потребности государства и признаны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII вѣкѣ, въ такъ называемую эпоху преобразованія.

Но, говоря объ этой дѣятельности, мы не можемъ не упомянуть именъ трехъ главныхъ дѣяте-

лей, содѣйствовавшихъ означенному направленію, именъ Никона, Ордина-Нащокина и Матвѣева. Никонъ, по своей энергіи и ясному взгляду, могъ лучше другихъ понимать потребности Церкви и удовлетворять имъ. При немъ были исправлены книги. Насъ приверженцы невѣжества называютъ никоніанцами, и это названіе требуетъ, чтобы мы съ благодарностію вспоминали о Никонѣ. Кромѣ того, онъ отличался неусыпными стараніями о чистотѣ нравственности, объ утвержденіи благочинія въ церквахъ, монастыряхъ, вслѣдствіе чего должна была улучшиться и нравственность самого народа. Что касается до двухъ поименованныхъ нами свѣтскихъ лицъ, то сынъ бѣднаго псковскаго дворянина, Ординъ-Нащокинъ, достигъ личными достоинствами до высшихъ государственныхъ степеней: онъ былъ хранителемъ государственной печати, что соотвѣтствуетъ настоящему званію министра иностранныхъ дѣлъ. На этомъ важномъ постѣ Нащокинъ понималъ новыя потребности Московскаго государства; понималъ ясно, что Посольскій Приказъ, находившійся подъ его вѣдѣніемъ, долженъ былъ перемѣнить свой характеръ, вслѣдствіе болѣе тѣснаго сближенія съ государствами европейскими. Понимая необходимость преобразованія, онъ вооружался противъ тѣхъ лицъ, которыя, служа въ Посольскомъ Приказѣ, не имѣли понятія о внѣшнихъ сношеніяхъ и развлекались другими, несовмѣстными съ ихъ положеніемъ занятіями. Понимая важное значеніе Посольскаго Приказа, Нащокинъ называлъ его окомъ Россіи, которымъ она должна смотрѣть на другія государства, — и требовалъ, чтобъ око это было чисто; потребность преобразованія Посольскаго Приказа была дознана еще при царѣ Михаилѣ, когда важное дѣло при Датскомъ Дворѣ было поручное иностранцу Марселису, по неспособности русскихъ пословъ. Въ образованности самаго Нащокина свидѣтельствуютъ иностранцы; они говорятъ, что онъ не уступалъ въ немъ ни одному изъ современныхъ иностранныхъ министровъ. О широтѣ плановъ Нищокина свидѣтельствуютъ его намѣренія относительно торговли съ Востокомъ; онъ хотѣлъ, чтобъ Россія была средоточіемъ торговли между Европою и Азіею, — желаніе, которое хотѣлъ потомъ исполнить Петръ Великій. Нащокинъ заключилъ договоръ съ армянскою компаніею, вслѣдствіе котораго армяне, жившіе въ Персіи, обязывались весь шелкъ, собираемый въ персидскихъ областяхъ, доставлять исключительно на русскіе рынки. Нащокинъ заботился также и о заведеніи русскаго флота. Неблагопріятныя обстоятельства помѣшали русскимъ овладѣть прибалтійскими провинціями въ царствованіе Алексѣя Михайловича; первый русскій корабль назначенъ былъ для Востока, для Каспійскаго моря, для Волги. Знаменитый «Орелъ» былъ сожженъ казаками Разина; но мысли о заведеніи флота нельзя было истребить; она приведена въ исполненіе Петромъ. Скажемъ и о Матвѣевѣ. Матвѣевъ, подобно Нащокину, понималъ ясно новыя потребности государства, и стремился удовлетворить имъ. Что всего было важнѣе въ обоихъ этихъ людяхъ, такъ это то, что они умѣли показать превосходство просвѣщенія на самихъ себѣ. Ординъ-Нащокинъ былъ человѣкъ высокій нравственности; до насъ дошла грамота, въ которой царь жалуетъ его мѣстомъ, и при этомъ, послѣ подвиговъ гражданскихъ, вычисляетъ его высокіе христіанскіе подвиги; съ службою государственною онъ умѣлъ соединить служеніе страждущей меньшей братіи. Окончивъ государственную дѣятельность, Ординъ-Нащокинъ постригся въ монахи, но и здѣсь показалъ онъ, какъ понималъ обязанности инока христіанскаго: онъ завелъ больницу, приставилъ къ ней монаховъ и самъ служилъ больнымъ. О Матвѣевѣ отзываются иностранцы, что человѣкъ, котораго народъ называетъ своимъ отцомъ, выше всякой похвалы. Матвѣевъ показалъ свой ясный взглядъ, свою энергію въ военной и гражданской службѣ; онъ пользовался неограниченною довѣренностію царя Алексѣя Михайловича, участвовалъ съ пользою почти во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ его царствованія; а извѣстно, что это царствованіе было обильно важными явленіями. Матвѣеву Московское государство обязано было устроеніемъ отношеній между Великороссіею и Малороссіею; онъ часто бывалъ въ Малороссіи, зналъ природу страны и былъ способенъ опредѣлить ея отношенія къ Великой Россіи. Столь же велики заслуги его и на поприщѣ дипломатическомъ; занимаясь отношеніями европейскими, онъ, подобно Нащокину, не спускалъ глазъ съ Востока, завелъ сношенія съ Китаемъ, пославши туда переводчика Спафари; наказъ, данный Спафари Матвѣевымъ, показываетъ всего лучше ясный взглядъ этого государственнаго человѣка. Но, кромѣ того, дѣятельность Матвѣева важна и въ другихъ отношеніяхъ. По отзыву иностранцевъ, онъ былъ образованнѣйшій человѣкъ изъ своихъ современниковъ, старался, чтобъ и сынъ его былъ такъ-же образованъ; онъ первый украсилъ свой домъ произведеніями искусствъ; у Матвѣева у перваго рушилась преграда, отдѣлявшая дотолѣ семейство хозяина отъ гостей; къ нему собирались не для однихъ только пировъ, но и для умной, трезвой бесѣды, и въ этихъ бесѣдахъ принимала участіе хозяйка дома, жена Матвѣева; дѣвушка, воспитанная въ домѣ Матвѣева, перешла отсюда на престолъ. Легко понять, какъ она могла дѣйствовать на бытъ при Дворѣ. Но этотъ бытъ долженствовалъ измѣниться еще и прежде, вслѣдствіе сильнаго вліянія, которое имѣлъ Матвѣевъ, какъ другъ царя. До насъ дошло письмо Алексѣя Михайловича къ Матвѣеву: «Пріѣзжай поскорѣе», пишетъ царь, «мои дѣти осиротѣли безъ тебя, мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться». И мы не можемъ не замѣтить плодовъ этого вліянія: мы видимъ большую перемѣну въ бытѣ Двора, которая объясняетъ намъ воспитаніе и дѣятельность Петра. Явленіе сестры его Софіи также объясняется от-

сюда: Софія воспитана уже совершенно иначе, нежели прежнія царевны, затворницы въ своихъ теремахъ; слѣдовательно явленіе Софіи объясняется изъ тѣхъ же причинъ, какъ и явленіе Петра, и оба явленія объясняютъ другъ друга. Все уже носитъ характеръ новый, все показываетъ важныя преобразованія, которыя явились прежде преобразованій Петровыхъ и которыя объясняютъ ихъ.

Такова была дѣятельность трехъ первыхъ государей новой династіи, имѣвшая мѣсто въ продолженіи XVII вѣка. Здѣсь на границѣ двухъ эпохъ, двухъ столѣтій, намъ должно остановиться. Но мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о томъ отношеніи, которое имѣетъ настоящій порядокъ вещей къ этимъ двумъ эпохамъ. Мы видѣли, какъ въ продолженіе XVII вѣка являлись громкія требованія преобразованія, требованія просвѣщенія, науки, для обороны вѣры, для улучшенія нравственности. Въ XVIII вѣкѣ этимъ требованіямъ старались удовлетворить. Наука, просвѣщеніе были утверждены, и въ нашъ вѣкъ принесли свой необходимый плодъ—народное самопознаніе. Теперь, безспорно, самопознаніе является для насъ одною изъ первыхъ потребностей. Теперь признано, что интересъ отечественной исторіи сталъ главнымъ интересомъ нашей ученой литературы; мы видимъ, какъ постоянно новые таланты посвящаютъ себя занятію отечественною исторіею; видимъ, какъ со всѣхъ сторонъ обширнаго отечества собираются памятники, которые должны уяснить наше прошедшее. Вотъ плоды дѣятельности XVII и XVIII вѣковъ. Но самопознаніе по природѣ своей не исключительно, не одностороннe, требуетъ всѣхъ знаній, утверждается на нихъ, питается ими. Теперь, при этомъ стремленіи къ самопознанію, не можетъ быть спора объ отношеніяхъ XVII и XVIII вѣковъ: къ вѣкамъ предшествовавшимъ, XIX вѣкъ показалъ отношеніе ихъ; плодъ науки, просвѣщенія—самопознаніе народное, соединяетъ древнюю и новую Россію.

Но стремленіе къ просвѣщенію явилось не въ XVII только вѣкѣ, оно явилось гораздо прежде. Священное преданіе о необходимости просвѣщенія звучитъ изъ глубины XII вѣка; оно пришло не изчужа: оно пришло вмѣстѣ съ свѣтомъ божественной истины, и изъ вѣка въ вѣкъ передавалось оно, какъ завѣтъ, отъ предковъ къ потомкамъ. Когда только еще образовалась русское общество, когда части его находились еще въ броженіи и борьбѣ, — тогда въ тѣсной келіи монастыря началась наша лѣтопись, и вотъ лѣтописецъ, начавъ разсказъ о томъ, какъ пошла Русская Земля, какъ образовалось русское общество, на первыхъ страницахъ своего труда написалъ эти простыя, но безсмертныя слова: «Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго». Вотъ священный завѣтъ, полученный нами отъ предковъ, и историкъ русскій XIX вѣка, если хочетъ быть вѣренъ своему народу, своей исторіи, долженъ повторить слова лѣтописца XII вѣка: велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго и велика бываетъ польза отъ народнаго самопознанія.

1851.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

I.

...Я понимаю твое нетерпѣніе: столько важныхъ вопросовъ возбуждено въ наукѣ и жизни, жизнь такъ много требуетъ отъ науки, настоящее требуетъ такъ много объясненій отъ прошедшаго! Ты меня закидываешь вопросами: какъ я думаю объ этомъ; какъ смотрю на то; не отыскалъ ли я въ архивной пыли какого нибудь извѣстія, которое бы объяснило намъ то и то. Съ чего же начать мнѣ мой отвѣтъ?

Не разъ я замѣчалъ въ твоихъ письмахъ горькое чувство, сомнѣніе насчетъ будущности европейскаго человѣчества. Въ одномъ письмѣ, обозрѣвая состояніе европейскаго общества и литературы, ты говоришь: «Что это такое? Утомленіе ли отъ слишкомъ быстраго движенія, желаніе отдохнуть, оглядѣться, подумать, чтобы, собравшись съ новыми силами, пуститься опять въ путь, или дѣйствительно одряхлѣніе, неспособность идти далѣе по дорогѣ жизни? И что это за протестъ противъ настоящаго, поднимаемый во имя прошедшаго? Какой его смыслъ?»

Постараюсь сначала отвѣчать тебѣ на этотъ вопросъ. Но прежде всего надобно условиться въ смыслѣ словъ, которыя мы будемъ всего чаще употреблять. Сколько разъ въ твоихъ письмахъ встрѣчается слово — прогрессъ: въ его значеніи, думаю, мы прежде всего должны условиться.

Рядъ измѣненій, замѣчаемыхъ при развитіи сѣмени въ дерево или яйца въ животное, состоитъ въ движеніи отъ простоты и однообразія устройства къ его разнообразію и сложности. На первой ступени каждый зародышъ состоитъ изъ вещества однообразнаго во внутреннемъ составѣ и внѣшнемъ строеніи. Первый шагъ въ развитіи обозначается появленіемъ различія между частями этого вещества; потомъ каждая изъ различившихся частей начинаетъ въ свою очередь обнаруживать различіе частей. Процессъ этотъ безпрестанно повторяется, и черезъ безконечное умноженіе такого выдѣленія частей образуется наконецъ сложная сѣть тканей и органовъ, составляющая животное или растеніе въ полномъ его развитіи. Это явленіе, которое мы называемъ прогрессомъ, общее всѣмъ организмамъ, какъ природнымъ, такъ и общественному. Первый шагъ къ прогрессу въ человѣчествѣ, заключавшемся въ одномъ человѣкѣ, было появленіе различія между мужчиною и женщиною. «Не добро быти человѣку единому», сказалъ Виновникъ жизни, и явилась женщина. Въ обществѣ, на низкой ступени развитія находящемся, дикарь производитъ самъ все для себя нужное; но потомъ постоянно является раздѣленіе занятій, образуются отдѣльные органы общественные. Въ обществахъ недовольно развитыхъ, первосвященникъ и государь слиты въ одномъ лицѣ, религіозные и гражданскіе законы смѣшаны: въ силу прогресса, все это мало-помалу различается, раздѣляется. Тотъ же самый прогрессъ въ языкѣ, отъ однозвучія животныхъ до членораздѣльныхъ звуковъ человѣческихъ, и т. д.

Но прогрессъ не состоитъ въ одномъ безконечномъ членораздѣленіи; для образованія организма необходимо, чтобы части, органы, выдѣляясь, обозначаясь, находились въ тѣсной связи между собою; отдѣльнаго, тѣмъ менѣе враждебнаго другъ другу положенія они имѣть не могутъ; движеніе, жизнь, прогрессъ условливаются соединеніемъ, слѣдствіе одиночества—безплодіе, неподвижность. Чѣмъ развитѣе организмъ, чѣмъ развитѣе его члены, органы, тѣмъ въ болѣе тѣсной связи находятся они другъ съ другомъ, тѣмъ менѣе для нихъ возможности одиночнаго существованія. Этотъ общій законъ организма имѣетъ силу и въ примѣненіи къ высшему изъ организмовъ, организму общественному. Но если среди организмовъ природныхъ, чѣмъ выше организмъ, тѣмъ съ большею медленностію развивается, тѣмъ большаго требуетъ для себя старанія, ухода: то нечему удивляться, что организмъ общественный такъ медленно совершенствуется, что истины относительно его образованія достаются человѣчеству съ такимъ трудомъ. Изъ глубокой древности идетъ притча о томъ, какъ члены человѣческаго тѣла отказались служить другъ другу и этимъ довели тѣло до гибели; давно, слѣдовательно, принимали одинаковость законовъ, какъ для организмовъ природныхъ, такъ и для общественнаго, давно старались обращать вниманіе людей на эту одинаковость. Дѣло уясненія законовъ общественнаго организма начато давно, но вотъ прошло столько вѣковъ, а все кажется, что оно только еще въ началѣ. Легко сравнивать организмъ съ организмомъ общественнымъ: дѣйствительно, сходство поразительное, законы одни и тѣ же; но не должно забывать, что члены общественнаго организма суть существа свободно-разумныя, или цѣлыя соединенія такихъ существъ; что каждое изъ нихъ первоначально вращается въ тѣсной

сферѣ, гдѣ видитъ преимущественно только себя; что сфера эта расширяется чрезвычайно медленно; медленно члены общественнаго организма приходятъ къ сознанію о необходимости тѣсной внутренней связи другъ съ другомъ для поддержанія полной жизни каждаго изъ нихъ, и наоборотъ, о необходимости полнѣйшаго развитія каждаго изъ органовъ для поддержанія тѣсной внутренней связи между ними, для совершеннѣйшаго развитія общественнаго организма. Прежде, чѣмъ достигло этого сознанія, сколько разъ человѣчество приходило въ отчаяніе отъ прогресса, протестовало противъ него, старалось остановить его, уйти отъ него, въ древнемъ мірѣ—начиная отъ индійскихъ воззрѣній въ сферѣ религіозно-философской и оканчивая республикою Платона въ сферѣ философско-политической; въ новомъ мірѣ...

Но я вижу издали твое нетерпѣніе, желаніе остановить меня и потребовать прежде всего объясненія, что за связь между индійскими воззрѣніями и воззрѣніями Платона.

Самый мягкій, самый дряблый изъ народовъ Востока, народъ индійскій—первый наскучилъ борьбою жизни, не могъ сладить съ прогрессомъ, привести въ возможную гармонію отношенія, имъ порождаемыя, и протестовалъ противъ него. Онъ объявилъ: что все многообразіе явленій видимаго міра не имѣетъ дѣйствительнаго существованія; что задача человѣка состоитъ въ удаленіи отъ этого кажущагося существованія, отъ этого непрестаннаго коловращенія міра, и въ погруженіи въ Браму, душу вселенной, находящуюся въ совершенномъ бездѣйствіи, покоѣ. Въ буддизмѣ индіецъ старался также избѣжать отъ «неугомоннаго вращенія колеса міра», отъ жизни, исполненной страданій. Что за причина старости, смерти, всякаго рода страданій?—рожденіе. Что за причина рожденія?—зачатіе, вожделѣніе, чувства. Чтобъ уничтожить страданіе, надобно уничтожить рожденіе; чтобъ уничтожить рожденіе, надобно уничтожить зачатіе, вожделѣніе, чувства, надобно уничтожить соприкосновеніе съ міромъ,—человѣкъ черезъ это отрѣшеніе, черезъ это самоуничтоженіе долженъ *перейти въ пустоту*, изъ которой не можетъ быть возрожденія къ ненавистной жизни. Какой же смыслъ всѣхъ этихъ воззрѣній для историка? Здѣсь обнаруживается неспособность народа выдержать борьбу съ жизнію, распорядиться разнообразіемъ отношеній, страшная слабость, одряхлѣніе, порождающія сильное желаніе покоя, стремленіе уйти отъ прогресса, отъ движенія, возвратиться къ первоначальной простотѣ, то есть пустотѣ, въ состояніе, до прогресса бывшее.

Когда греки, въ концѣ своего блестящаго, но односторонняго развитія, не могли сладить съ прогрессомъ, то и у нихъ, у лучшихъ людей, у лучшихъ умовъ между ними, явился протестъ противъ прогресса, который преимущественно обнаружился въ политическихъ сочиненіяхъ Платона («Государство и Законы»). Здѣсь высказалось стремленіе возвратить общество къ первоначальной простотѣ, единству, остановить дальнѣйшее движеніе, развитіе личныхъ отношеній, личныхъ способностей, личныхъ средствъ, и высшимъ идеаломъ поставлено то общество, въ которомъ у человѣка отняты семейство и собственность, два могущественные двигателя при развитіи силы человѣка. Понятно, что мысль о подобномъ общественномъ устройствѣ могла явиться въ языческомъ мірѣ, когда господствовалъ самый низкій взглядъ на достоинство человѣка. Человѣкъ, по этому взгляду, вѣчно ребенокъ, вѣчно нуждающійся въ строгой опекѣ, обязанный вѣчно пребывать въ школѣ, и общество должно быть устроено по образцу школы или, если угодно, по образцу лагеря, дисциплиною своею такъ близко подходящаго къ школѣ. И въ обществѣ, какъ въ школѣ, человѣкъ-ребенокъ встаетъ, ложится, ѣстъ, работаетъ въ опредѣленное время, вмѣстѣ съ другими; каждому дано въ собственность ни больше, ни меньше, какъ и другимъ: у школьника есть своя кровать, платье, столикъ, книги, все это совершенно такое же, какъ и у другихъ: въ обществѣ Платона у каждаго свой участокъ земли, который нельзя ни увеличить, ни уменьшить; движимое имущество—это язва, отъ него больше всего надобно беречься, пріобрѣтеніе его надобно затруднять всѣми средствами, ибо понято было, что движимое имущество самое сильное средство движенія, развитія общественнаго. Человѣкъ — ребенокъ; дайте ребенку ножъ, онъ его въ пользу не употребитъ, и скорѣе всего порѣжется или другого порѣжетъ, лучше до грѣха отнять у него ножъ; дайте человѣку семейство, дайте возможность пріобрѣтать, увеличивать собственность: человѣкъ съ этимъ не сладитъ, не будетъ отъ нихъ добра ни ему, ни другимъ, а пойдутъ только ссоры, тяжбы, бѣдный будетъ завидовать богатымъ; лучше отнять у человѣка и семейство и собственность!

Надѣюсь, теперь ты оставишь за мною право сблизить политическія мечтанія одряхлѣвшей Греціи съ религіозными воззрѣніями Индіи: и здѣсь и тамъ одно и то же отвращеніе отъ движенія жизни, неумѣнье сладить съ прогрессомъ, и стремленіе остановить его, возвратиться къ первоначальной простотѣ, однообразію, небытію; и здѣсь и тамъ одинаковое непризнаніе достоинства человѣка, одинаковое презрѣніе къ его нравственнымъ силамъ, которыя не могутъ дать ему средствъ сладить съ прогрессомъ и устроиться при разнообразіи общественныхъ отношеній. Какими же средствами ветхій міръ могъ быть обновленъ, могъ быть спасенъ отъ этихъ грустныхъ воззрѣній, такъ ясно обличавшихъ истощеніе нравственныхъ силъ въ древнемъ человѣчествѣ? Разумѣется, спасеніе могло придти отъ воззрѣній противоположныхъ. Для обновленія міра нужно было поднять значеніе отдѣльнаго лица, объявить, что человѣкъ не есть ребенокъ, долженствующій быть вѣчно въ школѣ, но совершеннолѣтній, могущій

владѣть всѣмъ, не употребляя ничего во зло для себя и другихъ; надобно было вдохнуть въ человѣка сознаніе объ этомъ совершеннолѣтіи его, объ обязанностяхъ, какія оно налагаетъ, о трудныхъ обязанностяхъ самостоятельной жизни; надобно было внушить человѣку сознаніе его нравственныхъ силъ, обязанность ихъ непрестаннаго развитія; надобно было внушить ему, что идеалъ дѣятельности человѣка состоитъ не въ страдательномъ только повиновеніи закону, но въ свободномъ превышеніи закона, въ предупрежденіи его требованій. Древнее общество говорило: отнимемъ у человѣка собственность, и онъ перестанетъ ссориться и тягаться; новое общество должно было сказать: совершенствуемъ человѣка нравственно, искоренимъ въ его сердцѣ побужденіе къ враждѣ, ссорѣ, и дадимъ ему все; пусть пользуется на благо себѣ и другимъ. Древнее человѣчество, не признавая нравствственнаго достоинства человѣка, вѣровало въ формы, искало только въ нихъ спасенія. Но исторія показала тщету этого вѣрованія; показала, что всѣ эти многообразныя политическія зданія, въ строеніи которыхъ упражнялась языческая древность, строились на пескѣ. Надобно было поэтому начать постройку зданія съ другого конца; для прочности зданія общественнаго надобно было заняться нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ членовъ общества; надобно было оставить заботу о формахъ и заняться содержаніемъ; надобно было упразднить вѣру въ плоть и увѣровать въ духъ.

Все это было совершено христіанствомъ, которое провозгласило, что человѣкъ болѣе не рабъ, но сынъ и наслѣдникъ, что онъ есть храмъ Духа Святаго. Высоко стало значеніе человѣка, высоко стало значеніе ближняго; обязанный любить ближняго, какъ самого себя, человѣкъ необходимо получилъ обязанность уваженія, страха предъ ближнимъ, страха предъ его мнѣніями. (До Бога высоко, до царя далеко, но до ближняго близко.)

Новое вино не было влито въ старые мѣхи; для образованія новыхъ обществъ явились новые народы, ибо одною изъ могущественныхъ причинъ древнихъ государствъ было одностороннее развитіе городской нормы жизни. Что такое древняя Греція? Царство городовъ: одинъ городъ существуетъ, селъ нѣтъ, земледѣльческое народонаселеніе не имѣетъ ничего общаго съ городскимъ: это были рабы, приведенные изъ разныхъ странъ, не имѣющіе не только гражданскихъ, но и человѣческихъ правъ, безъ семейства, безъ религіи, низведенные на степень рабочаго скота. Имперія Римская была имперіей города; колоніи Рима, которыя онъ выводилъ въ покоренныя провинціи, были его оттисками, были городами; когда Римъ овладѣлъ всею Италіей, то въ этой странѣ начали господствовать двѣ формы: городъ и пустыня, гдѣ бродили многочисленныя стада, пасомыя скотоподобными пастухами-рабами. Развивая исключительно городскую форму жизни, не признавъ подлѣ города свободнаго, единонароднаго сельскаго населенія, древнее общество произносило себѣ приговоръ; какъ Ахиллесъ, оно выбрало блестящее, но кратковременное существованіе: у городскихъ жителей были всѣ права, но за то на нихъ же однихъ падали и всѣ обязанности; и когда, вслѣдствіе этого, городское народонаселеніе истощилось, то откуда могла быть вознаграждена его убыль? Изъ села не могли придти для этого въ городъ сильные, свѣжіе люди, могшіе продолжать движеніе, начатое въ городѣ, по одинаковости народнаго характера, способностей, воззрѣній, вѣрованій, однимъ словомъ, по тѣсной общественной связи, которая всегда существовала между ними и горожанами; изъ полей могли придти въ древній городъ только люди, совершенно чуждые его прошедшаго и настоящаго, и приходъ такихъ людей, испомѣщеніе ихъ, по необходимости, въ число гражданъ, окончательно губили городъ, то есть, государство, ибо государство состояло изъ города! Какой же смыслъ имѣетъ такъ называемое великое переселеніе народовъ, утвержденіе варваровъ въ областяхъ Римской имперіи? Они восполнили то, чего именно не выработало древнее общество: деревенщина, варвары нахлынули изъ лѣсовъ, для продолженія обновленной христіанствомъ европейской жизни, къ которой не было болѣе способно истощенное народонаселеніе города; но такъ какъ это вторженіе варваровъ было насильственно и внезапно, то образованность исчезла на долгое время, деревня, въ свою очередь, подавила городъ.

Въ новомъ обществѣ видимъ нѣсколько общественныхъ органовъ другъ подлѣ друга, связанныхъ единствомъ народнымъ и государственнымъ, видимъ церковь, замокъ, городъ, село. Правильнѣйшее опредѣленіе отношеній между общественными органами, такое опредѣленіе, при которомъ бы эти органы не враждовали, не исключали, не подавляли другъ друга, но, сознавая значеніе каждаго, поддерживали другъ друга, такое опредѣленіе отношеній составляетъ задачу европейско-христіанскаго общества. Наука, разумѣется, всѣмъ своимъ могуществомъ должна помогать при рѣшеніи этой задачи; и прежде всего исторія должна способствовать установленію правильнаго взгляда на настоящее, установляя правильный взглядъ на отношенія настоящаго къ прошедшему. Какъ же въ настоящее время наука исполняетъ эту великую обязанность свою? Чтобъ удобнѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, я обращаюсь къ книгѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе въ ученой Германіи, книгѣ Риля: „*Die Naturgeschichte des Volkes*“; она, какъ вижу изъ твоихъ писемъ, произвела сильное впечатлѣніе и на тебя: ты часто упоминаешь о ней то съ удовольствіемъ, то съ неудовольствіемъ; видно, что она тебя занимаетъ и смущаетъ.

Я понимаю, что цѣль сочиненія Риля, какъ самъ онъ ее высказываетъ, должна была возбудить твое полное сочувствіе: «Общественная жизнь

можетъ быть улучшена только тогда, когда каждый отдѣльный человѣкъ и цѣлыя сословія пріобрѣтутъ способность ограничиваться, не выходить изъ должныхъ предѣловъ. Пусть человѣкъ средняго сословія желаетъ быть опять человѣкомъ средняго сословія, поселянинъ—поселяниномъ, аристократъ да не считаетъ себя особою привилегированною, для господства надъ всѣми другими рожденною. Пусть каждый съ гордостію и радостію признаетъ себя членомъ того общественнаго круга, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, воспитанію, образованію, призванію; пусть съ презрѣніемъ отброситъ отъ себя обычай выскочки, который играетъ роль знатнаго господина. Эту роль играютъ теперь почти всѣ состоянія, исключая настоящее сельское народонаселеніе, которое я потому и особенно люблю. Общественное преобразованіе должно состоять въ раскаяніи, обращеніи отдѣльныхъ членовъ общества».

Цѣль сочиненія прекрасная; въ наблюдательности и талантѣ у автора нѣтъ недостатка, пріемы при изученіи земли и народа образцовые; надобно желать, чтобы русскіе люди покороче ознакомились съ этими пріемами и воспользовались ими при изученіи своей земли и своего народа. Но какъ достоинства, такъ и недостатки подобныхъ сочиненій не должны оставаться подъ спудомъ. При рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, прежде всего необходимо правильное историческое пониманіе, а его-то иногда и недостаетъ у Риля. Чтобы понять ясно требованія настоящаго, удовлетворить имъ вполнѣ, но не увлекаясь крайностями стоящаго на очереди начала, надобно прежде опредѣлить отношеніе послѣдняго къ началу, выработанному предшествующею эпохою. Въ исторіи существуетъ строгое раздѣленіе занятій между эпохами; каждая эпоха вырабатываетъ свое начало. При этомъ господствующее направленіе обыкновенно позволяетъ себѣ злоупотребленія; вырабатываемое эпохою начало доводится до крайности: это значитъ, что начало еще вырабатывается; что общество не доросло еще до настоящаго пользованія имъ, не ясно сознаетъ въ чемъ дѣло. Какъ же скоро это сознаніе является, то общество отбрасываетъ крайности и стремится къ вырабатыванію новаго начала,—наступаетъ новая эпоха, причемъ выработанное предшествующею эпохой начало во всей полнотѣ и чистотѣ переходитъ въ сокровищницу историческаго человѣчества, въ вѣчное ему пользованіе, и новое начало можетъ быть крѣпко, можетъ съ успѣхомъ вырабатываться только тогда, когда основывается на предшествовавшемъ, тѣсно прилегаетъ къ нему, и черезъ него имѣетъ связь со всѣми прежде выработанными исторіею началами. Новая эпоха можетъ имѣть непосредственное отношеніе только въ эпохѣ ближайшей; новое начало получаетъ непосредственно свое питаніе отъ начала, только-что передъ нимъ выработавшагося; въ исторіи нѣтъ эпохъ пустыхъ; нѣтъ эпохъ, вырабатывавшихъ только какія-нибудь вредныя для человѣчества начала, черезъ которыя человѣчеству нужно перескочить назадъ, чтобы получить нравственное питаніе, жизненныя средства отъ началъ, выработанныхъ отдаленнѣйшими эпохами.

Средніе вѣка, вѣка юности европейскаго человѣчества, представляютъ намъ государственныя тѣла въ хаотическомъ состояніи: члены тѣла, общественные органы, налицо; но они еще въ борьбѣ другъ съ другомъ, въ неправильномъ отношеніи другъ къ другу. Начало, связующее части, дающее единство тѣлу, согласное, стройное направленіе его дѣятельности—это начало еще слабо. Части, отдѣльные общественные союзы живутъ особо, такъ сказать, циклопически; общество въ крайне-незавидномъ состояніи: человѣкъ только и безопасенъ въ кружку своего частнаго союза, вслѣдствіе чего частные союзы эти развиты и крѣпки, обнаруживаютъ много жизни и движенія, ибо вся жизнь человѣка, всѣ его интересы сосредоточиваются здѣсь; далѣе стѣнъ своего города человѣкъ не видитъ ничего. Каждое жилище, каждое мѣстечко укрѣплены; горожанинъ, который такъ отваженъ, что рѣшается выступить изъ стѣнъ своего города, подвергается величайшимъ опасностямъ: вотъ вдали на скалѣ виситъ гнѣздо хищной птицы — рыцарскій замокъ; тамъ уже завидѣли путешественника—это добыча; опускается подъемный мостъ, и изъ воротъ неподвижнаго замка выдвигается нѣсколько подвижныхъ замковъ, что-то въ родѣ человѣка на лошади, но и конь и всадникъ залиты въ желѣзо, и не видать человѣческаго образа: нѣтъ спасенія бѣдному страннику-горожанину! ибо онъ членъ не того частнаго союза, къ которому принадлежатъ эти подвижные замки, и потому между нимъ и послѣдними нѣтъ ничего общаго, они въ постоянной враждѣ. Но вотъ цѣльное государство мало-по-малу образуется, усиливается стремленіе къ единству, усиливаются средства того начала, которое блюдетъ за соединеніемъ частей для достиженія общей цѣли, блюдетъ за соблюденіемъ мира и согласія между частями, за общественною безопасностію, начала правительственнаго. Какъ скоро водворяется миръ, является общественная безопасность, обнаруживается сила закона, дающаго покровительство каждому и вездѣ, то стѣны, защищавшія до сихъ поръ частные союзы и отдѣлявшія ихъ другъ отъ друга, рушатся: происходитъ явленіе, подобное которому жители холодныхъ странъ видятъ при наступленіи теплыхъ весеннихъ дней, когда старъ и младъ съ радостію выходятъ изъ закупоренныхъ позимнему домовъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться широкимъ раздольемъ. Преграды рушились, можно двигаться свободно; горожанинъ можетъ безопасно отправляться по своимъ дѣламъ куда ему угодно: его не ограбятъ, не убьютъ; горизонтъ расширяется; вмѣсто своей маленькой общины, человѣкъ видитъ передъ собой цѣлое государство; передъ нимъ открыты безчисленныя

сферы дѣятельности, изъ члена частнаго союза онъ дѣлается членомъ государства, предъ нимъ открывается возможность широкой общественной дѣятельности: что же ему прежній узкій, сдерживающій его дѣятельность частный союзъ? Онъ болѣе не нуждается въ немъ и пренебрегаетъ имъ; въ силу общественной безопасности, передъ купцомъ, членомъ какой-нибудь городовой общины, открывается обширный кругъ дѣятельности; свободно и безопасно переѣзжаетъ онъ изъ одного мѣста въ другое, передъ его кораблями открываются невѣдомые океаны, открываются новыя части свѣта съ ихъ неистощимыми богатствами: что же ему послѣ того старая его маленькая община? будетъ онъ о ней много заботиться? Такимъ образомъ, вслѣдствіе водворенія общественной безопасности, вслѣдствіе расширенія круга дѣятельности, частные союзы, крѣпкіе прежде по недостатку общественной безопасности, но узкіе, не могшіе болѣе удовлетворить новымъ потребностямъ общества, оказались несостоятельными, стали ослабѣвать, могли съ прежнею крѣпостію сохраниться только въ тѣхъ сферахъ, куда стремительный потокъ новой жизни еще не проникъ. Наступила великая эпоха, въ которую вырабатывалось начало единенія: человѣкъ освобождался изъ тѣсныхъ замкнутыхъ союзовъ и становился членомъ государства, опредѣлялись непосредственныя отношенія каждаго человѣка къ государству; отсюда естественнымъ необходимымъ путемъ выработалась идея человѣчества.

Великая эпоха совершила свое дѣло; были увлеченія, крайности при этомъ совершеніи; но одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ историковъ сказалъ вполнѣ справедливо объ этой эпохѣ: ей много оставится, потому что возлюбила много. Наступила другая эпоха, въ которой нельзя не замѣтить, какъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ, стремленіе къ частнымъ союзамъ, къ образованію новыхъ частныхъ союзовъ, къ скрѣпленію старыхъ, родоваго, сословнаго, общиннаго, ибо дознано, что только съ помощію крѣпкихъ частныхъ союзовъ человѣкъ можетъ воспитаться, привыкнуть къ гражданской дѣятельности; что только съ помощію чатныхъ союзовъ частная дѣятельность, развитіе частныхъ средствъ и силъ могутъ быть вполнѣ обезпечены: государство доставляетъ безопасность, но оно не можетъ замѣнить для каждаго ни отца, ни брата, ни собрата. Что же, — это стремленіе къ частнымъ союзамъ есть ли возвращеніе къ старинѣ, выраженіе несостоятельности направленія предшествовавшей эпохи? Нисколько! Благодаря началу, выработанному предшествовавшею эпохою, частные союзы, скрѣпленіе которыхъ требуетъ наше время, не имѣютъ никакого непосредственнаго отношенія къ частнымъ союзамъ, существовавшимъ при началѣ европейскихъ обществъ, въ средніе вѣка. Новый европейскій человѣкъ стремится скрѣпить частные союзы, но, благодаря началамъ, выработаннымъ предшествовавшею эпохой, онъ возвращается въ эти союзы инымъ человѣкомъ, съ иными понятіями, съ иными условіями, въ силу которыхъ новые частные союзы будутъ гораздо крѣпче; такъ напримѣръ, относительно семейнаго союза иныя поставлены отношенія между старшими и младшими, между отцомъ и дѣтьми, между мужемъ и женою; формы тѣ же, но духъ иной, а это главное — это все. Новый европейскій человѣкъ хочетъ скрѣпить сословный союзъ: но развѣ отношенія между сословіями теперь тѣ же, что были въ средніе вѣка? Всѣ сословія, какъ органы одного тѣла, должны поддерживать другъ друга, дружно, со взаимнымъ уваженіемъ стремясь къ одной общей цѣли, зная, что ослабленіе одного органа болѣзненно отзовется во всѣхъ другихъ; а эта мысль откуда взята новымъ европейскимъ человѣкомъ, развѣ изъ XII вѣка? Теперь люди съ одинаковыми занятіями, съ одинаковымъ положеніемъ, стремятся, для поддержанія другъ друга, къ частнымъ союзамъ: но развѣ эти союзы могутъ быть похожи на старинные цехи? Цѣль частнаго союза — обезпеченіе свободной широкой частной дѣятельности, а не ограниченіе, не стѣсненія ея какими нибудь матеріальными условіями, напримѣръ общимъ владѣніемъ. Члены частнаго союза не должны идти скованные объ ногу другъ съ другомъ, а должны для частной и общей пользы двигаться свободно и быстро, но при первомъ колебаніи собрата должны стремиться къ нему на помощь, поднимать его всѣми средствами, матеріальными и нравственными. Однимъ словомъ, древніе частные союзы, удовлетворявшіе потребностямъ своего времени, не могли удовлетворять болѣе потребностямъ европейскаго общества, двинувшагося впередъ по широкому пути развитія; ихъ ослабленіе въ извѣстную эпоху, которое дало возможность вырабатывавшемуся въ эту эпоху началу доходить до крайности, показываетъ ясно ихъ несостоятельность. Частные союзы, эти необходимые органы общества, должны были пересоздаться на новыхъ, болѣе широкихъ началахъ, а эти новыя начала выработались именно въ эпоху, предшествовавшую нашей эпохѣ. Итакъ, ты видишь, любезный другъ, что стремленіе нашего времени къ частнымъ союзамъ не есть возвращеніе къ отдаленной старинѣ, не есть протестъ противъ направленія непосредственно предшествовавшей эпохи, но есть прямое произведеніе послѣдней, имѣетъ прямое непосредственное отношеніе къ ней, а не къ эпохамъ отдаленнымъ. Вотъ почему такъ страненъ тотъ антиисторическій взглядъ, порожденный плохимъ знаніемъ и плохимъ пониманіемъ исторіи, по которому, найдя въ отдаленныхъ эпохахъ явленія, повидимому сходныя съ тѣми, которыхъ требуетъ настоящее время, устремляютъ къ нимъ свое сочувствіе, упрекая эпоху непосредственно предшествовавшую, будто бы она, вырабатывая новыя, чуждыя, вредныя начала, подавила старыя прекрасныя начала, которыя, во что бы то ни стало, нужно воскресить. Но такой взглядъ, во-первыхъ, показываетъ слабость, несостоятельность этихъ хвалепыхъ началъ древности, потому что еслибъ они были крѣпки,

удовлетворительны, то не дали бы подавить себя; во-вторыхъ, люди съ анти-историческимъ взглядомъ, толкуя о любимыхъ явленіяхъ отдаленной древности, поднимаютъ, изукрашиваютъ ихъ, сообразно съ своими настоящими понятіями, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что имъ нужно вовсе не то, что представляетъ сѣдая древность. Наконецъ, во всѣхъ этихъ анти-историческихъ толкахъ повторяется старинное явленіе: протестъ противъ прогресса вслѣдствіе нравственной слабости, неумѣнья сладить съ нимъ; отсюда—пристрастіе къ первоначальнымъ простымъ, неразвитымъ формамъ быта, политическій буддизмъ.

Въ книгѣ Риля мы часто встрѣчаемся съ этимъ нашимъ старымъ знакомымъ буддизмомъ. Нашъ авторъ сильно наскучилъ этимъ безпрестаннымъ коловращеніемъ міра, безпрестаннымъ шумомъ, движеніемъ, господствующимъ въ городахъ, въ большихъ городахъ; онъ проклинаетъ городъ,—большой городъ преимущественно,—и спѣшитъ въ поле. Онъ говоритъ, что земледѣльческое сословіе ему особенно нравится, потому что въ немъ меньше стремленія выскакивать; но это сказано не совсѣмъ откровенно. Въ книгѣ читатель легко замѣтитъ другую причину пристрастія автора: это именно господство въ земледѣльческомъ сословіи первичныхъ, простыхъ формъ и безсознательное стремленіе къ ихъ сохраненію. Но авторъ не доволенъ и полемъ; какъ истый буддистъ, онъ ищетъ большей пустоты и стремится въ лѣсъ, который пользуется особеннымъ его сочувствіемъ. Замѣть, любезный другъ, какъ протестъ противъ прогресса, буддизмъ необходимо связывается съ крайнимъ матеріализмомъ, ибо одно изъ основныхъ положеній нашихъ новыхъ буддистовъ таково: человѣчество было только тогда юно, свѣжо, когда жило въ лѣсу, при начальныхъ формахъ быта, при господствѣ общаго владѣнія. Вышедши изъ этого состоянія, оно одряхлѣло, не въ состояніи болѣе возстановлять своихъ силъ; шагъ изъ лѣсу въ поле, и шагъ изъ поля въ городъ,—не суть шаги впередъ, но шаги назадъ, шаги къ дряхлости, къ порчѣ. Это положеніе основано на вѣрѣ въ одни матеріальныя условія, на отрицаніи духовныхъ силъ человѣка и общества. У Риля это суевѣрное обожаніе формъ высказывается очень рѣзко: такъ, онъ условіемъ нравственной крѣпости семьи полагаетъ постоянное пребываніе въ одномъ домѣ, и такъ какъ это постоянное пребываніе господствуетъ въ селѣ, а не въ городѣ, гдѣ большинство народонаселенія живетъ въ наемныхъ квартирахъ, то сельское народонаселеніе относительно семейной крѣпости и нравственности имѣетъ громадное преимущество передъ городскимъ. Не ясно ли ты видишь здѣсь полное подчиненіе человѣка, его духовной дѣятельности, его нравственныхъ, чисто человѣческихъ отношеній—матеріи? Домъ, дерево, камень здѣсь главное! Какъ скоро человѣкъ освобождается отъ этихъ матеріальныхъ условій, то его нравственныя отношенія необходимо портятся, человѣкъ ниже дерева и камня, онъ не можетъ отъ нихъ освободиться и сохранить свое достоинство, крѣпость нравственныхъ связей! «Нечего разсуждать», говоритъ Риль, «о естественной связи семейства съ жилищемъ въ наше время, когда большинство горожанъ живетъ на наемныхъ квартирахъ. Многіе ли изъ нихъ знаютъ, въ какомъ домѣ они родились? Удивительно еще, что столько людей знаютъ, сколько имъ лѣтъ!» Острота пошла не въ прокъ нашему автору, ибо всѣмъ хорошо извѣстно, кто обыкновенно не знаетъ, сколько ему лѣтъ: не горожанинъ, мѣняющій квартиры, а селянинъ, живущій постоянно въ домѣ прапрадѣдовскомъ. Человѣку не нужно знать, какія стѣны были свидѣтелями его рожденія: ему нужно знать, къ кому онъ долженъ имѣть нравственное, чисто человѣческое отношеніе; ему нужно знать, къ какой семьѣ онъ принадлежитъ. И бобръ строитъ плотину, и медвѣдь имѣетъ свою берлогу, и птица вьетъ гнѣздо: одинъ человѣкъ имѣетъ семейство. Въ другомъ мѣстѣ Риль говоритъ: «Во многихъ мѣстахъ сѣверной Германіи (какъ и въ Скандинавіи) каждый крестьянскій домъ имѣетъ свой знакъ, о происхожденіи котораго ученые ломаютъ голову. Этотъ домовый знакъ для крестьянина такъ же дорогъ, какъ для дворянина гербъ. Но между ними большое различіе: крестьянская семья, перемѣняя дворъ, что конечно случается рѣдко, перемѣняетъ и свой домовый знакъ, тогда какъ гербъ дворянина привязанъ къ фамиліи и отъ фамиліи переносится уже на замокъ; гербъ не есть знакъ владѣнія, но знакъ рода, тогда какъ крестьяне берутъ свой знакъ прямо отъ дому». Авторъ не хочетъ понять всю важность этого различія: при первоначальныхъ формахъ быта, господствующихъ въ земледѣльческомъ сословіи, матеріальное — домъ—господствуетъ и подчиняетъ себѣ человѣка и его человѣческія отношенія, человѣкъ, семья не имѣютъ своего знака, отмѣчаютъ все знакомъ своего господина—дома; тогда какъ въ другой сферѣ, родъ, чисто человѣческое отношеніе, преобладаетъ, человѣкъ есть господинъ дома, и отмѣчаетъ его родовымъ знакомъ.

Ты очень хорошо знаешь, что новые буддисты смотрятъ на важность земледѣльческаго сословія вовсе не съ той точки зрѣнія, какая показана въ началѣ моего письма. Земледѣльческое сословіе, свободное, единонародное со всѣми другими сословіями составляетъ необходимый органъ государственнаго тѣла, и пренебреженіе этимъ органомъ ведетъ неминуемо къ паденію государствъ, какъ доказалъ примѣръ древнихъ языческихъ государствъ и примѣръ одного новаго государства, павшаго также вслѣдствіе односторонняго, исключительнаго развитія одного органа насчетъ другихъ. Риль убѣдительно доказываетъ это; но, къ сожалѣнію, онъ не довольствуется признаніемъ важности земледѣльческаго сословія, важности существованія села подлѣ города: онъ какъ будто хочетъ дать первенство первому надъ вторымъ, обнаруживаетъ невольное пристрастіе къ селу и

непримиримую вражду къ городу. «Нѣмецкій народъ», говоритъ онъ, «есть народъ сельскій, тогда какъ греки и римляне были народы городовые. Нѣмецкій народъ жилъ сначала дворами и избами, и только впослѣдствіи, подъ *иностраннымъ* вліяніемъ, образовались города. Процвѣтаніе римскихъ національныхъ нравовъ выражалось словомъ: *урбанитетъ;* процвѣтаніе нѣмецкихъ національныхъ нравовъ должно означаться словомъ: *рустицитетъ*». Читатель, разумѣется, захочетъ знать, въ чемъ же состоитъ эта противоположность между римскими и германскими національными нравами. Что такое римскій *урбанитетъ*, германскій *рустицитетъ*, какъ выраженія различныхъ народностей? Читатель не найдетъ отвѣта на эти вопросы; ибо все это не иное что какъ игра въ пустые выводы изъ положеній, не основанныхъ ни на исторіи, ни на настоящей дѣйствительности. Впрочемъ, изъ одного мѣста книги можно отчасти видѣть, что авторъ разумѣетъ подъ желаннымъ *рустицитетомъ:* «Разсказываютъ», говоритъ Риль, о старобаварскихъ мѣстностяхъ, гдѣ пирушка не считается веселою, если обходится безъ смертоубійства. Здѣсь уже слишкомъ много натуры, но все же вѣдь это натура».

Понятна ненависть Риля къ большимъ городамъ, на которые онъ сморитъ какъ на язву государства. «Уже въ 1840 году», говоритъ онъ, «на 45 пруссаковъ приходился одинъ берлинецъ, на 35 французовъ одинъ парижанинъ и изъ 15 англичанъ одинъ жилъ въ Лондонѣ. Въ этихъ цифрахъ, выражающихъ переселеніе страны въ большой городъ, скрывается для развитія нашей народной жизни гораздо большая сумма опасностей, чѣмъ въ цифрахъ переселеній въ отдаленныя части свѣта». Но спрашиваемъ: гдѣ же эти опасности? Развѣ народонаселеніе большихъ городовъ увеличивается насчетъ сельскаго народонаселенія? Развѣ около новыхъ европейскихъ большихъ городовъ, какъ въ-старину около Рима, образуются пустыни? Новые буддисты, въ слѣпой ненависти къ большимъ городамъ, какъ могущественнымъ органамъ прогресса, не хотятъ понять, что большіе города живутъ не насчетъ той страны, гдѣ находятся, а насчетъ всего міра, и потому не истощаютъ родной страны, а увеличиваютъ ея благосостояніе. Пусть они потрудятся разсчесть, сколько англичанъ, жителей Лондона, живетъ насчетъ Англіи, а сколько насчетъ другихъ странъ Европы и преимущественно другихъ частей свѣта. Новые буддисты не хотятъ понять, что въ этихъ громадныхъ городахъ находитъ себѣ убѣжище та часть народонаселенія страны, которая безъ нихъ или должна была бы выселиться, или, оставаясь, заставить переселиться другую равную ей часть народонаселенія. Спрашивается: куда бы дѣвался пятнадцатый англичанинъ, который живетъ въ Лондонѣ, и кормится насчетъ Португаліи, напримѣръ?

Къ буддистскимъ стремленіямъ обыкновенно присоединяется самозванное стремленіе къ народности. Новые буддисты обыкновенно жалуются, что цивилизація, содѣйствуя общенію народовъ, сглаживаетъ народныя черты, дѣлаетъ образованнаго нѣмца похожимъ на француза, на англичанина. При этомъ они обыкновенно указываютъ на земледѣльческое сословіе, до котораго цивилизація не коснулась или коснулась очень мало, которое, поэтому, сохранило во всей чистотѣ народныя черты и потому должно служить образцомъ для образованныхъ сословій: послѣднія должны возвратиться къ нему, приравняться къ нему, чтобы возвратить себѣ народный образъ, потерянный чрезъ прогрессъ, чрезъ цивилизацію.

И здѣсь, какъ вездѣ, новые буддисты видятъ миражъ; предметы представляются имъ верхъ-ногами: они не догадываются, что прогрессъ, цивилизація не уничтожаютъ народности, а наоборотъ—могущественно развиваютъ ее. Въ книгѣ Риля есть превосходное мѣсто, которое рѣзко противорѣчитъ другимъ, встрѣчаемымъ у него, воззрѣніямъ и которое ясно указываетъ на значеніе прогресса, цивилизаціи относительно народности; это мѣсто читается тамъ, гдѣ онъ говоритъ о значеніи женщины противъ такъ называемой эманципаціи послѣдней. «Въ противоположности мужчины и женщины уже предвозвѣщаются многія основныя черты естественнаго расчлененія общества; съ другой стороны, сословный бытъ также могущественно дѣйствуетъ на эту противоположность. На низшихъ ступеняхъ общества характеристическія черты мужчины и женщины еще не обрисовываются во всей полнотѣ. Противоположность ихъ образовъ вырабатывается вполнѣ, только благодаря цивилизаціи: ибо *истинная* цивилизація раздѣляетъ, расчленяетъ, *дурная* равняетъ. Крестьянская баба во всѣхъ отношеніяхъ и по наружности—еще полумужикъ: только при высшей образованности, женщина въ каждой чертѣ выражаетъ противоположность свою мужчинѣ». Ты конечно догадался, почему я подчеркнулъ слова: *истинная* и *дурная* цивилизація; они не имѣютъ смысла и употреблены авторомъ только изъ желанія оговориться, ибо онъ понималъ, какъ указанное имъ важное явленіе противорѣчитъ встрѣчающемуся у него воззрѣнію на цивилизацію и на отношеніе къ ней земледѣльческаго сословія: если истинная цивилизація раздѣляетъ, а дурная равняетъ, то выходитъ, что въ земледѣльческомъ сословіи господствуетъ дурная цивилизація! Дѣло въ томъ, что цивилизація, прогрессъ вообще раздѣляетъ, расчленяетъ; при отсутствіи прогресса сохраняется единообразіе.

Высказанную мысль авторъ развиваетъ далѣе: во всѣхъ почти изображеніяхъ знаменитыхъ красавицъ прошлаго времени поражаетъ насъ рѣзкость чертъ; всѣ эти головы кажутся намъ слишкомъ мужественны въ сравненіи съ первообразомъ женской красоты, который носится передъ нами, людьми новаго времени. Старинныя изображенія

Мадоннъ и другихъ святыхъ дѣвицъ имѣютъ въ себѣ рѣзкія черты, которыя дѣлаютъ ихъ мужевидными или нѣсколько старообразными; Ванъ-Ейковскія Мадонны смотрятъ тридцатилѣтними. Живописецъ слѣдовалъ природѣ, а природа съ тѣхъ поръ перемѣнилась; триста лѣтъ тому назадъ молоденькая дѣвушка сохраняла еще мужескія черты; Марія Стюартъ, эта прославленная красота своего времени, поражаетъ глаза XIX вѣка своими мужскими чертами. У бѣдныхъ, уединенно живущихъ земледѣльцевъ, равно какъ у бѣдныхъ работниковъ городскихъ, голова мужчины и женщины имѣетъ почти одинаковую физіономію; женщину изъ этого класса нарисуйте въ мужскомъ платьи,—и вы не отличите ея отъ мужчины; особенно старики и старухи похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Даже средняя величина тѣла въ низшихъ классахъ ровнѣе для обоихъ половъ, чѣмъ въ образованныхъ; наши маленькія городскія женщины подлѣ высокихъ мужчинъ обличаютъ слѣдствія образованности. Даже звуки голоса межъ людьми, въ простотѣ быта живущими, сходнѣе у обоихъ половъ, чѣмъ межъ людьми образованными. То же самое замѣчается и относительно одежды: одежда обоихъ половъ у древнихъ народовъ, у народовъ азіатскихъ, у народовъ, сохранившихъ первоначальную простоту быта, сходна: сравните одежду турка и турчанки, тирольца и тирольки; но какая противоположность между фракомъ образованнаго европейца и между длиннымъ и широкимъ платьемъ его жены! какая противоположность между ихъ шляпами!

Такъ наглядно объясняетъ Риль положеніе, что цивилизація, прогрессъ раздѣляетъ, а не равняетъ; но онъ какъ будто не догадывается, что цивилизація, прогрессъ обнаруживаетъ точно такое же дѣйствіе и относительно народности: чѣмъ сильнѣе прогрессъ, тѣмъ рѣзче обозначаются народныя черты, народныя различія. Это явленіе у насъ передъ глазами (разумѣется, если мы ихъ не зажмуримъ): когда народности, народныя стремленія обозначались рѣзче, какъ въ наше время, чудесами цивилизаціи, такъ сблизившей народы, заставившей ихъ жить въ одной тѣсной семьѣ? Вотъ англичанинъ, французъ, итальянецъ, нѣмецъ: съ обыкновенною быстротою примчались они по желѣзнымъ дорогамъ изъ разныхъ концовъ Европы въ условленное по телеграфу мѣсто; разсуждаютъ объ общемъ дѣлѣ, говорятъ на одномъ языкѣ; одѣты въ одинаковое платье, и между тѣмъ какое различіе между ними! Кто по ихъ лицамъ и слову не признаетъ въ нихъ членовъ четырехъ различныхъ народовъ? И чѣмъ ближе они другъ къ другу, чѣмъ тѣснѣе соединены ихъ интересы, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ они различіе своихъ народностей; цивилизація не уравняла ихъ, не сгладила ихъ народныхъ чертъ,—она произвела только то, что они могутъ столковаться объ одномъ общемъ дѣлѣ, тогда какъ, вслѣдствіе отсутствія цивилизаціи, обыкновенно и люди одного народа никакъ не могутъ столковаться между собою. Новые буддисты никакъ не могутъ понять, что, по общему, непреложному закону развитія, люди низшихъ слоевъ общества, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, сохраняется истый народный духъ, по всѣмъ понятіямъ, обычаямъ, повѣрьямъ, гораздо сходнѣе съ подобными же себѣ у другихъ народовъ, нежели члены образованнаго общества въ разныхъ народахъ, и народный духъ, слѣдовательно, обитаетъ по преимуществу въ образованныхъ классахъ общества, ибо здѣсь высшая, духовная область, область сознанія. . . . .

Такое непониманіе зависитъ отъ узкаго представленія народности, отъ мелкой, недостойной великаго народа вражды, зависти къ другимъ народамъ. Такъ, у Риля, ненависть къ предшествовавшей эпохѣ соединяется съ ненавистію къ французамъ, которые въ эту эпоху, при распространеніи господствующаго направленія ея, играли самую видную роль. Нѣмцы сначала блаженствовали въ лѣсахъ; потомъ, вслѣдствіе *чуждаго* нехорошаго вліянія, сдѣлали шагъ назадъ, стали жить въ отдѣльныхъ городкахъ, общинкахъ, изъ которыхъ каждая знала только самое себя; хуже имъ стало противъ прежняго, лѣснаго быта, но все же еще хорошо *рустицитетъ* соблюдался. Но вотъ явились французы съ своими вредными идеями о человѣкѣ и человѣчествѣ, и перевернули доброе старое нѣмецкое общество: рустицитетъ исчезъ и—finis Germaniæ! За это защитники нѣмецкой народности поклялись къ французамъ вѣчною ненавистію, и объявили, что для спасенія Германіи ея сынамъ надобно возвратиться въ лѣса; но такъ какъ лѣсовъ, къ несчастію, осталось уже мало, то по крайней мѣрѣ, надобно возвратиться къ средневѣковымъ формамъ жизни. «Идея гуманитета», восклицаетъ Риль, «поглотила мысль о семействѣ, за человѣчествомъ позабыли людей»! Это онъ рѣшается сказать о предшествовавшей эпохѣ, которая больше всего хлопотала о томъ, чтобы въ человѣкѣ не забывали человѣка; чтобы прежде всего видѣли въ немъ это значеніе! Идея гуманности не поглотила мысли о семействѣ; но, вслѣдствіе этой идеи, было сознано, что не человѣкъ для семейства, а семейство для человѣка; что человѣкъ не есть рабъ семейства, но свободный членъ его, свободно, сознательно исполняющій святыя обязанности, налагаемыя этимъ первымъ человѣческимъ частнымъ союзомъ. Ослабленіе семейныхъ связей было именно слѣдствіемъ того, что старая семья съ своею матеріальною связью, съ своими обычными формами не удовлетворяла уже общества; нужна была для семьи другая, болѣе прочная духовная связь, и эта связь была получена чрезъ гуманныя идеи; чрезъ заявленіе достоинства человѣка. Но пусть самъ авторъ покажетъ намъ и характеръ старой семьи, и новыя требованія общества.

«Во французско-нѣмецкихъ театральныхъ піесахъ того времени», говоритъ Риль, «комическій

задоръ состоитъ въ томъ, что дѣти обманываютъ своихъ родителей, жены — мужей, и наоборотъ. Надъ этимъ обманомъ смѣялись, какъ надъ тонкою, ловкою интригою, тогда какъ старые нѣмецкіе народные фарсы, гдѣ комическое обыкновенно состояло въ томъ, что мужъ колотилъ свою жену, были презираемы какъ безнравственные и низкіе. Я тоже считаю эти драматическіе палочные эффекты очень низкими, однако и наполовину не столь низкими, какъ тонкіе обманы между супругами, родителями, дѣтьми, родственниками, которые даже теперь очень часто составляютъ интригу комедій, изъ Франціи къ намъ завозимыхъ. Наша знатная и образованная публика охотно смотритъ эти комедіи, тогда какъ, нравственно оскорбленная, она оставила бы ложи, еслибъ ей представили на сценѣ старую піесу, въ которой мужъ надѣляетъ жену свою палочными ударами. Средство было выбрано дѣйствительно грубое, но цѣль побоевъ была очень похвальна».

Почтенный авторъ никакъ не можетъ догадаться, что обманы между членами семейства, которые составляли обыкновенную интригу комедій въ извѣстное время, были естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ палочныхъ эффектовъ, безъ которыхъ не обходились древніе народные фарсы: тамъ, гдѣ съ одной стороны—сильный, пользующійся безъ отчета своею силою, не видящій въ слабомъ прежде всего человѣка, а съ другой стороны—слабый, ничѣмъ не обезпеченный отъ насилій сильнаго,—тамъ необходима неразвитость сознанія о нравственномъ достоинствѣ, о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка; тамъ развратъ и, со стороны слабаго, обманъ для избѣжанія мести сильнаго. Автору можно было бы припомнить, что и въ старинныхъ народныхъ фарсахъ комическимъ задоромъ служитъ обманъ, за что обманувшій, то-есть обманувшая, и получала палочные удары. Итакъ, въ-старину общество потѣшалось зрѣлищами съ обманомъ и палочными ударами; потомъ начали потѣшаться зрѣлищами безъ палочныхъ ударовъ, но съ тѣмъ же обманомъ, ибо палочные удары не вывели обмана и безнравственности изъ семьи, а еще болѣе усилили ихъ: что же, это отсутствіе палочныхъ ударовъ, которые омерзили общество, эта матеріальная безнаказанность обмана сгубила общественную нравственность вконецъ? Пусть отвѣчаетъ Риль на этотъ вопросъ: «Надобно признаться, къ чести настоящаго поколѣнія, что мы теперь тонкія непристойности школы Виланда и Коцебу, которыя нашимъ отцамъ казались благородными, считаемъ уже чѣмъ-то неблагороднымъ. Скромность усиливается въ нашемъ обществѣ, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ семейнаго духа». Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ распространяется объ улучшеніи семейной нравственности въ настоящее время и, несмотря на то, вслѣдствіе непониманія исторіи, отреченія отъ нея, не можетъ понять непосредственнаго отношенія этого улучшенія къ началамъ, проповѣданнымъ предшествовавшею эпохою; руководясь узкимъ національнымъ взглядомъ, не перестаетъ дѣлать выходки противъ французовъ за проповѣданіе этихъ началъ, вздыхать о нѣмецкой старинѣ, и указывать на деревенскую избу, какъ на единственную купель очищенія для образованнаго нѣмецкаго общества.

«Французское представленіе соціальной свободы и независимости отличается отъ нѣмецкаго существенно тѣмъ, что французы хлопочутъ только о личной самостоятельности и независимости, тогда какъ, по нѣмецкому представленію, личная независимость должна заключаться въ силѣ и независимости общественной группы и семьи, къ которой индивидуумъ принадлежитъ. Эта противоположность двухъ представленій всего яснѣе видна изъ слѣдующаго. Въ Пфальцѣ французское представленіе о личной независимости такъ вкоренилось, что произвело перемѣну въ сельскихъ общественныхъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ. Стремленіе каждаго частнаго лица совершенно свободно стоять на собственныхъ ногахъ повлекло къ имущественному раздробленію, какого въ другихъ нѣмецкихъ странахъ мы не найдемъ. Индивидуумъ не хочетъ жертвовать своею личною независимостію блеску и силѣ семейства; отецъ не могъ бы умереть спокойно, еслибъ онъ, для сохраненія своего семейства въ чести и богатствѣ, уменьшилъ наслѣдство младшихъ сыновей и завѣщалъ бы имъ для поддержанія семьи служить старшему брату въ видѣ помощниковъ. Это послѣднее, чисто нѣмецкое и глубоко-нравственное распоряженіе кажется безнравственнымъ жителю Пфальца, пропитанному французскими идеями. Наслѣдство дробится на разныя части, и большая часть сыновей принуждена черезъ это искать хлѣба въ услуженіи у чужихъ людей. Съ изумительнымъ прилежаніемъ и постоянствомъ трудятся люди, чтобы голодать на маленькомъ участкѣ и быть свободными, зависѣть отъ ростовщиковъ-жидовъ и быть свободными, служить чужимъ людямъ, быть въ поденьщикахъ и быть свободными. Удивительное противорѣчіе! Работать въ домѣ роднаго брата въ видѣ помощниковъ и привилегированныхъ слугъ, для охраненія собственности семейства, какъ нравственнаго лица, это называется нестерпимымъ рабствомъ, а быть въ службѣ у чужихъ людей—называется свободою!»

Авторъ не хочетъ понять, что всякій частный союзъ, а также и родовой, тогда только крѣпокъ, когда основанъ на нравственныхъ, а не на матеріальныхъ отношеніяхъ; а гдѣ же тутъ нравственное отношеніе, когда для поддержанія значенія и богатства рода одному члену дается все, а другіе должны находиться у него въ услуженіи! Родовой союзъ можетъ быть только тогда крѣпокъ, когда братья, получивъ равныя доли, для взаимнаго поддержанія и обезпеченія, свободно соединятъ свои матеріальныя и нравственныя средства въ общей дѣятельности, или, употребляя, по призванію, свои силы въ различныхъ сферахъ дѣятельности, тѣмъ не менѣе сохраняютъ нравственное единство рода, считая священною обязанностію обезпечивать бла-

госостояніе другъ друга. Толкуя, что членъ рода долженъ приносить свою личную самостоятельность въ жертву роду, этому естественному, первому частному союзу, Риль однако требуетъ, чтобы жертва приносилась нѣкоторыми членами рода, а не всѣми! Да и зачѣмъ эта жертва при *чисто-нѣмецкомъ и глубоко-нравственномъ распоряженіи*, на которое указываетъ Риль? Старшій, богатый братъ, для поддержанія чести и богатства фамиліи, вовсе не нуждается въ услугахъ младшихъ, обдѣленныхъ братьевъ: у него есть средства пріобрѣсти и другихъ работниковъ; а у младшихъ братьевъ нѣтъ никакого нравственнаго побужденія предпочитать службу у роднаго брата службѣ въ чужихъ людяхъ; но такъ какъ тутъ оскорбительно и невыгодно сталкиваются противоположныя другъ другу отношенія, родственныя и работническія, то младшіе братья и бѣгутъ изъ дому старшаго, чѣмъ послѣдній, разумѣется, долженъ быть очень доволенъ.

Нѣмецкая семья міръ спасла—это фактъ несомнѣнный, по мнѣнію Риля; нѣмецкая семья создала новую эпоху нѣмецко-христіанскихъ среднихъ вѣковъ. Но чтобы какой-нибудь западникъ, лишенный патріотизма, не посмѣлъ сдѣлать возраженія, авторъ спѣшитъ представить нѣмецкую семью въ язычествѣ, когда она еще не подвергалась вліянію чуждыхъ, враждебныхъ началъ: «На могилѣ господина, по древне-языческому нѣмецкому обычаю, закалались рабы. Здѣсь мы не должны видѣть одного только варварства: здѣсь выражается глубокомысленное представленіе *цѣлостности дома*, такъ какъ индійское сожженіе вдовъ есть символъ семейной неразрывности. Слуга въ цѣлостномъ домѣ долженъ признавать свою судьбу неразрывно-связанною съ судьбою господина». Конечно и ты, любезный другъ, согласишься вмѣстѣ со мною въ глубокомысліи этого нѣмецкаго обычая, хотя онъ есть вмѣстѣ и скиѳскій, какъ извѣстно; но не могу удержаться отъ одного замѣчанія: вѣдь гораздо лучше было бы для выраженія нераздѣльности семьи, цѣлостности дома, на могилѣ отца заколоть одного изъ сыновей, а не раба. Мнѣ кажется, что эти язычники, будучи чрезвычайно глубокомысленны и нравственны, были себѣ-на-умѣ: кололи рабовъ да женъ, которыхъ считали также рабами, но сыновей не трогали.

Послѣ попытки придать глубокій нравственный смыслъ умерщвленію рабовъ на могилѣ господина, насъ, разумѣется, уже не можетъ ничто удивить въ книгѣ почтеннаго германофила; напримѣръ слѣдующее великолѣпное мѣсто: «Глубокомысленное нѣмецкое представленіе дома, какъ личнаго, изъ семейной жизни выросшаго существа, всего болѣе выражается въ многочисленныхъ народныхъ преданіяхъ о домашнихъ духахъ. Домашніе духи не только покровители и друзья дома, но они также мстятъ и наказываютъ за пренебреженіе домомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народнымъ суевѣріемъ, въ основаніи котораго лежатъ великія нравственныя народныя идеи, идеи органической (!) связи между жилищами и семействами, личности дома и святости домашней жизни. Слѣдуетъ ли такія народныя вѣрованія называть суевѣріями? Должно ли искоренять ихъ, если извѣстно, что вмѣстѣ съ ними искоренятся прекраснѣйшіе обычаи крестьянскаго дома?»

Итакъ, господинъ пасторъ! остерегайтесь говорить своему нѣмецкому крестьянину, что вѣра въ фрау Гольду есть недостойное для христіанина суевѣріе; а прежде всего постарайтесь освободиться отъ убѣжденія, что религія, вами проповѣдуемая, способна, безъ помощи вѣрованій въ фрау Гольду, очистить, укрѣпить и освятить семейную жизнь въ избѣ и палатахъ!

Въ своемъ письмѣ, указывая на это мѣсто Рилевой книги, ты выразилъ удивленіе, какъ авторъ забылъ *Нѣмецкую миѳологію* Гримма и преданія о домашнихъ духахъ рѣшился назвать выразителями нѣмецкихъ представленій, тогда какъ эти преданія общи разнымъ народамъ, славянамъ столько же, какъ и германцамъ. Но, любезный другъ! если бы Риль не позабылъ многаго еще, кромѣ миѳологіи Гримма, если бы не освобождался отъ науки, какъ отъ докучнаго произведенія ненавистнаго прогресса, то не былъ бы германофиломъ, и не сталъ бы искать нѣмецкой народности именно тамъ, гдѣ ея нѣтъ; тогда бы онъ зналъ, что нѣмецкая народность выразилась въ твореніяхъ Шиллера и Гете, Баха и Моцарта, Канта и Шеллинга, а не въ преданіяхъ избы, одинакихъ у разныхъ народовъ, въ избахъ живущихъ.

Книга Риля, писателя съ такимъ талантомъ, съ такою благонамѣренностію, показываетъ всего яснѣе, къ какимъ неимовѣрнымъ странностямъ и къ какому безплодію ведетъ анти-историческое направленіе и этотъ буддистскій протестъ противъ прогресса, это стремленіе возвратиться къ первоначальной простотѣ отношеній,—стремленіе, обличающее недостатокъ нравственныхъ силъ, неумѣнье сладить съ прогрессомъ, матеріализмъ, невѣріе въ нравственныя силы человѣка, который, по мнѣнію буддистовъ, тогда только чистъ и свѣжъ, когда живетъ въ лѣсу, и портится, когда выступаетъ на высшее общественное поприще. Быть-можетъ, ты мнѣ отвѣтишь: «Все это такъ; но грустно состояніе общества, въ которомъ являются подобныя воззрѣнія и возбуждаютъ вниманіе; грустно, что и такіе люди, какъ Риль, высказываютъ эти воззрѣнія: это плохой знакъ!» Но развѣ, отвѣчаю тебѣ, прежде этого не бывало? И однако общество, въ угоду буддистамъ, не отказывалось отъ прогресса. Въ XVI вѣкѣ, когда начиналось неслыханное до того времени движеніе въ европейскомъ мірѣ, когда книгопечатаніе окрылило мысль человѣка, когда открытъ былъ Новый Свѣтъ и невѣдомые пути къ отдаленнымъ частямъ Стараго,—тогда послышался протестъ противъ прогресса отъ одного изъ самыхъ ученыхъ людей времени: Томасъ Морусъ написалъ утопію, гдѣ предлагалъ обществу возвратиться къ родовому быту. Но общество, принявъ къ свѣдѣнію курьезную книгу, шло своимъ путемъ.

Извѣстно пристрастіе къ первоначальному быту, къ невиннымъ, будто бы, правамъ неразвитыхъ обществъ, пристрастіе, обнаружившееся въ XVIII вѣкѣ. Мы сами были свидѣтелями, какъ буддистское направленіе проникло въ поэзію, и поэты въ звучныхъ стихахъ жаловались, зачѣмъ они родились въ образованномъ обществѣ, а не въ хижинѣ дикаря:

О Боже! Еслибъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка
Въ глухой разсѣлинѣ утеса.

Такъ воспѣвалось, когда господствовала идея человѣчества; теперь, подъ вліяніемъ идеи народности, начались воздыханія по крестьянской избѣ, куда будто бы укрылась народность. И Богъ вѣсть, сколько еще формъ перемѣнитъ буддизмъ на европейской почвѣ; но, будь покоенъ, любезный другъ: «отважное потомство Яфета» не измѣнитъ своему характеру.

Извини за длинное вступленіе: я считалъ его необходимымъ. Въ слѣдующихъ письмахъ постараюсь изложить тебѣ исторію общественныхъ отношеній въ нашемъ отечествѣ, которой ты такъ отъ меня домогаешься.

II.

И мы были въ Аркадіи, любезный другъ! и наши предки жили въ томъ блаженномъ состояніи, о которомъ мечтаютъ новые буддисты. Разбросанные на неизмѣримыхъ пространствахъ, затерянные въ непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ, они жили отдѣльными родами, жили независимо, просторно, владѣли землею сообща. Несноснаго шума отъ непрестаннаго коловращенія жизни не было слышно, слышенъ былъ шумъ дубравъ да стоны раненыхъ, да вопли убиваемыхъ: «убивали другъ друга», говоритъ лѣтописецъ. Впрочемъ, надобно ли вѣрить лѣтописцу? Лѣтописецъ былъ человѣкъ грамотный, ученый, отставшій отъ народной жизни, которая для него потеряла смыслъ; онъ имѣлъ свои идеалы уже въ другомъ обществѣ, въ другомъ народѣ. Житель города, испорченнаго цивилизаціею, чуждымъ вліяніемъ, онъ враждебно смотрѣлъ на старину, сохранившуюся въ селѣ, клеветалъ на нее; явленіе частное, случайное онъ сдѣлалъ общимъ, охарактеризовалъ имъ бытъ племенъ: «убивали другъ друга». А впрочемъ, чтожъ, если и убивали другъ друга?—конечно тутъ уже слишкомъ много природы, но все же вѣдь это природа! Главное,—господствовало однообразіе, простота, однимъ словомъ, жизнь внѣ прогресса: «жили какъ звѣри», говоритъ лѣтописецъ.

Но недолго блаженствовали предки; нѣкоторымъ изъ нихъ вздумалось поселиться неподалеку отъ моря, этой коварной, подвижной стихіи, которой человѣчество такъ много обязано за бѣдствіе прогресса. Благодаря морю, и наши предки познакомились съ чужимъ, новымъ, и это новое чужое разъѣло старое свое. Явилось недовольство старымъ бытомъ, сознаніе его недостатковъ: отсюда основная перемѣна въ бытѣ, явленіе князя и дружины. Въ землѣ великой и обильной, но *безнарядной*, начался прогрессъ: въ однообразной прежде массѣ народонаселенія произошло расчлененіе на дружину и не-дружину; скоро города, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, стали рѣзче различаться отъ селъ; съ принятіемъ христіанства выдѣлилось духовенство; изъ бѣлаго духовенства выдѣлились монахи; завязались взаимныя отношенія между этими членами, органами общественными.

Я не буду распространяться, любезный другъ, о вещахъ уже извѣстныхъ; не стану повторять и то, что пора бросить старые толки о различіи нашихъ и западныхъ общественныхъ отношеній на основаніи завоеванія и незавоеванія,—на томъ основаніи, будто бы, что на Западѣ было завоеваніе, а у насъ его не было. И у насъ было завоеваніе: этого факта нельзя вычеркнуть изъ лѣтописей, несмотря ни на какія натяжки. Дѣло въ томъ, какъ происходило завоеваніе, въ какой странѣ, при какихъ природныхъ и общественныхъ условіяхъ: отъ этихъ условій и происходитъ все различіе въ общественныхъ отношеніяхъ на Западѣ и у насъ. Тамъ, на Западѣ, члены завоевательной дружины прежде всего стали землевладѣльцами и чрезъ это получили самостоятельное, независимое положеніе. Потомъ, при образованіи феодализма, мелкій владѣлецъ свободнаго участка отдавалъ его богатому, сильному землевладѣльцу, и получалъ его обратно уже въ видѣ лена, владѣніе которымъ налагало извѣстныя обязанности: вездѣ здѣсь землевладѣніе на первомъ планѣ, все дѣлится между землевладѣльцами. У насъ же нѣтъ и помину о раздѣленіи земель между членами княжеской дружины; нѣтъ помину о ихъ самостоятельномъ, независимомъ значеніи какъ землевладѣльцевъ, о нихъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ и съ князьями въ этомъ значеніи. Всѣ споры, всѣ усобицы идутъ только между князьями; дружинники по волѣ и поневолѣ переѣзжаютъ съ князьями изъ одной волости въ другую, и это самое уже показываетъ отсутствіе крѣпкихъ, прочныхъ отношеній къ извѣстной мѣстности, къ землѣ, потому что подобныя отношенія необходимо прекратили бы ту сильную передвижку князей и дружинъ ихъ, какую видимъ въ древней Россіи до XIII или XIV вѣка. Есть наконецъ и прямое, ясное свидѣтельство въ лѣтописи, о положеніи дружинника въ отношеніи къ князю. Съ сожалѣніемъ вспоминая о старомъ времени, лѣтописецъ говоритъ о прежнихъ князьяхъ: «Тѣ князья не собирали много имѣнія, виръ и продажъ неправедныхъ не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе. Дружина этимъ кормилась. Не говорили дружинники князю: «Мало мнѣ ста гривенъ»; не наряжали женъ своихъ въ золотые обручи; ходили жены ихъ въ серебрѣ;—и вотъ они расплодили Землю Русскую». И въ пер-

*

вой, и во второй половинѣ этого важнаго извѣстія говорится ясно о денежномъ жалованьи, о томъ, что дружина содержалась, кормилась изъ доходовъ княжескихъ. Понятно, что возможность землевладѣнія, какъ постояннаго, такъ и временнаго, не исключалась для дружинника; но главное здѣсь то, что землевладѣніе не было на первомъ планѣ.

«Мало мнѣ ста гривенъ», могъ говорить дружинникъ князю, и князь долженъ былъ исполнить его требованіе; князь не долженъ былъ ни въ чемъ скупиться для дружинника, потому что послѣдній, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжалъ къ другому князю, болѣе щедрому, болѣе ласковому. Эта возможность отъѣзда при множествѣ князей служила полнымъ ручательствомъ выгоднаго положенія дружинниковъ: князья обращались съ ними какъ съ товарищами, какъ съ братьями, не прятали отъ нихъ богатствъ, не таили и думъ своихъ: безъ совѣта дружины ничего не дѣлалось. Но вся выгода положенія дружинника въ древней Россіи основывалась на этомъ внѣшнемъ, чуждомъ для него условіи—на многовластіи: исчезло многовластіе,—исчезло для дружинника и всякое ручательство въ его самостоятельномъ, независимомъ положеніи. Помѣшать утвержденію единовластія онъ не могъ, ибо, при раздробленности дружинъ по князьямъ и при подвижности дружинниковъ, при неимѣніи постояннаго мѣста и въ одной какой-нибудь дружинѣ, въ одномъ какомъ-нибудь княжествѣ, дружинникъ долженъ былъ ограничиваться интересомъ личнымъ или родовымъ; до сознанія интереса сословнаго, до возможности общаго дѣйствія онъ не достигалъ. Кромѣ стараго права отъѣзда, онъ ничего не зналъ, и, дѣйствительно, въ старину, это право обезпечивало ему все, и вотъ онъ въ отчаяніи, не видя выхода, вопіетъ о правѣ отъѣзда, не понимая, что это безсмыслица при единовластіи: «Отъѣдешь отъ меня въ Литву или въ Крымъ», говоритъ ему единовластецъ, «и будешь измѣнникъ». Отвѣчать на это было нечего, и, послѣ безплодной борьбы, всѣ притязанія замолкли. И вотъ, изъ князей Рюриковичей, потомства князей великихъ и удѣльныхъ, изъ пришлыхъ Гедиминовичей, изъ старой дружины Московской и изъ дружинъ всѣхъ присоединенныхъ русскихъ областей образовалось... что образовалось? Не знаемъ что: ни въ одномъ древнемъ памятникѣ нѣтъ слова [1]). Нѣтъ слова—значитъ не было и яснаго понятія, не сложился и самый предметъ опредѣленно. Что же было у насъ, въ Московскомъ государствѣ?—спросишь ты у меня; что образовалось изъ князей, дружины московской, дружинъ областныхъ? Образовались *чины*, любезный другъ! Но что такое чины? Тебѣ, вѣроятно, опять представляется Западъ съ своими *états*, которые у насъ такъ не впопадъ переводятся словомъ *чины* вмѣсто: *сословія*. Тамъ было три сословія: духовное, благородное и третье: такъ представители ихъ тремя отдѣльными группами и являлись въ важныхъ случаяхъ. Но, чтобы понять нашу старину, постарайся позабыть объ этихъ западныхъ явленіяхъ, о западныхъ сословіяхъ; обрати вниманіе на ближайшее къ намъ явленіе, на то, что мы теперь называемъ чинами,—это поведетъ ближе къ дѣлу. Въ важныхъ случаяхъ, когда на Западѣ представители трехъ сословій собирались въ три отдѣльныя группы, какъ собирались наши чины (наши древніе Соборы имѣемъ полное право называть *собраніемъ чиновъ*)? Собирались митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, старцы, бояре, окольничіи, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчіи, дворяне, дѣти боярскіе, дьяки, гости, торговые люди, всякихъ *чиновъ* люди. Эти всякихъ чиновъ люди не соединялись въ нѣсколько группъ, представлявшихъ сословія, они оставались въ своемъ чиновномъ раздробленіи, ибо понятія о сословномъ единствѣ, объ общихъ сословныхъ интересахъ не существовало. Бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольничимъ, тѣмъ менѣе съ думнымъ или простымъ дворяниномъ, еще менѣе съ сыномъ боярскимъ; сколько чиновъ, столько отдѣльныхъ круговъ, несвязанныхъ другъ съ другомъ.

Жили розно, «особѣ, кождо съ родомъ своимъ». Дѣйствительно, при отсутствіи сословнаго интереса, господствовалъ одинъ интересъ родовой, который, въ соединеніи съ чиновнымъ началомъ, породилъ мѣстничество. Все вниманіе чиновнаго человѣка сосредоточено было на томъ, чтобы при чиновномъ распорядкѣ не унизить своего рода. Но понятно, что при такомъ стремленіи поддерживать только достоинство своего рода, не могло быть мѣста для общихъ сословныхъ интересовъ, ибо мѣстничество необходимо предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тутъ связь, какіе тутъ общіе интересы между людьми, которые при первомъ назначеніи къ царскому столу или береговой службѣ перессорились между собою за то, что одинъ не хотѣлъ быть ниже другого, ибо какой-то его родичъ когда-то былъ выше какого-то родича его соперника? Приведу примѣры, какъ начала чиновное и родовое господствовали надъ началомъ сословнымъ. Въ 1613 году, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, высчитывая, по наказу, неправды короля Сигизмунда, долженъ былъ сказать, что король посажалъ на важныя мѣста въ московскомъ управленім людей недостойныхъ, худородныхъ, и въ числѣ послѣднихъ упомянулъ двоихъ князей. Другой примѣръ еще поразительнѣе, потому что относится ко временамъ Петра Великаго, когда родовое начало было, повидимому, совершенно поражено. Петръ велѣлъ записывать дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ и опредѣлять на Сухареву

[1]) Неопредѣленное названіе: *дружина* исчезло, новаго не образовалось. Совмѣщать всѣ чины—отъ боярина до сына боярскаго—подъ общимъ именемъ *служилыхъ людей* нельзя, ибо въ памятникахъ высшіе чины подъ именемъ ближнихъ людей противополагаются низшимъ — *служилымъ* людямъ.

башню, для изученія мореплаванія. Родители, вопреки указу, отдали дѣтей въ Заиконоспасское училище: тогда разсерженный царь велѣлъ взять молодыхъ дворянъ изъ Спасскаго монастыря въ Петербургъ и тамъ заставилъ ихъ бить сваи на Мойкѣ, гдѣ строились пеньковые амбары. Адмиралъ графъ Апраксинъ, одинъ изъ сильныхъ приверженцевъ старины, узнавъ, что царь ѣдетъ осматривать амбары, поспѣшилъ туда, снялъ съ себя андреевскую ленту, мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и началъ самъ вбивать сваи. Царь пріѣхалъ и съ удивленіемъ спросилъ его: «Ѳедоръ Матвеичъ! ты адмиралъ и кавалеръ: какъ же ты вбиваешь сваи?»—«Государь!» отвѣчалъ Апраксинъ: «здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата; а я что за человѣкъ? *какое имѣю въ родѣ преимущество?*» Не сказалъ онъ: «Здѣсь бьютъ сваи дворяне, люди одинаковаго со мною сословія и происхожденія, и это занятіе ихъ унижаетъ все наше сословіе»; нѣтъ, онъ говоритъ: «Здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата, а я какое имѣю *въ родѣ* преимущество?» Каждому было дѣло только до своего рода; до понятія о высшемъ частномъ союзѣ, союзѣ сословномъ—еще не достигли. Отсюда понятно, почему такъ долго держался у насъ обычай, по которому вмѣстѣ съ виновнымъ подвергались опалѣ и родичи его: отъ понятія о родовомъ единствѣ трудно было освободиться.

Въ силу мѣстничества, на верху чиновной лѣствицы постоянно являлись однѣ и тѣ же фамиліи. «Бывали на насъ опалы и при прежнихъ царяхъ», говоритъ извѣстный намъ князь Воротынскій польскимъ панамъ, «но правительства у насъ не отнимали». Дѣйствительно и Грозный, «заподазривая, *опаляясь* безпрестанно на вельможъ своихъ, окруживъ себя опричниною, не отнялъ у бояръ земскаго управленія. Бояре, оставшіеся послѣ Грознаго, были, разумѣется, не похожи даже на тѣхъ, которые пережили опалы Іоанна III и сына его Василія: у этихъ было еще въ свѣжей памяти прежнее положеніе князей и дружины; они помнили, что еще Іоаннъ III обращался съ ними не такъ круто, какъ сынъ его Василій, поведеніе котораго поэтому представлялось чѣмъ-то новымъ, еще случайнымъ, но поведеніе Грознаго отняло послѣднія надежды, сломило всѣ притязанія, всякое сопротивленіе. Иные, съ инымъ духомъ вышли поэтому бояре изъ тяжелаго испытанія; но все еще у нихъ оставалась старина: несмотря на опалы, правительства съ нихъ не снимали. Понятно, какое важное значеніе должны были пріобрѣсть фамиліи, которыя постоянно находились у правительственнаго дѣла, *всякую думу вѣдали*, какъ они сами выражались: при отсутствіи просвѣщенія подобная практика замѣняла все; знаніе обычая преданія, при исключительномъ господствѣ обычая и преданія, такое знаніе было верховною государственною мудростію, и люди, которые сами, которыхъ отцы и дѣды думу вѣдали, казались ниже-стоящимъ, не посвященнымъ, столпами государства, особенно же тѣ изъ нихъ, которые отличались умомъ и дѣятельностію. Такъ мелкочиновный потогдашнему человѣкъ, *стольникъ князь* Дмитрій Михайловичъ Пожарскій говорилъ о великочиновномъ человѣкѣ, *бояринѣ князѣ* Василіи Васильевичѣ Голицынѣ: «Еслибъ теперь такой столпъ какъ князь Василій Васильевичъ, то за него бы вся Земля держалась, и я бы при немъ за такое великое дѣло не принялся». Послѣ самаго внимательнаго изученія событій, мы никакъ не можемъ понять, отчего князь В. В. Голицынъ могъ казаться такъ высокъ знаменитому воеводѣ-освободителю? Но самъ Голицынъ объяснитъ намъ дѣло: «Насъ изъ думы не высылывали, мы всякую думу вѣдали», говоритъ онъ.

Но Голицынъ погибъ въ плѣну литовскомъ; братъ его, Андрей, погибъ, отстаивая честь думы, оскверненной присутствіемъ Ѳедьки Андронова съ товарищи; оба они погибли вслѣдствіе событій смутной эпохи, которая имѣетъ важное значеніе въ судьбахъ древней московской знати. Такая буря не могла пройти безъ того, чтобъ не растрясти многаго; особенно сильно было потрясеніе, когда, послѣ гибели перваго Лжедимитрія, началась усобица между двумя царями—царемъ Московскимъ, Шуйскимъ, и царемъ таборскимъ или тушинскимъ, вторымъ самозванцемъ: послѣдній, чтобъ имѣть средство бороться съ Шуйскимъ, чтобъ имѣть и Дворъ и думу и войско, обратился къ людямъ, которые не могли быть при Дворѣ, въ думѣ, въ войскѣ Московскаго царя, или, по крайней мѣрѣ, не могли получить въ нихъ важнаго значенія. Тушинскій самозванецъ и воеводы его возстановляли не одни самые низшіе слои народонаселенія противъ высшихъ, предлагая первымъ мѣста послѣднихъ; сильное броженіе поднялось во всѣхъ сферахъ: все, что только хотѣло какими бы то ни было средствами выдвинуться впередъ, получить чины высшіе, какихъ при обыкновенномъ порядкѣ вещей получить было нельзя,—все это бросилось въ Тушино, отъ князей, которые хотѣли быть поскорѣе боярами, до людей изъ черни, которые хотѣли быть дьяками и думными дворянами, и всѣ эти люди получили желаемое. Послѣ Клушинской битвы, уничтожившей окончательно средства Шуйскаго, бояре, чтобы не подчиниться холопскому царю, второму Лжедимитрію, провозгласили царемъ королевича Польскаго. Но тушинскіе выскочки уже прежде забѣжали къ королю и, готовые на все, чтобы только поддержать пріобрѣтенное въ Тушинѣ положеніе, присягнули самому королю вмѣсто королевича, обязались хлопотать въ Москвѣ въ пользу Сигизмунда, и вотъ бояре, которые готовы были на все, чтобъ отдѣлаться отъ ненавистнаго Тушина, съ ужасомъ увидали, какъ тушинцы ворвались въ московскую Думу, подъ прикрытіемъ поляка Гонсѣвскаго; какъ торговый мужикъ Ѳедьки Андроновъ засѣлъ вмѣстѣ съ Мстиславскимъ и Воротынскимъ. Это была уже имъ смерть, по ихъ собственнымъ словамъ; но дѣлать было нечего, они были въ плѣну у поляковъ; кто изъ нихъ подни-

малъ голосъ, того сажали за приставовъ, какъ посадили Андрея Голицына и Воротынскаго. А между тѣмъ Земля поднималась во имя православія; за неимѣніемъ *столповъ*, Земля должна была обратиться къ людямъ незначительнымъ, и вотъ опять пошли впередъ незначительные люди. Начальниками перваго возстанія были: Ляпуновъ, одинъ изъ первыхъ, который воспользовался Смутнымъ временемъ, чтобы выдвинуться впередъ,—Ляпуновъ, враждебно ставшій къ боярамъ и вообще *отецкимъ дѣтямъ*; подлѣ Ляпунова тушинскіе бояре, князь Трубецкой и казакъ Заруцкій. «Какъ такимъ людямъ, какъ Трубецкому и Заруцкому, государствомъ управлять? они и своими домами управлять не могутъ»: писали бояре изъ Москвы по областямъ. Русскіе люди были согласны въ этомъ съ боярами, но никакъ не хотѣли согласиться въ томъ, что надобно держаться Владислава, то есть дожидаться, пока придетъ самъ старый король въ Москву съ іезуитами,—и выставили второе ополченіе. И здѣсь то же явленіе: главный воевода—членъ захудалаго княжескаго рода, малочиновный человѣкъ, *стольникъ* Пожарскій, а подлѣ него мясникъ Мининъ.

Ополченіе успѣло въ своемъ дѣлѣ: государство было очищено; избранъ царь; большинство, лучшіе люди, истомленные смутою, громко требовали, чтобы все было постарому; старина была возстановлена но повидимому только, ибо въ народѣ историческомъ никакое событіе не проходитъ безслѣдно, не подѣйствовавъ на ту или другую часть общественнаго организма. Новое съ новыми людьми просочилось всюду, а старое со старыми людьми, носителями старыхъ преданій, спѣшило дать мѣсто новому. Въ первенствующихъ фамиліяхъ оказался недочетъ: Романовы перешли на престолъ, исчезли Годуновы, исчезли Шуйскіе, безпотомственно, за ними Мстиславскіе, за тѣми Воротынскіе; изгибли самые видные, самые энергическіе изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ, несословномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ наверху и хранившихъ старыя преданія, исчезновеніе важнѣйшихъ изъ этихъ фамилій имѣло рѣшительное вліяніе. Любопытно видѣть, какъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ оставалось мало людей, которые знали преданія и обычаи: при каждомъ случаѣ дѣлались длинныя выписи, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ прежде, точно Смутное время отшибло память о старинѣ. И потому намъ уже неудивительно видѣть, что при второмъ государѣ изъ новой династіи на самомъ видномъ мѣстѣ являются люди новые, не изъ *столповыхъ* фамилій:—сынъ незначительнаго областнаго дворянина Ордынъ-Нащокинъ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія Матвѣевъ. Браки царей выводятъ также на видъ незначительныя фамиліи. А тутъ новыя нудящія требованія государственныя, которымъ во что бы то ни стало надобно было удовлетворить: надобно было преобразовать войско; видѣли ясно, что съ мѣстничествомъ воинскій успѣхъ невозможенъ,—и мѣстничество рухнуло, рухнуло потому, что было уже подкопано. Но когда мѣстничество рухнуло, что же осталось? Чины, прохожденіе по которымъ теперь уже не встрѣчало никакого препятствія ни для кого, ибо дорога въ служилые люди во все продолженіе нашей древней исторіи оставалась незапертою; и Московскій государь, царь всея Руси, сохранялъ въ этомъ отношеніи характеръ стараго князя Кіевскаго или Черниговскаго: всѣхъ охотно принималъ къ себѣ въ дружину, только служи, сейчасъ же дадутъ землю, помѣстья; давно уже съ особенною охотою принимали на службу иностранцевъ, дѣлали ихъ также землевладѣльцами [1]); въ концѣ XVII вѣка потребность въ нихъ сильно увеличилась, и ихъ начали принимать на службу толпами. Такимъ образомъ ворота государевой службы оставались отворенными и въ XVII и въ XVIII вѣкахъ, какъ въ X.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наступилъ XVIII вѣкъ, когда наступила эпоха преобразованія. Что же сдѣлалъ преобразователь относительно предмета, нами разсматриваемаго? Онъ потребовалъ отъ людей, не имѣвшихъ никакого значенія, кромѣ служебнаго,—онъ потребовалъ отъ нихъ постоянной службы, постояннаго нахожденія на лицо при знамени, ибо постоянное войско было нудящею потребностію государства. Но постояннаго войска только было мало; надобно было, чтобъ это постоянное войско не уступало въ искусствѣ войскамъ другихъ европейскихъ народовъ, съ которыми оно должно перевѣдываться: отсюда необходимость для ратныхъ людей быть грамотными и образованными, знать извѣстныя науки; безъ этого они опять теряли всякое значеніе, ибо теряли значеніе безъ службы, а понятіе о службѣ теперь тѣсно соединилось съ понятіемъ объ извѣстномъ искусствѣ, объ извѣстномъ знаніи, объ извѣстномъ приготовленіи. Чтобъ уяснить для себя явленія первой половины XVIII вѣка въ нашей исторіи, перенесись, любезный другъ, къ началамъ исторіи обществъ, представь себѣ образованіе громадной дружины около могущественнаго вождя, безусловно повелѣвающаго; матеріялъ для образованія дружины налицо, но это только матеріялъ, не сложившійся вслѣдствіе выше приведенныхъ причинъ, не принявшій опредѣленнаго образа. Петръ Великій не былъ здѣсь собственно преобразователемъ, ибо прежняго образа, который бы онъ измѣнилъ, не было: если что и было прежде, то разрушилось до него. И вотъ преобразователь, или, лучше сказать, образователь, распоряжается матеріаломъ, сортируетъ его; подобно древнимъ вождямъ дружинъ, онъ принимаетъ каждаго и даетъ ему мѣсто по мѣрѣ способности. Въ древнихъ дружинахъ большая или меньшая храбрость опредѣляла мѣсто дружинника, степень приближенія его къ вождю: въ дружинѣ Петровой одной храбрости

[1]) О землевладѣніи будетъ сказано въ слѣдующихъ письмахъ по отношенію къ земледѣльческому народонаселенію.

было мало, прежде всего требовалось искусство, образованіе; и такъ какъ иностранцы превосходили въ этомъ отношеніи русскихъ, то понятно, почему такъ много ихъ вошло въ дружину Петрову. Но Петръ, какъ царь Русскій, при распоряженіи своимъ матеріаломъ, который давалъ ему такъ мало твердаго, сложившагося, опредѣлившагося, передъ чѣмъ бы онъ долженъ былъ остановиться, Петръ остановился, преклонился передъ однимъ,—передъ народностію. Въ лѣтахъ зрѣлыхъ у него было правило: высшія мѣста въ управленіи поручать русскимъ, хотя бы они и уступали способностями и знаніемъ иностранцамъ; послѣднимъ же давать только мѣста второстепенныя; отъ этого — хотя дѣло Петра и совершено было при помощи иностранцевъ, явившихся учителями, руководителями, однако не только при самомъ Петрѣ, но и послѣ, въ продолженіе двухъ царствованій Екатерины I и Петра II, иностранцы не могли выдвинуться на первый планъ; этого они могли достигнуть только при императрицѣ Аннѣ.

Итакъ настоятельная государственная нужда заставила потребовать нашихъ старыхъ ратныхъ людей къ постоянной службѣ, заставила потребовать отъ нихъ извѣстнаго искусства, образованія, дѣлавшаго ихъ способными къ службѣ при новыхъ условіяхъ: отсюда естественно соединеніе понятій образованнаго и служащаго человѣка, образованнаго и благороднаго человѣка, соединеніе, которое до сихъ поръ еще у насъ существуетъ: на цѣлый народъ нельзя было наложить обязанности пріобрѣсть извѣстныя знанія; но на извѣстную часть народа, призванную на службу государственную, *обязаны* были положить эту обязанность.

До сихъ поръ шла рѣчь о войскѣ, ибо основное раздѣленіе народа въ древней Россіи—это войско и не-войско, дружина и не-дружина; слово *служба* означало преимущественно военную службу, что и теперь сохранилось въ народныхъ словахъ: *служба, служивый* — для означенія ратника, солдата. Но какъ въ особѣ князя соединялось два значенія—вождя дружины и правителя гражданскаго, то такое же двойственное значеніе должна была носить и дружина. Князь изъ членовъ своей дружины назначалъ въ правительственныя должности; и какъ вначалѣ военный характеръ, характеръ вождя дружины, преобладалъ въ князѣ надъ характеромъ правителя гражданскаго: такъ преобладалъ онъ и въ дружинникѣ, который былъ постоянно, преимущественно воинъ; правительственное его значеніе было случайное, подчиненное. Но легко понять, что даже и въ обществѣ, не отличавшемся высокимъ развитіемъ, правитель, назначаемый изъ дружины, не могъ обойтись безъ людей невоенныхъ, которые знали обычаи управленія и суда, а главное—безъ людей грамотныхъ. Такъ съ самыхъ древнихъ времемъ долженъ былъ явиться особый классъ людей, дьяки и подъячіе, которые при лицѣ правительственномъ изъ дружины, какимъ бы именемъ онъ ни назывался (посадникъ, намѣстникъ, воевода), заправляли всѣмъ, ибо знали законы, формы, были грамотны. Послѣднее условіе, грамотность—громадная сила въ обществѣ неграмотномъ—не замедлило обнаружить свою важность и у насъ точно такъ же, какъ и на Западѣ, хотя нашимъ дьякамъ и подъячимъ, при ихъ грамотности, недоставало просвѣщенія, недоставало научной обработки права. Дьяки, несмотря на всю свою необходимость для дружинниковъ, придавленные значеніемъ послѣднихъ, увидѣли, что пришло ихъ время, когда Московскіе государи начали борьбу противъ дружинныхъ притязаній. При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, при Іоаннѣ Грозномъ, дьяки становятся самыми довѣренными людьми, захватываютъ въ свои руки большую власть въ Москвѣ и областяхъ, завѣдываютъ Приказами; въ царствованіе Θеодора Ивановича, Годуновъ, стремившійся къ мѣсту правителя, долженъ былъ, для достиженія своей цѣли, соединиться съ дьякомъ Щелкаловымъ, назвать его себѣ отцомъ. Значеніе дьяковъ нисколько не уменьшилось ни въ Смутное время, ни при первыхъ государяхъ изъ Дома Романовыхъ: стоитъ только вспомнить о значеніи знаменитаго Ивана Тарасовича Грамотина въ царствованіе Михаила Θеодоровича, Грамотина, человѣка безнравственнаго, но считавшагося необходимымъ по уму, ловкости, знанію дѣлъ, наконецъ по той способности, отъ которой получилъ свое знаменательное прозваніе. Въ царствованіе же Михаила, когда, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, голосъ разныхъ чиновъ людей раздавался слышнѣе, высказалась вражда разныхъ людей къ дьякамъ, людей меча къ людямъ пера. На Соборѣ 1642 года дворяне и дѣти боярскіе говорили: «Твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, а будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ, своимъ мздоимствомъ, покупили многія вотчины и домы построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобосказаемыя; при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить». Такимъ образомъ, у дьяковъ была сила, они заправляли всѣмъ и пользовались своею силою для пріобрѣтенія огромныхъ матеріальныхъ средствъ, и, въ то же время, это были люди худородные, которымъ, по мнѣнію дворянъ и дѣтей боярскихъ, неприлично было жить въ каменныхъ палатахъ, въ какихъ и великородныя лица прежде не живали. Это господствовавшее въ древней Россіи понятіе, что дружинникъ есть военный человѣкъ, что гражданское значеніе онъ можетъ получить только случайно, между прочимъ высказалось въ приговорѣ перваго ополченія подъ Москвою, при Ляпуновѣ, когда опредѣлено было, чтобы всѣ служилые люди находились на лицо, а правительственныя должности раздавались бы только неспособнымъ къ военной службѣ (инвалидамъ),—

на упомянутомъ Соборѣ 1642 года дворяне и дѣти боярскіе говорили: «Которые нынѣ въ твоихъ государевыхъ городахъ по воеводствамъ и по Приказамъ у твоихъ государевыхъ дѣлъ: вели, государь, тѣмъ быть на свою государеву службу противъ нечестивыхъ бусурманъ».

Но такое дружинное первобытное безразличіе, смѣшеніе службъ, господствовавшее въ древней Россіи, должны были уступить мѣсто прогрессу, явственные признаки котораго замѣчаемы еще въ царствованіе Θеодора Алексѣевича. Безразличіе службъ въ древней Россіи естественно поддерживалось отсутствіемъ постояннаго войска. Сознанная въ XVII вѣкѣ необходимость послѣдняго вела съ одной стороны къ уничтоженію мѣстничества, съ другой—къ различенію службъ военной и гражданской. И вотъ, въ царствованіе того государя, при которомъ уничтожено мѣстничество, видимъ и проектъ различенія службъ. По проекту уже Θеодора Алексѣевича о чинахъ, первую степень занимаетъ сановникъ гражданскій — бояринъ, предстатель и разсмотритель надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы, который, вмѣстѣ съ 12 засѣдателями изъ бояръ и думныхъ людей, долженъ постоянно пребывать въ устроенной къ тому палатѣ и вѣдать, чтобы всякій судья исполнялъ царскаго величества повелѣніе и градскій судъ правильно и разсудительно. Вторую степень занимаетъ сановникъ военный—бояринъ и дворовый воевода, который во время похода долженъ быть при государѣ, охранять послѣдняго, но, кромѣ того, промышлять о всякихъ воинскихъ околичностяхъ, сирѣчь смѣту ратямъ и устроеніе и приготовленіе оружія и всякихъ хлѣбныхъ и воинскихъ запасовъ. Третью степень занимаетъ опять сановникъ гражданскій—бояринъ и намѣстникъ Владимірскій, занимающій первое мѣсто между намѣстниками, засѣдающими въ Совѣтѣ государственныхъ дѣлъ. Четвертую степень занимаетъ военный сановникъ—бояринъ и воевода Сѣверскаго разряду, имѣющій постоянное пребываніе въ Сѣвскѣ; онъ оберегаетъ польскую (степную) украйну, имѣетъ у себя многихъ воеводъ и ратныхъ людей всегда въ готовности къ отпору непріятеля. Пятая степень—бояринъ и намѣстникъ Новгородскій; занимаетъ второе мѣсто между титулярными намѣстниками въ государственномъ Совѣтѣ. Шестая степень—бояринъ и воевода Владимірскаго разряда; всегда пребываетъ въ Владимірѣ, устраиваетъ рати конныя и пѣшія, всегда пребываетъ во всякомъ воинскомъ пріуготовленіи и, получивъ государское повелѣніе, идетъ противъ непріятеля съ своимъ разрядомъ, куда потребуется. Седьмая степень—бояринъ и намѣстникъ Казанскій и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, табель о рангахъ, гдѣ подлѣ чиновъ военныхъ видимъ и чины гражданскіе, уже не поразитъ насъ, какъ нѣчто совершенно новое.

Вслѣдстіе нудящихъ потребностей государственныхъ, которымъ спѣшила удовлетворить такъ называемая эпоха преобразованія, служащіе люди были собраны, выдѣлены, раздѣлены на чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ. Отъ нихъ потребованы извѣстныя званія, такъ называемая образованность, которою они стали отличаться отъ остальнаго народонаселенія; единовременно съ этимъ стали отличаться отъ него и внѣшнимъ видомъ, платьемъ, бритою бородою, стали отличаться тѣмъ, что, какъ обязанные службою и получающіе за нее жалованье, не платили подушнаго оклада. Петръ Великій обратилъ вниманіе и на хозяйственное положеніе служащихъ, на матеріальное ихъ обезпеченіе, и для этого ввелъ майоратъ. Побужденія, которыми они руководили при этомъ, были слѣдующія: 1) одинъ лучше можетъ льготить подданныхъ; 2) фамиліи не будутъ упадать; 3) младшіе не будутъ праздны, но будутъ приносить пользу государству. Но, вводя майоратъ, Петръ вводилъ то, для чего не была приготовлена почва исторіею: майоратъ есть учрежденіе чисто сословное, плодъ яснаго сознанія членовъ высшаго сословія о своемъ сословномъ положеніи, объ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ, о необходимости поддержать сословное значеніе, сословные интересы, о необходимости для этого поддержанія дѣлать пожертвованія нравственныя и матеріальныя. Но какъ могло явиться это сознаніе, эти побужденія въ древней Россіи, гдѣ понятіе о сословіи, о сословныхъ интересахъ и отношеніяхъ еще не выработалось; гдѣ были только чины и каждый жилъ розно, особѣ съ родомъ своимъ, сохраняя равенство между всѣми членами этого рода? Могла ли быть приготовлена почва для майората между подданными въ той странѣ, гдѣ и въ родѣ владѣльческомъ майоратъ утвердился еще недавно и съ такимъ трудомъ, съ такимъ кровопролитіемъ? Какъ могло явиться побужденіе къ майорату между старинными русскими дворянами и дѣтьми боярскими, обязанными службою и получающими за эту службу помѣстья, денежное жалованье, доходныя мѣста? Они были обезпечены сами, были обезпечены и всѣ дѣти ихъ, сколько бы ихъ ни было: каждый будетъ служить, за службу будетъ получать помѣстья и жалованье. Вслѣдствіе этого, жили они день-за-день, не заботясь ни о чемъ, безо всякаго понятія о сословныхъ интересахъ, сословныхъ обязанностяхъ; да и какъ было имъ много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства, объ увеличеніи доходовъ, при той промышленной неразвитости, какая господствовала въ древней Россіи? Впрочемъ, какъ обыкновенно бываетъ, неразвитость эта, будучи съ одной стороны причиною общественной неразвитости, съ другой стороны,—была ея слѣдствіемъ. И вотъ, при такомъ-то состояніи русскихъ помѣщиковъ и хозяйствъ ихъ, вдругъ на нихъ налагаютъ майоратъ, который, разумѣется, ведетъ вовсе не къ тѣмъ явленіямъ, какихъ ожидалъ отъ него законодатель. Отсюда постоянная служба и майоратъ были самымъ тяжелымъ бременемъ для русскаго *шляхетства* въ первой четверти XVIII

вѣка: это чужое слово *шляхетство* входитъ теперь въ употребленіе, ибо сословіе возникаетъ, является понятіе объ немъ, но слова русскаго нѣтъ; чужое слово *шляхетство* могло быть вытѣснено русскимъ *дворянство* только впослѣдствіи, когда уже изгладилось изъ памяти, что *дворянство* означало только одинъ изъ чиновъ и чиновъ вовсе не высокихъ.

Въ 1730 году для шляхетства представился случай высказаться противъ постоянной службы и майората, получить ограниченіе первой и совершенное уничтоженіе втораго. По старой привычкѣ каждому чину жить особо и высшимъ чинамъ смотрѣть съ презрѣніемъ на низшіе, не обращая вниманія на одинаковость происхожденія, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта вздумали захватить въ свои руки правленіе, ограничивъ власть избранной ими императрицы Анны. Сенаторы, генералитетъ и остальное шляхетство, оскорбленные попыткою *верховниковъ* (такъ тогда называли членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и не находя выхода изъ разноголосицы проектовъ новаго государственнаго уложенія, возстановили прежній порядокъ. При этомъ случаѣ они просили ограниченія постоянной службы и уничтоженія майората, —и получили желаемое. Въ декабрѣ 1736 года, изданъ былъ манифестъ о шляхетской сужбѣ, которымъ постановлялось: 1) Кто имѣетъ двухъ или болѣе сыновей, изъ нихъ одному, кому отецъ заблагоразсудитъ, остаться въ домѣ для содержанія экономіи; также которые братья родные два или три, не имѣя родителей, пожелаютъ оставить въ домѣ своемъ для смотрѣнія деревень и экономіи кого изъ себя одного, въ томъ давать имъ на волю, но съ тѣмъ, чтобъ эти оставшіеся въ домахъ довольно грамотѣ и по послѣдней мѣрѣ ариѳметикѣ обучены были, дабы къ гражданской службѣ годны были. 2) Прочіе всѣ братья, коль скоро къ воинской службѣ будутъ годны, должны вступать на военную службу. Но понеже какое время быть въ воинской службѣ по сіе время опредѣленія было не учинено, и отставляются весьма старые и дряхлые, которые, пріѣхавъ въ свои домы, экономію домашнюю какъ надлежитъ смотрѣть уже въ состояніи не находятся: для того всѣмъ шляхтичамъ отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ военной службѣ отъ 20 лѣтъ возраста своего 25 лѣтъ; а по прошествіи 25 лѣтъ всѣхъ, хотя бы кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять съ повышеніемъ одного ранга и отпускать въ домы; а кто изъ нихъ добровольно больше служить пожелаетъ, такимъ давать на ихъ волю. 3) За болѣзнями и ранами могутъ быть отпущены до урочныхъ лѣтъ.

Но гораздо раньше, еще въ декабрѣ 1730 года, уничтоженъ былъ майоратъ. Въ докладѣ сказано, что пункты Петра Великаго, «по состоянію здѣшняго государства не по пользѣ происходятъ, а именно: 1) Отцамъ не точію естественно есть, но и законъ Божій повелѣваетъ дѣтей своихъ всѣхъ равно награждать, и для того, которые у себя имѣютъ по два или по три сына и по нѣскольку дочерей, тѣ всячески ищутъ, какимъ бы образомъ всѣхъ равно удовольствовать, разсуждая, ежели по тѣмъ пунктамъ въ недвижимомъ наслѣдника учинить кого одного, а прочимъ движимымъ наградить нечѣмъ, то принуждены съ крестьянъ излишнее брать, и тѣмъ имъ тягость наносить, или тѣ деревни, которыя надлежитъ дать меньшимъ дѣтямъ, продать въ чужой родъ, чтобы деньги на раздѣлъ прочихъ оставить или тѣ же деревни перепродавать чрезъ нѣсколько персонъ для укрѣпленія меньшихъ дѣтямъ, и для того въ платежѣ пошлинъ несутъ великіе убытки; а буде кто того при себѣ не учинитъ, то принужденъ написать въ духовной чей-нибудь на себя немалый долгъ и съ клятвою наслѣднику завѣщать подъ тѣмъ образомъ заплатить меньшимъ своимъ дѣтямъ, и нѣкоторые, исполняя волю отеческую, платятъ, продавъ тоже отцовскія деревни, а иные наслѣдники, вѣдая, что на отцѣ ихъ такого долгу не было, такія духовныя спорятъ, и происходятъ между ними ненависти и ссоры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ съ обѣихъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ, и въ такой ненависти и злобѣ вѣчно принуждены оставаться и не безызвѣстно есть, что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники между собою, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти. 2) Въ деревняхъ обрѣтающійся хлѣбъ, лошади и всякій скотъ за движимое почитаютъ о отдаютъ меньшимъ братьямъ съ сестрами, и тако у наслѣдника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніи быть не могутъ, а у меньшихъ братьевъ безъ деревень хлѣбъ и скотъ пропадаютъ, а какъ наслѣдники, такъ и кадеты отъ того въ разореніе приходятъ, и хотя по тѣмъ пунктамъ опредѣлено, дабы тѣ, которые по деревнямъ не наслѣдники, искали-бъ себѣ хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ, но того самимъ дѣйствіемъ не исполняется, ибо всѣ шляхетскіе дѣти, какъ наслѣдники, такъ и кадеты, берутся въ одну службу сухопутную и морскую въ нижніе чины, что кадеты за двойное несчастіе себѣ почитаютъ, ибо и отеческаго лишились и въ продолжительной солдатской или матросской службѣ бываютъ, и тако въ отчаяніе приходятъ, что уже всѣ свои шляхетскіе поступки теряютъ. 3) Деревень за дочерьми въ приданое давать не велѣно, чтобъ оныя въ чужіе роды не выходили; сіе также съ немалою тягостію происходитъ, ибо вмѣсто того, что дать въ приданое деревни, принуждены оныя продавать, и тѣ деньги за дочерьми давать, понеже кромѣ такой продажи дать нечего, и потому такія деревни стали больше выходить изъ роду, нежели какъ давать приданыя, а отъ того фамиліямъ нималаго умаленія быть не можетъ, потому: когда кто деревни отдаетъ за дочерью, то вмѣсто того сынъ его возьметъ за женою изъ

другого рода. 4) Сверхъ всего вышеписаннаго въ дѣлахъ превеликое затрудненіе и волокита происходятъ, понеже тѣ пункты, яко необыкновенные сему государству, разными образы толкуютъ, и хотя въ прошломъ 1725 году выданы еще пополнительные пункты, но и тѣхъ недовольно, и хотябъ отъ времени до времени еще какъ не пополнятъ, едва ли къ пользѣ что уповать можно».

Дѣйствительно, трудно понять, какъ при вѣчно обязательной службѣ всѣхъ членовъ русскаго дворянства, или шляхетства, и при введеніи постояннаго войска, можно было говорить о той пользѣ отъ майората, что младшіе будутъ добывать себѣ хлѣбъ службою, наукою, торговлею? Гдѣ были у нихъ средства и гдѣ время заниматься наукою или торговлею? Еще у богатаго помѣщика были бы къ тому средства, было бы время; вспомнимъ, что разсказываетъ Даниловъ въ своихъ запискахъ о зятѣ своемъ Астафьевѣ, которому досталось послѣ брата 900 душъ: «Въ вотчинной коллегіи учинены были отъ родственниковъ его споры. Зять мой Астафьевъ подарилъ свою прежнюю вотчину бывшему тогда въ вотчинной коллегіи секретарю Каменеву: Каменевъ, получа деревню себѣ во владѣніе, разсмотрѣлъ дѣло въ коллегіи вправду и утвердилъ законнымъ наслѣдникомъ зятя моего. Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ тогдашнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за пашпортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и съ дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобы не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ его уже въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ-подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Полковой писарь былъ гораздо совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за пашпортъ». Такими средствами богатые могли еще получать годовые отпуски; а бѣдные, младшіе? «Въ отчаяніе приходили и всѣ свои шляхетскіе поступки теряли».

Несмотря на то, что гражданская служба была поставлена при Петрѣ рядомъ съ военною, дворянскою или шляхетскою службою продолжала считаться военная по укоренившемуся въ древней Россіи взгляду на дружинника, какъ на воина. Но мы уже видѣли, что при императрицѣ Аннѣ, когда дворянство испросило позволеніе нѣкоторымъ членамъ семейства оставаться дома для смотрѣнія за деревнями, выговорено было правительствомъ, чтобъ эти оставшіеся обучены были грамотѣ и ариѳметикѣ, дабы годными были къ гражданской службѣ. Въ слѣдующемъ же году (1737) велѣно было недорослей изъ дворянъ, болѣе способныхъ къ гражданской, чѣмъ къ военной службѣ, распредѣлить по коллегіямъ; секретари обязаны были обучать ихъ приказному порядку, знанію указовъ и правъ государственныхъ, уложенія и прочаго; онымъ же дворянамъ назначить два дни во всякой недѣлѣ обучаться ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и грамматикѣ, и обучаться имъ грамматикою одинъ день въ недѣлю, а другой день прочимъ наукамъ. Но еще въ 1731 году учрежденъ былъ Кадетскій корпусъ, который, при отсутствіи университетовъ, не могъ быть спеціальнымъ военно-учебнымъ заведеніемъ, и потому говорилось, что корпусъ учреждается, «дабы шляхетство отъ молодыхъ лѣтъ къ военному искусству въ теорію обучены, а потому и въ практику годны были. А понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, также и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, потому-жъ и къ ученію опредѣлять». Въ 1737 году данъ былъ указъ Кадетскому корпусу: «Понеже намъ извѣстно учинилось, что въономъ находящихся кадетовъ наиболѣе и почитай ежедневно обучаютъ токмо воинской экзерциціи, отчего имъ въ обученіи прочихъ наукъ немалое препятствіе происходитъ, и хотя онымъ весьма надлежитъ достаточно обученнымъ быть воинской экзерциціи, однакожь прочія науки весьма полезнѣе какъ въ обращеніяхъ при воинской, такъ и при гражданской службахъ, а помянутой воинской экзерциціи могутъ довольно обучены быть, хотябъ оные учились и не по всякой день. Того ради онаго корпуса командирамъ чрезъ сіе отъ насъ повелѣвается съ сего времени впредь кадетовъ воинской экзерциціи обучать въ каждую недѣлю по одному дню, дабы онымъ оттого въ обученіи другихъ наукъ препятствія не было». Но, открывая для дворянства одинаково оба служебныя поприща, и военное и гражданское, правительство съ прежнею строгостію требовало, чтобъ оно приготовлялось къ тому и другому образованіемъ. Въ 1737 году встрѣчаемъ указъ: «Недорослей шляхетскихъ дѣтей, которые обучаются въ родительскихъ домахъ, свидѣтельствовать дважды, послѣ 12 и 16 лѣтъ»; если которые изъ нихъ по послѣднемъ свидѣтельствѣ окажутся невѣждами въ Законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и геометріи, такихъ опредѣлять въ матросы безъ выслуги. Руководясь съ конца XVI вѣка одною постоянною мыслію, «что всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, и зло искореняется; что

наука вездѣ нужна и полезна, ибо посредствомъ нея просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми», правительство, карая съ одной стороны дворянъ за недостатокъ необходимыхъ свѣдѣній, съ другой не могло стѣснять ихъ въ стремленіи пріобрѣтать дальнѣйшія свѣдѣнія. Въ 1756 году позволено недорослямъ изъ шляхетства обучаться въ новоучрежденномъ Московскомъ университетѣ до 16, а смотря по ихъ склонности къ наукамъ и до 20 лѣтъ; кромѣ того: «которые жь изъ тѣхъ обучающихся въ Московскомъ университетѣ дѣйствительно въ воинской и гражданской службѣ записаны, и впредь будутъ записаны же, а лѣта и склонности ихъ дозволяютъ имъ обучаться наукамъ; такимъ для обученія дозволить при университетѣ остаться до вышепоказанныхъ же лѣтъ возраста ихъ; а чтобъ они не могли чрезъ то потерять свое произвожденіе, оныхъ какъ въ воинскихъ, такъ и въ гражданскихъ командахъ, гдѣ они въ службу записаны, въ повышеніяхъ старшинствомъ не обходить, а произвожденіе имъ съ прочими въ тѣхъ командахъ чинить по указамъ».

Такимъ образомъ обязательная служба для дворянъ съ извѣстныхъ лѣтъ должна была необходимо повести къ извѣстнымъ распоряженіямъ при поступленіи ихъ въ высшія учебныя заведенія, къ распоряженіямъ, клонившимся къ тому, чтобъ они ничего не теряли предъ сверстниками, поступившими съ опредѣленныхъ лѣтъ въ дѣйствительную службу. Но приближалось время, когда обязательная служба должна была прекратиться. Въ царствованіе императрицы Анны дворянство исходатайствовало уничтоженіе майората и ограниченіе обязательной службы; уже и при этомъ мы не можемъ не замѣтить, какъ сословныя понятія начинаютъ укореняться: кромѣ того что начинаютъ употреблять слово для означенія цѣлаго сословія, говорится уже о шляхетскихъ поступкахъ; жалуются, что младшіе дворянскіе сыновья, при обязательной службѣ въ нижнихъ чинахъ, теряютъ шляхетскіе поступки. Можетъ быть, ты мнѣ замѣтишь, что эти понятія идутъ сверху только, раздѣляются немногими членами сословія, наверху стоящими: тѣмъ важнѣе это для насъ, любезный другъ! Очень важно, что члены сословія, наверху стоящіе, принимаютъ къ сердцу не одни интересы племянниковъ и внучатъ своихъ, но интересы всѣхъ членовъ сословія, оскорбленные тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ членовъ подвергаются искушеніямъ вести себя не такъ, какъ прилично члену этого сословія. Желая уничтожить майоратъ также очень важно въ этомъ отношеніи, ибо невыгоды майората, на которыя жаловалось шляхетство, вовсе не были такъ тяжки для богатыхъ и знатныхъ дворянъ, какъ для незначительныхъ и бѣдныхъ; ясно, что понятіе о своемъ перешло узкія грани естественнаго, родоваго союза, и прилагается къ членамъ союза сословнаго. Прошло около 30 лѣтъ отъ этого перваго шага къ ограниченію обязательной дворянской службы; прошли суровыя, оскорбительныя для русскихъ людей времена Бироновскія; прошло царствованіе Елизаветы, замѣчательное по распространенію лучшихъ понятій о человѣкѣ и его общественныхъ отношеніяхъ: въ это время воспиталось новое поколѣніе людей съ нравами болѣе мягкими, людей, которые должны были дѣйствовать во второй половинѣ вѣка, въ царствованіе Екатерины II-й. И вотъ, въ преддверіи этого знаменитаго царствованія, 18 февраля 1762 года, при императорѣ Петрѣ III-мъ издается манифестъ, въ которомъ говорится, что «при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, отчего послѣдовали неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу; однимъ словомъ, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность, *а потому и не находимъ мы той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была*». Такъ произошелъ этотъ великій переворотъ въ судьбѣ русскаго дворянства, переворотъ, по которому оно слагало съ себя древній характеръ дружины. Но это новое положеніе дворянства потребовало необходимо сословно-общиннаго устройства, чему и было удовлетворено въ знаменитомъ устройствѣ губерній при Екатеринѣ II, которымъ закончилось сословное образованіе дворянства.

Изъ всего сказаннаго ты можешь видѣть, любезный другъ, на какіе три періода распадается исторія русскаго дворянства. Въ первомъ періодѣ мы видимъ его въ неопредѣленной формѣ дружины, привязанной къ своему князю, зависимой отъ него въ средствахъ жизни, слѣдующей за нимъ изъ одного княжества въ другое, наконецъ переходящей свободно отъ одного князя къ другому. Съ образованіемъ Московскаго государства начинается второй періодъ: дружина усаживается вслѣдствіе единовластія, и вмѣстѣ съ тѣмъ распадается на множество отдѣловъ, которые живутъ розно. Наконецъ въ третьемъ періодѣ, во времена Россійской имперіи, вырабатывается для этихъ отдѣловъ общая сословная связь, образуется дворянство.

III.

Ты меня спрашиваешь, любезный другъ, откуда происходитъ то явленіе, что нѣмцы и славяне одинаково хлопочутъ объ общинѣ, и каждое изъ этихъ племенъ хочетъ присвоить себѣ общину какъ произведеніе своей національности. Гдѣ взять новаго Соломона, говоришь ты, который бы рѣшилъ этотъ споръ о дорогомъ дѣтищѣ. Я не думаю, любезный

другъ, чтобы нужна была мудрость Соломонова при рѣшеніи этихъ вопросовъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ моихъ къ тебѣ я старался показать, что вопросы о частныхъ союзахъ стали главными вопросами настоящаго времени; исторію же вопроса объ общинѣ ты знаешь хорошо: сначала поднялся вопросъ о городской общинѣ вслѣдствіе того, что среднее сословіе въ Европѣ пріобрѣло такое важное значеніе съ конца прошлаго вѣка; это сословіе хотѣло знать свою исторію. Ты знаешь заслуги знаменитыхъ французскихъ историковъ въ этомъ отношеніи для ихъ исторіи; знаешь, какъ нѣмецкіе ученые обработали этотъ предметъ; помнишь споръ, поднятый о томъ, какого происхожденія городовая европейская община, римскаго или германскаго,—споръ, нашедшій отголосокъ въ книгѣ нашего Кудрявцева («*Судьбы Италіи*»). Но къ вопросу объ исторіи средняго сословія скоро присоединился вопросъ о судьбахъ сельскаго народонаселенія, важный вопросъ о землевладѣніи, поднятый страшилищемъ пролетаріата; такимъ образомъ выдвинулся вопросъ и о сельской общинѣ. Русская жизнь и русская наука не могли остаться чуждыми этихъ вопросовъ. Здѣсь дѣло не въ подражаніи; дѣло въ томъ, что волею-неволею мы вошли въ семью европейскихъ народовъ, живемъ общею съ ними жизнію: «Мы европейцы, и ничто европейское не можетъ быть намъ чуждо». Но при этомъ мое положеніе будетъ всегда одно и то же: нѣтъ пользы, взявши вопросъ изъ жизни, насильно навязывать его наукѣ. Жизнь имѣетъ полное право предлагать вопросы наукѣ; наука имѣетъ обязанность отвѣчать на вопросы жизни; но польза отъ этого рѣшенія для жизни будетъ только тогда, когда, во-первыхъ, жизнь не будетъ торопить науку рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, ибо у науки споры долгіе, и бѣда, если она ускоритъ эти сборы; и, во-вторыхъ, когда жизнь не будетъ навязывать наукѣ рѣшеніе вопроса, заранѣе уже составленное, вслѣдствіе господства того или другого взгляда, жизнь своими движеніями и требованіями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нея.

Что же касается вопроса, составляетъ ли община явленіе германской или славянской народности, то объ этомъ говорить много не-нужно: всякій, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ сравнительнымъ изученіемъ исторіи общественныхъ формъ и явленій у разныхъ народовъ, знаетъ хорошо, что общинный бытъ есть столько же національное явленіе и у славянъ, какъ у германцевъ. Вопросъ можетъ идти только объ особенностяхъ и степени развитія. Рѣшеніемъ этого-то вопроса я и хочу теперь занять тебя.

Съ половины IX вѣка черезъ внесеніе новыхъ общественныхъ элементовъ, вслѣдствіе появленія князей Варяжскихъ, произошло между нашими восточными славянами движеніе, поведшее необходимо къ ослабленію первоначальнаго родоваго быта и къ развитію быта общиннаго. Передъ нами община новорожденная, община первобытная, со всею простотою и неопредѣленностію отношеній. Опредѣленіе было впереди. Опредѣленіе болѣе или менѣе точное есть слѣдствіе болѣе или менѣе яснаго сознанія отношеній, правъ и обязанностей; сознаніе въ послѣдующія времена является какъ результатъ науки, но въ древнія времена, о которыхъ идетъ рѣчь, болѣе или менѣе ясное сознаніе есть слѣдствіе болѣе или менѣе рѣзкихъ столкновеній, рѣзкихъ сопоставленій общественныхъ элементовъ и равномѣрно сильнаго ихъ развитія; сознаніе добывается тутъ путемъ факта. Завоеватель и завоеванный лицомъ къ лицу въ ежедневной жизни... вотъ рѣзкое сопоставленіе и отсюда рѣзкое опредѣленіе отношеній; у одного всѣ права, у другого однѣ обязанности; сознаніе этихъ отношеній ясно и у того, и у другого. Если завоеванный съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ силы для борьбы съ завоевателемъ, то оба вступаютъ въ борьбу при ясномъ опредѣленіи своихъ отношеній, и измѣненіе въ этихъ отношеніяхъ происходитъ также сознательно и потому рѣзко опредѣленно; все происходитъ выпукло и крѣпко. Кто осилилъ окончательно въ борьбѣ — это другой вопросъ; иногда осиливаетъ третій элементъ, не вступавшій первоначально въ борьбу; иногда между борющимися сторонами заключаются сдѣлки, мировыя относительно третьей стороны, съ яснымъ опредѣленіемъ отношеній къ послѣдней и другъ къ другу: во всякомъ случаѣ, борьба не остается безъ вліянія на окрѣпленіе общественнаго организма. Иначе бываетъ, когда въ первоначальномъ, неразвитомъ обществѣ элементы общественные находятся въ неопредѣленномъ, мягкомъ отношеніи другъ къ другу. При такихъ условіяхъ, опредѣленіе отношеній идетъ очень медленно, перерывчиво, нетвердо; сознаніе общественнаго человѣка не ясно. Это медленное, безъ всякаго сознанія, ощупью идущее внутреннее движеніе еще болѣе затрудняется, останавливается, когда происходитъ сильное внѣшнее государственное движеніе; когда внутреннее движеніе не уравнивается со внѣшнимъ, общественное съ государственнымъ; отсюда, при неразвитости формъ, общество готово принять чужія формы, выработанныя чужою жизнію. Здѣсь, разумѣется, спасеніе въ просвѣщеніи: наука даетъ ясность сознанію; но теорія не такъ спора безъ практики.

Но обратимся къ древней русской общинѣ, посмотримъ, какъ были опредѣлены отношенія къ князю и намѣстнику. Говорили ли славянскіе послы Рюрику, что его призываютъ для *правды*, или не говорили,—для насъ это все равно; для насъ важно то, что въ словахъ лѣтописца высказалось сознаніе современнаго ему общества объ отношеніяхъ князя къ подвластному народонаселенію. Дѣйствительно, какъ бы князь или посадникъ его сами ни смотрѣли на свои отношенія къ общинѣ, община видѣла въ нихъ людей, призванныхъ для правды. Но какъ производилась правда, какое участіе, ка-

кое значеніе имѣлъ здѣсь князь или его посадникъ? Это было лицо постороннее, чужое, обязанное смотрѣть: чтобы въ общинѣ была правда, чтобы всѣ споры и столкновенія рѣшались по правдѣ, чтобы лихимъ людямъ не было воли дѣлать дурно; чтобы вредъ, ими причиненный, былъ вознагражденъ. Но это лицо должно было смотрѣть, чтобы сама община, самъ міръ судилъ и рядилъ по правдѣ, чтобъ община не держала у себя лихихъ людей безнаказанными, чтобъ община хлопотала о сохраненіи порядка. Князь или посадникъ вовсе не хотѣли брать на себя обязанности или присвоивать себѣ право самимъ все судить и рядить, не имѣли понятія о необходимости этой обязанности, о выгодѣ этого права для себя, наконецъ не имѣли матеріальныхъ средствъ пользоваться этимъ правомъ. Ложность современныхъ взглядовъ на древнее состояніе общества происходитъ оттого, что мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ своихъ понятій, отъ своихъ привычекъ къ опредѣленности, къ рѣзкому разграниченію между правами и обязанностями, тогда какъ въ древнемъ обществѣ этой опредѣленности, этого разграниченія вовсе не было: что теперь считается правомъ, то прежде считалось обязанностію — и обязанностію тяжелою. Первоначально судъ принадлежалъ міру, общинѣ; когда община не могла рѣшить дѣла, когда являлась жалоба на неправду, на насиліе сильныхъ, тогда рѣшалъ дѣло намѣстникъ или самъ князь. Первоначальный видъ мірскихъ или общинныхъ судовъ представляютъ намъ суды сельскихъ общинъ западной Россіи, какъ они существовали еще въ XVI вѣкѣ: на *вѣче, купу, копу* или *громаду* сходились всѣ домохозяева; ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, также женщины, являлись на сходку только по особому требованію копы и не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній. Между домохозяевами, сходатаями или судьями копными отличались старцы, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній. Въ древности, когда родовой бытъ былъ крѣпче, роды были обширнѣе, родоначальники, старцы, имѣли все представительство, и въ Совѣтахъ первыхъ князей нашихъ подлѣ бояръ мы находимъ этихъ старцевъ городскихъ, представителей міра, общины. Послѣ, съ ослабленіемъ родоваго быта, съ размельченіемъ родовъ, представителями общины являются домохозяева, многочисленнѣйшіе прежнихъ родоначальниковъ, и Совѣтъ ихъ принимаетъ необходимо видъ вѣча, купы, громады, скупчины, особенно въ большихъ общинахъ; отсюда мы видимъ естественный, незамѣтный переходъ отъ рѣшенія дѣлъ княземъ въ Совѣтѣ съ боярами и старцами къ рѣшенію дѣлъ на вѣчѣ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ общинъ, мѣсто старцевъ, имѣющихъ превосходство по естеству, по возрасту, заступаютъ лучшіе люди, имѣющіе превосходство не по одному возрасту; съ появленіемъ этого аристократическаго элемента въ общинѣ, лучшіе люди являются представителями общины; безъ нихъ нѣтъ суда. Что было сказано относительно суда, то же самое соблюдалось и относительно всѣхъ важныхъ дѣлъ, касавшихся одной общины и цѣлой волости княжеской: сперва эти дѣла рѣшались княземъ въ Совѣтѣ съ боярами и старцами, потомъ на вѣчѣ.

Таковы были первоначальныя отношенія дѣйствующихъ силъ въ древней русской общинѣ. Но теперь раждается самый важный вопросъ: подобныя отношенія служили ли ручательствомъ за благосостояніе общины, были ли они въ состояніи препятствовать той или другой силѣ уклониться отъ правды, отъ насилія? Очень рано слышатся уже жалобы на несправедливые поступки посадниковъ и тіуновъ: при Всеволодѣ I слышатся жалобы, что до людей перестала доходить княжая правда; слышатся жалобы, что посадники своими неправдами опустошали цѣлыя волости; при Всеволодѣ II Ольговичѣ тіуны княжескіе—одинъ разорилъ Кіевъ, другой — Вышгородъ. Откуда же проистекали такія явленія? Человѣкъ, посылаемый княземъ въ общину для правды, былъ членомъ дружины княжеской; князь давалъ ему это назначеніе вмѣсто жалованья, какъ кормленіе; отсюда естественное стремленіе въ этомъ человѣкѣ кормиться какъ можно сытнѣе, вмѣсто соблюденія правды потворствовать кривдѣ, притягивать невиннаго къ суду, чтобы заставить его платить штрафъ. Что же община? Какія у нея были средства освободиться отъ подобнаго блюстителя правды? Для уясненія дѣла сравнимъ или противоположимъ западныя общины. Тамъ, вслѣдствіе хорошо извѣстныхъ тебѣ явленій, вельможа духовный или свѣтскій, какое бы названіе ни носилъ онъ, владѣлъ общиною наслѣдственно или пожизненно, имѣлъ силу, власть самъ по себѣ, имѣлъ извѣстное право владѣть общиною; надъ нимъ былъ верховный повелитель, глава государства. Но власть этого главы государства была очень слаба, именно вслѣдствіе большой власти, самостоятельности вельможъ, номинально ему подчиненныхъ, номинально зависимыхъ; между главою государства и этими вельможами, которые были сильны сами по себѣ, при первомъ случаѣ, при первомъ столкновеніи— открытая борьба. Община, выведенная изъ терпѣнія насиліями своего непосредственнаго владѣльца, возстанетъ на него, обращаясь къ главѣ государства, верховному блюстителю правды, и, опираясь на его высокое право, съ его согласія опредѣляетъ въ свою пользу отношеніе къ непосредственному владѣльцу, опредѣляетъ крѣпко, точно, ибо эти отношенія постоянныя, тутъ нѣтъ ничего личнаго, случайнаго. Въ древней Руси лучшія, богатѣйшія, болѣе развитыя общины были подъ непосредственнымъ управленіемъ князей, совершенно самостоятельныхъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, безъ всякой зависимости, даже и номинальной, отъ старшаго въ родѣ, или великаго князя. Чиновники княжескіе были слуги

князя, или, лучше сказать, товарищи, дружинники; интересы князя не находились въ противоположности съ ихъ интересами,—напротивъ, были тѣсно соединены; князь нуждался въ нихъ, какъ въ защитникахъ, людяхъ, съ которыми могъ пріобрѣсть серебро и золото. По словамъ Св. Владиміра, князь содержалъ этихъ нужныхъ, близкихъ ему людей насчетъ общинъ, и потому послѣднимъ, въ своихъ столкновеніяхъ съ ними, трудно было найти себѣ управу, если князь не обладалъ такимъ широкимъ нравственнымъ взглядомъ, какъ напримѣръ Владиміръ Мономахъ. Возможность однако выйти изъ этого положенія представилась для общины въ соперничествѣ князей другъ съ другомъ, въ усобицахъ между ними. Вслѣдствіе появленія многихъ князей-соперниковъ, изъ которыхъ каждый предъявлялъ свое право, общины получили возможность выбора между князьями, не возставая нисколько противъ власти княжеской, противъ князя вообще. Общины (кіевская и новгородская, ибо о другихъ намъ ничего неизвѣстно по неимѣнію полныхъ лѣтописей ихъ) вслѣдствіе соперничества, усобицы князей, пріобрѣли себѣ право выбора правительственныхъ лицъ: Игорь Ольговичъ, слыша неудовольствія кіевлянъ на тіуновъ и грозимый движеніями Изяслава Мстиславича, къ которому кіевляне обнаруживали расположеніе,—Игорь Ольговичъ далъ имъ право выбирать тіуновъ; послѣ видимъ, что кіевляне заключаютъ ряды съ новыми князьями. Новгородцы, возставшіе противъ князя своего Всеволода Мстиславича за то, между прочимъ, что онъ не блюдетъ смердовъ, благодаря соперничеству князей, возможности находить у одного помощь противъ другого, утвердили за собою право выбора правительственныхъ лицъ, право сажать въ судѣ подлѣ самого князя своего выборнаго посадника, наконецъ право выбирать самихъ князей, право, которое потомъ было отнесено какъ пожалованіе ко временамъ Ярослава I. Такимъ образомъ, древнія русскія общины опредѣлили свои отношенія выборомъ правительственныхъ лицъ. Что касается другихъ подробностей общиннаго быта въ старыхъ русскихъ городахъ, то онѣ намъ извѣстнѣе въ Новгородѣ и Псковѣ. Извѣстны также и причины паденія этихъ общинъ: неумѣнье уладить отношенія между лучшими и меньшими людьми къ выгодѣ обоихъ, причемъ большинство легко отказалось отъ тѣхъ формъ быта, которыя были выгодны только для меньшинства. Что же касается до формъ общиннаго быта въ другихъ городахъ, то мы не имѣемъ права предполагать здѣсь сильное развитіе. Не надобно забывать продолжительности особаго существованія Новгорода и Пскова, тогда какъ Кіевъ, Черниговъ и другіе города юго-западной Руси были разрушены татарами еще въ XIII вѣкѣ, да и тѣ старые города, которые избѣгли этого разрушенія, напримѣръ Полоцкъ съ своими бѣлорусскими собратіями, принимаютъ чужое нѣмецкое общинное устройство, такъ называемое магдебургское право; но дѣло очень хорошо извѣстное, что чужія формы, чужія опредѣленія принимаются только тогда, когда нѣтъ своихъ формъ и опредѣленій, выработавшихся самостоятельно: чужія формы и опредѣленія могутъ быть даны насильственно; но дѣло также очень хорошо извѣстное, что магдебургское право не было насильственно дано русскимъ городамъ.

Такъ было въ древней западной Руси, отошедшей къ Литвѣ, и въ обломкахъ древней Руси, сохранившихъ связь съ новою, восточною Россіей, въ Новгородѣ и Псковѣ. Теперь обратимся къ общинному быту въ восточной Россіи, въ которой совершилось дѣло собранія Земли и дѣло централизаціи. Сказавши это, я уже опредѣлилъ значеніе общиннаго быта въ восточной Россіи, ибо здѣсь на очереди другое начало, которое усиливается безпрестанно и позволяетъ присутствіе при себѣ другихъ началъ только въ той степени, въ какой они не мѣшаютъ ему усиливаться. Возникновеніе и усиленіе одного какого-нибудь начала необходимо предполагаетъ слабость другихъ началъ, не могущихъ ему препятствовать, не могущихъ заявить свою силу, свою способность къ единовременному и одноправному съ нимъ существованію. Какія же были причины усиленія централизаціи и причины слабости другихъ началъ? Причины, могшія замедлять централизацію, могли заключаться или въ географическихъ, или въ этнографическихъ, или въ политическихъ особностяхъ частей, причемъ должно замѣтить, что эти причины особности обыкновенно соединяются. Кто знакомъ хотя сколько-нибудь съ географіею областей, составившихъ Московское государство, тотъ знаетъ, что здѣсь нѣтъ природныхъ препятствій къ централизаціи: нѣтъ высокихъ горъ, нѣтъ степей, столько же раздѣляющихъ народы, какъ и горы; нѣтъ рѣзкихъ переходовъ; здѣсь одна рѣчная область, область верхней Волги. Особность большихъ, издавна самостоятельныхъ племенъ, могла препятствовать централизаціи: такъ на особность большихъ племенъ въ Германіи указываютъ какъ на условіе, помѣшавшее государственному соединенію этой страны. Но въ восточной Россіи и этого условія, препятствовавшаго централизаціи, не было. Въ древней западной Россіи видимъ отдѣльныя племена, изъ которыхъ составилась Русь; но и здѣсь, безъ натяжки, мы не можемъ указать значеніе этихъ племенъ въ исторіи; ибо для того, чтобъ особность племенъ имѣла вліяніе въ исторіи, надобно еще другія условія: надобно, чтобъ эти племена изначала имѣли особое свое правительство; чтобъ эти правители племенъ только насильственно подчинялись общему правительству и стремились къ независимости при первомъ удобномъ случаѣ; надобно, чтобы стремленія правителей совпадали съ стремленіями самихъ племенъ, изъ которыхъ ни одно не хотѣло бы подчиниться другому. Но ничего подобнаго не было у насъ въ древней Россіи, гдѣ племена одновремен-

но получили правителей изъ чужаго народа, гдѣ не поляне завоевали сѣверянъ и древлянъ, гдѣ въ Черниговѣ, напримѣръ, сидѣлъ не князь изъ племени сѣверянъ и не вельможа варягъ, который, изъ стремленія къ самостоятельности, тѣсно соединилъ бы свои интересы съ интересами сѣверянъ. Мы знаемъ, что въ Черниговѣ сидѣлъ князь, корый очень мало обращалъ вниманія на единство своихъ интересовъ съ интересами черниговцевъ или сѣверянъ, который постоянно думалъ, какъ бы поскорѣе бросить Черниговъ и перебраться въ Кіевъ. Полная независимость младшихъ княжествъ отъ старшаго, относительно внутренняго управленія, уничтожала враждебное столкновеніе между ними. Но если и на юго-западѣ, гдѣ видимъ вначалѣ отдѣльныя племена, невозможно указать вліянія этихъ племенъ на судьбу страны, то на сѣверо-востокѣ и племенъ-то вовсе не было. Здѣсь вначалѣ были племена финскія; но напоръ славянской колонизаціи, совершившейся уже въ историческія времена, или отодвинулъ финновъ, или ославянилъ ихъ; движеніе же славянъ происходило не цѣлыми отдѣльными племенами, но въ разбродъ. Да и поселившись въ новой странѣ, славяне не могли развить здѣсь племеннаго быта, ибо условія общества были уже иныя: здѣсь владѣли князья, которые строили города, куда приглашали насельниковъ. Племенную противоположность нельзя даже положить одною изъ причинъ вражды между старымъ городомъ Ростовомъ и молодыми городами, которыхъ Ростовъ былъ представителемъ, ибо нельзя предположить Ростовъ во времена Андрея Боголюбскаго финскимъ городомъ въ противоположность новымъ славянскимъ городамъ—Владиміру, Переяславлю и другимъ. Причина вражды прямо указана въ источникахъ, причина политическая, а не племенная: ростовцы говорятъ: «Сожжемъ Владиміръ или посадимъ въ немъ своихъ посадниковъ, потому что владимірцы наши холопы каменьщики». Новые города, слѣдовательно, принимали въ себя ту часть народонаселенія старыхъ городовъ, которая называлась меньшими, младшими людьми въ противоположность лучшимъ людямъ. Этотъ выводъ колоніи изъ меньшихъ людей не всегда происходилъ съ согласія лучшихъ людей, ибо не всегда уходили въ новые города только свободные меньшіе люди, уходили и несвободные, желавшіе этимъ уходомъ достать себѣ свободу. Вспомни, любезный другъ, преданіе о Холопьемъ городкѣ, преданіе, которое ясно произошло отъ названія города; но это названіе не нуждается ни въ какомъ преданіи для своего объясненія, ибо намъ извѣстенъ общій законъ переселеній, и въ частности намъ извѣстно происхожденіе вятскаго народонаселенія, происхожденіе казачества. Наконецъ слова ростовцевъ, что владимірцы ихъ холопы, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какъ образовывалось народонаселеніе новыхъ городовъ, хотя отчасти, ибо не принимать словъ, сказанныхъ ростовцами, буквально—будетъ уже натяжка съ нашей стороны. Андрей Боголюбскій и братья его утвердились въ новыхъ городахъ, въ пригородахъ, дали имъ первенство, и Ростовъ Великій не устоялъ въ борьбѣ съ ними. Палъ городъ старый, вѣчевой, остались города, не привыкшіе къ вѣчу, къ самостоятельности. Что же насъ останавливаетъ въ этой борьбѣ Ростова съ Владиміромъ, Переяславлемъ? Что представляютъ ростовцы и что владимірцы? Первые представляютъ лучшихъ людей, вторые—меньшихъ. Ростовцы вмѣстѣ съ боярами противятся централизаціи, начинаемой Боголюбскимъ и братьями его. Владимірцы съ братіею, не имѣя никакихъ выгодъ поддерживать тѣ формы быта, которыя выгодны только для ростовцевъ, даютъ поддержку централизующей силѣ, ибо все выпуклое мѣшаетъ централизаціи, ровное же представляетъ самый крѣпкій фундаментъ для нея. То же самое случилось послѣ въ XV вѣкѣ: Новгородъ потерялъ свои особенности, приравнялся ко другимъ городамъ, къ городамъ низовымъ: лучшіе люди, выпуклая часть новгородскаго народонаселенія, стояли за особность; но большинство, ровная часть народонаселенія, тянула къ приравненію, ибо не видала для себя въ особности тѣхъ выгодъ, какія имѣло меньшинство, выпуклая часть народонаселенія.

Не знаю, любезный другъ, какое впечатлѣніе производимо было на тебя возраженіями, направленными, будто бы, противъ моей *гипотезы* объ отношеніяхъ между старыми и новыми городами и важномъ значеніи этихъ отношеній. Никогда не думалъ я строить гипотезу, указывая на ясную, въ глаза бросающуюся связь судебъ Новгорода Великаго съ судьбами другихъ русскихъ общинъ, указывая въ XII вѣкѣ на начало борьбы, которая кончилась въ XV; никогда не думалъ я строить гипотезу, рѣшившись на живой борьбѣ общественныхъ отношеній, рѣшившись показать какъ подлѣ междукняжескихъ отношеній образовывалась почва, складывался внизу фундаментъ, на которомъ построилось зданіе Московскаго государства. Ты помнишь, какъ возстали на меня за это перенесеніе исторіи изъ воздушныхъ пространствъ на твердую почву, за это обращеніе вниманія на другія явленія, безъ которыхъ отъ смѣны начала родоваго вотчиннымъ или семейнымъ рѣшительно ничего бы не вышло. Ты помнишь, какъ упрекали меня за то, что у меня между родовымъ и государственнымъ началомъ цѣлая пропасть. Возражатели, исключительно носясь въ высокихъ воздушныхъ сферахъ началъ, не хотѣли замѣтить, что эта пропасть наполнена щебнемъ изъ развалинъ Ростова и Новгорода. Теперь взглядъ перемѣнился; но теперь новыя странности въ нашемъ незрѣломъ, зеленомъ обществѣ: слышится голосъ капризнаго ребенка, который кричитъ на весь домъ, требуетъ у няньки, чтобъ она дала ему то, чего нѣтъ. «Ступай, нянька, зимою въ садъ и сорви яблоко!» Ловкая нянька вынимаетъ изъ кармана сухую заморскую

сливу. «Ахъ, душенька, какая добрая сестрица! сбѣгала въ садъ и вотъ что сорвала! ахъ, что выросло у насъ въ садикѣ; ахъ, какая вкусная ягодка!» Честь и слава ловкой нянькѣ! она хорошо знаетъ, что съ ребенкомъ нельзя разсуждать о томъ, что зимою яблоки не растутъ. Такъ нечего противопоставлять разнымъ крикамъ серьезныя разсужденія о томъ, что если одно начало усиливается, то это происходитъ необходимо вслѣдствіе слабости другихъ началъ, которыя все болѣе и болѣе ослабляются вслѣдствіе большаго и большаго усиленія одного начала; что, ослабляясь все болѣе и болѣе, они тѣмъ самымъ уходятъ на задній планъ, все менѣе и менѣе дѣйствуютъ, слѣдовательно все менѣе и менѣе заявляютъ себя передъ исторіею, и если дѣйствуютъ, то по отношенію къ господствующему началу; что ихъ развитіе, если оно происходитъ, подчиняется вліянію господствующаго начала, вліянію того хода событій, который условливается движеніемъ господствующаго начала; что историкъ не имѣетъ права, бросивши то, что дѣйствуетъ, и своимъ дѣйствіемъ объясняетъ намъ все въ прошедшемъ и настоящемъ, обратить вниманіе преимущественно на то, что находится въ бездѣйствіи или дѣйствуетъ слабо, развивается медленно; что обязанность историка показать причины, почему одно начало дѣйствуетъ на первомъ планѣ, а другія дѣйствуютъ слабо, медленно; что здѣсь обязанность его оканчивается, ибо этимъ онъ вполнѣ освѣщаетъ настоящее, какъ результатъ прошедшаго; что историкъ, увлекшись какимъ нибудь сочувствіемъ, не смѣетъ перемѣшивать явленіе по произволу, не смѣетъ выставить на первомъ планѣ то, что на немъ не находится, ибо настоящее сейчасъ же обнаружитъ фальшь: настоящее есть такая же повѣрка прошедшаго и наоборотъ, какъ въ ариѳметикѣ вычитаніе повѣряется сложеніемъ, сложеніе вычитаніемъ.

Но возвратимся къ нашему дѣлу. Главное явленіе, которое останавливаетъ насъ на сѣверѣ,—это неразвитость городовыхъ общинъ вслѣдствіе неразвитости промышленности и торговли, вслѣдствіе бѣдности городовъ. Фактъ неоспоримый, что развитіе общиннаго быта вездѣ и у насъ въ Россіи основывалось на матеріяльномъ благосостояніи, на развитіи промышленности и торговли. Почему Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ вписали свои имя въ исторію общиннаго быта въ Россіи? Потому что это были самые богатые, самые торговые города. Путь изъ Варягъ въ Греки, западная полоса Россіи отъ Балтійскаго до Чернаго моря, это главный торговый путь и главная историческая сцена въ нашей древней исторіи; на ней богатые торговые города и сильныя городовыя общины, обнаруживающія свою самостоятельность. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ страна дичѣе и бѣднѣе, торговля и промышленность слабѣе, народонаселеніе рѣже. Отсюда необходимое слѣдствіе, что когда историческая сцена перенесется на этотъ востокъ, то здѣсь ходъ исторіи будетъ иной, чѣмъ на западѣ; что на востокѣ мы не встрѣтимъ тѣхъ явленій, которыя характеризовали намъ древнѣйшую исторію, исторію западной Россіи, новое начало необходимо должно было явиться и усилиться тамъ, гдѣ старое было слабо, и потому не могло выставить новому сильныхъ препятствій. Новгородъ отбился отъ Андрея Боголюбскаго, отъ Всеволода III и сына его Ярослава, и до половины XV вѣка могъ сохранить свою самостоятельность; Ростовъ же палъ скоро передъ Юрьевичами,—знакъ того, какъ лучшій, старшій городъ на востокѣ былъ бѣднѣе, слабѣе лучшаго города на западѣ. Послѣ паденія Ростова востокъ не представляетъ намъ вовсе такихъ выпуклыхъ явленій въ городовой жизни, какія представляетъ западъ; здѣсь бѣдность развитія промышленнаго и торговаго провела уровень между городами и даже между городами и селами. Судьба городовъ въ Московскомъ государствѣ одинакова съ судьбою дружины: для силы какъ дружины, такъ и городовъ необходимо было одно и то же условіе—богатство, а его-то и не было. Когда начало слагаться государство, мы не видимъ членовъ дружины, вельможъ, богатыхъ, имѣющихъ обширныя земельныя владѣнія, имѣющихъ въ своей наслѣдственной власти цѣлыя области и города, могущихъ пріобрѣсти многочисленныхъ подручниковъ, которые бы получали отъ нихъ земли, недвижимое, такъ могущественно содѣйствующее скрѣпленію всякихъ связей и отношеній. Не было большихъ частныхъ союзовъ, не было того, чтобы множество малыхъ силъ группировались около большихъ силъ. Не забудь, любезный другъ, что я говорю: не было *большихъ* частныхъ союзовъ, ибо частные союзы были у насъ въ древней Россіи въ разныхъ видахъ, а именно: на первомъ планѣ союзъ родовой, самый могущественный въ старину частный союзъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія. О силѣ родоваго союза между людьми высшихъ чиновъ не нужно распространяться, эта сила слишкомъ рѣзко отмѣтала себя въ исторіи; укажу только на самыя характеристичныя черты родоваго союза даже въ XVII вѣкѣ: знаменитый Шеинъ, въ то время, когда шло дѣло объ освобожденіи его изъ польскаго плѣна, желая сообщить боярамъ важныя извѣстія, прислалъ въ русскій станъ спросить ихъ, нѣтъ ли съ ними какого нибудь его Шеинскаго человѣка, или человѣка родичей *(повинныхъ)* его, Салтыковыхъ или Морозовыхъ, ибо только такому онъ можетъ повѣрить тайну. Въ XVII же вѣкѣ Милюковъ, женившійся на рабѣ князя Сонцева-Засѣкина, долженъ былъ заплатить за это сто рублей, и эти сто рублей были разложены на весь многочисленный родъ Милюковыхъ. На силу родоваго союза вообще во всѣхъ слояхъ народонаселенія ясно указываетъ то, что государство смотритъ на гражданина не иначе какъ на родоначальника, представителя своего рода, обязаннаго отвѣчать за своихъ младшихъ родичей: всякій N. N. не представлялся одинъ съ своею семьей, но съ братьями

и племянниками, и князь Пожарскій, жалуясь государю на дурное поведеніе своего взрослаго племянника, описывая, что никакія строгости и наказанія, употребленныя дядьями, не помогают, обнаруживает въ концѣ жалобы боязнь, чтобы государь не положилъ на него опалы за дурное поведеніе племянника. Но, кромѣ родоваго союза, существовали и другіе частные союзы, необходимые при государственной неразвитости, когда правительство, законъ не имѣютъ достаточно силы, чтобы дать каждому защиту, вслѣдствіе чего слабый стремится пріютить себя подъ защиту ближайшаго сильнаго: таково происхожденіе нашихъ старинныхъ *закладниковъ*, *сосѣдей*, *подсосѣдниковъ* и *захребетниковъ*. Все это начало тѣхъ самыхъ отношеній, которыя на Западѣ развились въ феодализмъ; у насъ же не развились именно потому, что у насъ сильные не были достаточно сильны для содѣланія себя центрами большихъ частныхъ союзовъ; что эта сила сильныхъ ослаблялась постоянно присутствіемъ и непосредственнымъ вліяніемъ централизующей силы, начавшей развиваться очень рано.

Дружинники были бѣдны своими вотчинами; самыми богатыми землевладѣльцами должны были быть князья, вступившіе въ службу къ государямъ Московскимъ; но они вступили въ московскую службу не какъ владѣльцы своихъ прежнихъ княжествъ, своихъ прежнихъ городовъ, отъ которыхъ удержали только одно прозваніе; ихъ города, ихъ княжества отошли къ Московскому государю; у нихъ оставалась только частная княжеская собственность; но эта собственность дробилась и умалялась, вслѣдствіе сильнаго распложенія членовъ княжескихъ родовъ, вслѣдствіе отсутствія майората и вслѣдствіе обычая давать вотчинныя земли монастырямъ на поминъ души.

Но дружинники составляли войско. Въ старину на юго-западѣ дружинники говорили князю при началѣ предпріятія: «Ты это, князь, самъ по себѣ задумалъ, мы объ этомъ не знали; такъ не идемъ за тобою». Князь, покинутый дружиною, лишался средствъ дѣйствовать и поддерживать свое значеніе. На сѣверо-востокѣ централизующая сила скоро нашла возможность освободиться изъ-подъ вліянія старой дружины, и это возможность, разумѣется, нанесла окончательный ударъ старымъ дружиннымъ княжескимъ и боярскимъ притязаніямъ. Централизующая сила имѣла возможность создать большое войско, вполнѣ отъ нея зависящее. Эту возможность доставило огромное количество земель, находившихся въ полномъ распоряженіи централизующей власти, и вотъ явилась *помѣстная система*, имѣвшая такое могущественное вліяніе на судьбы Московскаго государства. Дружинники были бѣдны, не могли выдѣлять изъ своихъ вотчинъ участковъ другимъ съ условіемъ подручническихъ, вассальныхъ обязанностей; одинъ только Московскій государь былъ такъ богатъ землею, что могъ выдѣлять изъ нея многочисленные участки желавшимъ служить у него, съ полною и непосредственною зависимостью отъ него. Охотниковъ нашлось много. Іоаннъ III, приведши Новгородъ въ свою волю, сказалъ его жителямъ: «Великій Новгородъ долженъ намъ дать волости и села, безъ того намъ нельзя держать государства своего въ Великомъ Новгородѣ», и взялъ волости владычни и монастырскія; эти земли были розданы дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья: Іоаннъ показалъ, что значило, по его выраженію, держать государство. Іоаннъ не былъ брезгливъ въ выборѣ тѣхъ людей, посредствомъ которыхъ хотѣлъ держать государство: онъ велѣлъ распустить изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилыхъ людей, *послужильцевъ*, и дать имъ помѣстья. Такимъ образомъ у князей и бояръ отнималось средство быть самостоятельными чрезъ своихъ послужильцевъ; великій князь переводилъ, посредствомъ раздачи помѣстій, этихъ послужильцевъ въ непосредственную зависимость отъ себя, дѣлалъ ихъ своими послужильцами. Польскіе вельможи, пріобрѣтшіе самостоятельность и силу именно черезъ земельное богатство, черезъ возможность сосредоточивать около себя большое количество послужильцевъ,—польскіе вельможи ясно понимали различіе положенія своего отъ положенія вельможъ московскихъ, и однимъ изъ препятствій къ избранію Московскаго царя въ короли Польскіе представляли то, что царь богатъ, и потому будетъ имѣть возможность отвлечь отъ нихъ всю бѣдную шляхту и превратить ее въ своихъ послужильцевъ.

Вопросъ о землѣ, о владѣніи ею сдѣлался господствующимъ вопросомъ въ Московскомъ государствѣ, начиная съ половины XV вѣка, начиная именно съ образованія государства. Послѣ хаотической эпохи движеній, переходовъ, когда «*недвижимое*, земля—была далеко не на первомъ планѣ, наступила эпоха осѣдлости, и земля получаетъ важное значеніе, цѣна ея начинаетъ сильно чувствоваться. Вспомни, любезный другъ, какой вопросъ могущественно занимаетъ русское общество съ половины XV вѣка до конца XVI вѣка, къ какимъ вопросомъ встрѣчнешься ты постоянно при всѣхъ важныхъ спорахъ, при всѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ сказывалась умственная жизнь русскихъ людей, при всѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ принимали участіе самыя живыя, самыя выпуклыя личности: это вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть монастырямъ селами. Неужели одинъ чистый вопросъ монастырской дисциплины и нравственности могъ такъ сильно волновать общество? Дѣло въ томъ, что теперь и централизующая сила, и люди, желающіе воспрепятствовать централизаціи, понимаютъ силу землевладѣнія. За землю начинается споръ. Съ одной стороны, Московскіе государи видятъ, какое могущественное средство доставляетъ возможность распоряжаться большимъ количествомъ земли, пріобрѣтать черезъ нее непосредственныхъ послу-

жильцевъ. Но количество земель, которыми могло располагать правительство, могло уменьшиться; государство владѣло и пріобрѣтало все болѣе и болѣе земель на югѣ, юго-и сѣверо-востокѣ; но эти громадныя пространства были ненаселены, тагда какъ для испомѣщенія послужильцевъ необходимы были земли, ближайшія къ государственному центру, способныя имѣть населеніе, ибо только эта способность давала помѣщику средства нести службу; но такими именно землями были архіерейскія и монастырскія вотчины, расположенныя въ старыхъ областяхъ, а не въ степной украйнѣ и не въ безлюдныхъ пустыняхъ вятскихъ и пермскихъ. И монастырскія вотчины продолжали увеличиваться подобными же землями, вслѣдствіе отказа по душѣ старинныхъ вотчинъ землевладѣльцами разнаго званія. Такимъ образомъ, правительству чрезвычайно выгодно было бы имѣть въ своихъ рукахъ монастырскія земли для цѣли испомѣщенія служилыхъ людей, и потому не могло оно равнодушно смотрѣть на то, что служилые люди, черезъ отказъ вотчинъ въ монастыри, все болѣе и болѣе оскудѣвали наслѣдственными землями, слѣдовательно все болѣе и болѣе нуждались въ помѣстьяхъ; и эти требованія переходили наконецъ уже границу выгодъ, происходившихъ для правительства отъ нужды служилыхъ людей въ помѣстьяхъ: ибо вотчина не очень крупная не могла быть опасна, а служила только подспорьемъ для помѣстья, и ея исчезновеніе изъ рукъ человѣка было только вредно для правительства.

Съ другой стороны, самые видные представители вельможныхъ родовъ, яснѣе другихъ понимавшіе въ чемъ дѣло; князь Патрикѣевъ съ товарищи также вооружились противъ права монастырей владѣть селами, ибо хорошо видѣли, какой ущербъ проистекаетъ для знатныхъ родовъ отъ обычая отказывать вотчины монастырскія и отъ права монастырей покупать вотчины, причемъ монастыри, не дѣлившіе своихъ имѣній и постоянно богатѣвшіе, разумѣется, имѣли важное преимущество передъ бѣднѣйшими, вслѣдствіе раздѣленія имѣній, свѣтскими вотчинниками. Такимъ образомъ, противъ монастырскихъ вотчинъ былъ интересъ централизующаго начала вмѣстѣ съ интересомъ людей, вовсе не сочувствовавшихъ централизаціи. Іоаннъ III прямо вооружился противъ монастырскихъ вотчинъ, но счелъ за нужное уступить сильному сопротивленію, встрѣченному въ духовенствѣ. При сынѣ Іоанна Ш, Василіи, вопросъ былъ поднятъ съ новою силою княземъ Патрикѣевымъ (Вассіаномъ Косымъ) и Максимомъ Грекомъ, но не получилъ окончательной поддержки отъ великаго князя, вслѣдствіе вражды, которую сталъ питать Василій къ Патрикѣеву и Максиму по дѣлу о разводѣ. Іоаннъ IV, вслѣдствіе ожесточенной вражды своей къ вельможамъ и вслѣдствіе безпрерывныхъ и тяжелыхъ войнъ, имъ веденныхъ во все царствованіе, рѣшительно выдвинулъ на первый планъ землевладѣльческій интересъ служилыхъ людей, войсковой массы. Отбирая вотчины у богатыхъ князей, объявляя себя наслѣдникомъ вотчинъ послѣ бездѣтныхъ князей, съ исключеніемъ дочерей, сестеръ и родственниковъ, Іоаннъ въ то же время вооружился и противъ увеличенія монастырскихъ вотчинъ въ ущербъ служилымъ людямъ: въ 1551 году запрещено было архіереямъ и монастырямъ покупать вотчины безъ царскаго позволенія; въ 1573 запрещено давать вотчины по душѣ въ большіе монастыри, велѣно отдавать ихъ роду и племени служилыхъ людей, чтобы въ службѣ убытку не было, и земля изъ службы не выходила бы; позволено было давать вотчины только монастырямъ малымъ съ позволенія государства; въ 1580 году запрещено было вовсе отказывать вотчины по душамъ въ монастыри, велѣно брать ихъ наслѣдникамъ, хотя бы кто и далеко былъ въ роду. Наконецъ, при сынѣ Грознаго, вслѣдствіе того, что какъ указано выше, былъ выдвинутъ интересъ служилыхъ людей на первый планъ, послѣдовало прикрѣпленіе сельскаго народонаселенія, опять по поводу столкновенія этого интереса съ интересами Церкви по вотчинамъ: «Земли митрополичьи, архіерейскія, владычни и монастырскія въ тарханахъ, никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедши изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, и отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пришла», говорилось на Соборѣ 20 іюля 1584 года.

Но въ то время, какъ помѣстье—это могущественное средство централизаціи въ Московскомъ государствѣ—сыграло такую важную роль наверху и внизу, въ судьбахъ старшихъ членовъ дружины—съ одной стороны и въ судьбахъ сельскаго народонаселенія—съ другой, въ то же время оно сыграло не менѣе важную роль и въ судьбахъ городовъ, ибо уничтожило необходимость въ городовомъ войскѣ или необходимость обращаться къ городамъ за деньгами для содержанія наемнаго войска. Въ древней Руси князь имѣлъ нужду, во-первыхъ, въ дружинѣ, съ которою могъ пріобрѣсть серебро и золото, и которая уходила, если съ нею не спрашивались; но дружина не была многочисленна: для большихъ походовъ противъ внѣшняго врага или противъ родича-соперника князь нуждался въ городовомъ ополченіи; извѣстно, напримѣръ, какую помощь оказывалъ любимымъ князьямъ *сильный полкъ* кіевскій. Главнымъ содержаніемъ обращеній князя къ городовому вѣчу былъ призывъ къ походу, на что, по разнымъ обстоятельствамъ и отношаніямъ, слѣдовало согласіе или несогласіе. На сѣверѣ же возможность создать войсковую массу посредствомъ помѣстья уничтожила необходимость въ городовыхъ полкахъ. Въ началѣ княженія Іоанна

III мы встрѣчаемъ послѣднее извѣстіе о походѣ московской городовой рати, съ особеннымъ воеводою, ибо званіе тысяцкаго, постояннаго воеводы городовыхъ полковъ, было еще прежде уничтожено прадѣдомъ Іоанна III. Возможность имѣть свое войско посредствомъ помѣстья уничтожила необходимость въ наемномъ войскѣ. Такимъ образомъ, въ Московскомъ государствѣ, въ XV вѣкѣ, мы видимъ то же явленіе, тѣ же отношенія по землевладѣнію между государемъ и служилыми людьми, какія видимъ въ западныхъ европейскихъ государствахъ въ первомъ вѣкѣ ихъ существованія, то есть отношенія бенефиціяльныя, или помѣстныя. Но разница въ этомъ, что на Западѣ отношенія по землевладѣнію выдвигаются на первый планъ при самомъ образованіи государствъ; послѣ того, въ силу столкновенія разныхъ началъ въ новорожденномъ государствѣ, отношенія по землевладѣнію проходятъ разныя фазы и содѣйствуютъ образованію разныхъ новыхъ отношеній, пока государство, выходя изъ среднихъ вѣковъ, окончательно складывается. Но у насъ первые вѣка послѣ рожденія государства проходятъ въ броженіи и передвижкѣ князей и дружинъ ихъ, причемъ отношенія по землевладѣнію на первый планъ не выдвигаются, получаютъ они важное значеніе только тогда, когда передвижка прекращается. Московское государство слагается окончательно съ громаднымъ перевѣсомъ централизующей силы, которая теперь имѣетъ возможность всѣ отношенія употребить въ свою пользу. «У васъ войска чужія, наемныя», говорятъ московскіе послы посламъ западныхъ сосѣднихъ государствъ, «а у нашего государства свои безчисленныя рати». Печальный опытъ показалъ, что эта безчисленность не помогала: малочисленные, но искусные отряды западныхъ наемниковъ разбивали московскіе полки почти при каждой встрѣчѣ. Видя это, начали принимать въ службу иноземцевъ, но старались и ихъ ввести въ помѣстныя отношенія...

1858 г.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

I.

У нашего героя древнее и знаменитое происхожденіе... Восточный вопросъ появился въ исторіи съ тѣхъ поръ, какъ европейскій человѣкъ сознаъ различіе между Европою и Азіею, между европейскимъ и азіатскимъ духомъ. Восточный вопросъ составляетъ сущность исторіи древней Греціи; всѣ эти имена, знакомыя намъ съ малолѣтства, имена Мильтіадовъ, Ѳемистокловъ, близки, родственны намъ потому, что это имена людей, потрудившихся при рѣшеніи Восточнаго вопроса, потрудившихся въ борьбѣ между Европою и Азіею. Ожесточенная борьба проходитъ чрезъ всю Европейскую исторію, проходитъ съ перемѣннымъ счастіемъ для борющихся сторонъ; то Европа, то Азія беретъ верхъ: то полчища Ксеркса наводняютъ Грецію; то Александръ Македонскій съ своею фалангою и Гомеровою Иліадой является на берегахъ Евфрата; то Аннибалъ около Рима; то римскіе орлы въ Карѳагенѣ и въ его метрополіи; то гунны на поляхъ Шалонскихъ и аравитяне подлѣ Тура; то крестоносная Европа въ Палестинѣ; то татарскій баскакъ разъѣзжаетъ по русскимъ городамъ, требуя дани, и Крымскій ханъ жжетъ Москву; то русскія знамена въ Казани, Астрахани и Ташкентѣ; то турки снимаютъ Крестъ съ Св. Софіи и раскидываютъ дикій станъ среди памятниковъ древней Греціи; то турецкіе корабли горятъ при Чесмѣ, при Наваринѣ, и русское войско стоитъ въ Адріанополѣ. Все одна великая борьба:—все одинъ Восточный вопросъ.

Но, разумѣется, Восточный вопросъ имѣетъ наибольшее значеніе для тѣхъ европейскихъ странъ, которыя граничатъ съ Азіею, которыхъ борьба съ нею составляетъ существенное содержаніе исторіи: таково значеніе Восточнаго вопроса въ исторіи Греціи; таково его значеніе въ исторіи Россіи вслѣдствіе географическаго положенія обѣихъ странъ. Слишкомъ шесть вѣковъ съ начала основанія Русскаго государства протекло для него въ постоянной и тяжелой борьбѣ съ азіатскими варварами. Благодаря этой борьбѣ, русская историческая жизнь отлила отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, изъ степной Украйны, наиболѣе подверженной опустошительнымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ, въ лѣсную сторону, болѣе безопасную отъ нихъ, и тутъ-то сложилось государство, которое къ концу XVI вѣка выказало явное торжество Европы надъ Азіею. Досугъ, полученный вслѣдствіе торжества Европы надъ Азіею, далъ возможность нашему народу обратиться къ Западу за полученіемъ своей доли въ наслѣдствѣ грекоримской цивилизаціи, подѣленной западно-европейскими народами. XVI вѣкъ въ нашей исторіи представляетъ поворотъ отъ востока къ западу, отъ степи къ морю. Степь и море—двѣ формы, равно противоположныя въ своихъ вліяніяхъ на исторію: какъ благодѣтельно вліяніе моря, которое соединяетъ народы, возбуждаетъ ихъ силы, постоянно служитъ проводникомъ цивилизаціи,—такъ вредно вліяніе степи, которая разобщаетъ народы и безпрестанно извергаетъ изъ себя хищныя орды, эти бичи божіи, умѣющіе только разрушать, а не созидать. Подъ этимъ-то тлетворнымъ вліяніемъ степи прожила Россія свою древнюю исторію, въ тяжкомъ трудѣ созиданія государства, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отбиваясь и отбивая Европу отъ исчадій степи; подъ этимъ-то тлетворнымъ вліяніемъ степи жила Россія въ то время, когда западная Европа жила подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ моря и достигла такого широкаго развитія своихъ силъ. Легко понять, почему Россія, совершивши великій подвигъ на востокѣ, освободивши себя и Европу отъ вліянія степи, стала стремиться къ западу, за живою водою моря. Но тутъ роковое столкновеніе: въ то самое время, какъ Россія, торжествуя на востокѣ, обращается на западъ для собранія своей Земли и для достиженія моря, другое славянское государство—Польское—стремится къ ней навстрѣчу съ запада на востокъ и сталкивается съ нею въ самыхъ существенныхъ ея интересахъ, именно—въ собраніи Русской Земли и въ движеніи къ морю. Польша, самое сильное изъ западныхъ славянскихъ государствъ, не умѣла исполнить своей обязанности въ отношеніи къ западнымъ славянамъ, которыхъ должна была быть естественной опорой. Польша не сдержала натиска нѣмцевъ, дала имъ онѣмечить Силезію, Померанію; не умѣла сдержать пруссовъ, для борьбы съ ними призвала также нѣмцевъ, которые, онѣмечивъ Пруссію, сдѣлались опасными сосѣдями для самой Польши. Но если Польша теряла на западѣ, уступая передъ нѣмцами, то за эти потери она спѣшила вознаградить себя на востокѣ: она захватила Галичъ, устроила бракъ владѣльца другихъ западныхъ русскихъ областей, Литовскаго великаго князя

Ягайлы съ своею королевною Ядвигою, имѣя въ виду соединеніе Литвы съ Польшею; настойчиво стремилась къ этому соединенію,—достигла его и начала, подъ знаменемъ католицизма, усиливать польскій элементъ въ русскихъ областяхъ. Но въ это же время, какъ уже сказано, Россія, торжествуя на востокѣ и сильная внутреннею крѣпкою верховною властью, поворачивала съ востока на западъ и столкнулась съ Польшею, стремившеюся на востокъ и захватывавшею русскія области. «Всѣ эти области искони наши отчины!» объявили московскіе собиратели Русской Земли, и начался кровавый разсчетъ за Смоленскъ и Кіевъ,—смертельная борьба, во время которой то польскія знамена развѣвались на кремлевскихъ стѣнахъ, то русскія въ Вильнѣ. Кромѣ захвата русскихъ земель, Польша пошла наперекоръ и стремленію Россіи къ морю: благодаря талантамъ Баторія, она выхватила Ливонію изъ-подъ рукъ у Ивана IV и слишкомъ на столѣтіе оттолкнула Россію отъ моря; но добыча не пошла въ-прокъ Польшѣ: скоро она должна была уступить ее Швеціи. Къ концу XVII вѣка исходъ борьбы обозначился ясно: у Польши, вслѣдствіе внутренней болѣзни и внѣшнихъ ударовъ, уже начиналась агонія, а Россія усиливалась все болѣе и болѣе. Но въ то время, когда Польскій вопросъ, вслѣдствіе ослабленія Польши, терялъ свое прежнее значеніе для Россіи, вопросъ Восточный принималъ новую постановку.

Мы видѣли, что на великой восточной равнинѣ въ XV и XVI вѣкахъ Европа торжествовала въ лицѣ Россіи надъ Азіей; здѣсь Азія должна была преклониться передъ молодыми и крѣпкими государствами европейскими; на противоположномъ концѣ, на юго-западѣ, на Пиренейскомъ полуостровѣ, Азія также должна была уступить передъ молодымъ и крѣпкимъ европейскимъ государствомъ; но на юго-востокѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, у Европы было слабое мѣсто,—одряхлѣвшая имперія Византійская. Азія, въ лицѣ турокъ, подстерегла это слабое мѣсто, овладѣла Константинополемъ, утвердилась на полуостровѣ и стала грозить сосѣдямъ—Италіи, австрійскимъ владѣніямъ, Польшѣ, отчасти, посредственно, и Россіи. Наиболѣе угрожаемыя турками державы бьютъ тревогу въ цѣлой Европѣ; но Европа этого времени, занятая своими сильными движеніями и борьбами, не могла отозваться общимъ дружнымъ движеніемъ на востокъ, крестовымъ походомъ,—и турки пользуются благопріятными обстоятельствами, пользуются усобицами европейскими. Азіи не въ первой разъ приходилось пользоваться ими: и въ борьбѣ древней Греціи съ Персіею темнымъ пятномъ лежитъ безславный, измѣнническій Анталкидовъ миръ, когда Спарта отдала персамъ греческія малоазіатскія колоніи; и въ новой исторіи Восточнаго вопроса не обошлось безъ подобныхъ же явленій. Франція, чтобы имѣть помощь въ борьбѣ съ Габсбургами, заключаетъ союзъ съ султаномъ и остается вѣрна этому союзу, который, конечно, нельзя назвать священнымъ: за то антихристіанскіе писатели и прославляютъ подвигъ Франціи, которая, по ихъ словамъ, первая вышла изъ узкаго круга христіанскихъ отношеній и оказала услугу Европѣ, введя въ ея политическую систему такой благодѣтельный для европейской цивилизаціи народъ, какъ турки.

Въ западномъ углу Европы, у христіаннѣйшихъ королей, у рыцарскаго народа—сочувствіе къ храбрымъ оттоманамъ! Габсбурги, видя это сочувствіе и видя турецкія границы въ недальнемъ разстояніи отъ Вѣны, обращаются на сѣверо-востокъ, шлютъ въ Москву посольство за посольствомъ съ представленіями, что Россія имѣетъ обязанность бороться съ турками для защиты своихъ единовѣрцевъ и для полученія наслѣдства, оставленнаго ей Византіею. Въ Москвѣ очень хорошо знаютъ обязанности Россіи; но, посылая дорогіе мѣха въ помощь Габсбургамъ противъ турокъ, указываютъ на Польшу, которая лежитъ поперекъ дороги и отнимаетъ у Россіи всякую возможность движенія. Но наступила вторая половина XVII вѣка; тѣло, лежавшее поперегъ дороги, начало разлагаться. Украйна двинулась къ своему родному и живому; Россія непосредственно столкнулась съ Турціею, и слѣдствіемъ того было, что она вступаетъ въ союзъ съ Австріею, Венеціею и Польшею противъ Турціи; этотъ союзъ, ознаменованный важнымъ успѣхомъ и со стороны русскихъ, и со стороны австрійцевъ, и со стороны венеціанъ, подорвалъ могущество Турціи, которая съ начала XVIII вѣка уже является больнымъ человѣкомъ. Это, разумѣется, должно было дать новую постановку Восточному вопросу, тѣмъ болѣе что подлѣ больнаго человѣка явился человѣкъ здоровый.

Переворотъ, происшедшій въ восточной Европѣ въ первой четверти XVIII вѣка, отозвался немедленно въ Европѣ тѣмъ, что политическія отношенія ея должны были измѣниться, осложниться, вслѣдствіе появленія новаго сильнаго государства. Для Европы сила Россіи, разумѣется, должна была высказываться не только въ обиліи ея внутреннихъ средствъ, но и въ ея положеніи, чрезвычайно выгодномъ въ политическомъ отношеніи: на югѣ смертельно-больная Турція, на западѣ—смертельно-больная Польша; на сѣверо-западѣ—истощенная, принужденная отказаться отъ прежняго важнаго значенія Швеція; здоровый, сильный человѣкъ, окруженный больными, разслабленными. Отсюда особенная чувствительность державъ къ Восточному и Польскому вопросу, отсюда соединеніе этихъ вопросовъ, ибо Россія, за исключеніемъ немногихъ чрезвычайныхъ положеній, постоянно относится къ Европѣ посредствомъ Восточнаго и Польскаго вопросовъ. Поддерживать больныхъ людей противъ здороваго и пытаться, нельзя ли поразить здороваго человѣка какою-нибудь болѣзнію—становится цѣлію политики западныхъ державъ, преимущественно Франціи. Тотчасъ же послѣ Полтавской побѣды, съ которой начинается новое значеніе Россіи для Европы, Франція уже поднимаетъ Турцію

противъ Россіи и соединяетъ вопросъ Восточный съ Польскимъ, внушаетъ турецкому правительству, что для него не такъ важно возвращеніе Азова отъ Россіи, какъ то, чтобъ царь отнюдь не вмѣшивался въ дѣла Польши.

Но если западныя державы такъ поставили Восточный вопросъ, если онѣ рѣшились прекратить извѣчную борьбу съ Азіей и поддерживать господство послѣдней на европейской почвѣ, то какъ должна была Россія поставить для себя Восточный вопросъ? Россія не менѣе другихъ европейскихъ державъ имѣла побужденія поддерживать Турецкую имперію. Въ 1802 году одинъ изъ русскихъ государственныхъ людей, хорошо знавшій Турцію, на вопросъ—какъ принимать внушенія Наполеона о близкомъ распаденіи Турецкой имперіи,—отвѣчалъ: «Или дѣлить Турцію съ Австріею и Франціею, или отвратить столь вредное положеніе вещей. Послѣднее предпочтительно, ибо Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи и нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ, и сохраненіе естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Но это только одна сторона дѣла, потому что, кромѣ интереса охраненія Турецкой имперіи, Россія имѣла еще священную обязанность охранять европейскій элементъ народонаселенія этой имперіи отъ гнета азіатскаго элемента. Всѣ европейскія державы, волею-неволею, признавали общую обязанность; но для Россіи здѣсь была еще обязанность особенная—по единовѣрію и единоплеменности; Россія не могла не исполнять этой обязанности, не отказавшись отъ своихъ преданій, отъ своей исторіи, отъ самой себя. Эта-то особенная обязанность, это-то необходимое вліяніе, при условіи котораго только Россія могла, вмѣстѣ съ другими державами, поддерживать турокъ въ Европѣ, представила новое затрудненіе, возбуждая постоянную ревность другихъ державъ, постоянныя опасенія, чтобъ Россія не перешла границъ необходимо уступленнаго ей вліянія. Въ этомъ трудномъ и натянутомъ положеніи, враждебные для спокойствія Европы замыслы легко находили готовую для себя пищу, какъ ясно оказалось въ послѣдней Восточной войнѣ, которую союзники кончили своего рода Анталкидовымъ миромъ. Къ Турціи и Польшѣ не переставали обращаться люди, считавшіе своею обязанностію возбуждать вражду къ Россіи. Когда Франція, сближенная съ Россіею, политикой реставраціи, оттолкнулась отъ нея революціонною политикой 1830 года, то сейчасъ же пошли составляться программы враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Въ 1831 г. Тьеръ сказалъ въ палатѣ, что существованіе Польши невозможно между Россіею, Австріею и Пруссіею. Ему возразили въ журналѣ [1]: «Есть Польша, возможная между Россіею, Пруссіею и Австріею; ея границы—Двина и Днѣпръ со стороны Россіи; она должна владѣть берегами Балтійскаго моря отъ устьевъ Двины до устьевъ Вислы. Независимая и сильная Польша необходима для континентальной Европы. Россія въ своемъ положеніи имѣетъ громадныя выгоды передъ всѣми континентальными державами: чего ей стоитъ порисковать 80 или 100 тысячами людей на дорогахъ Швейцаріи, Италіи или Рейна? Истребятъ ея армію; но въ ея предѣлы не войдутъ. Два-три года послѣ пораженія она будетъ въ состояніи начать снова: она вознаградитъ свои потери, лишь только позабудутъ ее на нѣкоторое время въ ея холодныхъ пустыняхъ. Ее можно побороть только революціями, когда ее раздробятъ». Незадолго передъ тѣмъ генералъ Ламаркъ начерталъ передъ палатою планъ Восточной кампаніи противъ Россіи: «Какъ возстановить Польшу? Пойдемъ ли мы одни противъ сѣвернаго колосса? Если бы Англія и Франція, которыя имѣютъ общій интересъ въ этомъ великомъ спорѣ, захотѣли прямо вмѣшаться и выслали нѣсколько линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ, нѣсколько транспортовъ, которые бы вошли въ Черное море, уничтожили Севастополь и его эскадру, Одессу и ея магазины!»

Несмотря на все желаніе поддержать больнаго человѣка, болѣзнь очевидно смертельная; агонія можетъ быть продолжительная, но все же это агонія. Волею-неволею надобно будетъ когда-нибудь распорядиться наслѣдствомъ послѣ умершаго. И здѣсь у насъ есть свои преданія: «Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи. Это было принято ею за правило относительно Восточнаго вопроса еще во второй половинѣ прошлаго вѣка. Принявши такое правило, Россія сочла необходимымъ, при очевидномъ разложеніи Турецкой имперіи, содѣйствовать образованію изъ нея независимыхъ христіанскихъ государствъ, начиная съ ближайшихъ Дунайскихъ земель (Дакійскаго государства). Такова была мысль Екатерины II въ первую Турецкую войну при ней,—мысль, не приведенная въ исполненіе вслѣдствіе сопротивленія Австріи и Пруссіи; такова была мысль и знаменитаго Греческаго проекта: опять образованіе самостоятельнаго Дакійскаго государства, и въ случаѣ, еслибы больной челивѣкъ скончался, то возстановленіе Греческой имперіи безъ всякой возможности соединенія въ Россійскою [1]).

Великія начала, вѣрнѣйшія средства при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, рано или поздно, волею или неволею, должны быть признаны. Въ 1839 г., по поводу Восточнаго вопроса, Гизо говорилъ въ палатѣ: «Историческая и національная политика Франціи—поддержаніе европейскаго равновѣсія чрезъ поддержаніе Оттоманской имперіи—возможна ли? Вопросъ зависитъ отъ двухъ вещей: отъ состоянія самой Оттоманской имперіи и отъ состоянія великихъ европейскихъ державъ. Что касается Оттоманской имперіи, то ея паденіе очевидно. Но посмо-

[1]) National, 22 сентября 1831.

[1]) См. подробности въ книгѣ автора: «Исторія паденія Польши». Греческій проектъ грѣшитъ одною своею стороною—австрійскою, ибо Австрія за союзъ требовала себѣ добычи.

тримъ, какъ совершается это паденіе? Турецкая имперія много потеряла; она потеряла провинціи, изъ которыхъ можно составить хорошія государства; но какъ она ихъ потеряла? Какъ она почти потеряла Дунайскія провинціи, совершенно потеряла Грецію, наполовину потеряла Египетъ? Вѣдь это камни, которые естественно отпали отъ ветхаго зданія. Думаете ли вы, господа, что безъ этой перспективы, безъ надежды, что изъ всѣхъ этихъ обломковъ Оттоманской имперіи образуются новыя государства, мы бы стали принимать такое живое участіе въ событіяхъ на Востокѣ, въ судьбахъ Греціи?.. Поддерживать Оттоманскую имперію для поддержанія европейскаго равновѣсія; но когда, силою обстоятельствъ, вслѣдствіе естественнаго теченія событій, какая нибудь провинція отдѣлилась отъ падающей имперіи, благопріятствовать образованію изъ этой провинціи новаго независимаго государства: вотъ политика, которая пригодна для Франціи». Но историкъ забылъ, что эту политику указала западной Европѣ Россія еще въ прошломъ столѣтіи.

Итакъ у Россіи, по отношенію къ Восточному вопросу, есть своя историческая, національная политика, которой она должна остаться вѣрною. Богъ благословилъ ее тѣмъ, что при исполненіи этихъ обязанностей ее не можетъ смутить нечистая мысль, корыстное побужденіе; Россія не можетъ желать распространенія своей государственной области, и безъ того громадной. При такомъ благословеніи, можетъ ли Россія въ отношеніи къ восточнымъ славянамъ вести себя такъ, какъ Польша вела себя въ отношеніи къ западнымъ? Пусть живутъ свободно и независимо родные по вѣрѣ и крови народы; пусть умножаютъ запасъ новыхъ дѣятелей на поприщѣ европейской цивилизаціи, которое требуетъ именно дѣятелей самостоятельныхъ, своеобразныхъ. Старые дѣятели этой цивилизаціи, съ недовѣрчивостью, свойственною ихъ возрасту, смотрятъ на новыхъ дѣятелей; ихъ напуганному воображенію представляются всѣ властолюбивые замыслы, кака-то опасность, грозящая ихъ цивилизаціи,—и вотъ, для спасенія этой цивилизаціи, они поддерживаютъ владычество турокъ, и, чтобъ уменьшить число нашихъ родныхъ, стараются перевести турецкихъ христіанъ изъ константинопольскаго лазарета въ римскій, отъ султана къ папѣ. Предоставимъ времени успокоить ихъ; не станемъ убѣждать людей, которые то вѣрятъ, что великороссійское племя—финскаго происхожденія, то вѣрятъ въ подлинность завѣщанія Петра Великаго. Наше дѣло уяснить собственное наше сознаніе, очищать собственныя наши чувства. Если же, по господствующему въ нашей жизни началу, мы должны желать добра и врагамъ нашимъ, то желаемъ имъ отъ души, чтобъ они впередъ не старались заключать Анталкидовыхъ мировъ.

1867 г.

II.

Восточный вопросъ 50 лѣтъ назадъ.

Въ 1800 году, въ запискѣ, поданной графомъ Растопчинымъ императору Павлу, говорилось: «Порта, разстроенная во всѣхъ частяхъ, отнимаетъ нерѣшимостію и послѣднія силы своего правленія. Всѣ мѣры, ею нынѣ предпринимаемыя, ни что иное, какъ лѣкарство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотятъ объявить объ его опасности». Вслѣдствіе такого приговора, Растопчинъ предлагалъ раздѣлъ Турціи: «Я предлагаю», писалъ онъ: «раздѣлъ Турціи, согласясь съ Пруссіею, Австріею и Франціею. Россія возьметъ Романію, Булгарію и Молдавію; Австрія—Боснію, Сербію и Валахію; Пруссіи, взамѣнъ и въ удовлетвореніе, отдать все курфиршество ганноверское и епископство падерборнское и минстерское; Франціи—Египетъ. Грецію со всѣми островами архипелагскими учредить, по примѣру венеціанскихъ островов, республикою, подъ защитою четырехъ державъ, дѣлящихъ владѣнія Порты Оттоманской».

Прошелъ годъ съ чѣмъ нибудь; въ 1802 году, графъ Кочубей подалъ императору Александру I-му совершенно другое мнѣніе. По поводу слуховъ о покушеніяхъ Бонапарта на Турцію, Кочубей спрашивалъ: «что въ такомъ случаѣ Россія дѣлать должна?»—и отвѣчалъ: «Поведеніе ея не можетъ быть иное, какъ или приступить къ подѣлу Турціи съ Франціею и Австріею, или стараться отвратить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Кочубей совѣтовалъ снестись по этому дѣлу съ Англіею и предостеречь Турцію.

И Растопчинъ, и Кочубей не упоминаютъ въ своихъ запискахъ, что недавно, въ царствованіе Екатерины II-й, Россія имѣла въ виду еще третій планъ: на развалинахъ Турціи, не имѣющей средствъ къ жизни, создавать независимыя христіанскія государства, имѣющія эти средства.

Графъ Кочубей справедливо вооружался противъ плана о раздѣлѣ Турціи замѣчаніемъ, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи. Но напрасно онъ такъ бузусловно принималъ положеніе Монтескье, что для государства нѣтъ ничего выгоднѣе слабыхъ сосѣдей. Исторія показывала ясно, что слабое государство всегда служитъ поводомъ къ столкновенію и борьбѣ между сильными, ибо слабое государство подчиняется вліянію каждаго сильнаго, и ни одно государство не можетъ позволить другому усиливать свое вліяніе надъ слабымъ, брать его въ опеку, дѣлать исключительно своимъ орудіемъ. Графъ Кочубей смѣется надъ выраженіемъ, что турки естественные непріятели

Россіи, требуя. чтобъ сохраненіе этихъ естественныхъ непріятелей стало кореннымъ правиломъ нашей политики. Но надобно осторожно смѣяться надъ словами, которыя передены намъ предками; надобно прежде рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли опустѣли слова, лишившись своего смысла, дѣйствительно ли исчезли отношенія, которыя предки выражали въ этихъ словахъ; дѣйствительно ли, напримѣръ, слабая Порта отказалась отъ старой привычки притѣснять своихъ подданныхъ, и рушилась ли связь между ними и Россіею, связь, которую предки считали основою, сутью отношеній. Слабость не всегда безвредна; въ исторіи часто повторяется сказка о богатырѣ и его любимомъ конѣ: конь давно умеръ, отъ него остались однѣ кости, но въ костяхъ гнѣздится змѣя.

«Нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ и сохраненіе ихъ должно быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Положимъ, что сами турки были покойны; но обязанность охранять ихъ развѣ не влекла къ сильнымъ безпокойствамъ? развѣ война съ Франціею на турецкой почвѣ, война для сохраненія Турціи, была менѣе опасна, чѣмъ война съ самими турками? Слабость Турціи налагала тяжелую обязанность борьбы съ другими государствами, которыя захотѣли бы усилиться на ея счетъ, или усилить въ ней свое вліяніе съ исключеніемъ русскаго вліянія,—борьбы, необходимой въ слабомъ государствѣ, открытомъ для всѣхъ вліяній. Русскій посолъ въ Парижѣ, графъ Морковъ, доносилъ своему Двору, что Бонапартъ наводитъ постоянно разговоръ на близкое распаденіе Оттоманской имперіи, и, 24 декабря 1802 года, канцлеръ Воронцовъ отправилъ Моркову письмо, въ которомъ уполномочивалъ его каждый разъ отвѣчать ясно, что императоръ никакъ не намѣренъ принять участіе ни въ какомъ проектѣ, враждебномъ Турціи. Это заявленіе было нужно для охраненія естественныхъ непріятелей Россіи. Но можно ли было охранять этихъ покойныхъ сосѣдей, когда Порта подпала подъ вліяніе французскаго посла Себастіани, который заставилъ ее нарушить договоры съ Россіею и обнаружить явно враждебныя намѣренія, объявивъ ей, что всякое возобновленіе или продолженіе союза съ врагами Франціи, каковы Англія и Россія, будетъ не только явнымъ нарушеніемъ нейтралитета, но участіемъ Порты въ войнѣ, которую эти державы ведутъ съ Франціею. И вотъ, несмотря на все желаніе охранять Турцію, надобно было съ нею воевать.

Черезъ восемь лѣтъ по окончаніи этой войны, въ 1821 году, вспыхиваетъ греческое возстаніе, и турки, свободные отъ всякихъ политическихъ перестановокъ народныхъ чувствъ и отношеній, продолжая считать себя естественными врагами Россіи, а русскихъ естественными врагами Турціи, непремѣнно хотятъ видѣть въ греческомъ возстаніи дѣло Россіи, противъ нее обращаютъ всю свою злобу, ее оскорбляютъ. Опять должна начаться война съ этими слабыми, покойными сосѣдями. Но въ Европѣ не хотятъ спокойно смотрѣть на эту войну, ибо здѣсь также главнымъ правиломъ политики объявлено охраненіе Турціи, недопущеніе, чтобъ сильная Россія сокрушила Турцію, или усилила надъ нею свое вліяніе, опираясь на единовѣрное и единоплеменное народонаселеніе. Съ этихъ поръ четверть вѣка въ Европѣ готовился антикрестовый походъ на Востокъ, походъ противъ христіанской Россіи и ея единовѣрцевъ въ защиту магометанской Турціи.

3 февраля 1822 года, русскій посолъ въ Вѣнѣ (Татищевъ) получилъ отъ императора Александра многознаменателсный рескриптъ: «Я не хочу войны. Я это доказалъ. Я это доказываю. Но единственное средство предупредить войну состоитъ въ томъ, чтобъ говорить туркамъ отъ имени Европы и говорить языкомъ, ея достойнымъ. Дѣло нейдетъ о томъ, чтобъ сдѣлать Турцію европейскимъ государствомъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ заставать ее занять то же мѣсто, какое она занимала въ политической системѣ до марта мѣсяца прошлаго года. И для этого не нужно церемониться съ турками. Надобно насильно спасать ихъ. Попытки, безпрестанно повторяемыя и постоянно безполезныя, кончатся тѣмъ, что лишатъ союзъ всякаго уваженія. Порта сдѣлается неисправимою, и, конечно, не такую сосѣднюю державу союзные Дворы хотятъ завѣщать Россіи, чтобъ упрочить систему, на которой основано спокойствіе Европы».

Спокойствіе Европы, по мнѣнію императора Александра, основывалось на Священномъ Союзѣ, на рѣшеніи важныхъ европейскихъ дѣлъ, на успокоеніи волненій сообща, на съѣздахъ, конгрессахъ государей и министровъ ихъ, причемъ Россія готова была служить Европѣ, ея спокойствію, всѣми своими средствами, какъ послужила къ освобожденію отъ Наполеона. И неужели, спрашивалъ императоръ Александръ, союзные Дворы захотятъ отнять у Россіи такую благодѣтельную для Европы роль, завѣщавши ей неисправимыхъ сосѣдей, которые не будутъ давать ей покою?

Союзные Дворы именно этого и хотѣли. Во-первыхъ, они никакъ не хотѣли допустить Турцію почувствовать вліяніе Россіи, заставить ее подчиняться требованіямъ послѣдней, дать Россіи сдѣлать что-нибудь для турецкихъ христіанъ и тѣмъ скрѣпить связь между ними и Россіею. Во-вторыхъ, имъ невыносимо тяжко было значеніе Россіи въ этомъ общемъ управленіи европейскими дѣлами, это агамемноновское мѣсто Русскаго императора въ собраніяхъ государей. Они воспользовались средствами Россіи для сверженія матеріяльнаго ига Наполеона; но теперь имъ тяжело казалось важное значеніе Россіи, нравственное вліяніе Русскаго императора.

На конгрессахъ, послѣ Русскаго императора, самымъ виднымъ лицомъ являлся австрійскій канцлеръ Меттернихъ, вліянію котораго приписывался поворотъ Александра отъ либеральной политики къ охранительной. Собственно переворотъ

произошелъ вслѣдствіе революціонныхъ движеній, снова начавшихъ волновать Европу; но Меттернихъ воспользовался этими движеніями, чтобъ дать силу своимъ внушеніямъ и совѣтамъ, и, дѣйствительно, *торжествовалъ* уступки, сдѣланныя Русскимъ императоромъ въ пользу охранительнаго начала. И Александръ, и Меттернихъ поставлены были греческимъ возстаніемъ въ самое затруднительное положеніе. По поводу революціонныхъ движеній въ разныхъ краяхъ Европы было провозглашено: что возстаніе подданныхъ противъ правительства непозволительно; что союзъ правительствъ долженъ вмѣшиваться въ такихъ случаяхъ и уничтожать революціонное движеніе. И, вотъ, греки возстаютъ противъ своего правительства, точно такъ, какъ испанцы и итальянцы возставали противъ своихъ правительствъ; и если союзъ объявилъ себя противъ возстанія, то и теперь долженъ былъ объявить себя противъ грековъ, на сторонѣ султана; по крайней мѣрѣ, для избѣжанія противорѣчія, не долженъ былъ заступаться за бунтовщиковъ. Но, съ другой стороны, возстали христіане для сверженія ига мусульманскихъ поработителей. Если и западная Европа не могла отказаться отъ сочувствія этому явленію, то отказаться отъ сочувствія ему для Россіи, для Русскаго государя значило—вступить въ вопіющее противорѣчіе съ собственною исторіею и съ однимъ изъ самыхъ живыхъ чувствъ народныхъ. Затруднительное положеніе Меттерниха условливалось затруднительнымъ положеніемъ императора Александра: австрійскій канцлеръ долженъ былъ трепетать при мысли, что глава охранительнаго союза имѣетъ могущественныя побужденія измѣнить провозглашеннымъ началамъ союза, тогда какъ подобная измѣна принципу, во мнѣніи Меттерниха, была непосредственно вредна существеннымъ интересамъ Австрійской монархіи. Освобожденіе грековъ должно было повести къ освобожденію и другихъ христіанскихъ подданныхъ Порты, славянъ, что усиливало вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ того, государственные люди Австріи тревожились еще другимъ опасеніемъ: освобожденіе славянъ турецкихъ могло отозваться среди многочисленныхъ славянскихъ подданныхъ самой Австріи.

Меттернихъ твердитъ, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями Италіи, Испаніи, и произведено по общему революціонному плану, чтобъ повредить Священному Союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. Императоръ Александръ не спорилъ противъ этого; но озлобленные греческимъ возстаніемъ турки свирѣпствуютъ противъ христіанъ, оскорбляютъ Россію. Русскій государь предлагаетъ слѣдующую систему дѣйствія: если позволить туркамъ подавить возстаніе, то извѣстно, какъ они воспользуются своимъ торжествомъ, и это опозоритъ союзъ, опозоритъ правительства передъ народами; необходимо слѣдующее: уладить дѣло вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, по общему ихъ соглашенію; Порта не согласится допустить это вмѣшательство; надобно принудить ее къ тому силою—и русское войско будетъ готово привести въ исполненіе приговоръ конгресса по восточнымъ дѣламъ, причемъ Русскій императоръ обязывается не думать о своихъ частныхъ выгодахъ.

Но этого предложенія испугались, какъ дара Данаевъ. Мысль впустить русское войско въ турецкія владѣнія, дать ему возможность занять Константинополь — эта мысль приводила въ трепетъ. Притомъ тутъ противорѣчіе принятой системѣ: въ Италіи войско ходило противъ возмутившихся подданныхъ для возстановленія законнаго правительства, а въ Турціи войско пойдетъ противъ правительства, чтобъ заставить его не очень строго поступать съ возмутившимися подданными.

Въ Вѣнѣ было положено дѣйствовать осторожно, не раздражать Русскаго императора, сдерживать султана, не допускать войны между Россіею и Турціею, тянуть время, а между тѣмъ туркамъ удастся задавить греческое возстаніе. Австрійскій интернунцій въ Константинополѣ дѣйствовалъ по этому очень мягко; но англійскій посланникъ, лордъ Странфордъ, съ островитянскою безцеремонностью выражалъ свое сочувствіе къ Турціи и враждебность къ Россіи, и тѣмъ усиливалъ въ турецкомъ правительствѣ опасныя надежды, что его поступки найдутъ одобреніе и поддержку въ Британскомъ Кабинетѣ. Несмотря однако на видимое различіе въ способѣ дѣйствія представителей Австріи и Англіи при Портѣ, обѣ державы имѣли въ виду одну цѣль: — покончить греческое возстаніе какъ можно скорѣе, но покончить одними турецкими средствами, безъ вмѣшательства Россіи, и въ то время, какъ Меттернихъ умолялъ императора Александра не сходить съ политической почвы, не выдвигать религіознаго интереса, англійскій министръ, лордъ Кесльри, умолялъ его продолжать систему долготерпѣнія, чтобъ дать туркамъ время успокоиться, покинуть свои заблужденія, перестать питать недовѣрчивость: вѣдь турецкія смуты нисколько не нарушаютъ внутренняго спокойствія Россіи,—изъ-за чего же послѣдней въ нихъ вмѣшиваться? Но прежде всего кончилось долготерпѣніе Англіи, какъ скоро она увидѣла, что консервативный принципъ, провозглашаемый Меттернихомъ, становится вреденъ непосредственнымъ ея интересамъ; когда союзники рѣшили на конгрессѣ прекратить революціонное движеніе въ Испаніи и поручили исполненіе этого дѣла Франціи. Англія была страшно раздражена этимъ вмѣшательствомъ Франціи въ испанскія дѣла; кромѣ того, не въ интересахъ Англіи было прекращеніе смутъ въ Испаніи, ей нужно было продолжить испанскую революцію, продолжить слабость правительства испанскаго, чтобъ дать возможность испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ отдѣлиться отъ метрополіи, такъ какъ этого требовали торговые интересы Ан-

гліи. Отсюда перемѣна англійской политики; изъ консервативной она стала либеральною, что и обозначилось въ дѣятельности новаго министра Каннинга, который отличался поддержкою революціонныхъ движеній и ненавистью къ Россіи. Понятно, что перемѣна англійской политики должна была сильно отозваться на ходѣ восточныхъ дѣлъ: въ Лондонѣ было рѣшено принять самое дѣятельное участіе въ освобожденіи грековъ; и такъ какъ Россіи нельзя было исключить изъ этого участія, то, по крайней мѣрѣ, не дать ей здѣсь перваго мѣста, заслонивъ ее своимъ вліяніемъ, показать грекамъ и всей Европѣ, что освобожденіе Эллады есть дѣло Англіи, а не Россіи.

Въ такомъ положеніи находился Восточный вопросъ, когда, съ началомъ второй четверти вѣка, Россія увидѣла на своемъ престолѣ новаго императора. Въ Парижѣ знаменитый итальянецъ блюлъ за интересами Россіи съ горячимъ усердіемъ русскаго патріота: императоръ Николай Павловичъ потребовалъ у Поццо-ди-Борго его мнѣнія относительно главныхъ политическихъ вопросовъ.

Россія, по мнѣнію Поццо, есть такое государство, котораго сила заключается не въ случайныхъ обстоятельствахъ; Россія имѣетъ рѣдкое счастіе содержать въ самой себѣ все, что нужно для выполненія ея плановъ, если только эти планы основаны на сущности ея средствъ. Приступая къ разсмотрѣнію предметовъ, занимавшихъ тогда вниманіе кабинетовъ европейскихъ, Поццо ставитъ прежде всего охраненіе общественнаго порядка противъ революціонныхъ идей и движеній. Въ этомъ отношеніи всѣ правительства имѣютъ одинакія обязанности и одинакіе интересы; одинъ только министръ, управляющій Англійскимъ Кабинетомъ, кажется, хочетъ предоставить себѣ гибельную свободу смотрѣть на революцію съ точки зрѣнія собственныхъ выгодъ; это великое несчастіе и великая опасность; но здѣсь континентъ европейскій отъ него отдѣляется и руководствуется однимъ общимъ интересомъ; здѣсь и мы достаточно тверды для собственнаго охраненія. Въ дѣлѣ Испаніи и ея колоній нечего дѣлать: Русскій Кабинетъ можетъ продолжать изъявлять Мадридскому свое благорасположеніе и давать ему доказательства этого, не компрометируя себя и не принимая обязательствъ, которыя нельзя выполнить. Относительно Португаліи надобно ждать, ибо неизвѣстно, что тутъ замышляютъ Англія и Австрія. Изъ Италіи, государства втораго разряда, обращаются къ Россіи за покровительствомъ: въ ихъ дѣла нужно вмѣшиваться только тогда, когда это совершенно необходимо. Въ такомъ же положеніи находятся государства германскія: неблагоразумно вмѣшиваться въ ихъ ежедневныя дѣла; но политика и слава требуютъ поддерживать убѣжденіе, что ихъ возстановленіе есть главнымъ образомъ дѣло Россіи и что отъ нея они должны ожидать охраненія, когда чье нибудь честолюбіе подвергнетъ ихъ опасности. Данія составляетъ, такъ сказать, часть насъ самихъ; справедливость этого открывается при первомъ взглядѣ на карту: поэтому намъ слѣдуетъ блюсти за ея сохраненіемъ и оберегать ее отъ насилій, откуда бы они ни послѣдовали, особенно отъ насилій Англіи. Морское могущество Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ не можетъ имѣть столкновеній съ Россіею, часто оно можетъ быть ей благопріятно или выгодно: поэтому слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія съ американцами и заставлять ихъ смотрѣть на Петербургскій Дворъ, какъ единственный на континентѣ, съ которымъ имъ выгодно быть въ дружбѣ. Швеція слаба: не для чего ее трогать. Съ Пруссіей нѣтъ причинъ къ раздору, всѣ причины къ союзу. Другое дѣло Австрія, которая тянетъ къ Англіи. Англія стала соперничать и завидовать Россіи, потому что Россія стала главнымъ государствомъ на континентѣ. Отъ соперничества и зависти одинъ шагъ до вражды, когда интересы столкнутся по обстоятельствамъ. Каннингъ ненавидитъ Россію. Диктаторскій тонъ Каннинга понравился англійскому народу; бравируя весь свѣтъ, Каннингъ сталъ популяренъ у себя. Россія представляетъ ему всякія препятствія и онъ будетъ стараться отстранять ихъ, не разбирая средствъ. Сила и природа вещей притягиваютъ Францію къ Россіи. Эта связь между ними служитъ единственнымъ способомъ уединить Англію и отнять у нея возможность составлять континентные союзы. Австрія представляетъ единственное государство, къ которому она могла бы обратиться съ предложеніемъ союза; но пока Франція останется свободною въ своихъ движеніяхъ и въ употребленіи своихъ силъ, — Австрія не посмѣетъ объявить Россіи войну.

Въ началѣ 1826 года пріѣхалъ въ Петербургъ герцогъ Веллингтонъ привѣтствовать новаго императора; Каннингъ надѣялся, что уваженіе, которое питали въ Петербургѣ къ Ватерлоoскому герою, поможетъ послѣднему отклонить императора Николая отъ войны и убѣдить его принять посредничество Англіи какъ въ русско-турецкомъ, такъ и въ греческомъ дѣлѣ. Но Веллингтонъ съ самаго начала увидѣлъ, какъ трудно ему исполнить это порученіе. «Я рѣшился», сказалъ ему императоръ, «идти по стопамъ моего брата. Императоръ Александръ, передъ смертью, принялъ формальное рѣшеніе войною получить удовлетвореніе, котораго онъ не могъ достигнуть путемъ дипломатическимъ. Россія еще не ведетъ войны съ Портою, но дружественныя сношенія прерваны между обѣими странами, и я не сдѣлаю ни шага назадъ, когда дѣло будетъ идти о чести моей короны». Императоръ отклонилъ рѣшительно всякое вмѣшательство посторонней державы въ распрѣ между Россіею и Турціею, въ то, что онъ считалъ чисто русскимъ вопросомъ. Веллингтонъ, котораго задача состояла въ томъ, чтобы удержать императора отъ войны, началъ представлять, что поводы къ войнѣ, выставляемые съ русской стороны, не имѣютъ достаточной важности; но курьеръ уже везъ въ Кон-

стантинополь русскій ультиматумъ, состоявшій изъ трехъ пунктовъ: 1) полное возстановленіе того положенія, въ какомъ находились Дунайскія княжества до 1821 года; 2) немедленное освобожденіе сербскихъ уполномоченныхъ и точное исполненіе Бухарестскаго договора относительно выгодъ, полученныхъ Сербіею, и 3) высылка уполномоченныхъ на границу для окончанія прерванныхъ переговоровъ относительно собственно русскихъ дѣлъ. Ультиматумъ оканчивался угрозою, что если черезъ шесть недѣль требуемыя статьи не будутъ выполнены, то русское посольство оставитъ Константинополь.

Грозный ультиматумъ упалъ какъ съ неба на Порту. Занятая исключительно Греческимъ вопросомъ, раздраженная перемѣною англійской политики и оскорбительными выходками англійскаго посла, Стратфорда Каннинга, Порта выпустила изъ виду Россію, тѣмъ болѣе что извѣстіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ императора Николая, подавало ей надежду на внутреннія волненія въ Россіи, которыя не дадутъ ея государю возможности думать о внѣшней войнѣ: и вдругъ громовой ударъ разразился съ той стороны, съ какой его вовсе не ожидали. Первый добрый пріятельскій совѣтъ смущенная Порта услыхала изъ Вѣны. Греческое возстаніе поставило Меттерниха въ тяжкое положеніе, нарушивъ драгоцѣнный ему принципъ общаго вспоможенія правительствъ противъ возставшихъ подданныхъ. «Во всякомъ другомъ случаѣ», говорилъ онъ, «государства были обязаны предъ европейскимъ миромъ и правомъ помочь султану противъ грековъ; но тутъ религія удержала ихъ отъ этого: они не могли помогать грекамъ безъ нарушенія основъ международнаго права, и не могли противъ нихъ сражаться безъ нарушенія религіозныхъ интересовъ. Страдательное положеніе было здѣсь самое цѣлесообразное. Россія первая отняла у державъ выгоду положенія. Она взяла себѣ въ голову, будто вмѣшательство во что бы то ни стало составляетъ для нея необходимость, и такъ какъ она не могла дѣйствовать на грековъ, то устремила свою дѣятельность на Порту». Эту дѣятельность однако удалось задержать на первое время, какъ вдругъ Англія измѣнила. Рѣшительный шагъ императора Николая понравился въ Вѣнѣ; понравилось рѣзкое разграниченіе, сдѣланное императоромъ между двумя вопросами, Русско-турецкимъ и Греческимъ. Въ Вѣну дали знать о словахъ императора, сказанныхъ посламъ французскому, англійскому и прусскому: «Дѣло Россіи есть дѣло исполненія договоровъ, а не поддержка возстанія, противнаго праву. Россія будетъ стараться покончить первое дѣло; если же другія государства захотятъ вмѣшаться во второе, то Россія можетъ принять участіе въ ихъ мудрыхъ совѣтахъ; но для этого ея отношенія съ Портою должны быть одинаковы съ отношеніями другихъ Дворовъ». Меттерниху также дали знать изъ Петербурга, что когда одного вліятельнаго русскаго сановника и ревностнаго защитника грековъ спросили, какъ онъ думаетъ, что будетъ, если султанъ исполнитъ русскія требованія, — то онъ отвѣчалъ: «Тогда все пропало!»

Въ этихъ надеждахъ «дипломатическій геній» предписалъ австрійскому интернунцію въ Константинополѣ, барону Оттенфельсу, сообщить рейсъ-эфенди, что императоръ Францъ считаетъ съ своей стороны обязанностью дружбы и добраго сосѣдства подать султану совѣтъ удовлетворить предложеніямъ Русскаго императора, въ виду явной пользы, которая произойдетъ для Порты отъ этого удовлетворенія, и важныхъ опасностей, которыя будутъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отказа. Представители другихъ державъ сдѣлали Портѣ такія же внушенія, и султанъ уступилъ: въ Дунайскихъ княжествахъ возстановленъ былъ прежній порядокъ, сербскіе послы освобождены, и назначены уполномоченные для переговоровъ съ русскими уполномоченными на границахъ. Европейскія посольства въ Константинополѣ торжествовали это событіе, думая, что всѣ затрудненія устранены; но радость была преждевременная.

Герцогъ Веллингтонъ, узнавши изъ словъ императора и изъ посылки ультиматума, что Греческій вопросъ у русскаго правительства не на первомъ планѣ, занялся имъ теперь, съ увѣренностію, что здѣсь Англія будетъ играть первую роль. 24 марта (4 апрѣля), герцогомъ Веллингтономъ—съ англійской и графами Нессельроде и Ливеномъ съ русской стороны, былъ подписанъ протоколъ, въ которомъ обѣ державы обязывались содѣйствовать примиренію между Портою и греками. Съ англійской стороны ссылались при этомъ на просьбу грековъ, адресованную ими британскому правительству, и на то, что Англія уже объявила Портѣ о своей готовности исполнить эту просьбу; Русскій же Дворъ основывалъ свой поступокъ на религіи, справедливости и человѣколюбіи. Условія примиренія были постановлены слѣдующія: 1) Порта удерживаетъ свою верховную власть надъ Греціею; 2) Греція платитъ ей однажды навсегда опредѣленную дань; 3) турецкія земли въ Мореѣ и на островахъ отходятъ къ грекамъ за извѣстный выкупъ; 4) Порта сохраняетъ извѣстное участіе при выборѣ правительственныхъ лицъ, которыя должны всѣ состоять изъ грековъ; 5) свобода религіи и торговли; 6) отдѣльное и независимое управленіе.

Шагъ былъ сдѣланъ; надобно было подумать о слѣдствіяхъ. Если Порта не согласится на означенныя условія, надобно будетъ принудить ее къ этому силою; при фанатическомъ упорствѣ турокъ дѣло легко можетъ дойти до крайности, привести къ разрушенію Турецкой имперіи; но, и независимо отъ этого, государственный организмъ Турціи дотого слабъ во всѣхъ своихъ частяхъ, что грозитъ скорымъ разрушеніемъ. Надобно, слѣдовательно, предусмотрѣть подобное событіе, исполненное за-

трудненіями всякаго рода. «Умретъ ли Турція отъ внутренняго истощенія, или отъ внѣшняго насилія—все равно», сказалъ императоръ Николай герцогу Веллингтону; «благоразуміе требуетъ не дожидаться открытія ея наслѣдства, чтобъ узнать наслѣдниковъ. Я готовъ объясниться объ этомъ съ Англіею».—«Вопросъ легче было бы разрѣшить»,—отвѣчалъ герцогъ,—«если бы въ наслѣдствѣ послѣ султана Махмуда было два Константинополя. Я согласенъ, что Турція очень больна, но эта болѣзнь продолжается уже болѣе трехъ столѣтій».

Веллингтонъ выѣхалъ изъ Петербурга, сдѣлавши свое дѣло на бумагѣ; но едва успѣлъ онъ оставить русскую столицу, какъ въ Лондонъ пришло извѣстіе изъ Константинополя отъ Стратфорда Каннинга, что ни греки, ни Порта не хотятъ принимать условій примиренія, предъявленныхъ Веллингтономъ въ Петербургѣ. «Дипломатическій геній», въ письмѣ своемъ къ барону Оттенфельсу, въ Константинополь, не могъ удерживаться отъ рѣзкихъ выраженій и насмѣшекъ надъ протоколомъ 23 марта: «Дѣло 4 апрѣля»,—писалъ онъ,—«все состоитъ изъ ошибокъ и слабости. Герцогъ Веллингтонъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ двоякимъ заблужденіемъ: онъ думалъ, что греческое дѣло здѣсь на первомъ планѣ и что императоръ Николай ищетъ только предлоговъ къ войнѣ; разубѣдившись въ этомъ словами монарха и посылкою ультиматума, сдѣланною безъ вѣдома его, герцога, онъ захотѣлъ спасти англійское посредничество. Тутъ онъ встрѣтился съ господами Нессельродомъ и Ливеномъ; оба, испуганные тѣмъ, что ихъ новый государь покидаетъ святое дѣло грековъ, и, желая спасти это дѣло, употребили всѣ усилія, чтобъ связать англійское посредничество съ русскимъ. Съ одной стороны, страхъ императора Николая, чтобъ англичане не присвоили себѣ рѣшительнаго покровительства надъ Пелопонезомъ и островами, а съ другой—его вполнѣ естественная неопытность въ дипломатическихъ дѣлахъ повліяли на совершеніе дѣла, исполненнаго слабости и смѣха. Императоръ допустилъ его (l'a toléré). Въ результатѣ будетъ нуль. Всѣ недовольны,—обыкновенная участь дипломатическихъ глупостей, какъ всякихъ глупостей. Оставайтесь въ отрицательномъ положеніи, но будьте благосклонны къ примиренію. Только близкое будущее можетъ намъ доказать, есть ли еще греки, которыхъ надобно спасать. Если французскій повѣренный въ дѣлахъ будетъ сильно волноваться, постарайтесь его сдержать. Что несомнительно выходитъ изъ протокола 4 апрѣля, такъ это совершенная свобода для насъ поступать по собственному нашему усмотрѣнію необходимости и приличій. Мы никогда не употребимъ во зло этой свободы; напротивъ, мы заставимъ ее служить общему дѣлу и благу несокрушимаго союза, который спасъ и спасетъ еще въ будущемъ общественное и политическое тѣло. Наша роль въ Восточномъ вопросѣ должна быть роль государства дружественнаго Портѣ, старающагося охранить внутренній и внѣшній миръ этой державы. Мы сознаемъ обязанность помогать ей нашими лучшими совѣтами».

Но смѣется тотъ, кто послѣдній смѣется. Несмотря на все благоговѣніе къ «дипломатическому генію», получившій это письмо, конечно, не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ странностей и противорѣчій, происходящихъ отъ сильнаго желанія навязать свою любимую мысль, что Русскій императоръ неблагосклонно относился къ грекамъ; что протоколъ 23 марта есть дѣло Нессельроде и Ливена. Если императоръ не желалъ передать въ руки одной Англіи покровительство новорожденной Греціи, то этимъ однимъ уже достаточно можно было объяснить необходимость участія Россіи въ протоколѣ: зачѣмъ же тутъ является еще неопытность въ дѣлахъ политическихъ? Но весь этотъ наборъ объясненій былъ завѣдомо фальшивый у Меттерниха, потому что Татищевъ прочелъ ему депешу графа Нессельроде [1]), въ которой дѣло было вполнѣ уяснено и которая не допускала возможности заключать о какой-нибудь неопытности. Изложивъ побужденія къ отсылкѣ ультиматума, графъ Нессельроде продолжалъ: «Что касается второй половины Восточнаго вопроса, т. е. мѣръ, относящихся къ усмиренію Греціи, е. и. в. надѣется, что союзники его отдадутъ справедливость побужденіямъ, заставившимъ не касаться въ настоящее время такого деликатнаго предмета въ спорахъ Россіи съ Портою. Во всѣхъ фазахъ переговоровъ, относившихся къ вмѣшательству, на необходимость котораго для усмиренія Греціи императоръ Александръ постоянно указывалъ, согласнымъ желаніемъ союзниковъ было, чтобъ Россія могла быть поставлена въ Константинополѣ на одну линію съ другими державами-посредницами и чтобъ она могла обнаруживать полезное вліяніе. Императоръ (Николай) имѣлъ въ виду это желаніе; союзники легко признаютъ, что система, имъ принятая, доставитъ всѣ средства достигнуть въ этомъ отношеніи результатовъ, которыхъ требуетъ религія, человѣколюбіе, интересы Европы. Если Диванъ, какъ мы надѣемся, исполнитъ наши требованія, то нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ случаѣ оттоманская политика совершенно измѣнится, и, присоединяя свои усилія къ усиліямъ державъ, занятыхъ умиротвореніемъ той части европейской Турціи, гдѣ теперь свирѣпствуетъ бичъ истребительной войны, Россія ускоритъ успѣхъ этого благороднаго предпріятія этимъ самымъ вліяніемъ своимъ, которое она получитъ вслѣдствіе блистательнаго удовлетворенія Портою ея требованіямъ. Если же, напротивъ, Диванъ принудитъ императора прибѣгнуть къ войнѣ, то рѣшенія е. и. в., принятыя въ этомъ смыслѣ, также будутъ содѣйствовать умиротворенію Греціи. Греческій вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть всегда рѣшенъ по желанію императора Александра, или обдуманнымъ

[1]) Отъ 17—29 марта 1826 года.

вмѣшательствомъ, или вслѣдствіе энергическихъ рѣшеній, которыя принуждена будетъ принять Россія. Но чѣмъ нельзя болѣе медлить, что императоръ считаетъ еще болѣе важнымъ,—это опредѣленіе собственныхъ отношеній Россіи къ Портѣ. Пока эти отношенія не будутъ опредѣлены, всякіе другіе окончательные переговоры невозможны, и если Россія будетъ принуждена оружіемъ рѣшать свою распрю съ Портою, то императоръ желаетъ убѣдить Европу, что его требованія справедливы, основаны на обѣщаніяхъ неоспоримыхъ и торжественныхъ договорахъ; что его предложенія представляли вѣрное средство уничтожить всякій предметъ дальнѣйшаго спора между Петербургскимъ Кабинетомъ и Диваномъ. Императоръ желаетъ также, чтобы злонамѣренность не могла обвинить Россію въ требованіяхъ, могущихъ повести къ войнѣ, обвинить въ томъ, что для предъявленія этихъ требованій она воспользовалась возстаніемъ. Императоръ желаетъ, чтобы въ тотъ день, когда его войско выступитъ въ походъ, свойство правъ, защиту которыхъ она приняла на себя, и содержаніе ноты, которую онъ приказалъ передать Портѣ, уничтожили преступную надежду, которую люди волненій и безпорядковъ могли бы возложить на это событіе».

Итакъ, если Порта удовлетворитъ русскимъ требованіямъ, то и тутъ Россія воспользуется своимъ вліяніемъ для окончанія Греческаго вопроса, т.-е. по меньшей мѣрѣ заставитъ султана дать грекамъ самостоятельное управленіе, и «дипломатическій геній» долженъ употреблять всѣ усилія, чтобъ Турція удовлетворила русскимъ требованіямъ, ибо это меньшее зло,—война должна повести къ худшему: дипломатическая глупость Каннинга связала Англію съ Россіею, т.-е. подчинила Англію Россіи, дала послѣдней такое выгодное положеніе; Франція слаба отъ внутренней неурядицы; но если и приметъ участіе въ дѣлѣ, то будетъ за Россію, а не за Австрію. Еще при восшествіи на престолъ императора Николая, Австрія сдѣлала Франціи предложеніе согласиться насчетъ средствъ заставить Россію продолжать прежнюю, бездѣйственную политику относительно Греціи. Франція отвѣчала, что въ турецкихъ дѣлахъ нужно принять политику, болѣе сообразную съ законными желаніями Россіи и съ истинными интересами остальной Европы. Русскій Дворъ свѣдалъ и о предложеніи и объ отвѣтѣ. Когда австрійское министерство узнало, что въ Петербургѣ дѣло извѣстно, то поспѣшило вовремя запереться, что никогда не дѣлало никакихъ предложеній въ этомъ родѣ и желаетъ только одного: поддержанія Священнаго Союза во всей цѣлости.

Выставка союза была нужна, чтобъ накинуть тѣнь на протоколъ 23 марта. Россія, которая до сихъ поръ такъ стояла за союзъ, теперь согласилась съ чуждою союзу Англіею, безъ вѣдома членовъ союза, которые и прежде готовы были согласиться на статьи, занесенныя въ протоколъ. Австрійскій посланникъ, графъ Лебцельтернъ, высказался передъ императоромъ Николаемъ, что протоколъ долженъ былъ непріятно удивить союзниковъ. «Герцогъ Веллингтонъ мнѣ сказалъ»,—отвѣчалъ императоръ,—«что существуютъ переговоры между нѣкоторыми изъ греческихъ вождей и Лондонскимъ Кабинетомъ, и въ Лондонѣ существуетъ мнѣніе, что планъ начальствующаго турецкими войсками противъ грековъ Ибрагима-паши состоитъ въ томъ, чтобы переселить всѣхъ грековъ изъ Мореи и вмѣсто нихъ поселить мусульманъ. Я ему отвѣчалъ, что если это справедливо, то никто изъ союзниковъ не потерпитъ подобнаго скандала. Я у него потребовалъ доказательствъ; онъ мнѣ сказалъ, что матеріальныхъ доказательствъ дать мнѣ не можетъ, но въ Лондонѣ въ этомъ убѣждены, и британское министерство рѣшилось предупредить такое важное событіе и вмѣшаться въ дѣло примиренія, и онъ, герцогъ, имѣетъ предложить мнѣ нѣкоторые основные пункты этого примиренія. Видя, что Англія, послѣ многолѣтнихъ оппозицій нашимъ желаніямъ, сама идетъ къ намъ навстрѣчу въ этомъ дѣлѣ, сама предлагаетъ тѣ основанія, въ которыхъ союзники уже были согласны; что Англія рѣшилась одна овладѣть переговорами, я думалъ, что оказываю услугу союзу, присоединяя къ Англіи тотъ самый союзъ, котораго требованія она прежде отвергала; я считалъ себя въ эту минуту представителемъ всѣхъ союзниковъ, блюдущимъ за ихъ интересами. Минута была дорогая, герцогъ давалъ мнѣ возможность воспользоваться ею, и я воспользовался. И, предполагая даже, что относительно меня существуетъ недовѣріе, я говорилъ самъ себѣ: будутъ себя успокоивать тѣмъ, что Россія станетъ полагать преграды англійскому честолюбію, а Англія русскому. Мои намѣренія были чисты. Съ большимъ довѣріемъ къ нимъ меня бы лучше поняли. Одинъ только Прусскій король оцѣнилъ положеніе, въ которомъ я находился; онъ мнѣ это доказалъ прелестнымъ письмомъ, которые я буду хранить какъ драгоцѣнный знакъ его дружбы» [1]).

Вслѣдствіе уступки Порты требованіямъ императора Николая, уполномоченные съ русской и турецкой стороны съѣхались въ Акерманъ. Первая половина вопроса улаживалась окончательно; но на очередь становилась вторая, и въ Вѣнѣ сильно безпокоились. И, что всего досаднѣе, греки потерпѣли сильное пораженіе; султанъ, слѣдовательно, получилъ возможность прекратить возстаніе собственными средствами, а тутъ, какъ нарочно, вмѣшательство! Меттернихъ пишетъ австрійскому послу въ Лондонѣ, князю Эстергази: «Если Пелопонезъ, одинъ или съ островами, представляетъ—чего мы не допускаемъ,—необходимые элемены для государства политически независимаго, то существованіе такого государства достаточно, чтобъ сдѣлать существованіе Оттоманскаго государства въ Европѣ проблематическимъ; соединеніе же всѣхъ странъ, населенныхъ греками, въ одно цѣлое, сдѣлало бы

---

[1]) Депеши 7 іюня 1826 г.

существованіе Порты невозможнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, образованіе независимой Греціи будетъ синонимомъ изгнанія турокъ изъ Европы. Чего можетъ и чего долженъ желать нашъ Дворъ? Онъ постоянно будетъ желать, чтобъ первыя причины движенія, игры отвратительной и опасной, исчезли какъ можно скорѣе. Онъ не видитъ другого лекарства противъ зла, кромѣ умиротворенія возставшихъ областей! Но умиротвореніе можетъ произойти тремя путями: чрезъ добровольное подчиненіе грековъ Портѣ; чрезъ окончательное усмиреніе возставшихъ силою турецкаго оружія; наконецъ—чрезъ полюбовное улаженіе дѣлъ съ помощію державъ, посредничествующихъ между султаномъ и его возмутившимися подданными. Это послѣднее средство было предметомъ заботъ нашего Двора въ продолженіе пяти лѣтъ. И теперь, благодаря торжеству Порты надъ возстаніемъ, дѣло перемѣнилось. Никогда мы не признаемъ права препятствовать умиротворенію, которое держава, законно существующая, можетъ совершить собственными средствами. Говорятъ объ истребленіи цѣлаго народа, о его переселеніи; не допуская даже возможность этихъ слуховъ и давая требованіямъ человѣколюбія тотъ вѣсъ, какого они заслуживаютъ, мы не принесемъ имъ въ жертву принциповъ, съ паденіемъ которыхъ рушится все, что ни есть положительнаго, священнаго въ кодексѣ международнаго права».

Въ сентябрѣ 1826 года кончились переговоры между русскими и турецкими уполномоченными въ Акерманѣ: Порта уступила всѣмъ требованіямъ Россіи; между обѣими имперіями возстановлялись вполнѣ дружественныя отношенія; тайный совѣтникъ Рибопьеръ, участвовавшій вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ въ акерманскихъ переговорахъ, отправился теперь посломъ въ Константинополь; но здѣсь задача его была труднѣе; здѣсь онъ, вмѣстѣ съ представителями другихъ европейскихъ державъ, долженъ былъ настаивать, чтобъ Порта дала Греціи устройство, согласно петербургскому протоколу 23 марта. Австрія не могла уклониться отъ общаго дѣла; но какъ охотно соглашался на это князь Меттернихъ, видно изъ депешъ его Оттенфельсу отъ 30 декабря (н. с.): «Говоря съ рейсъ-эффенди, вы не осуждайте, ни оправдывайте, даже не входите въ разсужденіе насчетъ средствъ, предлагаемыхъ Дворами Лондонскимъ и Петербургскимъ; вы только поддерживайте, какъ существующій фактъ, планы, на которыхъ остановились Дворы». Не уклоняясь отъ общаго дѣйствія для рѣшенія Греческаго вопроса, Меттернихъ продолжалъ однако настаивать, чтобъ это рѣшеніе было актомъ воли султана, а не слѣдствіемъ посредничества европейскихъ государствъ. Съ русской стороны доказывали ему всю непрактичность подобнаго требованія: «Если бы»,—писалъ графъ Нессельроде Татищеву,—«можно было дать такой характеръ окончанію печальной борьбы, то, конечно, мы не стали бы этому противиться; думаемъ, что Англія и другіе Дворы не стали бы возражать противъ такой развязки, если бы только актъ Порты былъ точно такъ же гарантированъ, какъ гарантированы акты, относящіеся къ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, ибо безъ этой гарантіи греки будутъ смотрѣть на уступки Порты, какъ на обманъ».

Наступаетъ 1827 годъ, въ который Греческій вопросъ, такъ или иначе, долженъ былъ рѣшиться. Въ Петербургѣ видѣли ясно, что онъ можетъ рѣшиться только энергическими средствами. «Мы не скрываемъ»,—писалъ гр. Нессельроде Татищеву,—«что средства веденія дѣла, въ которыхъ мы условились уже съ союзниками, кажутся намъ недостаточными. Мы на нихъ согласились, потому что намъ нужно исчерпать всѣ пути примиренія; но мы не вѣримъ въ ихъ дѣйствительность, ибо нашъ собственный опытъ заставляетъ насъ предвидѣть случай, когда эти средства окажутся недѣйствительными, и мы предлагаемъ Великобританіи условиться насчетъ дальнѣйшихъ средствъ. Рѣшено, въ случаѣ отказа со стороны турокъ, пригрозить имъ признаніемъ независимости Греціи. Можно ли имѣть увѣренность, что эта угроза склонитъ Порту къ уступчивости? Турки не могутъ не видѣть, что Греція, раздѣленная на партіи, управляемая эфемерными властями, не можетъ еще быть признана союзными державами, какъ независимое государство. Только въ отдаленномъ будущемъ турки могутъ предусматривать возможность осуществленія сдѣланной имъ угрозы, и этотъ страхъ предъ отдаленною бѣдою заставитъ ли ихъ согласиться на пожертвованіе непосредственное? Не думаемъ. То же самое можно сказать и о рѣшеніи болѣе энергическомъ—отозвать посланниковъ. И это рѣшеніе не даетъ полной увѣренности въ успѣхѣ. И сначала Порта умѣла различать, съ свойственной ей проницательностью, простыя дипломатическія демонстраціи отъ твердо принятыхъ рѣшеній. Издавна она привыкла быть равнодушной къ первымъ и готовою уступить вторымъ. Въ 1821 году мы прервали съ нею дипломатическія сношенія; наши союзники не пощадили угрозъ, и однако нашимъ самымъ справедливымъ требованіямъ не было удовлетворенія; но Порта по инстинкту угадала минуту, когда ея сопротивленія должны были прекратиться—и въ пять мѣсяцевъ покончено было дѣло, которое не могло быть кончено въ десять лѣтъ, какъ скоро Порта признала, что ея упорство можетъ возымѣть для нея опасныя слѣдствія».

Для приглашенія союзниковъ къ постановленію дальнѣйшихъ мѣръ, въ случаѣ упорства Порты, Россія воспользовалась предложеніемъ Франціи обратить протоколъ 23 марта въ договоръ и, такимъ образомъ, дать обязательствамъ болѣе торжественный характеръ. И въ протоколѣ 23 марта Россія и Англія отказывались отъ всякихъ исключительныхъ выгодъ; то же самое Россія предлагала внести и въ договоръ. Порта ускорила заключеніе этого договора: на требованія Стратфорда Каннинга рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что султанъ, по закону

божественному, по праву завоеванія и по торжественному признанію отъ всѣхъ державъ, есть законный государь областей, находящихся теперь въ возмущеніи, и потому никогда не признаетъ ни за какимъ иностраннымъ Дворомъ права вмѣшиваться между нимъ и возмутившимися подданными. Такъ какъ Порта не вмѣшивается во внутреннія распри Англіи съ ирландскими католиками, то надѣется, что и Англія удержится отъ вмѣшательства въ греческій мятежъ. На представленія Рибопьера, что миръ и дружба, возстановленные между Россіею и Портою въ Акерманѣ, могутъ утвердиться окончательно только съ умиротвореніемъ Греціи, которое одно установитъ миръ въ Европѣ,—рейсъ-эффенди выразилъ удивленіе, что Россія теперь миръ и дружбу между обѣими имперіями приводитъ въ зависимость отъ греческихъ дѣлъ, тогда какъ въ Акерманѣ она высказалась, что не предъявляетъ никакихъ требованій относительно грековъ. «Вы ошибаетесь»,—отвѣчалъ Рибопьеръ,—«никогда русскіе уполномоченные этого не объявляли и не могли объявить, потому что императоръ никогда не отказывался и не откажется отъ своихъ правъ стараться объ умиреніи Греціи; если графъ Воронцовъ въ жару разговора вамъ сказалъ, что Россія не будетъ говорить въ Акерманѣ о греческихъ дѣлахъ, то эти слова имѣли такой смыслъ, что Русскій Дворъ не хотѣлъ усложнять еще болѣе распри между двумя правительствами; онъ хотѣлъ прежде всего покончить свою честную распрю, чтобъ потомъ обратиться къ Портѣ, какъ держава дружественная, съ представленіемъ о необходимости умирить Грецію».—«Ни угрозы, ни оружіе»,—возразилъ рейсъ-эффенди,—«не заставятъ Порту отказаться отъ рѣшенія не допускать посторонняго вмѣшательства, и если этотъ предметъ подастъ поводъ къ перерыву дружественныхъ отношеній между обѣими имперіями, то Порта и тутъ не перемѣнитъ своего рѣшенія; она знаетъ страшныя силы Россіи; знаетъ, что не можетъ бороться съ нею: но оттоманы предпочтутъ скорѣе удалиться въ Азію, чѣмъ допустятъ принципъ, разрушающій верховную власть и независимость, именно принципъ вмѣшательства державы между государемъ и его возмутившимися подданными!» И Рибопьеръ и рейсъ-эффенди говорили рѣшительно, но ни съ той, ни съ другой стороны не было перейдено за предѣлы дружественнаго тона; но баронъ Оттенфельсъ, передавая объ этомъ Меттерниху, въ то же время передавалъ ему и тревожныя вѣсти: Рибопьеръ говорилъ одному изъ довѣренныхъ лицъ: «Я пріѣхалъ въ Константинополь не затѣмъ, чтобъ интриговать; я иду прямо къ цѣли, потому что я органъ силы!»

Другія извѣстія сообщилъ баронъ Оттенфельсъ Меттерниху о Стратфордѣ Каннингѣ, который, по этимъ извѣстіямъ, являлся кающимся грѣшникомъ, ищущимъ спасенія въ совѣтахъ и поддержкѣ австрійскаго интернунція. «Англія и Австрія»,—говорилъ Стратфордъ Каннингъ Оттенфельсу,—«Англія и Австрія два государства, которыя представляютъ настоящихъ сохранителей европейскаго равновѣсія; они не могутъ желать его разрушенія и встрѣтятся наконецъ, какъ бы ни было, по наружности, различные пути, но которымъ они идутъ. Насъ несправедливо осуждать за этотъ несчастный протоколъ 4 апрѣля (23 марта); я не перестану никогда жалѣть о томъ, что онъ появился на свѣтъ, и очень бы хотѣлъ уничтожить его тѣмъ или другимъ способомъ; но есть-ли теперь какой-нибудь способъ къ этому? Чтобы судить насъ по справедливости, надобно взять во вниманіе время, когда протоколъ былъ подписанъ. Тогда мы были убѣждены во враждебныхъ замыслахъ Россіи противъ Порты, и хотя бы собственно русскіе вопросы были рѣшены удовлетворительно, что казалось тогда невѣроятнымъ, все же Петербургскій Дворъ нашелъ бы въ греческихъ дѣлахъ предлогъ къ войнѣ съ турками, и, чтобъ именно связать ему руки, мы и задумали эту сдѣлку. Теперь мы видимъ, куда это насъ завело; ясно, что Россія имѣла въ виду только свои интересы, свои честолюбивые виды. Осуждаютъ наше поведеніе относительно испанскихъ колоній въ Америкѣ и видятъ сходство въ нашемъ поведеніи относительно Греціи и нашимъ поведеніемъ относительно Испаніи. Но въ Америкѣ дѣло шло только о нашихъ торговыхъ выгодахъ; тутъ мы виноваты развѣ только въ томъ, что скорѣе другихъ народовъ увидѣли, что американскія колоніи потеряны для Испаніи; мы первые поняли дѣло такъ, какъ оно есть; другія государства не замедлили послѣдовать нашему примѣру. Но все это неприложимо къ Греціи; наши торговыя выгоды требуютъ щадить Порту; правда, быть можетъ, мы слишкомъ уступили давленію общественнаго мнѣнія въ Англіи и въ Европѣ, которое высказывается сильно въ пользу грековъ, но вы знаете наше положеніе: англійское правительство не могло пойти прямо противъ общественнаго мнѣнія. Но что сдѣлано, то сдѣлано. Теперь только вы можете мнѣ помочь. Надобно уяснить Портѣ настоящіе виды Англіи. Самъ я этого сдѣлать не могу; мнѣ никогда не повѣрятъ; я своимъ поведеніемъ раздражилъ Порту; рейсъ-эффенди ненавидитъ меня и мое правительство». На другой день баронъ Оттенфельсъ написалъ рейсъ-эффенди, что британскій посланникъ является *кающимся грѣшникомъ* (se présente en pécheur pénitent) и желаетъ помириться съ его превосходительствомъ.

Но раскаяніе было безплодно. *Что сдѣлано, то сдѣлано*, и надобно было, хотя бы и поневолѣ, додѣлывать. Отъ русскаго вопроса: «что будемъ дѣлать, если Порта отвергнетъ наши представленія»,—нельзя было уклониться. Франція, которой очень не нравилась связь между Россіею и Англіею, требовала обще-европейскаго постановленія и дѣйствія. 6 іюля (н. с.) въ Лондонѣ заключенъ былъ договоръ уполномоченными Россіи, Англіи и Франціи. Договаривающіяся державы

предложатъ Портѣ свое посредничество для примиренія между нею и греками. Предложеніе будетъ сдѣлано сообща и въ то же время отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ потребуется перемиріе. Остальныя условія примиренія оставлены тѣ же, какія были означены въ петербургскомъ протоколѣ 23 марта 1826 г. Договаривающіяся державы обязались не искать никакого земельнаго пріобрѣтенія, никакого исключительнаго вліянія, никакой особенной торговой выгоды. Если, по истеченіи мѣсячнаго срока, одна изъ воюющихъ сторонъ не согласится на перемиріе, то договаривающіяся державы принимаютъ мѣры для воспрепятствованія дальнѣйшимъ столкновеніямъ между воюющими сторонами, не принимая впрочемъ участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ между ними.

1876.

III.

Восточный вопросъ въ 1827, 1828 и 1829 годахъ.

6 іюля 1827 года, въ Лондонѣ, уполномоченными Россіи, Англіи и Франціи былъ заключенъ договоръ, по которому эти державы обязались сообща предложить Портѣ свое посредничество для примиренія ея съ возставшими греками, причемъ потребовать отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ перемирія. Когда въ Вѣну пришло извѣстіе объ этомъ договорѣ, то Меттернихъ написалъ интернунцію въ Константинополь: «Договоръ можетъ повести къ чему угодно, только не къ тому, для чего заключенъ. Навѣрное, поведетъ онъ къ войнѣ между Россіею и Портою. Англія будетъ этому содѣйствовать, но сама воевать не будетъ; Франція будетъ игрушкою своихъ союзниковъ и своихъ собственныхъ ложныхъ разсчетовъ».

16 августа (н. с.), представители Россіи, Франціи и Англіи (Рибопьеръ, Гильемино и Стратфордъ-Каннингъ) передали рейсъ-эффенди ноту: почти уже шесть лѣтъ великія европейскія державы стараются склонить высокую Порту Оттоманскую къ умиренію Греціи. Ихъ старанія оставались безплодными—и затянулась война истребительная, результатами которой были, съ одной стороны, страшныя бѣдствія для человѣчества, а съ другой—потери, ставшія нестерпимыми для торговли всѣхъ народовъ. Поэтому невозможно допустить, чтобы судьба Греціи касалась исключительно одной Порты Оттоманской. Вслѣдствіе договора, заключеннаго нами, три державы предлагаютъ Портѣ свое посредничество и перемиріе, и будутъ ждать рѣшенія оттоманскаго правительства 15 дней; въ случаѣ же новаго отказа или отвѣта уклончиваго и недостаточнаго, или совершеннаго молчанія, прибѣгнутъ къ средствамъ, которыя сочтутъ самыми дѣйствительными, для прекращенія положенія несовмѣстимаго съ истинными интересами Порты, съ безопасностію торговли и спокойствіемъ Европы.

Отвѣта не было. По прошествіи срока, посланники переслали другую ноту, что союзные Дворы постараются всевозможными средствами достигнуть перемирія, т. е. другими словами, постараются не допустить дальнѣйшаго столкновенія между турками и греками, причемъ дружескія отношенія союзныхъ державъ къ Портѣ должны остаться ненарушимыми. Отвѣта не было. Рейсъ-эффенди говорилъ австрійскому драгоману: «Посмотримъ, какъ далеко пойдутъ мѣры нашихъ враговъ. Греція, свобода, прекращеніе кровопролитія—все это одни предлоги. Насъ хотятъ выгнать изъ Европы». Египетскій вице-король Мехмедъ-Али далъ знать султану, что къ нему является англійскій полковникъ Кроудокъ съ предложеніемъ, отъ имени трехъ союзныхъ державъ, отозвать сына, Ибрагимъ-пашу изъ Мореи, и за эту услугу державы предлагаютъ независимость Египта; но Мехмедъ-Али не принялъ предложенія. 8 августа (н. с.) умеръ Каннингъ, оставившій своимъ преемникамъ тяжелое наслѣдство: съ страшнымъ неудовольствіемъ, съ сознаніемъ, что освобожденіе Греціи вовсе не въ интересахъ Англіи и даже опасно ей, они должны были продолжать греческое дѣло, потому что бросить его, начавши съ такимъ жаромъ, выставившись на первый планъ,—до этого не могла дойти даже и безцеремонность англійской политики. Раздраженіе, происходившее отъ сознанія трудности дѣла, усиливалось сильнымъ безпокойствомъ, подозрительностью относительно намѣреній Россіи. Лордъ Дадлей, принявшій управленіе иностранными дѣлами, обратился однажды, на прогулкѣ, съ такими словами къ австрійскому послу, князю Эстергази: «Что вы думаете о намѣреніяхъ Россіи въ греческомъ дѣлѣ?»—«Слѣдовало бы мнѣ скорѣе обратиться къ вамъ съ этимъ вопросомъ», отвѣчалъ Эстергази:—«я чувствую себя неспособнымъ отвѣчать на него; впрочемъ, я не поколеблюсь признаться въ своихъ опасеніяхъ, что Англія зашла слишкомъ далеко впередъ въ этомъ дѣлѣ противъ собственныхъ своихъ интересовъ и интересовъ Европы».

Въ Вѣнѣ вздохнули свободнѣе, когда узнали о смерти Каннинга. Здѣсь увидѣли, что три державы и Порта находятся въ такомъ положеніи, которое отымаетъ у нихъ свободу движенія; имъ трудно, пожалуй, и невозможно ни двинуться впередъ, ни податься впередъ, ни податься назадъ. Но Австрія совершенно свободна и потому можетъ предложить свое посредничество, причемъ дѣло можетъ пойти по ея желанію: интересы союзниковъ различны и даже противоположны; слѣдовательно связь между тремя державами искусственная и хрупкая. Предложеніе посредничества сдѣлано Портѣ и принято ею; въ письмѣ великаго визиря Мегемета-Селима-паши къ Меттерниху говорилось, что Порта готова вступить снова въ дружескія отношенія со всѣми державами, если прекратится ихъ несправедливое вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла.

Изъ Лондона пришло новое утѣшительное извѣстіе, доказывавшее, что въ Вѣнѣ не обманулись

въ томъ, что «связь между тремя державами была искусственная и хрупкая». Лордъ Дадлей сообщилъ кн. Эстергази подъ секретомъ наказъ, отправляемый въ Константинополь, Стратфорду Каннингу. Послѣдній долженъ былъ объявить Дивину, что британское правительство адресуется еще разъ единственно отъ себя въ дружескомъ тонѣ къ Портѣ: оно совѣтуетъ ей принять предложеніе трехъ державъ. Британское правительство, желая положить конецъ настоящимъ ужасамъ и анархіи и спасти часть греческаго народа отъ вѣрной погибели, желаетъ, въ то же время, упрочить политическое существованіе Турціи, а средство для этого—согласіе на предложеніе трехъ державъ. Естественно, что Порта можетъ находить достаточныя основанія для своихъ безпокойствъ и подозрѣній насчетъ одной изъ трехъ державъ, подписавшихъ Лондонскій договоръ; но ее должны успокоить чувства двухъ другихъ державъ—Франціи и Великобританіи. Принятіе юе предложеній будетъ имѣть непосредственнымъ слѣдствіемъ то, что она возстановитъ свои прежнія отношенія съ поименованными двумя державами, которыя будутъ тогда въ состояніи или удалить отъ нея всякую опасность, могущую родиться отъ развитія честолюбивыхъ видовъ третьей державы, или обеспечить ее съ успѣхомъ, чего она не достигнетъ, если поведетъ себя иначе.

Но эти внушенія не успѣли еще достигнуть Порты, какъ она была поражена извѣстіемъ, что флотъ ея истребленъ въ Наваринской гавани соединенными эскадрами трехъ союзныхъ державъ: Россія, Англія и Франція объявили, что прекратятъ военныя дѣйствія между турками и греками; для исполненія этого обѣщанія необходимо было ихъ соединеннымъ эскадрамъ не дать движенія турко-египетскому флоту Ибрагима-паши, что и было сдѣлано въ Наваринской гавани; вопросъ состоялъ въ томъ, согласятся ли турки на бездѣйствіе; первый выстрѣлъ послѣдовалъ съ ихъ стороны и флотъ ихъ былъ истребленъ.

И послѣ этого событія въ Константинополѣ продолжался дипломатическій турниръ, который могъ доставить удовольствіе одному только австрійскому интернунцію, желавшему, во что-бы то ни стало, протянуть время. Посланники союзныхъ державъ оставались при своихъ прежнихъ требованіяхъ: «Наваринская битва», говорили они, «есть необходимое послѣдствіе Лондонскаго договора, и наши Дворы будутъ крѣпко его держаться». Турки требовали, чтобъ союзныя державы отказались отъ всякаго вмѣшательства въ греческія дѣла и вознаградили Турцію за истребленіе ея флота. «Если греки» — говорилъ рейсъ-эффенди — «получатъ льготы вслѣдствіе измѣны и бунта, то какъ это подѣйствуетъ на остальныхъ райевъ? Наша уступчивость заставитъ нашихъ друзей ежедневно прибѣгать къ новому вмѣшательству. Развѣ вы не можете тогда намъ сказать: «если ваши бунтовщики получили льготы, дайте такія же льготы вашимъ вѣрнымъ подданнымъ»; эти льготы, которыя измѣнятъ все положеніе райевъ, развѣ не образуютъ государства въ государствѣ?» — «Мы требуемъ льготъ не для всѣхъ грековъ, а только для жителей собственной Греціи»—представляли посланники.—«Ваши требованія не могутъ быть исполнены»,—говорилъ рейсъ-эффенди,—«они противны религіи и національности, и никакой договоръ не даетъ державамъ права вмѣшательства. Вы говорите о собственной Греціи и упускаете изъ виду, что религія и патріархъ соединяютъ всѣхъ грековъ. Если эта связь будетъ существовать, всѣ греки будутъ требовать того, что уступлено одной ихъ части».—«Всѣ католическія государства признаютъ одного папу, и это нисколько не мѣшаетъ ихъ независимости», говорили посланники. — «Такъ наши друзья желаютъ для грековъ отдѣльнаго управленія?» возражалъ рейсъ-эффенди. «Султанъ объявилъ послѣднія уступки, которыя онъ можетъ сдѣлать грекамъ: не требовать съ нихъ за шесть протекшихъ лѣтъ поголовной подати, которую они не заплатили; не требовать вознагражденія за понесенные убытки; со дня покорности освободить ихъ отъ всѣхъ податей на годъ». Посланники объявили, что эти уступки недостаточны. Порта замолчала. Посланники потребовали паспортовъ, но и тутъ сдѣлали послѣднее представленіе: «не согласится-ли Порта дать грекамъ обозначенныя въ Лондонскомъ договорѣ права, если греки сами будутъ съ покорностью просить о нихъ предъ престоломъ султана». Получивъ отказъ, посланники оставили Константинополь 8 декабря (н. с.).

Такимъ образомъ, въ 1828 году, дѣло должно было рѣшиться оружіемъ. Какъ же будетъ вестись эта война и чѣмъ она должна кончиться? Этотъ вопросъ занималъ газеты всѣхъ партій, и, по обычаю, газеты толковали о гигантскихъ проектахъ русской политики, о замышляемыхъ ею пріобрѣтеніяхъ, о желаніи разрушить Оттоманскую имперію, овладѣть Константинополемъ. Зная, что Кабинеты, преимущественно Англійскій, вовсе не чужды этихъ газетныхъ мнѣній; зная, что выраженіе «союзныя державы—Россія, Англія и Франція» заключало въ себѣ большую иронію, но желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми зависящими средствами, поддержать союзъ, вести дѣло втроемъ сообща, императоръ Николай приказалъ графу Нессельроде отправить въ Лондонъ, князю Ливену, откровенное изложеніе русской политики, ея интересовъ и требованій. Перерывомъ дипломатическихъ сношеній съ Портою Россія поставлена въ печальное положеніе; ничьи интересы такъ не страдаютъ отъ этого, какъ ея,—страдаютъ интересы матеріяльные, торговые, страдаютъ интересы нравственные относительно Дунайскихъ княжествъ, Сербіи, отношенія которыхъ опредѣлялись-было Аккерманскимъ договоромъ, а теперь ничто не будетъ исполнено. Съ великимъ удовольствіемъ императоръ узналъ, что князь Ливенъ (11 декабря н. с.) подписалъ новую декларацію союзнымъ державамъ, что онѣ, попрежнему,

будутъ дѣйствовать безкорыстно, къ какимъ бы мѣрамъ ни принудила ихъ политика Дивана. Въ этомъ случаѣ не отвлеченное правило великодушія, не пустое славолюбіе руководитъ политикою императора, *здѣсь настоящій интересъ Россіи.* Для Россіи важно, чтобъ въ Греціи образовалось государство, могущее вести свободную торговлю съ Чернымъ моремъ, и этотъ интересъ тождественъ съ интересомъ другихъ торговыхъ государствъ. Для Россіи также важно пользоваться на Востокѣ вліяніемъ, принадлежащимъ ей по праву; но это вліяніе не исключаетъ вліянія другихъ Дворовъ европейскихъ, и по тому самому не можетъ возбудить ни основательныхъ опасеній, ни законнаго соперничества. Россія, съ другой стороны, не имѣетъ *никакого интереса* увеличивать свои владѣнія или разрушать Оттоманскую имперію, съ того дня, какъ Греція будетъ организована на основаніи договора 6 іюля, а турецкое правительство соблюдетъ условія, вытребованныя нами въ Акерманѣ,—это правительство будетъ въ нашихъ глазахъ самымъ удобнымъ сосѣдомъ, и мы не можемъ желать болѣе благопріятнаго для блага Россіи. Мы не перестанемъ повторять, что ни паденіе Турціи, ни завоеваніе не входятъ въ наши виды, потому что они были бы для насъ болѣе вредны, чѣмъ полезны. Впрочемъ, если-бы, несмотря на наши намѣренія и усилія, Божественное Провидѣніе предназначило насъ быть свидѣтелями послѣдняго дня Оттоманской имперіи, идеи его величества относительно расширенія русскихъ предѣловъ останутся тѣ-же самыя. Императоръ не раздвинетъ границъ своихъ владѣній и потребуетъ отъ своихъ союзниковъ только такого же отсутствія честолюбія и своекорыстныхъ интересовъ, котораго онъ первый покажетъ примѣръ. Таковъ будетъ неизмѣнно нашъ единственный отвѣтъ на фразы, наполняющія газеты всѣхъ партій, относительно гигантскихъ проектовъ русской политики, относительно пріобрѣтеній, о которыхъ она мечтаетъ, относительно нашего желанія разрушить Оттоманскую имперію и овладѣть Константинополемъ. Ручательствомъ нашей умѣренности служатъ для союзниковъ *наши истинные интересы и наши торжественныя обѣщанія.* Существуютъ ли между государствами гарантіи болѣе вѣрныя? Относительно средствъ заставить Порту подчиниться условіямъ договора 6 іюля, Россія конфиденціально предложила союзникамъ слѣдующее: русское войско перейдетъ Прутъ, займетъ Молдавію и Валахію, и не остановится, пока Порта не приметъ всѣхъ условій Лондонскаго договора, исполненіе котораго будетъ единственною цѣлью этихъ мѣръ. Русскія войска займутъ турецкія области во имя трехъ Дворовъ—Русскаго, Французскаго и Англійскаго. Со стороны всѣхъ означенныхъ Дворовъ будетъ торжественно объявлено, что провинціи эти будутъ возвращены немедленно Портѣ, какъ скоро цѣль войны будетъ достигнута; союзники, сверхъ того, обнародуютъ свои взаимныя обязательства не искать завоеваній и исключительныхъ выгодъ. Союзныя эскадры должны содѣйствовать сухопутнымъ русскимъ войскамъ, защищая греческіе берега, или дѣйствуя наступательно, нападая на мѣста, занятыя турками въ Мореѣ, на Александрію и даже явиться предъ Константинополемъ для предписанія мира султану. По мнѣнію императора, чуждое вмѣшательство въ отношенія союзниковъ къ Портѣ не должно быть допущено ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ; оно не можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ и противно достоинству трехъ Дворовъ, которые должны одни достигнуть этого результата.

Послѣднія слова предложенія, разумѣется, относились прежде всего къ Австріи: императоръ Францъ объявилъ Татищеву, что онъ не только не будетъ поддерживать Порты, но прямо объявитъ ей, чтобъ не ожидала ни посредничества, ни поддержки со стороны Австріи. Это объявленіе вызвало письмо отъ императора Николая (7 января 1828 года), въ которомъ Русскій государь заявлялъ императору Францу, что союзники никогда не позволятъ себѣ удалиться отъ основнаго принципа союза, который не позволяетъ завоеваній и исключительныхъ выгодъ: такимъ образомъ, дѣйствія союзниковъ никакъ не нарушатъ интересовъ Австріи, никакое общее колебаніе не потрясетъ настоящаго положенія владѣній и равновѣсія государствъ, установленныхъ актами 1814, 1815 и 1818 годовъ.

Но Поццо-ди-Борго, отъ 2 февраля, писалъ: «Невозможно объяснить противорѣчія Вѣнскаго Двора. 15 декабря императоръ Францъ обѣщаетъ Татищеву уговаривать Диванъ, чтобъ тотъ принялъ предложенія союзниковъ, и объявляетъ, что, въ случаѣ упорства, Порта не должна ждать никакой поддержки отъ Австріи. Отъ 22 января графъ Аппони (австрійскій посланникъ въ Парижѣ) сообщаетъ Тюльерійскому Кабинету длинную ноту, гдѣ даетъ союзникамъ совершенно другіе совѣты, чѣмъ какіе его Кабинетъ далъ туркамъ. Французское министерство сообщило объ этомъ обстоятельствѣ лондонской конференціи, и лордъ Дадлей объявилъ, что самъ князь Эстергази (австрійскій посланникъ въ Лондонѣ), спрошенный объ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ, что ничего не знаетъ».

Въ то же время, князь Ливенъ сообщилъ Поццо изъ Лондона извѣстіе, что Австрія хочетъ устроить Галицію, подъ именемъ Польскаго королевства, для сына Наполеонова, герцога Рейхштадтскаго. Дѣло было въ томъ, что Австрія не хотѣла ни подъ какимъ видомъ освобожденія Греціи; Англія не хотѣла, чтобъ при этомъ освобожденіи главная роль принадлежала Россіи, чтобъ Турція принуждена была согласиться на это освобожденіе походомъ русскаго войска, который могъ имѣть неожиданныя послѣдствія, разрушить Турецкую имперію, по крайней мѣрѣ, нарушить ея цѣлость и, во всякомъ случаѣ, усилить вліяніе Россіи. Пусть Русскій императоръ даетъ торжественныя обѣщанія, что онъ не увеличитъ своихъ владѣній и не желаетъ раз-

рушенія Оттоманской имперіи: дѣло не въ увеличеніи владѣній, а въ усиленіи вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Вотъ почему, въ отвѣтѣ на русское предложеніе, говорилось, что «нашествіе на Оттоманскую имперію» (l'invasion de l'Empire Ottoman), какими бы увѣреніями оно ни сопровождалось, породитъ опасенія и возбудитъ страсти, несовмѣстимыя съ спокойствіемъ цивилизованнаго міра; послѣ долгой тишины, которою наслаждалась Европа, невозможно государственному человѣку спокойно смотрѣть на первое движеніе великихъ армій и первое столкновеніе великихъ государствъ. Опытъ заставляетъ бояться, что такая борьба будетъ только началомъ длинной цѣпи замѣшательствъ и бѣдствій. Сознаніе опасности нарушенія мира выражалось постоянно въ поведеніи союзниковъ; мирный духъ обнаруживается и въ самомъ Лондонскомъ договорѣ. Положено было принять мѣры для установленія фактическаго перемирія между Портою и греками; но исполненіе этихъ мѣръ не должно было вести къ настоящимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Наваринская битва нарушила эту предосторожность; но это неожиданное событіе не перемѣнило ни природы договора, ни намѣренія союзниковъ, обнаруженнаго въ новыхъ заявленіяхъ въ Константинополѣ, не измѣнило мирныхъ отношеній между этими государствами и Портою. Договоръ имѣлъ исключительно въ виду состояніе Греціи; слѣдовательно операціи, ограниченныя Греціею, будутъ имѣть двойную выгоду—содѣйствовать конечной цѣли предпріятія и не возбуждать опасеній насчетъ цѣлости Оттоманской имперіи, которыя непремѣнно возбудятся, если сухопутныя войска и флотъ отправятся къ ея столицѣ и будутъ заняты области, отдаленныя отъ страны, въ пользу которой условлено дѣйствовать. Война между Россіею и Портою въ настоящихъ обстоятельствахъ получитъ характеръ религіозной войны. Турки, разсвирѣпѣвши отъ нападенія, направленнаго, по ихъ мнѣнію, противъ ихъ вѣры и владѣній, не будутъ сообразоваться съ правилами, которыми обыкновенно руководятся державы въ войнахъ чисто-политическихъ. Возстанія обнаружатся повсюду въ ихъ имперіи, и дѣло, начатое въ видахъ примиренія и человѣколюбія, кончится сценами убійства и опустошеній». Британское правительвтво предлагало ограничиться очищеніемъ Мореи отъ турокъ и занятіемъ Коринѳскаго перешейка, послѣ чего будетъ приступлено къ организаціи Греціи подъ покровительствомъ союзныхъ эскадръ и съ помощію торговыхъ агентовъ; морскіе разбои были бы прекращены и мирная торговля народовъ получила бы правильное теченіе. Чтобъ заставить Порту согласиться на принятіе посредничества, нужно: съ точностію опредѣлить пространство страны, къ которой оно относится; опредѣлить дань, которую греки должны платить Портѣ; опредѣлить вознагражденіе, которое должны получить турки за свои земли въ Греціи; наконецъ опредѣлить права надзора Турціи надъ Греціей.

«Англійская нота»—писалъ Поццо-ди-Борго—«составлена въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы никогда не было Лондонскаго договора и какъ будто бы вопросъ начался только сегодня, тогда какъ инструкціи, данныя посланникамъ и адмираламъ, установляли употребленіе силы, чтобы заставить Порту согласиться на планъ примиренія. Изъ этихъ инструкцій очевидно, что употребленіе принудительныхъ, т. е. враждебныхъ, мѣръ было принято въ принципѣ и приложено на практикѣ. Мы должны серьезно изслѣдовать положеніе, въ какое ставитъ насъ завистливая политика Англіи и дѣятельная и неутомимая ненависть Австріи. По нашему мнѣнію, Императорскій Кабинетъ напрасно будетъ разсчитывать на успѣхъ коллективной системы, для которой его великодушіе принесло столько жертвъ. Принимая эту систему, онъ имѣлъ цѣлью, посредствомъ общаго дѣйствія, достигнуть результатовъ, получить которые, своими одиночными усиліями, ему казалось слишкомъ опаснымъ. Съ своей стороны, Великобританія, соединяясь съ Россіею, хотѣла воспрепятствовать этому одиночному дѣйствію и предполагавшейся его цѣли. Франція присоединилась къ двумъ другимъ государствамъ, чтобъ не остаться одинокою и въ надеждѣ устранить столкновенія. Австрія избрала враждебную роль, съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить всѣ эти соображенія, замедляя все, способствовавшее ихъ осуществленію, и держа себя въ готовности воспользоваться обстоятельствами для внесенія смуты въ союзъ. Англійскій планъ составленъ для того, чтобъ оставить Россію и на будущее время въ тѣхъ непріятныхъ отношеніяхъ, въ какихъ она находится къ Турціи. *Разумъ намъ указываетъ, что смѣлость и мѣры правительствъ, враждебныхъ или завистливыхъ, будутъ всегда въ противоположномъ отношеніи къ идеѣ, которую они составятъ о нашемъ могуществѣ* [1]). Положенію Австріи и Англіи мы должны противопоставить свое собственное и увѣрить ихъ на дѣлѣ, что насъ нельзя захватить врасплохъ и что мы въ состояніи воздать съ лихвою за зло, которое захотятъ намъ сдѣлать. Если князь Меттернихъ убѣжденъ въ этой истинѣ, то не посмѣетъ компрометировать имперію, которою управляетъ; а если осмѣлится, то почувствуетъ слѣдствія. Его слабость сообщится Англіи. Для ослабленія этой державы наша рука должна быть поднята надъ Австріей; интересъ Англіи, состоящій въ томъ, чтобы не подставлять Австрію подъ удары и не давать намъ случая къ торжеству, сдѣлаетъ ее посговорчивѣе. Если эти истины не утвердятся въ головахъ герцога Веллингтона и князя Меттерниха, то мы будемъ встрѣчать во всемъ препятствія, и нѣтъ интриги или заговора,

---

[1]) Тогда разумъ, а теперь опытъ, и какой опытъ? Вспомнимъ Крымскую войну.

которыхъ бы противъ насъ не употребили. Франція вела себя твердо и честно»...

Порта упрощала отношенія, вызывая Россію на войну. Она разослала ко всѣмъ начальникамъ провинцій гатти-шерифъ, въ которомъ Россія была представлена, какъ непримиримый врагъ Оттоманской имперіи и мусульманства: Россія произвела возстаніе грековъ; по ея ухищреніямъ, Англія и Франція отнеслись враждебно къ Портѣ; она нарочно возбудила противъ Турціи внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, чтобъ помѣшать преобразованіямъ, которыя должны были возвратить Турціи прежнюю силу. Тщетно австрійскій интернунцій и прусскій министръ хлопотали изо всѣхъ силъ, чтобъ воспрепятствовать обнародованію этого гатти-шерифа: европейская печать овладѣла имъ, и никто не смотрѣлъ на него иначе, какъ на объявленіе войны. За словомъ слѣдовало дѣло: всѣ русскіе подданные были изгнаны изъ турецкихъ владѣній. Наслѣдникъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирза, сообщилъ генералу Паскевичу, что Порта приглашаетъ персіянъ продолжать войну съ Россіей, обѣщая имъ въ скоромъ времени дѣятельную помощь; наконецъ Порта объявляла, что она вовсе не обязана исполнять Аккерманскій договоръ. Князь Ливенъ долженъ былъ объявить англійскому правительству, что если Порта объявляетъ войну Россіи, возбуждая противъ нея всѣхъ мусульманъ, то Россія должна вступить въ борьбу и даже поспѣшить этихъ вступленіемъ, чтобъ поскорѣе покончить войну, чтобъ не быть принужденною сдѣлать ее слишкомъ рѣшительною и быть въ состояніи уменьшить затрудненія мира. Какое государство можетъ позволить, чтобъ его торговля была остановлена, его подданные выгнаны, его честь оскорблена, его договоры затоптаны ногами? Какое государство можетъ оставить подобныя дѣйствія безнаказанными? Права Россіи, въ этомъ случаѣ, неоспоримы и независимы отъ всѣхъ соглашеній съ другими государствами. Императоръ принужденъ отвѣчать войною на войну, и его войска немедленно перейдутъ Прутъ. Публичная декларація будетъ предшествовать этой мѣрѣ. Всѣ европейскія государства найдутъ въ ней обычную умѣренность его императорскаго величества. Россія не предположитъ для себя ни завоеваній, ни паденія Оттоманской имперіи. Она будетъ искать только средствъ обезпечить безопасность и свободу своей торговли, возобновить договоры, нарушенные Портою, помочь христіанскимъ народамъ, которыхъ эти самые договоры ставятъ подъ покровительство императора, наконецъ получить вознагражденіе за убытки торговые и военные. Во всякомъ случаѣ, Россія, разъ принужденная прибѣгнуть къ оружію, считаетъ обязанностью чести привести въ исполненіе Лондонскій договоръ. Англійское правительство (съ герцогомъ Веллингтономъ во главѣ) было въ крайне затруднительномъ положеніи; оно не могло отвергать права Россіи начать войну съ Турціею и, въ то же время, больше всего боялось этой войны и успѣховъ Россіи, которые дадутъ послѣдней главную роль и приведутъ Греческій вопросъ къ иному рѣшенію, чѣмъ какого желала для него Англія. Эта затруднительность положенія и раздраженіе, отсюда происходящее, выразилось въ отвѣтѣ князю Ливену. Въ отвѣтѣ прямо высказывалось, что теперь союзъ между Россіею, Англіею и Франціею долженъ рушиться.

Франція и Англія должны идти по дорогѣ, указанной Россіею, или вовсе не дѣйствовать. Война Россіи съ Турціею величалась нашествіемъ (invasion) на Турецкую имперію и объявлялось несочувствіе его британскаго величества къ этому нашествію. Указывалось на опасность, какою это нашествіе грозитъ спокойствію Европы. Англійскій Кабинетъ долженъ былъ признаться, что принятіемъ побудительныхъ мѣръ, *Навариномъ*, удалялись отъ главнаго правила, запрещающаго иностраннымъ державамъ вмѣшиваться въ распри государя съ подданными: но здѣсь позволено было только требуемое необходимостью, а въ прочемъ король хотѣлъ, по возможности, держаться предписаній народнаго права. Недаромъ ждали цѣлыя шесть лѣтъ (и какъ будто хорошо дѣлали?) прежде, чѣмъ перешли за линію дружественныхъ внушеній. Надобно было давать время на размышленіе державѣ, которую вовсе не хотѣли уничтожить или унизить, а только направить на путь спасенія и спокойствія (и послѣ еще 50 лѣтъ направляли—съ большимъ успѣхомъ!). Продолжительность бѣдствій необычайныхъ можетъ оправдать рѣшеніе необычайное; но вмѣшательство не должно переходить мѣры золъ, которыя предположено цѣлить; было бы несправедлево и неразумно рисковать разрушеніемъ имперіи для возможности улучшить положеніе части ея подданныхъ, и уничтоженіе пиратства на моряхъ левантскихъ обошлось бы слишкомъ дорого, если бы слѣдствіемъ была всеобщая европейская война (вотъ до какихъ мелкихъ размѣровъ былъ низведенъ Восточный вопросъ!). Оканчивали угрозою: «Война между двумя великими державами не можетъ никогда быть такъ ограничена, чтобъ не оставляла за остальною Европою права наблюдать за ея ходомъ и обсуждать результаты. Россія, считая себя оскорбленною, можетъ требовать удовлетворенія; но, въ эпоху окончательнаго рѣшенія спора, интересы другихъ государствъ, не принимавшихъ участія въ борьбѣ, должны будутъ также быть приняты въ соображеніе». Кн. Ливенъ отвѣчалъ выраженіемъ удовольствія своего правительства, что Англійскій Кабинетъ, по своему просвѣщенію и справедливости, призналъ за Русскимъ императоромъ право объявить войну Турціи. Это признаніе есть актъ, который, открывая Портѣ глаза относительно одиночества, въ какое она себя ставитъ, можетъ только содѣйствовать сокращенію войны. Франція и Пруссія также признали справедливость русскаго дѣла; сама Австрія не выражаетъ

ни малѣйшаго намѣренія поддерживать Турцію. Такое единодушіе державъ разсѣетъ заблужденіе Порты; а если европейскія державы желаютъ, чтобы Россія не была принуждена продолжить и распространить свои военныя дѣйствія, дать имъ силу, которая подвергнетъ опасности судьбы Оттоманской имперіи; если державы желаютъ, чтобъ императоръ не увеличивалъ количества вознагражденій по мѣрѣ дѣлаемыхъ имъ пожертвованій,—то это единодушіе представляетъ лучшее ручательство въ успѣхѣ ихъ усилій, лучшее средство получить счастливые и важные результаты. Англія говорила: пусть Россія начинаетъ войну; но пусть знаетъ, что за ея дѣйствіями будутъ зорко слѣдить, не дадутъ ей распоряжаться въ Турціи, какъ ей угодно; заставятъ ее сообразоваться съ интересами тѣхъ державъ, которыя и не воевали. Россія отвѣчала: отъ европейскихъ державъ зависитъ, чтобъ война скоро прекратилась, Турція не подверглась большой опасности и выгоды другихъ государствъ не были нарушены: пусть только будутъ спокойны и не вмѣшиваются въ войну.

Но если Россія требовала единодушія державъ относительно невмѣшательства, то въ Англіи старались уничтожить это единодушіе. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Полиньякъ, долженъ былъ предложить Англійскому Кабинету присоединиться къ плану Русскаго Двора и дѣйствовать въ духѣ договора 6 іюля, несмотря на причины, заставившія Россію приняться за оружіе. Но Полиньякъ скоро долженъ былъ извѣстить свой Дворъ, что онъ не надѣется на успѣхъ своего предложенія; Англія выходитъ изъ союза, будетъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, и будетъ искать союзниковъ на континентѣ. Прежде всего, она стала предлагать Франціи остаться въ союзѣ съ нею и объявить Россію вышедшею изъ союза; но встрѣтила сильный отпоръ. Король сказалъ Поццо-ди-Борго, что герцогъ Веллингтонъ заблуждается; что идея исключить Россію изъ участія въ исполненіи договора 6 іюля противна праву и политики; что, во всякомъ случаѣ, вмѣшательство императора въ восточныя дѣла есть условіе необходимое, особенно же, когда 200,000 русскаго войска стремятся въ сердце страны, о которой надобно совѣщаться; что Франція употребитъ всѣ возможныя старанія не ссориться съ Англіей, но что не скомпрометтируетъ себя относительно Россіи и не разлучится съ нею никогда. «Во Франціи»—писалъ Поццо—«желаютъ освобожденія грековъ, усматриваютъ вдали изгнаніе турокъ изъ Европы, завидуютъ Англіи и, однако, не знаютъ, какъ извечь какую нибудь существенную для себя выгоду изъ успѣховъ Россіи. При такомъ нерѣшительномъ положеніи, господствуетъ одна идея—приготовляться и ожидать событій».

Но въ Россіи, зная враждебность Англіи и Австріи, желали большей опредѣленности въ отношеніяхъ къ Франціи. Поццо обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ Лаферроннэ съ вопросомъ: что будетъ дѣлать Франція, если Англія и Австрія объявятъ войну Россіи. 9 апрѣля Поццо былъ позванъ за отвѣтомъ къ самому королю; Карлъ X сказалъ ему: «Война императора съ Портою справедлива, потому что султанъ нарушилъ договоръ, котораго печать еще не успѣла простыть. Я не думаю, чтобъ Англія объявила вамъ войну. Если такое несчастіе случится, то я найдусь въ большомъ затрудненіи, ибо если я вступлю въ союзъ съ Россіею, то долженъ буду ожидать, что всѣ удары обратятся на Францію, которая не имѣетъ средствъ отплатить равною монетою въ войнѣ чисто-морской. Но если мы сдѣлаемъ значительныя приготовленія и будемъ поддерживать съ императоромъ самыя дружественныя отношенія, то англійское правительство не разъ подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится; а если рѣшится, то положеніе Франціи, готовой принять участіе въ борьбѣ, смотря по обстоятельствамъ, сильно будетъ ее безпокоить». Тутъ Поццо сказалъ: «Государь! есть еще обстоятельство: если Австрія соединится съ Англіею противъ Россіи?» Король прервалъ его и сказалъ рѣшительнымъ тономъ: «Тогда императоръ найдетъ во мнѣ искренняго друга и вѣрнаго союзника. Но намъ нужно ввести Пруссію въ нашу систему; она подбавитъ большую тяжесть на вѣсы, и Франція получитъ безконечное облегченіе, если избѣгнетъ необходимости бороться съ нею».

Въ то время, какъ Поццо пересылалъ въ Петербургъ описаніе своего разговора съ Карломъ X, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Зиши, пересылалъ князю Меттерниху описаніе своего разговора съ императоромъ Николаемъ. Императоръ началъ подробнымъ разсказомъ о томъ, какъ началось дѣло съ пріѣздомъ герцога Веллингтона въ Петербургъ: «Онъ мнѣ началъ говорить о возстаніи грековъ; о невозможности, со стороны Порты, потушить возстаніе и установить порядокъ; о страшныхъ страданіяхъ человѣчества; о крови, неправедно пролитой, безъ достиженія цѣли; наконецъ о торговыхъ потеряхъ, претерпѣнныхъ уже всѣми народами, и потеряхъ, которыя они должны будутъ претерпѣть, если не положить конецъ такому состоянію дѣлъ. Я отвѣчалъ герцогу, что буду очень радъ присоединиться ко всякой мѣрѣ, которую онъ сочтетъ удобною для достиженія этой цѣли, но что, сказать правду, я такой новичекъ въ дѣлахъ и въ дипломатіи, что не вижу возможности достигнуть цѣли путемъ дипломатическимъ; что если онъ желаетъ предложить мнѣ свои идеи, то я охотно приму всякое средство, ведущее къ цѣли. Протоколъ 4 апрѣля былъ результатомъ этого моего требованія. Я долженъ вамъ замѣтить, что, по моему настоянію, включена была въ протоколъ пятая статья, говорящая, что ни одно изъ договаривающихся государствъ не будетъ имѣть въ виду расширенія своихъ владѣній, ни исключительнаго вліянія, ни какой нибудь особой торговой выгоды. Подумавши нѣсколько дней, герцогъ Веллингтонъ согласился

на эту статью. Я думаю, что тутъ первый разъ получено было отъ Англіи безкорыстное обязательство участвовать въ предпріятіи, требующемъ издержекъ и риска и не представляющемъ никакого пріобрѣтенія, никакой торговой выгоды. Я помню, что я говорилъ тогда герцогу Веллингтону:—«Скажите, какъ, по вашему мнѣнію, турки взглянутъ на наши мѣры, имѣющія цѣлію воспрепятствовать имъ въ укрощеніи возставшихъ подданныхъ? Неужело они спокойно согласятся на наши требованія?» Герцогъ Веллингтонъ мнѣ отвѣчалъ: «О! турки не поведутъ дѣла до крайности, когда увидятъ, что наши рѣшенія серьезны. Съ помощью нѣсколькихъ фрегатовъ мы заставимъ ихъ прекратить военныя дѣйствія, напугаемъ ихъ и принудимъ слушаться разсудка; мы никогда не дойдемъ до войны». Я спросилъ опять: «Если, однако, наши фрегаты принуждены будутъ стрѣлять, неужели турки примутъ это за мирные выстрѣлы?» Герцогъ отвѣчалъ прежнее, что никогда дѣло не дойдетъ до такой крайности. Лондонскій трактатъ былъ слѣдствіемъ петербургскаго протокола. Вы и Пруссія не сочли нужнымъ приступить къ этому договору, о чемъ я не перестану искренне сожалѣть, будучи вполнѣ убѣжденъ, что, если-бы всѣ пять Кабинетовъ держали въ Константинополѣ одинаково грозныя рѣчи и если-бы мы всѣ согласились относительно формы усмиренія возставшихъ областей, то не было бы ничего, что теперь случилось. Я не скрываю отъ себя неудобства и важныхъ опасностей, сопряженныхъ съ предпріятіемъ, которое я начинаю; но это не заставитъ меня отступить отъ исполненія моихъ обязанностей. Я искренне буду сожалѣть, если обстоятельства, мимо человѣческихъ разсчетовъ, приведутъ Порту на край гибели. Я бы желалъ, чтобъ этой печальной катастрофы не было. Я приму начальство надъ войскомъ, чтобъ каждую минуту быть въ состояніи выслушивать предложенія султана и немедленно остановить войска, когда сочту это необходимымъ. Я буду вести войну не потурецки. Впрочемъ, никакое препятствіе не заставитъ меня оставить мое предпріятіе, если бы даже послѣдовало паденіе Оттоманской имперіи. Безъ сомнѣнія, это было бы новое несчастіе, ибо я не вижу еще никакихъ средствъ возстановить это зданіе, если оно рухнетъ. Но и это важное соображеніе не остановитъ меня. Я не могу себя убѣдить, чтобъ мы успѣли склонить Порту простыми угрозами или переговораами. Только пушкою и штыкомъ можно побѣдить сопротивленіе султана. Всѣ мои мѣры уже приняты, и я не могу отступить ни передъ какимъ препятствіемъ. Убытки, причиненные настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Одессѣ, уже простираются до 20 милліоновъ рублей. По послѣднимъ извѣстіямъ, турки позволяютъ себѣ страшныя жестокости въ Сербіи, вопреки Аккерманскому договору; товары лежатъ безъ движенія въ моихъ гаваняхъ, потому что Константинопольскій проливъ запертъ для моихъ кораблей. У меня въ рукахъ матеріяльныя доказательства, что турки хотѣли воспрепятствовать миру моему съ Персіей въ минуту его заключенія. Я однако успѣлъ заключить почетный миръ съ Персіею, и если Богъ мнѣ поможетъ въ настоящемъ предпріятіи, то я заключу миръ съ Портою, и всѣ убѣдятся, что я требую отъ нея только необходимаго для русской торговли и того, чѣмъ я владѣлъ по договорамъ. Я докажу Европѣ, что не мечтаю ни о какихъ завоеваніяхъ, будучи доволенъ своимъ положеніемъ, какъ оно есть».

Въ концѣ апрѣля, русскія войска перешли Прутъ. Извѣстно, что результаты кампаніи 1828 года не были такъ удовлетворительны, какъ надѣялись въ Россіи, какъ опасались въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Здѣсь, разумѣется, были очень рады, а въ Константинополѣ подняли головы. «Дипломатическій геній» счелъ обстоятельства благопріятными для начатія своей кампаніи; онъ началъ внушать о необходимости для четырехъ важнѣйшихъ державъ вступиться въ войну между Россіею и Турціею, причемъ уговаривалъ Англійскій Кабинетъ дѣйствовать на Францію, оттягивая ее отъ Россіи, обѣщая, съ своей стороны, дѣйствовать въ томъ же смыслѣ на Пруссію. Поццо объявилъ Лафероннэ, что императоръ не допуститъ никакого вмѣшательства постороннихъ державъ въ свои дѣла съ Портою, и французскій министръ далъ рѣшительный отвѣтъ, что Франція отвергаетъ всякое подобное предложеніе. Осенью былъ въ Вѣнѣ возвращавшійся съ театра военныхъ дѣйствій герцогъ Мортемаръ. Меттернихъ спросилъ у него, какое впечатлѣніе вынесъ онъ о русскомъ войскѣ и о русскихъ генералахъ. Мортемаръ отвѣчалъ, что вынесъ о русской арміи самое выгодное мнѣніе. Меттернихъ презрительно улыбнулся и сказалъ: «Вы, французы, позволяете себѣ поддаваться блеску; спросите объ этомъ дѣлѣ насъ: мы наблюдаемъ русскихъ сто лѣтъ; ихъ сила только напоказъ, и въ эту минуту это вѣрно болѣе, чѣмъ когда либо; что касается потерь ихъ, то онѣ громадны, Россія нескоро и нелегко отъ нихъ оправится».

То же самое было повторено въ Парижѣ. 1 декабря австрійскій посланникъ при Французскомъ Дворѣ, графъ Аппони, прочелъ Лафероннэ депешу Меттерниха, гдѣ говорилось, что для прекращенія Восточной войны необходимо собрать конгрессъ изъ воюющихъ сторонъ и главныхъ государствъ Европы: настоящія обстоятельства представляютъ великія удобства для того, чтобы дѣйствовать на духъ Русскаго императора; русская армія находится въ совершенномъ разрушеніи и разложеніи, физическомъ и нравственномъ; генералы потеряли духъ, ссорятся другъ съ другомъ. Императоръ въ глубокомъ уныніи; турки увеличиваютъ свои силы и мужество, они отымутъ у русскихъ Варну зимою; великій визирь поклялся въ этомъ своею головой,—у него будетъ 150.000 войска для этой операціи; въ будущую кампанію 300.000 турокъ

бросятся на русскія владѣнія, опустошатъ все на своемъ пути.

Разумѣется, «дипломатическій геній» не вѣрилъ ни одному слову изъ всего этого; но ему нужно было напугать Францію, принудить ее отстать отъ Россіи и соединиться съ Англіею и Австріею, безъ чего ни той, ни другой нельзя было предпринять ничего противъ Россіи. Герцогъ Веллингтонъ также велъ атаку на Карла X. Для успѣха дѣла нужно было перемѣнить настоящее французское министерство, ибо Лаферроннэ былъ сильный приверженецъ русскаго союза. Вліяніе Веллингтона, котораго военная слава далеко превышала дипломатическую славу Меттерниха, было сильнѣе и тѣмъ опаснѣе для Россіи. Веллингтонъ выставлялъ себя охранителемъ монархическихъ принциповъ во Франціи, съ большею умѣренностью, чѣмъ Меттернихъ; но это самое дѣлало его вліяніе еще опаснѣе. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Полиньякъ, пріобрѣвшій вскорѣ потомъ такую печальную извѣстность, былъ обольщенъ Веллингтономъ и собственнымъ честолюбіемъ, и готовилъ себѣ министерское мѣсто. Полиньякъ, пріѣхавши на время въ Парижъ, попробовалъ склонить короля къ соглашенію съ Англіею и Австріею; но Карлъ X остался непреклоненъ. Онъ сказалъ ему прямо: «Я хочу остаться въ союзѣ съ Россіею; если императоръ Николай нападетъ на Австрію, то я буду дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ; но если Австрія нападетъ на Россію, то я сейчасъ двину войска противъ первой. Быть можетъ, война противъ Австріи мнѣ будетъ полезна, потому что прекратитъ внутреннія смуты и займетъ націю въ широкихъ размѣрахъ (en grand), какъ она желаетъ».

Но если бы даже Франція оказала и болѣе податливости, то это не вывело бы Лондонскій Кабинетъ изъ того затрудненія, въ какое онъ былъ повергнутъ политикою Каннинга и тройнымъ договоромъ относительно Греціи. Благодаря этому договору, Россія, Франція и Англія продолжали считаться союзными державами и, попрежнему, продолжали совѣщаться. Постоянныя выходки Меттерниха противъ греческаго дѣла, противъ Лондонскаго договора только раздражали англійское министерство, которое сочло нужнымъ, наконецъ, безцеремонно дать понять хозяину австрійской политики, что не соотвѣтствуетъ дипломатической геніальности толковать одно и то же попусту, ибо ничто на свѣтѣ не побудитъ Англію отклониться отъ Лондонскаго договора, хотя бы она сама считала его досаднымъ промахомъ; что если Меттернихъ хочетъ дѣйствовать съ пользою для Австріи, то долженъ, прежде всего, употребить все свое вліяніе въ Константинополѣ, чтобъ заставить турокъ принять предложеніе трехъ державъ относительно Греціи, а потомъ миръ между Россіею и Портою уже легко можетъ быть заключенъ. 26 декабря 1828 года, отправлена была изъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ знаменитая депеша къ лорду Коулею, посланнику его Британскаго величества въ Вѣнѣ. Безъ сомнѣнія, можно допустить, говорилось въ депешѣ, что русская кампанія, сравнительно съ ожиданіями императора Николая и его арміи и несмотря на взятіе Варны, совершенно не удалась. Эта неудача соединена съ значительными потерями всякаго рода, потерею лошадей, багажа, военнаго продовольствія, и—что еще чувствительнѣе—потерею, по крайней мѣрѣ, временною, репутаціи непобѣдимости, приписываемой русскому войску, можетъ быть и съ излишнею легкостью. Но остережемся выводить изъ этого ложное заключеніе! Эти потери можно вознаградить, послѣ нихъ можно оправиться. Очевидно, что опасеніе несчастій, испытанныхъ русскою арміею, очень преувеличено. Не забудемъ, что не было ни одного генеральнаго сраженія и что императоръ не испыталъ никакого значительнаго пораженія. Были сдѣланы ошибки въ планѣ кампаніи и въ операціяхъ относительно перехода Балканъ; но ничто насъ не уполномочиваетъ предполагать повтореніе этихъ ошибокъ. Вѣрно также, что рядъ случайныхъ препятствій, на возвращеніе которыхъ никакъ нельзя разсчитывать въ другую кампанію, останавливалъ успѣхи русскаго войска. Чрезвычайное поднятіе дунайскихъ водъ замедлило переходъ черезъ рѣку на шесть недѣль. Сухость лѣта была почти безпримѣрна, а въ странѣ между Дунаемъ и Балканами, не имѣющей рѣкъ и постоянно дурно орошаемой, армія много потерпѣла отъ дурнаго качества воды и недостатка ея, потому что источники пересохли. Зима отличалась такимъ же чрезвычайнымъ характеромъ. Необычайно жестокіе холода начались очень рано и сдѣлали осадныя работы невозможными. Но каковы бы ни были русскія потери и какое бы вліяніе ни оказали причины естественныя и неизбѣжныя, мы сильно бъ ошиблись, воображая, что императоръ Николай будетъ отъ этого имѣть менѣе средствъ будущею весною выставить силу, превосходящую ту, съ какою онъ началъ первую кампанію. И что противопоставитъ ему султанъ Махмудъ? Онъ самъ несомнѣнно обладаетъ твердостью характера и силою воли, въ уровень съ труднымъ и опаснымъ положеніемъ. Народъ его одушевленъ религіознымъ энтузіазмомъ, способенъ на большія пожертвованія, чтобъ противиться нападенію, по общему мнѣнію, несправедливому. Въ организмѣ Оттоманской имперіи могутъ быть скрыты или мало видимы пружины, значеніе которыхъ трудно опредѣлить съ точностью; но никто не посмѣетъ разсчитывать на долгое и дѣятельное сопротивленіе государства, которое не обладаетъ никакими финансовыми средствами, котораго войска представляютъ буйную толпу безъ всякой дисциплины и котораго вся правительственная система состоитъ въ разрушеніи и анархіи. Въ депешѣ предписывалось лорду Коулею обратить вниманіе Меттерниха на неизбѣжныя послѣдствія завоеванія Турціи русскими, на противопо-

ложность между турецкими областями и областями всякаго другого европейскаго государства. Въ послѣднихъ, послѣ самыхъ кровавыхъ войнъ и самыхъ широкихъ завоеваній, миръ излечиваетъ всѣ раны. Формы правленія измѣняются, династіи низвергаются или возстановляются, а состояніе общества и дѣйствіе законной власти остаются нетронутыми. Но оттоманскую власть, разъ разрушивъ, возстановить невозможно. Каждая провинція находится въ состояніи смутъ и возмущенія, не только противъ верховной власти султана, но и противъ всякой власти и всякой собственности. Нельзя хладнокровно смотрѣть на ужасы подобной войны; нельзя предвидѣть ея конца; вѣрно одно:—что мы достигнемъ этого конца только послѣ долгихъ терзаній и смертоубійствъ. Извѣстно, какъ важно для короля поддержаніе независимости Турецкой имперіи. Но каковы бы ни были обязанности и желанія на этотъ счетъ, теперь, когда Турція еще существуетъ, вопросъ измѣняется, если Турецкая имперія будетъ разрушена и мусульмане изгнаны изъ Европы; ибо тогда какой государь будетъ въ состояніи наложить на своихъ подданныхъ тяжести и пожертвованія съ цѣлью возвратить турокъ въ среду христіанскихъ народовъ? Эти замѣчанія, быть можетъ, склонятъ австрійское правительство дѣйствовать въ томъ направленіи, которое мы считали самымъ благопріятнымъ для мира, единственнымъ, которымъ, какъ намъ кажется, можно его достигнуть. До тѣхъ поръ, пока статьи Лондонскаго договора не будутъ исполнены, Англія и Франція не будутъ въ состояніи съ успѣхомъ содѣйствовать ни установленію всеобщаго мира, ни сохраненію султанскаго престола. Что бы ни случилось, онѣ не могутъ разорвать своихъ обязательствъ и, предположивъ даже вражду съ Россіею, онѣ не будутъ въ состояніи отстать отъ своего договора. Вѣнскій Дворъ никогда не одобрялъ началъ, на которыхъ постановленъ Лондонскій договоръ, и у насъ нѣтъ намѣренія входить здѣсь въ споры о достоинствахъ этого договора. Допустимъ, что заблужденія и несправедливость участвовали въ его происхожденіи. Если договоръ былъ—зло, то это зло твердо установившееся, и такое зло, котораго вредъ увеличивается по мѣрѣ его продолженія. Если австрійскій министръ думаетъ, что предвидѣнныя имъ затрудненія заставятъ насъ нарушить наши обязательства, то онъ впадаетъ въ роковую ошибку. Его величество искренне желаетъ независимости и твердости Турецкой имперіи, но сохраненіе собственной чести для него дороже и, пока обязательства Лондонскаго договора будутъ существовать, его величество не перестанетъ соблюдать ихъ. Поэтому, главнымъ дѣломъ Австрійскаго Кабинета должно быть употребленіе всего своего вліянія въ Константинополѣ, чтобъ достигнуть улаженія греческаго дѣла, потому что этимъ условія Лондонскаго договора будутъ исполнены, Англія и Франція освободятся отъ ихъ обязательствъ. Выполненіе этого условія облегчитъ всеобщее замиреніе гораздо болѣе, чѣмъ попытка произвести прямое сношеніе Порты съ Россіею. Какъ скоро Лондонскій договоръ будетъ исполненъ, Франція и Англія сейчасъ же будутъ въ состояніи содѣйствовать примиренію. Миръ будетъ возстановленъ посредничествомъ, которое обезпечитъ его твердость. Императоръ Николай, позволительно надѣяться, согласится покончить распрю съ Портою на условіяхъ умѣренныхъ. Заявленія его императорскаго величества и его характеръ даютъ полное право такъ думать; а еслибъ случилось иначе, то нетрудно будетъ указать средства, которыми Англія и Франція могутъ добиться условій мира справедливыхъ и приличныхъ. Такъ вотъ что теперь должно быть цѣлію всѣхъ усилій князя Меттерниха. Оставя всѣ свои прежнія возраженія противъ Лондонскаго договора и хлопоча о его исполненіи такъ-же усердно, *какъ бы онъ былъ дѣломъ Австрійскаго Кабинета*, князь дастъ двумъ державамъ возможность содѣйствовать великой цѣли, въ которой онѣ одинаково заинтересованы.

Тяжело, унизительно было «дипломатическому генію» получить такое внушеніе: безцеремонно говорилось ему, чтобъ онъ бросилъ свои широковѣщательныя возраженія противъ Лондонскаго договора и старался о его исполненіи точно такъ, какъ если бы онъ былъ твореніемъ его рукъ; безцеремонно говорилось ему, чтобъ онъ не разсуждалъ, а исполнялъ. Страшное униженіе для человѣка, который любилъ выставлять себя руководителемъ европейской политики, руководителемъ государей. Предписаніе велитъ стараться объ исполненіи ненавистнаго дѣла, какъ будто это дѣло было его собственное: оскорбительная насмѣшка! Но дѣлать нечего, надобно исполнить приказаніе. Уже и прежде Меттернихъ отчаявался въ возможности уничтожить Лондонскій договоръ и придумывалъ, какъ бы изъ двухъ золъ выбрать меньшее, пришелъ къ тому заключенію, что гораздо выгоднѣе совершенно освободить Грецію изъ-подъ власти турокъ, ограничивъ ея территорію Мореею и островами, ибо оставленіе Греціи подъ властью султана поведетъ къ гарантіи, къ вмѣшательству, причемъ русское вліяніе будетъ господствующимъ. Меттернихъ приказывалъ интернунцію обращать вниманіе Порты на то, что вассальная Греція поведетъ къ такимъ же хлопотамъ, какъ и вассальныя Дунайскія княжества.

Меттернихъ долженъ повиноваться приказанію западной силы; но онъ, слабый, поставленъ въ самое затруднительное положеніе: западная сила, несмотря на соперничество, не хочетъ, не можетъ разрывать съ восточною силою. Надобно, слѣдовательно, умилостивить и другую силу. Въ Петербургъ отправляется графъ Фикельмонъ съ письмомъ императора Франца къ императору Николаю и съ словесными объясненіями. Цѣль этихъ объясненій состояла въ томъ, чтобъ оправдать поведеніе Австріи въ началѣ войны; уничтожить непріятныя впечатлѣнія, которыя часто производило это пове-

деніе; отречься отъ всякой попытки вмѣшательства между Россіею и Портою. Средство достигнуть своей цѣли было употреблено обычное: указать на революціонное движеніе, господствующее во многихъ странахъ, что грозитъ великою опасностью въ будущемъ. Татищевъ долженъ былъ отвѣчать на это кн. Меттерниху по депешѣ гр. Нессельроде отъ 24 февраля 1829 года: такъ какъ Турецкая война продолжается и такъ какъ по *чуждымъ вліяніямъ* сопротивленіе Порты приняло характеръ упорства, то Россія должна обратить все свое вниманіе на интересы, касающіеся ея чести и благосостоянія ея подданныхъ, и потому средства, которыя она могла бы выставить противъ обнаруженій революціоннаго духа, необходимо будутъ парализованы. Австрія больше всѣхъ другихъ государствъ должна желать заключенія мира, но мира славнаго для императора и выгоднаго для имперіи, ибо если миръ не будетъ носить этого характера, значеніе и политическое вліяніе Россіи потерпитъ ущербъ, и нравственная поддержка, которую Россія должна будетъ дать государствамъ дружественнымъ или союзнымъ, будетъ непродолжительна и недѣйствительна. Но, по удивительному противорѣчію, Австрія сочла своею обязанностью вести себя совершенно иначе: она одобряетъ сопротивленіе султана; ея нейтралитетъ не всегда безпристрастенъ, ея сочувствія клонятся очевидно въ пользу Турціи; языкъ ея газетъ умаляетъ наши успѣхи и преувеличиваетъ ничтожныя неудачи. Пусть Австрія откажется отъ плачевной политики, какой она слѣдовала до сихъ поръ; пусть ея агенты въ Лондонѣ поддерживаютъ русское требованіе, чтобъ новая греческая территорія имѣла обширнѣйшіе предѣлы, а не ограничивалась Мореею и Цикладами.

Это желаніе Россіи увеличить греческую территорію встрѣтило, въ началѣ 1829 года, сильное препятствіе. Преданный русскому союзу, французскій министръ Лаферроннэ, опасно заболѣвъ, долженъ былъ сложить съ себя должность и уѣхать въ Ниццу. Король прочилъ на его мѣсто, любимца своего, Полиньяка, который окончательно усилилъ бы англійское вліяніе. Это удалось; несмотря на то, Поццо писалъ: «Очевидно, что наши противники не восторжествовали; но и мы далеки отъ побѣды, особенно по отношенію къ Греціи. Герцогъ Веллингтонъ имѣетъ надъ королемъ (Французскимъ) большую власть, которою онъ имѣетъ случай ежегодно пользоваться, благодаря близости двухъ столицъ. Недовольный своимъ внутреннимъ положеніемъ, этотъ государь тоскуетъ о своихъ любимцахъ и не имѣетъ никакого довѣрія и мало уваженія къ тѣмъ, которыхъ долженъ употреблять въ настоящее время. Герцогъ Веллингтонъ льститъ этому чувству и одобряетъ его; кн. Полиньякъ служитъ посредникомъ ихъ тайныхъ сношеній. Подлѣ интересовъ и мотивовъ столь личныхъ и страстныхъ, греческое дѣло становится второстепеннымъ, и люди, которые совѣтуются съ герцогомъ о томъ, какъ должно управлять Франціей, не станутъ бороться съ нимъ, когда пойдетъ дѣло объ опредѣленіи границъ Греціи. Изъ этой запутанности и изъ этого ложнаго положенія проистекаютъ противорѣчія между обѣщаніями, мнѣ данными въ Парижѣ, и неопредѣленнымъ языкомъ, которымъ французскіе агенты говорятъ въ Лондонѣ. Что касается народнаго чувства, то оно никогда не высказывалось такъ громко за Россію, какъ теперь. Роялисты, называющіе себя чистыми, и конгрегація высказались противъ насъ, какъ сумасшедшіе, проповѣдуя ученія Англіи и Австріи: этой непонятной глупости было достаточно, чтобъ заставить всѣхъ другихъ обратиться на нашу сторону».

Вслѣдствіе усиленія англійскаго вліянія, Франція согласилась на возвращеніе своего посланника, вмѣстѣ съ англійскимъ, въ Константинополь для улаженія греческаго дѣла; но союзъ по этому дѣлу былъ тройной: и такъ какъ русскій посланникъ не могъ возвратиться въ Константинополь, то Россія здѣсь фактически исключалась изъ союза. Когда Поццо замѣтилъ Карлу X о неожиданности такого рѣшенія со стороны Франціи, то король отвѣчалъ, что нельзя было позволить, чтобъ одинъ англійскій посланникъ возвратился въ Константинополь, а это было дѣло рѣшенное и отговорить отъ него герцога Веллингтона не было никакой возможности. Султанъ, окруженный австрійскимъ интернунціемъ и англійскимъ посланникомъ, будетъ смотрѣть только ихъ глазами и слушать ихъ ушами, тогда какъ французскій посланникъ, графъ Гильемино, можетъ не только наблюдать за ихъ поведеніемъ и за характеромъ ихъ внушеній, но сдерживать ихъ и противорѣчить имъ, въ случаѣ надобности, такъ-что представитель Франціи будетъ вмѣстѣ и представителемъ Россіи; императоръ будетъ увѣдомляемъ обо всемъ, что ни произойдетъ въ Оттоманской столицѣ. Поццо, разумѣется, не могъ быть успокоенъ этими словами и прямо высказалъ королю, что кн. Полиньякъ дѣйствовалъ слабо въ Лондонѣ; но въ Парижѣ старались, по возможности, поправить дѣло: Гильемино, дѣйствительно, было наказано, что если султанъ откажется смотрѣть на обоихъ посланниковъ, какъ равно уполномоченныхъ и Россіи, то онъ долженъ немедленно порвать всѣ сношенія въ Портою по греческому дѣлу и отдать отчетъ королю, не позволяя Гордону (англійскому посланнику) уговорить себя къ какой бы то ни было сдѣлкѣ; что онъ долженъ считать себя представителемъ русскихъ интересовъ болѣе, чѣмъ своего товарища; покровительствовать русскимъ подданнымъ, оказывать имъ всевозможную помощь: ему дается право дѣлать непосредственныя сообщенія въ Петербургъ, если сочтетъ это своею обязанностью, и, наоборотъ, если-бы императоръ поручилъ ему что нибудь, долженъ исполнить порученіе немедленно.

Между тѣмъ, кампанія 1829 года началась. Отъ

26 іюня (н. с.) Гордонъ писалъ своему министерству изъ Константинополя: «Кажется, очень вѣрно, что военныя дѣйствія ограничатся линіею Дуная, и другой годъ пройдетъ прежде, чѣмъ русскіе получатъ надежду перенести свои операціи на эту сторону Балкановъ». Менѣе, чѣмъ по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ этого, русское войско уже занимало Андріанополь. Императоръ Николай велѣлъ спросить у Поццо, что дѣлать, если упорство султана заставитъ овладѣть Константинополемъ. Поццо отвѣчалъ, что «все зависитъ отъ обстоятельствъ взятія этого города: если султанъ въ порядкѣ отступитъ въ Азію, то съ нимъ можно договариваться, предложить ему мирныя условія и, если согласится, возстановить его въ Константинополѣ. Если же онъ погибнетъ и Турецкая имперія разрушится, тогда: принявши военное положеніе, самое способное заставить уважать русскую политику, императоръ можетъ пригласить главныя государства Европы, подъ его предсѣдательствомъ, распорядиться нѣкоторымъ образомъ судьбою страны, которую его величество освободилъ своимъ оружіемъ и которую желаетъ возвратить цивилизаціи и правительству благоустроенному. При этомъ Россія должна получить Константинополь, оба берега Босфора, Дарданеллы и островъ Тенедосъ. Константинополь можно сдѣлать вольною гаванью, городъ получитъ самоуправленіе; но въ немъ будетъ русскій гарнизонъ, который будетъ давать Россіи, такъ сказать, молчаливое вліяніе. Слабому государю отдать Константинополь нельзя, потому что тутъ будетъ постоянная борьба между русскимъ и англійскимъ вліяніемъ».

Но султанъ не хотѣлъ ни уходить въ Азію, ни погибать въ Константинополѣ; онъ спѣшилъ мириться; 24 августа (н. с.), двое сановниковъ Порты отправились къ главнокомандующему русскою арміею съ мирными предложеніями; имъ было наказано, относительно всѣхъ статей договора, *полагаться на волю и справедливость* императора Николая. Гильемино писалъ своему министерству, что условія мира, предложенныя съ русской стороны, безконечно великодушны. Французскій посланникъ прибавлялъ, что раздраженіе и отчаяніе его товарища, Гордона, выше всякой мѣры, и что онъ нисколько ихъ не скрываетъ.

1876.

ПРОГРЕССЪ И РЕЛИГІЯ.

Десять лѣтъ тому, авторъ предлагаемой статьи считалъ нужнымъ вооружиться противъ нападокъ на прогрессъ, которыя находилъ вредными для правильнаго историческаго пониманія. Тогда онъ писалъ: «Къ какимъ неимовѣрнымъ странностямъ и къ какому безплодію ведетъ анти-историческое направленіе и этотъ будистскій протестъ противъ прогресса, это стремленіе возвратиться къ первоначальной простотѣ отношеній, стремленіе, обличающее недостатокъ нравственныхъ силъ, неумѣніе сладить съ прогрессомъ, матеріялизмъ, невѣріе въ нравственныя силы человѣка, который, по мнѣнію новыхъ буддистовъ, тогда только чистъ и свѣжъ, когда живетъ въ лѣсу, и портится, когда выступаетъ на высшее общественное поприще[1]). Теперь чувствуется надобность вооружиться противъ крайностей напраленія противоположнаго, противъ обоготворенія прогресса, которому должно быть подчинено все, которому должна быть подчинена религія, изъ чего выводится необходимость новой религіи, ибо христіанство, говорятъ, не соотвѣтствуетъ болѣе той степени прогресса, на которой находится теперь человѣчество. Мы не беремъ на себя задачи, которая не по силамъ нашимъ,—задачи защищать христіанство; мы не коснемся богословскихъ вопросовъ: мы ограничимся одною научною историческою средою и ея средствами постараемся уяснить вопросъ объ отношеніи прогресса къ религіи, и именно къ христіанству, потому что безъ рѣшенія этого вопроса невозможно и рѣшеніе другихъ важныхъ историческихъ вопросовъ.

Люди, съ мнѣніями которыхъ мы будемъ имѣть дѣло, глубоко, какъ говорятъ они сами, убѣждены, что «религія есть неистребимая потребность натуры человѣческой; если иногда кажется, что потребность эта ослабѣваетъ и будто засыпаетъ, то потомъ она вдругъ пробуждается съ большею силой. Ясно также, что новыя ученія не представляютъ достаточной пищи для вѣры, для потребности вѣрить. Тѣ, для которыхъ религія есть вдохновеніе чисто индивидуальное, могутъ довольствоваться вѣрованіями, которыя теперь существуютъ въ общемъ сознаніи. Но религія прежде всего есть связь душъ: отсюда необходимость церкви и богослуженія. Человѣкъ не довольствуется проходящимъ существованіемъ на землѣ, какъ бы оно прекрасно ни было; онъ жаждетъ вѣчности. И дѣло идетъ не объ одномъ безсмертіи, котораго онъ желаетъ: дѣло—въ связи съ безконечнымъ Существомъ, отъ Котораго онъ получилъ свое существованіе и безъ Котораго онъ не сумѣетъ жить. Кто будетъ его руководителемъ по тернистому пути жизни? Кто будетъ его вдохновлять въ борьбѣ страстей противъ требованій долга? Гдѣ найдетъ онъ опору и утѣшеніе въ неизбѣжныхъ бѣдствіяхъ, которыя сопровождаютъ самыя нѣжныя привязанности? Кто будетъ поддерживать его надеждой? Кто укрѣпитъ его вѣру въ минуты сомнѣній, изнеможенія нравственнаго? Богъ—и только одинъ Богъ. Слѣдовательно, связь между существомъ конечнымъ и Существомъ Безконечнымъ необходима, и эта связь составляетъ сущность религіи. Не признавая этой связи и отвергнувъ идею религіи, философы XVIII вѣка тщетно поставили на ея мѣсто человѣчество: однѣ обязанности къ человѣчеству не составляютъ религіи. Пусть человѣкъ посвятитъ всего себя ближнимъ: эти дѣйствія любви недостаточны для наполненія его души. Если въ человѣкѣ не удовлетворяется потребность стремленія къ безконечному, потребчость самая сильная; если бы какъ нибудь можно было уничтожить всякую идею, которая не относится къ сему дольнему міру; если бы человѣкъ не видалъ другого горизонта, кромѣ того, который предъ его глазами,—то не изсякъ ли бы источникъ самопожертвованія? Что осталось бы душѣ, заключенной въ такую тѣсную темницу, кромѣ эгоизма, кромѣ наслажденія удовольствіями этой кратковременной жизни? Если не таковъ былъ плодъ ложныхъ ученій философовъ XVIII вѣка, такъ это потому, что человѣкъ никогда не дастъ себя изувѣчить нравственно. Онъ носитъ въ себѣ знаменіе своего божественнаго происхожденія, элементъ безконечнаго, и не разстается съ этимъ стремленіемъ даже въ заблужденіяхъ своихъ. Это не мѣшаетъ однако заблужденію быть гибельнымъ, и потому надобно возвратиться къ истинѣ. Еслибъ ученіе о чувствахъ не смутило свободныхъ мыслителей XVIII вѣка, вѣра въ безконечный прогрессъ, которая ихъ воодушевляла, должна была

[1]) См. «Историческія Письма».

бы повести ихъ къ вѣрованію въ безконечное существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если допускается, что развитіе нашихъ способностей есть цѣль нашей жизни, то невозможно допустить остановки. Такимъ образомъ, идея прогресса, приложенная къ индивидууму, тождественна съ идеей его безсмертія. Въ этомъ философія и христіанство сходятся; матеріялизмъ съ своими странностями и пантеизмъ съ своими мечтами не найдутъ никогда доступа въ общее сознаніе. Общество не можетъ жить безъ религіозныхъ вѣрованій: ему нужна вѣра, какъ нуженъ хлѣбъ» [1]).

Итакъ, мы имѣемъ дѣло не съ матеріялистами и ихъ странностями, не съ пантеистами и ихъ мечтами, а съ людьми вѣрующими, вѣрующими въ личное существованіе Бога и въ безсмертіе души человѣческой. Мало того, мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые требуютъ положительной религіи. «Въ двухъ противоположныхъ движеніяхъ разрушенія и реакціи, которыя мы видимъ въ XVIII и XIX вѣкахъ, заключается великое поученіе. Разрушеніе не удовлетворяетъ: люди никогда не покинутъ вѣры, какъ бы она ни была несовершенна, для ничтожества; они говорятъ, что лучше имѣть какое-нибудь убѣжище противъ бурь жизни, чѣмъ выставлену быть на ненастье безъ одежды и крова. Пока длится борьба, люди, принимающіе въ ней участіе, могутъ вдохновляться разрушеніемъ, имп совершаемымъ; но когда почва усѣяна развалинами и осколками и воинскій жаръ потухъ, что остается борцамъ? Что остается тѣмъ, которые, будучи чужды борьбѣ, не хотятъ покинуть своего жилища, какъ бы оно ни было неудобно, чтобы расположиться подъ открытымъ небомъ на развалинахъ? Время разрушенія прошло, и только застроивши вновь, мы можемъ уничтожить то, что осталось отъ ударовъ XVIII вѣка. Возведемъ величественное зданіе, которое можетъ принять всѣхъ требующихъ убѣжища, и они поспѣшатъ покинуть свои избушки. Какъ построить это новое зданіе? Достаточно ли собрать безобразные камни, которые лежатъ здѣсь и тамъ—печальные остатки старой религіи? Прочное зданіе не строится изъ ветхихъ, гнилыхъ матеріяловъ. Когда хотимъ возстановить религіозныя вѣрованія, то надобно вдохновляться не прошедшимъ, а будущимъ. Надобно, чтобы прошедшее преобразовалось подъ вліяніемъ чувствъ и идей, сѣмена которыхъ Богъ вложилъ въ нѣдра человѣчества. Воспользуемся урокомъ и примемся за работу; Богъ не оставитъ насъ своею помощію» [2]).

Гдѣ-то на Западѣ хотятъ строить величественный храмъ новой религіи; по какому плану и рисунку, изъ какихъ матеріяловъ,—не открываютъ: говорятъ только отрицательно, что стараго не будетъ. Конечно, можно было бы сказать: подождемъ, увидимъ. Но дѣло въ томъ, что мы принадлежимъ къ страстнымъ приверженцамъ прогресса, а дожидаться — значитъ остановиться. Намъ скажутъ: «Зачѣмъ останавливаться, сидѣть сложа руки и дожидаться,—ступайте къ намъ строить величественный храмъ!» Мы бы охотно пошли; но прежде позвольте предложить два самые простые вопроса: возможна ли и нужна ли эта постройка?

Вѣра признается необходимою, несокрушимою въ человѣчествѣ; но что такое вѣра? Я знаю то, что совершенно ясно понимаю, чѣмъ мой разумъ овладѣлъ вполнѣ собственными средствами; я вѣрю тому, чего понять не могъ, для овладѣнія чѣмъ средства моего разума несостоятельны. Все, что подлежитъ моимъ чувствамъ, все, что существуетъ матеріально, подчиняется общимъ законамъ бытія,—все это я могу знать. Но для мыслящаго существа есть необходимость признавать разумную причину причинъ, Высшее Существо, есть необходимость въ самомъ себѣ признавать то, что не подлежитъ уничтоженію, что должно существовать и по разрушеніи видимаго организма; такимъ образомъ есть необходимость признавать существованіе особаго міра, который мы называемъ духовнымъ. Явленія этого міра и его отношенія къ подлежащему нашимъ чувствамъ міру для насъ непостижимы,—и здѣсь-то область вѣры. Но кому же мы будемъ вѣрить относительно этихъ явленій и отношеній? Никакому человѣку мы не повѣримъ, ибо ни одинъ человѣкъ собственными средствами постичь ихъ не можетъ. Отсюда необходимость религіи откровенной: только Самъ Богъ можетъ открыть о Себѣ и нашихъ отношеніяхъ къ Нему, сколько для насъ нужно и возможно. Но что самъ Богъ вамъ откроетъ, то есть истина вѣчная и неизмѣнная, ибо только въ таковую мы можемъ вѣрить. Язычникъ или магометанинъ нынче вѣритъ такъ, завтра онъ убѣждается въ превосходствѣ христіанскаго ученія—и принимаетъ его, потому что вѣритъ ему, какъ единому истинному и божественному. Но если вы скажете человѣку, что то, во что онъ вѣруетъ теперь, упразднится; что будетъ религія высшая, но и эта другая высшая религія упразднится въ свою очередь вслѣдствіе прогресса человѣчества, то кто будетъ вѣрить, кто согласится признавать извѣстное ученіе истиннымъ, будучи убѣжденъ, что, спустя нѣкоторое время, это ученіе будетъ отвергнуто, какъ ложное, и замѣнится другимъ, а это, въ свою очередь, смѣнится третьимъ и т. д.? Насъ приглашаютъ строить храмъ новый религіи, и позволяютъ себѣ толковать о прочности этого зданія, не подозрѣвая, что смѣются сами надъ собою самою злою насмѣшкой: кто пойдетъ строить *прочное* зданіе съ убѣжденіемъ въ его непрочности? Вся эта безсмыслица происходитъ оттого, что люди, взявшіеся толковать о вѣрѣ, не взяли труда уяснить себѣ сущность предмета, не спросили у перваго вѣрующаго, будетъ ли онъ вѣрить, когда убѣдится въ измѣ-

[1]) Laurent.—Etudes sur l'histoire de l'humanité XII, p. 9, 51, 63, 68, 71, 78, 183, 221.

[2]) Тамъ же, стр. 223.

няемости вѣроученія. Для каждаго, понимающаго сущность вѣры, очевидно, что она не можетъ подчиняться прогрессу.

Религія предполагаетъ неизмѣняемость, прогрессъ предполагаетъ измѣненіе; но это различіе условливаетъ ли ихъ взаимное исключеніе? Нисколько, если не смѣшивать насильственно области религіи и прогресса. Это будетъ очевидно изъ разбора мнѣній писателей, виновныхъ въ такомъ насильственномъ смѣшеніи,—изъ разбора ихъ мнѣній относительно прогресса и христіанства, которое они хотятъ упразднить, какъ не удовлетворяющее болѣе потребностямъ времени. Они обращаются къ христіанству съ упреками за то, что оно есть — религія! «Философія и религія», говорятъ они, «могутъ жить въ согласіи только подъ однимъ условіемъ, чтобы религія не происходила путемъ чудеснаго откровенія и не провозглашала догматовъ, которыхъ разумъ принять не можетъ. Если же, напротивъ, религія считаетъ за собою божественное происхожденіе; если, какъ основаніе для своего ученія, устанавливаетъ таинства, которыя разумъ человѣческій не понимаетъ или отвергаетъ, то согласіе между философіей и религіей невозможно [1]). Но разумъ не помѣшалъ вамъ признать бытіе Бога и безсмертіе души? И развѣ въ то же время разумъ далъ вамъ средства изучить этотъ иной, совершенно различный отъ нашего міра, міръ, который мы называемъ духовнымъ? Развѣ вы, посредствомъ разума, узнали существо Бога и существо души человѣческой, отдѣльно отъ тѣла пребывающей? Развѣ разумъ не признаетъ все это непостижимымъ, невозможнымъ для изученія, неизвѣстнымъ? Но какое же мы имѣемъ право заключать отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, не имѣя возможности провѣрить этого заключенія опытомъ? Какое право мы имѣемъ требовать, чтобъ условія этого совершенно инаго существованія были тождественны съ условіями извѣстнаго намъ существованія? Вы смѣетесь надъ легендами, порожденными дѣтскою фантазіей толпы, въ которыхъ отношенія духовныхъ существъ представляются въ формахъ здѣшней жизни; а сами что дѣлаете, требуя, чтобы тамъ не было ничего такого, что бы не походило на здѣшнее, что бы было непонятно намъ, знающимъ только здѣшнія условія бытія?

Вѣрованіямъ, догматамъ христіанскимъ противополагаютъ какія-то философскія вѣрованія и догматы—относительно чего же? Относительно будущей жизни. Говорятъ: «Если признано, что развитіе нашихъ способностей есть цѣль нашей жизни, то невозможно, чтобъ была остановка въ этомъ развитіи; слѣдовательно идея прогресса, приложенная къ индивидууму, тождественна съ идеей его безсмертія». Въ этомъ пунктѣ философія согласна съ христіанствомъ; но философы, соглашаясь съ христіанами относительно признанія жизни безконечной, сильно расходятся съ ними относительно условій жизни будущей, и причиною тому опять идея прогресса. Христіанство учитъ, что будущая жизнь есть состояніе неизмѣняемое; философы думаютъ, что будущая жизнь для всѣхъ существъ сотворенныхъ есть продолженіе ихъ предшествовавшаго существованія, непрерывное движеніе къ совершенствованію. Тварь, будучи несовершенна по своей сущности, будетъ всегда приближаться къ цѣли, никогда ея не достигая; но и никогда не можетъ быть приведена въ такое состояніе, гдѣ бы всякое развитіе сдѣлалось невозможнымъ. Нѣтъ, слѣдовательно, ни ада, ни рая, но жизнь прогрессивная, имѣющая цѣлію идеалъ совершенства. Прогрессивное существованіе индивидуума принадлежитъ къ области вѣры; наука не можетъ утверждать, существовалъ ли человѣкъ прежде чѣмъ родился; равно она не знаетъ, гдѣ и въ какихъ условіяхъ будетъ препровождаться будущее его существованіе [2]).

Итакъ, вы признаетесь, что не знаете условій будущей жизни; по какому праву вы утверждаете, что тамъ будетъ такая же форма бытія, какая заключается здѣсь, именно форма прогресса? Вы сами говорите, что прогрессивное существованіе человѣка принадлежитъ къ области вѣры: но кто открылъ вамъ эту тайну? кто проповѣдалъ этотъ догматъ? кому вы *повѣрили*?—Какимъ-то философамъ, которые изъ идеи прогресса вывели личное безсмертіе! Но другіе философы, очень извѣстные, вовсе не считали нужнымъ съ идеею прогресса соединять личное безсмертіе: кому же мы должны вѣрить? Въ этихъ вещахъ можно вѣрить только одному Богу; христіане и вѣрятъ Ему одному, не считая для себя позволительнымъ мечтать о формахъ загробной жизни и переносить въ нее формы здѣшней жизни, ибо это позволительно только дѣтской фантазіи необразованной толпы, да, какъ видно, еще какимъ-то философамъ.

Послѣдуемъ за проповѣдниками прогрессивной религіи и будущей жизни въ настоящую. Они переносятъ дѣло на историческую почву и считаютъ себя здѣсь твердыми. «Религія подчиняется ли общему закону прогресса?»—спрашиваютъ они, и отвѣчаютъ: «Защитники христіанства говорятъ, что нѣтъ, и съ ихъ точки зрѣнія они правы, ибо они думаютъ, что обладаютъ истиною абсолютною, а совершенное совершенствоваться не можетъ. Разумѣется, тѣ, которые отвергаютъ абсолютную истину, должны по этому самому допустить прогрессъ истины религіозной, какъ всякой другой истины. Христіанство не есть ли прогрессъ относительно язычества и даже мозаизма? Какъ этотъ прогрессъ совершился? Философы говорятъ, что переворотъ совершился работою человѣчества; вѣрующіе утверждаютъ, что христіанская религія есть чудесное откровеніе Божества. Исторія за философовъ: она учитъ насъ, что прогрессъ со-

[1]) Laurent, XII, 68, 69.

[2]) Laurent. XII, 217.

вершался въ области религіи, какъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Это рѣшительно для великаго вопроса, поднятаго нами. Если былъ религіозный прогрессъ въ прошедшемъ, то почему онъ невозможенъ въ будущемъ» [1])?

Во-первыхъ, здѣсь незаконное смѣшеніе области религіи съ другими сферами *человѣческой дѣятельности*. Если въ извѣстной сферѣ совершилось что нибудь, похожее на совершающееся въ другой сферѣ, изъ этого не слѣдуетъ еще, что обѣ сферы сходны и въ обѣихъ господствуетъ одинъ законъ. Мы видѣли, что вѣровать можно только въ абсолютно истинное. Мы знаемъ одну откровенную религію въ двухъ завѣтахъ состоящую: въ Ветхомъ Завѣтѣ основнымъ вѣрованіемъ было вѣрованіе въ будущее, въ исполненіе обѣтованій и завершеніе всего; въ Новомъ, когда исполнилось и завершилось все, не говорится ничего о возможности будущей новой религіи, говорится о будущей жизни въ совершенно иныхъ предъ нынѣшними условіяхъ, но въ необходимой связи съ христіанскими вѣрованіями.

Но какъ скоро наши философы аппеллировали къ исторіи, то мы съ этою аппелляціей разстаться не можемъ. Что такое прогрессъ, какъ намъ показываетъ его исторія? Исторія показываетъ намъ, что все органическое, къ которому принадлежатъ народы и цѣлое человѣчество, проходитъ одинаково чрезъ извѣстныя видоизмѣненія бытія, родится, растетъ, дряхлѣетъ, умираетъ. Исторія показываетъ намъ различныя степени развитія у разныхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и пребывающихъ на ней; показываетъ высокую степень развитія народовъ арійскаго племени, особенно тѣхъ, которые поселились въ Европѣ. Исторія этихъ народовъ представляетъ два отдѣла—древній и новый, языческій, или греко-римскій, и христіанскій. Народы, дѣйствовавшіе въ первомъ отдѣлѣ, прошедши извѣстныя видоизмѣненія бытія, умерли, передавъ богатое наслѣдство своимъ преемникамъ; тѣ, въ свою очередь, пережили возрастъ дѣтства; когда пришло время учиться, принялись за книги, оставленныя древними, воспользовались богатымъ наслѣдствомъ и обнаружили блестящіе успѣхи, явили сильную степень развитія. Но въ христіанствѣ нѣтъ догмата, чтобы народы, его исповѣдывающіе, не сходили никогда съ исторической сцены, никогда не дряхлѣли и не умирали, и потому имѣемъ обязанность признать и относительно народовъ, теперь дѣйствующихъ, общій законъ. Когда нибудь и они перестанутъ дѣйствовать, перестанутъ существовать. Придетъ ли очередь кочевникамъ Средней Азіи, неграмъ Африки, патагонцамъ Америки,—мы не знаемъ; но законъ останется неизмѣненъ: человѣчество въ своихъ настоящихъ условіяхъ на обитаемой имъ планетѣ должно одряхлѣть и умереть. Христіане вѣруютъ, что человѣчество будетъ жить иною, высшею жизнію; и наши философы говорятъ, что вѣруютъ въ то же самое; но поступаютъ при этомъ самымъ непростительнымъ для философовъ образомъ: хотятъ на эту новую жизнь распространить законы и формы жизни иной, старой, прекратившейся,—жизни, протекавшей въ совершенно другихъ условіяхъ. Прогрессъ, какъ условіе жизни здѣшней, долженъ прекратиться съ ея прекращеніемъ, *если не раньше*. Когда послѣдуетъ это прекращеніе, мы не знаемъ; *съ исторической, до сихъ поръ* прогрессивною, жизнію человѣчества на землѣ *находится въ связи* то явленіе въ области откровенной религіи, что Ветхій Завѣтъ смѣняется Новымъ; связь видимая, для насъ доступная, состоитъ въ томъ, что смѣна Ветхаго Завѣта Новымъ условила сильнѣйшій прогрессъ у народовъ, принявшихъ христіанство, —и только. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы человѣчество дли своего земнаго бытія нуждалось не въ двухъ завѣтахъ, а въ пяти или шести. Такимъ образомъ то, что мы называемъ прогрессомъ человѣчества, въ историческомъ смыслѣ условилось тѣмъ, что даровитые и въ выгодное положеніе поставленные народы, по смерти своей, были смѣнены даровитыми же и въ еще болѣе выгодное положеніе поставленными народами. Идти дальше этого явленія историкъ не имѣетъ никакого права.

Человѣчество нуждается, говорятъ, въ новой религіи, ибо христіанство не удовлетворяетъ болѣе, и вотъ его вина: «Есть прогрессъ индивидуальный и прогрессъ соціальный; какое же между ними отношеніе? Ограничивать прогрессъ учрежденіями соціальными и политическими есть заблужденіе, въ которомъ виновны соціалисты. Соціалисты забываютъ, что человѣкъ есть виновникъ прогресса; слѣдовательно онъ долженъ совершенствовать общество; но какъ онъ это сдѣлаетъ, если самъ останется неподвиженъ? Пусть помѣстятъ дикаря въ самое совершенное общество: онъ возвратится въ свои лѣса, ибо найдетъ тамъ существованіе, болѣе соотвѣтствующее своимъ вкусамъ и понятіямъ. Хотите преобразовать общество—начинайте съ преобразованія человѣка. Есть еще погрѣшность, болѣе важная, въ ученіи соціалистовъ: они низводятъ человѣка до животнаго или до машины; нѣтъ нужды до умственнаго и нравственнаго развитія, лишь бы машина была искусно устроена; человѣкъ низведенъ до инструмента; не онъ становится цѣлью, но общество, вслѣдствіе чего индивидуумъ поглощается обществомъ, уничтожается. Но есть другая крайность, состоящая въ томъ, чтобы все приписывать индивидууму, его совершенствованію, и равнодушно смотрѣть на соціальныя учрежденія. Это—стремленіе стоицизма, и въ извѣстныхъ отношеніяхъ христіанское ученіе воспроизвело ошибки стоиковъ. Епиктетъ равнодушно сносилъ свое рабское состояніе, ибо внутренно онъ былъ свободенъ, освободившись отъ тиранства страстей. И христіанину не было нужды до деспотизма Римской

[1]) Laurent, XII, 72.

имперіи: гражданинъ небеснаго Іерусалима, пришлецъ въ мірѣ семъ, онъ имѣлъ одну цѣль—обезпечить спасеніе души. Христіане, подобно стоикамъ, забывали, что человѣкъ, по своей природѣ, существо общественное, точно такъ-же, какъ одаренное разумомъ. Совершенствовать общественныя учрежденія—значитъ трудиться для своего собственнаго совершенствованія. Общество и индивидуумъ находятся подъ взаимнымъ вліяніемъ другъ друга» [1]).

Итакъ, выходитъ, что христіане равнодушны къ общественнымъ учрежденіямъ, къ ихъ усовершенствованію. Но вы сами признаете, что общественное совершенствованіе находится въ необходимой связи съ индивидуальнымъ, именно въ связи слѣдствія и причины: общественное совершенствованіе невозможно безъ индивидуальнаго; человѣкъ, неспособный, не приготовленный къ лучшимъ учрежденіямъ, уйдетъ отъ нихъ: какимъ же образомъ ученіе, имѣющее цѣлію нравственное совершенствованіе индивидуума, можетъ не имѣть приложенія къ совершенствованію общественному; какъ можетъ быть мыслима причина безъ слѣдствія и слѣдствіе безъ причины? Епиктетъ могъ быть равнодушенъ къ своему рабскому состоянію, освобождая себя, какъ ему казалось, отъ господства страстей; христіанинъ-рабъ такъ же можетъ быть равнодушенъ къ своему состоянію; но у него есть обязанность любить своего ближняго какъ самого себя; точно такая же обязанность лежитъ и на его господинѣ. Если бы слабость человѣческая допустила на землѣ такое общество, всѣ члены котораго были бы проникнуты христіанскимъ чувствомъ, всѣ любили бы другъ друга какъ сами себя, и желающіе быть большими были бы всѣмъ слугами, то спрашивается: какой бы имѣли смыслъ слова: рабъ, господинъ, деспотизмъ и т. п.?—спрашивается, какая была бы нужда измѣнять общественныя и политическія формы? Но христіанство именно ставитъ такое требованіе отъ общества и государства, такой идеалъ; измѣненія формъ, прогрессъ въ этомъ отношеніи происходитъ отъ болѣе или менѣе яснаго сознанія этого идеала и отъ невозможности приблизиться къ нему по недостатку средствъ человѣческихъ, отъ невозможности достигнуть высокой степени индивидуальнаго совершенствованія, при которой формы не требовали бы измѣненій. Кчему, напримѣръ, нужны были бы законныя гарантіи, ограниченія власти, если бы всѣ, владѣющіе и подчиненные, любили другъ друга, какъ сами себя? Христіанство, постановивъ такое высокое нравственное требованіе, которому человѣчество, по слабости своихъ средствъ, удовлетворить не можетъ, —а еслибъ удовлетворило, то упразднились бы измѣненія формъ и прогрессъ,—христіанство, по тому самому, есть религія вѣчная. Извѣстная религія тогда только можетъ уступить мѣсто другой, высшей, когда человѣчество, въ своемъ развитіи, переступитъ ея требованія, которыя окажутся ниже его нравственныхъ стремленій, какъ и дѣйствительно случилось съ религіями наиболѣе развитыхъ народовъ древности передъ пришествіемъ Спасителя. Но когда требованія, выставленныя религіею, такъ высоки, что пребудутъ для человѣчества недосягаемымъ идеаломъ, то какое основаніе мечтать о какой-то новой высшей религіи? Позволительна ли такая мечта на основаніи прогресса, когда прогрессъ именно условливается недосягаемостію идеала? Такимъ образомъ прогрессъ нисколько не противорѣчитъ христіанству, ибо онъ есть произведеніе слабости человѣческихъ средствъ и высоты религіозныхъ требованій, поставленныхъ христіанствомъ; христіанство поднимаетъ человѣчество на высоту, и это-то стремленіе человѣчества къ идеалу, выставленному христіанствомъ, есть прогрессъ въ мірѣ нравственномъ и общественномъ.

Прогрессъ освящается христіанствомъ и противорѣчить ему не можетъ. Но, въ то же время, христіанство, ставя наивысшій идеалъ, не можетъ имѣть дѣла непосредственно ни съ какими обществами и политическими формами, потому что если бы христіанство остановилось на какихъ-нибудь формахъ и освятило ихъ, то этимъ самымъ оно прекратило бы прогрессъ. Нашимъ философамъ желательны теперь извѣстныя общественныя и политическія формы, и они негодуютъ на христіанство, зачѣмъ оно не освятило ихъ; но хороши поклонники прогресса, которые думаютъ, что развитіе этихъ формъ уже закончилось! Если же оно не закончилось, то зачѣмъ требовать отъ христіанства, чтобъ оно освящало формы преходящія и, связываясь съ ними, дѣлалось бы необходимою религіею временною? Наши философы чувствуютъ свою опасность въ этомъ вопросѣ и стараются избѣжать ея; они говорятъ: «Справедливо, что Іисусъ Христосъ произноситъ глубокомысленное слово, которое служитъ какъ бы постояннымъ побужденіемъ къ совершенствованію: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ». Если человѣкъ, существо несовершенное по своей природѣ, долженъ безпрестанно приближаться къ совершенству Создателя, то чрезъ это ему задается безконечная работа совершенствованія. Вотъ, повидимому, прогрессъ, и прогрессъ безконечный. Но онъ не производится работою человѣка, и поэтому здѣсь не можетъ быть рѣчи о совершенствованіи. Какъ нѣтъ прогресса, если Богъ открываетъ истину міру путемъ чудеснымъ: такъ точно нѣтъ прогресса, если человѣкъ получаетъ сверхъестественный свѣтъ благодати. Философы также допускаютъ божественное вдохновеніе, руководство Провидѣнія; но они допускаютъ ихъ чрезъ посредство человѣчества, и разумъ есть орудіе индивидуальнаго совершенствованія, точно такъ же, какъ и соціальнаго прогресса» [2]). Отчаянное средство не удалось: хотя и есть прогрессъ, да нѣтъ его; хотя мы и допускаемъ бо-

[1]) Laurent, XII, 75.

[2]) Laurent, XII, 85, 86.

жественное дѣйствіе, божественную помощь, божественное руководство, но не допускаемъ ничего иначе, какъ черезъ разумъ человѣческій. Вамъ такъ угодно, гг. философы; вамъ не нравится средство совершенствованія, признаваемое христіанами; но своимъ непозволительнымъ уклоненіемъ отъ настоящаго дѣла къ вопросу о средствахъ вы не достигаете цѣли: остается очевиднымъ, что христіанство требуетъ безконечнаго прогресса: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ».

Ударъ, направленный противъ христіанства во имя прогресса, не достигаетъ цѣли: оказывается, что христіанство требуетъ безконечнаго прогресса. Для нашихъ философовъ остается рядъ жалкихъ придирокъ, издавна повторяемыхъ. Разсмотримъ и эти придирки.

«Зачѣмъ», говорятъ, «Іисусъ Христосъ и апостолы не осудили рабства? Изъ этого ясно, что христіанство есть религія индивидуальная, имѣетъ дѣло только съ отдѣльнымъ человѣкомъ, занимается только его спасеніемъ, введеніемъ его въ общеніе святыхъ: вотъ единственная свобода, единственное равенство, единственное братство, которыя имѣютъ въ виду ученики Христа. Міръ политическій они оставляютъ кесарю и прилаживаются ко всѣмъ формамъ правленія» [1]). Отвѣчаемъ: если религія требуетъ, чтобъ я видѣлъ въ рабѣ брата, то этимъ она укрѣпляетъ или ослабляетъ, подкапываетъ рабство? Разумѣется,—второе. Если бы христіанство обратилось къ народамъ съ требованіемъ уничтоженія рабства, то прежде всего они не признали бы такой религіи; но христіанство, отрекаясь отъ всякихъ политическихъ формъ, обратилось къ человѣку съ своими требованіями индивидуальнаго совершенствованія. Лучшіе люди, наиболѣе способные къ совершенствованію, послушались призыва, христіанство утвердилось и начало подкапывать неправственныя явленія въ обществахъ, въ томъ числѣ и рабство. Что частные люди передъ смертію начали отпускать рабовъ, думая видѣть въ этомъ дѣло угодное Богу, очищающее грѣхи, показываетъ лучше всего, какъ христіанство дѣйствовало противъ рабства, какъ приготовляло его уничтоженіе, воспитывая народъ въ томъ понятіи, что рабство — дѣло нехорошее; что нельзя имѣть рабомъ человѣка, искупленнаго кровію Спасителя, — человѣка, который есть храмъ Духа Св., и т. д. Христіанство, отрекаясь отъ временныхъ политическихъ формъ, доступно всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ народамъ, на какой бы степени развитія они ни находились, и ведетъ ихъ къ возможному совершенствованію, не насилуя ихъ, не требуя отъ младенца того, что доступно только взрослому, но во всякое время, во всякомъ возрастѣ отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, дѣйствуя благодѣтельнымъ, смягчающимъ образомъ. Въ то время, когда экономическія и другія препятствующія развитію условія не позволяютъ народу освободиться отъ рабства, христіанство дѣйствуетъ, смягчая отношенія, преклоняя на милосердіе господъ, доступныхъ его внушеніямъ, и поднимая нравственно рабовъ. Рабство и теперь не исчезло изъ христіанскихъ странъ въ разныхъ своихъ видахъ, и неизвѣстно, когда исчезнетъ; но христіанство будетъ всегда обнаруживать свое смягчающее вліяніе. Извѣстно, что въ странахъ наиболѣе развитыхъ и обильныхъ народонаселеніемъ, гдѣ предложеніе труда превышаетъ требованіе, владѣлецъ промышленнаго заведенія можетъ относиться къ работникамъ совершенно какъ господинъ къ рабамъ, и можетъ позволять себѣ въ отношеніи къ нимъ безнаказанно такіе же безнравственные поступки, если отказался отъ христіанства, какъ религіи, не удовлетворяющей болѣе его высокимъ потребностямъ, и ждетъ построенія храма новой, высшей религіи.

Упрекаютъ христіанство за нетерпимость и говорятъ, что терпимостью мы обязаны философіи XVIII вѣка. Здѣсь видно также отсутствіе правильнаго историческаго взгляда. Христіане считали и считаютъ своею обязанностію проповѣдывать, распространять свою религію и охранять ее; въ вѣка грубости то и другое могло совершаться средствами насилія; во времена, отличающіяся большею мягкостію нравовъ, это совершается другими средствами; но эту мягкость произвело то же христіанство, по своей сущности, какъ религія любви. Утверждать противное—значитъ отказаться отъ историческаго и всякаго смысла, отнять у христіанства его историческое значеніе и пойти прямо къ отрицанію прогресса. Христіанство ведетъ борьбу съ невѣріемъ, и не должно думать, что эта борьба недавняя, что ее надобно начинать съ XVIII вѣка. Мы встрѣчаемся съ невѣріемъ во всѣ вѣка; во всѣ вѣка встрѣчаемся съ людьми, которые говорятъ: «Жестоко слово это; кто его можетъ послушать?» Но въ одни времена болѣе невѣрующихъ тайно: одни—люди равнодушные, исполняющіе религіозныя обязанности по привычкѣ, ибо всѣ окружающіе такъ дѣлаютъ; нѣтъ движенія, которое возбуждало бы ихъ къ противному, не слышится вопроса: «Ты на какую сторону?»—другіе изъ страха выдаютъ себя за вѣрующихъ; третьи—изъ политическаго убѣжденія, что для массы надобно поддерживать религію, какъ начало консервативное. Въ иной вѣкъ болѣе видимой религіозности—вслѣдствіе матеріяльныхъ сдержекъ правительства и общества; въ иной—вслѣдствіе нравственныхъ сдержекъ, то есть, болѣе людей, сильныхъ словомъ и дѣломъ, которые ратуютъ за религію, какъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ на Западѣ; а иногда такихъ людей нѣтъ, и перевѣшиваетъ другая сторона, какъ было тамъ же въ XVIII вѣкѣ. Въ это же самое время обнаруживается въ обществѣ стремленіе къ свободѣ и терпимости, что даетъ невѣрію возможность высказаться. Но это стремленіе произошло вслѣдствіе

[1]) Laurent. XII, стр. 21.

долгой работы вѣковъ подъ вліяніемъ христіанства, а не было произведено вдругъ ученіемъ философовъ XVIII вѣка, ибо успѣхъ на неприготовленной почвѣ есть чудо; а философы чудеснаго не допускаютъ; да и философы XVIII вѣка, проповѣдывая терпимость *для себя,* въ минуту откровенности признавались, что если бы можно, то они охотно стали бы дѣйствовать противъ христіанства діоклетіановскими средствами. Вольтеръ, въ письмахъ своихъ къ Фридриху II, жалѣетъ, что философы не довольно многочисленны и не довольно ревностны, чтобы произвести возрожденіе міра *огнемъ и мечемъ*. Понятно, что свобода и терпимость суть важныя благопріятствующія условія для христіанства въ борьбѣ его съ невѣріемъ, ибо онѣ всего яснѣе обнаруживаютъ могущество его средствъ. Могущество это обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе напоръ враждебныхъ силъ. Христіанство вышло съ торжествомъ изъ эпохи матеріяльнаго гоненія. Философы во Франціи воспользовались своимъ временемъ въ концѣ XVIII вѣка и возобновили-было матеріяльное гоненіе; но духъ новаго времени не даетъ возможности продолжаться этому гоненію, и наши философы должны прибѣгнуть къ другимъ средствамъ,—къ гоненію насмѣшками надъ суевѣріемъ, надъ вѣрою въ чудесное, къ гоненію во имя науки, разума, противъ вѣрующихъ, какъ противъ невѣждъ и слабоумныхъ, что сильно дѣйствуетъ на толпу полуобразованныхъ людей, не могущихъ вникнуть въ дѣло и опредѣлить правильно отношеніе науки къ религіи. Тяжесть этого гоненія усиливается еще друзьями, которые хуже враговъ,—людьми, которые въ защитѣ религіи не разбираютъ средствъ и тѣмъ самымъ показываютъ слабость своей вѣры, ибо кто вѣритъ въ божественность и вѣчность христіанства, тотъ не станетъ поддерживать его мелкими, нечистыми средствами. Несмотря на то, дѣло нашихъ философовъ находится, по ихъ же словамъ, не въ желанномъ положеніи. Такъ называемые философы XVIII вѣка сказали все, что можно было, противъ христіанства, такъ-что ихъ послѣдователи XIX вѣка должны твердить только зады. Но какъ же эти послѣдователи смотрятъ на дѣятельность своихъ предшественниковъ и ея результсты? «Философія», говорятъ они [1]), «не считала разрушеніе исключительнымъ своимъ дѣломъ; если она разрушила, то для того, чтобы на мѣстѣ стараго зданія воздвигнуть новое». Теперь послушаемъ, чѣмъ дѣло кончилось. «Начавшись противъ суевѣрія, борьба кончилась враждою ко всякой религіи и даже нравственности. Дошли до матеріялизма, до отрицанія Бога, духовной стороны въ человѣкѣ, до отрицанія свободы, нравственнаго закона, дошли до фатализма. Всѣ эти выводы были допущены свободными мыслителями XVIII вѣка, правда, не безъ протеста. Руссо и Вольтеръ протестовали противъ атеизма и его гибельныхъ послѣдствій, но ихъ голосъ не былъ услышанъ; самые смѣлые шли до конца, и на концѣ находили то, что по справедливости можно назвать ничтожествомъ. Если здѣсь вся философія XVIII вѣка, то надобно осудить ее рѣшительно, ибо она ложна въ основаніи. Поспѣшимъ сказать, что то, что принимаютъ за ученіе философовъ, не есть ихъ настоящее ученіе: это только оружіе противъ христіанства, искаженнаго Церковію. Въ глазахъ XVIII вѣка религія была синонимомъ суевѣрія, жреческихъ плутней, господства духовенства; онъ не хотѣлъ этого ни подъ какимъ видомъ, и потому не хотѣлъ поддерживать идеи Бога, безсмертія души, то-есть, основѣныхъ догматовъ всякой религіи, потому и присталъ преимущественно къ матеріялистическому ученію» [2]).— Хорошо объясненіе и вмѣстѣ оправданіе! Люди шли послѣдовательно отъ одного вывода къ другому и дошли до ничтожества. Но это, говорятъ, не есть ученіе, это только оружіе. А въ XIX вѣкѣ развѣ нейдутъ тою же дорогой и не доходятъ точно такимъ же образомъ до ничтожества? Гдѣ же настоящее-то ученіе? Гдѣ же новое зданіе, имѣющее быть построеннымъ изъ ничтожества, ибо ничего другого въ результатѣ не оказалось? Матеріялъ отличный! Пора, кажется, приниматься за работу. А между тѣмъ старое зданіе все стоитъ невредимо; оружіе, противъ него направленное, оказывается недѣйствительнымъ.

Повторяютъ, что христіане равнодушны къ міру сему, ибо религія Христа есть религія другого міра; христіанамъ нѣтъ дѣла до извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ формъ. Но мы уже говорили о томъ, что религія вѣчная не должна быть связана ни съ какими временными, преходящими формами, ибо въ противномъ случаѣ она остановила бы прогрессъ и упразднила бы свободную волю человѣка, или перестала бы быть вѣчною. Говорятъ: «Надобно достигнуть такой религіи, которая бы давала удовлетвореніе натурѣ конечной человѣка и вмѣстѣ его натурѣ безконечной: человѣку нужна религія этого и другого міра; противоположность между этимъ и другимъ міромъ должна исчезнуть» [3]). Спрашивается: какое другое удовлетвореніе можетъ дать религія конечной натурѣ человѣка, кромѣ того, которое дается ей въ христіанствѣ? Кинутъ темную фразу объ уничтоженіи противоположности между настоящею и будущею жизнію, объ удовлетвореніи потребностямъ конечной и безконечной натуры, и думаютъ, что сказали что-нибудь, рѣшили что-нибудь. Человѣкъ при условіяхъ земной жизни стремится къ подчиненію себя потребностямъ своей конечной натуры; чтобы не допустить его до совершеннаго подчиненія этимъ потребностямъ, надобно его безпрестанно будить, указывать ему на необходимость удовлетворять потребностямъ безконечной его натуры, что и есть дѣло религіи. Религіи не нужно внушать человѣку,

[1]) Laurent, XII, 56.

[2]) Laurent, XII, 42, 43.

[3]) Laurent, XII, 53.

чтобъ онъ удовлетворялъ потребностямъ своей конечной натуры: это онъ сдѣлаетъ безъ всякаго внушенія; но величайшаго труда стоитъ ему оторваться отъ удовлетворенія этимъ потребностямъ и удовлетворить другихъ; религія напоминаетъ ему объ этомъ; но однихъ напоминаній мало: нуженъ примѣръ,—и являются избранники, которые показываютъ возможность для человѣка освобождаться изъ-подъ гнетущаго вліянія потребностей конечной природы и удовлетворять преимущественно потребностямъ природы безконечной по предписаніямъ религіи. Противъ этихъ-то людей и вооружаются наши философы, ихъ-то и упрекаютъ въ оставленіи міра сего для міра иного, въ нарушеніи равновѣсія между потребностями двухъ природъ человѣка, конечной и безконечной. Но посмотримъ, можетъ ли быть и должно ли быть поддерживаемо это равновѣсіе? Какъ скоро вы произнесли эти два слова: *конечное* и *безконечное*, то вы уже опредѣлили, что одно, безконечное, выше другого, конечнаго, и послѣднее необходимо должно находиться въ подчиненномъ отношеніи къ первому. Наши философы утверждаютъ, что человѣка по смерти ждетъ не рай и не адъ, но прогрессъ, дальнѣйшее развитіе. Имъ при этомъ выгодно скрыть правду, правосудіе; но такой отчаянный способъ пользы имъ не приноситъ. Кто изъ людей, убѣжденныхъ въ существованіи будущей жизни, можетъ отрѣшиться отъ представленія, что въ этой высшей жизни будетъ господствовать правда, что каждому, слѣдовательно, воздастся по дѣламъ его? Умалчивая объ этомъ, наши философы дѣлаютъ упрекъ христіанству въ томъ, будто оно внушаетъ своимъ послѣдователямъ корыстное побужденіе къ добру: поживешь хорошо, будешь въ раю; станешь вести себя здѣсь дурно,—попадешь въ адъ. Но философы наши умалчиваютъ и здѣсь о главномъ, а именно о томъ, что христіанство предписываетъ своимъ послѣдователямъ любовь, исключающую всякое корыстное побужденіе; въ христіанствѣ проповѣдывается и величайшее милосердіе въ случаѣ обращенія отъ зла къ добру, но вмѣстѣ проповѣдывается и правда: иначе не была бы удовлетворена одна изъ самыхъ важныхъ потребностей нравственной природы человѣка. Наши философы утверждаютъ, что нѣтъ ни рая, ни ада, но есть прогрессъ въ будущей жизни; но такъ кидать словами нельзя, надобно объясниться. Если человѣкъ не исчезнетъ по смерти, но будетъ продолжать существованіе, и притомъ будетъ развиваться, совершенствоваться, прогрессъ долженъ находиться въ необходимой связи съ здѣшнимъ его существованіемъ. На какой ступени развитія переняла его смерть, отъ той онъ долженъ поступать къ дальнѣйшему совершенствованію. Но однихъ смерть застаетъ на самой низкой ступени духовнаго развитія, другихъ—на высокой; такъ какъ въ развитіи скачковъ быть не можетъ и, на этомъ основаніи, нельзя предположить, чтобы по смерти всѣ люди были равны, то необходимо слѣдуетъ допустить, что существованіе людей по смерти будетъ различное на основаніи той степени развитія, какой они достигли въ здѣшнемъ мірѣ; существованіе того человѣка, который начинаетъ свое развитіе съ высшей ступени, будетъ естественно выше и блаженнѣе существованія того человѣка, который долженъ будетъ начинать съ низшей ступени, первый уйдетъ далеко передъ вторымъ. А высшая ступень развитія что нибудь да значитъ; вѣдь это высшая ступень блаженства. Если человѣкъ, принявшій ученіе нашихъ философовъ о прогрессѣ въ будущей жизни, сдѣлаетъ приведенный выводъ (а не сдѣлать его онъ не можетъ), то онъ непремѣнно скажетъ самому себѣ: за гробомъ ждетъ меня дальнѣйшее развитіе на основаніи здѣшняго, но ясно, что при другихъ условіяхъ; тѣло свое оставлю здѣсь; слѣдовательно тамъ будетъ развиваться только мой духовная сторона, на основаніи того развитія, какое я дамъ ей здѣсь; слѣдовательно я долженъ преимущественно заботиться о томъ, что останется со мною, а не о томъ, что погибнетъ; и по христіанскому ученію будетъ тѣло,—да другое; условій здѣшней жизни не будетъ, люди будутъ житъ какъ ангелы. Такимъ образомъ, если наши философы, отвергая, какъ они говорятъ, странности матеріализма и мечты пантеизма, основываясь на общемъ сознаніи, допустятъ будущую жизнь; какъ скоро подлѣ смертности тѣла, подлѣ прекращенія условій здѣшней жизни, будетъ поставлено безсмертіе души, то какъ бы ни представляли они будущую жизнь, никто не придетъ къ заключенію, что возможна религія, въ которой исчезла бы противоположность между этимъ и другимъ міромъ. Необходимый выводъ будетъ тотъ, что надобно принять между обоими мірами отношеніе, постановленное въ христіанствѣ: «Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и вся сія приложатся вамъ». «Вся сія», то есть, удовлетвореніе потребностямъ конечной природы человѣка; условія здѣшней жизни не отвергаются, благословляются, но поставлены въ правильное отношеніе къ безконечному, то есть,—въ подчиненное, зависимое. Правильность этого отношенія сказывается на ежедневномъ опытѣ: только удовлетворительное нравственное состояніе человѣка и общества обезпечиваетъ имъ и матеріяльное благосостояніе; и до какой бы степени могло достигнуть послѣднее, если бы, вмѣсто мечты о построеніи храма новой религіи, побольше людей занялись исполненіемъ предписаній старой, занялись бы водвореніемъ любви и правды между ближними. «Вся сія» приложились бы.

Итакъ, какъ скоро предполагается будущая жизнь, то конечное необходимо становится въ подчиненное отношеніе къ безконечному. Вотъ почему люди, желающіе, какъ они говорятъ, *возстановить права матеріи*, такъ вооружаются противъ безсмертія; отсюда всѣ «странности матеріялизма и мечты пантеизма». Но, удерживая вѣру въ безсмертіе души, требовать, чтобъ уничтожена была противоположность между здѣшнею и загробною

жизнію,—это всего страннѣе и мечтательнѣе; отношеніе между ними можетъ быть только такое, какое постановлено въ христіанствѣ. Здѣшняя жизнь необходимо является временною и слишкомъ кратковременною въ сравненіи съ вѣчностію, съ будущимъ, является необходимо приготовленіемъ къ этому будущему; слѣдовательно все вниманіе должно быть обращено на эту цѣль. Но такъ какъ стремленія, отвлекающія вниманіе человѣка отъ этой цѣли и погружающія его вполнѣ въ здѣшнюю земную жизнь, страшно могущественны, то религія постоянно возвращаетъ его вниманіе къ настоящей цѣли бытія, причемъ сильно дѣйствуетъ примѣръ людей, богатыхъ духовными средствами, которые умѣли не терять изъ виду этой цѣли. Упрекать этихъ людей, то есть, истинныхъ христіанъ, въ томъ, что они для будущаго забываютъ настоящее,—есть безсмыслица. Надобно поставить вопросъ прямо: забываютъ ли эти люди свои обязанности къ настоящему? И какъ они могутъ забыть ихъ, когда главная обязанность, имъ предписанная, есть любовь къ ближнему; когда, по ихъ ученію, блаженная будущность будетъ для нихъ потеряна, если они въ каждомъ страждущемъ ближнемъ не будутъ видѣть Бога и откажутъ ему въ помощи? Развѣ можно истиннаго христіанина приравнять къ тѣмъ безнравственнымъ лицамъ, которыя выражали свой крайній эгоизмъ, свое равнодушіе къ участи ближнихъ, долженствовавшихъ остаться послѣ нихъ на землѣ, знаменитымъ выраженіемъ: «Послѣ насъ потопъ»? Развѣ та же самая любовь не заставляетъ христіанина заботиться и о будущности общества, гдѣ послѣ него остаются тѣ же ближніе? И развѣ исполненіе обязанности къ ближнему, предписываемое христіанствомъ, не ведетъ прямо къ благосостоянію общества? Христіанинъ, говорятъ, долженъ, по своему ученію, терпѣть обиды, и потому не можетъ содѣйствовать утвержденію правды въ обществѣ, обузданію насилій сильнаго. Но говорить такимъ образомъ—значитъ—самымъ недобросовѣстнымъ образомъ притворяться непонимающимъ дѣла, самымъ недобросовѣстнымъ образомъ обходить сущность его. Дѣйствительно, христіанинъ обязанъ терпѣть обиды, ему наносимыя; но развѣ онъ обязанъ терпѣть обиды, нанесенныя его ближнему? Развѣ тутъ не предписано ему положить душу свою за него? Христіанство предписываетъ своему послѣдователю то, что мы называемъ великодушіемъ, и то, что мы называемъ гражданскимъ мужествомъ,—добродѣтели, на которыхъ зиждется благосостояніе общества. Доходятъ дотого, что упрекаютъ христіанство въ стремленіи уничтожить идею права, потому что апостолъ Павелъ упрекаетъ коринѳскихъ христіанъ за ихъ любовь къ тяжбамъ! Говорятъ [1]): «Если бы всѣ христіане послѣдовали апостолу, то что бы сталось съ правосудіемъ»? Скажутъ: въ немъ бы не было нужды. Да, не было бы нужды, если бы мы были на седьмомъ небѣ; но мы на землѣ,—мы существа несовершенныя, хотя и стремящіяся къ совершенству, и потому правосудіе есть необходимость нашей природы. Религія, которая уничтожаетъ идею права, годна не для общества, годна только для монаховъ». Хорошъ выводъ! Мы на землѣ, мы существа несовершенныя, хотя и стремящіяся къ совершенству; но спрашивается: большое количество тяжбъ есть ли признакъ общества болѣе совершеннаго? Что же, повашему, апостолу Павлу слѣдовало похвалить коринѳянъ за то, что между ними было много тяжбъ? Не безпокойтесь, тяжбы не прекратятся; но важно то, чтобы судьи слѣдовали предписаніямъ христіанства, подчинялись требованіямъ своей безконечной природы, и тогда будетъ правосудіе; если же они будутъ подчиняться потребностямъ своей конечной природы, то правосудіе исчезнетъ.

Но любопытнѣе всего то, что подобныя выходки противъ христіанства, противъ его неспособности удовлетворять болѣе потребностямъ общества, противъ его стремленія отвлечь людей отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей дѣлаютъ писатели, занимающіеся исторіею; дѣлая эти выходки, они совершенно забываютъ, что сами прежде говорили о дѣятельности христіанъ на общую пользу. Вотъ что они, напримѣръ, говорили [2]): «Провинціи Римской имперіи, безпрестанно опустошаемыя народами Сѣвера, ежедневно призывали на помощь мирное вмѣшательство епископовъ. Нѣкоторые изъ нихъ нашли славную смерть, идя противъ ярости варваровъ, еще язычниковъ, и потому нечувствительныхъ къ увѣщаніямъ, которыхъ не понимали. Но иногда мужество епископа поражало побѣдителя: варвары изумлялись, когда ихъ останавливалъ старикъ; они удивлялись душевной силѣ—и повиновались иногда какъ дѣти. Въ древности не было связи между народами, паганизмъ былъ источникомъ ненависти и угнетенія, тогда какъ христіанство сдѣлало изо всѣхъ людей братьевъ. Благотворительность святыхъ цѣлила язвы, которыхъ они не могли предотвратить. Св. Амвросій безпрестанно взывалъ къ благотворительности въ пользу плѣнныхъ: «Самое богоугодное дѣло», говоритъ онъ, «возвратить отечеству гражданина, отцу его ребенка и спасти цѣломудріе женщинъ». Онъ жертвовалъ церковными сосудами для выкупа плѣнныхъ. «Лучше», говорилъ онъ, «сберечь души для Бога, чѣмъ золото. Онъ не далъ своимъ апостоламъ золота для проповѣданія Евангелія». Нужна была благотворительность, доведенная до героизма, для облегченія такихъ страшныхъ страданій. Св. Епифаній стоялъ въ уровень своему положенію; но онъ нашелъ себѣ достойнаго соперника въ апостолѣ Норики, Св. Северинѣ. Северинъ удалился сначала въ одну изъ восточныхъ пустынь; но неодолимое призваніе извлекло его изъ пріят-

[1]) Laurent, XII, 204.

[2]) Laurent, V, 70 и слѣд.

*

наго уединенія и поставило среди варваровъ. Ему предложили епископство; онъ отказался, чтобы посвятить всего себя подвигамъ благотворительности. Онъ утвердилъ свое пребываніе въ странахъ придунайскихъ, гдѣ происходило безпрерывное движеніе варварскихъ народовъ; опустошенія, рѣзня, плѣненіе были событіями ежедневными. Северинъ поднялъ мужество побѣжденныхъ, человѣкъ мира явился сильнѣе воиновъ. При видѣ его варвары испытывали чувства уваженія и страха: святый пользовался этимъ, чтобъ удалять ихъ или заставлять ихъ отпускать плѣнныхъ. Апостолъ Норики поучалъ побѣжденныхъ сносить лишенія ихъ бѣдственной жизни, налагалъ на самого себя произвольныя лишенія, и т. д.». Слишкомъ долго было бы исчислять примѣры исполненія гражданскихъ обязанностей во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ, которые представляетъ намъ исторія христіанства. И послѣ этого рѣшиться толковать, что христіанство есть религія другого міра; что оно препятствуетъ исполненію нашихъ обязанностей здѣсь на землѣ! Какъ будто основная заповѣдь любви не условливаетъ необходимо исполненія этихъ обязанностей, ибо, требуя самоотверженія, христіанство требуетъ самаго горячаго участія къ судьбѣ ближнихъ; а развѣ человѣкъ можетъ быть отдѣленъ отъ общества? Указываютъ на людей, бѣжавшихъ отъ общества, удалившихся въ пустыни, и упрекаютъ ихъ за то, что въ этомъ удаленіи они видѣли наивысшее исполненіе требованій христіанства; но забываютъ, что пустыня не оставалась запертою для общества, которое нуждалось въ примѣрѣ людей, сильныхъ духомъ, могущихъ, во имя высшихъ требованій, отказаться отъ всего того, что имѣетъ для большинства неотразимую прелесть. Развѣ ежедневный опытъ не показываетъ намъ, что привязанность къ тѣлу, чѣмъ пренебрегли пустынники, служитъ для человѣка побужденіемъ ко всему дурному, ко всякой неправдѣ, именно заставляетъ его измѣнять общественнымъ интересамъ, не исполнять гражданскихъ обязанностей, отчего и страдаетъ общество: отсюда необходимость и высокое значеніе явленія, что человѣкъ можетъ стать выше всѣхъ этихъ мелкихъ интересовъ и привязанностей. Развѣ исторія не показываетъ намъ, что въ этихъ пустыняхъ и монастыряхъ воспитывались герои христіанства, проповѣдники, совершавшіе такіе подвиги, какіе были не-подъ-силу людямъ, остававшимся въ обществѣ? Пусть человѣкъ, называющій себя историкомъ, скажетъ, положа руку на сердце, что монашество даромъ пріобрѣло важное значеніе и могущественное вліяніе на общество. Если же не даромъ, то для чего эти выходки противъ него, выходки противъ христіанства за то, что оно произвело и освятило такое явленіе?

Взаключеніе мы можемъ посовѣтовать одно нашимъ философамъ: не становиться на историческую почву,—это для нихъ крайне опасно.

1868 г.

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Проходитъ 200 лѣтъ съ того дня, какъ родился великій человѣкъ. Отовсюду слышатся слова: надобно праздновать двухсотлѣтній юбилей великаго человѣка; это наша обязанность, священная, патріотическая обязанность, потому что этотъ великій человѣкъ нашъ, русскій человѣкъ. Наука, ученое общество при университетѣ хлопочетъ о воздвигнутіи памятника небывалаго, достойнаго дѣятельности великаго человѣка. Священная патріотическая обязанность! сильныя слова, способныя возбудить сильное чувство; но чѣмъ сильнѣе чувство, чѣмъ священнѣе предметъ, на который оно направлено, тѣмъ болѣе предосторожностей должно быть употреблено для его разумнаго направленія. Что праздновать и какъ?—первый вопросъ, который здѣсь задаетъ человѣкъ, способный разумно относиться къ каждому явленію, способный допрашивать это явленіе о его смыслѣ, а не подчиняться ему безотчетно. Такимъ образомъ, первая обязанность общества образованнаго: разъяснить для себя значеніе дѣятельности великаго человѣка; сознать свое отношеніе къ этой дѣятельности, къ ея результатамъ; узнать, восколько эти результаты вошли въ нашу жизнь; что они произвели въ ней, какое ихъ значеніе для настоящаго, для будущаго; иначе праздникъ будетъ празднымъ. И мы собрались здѣсь, наканунѣ праздника, чтобы приготовиться къ нему; наканунѣ праздника усиливается работа для человѣка, который хочетъ свѣтло, достойно праздновать; во имя величайшаго изъ тружениковъ Русской Земли приглашаю васъ, господа, къ труду—обозрѣть трудъ его, подумать надъ нимъ.

Двухсотлѣтній юбилей великаго человѣка—это значитъ, что мы обладаемъ матеріалами, средствами оцѣнивать его величіе, накопившимися въ продолженіе 200 лѣтъ. Каждое историческое явленіе объясняется рядомъ предшествовавшихъ явленій и потомъ всѣмъ послѣдующимъ. 200 лѣтъ думалъ русскій человѣкъ о Петрѣ, и, говоря это, мы не подвергаемся обвиненію въ большой неточности, потому что великій человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, является въ исторіи очень рано, 10 лѣтъ—и является на самомъ видномъ мѣстѣ; слѣдовательно вычетъ не великъ. 200 лѣтъ безъ чего-нибудь русскій человѣкъ думалъ о Петрѣ, думалъ постоянно: что же онъ надумалъ?

Думая о Петрѣ, думая о томъ, за что называютъ его великимъ человѣкомъ, разумѣется, русскій человѣкъ долженъ былъ думать и о томъ, что такое великій человѣкъ вообще. Бываютъ въ жизни народовъ времена, повидимому, относительно тихія, спокойныя: живется, какъ жилось издавна, и вдругъ обнаруживается необыкновенное движеніе, и дѣло не ограничивается движеніемъ внутри извѣстнаго народа, оно обхватываетъ и другіе народы, которые претерпѣваютъ на себѣ слѣдствія движенія извѣстнаго народа. Человѣка, начавшаго это движеніе, совершавшаго его; человѣка, по имени котораго знаютъ его время потомки,—такого человѣка называютъ великимъ. Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, возрастъ юный, для большинства народнаго очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, не имѣющею никакого отношенія къ своему вѣку и своему народу,—силою, дѣйствующею съ полнымъ произволомъ; народъ относится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носитъ на себѣ всѣ слѣдствія ея дѣятельности; великому человѣку принадлежитъ починъ во всемъ, онъ создаетъ, творитъ все средствами своей сверхъестественной природы.

Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныя времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ, болѣе или менѣе сильныхъ, иногда отзывающихся болѣзненно на организмѣ, смотря по ходу развитія, по причинамъ, коренящимся во всей предшествовавшей исторіи народа. При такихъ движеніяхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа отъ одного порядка жи-

зни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ, движенія, перехода, и, силою своей воли, своей неутомимой дѣятельности, побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое передъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Какъ люди, они должны и ошибаться въ своей дѣятельности, и ошибки эти тѣмъ виднѣе, чѣмъ виднѣе эта дѣятельность; иногда по силѣ природы своей и силѣ движенія, въ которомъ они участвуютъ на первомъ планѣ, они ведутъ движеніе за предѣлы, назначенные народною потребностію и народными средствами. Это производитъ извѣстную неправильность, остановку въ движеніи, часто заставляетъ дѣлать шагъ назадъ, что мы называемъ реакціею; но эта неправильность временная, а заслуга вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими.

Такимъ образомъ, великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа, онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, его дѣятельность теряетъ характеръ случайности, произвола; онъ высоко поднимается, какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли; дѣятельность его получаетъ великое значеніе, какъ удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. При такомъ взглядѣ на значеніе великаго человѣка и его дѣятельности высоко понимается народъ: его жизнь, исторія является цѣльною, органическою, неподверженною произволу, капризу одного сильнаго средствами человѣка, который можетъ остановить извѣстный ходъ развитія и толкнуть народъ на другую дорогу, вопреки воли народной. Исторія народа становится достойною изученія, представляетъ уже не отрывочный рядъ біографій, занимательныхъ для воображенія людей, остановившихся на дѣтскомъ возрастѣ, но даетъ связное и стройное представленіе народной жизни, питающее мысль зрѣлаго человѣка, который углубляется въ исторію, какъ науку народнаго самопознанія.

Въ двѣсти безъ чего-нибудь лѣтъ, пережитыхъ Россіею со дня рожденія Петра, русская мысль относилась различно къ этому великому человѣку и его дѣятельности. Различіе взглядовъ происходило, во-первыхъ, отъ громадности дѣла, совершеннаго Петромъ, и продолжительности вліянія этого дѣла;—чѣмъ значительнѣе какое-нибудь явленіе, тѣмъ болѣе разнорѣчивыхъ взглядовъ и мнѣній порождаетъ оно, и тѣмъ долѣе толкуютъ о немъ, чѣмъ долѣе ощущаютъ на себѣ его вліяніе; во-вторыхъ, оттого, что русская жизнь не остановилась послѣ Петра, и при каждой новой обстановкѣ ея мыслящій русскій человѣкъ долженъ былъ обращаться къ дѣятельности Петра, результаты которой оставались присущими при дальнѣйшемъ движеніи, и обсуждать ее, примѣнять къ новымъ условіямъ, новой обстановкѣ жизни. Въ-третьихъ, разность взглядовъ на дѣятельность Петра зависѣла отъ незрѣлости у насъ исторической науки, отъ неустановленности основныхъ началъ при изученіи жизни народовъ: то примѣняли къ русской исторіи неподходящую мѣрку исторіи чужихъ народовъ, отчего происходили странные выводы; то, наоборотъ, изучали русскую исторію совершенно особнякомъ, не подозрѣвая, что, при всемъ различіи своемъ, она подчиняется общимъ основнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ жизни каждаго историческаго народа. Я говорю о разнорѣчіяхъ серьезныхъ, высказывавшихся людьми серьезными, людьми, честно относившимися къ вопросамъ настоящаго, и, по ихъ связи съ прошедшимъ, затрогивавшими и послѣднее. Но нельзя не упомянуть о печальномъ явленіи, о выходкахъ противъ Петра, происходившихъ отъ дѣтской привычки увлекаться какимъ-нибудь движеніемъ до такой степени, что, не разбирая, начинаютъ считать враждебнымъ этому движенію то, что вовсе ему не враждебно, отъ дѣтской привычки говорить не подумавши, не изучивши, отъ дурнаго дѣтскаго поползновенія бросить въ кого нибудь камнемъ, грязью, не посмотрѣвши внимательно, можно ли съ этимъ кѣмъ-нибудь такъ обращаться безнаказанно, т. е. безъ умаленія собственнаго человѣческаго и народнаго достоинства.

Долго относились у насъ къ дѣлу Петра не исторически, какъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ этому дѣлу, такъ и въ порицаніи его. Поэты позволяли себѣ воспѣвать: «Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія». Но и въ рѣчи болѣе спокойной, не поэтической, подобный взглядъ господствовалъ; приведеніе Петромъ Россіи отъ небытія къ бытію было общеупотребительнымъ выраженіемъ. Я назвалъ такой взглядъ неисторическимъ потому, что здѣсь дѣятельность одного историческаго лица отрывалась отъ исторической дѣятельности цѣлаго народа; въ жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, дѣйствовавшая по своему произволу, причемъ народъ былъ осужденъ на совершенно страдательное отношеніе къ ней. Многовѣковая жизнь и дѣятельность народа до Петра объявлялась несуществующею; Россіи, народа русскаго не было до Петра: онъ сотворилъ Россію, онъ привелъ ее изъ небытія въ бытіе. Люди, которые обнаружили несочувствіе къ дѣлу Петра, вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону; крайности сошлись, и опять надобно было проститься съ исторіею. Россія, по новому взгляду, не только не находились въ небытіи до Петра, но наслаждались бытіемъ правильнымъ и высокимъ; все было хорошо, нравственно, но чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное теченіе русской жизни, уничтожилъ ея

народный, свободный строй, попралъ народные нравы и обычаи, произвелъ рознь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чуждому образу и подобію, заставилъ русскихъ людей потерять сознаніе о своемъ, о своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила; опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся сама изъ себя по извѣстнымъ законамъ, при вліяніи особенныхъ условій, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другого.

Понятно, что оба взгляда, повидимому, противоположные, но въ сущности одинаково неисторическіе, не могутъ держаться при возмужалости науки, когда болѣе внимательныя наблюденія надъ историческою жизнію народовъ должны были повести къ отрицанію такихъ сверхъестественныхъ явленій въ этой жизни, когда убѣдились, что явленіе, какъ бы оно ни было громко, какъ бы ни измѣняло, повидимому, народный строй и образъ, есть необходимо результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Дѣйствительно, возьмемъ народъ, находящійся на первоначальной ступени развитія, какой-нибудь кочевой народъ въ Средней Азіи, какихъ-нибудь монголовъ. Такіе народы, по простотѣ своего быта, особенно бываютъ подвержены сильному вліянію внѣшнихъ случайныхъ явленій, произволу отдѣльныхъ лицъ. Мы видимъ, что среди этихъ народовъ являются иногда владѣльцы, ханы, одаренные необыкновенною энергіею, честолюбіемъ, которые въ болѣе или менѣе продолжительное время успѣваютъ одолѣть, уничтожить другихъ хановъ, сплотить мелкія, до тѣхъ поръ раздѣленныя орды въ одну огромную массу и двинуть ее на опустошеніе, завоеваніе отдѣльныхъ странъ, вслѣдствіе чего образуются обширныя владѣнія. Здѣсь дѣйствительно мы видимъ, что народы страдательно подчиняются вліянію своихъ великихъ людей, своихъ Чингисъ-хановъ и Тамерлановъ. О народѣ не слышно до появленія этого Чингисъ-хана или Тамерлана: онъ ничто для исторіи, находится въ небытіи; одною волею знаменитаго хана онъ приводится въ бытіе, дѣлается извѣстнымъ, сильнымъ, господствующимъ. Но и здѣсь мы видимъ, что эти великіе люди степей, Чингисъ-ханы и Тамерланы, суть дѣти своего народа, не дѣлаютъ ничего, что бы выходило изъ границъ его быта, его потребностей, не измѣняютъ ничего въ этомъ бытѣ. Народъ и до нихъ былъ хищный, и до нихъ обнаруживалъ свое существованіе чисто-физическими движеніями, грабежами, опустошеніями, только въ малыхъ размѣрахъ; благодаря способностямъ, сильной волѣ одного человѣка, они это дѣлаютъ теперь въ большихъ размѣрахъ, и въ этомъ заключается вся разница. Умираетъ великій человѣкъ—и основанное имъ громадное владѣніе начинаетъ распадаться, и народъ, всколыханный имъ, приходитъ въ прежнее состояніе, къ прежнему историческому небытію. Что же дѣлаетъ здѣсь великій человѣкъ?—только то, на что способенъ его народъ, на что даетъ ему средства; народъ можетъ внѣшнимъ механическимъ образомъ соединиться волею, силою одного лица; при отсутствіи этой воли и силы распадается: только-то мы и видимъ въ степной исторіи; внутреннихъ перемѣнъ, перемѣнъ въ бытѣ великій человѣкъ произвести не можетъ; если-бы захотѣлъ, то ничего бы не сдѣлалъ, погибъ въ безплодныхъ попыткахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ и не хочетъ этого, не чувствуетъ и не сознаетъ потребности въ этомъ, ибо онъ сынъ своего народа, не можетъ чувствовать и сознавать того, чего не чувствуетъ и не сознаетъ самъ народъ, къ чему не приготовленъ предшествовавшимъ развитіемъ, предшествовавшею исторіею. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, но величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго капитала, оттого, что скопилъ народъ отъ своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы; отъ соединенія труда и способностей знаменитыхъ дѣятелей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни.

Но если произволъ одного лица, какъ бы сильно это лицо ни было, не можетъ перемѣнить теченіе народной жизни, выбить народъ изъ его колеи при самыхъ простыхъ, первоначальныхъ формахъ быта, не можетъ сдѣлать этого съ народомъ-младенцемъ, народомъ неисторическимъ, то тѣмъ менѣе это возможно въ народѣ, который уже прожилъ много вѣковъ историческою жизнію, который развилъ свои силы въ многотрудной дѣятельности внутренней, и какимъ былъ русскій народъ до Петра. Допустить въ великомъ движеніи этого народа перерывъ, уклоненіе, допустить въ перемѣнѣ бытовыхъ формъ измѣну началамъ народной жизни, и все это по волѣ одного человѣка,—значитъ низвести великій, историческій народъ ниже кочевыхъ народовъ Средней Азіи. Наука не позволяетъ этого, господа! Не спрашиваю, можетъ ли позволить это ваше чувство, вашъ патріотизмъ? Народъ, жившій долгою и славною историческою жизнію и чувствующій въ себѣ способность къ продолженію этой жизни, радуется великою радостію, вспоминая о великомъ человѣкѣ и его дѣлѣ, наполняется праведнымъ самодовольствомъ, ибо въ великомъ человѣкѣ видитъ «плоть отъ плоти своея и кость отъ костей своихъ». Народъ не отречется отъ своего великаго человѣка, ибо такое отреченіе для народа есть самоотреченіе.

Если великій человѣкъ есть сынъ своего времени и своего народа; если его дѣятельность есть результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; если эта дѣятельность даетъ уразумѣвать прошедшее,—а изученіе всего прошедшаго необходимо для ея уясненія;—если великіе люди суть свѣтила, поставленныя въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобъ освѣщать народу историческій путь, имъ пройденный, уяснять связь, непрерывную, тѣ-

сно сомкнутую цѣпь явленій, а не разрывать эту связь, не спутывать кольца цѣпи, не вносить смуту въ сознаніе народа о самомъ себѣ:—то изъ этого ясно, какъ трудна становится біографическая задача, задача изображенія дѣятельности одного историческаго лица. Успѣхъ выполненія этой задачи, удовлетворительное представленіе характера и дѣятельности великаго человѣка зависитъ оттого, какъ ясно представляется для біографа цѣлостный образъ народа, возникшій передъ нимъ изъ внимательнаго разсмотрѣнія всего историческаго пути, совершеннаго народомъ. Отсюда понятно, почему у насъ такъ долго не было исторіи Петра Великаго, несмотря на попытки писать или заставлять писать эту исторію. Были похвальныя слова Петру, сборники матеріаловъ, расположенныхъ по годамъ и перемѣшанныхъ восторженными восклицаніями; были стихи въ честь ему и хульныя выходки въ стихахъ и прозѣ, но не было исторіи: нельзя было воздвигать зданія, когда не было почвы для него; почва для исторіи великаго человѣка есть исторія народа.

Изъ сказаннаго ясно, что для уясненія значенія Петра В. мы должны обратиться къ предшествовавшей ему исторіи русскаго народа, допроситься у нея, что это былъ за переворотъ, съ которымъ мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошелъ этотъ переворотъ, для чего понадобился. Для полученія удовлетворительнаго отвѣта не должно мудрствовать, надобно смотрѣть какъ можно проще. Все органическое подлежитъ развитію; — подлежитъ ему отдѣльный человѣкъ, подлежатъ ему и живыя тѣла, составленныя изъ людей, народы: развитіе происходитъ болѣе или менѣе правильно, быстро или медленно, достигаетъ высокихъ степеней, или останавливается на низшихъ,—все это зависитъ отъ причинъ внутреннихъ, коренящихся въ самомъ организмѣ, или отъ вліяній внѣшнихъ. Органическое тѣло, народъ растетъ, ростетъ внутри себя, обнаруживая скрытыя въ немъ изначала условія здоровья или болѣзни, силы или слабости и, въ то же время, подчиняясь благопріятнымъ или неблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, изъ которыхъ главное какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго народа — это условія живаго окруженія, общества, ибо могущественныя побужденія къ развитію и формы этого развитія даются обществомъ для отдѣльнаго человѣка, для народа — другими народами, съ которыми онъ находится въ постоянной связи, въ постоянномъ общеніи. Органическое тѣло, народное тѣло растетъ, значитъ—проходитъ извѣстные возрасты, разнящіеся другъ отъ друга, легко отличаемые. Легко отличается два возраста народной жизни: въ первомъ возрастѣ народъ живетъ преимущественно подъ вліяніемъ чувства; это время его юности, время сильныхъ страстей, сильнаго движенія, обыкновенно имѣющаго слѣдствіемъ зиждительность, творчество политическихъ формъ. Здѣсь, благодаря сильному огню, куются памятники народной жизни въ разныхъ ея сферахъ или закладываются основанія этихъ памятниковъ. Наступаетъ вторая половина народной жизни: народъ мужаетъ, и господствовавшее до сихъ поръ чувство уступаетъ мало-по-малу свое господство мысли. Сомнѣніе, стремленіе повѣрить то, во что прежде вѣрилось, задать вопросъ—разумно или неразумно существующее, потрясти, пошатать то, что считалось до сихъ поръ непоколебимымъ, — знаменуетъ вступленіе народа во второй возрастъ или періодъ, періодъ господства мысли.

Историкъ не долженъ отдавать преимущества одному изъ этихъ возрастовъ передъ другимъ, пристрастно относиться къ тому или другому. О вкусахъ не спорятъ; пусть одинъ говоритъ, что ему нравится растеніе особенно тогда, когда оно одѣвается первою свѣжею зеленью; другой приходитъ въ восторгъ отъ цвѣтка; третій скажетъ: что цвѣтъ? поскорѣе бы онъ увядалъ, поскорѣе бы завязывался и созрѣвалъ плодъ! Но все это не научное дѣло. Историкъ знаетъ, что при этомъ движеніи, которое называется развитіемъ, съ пріобрѣтеніемъ или усиленіемъ одного начала, однѣхъ способностей утрачиваются или ослабляются другія. Человѣкъ возмужалъ, окрѣпъ чрезъ упражненіе мысли, чрезъ науку и опытъ жизни пріобрѣлъ безспорныя преимущества, и между тѣмъ горько жалѣетъ о невозвратно минувшей юности, о ея порывахъ и страстяхъ; мудрецъ жалѣетъ о заблужденіяхъ: значитъ, въ этомъ пережитомъ возрастѣ было что-то очень хорошее, что утратилось при переходѣ въ другой возрастъ. Въ тотъ возрасъ народной жизни, когда господствуетъ чувство, возрастъ сильныхъ и страстныхъ движеній, возрастъ подвиговъ, народъ страстно относится къ предметамъ своихъ привязанностей, онъ сильно любитъ и сильно ненавидитъ, не давая себѣ отчета о причинахъ своей привязанности и вражды. Стоитъ только сказать ему, что предметъ его привязанности въ опасности; стоитъ подняться священному для него знамени,—онъ собирается, несмотря на всѣ препятствія; онъ жертвуетъ всѣмъ; чувство даетъ ему силу, способность совершать громадныя работы, воздвигать зданія не матеріальныя только, но и политическія. Сильныя государства, крѣпкія народности, твердыя конституціи выковываются въ этотъ возрастъ, въ этотъ періодъ господства чувства. Но этотъ же періодъ знаменуется явленіями вовсе непривлекательными: чувство не сдерживается мыслію, знаніе слишкомъ слабо, суевѣріе и фанатизмъ ведутъ къ самымъ печальнымъ явленіямъ; неопредѣленность отношеній очищаетъ произволу, силѣ сильнаго обширное поле, и что кажется такъ прекрасно, такъ поэтично издали на картинѣ или на театральной сценѣ, то, приближенное къ нашимъ глазамъ научными средствами, изученное подробно, является въ отталкивающей обстановкѣ.

Но точно такъ же односторонне признавать за вторымъ періодомъ безусловное превосходство надъ первымъ. Періодъ господства мысли, которой кра-

сится процвѣтаніемъ науки, просвѣщеніемъ, имѣетъ свои темныя стороны. Усиленная умственная дѣятельность можетъ скоро обнаружить свое разлагающее дѣйствіе и свою слабость въ дѣлѣ созиданія. Чувство считаетъ извѣстные предметы священными, неприкосновенными; оно разъ опредѣлило къ нимъ отношенія человѣка, общества, народа, —и требуетъ постояннаго сохраненія этихъ отношеній. Мысль начинаетъ считать такія постоянныя отношенія суевѣріемъ, предразсудкомъ; она свободно относится ко всѣмъ предметамъ, одинаково все подчиняетъ себѣ, дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія, допрашиваетъ каждое явленіе о причинѣ и правѣ его бытія, причемъ необходимо ставитъ человѣка въ холодное отношеніе къ каждому явленію. Чувство, напримѣръ, опредѣляетъ отношеніе къ своему и чужому такимъ образомъ, что свое имѣетъ право на постоянное предпочтеніе предъ чужимъ; народы, живущіе въ періодъ господства чувства, остаются вѣрны этому опредѣленію; но постоянная вѣрность ему ведетъ къ неподвижности. Если народъ способенъ къ развитію, способенъ вступить во второй періодъ или второй возрастъ своей жизни, то движеніе обыкновенно начинается знакомствомъ съ чужимъ; мысль начинаетъ свободно относиться къ своему и чужому, отдавать преимущество жизни народовъ чужихъ, опередившихъ въ развитіи, находящихся уже во второмъ періодѣ. Выведши народъ въ широкую сферу наблюденій надъ множествомъ явленій въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ, въ широкую сферу сравненій, соображеній и выводовъ, покинувъ вопросъ о своемъ и чужомъ, мысль стремится переставить отношенія на новыхъ общихъ началахъ; но ея опредѣленіе отношеній не имѣетъ уже той прочности, ибо каждое опредѣленіе подлежитъ, въ свою очередь, критикѣ, подкапывается, является новое опредѣленіе, повидимому, болѣе разумное, но и то, въ свою очередь, подвергается той же участи. Старыя вѣрованія, старыя отношенія разрушены; въ новое, безпрестанно измѣняющееся, въ многоразличные, борющіеся другъ съ другомъ, противорѣчивые толки и системы вѣрить нельзя. Раздаются скорбные вопли: гдѣ же истина? что есть истина? Древо познанія не есть древо жизни! Червь сомнѣнія подтачиваетъ все! Общество погибаетъ, потому что чувство изсякаетъ, не умѣряетъ мысли! Ставится страшный вопросъ: что выигралъ человѣкъ, перешедши изъ одной крайности въ другую, промѣнявши суевѣріе на невѣріе?

Таковы опасности, могущія грозить отдѣльнымъ людямъ и цѣлымъ народамъ при переходѣ изъ одного возраста въ другой. Заботливые и опытные отцы и матери хорошо знаютъ эти опасности. Сколько съ ихъ стороны безсонныхъ ночей и горячихъ слезныхъ молитвъ, чтобъ Богъ сохранилъ молодаго человѣка отъ увлеченій того широкаго пути, на который онъ вступаетъ; чтобъ предавшись новому, не забылъ онъ всего стараго, не отрекся отъ тѣхъ началъ, на которыхъ былъ воспитанъ, не обратился къ нимъ съ враждой. Сколько примѣровъ, что, не могши побѣдить страха предъ опасностями, грозящими молодому человѣку при переходѣ черезъ порогъ семьи, родители рѣшались отказать ему въ средствахъ высшаго образованія, не пуская въ высшее учебное заведеніе. Предосторожность напрасная! Ранѣе или позднѣе человѣкъ долженъ исполнить законъ своего развитія, долженъ исполнить его и цѣлый народъ.

Намъ не нужно долго останавливаться на примѣрахъ, укажемъ только на самые знакомые и близкіе къ намъ, причемъ окажутся и тѣ побужденія, тѣ средства, благодаря которымъ народъ переходитъ изъ одного возраста въ другой. Мы безпрестанно употребляемъ выраженіе: человѣкъ развитый и неразвитый, образованный и необразованный, и знаемъ, что средствомъ для пріобрѣтенія этой развитости прежде всего служитъ переходъ изъ узкаго замкнутаго круга, изъ узкаго замкнутаго общества въ болѣе широкій кругъ, въ болѣе многочисленное общество. Сельскій житель отличается меньшею развитостію, потому что живетъ въ тѣсномъ уединенномъ кругу, гдѣ видитъ все одни и тѣ же предметы и явленія; гдѣ господствуетъ простота быта, простота отношеній,—и отсюда дѣтская простота взглядовъ на все окружающее, привычка останавливаться на внѣшности, не углубляться въ сущность явленій. Горожанинъ развитѣе сельскаго жителя потому, что кругъ, въ которомъ обращается горожанинъ, шире, общество людей многочисленнѣе; одиночество останавливаетъ развитіе, общеніе съ другими людьми, уясняя мысль, условливаетъ развитіе: но чтобъ плодотворно мѣняться мыслями, надобно о чемъ-нибудь думать; надобно, чтобъ мысль возбуждалась широтою круга и разнообразіемъ предметовъ; городъ даетъ именно эту широту и разнообразіе, и потому горожанинъ развитѣе сельчанина. Другое могущественное средство развитія даетъ школа, наука, посредствомъ которыхъ человѣку дѣлается доступенъ весь міръ, и не только настоящее этого міра, но и его прошедшее. Этими двумя средствами развивается каждый отдѣльный человѣкъ, ими развиваются и цѣлые народы. Народы, живущіе особнякомъ, не любящіе сближаться съ другими народами, жить съ ними общею жизнію,—это народы наименѣе развитые; они живутъ, такъ сказать, еще въ сельскомъ, деревенскомъ быту. Самымъ сильнымъ развитіемъ отличаются народы, которые находятся другъ съ другомъ въ постоянномъ общеніи; таковы народы европейско-христіанскіе. Но понятно, что для плодотворности этого общенія необходимо, чтобъ народъ встрѣчался, сообщался съ такимъ другимъ нородомъ или народами, съ которыми могла бы установиться мѣна мыслей, знанія, опытности, отъ которыхъ можно было бы что нибудь занять, чему нибудь научиться. Переходъ народа изъ одного возраста въ другой, т. е. сильное умственное движеніе въ немъ начинается, когда народъ встрѣчается съ другимъ народомъ

болѣе развитымъ, образованнымъ, и если различіе въ степени развитія, въ степени образованности между ними очень сильно, то между ними естественно образуется отношеніе учителя къ ученику: законъ, котораго обойти нельзя. Такъ римляне, народъ, стремившійся къ завоеванію всего извѣстнаго тогда міра, встрѣтившись съ греками, народомъ, отжившимъ свой историческій вѣкъ, преклонились предъ ними, и отдали имъ себя въ науку, и, чрезъ эту греческую науку, перешли во второй возрастъ своего историческаго бытія. Но еще ближе къ намъ примѣръ народовъ нашихъ ровесниковъ, новыхъ европейско-христіанскихъ народовъ, народовъ западной Европы. Они совершили свой переходъ изъ одного возраста въ другой въ XV и XVI вѣкахъ также посредствомъ науки, чужой науки, чрезъ открытіе и изученіе памятниковъ древней греко-римской мысли. По общему закону, они пошли въ науку къ грекамъ и римлянамъ, и ничего не хотѣли знать, кромѣ грековъ и римлянъ. Въ ревностномъ служеніи своемъ новому началу, они отнеслись враждебно къ прожитому ими возрасту, къ своей древней исторіи, къ господствовавшему тамъ началу, къ чувству и послѣдствіямъ этого господства. Свою новую жизнь, красившуюся для нихъ развитіемъ мысли подъ вліяніемъ древней, чужой науки, они противопоставили своей прежней жизни, какъ бытіе небытію. Отуманенные новыми могущественными вліяніями, относясь враждебно къ прожитому ими возрасту, они дотого потеряли смыслъ къ явленіямъ этого возраста, что не видѣли въ немъ своей древней исторіи, результаты которой имѣли жить въ нихъ, въ ихъ новой исторіи, какъ бы они ни старались отчураться отъ нихъ именами Платоновъ, Аристотелей и Цицероновъ. Для нихъ древняя исторія была преимущественно исторія грековъ и римлянъ, къ которымъ, какъ своимъ учителямъ, духовнымъ отцамъ, возродившимъ ихъ къ новой жизни, они непосредственно примыкали свою новую исторію, а свою собственную древнюю исторію они вставили, какъ что-то странное, плохо понимаемое, междоумочное, ни то, ни се, среднее,—откуда и названіе Средней Исторіи, исторіи среднихъ вѣковъ.

Такъ совершился переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую, для народовъ западной Европы, народовъ романскаго и германскаго племени. Но дошелъ чередъ и до насъ, народа восточной Европы, народа славянскаго. Нашъ переходъ изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста, въ которомъ господствуетъ чувство, въ возрастъ, когда господствуетъ мысль, совершился въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Относительно этого перехода мы видимъ разницу между ними и нашими европейскими собратіями, разницу на два вѣка.

Мы должны уяснить себѣ причины этого явленія, чтобъ понять условія, въ которыхъ совершился самый переходъ, или такъ называемое Преобразованіе. Общій смыслъ его, надѣюсь, теперь совершенно ясенъ, ясна его необходимость для каждаго историческаго, развивающагося народа, его характеръ и независимость отъ произвола историческаго лица, которое можетъ быть виднымъ, главнымъ дѣятелемъ, но не творцомъ явленія, истекающаго изъ общихъ законовъ народной жизни. Въ такое отношеніе наука ставитъ народъ къ великому историческому дѣятелю. Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка; сознавая значеніе дѣятельности великаго человѣка, мы сознаемъ значеніе народа. Великій человѣкъ своею дѣятельностію воздвигаетъ памятникъ своему народу; какой же народъ откажетъ въ памятникѣ своему великому человѣку?

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Въ прошедшій разъ я старался уяснить смыслъ такъ называемаго въ нашей исторіи петровскаго преобразованія: мы видѣли, что это было не иное что, какъ естественное и необходимое явленіе въ народной жизни, въ жизни историческаго, развивающагося народа, именно переходъ изъ одного возраста въ другой,—изъ возраста, въ которомъ преобладаетъ чувство, въ возрастъ, въ которомъ господствуетъ мысль. Я указалъ на тождественное явленіе въ жизни западныхъ европейскихъ народовъ, которые совершили этотъ переходъ въ XV и XVI вѣкахъ; Россія совершила его двумя вѣками позже. Быть можетъ, нѣкоторые ждали другого выраженія, именно, что мы отстали отъ западно-европейскихъ народовъ на два вѣка; но это послѣднее выраженіе не можетъ быть употребляемо по своей неточности. Два живыхъ существа начали движеніе вмѣстѣ по одной дорогѣ, при равныхъ условіяхъ, и одно очутилось назади, отстало: первая мысль здѣсь, что, при равенствѣ внѣшнихъ условій, различіе необходимо заключается во внутреннихъ условіяхъ, въ томъ, что отставшій слабѣе того, кто ушелъ впередъ. Но движеніе народовъ по историческому пути нельзя сравнивать вообще съ бѣганьемъ дѣтей въ запуски или конскими бѣгами, къ которымъ прилагается слово: отстать. Въ историческомъ движеніи можетъ быть совершенно другое: здѣсь внутреннія силы, средства могутъ быть равныя или даже ихъ можетъ быть больше у того, кто движется медленнѣе, но внѣшнія условія разныя, и они-то заставляютъ двигаться медленнѣе, задерживаютъ, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую отъ внутренней слабости при равенствѣ внѣшнихъ условій, и задержку, происходящую отъ различія, неблагопріятности внѣшнихъ условій при равенствѣ внутреннихъ. Въ данномъ случаѣ мы должны именно употреблять второе выраженіе, ибо русскій народъ, какъ народъ славянскій, принадлежитъ къ тому же великому арійскому племени, племени—любимцу исторіи, какъ и другіе европейскіе народы, древніе и новые, и, подобно имъ, имѣетъ наслѣдственную

способность къ сильному историческому развитію; одинаково у него съ новыми европейскими народами и другое могущественное внутреннее условіе, опредѣляющее его духовный образъ—христіанство. Слѣдовательно внутреннія условія или средства равны, и внутренней слабости, и потому отсталости мы предполагать не можемъ; но когда обратимся къ условіямъ внѣшнимъ, то видимъ чрезвычайную разницу, бросающуюся въ глаза неблагопріятность условій на нашей сторонѣ, что вполнѣ объясняетъ задержку развитія.

Извѣстны выгодныя условія для историческаго развитія, которыя европейскіе народы находятъ въ географическихъ формахъ своей части свѣта: выгодныя для промышленнаго и торговаго развитія отношенія моря къ сушѣ; выгодное для быстроты историческаго развитія раздѣленіе на многія небольшія, хорошо защищенныя государственныя области, раздѣленіе, а не отчужденіе, производимое въ другихъ частяхъ свѣта степями и слишкомъ высокими горами, умѣренность климата и т д. Но всѣ эти благопріятныя условія сосредоточены въ западной части Европы, а нѣтъ ихъ у насъ на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствіемъ моря и близостію степей. Причины задержки развитія въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ ясны, слѣдовательно, для насъ съ перваго взгляда. При первомъ же взглядѣ на карту насъ поражаетъ громадность русской государственной области; но обширность государственной области имѣетъ важное значеніе при извѣстныхъ условіяхъ, при единствѣ народонаселенія, при достаточномъ его количествѣ сравнительно съ обширностію и при образованности народа. Понятно, что, при равенствѣ этихъ условій, изъ двухъ государствъ сильнѣе то, которое больше другого; но при отсутствіи этихъ условій обширность государства не только не даетъ ему силы сравнительно съ небольшимъ государствомъ, обладающимъ этими условіями, но и служитъ главнымъ препятствіемъ народному развитію. Въ исторіи нашего народа это тѣмъ болѣе чувствительно, что Россія родилась съ обширною государственною областію и съ ничтожнымъ относительно народонаселеніемъ. Понятно, что общая жизнь, общая дѣятельность въ народѣ можетъ быть только тогда сильна, когда народонаселеніе сосредоточено на такихъ пространствахъ, которыя не препятствуютъ частому сообщенію; когда существуетъ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга много такихъ мѣстъ, гдѣ сосредоточивается большое народонаселеніе, мѣстъ, называемыхъ городами, въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, развитіе происходитъ быстрѣе, чѣмъ среди сельскаго народонаселенія, живущаго небольшими группами на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Россія и въ XVII вѣкѣ, передъ эпохою преобразованія, представляетъ намъ на огромномъ пространствѣ небольшое число городовъ съ поразительно ничтожнымъ количествомъ промышленнаго народонаселенія: эти города не иное что какъ большія огороженныя села, крѣпости, имѣющія болѣе военное значеніе, чѣмъ промышленное и торговое; они удалены другъ отъ друга обширностію разстояній и чрезвычайною трудностію сообщеній, особенно весною и осенью. Такимъ образомъ Россія въ своей древней исторіи представляла страну преимущественно сельскую, земледѣльческую, а такія страны необходимо бываютъ бѣдны и развиваются чрезвычайно медленно. Но подлѣ этого главнаго неблагопріятнаго условія видимъ еще другія: Россія есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое съ востока, юга и запада. Русское государство основалось въ той странѣ, которая до него не знала исторіи,—въ странѣ, гдѣ господствовали дикія, кочевыя орды; въ странѣ, которая служила широкою открытою дорогою для бичей божіихъ, для дикихъ народовъ Средней Азіи, стремившихся на опустошеніе Европы. Основанное въ такой странѣ, Русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу съ жителями степей. Вскорѣ послѣ основанія государства четвертый Русскій князь, самый храбрый, погибаетъ отъ кочевыхъ хищниковъ,—изъ черепа Святославова пьетъ вино Печенѣжскій князь; и только въ концѣ XVII вѣка, въ концѣ нашей древней исторіи, Русское государство успѣло выговорить освобожденіе отъ посылки постоянныхъ обязательныхъ даровъ Крымскому хану, т. е. попросту дани. Но едва только Россія начала справляться съ Востокомъ, какъ на Западѣ явились враги болѣе опасные по своимъ средствамъ. Наша многострадальная Москва, основанная въ срединѣ Земли Русской и собравшая Землю, должна должна была защищать ее съ двухъ сторонъ, съ запада и востока, боронить отъ латинства и бесерменства, по старинному выраженію, и должна была принимать бѣды съ двухъ сторонъ: горѣла отъ татарина, горѣла отъ поляка. Такимъ образомъ, бѣдный, разбросанный на огромныхъ пространствахъ народъ долженъ былъ постоянно съ неимовѣрнымъ трудомъ собирать свои силы, отдавать послѣднюю тяжело добытую копѣйку, чтобы избавиться отъ враговъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ сохранить главное благо, народную независимость; бѣдная средствами сельская, земледѣльческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Кому не извѣстно, что образованіе и содержаніе войска составляетъ важный, жизненный вопросъ для каждаго, а особенно континентальнаго государства. При самомъ зарожденія государства, этотъ вопросъ уже является съ своимъ важнымъ, опредѣляющимъ другія отношенія значеніемъ. Основывается ли государство, начинается ли историческая жизнь въ народѣ посредствомъ завоеванія или посредствомъ внутренняго движенія—все равно—мы видимъ здѣсь раздѣленіе народа на двѣ части, вооруженную и невооруженную, и опредѣле-

ніе отношеній между ними составляетъ одну изъ главныхъ заботъ народной жизни. Въ государствахъ первобытныхъ, сельскихъ, земледѣльческихъ отношенія опредѣляются просто и тяжело для невооруженной части народонаселенія: оно должно непосредственно содержать, кормить вооруженную часть; земля находится во владѣніи вооруженнаго класса и обработывается рабствующимъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ сельскимъ народонаселеніемъ. При благопріятныхъ условіяхъ географическихъ и другихъ, государство начинаетъ мало-по-малу терять земледѣльческій характеръ, начинается торговое и промышленное движеніе; деньги, недвижимая собственность начинаетъ получать все болѣе и болѣе значенія; городъ богатѣетъ, богатѣетъ вообще народъ, народонаселеніе увеличивается, и естественно приготовляется переходъ отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному. Въ то же время богатѣетъ и правительство, увеличиваются его средства, денежныя средства: прежде оно должно было довольствоваться помощію вооруженнаго сословія, бывшаго вмѣстѣ и высшимъ землевладѣльческимъ сословіемъ, которое затрудняло правительство извѣстными условіями; напримѣръ воинъ на Западѣ имѣлъ право не оставаться въ походѣ долѣе извѣстнаго срока. Теперь у правительства есть деньги, есть средства нанять войско для достиженія своихъ цѣлей, и являются наемныя войска; наконецъ дальнѣйшее усиленіе финансовыхъ средствъ правительства даетъ ему возможность избѣгать невыгодъ и наемныхъ войскъ, и завести свое постоянное войско, которое бы всегда находилось въ его распоряженіи и которое бы народъ содержалъ, кормилъ не непосредственно своими трудами, но посредствомъ денегъ, уплачиваемыхъ правительству въ видѣ податей. Такимъ образомъ, появленіе постояннаго войска есть ясный признакъ экономическаго переворота въ народной жизни, промышленнаго и торговаго развитія, появленія имущества движимаго, денегъ подлѣ недвижимаго, земли, признакъ, который естественно и необходимо совпадаетъ съ другимъ признакомъ, освобожденіемъ земледѣльческаго сословія, появленіемъ вольнонаемнаго труда вмѣсто обязательнаго, крѣпостнаго. Городъ, разбогатѣвъ, освобождаетъ село, ибо въ организмѣ народномъ всѣ органы находятся въ тѣсной связи, усиленіе или упадокъ одного отзывается на усиленіи или упадкѣ другого.

Такъ было на Западѣ. Обратимся на Востокъ. Законы развитія одни и тѣ же и здѣсь и тамъ; разница происходитъ отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій, ускоряющихъ или замедляющихъ развитіе. На востокѣ въ нашей Россіи мы имѣемъ дѣло съ государствомъ бѣднымъ, земледѣльческимъ, безъ развитія города, безъ сильнаго промышленнаго и торговаго движенія, государствомъ громаднымъ, но съ малымъ народонаселеніемъ,—государствомъ, которое постоянно должно было вести тяжелую борьбу съ сосѣдями, борьбу не наступательную, но оборонительную, причемъ отстаивалось не матеріальное благосостояніе (не избалованы были имъ наши предки)! но независимость страны, свобода жителей, потому что какъ скоро не поспѣетъ русское войско выйти къ берегамъ Оки сторожить татаръ, дастъ имъ гдѣ нибудь прорваться, то восточные магометанскіе рынки наполняются русскими рабами. Государство бѣдное, мало населенное и должно содержать большое войско для защиты растянутыхъ на длиннѣйшемъ протяженіи и открытыхъ границъ. Понятно, что мы должны здѣсь встрѣтиться съ обычнымъ въ земледѣльческихъ государствахъ явленіемъ: вооруженное сословіе,—войско—непосредственно кормится насчетъ невооруженнаго. Бѣдное государство, но обязанное содержать большое войско, не имѣя денегъ, вслѣдствіе промышленной и торговой неразвитости, раздаетъ военнымъ служилымъ людямъ земли. Но земля для землевладѣльца не имѣетъ значенія безъ земледѣльца, безъ работника, а его-то и недостаетъ; рабочія руки дороги, за нихъ идетъ борьба между землевладѣльцами: работниковъ переманиваютъ землевладѣльцы, которые побогаче, вотчинники, монастыри большими выгодами переманиваютъ къ себѣ работниковъ отъ землевладѣльцевъ, которые побѣднѣе, отъ мелкихъ помѣщиковъ, которые не могутъ дать выгодныхъ условій, и бѣдный землевладѣлецъ, не имѣя работника, лишается возможности кормиться съ земли своей, лишается возможности служить, являться по первому требованію государства въ должномъ видѣ, на конѣ, съ извѣстнымъ числомъ людей и въ достаточномъ вооруженіи, коненъ, люденъ и оруженъ. Что тутъ дѣлать? Главная потребность государства имѣть на-готовѣ войско; но воинъ отказывается служить, не выходитъ въ походъ, потому что ему нечѣмъ жить, нечѣмъ вооружиться, у него есть земля, но нѣтъ работниковъ. И вотъ единственнымъ средствомъ удовлетворенія этой главной потребности страны найдено прикрѣпленіе крестьянъ, чтобъ они не уходили съ земель бѣдныхъ помѣщиковъ, не переманивались богатыми; чтобъ служилый человѣкъ имѣлъ всегда работника на своей землѣ, всегда имѣлъ средство быть готовымъ къ выступленію въ походъ. Долго иностранцы, а за ними и русскіе, изумлялись и глумились надъ этимъ явленіемъ: какъ это случилось, что въ то самое время, какъ въ западной Европѣ крѣпостное право исчезало, въ Россіи оно вводилось. Теперь наука показываетъ намъ ясно, какъ это случилось: въ западной Европѣ, благодаря ея выгодному положенію, усилилась промышленная и торговая дѣятельность, односторонность въ экономической жизни, господство недвижимой собственности, земли, исчезла; подлѣ нея явилась собственность движимая, деньги, увеличилось народонаселеніе, разбогатѣлъ городъ и освободилъ село. А на Востокѣ образовалось государство при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, съ громадною областью и малымъ народонаселеніемъ,

нуждающееся въ большомъ войскѣ, заставляемое быть военнымъ, хотя вовсе не воинственное, вовсе безъ завоевательныхъ стремленій, имѣющее въ виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселенія,—государство бѣдное, земледѣльческое, и какъ только отношенія въ немъ между частями народонаселенія начали опредѣляться по главнымъ потребностямъ народной и государственной жизни, то оно и представило извѣстное въ подобныхъ государствахъ явленіе: вооруженная часть народонаселенія кормится непосредственно насчетъ невооруженной, владѣетъ землею, на которой невооруженный человѣкъ является крѣпостнымъ работникомъ. И развѣ во всѣхъ государствахъ Европы крѣпостная зависимость сельскаго народонаселенія исчезла вдругъ и давно?—въ государствахъ средней Европы она продолжалась до настоящаго вѣка, и причина тому заключалась въ медленности экономическаго развитія. Но для уясненія явленія посредствомъ сравненія, намъ не нужно ограничиваться одною Европою; къ Европѣ примыкаетъ другая часть свѣта, открытая европейско-христіанскими народами, занятая ими, введенная, вслѣдствіе этого, въ общую жизнь съ Европою,—Америка. Въ XVI вѣкѣ эта страна представляла главныя экономическія условія, одинакія съ Востокомъ Европы, съ Россіею: обширная страна, страшно нуждающаяся въ рабочихъ рукахъ. И что же дѣлаютъ въ ней эти западные европейцы, такъ хвастающіе раннимъ освобожденіемъ у себя сельскаго народонаселенія?—они организуютъ здѣсь рабство сельскаго народонаселенія въ самыхъ обширныхъ и отвратительныхъ размѣрахъ посредствомъ вывоза изъ Африки черныхъ невольниковъ, успокоивая свою цивилизованную совѣсть лукавымъ мудрствованіемъ, что негры вовсе не такіе люди, какъ бѣлые, не отъ одного Адама произошли.

Прикрѣпленіе крестьянъ—это вопль отчаянія, испущенный государствомъ, находящимся въ безвыходномъ экономическомъ положеніи. Но дѣло не могло ограничиться однимъ прикрѣпленіемъ сельскаго народонаселенія къ обрабатываемой имъ землѣ: въ городахъ живутъ такъ называемые посадскіе, тяглые люди, промышленники, торговые люди. Промышляютъ и торгуютъ они въ очень небольшихъ размѣрахъ, но платятъ подати, несутъ повинности въ очень большихъ размѣрахъ: государство, постоянно и страшно нуждающееся въ деньгахъ, требуетъ отъ нихъ исправнаго платежа податей и, въ то же время, требуетъ отъ нихъ тяжкой и разорительной службы при собираніи этихъ доходовъ. А тутъ еще новая для нихъ тягость—воевода и приказный человѣкъ. Развитіе состоитъ въ раздѣленіи занятій; мы называемъ наиболѣе развитымъ то тѣло, которое имѣетъ наиболѣе отдѣльныхъ органовъ, служащихъ каждый извѣстному отправленію жизни и находящихся въ тѣсной другъ съ другомъ связи и зависимости. Мы называемъ и человѣческое общество наименѣе развитымъ, варварскимъ, гдѣ раздѣленіе занятій слабо, гдѣ каждый дѣлаетъ все для себя нужное, не имѣя нужды въ другихъ, не сообщается, не мѣняется съ ними, живетъ особнякомъ. Обществомъ развитымъ, цивилизованнымъ, наоборотъ, мы называемъ такое, гдѣ господствуетъ раздѣленіе занятій и потому господствуетъ и соединеніе силъ, общая жизнь, ибо всѣ находятся во взаимной связи и зависимости. Въ древней Россіи, принадлежавшей къ государствамъ первобытнымъ, неразвитымъ, мы не можемъ надѣяться встрѣтить значительное раздѣленіе занятій ни въ какихъ сферахъ. Въ такихъ государствахъ одинъ органъ обыкновенно служитъ нѣсколькимъ отправленіямъ, которыя, при дальнѣйшемъ развитіи, распредѣляются по отдѣльнымъ органамъ. Въ древней Россіи военный или ратный человѣкъ въ мирное время долженъ былъ занимать правительственныя должности, которыя, опять по той же неразвитости, соединялись съ судебными должностями. Въ финансовомъ отношеніи назначеніе на такія мѣста служило дополнительнымъ содержаніемъ къ помѣстью для служилаго или военнаго человѣка, и такъ какъ бѣдное государство не могло дать ему жалованья, то предоставляло ему содержаться доходами съ управляемой имъ мѣстности, кормиться на ея счетъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанной уже неразвитости земледѣльческаго государства, и городъ, подобно селу, долженъ былъ непосредственно содержать, кормить военнаго человѣка, который естественно и необходимо привыкалъ къ мысли, что онъ имѣетъ право непосредственно кормиться насчетъ невооруженнаго человѣка, а тотъ имѣетъ обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему. Вслѣдствіе такого-то представленія, и образуется бездна между двумя частями народонаселенія, вооруженнаго и невооруженнаго; одни считаютъ себя полными людьми, мужами, и всѣхъ другихъ называютъ неполными людьми, человѣчками, мужиками. Мужъ, пріѣзжая управлять мужиками и смотря на эту должность какъ на дополнительное содержаніе, какъ на кормленіе, разумѣется, хотѣлъ кормиться какъ можно сытнѣе. Мужъ, воевода, часто былъ безграмотный, не зналъ порядковъ управленія и суда, и при немъ являлся приказный человѣкъ, грамотный, умѣющій вести дѣла и умѣющій кормиться. Тяжелое положеніе тяглаго человѣка, обремененнаго податями, увеличивалось еще такимъ отношеніемъ къ областнымъ правителямъ, какъ кормленщикамъ, и часто тяглый человѣкъ бѣжалъ отъ невыносимой тягости, укрывался, вступалъ въ зависимость отъ частныхъ сильныхъ и богатыхъ людей, чтобъ найти въ ней льготу и покровительство. Это послѣднее явленіе составляетъ также характеристическую черту первобытныхъ, неразвитыхъ государствъ, которыя не могутъ дать каждому подданному свободно и безопасно трудиться, — государствъ,

гдѣ правительственныя требованія находятся въ несоразмѣрности съ средствами подданныхъ удовлетворять имъ. Здѣсь естественное стремленіе бѣднаго, слабаго входить въ зависимость отъ богатаго, сильнаго, чтобъ найти у нихъ помощь и покровительство, найти защиту какъ отъ насилія другихъ сильныхъ, какой не можетъ дать государство еще слабое, такъ и отъ требованій самого государства. Извѣстно, что такъ называемая феодальная система на Западѣ, господствовавшая въ то время, когда тамошнія государства находились въ первобытномъ, неразвитомъ состояніи, основывалась на этомъ стремленіи слабыхъ войти въ зависимость отъ ближайшихъ сильныхъ, съ цѣлію найти въ нихъ защиту и покровительство.

Вотъ почему и въ древней Россіи мы видимъ сильное стремленіе добровольно входить въ частную зависимость. Человѣкъ отдавался или продавался добровольно въ холопы, давалъ на себя кабалу. Отпущенный на волю по завѣщанію умершаго господина, холопъ спѣшилъ закабалить себя наслѣднику покойнаго господина или другому комунибудь. Но, кромѣ этого добровольнаго закабаливанія себя въ личное услуженіе, видимъ стремленіе людей, имѣющихъ свое независимое хозяйство и промыслы, закладываться за людей сильныхъ для пріобрѣтенія защиты и освобожденія отъ тяжкихъ государственныхъ повинностей, стремленіе, по тогдашнему выраженію, жить за чужимъ хребтомъ, быть въ захребетникахъ, въ сосѣдяхъ и подсосѣдникахъ. Государство, разумѣется, не можетъ равнодушно смотрѣть на всѣ эти явленія. Накопляется огромное количество жалобъ мелкихъ землевладѣльцевъ, что крестьяне бѣгутъ съ ихъ земель, и тѣмъ лишаютъ ихъ средствъ кормиться, слѣдовательно лишаютъ средствъ служить. Несмотря на законъ о прикрѣпленіи крестьянъ, богатые и сильные землевладѣльцы продолжали переманивать крестьянъ у недостаточныхъ собратій своихъ, — переманитъ и сейчасъ же отправитъ въ отдаленную вотчину, гдѣ прежній господинъ его не сыщетъ. Пустѣютъ цѣлыя волости отъ тяжкихъ податей и воеводскихъ притѣсненій; бѣгутъ или закладываются посадскіе люди. Но уходъ крестьянина отъ помѣщика лишаетъ государство возможности имѣть въ сборѣ достаточное число войска; уходъ, укрывательство, закладничество тяглаго человѣка лишаетъ бѣдное государство послѣднихъ финансовыхъ средствъ, и—вотъ одною изъ главныхъ постоянныхъ заботъ государства становится ловля человѣка. Помѣщикъ жалуется, что ушелъ работникъ, земля пуста, дохода не даетъ, а нанять работника нечѣмъ, да и некого; посадскіе люди жалуются, что товарищи ихъ ушли, или заложились за бояръ, за монастыри, тягла не тянутъ, вся тяжесть обрушивается на оставшихся, которымъ, разумѣется, нельзя справиться и приходится самимъ брести розно, — и государство должно удовлетворять всѣмъ этимъ жалобамъ, должно ловить работника, тяглаго человѣка, усаживать на одно постоянное мѣсто, стеречь, чтобъ не ушелъ. Государство изъ финансовыхъ видовъ должно вооружиться противъ закладничества, должно освобождать людей отъ частной зависимости, освобождать силою, противъ ихъ воли, и освобожденные составляютъ заговоръ, чтобы произвести кровавый бунтъ противъ освободившаго ихъ правительства: зачѣмъ освободило. Вотъ явленіе, которое заставляетъ насъ быть очень осторожными и не судить по настоящему о прошедшемъ. Понятно, что мѣры государства относительно ловли и усаживанія людей не могли быть очень дѣйствительны. Уйти и скрыться въ громадной, малонаселенной странѣ было легко; открытость границъ, условіе столь затруднительное относительно государственной обороны, облегчавшее врагамъ доступъ въ Россію, облегчало и русскому народонаселенію возможность выхода, возможность разбрасываться все болѣе и болѣе на неизмѣримыхъ пространствахъ, пустыхъ или почти пустыхъ по ничтожности ихъ туземнаго народонаселенія. Понятно, что такая колонизація, такое постоянное расширеніе государственной области, не имѣющей изначала рѣзко очерченныхъ границъ, расширеніе, которое безпрепятственно шло чрезъ пустыни сѣверной Азіи и могло остановиться только на берегахъ Восточнаго океана, такое постоянное расширеніе государственной области и безъ того громадной, такой отплывъ народонаселенія, и безъ того незначительнаго, только усиливало затрудненія государства въ его отправленіяхъ. Ктому же, подлѣ выселенія людей съ земскимъ характеромъ, людей, переносившихъ на новыя мѣста свой трудъ, мы видимъ выходъ людей съ другимъ характеромъ, — людей, которые, ушедши отъ тяжкаго труда, отъ надзора правительственнаго и общественнаго, начинають заниматься дурнымъ промысломъ, жить на чужой счетъ; въ густыхъ лѣсахъ малонаселенной страны такъ легко было образовываться и укрываться отъ преслѣдованій разбойничьимъ шайкамъ, отъ которыхъ мирное сельское народонаселеніе терпѣло болѣе, чѣмъ отъ внѣшнихъ враговъ; отъ послѣднихъ терпѣли окраины, разбойники свирѣпствовали повсюду. Но не одинъ лѣсъ служилъ убѣжищемъ для людей, которые хотѣли жить на чужой счетъ, насчетъ трудящихся въ потѣ лица братій: широкія степи, которыми граничила древняя Россія на югѣ и юго-востокѣ, переставши быть привольемъ хищныхъ, кочевыхъ ордъ, стали привольемъ казаковъ, — людей, не хотѣвшихъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, людей, которымъ, по ихъ природѣ, по обилію физическихъ силъ, было тѣсно на городской и сельской улицѣ, которые, по старинному представленію, не могли пройтись по ней, чтобъ не задѣть другого, не сшибить его съ ногъ, на что, разумѣется, эти задавленные и сшибаемые съ ногъ не могли смотрѣть равнодушно и быть благодарными: поэтому люди, чувствовавшіе такую тѣсноту въ обществѣ и не желавшіе работать, спѣшили на просторъ, въ широкую степь, гдѣ могли гулять, живя на чужой

счетъ, т. е. грабя своихъ и чужихъ. Такъ образовалась противоположность между земскимъ человѣкомъ, который трудился, и казакомъ, который гулялъ,—противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновеніе, борьбу. Эта борьба разыгралась въ высшей степени въ началѣ XVII вѣка, въ такъ называемое Смутное время, когда казаки изъ степей своихъ, подъ знаменами самозванцевъ, явились въ государственной области и страшно опустошили ее, явились для земскихъ людей свирѣпѣе поляковъ и нѣмцевъ (грубнѣе литвы и нѣмецъ, по выраженію лѣтописца). Понятно, что это опустошеніе не могло улучшить экономическаго положенія страны, которое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду терпѣло отъ разбоя, производившагося въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ, съ неслыханною ненавистію къ мирному труду, къ гражданину-труженику, къ земскому человѣку.

Въ послѣднее время, когда русская мысль, недостаточно установленная правильнымъ научнымъ трудомъ, произвела нѣсколько странныхъ явленій въ нашей литературѣ, въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ историческихъ сочиненіяхъ выказалось стремленіе выставить этихъ героевъ лѣса и степи, разбойниковъ и казаковъ съ выгодной стороны, выставить ихъ народными героями, въ ихъ дѣятельности видѣть протестъ во имя народа противъ тягостей и неправды тогдашняго строя государственной жизни. Протестъ!—мы привыкли къ этому слову, — оно легко для насъ, какъ легко самое дѣло. Но въ сущности это дѣло не такъ легко, а потому и слово не должно употреблять легкомысленно; въ сущности въ самой тѣсной связи съ нимъ находятся слова: подвигъ, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово вовсе нейдетъ къ людямъ, которые покидали своихъ собратій въ ихъ подвигѣ, въ ихъ тяжеломъ трудѣ, и уходили, чтобъ гулять и жить на чужой счетъ, насчетъ тяжкаго труда своихъ собратій. Хорошъ протестъ во имя народа, во имя народныхъ интересовъ, протестъ, состоящій въ томъ, чтобъ мѣшать народному труду, мѣшать труженикамъ трудиться и посредствомъ труда улучшать свое положеніе! Хорошъ протестъ противъ неправды подъ знаменемъ лжи, подъ знаменемъ самозванства! Нѣтъ, все наше сочувствіе принадлежитъ не тѣмъ, которые ушли, но тѣмъ, которые остались; все наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ земскимъ русскимъ людямъ, которые разработали нашу землю своимъ трудомъ великимъ, подвигомъ необычайнымъ, потому что были поставлены въ самыя неблагопріятныя обстоятельства, должны были преодолѣвать страшныя трудности, должны были бороться съ природою-мачихою, при ничтожныхъ средствахъ защищать обширную страну отъ враговъ, нападавшихъ на нее со всѣхъ сторонъ, и, несмотря на всѣ препятствія, создали крѣпкую народность, крѣпкое государство. Все наше сочувствіе принадлежитъ этимъ людямъ, которые въ продолженіе стольких вѣковъ работали самую черную работу, и посмѣемъ ли мы задать имъ дѣтскій и дерзкій вопросъ: зачѣмъ они при этой черной работѣ не носили свѣтлаго, богатаго платья. Наше сочувствіе принадлежитъ не тѣмъ, которые, какъ бичи божіи, приходили изъ степей, чтобъ вносить смуту и опустошенія въ родную Землю, которые умѣли только разрушать и не умѣли ничего создать: наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые своимъ честнымъ, гражданскимъ трудомъ созидали, охраняли и спасали; тѣмъ, которые въ восточной, Московской Россіи, несмотря на разбросанность свою по обширнымъ, мало-проходимымъ пространствамъ, умѣли собраться и стать какъ одинъ человѣкъ, когда бѣда начала грозить родной странѣ; которые совершили не одинъ физическій подвигъ, но умѣли очиститься нравственно, избавиться отъ привычки нравственнаго обособленія, отъ привычки нравственнаго колебанія, шатанія, какъ они выражались. Наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые въ западной Россіи, почуя ту же бѣду, не хитрыми средствами приходскаго складчиннаго пира умѣли создать крѣпкія общества, въ короткое время создать школу, науку, литературу, всѣ нравственныя средства къ борьбѣ съ врагомъ сильнымъ для спасенія своей народности. Наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые великимъ трудомъ развили свои нравственныя силы, окруженные варварами сохранили свой европейско-христіанскій образъ и стали способны, подъ предводительствомъ величайшаго изъ тружениковъ, приступить къ новому великому труду,—труду созиданія новой России. Этимъ людямъ принадлежитъ все наше сочувствіе, наша память, наша исторія. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежитъ не тѣмъ, которые уходятъ, но тѣмъ, которые остаются, остаются на своей Землѣ, при своихъ братьяхъ, подъ своимъ народнымъ знаменемъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Изъ предложеннаго очерка экономическаго быта древней Россіи легко догадаться, съ чего должно было начаться движеніе при переходѣ изъ одного возраста народной жизни въ другой. Прежде всего должно было пробудиться сознаніе о недостаткахъ этого быта, о ихъ вредныхъ слѣдствіяхъ въ дѣлѣ народной безопасности, народной силы, народной чести. Какимъ же способомъ могло пробудиться это сознаніе? Тѣмъ же, какимъ оно пробуждается и въ отдѣльномъ человѣкѣ, способомъ сравненія и противоположенія; а способъ этотъ, разумѣется, усиливается вслѣдствіе выхода въ болѣе широкую сферу, вслѣдствіе пріобрѣтенія большаго количества предметовъ, явленій для сравненія и противоположенія. Долгое время все вниманіе русскаго человѣка было обращено на Востокъ, къ міру степныхъ, хищныхъ варваровъ, народовъ кочевыхъ, нехристіанскихъ, стоявшихъ на низшей сту-

пени развитія, чѣмъ народъ русскій. Русскій человѣкъ созналь свое рѣзкое различіе отъ этихъ народовъ и, находясь въ томъ возрастѣ, когда преобладаетъ чувство, созналь свое рѣзкое различіе отъ степнаго варвара въ религіи; не русскій и татаринъ, но христіанинъ и басурманинъ, или поганый: — вотъ какія представленія были напереди; здѣсь прошла рѣзкая нравственная граница между русскою народностію и азіатскимъ міромъ. Но на Западѣ другіе сосѣди, народы съ другимъ характеромъ. И здѣсь прежде всего было подмѣчено и стало на первомъ планѣ религіозное, т. е. вѣроисповѣдное различіе, православный христіанинъ или просто христіанинъ, христіанинъ по преимуществу, и латынецъ (римлянинъ), луторъ, кальвинъ: и здѣсь, на Западѣ, вѣроисповѣдное различіе провело рѣзкую нравственную границу русской народности, вотъ почему и говоримъ мы, что православіе легло въ основу русской народности, охранило ея духовную и политическую самостоятельность; подъ его знаменемъ поднялась и собралась восточная Россія, чтобъ не пустить на московскій престолъ латынца, Польскаго короля или сына его; подъ его знаменемъ отстаивала свою народную самостоятельность западная Россія въ борьбѣ съ Польшею. Мы говорили, что Россія дурно защищена природою, открыта съ востока, юга и запада, легко доступна вражьимъ нападеніямъ; по отсутствіе рѣзкихъ физическихъ границъ замѣнено было для русскаго народа духовными границами, религіознымъ различіемъ на востокѣ и югѣ, вѣроисповѣднымъ на западѣ; въ этихъ-то границахъ крѣпко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность. Затѣмъ русскій человѣкъ, разумѣется, обратилъ вниманіе и на другія черты сходства и различія между своими сосѣдями, между народами, съ которыми имѣлъ дѣло, и по этимъ чертамъ также началъ опредѣлять свои отношенія къ нимъ. Онъ замѣтилъ, напримѣръ, племенное сходство и различія, и поставилъ поляковъ-литву—особо, нѣмцевъ, т. е. всѣхъ западно-европейскихъ народовъ неславянскаго происхожденія,—особо. Замѣтилъ и рѣзкое различіе между восточнымъ и западнымъ человѣкомъ, азіатскимъ и западно-европейскимъ, грубость перваго, умѣлость, образованіе втораго. Особенно поразило русскаго человѣка, въ противоположность съ его собственною бѣдностію, богатство заморскаго нѣмца, англичанина, голландца, гамбурца, любчанина, богатство и искусство (досужество). Заморскій нѣмецъ привозитъ товары необходимые, но которыхъ русскій человѣкъ не умѣетъ дѣлать; у заморскихъ нѣмцевъ много денегъ и, кромѣ того, они умѣютъ вести свои дѣла, умѣютъ вести ихъ сообща, умѣютъ сговориться и поставить насвоемъ, тогда какъ русскіе люди торгуютъ каждый отдѣльно, не умѣютъ сговариваться, помогать другъ другу, и потому всегда въ проигрышѣ предъ нѣмцами, не могутъ съ ними стянуть, какъ они сами выражались. Нѣмцы привозятъ товары дорогіе, которые въ ихъ землѣ не родятся, родятся далеко за океаномъ; но нѣмцы на корабляхъ своихъ плаваютъ по всѣмъ морямъ, пристаютъ ко всѣмъ землямъ, покупаютъ дешево, продаютъ дорого, и наживаютъ великіе барыши. Русскій человѣкъ присматривается къ нѣмцамъ, которые изъ нихъ богаче, которые искуснѣе, и видитъ, что богаче, искуснѣе нѣмцы поморскіе,—тѣ, у которыхъ больше кораблей, тѣ, которые плаваютъ и торгуютъ по всѣмъ морямъ. Отсюда для русскаго человѣка представленіе моря, какъ силы, которая даетъ богатство, отсюда страстное желаніе, стремленіе къ морю, чтобъ посредствомъ него стать такимъ же богатымъ и умѣлымъ народомъ, какъ народы поморскіе. Такимъ образомъ, богатство и умѣлость заморскихъ иностранцевъ, противопоставленныя собственной бѣдности и неразвитости, пробудили въ сильномъ историческомъ, т. е. способномъ къ развитію народѣ стремленія выйти изъ своего затруднительнаго, печальнаго положенія, умѣрить односторонность земледѣльческаго быта промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, средствами указанными, дѣйствительность которыхъ очевидна; отсюда движеніе отъ востока къ западу, отъ Азіи къ Европѣ, отъ степи къ морю. И это движеніе началось сейчасъ же, какъ только восточные варвары ослабѣли, русскіе осилили ихъ, могли вздохнуть поспокойнѣе, оглядѣться и замѣтить сказанное различіе между собою и поморскими народами, ибо великій историческій народъ пребывать въ застоѣ не можетъ; а если древняя Россія намъ представляется въ застоѣ, то это застой относительный, это только медленность движенія въ извѣстныхъ сферахъ вслѣдствіе могущественныхъ препятствій, встрѣчаемыхъ народомъ. Какъ только Татарскіе ханы перестаютъ подходить къ Москвѣ и брать въ плѣнъ ея князей, сынъ того князя, который былъ плѣнникомъ въ Казани, Іоаннъ III уже заводитъ сношенія съ западной Европой и вызываетъ тамошнихъ художниковъ, чтобъ строить церкви, дворцы и башни въ своемъ Кремлѣ. Внукъ его, Іоаннъ IV, какъ только угомонилъ восточныхъ татаръ взятіемъ Казани и Астрахани, такъ сейчасъ же обращаетъ все свое вниманіе на западъ, хочетъ непремѣнно добиться до завѣтнаго моря. Оттолкнутый отъ него соединенными усиліями поляковъ и шведовъ, Іоаннъ IV готовъ отдать всю русскую торговлю въ руки англичанъ, лишь бы только тѣ помогли ему получить хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ дѣлаетъ наивное предложеніе герцогу Курляндскому, не можетъ ли тотъ позволить строить въ своихъ гаваняхъ русскіе корабли: это всего лучше показываетъ движеніе и его направленіе, всего лучше показываетъ, какъ мысль о морѣ стала господствующею, неотразимою. Такимъ образомъ, русскіе уже двинулись, и новый путь былъ опредѣленъ; движеніе начинается съ XV и XVI вѣка, одновременно, слѣдовательно, съ движеніемъ западно-европейскихъ народовъ, съ ихъ переходомъ

изъ одного возраста въ другой; но у насъ, на востокѣ, это движеніе шло чрезвычайно медленно вслѣдствіе страшныхъ препятствій. Польша и Швеція легли на дорогѣ, загородили море,—пробиться было невозможно съ тѣми нестройными массами, какія представляло русское войско, требовавшее для успѣха кореннаго преобразованія. На западѣ загорожена дорога, а востокъ, степной востокъ употребляетъ послѣднія усилія, чтобъ удержать свою добычу, свою плѣнницу—Россію. Въ то время, какъ царь Іоаннъ IV обратилъ все свое вниманіе на Западъ, Крымскій ханъ подкрался и сжегъ Москву, сжегъ такъ, что она уже послѣ того не поправлялась. Только-что при царѣ Борисѣ успѣли рѣшить вопросъ, что лучше отправить своихъ русскихъ за-границу учиться, чѣмъ вызывать иностранныхъ учителей въ Россію; только-что распорядились исполненіемъ этого рѣшенія, какъ степи снова всколыхались, явились оттуда казаки съ самозванцами, и выполнили степную работу опустошенія, уравненія, т. е. уравняли все съ землею получше татаръ; долго Россія должна была отдыхать, оправляться послѣ посѣщенія этихъ проповѣдниковъ протеста. Путешественники разсказываютъ, что когда они проѣзжали мѣстами, гдѣ гостили казаки, то, чтобъ остановиться и погрѣться въ избахъ, прежде нужно было очистить эти избы отъ труповъ ихъ прежнихъ обитателей. Послѣ такой болѣзни нельзя было требовать сильнаго движенія отъ выздоравливающаго; а тутъ едва восточная Великая Россія начала оправляться, движенія въ западной Россіи, сведеніе старыхъ счетовъ съ Польшею, казацкія смуты въ Малороссіи замедляли движеніе, замедляли; но оно не прекращалось: шли ощупью, принимали полумѣры, но двигались, вводили преобразованія въ войскѣ; отбиваемые отъ Балтійскаго моря, — строили корабли для Каспійскаго.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, въ чемъ должны были заключаться существенныя черты такъ называемаго преобразованія, т. е. естественнаго и необходимаго перехода народа изъ одного возраста въ другой. Бѣдный народъ созналъ свою бѣдность и причины ея чрезъ сравненіе себя съ народами богатыми, и устремился къ пріобрѣтенію тѣхъ средствъ, которымъ заморскіе народы были обязаны своимъ богатствомъ. Слѣдовательно, дѣло должно было начаться съ преобразованія экономическаго; государство земледѣльческое должно было умѣрить односторонность своего экономическаго быта усиленіемъ промышленнаго и торговаго движенія, и для этого прежде всего добыть себѣ уголокъ у сѣвернаго Средиземнаго (Балтійско-Нѣмецкаго) моря, къ которому прилила торговая, промышленная и историческая жизнь Европы, отхлынувъ отъ береговъ древняго южнаго Средиземнаго моря. Здѣсь исполнялся общій законъ, по которому шло движеніе и на Западѣ. Движеніе, приготовившее переходъ западно-европейскихъ народовъ изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую, началось измѣненіемъ въ ихъ экономическомъ бытѣ чрезъ усиленіе промышленной, торговой и мореплавательной дѣятельности. Чѣмъ обыкновенно начинаютъ изложеніе новой исторіи?—открытіями новыхъ странъ и морскихъ путей, и этимъ открытіямъ предшествуетъ поднятіе города, его чрезвычайное процвѣтаніе въ Италіи, этой странѣ богатыхъ, сильныхъ, властительныхъ городовъ-республикъ. Съ берегами южнаго Средиземнаго моря начинаютъ соперничать берега сѣвернаго Средиземнаго моря Балтійско-Нѣмецкаго: здѣсь поднимаются города ганзейскіе и нидерландскіе. Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ въ различной степени, подъ вліяніемъ разныхъ условій, но повторяется то же явленіе, деньги, движимое соперничаетъ съ землею, недвижимымъ; золото споритъ съ мечемъ; прежде династіи основывались мечемъ, теперь онѣ основываются посредствомъ денегъ; богатые купцы Медичи основываютъ династію во Флоренціи. Развитіе промышленное и торговое ведетъ къ развитію умственному чрезъ расширеніе сферы наблюденія, чрезъ усиленіе жизни международной. Научное движеніе при этомъ необходимо, и мы видимъ, что въ эпоху открытій географическихъ, въ эпоху усиленія торговой и промышленной дѣятельности, въ странахъ, наиболѣе отличающихся этою дѣятельностію, является и сильная работа мысли надъ памятниками, оставленными древнимъ греко-римскимъ міромъ, вліянію которыхъ такъ подчинились западно-европейскіе народы и, подъ этимъ вліяніемъ, совершили переходъ изъ своей древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли, проще сказать — отдались въ ученье грекамъ и римлянамъ, прошли школу подъ ихъ руководствомъ. И эта школа надолго, можно сказать навсегда, оставила глубокіе слѣды, точно такъ же, какъ глубокіе слѣды оставляетъ школа въ каждомъ человѣкѣ, способномъ принимать и переваривать духовную пищу. Въ этой-то греко-римской школѣ, при возбужденіи мысли посредствомъ нея, западно-европейскіе народы прежде всего отнеслись съ вопросомъ и допросомъ къ отношеніямъ, которыя были результатомъ начала, господствовавшаго въ ихъ древней исторіи, чувства, религіознаго чувства. И слѣдствіемъ этого допроса расправившей свои крылья мысли, результатомъ чувства, слѣдствіемъ столкновенія двухъ началъ, дѣлящихъ между собою исторію народовъ, слѣдствіемъ столкновенія мысли и чувства—было религіозное протестантское движеніе, обхватившее всю западную Европу и поведшее всюду къ такой продолжительной и кровавой борьбѣ. И у насъ, въ Россіи, переходъ изъ древней исторіи въ новую совершился по общимъ законамъ народной жизни, но и съ извѣстными особенностями, вслѣдствіе различія условій, въ которыхъ проходила жизнь нашего и западно-европейскихъ народовъ. На Западѣ извѣстное экономическое движеніе началось давно и шло постепенно, что и не давало ему значенія новизны, особенно поражаю-

щаго вниманіе, дающаго господство явленію. Самымъ сильнымъ и поражающимъ своею новизною движеніемъ было движеніе въ области мысли, въ области науки и литературы, перешедшее немедленно въ область религіозную, въ область церковныхъ и церковно-государственныхъ отношеній; здѣсь новое, протестуя противъ стараго, противопоставляя ему себя, необходимо вызывало борьбу, и борьбу самую сильную, борьбу религіозную, которая дѣлитъ Европу на два враждебные лагеря. Эта-то борьба и стала на первомъ планѣ, отстранивъ всѣ другіе интересы на второй. У насъ, въ Россіи, въ эпоху преобразованія, т. е. при переходѣ народа изъ своей древней исторіи въ новую, экономическое движеніе оставалось на первомъ планѣ. По указаннымъ выше неблагопріятнымъ условіямъ, у насъ экономическое развитіе было задержано; но движеніе государственной и народной жизни не останавливалось, ибо все яснѣе и яснѣе становилось сознаніе необходимости вывести страну на новый путь, все яснѣе и яснѣе становилось сознаніе средствъ этого вывода. И какъ скоро сознаніе окончательно уяснилось, то народъ долженъ былъ вдругъ ринуться на новую дорогу, ибо разладъ между сознаніемъ того, что должно быть и дѣйствительностію, возможно у отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа только при условіи крайней слабости воли, одряхлѣнія; но такимъ не былъ русскій народъ въ описываемое время. Экономическій переворотъ, какъ удовлетворяющій главной, народной потребности, становился на первый планъ, и, какъ совершившійся вдругъ, тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать. Въ организмѣ государственномъ нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись въ то же время и другихъ: и вотъ причина, почему, вмѣстѣ съ экономическимъ преобразованіемъ, шло и множество другихъ; но эти послѣднія находились въ служебномъ отношеніи къ первому. Не забудемъ и того, что Россія совершила свой переходъ изъ древней исторіи въ новую двумя вѣками позже, чѣмъ совершили это западно-европейскіе народы; слѣдовательно между этими народами, въ общество которыхъ вступилъ народъ русскій, многое уже должно было измѣниться. Дѣйствительно, религіозное движеніе здѣсь успокоилось, и на первомъ планѣ стоялъ также—вопросъ экономическій. Вспомнимъ, что на Западѣ это время было временемъ Людовика XIV, который далъ Франціи первенствующую роль въ западной Европѣ; но въ концѣ его царствованія Франція потеряла первенствующее значеніе. Это происходило оттого, что вначалѣ знаменитый министръ Людовика, Кольберъ, произвелъ экономическое движеніе, экономическій переворотъ во Франціи, давшій королю большія финансовыя средства; но потомъ король позволилъ себѣ истощить ихъ. Отъ какой же мысли пошелъ Кольберъ? Морскія державы—Голландія и Англія—разбогатѣли посредствомъ сильнаго промышленнаго и торговаго движенія: чтобъ дать Франціи возможность разбогатѣть наравнѣ съ Англіею и Голландію, надобно сдѣлать ее морскою державою, возбудить въ ней сильное промышленное и торговое движеніе, что и было сдѣлано. Тутъ, слѣдовательно, Кольберъ шелъ отъ факта, совершившагося у всѣхъ передъ глазами, отъ сравненія положенія морскихъ державъ съ положеніемъ континентальныхъ, отъ вѣрнаго пониманія причинъ различія въ этомъ положеніи, ибо не понять было трудно. Отъ того же факта, отъ того же сравненія пошла и Россія; основное движеніе преобразовательной эпохи было то же кольберовское движеніе, то же стремленіе привить къ земледѣльческому бѣдному государству промышленную и торговую дѣятельность, дать ему море, пріобщить его къ мореплавательной дѣятельности богатыхъ государствъ, дать возможность раздѣлить ихъ громадные барыши. Движеніе это, какъ мы видѣли, такъ естественно и необходимо, что тутъ не можетъ быть и мысли о какомъ-нибудь заимствованіи или подражаніи: Франція съ Кольберомъ въ челѣ и Россія—съ Петромъ Великимъ въ челѣ дѣйствовали одинаково, по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, по какимъ два человѣка, одинъ въ Европѣ, а другой въ Азіи, чтобъ погрѣться, выходятъ на солнце, а чтобъ избѣжать солнечнаго жара—ищутъ тѣни. Іоаннъ IV, бившійся изо всѣхъ силъ, чтобъ утвердиться на морскихъ берегахъ, не могъ подражать Кольберу. Но когда Россія вошла въ ближайшія сношенія съ западною Европою, то было важно, что она нашла здѣсь то же самое движеніе, какое сама совершила, нашла ему оправданіе. Россія, производившая у себя экономическій переворотъ и сближавшаяся для этого съ западною Европою, застала ее не въ религіозной борьбѣ, совершенно чуждой и безполезной для Россіи, но въ борьбѣ за средства къ обогащенію.

Но если въ нашемъ преобразованіи выставилась такъ выпукло экономическая сторона, то было бы крайне неосторожно не обратить вниманія и на другія стороны, которыя разсматриваемое явленіе должно было имѣть по необходимымъ общимъ законамъ. Мы видѣли, что въ западной Европѣ, при переходѣ народовъ изъ одного возраста въ другой, мысль, возбужденная знакомствомъ съ памятниками древней мысли, древней философіи, отнеслась съ вопросомъ и допросомъ къ результатамъ господствовавшаго въ ихъ древней исторіи чувства, религіознаго чувства, откуда произошло сильное религіозное движеніе, сильная религіозная борьба, раздѣлившая Европу на два враждебныхъ лагеря, католическій и протестантскій. Мы видѣли, что часть западно-европейскихъ народовъ сохраняютъ и упорно отстаиваютъ старыя вѣрованія, старыя формы церковнаго строя и утверждаются въ этомъ крайностями новаго начала, крайностями движенія мысли, ея разлагающаго, отрицательнаго движенія. Послѣ возбужденія вопроса о злоупотребленіяхъ Латинской Церкви, очень скоро возникаютъ ученія, стремящіяся нарушить не только церковный, но и общественный строй; разнузданная мысль въ своемъ

отрицательномъ движеніи быстро пробѣгаетъ отъ Лютера до Мюнцера и отъ Мюнцера до анабаптистовъ. Такая крайность вызывала противодѣйствіе, реакцію со стороны католицизма, которыя, въ свою очередь, дошли до крайностей, произведя орденъ іезуитовъ. Никакихъ соглашеній, никакихъ уступокъ новому началу, новымъ требованіямъ; все правильно, все безукоризненно, нечего перемѣнять; и божія правда и человѣческая ложь одинаково неприкосновенны; «да будетъ такъ какъ есть, или да не будетъ» (sit ut est, aut non sit), написалъ католицизмъ на своемъ знамени въ отвѣтъ на протестантскія требованія, на протестантскія укоризны; и были въ западной Европѣ цѣлыя страны, которыя остались вполнѣ вѣрны этому знамени, обвели около себя магическій кругъ, отчурались отъ всякаго участія въ новомъ движеніи, отъ всякаго участія въ служеніи новому началу: такъ поступили народы Пиренейскаго полуострова, знаменитые католическимъ старообрядчествомъ. Но если при движеніи, вызывающемъ къ переходу изъ одного возраста въ другой, такъ сильно обнаруживается у народовъ отвращеніе къ этому переходу; такъ сильно обнаруживается страхъ предъ болѣзненнымъ переворотомъ; такъ невыносима бываетъ тоска при этомъ, которую можно объяснить тоскою по родинѣ, овладѣвающею многими людьми, рѣшившимися въ первый разъ переступить порогъ отечества, войти въ новый, чужой міръ; если цѣлые народы рѣшаются заглушить въ себѣ, выжечь костромъ инквизиціи всякую попытку мысли потребовать отчета у существующаго, освященнаго вѣками, измѣнить здѣсь хотя единую букву, и если такое рѣшеніе оправдывается крайностями новаго направленія, ведущими также къ односторонности, нарушающими гармонію духовной жизни,—то самый естественный вопросъ въ устахъ человѣка, незнающаго подробностей нашей исторіи: неужели переходъ русскаго народа изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую, совершился безъ болѣзненныхъ явленій, безъ сопротивленія, безъ борьбы? Неужели всѣ съ веселымъ сердцемъ, безбоязненно отправились въ новый путь, въ невѣдомый міръ? Неужели всѣ выслушали съ сочувствіемъ, по крайней мѣрѣ равнодушно вызовъ: свое дурно, чужое хорошо? Неужели при той рѣзкой вѣроисповѣдной границѣ, которую русскіе люди провели между собою и западно-европейскими народами, и которую такъ ревниво охраняли, не щадя ничего, никому не пришла въ голову страшная мысль, что, при тѣсномъ сближеніи съ иновѣрными народами, эта священная граница можетъ быть нарушена? Всѣмъ извѣстно, какъ отвѣчаетъ на эти вопросы наша исторія. Задолго, почти за сто лѣтъ до начала преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, уже идетъ совѣщаніе у царя Бориса съ духовенствомъ и вельможами; предлагается трудное, но необходимое дѣло: надобно ввести науку, потому что безъ нея Россія безсильна, беззащитна передъ другими враждебными народами; науку можно получить только изъ-за моря, надобно призвать иностранныхъ учителей, какъ уже хотѣлъ царь Иванъ. Но тутъ великая опасность: эти учителя иновѣрцы,—какъ будутъ учиться у нихъ русскіе православные люди? Учиться вѣдь это значитъ—признать превосходство учителя, подчиниться ему, вѣрить ему, дѣлать такъ, какъ онъ велитъ, какъ самъ дѣлаетъ, подражать ему. Какое страшное искушеніе: подчиниться вліянію учителя во всемъ, исключая одного—вѣры. Рѣшено было, что иновѣрные учителя опасны, и потому лучше послать русскихъ людей учиться за-границу, чтобъ они, по возвращеніи, стали учителями въ своей странѣ. Понятно, что опасность не уменьшалась: русскій человѣкъ, лишенный вліянія народной среды, совершенно предавался чуждому вліянію. Никто изъ отправленныхъ не возвратился. А между тѣмъ движеніе началось, и гдѣ же?—въ самой Церкви. Явилась типографія: она должна была прежде всего послужить Церкви, распространить церковную книгу; явилась важная выгода: книга выходила не изъ частныхъ рукъ, не изъ рукъ переписчика, который могъ внести въ нее ошибки вольныя и невольныя:—теперь книга должна была выходить подъ надзоромъ церковнаго правительства. Но для того, чтобы книга напечатана была правильно, нужно было напечатать ее въ исправной рукописи, для чего нужно было собрать рукописи, сравнить, выбрать лучшую, сличить съ греческимъ подлинникомъ; но для этого нужно было знаніе, а знанія-то и не было. Люди, повидимому знающіе, которымъ было поручено дѣло исправленія, уличены были въ незнаніи, въ искаженіи вмѣсто исправленія. Нужно было вызвать исправителей изъ заграницы, разумѣется православныхъ, т.-е. грековъ или ученыхъ монаховъ изъ западной Россіи, которая, вслѣдствіе борьбы съ католицизмомъ, ранѣе восточной завела у себя школы. Исправители были вызваны, начали исправлять посвоему—и раздался вопль: чужіе перемѣняютъ вѣру, велятъ творить крестное знаменіе не такъ, писать и произносить самое священное имя не такъ; портятъ книги, по которымъ молились отцы, по которымъ молились святые и спаслись. Вопль пошелъ отъ старыхъ учителей, отъ прежнихъ исправителей книгъ, которые были оскорблены обвиненіями въ невѣжествѣ, въ искаженіи книгъ. Но стоило только раздаться словамъ, что вѣра въ опасности, вѣру перемѣняютъ,—какъ слова эти нашли сильный отзывъ, тѣмъ болѣе что движеніе къ новому уже началось въ разныхъ сферахъ, новые обычаи рѣзко бросались въ глаза уже по тому самому, что были рѣдки еще и ярко выдѣлялись, сильно раздражали. Явились ревнители, которые провозгласили, что послѣднія времена приближаются; что надобно стать и помереть за вѣру, за неизмѣнность того, что предано свыше и потому должно остаться неприкосновеннымъ: «Аще я и не смысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся, церкви отъ св. отецъ преданная, свята и непорочна суть, держу

*

до смерти, якоже пріяхъ, не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ». И такъ какъ ревнители старины дѣйствительно готовы были подвергнуться всѣмъ лишеніямъ, страданіямъ и смерти, то производили сильное впечатлѣніе и увлекали многихъ. Явился расколъ: часть русскихъ людей отвергла авторитетъ Церкви, необходимымъ слѣдствіемъ чего было раздѣленіе отпадшихъ на множество толковъ. А между тѣмъ движеніе шло и съ другой стороны; мысль была возбуждена религіозными вопросами; люди съ возбужденною мыслію просиживали въ Москвѣ ночи съ учеными кіевскими монахами; другіе стремились въ Кіевъ, въ тамошнія школы, къ тамошнимъ ученымъ, и, возвратясь въ Москву, спорили съ своими отцами духовными, доказывая имъ, что они не такъ понимаютъ дѣло. Тѣ оскорблялись, кричали противъ извращенія отношеній, молодые учатъ старыхъ, дѣти отцовъ. Богословскіе споры овладѣваютъ вниманіемъ общества, въ домахъ и на улицахъ, мужчины и женщины спорятъ о времени пресуществленія, упрекаютъ другъ друга въ еретичествѣ. Іезуиты тутъ и закидываютъ свои сѣти, подходятъ къ русскимъ людямъ съ внушеніями: у насъ съ вами вѣра одна; разница въ томъ, что у насъ ученыхъ людей больше; мы васъ удовлетворимъ въ вашей новой потребности, въ потребности знанія, работы мысли. Іезуитовъ выгнали; но опасность не уменьшилась; духовенство находилось въ самомъ затруднительномъ положеніи, между двухъ огней: съ одной стороны — свои раскольники обвиняли его въ отступленіи отъ старой вѣры, отвергали его какъ еретическое, съ другой — свои же обвиняли его въ отсталости, въ неимѣніи средствъ правильно понимать проповѣдуемое ученіе, а тутъ иновѣрные учителя съ Запада подчиняютъ русскихъ людей своему вліянію и также не съ уваженіемъ относятся къ старымъ учителямъ ихъ, къ ихъ отцамъ духовнымъ. Единственное средство выйти изъ этого затруднительнаго положенія состояло въ томъ, чтобъ выйдти вмѣстѣ съ народомъ на новую дорогу, пріобрѣсти могущество знанія. Это новое могущество было необходимо для успѣшной борьбы съ людьми, которые хотѣли остаться при старомъ началѣ во всей его исключительности, односторонности, — людьми, которые лучше всего показывали, къ чему ведетъ эта односторонность, исключительное господство чувства, не умѣряемаго мыслію. Эта односторонность повела къ безусловному, слѣпому, фанатическому утвержденію превосходства своего надъ чужимъ, своего, принятаго въ самомъ узкомъ смыслѣ. Она повела къ слѣпому, безусловному, фанатическому утвержденію неприкосновенности всего преданнаго безъ всякаго различенія существеннаго и несущественнаго, духа отъ буквы, божіей правды отъ человѣческой ошибки; она повела къ тому, что часть народа покинула Церковь, объявила ее зараженною еретичествомъ за то только, что Церковь измѣнила нѣсколько словъ, нѣсколько обрядовъ. «До насъ положено, лежи такъ во вѣки вѣковъ», провозглашаетъ знаменитый въ исторіи раскола протопопъ Аввакумъ. Такимъ образомъ, односторонность господствовавшаго начала, чувства, неумѣряемаго мыслію, знаніемъ, выразилась въ расколѣ самымъ печальнымъ образомъ и заставляла необходимо требовать знанія, умственнаго развитія. Но то же знаніе было необходимо для защиты вѣры отъ другихъ враговъ, болѣе опасныхъ, отъ тѣхъ людей, къ которымъ русскій народъ долженъ былъ обратиться за наукою, отъ учителей чужеземныхъ, иновѣрныхъ. Мы видѣли, что русскіе люди съ пробужденною мыслію, не имѣя возможности отправляться къ народамъ иновѣрнымъ, спѣшили въ Кіевъ къ тамошнимъ ученымъ для удовлетворенія новой потребности, потребности знанія. Но скоро заставы, заграждавшія путь къ народамъ иновѣрнымъ, должны были рушиться; нудящія потребности экономическаго преобразованія, бывшаго на первомъ планѣ, заставляли отнестись непосредственно къ поморскимъ народамъ, заимствовать у нихъ ихъ умѣлость, практическія знанія, которыхъ нельзя было пріобрѣсти въ кіевскихъ школахъ или въ школахъ, устроенныхъ по образцу кіевскихъ школъ. Русскіе люди толпами отправились въ эти заморскія иновѣрныя страны учиться; если прежде и тѣ, которые ѣздили въ Кіевъ, по возвращеніи оттуда представляли новыя требованія отъ своихъ старыхъ учителей, своихъ старыхъ отцовъ духовныхъ, то легко понять, съ какими требованіями, съ какими вопросами возвратятся русскіе люди изъ-за моря: надобно было приготовиться удовлетворить этимъ требованіямъ, отвѣчать на эти вопросы; а приготовиться можно было только посредствомъ науки.

Необходимость науки была сознана и превозглашена торжественно. «Наука есть могущество», задолго предъ тѣмъ превозгласилъ одинъ изъ великихъ ученыхъ дѣятелей въ западной Европѣ, и народы ея приняли это провозглашеніе какъ — истину. Русскіе люди признали эту истину, какъ только познакомились съ людьми, съ народами, обладавшими наукою; они нашли, что эти люди, эти народы обладаютъ страшнымъ могуществомъ. Могущество науки сознали русскіе люди въ западной Россіи, увидавъ передъ собою враговъ своей вѣры, своей народности, вооруженныхъ могуществомъ науки. Сознавши это, русскіе люди въ западной Россіи не остались праздны, но поспѣшили вооружиться этимъ могуществомъ, чтобъ бороться съ врагами равнымъ оружіемъ. Русскіе люди Великой Россіи, сознавъ могущество науки, также не хотятъ быть праздными, но поднимаются, собираются въ дорогу на поискъ за наукою, чтобъ сдѣлать свою Россію богатою и сильною, чтобъ дать ей почетное мѣсто среди народовъ. Наука есть могущество; но всякая сила можетъ быть опасна въ неопытныхъ рукахъ, если ей дается одностороннее направленіе. Посредствомъ науки человѣкъ и народъ переходятъ изъ одного возраста

въ другой,—изъ возраста, гдѣ господствуетъ чувство, въ возрастъ, гдѣ господствуетъ мысль. Мы только-что говорили о печальныхъ слѣдствіяхъ односторонности, рѣшительнаго преобладанія чувства, неумѣряемаго мыслію, знаніемъ; о печальныхъ слѣдствіяхъ ревности не по разуму нашихъ Аввакумовъ: Но мы прежде сказали о печальныхъ слѣдствіяхъ односторонности и другого начала, усиливающагося во второй періодъ жизни человѣка и народа,—о печальныхъ слѣдствіяхъ отрицательнаго, разлагающаго движенія мысли, слѣдствіяхъ, которыя вызываютъ вопль: древо познанія не есть древо жизни; вопль, родившійся въ той самой странѣ, гдѣ впервые было провозглашено, что наука есть могущество; вопль, потрясающій вѣру въ могущество науки. Недавно исторія какъ будто подтвердила справедливость этихъ словъ, что древо познанія не есть древо жизни для цѣлыхъ народовъ; недавно исторія произнесла страшныя слова: «Горе народу, который равнодушно смотритъ, какъ разрушаются его алтари и закалаются ихъ служители»; наука со всѣми ея чудесами не спасла этого народа; а было время, когда этотъ же самый народъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ былъ спасенъ простою крестьянкою, дѣйствовавшею съ религіознымъ одушевленіемъ. Но эти вопли, эти примѣры показываютъ только, что наука теряетъ часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодѣтельница людей и народовъ, когда изучаетъ прежде всего человѣка; когда знаетъ условія, законы и потребности его природы; когда умѣетъ сохранить гармонію между началами въ его природѣ дѣйствующими, умѣрять одно другимъ, положить границы между ними; когда умѣетъ умѣрять гордыню знанія и алчность пытливости разума и отвести должную область чувству; когда умѣетъ опредѣлить границы, гдѣ оканчивается область знанія и гдѣ начинается область вѣры. Наука достигаетъ полнаго могущества не тогда только, когда учитъ и развиваетъ умственныя способности, нетогда только, когда изученіемъ законовъ видимой природы увеличиваетъ удобства жизни: она достигаетъ полнаго могущества, когда воспитываетъ человѣка, развиваетъ всѣ начала его природы для ихъ правильнаго и согласнаго проявленія. Блюсти, чтобъ эта правильность и согласіе не были нарушены при переходѣ русскаго народа изъ одного возраста въ другой, становилось обязанностію Русской Церкви; для приготовленія ея служителей къ исполненію этой обязанности могущественнымъ и необходимымъ средствомъ должна была служить также наука.

Необходимость движенія на новый путь была сознана, обязанности при этомъ опредѣлились; народъ поднялся и собрался въ дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя;—вождь явился.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Народъ собрался въ дорогу и ждалъ вождя, сказалъ я взаключеніе прошедшаго чтенія. Это ожиданіе вовсе не было спокойное; это было тревожное, томительное ожиданіе. Сильное недольство настоящимъ положеніемъ, раздраженіе, смута: вотъ что мы видимъ въ Россіи въ то время, когда въ ней воспитывался вождь, долженствовавшій вести ее на новую дорогу. Прежде въ сферѣ нравственной былъ могуществень авторитетъ Церкви, сильной своимъ единствомъ; но теперь въ Церкви расколъ; являются люди, которые смущаютъ большинство; съ жаромъ, убѣжденіемъ, начитанностію, выставляя передъ собою авторитетъ подвига, страданія, толкуютъ они, что православіе падаетъ; что патріархъ, архіереи и все остающееся при нихъ духовенство отступили отъ истины. Намъ теперь, безъ углубленія въ подробности тогдашняго состоянія общества, трудно себѣ представить, какое нравственное колебаніе, смуту производилъ расколъ во второй половинѣ XVII вѣка. Страшное впечатлѣніе производится, когда слышатся выходки противъ именъ, съ которыми привыкли соединять нравственное освященіе, нравственную неприкосновенность. «Патріархъ, архіереи еретики, измѣнники православію!»—и это говорили люди, облеченные также нравственнымъ авторитетомъ, начитанностію, т.-е. въ глазахъ толпы знаніемъ Св. Писанія, готовностію страдать и умирать за истину. «Намъ не даютъ высказывать истины, обличать неправду», кричали они; «вмѣсто того, чтобъ, по заповѣди Христовой, обращаться съ нами кротко, убѣждать съ тихостію, они насъ пытаютъ и жгутъ». Вотъ знаменитый разговоръ раскольника съ патріархомъ. *Раскольникъ:* «Правду говоришь, святѣйшій владыка, что вы на себѣ Христовъ образъ носите; но Христосъ сказалъ: Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,—а не срубами, не огнемъ и мечемъ грозилъ; велѣно повиноваться наставникамъ, но не велѣно слушать и ангела, если не то возвѣщаетъ. Что за ересь и хула двумя перстами креститься? за что тутъ жечь и пытать?» *Патріархъ* отвѣчалъ: «Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ, жжемъ за то, что насъ еретиками называютъ и не повинуются Св. Церкви, а креститесь, какъ хотите». Какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ отношеніяхъ, люди, требующіе свободы и безопасности, требуютъ ихъ только для однихъ себя, а не для стороны противной въ одинакой степени, и раскольники не ограничивались одною свободою двуперстнаго сложенія, они требовали также свободы и безопасности въ открытомъ нападеніи на Церковь, свободы и безопасности въ своей проповѣди противъ нея, въ выставленіи ея еретическою. Но въ толпѣ не умѣли уяснить себѣ эти отношенія, и раскольники въ глазахъ многихъ имѣли большую выгоду, выгоду гонимыхъ. Нѣкоторые шли за ними; другіе, оставаясь при Церкви,

не могли для себя вполнѣ уяснить ея правоты, а потому естественно охлаждались къ ней; ослабѣвалъ и авторитетъ Церкви, нравственная смута чрезъ это усиливалась; у ревнителей старины, стоявшихъ, повидимому, за неизмѣнность, твердость всего преданнаго, даже каждой буквы, твердости и неизмѣнности не оказалось съ самаго же начала, съ самаго начала страшная рознь между толками, и люди, въ отчаяніи отъ этихъ разнорѣчій, отъ этой смуты, разбрелись по всевозможнымъ дорогамъ, ища вѣры, и до сихъ поръ ищутъ. На помощь Церкви была призвана наука: устроили въ Москвѣ школу, академію, обязанностію которой было защищать православіе; начальникъ (блюститель) и учителя должны смотрѣть, чтобъ ни у кого не было запрещенныхъ книгъ: если кто-нибудь будетъ обвиненъ въ хулѣ на православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если они признаютъ обвиненіе справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію. Такимъ образомъ академія уполномочивалась слѣдить за движеніемъ враговъ православія и бить всполохъ при первой опасности; это была цитадель, которую хотѣли устроить для православной Церкви при необходимомъ столкновеніи ея съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только,—это страшный трибуналъ; произнесутъ блюститель и учителя слово: «Виновенъ въ неправославіи»—и костеръ запылаетъ для преступника. Понятно, что для произведенія суда надъ уклоняющимися отъ православія, судьи сами прежде всего должны быть согласны между собою. Но съ самаго начала православные ученые, призванные въ Москву для защиты православія научными средствами, разногласятъ другъ съ другомъ. Семенъ Полоцкій разногласитъ съ Епифаніемъ Славияицкимъ; потомъ великороссіянинъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Полоцкаго, ведетъ ожесточенные споры съ учителями академіи, греками Лихудами. Дворъ на сторонѣ Медвѣдева, патріархъ на сторонѣ Лихудовъ: понятно, что русскіе люди дѣлятся, двоятся между двумя враждебными лагерями, всюду споры, шатость, смута. Верховный пастырь Церкви, патріархъ, находился при этомъ въ очень незавидномъ положеніи; раскольники обзывали его еретикомъ; при Дворѣ, въ обществахъ, находившихся подъ вліяніемъ Полоцкихъ, Медвѣдевыхъ, смѣялись надъ нимъ, какъ надъ неучемъ. И, дѣйствительно, недостатокъ научнаго образованія препятствовалъ ясности взгляда его на то, что дѣлалось вокругъ, къ чему шло дѣло; имъ овладѣвалъ безотчетный страхъ предъ новымъ, причемъ существенное смѣшивалось съ несущественнымъ, и перемѣна чего-нибудь внѣшняго, какого-нибудь обычая, покроя платья, бритье бороды становилось наравнѣ съ ученіями, противными православію. Народъ, собиравшійся слушать проповѣдь верховнаго пастыря, слышалъ такія обличенія: «Люди неученые, въ Церкви святой нашихъ благопреданныхъ чинодѣйствъ незнающіе и другихъ о томъ неспрашивающіе, мнятся быть мудрыми, но отъ пипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродили. Совратясь отъ стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается, нѣтъ никакой въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ, и безъ этого можно жить». Указанія на чуждыя ученія, на чуждыя западныя вліянія ясны и вѣрны; русскіе люди, по выраженію патріарха, объюродили отъ люторскихъ и кальвинскихъ ученій; но прежде этихъ ученій постановлена еще какая причина объюродѣнія?—пипки табацкія! Куреніе табаку сдѣлано равносильнымъ по своему вреду для православія протестантскимъ внушеніямъ? Рѣзко вооружаясь противъ всего новаго на словахъ, патріархъ не имѣлъ твердости сопротивляться на дѣлѣ: такимъ поведеніемъ возбуждалъ раздраженіе и насмѣшки со стороны людей, стремившихся къ новому; но, разумѣется, не щадили его и приверженцы старины, которую онъ, въ ихъ глазахъ, не отстаивалъ какъ должно. Юродивый говорилъ о немъ: какой онъ патріархъ! живетъ изъ куска, спать бы ему да ѣсть, бережетъ мантію да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ. Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ направлялись обвиненія и укоризны на представителей власти церковной, и толпа начинала уже смотрѣть на нихъ, какъ на низверженныхъ съ высоты, подвергнувшихся суду и осужденію; толпа являлась хладнокровною, и хуже, чѣмъ хладнокровною,—зрительницею паденія власти.

Церковная власть падала, и никто ей не подавалъ руку помощи, ибо смутѣ нравственной, происходившей отъ ослабленія церковнаго авторитета, соотвѣтствовала смута политическая, происходившая отъ ослабленія власти гражданской. Основныя условія жизни Россіи, на значеніе которыхъ уже было указано, изначальная громадность государственной области и рѣдко разбросанное народонаселеніе, замедляя развитіе общества, цивилизацію, т. е. раздѣленіе труда и соединеніе силъ, тѣмъ самымъ требовали чрезвычайной дѣятельности правительственной въ соединеніи и направленіи разбросанныхъ силъ для общихъ государственныхъ цѣлей; постоянная опасность отъ враговъ требовала естественно постоянной диктатуры, и, такимъ образомъ, въ Россіи выработалось крѣпкое самодержавіе. Въ концѣ XVII вѣка, точно такъ же какъ и въ началѣ его, эта власть ослабѣла, и по этому поводу произошли сильныя волненія, къ которымъ наши предки отнеслись одинаково, назвавши ихъ однимъ именемъ—смуты; какъ династическія перемѣны служили поводомъ къ смутѣ въ началѣ XVII вѣка: такъ династическіе же безпорядки повели и къ смутѣ въ концѣ вѣка. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексѣя Михайловича, которому наслѣдовалъ больной сынъ его Ѳедоръ, скороумершій безпотомственно. Послѣ него провозгласили царемъ малолѣтняго брата его, Петра, за котораго должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолѣтство

государей обыкновенно ведетъ къ смутамъ, а тутъ были еще другіе сильные поводы къ нимъ. Въ семьѣ царя Алексѣя страшный раздоръ вслѣдствіе того, что дѣти не отъ одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачиха старшимъ его братьямъ и сестрамъ, для которыхъ она и ея дѣти были непріятнымъ, тяжелымъ явленіемъ въ послѣдніе годы царя Алексѣя. По смерти его, когда вступилъ на престолъ Θеодоръ Алексѣевичъ, сынъ отъ перваго брака, мачиху съ ея дѣтьми удалили, оскорбили ее ссылкою ея родныхъ и людей самыхъ близкихъ. Обида прошла по семьѣ,—и добра не будетъ. По смерти Θеодора Алексѣевича наступило время царицы Натальи: сынъ ея, Петръ, провозглашенъ царемъ мимо старшаго брата Іоанна, совершенно неспособнаго и больнаго; этотъ Іоаннъ—послѣдній сынъ царя Алексѣя отъ перваго его брака; но у него много сестеръ, дѣвицъ-царевенъ, изъ которыхъ одна была знаменитая Софья Алексѣевна, представляющая любопытное явленіе, знаменіе времени. Неслыханное было прежде дѣло, невозможное, чтобъ дѣвица, царевна вышла изъ терема и приняла участіе въ дѣлахъ правительственныхъ, а теперь Софья именно это дѣлаетъ. Что же была за причина этого явленія? Духъ времени, можно отвѣтить общепринятымъ выраженіемъ, точнѣе, сознаніе необходимости перемѣны, прояснявшееся во дворцѣ прежде, чѣмъ гдѣ-либо. Причина этому явленію та же, которая заставляла русскаго человѣка пробираться сначала въ Кіевъ, потомъ и дальше за наукою; которая заставляла царя и вельможъ вызывать для своихъ дѣтей учителей изъ заграницы; причина та же, которая заставила царя Алексѣя завести при Дворѣ своемъ театральныя представленія и потѣшать ими себя и свое семейство. Царевна вышла изъ терема; обстановка Двора уже на та; у братьевъ учитель, извѣстный Симеонъ Полоцкій, который учитъ и сестру, учитъ легко и весело; передаетъ много разныхъ вещей; все у него примѣры, анекдоты, остроумныя изрѣченія, и все въ стихахъ для лучшаго удержанія въ памяти. Сфера расширяется, птица побывала на свободѣ, видѣла міръ Божій; старый теремъ становится тѣсенъ и душенъ; умираетъ отецъ; царевна около болѣзненнаго брата, царя Θеодора: кто запретитъ сестрѣ быть у больнаго брата, прислуживать ему? У больнаго бояре, разсуждаютъ о дѣлахъ; царевна слушаетъ и учится: — ей легко выучиться, потому что прежде была приготовлена; вотъ уже она въ новой широкой сферѣ и сферѣ обольстительной для существа энергическаго, честолюбиваго, а тутъ и страсть, страсть къ человѣку, самому видному по способностямъ и образованію, къ кн. Вас. Вас. Голицыну. Новая жизнь крѣпко обхватила царевну Софью. Но братъ Θеодоръ умираетъ, и царемъ провозглашаютъ маленькаго Петра, т. е. отдаютъ правленіе матери его Натальѣ. Что же предстоитъ царевнѣ Софьѣ? Проститься со всѣми обаяніями этой новой раскрывшейся для нея жизни, выйти изъ этой широкой сферы, гдѣ такъ было-расправились ея силы, и возвратиться опять въ теремъ. Теремъ? но ограничится ли дѣло теремомъ?—не вѣроятнѣе ли всего, что ей съ сестрами предстоитъ монастырское заключеніе, ибо могутъ ли онѣ ожидать милости отъ мачихи, которую раздражили, оскорбили? Жизнь улыбнулась такъ привѣтливо—и вдругъ должно отказаться отъ нея, въ цвѣтѣ лѣтъ стать невольною, опальною монахинею, претерпѣть стыдъ униженія предъ ненавистною мачихою. Искушеніе было слишкомъ велико; Софья станетъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія, станетъ изо всѣхъ силъ, всѣми возможными средстрами отбиваться отъ судьбы, отъ терема, монастыря, съ отчаяніемъ полнаго силы и жизни человѣка, котораго влекутъ зарывать живымъ въ могилу. Она ищетъ около себя средствъ спасенія и находитъ: стрѣльцы недовольны; ихъ можно возбудить противъ новаго правительства; но это можно сдѣлать только обманомъ, сказавши, что старшаго царевича Ивана, законнаго наслѣдника престола, несправедливо обойденнаго, обиженнаго, извели родственники царицы Натальи, Нарышкины. Чрезъ это возбужденіе можно заставить стрѣльцовъ истребить мнимыхъ убійцъ царевича, истребить людей, совѣтомъ, помощію которыхъ была сильна царица Наталья; этимъ истребленіемъ—уничтожить возможность примиренія между стрѣльцами и царемъ Петромъ, его матерью и оставшимися въ-живыхъ ея приверженцами, связать неразрывно интересы стрѣльцовъ съ интересами Софьи, ея брата и сестеръ, заставить ихъ дѣйствовать въ ихъ пользу. Кровавая программа была въ точности исполнена: родственники и приверженцы царицы Натальи истреблены, хотя царевичъ Иванъ оказался живъ и невредимъ; его провозгласили царемъ, но свергнуть младшаго брата Петра, прежде провозглашеннаго, которому уже присягнула Россія, не рѣшились; — отняли только правленіе у царицы Натальи и отдали его Софьѣ.

Легко было понять, что смута этимъ не оканчивалась: это былъ только прологъ кровавой драмы, а не развязка ея. Софья только отдалила рѣшеніе страшнаго вопроса; вопросъ оставался и волновалъ всѣхъ, не давалъ никому покоя. Стрѣльцы, раздражившіе своимъ буйствомъ вельможъ и все мирное народонаселеніе, ежеминутно опасались слѣдствій этого раздраженія; видѣли въ боярахъ непримиримыхъ своихъ враговъ и ждали отъ нихъ справедливой мести; они боялись мести отъ цѣлой Россіи, боялись дворянскаго войска, которое могло собраться изъ областей и задавить ихъ ничтожный сравнительно корпусъ. Стрѣльцы волновались отъ страха; каждому, кто находилъ въ томъ свои выгоды, ничего не стоило пугать ихъ внушеніемъ, что бояре уже рѣшили истребить ихъ; стрѣльцы волновались отъ страха, но своими волненіями наводили ужасъ на мирное народонаселеніе; оно не могло заснуть спокойно въ ожиданіи проснуться отъ набата и стрѣльбы, отъ зловѣщихъ криковъ: «любо»! которыми стрѣльцы привѣтствовали

свои жертвы, принимая ихъ на копья. Правительница приняла энергическія мѣры для прекращенія стрѣлецкихъ волненій. Угрозою, что правительство покинетъ Москву, обратится къ Россіи, призоветъ на свою защиту дворянское войско,—этою угрозою она заставила стрѣльцовъ отступиться отъ раскольниковъ, которые, воспользовавшись смутою, пришли въ Кремль, въ самый дворецъ, чтобъ спорить съ патріархомъ въ присутствіи правительницы, и одинъ изъ нихъ рѣшился сказать ей страшныя, невыносимыя для нея слова: «Пора вамъ, государыня, въ монастырь; только царствомъ мутитъ». Чтобъ избавиться отъ любимаго начальника стрѣльцовъ, князя Хованскаго, человѣка очень безпокойнаго по своему властолюбію, Софья привела въ исполненіе свою угрозу, выѣхала изъ Москвы; Хованскій былъ схваченъ, привезенъ къ правительницѣ въ село Воздвиженское, близъ Троицкаго монастыря, и казненъ безъ суда. Стрѣльцы забушевали, услыхавъ о казни своего любимаго батьки, такъ ихъ баловавшаго; но скоро утихли, потому что бороться съ дворянскимъ войскомъ имъ было нельзя. Софья усмирила стрѣльцовъ; самые буйные изъ нихъ были удалены; но этими государственными мѣрами правительница уничтожила свои собственныя средства, тогда какъ страшный вопросъ о будущемъ оставался, и все болѣе и болѣе приближался къ своему рѣшенію. Странная форма двоевластія была принята вслѣдствіе стрѣлецкаго насилія; впрочемъ она не могла очень безпокоить по неспособности Іоанна къ правленію, по его болѣзненности, слѣдовательно и недолговѣчности, по неимѣнію дѣтей мужскаго пола. Но что успокоивало другихъ, то мучительно тревожило Софью: Іоаннъ, ея единоутробный братъ, не долговѣченъ, а младшій Петръ, настоящій царь въ глазахъ всѣхъ, ростетъ, и, когда достигнетъ совершеннолѣтія, правительство Софьи уничтожится само собою. Что тогда? Потокъ крови уже прошелъ между Софьею и Петромъ; церское семейство представляло два враждебные лагеря, и ненависть между ними усиливалась день-ото-дня; примиреніе было невозможно; съ обѣихъ сторонъ зорко слѣдили за движеніями другъ друга, приготовляли средства защиты... При первомъ извѣстіи о волненіи между приверженными къ Софьѣ стрѣльцами, Петръ дѣлаетъ то же, что уже сдѣлала Софья въ борьбѣ съ Хованскимъ: онъ спѣшитъ въ Троицкій монастырь и призываетъ на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцевъ Софьи въ злоумышленіи противъ себя. Софья стала въ Москвѣ въ безвыходное положеніе; тщетно обращается она къ стрѣльцамъ, желая поднять ихъ на свою защиту: стрѣльцы не трогаются, они чувствуютъ всю безсмысленность борьбы съ царемъ, располагающимъ средствами всей Россіи; они чувствуютъ всю безсмысленность борьбы противъ силы матеріальной и силы нравственной, противъ права, несомнѣннаго въ глазахъ всей Россіи. Стрѣльцы выдаютъ Софью, и то, чего больше всего она боялась, совершается: монастырская келья принимаетъ въ свои печальныя, гробовыя стѣны существо плоти и крови, существо, жаждущее мірской жизни.

Смута кончилась; Софья въ монастырѣ, приверженцы ея на плахѣ или въ ссылкѣ; скоро умираетъ царь, по имени только, Іоаннъ Алексѣевичъ; остается одинъ Петръ. Мы уже нѣсколько разъ упоминали о немъ; но другія лица загораживали его; теперь около него стало просторно, можно подойти ближе, разсмотрѣть внимательнѣе. У насъ нѣтъ времени заниматься перечисленіемъ и разборомъ разныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, преданій о малолѣтствѣ Петра. Не для удовлетворенія празднаго любопытства собрались мы здѣсь, но для уясненія великаго явленія въ нашемъ историческомъ существованіи, для уясненія значенія великаго человѣка, великой эпохи: обратимся прямо къ этому человѣку, пусть онъ самъ скажетъ намъ о себѣ. Вотъ первое письмо его къ матери изъ Переславля, когда ему было 17 лѣтъ; форма письма обычная въ то время съ употребленіемъ уменьшительныхъ уничижительныхъ словъ, какъ, по тогдашнему, слѣдовало писать дѣтямъ къ родителямъ: «Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ». Итакъ вотъ первое слово намъ отъ Петра, котораго мы зовемъ Великимъ, первое, имъ самимъ себѣ сдѣланное опредѣленіе: «въ работѣ пребывающій». Это первое опредѣленіе останется навсегда за нимъ и дружно умѣстится подлѣ опредѣленія «Великій». Прошло много времени, и знаменитый поэтъ, который прозвучалъ намъ столько роднаго, который далъ намъ столько народныхъ откровеній, не нашелъ лучшаго опредѣленія для Петра: «на тронѣ вѣчный былъ работникъ». Петръ работникъ, Петръ съ мозольными руками:—вотъ олицетвореніе всего русскаго народа въ такъ называемую эпоху преобразованія. Здѣсь не было только сближенія съ народами образованными, подражанія имъ, ученія у нихъ; здѣсь не были только школы, книги:—здѣсь была мастерская прежде всего, знаніе немедленно же прилагалось, надобно было усиленною работою, «пребываніемъ въ работѣ» добыть народу хлѣбъ насущный, предметы первой необходимости. Народы въ своей исторіи не дѣлаютъ прыжковъ: тяжкая работа, на которую былъ осужденъ русскій народъ въ продолженіе стольких вѣковъ, борьба съ азіатскими варварами при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ, борьба за народное существованіе, народную самостоятельность кончилась—и народъ долженъ былъ естественно перейти къ другой тяжелой работѣ, необходимой для приготовленія къ другой дѣятельности, дѣятельности среди народовъ съ другимъ характеромъ, для приготовленія себѣ должнаго, почетнаго мѣста между ними; для приготовленія средствъ бороться съ ними равнымъ оружіемъ. Это-то оружіе и на-

добно было выработать, и выработать какъ можно скорѣе, ибо время не терпѣло. Надъ чѣмъ же прежде всего и больше всего работаетъ царь-работникъ, представитель своего времени, выразитель его потребности?—Онъ работаетъ надъ кораблемъ:—это его любимая работа; вода его любимая стихія, онъ ищетъ все большаго простора на ней, изъ подмосковскаго пруда переходитъ на озеро, съ одного меньшаго озера на большое, отъ послѣдняго къ морю. Богатырю древней Россіи было тѣсно въ городѣ, онъ рвался въ широкую степь, но зачѣмъ?—для безплоднаго гулянья, для того, чтобъ гулять насчетъ тѣхъ, которые трудились. Человѣкъ, одаренный страшными силами, богатырь новой Россіи, Петръ рвется также на широкій просторъ, но этотъ просторъ—море. Въ степи богатырь могъ встрѣтить дикаго кочевника, и упражнять надъ нимъ свою физическую силу; нравственныя и умственныя его силы не развивались отъ этой борьбы: новый богатырь можетъ быть безопасенъ, можетъ успѣшно бороться съ грозною стихіею, моремъ, не иначе какъ посредствомъ знанія, искусства. На морѣ, на его берегахъ онъ встрѣтитъ людей противоположныхъ кочевымъ варварамъ,—людей богатыхъ знаніемъ, искусствомъ, отъ которыхъ есть чѣмъ позаимствоваться, и когда придется вступить съ ними въ борьбу, то для нея понадобится не одна физическая сила, понадобится чрезвычайное напряженіе умственныхъ силъ. Въ жизни русскаго народа совершался переходъ изъ одного возраста въ другой; этотъ переходъ естественно выражался въ поворотѣ отъ степи къ морю, и что-жъ дѣлаетъ вождь народа, за какимъ первымъ дѣломъ мы застаемъ его?—онъ строитъ корабль, и когда мы припомнимъ это страстное желаніе моря, корабля, обнаружившееся въ Россіи XVI и XVII вѣка, обнаружившееся въ дѣятельности Іоанна IV и Алексѣя Михайловича, то мы поймемъ ясно отношеніе великаго человѣка къ народу, къ его потребностямъ въ извѣстное время, и другое значеніе получитъ для насъ эта страсть къ морю Петра, который скучалъ въ тѣсныхъ гористыхъ пространствахъ, былъ спокоенъ и доволенъ только на морѣ, и печальная по природѣ своей, но близкая къ морю и богатая водою мѣстность была для него раемъ.

Но, быть можетъ, скажутъ: для чего же было царю становиться работникомъ,—дѣло царя царствовать, а не плотничать; призналъ Петръ необходимость завести флотъ и завелъ бы; для чего же самому участвовать въ постройкѣ судовъ? Эти сужденія, повидимому, справедливы, но въ сущности, примѣнительно къ извѣстному явленію, совершенно невѣрны, происходятъ отъ нашей непривычки высвобождаться отъ своихъ, настоящихъ условій жизни и переноситься въ условія того времени, которое хотимъ изучить, понять, и которое никакъ не поймемъ, если не отстанемъ отъ этой привычки. Мы живемъ въ условіяхъ цивилизаціи и смотримъ все на народы, живущіе въ этихъ же условіяхъ, еще больше чѣмъ мы; а сущность цивилизаціи, какъ мы знаемъ, состоитъ въ раздѣленіи занятій, господствующемъ какъ во всякой другой, такъ и въ правительственной сферѣ. Каждый знаетъ, дѣлаетъ свое одно какое-нибудь дѣло. При такомъ порядкѣ естественно и легко главѣ государства поручить какое-нибудь новое дѣло извѣстному лицу или собранію лицъ, ибо это новое дѣло по характеру своему непремѣнно относится къ извѣстному отдѣльному вѣдомству, управляющіе которымъ приготовлены къ дѣлу своимъ воспитаніемъ и опытностію, и, какъ бы дѣло ни было ново, связь его съ извѣстнымъ разрядомъ дѣлъ ясна, и по этой связи человѣку приготовленному и опытному легко понять его, овладѣть имъ, приложить его. Но не таково было положеніе Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка: раздѣленіе занятій въ правительственной сферѣ по извѣстнымъ вѣдомствамъ быть не могло по самой простой причинѣ, что нечего было дѣлить. Явилось сознаніе необходимости для государства, для народа выйти на новую дорогу для продолженія исторической жизни, сознаніе нудящихъ потребностей, которымъ необходимо было удовлетворить какъ можно скорѣе; но гдѣ средства для этого удовлетворенія, гдѣ знаніе, умѣнье приняться за дѣло? Средство есть повидимому очень легкое: призвать искуснаго иностранца и поручить ему дѣло. Средство повидимому очень легкое, но въ сущности чрезвычайно тяжелое, могущее обойтись для народа очень дорого, не въ отношеніи только матеріальномъ, не въ отношеніи только денегъ,—деньги дѣло нажитое, но при неразумномъ, страдательномъ употребленіи означенной мѣры можно потерять такое нравственное добро, котораго послѣ не наживешь. Мы говорили, что русскій народъ совершилъ свой переходъ изъ одного возраста въ другой по общимъ законамъ развитія, уясняемымъ посредствомъ сравненія жизни одного народа съ жизнію другихъ; мы видѣли, что западно-европейскіе народы совершили свой переходъ по тѣмъ же законамъ, но видѣли при этомъ и различіе между ними и нами. Важное и съ выгодою на ихъ сторонѣ различіе заключалось въ томъ, что они получили сильное побужденіе къ умственному движенію, а слѣдовательно и къ переходу изъ своей древней исторіи въ новую посредствомъ знакомства съ памятниками античной, греко-римской мысли. Они стали учиться по чужимъ книгамъ, по книгамъ, оставшимся отъ народовъ, уже сошедшихъ съ исторической сцены, народовъ мертвыхъ. Они пошли въ науку къ древнимъ, и не избѣжали при этомъ увлеченія, подражали до рабства, заучивались чужому до самозабвенія, но все же имѣли важную выгоду въ томъ, что учились не у живыхъ учителей, не подвергались вліянію живыхъ народностей, вліянію, понятно, болѣе сильному и болѣе опасному, ибо хотя нѣсколько ученыхъ грековъ, бѣжавшихъ изъ

разрушавшейся Византійской имперіи, и помогли, въ качествѣ учителей, западно-европейскимъ народамъ при изученіи памятниковъ греко-римской мысли, но число этихъ учителей было ничтожно, притокъ ихъ не могъ возобновляться и положеніе ихъ было таково, что не могло быть опасно ни для какой народности. Другая важная выгода для западно-европейскихъ народовъ заключалась здѣсь въ томъ, что они имѣли дѣло съ законченною дѣятельностію народовъ уже мертвыхъ; ученіе, школа, слѣдовательно, должна была сама собою рано или поздно кончиться, содержаніе ея исчерпывалось для ученика и болѣе не подбавлялось: слѣдовательно ученикъ, получивши отъ школы побужденіе и средства къ умственному развитію, могъ легко приступить къ самостоятельной дѣятельности, пойти дальше учителей. Но этихъ выгодъ не было для русскаго народа, начавшаго гораздо позднѣе свой переходъ въ возрастъ умственнаго развитія: онъ долженъ былъ обратиться къ народамъ живымъ, брать отъ нихъ живыхъ учителей, слѣдовательно подчиняться вліянію живой чуждой національности, или національностей. Въ этомъ отношеніи положеніе русскаго народа было похоже на положеніе народа римскаго, который долженъ былъ совершить извѣстный переходъ подъ руководствомъ греческой народности, хотя и потерявшей политическую самостоятельность, но еще живой и сильной: отсюда борьба въ Римѣ при этомъ, образованіе партій, вопли старой римской партіи противъ этихъ иностранныхъ учителей грековъ, которые портятъ нравы, отнимаютъ у римлянъ ихъ прежній нравственный національный строй. Для русскаго народа предстояла и другая невыгода: онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ учителями изъ чужихъ живыхъ и сильныхъ народностей, которыя не останавливались, но шли быстро въ своемъ развитіи, почему юный народъ, долженствовавшій заимствовать у нихъ плоды цивилизаціи, осужденъ былъ гнаться за ними безъ отдыха, съ страшнымъ напряженіемъ силъ. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всемъ томъ, что онъ долженъ былъ заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую онъ воспринималъ. Вниманіе его было постоянно поглощено этимъ разнообразіемъ явленій, которое представлялъ ему цивилизованный міръ западной Европы, и естественно отвлекалось отъ своего, а это вело къ томительному неудоумѣнію, съ какимъ русскій человѣкъ останавливался между явленіемъ, которое онъ видѣлъ у другихъ народовъ и для него желаннымъ, и отсутствіемъ условій для его произведенія на родной почвѣ или неумѣньемъ отыскать эти условія. А тутъ еще новая невыгода отъ постояннаго присутствія предъ глазами русскаго человѣка живыхъ, сильно развивающихся народовъ,—та же самая невыгода, какая проистекаетъ для отдѣльнаго молодаго человѣка, когда его слишкомъ долго оставляютъ подъ надзоромъ и руководствомъ наставника: молодой человѣкъ привыкаетъ ходить на помочахъ въ ущербъ самостоятельности и быстроты своего развитія. Таковы-то были чрезвычайно неблагопріятныя обстоятельства, которыя встрѣтилъ русскій народъ при своемъ движеніи на Западъ, при соединеніи съ тамошними цивилизованными народами. Народы слабые при встрѣчѣ съ цивилизаціею, съ этимъ тьмочисленнымъ разнообразіемъ новыхъ явленій и отношеній, какія она имъ представляетъ, не могутъ выдержать ея натиска, и падаютъ, вымираютъ. Народъ русскій обнаружилъ необыкновенную силу, выдержавши натискъ цивилизаціи; но можно ли сказать, чтобъ это было для него легко, чтобъ онъ не подвергался при этомъ страшнымъ опасностямъ, тяжелымъ ударомъ? Въ первую половину своей исторіи онъ долго велъ борьбу съ Азіею, съ ея хищными ордами, выдерживая ихъ страшные натиски и заслоняя отъ нихъ западную Европу; долго боролся онъ съ ними изъ-за куска чернаго хлѣба. Вышедши побѣдителемъ изъ этой борьбы, онъ смѣло ринулся на другую сторону, на Западъ, и вызвалъ чародѣйныя силы его цивилизаціи, чтобъ и съ ними помѣряться. Вызовъ былъ принятъ, и страшенъ былъ натискъ этихъ чародѣйныхъ силъ; это уже не былъ матеріальный натискъ татарскихъ полчищъ,—это былъ натискъ потяжеле, ибо это былъ натискъ духовныхъ силъ, натискъ нравственный, умственный. Таковы были опасныя стороны новаго положенія, въ какое становился русскій народъ. Благодаря успѣхамъ нашей науки, мы оставили далеко за собою ребяческія мнѣнія, по которымъ одному человѣку приписывалось то, что являлось по общимъ, непреложнымъ законамъ народной жизни,—мнѣнія, по которымъ въ вину одному человѣку ставились неблагопріятныя обстоятельства, бывшія необходимымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ исконныхъ условій развитія какого-нибудь народа. Но мы должны признать и значеніе вождей народныхъ, великихъ людей: отъ ихъ искусства зависитъ уменьшить затрудненія, ослабить вредныя вліянія опасныхъ сторонъ извѣстнаго положенія, провести народный корабль во время бури безъ большихъ потерь. Исполнилъ ли эту задачу, и какъ исполнилъ ее, какъ провелъ во время бури переворота русскій корабль—«тотъ шкиперъ славный», котораго мы уже встрѣтили въ работѣ пребывающимъ, строящимъ корабли?—вотъ вопросъ, посильное рѣшеніе котораго есть наша задача.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Въ прошедшей бесѣдѣ нашей рѣчь шла объ опасныхъ сторонахъ положенія, въ какое необходимо становился русскій народъ въ эпоху преобразованія, вслѣдствіе связи своей съ живыми и сильными народностями, отъ которыхъ долженъ былъ заимствовать плоды цивилизаціи, у которыхъ долженъ былъ учиться, вліянію которыхъ,

слѣдовательно, долженъ былъ подвергнуться, какъ ученикъ подвергается вліянію учителей. Здѣсь первое, главное средство для уменьшенія опасности положенія состояло въ томъ, чтобъ не позволить народу-ученику продолжительнаго страдательнаго отношенія къ народамъ-учителямъ. Рѣчь идетъ объ ученикѣ, учителяхъ; слѣдовательно сравненіе, объясненіе изъ школьной, воспитательной сферы напрашивается само собою. Представимъ себѣ такого учителя, который постоянно сообщаетъ своему ученику множество знаній, дѣлаетъ предъ нимъ множество опытовъ, рѣшаетъ множество задачъ, но при этомъ не обращаетъ никакого вниманія на ученика: усвоилъ ли тотъ преподанное и въ какой степени усвоилъ—ему до этого дѣла нѣтъ. Такое преподаваніе возможно и правильно какъ высшее преподаваніе, когда наставникъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ вполнѣ приготовленнымъ; но такое преподаваніе никуда не годится, какъ начальное, имѣющее цѣлію приготовить человѣка, сдѣлать его способнымъ къ принятію высшаго преподаванія. Здѣсь преподаваніе тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ въ виду ученика, чѣмъ болѣе наставникъ старается развивать самостоятельную его дѣятельность: пусть ученикъ съ самаго же начала испытываетъ свои силы, самъ сейчасъ же повторяетъ преподанное правило, сейчасъ же прилагаетъ узнанное къ дѣлу. Только посредствомъ такого ученія человѣкъ можетъ развить свои способности, пріобрѣсть привычку къ самостоятельной дѣятельности, окрѣпнуть духовно. Легко понять, что именно такое ученіе нужно было и русскому народу въ этой начальной школѣ преобразованія, когда, при опасномъ столкновеніи съ народами-учителями, нужно было прежде всего озаботиться развитіемъ самостоятельной его дѣятельности, избѣжаніемъ, по возможности, страдательнаго положенія, избѣжаніемъ духовнаго приниженія предъ чужимъ, сохраненіемъ свободныхъ отношеній къ чужому, духовной независимости, сознаніе своего достоинства. Что же дѣлаетъ народный вождь? Онъ проходитъ самъ эту практическую, дѣятельную школу и заставляетъ другихъ проходить ее. Онъ носитъ въ себѣ ясное сознаніе, что его время есть время школы, школьнаго ученія для народа, время школы, взятой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но при этомъ онъ сознаетъ лучшее средство пройти школу какъ можно безопаснѣе и какъ можно полезнѣе, имѣя въ виду развитіе самостоятельной дѣятельности народа. Отсюда вполнѣ уясняется намъ значеніе этой неутомимой работы Петра. Услыхалъ что-нибуть—непремѣнно хочетъ посмотрѣть—такъ ли? Увидалъ какую-нибудь вещь—сейчасъ же хочетъ дознаться, для чего она употребляется, и сейчасъ же прозвести опытъ, посмотрѣть, какъ она употребляется; увидалъ какое-нибудь производство—сейчасъ же самъ принимаетъ въ немъ участіе. Только этою неутомимою работою онъ можетъ избѣжать самъ крайне опаснаго страдательнаго положенія въ отношеніи къ иностранцамъ и избавить отъ него народъ свой. Мы уже говорили, что, когда понадобилось новое, чего русскіе люди не знали, не умѣли дѣлать, всего легче было бы призвать знающихъ, умѣющихъ иностранцевъ и поручить имъ введеніе всего новаго; но тогда именно народъ нашелся бы въ страдательномъ положеніи, полной зависимости, духовномъ приниженіи. Безъ иностранцевъ обойтись было нельзя; но чтобъ сохранить къ нимъ свободное, независимое, мало того,—властелинское, хозяйское отношеніе, надобно было пріобрѣсти способность надзора, повѣрки, а такую способность Петръ и, по его примѣру и побужденію, его сотрудники могли пріобрѣсти только этою неутомимою работою, этимъ немедленнымъ практическимъ приложеніемъ всего узнаннаго. Чтобъ сохранить свободное и хозяйское отношеніе къ иностранцамъ нельзя было допустить ихъ къ себѣ и дать имъ дѣлать, что хотятъ и какъ хотятъ: нужно было побывать у нихъ самихъ, въ ихъ земляхъ, посмотрѣть, какъ тамъ дѣлается, до какой степени совершенства можетъ достигать то или другое дѣло, и съ этимъ соразмѣрять свои требованія. Но главная забота состояла въ томъ, чтобъ дать пройти русскому народу хорошую школу, т. е. дѣятельную, практическую, приложительную съ самаго начала, чтобъ не дать ему привыкнуть къ страдательному положенію относительно иностранныхъ учителей, не дать потерять сознанія своего народнаго достоинства. Школа, какъ уже сказано, была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; всѣ отправленія государственной и народной жизни входили въ нее; всюду русскій человѣкъ долженъ былъ учиться и одновременно прилагать изученное къ дѣлу. Легко ли это? Самъ вождь возвышался надъ уровнемъ человѣческихъ способностей, былъ человѣкъ геніальный; но, какъ человѣкъ, и онъ долженъ былъ ошибаться особенно въ такомъ трудномъ дѣлѣ. Что же другіе? Петръ заранѣе признаетъ необходимость и пользу ошибокъ, неудачъ при ученіи; дурно, если все удается, особенно сначала: ошибка, неудача учитъ осторожности, гонитъ гордость, самомнѣніе. Два отдѣла великой народной школы, которую проходили русскіе люди при Петрѣ, были особенно важны по отношенію къ иностранцамъ, иностраннымъ учителямъ: это война въ собственномъ смыслѣ и борьба мирная между народами, борьба дипломатическими средствами. Здѣсь Петръ подвергался страшному искушенію; иностранцы старались внушить ему: нельзя вести войны съ неприготовленными, невыученными офицерами и генералами, особенно главными, фельдмаршалами: здѣсь ошибки, неискусство, неопытность вождей могутъ имѣть неисчислимо гибельныя слѣдствія. Надобно поэтому для успѣха войны пригласить иностранныхъ фельдмаршаловъ, генераловъ, офицеровъ, и русскіе пусть приготовляются, учатся. Но Петръ зналъ, что война есть лучшая школа для способностей; что нельзя выучиться дѣлу, только смотря, какъ другіе

дѣлаютъ, и назначалъ своихъ русскихъ генералами и фельдмаршалами: пусть сначала ошибаются, но за то выучатся. То же самое на поприщѣ дипломатическомъ. Россія вошла въ сношеніе со всѣми значительнѣйшими европейскими Дворами: одни изъ нихъ она должна была привлекать въ союзъ съ собою; другіе, по крайней мѣрѣ, удерживать отъ вражды, вводить въ свои интересы: при всѣхъ Дворахъ нужно было имѣть ей постоянныхъ представителей, которые бы неусыпно блюли за русскими интересами въ этомъ многосложномъ движеніи международной европейской жизни. И опять страшное искушеніе, опять внушаютъ: русскіе совершенно неприготовлены къ дипломатическому поприщу; они не знаютъ ни прошедшаго, ни настоящаго тѣхъ державъ, гдѣ будутъ уполномочены; вообще имѣютъ смутное понятіе объ отношеніяхъ европейскихъ народовъ другъ къ другу, объ исторіи этихъ отношеній. Неминуемое слѣдствіе такого незнанія—неловкость положенія, ошибки, которыя будутъ имѣть гибельныя слѣдствія для русскихъ интересовъ: необходимо поэтому назначить на главнѣйшіе дипломатическіе посты знающихъ, искусныхъ иностранцевъ. Но Петръ преодолѣлъ и это искушеніе: русскіе должны выучиться на самой практикѣ; пусть сначала будутъ ошибаться, ошибки пойдутъ въ пользу понятливымъ и усерднымъ ученикамъ,—и на всѣхъ важнѣйшихъ дипломатическихъ постахъ являются русскіе люди. То же самое по всѣмъ частямъ управленія; у Петра было правило:—во главѣ извѣстнаго управленія ставить русскаго человѣка, второе по немъ мѣсто могъ занимать иностранецъ, вслѣдствіе чего, при кончинѣ Петра, судьбы Россіи оставались въ однѣхъ русскихъ рукахъ. Соблюденіемъ этого правила Петръ, въ опасный періодъ ученичества, отстранялъ духовное приниженіе своего народа передъ чужими народностями, сохраняя за нимъ властелинское, хозяйское положеніе: искусному иностранцу были рады, ему давались большія льготы и почетъ, онъ не могъ только хозяйничать въ странѣ. Но для того, чтобъ преодолѣть всѣ приведенныя искушенія и дойти до такого правила, неужели достаточно было однихъ холодныхъ разсчетовъ ума? Нѣтъ, Петръ былъ самый чистый русскій человѣкъ, сохранявшій крѣпкую связь съ своимъ народомъ; его любовь къ Россіи не была любовію къ какой-то отвлеченной Россіи; онъ жилъ съ своимъ народомъ одною жизнію и внѣ этой жизни существовать не могъ. Безъ этого онъ не могъ такъ глубоко и горячо вѣрить въ свой народъ, въ его величіе; только по этой вѣрѣ онъ могъ поручить русскимъ людямъ то, въ чемъ они, по холоднымъ соображеніямъ ума, не могли имѣть успѣха по своей неопытности и неприготовленности. И свели они свои счеты—великій народъ и великій вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую вѣру въ свой народъ, народъ этотъ заплатилъ вождю успѣхомъ, превосходившимъ всѣ ожиданія, силою и славою небывалыми: тѣ неопытные русскіе люди, которымъ Петръ поручилъ начальство надъ своими неопытными войсками, оказались полководцами, какихъ не могла дать ему обвазованная Европа; тѣ неприготовленные русскіе дипломаты, незнавшіе ни прошедшаго, ни настоящаго державъ, куда были посланы представителями Россіи, очень скоро стали въ уровень съ самыми искусными министрами европейскими.

Такимъ образомъ уясняется для насъ историческое значеніе этого образа, въ какомъ Петръ является въ первый разъ передъ нами и въ какомъ видимъ его въ продолженіе всей жизни: «въ работѣ пребывающій», царь-работникъ, царь съ мозольными руками. Исторія ставитъ народъ въ исключительное, чрезвычайное положеніе, положеніе крайне опасное. Для избѣжанія этихъ опасностей требовалось чрезвычайное напряженіе силъ, чрезвычайный трудъ. Какая же роль великаго человѣка, народнаго героя и прирожденнаго вождя, царя?—онъ первый двигается, первый принимаетъ это чрезвычайное положеніе, первый принимаетъ на себя чрезвычайный трудъ, первый проходитъ эту дѣятельную школу, которая одна могла развить самостоятельныя силы народа, поставить его на ноги, привести въ положеніе, которое бы возбуждало въ немъ уваженіе къ самому себѣ и внушало уваженіе къ нему въ другихъ народахъ. Нельзя было говорить другимъ: двигайтесь, работайте, учитесь дѣятельно, самостоятельно, не отчаявайтесь, когда чего не умѣете; начинайте только дѣлать, сами увидите, что сумѣете; нельзя было только говорить это другимъ и ждать успѣха отъ слова,—надобно было показать на примѣрѣ, на дѣлѣ; надобно было для начинающаго народа употребить наглядный способъ обученія, и Петръ, становясь работникомъ, ученикомъ, дѣлался чрезъ это великимъ народнымъ учителемъ. Движеніе началось, благодаря сильной рукѣ; но чтобъ оно шло съ возможною быстротою, успѣхомъ, нуженъ былъ глазъ, надзоръ заводчика, хозяина, начавшаго громадное производство; а что такое глазъ, надзоръ безъ собственнаго знанія и опыта надзирающаго? Вотъ почему въ этой неутомимой работѣ, въ стремленіи все узнать и сдѣлать самому мы видимъ необходимое приготовленіе къ той царственной дѣятельности, которая выпадала Петру во время движенія его народа на новую дорогу. Народъ долженъ поднять страшную тяжесть; сознаетъ, что долженъ, обойтись безъ этого нельзя; но естественно колеблется, останавливается въ недоумѣніи, какъ приняться за дѣло, достанетъ ли силъ. Что же дѣлаетъ великій человѣкъ, вождь народный?—онъ первый подставляетъ свои могучія плечи подъ тяжесть, отдаетъ всю свою чрезвычайную силу въ общее дѣло,—и дѣло, благодаря этому вкладу, начинается, идетъ, народъ получаетъ помощь. И вотъ, подлѣ значенія великаго учителя народнаго, другое значеніе—великаго помощника народнаго, а образъ все тотъ же—образъ царя-работника.

Уяснивъ для себя этотъ образъ, въ которомъ Петръ впервые является передъ нами; уяснивъ для себя это первое опредѣленіе, которое Петръ далъ самому себѣ: «въ работѣ пребывающій», мы будемъ слѣдить за этою работою, т. е. будемъ слѣдить за тѣмъ, какую помощь оказывалъ великій царственный работникъ своему народу въ тяжеломъ дѣлѣ перехода отъ его древней исторіи въ новую,—перехода, сопряженнаго съ такими тяжестями, какихъ не испытывалъ никакой другой нородъ при подобномъ переходѣ. Прежде всего великая помощь была оказана народу тѣмъ, что онъ былъ выведенъ изъ самаго печальнаго, растлѣвающаго силы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа положенія, когда возбужденный умъ отрицательно относится къ окружающимъ явленіямъ, и, въ то же время, не имѣетъ средствъ создать новыя отношенія, новый міръ, гдѣ бы ему было спокойнѣе и просторнѣе; прежнія явленія существуютъ, но лишенныя для него содержанія, значенія, и онъ ходитъ между ними, какъ между гробами и развилинами. Единственное средство вывести его изъ такого печальнаго положенія—это трудъ, сильная практическая дѣятельность, отвлеченіе его отъ задаванія себѣ и другимъ праздныхъ вопросовъ и привлеченіе его къ рѣшенію вопросовъ на дѣлѣ. По недостатку точныхъ историческихъ наблюденій, у насъ приписывали Петру это отрицательное отношеніе ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежнимъ формамъ государственной жизни, удары, которые тяжело отозвались и въ мірѣ нравственномъ. Но теперь мы знаемъ, что это отрицательное отношеніе началось, усилилось прежде Петра; прежде него русскій человѣкъ уже отрицательно относился ко всему, начиная съ бороды, широкаго по азіатскому покрою платья до высшей сферы религіозной, гдѣ слышались отрицанія какъ со стороны раскольника, который обольщалъ себя, будто стоялъ за неприкосновенность старины, такъ и со стороны человѣка, наслушавшагося католическихъ и протестантскихъ внушеній. Этотъ-то періодъ отрицанія, сомнѣнія, колебанія, періодъ необходимый, ибо имъ начинается переходъ въ возрастъ умственнаго развитія, но страшно вредно дѣйствующій на силы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, когда бываетъ продолжителенъ, этотъ періодъ и былъ укроченъ Петромъ, который уничтожилъ праздношатаніе мысли, засадивъ русскихъ людей за работу, за рѣшеніе практическихъ задачъ.

Природа Петра давала ему средства исполнить это дѣло, давала ему средства работать безъ устали и возбуждать другихъ къ работѣ,—природа огненная, природа человѣка, неумѣющаго ходить, а только бѣгать. Природа!—а воспитаніе? Первоначальное воспитаніе, полученное Петромъ, было древне-русское: грамотность повела непосредственно и можно сказать исключительно къ изученію Св. Писанія, что и дало на всю жизнь обильное питаніе его глубокой религіозности. Церковная жизнь не коснулась его только внѣшнимъ образомъ, онъ не призналъ ея необходимости только съ государственной точки зрѣнія и холодно подчинялся этой необходимости. Церковная жизнь обхватывала его своимъ свѣтомъ и теплотою, какъ человѣка и какъ русскаго человѣка; онъ любилъ русское богослуженіе; по природѣ своей, хотѣлъ дѣятельно участвовать въ немъ, сколько это возможно мірянину, самъ пѣлъ и читалъ въ церкви. Наука и школа переходной эпохи, выписанныя изъ западной Россіи съ ея тамошнею обстановкою, мало или вовсе не коснулись Петра, ему не дали учителя, какой былъ у его старшихъ братьевъ, не дали какого-нибудь Симеона Полоцкаго; эта наука и школа отнеслись даже враждебно къ Петру: вѣрный ученикъ Полоцкаго, хранитель его преданій, Сильвестръ Медвѣдевъ былъ ревностный приверженецъ Софьи и потому врагъ Петра. Такимъ образомъ, эта славяно-греко-латинская или, вѣрнѣе, греко-латино-польская наука осталась въ сторонѣ, съ ея богословскими спорами о времени пресуществленія, съ ея хлѣбопоклонною ересью. Петръ былъ предоставленъ самому себѣ. Огненный геніальный ребенокъ не можетъ все сидѣть въ комнатѣ безъ дѣла или перечитывать одну и ту же книгу; онъ рвется изъ печальнаго, скучнаго опальнаго дома на улицу, собираетъ около себя толпу молодежи изъ придворныхъ служителей; забавляется, играетъ съ ними; какъ всѣ живыя дѣти любитъ играть въ войну, въ солдаты. Но однѣми этими играми и забавами не можетъ удовлетвориться и въ дѣтствѣ такой человѣкъ, какъ Петръ; требуетъ удовлетворенія жажды знанія. Онъ останавливается на каждомъ новомъ предметѣ, превращается весь во вниманіе, когда говорятъ о какомъ нибудь удивительномъ инструментѣ. Говорятъ ему объ астролябіи: онъ непремѣнно хочетъ имѣть инструментъ, «которымъ можно брать дистанціи, не доходя до того мѣста». Астролябія привезена; но какъ ее употреблять? Изъ русскихъ никто не знаетъ; не знаетъ ли кто изъ иностранцевъ? Самый близкій человѣкъ изъ иностранцевъ, котораго прежде другихъ цари древней Россіи считали необходимымъ вызывать къ себѣ,—это лѣкарь, дохтуръ. Незнаетъ ли дохтуръ какъ употреблять астролябію? Дохтуръ говоритъ, что самъ не знаетъ, но сыщетъ знающаго и приводитъ голландца Франца Тиммермана. Петръ отыскалъ себѣ учителя и «гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи; и тако сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при Дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами», говоритъ самъ Петръ. Но одинъ иностранецъ не отвѣтитъ на всѣ вопросы, не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ. Въ измайловскихъ сараяхъ, гдѣ складывались старыя вещи, Петръ находитъ иностранный англійскій ботъ, ставшій для насъ такъ знаменитымъ. Что это за судно, для чего употребляется? Ходитъ на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра: отвѣчаетъ Тиммерманъ.—Непремѣнно надо посмотрѣть какъ это, непремѣнно надъ починить

ботъ, спустить на воду. Тиммерманъ этого сдѣлать не умѣетъ; но онъ приводитъ своего земляка, голландца Бранта. Ботъ на Яузѣ: «удивительно и зѣло любо стало». Но рѣка узка; ботъ перетаскиваютъ въ Просяной прудъ. «Охота стала отъ часу быть болѣе», и, вслѣдствіе этой-то охоты, мы уже встрѣтили Петра на Переяславскомъ озерѣ въ работѣ пребывающимъ. Но и въ ранней молодости односторонность не была въ характерѣ Петра: строеніе судовъ и плаваніе на нихъ не поглощали всего его вниманія; онъ въ постоянномъ движеніи, работѣ и на сушѣ; онъ учится геометріи и фортификанціи, обучаетъ солдатскіе полки, сформированные изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и простыхъ людей, строитъ крѣпость Пресбургъ на берегу Яузы. Даются примѣрныя битвы, гдѣ въ схваткахъ съ непріятельскимъ генералисимусомъ Фридрихомъ (кн. Ромодановскимъ) или Польскимъ королемъ (Бутурлинымъ) отличается Петръ Алексѣевъ, то бомбардиръ, то ротмистръ. Но этотъ бомбардиръ и ротмистръ былъ такъ-же и шкиперомъ. Переяславское озеро стало ему тѣсно; онъ посмотрѣлъ Кубенское: то было мелко; онъ отправляется въ Архангельскъ, устроиваетъ тамъ верфь, закладываетъ, спускаетъ корабли и пишетъ съ восторгомъ: «Что давно желали, нынѣ совершилось».

Такъ воспитывался Петръ, развивалъ свои силы. Мы видѣли, какъ въ своемъ стремленіи къ знанію онъ встрѣтился съ иностранцами. Не умѣя приложить къ дѣлу извѣстный инструментъ и не находя между русскими никого, кто бы помогъ своимъ знаніемъ, Петръ отыскиваетъ иностранца, который объясняетъ дѣло и становится его учителемъ, вслѣдствіе чего находится въ его компаніи; другой иностранецъ объясняетъ ему значеніе бота. Естественно, что за рѣшеніемъ многихъ и многихъ вопросовъ, которые толпятся въ головѣ Петра, онъ долженъ обращаться къ иностранцамъ, требовать ихъ услугъ, быть съ ними въ компаніи. Иностранцевъ довольно въ Москвѣ, цѣлая колонія—Нѣмецкая слобода. Тутъ жили люди ремесленные и военные. Западная Европа имѣла своихъ казаковъ въ этихъ наемныхъ дружинахъ, составлявшихся такъ-же, какъ и наши казацкія дружины, изъ людей, которымъ почему-нибудь было тѣсно, неудобно на родинѣ, и шли они служить тому, кто больше давалъ; искать отечества тамъ, гдѣ было хорошо, и служили они въ семи ордахъ семи королямъ, какъ выражалась старая русская пѣсня о богатыряхъ, этихъ первообразахъ и казаковъ восточной Европы, и наемныхъ дружинниковъ—западной. Мы видѣли, что въ западной Европѣ государи обратились къ наемнымъ войскамъ, когда разбогатѣли, стали получать хорошіе доходы, хорошія деньги отъ поднявшагося города, отъ промышленнаго и торговаго движенія. Кромѣ того, наемныя войска были желательны и потому, что отличались своимъ искусствомъ: война была ихъ исключительнымъ занятіемъ. И у насъ, въ XVII вѣкѣ, являются эти западно-европейскіе наемники, но вовсе не потому, чтобъ наши цари нуждались въ войскѣ и, разбогатѣвъ, получили возможность нанимать его. Бѣдное государство должно было тратить послѣднюю копѣйку на этихъ наемниковъ, чтобъ имѣть обученное поевропейски войско, чтобъ не терпѣть слишкомъ тяжелыхъ пораженій вслѣдствіе неискусства своего помѣщичья войска. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка мы видимъ иностранныхъ наемниковъ въ царскомъ войскѣ, выходцевъ изъ разныхъ странъ, нѣмцевъ, французовъ, шотландцевъ. У себя, въ западной Европѣ, эти наемные дружинники хотя представляли извѣстныя особенности, однако не могли поражать рѣзкимъ отличіемъ по общности нравовъ и обычаевъ; но понятно, какъ выдѣлялись они у насъ въ XVII вѣкѣ. Между ними, разумѣется, нельзя было сыскать людей ученыхъ; но эти были люди бывалые, много странствовавшіе, видавшіе много разныхъ странъ и народовъ, много испытавшіе; а извѣстно, какъ эта бывалость развиваетъ, какую привлекательность даетъ бесѣда такого бывалаго человѣка, особенно въ обществѣ, гдѣ книги нѣтъ, и живой человѣкъ долженъ замѣнять ее. Легко понять, что Петръ, обратившись разъ къ иностранцамъ за рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, при своей пытливости, страсти узнавать новое, знакомиться съ новыми явленіями и людьми, долженъ былъ необходимо перешагнуть порогъ Нѣмецкой слободы, этого любопытнаго привлекательнаго міра, наполненнаго людьми, отъ которыхъ можно было услыхать такъ много новаго о томъ, что дѣлается въ странѣ чудесъ, въ западной Европѣ. Петръ въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ—представитель Россіи, движущейся въ Европу, входитъ въ этотъ чужой міръ, входитъ еще очень молодымъ, безоружнымъ. Молодой богатырь схватывается съ этою силою; собственныя силы его еще не окрѣпли, и онъ естественно подчиняется ея вліянію, ея давленію; это вліяніе обнаруживается въ томъ, что самымъ близкимъ, любимымъ человѣкомъ становится для него иностранецъ Лефортъ. Лефортъ былъ блестящій представитель людей, населявшихъ Нѣмецкую слободу. Какъ всѣ они, Лефортъ не имѣлъ прочнаго образованія, не могъ быть учителемъ Петра ни въ какой наукѣ, не былъ мастеромъ никакого дѣла; но это былъ человѣкъ бывалый и притомъ необыкновенно живой, ловкій, веселый, открытый, симпатичный, душа общества. Петръ подружился съ нимъ, подружился дружбою молодаго человѣка, дружбою страстною, увлекающеюся, преувеличивающею достоинства любимаго человѣка. Вліяніе Лефорта на молодаго Петра сильное, потому что мы подчиняемся самому сильному вліянію не того человѣка, котораго мы только уважаемъ, но того, кого мы любимъ. Петру было весело, занятно въ Нѣмецкой слободѣ, среди людей, которыхъ рѣчи были для него полны содержанія, чего онъ не находилъ въ рѣчахъ окружавшихъ его русскихъ людей, и всего пріятнѣе и занятнѣе было съ Лефор-

томъ. Что же дѣлалъ Петръ въ этотъ періодъ вліянія Нѣмецкой слободы, лефортовскаго вліянія? Развитіе шло быстро; отъ работы, которая имѣла видъ потѣхи, Петръ переходилъ къ настоящему дѣлу; и Бѣлое море становилось тѣсно, плаваніе по немъ безцѣльно, имѣло также видъ потѣхи; а потѣхи уже наскучили, не удовлетворяли, отъ нихъ оставалась пустота въ душѣ, отъ нихъ саднило на сердцѣ. Человѣкъ мужалъ и являлась потребность сдѣлать что нибудь важное, полезное. Что же сдѣлать? Сначала, какъ обыкновенно, прельщаютъ мечты, молодой человѣкъ еще рвется на предпріятія далекія, имѣющія связь съ любимымъ занятіемъ; зачѣмъ безъ цѣли строить корабли въ Архангельскѣ, заказывать ихъ иностранцамъ? Нельзя ли чрезъ Сѣверный океанъ отыскать проходъ къ Китаю, Индіи? Потомъ мечта уступаетъ мысли серьезной, осуществимой; на юго-востокѣ Россія прикасается также къ морю, имѣющему выгодное положеніе; чрезъ него можно ближе, удобнѣе завести торговыя сношенія съ богатыми странами Азіи; на него давно уже иностранцы указывали московскому правительству, требуя свободнаго проѣзда къ нему для торговли: это Каспійское море. Надобно строить корабли для него, надобно ѣхать въ Астрахань, завести сношенія съ Персіею. Итакъ движеніе на Востокъ, къ Азіи; но естественно ли такое движеніе въ тотъ періодъ жизни народа, когда онъ именно стремился уйти съ Востока на Западъ, когда все вниманіе было обращено на Европу? Естественно ли было ожидать, чтобъ Петръ началъ съ Каспійскаго моря? И вотъ поѣздка въ Казань и Астрахань, несмотря на видимую пользу, практичность, приложимость, откладывается, какъ дѣло тяжелое, непріятное. Все вниманіе и желаніе обращено на Западъ: тамъ завѣтное море, туда надобно пробраться; но какъ?—заперто и ключъ у шведовъ. Мысль кружится около Россіи, постоянно останавливается у Балтійскаго моря, постоянно должна отступать, отталкиваться отъ него, и все же опять, неодолимо влечется къ нему. Молодой орелъ бьется въ клѣткѣ. Но молодой орелъ растетъ, мужаетъ; уставши отъ круженія мысли около Россіи, молодой человѣкъ мало-по-малу войдетъ внутрь нея, станетъ на дѣйствительную почву, начнетъ заниматься настоящимъ, текущимъ дѣломъ. Сѣверный океанъ, Китай, Индія, Каспійское море, Персія, Балтійское море, въ которое труднѣе пробраться, чѣмъ въ Восточный океанъ,—все это мечты, сказочные подвиги богатыря, ищущаго приключеній, отправляющагося на поискъ заколдованнаго терема, спящей царевны и т. п.; человѣкъ пробуждается, грезы исчезаютъ; является жизнь, наяву, настоящая, дѣйствительная; а настоящее, дѣйствительное — это Россія съ ея внутреннею и внѣшнею жизнью: вотъ чѣмъ надобно заняться. Что же здѣсь на первомъ планѣ? Война съ Турціею, война, начавшаяся въ правленіе Софьи, и ведшаяся при ней неудачно; надобно загладить эти неудачи, кончить войну съ честію, славою; здѣсь самый удобный случай выступить на сцену достойно передъ Россіею и Европою; а война идетъ европейская, первая европейская война для Россіи въ союзѣ съ европейскими государствами. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича продолжительная и тяжкая война Россіи съ Польшею за Малороссію кончилась крайнимъ истощеніемъ обоихъ государствъ, съ тѣмъ различіемъ, что Россія имѣла средства поправиться, а Польша ихъ не имѣла. По окончаніи этой войны, Польскій вопросъ получаетъ новый видъ. Оказалось, что Россіи нечего бояться Польши; Польша не будетъ болѣе помѣхою движенію Россіи въ Европу; напротивъ, Польша должна затянуть Россію въ европейскія дѣла, въ общую европейскую жизнь, если бы даже Россія этого не хотѣла: Польша, по своему безсилію, по своему страдательному положенію, становилась ареною, на которой должны были бороться чужіе народы, бороться съ оружіемъ въ рукахъ и дипломатическими средствами; Россія не могла оставаться праздною зрительницею этой борьбы, волею-неволею она должна принять въ ней участіе, не дать усилиться здѣсь враждебному вліянію, не дать чужимъ захватить своего, русскаго; а извѣстно, сколько было русскаго добра у Рѣчи Посполитой польской. Гдѣ трупъ, тамъ соберутся орлы, и хищники вились надъ Польшею. Казакъ Дорошенко, гетманъ польской Украйны, кликнулъ Турецкаго султана на добычу, поддавшись ему; турки явились на зовъ и разгромили Польшу, объявляя притязанія на всю Украйну, которую, именемъ казачества, отдавалъ имъ Дорошенко. Такимъ образомъ, Россія втягивалась въ первый разъ непосредственно въ войну съ Турціею, и естественно должна была помогать Польшѣ. Турки, въ послѣдній разъ передъ упадкомъ своимъ, явились грозны для сосѣдей: Австріи, Венеціи предстояла страшная опасность; Вѣна подвергалась осадѣ. Такое положеніе естественно вело къ союзу этихъ сосѣдей противъ общаго врага, врага всему христіанству. Россія и Польша заключили вѣчный миръ; Янъ Собѣскій со слезами подписалъ знаменитый Московскій договоръ, по которому Кіевъ навсегда оставался за Россіею; но за эти слезы Россія должна была заплатить дѣятельною помощію Польшѣ противъ турокъ. Впервые Россія вступала въ общее дѣйствіе съ европейскими державами, съ Польшею, Австріею и Венеціею, явилась членомъ этого союза, который назывался священнымъ. Въ Москвѣ рѣшено было дѣйствовать противъ Крыма, чтобъ удержать татаръ отъ поданія помощи туркамъ. Два степныхъ похода на Крымъ, соединенные съ страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правленіе Софьи, на ея любимца, кн. В. В. Голицына, предпринимавшаго эти походы. Крупныхъ военныхъ дѣйствій не было до тѣхъ поръ, пока въ развитіи Петра не произошелъ поворотъ отъ юношеской мечты, отъ неясныхъ стремленій, отъ неопредѣленныхъ порывовъ къ дѣйствитель-

ности, отъ юношеской потѣшной дѣятельности къ труду государя. Надобно было продолжать энергически кончить съ честію и пользою Турецкую войну, тѣмъ болѣе-что Восточный вопросъ представлялся уже съ тѣмъ великимъ политическимъ и нравственнымъ значеніемъ, какое онъ имѣетъ въ жизни русскаго народа. Іерусалимскій патріархъ писалъ, что французы, пользуясь враждою между Россіею и Портою, отнимаютъ святыя мѣста у православныхъ. «Намъ лучше жить съ турками, чѣмъ съ французами», писалъ патріархъ; «но вамъ не полезно, если турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подолѣ, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ: худой это будетъ миръ, потому что ни одному государству турки такъ не враждебны, какъ вамъ. Если не будетъ освобождена Украйна и Іерусалимъ, если турки не будутъ изгнаны изъ Подоліи, не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украйны и Подоліи не уступятъ,—не заключайте мира. Помогите полякамъ и другимъ, пока здѣшніе погибнутъ. Впередъ такого времени не сыщете какъ теперь. Вы упросили Бога, чтобъ у турокъ была война съ нѣмцами; теперь такое благопріятное время, а вы не радѣете. Въ досаду вамъ турки отдали Іерусалимъ французамъ, и васъ ни во что ставятъ. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого». Не Петру было слушать, что дѣло не явилось. Дѣло явилось въ 1695 году. Но *шкиперъ* не пойдетъ въ степной походъ; онъ подплываетъ къ сильной турецкой крѣпости Азову, загораживающей дорогу къ морю. Шкиперъ подплылъ подъ Азовъ, преодолѣвъ большія препятствія, задержки: «больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба», писалъ Петръ: «но», продолжалъ онъ, «по молитвамъ Св. апостола, яко на камени утвердясь, несомнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ». При осадѣ шкиперъ превратился въ бомбардира, самъ чинилъ гранаты и бомбы, самъ стрѣлялъ и записалъ: «Зачалъ служить съ перваго азовскаго похода бомбардиромъ». Но дѣло не сдѣлалось, Азовъ не былъ взятъ; Петръ возвратился въ Москву—и начинается страшная дѣятельность. Царь вызываетъ изъ-заграницы новыхъ мастеровъ, изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ, хочетъ строить суда, которыя должны плыть къ Азову и запереть его отъ турецкихъ судовъ, дававшихъ помощь осажденнымъ. Это было въ ноябрѣ 1695: корабли должны быть готовы къ веснѣ будущаго 1696 года. Возможно ли это? Въ Москвѣ строятъ галеры по образцу привезенной изъ Голландіи; въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, 26,000 работниковъ рубятъ струги, лодки, плоты. Въ началѣ 1896 года Петръ съ больною ногою ѣдетъ въ Воронежъ. Опять препятствія, задержки: иностранные лѣкаря пьютъ и въ хмелю колятъ друга друга шпагами; подводчики бѣгутъ съ дороги, бросая перевозимыя вещи; лѣса горятъ именно тамъ, гдѣ рубятъ струги; въ Воронежѣ капитанъ кричитъ, что въ кузницѣ уголья нѣтъ; морозъ не вовремя снова леденитъ рѣки и останавливаетъ работы; но Петръ не отчаивается: «Мы», пишетъ онъ, «по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой». Этотъ хлѣбъ ѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ. И вотъ лѣтомъ, въ Москвѣ, получаютъ отъ него письмо: «Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались». Неудача, сламывающая слабаго, возбуждаетъ сильнаго; неудача перваго азовскаго похода выказала тѣ громадныя силы, которыми обладалъ Петръ; здѣсь послѣдовало явленіе великаго человѣка. Съ этихъ поръ мы будемъ имѣть дѣло съ Петромъ *Великимъ*.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Послѣ неудачи не отчаяваться, но усилить трудъ для того, чтобъ какъ можно скорѣе поправиться; послѣ удачи не отдыхать, не складывать рукъ, но также усиливать трудъ, чтобъ воспользоваться плодами удачи:—вотъ примѣта великаго человѣка. По возвращеніи изъ втораго азовкаго похода, у царя идутъ совѣщанія съ боярами: «Нельзя довольствоваться тѣмъ»: говоритъ Петръ, «что Азовъ взятъ; послѣ осады онъ въ самомъ печальномъ положеніи, надобно его укрѣпить, устроить, снабдить жителями и гарнизомъ; но и этого мало; сколько бы мы войска ни ввели въ Азовъ, турокъ и татаръ не удержимъ, тѣмъ болѣе-что конницы тамъ много имѣть нельзя. Надобно воевать моремъ; для этого нуженъ флотъ, или караванъ морской, въ 40 и болѣе судовъ. Прошу порадѣть отъ всего сердца для защиты единовѣрныхъ и для своей безсмертной памяти. Время благопріятное, фортуна сквозь насъ бѣжитъ, никогда она къ намъ такъ близко на югѣ не бывала: блаженъ, кто схватитъ ее за волосы». Рѣшено поднять общими силами великую, небывалую тягость строенія флота. Землевладѣльцы, патріархъ, архіереи и монастыри, бояре и всѣ служилые люди съ извѣстнаго числа крестьянскихъ дворовъ ставятъ по кораблю; торговые люди должны поставить 12 кораблей. Общее дѣло: надобно соединяться, складываться и, потому, составляется нѣсколько нѣсколько компаній (кумпанствъ). Кромѣ русскихъ плотниковъ, каждое компанство обязано было содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, переводчиковъ, кузнецовъ, рѣзчика, столяра, живописца, лѣкаря съ аптекою. Чѣмъ больше новаго необходимаго дѣла, тѣмъ больше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вы-

зывать толпами. Долго ли же такъ будетъ, долго ли оставаться въ такой зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобъ русскіе скорѣе выучились, скорѣе и какъ можно лучше выучились: для этого надобно большія средства, а главное — лучшіе учителя. Но западная Европа вдругъ не перенесетъ къ намъ своихъ средствъ, накопленныхъ вѣками, и не пришлетъ къ намъ лучшихъ своихъ учителей. Надобно, слѣдовательно, послать русскихъ людей учиться за-границу,—и 50 человѣкъ молодыхъ придворныхъ отправились въ Венецію, Англію и Голландію. Но какъ они тамъ будутъ учиться, у кого; какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились, всѣмъ ли они воспользовались и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ прежде ихъ тамъ выучился, все узналъ; и кто же будетъ этотъ русскій первый ученикъ? Разумѣется, начальный человѣкъ въ великой работѣ, на которую шелъ народъ,—извѣстный шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ. Въ 1697 году по Европѣ проходятъ странныя вѣсти: при разныхъ Дворахъ является русское посольство; въ челѣ его два великихъ полномочныхъ посла, одинъ иностранецъ, женевецъ Лефортъ, другой русскій, Головинъ; въ свитѣ посольства удивительный молодой человѣкъ, называется Петръ Михайловъ; онъ отдѣляется отъ посольства, останавливается въ разныхъ мѣстахъ, учится, работаетъ, особенно занимается морскимъ дѣломъ, но ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, жажда знанія, понятливость, способности необыкновенныя,—и этотъ необыкновенный человѣкъ самъ царь Русскій. Явленіе, никогда небывалое въ исторіи, возбуждаетъ сильное любопытство, и вотъ двѣ женщины, которыя могли справедливо считаться представительницами западно-европейскаго цивилизованнаго общества по своимъ способностямъ и образованію, спѣшатъ посмотрѣть на диковину, на дикаря, который хочетъ быть образованнымъ и образовать свой народъ; эти женщины были: Ганноверская курфюрстина Софія и дочь ея, курфюрстина Бранденбургская Софія-Шарлота. Какое же впечатлѣніе произвелъ на нихъ Петръ? Вотъ ихъ отзывъ: «Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно; но мнѣ понравилась его естественность и непринужденность», говоритъ одна. Другая распространяется болѣе: «Царь высокъ ростомъ; у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостію ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ».

Странный, а можетъ быть и оскорбительный отзывъ! Государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной! Дѣйствительно, мы къ такому рѣзкому сопоставленію противоположныхъ сторонъ не привыкли. По слабости своей природы, человѣкъ съ большимъ трудомъ привыкаетъ къ многосторонности взгляда; для него гораздо легче, покойнѣе и пріятнѣе видѣть одну сторону предмета, явленія, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить—такъ бранить, хвалить—такъ хвалить. Найдутъ хорошее качество, хорошій поступокъ, хорошее слово у какого-нибудь Нерона—и пишутъ цѣлыя сочиненія, что напрасно считаютъ Нерона Нерономъ: онъ былъ хорошій человѣкъ, и найдутся люди, которые восхищаются: ахъ, какая новая мысль: Неронъ былъ хорошій человѣкъ; честь и слава историку, который открылъ такую новость, наука двинулась впередъ. Отыщутъ дурное качество или дурной поступокъ у человѣкъ, который пользовался славою, противоположною славѣ Нерона,—и начинаются толки, что напрасно величали его благодѣтельную дѣятельность; вотъ какой дурной поступокъ онъ сдѣлалъ тогда-то, а другіе возстаютъ съ ожесточеніемъ на дерзкаго, осмѣлившагося заявить, что въ солнцѣ есть пятна; въ солнцѣ не можетъ быть пятенъ, въ дѣятельности такого-то знаменитаго дѣятеля не можетъ быть темныхъ сторонъ, въ ней все хорошо; кто находитъ, что не все хорошо, тотъ человѣкъ злонамѣренный, и вотъ этого злонамѣреннаго благонамѣренные стараются принести въ жертву памяти знаменитаго человѣка; жертва языческая, закланіе человѣка тѣнямъ умершихъ! А все оттого, что забывается, чему учатъ въ раннемъ дѣтствѣ; забываются двѣ первыя заповѣди, что Богъ единъ— одно только существо совершенное, и не должно имѣть другихъ боговъ, не должно творить себѣ кумировъ изъ существъ несовершенныхъ. Памятованіе этихъ заповѣдей есть первая обязанность историка, если онъ дѣйствительно хочетъ двигать впередъ свою науку, хочетъ представлять живыхъ людей, съ свѣтлыми и темными сторонами ихъ умственной и нравственной дѣятельности, называя знаменитыми тѣхъ, у кого результаты дѣятельности свѣтлыхъ сторонъ далеко перевысили результаты дѣятельности темныхъ, называя великими тѣхъ, которые по свѣту и теплотѣ своей дѣятельности являются солнцами, хотя и не безъ пятенъ; которые окупили свои темныя стороны великими дѣлами, великими жертвами, которымъ много оставляется, потому что возлюбили много.

Поэтому мы нисколько не смутимся приговоромъ образованной наблюдательной женщины надъ нашимъ Петромъ. Онъ ей показался очень хорошимъ и вмѣстѣ очень дурнымъ, и мы даже не ограничимъ этого дурнаго однимъ внѣшнимъ; не скажемъ, чтобы эта владѣтельная дама образованной Европы была оскорблена внѣшнею грубостію, незнаніемъ правилъ внѣшняго приличія, неумѣніемъ ѣсть опрятно: мы признаемъ, что здѣсь дѣ-

ло идетъ не объ одномъ внѣшнемъ. Петръ былъ человѣкъ, одаренный необыкновенными силами: дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобъ пріучать человѣка давать правильное употребленіе своимъ силамъ, ставить нравственныя границы для нихъ. Воспитаніе не оканчивается домомъ, школою; воспитываетъ главнымъ образомъ общество; оно воспитываетъ хорошо, если выработало извѣстные нравственные законы, поставило нравственныя границы и зорко смотритъ, чтобъ личная сила не переступила ихъ; общество воспитываетъ хорошо, если даетъ просторъ всякой силѣ въ ея хорошемъ направленіи и сейчасъ же ее сдерживаетъ, какъ скоро она уклонилась отъ этого направленія. Что обыкновенно дѣлаетъ, когда отправляется изъ дому въ общество, гдѣ встрѣтитъ людей, къ которымъ питаетъ уваженіе?—онъ заботится, чтобъ все его внѣшнее не произвело невыгоднаго впечатлѣнія; онъ охорашивается, старается вести себя прилично. Благо тому обществу, которое необходимо требуетъ, чтобъ каждый членъ, входя въ него, нравственно охорашивался, чтобъ каждая сила употреблялась надлежащимъ образомъ, чтобъ личная сила не переступала извѣстныхъ нравственныхъ границъ, поставленныхъ общественнымъ самоуваженіемъ, общественнымъ тактомъ: такое общество даетъ хорошее воспитаніе человѣку. Но горе тому обществу, гдѣ сила не находитъ себѣ нравственныхъ границъ, гдѣ она не считается съ другими силами, не чувствуетъ обязанности сторониться передъ ними, гдѣ передъ нею разступается доступная ея давленію, мягкая, слабая толпа и сила разнуздывается безпрепятственно. Горе тому обществу, которое не можетъ встрѣтить каждую силу строгимъ допросомъ: откуда она и куда направлено ея стремленіе; не можетъ испытать, настоящая ли это сила, или фальшивая, самозванная. Горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозванной силѣ. Горе тому обществу, въ которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, съ полнымъ неряшествомъ, безъ уваженія къ общественному глазу въ дѣлахъ своихъ, безъ уваженія къ общественному уху въ словахъ своихъ, безъ уваженія къ общественному смыслу въ мысляхъ своихъ. Горе тому обществу, гдѣ порокъ не ищетъ темныхъ угловъ, но горделиво разгуливаетъ при дневномъ свѣтѣ по улицамъ и площадямъ. Горе тому обществу, которое не умѣетъ повѣрять ни словъ, ни дѣлъ, которое безотчетно увлекается, какъ ребенокъ, первымъ движеніемъ, первымъ громкимъ словомъ. Такое общество не можетъ дать хорошаго воспитанія: дѣти могутъ ли воспитать мужей?

Мы видѣли, что Петръ не могъ получить школьнаго воспитанія, разумѣя подъ нимъ правильное научное образованіе умственное и нравственное, подъ руководствомъ болѣе или менѣе искусныхъ наставниковъ. Но, быть можетъ, общество могло восполнить этотъ недостатокъ, могло дать ему хорошее воспитаніе? Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія состоянія стариннаго русскаго общества, въ которомъ Петръ необходимо долженъ былъ воспитываться, мы получимъ отвѣтъ отрицательный. Физической разбросанности, разрозненности народа соотвѣтствовала нравственная несплоченность общества, и потому невозможность выработать крѣпкія нравственныя границы для силъ, которымъ предоставлялся широкій степной просторъ; личная сила могла встрѣтить себѣ сдержку въ другой большой личной силѣ, или въ собирательной физической силѣ толпы. Дурной воевода, напримѣръ, могъ дѣлать все, что хотѣлъ: нравственныхъ сдержекъ не было; онъ могъ пасть, если встрѣчался съ какимъ-нибудь другимъ, болѣе сильнымъ лицомъ, или отъ возстанія, бунта толпы, выведенной изъ терпѣнія его насиліями. Экономическія условія, о которыхъ была рѣчь прежде, не могли вести къ благопріятнымъ для нравственныхъ сдержекъ отношеніямъ, ибо эти условія заставили невооруженную часть народонаселенія непосредственно кормить вооруженную. Не выработались извѣстныя, сословныя группы, крѣпкія своею внутреннею сплоченностію, сознаніемъ своихъ общихъ интересовъ, своихъ правъ, опредѣленностію своихъ отношеній другъ къ другу, сознаніемъ, которое могло поднимать нравственно каждаго члена такой группы, сильнаго не личною силою, но своею крѣпкою связью съ сочленами своими при равенствѣ между ними. Всѣ отношенія основывались на личной силѣ: человѣкъ безусловно подчинялся болѣе сильному и въ то же время безусловно подчинялъ себѣ менѣе сильнаго, и, такимъ образомъ, преобладающимъ отношеніемъ было отношеніе господина къ рабу. Отсутствіе образованія, науки задерживало развитіе духовныхъ силъ, не вело къ появленію особаго рода авторитетовъ, сильныхъ не физическою силою, не силою своего положенія, но средствами исключительно нравственными. Отсутствіе образованія, науки отнимало возможность самостоятельно относиться къ каждому явленію, повѣрять его, отличать истинные авторитеты отъ ложныхъ. Отсутствіе образованія, науки давало то печальное духовное равенство, при которомъ различію по матеріальнымъ средствамъ давалась полная сила. Все это, вмѣстѣ съ долговременнымъ отчужденіемъ народа отъ общенія съ народами, стоявшими на равной или высшей ступени общественнаго развитія, постоянное обращеніе съ народами, стоявшими на низшей ступени, не могло благопріятно дѣйствовать на состояніе общества въ древней Россіи, давать ему возможность хорошо воспитывать своихъ членовъ. Нравы были грубы, и намъ не нужно входить въ подробности для доказательства сказаннаго, стоитъ указать на одно доказательство ясное и неопровержимое — затворничество женщины. Существо, отъ котораго преимущественно зависитъ соблюденіе чистоты семейной, наряда внутренней жизни, и существо слабое матеріально, женщина не могла быть безопасна въ обществѣ, на улицѣ. Въ обществѣ

мужчинъ, дома и внѣ дома, глазъ ея не былъ безопасенъ отъ оскорбительнаго для нравственности зрѣлища, ухо—отъ оскорбительнаго для нравственности слова; существо слабое физически не было безопасно при отсутствіи уваженія сильнаго къ слабому вообще. Но при такихъ условіяхъ естественное и необходимое дѣло уйти, спрятаться, запереться, не выглядывать на свѣтъ, чтобъ не видать дѣлъ темныхъ. При объясненіи этого явленія не нужно прибѣгать къ мудрствованіямъ, натяжкамъ, предполагать какія-то чужія вліянія; дѣло объясняется для каждаго ясно: выпустимъ ли мы женщину или ребенка ночью на улицу, когда знаемъ, что на улицѣ не безопасно; то же сдѣлаемъ и днемъ, когда удостовѣримся, что и днемъ небезопасно; при отсутствіи безопасности сильный выходитъ вооруженный, слабый сидитъ дома запершись: такъ естественно произошло затворничество женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ, разумѣется въ классахъ достаточныхъ, гдѣ женщина могла не быть работницею, обязанною поневолѣ выходить изъ дому. Понятно, что такое общество не могло дать хорошаго воспитанія; понятно, что представитель такого общества являлся очень дурнымъ, хотя по природнымъ своимъ качествамъ былъ очень хорошимъ человѣкомъ. Петръ обладалъ необыкновеннымъ нравственнымъ величіемъ: это величіе выражалось въ томъ, что онъ не побоялся сойти съ трона и стать въ ряды солдатъ, учениковъ и работниковъ, когда сознаслъ, что необходимо ввести въ свой народъ силу, до тѣхъ поръ мало извѣстную и въ почетѣ не находившуюся,—силу умственнаго развитія, искусства и личной заслуги. Необыкновенно нравственное величіе Петра выражалось въ способности уважать нравственное величіе въ другихъ и сдерживаться имъ; какъ бы онъ ни былъ раздраженъ, онъ умѣлъ всегда преклониться предъ подвигомъ гражданскаго мужества, предъ рѣзкимъ, но правдивымъ словомъ подданнаго, которое противорѣчило его собственному взгляду. Но, въ то же время, Петръ былъ человѣкъ въ высшей степени страстный, и тамъ, гдѣ онъ видѣлъ явную ошибку, злонамѣренность, преступленіе, тамъ онъ уже не сдерживался, выходилъ изъ себя, становился свирѣпъ, употреблялъ матеріальныя средства для прекращенія зла и вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность; тамъ онъ схватывался съ человѣкомъ, какъ съ личнымъ врагомъ своимъ, и позволялъ себѣ терзать его. Петръ умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ хорошему человѣку, и отъ этого проистекали безчисленныя благодѣтельныя послѣдствія; но онъ не умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ человѣку, какъ человѣку. Скажутъ, что это происходило отъ дурнаго воспитанія, общество не могло хорошо воспитать его, ибо не выработало въ себѣ нравственныхъ сдержекъ для сильнаго человѣка. Историкъ отвѣтитъ, что это объясненіе, которое вполнѣ принимается,—объясненіе, но не оправданіе; темная сторона остается, и мы признаемъ вѣрнымъ отзывъ умной принцессы, что Петръ былъ очень хорошій и очень дурной человѣкъ. Послѣднее не отнимаетъ у насъ права признать вполнѣ первое, признать необыкновенное величіе человѣка и дѣлъ его; оно только не позволитъ намъ сотворить себѣ кумира и воздать человѣку поклоненіе, большее, чѣмъ достоитъ человѣкъ.

Когда, при этомъ свиданіи двухъ курфюрстинъ съ Петромъ, зашелъ разговоръ о томъ, чѣмъ молодой царь любитъ больше всего заниматься, Петръ показалъ свои руки, жесткія отъ работы. Такимъ образомъ и предъ западною Европою Петръ явился въ томъ же образѣ, въ какомъ явился передъ своею Россіею. Въ голландскомъ мѣстечкѣ Сардамѣ появился молодой, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; въ свободное отъ работы время плотникъ ходитъ по фабрикамъ и заводамъ: все ему нужно видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается, самому принять участіе въ производствѣ. Изъ Сардама плотникъ перешелъ на амстердамскія верфи; и тутъ занимался не однимъ плотничествомъ; его видѣли повсюду, въ госпиталяхъ, воспитательныхъ домахъ, на фабрикахъ и въ мастерскихъ, на профессорскихъ лекціяхъ, которыя иногда читались для него на яхтѣ, во время пути, ибо надобно было дорожить каждою минутою. Ненасытная жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; только и слышалось: «Это я долженъ видѣть»,—и надобно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. Но обиліе любопытныхъ предметовъ, которые представила ему западная Европа, не подавило его духа; онъ не забывалъ, что прежде всего онъ русскій, и царь, и потому идетъ дѣятельная переписка съ людьми, оставленными работать въ Россіи, доканчивать то, что было начато до поѣздки за границу. Въ Россіи уже были оставлены имъ усердные работники. Молодой царь уже отличался этою изумительною вѣрностію взгляда при выборѣ людей, которая помогла ему набрать столько сотрудниковъ, наготовить способныхъ людей не на одно только свое царствованіе, оставить Россіи драгоцѣнное наслѣдство, которымъ она жила долго и по смерти преобразователя. Извѣстна эта способность Петра съ перваго взгляда, посмотрѣвъ внимательно на лицо человѣку, даже ребенку, угадывать въ немъ полезнаго дѣятеля. При этомъ Петру помогала широта выбора; онъ не стѣснялся ничѣмъ, бралъ способности одинаково сверху и снизу; не стѣснялся и возрастомъ: приготовляя молодое поколѣніе работниковъ по всѣмъ частямъ государственной дѣятельности, онъ не обходилъ и старика, который могъ изумить молодыхъ своею неутомимою дѣятельностію. Такъ въ это время изумлялъ ею старикъ Виніусъ, обрусѣлый иноземецъ, открывшій сибирскія минеральныя богатства: «Особенно болитъ сердце»,—писалъ Виніусъ Петру за границу, «что иноземцы высокою цѣною продавъ шведское желѣзо и побравъ деньги, за-границу поѣхали, а наше сибирское желѣзо гораздо лучше шведскаго». Петръ хлопоталъ, чтобъ у Виніуса не болѣло сердце, хлопоталъ о наборѣ ино-

странныхъ мастеровъ, которые бы помогли на первый разъ разработать русскія минеральныя богатства. Олонецкіе заводы уже начали свою дѣятельность. Такимъ образомъ Петръ, работая на иностранныхъ верфяхъ, не спускалъ глазъ съ Россіи, участвовалъ и въ работѣ, въ ней производившейся. На печатяхъ писемъ, присылаемыхъ Петромъ въ Россію, читалась надпись: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую». Къ патріарху онъ писалъ: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами при добромъ состояніи живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды; но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, и христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатію Его быть, чего до послѣдняго издыханія желать не престану». Въ началѣ 1698 года Петръ уже въ Англіи, работаетъ на дептфортской верфи, оканчиваетъ здѣсь кораблестроительную науку, дѣлаетъ, какъ и на твердой землѣ, большой наборъ мастеровъ. Проведя три мѣсяца въ Англіи, онъ опять на твердой землѣ и направляетъ путь въ Вѣну: здѣсь надобно хлопотать, чтобъ императоръ не заключалъ отдѣльнаго мира съ турками; чтобъ Россію не оставили одну въ войнѣ съ ними, причемъ трудно было бы заключить скорый и выгодный миръ. Изъ Вѣны Петръ собрался въ Венецію, въ это южное морское государство, но, вмѣсто Венеціи, надобно было возвратиться въ Россію: тамъ бунтовали стрѣльцы.

Стрѣльцы и Петръ — мы привыкли въ этихъ явленіяхъ представлять себѣ что-то крайне враждебное другъ другу. Но при этой враждебности нельзя останавливаться только на личныхъ отношеніяхъ стрѣльцовъ къ Петру. Первыя впечатлѣнія, впечатлѣнія дѣтства, бываютъ самыя сильныя; ими воспитывается, слагается человѣкъ. Намъ укажутъ ребенка, одареннаго необыкновенно сильною природою, огненнаго, страстнаго, и скажутъ, что этотъ ребенокъ, какъ только началъ понимать, находился среди тяжкихъ, раздражающихъ впечатлѣній; какъ только началъ понимать, существа самыя близкія, начиная съ матери, питаютъ его горькими жалобами на гоненія, неправду, и, такимъ образомъ, постоянно раздражаютъ его, держатъ это нѣжное, распускающееся растеніе подъ палящимъ, изсушающимъ вѣтромъ вражды, ненависти. Намъ скажутъ, что этому ребенку наконецъ прояснили душу, порадовали, объявили, что гоненія кончились, онъ объявленъ царемъ; его мать весела, ея родные, ея благодѣтель возвращаются изъ ссылки,—и вдругъ, вслѣдъ за этимъ, ужасныя, кровавыя сцены бунта, мать въ отчаяніи, ея братья, благодѣтель истерзаны: опять гоненія, опять безпрестанныя жалобы,—какъ становится страшно за этого ребенка, воспитывающагося подъ такими впечатлѣніями, и чѣмъ сильнѣе его природа, тѣмъ страшнѣе за него. Какой губительный ядъ принялъ онъ и въ какомъ количествѣ! Говорятъ, что десятилѣтній Петръ сохранялъ изумительное спокойствіе, твердость во время стрѣлецкаго бунта: тѣмъ хуже, — лучше бы онъ кричалъ, плакалъ, бросался въ отчаяніи, ломалъ себѣ руки! Онъ былъ твердъ и спокоенъ; а откуда это трясеніе головы; откуда эти конвульсіи въ лицѣ, эти гримасы, о которыхъ говорила намъ недавно нѣмецкая принцесса, и отъ которыхъ не въ его власти было удержаться? Петръ вышелъ изъ своей тяжелой школы отравленный этою семейною борьбою между мачихой и падчерицами, этою кровью, которою стрѣльцы такъ усердно поливали передъ нимъ кремлевскую почву. Что-то выйдетъ изъ него—въ русской исторіи былъ уже примѣръ царственнаго ребенка, высоко даровитаго и страстнаго, воспитаннаго подобнымъ же образомъ: изъ этого ребенка вышелъ Іоаннъ Грозный. Не отыщется ли, къ счастію Россіи, какое-нибудь противоядіе? Кажется, отыскалось: это кипучая практическая дѣятельность, постоянное пребываніе въ работѣ; а трудъ есть могущественное средство успокоенія, просвѣтленія души, трудъ, соотвѣтствующій, разумѣется, силамъ; а какой трудъ могъ соотвѣтствовать силамъ Петра; трудъ преобразованія! Древняя Россія дала ядъ великому человѣку въ стрѣлецкомъ бунтѣ; она же представила и противоядіе въ своей потребности преобразованія, въ своей готовности къ нему. Пусть же молодой человѣкъ пребываетъ въ работѣ: эта работа вылечиваетъ его отъ яда, принятаго въ дѣтствѣ; пусть не знаетъ покоя, бросается къ широкому морю, пусть строитъ корабль, на которомъ человѣкъ борется съ страшною волнующеся стихіею и владѣетъ ею; пусть молодой царь упражняетъ свои силы въ этомъ трудѣ, въ этой борьбѣ, столь достойной человѣка; чѣмъ болѣе, чѣмъ многообразнѣе онъ будетъ трудиться, чѣмъ далѣе уйдетъ, чѣмъ болѣе предметовъ завидитъ и усвоитъ себѣ:— тѣмъ скорѣе успокоится, скорѣе просвѣтлѣетъ душою, скорѣе дастся перевѣсъ добрымъ къ ней началамъ, скорѣе онъ забудетъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, о кремлевской крови.

Но ему не даютъ забыть: только-что собрался за-границу, какъ узнаетъ, что люди, недовольные имъ и его дѣломъ, дожидаются его отъѣзда для исполненія своихъ замысловъ; ихъ надежда на стрѣльцовъ и казаковъ,—надежда, что одни начнутъ съ одного конца, а другіе съ другого. Смутники были переказнены; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествіе, сильная дѣятельность за границею успокоили его: онъ сбирается окончить путешествіе, посмотрѣвъ на царицу южнаго моря, на Венецію; онъ возвратится домой спокойный, довольный, съ богатою добычею... Нѣтъ, поѣхалъ отъ крови и возвратится къ крови; ему не даютъ окончить путешествіе; его зовутъ раздѣлываться съ стрѣльцами. Софья не умерла для міра въ монастырской кельѣ; она воспользовалась отсутствіемъ брата и опять обратилась къ стрѣльцамъ, и на этотъ разъ стрѣльцы откликнулись, потому что

были недовольны, сильно раздражены. Они видѣли ясно, что имъ предстоитъ тяжкое преобразованіе: изъ стрѣльцовъ превратиться въ солдатъ. Стрѣлецъ несъ легкую службу: сходитъ на караулъ — и свободенъ; у него свой домъ въ слободѣ, своя семья, своя лавочка, гдѣ онъ торгуетъ въ свободное время. Но теперь постоянная, тяжелая служба. Стрѣльцы оторваны отъ привольной московской жизни и двинуты на край свѣта — въ Азовъ; ждутъ-не-дождутся, когда отпустятъ ихъ домой въ Москву; а тутъ указъ: велятъ имъ идти на другой край свѣта — на литовскую границу, куда царь велѣлъ собирать войска, чтобъ поддерживать избраніе на Польскій престолъ пригоднаго для Россіи кандидата, курфюрста Саксонскаго Августа. Тоска стрѣльцовъ по Москвѣ достигла высшей степени; нѣкоторые бѣжали изъ полковъ въ Москву и принесли оттуда товарищамъ призывъ отъ царевны Софьи: «Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно. Быть вамъ на Москвѣ, стать таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и бить мнѣ челомъ, чтобъ я шла попрежнему на державство; а если бы солдаты пускать къ Москвѣ не стали, то ихъ побить». Бунтъ вспыхнулъ, раздались крики: «Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить; стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ и Москвы не знаютъ; непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя-бъ умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ Донскимъ казакамъ вѣдомость послать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами». Стрѣльцы двинулись къ Москвѣ; солдаты, подъ начальствомъ боярина Шеина, загородили имъ дорогу и поразили ихъ. Плѣнныхъ подвергли розыску; винились въ бунтѣ; но никто не сказалъ о призывѣ изъ Москвы. Шеинъ не догадался объ этомъ призывѣ; но Петръ тотчасъ догадался, какъ только получилъ извѣстіе о стрѣлецкихъ волненіяхъ—это было больное мѣсто, — рана раскрылась. Петръ спѣшилъ въ Москву въ тревогѣ и гнѣвѣ, и чѣмъ онъ сдержится? Онъ схватится съ стрѣльцами въ рукопашную, съ этими врагами, которые истерзали его родныхъ, заставили рости въ униженіи, пренебреженіи; отняли средства учиться вовремя, какъ слѣдуетъ; съ этими врагами, которые объявили, что не пустятъ его въ Россію, убьютъ за то, что онъ увѣровалъ въ нѣмцевъ, сложился съ ними; которые стали поперекъ его дѣлу, позорятъ это дѣло въ глазахъ русскихъ людей, клевещутъ на царя, выставляютъ его еретикомъ, нѣмцемъ, а себя людьми, ставшими за православіе, тогда какъ въ сущности у нихъ другія побужденія, столь ненавистныя Петру: онъ зоветъ свой народъ къ тяжелому, необходимому труду, и самъ подаетъ примѣръ такого труда, а тутъ люди, которые хотятъ его убить, чтобъ избавиться отъ трудныхъ походовъ, возвратиться въ Москву и жить покойно. Страсть, гнѣвъ, мщеніе сдерживаются религіозно-нравственными правилами, христіанскимъ уваженіемъ, любовію къ ближнему, страхомъ Божіимъ для однихъ, страхомъ человѣческимъ для другихъ; умъ часто становится угодникомъ страсти; онъ внушаетъ гнѣвному человѣку, стремящемуся схватиться съ врагомъ: дѣйствуй сильнѣе, истреби зло съ корнемъ; вырѣжь, выжги, порази толпу ужасомъ, который бы отнялъ всякую способность къ сопротивленію; тебѣ предстоитъ громадная дѣятельность для благородной цѣли; есть люди злопамѣренные, которые будутъ ей противиться: истреби ихъ, не оставляй врага въ тылу у себя. И вотъ страсть, гнѣвъ получаютъ новую пищу, получаютъ оправданіе. И вотъ Петръ покончиваетъ съ стрѣльцами пыткой, висѣлицей и плахой.

Но кровь не проливается даромъ: она вопіетъ. Пролитіе крови очищаетъ, какъ свободная жертва; оно осквернитъ дѣло, какъ дѣло насилія. Проходитъ минута гнѣва, страсти, и другія чувства поднимаются въ душѣ человѣка и зовутъ его на судъ, передъ которымъ прежнія мудрствованія о правдѣ дѣла являются мудрствованіями лукавыми. Стрѣлецкое дѣло дорого стоило Петру. Напрасно старались развлечь его: онъ былъ мраченъ и скорбенъ, подвергался страшнымъ припадкамъ болѣзненнаго раздраженія; онъ упалъ духомъ, имъ овладѣло сомнѣніе, достанетъ ли у него силъ совершить задуманное, то, что мы называемъ преобразованіемъ. Сомнѣніе естественно поддерживалось различіемъ между тѣмъ, что онъ видѣлъ въ западной Европѣ, и тѣмъ, что нашелъ въ Россіи. Прежде, до путешествія, это различіе не могло представляться ему такъ ясно, такъ рѣзко. Но сильная природа брала верхъ; Петръ не могъ оставаться долго въ тоскѣ и раздумьи. Онъ поѣхалъ въ Воронежъ. Успѣшный ходъ тамошнихъ работъ относительно флота и магазиновъ развеселилъ его, но не совсѣмъ, что видно изъ писемъ его оттуда: такъ въ одномъ онъ пишетъ, что, несмотря на зѣло изрядное состояніе флота и магазиновъ, облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль, не слишкомъ ли замедлится плодъ, какъ плодъ финика, котораго не видятъ насаждающіе дерево. Въ другомъ письмѣ Петръ пишетъ, что ждетъ добраго утра, чтобъ прогнанъ былъ мракъ сомнѣнія. Мракъ сомнѣнія исчезалъ, душа прояснялась обращеніемъ къ работѣ, сильной преобразовательной дѣятельности. Уже не разъ было нами говорено, что въ основѣ преобразованій должно было находиться преобразованіе экономическое. Для того, чтобъ видѣть плодъ отъ преднамѣренныхъ великихъ дѣлъ, необходимыхъ въ народной жизни, нужны были большія финансовыя средства, которыхъ бѣдное, земледѣльческое государство дать не могло. Чтобы добыть эти средства, нужно было вывести государство изъ этой односторонности поднятіемъ промышленнаго и торговаго движенія, поднятіемъ города, который впослѣдствіи могъ поднять и освободить

село. Что же могло и должно было правительство сдѣлать для города? Оно должно было обратить большее вниманіе на безпрестанныя, продолжавшіяся вѣка жалобы горожанъ на притѣсненія отъ воеводъ и приказныхъ людей, на дурное состояніе правосудія, одну изъ главныхъ помѣхъ народному благосостоянію; должно было, вмѣсто полумѣръ, употребить рѣшительныя мѣры для освобожденія горожанъ отъ кормленщиковъ, — и 30 января 1699 года выходитъ знаменитый указъ объ учрежденіи Бурмистрской Палаты. Отъ воеводъ и приказныхъ людей, отъ проволочки дѣлъ и взяточничества торговымъ и промышленнымъ людямъ убытки и разоренье: государь велѣлъ сказать указъ всѣмъ промышленнымъ людямъ, чтобъ вѣдались во всѣхъ своихъ дѣлахъ и тяжбахъ и сборахъ доходовъ своими выборными людьми въ земскихъ избахъ. Малые города приписывались къ большимъ и составляли съ ними провинцію, причемъ земскіе бурмистры большихъ городовъ вѣдали земскихъ бурмистровъ городовъ приписанныхъ, во всякихъ дѣлахъ и сборахъ, и, въ свою очередь, находились въ вѣдѣніи московской Бурмистрской Палаты, или ратуши, составленной изъ бурмистровъ, выбранныхъ московскими горожанами. Одинъ изъ этихъ бурмистровъ былъ президентомъ и смѣнялся ежемѣсячно. Въ Палату входили всѣ собранныя по городамъ суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе какъ по именному царскому указу. Палата входила съ докладами прямо къ государю.

Историкъ не можетъ ограничиться одною экономическою или финансовою стороною этого учрежденія. Бурмистрскою Палатою начинается рядъ преобразовательныхъ мѣръ, которыя должны были пробуждать собственныя силы, пріучать гражданъ къ дѣятельности сообща, къ охраненію общихъ интересовъ соединенными средствами, отучать отъ жизни особной, при которой каждый слабѣйшій предавался безоружнымъ въ руки каждаго сильнѣйшаго. Начинается школа, гдѣ человѣкъ воспитывается для общественной дѣятельности, посредствомъ которой общество получаетъ способность воспитывать человѣка. Тяжкая болѣзнь древней Россіи происходила отъ розни силъ; необходимымъ слѣдствіемъ была слабость, бѣдность результатовъ народной дѣятельности. Причина болѣзни сознается и предлагается лѣкарство — соединеніе силъ, пріученіе къ дѣятельности сообща, къ дѣятельности самостоятельной, самоуправительной. Давно уже русскіе торговые люди признавались, что имъ съ иностранными купцами не стянуть, потому что тѣ торгуютъ сообща. Теперь Петръ предписываетъ: «Купцамъ торговать такъ же, какъ торгуютъ въ другихъ государствахъ купцы, компаніями; имѣть о томъ всѣмъ купцамъ между собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ». Не на одномъ военномъ или дипломатическомъ поприщѣ русскому человѣку открывается практическая школа, необходимая для его самостоятельнаго развитія. Эту школу встрѣчаемъ и будемъ встрѣчать повсюду; повсюду преобразователь будетъ требовать дѣятельности сообща, коллегіальной формы, вслѣдствіе уразумѣнія, что причина болѣзни въ разрозненности дѣйствія, а средство къ исцѣленію дѣятельность сообща и дѣятельность самостоятельная. Въ характерѣ великаго человѣка мы увидали явные признаки того, что общество не могло дать своему члену хорошаго воспитанія; мы увидали эту темную сторону великаго человѣка; но великій человѣкъ остается великимъ человѣкомъ; его величіе оказалось въ томъ, что онъ понялъ неспособность общества давать хорошее воспитаніе и употребилъ всѣ средства искоренить эту неспособность: поэтому исторія признаетъ за нимъ высокій титулъ народнаго воспитателя.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Въ прошедшей бесѣдѣ нашей мы видѣли, что Петръ еще въ концѣ XVII вѣка приступилъ къ преобразованіямъ, которыя должны были имѣть воспитательное значеніе для общества. Но мы еще не касались того преобразованія, которое произошло тотчасъ по возвращеніи изъ-за-границы, и которое чаще, чѣмъ другія преобразованія, было предметомъ толковъ у современниковъ и потомковъ: я говорю о знаменитомъ брадобритіи и перемѣнѣ платья. У потомства толки были частые по самой простой причинѣ: дѣло близкое, доступное, легкое, не требующее обширнаго знанія исторіи преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили въ подробности петровскихъ преобразованій, не задавали себѣ вопроса о ихъ значеніи или отзывались о нихъ вообще съ сочувствіемъ, позволили себѣ вопросы: но зачѣмъ Петръ велѣлъ бороды брить, что онѣ ему помѣшали? зачѣмъ перемѣнилъ старое русское платье на иностранное? Историкъ не можетъ отдѣлаться отъ этого вопроса, указавши на его незначительность; не можетъ сказать: занимаясь изученіемъ такой громадной, важной дѣятельности, стоитъ толковать о бородѣ и платьи? Стоитъ толковать, какъ стоитъ толковать о всѣхъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, человѣческаго творчества. Одеждою человѣкъ дополняетъ свое существо, потребностію одежды отличается отъ другихъ животныхъ и тѣмъ прямо указываетъ на отношеніе одежды къ высшей, чисто человѣческой сторонѣ своей природы; въ одежду человѣкъ кладетъ свою мысль, въ одеждѣ отражается его внутренній, духовный строй. Говорятъ, человѣкъ, погруженный во внутренній, духовный міръ свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится объ одеждѣ; но эта малая заботливость также выражается въ одеждѣ, которая и тутъ не теряетъ своего значенія; одежда выразитъ и не нравственное побужденіе человѣка въ пренебреженіи ею, какъ было

замѣчено объ одномъ древнемъ филисофѣ, что чрезъ прорѣхи его неряшливой одежды виднѣется его тщеславіе: такимъ образомъ одежда, назначенная для прикрытія тѣла, обнажаетъ сокровенное духа. Отсюда понятно, почему вопросъ объ одеждѣ имѣлъ такое важное значеніе при переходѣ русскихъ людей изъ древней своей исторіи въ новую, почему съ него началось, можно сказать, это движеніе. Мы видимъ, что движеніе началось прежде Петра: до него русскіе люди стали работать новому началу, и перемѣна внутренняя необходима должна была выражаться во внѣшнемъ, требовалось новое знамя, и этимъ знаменемъ прежде всего должно было служить измѣненіе наружности, измѣненіе одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли подъ него, но другіе упирались; мы знаемъ, какъ, при подобныхъ движеніяхъ, въ народахъ проходитъ рознь и страшная борьба, и если одни выставляютъ свое знамя, то другіе выставляютъ свое и съ ожесточеніемъ его отстаиваютъ и съ такимъ же ожесточеніемъ стремятся сорвать знамя противниковъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ обществахъ, подобныхъ древнему русскому, сильно обнаруживается извѣстное стремленіе къ идолопоклонству, т. е. смѣшеніе внутренняго съ внѣшнимъ, существеннаго съ несущественнымъ, образа съ изображаемымъ, случайное, измѣняющееся представляется священнымъ, неприкосновеннымъ, стремленіе, которое такъ ясно выразилось въ раскольничествѣ, старообрядствѣ. Сто лѣтъ прежде описываемаго времени, на грани XVI и XVII вѣковъ, въ царствованіе Бориса Годунова, когда рѣшенъ былъ вопросъ о необходимости учиться у иностранцевъ, т. е. когда въ сознаніи народномъ дано было иностранцамъ преимущество какъ учителямъ, начинается въ Москвѣ бритье бородъ, и тутъ же начинаются противъ этого сильныя выходки ревнителей старины. Послѣ Смутнаго времени и послѣ отдыха отъ него при царѣ Михаилѣ, вопросъ о необходимости сближенія съ Западомъ поднимается снова, снова рѣшается также утвердительно, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ усиливается брадобритіе и также слышатся сильныя выходки противъ этого гнуснаго, эллинскаго обычая, какъ выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится къ новому и, въ то же время, пугается выходокъ ревнителей старины противъ знамени новаго, и, въ угоду имъ, не только запрещаетъ брадобритіе, но отнимаетъ чины за подрѣзываніе волосъ. Но это гоненіе на короткіе волосы, разумѣется, только раздражало людей, стремившихся къ новому, заставляло ихъ относиться къ длинной бородѣ и старому длинному платью такъ же враждебно, какъ ревнители старины относились къ гнусному, эллинскому образу. Но ревнители старины не могли остановить роковое движеніе. Въ 1681 году царь Ѳедоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всѣмъ вельможамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны, вмѣсто прежняго длиннаго платья (охабней и однорядокъ), въ которомъ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Длинное платье замѣняется короткимъ: здѣсь весь смыслъ дѣла. Тѣ, которые жалуются на смѣну русскаго народнаго платья иностраннымъ, не обращаютъ вниманія на то, что здѣсь произошла перемѣна стариннаго платья не на платье какого-нибудь отдѣльнаго чужаго народа, но на обще-европейское, въ различіе отъ обще-азіатскаго, къ которому принадлежала древнерусская одежда. Въ чемъ же состоитъ главное различіе обще-европейской отъ обще-азіатской одежды: въ первой господствуетъ узкость и короткость, во второй широта и длиннота. Что же это: случайность, или здѣсь выраженіе духа народовъ, духа ихъ дѣятельности, ихъ исторіи? Длинная и широкая одежда есть выраженіе жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновенія, сна; короткая и узкая одежда—есть выраженіе бодрствованія, выраженіе сильной дѣятельности. Объясненіе сказанному представляетъ явленіе, безпрестанно совершающееся передъ нашими глазами: что дѣлаетъ человѣкъ, носящій длинную одежду, когда онъ хочетъ работать или идти пѣшкомъ?—онъ подбираетъ свою длинную одежду. То же самое сдѣлало европейское человѣчество въ стремленіи къ той сильной работѣ, которою оно такъ отличалось передъ азіатскимъ человѣчествомъ, получило преобладаніе надъ нимъ: европейское человѣчество постоянно подбирало свое платье, укорачивало, обрѣзывало его и дошло до фрака, который называютъ безобразнымъ. Историкъ не станетъ спорить съ художникомъ относительно красоты или безобразія; но его обязанность указать на смыслъ явленія. Широкая и длинная одежда должна была остаться въ Европѣ, какъ выраженіе особеннаго величія, спокойствія и торжественности въ противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждою царя въ чрезвычайныхъ случаяхъ; она осталась одеждою служителей алтаря; она осталась одеждою женщины, представительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и бѣготни, которыя выпали на долю мужчины въ его преимущественно внѣшней, общественной жизни. Раздѣленіе занятій между мужчиною и женщиною, это основаніе условіе развитія общества,—раздѣленіе занятій, которое, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, служитъ самою крѣпкою связью между раздѣляющими занятіе и условіемъ успѣха въ дѣлѣ, это раздѣленіе занятій естественно и необходимо выражается въ одеждѣ, и замѣчено, что у народовъ менѣе развитыхъ мы видимъ и меньшее различіе въ мужской и женской одеждѣ.

Въ постановленіи царя Ѳеодора Алексѣевича о ношеніи короткой одежды высказалось стремленіе измѣнить азіатскій покрой одежды на европейскій. Укороченіе платья предвѣщало укороченіе бороды. Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки противъ брадобритія, посредствомъ котораго, по ихъ мнѣнію, губили образъ, отъ Бога

мужу дарованный; тщетно отлучали отъ Церкви не только брѣющихъ бороды, но и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брадобрійцами; тщетно вопили противъ еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; тщетно стращали вопросомъ: если русскіе обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на Страшномъ Судѣ—съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками?—Всѣ эти выходки только вредили авторитету Церкви, только усиливали раздраженіе въ противной сторонѣ, только увеличивали значеніе бороды какъ знамени; и когда приверженцы новаго возьмутъ верхъ, то, разумѣется, они бросятся на враждебное знамя и сорвутъ его, выставятъ свое. И Петръ сорвалъ это знамя, когда возвратился изъ-за границы въ Москву въ страшномъ раздраженіи противъ людей, выставлявшихъ это знамя, какъ знамя православія и народности, въ страшномъ раздраженіи противъ стрѣльцовъ. Затѣмъ послѣдовали указы и о ношеніи европейскаго платья, указы, не могшіе очень поразить новизною послѣ указовъ царя Ѳеодора.

Въ концѣ 1699 года была объявлена другая новость: приказано вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ дѣлалось до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и новый годъ считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января, ибо говорилъ указъ. «Извѣстно великому государю, что не только во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею Церковью во всемъ согласны, какъ: Валахи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, и самые великаго государя подданные Черкасы (Малороссіяне) и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята,—всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова восемь дней спустя. Преобразователь зналъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣетъ дѣло; зналъ, какъ трудно сдвинуть народъ съ вѣковыхъ привычекъ даже и въ томъ случаѣ, когда христіанскому народу предлагалось вести лѣтосчисленіе отъ рождества Начальника вѣры и спасенія; нужно было ослабить отталкивающій примѣръ, нѣмцевъ, еретиковъ, и вотъ впервые предъ русскимъ народомъ выставляется примѣръ, авторитетъ народовъ близкихъ, родныхъ, примѣръ православныхъ славянъ. На границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ древней и новой Россіи раздался призывъ русскимъ людямъ къ единенію съ родными народами. Была и другая новость въ послѣдній годъ XVII вѣка: учрежденъ русскій «славный чинъ» Св. Апостола Андрея. Первымъ кавалеромъ былъ ближній бояринъ и воинскаго морскаго каравана (флота) генералъ-адмиралъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ. Первымъ генералъ-адмираломъ былъ другъ юности Петра—Лефортъ, который умеръ въ мартѣ 1699 г. Съ его смертію порвалась эта личная, такъ сказать, связь Петра съ иностранцами, кончился періодъ вліянія Нѣмецкой слободы. Заграничное путешествіе, это расширеніе сферы при практической дѣятельности окончило воспитаніе Петра. Какъ человѣкъ силы, онъ воспользовался всѣмъ, что представилъ ему богатый цивилизоціею Западъ, но возвратился болѣе русскимъ, чѣмъ выѣхалъ изъ Россіи. Имя Лефорта долго еще будетъ на языкѣ враговъ преобразованія, но это будетъ съ ихъ стороны уже злоупотребленіе, злонамѣренность, ибо соблазнъ дружбы съ иностранцемъ исчезъ навсегда. При царѣ на первомъ планѣ русскій человѣкъ, Головинъ, превосходившій всѣхъ русскихъ людей своею бывалостію: онъ заключилъ договоръ съ китайцами на границахъ Сибири, онъ же велъ переговоры въ Голландіи о союзѣ противъ турокъ. Головинъ съ званіемъ генералъ-адмирала соединялъ завѣдываніе иностранными дѣлами, являлся въ глазахъ иностранцевъ первымъ министромъ.

Царю и первому министру предстоитъ много дѣла, много испытаній въ первый годъ новаго вѣка: оканчивалась одна война и начиналась другая въ болѣе широкихъ размѣрахъ, болѣе опасная, небывалая для русскаго народа по своей продолжительности, Великая Сѣверная война. Мы привыкли слышать въ разныя времена заявленіе правительствъ различныхъ державъ, что они избѣгаютъ войны, не желая развлекаться во внутренней дѣятельности, ибо положеніе страны требуетъ усиленія этой дѣятельности, требуетъ важныхъ преобразованій. И такія заявленія вполнѣ понятны: два дѣла вдругъ дѣлать трудно. Но положеніе Россіи въ началѣ XVIII вѣка было чрезвычайное, и человѣкъ, ставшій въ ея челѣ, соотвѣтствовалъ этому положенію, былъ человѣкъ необыкновенный, могъ дѣлать вдругъ много дѣла, обладая самъ громадными силами, имѣя горячую вѣру въ силы своего народа. Человѣкъ сильный нравственно избѣгаетъ опасностей, борьбы ненужной; но не боится ихъ, принимаетъ борьбу, когда она необходима для достиженія извѣстныхъ цѣлей, или когда, мимо воли своей, извнѣ получаетъ вызовъ на борьбу. То же самое вѣрно и относительно цѣлыхъ народовъ. Народу, для выраженія своей силы, не нужно быть воинственнымъ, завоевателемъ; человѣкъ-драчунъ далеко не всегда бываетъ сильнымъ человѣкомъ; народъ-драчунъ, охотникъ нападать,—не всегда бываетъ способенъ защищаться; но сильный народъ, сильное народное правительство никогда не боятся войны, не пугаютъ себя словами: «Гдѣ намъ, мы не готовы, насъ побьютъ». Бываетъ въ народѣ готовность къ войнѣ внѣшняя, матеріальная и бываетъ внутренняя, нравственная: первая безъ второй ничего не значитъ, вторая можетъ восполнить первую, создать ее въ короткое время. Въ нашей исторіи выдаются двѣ великія войны, въ началѣ обоихъ вѣковъ нашей европейской жизни: Великая Сѣверная война и война 12 года; къ обѣимъ Россія не была готова, средства ея не были въ уровень съ средствами противниковъ, и, несмотря на то, изъ обѣихъ войнъ она вышла побѣдительницею. Борьба сильная, опасная борьба вызываетъ нравственныя

силы народа, очищаетъ, поднимаетъ его, отвлекаетъ отъ мелочныхъ заботъ ежедневной жизни; борьба ведетъ его къ алтарю, дѣлаетъ жрецомъ, потому что заставляетъ приносить жертвы. Никогда въ народѣ не живется такъ тепло, такъ дружно, такъ сплоченно, какъ во время борьбы; никогда правительство и народъ не соприкасаются такъ близко въ общей дѣятельности; никогда знамя народности не развивается такъ высоко. Борьба, какъ гроза, очищаетъ нравственную атмосферу народа, бодритъ, выпрямляетъ его нравственно; борьба есть праздникъ народный, ибо освобождаетъ его отъ будничнаго, низкаго настроенія духа, и горе народу, который не способенъ пробудиться и встать на праздничный благовѣстъ,—народу, который ропщетъ: «Зачѣмъ такъ рано звонятъ, не дадутъ покоя, не дадутъ отдохнуть, приготовиться». А если спросить, отчего онъ такъ усталъ?.. но лучше не спрашивать.

Сильный человѣкъ—представитель сильнаго народа, Петръ ясно понималъ значеніе борьбы, и не боялся ея, не сдерживался страхомъ предъ матеріальною, видимою неприготовленностію. Петръ былъ представитель сильнаго народа, но не народа-драчуна, не воинственнаго, не завоевательнаго народа, ибо кто же изъ насъ не знаетъ, что въ насъ, въ нашемъ народѣ меньше всего драчливости, воинственнаго задора. Иностранцы, по незнанію нашей исторіи, позволили себѣ увлечься внѣшнимъ взглядомъ и никакъ до сихъ поръ не могутъ освободиться отъ мысли о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи, о стремленіяхъ къ всемірному владычеству. Здѣсь географія ввела ихъ въ заблужденіе насчетъ исторіи. Дѣйствительно, первый взглядъ на карту поражаетъ: Россія представляетъ такую небывалую обширность государственной области, предъ которою области другихъ европейскихъ государствъ ничтожны: отсюда первая мысль, что такая громада необходимо образовалась посредствомъ завоеванія, какъ образовывались древнія колоссальныя государства, Персидское, Македонское, Римское. При этомъ географическомъ взглядѣ и остались, не провѣривъ его исторіею; тогда какъ исторія говоритъ, что Россія, какъ сплошная равнина, орошаемая большими, переплетающимися въ своихъ системахъ рѣками, родилась уже съ огромною государственною областію, послѣ рожденія подверглась общему процессу видимаго раздѣленія вслѣдствіе государственной слабости, а потомъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, происходило постепенное государственное сплоченіе, собраніе Русской Земли подъ одну власть. До сихъ поръ не всѣ области, дѣйствовавшія какъ чисто русскія въ нашей начальной исторіи, входятъ въ составъ Русскаго государства: остается въ составѣ чужаго государства Червонная Русь, то знаменитое Галицкое княжество, о которомъ такъ часто идетъ рѣчь въ нашихъ лѣтописяхъ. Но укажутъ на распространеніе русской государственной области далеко на востокъ, вплоть до Восточнаго океана; укажутъ на входящія теперь въ составъ Русской имперіи земли, которыхъ мы не видимъ за Русью при ея первыхъ князьяхъ,—земли, которыя не имѣли славяно-русскаго народонаселенія. Какъ же пріобрѣтены онѣ? Разумѣется, завоеваніемъ. Тутъ уже не иностранцы, а сами русскіе натолковываютъ самимъ себѣ и другимъ о завоеваніи, безъ точнаго опредѣленія, какъ разумѣть завоеваніе. Сдѣтства заучиваютъ, что царь Иванъ IV завоевалъ три царства:—Казанское, Астраханское, Сибирское. Три царства! На восточныхъ границахъ Московскаго государства образовилось татарское разбойничье гнѣздо, отъ котораго русскимъ людямъ не было покоя; долго терпѣли, наконецъ собрали силы, двинулись и отняли у разбойниковъ ихъ гнѣздо: это называется завоеваніемъ царства Казанскаго! Астрахань поддалась сама; на сѣверо-востокѣ Камская область была занята мирными колонистами, промышленниками,—область громадная, пустая, ничья, естественно принадлежащая первому, кто въ ней поселится. Эти промышленники, не имѣя покоя отъ сибирскихъ хищныхъ татаръ, которые своими набѣгами мѣшали имъ соль варить, наняли небольшую толпу казаковъ, которые заняли разбойничье гнѣздо, прогнали оттуда князька, и хотя сами потомъ погибли, но это дѣло называется покореніемъ царства Сибирскаго. Такъ слово можетъ вести къ неправильному представленію, когда подробнымъ изученіемъ явленія не опредѣлится точно, въ какомъ смыслѣ употреблять слово. Присматриваясь внимательно къ явленію, мы видимъ на первомъ планѣ не завоеваніе однимъ воинственнымъ, сильнымъ государствомъ другихъ большихъ государствъ, болѣе или менѣе цивилизованныхъ, мы видимъ на первомъ планѣ колонизацію, занятіе пустынныхъ пространствъ подъ мирный трудъ. Народы или, лучше сказать, народцы, встрѣчающіеся на этихъ необъятыхъ пространствахъ, по своему характеру, стоя на низкой ступени политическаго развитія, невольно влекутъ народъ, стоящій выше ихъ, влекутъ все далѣе и далѣе на занятіе новыхъ земель: они своимъ хищничествомъ не даютъ ему покоя; заставить ихъ уважать право, договоръ—нельзя: они умѣютъ жить только или въ постоянной враждѣ къ сосѣду, или въ рабской подчиненности, и невольно ихъ приходится покорять. Таковъ господствующій характеръ русскихъ отношеній къ восточнымъ народамъ даже до нашихъ дней, характеръ любопытный, потому что въ покореніи врага здѣсь заключается необходимая оборона отъ него.

Такъ, при невоинственномъ характерѣ народа, а слѣдовательно и правительства, образовалась громадная государственная область, и мы знаемъ какъ эта громадность неблагопріятно дѣйствовала на развитіе народной жизни, на всѣ ея отправленія. Государственныя требованія, слишкомъ тяжело падавшія на малочисленное, разбросанное и потому бѣдное народонаселеніе, заставляли послѣднее еще болѣе разбрасываться, уходить все дальше и даль-

ше, что было легко русскому человѣку: ему не нужно было переплывать океанъ, какъ должны были дѣлать западные колонисты, или переселяться къ чужимъ народамъ, въ совершенно чуждую нравственную сферу; передъ глазами были необъятныя и пустыя пространства, гдѣ безпрепятственно можно было утвердиться, безпрепятственно сохранить свой народный образъ. Эта происшедшая сказаннымъ образомъ обширность русской государственной области, въ свою очередь, отнимала у народа воинственность, отнимая побужденіе къ захвату чужаго, къ насильственному расширенію владѣній, и безъ того слишкомъ обширныхъ. И, несмотря на то, Россія ознаменовываетъ начало своей новой жизни воинственнымъ движеніемъ, двадцать слишкомъ лѣтъ ведетъ тяжкую, упорную борьбу, которую оканчиваетъ важными земельными пріобрѣтеніями. Но мы видѣли главный характеръ переворота, совершавшагося въ жизни народа русскаго, видѣли стремленіе къ морю и смыслъ этого стремленія. Во время младенчества Руси, при отсутствіи крѣпкой государственной связи, единства направленія народныхъ силъ и яснаго сознанія народныхъ интересовъ, въ это безпомощное время Орденъ Меченосцевъ отнялъ у Руси Ливонію, захватилъ здѣсь русскіе города и княжества. Впослѣдствіи, когда объединенная Россія, съ яснымъ сознаніемъ необходимости для себя моря, устремилась къ нему, — поляки и шведы оттолкнули ее отъ него. Но внутреннее преобразовательное движеніе все болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ усиливалось и такъ тѣсно соединенное съ нимъ стремленіе къ морю; слѣдовательно мы естественно должны ожидать, что, когда преобразовательное движеніе пошло такъ рѣшительно, Россія немедленно начнетъ опять биться за берега Балтійскаго моря. Будучи полнымъ представителемъ своего народа, будучи совершенно чуждъ воинственности, вовсе не гоняясь за славою полководца-завоевателя, занятый одной мыслію о внутреннемъ преобразованіи, Петръ начинаетъ войну съ шведами за Балтійское море, смотря на нее только какъ на средство этого преобразованія, исполняя завѣщаніе предковъ, соединяя древнюю и новую Россію правильнымъ историческимъ движеніемъ, ибо правильность историческаго развитія народа, правильность въ преемствѣ дѣятельности различныхъ эпохъ народной жизни состоитъ въ томъ, когда то, что въ извѣстную эпоху вырабатывается народомъ, какъ мысль, какъ стремленіе, осуществляется въ послѣдующую эпоху. Петръ не усумнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованіями, ибо видѣлъ въ войнѣ только средство для успѣшнѣйшаго проведенія внутреннихъ преобразованій, и въ послѣднихъ видѣлъ средство для успѣшнѣйшаго окончанія войны. На войну великій царь смотрѣлъ гражданскимъ взглядомъ, именно какъ подобаетъ правителю; онъ смотрѣлъ на нее какъ на школу для народа, который хотѣлъ занять почетное мѣсто среди другихъ народовъ, не выпрашивать цивилизаціи какъ милости, но предъявить на нее свои безспорныя права. Вотъ программа курса въ этой школѣ: сначала учителя намъ зададутъ тяжелые уроки; сначала насъ будутъ бить; но мы будемъ учиться прилежно, и сперва станемъ бить учителей превосходными матеріальными силами, потомъ дойдемъ дотого, что будемъ бить ихъ съ равными силами, а наконецъ пріобрѣтемъ такое искусство, что станемъ побѣждать и съ меньшими силами. Итакъ война есть школа, практическая школа, школа первой необходимости, ибо континентальное государство, и такъ дурно защищенное природою, какъ Россія, можетъ поддержать свою самостоятельность, свое значеніе только постоянною готовностію принять бой при первомъ вызовѣ; мало того: только этою готовностію можетъ отклонить вызовъ, поддержать миръ для себя и для другихъ. Но война въ описываемое время не имѣла тѣснаго значенія только военной школы для народа: война сильная, опасная война служитъ для преобразователя могущественнымъ средствомъ вести преобразованіе, вести эту школу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ безъ приниженія народнаго духа, которое было такъ естественно въ страдательномъ положеніи русскихъ людей относительно чужихъ образованнѣйшихъ народовъ, въ положеніи учениковъ предъ учителями. Царь увѣровалъ въ нѣмцевъ, сложился съ ними, — говорятъ противники преобразованія. Но эти злонамѣренные толки не имѣютъ смысла предъ дѣйствительностью, которая у всѣхъ въ глазахъ: царь воюетъ съ нѣмцами, бьетъ ихъ, отнимаетъ у нихъ города и земли. Война трудная, опасная, врагъ силенъ, онъ легко можетъ придти къ намъ; вотъ онъ уже вошелъ въ русскіе предѣлы, одна проигранная битва—и онъ очутится подъ Москвою; силы живаго народа потрясаются отъ опасной ожесточенной борьбы, народное знамя поднимается высоко; такія времена поднятія народныхъ силъ бываютъ удобны для великихъ дѣлъ, потому что располагаютъ къ великимъ жертвамъ, и царь умѣетъ пользоваться временемъ, умѣетъ ковать желѣзо, пока горячо! Народъ въ тяжкой работѣ, засаженъ въ школу съ иностранными учителями, которыхъ преимущества долженъ признать, слѣдовательно необходимо принижается предъ ними. Чтожъ дастъ ему отраду, что заставитъ его поднять голову и съ уваженіемъ посмотрѣть на самаго себя? Успѣхи мирнаго труда?—но они разбросаны, не видны, далеко не у всѣхъ предъ глазами, не производятъ сильнаго впечатлѣнія; кто знаетъ, что тамъ роютъ каналы, здѣсь какая-нибудь фабрика идетъ очень успѣшно; кто знаетъ, что съ богатымъ результатомъ разрабатываются минеральныя богатства далекой Сибири? Не то война, военные успѣхи: одержана побѣда — общенародное торжество, всѣ это знаютъ, всѣ поднимаютъ головы, не войско только побѣдило, цѣлый народъ побѣдилъ, вотъ до чего мы дошли въ такое короткое время,

благодаря тому, что трудимся, учимся! И ученикъ, сознавая все яснѣе и яснѣе необходимость ученія, не приниженъ предъ учителемъ, онъ ровенъ съ нимъ, онъ выше его, ученіе становится дѣломъ легкимъ, дѣломъ силы и свободы; народный духъ, народное самоуваженіе спасены въ самое опасное для нихъ время,—время народнаго ученичества у другихъ народовъ.

Мы видѣли, что Россія находилась въ войнѣ съ Турціей, и что Петръ далъ этой войнѣ новый характеръ, характеръ морской войны, приготовилъ флотъ для Азовскаго моря, берега котораго старался укрѣпить для себя. Онъ продолжалъ считать это дѣло важнымъ, обращалъ на него сильное вниманіе; но продолженіе Турецкой войны онъ вовсе не считалъ желаннымъ дѣломъ: Турецкая война не могла быть школою для русскаго сухопутнаго войска; такою школою могла быть только европейская война, и именно война Шведская, въ которой достигалась двойная цѣль: войско—получало хорошую школу и слѣдствіемъ хорошаго прохожденія этой школы было утвержденіе на берегахъ завѣтнаго европейскаго моря. Притомъ для новорожденныхъ военныхъ силъ Россіи война была невозможна безъ союзниковъ, а члены священнаго союза спѣшили заключить миръ съ турками; долженъ былъ спѣшить этимъ и Петръ. Для скорѣйшаго и выгоднѣйшаго заключенія мира, Петръ хотѣлъ изумить и напугать турокъ: онъ отправилъ своего посланника Украинцева въ Константинополь на русскомъ военномъ кораблѣ: «Крѣпость». Русскій военный корабль на якорѣ, противъ сераля, раздразнилъ, испугалъ не однихъ турокъ. Восточный вопросъ перемѣнилъ видъ: до тѣтъ поръ европейскія державы, боясь турокъ, постоянно и усердно приглашали русскихъ царей къ войнѣ съ ними, причемъ указывали на тѣсную связь Россіи съ христіанскимъ народонаселеніемъ Турціи по единству не только вѣры, но исповѣданія, указывали на обязанность Россіи возстановить Восточную Греческую имперію на развалинахъ Турецкой. Но теперь, когда Россія исполнила наконецъ требованія, вошла въ европейскій союзъ противъ турокъ; когда турки со всѣхъ сторонъ потерпѣли неудачи, выказали свою слабость, и когда Россія обнаружила удивительную силу, удивительную дѣятельность, когда русскій военный корабль явился предъ Константинополемъ, когда Россія оказалась готовою выполнить эту начертанную ей въ Европѣ программу, Европа съ негодованіемъ и ужасомъ отвернулась отъ этой программы и начертала для себя другую,—поддерживать всѣми средствами Турцію противъ Россіи. Украинцевъ долженъ былъ познакомиться съ этою новою программою Восточнаго вопроса: «Отъ пословъ цесарскаго, англійскаго, венеціанскаго», писалъ Украинцевъ Петру, «помощи мнѣ никакой нѣтъ, и не только помощи, не присылаютъ даже никакихъ извѣстій. Послы англійскій и голландскій во всемъ держатъ крѣпко турецкую сторону, и больше хотятъ всякаго добра туркамъ, нежели тебѣ, великому государю; завидуютъ, ненавидятъ то, что у тебя завелось корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовъ и у Архангельска; думаютъ, что отъ этого будетъ имъ въ морской торговлѣ помѣшка». Но турки были страшно истощены и заключили миръ, уступили Россіи Азовъ со всякими старыми и новыми, уже построенными Петромъ городками; а Крымскій ханъ долженъ былъ отказаться отъ дани, которую до сихъ поръ платила ему Россія подъ благовиднымъ названіемъ поминковъ или подарковъ. И здѣсь прошла граница между древнею и новою Россіею. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ предъ христіанскою Византіею явились впервые русскія лодки; это было знакомъ, что на сѣверѣ, въ этой Скиѳіи и Сарматіи, гдѣ господствовали кочевыя азіатскія орды, явилось владѣніе съ европейскимъ характеромъ, на которое легла обязанность постоянной, ожесточенной борьбы съ степными кочевыми ордами, обязанность защищать отъ нихъ Европу. Борьба была трудная: степные хищники не дали Руси пустить государственныхъ корней на югѣ, на берегахъ Днѣпра, вслѣдствіе чего силы народныя и главная историческая сцена перенеслись съ юго-запада на сѣверо-востокъ; и здѣсь степные хищники не давали покоя, пустошили страну, наложили дань. Но здѣсь имъ было не такъ удобно, какъ на югѣ, здѣсь они запутывались въ непроходимыхъ лѣсахъ и вязли въ болотахъ; здѣсь безпрепятственнѣе могла собраться Русская Земля въ одно государство, и собралась около Москвы, и Москва вела постоянную, ожесточенную борьбу съ степными варварами, видала ихъ не разъ подъ своими стѣнами, превращалась ими въ пепелъ, и хотя на востокѣ дѣла шли успѣшно, хотя тамъ татарскія орды съ громкимъ названіемъ царствъ, покорялись царю Московскому, но на югъ, въ Крымскую орду продолжались посылаться поминки. Эта посылка прекратилась, когда русскій военный корабль появился передъ магометанскимъ Стамбуломъ. Такъ Петръ отпраздновалъ девятивѣковой юбилей перваго появленія русскихъ лодокъ передъ Константинополемъ. Но ему предстояло съ большимъ торжествомъ отпраздновать юбилей на другомъ морѣ, откуда пошла Русская Земля, и куда должна была возвратиться для пріобрѣтенія средствъ къ продолженію исторической жизни. Здѣсь нужно было отпраздновать девятивѣковой юбилей также появленіемъ русскаго военаго корабля, появленіемъ русскаго войска, сильнаго своимъ европейскимъ искусствомъ. На юго-востокѣ, со стороны степей, со стороны степнаго моря опасности исчезали, поминки прекратились. Но опасность большая вставала теперь съ запада; благоразуміе требовало идти къ ней навстрѣчу, благоразуміе требовало приготовить средства, чтобъ непосылать поминковъ на Западъ, потому что и тамъ, на Западѣ, большіе охотники до поминковъ: стоитъ только немного обнаружить слабость, сейчасъ пришлютъ за поминками.

18 августа 1700 года, въ Москвѣ сожженъ былъ «преизрядный фейерверкъ: царь Петръ Алексѣевичъ праздновалъ Турецкій миръ, пріобрѣтеніе Азова, уничтоженіе обязанности посылать поминки въ Крымъ. На другой день, 19 августа, объявлена война шведамъ. Заключеніемъ мира съ турками поспѣшили потому, что союзники покинули Россію; по тому же самому спѣшили объявленіемъ Шведской войны, чтобъ не упустить союзниковъ, не однимъ бороться съ самою сильною державою на Сѣверѣ. Союзъ былъ необходимъ; но вѣрны ли были союзники? Донесенія Украинцева изъ Константинополя уже опредѣлили отношенія европейскихъ державъ къ Россіи; за союзниками нужно было такъ же зорко смотрѣть, какъ и за врагами, и противъ нихъ нужны были тоже смѣлость, рѣшительность, ясное пониманіе русскихъ интересовъ, неуклонное ихъ преслѣдованіе. Россія могла быть спокойна: у ея царя не было недостатка въ этихъ качествахъ.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Кто же были союзники Петра въ Шведской войнѣ? Швеція заявила свою европейскую дѣятельность, вошла въ систему европейскихъ державъ, какъ говорится, только въ XVII вѣкѣ, предупредила въ этомъ отношеніи Россію какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской дѣятельности съ шумъ и блескомъ. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густавъ-Адольфъ, по призыву Франціи, привелъ шведское войско въ Германію для участія въ Тридцатилѣтней войнѣ, для поддержанія протестантизма. За эту поддержку Германія должна была дорого заплатить Швеціи своими землями, и нѣмецкіе владѣльцы стали косо смотрѣть на нее, особенно когда она содѣйствовала вреднымъ для Германіи стремленіямъ Франціи. Еще большое раздраженіе возбудила противъ себя Швеція въ трехъ другихъ сосѣднихъ государствахъ, Даніи, Польшѣ и Россіи, своими захватами на ихъ счетъ. Она обобрала Данію со стороны Норвегіи, отняла у Польши Ливонію; пользуясь Смутнымъ временемъ и слабостію Россіи послѣ смутъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, она отобрала у нея коренныя русскія владѣнія, чтобъ какъ можно дальше отодвинуть ее отъ Балтійскаго моря. Такое поведеніе Швеціи относительно сосѣдей, разумѣется, заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ соединиться и возвратить себѣ свое. И въ началѣ XVIII вѣка, когда въ западной Европѣ произошло сильное движеніе противъ Франціи, раздражавшей всѣхъ своимъ властолюбіемъ, своими безцеремонными захватами чужаго; когда противъ Франціи образовался великій союзъ, чтобъ не дать ей захватить Испаніи или значительную часть ея владѣній,—на сѣверо-востокѣ Европы, по тѣмъ же побужденіямъ, образуется союзъ противъ Швеціи и начинается великая Сѣверная война. Естественные члены союза противъ Швеціи—это обобранныя ею государства, Данія, Польша и Россія. Отношенія Даніи и Россіи были просты: онѣ хотѣли возвратить свое, причемъ Петръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ пріобрѣсти хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но отношенія Польши были иныя. Мы уже упоминали о крайней слабости этой державы, обнаружившейся особенно во второй половинѣ XVIII вѣка,—слабости, которая отнимала у нея всякую самостоятельность, дѣлала изъ нея арену, гдѣ ближнія и дальнія государства должны были бороться за свои интересы. Борьба эта особенно усиливалась, когда наступало время королевскихъ выборовъ. Такъ, въ концѣ XVII вѣка сосѣднія государства были чрезвычайно взволнованы королевскими выборами въ Польшѣ по состоянію тогдашнихъ дѣлъ въ Европѣ. Уже было сказано, что въ это время господствовало сильное раздраженіе противъ властолюбія Франціи, противъ ея короля, Людовика XIV. Постоянною союзницею Франціи была Турція, служившая для Франціи орудіемъ для отвлеченія Австріи отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, отъ союзовъ, заключавшихся противъ Франціи. Легко понять, какъ выгодно было для Франціи имѣть сильную партію въ Польшѣ, посадить тамъ королемъ кого-нибудь изъ своихъ принцевъ или, по крайней мѣрѣ, кого-нибудь изъ своей партіи, чтобы по сосѣдству съ Австріею пріобрѣсти новое орудіе для отвлеченія ея силъ. Но легко понять также, какъ для Австріи было важно, чтобъ французскіе замыслы не удались, чтобъ на Польскомъ престолѣ былъ кто-нибудь свой или чужой, только не французъ и не изъ французской партіи. О томъ же должна была хлопотать и Россія, которая находилась въ одинакомъ съ Австріею положеніи относительно Турціи; она была также въ войнѣ съ Турціею и должна была надѣяться, что, по ея отношеніямъ къ христіанскому народонаселенію Турціи, вражда между нею и Портою будетъ постоянная и самая сильная; а пустить на Польскій престолъ французскаго кандидата—значило пустить естественнаго союзника Турціи. Вотъ почему Петръ такъ энергически объявилъ себя противъ французскаго кандидата на Польскій престолъ, принца Конти; онъ уже придвинулъ свое войско къ границамъ Литвы, чтобъ силою противиться его избранію, и торжествовалъ, какъ побѣду, отстраненіе Конти, избраніе его соперника, курфюрста Саксонскаго Августа. Избраніе Августа успокоивало Австрію, Россію: на престолѣ Польскомъ не будетъ союзника Франціи и Турціи; но могла ли быть покойна сама Польша? Государство сильное можетъ безопасно призвать государя-иностранца, владѣльца чужой земли; Англія, напримѣръ, могла безопасно признать своимъ королемъ Ганноверскаго курфурста; но что позволительно сильному, того слабый не можетъ дѣлать безнака-

занно. На Польскомъ престолѣ нѣмецъ и владѣлецъ одного изъ самыхъ значительныхъ нѣмецкихъ государствъ, Саксоніи. Въ раздробленной Германіи уже обозначилось то явленіе, что усиливаются ея владѣнія, находящіяся на востокѣ, усиливаются насчетъ другихъ иноплеменныхъ народовъ, преимущественно славянскихъ. Въ Германіи, какъ и во всякой другой странѣ, собраніе земли, объединеніе могло произойти однимъ путемъ: сильнѣйшее владѣніе мало-по-малу должно было подчинить себѣ всѣ слабѣйшія; въ Германіи это явленіе запоздало; но, при благопріятныхъ условіяхъ, оно могло произойти, и легко понять, какъ въ этомъ отношеніи было важно усиленіе одного изъ германскихъ владѣній чѣмъ бы то ни было, какъ бы то ни было. Ни одному германскому владѣльцу не было возможности усилиться прямо насчетъ своихъ товарищей, другихъ владѣльцевъ; императорское достоинство, по крайней ограниченности средствъ главы имперіи, не могло этому содѣйствовать, и оставалось одно средство усилиться—сначала насчетъ чужихъ, и этимъ пріобрѣсти возможность усилиться потомъ и насчетъ своихъ. Гогенштауфены пытались усилиться насчетъ Италіи; но попытка, благодаря папской силѣ, кончилась очень печально для знаменитой Швабской династіи. Счастливѣе были восточныя династіи, восточныя германскія владѣнія. Габсбурги, владѣльцы очень небольшой нѣмецкой области, Австріи, браками и духовными завѣщаніями, образовали обширную монархію изъ разныхъ чужихъ элементовъ, преимущественно славянскаго. Примѣръ счастливой Австріи не могъ остаться безъ подражанія, тѣмъ болѣе что Австрія не все захватила, оставалась еще богатая добыча,—Польша, государство обширное, но совершенно беззащитное отъ крайней внутренней слабости. Мы говорили о значеніи войны, борьбы въ жизни народной, о ея воспитательномъ значеніи, о томъ, какъ нравственныя силы народа ею напрягаются, розвиваются, какъ развиваются всякимъ трудомъ, всякимъ преодолѣніемъ сильныхъ препятствій, всякою опасностію. Мы видѣли, какъ бѣдно и трудно жилъ нашъ народъ въ первой половинѣ своей исторіи; но благословимъ эту бѣдность и великій трудъ нашихъ предковъ, эти постоянныя опасности, въ которыхъ они находились, и которыя пріучались преодолѣвать. Приготовительная девятивѣковая школа была тяжка, но она дала хорошее воспитаніе: народъ привыкъ къ труду, къ подвигамъ, жертвамъ, сталъ способенъ откликнуться на призывъ къ небывалому труду, къ небывалымъ подвигамъ и жертвамъ, призывъ, сдѣланный человѣкомъ, всегда въ работѣ пребывающимъ. Благословимъ этотъ призывъ и этого призывателя, потому что у насъ передъ глазами страшный примѣръ, къ чему ведетъ отвращеніе отъ подвига, отъ жертвы, къ чему ведетъ войнобоязнь. Польша была одержима въ высшей степени этою опасною болѣзнію, войнобоязнію. Тщетно люди предусмотрительные, патріоты, указывали на гибельныя слѣдствія отсутствія сильнаго войска въ государствѣ континетальномъ, указывали, какъ Польша теряетъ отъ этого всякое значеніе; тщетно на сеймахъ ставился вопросъ о необходимости усиленія войска: эта необходимость признавалась всѣми; но когда рѣчь заходила о средствахъ для усиленія войска, о пожертвованіяхъ для этого, то не доходили ни до какого рѣшенія, и страна оставалась беззащитною, въ унизительномъ положеніи, когда всякій сосѣдъ, подъ видомъ друга, союзника, могъ для своихъ цѣлей вводить въ нее войско и кормить его на ея счетъ. Отъ нежеланія содержать свое войско, отъ нежеланія жертвовать для этого принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотрѣть, какъ оно пустошило страну. Теперь на престолѣ Польскомъ нѣмецкій государь, Саксонскій курфирстъ, который не удовольствуется однимъ титуломъ королевскимъ; но что же больше можетъ дать Польша?—если не захочетъ дать волею, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое нѣмецкое войско въ предѣлы Рѣчи Посполитой, сперва, разумѣется, подъ благовиднымъ предлогомъ.

Что же можетъ быть благовиднѣе предлога, какъ война съ Швеціею для возвращенія Польшѣ Ливоніи. Дѣло легкое: сама Ливонія хочетъ отторгнуться отъ Швеціи и поддаться Польшѣ. Объ исполненіи этого желанія хлопочетъ Паткуль, принужденный оставить родную страну за то, что сильно отстаивалъ интересы своего сословія, интересы ливонскаго дворянства, безцеремонно обобраннаго Шведскимъ королемъ, который хотѣлъ обогатиться и усилиться насчетъ дворянства какъ въ Швеціи, такъ и въ Ливоніи. Ливонія проситъ освободить ее отъ шведскаго ига, хочетъ поддаться Польшѣ; Паткуль уполномоченъ рыцарствомъ заключить объ этомъ договоръ. Но Польша не хочетъ тронуться, боится войны, боится усиленія королевской власти отъ войны. И вотъ король будетъ воевать одинъ съ своимъ саксонскимъ войскомъ. Заключенъ договоръ, по которому Ливонія присоединялась къ Польшѣ; а въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ, если бы даже они были королями Польскими, и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ. Такимъ образомъ, Ливонія поддавалась не Польшѣ, а нѣмецкому государю, курфюрсту Саксонскому, который пріобрѣтетъ чрезъ это выгодную позицію для дѣйствія противъ Польши, для утвержденія наслѣдственности въ своемъ Домѣ, для усиленія своей власти. Если сосѣди будутъ мѣшать ему въ этомъ, то можно кинуть имъ по куску польскихъ владѣній, лишь бы быть сильнымъ, самодержавнымъ въ остальныхъ. Но прежде всего надобно пріобрѣсть хорошую позицію, овладѣть Ливоніею; одному—трудно. Данія вѣрная союзница по ненависти къ Швеціи; и необходимо, чтобъ Россія также приняла участіе въ войнѣ. Дѣло очень возможное: молодой царь только и думаетъ о томъ, какъ бы

утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Возвращаясь изъ заграничнаго путешествія, онъ видѣлся съ королемъ Августомъ и изъявлялъ желаніе въ союзѣ съ нимъ воевать противъ шведовъ. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами», писалъ Паткуль. Но при этомъ лифляндскимъ патріотомъ овладѣваетъ сильное сомнѣніе: царь человѣкъ необыкновенный, съ нимъ надобно обращаться осторожнѣе; даромъ, въ угоду саксонскимъ и лифляндскимъ патріотамъ, онъ не подставитъ своихъ солдатъ подъ непріятельскіе выстрѣлы въ траншеяхъ. Съ нимъ надобно дѣлиться добычею; а со львомъ опасно дѣлиться. «Надобно опасаться», писалъ Паткуль, «чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно договориться, чтобъ онъ не шелъ дальше Нарвы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею». А Петръ именно и хотѣлъ прежде всего овладѣть двумя крѣпостями—Нарвою и Нотебургомъ, старымъ русскимъ Орѣшкомъ, чтобъ, получивши эти двѣ опоры, легче занять и укрѣпиться въ странѣ, между ними лежавшей, въ этой завѣтной странѣ, гдѣ море было такъ близко къ русскимъ владѣніямъ. Царь направилъ свои полки къ Нарвѣ, но скоро общая страшная опасность для союзниковъ прекратила споры о раздѣлѣ добычи.

Союзники надѣялись напасть на Швецію врасплохъ, пользуясь молодостію ея короля, Карла XII, молодостію, которая не обѣщала повидимому ничего хорошаго для Швеціи: полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью,—молодой король отсѣкалъ саблею головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; ночью въ стокгольмскихъ домахъ дребезжатъ, валятся стекла: это потѣшается молодой король; кто ѣдетъ днемъ по улицѣ съ шумомъ и гамомъ въ однѣхъ рубашкахъ?—молодой король съ своею свитою; кто охотится за зайцемъ въ сеймовой залѣ?—молодой король. Но этотъ неугомонный мальчикъ, отличавшійся такими дурными шалостями, явился героемъ, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеціи съ трехъ сторонъ. Карлъ XII явился съ войскомъ предъ Копенгагеномъ и принудилъ Датскаго короля къ миру; вслѣдъ затѣмъ высадился на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ Пернау, чтобъ идти на помощь Нарвѣ, осажденной русскими. Мы видѣли, какъ Петръ смотрѣлъ на войну: онъ смотрѣлъ на нее какъ на школу. Онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія, онъ покончилъ съ прежнимъ строемъ и составомъ войска; его армія не представляла болѣе, какъ армія царей предшествовавшихъ, ветхое рубище съ новою заплатою; но и его армія представлялась далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Легко сказать: преобразовать войско! Оно было дѣйствительно преобразовано, но оно было невыучено, неопытно. Петръ не обольщалъ себя: онъ изображалъ свой флотъ въ видѣ лодки, на которой дѣти учатся плавать; и войско свое онъ могъ изображать въ видѣ толпы дѣтей. Онъ не бросился въ войну одинъ-на-одинъ съ европейскимъ, знаменитымъ военными успѣхами народомъ; онъ вступилъ въ нее въ союзѣ съ Даніею, которая прежде всего должна была задержать шведовъ; съ королемъ Августомъ, который имѣлъ военную репутацію и который уже началъ военныя дѣйствія въ Ливоніи. Петръ началъ съ третьей стороны, послалъ значительное войско съ хорошею артиллеріею осаждать Нарву, учиться осаждать крѣпость, защищаемую европейскимъ гарнизономъ. Битва не входила въ его разсчеты; у него не было искусныхъ генераловъ, не было главнокомандующаго: онъ далъ званіе фельдмаршала тому же Головину, генералъ-адмиралу, завѣдывавшему иностранными сношеніями, но дѣйствительно поручать ему начальство надъ войскомъ онъ не хотѣлъ. Ему прислали генерала изъ-за границы съ отличными рекомендаціями, герцога фонъ-Круа, и онъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ для первой встрѣчи со шведами, для перваго урока. Первый урокъ былъ тяжелъ: русскіе потерпѣли пораженіе, потеряли много людей, всю артиллерію. Но у нихъ оставался Петръ Великій, а великіе люди бываютъ сильны приготовленіемъ къ неудачѣ и къ успѣху, ибо не теряютъ духа при неудачѣ и умѣютъ пользоваться успѣхомъ. Неудача—проба генія, и Петръ умѣлъ выдержать страшное искушеніе. Кромѣ матеріальныхъ потерь, нравственное впечатлѣніе нарвскаго пораженія было ужасно. Извѣстно, какъ ободряетъ первый успѣхъ, какъ отнимаетъ духъ первая неудача; а теперь неудачно начинается дѣло, которому далеко не всѣ сочувствуютъ; въ глазахъ многихъ нарвское пораженіе было явнымъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхъ новаго дѣла.

Задавъ русскимъ такой тяжелый урокъ, Карлъ XII пошелъ на югъ, преслѣдовать короля Августа; ибо гнаться за непріятелемъ слабымъ, оставляя въ тылу сильнаго, и рѣшиться съ небольшимъ войскомъ во второй половинѣ ноября идти въ глубь Россіи—было бы крайнимъ безразсудствомъ. Петръ воспользовался удаленіемъ Карла: ему представилась возможность проходить съ своимъ войскомъ школу по извѣстной программѣ. Но прежде всего надобно было поднять духъ своихъ послѣ перваго тяжелаго урока, заставить ихъ идти въ школу, которая такъ имъ опротивила послѣ Нарвы. Отъ нарвскаго плѣна спасся бѣгствомъ съ своею конницею Бор. Петр. Шереметевъ, человѣкъ очень способный, но при Петрѣ, самъ же по себѣ, по природѣ своей, неготовый къ неудачѣ и къ успѣху: послѣ неудачи падалъ духомъ, а послѣ успѣха—какъ бы отдохнуть, поѣхать въ Москву, повидаться съ семьею, позаняться домашними дѣлами. Петру, въ продолженіе всей службы Шереметева, было много хлопотъ съ нимъ въ этомъ

отношеніи. Двѣ недѣли спустя послѣ нарвскаго пораженія, Петръ пишетъ ему: «Не годится при несчастіи всего лишаться, и потому повелѣваемъ быть при начатомъ дѣлѣ, съ конницею беречь ближнихъ мѣстъ, и идти далѣе, для большаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: людей довольно, рѣки и болота замерзли. Не чини отговорки ничѣмъ; а если болѣзнію, и та получена между бѣглецами». А между тѣмъ въ пограничныхъ мѣстахъ, Новгородѣ, Псковѣ, псковскомъ Печерскомъ монастырѣ кипѣли работы для ихъ укрѣпленія: работали всѣ, солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотѣлъ работать или хотѣлъ поживиться при общемъ дѣлѣ: въ Москвѣ и Новгородѣ повѣшено было двое людей, которые брали взятки у пріема подводъ. Артиллерія была потеряна подъ Нарвою: надобно было какъ можно скорѣе приготовить другую. Петръ велѣлъ со всего государства, съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры. Старикъ Виніусъ «Надзиратель артиллеріи», работалъ попетровски, и, въ концѣ 1701 года, было приготовлено болѣе 300 орудій, хотя Виніусъ и сильно жаловался на пьянство мастеровъ, которыхъ, писалъ онъ, ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Но въ то же время надобно было приготовлять и людей; 250 мальчиковъ собрано было въ школы, изъ которыхъ, по обѣщанію Виніуса, должны были выйти хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера. Вслѣдъ за добрыми вѣстями отъ Виніуса, добрыя вѣсти отъ Шереметева: пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, онъ поразилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при мызѣ Эрестферъ; потеря шведовъ была втрое противъ потери русскихъ. Великое торжество: первая побѣда и побѣда послѣ Нарвы! Въ Москвѣ, на башняхъ и стѣнахъ кремлевскихъ развѣваются знамена, взятыя у шведовъ. Шереметевъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, получилъ Андреевскій орденъ, портретъ царя, осыпанный брилліантами. Побѣдителю захотѣлось отдохнуть, побывать въ Москвѣ: «Въ началѣ 1702 года хотя и быть», отвѣчалъ Петръ: «чтобъ на страстной или на шестой пріѣхать, а на святой паки назадъ». Въ концѣ мая Петръ сталъ торопить Шереметева въ новый походъ въ Ливонію, ибо пришло извѣстіе, что непріятель готовитъ въ эту страну транспортъ изъ Помераніи: «Теперь истинный часъ, пока транспортъ не учиненъ, таковой предварить», писалъ царь фельдмаршалу. Борисъ Петровичъ двинулся и въ іюлѣ опять нанесъ сильное пораженіе тому же Шлиппенбаху, при Гуммельсгофѣ. Послѣ этого Шереметевъ началъ «изрядно гостить» въ Лифляндіи, по выраженію Петра, т. е, страшно опустошалъ страну, по совѣту союзника, Польскаго короля Августа, чтобъ шведскія войска не могли найти въ Ливоніи пріюта и продовольствія. Петръ смотрѣлъ на ливонскіе походы, какъ на школу для своихъ и какъ на средство ослабленія непріятеля; объ утвержденіи въ странѣ онъ не думалъ. Онъ все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ, ибо получилъ извѣстіе, что шведы намѣрены захватить этотъ городъ. Лѣто проходило, опасности для старой морской пристани не было, и Петръ сталъ думать о пріобрѣтеніи новой, на Балтійскомъ морѣ. Петръ явился въ Ладогу и призвалъ къ себѣ Шереметева, «чтобъ сего, Богомъ даннаго времени не потерять». По прибытіи Шереметева, Петръ повелъ войско къ Нотебургу (Орѣшку), и 11 октября взялъ его, труднымъ и кровавымъ приступомъ. «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила». Такъ писалъ Петръ Надзирателю Артиллеріи, Виніусу. Семидесятилѣтній старикъ, съѣздивши по артиллерійскимъ дѣламъ въ Новгородъ и Псковъ, отправился въ Сибирь, чтобъ посмотрѣть тамошніе рудники и заводы, и писалъ: «Толикое обрѣлъ я множество рудъ желѣзныхъ, что мню до скончанія міра не выкопаются». Жесткій орѣхъ былъ названъ Шлиссельбургомъ, Ключемъ-городомъ. Для чего же понадобился Ключъ? Въ апрѣлѣ 1703 года, отъ него по правому берегу Невы, лѣсами шли русскія войска, подъ начальствомъ Шереметева, и нашли при устьи Охты въ Неву маленькую шведскую крѣпость Канцы, или Ніеншанцъ, сторожившую устье Невы. Къ русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и отправился на 60 лодкахъ осматривать невское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморьи показались два непріятельскихъ судна, и 5 мая подошли къ устью Невы. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками, въ 30 лодкахъ, окружили ихъ и взяли. Первый успѣхъ на морѣ! Обрадовались какъ дѣти, тою живою, сильною радостію, которая обличаетъ горячее участіе къ дѣлу, условіе успѣха въ немъ. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ получили Андреевскія ленты. Добрались наконецъ до Балтійскаго моря; завѣщаніе предковъ исполнено, но не совсѣмъ: надобно укрѣпиться на этомъ морѣ. 16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ невскаго устья рубили деревянный городокъ. Городокъ назвали Петербургомъ. Изъ него потомъ вышла новая столица, столица Русской имперіи. Зачѣмъ это новая столица? На этотъ вопросъ пусть отвѣчаетъ древняя исторія, пусть укажетъ, что новыя столицы не были новостями и встарину.

Дѣйствительно, сдѣтства въ школахъ узнаемъ мы изъ учебниковъ русской исторіи, что у насъ переносятся столицы изъ одного мѣста въ другое, изъ Новгорода въ Кіевъ, изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Москву. Откуда это явленіе, отчего мы не видимъ его въ другихъ государствахъ, въ государствахъ западной Европы? Причина уясняется при первомъ взглядѣ на карту. Чрезвычайная обширность государственной области, особенно при малочисленности народонаселенія и отсутствіи цивилизаціи, необходимо условливала это явленіе.

Какъ человѣкъ, находящійся въ очень обширномъ помѣщеніи, не можетъ, оставаясь неподвижно въ одномъ какомъ-нибудь углу, ясно обозрѣвать всего помѣщенія, всего разнообразія находящихся въ немъ предметовъ, и потому необходимо сосредоточиваетъ свое вниманіе на одномъ какомъ-нибудь кругѣ предметовъ, особенно ему нужныхъ, и остается извѣстное болѣе или менѣе продолжительное время тамъ, гдѣ они помѣщаются, и потомъ переходитъ на другое мѣсто, обратившее на себя его вниманіе, и здѣсь опять останавливается: такъ и правительство чрезвычайно обширной страны принуждено переносить свое мѣстопребываніе изъ одной части страны въ другую, по мѣрѣ надобности, по мѣрѣ прилива и отлива силъ народныхъ въ ту или другую сторону, по мѣрѣ сосредоточенія народныхъ интересовъ, народнаго вниманія здѣсь или тамъ; слѣдовательно это перенесеніе правительственныхъ мѣстопребываній не можетъ являться въ исторіи чѣмъ-то произвольнымъ. Такъ называемое перенесеніе столицы изъ Кіева во Владиміръ Андреемъ Боголюбскимъ не было дѣломъ произвола одного князя, — это явленіе было слѣдствіемъ отлива народныхъ силъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ; доказательство слишкомъ ясно: этотъ юго-западъ, эта Русь, главная начальная историческая сцена оказалась столь слабою, что не могла поддержать своей политической самостоятельности, и Русь самостоятельная могла явиться только на сѣверо-востокѣ. Также не было произвольно утвержденіе правительственнаго мѣстопребыванія въ Москвѣ, когда понадобилась средина восточной Россіи для ея собранія и для обороны русской самостоятельности равно отъ Востока и отъ Запада, отъ татаръ и литвы, отъ бесерменства и латинства. Такъ же непроизвольно было появленіе новой столицы на берегу моря въ началѣ новой русской исторіи, исторіи по преимуществу европейской; не Петръ не своему произволу утвердилъ правительственное пребываніе въ Петербургѣ, ибо новопостроенный городокъ былъ оставленъ своимъ основателемъ вовсе не въ такомъ привлекательномъ положеніи, чтобъ удобствами жизни заставить Дворъ предпочесть его Москвѣ или какому бы то ни было другому мѣсту. Послѣ Петра мы видимъ извѣстную реакцію противъ его дѣятельности; русскіе люди имѣли полную возможность разобраться въ матеріалѣ преобразованія—и разбирались: одно оставили нетронутымъ, другое измѣнили, а потомъ опять нашли нужнымъ уничтожить измѣненія, возвратиться къ петровскимъ формамъ; нѣкоторыя же учрежденія, какъ совершенно неспособныя привиться къ русской почвѣ, исчезли. Что же мѣшало не укрѣплять за Петербургомъ значеніе столицы? Ясно, слѣдовательно, что онъ пріобрѣлъ это значеніе не по произволу Петра, это значеніе дано ему ходомъ исторіи точно такъ же, какъ поднятъ былъ Владиміръ насчетъ Кіева и Москва поднялась насчетъ Владиміра. Петру принадлежитъ указаніе, но не насиліе. И чѣмъ сильнѣе жалобы насчетъ невыгодъ положенія новой столицы, чѣмъ сильнѣе упреки, дѣлаемые совершенно несправедливо Петру за выборъ мѣста для столицы, тѣмъ яснѣе для историка необходимость явленія: ибо что же заставило сносить такія неудобства? Одинъ отвѣтъ: необходимость! Что касается до выбора мѣста для Петербурга, перваго русскаго города при западномъ морѣ, выбора, за который упрекаютъ Петра, то стоитъ только взглянуть на тогдашнюю карту восточной Европы, чтобъ понять этотъ выборъ: новый городъ основанъ тамъ, гдѣ западное море всего глубже входитъ въ великую восточную равнину, и наиболѣе приближается къ собственно Русской Землѣ, къ тогдашнимъ русскимъ владѣніямъ. Наконецъ, что касается неудобствъ климата и почвы, то нельзя требовать отъ людей, физически сильныхъ, чтобъ они предчувствовали немощи болѣе слабыхъ своихъ потомковъ. Петра менѣе чѣмъ кого-либо можно упрекнуть въ односторонности взглядовъ и направленій. Онъ, не скажу: не отнялъ, потому что онъ не могъ этого сдѣлать, но и не обнаруживалъ ни малѣйшаго намѣренія отнять у Москвы ея значенія въ пользу Петербурга; и тутъ не было одного, такъ сказать, археологическаго уваженія къ царствующему граду: Москва не осталась только памятникомъ древности. Въ разгарѣ преобразовательной дѣятельности, въ которой такъ рѣзко обозначался экономическій характеръ, Москва, по своему положенію и подъ особеннымъ покровительствомъ преобразователя, приняла самое дѣятельное участіе въ новомъ движеніи, и въ то время, какъ съ такимъ стараніемъ отстраивался приморскій городъ, долженствовавшій имѣть первенствующее торговое значеніе, старая Москва становилась средоточіемъ новорожденной мануфактурной промышленности. Съ появленіемъ Петербурга, Москва не утратила своего значенія, и когда, при дочери Петра Великаго, Россіи понадобился университетъ, мѣсто ему было указано въ Москвѣ. Москва не потеряла своего значенія ни для своихъ, ни для чужихъ, ни для друзей, ни для враговъ. Враги почтили ее своею враждою, почтили ее своимъ посѣщеніемъ, вписали новую славную страницу въ ея исторію. Москва попрежнему терпѣла бѣды, попрежнему горѣла и попрежнему росла отъ непрестающаго прилива къ ней жизненныхъ силъ Русской Земли. Научная жизнь Москвы, какъ университетскаго города, должна высказываться въ спокойномъ уясненіи историческихъ явленій, въ спокойномъ указаніи законовъ народнаго бытія; а такая дѣятельность, расширяя сферу мысли, возвышая духъ, несовмѣстима съ односторонностію, мелочностію взглядовъ, мелкимъ соперничествомъ, завистію. Москва знаетъ, что, съ появленіемъ новой столицы, между ними произошло раздѣленіе занятій, а слѣдовательно и соединеніе силъ. Москва знаетъ, что Петръ ничего у нея не отнялъ, что онъ далъ ей все то, что далъ Россіи, и Москва воспользовалась его дарами прежде другихъ и больше другихъ. Москва чтитъ Петра за то мѣсто, которое онъ далъ Россіи, ибо

знаетъ, какое мѣсто она, Москва, занимаетъ въ Россіи; знаетъ, поэтому, какъ она возвеличена Петромъ, возвеличившимъ Россію. И въ день славнаго воспоминанія дѣятельности великаго человѣка, Москва должна поступить достойнымъ ея образомъ: спокойно, безпристрастно сказать свое слово и усердно сдѣлать свое дѣло.

Достиженіе завѣтной цѣли вело къ усиленію труда; добыли новый морской берегъ: надобно было строить новый флотъ, и на берегахъ Свири кипѣла работа, ронили громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя суда. Разумѣется, сардамскій плотникъ былъ тамъ; но въ глубокую осень, когда по Невѣ уже плаваетъ ледъ, онъ въ Петербургѣ, около Котлина острова, мѣряетъ морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербурга, куда уже пришелъ первый иностранный купеческій корабль. А между тѣмъ Шереметевъ забиралъ старые русскіе города, которые шведъ завелъ за себя въ XVII вѣкѣ, Копорье, Ямы, и опустошалъ Эстляндію, чтобъ на будущее время не дать шведамъ пристанища и прокормленія. Петръ торжественнымъ въѣздомъ въ тріумфальныя ворота отпраздновалъ въ Москвѣ возвращеніе русскихъ городовъ, и немедленно отправился въ Воронежъ. Чуждый односторонности, онъ одинаково внимательно смотрѣлъ на западъ и востокъ: на сѣверо-западѣ нужно было работать, чтобъ отбивать шведа; на юго-востокѣ нужно было также работать, чтобъ сдерживать турка. Весною 1704 года Петръ опять на западѣ, по обычаю торопитъ Шереметева, чтобъ шелъ поскорѣе и взялъ Дерптъ: «Идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего Богомъ даннаго случая не пропустить, и зачѣмъ мѣшкаете не знаю, не извольте медлить». Простодушно отвѣчаетъ Шереметевъ: «Здоровье мое уже не прежнее и не отъ кого помощи нѣтъ, легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ): ничего я за милостію вашею не зналъ». Шереметевъ осадилъ Дерптъ; чтобъ ему было легко, пріѣхалъ самъ Петръ, и Дерптъ былъ взятъ: «Сей славный отечественный градъ паки полученъ», писалъ царь своимъ. Изъ Дерпта Петръ поѣхалъ подъ Нарву, и скоро пошли отъ него письма: «Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три четверти часа получили».

Главное на западѣ было сдѣлано. Петръ не хотѣлъ ничего болѣе, сильно желалъ прекращенія войны съ удержаніемъ завоеваннаго; готовъ былъ и уступить часть завоеваній, только бы удержать невопостроенный приморскій городокъ. Но согласится ли Карлъ XII на такой миръ? Конечно нѣтъ. Петръ успѣлъ сдѣлать свое дѣло потому, что «шведъ увязъ въ Польшѣ». Но шведъ увязъ въ Польшѣ для того, чтобъ обезпечить себѣ тылъ для дѣйствія противъ Россіи, чтобъ свергнуть съ престола короля Августа и возвести на его мѣсто человѣка, себѣ вполнѣ преданнаго, слѣдовательно враждебнаго Россіи. Чтобъ воспрепятствовать исполненію этого плана, надобно было дѣятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русскій посланникъ въ Польшѣ, князь Григорій Долгоруковъ, писалъ, что «въ королѣ крѣпости немного; какъ у короля, такъ и въ казнѣ рѣчи посполитой денегъ нѣтъ, но на польскихъ дамъ, на оперы и комедіи у короля деньги есть, однимъ оперныемъ пѣвцамъ дано на зиму 100,000 ефимковъ». Русскаго посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо онъ зналъ, какъ просто и бѣдно жилъ въ Россіи шкиперъ и капитанъ Петръ Михайловъ. Долгорукій чрезвычайно наглядно изображаетъ это страшное разслабленіе, овладѣвшее польскимъ высшимъ сословіемъ, которое на словахъ было готово воевать, но не было способно ни къ какому движенію: «Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стременъ нѣтъ, не по чему взлѣзть».—«Надѣйся на Бога», писалъ Долгорукій Петру, «а на поляковъ и саксонцевъ надѣяться нельзя». Карлу XII легко было при такомъ разслабленіи объявить Августа лишеннымъ Польскаго престола и провозгласить королемъ Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Петръ не оставилъ Августа: съ помощію русскаго войска тотъ взялъ у шведовъ Варшаву. Русскія войска заняли Курляндію и Литву Меншиковъ шелъ дальше и поразилъ шведовъ при Калишѣ; Петръ запировалъ въ своемъ парадизѣ, Петербургѣ, узнавъ, что его любимецъ одержалъ побѣду, «какой еще никогда не бывало». Но, вслѣдъ за этимъ, онъ узналъ, что Августъ, чтобъ спасти свою Саксонію отъ вторгнувшихся въ нее шведовъ, помирился съ Карломъ, отказавшись отъ Польскаго престола; слѣдовательно шведъ уже не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно будетъ взять на одни свои плеча. Въ концѣ 1707 г. Карлъ XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его съ престола. Петръ распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣніяхъ не вступать съ непріятелемъ въ генеральную битву, а стараться заманить его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что Карлъ подолгу останавливался, и неизвѣстно было, куда онъ направитъ путь. Петръ въ одно время укрѣплялъ и Москву и Петербургъ. Только въ іюнѣ 1708 года Карлъ переправился черезъ Березину. Послѣ жаркаго дѣла при Головчинѣ, русское войско отступило, и Петръ былъ доволенъ: «Зѣло благодарю Бога», писалъ онъ, «что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріятелемъ хорошенько, и что всю его армію одна наша треть такъ выдержала и отошла». Подождавъ нѣсколько времени въ Могилевѣ своего генерала Левенгаупта, и не дождавшись, Карлъ повернулъ на юго-востокъ, къ рѣкѣ Сожѣ, потомъ на сѣверъ, къ Мстиславлю. У мѣстечка Добраго князь Михаилъ Голицынъ напалъ на правое непріятельское крыло и поразилъ его; когда же самъ король пришелъ на помощь, то Голицынъ отступилъ въ по-

рядкѣ. Петръ былъ доволенъ и писалъ: «Я, какъ началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ, и такого еще въ сей войнѣ король Шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже! не отъими милость свою отъ насъ впредь»! Въ сентябрѣ Карлъ повернулъ къ Украйнѣ; самъ царь 28 сентября перехватилъ спѣшившаго къ нему Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска, и поразилъ на-голову, взялъ всю артиллерію и обозъ, на которые такъ надѣялся Карлъ. «Сія у насъ побѣда», по словамъ Петра, «можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ: тутъ первая проба солдатская была». Карлъ вошелъ въ Украйну. Малороссійскій гетманъ Мазепа перешелъ на его сторону, перешли на его сторону Запорожскіе казаки; но масса народная въ Малороссіи осталась вѣрна Русскому царю; Петръ далъ ей новаго гетмана; Меншиковъ, въ виду шведовъ, взялъ гетманскую столицу Батуринъ, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская Сѣчь была разорена. Петръ, по его словамъ, «съ превеликою радостію услыхалъ о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была». Карлъ обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ: послѣ Мазепы и запорожцевъ онъ еще надѣялся на Турцію, что та воспользуется случаемъ и поднимется вмѣстѣ съ нимъ на Россію; но турки и татары не трогались; повсюду кругомъ было тихо; всѣ сосѣдніе народы отказались принять участіе въ борьбѣ за ту или за другую сторону; все какъ будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разыграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ, чѣмъ рѣшится судьба восточной Европы. Она рѣшилась 27 іюня 1709 года, подъ Полтавою. «Доносимъ вамъ», писалъ Петръ своимъ: «доносимъ вамъ о зѣло превеликой и нечаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ. Вся непріятельская армія фаэтоновъ конецъ воспріяла. Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею».

«Превеликая викторія»! Спустя полтораста слишкомъ лѣтъ историкъ имѣетъ право прибавить къ словамъ побѣдителя, что эта викторія была однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій: могущество Швеціи, созданное искусственно посредствомъ завоеваній, было сокрушено; исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и предъ изумленными народами Запада явилось новое обширное и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшіеся до сихъ поръ непобѣдимыми. При громѣ Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ; но и не одинъ народъ: при громѣ этой битвы родилось цѣлое новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойнаго представителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни. Въ европейской исторіи наступила новая эпоха.

Чѣмъ славнѣе, многозначительнѣе побѣда, тѣмъ выше поднимается побѣдитель. Но Петръ поднимается ли высоко для насъ, какъ полтавскій побѣдитель? Нѣтъ, въ глазахъ историка онъ стоитъ такъ высоко, что титулъ побѣдителя—даже и полтавскаго—является чѣмъ-то малымъ и одностороннимъ. Въ этомъ побѣдителѣ мы не видимъ ничего воинскаго, ничего геройскаго въ тѣсномъ смыслѣ военномъ, никакого пристрастія къ войнѣ, никакого стремленія къ военной славѣ. Мы видимъ великаго человѣка, народнаго героя, сознательно удовлетворяющаго извѣстной народной потребности; разъ начерталъ онъ свой преобразовательный планъ и выполняетъ его неуклонно; война, военный успѣхъ входятъ въ этотъ планъ только какъ средство. Мы видѣли это необыкновенное спокойствіе и ясность взгляда при оцѣнкѣ каждаго военнаго дѣйствія; эти спокойствіе и ясность не покидаютъ Петра и при оцѣнкѣ Полтавской побѣды. Война начата, какъ тяжкая необходимость для произведенія экономическаго переворота въ народной жизни, для пріобрѣтенія моря; послѣ долгихъ, тяжкихъ трудовъ и опасностей одержана блестящая, рѣшительная побѣда, сокрушившая всѣ силы врага, изумившая Европу. Какъ же побѣдитель смотритъ на значеніе побѣды?—она, по его взгляду, кладетъ камень въ основаніе приморскаго городка, даетъ средство закрѣпить для Россіи берегъ западнаго моря. Война, побѣда исчезаютъ въ своемъ самостоятельномъ значеніи, исчезаетъ полководецъ, побѣдитель, но тѣмъ выше поднимается великій человѣкъ, вождь своего народа въ великомъ движеніи, обхватившемъ весь организмъ народной жизни.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Война входила въ общій планъ преобразованія, какъ средство для достиженія ясно сознанныхъ, опредѣленныхъ цѣлей этого преобразованія, входила въ общій планъ, какъ школа, дававшая извѣстное приготовленіе народу, приготовленіе, необходимое въ его новой жизни, новыхъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ. Поэтому мы должны ожидать, что война не останавливала преобразовательнаго движенія въ другихъ сферахъ. Мы видѣли, что еще передъ Сѣверною войною, въ концѣ XVII вѣка, Петръ высвободилъ промышленное городское населеніе изъ-подъ власти воеводъ и далъ ему самоуправленіе; и было замѣчено, что подобныя преобразованія имѣли воспитательное значеніе для общества, пріучая его членовъ къ самостоятельной дѣятельности и дѣятельности сообща, уничтожая рознь, причину слабости гражданскаго духа въ народѣ. Упомянутое преобразованіе въ жизни промышленнаго городскаго населенія не стояло одиноко и безсвязно. Цѣлая система подобныхъ учрежденій

проводилась неуклонно и сильно преобразователемъ, и, разумѣется, только такая система и можетъ дать историку право говорить о воспитательномъ значеніи преобразовательной дѣятельности. Знакомые уже съ характеромъ дѣятельности Петра, съ его постояннымъ движеніемъ изъ одного угла обширнѣйшей страны въ другой, то въ Петербургъ, то въ Воронежъ, то въ Азовъ, то въ Литву, мы должны ожидать измѣненій и въ высшемъ управленіи. Прежде царь постоянно находился въ Москвѣ, и Дума, Совѣтъ, собиравшійся при немъ изъ трехъ знатнѣйшихъ чиновъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, постоянно была подъ вліяніемъ этого царскаго присутствія; какъ угодно было государю вести совѣщаніе, такъ оно и велось,—не было никакихъ формъ, которыя бы опредѣляли степень участія и отвѣтственности членовъ Думы. Но теперь царь часто и подолгу отсутствуетъ изъ Москвы, пріѣдетъ на короткое время, укажетъ на множество необходимыхъ дѣлъ—и уѣдетъ. Члены Думы остаются одни съ обязанностію обсудить, какъ что лучше сдѣлать, и непремѣнно сдѣлать, и скоро сдѣлать: царь не такой человѣкъ, чтобъ хладнокровно смотрѣлъ на медленность, на дѣланіе кое-какъ, чтобъ принималъ какія-нибудь отговорки. И вотъ старая Дума должна усилить свою дѣятельность: царя нѣтъ, нельзя ждать какъ онъ укажетъ въ трудномъ дѣлѣ, надобно рѣшить самимъ трудное дѣло и исполнить. Тяжело, непривычно. Одинъ кто нибудь скажетъ, какъ надобно сдѣлать: и прекрасно, что долго думать,—сдѣлать такъ. И вдругъ царь разгнѣвался: не такъ. Что-жъ дѣлать? кто виноватъ?—никто, всѣ такъ рѣшили. Но царь принимаетъ свои мѣры, приходитъ требованіе, безцеремонное въ выраженіяхъ, какъ всѣ требованія петровскія, требованіе, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуются, записывали, и каждый бы своею рукою подписывалъ, и безъ того никакого дѣла не рѣшать, «ибо этимъ дурость всякаго будетъ явна». Каждый, слѣдовательно, долженъ обдумать дѣло, подать свое мнѣніе и подписать его; согласился съ другимъ—и это обозначится подписью; каждый долженъ принять на себя отвѣтственность за свое мнѣніе, ибо уже не скроется, что кто думалъ; надобно думать да и думать, а то придется объявить свою «дурость». И вотъ нѣкоторые отзываются съ готовностію на призывъ къ самостоятельной дѣятельности; другіе, болѣе лѣнивые по натурѣ, невольно должны становиться на свои ноги, пріучаться къ самостоятельной дѣятельности, думать, изучать дѣло, справляться, совѣтоваться съ другими; а сфера все болѣе и болѣе расширяется, безпрестанно слышатся слова: въ такой-то странѣ дѣлается такъ, въ другой иначе, и побужденіе къ дѣятельности не ослабѣваетъ, не ослабѣваетъ царское требованіе—не смѣть своего сужденія не имѣть. Встарину, если посылали кого-нибудь исполнить извѣстное порученіе, то давали ему длинный наказъ, инструкцію, опредѣлявшую съ точностію каждое его движеніе, длинный свивальникъ, которымъ пеленали взрослаго человѣка. Дѣйствія свивальника оказывались тотчасъ же, отнимая всякую свободу движенія: какъ скоро исполнитель порученія, спеленатый наказомъ, встрѣчалъ какое-нибудь малѣйшее обстоятельство, непредвидѣнное въ наказѣ, онъ останавливается, и слалъ изъ дальняго мѣста въ Москву за новымъ наказомъ; между тѣмъ благопріятное время уходило невозвратно. Петръ не могъ равнодушно сносить этой привычки русскихъ людей къ пеленкамъ, и требовалъ, чтобъ посланные съ порученіемъ поступали по своему разсужденію, смотря на оборотъ дѣлъ, ибо «издали», писалъ онъ, «нельзя такъ знать, какъ тамъ (на мѣстѣ) будучи». И повторялъ: «Во всякомъ къ вамъ указѣ, всегда я по окончаніи письма полагался на ваше по тамошнему состоянію дѣлъ разсужденіе, что и нынѣ подтверждаю, ибо намъ, такъ отдаленнымъ, невозможно конечнаго рѣшенія вамъ дать, понеже случаи ежедневно перемѣняются.

Болѣе десяти лѣтъ старинная Дума привыкала къ новому положенію, управлять во время отсутствія царя, привыкала къ самостоятельной дѣятельности и къ необходимо связанной съ такою дѣятельностію отвѣтственности, отвѣтственности предъ царемъ, о которомъ знала, что не пропуститъ никакого упущенія, не посмотритъ ни на что сквозь пальцы. Между тѣмъ, новыя слова для выраженія новыхъ отношеній незамѣтно входятъ въ употребленіе. Высшее правительственное собраніе называется уже *конзиліею*, и члены его—министрами. Въ 1711 году эта конзилія министровъ получила новое названіе, и болѣе опредѣленное значеніе и устройство: учрежденъ Правительствующій Сенатъ, которому каждый обязанъ былъ послушаніемъ, какъ самому царю, и въ то же время явилась новая форма присяги государю и государству. Правый судъ, наказаніе несправедливыхъ судей и ябедниковъ, соблюденіе строгой бережливости въ расходахъ, умноженіе доходовъ, снабженіе войска людьми, усиленіе торговли: вотъ первыя обязанности Сената, предписанныя ему учредителемъ. Дѣла рѣшались единогласно, каждый указъ должны были подписывать всѣ члены собственноручно; если одинъ откажется подписать, то приговоръ остальныхъ недѣйствителенъ, но несоглашающійся сенаторъ долженъ изложить причины своего несогласія на письмѣ. За два года передъ тѣмъ Россія была раздѣлена на 8 большихъ губерній, подраздѣлявшихся на области, которыми управляли попрежнему воеводы. Теперь губернаторы стали подчинены Сенату, въ канцеляріи котораго безотлучно находились коммисары изъ каждой губерніи для пріема указовъ и подачи отвѣтовъ на вопросы по дѣламъ, касавшимся ихъ губерній. Считались нужными эти живые посредники, живые и скорые отвѣтчики на запросы правительствующаго, ибо губернаторы, по непривычкѣ къ своему положенію, къ разнообразію дѣлъ въ обширныхъ областяхъ, при недостаткѣ способныхъ, знающихъ, привычныхъ и благонамѣренныхъ людей,

*

отличались медленностію въ своихъ распоряженіяхъ и отвѣтахъ. Но дѣлать нечего, надобно было и губернаторамъ проходить свою тяжелую школу, пріучаться къ быстротѣ движенія, потому что царь не выносилъ медленности, она его приводила въ печаль, а печалить Петра было нельзя безъ опасныхъ послѣдствій. Такъ, въ началѣ 1711 года, Петръ писалъ Меншикову: «Донынѣ Богъ вѣдаетъ, въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ, которымъ послѣдній срокъ въ четвергъ на первой недѣлѣ (поста), а потомъ буду не словомъ, но руками съ оными поступать».

Но признакъ великаго человѣка—приготовленность къ удачѣ и неудачѣ; неудача ожидается, какъ естественное слѣдствіе новости дѣла, непривычки къ нему, человѣкъ долженъ знать, что въ дѣлѣ человѣческомъ нѣтъ совершенства, должны непремѣнно обнаружиться темныя, нежеланныя стороны. Видя эти неудачи, несовершенства, темныя стороны новаго дѣла, люди обыкновенные тревожатся, теряютъ вѣру въ пользу новаго дѣла, кричатъ, зачѣмъ оно прежде лучше было, или, по крайней мѣрѣ, оно рановременно, надобно было подождать, пока народъ, общество будутъ къ нему готовы,—и вотъ стремленіе если не уничтожить новое дѣло, то хотя измѣнить, ограничить его. Но великій человѣкъ, сознавши необходимость извѣстнаго дѣла, не тревожится первою неудачею, несовершенствами; онъ можетъ печалиться, оскорбляться неприготовленностію людей, особенно если это нравственная неприготовленность, но не придетъ въ отчаяніе, не броситъ дѣла, а усилитъ только вниманіе къ нему, уходъ за нимъ. Мы не приходимъ въ отчаяніе оттого, что новорожденный ребенокъ является такимъ слабымъ существомъ, не можетъ ходить, и спокойно ждемъ, когда онъ окрѣпнетъ и станетъ ходить, и тутъ не приходимъ въ отчаяніе, что онъ еще плохо держится на ногахъ, часто падаетъ. Мы смотримъ спокойно на эти явленія, ибо привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на естественныя и необходимыя; но не всѣ способны привыкнуть къ признанію общихъ законовъ въ явленіяхъ; не всѣ привыкли въ каждомъ новомъ дѣлѣ видѣть новорожденнаго ребенка, которому надобно окрѣпнуть, а для этого нуженъ самый старательный уходъ, устраненіе всѣхъ вредныхъ вліяній. Новыя дѣла—а ихъ было много при Петрѣ—приносили ему, особенно вначалѣ, много огорченій тѣмъ, что шли не такъ, какъ бы хотѣлось; но огорченіе не переходило въ отчаяніе, и, послѣ неудачъ въ дѣлахъ внутреннихъ, преобразователь являлся такъ же великъ, какъ послѣ неудачи перваго Азовскаго похода, какъ послѣ Нарвскаго пораженія. Мы видѣли, что однимъ изъ первыхъ внутреннихъ преобразованій его было высвобожденіе городскаго промышленнаго народонаселенія отъ власти воеводъ, самоуправленіе промышленнаго сословія. Дѣло было новое и пошло неудачно. И здѣсь, какъ во всѣхъ неудачахъ коллегіальнаго управленія при Петрѣ, была повѣрка древней Руси, и повѣрка мнѣніямъ о древней Руси. Если-бы въ древней, допетровской Руси былъ силенъ, такъ называемый, общинный бытъ, была сильна привычка къ общему дѣйствію, къ соединенію силъ,—привычка отзываться на общее дѣло и дѣлать его усердно, умѣнье видѣть въ общемъ интересѣ охрану интереса частнаго, привычка сильныхъ, для сохраненія своей силы, нравственнаго и политическаго вліянія, сторониться съ своимъ интересомъ предъ интересомъ слабыхъ поодиночкѣ, но сильныхъ опять тою же привычкою къ соединенію,—если-бы всѣ эти привычки были сильны въ древней Руси, то когда Петръ, отстраняя существовавшія до него препятствія, призывалъ русскихъ людей къ общему дѣйствію, они должны были бы явиться съ великою охотою и дѣло пошло бы чрезвычайно успѣшно съ самаго начала. Но если мы видимъ явленіе обратное, то естественно и необходимо должны придти къ заключенію, что привычка къ общему дѣлу была очень слаба въ древней Руси, и въ дѣятельности великаго человѣка, великаго государя, который въ своихъ учрежденіяхъ завелъ школы для общаго дѣла, мы должны видѣть благодѣтельный починъ народнаго воспитанія. Мы видѣли, что на выборныхъ для городскаго самостоятельнаго управленія, или, такъ называемыхъ, бурмистровъ возложенъ былъ сборъ казенныхъ доходовъ и повѣрка ихъ, и вотъ оказались сильные безпорядки при этой повѣркѣ и казнокрадство въ обширныхъ размѣрахъ. Обнаружился и другой признакъ крайней слабости въ дѣлѣ самоуправленія: неумѣнье соединенными силами слабыхъ сдерживать сильныхъ, которые стремятся къ господству, къ удовлетворенію своимъ личнымъ выгодамъ насчетъ слабыхъ, порозненныхъ и потому немогущихъ выставить никакого сопротивленія. Такое положеніе есть самое опасное для общества или учрежденія, которому дано самоуправленіе; освобожденное отъ тяжести внѣшней власти, получивши свободу управляться само собою, выбирать изъ своей среды людей, которые должны завѣдывать его дѣлами, общество или учрежденіе выбрало себѣ господъ, которые стремятся употребить во зло свое значеніе и могутъ дѣлать это тѣмъ безнаказаннѣе, тѣмъ благовиднѣе, что они выборные представители свободнаго общества или учрежденія, дѣйствуютъ во имя его. Рождается вопль: что же выиграно? Прежде не было такъ тяжело, прежде было лучше, надобно возвратиться къ прежнему или, по крайней мѣрѣ, передѣлать, измѣнить новое сообразнѣе существующимъ средствамъ; ясно, что люди неспособны къ новому дѣлу, нѣтъ людей, — надобно ихъ приготовить, воспитать: такъ вопятъ люди, не знающіе, что извѣстная дѣятельность и есть необходимое приготовленіе, воспитаніе. Но эти вопли способны сильно смутить, ввести въ искушеніе преобразователя. Петръ выдержалъ искушеніе. Его сильно печалилъ неудачный ходъ новыхъ дѣлъ; человѣка съ орлинымъ полетомъ сильно оскорбляли и раз-

дражали люди, которые, по его выраженію, *подобились раку* въ своемъ движеніи; но онъ не потерялъ вѣры въ свое дѣло и въ свой народъ, остался вѣренъ мысли о необходимости дѣятельной школы, которую долженъ былъ проходить народъ, и въ которой долженъ былъ учиться неудачами, остался вѣренъ мысли, что каждое учрежденіе должно имѣть свою Нарву, чтобъ имѣть Полтаву; остался непоколебимъ въ проведеніи всюду коллегіальнаго устройства, какъ устройства, имѣвшаго воспитательное значеніе для народа.

Въ этой вѣрѣ въ дѣло и народъ преобразователя поддерживалъ тотъ живой сильный откликъ, который послышался отовсюду, когда вождь кликнулъ кличъ по дружину, по смѣлыхъ, неутомимыхъ работниковъ. Не все были люди, которые вначалѣ раку подобились въ новомъ дѣлѣ; поднялись и молодые орлята, которые, сгарая нетерпѣніемъ, стали торопить дѣло, забѣгали впередъ, требовали мѣръ рѣшительныхъ и крутыхъ, революціонныхъ, какъ мы теперь называемъ. Сильное движеніе преобразовательной эпохи, новые предметы и учрежденія, расширеніе сферы, противоположность толковъ—все это должно было поднять людей живыхъ и способныхъ въ разныхъ слояхъ общества, въ самомъ низшемъ, возбудить въ нихъ надежду на болѣе широкую дѣятельность. Это движеніе, новости, обхватъ цѣлаго общества какимъ-то другимъ воздухомъ выразилось еще въ 1694 году однимъ, если угодно, комическимъ, или трагико-комическимъ, но любопытнымъ явленіемъ: явился въ Москву крестьянинъ и потребовалъ у правительства средствъ сдѣлать крылья, потому что онъ сумѣетъ полетѣть какъ журавль. Опытъ кончился неудачно и очень печально для русскаго Икара; но скоро движеніе пошло болѣе серьезнымъ образомъ. Мы не разъ упоминали о томъ, что преобразованіе имѣло экономическій характеръ; вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи сравнительно съ другими государствами, о средствахъ сдѣлать ее богатой, сдѣлать для нея возможнымъ удовлетвореніе громаднымъ издержкамъ преобразованія, предпринимаемаго для усиленія и обогащенія Россіи,—этотъ вопросъ былъ на первомъ планѣ для всякаго, возбужденнаго движеніемъ человѣка, и вотъ снизу является рядъ людей, способныхъ, бывалыхъ, которые предлагаютъ правительству свои планы относительно увеличенія доходовъ, свои услуги въ этомъ важномъ дѣлѣ. Мысли выслушаны, услуги приняты, и нѣкоторые изъ этихъ людей, отмѣченныхъ въ народѣ названіемъ *прибыльщиковъ*, стали видными дѣятелями эпохи преобразованія. Взглядъ прибыльщиковъ, ихъ ученіе, ихъ теорія высказалась въ извѣстномъ сочиненіи крестьянина Посошкова: «*О скудости и богатствѣ*», которое самымъ названіемъ своимъ даетъ намъ знать, что въ это время болѣе всего лежало на сердцѣ у мыслящаго русскаго человѣка, пробужденнаго движеніемъ преобразовательной эпохи. Обогащеніе Россіи посредствомъ обезпеченія промышленнаго труда и трудящагося человѣка отъ печальнаго положенія суда, управленія и сословныхъ отношеній, завѣщаннаго древнею Россіею, причемъ Посошковъ предлагаетъ самыя крутыя, восточныя, турецкія мѣры, показывающія, что самъ авторъ принадлежитъ половиною своего нравственнаго существа древней Россіи; сильное сочувствіе преобразователю, жалобы на то, что онъ въ меньшинствѣ тянетъ въ гору, тогда какъ большинство стремится подъ гору:—вотъ основныя черты сочиненія Посошкова. Въ практической дѣятельности изъ этихъ людей, поднятыхъ снизу вверхъ преобразовательнымъ движеніемъ, былъ знаменитъ прибыльщикъ Курбатовъ. Въ одномъ изъ Приказовъ подкинуто было письмо. Вмѣсто извѣта о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ, государь нашелъ въ письмѣ проектъ о гербовой, или *орленой* бумагѣ. Гербовая бумага, какъ важный источникъ дохода, была немедленно введена. Сочинителемъ проекта оказался Курбатовъ, дворецкій боярина Бор. Петр. Шереметева, человѣкъ очень бывалый и не въ одной Россіи; вмѣстѣ съ господиномъ своимъ онъ путешествовалъ и за-границей. Курбатовъ былъ щедро награжденъ, пожалованъ въ дьяки Оружейной Палаты и получилъ возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнѣнія обо всемъ. Курбатову Петръ поручилъ устроить порядокъ въ московской ратушѣ, или Бурмистрской Палатѣ, въ которой, какъ мы упоминали, дѣло шло дурно по непривычкѣ къ новому дѣлу, по неохотѣ заниматься общимъ дѣломъ, не приносящимъ непосредственной выгоды частному человѣку, или по стремленію извлечь изъ общаго дѣла какъ можно больше частныхъ выгодъ, покормиться насчетъ казны.

Петръ не пришелъ въ отчаяніе отъ картины тѣхъ злоупотребленій и безпорядковъ по ратушному, т. е. по финансовому управленію, какую представилъ ему Карбатовъ; онъ не дотронулся до учрежденія, поручивъ только временно надежному человѣку уничтоженіе безпорядковъ и злоупотребленій. Печальный примѣръ коллегіальнаго управленія въ ратушѣ не отнялъ у него вѣры въ достоинство этой формы, и онъ немедленно ввелъ ее въ областное управленіе, велѣлъ всякія дѣла съ воеводами вѣдать дворянамъ, въ большихъ городахъ человѣка по четыре и по три, а въ меньшихъ—по два; указы чинить дворянамъ обще съ воеводами, а одному воеводѣ безъ дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать. Легко понять, какъ должны были оскорблять и раздражать Петра извѣстія о страшномъ казнокрадствѣ въ то время, когда, при громадномъ увеличеніи расходовъ, нужно было изыскивать всѣ средства къ увеличенію доходовъ въ бѣдномъ государствѣ; когда народъ долженъ былъ платить тяжелыя подати; когда на него наложенъ былъ великій трудъ; когда самъ царь, подавая примѣръ, трудился небывалымъ образомъ и, для уменьшенія расходовъ, жилъ чрезвычайно просто, съ отстраненіемъ царской обстановки. Не одна продолжительная и тяжелая война, не одно

переустройство войска и заведеніе флота,—построеніе крѣпостей требовали большихъ расходовъ: Россія должна была войти въ систему европейскихъ державъ, жившихъ общею жизнію и потому постоянно сносившихся другъ съ другомъ, наблюдавшихъ за движеніями, за внутреннею жизнію другъ друга. Для этого каждый Дворъ имѣетъ при другихъ Дворахъ постоянныхъ представителей; Россія должна была выполнить это необходимое условіе вступленія въ общую европейскую жизнь. Мы уже видѣли, какъ ей трудно было это сдѣлать, и какъ Петръ, съ глубокою вѣрою въ способности своего народа, рѣшилъ трудный вопросъ, признавши и здѣсь необходимость практической школы, и назначилъ на важнѣйшіе дипломатическіе посты русскихъ людей. Но мало было, чтобъ представители Россіи при чужихъ Дворахъ вели себя искусно и достойно: они должны были поддерживать достоинство своего Двора внѣшнею обстановкою, на что нужно было много денегъ; кромѣ того, посланники должны были имѣть въ своемъ распоряженіи значительныя суммы для подкупа вліятельныхъ лицъ, для узнанія нужныхъ секретовъ. Для удовлетворенія всѣмъ этимъ требованіямъ, прибыльщики изыскивали всевозможныя средства; взято было все, что только можно было взять; отдано было на откупъ все, что можно было отдать. Отнято было право владѣльцевъ мѣстъ, гдѣ производились торжки, брать пошлину на себя,—пошлина стала идти въ казну; уничтожены были такъ называемые тарханы, по которымъ извѣстныя лица освобождались отъ платежа пошлинъ. У бѣднаго народа была роскошь—дубовые гробы: и этотъ предметъ роскоши казна взяла себѣ и продавала противъ покупной цѣны вчетверо дороже; наложена была пошлина на бороду и усы: кто не хотѣлъ бриться, отплачивался деньгами. Всѣ эти тяжести и трудъ русскій народъ долженъ былъ поднять временно, чтобъ вдвинуть Россію въ Европу и пріобрѣсти средства усиленія и обогащенія; а эти средства состояли въ искусствѣ и знаніи. Петръ прямо и для всѣхъ понятно указывалъ своему народу цѣли его и своей чрезвычайной дѣятельности:—внутреннее спокойствіе и внѣшняя безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска и обогащеніе страны посредствомъ торговли. Такъ эти цѣли прямо были высказаны въ знаменитомъ манифестѣ 1702 года о вызовѣ иностранцевъ въ Россію: «Мы побуждены были», говоритъ царь, «въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ». При такомъ практическомъ взглядѣ легко понять, какого рода школы должны были явиться въ Москвѣ; явились школы Математическая и Навигаторская, гдѣ первыми преподавателями были три англичанина. Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка, извѣстнаго намъ Курбатова. Скоро, послѣ заведенія школъ, знаменитый прибыльщикъ уже радовался, что многіе всякаго званія и зажиточные люди познали сладость науки и отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные молодые люди сами приходятъ съ немалою охотою. Мы уже упоминали о правилѣ Петра, котораго держались и всѣ его сотрудники, — брать иностранцевъ, но строго наблюдать за ними, чтобъ они не тѣснили русскихъ, и какъ можно скорѣе выдвигать послѣднихъ, чтобъ они могли замѣнить наемниковъ. Такъ и Курбатовъ немедленно къ тремъ учителямъ англичанамъ приставилъ помощника русскаго, Леонтія Магницкаго, и, замѣтивъ, что иностранцы «обязали себя къ нему ненавистію», по выраженію Курбатова, за отличное исполненіе имъ своихъ обязанностей, Курбатовъ всѣми силами поддерживалъ Магницкаго, вслѣдствіе чего англичане должны были только усерднѣе исполнять свои обязанности. Этотъ Магницкій былъ авторомъ знаменитой «Ариѳметики, сирѣчь науки числительной», изданной въ 1703 году.

Для школъ и для распространенія свѣдѣній между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русскомъ языкѣ, прежде всего учебники. Понятно, что нужно было переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ; понятно, что дѣло перевода книгъ было однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ дѣлъ. Кромѣ страшной трудности передачи научныхъ понятій на языкѣ народа, у котораго до сихъ поръ не было науки, была еще трудность, происходившая отъ существованія двухъ языковъ, рѣзко различавшихся другъ отъ друга: книжнаго или, такъ называемаго, церковно-славянскаго, и народнаго. Естественно наука должна была избрать для себя послѣдній языкъ; но ученые люди, знающіе иностранные языки, переводчики привыкли къ книжному языку и живой языкъ народный былъ въ ихъ глазахъ языкомъ подлыхъ людей. Переводъ книгъ, сказалъ я, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ дѣлъ, и мы уже должны ждать, что Петръ усердно займется имъ: онъ не только указывалъ, какія книги надобно переводить, но и требовалъ переводы къ себѣ, самъ исправлялъ ихъ, училъ, какъ надобно переводить; училъ, что не надобно держаться мертваго перевода слово въ слово, но, выразумѣвши смыслъ, передавать живымъ образомъ этотъ смыслъ совершенно удобопонятно для русскаго человѣка, т. е. совершенно соотвѣтственно складу русской рѣчи, тогда какъ подстрочный переводъ необходимо искажалъ русскую рѣчь, давалъ ей чужіе обороты. Такъ онъ писалъ одному изъ переводчиковъ: «Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зѣло хорошо и внятно переведены; но какъ учить фортификаціи дѣлать, то зѣло темно и непонятно переведено; не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ; но точію его выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ

быть»! Въ 1707 году типографскіе мастера привезли изъ Голландіи три азбуки «новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ». Этими литерами или, такъ называемымъ, гражданскимъ шрифтомъ начали печататься книги съ 1708 года, и первою книгою, напечатанною такимъ образомъ, была «Геометрія, словенски землемѣріе». Но какъ вездѣ въ дѣятельности Петра, такъ и здѣсь не было односторонности: царь поручилъ извѣстному тогда ученому Поликарпову написать русскую исторію, и, въ то же время, приказывалъ переводить книги о событіяхъ всеобщей исторіи, которыя, по господству древней исторіи и литературы въ Европѣ, были у всѣхъ въ устахъ: книгу о Троянской войнѣ, Квинта Курція о дѣяніяхъ Александра Македонскаго.

Могущественное средство развитія человѣка состоитъ въ расширеніи сферы; человѣкъ развивается, когда переносится изъ бѣдной простой обстановки жизни, изъ круга немногихъ и постоянно повторяющихся явленій, въ жизнь, обстановленную богаче, представляющую больше разнообразія предметовъ и явленій; сельчанинъ поэтому развивается, когда переносится въ городъ, еще сильнѣе развиваетъ путешествіе, бывалость. Но человѣкъ новой Европы пріобрѣлъ еще средство развитія, возможность участія въ жизни всего современнаго человѣчества: это вѣдомости обо всемъ совершающемся въ современности, вѣдомости, которыя распространяются съ такою быстротою посредствомъ печати. Петръ, разумѣется, не могъ обойти и этого средства развитія своего народа. До него знаніе того, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ, было привилегіею правительства; извлеченія изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ и бережно хранились, какъ тайна государственная. Петръ хотѣлъ, чтобъ всѣ русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ, и съ 1703 года начали издаваться въ Москвѣ «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ», и на первомъ же листкѣ вѣдомости объявили, что московскія школы умножаются, сорокъ пять человѣкъ слушаютъ философію, а въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добре науки пріемлютъ. Не забыто было и четвертое средство для народнаго развитія. Какъ до Петра куранты составлялись только для царскаго употребленія, такъ и сценическія представленія давались только для потѣхи великаго государя: Петръ и то, и другое ввелъ въ въ народное употребленіе. На Красной площади построена была деревянная комедіальная храмина— для всѣхъ; какъ при царѣ Алексѣѣ, такъ и теперь набрали подъячихъ изъ разныхъ Приказовъ и отдали ихъ учиться нѣмцу Куншту, который обязался учить ихъ всякимъ комедіямъ. Въ репертуарѣ этого перваго всенароднаго театра послѣ пьесъ историческаго содержанія видимъ и пьесу «Докторъ принужденный»: это мольеровъ «Лѣкарь поневолѣ»; играли также пьесы, нарочно сочиненныя по поводу какого нибудь важнаго событія, торжества, напр. въ 1703 году, по случаю взятія Орѣшка. Кромѣ этого всенароднаго театра, театральныя представленія давались еще учениками Славяно-Латинской акамедіи (новосіяющихъ славяно-латинскихъ Аѳинъ); здѣсь пьесы имѣли религіозное содержаніе, но иногда съ примѣсью политическихъ намековъ.

Всѣ эти средства развитія, воспитанія народнаго, и школы, и книги, и вѣдомости, и театръ представляли, разумѣется, еще слабые начатки; чтобъ оказалось ихъ вліяніе, нужно было еще долго ждать, а между тѣмъ нельзя было не обратить вниманія на нѣкоторыя печальныя явленія, которыя были слѣдствіемъ крайне недостаточнаго народнаго воспитанія въ древней Россіи: такъ былъ обычай убивать младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками; Петръ вооружился противъ этого варварскаго обычая, не признававшаго въ человѣкѣ человѣка и христіанина: смертная казнь грозила людямъ, уличеннымъ въ его исполненіи. Подлѣ указа противъ убійства младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками, видимъ рядъ указовъ о сохраненіи жизни и здоровья человѣка: запрещено хоронить мертвыхъ ранѣе трехъ дней; учреждено было 8 аптекъ въ Москвѣ, и закрыты зелейныя лавки, гдѣ продавались, такъ-называемыя, лѣкарственныя травы, отъ которыхъ люди, какъ оказалось, умирали скорою смертію. Любопытна прибавка въ указѣ, чтобъ въ новоучрежденныхъ аптекахъ не продавали вина. Страсть къ вину русскіе люди вынесли изъ своей древней жизни въ ужасающихъ размѣрахъ; смертные случаи въ дракахъ отъ пьянства были обыкновеннымъ явленіемъ; правительству нужно было смотрѣть за взрослыми, какъ за дѣтьми, смотрѣть, чтобъ они не имѣли при себѣ острыхъ ножей— порѣжутся! И вотъ Петръ запрещаетъ носить остроконечные ножи, потому что многіе люди въ ссорахъ и дракахъ и въ пьянствѣ такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти. Извѣстно, въ какой степени наши деревянные города терпѣли отъ пожаровъ: какъ начнется весна, такъ начнетъ въ Москвѣ, по выраженію тогдашнихъ образованныхъ людей, Вулканусъ свирѣпствовать, пожаровъ по шести въ сутки. Образованные люди къ царю съ просьбою укротить свирѣпство Вулкануса, и вотъ: начинаютъ дѣлать черепичныя крыши, вмѣсто тесовыхъ; выписываются заливныя трубы изъ-за границы; издается указъ строить въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ каменные дома, и располагать ихъ по улицамъ и переулкамъ, а не внутри дворовъ, т.-е. по европейскому, а не по азіатскому обычаю. Принимались мѣры, чтобъ русскій человѣкъ въ городахъ могъ спать спокойно, не боясь Вулкануса; но вотъ предстоитъ бѣда, нужда требуетъ выѣхать за городъ, отправиться за нѣсколько верстъ въ другой городъ, въ древню: пишется ду-

ховное завѣщаніе, въ семьѣ плачъ, прощаются какъ съ человѣкомъ, идущимъ на войну, потому что дороги наполнены разбойниками. Правительству мало Шведской войны, оно должно посылать роты съ капитанами для сыску разбойниковъ; капитану удалось поймать 10 знаменитыхъ разбойниковъ: кто жъ они? люди изъ низшихъ слоевъ общества? Нѣтъ, это все помѣщики, которые разбойничали съ своими людьми, нападали на чужія деревни, били и жгли.

Эти явленія показываютъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣло дѣло преобразованіе. Въ подобномъ обществѣ нѣтъ безопасности для слабаго, и мы видѣли, какъ, вслѣдствіе этого, женщину надобно было спрятать въ теремъ. Но это удаленіе женщины, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ грубости нравовъ и отсутствія безопасности, въ свою очередь, производило еще большее огрубѣніе нравовъ, ибо мужчина не привыкалъ сдерживаться присутствіемъ существа, которому христіанская цивилизація Европы дала нравственное величіе, окружила уваженіемъ, противоборствуя матеріальнымъ стремленіямъ въ отношеніяхъ человѣческихъ, заставляя сильнаго служить слабому, и умъ не забываться передъ чувствомъ. Христіанская цивилизація Европы признала въ раздѣленіи человѣка по поламъ, на два пола,—первый, основный актъ развитія, т. е. раздѣленія занятій. Это раздѣленіе занятій, предоставляющее мужчинѣ внѣшнюю общественную дѣятельность и женщинѣ—внутреннюю, домашнюю, лежитъ въ основѣ цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ раздѣленіи занятій вообще или въ томъ, что мы называемъ развитіемъ. Въ состояніи варварства человѣкъ дѣлаетъ все или большую часть нужнаго ему самъ, и потому одинокъ, потому дикъ; въ состояніи цивилизаціи человѣкъ дѣлаетъ одно что-нибудь и, потому, можетъ дѣлать хорошо, совершенствовать свое дѣло, въ отношеніи къ другимъ необходимымъ предметамъ находится въ зависимости отъ дѣятельности другихъ и потому связывается съ другими тѣсною, органическою связью, и люди необходимо становятся ближними другъ другу. Въ словахъ: «Не добро быти человѣку единому» выразилось благословеніе развитія, благословеніе цивилизаціи, которыя и начались съ раздѣленіемъ человѣка, съ появленіемъ жены подлѣ мужа, Евы подлѣ Адама, ибо здѣсь началось раздѣленіе занятій. Женщинѣ предоставлена была внутренняя, домашняя жизнь, которой главное дѣло—воспитаніе человѣка, требующаго для своего нравственнаго развитія и крѣпости продолжительнаго согрѣванія теплотою женскаго, материнскаго чувства. Но человѣкъ воспитывается для жизни общественной; отсюда необходимое требованіе отъ воспитывающаго—требованіе знанія этой жизни; а знаніе общественной жизни невозможно безъ участія въ ней. Такимъ образомъ, отчужденіе женщины отъ участія въ общественной жизни и отъ того, чѣмъ возвышается и украшается общественная жизнь, противорѣчитъ ея значенію, значенію воспитательницы человѣка, представительницы и охранительницы наряда (порядка) внутренней, семейной, домашней жизни, ибо здѣсь, въ этой жизни, мужъ, сынъ и братъ должны находить обновленіе силъ для дѣятельности общественной. Нельзя отнять у женщины участія въ общественной жизни, точно такъ, какъ преступно втягивать ее въ общественную дѣятельность и нарушать основное въ человѣчествѣ раздѣленіе занятій, разрушать основу цивилизаціи. Естественно было стремленіе нашего древняго общества удалить женщину изъ общества, не представлявшаго для нея ни физической, ни нравственной безопасности. Но мѣра была отчаянная; сильное лѣкарство, свидѣтельствуя о силѣ болѣзни, не могло, въ свою очередь, не оставить вредныхъ слѣдовъ въ общественномъ организмѣ. Общественная жизнь отъ удаленія женщины еще болѣе бѣднѣла и грубѣла, а мужчина, не находя дома «помощи, приличной ему», бѣднѣлъ и грубѣлъ нравственно. Не исполнялась воля Бога, создавшаго женщину, чтобъ человѣкъ имѣлъ помощь, приличную ему, какъ говоритъ писаніе, и женщина теряла свое значеніе: запертая и припрятанная, она становилась вещью, товаромъ; человѣкъ терялъ данное ему Творцомъ право искать себѣ помощь приличную ему, и бракъ нисходилъ на степень торговой сдѣлки. Петръ прекратилъ затворничество женщинъ, приказавъ приглашать ихъ въ общественныя собранія; запретилъ рядовыя сговорныя записи, составлявшіяся въ Приказѣ Крѣпостныхъ Дѣлъ; велѣлъ прежде вѣнчанія быть обрученію за шесть недѣль, чтобъ дать время жениху и невѣстѣ узнать другъ друга, причемъ, въ случаѣ, если не понравятся другъ другу, получали свободу отказываться отъ вступленія въ бракъ. Русскій человѣкъ пересталъ быть одинокъ въ обществѣ, и получилъ возможность имѣть помощь приличную ему. Но, уничтожая затворничество женщины, возвышая ея достоинства, Петръ возвышалъ и достоинство человѣка вообще: запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать предъ царемъ на колѣни, зимою снимать шапки предъ дворцомъ. Петръ говорилъ: «Какое же будетъ различіе между Богомъ и царемъ, когда воздается равное обоимъ почтеніе? Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—вотъ почесть, принадлежащая царю». Послѣ этого не въ правѣ ли историкъ сказать, что онъ изображаетъ дѣла великаго народнаго воспитателя?

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Въ предыдущихъ бесѣдахъ нашихъ мы не разъ указывали на воспитательное значеніе дѣятельности Петра Великаго; естественно, что при этомъ онъ нуждался въ помощи Церкви; но Церковь, чтобъ дать желанную помощь въ народномъ вос-

питаніи, нуждалась сама въ помощи преобразователя, ибо требовала преобразованій. Жалобы на печальное нравственное состояніе духовенства, на печальное состояніе нравственности въ монастыряхъ, которые прежде имѣли такое важное значеніе въ нравственномъ воспитаніи народа, на невѣжество духовенства, лишавшее его учительской способности въ то время, когда оно болѣе всего нуждалось въ этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православіе отъ своихъ и отъ чужихъ, отъ раскольниковъ и западныхъ иновѣрцевъ, жалобы на злоупотребленія матеріальными средствами въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ:—всѣ эти жалобы раздавались давно и громко, между мірянами и самимъ духовенствомъ, на Соборахъ церковныхъ. Петръ, по своей природѣ, дѣлавшей изъ него преобразователя, не могъ равнодушно слышать жалобъ на какое-нибудь зло и отвѣчать на эти жалобы, на эти слова словами же: онъ немедленно отвѣчалъ на нихъ дѣломъ, исправленіемъ зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество—науку, снабдивши его средствами возстановить свое учительское значеніе, свое нравственное вліяніе согласно съ новыми потребностями, съ новыми условіями, давши ему крѣпкое оружіе для борьбы съ враждебными вліяніями; возстановить значеніе монастырей, противодѣйствуя вовсе немонашескимъ побужденіямъ къ монашеской жизни, прекративши злоупотребленія матеріальными средствами, обращеніемъ излишка этихъ средствъ на дѣла милосердія и просвѣщенія; поднять бѣлое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большія средства матеріальныя, недостатокъ которыхъ мѣшалъ успѣшному и достойному исполненію его обязанностей:—вотъ преобразовательная программа Петра относительно Церкви. Но кто станетъ приводить въ исполненіе эту программу? До XVIII вѣка въ Русской Церкви былъ единый верховный пастырь, сначала съ титуломъ митрополита, потомъ патріарха, и мы видѣли, какъ тяжело было положеніе патріарха, когда Россія всколебалась и стала двигаться по новой дорогѣ. Патріархъ стоялъ между нѣсколькихъ огней, между раскольниками съ одной стороны, между иновѣрными учителями и русскими учениками ихъ—съ другой, безъ способности обличенія, безъ нравственныхъ средствъ противодѣйствія тѣмъ и другимъ, безъ науки, которая должна была внушать уваженіе и сдерживать людей, служившихъ наукѣ, разуму, говорившихъ и дѣйствовавшихъ во имя ихъ: положеніе вредное, невозможное для Церкви и государства при слабости характера, при страдательномъ положеніи патріарха, вредное и при энергіи, ревности въ ту или другую сторону, ибо безъ просвѣщенія могла ли быть ревность по разуму. Сюда присоединялись еще новыя трудности: патріархъ долженъ былъ приступить къ экономическимъ преобразованіямъ, слѣдовательно долженъ былъ вооружить противъ себя значительную часть духовенства; энергическія мѣры для водворенія должной дисциплины въ монастырѣ, для истребленія тунеядства, находившаго здѣсь себѣ прибѣжище, увеличивало число враговъ, усиливало вопли. Однимъ словомъ, чтобъ патріархъ былъ въ уровень своему положенію, чтобъ явился патріархъ-преобразователь, ему слѣдовало своими способностями, своею энергіею, силою воли приближаться къ великому преобразователю-царю. Но гдѣ было взять такого человѣка, гдѣ было взять двоихъ Петровъ Великихъ! Нужно было пощадить Русскую Церковь отъ печальнаго явленія имѣть подлѣ царя Петра патріарха Адріана. Скажутъ: зачѣмъ же непремѣнно Адріана? Но если не Адріана, то надобно было пощадить Россію отъ соблазна столкновенія царя съ патріархомъ, который бы, при силѣ воли, отличался узкимъ взглядомъ на трудное и опасное положеніе Церкви; патріархъ, несочувствующій преобразованіямъ, необходимо становился опорою недовольныхъ, средоточіемъ и вождемъ ихъ, давалъ благословеніе ихъ дѣлу. Въ противномъ случаѣ надобно было пощадить главнаго пастыря Церкви, единаго и потому принимающаго на себя всю отвѣтственность, пощадить отъ враждебныхъ ударовъ, расточавшихся противниками преобразованія, пощадить его отъ названія антихриста. Всѣ эти удары принималъ на себя человѣкъ силы, способный ихъ вынесть; духовная власть отстранялась отъ преобразованій слишкомъ для нея тяжкихъ, и передавала ихъ власти свѣтской; единичное управленіе церковное упразднялось естественно за неимѣніемъ человѣка, способнаго стать въ уровень съ своимъ положеніемъ, поднять бремя слишкомъ тяжелое для плечъ одного человѣка, естественно пролагался путь къ раздѣленію этой тяжести между многими, къ коллегіальному управленію.

Петръ говорилъ патріарху Адріану: «Священники ставятся малограмотные, надобно ихъ прежде учить, а потомъ уже ставить въ этотъ чинъ. Надобно озаботиться, чтобъ и православные христіане, и иновѣрцы познали Бога и законъ Его: послалъ бы для этого хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы. И здѣсь, въ Москвѣ, есть школа, можно бы и здѣсь было объ этомъ порадѣть; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою, какъ надобно. Многіе желаютъ дѣтей своихъ учить свободнымъ наукамъ, и отдаютъ ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранныхъ, которые на славянскомъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить. Кромѣ того, иновѣрцы и малыхъ дѣтей ересямъ своимъ учатъ, отчего дѣтямъ вредъ и Церкви можетъ быть ущербъ великій, и языку нашему поврежденіе, тогда какъ въ нашей бы школѣ, при искусномъ обученіи, всякому добру учились». Царскія слова были сказаны понапрасну: могъ ли заботиться о школѣ и приготовлять священниковъ къ ихъ званію человѣкъ,

не имѣвшій самъ образованія! Чтобъ поднять русскія школы и образовать ученыхъ священниковъ, надобны были ученые архіереи; въ Великой Россіи ихъ взять было неоткуда, надобно было обратиться къ Малороссіи, вызвать оттуда ученыхъ монаховъ и поставить ихъ на архіерейскія каѳедры въ Великой Россіи. Петръ такъ и сдѣлалъ; а что выборъ людей какъ вездѣ, такъ и тутъ былъ хорошъ, былъ петровскій выборъ, доказательствомъ служатъ имена, всѣмъ извѣстныя, имена Стефана Яворскаго, Св. Димитрія Ростовскаго, Филофея Лещинскаго, Ѳеофана Прокоповича, Ѳеофилакта Лопатинскаго. Осенью 1700 года умеръ патріархъ Адріанъ, и преемника ему не было. Рязанскій митрополитъ, Стефанъ Яворскій, назначенъ былъ только эксархомъ св. патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ, что показывало мѣру временную, переходную; можно было считать ее приготовленіемъ къ уничтоженію патріаршества; можно было ждать также, что патріархъ будетъ, когда царь найдетъ способнаго человѣка, и дѣйствительно трудно сказать, былъ ли въ это время уже рѣшенъ Петромъ вопросъ объ уничтоженіи патріаршества. Можно разсуждать такъ: если бы Петръ хотѣлъ сохранить патріаршество, то что ему мѣшало остановить выборъ на томъ же Стефанѣ Яворскомъ или какомъ нибудь другомъ архіереѣ изъ ученыхъ малороссіянъ? Первая потребность была въ распространеніи образованія между духовенствомъ, въ надзорѣ за главною школою московскою, академіею; патріархъ изъ великороссіянъ не былъ способенъ къ этому по неимѣнію школьнаго образованія; но патріархъ изъ малороссіянъ удовлетворялъ этой главной потребности. Но мы должны перенестись въ то время, когда на малороссіянъ въ Великой Россіи смотрѣли какъ на чужихъ; занятіе малороссіянами архіерейскихъ каѳедръ возбудило сильное неудовольствіе, разумѣется прежде всего между людьми, которые сами надѣялись занимать эти каѳедры и были отстранены пришельцами; но эти недовольные были свои, и потому ихъ неудовольствіе легко заражало массу. Сильные слѣды этого неудовольствія у великороссійскаго духовенства на малороссійскихъ архіереевъ мы находимъ даже 50 лѣтъ спустя, когда архіереи изъ великороссіянъ съ ненавистію отзывались о своихъ предшественникахъ малороссіянахъ, объ этихъ, по ихъ словамъ, черкашникахъ никуда негодныхъ, и отъ людей переносили свое нерасположеніе къ дѣлу, къ школамъ, заведеннымъ архіереями-малороссіянами. Петръ, въ виду необходимости, не счелъ позволительнымъ уступить этому чувству, призвалъ малороссіянъ на архіерейскія каѳедры; но поставить патріарха изъ малороссіянъ было бы слишкомъ. Притомъ, кромѣ неудовольствія своихъ, Петръ долженъ былъ обращать вниманіе на внушенія Константинопольскаго патріарха не ставить въ патріархи малороссіянъ, какъ подозрительныхъ въ неправославіи, и особенно Стефана Яворскаго. Такимъ образомъ, все соединилось для того, чтобъ затруднить дѣло и заставить Петра отложить его.

За назначеніемъ Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола, немедленно послѣдовали преобразованія. Дѣло суда и управленія церковными имуществами сосредоточены были въ Монастырскомъ Приказѣ, отданномъ въ вѣдѣніе свѣтскому лицу, боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину. Для прекращенія жалобъ на безпорядки монастырской жизни, на тунеядство и соблазнительное бродяжничество монаховъ и монахинь изъ одного монастыря въ другой, монахи и монахини были переписаны, и переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой запрещенъ, кромѣ важныхъ законныхъ причинъ. Стража стала у воротъ монастырскихъ: монахъ и монахиня не могли выходить, кромѣ крайней необходимости, и то на короткое время; мірскіе люди могли входить только въ церкви монастырскія во время богослуженія; жить въ монастыряхъ не могли; писать монахи и монахини могли только въ трапезѣ, съ позволенія начальства, ибо оказывалось, что въ кельяхъ писались вовсе не душеспасительныя вещи. Нельзя было никого вновь постричь безъ царскаго указа. Прежніе монахи, говорилъ указъ, содержали себя своими трудами и еще питали нищихъ; нынѣшніе же нищихъ не питаютъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ, и потому Монастырскій Приказъ, гдѣ сосредоточивались доходы съ монастырскихъ имѣній, выдавалъ монахамъ на содержаніе извѣстное количество денегъ и хлѣба, остальное должно было идти на пропитаніе нищихъ, въ богадѣльни и въ бѣдные монастыри, у которыхъ не было вотчинъ. На монастырскіе доходы былъ построенъ въ 1707 году въ Москвѣ, за Яузою, госпиталь, который служилъ вмѣстѣ и медицинскою школою, въ завѣдываніи доктора иностранца Бидлоо и русскаго лѣкаря Рыбкина. Черезъ пять лѣтъ Бидлоо хвалился, что въ госпиталѣ вылѣчено болѣе тысячи больныхъ, хвалился и быстрыми успѣхами своихъ русскихъ учениковъ, которые, въ количествѣ 33 человѣкъ, ежедневно имѣли дѣло со сто, а иногда и 200 больными. Москва очень нуждалась въ медицинѣ; по указу Петра за 1703 годъ подана была священниками первая вѣдомость о числѣ родившихся и умершихъ; оказалось, что число смертныхъ случаевъ слишкомъ 2000 превышало число рожденій.

Деньги изъ Монастырскаго Приказа, т. е. собираемыя съ монастырскихъ имѣній, шли также на печатаніе книгъ и на школы для духовенства, которыя должны были заводиться и въ другихъ епархіяхъ, кромѣ Московской. Указъ 1708 года запрещалъ посвящать въ священники и дьяконы, принимать въ подъячіе и никуда священнослужительскихъ дѣтей, которыя не хотятъ учиться въ школахъ. Разумѣется, этотъ указъ могъ служить только побужденіемъ къ начатію школьнаго дѣла. «Что человѣка вразумляетъ какъ не ученіе?» писалъ Св. Димитрій Ростовскій. Онъ имѣлъ печаль-

ную возможность доказывать справедливость своихъ словъ примѣромъ священниковъ, какихъ онъ нашелъ въ своей епархіи и какіе, разумѣется, были во всѣхъ другихъ епархіяхъ: священническіе сыновья приходили къ нему ставиться на отцовскія мѣста; митрополитъ спрашивалъ ихъ, давно ли причащались, и получалъ въ отвѣтъ, что и не помнятъ, когда причащались. Св. Димитрій завелъ школу при своемъ домѣ; но самъ долженъ былъ исполнять должность учителя, ибо гдѣ же было взять хорошихъ учителей? При такомъ состояніи духовенства, разумѣется, расколу было легко расширяться. «Съ трудомъ», говоритъ Св. Димитрій, «можно было найти истиннаго сына Церкви: почти въ каждомъ городѣ изобрѣтается особая вѣра, простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ». Такое положеніе Церкви заставило Св. Димитрія не ограничиваться устною проповѣдію, но вооружиться противъ раскольничьихъ учителей особою книгою, знаменитымъ «Розыскомъ о раскольничьей вѣрѣ». И люди, не принадлежавшіе къ расколу, обривши бороды по указу, сомнѣвались въ своемъ спасеніи, думая, что потеряли образъ Божій и подобіе; священники не умѣли ихъ успокоить, они обратились къ митрополиту, и тотъ долженъ былъ писать разсужденіе «Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣкѣ». Относительно школъ для духовенства, разумѣется, надобно было ограничиваться самымъ существеннымъ, во-первыхъ потому, что учителей не было: Новгородскій митрополитъ Іовъ завелъ-было въ своей школѣ преподаваніе греческаго языка, но скоро учителей взяли въ Москву. Съ другой стороны не было денегъ. Тобольскій митрополитъ, Филоѳей Лещинскій, писалъ, что надобно въ его школѣ ввести преподаваніе латинскаго языка и принуждать учиться дѣтей всякаго званія. Петръ велѣлъ ему отвѣтить, что онъ долженъ обратить особенное вниманіе на преподаваніе славянскаго языка и того, что необходимо знать священнику и дьякону, катехизиса православной вѣры, чтобъ могли учить мірскихъ людей.

Изъ дѣятельности Димитрія Ростовскаго можно видѣть, какую пользу приносили Русской Церкви архіереи изъ ученыхъ малороссіянъ, вызванныхъ Петромъ для распространенія образованія въ духовенствѣ. Ученый Ростовскій митрополитъ, завѣщавшій постлать свой гробъ черновыми бумагами своихъ сочиненій, отличался не одною ученостію: Церковь причла его къ лику святыхъ. Но въ ликѣ святыхъ Димитрій не одинъ изъ числа современныхъ Петру архипастырей и сотрудниковъ его. Церковь прославила также епископа Воронежскаго Митрофана, знаменитаго не школьною ученостію, но святостію жизни и усерднымъ радѣніемъ о благѣ Россіи, Россіи преобразовывавшейся. Митрофанъ прославлялъ намѣреніе Петра относительно заведенія флота и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать своему царю въ великомъ дѣлѣ. Но одними словами Воронежскій епископъ не ограничивался: онъ привезъ Петру послѣдніе оставшіеся въ архіерейской казнѣ 6000 рублей на войну противъ невѣрныхъ, и постоянно потомъ отсылалъ, накоплявшіяся у него деньги къ государю или въ адмиралтейское казначейство съ надписью: «на ратныхъ». Петръ горько оплакивалъ кончину святаго старца, и, разумѣется, не разъ потомъ долженъ былъ вспомнить о Воронежскомъ епископѣ, когда слышалъ о неудовольствіяхъ и жалобахъ на тяжкій трудъ, лишенія, пожертвованія, наложенныя на русскихъ людей труднымъ дѣломъ преобразованія. Нѣкоторые архіереи не могли переносить ограниченія своихъ доходовъ вслѣдствіе учрежденія Монастырскаго Приказа; они не хотѣли понять, что если-бы они болѣе или менѣе подражали Митрофану Воронежскому и Димитрію Ростовскому, то не было бы Монастырскаго Приказа и ненавистный имъ начальникъ этого Приказа, Мусинъ-Пушкинъ, не нападалъ бы, по ихъ выраженію, на церкви Божіи. «Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? какъ хотятъ другіе архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, шведы бьютъ, а все за наши слезы», говорилъ Нижегородскій митрополитъ Исаія. Такія выходки со стороны пастырей, разумѣется, должны были дѣйствовать на мірянъ, которые также вопили противъ тяжкихъ поборовъ людьми и деньгами, противъ того, что не знаютъ покоя отъ сильныхъ движеній преобразованія, отъ этихъ новизнъ, отъ этихъ безпрестанныхъ новыхъ требованій правительства. До насъ дошли заявленія этихъ неудовольствій; историкъ не можетъ отвергнуть ихъ, историкъ долженъ былъ бы предположить ихъ, еслибъ даже его источники и ничего о нихъ не говорили. Неудовольствіе было и выражалось иногда рѣзкими словами; преобразователя называли антихристомъ, царемъ не настоящимъ, подмѣненнымъ или при самомъ рожденіи, или во время заграничнаго путешествія; но собственно въ Великой Россіи далѣе словъ не шло. То была страна земскихъ людей, тѣхъ сильныхъ людей, которые въ началѣ XVII вѣка выдержали смуту и низложили ее, и которые теперь, въ началѣ XVIII вѣка выдерживали тяжести преобразованія. Здѣсь неудовольствіе не могло обнаружиться на дѣлѣ, возстаніемъ противъ правительства сильнаго, разумнаго, благонамѣреннаго, народнаго, въ смыслѣ охраненія высшихъ народныхъ интересовъ, а не долгополыхъ кафтановъ. Здѣсь неудовольствіе не могло обнаружиться возстаніемъ противъ правительства, умѣвшаго извлечь лучшія силы изъ народа и сосредоточить ихъ около себя, около преобразователя: слѣдовательно на сторонѣ преобразованія были лучшіе, сильнѣйшіе нравственно люди; отсюда то сильное, всеобъемлющее движеніе, которое увлекало однихъ и не давало укореняться враждебнымъ замысламъ другихъ; машина была на всемъ ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И, вотъ въ Москвѣ, около Москвы, во

всей Великой Россіи спокойно, несмотря на то, что царь рѣдко живетъ въ Москвѣ; царя нѣтъ повидимому, но чуется всюду присутствіе нравственной силы, нравственнаго величія. Неудовольствіе обнаруживается на дѣлѣ, возстаніями только на окраинахъ, въ степяхъ. Въ то время, какъ Россія устремилась за новою жизнію къ западному морю, степь, оттягивавшая столько вѣковъ Россію къ Азіи, степь подала протестъ. Степь, казаки одно прибѣжище, одна надежда для недовольныхъ, которыхъ покой былъ нарушенъ тряскою, разнообразіемъ нововводимой европейской жизни и которые хотѣли возстановить прежнее азіатское, степное однообразіе. Въ половинѣ 1705 года, когда царь былъ съ войскомъ на западѣ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ застепномъ углу, окруженномъ казаками, въ Астрахани. Мѣсто было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными изъ разныхъ городовъ; между заводчиками бунта встрѣчаемъ и ярославца, и москвича, и симбирянъ, и нижегородцевъ; тутъ дѣйствуютъ раскольники, тутъ же дѣйствуютъ и стрѣльцы. Въ то время, когда преобразователь старался поднять и укрѣпить русскаго человѣка наукою и самостоятельнымъ упражненіемъ своихъ силъ, поставить его прямо передъ каждымъ явленіемъ съ способностію допрашивать каждое явленіе о его смыслѣ: заводчики возстанія въ Астрахани спѣшили пользоваться младенческимъ довѣріемъ застепнаго русскаго народонаселенія и поднимали его слухами, что будетъ запрещено русскимъ людямъ жениться, а всѣхъ русскихъ дѣвицъ выдадутъ за нѣмцевъ. Возстаніе вспыхнуло. Зачинщики полагали главную надежду на казаковъ: съ ихъ помощію они думали усилить смуту и провести ее въ сердце государства, до самой Москвы. Но зачинщики обманулись въ своей надеждѣ: бунтъ не пошелъ далѣе Краснаго и Чернаго Яра, потому что на Дону казаки остались въ бездѣйствіи: здѣсь было много недовольныхъ, но они не были еще готовы, были застигнуты врасплохъ приглашеніемъ астраханцевъ стать вмѣстѣ съ ними за «брадобритіе»; главное, у нихъ не было вождя. Астраханскіе зачинщики сдѣлали большую ошибку, не снесшись предварительно съ недовольными на Дону, сдѣлали большую ошибку, отправивъ возмутительныя письма прямо въ Черкаскъ къ правительству донскому, тогда какъ атаманы и старые казаки никогда не начинали возстаній, бунты вспыхивали не въ Черкаскѣ, а въ дальнихъ казачьихъ городкахъ, наполненныхъ недавними бѣглецами, такъ называемою голутьбою, искавшею случая побуйствовать и добыть себѣ зипунъ, по казацкому выраженію. Петръ былъ въ Москвѣ, когда получилъ извѣстіе объ астраханскомъ бунтѣ, и сначала сильно встревожился, предполагая, что казаки пристанутъ къ бунту. Какое важное значеніе придавалъ онъ событію, видно изъ того, что сейчасъ же отправилъ противъ Астрахани фельдмаршала Шереметева. Вѣсть, что казаки не приняли участія въ бунтѣ, сильно обрадовала Петра, который приписалъ это счастливое обстоятельство особенной милости Божіей: «Господь», писалъ онъ, «изволилъ не въ конецъ гнѣвъ свой пролить и чудеснымъ образомъ огнь огнемъ затушилъ, дабы мы могли видѣть, что все не въ человѣческой, но въ Его волѣ». Астрахань одна не могла держаться, Шереметевъ взялъ ее,—и волненіе прекратилось.

Одна опасность прошла; но въ 1708 году, когда Карлъ XII былъ въ русскихъ предѣлахъ, когда Петръ долженъ былъ сосредоточить всѣ свои силы для борьбы съ Западомъ, съ Европою, поднялась противъ него Азія: на восточной окраинѣ вспыхнулъ Башкирскій бунтъ и одновременно заволновались донскіе казаки, вспыхнулъ Булавинскій бунтъ. Мы уже упоминали, что распространеніе русскихъ владѣній на Востокѣ, по Волгѣ, Камѣ и за Уральскими горами было быстро, легко и собственно носитъ характеръ колонизаціи, а не завоеванія. Но жившіе здѣсь народцы, обложенные данью, неравнодушно сносили зависимость отъ Россіи и возмущались при первомъ удобномъ случаѣ въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ; особенно были опасны тѣ изъ нихъ, которые, будучи магометанами, смотрѣли на Турецкаго султана, какъ на естественнаго главу своего, и ждали отъ него избавленія отъ ига христіанскаго. Теперь былъ случай удобный: Русскій царь занятъ на западѣ тяжкою борьбою; и нельзя допускать его до торжества въ этой борьбѣ: этотъ царь сильнѣе всѣхъ прежнихъ царей, онъ уже взялъ Азовъ у султана; побѣдитъ своихъ враговъ на Западѣ,— Востоку, магометанству будетъ бѣда. И вотъ магометанство поднимается: уфимскій башкирецъ, выдавая себя за султана Башкирскаго и святаго, ѣздитъ въ Константинополь, въ Крымъ, волнуетъ горскіе народы Кавказа, волнуетъ кочевниковъ въ степяхъ подкавказскихъ. Русскіе раскольники, переселившіеся въ эти страны, пристали къ магометанскому пророку, который въ началѣ 1708 года осадилъ русскую пограничную крѣпость на Терекѣ. Терскій воевода отсидѣлся въ осадѣ; подоспѣвшее изъ Астрахани войско разбило и взяло въ плѣнъ пророка; но дѣло этимъ не кончилось: пророкъ уже успѣлъ переслаться съ своими башкирцами, которые и поднялись всѣ; къ нимъ пристали и татары Казанскаго уѣзда; слишкомъ 300 селъ и деревень и слишкомъ 12,000 людей погибло отъ этого бунта; но дикари не могли стоять противъ русскихъ, хотя и небольшихъ отрядовъ, которымъ и удалось сдержать башкирцевъ, не допустить ихъ до соединенія съ донскими бунтовщиками. Мы уже говорили объ отношеніяхъ казаковъ къ земскимъ людямъ и государству, отношеніяхъ враждебныхъ изначала. Легко понять, что при Петрѣ отношенія эти должны были измѣниться и измѣниться въ пользу государства; преобразователь былъ радъ службѣ донцовъ; но не хотѣлъ, чтобъ государство слишкомъ дорого платило за эту службу. Мы знаемъ, что онъ призвалъ свой народъ къ великому и тяж-

кому труду, и ничто не могло его такъ раздражить, какъ тунеядство, стремленіе избѣжать труда. Народонаселеніе и безъ того было мало, ничтожно сравнительно съ пространствомъ государственной области, а потребность въ людяхъ, въ ихъ трудѣ, въ ихъ деньгахъ, пріобрѣтаемыхъ трудомъ и часть которыхъ должна была идти на государственныя нужды,—эта потребность увеличилась. Легко понять, что при такихъ условіяхъ Петръ не могъ сочувствовать людямъ, которые бѣжали отъ труда, и людямъ, которые принимали бѣглецовъ и поставляли свое главное право въ невыдачѣ ихъ. Такое право приписывали себѣ казаки: «Съ Дону выдачи нѣтъ», отвѣчали они постоянно государству на его требованія выдачи. Петръ не могъ признать этого права. Землевладѣльцы жаловались, что они разоряются отъ побѣговъ, платя за бѣглыхъ всякія подати *спуста*, правительство беретъ съ 20 дворовъ человѣка въ солдаты, съ десяти дворовъ работника, а бѣглые крестьяне, живя въ казачьихъ городкахъ, службы не служатъ и податей не платятъ. Царь, указомъ 1705 года, велѣлъ свесть казачьи городки, построенные не по указу, не на большихъ дорогахъ, и жителей ихъ поселить по большимъ дорогамъ, и никакихъ бѣглецовъ не принимать, за укрывательство вѣчная каторга, а главнымъ заводчикамъ—смерть; всѣхъ пришлыхъ людей, которые пришли послѣ 1695 года, т. е. такихъ, которымъ не вышла десятилѣтняя давность, отослать въ русскіе города, откуда кто пришелъ, потому что, говоритъ указъ, работники, будучи наняты на казенныя работы, забрали впередъ большія деньги, и, не желая работать, бѣгали и бѣгаютъ въ эти казачьи городки. Указъ не исполнялся, былъ повторенъ,—и опять не исполнялся. Тогда, въ 1707 году, Петръ отправилъ на Донъ полковника, князя Юрія Долгорукаго, съ отрядомъ войска для отысканія бѣглыхъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Внезапно, ночью, на Долгорукаго напали казаки и истребили весь отрядъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Вождемъ казаковъ въ этомъ дѣлѣ былъ бахмутскій атаманъ, Кондратій Булавинъ. Другіе казаки говорили Булавину: «Заколыхали вы всѣмъ государствомъ: что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Россіи, тогда и сами пропадете, и намъ придется пропадать».—«Не бойтесь», отвѣчалъ Булавинъ, «началъ я это дѣло не просто; былъ я въ Астрахани, въ Запорожьи, на Терекѣ; астраханцы, запорожцы и терчане всѣ мнѣ присягу дали, что скоро придутъ къ намъ на помощь: пойдемъ по казачьимъ городкамъ, приворотимъ ихъ къ себѣ, потомъ пойдемъ дальше, наполнимся конями, оружіемъ, платьемъ; пойдемъ на Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссылочныхъ и каторжныхъ, и съ этими вѣрными товарищами пойдемъ на Воронежъ и потомъ до самой Москвы». Такимъ образомъ, въ Москву въ одно время собирались два гостя: Карлъ XII—съ образцовымъ западно-европейскимъ войскомъ, и Кондратій Булавинъ—съ ссыльными и каторжными. Булавинъ разослалъ призывныя грамоты: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ атаманомъ Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ горныя вершины Самарскія». Такъ противъ призыва Петра къ великому и тяжелому труду, чтобъ посредствомъ него войти въ европейскую жизнь, овладѣть европейскою наукою, цивилизаціею, поднять родную страну, поднять родные народы, дать новыхъ дѣятелей въ исторію человѣчества,—противъ этого призыва раздался призывъ Булавина: «Кто хочетъ погулять, сладко попить да поѣсть,—пріѣзжайте къ намъ!» И призывъ Булавина отличался откровенностію, призывались прямо воры и разбойники. На Запорожьи рѣшили: позволить Булавину прибирать вольницу, а пойти съ нимъ явно на великороссійскіе города тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ татаръ, черкесъ и калмыковъ. Характеръ явленія высказывался ясно: поднималась степь, поднималась Азія, Скиѳія на великорусскіе города, противъ европейской Россіи, которая, несмотря на всѣ препятствія, создала изъ себя крѣпкое государство и теперь съ величайшимъ трудомъ, съ страшнымъ напряженіемъ силъ стремилась дать ему рѣшительный европейскій характеръ. Скиѳія была побѣждена, несмотря на то, что Великая Россія, Москва, должна была воевать въ то же время и съ западною Европою. Булавинъ, имѣвшій сначала большой успѣхъ, провозглашенный атаманомъ всего Донскаго войска, послѣ истребленія прежняго атамана и старшины, Булавинъ, въ іюлѣ 1708 г., застрѣлился вслѣдствіе неудачъ своихъ подъ Азовомъ. Бунтъ не прекратился смертію Булавина, ибо мы видѣли, интересъ какихъ людей былъ затронутъ стремленіемъ государства наложить свою руку на вольную рѣку Донъ, запретить пріемъ бѣглыхъ; такихъ людей накопилось много. Бунтъ былъ усмиренъ только въ ноябрѣ истребленіемъ и уходомъ товарищей Булавина; почти въ одинъ день Меншиковъ сжегъ Батуринъ, гнѣздо Мазепы, а князь Васил. Влад. Долгорукій сжегъ Рѣшетову станицу, послѣднее убѣжище булавинскихъ товарищей; черезъ шесть мѣсяцевъ была разорена Запорожская Сѣчь и мѣсяцъ съ чѣмъ-нибудь спустя прогремѣла Полтавская битва. Петръ не пустилъ къ Москвѣ гостей, ни Шведскаго короля съ Мазепою, гетманомъ войска Запорожскаго, ни Булавина съ его ворами и разбойниками.

Петръ торжествовалъ въ Москвѣ неслыханныя побѣды и не складывалъ рукъ, занимаясь дѣломъ внутреннимъ и внѣшнимъ, спѣша кончить Шведскую войну, чтобъ, добившись завѣтной цѣли, не имѣть болѣе препятствій для внутреннихъ преобразованій. Въ Польшѣ былъ прогнанъ король, посаженный Карломъ XII, Станиславъ Лещинскій, и возстановленъ старый союзникъ, Августъ II. Данія опять пристала къ союзу. Въ іюнѣ 1710 г. взятъ

Выборгъ, «крѣпкая подушка Петербургу», по выраженію Петра; въ іюлѣ сдалась Рига, и знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ писалъ царю: «Торжествуй радостно, преславный обогатитель славяно-русскаго народа»; въ сентябрѣ сдался Ревель, и Курбатовъ писалъ, что при заключеніи мира всѣ эти приморскія мѣста надобно оставить за Россіею. Но среди этихъ успѣховъ Петръ долженъ былъ испытать невыгоды успѣховъ, невыгоды величія и славы. Полтавская побѣда вводила въ систему европейскихъ государствъ новое могущественное государство, и для Европы рождался вопросъ первой важности: какое мѣсто займетъ это новое государство, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться къ другимъ государствамъ; какимъ началамъ слѣдовать въ своей политикѣ, чѣмъ руководствоваться въ дружбѣ и враждѣ. Одновременно съ великою Сѣверною войною на сѣверо-востокѣ, въ западной Европѣ шла великая война за Наслѣдство Испанскаго Престола, собственно направленная противъ властолюбивыхъ стремленій Франціи, ея короля Людовика XIV. Петръ очень хорошо понималъ выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнѣйшимъ державамъ Европы вмѣшиваться въ Сѣверную войну, мѣшать Россіи въ ея дѣлѣ, ибо онъ не могъ разсчитывать на сочувствіе этихъ державъ къ себѣ, особенно на сочувствіе Франціи; онъ прямо говорилъ, что надобно спѣшить окончаніемъ Сѣверной войны прежде окончанія западной. Но Полтавская побѣда, сокрушеніе силъ Швеціи, жалкое бѣгство въ Турцію Карла XII, считавшагося до сихъ поръ непобѣдимымъ, все это было такъ многозначительно, такъ громко, что не могло не взволновать Европы, несмотря на то, что она еще была занята войною за Испанію. Прежде всего, разумѣется, дѣло коснулось Турціи, единственнаго сосѣдняго государства, которое могло помѣшать Россіи въ ея торжествахъ, отвлечь ея силы. Карлъ XII послѣ Полтавы бѣжалъ въ ея предѣлы и употреблялъ всѣ старанія поднять Порту противъ Россіи, представляя, что если дать Петру пользоваться несчастіемъ Швеціи, то отъ этого потерпитъ прежде всего Турція, которая, поэтому, обязана помочь Швеціи, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы Россіи. Подобныя же внушенія и настаиванія приходили въ Костантинополь и отъ другой европейской державы, которая была всегда въ союзѣ съ Портою, отъ Франціи. Франція издавна стремилась играть первенствующую роль въ Европѣ и особенно была близка къ достиженію своей цѣли во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV. Но сильный союзъ другихъ державъ, образовавшійся по поводу вопроса объ Испанскомъ Наслѣдствѣ, остановилъ эти стремленія Французскаго короля. Тѣмъ болѣе теперь, при неудачѣ дѣла, Франція должна была заботливо слѣдить за европейскими отношеніями, обратить особенное вниманіе на новую силу, явившуюся на континентѣ: что эта сила, будетъ ли дружественна Франціи или умножитъ число враговъ ея, будетъ помѣхою ея стремленіямъ? Франція должна была рѣшить этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ.

Россія естественный врагъ Турціи. Башкирецъ, который хочетъ взбунтовать своихъ противъ Россіи, поднимаетъ знамя магометанства и отправляется въ Константинополь, гдѣ владычествуетъ естественный покровитель магометанъ; но во владѣніяхъ этого покровителя магометанства много христіанъ, которые давно уже ждутъ избавленія отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи, видятъ въ ея царѣ естественнаго покровителя восточныхъ христіанъ. Россіи, которой сила такъ явственно высказалась подъ Полтавою, легко будетъ одолѣть Турцію и тѣмъ нанести страшный ущербъ французскимъ интересамъ на Востокѣ, не говоря уже о томъ, что Турція издавна союзница Франціи; что Турція необходима для Франціи, какъ средство для отвлеченія силъ Австріи. По одинаково враждебнымъ отношеніямъ къ Турціи, Россія должна быть естественною союзницею Австріи, слѣдовательно должна быть враждебна Франціи; сильная Россія естественно должна имѣть преобладающее вліяніе въ Польшѣ, не допускать здѣсь французскаго вліянія, и такимъ образомъ и съ этой стороны будетъ охранять австрійскіе интересы. Сокрушеніе шведскаго могущества подъ Полтавою и появленіе Россіи въ видѣ первенствующей на сѣверѣ державы было тяжелымъ ударомъ для Франціи; этотъ ударъ прибавился къ пораженіямъ войны за Испанское Наслѣдство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россію посредствомъ вмѣшательства Турціи было необходимо для Франціи. Вслѣдствіе Полтавы и новаго могущества Россіи, Восточный вопросъ принимаетъ новый видъ: Турція для собственной безопасности должна поддержать Швецію и не допустить Россію утвердить свое вліяніе въ Польшѣ. Изъ трехъ сосѣднихъ Россіи государствъ, Швеціи, Польши и Турціи, дѣлается цѣпь, которою западно-европейская политика будетъ съ тѣхъ поръ стараться сдерживать Россію, и Франція теперь при этомъ играетъ главную роль, начертываетъ программу дѣйствія противъ Россіи. Напуганная, Турція объявила войну Россіи; съ крайнимъ огорченіемъ Петръ долженъ былъ отказаться отъ надежды скоро окончить Шведскую войну, долженъ былъ остановить свои дѣйствія на сѣверѣ и перенести оружіе на югъ; тратить время и силы на войну, въ его глазахъ теперь безцѣльную. Полтавскій побѣдитель долженъ былъ испытать немедленно же слѣдствія своего торжества, своего новаго значенія, слѣдствія того движенія европейскихъ интересовъ, какое было возбуждено Полтавою; долженъ былъ вести народъ свой въ борьбу, которою надобно было оплатить цивилизацію, взятую у Европы, участіе въ общей жизни Европы. Петру принадлежитъ починъ въ этой борьбѣ; его въ началѣ борьбы ждала жестокая неудача; но мы зна-

емъ, что неудача есть проба генія; знаемъ, какъ великій человѣкъ умѣлъ выдерживать неудачи, оставивъ примѣръ, которому долженъ подражать народъ, если хочетъ быть достойнымъ своего вождя, если хочетъ быть великимъ народомъ.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

24 февраля 1711 года въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, объявлено было народу о войнѣ съ турками. Мы уже говорили, какъ не нравилась Петру эта война; онъ находился въ мрачномъ расположеніи духа, печальныя предчувствія томили его; сюда присоединилась еще болѣзнь, застигшая его на дорогѣ, въ Луцкѣ. Въ одномъ письмѣ его отъ этого времени находимъ слова: «Намъ предстоитъ безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь». Въ другомъ читаемъ: «Что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ такъ отдаленному и почитай *во отчаяніи сущему*, къ томужъ отъ болѣзни чуть ожилъ, невозможно разсуждать». Положеніе было крайне затруднительное: не говоря уже о томъ, что царь отвлеченъ отъ Сѣверной войны, которую спѣшилъ кончить выгоднымъ миромъ до окончанія западной войны за Испанское Наслѣдство, вести двѣ войны на сѣверѣ и югѣ съ такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россія, и въ то время, когда народъ жаждалъ облегченія и отдыха, къ чему Полтавская побѣда подавала такую большую надежду:—вести при такихъ условіяхъ двѣ войны было очень тяжко. Петръ не могъ сосредоточить большаго войска на югѣ; надежда на помощь союзника, короля Польскаго Августа, была плохая; одна надежда на успѣхъ состояла въ поднятіи христіанскаго народонаселенія Турціи. Сербскій полковникъ, Милорадовичъ, отправленъ былъ поднимать черногорцевъ и другихъ славянъ, и писалъ объ успѣшномъ ходѣ дѣла; Молдавскій господарь Кантемиръ поддавался Россіи. Но чтобъ получить помощь отъ своихъ одновѣрцевъ и единоплеменниковъ; чтобъ предупредить турокъ, нужно было спѣшить вступленіемъ во владѣнія Порты; отъ турецкихъ христіанъ получались безпрестанныя просьбы, чтобъ царь шелъ какъ можно скорѣе; господари Молдавскій и Валахскій писали, что какъ скоро русскія войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся, а это подниметъ сербовъ и болгаръ. Петръ послалъ Шереметева къ Дунаю — нельзя ли предупредить турокъ и разорить мостъ. Но турки предупредили, перешли Дунай. Предстоялъ вопросъ: двигаться ли царю съ главнымъ войскомъ впередъ или оставаться. На военномъ совѣтѣ было рѣшено идти впередъ, и Петръ пошелъ, тѣмъ болѣе-что Молдавія уже объявила себя за русскихъ, и остановиться—значило отдать ее въ беззащитную жертву туркамъ. Слѣдствіемъ была встрѣча съ турками у Прута (9 іюля): у турокъ было 200,000 войска, у русскихъ только около 40,000. Несмотря на то, напавшій непріятель былъ отбитъ съ жестокимъ урономъ. Но все же положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Визирю предложены были мирныя условія и богатые подарки. Визирь принялъ предложеніе, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи: янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ русскихъ, потерявши 7,000 своихъ, отказались возобновить нападеніе и кричали, чтобъ визирь скорѣе заключилъ миръ; кромѣ того, получено было извѣстіе, что отправленный прежде царемъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Ренне, взялъ Браиловъ. Главныя условія мира были: отдача туркамъ Азова, разореніе Таганрога и другихъ новопостроенныхъ съ русской стороны городовъ; невмѣшательство царя въ польскія дѣла. Русское войско, не знавшее, что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ, изумленное снисходительностію мирныхъ условій, съ великою радостію выступило изъ западни къ своимъ границамъ. Но съ какимъ чувствомъ велъ его царь? Онъ въ письмахъ къ своимъ утѣшалъ ихъ, что хотя миръ заключенъ и съ большою потерею, но за то все же война кончилась на югѣ, и это дастъ возможность усиленно продолжать войну на сѣверѣ и скоро кончить ее выгоднымъ миромъ. Но при этомъ онъ проводилъ безсонныя ночи, тѣмъ болѣе что долго не могъ быть увѣренъ, состоится ли миръ съ турками, ибо Карлъ XII, Крымскій ханъ, Франція, измѣнившіе Россіи казаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пунктъ о невмѣшательствѣ Россіи въ польскія дѣла подавалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ: Петръ не могъ разорвать союза съ Польскимъ королемъ Августомъ, не могъ не проводить своихъ войскъ черезъ польскія владѣнія. Турецкіе министры прямо говорили англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобъ царь не вступался въ дѣла Польши, не вводилъ въ нее своихъ войскъ; ибо если дать ему въ томъ волю, то онъ легко сокрушитъ Швецію, и потомъ не только можетъ отобрать Азовъ, но черезъ Польшу опять вступить внутрь турецкихъ владѣній. Петръ не хотѣлъ возобновленія войны съ Турціею, хотя въ письмахъ къ своимъ признавался, что плакалъ, помышлия о необходимости отказаться отъ береговъ Азовскаго моря, что какъ бы не своею рукою писалъ указъ объ отдачѣ Азова и срытіи Таганрога. «Но разсудить надлежитъ», писалъ онъ, «что съ двумя непріятелями такими не весьма-ль отчаянно войну весть и упустить сію шведскую войну, которой конецъ уже близокъ является; сохрани Боже, ежелибъ въ обѣихъ войнахъ пребывая, дождались французскаго мира (т.-е. окончанія войны за Испанское Наслѣдство), то-бъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать». Наконецъ миръ съ турками былъ заключенъ въ 1713 году. Война, оконченная этимъ

миромъ, имѣетъ то значеніе въ исторіи, что въ ней Восточный вопросъ впервые сталъ славянскимъ вопросомъ: Петръ спѣшилъ къ Дунаю, чтобъ помочь христіанскому народонаселенію Турціи и взаимно получить отъ него помощь. Черногорцы поднялись, но, по отдаленности мѣста ихъ дѣвствій, не могли, разумѣется, оказать помощи русскому войску. Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостатокъ въ деньгахъ при громадныхъ издержкахъ, Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ. Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію Черногорскій владыка Даніилъ и получилъ 10,000 рублей, полное архіерейское облаченіе, книги; начальные черногорцы получили 160 медалей на 1,000 червонныхъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугамъ, но больше дать нельзя, потому что война съ еретикомъ королемъ Шведскимъ поглощаетъ всѣ доходы. Съ этихъ поръ начинается пріемъ славянъ и другихъ христіанъ восточнаго исповѣданія въ русскую службу. Такъ вступилъ въ русскую службу Милорадовичъ и сдѣланъ былъ гадяцкимъ полковникомъ въ Малороссіи; кромѣ него вступили въ русскую службу другіе сербскіе, молданскіе и валахскіе офицеры и рядовые, турецкіе и австрійскіе подданные. Ихъ размѣстили въ Кіевской и Азовской губерніяхъ, полковникамъ дано по мѣстечку или по знатному селу, прочимъ офицерамъ по нѣскольку дворовъ, на хозяйственное обзаведеніе даны деньги и хлѣбъ; имъ дано право перезывать къ себѣ еще людей своихъ народовъ и обѣщаны другія земли. Петръ такъ сознавалъ важность связи своего народа съ народами соплеменными, что счелъ своею обязанностію дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ, какъ говорится. Сербскій архіепископъ, Моисей Петровичъ, пріѣхалъ въ Россію и привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учителей, латинскаго и славянскаго языка, также книгъ церковныхъ: «Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ ихъ Богъ». Петръ велѣлъ отправить богослужебныхъ книгъ на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматикъ. Отправлены были и учителя съ большимъ по тогдашнему времени жалованьемъ,—отправлены были русскіе учителя, когда сама Россія имѣла ихъ такъ мало.

Но если Петръ считалъ своею обязанностію помогать и отдаленнымъ соплеменникамъ, то понятно, что не могъ не обратить вниманія на горькую судьбу русскихъ людей, которые за свою русскую народность, за свою русскую вѣру, терпѣли притѣсненія въ сосѣднемъ государствѣ, хотя и славянскомъ, но католическомъ. Петръ былъ въ союзѣ съ Польскимъ королемъ Августомъ II. Августъ измѣнилъ союзу, когда, несмотря на сильную помощь, несмотря на Калишскую побѣду, тайкомъ отъ царя заключилъ миръ съ Карломъ XII и отказался отъ Польскаго престола. Несмотря на то, послѣ Полтавы Петръ возстановилъ его на Польскомъ престолѣ. Казалось, можно бы ожидать благодарности; но на благодарность въ политикѣ нельзя разсчитывать. Августъ былъ нѣмецкій государь, Саксонскій курфюрстъ, который смотрѣлъ на Польшу, какъ на средство усиленія для своего Дома, смотрѣлъ и на Русскаго царя, какъ на орудіе для этого усиленія. Но какъ скоро оказалось, что Петру никакъ уже не приходится служить орудіемъ въ рукахъ какого нибудь Августа; какъ скоро оказалось, что могущественная Россія и ея великій царь никакъ не позволятъ Саксонскому курфюрсту усиливаться насчетъ Польши, такъ тѣсно связанной съ восточною Россіею роковою связью Россіи западной; какъ скоро оказалось, что Петръ, завоевавшій Ливонію безъ помощи Августа, не отдастъ ея ему: то Августъ счелъ полезнымъ для себя отстать отъ Россіи, сблизиться съ враждебными ей державами, съ Франціею, Турціею, показать имъ, что онъ вовсе не союзникъ Русскаго царя, готовъ сдѣлаться и врагомъ его, и потому согласно съ ихъ интересомъ поддерживать его на Польскомъ престолѣ; а между тѣмъ, подъ шумокъ, пока еще Петръ занятъ Шведскою войною, Августъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли въ Польшѣ, подчинивъ себѣ Рѣчь Посполитую посредствомъ саксонскаго войска. Два года сряду—712 и 714—былъ въ Польшѣ большой неурожай, а между тѣмъ голодная страна должна была содержать саксонское войско, котораго король не выводилъ, несмотря на всѣ просьбы поляковъ, несмотря на требованія Россіи. Поляки на сеймикахъ кричали, что ихъ вольность уже кончается, что имъ остается одно спасеніе—просить обороны у россійскаго орла. Наконецъ возстаніе вспыхнуло; образовалась конфедерація, и конфедераты начали биться съ саксонцами. Литовскій гетманъ Потѣй обратился къ Петру съ вопросомъ, что ему дѣлать. Въ Польшѣ конфедерація, которая требуетъ, чтобъ и Литва соединилась съ нею: одно средство успокоить страну, это защита и посредничество царскаго величества. Петръ отвѣчалъ: «Пусть будетъ прислано ко мнѣ прошеніе отъ всей рѣчи посполитой, и тогда я вступлю въ посредничество для ея облегченія и примиренія съ королемъ». Въ мартѣ 1716 года пріѣхали къ Петру послы конфедераціи съ просьбою вступиться въ дѣло; король волею-неволею долженъ былъ согласиться на посредничество Русскаго государя. Это новое положеніе Россіи относительно Польши возбудило сильное движеніе въ сосѣднихъ державахъ: и Австрія, и Пруссія стали хлопотать, чтобъ поляки приняли и ихъ посредничество; но дѣло обошлось и безъ нихъ: благодаря движенію русскихъ войскъ, саксонскія войска въ 14 дней должны были очистить Польшу.

Но избавивъ поляковъ отъ саксонцевъ, Петръ долженъ былъ избавить православныхъ жителей

западной Россіи отъ польскихъ притѣсненій. Въ XVI и XVII вѣкахъ религіозное гоненіе, поднятое на русское народонаселеніе въ польскихъ областяхъ, повело къ сильному движенію среди него, физическому и нравственному, вслѣдствіе чего значительная часть русскихъ земель отторгнулась отъ Польши и присоединилась къ Россіи восточной или Великой. Это событіе еще болѣе раздражило поляковъ, заставило ихъ хлопотать о томъ, какъ бы уменьшить во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой число русскихъ, какъ бы заставлять ихъ ополячиваться, т. е. обращаться въ католицизмъ или сначала въ унію. Хотѣли такимъ образомъ уменьшить число людей, которые тянули къ Россіи, ждали отъ нея помощи и покровительства; особенно старались окатоличить, ополячить какъ можно скорѣе православную шляхту, ибо шляхтичъ, какъ членъ сейма, былъ членомъ правительства; а на сеймахъ боялись людей, которые могли бы поддерживать русскіе интересы, русскія требованія. Отсюда, послѣ окончанія борьбы у Польши съ Россіею Андрусовскимъ перемиріемъ, а потомъ и вѣчнымъ Московскимъ миромъ, гоненіе на православныхъ въ Польшѣ, отнятіе архіерейскихъ каѳедръ у православныхъ и отдача ихъ уніатамъ не ослабѣваютъ, но усиливаются. Православные обращаются съ жалобами къ русскому правительству, и Петръ, для прекращенія этихъ жалобъ, рѣшается употребить сильныя мѣры. Въ 1722 году пріѣзжаетъ въ Москву Бѣлорусскій епископъ Сильвестръ, князь Четвертинскій, представляетъ длинный списокъ обидъ и притѣсненій, какія терпитъ православное духовенство отъ католиковъ, показываетъ знаки ранъ, полученныхъ имъ самимъ за то, что вступался за своихъ священниковъ, палками обращаемыхъ въ унію. Петръ написалъ королю, что единственное средство прекратить жалобы православныхъ—это составить коммисію для изслѣдованія обидъ и полученія за нихъ удовлетворенія. Но эту коммисію нельзя составить изъ однихъ поляковъ-католиковъ, въ ней непремѣнно долженъ быть русскій и царскій подданный. «Если же, паче чаянія», писалъ Петръ королю, «удовлетворенія не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». Не дожидаясь отвѣта, Петръ уже назначилъ своего коммисара, переводчика при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, западнорусскаго же уроженца Рудаковскаго, которому немедленно же велѣлъ ѣхать въ Могилевъ, освѣдомиться подлинно обо всѣхъ обидахъ людямъ греческаго исповѣданія, приготовить всѣ доказательства для коммисіи, и стараться, чтобъ впредь не было гоненія на православныхъ. Протестанты въ польскихъ владѣніяхъ также обратились къ Петру съ просьбою о покровительствѣ; видя это, Прусскій Дворъ спѣшилъ также присоединиться къ дѣлу, обратился къ Русскому государю съ просьбою заступиться за евангеликовъ, гонимыхъ въ Польшѣ. Такъ поднимался знаменитый Диссидентскій вопросъ, который, ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, въ 1772 году рѣшился первымъ раздѣломъ Польши, когда знаменитая собирательница русскихъ земель, Екатерина II, присоединеніемъ Бѣлоруссіи отпраздновалъ столѣтній юбилей Петра I-го. Рудаковскій писалъ Петру, что епископъ Бѣлорусскій все доносилъ справедливо о гоненіяхъ на Церковь Восточную, развѣ что еще забылъ написать. Коммисаръ началъ свою дѣятельность: по жалобѣ пинскихъ монаховъ на захватъ православныхъ монастырей и церквей въ унію, поведено было дѣло въ судѣ и состоялся приговоръ о возвращеніи отнятыхъ монастырей и церквей православныхъ. Рудаковскій съ мужествомъ привелъ въ исполненіе королевскій декретъ объ этомъ возвращеніи. Тщетно ксендзы и уніаты вопили какъ бѣсноватые: «Намъ бѣда! намъ грозитъ смерть! лучше бы намъ было видѣть въ этихъ церквахъ турокъ и жидовъ, чѣмъ проклятыхъ схизматиковъ!» Ожесточеніе вызывало ожесточеніе и съ другой стороны: значительнѣйшіе изъ русскаго духовенства въ Бѣлоруссіи предлагали Рудаковскому поднять простой народъ и перебить всѣхъ католиковъ и уніатовъ, потому что, говорили они, простой народъ весь пойдетъ за нами. Рудаковскій отвѣчалъ имъ, чтобъ позабыли и думать объ этомъ, и дожидались бы покровительства Русскаго государя, который уже прислалъ его, Рудаковскаго, для защиты Восточной Церкви. Ненависть поляковъ къ небывалому у нихъ коммисару доказывала, что онъ былъ присланъ непонапрасну. Польскіе министры требовали, чтобъ Рудаковскій былъ отозванъ, «ибо не помнимъ», писали они, «чтобъ когда либо прежде подобные коммисары жили въ земляхъ нашихъ и вмѣшивались въ дѣла духовныя». Но коммисаръ не былъ отозванъ и продолжалъ свою дѣятельность. Съ другой стороны, Петръ шелъ наперекоръ королю Августу въ его стремленіяхъ сдѣлать Польшу наслѣдственною въ своей фамиліи, удержать польское войско подъ начальствомъ саксонскаго фельдмаршала, въ замыслахъ раздѣлить Польшу. Такимъ образомъ, союзъ, заключенный, съ цѣлію сдѣлать Россію орудіемъ для выполненія саксонскихъ замысловъ, рушился, когда Русскій царь, не могшій, по своей природѣ, служить орудіемъ для чужихъ замысловъ, оправдалъ опасенія Паткуля, одинъ усилился въ Сѣверной войнѣ, ибо один безъ союзниковъ сокрушилъ шведскую силу при Полтавѣ, и не считалъ полезнымъ для Россіи усиливать Саксонію насчетъ Польши. Такъ-же рушились и другіе союзы. Овладѣвъ прибалтійскими областями, Петръ для скорѣйшаго окончанія войны рѣшился дѣйствовать противъ германскихъ владѣній Швеціи, и, съ помощію датскаго флота, произвести высадку и въ самую Швецію. Онъ пригласилъ Данію, Ганноверъ, Пруссію участвовать въ этой войнѣ; они бросились на легкую добычу, на шведскія владѣнія въ Германіи, также на владѣнія родственнаго и союзнаго Швеціи Голштинскаго Дома; но скоро Данія и Ганноверъ были напуганы внушеніями о

завоевательныхъ замыслахъ Русскаго царя относительно Германіи. Внушенія пошли отъ мекленбургскаго дворянства, которое было въ ссорѣ съ своимъ герцогомъ, а Петръ держалъ сторону герцога, женатаго на его племянницѣ, цесаревнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Данія и курфюрстъ Ганноверскій Георгъ, сдѣлавшійся королемъ Англійскимъ, сочли своею обязанностью мѣшать Петру въ окончаніи Сѣверной войны, въ заключеніи выгоднаго мира съ Швеціею. Но Петръ достигъ своей цѣли и безъ союзниковъ. Въ 1713 году почти вся Финляндія была уже въ русскихъ рукахъ: «Эта страна намъ вовсе не нужна», писалъ Петръ, «но надобно занять ее для того, чтобъ при мирѣ было что уступить Шведамъ». Въ 1714 году одержана была знаменитая морская Гангудская побѣда. Карлъ XII, возвратясь изъ Турціи, нашелъ шведскія дѣла въ такомъ положеніи, что, по внушенію министра своего, голштинца Герца, рѣшился въ 1718 году вступить въ переговоры съ Петромъ, сдѣлать ему большія уступки, чтобъ, съ его содѣйствіемъ, вознаградить Швецію насчетъ другихъ враговъ ея. Аландскій конгрессъ, на который съ этою цѣлію съѣхались русскіе и шведскіе уполномоченные, рушился вслѣдствіе смерти Карла XII. Сестра его, Ульрика-Элеонора, ставшая королевою Шведскою, и вельможи, захватившіе власть въ свои руки, понадѣялись на обѣщанія Англійскаго короля Георга и рѣшились продолжать войну съ Россіею. Англійскій флотъ дѣйствительно явился въ Балтійское море, чтобъ испугать Петра и сдѣлать его уступчивѣе; но Петра испугать было нельзя: въ глазахъ англичанъ русскіе высаживались на шведскіе берега и пустошили ихъ. Въ Швеціи наконецъ поняли, что никто не подастъ имъ помощи противъ Петра, начали снова мирные переговоры, и, 30 августа 1721 года, въ Ништадтѣ заключенъ былъ миръ, по которому съ шведской стороны уступались царскому величеству и его преемникамъ въ полное, неотрицаемое, вѣчное владѣніе и собственность завоеванныя царскаго величества оружіемъ Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Кореліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена, со всѣми аппартиненціями и депенденціями, юрисдикціею, правами и доходами.

4 сентября въ Петербургѣ сильное волненіе: царь, отправившійся въ Выборгъ, неожиданно возвращается изъ своей поѣздки, плыветъ и каждую минуту стрѣляетъ изъ трехъ пушекъ на своей бригантинѣ; трубачъ трубитъ: что это значитъ?.. Наконецъ слышится радостное, желанное слово: «Миръ»! Толпы собираются къ Троицкой пристани; съѣзжается знать духовная и свѣтская. Встрѣченный торжественными кликами, Петръ ѣдетъ въ Троицкій соборъ къ молебну. Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить его, просятъ принять чинъ адмирала. А между тѣмъ на Троицкой площади уже приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ для угощенія народа, устроено возвышенное мѣсто. Послѣ молебна, на это возвышенное мѣсто всходитъ царь и говоритъ окружающему народу: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные! что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый вѣчный миръ». Сказавши это, Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье народа, который плачетъ и кричитъ: «Да здравствуетъ государь!» 10 числа начался большой маскарадъ изъ 1000 масокъ и продолжался цѣлую недѣлю. Сильная, свѣжая, вѣчно-юная природа Петра, сказывавшаяся всегда, разумѣется, сказалась и тутъ: онъ веселился какъ ребенокъ. Радость была общая; особенно радовались сотрудники, болѣе другихъ понимавшіе въ чемъ дѣло, болѣе другихъ потрудившіеся. Имъ представлялось то, что было 20 лѣтъ назадъ и что теперь, имъ представлялось то униженіе, въ которомъ была Россія послѣ Нарвы, и то уваженіе, съ которымъ разступились передъ нею теперь европейскія державы, чтобъ дать ей почетное мѣсто среди себя. Они живо чувствовали, какъ въ двадцать лѣтъ расширилась ихъ умственная сфера, какъ они много узнали, какъ измѣнились, вслѣдствіе того, ихъ понятіе и взгляды; они чувствовали себя совершенно другими людьми и на языкѣ ихъ невольно появлялись слова, что они перешли изъ небытія въ бытіе, и что обязаны этимъ своему вождю, начальнику ихъ компаніи. Они поднесли Петру титулъ «Отца Отечества, Великаго Императора Всероссійскаго» за то, что «его неусыпными трудами и руковожденіемъ они изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта и, тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены». Петръ отвѣчалъ имъ простыми словами, ибо простота всегдашняя спутница величія: «Желаю весьма народу россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога; но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отчего народъ получитъ облегченіе». Петръ, и по окончаніи знаменитой войны, остался вѣренъ представленію о ней, какъ о школѣ; онъ писалъ: «Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время (21 годъ) была, однакожь, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно». Съ 22 октября 1721 года, когда Петру поднесенъ былъ названный титулъ, Россія стала имперіею. До тѣхъ поръ въ Европѣ былъ одинъ императоръ, императоръ Священной Римской имперіи; но въ Европѣ давно уже толковали, что Петръ стремился стать Восточнымъ Римскимъ императоромъ. Петръ дѣйствительно сталъ императоромъ, но не Восточнымъ Римскимъ, а Всероссійскимъ; ему не было никакого дѣла до Рима, и онъ отвергнулъ эту безсмысленную для

Россіи, для ея исторіи ветхость. Онъ трудился для Россіи и съ Россіею, для нея и съ нею онъ добылъ императорскій титулъ, и не отлучилъ родной страны отъ собственной славы. Только въ XIX вѣкѣ остальная Европа покончила съ трупомъ Римской имперіи, рѣшилась похоронить его; только въ XIX вѣкѣ вмѣсто Римской явились имперіи Французская, Астрійская, Германская. Но Петръ цѣлымъ вѣкомъ предупредилъ это явленіе, первый въ своемъ титулѣ указалъ начало народности. Великая благодарность великому человѣку за то, что онъ неразрывно связалъ имя свое и своихъ преемниковъ съ именемъ своего народа, съ именемъ родной страны.

18 декабря новый императоръ торжественно вступилъ въ древнюю столицу царей, и въ Успенскомъ соборѣ благодарили Бога за миръ, который далъ Россіи море и окончательно опредѣлилъ ея новые историческіе пути. И въ Москвѣ началось празднество, маскарады, фейерверки, иллюминаціи, ѣзда по улицамъ на морскихъ судахъ, поставленныхъ на сани. Но отъ этихъ праздниковъ въ честь мира обратимся ко внутренней дѣятельности Петра во время Сѣверной войны и послѣ нея.

Мы видѣли первыхъ главныхъ сотрудниковъ Петра, видѣли, что самымъ виднымъ лицомъ, первымъ министромъ въ глазахъ иностранцевъ былъ бояринъ, адмиралъ Ѳед. Алексѣевичъ Головинъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами. Здѣсь мы видимъ естественную въ первое время неразвитость, т. е. отсутствіе раздѣленія занятій, нѣсколько должностей сосредоточиваются въ рукахъ одного человѣка. Головинъ и адмиралъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ завѣдываетъ Оружейною Палатою и новоучрежденными школами. Съ теченіемъ времени, когда проницательный взглядъ преобразователя открывалъ все болѣе и болѣе способныхъ людей, происходитъ развитіе, раздѣленіе занятій, различныя должности передаются отдѣльнымъ лицамъ. Петръ лишился Головина въ 1706 году, и сильно горевалъ о потерѣ «друга», ибо имѣлъ способность привязываться къ достойнымъ людямъ, какъ имѣлъ способность привязывать къ себѣ достойныхъ людей. По смерти Головина его должности уже раздѣляются: адмираломъ становится Апраксинъ, завѣдываніе иностранными дѣлами поручается Головкину съ титуломъ канцлера; но еще Головинъ выдвинулъ изъ переводчиковъ Посольскаго Приказа даровитаго Шафирова, который потомъ, при Головкинѣ, сдѣлался вице-канцлеромъ. Быстро выдвигается и чрезвычайно даровитый Ягужинскій, котораго мы видимъ при разныхъ Дворахъ съ важными дипломатическими порученіями; мы уже упоминали, какъ, благодаря правилу Петра учить своихъ на практикѣ, на дипломатическомъ поприщѣ понятливые ученики сдѣлались скоро мастерами. Двое Долгорукихъ, Григорій Ѳед. и Василій Лукичъ, Матвѣевъ, кн. Куракинъ, Петръ Андр. Толстой усердно помогали Петру въ дипломатической борьбѣ съ Европою отъ Лондона до Константинополя; въ хорошей школѣ не можетъ быть недостатка въ подросткахъ; и эти подростки обозначились и окрѣпли при Петрѣ; они, по завѣщанію Петра, имѣя постоянно въ умѣ и на языкѣ имя великаго преобразователя, вели русскую политику чрезъ первую половину XVIII вѣка и передали ее въ достойныя руки, руки Екатерины II. Эти подростки обозначились въ двоихъ братьяхъ Бестужевыхъ, уже занимавшихъ при Петрѣ очень значительные дипломатическіе посты; обозначился и знаменитый иностранецъ, который въ печальныя для русской народности времена внутри Россіи, искусно поддерживалъ русскіе интересы въ Европѣ,—обозначился знаменитый Остерманъ. Однажды на кораблѣ, гдѣ находился государь, произошла драка между царскимъ деньщикомъ и молодымъ нѣмцемъ, ведшимъ дневникъ у вице-адмирала: нѣмецъ прямо пришелъ къ царю съ жалобою и просьбою о сатисфакціи; Петръ сатисфакціи ему не далъ, сказавши: «Пьяное дѣло!» но наружность нѣмца остановила его вниманіе; по своему обычаю, онъ поднялъ у него со лба волосы, посмотрѣлъ въ глаза и взялъ къ себѣ для иностранной переписки. Нѣмца звали Остерманомъ: онъ велъ переговоры и заключилъ Ништадтскій миръ. Сохранились разсказы современниковъ о томъ, какъ поддерживалась школа, воспитывались подростки, выбирались люди. Молодые дворяне, посланные учиться за границу, возвратились—и сейчасъ къ государю на экзаменъ зимою, въ 6 часовъ утра: Петръ со свѣчею въ рукахъ ползалъ по картѣ, разспрашивалъ ихъ, остался доволенъ Одинъ изъ возвратившихся изъ-за границы, извѣстный Неплюевъ, былъ опредѣленъ Петромъ въ смотрители надъ постройкою галеръ, должность, въ которой онъ почти ежедневно видалъ государя. Петръ замѣтилъ, что въ маломъ будетъ путь, и начальствующія лица начали воспитывать молодаго офицера, учить его какъ служить и какъ сохранить расположеніе царя: «Будь исправенъ, будь проворенъ и говори правду; сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было: онъ больше разсердится, если солжешь». Скоро Неплюевъ подвергся экзамену въ этомъ искусствѣ. Однажды онъ пришелъ на работу, а Петръ уже тутъ: Неплюевъ сильно перепугался, и первою мыслію было бѣжать домой и сказаться больнымъ; но потомъ вспомнились наставленія и онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился государь. «А я уже, мой другъ, здѣсь!» сказалъ ему Петръ.—«Виноватъ, государь», отвѣчалъ Неплюевъ: «вчера я былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и опоздалъ».—«Спасибо, что говоришь правду», сказалъ Петръ: «Богъ проститъ! кто бабѣ не внукъ». Послѣ того Неплюевъ получилъ мѣсто резидента въ Константинополѣ такимъ образомъ, показывающимъ всю простоту отношеній Петра къ своимъ приближеннымъ: у государя былъ обѣдъ для всей знати, также

для офицеровъ гвардейскихъ и морскихъ, почему былъ приглашенъ и Неплюевъ. Отобѣдавъ съ товарищами прежде, онъ всталъ изъ-за стола и отправился въ ту сторону, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ и велъ такой разговоръ съ Головкинымъ и Апраксинымъ. «Надобенъ мнѣ человѣкъ, который бы зналъ итальянскій языкъ, для посылки въ Константинополь резидентомъ». Головкинъ отвѣчалъ, что такого не знаетъ,—«А я знаю», сказалъ Ѳед. Матв. Апраксинъ: «очень дѣльный человѣкъ, да та бѣда, что очень бѣденъ».—«Бѣдность не бѣда», отвѣчалъ Петръ, «этому помочь можно скоро; но кто это такой?»—«Да вотъ онъ за тобой стоитъ», сказалъ Апраксинъ —«За мной стоятъ много», возразилъ Петръ.—«Да твой хваленый, что у галернаго строенія», отвѣчалъ Апраксинъ. Петръ оборотился, взглянулъ на Неплюева и сказалъ: «Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ хорошъ, да мнѣ бы хотѣлось его у себя имѣть». Но потомъ, подумавши, государь приказалъ назначить Неплюева резидентомъ въ Константинополь.

Способныхъ людей было набрано много; но цѣль преобразователя состояла въ томъ, чтобъ пріучить этихъ способныхъ людей къ дѣятельности сообща, въ которой бы они развивали силы другъ друга и сдерживали другъ друга. У насъ часто говорятъ о дубинкѣ Петра Великаго, даже иногда слышится желаніе, чтобъ она снова явилась съ своею, будто бы очень полезною, дѣятельностію. При воспитаніи человѣка въ дѣтскомъ возрастѣ допускаются извѣстныя внушенія, наказанія, тѣлесныя наказанія; но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ подобныя воспитательныя средства не допускаются, да и съ самаго начала опытные воспитатели стараются развивать въ воспитанникахъ высшія, нравственныя побужденія къ добру. Петръ употреблялъ дубинку для взрослыхъ дѣтей, но, въ то же время, цѣлая система учрежденій, имѣвшихъ воспитательное значеніе для народа показываетъ, что преобразователь употреблялъ другія, болѣе дѣйствительныя средства къ тому, чтобъ вывести русскихъ людей изъ дѣтскаго возраста относительно общественной жизни, и упразднить внѣшнія, дѣтскія побужденія, упразднить дубинку. И мы думаемъ, что воспоминаніе объ этихъ учрежденіяхъ и о борьбѣ, которую изъ-за нихъ выдерживалъ преобразователь, будетъ гораздо питательнѣе для общества, чѣмъ воспоминаніе о дубинкѣ. Мы видѣли, что Петръ учредилъ Сенатъ, который облекъ большою властію. Воспитаніе этого высшаго правительственнаго учрежденія, разумѣется, было главною заботою Петра. «Теперь все у васъ въ рукахъ», говорилъ онъ сенаторамъ и этими словами напоминалъ имъ о важности ихъ значенія и соединенныхъ съ нею обязанностяхъ и отвѣтственности. Люди собрались для общаго дѣла, и первое сильное искушеніе—потратить время въ слишкомъ долгихъ разсужденіяхъ о дѣлѣ и въ разговорахъ не о дѣлѣ: Петръ требуетъ отъ сенаторовъ, чтобъ они не теряли времени, «понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно». Никому въ сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются службы, тѣмъ менѣе заниматься бездѣльными разговорами или шутками, а главное—сенаторы должны имѣть въ памяти должность свою и царскіе указы; и дѣлъ до завтра не откладывать; какъ можетъ государство быть управляемо, когда указы не будутъ дѣйствительны? Презрѣніе указовъ равно измѣнѣ и еще хуже ея, ибо, заслышавъ объ измѣнѣ, всякъ остережется, а этого зла никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало-по-малу все разорится... Въ управленіи государствомъ важнѣе всего храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды». Для ослабленія этого зла Петръ въ началѣ 1722 года, учредилъ при Сенатѣ должность генералъ-прокурора, котораго онъ назвалъ окомъ своимъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ. Во всѣхъ низшихъ мѣстахъ должны были находиться прокуроры, надзоръ надъ которыми порученъ генералъ-прокурору. Одна изъ главныхъ заботъ Сената состояла въ удовлетвореніи требованіямъ государства относительно людей, нужныхъ для службы военной и гражданской; для облегченія Сената въ этомъ дѣлѣ учреждена была должность герольдмейстера, который имѣлъ списки всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ ихъ и, по первому требованію, представлялъ людей способныхъ къ той или другой должности. Я употребилъ выраженія; «служба военная и гражданская»; это раздѣленіе есть новость, появившаяся съ Петра; древняя Россія представляла первобытное государство съ рѣзкимъ признакомъ неразвитости: служба военная не была отдѣлена отъ гражданской; при Петрѣ явилось раздѣленіе должностей гражданскихъ отъ военныхъ, что и выразилось въ знаменитой табели о рангахъ. Мы нѣсколько разъ упоминали о цѣлой системѣ учрежденій, имѣвшихъ воспитательное значеніе для народа чрезъ пріученіе его къ дѣятельности сообща. Система эта приводилась въ исполненіе постепенно, и только къ 1720 г. образовались для отдѣльныхъ вѣдомствъ Коллегіи, замѣнившія прежніе Приказы. Коллегія состояла изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ и ассесоровъ. Если и въ Сенатѣ, куда были выбраны самые способные люди, дѣло, по его новости, шло далеко не такъ, какъ бы желалось, то тѣмъ болѣе нельзя было надѣяться вначалѣ большаго успѣха въ коллегіяхъ. Тяжело было приниматься за новое дѣло: ежеминутно вопросы: какъ дѣлать? и кто будетъ отвѣчать на эти вопросы? Въ Сенатъ Петръ рѣшительно не допускалъ иностранцевъ, но въ коллегіи допускалъ. Президентъ необходимо былъ русскій; но вице-президентъ могъ быть иностранецъ; также изъ иностранцевъ былъ одинъ совѣтникъ, или

ассесоръ, одинъ секретарь. Спросятъ,—зачѣмъ это. Неопытность русскихъ требовала указанія—какъ вести дѣло; способъ веденія дѣлъ былъ новый, какъ напр. въ бергъ-и мануфактуръ-коллегіи. Петръ велѣлъ отправить въ Кенигсбергъ 30 или 40 человѣкъ молодыхъ подъячихъ, но до ихъ возвращенія надобно было допустить иностранцевъ; по незнанію русскаго языка, иностранцы должны были вести дѣла чрезъ переводчиковъ—неудобство страшное! Чтобъ избавиться отъ этого неудобства, Петръ велѣлъ своему резиденту въ Вѣнѣ пригласить изъ австрійскихъ коллегій въ русскую службу чиновниковъ славянскаго происхожденія, чеховъ, моравовъ, которые могли бы скорѣе нѣмцевъ выучиться русскому языку; велѣлъ пригласить въ службу при коллегіяхъ шведскихъ плѣнниковъ, выучившихся порусски, а между тѣмъ, при первой возможности, старался отдѣлаться отъ иностанцевъ при коллегіяхъ: въ 1722 году, сидя въ Сенатѣ, Петръ велѣлъ президентамъ коллегій разобрать иноземцевъ коллежскихъ членовъ, и указать тѣхъ, которые годны, а негодныхъ отпустить. Легко понять, какое препятствіе всѣ эти учрежденія встрѣчали въ недостаткѣ способныхъ людей при общемъ малолюдствѣ; въ 1722 году генералъ-прокуроръ жаловался, что еще 100 мѣстъ въ управленіи остаются незамѣщенными. Поручая герольдмейстеру приготовлять молодыхъ дворянъ для гражданской службы, Петръ однако внушалъ ему, чтобъ онъ не слишкомъ много пускалъ въ гражданскую службу, иначе армія и флотъ истощатся; послѣ этого внушенія нельзя сказать, чтобъ должность петровскаго герольдмейстера была легка. Высшія учрежденія, коллегіи еще какъ нибудь наполнялись людьми; но въ областномъ управленіи преобразователь, вслѣдствіе недостатка людей, долженъ былъ отказаться отъ своихъ любимыхъ плановъ относительно коллегіальной формы и отдѣленія суда отъ управленія; его планы остались программою для будущаго. Но Петръ не хотѣлъ отказаться отъ другого воспитательнаго для народа средства, отъ выборовъ, которые онъ устроилъ повсюду въ обширныхъ размѣрахъ, въ гражданской и военной службѣ. Сверху выборы начинались съ президентовъ коллегій, и самъ Петръ присутствовалъ при этихъ выборахъ, училъ, какъ производить ихъ правильно и безпристрастно: выбиралъ Сенатъ съ участіемъ генералитета, членовъ коллегій и 100 человѣкъ выборныхъ изъ дворянства. Въ другіе высшіе чины Сенатъ избиралъ баллотировкою; въ низшіе назначалъ просто. Петръ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ выборы расцространили жизнь, самостоятельное движеніе, общую дѣятельность и въ областяхъ. Какъ обыкновенно и вездѣ бываетъ, право выбора явилось тяжелою обязанностію, отъ которой старались избавиться. Петръ велѣлъ выбирать дворянамъ сборщиковъ податей, или земскихъ комисаровъ; дворяне начали вмѣсто себя посылать на выборы прикащиковъ. Петръ запретилъ это, предписалъ помѣщикамъ, а въ поморскихъ (сѣверныхъ) городахъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ, обывателямъ съѣзжаться къ Новому Году для выбора земскаго комисара. Если на прежняго комисара будутъ просьбы, то помѣщики или обыватели судятъ его по винѣ, штрафуютъ и по экзекуціи доносятъ губернаторамъ и воеводамъ. Преобразователь отстаивалъ свои воспитательныя средства, несмотря на страшныя препятствія. Намъ еще предстоитъ печальная обязанность разсказать о тѣхъ застарѣлыхъ въ русскомъ общественномъ тѣлѣ болѣзняхъ, которыя вскрылъ преобразователь и неумолимо и неутомимо преслѣдовалъ. Борьба была тяжелая. «На душу Петру Алексѣевичу», разсказываютъ современники, «по временамъ находила такая черная туча, что онъ запирался и никого не допускалъ къ себѣ». Но труды и страданія не пропали даромъ. Современники же Петра свидѣтельствуютъ, что они учились у него «благородному безстрашію и правдѣ». Значитъ, была хорошая школа, хорошій учитель и хорошіе ученики.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Въ концѣ прошедшей бесѣды нашей я упомянулъ о внутренней ожесточенной борьбѣ, которую долженъ былъ вести преобразователь и которая, по выраженію современниковъ, наводила на него черныя тучи, борьба не съ стрѣльцами, не съ казаками, не съ башкирцами, не съ вооруженною силою, которая прямо поднималась, прямо заявляла свои требованія и съ которою легко было бороться въ борьбѣ открытой: борьба гораздо болѣе тяжкая, болѣе изнурительная шла съ людьми, которыхъ Петръ призвалъ для новой, сильной и славной дѣятельности, и которые, по своимъ способностямъ, откликнулись на призывъ, принесли помощь преобразователю, но которые не поняли главнаго смысла призыва, значенія той помощи, какой особенно требовалъ отъ нихъ Петръ. Они принесли свое мужество для борьбы со внѣшними врагами, способность къ тяжелому труду, способность быстро пріобрѣсти знаніе, искусство въ томъ или другомъ дѣлѣ, нужномъ для Россіи; но многіе не принесли другого высшаго, гражданскаго мужества, не принесли способности отказаться отъ частной корысти для общаго дѣла, способности отвыкнуть отъ жизни врознь, способности отвыкнуть отъ взгляда на службу государственную—какъ на кормленіе, на подчиненныхъ,—какъ на людей, обязанныхъ кормить, на казну,—какъ на общее достояніе въ томъ смыслѣ, что всякій добравшійся до нея имѣетъ право ею пользоваться. Преобразователь твердилъ о государствѣ, заставлялъ присягать ему; твердилъ, что надобно стараться о пользѣ общей, ибо отъ этого старанія народъ получитъ облегченіе: эти слова для многихъ были только словами, словами языка чуждаго, непонятнаго. Борьба была тяжела, тяжелѣе Сѣверной войны; не могъ преобразователь

быть поощренъ въ ней Полтавою, не могъ окончить ее Ништадтскимъ миромъ. Борьба не кончилась; но мы должны почтить труды перваго учителя, благоговѣйно отнестись къ его скорби о тяжкой борьбѣ съ укоренившимися противуобщественными привычками. Призывая народъ къ тяжкому труду, къ лишеніямъ и пожертвованіямъ, сберегая самъ каждую копѣйку, Петръ слышалъ общія глухія жалобы, что деньги, сбираемыя съ народа, идутъ не на общее дѣло, а по частнымъ карманамъ; что народу недостаетъ одной изъ главныхъ потребностей общественной жизни,— суда праваго и скораго. Загремѣли указы, что государю извѣстно умноженіе великихъ неправдъ и грабительствъ государственной казны, отчего многіе всякихъ чиновъ люди, особенно крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность. Указы грозили смертною казнію плутамъ, которые стараются только о томъ, какъ бы подводить эти мины подъ всякое доброе дѣло и несытость свою наполнять. Въ указахъ были выставлены средства, какими обыкновенно подводились эти мины, вслѣдствіе чего никто не могъ отговариваться: прежде это дѣлалось, позволялось, я не зналъ, что это не хорошо, запрещено теперь. Но всуе указы писать, если ихъ не исполнять; тѣхъ, которые въ ихъ неисполненіи находили выгоду, было очень много; общество не выработало нравственныхъ средствъ для наблюденія за этими людьми и для ихъ сдерживанія; государство должно было взять это на себя, дѣйствовать своими средствами, единственно для него доступными при безсиліи общества, при безпомощности государства съ этой стороны. Учредивъ Сенатъ и поручая ему прежде всего судъ имѣть нелицемѣрный, преслѣдовать судей неправедныхъ и ябедниковъ Петръ велѣлъ ему выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго, изъ какого бы чина ни было, который надъ всѣми дѣлами долженъ былъ тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, про сборъ казны, и, узнавши про неправое дѣло, звать виновнаго предъ Сенатъ, какого бы важнаго мѣста преступникъ ни занималъ. Въ вѣдѣніи оберъ-фискала должны быть провинціальные фискалы и фискалы при каждой отрасли управленія. И здѣсь, какъ вездѣ, Петръ поступалъ по своему правилу: у Сената все въ рукахъ, пусть же онъ выбираетъ оберъ-фискала, и выборъ не стѣсненъ, пусть выбираютъ изъ всѣхъ состояній, изо всего народа, лишь былъ бы человѣкъ умный и добрый; Сенатъ отвѣчалъ, если-бы человѣкъ, получившій такую важную обязанность, оказался не умнымъ и не добрымъ. Сенатъ не могъ жаловаться, если оберъ-фискалъ обвинялъ самихъ сенаторовъ и обвинялъ, по ихъ мнѣнію, несправедливо: сами они его выбрали изъ цѣлаго народа, какъ человѣка умнаго и добраго. Фискалы начинаютъ дѣйствовать, подаютъ въ Сенатъ свои доношенія; сенаторы встрѣчаютъ ихъ бранью, обзываютъ антихристами и плутами; на ихъ доношенія не обращаются никакого вниманія. Тогда фискалы обращаются къ царю, вскрываютъ злоупотребленія самихъ сенаторовъ. Особенною дѣятельностію становится знаменитъ оберъ-фискалъ Нестеровъ. Издавна чрезвычайною разнузданностію отличались правители отдаленныхъ областей, именно Сибири; теперь фискалъ началъ дѣло, по которому вскрылись злоупотребленія Сибирскаго губернатора, князя Гагарина, и Гагаринъ былъ казненъ. Вскрылись злоупотребленія по всѣмъ окраинамъ, въ Астрахани и въ новозавоеванномъ Ревелѣ; вскрылись повсюду и внутри государственной области мины, подводимыя подъ добрыя дѣла. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда, возвращаясь изъ заграничныхъ походовъ въ Россію, вмѣсто отдохновенія, т. е. спокойнаго труда по внутреннимъ дѣламъ въ кругу людей близкихъ, довѣренныхъ, любимыхъ, долженъ былъ испытывать сильное раздраженіе, получая извѣстія о противозаконныхъ поступкахъ этихъ самыхъ людей. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда онъ узнавалъ о незаконныхъ поступкахъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, того, кого онъ возвысилъ и обогатилъ больше всѣхъ, кто, слѣдовательно, не имѣлъ уже ни въ чьихъ глазахъ ни малѣйшаго оправданія въ своей алчности къ обогащенію; когда онъ узнавалъ о противозаконныхъ поступкахъ знаменитаго Данилыча, Меншикова. Меншиковъ, по своимъ способностямъ, безспорно занималъ первое мѣсто между сотрудниками Петра; особенно былъ онъ дорогъ преобразователю своею энергіею, своею находчивостію въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, исполнительностію тамъ, гдѣ другіе колебались, тратили время въ разсужденіяхъ и перебранкахъ или посылали за указомъ. Но сила развивается, не встрѣчая препятствій, и извѣстно, что можетъ позволить себѣ человѣкъ, сильный въ обществѣ, которое не выработало сдержекъ для всякой силы. Необыкновенное и быстрое возвышеніе, любовь и довѣріе царя разнуздали Меншикова: онъ не зналъ предѣловъ своимъ честолюбивымъ помысламъ и своимъ захватамъ. Общество не выработало сдержекъ для сильнаго человѣка; онъ могъ найти эти сдержки только въ царѣ, и отсюда печальныя столкновенія Петра съ человѣкомъ, котораго онъ называлъ дитятею своего сердца. Первое столкновеніе произошло въ 1711 году, вслѣдствіе жалобъ на поведеніе Меншикова въ Польшѣ, во время прохода его съ войскомъ чрезъ эту страну. Петръ проѣзжалъ черезъ Польшу, отправляясь въ турецкій походъ, печальный и больной, и тутъ-то, къ усиленію печали и болѣзни, узналъ о злоупотребленіяхъ своего любимца; онъ писалъ къ Меншикову: «Зѣло прошу, чтобъ вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней; а мнѣ будучи въ такихъ печаляхъ уже пришло до себя, и не буду жалѣть никого». Свѣтлѣйшій князь позволилъ себѣ возразить, что не велика важность, если какая бездѣлица и взята у поляковъ. Петръ отвѣчалъ: «Что

ваша милость пишете о сихъ грабежахъ, что бездѣлица, и то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей». Петръ указалъ своему любимцу и на другой страшный вредъ: отъ привычки къ грабежу исчезла дисциплина въ русскомъ войскѣ и надобно было возстановлять ее строгостями. Первая брань, къ несчастію, не была послѣднею. Она, какъ видно, перемѣнила уже взглядъ Петра на Меншикова, царь былъ осторожнѣе, внимательнѣе относительно его: возвратясь изъ Прутскаго похода, во время котораго Меншиковъ оставался въ Петербургѣ въ званіи губернатора, Петръ нашелъ злоупотребленія, и, отправляя потомъ Меншикова противъ шведовъ въ Померанію, говорилъ ему: «Ты мнѣ представляешь плутовъ честными людьми, а честныхъ людей плутами. Говорю тебѣ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большей бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію: не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя какъ въ Польшѣ; ты мнѣ отвѣтишь головою при малѣйшей жалобѣ на тебя». Меншиковъ не отвѣтилъ головою за Померанію; но злоупотребленія его по внутреннему управленію вскрывались все болѣе и болѣе, и прежнія дружескія отношенія между нимъ и царемъ исчезли навсегда; прежній шутливый, свободный, товарищескій тонъ писемъ Данилыча смѣнился униженнымъ тономъ провинившагося подданнаго предъ грознымъ государемъ. Меншиковъ долженъ былъ выплатить огромный начетъ. Но дѣломъ Меншикова не ограничивались скорбныя для Петра дѣла, выказывавшія такое неудовлетворительное состояніе народной нравственности. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и видныхъ сотрудниковъ преобразователя, вице-канцлеръ и сенаторъ Шафировъ былъ осужденъ на смерть, снятъ съ плахи и сосланъ въ ссылку за то, что въ Сенатѣ позволилъ себѣ неприличные поступки, брань съ товарищами и оберъ-прокуроромъ, нарушеніе указовъ, стараніе, чтобъ брату его было выдано лишнее жалованье. По поводу этого дѣла Петръ опять высказался въ указѣ, что подобное поведеніе хуже измѣны, потому что ведетъ къ уничтоженію всякой дисциплины въ подчиненныхъ, къ разоренію людей, къ паденію государства. Опредѣлены были наказанія за нарушеніе приличія въ присутственныхъ мѣстахъ, за неучтивое обращеніе съ челобитчиками. Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ обвиненъ былъ въ злоупотребленіяхъ и умеръ подъ судомъ; знаменитый фискалъ Нестеровъ, открывшій столько чужихъ злоупотребленій, самъ попался въ злоупотребленіяхъ и былъ казненъ смертію. Не перечисляемъ дѣлъ, ведшихся по злоупотребленіямъ другихъ, менѣе извѣстныхъ лицъ, или дѣлъ по менѣе значительнымъ злоупотребленіямъ очень извѣстныхъ лицъ. Эту тяжелую борьбу Петра съ страшною болѣзнію взяточничества и казнокрадства очень хорошо характеризуетъ слѣдующій анекдотъ; историкъ не поручится, чтобъ дѣйствительно былъ такой разговоръ между означенными въ анекдотѣ лицами, но анекдотъ все же остается важенъ, какъ выраженіе сознанія современниковъ о величинѣ зла. Петръ, слушая въ Сенатѣ дѣла о казнокрадствѣ, сильно разсердился и сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому: «Напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ».—«Государь», отвѣчалъ Ягужинскій: «неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой».

Ничто такъ не раздражаетъ, не выводитъ изъ себя человѣка сильнаго, какъ сознаніе, что всякая сила безсильна противъ тупой силы закоренѣлаго зла. Примѣръ кровавой борьбы Петра со взяточничествомъ и казнокрадствомъ, съ неуваженіемъ къ обязательной одинаково для всѣхъ силѣ закона показываетъ все затруднительное положеніе правительства, не встрѣчающаго пособія въ обществѣ, когда правительство самое сильное и благонамѣренное связано какою-нибудь неправильностію въ общественномъ развитіи, встрѣчаетъ около себя нѣмой заговоръ: все, повидимому, слушается, преклоняется, трепещетъ, а на дѣлѣ дѣлается свое, наставленія, угрозы, наказанія пропадаютъ даромъ. Для силы нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ сознаніе безсилія, что никакими средствами нельзя ничего сдѣлать, надобно ждать, предоставить времени лѣченіе болѣзни. Понятно, что на Петра находили черныя тучи; но самая черная туча нашла на него по семейному дѣлу, по дѣлу царевича Алексѣя. Время, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, есть время тяжкой борьбы, какая обыкновенно знаменуетъ великіе перевороты въ жизни народовъ. Во время этихъ переворотовъ рушатся самыя крѣпкія связи; борьба не ограничивается жизнію общественною, она проникаетъ въ заповѣдную внутренность домовъ, вноситъ вражду въ семейства. Божественный основатель религіи любви и мира объявилъ, что пришелъ не водворить миръ на землѣ, но ввергнуть ножъ среди людей, внести раздѣленіе въ семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. То же явленіе представляетъ намъ и гражданская исторія. Неудивительно, что страшный переворотъ, который испытывала Россія въ первую четверть XVIII вѣка, внесъ раздѣленіе и вражду въ семью преобразователя и повелъ къ печальной судьбѣ, постигшей сына его, царевича Алексѣя. Мы ежедневно встрѣчаемся съ явленіемъ, что дѣти не бываютъ умственно и нравственно похожи на родителей. Сильныя столкновенія часто происходятъ отъ этого и въ частныхъ семьяхъ; но подобныя столкновенія въ семьяхъ владѣльческихъ ведутъ иногда къ кровавымъ послѣдствіямъ. Св. Константинъ Великій казнилъ сына своего Криспа. Въ XVIII вѣкѣ Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I едва не казнилъ сына, знаменитаго впослѣдствіи Фридриха II. Въ семьяхъ владѣльческихъ несходство между отцомъ и сыномъ условливаетъ несходство настоящаго съ будущимъ для многихъ людей, иногда для

цѣлаго народа; особенно это несходство можетъ быть обильно послѣдствіями, грозить реакціями во времена сильныхъ переворотовъ. Понятно, слѣдовательно, почему въ царствованіе Петра вопросъ: сынъ и наслѣдникъ преобразователя похожъ ли на отца?—былъ вопросомъ первой важности. Переворотъ, движеніе, при которомъ родился и воспитался Петръ, который не былъ начатъ, созданъ Петромъ, но къ которому совершенно пришлась его огненная, не знающая покоя природа, переворотъ повредилъ его семейнымъ отношеніямъ въ первомъ бракѣ. Жена пришлась не по мужу; Петръ испыталъ на себѣ ту невыгоду стараго обычая, отъ которой хотѣлъ потомъ освободить своихъ подданныхъ, назначивъ время для ознакомленія между женихомъ и невѣстою. Въ древней Россіи слѣдствіемъ такого отсутствія предварительнаго ознакомленія было заключеніе женъ въ монастыри; то же случилось и съ царицею Евдокіею. Петръ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской, которая совершенно приходилась по немъ, которая могла не отставать отъ мужа,—а мужъ не умѣлъ ходить, а только бѣгать. Но отъ перваго брака остался сынъ и наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй. Россія волнуется бурями преобразованія, всѣ истомлены и жаждутъ пристать къ тому или другому берегу; для всѣхъ одинаково важенъ и страшенъ вопросъ: сынъ похожъ ли на отца? Царевичъ былъ уменъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Петръ, который писалъ ему: «Богъ разума тебя не лишилъ». Царевичъ былъ охотникъ пріобрѣтать познанія, если это не стоило большаго труда; былъ охотникъ читать и пользоваться прочитаннымъ, признавалъ необходимость преобразованія. Но мы знаемъ, что въ Россіи и до Петра чувствовалась необходимость образованія и преобразованія: до Петра были люди, которые обратились за наукою къ западнымъ сосѣдямъ, учили дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, выписывая учителей изъ польскихъ областей. Но это направленіе, обнаружившееся при царѣ Алексѣѣ, Ѳеодорѣ и во время правленія Софіи, явилось недостаточнымъ для Петра: съ учеными западно-русскими монахами, съ учителями изъ польскихъ шляхтичей, которые могли выучить полатыни и попольски и внушить интересъ къ спорамъ о хлѣбопоклонной ереси,—съ помощію однихъ этихъ людей нельзя было сдѣлать Россію одною изъ главныхъ державъ Европы, побороть шведа, добиться моря, создать войско и флотъ, вскрыть естественныя богатства Россіи, развить промышленность и торговлю. Для этого нужны были другіе люди, другія средства; для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа,—для этого нужна была страшная, напряженная дѣятельность, незнаніе покоя; для этого самъ Петръ идетъ въ плотники, шкипера и солдаты; для этого призываетъ всѣхъ русскихъ людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усиліями вытянуть родную страну на новую, необходимую дорогу. Многимъ этотъ призывъ показался тяжекъ, и тяжекъ онъ показался не раскольникамъ какимъ-нибудь, ибо эти люди также изъ-за своихъ убѣжденій готовы были на лишенія и подвиги: этотъ призывъ показался тяжекъ людямъ образованнымъ, которые были вовсе непрочь попользоваться европейскою цивилизаціею для выгодъ и удобствъ житейскихъ, но чтобъ эта цивилизація не такъ дорого стоила, пришла бы сама собою, безъ большаго напряженія силъ съ ихъ стороны. Представителемъ этихъ-то людей былъ царевичъ Алексѣй. Онъ былъ тяжелъ на подъемъ, неспособенъ къ напряженной дѣятельности, къ сильному труду, чѣмъ отличался отецъ его; онъ былъ лѣнивъ физически, и потому домосѣдъ, любившій узнавать любопытныя вещи изъ книги, изъ разговора только. Сынъ, по природѣ своей, жаждалъ покоя и ненавидѣлъ все то, что требовало движенія, выхода изъ привычнаго положенія и окруженія. Отецъ, которому, по природѣ его, были болѣе всего противны домосѣдство и лежебокость, во имя настоящаго и будущаго Россіи, требовалъ отъ сына вниманія къ тѣмъ средствамъ, которыя могли обезпечить Россіи пріобрѣтенное ею могущество. Отецъ работалъ безъ устали, видѣлъ уже какъ зрѣли плоды имъ насажденнаго, но вмѣстѣ чувствовалъ упадокъ физическихъ силъ и слышалъ зловѣщіе голоса: «умретъ—и все погибнетъ съ нимъ, Россія возвратится къ прежнему варварству». Эти зловѣщіе голоса не могли бы смутить его, еслибъ онъ оставлялъ по себѣ наслѣдника, могшаго продолжать его дѣло. Понятно, что Петръ не могъ позволить себѣ страннаго требованія, чтобъ сынъ его и наслѣдникъ обладалъ всѣми тѣми личными средствами, какими обладалъ онъ самъ; но онъ считалъ совершенно законнымъ для себя требованіе, чтобъ сынъ и наслѣдникъ имѣлъ охоту къ продолженію его дѣла, имѣлъ убѣжденіе въ необходимости продолжать его; недостатокъ сильныхъ способностей восполнялся относительною легкостью дѣла, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена; дѣло было легко и потому, что преемнику приходилось работать въ кругу хорошихъ работниковъ, приготовленныхъ отцомъ. Для успѣха при такихъ условіяхъ нужна была только охота, сочувствіе къ дѣлу. «Не трудовъ, но охоты желаю», писалъ Петръ сыну. Петръ, при своей работѣ, въ сонмѣ сотрудниковъ не досчитывался одного,—роднаго сына и наслѣдника! При перекличкѣ русскихъ людей, имѣвшихъ право и обязанность непосредственно помогать преобразователю въ его дѣлѣ, царевичъ, наслѣдникъ одинъ не откликался. Когда его звали на любимый отцовскій праздникъ, на спускъ корабля, Алексѣй говорилъ: «Лучше-бъ мнѣ на каторгѣ быть или въ лихорадкѣ лежать, чѣмъ тамъ быть». Отецъ требуетъ отъ сына, чтобъ тотъ перемѣнилъ свою природу,—сынъ считаетъ отца мучителемъ; только тогда и спокоенъ, когда находится вдали отъ отца, и, вотъ, въ его сердце закрадывается страшная мысль, какъ было бы хорошо, если-бъ навсегда

освободиться отъ присутствія отца; какъ было бы хорошо, если-бъ отецъ умеръ. Алексѣй кается въ грѣшной мысли духовнику; духовникъ, имѣвшій сильное вліяніе на духовнаго сына, отвѣчалъ: «Богъ проститъ: мы и всѣ того желаемъ». Итакъ всѣ того же желаютъ, всѣ ненавидятъ отца, всѣ сочувствуютъ сыну, который становится представителемъ, любимцемъ народа именно потому, что не похожъ на отца. Зачѣмъ же послѣ того мѣняться, исполнять отцовскія требованія? Сынъ считаетъ своею обязанностію удаляться отъ дѣлъ отцовскихъ; отецъ считаетъ своею обязанностью спасти будущее Россіи, пожертвовавъ сыномъ: «Я», пишетъ къ нему Петръ, «за свое отечество и за людей жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя негоднаго пожалѣть?» Петръ потребовалъ рѣшительно, чтобы царевичъ или перемѣнилъ свое поведеніе, или отрекся отъ престола; но простаго отреченія было мало, ибо его можно было выставить невольнымъ и разрѣшить всякія клятвы, потому царевичъ долженъ былъ постричься. Алексѣй бѣжитъ заграницу, отдается подъ покровительство Германскаго императора, призываетъ чуждаго государя въ судьи между собою и отцомъ. Алексѣя возвращаютъ, и, по его показаніямъ, вскрывается обширное дѣло, въ которомъ участвуетъ и старица Елена (постриженная царица Евдокія) и сестра Петра, царевна Марья, много людей духовныхъ и свѣтскихъ, начиная съ высшихъ; вскрывается цѣлый арсеналъ суевѣрій: опять пытки, казни и опалы. Алексѣй умеръ. Тайна его смерти не открыта исторіею; но открыта тайна отцовскихъ страданій: «Страдаю», говорилъ Петръ, «а все за отечество, желая ему пользы; враги дѣлаютъ мнѣ пакости демонскія; труденъ разборъ невинности моей тому, кому это дѣло неизвѣстно. Богъ видитъ правду».

Всѣ эти черныя тучи, и преимущественно дѣло сына, разстроивали здоровье Петра, сокращали его жизнь. Но были и утѣшенія, были успѣхи даже и въ той тяжкой и повидимому безплодной борьбѣ съ закоренѣлымъ зломъ, со взяточничествомъ и казнокрадствомъ. Внушенія дѣйствовали; дѣла, на которыя прежде смотрѣли такъ легко, считали обыкновенными и позволенными, явились преступленіями. Человѣкъ, лежа на смертномъ одрѣ, терзается совѣстію, боится предстать предъ Судъ Божій и посылаетъ царю просьбу простить его за злоупотребленія, которыя онъ себѣ позволилъ при рекрутскомъ наборѣ. Въ такой просьбѣ Петръ именно могъ видѣть результатъ своихъ внушеній, своего ученія. Не могли не радовать Петра и успѣхи относительно матеріальнаго благосостоянія. Несмотря на всѣ препятствія, неопытность въ веденіи дѣла и расходъ денегъ по частнымъ карманамъ, государственные доходы увеличивались Для устраненія злоупотребленій при переписи дворовъ введена была подушная подать, шедшая на содержаніе постояннаго войска. Крестьяне дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи платили по 74 коп. съ души, государственные 1,14 коп. и освобождались отъ всѣхъ прежнихъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей и подводъ; купцы и цеховые платили по 1,20 коп. По разсчету, сдѣланному въ 1710 году, доходы простирались до 3.134,000 рублей; но въ 1725 году ихъ было 10.186,707 рублей. Заведена была ревизія; по первой ревизіи 1722 года податнаго состоянія оказалось 5.969,313 человѣкъ, въ томъ числѣ 172,385 купечества; городовъ въ имперіи было 340. Въ концѣ царствованія число регулярнаго войска простиралось до 219,000, въ томъ числѣ въ гвардіи 2,616 человѣкъ. Флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 787 галеръ и другихъ судовъ. Несмотря на огромныя издержки по дѣламъ внутренняго преобразованія, на долговременную тяжелую войну, на новыя дипломатическія издержки, государство пробавилось своими доходами и не сдѣлало ни копѣйки долгу. Усиленіе торговли и промышленности должно было главнымъ образомъ увеличить народное благосостояніе и доходы государственные. Мы видѣли, что первымъ дѣломъ Петра было уничтожить жалобы торговыхъ и промышленныхъ людей на притѣсненія, давши имъ особое управленіе, основанное на коллегіальномъ и выборномъ началѣ, и мы видѣли, какъ съ самаго начала дѣло пошло дурно по неразвитости общества, по непривычкѣ къ общему дѣйствію, такъ что Петръ долженъ былъ поручить Курбатову надзоръ надъ московскою ратушею и уничтоженіе злоупотребленій по ея управленію. Послѣ того какъ Курбатовъ былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, Петръ продолжалъ получать извѣстія о безпорядкахъ новаго управленія, извѣстія, что купечество въ Москвѣ и городахъ само себѣ повредило и повреждаетъ: богатые на бѣдныхъ налагаютъ несносные поборы, больше чѣмъ на себя, а иные себя и совершенно обходятъ; стремленіе избѣжать отъ платежа податей продолжалось: жили въ защитѣ и закладѣ у разныхъ людей будто бы за долги, а сами торговали, имѣли заводы; люди, имѣвшіе достаточное состояніе, помѣщались въ богадѣльняхъ, выставляя бѣдность и болѣзни. Въ это время страшнаго труда для тѣхъ, которые откликнулись на призывъ царя, въ работѣ пребывающаго, лѣнь другихъ доходила до такой степени, что нѣкоторые горожане, жившіе своими домами, собирали милостыню; а иные, сковавшись, ходили будто тюремные сидѣльцы, чтобъ собрать больше милостыни. «Чтобъ собрать эту разсѣянную храмину» купечества, по выраженію Петра, онъ учредилъ въ Петербургѣ Главный Магистратъ, имѣвшій коллегіальное устройство и состоявшій изъ членовъ петербургскаго городоваго магистрата; президентомъ царь назначилъ князя Трубецкаго, вице-президентомъ московскаго купца Исаева, переведши его изъ Риги, гдѣ онъ былъ инспекторомъ тамошняго магистрата, ибо Петру нуженъ былъ въ Ригѣ свой русскій человѣкъ. Главный Магистратъ долженъ былъ прежде всего устроить городовые магистраты; онъ утверждалъ ихъ членовъ,

избранныхъ горожанами, утверждалъ смертные приговоры, произносимые городскими магистратами; къ нему переносились и гражданскія дѣла недовольными ихъ рѣшеніемъ въ городскихъ магистратахъ. Горожане раздѣлены на три части, изъ которыхъ двѣ первыхъ носятъ названіе гильдій; гильдіи выбираютъ старшинъ, которые во всѣхъ гражданскихъ Совѣтахъ должны помогать магистру; магистраты стараются размножать мануфактуры и мастерства, лѣнивыхъ и гулякъ понуждаютъ къ работѣ, заводятъ первоначальныя школы, старыхъ и дряхлыхъ пристраиваютъ въ богадѣльни, блюдутъ за опекою сиротъ, за безопасностію городовъ отъ пожара, защищаютъ гражданъ отъ обидъ постороннихъ людей. Магистраты исполняли эту обязанность, подавали списки обидамъ въ Главный Магистратъ: тотъ препровождалъ ихъ въ Сенатъ. Изъ этихъ списковъ мы видимъ, что обиды были сильныя и частыя, иногда вопіющія. Несмотря на это, торговля усиливалась, благодаря особенно пріобрѣтенію морскихъ береговъ; въ 1724 году къ Петербургу уже пришло 240 иностранныхъ кораблей; русскіе корабли являлись въ иностранные порты; первыми русскими корабле-хозяевами были Боженины и Барсуковъ.

Торговлю сильно затрудняло плохое состояніе путей сообщенія въ бѣдной странѣ съ рѣдко разбросаннымъ на огромныхъ пространствахъ народонаселеніемъ: осенью 1722 года голландскій резидентъ ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ около пяти недѣль, вслѣдствіе грязи и поломанныхъ мостовъ. Въ древней Россіи рѣки служили естественными и самыми удобными путями; новая Россія, взявшая у западной Европы искусство и знаніе, должна была немедленно употребить это искусство и знаніе на соединеніе рѣкъ каналами. Смотря постоянно на Россію какъ на посредницу въ торговомъ отношеніи между Европою и Азіею, Петръ уже давно задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ, Астрахань съ Петербургомъ, въ 1706 году соединена была рѣка Цна каналомъ съ Тверцою; кромѣ того, Петръ сильно хлопоталъ о Ладожскомъ каналѣ, необходимомъ для петербургской торговли: «Нужда челобитчикъ неотступный», писалъ онъ въ Сенатъ въ 1718 году; «а Ладожскій каналъ послѣдняя главная нужда сего мѣста (т. е. Петербурга)». Работы шли успѣшно, благодаря знаменитому Миниху, принятому въ русскую службу; Петръ уже мечталъ, какъ поѣдетъ водою изъ Петербурга безостановочно до самой Москвы и сойдетъ здѣсь на берегъ Яузы, въ Головинскомъ саду. Мы упоминали, что Петръ еще въ началѣ преобразовательной дѣятельности, видя недостатокъ капиталовъ у русскихъ людей, велѣлъ имъ соединять свои капиталы, торговать кампаніями; въ Голландіи сильно обезпокоились этою мѣрою, понимая все ея значеніе для развитія русской торговли; но голландскій резидентъ утѣшилъ своихъ соотечественниковъ, написавши имъ, что указъ останется въ бумагѣ, ибо у русскихъ нѣтъ никакой привычки къ такимъ общимъ дѣйствіямъ.

Тѣ же препятствія, какія существовали для торговли,—недостатокъ капиталовъ, непривычка къ ихъ соединенію, вредъ, который, по безпристрастному свидѣтельству Посошкова, само купечество себѣ наносило неумѣньемъ воспользоваться правами, полученными отъ Петра; вредъ, наносимый старинными отношеніями между вооруженнымъ сословіемъ къ невооруженному, причемъ первое считало себя въ правѣ смотрѣть на членовъ послѣдняго, какъ на своихъ естественныхъ работниковъ и холопей; взяточничество, казнокрадство, плохое состояніе путей сообщенія и небезопасность ихъ отъ разбойниковъ: — всѣ эти препятствія, существовавшія для торговли, существовали въ одинаковой степени и для мануфактурной промышленности. Несмотря на то, дѣло было начато, ведено неутомимо и въ концѣ царствованія Петра число фабрикъ и заводовъ въ Россіи простиралось до 233. Неумѣнье техническое и неумѣнье соединять свои капиталы, разумѣется, полагали главное препятствіе въ самомъ началѣ, почему Петръ долженъ былъ начать дѣло, учреждать казенные фабрики и заводы. Но при этомъ съ самаго же начала онъ сталъ хлопотать о томъ, какъ бы поскорѣе передать эти фабрики и заводы въ частныя руки, съ двоякою цѣлію: освободить казну отъ издержекъ и побудить русскихъ людей къ мануфактурной дѣятельности, причемъ давались начинателямъ производства значительныя денежныя ссуды, льготы и работники черезъ приписку населенныхъ имѣній къ фабрикѣ или заводу. Вслѣдствіе этой то передачи казенныхъ заводовъ въ частныя руки, при Петрѣ нѣкоторые, какъ напр. Демидовы, пріобрѣли огромное состояніе. Мы уже упоминали о началѣ горнозаводской промышленности при Петрѣ, о заслугахъ Виніуса; къ этому имени надобно присоединить еще два имени: Геннина и Татищева. Металлическіе заводы явились не въ одной приуральской странѣ, но во многихъ другихъ мѣстностяхъ, благодаря стараніямъ Петра, «чтобъ Божіе благословеніе подъ землею втуне не оставалось». Первая мысль о значеніи каменнаго угля для Россіи принадлежитъ также Петру; но, при видахъ на будущее топливо, Петръ распорядился о сохраненіи стараго: ему принадлежатъ мѣры для сбереженія старыхъ лѣсовъ и для разведенія новыхъ. Вообще преобразователь обратилъ вниманіе на охраненіе и усиленіе промысловъ уже существовавшихъ въ Россіи и произведенія которыхъ составляли предметъ заграничнаго отпуска: такъ, онъ распорядился усиленіемъ льнянаго и пеньковаго промысла «для всенародной пользы и прибыли крестьянамъ. Сюда относятся его хлопоты объ улучшеніи кожевеннаго производства; кожевенные промышленники, по нѣскольку человѣкъ отъ каждого города, должны были ѣхать въ Москву на два года учиться лучшей выдѣлкѣ кожъ; въ отдаленныя губерніи отправлены были ино-

странные мастера для этого обученія. Въ 1712 г. велѣно было Сенату завести конскіе заводы въ Казанской, Азовской и Кіевской губерніяхъ. При учрежденіи постояннаго войска Петра тяготила необходимость выписывать изъ-за границы сукно для обмундированія, и потому онъ завелъ суконныя фабрики, для чего обратилъ вниманіе на улучшеніе овцеводства. Въ 1705 году Петръ писалъ: «Сукны дѣлаютъ и умножается сіе дѣло зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ къ празднику». Въ 1716 году послано было за границу нанимать овчаровъ и суконниковъ. Разосланы были по областямъ правила, какъ содержать овецъ по шленскому обычаю, и Петръ, для понужденія слѣдовать этимъ правиламъ, указывалъ, что помѣщики, которые слѣдуютъ правиламъ, продаютъ шерсть по два рубля по 2 гривны и дороже, а тѣ, которые содержатъ овецъ по старому обычаю, продаютъ только по полтинѣ и по 20 алтынъ пудъ. Заведеніе флота требовало заведенія парусныхъ фабрикъ, и онѣ были заведены въ Москвѣ въ 1702 г. Москва вообще стала центромъ мануфактурной дѣятельности; здѣсь въ концѣ царствованія замѣчательна была полотняная фабрика Тамес а и компаніи; всѣ работники были русскіе, были русскіе мастера, и Тамесъ надѣялся, что они скоро замѣнятъ ему иностранцевъ; на фабрикѣ было 150 станковъ и приготовлялись всѣ сорта полотна, отъ грубаго до самаго тонкаго,—прекрасныя, по свидѣтельству иностранцевъ, скатерти и салфетки, тикъ, канифасы, цвѣтные носовые платки. До Петра все потреблявшееся въ Россіи количество писчей бумаги привозилось изъ-за границы; Петръ завелъ свои фаарики, и въ 1723 году во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ уже употреблялась бумага русскаго дѣла. Мануфактурное дѣло принялось, и въ числѣ именъ главныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ петровскаго времени мы встрѣчаемъ почти все русскія имена.

Вводились новыя отрасли дѣятельности, а Россія страдала старымъ недостаткомъ, отстраненіе котораго не было въ средствахъ преобразователя, недостаткомъ рабочихъ рукъ, да еще привычками, сильными одинаково вверху и внизу и заставлявшими однихъ предпочитать труду легкое наживанье денегъ грабежомъ казны, а другихъ сковываться и ходить въ видѣ колодниковъ, лишь бы только не работать, привычками, которыя для своего оправданія вводили въ народъ гнусную, развращающую пословицу: «Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, экономическая неразвитость заставили древнюю Россію прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Переворотъ, извѣстный подъ именемъ петровыхъ преобразованій, былъ именно тотъ переворотъ, котораго необходимымъ слѣдствіемъ долженствовало быть освобожденіе села чрезъ поднятіе города. Экономическое развитіе, просвѣщеніе и жизнь въ средѣ цивилизованныхъ народовъ—вотъ средства, которыя были даны преобразователемъ для постепеннаго уврачеванія старыхъ золъ Русской Земли, а въ томъ числѣ и зла крѣпостнаго состоянія, постепеннаго уврачеванія, и потому безсмысленно было бы требовать, чтобъ то, что долженствовало быть только отдаленнымъ слѣдствіемъ извѣстной дѣятельности, появилось въ самомъ началѣ этой дѣятельности. Видѣвшимъ конецъ дѣла предстоитъ обязанность почтить память начавшаго, положившаго основаніе. Всякій, кто внимательно вглядится въ состояніе Россіи при Петрѣ, посмѣется болѣе чѣмъ дѣтской мысли, что Петръ могъ освободить крестьянъ; но Петръ не могъ равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, которыя отягчали земледѣльческій трудъ. Средствъ къ облегченію участи крестьянъ Петръ искалъ и въ улучшеніи экономическаго быта землевладѣльцевъ, въ отнятіи у нихъ побужденій къ угнетенію крестьянъ. Такъ, учреждая майоратъ, онъ объяснилъ цѣль учрежденія: «Раздѣленіемъ недвижимыхъ имѣній наносится большой вредъ интересамъ государственнымъ и паденіе самимъ фамиліямъ: если кто имѣлъ 1000 дворовъ и пять сыновей, то жилъ въ изобиліи; когда же по смерти его дѣти раздѣлились, то имъ досталось только по 200 дворовъ; но такъ какъ они не желаютъ жить хуже прежняго, то съ бѣдныхъ крестьянъ будетъ пять столовъ, а не одинъ: такимъ образомъ отъ этого раздѣленія казнѣ государственной вредъ, а крестьянамъ разореніе». Въ 1719 году былъ изданъ указъ, смотрѣть, чтобъ помѣщики не разоряли крестьянъ своихъ; разорителей отрѣшать отъ управленія имѣніями, которыя отдаются въ управленіе родственникамъ. Петръ не любилъ, чтобъ указы оставались только на бумагѣ; въ 1721 году одинъ омѣщикъ былъ сосланъ на 10 лѣтъ на каторг за то, что прибилъ человѣка своего, и тотъ отъ побоевъ умеръ. Въ 1721 году указъ, запрещавшій розничную продажу крестьянъ и дворовыхъ, дѣтей отъ родителей; такой продажи, говоритъ указъ, во всемъ свѣтѣ не водится, и этими словами указываетъ уже на могущественное средство общественныхъ улучшеній: народъ, живущій общею жизнію съ другими образованными народами, не можетъ допускать у себя такихъ явленій, которыя эти народы признаютъ неправственными. Слабоумныхъ помѣщиковъ, негодныхъ ни въ науку, ни въ службу, могущихъ только мучить своихъ крестьянъ, велѣно, по освидѣтельствованіи въ Сенатѣ, отстранять отъ управленія имѣніями и не позволять имъ жениться. Запрещено прикрѣпленіе половниковъ на сѣверѣ. По свидѣтельству крестьянина Посошкова, крестьяне больше всего терпѣли отъ пожаровъ вслѣдствіе тѣсноты жилищъ и отъ разбойниковъ—вслѣдствіе неразвитости общественной жизни, непривычки къ общему дѣлу,—доказательство, что нигдѣ, ни наверху, ни внизу отъ древней Россіи не осталось признаковъ силы того, что нѣкото-

рымъ угодно называть общиннымъ бытомъ: въ иной деревнѣ, говоритъ Посошковъ, много дворовъ, разбойниковъ придетъ немного къ крестьянину, станутъ его мучить, жечь, пожитки его на возы класть, сосѣди всѣ слышатъ и видятъ, но изъ дворовъ своихъ не выйдутъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ.

По мнѣнію Посошкова, вредно для крестьянъ было еще то, что у нихъ грамотныхъ людей не было; по его мнѣнію, не худо бы было крестьянъ и поневолить, чтобъ дѣтей своихъ учили грамотѣ. Но Сенатъ принужденъ былъ отказаться неволить къ этому и горожанъ, потому что дѣти ихъ въ эти годы начинаютъ заниматься торговлею, и отъ приневоливанія къ ученію можетъ быть ущербъ подагямъ. Много было воплей и укрывательствъ и со стороны дворянъ; но Петръ настоялъ на обязательности образованія для нихъ: дворянинъ неграмотный и неизучившій ариѳметику и геометрію объявленъ былъ несовершеннолѣтнимъ и потому не имѣлъ права жениться. Ученики, кончившіе курсъ въ московскихъ школахъ, посылались учителями въ области. Отсылка молодыхъ людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Спеціальныя школы продолжали возникать вслѣдствіе сознанія той или другой потребности. Въ началѣ 1724 года изданъ былъ указъ объ основаніи Академіи. По плану Петра, это учрежденіе должно было соотвѣтствовать тогдашнему состоянію образованія въ Россіи, должно было заключать въ себѣ Академію Наукъ и университетъ, педагогическій институтъ и гимназію. Та же Академія должна была заниматься и переводомъ книгъ. Мы уже видѣли, какъ это дѣло было важно и какъ оно занимало Петра; до самой кончины своей онъ продолжаетъ обращать на него свое вниманіе, указывать на книги, которыя должно было переводить, и учить какъ переводить. Мы видѣли, какъ онъ училъ не переводить слово въ слово, что искажало складъ русской рѣчи и затемняло смыслъ, но, уразамѣвши этотъ смыслъ, передавать его читателю на понятномъ для него разговорномъ языкѣ. Теперь онъ учитъ переводчиковъ не переводить книги во всей полнотѣ, но передѣлывать, сокращать, отбрасывая ненужное, «понеже», писалъ Петръ, «нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобъ велики казались, чего ради и о хлѣбопашествѣ трактатъ выправить, вычерня негодное и для примѣру посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъемлютъ». Но познаній о Россіи нельзя было взять изъ иностранныхъ книгъ и перевесть. Мы видѣли, что Петръ поручилъ Поликарпову написать краткую Русскую Исторію; но дѣло было крайне трудное при отсутствіи всякаго приготовленія къ нему; понятно, что Петръ остался недоволенъ трудомъ Поликарпова, и рѣшился начать сначала, т. е. приготовлять матеріалы: онъ приказалъ изо всѣхъ епархій и монастырей взять въ Москву всѣ рукописи, заключающія въ себѣ историческіе источники, списать ихъ, а подлинники отослать въ прежнія мѣста, откуда взяты. Точно такъ же нельзя было заимствовать у иностранцевъ и свѣдѣній о русской географіи: Петръ отправилъ учениковъ петербургскихъ школъ для сочиненія ландкартъ и два раза отправлялъ экспедиціи для рѣшенія вопроса, сошлась ли Америка съ Азіею. Петръ же началъ собираніе естественныхъ предметовъ, рѣдкостей и древностей.

Врагъ всякой роскоши, обращая вниманіе только на одно полезное и необходимое, Петръ не считалъ роскошью искусство, не жалѣлъ издержекъ на покупку произведеній искусства и на вызовъ иностранныхъ художниковъ. Въ Петербургѣ «для общенародной во всякихъ художествахъ пользы, по обычаю государствъ европейскихъ, учреждена была небольшая академія для правильнаго обученія иконному, живописному и прочимъ художествамъ».

Академія Наукъ, на обязанности которой, между прочимъ, лежалъ и переводъ необходимыхъ книгъ, была еще только въ проектѣ, и Петръ за переводомъ необходимыхъ книгъ обращался къ духовенству. Мы видѣли мѣры Петра относительно чернаго духовенства; съ 1711 года начинаются заботы относительно бѣлаго. Здѣсь, кромѣ поднятія нравственности, нужно было позаботиться и о матеріальномъ благосостояніи людей, обязанныхъ имѣть семейство. Тогда какъ Россія страдала сильнымъ недостаткомъ въ людяхъ, нъ бѣломъ духовенствѣ было больше людей, чѣмъ дѣла: вознагражденіе за дѣло поэтому дѣлилось между слишкомъ многими, отчего происходила бѣдность со всѣми ея печальными послѣдствіями для человѣка, обязаннаго кормить семейство. Это излишество людей въ бѣломъ духовенствѣ поддерживалось также господствовавшимъ въ древней Россіи стремленіемъ жить особнякомъ. Каждый, сколько-нибудь достаточный человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь, и это желаніе нельзя объяснять однимъ благочестіемъ, потому что былъ обычай и въ общія приходскія церкви приносить свои образа и передъ ними только молиться. Желаніе каждаго сколько-нибудь достаточнаго человѣка имѣть свою церковь объяснялось еще затворничествомъ женщинъ, которымъ было неловко ходить въ общія церкви, и потому, не имѣя домовыхъ церквей, онѣ ходили въ церковь рѣдко или и вовсе не ходили. Обиліе частныхъ церквей обѣдняло приходское духовенство; притомъ не всѣ, имѣвшіе свои церкви, были въ состояніи прилично содержать при нихъ священника и прибѣгали къ найму священниковъ на площадяхъ (крестцахъ), что представляло соблазнительное зрѣлище. Новоучрежденный Сенатъ въ соединеніи съ церковнымъ соборомъ придумали мѣры для поднятія нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія бѣлаго духовенства: не ставить въ дьяконы моложе 25 лѣтъ, въ священники—

моложе 30 лѣтъ; не посвящать лишнихъ; не вѣрить тѣмъ, которые придутъ проситься на мѣсто подъ предлогомъ, что священникъ, его занимающій, боленъ или старъ; въ бѣдные приходы дьяконовъ не посвящать; заручныя челобитныя осторожно разсматривать, не ложныя ли; поповскіе старосты должны были допрашивать крестьянъ, хотятъ ли они имѣть просителя своимъ священникомъ или дьякономъ. Въ 1718 году было постановлено, чтобъ священники своихъ домовъ не имѣли, ибо отягощались ихъ покупкою; жили бы въ домахъ, купленныхъ на сборныя церковныя деньги, для чего быть у всякой церкви старостамъ, которые сдаютъ дома священникамъ и вновь строятъ на церковныя деньги. Послѣ эта мѣра была распространена на дьяконовъ и причетниковъ. Запретили строить новыя церкви безъ указа; запрещено имѣть домовыя церкви, а кто хочетъ имѣть, долженъ содержать священника и, кромѣ того, долженъ давать равное содержаніе и приходскому духовенству. Послѣднія мѣры были положены уже при новомъ церковномъ управленіи: въ 1721 году Петръ объявилъ, что, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, не видитъ лучшаго къ тому способа кромѣ соборнаго правительства, вслѣдствіе чего и учреждалась духовная коллегія (Сѵнодъ), вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываніе церковныхъ имѣній взято было изъ свѣтскихъ рукъ въ Монастырскомъ Приказѣ и отдано Сѵноду. Сенатъ и Сѵнодъ нерѣдко собирались вмѣстѣ для совѣщаній; иногда при этихъ общихъ засѣданіяхъ присутствовалъ и государь. Въ одномъ изъ этихъ засѣданій было постановлено: родителей жениха и невѣсты приводить къ присягѣ, что бракъ заключается по согласію ихъ дѣтей. Тутъ же поставленъ былъ вопросъ о мѣрахъ, какія должно было принять противъ притѣсненія православныхъ въ польскихъ областяхъ, и Петръ отвѣчалъ, что надобно сдѣлать уже извѣстное намъ распоряженіе, послать киммисара. Главными обязанностями новоучрежденнаго Сѵнода были: устройство духовенства, преимущественно чернаго, противодѣйствіе расколу, преслѣдованіе суевѣрій и распространеніе религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ. Послѣ долгихъ думъ относительно монашества, Петръ опредѣлилъ для него двѣ цѣли: 1) служеніе страждущему человѣчеству; 2) образованіе изъ себя просвѣщенныхъ властей церковныхъ; мужскіе монастыри становятся инвалидными домами; монахини также должны служить престарѣлымъ и больнымъ своего пола, кромѣ того заниматься воспитаніемъ сиротъ, для какой цѣли отдѣляется нѣсколько монастырей, въ другихъ монахини занимаются рукодѣліемъ, а монахи хлѣбопашествомъ.

Нѣчто подобное ходу преобразованій въ высшемъ церковномъ управленіи мы видимъ въ ходѣ преобразованій относительно Малороссіи. Эта страна, съ переворота, произведеннаго въ ней Богданомъ Хмельницкимъ, находилась въ долгомъ междоумочномъ, переходномъ состояніи, условливавшемъ, какъ обыкновенно бываетъ, сильныя смуты. Не могши быть самостоятельною, она хотѣла поддержать свою полусамостоятельность; но эти полусостоянія, ни то, ни се, приводятъ всегда къ печальнымъ явленіямъ. Малороссія представляла хаосъ, борьбу элементовъ (discordia semina rerum): гетманъ, ставши изъ войсковыхъ, казацкихъ начальниковъ правителемъ цѣлой страны, стремился къ усиленію своей власти; старшина и полковники хотѣли быть также полновластными господами, жаловать и казнить, кого хотятъ; стремились стать богатыми землевладѣльцами и земли свои населить крѣпостными крестьянами, въ которыхъ обращали вольныхъ казаковъ; послѣдніе волновались, особенно подущаемые изъ Запорожья; города жаловались на притѣсненія полковниковъ. Всѣ были недовольны, всѣ слали жалобы, доносили другъ на друга въ Москву; а когда государь, внявъ этимъ жалобамъ, предпринималъ какія-нибудь мѣры, то поднимались опять вопли, зачѣмъ Москва вмѣшивается. Особенно вопли усиливались, когда Москва поднимала вопросъ о финансахъ малороссійскихъ, ибо всѣ сильные люди въ Малороссіи хотѣли доходы страны брать себѣ, не давая ничего государству, которое такимъ образомъ получало только обязанность тратиться людьми и деньгами на защиту Малороссіи. Всѣ были недовольны, и дѣйствительно имѣли причины на то, но не умѣли сознать, что эти причины были внутри, во внутреннемъ хаосѣ, въ кулачномъ правѣ; искали улучшенія во внѣшнихъ условіяхъ; поддавшись Русскому государю, бросались то къ полякамъ, то къ туркамъ; это колебаніе, *шатость*, междуумочность вредно дѣйствовали на характеръ народонаселенія, особенно высшихъ слоевъ. Послѣ Богдана Хмельницкаго не было гетмана, который бы не измѣнилъ или не былъ обвиненъ въ измѣнѣ своими же: интригамъ, доносамъ не было конца. Гетманъ Мазепа, облеченный полною довѣренностію Петра, измѣнилъ ему въ самую рѣшительную, тяжкую минуту. Сносить далѣе такое положеніе дѣлъ было невозможно для государства, потому что смута продолжалась, злоупотребленія знатныхъ относительно массы народонаселенія становились все сильнѣе, а Петръ зналъ, что эта масса не измѣнила ему при измѣнѣ Мазепы, и потому считалъ своею обязанностію поддерживать, защищать эту массу отъ насилій старшины, привыкшей къ шатости. По смерти гетмана Скоропадскаго, Петръ остановилъ выборы новаго гетмана, объявилъ, что не знаетъ надежнаго человѣка, и ввелъ свое любимое коллегіальное управленіе; члены коллегіи наполовину были малороссіяне и наполовину великороссіяне.

И послѣ Ништадтскаго мира Петръ не могъ посвятить всего своего времени внутреннимъ преобразованіямъ. Дѣятельность Петра была чужда односторонности. Ведя упорную борьбу на Западѣ, изучая Западъ для внутреннихъ преобразованій,

Петръ не спускалъ глазъ съ Востока, понимая ясно близкія отношенія его къ Россіи, понимая тѣ средства, которыя долженъ доставить Россіи Востокъ въ ея новой жизни, при томъ экономическомъ переворотѣ, который онъ совершалъ. Еще до окончанія Сѣверной войны онъ получилъ непріятное извѣстіе, что чрезвычайно важное для русской торговли и по турецкимъ отношеніямъ азіатское государство, Персія, разлагается отъ внутренней слабости, и хищные сосѣди уже дѣлятъ добычу. Немедленно послѣ Ништадтскаго мира Петръ предпринимаетъ походъ къ Каспійскому морю, чтобъ предупредить турокъ и не дать имъ утвердиться на западномъ берегу этого моря, связь котораго съ Балтійскимъ моремъ Петръ ясно понималъ. Походъ Петра и дальнѣйшія дѣйствія русскихъ отрядовъ достигли цѣли: договоромъ съ Персіею, заключеннымъ въ Петербургѣ въ 1723 году, Россія получила западный берегъ Каспійскаго моря. Это былъ послѣдній подвигъ.

Мы видѣли, въ какомъ настроеніи духа сотрудники Петра послѣ Ништадтскаго мира поднесли ему титулъ Императора, Великаго и Отца Отечества; они считали себя людьми новыми, возванными отъ небытія къ бытію, причтенными въ сномъ образованныхъ народовъ и причтенными съ честію и славою. Понятно, въ какомъ настроеніи духа черезъ три года съ чѣмъ-нибудь они увидали Петра въ гробѣ и услыхали знаменитыя слова Ѳеофана Прокоповича: «Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» Проповѣдь была краткая, но продолжалась около часа, потому что прерывалась плачемъ и воплемъ слушателей, особенно послѣ первыхъ словъ. Въ утѣшеніе ораторъ рѣшился сказать: «Не весьма же, Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости: не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное богатство силы и славы его, которое его дѣлами означилось, при насъ есть. Оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ».

Да исполнится пророчество; да не оставитъ насъ духъ Петра. Результаты дѣятельности великихъ людей, богатство силы и славы утрачиваются, когда въ народѣ перестаетъ жить духъ этихъ великихъ людей. Учрежденія Петра могли и должны были измѣниться, но перемѣна могла произойти къ добру только при условіи присутствія его духа. То нетлѣнное наслѣдство, которое оставилъ онъ намъ, есть: примѣръ небывалаго въ исторіи труда, силы воли въ борьбѣ съ препятствіями, въ борьбѣ со зломъ; примѣръ любви къ своему народу, примѣръ непоколебимой вѣры въ свой народъ, въ его способности, въ его значеніе; примѣръ преодолѣнія искушеній сдѣлать что-нибудь скорѣе и успѣшнѣе съ чужой помощію, безъ труда приготовленія къ дѣлу своихъ; примѣръ искусства словомъ и дѣломъ, книгами, законами и учрежденіями, духомъ этихъ учрежденій воспитывать народъ свой, поднимать его на ноги; примѣръ заимствованія чужаго въ благо и въ плодъ своему, ибо заимствованіе чужаго было чуждо приниженія народнаго духа предъ чужимъ; примѣръ вѣрнаго взгляда, вѣрнаго чувства, по которому Петръ указалъ намъ естественныхъ союзниковъ въ народахъ соплеменныхъ; примѣръ страсти къ знанію и преданности вѣрѣ, что обѣщаетъ народамъ долголѣтіе, какъ написано на скрижаляхъ исторіи.

Отпразднуемъ нашъ праздникъ достойнымъ образомъ, сознаніемъ и укрѣпленіемъ въ себѣ духа Петрова. Да не будетъ нашъ праздникъ чѣмъ то внѣшнимъ, формальнымъ; да не навлечемъ на себя евангельскаго обличенія, обращеннаго къ людямъ, которые строили гробы пророческіе и красили раки праведныхъ. Да не будетъ праздникъ нашъ только все опоминаніемъ прошедшаго; вспомнивъ, будемъ исполнять завѣщаніе Петра: «И впредь надлежитъ трудиться и все заранѣе изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно». Правило: вѣкъ живи—вѣкъ учись справедливо не въ отношеніи только къ одному человѣку, но и въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ. Да проходитъ же народъ нашъ школу жизни, какъ Петръ Великій проходилъ свою многотрудную школу, и народъ нашъ долголѣтенъ будетъ на землѣ.

1872 г.

Наблюденія надъ исторической жизнію народовъ.

Часть первая.

Исторія первоначально есть *наука народнаго самопознанія.* Но самый лучшій способъ для народа познать самого себя—это познать другіе народы и сравнить себя съ ними; познать же другіе народы можно только посредствомъ познанія ихъ исторіи. Познаніе это тѣмъ обширнѣе и яснѣе, чѣмъ большее число народовъ становится предметомъ познанія,—и естественно рождается потребность достигнуть полноты знанія, изучить исторію всѣхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и продолжающихъ на ней дѣйствовать, изучить исторію всего человѣчества, и, такимъ образомъ, исторія становится наукою самопознанія для цѣлаго человѣчества. Изученіе исторіи отдѣльнаго народа и цѣлаго человѣчества, или, такъ-называемой, всеобщей исторіи, представляетъ одинакія общія трудности. Внѣшній, окружающій насъ міръ легко поддается нашему изученію: вооруженные могущественными орудіями, мы проникаемъ и въ небо, и въ море, и въ нѣдра земли; посредствомъ телескопа приближаемъ къ себѣ тѣла, отстоящія отъ насъ на громадное разстояніе; посредствомъ микроскопа наблюдаемъ за жизнію существъ, невидимыхъ простымъ глазомъ; но существо человѣка для насъ темно; завѣса, скрывающая тайны его жизни, едва приподнята, а исторія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, съ его жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Притомъ въ исторіи мы не можемъ наблюдать явленій непосредственно; мы смотримъ здѣсь чужими глазами, слушаемъ чужими ушами. Внимательное изученіе внѣшней природы уяснило для насъ многое относительно вліянія этой природы на жизнь человѣка, на жизнь человѣческихъ обществъ; но это только одна сторона дѣла, ограничиваться которою и увлекаться опасно для науки. Другая причина трудности при изученіи исторіи заключается въ близости ея къ нашимъ существеннымъ интересамъ. Не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ сознанія, что исторія есть объяснительница настоящаго и потому наставница (magistra vitæ), человѣкъ однако хлопочетъ часто изъ всѣхъ силъ, чтобъ высвободиться изъ подъ руководства этой наставницы. Покорствуя интересамъ настоящей минуты, онъ старается исказить историческія явленія, затемнить, извратить законы ихъ. Понимая важность исторіи, онъ хочетъ ея указаніями освятить свои мнѣнія, свои стремленія, и потому видитъ, ищетъ въ исторіи только того, что ему нужно, не обращая вниманія на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто ненамѣренная. Но когда ему указываютъ на другую сторону дѣла, непріятную для него, онъ начинаетъ всѣми силами отвергать или, по крайней мѣрѣ, ослаблять ее: здѣсь уже искаженіе истины. Исторія—это свидѣтель, отъ котораго зависитъ рѣшеніе дѣла, и понятно стремленіе подкупить этого свидѣтеля, заставить его говорить только то, что намъ нужно. Такимъ образомъ, изъ самаго стремленія искажать исторію всего яснѣе видна ея важность, необходимость; но отъ этого наукѣ не легче.

Первый вопросъ въ исторіи каждаго народа: гдѣ живетъ народъ. Сильное вліяніе мѣстности, ея природныхъ условій на жизнь народа безспорно; но мы уже сказали, что здѣсь должно избѣгать односторонности. Если народъ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природнымъ условіямъ обитаемой имъ мѣстности, то, съ постепеннымъ развитіемъ его духовныхъ силъ, замѣчается обратное дѣйствіе, измѣненіе природныхъ условій подъ вліяніемъ народной дѣятельности: мѣста непроходимыя являются проходимыми, пути неудобные—удобными, пространства сокращаются, изсушаются болота, рѣдѣютъ лѣса, являются новыя растенія, животныя; прежнія исчезаютъ, климатъ измѣняется, природныя условія продолжаютъ дѣйствовать; но это уже другія природныя условія, на которыя воздѣйствовалъ человѣкъ. Народный характеръ, нравы, обычаи, занятія народа мы не усумнились бы разсматривать, какъ произведеніе природныхъ условій, еслибъ имѣли основаніе считать каждый народъ автохтонами. Но если бы мы даже предположили не одного, а нѣсколько родоначальниковъ для человѣчества, то и тогда движеніе и переселеніе родоначальниковъ народныхъ и цѣлыхъ народовъ должны заставить насъ взглянуть на дѣло съ другой стороны. Если въ установившихся уже и развитыхъ обществахъ

человѣкъ избираетъ себѣ дѣятельность по своимъ личнымъ наклонностямъ, по условіямъ своей личной природы, то это же самое долженствовало быть и во времена отдаленныя, времена разселенія племенъ и народовъ: неизвѣстная мѣстность своими природными условіями первоначально создала характеръ ея жителей; но люди выбрали извѣстную страну мѣстомъ своего жительства по своимъ наклонностямъ, по своему характеру. Народъ, принужденный двинуться изъ прежняго мѣста жительства, вступаетъ въ степи, приглашающія его къ кочевому быту; но онъ останется въ степи и предастся кочевому быту только въ томъ случаѣ, если чувствуетъ внутреннее влеченіе къ нему; въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ степь и устремится на исканіе другихъ странъ, именно соотвѣтствующихъ его природнымъ наклонностямъ. Живетъ одинъ народъ у моря, и море не оказываетъ на него никакого вліянія, не тянетъ его къ торговой дѣятельности; другой народъ пользуется близостью моря и стремится на открытіе новыхъ земель, новыхъ рынковъ,—для себя. Слѣдовательно народъ носитъ въ самомъ себѣ способность подчиняться и не подчиняться природнымъ вліяніямъ, и отношенія потому измѣняются, являются болѣе свободными.

Но откуда въ народѣ эти внутреннія условія, вслѣдствіе которыхъ онъ подчиняется или не подчиняется вліянію природы, и подчиняется въ той или другой мѣрѣ, ранѣе или позднѣе выходитъ изъ своего подчиненія и начинаетъ бороться и преодолѣвать условія обитаемой имъ страны? Мы отличаемъ племена, мы говоримъ, что извѣстный народъ принадлежитъ къ племени, болѣе даровитому, болѣе способному къ развитію, другой—къ менѣе способному; но откуда такое различіе въ племенахъ? Для рѣшенія этого вопроса справимся съ преданіями народовъ о ихъ происхожденіи и первоначальномъ бытѣ, съ преданіями, которыя, кромѣ всякаго другого авторитета, находятъ подтвержденіе въ ежедневномъ опытѣ. У патріарха Исаака двое сыновей; они близнецы, и, несмотря на то, съ противоположными характерами; между ними возникла борьба, вмѣстѣ они жить не могутъ, расходятся и становятся родоначальниками двухъ разныхъ народовъ. Въ еврейскомъ народѣ, въ его характерѣ, стремленіяхъ, историческомъ значеніи нельзя не признать потомства Авраама, Исаака и Іакова. Народъ похожъ на своего родоначальника не вслѣдствіе одного физическаго происхожденія отъ него: народъ воспитывается въ преданіяхъ, которыя идутъ отъ этого родоначальника и въ которыхъ отразилась его личная природа, его взгляды и отношенія; эти преданія составляютъ святыню, которой вѣрятъ, которую хранить считаютъ главною обязанностью. Такъ составляется народный образъ. Природа страны, гдѣ народъ основываетъ свое пребываніе, и многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное участіе при этомъ составленіи; но вліяніе природы, родоначальника и преданія, отъ него идущія и отражающія эту природу, необходимо должны быть предполагаемы, если не могутъ быть указаны. Что справедливо относительно народовъ, то должно быть справедливо и относительно цѣлыхъ племенъ. При нашей миѳоманіи, при нашей дурной привычкѣ заставлять народы все жить ложью, мы говоримъ, что они создаютъ образъ своего родоначальника по себѣ, приписываютъ ему тѣ качества, которыя сознаютъ въ себѣ, но при этомъ забывается наслѣдственность качествъ, переходъ ихъ отъ предка къ потомству.

Мы сказали, что, кромѣ вліянія личной природы родоначальника и природы страны, многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное вліяніе при составленіи народнаго образа. Здѣсь важное мѣсто занимаетъ движеніе народа, начинаетъ ли народъ свою историческую роль послѣ сильнаго движенія, или исторія застаетъ его долго сидящимъ въ извѣстной странѣ, безъ особенныхъ побужденій къ движенію. Движеніе развиваетъ силы народа преодолѣніемъ опасностей и препятствій, вселяетъ отвагу, расширяетъ его горизонтъ, производитъ именно такое же вліяніе, какое производитъ путешествіе на отдѣльнаго человѣка, развивая его умственныя силы знакомствомъ съ разнообразіемъ странъ и народовъ. Но, разумѣется, здѣсь надобно обращать вниманіе на причину движенія, потомъ на то, какъ происходитъ оно, въ какія страны направлено, съ какими народами сталкивается извѣстный народъ, и какія слѣдствія этого столкновенія.

Причины движенія народа могутъ быть внѣшнія и внутреннія. Причины внѣшнія—натискъ другого народа, недостатокъ средствъ къ жизни въ извѣстной странѣ—могутъ заставить цѣлый народъ или часть его выселиться изъ своей земли и искать другихъ жилищъ. Но иногда причины внутреннія—внутренній разладъ и борьба, вслѣдствіе его происшедшая,—заставляютъ часть народа, меньшинство, покинуть родину. Въ какой формѣ происходило движеніе, переселеніе—это особенно важно для историческаго наблюденія.

Успѣхъ въ изученіи исторіи зависитъ именно отъ внимательности этихъ наблюденій, отъ многосторонности взгляда; ошибки происходятъ не отъ неправильности только взгляда вообще, но отъ того, что мы глядимъ на одну сторону явленія и спѣшимъ изъ этого разсматриванія вывести наше заключеніе, вывести общіе законы, объявляя другіе взгляды, т. е. взгляды на другія стороны явленія, ложными. Взглядъ вполнѣ правильный есть взглядъ всесторонній; разумѣется, онъ можетъ принадлежать существу совершенному, божеству; человѣкъ не можетъ имѣть притязаній на всесторонность взгляда, но долженъ стремиться къ возможному для него совершенству, къ многосторонности изученія. Иногда идетъ долговременная и ожесточенная борьба между учеными, между цѣлыми школами, идетъ борьба

не оттого, что одни смотрятъ правильно, а другіе неправильно на явленіе, а оттого, что одни смотрятъ на одну, а другіе на другую сторону явленія, и не догадаются соединить свои взгляды, дополнить одинъ другимъ. Многостороннее наблюденіе, разумѣется, легче относительно явленій внѣшней природы, къ которымъ мы относимся непосредственно; оно крайне трудно относительно историческихъ явленій, къ которымъ непосредственно мы относиться не можемъ, а должны ограничиваться чужими наблюденіями; но отъ труднаго до невозможнаго еще далеко.

До какой степени, при изученіи исторіи, мы не привыкли къ внимательному, многостороннему наблюденію, показываетъ всего лучше книга Бокля: «Исторія англійской цивилизаціи». Авторъ оплакиваетъ судьбу исторической науки; жалѣетъ, что «исторію писали люди, вовсе неспособные къ рѣшенію своей великой задачи; что до сихъ поръ мало собрано нужныхъ матеріяловъ. Вмѣсто того, чтобъ говорить намъ о предметахъ, которые одни имѣютъ значеніе; вмѣсто того, чтобы излагать намъ успѣхи знаній, и путь, на который вступаетъ человѣчество при распространеніи знаній,—вмѣсто этого, большая часть историковъ наполняютъ свои сочиненія самыми пустыми подробностями, анекдотами о государяхъ, о Дворахъ, безконечными извѣстіями о томъ, что было сказано однимъ министромъ, что думалъ другой и, что всего хуже, длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе безполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію ихъ. Наши политическіе компиляторы занимаются слишкомъ много отдѣльными лицами и слишкомъ мало характеромъ времени, въ которое эти люди живутъ; эти писатели не понимаютъ, что исторія каждой цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое государи, государственные люди и законодатели болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ, потому что, какъ бы ни было велико ихъ могущество, все же они случайные и неполные представители духа своего времени».

Прежде всего замѣтимъ, что іереміады автора написаны заднимъ числомъ; что исторія интеллектуальнаго развитія въ народѣ уже давно занимаетъ достойное ея мѣсто въ историческихъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ кстати: Бокль не зналъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи. Здѣсь очень долго утверждали, что русская исторія начинается только съ Петра Великаго, потому что съ этихъ поръ только начинается исторія русскаго просвѣщенія, исторія интеллектуальнаго развитія, и что исторія до Петра не представляетъ никакого интереса. Эта крайность вызвала, какъ обыкновенно бываетъ, другую крайность; но какъ бы то ни было, вѣрно одно, что очень задолго до Бокля въ одной странѣ громко проповѣдовались его положенія.

Исторія цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое правительства болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ: вотъ основное положеніе Бокля. Но прежде, чѣмъ слѣдить за интеллектуальнымъ развитіемъ въ странѣ, надобно уяснить: что сдѣлало эту страну способною къ интеллектуальному развитію; какія условія приготовили извѣстную почву для интеллектуальнаго развитія, вслѣдствіе чего интеллектуальное развитіе приняло то или другое направленіе. Такъ, напримѣръ, у насъ интеллектуальное развитіе начинается съ Петра Великаго; но почему оно начинается такъ поздно и именно съ этого времени; почему оно принимаетъ такія формы при Петрѣ и его преемникахъ; почему Россія теперь находится на извѣстной степени интеллектуальнаго, государственнаго и общественнаго развитія? Все это останется для насъ тайною и поведетъ къ безчисленнымъ ошибкамъ въ теоріи и практикѣ, если мы не изучимъ подробно нашей древней, до-петровской исторіи. Но оставимъ Россію и посмотримъ, какъ Бокль обращается съ исторіею своихъ западныхъ государствъ, съ исторіею своей Англіи, въ цивилизаціи которой видитъ самое правильное развитіе. Въ исторіи Англіи онъ точно такъ же отзывается о времени до XVI вѣка, какъ у насъ еще недавно отзывались о до-петровскомъ времени, именно—какъ о времени варварства, мрака, господства слѣпой, безусловной вѣры; какъ о времени, въ которое еще не рождалось сомнѣніе,—а пока нѣтъ сомнѣнія—прогрессъ невозможенъ, по мнѣнію Бокля; слѣдовательно, что же такое была исторія Англіи до XVI вѣка? А между тѣмъ, до XVI вѣка здѣсь положено было крѣпкое основаніе тому, что составляетъ отличительную черту англійской исторіи, англійскаго государственнаго и народнаго быта, тому, что условило и развитіе интеллектуальное. Самъ Бокль, желая объяснить застой Испаніи, начинаетъ съ начала, съ V-го вѣка. Значитъ, исторія цивилизованнаго народа имѣетъ важное значеніе и тогда, когда интеллектуальное развитіе еще не начиналось, когда еще не рождалось сомнѣніе; значитъ, важное значеніе имѣютъ извѣстныя отношенія и безъ интеллектуальнаго развитія; значитъ, и послѣ появленія интеллектуальнаго развитія эти отношенія не могутъ утратить своей важности; интеллектуальное развитіе приходитъ къ нимъ, какъ новая сила, съ могущественнымъ вліяніемъ на всѣ другія отношенія, но, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, и само подчиняется вліянію другихъ отношеній.

Обратимся къ другому вопросу: что такое правительство? Правительство, въ той или другой формѣ своей, есть произведеніе исторической жизни извѣстнаго народа, есть самая лучшая повѣрка этой жизни. Какъ скоро извѣстная форма правительственная не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ народной жизни въ извѣстное время, она измѣняется съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ всего организма народнаго. Въ иномъ народѣ, повидимому, возбуждено сильное неудовольствіе противъ правительства, противъ его формы;

но если, несмотря на это, правительство держится, то это значитъ, что народъ, въ своей исторіи, выработалъ извѣстныя условія, которыя требуютъ именно такой формы правительственной. Правительство, какая бы ни была его форма, представляетъ свой народъ; въ немъ народъ олицетворяется, и потому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка. Исторія имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что движется, видно, дѣйствуетъ, заявляетъ о себѣ, и потому для исторіи нѣтъ возможности имѣть дѣло съ народными массами, она имѣетъ дѣло только съ представителями народа, въ какой бы формѣ ни выражалось это представительство; даже и тогда, когда народныя массы приходятъ въ движеніе, и тогда на первомъ планѣ являются вожди, направители этого движенія, съ которыми исторія преимущественно и должна имѣть дѣло. Дѣйствія этихъ лицъ, а въ спокойное время распоряженія правильнаго правительства, его удачныя мѣры или ошибки могущественно дѣйствуютъ на народъ, содѣйствуютъ развитію народной жизни или препятствуютъ ему, приносятъ благоденствіе большинству или меньшинству, или навлекаютъ на нихъ бѣдствія. Вотъ почему характеры правительственныхъ лицъ такъ важны для историка, такъ внимательно имъ изучаются, будь то неограниченный монархъ, будь то любимецъ этого монарха, будь то ораторы, вожди партій въ представительныхъ собраніяхъ, министры, поставленные во главѣ управленія перевѣсомъ той или другой партіи въ народномъ представительствѣ, будь то президентъ республики. Вотъ почему подробности, анекдоты о государяхъ, о Дворахъ, извѣстія о томъ, что было сказано однимъ министромъ, что думалъ другой, сохранятъ навсегда свою важность, потому что отъ этихъ словъ, отъ этахъ мыслей зависитъ судьба цѣлаго народа и очень часто судьба многихъ народовъ. Бокль, провозгласившій, что не должно изучать характеры правительственныхъ лицъ, посвящаетъ большіе отдѣлы своей книги дѣятельности Генриха IV Французскаго и кардинала Ришелье, выставляя, какое могущественное вліяніе оказала эта дѣятельность на интеллектуальное развитіе французскаго народа. Но это не единственное противорѣчіе въ книгѣ Бокля, которая представляетъ результатъ отшельнической, замкнутой кабинетной жизни человѣка, отказавшагося отъ всякой общественной дѣятельности, и потому такъ поражаетъ своею односторонностію.

Бокль утверждаетъ, что государи, государственные люди и законодатели суть случайные и недостаточные представители духа своего времени. Историческая наука давно уже признала ихъ недостаточными представителями духа своего времени въ томъ смыслѣ, что они не одни представляютъ этотъ духъ. Что же касается выраженія «случайные представители», то употреблять его надобно съ большою осторожностью. Всякое явленіе въ жизни народа, какъ бы это явленіе ни было, повидимому, случайно, должно разсматриваться въ исторіи по отношенію къ внутреннимъ условіямъ народной жизни; оно объясняется ими и, въ свою очередь, объясняетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, чего кажется случайнѣе въ исторіи извѣстнаго народа, какъ напоръ другого народа, завоеваніе, вслѣдствіе этого напора происшедшее. А между тѣмъ, историкъ пользуется этимъ явленіемъ для провѣрки внутреннихъ силъ народа завоеваннаго, степени его развитія; рѣшаются вопросы: что условило возможность завоеванія; какой отпоръ оно встрѣтило и гдѣ, въ какихъ частяхъ страны, въ какихъ частяхъ народонаселенія; быстро ли покоренъ народъ, или покореніе требовало продолжительнаго времени; въ какихъ отношеніяхъ нашлись завоеватели къ завоеваннымъ, и что произошло изъ этихъ отношеній; какія силы народа были сломлены завоеваніемъ; какія сокровенныя силы были вызваны къ дѣятельности.—Понятно, что при рѣшеніи этихъ вопросовъ провѣряется, уясняется вся предшествовавшая исторія народа.

Характеры лицъ, выдающихся впередъ, лицъ правительственныхъ, служатъ также для провѣрки внутренняго состоянія народа, степени его развитія. Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ характеръ правительственнаго лица и зависящая отъ этого характера дѣятельность его относится къ народной жизни. Мы очень хорошо знаемъ, что извѣстная дѣятельность, зависящая отъ извѣстнаго характера, обнаруживается такимъ образомъ въ одномъ народѣ, инымъ образомъ—въ другомъ, бываетъ совершенно невозможна—въ третьемъ; внутреннія условія народной жизни, въ извѣстное время, отливаютъ форму для дѣятельности правительственнаго лица, какъ всякаго историческаго дѣятеля вообще, во всѣхъ сферахъ: слѣдовательно, эта форма служитъ самою лучшею провѣркою народной жизни. Здѣсь уже случайность явленія исчезаетъ. Такимъ образомъ, опять выходитъ, что мы должны изучать дѣятельность правительственныхъ лицъ, ибо въ ней находится самый лучшій, самый богатый матеріалъ для изученія народной жизни, и правительственныя лица являются представителями народа вовсе не случайными. Съ другой стороны, дѣятельность правительственныхъ лицъ, условливаясь извѣстнымъ состояніемъ общества, производитъ могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе жизни этого общества, и потому должна обращать на себя особенное вниманіе историка. Какая возможность изучить характеръ времени, не изучивъ дѣятельности лицъ, выдающихся на первый планъ, и, прежде всего, лицъ правительственныхъ? Не Цезарь разрушилъ Римскую республику; эта республика, во времена Цезаря, заключала въ себѣ такія условія народной жизни, при которыхъ Цезарю возможно было сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Но какъ мы изучимъ эти условія, какъ поймемъ характеръ времени, не изучивъ дѣятельности Цезаря, его отношеній къ лицамъ, учрежденіямъ, различнымъ частямъ народонаселенія?

Какъ мы изучимъ характеръ первыхъ временъ Римской имперіи, не изучивъ характера отношеній первыхъ императоровъ къ сенату?

Бокль жалуется на историковъ также за то, что они наполняютъ свои сочиненія длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе безполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ намъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію новыхъ истинъ. Мы думаемъ, что исторія должна открыть намъ истину о жизни одного или нѣсколькихъ народовъ. Впрочемъ, по поводу вопроса о значеніи исторіи войнъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о значеніи такъ называемой внѣшней исторіи вообще, ибо нѣкоторые унижаютъ это значеніе передъ значеніемъ исторіи внутренней. Въ жизни отдѣльнаго человѣка мы различаемъ жизнь домашнюю и жизнь общественную; мы знаемъ хорошо, что человѣкъ немыслимъ безъ общества, что только при столкновеніи съ другими людьми, въ общей дѣятельности, опредѣляются его понятія, развиваются его умственныя и нравственныя силы. То же самое и въ жизни цѣлыхъ народовъ: они такъ же живутъ жизнію домашнею или внутреннею, и жизнію общественною. Извѣстно, что такое народъ, живущій внѣ общества другихъ народовъ. Застой—удѣлъ народовъ, особо живущихъ; только въ обществѣ другихъ народовъ народъ можетъ развивать свои силы, можетъ познать самого себя. Извѣстно, что европейскіе народы обязаны своимъ великимъ значеніемъ именно тому, что живутъ одною общею жизнію. Но послѣ этого какъ же можно отнимать значеніе у этой общественной жизни народа въ пользу внутренней или домашней жизни, которая подчиняется такому сильному вліянію жизни общественной? И внутренняя жизнь народа, въ свою очередь, обнаруживаетъ сильное вліяніе на степень и характеръ его участія въ общей жизни народовъ, точно такъ, какъ домашній кругъ человѣка, его домашнее воспитаніе имѣетъ важное вліяніе на характеръ, съ какимъ онъ является въ общество, на его общественную дѣятельность; но изъ признанія тѣсной связи между внѣшнею и внутреннею жизнію народа и взаимнаго вліянія ихъ другъ на друга не слѣдуетъ, что одной надобно отдавать преимущество передъ другою. Историкъ не можетъ не останавливаться долго на дипломатическихъ сношеніяхъ, потому что въ нихъ выражается общественная жизнь народа, въ нихъ народы являются передъ нами каждый съ своими интересами, вынесенными изъ исторіи, съ своими историческими правами, съ своими особенностями; наконецъ отъ характера веденія ихъ зависитъ усиленіе или упадокъ значенія народа, зависитъ война или миръ. А война? Это мѣрило силъ народныхъ, матеріальныхъ и нравственныхъ. Вспомнимъ, какое значеніе въ жизни народной имѣетъ та или другая степень внѣшней безопасности. Толкуя о народѣ, не будемъ удаляться отъ него, но вглядимся внимательнѣе, что значитъ для него война или миръ. Толкуя о прошедшемъ, не будемъ забывать настоящаго, которое такъ помогаетъ объясненію прошедшаго; не будемъ забывать, какъ мы теперь волнуемся вопросомъ о войнѣ или мирѣ, какъ важныя внутреннія дѣла останавливаются въ ожиданіи рѣшенія этого страшнаго вопроса внѣшняго. Повторяютъ, что извѣстный ходъ англійской исторіи зависитъ отъ островнаго положенія страны, дающаго ей большую внѣшнюю безопасность, сравнительно съ государствами континентальными. И послѣ этого мы не дадимъ важнаго значенія исторіи войнъ, которыя или истощаютъ, или возбуждаютъ народныя силы, отнимаютъ у народа важное мѣсто, занимаемое имъ въ обществѣ другихъ народовъ, или ему даютъ его, расширяютъ сферу его дѣятельности, поворачиваютъ ходъ его исторіи! Другое дѣло подробности военныхъ дѣйствій: онѣ не должны входить въ общую исторію одного или всѣхъ народовъ,—онѣ составляютъ содержаніе спеціальной военной исторіи, и могутъ быть доступны, полезны и занимательны только для спеціалистовъ.

Незаконный разводъ народа съ государствомъ, происшедшій въ головахъ нѣкоторыхъ нашихъ историческихъ писателей и преподавателей, породилъ довольно недоразумѣній. Забывъ, что государство есть необходимая форма для народа, который немыслимъ безъ государства, объявляли: что не станутъ останавливаться на какомъ-нибудь громкомъ государственномъ событіи болѣе того, сколько требовать этого будетъ уразумѣніе воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе; что не станутъ преклоняться предъ біографіею лицъ, выходящихъ изъ массы; что эти лица будутъ важны единственно потому, что они принесли съ собою изъ массы, и что сообщили массѣ ихъ дарованія; что не будетъ важенъ никакой законъ, никакое учрежденіе сами по себѣ, а только по приложенію ихъ къ народному быту; что не будутъ останавливаться ни на какомъ литературномъ памятникѣ, если не будутъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль; въ такомъ случаѣ, гораздо важнѣе будетъ народная пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи внѣшняго событія; предметомъ первой важности будутъ повѣствованія лѣтописцевъ о неурожаяхъ, наводненіяхъ, пожарахъ и разныхъ бѣдствіяхъ, заставлявшихъ народъ страдать, о затмѣніяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе явленіяхъ, которыя для историка, имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляютъ неважныя черты.

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ видно непониманіе тѣсной связи между государствомъ и народомъ, связи формы съ содержаніемъ. Что значитъ, напримѣръ, разсматривать громкое государственное событіе со стороны воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе? Но почему же это событіе громко? Историкъ, при встрѣчѣ съ такимъ событіемъ, прежде всего долженъ показать, какъ оно возникло въ жизни извѣстнаго народа, разумѣя

подъ жизнію народа жизнь внутреннюю и внѣшнюю. Что касается до значенія лицъ, выходящихъ изъ массы, то понятно, что всякій оцѣниваетъ ихъ по степени того добра, какое оказали они своимъ общественнымъ служеніемъ: объ этомъ никто никогда не спорилъ. Но здѣсь должно замѣтить, что историкъ не имѣетъ возможности непосредственно сноситься съ массою; онъ сносится съ нею посредствомъ ея представителей, историческихъ дѣятелей, ибо масса сама ничего о себѣ не скажетъ; и въ то время, когда она движется, волнуется,—на первомъ планѣ ея вожди, представители; они говорятъ и дѣйствуютъ, и этимъ самымъ становятся доступны для историка. Если извѣстный законъ или учрежденіе, каковы бы ни были сами по себѣ, не имѣютъ приложенія къ народному быту, то во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ вниманія: если законъ или учрежденіе дѣйствуютъ и въ то же время неприложимы къ народному быту, то они причиняютъ вредъ, затрудненія, неудобства въ отправленіяхъ народной жизни; это очень важно, и историкъ обязанъ вникнуть въ причины такого явленія, ибо здѣсь повѣрка народной жизни. Историкъ обязанъ останавливаться на важныхъ литературныхъ памятникахъ, ибо такіе памятники не могутъ пройти безслѣдно для жизни общества. Историкъ, имѣющій на первомъ планѣ государственную жизнь, на томъ же планѣ имѣетъ и народную жизнь, ибо отдѣлять ихъ нельзя: народныя бѣдствія не могутъ быть для него неважными чертами уже и потому, что они имѣютъ рѣшительное вліяніе на государственныя отправленія, затрудняютъ ихъ, бываютъ причинами разстройствъ въ государственной машинѣ, что вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на народную жизнь. Но, конечно, историкъ, уважающій народъ, не поставитъ наряду съ народными бѣдствіями затмѣній и кометъ, пугавшихъ народное воображеніе, хотя и не оставитъ ихъ безъ вниманія, когда будетъ говорить, какъ народъ, въ извѣстное время, представлялъ себѣ извѣстныя явленія.

Сдѣлавши эти предварительныя замѣчанія, мы приступимъ къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію народовъ, и, для правильности этихъ наблюденій, начнемъ съ начала, начнемъ съ того, съ чего обыкновенно начинаютъ.

I.
ВОСТОКЪ.

I.
КИТАЙ.

Передъ нами одна изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, страна чайнаго дерева и шелковаго червя; страна, которая съ незапамятныхъ поръ составляетъ одно государство, самое обильное трудолюбивымъ и промышленнымъ народонаселеніемъ, долго славившимся своими шелковыми, хлопчато-бумажными и фарфоровыми издѣліями, знавшимъ, какъ говорятъ, порохъ, компасъ и книгопечатаніе прежде европейцевъ. Но это государство съ незапамятныхъ поръ не имѣетъ исторіи; Китай и неподвижность сдѣлались понятіями, неразрывно связанными другъ съ другомъ. Съ неподвижностію, страхомъ передъ новымъ соединена замкнутость, страхъ предъ чужимъ. Причины этихъ явленій находятъ, во-1-хъ, въ природныхъ условіяхъ; во-2-хъ, въ характерѣ монгольскаго племени, къ которому принадлежитъ народъ китайскій. Будемъ наблюдать надъ дѣйствіями этихъ условій.

Указываютъ, что замкнутость Китая происходитъ оттого, что онъ окруженъ высочайшими горами и бурными, туманными, имѣющими много мелей морями; съ другой стороны, указываютъ на необыкновенное плодоносіе и роскошь страны, вполнѣ удовлетворяющей народонаселеніе и отнимающей у него охоту къ движенію, исканію новаго, чужаго. Говорятъ также, что свойства монгольскаго племени условили остановку китайцевъ въ развитіи; въ китайской цивилизаціи монгольское племя достигло высшей степени развитія, къ какой только оно могло быть способно.

Мы, разумѣется, не будемъ отвергать вліянія ни одного изъ означенныхъ условій, хотя приговоръ относительно племени намъ кажется слишкомъ рѣзокъ: если мы видимъ, что племя остановилось на извѣстной степени развитія подъ вліяніемъ такихъ-то могущественныхъ условій, то естественно рождается вопросъ: остановилось ли бы оно на этой степени при другихъ условіяхъ. Что же касается до вліянія природы, то имѣемъ право спросить: такіе же ли оказались бы результаты, если бы Китай, бывъ рѣзко отдѣленъ съ сухаго пути, представлялъ такую же плодоносную страну и простирался небольшою узкою полосою по берегу моря. Признавая всю законность этого вопроса, мы считаемъ себя въ правѣ выставить новое условіе, именно: обширность страны, въ которой, въ продолженіе многихъ вѣковъ, народонаселеніе могло расширяться и устраиваться безъ столкновенія съ другими народами, безъ внѣшней дѣятельности, безъ подвига; съ одною только внутреннею дѣятельностію. Всѣ силы народа, особенно съ быстрымъ его увеличеніемъ при благопріятныхъ условіяхъ, ушли въ это необычайное трудолюбіе, отличающее китайцевъ. Но одно трудолюбіе при однообразной будничной жизни не разовьетъ народа: для развитія необходимъ не трудъ только, но подвигъ, сильное, широкое движеніе, которое условливается внѣшними столкновеніями. Въ Китаѣ всего лучше можно видѣть вліяніе на народъ исключительно внутренней жизни, какъ бы она сильно развита ни была, вліяніе труда безъ подвига, необходимаго для вскрытія и упражненія высшихъ способностей человѣка; въ ки-

тайцахъ мы видимъ людей, въ высшей степени способныхъ къ труду и нисколько не способныхъ къ подвигу, трусливыхъ, легко подлегающихъ внѣшнему натиску. Преобладаніе внутренней жизни ведетъ къ тому, что государство становится похожимъ на муравейникъ или на пчелиный улей: трудолюбія очень много въ муравьяхъ и пчелахъ.

Какъ устроилъ китайскій народъ свое государство? Вопросъ этотъ связанъ съ вопросомъ: какъ устраиваетъ свое государство всякій большой народъ, живущій въ обширной странѣ безъ внѣшнихъ столкновеній. Первоначальный родовой бытъ можетъ держаться во всей чистотѣ только при малочисленности народонаселенія и обширности страны, когда каждый родъ можетъ жить отдѣльно, не сталкиваясь съ другими, когда и усобицы, возникающія въ отдѣльномъ родѣ, легко погасаютъ чрезъ удаленіе недовольныхъ, притѣсненныхъ членовъ рода. Но когда народонаселеніе увеличивается, когда отдѣльные роды необходимо приближаются другъ къ другу, то естественно происходятъ между ними столкновенія, ведущія къ устройству новаго порядка вещей. Или одинъ родъ, благодаря личности своихъ членовъ и другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, усиливается насчетъ другихъ, и старшина его дѣлается старшиною ихъ всѣхъ; или когда столкновенія, войны между родами не оканчиваются такимъ образомъ и сильно наскучиваютъ осѣдлому, земледѣльческому народонаселенію, то оно добровольно подчиняется одному человѣку, чтобъ чрезъ это подчиненіе избыть отъ внутреннихъ войнъ. Иногда это дѣлается, чтобы получить вождя для дружнаго отбитія внѣшняго непріятеля. Подчиненіе это могло быть временное и пожизненное; пожизненное пользованіе властію легко могло превратиться въ наслѣдственное. Въ Китаѣ первоначально были владѣльцы, или, какъ мы привыкли называть ихъ, богдыханы, пожизненные, а съ императора Ю (2205 до Р. Х.) наслѣдственные (первой династіи Гіа). Власть этихъ первыхъ государей естественно неограниченная, добыта ли она силою или избраніемъ? Ея неограниченность условливается потребностію новаго народа получить крѣпкую связь; новый государь долженъ быть вождемъ на войнѣ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и судьею верховнымъ: въ томъ и другомъ случаѣ ограниченіе его власти неудобно для народа, создающаго у себя гражданскій порядокъ. Мы знаемъ, что въ послѣдующія времена усиленіе монархической власти является послѣ сильныхъ движеній, которыя истомляютъ народъ и заставляютъ его искать успокоенія въ диктатурѣ. «Гдѣ нѣтъ царя», говорится въ одной древней поэмѣ [1]), «тамъ нѣтъ ни у кого собственности; люди пожираютъ другъ друга какъ рыбы; не строятся дома, не воздвигаютъ храмы, не приносятся жертвы; никто не пляшетъ на праздниствахъ, никто не слушаетъ пѣвца, земледѣлецъ и пастухъ не могутъ спать при открытыхъ дверяхъ; купцамъ нѣтъ безопасной дороги». Образца власти нѣтъ никакого другого, кромѣ власти естественной—отца надъ дѣтьми, и потомъ власти господина надъ рабами. Обратимся къ сознанію древнихъ о господствовавшихъ у нихъ формахъ правленія: «Каждый домъ», говоритъ Аристотель, «управляется старшимъ: поэтому и народы управляются царями, ибо составились изъ управляемыхъ (т. е. изъ домовъ, семействъ); монархія есть домашняя форма правленія, ибо домъ управляется монархически».

Мы не можемъ не принять объясненія Аристотеля, хотя не можемъ ограничиться имъ, тѣмъ болѣе—что знаменитый философъ, противополагая народъ, составившійся изъ семействъ или домовъ и потому управляемый монархически,—городу, состоящему изъ людей свободныхъ и равныхъ и управляемому политически, не объясняетъ, откуда произошла эта противоположность. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что въ народѣ многочисленномъ, на большомъ пространствѣ живущемъ и преданномъ земледѣлію, мирному труду, не можетъ возникнуть начало, способное ограничивать царскую власть. Собраніе всего многочисленнаго народа, на обширныхъ пространствахъ живущаго, для совѣщанія о дѣлахъ невозможно; посылка избранныхъ представителей—дѣло тяжелое и невозможное въ первыя времена безъ другого представительства, образуемаго какой-нибудь выдающеюся частью народонаселенія, имѣющаго особенное положеніе, особыя права. Происхожденіе такой части народонаселенія условливается сильнымъ и продолжительнымъ воинственнымъ движеніемъ, и то, какъ увидимъ, въ дружинной формѣ совершающимся; въ народѣ же невоинственномъ, преданномъ мирнымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ занятіямъ, этого быть не можетъ. Народонаселеніе города, гдѣ живетъ владыка народа, можетъ оказывать на него вліяніе, ограничивать его власть своими собраніями, вѣчами. Но для этого нужно особенно сильное развитіе торговое въ извѣстномъ мѣстѣ, особенная подвижность народонаселенія вслѣдствіе торговой дѣятельности, развивавшей силы человѣка наравнѣ съ воинскою дѣятельностію, особенно въ первобытныя времена, когда купецъ, по отсутствію безопасности путей, долженъ былъ превращаться въ воина. Если такого условія нѣтъ, если мы имѣемъ дѣло съ народомъ многочисленнымъ, занимающимъ обширное пространство въ странѣ уединенной и своими произведеніями удовлетворяющей народъ, который потому преданъ мирнымъ занятіямъ; если при умноженіи своего числа, ведущемъ къ уничтоженію родовой особности, народъ хочетъ обезпечить свои занятія установленіемъ единой и крѣпкой власти, способной защитить отъ враговъ внѣшнихъ и прекратить усобицы внутреннія,—то въ такомъ народѣ мы имѣемъ право ожидать сильной, неограниченной верховной власти. Пройдутъ вѣка и

[1]) Въ Рамайянѣ.

укоренится привычка, извѣстныя отношенія войдутъ въ народное умоначертаніе, получатъ освященіе свыше и лягутъ такимъ образомъ препятствіемъ къ образованію условій, могущихъ повести къ перемѣнѣ.

Такія отношенія мы видимъ у китайцевъ, которыхъ природа оградила отъ внѣшнихъ вліяній и дала на любопытное и поучительное зрѣлище, какъ улей подъ стекломъ для наблюденій естествоиспытателя. Мы можемъ здѣсь понять, дочего можетъ достигнуть уединенный народъ земледѣльцевъ, работниковъ, поставленный въ выгодныя условія для работы, народъ трудолюбивый, понятливый, разсчетливый, благоразумный, но съ крайне узкимъ горизонтомъ, народъ, весь преданный «злобѣ дня», заботамъ о хлѣбѣ насущномъ, ничѣмъ не развлекаемый въ этихъ заботахъ и не терпящій быть развлекаемымъ. Всѣ отношенія, разумѣется, должны имѣть связь съ этимъ главнымъ стремленіемъ. Китайцы признаютъ надъ собою неограниченную власть своего богдыхана, потому что эта власть обезпечиваетъ имъ ихъ работу; отношеніе основывается на разсчетѣ, никакой другой религіозной, нравственной, исторической связи нѣтъ. Хотя богдыханъ и называется Сыномъ Неба, но это только титулъ; хотя ему и воздаются божескія почести, но это церемоніи, необходимыя для обозначенія ранга. Богдыханъ долженъ быть хорошій правитель, добродѣтельный человѣкъ, иначе онъ не обезпечиваетъ, для народа, спокойствія и порядка; какъ же быть въ противномъ случаѣ? Другого средства нѣтъ, кромѣ возстанія противъ дурнаго лица, противъ испортившейся династіи, и Китайская исторія не бѣдна такими движеніями, нисколько впрочемъ не уничтожающими ея однообразія. Какъ скоро перемѣна лица произошла и оказалась удовлетворительною, все пошло попрежнему, улей зашумѣлъ въ обычной работѣ.

Чтобъ работа была обезпечена, нуженъ самый строгій порядокъ; нужно, чтобъ все было опредѣлено съ необыкновенною точностію: чтобъ никто не позволялъ себѣ ни въ чемъ ни малѣйшаго произвола, ни малѣйшей перемѣны; чтобъ все происходило одинаково, какъ разъ заведено: китайское законодательство отличается точностію, обстоятельностію опредѣленій всего, относящагося къ поведенію человѣка, къ его нравственнымъ дѣйствіямъ и отношеніямъ, къ формамъ общественныхъ приличій, къ покрою одежды и срижкѣ волосъ. Законъ соблюдается строго, произвола нѣтъ. Демократическое начало господствуетъ; всѣ китайцы равны другъ передъ другомъ; наслѣдственныхъ сословій нѣтъ; подняться на высшія мѣста, мѣста надзирателей за рабочими, блюстителей установленнаго порядка на этой громадной фабрикѣ, называемой Китаемъ, можно только посредствомъ испытаннаго знанія, пріобрѣтаемаго тяжелымъ трудомъ. Цѣль управленія сознана ясно: «Хорошее управленіе должно доставить народу необходимыя для жизни вещи: воду, огонь, металлы, дерево и хлѣбъ; потомъ должно сдѣлать его добродѣтельнымъ и научить полезному употребленію всѣхъ этихъ вещей, должно остеречь его отъ всего того, что можетъ повредить его здоровью и жизни».

И больше ничего ненужно для китайца. Громадная фабрика, наполненная трудолюбивыми работниками, идетъ вѣка по разъ заведенному порядку, подъ строгимъ надзоромъ знающихъ дѣло людей. Все, что можетъ нарушить этотъ порядокъ, необходимый для спокойной и потому богатой результатами работы, отстранено: рабочій не развлеченъ ничѣмъ; мысль его съ малолѣтства пріучена вращаться въ тѣсномъ кругу однихъ и тѣхъ же предметовъ и направляться къ одной цѣли—исканію удовлетворенія матеріяльнымъ потребностямъ; всякій выходъ отдѣльнаго лица изъ очерченнаго круга, всякое проявленіе личности, личной самостоятельности, новой мысли и взгляда не позволяется, невозможно. Полицейскій порядокъ развитъ былъ въ Китаѣ тысячи лѣтъ назадъ; тысячи лѣтъ назадъ ни одинъ китаецъ не могъ выйти безъ паспорта за городскія ворота. Правительственная система, которая недавно проповѣдывалась въ Европѣ нѣкоторыми государственными людьми, и которая нравилась многимъ, измученнымъ революціонною качкою,—система ограниченія народа заботами о насущномъ хлѣбѣ, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ потребностей, съ удаленіемъ отъ него всего, что могло бы развлечь его вниманіе, возбудить мысль, нарушить спокойствіе и порядокъ обычныхъ занятій,—эта система, непримѣнимая въ Европѣ, осуществлена съ незапятныхъ поръ въ Китаѣ, не выдумана здѣсь какимъ-нибудь богдыханомъ или мандариномъ, но вытекла изъ условій жизни народа, принята и усвоена имъ; народъ воспитался, образовался по ней, она вошла въ его существо, и можетъ-ли онъ когда-нибудь жить безъ нея—неизвѣстно.

Мы видѣли, что Китай испытывалъ потрясенія, нарушенія спокойствія и установленнаго порядка вслѣдствіе слабости и недостоинства богдыхановъ. Но эти потрясенія, не могшія, по характеру своему, повести ни къ какимъ живительнымъ преобразованіямъ, не могшія расширить горизонтъ народной жизни, возбуждали только въ народѣ желаніе возвратиться какъ можно скорѣе къ спокойной и потому счастливой старинѣ, возстановить все, какъ прежде было. Отсюда понятно, что имя человѣка, особенно потрудившагося надъ такимъ возстановленіемъ старины въ области мысли, знанія и самопознанія народа, будетъ особенно популярно. Таково знаменитое имя Конфуція (жившаго отъ 550—479 г. до Р. Х.), собравшаго и приведшаго въ порядокъ древнія народныя преданія. «Мое ученіе», говорилъ Конфуцій, «есть ученіе, переданное намъ предками; я ничего не прибавилъ и не убавилъ, но передаю ихъ ученіе въ первобытной чистотѣ». Изъ этихъ преданій

старины для насъ важны религіозныя представленія по связи ихъ съ религіозными представленіями другихъ языческихъ народовъ. Въ религіозныхъ представленіяхъ языческихъ народовъ, извѣстныхъ въ исторіи, мы замѣчаемъ слѣдующія общія основныя черты: во-первыхъ, дуализмъ, и притомъ двойной, именно—обоготвореніе двухъ началъ—добраго и злаго; во-вторыхъ, поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Въ различныхъ отношеніяхъ того или другого народа къ этимъ основнымъ представленіямъ выражается характеръ народа и его историческое значеніе. Въ китайской религіи мы находимъ первый дуализмъ, поклоненіе мужескому началу, первоначальной силѣ—небу, и женскому началу, первоначальной матеріи—землѣ. Подлѣ этого поклоненія существуетъ поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Но, говоря о религіозномъ поклоненіи китайцевъ, мы не должны представлять себѣ формъ поклоненія, встрѣчаемыхъ у другихъ народовъ: у китайцевъ нѣтъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни праздничныхъ дней въ недѣлѣ. Китаецъ—работникъ, погруженный весь въ заботы о матеріяльномъ существованіи; онъ не чувствуетъ потребности въ освѣженіи, возстановленіи силъ праздникомъ, духовнымъ занятіемъ; праздникъ нарушаетъ порядокъ, и потому неполезенъ. Для китайца «небо не говоритъ, но заявляетъ свою волю только черезъ народъ или чрезъ людей!» Впрочемъ, въ религіозной жизни китайцевъ не обошлось безъ протеста противъ этого пренебреженія духовными потребностями. Самостоятельно, или подъ вліяніемъ ученія, занесеннаго какъ нибудь съ юга, изъ Индіи—все равно, только протестъ явился въ такъ-называемомъ ученіи Тао, основанномъ Лао-Тзе, который подчинялъ физическій дуализмъ неба и земли высшему началу Тао (разума). Протестуя противъ полнаго погруженія въ заботы о матеріяльномъ благосостояніи и въ чувственныя наслажденія, господствовавшаго въ Китаѣ, Лао-Тзе требовалъ освобожденія отъ страстей и духовной созерцательной жизни въ удаленіи отъ общества и его волненій, указывая на цѣль такой жизни—возвращеніе въ лоно первоначальнаго существа, изъ которого вышелъ человѣкъ. Мы еще возвратимся къ этимъ представленіямъ, въ которыхъ выказалась реакція чувственнымъ стремленіямъ народовъ въ различныхъ странахъ Востока. Здѣсь же замѣтимъ, что въ Китаѣ ученіе Лао-Тзе явилось сектою и не могло сильно противодѣйствовать господствующему направленію жизни; гораздо сильнѣе распространился искаженный буддизмъ, удовлетворявшій потребности народа во внѣшнемъ богослуженіи.

Трудолюбивѣйшій народъ не могъ предохранить себя отъ рабства. На это важное явленіе, какъ оно существовало въ древнемъ мірѣ, мы должны обратить особенное вниманіе. Происхожденіе рабства, происхожденіе разныхъ видовъ частной зависимости человѣка можно прослѣдить въ преданіяхъ народовъ. Конечно, война должна была доставлять значительное число рабовъ; побѣдитель имѣлъ право или убить побѣжденнаго, или подарить ему жизнь и, въ послѣднемъ случаѣ, побѣжденный дѣлался рабомъ, собственностію побѣдителя. Экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ содѣйствовала сильно къ распространенію робства: для человѣка было чрезвычайно удобно имѣть разумное орудіе, разумную животненную силу для работъ всякаго рода при невозможности вольнонаемнаго труда. Скоро оцѣнили выгоду охотиться за человѣкомъ, добывать его съ оружіемъ въ рукахъ и торговать имъ. Но, кромѣ захвата и купли, число рабовъ увеличивалось и другимъ способомъ: обѣднѣніе отъ голода или другого физическаго бѣдствія, лишеніе семьи или рода, *безсемейность и безродность*, страшное бѣдствіе въ древнемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ могъ держаться самостоятельно только съ помощію первоначальнаго кровнаго союза,—всѣ эти бѣдствія должны были принуждать человѣка просить принятія въ чужую семью или родъ для полученія средства къ существованію; но единственное условіе, при которомъ онъ могъ быть принятъ, это — работа, рабство; молодой человѣкъ, для полученія руки дѣвушки, долженъ былъ работать будущему тестю нѣсколько лѣтъ, какъ мы это видимъ въ исторіи патріарха Іакова.

Рабство продолжалось и въ новомъ, христіанскомъ мірѣ; мы съ нимъ хорошо знакомы; но все же въ христіанствѣ, поднявшемъ личное значеніе человѣка, какъ храма Духа Св., существа, искупленнаго кровію Спасителя, мы все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, господствовавшаго въ языческой древности. Въ древности мы видимъ, напримѣръ, такое явленіе: жена даетъ въ наложницы мужу рабу свою, и когда раба родитъ ребенка, то госпожа въ восторгѣ принимаетъ его на колѣни, и говоритъ, что Богъ далъ ей сына. Поймемъ ли мы теперь это явленіе? Оно объясняется только такимъ представленіемъ, что рабъ не имѣетъ совершенно никакой личности, и составляетъ часть господина, имѣетъ съ нимъ совершенно одно существованіе. Знаменитый наблюдатель надъ общественными явленіями древняго міра, Аристотель приходитъ къ намъ на помощь; онъ говоритъ: «Рабъ есть одушевленная собственность и какъ бы органъ. Собственность есть какъ бы часть, ибо часть есть не только часть другого, но имѣетъ съ нимъ одно существованіе. Подобно тому и собственность; поэтому рабъ не только есть рабъ своего господина, но и имѣетъ съ нимъ одно существованіе». Это уясненіе представленія древности о рабѣ поможетъ намъ объяснить и нѣкоторыя другія явленія древней жизни. Если человѣкъ, сдѣлавшійся собственностью, считался частію, имѣвшею одно существованіе съ цѣлымъ, съ господиномъ, то, при отсутствіи правъ личности, дѣти, обязанныя существованіемъ родителямъ, естественно составляли ихъ собственность, часть, не могли имѣть никакихъ правъ, находились къ родителямъ совершенно въ отношеніи рабовъ. Между китайцами, какъ народомъ мирнымъ и

земледѣльческимъ, сначала не было рабства; но оно явилось, когда, вслѣдствіе тяжкихъ бѣдствій, родителямъ позволено было продавать дѣтей своихъ.

II.

ЕГИПЕТЪ.

Мы переходимъ въ Африку. Здѣсь, на сѣверо-востокѣ, по берегамъ большой рѣки Нила, находимъ государство, подобное Китайскому, такой же пчелиный улей или муравейникъ, но имѣющее нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Египетъ съ двухъ сторонъ окруженъ моремъ, и одно изъ этихъ морей—Средиземное—историческое море древности по преимуществу; несмотря на то, египтяне питаютъ отвращеніе къ морю; страна ихъ долго остается замкнутою, подобно Китаю. Народонаселеніе припало къ своей рѣкѣ Нилу, дающему своимъ разливомъ необыкновенное плодородіе странѣ, припало какъ ребенокъ къ груди матери, и ожирѣло, остановилось въ своемъ развитіи. Нилъ, заботы, съ цѣлію воспользоваться богатыми слѣдствіями его разлива, поглотили все вниманіе народа. Опять, какъ въ Китаѣ, мы имѣемъ дѣло съ народомъ земледѣльческимъ, рабочимъ по преимуществу, народомъ, который славился своею мудростію. Было время, когда и Китай славился въ Европѣ мудростію своихъ учрежденій и ставился въ образецъ. Отцамъ-іезуитамъ особенно нравился китайскій бытъ, какъ соотвѣтствующій ихъ общественному идеалу, нравилась огромная фабрика подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, толпа людей, преданныхъ въ тишинѣ матеріяльной работѣ, не разсуждающихъ; нравился народъ, похожій на трупъ или на палку въ рукахъ старика, и отцы-іезуиты прославили Китай въ Европѣ. Хотя заблужденіе насчетъ превосходства китайскаго быта и не было продолжительно въ Европѣ, однако и теперь еще есть люди, которымъ нравится кое-что китайское; которые, видя въ китайскихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ условіе отсутствія религіознаго принужденія, восклицаютъ: «Сколько времени, сколько фазъ развитія было необходимо, чтобы народъ могъ достигнуть до такого состоянія, до такой терпимости!» Эти господа забываютъ, что для человѣка и народа, живущаго не о единомъ хлѣбѣ, сильно принимающаго къ сердцу нравственные интересы, готоваго на всѣ пожертвованія для проведенія своихъ убѣжденій, надобно долго жить и пройти много фазъ развитія, чтобъ достигнуть убѣжденія въ необходимости свободы для чужихъ убѣжденій. Но человѣку, или народу, думающему только о хлѣбѣ, равнодушному къ нравственнымъ интересамъ, можно очень легко и скоро достигнуть религіозной терпимости; да ему и не для чего достигать ея, онъ съ нею родится. Развѣ вы замѣчаете въ ребенкѣ религіозную нетерпимость? но попробуйте не накормить его во-время! Народъ, который остановился на этой ступени, и будетъ отличаться религіозною терпимостью.

Но если заблужденіе насчетъ китайской мудрости было непродолжительно въ новой Европѣ; если, вмѣсто мудраго старца, въ Китаѣ увидали едва-лепечущаго ребенка: то что же удивительнаго, что въ древности сохранялось уваженіе къ египетской мудрости. Древность народа, древность его муравьиной или пчелиной цивилизаціи, громадныя постройки, исчерченныя какими-то таинственными, никому непонятными знаками, фокусничество жрецовъ,—все это воспламеняло воображеніе, заставляло видѣть и предполагать чудеса.

Чудесъ не было; но все же Египетъ представляетъ любопытное явленіе. Прежде всего мы не видимъ здѣсь китайскаго равенства, не того равенства, котораго достигаетъ живой народъ, прошедшій строгую политическую школу, выдержавшій долгую борьбу, ознаменовавшій себя гражданскими подвигами, но равенства младенческаго, господствующаго въ первоначальномъ обществѣ, не знающемъ движенія, подвига. Въ египетской исторіи мы должны предположить движеніе, подвигъ, поведшій къ выдѣлу изъ массы лучшихъ людей, болѣе способныхъ къ подвигу, иначе мы не можемъ объяснить происхожденія кастъ; притомъ же памятники указываютъ намъ на различіе племенъ, господствующаго и подчиненныхъ. Произошло движеніе, произошло развитіе, выдѣлъ различныхъ органовъ изъ сплошной прежде массы, и вотъ уже работа для историка — узнать, въ какомъ отношеніи находились эти органы между собою. Мы упомянули слово «*касты*», подъ которымъ разумѣются части народонаселенія, живущія въ совершенной отчужденности другъ отъ друга, при невозможности перехода для членовъ ихъ изъ одной въ другую. Различіе племенъ и завоеваніе одного другимъ объяснятъ намъ происхожденіе высшихъ и низшихъ кастъ; но не объяснятъ происхожденіе высшихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, принадлежавшихъ къ одному господствующему племени. Здѣсь, разумѣется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на экономическое положеніе частей народонаселенія, являющихся намъ въ видѣ кастъ. Высшія касты, жрецовъ и воиновъ, по самому характеру своему, должны получать содержаніе, обезпечивающее ихъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Въ государствѣ первоначальномъ, земледѣльческомъ, онѣ должны быть надѣлены земельными участками. И дѣйствительно, въ Египтѣ мы видимъ этотъ надѣлъ для воиновъ и жрецовъ; они были помѣщиками на этихъ участкахъ, которые такимъ образомъ были тѣсно соединены съ исполненіемъ извѣстныхъ обязанностей; переходъ изъ одной землевладѣльческой части народонаселенія въ другую произвелъ бы смуту въ землевладѣніи, и потому не могъ быть допущенъ. Этому содѣйствовало религіозное уваженіе къ разъ установившемуся, къ старинѣ, господствовавшее въ древ-

ней жизни; для древняго человѣка идеалъ былъ назади, въ далекомъ прошедшемъ, которое было ближе къ царству боговъ и богоподобныхъ людей; въ Египтѣ сначала царствовали боги: отсюда нарушеніе старыхъ, установившихся отношеній было дѣломъ грѣховнымъ. Такое религіозное освященіе и неподвижность установившихся отношеній, разумѣется, болѣе всего зависѣли отъ жрецовъ, а жрецы находили въ нихъ свою выгоду, потому что въ ихъ рукахъ находилась большая часть земельной собственности, чѣмъ у воиновъ.

Когда народонаселеніе раздроблено на такія рѣзко-отдѣленныя другъ отъ друга части, или касты, то понятно, что, для достиженія государственныхъ цѣлей, для общаго направленія дѣятельности, оно нуждается въ объединяющей силѣ; такимъ образомъ, касты необходимо уже предполагаютъ большую власть въ рукахъ царя. Дѣйствительно, Египетскій царь, или, какъ мы привыкли называть его, фараонъ (фра—солнце), имѣлъ въ рукахъ своихъ обширную власть, которая основывалась на землевладѣніи: ему принадлежала третья часть всей земли; двѣ трети ея были подѣлены въ неровной, какъ мы видѣли, мѣрѣ, между жрецами и воинами. Фараонъ не упускалъ случая усиливать свои средства насчетъ землевладѣльческой касты воиновъ. «Іосифъ собралъ все серебро, какое было въ Землѣ Египетской, за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Іосифъ серебро въ домъ фараоновъ. И серебро истощилось въ Землѣ Египетской, и пригоняли они къ Іосифу скотъ свой. И пришли къ нему на другой годъ и сказали ему: ничего не осталось у насъ, кромѣ тѣлъ нашихъ: купи насъ и земли наши за хлѣбъ. И купилъ Іосифъ всю Землю Египетскую для фараона, только земли жрецовъ не купилъ. И сказалъ Іосифъ народу: Я купилъ теперь для фараона васъ и землю вашу; вотъ вамъ сѣмена, и засѣвайте землю. Когда будетъ жатва, давайте пятую часть фараону». Вліяніе касты воиновъ сдерживалось вліяніемъ другой, высшей касты, жреческой; пользуясь соперничествомъ этихъ землевладѣльческихъ кастъ, фараону легко было усиливать свою власть. Жрецы, представители нравственной силы, желая охранить себя и взять перевѣсъ надъ представителями силы матеріальной, воинами, должны были соединить свои интересы съ интересами фараона, давши его власти религіозное значеніе; какъ намѣстникъ боговъ, фараонъ, естественно, сдѣлался охранителемъ интересовъ служителей религіи; изъ нихъ касты назначались правители и судьи. Съ торжествомъ жреческой касты и съ упадкомъ касты воиновъ соединенъ упадокъ внѣшняго блеска и могущества Египта. Встрѣчаемъ любопытное извѣстіе о фараонѣ Сетосѣ изъ касты жрецовъ, который обнаружилъ свою вражду къ воинамъ тѣмъ, что отнялъ у нихъ земельные участки, и когда Ассирійскій царь Санхерибъ приблизился къ границамъ Египта съ завоевательными намѣреніями, то воины отказались выступить въ походъ противъ непріятеля, и Сетосъ долженъ былъ набирать войско изъ людей низшихъ кастъ. Встрѣчаемъ также извѣстіе о покореніи Египта Эѳіопскими царями, по изгнаніи которыхъ Египетъ является раздѣленнымъ на 12 отдѣльныхъ владѣній. Одинъ изъ 12 государей, Псамметихъ, покоряетъ остальныхъ и возстановляетъ единовластіе; но онъ это дѣлаетъ посредствомъ иностранныхъ наемныхъ войскъ (іонійскихъ и карійскихъ) и возбуждаетъ неудовольствіе въ кастѣ воиновъ, которые въ огромномъ числѣ удаляются въ Эѳіопію. Правнукъ Псамметиха, Гофра, лишился престола и жизни вслѣдствіе возстанія воиновъ, заподозрившихъ его въ недоброжелательствѣ къ своей кастѣ и провозгласившихъ царемъ Амазиса. Но и Амазисъ былъ вѣренъ системѣ своихъ предшественниковъ, которая состояла въ недовѣріи и враждѣ къ воинамъ: онъ образовалъ себѣ гвардію изъ іонійскихъ и карійскихъ наемниковъ. При сынѣ Амазиса, Псамменитѣ, Египетъ былъ покоренъ персами.

Такимъ образомъ, несмотря на скудость и мутность источниковъ египетской исторіи, нельзя не усмотрѣть въ ней этого внутренняго движенія, бывшаго слѣдствіемъ столкновенія интересовъ фараона и двухъ высшихъ землевладѣльческихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, причемъ именно земельное владѣніе, имѣвшее такое важное значеніе въ Египтѣ, играло главную роль. Египетъ, по физическимъ условіямъ, былъ государствомъ земледѣльческимъ по преимуществу; все вниманіе народа было обращено внутрь страны, на своего добраго кормильца,—плононосный Нилъ, къ которому необходимо явилось религіозное отношеніе. Обращать вниманіе за предѣлы священной земли Нила было непростительно, грѣховно: отсюда торговля и городская промышленность не могли развиться и не могла подняться часть народонаселенія, которая основывала бы свое значеніе на богатствѣ движимомъ, не говоря уже о томъ, что по характеру племени, къ которому принадлежатъ низшія касты Египта, они и не могли быть способны къ широкой торговой предпріимчивости. Благодаря этимъ условіямъ, произошла замкнутость Египта и ожирѣніе его народонаселенія, привыкшаго хорошо ѣсть и пить, и получавшаго возможность къ этому внутри страны. Возможность движенія, подвига, столкновенія съ другими народами лежала въ кастѣ воиновъ, и дѣйствительно, эта каста давала средства фараонамъ предпринимать походы, дѣлать завоеванія; но это явленіе было какою-то случайностію въ исторіи Египта, случайностію, остававшеюся безъ послѣдствій: продолжительные и отдаленные походы фараоновъ въ Азію не доставляли имъ болѣе или менѣе прочныхъ завоеваній, такъ-что воинственное движеніе государей осѣдлаго и цивилизованнаго народа совершенно сходно съ опустошительными и безплодными движеніями номадовъ. Можно подумать, что фараоны, охотники занимать и утомлять излишекъ народонаселенія огромными постройками, *египетскими работами,* придумав-

шіе умерщвлять новорожденныхъ младенцевъ мужескаго пола, въ случаѣ опаснаго размноженія подданныхъ; можно подумать, что фараоны предпринимали походы съ единственною цѣлію занять и утомить касту воиновъ, уменьшить ея опасное число. Но воинственные фараоны—рѣдкое явленіе въ египетской исторіи; кастѣ воиновъ рѣдко дается возможность развить свои силы, пріобрѣсти важное значеніе посредствомъ движенія, подвига. Жреческая каста сдерживаетъ силы опасныхъ воиновъ. Наконецъ, Египетъ, благодаря Псамметиху и послѣдующимъ фараонамъ, выходитъ изъ прежней замкнутости, сближается съ иностранцами; но здѣсь не происходитъ никакого важнаго переворота въ египетской жизни; прежній порядокъ вещей остается ненарушимымъ; вся новизна направлена противъ касты воиновъ, которые принуждены выселяться, и это обстоятельство, разумѣется, должно было болѣе всего содѣйствовать паденію Египта.

Жреческая каста явно беретъ преимущество передъ кастою воиновъ: воины въ презрѣніи, у воиновъ отнимаютъ земли; воины должны выселиться изъ Египта. Относительно жрецовъ не встрѣчается подобныхъ извѣстій: жрецы до конца сохраняютъ свое важное значеніе. Жрецы славились своею мудростію, своими обширными познаніями; но свою мудрость они берегли для себя, своихъ познаній они не распространяли въ народѣ, и не спасли государства отъ паденія. Но какамъ же божествамъ служили жрецы египетскіе? Въ Египтѣ мы встрѣчаемъ множество именъ божествъ; это множество происходитъ оттого, что одно и то же божество въ разныхъ мѣстностяхъ чествовалось подъ разными именами. Изъ египетскихъ миѳовъ, наиболѣе извѣстныхъ, оказывается, что и здѣсь было поклоненіе началамъ мужескому и женскому въ Озирисѣ и Изидѣ, и началамъ доброму и злому—въ Озирисѣ и Тифонѣ. Мы имѣемъ полное право успокоиться на извѣстіи Геродота, что изъ всѣхъ божествъ только Изида и Озирисъ пользовались одинакимъ поклоненіемъ во всемъ Египтѣ, тогда какъ о другихъ божествахъ сказать этого нельзя. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что существуетъ великое несогласіе въ именахъ египетскихъ божествъ: одно и то же божество называется Изидою, Церерою, Тесмофорою, Луною, Юноною, а нѣкоторые величаютъ ее всѣми этими именами вмѣстѣ. Озирисъ одно и то же, что Сераписъ, Вакхъ, Плутонъ, Аммонъ, Юпитеръ, Панъ. Но изъ словъ самого же Діодора оказывается, что великое несогласіе разрѣшается въ согласіе, когда подъ разными именами является одно и то же божество. Для насъ важно извѣстіе Геродота, что женское божество, Изида, почиталось въ Египтѣ болѣе всѣхъ другихъ божествъ. Въ связи съ этимъ находится извѣстіе, что женщины пользовались въ Египтѣ особенно выгоднымъ положеніемъ, даже преимуществомъ передъ мужчинами.

Несмотря на успѣхи, какіе, повидимому, сдѣланы въ изученіи древняго Египта, мы знаемъ о немъ немного болѣе прежняго; разногласіе, противоположность во мнѣніяхъ ученыхъ о Египтѣ, о его историческомъ значеніи, всего лучше показываютъ, на какой шаткой почвѣ находимся мы здѣсь. Великіе историческіе народы не проживаютъ молча, тайкомъ отъ другихъ, не оставляютъ въ своихъ памятникахъ загадокъ для потомства и предмета для ученыхъ споровъ. Несмотря на наше убѣжденіе, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, громадность всегда сохраняетъ способность поражать воображеніе; такъ поражаютъ воображеніе рукотворныя горы Египта, пирамиды, переживающія тысячелѣтія, и вселяютъ невольное уваженіе къ цивилизаціи, высказавшейся въ такихъ памятникахъ. Но Египетъ внушалъ уваженіе не одними своими громадными, безсмертными могилами; греки, которые такъ хвастались обыкновенно своею цивилизаціею, преклонялись предъ мудростію жрецовъ египетскихъ. Посмотримъ же, что такое египетскіе жрецы, скрывавшіе свои знанія отъ своего народа, сообщали изъ нихъ чужимъ, грекамъ. Мы не будемъ отвергать преданія о египетскихъ колоніяхъ въ Греціи и о томъ, что эти колонисты сообщили свѣдѣнія о разныхъ полезныхъ вещахъ дикому еще тогда народонаселенію Греціи. Но дѣло идетъ о другого рода заимствованіяхъ, именно о заимствованіяхъ въ области религіи и философіи. Мы не отвергнемъ и этихъ заимствованій, только позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ насчетъ осторожности, какую историкъ долженъ соблюдать въ вопросахъ о заимствованіи. Мы привыкли разсматривать племена и народы въ ихъ отдѣльности, и дѣйствительно мы должны обращать особенное вниманіе на ихъ особенности, различія другъ отъ друга; но при этомъ мы не должны упускать изъ виду общечеловѣческаго, не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который повсюду, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, смотритъ на извѣстныя явленія и дѣйствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ одинаково, выражаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одинаковыя нравственныя требованія. Отъ этого мы необходимо должны встрѣчать у различныхъ народовъ одинаковыя представленія; должны встрѣчать одинаковые разсказы въ произведеніяхъ фантазіи, одинаковыя извѣстія въ памятникахъ историческихъ. На какомъ же основаніи мы, встрѣтивъ у двухъ различныхъ народовъ два одинаковые разсказа, извѣстія, воззрѣнія, предполагаемъ сейчасъ же заимствованіе, предполагаемъ, слѣдовательно, что самое простое, естественное отношеніе могло разъ произойти только у извѣстнаго народа, и никакъ не могло произойти у другого: если же встрѣчаемъ извѣстіе о немъ у другого, то это будетъ непремѣнно заимствованіе? Но этого мало; если мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ и въ разныя времена извѣстія объ одинаковомъ явленіи, то, вмѣсто того, чтобъ увѣриться въ возможности этого явленія, мы немедленно отвергаемъ эту возможность, изъ дѣйствительности

переносимъ явленіе въ область вымысловъ, и здѣсь заставляемъ одинъ народъ непремѣнно списывать у другого. Такимъ образомъ, выходитъ, что если одинъ только свидѣтель говоритъ намъ о явленіи, то мы признаемъ возможность этого явленія; но стоитъ только явиться нѣсколькимъ свидѣтелямъ, которые скажутъ намъ, что явленіе повторилось въ разныя времена, у разныхъ народовъ, какъ мы сейчасъ же начнемъ отрицать возможность явленія и передадимъ его въ область вымысловъ.

Хотятъ, чтобъ греки заимствовали у египтянъ вѣрованіе въ безсмертіе души, потому только, что греческій миѳъ о Миносѣ, судьѣ мертвыхъ, сходенъ съ египетскимъ миѳомъ объ Озирисѣ, исправляющемъ ту же должность! Отнять у грековъ вѣрованіе въ безсмертіе души было бы слишкомъ странно. Но какъ скоро допускается вѣрованіе въ безсмертіе души, то естественно рождается представленіе объ отчетѣ, который должны отдать души по разлученіи съ тѣломъ, о судѣ. Отъ суда необходимъ переходъ къ судьямъ: почему же такое движеніе мысли, возможное у одного народа, было невозможно у другого? Хотятъ, чтобъ и перевозчикъ душъ, Харонъ, съ его лодкой были заимствованы греками у египтянъ, потому что миѳъ носитъ отпечатокъ мѣстности Египта, изрѣзанной каналами: но извѣстно, что представленіе о рѣкѣ, какъ пути для душъ въ нѣдра земли и обратно, есть представленіе общее, встрѣчающееся у народовъ, не имѣвшихъ накакого соприкосновенія съ египтянами. Геродотъ пустилъ въ ходъ мысль, что все заимствовано у египтянъ. Громадность египетскихъ памятниковъ произвела на воспріимчиваго грека самое сильное впечатлѣніе. «Ни одна страна не заключаетъ въ себѣ столько чудесъ! ни въ одной другой странѣ нельзя найти такихъ удивительныхъ памятниковъ!» Всматриваясь внимательнѣе, онъ находитъ сходное съ своимъ: не можетъ же это сходство быть случайнымъ,—разсуждалъ онъ,— и такъ какъ Египетское государство древнѣе всѣхъ государствъ, слѣдовательно все заимствовано изъ Египта. Жрецы ловко берутся за дѣло: «Все, все занято у насъ, всѣ ваши поэты и мудрецы были у насъ и у насъ выучились всему». Жрецы ни передъ чѣмъ не останавливались въ развитіи своего основнаго положенія: упомянетъ имъ грекъ о древнемъ аѳинскомъ устройствѣ: «Да это все взято у насъ», говорятъ они: «эвпатриды—да это наша каста жрецовъ [1])!». Геродотъ не уступаетъ жрецамъ и серьезно утверждаетъ, что египтяне первые установили праздники, религіозныя процессіи и всѣ богослужебные пріемы, и греки все это заимствовали у нихъ. Утверждаютъ, что ученіе о переселеніи душъ Пиѳагоръ и Платонъ заимствовали у египетскихъ жрецовъ; но этого предмета мы еще коснемся въ наблюденіяхъ надъ историческою жизнію грековъ.

---

[1]) Объ этомъ любопытномъ сближеніи, сдѣланномъ жрецами, говоритъ Діодоръ Сицилійскій.

III.

АССИРІЯ И ВАВИЛОНЪ.

Въ Китаѣ мы видѣли народъ, тихо, незамѣтно въ продолженіе вѣковъ наполнившій огромное пространство земли, удаленный отъ сообщенія съ другими народами; въ Египтѣ мы видѣли завоеваніе съ поселеніемъ побѣдителей среди побѣжденныхъ, отчего произошло раздѣленіе на касты; но физическія условія страны препятствовали дальнѣйшему воинственному движенію египтянъ: съ одной стороны, все вниманіе народонаселенія было обращено внутрь страны, къ кормильцу-Нилу; потомъ съ сѣвера море, съ востока и запада пустыня защищали Египетъ и давали его жителямъ возможность сосредоточивать свое вниманіе внутри страны. Исторія Китая и Египта похожи тѣмъ другъ на друга, что обѣ страны, имѣющія въ сосѣдствѣ пустыни, подвергаются иногда нашествію и даже игу дикихъ жителей пустыни; но это нашествіе, это иго не измѣняетъ ничего въ бытѣ обѣихъ странъ. Теперь съ береговъ Нила перейдемъ на берега Евфрата и Тигра, и здѣсь уже встрѣтимъ другое явленіе. Здѣсь на относительно небольшихъ пространствахъ сталкиваются два сильные народа семитическаго племени, ассиріяне и вавилоняне, развившіеся, благодаря выгоднымъ физическимъ условіямъ, ибо плодоносная область двухъ великихъ рѣкъ рано пригласила народонаселеніе къ дѣятельности. Но жители береговъ Евфрата и Тигра не могли, подобно жителямъ Нильской области, ограничиться одною внутреннею дѣятельностію, ибо, какъ уже было сказано, здѣсь одинъ подлѣ другого жили два сильные народа, не могшіе не вступить въ борьбу другъ съ другомъ. Борьба требовала сосредоточенія силъ народныхъ, требовала вождя, царя съ большою, неограниченною властію, храбраго человѣка, который бы умѣлъ защищаться отъ непріятеля, дать побѣду, и есть извѣстіе, что первый вождь вавилонянъ былъ богатырь-ловецъ Немвродъ. Борьба у ассиріянъ и вавилонянъ шла съ перемѣннымъ счастіемъ: сперва одно государство брало верхъ, благодаря преимущественно личности своего царя, и подчиняло себѣ другое. Здѣсь было покореніе не народа народомъ, причемъ побѣдители, оставившіе почему-либо свою сторону, селились между побѣжденными; здѣсь было покореніе одного государства другимъ, завоеванное государство превращалось въ провинцію государства покорившаго. Царь направлялъ движеніе, набиралъ войско изъ цѣлаго народа и распускалъ его по минованіи нужды; здѣсь, слѣдовательно, не могло образоваться касты воиновъ. Покореніе одного государства другимъ, разумѣется, увеличивало силы царя-покорителя: онъ располагалъ теперь средствами двухъ государствъ, что давало ему возможность покорять другія государства, присоединять ихъ въ видѣ провинцій къ своему.

Но то самое обстоятельство, что покорялся не дикій народъ цивилизованному, а покорялось одно цивилизованное государство другимъ цивилизованнымъ, это самое обстоятельство вело къ тому, что покореніе не могло быть прочно: при первомъ удобномъ случаѣ покоренное государство возвращало себѣ независимость и, усилившись, въ свою очередь подчиняло себѣ государство, прежде господствовавшее. Сначала поднимается Ассирія; ея цари подчиняютъ себѣ Вавилонъ и широко распространяютъ свои завоеванія вокругъ, присоединяя къ своимъ владѣніямъ, въ видѣ провинцій, болѣе или менѣе цивилизованныя государства. По истеченіи извѣстнаго времени, Вавилонъ возвращаетъ себѣ независимость, и снова теряетъ ее; потомъ опять возстаетъ вмѣстѣ съ мидянами и снова принужденъ покориться; наконецъ Вавилонъ возстаетъ въ третій разъ: Мидія, Вавилонъ и Киликія вступаютъ въ союзъ противъ Ассиріи; это государство падаетъ, великолѣпная столица его, Ниневія, разрушена. Чередъ усиливаться пришелъ Вавилону; Навуходоносоръ своими завоеваніями основываетъ обширную монархію.

Такимъ образомъ, изъ области Евфрата и Тигра произошло движеніе, произведшее сильную историческую жизнь и во всѣхъ окрестныхъ областяхъ къ сѣверу, востоку и западу. Здѣсь нѣсколько государствъ начинаютъ жить общею жизнію, хотя эта жизнь и обнаруживается преимущественно въ борьбѣ. Несмотря на покореніе одного государства другимъ; несмотря на образованіе обширныхъ монархій, народности не исчезаютъ, но стремятся, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить себѣ независимость. Съ этою цѣлію заключаются союзы между народами, какъ напримѣръ союзъ мидянъ, вавилонянъ и киликійцевъ противъ ассиріянъ; даже привыкшій къ одинокой жизни Египетъ въ послѣднее время втягивается въ эту общую жизнь народовъ: противъ союза мидянъ, вавилонянъ и киликійцевъ Ассирійскій царь Сарданапалъ ищетъ союза Египетскаго фараона Нехо; но тотъ, задержанный борьбою съ народами, находившимися на дорогѣ, не поспѣлъ вовремя на защиту Ниневіи.

Свидѣтельства о цивилизаціи Ассиріи и Вавилона, цивилизаціи болѣе живой и человѣчной, чѣмъ цивилизація Египта, остались въ развалинахъ громадныхъ и великолѣпныхъ памятниковъ. Что касается до религіи, то и здѣсь мы видимъ поклоненіе мужескому производящему началу, которое боготворялось въ Белѣ, господинѣ неба и свѣта, и женскому, воспринимающему и рождающему, которое обоготворялось въ *Милиттѣ*. Извѣстно, что въ Вавилонѣ былъ обычай, по которому каждая женщина, разъ въ жизни, должна была отправиться въ храмъ Милитты, чтобъ тамъ отдать себя иностранцу, который броситъ ей деньги, призывая имя Милитты. Въ этомъ обычаѣ нельзя не видѣть средства религіозной пропаганды: вавилонянка, раба Милитты, вступая въ связь съ иностранцемъ, этимъ самымъ дѣлала и его рабомъ своей богини, заставляла его приносить ей жертву; она допускала иностранца не прежде, какъ онъ призоветъ имя Милитты; простымъ стремленіемъ приносить въ жертву богинѣ любви самое драгоцѣнное благо— цѣломудріе, объяснить явленіе нельзя, потому что именно требовался иностранецъ. Что религіозная пропаганда шла посредствомъ женщинъ, это ясно видно изъ исторіи евреевъ. «И приглашали онѣ (моавитянки) народъ (израильскій) къ жертвамъ боговъ своихъ, и кланялся народъ богамъ ихъ. И вотъ, нѣкто изъ сыновъ израильскихъ пришелъ и привелъ къ братьямъ своимъ мадіанитянку... Финеесъ, сынъ Елеазара, пронзилъ обѣихъ ихъ... Имя убитой мадіанитянки Хазва... И сказалъ Господь Моисею: «Враждуйте съ мадіанитянами и поражайте ихъ. Ибо они враждебно поступали съ вами въ коварствѣ своемъ, прельстивъ васъ Фегоромъ (божествомъ) и Хазвою, дочерью начальника мадіамскаго».

IV.

ФИНИКІЯ.

До сихъ поръ мы видѣли двѣ формы жизни у разсмотрѣнныхъ нами народовъ: или народы живутъ замкнутою жизнію, исключительно; или—преимущественно жизнію внутреннею, избѣгая сообщества другихъ народовъ, таковы китайцы и египтяне; или нѣсколько равносильныхъ по физическимъ и нравственнымъ средствамъ народовъ живутъ вмѣстѣ, сталкиваются, вступаютъ въ борьбу, то одинъ, то другой беретъ верхъ, является завоеваніе, образованіе обширныхъ государствъ, возстанія государствъ покоренныхъ, союзы ихъ для освобожденія себя отъ чужой зависимости. Эти явленія представляетъ намъ западная часть Азіи, гдѣ два народа семитическаго племени, ассиріяне и вавилоняне, играютъ главную роль, смѣняя другъ друга въ господствѣ надъ окрестными государствами. Теперь переходимъ мы къ третьей формѣ, представляемой исторіею народа также семитическаго племени— финикіянъ. Загнанные, припертые къ морю, въ странѣ безплодной, рано, не успѣвши еще образовать изъ себя государственнаго тѣла, живя еще отдѣльными родами, финикіяне должны были заняться торговлею и промышленностью. Явились богатые города, изъ которыхъ каждый съ своимъ округомъ составилъ отдѣльное владѣніе. Происходятъ явленія, обыкновенныя во всѣхъ подобныхъ малыхъ владѣніяхъ, состоявшихъ преимущественно изъ одного богатаго торговаго города: сильная торговля и промышленность ведутъ къ рѣзкому различію между богатыми и бѣдными, образуются партіи съ противоположными интересами, аристократическая и демократическая, и вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ. Одинъ изъ богачей-вельможъ усиливается и пріобрѣтаетъ верховную власть, становится царемъ; но власть этого царя

не можетъ быть такъ неограниченна, какъ власть царя у большихъ земледѣльческихъ народовъ: здѣсь уже прежде выработалась сильная аристократія, которая и ограничиваетъ власть царя. Борьба между аристократическимъ и демократическимъ элементами въ городахъ вела къ усобицамъ въ царскихъ семействахъ. Такъ, по смерти извѣстнаго Тирскаго царя Хирама, современника и друга Соломонова, сынъ его былъ умерщвленъ родственниками, которые овладѣли верховною властью, опираясь на низшіе классы народонаселенія. Подобныя событія, низложеніе той или другой стороны вело къ выселенію побѣжденныхъ въ отдаленныя страны, къ основанію колоній, что было возможно, благодаря обширному мореплаванію финикіянъ, знакомству ихъ съ далекими землями: такъ основана была знаменитая финикійская колонія Карѳагенъ, благодаря усобицѣ и низложенію аристократической партіи въ Тирѣ.

Мы обыкновенно говоримъ, что горы и степи раздѣляютъ народы, а моря соединяютъ ихъ; но къ этому надобно прибавить, что горы и степи не удержатъ народы, движущіеся по сильнымъ побужденіямъ внутреннимъ или внѣшнимъ, равно какъ моря соединяютъ только тѣ народы, которые сами стремятся къ соединенію, и притомъ первоначально только нужда могла заставить народъ пуститься въ море. Финикіяне должны были сдѣлать это, и Средиземное море стало ихъ областью. Благодаря имъ, Средиземное море впервые получило то важное значеніе, какое оно удерживало за собою такъ долго,—значеніе историческаго моря по преимуществу. Несмотря однако на важное значеніе дѣятельности финикіянъ, мы видимъ въ ней одностороннее направленіе, направленіе изначала исключительно торговое и промышленное; и здѣсь мы видимъ хотя сильное и широкое движеніе, но безъ подвига; не видимъ движенія, совершающагося по высшимъ побужденіямъ и совершающагося совокупными силами народа или его представителей, лучшихъ людей. Исключительная торговля и промышленная дѣятельность дробна и мелка, а потому не можетъ вести къ высокой степени человѣческаго развитія. Финикія—это Голландія древняго міра.

Религія финикіянъ представляетъ тоже поклоненіе началамъ, во-первыхъ, мужескому и женскому (Ваалъ и Ашера); во-вторыхъ, доброму и злому: Ваалу, божеству производящему, зиждительному противополагалось божество злое, разрушительное, Молохъ, имѣвшій соотвѣтствующее ему женское божество, Астарту. Служеніе мужескому и женскому началамъ и здѣсь, какъ вездѣ, по самой сущности своей, отличалось чувственностію, и финикіянки заставляли иностранцевъ служить своей богинѣ тѣми же средствами, какъ и вавилонянки. Служеніе противоположному божеству, Астартѣ, божеству разрушительному, должно было, разумѣется, сопровождаться противоположными дѣйствіями: если служеніе одному божеству требовало усиленія жизни, усиленія производительности, то служеніе другому, разрушительному, уничтожающему жизнь, требовало именно уничтоженія средствъ производительности, и Астартѣ служили оскопленіемъ, Молоху—человѣческими жертвами. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ чистымъ, полнымъ дуализмомъ: начало или божество злое, разрушительное, стоитъ рядомъ съ божествомъ добрымъ, зиждительнымъ, на совершенно равныхъ правахъ; человѣкъ одинаково служитъ имъ обоимъ, и нисколько еще не сознаетъ своей обязанности служить исключительно доброму началу и, подъ его знаменемъ, ратовать противъ злаго, какъ мы это увидимъ въ религіозномъ ученіи арійскаго племени, къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію котораго мы теперь и переходимъ.

V.

АРІЙЦЫ ВЪ АЗІИ.

а) Индійцы.

Мы теперь начинаемъ имѣть дѣло съ знаменитымъ племенемъ, которое можно назвать любимцемъ исторіи. При какихъ бы то ни было мѣстныхъ условіяхъ, всюду это высоко-даровитое племя оставило по себѣ замѣтный слѣдъ, всюду заявило свое существованіе чѣмъ-нибудь такимъ, что навсегда останется предметомъ изученія для историка. Мы не станемъ вдаваться въ изслѣдованія о первоначальномъ мѣстѣ жительства арійцевъ; для насъ важно одно, что богатая явленіями историческая жизнь въ Азіи начинается движеніемъ арійскаго племени съ сѣвера на югъ, точно такъ, какъ исторія новой Европы начинается движеніемъ съ сѣвера новыхъ народовъ того же племени, которые обновили одряхлѣвшій грекоримскій міръ. До сихъ поръ мы произвели наблюденія надъ историческою жизнью нѣсколькихъ народовъ подъ различными мѣстными условіями. Мы видѣли страны богатыя, призвавшія свое народонаселеніе къ ранней цивилизаціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обособившія это народонаселеніе, удовлетворившія его вполнѣ, не давшія ему побужденій къ внѣшней дѣятельности, къ подвигу, заставившія его поэтому заснуть и остановиться въ развитіи: таковы Китай и Египетъ. Потомъ мы наблюдали за жизнію народовъ, столкнувшихся съ разными средствами на небольшихъ пространствахъ, и видѣли, что слѣдствіемъ была сильная борьба между ними, сильная внѣшняя дѣятельность, обхватившая цѣлый рядъ народовъ въ одной общей жизни. Мы видѣли наконецъ народъ, неуспѣвшій образоваться въ одно значительное цѣлое, въ одно государство, и увлеченный близостью моря къ широкой, но разсыпной торговой и колоніальной дѣятельности. Теперь передъ нами новое племя, кото-

рое явится во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами условіяхъ, и въ странахъ, подобныхъ Китаю и Египту, и въ передней Азіи,—тамъ, гдѣ совершали свои подвиги ассиріяне и вавилоняне, и въ странѣ приморской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, препятствующей образованію большаго государственнаго тѣла, приглашающей къ разсыпной дѣятельности. Посмотримъ же, какъ это племя заявитъ свои особенности при всѣхъ этихъ условіяхъ, чѣмъ отличится отъ другихъ племенъ, намъ уже знакомыхъ.

Одно изъ арійскихъ племенъ проникло въ Индію, которая, подобно Китаю, составляетъ особый, отдаленный, обширный и богатый міръ. Но разница съ Китаемъ состояла въ томъ, что арійцы нашли Индію уже занятою другимъ, чернымъ племенемъ, съ которымъ пришельцы должны были вести продолжительную борьбу и наконецъ подчинили себѣ. Здѣсь сходство Индіи съ Египтомъ, и потому въ обѣихъ странахъ замѣчаемъ одинакое явленіе: раздѣленіе на касты, различіе между покорителями и покоренными, причемъ послѣдніе принадлежали къ иному племени, различіе по цвѣту кожи (varna—краска и каста) легли въ основаніе дѣленія; «черные судрасы», низшее народонаселеніе, противополагаются высшему—«мужественнымъ» аріямъ. Между аріями и судра находился особый отдѣлъ народонаселенія, войсіа, занимавшійся промыслами: по всѣмъ вѣроятностямъ, войсіа первоначально происходили отъ браковъ аріевъ съ женщинами судра, браковъ, которые не считались законными. Съ теченіемъ времени, благодаря болѣе рѣзкому разграниченію кастъ вслѣдствіе религіозныхъ представленій, люди, происшедшіе отъ родителей, принадлежавшихъ къ разнымъ кастамъ, считались нечистыми, отверженниками, и вели самую печальную жизнь.

Но и между господствующимъ племенемъ, между аріями, образовались двѣ касты—воиновъ (кшатріа) и жрецовъ (браминовъ). Первоначально, въ эпоху движенія и завоеванія это раздѣленіе аріевъ на воиновъ и жрецовъ если и существовало, то не могло быть рѣзко: въ древнихъ поэтическихъ памятникахъ встрѣчаемъ извѣстія о жрецахъ, которые вмѣстѣ были и воинами. Когда воинственное движеніе успокоилось и началъ устанавливаться порядокъ, гражданскія отношенія, скрѣпляющіяся обычнымъ религіознымъ цементомъ, когда начало развиваться и общественное богослуженіе, то жреческое сословіе должно было выдвинуться и обособиться. Усиленію его значенія и уменьшенію значенія воиновъ благопріятствовало стремленіе общества успокоиться послѣ смутъ и движенія, завоеванія и усобицъ, происходившихъ непосредственно послѣ завоеванія, громадность, отдаленность, замкнутость и богатство страны, что все отнимало побужденіе къ новымъ движеніямъ и подвигамъ, отодвигало слѣдовательно подвижниковъ, воиновъ, на второй планъ. Но, какъ видно изъ намековъ древнихъ памятниковъ, воины не безъ боя уступили жрецамъ первое мѣсто.

Такимъ образомъ, арійское племя въ Индіи, попавши въ обширную, отдаленную и богатую страну, подпало вліянію мѣстности, вслѣдствіе чего Индія, относительно политическаго развитія своего, представляетъ одинаковыя явленія съ Египтомъ. Но особенности арійскаго племени не дали изгладить себя и тутъ мѣстнымъ условіямъ; они высказались не въ громадныхъ только и нѣмыхъ или полу-нѣмыхъ памятникахъ; они высказались въ богатой литературѣ; высказались въ религіозно-философскомъ міросозерцаніи и въ религіозныхъ движеніяхъ. Арійцы въ Индіи не молча прожили свой героическій періодъ, періодъ движенія, подвиговъ; они разсказали о нихъ въ Магабгаратѣ и Рамаянѣ, дающихъ знать, что это то же самое племя, которое разсказало намъ про свой героическій періодъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Когда прекратились движенія политическія, когда государство и общество остановились въ своемъ развитіи, мысль не переставала работать, и слѣдствіемъ этой работы было сильное религіозное движеніе, охватившее не одну Индію, и не ограничившееся одною религіозною сферою.

Арійцы принесли съ собою въ Индію представленіе о добрыхъ и злыхъ божествахъ, и, что всего важнѣе, принесли представленіе о непрестанной борьбѣ ихъ между собою, представленіе объ Индрѣ, небесномъ воителѣ, поражающемъ злаго Вритру, который покрываетъ небо черными облаками. На индійской почвѣ съ теченіемъ времени выработалось представленіе о двухъ началахъ, благодѣтельномъ, зиждительномъ и хранительномъ—Вишну, и зломъ, разрушительномъ—Шива, и оба начала, какъ у другихъ народовъ, стали другъ подлѣ друга въ равносильномъ положеніи. Но индійскіе арійцы на этомъ не остановились; они не успокоились на дуализмѣ, и начали стремиться подчинить оба противоположныя начала третьему, высшему, и явились представленія о Брамѣ, «изъ котораго всѣ существа происходятъ, которымъ живутъ по рожденіи, къ которому сртемятся, въ котораго снова возвращаются».—«Какъ искры изъ пламени, исходятъ всѣ существа изъ неизмѣняемаго, возвращаются въ него». Это представленіе, разумѣется, не могло быть достояніемъ большинства, относившагося равнодушно къ божеству, которому не приносили жертвы, не строили храмовъ, и продолжавшаго поклоняться божествамъ добрымъ и злымъ мужескаго и женскаго пола. Но жрецы (брамины) воспользовались этимъ представленіемъ, чтобъ освятить существующій политическій порядокъ вещей, какъ происшедшій изъ Брамы, освятить преимущества своей касты; они воспользовались представленіемъ о Брамѣ, чтобъ утвердить и нравственный порядокъ: только чистая душа человѣка могла возвратиться къ своему чистому источнику; душа же, оскверненная преступными дѣяніями, должна была пройти прежде чрезъ рядъ низшихъ существъ, что повело къ вѣрованію въ переселеніе душъ. Но мысль не мог-

ла остановиться и на этомъ. Явились неизбѣжные вопросы: какъ и зачѣмъ? Какъ и зачѣмъ изъ единаго, сверхчувственнаго и неизмѣняемаго произошелъ этотъ многообразный, чувственный и измѣняемый міръ, котораго цѣлью все же осталось возвращеніе въ единое и неизмѣняемое? Придумано было такое объясненіе, что первоначальное, единое истинное существо, душа вселенной, актомъ самообольщенія развилось въ міръ многообразія, который потомъ сохранилъ какъ существенное качество свое — обманъ; міръ не имѣетъ истиннаго существованія, никакого права на него. Такое, уже слишкомъ смѣлое, объясненіе происхожденія чувственнаго міра не могло быть принято многими; явилось другое ученіе, ученіе Капилы, гдѣ утверждалось, что матерія вѣчна и чувственный міръ заключаетъ въ самомъ себѣ жизненное начало. Подлѣ этого самостоятельнаго матеріяльнаго міра существуетъ самостоятельный міръ духовный, котораго безконечныя частицы — безкачественныя, бездѣятельныя и неразличимыя — вращаются въ міровыхъ пространствахъ и только посредствомъ соединенія съ матеріяльнымъ міромъ получаютъ сознаніе, силу воли и другія качества. Но разъ сознавши самого себя, свое превосходство надъ матеріею и свою особенность отъ нея, духъ стремится къ освобожденію себя отъ матеріи.

Уже въ ученіи Капилы мы видимъ прямое отступленіе отъ браминскаго ученія о происхожденіи или истеченіи всего существующаго изъ Брамы, какъ души вселенной: въ ученіи Капилы міръ духовный и матеріяльный существуютъ самостоятельно одинъ подлѣ другого, и вопросъ о божествѣ обходится. Но это ученіе, достояніе немногихъ людей мысли, не имѣло вліянія на политическую сферу, на тотъ міръ отношеній, который если не былъ созданъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ освященъ брамаизмомъ. Но вотъ явилось ученіе, которое не ограничилось сферою мысли, но вооружилось противъ существующаго порядка, освященнаго господствующею религіею: то было знаменитое ученіе Будды.

Особенность движенія религіозной мысли арійцевъ въ Индіи состояла въ томъ, что она не могла успокоиться на дѣлежѣ окружающихъ явленій между двумя началами, двумя божествами, добрымъ и злымъ, на этомъ узаконенномъ, освященномъ раздвоеніи міра и человѣка, обязаннаго покланяться одинаково обоимъ противоположнымъ началамъ. Для освобожденія отъ этого двойства, которое было тяжело и для нравственнаго чувства человѣка, начали искать третье, высшее начало, высшее божество: но гдѣ было его найти внѣ природы, какъ его опредѣлить, какія дать ему качества? До представленія о Творцѣ, отдѣльномъ отъ творенія, человѣкъ самъ собою достигнуть не могъ; такъ-называемыя языческія религіи именно и состоятъ въ поклоненіи божеству въ извѣстномъ образѣ, *идолъ* (εἴδωλον), въ извѣстномъ явленіи физическомъ или нравственномъ; внѣ этихъ явленій или образовъ язычники бога не искали и найти не могли, и потому, поднимаясь къ единому и наивысшему божеству, они не могли иначе представить его себѣ, какъ изображающимся, воплощающимся въ цѣлой вселенной, находящимся къ ней въ такомъ же отношеніи, какъ душа къ тѣлу. Явился пантеизмъ. Но Брама не могъ успокоить возбужденную мысль арійца, ибо страшный вопросъ поднимался съ новою силою, вопросъ, какъ вѣчное, истинное, доброе могло выразиться въ измѣняемомъ, погибающемъ, ложномъ, зломъ? Неотвязный вопросъ о происхожденіи зла, страданія, смерти, не давалъ покоя, и вотъ является ученіе о томъ, что міръ не имѣетъ истиннаго существованія, что онъ произошелъ вслѣдствіе обмана, отъ котораго надобно какъ можно скорѣе избавиться. Другое ученіе, ученіе Капилы, опять пришло къ двойству, сопоставивъ міръ матеріяльный съ міромъ духовнымъ, обойдя вопросъ о божествѣ и закончивъ необходимостію для душъ освобождаться отъ оковъ матеріяльнаго міра. Оба ученія одинаково подрывали браминскій взглядъ на освященіе и неприкосновенность извѣстнаго политическаго порядка, какъ истекшаго непосредственно изъ Брамы. Отсюда понятно, почему третье ученіе, ученіе Будды, могло отвергнуть религіозное освященіе кастнаго состоянія и провозгласить равенство правъ для всѣхъ, относительно средствъ освобожденія отъ зла. Молодой царевичъ Будда, провождавшій жизнь въ наслажденіяхъ, встрѣтилъ однажды на прогулкѣ старика, больнаго, трупъ и жреца. Эти четыре явленія, какъ говоритъ преданіе, возбудили въ молодомъ человѣкѣ неусыпавшую между арійцами Индіи мысль о происхожденія зла, о средствахъ избавленія отъ него. Эта мысль овладѣла Буддой, и онъ посвятилъ себя всецѣло рѣшенію великаго вопроса. Все въ здѣшнемъ мірѣ суета, все проходяще, и сознаніе этого есть начало премудрости. Міръ не имѣетъ никакого основанія, никакого права существовать; онъ есть произведеніе мрачной силы и есть зло. Четыре главныхъ источника зла въ мірѣ: рожденіе, старость, болѣзнь и смерть; сюда для человѣка присоединяются еще треволненія бытія, исполненнаго стремленій и плановъ, обмановъ и потерь. Всѣ бѣды проистекаютъ для человѣка отъ внѣшняго міра, отъ чувствъ, отъ тѣла: отсюда необходимое стремленіе освободиться отъ нихъ, освободиться отъ всѣхъ связей, склонностей, привязанностей къ міру и вкушать счастіе и радости покоя. Задача жизни состоитъ въ отрѣшеніи души отъ вещей внѣшняго міра чрезъ созерцаніе ихъ ничтожества и преходчивости; потомъ, въ уничтоженіи личности, въ уничтоженіи самосознанія, чтобъ душа погружалась въ абсолютную пустоту (нирвана), гдѣ нѣтъ никакихъ элементовъ существованія, гдѣ нѣтъ формы, чувства, мысли, сознанія, и откуда нѣтъ возможности возвращенія.

Здѣсь въ основаніи ученія нѣтъ ничего новаго въ сравненіи съ ученіями предшествовавшими, ко-

торыя хотѣли объяснить происхожденіе зла, указать на невозможность мириться съ нимъ и опредѣлить отношенія духа и матеріи. Но важная новизна ученія Будды состояла въ томъ, что онъ призналъ равенство всѣхъ людей относительно средствъ освобожденія отъ бѣдствій и треволненій міра, для всѣхъ людей было возможно погашеніе личности въ нирванѣ: такимъ образомъ, религіозная основа кастъ, установленная въ брамаизмѣ, исчезала; Будда обратился съ своимъ ученіемъ ко всѣмъ кастамъ, ко всѣмъ людямъ безъ исключенія. Другія ученія были для немногихъ, не для массы; ученіе Будды было для всѣхъ, и потому подрывало религіозное и тѣсно связанное съ нимъ политическое зданіе, возведенное брамаизмомъ. Это, разумѣется, произвело столкновеніе; старый брамаизмъ вооружился противъ опаснаго соперника, и началось гоненіе на буддистовъ, которые должны были оставить отечество и нести свое ученіе къ чуждымъ народамъ. Въ передней Индіи, или западномъ полуостровѣ, буддизмъ былъ истребленъ кровавыми средствами, но за то распространился въ сосѣднихъ странахъ, по островамъ, начиная съ Цейлона, по восточно-индійскому полуострову, въ Китаѣ, въ Японіи, Тибетѣ, Монголіи, причемъ это ученіе подверглось сильному искаженію.

Китай, Египетъ, Индія представляютъ намъ одну, особую группу странъ. Обширность, богатство и отдаленность дѣлаютъ ихъ особыми замкнутыми мірами, съ богатою, но окаменѣвшею цивилизаціею, вслѣдствіе отсутствія сообщеній съ другими народами, вслѣдствіе отсутствія постояннаго подвига, исторической жизни. Это три очарованные замка спящей красавицы. Но при всемъ сходствѣ этихъ трехъ странъ, одна между ними, Индія, представляетъ особенность, которою она обязана арійскому племени. Это даровитое племя, племя подвижниковъ, вошедши на очарованную почву Индіи, въ усыпленный волшебницею замокъ, также подверглось чарамъ; несмотря однако на силу этихъ чаръ, оно не утратило своего характера и выказало необыкновенную энергію въ области мысли. Оно схватывается съ основными представленіями естественной религіи о божествахъ добрыхъ и злыхъ, на одинакихъ правахъ сопоставленныхъ другъ съ другомъ; оно не переноситъ этого дуализма, этого страдательнаго, безразличнаго поклоненія добру и злу вмѣстѣ, и снова бросается на рѣшеніе вопроса о происхожденіи добра и зла, причемъ рѣзко ставитъ вопросъ объ отношеніи духовнаго и матеріяльнаго міра. Мало этого: благодаря движенію мысли, смѣнѣ космогоническихъ представленій, происходитъ сильный переворотъ въ обществѣ, вслѣдствіе котораго часть народонаселенія принуждена выселиться и несетъ свое ученіе въ ближнія и дальнія страны; такимъ образомъ, движеніе не ограничивается однимъ народомъ, одною страною, но обхватываетъ многіе народы и страны: явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся здѣсь впервые въ исторіи.

в) Мидяне и персы.

Отъ далекихъ странъ Китая, Египта, Индіи, составившихъ, по самому положенію своему, особые замкнутые міры, мы переходимъ въ переднюю Азію, гдѣ на небольшомъ относительно пространствѣ сталкиваются нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, и гдѣ, вслѣдствіе этого столкновенія, происходитъ сильное воинственное движеніе. Мы видѣли, что это движеніе исходило изъ области Евфрата и Тигра и принадлежало народамъ симетическаго племени, ассиріянамъ и вавилонянамъ. Но и на эту сцену скоро являются народы арійскаго племени. Какая же будетъ здѣсь ихъ роль? Говоря о борьбѣ между ассиріянами и вавилонянами, мы уже упомянули о мидянахъ, народѣ арійскаго племени. Сначала мидяне, явившіеся, какъ видно, недавно въ странѣ, обхватываемой Тавромъ и Антитавромъ, неуспѣвшіе сомкнуться въ одно сильное государственное тѣло, не выдержали воинственнаго натиска семитовъ, и подчинились Ассирійскимъ царямъ. Но мидяне, по словамъ Геродота, первые стали подниматься противъ ассиріянъ, и, сражаясь такимъ образомъ за свободу, сдѣлались добрыми мужами и свергли иго; за ними и другіе народы сдѣлали тоже самое. Такимъ образомъ, арійцамъ принадлежитъ здѣсь починъ освобожденія. Освободившись, добрые мужи, въ свою очередь, становятся завоевателями при царяхъ своихъ, Фраотѣ и Кіаксарѣ; но при сынѣ послѣдняго, Астіагѣ, происходитъ переворотъ между арійскими племенами: племя персовъ, прежде подчиненное мидянамъ, пріобрѣтаетъ независимость при царѣ своемъ Кирѣ и подчиняетъ себѣ Мидійское государство. Но мы уже замѣтили, что государства передней Азіи составляютъ систему государствъ, живутъ общею политическою жизнію, блюдутъ другъ за другомъ, при опасности отъ чрезмѣрнаго усиленія одного, другія составляютъ союзы, скрѣпляемые брачными союзами государей. Опасность начала грозить теперь отъ Кира Персидскаго, и вотъ противъ него возстаетъ самый могущественный изъ владѣльцевъ Малой Азіи, Крезъ, царь Лидійскій, котораго сестра была замужемъ за Астіагомъ Мидійскимъ; но при этомъ Крезъ заключилъ союзы съ Набонетомъ, царемъ Вавилонскимъ, и Амазисомъ Египетскимъ, даже съ спартанцами. Успѣхъ союза, разумѣется, прежде всего долженъ былъ зависѣть отъ личности союзниковъ. Крезъ не дождался ни Набонета, ни Амазиса, хотя, какъ видно, поджидалъ ихъ движеній къ Каппадокіи. Союзники не двигались; но Киръ воспользовался временемъ и приготовился къ походу одинъ-на-одинъ. Онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ; Лидія и вся Малая Азія покорена была персами; потомъ, точно такъ же, въ борьбѣ одинъ-на-одинъ, пало передъ Киромъ и Вавилонское государство; Финикія перешла въ такое же подчиненное отношеніе къ персамъ, въ какомъ прежде находилась къ вавилонянамъ. Такимъ образомъ,

семитическое племя, которому до сихъ поръ принадлежало господство въ передней Азіи, должно было уступить это господство арійцамъ; при сынѣ Кировомъ, Камбизѣ, и Египетъ былъ присоединенъ къ персидскимъ владѣніямъ.

Итакъ, обративши вниманіе на движенія и столкновенія племенъ въ древней Азіи и отчасти въ Африкѣ, мы скоро усматриваемъ, что одно племя, именно арійское, получаетъ господство надъ другими. Оно господствуетъ въ отдаленной и замкнутой Индіи; но и отсюда распространяетъ свое духовное вліяніе, духовное завоеваніе на окрестныя и отдаленныя страны, посредствомъ сильнаго религіознаго движенія: вся юговосточная и средняя степная Азія составляютъ область, подчиненную вліянію арійскаго племени или западнаго полуострова Индіи. Въ передней, или собственно исторической Азіи то же племя, явившись на сцену, подчиняетъ себѣ всѣ другія и образуетъ небывалое по всей громадности государство. Внутренняя и внѣшняя жизнь этого государства намъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ жизнь другихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ, и потому на Персіи мы можемъ изучить это древнее восточное государство, представляющее такое различіе отъ государства западнаго, европейскаго.

Персы завоевываютъ многія обширныя и цивилизованныя государства; но при этомъ не должно забывать, что эти завоеванія совершаются царемъ Персидскимъ, по его начинанію, направленію, волѣ. Персы, какъ завоеватели, становятся народомъ привилегированнымъ, не платящимъ податей, но они остаются у себя, въ своей странѣ, въ прежнемъ положеніи; они не переселяются въ страны покоренныя, не получаютъ здѣсь богатаго земельнаго надѣла, не становятся чрезъ это самостоятельнымъ высшимъ сословіемъ, не составляютъ исключительной военной силы, съ которою царь долженъ считаться. Царя окружаютъ вельможи изъ знатныхъ персидскихъ родовъ; но эти люди не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ цѣлой монархіи, которая подчинена царю Персидскому, а не народу персидскому. Царь разсылаетъ этихъ вельможъ сатрапами, правителями областей, съ богатѣйшимъ кормленіемъ; но это только кормленіе: постоянныхъ, наслѣдственныхъ владѣній они не имѣютъ, слѣдовательно не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе акта завоеванія, изъ завоевателей персовъ не могла образоваться аристократія въ нашемъ европейскомъ смыслѣ; персъ считался выше вавилонянина и лидійца, онъ не платилъ податей; ему, слѣдовательно, было лучше жить; но относительно царя онъ былъ такой же рабъ, какъ лидіецъ или вавилонянинъ. Послѣ прекращенія Кировой династіи безпотомственною смертію сына его Камбиза, мы видимъ аристократическое движеніе, стремленіе представителей знатнѣйшихъ персидскихъ родовъ пріобрѣсти особыя права относительно царя. Это движеніе не могло имѣть послѣдствій потому, что персидское могущество подверглось въ это время страшной опасности: покоренные народы возставали со всѣхъ сторонъ, и персамъ, для удержанія своего значенія, для единства въ движеніяхъ и успѣха въ борьбѣ, необходимо было отдать власть въ однѣ руки; и во все время существованія Персидскаго государства опасность отъ возстанія покоренныхъ народовъ была постоянною; сюда присоединилась еще опасная борьба съ греками; а государство, основанное на завоеваніи или окруженное опасностями, принуждаемое къ постоянной борьбѣ, требуетъ постоянной диктатуры.

Что касается жреческаго класса, то, сколько можно замѣтить изъ источниковъ, въ Персіи жрецы не имѣли важнаго значенія; жрецы, или маги, имѣютъ важное значеніе въ Индіи и съ самаго начала ведутъ себя враждебно относительно персовъ. Ихъ попытка возвести на престолъ одного изъ своихъ, подъ именемъ сына Кирова, не удалась; противъ нихъ направилось національное персидское движеніе, кончившееся истребленіемъ маговъ и царя ихъ самозванца. Это событіе, истребленіе маговъ, торжествовалось потомъ персами ежегодно, и конечно такой національный праздникъ не могъ содѣйствовать поднятію значенія жреческаго класса; во время этого праздника ни одинъ магъ не могъ показываться на улицѣ. Съ представленіемъ о древнихъ персахъ тѣсно связано представленіе о такъ называемой зороастровой религіи, или ученіи. Мы видѣли, что арійское племя, поклоняясь божеству въ проявленіяхъ физическихъ силъ, не могло не признать, подобное другихъ племенамъ, различія между полезными и вредными дѣйствіями этихъ силъ и борьбы между благодѣтельными и вредными силами: отсюда дуализмъ въ религіи, или поклоненіе двумъ началамъ, доброму и злому. Мы видѣли, что другія племена, несмотря на то, что замѣтили борьбу между обоими началами, отнеслись одинаково къ обоимъ; арійское племя въ Индіи массою признало два начала и отнеслось къ нимъ одинаково; но нѣкоторыя изъ племенъ не могли на этомъ успокоиться, и мы видимъ рядъ попытокъ объяснить этотъ дуализмъ, причемъ одинаковость отношенія человѣка къ обоимъ началамъ исчезла, законность существованія зла была отвергнута и предложено средство избавленія отъ него: это средство есть бѣгство отъ зла, бѣгство изъ чувственнаго міра, пропитаннаго зломъ. Но куда бѣжать? Въ противоположность существующему; эта противоположность иначе не могла опредѣлиться, какъ уничтоженіемъ всѣхъ извѣстныхъ условій существованія. Арійцы, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ передней Азіи, также пришли къ признанію двухъ противоположныхъ началъ, добраго и злаго, но также не успокоились на безразличномъ отношеніи человѣка къ нимъ. Признавши незаконность существованія зла, они отправились отъ борьбы между добромъ и зломъ, признали, что борьба должна кончиться необходимо торжествомъ добра надъ зломъ, и признали за человѣ-

комъ обязанность не оставаться безучастнымъ въ этой борьбѣ, но остановиться на сторону добраго начала и воспользоваться плодами его побѣды. Такова сущность такъ-называемаго зороастрова ученія. Когда сложилось это ученіе, какую долю участія имѣлъ здѣсь Зороастръ, когда жилъ онъ, какимъ чуждымъ вліяніямъ подверглось это ученіе въ своихъ подробностяхъ—этого наука, по настоящимъ своимъ средствамъ, рѣшить не можетъ. Какъ видно, ученіе Зороастра было протестомъ противъ тѣхъ чуждыхъ вліяній, которымъ первоначальная арійская религія подверглась вслѣдствіе столкновенія арійскаго племени съ другими племенами при извѣстномъ движеніи мидянъ и персовъ. О степени распространенія Зороастрова ученія въ персидскихъ владѣніяхъ и даже въ собственной Персіи судить трудно; любопытно, что Геродотъ, говоря о религіи персовъ, описывая поклоненіе ихъ физическимъ божествамъ, небу, солнцу, лунѣ, землѣ, огню, вѣтрамъ, указывая на ту особенность, что персы не воздвигаютъ своимъ божествамъ статей, храмовъ, алтарей, не упоминаетъ о Зароастрѣ и его ученіи. Какъ бы то ни было, у западной азіатской отрасли арійскаго племени мы видимъ стремленіе выйти изъ дуализма, встрѣчаемъ вѣрованіе, что борьба между добромъ и зломъ должна кончиться торжествомъ перваго, исчезновеніемъ послѣдняго. Аріецъ Индіи бѣжитъ отъ чувственнаго міра, въ которомъ видитъ зло; аріецъ Персіи не бѣжитъ отъ врага, но хочетъ бороться съ нимъ: здѣсь высказалось различіе въ характерѣ двухъ отраслей племени, различіе ихъ исторической дѣятельности, причемъ мѣстныя условія и характеръ народовъ, съ которыми сталкивалось племя, разумѣется, играютъ важную роль.

Мы видѣли, что сталось съ арійскимъ племенемъ въ отдаленной, обширной и богатой Индіи: несмотря на усыпленіе, отъ этихъ условій происходившее, характеръ племени высказался въ силѣ религіозно-философской мысли и въ силѣ религіознаго движенія. Въ западной Азіи, вступивши въ общество народовъ, издавна мѣрявшихъ свои силы въ борьбѣ за самостоятельность и первенство, арійцы, въ лицѣ персовъ, принимаютъ участіе въ этой борьбѣ и побѣждаютъ всѣхъ, становятся господствующимъ народомъ и теряютъ это господство въ борьбѣ съ отраслію своего же племени, получившею высшее воспитаніе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, съ арійцами европейскими, къ исторіи которыхъ и обращаемся.

II.

ЗАПАДЪ.

I.

Арійцы древняго міра.

а) Греки.

На востокѣ, въ Азіи и Африкѣ, мы встрѣтили три формы исторической жизни народовъ: мы встрѣчали здѣсь народы, замкнувшіеся въ отдаленныхъ, обширныхъ и богатыхъ странахъ; потомъ встрѣчались съ народами, жившими на относительно небольшихъ пространствахъ и находившимися въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ, что вело къ образованію большихъ государствъ и къ ихъ распаденію; наконецъ, мы встрѣтились съ народомъ, который жилъ на морскомъ прибрежьи, на небольшомъ пространствѣ, вслѣдствіе чего представилъ намъ особенныя формы исторической жизни. Наблюдая за арійскимъ племенемъ въ Азіи, мы видѣли его только въ двухъ первыхъ формахъ, видѣли его въ замкнутой Индіи и потомъ въ передней Азіи, въ побѣдоносной борьбѣ съ другими племенами; видѣли его здѣсь основателемъ огромнаго, пестраго по своему составу государства. Но мы не видали еще его въ третьей формѣ, въ формѣ морскаго народа. Въ этой формѣ оно явилось не въ Азіи, но въ Европѣ, подъ именемъ грековъ.

Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что для уясненія себѣ результатовъ греческой жизни, намъ очень важно сравнить условія исторической жизни грековъ съ условіями исторической жизни финикіянъ, народа, наиболѣе къ нимъ подходящаго. Съ перваго раза сходство большое: оба народа живутъ на морскихъ берегахъ и знамениты своимъ мореплаваніемъ, торговлею, выводомъ колоній. Относительно политическихъ формъ, оба народа на небольшомъ пространствѣ земли представляютъ нѣсколько самостоятельныхъ городовъ или республикъ со всѣми волненіями свободы, съ борьбою партій. Но, вмѣстѣ съ сходствомъ, видимъ огромную разницу въ результатахъ исторической жизни. Вникая въ причины этой разницы, мы останавливаемся на различіяхъ мѣстныхъ, племенныхъ и собственно историческихъ. Финикіяне занимали узкую полосу по берегу моря, а сзади нихъ происходила страшная борьба между могущественными народами, отъ напора которыхъ финикіяне не были ничѣмъ ограждены, и, по своимъ ничтожныхъ военнымъ средствамъ, разумѣется, никогда не могли защитить себя отъ завоеванія. Построеніе новаго Тира на островѣ всего лучше показываетъ намъ, какъ важно было финикіянамъ отдалиться отъ континентальной Азіи; показываетъ

также, что судьба финикіянъ была бы другая, если бы они были отдѣлены моремъ отъ Азіи. Судьбу финикіянъ всего лучше объясняетъ намъ судьба мало-азіатскихъ грековъ, которые находились точно въ такомъ же отношеніи къ Азіи, какъ и финикіяне, и подверглись такой же участи, подпали сначала подъ власть лидійцевъ, а потомъ персовъ; независимость же европейскихъ грековъ была ограждена моремъ, кораблями, деревянными стѣнами оракула. Итакъ, чрезвычайно важное значеніе въ исторіи грековъ имѣетъ положеніе ихъ страны, отдѣленіе моремъ отъ Азіи, огражденіе имъ отъ напора сильныхъ азіатскихъ монархій.

Второе условіе, останавливающее наше вниманіе, есть условіе племенное. Греки принадлежали къ арійскому племени; мы видѣли это племя въ Азіи въ различныхъ условіяхъ, и видѣли, какъ вездѣ оно выказало свою силу, свое превосходство надъ другими племенами. Въ Европѣ оно получило наиболѣе благопріятныя условія для развитія своихъ силъ. Какія же были эти условія?

Обращая вниманіе на воспитаніе племени или народа, мы должны различать, воспитывается ли народъ сиднемъ на одномъ мѣстѣ, вдали отъ другихъ народовъ, въ странѣ обширной и богатой, при жирномъ питаніи. Въ этомъ случаѣ народъ необходимо представитъ намъ вялость, отсутствіе энергіи, отсутствіе широты взгляда, отсутствіе высшихъ побужденій, побужденій къ подвигу, и далеко въ своемъ развитіи не пойдетъ. Другой народъ воспитывается въ хорошей школѣ: нужда заставляетъ его двигаться изъ одной страны въ другую, что развиваетъ его физическія и нравственныя силы, расширяетъ его горизонтъ, дѣлаетъ его народомъ смышленымъ, бывалымъ, заставляетъ преодолѣвать препятствія природныя и бороться съ другими народами, которыхъ онъ встрѣтитъ на пути: крѣпость душевная и тѣлесная, энергія, способность къ сильному развитію являются естественными слѣдствіями такого воспитанія. Но пріобрѣтенныя силы сохраняются и развиваются посредствомъ упражненія: поэтому важно, народъ, хорошо воспитанный въ школѣ подвига, поселяется ли въ такой странѣ и при такихъ условіяхъ, которыя приглашаютъ его успокоиться, прекратить движеніе, борьбу.—Въ такомъ случаѣ и народъ, хорошо воспитанный, подвергается съ теченіемъ времени вліянію покоя, жирѣетъ и нейдетъ далѣе извѣстныхъ ступеней развитія. Слѣдовательно, для народа мало еще получить хорошее воспитаніе въ подвигѣ: нужно еще чтобъ при окончательномъ поселеніи въ извѣстной странѣ народъ не успокоивался, не жирѣлъ и не засыпалъ; надобно, чтобъ подвигъ, борьба продолжалась и пріобрѣтенныя силы получали постоянное упражненіе.

Часть арійскаго племени, извѣстная подъ именемъ грековъ, прежде чѣмъ явиться въ Европѣ, южной оконечности Балканскаго полуострова, должна была совершить далекое странствованіе, гдѣ бы мы ни полагали первоначальное жилище племени, и какое бы ни предположили направленіе движенія (по всей вѣроятности, оно шло по сѣверному берегу Чернаго моря). Это продолжительное странствованіе уже должно было развить силы народа; сюда присоединилось еще то, что греки поселились въ странѣ, представляющей чрезвычайно выгодныя условія для народнаго воспитанія: страна небольшая, изрѣзанная моремъ, съ полуостровами и островами, съ благорастворенным воздухомъ, богатая только при усиленной дѣятельности человѣка. Море, неширокое, усѣянное островами, тянуло на подвигъ войны и торговли и, между тѣмъ, защищало отъ напора сильныхъ народовъ. Но, кромѣ этого, были еще другія благопріятныя условія для развитія греческой жизни. Мы знаемъ два слоя греческаго народонаселенія: слой первичный, пелазгическій, и слой позднѣйшій, или эллинскій. Отвергать различіе, и довольно сильное, между пелазгами и эллинами нѣтъ возможности, по слишкомъ ясному свидѣтельству древнихъ греческихъ писателей; но въ то же самое время есть прочное основаніе считать ихъ обоихъ принадлежащими къ арійскому племени. Если мы предположимъ, что между ними было такое же различіе, какое существуетъ между кельтами, германцами и славянами, то намъ понятно будетъ указаніе древнихъ писателей на ихъ различіе, причемъ нисколько не нужно будетъ отвергать племеннаго единства. Но кромѣ этого соединенія пелазговъ съ эллинами, послѣ перваго движенія эллиновъ мы видимъ еще другое движеніе, дорическое. Такимъ образомъ, въ Греціи мы видимъ тройной слой народонаселенія. Этотъ постепенный наплывъ одной части народонаселенія на другую, разумѣется, служилъ къ возбужденію исторической жизни въ странѣ, а съ другой стороны, чрезъ постоянную подбавку свѣжихъ силъ, выковывалось крѣпкое народонаселеніе, тѣмъ болѣе—что матеріалъ былъ постоянно хорошій,—одно даровитое, энергическое племя. Начало греческой исторіи въ маломъ видѣ представляетъ намъ то же, что послѣ, въ обширныхъ размѣрахъ, повторилось въ началѣ новой европейско-христіанской исторіи: какъ здѣсь, такъ и тамъ, государства образовались изъ столкновенія и смѣшенія разныхъ народовъ, но принадлежавшихъ къ одному высоко-даровитому арійскому племени—кельтовъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ.

Изъ извѣстій о пелазгахъ мы легко признаемъ въ нихъ первоначальное арійское племя, которое поклоняется физическимъ божествамъ на возвышенностяхъ и въ лѣсахъ, безъ храмовъ и изображеній. Къ этому пелазгическому періоду относится столкновеніе греческаго народонаселенія съ финикіянами и подчиненіе его какъ матеріальное, такъ и духовное, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, приморскихъ, наиболѣе доступныхъ, мореплавательному народу. Но финикіяне не могли долго держаться на греческой почвѣ, гдѣ арій-

ское племя постоянно усиливалось матеріально и нравственно. Началось эллинское движеніе. Въ этомъ движеніи мы различаемъ два направленія, которыя проходятъ потомъ черезъ всю греческую жизнь: одно сухопутное, представляемое подвигами Геркулеса, съ которымъ въ тѣсной связи находится послѣдующее дорическое движеніе, или такъ называемое возвращеніе потомковъ Геркулеса, гераклидовъ, а съ этимъ возвращеніемъ въ непосредственной связи находится основаніе Спарты, сильнѣйшей сухопутной республики греческой. Но какъ бы ни старались возвеличить значеніе дорическаго племени, всякій однако невольно видитъ преимущественное развитіе греческой жизни въ Аѳинахъ, морской республикѣ. Это направленіе къ морю представляется въ дѣятельности Тезея, героя іоническаго племени. Тезей знаменитъ морскими подвигами, въ которыхъ нельзя не видѣть борьбы съ финикіянами, очищенія отъ нихъ греческой почвы и перваго наступательнаго движенія грековъ на востокъ. Какъ Спарта тѣсно связана съ Геркулесомъ: такъ Аѳины тѣсно связаны съ Тезеемъ, который является устроителемъ Аѳинскаго государства. Но какъ образовалось это маленькое государство? Оно образовалось изъ сліянія двухъ мѣстечекъ: Элевзиса и Аѳинъ; первое было пелазгическое, второе—эллинское. Пелазгическій слой аѳинскаго народонаселенія былъ такъ силенъ, что Геродотъ прямо называетъ аѳинянъ и вообще іонянъ пелазгами, въ противоположность спартанцамъ, которые были эллины. Аѳиняне, по словамъ Геродота, будучи пелазгами по происхожденію, позабыли свой языкъ и стали эллинами. Что одинъ народъ, подчиняясь матеріальной и нравственной силѣ другого, принимаетъ языкъ и вообще національность послѣдняго, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: исторія представляетъ тому много примѣровъ; но для насъ важно узнать, не осталось ли у аѳинянъ чего нибудь пелазгическаго, кромѣ камней.

Пелазги поклонялись физическимъ божествамъ безъ изображеній, храмовъ и алтарей; финикіяне способствовали развитію этого поклоненія; явилось поклоненіе двумъ началамъ—мужескому и женскому, Діонису и Матери-землѣ, Геметерѣ или Деметерѣ; послѣднимъ поклоненіемъ былъ знаменитъ пелазгическій Элевзисъ, тогда какъ на другой, эллинской половинѣ покровительствующимъ божествомъ была воинственная дѣва, Палласъ-Аѳина, отъ которой и городъ получилъ свое названіе, и которая принадлежала къ совершенно другому разряду божествъ, къ эллинскому Олимпу, а съ нимъ Деметера и Діонисъ не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ, въ пелазго-эллинскихъ Аѳинахъ рядомъ существовали двѣ различныя религіи, старая и новая; и мы увидимъ впослѣдствіи, какъ эта старая пелазгическая, элевзинская религія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получитъ силу. Но теперь мы должны заняться эллинскою религіею, которая имѣла такое могущественное вліяніе на греческую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всемъ томъ, что оставлено греками намъ въ наслѣдство. Отличительный характеръ эллинской религіи составляетъ очеловѣченіе божества, или антропоморфизмъ. Появленіе религіи съ такимъ характеромъ, разумѣется, предполагаетъ сильное развитіе человѣческой личности, чрезвычайные подвиги человѣка, посредствомъ которыхъ онъ поднялся высоко въ собственныхъ глазахъ. Сначала человѣка поражаютъ физическія явленія, и онъ преклоняется предъ ними, какъ предъ божественными; но потомъ человѣкъ, посредствомъ подвига, развиваетъ свои физическія и нравственныя силы, борется съ природою, побѣждаетъ ее, и эта новая сила поражаетъ воображеніе, становится божественною. Подвижникъ, герой поднимаетъ человѣка на небо; и какъ скоро это совершилось, то человѣкъ становится исключительно образомъ божества уже по той легкости, по тому удобству, какія чувствуетъ человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ человѣкообразному божеству. Прежнія божества физическія принимаютъ человѣческій образъ; между ними начинаютъ господствовать человѣческія отношенія, вслѣдствіе чего боги роднятся съ людьми, лучшіе изъ которыхъ, герои, являются смѣшаннаго происхожденія. Такимъ образомъ, чрезвычайное подвижничество, которымъ отличаются греки при своемъ вступленіи въ исторію, естественно вело къ сознанію превосходства человѣка надъ всѣмъ окружающимъ, и вело, слѣдовательно, къ антропоморфизму въ религіи. Но при этомъ еще не должно упускать изъ виду, что у народовъ арійскихъ было сильно развито поклоненіе душамъ умершихъ, которыя становились божествами-покровителями своего потомства, рода. Здѣсь мы видимъ высокое понятіе о личности человѣческой, которая не гибнетъ, но получаетъ важнѣйшее значеніе по смерти; но для того, чтобъ это вѣрованіе повело къ антропоморфизму и къ тому развитію личности, какое мы замѣчаемъ у грековъ, нужно было сильное подвижничество, ибо и китайцы поклоняются душамъ умершихъ, но у нихъ изъ этого поклоненія ничего не вышло. Какъ скоро явился антропоморфизмъ, то сопоставленіе двухъ началъ, двухъ отдѣльныхъ божествъ, добраго и злаго, естественно должно было исчезнуть, ибо въ природѣ человѣка оба начала находятся въ смѣшеніи.

Очеловѣчивъ боговъ своихъ, грекъ долженъ былъ установить между ними тѣ же отношенія, какія господствовали въ человѣческомъ обществѣ. Какія же это были отношенія?

Мы видѣли, что Аристотель противоположилъ восточную монархію греческому городу, или республикѣ, и объяснялъ происхожденіе первой тѣмъ, что она составилась изъ семей или родовъ, управляемыхъ отцовскою или родоначальническою властію монархически, и потому эта форма правленія перенеслась на цѣлый народъ, составившійся изъ этихъ семей или родовъ. Но какъ же про-

изошло греческое общество въ противоположность восточному? Разумѣется, не изъ семействъ, не изъ родовъ, или, по крайней мѣрѣ, съ привнесеніемъ къ семейному или родовому началу другого, которое оказало могущественное вліяніе на общественный строй, условило его дальнѣйшее развитіе. Родовой бытъ требуетъ спокойствія, мирныхъ занятій, и когда это спокойствіе нарушено, то является стремленіе возстановить его учрежденіемъ крѣпкаго, общаго правительства по данной формѣ семейнаго или родоваго управленія. Это стремленіе благопріятствуетъ появленію одного сильнаго человѣка, который и становится наверху; но неблагопріятно появленію многихъ силъ. Вообще родовой бытъ неблагопріятствуетъ развитію личности, здѣсь господствуетъ спокойствіе, обычай отцовъ, естественныя безспорныя отношенія старшаго къ младшему; здѣсь господствуетъ охранительное начало. Явится человѣкъ сильный физически или нравственно,—ему тѣсно въ обществѣ, и, волею-неволей, онъ долженъ выйти изъ него. Но человѣкъ, какъ животное общественное, не можетъ жить одинъ, и бѣглецъ изъ родоваго общества стремится къ соединенію съ подобными себѣ людьми; чрезъ это соединеніе образуется новое общество, которое, въ противоположность родовому, или изъ родовъ составившемуся, назовется дружиннымъ, основаннымъ не на кровной связи, но на товариществѣ. Какъ родовое общество есть охранительное по преимуществу, такъ дружина требуетъ движенія, подвига. Прежде всего она составляется изъ людей, нетерпящихъ покоя, неспособныхъ къ мирнымъ занятіямъ и, по природѣ своей, стремящихся добывать съ бою средства къ жизни. Съ самаго начала между этимъ новымъ обществомъ и старымъ завязываются уже непріязненныя отношенія, съ самаго начала новое общество стремится жить насчетъ стараго; сперва борьба происходитъ въ мелкихъ размѣрахъ, пока дружина еще слаба; она разбойничаетъ на сухомъ пути или на морѣ, нападаетъ въ одиночку на слабыхъ; но съ теченіемъ времени, усилившись, она можетъ предпринять сильное наступательное движеніе, предпринять завоеваніе извѣстной страны, извѣстнаго народа.

Дружина требуетъ вождя. Около знаменитаго своими подвигами богатыря, героя, собирается толпа людей, ему подобныхъ, и провозглашаетъ его своимъ вождемъ. Но большое различіе существуетъ между царемъ народа, составившагося изъ *управляемыхъ*, по выраженію Аристотеля, изъ родовъ, и между вождемъ дружины, избраннымъ товарищами въ подвигахъ. Многочисленное и мирное народонаселеніе избираетъ правителя и спѣшитъ дать ему какъ можно болѣе власти, чтобъ не тревожиться заботами правленія, избѣжать смуты внутренней, отъ враговъ внѣшнихъ имѣть защитника, обладающаго всѣми средствами къ успѣшной защитѣ. Дружина храбрецовъ выбираетъ вождя не для успокоенія, не для возвращенія къ мирнымъ занятіямъ, не для отдыха, а для подвига; тутъ силы напряжены, каждый чувствуетъ въ себѣ силу, каждый сознаетъ свое достоинство; эту силу каждаго, это достоинство каждаго хорошо сознаетъ и вождь, и потому отношенія его къ другимъ членамъ дружины—отношенія старшаго товарища. Тацитъ, описывая народъ, двигавшійся, подобно эллинамъ, съ сѣвера на югъ и постоянно выдѣлявшій изъ себя дружины, дѣлаетъ вѣрное различіе между царями, издавна начальствовавшими въ племенныхъ массахъ, и между вождями дружинъ: цари имѣютъ свое значеніе по благородству, вожди по храбрости (reges ex nobilitate, duces ex virtute). Такими вождями по храбрости были и тѣ начальствующія лица между эллинами, которыхъ мы привыкли называть царями. И послѣ утвержденія въ Греціи, они не могли принять того значенія, какое имѣли цари восточные. Во-первыхъ, въ Греціи на небольшомъ пространствѣ, среди немногочисленнаго народонаселенія, царей было много, и это одно обстоятельство уже не позволяло имъ получить того значенія, какое имѣли цари Востока,—единовластители обширныхъ странъ и многочисленныхъ народовъ, окруженные необыкновеннымъ блескомъ, удаленные отъ взоровъ большинства подданныхъ, сокрытые и отъ ближайшаго къ нимъ народонаселенія въ великолѣпныхъ чертогахъ, менѣе доступныхъ, чѣмъ храмы божествъ. Простота жизни греческихъ царей приближала ихъ къ подданнымъ, приравнивала къ нимъ. Съ другой стороны, движенія, подвиги не прекратились: Греція была не такая страна-волшебница, которая своими чарами скоро бы истощала нравственныя силы человѣка; напротивъ, своими природными условіями, умѣренностію въ плодородіи, небольшимъ пространствомъ и близостію моря не останавливала развитія силъ поселившихся въ ней богатырей, а приглашала ихъ къ новой дѣятельности, къ новыхъ подвигамъ. Отсюда постоянное движеніе, постоянное выдѣленіе изъ народа богатырей, героевъ, которые становятся естественными представителями народа, становятся наверху, и цари должны съ ними считаться; чтобъ не потерять своего значенія, цари сами должны быть героями, начальниками геройскихъ предпріятій, а для успѣха въ этихъ предпріятіяхъ они опять нуждались въ храброй дружинѣ. Предпріятія эти совершались соединенными силами, многими царями вмѣстѣ, что уже необходимо пріучало ихъ и дружинниковъ ихъ къ равенству, тѣмъ болѣе что тутъ личныя достоинства, личная храбрость и искусство постоянно на первомъ планѣ, даюто право на видное, высокое мѣсто, на самостоятельность, и личность развивается, человѣкъ сознаетъ свое достоинство, зависящее отъ его личныхъ качествъ, а не отъ какихъ-либо другихъ отношеній. Въ подвигахъ геройскаго періода образовался и окрѣпъ греческій духъ, образовались и окрѣпли греческія общественныя отношенія; знаменитое *слово* (эпосъ) о самомъ знаменитомъ изъ этихъ подвиговъ, Иліада, выразивъ вполнѣ этотъ духъ и эти отношенія, и

ставши главнымъ воспитательнымъ средствомъ для греческаго народа, въ свою очередь могущественно содѣйствовала развитію того же духа и тѣхъ же отношеній; здѣсь же, въ Иліадѣ, съ отношеній между людьми сняты были и отношенія между богами и отношенія боговъ къ людямъ. Такимъ образомъ, Иліада есть источникъ греческой исторіи, но не въ обыкновенномъ смыслѣ слова: она есть источникъ греческой жизни. Чтобъ познакомиться съ греческою жизнію въ этомъ источникѣ, не нужно изучать подробно всю поэму; можно остановиться на первыхъ стихахъ, въ которыхъ излагается завязка дѣла: жрецъ Аполлона проситъ о возвращеніи изъ плѣна дочери; съ этою просьбою онъ обращается ко всѣмъ ахэйцамъ, и только преимущественно къ атридамъ. Ахэйское войско соглашается возвратить жрецу дочь; но главный предводитель, Агамемнонъ, не соглашается и грозитъ жрецу; но Агамемнонъ не одинъ; подлѣ него есть другая сила, есть человѣкъ, выдавшійся впередъ личными достоинствами,—богатырь, герой Ахиллъ. Жрецъ прибѣгаетъ подъ защиту этой силы. Но подлѣ Агамемнона и Ахилла есть еще третья сила, выработанная дружинною жизнію эллиновъ: Ахиллъ созываетъ кругъ (агору). Происходитъ столкновеніе между Агамемнономъ и Ахилломъ; герой, оскорбленный главнымъ предводителемъ, отказывается дѣйствовать, и отъ этого бездѣйствія предпріятіе останавливается, греки терпятъ неудачи, и дѣло поправляется только тогда, когда герой снова начинаетъ дѣйствовать. Такимъ образомъ, главный смыслъ эпоса, имѣвшаго такое громадное значеніе въ греческой жизни, вполнѣ ее отражавшаго, главный смыслъ эпоса есть борьба человѣка, богатаго личными средствами, съ человѣкомъ, могущественнымъ по своему положенію, и побѣда остается на сторонѣ перваго, Ахиллъ оказывается важнѣе Агамемнона.

Подвиги, предпріятія, совершаемые *товариществомъ* героевъ, а не однимъ лицомъ, двигающимъ народъ свой на другіе народы, и совершаемые морскимъ путемъ,—суть главныя событія начальной греческой исторіи; они ясно показываютъ намъ, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло, и каково должно быть развитіе этого народа. Мы не будемъ отвергать вліянія дробныхъ формъ греческой страны, какъ способствующихъ дробности политической, образованію многихъ мелкихъ государствъ; но, допустивъ это содѣйствіе, мы укажемъ на главную причину политической дробности въ первоначальной формѣ появленія эллиновъ въ исторіи: не одинъ народъ съ однимъ главою является на историческую сцену, но нѣсколько дружинъ съ своими вождями; съ самаго начала видимъ множество дѣйствующихъ силъ, много людей на виду, на первомъ планѣ. Но мы не должны успокоиваться на указаніи этой главной причины: ни природа страны съ дробностію своихъ формъ, ни политическая дробность, зависящая отъ дружинной формы, развитія личности и геройства или богатырства, не могутъ помѣшать политическому единству народа, какъ бы продолжительна и упорна ни была борьба при установленіи этого единства, борьба, отъ вышеозначенныхъ условій происходящая. Стоитъ только одной единицѣ усилиться вслѣдствіе какихъ-нибудь условій, — и она естественно начинаетъ стремиться къ подчиненію себѣ всѣхъ другихъ единицъ, что и прокладываетъ путь къ единству; препятствіемъ къ достиженію этого единства можетъ служить то только, что не будетъ единицы достаточно сильной; что одновременно образуются двѣ или нѣсколько одинаково сильныхъ единицъ, которыя вступятъ другъ съ другомъ въ борьбу; и эта борьба будетъ продолжаться до паденія самостоятельной жизни народа, способствуя этому паденію истощеніемъ силъ его въ усобицѣ. Такъ въ Греціи препятствіемъ къ объединенію страны служило то, что подлѣ Спарты, стремившейся подчинить себѣ всѣ другія области, существовала другая сильная республика, Аѳины. Это были два глаза Греціи, по выраженію оракула, и дѣйствительно Греція представляется намъ не иначе, какъ въ этомъ двойственномъ образѣ—Спарты и Аѳинъ; борьба ихъ кончилась истощеніемъ силъ обѣихъ, что и содѣйствовало паденію самостоятельной Греціи.

Троянская война истощила силы Греціи; но скоро онѣ прилили снова съ сѣвера, гдѣ произошло движеніе одного народа на другой, повѣдшее необходимо къ образованію дружинъ, ибо всѣ, нехотѣвшіе подчиняться игу завоевателей, т. е. всѣ храбрѣйшіе, *лучшіе* люди оставляли прежнее мѣсто жительства. Это сильное движеніе, повѣдшее къ окончательному опредѣленію греческихъ отношеній, извѣстно подъ именемъ Дорійскаго движенія. Доряне (копейщики) путемъ завоеванія основали въ Пелопонезѣ сильное государство Спартанское, которое съ первыхъ же поръ начало стремиться къ первенству въ Греціи. Но въ какихъ же формахъ основалось это государство? Этому опредѣленію формъ предшествовала смута, именно усобица въ царскомъ родѣ. На Востокѣ подобная усобица не могла повести ни къ какой перемѣнѣ, потому что на Востокѣ народъ составлялся изъ управляемыхъ, изъ родовъ; но въ Спартѣ подлѣ вождей, царей, была дружина, развившая свои силы подвигомъ завоеваній, первенствующая среди покореннаго народонаселенія, привыкшая считать вождя только старшимъ товарищемъ. Здѣсь, слѣдовательно, ослабленіе значенія царей, вслѣдствіе усобицы, необходимо ведетъ къ усиленію значенія дружины, и это выразилось въ Спартѣ тѣмъ, что явились постоянно два царя, что, разумѣется, сильно ослабляло ихъ значеніе. Какъ во всѣхъ государствахъ, основавшихся при посредствѣ не одних родовъ, но дружины, мы видимъ и въ Спартѣ Совѣтъ Старшинъ, стариковъ буквально, и вѣче, или общую, черную раду изъ всего; здѣсь мы говоримъ «войско» потому, что государство было основано на завоеваніи и, завоеватели, доряне, считали себя одних въ правѣ управлять страною, не давая покоренному народо-

населенію никакого участія въ управленіи, рѣзко отдѣляясь отъ него и строго наблюдая, чтобы цари не позволяли себѣ попытокъ усиливать свою власть посредствомъ этого покореннаго народонаселенія. Благодаря этому строгому наблюденію, Спартѣ и удалось сохранить характеръ чисто аристократическаго государства. Военное народонаселеніе, потомки завоевателей управляли и владѣли землею; потомки покоренныхъ обработывали на нихъ эту землю. Все это устройство приписывается Ликургу. Разумѣется, Ликургъ не придумалъ самъ основныхъ элементовъ спартанскаго устройства и не взялъ ихъ изъ Крита; эти элементы присущи вездѣ, гдѣ является дружина съ вождемъ, старшими и младшими товарищами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Ликургъ не существовалъ и не имѣлъ того значенія, съ какимъ является въ спартанской исторіи. Была смута; кромѣ междоусобія князей, какъ видно, было сильное неудовольствіе на неравное распредѣленіе земель; послѣ завоеванія уже успѣло явиться различіе между богатыми и бѣдными въ самой дружинѣ завоевателей; благопріятныя обстоятельства сосредоточили большія земли въ рукахъ однихъ, неблагопріятныя—уменьшили земельную собственность другихъ, или совсѣмъ лишили ея ихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ обыкновенно или усиливается власть царя, если онъ умѣетъ воспользоваться раздѣленіемъ и представить сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ, какъ единственное средство для установленія порядка, или богатый всякаго рода средствами честолюбецъ станетъ вождемъ недовольныхъ и тѣмъ проложитъ себѣ путь къ верховной власти. Но Греція, благодаря сильному развитію своего народа путемъ подвига, представила въ своей исторіи и другой способъ выхода изъ смуты. Здѣсь, на небольшихъ пространствахъ сосредоточена дѣятельность энергическаго народонаселенія, получившаго, путемъ подвига, сознаніе о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, народонаселенія, не расплывающагося, не спѣшащаго разъѣзжаться по отдаленнымъ домамъ для мирныхъ занятій, но всегда пребывающаго на лицо съ привычкою къ общему дѣйствію, къ товариществу. При такихъ условіяхъ является возможнымъ требованіе, чтобъ прежнія свободныя отношенія сохранились, но чтобъ прекратилась смута уничтоженіемъ произвола сильныхъ лицъ, подчиненіемъ воли каждаго закону. Требованіе вызываетъ предложеніе; является человѣкъ, богатый нравственными средствами, которому поручаютъ написать законы. Но эта новая сила, сила законодателя, такъ велика, что не можетъ быть достигнута одними человѣческими средствами, однимъ человѣческимъ авторитетомъ, какъ бы онъ силенъ ни былъ. Съ закономъ человѣкъ соединяетъ понятіе о чемъ-то твердомъ, вѣчномъ, божественномъ. Человѣкъ подчиняется обычаю, ибо онъ ведетъ свое происхожденіе изъ глубины вѣковъ, и преданъ людьми, имѣвшими непосредственно сообщеніе съ богами. Дружина подвижниковъ оставила прежнее отечество, прошла много странъ, находилась въ разныхъ новыхъ условіяхъ, что болѣе или менѣе должно было заставить позабыть многое изъ стараго, отвыкнуть отъ него,—и вотъ такая дружина находитъ себѣ, наконецъ, новое удобное жилище, утверждается въ немъ; но здѣсь встрѣчается она съ новыми условіями, новыми отношеніями; нужно создать новый порядокъ вещей. Человѣкъ не создастъ, а если создастъ, повиноваться ему не будутъ. Въ эти-то времена обыкновенно и являются на сцену жрецы и пріобрѣтаютъ важное значеніе законодателей, какъ провозвѣстники воли боговъ. Но жрецы могутъ пріобрѣсти важное значеніе политическихъ законодателей только при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда движеніе уже остановилось, подвижники разбросались на обширныхъ пространствахъ, силы ихъ ослабѣли, когда на виду одна сила, необходимая для сосредоточенія всѣхъ другихъ силъ въ обширной странѣ,—сила царя, и съ нею одною жрецы считаются, заключаютъ съ нею обыкновенно тѣсный союзъ для взаимнаго охраненія выгодъ. Но когда общество находится въ движеніи, когда налицо много силъ и всѣ онѣ соединены въ общемъ дѣлѣ, тогда жреческая власть не можетъ получить большаго развитія, ибо всякая сила развивается вслѣдствіе незначительности другихъ силъ. Такъ въ Греціи воинственное, геройское движеніе вначалѣ, потомъ сильныя внутреннія движенія въ небольшихъ областяхъ, городахъ, причемъ силы не разбрасывались, но были всѣ налицо въ общей дѣятельности, произвели то, что вліяніе жрецовъ не могло усилиться, какъ на Востокѣ; притомъ же свойственное арійскому племени поклоненіе душамъ умершихъ предковъ, которые становились богами-покровителями потомковъ своихъ, сообщало каждому домовладыкѣ жреческій характеръ, при непосредственномъ отношеніи къ божеству. И относительно общихъ, высшихъ божествъ греки не допускали посредничества жрецовъ, но требовали заявленія божественной воли чрезъ оракуловъ; познаніе же объ этихъ божествахъ греки получили не изъ устъ жрецовъ, но изъ поэтическихъ произведеній. Такимъ образомъ, въ Греціи мы видимъ отсутствіе греческаго вліянія, и если предположить, что оно выражалось въ оракулахъ, то и тутъ мы увидимъ, что жречество должно было уклоняться отъ непосредственнаго вліянія на политическія дѣла, стоять поодаль, дожидаясь, когда къ нему обратятся за рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ, и загораживая себя пиоіею, приведенною въ непосредственное сообщеніе съ божествомъ. Но отсутствіе могущественнаго жреческаго вліянія не исключало религіозности народа и стремленій его дать своимъ новымъ учрежденіямъ божественное освященіе, которое должно сообщить имъ авторитетъ и прочность: отсюда происходитъ то явленіе, что греческіе законодатели обращаются къ оракулу за освященіемъ своихъ постановленій [1]).

[1]) Первоначально глава рода есть жрецъ; жречество происходитъ, когда божество извѣстнаго рода, кумиръ,

Спартанское или, такъ-называемое, ликургово законодательство дѣйствительно получило, по крайней мѣрѣ, относительную прочность, которой такъ завидовали въ другихъ государствахъ Греціи. Эта прочность условливалась чисто аристократическимъ устройствомъ: небольшое число потомковъ завоевателей совершенно выдѣлилось изъ массы покореннаго народонаселенія, которое, при болѣе или менѣе тяжкихъ условіяхъ зависимости, потеряло всякое участіе въ управленіи страной. Главною цѣлію выдѣлившихся завоевателей было сохраненіе своего положенія среди покореннаго народонаселенія, принадлежавшаго къ тому же сильному народу эллинскому, и потому вовсе неохотно сносившаго свое подчиненное положеніе, готоваго возстать при первомъ удобномъ случаѣ. Для завоевателей, слѣдовательно, единственнымъ средствомъ поддержанія своего положенія было сохраненіе своего первоначальнаго военнаго, дружиннаго устройства во всей его чистотѣ и строгости. Спарта представляла военное поселеніе, казацкую сѣчь со своими общими столами, съ раздѣленіемъ членовъ по палаткамъ, по нашему буквально *сотовариществу* (ибо товаръ въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ палатка); женщина была допущена въ эту сѣчь, но употреблены всѣ старанія, чтобъ приспособить ее къ лагерной жизни, отнять у нея какъ можно болѣе женственности. Прочность спартанскаго устройства была, какъ уже сказано, относительная; въ государственной жизни Спарты мы видимъ перемѣны, которыя изобличаютъ борьбу, именно стремленіе царей, несмотря на невыгодное условіе двойственности, усилить свою власть, противъ чего аристократія спѣшила принять свои мѣры. Первоначально цари назначали себѣ пять намѣстниковъ, или посадниковъ, такъ-называемыхъ эфоровъ, или надзирателей для суда и полиціи; но какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ городахъ посадники, назначавшіеся первоначально княземъ, потомъ стали сановниками народными, отъ вѣча избираемыми, и стали подлѣ князя въ качествѣ блюстителей народныхъ интересовъ противъ него: такъ и въ Спартѣ эфоры перестали назначаться царями, стали избираться на вѣчѣ или въ народномъ собраніи, и получили обязанность надзирать надъ всѣмъ и надъ всѣми, не исключая и царей. Эфоры имѣли право требовать у царей отчета въ ихъ поведеніи, ежемѣсячно брать съ нихъ присягу, что они будутъ управлять согласно съ законами, доносить на нихъ собранію стариковъ, сажать ихъ подъ арестъ; двое изъ эфоровъ сопровождали войско въ походѣ, для надзора за поведеніемъ царя и полководцевъ.

храмъ случайнымъ образомъ получаетъ особенное значеніе, и члены рода, среди котораго онъ находится, получаютъ исключительно жреческое значеніе. Образованіе дружины изъ членовъ различныхъ родовъ, разумѣется, способствуетъ болѣе всего появленію общихъ божествъ, общаго богослуженія, причемъ вождь естественно является жертвоприносителемъ, жрецомъ: отсюда царь, когда онъ образуется изъ вождя, всегда полководецъ и жрецъ.

Такими средствами спартанская аристократія охраняла себя и свое устройство отъ тѣхъ волненій и перемѣнъ, которыя происходили въ другихъ греческихъ государствахъ, особенно въ Аѳинахъ. Здѣсь мы уже на другой почвѣ. Здѣсь, послѣ перваго наплыва эллиновъ и смѣшенія ихъ съ пелазгами, мы не видимъ завоеванія; дорическое нашествіе тѣмъ или другимъ способомъ было отбито: было сильное движеніе, сильный приливъ пришельцевъ въ Аттику, подавшій поводъ, съ одной стороны, къ выходу колоній, а съ другой—ко внутреннимъ движеніямъ; но эти пришельцы были изгнанники, искавшіе убѣжища въ Аттикѣ отъ ига завоевателей въ другихъ странахъ Греціи. Такимъ образомъ, въ Аттикѣ изначала мы не видимъ разныхъ отношеній завоевателей къ покореннымъ,—видимъ многочисленное свободное народонаселеніе, дѣлящееся по мѣсту жительства, по занятіямъ, по знатности происхожденія, по богатству. Родовая связь еще крѣпка; но въ такой небольшой странѣ, какъ Аттика, роды не могли особиться и сохранить равенство, и въ этомъ обособленіи и равенствѣ полагать препятствіе дальнѣйшему общественному движенію. Эллинская жизнь уже оставила слѣды: подлѣ царя были потомки героевъ, гордые своимъ происхожденіемъ и богатствомъ. Неравенство состоянія скоро оказало обычныя послѣдствія. Въ обществахъ первоначальныхъ, гдѣ государственная связь еще слаба, преобладаютъ частные союзы, и прежде всего, разумѣется, родовой: члены рода находятъ другъ у друга подпору, покровительство, обезпечиваются священною обязанностію родовой мести; безродность, безсемейность, лишеніе рода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, сиротство—было величайшимъ бѣдствіемъ для древняго человѣка. Но это бѣдствіе постигло людей, и вело къ особаго рода отношеніямъ. Человѣкъ безродный долженъ былъ вступать подъ защиту чужаго рода, примкнуть къ нему; но, разумѣется, онъ не могъ этого сдѣлать на равныхъ правахъ съ остальными членами рода, и отсюда различныя степени зависимости. Чужой человѣкъ *закладывался* за другого сильнаго человѣка, за *хребтомъ* его (захребетникъ). Степени зависимости, какъ сказано, были разныя: человѣкъ, имѣвшій семейство и даже развитое; родъ, имѣвшій и средства къ жизни, нуждался, однако, въ покровительствѣ сильнѣйшаго и входилъ къ нему въ извѣстную степень зависимости, которая въ древнемъ русскомъ обществѣ выражалась словомъ: *сосѣдъ*, которому, въ греческомъ обществѣ соотвѣтствуютъ буквально слова: *періойкъ, метойкъ*; съ усиленіемъ государства, послѣднее стремится повсюду перевести этихъ сосѣдей и вообще закладчиковъ изъ частной зависимости въ свою. Самая сильная степень зависимости есть рабство: человѣкъ, не имѣя никакихъ средствъ, идетъ въ рабы къ другому, кабалитъ себя; повсюду средствомъ перевести вольнаго человѣка въ рабство служитъ ссуда денегъ богатымъ бѣдному: невозможность заплатить имѣетъ слѣдствіемъ на-

сильственныя мѣры со стороны заимодавца и, наконецъ, рабство должника. Это явленіе въ обществахъ небольшихъ, какъ въ Греціи или Римѣ, въ странахъ, гдѣ природа не даетъ слишкомъ роскошныхъ средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей, и гдѣ народонаселеніе, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, по привычкѣ къ подвигу и по развитію личности, отсюда происходящему, дорого цѣнитъ независимость и свободу, — это явленіе въ такихъ странахъ ведетъ къ сильной борьбѣ. Съ увеличеніемъ народонаселенія, съ образованіемъ неравенства въ состояніяхъ, при движеніи къ увеличенію своего благосостоянія посредствомъ различныхъ предпріятій, и при слабомъ обезпеченіи успѣха этихъ предпріятій въ новорожденномъ обществѣ, является много людей, которые лишаются средствъ къ жизни, лишаются возможности исполнять общественныя обязанности (война особенно разоряетъ ихъ, ибо, кромѣ издержекъ на нее, она отрываетъ человѣка отъ занятій, губитъ его хозяйство); они занимаютъ деньги у богатыхъ, и, не имѣя возможности заплатить долга, видятъ предъ собою истязаніе и рабство. Нѣкоторое изъ нихъ рѣшаются покинуть отечество: дѣйствительно, мы видимъ въ Аѳинахъ сильное стремленіе къ колонизаціи; но не всѣ могутъ рѣшиться на это, и такимъ образомъ выводъ колоній не избавляетъ государство отъ внутреннихъ движеній, порождаемыхъ указанными отношеніями. Царь естественный посредникъ въ этомъ случаѣ; его значеніе, его власть необходимо усиливаются, и тѣмъ самымъ возбуждаютъ опасенія въ людяхъ знатныхъ и богатыхъ, которые стремятся поэтому ограничить царскую власть или совершенно отъ нея освободиться. Это тѣмъ легче имъ сдѣлать, что свободныя отношенія къ царской власти и важное значеніе царскихъ приближенныхъ, дружинниковъ, значеніе самостоятельное, независящее отъ царской воли, суть преданія, въ которыхъ воспиталось эллинское общество. Преданіе говоритъ, что во время нашествія дорянъ на Аттику, Аѳинскій царь, Кордъ, погибъ для спасенія отечества, и аѳиняне воспользовались этимъ для уничтоженія царскаго достоинства, провозглашая, что никто не достоинъ занять мѣсто спасителя отечества. Сынъ Кодра, Медонъ, былъ избранъ въ пожизненные правители, или архонты, и, какъ видно, по характеру своему, не былъ способенъ возбуждать опасенія въ аристократіи, тогда какъ двое другихъ, болѣе энергичныхъ сыновей Кодра, Нелей и Андроклъ, съ толпою переселенцевъ отправились за-море для основанія колоній. Это удаленіе ихъ показываетъ, что аристократія одержала верхъ; впослѣдствіи упоминается о борьбѣ, когда, около 754 года, одинъ изъ потомковъ Медона, Алкмеонъ, потерялъ званіе архонта, и на его мѣсто былъ возведенъ братъ его, но только уже на 10 лѣтъ и съ обязанностью отдавать въ своемъ управленіи отчетъ аристократіи, или эвпатридамъ. Впослѣдствіи потомство Корда потеряло исключительное право на архонтство: верховная власть, подѣленная между девятью сановниками, ежегодно избираемыми, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ эвпатридовъ. Въ другихъ государствахъ Греціи произошла подобная же перемѣна; но эта перемѣна нисколько не уничтожила борьбы, которая происходила вслѣдствіе стремленій сильныхъ матеріяльными средствами лицъ къ верховной власти; нѣкоторые изъ нихъ и достигаютъ своей цѣли, являются царями, хотя греки и дѣлали различіе между законными царями и этими похитителями власти, называя послѣднихъ тираннами. Спартанцы охранили себя отъ этого явленія именно тѣмъ, что удержали царей, подвергнувъ только ихъ власть сильному ограниченію. Это ограниченіе, впрочемъ, состояло не столько въ учрежденіи строгаго надзора за поведеніемъ царей посредствомъ эфоровъ, сколько въ сущности самого спартанскаго устройства, въ равномъ выдѣленіи полноправнаго, равно обезпеченнаго имуществомъ правительствующаго класса изъ массы остальнаго народонаселенія, безправнаго, враждебнаго, чуждаго; тогда какъ въ Аѳинахъ отсутствіе рѣзкаго раздѣленія между потомками завоевателей и потомками завоеванныхъ, подлѣ знатныхъ и богатыхъ людей условливало существованіе относительно многочисленнаго класса людей недостаточныхъ, низко поставленныхъ, стремившихся къ улучшенію своего положенія при сознаніи одинаковости своихъ правъ съ эвпатридами. При этомъ стремленіи они нуждались въ вождяхъ, и эти-то вожди пользовались своимъ значеніемъ для достиженія верховной власти, или тиранніи.

Для предотвращенія подобныхъ покушеній, которыя уже увѣнчались успѣхомъ во многихъ городахъ Греціи, единственнымъ средствомъ было установленіе прочнаго порядка посредствомъ закона; въ Спартѣ господствуетъ законъ, Спарта сильна и спокойна; а въ другихъ городахъ тираннія: выборъ былъ легокъ, и аѳиняне начали требовать закона, законодателя. Но въ Аѳинахъ задача законодателя была не такъ легка, какъ въ Спартѣ: въ Спартѣ было легко выдѣлить небольшую дружину завоевателей, уравнять ихъ права, уравнять ихъ матеріяльныя средства, возстановить или освятить дружинное устройство, которое, по самому существу своему, выдвигая на первый планъ товарищескую жизнь, отодвигаетъ на задній планъ семейство и собственность. Привыкшіе къ этой жизни доряне легко приняли ея освященіе закономъ, были довольны, а до неудовольствія другихъ законодателю не было дѣла; для сдержанія этого неудовольствія у побѣдителей было оружіе въ рукахъ, и горе—всегдашняя участь побѣжденныхъ. Другое дѣло въ Аѳинахъ, гдѣ могущественные интересы сталкивались въ народѣ, части котораго не признавали себя побѣдителями и побѣжденными; гдѣ, путемъ естественнаго развитія, подлѣ аристократическаго элемента образовался демократическій, съ которымъ надобно было считаться; гдѣ съ незапамятныхъ поръ, со временъ Тезея, сво-

бодный, равноправный народъ былъ раздѣленъ на эвпатридовъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ, причемъ «эвпатриды отличались славою, земледѣльцы пользою, ремесленники — многочисленностію, и этимъ устанавливалось между ними равенство» (Плутархъ). Въ Спартѣ законодателю нужно было удовлетворить только одной части народонаселенія; въ Аѳинахъ — двумъ: аристократической и демократической, лучшимъ и меньшимъ людямъ. Попытка установить порядокъ, прекратить волненія, давши силу существующему порядку, существующему правительству терроромъ, — эта попытка не удалась, и виновникъ этой попытки, Драконъ, перешелъ въ исторію съ кровавою памятью, а между тѣмъ попытки къ тиранніи оказывались ясно; медлить было нельзя для аристократіи, надобно было приступить къ соглашенію интересовъ двухъ сторонъ, къ сдѣлкамъ, и за дѣло принялся Солонъ. Первымъ дѣломъ его законодательства было удовлетвореніе меньшимъ, снятіе съ нихъ тяжестей, освобожденіе должниковъ изъ кабалы; всѣ попавшіеся въ рабство за долги были освобождены, проданные за границу выкуплены насчетъ казны, и на будущее время заимодавецъ лишился права обращать неплатящаго должника и его семейство въ рабство; при платежѣ долга должникъ выигрывалъ 27 процентовъ вслѣдствіе измѣненія монеты. Спартанское уравненіе земельныхъ участковъ было невозможно; можно было только постановить, что ни одинъ землевладѣлецъ не имѣетъ права распространять свою землю далѣе положеннаго предѣла, чтобъ такимъ образомъ остановить исчезновеніе мелкихъ земельныхъ участковъ и обезземеленіе меньшихъ людей. Но меньшіе люди бѣднѣли и должали вслѣдствіе служебныхъ военныхъ обязанностей, нести которыя у нихъ недоставало средствъ. Солонъ отстранилъ это неудобство, раздѣливъ всѣхъ гражданъ на четыре класса по средствамъ, по доходамъ, и военныя обязанности и подати были разложены соотвѣтственно этимъ средствамъ. Но кто имѣлъ больше обязанностей, тотъ долженъ былъ имѣть и больше правъ; такъ, достоинство архонтовъ и мѣста членовъ въ Верховномъ Совѣтѣ (ареопагѣ) могли получать только члены перваго класса. Въ большой Правительствующій Совѣтъ четырехъ-сотъ избирались граждане только трехъ первыхъ классовъ; но Правительствующій Совѣтъ не могъ издавать новаго закона, не могъ объявлять войну и заключать миръ: это принадлежало народному собранію, а въ члены высшей судебной инстанціи, въ такъ называемые геліасты, избирали по жребію изъ всѣхъ гражданъ, безъ различія классовъ. Геліастамъ же принадлежало право повѣрять, способно ли извѣстное лицо къ отправленію правительственной должности. Такимъ образомъ, цѣлію солонова законодательства было установить равновѣсіе между аристократическимъ и демократическимъ элементомъ, «чтобъ ни одинъ не одержалъ надъ другимъ неправильной побѣды, ибо народъ только тогда повинуется вождямъ, когда онъ ни слишкомъ разнузданъ, ни слишкомъ порабощенъ».

Распаденіе аѳинскаго народонаселенія на двѣ части, противоположныя въ своихъ интересахъ и потому долженствующія бороться, заставило законодателя признаться, что «въ важныхъ дѣлахъ всѣмъ угодить трудно». Всѣмъ угодить было трудно: легко было угодить одной сторонѣ, и, разумѣется должны были найтись люди, которые принялись за легкое и выгодное дѣло. Угодить было легче сторонѣ меньшихъ людей, которые были только облегчены и желанія которыхъ были возбуждены сопоставленіемъ съ людьми, болѣе удовлетворенными, возбуждены уступкою имъ извѣстной доли государственной дѣятельности, возбуждены самымъ переворотомъ, который мы называемъ солоновымъ законодательствомъ. Слѣдствіемъ этихъ возбужденій всегда и вездѣ бываетъ демократическое движеніе, стремленіе къ равенству, стремленіе, которое въ Спартѣ было уничтожено уравненіемъ всѣхъ спартанцевъ, всѣхъ завоевателей и отнятіемъ правъ у побѣжденныхъ. Въ Спартѣ, вслѣдствіе постояннаго общенія, постояннаго сожитія немногочисленныхъ членовъ правительствующей части народонаселенія, было равномѣрное развитіе пониманія государственныхъ дѣлъ и интересовъ, вслѣдствіе чего для каждаго возможно было являться въ народное собраніе съ опредѣленныхъ мнѣніемъ и отвѣчать прямо согласіемъ или несогласіемъ на извѣстное предложеніе, что, въ свою очередь, развивало въ каждомъ самостоятельность взгляда и мнѣнія. Въ Аѳинахъ сравнительно слишкомъ большая масса народонаселенія была призвана къ участію въ государственной дѣятельности, масса несосредоточенная, разбитая по извѣстнымъ мѣстностямъ, развлекаемая различными занятіями и потому неразвитая, неприготовленная, нуждавшаяся въ разъясненіи дѣла: отсюда необходимость въ народныхъ ораторахъ, внушителяхъ и руководителяхъ. Это обстоятельство, разумѣется, содѣйствовало сильно развитію ораторскаго искусства, выдѣленію изъ массы даровитыхъ людей; но, съ другой стороны, содѣйствовало и появленію демагоговъ или такъ называемыхъ тиранновъ, въ болѣе или менѣе утонченной формѣ. Еще при жизни Солона, одинъ изъ самыхъ знатныхъ людей, Пизистратъ, началъ стремиться къ власти и средствомъ къ тому употребилъ слово, какъ свидѣтельствуетъ самъ Солонъ, остерегавшій согражданъ отъ льстивыхъ рѣчей говоруна, отъ темнаго смысла, скрывавшагося подъ блестящими словами. Предостереженія были напрасны; «тиранство выросло и укрѣпилось», благодаря постоянному войску, которое завелъ у себя Пизистратъ, и захвату денежныхъ средствъ, на которыя содержалось это войско.

Но то обстоятельство, что Пизистратъ не могъ принять названіе царя; что прежнее государственное устройство оставалось ненарушимымъ, показывало ясно, какъ трудно было теперь въ греческихъ государствахъ дать торжество монархическому

началу. Мы говоримъ «трудно», и этимъ ограничиваемся; слово «невозможно» употребить не рѣшимся, ибо знаемъ, что тираннія въ Аѳинахъ была сокрушена не внутренними средствами, а помощью, пришедшею извнѣ. Пизистратъ успѣлъ передать свои средства и съ ними свое значеніе сыновьямъ; такимъ образомъ уже начиналась наслѣдственность. Одинъ изъ сыновей его, Гиппархъ, погибъ вслѣдствіе личной вражды, и это обстоятельство дало другому брату, Гиппію, возможность сосредоточить всѣ средства въ однѣхъ своихъ рукахъ и вмѣстѣ дало предлогъ усилить свою власть преслѣдованіемъ всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Произошло явленіе, съ которымъ мы часто встрѣчаемся въ исторія Греціи и въ исторіи другихъ европейскихъ государствъ: въ обширныхъ государствахъ Азіи людямъ, преслѣдуемымъ верховною властію, трудно скрыться отъ нея, притомъ здѣсь нѣтъ политическихъ партій и борьбы ихъ, власть одного признается всѣми законною, и человѣкъ, столкнувшійся съ этой властью, гибнетъ одиноко. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи образовались стороны въ народонаселеніи, стороны лучшихъ и меньшихъ людей, или аристократическая и демократичаская, и вступили въ борьбу. Люди побѣжденной, притѣсненной стороны бѣгутъ изъ отечества, иногда составляютъ значительныя толпы и начинаютъ дѣйствовить противъ стороны побѣдившей, обыкновенно съ чужою помощію; помощь эту легко добыть точно такъ же, какъ легко и убѣжать, потому что подлѣ другія государства, родственныя. Бѣгутъ за чужою помощію обыкновенно лучшіе и богатые люди, потому что они имѣютъ средства жить внѣ отечества, средства дѣйствовать въ свою пользу, имѣютъ извѣстность, знаменитость, тогда какъ темному и бѣдному человѣку трудно рѣшиться покинуть отечество и найти гостепріимство и помощь; если онъ убѣжитъ, то примкнетъ къ дружинѣ людей, живущихъ на чужой счетъ, разбоемъ сухопутнымъ или морскимъ. Люди знатные, спасшіеся отъ преслѣдованій Гиппія, обратились за помощію къ Спартѣ. Спарта приняла ихъ сторону, и не должно непремѣнно полагать, что это дѣлалось изъ сочуствія спартанской аристократіи къ аѳинской, ибо спартанское устройство стояло такимъ особнякомъ, такъ разнилось отъ аѳинскаго и другихъ, что трудно сопоставлять спартанскую и аѳинскую аристократію, даже трудно говорить объ аристократіи тамъ, гдѣ нѣтъ демократическаго элемента, а въ Спартѣ его не было. Дѣло объясняется проще: Спарта вмѣшивалась во внутреннія дѣла греческихъ государствъ, пользовалась ихъ усобицами для усиленія своего вліянія: теперь она заступилась за аристократическую партію противъ тиранна; потомъ она заступится за того же самого тиранна, потребуетъ его возстановленія. Гиппій былъ прогнанъ изъ Аѳинъ, благодаря помощи Спарты и случайности: семейство тиранна попало въ руки къ врагамъ его, и Гиппій, для освобожденія семейства, принужденъ былъ обязаться оставить Аѳины. Послѣ этого надобно было бы ожидать усиленія аристократіи; но видимъ наоборотъ: усиливается демократія посредствомъ новаго раздѣленія, при которомъ знатные и богатые роды должны были утратить свое вліяніе; посредствомъ свободныхъ выборовъ въ члены правительствующаго совѣта безъ обращенія вниманія на состояніе, причемъ число членовъ увеличено до 500; посредствомъ выбора судей по жребію; посредствомъ увеличенія числа годовыхъ народныхъ собраній до 10, вмѣсто прежнихъ четырехъ. И это усиленіе демократіи было результатомъ дѣятельности одного лица, Клисѳена, опять человѣка знатнаго и богатаго. О личныхъ цѣляхъ Клисѳена при этомъ мы должны остеречься сказать что-нибудь; мы никакъ не скажемъ, что ему, если бы онъ хотѣлъ, легко было бы сыграть роль Пизистрата и Гиппія; это было очень трудно именно потому, что тираннія только-что была уничтожена; аристократія была сильна и въ союзѣ со спартанцами. Не забудемъ, что Пизистратъ началъ съ того, что успѣлъ убѣдить городъ позволить ему завести стражу, постоянное войско около себя, то же самое, что разсказывали о Дейокѣ мидійскомъ, и мы не будемъ отвергать этихъ разсказовъ потому только, что въ нихъ разсказывается одно и тоже относительно двухъ разныхъ лицъ; напротивъ, мы должны ихъ принять, потому что въ нихъ указывается на естественный и необходимый ходъ дѣла гдѣ бы то ни было. Завести себѣ постоянное войско и ограничиться одними льстивыми словами, не приводя обѣщаній въ исполненіе, какъ сдѣлалъ Пизистратъ, было теперь очень трудно, и теперь съ Клисѳена уже начинается другого рода тираннія, демагогія, причемъ человѣкъ, желающій стоять на верху, долженъ усиливать демократическое начало, чтобъ держаться посредствомъ него. Клисѳену приписывается также установленіе остракизма, посредствомъ котораго человѣкъ, становившійся очень виднымъ и потому опаснымъ для свободы согражданъ, удалялся на извѣстное число лѣтъ изъ Аѳинъ, что, однако, не приносило никакого вреда его чести и имуществу. Разумѣется, съ перваго раза кажется, что это средство было направлено противъ тиранніи; но, съ другой стороны, человѣку, получившему сильное вліяніе на толпу, успѣвшему увѣрить ее, что его бояться нечего, легко наустить народъ на людей, ему собственно опасныхъ и враждебныхъ, и избавляться отъ нихъ посредствомъ остракизма, не прибѣгая къ насилію, особенно когда для насилія нѣтъ еще силы. Аристократической партіи не понравилось Клисѳеново устройство и остракизмъ, который, разумѣется, грозилъ ея членамъ; она обратилась опять къ Спартѣ: Клисѳенъ долженъ былъ оставить Аѳины. Но дѣло было сдѣлано, демократическое начало усилено, что сдѣлалось скоро въ маленькомъ государствѣ, и когда произошла аристократическая реакція, когда лучшіе люди захотѣли уничтожить новое устройство и стали гнать главныхъ его приверженцевъ,

то произошло сильное движеніе съ противоположной стороны, причемъ аристократы проигрывали свое дѣло тѣмъ, что опирались на чужихъ, на спартанцевъ. Спартанцы были выгнаны, аристократы подверглись преслѣдованію, Клисѳенъ съ своими возвратился изъ изгнанія. Но теперь, если бы даже и хотѣлъ, онъ никакъ не могъ сыграть роли Пизистрата и Гиппія: тиранство отыграло свою роль и было возможно только въ смягченной формѣ демагогіи, т. е. сильное лицо не могло непосредственно распоряжаться, но только посредствомъ народной массы, посредствомъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ, аѳинская демократія была воспитана аристократами, которые, вслѣдствіе уничтоженія царскаго достоинства, не могли сосредоточиться въ одно сословіе, въ которомъ преобладало бы равенство и общій интересъ господствовалъ надъ личнымъ. Праздное царское мѣсто манило изъ нихъ тѣхъ, которые были сильнѣе другихъ средствами; для собственнаго возвышенія, которое могло быть достигнуто только съ помощію враждебнаго элемента, они выходили изъ аристократическихъ рядовъ и служили, въ видѣ тирановъ и демагоговъ, къ возбужденію и развитію демократическаго элемента.

Но для развитія силъ извѣстнаго народа или извѣстнаго элемента въ народонаселеніи, получившаго преобладаніе, какъ элементъ демократическій въ Аѳинахъ, необходимъ подвигъ, сильная внѣшняя дѣятельность, сильная борьба. Въ этомъ отношеніи развитію и укрѣпленію аѳинской демократіи способствовали двѣ такія борьбы: одна съ спартанцами, другая — съ персами, непосредственно слѣдовавшая за первою. Спарта, раздраженная неудачею, не оставила намѣренія снова утвердить свое вліяніе въ Аѳинахъ посредствомъ поднятія аристократической партіи; но у Спарты не было достаточно силъ для успѣшной борьбы. Въ Греціи, подѣленной на множество мелкихъ государствъ, одному изъ нихъ, какъ бы оно относительно сильно ни было, трудно было непосредственно подчинять себѣ, покорять другія, даже и ближайшія; здѣсь дѣлалось такъ, что слабѣйшія волею-неволею втягивались въ союзъ, въ которомъ сильнѣйшее государство получало первое мѣсто, предводительство. Это предводительство не было господствомъ, и союзники иногда позволяли себѣ дѣйствовать самостоятельно относительно главнаго члена союза: такъ во время нападенія спартанцевъ на Аѳины съ цѣлію возстановить здѣсь аристократическую партію, союзники ихъ, коринѳяне, ушли и тѣмъ помѣшали успѣху, который и перешелъ на сторону аѳинянъ, т. е. тамошней демократической стороны. Видя силу послѣдней и слабость стороны аристократической, помощь которой оказывалась безполезною, спартанцы попытались подойти съ другой стороны, призвали къ себѣ Гиппія и хотѣли съ его помощью войти въ Аѳины; но союзники Спарты и тутъ отказались слѣдовать за нею для возстановленія тиранна. Борьба между Спартой и Аѳинами должна была на время остановиться, и этимъ перемиріемъ обѣ республики воспользовались, чтобъ усилиться: Спарта бросилась на Аргосъ; Аѳины, какъ держава морская, устремили свое вниманіе на море и далѣе на востокъ; тутъ онѣ вмѣшались въ борьбу малоазіатскихъ греческихъ колоній съ персами и этимъ накликали бурю на себя и на всю Грецію.

Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ знаменитою борьбою между Европою и Азіею, борьбою, которая продолжается тысячелѣтія съ перемѣннымъ счастьемъ, смотря по тому, на какой сторонѣ оказывается болѣе нравственныхъ силъ. Мы уже видѣли, что въ Греціи борьба съ Востокомъ была необходима по самому положенію ея; въ глубокой древности эта борьба происходила между народами, принадлежавшими къ двумъ различнымъ племенамъ — семитами — финикіянами, и арійцами — греками. Послѣднимъ удалось сбить съ своихъ береговъ финикіянъ. Потомъ, вслѣдствіе прилива новыхъ силъ къ эллинамъ, вслѣдствіе усиленнаго движенія народной жизни среди нихъ, они выходятъ изъ своихъ границъ и перебрасываютъ свои колоніи въ Азію; но послѣдняя не снесла этого наступательнаго движенія со стороны Европы. Греческія малоазіатскія колоніи, раздѣленныя моремъ отъ метрополіи, растянутыя по берегу подобно Финикіи, не могли защититься отъ сильныхъ напоровъ могущественныхъ азіатскихъ государствъ, и подпали власти сперва Лидіи, а потомъ Персіи. Эллинскій духъ, эллинская энергія могли выразиться только въ томъ, что малоазіатскіе греки не могли спокойно сносить ига, и возставали, причемъ получали помощь отъ европейскихъ собратій. Персидскіе цари не могли не обратить вниманія на это обстоятельство: пока за моремъ существовала свободная Греція, до тѣхъ поръ малоазіатскіе берега не могли быть въ спокойномъ владѣніи у персовъ, и царь отправилъ большое войско въ Грецію противъ аѳинянъ. Но здѣсь были другія условія. Конечно, для объясненія неудачи персовъ мы должны обратить вниманіе на составъ ихъ громадныхъ ополченій: собственные персы могли сдерживать натискъ своихъ соплеменниковъ грековъ и мѣряться съ ними силами, хотя и не въ равной степени; но персовъ было немного, остальныя же части ополченія великаго царя представляли стадо людей, согнанное изъ разныхъ частей громаднаго царства, не могшее выдерживать натиска грековъ, развитыхъ въ высшей степени физически и нравственно, противопоставлявшихъ качество количеству. Но, кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Греція была за моремъ, а персы не были морскимъ народомъ, море для нихъ было чуждою, непріятною и страшною стихіею; завезенные въ невѣдомую страну, отрѣзанные отъ отечества страшнымъ моремъ, они находились не въ своей сферѣ, и естественно теряли духъ, ибо вспомнимъ суевѣрный страхъ древнихъ передъ мо-

ремъ, границею, которую безбожно было для человѣка переступать. Мы теперь говоримъ, что моря соединяютъ народы, горы и степи раздѣляютъ ихъ; мы имѣемъ право говорить это, но съ ограниченіемъ. Когда извѣстный народъ вынужденъ преодолѣть свое отвращеніе къ морю, тогда, разумѣется, оно становится посредникомъ между народами, соединителемъ ихъ; если же необходимости нѣтъ, то народъ, живущій на морскихъ берегахъ, не займется мореплаваніемъ, будетъ питать отвращеніе къ морю, и море раздѣляетъ народы точно такъ же, какъ и степи раздѣляютъ ихъ. При одномъ и томъ же царѣ персы напали на Европу: въ Скиѳіи остановили ихъ степи, отъ Греціи отбило море.

Мараѳонская побѣда, несмотря на все ея значеніе, какъ первой побѣды европейскаго качества надъ азіатскимъ количествомъ, несмотря на все одушевленіе, какое она внесла въ побѣдоносный городъ, не спасла Аѳинъ и Греціи въ сознаніи лучшихъ ея людей: ибо надобно было ждать, что великій царь не замедлитъ наводнить маленькую страну своими полчищами; причемъ никакая храбрость и никакое искусство не помогутъ, какъ и доказали Термопилы. Великій человѣкъ указываетъ аѳинянамъ на море, требуетъ усиленія флота; оракулъ указываетъ на деревянныя стѣны, которыя должны спасти Аѳины, и Ѳемистоклъ толкуетъ, что эти деревянныя стѣны означаютъ корабли. Море начало свое дѣло, начало крушеніями персидскихъ кораблей уравнивать силы враговъ, по словамъ Геродота; аѳиняне покинули свой городъ, перебрались на корабли, и Саламинъ оправдалъ ихъ надежды на деревянныя стѣны; великій царь оставилъ злую страну, покинувъ свое войско на жертву разслабляющему чувству тяжести своего положенія въ далекой, потому что заморской странѣ, среди народа, страшнаго своимъ качествомъ, и качество во второй разъ восторжествовало надъ количествомъ, лишеннымъ нравственныхъ силъ, искусства, лишившимся и вождя въ началѣ битвы.

Аѳиняне, жители города, дважды истребленнаго врагомъ, дѣлаются главнымъ народомъ Греціи, благодаря морю, которое дало имъ такое важное значеніе, помогло тако скоро возстановить и увеличить свои силы. Подобно Спартѣ, Аѳины, по условіямъ, господствовавшимъ въ Греціи, прокладаютъ путь къ своему могуществу посредствомъ союза, во главѣ котораго становятся, матеріальными силами котораго пользуются для своего блестящаго развитія. Но Спарта тутъ въ челѣ своего пелопонезскаго союза; столкновеніе между ними было неизбѣжно. Борьбу между Аѳинами и Спартою можно раздѣлить на двѣ половины: до Персидскихъ войнъ и послѣ нихъ, или такъ называемую Пелопонезскую войну. Въ первую половину спартанцы чувствовали свою силу и цари ихъ отважно вводили войско въ Аттику, тѣмъ болѣе что въ Аѳинахъ были преданные имъ люди; но послѣ персидскихъ войнъ обстоятельства перемѣнились: Аѳины стали сильнѣе, и въ Спартѣ медлятъ начатіемъ войны; Спарту торопятъ союзники, которымъ страшно могущество Аѳинъ, стремленіе ихъ къ преобладанію и захвату; коринѳяне играютъ тутъ главную роль: по своему положенію между Пелопонезомъ и Аттикою, между двумя самыми сильными республиками, они хотятъ поддержать свою самостоятельность и благосостояніе, не допуская до преобладанія ни Аѳинъ, ни Спарты. Мы видимъ, что въ первую половину борьбы коринѳяне не допускаютъ спартанцевъ до торжества надъ Аѳинами; теперь же, когда могущество Аѳинъ стало страшно, тѣ же коринѳяне побуждаютъ спартанцевъ вооружиться противъ Аѳинъ.

Послѣ долгой борьбы Спарта восторжествовала; оракулъ воспретилъ побѣдителямъ воспользоваться своею побѣдою, разрушить падшій городъ: «не должно выкалывать у Греціи одного изъ двухъ глазъ», говорилъ оракулъ. Но у Греціи были повреждены оба глаза; и побѣдители и побѣжденные были одинаково истощены страшною борьбою, и это истощеніе ихъ вело Грецію къ паденію. Безсиліе побѣдительницы-Спарты высказалось въ ея неудачной борьбѣ съ Ѳивами, которыя сами обязаны были своимъ возвышеніемъ только личнымъ достоинствамъ Пелопида и Эпаминонда, послѣ которыхъ онѣ возвращаются къ прежней незначительности. Мы видѣли, что послѣ Троянской войны истощеніе въ Греціи было восполнено приливомъ эллинскаго воинственнаго народонаселенія съ сѣвера, движеніе возобновилось и усилилось дорическимъ нашествіемъ. И теперь, послѣ истощенія Греціи отъ Пелопоннезской и другихъ междоусобныхъ войнъ, происходитъ движеніе съ сѣвера,—македонское движеніе, которое, повидимому, дало новое значеніе греческой жизни, собравши ея силы для наступительнаго движенія на Востокъ, имѣвшаго слѣдствіемъ разрушеніе Персидской монархіи и господство европейскихъ аріевъ въ Азіи и Африкѣ. Но это македонское движеніе было не чисто-греческое и происходило въ такихъ формахъ, отъ которыхъ давно отчуждилась Греція; оно происходило вслѣдствіе только личныхъ стремленій двухъ варварскихъ царей, усыновленныхъ греческой цивилизацією; наконецъ, послѣ кратковременнаго македонскаго вліянія, Греція явилась съ прежней слабостью. Мы въ другомъ мѣстѣ взглянемъ на подвигъ Александра Македонскаго и его слѣдствія; а теперь обратимся къ движенію греческой мысли и вліянію его на общество.

Мы видѣли, что греческое общество основалось на другихъ началахъ, чѣмъ общество восточное; въ основу общества восточнаго легко начало семейное или родовое, въ основу общества греческаго—начало дружинное, товарищество. Въ огромныхъ монархіяхъ Востока цѣлое слишкомъ сильно давило на части, вслѣдствіе чего личность не могла развиться; цѣлое, единство преобладало, и превозмогалъ одинъ человѣкъ, представитель этого цѣ-

лаго, этого единства; государство—это былъ онъ, одинъ человѣкъ; всѣ другіе были части цѣлаго, живою собственностію одного, рабами, частію, и даже не только частію, но и полною принадлежностію, имѣвшею одно съ нимъ существованіе, по приведенному выше выраженію Аристотеля. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи, основанныхъ богатырскими дружинами, этого давленія цѣлаго на части быть не могло; вмѣсто впечатлѣнія единой силы, поднимавшейся надъ всѣми и предъ которою всѣ равно исчезали въ своемъ ничтожествѣ, являлось впечатлѣніе равенства многихъ силъ, вслѣдствіе равенства многихъ вождей, собиравшихся для общаго предпріятія; подлѣ вождей, толпа храбрыхъ товарищей, которыми силенъ и славенъ вождь, съ которыми онъ долженъ считаться. Идетъ движеніе безпрерывное, подвигъ совершается постоянно, въ ограниченной мѣстности, на виду у всѣхъ; человѣкъ личными достоинствами можетъ подняться высоко, герои включаются въ число боговъ. Кромѣ борьбы настоящей, человѣкъ можетъ выказать свои достоинства на играхъ, куда собирается народъ изъ цѣлой Греціи, побѣдитель превозносится похвалами, получаетъ важное значеніе, побѣды на играхъ прокладываютъ дорогу къ побѣдамъ на другомъ поприщѣ. Наконецъ, цари исчезаютъ, аристократія уступаетъ демократіи, и это даетъ новое побужденіе къ развитію личности указаніемъ каждому сильному личными средствами человѣку высшей цѣли, достиженія перваго мѣста въ государствѣ съ какимъ бы то ни было значеніемъ и именемъ или и безъ имени. Искусство, служа выраженіемъ народной жизни, является для того, чтобъ дать новую силу началамъ, уже обнаружившимся въ жизни. Мы говоримъ о значеніи Иліады для греческой жизни, поэмы, на которой воспитывались греки и содержаніемъ которой служило описаніе бѣдствій, происшедшихъ отъ бездѣйствія оскорбленнаго героя, не хотѣвшаго признать право сильнаго. Впослѣдствіи драматическія произведенія, къ которымъ были такъ страстны греки, воспитывали въ нихъ то же чувство личной независимости. Эсхилъ выставилъ это чувство въ Прометеѣ, который не хотѣлъ преклониться предъ Юпитеромъ; Софоклъ пошелъ еще дальше: онъ оставилъ сферу боговъ, титановъ и героевъ, и выставилъ чувство независимости, непреклонность предъ силою въ слабой дѣвушкѣ, которая, не взирая ни на какія запрещенія, исполняетъ то, что считаетъ своимъ долгомъ. Иліада, Прометей и Антигона представляютъ самыя сильныя проявленія греческаго духа въ мірѣ искусства. Наконецъ, Персидскія войны, эта знаменитая борьба развитой личности, борьба качества съ подавляющимъ количествомъ опять могущественно содѣйствовала развитію личности, особенно у тѣхъ изъ грековъ, которые купили торжество съ наибольшими пожертвованіями, которые два раза видѣли истребленіе своего города, и потому могли такъ прометеевски отвѣчать персидскому вождю на его предложеніе отдѣльнаго мира.

Такимъ образомъ, въ Греціи, и преимущественно въ Аѳинахъ, все соединились для того, чтобы дать личности самое сильное развитіе. Но извѣстное начало, пользуясь благопріятными условіями, стремится развиться до крайности, такъ и въ Греціи мы видимъ крайнее развитіе личности. Зло было понятно, и греческая мысль выставила противодѣйствіе, но безуспѣшно: откуда же проистекла эта безуспѣшность?

Личность, при благопріятныхъ условіяхъ въ обществѣ для своего развитія, сдерживается въ своихъ крайнихъ стремленіяхъ нравственнымъ началомъ, которое тогда только сильно, когда находится въ связи съ началомъ религіознымъ. Но греческая религія не могла дать нравственно крѣпкаго основанія. Грекъ, благодаря развитію своей жизни, освободился отъ азіатскаго представленія о божествѣ, какъ о гнетущей силѣ природы, которая дѣйствуетъ деспотически, предъ которою человѣкъ ничто, въ угоду которой женщина считаетъ обязанностью жертвовать своимъ стыдомъ, а мужчина—поломъ. Греческій антропоморфизмъ вноситъ на Олимпъ человѣческія отношенія, сдружаетъ человѣка съ божествомъ, приравниваетъ ихъ другъ къ другу; человѣкъ, благодаря геройству, поднимается до божества, но за то божество понижается; грекъ живетъ съ своими божествами слишкомъ по-товарищески, за панибрата. Греческія божества—изящные люди, но не безгрѣшные, не внушающіе уваженія своею высокою нравственностію и не требующіе въ этомъ отношеніи подражанія себѣ; у греческихъ боговъ дѣти на землѣ, слѣдовательно у нихъ здѣсь свои личные интересы, борьба за эти интересы, а подобныя отношенія, разумѣется, уничтожаютъ божественное, независимое положеніе. Восточные боги, какъ восточные деспоты, жили въ отдаленіи отъ простыхъ смертныхъ, окруженные обаяніемъ таинственности; даже египетское божество—животное—сохраняло это обаяніе, ибо человѣкъ не могъ проникнуть во внутренній міръ таинственнаго существа. Грекъ нарушилъ обаяніе таинственности, вывелъ наружу всѣ олимпійскія проказы. Униженіе божества чрезъ приданіе ему человѣчности не въ высшихъ нравственныхъ, духовныхъ проявленіяхъ, естественно вело къ отрицанію такого божества, давало выходъ разлагающей силѣ мысли; а греки принадлежали къ тому племени, которое и въ отдаленной Азіи, въ замкнутой и богатой Индіи, давящей духъ громадностью и роскошью природныхъ формъ, умѣло обнаружить дѣятельность мысли, не ограничиваясь переданными религіозными воззрѣніями. Тѣмъ болѣе эта дѣятельность должна была обнаружиться у грековъ при особыхъ условіяхъ ихъ исторической жизни, и прежде всего при условіи движенія, перемѣны политическихъ формъ. Греческій религіозный процессъ закончился гомеровскимъ временемъ; но греческая политическая жизнь продолжала раз-

виваться; тѣ земныя отношенія, по которымъ образовались отношенія олимпійскія, измѣнились и естественно не могло быть сочувствія къ тому, что представляло уже прошедшее, отвергнутое, а между тѣмъ разлагающая сила мысли получала все большее и большее развитіе. Прежде всего греки, по своему положенію въ небольшой приморской странѣ, находящейся въ близкомъ разстояніи отъ Азіи и Африки, и волнуемой внутренними движеніями и столкновеніями народовъ, должны были выселяться, заводить колоніи, знакомиться со многими чуждыми народами. Это обстоятельство, расширявшее горизонтъ, сильно дѣйствовало на даровитое, живое, пытливое и впечатлительное племя, представителями котораго были поморцы іоняне, аѳиняне. Грекъ на Востокѣ встрѣчается съ богатою цивилизаціею, производящею сильное впечатлѣніе громадностію и особенно древностію своихъ памятниковъ; его вниманіе останавливается на религіи; язычникъ легко подчинялся чуждому вѣрованію, легко поклонялся чужому богу, потому что убѣжденіе въ единствѣ бога ему не препятствовало. Грекъ также съ уваженіемъ относился къ религіи чуждыхъ народовъ, но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе; онъ сильно развитъ вслѣдствіе движенія своей жизни, онъ привыкъ думать, привыкъ критически относиться къ такимъ явленіямъ, къ какимъ на Востокѣ критически не относились, какъ напримѣръ, къ политическимъ формамъ. Разнообразіе этихъ формъ на маломъ пространствѣ Греціи дало ея жителямъ возможность сравнивать и разсуждать о достоинствѣ или недостоинствѣ той или другой формы, что, разумѣется, сильно развивало мыслительную способность и приготовило то философское настроеніе, которымъ отличаются греки: «Эллины премудрости ищутъ». Съ этимъ-то исканіемъ премудрости, съ этою-то развитою мыслительною способностью, съ привычкою критически относиться къ явленію, допросить, какъ, что и почему, является грекъ на Востокѣ. Путешествующій грекъ-мыслитель, мудрецъ представляетъ намъ въ высшей степени любопытное явленіе. Привычка видѣть разнообразіе формъ народной жизни у себя тянетъ грека съ возбужденною мыслію дальше, посмотрѣть другіе народы, познакомиться съ другими формами жизни, посравнить, найти сходство и отличіе, тогда какъ для восточнаго человѣка однообразіе политическихъ формъ необходимо уничтожало подобное стремленіе. Съ исканіемъ премудрости грекъ отнесся и къ религіямъ Востока, началъ сравнивать, находить общія черты съ своими, греческими вѣрованіями, искать одного общаго источника; здѣсь, какъ обыкновенно бываетъ, мысль останавливается прежде всего на заимствованіи; при видѣ двухъ одинакихъ явленій у разныхъ народовъ, первое, легчайшее объясненіе состоитъ въ томъ, что одинъ народъ заимствовалъ извѣстное вѣрованіе, обычай у другого; возвыситься до предположенія общихъ законовъ, производящихъ одинаковыя явленія всегда и повсюду, человѣкъ сначала не можетъ. Такимъ образомъ, грекъ при объясненіи одинакихъ религіозныхъ воззрѣній, одинакихъ миѳовъ у разныхъ народовъ остановился на заимствованіи однимъ народомъ у другого. Младшій по происхожденію и по цивилизаціи народъ долженъ былъ заимствовать у старшаго, греки должны были заимствовать у восточныхъ народовъ, у послѣднихъ надобно доискаться источника. Уже одно убѣжденіе, что вѣрованія, въ которыхъ воспитался человѣкъ, заимствованы, чужія, ослабляютъ эти вѣрованія, дѣлая ихъ предметомъ изслѣдованія, заставляя слѣдить какъ съ теченіемъ времени они измѣнялись, какъ древнѣйшимъ, заимствованнымъ присоздавались новыя. Мысль беретъ верхъ, чувство ослабляется. А тутъ еще новый ударъ. Пытливость влечетъ въ страну чудесныхъ памятниковъ древнѣйшей цивилизаціи, въ Египетъ; а здѣсь жрецы внушаютъ, что все заимствовано отъ нихъ, но чему вѣруетъ народъ, это только символы; что суть всего дѣла извѣстна имъ однимъ, жрецамъ; что, пожалуй, они скажутъ на ухо умному человѣку, который уже и безъ того подозрительно посматриваетъ на разные религіозные обычаи и обряды, но объявлять объ этихъ вещахъ всѣмъ безполезно и опасно, народъ должно держать въ невѣдѣніи, оставляя мудрость для посвященныхъ. Геродотъ представляетъ намъ образецъ грека, который, благодаря знакомству съ чужими религіями и внушеніямъ египетскихъ жрецовъ, относится скептически къ народнымъ вѣрованіямъ грековъ, древнѣйшія вѣрованія пелазговъ считаетъ заимствованными изъ Египта и въ эллинскомъ Олимпѣ видитъ созданіе поэтовъ. Онъ объясняетъ миѳы, говоритъ, что черные голуби додонскіе были двѣ иностранныя женщины, которыхъ чуждый языкъ могъ показаться языкомъ птичьимъ, ибо какъ въ самомъ дѣлѣ могло быть, чтобъ голубь издавалъ членораздѣльные звуки; и такъ какъ говорится, что голубь былъ черный, то это значитъ, что женщина была египтянка. Проговариваясь подобнымъ образомъ въ разныхъ случаяхъ, высказывая свое свободное отношеніе къ религіознымъ преданіямъ, Геродотъ простодушно оговаривается, что о такихъ вещахъ не слѣдуетъ распространяться: «Если бы я захотѣлъ сказать, почему египтяне воздаютъ животнымъ божескія почести, то я бы коснулся религіи и вещей божественныхъ; но я особенно избѣгаю такихъ разговоровъ, и если я кое-что сказалъ, то долженъ былъ сдѣлать это по необходимости».

Такимъ образомъ, сближеніе съ Востокомъ и его религіями наносило ударъ греческой религіи, эллинскому антопоморфизу, разлагало его. Но греческая мысль не могла остановиться на этомъ отрицаніи, на этомъ разложеніи, и вотъ среди азіатскихъ грековъ, на которыхъ восточныя воззрѣнія прежде всего подѣйствовали и у которыхъ, по ихъ страдательному политическому положенію, было болѣе возможности отрѣшаться отъ практической жизни, начинается такая же умственная работа,

какую мы уже видѣли у арійцевъ въ Индіи, работа надъ объясненіемъ происхожденія міра. Народныя религіозныя воззрѣнія не стѣсняютъ этихъ мыслителей; они не вѣрятъ въ олимпійцевъ; знаютъ, что эти народныя греческія вѣрованія суть искаженія первоначальной религіи, въ большей чистотѣ сохранившейся на Востокѣ и состоявшей въ поклоненіи силамъ природы. Но что такое природа и ея силы; какъ произошли онѣ? Одни объявили, что все существующее произошло изъ влаги, что божества, въ которыя вѣритъ народъ, суть басни; божество есть душа вселенной, движущая сила вещей, отдѣльно отъ нихъ не существующая. Такимъ образомъ, мы опять встрѣчаемся съ знакомымъ намъ брамаизмомъ или пантеизмомъ. По другимъ, это управляющее, божественное начало міра, противоположное матеріи, былъ воздухъ, какъ духъ; по инымъ—огонь, творческая, всепроникающая и всепоглощающая сила, которая преимущественно проявляется въ душѣ человѣческой. Нѣкоторые указывали на происхожденіе міра изъ атомовъ, простыхъ, недѣлимыхъ первоначальныхъ тѣлъ; все существующее проникается тонкими огненными атомами, которыхъ всего болѣе находится въ человѣкѣ. По инымъ, первое движеніе атомамъ дано было высшею разумною силою, существующею отдѣльно отъ матеріи; иные принимали четыре основные элемента: огонь, воздухъ, землю и воду, которые приводятся въ движеніе двумя силами — любовію и ненавистію или борьбою: изъ соединенія и раздѣленія произошло все существующее.

Всѣ эти мнѣнія или ученія исходили отъ мудрецовъ или философовъ, которые провозглашали ихъ какъ произведенія свободной мысли лица, не давая имъ никакого религіознаго освященія, противополагая ихъ народной религіи, прямо вооружаясь противъ нихъ, провозглашая Гомера и Гезіода исказителями религіи, которые въ своихъ поэмахъ приписали богамъ то, что считается постыднымъ между людьми. Были попытки въ Южной Италіи, или такъ-называемой Великой Греціи, дать одному изъ философскихъ ученій, именно Пиѳагорову, религіозное освященіе, составить орденъ изъ лучшихъ, образованнѣйшихъ людей, посвященныхъ въ тайны ученія, которые бы управляли непосвященною и потому презираемою толпою; но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Вообще же всѣ эти философскія ученія или мнѣнія были слѣдствіемъ сильнаго развитія личности въ Греціи и, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь содѣйствовали сильнѣйшему ея развитію. Разрушеніе народныхъ религіозныхъ вѣрованій, произведенное философіею, которая на ихъ мѣсто не могла поставить ничего прочнаго, освященнаго, имѣвшаго всеобщій авторитетъ, дававшаго правило жизни, но породила множество разнородныхъ, спорныхъ мнѣній о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, должно было естественно навести многихъ на мысль, что всеобщихъ истинъ нѣтъ, нѣтъ и общихъ нравственныхъ правилъ, сдерживающихъ каждаго человѣка и опредѣляющихъ его дѣятельность. Слѣдовательно, каждый человѣкъ составляетъ отдѣльный, вполнѣ независимый міръ, имѣетъ свой собственный взглядъ на все и свои исключительныя личныя цѣли, достиженіе которыхъ есть главная его задача; объективной истины нѣтъ; истинно то, что отдѣльный человѣкъ въ извѣстное время считаетъ истиннымъ; средства отдѣльнаго человѣка составляютъ мѣрило всего; если средства отдѣльнаго человѣка велики въ сравненіи съ средствами другихъ людей, то онъ имѣетъ полное право стремиться къ господству надъ ними, къ тиранніи. Таковъ былъ необходимый результатъ, къ которому должно было придти крайнее развитіе личности въ Греціи, и преимущественно въ Аѳинахъ. Разумѣется, подобныя мнѣнія, какъ всякія мнѣнія, должны были распространиться между людьми мыслящими или такъ-называемыми образованными, способными останавливать свое вниманіе на высшихъ вопросахъ жизни, должны были распространиться между людьми, посвятившими себя наставленію, обученію другихъ, преимущественно въ ораторскомъ искусствѣ, которое такъ надобилось въ Греціи, и особенно въ Аѳинахъ. Такіе люди назывались софистами, отъ которыхъ изложенное ученіе и получило свое названіе. Но разрушительное вліяніе на общество такъ называемаго софистическаго ученія вызвало противодѣйствіе, которое явилось изъ среды тѣхъ же софистовъ, т.-е. людей, занимавшихся наставленіемъ другихъ. Сократъ, въ школѣ котораго обнаружилось это противодѣйствіе, являлся для современниковъ такимъ же софистомъ, какой выведенъ былъ и на сцену Аристофаномъ, несмотря на все стараніе его выдѣлиться изъ среды софистовъ ученіемъ и поведеніемъ: напримѣръ, онъ не бралъ денегъ за свое ученіе и не странствовалъ изъ города въ городъ, подобно другимъ знаменитымъ софистамъ. Противодѣйствуя господствующему между софистами ученію, Сократъ долженъ былъ вооружиться противъ доведеннаго до крайности развитія личности, т.-е. долженъ былъ утверждать, что есть общія, непреложныя истины; есть нравственныя правила, обязательныя для всѣхъ, правила, безъ признанія и соблюденія которыхъ общество не можетъ существовать. Онъ полагалъ различіе между «благочестіемъ и безбожіемъ, благородствомъ и неблагородствомъ, справедливостью и несправедливостью, храбростію и трусостью» и т. д.; разсматривалъ все это независимо, признавая въ каждомъ человѣкѣ врожденную способность дойти до правильнаго различенія всего этого, при хорошемъ руководствѣ, тогда какъ въ господствующемъ между софистами ученіи все это смѣшивалось, могло переходить одно въ другое, смотря по обстоятельствамъ, и въ человѣкѣ не признавалась способность различенія хорошаго отъ дурнаго независимо отъ его непосредственнаго чувства. Послѣдователь такъ называемаго ученія софистовъ говорилъ: «Въ большинствѣ вещей природа и законъ находятся въ противопо-

ложномъ отношеніи другъ къ другу; по природѣ хуже всего претерпѣть несправедливость, а по закону хуже всего сдѣлать несправедливость. Претерпѣть несправедливость отъ другого недостойно свободнаго человѣка; несправедливость можетъ снести только рабъ, которому лучше умереть, чѣмъ жить, ибо, претерпѣвая несправедливости и оскорбленія, онъ не въ состояніи защитить себя и тѣхъ, кого любитъ. Законы—произведеніе людей, слабыхъ личными средствами, но многочисленнѣйшихъ. Постановляя законы, они думали только о себѣ, о своихъ интересахъ; чтобъ напугать людей, сильныхъ личными средствами, которые могли бы пріобрѣсти власть надъ другими, они говорятъ, что преимущество есть вещь нехорошая и несправедливая, и что человѣкъ, стремящійся къ могуществу, поступаетъ несправедливо; по своей слабости они стремятся къ равенству. Такимъ образомъ, по закону несправедливо пріобрѣтать власть надъ другими; но по природѣ справедливо, чтобъ лучшій и сильнѣйшій имѣлъ болѣе, чѣмъ худшій и слабѣйшій. Мы беремъ съ дѣтства лучшихъ и сильнѣйшихъ между нами, образуемъ ихъ и укрощаемъ, какъ ловятъ, внушаемъ имъ, что надобно чтить равенство, и что въ этомъ заключается прекрасное и справедливое. Но какъ скоро явится человѣкъ съ могущественною природою, разобьетъ онъ всѣ эти оковы, потопчетъ ногами наши писанія, наши законы, противные природѣ, и возвысится надъ всѣми какъ господинъ, онъ, котораго мы сдѣлали рабомъ,—тогда-то возсіяетъ справедливость по закону природы. Для счастія жизни нужно разнуздывать свои страсти, а не сдерживать ихъ, и, посредствомъ своего мужества и ловкости, быть въ состояніи удовлетворять имъ. Большинство людей не въ состояніи этого сдѣлать, и поэтому-то они осуждаютъ тѣхъ, которые этого достигнуть могутъ. Они говорятъ, что неумѣренность есть вещь дурная; сковываютъ людей, имѣющихъ лучшую природу, и, не будучи въ состояніи удовлетворять своимъ страстямъ, воспѣваютъ умѣренность и справедливость. А для тѣхъ, которые имѣли счастіе родиться въ семействахъ царскихъ, или которые отъ природы получили способность сдѣлаться вождями, тиранами или царями,—для такихъ что можетъ быть постыднѣе и вреднѣе умѣренности? Тогда какъ они могутъ безпрепятственно наслаждаться всѣми благами жизни, неужели сами свяжутъ себя законами, сужденіями и порицаніями толпы»?

Сократъ и его ученики именно хотѣли овладѣть львенкомъ, укротить разнуздавшуюся личность, которая, опираясь на природу, грозила разрушеніемъ обществу. Софисты поставили вопросъ о противоположности между природою и закономъ, т. е. между стремленіями отдѣльнаго лица и стремленіями общества, вопросъ, который вызоветъ знаменитый отвѣтъ, что человѣкъ есть животное общественное; что общество условливается природою человѣка, и потому природа не можетъ находиться въ противоположности съ закономъ. Вслѣдствіе крайняго развитія личности и ея неумѣренныхъ требованій, высказанныхъ софистами, поставленъ былъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, великій вопросъ, который находится на первомъ планѣ въ исторіи человѣчества. Вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія его мы не можемъ ждать на землѣ при сознаніи несовершенства всякаго дѣла человѣческаго, сознаніи, горечь котораго подслащиваютъ указаніемъ на безконечность развитія, хотя и не всѣ могутъ удовлетвориться этимъ подслащиваніемъ. Мы можемъ только наблюдать, какъ и гдѣ вопросъ рѣшался болѣе или менѣе удовлетворительно. Мы должны признать за греческими мыслителями заслугу постановки вопроса, причемъ они сейчасъ же и принялись за его рѣшеніе; но сколько нибудь удовлетворительнаго рѣшенія его мы ожидать не въ правѣ, потому что мы присутствуемъ здѣсь при борьбѣ мнѣній и направленій, причемъ одно направленіе, доведенное до крайности, вызывало реакцію. Реакція крайнему развитію личности, выразившемуся въ ученіи софистовъ, высказалась въ ученіи сократовой школы. Въ политическомъ устройствѣ, предложенномъ этою школою, дуга была перегнута въ противоположную сторону. Желая противодѣйствовать крайнему развитію личности, перешли должныя границы и не признали правъ личности, слишкомъ стѣснили ее въ пользу общества; на человѣка взглянули, какъ на несовершеннолѣтняго, неспособнаго имѣть семейство и собственность, и устроили общество, какъ школу съ учителемъ, философомъ въ челѣ управленія. Понятно, что это устройство, предложенное знаменитымъ ученикомъ Сократа, должно было остаться въ числѣ утопій; но мысль о подобномъ устройствѣ не умираетъ, а заявляетъ себя всякій разъ, когда умъ человѣческій, истомленный трудностію задачи опредѣлить сколько нибудь правильно отношенія отдѣльнаго лица къ обществу, прибѣгаетъ къ отчаяннымъ средствамъ выйти изъ затрудненія. Человѣкъ, по природѣ своей, долженъ жить въ обществѣ; но, вступая въ связь съ другими людьми, онъ необходимо долженъ поступиться частію своей свободы, частію своихъ правъ въ пользу другихъ, въ пользу общества. Но сколько онъ долженъ уступить и сколько оставить за собою для сохраненія равновѣсія между личностію и обществомъ—въ этомъ весь вопросъ. Софисты говорили, что человѣкъ не долженъ ничего уступать обществу; если онъ родился львомъ въ сравненіи съ другими, то и долженъ брать львиную часть, не дѣлясь съ другими, слабѣйшими. Сократъ и его ученики, вооружаясь противъ этого ученія, заставили человѣка уступить слишкомъ много, заставили его идти въ кабалу къ обществу за обезпеченное содержаніе. Эта обезпеченность содержанія такъ привлекательна, что въ обществахъ неразвитыхъ заставляла свободнаго человѣка продаваться въ рабство, идти въ кабалу, въ обществахъ же развитыхъ, гдѣ

рабство человѣка другому человѣку уже немыслимо, заставляетъ мечтать о рабствѣ, болѣе благовидномъ, рабствѣ обществу. При опредѣленіи отношеній отдѣльнаго лица къ обществу не должно упускать изъ виду, что для благосостоянія этого общества права личности должны быть строго охранены, чтобъ отдѣльное лицо, ведя общественную жизнь, служа обществу, сохраняло при этомъ свою самостоятельность, свой отдѣльный, независимый міръ. Для этого три средства, три, такъ сказать, замка или крѣпости, которыя защищаютъ свободу и самостоятельность отдѣльнаго лица: это религія, семейство и собственность. Религія поддерживаетъ въ человѣкѣ сознаніе своего нравственнаго достоинства, не дозволяя ему уступать несправедливымъ требованіямъ общества, ставя передъ нимъ высшій міръ, высшій судъ, къ которому онъ аппелируетъ, будучи недоволенъ земною неправдою. Вѣра въ духовное начало, въ личное безсмертіе даетъ человѣку свободный, самостоятельный, царственный взглядъ на общественныя отношенія, заставляетъ его требовать только такого опредѣленія ихъ, какое согласно съ человѣческимъ достоинствомъ, не позволяетъ рабствовать предъ земною силою. Семейство есть самостоятельное общество въ обществѣ, необходимое для поддержанія въ человѣкѣ его самостоятельности. Въ это убѣжище стремится онъ отъ порабощенія и поглощенія, которымъ грозитъ ему общество, если онъ постоянно пребываетъ въ немъ; здѣсь онъ дышетъ свободно, чувствуя себя не частію огромнаго цѣлаго, въ которомъ онъ исчезаетъ, не колесомъ, не винтомъ въ машинѣ, но существомъ самостоятельнымъ, центромъ особаго міра,—здѣсь онъ *самъ*, по русскому народному выраженію. Въ обществахъ неразвитыхъ семейство имѣетъ уже слишкомъ большое значеніе; здѣсь оно слишкомъ обширно, развиваясь въ родъ, который заслоняетъ для человѣка общество, суживаетъ развитіе его силъ. Общество, развиваясь, тѣснитъ родъ, обрываетъ его, переводитъ обязанности человѣка къ роду на обязанности къ себѣ. Все это очень хорошо; но есть предѣлъ развитію общества въ этомъ отношеніи; горе ему, если оно захочетъ перейти законную грань и нарушить святыню семейства. Что касается отдѣльной собственности, то она неразрывно связана съ семействомъ и вмѣстѣ съ нимъ поддерживаетъ самостоятельность человѣка, давая ему сильное побужденіе къ дѣятельности въ возможности располагать результатами этой дѣятельности. Семейство и собственность будутъ всегда отличіемъ совершеннолѣтняго человѣка, и стремленіе отнять семейство и собственность будетъ всегда противно человѣку, какъ стремленіе низвести его изъ совершеннолѣтія въ положеніе недоросля, школьника. Сократова школа въ своемъ политическомъ ученіи перешла законную грань: стремясь сдержать безграничное развитіе личности, въ пылу спора съ поборниками этого развитія, она не замѣтила, какъ вмѣсто сдержки провозгласила порабощеніе личности. Въ республикѣ Платона нѣтъ ни семейства, ни собственности; но Платонъ имѣетъ дѣло съ одними воинами, и тѣмъ даетъ знать, что при построеніи своей республики онъ имѣлъ въ виду военное братство, лагерь или казацкій кошъ, называвшійся Спартою. Философъ предполагалъ и уравненіе половъ, указывая на собакъ, у которыхъ и самцы и самки одинаково пригодны на охотѣ и для охраненія стада. Философъ забылъ, что человѣкъ не собака, что онъ подчиняется закону развитія, по которому различіе половъ необходимо предполагаетъ раздѣленіе занятій.

Въ исторіи Греціи, и преимущественно Аѳинъ, Сократова школа имѣетъ то значеніе, что въ ней высказалась реакція національному направленію, которое состояло именно въ развитіи личности. Въ этомъ отношеніи греческая жизнь представляла противоположность жизни восточной: на Востокѣ человѣкъ не созналъ своей личности относительно божества, и, при всѣхъ усиліяхъ мысли рѣшить вопросы о происхожденіи сущаго, о происхожденіи добра и зла, кончилъ тѣмъ, что отрекся отъ личнаго существованія, какъ ложнаго, и поставилъ цѣлію жизни—прекращеніе его, сліяніе частицы съ цѣлымъ. Это восточное представленіе о человѣкѣ, какъ о части цѣлаго, о собственности, о рабѣ (мы видѣли связь этихъ представленій у Аристотеля), господствовавшее въ религіи, господствовало и въ мірѣ политическомъ: и здѣсь человѣкъ является частію цѣлаго, собственностію, рабомъ; а это цѣлое, государство, было олицетворено, воплощено въ одномъ человѣкѣ; то стремленіе, которое высказалось въ знаменитыхъ словахъ: «государство—это я», было на Востокѣ осуществлено. Панархизмъ соотвѣтствуетъ пантеизму—и оба убиваютъ личность; поэтому Гоббесъ, проводившій всюду панархическій взглядъ, совершенно послѣдовательно говорилъ, что государь не есть глава государственнаго тѣла, а душа его; точно такъ и въ пантизмѣ божество есть душа вселенной, неразрывно съ нею связанная; начало свободныхъ отношеній въ отдѣленіи. Слабость движенія, подвига, родовой бытъ (соединеніе управляемыхъ по Аристотелю) и обширность государствъ, недопускающая народонаселеніе до общей дѣятельности, требущая внѣшней силы для соединенія разбросаннаго на обширныхъ пространствахъ народонаселенія для общихъ цѣлей,—суть главныя условія утвержденія такого порядка вещей на Востокѣ. Въ Греціи сильное и продолжительное движеніе, развившее личныя силы, дружинная форма, въ какой это движеніе совершалось, и раздельченность небольшой приморской страны высвободили отрасль сильнаго, даровитаго племени изъ азіатскихъ формъ жизни, представили благопріятныя условія для развитія личности, и вотъ греческая исторія представляетъ намъ это постепенное развитіе, представляетъ и то обычное въ человѣческой дѣятельности явленіе, что начало,

долго сдерживаемое, разнуздавшись, перешло должные предѣлы и вызвало реакцію. Реакція высказывалась съ одной стороны въ аристократическомъ стремленіи, тѣсно связанномъ съ спартанофильствомъ, ибо въ спартанскомъ устройствѣ личность была сдержана строгимъ подчиненіемъ, рабствовала государству, тогда какъ развитіе личности въ Аѳинахъ было тѣсно связано съ демократическимъ движеніемъ. Съ другой стороны, реакція явилась въ области мысли, высказалась именно въ Сократовомъ ученіи. Это ученіе не могло имѣть важнаго вліянія на ходъ греческой жизни, во-первыхъ, уже потому, что оно не было прямо политическимъ ученіемъ, не было достояніемъ сильной политической партіи. Основатель ученія погибъ, какъ врагъ господствовавшаго въ Аѳинахъ демократическаго направленія, которое взяло снова силу послѣ сверженія аристократическаго правительства, поддерживавшагося Спартою; онъ погибъ, какъ врагъ народной религіи. Ученіе Сократа, именно какъ философское ученіе, не могло удержать Аѳинъ и вобще Грецію отъ паденія. Философское ученіе не могло пересоздать общество, вдохнуть въ него новыя нравственныя силы: оно есть достояніе немногихъ; оно получаетъ свой авторитетъ отъ силы личнаго ума; сколько головъ—столько и умовъ, говоритъ народная пословица (отъ этого же воззрѣнія отправились и софисты). Здѣсь различіе мнѣній и споры ведутъ естественно къ знаменитому вопросу Пилата: «что есть истина?»,—а при существованіи такого вопроса нѣтъ успокоенія для общества, нѣтъ горячихъ убѣжденій, въ горнилѣ которыхъ выковываются крѣпкія формы и отношенія. Для этого нужно было древнему міру ученіе съ высшимъ авторитетомъ, для всѣхъ одинаково обязательное, ученіе религіозное; для этого нужно горячее чувство, чувство религіозное. Греки, для которыхъ прежнія религіозныя вѣрованія были разбиты философіею, но которые не нашли необходимаго для человѣка рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ въ философской разноголосицѣ, не нашли успокоенія, обратились къ мистеріямъ, основаніемъ которыхъ служила древняя пелазгическая религія, уцѣлѣвшая подлѣ новой, эллинской; послѣдняя теперь разрушалась въ свою очередь, и тѣмъ давала силу и значеніе старой. Одряхлявшее общество обращалось къ вѣрованіямъ своего дѣтства; думая, что они въ состояніи вдохнуть въ него свѣжія силы; искало этого возстановленія силъ и прямаго соединенія съ божествомъ посредствомъ религіозныхъ восторговъ, экстазовъ; но ничто не помогло: старикъ не молодѣлъ. Греція пала вслѣдствіе истощенія матеріяльныхъ и нравственныхъ силъ.

б) Римъ.

Мы видѣли арійцевъ въ Европѣ, на ближайшемъ къ Азіи полуостровѣ; видѣли здѣсь мелкія владѣнія, общины, которыя греческій смыслъ устами Аристотеля противополагалъ народамъ, какъ народы представлялись въ древности; видѣли, что эта противоположность происходила отъ противоположности началъ—родоваго, господствовавшаго при образованіи государствъ на Востокѣ (потому что образовалось оно изъ управляемыхъ, по Аристотелю), и дружиннаго, господствовавшаго при образованіи греческихъ государствъ или общинъ. Теперь, идя съ востока на западъ, переходимъ на второй полуостровъ южной Европы, въ Италію, и здѣсь опять видимъ арійское племя, опять видимъ страну, раздробленную на мелкія владѣнія, видимъ господство города. Сходство итальянской или римской исторіи съ греческою поразительно. Различіе состоитъ въ томъ, что въ Греціи помѣхою объединенію страны служило одновременное существованіе двухъ равносильныхъ городовъ, которые не позволяли другъ другу усиливаться насчетъ другихъ, истощили свои силы въ борьбѣ другъ съ другомъ, и такъ какъ притока новыхъ силъ не было болѣе, не было между греческими городами преемниковъ Аѳинамъ и Спартѣ, то Греція, истощенная матеріяльно и нравственно, не могла оказывать дальнѣйшаго сопротивленія напору внѣшнихъ силъ и должна была признать господство сосѣдняго эллинизированнаго государя. Въ Италіи, на оборотъ: среди множества независимыхъ владѣній или городовъ усиливается одинъ городъ и, не находя себѣ соперника на всемъ пространствѣ Италіи, подчиняетъ себѣ всю страну; потомъ въ Сициліи начинается столкновеніе Рима, владыки Италіи, съ могущественнымъ Карѳагеномъ, колоніею финикійскою, которой на африканской почвѣ, среди слабыхъ по своему варварству народовъ удалось образовать сильное государство. Когда Карѳагенъ былъ низложенъ, Римъ сталъ сильнѣе всѣхъ государствъ извѣстнаго тогда свѣта: на Западѣ онъ не могъ встрѣтить сильнаго сопротивленія отъ народовъ, стоявшихъ на низкой степени развитія, не соединенныхъ въ крѣпкія государства. На Западѣ народы были слабы отъ младенчества своего, на Востокѣ — отъ старческой дряхлости: отжившая Греція и мертворожденныя государства, образовавшіяся изъ распаденія Александровой монархіи, были легкою добычею римскихъ легіоновъ, и, такимъ образомъ, одно изъ арійскихъ племенъ, поселившееся въ Европѣ, въ Италіи заканчиваетъ исторію древняго міра образованіемъ всемірнаго государства.

Относительно внѣшней исторіи Рима можно и ограничиться этимъ краткимъ очеркомъ; но внутренняя его исторія представляетъ любопытныя стороны, на которыхъ должно остановиться. Смалолѣтства привыкли мы представлять себѣ Римъ двойственнымъ городомъ, въ которомъ жили двѣ, постоянно враждовавшія между собою, части народонаселенія, патриціи и плебеи. Но откуда-же эта двойственность и эта борьба? Мы не считаемъ себя въ правѣ усвоивать легкіе пріемы позднѣйшей

исторической критики относительно древней римской исторіи: послѣ разрушительной оргіи, начавшейся съ легкой руки Нибура, уставши рубить направо и налѣво, растерявшись въ мелочахъ, превративши все въ хаосъ разнорѣчивыхъ мнѣній и толкованій, нѣкоторые историки приняли легкій способъ раздѣлаться съ этою путаницею, и зачеркнули древнѣйшую исторію, какъ баснословную. Мы не осмѣлимся отнять смыслъ и историческую основу у представленій великаго народа о своемъ прошедшемъ, несмотря на разнорѣчія и вымыслы, отъ которыхъ впрочемъ не свободны бываютъ и извѣстія о событіяхъ вчерашняго дня; мы дерзнемъ обратиться къ извѣстіямъ о римскихъ царяхъ, даже къ извѣстіямъ о Ромулѣ!

Извѣстія о древнѣйшемъ періодѣ римской исторіи, о царскомъ періодѣ, драгоцѣнны для насъ потому, что нигдѣ нагляднѣе не представляется борьба между началомъ родовымъ и дружиннымъ. Какъ въ Греціи, въ преддверіи ея исторіи, мы видимъ сильное движеніе народовъ съ сѣвера на югъ, движеніе, всегда благопріятствующее выходу изъ родоваго общества людей, наиболѣе способныхъ къ движенію, подвигу и образованію изъ нихъ дружинъ: такъ и въ Италіи, въ преддверіи римской исторіи, мы видимъ, такое же сильное движеніе съ его послѣдствіемъ, образованіемъ дружинъ. По обычаю такъ-называемой «Священной Весны» (Ver sacrum), часть молодыхъ людей высылалась за границы извѣстнаго владѣнія и должна была сама отыскать новое отечество и овладѣть имъ. Эти изгнанники, долженствовавшіе необходимо образовать изъ себя завоевательную дружину, были посвящены подземнымъ богамъ, преимущественно Марсу. Преданіе указываетъ въ Италіи народъ бруттіевъ, составившійся изъ сбродной дружины, изъ бѣглецовъ всякаго рода, и герой, давшій свое имя этому народу, былъ Брутъ, сынъ Марса; указывается еще другой подобный же народъ, мамертинцы, также ведшій свое происхожденіе и имя отъ Мамерса, или Марса. Но понятно, въ какой противоположности и враждебности должны были находиться эти сбродныя дружины къ родовому обществу. Члены рода, кромѣ кровной связи, были соединены общимъ служеніемъ однимъ и тѣмъ же домашнимъ богамъ, т. е. душамъ предковъ. Гдѣ предки-боги преданы землѣ, тамъ устраивается неподвижный очагъ, огнище, жертвенникъ для этихъ божествъ; около этого жертвенника живетъ семья, развивающаяся въ родъ, всѣ члены котораго находятся подъ покровительствомъ родныхъ своихъ боговъ, душъ умершихъ предковъ, сожительствующихъ съ ними; но за это покровительство домашніе боги требуютъ отъ своихъ потомковъ постояннаго покорма, поминокъ. Человѣкъ, удалившійся изъ рода, тѣмъ самымъ лишался покровительства родовыхъ боговъ, являлся не только сирымъ, безпомощнымъ относительно людей, но и относительно боговъ, человѣкомъ безъ предковъ, оторваннымъ отъ всѣхъ самыхъ священныхъ связей, онъ былъ чужой для всѣхъ. Понятно, что такое безпомощное положеніе заставляло человѣка искать помощи въ самомъ себѣ, развивало его силы, заставляло его искать связи съ людьми себѣ подобными и устраивать общество на другихъ началахъ; но понятно также, съ какимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ должны были смотрѣть на такого безроднаго и вмѣстѣ *безбожнаго* человѣка *отцы* (patres) и *отецкія дѣти* (patricii). Они могли принять еще такого человѣка, пріобщить къ семейству, т. е допустить до семейнаго богослуженія, если онъ соглашался принять подчиненное положеніе или раба, или работника, клиента; но никакъ не могли спокойно допустить, чтобъ такой чужой, безродный и *безбожный* человѣкъ помышлялъ о равенствѣ съ ними, отецкими дѣтьми.

Первоначальная исторія Рима указываетъ намъ живущими вмѣстѣ, въ одномъ только-что основанномъ городѣ, эти два рода людей, столь противоположныхъ другъ другу; съ одной стороны указываетъ общество, основанное на строгихъ родовыхъ началахъ, общество патриціанское; съ другой подлѣ него толпу людей пришлыхъ, безродныхъ, всякій сбродъ, plebs. И эти два рода людей не вступаютъ въ явную борьбу между собою; связью между ними служитъ одна общая власть, царь. Первый царь—Ромулъ, которому приписывается основаніе города. Въ какомъ же отношеніи находится онъ къ обоимъ началамъ: родовому—патриціанскому, и дружинному — плебейскому? Преданія выставляютъ его явно враждебнымъ первому, явно доброжелательнымъ второму. Прежде всего кто онъ, этотъ Ромулъ, съ братомъ своимъ Ремомъ? Они безродные, не могутъ указать отца, не отецкія дѣти; они дѣти преступленія, дѣти весталки, нарушившей обѣтъ дѣвства, и хотя преданіе даетъ имъ въ отцы Марса; но мы уже знаемъ, что это значитъ, и въ глазахъ патриціевъ они остаются рожденными отъ блуда (ἐκ πορνείας λεγόμενοι). Такимъ образомъ, въ Ромулѣ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ дружиннаго начала, съ вождемъ дружины. Онъ въ своемъ городѣ открываетъ убѣжище для всѣхъ безродныхъ и бездомныхъ, для всѣхъ добровольныхъ изгнанниковъ, убѣжище, которое въ глазахъ патриціевъ является не иначе какъ поганымъ (infame asylum). Разумѣется, отецкія дѣти не могутъ выдавать своихъ дочерей за такую голытьбу, за такихъ безродныхъ и безбожныхъ людей, и плебеи похищаютъ себѣ женщинъ, отчего у нихъ происходитъ борьба, а потомъ сдѣлка съ сабинцами, отличавшимися строгимъ родовымъ бытомъ. Но борьба не прекратилась: «Ромулъ быть пріятнѣе толпѣ, чѣмъ отцамъ, и болѣе всего былъ пріятенъ воинамъ». Отцы убили непріятнаго имъ покровителя толпы и вождя дружины. Отцы возводятъ въ царя своего—Нуму Помпилія, «мужа благочестиваго и боголюбивѣйшаго», первымъ дѣломъ котораго было уничтоженіе целеровъ, избранной дружины Ромула. Но борьба между родовымъ и дружиннымъ началомъ только-что начинается, и смѣна

царей соотвѣтствуетъ торжеству того или другого: послѣ Нумы видимъ Тулла Гостилія—потомка товарища Ромулова; послѣ Тулла Гостилія видимъ Анка Марція, внука Нумы. Но Анкъ принужденъ принять дружину, вождемъ которой былъ этрусскій изгнанникъ Тарквиній (Прискъ). Тарквиній становится начальникомъ, трибуномъ целеровъ, и по смерти Анка становится царемъ, тогда какъ сыновья Анка принуждены бѣжать. Тарквиній убитъ, но царемъ является *трибунъ целеровъ*, Сервій Туллій. Происхожденіе этого знаменитаго царя такъ-же таинственно, какъ и происхожденіе Ромула; одна сторона приписываетъ ему божественное происхожденіе, другая—незаконное: онъ сынъ рабы, плодъ любодѣянія; но сохранилось преданіе, что онъ былъ товарищъ целера Вибенны, трибуна целеровъ при Ромулѣ, принужденнаго удалиться изъ Рима. Сервій Туллій, съ остатками целеровой дружины, пришелъ снова изъ Этруріи въ Римъ; Сервій Туллій гибнетъ отъ внука Тарквинія. Этотъ внукъ, Тарквиній Второй, или Гордый, становится царемъ; при немъ дружина, и при дружинѣ необходимъ трибунъ целеровъ, Юній Брутъ, который уже ссорится съ царевичами за наслѣдство престола; но дѣло оканчивается тѣмъ, что Брутъ почему-то отказывается отъ этого наслѣдства и соединяется съ патриціями для изгнанія Тарквинія и для уничтоженія царскаго достоинства.

Каковы бы ни были побужденія, заставившія трибуна целеровъ и родственника Тарквиніевъ, Юнія Брута, войти въ сдѣлку съ патриціями и, вмѣсто царскаго достоинства, удовольствоваться временнымъ преторствомъ или консульствомъ, сознаніе ли невозможности бороться съ Тарквиніемъ, не соединивши тѣсно своихъ интересовъ съ интересами патриціевъ,—только, благодаря этому соединенію интересовъ, царскій періодъ римской исторіи прекращается, Римъ является республикою, аристократическою, потому что у патриціевъ всѣ права, почести и выгоды, а плебеи лишались въ царѣ человѣка, который, опираясь на нихъ въ борьбѣ съ отцами и отецкими дѣтьми, естественно старался дать имъ значеніе и силу. Такое поведеніе царей относительно плебеевъ необходимо развило въ послѣднихъ сознаніе своего гражданскаго значенія, заставляло тѣмъ болѣе оскорбляться неравенствомъ своего положенія съ патриціями и стремиться къ уравненію. Эти стремленія и борьба за права, съ цѣлью уравненія правъ представляютъ явленіе западное, европейское, которое въ древнемъ мірѣ особенно выпукло выказывается въ римской исторіи, что и даетъ ей важное значеніе. На Востокѣ—или касты, которыя вѣчно остаются въ разрозненности, низшія вѣчно довольствуются своими правами, или терпѣливо сносятъ отсутствіе всякихъ правъ: здѣсь религія, имѣвшая преобладающее вліяніе при опредѣленіи общественныхъ отношеній, дала имъ характеръ неподвижности; или тамъ, гдѣ не образовались касты, все народонаселеніе было уравнено общимъ безправіемъ предъ одинмъ человѣкомъ, который, по произволу, могъ возвышать и понижать, рабу, даже иностранцу давать первенствующее значеніе и потомъ, въ минуту гнѣва, казнить, терзать его какъ послѣдняго раба. Только въ поморскихъ государствахъ Азіи и Африки (Финикіи и Карѳагенѣ), и особенно на европейской почвѣ, въ Греціи и въ Римѣ личное движеніе человѣка, а слѣдовательно и движеніе общественное такъ сильны, что ни жрецъ въ имя божества, ни властитель свѣтскій не могутъ остановить ихъ, отчего происходятъ столкновенія правъ, борьбы, стремленія къ уравненію и усиленная жизнь общественная. Въ Римѣ мы видимъ людей полноправныхъ и безправныхъ однихъ подлѣ другихъ, причемъ послѣдніе не рабы, потерявшіе сознаніе о правѣ и человѣческомъ достоинствѣ, а свободные, развившіе свои силы движеніемъ, подвигомъ. Полноправные, для сохраненія своего положенія, хотятъ стать на религіозной почвѣ, какъ члены освященныхъ родовъ: почва дѣйствительно твердая, преимущество громадное; но нѣтъ твердыни, которая бы устояла противъ постояннаго прибоя волнъ европейской жизни. Подлѣ сбродная толпа пришельцевъ, безродныхъ, а потому безбожныхъ; они стучатся въ святилище; не пустятъ волею, не пойдутъ на сдѣлку—войдутъ и силою. Древнѣйшія преданія Рима указываютъ намъ прямо на сдѣлки, обличающія практическій смыслъ народа, и, въ свою очередь, развивающія практическій смыслъ. Самъ царь, по его отношеніямъ къ патриціямъ и плебеямъ, былъ результатомъ сдѣлки. Патриціи естественные охранители существующаго порядка, враги движенія, друзья покоя, мира; но царь хочетъ силы, которая дается военными подвигами, завоеваніями; для этого онъ нуждается въ дружинѣ, войскѣ, плебеяхъ; ему легко относиться къ нимъ: это люди безправные, несамостоятельные, они смотрятъ только изъ рукъ царя, своего покровителя; плебеи для царя свои люди. Царю важно дать большое значеніе плебеямъ, прорвать ими сплоченные ряды патриціевъ, ввести ихъ въ совѣтъ стариковъ, отцовъ, въ сенатъ. Въ древнѣйшихъ преданіяхъ интересы войска прямо противополагаются интересамъ отцовъ, сената. Всегда и вездѣ при общественныхъ движеніяхъ, при борьбѣ полноправныхъ гражданъ съ неполноправными, послѣдніе стремятся къ уравненію съ первыми посредствомъ подвига (причины и слѣдствія развитія личности), посредствомъ собственности (опять часто причины и слѣдствія развитія личности), наконецъ посредствомъ могущественныхъ по своимъ личнымъ средствамъ и по своему общественному положенію людей, которымъ выгодно или измѣнять существующій порядокъ поднятіемъ новыхъ общественныхъ элементовъ, или, по крайней мѣрѣ, выгодно этимъ поднятіемъ уравновѣшивать, ослаблять значеніе людей, издавна пользующихся извѣстными правами. На Востокѣ, при одной безправности при, рабствѣ всѣхъ передъ однимъ, этотъ одинъ не имѣетъ побужденій произ-

водить общественныя движенія, перемѣны: существующій порядокъ вполнѣ его удовлетворяетъ, и ему нужно одно—упрочить, освятить его религіознымъ освященіемъ, причемъ необходима сдѣлка съ жрецами, уступка имъ извѣстной доли власти, вліянія, выгодъ. На Западѣ, передъ человѣкомъ, поставленнымъ наверху, нѣсколько различныхъ элементовъ, неровныхъ, находящихся въ столкновеніи другъ съ другомъ и находящихся въ различныхъ отношеніяхъ къ нему: отсюда и невозможность безразличія отношеній его къ нимъ, онъ необходимо принимаетъ участіе въ общественномъ движеніи.

Важнѣйшій вопросъ въ жизни государства, на какой бы степени развитія оно ни находилось, вопросъ, который поднимаетъ такъ много другихъ важныхъ вопросовъ и способствуетъ тому или другому рѣшенію ихъ,—есть вопросъ о внѣшней безопасности. Первой обязанностью гражданина есть обязанность защищать свою землю, свое государство отъ непріятельскаго нападенія. Но всѣ ли равно должны нести эту обязанность? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ государственнаго устройства и, какъ обыкновенно бываетъ, въ свою очередь могущественно дѣйствуетъ на формы этого устройства, на ихъ измѣненіе. Въ первоначальномъ обществѣ, состоявшемъ изъ свободныхъ и рабовъ, поднимался первый вопросъ: можно ли допустить раба къ защитѣ земли, раба, у котораго нѣтъ правъ, который не имѣетъ никакихъ побужденій охранять тяжкій для него порядокъ вещей, который ничего не потеряетъ отъ перемѣны господъ, которому опасно, наконецъ, дать оружіе въ руки. Отсюда исключеніе раба отъ обязанности военной службы, которая, такимъ образомъ, дѣлается уже правомъ свободнаго; рабъ вооружается только въ крайнемъ случаѣ, и тутъ необходимое условіе этого вооруженія — свобода. Но вопросъ объ обязанности или правѣ военной службы тѣсно соединенъ съ финансовымъ вопросомъ: война требудетъ издержекъ. Положимъ, что въ случаѣ успѣшной войны ратникъ кормится насчетъ непріятелей и получаетъ добычу; но все же онъ долженъ выходить въ извѣстномъ вооруженіи, имѣть коня. Такимъ образомъ, право военной службы необходимо соединяется съ правомъ имѣть средства для нея, имѣть болѣе или менѣе значительную собственность. Мы уже сказали, что уравненіе неполноправныхъ гражданъ съ полноправными происходитъ посредствомъ собственности, т. е. человѣкъ богатый, но худородный и потому неполноправный, стремится въ ряды родовитыхъ, знатныхъ и полноправныхъ. Это стремленіе достигаетъ своей цѣли именно потому, что человѣкъ худородный, но богатый равняется, а иногда и превосходитъ родовитаго человѣка своими средствами нести военныя тягости, защищать землю. Такъ, во имя этой-то способности, произошло въ Римѣ поднятіе богатыхъ плебеевъ въ высшіе классы, характеризующее такъ-называемое устройство Сервія Туллія. Въ древнѣйшій, слѣдовательно, періодъ римской исторіи, въ періодъ царей, уже произошло это движеніе лучшихъ, т. е. богатѣйшихъ плебеевъ въ верхніе ряды, произошло уравненіе. Это уравненіе относится къ царствованію предпослѣдняго царя, и потому понятно, почему сверженіе послѣдняго царя, Тарквинія Гордаго, совершилось такъ легко, не встрѣтило сопротивленія въ плебеяхъ, которые были лишены своихъ представителей, лучшихъ, богатѣйшихъ людей, довольныхъ своимъ положеніемъ, не нуждавшихся въ дальнѣйшемъ движеніи, имѣвшемъ совершаться съ помощію царя. Кромѣ того, согласіе плебеевъ на переворотъ было обезпечено тѣмъ, что при изгнаніи Тарквинія, лучшіе, т. е богатѣйшіе изъ нихъ были приняты въ число сенаторовъ, хотя бы и съ названіемъ *приписныхъ* (conscripti), но это нисколько не умаляло ихъ значенія. Такимъ образомъ, знатность и богатство сосредоточивались теперь у патиціевъ, которые представили настоящую аристократію, лучшихъ людей; понятно, почему теперь попытки къ возстановленію царской власти не удались, и Брутъ долженъ былъ удовольствоваться консульствомъ и казнить собственныхъ сыновей. Наконецъ, не должно забывать прилива новой силы къ патриціямъ: въ Римъ переселился могущественный сабинскій родоначальникъ съ цѣлымъ родомъ своимъ, Аппій-Клавдій. Но такъ какъ въ обществахъ, объ одномъ изъ которыхъ идетъ рѣчь, сильный родъ обыкновенно обростаетъ, такъ сказать, людьми, не связанными кровными узами, но вошедшими извнѣ къ членамъ рода въ болѣе или менѣе подчиненныя отношенія, закладниками, захребетниками или, какъ они назывались въ Италіи, кліентами, то Аппій-Клавдій привелъ около 5,000 людей, способныхъ носить оружіе.

Такимъ образомъ, Римъ въ началѣ республики представляетъ намъ наверху патриціевъ, т. е. знатныхъ и богатыхъ людей, внизу—плебеевъ, т. е. худородныхъ и бѣдныхъ людей, и борьба, знаменитая борьба между патриціями и плебеями, начинается вовсе не стремленіемъ плебеевъ къ уравненію въ правахъ съ патриціями, но столкновеніями богатыхъ съ бѣдными, заимодавцевъ съ должниками: бѣднякамъ не до уравненія правъ,—имъ нужно только обезпечить себя отъ рабства. Плебеи были совершенно свободные люди и землевладѣльцы. Но относительно землевладѣнія различіе между ними или, по крайней мѣрѣ, многими изъ нихъ въ началѣ республики, и патриціями, состояло въ томъ, что плебеи, какъ бѣднѣйшіе, не имѣли средствъ ни увеличивать своей земельной собственности, ни обработывать землю посредствомъ рабовъ, что могли дѣлать богатые люди; а богатство въ описываемое время было сосредоточено въ рукахъ патриціевъ, которые могли занимать и часть публичной или государственной земли (ager publicus), ибо имѣли средства ее воздѣлывать: одного права, которое они себѣ при-

своили, права занимать государственныя земли, было бы недостаточно безъ средствъ пользоваться этимъ правомъ. Плебеи если бы даже и имѣли это право, то имъ не для чего было брать государственныя земли, ибо они не имѣли средствъ къ ихъ обработкѣ. А тутъ военная служба: плебей со взрослыми сыновьями самъ обработываетъ свою землю, и долженъ покинуть земледѣльческія занятія при объявленіи войны, долженъ выступить съ походъ со взрослыми сыновьями, вооруженный, и содержать себя во время похода; земля остается необработанною; чѣмъ же кормить и платить подать?—необходимо входить въ долги. Деньги можно занять только у людей богатыхъ, т.-е у патриціевъ, которые не бѣднѣли отъ войны, ибо земли ихъ обработывались рабами и за пользованіе государственными землями они не платятъ податей. Патрицій дастъ денегъ въ-займы плебею, но возьметъ $8^1/_2$ процентовъ; не будетъ должникъ въ состояніи выплатить денегъ—обращается въ рабство. Скоро положеніе плебеевъ, изъ которыхъ многимъ, если не большинству, рано или поздно грозило рабство, сдѣлалось невыносимо; которые оставались на свободѣ, имѣли средства содержать себя и платить долги,—у тѣхъ родственники томились въ рабствѣ. Отъ заимодавцевъ ничего ждать пощады: это не только богатые люди, это люди знатные, стремящіеся замкнуться въ заколдованный кругъ, куда никто снизу не долженъ прорываться, которые захватили себѣ всѣ права, которые считаютъ всѣхъ не-своихъ другими людьми или даже не людьми, и потому не могутъ имѣть къ нимъ сочувствія, состраданія. Люди, которые недавно попали въ патриціи, разумѣется, должны были относиться къ плебеямъ хуже старыхъ патриціевъ, чтобъ заставить забыть о своемъ происхожденіи, тѣмъ болѣе-что они-то, вышедшіе въ знать по богатству, и должны были составлять наибольшее число заимодавцевъ. Наконецъ состраданіе, нежеланіе пользоваться своимъ правомъ во всей строгости было опасно для патриція: оно возбуждало подозрѣніе, что патрицій желаетъ снискать расположеніе бѣдныхъ, толпы, для своихъ властолюбивыхъ цѣлей, для возстановленія царскаго достоинства. Итакъ, бѣднымъ плебеямъ нѣтъ выхода спокойнаго, естественнаго; въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ или къ возстанію, или къ бѣгству; плебеи выбираютъ послѣднее, и цѣлою массою, въ 18,000 человѣкъ, выходятъ изъ города. Патриціи должны идти на сдѣлку и согласиться на установленіе плебейскихъ защитниковъ, или трибуновъ, которые однимъ словомъ: «запрещаю» (veto) могли останавливать сенатское рѣшеніе или консульскій приговоръ, враждебные плебейскимъ интересамъ, и, если бы патриціи не обратили вниманія на ихъ запретъ, отказывать, со стороны плебеевъ, въ платежѣ податей и въ военной службѣ.

При этомъ установленіи плебейскихъ трибуновъ мы не видимъ стремленія плебеевъ къ уравненію правъ, не видимъ стремленія установить новый порядокъ вещей, новые законы, которые были бы благопріятны для бѣдныхъ плебеевъ, для должниковъ. Мы видимъ только поднятіе изъ среды плебеевъ нѣсколькихъ лицъ—пяти, десяти, которымъ поручается охрана плебейскихъ интересовъ, причёмъ они должны дѣйствовать, руководясь своимъ крайнимъ разумѣніемъ, не имѣя никакого правила, никакого закона, никакого наказа. Этотъ личный, такъ-сказать, характеръ трибунства ведетъ необходимо къ мысли, что все дѣло сдѣлалось подъ вліяніемъ извѣстныхъ лицъ. Общія выраженія: борьба патриціевъ съ плебеями, угнетеніе плебеевъ, бѣдныхъ, должниковъ патриціями, богатыми, заимодавцами,—эти общія выраженія не должны отвлекать наше вниманіе отъ подробностей, необходимыхъ по естественному закому явленій. Какъ не всѣ патриціи были богаты, такъ не всѣ плебеи были бѣдняки, задолжавшіе патриціямъ. У патриціевъ неравенство личное и имущественное сглаживалось равенствомъ правъ, общими интересами, участіемъ въ правленіи, широкостію горизонта, какъ необходимымъ слѣдствіемъ этого участія: отсюда извѣстное сходство между членами патриціанскаго круга,—сходство, присущее обыкновенно аристократіи, сплоченность между ея членами, возможная уже по самой немногочисленности ихъ, равенство и стремленіе поддержать это равенство противъ стремленія отдѣльныхъ лицъ къ первенству, къ господству. Въ многочисленнѣйшихъ низшихъ рядахъ, среди плебеевъ, другое: здѣсь изъ толпы людей бѣдныхъ, притѣсненныхъ, заботящихся только объ удовлетвореніи первыхъ потребностей, о хлѣбѣ насущномъ, выдѣляются люди достаточные, обезпеченные относительно первыхъ потребностей и естественно стремящіеся къ удовлетворенію другихъ, новыхъ потребностей, стремящіеся къ большему значенію, къ болѣе широкой дѣятельности. Это стремленіе усиливается междоумочностью ихъ положенія; равенство между ними и собратіями ихъ исчезло вслѣдствіе неравенства имущественнаго; а плебейское равенство безправія, конечно, не могло успокоить богатыхъ плебеевъ; они естественно должны были стремиться къ уравненію правъ, къ возможности войти въ высшіе ряды, получить большее значеніе; самое простое средство для этого—сдѣлаться оффиціальными представителями плебеевъ, охранителями ихъ интересовъ, ихъ вождями. Такое значеніе имѣли трибуны, въ которые естественно выбирались самые представительные люди, самые богатые и самые способные. Патриціи очень хорошо поняли характеръ явленія, поняли, что Римъ нажилъ себѣ пять, десять демагоговъ, изъ среды которыхъ легко могли явиться тиранны, и дѣйствительно трибунатъ заключалъ въ зародышѣ имперію: отсюда вѣчное безпокойство и волненіе патриціевъ, ненависть ихъ къ учрежденію плебейскаго трибуната, стремленіе уничтожить его. Разумѣется, значительное количество плебейскихъ трибуновъ (пять,

десять) было выгодно для патриціевъ, давая возможность улаживаться съ одними противъ другихъ; не говоря уже о подкупѣ матеріальными средствами, между трибунами естественны были соперничество, зависть и вражда за вліяніе; притомъ плебею бываетъ всегда такъ пріятно, когда знатные люди за нимъ ухаживаютъ. Наконецъ, не имѣемъ никакого права предполагать, чтобъ всѣ тѣ трибуны, которые не поддерживали своихъ собратій въ борьбѣ съ патриціями, были непремѣнно такъ или иначе подкуплены и, вообще, дѣйствовали по дурнымъ побужденіямъ: они могли дѣйствовать по личному характеру своему и по убѣжденію, что такой товарищъ, или такіе товарищи ихъ безъ нужды волнуютъ народъ. Если патриціи видѣли въ томъ или другомъ безпокойномъ трибунѣ демагога, будущаго тиранна, то и нѣкоторые плебеи, трибуны, ревностные прежде всего къ свободѣ, могли смотрѣть точно такъ-же. Но что могло быть всего хуже для патриціевъ, такъ это то, что это новое могущество, это соблазнительное указаніе на возможность волновать толпу и достигать извѣстныхъ цѣлей могли подѣйствовать на самихъ патриціевъ и выставить изъ ихъ собственной среды демагоговъ, которые найдутъ такія средства для пріобрѣтенія популярности, какія не могли придти въ голову плебеямъ, воспитаннымъ въ узкости взглядовъ. Человѣкъ, наполненный патриціанскимъ духомъ, отъявленный врагъ трибуновъ и всѣхъ плебейскихъ притязаній, Коріоланъ испыталъ на себѣ силу плебеевъ: какъ бы дѣло ни было, онъ умеръ въ изгнаніи. Этотъ примѣръ Коріолана показывалъ ясно патриціямъ, что и для достиженія консульства надобно пріобрѣтать расположеніе плебеевъ, и чѣмъ большее расположеніе плебеевъ пріобрѣтетъ какой-нибудь патрицій, тѣмъ большаго значенія могъ достигнуть, и вотъ патрицій Спурій Кассій придумываетъ самое сильное средство пріобрѣсти расположеніе плебеевъ и нанести страшный ударъ патриціямъ.

Патриціи понимали очень хорошо, что одною своею родовитостью, хотя и при религіозномъ освященіи, нельзя было долго поддерживать своего значенія, своихъ правъ; что для этого необходимы были матеріальныя средства, богатство: отсюда стремленіе захватить въ свои руки какъ можно болѣе земельной собственности. Патриціи отчасти достигали своей цѣли, отбирая у плебеевъ земли за долги; но этому помѣшало возстаніе плебеевъ и учрежденіе трибуновъ. У патриціевъ оставалось, впрочемъ, средство сосредоточивать въ своихъ рукахъ земли: это—право владѣть государственными землями, которыя постоянно увеличивались посредствомъ завоеваній. Понятно, что теперь, когда съ установленіемъ трибуната такъ уяснялись отношенія между двумя частями римскаго народонаселенія, когда патриціи должны были уже вести оборонительную войну противъ плебеевъ, имъ нельзя было нанести болѣе чувствительнаго удара, какъ посягновеніемъ на это право ихъ исключительнаго владѣнія государственнымъ полемъ (ager publicus) съ возможностью избывать платежа податей, ибо контроль былъ въ ихъ же рукахъ. И вотъ этотъ ударъ намѣревался нанести имъ ихъ же собратъ, Спурій Кассій, предложеніемъ закона объ уступкѣ части государственнаго поля плебеямъ. Спурій Кассій былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ стремленіи захватить верховную власть, и казненъ; *но ядомъ полеваго закона* (lex agraria) *уже заразились трибуны*.

Трибуны стали требовать принятія кассіева закона; но патриціи выставили сильное, непреодолимое сопротивленіе, и указали на обычное средство для бѣдныхъ и безземельныхъ пріобрѣтать земли—выводъ колоній, что было также и средствомъ для удаленія изъ общества самыхъ безпокойныхъ людей, лучшаго матеріала для трибунскихъ поджоговъ. Но здѣсь, разумѣется, мы не должны упускать изъ вниманія этого любопытнаго явленія, что полевой законъ не прошелъ. Положимъ, что патриціи отчаянно противились, но мы знаемъ, что плебеи умѣли побѣждать сопротивленіе патриціевъ не только когда имъ становилось нестерпимо, какъ въ двухъ случаяхъ удаленія изъ Рима, но и въ проведеніи всѣхъ другихъ законовъ, уравнивавшихъ положеніе обѣихъ частей народонаселенія. Изъ этого имѣемъ полное право заключать, что полевой законъ не былъ очень нуженъ плебеямъ, т.-е. другими словами, ихъ матеріальное положеніе не было дурно. Гораздо сильнѣе, какъ видно, была потребность въ писанномъ законѣ, и эта потребность была удовлетворена. Мы знакомы съ обычаемъ древнихъ обществъ, соблюдавшимся въ подобныхъ случаяхъ: въ Спартѣ, въ Аѳинахъ поручалось написаніе законовъ одному; въ Римѣ поручили десяти, давши имъ неограниченную власть, съ упраздненіемъ всѣхъ другихъ властей. Но и это раздѣленіе властей между десятью не спасло отъ преобладанія одного и злоупотребленій съ его стороны, что повело къ сильному волненію, ко второму удаленію плебеевъ изъ Рима и къ возстановленію прежняго государственнаго устройства съ консулами и трибунами; изъ этой смуты, впрочемъ, Римъ вынесъ законы XII таблицъ. Потомъ мы видимъ проведеніе Канулеева закона, по которому браки между патриціями и плебеями становились законными; рушилась, слѣдовательно, кастовая преграда между двумя частями народонаселенія, основанная на религіи,—плебеи перестали считаться погаными, безродными и потому безбожными. Возможность проведенія этого закона показываетъ намъ образованіе многочисленной и богатой плебейской аристократіи, съ которою выгодно было родниться. Кромѣ того, родовое и религіозное основаніе могло имѣть большую силу вначалѣ, когда безродность плебея была въ свѣжей памяти, но должно было ослабѣвать съ теченіемъ времени, когда и плебей забывалъ время поселенія своего предка въ Римѣ: такъ оно было отдаленно, и

культъ общихъ божествъ необходимо ослаблялъ культъ божествъ родовыхъ. Родовое и религіозное основаніе если и не исчезло, то съ теченіемъ времени должно было уступить въ силѣ основаніямъ политическимъ, а послѣднія доступны для сдѣлокъ. Кто могъ настоять на проведеніи Кунадеева закона?—Самая богатая и потому знатная часть плебейскаго народонаселенія съ трибунами, избранными, разумѣется, изъ нея же. Но она не настояла бы, еслибъ сопротивленіе патриціевъ было дружно, еслибъ въ ихъ рядахъ не было людей, благопріятствующихъ закону; испугать же патриціевъ третьимъ удаленіемъ плебеевъ изъ города было нельзя: масса плебеевъ не удалилась бы изъ-за Канулеева закона, который до нея не касался, ибо и не для нея было право равнаго брака съ патриціями, а только для людей, находящихся наверху, подлѣ патриціевъ. Получивъ право брака, этому верхнему слою плебеевъ послѣдовательно было требовать консульства, и непослѣдовательно было со стороны патриціевъ выставлять препятствія этому требованію; но тутъ дѣло шло не о родовомъ и религіозномъ основаніи, а о привилегіи, которою пользовалось ограниченное число фамилій, и которую нужно было раздѣлить съ другими фамиліями. Дѣлать было однако нечего; надобно было идти на уступки, на сдѣлки; въ высшихъ рядахъ плебеевъ были такіе богачи, которые могли кормить цѣлый городъ во время голода; лучше было допустить такихъ людей къ правленію, чѣмъ дожидаться, когда они станутъ кормить народъ, и имѣть съ ними тогда дѣло на площади. Замаскировали лишеніе привилегій отмѣною консуловъ и установленіемъ военныхъ трибуновъ съ консульскою властью; потомъ установили цензоровъ, которые могли избираться только изъ патриціевъ. Впрочемъ, сначала напрасно много безпокоились; плебеи выбирали въ военные трибуны патриціевъ, а не плебеевъ. Выставляютъ скромность плебеевъ въ этомъ случаѣ. Но взглянемъ проще на дѣло: нѣтъ никакого основанія предполагать между массою плебеевъ и людьми, выскочившими изъ нихъ наверхъ, той сословной сплоченности, того единства интересовъ, какое обыкновенно существуетъ въ высшемъ сословіи, въ аристократіи. Здѣсь это возможно, благодаря малочисленности членовъ и относительному равенству между ними; тамъ—невозможно по самой многочисленности членовъ. Люди, выдѣлившіеся изъ массы плебеевъ по богатству и стремившіеся войти въ правительственные ряды, были такъ же чужды остальнымъ плебеямъ, какъ и патриціи; въ послѣднихъ уважали наслѣдственную правительственную опытность и выбирали ихъ, плебея обходили свои же, по нерасположенію къ выскочкѣ, по неуваженію къ человѣку, отличавшемуся преимущественно только своимъ богатствомъ. Положеніе большинства плебеевъ объясняется также слѣдующимъ происшествіемъ: въ 439 году, во время страшнаго голода, богатый плебей, Спурій Мэлій, скупалъ хлѣбъ, продавалъ по дешевой цѣнѣ, а бѣднымъ раздавалъ и даромъ. Явилось обвиненіе, что Мэлій стремится къ захвату верховной власти; что въ его домѣ происходятъ тайныя сборища; что приготовлено оружіе, наняты воины и подкупленные трибуны будутъ дѣйствовать противъ свободы. Сенатъ поспѣшно назначаетъ диктатора (знаменитаго Цинцинната), и главный исполнитель диктаторскихъ распоряженій, начальникъ конницы, нападаетъ на Мэлія на площади и убиваетъ его. Плебеямъ раздается безденежно хлѣбъ изъ житницъ убитаго, и они остаются спокойными. Теперь изъ извѣстныхъ намъ главныхъ событій такъ-называемой борьбы плебеевъ съ патриціями мы имѣемъ возможность вывести заключеніе, когда именно затрогивались существенные интересы цѣлаго плебейства;—это было только два раза: предъ установленіемъ трибуновъ и предъ уничтоженіемъ децемвирата, когда всѣ плебеи вставали какъ одинъ человѣкъ и рѣшались оставить Римъ; въ остальномъ же мы должны разумѣть борьбу верхняго слоя плебеевъ, богатѣйшихъ и виднѣйшихъ изъ нихъ, которые хотѣли получить одинакія права съ патриціями. Дважды правительство, т.-е. патриціи, раздѣлывается энергически съ людьми, обвиненными въ исканіи популярности, съ Спуріемъ Кассіемъ и Мэліемъ,—и плебеи остаются спокойными, даже во второмъ случаѣ, когда умертвили ея кормильца. Эта странность должна вести также къ заключенію, что на обвиненіе, выставленное сенатомъ противъ обоихъ названныхъ лицъ, едвали мы имѣемъ право смотрѣть какъ на клевету, изобрѣтенную патриціями для ихъ погубленія.

Послѣ галльскаго разоренья, опять жалобы должниковъ на жестокость заимодавцевъ; но третьяго ухода плебеевъ изъ Рима не видимъ, изъ чего заключаемъ, что бѣда не была такъ велика, какъ прежде. И при этомъ случаѣ встрѣчаемся съ знакомымъ явленіемъ: одинъ изъ патриціевъ, знаменитый своими заслугами, Манлій, становится чрезвычайно популярнымъ, выкупая собственными средствами должниковъ, клянясь, что пока у него есть пядь земли, до тѣхъ поръ не позволитъ, чтобъ римлянина взяли въ кабалу за долги. Манлій погибъ, подобно Кассію и Мэлію, обвиненный въ государственной измѣнѣ. И опять не было ухода плебеевъ изъ Рима: или масса была равнодушна, или вожаки не считали Манліева дѣла своимъ Другое дѣло, когда два трибуна, Лициній Столонъ и Люцій Секстій, потребовали, чтобъ возстановлено было консульство, и одинъ изъ консуловъ долженъ быть изъ плебеевъ. Къ этому требованію, важному для немногихъ, было присоединено другое: ограничивалось количество земли, какое можно было занимать изъ общественнаго поля, остальная часть котораго долженствовала быть раздѣленною на небольшіе участки и розданною плебеямъ въ собственность. Наконецъ трибуны требовали смягченія долговыхъ обязательствъ. Два послѣднія требованія были такъ важны для большинства, что три-

буны могли смѣло надѣяться на его поддержку, и дѣйствительно были поддержаны; но при этомъ они сумѣли настоять, чтобъ всѣ требованія были нераздѣльны, и такимъ образомъ одержали полную побѣду. Естественно было вождямъ побѣдителей первымъ воспользоваться плодами побѣды, и Люцій Секстій выбранъ былъ въ консулы; что же касается товарища его, Лицинія Столона, то онъ былъ осужденъ за нарушеніе собственнаго закона, т. е. за занятіе лишней казенной земли.

Послѣ допущенія плебеевъ къ консульству допущеніе ихъ ко всѣмъ другимъ должностямъ послѣдовало скоро; послѣдовало уравненіе въ правахъ, исчезли патриціи и плебеи въ Римѣ. Дѣло произошло такимъ образомъ:—существовали одна подлѣ другой двѣ части народонаселенія: привилегированная, имѣвшая исключительное право на занятіе правительственныхъ должностей, и непривилегированная. Въ старыя времена пополненію, поддержанію силъ первой содѣйствовали противъ ея воли, цари, вводившіе въ сенатъ новыхъ членовъ изъ плебеевъ; тотчасъ послѣ изгнанія царей нужда заставила сдѣлать это и самихъ патриціевъ; плебей, разъ сдѣлавшись однимъ изъ *отцовъ*, т. е. сенаторомъ (pater), тѣмъ самымъ необходимо становился родоначальникомъ *отецкихъ дѣтей*, патриціевъ. Но потомъ патриціи, по естественной неохотѣ, укрѣпляемой религіозно-родовыми представленіями, перестали употреблять это средство, снимать сливки плебейскаго общества къ себѣ въ сенатъ, и этимъ заставили верхній слой плебейскаго общества стремиться туда силою. Это стремленіе увеличивалось постепенно вмѣстѣ съ увеличеніемъ средствъ плебеевъ, т. е. вмѣстѣ съ умноженіемъ среди нихъ числа богатыхъ и наиболѣе готовыхъ къ правительственной дѣятельности людей, которые не могли оставаться покойны, видя себя осужденными на бездѣйствіе, на роль избирателей и никогда избираемыхъ. Побѣда этого верхняго слоя плебеевъ показываетъ намъ, что на ихъ сторонѣ были большія средства, средства, постоянно увеличивавшіяся, а на сторонѣ патриціевъ средствъ было меньше, и если даже они увеличивались, то не въ одинаковой пропорціи съ средствами противниковъ. Мы уже показали, что подъ этими средствами не должно разумѣть одного численнаго большинства плебеевъ.

Съ уравненіемъ правъ обѣихъ частей римскаго народонаселенія, правительство римское получило возможность черпать силы изъ двухъ источниковъ: потому неудивительно, что мы видимъ такое блестящее проявленіе этихъ силъ. Но подъ этимъ блескомъ, при этомъ распространеніи римскаго владычества на весь извѣстный тогда свѣтъ, мы уже замѣчаемъ признаки ослабленія, упадка нравственныхъ силъ и вмѣстѣ древнихъ формъ жизни. Какія же были причины этого явленія?

Мы видѣли, что борьба между патриціями и плебеями была искони борьба между началами родовымъ и дружиннымъ или личнымъ. Родовое начало съ своимъ религіознымъ цементомъ держалось крѣпко и долго; самая борьба съ плебеями, это постоянное пребываніе подлѣ враждебнаго лагеря, условливала крѣпость патриціанской общины, сомкнутость, единодушіе ея членовъ, вѣрность своему началу: отсюда строгость этого начала, строгость отцовской власти, проявлявшаяся такъ рѣзко въ извѣстныхъ случаяхъ; отсюда та строгая дисциплина, которою была проникнута жизнь римлянъ и которая дала имъ господство надъ народами. Эта дисциплина необходимо условливала нравственную силу, нравственное вліяніе; въ частыхъ столкновеніяхъ, волненіяхъ, борьбѣ, самое сильное возстаніе плебеевъ противъ патриціевъ ограничивалось рѣшеніемъ уйти изъ города; патриціи казнятъ людей, дѣйствовавшихъ въ пользу плебеевъ, и послѣдніе остаются покойны. Но съ теченіемъ времени плебеи все болѣе и болѣе берутъ верхъ въ борьбѣ, получаютъ право брака съ патриціанскими семействами, получаютъ уравненіе правъ относительно занятія правительственныхъ должностей и поэтому самому мѣсто въ сенатѣ. Не забудемъ, что торжество плебеевъ было торжествомъ личнаго начала надъ родовымъ и вело необходимо къ сильнѣйшему развитію личности. Мы видѣли, что плебеи, стоявшіе наверху и толкавшіеся первыми въ двери завѣтнаго святилища, не могли имѣть такого отношенія къ своей общинѣ, какое патриціи имѣли къ своей, по многочисленности и неравенству плебеевъ: слѣдовательно въ стремленіяхъ этихъ передовыхъ плебеевъ необходимо преслѣдовались преимущественно личныя цѣли. Съ привычкою къ этимъ личнымъ стремленіямъ, къ плебейской широтѣ и безсвязности явились знатные плебеи наверху, на правительственныхъ мѣстахъ и въ сенатѣ; при этомъ не забудемъ также одного, чрезвычайно важнаго обстоятельства: вмѣстѣ съ ударомъ родовому началу подкапывалось и начало религіозное, служившее ему основаніемъ; особенное значеніе здѣсь имѣло право брака между патриціями и плебеями. Отсюда уже будетъ понятно если не появленіе, то усиленіе демагогическихъ стремленій, кончившихся явленіемъ цезарей. Но должно обратить вниманіе и на другія обстоятельства. Послѣ торжества надъ карѳагенянами Римъ сталъ всемогущъ: народы извѣстной тогда Европы, Азіи и Африки одинъ за другимъ подчинялись ему; сфера римлянина чрезвычайно расширилась, и онъ долженъ былъ выдержать натискъ множества чуждыхъ явленій и понятій; борьба съ ними была не такъ легка, какъ матеріальная борьба съ Аннибалами, Митридатами и Антіохами, особенно когда пришлось вести дѣло съ народомъ, представителемъ тогдашней европейской цивилизаціи,—съ греками. Несмотря на отчаянную борьбу охранителей съ греческимъ вліяніемъ, послѣднее восторжествовало, и завоеванная Греція подчинила себѣ завоевательный Римъ. Знакомство съ разными толками греческой философіи подорвало вѣру во все то, чему прежде вѣрилось, что считалось священнымъ и по-

тому неприкосновеннымъ. Сомнѣніе начало свою разрушительную работу, а для созданія новаго, лучшаго порядка вещей не было матеріала. Прежде равенство между членами правительственныхъ, патриціанскихъ фамилій поддерживалось узкостью сферы, малочисленностью отношеній, отсутствіемъ образованія. Теперь, съ расширеніемъ сферы дѣятельности въ трехъ частяхъ свѣта, съ усложненіемъ отношеній открылось гораздо болѣе простора для развитія личныхъ способностей, особенно когда это самое расширеніе сферы и усложненіе отношеній потребовали научнаго приготовленія, развивавшаго мысль, давшаго ей силу, смѣлость и дерзость. Человѣкъ, приготовленный такимъ образомъ, легко выдѣлялся изъ среды своихъ собратій, не сдерживался уваженіемъ къ существующему, которое въ его глазахъ было результатомъ варварскаго прошедшаго, не сдерживался никакимъ уваженіемъ къ людямъ, которые въ его глазахъ проповѣдывали безсмысленное поддержаніе старины. Такъ могъ относиться къ существующему порядку и человѣкъ, который не руководился своекорыстными цѣлями; тѣмъ болѣе относился такъ человѣкъ, который имѣлъ въ виду получить господство или, по крайней мѣрѣ, видное и выгодное участіе въ правительствѣ. Наконецъ, должно всегда обращать вниманіе на взаимнодѣйствіе внутренней и внѣшней жизни народа, государства. Когда римляне жили въ постоянной борьбѣ съ чужими народами, въ постоянномъ опасеніи отъ нихъ, то это возбуждало ихъ энергію, развивало ихъ силы и обнаруживало вліяніе и на внутреннюю борьбу, умѣряя ея крайности, принуждая къ сдѣлкамъ. Но потомъ, съ прекращеніемъ внутренняго движенія, борьбы между патриціями и плебеями, прекращается и трудная, по крайней мѣрѣ близкая борьба внѣшняя; Римъ не имѣетъ болѣе соперниковъ, силы его вслѣдствіе того не натягиваются болѣе, какъ прежде; нѣтъ болѣе тѣхъ важныхъ вопросовъ, тѣхъ трудныхъ положеній, которые необходимо у народовъ выставляютъ общее дѣло на первый планъ и такимъ образомъ сдерживаютъ частные интересы. Римъ сталъ празденъ, ему нечего было больше дѣлать. Ставши владыкою тогдашней вселенной, онъ очутился въ одиночествѣ и праздности,—а праздность есть мать всѣхъ пороковъ, т.-е., относительно цѣлыхъ народовъ, съ исчезновеніемъ важныхъ общихъ вопросовъ, частные интересы начинаютъ господствовать, нарушается необходимое для народной жизни равновѣсіе между частными и общими интересами: отсюда застой, развратъ, паденіе. Крѣпость и долгоденствіе новыхъ европейскихъ народовъ зависятъ отъ ихъ жизни въ обществѣ равносильныхъ народовъ, причемъ вопросы о силѣ, значеніи и безопасности государственной постоянно возбуждаются и сдерживаютъ стремленіе частныхъ интересовъ къ господству; отсюда страхъ предъ всемірною монархіею, прекращающею жизнь народовъ въ обществѣ и потому прекращающею и внутреннее развитіе народной жизни; отсюда стремленіе къ поддержанію такъ-называемаго политическаго равновѣсія, которое было неизвѣстно древнему міру. Римъ, ставши всемірнымъ государствомъ, естественно подвергался застою, гніенію: отсюда недовольство и требованіе съ одной стороны строгаго охраненія славной и здоровой старины, съ другой—требованіе преобразованія для возстановленія больнаго организма, и, наконецъ, съ третьей стороны—стремленіе къ захвату верховной власти.

Борьба между патриціями и плебеями кончилась, послѣдовало уравненіе правъ, каждый гражданинъ получилъ возможность достигать высшихъ правительственныхъ мѣстъ и сенаторства. Могли быть жалобы на злоупотребленія тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ, на составъ сената; но противъ злоупотребленія правительственныхъ лицъ и сената были средства въ самой конституціи—цензура нравовъ, а главное—правительственныя лица избирались народомъ, слѣдовательно вся отвѣтственность падала на эти выборы: недостоинство избираемыхъ могло обличать только недостоинство избирателей. Указываютъ на это недостоинство; указываютъ, что количество гражданъ, владѣвшихъ небольшими участками земли, чрезвычайно уменьшилось; которые оставались,—тѣ не присутствовали на выборахъ по отдаленности и будучи заняты сельскими работами: выборы зависѣли, слѣдовательно, отъ римскаго городскаго народонаселенія, состоявшаго теперь изъ обѣднѣвшихъ безземельныхъ гражданъ, лишенныхъ бѣдностію независимаго положенія, изъ кліентовъ, вольноотпущенныхъ и пришельцевъ, людей зависимыхъ и доступныхъ подкупу. Такъ какъ теперь правительственныя мѣста, кромѣ чести и обязанности, стали еще очень выгодны, то для достиженія ихъ люди со средствами не щадили издержекъ, въ надеждѣ вознаградить ихъ съ барышемъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе подкупа, выборъ могъ пасть на людей недостойныхъ. Итакъ, весь вопросъ заключался въ исправленіи системы выборовъ, и здѣсь прежде всего представлялась необходимость увеличить число независимыхъ избирателей. Таковыми могли быть владѣльцы мелкихъ земельныхъ участковъ, которые исчезали. Жалуются на богатыхъ землевладѣльцевъ, что они захватывали мелкіе участки бѣдныхъ землевладѣльцевъ; но любопытно, что ни одинъ примѣръ подобнаго захвата не вызвалъ народнаго волненія, никто не заступался за несчастнаго, лишеннаго своей земли:—ни человѣкъ, руководящійся чувствомъ справедливости, ни агитаторъ, который искалъ удобнаго случая волновать народъ. Дѣло объясняется легче: во-первыхъ, Аннибалова война сильно опустошила Италію; потомъ мы видимъ, что число гражданъ увеличивается, но при этомъ мы не знаемъ отношенія римскаго городскаго народонаселенія къ сельскому, и имѣемъ право предполагать, что увеличеніе произошло въ городскомъ населеніи, ибо въ Римѣ, вслѣдствіе его положенія, какъ столицы міра, стекались удобства и украшенія жизни, удобство всякаго рода про-

мысла. Послѣдующее же уменьшеніе числа гражданъ съ 600-го года должно приписать вліянію жизни въ большомъ городѣ, ослабленію сельской жизни. Вслѣдствіе распространенія римскихъ владѣній, вслѣдствіе присоединенія Сициліи, громадный привозъ хлѣба такъ удешевилъ этотъ товаръ, что заниматься хлѣбопашествомъ въ Италіи въ малыхъ размѣрахъ и вольнымъ трудомъ стало невыгодно, и мелкіе землевладѣльцы продавали свои участки богатымъ, вѣроятно даже за дешевую цѣну, и переселялись въ Римъ, чтобъ сдѣлать изъ своихъ денегъ болѣе выгодное употребленіе. Вслѣдствіе того, что Римъ дѣлался столицею міра, денежные обороты въ немъ чрезвычайно усилились, и образовался классъ богачей, занимавшихся этими оборотами, такъ-называемые всадники, денежная аристократія, которая стояла подлѣ землевладѣльческой аристократіи и часто вступала съ нею въ состязаніе относительно извѣстныхъ государственныхъ отправленій. *Воздѣлываніе* денегъ стало на первомъ планѣ, отстраняя воздѣлываніе земли. Римляне съ страстію предались этому новому воздѣлыванію; знаменитый республиканецъ Брутъ былъ страшный ростовщикъ.

Но такъ какъ настоящее представляло печальныя явленія, то естественно являлся страхъ за будущее и сожалѣніе о прошедшемъ. Кидалась въ глаза эта революція, вслѣдствіе которой движимое, деньги взяли верхъ, и древній землевладѣльческій характеръ Рима измѣнился. Естественно было родиться убѣжденію, что такъ какъ прежде республика была крѣпче, нравы чище, то это было тѣсно связано съ господствомъ земледѣлія, а настоящая порча нравовъ и неправильность государственныхъ отправленій находятся въ тѣсной связи съ упадкомъ земледѣлія, съ уменьшеніемъ числа свободныхъ земледѣльцевъ, съ увеличеніемъ городскаго народонаселенія, съ господствомъ денегъ. Слѣдовательно, чтобъ укрѣпить республику, очистить нравы, необходимо возвратиться къ старинѣ, поднять земледѣліе, увеличить число свободныхъ земледѣльцевъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Было узаконено, что землевладѣлецъ обязанъ употреблять извѣстное число свободныхъ работниковъ, пропорціонально числу рабовъ. По порученію правительства, переведено было на латинскій языкъ кареагенское сочиненіе о земледѣліи. Наконецъ, для увеличенія числа мелкихъ землевладѣльцевъ, вспомнили объ аграрномъ законѣ. Но при такомъ порядкѣ вещей, когда мелкое землевладѣніе было невыгодно, къ какимъ результатамъ могла повести попытка искусственнымъ образомъ создать классъ мелкихъ землевладѣльцевъ посредствомъ стараго «трибунскаго яда»—аграрнаго закона? Встарину аграрный законъ имѣлъ смыслъ уже и потому, что вполнѣ соотвѣтствовалъ общему стремленію къ уравненію правъ патриціевъ и плебеевъ: зачѣмъ одни патриціи имѣли право пользоваться государственною землею, а плебеи не имѣли. Но теперь, когда уравненіе правъ послѣдовало и когда являлось только различіе между богатыми и бѣдными; когда давность пользованія изгладила границы между частною и государственною собственностью: то аграрный законъ являлся грабежемъ для однихъ, но удовлетворялъ ли другихъ, если, по извѣстнымъ условіямъ, мелкое землевладѣніе было невыгодно? Зло было велико: Римъ наполнился людьми, которые были заражены пороками, господствующими между народонаселеніемъ большихъ городовъ, людьми зависимыми, а между тѣмъ эти люди были избирателями. Понятно, что людямъ благонамѣреннымъ хотѣлось возвратиться къ старинѣ, усилить число избирателей независимыхъ, отличавшихся большею простотою и чистотою нравовъ; но противъ болѣзни было ли выбрано лѣкарство дѣйствительное?—это другой вопросъ. Аграрный законъ былъ потребованъ знаменитымъ трибуномъ Тиберіемъ Гракхомъ, котораго мы не будемъ обвинять въ демагогическихъ стремленіяхъ; онъ могъ желать уничтоженія пролетаріата между римскими гражданами, хотѣлъ дать земельную собственность людямъ, ея лишеннымъ, и, вмѣстѣ, средство завестись хозяйствомъ, ибо вмѣстѣ съ надѣломъ землею требовалъ раздѣленія между бѣдными наслѣдства Пергамскаго царя Аттала. Какъ видно, онъ предвидѣлъ, что у мелкаго землевладѣльца будетъ сильное побужденіе продать свой участокъ крупному, и потому требовалъ раздѣленія государственныхъ земель не въ собственность, а только въ пользованіе безъ права отчужденія, хотя при этомъ является опять неотвязчивый вопросъ: гдѣ же было обезпеченіе въ выгодѣ владѣнія мелкимъ участкомъ? Что же касается выборовъ и вообще рѣшенія дѣлъ болѣе чистыми и независимыми людьми, то въ дѣлѣ Тиберія Гракха есть любопытное указаніе. Говорятъ, что сельское народонаселеніе было за него, а городское не было очень расположено ни къ его лицу, ни къ его планамъ, что и было причиной его гибели, ибо въ рѣшительную минуту сельское народонаселеніе не явилось въ Римъ, будучи задержано земледѣльческими работами: слѣдовательно, не было выгоды увеличивать количество мелкихъ землевладѣльцевъ въ видахъ болѣе правильнаго рѣшенія дѣлъ и болѣе правильныхъ, независимыхъ выборовъ; во время земледѣльческихъ работъ они бы не явились въ Римъ, какъ бы ни важно было рѣшаемое тамъ дѣло. Каковы бы ни были цѣли Тиберія Гракха, но онъ, чтобъ сломить противодѣйствіе, повелъ дѣло такъ насильственно, съ такимъ презреніемъ закона, что могъ возбудить сильное подозрѣніе въ намѣреніи измѣнить существующій порядокъ, захватить верховную власть и дать противникамъ благовидный предлогъ дѣйствовать противъ него, какъ противъ врага республики. Тиберій Гракхъ имѣлъ участь перваго изобрѣтателя полеваго закона, Спурія Кассія. Народъ и теперь не защитилъ своего трибуна, какъ прежде не защитилъ ни одного изъ тѣхъ людей, которые хотѣли дѣйствовать въ его пользу. Любопытно, что смерть Тиберія Гракха

не остановила дѣла о раздѣлѣ государственныхъ земель, за которыя стояли другіе сильные люди, не могшіе быть заподозрѣнными въ стремленіи къ верховной власти. Мы уже говорили, что многіе, смотрѣвшіе съ безпокойствомъ на настоящее и будущее Рима и имѣвшіе свои идеалы назади, въ прошедшемъ, считали аграрный законъ якоремъ спасенія, ибо онъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ возстановить прежнія отношенія, возвратить прежнюю простоту и чистоту нравовъ, возсоздать прежній земледѣльческій Римъ. Въ описываемое время аграрный законъ былъ знаменемъ для людей, недовольныхъ настоящимъ и тосковавшихъ по старинѣ: пастухи-рабы, которыми богачи населяли свои обширныя имѣнія, были имъ ненавистны; прогнать этихъ пастуховъ и поселить вмѣсто нихъ земледѣльцевъ—значитъ возвратить золотое старое время. Тиберій Гракхъ принадлежалъ именно къ этому кружку, къ этой школѣ, для которой аграрный законъ былъ знаменемъ; аграрный законъ не исчезъ вмѣстѣ съ Тиберіемъ Гракхомъ, ибо не былъ его личнымъ дѣломъ; онъ исчезъ вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ имъ въ условіяхъ своего настоящаго. При этомъ мы должны съ большою осторожностью употреблять выраженія: аристократическая и демократическая партія, интересы народа—въ противоположность интересамъ правительства, интересамъ богатыхъ собственниковъ: мы видимъ, что въ дѣлѣ аграрнаго закона движеніе идетъ изъ сферы правительственной, аристократической, если уже хотимъ употреблять это слово. Съ другой стороны, мы видимъ равнодушіе къ вопросу въ низшихъ слояхъ народонаселенія, въ такъ называемомъ народѣ; наконецъ, сильный протестъ противъ приведенія въ исполненіе закона встрѣчаемъ не со стороны богатыхъ собственниковъ въ Римѣ, а со стороны латинскихъ общинъ, которымъ были уступлены государственныя земли особенными договорами.

Въ исторіи республиканскаго Рима мы видимъ такимъ образомъ двѣ половины: въ первой половинѣ происходитъ борьба между патриціями и плебеями за уравненіе правъ. Послѣ прекращенія этой борьбы, послѣ уравненія правъ обѣихъ частей народонаселенія, патриціи и плебеи исчезаютъ: передъ нами правительство, въ ряды котораго имѣютъ доступъ всѣ граждане,—правительство, въ постоянной своей части представляемое преимущественно сенатомъ; правительство, которое охраняетъ существующій порядокъ, т.-е. республику, и противъ него людей, которые хотятъ нарушить этотъ порядокъ, вызывая себѣ на помощь ту или другую силу, поднимая то или другое знамя. Мы присутствуемъ при ожесточенной борьбѣ правительства съ этими людьми, которые, найдя самое дѣйствительное средство побѣды, наконецъ торжествуютъ, вслѣдствіе чего республика превращается въ имперію. Таковъ смыслъ явленій второй половины исторіи республиканскаго Рима отъ Тиберія Гракха до Октавія Августа.

Правительство боролось и низложило Тиберія Гракха не за поднятіе аграрнаго закона, ибо другихъ приверженцевъ этого закона оно не тронуло, а за насильственныя дѣйствія противъ существующаго порядка. Такъ-же погибъ въ борьбѣ и братъ Тиберія, Кай Гракхъ, который, будучи наученъ братнимъ опытомъ, что городское населеніе нейдетъ на приманку аграрнаго закона, придумалъ другое средство подѣйствительнѣе, чтобъ приманить его на свою сторону, именно—предложилъ законъ, чтобъ каждому горожанину ежемѣсячно выдавалось извѣстное количество хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ за самую ничтожную цѣну. Цѣль была достигнута; толпа пролетаріевъ постоянно окружала своего трибуна-кормильца, составляя его гвардію. Но онъ зналъ по опыту всѣхъ предшествовавшихъ агитаторовъ, что эта гвардія не выдержитъ дружнаго натиска высшихъ слоевъ, и потому онъ порознилъ всадниковъ и сенаторовъ, проведя законъ, по которому судъ отнимался отъ сенаторовъ, и присяжные должны были избираться народомъ изъ сословія всадниковъ. Этимъ закономъ, какъ выражался самъ Гракхъ, онъ бросилъ въ среду лучшихъ гражданъ мечи и кинжалы:—пусть рѣжутся! Но этой рѣзни и поддержки всадниковъ и низшихъ слоевъ римскаго народонаселенія было мало для Гракха: онъ сталъ домогаться, чтобъ латины получили полное римское гражданство, а прочіе италійскіе союзники получили бы тѣ права, которыми до сихъ поръ пользовались латины. Это домогательство возбудило негодованіе во всѣхъ слояхъ римскаго народонаселенія: дать латинамъ полное римское гражданство значило—допустить ихъ быть избирателями и избираемыми въ правительственныя должности; значило—римлянамъ надобно было отказаться отъ значенія господствующаго народа, исчезнуть въ массѣ покореннаго народонаселенія, ибо за латинами не преминули бы послѣдовать и другіе италіанцы, а за италіанцами и жители провинцій, какъ и случилось во времена имперіи, при общемъ равенствѣ безправія предъ однимъ, имѣвшимъ всѣ права. Подчиниться требованію Гракха значило—добровольно допустить покореніе Рима покоренными сосѣдями, допустить распоряжаться въ Римѣ тѣхъ, судьбою которыхъ распоряжались до сихъ поръ римляне; наконецъ, ближе всего, это значило дать войско честолюбцу, который явно стремился къ первенствующей роли, не скрывая своей ненависти противъ правительства, выставляя себя мстителемъ за смерть брата. Законъ не прошелъ: другой трибунъ, Ливій Друзъ, произнесъ противъ него свое veto. Для окончательнаго низложенія Гракха, правительство сочло необходимымъ сражаться съ нимъ его собственнымъ оружіемъ, заискивая расположеніе низшихъ слоевъ народонаселенія, наддавая имъ выгодъ противъ Гракха: аграрный законъ былъ предложенъ на новомъ, не гракховскомъ основаніи: бѣдняки должны были получить земельные участки въ полную неотъемлемую собственность, безъ платежа подати;

вмѣсто вывода заморскихъ колоній, предложеннаго Гракхомъ, обѣщаны были болѣе удобныя поселенія въ Италіи. Вмѣсто того, чтобъ латинамъ давать право римскаго гражданства, положено было взять у нихъ общественныя земли и раздѣлить ихъ на 36,000 участковъ, для раздачи бѣднымъ римскимъ семействамъ. Первая мѣра была привлекательна въ томъ отношеніи, что давала возможность хотѣвшему заниматься земледѣліемъ—получить болѣе выгодъ чрезъ освобожденіе отъ всякой подати; человѣку же, который не находилъ выгоднымъ и пріятнымъ для себя заниматься земледѣліемъ, давала возможность продать свой земельный участокъ, а богатому землевладѣльцу давала возможность пріобрѣсти его. Наконецъ, этою мѣрою прокладывался путь къ тому, чтобъ покончить съ вопросомъ о раздѣлѣ государственныхъ земель, именно прокладывался путь къ объявленію, что всѣ, владѣвшіе государственными землями, должны владѣть ими впередъ на правѣ полной частной собственности, что и было, наконецъ, постановлено: послѣдняя же мѣра относительно латинскихъ земель кидала ножъ между римскимъ и латинскимъ народонаселеніемъ, и еще болѣе отвращала римлянъ отъ мѣръ Гракха, а слѣдовательно отъ него самого. Онъ не былъ избранъ въ другой разъ въ трибуны и погибъ, причемъ число людей, защищавшихъ его съ оружіемъ въ рукахъ, простиралось только до 250 человѣкъ.

Судьба Гракховъ показывала, что не было возможности сломить республику съ помощію низшихъ слоевъ римскаго народонаселенія. Погибъ Сатурнинъ, погибъ Катилина—республика выдерживала всѣ удары; но люди, стремившіеся къ власти, нашли наконецъ средство достигнуть своей цѣли, сломить республику: это средство было войско. Римъ былъ покоренъ собственнымъ войскомъ, собственными полководцами.

в) Разложеніе древняго міра и начало новаго.

Въ концѣ предшествовавшей главы мы сказали, что послѣднее государство древняго міра было завоевано собственнымъ войскомъ, собственными полководцами, и мы видѣли причины, почему ослабѣвшій Римъ позволилъ покорить себя. Мы видѣли, что процессъ внутренняго развитія Рима кончился съ прекращеніемъ борьбы между патриціями и плебеями, кончился уравненіемъ этихъ двухъ частей народонаселенія. Другой задачи бытія, другого высокаго и общаго интереса не было болѣе; возбудиться новымъ задачамъ, новымъ интересамъ было неоткуда: Римъ сталъ владыкою извѣстнаго міра и, потому, сталъ одинокъ. Отсутствіе общаго интереса необходимо ведетъ къ преобладанію частныхъ интересовъ; исчезъ патриціанскій интересъ, исчезъ плебейскій интересъ; слѣдовательно исчезла самая крѣпкая связь между патриціями съ одной стороны, и между плебеями—съ другой. Прежде, если Титъ Спурій Лонгинъ былъ патрицій, то первая мысль его была о томъ, что онъ патрицій, долженъ охранять патриціанскій интересъ, долженъ приноравливать всѣ свои дѣйствія къ этой цѣли; въ каждомъ патриціи онъ видѣлъ товарища, брата, съ которымъ долженъ дѣйствовать дружно, неразрывно по единству интересовъ, съ которымъ, слѣдовательно, долженъ сближаться, ладить, равняться. Но когда борьба прекратилась, когда нечего было больше защищать сообща, исчезъ общій интересъ, то Титъ Спурій Лонгинъ естественно переставалъ себя чувствовать частію цѣлаго, онъ становился совершенно самостоятельнымъ, и началъ жить особнякомъ, сосредоточивши все свое вниманіе на однихъ частныхъ интересахъ. Республиканскій Римъ палъ не отъ того, что уменьшились способности наверху, между людьми, находившимися въ челѣ управленія; напротивъ: способности увеличивались, ибо способнымъ людямъ была возможность снизу достигать высшихъ правительственныхъ мѣстъ; но дѣло въ томъ, что способности раздѣлились, перестали преслѣдовать однѣ общія цѣли, и часто люди наиболѣе способные шли противъ конституціи для достиженія частныхъ цѣлей. Вотъ почему такъ странно, и болѣе чѣмъ странно, читать въ нѣкоторыхъ авторитетныхъ сочиненіяхъ возгласы противъ римской аристократіи послѣднихъ временъ республики, аристократіи, забравшей въ свои руки правительство и между тѣмъ оскудѣвшей правительственною мудростію, неспособной поддержать государство. Люди, позволяющіе себѣ эти возгласы, забываютъ, что Катилины и Цезари были аристократы, и что аристократы, изъ страха предъ Катилинами и Цезарями, прижимались къ человѣку худородному, новому, провинціалу Цицерону, величали его отцомъ отечества; что эта аристократія, которую не церемонятся называть и олигархіею, позволяла новому человѣку, Цицерону, играть главную роль при защитѣ древней свободы, древней конституціи, противъ посягновеній аристократовъ—Катилинъ и Цезарей. Какимъ же образомъ явился такой странный взглядъ на послѣднія времена республиканскаго Рима, откуда явились толки объ аристократіи и даже олигархіи и вредныхъ ея дѣйствіяхъ, о борьбѣ между аристократическою и демократическою партіями, причемъ не берутъ на себя труда изложить программы этихъ партій? Все это произошло отъ безнравственнаго поклоненія успѣху. Въ стремленіи къ достиженію частныхъ цѣлей, къ достиженію господства, начали получать успѣхъ люди, опиравшіеся на матеріальную силу, на войско, полководцы, и одинъ изъ нихъ, низложивши соперника, производитъ правительственный переворотъ, становится неограниченнымъ главою государства. И, вотъ, историки сочли своею обязанностію не только объяснить явленіе, объяснить успѣхъ, но и оправдать его, а для этого нужно представить побѣдителя, Цезаря, вождемъ народной стороны, демократіи и тѣмъ возбудить къ нему сочув-

ствіе; у противниковъ его, наоборотъ, понадобилось отнять сочувствіе, унизить Помпея, Цицерона, унизить всѣхъ людей, стоявшихъ въ челѣ правленія, заклеймить ихъ названіемъ аристократовъ, олигарховъ и людей неспособныхъ.

Мы видѣли, что паденіе стараго республиканскаго Рима объясняется легко: когда исчезла внутренняя связь общаго интереса, когда силы распались, пошли врознь вслѣдствіе побужденій частнаго интереса, то для поддержанія государства явилась необходимость въ внѣшней связи, внѣшнемъ сосредоточеніи силъ и ихъ направленіи, что и доставила Риму военная монархія, или цезаризмъ. Мы повторяемъ, что анархія ведетъ къ деспотизму; но что такое анархія, какъ не отсутствіе внутренней связи въ обществѣ, отсутствіе высшихъ общихъ интересовъ, жизнь врознь, разбродъ силъ по указанію однихъ частныхъ интересовъ. Такая анархія именно господствовала въ республиканскомъ Римѣ въ эпоху его паденія, и повела необходимо къ замѣнѣ внутренней связи внѣшнею, къ цезаризму. Но изъ сказаннаго ясно, что цезаризмъ представляетъ чрезвычайно печальное явленіе. Это не была та или другая монархическая форма, вытекшая изъ условій исторической жизни извѣстнаго народа, — форма съ нимъ сросшаяся, освященная преданіями вѣковъ: это была тираннія, незаконный, хотя и необходимый захватъ власти въ одряхлѣвшемъ обществѣ, потерявшемъ внутреннюю связь и тѣмъ лишившемся способности самоуправленія; это была хирургическая повязка для соединенія раздробленныхъ частей больнаго организма, и повязка безполезная, ибо организмъ дряхлъ, раздробленныя части не срастутся съ помощію повязки. Такъ какъ новое правительство не имѣло никакого освященія, то оно не могло показаться на свѣтъ въ настоящемъ своемъ видѣ, должно было скрыться за старыми, освященными формами, и отсюда, разумѣется, происходила ложь, противорѣчіе между формами и сущностію дѣла, что раздражало и властителя и подвластныхъ, постоянно напоминая тѣмъ и другимъ незаконность явленія. Цезарь имѣлъ неограниченную власть и не могъ объявить, что ее имѣетъ, не могъ назваться царемъ; да еслибъ и назвался, то не умѣлъ держать себя по-царски, царскихъ преданій и привычекъ не было на римской почвѣ. Цезарь, сламывая всякое сопротивленіе, свирѣпствуя, истребляя лучшихъ людей для утвержденія своей власти, все же имѣлъ старыя привычки, не могъ обойтись безъ площади, безъ народа, безъ публичной жизни. Отсюда одинъ сознательно всю свою жизнь играетъ комедію и требуетъ, чтобъ рукоплескали при ея окончаніи; другой, не будучи въ состояніи играть комедіи, бѣжитъ изъ Рима на уединенный островъ; третій, не будучи въ состояніи обойтись безъ площади и народа, хочетъ быть музыкантомъ, актеромъ; четвертый является философомъ, пятый занимается огородничествомъ.

И всѣ эти люди — люди строгой нравственности и чудовища разврата, безумцы и философы, музыканты и садовники, смѣняя другъ друга поодиночкѣ или цѣлыми рядами, истрачиваютъ послѣднія силы Вѣчнаго Города, проживаютъ послѣднія средства древней цивилизаціи; прибавить къ этимъ силамъ и средствамъ лучшіе изъ нихъ ничего не могутъ. Римъ одряхлѣлъ окончательно, одряхлѣлъ и древній міръ, одряхлѣла древняя цивилизація. Припомнимъ, какое, вслѣдствіе нашихъ наблюденій, мы получили понятіе объ этомъ древнемъ мірѣ.

Мы видѣли, что этотъ міръ распадался на двѣ половины, восточную, азіатско-африканскую, и западную, европейскую, и обѣ половины представили намъ противоположность, хотя и не безъ переходныхъ формъ (въ Финикіи). Въ восточной половинѣ мы видимъ болѣе или менѣе обширныя народныя тѣла, очень слабо развитыя, не расчлененныя, не выдѣлившія многихъ органовъ, плотныя массы, представляющія одно туловище и голову. Мы замѣтили, что въ происхожденіи такихъ народныхъ массъ преимущественно участвовала родовая форма. — Эти монархіи произошли изъ соединенія многихъ развѣтвленныхъ родовъ, которые, сближаясь вслѣдствіе размноженія своихъ членовъ и сталкиваясь при исчезновеніи прежняго простора, стремились прекратить свои столкновенія созданіемъ внѣшней связи посредствомъ одной общей главы, верховнаго родоначальника, ибо другой формы для связующаго начала, другой формы правительственной они не знали. При этомъ, разумѣется, усиленіе одного рода насчетъ всѣхъ другихъ и насиліе этого сильнѣйшаго очень часто должно было содѣйствовать образованію такихъ народныхъ тѣлъ, такихъ монархій. Особность родовъ и враждебность ихъ другъ къ другу условливали неспособность къ общему дѣйствію, слѣдовательно условливали необходимость сильной власти, все сосредоточивающей и всенаправляющей. Подлѣ этой власти мы не видимъ сословій самостоятельныхъ по своимъ средствамъ, по землевладѣнію или по богатству движимому, которыя бы стремленіемъ опредѣлить свои отношенія другъ къ другу и къ верховной власти могли сообщить движеніе народной жизни. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Востока мы видимъ раздѣленіе народа на касты; но это раздѣленіе слишкомъ рѣзко; тутъ нѣтъ ничего органическаго, это раздробленіе на совершенно отдѣльныя части, и понятно, что такое раздробленіе производило самую сильную надобность въ связующемъ началѣ; если сильная власть условливается раздѣленіемъ подвластныхъ, то и кастность необходимо ведетъ къ деспотизму. Указываютъ на Востокѣ могущественныя жреческія сословія; но это могущество далеко не таково, какъ съ перваго раза кажется. Значеніе служителя религіи есть значеніе нравственное, въ противоположность матеріальному значенію сильныхъ земли. Служитель религіи тогда силенъ, когда непосредственно обращается къ нравственному чувству

народа, возбуждаетъ, поддерживаетъ его; когда онъ не только жрецъ, но и пророкъ, т. е. проповѣдникъ нравственности. Но извѣстно, что языческія религіи не имѣли тѣсной, необходимой связи съ народною нравственностью; обязанности жреца ограничивались священнодѣйствіемъ, жертвоприношеніемъ, гаданіемъ, волхвованіемъ. Жрецы имѣли еще другое преимущество предъ толпою,—преимущество знанія. Но всѣ эти преимущества, безъ пророчества или проповѣдничества, не могли дать жрецамъ независимости, и мы уже замѣтили прежде, что они пользовались этими преимуществами, чтобъ пріобрѣсть какъ можно болѣе матеріяльныхъ выгодъ, причемъ вошли въ сдѣлки съ людьми, сосредоточившими въ своихъ рукахъ матеріальныя средства, стали также орудіями для усиленія и утвержденія власти этихъ людей.

Допуская могущество вліянія географическаго и этнографическаго, вліянія природы и племени на судьбу народовъ, мы допустили и могущество вліянія еще другихъ, собственно историческихъ условій, вліянія воспитанія народнаго. Здѣсь мы указали могущественное вліяніе движенія, странствованія народнаго, соединеннаго съ подвигомъ, съ выдѣленіемъ дружинъ, дѣятельность которыхъ создаетъ геройскій или богатырскій періодъ въ исторіи народовъ. Этими явленіями характеризуется исторія европейскихъ народовъ древности, исторія городовъ или гражданства въ противоположность исторіи народовъ на Востокѣ. Но и здѣсь мы видимъ односторонность въ развитіи, видимъ города безъ народа, безъ страны. Еще въ Греціи мы замѣчаемъ нѣкоторое единство, существуетъ представленіе общности страны и общности народа: это происходитъ оттого, что здѣсь изначала были города равносильные, которые или боролись другъ съ другомъ, или соединялись для извѣстной общей дѣятельности, а потому необходимо должны были признавать высшее единство. Общая дѣятельность равноправныхъ царей вначалѣ, потомъ равноправныхъ городовъ, общая борьба ихъ съ Востокомъ укрѣпила сознаніе высшаго единства, сознаніе эллинизма въ противоположность варварамъ. Но Римъ, не признавая для себя въ Италіи равныхъ городовъ, не соединяясь съ ними для общихъ дѣйствій внѣ Италіи или для Италіи, стремясь къ владычеству надъ всѣми другими городами и племенами Италіи, не признавалъ надъ собою высшаго, Италіи; для римлянина существуетъ только Римъ, римскій народъ,—все остальное въ Италіи было чужое. Въ Римѣ городовая особенность древняго европейскаго міра достигла высшаго выраженія. Попытка поставить Италію выше Рима — союзническая война — не удалась. Городъ явился владыкою міра; но именно тутъ-то, достигнувъ высшей степени матеріяльнаго величія, Вѣчный Городъ и теряетъ то значеніе, какое городъ получилъ на Западѣ въ древности, значеніе свободной, самоуправляющейся общины, республики: онъ подчиняется цезарю; форма остается западная, городская, а сущность дѣла восточная—безправіе всѣхъ передъ однимъ и механическое сопоставленіе народностей посредствомъ завоеванія. Греко-римская цивилизація даетъ внѣшній блескъ, лоскъ этой пестрой массѣ, но не связываетъ ея частей, а по двойственности своей раздѣляетъ римскія владѣнія на двѣ большія половины, восточную и западную. Кромѣ этого раздѣленія, въ западной половинѣ находятся различныя, болѣе или менѣе сильныя, живучія національности, которыя ждутъ только перваго внѣшняго толчка, чтобъ выдѣлиться; имперія дѣйствительно дѣлится сама собою еще прежде паденія, которое есть не иное что, какъ дѣленіе окончательное. Это явленіе мы видимъ и на Востокѣ: распаденіе большихъ монархій по явственнымъ надломамъ, обозначающимъ отдѣльныя, насильственно соединенныя національности. Итакъ, древній міръ оканчивается распаденіемъ одной громадной имперіи на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Но почему же здѣсь древній міръ оканчивается?—потому что историческая сцена расширяется, являются новыя страны, бывшія до сихъ поръ за оградою исторіи, являются новые народы съ новымъ строемъ внутренней и внѣшней жизни; является новая религія.

Три группы народовъ — восточныхъ, древне-европейскихъ и смѣнившихъ ихъ ново-европейскихъ, доставляютъ намъ значительный матеріялъ для историческихъ наблюденій; но, имѣя въ виду строгую научность, мы должны чрезвычайно осторожно поступать при этихъ наблюденіяхъ и не вносить въ науку выводовъ, сдѣланныхъ на недостаточномъ количествѣ наблюденій. Такъ, мы должны признать ненаучнымъ выводъ о безконечномъ прогрессѣ. Замѣтили, что древніе европейскіе народы въ своей цивилизаціи стали выше восточныхъ, а новые европейскіе народы выше древнихъ—и провозгласили безконечный прогрессъ. Но это провозглашеніе сдѣлано слишкомъ поспѣшно. Мы видѣли, что въ развитіи народа могущественно участвуютъ три условія: природа страны, природа племени и воспитаніе, т. е. собственно историческія условія, при которыхъ народъ начинаетъ и продолжаетъ свое бытіе; это тѣ же самыя условія, которыя дѣйствуютъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка: среда, гдѣ онъ родился и дѣйствуетъ, способности, съ какими родился, и воспитаніе, имъ полученное, принимая воспитаніе въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. какъ совокупность явленій, дѣйствовавшихъ въ томъ или другомъ смыслѣ на физическое или духовное развитіе человѣка. Превосходство древне-европейскихъ народовъ надъ восточными намъ понятно, потому что у первыхъ видимъ чрезвычайно благопріятныя природныя, племенныя и историческія условія, или условія народнаго воспитанія: поэтому сѣмена восточной цивилизаціи, упавши на добрую почву, должны были развиться сильно. Также понятно намъ превосходство новыхъ европейскихъ народовъ передъ древними, потому что къ той же выгодѣ условій природныхъ и пле-

менныхъ присоединялся запасъ древней цивилизаціи, да еще выгоднѣйшія историческія условія; лучшее воспитаніе, присоединялась общая жизнь народовъ при высшей религіи. Но мы не имѣемъ никакого права сказать, что дальнѣйшее движеніе возможно при ухудшеніи этихъ условій, что племена монгольскія, малайскія и негрскія могутъ перенять у арійскаго племени дѣло цивилизаціи и вести его дальше. Мы признаемъ любовь, уваженіе къ монголамъ, малайцамъ и неграмъ чувствомъ очень хорошимъ, только заявляемъ, что не можемъ результата этого чувства внести въ науку, ибо онъ не основанъ на наблюденіи, на подмѣченномъ фактѣ. Предположить, что новые европейскіе народы будутъ безсмертны и изъ выгодныхъ условій своего быта будутъ вѣчно почерпать возможность вести далѣе дѣло цивилизаціи, мы также не имѣемъ права, ибо такое предположеніе будетъ противорѣчить наблюденію надъ всѣмъ существующимъ. Мы можемъ принять только тѣ выводы, которые явились вслѣдствіе наблюденій надъ исторической жизнью народовъ. Таковъ выводъ, что въ жизни историческихъ, доступныхъ развитію народовъ, заключаются одинакія явленія, одинакіе періоды, потому что каждый народъ проходитъ извѣстные возрасты, развивается по тѣмъ же законамъ, по какимъ развивается и отдѣльный человѣкъ. Чтобъ дать своему взгляду болѣе общности и примѣнимости, мы дѣлимъ жизнь каждаго историческаго народа на двѣ половины или на два возраста, какъ тѣ же двѣ половины замѣчаемъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка. Въ первой половинѣ народъ живетъ, развивается, преимущественно подъ вліяніемъ чувства: это время его юности, время сильныхъ страстей, сильнаго движенія, имѣющаго результатомъ зиждительность, творчество политическихъ формъ. Здѣсь, благодаря сильному огню, куются памятники народной жизни въ разныхъ ея сферахъ или, по крайней мѣрѣ, закладываются прочные фундаменты этихъ памятниковъ. Наступаетъ вторая половина народной жизни: народъ мужаетъ, и господствовавшее до сихъ поръ чувство уступаетъ мало-по-малу свое господство мысли. Такимъ образомъ, въ жизни историческихъ, развивающихся народовъ мы признаемъ два періода, періодъ чувства и періодъ мысли; разумѣется, мы такъ выражаемся для краткости, собственно мы разумѣемъ періодъ господства чувства и періодъ господства мысли. Сомнѣніе, стремленіе повѣрить то, во что прежде вѣрилось, что признавалось истиннымъ, задать вопросъ—разумно или неразумно существующее, потрогать, пошатать то, что считалось до сихъ поръ непоколебимымъ, знаменуетъ вступленіе народа во второй періодъ, періодъ мысли.

Теперь надобно опредѣлить отношеніе исторической науки къ этому явленію. Разумѣется, признаніе извѣстнаго закона должно прежде всего успокоивать, вести къ спокойному, безпристрастному наблюденію подробностей. Историку не для чего отдавать преимущество тому или другому періоду, ибо онъ имѣетъ дѣло не съ абсолютнымъ прогрессомъ, а съ развитіемъ, при которомъ съ пріобрѣтеніемъ или усиленіемъ одного начала, однѣхъ способностей утрачиваются или ослабляются другія. Человѣкъ возмужалъ, окрѣпъ, чрезъ упражненіе мысли, чрезъ науку и опытъ жизни пріобрѣлъ безспорныя преимущества, и между тѣмъ горько жалѣетъ о невозвратно-минувшей юности, о ея порывахъ и страстяхъ, мудрецъ жалѣетъ о заблужденіяхъ, значитъ: въ этомъ пережитомъ возрастѣ было что-то очень хорошее, что утратилось при переходѣ въ другой возрастъ. Мы уже указали на значеніе періода чувства въ народной жизни, періода сильныхъ и страстныхъ движеній, періода подвиговъ, когда народъ, находящійся подъ вліяніемъ чувства, стоитъ твердо прикованный къ извѣстнымъ предметамъ своихъ сильныхъ привязанностей, онъ сильно любитъ и сильно ненавидитъ, не давая себѣ отчета о причинахъ своей привязанности и вражды. Стоитъ только сказать ему, что предметъ его привязанности въ опасности: стоитъ подняться священному для него знамени,—и онъ собирается, несмотря на всѣ препятствія; онъ жертвуетъ всѣмъ; чувство даетъ силу, способность совершать громадныя работы, воздвигать зданія не матеріальныя только, но и политическія; сильныя государства, крѣпкія народности, твердыя конституціи выковываются въ періодъ чувства. Но этотъ же періодъ знаменуется явленіями вовсе непривлекательными: довольно указать на обычный упрекъ, дѣлаемый этому періоду и дѣлаемый совершенно справедливо, на упрекъ въ суевѣріи, фанатизмѣ, двухъ естественныхъ и необходимыхъ результатахъ господства чувства, неумѣряемаго мыслію. Но точно такъ же односторонне признавать за вторымъ періодомъ безусловное превосходство надъ первымъ.

Періодъ господства мысли, который красится процвѣтаніемъ науки, просвѣщенія, имѣетъ свои темныя стороны. Усиленная умственная дѣятельность обнаруживаетъ скоро свое разлагающее дѣйствіе и свою слабость въ дѣлѣ созиданія. Чувство считаетъ извѣстные предметы священными, неприкосновенными, оно разъ опредѣлило къ нимъ отношенія человѣка, общества, народа, и требуетъ постояннаго сохраненія этихъ отношеній. Мысль считаетъ такія постоянныя отношенія суевѣріемъ, предразсудкомъ, она свободно относится ко всѣмъ предметамъ, одинаково всѣ подчиняетъ себѣ, дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія, допрашиваетъ каждое явленіе о причинѣ и правѣ его бытія. Чувство, напримѣръ, опредѣляетъ отношенія къ своему и чужому такимъ образомъ, что свое имѣетъ право на постоянное предпочтеніе предъ чужимъ; народы, живущіе въ періодъ чувства, остаются вѣрны этому опредѣленію; но постоянная вѣрность ему ведетъ къ неподвижности. Если народъ способенъ вступить во второй періодъ, или второй возрастъ своей жизни, то движеніе обыкновенно начинается

знакомствомъ съ чужимъ; мысль начинаетъ свободно относиться къ своему и чужому, отдавать преимущество жизни народовъ чужихъ, опередившихъ въ развитіи, находящихся уже во второмъ періодѣ. Чувство старается сохранить установленныя имъ отношенія, и происходитъ борьба, болѣе или менѣе сильная, съ болѣе или менѣе сильными реакціями вслѣдствіе односторонняго, крайняго развитія борющихся началъ. Мысль, выведши народъ въ широкую сферу наблюденій надъ множествомъ явленій въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ, въ широкую сферу сравненій, соображеній и выводовъ, покинувъ вопросъ о своемъ и чужомъ, стремится переставить отношенія на новыхъ общихъ началахъ; но ея опредѣленія отношеній не имѣютъ прочности, ибо каждое опредѣленіе подлежитъ, въ свою очередь, критикѣ, подкапывается, является новое опредѣленіе, повидимому, болѣе разумное, но и то, въ свою очередь, подвергается той же участи. Старыя вѣрованія, старыя отношенія разрушены, а въ новое, безпрестанно измѣняющееся, въ многоразличные, борющіеся другъ съ другомъ, противорѣчивые толки и системы вѣрить нельзя. Раздаются вопли отчаянія: гдѣ же истина? что есть истина? Древо познанія не есть древо жизни! Народъ дѣлаетъ послѣднюю попытку найти твердую почву: онъ бросаетъ различныя философскія системы, не приведшія его къ истинѣ, и начинаетъ преимущественно заниматься тѣмъ, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ человѣка: что я вижу, осязаю—то вѣрно, внѣ этого вѣрнаго ничего знать не хочу, ибо внѣ этого нѣтъ ничего вѣрнаго, все фантазіи, бредни. Сначала это направленіе удовлетворяетъ, сфера знанія расширяется, результатъ добывается блестящій, точныя науки процвѣтаютъ, ихъ приложенія производятъ обширный рядъ житейскихъ удобствъ. Но это удовлетвореніе скоропреходящее. Причины явленій, попрежнему, остаются тайными; при изслѣдованіяхъ, неизбѣжныя, безпрестанныя ошибки; повидимому, добыты богатые рззультаты, но, въ сущности, добыта песчинка. А между тѣмъ матеріализмъ и неизбѣжная притомъ односторонность, узкость, мелкость взгляда наводнили общество; удовлетвореніе физическихъ потребностей становится на первомъ планѣ: человѣкъ перестаетъ вѣрить въ свое духовное начало, въ его вѣчность; перестаетъ вѣрить въ свое собственное достоинство, въ святость и неприкосновенность того, что лежитъ въ основѣ его человѣчности, его человѣческой, т. е. общественной жизни, является стремленіе сблизить человѣка съ животнымъ, породниться съ нимъ; печной горшокъ становится дороже бельведерскаго кумира; удобство, нѣжащее тѣло, предпочтительнѣе красотѣ, возвышающей духъ. При такомъ направленіи живое искусство исчезаетъ, замѣняется мертвою археологіею. Вмѣсто стремленія поднять меньшую братію, является стремленіе унизить всѣхъ до меньшей братіи, уравнять всѣхъ, поставивъ на низшую ступень человѣческаго развитія; а между тѣмъ стремленіе выйти изъ тяжкаго положенія, выйти изъ міра, источеннаго дотла червемъ сомнѣнія и потому разсыпающагося прахомъ, стремленіе найти что-нибудь твердое, къ чему бы можно было прикрѣпиться, т. е. потребность вѣры не исчезаетъ, и подлѣ невѣрія видимъ опять суевѣріе, но не поэтическое суевѣріе народной юности, а печальное, сухое старческое суевѣріе.

Но если таковы законы развитія человѣческаго общества, то понятно, какъ должны относиться къ нимъ историкъ и гражданинъ. Историку нечего плакать надъ тѣмъ, что народъ живетъ высшею жизнію, развивается; что народъ перешелъ изъ одного возраста въ другой, изъ періода чувства въ періодъ мысли, точно также какъ историку нечего и восторгаться при этомъ переходѣ, привѣтствуя сомнѣніе, какъ начало абсолютно высшаго порядка: обязанность историка спокойно, съ возможною многосторонностію слѣдить за условіями жизни народа во всѣхъ ея возрастахъ, представляя каждое дѣло и каждаго дѣятеля по отношенію къ тому возрасту народной жизни, въ которомъ они совершались и дѣйствовали. Что же касается обязанностей гражданина къ своему народу и государству, то они одинаковы съ обязанностями человѣка къ своему собственному тѣлу, къ своему здоровью. Каждый человѣкъ знаетъ, что онъ долженъ рости, мужать, старѣть и наконецъ умереть; но это знаніе нисколько не уменьшаетъ его заботъ о томъ, чтобы прожить какъ можно долѣе и какъ можно долѣе наслаждаться хорошимъ здоровьемъ. Несмотря на то, что нашъ вѣкъ опредѣленъ, человѣкъ, находясь и въ старости, зная, слѣдовательно, что конецъ близокъ, все же хлопочетъ о сохраненіи своего здоровья, о томъ, чтобы эта старость была крѣпкая и свѣжая. Такъ и гражданинъ просвѣщенный: зная, по вѣрнымъ признакамъ, что народъ его находится далеко не въ юношескомъ возрастѣ, долженъ всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы народъ жилъ какъ можно долѣе; чтобъ самая старость его какъ можно долѣе была крѣпка и свѣжа, тѣмъ болѣе что предѣлы жизни народовъ не ограничены такъ, какъ предѣлы частныхъ людей. Зная, что въ извѣстные возрасты народной жизни господствуютъ извѣстныя начала, и что отъ односторонности, исключительности ихъ происходитъ вся бѣда, слабость и паденіе, просвѣщенный гражданинъ долженъ противодѣйствовать прежде всего этой исключительности, односторонности, умѣрять одно начало другимъ, ибо отъ этого, главнѣйшимъ образомъ, зависитъ правильность отправленій народной жизни, здоровье народа, его долговѣчность.

Мы не имѣемъ права придумывать особые законы развитія народовъ, кромѣ извѣстныхъ законовъ развитія отдѣльнаго человѣка и всего органическаго. Какъ не у всѣхъ людей развитіе совершается правильно, не у всѣхъ духовное развитіе совершается соотвѣтственно физическому, нѣкоторые останавливаются на той или другой ступени, нѣ-

которые умираютъ преждевременно, или родясь слабыми, или встрѣчая сильныя препятствія окрѣпленію своего организма: тѣ же самыя явленія мы замѣчаемъ и въ жизни народовъ. Китайцевъ обыкновенно называютъ народомъ, остановившимся на извѣстной ступени развитія; но на какой? Вглядѣвшись внимательно, мы заключаемъ, что этотъ народъ, несмотря на свою замкнутость, пережилъ оба возраста или періода, и періодъ чувства и періодъ мысли, и теперь живетъ въ старческомъ безсиліи, подъ господствомъ матеріялизма, съ полнымъ равнодушіемъ къ духовнымъ вопросамъ, къ вопросу религіозному. Религія для него есть нѣчто принятое, требуемое съ одной стороны какъ полицейское правило, съ другой — какъ общественное приличіе: нельзя не исповѣдовать какой нибудь вѣры, какъ нельзя ходить безъ платья по городу; платье не принимается здѣсь по отношенію къ удобству, къ теплотѣ или холоду. Отъ религіи китайцамъ ни тепло, ни холодно; они никакъ не понимаютъ, какъ можно заниматься религіозными вопросами, тѣмъ болѣе ссориться изъ-за нихъ, разумъ выше всего, религій много, а разумъ одинъ. «Тюрьмы» говорятъ они, «заперты днемъ и ночью, и между тѣмъ всегда полны народу; храмы постоянно отворены, и однако никого въ нихъ нѣтъ».

Въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ среди жрецовъ, мысль, сомнѣніе подточили древнія вѣрованія, и египетскій скептицизмъ былъ переданъ Греціи, какъ мы видимъ у Геродота; египетскіе жрецы находились въ такомъ же положеніи, какъ итальянскіе прелаты эпохи Возрожденія: упиваясь новооткрытыми диковинами древней философіи, прелаты не вѣрили въ христіанскіе догматы, но требовали, чтобы народъ оставался при прежней вѣрѣ и при прежнемъ суевѣріи, потому что это давало доходъ перешедшимъ въ другой возрастъ прелатамъ. То, что дошло до насъ изъ религіозныхъ и космогоническихъ системъ Индіи, есть результатъ философской работы, заканчивающейся буддизмомъ. У другой отрасли арійскаго племени, такъ-называемое Зароастрово ученіе носитъ также философскій характеръ и имѣетъ значеніе реформы относительно старой религіи. Въ греческой жизни, исторію развитія которой мы имѣемъ большую возможность изучить, два возраста или періода обозначаются ясно, причемъ Персидскія войны можно положить границею между ними, хотя историкъ вообще долженъ остерегаться настаивать на точности границъ между двумя направленіями. Мы видѣли, что сильное внутреннее движеніе и раннее столкновеніе съ чужими народами, съ образованными народами Азіи и Африки содѣйствовали скорому развитію грековъ, переходу изъ періода чувства въ періодъ мысли. Мысль, разумѣется, прежде всего остановилась на народныхъ вѣрованіяхъ, отнеслась къ нимъ критически и заявила о ихъ несостоятельности, причемъ движеніе шло не изъ собственной Греціи, а изъ азіатскихъ колоній, а это свидѣтельствуетъ, что причина явленія заключалась въ знакомствѣ съ чужими религіозными и космогоническими воззрѣніями. Разнорѣчивыя философскія системы привели къ результату, выраженному Анаксагоромъ: «Ничто не можетъ быть познано; ничто не можетъ быть изучено; ничто не можетъ быть вѣрно; чувства ограничены, разумъ слабъ, жизнь коротка». Такой взглядъ, въ соединеніи съ сильнымъ развитіемъ личности въ Греціи, повелъ къ ученію такъ-называемыхъ софистовъ. Это ученіе обличаетъ уже собственно греческое движеніе, европейскую почву, ибо прямо относится къ жизни, къ способу дѣйствія человѣка, къ его нравственности. Съ такимъ же характеромъ явилось противодѣйствіе ученію софистовъ въ школѣ Сократа, старавшейся установить поколебленную нравственную почву. Но это безспорно самое высокое выраженіе греческой мысли не достигло своей цѣли, и новое философское движеніе окончилось скептицизмомъ, какъ старыя школы повели къ ученію софистовъ. Ища твердой почвы, греческая мысль обращается къ видимой природѣ, наблюдаетъ частности и отъ нихъ восходитъ къ общимъ выводамъ. Геній Аристотеля освѣщаетъ новый путь; оружіе ученика его, Александра Македонскаго, открываетъ для греческой науки доступъ въ новыя страны. Эта наука утверждаетъ свое главное мѣстопребываніе въ древнемъ Египтѣ, но въ городѣ, построенномъ македонскимъ завоевателемъ, въ столицѣ потомковъ одного изъ его полководцевъ. Наука, въ своемъ новомъ направленіи, процвѣтаетъ при огромныхъ средствахъ, данныхъ ей Птоломеями; но это уже послѣдняя вспышка угасающаго пламени. Греческій міръ отживаетъ; вѣрный признакъ разложенія — страшная безнравственность рядомъ съ умственнымъ развитіемъ, съ научными успѣхами. Птоломеи, которыхъ за ихъ покровительство наукѣ нѣкоторые писатели хотятъ считать самыми знаменитыми изъ древнихъ государей, эти покровители науки и литературы и сами литераторы — одинъ убиваетъ своего отца и производитъ страшныя неистовства въ Александріи; другой обрубаетъ голову, руки и ноги у своего сына и отсылаетъ ихъ своей женѣ и т. п.

Въ Римѣ Пуническія войны можны отмѣтить какъ время перехода изъ періода чувства въ періодъ мысли. Греки помогли римлянамъ совершить этотъ переходъ; духовныя силы римлянъ развились немедленно подъ вліяніемъ великихъ образцовъ; но это развитіе, представляя уже осенній цвѣтъ, было современно со старческимъ одряхлѣніемъ. Въ лучшихъ и самыхъ характеристичныхъ произведеніяхъ римской литературы — въ сатирѣ и въ страшныхъ сказаніяхъ Тацита — слышатся похоронные напѣвы. Новый періодъ народнаго развитія совпадалъ съ переходомъ отъ однихъ государственныхъ формъ къ другимъ. Греческая наука, помогшая римлянину освободиться отъ старыхъ вѣрованій и привязанностей, не указала ему новыхъ крѣпкихъ основаній, на которыхъ бы онъ могъ прочно пере-

строить свое старое государственное зданіе, греческая политическая жизнь, уже окончившаяся, не представила ему въ этомъ отношеніи образцовъ.

Народы древняго міра, способные къ развитію, закончили это развитіе, отжили; всемірная имперія Рима разлагалась; надъ трупами вились орлы; новые народы дѣлили области имперіи; въ этихъ областяхъ нашли они новую религію.

При нашихъ наблюденіяхъ надъ историческою жизнію древнихъ народовъ мы не останавливались еще на одномъ, который стоялъ нравственно совершенно одиноко среди другихъ народовъ, хотя внѣшнимъ образомъ находился въ безпрестанномъ столкновеніи съ ними, стоя на дорогѣ ихъ движеній: то былъ народъ еврейскій. Причина его нравственной одинокости заключалась въ рѣзкомъ религіозномъ различіи отъ всѣхъ другихъ народовъ. Среди всеобщаго политеизма, еврейскій народъ сохранялъ вѣру въ единаго Бога, свободно сотворившаго все существующее и свободно имъ управляющаго; отъ дуализма, отъ признанія двухъ началъ, добраго и злаго, отъ мучительной работы мысли надъ объясненіемъ происхожденія зла, еврейскій народъ былъ освобожденъ священнымъ преданіемъ, что зло явилось вслѣдствіе свободной воли человѣка, могшаго противопоставить свою волю, свою самостоятельность исполненію воли божіей, совершенному преданію себя въ руководство божіе. Непослушаніе, слѣдствіе сомнѣнія, недовѣрія къ словамъ Божіимъ, есть паденіе человѣка; слѣдовательно невѣріе есть паденіе, есть источникъ грѣха, зла, смерти. Богъ обѣщалъ падшему человѣку Избавителя отъ грѣха и зла, отъ смерти въ его собственномъ потомствѣ; народъ, изъ котораго долженъ явиться Избавитель, есть народъ еврейскій. Человѣкъ, отъ котораго этотъ народъ ведетъ свое происхожденіе, Авраамъ, покидаетъ свою страну, свой родъ, потому что онъ хранитъ вѣру въ единаго Бога, тогда какъ все вокругъ него, собственный его родъ заражены многобожіемъ. Адамъ палъ отъ невѣрія; никакія искушенія не могутъ поколебать вѣры Авраама; Адамъ палъ отъ непослушанія; Авраамъ готовъ изъ послушанія принести въ жертву единственнаго сына. У каждаго народа свой богъ, свои боги; Авраамъ хранитель вѣры въ единаго Бога, единаго для всего человѣчества, и потому онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ; онъ относится ко всѣмъ народамъ, о сѣмени его благословятся всѣ народы, и это отношеніе Авраама высказывается въ горячемъ сочувствіи его къ чужимъ народамъ, въ знаменитой молитвѣ его, чтобъ Богъ пощадилъ виновные города.

Авраамъ движется съ востока на западъ, въ тѣ страны, гдѣ пришельцу и съ небольшимъ родомъ, окруженному небольшимъ числомъ зависимыхъ людей, можно было найти безопасное существованіе, именно въ тѣ страны, гдѣ обиталища уже усѣвшихся народцевъ граничатъ съ пустынею, убѣжищемъ кочевниковъ. Авраамъ, его сынъ и люди ведутъ полукочевую, полуосѣдлую жизнь, находятъ пріютъ въ чужихъ городахъ, ибо родъ не размножается: напротивъ, Авраамъ расходится съ племянникомъ Лотомъ вслѣдствіе размноженія стадъ и ссоръ между пастухами; Исаакъ расходится съ братомъ Измаиломъ, Іаковъ съ братомъ Исавомъ— примѣры, что родовыя столкновенія и распри уничтожались расходомъ членовъ рода вслѣдствіе простора, возможности разойтись. Съ Іакова начинается размноженіе рода; у него двѣнадцать сыновей; но голодъ и судьба одного изъ сыновей Іакова побуждаютъ старика, со всѣми своими, переселиться въ Египетъ. Здѣсь потомство Іакова чрезвычайно размножается. Это размноженіе становится подозрительно владѣльцамъ Египта, которые начинаютъ истощать евреевъ тяжкими работами, принимаютъ мѣры, чтобъ остановить ихъ размноженіе, приказываютъ повивальнымъ бабкамъ умерщвлять младенцевъ мужескаго пола. Такія страшныя притѣсненія должны были возбудить въ евреяхъ чувство національности и особности, основанной на религіи отцовъ, вѣрѣ въ единаго Бога, столь противоположной безконечному многобожію египетскому, и въ это время евреи получаютъ боговдохновеннаго вождя, который выводитъ ихъ изъ Египта. Этотъ вождь-избавитель, Моисей, не похожъ на другихъ вождей народныхъ: онъ вовсе не герой, могучій физическою силою, самый храбрый изъ храбрыхъ. Сила Моисея чисто нравственная; первое дѣло его—дѣло патріота, слѣдствіе безсознательнаго порыва, дѣло тайное, непризнанное. Услыхавъ призваніе Божіе, Моисей прежде всего сомнѣвается въ своихъ способностяхъ къ великому дѣлу, на которое призывается, выставляетъ свой важный физическій недостатокъ, какъ сильное препятствіе къ налагаемому на него посланничеству. Моисей силенъ только нравственно, силенъ силою божію. Моисей не герой, не царь и не первосвященникъ, онъ первый *пророкъ*, первообразъ цѣлаго ряда пророковъ, выставленныхъ еврейскимъ народомъ и составляющихъ отличительное явленіе его народной жизни. Колѣно, изъ котораго происходилъ Моисей, получаетъ для себя потомственное священство: но, независимо отъ этого священства, изъ среды народа появляются вдохновенные проповѣдники, ученіе которыхъ имѣетъ цѣлію поддержать чистоту религіи и нравственности. Такимъ образомъ, высшее, такъ сказать, званіе въ народѣ сохраняется свободнымъ отъ сословій и учрежденій, и теократія еврейская держится не левитствомъ, а пророчествомъ; колѣно Левіино не сосредоточиваетъ въ себѣ ни политической силы, ни знанія священнаго и мірскаго. За вождемъ, выведшимъ евреевъ изъ Египта, давшимъ писанный законъ и богослуженіе, слѣдовалъ вождь-завоеватель, Іисусъ-Навинъ, покорившій для евреевъ землю Обѣтованную. За вождемъ-завоевателемъ слѣдовалъ рядъ вождей-защитниковъ, ибо евреи были окружены врагами, которымъ не могли съ успѣхомъ сопротивляться вслѣдствіе внѣшняго политическаго разъединенія,

отсутствія общей власти, а силы нравственныя, духовныя, ослабѣли, ослабѣла вѣра въ единаго Бога и въ Его непосредственное руководство, зараза идолопоклонства распространилась; въ злой усобицѣ цѣлое колѣно Веніаминово было истреблено. «Въ это время», говоритъ лѣтописецъ, «не было царя у израильтянъ, и всякій дѣлалъ все, что хотѣлъ». Духовныя силы ослабѣли, но не изсякли; пророчество, не ограничивавшееся мужескимъ поломъ, спасало народъ въ самыя тяжкія времена. Двадцать лѣтъ сѣверныя колѣна находились подъ игомъ хананеевъ, когда пророчица Девора, имѣвшая и значеніе судьи, призвала къ оружію Варака, который побѣдами своими и свергнулъ иго. Изъ этихъ вождей-защитниковъ всего легче было явиться царю; одному изъ нихъ, Гедеону, уже предлагали царство; но онъ отказался по нравственнымъ, религіознымъ побужденіямъ. И сказали израильтяне Гедеону: «владѣй нами ты и сынъ твой, и сынъ сына твоего, ибо ты спасъ насъ изъ руки мадіанитянъ». Гедеонъ сказалъ имъ: «Ни я не буду владѣть вами, ни мои сыны не будутъ владѣть вами; Іегова пусть владѣетъ вами». Сынъ Гедеона, Авимелехъ составилъ себѣ дружину изъ всякаго сброда, перебилъ почти всѣхъ своихъ братьевъ и образовалъ себѣ маленькое царство въ Сихемѣ: но онъ былъ убитъ при осадѣ одного города. Въ другомъ вождѣ-защитникѣ, Іевфаѣ, «Книга Судей» указываетъ намъ также вождя сборной дружины. Эти извѣстія, сохранившіяся въ историческихъ книгахъ евреевъ, драгоцѣнны для насъ: они объясняютъ бытъ древнихъ народовъ, находившихся, подобно евреямъ описываемаго времени, въ переходномъ состояніи, указываютъ на извѣстный повсюду способъ образованія дружинъ, вожди которыхъ своими подвигами, защитою мирныхъ жителей отъ враговъ пріобрѣтали власть. Іевфай былъ сынъ наложницы; братья, родившіеся отъ законной жены отца его, прогнали Іевфая, сказавши ему; «Ты не наслѣдникъ въ домѣ отца нашего, потому что ты сынъ другой женщины». Іевфай убѣжалъ отъ братьевъ своихъ, и жилъ въ землѣ Товъ; и собрались къ Іевфаю праздные люди и ходили съ нимъ. Спустя нѣсколько времени, аммонитяне пошли войною на Израиля. Пришли старѣйшины галаадскіе къ Іевфаю и сказали: «Для того мы теперь собрались къ тебѣ, чтобы ты пошелъ съ нами, и сразился съ аммонитянами, и былъ у насъ начальникомъ». И сказалъ Іевфай старѣйшинамъ галаадскимъ: «Если вы опять возьмете меня, чтобъ сразиться съ аммонитянами, и Господь предастъ мнѣ ихъ, то останусь ли я у васъ начальникомъ? Старѣйшины галаадскіе сказали Іевфаю: Господь да будетъ свидѣтелемъ между нами, что мы сдѣлаемъ по слову твоему! Іевфай пошелъ съ старѣйшинами галаадскими, и народъ поставилъ его надъ собою начальникомъ и вождемъ».

Ни одинъ изъ этихъ вождей-защитниковъ, пользовавшихся въ мирное время значеніемъ начальниковъ народныхъ или судей (суффетовъ), не достигъ царскаго достоинства, не передалъ своего значенія дѣтямъ. Передъ концомъ этого переходнаго времени въ исторіи евреевъ мы видимъ любопытное явленіе, какое видѣли вначалѣ: какъ прежде женщина, пророчица Девора была судьею, такъ теперь судьею становится человѣкъ божій, или пророкъ Самуилъ, успѣвшій одними нравственными средствами поднять народъ послѣ тяжкихъ пораженій отъ внѣшнихъ враговъ: «И была рука Господня на филистимлянахъ во всѣ дни Самуила. И былъ Самуилъ судьею Израиля во всѣ дни жизни своей. Изъ года въ годъ онъ ходилъ и обходилъ Веѳиль, и Галгалъ, и Масаѳу; и судилъ Израиля во всѣхъ сихъ мѣстахъ; потомъ возвращался въ Раму; ибо тамъ былъ домъ его, и тамъ судилъ онъ Израиля». Уже приготовлялась наслѣдственность судейскаго званія: состарѣвшись, Самуилъ поставилъ сыновей своихъ судьями надъ народомъ. Но Самуилъ создалъ свое значеніе единственно нравственными средствами; сыновья его могли удержать это значеніе въ своемъ домѣ только нравственными же средствами; наоборотъ, „сыновья его не ходили путями его, а уклонились въ корысть, брали подарки и судили превратно. И собрались всѣ старѣйшины Израиля, и пришли къ Самуилу въ Раму и сказали ему: вотъ ты состарѣлся, а сыновья твои не ходятъ путями твоими; и такъ поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ, и мы будемъ какъ прочіе народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить передъ нами, и вести войны наши".

Евреи получили царя; цари ходили предъ ними и вели ихъ войны; но успѣхъ этихъ войнъ зависѣлъ отъ внутреннихъ нравственныхъ причинъ, смотря по тому, царь былъ ли привержен къ отрезвляющей религіи предковъ, или зараженъ расслабляющею религіею окрестныхъ народовъ, пропаганда которой попрежнему велась сильная, обычнымъ путемъ, черезъ женщинъ. И попрежнему противъ царей, преданныхъ финикійскому идолослуженію, ратуютъ пророки.

Самымъ блестящимъ временемъ въ исторіи евреевъ было царствованіе втораго царя, Давида, вначалѣ знаменитаго героя, вождя дружины, изгнанника и предводителя изгнанниковъ и недовольныхъ, добывшаго царство съ бою. Всегда вѣрный Іеговѣ и въ этомъ отношеніи не нуждавшійся въ увѣщаніяхъ пророковъ, Давидъ иногда поддавался искушеніямъ власти и—тогда пророкъ являлся передъ нимъ съ напоминаніемъ о преступленіи и наказаніи. Сынъ Давида, премудрый Соломонъ, не можетъ противустоять женской пропагандѣ и строитъ храмы чуждымъ божествамъ. Послѣ его смерти политическое единство еврейскаго народа рушится; среди него является два царства, и одно изъ нихъ, Израильское, подвергается, преимущественно, заразѣ идолопоклонства, почему въ немъ и видимъ самую сильную борьбу между царями-отступниками и пророками. Борьба кончилась не побѣдою

пророковъ, и оба еврейскія царства были поглощены тигроевфратскими монархіями. Плѣнъ на чужой сторонѣ, плѣнъ Вавилонскій, какъ прежде тяжелое положеніе въ Египтѣ, подняли еврейскую народность и ея основу, религію Единаго. По возвращеніи изъ плѣна, евреи не служатъ чужимъ богамъ, пророковъ нѣтъ; но евреи ждутъ съ нетерпѣніемъ исполненія старыхъ пророчествъ, ждутъ Избавителя. Избавитель явился: Онъ былъ потомокъ Авраама; но Аврааму было обѣщано, что о сѣмени его благословятся всѣ народы земные; и ученики Іисуса Назорейскаго несутъ вѣсть избавленія ко всѣмъ народамъ. Исторія евреевъ становится священною исторіею народовъ.

Много было говорено о причинахъ успѣха христіанской проповѣди, причинахъ сверхъестественныхъ и естественныхъ. Говорить о первыхъ не входитъ въ кругъ нашей спеціальности; а много распространяться о вторыхъ не считаемъ нужнымъ. Для правильности и точности нашихъ наблюденій мы должны смотрѣть на христіанство, какъ на религію, и наблюдать, во сколько оно удовлетворяетъ религіозному чувству. Доказывать превосходство христіанскаго нравственнаго ученія нѣтъ надобности: оно очевидно. Возраженія противъ христіанства имѣли вовсе не здѣсь свой источникъ. Если бы христіанство было только нравственное философское ученіе, то оно не встрѣтило бы никакихъ возраженій со стороны такъ-называемыхъ философовъ, людей, пишущихъ философію исторіи. Но христіанство есть религія, и борьба противъ христіанства есть борьба противъ религіи вообще. Религія обнимаетъ отношенія человѣка къ Богу, отношеніе двухъ міровъ, видимаго и невидимаго: слѣдовательно необходимо условливаетъ такую сторону, которая не прилаживается къ обычнымъ человѣческимъ отношеніямъ, человѣческимъ средствамъ, по различію природы двухъ міровъ, двухъ существъ, которые приходятъ здѣсь въ соотношеніе. Религіозный человѣкъ требуетъ непосредственнаго вліянія Высшаго Существа на опредѣленіе отношеній между нимъ и собою, и потому необходимо подчиняться условію принимать такія явленія, которыя для него непостижимы или исходятъ совершенно изъ другого міра, отъ существа другой природы. И мало того, что религіозный человѣкъ подчиняется этому условію, онъ его требуетъ, какъ доказательство правильности и прочности своихъ отношеній къ Божеству, какъ доказательство, что дѣйствительно само Высшее Существо опредѣлило эти отношенія: отсюда необходимость положительной религіи. Религіозное чувство утверждается на невѣріи,—на невѣріи въ средства человѣка, въ средства его разума, невѣріи, основанномъ на ежедневномъ и вѣковомъ, вѣчномъ опытѣ. Религіозный человѣкъ есть человѣкъ положительный, который не можетъ стоять на колеблющейся, измѣняющейся почвѣ; который не можетъ успокоиться на вѣрѣ въ безконечный прогрессъ, т.-е. на вѣрѣ въ безконечное несовершенство, безконечныя ошибки, необходимо предполагаемыя безконечнымъ прогрессомъ; не можетъ успокоиться на этой вѣрѣ уже и потому, что въ основаніи ея видитъ одно предположеніе постоянно выгодныхъ условій для явленія,—предположеніе произвольное, не утвержденное на точныхъ наблюденіяхъ. Человѣкъ нерелигіозный не вѣритъ въ такъ-называемыя сверхъестественныя явленія, необходимыя для положительной религіи, требующей непосредственнаго участія Божества въ ея установленіи; онъ вѣритъ въ средства человѣка, въ его разумъ. Человѣкъ религіозный принимаетъ сверхъестественныя явленія, требуетъ ихъ именно потому, что не вѣритъ въ человѣческія средства, въ средства разума человѣческаго. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ двумя вѣрами и съ двумя невѣріями.

Христіанство при своемъ появленіи подѣйствовало быстро на религіозныхъ людей: они стали обращаться къ нему толпами, покидая старыя положительныя религіи, подготовленные скептицизмомъ какъ относительно существующихъ религіозныхъ вѣрованій, такъ и относительно человѣческихъ средствъ достигнуть религіозной истины. Христіанство обратилось къ самымъ чистымъ, самымъ высокимъ побужденіямъ человѣческой природы, къ самому могущественному чувству, связующему людей, къ чувству любви. Вмѣсто божества физическаго, совершенно чуждаго, природою своего не могущаго внушить сочувствія,—вмѣсто божества человѣкообразнаго, униженнаго до всѣхъ слабостей человѣческихъ и потому оскорблявшаго нравственное чувство, христіанство проповѣдывало существо совершеннѣйшее и требовавшее нравственнаго усовершенствованія отъ человѣка, существо отдѣльное и независимое отъ творенія, но близское къ человѣку, связанное съ нимъ любовью, опредѣляемое, какъ любовь. Но это опредѣленіе не есть простое слово: установленіе религіознаго отношенія есть актъ любви, въ которомъ высказалось существо Бога. Религіозное отношеніе устанавливается, высокое ученіе проповѣдуется не посредствомъ простаго человѣка: Слово Божіе, посредство религіознаго союза не въ книгѣ, не въ устахъ простаго человѣка, это Сынъ Божій, воплотившійся, пострадавшій, умершій для спасенія людей. Люди религіозные находятъ наконецъ себѣ настоящаго Бога, Котораго могутъ любить „всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслію", ибо этотъ Богъ есть любовь, высказавшій свое существо въ дѣлѣ искупленія. Человѣкъ сознаетъ различіе между добромъ и зломъ: „язычники являютъ дѣло законное, написанное въ сердцахъ своихъ"; дѣло религіи очистить, направить, заставить сознаніе принести плодъ, родить дѣло, заставить человѣка принести жертву Богу; а жертва безъ огня не приносится, и доброе дѣло безъ побужденія не дѣлается; побужденіе же должно быть чистое и святое, такое побужденіе есть любовь. Отличительная черта религіознаго человѣка есть сознаніе

своей слабости, грѣховности, паденія, невозможности нравственнаго очищенія собственными средствами, и христіанство вполнѣ удовлетворяетъ ему ученіемъ объ искупленіи. Христіанство вполнѣ успокоиваетъ религіознаго человѣка, потому что ставитъ наивысшее основаніе нравственности—любовь, основаніе незыблемое, вѣчное при всевозможныхъ измѣненіяхъ отношеній между людьми; при всевозможныхъ измѣненіяхъ политическихъ формъ, на всевозможныхъ ступеняхъ цивилизаціи; христіанство ставитъ общество, члены котораго любятъ другъ друга, какъ каждый изъ нихъ любитъ самъ себя. Религія можетъ измѣниться, когда человѣчество переростетъ этотъ идеалъ, потребуетъ идеала высшаго; но такъ какъ это немыслимо, то для религіознаго человѣка христіанство есть религія вѣчная. Обращаясь же къ его началу, онъ успокоивается тѣмъ, что оно находится въ самой тѣсной связи съ религіей народа, который одинъ изъ всѣхъ народовъ исповѣдывалъ единобожіе, главное явленіе въ исторіи котораго есть борьба внутренняя и внѣшняя за поддержаніе единобожія противъ господствующаго во всемъ мірѣ многобожія. Этому-то народу, котораго исторія есть необходимо исторія религіозная, священная, былъ обѣщанъ Тотъ, Котораго христіане признаютъ своимъ Богомъ Искупителемъ,—и, такимъ образомъ, оба откровенія, оба завѣта находятся въ необходимой связи.

Для объясненія успѣховъ христіанства говорятъ о приготовленіи къ нему человѣчества посредствомъ философіи, которая подкопала многобожіе, проповѣдала единобожіе и нѣкоторыя другія истины, вошедшія въ кругъ христіанскаго ученія. Но историкъ обязанъ прежде всего различать эти двѣ сферы—философскую и религіозную; истина философская достигается холоднымъ умственнымъ процессомъ; истина религіозная усвоивается горячею воспріемлемостью чувства. Философское ученіе, по природѣ своей, есть достояніе немногихъ. Если нѣкоторые изъ этихъ немногихъ приняли христіанство и защищали его своими средствами, то другіе ихъ собраты явились злыми врагами христіанства. Явленіе обращенія философовъ въ христіанство показывало только, что умственная развитость, соединенная съ обширными познаніями, не исключаетъ религіознаго чувства; тогда какъ люди нерелигіозные, безусловные поклонники разума человѣческаго, вѣровавшіе единственно въ его средства, относясь презрительно и враждебно ко всякой религіи, отнеслись точно такъ же и къ христіанству. Такимъ образомъ, если бы философія и могла приготовить къ христіанству, то—ничтожное число людей религіозныхъ и вмѣстѣ знакомыхъ съ философскими ученіями. Но мы знаемъ, что христіанство явилось среди народа, знаменитаго своею религіозностію, но нисколько не знаменитаго развитіемъ философіи, науки вообще,—народа, который «знаменія просилъ, а не премудрости искалъ», и въ этомъ-то народѣ христіанство проповѣдывалось и принималось среди людей самыхъ простыхъ, у которыхъ уже никакъ нельзя предположить философскаго приготовленія. По выходѣ христіанства изъ еврейскаго народа во всѣ концы вселенной, мы видимъ то же самое явленіе: къ нему обращаются толпами люди простые, въ которыхъ также нельзя заподозрить философскаго приготовленія; наконецъ, къ нему обращались цѣлые народы грубые, варварскіе, и это обращеніе всего лучше показываетъ, что для успѣховъ христіанства вовсе ненужно было философскаго приготовленія. Сами проповѣдники христіанства вполнѣ сознавали, что проповѣдуемое ими ученіе не можетъ ничѣмъ польстить эллина, ищущаго премудрости; что ихъ ученіе есть для него безуміе; они знали, что и среди евреевъ, просящихъ знаменія, для многихъ распятый Христосъ будетъ соблазномъ; но они знали, что ученіе о Богѣ, страдающемъ и умирающемъ за человѣчество, потрясетъ религіозныя души среди того и другого народа и явится для нихъ ученіемъ о Божіей силѣ и Божіей премудрости. Сила ученія высказывалась въ его проповѣдникахъ: пророки съ пламенными, жгучими рѣчами, нѣкогда являвшіеся среди одного народа израильскаго, теперь являются всюду и мученичествомъ запечатлѣваютъ свою любовь къ Богу и людямъ, свои убѣжденія въ истинѣ проповѣдуемаго ученія.

Странно толковать о томъ, какія нравственныя явленія произвело христіанство, какія безнравственныя явленія заставило исчезнуть: по своей сущности, любви, христіанство облегчало, возвышало и очищало всякое человѣческое отношеніе безъ исключенія; давало нравственную подготовку къ уничтоженію всякаго безнравственнаго явленія, и во время его существованія ослабляло его дѣйствія. Писатели, недостаточно внимательные къ послѣдовательности христіанскихъ отношеній, вытекающихъ изъ сущности христіанства, обыкновенно распространяются о томъ, что христіанство, отвлекая вниманіе своихъ послѣдователей отъ интересовъ здѣшней, земной жизни къ интересамъ жизни загробной, ослабляло въ нихъ патріотизмъ, сознаніе обязанности защищать отечество, сражаться за него; религія мира и любви, говорятъ, должна была отвращать отъ войны и не очень уважительно смотрѣть на воинскую доблесть. Но что предписываетъ христіанство своимъ послѣдователямъ?—любовь къ ближнему не на словахъ, а на дѣлѣ, увѣнчаніе этой любви пожертвованіемъ жизнію своею. На ближняго нападаютъ — обязанность христіанства защищать его до послѣдней капли крови; другое требованіе христіанства—исполнять свято всякую порученную обязанность, служить вѣрно и усердно предержащей власти: совокупность этихъ требованій—необходимо дѣлать изъ христіанина самаго доблестнаго воина. Доказательство на лицо: народы, начавшіе новую, *христіанскую* исторію Европы, развѣ отличались недостаткомъ воинской доблести? Скажутъ: это качество лежало въ ихъ природѣ;

но въ такомъ случаѣ нечего говорить о вліяніи христіанства, если оно не могло противодѣйствовать этой природѣ. Доказательство на лицо, когда въ числѣ святыхъ, особенно чтимыхъ нами, монаховъ, священниковъ и людей, исполнявшихъ разныя гражданскія должности, находятся воины (Георгій, два Ѳеодора, Іоаннъ, Димитрій и др.). Доказательство на лицо, когда у христіанскихъ народовъ вкоренено вѣрованіе, что воины, падшіе на полѣ битвы, вѣнчались вѣнцами мученическими. Уклоняясь отъ кидающагося въ глаза доказательства воинской доблести новыхъ христіанскихъ народовъ, обращаются ко временамъ паденія Римской имперіи, указываютъ здѣсь на отсутствіе патріотизма, воинской доблести и приписываютъ эти явленія вліянію христіанства, которое будто бы влекло своихъ послѣдователей въ пустыню, къ жизни отшельнической. Но слово «патріотизмъ», когда говорится о временахъ паденія Рима, вызываетъ улыбку: какой патріотизмъ могъ быть среди этой кучи народовъ, насильственно подчиненныхъ одному городу? Какое чувство преданности могло питать народонаселеніе отдаленныхъ провинцій къ этому городу, отъ котораго, кромѣ угнетеній, нечего было ждать провинціаламъ? Какимъ римскимъ патріотизмомъ могли быть наполнены разноплеменные жители провинцій, когда этого патріотизма давно уже не было въ самомъ Римѣ, ибо давно не было болѣе тѣхъ отношеній, которыя заставляли древнихъ, истыхъ римлянъ такъ храбро защищать свое орлиное гнѣздо, хотя уходъ плебеевъ на священную гору показываетъ, что всему бываетъ своя мѣра и предѣлъ, даже и хваленому римскому патріотизму.

Причины паденія Римской имперіи были всѣ на лицо при самомъ ея началѣ, когда Римъ утратилъ свои прежнія правительственныя формы, слѣдовательно задолго до объявленія христіанства господствующею религіею въ имперіи. Но почему же, скажутъ, христіанство, распространившись, не возбудило новаго гражданскаго духа, патріотизма въ народонаселеніи имперіи? Повторяемъ, что нечего было возбуждать, ибо римскаго патріотизма не могло быть у разноплеменныхъ народовъ, входившихъ въ составъ имперіи: Римъ не былъ отечествомъ для галла, испанца, нумидійца, грека, пафлагонянина и т. д. Страны и народы приготовлялись жить своею особою, слѣдовательно, независимою жизнью; каждый народъ готовился пріобрѣсть отечество и питать къ нему извѣстное чувство, которое мы называемъ патріотизмомъ, и которое христіанство готово было освятить; желѣзо же римской власти, вязавшее народы, давно перержавѣло. Съ другой стороны, кто же предполагаетъ, что съ того времени, какъ христіанство было объявлено господствующею религіею имперіи, всѣ подданные имперіи сдѣлались вдругъ истинными христіанами? Люди, согнившіе отъ нравственныхъ язвъ имперіи, продолжали оставаться въ этомъ печальномъ состояніи, не могли вдругъ подвергнуться благотворному вліянію христіанства, ибо приняли его чисто внѣшнимъ образомъ; людей же, принявшихъ его по убѣжденію и готовыхъ приводить въ исполненіе его правила, было немного, и хотя бы они всѣ стали воинами,—не могли удержать отъ паденія гнилаго, разваливающагося подъ тяжелыми ударами свѣжихъ, сильныхъ народовъ зданія имперіи.

Вотъ то немногое, что мы должны сказать вообще о христіанствѣ; но такъ какъ мы теперь приступаемъ къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію христіанскихъ народовъ, то понятно, что мы постоянно должны будемъ обращаться къ подробностямъ вліянія христіанства на эту жизнь.

Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ.

Часть вторая.

НОВЫЙ МІРЪ.

I.

Варвары.

При изученіи исторіи Греціи мы замѣчаемъ, что важнѣйшія явленія, измѣнявшія этнографическій и политическій видъ страны, происходили вслѣдствіе движенія народонаселенія съ сѣвера на югъ. Греція теряетъ свою независимость вслѣдствіе усиленія на сѣверѣ полуварварскаго, полугреческаго государства Македонскаго. Римъ, уже сильный среди городовъ и народовъ Италіи, едва не погибъ вслѣдствіе движенія варваровъ съ сѣвера, галловъ. Римская имперія распалась вслѣдствіе болѣе сильнаго и постояннаго движенія другихъ сѣверныхъ варваровъ—германцевъ. Римъ, въ періодъ своего роста, усиленія, велъ двѣ самыя крупныя и опасныя борьбы, съ карѳагенянами на югѣ и галлами—на сѣверѣ. Обѣ борьбы имѣли одинакій ходъ: сначала страшная опасность грозила Риму (который, по выраженію Саллюстія, боролся съ галлами не для славы, а за существованіе), но послѣ онъ оправлялся и покорялъ своихъ враговъ. Мы должны обратить вниманіе на этихъ галловъ, которые своими нашествіями наводили ужасъ не на одинъ Римъ, но и на Грецію, и на Азію; это было племя, сплошною массою раскинувшееся на огромныхъ пространствахъ древней Европы, племя, которое послужило основою для народовъ и теперь имѣющихъ важное значеніе; наконецъ, это племя и въ древнія времена, въ своемъ языческомъ и варварскомъ бытѣ, представляетъ черты, любопытныя для наблюдателя исторической жизни народовъ.

Галлы, или кельты, принадлежали, подобно пелазго-эллинамъ и италійцамъ, къ арійскому племени; но когда и какъ явились они въ Европу? Принимая въ соображеніе естественное, необходимое стремленіе переселяющихся народовъ занимать лучшія по природнымъ условіямъ страны; наконецъ, принимая въ соображеніе постоянное движеніе европейскихъ народовъ съ сѣвера на югъ, совершавшееся на памяти исторіи, мы должны принять, что при движеніи арійскихъ племенъ въ Европу были прежде всего заселены три южныхъ полуострова, Балканскій, Апеннинскій и Пиренейскій, съ посредствующими между ними приморскими частями, какъ, напримѣръ, южная Галлія. За этимъ первымъ движеніемъ арійскихъ племенъ, которому Греція, Италія и Испанія обязаны были своимъ населеніемъ, слѣдовало второе, движеніе кельтовъ, которые, найдя южную Европу уже занятою, должны были остановиться въ западныхъ частяхъ средней Европы, хотя не остались здѣсь въ покоѣ, но дѣлали сильныя и небезуспѣшныя попытки пробиться и на завѣтные полуострова южной Европы: такъ, они пробились въ Испанію, и послѣ долгой борьбы съ ея первоначальными насельниками, иберами, смѣшались съ ними; они пробились и въ Италію и заняли значительную ея часть.

Третьимъ движеніемъ арійскихъ племенъ въ Европу было движеніе славянъ, которые, найдя южную Европу и западныя части средней занятыми, должны были поселиться въ лучшей изъ остальныхъ частей, въ области Дуная и окрестныхъ земляхъ. Четвертымъ движеніемъ арійскихъ племенъ надобно отмѣтить движеніе литовское, и пятымъ—движеніе германцевъ, которые, не имѣя возможности въ первое время потѣснить племена, прежде пришедшія, и пробиваться чрезъ нихъ, должны были чрезъ области нынѣшней Россіи, рѣдко населенныя финнами, двигаться на северо-западъ, преимущественно, разумѣется, великими водяными путями, Днѣпромъ и также водами озернаго пространства, въ Балтійское море, населять Скандинавскій полуостровъ, и оттуда, побуждаемые увеличившимся народонаселеніемъ, двигаться далѣе на югъ. Мы употребляемъ здѣсь эти извѣстныя названія—кельты, славяне, литовцы, германцы условно, обозначая ими извѣстныя части европейско-арійскаго населенія, явившіяся однѣ за другими въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; но мы не можемъ опредѣлить, когда началось между ними то различіе, съ какимъ мы теперь представляемъ себѣ племена—кельтическое, славянское, литовское, германское. Хотя, разумѣется, обособленіе этихъ частей арійскаго племени въ различныхъ мѣстностяхъ Европы должно было съ самаго начала по-

вести къ образованію племенныхъ особенностей, отразившихся на языкѣ; но мы не можемъ опредѣлить, съ какого времени эти особенности становятся рѣзки: съ какого, напримѣръ, времени кельты, славяне, литва, германцы, т. е. арійцы съ береговъ Луары и арійцы съ береговъ Дуная, арійцы изъ Ютландіи и арійцы съ береговъ Виліи перестали понимать другъ-друга. Надобно положить, что это явленіе произошло очень не скоро, принимая въ разсчетъ продолжительное пребываніе ихъ въ самыхъ простыхъ формахъ быта. Когда они, на памяти исторіи, начали сталкиваться, то понимали ли они при этомъ другъ-друга—мы этого не знаемъ. Сами они ничего о себѣ не сказали, это были народы-дѣти, еще неговорящіе (infantes). Народы возрастные, имѣвшіе съ ними дѣло, плохо различали ихъ по племенамъ: отсюда и для насъ мало возможности достигнуть этого различенія; отсюда скудные результаты многочисленныхъ изслѣдованій о племенныхъ границахъ подъ руководствомъ языка, названій мѣстныхъ и личныхъ; пойдетъ изслѣдователь искать кельтовъ — и вездѣ ихъ найдетъ; то же случится и съ тѣмъ, кто пойдетъ искать славянъ, и съ тѣмъ, кто пойдетъ искать германцевъ, уже не говоря о необходимыхъ при такомъ исканіи натяжкахъ. Слово звучитъ прямо изъ извѣстнаго языка, напримѣръ, славянскаго:— повидимому, можно успокоиться; но какъ узнать, въ какое время это слово исчезло изъ языковъ кельтическихъ и германскихъ и стало исключительно собственностью славянскихъ?— а безъ этого знанія, какое ручательство для изслѣдователя, что онъ дѣйствительно попалъ на слѣды славянскаго племени? Наконецъ, смуту увеличиваетъ заимствованіе словъ, особенно собственныхъ именъ однимъ народомъ или племенемъ у другого, что могъ легко замѣчать Іордандъ въ VI-мъ вѣкѣ. Само собою разумѣется, что мы должны забыть ненаучныя побужденія, которыя иногда заставляли изслѣдователя стараться доказать древность пребыванія извѣстнаго племени въ Европѣ, какъ будто бы такое доисторическое или неисторическое существованіе могло что-нибудь прибавить къ исторіи народа; какъ будто бы европейская почва сама по себѣ давала какое-то благородство народамъ. Но если между арійскими племенами, позднѣе прибывшими въ Европу и населившими ея среднія и сѣверныя части, трудно провести рѣзкую границу (въ чемъ, разумѣется, виноваты народы образованные, оставившіе намъ извѣстія о нихъ, греки и римляне, не отличавшіеся точностію своихъ показаній относительно главнаго племеннаго отличія, языка),—то рѣзко отличались эти арійскія племена средней и сѣверной Европы отъ своихъ собратій, прежде нихъ пришедшихъ въ Европу и занявшихъ южныя ея оконечности: это различіе, кромѣ языка, заключалось во внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни. Обитатели трехъ южныхъ полуострововъ отличались сухощавостію, смуглостію, черными волосами и небольшимъ ростомъ; племена, жившія къ сѣверу отъ нихъ, отличались бѣлизною кожи, бѣлокурыми волосами, высокимъ ростомъ и вообще массивностію тѣла.

Что касается быта племенъ, то, относительно галловъ, мы имѣемъ дѣло съ народомъ, который не успѣлъ основать сколько-нибудь крѣпкаго государственнаго тѣла ни въ границахъ цѣлаго племени, ни въ границахъ извѣстныхъ частей его, несмотря на долговременное пребываніе галловъ въ однѣхъ и тѣхъ же странахъ. Хотя Цезарь, главный источникъ нашъ относительно быта галловъ, дѣлитъ всю независимую Галлію на три части, изъ которыхъ одну населяютъ белги, другую аквитаны, третью по-туземному кельты, а по-латыни галлы, и всѣ эти три части народонаселенія Галліи отличаются языкомъ, учрежденіями, законами; но, къ сожалѣнію, не говоритъ ни слова, въ чемъ именно состоитъ различіе; а тамъ, гдѣ говоритъ объ учрежденіяхъ (instituta), употребляетъ выраженія: *въ Галліи*, *во всей Галліи*. Это ведетъ къ заключенію, что въ главныхъ чертахъ быта не было различія между белгами, аквитанами и собственно галлами, различіе заключалось въ нѣкоторыхъ второстепенностяхъ, о которыхъ Цезарь не нашелъ случая говорить.

Мы получаемъ первыя извѣстія о галлахъ, какъ о народѣ воинственномъ, толпы котораго выходятъ изъ своей страны для занятія или опустошенія другихъ странъ. Потомъ извѣстія объ этихъ движеніяхъ галльскихъ на значительное время прекращаются, и начинается движеніе противъ галловъ съ двухъ сторонъ: со стороны цивилизованнаго Рима и со стороны варваровъ, германцевъ, вслѣдствіе чего бытъ галловъ вскрывается. Что же мы видимъ? Мы видимъ страну, населенную множествомъ народцевъ, изъ которыхъ сильнѣйшіе стремятся подчинить себѣ слабѣйшіе. Еще нѣсколько времени свободнаго, безпрепятственнаго внутренняго движенія, и, быть можетъ, одинъ народъ подчинилъ бы себѣ всѣ другіе и создалось бы сильное, сплоченное государство, залогъ независимаго существованія. Но движеніе сильныхъ враговъ съ двухъ сторонъ застало въ Галліи дѣло объединенія только въ зародышѣ; слабая своимъ разъединеніемъ и внутреннею борьбою, происходившею вслѣдствіе начавшагося стремленія къ объединенію, Галлія не могла противиться и скоро полегла передъ сильнѣйшимъ изъ двоихъ враговъ, какими были римляне.

Если мы въ исторіи галловъ встрѣчаемъ сильныя воинственныя движенія вначалѣ и потомъ смѣнившія ихъ внутреннія войны, усобицы, то уже заключаемъ, что изъ народной массы выдавались люди, болѣе способные къ воинскимъ подвигамъ, и народонаселеніе раздѣлилось на двѣ части— вооруженную и невооруженную, причемъ первая должна была получить господство надъ второй, кормиться на ея счетъ. Храбрѣйшіе, военные вожди получаютъ все значеніе, ибо, при условіяхъ общественной неразвитости или варварства, власть

принадлежитъ матеріальной силѣ, пріобрѣтается насиліемъ. Хабрый вождь окружается толпою подобныхъ ему храбрецовъ, которые подъ его знаменемъ ищутъ добычи и власти. Этотъ союзъ между вождями и дружиною основанъ на взаимной помощи и защитѣ; вожди, въ челѣ дружинъ своихъ, начинаютъ усобицы съ цѣлью пріобрѣтенія большей силы и богатства; сильные борются другъ съ другомъ—горе слабымъ! они спѣшатъ пріобрѣсти безопасность, отдаваясь въ покровительство сильныхъ, и закладничество или кліентство развивается въ чрезвычайной степени. Сказанное нами представляетъ явленіе, общее въ жизни народовъ. Для провѣрки приложимъ его къ галламъ, къ ихъ быту, какъ онъ описанъ у современниковъ. По Цезарю, во всей Галліи имѣли значеніе только два класса людей—жрецы (друиды) и благородные, или всадники (nobiles, equites); что же касается до остального, низшаго народонаселенія, то оно было на рабскомъ положеніи (paene servorum habetur loco), не смѣя ничего предпринять сами по себѣ, не участвуя ни въ какомъ совѣщаніи. Многіе, удрученные долгами и тяжестію податей или притѣсняемые сильнѣйшими, отдавались въ рабство благороднымъ, которые получали надъ ними всѣ тѣ права, какія господа имѣли надъ рабами.—Чѣмъ знатнѣе и богаче кто изъ всадниковъ, тѣмъ большимъ числомъ *амбактовъ* и *кліентовъ* окруженъ онъ,—говоритъ Цезарь. Амбактами, или солдурами, назывались дружинники, преданные вождю до такой степени, что не соглашались переживать его. Подъ кліентами надобно разумѣть такихъ закладчиковъ, которые хотя были сами изъ всадниковъ, имѣли собственность, свое хозяйство, но, для пріобрѣтенія безопасности, защиты, закладывались за сильнѣйшихъ, и наконецъ третій родъ зависимыхъ людей представляли указанные выше люди изъ черни, которые, по отсутствію средствъ къ самостоятельной жизни, шли въ услуженіе, въ рабство къ богатѣйшимъ. Это явленіе объясняется совершенно нашимъ древне-русскимъ холопствомъ, а кліентство закладничествомъ.

Такимъ образомъ, въ челѣ каждаго галльскаго народца стояла шляхта (nobiles, equites), окруженная большимъ или меньшимъ числомъ амбактовъ и кліентовъ, имѣвшая болѣе или менѣе холоповъ и рабовъ, ибо войны внѣшнія и внутреннія, также и купля доставляли недобровольныхъ рабовъ, которыхъ мы отличаемъ отъ холопей, какъ отдавшихся сами собою въ рабство, по свидѣтельству источниковъ. Между шляхтою было нѣсколько людей, нѣсколько фамилій богаче, сильнѣе, чѣмъ другіе, набольшіе, главные, князья, principes, какъ ихъ называетъ Цезарь. Низшая, невооруженная часть народонаселенія, plebs, недопускалась ни до какого совѣщанія (nullo adhibetur consilio), слѣдовательно сеймы составлялись изъ одной шляхты; кромѣ сеймовъ или совѣщаній, гдѣ присутствовала вся шляхта, былъ постоянный совѣтъ, который Цезарь по-своему называетъ сенатомъ, а членовъ его сенаторами. Избирались ли эти сенаторы и какъ избирались,—ничего неизвѣстно. Можно только видѣть отношеніе числа такъ называемыхъ сенаторовъ къ остальному народонаселенію: галльскій народецъ, нервіи, потерпѣвши отъ римлянъ страшное пораженіе, прислалъ къ Цезарю съ покорностію, и послы, описывая несчастное положеніе своего народа, говорили, что изъ 600 сенаторовъ осталось только трое, и изъ 60,000 способныхъ носить оружіе, осталось только 500 человѣкъ. У венетовъ Цезарь перебилъ всѣхъ сенаторовъ, а остальныхъ продалъ въ рабство; изъ этого видно, что Цезарь смотрѣлъ на сенаторовъ, какъ на вождей народныхъ, отъ которыхъ исходило сопротивленіе; видно, что между сенаторами были люди самые значительные и по матеріальнымъ средствамъ, и по личнымъ способностямъ. Во время той же войны Цезаря въ Галліи случилось, что нѣкоторые народцы истребили своихъ сенаторовъ за то, что тѣ не хотѣли возстанія противъ римлянъ. Наконецъ, приводится обычай, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ гальскихъ народцевъ, по которому не позволялось засѣдать въ сенатѣ двоимъ членамъ одной и той же фамиліи.

Кромѣ сенаторства, была высшая власть, которую облекался одинъ человѣкъ; эта власть не совсѣмъ ясно, какъ видно, представлялась Цезарю, и потому онъ употребляетъ для нея неопредѣленныя выраженія: верховная власть (summa imperii), главное начальство (principatus, magistratus, summus magistratus). За эту-то верховную верховную власть, которою извѣстное лицо облекалось только на одинъ годъ, шла обыкновенно борьба между сильнѣйшими людьми въ народцѣ, образовывались партіи. Сильнѣйшій кліенствомъ и связями съ другими сильными людьми побѣждалъ, становился главнымъ лицомъ въ народѣ и, не довольствуясь такимъ короткимъ срокомъ власти, однимъ годомъ, стремился къ власти болѣе продолжительной и крѣпкой, къ власти царской. Цезарь, указывая у нѣкоторыхъ народцевъ высшихъ начальниковъ и обозначая ихъ власть приведенными выше именами, у другихъ прямо указываетъ царей (reges), и приводитъ также случаи, когда люди, достигшіе принципата, стремились стать царями, но были умерщвляемы. «У карнутовъ былъ знатнѣйшій человѣкъ Тасгетій, котораго предки были царями у этого народа (regnum obtinuerant). Этому Тасгетію Цезарь, за его храбрость и доброе расположеніе къ себѣ, ибо во всѣхъ войнахъ пользовался особеннымъ его содѣйствіемъ, возвратилъ достоинство предковъ. Онъ уже царствовалъ третій годъ, какъ былъ убитъ врагами». У сеноновъ Цезирь далъ царское достоинство (regem constituit) Коварину, котораго братъ и предки были царями; но Коваринъ, узнавши, что его хотятъ убить, бѣжалъ. Целтиллій, изъ народа арверновъ, достигъ принципата всей Галліи, по выраженію Цезаря, но былъ убитъ своимъ на-

родомъ за то, что стремился къ царской власти. Какимъ образомъ Целтиллій могъ пріобрѣсти принципатъ всей Галліи — неизвѣстно; по всемъ вѣроятностямъ, это выраженіе преувеличенное. Въ разсказѣ Цезаря о переселеніи гельветовъ упоминается о зачинщикѣ дѣла, Оргеториксѣ, у котораго было до 10,000 людей, находившихся отъ него въ разныхъ степеняхъ зависимости, и которыхъ Цезарь, по римскимъ понятіямъ, называетъ его *фамиліею* (familia, famuli, servi). Могущественный Оргеториксъ стремится къ верховной власти и побуждаетъ къ тому же сильныхъ людей и у другихъ народовъ галльскихъ: у сеноновъ Кастика, котораго отецъ много лѣтъ владѣлъ царствомъ (regnum obtinuerat); у гэдуевъ Думнорига, который тогда держалъ принципатъ у своего народа и былъ любимъ низшею частію народонаселенія (plebi acceptus erat) Это послѣднее извѣстіе показываетъ намъ общее явленіе, что люди, домогающіеся верховной власти, опираются на низшій слой народа.

Несмотря на краткость, недосказанность, неточность извѣстій о галлахъ, мы, соблюдая крайнюю осторожность, можемъ вывести заключеніе, что имѣемъ дѣло со множествомъ народцевъ, несвязанныхъ другъ съ другомъ никакою политическою связью. При общей опасности, почином одного или нѣсколькихъ энергическихъ лицъ, могли образовываться союзы, могла поручаться военная власть одному вождю, но эти союзы заключались на международныхъ началахъ; заключавшіе эти союзы народцы давали другъ другу заложниковъ, или аманатовъ, по обычаю господствующему у варварскихъ народовъ. Внутри каждаго народца видимъ господство вооруженной части народонаселенія надъ невооруженною, которая находится въ ничтожномъ и бѣдственномъ положеніи. Сильнѣйшіе изъ вооруженнаго сословія ведутъ другъ съ другомъ борьбу за верховную власть; безопасности для слабѣйшихъ нѣтъ,—и потому господствуетъ закладничество слабѣйшихъ за сильнѣйшихъ, закладничество въ разныхъ видахъ, смотря по тому, каково значеніе захребетника или кліента. Но закладничество вело къ новымъ столкновеніямъ, къ новой борьбѣ, ибо выгода и честь патрона требовала не выдавать своего кліента ни въ какомъ случаѣ. Стремленіе сильнѣйшихъ, добившись до принципата, сдѣлаться царемъ, обыкновенно не увѣнчивалось успѣхомъ: обыкновенно честолюбцы платили за него жизнью. Отношенія, господствовавшія между шляхтою въ отдѣльныхъ народцахъ, повторялись и въ отношеніяхъ послѣднихъ другъ къ другу. При борьбѣ народцевъ другъ съ другомъ за власть, за усиленіе, слабѣйшій народецъ входилъ въ кліентскія отношенія къ сильнѣйшему.

При такомъ хаотическомъ состояніи галльскихъ народцевъ, при постоянной борьбѣ ихъ другъ съ другомъ и при борьбѣ внутри каждаго народца между сильнѣйшими изъ шляхты, когда, при всякомъ столкновеніи интересовъ, дѣло рѣшалось силою, когда обиженнымъ негдѣ было искать суда,—общество, по естественному и необходимому стремленію къ выходу изъ такого положенія, вызываетъ силу особаго рода, силу нравственную, нужную для установленія нѣкотораго порядка и единства, для суда, для рѣшенія дѣлъ человѣческими, а не животненными, насильственными средствами, однимъ словомъ, общество, для выхода изъ хаотическаго состоянія, вызывало жреческую власть. Галльскіе кудесники, или волхвы, люди, славившіеся знаніемъ вещей, которымъ не обладали остальные, воспользовались благопріятными обстоятельствами для пріобрѣтенія жреческаго значенія, значенія истолкователей высшей воли, способныхъ произнести правый приговоръ и принести умилостивительную, угодную богамъ жертву. Во всѣхъ странахъ, гдѣ послѣ героическаго періода между народонаселеніемъ, живущимъ на большихъ пространствахъ, дѣло идетъ о выработкѣ какой нибудь государственной формы, гдѣ начинается внутренняя борьба, производящая тотъ хаосъ, который мы встрѣчаемъ въ Галліи,—во всѣхъ такихъ странахъ значеніе жрецовъ чрезвычайно усиливается, какъ это мы и видимъ въ большихъ государствахъ Азіи и Африки; тогда какъ въ Греціи и Италіи, гдѣ въ небольшихъ городахъ установленіе извѣстнаго общественнаго строя пошло очень быстро, мы не видимъ сильнаго жреческаго класса. Въ Галліи, по словамъ Цезаря, только два класса жителей имѣли значеніе — друиды и всадники. Друиды занимаются вещами божественными, приносятъ жертвы публичныя и частныя, истолковываютъ религіозныя вещи; къ нимъ стекается большое число юношества для обученія. Они пользуются большимъ почетомъ, ибо произносятъ приговоры почти по всѣмъ спорнымъ дѣламъ, публичнымъ и частнымъ: случится ли какое нибудь преступленіе, убійство, идетъ ли споръ о наслѣдствѣ, о межахъ — друиды рѣшаютъ дѣла, опредѣляютъ награды и наказанія; если частный человѣкъ или народъ не приметъ ихъ рѣшенія, такого отлучаютъ отъ жертвоприношеній. Это наказаніе у нихъ самое тяжелое. Отлученные считаются нечестивыми и беззаконными, ихъ всѣ чуждаются, избѣгаютъ ихъ присутствія и разговора, чтобы не заразиться отъ нихъ; ихъ жалобы на судѣ остаются безъ вниманія; они не удостоиваются никакого почета. Всѣ друиды подчинены одному начальнику: по смерти начальника, ему наслѣдуетъ самый видный по достоинству, а если есть нѣсколько равныхъ, то избирается голосами друидовъ, иногда споръ рѣшается оружіемъ. Друиды въ назначенное время года собираются въ мѣсто, которое считается серединою всей Галліи: сюда сходятся всѣ, имѣющіе тяжбы, и подчиняются ихъ суду и рѣшеніямъ. Начало ученія друидовъ ведутъ изъ Британіи, и желающіе обстоятельнѣе ознакомиться съ нимъ, по большей части, отправляются для этого туда. Друиды не участвуютъ въ войнахъ и не платятъ

податей; вслѣдствіе такихъ выгодъ, многіе и добровольно идутъ въ друиды, и посылаются родителями и родственниками. Основнымъ ученіемъ друидовъ было ученіе о переселеніи душъ, которое отнимало у галловъ страхъ смерти; кромѣ того, они много толковали и передавали молодежи о звѣздахъ и движеніи ихъ, о величинѣ міра и земли, о натурѣ вещей, о могуществѣ боговъ. Но нельзя очень высоко ставить друидскую мудрость, ибо тотъ же Цезарь говоритъ намъ, что желавшіе основательнѣе изучить друидизмъ ѣздили для этого въ Британію; а извѣстно, что изъ всѣхъ галловъ жители Британіи отличались особенною дикостью. Противорѣчіе уничтожается тѣмъ, что у дикихъ народовъ особенно процвѣтаетъ волшебство и кудесничество: затѣмъ-то континентальные галлы и отправлялись къ своимъ дикимъ британскимъ соплеменникамъ. Притомъ надобно замѣтить, что какъ ни высоко ставитъ Цезарь значеніе друидовъ, однако въ его разсказѣ о Галльской войнѣ дѣятельности ихъ вовсе незамѣтно.

Друиды могли получить важное значеніе именно вслѣдствіе безпорядочнаго, хаотическаго состоянія галльскихъ народцевъ, а потому у нихъ не могло быть побужденій къ прекращенію этого безпорядка, побужденій содѣйствовать установленію единства и крѣпкаго правильнаго правительства въ какой бы то ни было формѣ. Установленію такого правительства препятствовало положеніе низшаго сословія, которое не принимало ни въ чемъ участія, находилось почти въ рабскомъ состояніи. Высшее сословіе, не чувствуя никакого давленія со стороны низшаго, не имѣло по тому самому побужденій сосредоточиваться, соединять свои силы, забывать частные интересы для общаго дѣла, и потому видимъ безконечную усобицу между его членами, усобицу вредную, разрушительную, вовсе непохожую на борьбу политическихъ партій, на борьбу патриціевъ съ плебеями, которая держала въ сосредоточеніи силы обѣихъ сторонъ; только внѣшній толчекъ, внѣшняя опасность заставляли прибѣгать къ соединенію силъ, къ общему дѣйствію, къ общей власти; но опасность проходила, и все принимало прежній видъ.

Въ такомъ положеніи находились галлы, когда страшные враги съ двухъ сторонъ явились въ ихъ предѣлахъ—римляне и германцы. Галлы не только не могли съ успѣхомъ сопротивляться ни тѣмъ, ни другимъ, но еще сами пригласили ихъ къ вмѣшательству въ свои внутреннія дѣла, какъ обыкновенно бываетъ съ слабыми внутренне народами, какъ бы ни была различна степень ихъ цивилизаціи. Мы уже видѣли, что въ Галліи народы, стремясь къ усиленію, вели борьбу другъ съ другомъ, причемъ слабѣйшіе, чтобъ избавиться отъ насилій, закладывались за сильнѣйшіе, и такимъ образомъ нѣкоторые болѣе сильные народы являлись окруженные народцами-кліентами. Съ помощью римлянъ сильно поднялся народъ эдуи; но другіе два народа—арверны и секваны—не хотѣли дать эдуямъ усилиться, и, не имѣя возможности сладить съ ними одни, призвали на помощь германцевъ. Послѣдніе, ждавшіе перваго случая промѣнять суровыя зарейнскія страны на Галлію, явились на зовъ; эдуи были сокрушены, но секваны недолго радовались своей побѣдѣ: призванный ими на помощь король свевовъ, Аріовистъ, утвердился у нихъ, отобралъ у нихъ третью часть земель; но и этого ему было мало. Галлы увидѣли, что имъ придется мало по малу уступить всю свою землю зарейнскимъ выходцамъ, а потому бросились къ римскому проконсулу Юлію Цезарю съ просьбою о помощи. Цезарь отогналъ германцевъ отъ границъ Галліи; но галлы испугались, что призвали къ себѣ другого господина, и вооружились противъ римлянъ, слѣдствіемъ чего было завоеваніе Цезаремъ всей Галліи, совершенное въ семь лѣтъ.

Мы не будемъ отнимать важнаго значенія у этого событія; мы замѣтимъ одно, что завоеваніе Галліи римлянами относится къ разряду войнъ народовъ, стоящихъ на высокой степени цивилизаціи, выражающейся и въ искусствѣ военномъ, съ народами варварскими, къ разряду завоеванія пруссовъ нѣмецкими рыцарями, народовъ Новаго Свѣта испанцами, завоеванія Индіи португальцами, англичанами, Сибири и странъ средней Азіи—русскими, войнъ послѣднихъ съ турками и персіянами,—войнъ, гдѣ качество беретъ постоянно верхъ надъ количествомъ. Мы знаемъ, какъ толпы дикарей, вовсе не робкихъ, разбѣгались при видѣ лошадей, при ружейныхъ выстрѣлахъ: подобное тому видимъ и въ войнѣ Цезаря съ галлами. При осадѣ одного галльскаго города римляне устроили крытыя галлереи, подъ ихъ защитою терассу, построили деревянную башню, которую должно было двинуть противъ городской стѣны. Галлы, презиравшіе римлянъ за ихъ малый ростъ, смѣялись надъ строителями такихъ хитростей, которыя, находясь въ далекомъ разстояніи отъ города, не могли, по ихъ мнѣнію, сдѣлать ему никакого вреда. И вдругъ они видятъ, что башня двигается и приближается къ стѣнамъ города: въ ужасѣ они уже не думаютъ болѣе о защитѣ и посылаютъ просить мира.

Военное искуство, которымъ римляне безконечно превосходили варваровъ, давало имъ возможность такъ скоро покорить Галлію, какъ бы ни были варвары храбры и многочисленны; но мы имѣемъ основаніе ограничить и эти два условія. По словамъ Цезаря, было время, когда галлы превосходили германцевъ храбростію, нападали на другіе народы, высылали свои колоніи за Рейнъ; но въ его время галлы были уже не тѣ: близость римской провинціи, знакомство съ предметами роскоши испортила ихъ, ослабивъ ихъ прежнюю храбрость, такъ что они сами не смѣли равняться въ ней съ германцами. Цивилизація подѣйствовала на галловъ разслабляющимъ, развращающимъ образомъ, но не дала имъ новыхъ средствъ, благодаря которымъ они могли бы стать въ уровень съ цивилизованными народами; они познакомились съ пѣ-

которыми предметами роскоши, привозимыми къ нимъ чужими купцами, но не переняли отъ своихъ цивилизованныхъ сосѣдей военнаго искусства, не развили промышленности и торговли, чему доказательствомъ служатъ галльскіе города въ эпоху завоеванія Галліи римлянами. По словамъ Цицерона, не было ничего бѣднѣе городовъ галльскихъ. Дѣйствительно, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, городами у галловъ назывались болѣе или менѣе обширныя огороженныя пространства, назначенныя для защиты окрестнаго народонаселенія на случай непріятельскаго нападенія; а эти случаи, какъ мы знаемъ, были очень часты въ Галліи. Городъ былъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ по своему положенію представлялъ болѣе средствъ къ защитѣ. Иногда, при нападеніи сильнаго врага, цѣлый народецъ покидалъ всѣ свои города и запирался въ одномъ городѣ, особенно укрѣпленномъ природою. Извѣстія о галльскихъ городахъ важны для насъ въ томъ отношеніи, что даютъ ключъ къ уразумѣнію подобныхъ же извѣстій о городахъ у другихъ народовъ, стоявшихъ на одинаковой бытовой ступени съ галлами. Легкость, къ какою галлы покидали, жгли свои города, указываетъ на значеніе послѣднихъ; гельветы сожгли всѣ свои города, намѣреваясь покинуть страну и поселиться въ другомъ мѣстѣ; если въ народѣ сохранилась еще возможность такихъ переселеній, то нельзя принимать ихъ городовъ въ нашемъ смыслѣ.

Народонаселеніе всей Галліи полагаютъ гадательно свыше семи милліоновъ, основываясь на цифрахъ контингентовъ, доставлявшихся отдѣльными народцами во время войны съ римлянами. Но здѣсь прежде всего является вопросъ: можно ли положиться на эти цифры. Можно ли предположить процвѣтаніе статистики среди галльскихъ народцевъ; предположить, что они съ точностію знали количество народонаселенія у себя и могли съ точностію опредѣлить, что выставятъ именно такое число войска, и кто у нихъ имѣлъ силу заставить выдти въ поле именно такое число. Достаточно было, что толпа представлялась большою: притомъ всѣ единогласно ставятъ хвастливость, способность преувеличивать въ числѣ національныхъ чертъ у галловъ; у римлянъ же не было побужденій уменьшать цифры враговъ и тѣмъ ослаблять значеніе своихъ подвиговъ. По окончаніи войны съ Аріовистомъ, Цезарь узналъ, что народцы бельгійскіе вооружаются противъ него, составили союзъ, дали другъ другу заложниковъ. Онъ поспѣшилъ предупредить ихъ и внезапно явился въ землѣ ремовъ, ближайшаго къ собственной Галліи бельгійскаго народа. Застигнутые врасплохъ, ремы отправляютъ къ нему знатныхъ людей съ увѣреніями, что они нисколько не участвуютъ въ союзѣ съ остальными белгами и готовы сдѣлать все, что имъ прикажетъ римскій полководецъ. Цезарь спрашиваетъ у этихъ ремскихъ посланныхъ, каковы могутъ быть силы белговъ, и они ему начинаютъ разсказывать, что вотъ чрезвычайно сильный народъ белловаки, и, по храбрости и по многочисленности своей могутъ выставить 100,000 вооруженныхъ людей и обѣщали они прислать противъ римлянъ 60,000; другіе народы обѣщали по 50,000 и т. д., такъ что выходило всего белгійскаго войска 296,000. Это-то показаніе ремовъ о бельгійскихъ контингентахъ и берутъ, между прочимъ, въ основаніе выкладокъ, изъ которыхъ выходитъ, что во всей Галліи было болѣе 7.000,000 жителей. Понятно, что ремскіе посланцы, кромѣ національной страсти, должны были имѣть сильное побужденіе преувеличивать могущество бельгійскаго союза, чтобы напугать римлянъ и заставить ихъ уйти; но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Цезарь не ушелъ; белги явились, бились съ римлянами и вдругъ побѣжали по домамъ, и первые побѣжали знаменитые своею храбростію и многочисленностію белловаки, ибо узнали, что союзные римлянамъ эдуи отправлены Цезаремъ для вторженія въ ихъ землю. Цезарь пошелъ по слѣдамъ бѣгущихъ и покорялъ каждый народецъ отдѣльно; когда онъ пришелъ къ белловакамъ, то этотъ знаменитый народъ собрался со всѣми пожитками въ одинъ городъ, и когда Цезарь приблизился къ нему, то изъ воротъ вышелъ старикъ съ мольбою принять ихъ въ римское подданство.

Такъ было вначалѣ. Обратимся къ концу, когда галлы, видя послѣдствія утвержденія у себя римлянъ, рѣшились воспользоваться смутою въ Римѣ, и соединенными силами выжить поработителей, когда они пріобрѣли и вождя, способнаго стать во главѣ народнаго дѣла. Въ лѣсахъ, въ глухихъ мѣстахъ идутъ совѣщанія, бьютъ римскихъ купцовъ, людей, заготовляющихъ припасы для цезарева войска. Является вождь возстанія; но любопытно, какъ онъ является, какими средствами начинаетъ дѣло. Въ народѣ арверновъ былъ молодой человѣкъ Верцингеториксъ, сынъ упомянутаго выше Целтилла, который какъ-то достигъ принципата всей Галліи, но былъ убитъ за то, что стремился къ царской власти. Сынъ хотѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы достигнуть отцовскаго значенія съ большею безопасностію. Верцингеториксъ начинаетъ дѣло, какъ знатный галльскій шляхтичъ, въ челѣ своихъ кліентовъ; но остальные вельможи арвернскіе и вмѣстѣ съ ними родной дядя Верцингеторикса, не хотятъ, чтобы сынъ шелъ по отцовскимъ слѣдамъ и мѣшаютъ ему; его выгоняютъ изъ города Герговіи. Тогда Верцингеториксъ становится вождемъ сбродной дружины, набираетъ себѣ *голутьбу* по буквальному переводу (in agris habet delectum egentium at perditorum). Состояніе Галліи чрезвычайно способствовало образованію подобныхъ шаекъ угнетеніемъ низшихъ классовъ, отсутствіемъ возможности достигать своимъ трудомъ обезпеченнаго, независимаго положенія и, наконецъ, удобствомъ къ укрытію людей, живущихъ на чужой счетъ въ дикой, малонаселенной, покрытой густыми лѣсами странѣ. Кромѣ приведеннаго извѣстія о

Верцингеториксѣ, въ разсказѣ Цезаря о Галльской войнѣ мы находимъ еще любопытное извѣстіе о голутьбѣ и ея движеніяхъ: когда прежде въ землѣ венелловъ Виридовиксъ сталъ вождемъ возстанія противъ римлянъ, то къ нему изъ разныхъ мѣстъ Галліи стеклись большія толпы «погибшихъ людей и разбойниковъ, которыхъ надежда добычи и охота повоевать отвлекала отъ земледѣлія и ежедневнаго труда» (perditorum hominum latronumpue, quos spes praedandi studiumque bellandi ab agricultura et cotidiano labore revocabat). Разсказывается также о Сенонцѣ Драппетѣ, который во время возстанія галловъ противъ римлянъ собралъ отовсюду погибшихъ людей, призвалъ рабовъ къ свободѣ, привлекъ изгнанниковъ изъ всѣхъ народовъ и разбойниковъ. Здѣсь очень важно извѣстіе объ изгнанникахъ, ибо усобицы за власть должны были увеличивать число изгнанниковъ; побѣжденъ—и долженъ былъ оставить родину сильный человѣкъ, съ нимъ вмѣстѣ должны были осуждать себя на изгнаніе и люди ему преданные или зависимые. Знаменитый изгнанникъ естественно становился вождемъ изгнанниковъ менѣе знаменитыхъ, вождемъ всѣхъ недовольныхъ. И Верцингеториксъ былъ изгнанъ, вслѣдствіе чего явился вождемъ сбродной дружины. Съ помощію своей новой дружины, Верцингеториксъ выгналъ изъ города своихъ противниковъ, и дружина провозгласила его царемъ. Свидѣтельство драгоцѣнное, присоединяющееся уже къ приведеннымъ нами прежде указаніямъ о значеніи дружинъ при образованіи верховной власти у первобытныхъ народовъ,—свидѣтельство, которое уясняетъ происхожденіе знаменитой дружины Ромула, плебеевъ и значеніе самого Ромула съ товарищами, и отношенія этихъ вождей сбродной дружины къ родовикамъ, отецкимъ дѣтямъ, патриціямъ. Теперь Верцингеториксъ, во главѣ своей дружины, точно также относился къ галльскимъ вельможамъ, къ шляхтѣ. Но и самъ Цезарь былъ не иное что, какъ Верцингеториксъ цивилизованнаго міра, стремившійся захватить верховную власть съ помощію своей сбродной, отлично дисциплинированной дружины, ибо римскіе легіоны давно потеряли гражданскій характеръ.

Верцингеториксъ сначала имѣлъ успѣхъ: народцы начали приставать къ нему изъ ненависти къ римлянамъ, видя въ немъ человѣка, около котораго можно было сосредоточиться для успѣшной борьбы съ завоевателями; но не всѣ, во-первыхъ, хотѣли борьбы съ римлянами, не всѣ разсчитывали на возможность вести ее съ успѣхомъ; во-вторыхъ, не всѣ хотѣли вести ее подъ начальствомъ Верцингеторикса, котораго уже величали царемъ. Цезарь признаетъ въ своемъ соперникѣ величайшую энергію; но къ этой энергіи, по его словамъ, Верцингеториксъ присоединилъ величайшую строгость: жестокими казнями принуждалъ онъ нерѣшительныхъ къ дѣятельности; за важное преступленіе умерщвлялъ огнемъ и всякаго рода муками, за легкую вину обрѣзывалъ уши или выкалывалъ по одному глазу и изувѣченныхъ такимъ образомъ отсылалъ на мѣста жительства, для устрашенія оставшихся. Началась борьба съ римлянами,—борьба послѣдняя, тяжелая для завоевателей. До сихъ поръ гэдуи были постоянными союзниками римлянъ; въ ихъ городъ Новіодунъ Цезарь переслалъ галльскихъ заложниковъ, съѣстные припасы, казну, обозъ, множество лошадей, закупленныхъ для войны въ Италіи и Испаніи. Теперь гэдуи перешли на сторону возставшихъ, подѣлили между собою римскія деньги и лошадей, хлѣбъ; чего не могли увезти—сожгли и потопили; повсюду разсылаютъ посольства возбуждать къ возстанію, въ чемъ легко успѣваютъ, потому что въ ихъ рукахъ заложники, взятые Цезаремъ. Гэдуи входятъ въ сношеніе съ Верцингеториксомъ и стараются получить гегемонію среди возставшихъ народовъ. Но это дѣло поручается сейму, на который сходятся депутаты всѣхъ галльскихъ народцевъ, исключая троихъ. Сеймъ рѣшаетъ, что главное начальство надъ союзнымъ войскомъ должно быть предано Верцингеториксу. Гэдуи очень оскорблены, и главные изъ ихъ вельможъ, молодые люди Эпоредориксъ и Варидомаръ, неохотно повинуются Верцингеториксу. Послѣдній приказываетъ набрать немедленно 15,000 конницы: «пѣхоты же»,—говорилъ онъ,—«у меня довольно; я не дамъ сраженія, но, имѣя многочисленную конницу, очень легко будетъ перехватывать у римлянъ продовольствіе, только уничтожайте собственные запасы и жгите зданія, и, въ вознагражденіе за эти потери, получите постоянное владычество и свободу». Но когда заказанная конница (мы видѣли, что онъ заказалъ 15,000) явилась, когда Верцингеториксъ увидѣлъ у себя большое войско и узналъ, что Цезарь двигается быстро къ границамъ римской провинціи (Прованса) для ея защиты, то галлъ позабылъ свою осторожность, и, созвавши начальниковъ конницы, объявилъ имъ, что необходимо напасть на удаляющихся римлянъ, иначе они возвратятся съ большими силами и не будетъ конца войнѣ. Галлы восторженными криками отвѣчаютъ на предложеніе своего вождя, вступаютъ въ битву съ римлянами и терпятъ страшное пораженіе. Верцингеториксъ запирается въ городъ Алезію (деревня Alise—Sainte-Reigne), Цезарь осаждаетъ его; происходитъ другое конное сраженіе, въ которомъ Цезарь одерживаетъ побѣду, благодаря германцамъ, бывшимъ въ его войскѣ. Послѣ этого пораженія Верцингеториксъ тайно, ночью, отослалъ конницу по домамъ, наказавши уходившимъ всадникамъ, чтобъ каждый старался поднять свой народецъ, уговорить къ поголовному вооруженію, чтобъ спасти его, человѣка, оказавшаго такъ много заслугъ, и вмѣстѣ съ нимъ спасти 80,000 избраннаго галльскаго войска. Изъ этихъ словъ узнаемъ, что съ Верцингеториксомъ въ Алезіи было 80 т. галловъ; силы осаждающихъ считаютъ около

70,000. Всадники, распущенные по домамъ, исполнили порученіе: галльскіе вельможи собрались и опредѣлили не поголовное вооруженіе, но чтобъ каждый народъ выставилъ извѣстное количество войска: всего составилось 240,000 пѣхоты и 8,000 конницы, которые и явились, подъ начальствомъ четырехъ вождей, къ Алезіи, на выручку Верцингеторикса. Такимъ образомъ, если примемъ эти цифры за достовѣрныя, Цезарь долженъ былъ имѣть дѣло съ 320,000 слишкомъ непріятелей. Галлы шли къ Алезіи съ надеждою, что римляне побѣгутъ при первомъ появленіи такой громады; но римляне не ушли, и въ первой же битвѣ галльская громада потерпѣла пораженіе, опять благодаря германцамъ, служившимъ Цезарю. Послѣ втораго пораженія, пришедшіе на помощь галлы разсѣялись, и Верцингеториксъ принужденъ былъ сдаться. Послѣ этой неудачи общаго возстанія, Цезарь встрѣчалъ только частныя сопротивленія, которыя были сломаны одно за другимъ, и вся Галлія была присоединена къ римскимъ владѣніямъ.

Страна варварская была завоевана цивилизованнымъ народомъ, присоединена, какъ часть, къ огромному цѣлому. Римская цивилизація была перенесена въ Галлію; римское управленіе не хотѣло знать прежняго быта галловъ по народцамъ, прежнихъ отношеній одного народа къ другимъ, самостоятельныхъ народовъ къ народамъ-кліентамъ; оно располосовало всю страну по-своему, какъ ему было удобнѣе, устроило правительственные центры въ нѣкоторыхъ старыхъ галльскихъ городахъ, давъ имъ новыя названія, или построивъ для этого новые города. Римское управленіе сгладило особенности, существовавшія между частями народонаселенія, прикрыло его одною форменною одеждою. Галльская шляхта заговорила по-латыни, завела у себя школы; нѣкоторые изъ знатной шляхты попали въ римскій сенатъ. Но при этомъ для насъ важно знать, какія перемѣны римское господство произвело въ экономическомъ бытѣ страны, перемѣны въ распредѣленіи богатствъ; отчего зависѣли отношенія между членами народнаго тѣла и отношеніе ихъ къ государству. Получая съ отдаленнаго Востока дорогія произведенія природы, служащія роскоши нашей пищи и одежды, нашей бытовой обстановки, мы составили себѣ понятіе о богатствѣ Востока; но внимательное изученіе Востока заставляетъ видѣть здѣсь предразсудокъ, заставляетъ замѣнить выраженіе: «богатство Востока» — выраженіемъ «бѣдность Востока». То же самое надобно допустить и относительно благосостоянія, богатства древнихъ, остатки быта которыхъ поражаютъ насъ своею художественностію и величіемъ; но освободимся отъ перваго впечатлѣнія, изучимъ подробности, и откроется другая сторона быта, откроется бѣдность его. Римъ и въ варварскія страны, ему подчинившіяся, перенесъ потребности своего государственнаго быта, своей цивилизаціи. Города, служившіе правительственными центрами, были виднѣе прежнихъ галльскихъ городовъ, явились цирки, храмы, водопроводы, дороги. Но эта великолѣпная обстановка скрывала за собою большую бѣдность, сосредоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ, тяжесть податей, отъ которыхъ бѣгутъ горожане, правители городскіе, и стремленіе правительства закрѣпостить ихъ, исчезновеніе свободнаго сельскаго населенія, усиленіе закладничества, холопства, рабства въ громадныхъ размѣрахъ. Всѣ эти явленія намъ очень знакомы: мы ихъ встрѣчаемъ въ древней до-петровской Руси и по нимъ, какъ самымъ вѣрнымъ признакамъ, заключаемъ о крайней бѣдности страны, о крайней экономической неразвитости. Встрѣчая ихъ въ Римской имперіи, дѣлаемъ тотъ же выводъ, видны одинакія явленія въ молодомъ, неокрѣпшемъ тѣлѣ, но имѣющемъ развиваться и крѣпнуть, и въ тѣлѣ дряхлаго человѣка, имѣющемъ разложиться, выдѣлить изъ себя новыя тѣла, которыя начнутъ жить при той же обстановкѣ экономическаго быта, но при новыхъ условіяхъ развитія, которыя мало-по малу поведутъ къ измѣненіямъ въ экономическомъ бытѣ. Римская имперія составилась путемъ завоеванія, и здѣсь уже одна изъ главныхъ причинъ ея дряхлости, бѣдности, ибо завоеваніе предполагало опустошеніе, порабощеніе, изсякновеніе источниковъ богатства, остановку правильнаго обращенія послѣдняго, приливъ его къ нѣкоторымъ только частямъ тѣла,—отсюда болѣзнь и параличъ. Вспомнимъ, что сдѣлали завоевательные римскіе легіоны въ Греціи, Азіи, Африкѣ, Галліи, повсюду, гдѣ проходили; вспомнимъ, какъ была опустошена, вслѣдствіе усобицъ, сама Италія, и мы узнаемъ, какую бѣдность получила Римская имперія въ наслѣдство отъ уничтоженной ею республики. И въ этомъ-то бѣдномъ, малонаселенномъ государствѣ главная и нудящая потребность состояла въ содержаніи большаго войска для защиты границъ, растянутыхъ на обширнѣйшихъ пространствахъ, и для внутренней защиты правительства. Трудно было содержать войско, трудно было набирать его: въ высшемъ слоѣ отвращеніе отъ опасной и тяжелой службы, развратъ, и отсюда слабость физическая и нравственная, безплодіе браковъ и отвращеніе къ нимъ; въ низшихъ—рабство, и среди свободныхъ—то же разслабленіе и холодность къ гражданскимъ интересамъ.

Въ составъ такой-то имперіи должна была войти Галлія, послѣдующая судьба которой особенно важна для насъ, ибо состояніе ея во время завоеванія намъ болѣе извѣстно, чѣмъ состояніе какой либо другой римской провинціи. Народонаселеніе Галліи, если бы и было значительно до завоеванія, то сильно поубавилось отъ истребительной войны. Не говоря уже о потеряхъ во время битвъ, когда изъ 60,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, оставалось только 500 человѣкъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что какой нибудь народъ истребилъ самъ всѣхъ своихъ сенаторовъ, или, раздраженный сопротивленіемъ, побѣдитель продалъ въ рабство 53,000 человѣкъ; венеты потеряли на войнѣ всю

свою молодежь, всѣхъ главныхъ гражданъ, остальные сдались побѣдителю, но Цезарь предалъ смерти сенаторовъ, а остальныхъ жителей продалъ въ рабство. По увѣщанію Верцингеторикса, галлы сами истребляли свои городки. Такимъ образомъ, Галлія досталась Риму въ видѣ страны опустошенной, для возстановленія и преуспѣянія которой надобны были продолжительныя благопріятныя обстоятельства. Но объ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нельзя было мечтать при римскомъ управленіи. Напрасно галлы жаловались императору Августу на неслыханные грабежи его прокуратора Лицинія, который былъ самъ галлъ родомъ. Нѣкоторымъ галльскимъ народцамъ позволено было остаться независимыми въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, т. е. при томъ извѣстномъ намъ бытѣ, который не представлялъ условій благосостоянія или движенія къ нему. При Тиберіи дѣла пошли еще хуже чѣмъ при Августѣ, ибо подати увеличились, мытари (publicani) свирѣпствовали. Галлы не вытерпѣли и возстали; но возстаніе не имѣло успѣха; оба предводителя возстанія, галлы, но уже съ латинскими именами, лишили сами себя жизни. Скоро въ Ліонѣ увидали Калигулу, занимавшагося казнію лучшихъ галловъ и конфискаціею ихъ имуществъ; оставшіеся въ живыхъ должны были покупать огромною цѣною конфискованныя имущества; такимъ образомъ, Римская имперія принесла новое средство собиранія громадной земельной собственности въ однѣхъ рукахъ. Деньги шли на публичныя зрѣлища въ Ліонѣ и на раздачу войску. Однажды Калигула игралъ въ кости съ своими, проигралъ и потребовалъ списокъ богатѣйшихъ галловъ; отмѣтивъ извѣстное число ихъ на смертную казнь, онъ возвратился къ играющимъ съ словами: «Вы съ большимъ трудомъ выигрываете по нѣсколько драхмъ, а я вдругъ выигралъ 150 милліоновъ!» Подвиги Калигулы окончились аукціономъ, на которомъ онъ продавалъ собственныя вещи, и нѣкоторые галлы должны были разоряться, если хотѣли избѣжать смерти; а послѣ аукціона было состязаніе литераторовъ латинскихъ и греческихъ, причемъ авторы дурныхъ сочиненій должны были въ наказаніе вылизывать ихъ языкомъ, если не хотѣли быть высѣченными. Галльскіе вельможи, оставшіеся въ живыхъ послѣ Калигулы, были польщены при императорѣ Клавдіи правомъ достигать сенаторскаго достоинства и другихъ главныхъ сановъ въ Римѣ; но за то въ Галліи императорскіе прокураторы, занимавшіеся прежде только сборомъ податей и бывшіе обыкновенно изъ вольноотпущенныхъ, получили значеніе судей. Имперія отъ старости впадала въ младенчество, и вмѣсто раздѣленія должностей стремилась къ соединенію.

Изъ двухъ классовъ народонаселенія, господствовавшихъ въ Галліи до завоеванія, шляхты и друидовъ, первый, хотя значительно истребленный войною и казнями императорскими, остался однако наверху, и даже сильнѣйшіе, богатѣйшіе его члены пріобрѣли новый почетъ и могли еще болѣе увеличить свою земельную собственность. Но друиды подверглись сильному гоненію, потому что Римъ охотно бралъ чужія божества въ свой Пантеонъ, но не позволялъ подвластнымъ народамъ имѣть исключительно принадлежащую ему религію, что служило основаніемъ его отдѣльной народности. Во время римской смуты, когда одинъ императоръ смѣнялъ другого, Галлія поднялась съ одной стороны подъ друидскимъ, съ другой—подъ шляхетскимъ знаменемъ. Галльскіе депутаты собрались въ Реймсѣ (Durocartorum) и раздѣлились на двѣ партіи — партію римскихъ приверженцевъ и партію приверженцевъ независимости. Тацитъ немногими строками вводитъ насъ въ это совѣщаніе галловъ и обнаруживаетъ предъ нами всю невозможность для Галліи независимаго существованія. Начинаетъ рѣчь любимый за свое краснорѣчіе депутатъ тревировъ, злой заводчикъ войны. Въ обдуманной рѣчи онъ изливаетъ все, что обыкновенно говорится противъ быта большихъ государствъ, изливаетъ на римскій народъ клеветы и ненависть: и этотъ ненавистникъ римскаго народа носилъ римское имя Туллій Валентинъ. Ему отвѣчалъ знатный галлъ изъ народа ремовъ — Юлій Ауспексъ, представилъ силу римскую и благодѣянія мира: «война начинается людьми худыми, а ведется съ опасностію для лучшихъ; римскіе легіоны уже надъ головами». Ауспексъ сдержалъ благоразумныхъ уваженіемъ и вѣрностію, младшихъ опасностью и страхомъ. Хвалили смѣлость Валентина, но слѣдовали совѣтамъ Ауспекса. Большую часть отклонило отъ войны соперничество провинцій: кто будетъ управлять военными дѣйствіями? Если дѣло удастся, гдѣ будетъ пребываніе правительства? Еще не было побѣды, а уже былъ раздоръ. Каждый предъявлялъ свои права и никто не хотѣлъ уступить другому. Затруднительность будущаго заставила предпочесть настоящее. Только нѣсколько белгійскихъ народцевъ рѣшились на борьбу и дорого заплатили за свою отвагу; это было послѣднее галльское возстаніе.

Всѣ люди разумные, говорилъ Цицеронъ, смотрѣли на Галлію какъ на самаго страшнаго врага для Рима. Теперь этого врага не было болѣе; страшная Галлія спокойно подчинилась римскому владычеству, романизируясь все болѣе и болѣе. Но опасность для Рима не прошла, а усилилась; у воротъ имперіи, на Рейнѣ и Дунаѣ стояли толпы другихъ варваровъ, дожидаясь своего времени; на Рейнѣ и Дунаѣ стояли варвары, которымъ суждено было произвести вторичное завоеваніе Рима посредствомъ его же войска, его же полководцевъ. Мы уже говорили о первомъ завоеваніи Рима его войскомъ, его полководцемъ: это произошло во времена Цезаря и Октавія-Августа, послѣ кровопролитныхъ усобицъ между нѣсколькими полководцами-соперниками. Болѣе счастливый изъ нихъ сдѣлался повелителемъ Рима, оставивъ всѣ прежнія формы республиканскаго быта. Мы уже видѣли, что императорская власть въ Римѣ не была похожа на монархіи старыхъ и новыхъ народовъ, монархіи на-

родныя; римское императорство было тираннiею, военнымъ деспотизмомъ. Въ императорскомъ Римѣ мы не видимъ династическаго начала. Республиканское начало избранiя не теряло своей силы; но кто же могъ избирать императора? Разумѣется та сила, которая была на лицо, которая заслонила собою всѣ другiя силы, именно—войско, которому необходимъ былъ вождь, императоръ. Верховная власть была завоевана войскомъ для своего вождя, войско и должно было располагать своею добычею; въ очень рѣдкихъ только случаяхъ возможность подать свой голосъ при избранiи императора получалъ сенатъ; но сенатскiй избранникъ обыкновенно недолго сохранялъ свою власть и свою жизнь. Но какъ могло войско, расположенное по отдаленнымъ краямъ имперiи, избирать императора? Разумѣется избирала, провозглашала новаго императора та часть войска, которая была ближе къ пребыванiю верховной власти, такъ называемые преторiанцы; но другiе легiоны не хотѣли уступить этой чести и выгоды преторiанцамъ, провозглашали своего вождя императоромъ; легiоны, расположенные въ противоположномъ краю, провозглашали своего: являлось нѣсколько императоровъ, начиналась усобица. Побѣда рѣшала, кому изъ вождей-соперниковъ владѣть Римомъ, и это было совершенно послѣдовательно, ибо то же самое мы видимъ въ началѣ имперiи: какимъ путемъ достигали верховной власти Цезарь и Октавiй-Августъ, такимъ же должны были достигать ее и преемники ихъ; гражданскаго, народнаго, историческаго корня у этой власти не было, она постоянно являлась слѣдствiемъ завоеванiя.

Войско давно уже потеряло гражданскiй характеръ; народнаго, по самой натурѣ Римскаго государства, оно никогда не имѣло; давно уже оно превратилось въ дружину, знавшую только своего вождя и своихъ орловъ. Извѣстный поступокъ преторiанцевъ, когда они продавали императорство съ аукцiона и отдали его тому, кто далъ имъ денегъ больше другихъ, всего лучше характеризуетъ римское войско временъ имперiи: такое явленiе немыслимо тамъ, гдѣ войско сохраняетъ хотя какiя нибудь связи съ народомъ и государствомъ, и очень понятно тамъ, гдѣ оно составляло совершенно отдѣльную отъ общей жизни массу, вдвинувшуюся посредствомъ насилiй, завоеванiя. Сначала войско составлялось изъ народонаселенiя, ближайшаго къ Риму, итальянскаго; потомъ, съ оскудѣнiемъ Италiи свободными жителями, набиралось изъ другихъ народовъ, болѣе или менѣе ороманившихся; наконецъ, съ постепеннымъ оскудѣнiемъ жителями областей имперiи, стало набираться изъ варваровъ, сперва въ смѣшенiи, а потомъ сплошными массами, принадлежащими къ оному народу или къ разнымъ. Чтобъ понять явленiя, происходившiя въ Европѣ предъ такъ называемымъ паденiемъ Рима, не надобно забывать, что Римъ палъ, бывъ завоеванъ Силлами, Цезарями, Октавiями, бывъ завоеванъ ихъ легiонами, ихъ войскомъ, которое и располагало судьбами имперiи. Не надобно забывать, что варвары, входившiе постепенно въ области имперiи, входили какъ войско имперiи, провозглашали и свергали императоровъ, какъ то дѣлало и прежде войско, вели усобицы, опустошали страны, наконецъ отнимали часть земель; но все это дѣлалось и прежде, съ тяжелой руки Силлы. Намъ нужно только указать постепенное движенiе варварскаго народонаселенiя въ видѣ войска. Но войско въ западной части имперiи преимущественно составлялось изъ германцевъ, и потому мы должны дѣлать наблюденiя надъ этимъ племенемъ.

Мы уже говорили, что, принявъ въ соображенiе естественные законы въ народныхъ движенiяхъ, стремленiе занять лучшiя страны, должно признать германцевъ самыми поздними насельниками Европы изъ арiйцевъ. Найдя южные полуострова, западъ Европы и страны придунайскiя уже занятые другими арiйцами, германцы должны были принять движенiе къ сѣверо-западу и занять Скандинавiю, откуда, вытѣсняемые нуждою, должны были перейти на южный берегъ Балтiйскаго и Нѣмецкаго морей, занять нынѣшнюю сѣверную Германiю. Кромѣ естественнаго желанiя народа, приведеннаго въ движенiе, народа съ возбужденными силами, продолжать движенiе, искать новыхъ лучшихъ странъ, Скандинавiя не могла перестать высылать лишекъ своего народонаселенiя, новые выходцы тѣснили прежде поселившихся въ нынѣшней сѣверной Германiи и заставляли ихъ двигаться къ югу-западу на поиски новыхъ земель. У германскихъ племенъ, какъ видно изъ словъ Iорнанда, сохранилось преданiе о Скандинавiи, какъ о фабрикѣ народовъ (officina gentium). Авангардъ германцевъ, кимвры и тевтоны, наведшiе такой ужасъ на Римъ, прямо объявляли, что ищутъ земель для поселенiя. Марiй жестоко насмѣялся надъ ними, сказавши, что далъ имъ земли—для погребенiя ихъ мертвыхъ тѣлъ. Но смѣется тотъ, кто послѣднiй смѣется. Германцы не переставали требовать земель и захватывать ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Цезарь долженъ былъ биться съ ними изъ-за Галлiи. Онъ отбилъ ее у нихъ, но только до времени; побѣдитель долженъ былъ сдѣлать печальное признанiе о необыкновенной храбрости этихъ варваровъ; въ его же извѣстiяхъ о Галльской войнѣ читаемъ, что въ рѣшительныя минуты онъ былъ обязанъ побѣдою надъ галлами мужеству германцевъ, находившихся въ его войскѣ. Изъ наблюденiй надъ историческою жизнiю народовъ мы вывели, что три главныя условiя опредѣляютъ судьбу народовъ: природа страны, гдѣ живетъ народъ, происхожденiе или племя и воспитанiе или первоначальная исторiя народа. Всѣ эти три условiя были благопрiятны для германскаго племени; позднiй приходъ его въ Европу и необходимость занять суровыя и скудныя страны ея сѣвера содѣйствовали развитiю въ этомъ племени силы и энергiи; развитiе означен-

ныхъ качествъ пошло еще быстрѣе, когда значительная часть племени должна была искать новыхъ жилищъ, должна была предпринять долгое и опасное странствованіе, долгій и трудный подвигъ. Германцы не могли, подобно галламъ, скоро и легко занять обширную и богатую страну; первыя движенія ихъ кончились несчастно; кимвры и тевтоны потерпѣли истребительныя пораженія отъ Марія. Попытки Аріовиста захватить земли въ Галліи были уничтожены Цезаремъ. Германцы встрѣтили въ римлянахъ страшныхъ враговъ, которые превосходили ихъ воинскимъ искусствомъ, которые сначала не давали имъ покоя въ ихъ собственной странѣ; нужно было обороняться; при наступившемъ движеніи нужно было сначала двигаться чрезвычайно медленно, каждый шагъ впередъ дѣлать съ большимъ усиліемъ, покупать успѣхъ дорогою цѣною. Такимъ образомъ, германцы должны были пройти долгую и трудую школу, благодаря которой они воспитали въ себѣ выдержливость и пріобрѣли всѣ качества отличнаго войска, въ видѣ котораго они сначала и вошли въ составъ оскудѣвшей войскомъ Римской имперіи; легкость успѣха портитъ человѣка и народъ, только трудность его развиваетъ силы и даетъ хорошее воспитаніе человѣку и народу. «Пусть нападутъ на меня»,—отвѣчалъ Аріовистъ Цезарю на его угрозы: «пусть нападутъ, и тогда узнаютъ храбрость народа, который въ продолженіе четырнадцати лѣтъ ни разу не входилъ подъ крышу дома». Здѣсь выразилось сознаніе подвига, ибо германцы не были кочевниками, непонимавшими пріятности имѣть домъ; они очень хорошо понимали эту пріятность, и достиженіе ея, полученіе хорошей земли для осѣдлости, поставили цѣлью своего труднаго подвига. Тацитъ такъ отозвался о Германіи: «Кто, оставивъ Азію, Африку или Италію, захочетъ пойти въ Германію, безобразную почвою, суровую климатомъ, печальную обработкою и видомъ, развѣ кому она будетъ отечествомъ?» Но дѣло въ томъ, что для германцевъ эта страна не была отечествомъ, а только перепутьемъ; чѣмъ суровѣе и печальнѣе была страна, тѣмъ сильнѣе было въ ея жителяхъ стремленіе, какъ можно скорѣе покинуть ее; а препятствія, при этомъ встрѣчаемыя, еще болѣе усиливали стремленіе. Надобно съ большою осторожностью дѣлать выводы о характеристическихъ чертахъ племени и народовъ, ибо часто то, что считается прирожденнымъ отличіемъ, является случайностію, происходящею отъ извѣстнаго положенія народа или племени. Такъ, напримѣръ, разсуждаютъ, что галльскіе народы отличали другъ друга именами, заимствованными отъ видимой природы: это или горцы, или жители равнины, или поморы; тогда какъ германскіе народы заимствовали свои названія отъ отвлеченныхъ раздѣловъ неба и назывались людьми Востока, Запада, Сѣвера, Юга. Но не надобно забывать, что галлы давно уже жили въ извѣстной странѣ, не хотѣли ея покидать и потому они усвоивали себѣ названія по мѣстностямъ, тогда какъ германцевъ исторія застаетъ въ движеніи, на поискѣ земель, гдѣ бы поселиться; стоитъ только вспомнить, напримѣръ, судьбу остъ-и вестъ-готовъ: спрашивается, отъ какой мѣстности они могли называть себя, когда они постоянно двигались, перемѣняли мѣсто жительства? Нельзя народу называться поморянами, когда онъ то уйдетъ въ горы, то выйдетъ на равнину, далекую отъ моря.

Что касается частностей быта, то бытъ германцевъ сходенъ съ бытомъ родственныхъ имъ арійскихъ племенъ въ Европѣ, которыхъ исторія застала еще въ варварствѣ, какъ племени кельтическаго, такъ и славянскаго. Но здѣсь не надобно упускать изъ виду того обстоятельства, что германцы были относительно недавніе пришельцы въ своей странѣ и въ постоянно воинственномъ движеніи стремились покинуть ее; что бытъ ихъ, какъ онъ намъ извѣстенъ по римскимъ описаніямъ, болѣе сходенъ съ бытомъ галловъ, когда послѣдніе, по словамъ Цезаря, были такъ же храбры, какъ германцы, т. е., пока они еще не успокоились въ странѣ, устремлялись изъ нея воинственными массами и наводили ужасъ на сосѣдей. Галлы временъ Цезаря имѣли уже города, хотя и въ значеніи только укрѣпленныхъ мѣстностей на случай непріятельскаго нападенія; но присутствіе этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ знакъ желанія защищать извѣстную страну, какъ *свою* страну, удержаться въ ней, равно какъ появленіе отдѣльной земельной собственности свидѣтельствуетъ, что народъ обжился въ извѣстной странѣ, сросся съ нею, не хочетъ съ нею разстаться. Германцы не жили въ городахъ, и не терпѣли жить вмѣстѣ, жили разбросанно и розно, гдѣ понравится источникъ, поле, роща. Обработываемая земля находилась въ общемъ владѣніи, и Тацитъ замѣтилъ, что этому благопріятствовала обширность пространства; земли было много, она не имѣла цѣны, на ея обработку, находившуюся въ грубомъ состояніи, не тратилось много труда и капитала, и потому земля немногимъ въ этомъ отношеніи отличалась отъ лѣса и луга, ибо недвижимая отдѣльная собственность начинается съ дома и земли, находящейся около него, что французскіе крестьяне до сихъ поръ называютъ *наслѣдствомъ* по преимуществу (l'héritage), затѣмъ слѣдуетъ пашенная земля, далѣе лугъ и лѣсъ.

Политическое устройство германцевъ представлялось Тациту также не вполнѣ ясно, какъ политическое устройство галловъ представлялось Цезарю. «Царей берутъ себѣ германцы по благородству происхожденія, вождей—по храбрости (reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt). Цари не самовластны и вожди сильны болѣе примѣромъ, чѣмъ властію, если дѣятельны, видны, сражаются впереди всѣхъ». Но въ другихъ мѣстахъ разсказа авторъ подлѣ слова: царь (rex) употребляетъ другое слово: начальный человѣкъ

(princeps): «О дѣлахъ меньшей важности совѣщаются начальные люди (principes), о важнѣйшихъ—всѣ. На общемъ совѣщаніи выслушивается царь, или начальный человѣкъ, или кто-нибудь другой, видный своею маститостію, благородствомъ, воинскими доблестями, краснорѣчіемъ; дѣйствуетъ болѣе сила убѣжденія, чѣмъ власти. Въ тѣхъ же собраніяхъ избираются начальные люди (principes) для суда; каждаго изъ такихъ судей сопровождаютъ сто человѣкъ изъ народа». Можно было бы успокоиться на этомъ указаніи значенія начальныхъ людей (principes), если-бы въ слѣдующей же главѣ не встрѣчалось слово: «И отроки могутъ получить значеніе начальныхъ людей по особенному благородству или великимъ заслугамъ предковъ». Затѣмъ слѣдуетъ знаменитое мѣсто о дружинѣ (comites, comitatus), какъ воинственная толпа сосредоточивается около богатыря, знаменитаго своими подвигами, и этотъ глава дружины называется начальнымъ человѣкомъ (ptinceps).

Изъ свода этихъ извѣстій оказывается, что воинственное движеніе у германцевъ, какъ и у галловъ, выдвинуло и продолжало выдвигать изъ народной массы людей храбрѣйшихъ, богатырей (robustiores), около которыхъ сосредоточивались воинственныя толпы, дружины. Быть въ дружинѣ богатыря не считалось постыднымъ; мѣсто, какое занималъ членъ дружины, опредѣлялось по волѣ вождя дружины, и между дружинниками было сильное соревнованіе, кому занимать первое мѣсто у своего начальника, а между начальными людьми (principes) сильное соперничество, у кого многочисленнѣе и храбрѣе дружина. Постоянное окруженіе большою толпою избранныхъ юношей давало достоинство и силу, въ мирѣ составляло украшеніе, на войнѣ - охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ея славу не только въ своемъ народцѣ, но и у народовъ сосѣднихъ: къ такимъ вождямъ являлись посольства, приносили дары. Во время битвы постыдно вождю (principi) уступить дружинѣ въ храбрости, постыдно дружинѣ не сравняться въ храбрости съ вождемъ. Безчестно на всю жизнь остаться послѣ битвы живымъ, когда вождь полегъ на мѣстѣ. Вожди бьются изъ-за побѣды, дружинники за вождя. Если народъ коснѣетъ въ долгомъ мирѣ и праздности, то многіе изъ благородныхъ юношей уходятъ къ тѣмъ народамъ, которые ведутъ войну, ибо спокойствіе невыгодно: возможность содержать дружину доставляется войною, грабежомъ.

Эти-то храбрецы, собирающіе около себя дружины подобныхъ себѣ храбрецовъ, и являются начальными людьми (principes), они-то и вожди частныхъ предпріятій; храбрѣйшій изъ нихъ избирается вождемъ и для общаго предпріятія, задуманнаго цѣлымъ народомъ (duces ex vertute). Но какъ вездѣ, такъ и здѣсь, значеніе счастливаго вождя, окруженнаго многочисленною и храброю дружиною, давало ему возможность усилить свою власть, сдѣлаться царемъ (rex). Счастіе давало ему значеніе, несчастіе лишало его царскаго достоинства: Марободъ, царь маркомановъ, послѣ пораженія отъ Арминна, былъ изгнанъ своимъ народомъ. Армининъ, побѣдитель римлянъ и Маробода, былъ убитъ своими за то, что хотѣлъ сдѣлаться царемъ. Но нѣкоторымъ удавалось удержать за собою царское достоинство и поднимать своихъ дѣтей, свое потомство такъ высоко, что народы продолжали брать изъ него себѣ царей (reges ex nobilitate sumunt). Такимъ образомъ, между германскими народами у однихъ былъ царь, человѣкъ, поднимавшійся выше всѣхъ своею властію, хотя и ограниченною народнымъ собраніемъ; у другихъ не было царя, но было нѣсколько выдававшихся своею храбростію и знаменитыми предками людей, окруженныхъ болѣе или менѣе многочисленными дружинами:—то были начальные люди (principes). Тацитъ ясно различаетъ въ этомъ отношеніи германскіе народы и даетъ знать, что сила царской власти выказывалась довольно замѣтно въ одномъ случаѣ; говоря о вольноотпущенныхъ (libertini), Тацитъ замѣчаетъ: вольноотпущенные стоятъ немного выше рабовъ; рѣдко имѣютъ значеніе въ домѣ, никогда въ обществѣ, исключая только тѣ народы, которые управляются царями: тутъ они возвышаются и надъ свободными и надъ благородными; у остальныхъ народовъ ничтожность значенія вольноотпущенныхъ служитъ доказательствомъ свободы. Изъ этихъ словъ Тацита видно, что хотя власть германскихъ царей и была ограничена, однако была довольно значительна, когда ихъ вольноотпущенники могли подниматься даже выше благородныхъ.

Когда не было войны, германцы проводили время въ охотѣ, но болѣе въ праздности, ѣдѣ и снѣ. Самый храбрый и воинственный ничего не дѣлалъ, возложивши хозяйственныя заботы на женщинъ, стариковъ и самаго безсильнаго въ семействѣ. У народа обычай приносить начальнымъ людямъ подарки, которыми тѣ и живутъ, особенно пользуются дарами сосѣднихъ народовъ: посылаются отборныя лошади, оружіе, деньги. Кромѣ этихъ даровъ, продовольствіе доставлялось рабскимъ трудомъ. Простота быта условливала различіе въ бытѣ германскихъ рабовъ отъ быта рабовъ римскихъ Для домашнихъ работъ, при ихъ немногосложности, рабъ былъ не нуженъ германцу; эти работы исполнялись женами и дѣтьми; германскій рабъ жилъ своимъ домомъ, имѣлъ свою семью и обязанъ былъ только доставить господину извѣстное количество необходимыхъ для послѣдняго вещей, хлѣба, скота, платья. Поэтому германцы рѣдко употребляли противъ своихъ рабовъ бичи и оковы; случалось господину убивать раба въ сердцахъ, какъ врага, а не въ наказаніе за проступокъ и не изъ жестокости; убійство это оставалось безнаказаннымъ. Другое положеніе рабовъ было у цивилизованныхъ римлянъ. Здѣсь рабъ не имѣлъ ни семейства, ни собственности, былъ рабочею силою, отъ которой господинъ хотѣлъ получить какъ можно

больше выгоды. Надъ стадомъ рабовъ былъ приставленъ надсмотрщикъ, котораго безопасность и выгода состояли въ томъ, чтобъ представить господину наибольшіе результаты рабскаго труда. Не имѣя ни малѣйшей выгоды для себя отъ труда, рабъ могъ быть принуждаемъ къ нему только страхомъ наказанія, физическихъ страданій и лишеній, а потому принудительныя средства къ работѣ были въ страшныхъ размѣрахъ, а страхъ предъ бѣгствомъ и возстаніемъ рабовъ увеличивалъ жестокость обращенія съ ними. Кромѣ простоты быта, уничтожающей разстояніе между господиномъ и рабомъ, уничтожающей презрѣніе перваго къ послѣднему, какъ существу низшаго разряда, на судьбу раба имѣлъ вліяніе способъ его пріобрѣтенія: варвары, каковыми были германцы, не могли пріобрѣтать рабовъ куплею, по причинѣ бѣдности своей. Покупка необходимо унижала купленнаго раба до значенія вещи; господинъ, потратившій деньги на пріобрѣтеніе раба, естественно имѣлъ въ виду одно, чтобы получить хорошій процентъ съ употребленнаго капитала, тогда какъ варваръ пріобрѣталъ раба преимущественно на войнѣ: это былъ непріятель, захваченный въ плѣнъ хитростію или одолѣніемъ, часто послѣ долгой борьбы; храбрый, хотя и побѣжденный, не могъ возбуждать презрѣнія въ храбромъ, а корыстнаго разсчета не было; кромѣ того, нельзя отвергать, чтобы у германцевъ, какъ у галловъ, не было добровольныхъ холопей.

Говорятъ о родовомъ бытѣ у германцевъ и приводятъ указанія на него, встрѣчающіяся у Цезаря и Тацита. Цезарь говоритъ о ежегодномъ дѣлежѣ земель по родамъ (gentibus); онъ же говоритъ, что во время боя германцы становились по родамъ (generatim); Тацитъ подтверждаетъ это показаніе. Этихъ указаній отвергнуть нельзя, какъ никогда и нигдѣ нельзя отвергать силу кровной связи, стремленія родичей жить и дѣйствовать вмѣстѣ; но для насъ важно то, какое значеніе имѣлъ этотъ союзъ въ общей жизни народной,—имѣлъ ли отдѣльное самоуправленіе, какъ оно устраивалось и какое значеніе имѣли родоначальники. Другое дѣло, когда говорится, что въ извѣстномъ племени каждый жилъ отдѣльно съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ и владѣлъ родомъ своимъ; другое дѣло, когда, по прошествіи многихъ вѣковъ по основаніи государства, мы должны встрѣтиться съ родовыми отношеніями и между владѣльцами страны, и между знатью, и между простыми людьми, гдѣ никто не былъ мыслимъ безъ рода, безъ братьевъ и племянниковъ; другое дѣло, если государство основано въ IX-мъ вѣкѣ, а въ XVIII-мъ совершеннолѣтній членъ рода находится еще въ зависимости отъ старшихъ, долженъ принять то или другое мѣсто въ государственной службѣ по ихъ рѣшенію: въ исторіи такой страны мы, разумѣется, должны обращать большое вниманіе на родовой бытъ, изучать обстоятельства, которыя условили такое долгое существованіе его въ разныхъ сферахъ. Но у германцевъ въ описываемое время находимъ ли мы такія явленія, которыя дали бы намъ право дѣлать рѣшительные выводы насчетъ родоваго быта? Мы не можемъ не предположить значенія кровной связи между германцами, значенія ея какъ обязанности и средства взаимной защиты какъ на войнѣ внѣшней, такъ и во всѣхъ столкновеніяхъ внутреннихъ; не можемъ не предположить, если бы даже и не имѣли ясныхъ свидѣтельствъ; но на дальнѣйшія предположенія мы не имѣемъ права, ибо извѣстія объ избраніи царей, о происхожденіи вождей и начальныхъ людей, о происхожденіи ихъ окруженія или дружины, объ избраніи судей, о характерѣ вѣча,—всѣ эти извѣстія не содержатъ въ себѣ и полунамека на вліяніе родовыхъ отношеній. Тацитъ, указывая на крѣпость родственной связи, спѣшитъ однако замѣтить, что наслѣдниками каждаго были его собственныя дѣти, а при отсутствіи дѣтей—ближайшіе родственники. Изъ всего извѣстнаго намъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, среди котораго происходитъ сильное движеніе физическое; съ народомъ, который остановился на перепутьи, причемъ происходитъ сильная выработка дружиннаго начала; дружина даетъ движенію воинственный характеръ, воспитываетъ цѣлые народы воиновъ, снабжаетъ имперію войскомъ, даетъ ея истощеннымъ областямъ воинственное, сильное народонаселеніе, въ которомъ онѣ именно нуждались, и тѣмъ возстановляетъ потухавшую подъ властію Рима жизнь западной Европы.

Такимъ образомъ, развитіе дружиннаго начала среди германскихъ народовъ на первомъ планѣ для историка. Всякій пойметъ, что это явленіе не есть принадлежность германской народности. Галлы, когда были такъ же храбры, какъ германцы, по выраженію Цезаря, т.-е., когда были въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ исторія застала германцевъ, точно такъ же выставили дружину, т.-е., выдѣлили изъ народной массы богатырей, окруженныхъ толпою подобныхъ храбрецовъ. Эти богатыри и потомство ихъ точно такъ же образовали начальныхъ людей (principes); менѣе выдававшіеся подвигами, благородствомъ и богатствомъ воины носятъ у Цезаря, какъ мы видѣли, названіе всадниковъ (equites), и наконецъ толпа, неимѣющая политическаго значенія, которое все въ рукахъ всадниковъ и жрецовъ (друидовъ). Въ Тацитовомъ описаніи Германіи мы не находили указанія на эту толпу, не имѣющую никакого вліянія на общественныя дѣла; воинственное движеніе, обхватившее въ это время все племя или, по крайней мѣрѣ, тѣ части его, которыя были ближе къ римскимъ границамъ и особенно выдавались въ борьбѣ,—это воинственное движеніе уравнивало всѣхъ способныхъ носить оружіе, тѣмъ болѣе-что простота быта, отсутствіе отдѣльной поземельной собственности также благопріятствовали этому уравненію. Но впослѣдствіи и между германцами явилось троякое раздѣленіе на благородныхъ, свободныхъ и меньшихъ людей (аделинговъ, фрилинговъ и литовъ—minor persona),

что соотвѣтствуетъ галльскимъ начальнымъ людямъ, всадникамъ и меньшимъ людямъ, безучастной въ дѣлахъ толпѣ. Намъ важно это тождество явленій, ибо оно указываетъ намъ на необходимость извѣстнаго хода развитія при извѣстныхъ условіяхъ; намъ важно наблюсти и отмѣтить эти явленія и условія, при которыхъ они послѣдовали, чтобъ слѣдить за дальнѣйшими явленіями жизни европейскихъ народовъ. Тождественность явленій у варваровъ различныхъ племенъ заставляетъ насъ осторожно относиться къ племеннымъ и народнымъ различіямъ, тѣмъ болѣе-что въ младенцѣ трудно уловить черты, которыя будутъ характеризовать взрослаго человѣка, выражающаго въ своемъ нравственномъ образѣ все многообразіе условій, имѣвшихъ вліяніе на окончательное опредѣленіе этого образа. Пока достаточно того, что имѣемъ дѣло съ племенами, способными къ развитію, получившими сначала хорошее воспитаніе, развившими свои силы въ продолжительномъ и многотрудномъ подвигѣ, и потому представившими уже въ колыбели, въ варварскомъ бытѣ развитіе, расчлененіе, которое при дальнѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ поведетъ къ сильному развитію народной жизни. Это развитіе, расчлененіе произошло именно благодаря силѣ дружиннаго начала, благодаря этому сильному упражненію юнаго народнаго тѣла, сильной гимнастикѣ, вызвавшей изъ народа лучшихъ людей, самостоятельныхъ въ сознаніи своей силы и доблести, могущественныхъ вслѣдствіе того, что около нихъ сосредоточены другія силы, притянутыя къ нимъ ихъ личными достоинствами, личными подвигами. Такихъ силъ много и каждая сила обязана считаться съ другими силами: такого рода отношенія могущественно содѣйствовали развитію тѣхъ формъ народной жизни, которыя характеризуютъ новую европейскую исторію.

Истощенныя области имперіи получаютъ свѣжее варварское народонаселеніе. Императоры, послѣ побѣдъ своихъ надъ варварами, селятъ побѣжденныхъ на пустыхъ пространствахъ въ имперіи, въ видѣ земледѣльцевъ, крѣпкихъ землѣ (колоновъ). Императоры хвалятся, что варвары засѣваютъ и обработываютъ земли для римлянъ, германскіе быки возятъ плугъ по галльскимъ землямъ и римскія житницы наполняются хлѣбомъ варваровъ. Но варвары могли кормить римлянъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ римляне составляли вооруженную силу, а варвары представляли мирный безоружный народъ. Выходило наоборотъ. У римлянъ некѣмъ было пополнять легіоновъ, и они обратились къ варварамъ. Мы видимъ, что Цезарь побѣждалъ галловъ въ помощію германцевъ; германцы участвовали и въ Фарсальской битвѣ, отнявшей у Рима свободу. Надобность въ войскѣ заставила приглашать свободныхъ варваровъ и давать имъ земли, съ обязанностію нести военную службу; такіе варвары назывались лэтами. Но въ то же время римское войско наполняется варварскими богатырями, вожди которыхъ начинаютъ выдаваться впередъ, получаютъ важнѣйшія мѣста подлѣ императоровъ, являются консулами Рима; это служитъ знакомъ, что число варваровъ все болѣе и болѣе увеличивается въ римскихъ войскахъ, и наконецъ они составляютъ всю силу Рима. Но, при болѣе сильномъ напорѣ варваровъ на римскія границы, служащихъ подъ римскими знаменами варваровъ стало недостаточно для защиты этихъ границъ; ихъ одноплеменники огромными толпами прорвались въ области имперіи, гдѣ они не могли встрѣтить никакого сопротивленія со стороны жителей, истощенныхъ физически и нравственно: «Никто (говоритъ современникъ) не хотѣлъ погибать, и никто не искалъ средствъ, какъ-бы спастись отъ погибели; повсюду царствуетъ непонятное нерадѣніе, бездѣйствіе, трусость; только и заботятся о томъ, какъ-бы поѣсть, попить и выспаться». Но жители областей имперіи, какъ-бы ни заботились, не могли найти средствъ для утоленія голода, жажды и для спокойнаго спанья: не имѣя чѣмъ заплатить податей, они покидали дома, чтобы не подвергнуться пыткѣ, покидали родную страну для избѣжанія казни. «Врагъ имъ не такъ страшенъ, какъ сборщикъ податей; они убѣгаютъ къ варварамъ, чтобъ спастись отъ этихъ сборщиковъ».

Римскій императоръ, для безопасности, не живетъ уже болѣе въ Римѣ, а въ Равеннѣ; но его именемъ владычествуетъ варваръ, начальникъ варварскаго ополченія, защищающаго Римъ и его императоровъ, свергающаго и возводящаго послѣднихъ по своимъ разсчетамъ; какую роль потомъ играли вожди турокъ при калифахъ, палатные мэры при Меровингахъ, такую же роль играютъ вожди варваровъ при послѣднихъ Римскихъ императорахъ изъ римлянъ. Наконецъ, одному изъ варварскихъ вождей наскучило мѣнять римскихъ или равеннскихъ императоровъ; онъ объявилъ, что такихъ больше не будетъ, а будетъ признавать онъ власть императора, живущаго въ Константинополѣ, его именемъ будетъ самъ управлять Италіею. Это провозглашеніе называютъ паденіемъ Западной Римской имперіи.

II [1].

Новые народы и государства.

1) Италія и Галлія до Каролинговъ.

Западная Римская имперія пала, но она и послѣ того сохраняется по имени; даже то, что обыкновенно называютъ паденіемъ Западной Римской имперіи, есть, повидимому, возстановленіе единства имперіи. Но все это только по имени, повидимому.

---

*) Статья эта напечатана въ „Вѣстникѣ Европы" за 1874 годъ, въ Апрѣльской книгѣ; въ *Августѣ* того же года появилась статья Куланжа (Revue des deux mondes), гдѣ повторяются тѣ же положенія.

Въ отдѣльныхъ областяхъ Западной имперіи усѣлись варвары разныхъ наименованій съ первенствующимъ значеніемъ, и князья ихъ самостоятельно управляютъ этими странами. Наше дѣло теперь наблюдать отношенія варваровъ другъ къ другу при новыхъ условіяхъ, отношенія ихъ къ римскому, то-есть болѣе или менѣе олатыненному народонаселенію областей разваливавшейся имперіи, наблюдать результаты этихъ отношеній, результаты соединенія различныхъ элементовъ и наблюдать дѣйствіе этихъ результатовъ на варварскіе народы, оставшіеся за предѣлами Римской имперіи. Здѣсь мы прежде всего замѣчаемъ, что три страны находятся съ самаго начала въ тѣсной связи: это—Италія, Галлія и Германія; Испанія и Британскіе острова, по разнымъ условіямъ, историческимъ и географическимъ, извѣстное время живутъ особо; такъ же особо живутъ скандинавы, Византійская имперія и славянскіе народы, преимущественно восточные, составившіе Русское государство. Такимъ образомъ опредѣляется порядокъ нашихъ наблюденій.

Изъ трехъ странъ, которыя прежде всего обращаютъ наше вниманіе по тѣсной связи между ними съ самаго начала, въ Италіи преимущественно сохраняется древній римскій элементъ. Это была страна въ политическомъ и нравственномъ отношеніи покрытая древними громадными зданіями, стоявшими непоколебимо и недопускавшими измѣненія, вторженія новыхъ, чуждыхъ формъ; если которыя изъ нихъ и рухнули, то развалины плотно покрывали почву, и побѣги новаго только иногда находили путь среди развалинъ. Главное священное зданіе, къ которому новое питало суевѣрный страхъ, куда оно не смѣло проникнуть,—это былъ Римъ, городъ владыка міра, и потому не могшій сдѣлаться главнымъ городомъ какой-нибудь страны, столицею какого-нибубудь варварскаго князька. Римъ давалъ званіе и права наивысшей власти человѣку, живущему въ Равеннѣ или Константинополѣ и называвшемуся, однако, Римскимъ императоромъ; варварскіе князья, владѣльцы обширныхъ странъ, величались титулами римскимъ должностныхъ лицъ. Чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ Римъ будетъ оставаться главнымъ городомъ не Италіи, но цѣлой западной Европы; чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ титулъ Римскаго императора будетъ почетнѣйшимъ титуломъ для государя западной Европы, будетъ означать главнаго между ними. Только въ XVIII-мъ вѣкѣ, владѣлецъ государства, основаннаго на дѣвственной почвѣ восточной Европы, свободной отъ античныхъ преданій, русскій Петръ Великій рѣшился соединить титулъ императора не съ именемъ Рима, а съ именемъ своей страны, назвался императоромъ не восточной *Римской* имперіи, какъ ожидали въ Европѣ, но императоромъ Всероссійскимъ. Только въ XIX-мъ вѣкѣ такое же явленіе произошло въ западной Европѣ, гдѣ вмѣсто Римскаго императора явились Французскій, Австрійскій и Германскій императоры; только тутъ произошло окончательное паденіе Западной Римской имперіи; только тутъ Римъ потерялъ значеніе главнаго города всей западной Европы, и могъ сдѣлаться главнымъ городомъ страны, Италіи. Тринадцать вѣковъ нужно было для того, чтобы исключительное значеніе Рима износилось: какъ же сильно было это значеніе во время образованія новыхъ государствъ въ западной Европѣ! Этотъ самый крѣпкій остатокъ античнаго міра, самый видный представитель его, представитель одностороннято господства города предъ страною и народомъ, былъ такъ силенъ, что долго, очень долго мѣшалъ въ окружающей его странѣ образованію единаго государства, единаго народа, мѣшалъ тому явленію, которое характеризуетъ новый европейско-христіанскій міръ, то есть образованію странъ и народностей въ противоположность одностороннему развитію города въ греко-римскомъ мірѣ и первобытному, простому образованію народныхъ тѣлъ на Востокѣ, тѣхъ народовъ, которыхъ Аристотель противополагаетъ своему городу, тѣхъ простѣйшихъ народныхъ тѣлъ, у которыхъ была только голова да туловище безъ дальнѣйшаго расчлененія, развитія. Новый европейскій міръ долженъ былъ представить высшіе государственные организмы, съ сильнымъ развитіемъ, расчлененіемъ, съ живымъ осложненіемъ отношеній между частями народонаселенія, безъ односторонностей Востока и греко-римскаго міра. Но представитель послѣдняго, Римъ сталъ крѣпко въ Италіи и препятствовалъ здѣсь развитію новыхъ началъ. Мѣшалъ этому Римъ съ своимъ древнимъ значеніемъ, а не папа, значеніе котораго было само результатомъ значенія Рима.

Варвары вошли въ область имперіи сырымъ, чистымъ, безформеннымъ матеріяломъ. Народы, находящіеся въ такомъ положеніи и способные къ развитію, при встрѣчѣ съ извѣстными формами цивилизаціи, не имѣя ничего противопоставить имъ, стремятся принять ихъ. Нѣкоторымъ варварскимъ вождямъ естественно приходила въ голову мысль: «Мы сильнѣе этой дряхлой Римской имперіи, разрушимъ ее и создадимъ свое новое государство вмѣсто нея». Но когда они обращали болѣе внимательный взоръ на свой народъ, то понимали, что съ нимъ новаго государства образовать нельзя, нѣтъ формы, не съ чего начать; ими овладѣвала скромность, сознаніе своей несостоятельности; они принимали рѣшеніе служить имперіи и ея цивилизаціи, и этой ревностною службою удовлетворить своему честолюбію, оставивъ по себѣ память. Извѣстна исповѣдь Атаульфа Вестготскаго: «Я хотѣлъ истребить имя Рима и на его развалинахъ основать господство готовъ и пріобрѣсти славу основателя новаго государства, подобно Цезарю Августу. Но опытъ убѣдилъ меня, что для сохраненія государства въ добромъ порядкѣ нужны законы, а дикій и упрямый характеръ готовъ дѣлаетъ ихъ неспособными сносить ярмо законовъ, гражданскаго порядка и управленія. Теперь я желаю, чтобы въ будущіе вѣка съ

благодарностью вспоминали о заслугахъ чужестранца, который употребилъ мечъ готовъ не для разрушенія Римской имперіи, но для возстановленія и охраненія ея благостоянія». Вождь сбродной варварской дружины, находившійся на римской службѣ, Одоакръ, которому обыкновенно приписывали разрушеніе Западной Римской имперіи, господствовалъ въ Италіи съ титуломъ патриція, тогда какъ римскій сенатъ передалъ императорскій титулъ Восточному Византійскому императору. Именемъ этого единственнаго теперь Римскаго императора, Остготскій князь Теодорикъ отнялъ Италію у Одоакра и его дружины; борьба кончилась, когда Одоакръ сдалъ Теодорику Равенну. За Римъ не было борьбы. Новый владѣлецъ Италіи признавалъ Римскаго императора, жившаго въ Константинополѣ, своимъ отцомъ и главою: на монетѣ попрежнему видѣли изображеніе этого императора, и на общественныхъ памятникахъ начертывалось его же имя. Скоро послѣ Теодорика рушится владычество готовъ, номинальное владычество въ Италіи Римскаго императора, живущаго въ Константинополѣ, становится опять дѣйствительнымъ при Юстиніанѣ,—явленіе, которое условливалось для Италіи близостью ея къ Новому Риму, Византіи. Являются лонгобарды: завязывается борьба между ними и Римской имперіей,—войны, какія бывали и прежде между имперіею и варварами, какъ въ другихъ областяхъ, такъ и въ Италіи. Когда средства имперіи оказались недостаточными въ борьбѣ, Римъ обращается съ просьбою о помощи къ могущественному варварскому вождю, утвердившемуся въ Галліи, вождю франковъ; помощь подается, и чрезъ нѣсколько времени, когда сынъ этого франкскаго вождя чрезвычайно усиливается, въ Римѣ находятъ выгоднымъ, необходимымъ провозгласить его Римскимъ императоромъ. При всѣхъ этихъ движеніяхъ и сдѣлкахъ въ Римѣ на первомъ планѣ мы видимъ его *епископа*, и потому должны обратить вниманіе на это явленіе.

Варвары, вступивши въ область Рима, легко уничтожили матеріяльныя силы одряхлѣвшей имперіи; но они встрѣтили также силы нравственныя, которыми, въ свою очередь, были побѣждены. Если прежде Римъ, по словамъ его поэта, былъ побѣжденъ побѣжденною Греціею, ея цивилизаціею, то, по историческому закону, то же самое должно было совершиться теперь: матеріяльно побѣдоносные варвары должны были покориться побѣжденнымъ римлянамъ. Изъ нравственныхъ силъ, которыя условливали это покореніе, на первомъ мѣстѣ была религія, не древняя, національная религія Рима, матеріально распространенная, болѣзненно ожирѣвшая отъ собранія въ себѣ другихъ религій побѣжденныхъ народовъ, не могшая внести никакого нравственнаго вклада въ жизнь варваровъ, но религія новая, не національная римская, а общечеловѣческая, которая съ самаго появленія своего объявила, что для нея нѣтъ разницы между «эллиномъ и варваромъ». Христіанская Церковь первая встрѣтила варвара на новой, чужой ему почвѣ, первая дала ему нравственное убѣжище, отдыхъ, первая приласкала его, назвала своимъ, роднымъ, и указала ему въ прежнихъ жителяхъ римскихъ областей не чужихъ, не враговъ, а своихъ же братьевъ, свела, ознакомила старое и новое народонаселеніе, завязала между ними тѣсную, неразрывную связь. Варвары-германцы тѣмъ охотнѣе пошли на призывъ христіанства, Церкви, что, во время продолжительнаго движенія своего изъ дальныхъ странъ сѣвера, отрываясь все болѣе и болѣе отъ той почвы, гдѣ развились и окрѣпли ихъ національныя вѣрованія, сталкиваясь безпрестанно съ другими народами, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе отрывались отъ этихъ вѣрованій, которыя постепенно тускнѣли, блѣднѣли для нихъ. Варвары, вступившіе на римскую почву, принимали христіанство съ изумительною легкостью и быстротою,такъ что нельзя опредѣлить времени, когда какіе-нибудь вандалы, свевы, лонгобарды приняли христіанство, тогда какъ чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ большее сопротивленіе встрѣчало оно, и самыя большія затрудненія встрѣтило въ Скандинавіи, въ этой фабрикѣ народовъ (officina gentium), прародинѣ германцевъ, гдѣ ихъ національная религія пустила глубокіе корни, гдѣ развилось общественное богослуженіе и гдѣ образовалось жречество. Германцы, входившіе часто сбродными дружинами въ римскія области, не могли имѣть храмовъ, и храмы ихъ, если и упоминаются, то мелькомъ, имѣютъ ничтожное значеніе, точно такъ, какъ у эллиновъ, которые являются передъ глазами исторіи въ такомъ же положеніи, какъ и германцы, откуда у эллиновъ и такое свободное своеобразное развитіе религіи исключительно въ рукахъ поэтовъ и художниковъ. Народъ движущійся, странствующій, на поискахъ новыхъ земель для поселенія, тогда только сохраняетъ и укрѣпляетъ свою религію, когда выселеніе его изъ извѣстной страны совершилось подъ религіознымъ знаменемъ, какъ у евреевъ. Но вспомнимъ, какая борьба шла и у нихъ за сохраненіе въ чистотѣ религіи отцовъ при столкновеніи съ другими народами и съ другими религіями, и вспомнимъ, что, съ другой стороны, странствованіе освобождало ихъ отъ тѣхъ воззрѣній и привычекъ, которыя они пріобрѣли въ Египтѣ. Движеніе, странствованіе германцевъ, ихъ исканіе новой земли для поселенія, странствованіе, предпринятое вовсе не на религіозныхъ основаніяхъ, не подъ религіознымъ знаменемъ, заставило ихъ порастерять очень многое изъ тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, изъ того религіознаго быта, которые господствовали въ ихъ прежнемъ отечествѣ, и при такой потерѣ они вдругъ встрѣчаются съ могущественнѣйшей изъ религій, противъ которой, разумѣется, не могли устоять религіозныя развалины, клочки вѣрованій и обрядовъ, принесенные германцами изъ сѣверныхъ лѣсовъ.

Но главная причина быстраго торжества христіанства среди варваровъ заключалась въ наступательномъ его движеніи. Пророческая сила, ведшая у евреевъ борьбу оборонительную для защиты, сохраненія въ чистотѣ религіозныхъ и нравственныхъ началъ у одного своего народа,—въ христіанствѣ стала вести борьбу наступательную: христіанинъ сознавалъ обязанность быть пророкомъ, проповѣдникомъ принесеннаго Богочеловѣкомъ ученія, обращать къ нему всѣхъ людей, всѣ народы міра, слѣдовательно дѣйствовать наступательно, разрушительно на всѣ другія религіи, подвергаясь при этомъ всевозможнымъ лишеніямъ, мукамъ, смерти. Греко-римское общество не устояло противъ этого наступательнаго движенія пророковъ, эллинская «премудрость» пала предъ «безуміемъ» проповѣдника распятаго Бога. Но пророки этимъ неудовольствовались: они предприняли наступательное движеніе противъ варваровъ, матеріяльно раздѣлывавшихъ Римское государство, перешли границы имперіи, углубились въ самыя жилища варваровъ, куда уже давно перестали проникать римскіе легіоны. Варвары жили въ богатырскомъ бытѣ, когда, вслѣдствіе движенія и борьбы, изъ народной массы выдѣлялись физически сильнѣйшіе, храбрѣйшіе люди, и становились на первыя мѣста, въ вожди народовъ; когда подвигъ физической силы былъ подвигомъ по преимуществу, а цѣлію подвига былъ прибытокъ власти и богатства. Противъ такихъ-то богатырей выступали новые пророки, проповѣдники христіанства, нравственные богатыри. Легко понять, за кѣмъ осталась побѣда. Такимъ образомъ, при началѣ новыхъ государствъ мы видимъ два движенія, двѣ борьбы: движеніе варваровъ,—борьбу ихъ съ матеріяльными силами Рима и другъ съ другомъ; эти движенія кончились побѣдою варваровъ: съ другой стороны, видимъ нравственное движеніе, борьбу, поднявшуюся изнутри римскаго міра подъ знаменемъ религіи, и здѣсь побѣдилъ римскій міръ; подъ покровомъ Церкви сохранилось и прошло въ новую жизнь и греко-римское просвѣщеніе, особенно посредствомъ языка, удержаннаго Церковью.

Въ новомъ мірѣ явилось начало, котораго не могъ представить ни древній греко-римскій міръ, ни варвары,—начало, которое явилось въ новомъ христіанскомъ греко-римской мірѣ, и отсюда перешло къ варварамъ, это—духовенство съ могущественнымъ вліяніемъ во всѣхъ сферахъ жизни, благодаря его учительному, пророческому характеру. При началѣ новыхъ государствъ мы уже видимъ двойственность въ духовенствѣ. Въ первые вѣка христіанства, когда Церковь была относительно немногочисленна и особенно воинствена, не одно духовенство, но болѣе или менѣе и другіе вѣрующіе имѣли этотъ возбужденный, пророческій характеръ, были борцами противъ неправды и несовершенствъ міра сего за высшія начала. Съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ христіанства и господствомъ его, возбужденіе въ массѣ духовенства и мірянъ уже потому самому, что это была масса, должно ослабѣвать; но борьба новыхъ началъ со старыми прекратиться не могла, и борцы, пророки являются. Отъ человѣка, проповѣдующаго воздержаніе отъ земныхъ пристрастій и большее вниманіе къ исполненію нравственныхъ обязанностей, отъ такого человѣка естественное требованіе, чтобы онъ самъ подалъ примѣръ отреченія отъ этихъ пристрастій. Примѣръ дѣйствуетъ сильнѣе всего, и слово получаетъ могущество отъ дѣла. Повидимому, внѣ общества, въ бѣгствѣ отъ него, въ недоступныхъ пустыняхъ явились новые пророки; но это самое бѣгство и укрывательство отъ общества и производило на него самое могущественное впечатлѣніе, и голосъ вопіющихъ изъ пустыни былъ самымъ громкимъ голосомъ. Новые пророки, монахи, стали поэтому на первомъ планѣ въ христіанскомъ обществѣ; не будучи сначала священниками, они стали образцами для священниковъ; общество потребовало отъ нихъ, чтобы они были священниками и первосвященниками,—требованіе, повидимому, находившееся въ противорѣчіи съ значеніемъ монаха, но совершенно согласное съ потребностями общества, обновлявшагося подъ вліяніемъ новой религіи. Такимъ образомъ, монашество, приближаясь наиболѣе къ идеалу, поставленному для общества религіею, завоевало для себя привилегію высшей степени духовной іерархіи; оно же преимущественно приняло на себя и продолженіе апостольской дѣятельности, проповѣдываніе христіанства иновѣрнымъ народамъ, и тѣмъ еще болѣе возвысило свое значеніе. На Востокѣ, подчинившись нравственно силѣ монашества, уступили ему право на архіерейство; но священство осталось и за не-монахами: но сочли благоразумнымъ и возможнымъ требовать, чтобы все духовенство носило этотъ чрезвычайный пророческій характеръ, состояло изъ людей, отрекшихся отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей; ограничиваться же одною формальностью не сочли дѣломъ нравственнымъ. Но на Западѣ, какъ увидимъ, взглянули на дѣло иначе, потребовавъ, чтобы все духовенство носило монашескій характеръ; а монашескій образъ, по тѣмъ представленіямъ, которыя составились вслѣдствіе жизни первыхъ монаховъ, былъ образъ ангельскій. Такимъ образомъ, употреблено было страшное насиліе природѣ человѣческой, и печальныя слѣдствія насилія на замедлили обнаружиться.

Съ самаго начала христіанства, главные пастыри Церкви, епископы, являются уже съ важнымъ значеніемъ. Кромѣ каноническаго объясненія явленія, его легко понять и посредствомъ однихъ историческихъ наблюденій. Самое вѣрное опредѣленіе характера первоначальной Церкви, это—Церковь воинствующая; для борьбы нужны вожди, которыхъ и рождаетъ борьба; для успѣха борьбы вожди должны имѣть обширную, крѣпкую власть. Римская имперія, разрушаясь вслѣдствіе исчезновенія матеріяльныхъ силъ, поспѣшила прибѣгнуть

подъ покровъ нравственной силы, имѣющей жить и создать новое общество, поспѣшила прибѣгнуть подъ покровъ христіанства, объявивъ его господствующею религіею: человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, видя, что въ матеріяльныхъ, земныхъ средствахъ нѣтъ болѣе спасенія, прибѣгаетъ къ силамъ духовнымъ, отказываетъ свое имѣніе Церкви. При этомъ значеніе епископовъ могло только еще болѣе усилиться. Городское населеніе, напуганное бѣдами, нависшими со всѣхъ сторонъ надъ имперіею, ограбленное казною, сплочивалось около своихъ епископовъ, людей сильныхъ средствами нравственными и матеріяльными. Съ самаго начала, на Востокѣ и Западѣ одинаково раздаются слова, что власть духовная выше свѣтской, какъ духъ выше тѣла; что нѣтъ выше этой власти, которая если свяжетъ на землѣ, то вмѣстѣ съ этимъ свяжетъ и на небеси. Епископское званіе становится высшею цѣлію честолюбія для людей, выдающихся изъ толпы по своимъ талантамъ, положенію, матеріяльнымъ средствамъ. Но это званіе достигалось избраніемъ паствы. Общественная жизнь, которая въ цвѣтущее время властительныхъ городовъ такъ сильно выражалась въ избраніи правительственныхъ лицъ, оцѣпенѣвшая въ послѣднее время, вдругъ заволновалась снова выборами главнаго пастыря Церкви, не главнаго жреца, исполнителя религіозныхъ обрядовъ, но человѣка, имѣющаго власть вязать и рѣшить; религіозный интересъ, обхватившій такъ всецѣло общество, далъ этимъ выборамъ самое важное значеніе. Легко понять, на какой общественной высотѣ чувствовалъ себя избранникъ; легко понять, какое значеніе имѣло собраніе епископовъ для рѣшенія вопросовъ, ставшихъ на первомъ планѣ для общества; какое значеніе имѣлъ Вселенскій Соборъ, этотъ невиданный языческою древностію всемірный форумъ.

Такимъ образомъ, варвары, войдя въ области имперіи, легко одолѣли ея войска, ея воеводъ, ея свѣтскаго правителя; но встрѣтили неодолимую силу въ Церкви и въ ея главныхъ пастыряхъ, епископахъ; съ этою силою они должны были входить въ соглашенія и не только дѣлиться съ нею властію, но и нерѣдко преклоняться предъ нею. Она служитъ посредницею между прошедшимъ и будущимъ Европы, между греко-римскимъ и варварскимъ міромъ; ею преимущественно поддерживается обаяніе Рима, испытываемое варварами. Это посредствующее значеніе и сила Церкви, сила ея епископовъ, рѣзко обнаружились въ судьбѣ самаго виднаго изъ варварскихъ племенъ, въ судьбѣ франковъ, и въ ихъ отношеніяхъ къ римскому міру.

Въ исторіи образованія важнѣйшихъ континентальныхъ европейскихъ государствъ заключается общее любопытное явленіе: вездѣ въ нихъ сѣверная половина получаетъ премущество передъ южною: съ сѣвера идетъ сила, подчиняющая себѣ всѣ части государственной области, собирающая землю, вслѣдствіе чего сосредоточивающіе пункты или столицы находятся въ сѣверныхъ частяхъ государства, несмотря на то, что на югѣ, повидимому, больше благопріятныхъ условій для народнаго развитія. Такое явленіе мы видимъ во Франціи, въ Испаніи, въ Россіи; потомъ сѣверная Германія начинаетъ брать замѣтный перевѣсъ надъ южною, и въ наше время этотъ перевѣсъ очевиденъ; въ наше же время Италія обязана своимъ объединеніемъ движенію изъ сѣверныхъ своихъ частей.

Въ Галліи, въ то время, когда она стала отламываться отъ Римской имперіи, въ южныхъ ея частяхъ помѣстились два сильныхъ варварскихъ народа, бургунды и вестъ-готы; но чрезъ нѣсколько времени они должны были признать власть варваровъ, пришедшихъ съ сѣвера,—франковъ, которые объединили страну и дали ей имя. При этомъ не должно забывать, что въ Галліи чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ менѣе было романизаціи, которая особенно выражалась въ изнѣженности нравовъ; этой изнѣженности не остались чужды и бургунды и вестъ-готы. Франки, какъ извѣстно, не были многочисленны, и потому сила ихъ вождей, послѣ утвержденія въ сѣверной Галліи, должна была естественно основываться на прежнемъ ея народонаселеніи, отличавшемся отъ южнаго большею крѣпостію. Не должно забывать также явленія, которое было указано нами въ Галліи еще во времена ея самостоятельности, явленія, которое было слѣдствіемъ неудовлетворительнаго состоянія политическаго и экономическаго быта; это явленіе—большія шайки голутьбы, бѣглецовъ, изгнанниковъ изъ разныхъ народцевъ; мы видѣли, что эта голутьба (egentes ac perditti) давала готовое войско честолюбцамъ, стремившимся къ верховной власти. Владычество римлянъ не могло уничтожить причины образованія этихъ шаекъ; мы имѣемъ свидѣтельства о людяхъ, покидавшихъ свои дома и родину, чтобы спастись отъ сборщиковъ податей; часть ихъ бѣжала къ варварамъ; часть составляла независимыя шайки, извѣстныя подъ именемъ *багаудовъ*. Движеніе этихъ бѣглецовъ должно было преимущественно направляться съ юга на сѣверъ, гдѣ и образовалось воинственное народонаселеніе, стремящееся опрокинуться на мѣста прежняго жительства. Мы знакомы съ этимъ *возвращеніемъ* гераклидовъ. Очень правдоподобно объясненіе, что сами франки составились изъ бѣглецовъ, изгнанниковъ,—объясненіе, которое оправдывается на ихъ имени (warg, frec, franc; наше—варягъ, изгнанникъ, разбойникъ, волкъ [1]).

Какъ бы то ни было, во франкахъ и вождѣ ихъ Кловисѣ, или Хлодовикѣ, галльскіе епископы увидали могущественное средство низложить бур-

[1]) У насъ смѣялись надъ производствомъ названія ко-какъ отъ козы; но корень одинъ въ обоихъ словахъ и означаетъ *бѣгуна*. Слово „багавды" имѣетъ то же самое значеніе *бѣгуна:* кельтич. *bog*, санскрит. *bhag*, наше—*бѣгать*.

гундовъ и готовъ, преданныхъ аріанству. «Твоя побѣда есть наша побѣда», прямо говорили они Хлодовику. Варвару было пріятно подъ предлогомъ наказанія еретиковъ пріобрѣсти хорошія земли, и онъ наивно говорилъ дружинѣ: «Мнѣ не нравится, что аріане-готы владѣютъ лучшими землями въ Галліи; пойдемъ и прогонимъ ихъ съ божіею помощію; овладѣемъ ихъ землею; мы сдѣлаемъ хорошее дѣло, потому что земля эта очень хорошая». Галлія была покорена франками.

Галлія была *покорена* франками! — выраженіе, которое принимало различный смыслъ, провозглашалось какъ непреложная истина, защищалось или упорно отвергалось по причинамъ вовсе не научнымъ; но, къ сожалѣнію, въ историческихъ изслѣдованіяхъ ненаучныя побужденія имѣютъ большую силу, и если иногда приносятъ пользу, заставляя уяснять нѣкоторыя явленія, то польза эта не вполнѣ вознаграждаетъ за вредъ, причиняемый продолжительностію споровъ вовсе ненужныхъ, натяжками, тратою силъ и времени. По вовсе ненаучнымъ побужденіямъ, безъ справки съ наукою, въ концѣ XVIII вѣка во Франціи придумано было историческое объясненіе и оправданіе революціи, что борьба низшихъ слоевъ народонаселенія съ высшими есть борьба покоренныхъ галлоримлянъ съ потомствомъ покорителей франковъ; что такое революція?—сверженіе ига, наложеннаго покорителями на покоренныхъ. Просто, успокоительно и вмѣстѣ эффектно! Легкое и эффектное объясненіе принялось; начали исторію западной Европы объяснять завоеваніемъ, отношеніями побѣдителей къ побѣжденнымъ; у насъ начали противополагать русскую исторію западноевропейской: въ западной Европѣ завоеванія, насилія и потому жестокость отношеній; у насъ завоеваній нѣтъ, варяги призваны,—и потому мягкость отношеній! Поляки придумали сдѣлать изъ своей шляхты особый народъ завоевателей! Теперь французы сильно перессорились съ нѣмцами; во Франціи пишутся многотомныя сочиненія объ исторіи Германіи, гдѣ каждое явленіе стараются выставить въ непривлекательномъ видѣ: можно ли же допустить, какъ начальное, исходное явленіе въ исторіи Франціи—нѣмецкое, франкское завоеваніе? Разумѣется, нельзя, и вотъ провозглашается, что никакого франкскаго завоеванія не было! Какія же приводятся доказательства? Нѣтъ указаній, говорятъ, чтобы галло-римляне лишились своихъ земель; они не были порабощены, даже нельзя думать, чтобы они были политически подчинены. Въ совѣтахъ королевскихъ, въ войскахъ, въ должностяхъ публичныхъ, въ судахъ, въ народныхъ собраніяхъ даже, обѣ части народонаселенія смѣшиваются. Лѣтописцы безпрестанно указываютъ человѣка франкскаго происхожденія подлѣ человѣка гальскаго происхожденія, не обозначая никогда, чтобы первый имѣлъ высшія политическія права, ни чтобы его франкское происхожденіе доставляло ему большее уваженіе. Галлы подчинялись Франкскимъ королямъ; но мы не видимъ признаковъ, чтобы они подчинились франкскому племени. Что касается вопроса о землевладѣніи, то его нельзя рѣшать такъ легко въ томъ и другомъ смыслѣ. Прежде всего нельзя противопоставлять франковъ галло-римлянамъ относительно всей страны, которую мы теперь называемъ Франціею. Фракское занятіе страны не было первымъ; прежде она была занята въ извѣстныхъ частяхъ своихъ бургундами и вестъ-готами, которые подѣлили землю съ прежними владѣльцами, подѣлили и рабовъ, необходимыхъ для ея обработки; то же самое произошло и въ Италіи при поселеніи въ ней варваровъ. Тутъ была еще занята земля съ согласія римскаго правительства; но франки, подъ предводительствомъ Хлодовика, заняли позднѣе ту часть Галліи, гдѣ еще держались римляне подъ начальствомъ Сіагрія, заняли ее, разбивши войска Сіагрія, уничтоживши въ лицѣ этого начальника послѣдній остатокъ римской власти въ Галліи. Мы совершенно спутаемся въ понятіяхъ, если за такимъ явленіемъ не станемъ признавать характеръ завоеванія, покоренія, и если станемъ отрицать необходимыя слѣдствія тогдашняго завоеванія, покоренія. Намъ извѣстно, что побѣдители франки опустошили страну побѣжденныхъ, не щадили и церквей, и собранную добычу дѣлили, причемъ всѣ должны были получить извѣстную долю, отъ вождя до послѣдняго воина, какъ то ясно изъ знаменитаго разсказа о церковномъ сосудѣ, котораго простой франкъ не хотѣлъ уступить Хлодовику. Если пріобрѣталась и дѣлилась добыча движимаго, то на какомъ основаніи мы будемъ утверждать, что завоеватели не смотрѣли на землю, какъ на добычу, и не подѣлили ея между собою? Мы не станемъ утверждать, что всѣ галло-римляне лишились своихъ земель; не считаемъ только себя въ правѣ дѣлать предположеніе, что франки удовольствовались только казенною землею или никому непринадлежащею. Потомъ покорены были бургундская и вестготская части Галліи: что же, и здѣсь не было покоренія? Дѣйствительно, мы видимъ людей галло-римскаго происхожденія въ приближеніи у королей Франкскихъ, въ важныхъ должностяхъ; но, во-первыхъ, есть ли средства опредѣлить отношенія этихъ случаевъ къ общему правилу; во-вторыхъ, и въ Турецкой имперіи, гдѣ подчиненность покореннаго христіанскаго народонаселенія завоевателямъ-магометанамъ не подлежитъ сомнѣнію, мы видимъ людей изъ этого подчиненнаго народонаселенія, занимающихъ важныя должности, обнаруживающихъ сильное вліяніе. Намъ говорятъ, что галло-римляне подчинились Франкскимъ королямъ, но не франкскому племени; но и въ Турціи христіанское народонаселеніе подчинено султану, а не туркамъ; здѣсь дѣло идетъ не о подчиненіи въ собственномъ смыслѣ, а о первенствующемъ положеніи. Франки составляли войско своихъ королей— это неоспоримо; какое значеніе имѣло войско, вооруженная сила въ тѣ времена?—значеніе пер-

венствующее — это также неоспоримо. Въ какихъ отношеніяхъ находились тогда воины къ своему вождю или королю?—въ самыхъ свободныхъ; вождь зависѣлъ отъ нихъ: покоривъ съ ними извѣстную страну, онъ долженъ былъ дѣлиться съ ними выгодами, происходившими отъ этого покоренія. Каково было римлянамъ отъ этихъ *равноправныхъ согражданъ*, видно изъ письма Сидонія Аполлинарія къ другу, требовавшему отъ него стиховъ: «Могу ли я пѣть, окруженный толпами космачей, принужденный слышать нѣмецкій языкъ, восхищаться пѣснью пьянаго бургундца? Счастливы ваши уши, которыя не видятъ и не слышатъ варваровъ! Счастливъ вашъ носъ, который не обоняетъ по десяти разъ въ утро вони лукомъ и чеснокомъ». И въ такомъ принужденномъ положеніи римлянинъ долженъ былъ находиться относительно бургундовъ, варваровъ, отличавшихся самымъ кроткимъ характеромъ: что же было отъ франковъ, которые вовсе не отличались такимъ характеромъ? Если франки не имѣли никакого преимущества, то зачѣмъ же галло-римляне старались подражать имъ даже во внѣшности, отращивали длинные волосы, назывались варварскими именами? Но у насъ есть свидѣтельство о преимуществѣ варвара надъ римляниномъ,—свидѣтельство, съ которымъ никакъ не сладятъ защитники ихъ равноправства: по салическому закону вира (штрафныя деньги) за варвара была вдвое больше, чѣмъ за римлянина.

Отрицать завоеваніе и преимущество завоевателя предъ завоеванными нельзя; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы, говоря о завоеваніи, повсюду, гдѣ оно было, предполагали одинакія послѣдствія. Одно и то же явленіе въ разное время, въ разныхъ странахъ, при разныхъ этнографическихъ, географическихъ, экономическихъ, религіозныхъ и другихъ условіяхъ, разнится чрезвычайно въ своихъ послѣдствіяхъ. Такъ, и завоеваніе галло-франковъ разнится и отъ завоеванія турками греческихъ и славянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ, и отъ завоеванія Англіи норманнами, и отъ завоеванія Россіи татарами, не переставая однако быть завоеваніемъ. Прежде всего завоеватели, ихъ вождь, принимаютъ вѣру завоеванныхъ, и это, разумѣется, даетъ совершенно особый характеръ отношеніямъ между ними,—прежде всего уничтожаетъ сближеніе завоеванія Галліи франками и завоеванія турками Греческой имперіи, гдѣ религіозная рознь и вражда сдѣлали смѣшеніе завоевателей съ завоеванными невозможнымъ. По извѣстію лѣтописца, епископъ, крестившій Хлодовика, говорилъ ему, при совершеніи таинства: «Преклони смиренно голову, Сикамбръ, поклоняйся тому, что ты жегъ; жги то, чему ты поклонялся». Говорилъ ли епископъ эти слова, или нѣтъ,—намъ все равно; для насъ важно видѣть въ лѣтописи выраженіе современнаго взгляда на событія; выраженіе восторга галло-римскаго народонаселенія, когда дикій завоеватель, истреблявшій, жегшій прежде храмы христіанскіе, сталъ единовѣрцемъ съ завоеваннымъ, преклонился предъ ихъ епископомъ, въ лицѣ котораго поднималась и вся паства, имъ представляемая. Во-вторыхъ, завоеванные стояли на высокой ступени цивилизаціи сравнительно съ завоевателями варварами. Завоеватель нуждался въ искусствѣ, знаніи завоеванныхъ; нѣкоторымъ изъ людей галло-римскаго происхожденія, даже свѣтскимъ, открывалась возможность приблизиться къ королю, получить важное мѣсто и вліяніе, тѣмъ болѣе-что религія нисколько этому не препятствовала, а варварская національность сама по себѣ не ревнива и уклончива передъ цивилизаціею.

Галлія подчинилась Франкскимъ князьямъ. Кромѣ прежняго, болѣе или менѣе олатыненнаго галльскаго народонаселенія, они вобрали въ себя теперь населеніе германскаго племени, бургундовъ, готовъ, наконецъ франковъ, какъ послѣдній слой. Мы замѣтили въ предыдущей главѣ, какою бѣдностью, неразвитостью экономическаго быта отличалась Римская имперія, сравнительно съ экономическимъ бытомъ новыхъ европейскихъ государствъ. Римская имперія была государство первобытное, земледѣльческое, съ малымъ сравнительно развитіемъ промышленнымъ и торговымъ: отсюда все значеніе у имущества недвижимаго, земли, тогда какъ могущественное значеніе движимаго, денегъ, есть особенность нашей новой исторіи, слѣдствіе сильнаго развитія экономическаго быта новой Европы. Мы видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось городское и сельское народонаселеніе въ областяхъ имперіи; новыя государства, основавшіяся на развалинахъ имперіи, начинаютъ съ того, на чемъ кончилась имперія, древній міръ, должны имѣть дѣло съ тою же экономическою неразвитостью, носить также земледѣльческій характеръ. Все значеніе — у земли, и потому первое явленіе здѣсь, подлежащее наблюденію историка, это — опредѣленіе поземельныхъ отношеній. Какъ бы ни овладѣли варвары землею, мы видимъ ихъ въ самомъ началѣ полными, неограниченными собственниками своихъ земельныхъ участковъ; подлѣ нихъ видимъ такими же полными, неограниченными владѣльцами земельной собственности и галло-римлянъ, какимъ бы образомъ они ни удержали свои земли. Эти земельные участки, на которые владѣльцы имѣютъ полное, неограниченное право собственности, носятъ разныя названія, латинскія, германскія и такія, происхожденіе которыхъ трудно опредѣлить; они называются proprietas, dominatio, sors, салическая земля, алодъ, haereditas; есть и такое латинское названіе, которое всего ближе подходитъ къ нашей *вотчинѣ*, это: *terra aviatica*,— буквально: *дѣдина*. Но мы уже видѣли, что при экономическомъ бытѣ, какой существовалъ въ Европѣ въ описываемое время, и при томъ хаосѣ, какой господствовалъ при рожденіи новыхъ государствъ, при слабости общей государственной власти, общество, для своего поддержанія, прибѣгаетъ къ частнымъ союзамъ, слабый становится подъ покровъ сильнаго, бѣдный подъ покровъ богатаго, закла-

дывается за него, дѣлается его захребетникомъ; неимущій идетъ въ услуженіе, въ добровольное холопство, естественно, очень быстро переходящее въ рабство; бѣдный землевладѣлецъ отдаетъ свою землю, свою вотчину богатому и сильному землевладѣльцу, чтобы только получить отъ него защиту. Это явленіе не есть національное, не принадлежитъ какому нибудь одному времени, но общее народамъ въ разныя времена, когда дѣйствуютъ указанныя выше условія. Мы видимъ закладничество и холопство у галловъ; въ Римской имперіи слабый, чтобъ найти покровительство сильнаго, отдавалъ ему свою вотчину въ собственность, а самъ пользовался ею пожизненно. «Чтобъ отцу получить защитника»,—говоритъ современный писатель,—«сынъ теряетъ наслѣдство; отецъ попользуется землею временно, сынъ потеряетъ ее навсегда, потому что отецъ перестaлъ быть собственникомъ». Изъ этихъ-то закладчиковъ, потерявшихъ свои вотчины, образовался классъ *колоновъ*, прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ. При утвержденіи варваровъ закладничество продолжалось, вотчины переходили въ помѣстья. Этимъ словомъ «*помѣстье*» мы вполнѣ вѣрно можемъ передавать слова: *beneficium* или *precarium*; при бѣдности государства, при недостаткѣ движимаго, денегъ, князья, вмѣсто жалованья, давали служащимъ у нихъ людямъ земельные участки въ пожизненное или вообще срочное пользованіе, и такія земли назывались beneficium или precarium,—вполнѣ соотвѣтствовавшія нашимъ русскимъ помѣстьямъ. Иногда и на западѣ точно такъ-же, какъ и у насъ въ древней Россіи, князья за важныя услуги жаловали земли и въ вотчину, т. е. въ вѣчное потомственное владѣніе. Но когда мелкій вотчинникъ закладывался за сильнаго, то онъ отдавалъ послѣднему свою вотчину, и бралъ ее назадъ въ видѣ помѣстья, въ пользованіе только; въ договорахъ прямо выражалось, что онъ принимаетъ землю какъ бенефицій. Мы знаемъ изъ лѣтописей, какимъ иногда способомъ сильные землевладѣльцы заставляли менѣе сильныхъ отдавать себѣ себѣ ихъ вотчины. Григорій Турскій разсказываетъ, что одному священнику королева Клотильда подарила землю въ вотчину. Епископъ сталъ просить ее у него; священникъ не соглашался отдать; тогда епископъ началъ грозить; когда и угрозы не подѣйствовали, то епископъ велѣлъ священника живаго положить въ мраморную гробницу и накрыть крышкою; священнику удалось однако уйти и принести жалобу королю; не не видно, чтобы епископъ потерпѣлъ что нибудь за свой поступокъ. Что не удалось означенному епископу, то удавалось другимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ. Какъ на Западѣ въ описываемое время крупные землевладѣльцы заводили за себя земли мелкихъ вотчинниковъ, объ этомъ, по сравненію, мы можемъ получить ясное понятіе изъ исторіи Малороссіи XVII и XVIII вѣка: здѣсь крупные землевладѣльцы точно также отнимали земли у казаковъ и дѣлали ихъ самихъ своими крестьянами; а иногда сами казаки отдавали свои земли и переходили въ крестьянство къ сильнымъ землевладѣльцамъ, чтобы отбыть отъ военной повинности.

Но если таково было главное экономическое явленіе въ новорожденномъ государствѣ, то что же дѣлала новая верховная власть, въ какихъ отношеніяхъ находилась она къ различнымъ частямъ народонаселенія и къ различнымъ органамъ, уже обозначившимся въ юномъ государственномъ тѣлѣ, съ самаго начала превосходившемъ своимъ развитіемъ или расчлененіемъ прежнія государственныя тѣла? Мы видѣли бытъ германцевъ за Рейномъ и Дунаемъ; видѣли, какъ подвиги, богатырство, доставляли благородство, высшую, королевскую власть. У франковъ мы видѣли такихъ королей, и подъ начальствомъ одного изъ нихъ, Хлодовика, они покоряютъ Галлію. Король франковъ становится начальнымъ человѣкомъ въ странѣ, главнымъ правителемъ ея. Галло-римское народонаселеніе, интеллигенція его, т. е. преимущественно духовенство, епископы, понимаютъ это явленіе такъ, что варвары-франки это—войско, служащее Римской имперіи, и предводитель этого войска, расположеннаго въ Галліи, управляетъ страною во имя Римской имперіи, Римскаго императора. Варварскій король велъ себя согласно съ этимъ пониманіемъ: Хлодовикъ въ восторгомъ облачается въ консульскую одежду, присланную ему императоромъ Анастасіемъ, и хотя требуетъ, чтобъ къ консульскому титулу прибавлялся и титулъ Августа, однако не бьетъ монету съ своимъ изображеніемъ, а съ изображеніемъ императора Анастасія. Сикамбръ преклоняетъ голову предъ обаяніемъ цивилизаціи точно такъ-же, какъ преклоняетъ голову предъ крестившимъ его архіереемъ; варвары представляли матеріалъ, неимѣющій политической формы, неуспѣвшій пріобрѣсть ее въ своихъ лѣсахъ, въ своихъ странствованіяхъ; Римъ предлагалъ имъ готовую форму, и они стремятся принять ее и чрезъ это политически воплотиться. Такое исканіе формы, опредѣленія, и производитъ стремленіе варварскихъ народовъ пріобрѣсти цивилизацію у народовъ, ею обладающихъ. Въ лѣтописяхъ варварскихъ народовъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Европы, мы встрѣчаемъ извѣстія о благоговѣйномъ отношеніи варваровъ къ цивилизаціи. Заимствованіе, оформленіе естественно начинается сверху и посредствомъ видимыхъ знаковъ. Хлодовикъ Франкскій величается въ консульскомъ платьи, присланномъ изъ Византіи; въ Москвѣ хранится шапка Мономаха, присланная оттуда же.

Готскій король Атаульфъ жаловался, что готы неспособны къ повиновенію, по причинѣ ихъ необузданнаго варварства. Такъ должны были смотрѣть на своихъ и всѣ короли, которые начали носить консульское платье и діадемы, присланныя изъ Константинополя. Мы видѣли, что въ лѣсахъ германскихъ о дѣлахъ меньшей важности совѣщались начальные люди, о важнѣйшихъ — всѣ. Король на римской почвѣ явился въ челѣ войска, при-

высшаго къ этимъ всеобщимъ совѣщаніямъ, ибо движеніе войска, рѣшеніе насчетъ похода есть важнѣйшее дѣло, и тутъ-то варвары особенно отличались своимъ неповиновеніемъ. Франкскіе короли — Клотарь и Хильдебертъ — идутъ на бургундовъ; братъ ихъ, Теодорикъ, отказывается идти съ ними вмѣстѣ; тогда его войско говоритъ ему: «Если не хочешь идти въ Бургундію съ братьями, то мы покинемъ тебя и пойдемъ за ними». Теодорикъ уговариваетъ ихъ: «Ступайте за мною въ Овернь, я васъ приведу въ страну, гдѣ вы наберете золота и серебра, сколько душа желаетъ, наберете скота, рабовъ и платья множество; только не ходите съ братьями моими». Король Клотарь идетъ на саксонцевъ; саксонцы просятъ мира; Клотарь хочетъ мириться, но воины говорятъ ему: «Мы знаемъ, что саксонцы лгуны, обѣщаній своихъ не сдержатъ». Саксонцы опять съ мирными предложеніями; Клотарь опять проситъ франковъ не нападать на нихъ, чтобъ не навлечь на себя гнѣва божія; франки не хотятъ слышать о мирѣ. Король говоритъ имъ: «Если вы непремѣнно хотите драться, то я не пойду съ вами». Тогда воины бросаются на короля, рвутъ его палатку, ругаютъ его и тащатъ насильно въ битву, грозятъ убить, если не пойдетъ. Варвары, франки, это — войско; война — главный ихъ интересъ; они собираются весною, въ мартѣ мѣсяцѣ передъ началомъ похода, на *сеймъ*, на *малъ*, буквально — *вѣче*, *рада* (mal — слово, rad — испускать звукъ, вѣче — слово). Кромѣ войны, на «малѣ» (которому по характеру своему вполнѣ соотвѣтствуетъ черная рада у малороссійскихъ казаковъ) рѣшались и другія дѣла особенной важности, выборъ вождей, выборъ дядьки или воспитателя въ случаѣ малолѣтства короля, земельные раздѣлы и раздѣлы казны между королевскими дѣтьми, судъ надъ важными преступниками, дѣла церковныя, ибо на нихъ присутствовали епископы. Всевозможные безпорядки, какіе только можно себѣ представить въ громадномъ сборищѣ грубой вооруженной массы, не хотящей знать никакой дисциплины, безпорядки, которыми отличались казацкія рады и польскіе сеймы, бывали и на этихъ франкскихъ мартовскихъ сеймахъ. Съ теченіемъ времени они собирались все рѣже и рѣже: они не могли нравиться ни королямъ, ни знати, ни епископамъ; съ постепеннымъ выходомъ изъ обычая мартовскихъ сеймовъ, пало и значеніе войсковой массы, а съ другой стороны, постепенное ослабленіе послѣдней отнимало значеніе у мартовскихъ сеймовъ, которые являются только военными смотрами. При такихъ точно условіяхъ военнаго занятія страны, въ Малороссіи гетманы, начиная съ Богдана Хмельницкаго, избѣгаютъ собранія черной рады, и дѣла рѣшаются на съѣздахъ старшинъ и полковниковъ къ гетману.

Мы видѣли, что у варваровъ богатырь, начальный человѣкъ, окруженъ былъ воинственною толпою, дружиною, которая въ мирѣ составляетъ украшеніе, на войнѣ — охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ея славу не только въ своемъ народѣ, но и у народовъ сосѣднихъ: къ такимъ вождямъ являлись посольства, приносились дары. Эти слова Тацита о дружинѣ переводитъ Русскій князь Владиміръ, говоря: «Золотомъ и серебромъ не пріобрѣту дружины, а съ дружиною пріобрѣту серебро и золото». Понятно, что у Франкскихъ королей, послѣ того, какъ они стали владѣльцами Галліи, дружина была очень многочисленна; она носитъ названіе *трусты* (truste), члены ея — *антрустіоны* (по всѣмъ вѣроятностямъ, это слово однокоренное съ санскритскимъ tra, защищать, покровительствовать, кормить; древнеславянское *трути* — кормить, наше *трава* — кормъ). Антрустіоны, дружинники, клянутся быть вѣрными королю, быть его людьми (leudes); а король держитъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ (mundium): кто убьетъ антрустіона, тотъ платитъ виру въ три раза большую, чѣмъ вира за убійство простаго франка. Но кромѣ такой сильной охраны, антрустіоны имѣли еще другія выгоды: они получали отъ короля хорошія помѣстья (beneficia), изъ ихъ среды король назначалъ правителей въ города и области съ титулами герцоговъ и графовъ, судей и сборщиковъ податей. По новому положенію своему на римской почвѣ, не какъ только вождь, но и какъ государь обширной страны, король принимаетъ въ антрустіоны не однихъ храбрецовъ, онъ беретъ людей и галло-римскаго происхожденія, надобныхъ ему по своему искусству и образованію для исполненія разныхъ порученій; напримѣръ, для веденія дипломатическихъ сношеній, для составленія грамотъ. Но высшія должности правительственныя, соединенныя съ охраною страны, должности герцоговъ, войсковыхъ начальниковъ областей, поручались преимущественно франкамъ, что видно изъ именъ герцоговъ, попадающихся въ лѣтописи, а это ясно показываетъ также отношенія франковъ къ галло-римлянамъ.

Король располагалъ обширною земельною собственностью, прежнею казенною собственностью имперіи, если и не предположимъ, что онъ, какъ вождь, взялъ себѣ хорошую, большую долю. Обширная земля давала ему большія средства раздавать помѣстья или бенефиціи, награждать заслуги своихъ людей вотчинами. Доходы съ земель, остававшихся за королемъ, подати съ галло-римскаго народонаселенія, подарки, подносимые по старому обычаю франками (которые упорно отказывались платить подати наравнѣ съ покореннымъ народонаселеніемъ), — всѣ эти доходы давали королямъ возможность имѣть обширное хозяйство. Антрустіоны находили для себя почетнымъ и выгоднымъ завѣдывать отдѣльными частями этого хозяйства; но понятно, какъ почетно и выгодно было положеніе человѣка, который стоялъ выше всѣхъ этихъ управителей отдѣльными частями, который имѣлъ высшій надзоръ надъ всѣмъ хозяйствомъ, надъ всѣмъ домомъ королевскимъ, былъ старшимъ въ его управленіи, majos domus, палатнымъ мэромъ.

Антрустіоны, приближенные къ королю люди,

начиная съ самаго приближеннаго, палатнаго мэра, составляли знать въ глазахъ остального народонаселенія, illustres, optimates. Съ ними король держалъ совѣтъ, думу, и чѣмъ болѣе теряли значеніе общія войсковыя рады или мартовскіе сеймы, чѣмъ болѣе пріобрѣтали значенія эти совѣты короля съ знатью, съ антрустіонами; но въ этихъ совѣтахъ участвовала не одна свѣтская знать, въ нихъ участвовала и знать церковная,—епископы.

Съ этими двумя элементами, знатью свѣтскою и церковною, королевская власть и должна имѣть преимущественно дѣло. Три силы на лицо; какъ же опредѣлить отношенія между ними? Тутъ прежде всего вниманіе наблюдателя обращаютъ на себя естественныя общія условія жизни человѣка и народа, тѣ представленія о законѣ отношеній, о правѣ, которыми люди и народы руководствуются въ первобытныя времена, пока опытъ долгой, политической жизни не убѣдитъ ихъ въ необходимости измѣнить эти представленія. При этомъ разныя случайныя обстоятельства играютъ важную роль, ибо они подкладываютъ тяжести на ту или другую чашку вѣсовъ. Само собою разумѣется, что изъ этихъ случайностей личность, способности, умѣнье пользоваться своими средствами играютъ главную роль въ наклоненіи вѣсовъ въ ту или другую сторону; затѣмъ болѣе или менѣе продолжительная преемственность способныхъ людей на той или другой сторонѣ; наконецъ совершенно внѣшнія явленія, столкновенія народа съ другими народами и т. д.

Представленіемъ, господствующимъ у варваровъ, является представленіе о томъ, что страна есть частная собственность короля, по смерти котораго всѣ его сыновья имѣютъ одинаковое участіе въ отцовскомъ владѣніи. Сыновья Хлодовика раздѣлили Галлію между собою на четыре части, вовсе не соблюдая точности границъ; владѣнія ихъ были черезполосныя: иногда одинъ городъ принадлежалъ двоимъ и троимъ королямъ; Мецъ, Суассонъ, Парижъ и Орлеанъ были главными городами этихъ четырехъ волостей; но югозападная часть Галліи, прилежавшая къ Атлантическому океану, такъ-называемая Аквитанія, подѣлена была опять на четыре части между братьями. Нужно ли говорить, какое явленіе напоминаетъ намъ это дѣленіе Галліи между потомками Хлодовика или, такъ-называемыми, Меровингами? Точно также русскія владѣнія дѣлились между сыновьями Ярослава: Новгородъ отчислялся къ Кіеву, Ростовъ къ Переяславлю Южному, Муромъ къ Чернигову! Какія же были отношенія между сыновьями Хлодовика? Государственной подчиненности младшихъ братьевъ старшимъ мы не видимъ никакой; о родовомъ подчиненіи, о томъ, чтобы старшій былъ вмѣсто отца, владѣлъ старшимъ столомъ, также нѣтъ помину. Мы видѣли, что германцы не могли сохранить или выработать крѣпкаго родоваго союза, а на римской почвѣ, въ народонаселеніи римскихъ провинцій, и подавно не было условій, которыя бы благопріятствовали этому сохраненію или выработкѣ. Но такъ какъ и государственныя отношенія еще не начинали выработываться, то между людьми, стоящими на верху, между владѣльцами, естественно выставляются развалины, обломки, воспоминанія родового союза, если онъ былъ когда-нибудь выработанъ, или первоначальныя черты его, задержанныя въ своемъ развитіи отсутствіемъ благопріятныхъ условій. Меровинги признаютъ родственную связь между собою, признаютъ землю, добытую предками, своею родовою собственностью; считаютъ себя въ правѣ наслѣдовать другъ послѣ друга; но при этомъ отсутствіи выработки родовыхъ отношеній, которыбы у другихъ племенъ сдерживали хищничество, открывая властолюбію и честолюбію другіе виды, виды на старшинство въ родѣ,—отсутствіе выработки родовыхъ отношеній, у германцевъ давало полный просторъ хищничеству, стремленію увеличить свои надѣлы, свое богатство насчетъ родственниковъ, истреблять послѣднихъ. Нельзя было отнять землю у взрослыхъ родственниковъ, у братьевъ, истребить ихъ, нельзя было сладить съ племянникомъ взрослымъ, сильнымъ привязанностію дружины: бросались на малолѣтнихъ осиротѣлыхъ племянниковъ, ихъ истребляли и дѣлили земли отца ихъ между собою. Извѣстно, какъ у насъ, въ Россіи, при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, несчастные князья-сироты были мало обезпечены отъ властолюбія своихъ старшихъ родственниковъ. Любопытно видѣть, какъ у Меровинговъ вкоренено было понятіе, что племянники при дядьяхъ не наслѣдники: внукъ Хлодовика, знаменитый своимъ геройствомъ Теодебергъ, едва успѣлъ удержать за собою свою отчину, которую хотѣли подѣлить между собою дядья его; да и тутъ онъ долженъ былъ дать имъ долю изъ отцовскаго движимаго имущества.

Одинъ изъ сыновей Хлодовика, Клотарь, по смерти братьевъ, сталъ единовластцемъ всѣхъ отцовскихъ земель; но по смерти его онѣ снова раздѣлились между сыновьями его, и это новое раздѣленіе было еще неправильнѣе прежняго: напримѣръ, король, который владѣлъ землями по теченію Сены, владѣлъ также Марселью. Нантъ принадлежалъ королю, царствовавшему въ Суассонѣ, а этотъ городъ только рѣкою отдѣлялся отъ владѣній другого брата. Дѣлили земли, завоеванныя Хлодовикомъ и его сыновьями: вмѣсто одного короля является нѣсколько равноправныхъ королей: въ какомъ же отношеніи находились къ нимъ франкское народонаселеніе, войско, также дружина или антрустіоны, ибо все это землевладѣльцы, вотчинники и помѣщики? При раздѣлахъ между королями, земельныя владѣнія знатнаго человѣка могли очутиться въ волостяхъ разныхъ королей, и короли договариваются, что такой человѣкъ, считаясь самъ лично подъ властію одного изъ нихъ, безпрепятственно пользуется имуществомъ, которое находится во владѣніяхъ другого. Такъ какъ въ подобномъ положеніи находилось и духовенство, имѣнія кото-

раго были разбросаны въ волостяхъ разныхъ королей, то оно соединяетъ свои интересы съ интересами свѣтскихъ землевладѣльцевъ, и епископы требуютъ у короля, чтобъ духовныя и свѣтскія лица, живущія въ волостяхъ его дядей, но владѣющія землями въ его королевствѣ, не считались иностранцами, но пользовались бы свободно своими имѣніями. Наконецъ, короли договариваются не похищать другъ у друга дружинниковъ и не принимать такихъ, которые покинули службу своего короля. Эти два условія тѣсно связаны другъ съ другомъ: не существуй перваго, дружинникъ будетъ переходить въ службу того короля, во владѣніяхъ котораго находится большая или лучшая часть его земель; не будь второго условія при первомъ, дружинники, переманиваемые какими нибудь выгодами, будутъ переходить въ службу другого короля, сохраняя свои земли въ волости прежняго, въ ущербъ послѣднему и въ усиленіе первому.

При первомъ поколѣніи, при сыновьяхъ Хлодовика, большихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ дружины къ королямъ произойти не могло, потому что сыновья Хлодовика отличались тою же энергіею, тою же воинственною дѣятельностью, какъ и отецъ ихъ. Но со втораго поколѣнія начинается упадокъ между Меровингами. Внѣшнія завоевательныя войны смѣняются внутренними усобицами между королями. Нѣкоторые изъ этихъ королей представляются чудовищами разврата, въ который они бросились со всею варварскою необузданностію и пыломъ страсти, получивши большія средства къ ея удовлетворенію. Развратъ принесъ очень скоро свои плоды: явилось новое поколѣніе, дряхлое физически и умственно, недолговѣчное; жизнь другихъ укорачивается ножами убійцъ, подсылаемыхъ родственниками. Являются случаи продолжительнаго малолѣтства королей, женскаго управленія, управленія вельможъ. У насъ съ-дѣтства остаются въ памяти имена двухъ женщинъ изъ меровингской исторіи, знаменитыхъ Фредегонды и Брунегильды, которыхъ дѣятельность является на первомъ планѣ; явленіе естественное: съ паденіемъ мужчинъ у Мевинговъ, но при сохраненіи еще значенія, матеріяльныхъ средствъ фамиліи, дѣятельность переходитъ къ женщинамъ, и потомъ уже, все съ большимъ и большимъ паденіемъ фамиліи, наверхъ поднимается другая фамилія; эпоха Фредегонды и Брунегильды естественно посредствуетъ между самостоятельными Меровингами и правленіемъ палатныхъ мэровъ.

Но дѣятельность Фредегонды и Брунегильды необходимо останавливаетъ насъ и заставляетъ наблюдать надъ характеромъ и положеніемъ женщины въ новомъ обществѣ. Нѣмецкіе ученые, въ припадкахъ своего германофильства, стали проповѣдывать, что германская женщина міръ спасла; что только германская женщина явила въ себѣ настоящій женскій характеръ и установила настоящее положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, а въ семьѣ и обществѣ другихъ народовъ женщина имѣла низкое, недостойное положеніе. Съ легкой руки нѣмецкихъ наставниковъ и у насъ начали-было толковать о созданіи славянской, русской женщины, которая также долженствовала міръ спасти. Нѣмецкіе ученые основали свои выводы о высокомъ характерѣ и положеніи женщины въ германскихъ лѣсахъ по скуднымъ извѣстіямъ о какихъ-то пророчицахъ Веледахъ, имѣвшихъ важное религіозно-политическое значеніе у своихъ народовъ, и о томъ, что германскія женщины очень храбро вели себя во время побоищъ, какъ будто у другихъ народовъ мы не видали женщинъ, облеченныхъ точно такимъ же характеромъ, какъ будто и другіе народы въ періодъ своей богатырской жизни не выставляютъ богатырей женскаго пола. Съ малолѣтства каждый грамотный человѣкъ вбираетъ въ свою память прекрасные, высокіе образы женщинъ и въ частной, и въ общественной жизни, героинь, совершающихъ подвиги для спасенія отечества, пророчицъ-вождей, судей своего народа, и это — въ народѣ восточномъ, не арійскаго племени. Но оставимъ отдаленный Востокъ и перейдемъ поближе, въ Европу, на римскую почву, посмотримъ, въ какомъ значеніи встрѣтили варвары женщину въ римско-христіанскомъ обществѣ.

Также съ малолѣтства привыкли мы къ преданіямъ о геройствѣ римскихъ женщинъ въ первыя времена знаменитаго города, о томъ уваженіи, какимъ была окружена римская женщина, какъ мать и жена. Юридическія положенія объ отношеніи женщины къ мужу и сыну не должны смущать насъ, ибо, при извѣстныхъ условіяхъ быта, слабѣйшему существу прежде всего должна быть обезпечена защита сильнѣйшаго, а защита и власть въ такомъ быту не отдѣляются. Впослѣдствіи измѣненіе условій быта отразилось въ сопоставленіи новыхъ брачныхъ формъ и условій съ прежними, архаическими, такъ сказать, формами и условіями. Высокое значеніе женщины въ Римѣ свидѣтельствуется тѣмъ, что она здѣсь могла быть жрицею, свидѣтельствуется и необыкновенными нравами весталокъ. Съ распространеніемъ образованности, римская женщина, овладѣвъ ея средствами, является въ обществѣ съ могущественнымъ вліяніемъ; распространеніе образованности въ Римѣ совпадало съ порчею нравовъ, и многія женщины пользовались своимъ положеніемъ не для поддержанія нравственныхъ началъ. Но для поддержанія послѣднихъ является христіанство, и римская женщина не уступаетъ мужчинѣ въ тяжелой борьбѣ за распространеніе и утвержденіе новыхъ вѣрованій. Примѣровъ приводить не нужно: они всѣмъ извѣстны; но важное значеніе женщины, какое было пріобрѣтено ею въ языческомъ Римѣ, и освященіе, какое дано было этому значенію христіанствомъ, нигдѣ не высказываются съ такою поразительностію, какъ въ исторіи Іеронима и Златоуста. Германская женщина при встрѣчѣ съ римскою, не могла ничего прибавить къ значенію послѣдней.

Извѣстно, что Тацитъ хвалитъ нравственную чистоту германскихъ женщинъ, и мы нисколько

не станемъ заподозривать справедливости его извѣстій; мы укажемъ только на то, что Тацитъ причинами этой чистоты выставляетъ отсутствіе общительности при разрозненной жизни германцевъ, отсутствіе цивилизаціи, отсутствіе науки и литературы,—и, прибавимъ, что женщины, знаменитыя въ лѣтописяхъ христіанскаго Рима и Византіи, отличались нравственною чистотою, принадлежа къ цивилизованному обществу, занимаясь наукою и литературою. Тацитъ хвалитъ германцевъ за однобрачіе, соблюдаемое большинствомъ; но говоритъ, что меньшинство, люди знатные, живутъ въ многоженствѣ изъ благородства, а не по сладострастію (non libidine, sed ob nobilitatem). Намъ, разумѣется, трудно понять такое «noblesse oblige», и мы не знаемъ, какъ свѣдалъ Тацитъ о такой обязанности, налагаемой благородствомъ только. Но какъ бы то ни было, когда Меровинги овладѣли Галліею, они вспомнили объ этой обязанности и начали исполнять ее съ чрезвычайнымъ усердіемъ, женились и разженивались безпрестанно, и держали цѣлые гаремы изъ казенныхъ работницъ. Церковь вооружилась противъ этого разрушительнаго для новаго общества явленія всѣми своими средствами; но увѣщанія и отлученіе мало помогали при господствѣ двоевѣрія у варваровъ, изъ которыхъ многіе принимали христіанство только съ внѣшней стороны, служа внутри прежнимъ вѣрованіямъ и привычкамъ. Со стороны женщины дѣло не могло обойтись безъ протеста; въ германскихъ лѣсахъ она могла успокоиваться на законности этого явленія; на римской почвѣ, при требованіяхъ новой религіи, это успокоеніе было у нея отнято. Отсюда неодолимое стремленіе энергической женщины изъ наложницы стать законною и единственною женою; отсюда эта борьба съ соперницами, доходящая до крайности, когда всѣ средства считаются позволенными. Такимъ образомъ, дѣятельность Фредегонды, состоящая изъ цѣпи преступленій, есть не иное что, какъ печальное слѣдствіе обычая, принесеннаго Меровингами изъ лѣсу, обычая, который пришелся вовсе не по условіямъ новаго общества.

Но не одно стремленіе выйти изъ незаконнаго, непризнаваемаго новымъ обществомъ, унизительнаго положенія заставляло энергическую женщину волноваться, совершать преступленія и побуждать другихъ къ ихъ совершенію. Ее побуждало къ тому другое, болѣе могущественное чувство, чувство матери. Мы видѣли, что отношенія между Меровингами указываютъ на переходное, междоумочное время: государственныя опредѣленія не выработались, а члены господствующей фамиліи руководились остатками родоваго обычая; имъ представлялось единство рода, нераздѣльность родоваго владѣнія, причемъ только старшіе могутъ быть представителями рода, совладѣльцами, племянники исключаются изъ владѣнія, дядья преслѣдуютъ ихъ, истребляютъ. Не одно властолюбіе руководило и королями, когда они стремились къ единовластію, къ изгнанію, истребленію братьевъ: ими руководило опасеніе за участь своихъ дѣтей, которыхъ дядья не оставятъ спокойно владѣть отцовскою властію. То же самое видимъ на Востокѣ, гдѣ господствуетъ та же невыработка постановленій о престолонаслѣдіи, такіе же родовые обычаи, тотъ же сеніоратъ, по которому старшій въ родѣ, дядя, имѣетъ право предъ племянникомъ: мы видимъ, что султанъ, чтобъ упрочить престолъ за своимъ сыномъ, умерщвляетъ братьевъ. Но теперь легко представить себѣ положеніе матери-королевы, которая хорошо знала, что, умри ея мужъ, дѣтямъ ея предстоитъ истребленіе или въ крайнемъ счастливомъ случаѣ изгнаніе отъ дядей! Видя въ братьяхъ мужа своего гонителей, истребителей ея собственныхъ дѣтей, она побуждаетъ мужа предупредить враговъ, напасть на братьевъ, изгнать, истребить ихъ. У туринговъ царствовали три брата—Бадерикъ, Герменфридъ и Бертеръ; у Герменфрида была жена Амалаберга, которая непремѣнно требовала отъ мужа, чтобъ онъ отдѣлался отъ братьевъ и владѣлъ одинъ; Герменфридъ уступилъ настояніемъ жены, напалъ на Бертера и убилъ его. Но оставался Бадерикъ, на котораго Герменфридъ боялся напасть. Однажды, когда онъ пришелъ въ столовую обѣдать, то увидалъ, что столъ накрытъ только наполовину. «Что это значитъ?» спросилъ онъ съ удивленіемъ у жены. «А это значитъ», отвѣчала Амалаберга, «что кто довольствуется половиною королевства, долженъ видѣть половину своего стола пустою». Тогда Герменфридъ отправилъ пословъ къ Франкскому королю Теодорику съ такимъ предложеніемъ: «Если ты погубишь Бадерика, то Герменфридъ раздѣлитъ его волость пополамъ съ собою». Теодорикъ согласился,—и Бадерикъ погибъ. Жена польскаго князя Владислава II-го, нѣмецкая принцесса Агнесса, до тѣхъ поръ не могла успокоиться, пока не заставила мужа напасть на братьевъ.

Множество варварскихъ королей вносило страшный раздоръ въ семьи; жены ненавидѣли другъ друга и передавали эту ненависть дѣтямъ; отсюда материнское чувство, желаніе предохранить собственныхъ дѣтей отъ гибели, заставляло женщину преслѣдовать своихъ пасынковъ, доводить ихъ до гибели, чѣмъ особенно славна была страшная Фредегонда. Послѣ этого такъ понятны для насъ слова нашего Ярослава, сказанныя сыновьямъ передъ смертію: «Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои, имѣете въ себѣ любовь, понеже вы есте братье единаго отца *и матере*». Передъ глазами Ярослава былъ печальный опытъ прежнихъ усобицъ, когда истребляли другъ друга князья, рожденные отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей.

Еще одно чувство, чувство религіознаго характера заставляло варварскую женщину выдаваться впередъ и побуждать мужчинъ къ исполненію священной особенности,—а эта обязанность заключалась въ смертоубійствѣ. Родственникъ былъ

обязанъ отомстить смертью убійцѣ близкаго человѣка. Тѣнь убитаго не могла быть покойна, пока кровавая месть не была совершена, и чѣмъ замѣтнѣе была женщина своимъ религіознымъ чувствомъ, тѣмъ болѣе отличалась строгимъ исполненіемъ этой обязанности, понашему — неумолимостью, жестокостью въ мести. Клотильда, жена Хлодовика, благодаря настояніямъ которой этотъ свирѣпый Сикамбръ принялъ христіанство,—Клотильда, которая, по смерти мужа, удалилась отъ свѣта, проводила все свое время въ молитвахъ,—эта самая Клотильда заставила сыновей своихъ идти войною на Бургундскаго короля, чтобъ отомстить ему за смерть отца своего. Поведеніе западной Клотильды такъ уясняетъ поведеніе восточной, русской Ольги, жестоко отомстившей древлянамъ за смерть мужа.

---

2) Политическое соединеніе Италіи Галліи, и Германіи при Каролингахъ.

Почти во всѣхъ государствахъ Европы сѣверныя части получаютъ преобладающее значеніе надъ южными: относительно всюду болѣе скупая природа сѣвера сохраняетъ въ человѣкѣ большую крѣпость, энергію, устойчивость, трезвость мысли и чувства—качества, необходимыя для успѣха въ государственномъ зиждительствѣ, и отказываетъ ему въ другихъ качествахъ, которыя въ южномъ народонаселеніи производятъ большую быстроту и роскошь развитія. Съ другой стороны, въ извѣстныхъ странахъ имѣютъ важное значеніе тѣ ихъ части, тѣ окраины, которыя подвергаются наибольшей опасности отъ внѣшнихъ враговъ, должны первыя принимать на себя ихъ удары: здѣсь народонаселеніе крѣпнетъ въ борьбѣ, принимаетъ воинственный, предпріимчивый характеръ, способность къ защитѣ, переходящую въ способность къ наступленію. Правителями такихъ частей могутъ быть только люди сильные духомъ, способные къ постоянной борьбѣ. Въ Римской имперіи такою частью была Галлія, изначала подверженная нападенію германцевъ, изначала спорная между ними и Римомъ: отсюда важное значеніе Галлія, важное значеніе ея правителей и войска, въ ней расположеннаго. Галлія была украйною римскаго цивилизованнаго міра не по отношенію только къ варварамъ арійскаго племени, германцамъ, но и по отношенію къ азіатскимъ степнымъ кочевымъ варварамъ, которыхъ нельзя было усыновить цивилизаціи, которые, кромѣ опустошенія, не приносили ничего. Граница Европы съ Азіею, которая теперь, во второй половинѣ XIX-го вѣка, на берегахъ Аму и Сыръ-Дарьи, въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, была на берегахъ Рейна; гунскія кибитки раскидывались въ Галліи, на поляхъ каталонскихъ, и были отброшены отсюда страшными усиліями римско-германскаго ополченія. Когда Галлія стала владѣніемъ германцевъ-франковъ, то значеніе ея не измѣнилось, значеніе украйны цивилизованнаго міра, возрожденнаго христіанствомъ. Вожди франковъ, ставши христіанами и римскими сановниками, начинаютъ въ отношеніи къ своимъ одноплеменникамъ, за-рейнскимъ германцамъ, ту же дѣятельность, какъ знаменитые римскіе полководцы, начиная съ Цезаря. Они начинаютъ наступительное движеніе на собственную Германію, а по ихъ слѣдамъ идутъ другіе завоеватели, проповѣдники христіанства, которые привязывали германцевъ духовною связью къ Риму и его цивилизаціи. Такая перемѣна въ движеніи, то-есть, когда, вмѣсто движенія германцевъ въ области имперіи и преимущественно въ Галлію, послѣдовало движеніе изъ Галліи въ Германію, условливалась прежде всего истощеніемъ Германіи. Никто, разумѣется, не предположитъ, что Германія во время перваго столкновенія своего съ Римомъ, дикая, покрытая дремучими лѣсами Германія, могла содержать большое народонаселеніе, особенно когда знаемъ, что германцы жили разбросанно, не скучиваясь въ городахъ, которыхъ не было. Конечно, мы не должны упускать изъ вниманія большой плодущности арійскихъ племенъ, слѣдовательно и германцевъ; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что это, разбросанное въ дремучихъ лѣсахъ, народонаселеніе ожесточенно дралось другъ съ другомъ, и, кромѣ того, въ продолженіе вѣковъ постоянно выдѣляло изъ себя толпы переселенцевъ, которыя подъ разными видами проходили въ области имперіи, и наконецъ перешли туда цѣлыми народами. Это послѣднее переселеніе, закончившееся утвержденіемъ франковъ въ Галліи, въ связи съ гунскимъ нашествіемъ, и обезсилило Германію, прекратило движеніе ея народовъ, привело ихъ въ состояніе покоя, которое заставило ихъ припасть къ землѣ, сродниться съ нею. Тутъ-то собственно и положено было начало Германіи, ибо до сихъ поръ страна, получившая это имя, была только перепутьемъ для своего народонаселенія. Германія истощилась, а Галлія усилилась утвержденіемъ въ ней франковъ: это было самое сильное владѣніе въ цѣлой Европѣ, которое потому и начинаетъ наступательное движеніе на Германію, не могущую выставить ей сильнаго сопротивленія; одинъ германскій народъ за другимъ подчинялся франкскимъ вождямъ, которые самымъ фактомъ подчиненія прикрѣпляютъ германскія племена къ ихъ мѣсту жительства, вводятъ ихъ въ опредѣленныя границы, а идущее по слѣдамъ ихъ христіанство прикрѣпляетъ ихъ окончательно къ странѣ созданіемъ религіозныхъ церковныхъ центровъ, епископствъ, монастырей.

Но если мы знаемъ, что франкскія владѣнія въ Галліи раздѣлялись между потомками Кловиса, то имѣемъ право ожидать, что самою значительною, самою сильною частью между ними должна быть сѣверовосточная часть, германская украйна, вожди и воины которой находились постоянно на самомъ опасномъ мѣстѣ, требующемъ особеннаго

мужества, энергіи и искусства. И дѣйствительно, мы видимъ, что сѣверо-восточная часть франкскихъ владѣній, такъ называемая Австразія, беретъ явно перевѣсъ надъ юго-западною, или такъ называемую Нейстріею. Послѣ первыхъ Меровинговъ исторія франковъ въ Галліи представляетъ картину смутъ, усобицъ, оканчивающихся перемѣною владѣльческаго Дома, и во все это время за-рейнскіе германцы оставляютъ франковъ спокойно устраивать свои дѣла въ Галліи, не пользуются удобнымъ случаемъ взять надъ ними верхъ, не трогаютъ ихъ въ богатой завидной Галліи: опять доказательство истощенія за-рейнской или собственной Германіи.

Какая же была причина смутъ и усобицъ между франками въ Галліи? Обнаруживается безсиліе, неспособность къ правительственной дѣятельности между членами Меровингскаго королевскаго Дома, являются такъ называемые *лѣнивые, ничего не дѣлающіе короли*. Это явленіе объясняется легко, если вспомнимъ, съ какою варварскою алчностью Меровинги бросились на чувственныя наслажденія, благодаря средствамъ, которыя доставило къ тому ихъ верховное положеніе въ Галліи. Понятно, что такой образъ жизни долженъ былъ скоро повести къ физическому и нравственному ослабленію, одряхленію рода. Прежде всего оказалось, что Меровинги больше не воины, а потому и не вожди, могутъ заниматься только мирными дѣлами, судомъ; впослѣдствіи оказалось, что они и ни къ чему негодны. Если короли не могутъ быть вождями, то на ихъ мѣсто должны быть другіе вожди. Меровинговъ вдругъ отстранить нельзя: это давній, знатнѣйшій владѣльческій родъ. Къ ихъ верховному значенію привыкли; но главное: у этого рода большія матеріальныя средства; у Меровинговъ много земель, у нихъ большая *труста*, большое количество людей, связанныхъ съ ними земельными отношеніями, кормящимися отъ нихъ; главный между членами *трусты*, антрустіонами—это управляющій домомъ, хозяйствомъ королевскимъ, *major domus*, палатный мэръ. Послѣ короля онъ виднѣе всѣхъ въ его домѣ; во время малолѣтства короля онъ его опекунъ; а если король постоянно будетъ недорослемъ, нравственно несовершеннолѣтнимъ, то палатный мэръ будетъ постоянно занимать его мѣсто, и если король будетъ постоянно недорослемъ, а должность палатнаго мэра будетъ оставаться въ одномъ родѣ, станетъ наслѣдственною, то рано или поздно родъ, дѣйствительно владѣющій, станетъ владѣющимъ и номинально, отнявъ у старой династіи и номинальное владычество.

Палатные мэры франковъ имѣютъ важное значеніе въ исторіи западной Европы, въ исторіи этихъ трехъ странъ—Галліи, Италіи и Германіи, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, потому что эта тѣсная связь явилась вслѣдствіе дѣятельности палатныхъ мэровъ. Организмъ въ новорожденныхъ государствахъ былъ крайне слабъ, внутренняго равновѣсія между органами быть не могло, вслѣдствіе чего сильнѣйшій стремился подчинить себѣ слабѣйшаго. При неразвитіи народной дѣятельности, богатство, сила основаны исключительно на землевладѣніи, и сильнѣйшій землевладѣлецъ стремится подчинить себѣ слабѣйшаго. Это подчиненіе происходитъ извѣстнымъ образомъ чрезъ обращеніе вотчинъ въ помѣстья: слабѣйшій отдаетъ свою вотчину сильнѣйшему и беретъ ее назадъ въ видѣ помѣстья и съ извѣстными обязанностями подчиненія, зависимости, ибо, при господствѣ земельной собственности, полученіе земли въ бенефицій или помѣстье, было самымъ яснымъ выраженіемъ зависимости, подчиненія, а владѣніе своею землею, вотчиною, служило вѣрнѣйшимъ выраженіемъ независимости. При такомъ положеніи дѣлъ, при такихъ стремленіяхъ, бѣдный, слабый землевладѣлецъ могъ сохранить свою независимость, сохраняя свою вотчину, свой жребій, или аллодъ, только при помощи верховной власти; но это возможно было только въ томъ случаѣ, когда верховная власть была сильна, а при тогдашнемъ государственномъ бытѣ это могло быть только при условіяхъ личныхъ средствъ правителя, способности его бороться съ сильными, давать имъ чувствовать свою силу и защищать слабыхъ. Когда между Меровингами перестали являться такіе сильные правители, то сильные люди начали стремиться, съ одной стороны, къ независимости отъ короля. Такъ какъ эта зависимость выражалась въ полученіи отъ короля помѣстій, или бенефицій, и въ полученіи отъ него въ управленіе городовъ и областей, то освобожденіе отъ зависимости естественно состояло въ обращеніи помѣстій въ вотчины и въ обращеніи временныхъ правительственныхъ должностей въ наслѣдственныя. Съ другой стороны, произошло стремленіе сильныхъ землевладѣльцевъ подчинить себѣ слабыхъ чрезъ обратное измѣненіе вотчинъ ихъ въ помѣстья; слабые, не находя себѣ защиты въ верховной власти, естественно должны были закдываться за сильныхъ, отдавая имъ свои вотчины и принимая ихъ обратно въ видѣ помѣстій. При долгомъ рядѣ королей-недорослей, т. е. при продолжительной слабости верховной власти, оба эти стремленія должны были увѣнчаться вѣрнымъ успѣхомъ; Галлія должна была явиться подѣленною между извѣстнымъ количествомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, за которыми слабѣйшіе были бы въ закладникахъ, захребетникахъ,—однимъ словомъ, гораздо ранѣе должно было бы произойти то же самое, что произошло позднѣе, при паденіи Карловингской династіи, именно—при крайнемъ ослабленіи государственной власти, господство частнаго союза по землѣ, господство закладничества, или, по западному выраженію, феодолизма. Разумѣется, столкновеніе между этими сильными землевладѣльцами, незнающими надъ собой никакой власти, повело бы къ войнамъ между ними; могла бы открыться возможность сильнѣйшимъ, способнѣйшимъ между ними подчинять себѣ другихъ. Но все это потребовало бы времени, и Галлія или франки, ею

*

владѣвшіе, не могли бы имѣть того вліянія на Италію и Германію, сыграть той посредствующей роли между ними, какую они сыграли при Карловингахъ.

Палатные мэры, перенеся на себя значеніе и средства Меровинговъ, сдержали на нѣкоторое время стремленіе, долженствовавшее необходимо привести къ феодализму, удержали, слѣдовательно, на нѣкоторое время Франкское государство отъ феодализма и дали начало новой династіи, которая, при Карлѣ Великомъ, соединила съ Галліей Италію и всю Германію. Какимъ же образомъ палатные мэры могли противодѣйствовать развитію закладничества или феодализма? Если антрустіоны, пользуясь слабостію Меровинговъ, стремились оставить за собой навѣки земли, полученныя отъ короля, обратить помѣстья въ вотчины, и должности сдѣлать наслѣдственными, то палатные мэры должны были ослаблять ихъ отнятіемъ у нихъ земель и должностей. Этимъ отнятіемъ земель и должностей у слишкомъ богатыхъ и сильныхъ вельможъ они пріобрѣли средство набирать для себя болѣе покорныхъ слугъ, раздавая новымъ, бѣднымъ людямъ конфискованныя земли и должности, набирать новыхъ, болѣе вѣрныхъ антрустіоновъ. Такъ поступалъ палатный мэръ Гримоальдъ, сынъ Пепина Ланденскаго; такъ поступалъ палатный мэръ Эброинъ, знаменитый своею ожесточенною борьбою съ старыми вельможами, замѣнявшій ихъ людьми новыми, покорными, Эброинъ, который, по свидѣтельству одного источника, наказавши людей несправедливыхъ и гордыхъ, водворилъ совершенное спокойствіе, а по свидѣтельству другого источника: человѣкъ худородный, Эброинъ заключилъ въ темницу всѣхъ франковъ знатнаго происхожденія; онъ замѣнилъ ихъ людьми худородными, которые не смѣли противиться его нечестивымъ приказаніямъ. Такъ поступалъ палатный мэръ Карлъ Мартеллъ, который, нуждаясь въ земляхъ для раздачи въ помѣстья своимъ антрустіонамъ, отбиралъ земли у епископовъ. Понятно, что борьба палатныхъ мэровъ съ старыми вельможами была тяжелая; что не всѣ они могли выходить изъ нея побѣдителями. Вельможи составляютъ заговоръ убить Пепина Ланденскаго, и онъ спасается отъ смерти только чудомъ; Гримоальдъ и Эброинъ гибнутъ въ борьбѣ. Вельможи стараются не допускать наслѣдственности въ должности палатнаго мэра, не хотятъ даже допускать пожизненнаго занятія этой должности однимъ лицомъ. Но, несмотря на все стараніе враговъ подавить эту силу, палатные мэры торжествуютъ, и опять повторяется то же явленіе, торжествуютъ палатные мэры изъ германской украйны, изъ Австразіи. Они даютъ франкамъ и новую династію. Попытка замѣнить династію королей-недорослей новою, крѣпкою династіею изъ австразійскихъ палатныхъ мэровъ была сдѣлана давно; но, какъ обыкновенно бываетъ, первая попытка не удалась, ибо силы противниковъ были еще велики. Въ половинѣ VII вѣка извѣстный Гримоальдъ, палатный мэръ при Австразійскомъ королѣ Сигибертѣ II, ведетъ сильную борьбу съ знатью, въ пользу короля отбираетъ у ней земли, которыя были ею получены до совершеннолѣтія короля; не щадитъ и духовенства. Но когда Сигибертъ II умираетъ, Гримоальдъ постригаетъ его сына, отсылаетъ его въ монастырь въ Ирландію и провозглашаетъ королемъ своего сына, выставляя, что послѣдній былъ усыновленъ покойнымъ королемъ. Но попытка, какъ сказано, была преждевременная: Меровинги не превратились еще совершенно въ недорослей, и царствовавшій въ Нейстріи Меровингъ (Хлодовикъ II) не хотѣлъ спокойно перенести потери для своего рода Австразіи; враждебные Гримоальду австразійскіе вельможи соединились съ Меровингомъ, и Гримоальдъ умеръ въ темницѣ.

Первая попытка не удалась и долго не повторялась. Не поднимая опаснаго вопроса о перемѣнѣ династіи, оставляя меровингскихъ королей недорослей владѣть по имени, довольствуясь скромнымъ, но многозначительнымъ титуломъ вождей франковъ, палатные мэры усиливались на самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе; причемъ, какъ легко было предвидѣть, палатные мэры германской украйны, Австразіи, низлагаютъ палатныхъ мэровъ Нейстріи. Чтобъ вторая попытка замѣнить совершенно старую династію новою удалась, палатнымъ мэрамъ необходимо было сломить всякое сопротивленіе со стороны вельможества, со стороны свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, ибо со стороны Меровинговъ сопротивленія быть не могло. Это было сдѣлано окончательно палатнымъ мэромъ Карломъ, носившимъ знаменательное прозвище молота (Мартеллъ). Мы уже упоминали, что Карлъ, для достиженія своей цѣли, употребилъ тѣ же средства, которыя употреблялись его предшественниками палатными мэрами, которыя употреблялись и въ другія времена, въ другихъ, далекихъ странахъ, но при одинакихъ обстоятельствахъ, когда государства носятъ земледѣльческій характеръ, когда земля составляетъ главное богатство, главную силу. Онъ раздаетъ приближеннымъ, вѣрнымъ людямъ епископства и монастыри; у епископовъ, которые остались на прежнихъ мѣстахъ, онъ отнимаетъ часть земель, чтобъ раздать ихъ въ помѣстья своимъ людямъ. Мартеллъ покончилъ дѣло своихъ предшественниковъ, и сынъ его, Пепинъ, спокойно свелъ съ престола Меровинга и самъ сѣлъ на его мѣсто. Разумѣется, религіозное освященіе, данное новой династіи Церковью, старшимъ Римскимъ архіереемъ или папою, имѣло свое значеніе; но нельзя думать, чтобъ дѣло не обошлось и безъ этого освященія: все было приготовлено къ событію; Пепинъ получилъ новое значеніе, новый титулъ, благодаря преимущественно отцовской дѣятельности, уничтожившей всякое сопротивленіе окончательному возвышенію Карловингской фамиліи.

Приготовленныя Карломъ Мартелломъ средства

Пепинъ передалъ сыну своему, Карлу Великому, котораго важное значеніе состоитъ въ томъ, что онъ соединилъ судьбу трехъ главныхъ западно-европейскихъ континентальныхъ странъ, судьбу Италіи, Галліи и Германіи. Мы видимъ, что сѣверо-восточная часть Галліи представляла украйну римско-христіанскаго міра, хранившаго остатки древней языческой цивилизаціи и начатки новой, христіанской. Далѣе, на востокѣ, былъ міръ варваровъ, варваровъ, способныхъ по своей природѣ къ принятію цивилизаціи, германцевъ, и варваровъ, если не совершенно неспособныхъ, то крайне тугихъ къ ея принятію, степныхъ варваровъ, обыкновенно знаменующихъ свою дѣятельность въ исторіи отрицательно, чрезъ опустошеніе, разрушеніе: такими были въ описанное время авары. Слѣдовательно, здѣсь, на границѣ двухъ міровъ, мы должны ожидать тѣхъ явленій, какія обыкновенно происходятъ на украйнахъ между цивилизованными и варварскими народами: постоянную борьбу между ними. Если цивилизованный народъ слабѣетъ въ силу какихъ-нибудь внутреннихъ причинъ, то варвары берутъ верхъ, усиливаютъ свои нападенія, даже покоряютъ цивилизованный народъ и, смотря по своей способности, или основываютъ новое государство и новое общество, или довольствуются только внѣшнимъ подчиненіемъ, данью. Если же же усиливается цивилизованное государство, то оно тѣснитъ варваровъ, съ которыми мирное сожительство невозможно, покоряетъ ихъ и подчиняетъ цивилизаціи съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по способности варваровъ въ принятіи цивилизаціи. Таково было отношеніе Рима къ галламъ. Когда Римъ, пользуясь послѣдними своими силами, покорилъ Галлію и романизовалъ ее, то эта провинція явилась украйною римскаго цивилизованнаго міра относительно варварскаго міра германцевъ. Борьба между этими мірами началась немедленно, и такъ какъ Римская имперія постоянно ослабѣвала, то варвары взяли верхъ, наводнили Галлію и утвердились въ ней. Образованіе въ этой богатой странѣ новаго владѣнія воинственными вождями варваровъ, и, съ другой стороны, указанное выше истощеніе Германіи, даетъ Галліи перевѣсъ надъ послѣднею; ближайшіе народы ея должны признавать свою зависимость отъ франкскихъ вождей, владѣтелей Галліи. Разумѣется, тутъ не могло быть прочности отношеній; при первомъ удобномъ случаѣ, при первой усобицѣ между франками германскіе князья свергали съ себя зависимость и начинали дѣйствовать враждебно противъ франковъ. Среди этихъ германскихъ народовъ мы встрѣчаемъ уже знакомое намъ явленіе: какъ въ Галліи временъ Цезаря, тѣ народцы были суровѣе, энергичнѣе и крѣпче, которые были подальше отъ римскихъ владѣній, меньше были тронуты цивилизаціею: такъ и въ Германіи описываемаго времени,—самыми суровыми изъ племенъ были тѣ, которыя были подальше отъ галлофранкской границы; самыми суровыми, энергичными и крѣпкими между германцами были саксонцы.

Среди саксонцевъ франки должны были встрѣтить самое упорное сопротивленіе, и время страшной, окончательной борьбы приближалось: силы франковъ сосредоточились, благодаря австразійскимъ вождямъ, преимущественно Карлу Мартеллу. Средства постояннаго, упорнаго наступленія на Германію, варварскую, раздѣленную и потому слабую, приготовились, но нападеніе на Германію шло съ двухъ сторонъ; кромѣ франкскихъ вождей, постоянно упорное наступательное движеніе на Германію видимъ со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ. Заодно съ Карломъ Мартелломъ, дѣйствуетъ знаменитый проповѣдникъ Винфридъ, или Бонифацій, но идетъ далѣе вождя франковъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, въ заповѣдныхъ языческихъ святилищахъ является безоружный богатырь, и свирѣпые варвары боязливо сторонятся передъ нимъ; въ его словахъ страшная сила, онъ проповѣдуетъ Бога, Который сильнѣе ихъ боговъ; по его мановенію, подсѣкаются, падаютъ священныя деревья, и ни одинъ богъ не приходилъ отмстить за свою обиду. Въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ жили только дикіе звѣри, слышится звукъ колокола: тамъ стоитъ деревянная церковь, около которой живутъ монахи. Скоро къ этимъ мѣстамъ прокладается дорога отовсюду; а куда идетъ много народа, тамъ и начинаетъ постоянно жить много народа, и, подъ сѣнью монастыря, растетъ городъ. Но завоеванія христіанскихъ проповѣдниковъ подвергались иногда горькой участи: варвары, оскорбленные вторженіемъ чужихъ людей, чужой вѣры, собираются, истребляютъ церкви, монастыри, убиваютъ, выгоняютъ проповѣдниковъ. Намѣсто убитыхъ и прогнанныхъ являются другіе; но, желая обезопасить начатки христіанства, дать ему пустить корни, они ищутъ покровительства свѣтской силы, и вождь франковъ—ихъ надежный покровитель, вѣрный союзникъ, ибо у нихъ одно общее дѣло. «Если бы не страхъ предъ герцогомъ Австразійскимъ», говорили миссіонеры, «то намъ нельзя было бы ни устанавливать городъ, ни защищать духовенство». Помощь была взаимная, и тотъ же Бонифацій помазываетъ на царство, провозглашаетъ королемъ Пепина, сына своего союзника и покровителя Карла Мартелла.

Пепинъ получилъ вѣнецъ королевскій; Бонифацій жаждалъ и получилъ вѣнецъ мученическій: семидесятилѣтній старикъ оставилъ свою Майнцкую епископію, пошелъ проповѣдывать христіанство между фризами, и былъ убитъ ими. Пепинъ опустошилъ за это земли фризовъ; но сынъ его, Карлъ, поставилъ задачею своей дѣятельности, чтобъ впередъ въ Германіи не убивали проповѣдниковъ христіанства. Въ исполненіи этой задачи и состоитъ историческое значеніе Карла Великаго. Онъ уничтожилъ черту, которая до него отдѣляла Германію отъ римско-христіанскихъ странъ—Италіи и Галліи, сдѣлалъ Германію также христіан-

скою и доступною къ принятію началковъ цивилизаціи; далъ Германіи единство, во сколько она была способна къ нему; ввелъ ее въ общую жизнь съ Италіею и Галліею; расширилъ историческую европейскую сцену, перенесши мѣсто борьбы съ варварскимъ міромъ изъ Галліи (изъ сѣверо-восточея части преимущественно) въ Германію, сдѣлалъ послѣднюю украйною европейскаго христіанскаго міра. Но что Цезарь сдѣлалъ съ Галліею, то Карлъ Великій сдѣлалъ съ Германіею, и понятно, что пріемы Карла въ войнѣ съ германцами очень сходны съ пріемами Цезаря въ войнѣ съ галлами. Состояніе германцевъ при Карлѣ было одинаково съ состояніемъ галловъ при Цезарѣ, какъ вообще съ состояніемъ всѣхъ варварскихъ племенъ, раздѣленныхъ и потому слабыхъ въ борьбѣ съ народомъ, обладающимъ извѣстною степенью цивилизаціи. Цивилизація даетъ широту и ясность взгляда, умѣнье сосредоточивать силы; у варваровъ достаетъ силы нѣсколько разъ подниматься противъ завоевателей, благодаря случайнымъ воинскимъ обстоятельствамъ, особенно благодаря личности какого нибудь отдѣльнаго человѣка, вождя. Но эти возстанія не возвращаютъ свободы, ибо внутренней органической народной и государственной связи нѣтъ: такія же черты представляетъ намъ послѣдующая борьба западныхъ славянъ съ Карломъ и его германскими преемниками, и борьба пруссовъ съ тевтонскими рыцарями.

Но если борьба германцевъ (преимущественно саксонцевъ) съ Карломъ Великимъ представляетъ поразительное сходство съ борьбою галловъ противъ Юлія Цезаря; если, повидимому, она и кончилась одинакимъ образомъ; если Карлъ завоевалъ Германію и подчинилъ ее господствовавшему въ Галліи порядку, какъ Цезарь завоевалъ Галлію и подчинилъ ее римскимъ началамъ: то въ послѣдствіяхъ обоихъ явленій обнаруживается большое различіе. При завоеваніи Галліи Цезаремъ, движеніе шло еще изъ крѣпкаго государственнаго тѣла, изъ страны, легко задавившей богатствомъ своей цивилизаціи варварскую Галлію, не дававшей развиться въ ней самостоятельности политической и нравственной; но другое было въ отношеніяхъ между Галліею и Германіею во времена Карла Великаго. Во-первыхъ, движеніе шло изъ страны внутренно далеко не сильной, изъ государства далеко еще не сложившагося, изъ государства, которое само переживало болѣзненное состояніе рожденія; во-вторыхъ, цивилизація въ Галліи была слаба, нисколько еще не сложилась, не опредѣлилась. Остатки римской цивилизаціи боролись съ германскимъ варварствомъ и заглушались ими; еще не образовался языкъ. Въ дѣлѣ подчиненія Германіи сильнымъ, могущественнымъ средствомъ въ рукахъ галло-франкскихъ вождей было христіанство; но христіанство, по своему существу, по всеобщности своей, не заключало въ себѣ условій подчиненія, поглощенія одной національности другою; церковныя же отношенія, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, связывали Германію съ Италіею, а не съ Галліею. Но если Галлія была слаба въ политическомъ и духовномъ отношеніяхъ, не имѣла средствъ держать Германію въ подчиненіи себѣ, то Германія въ то же время пріобрѣтала силу: она пріобрѣтала христіанство и начатки цивилизаціи, пріобрѣтала единство религіозное и сознаніе о единствѣ политическомъ, выражавшееся въ стремленіи имѣть одного короля. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Германіи не только легко было пріобрѣсти самостоятельность, но и важное значеніе, значеніе украйны христіанскаго цивилизованнаго міра, перенявъ роль, которая до сихъ поръ принадлежала Галліи,—роль, какъ извѣстно, благодарную, ибо она поддерживаетъ народныя силы постоянною борьбою и опасностію. Если эта роль дала въ Галліи первенство ея сѣверовосточной части, Австразіи, то она же давала теперь преимущество Германіи передъ Галліею, и была причиною, что Германскій король удержалъ за собою первенство по титулу, удержалъ за собою императорское достоинство. Но, съ другой стороны, и Германія, ставши настолько сильною, чтобъ удержать самостоятельность и пріобрѣсть первенство положенія, была однако, какъ государство новорожденное, неустановившееся, заключавшее въ себѣ много борющихся другъ съ другомъ элементовъ,—такъ слаба, что не могла подчинить себя Галліи, и та спокойно могла переживать внутреніе процессы своего государственнаго образованія, ставши Франціею.

Такимъ образомъ, въ началѣ западно-европейской исторіи мы видимъ на континентѣ двѣ главныя страны, которыя обѣ настолько сильны, чтобъ сохранить свою самостоятельность, и настолько слабы, чтобъ посягнуть на самостоятельность другъ друга, и это равенство положенія двухъ главныхъ странъ западной Европы, не исключая ихъ постояннаго и сильнаго соперничества и борьбы, носило однако въ зародышѣ будущую политическую систему Европы, ея политическое равновѣсіе. Политическая связь Галліи и Германіи могла продержаться только при Карлѣ Великомъ, благодаря личнымъ качествамъ этого государя и тому, что Карлъ дѣйствительно воспользовался преимуществомъ положенія франкскаго владѣнія въ Галліи, чтобъ подчинить Германію христіанству и цивилизаціи. Но какъ скоро это дѣло было совершено, то Германія получила такія силы, которыя уравнивали ея положеніе съ положеніемъ Галліи, что дѣлало подчиненіе этихъ странъ другъ другу невозможнымъ, условливало ихъ раздѣльную, самостоятельную жизнь, тѣмъ болѣе-что знаменитый историческій дѣятель съ своею династіею, принадлежа Галліи какъ владѣтель, не принадлежалъ ея національности, которая еще не выработалась,—онъ принадлежалъ собственно германской національности, хотя несовершенно, принадлежа также міру римско-христіанскому и цивилизованному. Эта принадлежность двумъ мі-

рамъ, двумъ странамъ, и дѣлала Карла способнымъ сыграть ту посредствующую между ними роль, которою онъ знаменитъ въ исторіи; но при этомъ для каждаго ясно, что Карлъ Великій есть собственно дѣятель германской исторіи и начальный ея дѣятель; онъ былъ то же для Германіи, что Кловисъ для Франко-Галліи или послѣдующей Франціи. Франко-Галлія отъ дѣятельности Карла не получила ничего; она потеряла только вслѣдствіе ея значеніе украйны цивилизованнаго міра, ибо это значеніе, благодаря Карлу, перешло къ Германіи; но Германія получила отъ дѣятельности Карла все.

Кромѣ Галліи и Германіи, дѣятельность Карла Великаго обняла также и Италію; но здѣсь эта дѣятельность должна была подчиниться условіямъ, въ которыхъ жила Италія, которыя она вынесла изъ прежней своей исторіи. Здѣсь римская старина была сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; здѣсь былъ Вѣчный Городъ съ своимъ притязаніемъ на всемірное главенство, съ своимъ соперничествомъ относительно Византіи, которая предъявляла то же притязаніе, съ своею извѣчною борьбою противъ варварскихъ вождей, хотѣвшихъ владѣть Римомъ такъ, какъ владѣли другими городами Италіи; съ своею формою быта, какъ она образовалась во время религіознаго переворота, когда епископъ города получилъ первенствующее значеніе, а епископъ Рима былъ вѣренъ притязаніемъ своего города, и потому считалъ себя главою всѣхъ другихъ епископовъ. Карлъ явился въ Италію какъ вѣрный слуга Рима: онъ освободилъ его и отъ лонгобардовъ, и отъ Византійскаго императора, и за это былъ выкрикнутъ въ Римѣ императоромъ. При подчиненіи варваровъ римской цивилизаціи, при господствѣ римскихъ представленій и формъ, могущественный обладатель Галліи, Германіи и Италіи получилъ и высшій титулъ императора, тогда какъ предки его назывались только римскими патриціями. Разъ этотъ высшій титулъ былъ переданъ сильнѣйшему изъ владѣтелей западной Европы, то онъ и остался между ними. Италія и Римъ оставались при этомъ въ томъ положеніи, какое началось для нихъ въ послѣднее время имперіи, когда императоры покинули Римъ для Равенны; теперь императоры жили еще дальше Равенны, за Альпами, и потому Римъ имѣлъ еще болѣе свободы опредѣлять свои отношенія по новымъ историческимъ условіямъ. При этомъ главное явленіе прежнее — борьба за независимость противъ слишкомъ сильныхъ владѣльцевъ, стремившихся подчинить Италію, Римъ, своему вліянію, своей власти. Борьба происходила и теперь подъ знаменемъ Рима; но знамя, по условіямъ времени, имѣло другой видъ: Римъ развилъ особенную власть, власть папскую, имѣвшую притязанія на всемірное владычество; но тотъ же Римъ сохранилъ изъ своей старины другую власть, тѣсно, необходимо съ нимъ связанную въ мысли народовъ, власть Римскаго императора, и двѣ эти власти должны были вступить въ борьбу, имѣвшую важное значеніе для жизни всей западной Европы.

Поэтому, возстановленіе титула Римскаго императора для одного изъ государей новыхъ западно-европейскихъ владѣній имѣло важное значеніе для послѣдующей исторіи; но въ началѣ этого возстановленія, при Карлѣ Великомъ, разумѣется, никто не могъ предугадать всѣхъ послѣдствій. Римъ призналъ императоромъ сильнаго владѣльца, жившаго въ Ахенѣ, какъ признавалъ императорами государей, жившихъ въ Равеннѣ или Константинополѣ. На очереди было явленіе, къ которому уже давно привыкли: послѣ сильнаго человѣка, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ большое количество земель, владѣнія его распадались, ибо между ними не выработалась крѣпкая внутренняя органическая связь, которая бы поддержала единство и порядокъ и при отсутствіи силы въ правителѣ. Династическое начало, вмѣсто помощи единству, дѣйствовало противъ него разрушительно, ибо родовое начало не знало никакихъ сдѣлокъ съ государственнымъ. За всѣми сыновьями признавалось право наслѣдовать въ отцовскихъ владѣніяхъ, и только силѣ, жестокости и властолюбію предоставлялось возобновлять нарушенное единство, когда сильнѣйшіе владѣльцы отдѣлывались отъ младшихъ братьевъ и племянниковъ, убивая ихъ, ослѣпляя, заключая въ монастыри. Все зависѣло отъ случайности: будь преемникъ Карла похожъ на него, то единство сохранилось бы въ его царствованіе; но такъ какъ сынъ Карла вовсе не былъ похожъ на отца, то единство Карловыхъ владѣній рушилось; но дѣла Карла остались—основаніе новой Германіи и приведеніе ея въ связь съ Италіею; послѣ него на лицо было три страны, отъ взаимнодѣйствія которыхъ зависѣла послѣдующая судьба западной Европы: Галлія, превращавшаяся во Францію, и Германія, одна подлѣ другой, съ равными силами, третья — Италія, замѣняющая недостатокъ политическаго вліянія нравственнымъ вліяніемъ, приносящая въ это народное взаимнодѣйствіе особую силу.

Теперь посмотримъ, что было сдѣлано при Карлѣ Великомъ и владѣтеляхъ изъ его рода относительно внутренняго строя. Дѣятельность Карла носитъ тотъ же характеръ, какъ и дѣятельность наиболѣе энергичныхъ его предшественниковъ: онъ старался задержать установленіе того порядка вещей, который былъ необходимъ по тогдашнимъ условіямъ новорожденныхъ государствъ западной Европы, именно закладничества, или такъ-называемаго феодализма. Мы видѣли, что варвары наслѣдовали отъ имперіи самое жалкое состояніе экономическаго быта; городъ упалъ, жители его, не могшіе удовлетворить требованіямъ казны, бѣжали; мелкіе землевладѣльцы закладывались за богатыхъ, отдавали имъ свои земли, на которыхъ оставались уже въ видѣ временныхъ владѣльцевъ, что, по выраженію современниковъ, было первымъ шагомъ къ рабству. Подданные имперіи желали, говорятъ

современники, владычества варваровъ: ихъ желаніе исполнилось; но могли ли они выиграть что-нибудь чрезъ эту перемѣну? Основныя отношенія остались прежнія. Новые варварскіе короли роздали своимъ сподвижникамъ земли въ помѣстья и вотчины, разослали своихъ сподвижниковъ правителями областей; попрежнему слабые и бѣдные явились безпомощными передъ сильными и богатыми; попрежнему, для полученія защиты отъ нихъ, они должны были за нихъ закладываться. Единственное, временное облегченіе происходило, когда сильный правитель, какое бы названіе онъ ни носилъ, начиналъ преслѣдовать другихъ сильныхъ, преслѣдовать людей, которые хотѣли усилиться около себя, набрать себѣ всякими средствами побольше земель, полученныя отъ короля помѣстья превратить въ вотчины, управленіе областями сдѣлать наслѣдственнымъ для себя. Истребленіе такихъ *тиранновъ*, какъ они называются въ источникахъ, разумѣется, должно было давать временное облегченіе угнетеннымъ, но только временное, ибо сильный правитель, истребившій опасныхъ для его власти тиранновъ, раздавалъ ихъ земли и должности преданнымъ себѣ людямъ, своимъ антрустіонамъ, которые опять пользовались своею силою и властью, чтобы обогощаться, усиливаться насчетъ слабыхъ, приводить послѣднихъ въ зависимость отъ себя. Внукъ Мартелла, Карлъ Великій, императоръ Римскій, имѣлъ много побужденій водворить правду въ своихъ владѣніяхъ, защитить слабыхъ отъ сильныхъ, воспрепятствать исчезновенію свободныхъ землевладѣльцевъ, переходу ихъ въ закладники или захребетники за частныхъ людей. Но какія были у него для этого средства, соотвѣтствующія собственному его представленію о своемъ характерѣ и представленію подчиненнаго населенія?

Представитель верховной власти былъ прежде всего для народа судья праведный, защитникъ отъ насилій. Епископъ говорилъ новому королю: «Мы просили у Бога государя, который бы управлялъ нами по правдѣ, управлялъ каждымъ по его мѣсту и званію,—государя, который былъ бы намъ покровомъ и защитою». Въ своихъ просьбахъ народъ говорилъ королю: «Если хочешь, чтобъ мы были тебѣ вѣрны, дай силу законамъ». «Я буду судить по правдѣ»,—говорилъ король,—«если вы будете послушны». Мы хорошо знакомы съ этимъ общимъ для народовъ представленіемъ: «поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Какъ же могла доходить къ народу королевская правда, и прежде всего какъ могли доходить до ушей королевскихъ извѣстія о неправдахъ, жалобы на нихъ? Чѣмъ обширнѣе было новорожденное государство, тѣмъ, разумѣется, было больше препятствій этому. Извѣстная часть народонаселенія, именно: военная, свободные землевладѣльцы-вотчинники должны были собираться весною (сначала собирались въ мартѣ, а потомъ въ маѣ мѣсяцѣ) на военный сборъ или смотръ. Но, какъ обыкновенно бываетъ въ государствахъ новорожденныхъ, неразвитыхъ, одинъ и тотъ же органъ служитъ для разныхъ отправленій, одно учрежденіе должно удовлетворять разнымъ потребностямъ, и потому майскіе военные сборы или смотры являлось сеймомъ, на которомъ король совѣщался съ вельможами и знатнымъ духовенствомъ о строѣ земскомъ и церковномъ, составлялись постановленія, которыя тутъ же объявлялись и утверждались одобрительными криками собранія; на сеймѣ рѣшались и важнѣйшія дѣла судныя. Пока каждый свободный человѣкъ могъ являться на сеймъ, до тѣхъ поръ онъ могъ на немъ представлять свои интересы и сдерживать сильныхъ. Но свободные люди, мелкіе землевладѣльцы-собственники недолго сохраняли возможность являться на сеймы. Обширность франкскихъ владѣній дѣлала эти путешествія затруднительными и тяжкими; поселеніе воиновъ на земельныхъ участкахъ необходимо производило перемѣну въ ихъ характерѣ, ослабляло воинственность, охоту къ движенію, выдвигало на первый планъ другіе интересы, хозяйственные: отсюда естественное стремленіе отбывать отъ походовъ и сеймовъ. Отдаленные походы Карла Великаго не могли не имѣть вреднаго вліянія на мелкихъ, свободныхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, они должны были истреблять значительное ихъ число, вслѣдствіе чего въ вотчинахъ оставались вдовы и сироты, которыхъ легче было притѣснять насильникамъ; во-вторыхъ, отдаленность похода ужасала опасностями и разореніями вслѣдствіе покинутія хозяйствъ; по первой же причинѣ уменьшилось и число свободныхъ людей на сеймахъ: интересы ихъ оставались безъ защиты, а между тѣмъ стремленіе ихъ отбывать отъ военной службы, отговорки давали возможность областнымъ правителямъ обвинять ихъ въ непослушаніи, говорить, что съ ними нельзя ничего сдѣлать иначе, какъ силою, захватомъ ихъ домовъ. Чтобъ избѣжать военной службы, мелкіе землевладѣльцы стали закладываться за монастыри и за богатыхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Но у правителей областныхъ были еще средства заставлять мелкихъ землевладѣльцевъ закладываться за себя; свободные люди несли тяжкія повинности: у нихъ останавливались королевскіе гонцы, кормились на ихъ счетъ и брали подводы даромъ. Кромѣ того, свободные же люди должны были содержать въ исправности дороги и мосты; областные правители заставляли ихъ работать на себя, и для избѣжанія всѣхъ этихъ тягостей свободные люди закладывались, тѣмъ болѣе что управы противъ насильниковъ получить было трудно. Сначала свободное населеніе небольшихъ округовъ или сотенъ должно было являться въ назначенные сроки, черезъ недѣлю или двѣ на мѣсто, назначенное для суда; но во время частыхъ и далекихъ походовъ, во время отсутствія областныхъ правителей, которые были вмѣстѣ и судьями, во время отсутствія свободныхъ людей, способныхъ носить

оружіе, такое соблюденіе сроковъ и полноты суда было невозможно, особенно когда число свободныхъ людей становилось все меньше и меньше, вслѣдствіе закладничества. Послѣ, при Карлѣ Великомъ, надобно было ограничить число свободныхъ людей, собиравшихся на судъ; вмѣсто всѣхъ, должны были являться, такъ-называемые *scabini*, соотвѣтствующіе нашимъ «*лучшимъ людямъ*», ибо одинъ указъ или капитулярій говоритъ о нихъ, какъ о «лучшихъ людяхъ, какихъ только можно найти, такихъ, которые Бога боятся, справедливы, кротки и добры». Скабины избирались государевыми посланцами, при содѣйствіи областныхъ правителей и народа, изъ среды свободныхъ людей.

Но подобныя мѣры только указывали на уменьшеніе числа свободныхъ людей, и никакъ не могли усилить ихъ благосостояніе и дать имъ средства удерживаться отъ закладничества. Карлъ очень хорошо понималъ, какъ важно было для его значенія и власти сохраненіе свободныхъ людей, которые давали ему независимыя средства вести внѣшнія войны и внутри держать въ повиновеніи сильныхъ людей; очень хорошо понималъ, что съ переходомъ вольныхъ людей въ захребетники къ богатымъ землевладѣльцамъ онъ или, по крайней мѣрѣ, его преемники очутятся въ рукахъ послѣднихъ. Карлъ давалъ предписаніе за предписаніемъ въ пользу свободныхъ людей; но предписанія мало помогали въ новорожденномъ обществѣ, которое по своей слабости, по своему хаотическому состоянію, не могло помогать власти, и дѣйствіе власти ослаблялось самимъ Карломъ, который, расширивъ предѣлы своихъ владѣній и своей дѣятельности, тѣмъ самымъ отнималъ у себя средства прямо и сильно дѣйствовать въ предѣлахъ прежнихъ своихъ владѣній. У Карла оставалось одно средство — личное посредственное дѣйствіе, посылка довѣренныхъ людей для наблюденія за исполненіемъ предписаній, и Карлъ схватился за это средство, какъ наиболѣе дѣйствительное, и употреблялъ его въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что ему приписывается учрежденіе «государевыхъ посланцовъ» (missi dominici), хотя оно употреблялось и прежде него. При Карлѣ же это учрежденіе получило постоянство и правильное опредѣленіе; установлено было десять округовъ (missatica), изъ которыхъ каждый объѣзжали два лица — свѣтское и духовное; каждый округъ заключалъ въ себѣ шесть графствъ и четыре епископства. Разъѣзды государевыхъ посланцовъ увеличили еще тягости, лежавшія на областныхъ жителяхъ, которые должны были содержать ихъ на свой счетъ и давать подводы; содержаніе доставлялось натурою: 40 хлѣбовъ, два поросенка, барашекъ, четыре цыпленка, двадцать яицъ и т. д. Брать деньги было строго запрещено. Прибывши въ назначенный округъ, посланецъ собиралъ всѣхъ свободныхъ франковъ и объявлялъ имъ о цѣли своего пріѣзда; не будучи въ состояніи обозрѣть лично всѣ мѣстности округа, missus избиралъ лучшихъ, самыхъ вѣрныхъ людей и разсылалъ ихъ повсюду для наблюденій. Предметъ надзора посланцовъ были: правосудіе, общее управленіе, взиманіе податей, взиманіе штрафа, который назывался *heriban*, платимый тѣми, которые не являлись на воинскій сборъ (*были въ нѣтяхъ*, по старому русскому выраженію). Посланецъ освѣдомлялся, кто изъ людей, приставленныхъ къ разнымъ дѣламъ, хорошо исполнялъ свою должность, чтобъ донести о нихъ государю; самъ смѣнялъ дурныхъ, но главнаго областнаго правителя, или графа, смѣнить не могъ, а доносилъ только государю. Когда какой-нибудь сильный человѣкъ, свѣтскій или духовный, отказывался исполнить приказаніе посланца, то послѣдній оставался со всею свитою жить въ его владѣніяхъ, т.-е. кормился на его счетъ, до тѣхъ поръ, пока непокорный смирялся. Этотъ обычай замѣчателенъ, вопервыхъ, потому, что показываетъ, какъ тяжело было содержать посланца; во-вторыхъ, что было общаго у средневѣковыхъ народовъ, и считалось самымъ естественнымъ наказаніемъ для ослушниковъ; въ русской лѣтописи, въ разсказѣ о бѣлозерскихъ волхвахъ, говорится: «Въ это время пришелъ отъ князя Святослава Янъ, сынъ Вышатинъ; вошедши въ городъ къ бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: «если не перехватаете этихъ волхвовъ, то цѣлое лѣто не уйду отъ васъ. Бѣлозерцы привели къ нему волхвовъ».

И знаменитое установленіе государевыхъ посланцовъ не могло остановить усиленія закладничества. Чтобъ эта мѣра была успѣшна, надобно было, чтобы всѣ missi dominici были достойны королевскаго довѣрія; чтобы, кромѣ честности, имѣли много ума, проницательности, ловкости для усмотрѣнія злоупотребленій и ихъ прекращенія; но этимъ условіямъ удовлетворить было не легко. Впрочемъ, оставя въ странѣ злоупотребленія правителей, всякаго рода отягощенія, которыми сильные заставляли слабыхъ закладываться за себя, мы должны остановиться на одномъ побужденіи къ закладничеству, которое одно имѣло большую силу и противъ котораго missi dominici, при всей добросовѣстности, не могли ничего сдѣлать: это побужденіе было избываніе военной службы, дальнихъ походовъ. Какъ только воинъ, дружинникъ, дѣлался землевладѣльцемъ, хозяиномъ, то онъ терялъ военный характеръ; походъ, особенно отдаленный, былъ ему въ страшную, нестерпимую тягость, и, чтобы избавиться отъ него, онъ закладывался за ближайшаго крупнаго землевладѣльца, выговаривая себѣ большія льготы, именно относительно военной повинности. «Эти люди были свободны; но такъ какъ они не могли выносить воинской повинности, то отдали свои земли (заложились)», говорятъ источники. Такимъ образомъ, закладничество, или феодализмъ, знаменуетъ время усаживанія народовъ въ извѣстныхъ странахъ, прекращеніе воинственныхъ движеній, которыми знаменуется предшествующее время, время движенія дружинъ, переселенія народовъ. Воины, получившіе земли, припадаютъ къ нимъ, не хотятъ

съ ними разлучаться, вступаютъ въ частный союзъ, въ зависимость, лишь бы не отлучаться отъ своихъ земель, по крайней мѣрѣ надолго. Здѣсь обнаружилась необходимая реакція предшествовавшему направленію наступательному; здѣсь обнаружилось стремленіе стать крѣпко, удержаться, сохранить пріобрѣтенное. Страна покрылась замками, и всѣ землевладѣльцы уцѣпились, такъ сказать, другъ за друга, для защиты. Карлъ Великій былъ послѣдній завоеватель. Германское движеніе кончилось его походами, и кончилось обратнымъ путемъ: вождь франковъ, сначала называвшійся римскимъ патриціемъ, потомъ императоромъ, двигался съ запада на востокъ и подчинилъ себѣ Германію изъ Галліи. Морскія движенія норманновъ, начавшіяся съ этого времени, уже показываютъ, что на сухомъ пути движеніе германскаго племени закончилось; что на сухомъ пути ему нѣтъ больше мѣста; что здѣсь великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло; излишку сѣвернаго народонаселенія, безпокойнымъ силамъ, богатырству оставалась одна морская дорога, завоеваніе островов и кое-какихъ оконечностей западной части континента.

Великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло, давши западной Европѣ новыя, свѣжія силы въ новомъ, свѣжемъ слоѣ народонаселенія, принадлежавшаго также къ любимому исторіею племени арійскому, способному перенять древнюю греко-римскую цивилизацію и, при ея помощи, создать новую. При ея помощи! Давно уже историческая наука трудится надъ опредѣленіемъ степени этой помощи и встрѣчаетъ, какъ обыкновенно случается, препятствія въ своемъ дѣлѣ отъ ложнаго пониманія патріотизма, вслѣдствіе котораго, съ одной стороны, преувеличивается доля участія новыхъ народовъ въ построеніи новаго общества, съ другой—преувеличивается дѣло участія римскаго, т. е. олатыненнаго народонаселенія; выставляютъ въ новыхъ народахъ ихъ варварство, страсть къ разрушенію, бѣдствія, которыя они причинили цивилизаціи. Но дѣло въ томъ, что если бы цивилизація римскаго міра была сильна, еслибъ она давала обладающему ею народу нравственныя и матеріяльныя средства, то отношенія были бы иныя: не варвары покорили бы римскія области, а Римъ покорилъ бы себѣ германцевъ, какъ покорилъ галловъ, и заставилъ бы ихъ совершенно подчиниться своей національности, олатынилъ бы ихъ. Таковы бываютъ всегда слѣдствія столкновенія сильныхъ цивилизованныхъ народовъ съ варварами; если же встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. что варвары покоряютъ цивилизованный народъ, то это значитъ, что послѣдній одряхлѣлъ, вслѣдствіе чего пала и его цивилизація. Такой упадокъ цивилизаціи и представляетъ намъ описываемое время, время разложенія Римской имперіи; одряхлѣвшій римскій элементъ и его цивилизація были слишкомъ слабы, и потому не могли подчинить себѣ варваровъ, олатынить ихъ, и этимъ самымъ варварамъ была дана возможность начать жить своею жизнію, хотя и при новыхъ условіяхъ. Ихъ національность не была задавлена чужою, римскою цивилизаціею, но отчасти только подчинилась ея вліянію, и подчиненіе это имѣло свои степени, что обнаружилось на языкѣ, этомъ показателѣ народности: и въ прежнихъ римскихъ областяхъ варвары не приняли вполнѣ латинскаго языка, но измѣнили его, образовали особые языки изъ смѣшенія латинскаго съ германскимъ; а за Рейномъ, внѣ прежнихъ областей римскихъ, германскій языкъ сохранился свободнымъ отъ латинскаго вліянія. При столкновеніи съ Римомъ, новые народы встрѣтили одну дѣйствительную силу и безусловно покорились ей: эта сила была сила новой религіи, христіанства; остатокъ нравственныхъ силъ древняго общества весь ушелъ сюда; новые народы также выставили на служеніе новой религіи лучшія свои силы, и началась новая сильная жизнь, преимущественно подъ вліяніемъ новаго начала; подъ покровомъ этого сильнаго начала нашла себѣ убѣжище и слабая цивилизація древняго міра.

Древнее государственное устройство и древній экономическій бытъ оказались несостоятельными, не могли служить непосредственному образованію прочныхъ государственныхъ тѣлъ. Самыми сильными внутренними и внѣшними средствами историческіе дѣятели не могли тутъ ничего сдѣлать, и государство Карла Великаго, знаменитаго возстановителя Римской имперіи, представляло внутри хаосъ, разложеніе общества, безнаказанность силы за насиліе: «Власть лежала тяжелымъ гнетомъ на слабыхъ; разбойники безнаказанно совершали свои грабительства; мстители беззаконій являлись сообщниками преступленій» (Алкуинъ).

Если такъ было при Карлѣ Великомъ, то легко понять, что стало послѣ него, когда личное ничтожество и междоусобныя войны еще болѣе ослабили власть его преемниковъ. Частный союзъ, частныя сдѣлки между слабыми и сильными явились единственнымъ средствомъ спасенія. Государство должно было отказаться отъ борьбы противъ частнаго союза, должно было отказаться отъ своихъ претензій, и Мерзенскій эдиктъ 847 года провозглашаетъ: «Всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина».

---

3) *Франція и Германія до тѣснѣйшаго соединенія послѣдней съ Италіей.*

Мы остановились на Мерзенскомъ постановленіи 847 года, которое провозгласило, что «всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина». Этимъ постановленіемъ правительство торжественно заявило свою несостоятельность и тщету борьбы своей противъ частнаго союза, который одинъ могъ поддержать новорожденное общество. Общество начинается кровнымъ или родовымъ союзомъ, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ развиваться и долго быть крѣпкимъ, можетъ су-

ществовать въ видѣ крѣпкаго частнаго союза и тогда, когда изъ отдѣльныхъ родовъ образовался народъ, выработавшій себѣ общее правительство, государство. Сильныя препятствія для своего развитія родовой союзъ встрѣчаетъ, во-первыхъ, когда происходитъ переходъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому; пребываніе на одномъ мѣстѣ, землевладѣніе необходимо ведетъ къ вопросу о разграниченіи, о «твоемъ» и «моемъ»; а какъ скоро земельная собственность перестала быть въ общемъ владѣніи у членовъ рода, то этимъ наносился сильный ударъ родовому единству и союзу; но и при осѣдлости, если земли много, она не цѣнна, не возбуждаетъ желанія имѣть ее въ собственность, родовой бытъ съ нераздѣльностью земли можетъ существовать чрезвычайно долго. Разумѣется, онъ существуетъ преимущественно въ земледѣльческомъ народонаселеніи; городъ, условливающій необходимо сильнѣйшее движеніе, раздѣленіе занятій, которое вызываетъ членовъ рода къ самостоятельной жизни, наплывъ на небольшомъ пространствѣ разнообразнаго народонаселенія, городъ, въ смыслѣ обильнаго народомъ торговаго и промышленнаго центра, наноситъ самые сильные удары родовому быту, родовому единству съ одной и родовой особности—съ другой стороны. Понятно, что родовой бытъ исчезаетъ скорѣе въ странахъ, обильныхъ народонаселеніемъ и обильныхъ большими городами, имѣющими вышесказанное значеніе, и что онъ держится долѣе въ странахъ, носящихъ преимущественно земледѣльческій характеръ, въ странахъ, медленно развивающихся, обширныхъ и мало-населенныхъ. Но, подлѣ этой первоначальной формы, подлѣ естественнаго, кровнаго союза съ самыхъ раннихъ поръ замѣчаемъ уже другія формы союза, союза искусственнаго въ противоположность кровному. Этотъ союзъ *закладничества*, заключаемый подъ разными видами и разными условіями, отъ *захребетничества* и *сосѣдства* до *холопства*, но во всѣхъ видахъ имѣющій одну отличительную черту: слабый ищетъ покровительства сильнаго, причемъ лишается извѣстной доли своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, иногда всѣхъ личныхъ правъ, ибо холопъ, несмотря на свое добровольное вступленіе въ это состояніе, мало разнился отъ раба. Наконецъ, третья форма частнаго союза, вторая искусственная его форма есть форма *дружинная*, когда люди соединяются добровольно вмѣстѣ для какого-нибудь предпріятія. Въ первобытныя, такъ-называемыя варварскія времена такой союзъ заключали обыкновенно съ цѣлію войны, добычи, нападенія. Съ развитіемъ обществъ цѣль дружиннаго союза измѣняется: вмѣсто нападенія онъ заключается для охраненія мирнаго общества отъ нападеній и насилій: таковы средневѣковыя общины и коммуны, ганза, братства и т. п.; наконецъ, съ усиленіемъ государственнаго порядка, дружинные союзы заключаются уже исключительно для соединенія силъ, для большаго успѣха въ какомъ-нибудь мирномъ предпріятіи или занятіи: торговыя и промышленныя компаніи, ученыя общества, артели и т. п. Эти двѣ формы искусственнаго союза, такъ-называемаго нами въ противоположность естественному, кровному, родовому, — эти двѣ формы формы искусственнаго союза, закладничество и дружина, рѣзко отличаются другъ отъ друга: отличительная черта первой формы есть зависимость одного члена союза отъ другого; отличительная черта дружины есть равенство членовъ и свободный выборъ вождей или старшинъ.

Мы видѣли, что дружинный союзъ съ цѣлію военною, съ цѣлію нападенія, завоеванія и добычи сыгралъ важную роль при разложеніи Римской имперіи, при образованіи новыхъ государствъ. Но какъ скоро военныя дружины прекратили свое движеніе, усѣлись на добытыхъ земляхъ, то измѣнили свою прежнюю форму подъ вліяніемъ государственнаго начала; на сушѣ западной Европы движеніе дружинъ прекратилось, и онѣ являлись только на моряхъ, подъ страшнымъ именемъ норманновъ, преслѣдуя обычныя цѣли военныхъ дружинъ—грабежи, а при первой возможности поселеніе на земляхъ и образованіе особаго владѣнія. Нашествія этихъ морскихъ военныхъ дружинъ норманскихъ, входившихъ по рѣкамъ далеко въ глубь странъ, во многихъ мѣстахъ служили сильнымъ побужденіемъ къ образованію частныхъ союзовъ для защиты, при слабости или совершенномъ отсутствіи защиты государственной, и тутъ мы видимъ во всей силѣ первую форму частнаго союза для защиты, форму закладничества, хорошо извѣстную германцамъ въ ихъ лѣсахъ, и найденную ими во всей силѣ на почвѣ имперіи. Это господство первичной формы частнаго союза для защиты, формы закладничества или феодализма, ясно указываетъ на неразвитость, младенчество германскаго общества и на неразвитость или упадокъ, старчество римскаго общества. Государственное начало, переданное изъ Рима сильнѣйшему вождю варваровъ съ самымъ пышнымъ титуломъ, послѣ напрасной борьбы съ частнымъ союзомъ, должно было признать свою слабость и провозгласить, что всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина.

Взглянемъ на нѣкоторыя подробности борьбы, могущія представить намъ нѣкоторый интересъ для сравнительнаго изученія историческихъ явленій.

Первое любопытное явленіе представляютъ намъ отношенія между членами владѣльческаго рода. Майоратъ во владѣльческомъ родѣ еще не выработался и долженъ былъ бороться съ сеніоратомъ, съ правами дяди предъ племянникомъ. При борьбѣ двухъ представленій о правѣ, воля царствующаго владѣльца, разумѣется, имѣла важное значеніе; но эта воля имѣла нужду выразиться не на словахъ, не на бумагѣ, но на фактѣ, который трудно было передѣлать. Карлъ Великій при жизни коронуетъ сына своего, Людовика, вѣнцомъ императорскимъ. Карлъ счелъ нужнымъ это сдѣлать потому, что

у него былъ внукъ отъ старшаго сына, Бернгардъ, котораго право выставлялось предъ правомъ дѣда; у Бернгарда была сильная партія. Такъ точно у насъ, великій князь Василій Темный при жизни своей объявилъ великимъ княземъ и правителемъ сына своего Ивана, а послѣдній, въ виду борьбы между сыномъ и внукомъ отъ старшаго сына, короновалъ внука. Но если Карлъ Великій боялся усобицы между Людовикомъ и Бернгардомъ и спѣшилъ предупредить ее коронованіемъ перваго, то тѣмъ болѣе Людовикъ долженъ былъ бояться усобицы между своими сыновьями и Бернгардомъ, какъ старшимъ между двоюродными братьями, и Людовикъ точно также коронуетъ императоромъ старшаго сына своего, Лотаря. Такимъ образомъ торжествуетъ первоначальное представленіе, по которому князь, осиротѣвшій при жизни дѣда, лишился права на мѣсто и значеніе, котораго отецъ лишенъ былъ смертью. У насъ, въ древней Россіи, при большой силѣ и развитіи родовыхъ отношеній, существовали уже извѣстныя опредѣленія подобныхъ явленій, и князь-сирота, лишенный смертью отца движенія къ старшинству, какъ будто предъ нимъ выпадала ступень на родовой лѣстницѣ, причислялся къ *изгоямъ*, людямъ, лишившимся средствъ оставаться въ прежнемъ положеніи, продолжать наслѣдственное занятіе, какъ, напр., сынъ священника, неумѣющій грамотѣ и потому лишенный способности оставаться въ духовномъ званіи и т. п. Такое представленіе еще имѣло силу, какъ видимъ, и во франкскомъ государствѣ, и Бернгардъ являлся именно изгоемъ. Но подлѣ этого представленія существовало уже и другое, бьющее на разрушеніе родоваго единства, на постоянное выдѣленіе и возвышеніе старшей линіи посредствомъ майората, и Бернгардъ не хочетъ быть изгоемъ, хочетъ силою защищать свои права, тѣмъ болѣе что у него партія между вельможами. Но его предпріятіе не удалось: онъ былъ приманенъ ложными обѣщаніями, схваченъ и судомъ императорскихъ вассаловъ осужденъ на смерть, какъ виновный въ измѣнѣ. Здѣсь мы видимъ уже вліяніе другихъ, государственныхъ началъ, которыя, разумѣется, не могли позволять родовымъ отношеніямъ существовать въ ихъ чистотѣ и силѣ, какъ они могли существовать гораздо долѣе у насъ, на востокѣ Европы. Императоръ Людовикъ смягчилъ приговоръ суда, перемѣнилъ смертную казнь на ослѣпленіе. Здѣсь видимъ уступку христіанскому вліянію. Магометанскіе владѣльцы, при господствѣ первоначальнаго представленія о сеніоратѣ и единствѣ рода, хладнокровно умерщвляютъ всѣхъ соперниковъ себѣ и своимъ дѣтямъ, всѣхъ младшихъ братьевъ и племянниковъ. Въ мірѣ христіанскомъ, вмѣсто смерти, является ослѣпленіе, лишеніе способности быть соперникомъ, и это явленіе общее въ подобныхъ случаяхъ: вспомнимъ, что во время окончательной борьбы между Московскими князьями за старый и новый порядокъ престолонаслѣдія, мы встрѣчаемся съ ослѣпленіемъ двухъ князей.

Вдовство императора Людовика и вторичный бракъ его повелъ къ обычнымъ въ древней семьѣ волненіямъ. Братья теперь стали не одной матери; энергическая мачиха Юдиѳь (урожденная Вольфъ, графиня Баварская) изъ опасенія, что пасынки обездолятъ ея сына, всѣми силами старается дать послѣднему преимущество предъ братьями. Понятно, что сыновья Людовика отъ перваго брака не могли сносить этого равнодушно, и начинаются усобицы, которыхъ слабый характеромъ императоръ сдержать не въ состояніи. Усобицы продолжались и по смерти Людовика между троими его сыновьями. Въ 843 году былъ знаменитый уговоръ между братьями въ Верденѣ насчетъ раздѣла отчины и дѣдины своей. Родовыя владѣнія франкскихъ князей разломились по этнографическимъ, географическимъ и историческимъ порѣзамъ на три части: Галлію, Италію и Германію. Старшій, Лотарь, взялъ Италію, которая удерживала за собою первенство по историческимъ преданіямъ, по Риму, по имперіи. Новая исторія однако началась; началась она тѣмъ, что тѣ части Европы, которыя до сихъ поръ были за границею исторіи, выступили на историческую сцену съ важнымъ значеніемъ; но поддержать это значеніе и развиваться онѣ могли только при условіи поддержанія тѣсной связи съ прежними историческими странами, въ которыхъ жила древняя цивилизація; старое не имѣло силы безъ новаго, новое не имѣло средствъ къ развитію безъ стараго. Старое жило въ преданіи о Римѣ, объ имперіи, что давало въ средніе вѣка основаніе и дѣйствительныя силы папству, первенству Римскаго архіерея; новое выражалось въ дѣйствительной матеріальной силѣ. Сознаніе необходимости соединить старое съ новымъ, старую Европу съ новою, должно было высказываться наглядно, и оно высказалось въ томъ, что императоръ Лотарь къ своимъ итальянскимъ владѣніямъ присоединяетъ полосу земли отъ Роны до устьевъ Рейна, ту полосу земли, гдѣ было первоначальное гнѣздо Австразійскаго Дома, гдѣ романскія и германскія народности соприкасались другъ съ другомъ. Это распоряженіе, разумѣется, не можетъ не напомнить намъ того распоряженія нашихъ русскихъ князей, по которому Новгородъ, сѣверный конецъ великаго варяжскаго пути, постоянно находился въ зависимости отъ старшаго князя, сидѣвшаго въ Кіевѣ, и такимъ образомъ необходимость соединенія сѣверной и южной Руси высказывалась наглядно.

Не выработался въ княжеской семьѣ майоратъ съ государственнымъ подчиненіемъ младшихъ братьевъ старшему, не выработались и феодальныя отношенія, связь между братьями должна была быть только родовая. Относительно владѣній эта связь между сыновьями Людовика Благочестиваго выразилась тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ часть въ своей *отчинѣ*, во франкскомъ гнѣздѣ, въ Австразіи, точно такъ, какъ Московскіе князья дѣля между собою города и волости и отдавая го-

родъ Москву старшему брату, удерживали, однако, каждый извѣстную часть въ этой самой Москвѣ.

При связи только родовой, при отсутствіи государственной подчиненности императору, Карлъ Лысый былъ совершенно независимъ въ управленіи доставшеюся ему страною, будущею Франціею. Обязанность правителя этой страны въ описываемое время была тяжка. Галлія во время сухопутнаго движенія народовъ подверглась варварскимъ нашествіямъ, какъ украйна Римской имперіи; теперь, съ прекращеніемъ сухопутнаго движенія народовъ и съ усиленіемъ морскаго движенія запоздавшихъ сѣверныхъ дружинъ, она подвергается норманскимъ опустошеніямъ, какъ приморская страна. Города, начавшіе-было подниматься вслѣдствіе выгоднаго торговаго положенія на водяныхъ путяхъ, были разорены вконецъ, являлись въ видѣ жалкихъ деревушекъ. Эта остановка торговаго и промышленнаго движенія, вслѣдствіе норманскихъ опустошеній, продолжила и утвердила господство недвижимой, земельной собственности, дала окончательное развитіе закладничеству по землѣ или феодализму. Независимые мелкіе собственники исчезали совершенно; король, для отраженія враговъ, не могъ собрать войска, непосредственно относившагося къ нему и странѣ; онъ сталъ зависѣть отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые являлись окруженные толпами своихъ закладчиковъ или вассаловъ. Заставить этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ защищать страну король могъ только уступкою имъ должностей и помѣстій въ наслѣдственное владѣніе, уступкою имъ независимости; а между тѣмъ голодъ истреблялъ низшее народонаселеніе; ѣли землю, умягчивъ ее нѣсколько медомъ; волки стаями бродили по опустошенной странѣ. Стремленія сильнѣйшихъ землевладѣльцевъ къ полной независимости вели къ войнамъ ихъ противъ короля, который, при недостаткѣ военныхъ силъ, не могъ выходить изъ нихъ побѣдителемъ. При усобицахъ между королемъ и вельможами, которые искали всюду помощи, даже у арабовъ, трудно было братьямъ, Лотарю, Людовику и Карлу, жить въ дружбѣ; но ихъ столкновенія прерывались явленіемъ, съ которымъ мы знакомы по древне-русской исторіи. Между братьями происходили съѣзды; каждый являлся съ своею дружиною или вельможами, и начинались мудрыя рѣчи о томъ, сколько злаго и вреднаго правителямъ и народу произошло отъ братскаго несогласія и недовѣрія; что братья хотятъ забыть все прежнее и жить впредь по любви; ни одинъ не станетъ желать земель и слугъ другого, не станетъ слушать клеветниковъ, смущающихъ братію своими навѣтами, но будутъ всѣ трое помогать другъ другу въ нуждѣ, и проч. Не знаешь, съ западными ли источниками имѣешь дѣло, или читаешь перифразъ русской лѣтописи: такъ тождественны явленія!

Замѣтивъ сходство, замѣтимъ и несходство. Родовыя отношенія если и прорывались при благопріятныхъ обстоятельствахъ, то вовсе не съ тѣмъ господствующимъ характеромъ, какъ у насъ, на Востокѣ. На Западѣ господство земельныхъ отношеній налагало крайнюю преграду ихъ развитію, именно уничтожая общее родовое владѣніе. По смерти Лотаря (855 г.), императорскій титулъ и владѣнія его не переходятъ къ старшему по немъ брату; императорскій титулъ переходитъ къ старшему сыну Лотаря, Людовику II, и владѣнія дѣлятся также между его сыновьями, какъ опричнина, удѣлъ. Быстрое вымираніе этой лотаровской линіи потомства Карла Великаго вело между оставшимися Каролингами Галліи и Германіи къ столкновеніямъ и сдѣлкамъ по поводу наслѣдства; здѣсь впервые обнаруживается борьба между государями Галліи и Германіи за Италію, которая не можетъ образовать независимаго цѣлаго, благодаря Риму. Римъ, пользуясь борьбою, выбираетъ между соперниками, волнуется партіями по этому случаю; главное лицо въ немъ епископъ; главный епископъ на всемъ Западѣ пользуется больше всѣхъ соперничествомъ государей изъ-за титула императорскаго; уступкою новыхъ выгодъ они должны платить ему за вѣнчаніе въ Римѣ императорскимъ вѣнцомъ. Въ 876 году, Карлъ Лысый успѣлъ предупредить своего брата, Людовика Германскаго, и получить въ Римѣ императорскій вѣнецъ при содѣйствіи особенно папы Іоанна VIII, который получилъ за это хорошую благодарность, какъ увидимъ послѣ въ своемъ мѣстѣ. Вообще, въ послѣднее время царствованія Карла Лысаго Галлія, повидимому, пересиливала Германію. Но это видимое преимущество кончилось со смертью Карла Лысаго. Дѣло разъединенія государственныхъ силъ шло быстрымъ шагомъ впередъ, благодаря усиленію подчиненныхъ землевладѣльцевъ путемъ частнаго союза, закладничества или феодализма; благодаря тому, что, при междоусобныхъ войнахъ и норманскихъ нашествіямъ, король, не имѣя войска при исчезновеніи мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, долженъ былъ покупать помощь крупныхъ землевладѣльцевъ новыми уступками въ пользу ихъ силы и независимости. Закладничество или феодализмъ достигалъ господства; раздробляя страну на множество почти независимыхъ владѣній, онъ въ то же время связывалъ всѣхъ владѣльцевъ цѣпью собственно одинхъ только нравственныхъ отношеній, довольно сильныхъ, однако, для того, чтобы сохранить сознаніе единства страны, пока при новыхъ благопріятныхъ условіяхъ явилась возможность установить въ ней единство политическое. При неотразимомъ стремленіи феодализма къ господству, землевладѣлецъ, стоявшій на верхней ступени феодальной лѣстницы, человѣкъ, имѣвшій захребетниковъ или вассаловъ, но самъ не бывшій ничьимъ захребетникомъ, естественно становился главнымъ человѣкомъ въ странѣ, представителемъ ея единства и бралъ на себя старинное, освященное употребленіемъ имя верховной власти. Положеніе наверху феодальной лѣстницы и королевскій

титулъ могли остаться за Каролингами или перейти въ другую фамилію:—это было явленіе уже чисто случайное, зависѣвшее оттого, оставались ли Каролинги достаточно матеріяльно сильны для того, чтобъ имѣть первенство между другими землевладѣльцами, и имѣли ли достаточно личныхъ средствъ, способностей для охраненія своихъ историческихъ правъ. Историки, нерѣдко преклоняющіеся передъ успѣхомъ, не очень сочувственно и справедливо относятся къ Каролингамъ, тогда какъ, при внимательномъ изученіи ихъ дѣятельности, оказывается, что у многихъ изъ нихъ не было недостатка въ способностяхъ, съ помощію которыхъ они изворачивались въ иныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Но нельзя не замѣтить, что судьба не была къ нимъ благосклонна. Карлъ Лысый, несмотря на ослабленіе правительственныхъ средствъ, въ чемъ онъ былъ виноватъ, окончилъ свое царствованіе съ большимъ почетомъ внутри и внѣ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Людовикъ, но не прожилъ и двухъ лѣтъ. Сынъ его, Людовикъ III, процарствовалъ около четырехъ лѣтъ, успѣвъ, однако, въ это короткое время прославиться знаменитою побѣдою надъ норманнами при Солькурѣ. Братъ его, восемнадцатилѣтній Карломанъ, процарствовалъ съ небольшимъ два года. У него остался малолѣтній братъ Карлъ. Но при тогдашней неопредѣленности правъ наслѣдства и при тогдашнемъ состояніи страны, когда король не долженъ былъ выпускать изъ рукъ оружіе для отраженія норманновъ,—малолѣтній король былъ невозможенъ, и потому призвали Карла Толстаго, единственнаго представителя восточной, германское линіи Каролинговъ, который такимъ образомъ сталъ владѣть всѣми частями имперіи Карла Великаго. Но имперія Карла Толстаго не была похожа на имперію Карла Великаго: то, что начиналось при послѣднемъ и чему онъ не могъ противопоставить крѣпкихъ и долговѣчныхъ преградъ, то совершилось ко времени Карла Толстаго: феодализмъ господствовалъ, децентрализація была полная. Карлъ Великій пріобрѣлъ себѣ славу знаменитаго историческаго дѣятеля тѣмъ, что умѣлъ направить пока еще сплоченныя силы новой Галліи для подчиненія христіанству и цивилизаціи раздробленной, варварской Германіи; но для потомка его выпадала задача гораздо труднѣе—*безъ средствъ* сохранить подъ своею властью Галлію, Италію и Германію, привыкшія уже къ самостоятельности; *безъ средствъ* защитить всѣ эти три страны отъ норманскихъ и арабскихъ опустошеній. Задача была не по человѣческимъ силамъ, и вопросъ о личныхъ средствахъ какого-нибудь Карла Толстаго—вопросъ лишній. Черезъ три года послѣ своего провозглашенія императоромъ всѣхъ владѣній Карла Великаго, умеръ Карлъ Толстый, увидѣвъ еще, при жизни своей, отдѣленіе Германіи. Въ Галліи, по смерти Карла Толстаго, королемъ провозглашенъ былъ самый видный изъ землевладѣльцевъ, Одонъ, графъ Парижскій, но изъ Каролинговъ оставался еще Карлъ, сынъ Людовика II, и въ пользу его образовалась сильная партія, провозгласившая его также королемъ. Смерть Одона примирила на время партіи, и Карлъ, извѣстный подъ прозвищемъ Простаго, былъ единогласно признанъ королемъ. Но этотъ король, несмотря на свои стремленія подняться съ помощью духовенства и усилить свою власть, безъ обладанія собственными средствами, землями и войскомъ, могъ быть только игрушкою въ рукахъ сильныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе что преемники Одона, герцоги Франціи, не могли забыть о королевскомъ титулѣ. Во время усобицы королевскій титулъ перешелъ къ герцогу Бургундскому. Карлъ Простой умеръ въ темницѣ; сынъ его, Людовикъ, нашелъ убѣжище за моремъ, въ Англіи, почему и называется «заморскимъ». Гуго Французскій или Парижскій призвалъ Людовика изъ-за моря и далъ ему королевскій титулъ, но съ тѣмъ, чтобъ имѣть короля въ полной зависимости отъ себя, и когда этотъ Каролингъ не захотѣлъ быть похожимъ на послѣднихъ Меровинговъ, то страшная и долгая усобица была слѣдствіемъ. Людовикъ и сынъ его Лотарь не позволяли забывать въ себѣ королей, хотя владѣнія ихъ ограничивались почти однимъ городомъ Ланомъ съ окрестностями, и только когда сынъ Лотаря, Людовикъ V, умеръ бездѣтнымъ, Гуго Капетъ французскій могъ спокойно принять королевскій титулъ и короноваться въ Реймсѣ (987).

Мы не можемъ останавливаться на исторіи четырехъ первыхъ Капетинговъ, потому что она не представляетъ ничего важнаго для наблюдателя общихъ явленій въ жизни народовъ и разныхъ особенностей, обнаруживаемыхъ тою или другою народною личностью. Можемъ упомянуть объ одномъ, что эти Капетинги, для утвержденія королевскаго титула въ своей фамиліи, объявляютъ при жизни своей старшихъ сыновей соправителями и коронуютъ ихъ:—явленіе, какъ уже замѣчено, общее для государей разныхъ странъ на западѣ и востокѣ Европы.

Обратимся къ начальной исторіи другой части имперіи Карла Великаго,—къ исторіи германской. Мы уже видѣли, что значеніе дѣятельности Карла В. состояло въ расширеніи европейской исторической сцены: онъ ввелъ Германію въ область исторіи, давши ей христіанство, начатки цивилизаціи и начатки государственности. Вслѣдствіе такого расширенія исторической сцены, Германія получаетъ значеніе украйны западнаго римско-христіанскаго міра, значеніе, которое имѣла прежде Галлія. Германцы, утвердившіеся въ Галліи, франки, принявши христіанство и усыновившись Риму, переняли на себя обязанность бороться съ своими зарейнскими соплеменниками, которые, особенно какъ язычники, являлись для нихъ варварами. Теперь восточные германцы, принявшіе христіанство, относятся точно такъ же къ народамъ, жившимъ на востокъ отъ нихъ, относятся къ нимъ, какъ къ варварамъ, считая своею обязанностью

распространять между ними христіанство и подчинять ихъ Римской имперіи, т. е. дѣлать съ ними то же самое, что сдѣлалъ Карлъ Великій съ самими восточными германцами. Эти варвары, восточные народы, относительно которыхъ Германія становилась украйною западнаго римско-христіанскаго міра, сильно разнились между собою: одни были народы туранскаго происхожденія, не перестававшіе, по слѣдамъ гунновъ, дѣлать опустошительныя вторженія въ Европу, до самой Галліи. Германія, какъ украйна, должна была подвергнуться сильнымъ ударамъ этихъ народовъ, ограничиваясь борьбою оборонительною. Но, кромѣ этихъ кочевыхъ пришельцевъ изъ Азіи, восточными сосѣдями германцевъ были давніе осѣдлые жильцы Европы, народы арійскаго племени, славяне. Столкновенія ихъ съ германцами, разумѣется, должны были начаться очень рано; но съ Карла Великаго начинается это, можно сказать, систематическое движеніе Германскихъ королей на славянъ, съ цѣлью распространенія между ними христіанства и подчиненія ихъ своей власти. Относительно нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ это стремленіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: разрозненные, и потому слабые, славяне не могли успѣшно противиться германцамъ, теперь объединеннымъ, и потому сильнымъ; должны были принимать христіанство и, вмѣстѣ, отказываться не только отъ своей независимости, но и отъ народности, нѣмечиться, утрачивая основу народности — языкъ. Слитіе понятій—нѣмца и христіанина съ одной стороны, и славянина и язычника — съ другой, естественно, вело къ этому онѣмеченію славянъ: славянинъ, принявши христіанство, слишкомъ рѣзко отдѣлялся отъ своихъ соплеменниковъ, становился къ нимъ поэтому во враждебное отношеніе, и потому стремился вполнѣ приравняться къ своимъ собратіямъ по вѣрѣ.

Но такой успѣхъ германцы могли получить только относительно нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ. Другія племена выставили сильный отпоръ; въ нихъ обнаружилось движеніе, свидѣтельствовавшее ихъ жизненность, способность къ исторіи; обнаружилось стремленіе къ соединенію силъ, къ образованію государствъ, что, разумѣется, должно было служить самымъ могущественнымъ средствомъ къ охраненію самостоятельности; явилось стремленіе къ образованію независимой Церкви, съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ, чего можно достигнуть съ помощію Восточной имперіи, съ помощію восточной, Греческой Церкви. Борьба съ славянами стала трудна для нѣмцевъ. Разумѣется, главною цѣлію ихъ государей стало—не допускать образованія большихъ славянскихъ государствъ. Имъ удалось, съ помощію туранцевъ, разрушить государство Моравское, разорвать связь западныхъ славянъ съ южными и съ Византіею; имъ удалось остановить усиленіе чеховъ и крѣпко вцѣпиться въ ихъ страну, не выпустить ея изъ зависимости отъ Римско-германскихъ императоровъ; но они не успѣли удержать въ этой зависимости болѣе отдаленную Польшу. Кромѣ того, славянское племя рискинулось далеко по восточной Европѣ и здѣсь успѣло образовать христіанское государство, которое, по этому характеру своему, стало европейскою украйною въ отношеніи къ варварскому міру, къ языческой и магометанской Азіи, со всѣми условіями этого положенія и съ особенностями, какихъ не имѣли ни Галлія, ни Германія, когда были украйнами европейскаго міра. Мы разсмотримъ отдѣльно, въ своемъ мѣстѣ, эти условія и особенности, а теперь будемъ продолжать наблюденія надъ историческою жизнью германскаго племени, поставленнаго въ новыя отношенія.

Германія и теперь представляла еще, относительно, страну дѣвственную, покрытую обширными густыми лѣсами, и, слѣдовательно, съ народонаселеніемъ рѣдкимъ. Немногіе города по Рейну и Дунаю были остатками отъ римскихъ временъ, созданіемъ римской администраціи. Во Франконіи, Турингіи и Саксоніи виднѣлись только большія села, прислонившіяся къ замку или монастырю. Въ такой странѣ все надобно было начинать сначала. Народонаселеніе представляло сплошную одноплеменную массу, что, повидимому, условливало быстрое объединеніе страны; но это была только видимость. Въ Галліи, повидимому, было болѣе различія въ элементахъ народонаселенія, но эти элементы находились въ политическомъ смѣшеніи, въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, и потому быстро содѣйствовали образованію единой новой національности, тогда какъ народонаселеніе Германіи состояло изъ нѣсколькихъ большихъ племенъ, изъ которыхъ каждое съ незапамятныхъ поръ привыкло смотрѣть на себя, какъ на отдѣльный народъ, и враждебно относиться къ другимъ племенамъ. Германскія племена были сопоставлены другъ съ другомъ вслѣдствіе дѣятельности Карла Великаго; сознаніе единства было у нихъ крайне слабо, и усиленію этого сознанія препятствовало рѣзкое различіе въ племенномъ говорѣ, при отсутствіи образованности, при отсутствіи общаго литературнаго языка.

Господство частнаго союза въ формѣ закладничества или феодализма было на очереди и въ Германіи, какъ въ Галліи и другихъ странахъ, вслѣдствіе одинакихъ причинъ, вслѣдствіе тягостныхъ для бѣднаго народонаселенія требованій верховной власти и вслѣдствіе несостоятельности той же власти въ защитѣ слабаго отъ притѣсненій сильнаго. Но понятно, что въ Германіи, и именно въ той ея части, которая болѣе сохранила первоначальный бытъ, которая еще недавно выставила такое упорное сопротивленіе франкскому завоеванію и введенію христіанства, въ Саксоніи установленіе феодальныхъ отношеній не могло произойти безъ сильнаго сопротивленія свободныхъ людей, хотѣвшихъ остаться свободными. Мы видѣли, что установленію феодальныхъ отношеній очень много способствовало стремленіе усѣсться, припасть къ землѣ,

избѣжать безпокойства далекихъ походовъ,— стремленіе, въ которомъ высказалась естественная и необходимая реакція сильному движенію, сопровождавшему переселеніе народовъ, и разложенію западной Римской имперіи. Мелкій землевладѣлецъ закладывался за ближайшаго крупнаго, чтобы избѣжать государственныхъ позывовъ къ дальнимъ походамъ; отсюда такое ограниченіе военной обязанности въ феодализмѣ, отсюда мелкость феодальныхъ войнъ. У насъ, въ Россіи, то же явленіе въ Московскомъ государствѣ, то же стремленіе служилыхъ людей не разставаться съ своими землями, отбывать отъ военной службы, стремленіе, послѣдовавшее также за періодомъ сильнаго движенія дружинъ, безпрестанно перебѣгавшихъ съ своими князьями изъ области въ область. Но въ Саксоніи, въ этой украйнѣ *Восточнаго царства* (regnum orientale, какъ называютъ лѣтописцы Германію), вольные люди, не получившіе привычки къ военнымъ движеніямъ, неохотно входили въ феодальную зависимость отъ сильныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе что послѣдніе были чужіе люди, явившіеся въ ихъ страну вслѣдствіе франкскаго завоеванія. Въ Саксоніи труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно было принудить свободныхъ людей отказаться отъ своей независимости, и они вспомнили о ней при первомъ удобномъ случаѣ. Во время усобицы между внуками Карла Великаго, старшій изъ нихъ, Лотарь, зная неудовольствіе саксонцевъ, принужденныхъ отказаться отъ своей независимости, и желая отвлечь ихъ отъ своего брата, Людвига Германскаго, обѣщалъ имъ возстановленіе прежняго быта. Недовольные образовали союзъ, подъ необъясненнымъ еще именемъ «стеллинга» (stellinga), истребили или выгнали знатныхъ людей изъ страны. Но Лотарь оставилъ безъ помощи своихъ союзниковъ, и Людвигъ Германскій нанесъ имъ страшное пораженіе. Плѣнные не получили милости: сто-сорокъ два изъ нихъ были обезглавлены, двѣнадцать повѣшены. Это различіе въ способѣ казни указываетъ, что первые были старые свободные люди (фрилинги), принужденные къ закладничеству, послѣдніе же были прежніе закладчики, меньшіе люди (lassi), низведенные потомъ до полной зависимости или рабства, и вошедшіе вмѣстѣ съ фрилингами въ стеллингу.

Попытка соединить всѣ владѣнія Карла Великаго подъ одною властью, попытка матеріальнаго соединенія въ то время, когда, по возрасту народовъ, было на очереди полное матеріяльное разъединеніе, и связь могла оставаться только въ области нравственной, — это попытка, необходимо неудачная, тяжко отозвалась на судьбѣ болѣзненнаго Карла Толстаго, бывшаго орудіемъ попытки. Германія, какъ восточное царство, украйна западнаго міра, не могла спокойно дожидаться кончины больнаго императора, обязаннаго проводить столько же времени на берегахъ Сены, какъ и на берегахъ Майна. Противъ Карла Толстаго поднялся герцогъ Арнульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, сына Людвига Германскаго. Германія стала за Арнульфа, и Карлъ долженъ былъ отказаться отъ верховной власти въ восточномъ царствѣ. Германія стала за Арнульфа, ибо незаконное происхожденіе въ глазахъ тогдашнихъ народовъ, еще не вполнѣ христіанскихъ, не могло имѣть того значенія, какое получило впослѣдствіи. (И у насъ, на Руси, кромѣ княжны Рогнѣды, никто не вспоминалъ о происхожденіи Владиміра Великаго отъ наложницы-рабы). Притомъ же, германцамъ предстоялъ выборъ между Арнульфомъ и побочнымъ же сыномъ Карла Толстаго, которому отецъ хотѣлъ доставить престолъ. Они должны были предпочесть Арнульфа, который, по личнымъ достинствамъ, былъ способенъ управлять восточнымъ царствомъ, т.-е. защищать украйну отъ враждебныхъ сосѣдей.

Въ этомъ восточномъ царствѣ, въ этой украйнѣ уже обозначилось явленіе, замѣченное нами и въ Галліи, когда она была украйною: большая сила видна на востокѣ, на самомъ порубежьи, гдѣ происходитъ постоянная борьба съ чуждымъ народомъ. Въ этой борьбѣ отличился и Арнульфъ, владѣлецъ порубежной страны на югѣ-востокѣ, Каринтіи. Франкская Галлія имѣла свою Австразію, гдѣ была ея главная сила; Германія будетъ имѣть свою восточную область, свою Австрію, которая будетъ долго сильнѣйшимъ владѣніемъ въ Германіи, пока не усилится *сѣверо-восточное* порубежье, марка Бранденбургская. Постоянная борьба съ опасными сосѣдями необходимо возбуждала энергію въ народѣ германскомъ и ея правителяхъ; и немудрено, потому что въ Германіи въ описываемое время мы видимъ больше крупной дѣятельности, больше подвиговъ, чѣмъ въ новорожденной Франціи и ветхой Италіи. Въ челѣ германскаго народа мы видимъ людей болѣе крупныхъ, и неудивительно, что они, перенявши роль старыхъ знаменитыхъ украинцевъ, Карловинговъ австразійскихъ, одни въ состояніи удержать за собою власть надъ Римомъ и титулъ императорскій. Франція не мѣшаетъ имъ въ этомъ; у ней нѣтъ еще средствъ для крупной внѣшней дѣятельности; она довольствуется тѣмъ, что можетъ сохранить свою независимость отъ германскаго владѣльца, носящаго титулъ Римскаго императора. Франція, освободившись отъ опаснаго украинскаго положенія, перенятаго Германіею, имѣетъ возможность предаться процессу внутренняго развитія, что окажется для нея прочнѣе, выгоднѣе; тогда какъ Германія, выигрывая во внѣшнемъ, теряетъ во внутреннемъ.

При Арнульфѣ Германія освободилась отъ опасности со стороны славянъ, пытавшихся въ Моравіи образовать сильное самостоятельное государство, самостоятельное не въ одномъ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи, образовать среди западныхъ славянъ то, что послѣ могло образоваться только среди самыхъ отдаленныхъ, сѣверо-восточныхъ славянъ. И если Германія освободилась отъ опасности со стороны моравскихъ славянъ, и освободилась съ помощью венгровъ, то явилась но-

вая опасность со стороны этой дикой орды, которая нескоро усѣлась и успокоилась въ дунайской долинѣ. Особенно стали опасны венгры Германіи по смерти Арнульфа, при малолѣтнемъ сынѣ его Людвигѣ, когда каждый годъ та или другая нѣмецкая область подвергалась ихъ опустошительнымъ набѣгамъ. Однимъ словомъ, Германія испытывала теперь то, что послѣ, перенявшая на себя значеніе европейской украйны, Русь испытывала отъ печенѣговъ, половцевъ и татаръ. При такихъ значительно усиленныхъ ударахъ со стороны *поганыхъ*, украинское народонаселеніе, истощивши всѣ средства борьбы, прибѣгаетъ обыкновенно къ покупкѣ отдыха. И король Людвигъ долженъ былъ платить ежегодную дань венграмъ. Этотъ Людвигъ, по прозванію Дитя, былъ послѣдній Каролингъ въ Германіи. Послѣ него и здѣсь, какъ во Франціи, по прекращеніи Каролингской династіи, королевскій титулъ долженъ былъ перейти къ одному изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ областей; въ Германіи эти люди имѣли еще другое значеніе: здѣсь, каково бы ни было ихъ происхожденіе, они были начальниками, герцогами племенъ.

Выбранъ былъ Конрадъ Франконскій, — и долженъ быть вступить въ борьбу съ герцогомъ Генрихомъ Саксонскимъ. Потомъ поднялся противъ короля герцогъ Арнульфъ Баварскій; изгнанный Конрадомъ, онъ возвратился съ венграми, какъ изгнанные русскіе князья возвращались съ половцами. Царствованіе Конрада прошло во внутренней борьбѣ, и лѣтописцы говорятъ, что на смертномъ одрѣ онъ совѣтовалъ брату своему, Эбергарду, уступить престолъ Генриху Саксонскому. Пусть это извѣстіе выдумано лѣтописцами, писавшими при Саксонской династіи; но современники не могли не признавать особенной силы, особенныхъ средствъ за этимъ сѣвернымъ порубежнымъ племенемъ и за его вождемъ, уже извѣстнымъ своею отвагою и вмѣстѣ ловкостью, осторожностью. «Генрихъ непремѣнно добьется королевства»,—говорилъ умирающій Конрадъ своему брату: «такъ лучше уступи ему его добровольно и пріобрѣти его дружбу; а то будетъ бѣда франкскому народу и тебѣ съ нимъ».

Преданіе говоритъ, что Генрихъ ловилъ птицъ въ то время, когда явился къ нему Эбергардъ Франконскій съ предложеніемъ Конрадова наслѣдства: отсюда и прозваніе Генриху «Птицеловъ». Царствованіе этого Птицелова особенно для насъ замѣчательно, потому что, несмотря на сухость, краткость источниковъ, въ дѣятельности Генриха выпукло обозначаются черты украинскаго владѣльца. Толпы венгровъ напали на Германію и прорвались въ предѣлы самой Саксоніи. Генрихъ засѣлъ съ своею дружиною въ родномъ замкѣ, у подножія Гарца, и не думалъ вступать въ битву съ врагами. Наконецъ, по счастливому случаю, одинъ изъ венгерскихъ вождей попался въ плѣнъ къ нѣмцамъ, которые привели его въ замокъ къ своему королю. Венгры предложили выкупъ за плѣнника; Генрихъ не соглашался; потомъ переговоры кончились тѣмъ, что Генрихъ согласился выпустить плѣнника и обязался платить ежегодную дань венграмъ, которые за это обязались девять лѣтъ не опустошать Саксоніи и Турингіи—только; остальныя же части Германіи оставались открытыми для ихъ опустошеній. Нѣмецкіе историки, которые не находятъ словъ какъ бы сильнѣе заклеймить поведеніе западныхъ Каролинговъ, покупавшихъ золотомъ миръ у норманновъ, разумѣется, съ трудомъ переваривають это извѣстіе лѣтописца: для нихъ Генрихъ Птицеловъ — герой, носившій въ головѣ цѣлую систему государственнаго строя; но для насъ Генрихъ просто умный, ловкій и энергическій украинскій владѣлецъ, воспользовавшійся счастливымъ случаемъ для заключенія девятилѣтняго перемирія и воспользовавшійся этимъ перемиріемъ для пріобрѣтенія большихъ средствъ къ борьбѣ.

Однимъ изъ средствъ усиленія является у Генриха постройка городовъ. Страна обширная, дѣвственная, народонаселеніе живетъ разбросанно, особнякомъ, привыкло, любитъ жить такъ, жить просторно, свободно, у себя, не скучиваясь на небольшихъ пространствахъ, огороженныхъ стѣнами, на виду у чужихъ, въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ чужими. Но страна порубежная окружена врагами. Нападутъ враги,—разрозненное народонаселеніе бросится въ разныя стороны, ища спасенія въ горахъ и лѣсахъ; но множество его захватывается врасплохъ въ жилищахъ или нагоняется во время бѣгства и становится добычею враговъ. Надобны средства, которыя бы избавляли отъ такой бѣды. И вотъ, какъ только являются начатки центральной власти въ странѣ, представители этой власти начинаютъ строить города, т. е. окружаютъ извѣстныя удобныя мѣста стѣнами, валами, рвами и, волею и неволею, сводятъ туда жителей. Разумѣется, имъ выгоднѣе всего населять эти города людьми отважными, воинственными, *лучшими* людьми — потогдашнему. Городъ, населенный такими людьми, удержитъ и отобьетъ врага; кромѣ того, при слухѣ о непріятелѣ, окрестное народонаселеніе найдетъ въ стѣнахъ города безопасное убѣжище. Но при постройкѣ городовъ достигались не однѣ военныя цѣли: города въ мирное время стягивали къ себѣ окрестное народонаселеніе, становились правительственными центрами для власти свѣтской и церковной, и въ то же время центрами промышленными и торговыми. Въ Россіи, въ этой европейской украйнѣ, первый князь, Рюрикъ, уже начинаетъ *рубить города;* ему подражаютъ почти всѣ его преемники, переселившіеся на югъ, гдѣ со стороны степей рубка городовъ была дѣло необходимое; новосрубленные города населяются *лучшими* людьми; за недостаткомъ своихъ—населяются плѣнниками. Переходитъ князь съ юга-запада на пустынный сѣверо-востокъ,— первое его дѣло строеніе городовъ и сводъ въ нихъ народа отовсюду, и потомъ та же дѣятельность продолжается постоянно: русскіе города выростаютъ незамѣтно въ пустыняхъ и по берегамъ нижней Волги и ея притоковъ,

и за Уральскими горами, вплоть до Восточнаго океана. Зная хорошо значеніе этой дѣятельности правительствъ украинскихъ странъ, мы съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ извѣстія нѣмецкаго лѣтописца о дѣятельности Генриха Птицелова, какъ знаменитаго строителя городовъ, съ цѣлію безопасности государственной (urbes ad salutem regni fabricavit).

Для снабженія новыхъ городовъ жителями, Генрихъ употреблялъ и такой способъ: онъ бралъ изъ сельскаго народонаселенія девятаго человѣка въ новый городъ; этотъ девятый долженъ былъ держать въ городѣ наготовѣ дворъ, въ которомъ восемь человѣкъ, оставшихся для земледѣльческихъ работъ въ селѣ, могли найти убѣжище, на случай непріятельскаго нашествія. Въ Россіи, гдѣ и въ XVII-мъ вѣкѣ, даже въ центральныхъ областяхъ, городъ удерживалъ это значеніе, какое онъ имѣлъ въ Германіи при Генрихѣ Птицеловѣ, т.-е. значеніе убѣжища для окрестнаго народонаселенія на случай непріятельскаго нашествія, въ Россіи такіе дворы въ городахъ имѣли особое названіе, сохранившееся въ памятникахъ: они назывались *осадными дворами;* помѣщикъ жилъ постоянно въ деревнѣ, но въ ближайшемъ городѣ имѣлъ *осадный* дворъ, куда переѣзжалъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Чтобы заставить разбредшихся саксонцевъ тянуть къ городамъ, какъ правительственнымъ центрамъ, Генрихъ велѣлъ держать суды и устраивать всякаго рода собранія и торжества въ городахъ.

Любопытно извѣстіе о томъ, какъ Генрихъ населилъ городъ Мерзебургъ: онъ призвалъ вольныхъ, гулящихъ людей, разбойниковъ, далъ имъ землю и оружіе, и запретилъ безпокоить своихъ нѣмцевъ, но позволилъ разбойничать насчетъ славянъ, сколько угодно. Такъ образовался знаменитый мерзебургскій легіонъ, надѣлавшій много зла славянамъ. Здѣсь мы видимъ опять украинское явленіе. Пустынныя порубежья всегда и вездѣ служатъ притономъ для людей сомнительной репутаціи, для людей, поссорившихся съ обществомъ и принужденныхъ оставить его. На пустыномъ порубежьи эти люди разминаютъ свое плечо богатырское, не щадя ни своихъ, ни чужихъ, пока, съ усиленіемъ мирной колонизаціи, государство мало-помалу не приберетъ степнаго рыцарства въ свои руки и не принудитъ его къ правильной службѣ себѣ. Извѣстно продолжительное и важное значеніе казачества на русскомъ порубежьи. Благодаря обилію источниковъ, это явленіе достаточно объяснено; но историкъ бываетъ особенно радъ, когда можетъ прошедшее явленіе объяснить настоящимъ, что даетъ яркое освѣщеніе и наглядность дѣлу. Въ Сѣверной Америкѣ, между Соединенными Штатами, изъ которыхъ движется колонизація на западъ, и краснокожими индійцами, находится пустыня, и въ этой пустынѣ, по общему закону, являются рыцари пустыни, люди, неужившіеся въ Европѣ, неужившіеся и въ Соединенныхъ Штатахъ, удалившіеся въ пустыню на западъ, и наводящіе ужасъ на пограничныхъ жителей, путешественниковъ и торговцевъ. Но между рыцарями пустыни попадаются люди и не съ такою печальною славою: попадаются люди, бѣжавшіе въ пустыню по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, отъ преслѣдованія заимодавцевъ; наконецъ, очень многіе между ними принадлежатъ къ числу молодыхъ, горячихъ головъ, которымъ тѣсно въ цивилизованномъ обществѣ, и привольная, дикая жизнь въ пустынѣ пришлась больше по сердцу, именно люди, подобные нашимъ казакамъ-богатырямъ, которые шли въ дикое поле разминать свое плечо богатырское, которымъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, по выраженію старыхъ пѣсенъ [1]).

Такихъ-то «рыцарей пустыни», водившихся въ порубежьи между германскимъ и славянскимъ міромъ, Генрихъ Птицеловъ употребилъ на службу первому противъ втораго. Время отъ смерти Карла Великаго до Генриха Птицелова было для славянъ, относительно, временемъ отдыха. При Генрихѣ происходитъ усиленный напоръ нѣмцевъ на славянъ. Въ 928 году онъ ходилъ за Эльбу и примучилъ славянскія племена по рѣкамъ Гавелю и Шпре; потомъ обратился къ юго-востоку, основалъ здѣсь городъ Мейсенъ; въ то же время подчиненные Генриху саксонскіе графы примучивали сѣверныхъ славянъ между Эльбою и Одеромъ. Мы употребляемъ слово изъ древней русской лѣтописи: «*примучивали*» потому, что оно совершенно идетъ къ дѣлу; нѣмцы употребляли такой способъ по коренія: взрослое мужское народонаселеніе истребляли, а женщинъ и дѣтей уводили въ плѣнъ. Нѣмцы въ этихъ войнахъ обязаны были своимъ успѣхомъ конницѣ, которой не было у славянъ. Генрихъ Птицеловъ усилилъ у себя конницу, видя, что безъ нея нельзя бороться съ венграми, которыхъ войско все состояло изъ конницы. Испытавъ счастіе въ войнѣ съ славянами, онъ рѣшился, по прошествіи девятилѣтняго перемирія, вступить въ борьбу съ венграми. Но этотъ врагъ былъ такъ страшенъ, что, по свидѣтельству лѣтописца, Птицеловъ старался возбудить въ нѣмцахъ религіозное одушевленіе, чтобъ принудить ихъ къ борьбѣ съ венграми. «Мы все отдали венграмъ»,— говорилъ онъ на сеймѣ: «только церковныя сокровища остались нетронутыми. Долженъ ли я теперь коснуться и этого сокровища и отдать его врагамъ?» Религіозное одушевленіе было возбуждено. Венгерскіе послы, пріѣхавшіе за деньгами, были отпущены съ пустыми руками. Вслѣдъ затѣмъ толпы венгровъ вторглись въ Турингію и положили ее пусту, поступая точно такъ же съ нѣмцами, какъ тѣ поступали съ славянами: мужчинъ выше десятилѣтняго возраста всѣхъ убивали, женщинъ и дѣтей забирали въ плѣнъ. Но Генрихъ ждалъ венгровъ съ большимъ войскомъ, и заставилъ бѣжать. Нѣмцы перестали платить дань венграмъ.

1868—1876 г.

---

[1]) См. Курбскій, „Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора", гл. VII.

Писатели русской исторіи XVIII вѣка*).

I. Манкіевъ.

Въ 1770 году было издано Миллеромъ «Ядро Россійской Исторіи» и приписано издателемъ князю Андрею Яковлевичу Хилкову, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ. Миллеръ издалъ книгу съ трехъ списковъ; но послѣ отыскались древніе списки, въ которыхъ посвященіе было подписано буквами А. М., вслѣдствіе чего стали думать, что книга сочинена не самимъ Хилковымъ, а секретаремъ его или переводчикомъ, находившимся съ нимъ вмѣстѣ въ шведскомъ плѣну [1]). Изъ описанія рукописей графа Толстаго оказалось, что имя сочинителя «Ядра» было *А. Манкіевъ*, что и утверждено Востоковымъ въ Описаніи Румянцевскаго Музея [2]). Посвященіе Петру Великому Миллеръ не приложилъ къ своему изданію, отговариваясь тѣмъ, что «оно сочинено темно и нескладно, или частымъ переписываніемъ испорчено». Вотъ это посвященіе, какъ оно читается въ рукописи Румянцевскаго нМузея

«Всемилостивѣйшый Царь Государь;

«Вашего Царскаго Величества всюду пространно и высоко славимое имя дало мнѣ вину, дабы дерзнуть сей убогій мой трудъ, въ которомъ Исторія Русская собрана, Вашему Величеству восписать; а особно повелѣло мнѣ то славныхъ Вашего Царскаго Величества дѣлъ и надъ непріятелми побѣдъ великолѣпіе, которыми свою высокую и вседражайшую Персону Ваше Величество украсилъ, и свою державу въ надежности поставило; такъ, что Вашего Величества держава Россія своимъ гербомъ, си есть, орломъ, который отъ ядовитыхъ зміевъ угрызенія себя и своихъ птенцовъ хранячи, на крутыхъ высокихъ и неприступныхъ каменныхъ горахъ гнѣздиться обыклъ, здѣсь пріосѣненна, полными усты воспѣть долженствуетъ: *in Petra*, или лучше, *in Petro secura*, въ Петрѣ безопасна и надежна стала, зане великодушіемъ, бдѣніемъ, попеченіемъ и храбростію Вашего Царскаго Величества Вседражайшей Персоны, отъ всякихъ непріятелскихъ ядовитыхъ язвъ и нападеній защищена, и обидъ отомщена, въ надежности, какъ орелъ на горѣ жительствуетъ.—Что о Исторіяхъ обще належитъ, когда я природу Исторій помышляю, весма помышляю, что они великіе видѣнію человѣческому приносятъ ползы; понеже въ нихъ, какъ въ чистѣйшемъ зеркалѣ, прежде жившихъ бытія, совѣты, рѣченія и дѣла такъ добрые, какъ злые видимъ.—Сіе разсуждая, славный овъ Василій Кесарь, 45 послѣ Константина Великаго, Константинополскій къ Леону сыну своему державы наслѣдпику предрагое ово политическое увѣщаніе писалъ: чрезъ Исторіи ити не откажи. Тамо бо обрящеши безъ труда, яже иніи собраша съ трудомъ, и оттуда изчерпнеши, и благихъ добродѣтели и злычестивыхъ пороки, житія человѣческаго различная измѣненія и вещей въ немъ обращенія; міра сего непостоянство, и нечестивыхъ стремглавные падежи и, да единѣмъ обыму словомъ, злыхъ дѣяній казни и благихъ почести. Изъ нихъ же тѣхъ отбѣгнеши, да не въ правоты божія руцѣ впаднеши Сіе обымеши, да почести яже съ ними ходятъ, улучиши. Сіе я однакъ убогое мое дѣлце Вашему Царскому Величеству, Моему Всемилостивѣйшему Царю Государю, приношу, не съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобъ оно было какого особливаго помышленія, или Вашему Величеству надобное; понеже доволно вѣдаю, что Ваше Величество свыше всякими вѣдѣніи освѣщенно и искуствы надѣлено; а къ тому многихъ иныхъ подданыхъ, которые много сотъ кратъ лучше такія вещи выроботать могутъ, во власти содержитъ. Но знаючи быть должно и прилично, чтобъ всякій мой хотя бы бѣднѣйшый трудъ былъ, тотъ бы моему Всемилостивѣйшему Государю подлежалъ. Того ради я его подъ Вашего Царскаго Величества ноги, со всепокорнѣйшымъ почтеніемъ, подлагаю.

	«Вашего Царскаго Величества
	Моего Всемилостивѣйшаго
Вестеросъ, априля	Царя Государя
въ 7 день 1715 году.	нижайшый рабъ
	«А. М.»

*) Отрывокъ изъ большаго сочиненія о писателяхъ Русской Исторіи вообще. Здѣсь обозрѣваются только писатели XVIII вѣка, и притомъ *русскіе*.

[1]) См. Митроп. *Евгенія* Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. II, стр. 239.

[2]) № CCLXX, стр. 391.

Здѣсь авторъ говоритъ, что посвятить трудъ государю особено побудила его слава дѣлъ и побѣдъ послѣдняго: «особно повелѣло мнѣ то славныхъ В. Ц. В. дѣлъ и надъ непріятелми побѣдъ великолѣпіе». Миллеръ, не понявъ этого мѣста, пишетъ: «Одно обстоятельство изъ сего приношенія привесть достойно. Пишетъ князь Хилковъ, *что имѣлъ на сей трудъ повелѣніе, а особливо, чтобъ описать главныя Его Царскаго Величества дѣла, и надъ непріятелями побѣдъ Его великолѣпіе.* Сіе *повелѣніе*, кажется, разумѣть должно о знатнѣйшихъ его въ полону сотоварищахъ, князь Иванѣ Юрьевичѣ Трубецкомъ, и о прочихъ, которые, по видимому, его почтили за способнѣйшаго къ исполненію сего, а, можетъ быть, его и снабдили потребными на то россійскими лѣтописцами, да розрядными и родословными списками сверхъ тѣхъ, которые чаятельно князь Хилковъ самъ привезъ изъ Москвы». Миллеръ говоритъ также, что исправилъ во всей книгѣ тѣ мѣста, которыя искажены переписчиками; но при этомъ исправленіи онъ иногда перемѣнялъ и смыслъ, и даже пропускалъ иное. Правописаніе и многія слова, попадающіяся въ рукописи, заставили Востова признать въ авторѣ малороссіянина; мы, съ своей стороны, готовы подвердить это, основываясь на внутреннихъ качествахъ слога, ярко обличающихъ малороссіянина.

Чтобъ оцѣнить значеніе Ядра въ русской исторической литературѣ, необходимо обратиться къ ея состоянію въ то время. Попытки къ составленію учебныхъ книгъ по Русской исторіи, или сколько-нибудь стройнаго, связнаго извлеченія изъ лѣтописей, мы видимъ на Москвѣ еще въ XVII вѣкѣ: такъ въ 1676 году извѣстный дьякъ Ѳеодоръ Грибоѣдовъ сочинилъ *Сокращеніе Россійской Исторіи* въ 36 главахъ, отъ Св. Владиміра до вступленія на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Но книга эта, написанная, какъ видно, для царскаго употребленія исключительно, не была издана. Въ южной Руси потребность учебника Русской исторіи, вслѣдствіе давно уже распространеннаго школьнаго ученія, должна была явиться ранѣе, и вотъ мы видимъ тамъ, въ 1674 году, изданіе Гизелева Синопсиса; слѣд. для оцѣнки Ядра мы можемъ сравнивать его только съ Синопсисомъ, которымъ авторъ могъ пользоваться. Ядро, такъ какъ и Синопсисъ, начинается произведеніемъ русскаго народа отъ Мосоха, сына Яфетова, причемъ авторъ особенно настаиваетъ на то, что народъ русской ведетъ свое происхожденіе отъ человѣка, а не отъ ложныхъ боговъ, какъ другіе народы: «Наши Русскіе, Славяне и прочіе народы Сарматскіе не летаютъ по поднебесію для произведенія предковъ своихъ, но истинною своею добродѣтелію не отъ боговъ, но отъ человѣка явно начало свое производятъ» [1]). Русскіе народы, по автору Ядра, назывались прежде отъ Мосоха Яфетовича мосхами, мосохами, месехами, модоками, моссенами, мосхоисониками; потомъ «ради смѣшенія иныхъ народовъ и порубежности, или для различныхъ туда и индѣ походовъ и войнъ, старое свое прозваніе пренебрегше, званы и писаны были отъ князя своего Русса, который отъ Мосоха произведеніе свое велъ, Руссіаны, Роксоляны, Роксаны, Руѳоны, Россіаны и держава ихъ Россія» [2]). Здѣсь разница отъ Синопсиса, гдѣ приводятся разныя производства руссовъ отъ города Роси, отъ рѣки Роси, отъ русыхъ волосъ, но авторъ считаетъ самымъ достовѣрнымъ и приличнымъ производствомъ отъ разсѣянія (см. Стрыйковскаго, т. I, стр. 108 и слѣд., изд. 1846 г.); оба, и авторъ Синопсиса и авторъ Ядра, смѣшиваютъ сарматъ съ славяно-руссами, и производятъ имя славянъ отъ *славы*, которую предки наши заслужили воинскою храбростію [3]), причемъ авторъ Ядра опровергаетъ мнѣніе тѣхъ писателей, которые имя славянъ смѣшиваютъ въ значеніи съ италіанскимъ *schiavo* или *sclavo*, невольникъ, и ссылается на разсужденіе eruditissimi Vossii кн. 2 de vitiis sermonis, гдѣ онъ говоритъ, что слово *sclavo* происходитъ отъ плѣнныхъ славянъ. Потомъ слѣдуетъ перечень подвиговъ славянскихъ въ древности, гораздо пространнѣе, чѣмъ въ Синопсисѣ; прибавлены, между прочимъ, побѣды русскихъ надъ шведами; повторено о помощи славянъ Филиппу Македонскому и сыну его Александру [4]), который далъ имъ грамоту, золотыми словами писанную; авторъ Ядра прибавляетъ, что эта грамота и нынѣ хранится въ архивѣ султана Турецкаго. Основателей Кіева (Кія и брат. его) Ядро, согласно съ Синопсисомъ, ведетъ отъ Мосоха: «Правителей Россіяне изстари надъ собою имѣли князей и вождей, но за тѣмъ, что тѣ народы, больше въ войнѣ и непрестанныхъ походахъ упражняясь, и паче мечами своими по непріятельскимъ головамъ и шеямъ пишучи, грамоты, или писать встарину не знали, подлиннаго ихъ и порядочнаго послѣдованія изъявить и описать не можно» [5]). Согласно съ Синопсисомъ, Радимъ, Вятко и Дулѣбъ названы полководцами Кія, Щека и Хорива, равно какъ Аскольдъ и Диръ у обоихъ названы потомками Кія (см. Стрыйк. стр. 112). Призваніе варяговъ-руси описывается одинаково съ Синопсисомъ, т.-е. Стрыйковскимъ (стр. 113): Гостомыслъ убѣждаетъ призвать трехъ извѣстныхъ братьевъ; авторъ Синопсиса варяговъ называетъ славянами и чрезъ нѣсколько строкъ говоритъ, что князья Варяжскіе пришли отъ *отъ Нѣмецъ;* авторъ Ядра умалчиваетъ о народности варяговъ, и Рюрика производитъ отъ «сѣмени Прусса, двоюроднаго брата Кесаря Августа, и ихъ предковъ пришествіе изъ италійскихъ странъ было купно съ Палемономъ или Публіемъ Ливономъ, княземъ Римскимъ, въ котораго дружинѣ было 250 благородныхъ римскихъ лицъ, и четыре рода первѣйшихъ, Урсины, Коломны, Кесарины и Кентаври, въ

[1]) Стр. 10.

[2]) Стр. 11.—[3]) стр. 14.—[4]) стр. 20.—[5]) стр. 22.

корабляхъ моремъ Средиземнымъ около Гишпаніи и Франціи, чрезъ Атлантическій и Британскій океаны тѣснотами Зундскими и чрезъ Балтійское море дивнымъ жребіемъ Божіимъ въ полуночныя мѣста, гдѣ нынѣ Жмудь, Лифляндія и Курляндія»[1]). Сомнѣнія насчетъ этого преданія авторъ Ядра отстраняетъ слѣдующимъ образомъ: «Пусть судятъ какъ хотятъ, то истинная правда, что Палемонъ со многими князи Римскими въ полуночныя страны приплылъ; о чемъ многіе исторіописатели твердятъ, и всѣ лѣтописцы русскіе и литовскіе, хотябъ ихъ кто тысячу одни съ другими спустить хотѣлъ, объявляютъ» [2]) (см. Стрыйковскаго, 1, стр. 57 и 114, изд. 1846 года).

Синопсисъ не объявляетъ ничего о бездѣтной смерти Синеуса и Трувора; Ядро говоритъ, что, по смерти Синеуса, Бѣлозерская волость досталась младшему брату Трувору, по смерти котораго, вмѣстѣ съ Изборскою волостію, перешла уже къ Рюрику [3]). Въ Синопсисѣ повторено сказаніе начальнаго Кіевскаго лѣтописца о томъ, что Аскольдъ и Диръ были мужами Рюрика, у котораго отпросились идти въ Царьградъ, тогда какъ прежде сказано было, что Аскольдъ и Диръ были потомками Кія; желая согласить оба свидѣтельства, авторъ Синопсиса оговаривается такъ: «Бѣста у Рурика, князя Великоновгородскаго, нѣкая два нарочита мужа, о нихже не бѣ тамо извѣстно, аще идоша отъ колѣна основателя и перваго князя Кіевскаго Кія»[4]). Въ Ядрѣ мы не находимъ такого неловкаго соглашенія: здѣсь Аскольдъ и Диръ постоянно являются потомками Кія, самостоятельными князьями полянъ, безо всякаго отношенія къ Рюрику (см. Стрыйк. стр. 115). Согласно съ Синопсисомъ, т.-е. слово въ слово по Стрыйковскому, авторъ Ядра такъ отзывается объ нихъ [5]): «И такъ наслѣдіе *законныхъ* князей русскихъ Кіевскихъ, отъ колѣна Яфетова и Мосохова происшедшихъ, въ Оскольдѣ и Дирѣ, обманомъ Олега убитыхъ, скончалося, а изъ *иностранныхъ* князей иные государи на владѣніе и престолъ всея Россіи пришли Рурикомъ и сыномъ его Игоремъ». Въ обоихъ сочиненіяхъ, по слѣдамъ Стрыйковскаго (стр. 117), Ольга названа правнукою Гостомысловою; въ обоихъ подробно разсказывается поведеніе Ольги относительно древлянъ и въ Константинополѣ, но не упоминается о ея внутреннихъ распоряженіяхъ; при этомъ въ Ядрѣ помѣщено *политическое разсужденіе о супружествѣ государей владѣтельныхъ* [6]); для образца приведу отзывъ автора Ядра объ Ольгѣ: «Ольга паче мужественныхъ монарховъ мужественною показалася, какъ богатырыня, которая Вавилонской Семирамидѣ и Іудейской Юдиѳѣ, Артемизіи Карійской и Галикарнаской, Аглинской Елисаветѣ и прочимъ героинямъ сравняться по достоинству можетъ; понеже непріятелей крѣпко побивъ, вѣрою христіанскою Россію просвѣтивъ, молода послѣ мужа оставшись, чисто и честно живъ, и за другаго, хотя царя Греческаго, который того искалъ, посягнуть не хотѣвъ, такого вмѣненія удостоилася, и сына Святослава родила храбраго, многажды Грековъ спесивыхъ послѣ того побившаго». Слѣдующія княженія описаны одинаково съ Синопсисомъ, т.-е. съ Стрыйковскимъ, почти исключительнымъ источникомъ и Синопсиса и Ядра. При исчисленіи женъ Владиміровыхъ въ Ядрѣ мать Бориса и Глѣба названа княжною Болгарскою [7]), тогда какъ въ Синопсисѣ и у Стрыйковскаго сказано просто: отъ Болгарыни. Послѣ описанія побѣды русскаго богатыря надъ печенѣжскимъ, авторъ прибавляетъ: «Кромѣ сего Яна многіе иные храбрые и славные богатыри были у в. князя Владиміра: Илія Ивановичь Муромецъ, котораго тѣло даже донынѣ въ пещерахъ Кіевскихъ лежитъ нетлѣнно; Рогдай, который на 300 непріятелей одинъ вооруженъ напущалъ, Александръ Поповичъ, Андріанъ Добрянковъ, Добрыня и прочіе» [8]).

Вслѣдъ за описаніемъ крещенія Земли Русской авторъ Ядра приводитъ свидѣтельство Стрыйковскаго (см. Стрыйков. стр. 130) о гербѣ *Россійскаго самоначальства* надъ Пропонтидою съ надписью, содержащею похвалу Св. Владиміра; потомъ сказку о происхожденіи *Холопьяго городка*, найденную въ старыхъ русскихъ лѣтописцахъ и у Герберштейна. При раздачѣ волостей сыновьямъ Владиміра читаемъ, что Тмутаракань нынѣ называется Астрахань; что Смоленскъ данъ Станиславу, которому Владиміръ «нарекъ по смерти своей владѣть Кіевомъ и Берестовымъ княженіями» [9]) (у Стрыков. стр. 152 прибавлено: Судиславу Псковъ, а Позвизду Волынь; имъ же, какъ младшимъ, по смерти своей, Кіевъ и Берестовъ назначилъ). Объ Ярославлѣ Новгородскомъ говорится, по Стрыйковскому, что онъ «не бывъ удѣломъ своимъ, отъ отца даннымъ, доволенъ, на прочіихъ братій своихъ княжества нападать началъ»; потомъ нанялъ варяговъ и печенѣговъ и захватилъ съ ними нечаянно Кіевъ; Владиміръ, узнавъ объ этомъ, выслалъ сына своего Бориса противъ печенѣговъ, а самъ между тѣмъ умеръ въ Берестовѣ; по смерти Владиміра, Святополкъ и Борисъ поразили Ярослава, послѣ чего Святополкъ занялъ Кіевъ и замыслилъ братоубійство [10]). Раздѣленіе волостей между сыновьями Ярослава въ Ядрѣ показано правильно, тогда какъ въ Синопсисѣ, по Стрыйковскому, Игорю данъ Смоленскъ и Владиміръ, а Вячеславу Псковъ и Великій Новгородъ [11]). О событіяхъ по смерти Ярослава Великаго въ обоихъ сочиненіяхъ неправильно: въ Синопсисѣ Всеславъ Полоцкій названъ Вышеславомъ, княземъ Польскимъ; въ Ядрѣ онъ смѣшанъ съ Вячеславомъ Ярославичемъ Смолен-

[1]) Стр. 27.—[2]) стр. 29,—[3]) стр. 31. Изборскъ въ Синопсисѣ иначе назыв. Сворцами, по Стрыйк.—[4]) стр. 24.—[5]) Стр. 35.—[6]) стр. 47.

[7]) Стр. 60.—[8]) стр. 64.—[9]) стр. 79.—[10]) стр. 80.—[11]) Впрочемъ Стрыйковскій оговаривается, что, по Мѣховію, Игорю достался Владиміръ, Вячеславу Смоленскъ.

скимъ. Въ Ядрѣ смѣшанъ также Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Великаго, съ Ростиславомъ Всеволодовичемъ, братомъ Мономаха, и Володарь съ Василькомъ являются дѣтьми послѣдняго [1]). О Владимірѣ Мономахѣ авторъ Ядра отзывается слѣдующимъ образомъ: «Многія смятенія и междоусобія, между князьями Русскими удѣльными бывшія, усмирилъ; иныхъ войною, иныхъ грозою и совѣтомъ въ союзство привелъ, и тѣмъ государство Русское, бѣдствующее и отъ несогласія, убивствъ и междоусобныхъ войнъ сыновъ и наслѣдія Владиміра Великаго, Самодержца Россійскаго, всю Россію святымъ крещеніемъ просвѣтившаго, раззоренное воздвигнулъ. Поистиннѣ онъ отъ погибели своимъ мечемъ всѣ княженія Русскія разорванныя, храбростію и промысломъ своимъ паки въ едино тѣло и самодержавство совокупилъ, несогласныхъ князей укротивше» [2]). Послѣ Мономаха авторъ перечисляетъ его потомковъ, отъ старшаго сына Мстислава, описываетъ судьбу Галицкой Руси; потомъ перечисляетъ потомство втораго сына Мстислава Великаго, Ростислава Смоленскаго; преемство князей въ Кіевѣ, по смерти Мономаха, обозначено въ короткихъ словахъ до Юрія Долгорукаго; при описаніи княженія послѣдняго автору «не безъ дѣла быть показалося, коротко и обще дать вѣдать о Уложеніи, котораго нынѣ всѣ Европскіе народы употребляютъ, и имъ правятся, откуда оно взято: и зане въ сіи времена, сіесть во время владѣнія въ Кіевѣ Ярополка Владиміровича, сына Мономахова, то вѣдѣніе приказнаго дѣла Римскаго въ Италіи, въ году отъ Р. Х. 1135, свершилось, и потому здѣсь о томъ помянуть достойно мнится» [3]). Послѣ краткой исторіи Римскаго права авторъ опять обращается къ Русскимъ князьямъ, которые «къ властолюбію будучи чрезмѣрно склонны, въ покоѣ сами ужиться не могли, и инымъ такожде покоя не давали» [4]). Но какъ ни странны иногда отступленія автора Ядра, какъ ни ошибочны бываютъ иногда его показанія, все онъ несравненно выше автора Синопсиса, который, слѣдуя постоянно литовскимъ и польскимъ источникамъ, преимущественно Стрыйковскому, перемѣшиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначащее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи; такъ, напр., говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, поясъ и шапку княжую отъ старосты Кафинскаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что всѣ эти вещи были присланы Мономаху изъ Византіи; Романъ Ростиславичъ Смоленскій смѣшанъ съ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ; о сѣверной Руси мы не находимъ ничего въ Синопсисѣ, и послѣ взятія Кіева Батыемъ авторъ прямо переходитъ къ описанію Мамаева побоища; это описаніе занимаетъ слишкомъ 50 страницъ (тогда какъ во всей книгѣ только 224 страницы); потомъ, послѣ Мамаева побоища, авторъ обращается опять къ Батыю, къ его походамъ на западъ; перечисляетъ князей сѣверныхъ и южныхъ, говоритъ о перенесеніи митрополичьяго престола изъ Кіева прямо въ Москву(!), о взятіи Кіева Гедиминомъ, о раздѣленіи митрополіи, объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, о превращеніи княжества Кіевскаго въ воеводство, о присоединеніи Кіева къ Москвѣ—кратко, въ общихъ чертахъ, и оканчиваетъ свою книгу Чигиринскимъ походомъ. Но авторъ Ядра, послѣ разсужденія о Римскомъ правѣ, обращается къ сѣверной Руси, куда видитъ перенесеніе Всероссійскаго престола, и приводитъ причину этого перенесенія: «Главнѣйшій престолъ Всероссійскій изъ Кіева въ городъ Владиміръ перенесенъ такимъ случаемъ, что какъ о Кіевѣ, начальнѣйшемъ Русскомъ княженіи, не по наслѣдству, но силою князи побочные добиваться, а особно князи Переяславскіе, съ помощію иныхъ какъ большой Руси, такъ и Волынскихъ князей, доставать того стали, Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, хотя отъ того, что онъ боголюбивъ былъ, прозвище такое принялъ, и былъ благодушенъ, зѣло однако пылая властолюбіемъ, и желая сдѣлать себя надъ всею Россіею Самодержцемъ, престолъ себѣ во Владимірѣ утвердилъ» [5]). Послѣдующія событія на сѣверѣ показаны вѣрно, кромѣ мѣстъ: въ одномъ князь Михаилъ Юрьевичъ названъ княземъ Московскимъ [6]), въ другомъ князю Ивану Всеволодовичу данъ въ удѣлъ Стародубъ Сѣверскій [7]). Второе нашествіе татаръ описано неправильно: великимъ княземъ вмѣсто Юрія назнанъ Андрей, битва при Сити помѣщена прежде взятія Владиміра, и т. п. Послѣ разсказъ событій по княженіямъ почти вездѣ правиленъ; приведемъ отзывъ автора объ Іоаннѣ III, котораго онъ называетъ Грознымъ: «Іоаннъ Васильевичъ, сей великій князь Московскій, за великія свои добродѣтели, бдѣніе и попеченіе за соблюденіе государства, паче всѣхъ своихъ предковъ хваленія удостоился, и съ великимъ онымъ Владиміромъ Святославовичемъ, всея Россіи монархомъ, по справедливости сравниться достоинъ; зане изъ подъ неволи и ига Татарскаго, подъ которымъ прежніе Русскіе князи стенали, себя и Русь всю попеченіемъ и промысломъ своимъ высвободилъ, а воздаятельно Золотую Орду подъ свое послушаніе покорилъ, Казань, Пермь, Лаппонію, Югорію, Болгары на Волгѣ, Заволжскія страны на востокъ солнца даже до моря Хвалынскаго, себѣ часть подъ послушаніе, часть подъ власть привелъ; съ шведы, а особно съ лифляндцами и финнами, щастливую войну велъ; отъ Литовскаго княжества съ 70 городовъ великихъ и малыхъ возвратилъ подъ Русскую державу, и завоевавъ Великій Новгородъ и прочія Русскія княженія, въ одно монархіи Россійской тѣло привелъ и совокупилъ. Въ своемъ государствѣ излишнія пированія, а особно пьянство, именнымъ своимъ указомъ запретилъ. И толь великими

[1]) Стр. 96.—[2]) стр. 100.—[3]) стр. 110.—[4]) стр. 120.

[5]) Стр. 122.—[6]) стр. 125.—[7]) стр. 128.

добродѣтельми, которыми отъ природы одаренъ былъ, сталъ всѣмъ окрестнымъ сосѣдямъ страшенъ; послѣ котораго самоначальство русское весьма утвердилось и пришло въ цвѣтущее состояніе [1])». Для образца, какъ авторъ сокращаетъ извѣстія, можно привести разсказъ его о семейныхъ распоряженіяхъ Ивана III: «Первому сыну своему, князю Іоанну Іоанновичу, которой отъ первой его супруги Маріи Михайловны (т. е. Борисовны), князя Михаила (т. е. Бориса) Тверскаго дочери, ему родился, далъ во удѣлъ Тверское княженіе, который какъ преставился, отецъ князь Іоаннъ Московскій престолъ назначилъ дать въ удѣлъ сыну его, а своему внуку, Димитрію Іоанновичу. Но какъ о семъ увѣдомилась вторая его супруга Софія Ѳомична, къ мужу своему ласковыми словами приступила, и испросила у него, чтобъ онъ сына Василія, отъ нея перворожденнаго, вмѣсто внука Димитрія, на главнѣйшій престолъ Московскій посадилъ. Итакъ великій князь Василій Іоанновичь еще при жизни отца своего Москвою владѣть вмѣстѣ съ отцемъ началъ [2])». Причиною жестокости Іоанна IV выставлено поведеніе бояръ во время его малолѣтства: «Владѣли государствомъ бояре, которыхъ несоюзство, зависть и ненасытное мздоиманіе и лихоимство дало причину, чтъ какъ великій князь Іоаннъ Васильевичь потомъ возмужалъ, и въ лѣты и разсужденіе пришелъ, и такія неправости разсмотрѣлъ, нѣсколько жестоко и чрезъ обычаи свирѣпо къ нимъ, а послѣ того и къ прочимъ своимъ подданнымъ поступалъ [3])». Въ Ядрѣ встрѣчаемъ, при описаніи царствованія Грознаго, первое извѣстіе о *Поганой* книгѣ: «Царь Іоаннъ Васильевичь, на мѣсто искорененныхъ въ Новгородѣ во время того разоренія дворянскихъ многихъ родовъ, выбралъ нѣсколько семей изъ княжескихъ и первѣйшихъ боярскихъ дворовъ, ихъ людей; и на побитыхъ помѣстья въ Новогородскомъ уѣздѣ поселилъ, сдѣлавъ ихъ дворянами Новогородскими. Ихъ имена записаны въ книгѣ, называемой *Поганая*, которая есть въ Москвѣ на Государевѣ Каменномъ дворѣ, и въ Новѣгородѣ въ Приказѣ [4])». Князь Щербатовъ подтверждаетъ это извѣстіе, прибавляя, что Поганая книга написана дьякомъ Китаевымъ [5]). О поступкахъ Бориса Годунова встрѣчаемъ въ Ядрѣ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Какъ царь Ѳеодоръ Іоанновичь, въ томъ же году ходилъ въ Троицкій монастырь, въ его отсутствіи Москва, по наученію Бориса Годунова, зажжена, и которыхъ дворы сгорѣли, тѣхъ Борисъ чрезъ совѣтниковъ своихъ научилъ, чтобъ били челомъ о вспоможеніи ему Борису, а не царю Ѳеодору Іоанновичу, и тѣхъ всѣхъ Борисъ наградилъ и надѣлилъ, а все то дѣлалъ задобряя себѣ народъ, чего ради и со всѣмъ родомъ Шуйскихъ, за которыхъ народъ его хотѣлъ убить, примирился, но для виду только, и ласково съ ними поступилъ, чрезъ что у нихъ сдѣлалъ, что они въ народъ дали знать себя довольными быть Бориса Годунова дружбою [6])». Здѣсь же встрѣчаемъ подтверждаемое нѣкоторыми хронографами извѣстіе о сценахъ при избраніи Годунова, напр. о моченіи глазъ слюнями вмѣсто слезъ [7]). Встрѣчаемъ также извѣстіе, что князь Василій Шуйскій обличалъ Лжедимитрія въ самозванствѣ въ самый день въѣзда его въ Москву [8]). При описаніи царствованія Шуйскаго упоминается о какомъ-то казацкомъ полковникѣ *Истомѣ*, который, въ началѣ царствованія, нагналъ сильный страхъ на Москву; Болотниковъ названъ Попутникомъ [9]). При описаніи поступковъ Сигизмунда III съ московскими послами, Филаретомъ и Голицынымъ, читаемъ: «Держалъ ихъ девять лѣтъ въ земляныхъ тюрьмахъ великою жестокостію, не давъ пить и ѣсть, и для того тогда они простой воды ведро по 5 рублевъ купили [10])». При описаніи междуцарствія помѣщено извѣстіе о побѣдѣ Полянскаго; вотъ какъ читается все мѣсто: «Поляки (по убіеніи втораго самозванца), съ совѣтомъ и помощію Михаила Салтыкова, достальныхъ ратныхъ людей русскихъ съ Москвы по городамъ разослали, рѣшетки по улицамъ разрубили, русскимъ людямъ съ саблями и съ пищальми ходить не велѣли, и дровъ толстыхъ, а особно бревенъ къ Москвѣ возить запретили. Сами поляки, по улицамъ ходя, московскихъ гражданъ рубили и мучительски побивали, такъ что русское трупье по улицамъ валялося, ряды всѣ и домы гражданъ выграбили, Москву многажды зажигали, и такое дѣлали утѣсненіе, что русскимъ людямъ отъ нихъ нанесеннаго страданія описать не можно. По уѣздамъ и по другимъ городамъ такоежъ разореніе и грабежъ отъ нихъ былъ, котораго русскіе стерпѣть не могли, самихъ поляковъ и ихъ начальниковъ множество, обороняя себя, побивали. Въ тожъ время одного воеводу изъ Русскихъ князей, который у поляковъ и русскихъ измѣнниковъ былъ приводцемъ, такъ поразилъ и разбилъ Иванъ Васильевъ сынъ Полянскій, что онъ насилу самъ съ нѣсколько своихъ ратныхъ людей къ Москвѣ ушелъ [11])». Потомъ съ большими подробностями разсказываетъ авторъ о взятіи Новгорода Делагарди: причина тому заключается въ тогдашнемъ положеніи цѣлаго русскаго народа, боровшагося со шведами, и въ положеніи самого автора въ особенности: настоящая вражда заставила живѣе припомнить непріязнь древнюю; описавъ неправды шведскаго полководца, авторъ продолжаетъ: «На тѣ грабленныя имѣнія новогородскія де ла Гардіе въ Стокгольмѣ превеликія палаты, мѣдью покрытыя, гдѣ нынѣ арсеналъ и кирка или церковь св. Іякова, ни Нордермалмѣ, построилъ; за то однакъ обманство и сребролюбіе такъ отъ Бога сердцевидца на казанъ сталъ, что когда уже церковь помянутая совсѣмъ отдѣлана была, а онъ смотрѣть ее приходилъ, какъ изъ нее вышелъ, въ томъже мгновеніи ослѣпъ. Тѣмъ

[1]) Стр. 216.—[2]) стр. 217.—[3]) стр. 227.—[4]) стр. 244.—[5]) Ист. рос. VIII, стр. 227.

[6]) Стр. 258.—[7]) стр. 264.—[8]) стр. 292.—[9]) стр. 316, 317.—[10]) стр. 334.—[11]) стр. 340.

же грабленнымъ новогородскимъ имѣньемъ де ла Гардіе построилъ великій и богатый каменный замокъ не далече отъ Стокгольма, который отъ его имени называли прежде сего Якобсъ-Даль, а нынѣ Улриксъ-Даль называется, и чрезъ то награбленное въ Руси богатство де ла Гардіевы потомки въ Швеціи очень цвѣли и въ знать вышли. Часто помянутый де ла Гардіе въ грабленіе новогородцевъ и иныхъ русскихъ городовъ жителей вводившись, и святыя мѣста, церкви и монастыри грабить, а разграбивъ жечь велѣлъ, гдѣ и посвященнымъ сосудамъ не щажено; зане потири и дискосы браны были грабительными руками, и не только украшенія иныя церковныя и оклады луплены были, но и свѣчи восковыя изъ церквей и монастырей взяты и вывезены въ Швецію, какихъ двѣ толстыя въ Вестероскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ графа Пипера, зовомой Энгшю, 2 мили отъ Вестероса, въ церкви тамошней я самъ въ году отъ Р. 1714 видѣлъ, изъ которыхъ на одной около верховья надписано русскими словами: «Лѣта 7113, генваря въ 7 день, Кирилъ Кириловъ сынъ, стрѣлецкій пятидесятникъ въ Рядовѣ на Крестцѣ въ Великомъ Новѣгородѣ, по обѣщанію своему, поставилъ въ дому Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія свѣчу мѣстную на краскахъ, 1 съ половиною пудъ вѣсомъ». На другой: «Лѣта 7117, іюня въ 30 день, на Встрѣтенкѣ, пятидесятникъ въ Стрѣлецкой слободѣ, въ Великомъ Новѣгородѣ, Чудинцовѣ монастырѣ Великомученицы Параскевы, нареченные Пятницы, свѣчу мѣстную на краскахъ поставилъ, вѣсомъ 1 съ половиною пудъ [1])... Нынѣ, читатель благохотный, правду и истинну шведскаго народа передъ русскими разсудишь, когда подумаешь, какъ господа Шведы въ такое смутное время на помощь противъ поляковъ призваны, и такъ публично, сіесть уступленіемъ Корѣлы города и уѣзда, какъ и приватно отъ царя Василія Шуйскаго богатыми поминки самъ де ла Гардіе и его войска надарены, сами враждебно противъ Руси войну подняли; и разсмотришь, имѣли ли причину государи Русскіе по времени сіе отомстить, и войну праведную противъ Шведской короны во отмщеніе двигнуть, а особно когда примѣчаемъ оное политическое правило, что неправедно отнято и владѣно было, то праведнымъ оружіемъ отыскать и возвратить достоитъ... Сіи то теперь помянутыя подлинныя и вѣдомыя съ шведской стороны Руси дѣланныя обиды суть ближайшая вина войны, которую Царь Петръ Алексіевичъ въ году отъ Р. Х. 1700 противъ Шведской земли поднялъ, желая неправду праведнымъ оружіемъ отсудить; и для того Богъ его праведное оружіе частыми надъ непріятелемъ побѣдами увѣнчать изволилъ».

Въ остальномъ разсказѣ, доведенномъ до 1712 года, не находится ничего особенно замѣчательнаго; мы приведемъ только послѣднія строки, въ которыхъ заключается отзывъ о Петрѣ Великомъ: «Сей Государь Царь Петръ Алексѣевичь своимъ неусыпнымъ промысломъ державу Русскую отъ непріятелей оборонилъ; народъ неученый, который всякими свободными науки прежде брезговалъ, въ ученость привелъ; а чтобъ то удобнѣе сдѣлалъ, самъ, какъ выше сказано, въ иные государства странствовалъ, и молодыхъ господъ изъ подданныхъ своихъ въ Италію, Францію, Германію и индѣ посылалъ; училища многія въ Руси завелъ, всякихъ художествъ, какъ гражданскихъ, такъ и воинскихъ, подданныхъ своихъ научиться привелъ, и однимъ словомъ сказать, всю Русь художествы и вѣдѣніемъ просвѣтилъ, и будто снова переродилъ. Воистинѣ, по преславнымъ и всему свѣту удивительнымъ дѣламъ Его Величества, какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и въ многотрудныхъ войнахъ, и надъ непріятелями побѣдахъ, похвальныхъ въ старинѣ Навуходоносоровъ Вавилонскихъ, Кировъ Перскихъ, Александровъ Великихъ Македонскихъ, Улиссовъ Греческихъ и славныхъ ихъ дѣлъ превосходитъ, почемубы и исторію о семъ государѣ подробно изслѣдовать и по достоинству описать надлежало: но меня отъ того по сіе время удержало, что, будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жестокимъ арестомъ, едва вышеписанное къ объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, принужденнымъ нахожуся перо покинуть, и прочее для описанія преславнаго нашего Монарха безсмертныхъ дѣлъ другимъ оставить».— Къ сочиненію приложено описаніе гербовъ державы Россійской, и уѣздовъ, въ ней содержимыхъ.

Обративъ вниманіе на средства автора Ядра Россійской Исторіи, и сравнивъ это сочиненіе съ предшествовавшимъ ему опытомъ, Синопсисомъ Гизеля, мы не усумнимся дать ему почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ немъ безъ затѣйно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части Русской Исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ, и Ядро оставалось относительно самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію Русской исторіи: этимъ объясняется то, что оно достигло четырехъ изданій (1770, 1784, 1791, 1799).

II. Василій Никитичъ Татищевъ.

Чтобъ понять характеръ дѣятельности Татищева, нужно обратиться къ характеру той знаменитой эпохи, къ которой принадлежалъ онъ, эпохи преобразованія. Великій царь созидалъ все, и самъ безъ устали работалъ надъ всѣмъ, чтобъ удовлетворить вдругъ, какъ можно скорѣе потребностямъ юнаго государства. Петръ нуждался въ многочисленномъ сонмѣ сотрудниковъ даровитыхъ; онъ набралъ ихъ, но эти сотрудники не были приготовлены къ извѣстнымъ, опредѣленнымъ родамъ дѣятельности; онъ послалъ ихъ приготовляться,

[1]) Стр. 354 и слѣд.

учиться за-границу, но дѣлъ было больше, чѣмъ людей, и потому систематическое распредѣленіе занятій было невозможно: взявшись за одно дѣло, видѣли, что съ нимъ соприкасается нѣсколько другихъ необходимыхъ приготовительныхъ занятій, за которыя нужно было также взяться; одна работа вела къ другой, и одинъ дѣятель долженъ былъ удовлетворять вдругъ нѣсколькимъ потребностямъ; призванъ ли, приготовленъ ли былъ къ нимъ дѣятель?—на эти вопросы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нельзя было обращать большаго вниманія: ревность и талантъ должны были замѣнять приготовленіе. Мы знаемъ, чѣмъ долженъ былъ заниматься Ломоносовъ, призванный собственно къ занятію одніми естественными науками. Ломоносова сравниваютъ, въ этомъ отношеніи, съ Петромъ Великимъ. Но многообразіе дѣятельности необходимо проистекало для всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей изъ состоянія юнаго общества, было необходимо по множеству дѣла, по недостатку даровитыхъ и образованныхъ дѣятелей; развѣ одинъ Ломоносовъ подвергся этой участи? его многообразная дѣятельность только виднѣе вслѣдствіе высокой степени его таланта; ни одинъ ученый, ни одинъ писатель того времени не могъ быть спеціалистомъ. Ту же участь должны были раздѣлить и цѣлыя учрежденія: Академія, по словамъ самого Устава, долженствовала быть и Академію Наукъ, и университетомъ, и гимназіею. Таковъ былъ характеръ эпохи.

Общая участь постигла и Татищева. Онъ былъ два раза отправляемъ Петромъ за-границу для изученія горнаго дѣла; какъ онъ воспользовался своимъ пребываніемъ за границею, какими обладалъ способностями, и какъ развилъ эти способности трудомъ, свидѣтельствуютъ важныя услуги, оказанныя Татищевымъ горному дѣлу въ Россіи. Но если Татищевъ былъ человѣкъ дѣятельный и даровитый, то онъ, въ эпоху преобразованія, не могъ ограничиться однимъ какимъ нибудь занятіемъ, и вотъ горный чиновникъ, впослѣдствіи Астраханскій губернаторъ, является первымъ собирателемъ и критикомъ матеріаломъ Русской исторіи. Какъ же это случилось? Быть можетъ, Татищевъ чувствовалъ въ себѣ измлада призваніе къ историческимъ трудамъ, измлада любилъ посвящать имъ свои досуги? Быть можетъ, онъ родился историкомъ, и только по служебнымъ обязанностямъ долженъ былъ заниматься горнымъ дѣломъ?—Нисколько! Татищевъ самъ разсказываетъ, что графъ Брюсъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, занимался составленіемъ полной и вѣрной Русской Географіи; сперва Татищевъ только помогалъ Брюсу въ этомъ дѣлѣ, а потомъ долженъ былъ одинъ взять на себя географическіе труды. Ставши разбираться въ нихъ хозяиномъ, Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя успѣть въ составленіи полной и вѣрной географіи,—и вотъ онъ начинаетъ заниматься Русскою исторіею, собираетъ лѣтописи, дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, потому что самъ знаетъ эти два языка: изъ книгъ же, написанныхъ на языкахъ, ему неизвѣстныхъ, заставляетъ переводить все, относящееся въ Россіи. Легко понять, какого труда стоило это Татищеву, нисколько не приготовленному къ своему новому занятію; но Татищевъ былъ человѣкъ даровитый, труда не боялся, что видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Причина начатія сего моего труда хотя отъ графа Брюса: но въ продолженіи такъ многому сисканію и произведенію главнѣйшее было желаніе воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному Государю, Его Императорскому Величеству Петру Великому за его высокую ко мнѣ показанную милость, якоже къ славѣ и чести моего любезнаго отечества». Цѣлью Татищева, какъ человѣка умнаго, понимавшаго свои средства и способности, вовсе не было написаніе прагматической Русской исторіи: онъ хотѣлъ только собрать матеріалы и разобраться въ нихъ; разсмотримъ же, какъ онъ это сдѣлалъ, и какъ въ его трудахъ отражается вѣкъ съ своими понятіями и состояніе тогдашняго общества.

Предложивъ во введеніи понятіе исторіи, подъ которою разумѣетъ *дѣянія* въ смыслѣ всѣхъ явленій и приключеній, а не однихъ только дѣлъ человѣческихъ; предложивъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую и ученую, Татищевъ переходитъ къ пользѣ Исторіи. Изъ сочиненій другихъ писателей видно, какъ встрѣчены были науки у насъ въ эпоху преобразованія, какъ ученые и писатели должны были, сообразуясь съ понятіями вѣка, настаивать на *полезность* наукъ. Было много людей, которые толковали о безполезности вообще всѣхъ наукъ; но такъ какъ очевидный опытъ показалъ пользу нѣкоторыхъ наукъ для удобствъ житейскихъ, то, не будучи въ состояніи спорить противъ пользы всѣхъ наукъ вообще, обратились противъ тѣхъ, которыя не удовлетворяли прямо матеріальнымъ потребностямъ: въ числѣ этихъ послѣднихъ наукъ, разумѣется, была исторія; вотъ почему Татищевъ говоритъ: «О пользѣ исторіи не потребно бы толковать, которую всякъ видѣть и ощущать можетъ: однакожъ какъ нѣкоторые не обыкли о вещахъ внятно и подробно разсматривать и разсуждать, много кратъ отъ повреждения ихъ смысла полезное вреднымъ, а вредное полезнымъ поставляютъ, слѣд. въ поступкахъ и дѣлахъ погрѣшаютъ, какъ то мнѣ такихъ о безполезности исторіи не безъ прискорбности разсужденія слышать случалось, и для того я за полезно разсудилъ о томъ кратко изъяснить». Какъ же Татищевъ разсуждаетъ о пользѣ исторіи? Разумѣется, согласно съ понятіями вѣка, онъ разсуждаетъ о ея полезности, выставляетъ ея значеніе, какъ науки опыта только, а не какъ науки народнаго и человѣческаго самопознанія: по его мнѣнію богословъ, юристъ, медикъ, администраторъ, дипломатъ, вождь не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей

безъ знанія исторіи. Не могши возвыситься до понятія объ исторіи, какъ науки народнаго и человѣческаго самопознанія, Татищевъ и его современники не могли опредѣлить точно значенія и пользы отечественной исторіи. Вычисливъ пользу исторіи, какъ науки опыта, для разныхъ званій, Татищевъ говоритъ: «Что собственно о пользѣ Русской исторіи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области знаніе своей собственной исторіи и географіи весьма нужнѣе, нежели посторонпихъ». Это почему?—не сказано, да и не слѣдуетъ изъ предыдущаго, если исторія есть только наука опыта, и полезна только въ этомъ одномъ отношеніи.

Не будучи въ состояніи, вслѣдствіе господствовавшихъ понятій вѣка, высказать ясно пользу отечественной исторіи, Татищевъ, упомянувъ объ этой пользѣ слегка, переходитъ къ пользѣ изученія русскимъ иностранной, а иностранцамъ Русской исторіи, собственно для лучшаго обработанія науки исторической; но это уже совершенно другой вопросъ. Здѣсь онъ показываетъ, что одни отечественные источники недостаточны для составленія вполнѣ безпристрастной исторіи, потому что отечественные писатели, въ своихъ сужденіяхъ, могли руководствоваться любовію или страхомъ. Западно-европейскіе историки безъ знанія Русской исторіи никакъ не могутъ уяснить себѣ исторіи древнихъ народовъ, обитавшихъ въ областяхъ нынѣшней Россіи; притомъ иностранцы только чрезъ изученіе Русской исторіи могутъ получить средства опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. Здѣсь же, между прочимъ, Татищевъ сообщаетъ извѣстіе о понятіяхъ русскихъ, своихъ современниковъ объ отечественной исторіи. Въ это время для русскихъ чужое было доступно, свое скрыто: исторію чужихъ народовъ было легко изучить; свою невозможно; свое прежнее являлось все болѣе и болѣе во враждебномъ видѣ, потому что представители его, старое поколѣніе людей, своимъ сопротивленіемъ новому порядку, своими выходками противъ просвѣщенія, все болѣе и болѣе вооружало противъ себя новое поколѣніе, которое, враждуя, смотря съ презрѣніемъ на представителей, не могло не враждовать, не смотрѣть съ презрѣніемъ и на время, ими представляемое. Старина была синонимомъ невѣжества, тьмы; твердили, что только съ начала XVIII вѣка появился свѣтъ и разогнана тьма; отсюда необходимо низкое мнѣніе о прошедшемъ, мнѣніе, что у нашихъ предковъ не могло быть ничего порядочнаго, какъ было у другихъ народовъ; отсюда понятны намъ слѣдующія слова Татищева: «Хотя насъ Европскіе историки тѣмъ порицаютъ, яко бы мы исторій древнихъ не имѣли, и о древности своей не знали, для того что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны; а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое либо обстоятельство перевели, то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: *сему нѣкоторые наши невѣдущіе согласуютъ*, а нѣкоторые, не хотя въ древности потрудиться, и не разумѣя подлиннаго сказанія, яко бы для лучшаго изъясненія, но паче для потемнѣнія истины, басни сложа, внесли и сущую правость сказанія древнихъ закрыли». Второе было необходимымъ слѣдствіемъ перваго.

Разсужденіе свое о пользѣ исторіи Татищевъ заключаетъ обычнымъ въ то и позднѣйшее время указаніемъ нравственной пользы отъ исторіи: «Сія то есть потребность Исторіи, но что всякому человѣку нужно знать, что можно легко уразумѣть, что въ исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмысленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ: изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать».—За этимъ слѣдуетъ указаніе вспомогательныхъ наукъ для исторіи, раздѣленіе ея по содержанію (общія, пространныя, участныя, особенныя исторіи), по времени; потомъ разсужденіе о качествахъ, необходимыхъ для историка; здѣсь читаемъ: «Одни мнятъ, что непотребно болѣе, какъ довольное читаніе и твердая память, а къ тому внятной складъ; другіе мнятъ, что невозможно не во всей философіи обученому Исторію писать; но я мню сколько первое скудно, столько другое избыточественно; однакожъ обоихъ кратко отвергнуть нельзя, понеже подлинно писателю много книгъ, какъ своихъ, такъ иностранныхъ читать, и что читалъ, то памятовать нужно; но сіе еще недостаточно, властно какъ человѣкъ домовитый къ строенію дому множество потребныхъ припасовъ соберетъ и въ твердомъ хранилищи содержитъ, дабы, когда что потребно, могъ взять и употребить, но къ тому потребно *смыслъ*, чтобъ прежде начатія опредѣленіе о распорядкѣ строенія и употребленія по мѣстамъ пристойнымъ припасовъ положить, а безъ того строеніе его будетъ или нетвердо, нехорошо, непокойно; тако къ писанію Исторіи весьма нужно свободный смыслъ, къ чему наука Логика много пользуетъ; другое сужденіе чтобъ яко строитель могъ разобрать припасы годные отъ негодныхъ, гнилые отъ здоровыхъ, тако писателю Исторіи нужно съ прилѣжаніемъ разсмотрѣть, чтобъ басенъ за истину, и неудобныхъ забытія не принять, а паче беречся предразсужденія, и о лучшемъ древнемъ писателѣ, для котораго науку критики знать не безнужно; третье, какъ всякое строеніе требуетъ украшенія, такъ всякое сказаніе краснорѣчія и внятнаго въ немъ сложенія, которому наука Риторика наставляетъ». За разсужденіемъ о качествахъ историка слѣдуютъ правила исторической критики. Здѣсь, говоря о преимуществѣ своихъ писателей предъ иностран-

ными, Татищевъ замѣчаетъ, что для послѣднихъ большимъ препятствіемъ служитъ языкъ: «понеже многихъ обстоятельствъ иногда не выразумѣвъ и безъ пристрастія легко погрѣшить можетъ, а паче имены людей, мѣстъ, и проч. Въ нашей Исторіи и Географіи весьма для сего три языка, Татарскій, Сарматскій (финскій) и Словенскій достаточно знать нужно, а по малой мѣрѣ лексиконы полные или переводчиковъ для помощи искусныхъ имѣть».

Послѣ изложенія правилъ исторической критики Татищевъ перечисляетъ источники Русской Исторіи, раздѣливъ ихъ: 1) на общіе или генеральные, къ которымъ относитъ: a) Несторовъ временникъ, b) Степенную книгу, c) Хронографъ, d) Синопсисъ съ продолжателями; 2) Предѣльные, т. е. мѣстныя лѣтописи; 3) Акты; 4) Участные, т. е. біографіи, описанія отдѣльныхъ событій, житія Святыхъ. Краткіе отзывы о разныхъ перечисленныхъ источникахъ вообще правильны; между матеріалами Татищевъ упоминаетъ и о такихъ сочиненіяхъ, которыя были извѣстны ему только по имени, и которыхъ, несмотря на всѣ старанія, онъ нигдѣ не могъ достать; таковы: лѣтопись Смоленская, Луговскаго—описаніе походовъ Царя Алексѣя и судъ надъ Никономъ, Лихачева—жизнь Царя Өедора Алексѣевича. Но если самъ Татищевъ откровенно говоритъ, какія книги у него были и какія онъ знаетъ только по имени, подробно разсказывая какія изъ нихъ находились у кого изъ извѣстныхъ людей, то, видя такую добросовѣстность, имѣемъ ли право обвинять его въ искаженіяхъ, подлогахъ, и т. п.? Еслибъ онъ былъ писатель недобросовѣстный, то онъ написалъ бы, что все имѣлъ въ рукахъ, все читалъ, все знаетъ. Мы имѣемъ полное право въ его сводѣ лѣтописей принимать одно, отвергать другое, но не имѣемъ никакого права въ неправильности нѣкоторыхъ извѣстій обвинять самого Татищева. Непонятно, какъ смотрѣли на исторію Татищева позднѣйшіе писатели, позволявшіе себѣ выставлять его, какъ выдумщика ложныхъ извѣстій. Какъ видно, они пренебрегли первымъ томомъ не обратили вниманія ни на характеръ, ни на цѣль труда, и взявшись прямо за второй томъ, смотрѣли на его содержаніе, какъ на нѣчто въ родѣ Исторіи Щербатова, Елагина, Эмина. Мы же, съ своей стороны, должны произнести о Татищевѣ совершенно противоположный приговоръ: важное значеніе его состоитъ именно въ томъ, что онъ первый началъ обработываніе Русской Исторіи, какъ слѣдовало начать; первый далъ понятіе о томъ, какъ приняться за дѣло; первый показалъ, что такое Русская Исторія, какія существуютъ средства для ея изученія; Татищевъ собралъ матеріалы и оставилъ ихъ неприкосновенными, не исказилъ ихъ своимъ крайнимъ разумѣніемъ, но предложилъ это свое крайнее разумѣніе поодаль, въ примѣчаніяхъ, не тронувъ текста.

Сперва Татищевъ началъ-было сочинять исторію «историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ мѣстъ къ одному дѣлу, и нарѣчіемъ такимъ, какъ нынѣ наиболѣе въ книгахъ употребляемъ». Но ясный смыслъ, къ счастію, заставилъ Татищева перемѣнить свое намѣреніе: онъ нашелъ въ спискахъ лѣтописи разногласія, причемъ, сочиняя исторію, разумѣется, долженъ былъ выбирать; кромѣ того, списки находились въ разныхъ рукахъ, отчего затериваются, ссылаться на нихъ нельзя, «и естьлибъ», по словамъ Татищева, «нарѣчіе и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобъ и вѣроятности не погубить». Это заставило Татищева свести всѣ списки «тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковый въ древнихъ находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, ни убавливая изъ нихъ ничего, кромѣ ненадлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія святыхъ, чудеса, явленія, и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ: такожъ ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отличалъ вмѣстительною». Потомъ думая, что такой сводъ будетъ невразумителенъ для большинства читателей, и особенно неудобенъ для перевода на иностранные языки, Татищевъ перевелъ его на употребительный въ его время языкъ, подлинникъ же отдалъ въ Академію Наукъ.

Послѣ исчисленія матеріаловъ, Татищевъ предлагаетъ раздѣленіе своего труда на четыре части: первая заключаетъ извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ—скиѳовъ, сарматовъ и славянъ, до 860 года; вторая заключаетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій отъ 860 года до нашествія татаръ; третья—отъ татаръ до Іоанна III; четвертая отъ Іоанна III до царя Михаила. Татищевъ хотѣлъ остановиться на избраніи царя Михаила, во-первыхъ, потому, что событія, начиная съ этого времени, еще въ свѣжей памяти, и писать исторію новой династіи никому не будетъ трудно; во-вторыхъ, потому, что «въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые естьли писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя, погубить истинну и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно». При этомъ Татищевъ говоритъ, что книгъ, могшихъ служить ему руководствомъ, собралъ онъ болѣе 1000; жалуется на недостатокъ искусныхъ переводчиковъ, на неправильность польскихъ сочиненій, искажавшихъ древнія имена переводомъ ихъ на новыя; говоритъ, что принесли ему пользу лексиконы—Буддеевъ всеобщій историческій, Генсіусовъ или Мартиньеровъ географическій, Байлевъ историческій критическій, но жалуется, что относительно Русской исторіи въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго извѣстія, ибо иностранцы не знаютъ Русской исторіи и географіи: «и они въ томъ невинны», прибавляетъ Татищевъ, «когда того и у насъ нѣтъ».

Введеніе свое Татищевъ заключаетъ указаніемъ причины всѣхъ приключеній и дѣяній: эта причина, по его мнѣнію, есть умъ, или отсутствіе его, глупость; разсчету ума слѣд. Татищевъ подчиняетъ все: отсюда сухость, жесткость въ приговорахъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ, непониманіе, неумѣнье оцѣнить нѣжнаго нравственнаго чувства, которое иногда заставляетъ человѣка дѣйствовать вопреки разсчетамъ ума [1]). Этотъ взглядъ объясняетъ намъ также нѣкоторые поступки автора, о которыхъ сохранились преданія [2]).—Умъ просвѣщенный называетъ Татищевъ разумомъ; въ исторіи онъ замѣчаетъ три способа всемірнаго умопросвѣщенія: изобрѣтеніе буквъ, пришествіе Іисуса Христа на землю, изобрѣтеніе книгопечатанія [3]).

Таково содержаніе Введенія. Такъ какъ первымъ способомъ умопросвѣщенія Татищевъ положилъ изобрѣтеніе письменъ, то первая глава первой части заключаетъ разсужденіе *О древности письма Славянъ*. Здѣсь Татищевъ вооружается противъ писателей, которые утверждали, что письменность на Руси началась очень поздно; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заподозриваетъ свидѣтельство западныхъ славянскихъ лѣтописцевъ о древности письменъ славянскихъ; согласенъ, впрочемъ, допустить, что русскіе славяне имѣли письмена до Кирилла: къ этому побуждаетъ его древній законъ Русскій (Русская Правда), въ которомъ, по его мнѣнію, «рѣченія и обстоятельства включены, которыхъ за долго до Владиміра и нигдѣ у славянъ во употребленіи уже не было, но были въ самой древности». Если были письмена, то могла быть и исторія: у Нестора Татищевъ находитъ слѣды, что лѣтописецъ имѣлъ передъ собой книги, иначе онъ не могъ знать о пришествіи славянъ на Дунай, о нашествіи волоховъ, и проч.; договоры съ греками со словъ такъ порядочно написаны быть не могли, по словамъ автора.

Такъ какъ второй способъ умопросвѣщенія есть христіанство, то вторая глава заключаетъ разсужденіе *О идолослуженіи бывшемъ*, «ибо, по словамъ автора, порядокъ требуетъ показать, что прежде пріятія закона Христова было, ибо, не зная зла, не можно внятно о добрѣ разсудить, или не представя чернѣйшаго, не легко можно познать разность бѣлизны». Миѳологія славянъ и въ наши времена представляетъ самую недостаточную, необработанную часть славянскихъ древностей, слѣд. мы не имѣемъ права ожидать отъ Татищева большаго выясненія этого предмета; замѣтимъ одно любопытное мнѣніе, которое повторилось въ наши времена: Татищевъ думаетъ, что божества кіевскія, поименованныя у начальнаго лѣтописца, не были славянскія, но сарматскія (финскія) или варяжскія. Въ наши времена тѣ изслѣдователи, которые держатся односторонняго мнѣнія объ исключительности скандинавскаго вліянія въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, объясняютъ всѣ явленія его изъ скандинавской національности, дошли ндобходимо до мысли, что и богослуженіе руссовъ было не славянское.—Въ слѣдующей (третьей) главѣ Татищевъ разсуждаетъ о крещеніи славянъ и Руси, замѣчаетъ о проповѣди Апостола Андрея, что если Апостолъ водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ, то еще не слѣдуетъ предполагать проповѣди и крещенія народа, о которыхъ ни слова не говоритъ преданіе.

Глава IV заключаетъ знаменитую Іоакимовскую лѣтопись. И за эту лѣтопись, какъ за нѣкоторыя мѣста въ сводѣ, неотысканные въ извѣстныхъ намъ спискахъ, Татищева обвинили въ сочиненіи, въ подлогѣ, тогда какъ его нельзя упрекнуть даже и въ недостаткѣ критики, потому что онъ обязанъ былъ сводить всѣ извѣстія, бывшія у него подъ руками. Татищевъ разсказываетъ подробно, какимъ образомъ досталась ему Іоакимовская лѣтопись, и въ какомъ видѣ. Отыскивая повсюду историческія рукописи, онъ обратился съ вопросомъ къ свойственнику своему, Мелхиседеку Борсчову, архимандриту Бизюкова монастыря, вѣтъ ли чего и у него въ обители. Мелхиседекъ отвѣчалъ, что нигдѣ въ извѣстныхъ ему монастыряхъ нѣтъ никакихъ рукописей, но что одинъ монахъ Веніаминъ набралъ по монастырямъ и частнымъ домамъ много книгъ, и изъ своего собранія удѣлилъ ему, Мелхиседеку, три тетради, которыя онъ и отсылаетъ Татищеву. «Сіи тетради», говоритъ послѣдній, «видно, что изъ книги сшитой выняты по разметкѣ 4, 5 и 6, письмо новое, но худое, складъ старый, смѣшенной съ новымъ, но самой простой, и нарѣчіе новогородское: начало видимо, что писано о народахъ какъ у Нестора съ изъясненіями изъ польскихъ, но много весьма неправильно, яко Славянъ Сарматами и Сарматскіе народы Славянами именовалъ, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало, клалъ, въ чемъ онъ, вѣря польскимъ, обманулся. По окончаніи же описанія народовъ и ихъ поступковъ, зачалъ то писать, чего у Нестора нѣтъ, изъ которыхъ я выбралъ токмо то, чего у Нестора не находится, или здѣсь иначе положено». По внимательномъ разсмотрѣніи отрывка оказывается, что онъ составленъ въ позднѣйшія времена, но составитель имѣлъ въ рукахъ начальную Новгородскую лѣтопись, съ именемъ епископа Іоакима, или хотя и безъ имени, но съ ясными указаніями, что она написана этимъ епископомъ.—Въ разсказѣ о походѣ Аскольда на Царьградъ и слѣдствіяхъ его недостаетъ двухъ листовъ, на сторонѣ замѣтка: «утрачены въ лѣтописцѣ два листа». Оканчивается отрывокъ описаніемъ разсылки сыновей Владиміровыхъ: «Прочихъ женъ и дочерей даде въ жены ближнимъ своимъ, неимущимъ женъ, и запрети да всякъ»...—Получа отрывокъ, Татищевъ послалъ къ Мелхиседеку съ просьбою доставить самую книгу, откуда выдрана лѣтопись; но въ отвѣтъ получилъ извѣстіе, что

[1]) Такою же жесткостію отличается сужденіе, помѣщенное въ примѣчан. 213, 214.—[2]) См. у Голикова анекдоты о Петрѣ В. 104, 105.

[3]) Надобно замѣтить, что Татищевъ размѣщаетъ эти способы не по важности, а по времени.

Мелхиседекъ умеръ, и пожитки его расхищены или запечатаны. Послѣ этого Татищевъ просилъ своихъ пріятелей освѣдомиться о монахѣ Веніаминѣ у келейниковъ Мелхиседека; нашелся монахъ Веніаминъ, бывшій казначей покойнаго архимандрита: этотъ Веніаминъ никакихъ книгъ не собиралъ, но объ искомой книгѣ объявилъ, что она была у Мелхиседека, который разсказывалъ, что списалъ ее въ Сибири, а иногда говорилъ, что чужая и никому не показывалъ; на книгѣ переплета не было, но тетради связаны и обернуты кожей; послѣ въ пожиткахъ его книги не нашлось. Узнавъ изъ этихъ подробностей, что книга принадлежала самому Мелхиседеку, который берегъ ее какъ рѣдкость, Татищевъ и написалъ въ первомъ примѣчаніи: «Веніаминъ монахъ токмо для закрытія вымышленъ». И что же? Критики наши на этой замѣткѣ основали мнѣніе о подлогѣ, и обвинили въ немъ самого Татищева! Такой умный человѣкъ, какъ Татищевъ, сочиня лѣтопись и всѣ обстоятельства, какъ она ему попалась, вдругъ самъ признается, что онъ выдумалъ имя монаха Веніамина для закрытія! Теперь мы этимъ критикамъ предложимъ вопросъ: для чего было Татищеву сочинять Іоакимову лѣтопись? Богатый и знатный сановникъ съ какою цѣлію могъ прибѣгнуть къ такому средству? Для подтвержденія своихъ любимыхъ мыслей? Но какія его любимыя мысли подтверждаетъ Іоакимова лѣтопись? Развѣ въ примѣчаніяхъ онъ не опровергаетъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ? напр. въ 3 примѣчаніи вооружается противъ братства Славена и Скиѳа; потомъ Татищеву хотѣлось бы, чтобы Аскольдъ былъ сынъ Рюрика, пасынокъ его второй жены, матери Игоря; но въ Іоакимовой лѣтописи этого нѣтъ, и Татищевъ принужденъ прибѣгнуть къ натяжкѣ (примѣч. 29). Можно какъ угодно цѣнить такъ называемую Іоакимовскую лѣтопись, принимать ея извѣстія въ соображеніе при изслѣдованіяхъ или не принимать,—это другое дѣло; но никакъ не должно обвинять Татищева за то, что онъ сохранилъ намъ отрывокъ, во всякомъ случаѣ любопытный, или приписывать ему самому подлогъ; надобно только удивляться осторожности Татищева, благодарить его за подробное описаніе отрывка и обстоятельствъ, при которыхъ онъ ему достался, потому что онъ могъ бы внести извѣстія Іоакимовой лѣтописи въ текстъ свода, и въ примѣчаніяхъ ссылаться на нее, точно такъ какъ ссылается на Раскольничій списокъ и другіе, намъ неизвѣстные; но вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Я намѣренъ былъ все сіе въ Несторову дополнить, но разсудя, что мнѣ ни на какой манускриптъ извѣстный сослаться нельзя, и хотя то вѣрно, что сей архимандритъ, яко мало грамотѣ изученъ, сего не сложилъ, да и сложить все неудобно, ибо требуется къ тому человѣка многихъ книгъ читателя, и въ языкѣ Греческомъ искуснаго; къ тому много въ ней находится чего я ни въ одномъ древнихъ Несторовыхъ манускриптахъ не нахожу, а находится въ прологахъ и Польскихъ исторіяхъ, которыя, какъ Стрыковскій говоритъ, изъ Русскихъ сочинили... Сего ради я сію выписку особною главою положилъ» [1]).

Въ главѣ V помѣщено изслѣдованіе о Несторѣ. Татищевъ положилъ начало изслѣдованіямъ о Несторѣ, первый утвердилъ за нимъ начальную Кіевскую лѣтопись: «Безсумнѣнно есть, что Несторъ творецъ тоя лѣтописи»; первый указалъ мѣсто, гдѣ Несторъ долженъ былъ остановиться; первый указалъ на позднѣйшія вставки, и хотя указанныя имъ мѣста болѣе принадлежатъ начальному лѣтописцу, чѣмъ другія; но здѣсь важны пріемы, взглядъ на дѣло, а не частныя замѣчанія, которыя могутъ быть невѣрны, или спорны. Въ главѣ VI говорится о послѣдовавшихъ Нестору лѣтописателяхъ: въ VII—о рукописяхъ, употребленныхъ при сводѣ: подробное описаніе всѣхъ списковъ, которыми пользовался Татищевъ, уничтожаетъ всякое подозрѣніе въ недобросовѣстности; въ VIII—о счисленіи времени и началѣ года: здѣсь объясняются запутанности въ нашихъ лѣтописяхъ, происшедшія отъ разнаго времясчисленія; въ IX—о происхожденіи, раздѣленіи и смѣшеніи народовъ. Здѣсь видно, какъ Татищевъ возвышался надъ своими современниками, съ презрѣніемъ отвергая старанія выводить руссовъ отъ библейскаго Роса, и т. п.; здѣсь же Татищевъ отозвался съ похвалою о нашихъ лѣтописцахъ за отсутствіе у нихъ генеалогическихъ басенъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ этнографическіе толки, Татищевъ прямо приступаетъ къ тремъ народамъ, которые, по его мнѣнію, имѣютъ непосредственное отношеніе къ Русской исторіи—скиѳамъ, сарматамъ, подъ которыми разумѣетъ финновъ, и славянамъ; но такъ какъ первое, что останавливаетъ историка при подобныхъ вопросахъ—это разнорѣчивыя показанія и смѣшенія именъ народныхъ у разныхъ авторовъ, то X главу Татищевъ посвящаетъ объясненію *Причинъ разности званій народовъ*, изслѣдованіе, по тому времени, превосходное. Въ главѣ XI заключается изслѣдованіе объ имени и жилищахъ Скиѳовъ; въ XII изложены извѣстія Геродота о Скиѳахъ, Сарматахъ и другихъ народахъ. Главы эти снабжены поясненіями и замѣчаніями Татищева: между ними попадаются любопытныя извѣстія изъ жизни современнаго автору общества; напр. въ 24 примѣчаніи къ IV главѣ, по поводу сна Гостомысла, Татищевъ говоритъ: «Намъ такихъ вымысловъ отъ суевѣрныхъ пустосвятовъ, льстецовъ и лицемѣровъ слыхать нерѣдко случалось, каковыхъ могъ бы я много съ довольнымъ доказательствомъ привести, да едино токмо вспомяну, которое многимъ вѣдомо, а никому въ обиду быть не можетъ. Дворъ царицы Прасковьи Ѳедоровны отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ: между мно-

[1]) Елагинъ свидѣтельствуетъ (Опытъ Нов. о Россіи, стр. 101), что «Крекшинъ открылъ древнюю рукопись Іоакима, перваго Новгородскаго Епископа, изъ которой потомъ рачительный господинъ Татищевъ, *не могшій цѣлыя достать*, оставилъ намъ перечень въ первой части своей лѣтописи».

гими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичъ, сумазбродной подъячей, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали, да не токмо при немъ какъ послѣ его предсказанія вымыслили; онъ императрицѣ Аннѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахинею, и называлъ ея Анфисою, а послѣ какъ Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы онъ ей задолго корону провѣщалъ». Въ примѣчаніи 50 къ главѣ XII, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ невровъ, Татищевъ замѣчаетъ: «У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили. Въ 1714 году, ѣдучи я изъ Германіи чрезъ Польшу, въ Украйнѣ заѣхалъ въ Лубны, къ фельдмаршалу графу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сорѳку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилася. Я хотя много представлялъ, что то неправда, и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ; я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ ту бабу видѣть, и ея къ покаянію увѣщать, по которому послалъ онъ со мною адъютантовъ своихъ». Татищеву удалось усовѣстить вѣдьму, и она призналась, что все взвела на себя напрасно, и ни въ чемъ не виновата, кромѣ обмановъ и леченія нѣкоторыми травами.

Въ главѣ XIII помѣщены извѣстія Страбона; въ XIV — Плинія; въ XV — Птоломея; въ XVI — Константина Порфиророднаго, послѣднія по Байеру, съ примѣчаніями Татищева; въ XVII — Сѣверные писатели по Байеру; въ XVIII — Остатки Скиѳъ, Турки и Татара; отсюда ясно, кого разумѣлъ Татищевъ подъ именемъ скиѳовъ — племена турецкія; здѣсь Татищевъ хозяинъ, и въ ничьей помощи не нуждается; въ главѣ XIX — разность Скиѳовъ и Сарматъ; въ XX — Сарматъ имя, произшествіе и обиталище; въ XXI — Сарматы по Русской и Польской исторіямъ; въ XXII — оставшіе Сарматы; здѣсь съ финскимъ племенемъ смѣшано латышское; въ XXIII — о Гетахъ, Готахъ, и Гепидахъ: Татищевъ отличаетъ гетовъ отъ готѳовъ; послѣднихъ причисляетъ къ сарматамъ, первыхъ, вмѣстѣ съ ѳраками, даками и енетами, къ славянамъ. Къ этой главѣ Татищевъ почелъ за нужное присоединить слѣдующее примѣчаніе: «Въ Польскихъ историкамъ есть главная и всѣмъ имъ общая погрѣшность, что Хронологіи и Географіи въ ихъ сказаніяхъ не наблюдали, и тѣмъ немалое смятеніе наносятъ, а отъ недостатка достаточныхъ публичныхъ библіотекъ нерѣдко авторовъ неисправно приводятъ, для котораго есть небезопасно ихъ приводамъ вѣрить, но нужно тѣхъ самыхъ авторовъ смотрѣть». Въ XXIV — О Кимбрахъ и Киммерахъ; въ XXV — о Болгарахъ и Хвалисахъ; у древнихъ Аргипеи и Исседони. Татищевъ не хочетъ допустить мнѣнія, что болгары получили свое названіе отъ Волги (волгары), потому что русскимъ не нужно мѣнять букву *в* на *б*, и потому производитъ имя болгаръ отъ имени главнаго ихъ города; Хвалисовъ считаетъ за одно съ козарами. Въ XXVI — О Печенѣгахъ, Половцахъ и Торкахъ — всѣ три народа причисляются къ Сарматамъ; въ XXVII — объ Уграхъ и Обрахъ: угры принимаются за гунновъ, обры — за аваровъ, древнѣйшее ихъ имя — Исседоны; въ XXVIII — объ Аланахъ, Роксоланахъ, Рокаланахъ, Аланорсахъ и Литаланахъ: отвергается мнѣніе, что роксоланы — славяне и предки русскихъ. Въ XXIX — о древней Руси. Здѣсь разсматриваются скандинавскія названія древней Руси, встрѣчающіяся въ сагахъ; въ этой главѣ обращаютъ наше вниманіе слова Татищева, гдѣ высказывается взглядъ его на нѣкоторыя извѣстія лѣтописи: опровергнувъ басню о войнѣ скиѳовъ съ холопями, Татищевъ продолжаетъ: «Нѣкоторые наши писатели, неосторожно отъ иностранныхъ древностей взявъ въ Русскіе вносили и присвояли, знатно думая, что другіе тѣхъ не знаютъ, и впредь знать не будутъ, подобно какъ старые и ветхіе лоскутья къ своему новому къ бѣлому платью для разпещренія пришивали, которое не токмо явно неправо, но и непристойно, яко избавленіе Милета Тразибуломъ изъ Геродота Бѣлуграду, Владиміру Мономаху поединокъ съ Корсунскимъ воеводою изъ Геродотажъ, и пр. Но я еще къ сей холопьей войнѣ нечаянно досталъ прочитать исторію града Ростова, она не токмо ветха, но и по письму и бумагѣ мню болѣе 200 лѣтъ писана; въ ней о семъ пространнѣе нежели индѣ находится: мѣсто тоже, что въ лѣтописи Муромской. Колязинъ монастырь разумѣетъ быть холопій градъ. Сказуетъ, что къ сраженію у вождей и у царей Скиѳскихъ были трубы, литавры и сурны, а у холопей одни свирѣли и рожки пастушьи; Скиѳъ предводители Стражиміръ, Громиславъ и Бедиславъ: у холопей Загуми, Разрывай и Угоняй; оружіе у царей самострѣлы и мечи обоюду остры; у рабовъ сабли и луки холопіи, и проч. Правда, что вымыселъ не худъ, какъ имена музыки и ружье по пристойности людей положилъ, токмо знатно онъ того не зналъ, что тогда литавръ, не говорю о самострѣлахъ, не было; другое, что Скиѳы не были Славяне, потому именъ Славенскихъ употреблять не могли. Сія погрѣшность у многихъ вымышляющихъ находится, какъ о Славенскихъ Князяхъ вымышленныхъ Новгородцами въ гл. I показано. Онъ же имя Ростова отъ роста производитъ, не справясь, оной градъ прежде въ тѣхъ мѣстахъ населившихся Славянъ былъ ли, а народъ въ томъ предѣлѣ былъ Сарматской Меря или Мордва, какъ Несторъ точно сказуетъ; такожe и другіе многія басни и чудеса внесъ, однакожъ въ сей исторіи есть нѣколико и нужднаго, особливо какимъ порядкомъ оное княженіе Великимъ Князямъ пришло, и какіе въ томъ способы и распри съ Ярославскими Князи были, въ оной описаны, что въ дополненіе и для ясности третіей части весьма нужно».

Въ главѣ XXX говорится о Руси, Рутенахъ, Ро-

ксаніи, Роксоланіи и Россіи: руссы суть сарматы или финны; Русь по сарматски значитъ *черлмный* или *красный*; у финновъ былъ главный городъ *Старая Руса;* славяне пришли въ финскіе предѣлы, покорили тамошнее народонаселеніе, и построили *Новый Городъ*; Татищевъ отвергаетъ указаніе на библейское *Рось*, принимая это слово въ значеніи *главы* или *верховности*. Глава XXXI содержитъ изслѣдованіе о Варягахъ: Рюрикъ есть князь Финляндскій; Руссы — финны, они же могутъ быть причислены и къ варягамъ вмѣстѣ съ скандинавами, потому что это названіе промысла (разбойничества), а не народное. Надобно замѣтить впрочемъ, что эта глава самая запутанная у Татищева; видно, самъ авторъ не ясно еще опредѣлилъ для себя происхожденіе варяговъ-руси; гораздо яснѣе опровергнуто мнѣніе о происхожденіи призванныхъ князей изъ Славянской Вагріи и изъ Прусъ. Глава XXXII содержитъ изслѣдованіе Байера о Варягахъ; къ этой главѣ, какъ видно по нумерамъ, были присоединены примѣчанія Татищева, но въ печатной книгѣ ихъ нѣтъ. Въ XXXIII главѣ говорится о Славянахъ: здѣсь выражена подтвержденная теперь мысль о древности славянъ въ Европѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они до сихъ поръ обитаютъ: «Хотя подлинно о старости званія сего, сколько мнѣ извѣстно, прежде Прокопія не упоминается, но народъ безъ сумнѣнія такъ старъ, какъ всѣ прочіе; и хотя оное прежде за отдаленіемъ Римлянамъ знаемо не было, однакожъ то вѣроятно, что оное весьма древнее, и всѣмъ того языка или по малой мѣрѣ по Днѣстру и Днѣпру обще употребляемо было, да и на Сѣверъ не поздо перенеслось; а по удѣламъ каждый предѣлъ особно именовался, какъ въ Европѣ около Дуная и въ Азіи многихъ разныхъ Славенскихъ званій народовъ задолго прежде Прокопія находилось, что у древнѣйшихъ землеописателей находимъ». Дальнѣйшее разсужденіе, гдѣ авторъ отвергаетъ обычное тогда производство отъ Мосоха и прочія, можетъ служить, по тому времени, образцомъ здраваго смысла, яснаго взгляда на предметъ. Отвергнувъ производство Москвы отъ Мосоха, Татищевъ говоритъ: «Я правѣе разумѣю быть имя Москвы рѣки Сарматское *болотная*, ибо въ вершинѣ оной болотъ не мало, или *крутящаяся*, ибо весьма криво многими и великими излучинами течетъ, и отъ того оное произошло; и градъ Моква построенъ въ 1154 году отъ рѣки имя получилъ, а до того о Москвѣ ничего у Русскихъ не упоминалося».

Въ главѣ XXXIV говорится о древнихъ жилищахъ и прехожденіи Славянъ подъ разными именами; здѣсь Татищевъ увлекся авторитетомъ Ѳеофана Прокоповича (который амазонокъ сдѣлалъ славянами), впалъ въ общую современную болѣзнь словопроизводства: доказывая пребываніе славянъ въ Сиріи, Татищевъ хочетъ найти въ еврейскомъ языкѣ славянскія слова, и въ славянскомъ еврейскія, и Моисей объясняется чрезъ слова дочери Фараоновой *мой сей*; такъ и осторожный Татищевъ заплатилъ дань вѣку.—Въ XXXV главѣ говорится о Енетахъ: это переводъ третьей главы Бѣльскаго съ примѣчаніями и поправками Татищева; здѣсь въ 11 примѣчаніи онъ говоритъ слѣдующее о происхожденіи Малороссійскихъ Черкасъ: «Оные прежде изъ Кабардинскихъ Черкесъ въ 14 стѣ въ княжествѣ Курскомъ, подъ властію Татаръ, собравши множество зброда, слободы населили, и воровствомъ промышляли, и для многихъ на нихъ жалобъ Татарскихъ губернаторомъ на Днѣпръ переведены, и градъ Черкасы построили, потомъ усмотря Польское безпутное правленіе, всю малую Русь въ Козаки превратили, гетмана или атамана избравъ, всѣ Черкесы именовались, а при Царѣ Іоаннѣ на Донъ съ княземъ Вишневецкимъ перешли, градъ Черкаской построили». Въ 14 примѣчаніи Татищевъ отвергнулъ существованіе грамоты Александра Македонскаго, данной славянамъ.— Въ XXXVI главѣ—о Болгарахъ и Козарахъ: болгаръ, пришедшихъ съ Волги, и поселившихся на Дунаѣ между славянами, Татищевъ считаетъ однородцами послѣднихъ; для объясненія причины перехода славянъ отъ Волги на Дунай Татищевъ приводитъ слѣдующее извѣстіе изъ степенной Новгородской книги, примѣняя это извѣстіе вмѣсто ильменскихъ славянъ къ волжскимъ: «Увѣдавъ Славяне о утѣсненіи Славяномъ на Дунаѣ живущимъ отъ Грекъ и Волотовъ (Римлянъ), подъявшеся съ домы своими, идоша на помощь онымъ, побѣдиша Грекъ и Волотами обладаша». — Козаровъ Татищевъ считаетъ также славянами. — Въ XXXVII главѣ говорится о восточныхъ славянахъ: здѣсь встрѣчаемъ попытку объяснить Птоломеевы народныя названія изъ славянскаго языка, которую въ наше время повторилъ Шафарикъ. Въ XXXVIII главѣ говорится о южныхъ Славянахъ, въ XXXIX— о западныхъ; въ XL—о сѣверныхъ; въ XLI — о языкѣ Славянскомъ и разности парѣчій. Здѣсь замѣчателенъ отзывъ Татищева о русскомъ языкѣ: «Мы хотя можемъ похвалиться, что нашъ языкъ многихъ полнѣе и плодовитѣе, и мню, что въ философіи, маѳематикѣ и прочихъ наукахъ не хуже Французскаго и Германскаго, но еще кратче изъяснить можемъ, что нѣкоторые члены Русской Академіи изданіемъ преизрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная реторика и другое, якоже Тредіаковскаго и господина Сумарокова стихотворенія хвалы достойны; однакожъ много такихъ видимъ, которые никакого языка не знаютъ, ниже своего достаточно учились, а чужихъ словъ въ реченіи и письмахъ со избыткомъ употребляютъ; а какъ они силы ихъ не знаютъ, такъ часто неправильно оныя кладутъ, и не въ той силѣ ихъ разумѣютъ, на что господинъ Сумароковъ изрядную сатиру издалъ». Въ XLII говорится о умноженіи и умаленіи Славянъ и языка ихъ. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: «Въ Греціи Славенской языкъ былъ въ такомъ употребленіи, какъ нынѣ въ Германіи Французскій; ибо не токмо министры и придворные знатные, но

сами Императоры онымъ говорить не гнушались, особливо же Константинъ Порфирогенитъ оной разумѣлъ. Да слышалъ я отъ ученаго Грека, что Императоръ Василій Македонянинъ нѣкоторую книгу историческую Славенскимъ языкомъ писалъ, которая до днесь у Патріарха хранится; но сіе въ сумнительствѣ, что никто о томъ не воспоминаетъ. Изъ всѣхъ Славянскихъ областей Рускіе Государи наиболѣе всѣхъ распространеніемъ и умноженіемъ языка Славенскаго славу свою показали, и хотя Славянъ во всей Руссіи до Рюрика было много, но пришествіемъ Рюрика съ Варяги родъ и языкъ Славенской былъ уничиженъ; блаженная же Олга будучи сама отъ рода князей Славенскихъ, народъ Славенской возвысила и языкъ во употребленіе общее привела. Таже пріятіемъ крещенія чрезъ Болгаръ и книги Славенскія церковные наиболѣе утвердила, отъ чего чрезъ много лѣтъ великимъ тщаніемъ Государей завоеванные Сарматскіе и Татарскіе предѣлы языкъ Славенорускій приняли, а свой прежній забыли, и почитаются за Славянъ, слѣдственно все сіе великое государство отъ моря Ледовитаго къ югу до Меотиса, а съ запада отъ рѣки Двины и Днѣпра на востокъ до Восточнаго океана и моря Тихаго, неиначе какъ за государство Славенское почестья можетъ, хотя между тѣмъ идолопоклонниковъ и Магометанъ и непріявшихъ крещенія не мало; но довольно есть причинъ, что не въ продолжительномъ времени оные остатки свои законы и языки оставятъ».— Въ главѣ XLIII говорится о географіи вообще и о Русской; въ XLIV—о древнемъ раздѣленіи Руссіи: по Татищеву, Великая Русь заключаетъ въ себѣ княжества: Новгородское, Псковское, Бѣлозерское, Полоцкое; Бѣлою Русью онъ называетъ Ростово-Суздальскую область, или послѣ область Московскаго государства, говоря, что древнѣйшія рукописи всю эту страну, кромѣ Смоленскаго княжества, Бѣлою Русью именуютъ. Кромѣ Червонной Руси, Татищевъ упоминаетъ еще о Черной, причемъ ссылается на нѣкоторыя грамоты царя Алексѣя Михайловича и на Стрыйковскаго.—Въ главѣ XLV—о древнемъ правительствѣ Русскомъ и другихъ въ примѣръ. Здѣсь говорится о происхожденіи общества; первое общество—мужъ и жена, второе родовое—родители и дѣти, третье домовное—господинъ и слуги. Въ этомъ мѣстѣ находится важное для юристовъ указаніе на извѣстія патріарха Іова и царя Василія Ив. Шуйскаго объ устройствѣ означеннаго общества. Четвертое общество, по мнѣнію Татищева, есть гражданство, имѣющее цѣлію взаимную защиту своихъ членовъ и раздѣленіе занятій. Выборъ лучшихъ для управленія дѣлами гражданства произвелъ аристократію; аристократы, не будучи между собою согласны, должны были поручить всю власть одному—явилась Монархія. Здѣсь опять встрѣчаемъ любопытное указаніе на собственную историческую дѣятельность Татищева и на одинъ важный древній актъ, для насъ потерянный: въ 1730 году Татищевъ подавалъ Верховному Тайному Совѣту письменное мнѣніе о необходимости возстановить монархическое неограниченное правленіе; при этомъ Татищевъ, по его собственнымъ словамъ, привелъ «достаточные приклады о монархіяхъ Ассирійской, Египетской, Персидской, Римской и Греческой, какъ правленія древнія и законы въ пользу общую хранили, дотолѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдамъ страшною представлялась; когда же подданные дерзнули для собственнаго любоимѣнія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось, о чемъ Царь Іоаннъ Грозный рѣчью, княземъ подъ власть монарха покореннымъ, преизрядно изъяснилъ». Съ этой точки зрѣнія Татищевъ смотритъ и на всю Русскую исторію; надобно замѣтить, что какъ въ этомъ отношеніи, такъ и во всѣхъ почти другихъ, Татищевъ, болѣе чѣмъ кто либо другой изъ его современниковъ, былъ питомцемъ Петра Великаго, съ которымъ онъ вполнѣ раздѣлялъ эту жажду государственнаго порядка, строгой подчиненности. Въ сочиненіяхъ Татищева видно вездѣ это благоговѣніе предъ государствомъ, которому, по мысли Петра, все долженствовало быть принесено въ жертву, безъ пощады преслѣдуетъ онъ въ исторіи всякое уклоненіе отъ общихъ государственныхъ интересовъ въ пользу интересовъ частныхъ; у Татищева есть любимое слово для означенія такихъ уклоненій—*безпутство:* безпутна въ его глазахъ древняя жизнь Новгородская, безпутны княжескія междоусобія, и т. д.—Что же касается до сочувствія къ Петру и его дѣлу, то Татищевъ сильно выражаетъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Все, что имѣю—чины, честь, имѣніе, и главное надъ всѣмъ разумъ, единственно все по милости Его Величества имѣю; ибо есть ли бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостію не ободрялъ, тобы я не могъ ничего того получить».— Въ остальныхъ четырехъ главахъ перваго тома Татищевъ говоритъ о Русскомъ гербѣ, о родословіи Государей Русскихъ, о іерархіи, причемъ, также согласно съ господствующими понятіями и направленіями вѣка, сильно вооружается противъ папской власти, и, между прочимъ, упоминаетъ о Спасскомъ училищѣ при Годуновѣ; въ послѣдней сорокъ девятой главѣ говоритъ о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ.

Таково содержаніе первой книги; остальныя заключаютъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій, снабженный примѣчаніями составителя; въ этихъ примѣчаніяхъ виденъ тотъ же здравый смыслъ и догадливость, которые обнаруживаются и въ приготовительномъ трудѣ; встрѣчаемъ такъ же любопытныя извѣстія о событіяхъ и памятникахъ, по другимъ источникамъ неизвѣстныхъ; приведемъ важнѣйшія изъ этихъ примѣчаній. Въ разсказѣ лѣтописца о раздѣленіи сыновъ Ноевыхъ, Татищевъ видитъ заимствованіе изъ греческаго писателя[1]); подъ влахами,

[1]) т. II, стр. 349.

вытѣснившими славянъ, разумѣетъ римлянъ, побѣдившихъ при Траянѣ даковъ [1]); указаны хронологическія затрудненія въ жизни в. к. Игоря [2]), такъ же въ Олеговомъ договорѣ съ греками [3]), о которомъ произнесенъ вѣрный приговоръ: «По обстоятельствамъ тогдашнихъ временъ сумнительства о договорѣ семъ невидимо, сіе же видимо, что съ Греческаго переведенъ на Славенской, или паче на Болгарской тогдашней языкъ, и во всѣхъ спискахъ кромѣ описокъ согласенъ». Опровергнуто извѣстіе о сватовствѣ императора Греческаго за в. к. Ольгу [4]); вѣрно замѣчено о различіи законныхъ и незаконныхъ дѣтей въ языческомъ и христіанскомъ бракѣ [5]); сообщено любопытное извѣстіе о Ярославовой грамотѣ, данной новгородцамъ: «О грамотѣ же уставной о податяхъ, въ которой Новгородцы сказують, о вольности ихъ написано, видимъ, что великіе о ней споры были, и Князь Великій Іоаннъ Васильевичъ оную, яко подложную, облича истребилъ, но удивительно, что съ нея списка нигдѣ не находится» [6]). Въ примѣчаніи къ извѣстію о приглашеніи в. княземъ Святополкомъ и Мономахомъ Олега Черниговскаго въ Кіевъ для полюбовнаго разобранія дѣлъ въ присутствіи духовныхъ властей и бояръ, Татищевъ сообщаетъ такъ же любопытное извѣстіе относительно Никоновскаго дѣла: «Сіе сказаніе Никонъ Патріархъ неправильно ко утвержденію власти духовной надъ Государи употребилъ, что ему тогда же довольно воображено, еже сіе тогдашнее нареченіе *предъ Епископы* не значитъ, яко судіями, но при Епископахъ и боярахъ, какъ Олегъ и то за обиду почелъ, чтобъ они при томъ присутствовали, хотя его отвѣтъ неправой; ибо такія дѣла наилучше чрезъ повѣренныхъ, нежели самимъ Государямъ разбирать, но то ясно, что они не яко судіи, но яко повѣренные, къ разобранію безпристрастному ссоръ, опредѣлены быть имѣли, а не судіи надъ Государи» [7]). Въ примѣчаніи къ извѣстію о примиреніи в. князя Ярополка и братьевъ его съ племянниками Мстиславичами, послѣ чего Юрій Долгорукій возвратился въ *Бѣлую Русь*, Татищевъ говоритъ [8]): «Бѣлая Русь въ семъ мѣстѣ первое въ раскольничьемъ и ростовскомъ манускриптахъ упомянута»; Татищева поражала странность этого названія для Сѣверной Руси, и потому онъ почелъ за нужное указать, въ какихъ спискахъ впервые находится это названіе: за такую осторожность его обвинили въ выдумкѣ, какъ будто ему была какая польза называть Сѣверную Русь Бѣлою. Не оставляя безъ объясненія почти ни одного явленія древней русской жизни, Татищевъ такъ говоритъ о посадникахъ и тысяцкихъ [9]): «Посадники сначала были отъ князей, которые потомъ намѣстники, нынѣ губернаторы именованы, съ начала же и намѣстники князи были, и для того надъ посадниками преимуществовали. Новгородцы по милости князей посадника себѣ сами изъ своихъ сущихъ гражданъ, или знатнѣйшаго шляхетства выбрали, которой у нихъ во всемъ княженіи главный былъ, подобенъ консулу или бургомистру Римскому, первое мѣсто по князѣ имѣлъ; *какая же ему властъ и сила была того нигдѣ въ исторіяхъ не описано*. Во время войны бывали два посадника, и старшій войскомъ управлялъ, иногда же оба, но въ разныя мѣста съ войскомъ ходили. Ихъ время неопредѣленное; нѣкоторые чрезъ много лѣтъ до смерти управляли, и иногда ихъ народомъ скидывали и убивали, домы ихъ грабили. Тысяцкой же во всякомъ княженіи былъ одинъ, яко генералъ надъ войскомъ. Они обыкновенный знакъ гривну златую и цѣпь на шеи носили». Здѣсь замѣтимъ выраженіе: «*какая же ему властъ и сила была, того нигдѣ въ исторіяхъ не описано*»; такъ не сталъ бы выражаться охотникъ до выдумокъ, особенно при такомъ удобномъ для нихъ случаѣ. Также объяснено званіе тіуна *судьею* по юридическимъ памятникамъ [10]); слово «бояринъ» объяснено изъ финскаго языка—*умная голова* или *умный человѣкъ* [11]). Какъ внимательно Татищевъ сводилъ извѣстія разныхъ рукописей и добросовѣстно увѣдомлялъ читателей о разностяхъ, видно изъ примѣчанія къ извѣстію о борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами при в. князѣ Всеволодѣ Ольговичѣ: «Здѣсь», говоритъ Татищевъ, я положилъ Печенѣги изъ Радивиловскаго и Раскольническаго, въ Никоновскомъ Черные Клобуцы, въ Голицынскомъ Торки, въ Новогородскомъ одномъ Берендеи» [12]). Такая же осторожность и добросовѣстность видны въ примѣчаніи къ извѣстію о походѣ Смоленскихъ князей на Полоцкихъ: «Сей походъ на князей Полоцкихъ находится въ одномъ Голицынскомъ; но тутъ конецъ утраченъ, и на сторонѣ того же писца рукою отмѣчено: *здѣсь утрачено*» [13]). Подъ 1197 годомъ замѣчено, что этимъ годомъ кончился манускриптъ Раскольничій, котораго конецъ утраченъ [14]). Послѣ извѣстія о предложеніи князя Романа Волынскаго замѣчено, что этого предложенія ни въ одной рукописи, бывшей въ рукахъ у Татищева, не находится, а сообщено Хрущовымъ, который выписалъ его изъ древняго лѣтописца въ Новгородѣ, и только древній слогъ отрывка заставилъ Татищева внести его въ сводъ [15]).

Таковъ трудъ Татищева, извѣстный подъ неправильнымъ названіемъ Исторіи Россійской. Изъ предложеннаго обзора видно его значеніе въ нашей исторической литературѣ. Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для

[1]) Стр. 351.—[2]) стр. 365.—[3]) стр. 377.—[4]) стр. 391. [5]) стр. 394.—[6]) стр. 424.—[7]) т. II, стр. 445.—[8]) стр. 468.—[9]) стр. 468.

[10]) Кн. III, стр. 489.—[11]) кн. III, ibid.—[12]) кн. II, стр. 472.—[13]) кн. III, стр. 489.—[14]) стр. 504.—[15]) стр. 505.

позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься Русскою исторіею. Кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ великія услуги Татищева, какъ перваго указателя; не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраніемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны; важность же этихъ извѣстій для науки становится день ото дня ощутительнѣе.

Несмотря однако на такое важное значеніе труда Татищева, трудъ этотъ былъ отвергнутъ современниками, и подвергся такой скорбной участи, какой, быть можетъ, мы не найдемъ еще другого примѣра въ лѣтописяхъ науки. Что трудъ Татищева былъ отвергнутъ современниками, это объясняется самою важностію его, которой тогдашнее общество не могло еще понять. Татищевъ необходимо долженъ былъ очутиться между двухъ огней: одни изъ современниковъ его, имѣвшіе понятіе о древнихъ и новыхъ историческихъ трудахъ, нашли трудъ Татищева страннымъ по формѣ; видя въ текстѣ свода одну лѣтописную перечень событій, отсутствіе краснваго разсказа, разсужденій и выводовъ самого автора, заключили, что послѣдній *не имѣетъ философіи*, что слѣд. трудъ ничтоженъ. Другіе судили совершенно иначе: для нѣкоторыхъ объяснять лѣтопись, или, что еще хуже, опровергать, казалось дерзостію необычайною; послушаемъ самого Татищева о пріемѣ, который получила его рукопись: «Какъ скоро я исторію сію въ порядокъ привелъ, и примѣчаніями нѣкоторыя мѣста изъяснилъ, прибывъ въ 1739 году въ С.-Петербургъ, многимъ оную показывалъ, требуя къ тому помощи и разсужденія, дабы могъ что пополнить, а невнятное изъяснить, такъ скоро я принужденъ былъ отъ разныхъ разныя разсужденія слышать, иному то, другому другое неправно было, что одинъ хотѣлъ, дабы пространнѣе и яснѣе написать, то самое другой совѣтовалъ сократить или совсѣмъ оставить... Одни предвергали недостатокъ во мнѣ наукъ, но тѣмъ я вышеобъявленное (что преславные философы въ сочиненіи исторій погрѣшаютъ, и не науки полезныя сочиняютъ) къ моему извиненію представилъ, разсуждая, когда они болѣе науками преисполнены, тобъ сами за сіе весьма нужное отечеству взялись и лучше сочинили; другіе о порядкѣ и складѣ порицали, которымъ кратко симъ изъяснилъ: что я не новое и не для увеселенія читающихъ краснорѣчивое сложеніе сочиняю, но отъ старыхъ писателей самымъ ихъ порядкомъ и нарѣчіемъ собиралъ, какъ они положили, а притомъ если что для изъясненія отъ иноязычныхъ нужно было, то я такъ переводилъ, чтобъ сущей разумъ онаго писателя показать, дабы сущія дѣянія или приключенія ясны и доказательны были, а о сладкорѣчіи и критикѣ не прилежалъ, а какъ въ философіи не ученъ, для того я всѣ дивныя чудесныя и недовольно вѣроятныя дѣла мало, или весьма не толковалъ, опасаясь, дабы за недостаткомъ оныхъ наукъ въ чемъ не погрѣшить. Вмѣсто же того прилежалъ, чтобъ необходимо къ гражданской исторіи нужныя обстоятельства, т. е. время—когда, мѣсто—гдѣ, и родъ государей или народовъ, о которыхъ сказуется, изъяснилъ; ежели же гдѣ моего мнѣнія или довода какая погрѣшность явится, то надѣюсь, что благоразумный можетъ легко презрить, разсуждая, что еще доднесь ни одна исторія, какимъ бы она мудрецомъ и въ наукахъ всѣхъ прославившимся сочинена ни была, никогда совсѣмъ совершенною не явилась, и отъ неученыхъ иногда полезное улучила. Чему въ примѣръ Несторъ преподобный: за его доброхотный къ отечеству трудъ вѣчной похвалы и благодаренія достоинъ; ибо естьли бы онъ начало не учинилъ, то бы можетъ и другой не скоро къ сочиненію онаго взялся. Для того какъ первыхъ, такъ другихъ не поносятъ, и порицать непристойно, но паче прилежать о томъ, чтобъ тѣ погрѣшности исправить и въ лучшее состояніе для пользы общей привести. Сихъ ради обстоятельствъ я меньше опасаюсь, чтобъ кто имѣлъ причину меня порицать, но паче надѣюсь, естьли кто изъ такихъ въ наукахъ превосходный, къ пользѣ отечества столько же какъ я ревности имѣющій, усмотря мои недостатки, самъ потщится погрѣшности исправить, темноты изъяснить, а недостатки дополнить, и въ лучшее состояніе привести, тотъ себѣ большее благодареніе, нежели я требую, пріобрѣсти имѣетъ. О предверженіи разсуждающихъ, яко бы мы древнихъ исторій довольно имѣемъ, переправлять оныя нѣтъ нужды, другіе разсуждаютъ, якобы древнихъ временъ исторій вновь лучше и полнѣе прежнихъ сочинить не можно, развѣ отъ себя что вымышлять, котораго ради, якобы все новосочиненное о древности, правымъ назвать не можно: но на сіе отвѣчаетъ сама сія собранная исторія, когда благосклонный читатель увидитъ дополненія, изъясненія и доказательства отъ такихъ древнихъ писателей, о которыхъ онъ прежде не думалъ, чтобъ въ такомъ отъ насъ отдаленіи о насъ или нашихъ предкахъ писали, да можетъ не токмо книгъ тѣхъ не читалъ, но именъ ихъ не слыхалъ, то онъ подлинно повѣритъ, что еще прилежному рачителю и въ другихъ потребныхъ къ тому языкахъ искусному болѣе сего обрѣсти, изъяснить и дополнить возможно, слѣд. сей мой трудъ, и познавъ причину моего начала, въ продерзость мнѣ не поставитъ».

Всѣ возраженія остались тщетными: Татищевъ не видалъ изданія своего труда; только въ 1769 году, при императрицѣ Екатеринѣ II, было приступлено къ изданію его исторіи; явленіе любопытное, многозначительное для историка: только при Екатеринѣ II вспомнили о трудѣ одного изъ рев-

ностныхъ сподвижниковъ Петра Великаго; книгѣ Татищева прилична та же надпись, которую читаемъ на извѣстной скалѣ: «Петру I Екатерина II». Изданіе было поручено Миллеру: онъ напечаталъ три книги по списку, наполненному неисправностями, потому что подлинникъ сгорѣлъ немного спустя по смерти Татищева; четвертую книгу Миллеръ не согласился издавать, потому что нашелъ ее болѣе другихъ искаженною; она была издана уже въ С.-Петербургѣ, въ 1784 г.[1]), и оканчивалась 1462 годомъ; догадывались, что, по расположенію Татищева, недоставало еще одной книги; она нашлась, и была напечатана Московскимъ Историческимъ Обществомъ въ издаваемыхъ отъ него «Чтеніяхъ». Остаются неизданными любопытныя записки о царствованіи Годунова, Лжедимитрія, царей Михаила и Алексѣя Михайловича, хранящіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Но злая судьба не переставала преслѣдовать трудъ Татищева: мало было того, что современники отвегли его при первомъ появленіи; мало было того, что его напечатали по смерти автора съ искаженнаго списка, и печатаніе было поручено человѣку, неспособному не только исправить искаженія, но даже уразумѣть настоящій смыслъ сочиненія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ непонятой смыслъ предисловія къ Ядру Россійской Исторіи: труду Татищева предстояло еще вытерпѣть ученыя нападки, быть отвергнуту наукою, прежде чѣмъ явиться съ настоящимъ своимъ важнымъ значеніемъ для послѣдней. Тщетно лучшій представитель Русской науки во вторую половину XVIII вѣка, талантливый Болтинъ повторялъ, что писатели Русской исторіи должны подражать *достопамятному* нашему Татищеву въ пріуготовительныхъ пріемахъ; тщетно твердилъ, что «Татищевъ не изъ головы своей писалъ, ибо не примѣчено, чтобъ онъ единое слово, не только рѣчь или цѣлое бытіе отъ себя къ тексту повѣствованія гдѣ прибавилъ, но токмо исправлялъ погрѣшности и пополнялъ упущенія изъ другихъ лѣтописей; своихъ мнѣнія и разсужденіе писалъ въ примѣчаніяхъ, а потому и повѣствованіе его достойно есть совершенныя довѣренности», юная историческая критика хотѣла на трудѣ Татищева испытать свои неопытныя силы, и вотъ объявлено *выдумкою* Татищева все то, что не согласовалось съ извѣстіями дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи. Явилась такъ называемая *скептическая школа:* заподозривая Нестора, скептики должны были заподозрить также Іоакима, за котораго поплатился Татищевъ: съ непостижимою въ наше время невнимательностію пробѣжавъ опровергаемый памятникъ, глумились надъ Іоакимомъ, глумились и надъ Татищевымъ, ставили его на ряду съ Елагинымъ, Эминымъ! Но это было уже послѣднее испытаніе; защитники Нестора вооружились и за Татищева [2]), а между тѣмъ наука возмужала; отдѣльныя изслѣдованія показали важность извѣстій, помѣщенныхъ въ сводѣ Татищева, и наступило время отдать должное знаменитому труженику.—Но, говоря о заслугахъ Татищева для Русской Исторіи вообще, нельзя не упомянуть также о заслугахъ его для исторіи Русскаго права; и здѣсь онъ является первымъ издателемъ памятниковъ и первымъ истолкователемъ ихъ; такъ приготовлены имъ къ изданію Русская Правда и Судебникъ Царя Іоанна съ дополнительными статьями [3]). Въ примѣчаніяхъ къ Судебнику видимъ первую попытку объяснить наши древніе юридическіе термины; намъ не нужно распространяться о важномъ значеніи первыхъ попытокъ въ наукѣ; и здѣсь, какъ во введеніи и въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей, разсѣяны любопытныя указанія на потерянные для насъ памятники и на современныя автору событія; такъ напр. читаемъ о мѣстныхъ законахъ [4]): «Какъ Князь Великій Василій Темный Ростовскимъ боярамъ велѣлъ судить по ихъ старымъ законамъ, такъ Іоаннъ Великій, по просьбѣ Рязанскихъ бояръ, позволилъ судить по ихъ законамъ. Таковыхъ я у князя Голицына (Дм. Мих.) видѣлъ собрано книга не малая».— И здѣсь заслуга Татищева увеличивается при сравненіи его понятій съ понятіями современниковъ о предпринятыхъ ихъ трудахъ; такъ онъ говоритъ въ предисловіи къ изданію Русской Правды и Судебника: «Не безъизвѣстно и сіе, что невѣдущіе пользы изъ того, оныя древности не токмо складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ; но ихъ и печатать болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны. Да оное никто мудрый не скажетъ, развѣ невѣдущій древностей, не токмо иностранныхъ, но и своихъ. По сей причинѣ мню не въ избытокъ изъяснить, что всякая древность къ знанію полезна, для котораго многіе мудрые люди съ великимъ тщаніемъ прилѣжатъ древнія исторіи собирать, и для пользы всѣхъ издавать».—Наконецъ Татищеву же принадлежатъ и первые труды по Русской Географіи [5]). Такова громадная дѣятельность Татищева, которому, наряду съ Ломоносовымъ, принадлежитъ самое почетное мѣсто въ исторіи Русской науки въ эпоху начальныхъ трудовъ.

III. М. В. Ломоносовъ.

При разсмотрѣніи дѣятельности Татищева мы видѣли, какъ въ эпоху начальныхъ трудовъ не

[1]) Первая часть первой книги издана при московскомъ Университетѣ въ 1768 году, другая въ 1769; вторая книга въ 1773, а третья въ 1774.

[2]) Самый правильный взлядъ на труды Татищева находимъ у г. Буткова въ „Оборонѣ Несторовой лѣкописи“.— [3]) Напечатаны въ Продолженіи Древ. Росс. Вивліое., ч. I. — [4]) ibid, стр. 6. — [5]) См. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей, т. II. стр. 190 и слѣд.

*

могло быть раздѣленія ученыхъ занятій, но всякій способный человѣкъ долженъ былъ заниматься вдругъ многими предметами, ибо дѣлъ было больше, чѣмъ способныхъ людей; мы видѣли, какъ горный чиновникъ Татищевъ отъ трудовъ географическихъ долженъ былъ перейти къ трудамъ историческимъ. Та же участь постигла и Ломоносова: величайшій изъ писателей вѣка не могъ не коснуться великаго дѣла—*открыть свѣту древность Россійскаго народа и славныя дѣла Государей*, хотя онъ нисколько не былъ приготовленъ къ занятію Русскою исторіею, хотя и для него, какъ для всѣхъ его современниковъ, исторія отечества была доступна менѣе всѣхъ другихъ знаній. Мы видѣли, что Татищевъ умѣлъ понять свои силы и средства и ограничился сводомъ лѣтописныхъ извѣстій, примѣчаніями къ нимъ и предварительными изслѣдованіями о древностяхъ. Татищевъ могъ такъ поступить, потому что онъ занимался Русскою исторіею не оффиціально, а какъ охотникъ только; но отъ Ломоносова были другія требованія: хотѣли, что онъ къ краснорѣчивомъ повѣствованіи представилъ событія древней Русской Исторіи. Самъ Ломоносовъ такъ понималъ свою задачу, т. е. смотрѣлъ на исторію съ чисто-литературной точки зрѣнія, и такимъ образомъ явился у насъ отцомъ того литературнаго направленія, которое послѣ такъ долго господствовало. Легко себѣ представить, каково должно было выйти произведеніе Ломоносова при отсутствіи цѣлостнаго изученія и слѣд. яснаго пониманія предмета, при отсутствіи живыхъ вопросовъ, которые бы заставили историка обратить особенное вниманіе на извѣстныя отношенія, при истекавшемъ отъ того неумѣньи схватывать особенности въ исторіи извѣстнаго народа, при стремленіи перевести лѣтопись на языкъ похвальнаго академическаго слова. Могучій талантъ Ломоносова оказался недостаточнымъ при занятіи Русскою исторіею, не помогъ ему возвыситься надъ современными понятіями, и потому историческій трудъ его раздѣляется по достоинству на двѣ половины: въ первой части, въ изслѣдованіяхъ о древностяхъ, гдѣ нужно было только разобрать извѣстія писателей и вывести изъ нихъ заключеніе, тамъ иногда блеститъ во всей силѣ великій талантъ Ломоносова, и онъ выводитъ заключенія, которыя наука, послѣ долгихъ трудовъ, повторяетъ почти слово въ слово въ наше время. Здѣсь Ломоносовъ стоитъ такъ высоко потому, что этотъ предметъ былъ ему вполнѣ доступенъ, послѣ тщательнаго изученія онъ могъ овладѣть имъ въ полномъ, по тогдашнему состоянію науки, объемѣ; вторая же часть, гдѣ Ломоносовъ приступаетъ къ изложенію событій, представляетъ не иное что, какъ сухой, безжизненный реторическій перифразисъ лѣтописи, подвергающейся иногда сильнымъ искаженіямъ, и легко понять, почему вторая часть такъ ниже первой. Автору недоставало ни времени, ни средствъ изучить вполнѣ Русскую исторію; онъ началъ учиться, когда нужно было писать, и началъ учиться предмету, совершенно для него новому, не имѣвшему связи съ прежними его занятіями; историческія занятія были, какъ видно, чужды Ломоносову вообще, а уже тѣмъ болѣе занятія Русскою исторіею, которая, по необработанности своей, очень мало могла входить въ число приготовительныхъ познаній тогдашняго Русскаго человѣка; вотъ почему событія древней нашей исторіи должны были представляться ему отвлеченно, какъ событія всякой другой исторіи. Разсматривая ихъ въ этой отвлеченности и отрывочности, Ломоносовъ искалъ въ нихъ только предметовъ для украшеннаго описанія.

Чтобъ показать понятія самого Ломоносова о своей задачѣ, мы приведемъ письма его къ Шувалову о сочиненіи Русской Исторіи. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову, который, какъ видно, торопилъ его писать Русскую Исторію, Ломоносовъ отвѣчалъ: «Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобъ оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовать; однако оно само собою такого есть свойства, что требуетъ времяни. Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностію древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Государей свѣту откроются, то весьма чувствую. И читая отъ Вашего Превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца; и радуясь, по предпріятому моему намѣренію со всякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь, безъ которыхъ отнюдь ничего въ исторіи предпріять невозможно. Могу Васъ, Милостиваго Государя, увѣрить въ томъ заподлинно, что перьвой томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю. Чтожъ до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобъ ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ; и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва меньше ли первой». Изъ другого письма мы видимъ, сколькими занятіями былъ обремененъ Ломоносовъ, и слѣд. чего можно было требовать отъ занятій его Русскою исторіею: «Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной

сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ, и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось».—Какъ приготовлялся Ломоносовъ къ сочиненію Русской Исторіи, видно изъ рапорта его о своихъ занятіяхъ: подъ 1751 годомъ находимъ: «Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Приславли (?), большой лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Нейселя, Гелмолда, Арсолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя эксцепты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ». Подъ 1752 годомъ: «Читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Ѳеофана исповѣдника, Леона грамматика и иныхъ эксцептовъ нужныхъ на 3 листахъ въ 161 статьѣ». Подъ 1753: «1) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами; 2) Читалъ Россійскіе академическіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ».

Во вступленіи къ своему историческому труду Ломоносовъ излагаетъ свои понятія объ исторіи; какъ выше было сказано, онъ смотритъ на нее только со стороны искусства: «Всякъ кто увидитъ въ Россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и героевъ Греческимъ и Римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшей нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковымъ Греческіе и Латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Не имѣя возможности изучить вполнѣ Русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи; вотъ почему онъ не могъ представить никакой системы, и удовольствовался, какъ выражается самъ, «нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній Россійскихъ съ Римскими, гдѣ находитъ владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и Государей самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство Кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству Государей Московскихъ».—Послѣ такой странной системы читатель поражается блистательнымъ по тогдашнимъ средствамъ науки рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ; такъ напр. о сарматахъ и скиѳахъ читаемъ: «Славяне и Чудь по нашимъ, Сарматы и Скиѳы по внѣшнимъ писателямъ, были древніе обитатели въ Россіи. Единородство Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѳами для многихъ ясныхъ доказательствъ неоспоримы». Это мнѣніе сильно поддерживается еще теперь учеными. Потомъ встрѣчаемъ превосходное замѣчаніе о составленіи народовъ: «Сихъ народовъ, положившихъ по разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россіянъ, должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе, дабы увѣдать оныхъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Разсуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почесть ей въ уничиженіе. Ибо ни о едином языкѣ утвердить невозможно, чтобы онъ сначала стоялъ самъ собою, безъ всякаго примѣшенія. Большую часть оныхъ видимъ военными неспокойствами, преселеніями и странствованіями въ такомъ между собою сплетеніи, что разсмотрѣть почти невозможно, коему народу дать вящшее преимущество». Несмотря на то, увлеченный современными отношеніями, Ломоносовъ не хочетъ признать скандинавскаго происхожденія варяговъ-руси, выводитъ Рюрика изъ Пруссіи, и дѣлаетъ прусаковъ славянами. Ломоносовъ замѣтилъ дружинный составъ народовъ, являющихся въ началѣ Среднихъ Вѣковъ. «Къ доказательному умноженію Славянскаго могущества не мало служатъ походы отъ Сѣвера Готовъ, Вандаловъ и Лонгобардовъ. Ибо хотя ихъ по справедливости отъ Словенскихъ поколѣній отдѣляю, однако имѣю довольныя причины утверждать, что не малую часть воинствъ ихъ Славяне составляли, и не токмо рядовые, но и главные предводители были Словенской породы». Въ главѣ «О дальней древности Славенскаго народа», Ломоносовъ повторилъ мнѣніе Татищева, которое въ наше время выражено почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ и подтверждено Шафарикомъ: «Имя Славянское поздо достигло слуха внѣшнихъ писателей, и едва прежде царства Юстиніана Великаго, однако же самъ народъ и языкъ простирается въ глубокую древность. Народы отъ именъ не начинаются; но имена народамъ даются. Иные отъ самихъ себя и отъ сосѣдовъ единымъ называются. Иные разумѣются у другихъ подъ званіемъ, самому народу необыкновеннымъ, или еще и неизвѣстнымъ. Нерѣдко новымъ проименованіемъ старинное помрачается, или старинное, перешедъ домашніе предѣлы, за новое почитается у чужестранныхъ. Почему имя Словенское по вѣроятности много давнѣе у самихъ народовъ употреблялось, нежели въ Грецію или въ Римъ достигло, и вошло въ обычай. Но прежде докажемъ древность; потомъ поищемъ въ ней имени. Во-первыхъ о древности довольное и почти очевидное увѣреніе имѣемъ въ величествѣ и могуществѣ Славянскаго племени, которое больше полуторыхъ тысячъ лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ; и для того помыслить невозможно, чтобы оное въ первомъ послѣ Христа столѣтіи вдругъ расплодилось до толь великаго многолюдства, что естественному бытія человѣческаго теченію и примѣрамъ возращенія великихъ народовъ противно... Правда, что Славяне отъ полунощной страны пе-

решедъ за Дунай, въ Далмаціи и въ Иллирикѣ поселились въ началѣ шестаго вѣка. Но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ они, или ихъ единоплеменные тамъ прежде никогда не обитали? Не могло ли быть, чтобы Римскою силою утѣсненные Иллирическіе Славяне, во время войны, уклонились за Дунай къ полунощнымъ странамъ; потомъ, примѣтивъ Римлянъ ослабѣніе, старались возвратиться на прежнія свои жилища? Имѣемъ сего явственные у себя слѣды. Несторъ утверждаетъ, что въ Иллирикѣ, когда училъ Апостолъ Павелъ, жительствовали Славяне, и что обитавшіе около Дуная, убѣгая насильнаго владѣнія нашедшихъ и поселившихся межъ ними Римлянъ, перешли къ сѣверу. Уже свидѣтельствъ довольно; но сверхъ того Плиній объявляетъ, что ему названія Иллирическихъ народовъ выговаривать трудно. Ясное доказательство, что ни отъ Греческаго, ни отъ Латинскаго языка взяты, въ коихъ онъ безъ сомнѣнія былъ искусенъ. Городы многіе издревле показываютъ Славенской голосъ съ дѣломъ согласной, и возводятъ вѣроятность на высочайшій степень. Признаки древняго имени Славянскаго явствуютъ во-первыхъ у Птоломея, подъ названіемъ Ставанъ. Свойство Греческаго и Латинскаго языка не позволяетъ, чтобы они выговорить могли Славянъ имя, ради того прежде Ставанами, послѣ Склаванами и Сфлаванами называли. Амазоны или Алазоны, Славенской народъ, по Гречески значитъ Самохваловъ; видно, что сіе имя есть переводъ Славянъ, т. е. Славящихся, съ Славянскаго на Греческой». О словѣ Скиѳъ Ломоносовъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое и теперь не потеряло еще силы между учеными: «Имя Скиѳъ по старому Греческому произношенію со словомъ Чудь весьма согласно; не происходитъ отъ Греческаго, и безъ сомнѣнія отъ Славянъ взято».

Послѣ такихъ любопытныхъ и правильныхъ замѣчаній, тѣмъ рѣзче чувствуется переходъ собственно къ повѣствованію о событіяхъ Русской исторіи, тѣмъ сильнѣе подтверждается правило самого Ломоносова, что насильственные поступки съ Музами не остаются безнаказанны. Чтобъ показать характеръ и всѣ недостатки повѣствованія Ломоносова, мы приведемъ описаніе мести Ольгиной за Игоря: «По убіеніи Игоревѣ, приняла владѣніе Великая Княгиня Ольга, ради несовершеннаго возраста единаго сына своего Святослава. Древлянамъ показалось вдовство ея и младость Святославля по ихъ силамъ, чтобъ не токмо отъ подданства свободиться, но и князя своего возвести на владѣніе Кіевское, сочетавъ его съ Ольгою бракомъ, и тѣмъ взять большинство надъ Россами и Полянами. Отправленные для того въ Кіевъ двадцать человѣкъ знатныхъ пріѣхали водою, и пристали подъ Боровичемъ. Ольга, услышавъ о пріѣздѣ, *возмутилась печалію, видя наглость убивцевъ своего супруга. Слезамъ и плачу ея соотвѣтствовалъ весь народъ рыданіемъ и воплемъ* [1]). По нѣкоторомъ утоленіи великой печали, предпріяла Великая Княгиня въ сердцѣ своемъ, отмстить Древлянамъ смерть супружню всевозможными способы». Потомъ, описавъ, какъ Ольга велѣла бросить пословъ древлянскихъ въ яму, Ломоносовъ продолжаетъ: «И приближась, спросила: «довольноль пріятна имъ оказанная на сватовствѣ почесть?» Древляне съ раскаяніемъ и страхомъ въ ямѣ кричали, что Игорева смерть не принесла имъ пользы, и что за ихъ злодѣяніе преданы достойной казни». Это вмѣсто лѣтописнаго: Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь? Они же рѣша: «Пущи ны Игоревы смерти».—Какъ понималъ Ломоносовъ историческую критику, видно изъ того, что онъ разсказываетъ о мести Ольгиной безо всякой оговорки, но останавливается съ недоумѣніемъ на нѣкоторыхъ подробностяхъ: «Немедленно отправляются нарочные въ Древлянскую землю, чтобъ для совершенія сватовства присланы были отъ Древлянъ знатные люди, кои бы приняли и привели Ольгу къ своему князю съ должною честію, и чтобъ ее Кіевляне удобнѣе отпустили. Древляне, не видѣвъ отъ своихъ прежде посланныхъ для увѣренія ни единаго человѣка, *о сельская простота!* повѣрили. Пятьдесятъ правителей земли Древлянскія безъ укоснѣнія пріѣхали въ Кіевъ. Спросилиль о своихъ прежнихъ посланцахъ? Ничего о томъ не упоминается. Здѣсь что нибудь Несторомъ упущено; безъ того невѣроятна больше кажется Древлянская оплошность». Вотъ описаніе пріема, сдѣланнаго древлянами Ольгѣ и и тризны по Игорѣ: «Древляне въ праздничномъ платьѣ цвѣтно надѣвшись, выѣжжаютъ изъ города на встрѣчу, и принимаютъ ее (Ольгу) съ великою честію. На вопросъ о первыхъ и вторыхъ посланныхъ отвѣтствовано, что слѣдуютъ съ тяжкими возами великаго богатства княгинина, которое она уже больше Древлянамъ ввѣряетъ... Веселящимся и даже де отягощенія упившимся Древлянамъ казалось, что уже въ Кіевѣ повелѣваютъ всѣмъ странамъ Россійскимъ; и въ буйствѣ поносили Игоря передъ супругою его всякими хульными словами». Все это вмѣсто лѣтописнаго: «Они же (древляне) то слышавше (т. е. что Ольга идетъ къ нимъ), съвезоша меды многи зѣло, възвариша... Посемъ сѣдоша Древляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? Она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего».

Такъ, по понятіямъ перваго ученаго своего времени, удовлетворялась народная потребность знать свою исторію.

IV. В. К. Тредьяковскій.

Профессоръ химіи Ломоносовъ долженъ былъ писать Русскую исторію, чтобъ открыть свѣту древность Россійскаго народа и славныя дѣла государей; профессоръ элоквенціи Тредьковскій

[1]) Напечатанныхъ курсивомъ словъ нѣтъ въ лѣтописи.

долженъ былъ также писать разсужденія въ пользу древности и превосходства русскаго имени и народа [1]). Вопросъ о происхожденіи русскаго имени и народа былъ господствующимъ въ первой и въ началѣ второй половины XVIII вѣка; естественно было начать историческія изслѣдованія сначала, и Петръ Великій сносился съ Лейбницемъ насчетъ разрѣшенія этого вопроса; но господству его у насъ въ Россіи въ означенное время и послѣ благопріятствовали другія обстоятельства. Начальная лѣтопись наша указываетъ пришлецовъ изъ за моря, положившихъ основаніе Русскому государству; отсюда вопросъ о происхожденіи этихъ пришлецовъ, едино-или-чужеплеменники они главному, славянскому народонаселенію государства? Признать чуждое происхожденіе этихъ главныхъ дѣятелей нашей начальной исторіи было оскорбительно для народнаго самолюбія; сюда присоединились еще два обстоятельства: признавъ, по извѣстнымъ указаніямъ лѣтописи, чуждое происхожденіе варяговъ-руси, нужно было согласиться, что они принадлежатъ къ скандинавамъ; но въ это время съ Швеціею только-что окончилась ожесточенная борьба, да и послѣ ея окончанія шведы считались главными и самыми опасными врагами, готовыми воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отнять у Россіи недавнюю ея добычу,—и вотъ надобно выводить изъ Швеціи первыхъ нашихъ князей! Но этого мало: вслѣдствіе тѣснаго сближенія съ западною Европою иностранцы, т. е. ближайшіе сосѣди наши—нѣмцы принимаютъ дѣятельное участіе въ настоящихъ событіяхъ: въ Академію, для обработки, между прочими науками, и Русской исторіи, призваны также нѣмцы; они овладѣваютъ вопросомъ о происхожденіи, какъ самымъ доступнымъ для нихъ изъ всѣхъ вопросовъ нашей исторіи, и рѣшаютъ его въ пользу скандинавскаго происхожденія. Но между нѣмцами и русскими въ Академіи загарается борьба, и вопросъ о происхожденіи варяговъ-руси вмѣшанъ въ нее: русскіе ученые видятъ или хотятъ видѣть въ объявленіи варяговъ-руси скандинавами посягательство на честь русскаго имени, и стремятся дать силу мнѣнію противному, настоять на славянское происхожденіе первыхъ нашихъ князей. Тредьяковскій откровенно высказываетъ намъ главную причину спора, которую послѣдователи его прикрываютъ именемъ науки: «Хотя нѣтъ ниодного, мню, въ истинныхъ Россіанахъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ, который бы не всѣмъ желалъ сердцемъ, чтобъ пре-знаменитымъ Варягамъ Руссамъ, прибывшимъ къ намъ государствовать въ насъ, и бывшимъ достославными предками великоименитыхъ Самодержцевъ нашихъ, быть точно сими нынѣшними и всегдашними Россіанами, произойти издревле отъ сего конечно Россійскаго корене, и говорить, съ самаго начала, симъ однимъ нашимъ языкомъ Славенороссійскимъ: однако, утвержденія иностранныхъ, и еще не безславныхъ писателей оныхъ, не токмо дѣлаютъ наши желанія тщетными, но еще и всѣхъ намъ путей едва не пресѣкаютъ, чтобъ мощи сердцамъ нашимъ хотя только того желать уже съ основаніемъ. Сіе коль есть ни превосходное и твердое предразсужденіе о достоинствѣ первоначальныхъ нашихъ Государей, для того что писатели какъ на перерывъ другъ предъ другомъ присвояютъ ихъ къ разнымъ славнымъ и храбрымъ народамъ, однакожъ намъ нѣсколько предосудительное, какъ отъемлющее у насъ собственно наше и дражайшее добро, и чрезъ то лишающее насъ природныя нашея славы. Когдажъ инославныи писатели изобрѣли за должное, по единому самолюбію токмо, какъ мнится, повѣствовать о высокославныхъ Варягахъ, и водя своихъ читателей по степенямъ вѣроятности, потщались удостовѣрять ихъ, что будто сіи Варяги намъ чужеродныи и отъ насъ разноязычныи: то мы неободримся ль изобрѣсть за должнѣйшее, имѣя въ томъ преискреннѣйшее участіе, чтобъ намъ утверждающимся на самой, поскольку возможно достовѣрности, описать нашихъ началобытныхъ Самодержцевъ какъ единоязычными, такъ и тождеродными съ нами? Возможноль, говоря откровенно, и достолѣпноль пребыть своимъ бездѣйственнымъ при чужихъ прерѣкающемъ усильствіи, да и не стремиться къ исторженію отъемлемаго у насъ не по праву? Высота, свѣтлость и превосходство первенствовавшихъ верьховно у насъ Великихъ Князей къ тому насъ обязываютъ: а честь цвѣтущаго, всегда и нынѣ, Россійскаго народа, неумолкая возбуждаетъ. Должно, должно было давно уже намъ препоясаться силами, не токмо къ воспрепятствованію не весьма удостояющихся, разсужденіи сего, заключеній, но и къ утвержденію, и какъ будто ко вкореняемому насажденію свѣтозарныя истины и непоколебимыя правды». Кто же такіе были варяги-русь по Тредьяковскому? Варяги суть *предворители—аборигены*; Русь—ружане Померанскіе. Такимъ образомъ впервые было научно высказано знаменитое мнѣніе о Рюгенскомъ отечествѣ Рюрика, котораго такъ сильно держатся поборники славянскаго происхожденія варяговъ-руси, хотя при этомъ стараются прикрывать себя болѣе славнымъ именемъ Ломоносова. Какимъ же путемъ шелъ Тредьяковскій къ своимъ выводамъ? Путемъ, общимъ всѣмъ изслѣдователямъ того времени, путемъ внѣшнихъ филологическихъ сближеній; послушаемъ его разсужденія: «Единъ былъ съ самого начала у Іафетскихъ племенъ Скитѳскіи съ Целтическимъ языкомъ, т. е. единъ былъ издревле, но по смѣшеніи, Ѳловенскій. Доказываютъ сіе самыя первыя имена Скитѳовъ и Целтовъ. Чтоже знаменуетъ Скитѳъ? Скитѳъ есть Скитъ; и слѣд. Скитѳы суть Скиты отъ скитанія, т. е. отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто: а слова *скитаніе* и *скитаться*, суть точныя Словенскія». Кельты, по Тредьяков-

[1]) Эти разсужденія суть: 1) О первенствѣ Словенскаго языка предъ Тевтоническимъ; 2) О первоначаліи Россовъ; 3) О Варягахъ Руссахъ Славянскаго званія, рода и языка.

скому, суть Желты, т. е. свѣтлорусые; Гелонъ—Челонъ, т. е. челистый; Агатирсъ есть Окодыржъ, т. е. Окодержъ отъ надсмотра или надзора. Геродотово извѣстіе о происхожденіи Скиѳовъ истолковано слѣдующимъ образомъ: «Отъ Таргитая, чрезъ преложеніе писменъ Дрогидая, Скитскаго вождя, какъ дающаго станицамъ своимъ дороги, или какъ водящаго ихъ по дорогамъ, родились три сына, имянножъ: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. Первый есть Лѣпоша отъ лѣпоты, вторый Ярпеша отъ яраго или скораго пѣшеходства; третій Колаша отъ колесницы». Сарматы тоже скиѳы и говорили по славянски; ихъ имя происходитъ отъ За-ра-мати, или Царьметы; Амазоны суть Омужены, т. е. жены мужественныя; Гиспанія отъ Выспанія (Выспа—островъ); Лузитанія—Лишеденія отъ лишенія дня, какъ страна самая послѣдняя на западѣ; Британія—Бороданія отъ бородъ, или Братанія отъ братства; Каледонія—Хладонія отъ холода, и пр. и пр.—Мы привыкли смѣяться надъ такимъ словопроизводствомъ, наравнѣ съ другими странностями творца Телемахиды; но должно припомнить, что эта странность была общая тогда у изслѣдователей: академикъ Байеръ, имя котораго съ благоговѣніемъ произносится особенно поборниками норманскаго происхожденія варяговъ, Байеръ былъ подверженъ той же странности, и Тредьяковскій сражался съ нимъ одинакимъ оружіемъ: Байеръ производитъ Москву отъ Моского, т. е. мужескаго монастыря; Псковъ отъ псовъ, городъ псовый; если Тредьяковскій впалъ въ крайность, производя все отъ славянскаго языка, то подобную же крайность замѣчаемъ и у Байера, который въ имени Святославъ непремѣнно хочетъ видѣть скандинавскій корень *свен*; во Владимірѣ Валдемера, въ Всеволодѣ—Визавалидура. Для насъ Тредьяковскій имѣетъ значеніе именно какъ противникъ Байера и Миллера, какъ основатель ученія, которое, съ немногими измѣненіями, продолжается до сихъ поръ: если мы сравнимъ изслѣдованія Тредьяковскаго съ изслѣдованіями современныхъ намъ поборниковъ славянскаго происхожденія варяговъ, то увидимъ, что у нихъ и методъ одинакій, и выводы тѣ же.

V. Князь М. М. Щербатовъ.

При Екатеринѣ II Россія отдохнула послѣ долгихъ и тяжкихъ трудовъ; новый путь, столь трудный прежде, былъ установленъ и уравненъ искусною правительственною рукою; блестящіе успѣхи во внѣшнихъ дѣлахъ, матеріальное могущество оправдали дѣло Петрово. Подобныя эпохи въ жизни народовъ бываютъ всегда благопріятны для развитія литературы, и царствованіе Екатерины II не было въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Но при усиленной литературной дѣятельности отечественная исторія не могла остаться въ забвеніи: самый блескъ настоящаго уже придавалъ значеніе прошедшему, великій народъ долженъ быть великъ всегда, отъ самой колыбели своей. Руководимые примѣромъ свыше, отъ престола, русскіе близко познакомились съ образцовыми произведеніями литературъ иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, и захотѣли испытать свои силы въ подражаніи иностраннымъ образцамъ во всѣхъ родахъ; разумѣется, что и исторія не могла быть забыта: если были русскіе Расины, русскіе Буало, русскіе Пиндары, русскіе Лафонтены, то должны были быть русскіе Юмы; если при Елисаветѣ чувствовали потребность открыть свѣту древность россійскаго народа и славныя дѣла государей, то тѣмъ болѣе должна была чувствоваться эта потребность при Екатеринѣ. И вотъ явилась—Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ времянъ, сочинена князь Михайломъ Щербатовымъ. Чего жъ мы должны ожидать отъ этого труда? Мы видѣли характеръ Исторіи Ломоносова; видѣли, что главный недостатокъ ея состоялъ во внѣшности взгляда, въ отсутствіи цѣлостнаго изученія и потому яснаго пониманія предмета, въ стремленіи перевесть лѣтопись на языкъ похвальнаго слова, въ преобладаніи реторическаго элемента надъ научнымъ, историческимъ; причины этихъ недостатковъ мы нашли въ неприготовленности Ломоносова къ историческимъ занятіямъ вообще и къ занятіямъ Русскою Исторіею въ особенности. Отъ Ломоносова до Щербатова прошло не много времени; взглядъ на науку не могъ перемѣниться, ближайшаго знакомства съ Русскою Исторіею не могло быть сдѣлано, и Щербатовъ вовсе не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые бы одними своими трудами могли замѣнить труды многихъ; не покажется ли всякому смѣшною дерзостью, если бы кто вздумалъ хотя на сколько нибудь приблизить Щербатова къ Ломоносову относительно талантовъ? И, несмотря на то, исторіи Щербатова принадлежитъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Князь Щербатовъ былъ человѣкъ умный, трудолюбивый, добросовѣстный, начитанный, былъ хорошо знакомъ съ литературою другихъ народовъ, съ ихъ историческою литературою; онъ не изучилъ всецѣло Русской Исторіи: вездѣ видно, что онъ сталъ изучать ее, когда началъ писать; онъ не уяснилъ для себя ея хода, ея особенностей; онъ понимаетъ ее только съ доступной ему, общечеловѣческой стороны, разсматриваетъ каждое явленіе совершенно отрѣшенно, ограничивается одною внѣшнею логическою и нравственною оцѣнкою, вѣроятно или невѣроятно, хорошо или дурно, собственно же исторической оцѣнки онъ дать не въ состояніи. Но за то тамъ, гдѣ Ломоносовъ старается только только украшенно передать извѣстіе лѣтописи, Щербатовъ думаетъ надъ этимъ извѣстіемъ; хорошо зная явленія всеобщей исторіи, онъ сравниваетъ ихъ съ явленіями Русской, замѣчаетъ особенности послѣдней и старается объяснить ихъ; разумѣется онъ не успѣваетъ въ этомъ нигдѣ вполнѣ, часто вовсе не успѣваетъ, ибо собственный ходъ Русской исторіи остается для него тайною; но,

повторяемъ, онъ останавливается на явленіи, думаетъ надъ нимъ, старается объяснить его, а извѣстно, какую услугу наукѣ оказываетъ тотъ, кто первый обращаетъ вниманіе на извѣстное явленіе, первый начинаетъ объяснять его, хотя бы его объясненія были и неудовлетворительны; Щербатовъ не ученый, онъ занимается исторіею, какъ любитель; но онъ занимается исторіею для исторіи, сознаетъ, или, чтобъ не сказать много, предчувствуетъ въ исторіи науку, и потому трудъ его такъ возвышается и надъ трудомъ Ломоносова, и надъ трудами послѣдующихъ писателей, которые, пиша исторію, имѣли въ виду единственно краснописаніе.

Въ предисловіи къ своему труду князь Щербатовъ разсуждаетъ о различіи Русской Исторіи отъ исторій другихъ народовъ, которые имѣютъ миѳическое начало: «и у насъ», говоритъ онъ, «народная память должна была сохранять преданія о знаменитыхъ дѣлахъ и имена героевъ благодѣтелей: чего же ради въ Россійскихъ лѣтописцахъ таковыхъ басенъ не находится, которыя бы по крайней мѣрѣ могли многія древности объяснить? Сіе произошло отъ того, что Россія не такъ какъ другія страны, которыя по степенямъ изъ грубѣйшаго невѣжества выходили; но можно сказать, что вдругъ сдѣлала одинъ шагъ изъ самой грубости, каковую кочевой народъ можетъ имѣть, гораздо къ великому просвѣщенію, т. е. что принявши вдругъ христіанскій законъ, обще съ нимъ пріобрѣлъ смягченіе своихъ суровыхъ нравовъ и письмены, которыхъ конечно прежде не имѣлъ, и тогда воставшіе писатели, яко первый у насъ былъ преподобный Несторъ, не токмо не тщались сохранить баснословныя древнія идолопоклонническія преложеніи, но паче у неутвержденнаго въ христіанскомъ законѣ народа старались ихъ совсѣмъ изъ памяти изгнать».—Такимъ образомъ видимъ уже попытку объяснить себѣ явленіе, останавливающее въ Русской исторіи человѣка, знакомаго съ исторіею другихъ народовъ; Татищевъ только хвалитъ Іоакима и Нестора за *лучшую совѣсть*, которая заставила ихъ отбросить басни; Щербатовъ понимаетъ значеніе этихъ басенъ въ исторіи; знаетъ, что онѣ могутъ многія древности объяснить, и объясняетъ, почему Несторъ не могъ внести миѳовъ въ свою лѣтопись. Много дѣлаетъ чести смыслу Щербатова то, что онъ не любитъ вдаваться въ словопроизводныя объясненія, страстію къ которымъ были заражены предшествовавшіе и современные ему изслѣдователи; вотъ что говоритъ онъ объ этомъ предметѣ: «При сочиненіи сей исторіи о старобытныхъ народахъ, я не тщился обрѣтающіеся промежки догадками наполнять, и по знаменованію именъ изыскивать, какіе были языки тѣхъ народовъ, слѣдственно и самымъ нынѣ пребывающимъ націямъ начало отъ какого либо старобытнаго народа приписать, зная коль великаго сіе труда стоитъ, а со всѣмъ тѣмъ наконецъ читателей не можетъ удовольствовать; да и дѣйствительно по малому числу оставшихся намъ именъ, поврежденныхъ временъ и неправильнымъ выговоромъ чужестранныхъ, которые намъ ихъ преложили, естьли ихъ знаменованіе и сходствуетъ на какой языкъ, весьма трудно заключить единоплеменство единаго народа съ другимъ. Приложимъ къ сему, что древніе писатели не токмо въ таковыхъ вещахъ ошибались, но также неподлинное ихъ званіе самыхъ именъ народовъ, которые они часто единые съ другими смѣсили, сіе затрудненіе пріумножаетъ. Однако я весьма отдаленъ охулять таковыя изысканія, которыя могутъ нѣкоторое просвѣщеніе въ мракѣ древнѣйшихъ временъ исторіи учинить; но какъ мое желаніе къ другому концу стремилось, т. е. чтобы не вступая ни въ какія неподлинныя системы, разныя состояніи, въ которыхъ было мое отечество, разныя его перемѣны, и знатныя случившіяся въ немъ дѣла показать: того ради я сократяся на простое повѣствованіе бывшихъ приключеній у старобытныхъ народовъ, оставляю тѣмъ, которые пожелаютъ взять на себя сей трудъ, выводить свои заключенія».

Одна изъ главныхъ трудностей для каждаго, начинавшаго заниматься Русскою Исторіею, состояла въ генеалогіи князей; Щербатовъ не обошелъ этой трудности, но предпринялъ, по его собственнымъ словамъ, *несказанныя* усилія для составленія родословныхъ. Мы видѣли странный разсказъ Ломоносова о событіяхъ нашей древней исторіи: онъ не умѣлъ отличить народныхъ преданій отъ несомнѣнныхъ фактовъ; у Щербатова встрѣчаемъ то же неумѣнье; но за то у него нѣтъ такихъ странныхъ прибавокъ къ разсказу лѣтописца, какъ у Ломоносова, хотя и у Щербатова перифразисъ слишкомъ вольный, стирающій колоритъ съ лѣтописнаго разсказа; напр. въ описаніи сраженія съ древлянами, гдѣ малолѣтный Святославъ первый бросилъ копьемъ: «въ бою Святославъ великіе опыты своей храбрости оказалъ, и принудилъ чрезъ сіе другихъ къ подражанію себѣ [1])». Щербатовъ не прошелъ молчаніемъ затруднительнаго мѣста о лѣтахъ Ольги [2]), и, не догадываясь, что имѣетъ дѣло съ народнымъ преданіемъ, объясняетъ такъ разсказъ лѣтописца о хитрости Ольги относительно ея крестнаго отца—Греческаго императора: «По крайней мѣрѣ ей было уже около семидесяти лѣтъ; слѣдственно какъ же было Императору влюбиться въ ея красоту? Чего ради не могши лучшаго рѣшенія дать, предлагаю мое мнѣніе, состоящее, что коль престарѣла Великая Княгиня Ольга во время своего крещенія ни была, но могла еще остатки прежней своей красоты сохранять, которая еще пріумножалась ея великою премудростію. Но мню, что болѣе всего воспламенилось сердце Императора тѣмъ, что взявъ ее себѣ въ жену, мнилъ наслѣдствомъ и всю пространную Россію имѣть, или по крайней

[1]) I, 218.—[2]) I, 223.

мѣрѣ таковымъ супружествомъ, такимъ себѣ сдѣлать союзникомъ Святослава, что не токмо самъ не будетъ нападать на Грековъ, но и отъ другихъ враговъ сію уже ослабѣвающую имперію защититъ. Политическіе виды, которые конечно могутъ и престарѣлому лицу красоту придать, которыхъ не разумѣя, мню, тогдашніе писатели къ красотѣ Ольгиной приписали то, что единственно политика Императора Греческаго была». Намъ кажется страннымъ такое объясненіе, потому что мы имѣемъ иной взглядъ на источники; при взглядѣ же автора или взятое отрѣшенно, объясненіе нисколько не странно. Непониманіе вѣка и характеровъ того времени повело Щербатова и къ слѣдующему ложному объясненію отвѣта Ольгина императору, когда тотъ прислалъ требовать отъ нея даровъ: «Блаженная Ольга, смѣяся его корыстолюбію, отвѣчала, что она получила дары за то, что онъ былъ ея воспріемникъ; то естьли онъ въ такомъ состояніи, въ какомъ она предъ нимъ была, предъ нею былъ бы, и она ему даровъ не пощадитъ дать [1])». Но вѣрно выведено заключеніе о походѣ Святослава на грековъ, понято, что противоположность русскаго и греческаго разсказа происходитъ отъ пристрастія: «И тако изъ сего всего я заключаю то, естьли походъ сей Святославовъ и не столь нещастливъ былъ, какъ Греки повѣствуютъ, но и не толь славенъ для него, какъ повѣствуютъ наши писатели; ибо съ обѣихъ сторонъ надлежитъ опасаться, чтобъ послѣдуя писателямъ, не впасть за ними въ тоже пристрастіе, каковое они каждые къ своей странѣ имѣли [2])». Не оставлена безъ объясненія и причина скораго принятія христіанства кіевлянами: все войско, по мнѣнію Щербатова, приняло крещеніе въ Корсуни съ Владиміромъ: кіевскіе язычники, боясь войска, не смѣли оказать никакого сопротивленія [3]). Вслѣдствіе неприготовленности своей, Щербатовъ никакъ не могъ сначала понять порядка престолонаслѣдія между князьями, какимъ образомъ князю наслѣдуетъ братъ, а не сынъ; такъ, начиная описывать княженіе Всеволода I-го Ярославича, онъ говоритъ [4]): «Хотя сіе его восшествіе на престолъ и не совершенно порядочно является, потому что подлѣ Изяслава остались сыновья уже въ довольномъ возрастѣ, дабы принять правленіе Княженія отца ихъ; однако по непослѣдовавшимъ отъ сего никакимъ смущеніямъ, и потому что упоминается, что Всеволодъ далъ Ярополку, сыну Изяславову, Владиміръ съ придачею еще Турова, мнится мнѣ, что сіе возведеніе его на Кіевской престолъ учинено въ слѣдствіе учиненнаго между имъ и Ярополкомъ какого договору, коему обычаю, чтобъ братъ послѣ брата въ престолахъ наслѣдовалъ, и впредь почти всегда послѣдовали, яко будемъ имѣть случай о семъ яснѣе предложить». Но какъ бы ни было объяснено происхожденіе явленія, явленіе было подмѣчено, надъ нимъ задумались, его старались объяснить. Любопытно видѣть, съ какимъ трудомъ это характеристическое явленіе древней Русской Исторіи принималось въ сознаніе писателя XVIII вѣка, впервые начавшаго всматриваться въ ея особенности: въ восшествіи Владиміра Мономаха на столъ Кіевскій мимо дѣтей Святополковыхъ Щербатовъ видитъ уже установленный порядокъ наслѣдства; несмотря на то, требуетъ отъ лѣтописцевъ объясненія этого явленія, и опять предполагаетъ договоры между Мономахомъ и дѣтьми Святополка [5]). Здѣсь, какъ и послѣ еще, мы будемъ имѣть случай замѣтить эту добросовѣстность Щербатова, который не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не объяснитъ явленіе, поражающее его своею странностію, добросовѣстность, которая, разумѣется, не можетъ не возбудить нашего полнаго сочувствія. Наблюдательность Щербатова, которая заставляла его отступать отъ показаній лѣтописи относительно причинъ явленій и характера дѣйствующихъ лицъ, видна въ отзывѣ его о князѣ Вячеславѣ Владиміровичѣ [6]), уступившемъ Кіевскій престолъ Всеволоду Ольговичу: «Хотя Россійскіе писатели единогласно приписываютъ таковое уступленіе Кіевскаго престола Вячеславомъ къ великому его человѣколюбію, и къ отвращенію *видѣть проливать* напрасно кровь человѣческую; но я не мню, чтобъ какая нравоучительная притчина могла справедливо воспрепятствовать законному Государю, общимъ желаніемъ народа на престолъ посажденному, для избѣжанія пролитія крови справедливую защитительную войну производить, и отдать Богомъ врученной ему народъ во власть Государя, которой вооруженною рукою на него пришелъ. И тако мнится мнѣ, что не было ли къ тому и другихъ какихъ притчинъ, какъ является мнѣ оныя примѣтить; первое въ томъ, что не могъ увѣриться на Кіевлянъ, которымъ почти также чуждъ былъ, какъ и Всеволодъ, и второе въ самой слабости его права, слабость, которая во всей его жизни, какъ въ слѣдствіи сего труда представится, довольно ясно является».

Щербатовъ замѣтилъ и то различіе, которое обнаруживается въ нашей древней исторіи въ характерѣ явленій до Андрея Боголюбскаго и послѣ него, и потому, послѣ смерти Юрія Долгорукаго положилъ грань періодамъ, помѣстивъ *разсмотрѣніе о состояніи Россіи, ея законовъ, обычаевъ и правленій* [7]) — первая попытка коснуться и внутренней исторіи общества. Здѣсь Щербатовъ опять обращается къ странному для него явленію, къ преемству престола, переходившаго къ старшему въ родѣ; онъ замѣчаетъ, что этотъ обычай не былъ утвержденъ закономъ, однако соблюдался и былъ главною причиною всѣхъ неустройствъ и разоренія Россіи. Видно, какъ авторъ постоянно думалъ надъ этимъ явленіемъ, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не нашелъ слѣдующаго объясненія:

[1]) I, 224.—[2]) I, 235.—[3]) I, 265.—[4]) II, 30.

[5]) II, 87.—[6]) II, 141.—[7]) II, 253.

«Притчина толикаго страннаго порядка въ наслѣдствѣ является была слѣдующая, что какъ тогда Россійскія народы обрѣтались въ безпрестанныхъ браняхъ, сами ли на сосѣдственныя земли чинили набѣги, или отъ сосѣдственныхъ народовъ оные претерпѣвали, и тако высочайшая добродѣтель въ государѣ тогда почиталась неустрашимая храбрость и мудрое предводительство войскъ, и всегда или, по крайней мѣрѣ, по большей части государи сами оные предводительствовали, или въ противномъ случаѣ войска ослабѣвали; но какъ малолѣтнаго правленіе не могло бы для сего способно быть, и тако предупреждая сіе, дабы съ одной стороны сохранить всегда престолъ крови царской, а съ другой отъ слабости малолѣтнаго избѣжать, являлся полезнымъ и ввелся сей обычай, чтобъ престолъ отъ брата къ брату, а послѣ какъ всѣ братья онымъ владѣли, сыну старшаго переходилъ». Щербатовъ понялъ, какое вліяніе подобный порядокъ вещей производилъ на отношенія между князьями и народонаселеніемъ: «Сіе же самое наслѣдство, какъ выше оно означено, приключало, что Россійскій народъ не имѣлъ особливой обязанности къ своему государю, которая бы и на сына его преходила, но обще ко всему роду Князей распростиралъ оную; а понеже сей родъ былъ весьма многочисленъ, то происходило изъ сего, что по мѣрѣ раздѣленія сей любви и обязанности къ толь великому числу лицъ, оная раздѣлялась, и царствующей Государь, не имѣя ничего болѣе предъ другими, окромѣ права владѣнія, не могъ совершенно ни въ вѣрности, ни въ усердіи привыкшаго къ премѣнамъ народа увѣренъ быть».

Что касается характеристики государей, то у Щербатова, какъ и слѣдуетъ ожидать, не можетъ правильно опредѣляться значеніе того или другого государя въ Русской исторіи, потому что авторъ не уяснилъ для себя хода этой исторіи; характеристики его суть характеристики отвлеченныя: такой-то государь былъ добръ, уменъ, не любилъ войны, однако, гдѣ нужно, обнаруживалъ твердость и т. п. Отъ недостатка уясненія для себя хода исторіи происходитъ у Щербатова и у послѣдующихъ за нимъ историковъ внѣшній взглядъ на событія, который породилъ столько трудныхъ къ искорененію заблужденій. Разумѣется, мы не станемъ обвинять въ этомъ Щербатова: таковъ былъ естественный и необходимый ходъ исторической науки; и послѣдующіе историки раздѣляютъ взглядъ и повторяютъ ошибки Щербатова. Щербатовъ первый произнесъ слѣдующій приговоръ объ Іоаннѣ III. «Онъ былъ великій Государь, и который первый положилъ основаніе величеству Россіи, и все сіе безъ великихъ кровопролитій, предпочитая всегда именованіе мудраго въ правительствѣ Государя наименованію непобѣдимаго». Тотъ же приговоръ, хотя въ болѣе изящныхъ выраженіяхъ, встрѣчаемъ и у послѣдующихъ историковъ, у которыхъ Іоаннъ III является такъ же творцомъ величія Россіи. То же сходство находимъ мы и въ приговорѣ о Василіи Іоанновичѣ: «Что касается до обычая сего Государя, то хотя не обрѣтаемъ мы въ немъ толь блистательныхъ качествъ, каковыми отличался его родитель, и которыми отличался его сынъ, Царь Іоаннъ Васильевичъ; однако обрѣтаемъ въ немъ сіе набожіе несуевѣрное и на добродѣтели основанное, которое есть основаніе твердыхъ правилъ мудраго правительства; сію мудрость не спѣшащую дѣлами и жертвующую иногда тщетную славу для пользы государства; сію твердость, въ слѣдствіи дѣлъ, могущую довести до конца труднѣйшія предпріятія. Онъ всегда старался отбѣгать отъ войны, почитая ее всегда вредною государствамъ, а паче по тогдашнимъ обстоятельствамъ Россіи; однако въ случаѣ справедливаго защищенія себя никогда отъ нея не убѣгалъ, но твердо показывалъ, что онъ готовъ ее со всею бодростію производить», и проч. Характеризуя дѣятельность Іоанна III, Щербатовъ замѣтилъ, какъ православіе много помогло этому князю въ борьбѣ съ Новгородомъ и Литвою[1]): «Можно еще сказать, что самая твердость его въ Греческомъ Католицкомъ законѣ много ему и въ политическихъ дѣлахъ послужила: ибо бывъ почитаемъ истиннымъ защитникомъ православной вѣры, ту часть Новгородцевъ, которые не хотѣли ради разности вѣръ поддаться Полякамъ и Литовцамъ, по самой обязанности къ вѣрѣ, въ доброжелательствѣ къ себѣ удержалъ, и когда началась брань съ Княземъ Александромъ Литовскимъ, тогда многіе Князья и съ вотчинами своими по единовѣрію подъ власть Великаго Князя Московскаго предались».

Послѣ порядка престолонаслѣдія у древнихъ князей ничто такъ не затруднило Щербатова, какъ объясненіе характера Іоанна Грознаго: какъ тамъ, такъ и здѣсь по нѣскольку разъ принимается онъ за объясненіе загадочной перемѣны въ поведеніи царя. Къ чести Щербатова надобно замѣтить, что онъ обратилъ вниманіе на характеръ одного изъ главныхъ источниковъ исторіи Грознаго, на сочиненія Курбскаго, понялъ его пристрастіе, чего не хотѣли понять послѣдующіе историки. Вотъ какъ вначалѣ онъ объясняетъ перемѣну въ характерѣ и поступкахъ царя[2]): «Стараясь различать истинну отъ того, что озлобленный князь Курбскій могъ противу сего Государя писать, думаю со справедливостію сдѣлать слѣдующее заключеніе. Въ младенчествѣ своемъ зрѣлъ Царь Іоаннъ Васильевичъ непокорство и смущенія бояръ; пріявъ владычество, оказаніемъ строгостей къ нѣкоторымъ изъ нихъ, хотя и справедливыхъ, пріучилъ, можетъ статься, болѣе къ милосердію сердце свое расположенное на жизнь подданныхъ своихъ устремляться. Таковой поступокъ хотя нѣкоторыхъ и устрашилъ, но еще сѣмена смущенія оставались въ сердцахъ многихъ, которыя и оказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ, яко въ бывшемъ смущеніи въ Коломнѣ во время походу его на Казань и въ другихъ случаяхъ, которые хотя милостію своею онъ тогда и прикры-

[1]) V, 364.—[2]) VII, 454.

валъ, однако чювствованіе въ сердцѣ его оставалось. Наконецъ, взявъ Казань, покоривъ многіе прежде подвластные сему царству народы, снабдя милостями своими всѣхъ вельможъ, со справедливостію надѣялся, что любовь и почтеніе къ себѣ и роду своему пріобрѣтетъ, и истребитъ мысли о его рожденіи, яко отъ живой супруги бракосочетавшійся Великій Князь Василій Іоанновичъ его и брата его произвелъ. Но какъ въ болѣзни своей восхотѣлъ престолъ малолѣтному сыну своему утвердить, тогда предубѣжденіе о его рожденіи и малая преданность къ нему облаготворенныхъ имъ бояръ явно оказались не токмо сопротивленіемъ оныхъ по приказанію его сходственному съ правомъ рожденія присягу малолѣтному Князю его сыну, но и преклонностію ихъ возвести на престолъ двоюроднаго его брата Князя Владиміра Андреевича, обойдя не токмо сына его Царевича Димитрія, яко малолѣтнаго, но и брата его, Князя Георгія Васильевича. Тако съ единыя стороны огорченъ всѣми таковыми поступками, а съ другой отъ жестокости болѣзни имѣя нравъ свой перемѣненъ къ жестокости къ несчастію къ Россіи и ко вреду имени своего началъ преклоняться». Но это объясненіе не могло успокоить Щербатова; не умѣя изъ предшествовавшихъ событій уяснить себѣ политической стороны явленія, мало обративъ вниманіе такъ же и на разсказъ о воспитаніи Іоанна, Щербатовъ не могъ понять этой рѣзкости перехода, этой страшной крайности въ жестокостяхъ Іоанна[1]): «Не могъ бы я никогда повѣрить, чтобъ сей Государь весьма строгій, но и разумный, который до сего во всякомъ случаѣ строгость свою умѣрялъ, сей Государь, именитый между Россійскими Государями, возмогъ такія безчеловѣчія чинить: но колико князь Андрей Михайловичъ Курбскій ни былъ огорченъ на сего Государя, колико онъ ни желалъ очернить его память: однако не мню, чтобъ сей сановитый мужъ осмѣлился приписать убіеніе толикихъ знатныхъ особъ, когда они естественною смертію померли, или въ живыхъ находились. Сохраненные списки его лѣтописей не токмо въ приватныхъ домахъ, но даже въ государственныхъ архивахъ, наименованіе, приданное Царю Іоанну Васильевичу *Грозной,* общее согласіе всѣхъ окружныхъ народовъ, повѣствующихъ о его жестокостяхъ, повѣствіе князя Курбскаго вѣроятно чинятъ; а паче взятыя Россійскимъ Государемъ поручныя грамоты со многихъ знатнѣйшихъ людей, чтобъ они въ Польшу, Литву и въ другія чужестранныя области не отъѣзжали, грамоты подлинныя, хранящіяся въ государственныхъ архивахъ; а взятіе сихъ грамотъ уже предполагаетъ неудовольствіе отъ подданныхъ; число недовольныхъ, худобу и непорядокъ правленія. Правда, что изъ сихъ князь Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій самъ чрезъ грамоту свою признается, что онъ имѣлъ переписку съ Сигизмундомъ, Королемъ Польскимъ, и опасную грамоту для ѣзды своей отъ него получилъ. Такое преступленіе, имѣющее видъ измѣны, подавало причины Государю всю монаршую строгость противу его употребить, и самыя жестокости государевы не могутъ его въ строгомъ изысканіи нравственныхъ должностей гражданина и подданнаго оправдать: но естьли возьмемъ въ примѣчаніе его санъ боярскій, знатность, въ какой весь его родъ находился, и которой конечно не могъ льститься имѣть при Польскомъ Дворѣ, разность вѣры, а паче, что она тогда же мѣшала въ Польшѣ и преимуществами многими пользоваться; то не можемъ мы представить, чтобъ онъ безъ важныхъ какихъ причинъ въ такое преступленіе покусился впадать... Невѣроятно притомъ есть, чтобы многіе знатнѣйшіе бояре, привязанные любовію къ отечеству своему, къ родственникамъ и домамъ ихъ, могли желать его оставить и преселиться на вѣки во вражескую страну, естьлибы жестокимъ правленіемъ Государя къ тому побуждены не были: и тако самыя сіи взятыя грамоты съ нихъ и сохраненныя въ архивахъ суть свидѣтели жестокому начавшемуся правленію Царя Іоанна Васильевича и истиннѣ повѣствія Князя Курбскаго». Наконецъ князь Щербатовъ нашелъ, по его мнѣнію, удовлетворительное объясненіе перемѣны, происшедшей въ характерѣ Іоанна IV[2]): «Колико сіе изслѣдованіе ни отвращаетъ меня отъ продолженія историческаго повѣствія приключеній, но я принужденнымъ себя нахожу, дабы возмогъ, елико возможно, вывести причины поступку Царя Іоанна Васильевича и истинну историческую проникнуть, еще размышленія мои продолжать, тѣмъ наипаче, дабы не могли меня обвинить, что я, не войдя во всѣ обстоятельства, якобы охотно хотѣлъ, послѣдуя его злодѣю Курбскому, во всѣхъ приписуемыхъ безчеловѣчіяхъ сего Государя обвинять. Но проникнемъ, ежели возможно, во внутренность, отъ чего сей Государь, до сего толико мудрый и великій, хотя строгій, но умѣющій горячность и строгость свою умѣрять, перемѣнился? Рѣшеніе на сіе кажется намъ можетъ дать самое повѣтствованіе князя Курбскаго, по причинѣ убитія князя Михаила Петровича Репнина... Естество вещей самое является истинну сего повѣствія утверждать; ибо сей Государь, лишась своей подруги, и бывъ въ крайнемъ оскорбленіи о ея кончинѣ, имѣлъ двоякихъ утѣшителей: единые ему представляли необходимость сего часа, и увѣщавали его повиноваться Божіему изволенію; тогда какъ другіе старались, упраздня его весельями, изгнать печаль изъ мысли его. Не токмо въ сѣверныхъ нашихъ краяхъ, но и въ полуденнѣйшихъ упиваніе виномъ, яко веселящее человѣка, входило во всѣ пиршествы; симъ и начали отвращать его огорченіе. Вышеименованный монахъ Сукинъ съ единымъ Шаховскимъ и съ Малютою Скуратовымъ примѣтя, что Государь оказалъ склонность къ таковой жизни,

[1]) VIII, 89.

[2]) VIII, 91.

пріумножили свои старанія безпрестанно въ таких вредныхъ ему самому и государству забавахъ содержать, а пользуясь симъ изступленнымъ состояніемъ, употребили горячій и склонный къ суровостямъ нравъ государевъ для отмщенія недругамъ своимъ, или для погубленія всѣхъ тѣхъ, которыхъ имѣли причину страшиться; самъ же Государь, бывъ суроваго съ природы нрава, воспоминая прежде чиненныя ему огорченія отъ бояръ, въ изступленіи пьянства мнилъ дѣло глубокія политики истребить всѣхъ тѣхъ, которые могли ему какое сумнѣніе наводить». По окончаніи повѣствованія о царствованіи Іоанна IV-го Щербатовъ не удержался, чтобъ опять не обратиться къ объясненію загадочной перемѣны въ характерѣ этого государя, и сдѣлалъ еще слѣдующія дополнительныя замѣчанія: «Да не вопроситъ кто меня: чего ради Царь Іоаннъ Васильевичъ не малое время, яко я и въ самой первой части его исторіи описалъ, не таковъ являлся! Отвѣтствую: расположеніе его сердца было таковоже; но чувствуя себя еще недовольно утвержденна на престолѣ, а къ тому имѣвъ мудрую и доброжелательную супругу Царицу Анастасію Романовну, сдерживалъ суровой свой обычай: но взятіемъ Казани, симъ полезнымъ завоеваніемъ, утвердивъ свою власть, въ болѣзни бывъ огорченъ боярами, не хотящими присягать малолѣтному сыну его Димитрію, а потомъ и лишась столь добродѣтельныя супруги, впадши въ разныя распутства далъ волю своему обычаю». Должно прибавить, что Щербатовъ замѣтилъ высокую роль духовенства при печалованіи [1]). Но при несомнѣнныхъ достоинствахъ, какими отличается повѣствованіе Щербатова о царствованіи Іоанна IV, оно отличается и недостатками, общими цѣлому труду его, а именно: странною разсѣянностію, неумѣньемъ вникать въ подробности извѣстій, объясняемыми впрочемъ громадностію труда, за который Щербатову суждено было первому приняться. Отъ этой разсѣянности и неприготовленности мы видимъ въ первыхъ частяхъ труда смѣшеніе разныхъ, но одноименныхъ городовъ; напр. Владиміра Клязменскаго съ Волынскимъ, Переяславя Русскаго съ Залѣсскимъ; въ повѣствованіи о царствованіи Іоанна IV встрѣчаемъ еще болѣе непріятную ошибку: здѣсь Щербатовъ изъ одного знаменитаго Сильвестра сдѣлалъ двухъ, о которыхъ далъ самые противоположные отзывы: о Сильвестрѣ, могущественномъ совѣтникѣ царскомъ, онъ выражаетъ одностороннее мнѣніе, объясняющееся изъ извѣстныхъ понятій XVIII-го вѣка, господствовавшихъ между писателями [2]): «Сей священникъ былъ родомъ Новогородецъ, и хотя пріялъ священный чинъ, но мысли и душа его любочестіемъ исполнены были, подъ видомъ благочестія и съ саномъ священника былъ льстивъ и пронырливъ, и сими только часто къ несчастію народовъ качествами толикую пріобрѣлъ себѣ милость отъ Царя Іоанна Васильевича, что онъ его не токмо духовнаго, но и гражданскаго совѣта соучастникомъ учинилъ, и съ такою силою, или, лучше сказать, съ такою къ нему повѣренностію, что онъ, яко самовластитель въ обоихъ сихъ правленіяхъ, Митрополиту, Епископамъ и боярамъ повелѣвалъ. Сей коварный мужъ, притворяющійся имѣть совершенное усердіе къ Государю, не оставлялъ тогда же пещись въ случаѣ каковой перемѣны защитниковъ себѣ пріобрѣсти». Но потомъ, когда нужно стало говорить о гоненіяхъ на Сильвестра по смерти Анастасіи, то авторъ позабылъ уже о прежнемъ могущественномъ Сильвестрѣ, коварномъ, по его мнѣнію, мужѣ, и Сильвестръ гонимый является у него благочестивымъ и добродѣтельнымъ пресвитеромъ, духовникомъ Царя [3]). Въ такую ошибку Щербатовъ былъ введенъ разнорѣчивымъ свидѣтельствомъ двухъ противоположныхъ источниковъ: въ Царственной книгѣ читаемъ отзывъ о Сильвестрѣ почти въ томъ же тонѣ, какъ и первый отзывъ Щербатова, у Курбскаго же Сильвестръ выставленъ совершенно въ другомъ свѣтѣ.

На Годунова Щербатовъ смотрѣлъ такъ, какъ смотрѣли лѣтописцы и какъ смотрѣли историки, послѣдовавшіе за Щербатовымъ: всѣ перемѣны предпринимаются Годуновымъ для достиженія своей корыстной цѣли. Но Щербатовъ и здѣсь умѣлъ сдѣлать нѣкоторые любопытные вопросы; напр., говоря о томъ, что Годуновъ запретилъ поминать на ектеніяхъ царевича Димитрія, авторъ спрашиваетъ [4]): почему бояре не воспротивились этому? и объясняетъ, что боярамъ нравилась эта мѣра, что они могли надѣяться наслѣдовать бездѣтному Ѳеодору, съ успѣхомъ поспорить съ Годуновымъ, предъ которымъ у нихъ было много правъ. Важно также и слѣдующее заключеніе о Годуновѣ [5]): «Не уповательно, чтобъ онъ, при самомъ началѣ царствованія Царя Ѳеодора Іоанновича имѣлъ такія мысли (наслѣдовать престолъ); но самое его возведеніе въ такое могущество сіи въ немъ возродило». Другое вѣрное замѣчаніе встрѣчаемъ при описаніи слѣдственнаго дѣла о убіеніи царевича Димитрія [6]): «Единое его (Клешнина) присутствіе довольно было сдержать сего князя (Шуйскаго) отъ того, естьлибы справедливое онъ что сдѣлать восхотѣлъ». Въ описаніи избранія Годунова для красоты картины не пожертвовано замѣчательными подробностями, которыя показываютъ, что избраніе происходило вовсе не такъ единодушно и умилительно. Щербатовъ замѣтилъ, что Годуновъ, тотчасъ послѣ избранія, высылая войско противъ Крымскаго хана, назначалъ во всѣ полки воеводами татарскихъ царевичей [7]). Относительно Лжедимитрія Щербатовъ также проницательнѣе другихъ историковъ; такъ онъ говоритъ [8]): «Когда, можетъ статься, онъ показалъ нѣкоторую къ сему (т. е. самозванцу) преклонность, то небылоли еще кого изъ знатныхъ,

[1]) VIII, 110.—[2]) VII, 449.

[3]) VIII, 86.—[4]) XI, 237.—[5]) XI, 254.—[6]) XI, 300.—[7]) XIII, 23.—[8]) XIII, 204.

которыхъ какъ по ненависти на Царя Бориса, такъ и для своего возвышенія, послику легко считая возстановленнаго сего слабаго кумира низринуть, и самому его мѣсто занять, тайно его къ тому побуждалъ; ибо въ самомъ дѣлѣ не нахожу я почти возможности вѣрить, чтобъ сынъ боярской, бывъ менѣе двадцати лѣтъ юноша, и постриженный въ монашеской чинъ, могъ вздумать, а еще меньше самъ собою упорствовать въ такомъ великомъ предпріятіи».

Надѣемся, что этотъ обзоръ Исторіи князя Щербатова способенъ подтвердить сказанное нами вначалѣ о значеніи этого труда въ нашей исторической литературѣ. Критика, благодаря особенно Болтину и Шлёцеру, дала большія средства послѣдующимъ писателямъ превзойти Щербатова, преимущественно въ древней нашей Исторіи; но относительно глубины взгляда на нѣкоторыя важныя явленія они не сдѣлали большаго шага впередъ. Уже не говоримъ о заслугѣ, оказанной Щербатовымъ приложеніемъ къ своей исторіи многихъ драгоцѣнныхъ, но до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ актовъ, что такъ много облегчило трудъ послѣдующимъ писателямъ. Но почему же, при такихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, трудъ Щербатова не пользовался и не пользуется должнымъ уваженіемъ? Это явленіе объяснить нетрудно: въ то время, когда въ исторіи всего болѣе цѣнили изящество формы, краснописаніе, трудъ Щербатова отличался противоположною крайностію, слогомъ крайне тяжелымъ, неправильнымъ; стоитъ прочесть выходки краснописца Елагина противъ Щербатова, чтобъ понять, почему трудъ послѣдняго такъ много проигрывалъ въ глазахъ современниковъ. Но этого мало: едва успѣлъ Щербатовъ выдать первыя части своего труда, какъ возсталъ противъ него Болтинъ, критикъ строгій, неумолимый, писатель съ дарованіемъ блестящимъ: не обративъ вниманія ни на одно достоинство автора, Болтинъ безпощадно выставилъ всѣ ошибки и небрежности его, обвинилъ въ неправильномъ пониманіи всей нашей древней исторіи, въ незнаніи историческихъ пріемовъ, въ неумѣньи разбираться въ фактахъ, распредѣлять ихъ по степени важности. Щербатовъ не нашелъ защитника противъ Болтина; его трудъ продолжалъ имѣть значеніе только какъ полнѣйшая Русская исторія, которую можно было съ пользою употреблять при замѣчаніяхъ Болтина; но явилась исторія Карамзина, въ которой съ полнотою соединялось безпримѣрное изящество формы—и трудъ Щербатова былъ забытъ.

VI. И. Н. Болтинъ.

Чтобы понять значеніе историческихъ трудовъ Болтина, необходимо обратить вниманіе на ту перемѣну во мнѣніи о наукѣ и просвѣщеніи, которая обозначилась со времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины II-й. Начиная съ эпохи преобразованія до этого времени на науку смотрѣли съ матеріальной точки зрѣнія: науку считали необходимою, старались о ея распространеніи, но единственно для того, чтобъ увеличить матеріальныя силы, матеріальное благосостояніе, хотѣли пользоваться плодами науки для удобствъ житейскихъ, старались умножать число ученыхъ, точно такъ же, какъ старались объ умноженіи числа полезныхъ ремесленниковъ; о нравственномъ же вліяніи науки на человѣка, о воспитаніи молодаго поколѣнія не заботились, или заботились очень мало, полагая главное въ ученьи, а не въ воспитаніи. Тщетно Кантемиръ въ безсмертныхъ своихъ сатирахъ указывалъ на это зло, тщетно указывалъ на необходимость воспитанія для улучшенія народной нравственности: благородный голосъ раздавался въ пустынѣ; даже самые ученые, и между ними самые талантливые, подчиняясь вполнѣ духу времени, выказывали пользу науки преимущественно съ матеріальной стороны. Но прошло полвѣка, и слѣдствія такого порядка вещей оказались явственно: съ распространеніемъ наукъ и внѣшняго образованія народная нравственность не улучшалась; замѣтно было даже явленіе противное,—и вотъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины II-й обнаруживается стремленіе поправить зло, дать наукѣ нравственное значеніе въ воспитаніи просвѣщенныхъ гражданъ, а не ограничивать ея дѣйствія только приготовленіемъ ученыхъ—ремесленниковъ. Раздался голосъ Бецкаго, который потребовалъ нравственнаго перерожденія общества посредствомъ воспитанія, указалъ на необходимость воспитаніемъ произвести *новую породу* людей; рѣзкими словами высказалъ онъ перемѣну во взглядѣ на просвѣщеніе между предшествовавшею эпохою и своимъ временемъ: «Петръ Великій», говоритъ онъ Екатеринѣ, «создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души». Лучшіе люди сочувствовали требованіямъ Бецкаго и повторяли его слова, такъ напр. Фонъ-Визинъ въ Недорослѣ представилъ урода, произведеніе прежняго, грубаго, физическаго воспитанія; но къ этому старинному воспитанію присоединено еще новое, какое требовалось въ первой половинѣ XVIII вѣка, воспитаніе форменное, слѣд. вполнѣ безполезное съ одной стороны, а съ другой—страшно вредное по выбору воспитателей; прямо высказана господствующая мысль вѣка о воспитаніи въ разговорѣ Правдина и Стародума: *Правдинъ:* «Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи». *Стародумъ:* «Оно должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ».—Такой образъ мыслей не могъ не отразиться и во взглядѣ на Русскую Исторію: въ первой половинѣ XVIII вѣка борьба съ невѣжествомъ, злоупотребленіями и предразсудками, которые прикрывались именемъ ста-

рины, естественно производила вражду, презрѣніе къ этой старинѣ въ приверженцахъ новаго порядка вещей; они считали себя дѣтьми свѣта, возсіявшаго для Россіи съ начала XVIII вѣка, что прежде—то было мракъ, отъ котораго нужно какъ можно болѣе удаляться. Но во второй половинѣ вѣка стремленіе усвоить себѣ внѣшнее, формальное образованіе, это стремленіе признано недостаточнымъ, борьба перемѣнила характеръ: лучшіе умы стали вооружаться теперь уже не столько противъ вредныхъ слѣдствій стариннаго, допетровскаго быта, сколько противъ вредныхъ слѣдствій односторонняго стремленія ко всему новому и чужому: отсюда недовольство предшествовавшимъ направленіемъ. Борьба съ нимъ нечувствительно влекла къ примиренію къ стариною, которая уже не возбуждала болѣе сильной вражды, ибо признала себя побѣжденною и прикрылась другимъ слоемъ, а на мѣсто ея явился другой, новый врагъ, болѣе опасный; въ борьбѣ съ недавнимъ зломъ нечувствительно стали бросать благопріятные взгляды на старину отдаленную, именно уже потому, что она была враждебна новому врагу, противъ котораго нужно было вооружиться всѣми средствами, нужно было показать его незаконное вторженіе на мѣсто прежняго, лучшаго, а между тѣмъ старина, вслѣдствіе самаго отдаленія своего и неизвѣстности, начала представлять пріятные образы. Это недовольство направленіемъ, господствовавшимъ въ первую половину XVIII вѣка, и примиреніе съ враждебною ему стариною допетровскою объясняетъ намъ взглядъ Болтина на древнюю Русскую исторію. Въ то время, какъ неудовольствіе на дошедшее до крайности пристрастіе къ чужому сильно было уже возбуждено въ лучшихъ людяхъ, въ это время вышла въ Парижѣ извѣстная книга Леклерка: «Естественная, нравственная, гражданская и политическая исторія древней и нынѣшней Россіи», гдѣ авторъ поверхностно и, по большей части, враждебно отзывался о нашемъ отечествѣ. Книга явилась очень кстати, чтобъ дать случай высказаться новому взгляду и неудовольствію на предшествовавшее направленіе; Болтинъ нашелъ въ книгѣ Леклерка «ложь и клевету на Россію, пристрастіе, съ какимъ авторъ переиначиваетъ факты самые извѣстные, наглость, съ какою говоритъ о вещахъ совершенно ему неизвѣстныхъ, нелѣпость разсужденій, пустоту доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки», и написалъ опроверженіе. Слѣдя за Леклеркомъ, Болтинъ изучилъ всецѣло Рускую исторію, съ тѣмъ чтобъ защитить ее, чтобъ произнести надъ нею благопріятный приговоръ; слѣд. книга Болтина есть первый трудъ по Руской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которой есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи; у Болтина мы не встрѣчаемъ толковъ о пользѣ исторіи, какъ науки опыта и примѣра, но у него перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самопознанія, стараніе сдѣлать изъ исторіи прямое приложеніе къ жизни, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ стараго къ новому. Ломоносовъ хочетъ только прославлять геройскіе подвиги дѣятелей нашей исторіи; Щербатовъ вглядывается въ отдѣльныя явленія, старается уяснить нѣкоторыя, особенно поразительныя для него явленія Русской исторіи, не связывая однако ихъ другъ съ другомъ; Болтинъ старается уяснить цѣлый ходъ Русской исторіи, какъ Русской исторіи, не похожей ни на какія другія, и показать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ.

Болтинъ вооружается на Леклерка за представленіе нашихъ предковъ IX и X вѣка дикарями; вотъ знаменитыя положенія, выведенныя имъ изъ разсмотрѣнія договоровъ нашихъ первыхъ князей съ греками; говорю «знаменитыя» потому, что они повторяются еще и теперь въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ: «Изъ обстоятельствъ сего условія явствуетъ, что въ тогдашнее уже время имѣли Русскіе правленіе, на коренныхъ законахъ и на непремѣнныхъ правилахъ утвержденное; что народъ раздѣленъ былъ на разныя сословія, яко на бояръ, дворянъ, гостей, купцовъ, свободныхъ и рабовъ, кои не иные были, какъ плѣнники; что каждое сословіе пользовалось особенными правами, преимуществами и отличностями; что всѣ вообще имѣли судъ и расправу; что успѣхи имѣли въ торговлѣ внутренней и внѣшней, мореплаваніи, художествахъ, ремеслахъ, и, въ разсужденіи тогдашняго вѣка нарочитомъ просвѣщеніи. Не ясноли все сіе доказываетъ, что древніе Руссы иначе жили въ городахъ своихъ, нежели дикари въ лѣсахъ, о благоустройствѣ общежитія своего согласно пеклися, руководствуемы будучи здравымъ смысломъ и разсужденіемъ, на опытахъ основаннымъ; имѣли благонамѣренные виды, осторожность въ поступкахъ, мудрое предусмотрѣніе, искусство въ исполненіи своихъ намѣреній, и проч. [1])». Болтинъ заступается за русскія лѣтописи, которыя Леклеркъ обвиняетъ въ сухости, недостаткѣ занимательныхъ извѣстій [2]): «Еслибы г. Леклеркъ могъ читать Русскія лѣтописи, нашелъ бы онъ многое, чѣмъ пустоту временъ и недостатокъ любопытныхъ дѣяній, на которой онъ столь часто жалуется, дополнить: описанія характеровъ Государей, безсмертія достойныхъ, ихъ мудрыя разсужденія, благонамѣренные виды и попеченія, достойны суть преданія въ незабвенную память». Въ другой мѣстѣ онъ говоритъ[3]): «Какое государство можетъ похвалиться, чтобъ въ толь короткое время имѣло у себя столько мудрыхъ, благоразумныхъ, мужественныхъ, храбрыхъ, добродѣтельныхъ, благосердныхъ, великодушныхъ и благотворительныхъ государей, каковы всѣ сказанные были, и коихъ Россія меньше нежели въ два вѣка видѣла надъ собою царствовавшихъ». Въ исторіи Смутнаго времени Болтинъ рѣзко выставляетъ противоположность поведенія русскихъ и поляковъ [4]): «Г. Леклеркъ описываетъ ихъ (поля-

[1]) Замѣч. на Леклерка I, стр. 75.—[2]) I, стр. 270.—[3]) I, стр. 275.—[4]) I, стр. 416.—

ковъ) побѣды», говоритъ онъ, «но молчитъ о средствахъ, коими они тѣ одержали, и о дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ оныя». Болтинъ вооружается на Леклерка за то, что тотъ говоритъ, будто Уложеніе даетъ тиранскую власть мужу надъ женою [1]); по этому поводу Болтинъ представляетъ картину семейнаго быта въ Россіи въ его время и доказываетъ, что, благодаря заграничнымъ людямъ, мужъ сталъ рабомъ жены: ясно замѣтно, что похвала старинѣ происходитъ въ авторѣ отъ недовольства новымъ.—Защитивъ нашихъ древнихъ князей и показавъ, что древніе короли Французскіе были гораздо хуже, Болтинъ доказываетъ, что Россіи не нужно принимать завоевательнаго характера ибо природа такъ ее облагодѣтельствовала, что жителямъ ея не нужно искать другихъ странъ и отнимать богатства у чужихъ народовъ. Потомъ Болтинъ заступается за русскій языкъ [2]); Леклеркъ говоритъ: «Почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей, не подпадающихъ чувствамъ, недостаетъ въ русскомъ языкѣ реченій». Болтинъ возражаетъ: «Еслибы сіе было правда, то бы не могли быть переведены съ Греческаго языка на Славянскій столько твореній знаменитѣйшихъ Отцовъ Восточныя Церкви, изъ коихъ вся красота, пышность, чистота и великолѣпіе Еллинскаго витійства, и безъ заимства словъ чуждыхъ, пренесены въ языкъ Славянскій, и на ономъ поднесь чтутся не съ меншею ясностію, услажденіемъ и удивленіемъ, яко и на Греческомъ. Руской языкъ не столь богатъ какъ Славянскій, однакожъ и на него многія книги, важныхъ и глубокомысленныхъ творцовъ, переведены безъ потери ясности и красоты. Я не скажу того, чтобы всѣхъ языковъ слова въ Рускомъ языкѣ тождезначущія и равносильныя обрѣталися. Всякой языкъ имѣетъ нѣчто особенное и единому ему свойственное, и въ семъ разумѣ можно сказать, что и въ самомъ недостаточномъ найдутся такія слова, кои на самые изобильнѣйшіе однимъ словомъ не могутъ быть переведены. Правда и то, что въ Рускомъ языкѣ недостаетъ многихъ словъ относительныхъ до наукъ и художествъ, коихъ въ Россіи не было прежде. Но какой же языкъ можетъ тѣмъ похвалиться, чтобы вводя новую науку и художество, не заимствовалъ или не вводилъ и новыхъ реченій, употребляемыхъ въ той наукѣ или художествѣ? Но сіе есть явная клевета, якобы въ недостаткѣ реченій условныхъ, къ выраженію умоначертаній сложныхъ, принуждены были ввести въ языкъ природный безобразное смѣшеніе языковъ различныхъ. Всѣ знающіе языкъ Руской хорошо, согласятся со мною, что въ реченіяхъ сказанныхъ недостатку мы не имѣемъ, и что страннаго смѣшенія разныхъ нарѣчій въ языкѣ нашемъ никогда не бывало и нѣтъ. Авторъ слыхалъ, будучи въ Россіи, отъ Рускихъ жалобу, что въ разговорахъ употребляютъ много словъ иностранныхъ безъ нужды, и, не понявъ того, отнесъ оную къ недостатку языка. Жалоба ихъ вотъ въ чемъ состояла: въ царствованіе Императрицы Елисаветы введено было въ языкъ Руской множество словъ Французскихъ, не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется Французскимъ; но лѣтъ съ двадцать странной сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія, тѣмъ съ большею удобностію, что чуждыя тѣ слова въ писаніе не были введены, понеже употребляли ихъ по большей части люди безграмотные. Не взирая однакожъ на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои будучи воспитаны въ рукахъ Французскихъ, и научась отъ нихъ отъ юности все Руское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясниться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ Французскихъ. Знающіежъ природный свой языкъ, кромѣ необходимости, иностранныхъ словъ въ разговорахъ не употребляютъ, а на письмѣ и того меньше. Можетъ быть г. Леклерку случилось таковыхъ Французорускихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ какъ они». Леклеркъ утверждалъ, что въ старину «всякое сообщеніе съ чужестранными Рускимъ было запрещено, и считали за смертный грѣхъ разговаривать съ ними». Болтинъ, возражая, приводитъ всегдашнюю необыкновенную терпимость русскаго народа и правительства, и отвѣтъ послѣдняго Поссевину, требовавшему изгнанія лютеранскихъ пасторовъ, «что въ Россійскомъ царствѣ всякихъ вѣръ люди живутъ по своимъ обычаямъ [3])». Удивляясь ошибкамъ Годара и Леклерка, Болтинъ между прочимъ замѣчаетъ [4]): «О Россіи судить примѣняяся къ другимъ государствамъ Европейскимъ, есть тожъ, что шить на рослаго человѣка платье, по мѣркѣ, снятой съ карлы. Государства Европейскія, во многихъ чертахъ, довольно сходны между собою; знавши о половинѣ Европы, можно судить о другой, примѣняяся къ первой, и ошибки во всеобщихъ чертахъ будетъ немного; но о Россіи судить такимъ образомъ не можно, понеже она ни въ чемъ на нихъ не похожа, а особливо въ разсужденіи физическихъ мѣстоположеній ея предѣловъ». — Наконецъ, возставая противъ утвержденія Леклерка, что въ старину запрещенъ былъ иностраннымъ ученымъ въѣздъ въ Россію, а русскимъ выѣздъ за границу для науки, Болтинъ рѣзко выражаетъ мысль своего времени о необходимости нравственнаго, просвѣщенаго, народнаго воспитанія, и о недостаточности средствъ предшествовавшей эпохи; образованность людей этой эпохи онъ прямо называетъ мнимымъ просвѣщеніемъ, говоритъ о нихъ, что они старое позабыли, а новаго не переняли, потому что слишкомъ спѣшили, строили зданіе безъ основанія; какое же основаніе предполагалъ Болтинъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ его: «По-

[1]) I, стр. 469.— [2]) II, стр. 29.

[3]) т. II, стр. 115.—[4]) II, стр.—152.

зналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются ко исправленію поврежденнаго благонадежнѣйшія средства, коихъ мудрое предрасположеніе подаетъ великую въ успѣхѣ надежду» [1]).

Таково направленіе Болтина. Изъ собственно ученыхъ его замѣчаній приведемъ слѣдующія. Болтинъ отстаиваетъ родство руссовъ съ готѳами и опровергаетъ родство ихъ съ гуннами; съ язвительною насмѣшкою вооружается противъ странныхъ словопроизводствъ, которыми отличалось и сочиненіе Леклерка: Болтинъ производитъ имя славянскаго божества Лель отъ арабскаго *леилъ*—ночь, потому что утѣхи, которыхъ Лель былъ божествомъ, совершались подъ покровомъ ночи: «Почему мнѣ не выдумать такого производства», говоритъ онъ, если Леклеркъ произвелъ Гуронскаго божка Арескои отъ русскаго слова—*орѣшки* [2])»? Происхожденіе казаковъ Болтинъ объясняетъ такъ [3]): «Въ самую отдаленную древность, въ югѣ Россіи жили многія племена Татарскія, Сарматскія и Славянскія подъ разными именами, но жили городами, селеніями, имѣли правленіе, начальство. Изъ сихъ племенъ нѣкоторые, отдаляся отъ жилищъ въ степи, составили особенную шайку, питаяся звѣроловствомъ и разбоемъ. Сихъ бродягъ назвали Татара, по свойству ихъ состоянія и образа жизни, *козаками*, т. е. *бездомовными, бродягами*. Своевольная жизнь и привольныя мѣста были привадою всѣмъ распутнаго житья удальцамъ умножать ихъ общества». Болтинъ почитаетъ и половцевъ казаками, и имя ихъ производитъ отъ *поле* или *полонъ*. О варягахъ утверждаетъ противъ Леклерка, что они не были просвѣщеннѣе призвавшихъ ихъ племенъ, но «живучи въ сосѣдствѣ, общія и одинакія имѣли съ ними познанія». Утверждаетъ [4]), что Россіи не слѣдуетъ страшиться участи древнихъ огромныхъ государствъ, которыя распались вслѣдствіе своей громадности; доказываетъ, что составленіе частей Русскаго государства происходило особымъ образомъ. Необходимость возражать противнику, сравнивать безпрестанно состояніе другихъ европейскихъ государствъ съ состояніемъ Россіи въ разныя времена для показанія, что тамъ было не лучше, если не хуже, чѣмъ у насъ, все это заставляло Болтина вникать глубже въ явленія Русской исторіи; такъ онъ говоритъ о значеніи татаръ [5]): «Въ Россійскомъ народѣ такихъ чувствительныхъ и скорыхъ перемѣнъ, какъ сказано было о Европейскихъ государствахъ, исторія не представляетъ, понеже оный будучи тѣснимъ, раззоряемъ и порабощаемъ, никогда отъ побѣдителей своихъ истребляемъ не былъ. Число его всегда оставалось превосходнѣйшимъ его побѣдителей, коимъ побѣдамъ и завоеваніямъ болѣе способствовало раздѣленіе и междоусобія Россіянъ, нежели слабость ихъ и безсиліе. Татары, завоевавъ удѣльныя княжества одно по одномъ, наложили на порабощенныхъ дани, оставили для взысканія сея своихъ баскаковъ и по городамъ войска, сами возвратилися во свояси. При владычествѣ ихъ управляемы были Рускіе тѣмижъ законами, кои до впаденія ихъ имѣли, и тѣжъ самые и по низверженіи ига ихъ непремѣнными при нихъ осталися. Нравы, платье, языкъ, названія людей и странъ осталися тѣжъ, какія были прежде, исключая малыя нѣкоторыя перемѣны въ общежительныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ и въ нѣсколькихъ словахъ языка, кои мы заимствовали отъ Татаръ. Все сіе доказываетъ, что раззореніе и опустошеніе Россіи не столь было великое и повсемѣстное, какъ государствъ Европейскихъ».—Среди болѣе или менѣе правильныхъ мнѣній, встрѣчаются иногда у Болтина и странности: подчиняясь понятіямъ своего времени, онъ иногда обвиняетъ Леклерка въ томъ, за что долженъ былъ бы благодарить, уже для того только, чтобъ быть послѣдовательнымъ въ своей главной мысли; такъ, напр., на 60 страницѣ втораго тома, встрѣчаемъ слѣдующее мнѣніе о народныхъ пѣсняхъ: «Въ старинныхъ пѣсняхъ, обносящихся между черни, каковы суть о Ильи Муромцѣ, о пирахъ Князя Володиміра и проч., въ пѣсняхъ подлыхъ безъ всякаго складу и ладу, находитъ авторъ (Леклеркъ) искры піитическаго духа, краткость мыслей и силу выраженій, и признаетъ ихъ за вѣрное изображеніе тогдашняго вкуса и нравовъ народа. Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и, можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни. Сказанныя пѣсни такогожъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами, слѣд. вкуса и нравовъ народа изображать не могутъ. Изображаютъ вкусъ и нравы народа тогдашняго вѣка лѣтописи Несторова, Іоакимова, законы Ярославовы и Изяславовы, договоры мирные, грамоты, изложенія духовныя и политическія, и подобныя симъ».

Болтинъ, который, опровергая Леклерка, всецѣло подумалъ надъ Русскою Исторіею, Болтинъ не могъ съ одобреніемъ встрѣтить исторіи Щербатова, въ которой именно недоставало этого всецѣлаго обдуманія, живой, связующей мысли и надлежащаго ученаго приготовленія; прибавимъ, что Болтинъ и талантомъ стоялъ гораздо выше Щербатова, обладая свѣтлымъ взглядомъ и особенною живостію ума, которая отразилась и въ слогѣ живомъ, стремительномъ. Болтинъ превосходилъ Щербатова и обширною начитанностію, знаніемъ языковъ древнихъ и новыхъ. Въ примѣчаніяхъ на Леклерка Болтинъ не разъ коснулся съ невыгодной стороны исторіи Щербатова; напр. въ одномъ мѣстѣ читаемъ [6]): «Весьма тѣ ошибаются, кои думаютъ, что всякой тотъ кто, по случаю, могъ достать нѣсколько древнихъ лѣтописей и собрать довольное количество историческихъ припасовъ, можетъ здѣ-

[1]) II, стр. 253.—[2]) I, стр. 111.—[3]) I, стр. 339.—[4]) II, стр. 143.—[5]) II, стр. 295.

[6]) I, стр. 268.

латься историкомъ; многаго еще ему недостанетъ, если кромѣ сихъ ничего больше не имѣетъ. Припасы необходимы; но необходимо также и умѣнье располагать оными, которое вкупѣ съ ними не пріобрѣтается». Подобные намеки и нападки на нѣкоторыя мнѣнія Леклерка, сходныя и съ мнѣніями Щербатова, заставили послѣдняго отвѣчать Болтину. Этотъ отвѣтъ носилъ названіе: «Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, къ одному его пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ Господина Генералъ-Маіора Болтина». Эта книжка замѣчательна тѣмъ, что въ ней предложены возраженія противъ подлинности Іоакимовой лѣтописи: Щербатову нужно было оправдаться въ томъ, что онъ умолчалъ о ней. Болтинъ не замедлилъ написать отвѣтъ, который начинается стремительнымъ, немилосердымъ нападеніемъ: «Сочинитель письма извиняется предъ своимъ пріятелемъ въ темномъ и необстоятельномъ написаніи о произхожденіи Русскаго народа, незнаніемъ ученыхъ языковъ, несвѣдѣніемъ словъ разныхъ населяющихъ Россію народовъ и другихъ, и неимѣніемъ тогда довольной помощи... Положимъ, что пріятель его сочтетъ такое извиненіе достаточнымъ, относительно къ разъисканію о произхожденіи Русскаго народа, однакожъ и при семъ случаѣ, по долгу дружества, долженъ будетъ ему сказать: «Но ктожъ принуждалъ васъ браться за дѣло выше своихъ силъ и возможности? Не лучшелибы, по неимѣнію сказанныхъ помощей, оставить вещи такъ, какъ онѣ были, нежели, писавъ изъ головы и безъ всякаго основанія, въ вящшую приводить ихъ темноту, запутанность и безобразіе»... Какоежъ можетъ сочинитель письма дать пріятелю своему объясненіе, ежели ему вздумается его вопросить: «На чемъ основываяся написали вы, что Сарматы, Гунны и Скиѳы суть соплеменны? Гдѣ написано, что народъ Русской до крещенія былъ кочевной? Какое есть на то доказательство, что языкъ Славянской сходенъ былъ съ Русскимъ? Какая приличность была вамъ назвать Рурика съ братьями Нѣмцами, а Кія, Щека и Хорива Персіянами? Съ какой стати Гунновъ сдѣлали вы построителями Кіева, и заставили ихъ и Аваровъ говорить языкомъ Татарскимъ? и проч. и проч.» Болтинъ не ограничился здѣсь одними тѣми мѣстами, которыя опровергалъ въ примѣчаніяхъ на Леклерка, но прибавилъ еще и другія изъ исторіи Щербатова. Послѣдній отвѣчалъ на нихъ въ началѣ 10-й книги своего сочиненія, а Болтинъ на это издалъ два тома примѣчаній. Здѣсь важны для насъ слова автора, гдѣ онъ высказываетъ понятія свои объ обязанности историка [1]): «Всякую исторію вновь здѣлать, а особливо здѣлать хорошо, очень трудно, и едвали возможно одному человѣку, сколько бы вѣкъ его ни былъ дологъ, достичь до исполненія намѣренія таковаго, при всѣхъ дарованіяхъ и способностяхъ къ тому потребныхъ. Ибо прежде чѣмъ начато будетъ зданіе исторіи, надлежитъ потребныя къ тому припасы пріискать, разобрать, очистить, образовать, а для сего требуется несравненно болѣе трудовъ и времени, нежели на совершеніе цѣлаго зданія... Сіи самые способы употребляли всѣ историки къ достиженію цѣли своего намѣренія. Достопамятный нашъ Татищевъ тѣмъ же путемъ шествіе свое началъ... К. Щербатовъ, устранясь сего труднаго пути, избралъ для себя другой несравненно легчайшій, т. е. началъ писать исторію, не заботясь нимало о предварительномъ снабдѣніи себя сказанными способами; разныхъ списковъ лѣтописи между собою не согласилъ, разбора между ними не учинилъ, къ пониманію разума сказуемаго ими себя не пріуготовилъ, а о Географіи ниже малѣйшаго вниманія употребить не хотѣлъ, и тѣмъ самымъ отверзъ свободный входъ въ свою исторію не токмо всѣмъ заблужденіямъ историковъ иностранныхъ и всѣмъ ошибкамъ, вкрадшимся въ наши лѣтописи отъ приписокъ, но и безчисленному множеству новымъ, происшедшимъ отъ собственныхъ недостатковъ и нерадѣнія».

Болтинъ вооружается на Щербатова за достоинство нашей древней исторической литературы, выставляетъ на видъ древность Нестора предъ лѣтописцами всѣхъ сосѣднихъ народовъ, вѣрность его сказаній, многочисленность лѣтописцевъ; оправдывая лѣтописцевъ, которыхъ Щербатовъ обвинялъ въ суевѣріи, Болтинъ дѣлаетъ колкое обращеніе къ самому Щербатову: «Едва ли можно изъ современныхъ писателей Нестору найти другаго, который бы меньше его сему пороку былъ подверженъ. Чудесами и чрезъестественными явленіями наполнены лѣтописи Никоновская и Новгородская, однакожъ кн. Щербатовъ не оставилъ большой части написанныхъ въ нихъ чудесъ помѣстить въ свою исторію, не повѣря Нестору, что ихъ не бывало, и что прибавлены они отъ суевѣрныхъ невѣжъ сочинителей тѣхъ лѣтописей: таковы суть басни о идолѣ стенящемъ, и проч.»— Болтинъ отвергаетъ ссылки на Библію относительно происхожденія народовъ, потому что въ Библіи сказано только: «И разсѣя ихъ Господь по лицу земли»; слѣд. всѣ генеалогіи народовъ отъ сыновей Ноевыхъ суть позднѣйшія выдумки. О различіи древнихъ народовъ, населявшихъ Россію, выразился положительно [2]): «Между Скиѳовъ, Славянъ и Сарматъ не менѣе разности во всемъ, сколько между Галловъ, Римлянъ и Грековъ». Любопытно мнѣніе Болтина о призваніи князей: мнѣніе это хотя невѣрно въ основаніи, но важно какъ попытка связать это событіе съ послѣдующими явленіями Новгородской исторіи [3]). О платежѣ въ 300 гривенъ, которымъ были обязаны новгородцы, Болтинъ думаетъ, что онъ назначался для варяговъ заморскихъ [4]). Болтинъ полагаетъ, что причиною скораго принятія христіанства было давнее знакомство съ нимъ въ Кіевѣ; о слѣдствіяхъ принятія христіанства онъ го-

[1]) I, стр. 16.

[2]) I, стр. 66.—[3]) I, стр. 176.—[4]) I, стр. 203.

ворить [1]), что для успѣшнѣйшаго дѣйствія новой религіи на нравы народа «потребно было ученіе, просвѣщеніе, примѣры и попеченія Государя и начальниковъ, многіе труды и немалое время. Вижу я въ послѣдствіи Владимірово попеченіе о томъ, средства надежныя, употребляемыя имъ на сей конецъ, но за неимѣніемъ достаточныхъ орудій, сумнѣваюсь о знатномъ въ намѣреніи его успѣхѣ. Цѣлаго государства перемѣнить нравы, смягчить жестокія сердца варваровъ, дикихъ, каковыми мнитъ быти авторъ (к. Щербатовъ) Руссовъ тогдашняго времени, въ толь короткое время было бы чудо несравненно бо́льшее, нежели стонаніе и рыданіе идола, влекомаго къ потопленію въ Кіевѣ, и другаго такогожъ въ Новѣгородѣ человѣческимъ гласомъ провѣщаніе».

VII. Ѳ. А. Эминъ.

Въ то время, какъ Щербатовъ началъ задумываться надъ поразительными явленіями Русской исторіи; въ то время, какъ онъ оказалъ важную услугу, познакомивъ русскихъ впервые съ исторіею позднѣйшихъ временъ, начиная съ Іоанна III-го, и приложивъ къ своему сочиненію драгоцѣнные источники, хранившіеся въ архивахъ грамоты, статейные списки, и проч.; въ то время, какъ талантливый Болтинъ указалъ ошибки Щербатова, и такимъ образомъ далъ русскимъ читателямъ необходимое дополненіе къ книгѣ послѣдняго: — въ это время *риторическое* направленіе продолжалось и достигло самыхъ непріятныхъ крайностей въ сочиненіяхъ Эмина и Елагина. Книга Эмина носитъ заглавіе: «Россійская Исторія—Жизни всѣхъ древнихъ отъ самаго начала Россіи Государей, всѣ великія и вѣчной достойныя памяти Императора Петра Великаго дѣйствія, его наслѣдницъ и наслѣдниковъ ему послѣдованіе и описаніе въ Сѣверѣ златаго вѣка во время царствованія Екатерины Великой въ себѣ заключающая». Эминъ хвалится въ предисловіи, что оказываетъ услугу, очищая Русскую исторію отъ разныхъ несходныхъ съ правдою повѣствованій и отъ многихъ суевѣрій. Для этой очистки онъ беретъ Богъ знаетъ какіе источники, Богъ знаетъ какіе списки лѣтописей, и начинаетъ витійствовать, сочиняя факты и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, не щадя никакихъ средствъ для достиженія своей цѣли, т. е. для украшенія разсказа. «Долженъ я всѣхъ увѣдомить», говоритъ онъ, «что многія рѣчи, которыя въ сей исторіи разныя говорятъ лица, выдуманы; напр. рѣчь, которую говоритъ Гостомыслъ къ мятущемуся народу, уговаривая оный, дабы призвать Рюрика на владѣніе, ни въ одномъ нашемъ лѣтописцѣ не обрящется. Но если Гостомыслъ оной не говорилъ, то по малой мѣрѣ долженъ былъ говорить что-нибудь тому подобное, чтобы взволновавшійся, гордый и ничего не разсуждающій народъ могъ усмирить, и привести къ здравому разсужденію. Естьлибы онъ такъ, какъ пишутъ наши лѣтописцы (с. е. авторъ Ядра) только сказалъ: мы всѣ потеряли разумъ; единства не знаемъ; должно намъ призвать изъ чужой земли Государя,—то за таковое увѣщаваніе онибъ его въ куски изрубили; но конечно онъ имъ говорилъ рѣчь, наполненную важными причинами и доказательствами, что умѣлъ ихъ склонить къ толь великому и странному предпріятію. Можетъ статься Гостомыслова рѣчь была важнѣе и гораздо трогательнѣе той, которая въ сей книгѣ изображена; но я сообразуюсь съ тогдашнимъ временемъ, въ которое краснорѣчія, или лучше сказать, протяженнаго и пухлаго штиля не знали, старался говорить языкомъ каждаго человѣка состоянію сроднымъ, составляя разныя рѣчи по большей части со всевозможной важности причинъ и обстоятельствъ. Такую вольность проститъ мнѣ каждый, когда я скажу, что всѣ историки думали, что имъ оная не только дозволительна, но и необходимо нужна для того, чтобъ можно было исторію различить отъ сказки. Многія сказки имѣютъ въ себѣ много правды, но исторіею ихъ назвать нельзя, которой свойство состоитъ въ томъ, дабы не только человѣческое любопытство увѣдомлять о прошедшихъ дѣлахъ, но и важностію рѣчей и разными полезными разсужденіями научать тѣхъ, кои довольнаго просвѣщенія не имѣютъ. Когдаже бы только просто безо всякихъ поучительныхъ разсужденій историческія дѣйствія были описаны, то многіе, естьлибы имъ въ подобныя обстоятельства впасть случилось, не знали бы, какъ себѣ или другимъ помочь, и отъ оныхъ или свободиться, когда они вредныя, или онымъ слѣдовать, когда полезны».

Говорить о религіи славянскихъ племенъ Эминъ не хочетъ по слѣдующимъ причинамъ [2]): «Разные оные народы разныя имѣли вѣры, которыхъ описаніе былобы напрасно, какъ потому, что историки ни въ повѣствованіи о томъ весьма несогласны, такъ по той причинѣ, что читателямъ весьма бы противно было читать такія древнія обыкновенія, которыя нынѣ и ушамъ человѣческимъ противны; да и что за польза видѣть на письмѣ мерзость въ невѣжествѣ погруженнаго народа? Правда, что любопытство человѣческое и такія описанія довольствовать могутъ. Но не долженъ ли лѣтописецъ въ описаніи своемъ скромность въ высочайшей наблюдать степени?»—Несогласіе историковъ, удержавшее Эмина отъ миѳологическихъ изслѣдованій, не могло удержать его отъ вопроса о происхожденіи племенъ, и мы обязаны ему мнѣніемъ, что авары были славяне [3]): «Изъ всѣхъ Славянскаго народа колѣнъ», говоритъ онъ: «Обріи были жестокосердѣе и храбростію своею всѣхъ своихъ иноплеменцовъ превосходили». Говоря о Чудскомъ племени, Эминъ не удержался, чтобъ не сказать о главномъ божествѣ его Юмалѣ; онъ измѣнилъ здѣсь своей привычкѣ не говорить о языческихъ божествахъ, потому что не хотѣлъ скрыть отъ своихъ читателей слѣдую-

[1]) I, стр. 287.

[2]) I, стр. 17.—[3]) I, стр. 21.

*

щей геніальной догадки [1]): «Сей народъ (Чудь) поклонялся идолу Ямаллу. Ливонцы и Финцы тѣмъ именемъ Бога называютъ. Чаятельно, что нѣкоторые Африканцы въ то время въ Чудь по какому нибудь случаю преселились, и отъ нихъ произошли нѣкоторыя знатныя Россійскаго дворянства фамиліи. Ибо между Готами множество Славянъ и Чуди воевало, а тѣ съ оружіемъ своимъ до Африки простирались. Константинъ Порфирогенитъ, Царь Греческой, въ Администраціи своей пишетъ, что Руссы и Чудь издревле даже до Египта ѣзжали моремъ. Почему неудивительно, что между Чюдами Рускими жили многіе Египтяне и Африканцы. Отъ того произошло, что въ Чюдскомъ языкѣ не мало есть словъ Арабскихъ. *Я Алла* есть слово Африканское, или, лучше сказать, Арабское, которымъ то языкомъ всѣ Африканцы говорятъ. Арабы въ случаяхъ своего несчастія употребляютъ сіе восклицаніе: я Алла! т. е. о Боже! Статься можетъ, что въ Чюди поселившіеся Африканцы, употребляя въ своихъ злоключеніяхъ восклицательнымъ образомъ имя Божіе, были тому причиною, что Чюды, здѣлавъ себѣ идола, дали оному имя вмѣсто я Алла—Ямалла, а потомъ Финцы и прочіе народы тѣмъ именемъ Бога называть начали».

Мы видѣли, что Эминъ въ предисловіи обѣщалъ заставить Гостомысла говорить рѣчь, сообразную духу того времени; вотъ эта рѣчь [2]): «Вижу, что между нами единства нѣтъ. Каждый изъ насъ по своей мысли и прихоти править и судить хочетъ, не знавъ, что его правленіе немного продолжится, и что отъ частыхъ такихъ перемѣнъ земли наши разорятся. Непріятели къ намъ придутъ, поймутъ нашихъ женъ и будутъ творить съ ними по своей волѣ и похоти. Мы съ дѣтьми нашими будемъ привязаны по хлѣвамъ, и будутъ насъ продавать вмѣсто скота. А кто не имѣетъ воловъ, тотъ на хребтѣ нашемъ все потребное возить будетъ. Дѣвицы наши претерпятъ безчестное насиліе, и мы, зря чады наши стыдомъ и кровію покрыты, будемъ слезами обливаться, не могучи имъ сотворити никакого вспоможенія. Помыслите, друзья, о семъ, и ужаснитесь въ сердцахъ вашихъ», и проч. Прибытіе Рюрика съ братьями описывается слѣдующимъ образомъ [3]): «Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ со многочисленною свитою прибыли къ Славянамъ, которые, вышедъ изъ города нѣсколько верстъ, встрѣчали ихъ съ чрезмѣрною радостію. Гостомыслъ больше всѣхъ былъ радъ прибытію сихъ Князей, отъ которыхъ онъ надѣялся отрады и свобожденія отечества отъ междоусобія, которымъ оно многократно было угнетаемо. Князья—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ столько къ народу показывали благосклонности, сколько оный имѣлъ радости, увидя сихъ смиреннаго вида Князей.»—О бракѣ Игоря съ Ольгою читаемъ [4]): «Бракосочетаніе ихъ было торжествовано съ великою радостію народа, и съ приличными такому случаю увеселеніями; ибо въ то время первый изъ Славянскихъ Князей въ Сѣверѣ владѣющихъ былъ Игорь, который торжественно съ Ольгою и при множествѣ народа во храмѣ Перуна вступилъ въ супружество. По той причинѣ радость и удивленіе народа думать можно, что были чрезвычайны.»—Нападеніе воиновъ Ольги на Древлянъ описывается такъ [5]): «Яко разъяренные львы, которые долгое время не имѣя пищи, нашедъ какого либо звѣря, въ малыя онаго терзаютъ частицы; такъ Кіевцы долгое время слушая Древлянъ, поносящихъ бывшаго ихъ государя имя, и за то отмстить времени ожидая, съ чрезмѣрною на нихъ бросались яростію, и въ мѣльчайшія мечами своими ихъ разсѣкали частицы. Ольга паки взошедъ на могилу своего супруга, прослезясь, сіи промолвила слова: Пріими, любезный супругъ, сію жертву, и не думай, что она послѣдняя. Сколько силъ моихъ будетъ, стараться не премину о конечномъ убійцевъ твоихъ разореніи.»—Святославъ, на совѣты Ольги принять христіанство, отвѣчаетъ слѣдующею рѣчью [6]): «Нелегко и недолговременную перемѣнить привычку; кольми паче трудно законъ истребить изъ памяти, къ коему человѣкъ привыкъ съ младолѣтства, и къ которому при началѣ нашей жизни родителями нашими почтеніе внушено. Я теперь намѣренъ испытать ту подданныхъ моихъ любовь, которой давно великіе вижу опыты. Естьли же теперь предъ моимъ походомъ стану ихъ принуждать, чтобы они отъ своего отступили закона, то любовь ко мнѣ въ сердцахъ ихъ погаснетъ. Положимъ, хотя бы они теперь и крестились; но я сегодня отправляюсь въ походъ; полки мои уже всѣ выступили въ поле. Въ одинъ день, ниже въ недѣлю, естьлибъ я и на столько хотѣлъ отложить свой походъ, христіанскому закону они обучиться не могутъ, а свой потеряютъ; въ такомъ случаѣ будутъ они со мною продолжать путь, не имѣя никакого закона. Чего же можно надѣяться отъ людей, звѣрямъ подобныхъ и никакого закона не знающихъ? и проч.»—Какое Эминъ самъ имѣлъ мнѣніе о своихъ заслугахъ, видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Могутъ со временемъ такія сыскаться лѣтописи, которыя исторію мою или поправятъ, либо обогатятъ, и такія пера, которыя будутъ счастливѣе моего; но то сказать смѣю, что большую половину тернистой и густотою суевѣрія, непросвѣщенія и противорѣчій заросшей дороги я имъ очистилъ, а индѣ и совсѣмъ новыя открылъ стези, которыя прежде моего писанія были неизвѣстны.»

VIII. И. П. Елагинъ.

Риторическая школа еще не достигла своихъ крайностей въ сочиненіи Эмина: она достигла ихъ въ сочиненіи Елагина—*Опытъ повѣствованія о Россіи*. Елагинъ, подобно Эмину, былъ литераторъ, славился своимъ краснымъ слогомъ, и вотъ,

[1]) I, стр. 39.—[2]) I, стр. 59.—[3]) I, стр. 70.—[4]) I, стр. 114.

[5]) I, стр. 189.—[6]) I, стр. 210.

на старости лѣтъ, счелъ за полезное посвятить этотъ свой красный слогъ отечественной исторіи. Елагинъ самъ объявляетъ на первыхъ строкахъ предувѣдомленія, что онъ принялся за сочиненіе Русской Исторіи такъ, отъ нечего дѣлать: «Не тщеславіе, но непривычка къ праздности и времени избытокъ суть виною сего сочиненія.» Риторическое направленіе Елагина высказалось въ его отзывѣ о предшествовавшихъ ему писателяхъ Русской Исторіи; онъ говоритъ, что «не нашелъ въ нихъ ничего дѣяніямъ достойнаго; нѣтъ въ нихъ ни слога приличнаго, ни описанія важности, ни верви, повѣствованію свойственной, ниже внимательнаго къ разбору дѣлъ и къ услажденію читателя старанія. Слабое въ лѣтописяхъ изображеніе лицъ дѣйствующихъ весьма недостаточно къ возбужденію страстей правилами витійства, отъ писателей требуемаго; и самыя предлагаемыя безъ причинъ и порядка дѣйствія недовольны къ удовлетворенію любопытства».—«Повѣствователь», по мнѣнію Елагина, «занимаетъ краткостію наше соображеніе и остротою разсудокъ. Онъ учитъ насъ любомудрію и политикѣ, но не вводитъ въ скучное училищъ преподаяніе. Се есть существенная его должность!» И вотъ, съ цѣлію научить любомудрію и политикѣ, Елагинъ объявляетъ, что въ Новгородѣ, во времена язычества, былъ сенатъ, диктатура, Magister equitum, что посадникъ былъ вмѣстѣ и верховнымъ жрецомъ [1]); въ Холмоградѣ, недалеко отъ Новгорода, Елагинъ почелъ необходимымъ помѣстить сѣдалище первосвященника, хранилище боговъ и капище идолослуженія [2]). О религіи древнихъ славянъ авторъ говоритъ, что «вѣра нашихъ предковъ ослѣпляла таже самая, какая въ Египтѣ, Греціи и Римѣ была: Сатиры или лѣшіе землю, Нимфы или русалки воду, а неугасимые по многимъ мѣстамъ огни, огнь и полетъ вѣщающихъ птицъ воздухъ у нихъ представляли [1])». Изъ упомянутаго описанія новгородскаго устройства уже можно догадаться, на какія ходули будутъ подняты послѣдующія явленія: такъ напр. описывается состояніе Кіева при Олегѣ [2]): «По прошествіи Угровъ до 902 лѣта упражнялся Олегъ въ благоустроеніи государства и въ утвержденіи въ подданствѣ народовъ покоренныхъ. Кіевъ подъ державою его вознесъ горделивую главу надъ пространствомъ земель обширныхъ и надъ множествомъ городовъ, ему подверженныхъ. Стеченіемъ отвсюду народа распространился сей престольный градъ, и Греческая въ зданіи домовъ красота являться въ немъ стала. Торговля привлекла Болгаровъ и прочихъ чужеземцевъ, и приносила въ него богатство; а Цареградцы, дѣющіе куплю, благонравіе поселяли». Битву кіевскихъ полковъ съ древлянами, когда ребенокъ Святославъ пустилъ первое копье, упавшее къ ногамъ его лошади, Елагинъ описываетъ такъ [3]): «Святославъ, подобно юному льву, первое стадо овецъ гонящему, летаетъ по рядамъ вражіимъ, и лютая смерть предъ пѣнящимся въ ярости конемъ его паритъ. Все падаетъ отъ мышцъ его размаховъ. Кони и всадники супостатъ пораженныхъ бугристый творятъ за нимъ помостъ; а противостоящихъ ему ни броня, ни отважность, ни самый бѣгъ отъ смертоносныхъ его ударовъ не спасаютъ. Ліющаяся струями окрестъ его кровь указуетъ его слѣды вождямъ и ратникамъ, безстрашно ему слѣдующимъ. Непріятель уступаетъ храбрости; облегчается бросаніемъ тяжкаго оружія и совершенному вдается побѣгу. Страхъ и мечь бѣгущихъ ко граду провождаютъ; одни тѣснятся во врата и затворяются въ стѣнахъ; другіе остаются за рвомъ, и въ жертву смерти на бранномъ предаются полѣ; а прочіе всѣ разными путями въ разные града свои удаляются. Тако кончился бой, и побѣда первыми Святослава увѣнчала лаврами. Безъ отдохновенія посылаетъ герой отряды войскъ своихъ на покореніе области и градовъ отдаленныхъ; а самъ облежаніе Искореста предпріемлетъ.»—Елагинъ довершаетъ свой трудъ достойнымъ образомъ, утверждая, что лѣтописное преданіе о присылкѣ къ Владиміру пословъ отъ разновѣрныхъ народовъ съ увѣщаніями было не иное что, какъ театральное представленіе, устроенное гречанкою, женою в. князя [4]).

[1]) Стр. 120.—[2]) стр. 194.—[3]) стр. 256.

IX. Митрополитъ Платонъ.

Надъ сочиненіемъ Эмина произнесъ строгой приговоръ Шлёцеръ, надъ сочиненіемъ Елагина митрополитъ Платонъ, котораго трудъ («Краткая церковная Россійская Исторія») съ честію заканчиваетъ въ нашей исторической литературѣ XVIII-й и начинаетъ XIX-й вѣкъ. Подобно Елагину, и Платонъ занялся своимъ трудомъ въ преклонной старости, 68 лѣтъ, но, въ противоположность автору «Опыта», запечатлѣлъ свое сочиненіе печатію могучаго, юнаго таланта. Мы приведемъ сперва отзывъ Платона объ Елагинѣ [5]): «Не могу оставить при семъ, чтобъ не упомянуть о странномъ повѣствованіи писателя помянутаго Опыта, который, въ противность всѣхъ нашихъ лѣтописцевъ, не пріемлетъ, чтобъ къ Владиміру были посланные отъ разныхъ народовъ, склоняющіе его къ принятію каждый своея вѣры, а утверждаетъ, что сіе все представляла на театрѣ жена Владимірова... Таковое суетное и изъ неочищеннаго духа произшедшее мечтаніе и опроверженія не тре требуетъ, яко съ перваго взгляду само собою странное. Какіе при Владимірѣ театры? Какія въ Греческихъ монастыряхъ у монахинь театральныя представленія?.. Мню, что сіе произошло отъ излишняго о себѣ самомъ мечтанія, и чтобъ блеснуть какою-нибудь новизною, можетъ быть увѣряя себя, что и другимъ таковымъ же, каковъ онъ, будетъ служить то къ увеселенію... Я почитаю сіе плодомъ малопросвѣщеннаго, но высокомѣрнаго о себѣ воображенія; онъ, какъ бы любуясь, самъ себѣ говорилъ: *чего не знаю я*»?—

[4]) Стр. 392.—[5]) I, стр. 27.

Для образца собственныхъ взглядовъ Платона приведемъ сужденіе его о древней славянской религіи, которое и теперь поражаетъ насъ своею свѣжестію и вѣрностію: «Примѣчанія достойно, что въ Руси едвали были храмы и жрецы. Лѣтописцы пишутъ, что Перуновъ идолъ стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ; тотъ же Перунъ въ Новѣгородѣ, на берегу рѣки Волхова; въ Ростовѣ богъ Велесъ или Волосъ на полѣ; а нигдѣ въ лѣтописцахъ нашихъ ни о храмахъ, ни о жрецахъ не упоминается. И кажется никакъ бы нельзя оставить, чтобъ гдѣ-нибудь лѣтописцамъ не помянуть, что при введеніи Христіанства храмы ихъ разрушены, или на церкви премѣнены, такъ какъ въ исторіяхъ другихъ народовъ обыкновенно о семъ упоминается, особливо, когда повѣствуютъ о разрушеніи идоловъ: какъ же миновать, чтобъ о ихъ храмахъ ничего не воспомянуть, ежели они были? Поминается, что при разрушеніи идоловъ истребляемы были и *требища;* но требища не суть храмы, или капища, а жертвенники или особо устроенныя, открытыя мѣста, на коихъ жертвы приносимы были. Да и никакихъ нигдѣ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ не найдено ни развалинъ, ни слѣдовъ, чтобъ тамъ были когда-либо языческіе прежнихъ Русскихъ храмы, хотя таковыя развалины во многихъ народахъ, гдѣ были храмы, и доселѣ видны. Но и о жрецахъ никакъ бы не могло быть опущено, чтобъ объ нихъ не помянуть гдѣ нибудь; особливо, что ежели кому, то жрецамъ должно было быть весьма прискорбно разрушеніе идолопоклонства и ихъ прежняго служенія и состоянія. И конечнобъ не оставлено было сказать, что они о томъ или негодовали, или противились, или какія представленія дѣлали, или при отправленіи жертвъ дѣйствовали. Но всего того ни въ какой нашей лѣтописи не примѣтно. Требовали, напр., Христіанина на закланіе богамъ: сіе бы весьма могло присвоено быть жрецамъ, по ненависти ихъ и злобѣ къ Христіанству; но сего нѣтъ. А сказано въ Несторѣ, что сего требовали *старцы,* т. е. старѣйшины, и князи, и народъ. Изъ сего можно заключить, что всякъ могъ жертву приносить идоламъ, на открытыхъ мѣстахъ стоящимъ, когдабъ по какимъ либо случаямъ заблагоразсудилъ. А потому едвали были какіе либо установленные для празднованія дни, или для жертвоприношенія обряды. Всякъ, какъ хотѣлъ, и когда хотѣлъ, жертву приносилъ, и правиломъ служило обыкновеніе. Ежели сіе правда, что въ Руси ни храмовъ, ни жрецовъ не было, какъ то безъ дальняго сумнѣнія утвердить слѣдуетъ: то сіе можетъ почесться весьма примѣтнымъ знакомъ Русскаго народа, отличающимъ его отъ всѣхъ почти другихъ народовъ. Сіе особенное Русскаго народа свойство чему приписать? особенному ль просвѣщенію, что они почли обиднымъ для боговъ, чтобъ ихъ въ храмахъ, яко въ темницѣ заключать, а служить имъ на открытомъ воздухѣ, и всякому почитать себя жрецомъ боговъ, или крайнему невѣжеству и дикости? О семъ предоставляю другимъ разсуждать и заключать».— Знаменитый старецъ отступилъ передъ страшнымъ вопросомъ, о рѣшеніи котораго должны были завести горячій споръ послѣдующія поколѣнія уже относительно всей нашей древней исторіи.

Нельзя также не привести мнѣнія Платона о Самозванцѣ. Уже князь Щербатовъ догадывался, что первый Лжедимитрій былъ орудіемъ для чужихъ замысловъ. Митрополитъ Платонъ также утверждаетъ, что Самозванецъ былъ подставленъ другими; вотъ его слова: «Утверждая общее со всѣми нашими писателями, что Гришка не былъ царевичъ Димитрій, но точный Самозванецъ, отваживаюсь изъявить мое новое мнѣніе, что сей первый самозванецъ не былъ и Гришка Отрепьевъ, дворянина Галицкаго сынъ, но нѣкто подставной, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ; или, можетъ быть, и самый Гришка Отрепьевъ, Галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный; а не тотъ, котораго наши лѣтописцы выдаютъ; или и тотъ, но не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило, какъ они описываютъ, утверждая свое описаніе только на однихъ наружныхъ и открывшихся обстоятельствахъ, а не проницая во глубину сего злохитраго и огромнаго замысла... [1]). Мнѣніе же сіе утверждаю я нижеслѣдующимъ: совсѣмъ непостижимо, а потому и невозможно, чтобъ мелкаго дворянина сыну, въ дальнемъ и дикомъ Галицкомъ уѣздѣ воспитанному, и въ самой младости, 14 или 15 лѣтъ сущему, могло прійти когда на мысль, чтобъ себя почесть и разглашать, что онъ царевичъ Димитрій [2]), и проч.» Платонъ приписываетъ подстановку Лжедимитрія іезуитамъ.

Возвышаясь талантомъ, правильностію историческаго взгляда надъ современными историками, митрополитъ Платонъ отличался отъ Елагина съ товарищи и скромностію, съ какою отзывался о своемъ незабвенномъ трудѣ: «О семъ моемъ сочиненіи я не велемудрствую, и не почитаю оное въ своемъ родѣ совершеннымъ, но еще можетъ быть и недостаточнымъ, а негдѣ, мню, и погрѣшительнымъ. Но по крайней мѣрѣ, по неимѣнію доселѣ никакой церковной Россійской исторіи, послужитъ оно въ духовныхъ училищахъ къ нѣкоторой пользѣ, хотя на время, а тѣмъ, кои просвѣщеннѣе, и съ большимъ въ сію матерію вниманіемъ взойдутъ, подастъ оно случай обстоятельнѣе и исправнѣе издать Россійскую церковную исторію. Почему отъ таковыхъ и ожидаю, что они недостатки мои своимъ благоразуміемъ дополнятъ и погрѣшности исправятъ, и въ большей полнотѣ и точности издадутъ повѣствованіе о дѣяніяхъ Россійской Церкви. А всѣхъ читателей прошу, дабы найдя какіе либо въ семъ изданіи недостатки, извинили меня моею старостію: ибо уже бывъ 68 лѣтъ въ сей трудъ вступилъ я».

[1]) Стр. 168.—[2]) стр. 172.

Н. М. Карамзинъ и его „Исторія государства Россійскаго“.

I.

Въ 1432 году былъ споръ въ Ордѣ между великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и дядею его, Юріемъ Дмитріевичемъ Звѣнигородскимъ, причемъ послѣдній доказывалъ права свои лѣтописцами и старыми списками. Сынъ Василія, Іоаннъ III, приводя новгородцевъ въ свою волю, велѣлъ дьяку своему вычислить посламъ ихъ по лѣтописямъ всѣ вины Новгорода передъ великимъ княземъ. Внукъ Іоанна III, споря съ потомкомъ князей ярославскихъ, изъ лѣтописей бралъ доказательства въ свою пользу. Но во второй половинѣ XVII вѣка непосредственное пользованіе лѣтописями и старыми списками оказалось ужъ неудобнымъ: явилась потребность собрать ихъ, явилась потребность составить изъ нихъ что-нибудь болѣе стройное, выбрать существенное, необходимое для непосредственнаго пользованія. Матвѣевъ составилъ для царевича Ѳеодора Алексѣевича «Описаніе всѣхъ великихъ князей и царей россійскихъ въ лицахъ съ исторіями»; извѣстный дьякъ Грибоѣдовъ написалъ для того же государя Русскую Исторію въ 36 главахъ.

Исторія Грибоѣдова написана была для государя и осталась во дворцѣ; но ужь при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ учреждена была Славяно-Греко-Латинская Академія въ Москвѣ; при братѣ его, Петрѣ, училища умножались; понадобились учебныя книги, руководства. Руководства для другихъ наукъ легко было пріобрѣсти: стоило только перевесть извѣстныя сочиненія съ иностранныхъ языковъ, или составить свои учебники по иностраннымъ образцамъ. Но откуда было взять руководство къ изученію русской исторіи? Петръ-Великій велѣлъ написать Русскую Исторію справщику типографіи, Ѳедору Поликарпову. Поликарповъ былъ человѣкъ грамотный, зналъ погречески; но все это не могло дать ему средствъ къ написанію русской исторіи, для чего нужно было особое приготовленіе. Поликарповъ могъ написать исторію Славяно-Греко-Латинской Академіи, потому-что собыя этой исторіи были на его памяти; сбора матеріаловъ, большихъ справокъ, трудныхъ разысканій не требовалось; но какъ могъ онъ приступить къ составленію Русской Исторіи, когда ничто не было приготовлено, ничто не было приведено въ извѣстность, ничто не сведено, не соглашено, не оцѣнено? Опытъ Поликарпова почему-то не понравился Петру Великому.

Но потребность хотя въ какомъ-нибудь руководствѣ для изученія отечественной исторіи была нудящая, и вотъ Ѳеофанъ Прокоповичъ составилъ «Родословную Роспись великихъ князей и царей русскихъ» на большомъ листѣ, гдѣ подъ каждымъ лицомъ находилось краткое описаніе его дѣлъ съ показаніемъ времени кончины. Этотъ трудъ, для насъ теперь столь легкій, былъ тяжекъ для Ѳеофана, какъ для начинателя: «Произведеніе это», говоритъ онъ, «маленькое по объему, стоило мнѣ тяжкихъ усилій, потому-что я долженъ былъ перебрать лѣтописи русскія и польскія, и опредѣлить, въ которыхъ изъ нихъ что показано вѣрнѣе». Въ то же время, въ шведскомъ плѣну, Манкіевъ писалъ *Ядро россійской исторіи*», изданное поздно, и долго употреблявшееся какъ учебникъ. На первой части этого труда, по самому характеру извѣстій, всего болѣе отразились недостатки времени, недостатки ученаго приготовленія; но во второй части событія разсказываются довольно обстоятельно и вѣрно. Вообще трудъ Манкіева представляетъ очень-замѣчательную для своего времени попытку, особенно если сравнить его съ кіевскимъ Синопсисомъ.

Тяжкіе труды долженъ былъ употребить тотъ, кто хотѣлъ составить сколько-нибудь-вѣрную роспись владѣтельныхъ лицъ съ краткимъ извѣстіемъ о ихъ дѣяніяхъ. Кто не хотѣлъ, не умѣлъ или не могъ перебрать лѣтописей и отыскать въ нихъ извѣстія достовѣрнѣйшія, тотъ предлагалъ своимъ читателямъ и ученикамъ странности, которыя находимъ въ Синопсисѣ и въ первой части «Ядра». Но вотъ ужь между современниками и сотрудними Петра Великаго нашелся человѣкъ, который рѣшился собрать и разобрать матеріалъ, дать соотечественникамъ своимъ средства узнать и изучить источники русской исторіи въ возможной полнотѣ, и вмѣстѣ дать правило и примѣръ, какъ пользовать-

ся предложенными источниками: этотъ человѣкъ былъ В. Н. Татищевъ.

Заслуга Татищева состояла именно въ томъ, что онъ началъ съ того, съ чего именно слѣдовало начать: оставилъ попытку не по силамъ ни своимъ, ни чьимъ бы то ни было въ его время— писать прагматическую русскую исторію, и употребилъ тридцатилѣтній трудъ для того только, чтобъ собрать, свести источники и, оставя этотъ сводъ нетронутымъ, на сторонѣ, въ примѣчаніяхъ попытаться впервые дополнить, уяснить и подвергнуть критикѣ лѣтописныя извѣстія. Но важность такого труда не была понята современниками: тѣ, которые были знакомы съ иностранными историческими трудами, древними и новыми, хотѣли Русской Исторіи, а не свода лѣтописей, и потому неблагосклонно приняли трудъ Татищева, отзываясь, что авторъ его не имѣетъ достаточно философіи. Съ другой стороны, нашлись люди съ противоположными понятіями, которые сочли дерзостью попытку подвергнуть критикѣ источники— и трудъ Татищева остался неизданнымъ до временъ Екатерины II-й. Между-тѣмъ, дѣло просвѣщенія въ Россіи шло впередъ: академики, иностранцы и русскіе писали изслѣдованія по разнымъ отраслямъ наукъ, даже по русскимъ древностямъ; но Русской Исторіи все еще не было. Шуваловъ предложилъ патріотическій подвигъ написанія отечественной исторіи первому таланту времени—Ломоносову. Ломоносовъ принялъ предложеніе, прося только часы отдыха посвящать наукамъ естественнымъ, и тѣмъ самымъ показывая при какомъ сокровищѣ было его сердце; могучій талантъ его не осилилъ препятствій, сопряженныхъ съ трудомъ новымъ, къ которому у него не было ни призванія, ни приготовленія. Вмѣсто системы, онъ предложилъ натянутое сходство хода русской исторіи съ ходомъ римской, и, считая цѣлью исторіи прославленіе подвиговъ, представилъ, вмѣсто Русской Исторіи, начальную лѣтопись, изукрашенную цвѣтами краснорѣчія.

Глубже взглянулъ на свое дѣло князь Щербатовъ, начавшій писать Русскую Исторію во второй половинѣ XVIII вѣка. Щербатовъ, подобно всѣмъ своимъ образованнымъ современникамъ, зналъ исторію всѣхъ другихъ народовъ лучше, чѣмъ исторію своего, когда началъ писать ее, и потому неудивительно, что онъ не могъ понять ея хода, уразумѣть ея особенностей; неудивительно, что нѣкоторыя явленія русской исторіи показались ему странными; но въ томъ-то и состоитъ заслуга князя Щербатова, что онъ обратилъ особенное вниманіе на это явленіе, считая главною обязанностью историка объясненіе причинъ событій. При этомъ поражаетъ насъ еще необыкновенная добросовѣстность князя Щербатова: считая своею главною обязанностью объяснить причину явленія, онъ не хочетъ отстать отъ какого-нибудь труднаго явленія (какъ, напримѣръ, родовыя княжескія отношенія, характеръ Іоанна IV и т. п.), пока не объяснитъ его сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ, для чего по нѣскольку разъ обращается къ одному и тому же предмету. Нѣкоторыя явленія объяснены Щербатовымъ удачно, даже удачнѣе, нежели какъ объясняли ихъ писатели позднѣйшіе; объясненіе другихъ ему не удалось; но за нимъ осталась заслуга перваго объясненія, первой остановки надъ предметомъ, заслуживающимъ вниманія въ наукѣ.

Мы указали достоинства сочиненія князя Щербатова; односторонній отзывъ о немъ, съ указаніемъ слишкомъ ужь придирчивымъ однихъ недостатковъ былъ сдѣланъ современникомъ автора, талантливымъ Болтинымъ. Болтинъ не понялъ, или не хотѣлъ понять заслуги Щербатова относительно разработки нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ частностей; ему не нравилось въ его сочиненіи отсутствіе единства, отсутствіе одной общей мысли, одного общаго взгляда, который бы проникалъ все сочиненіе. Хотя нельзя признать справедливость всѣхъ требованій Болтина, хотя сочиненіе Щербатова иногда выигрываетъ тѣмъ, что авторъ его не руководится какимъ-нибудь однимъ взглядомъ въ родѣ болтинскаго, что даетъ ему болѣе простора, позволяетъ быть болѣе безпристрастнымъ, однако нельзя не признать важной заслуги Болтина, который первый поднялъ вопросъ объ отношеніи древней русской исторіи къ новой, первый привелъ въ живую связь прошедшее съ настоящимъ.

Таковы были важнѣйшіе труды по русской исторіи въ XVIII вѣкѣ; но, кромѣ попытокъ къ написанію полной подробной Русской Исторіи, мы видимъ рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, принадлежащихъ иностраннымъ членамъ Академіи, видимъ прекрасныя изслѣдованія Байера, изслѣдованія тѣхъ начальныхъ вопросовъ, гдѣ знаменитый въ свое время ученый могъ пользоваться доступными для него источниками византійскими и сѣверными; видимъ многостороннюю, полезную дѣятельность трудолюбиваго, хотя и неочень-даровитаго Миллера; видимъ важный приуготовительный трудъ Стриттера, наконецъ знаменитое сочиненіе Шлёцера, легшее прочнымъ основаніемъ критической обработки источниковъ нашей начальной исторіи; а между-тѣмъ дѣлались доступными источники для исторіи временъ болѣе-позднѣйшихъ изданіями Миллера, Щербатова, Новикова и другихъ. Были и тѣни въ этой картинѣ: являлись сочиненія Емина, Елагина, доведшихъ риторическое направленіе Ломоносова до послѣдней крайности; но эти сочиненія встрѣчены были справедливымъ негодованіемъ лучшихъ умовъ времени: противъ Емина вооружился Шлёцеръ, противъ Елагина— знаменитый Московскій митрополитъ Платонъ. Платонъ своею Церковною Исторіею достойно заключаетъ XVIII вѣкъ и благословляетъ наступленіе XIX-го, первая четверть котораго ознаменовалось появленіемъ *Исторіи Государства Россійскаго*. Каково же было отношеніе этого знаменитаго тру-

да къ трудамъ предшествовавшимъ? какъ удовлетворилъ онъ требованіямъ современниковъ и каково было его вліяніе на труды послѣдующіе?

Взглядъ автора на предметъ труда показанъ имъ въ предисловіи:

«Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

«Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи, и смотрятъ на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная страсть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

«Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она мирить его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія— и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

«Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому... Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію... Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

«Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній, тѣмъ болѣе отечественная... Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ нечужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть... Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Русская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ.

«Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею... Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества... могли составить одну державу? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія?.. Не надобно быть русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ седьмою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ Божественною вѣрою безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго».

Здѣсь въ первыхъ строкахъ мы видимъ опредѣленіе исторіи, или, лучше сказать, опредѣленіе важности исторіи, которая называется священною книгою народовъ, главною, необходимою, зерцаломъ ихъ бытія и дѣятельности и т. д. Слѣдующія затѣмъ строки служатъ какъ будто распространеніемъ, объясненіемъ этого опредѣленія: указывается польза исторіи для правителей, законодателей, потомъ показывается польза ея для простаго гражданина. Далѣе разсуждается объ удовольствіи, доставляемомъ исторіею. Наконецъ говорится о важности русской исторіи, во-первыхъ, для русскаго, и, во-вторыхъ, для каждаго мыслящаго, образованнаго иностранца.

Теперь припомнимъ, какъ смотрѣли на тотъ же самый предметъ писатели, предшествовавшіе Карамзину,—писатели XVIII вѣка.

Татищевъ, въ введеніи къ своему труду, предложивъ опредѣленіе исторіи, подъ которою разумѣетъ *дѣянія* въ смыслѣ всѣхъ явленій или приключеній, а не одних только дѣлъ человѣческихъ, предложивъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую и ученую, переходитъ къ пользѣ исторіи. По его словамъ, богословъ, юристъ, медикъ, администраторъ, дипломатъ, вождь не могутъ съ успѣхомъ исполнять всѣхъ должностей безъ знанія исторіи. Отъ пользы исторіи вообще Татищевъ переходитъ къ пользѣ исторіи отечественной. Онъ говоритъ: «Что собственно о пользѣ Русской Исторіи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области знаніе своей собственной Исторіи и Географіи весьма нужнѣе, нежели постороннихъ». Наконецъ, отъ пользы отечественной исторіи для русскаго, Татищевъ переходитъ къ пользѣ русской исторіи для иностранцевъ, и пользѣ иностранной исторіи для русскихъ. Здѣсь онъ показываетъ недостаточность одних туземныхъ источниковъ для составленія вполнѣ безпристрастной исторіи; съ другой стороны, иностранные историки безъ знанія Русской исторіи никакъ не могутъ уяснить себѣ исторію древнихъ народовъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, и потомъ иностранцы только чрезъ познаніе Русской исторіи могутъ получить средства опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами.

Итакъ мы видимъ, что взглядъ историка XIX

вѣка на свой предметъ въ главныхъ чертахъ сходенъ со взглядомъ историка XVIII вѣка: оба смотрятъ на исторію, какъ на науку опыта; оба слѣдуютъ одному порядку при изложеніи ея пользы. Но при сходствѣ воззрѣнія есть и разница: историкъ XIX вѣка ужъ предчувствуетъ въ исторіи науку народнаго самопознанія; говорятъ, что она есть дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Мы сказали «предчувствуетъ» потому, что это важное опредѣленіе нисколько не развито въ послѣдующей рѣчи, гдѣ, подобно историку XVIII вѣка, исторіографъ подробно развиваетъ пользу исторіи, какъ науки опыта, для различныхъ разрядовъ общественныхъ дѣятелей. При сходствѣ воззрѣнія на предметъ вообще должна быть разница въ подробностяхъ по самому разстоянію, раздѣлявшему время жизни обоихъ историковъ, по самому различію характера этого времени. Историкъ, бывшій свидѣтелемъ великихъ политическихъ бурь и потомъ возстановленія порядка; историкъ, писавшій при государѣ, который былъ главнымъ виновникомъ этого возстановленія, долженъ былъ обратить вниманіе преимущественно на то, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами обуздывалось ихъ бурное стремленіе, учреждался порядокъ. Свидѣтель великаго бѣдствія, нашествія иноплеменниковъ, историкъ XIX вѣка видитъ въ исторіи утѣшеніе для простаго гражданина въ государственныхъ бѣдствіяхъ: «Исторія должна свидѣтельствовать, что и прежде бывали бѣдствія подобныя, бывали еще ужаснѣйшія—и государство не разрушалось». Относительно общаго нравственнаго вліянія исторіи, оба писателя опять сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ: по словамъ Карамзина, исторія питаетъ нравственное чувство, праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости; по словамъ Татищева, «въ исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благопо лучіе, а порочнымъ, несмысленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ—безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное преслѣдуютъ, изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать».

Сказавъ о пользѣ, историкъ XIX вѣка распространяется объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ исторіею для сердца и разума, и прямо отъ пріятности исторіи вообще переходитъ къ большей пріятности исторіи отечественной для русскаго. Историкъ XVIII вѣка не говоритъ вовсе о пріятности исторіи; по его мнѣнію, для русскаго знаніе своей исторіи и географіи еще нужнѣе знанія исторіи и географіи чужихъ странъ—и только. Мы не станемъ отрицать здѣсь вліянія личной природы обоихъ писателей: Татищевъ и Карамзинъ были два разные человѣка, и потому могли различно смотрѣть на одинъ и тотъ же предметъ; но мы не должны также опускать изъ вниманія различіе въ характерѣ эпохъ, которыхъ оба они были представителями въ нашей литературѣ. Главною, единственною причиною всѣхъ дѣяній Татищевъ полагаетъ умъ, или отсутствіе его—глупость; разсчетамъ ума онъ подчиняетъ все; нравственное чувство остается у него въ сторонѣ: отсюда сухость, жестокость, односторонность въ приговорахъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ, непониманіе, неумѣнье оцѣнить нѣжное нравственное чувство, которое иногда заставляетъ человѣка дѣйствовать вопреки разсчетамъ ума. Но вотъ наступила вторая половина XVIII вѣка, и лучшіе представители времени высказали совершенно иныя мнѣнія: «Искусство (опытъ) доказало», говорятъ они, «что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина[1]). «Имѣй сердце—имѣй душу, и будешь человѣкомъ во всякое время. На все время—мода: на умы мода, на знаніе мода... Прямое достоинство въ человѣкѣ — душа. Безъ нея просвѣщеннѣйшій умница — жалкая тварь. Невѣжда безъ души — звѣрь. Чѣмъ умомъ величаться? Умъ, коль онъ только-что умъ,—самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ граждан. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ—чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума»[2]).

Карамзинъ былъ воспитанъ въ этихъ понятіяхъ, господствовавшихъ между лучшими людьми второй половины XVIII вѣка, и потому неудивительно, что подлѣ ума онъ постоянно даетъ мѣсто сердцу, чувствительности, и мало того, что даетъ имъ мѣсто, онъ даетъ имъ первое мѣсто; неудивительно, что, въ противоположность Татищеву, Карамзинъ оцѣняетъ поступки историческихъ дѣятелей преимущественно съ нравственной, такъ сказать, сердечной точки зрѣнія, требуетъ отъ нихъ прежде всего чувствительности. Для насъ, для которыхъ Карамзинъ и его великая дѣятельность есть ужъ явленіе изъ міра прошедшаго, эта его характеристическая черта очень-важна...

Понятно, почему Карамзинъ, кромѣ пользы, распространяется объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ исторіею *сердцу* и разуму; говоритъ, что, еще не думая о пользѣ, мы ужъ наслаждаемся въ исторіи созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность. Понятно намъ, почему, для объясненія важности отечественной исторіи для русскаго, Карамзинъ исключительно обращается къ сердцу своихъ читателей: «Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ нечужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть; сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожар-

1) Бецкій.
2) Фонвизинъ въ „Недорослѣ".

скаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская — украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ».

Карамзинъ разнится отъ Татищева и въ понятіи о важности Русской исторіи для иностранцевъ. Мы видимъ, что Татищевъ полагаетъ пользу изученія Русской исторіи для иностранцевъ въ томъ, что чрезъ это уяснится исторія древнихъ народовъ, въ Россіи обитавшихъ, и въ томъ еще, что иностранцы будутъ въ-состояніи опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. И здѣсь Татищевъ, какъ вездѣ, ограничивается одною научною пользою. Карамзинъ настаиваетъ на занимательность, увлекательность и, такъ-сказать, картинность Русской исторіи, которая должна нравиться и иностранцу. Отдаляясь отъ Татищева, Карамзинъ въ нѣкоторой степени приближается здѣсь къ другому писателю XVIII вѣка, Ломоносову, который говоритъ во вступленіи въ свою Исторію: «Всякъ, кто увидитъ въ Россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и героевъ Греческимъ и Римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшей нашъ недостатокъ во искусствѣ, каковымъ Греческіе и Латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Карамзинъ соглашается, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей; но утверждаетъ, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ; начинаетъ перечислять эти выдающіеся, самые красивые характеры въ Русской исторіи и оканчиваетъ перечисленіе словами: «или вся новая Исторія должна безмолствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе».

Но тотчасъ же послѣ этого онъ спѣшитъ оговориться: «Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожь, путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные».

Сознаваясь въ сухости, незанимательности удѣльнаго періода, Карамзинъ, впрочемъ, не хочетъ, чтобъ этотъ періодъ, бѣдный мыслями для прагматика и красотами для живописца, отнялъ у Русской исторіи много занимательности въ-сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, и потому ищетъ и въ послѣднихъ темныхъ мѣстъ. «Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣеписаніяхъ Древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳукидидова вымышленныя рѣчи, что останется?—голый разсказъ о междоусобіи Греческихъ городовъ... Скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ, и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ... Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва-ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ».

Несмотря на это, сухость древней Русской исторіи сильно тяготитъ историка; онъ даже задаетъ вопросъ: нельзя ли освободиться отъ нея? нельзя ли событія до Іоанна III-го представить въ краткихъ чертахъ, на нѣсколькихъ страницахъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателей? Карамзинъ, однако, не поддается этому искушенію; его спасаетъ нравственное чувство, нравственное, сердечное отношеніе русскаго человѣка къ его исторіи, къ судьбамъ его отцовъ: «Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ! Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ и писалъ объ Игоряхъ, о Всеволодахъ, какъ *современникъ*, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней Лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто *живыхъ*, *цѣлыхъ* образовъ, представлялъ единственно *тѣни*, *въ отрывкахъ*: то не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!»

Эти слова, сказанныя объ общей занимательности Русской исторіи, всего лучше опредѣляютъ взглядъ Карамзина на его предметъ: онъ смотритъ на исторію со стороны искусства. Вотъ почему такъ-называемый удѣльный періодъ, повидимому однообразный въ своихъ явленіяхъ, непредставляющій картинныхъ событій и характеровъ, для него сухъ, утомителенъ и можетъ быть выпущенъ для иностранцевъ...

Но если Карамзинъ, съ одной стороны, относительно взгляда на исторію приближается къ Ломоносову, то, съ другой, великій талантъ, необыкновенная добросовѣстность и тщательное, всестороннее приготовленіе умѣрили, возвысили, облагородили въ «Исторіи Государства Россійскаго» то направленіе, которое было доведено до такой крайности въ бездарныхъ произведеніяхъ Эмина и Елагина. Карамзинъ завидуетъ историкамъ, описывавшимъ событія современныя или близкія къ ихъ времени; въ подобнаго рода сочиненіяхъ, по его словамъ, блистаетъ умъ, воображеніе. Дѣеписатель, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда *творитъ*, не боясь обличенія, ска-

жетъ: *я такъ видѣлъ, такъ слышалъ*—и безмолвная критика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Но, принужденный описывать событія отдаленныя, извѣстія о которыхъ извлекаются изъ памятниковъ, Карамзинъ сознаетъ свою обязанность представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ. «Мы не можемъ (говоритъ онъ) нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ дѣеписаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно-сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая ужъ сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы».

Въ приговорѣ надъ такъ-называемымъ удѣльнымъ періодомъ Карамзинъ ужъ выказалъ отчасти свой взглядъ на древнюю Русскую исторію; полнѣйшаго выраженія этого взгляда мы должны искать въ его раздѣленіи Русской исторіи на періоды, которымъ онъ заключаетъ свое предисловіе. Но прежде посмотримъ, какъ дѣлили Русскую исторію писатели предшествовавшаго вѣка.

Татищевъ не имѣлъ въ виду обнять всю Русскую исторію; онъ хотѣлъ остановиться на избраніи царя Михаила Ѳеодоровича, и потому у него мы не можемъ искать полной системы Русской исторіи; что же касается до древней Русской исторіи, обнимаемой его сводомъ лѣтописей, то она у него раздѣлена на три части: 1) отъ 860 года до нашествія Татаръ; 2) отъ Татаръ до Іоанна III; 3) отъ Іоанна III до царя Михаила. Татищевъ указалъ грани, но не опредѣлилъ характера періодовъ. Ломоносовъ сдѣлалъ первую попытку въ этомъ родѣ и опредѣлилъ періоды Русской исторіи, сравнивая ихъ съ періодами исторіи Римской, болѣе другихъ ему извѣстной. Онъ удовольствовался, какъ выражается самъ, «нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній Россійскихъ съ Римскими, гдѣ находитъ владѣніе первыхъ королей, соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные грады, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству государей московскихъ». И Ломоносовъ, слѣдовательно, ограничился только одною древнею исторіею. Система Шлёцера обняла всю Русскую исторію до позднѣйшихъ (относительно автора) временъ. Онъ раздѣлилъ ее на пять періодовъ: 1) Россія рождающаяся, отъ 862 года до Святополка; 2) раздѣленная, отъ Ярослава до Монголовъ; 3) угнетенная, отъ Батыя до Іоанна III; 4) побѣдоносная, отъ Іоанна III до Петра-Великаго; 5) процвѣтающая, отъ Петра-Великаго до Екатерины II. Карамзинъ, прежде чѣмъ предложилъ собственное дѣленіе, почелъ нужнымъ опровергнуть Шлёцерово: «Сія мысль (говоритъ онъ) кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ ужъ вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одно время великаго князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на Древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на Среднюю, отъ Іоанна до Петра, и Новую отъ Петра до Александра. Система Удѣловъ была характеромъ первой эпохи, Единовластіе — второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ—третьей. Впрочемъ, нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ».

Чтобъ оцѣнить предложенное Карамзинымъ дѣленіе Русской исторіи, взглянемъ на возраженія, которымъ она подвергалась со стороны позднѣйшихъ писателей. «Карамзинъ (говорятъ возражатели), дѣля Русскую исторію на *древнюю*, *среднюю* и *новую*, очевидно принималъ эти слова въ томъ же значеніи, въ какомъ понимаютъ ихъ европейскіе ученые при разсматриваніи всемірной исторіи; то-есть: древняя исторія представляетъ міръ исчезнувшій; средняя служитъ переходомъ отъ древняго къ новому; новая объясняетъ начало и развитіе тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образовалась современная жизнь». Допустить эти основанія, значитъ, по мнѣнію возражателей, прійти къ ложнымъ умозаключеніямъ, потому-что надобно будетъ предположить, что со временъ Іоанна III, послѣ крутаго переворота, начался новый порядокъ вещей, измѣнились отношенія внутреннія и внѣшнія, и весь составъ государства былъ потрясенъ въ своихъ основаніяхъ. Но событія говорятъ противное: Іоаннъ III и преемники его развивали ту же мысль, которая родилась почти за полтораста лѣтъ до него въ головѣ Іоанна Калиты, именно: главною цѣлью всѣхъ государей московскихъ было сосредоточить Русскую Землю въ одно цѣлое, утвердить ее за своимъ родомъ, избавить отъ чуждаго вліянія монголовъ и поляковъ. Все старое оставалось по-старому, если только согласовалось съ политикою государей московскихъ. Удѣльная система исчезла не вдругъ, не при Іоаннѣ III: она стала исчезать при Іоаннѣ Калитѣ и рушилась окончательно при Іоаннѣ IV. Иго монгольское равнымъ образомъ ослабѣвало исподоволь, съ постепеннымъ развитіемъ могущества московскаго, отъ Іоанна Калиты до конца княженія Іоанна III, если не Іоанна IV. Карамзинъ» — продолжаютъ возражатели—«отличительнымъ характеромъ древней Русской исторіи поста-

новилъ систему удѣловъ; но если право удѣльное опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія и взаимныя отношенія членовъ господствующей фамиліи, то справедливо ли принимать одно право престолонаслѣдія основаніемъ историческаго дѣленія—?не слѣдуетъ ли обращать вниманіе на другія обстоятельства, особенно когда видимъ, что удѣльная система была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій только отъ Ярослава до монголовъ? до Ярослава же главнымъ явленіемъ было быстрое расширеніе норманскаго господства надъ славянами и основаніе Руси, а съ покореніемъ отечества монголами начался раздѣлъ Руси на восточную и западную, и образовались два могущественныя государства: Московское и Литовское; притомъ право удѣльное господствовало у насъ до самаго прекращенія Рюриковой династіи въ лицѣ царевича Димитрія Углицкаго, послѣдняго удѣльнаго князя. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ удѣльная система будетъ служить отличительнымъ характеромъ нашей исторіи не до половины XV вѣка, а полтораста лѣтъ далѣе, до конца XVI вѣка. Наконецъ, названія *средней* исторіи для пространства времени отъ Іоанна III до Петра-Великаго возражатели не хотятъ допустить въ смыслѣ перехода отъ древняго порядка вещей къ новому, потому-что здѣсь не было аналогическихъ явленій съ папизмомъ и феодализмомъ. Переходъ отъ древняго міра къ новому, говорятъ они, у насъ былъ дѣйствительно; но онъ совершился въ одно царствованіе Петра Великаго, въ началѣ XVII вѣка: здѣсь предѣлъ древняго русскаго міра и начало тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образовалась нынѣшняя сфера наша.

Разсмотримъ справедливость этихъ возраженій.

Карамзинъ призналъ отличительнымъ характеромъ древней Русской исторіи систему удѣловъ. Мы не будемъ здѣсь спорить о названіяхъ, будемъ придавать имъ то же самое названіе, какое придаютъ имъ возражатели, утверждающіе, что право удѣльное опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія и взаимныя отношенія членовъ господствующей фамиліи. Возражатели говорятъ: «Справедливо ли принимать одно право престолонаслѣдія основаніемъ историческаго дѣленія и слѣдуетъ ли обращать вниманіе на другія обстоятельства, особенно когда видимъ, что удѣльная система была *господствующимъ явленіемъ*, источникомъ событій только отъ Ярослава до монголовъ?» Остановимся пока здѣсь и прежде всего очистимъ этотъ вопросъ. Возражатели соглашаются, что удѣльная система была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій отъ Ярослава до монголовъ; но такъ-какъ основаніемъ историческаго дѣленія мы должны принимать господствующее явленіе, источникъ событій, то принимать основаніемъ историческаго дѣленія удѣльную систему справедливо, и Карамзинъ имѣлъ полное право это сдѣлать; причемъ вопросъ: «Не слѣдуетъ ли обращать вниманіе на другія обстоятельства»? вопросъ лишній: слѣдуетъ обращать вниманіе на всѣ обстоятельства, но слѣдуетъ преимущественно останавливать вниманіе на господствующемъ явленіи, источникѣ событій.

Но, по мнѣнію возражателей, удѣльная система была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій, только отъ Ярослава до монголовъ, а съ покореніемъ отечества монголами начался раздѣлъ Руси на восточную и западную и образовались два могущественныя государства: Московское и Литовское. Но здѣсь представляется прежде всего вопросъ: раздѣлъ Руси на двѣ половины—восточную и западную—уничтожилъ ли прежнія формы государственной жизни въ той и другой половинѣ? На это возражатели отвѣчаютъ, что удѣльное право господствовало въ восточной половинѣ Руси до самаго прекращенія Рюриковой династіи, а въ Западной Россіи удѣльная система рушилась за сто лѣтъ до Іоанна III. Но въ такомъ случаѣ рождается новый вопросъ: Русь раздѣлялась ли на два государства, совершенно равныя, самостоятельныя, идущія по различному историческому пути, никогда послѣ несоединявшіяся? Въ такомъ случаѣ надобно оставить всякую мысль о внутреннемъ единствѣ Русской исторіи. Или Русь раздѣлилась такъ, что въ одной половинѣ преимущественно сохранились и развились основныя начала общественной и семейной жизни русскаго народа, и эта половина является на первомъ планѣ, а судьбы историческія второй половины находятся въ зависимости отъ судебъ первой? Въ такомъ случаѣ внутреннее единство Русской исторіи не нарушается; историкъ имѣетъ возможность слѣдить непрерывно за развитіемъ русской жизни въ той половинѣ, гдѣ она преимущественно развивалась, оставляя на второмъ планѣ ту половину, гдѣ эта жизнь была остановлена въ своемъ развитіи.

На это отвѣчаютъ: Юго-Западная Русь вошла въ составъ государства Литовскаго, на которое должно смотрѣть какъ на Русское. Доколѣ оно было самостоятельно, имѣло своихъ князей изъ Дома Гедиминова, сохраняло всѣ черты русской народности и спорило съ Москвою о правѣ господствовать надъ всею Русью, историкъ обязанъ говорить съ равною подробностью о дѣлахъ литовскихъ и московскихъ и вести оба государства рядомъ, такъ точно, какъ до начала XIV столѣтія онъ разсказывалъ о борьбѣ удѣльныхъ русскихъ княжествъ, Кіевскаго, Черниговскаго, Галицкаго, Суздальскаго, Рязанскаго, Новгородскаго и другихъ. Положеніе дѣлъ будетъ одно и то же, съ тою единственною разностью, что въ удѣльное время было нѣсколько системъ, а тутъ только двѣ: московская и литовская; это будетъ продолжаться до исхода XVI вѣка. Когда угаснетъ Домъ Гедимина и отчина его соединится съ Польшею, русскій бытописатель изобразатъ на главномъ планѣ государство Московское, или Россію, потому-что въ нѣдрахъ ея сохранились и развились основныя начала общественной и семейной жизни русскаго народа, сѣмена, насажденныя Рюрикомъ, Владиміромъ Св., Ярославомъ Мудрымъ, взлелѣянныя потомками Калиты и

принесшія величественный плодъ подъ благословенною державою Дома Романовыхъ. На второмъ планѣ этой картины стоитъ великое княжество Литовское, опутанное цѣпями иноплеменниковъ. Историкъ не обязанъ разсказывать о всѣхъ дѣлахъ польскихъ, въ которыхъ принимало участіе Литовское княжество, потому что это предметъ посторонній; но онъ обязанъ непремѣнно показать, какимъ образомъ въ Западной Руси, подъ игомъ поляковъ, постепенно исчезали главныя черты ея народности; какъ она боролась съ своими гонителями, чтобъ спасти свою вѣру, свой языкъ—главное, почти единственное наслѣдіе, оставшееся ей отъ предковъ; какъ подавали ей руку помощи мудрый Алексѣй, Великій Петръ, доколѣ Екатерина II не рѣшила этого стариннаго, столь запутаннаго вопроса о Восточной и Западной Руси: та и другая сливаются въ одно цѣлое, въ одну Россійскую имперію, и съ тѣхъ поръ литовская исторія должна умолкнуть.

Во сколько справедлива вторая половина этого разсужденія, во столько же несправедлива первая, если хотятъ, чтобъ съ конца XVI вѣка русскій бытописатель изображалъ на главномъ планѣ государство Московское, или Россію, потому-что въ нѣдрахъ ея сохранились и развились основныя начала общественной и семейной жизни русскаго народа; но Сѣверевосточная Русь (впослѣдствіи Московское государство) должна находиться на первомъ планѣ и съ XIII вѣка, съ самаго начала отдѣленія, именно по той же самой причинѣ. Понятно, что русскій бытописатель, котораго обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ слѣдить за сохраненіемъ и развитіемъ основнымъ русскихъ началъ, будетъ всегда имѣть на первомъ планѣ тѣ части Россіи, въ которыхъ эти начала сохранялись и развивались непрерывно, а на второмъ—тѣ, въ которыхъ означенное развитіе было на-время насильственно остановлено, потому что тогда только сохранится единство, внутренняя, живая связь Русской исторіи. Вы говорите совершенно справедливо, что сѣмена, насажденныя Рюрикомъ, Владиміромъ Св., Ярославомъ Мудрымъ, были взлелѣяны потомками Калиты; но вы не говорите, чтобъ эти сѣмена были въ то же время взлелѣяны и потомками Гедимина: какъ же послѣ того бытописатель русскій рѣшится поставить правленіе потомковъ Гедимина на одинъ планъ съ правленіемъ потомковъ Калиты? Съ другой стороны, Русь Калиты и его потомковъ не произошла сама собою; она была результатомъ предшествующихъ явленій, результатомъ дѣятельности предшествующихъ князей сѣверосточныхъ. Такимъ образомъ, очевидно, бытописатель съ самаго начала раздѣленія долженъ поставить Сѣверовосточную Русь и ея князей на первый планъ; а если возражатели соглашаются, что право удѣльное господствовало въ Сѣверовосточной Руси до самаго прекращенія Рюриковой династіи, то должны признать за Карамзинымъ право постановить удѣльную систему отличительнымъ характеромъ древней Русской исторіи. Имѣлъ ли Карамзинъ право остановиться на Іоаннѣ III и зачѣмъ не продолжалъ древней исторіи до пресѣченія Рюриковой династіи—объ этомъ будетъ рѣчь послѣ, въ своемъ мѣстѣ; мы возвратимся также и къ вопросу о значеніи Югозападной Руси, какъ понималъ это значеніе Карамзинъ, и тутъ, въ извѣстной степени, согласимся съ возражателями, покажемъ основныя причины ихъ требованія; теперь же мы должны разсмотрѣть еще нѣкоторыя возраженія, дѣлаемыя Карамзину относительно общаго представленія событій древней Русской исторіи.

Говорятъ: «Зачѣмъ все пространство времени отъ Рюрика до половины XV вѣка представляетъ въ ней непрерывную цѣпь княжескихъ междоусобій, описанныхъ со всѣми мелочными подробностями? зачѣмъ ни одно движеніе самаго незначительнаго князя не оставлено безъ вниманія, если только оно сохранилось въ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ другіе, важнѣйшіе предметы, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества, замѣчены слегка, какъ будто вскользь, и то въ связи съ удѣльныди бранями»?

Но если такъ-называемая удѣльная система, какъ сами возражатели соглашаются, была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій въ извѣстное время, то спрашиваемъ: какое же право имѣлъ бы историкъ, предположившій написать полную, подробную картину древней жизни своего отечества, не выставить на первый планъ господствующаго явленія въ этой жизни со всею полнотою, со всѣми подробностями, размѣщая эти подробности, какъ слѣдуетъ, по степени ихъ важности? Здѣсь нѣтъ ничтожныхъ движеній для историка: каждое движеніе князя имѣетъ значеніе при объясненіи характера явленія, соотвѣтствуетъ ли оно, это движеніе, общему ходу событій, или является исключеніемъ. Мы не можемъ признать за историкомъ права выбора явленій изъ источниковъ: онъ имѣетъ только право располагать и уяснять явленія; ни одна іота лѣтописи не должна пропасть для исторіи; но дѣло въ томъ, что всѣ извѣстія, перемѣшанныя въ лѣтописи, должны найти приличное себѣ мѣсто въ исторіи. Упрекаютъ Карамзина въ томъ, зачѣмъ онъ, увлекшись удѣльными бранями, мало сказалъ о норманнахъ, о вліяніи Византіи, о вліяніи монголовъ... Эти упреки подробнѣе разсмотримъ мы въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же должны говорить только о взглядѣ на характеръ древней Русской исторіи, который, по нашему мнѣнію, у Карамзина вѣрнѣе, чѣмъ у его возражателей. Мы никакъ не можемъ согласиться съ послѣднимъ, что норманны, монголы и подобныя явленія, по самому свойству, должны стоять на первомъ планѣ, а не въ тѣни. На первомъ планѣ должно находиться только одно главное, господствующее явленіе, иначе нарушится единство; и если признано, что въ извѣстный періодъ времени удѣльная система была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій, то эта удѣльная система и должна оставаться на

первомъ планѣ, а ни что либо другое; всѣ другія явленія, какъ бы они важны ни были, должны разсматриваться, по степени ихъ вліянія, сперва на господствующее явленіе, а потомъ и на всѣ другія; тогда только сохранятся научные единство, порядокъ и ясность. Наконецъ, упрекаютъ Карамзина въ невѣрности взгляда на самую такъ-называемую удѣльную систему; говорятъ: «Карамзинъ, описывая XII и XIII столѣтія, выставляетъ на первомъ планѣ обыкновенно князей Суздальскихъ, какъ будто они властвовали надъ всею Русскою Землею; между тѣмъ ходъ событій удостовѣряетъ, что въ Русской Землѣ въ началѣ XIII столѣтія было, по крайней мѣрѣ, десять системъ или государствъ, раздѣленныхъ на многіе удѣлы и имѣвшихъ своего великаго князя. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, Галицкіе великіе князья играли роль важнѣе Суздальскихъ».

Это возраженіе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе фактамъ. Мы не станемъ ужъ говорить о девяти системахъ, или государствахъ, которыхъ князья покидали свои столы и уѣзжали править десятымъ государствомъ на основаніи родоваго старшинства; мы хотѣли бы узнать одно: какой изъ галицкихъ князей игралъ роль важнѣе суздальскихъ въ началѣ XIII вѣка? Развѣ можно поставить наряду значеніе Ярослава Галицкаго и Андрея Боголюбскаго? Развѣ Ярославъ располагалъ когда-нибудь Кіевскимъ столомъ, какъ располагалъ имъ Андрей, у котораго, несмотря на разбитіе его войска, Ростиславичи просятъ позволеніе занять Кіевъ? Сынъ Ярослава, Владиміръ, потому только могъ спокойно владѣть Галичемъ, что Всеволодъ Суздальскій принялъ его подъ свое покровительство; Кіевскій князь, главный на югѣ, прямо говоритъ, что онъ не можетъ быть безъ Всеволода Суздальскаго; Черниговскій князь посылаетъ въ Суздаль просить позволенія начать войну съ другимъ княземъ, и, не получивъ этого позволенія, не смѣетъ двинуться. Романъ Галицкій не можетъ распорядиться Кіевскою областью, какъ бы ему хотѣлось, и долженъ сообразоваться съ желаніемъ князя Суздальскаго. Какіе же послѣ того *многіе* князья играли роль важнѣе Суздальскихъ?..

Столь же неоснователенъ упрекъ, дѣлаемый Карамзину за то, что онъ допустилъ среднюю исторію въ значеніе перехода отъ древняго порядка вещей къ новому: зачатки этого перехода мы видимъ еще при послѣднихъ государяхъ изъ Рюриковой династіи. При первыхъ же государяхъ изъ династіи Романовыхъ онъ становится вполнѣ ощутителенъ— въ сферѣ церковной опредѣленіемъ отношеній власти церковной къ власти гражданской, послѣдовавшимъ по поводу Никонова дѣла; въ сферѣ военной—преобразованіемъ сухопутнаго войска и попытками къ заведенію флота; въ сферѣ дипломатической—новыми понятіями, внесенными Ординымъ-Нащокинымъ, появленіемъ резидентовъ, дѣятельнымъ вступленіемъ въ союзъ европейскихъ государствъ для борьбы съ турками; въ сферѣ служебной—уничтоженіемъ мѣстничества; въ сферѣ торговой—обширными видами на Востокъ; въ сферѣ промышленной—приглашеніемъ иностранцевъ для заведенія различныхъ производствъ и наученія имъ русскихъ людей. Нужно ли распространяться о стремленіи къ научному образованію, обнаруженному и правительствомъ и частными лицами? Нужно ли распространяться объ измѣненіи обычаевъ, начавшемся въ XVII вѣкѣ? Какъ же можно послѣ того сказать, что переходъ отъ древняго міра къ новому совершился въ началѣ XVIII вѣка?..

Неудачность возраженій, предложенныхъ позднѣйшими писателями противъ дѣленія Русской исторіи, принятой Карамзинымъ, всего лучше показываетъ достоинство этого дѣленія. Мы не можемъ не признать правильности дѣленія Русской исторіи на древнюю и новую, и не можемъ не признать XVII и отчасти XVI вѣка переходнымъ временемъ. Слѣдовательно Карамзинъ имѣлъ полное право принять древнюю, *среднюю* и новую Русскую исторію.

II.

За Введеніемъ слѣдуетъ статья: «Объ источникахъ Россійской Исторіи до XVII вѣка». Эти источники перечисляются въ такомъ порядкѣ: Лѣтописи, Степенная книга, хронографы, житія святыхъ, особенныя дѣеписанія (сказанія), Разряды, Родословная книга, письменные каталоги митрополитовъ и епископовъ, посланія святителей, древнія монеты, медали, надписи, сказки, пѣсни, пословицы, грамматы, статейные списки, иностранныя современныя лѣтописи, государственныя бумаги иностранныхъ архивовъ.

Татищевъ первый подробно перечислилъ источники древней Русской исторіи до XVIII вѣка, внимательно разсмотрѣлъ начальную Кіевскую лѣтопись, которую утвердилъ за Несторомъ; первый старался опредѣлить мѣсто, гдѣ остановился Несторъ; первый указалъ на его продолжателей. Трудъ Татищева легъ въ основаніе дальнѣйшихъ изслѣдованій Миллера и Шлёцера. Татищевъ разсмотрѣлъ преимущественно внѣшнюю сторону лѣтописей; Шлёцеръ обратилъ вниманіе на внутреннюю, поднялъ вопросы: какимъ образомъ приднѣпровскій житель XI вѣка могъ достичь извѣстной степени образованности? Какъ пришелъ онъ къ мысли написать хронику родной страны, и написать на отечественномъ языкѣ? кто были его образцы? изъ какихъ источниковъ черпалъ онъ свои извѣстія, и каковъ вообще характеръ его повѣствованія? Карамзинъ воспользовался изслѣдованіями своихъ предшественниковъ и въ немногихъ, живо набросанныхъ чертахъ, изобразилъ начальнаго лѣтописца съ его источниками: «Несторъ, инокъ Монастыря Кіевопечерскаго, прозванный отцемъ Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ: одаренный умомъ любопытнымъ, слу-

шалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники многихъ князей, бесѣдовалъ съ вельможами, старцами кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія хроники, записки церковныя и сдѣлался *первымъ* Лѣтописцемъ нашего отечества»! Такъ сухія изъисканія Татищева, Миллера и Шлёцера подъ перомъ Карамзина приняли живой, цѣлостный образъ, и сколько стараній было потомъ употреблено и употребляется для того, чтобъ сохранить этотъ образъ неприкосновеннымъ! Живой образъ начальнаго лѣтописца, представленный Карамзинымъ, составляетъ, слѣдовательно, окончательный результатъ изслѣдованій XVIII вѣка, которыя всѣ отправлялись отъ одного положенія, что начальная лѣтопись въ цѣлости принадлежетъ одному лицу, именно преподобному Нестору, кіевскому иноку XI вѣка [1]).

Карамзинъ въ выраженіи: «сдѣлался *первымъ* лѣтописцемъ нашего отечества», слово «первымъ» напечаталъ курсивомъ, и въ примѣчаніи отвергнулъ древнѣйшаго Іоакима, какъ вымыселъ. И здѣсь Карамзинъ остался вѣренъ окончательному результату, добытому историческою критикою въ XVIII вѣкѣ. Татищевъ признавалъ важность такъ называемой Іоакимовой Лѣтописи, но, руководствуясь необыкновенною добросовѣстностію, не рѣшился внести ея извѣстій въ сводъ лѣтописей, а помѣстилъ ихъ особо, на томъ основаніи, что ему нельзя было ссылаться ни на какую извѣстную рукопись. Болтинъ,—безспорно, самый талантливый изъ всѣхъ занимавшихся Русскою исторіею въ XVIII вѣкѣ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, Болтинъ защищалъ Іоакима противъ Щербатова, но Шлёцеръ, исполненный уваженія къ начальному кіевскому лѣтописцу за то, что не нашелъ въ немъ генеалогическихъ басенъ, не могъ не отвергнуть Іоакимовой Лѣтописи, имѣвшей несчастіе начинаться сказаніемъ о Словенѣ и Вандалѣ. Авторитетъ Шлёцера надолго рѣшилъ дѣло; вопросъ объ отдѣленіи позднѣйшаго составленія отъ древнѣйшихъ источниковъ не былъ поднятъ, и Лѣтопись Іоакимова отвергнута, какъ заключающая въ себѣ одни вымышленныя извѣстія; но Шлёцеръ, отзываясь рѣзко объ Іоакимовой Лѣтописи, не заподозрилъ, однако, въ подлогѣ самаго Татищева, отдалъ справедливость его добросовѣстности [2]). Карамзинъ пошелъ далѣе. По его мнѣнію, это *шутка*, затѣйливая, хотя и неудачная догадка Татищева, который сомнѣвался въ истинѣ Несторова повѣствованія и хотѣлъ исправить мнимую ошибку; но Карамзинъ не ограничилъ своего приговора однимъ Іоакимомъ: по его мнѣнію, Татищевъ, равно какъ составители позднихъ лѣтописныхъ сборниковъ, выдумали всѣ тѣ лишнія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей. Это мнѣніе, невысказанное опредѣленно и рѣзко въ разбираемой главѣ, но повторяемое безпрестанно въ примѣчаніяхъ, надолго установило господствующій взглядъ въ нашей исторической критикѣ. Высказывая это мнѣніе, Карамзинъ шелъ дальше Шлёцера, сомнѣнія котораго не касались тѣхъ извѣстій Татищева, которыхъ не было въ древнѣйшихъ спискахъ [3]). Впрочемъ должно замѣтить, что Шлёцеръ не сравнивалъ извѣстій XI и XII вѣковъ, и мнѣніе Карамзина было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ Шлёцеровыхъ мнѣній о Несторѣ.

О продолжателяхъ Несторовыхъ Карамзинъ разсуждаетъ иначе, чѣмъ предшествовавшіе ему изслѣдователи, то-есть собственно одинъ изслѣдователь—Татищевъ, потому что Шлёцеръ здѣсь буквально копируетъ послѣдняго. Карамзинъ, во-первыхъ, не помѣщаетъ Сильверста въ числѣ Несторовыхъ подражателей, какъ то сдѣлалъ Татищеъ, потомъ мы ужь сказали, что Карамзинъ отвергнулъ всѣ тѣ лишнія извѣстія, которыя находились въ спискахъ, вошедшихъ въ составъ татищевскаго свода и не встрѣчались въ спискахъ, до насъ дошедшихъ: вотъ почему Карамзинъ не упоминаетъ о томъ изъ продолжателей Нестора, который такъ любилъ описывать наружность князей и котораго потому Татищевъ называетъ искуснымъ въ живописи; по мнѣнію же Карамзина, всѣ эти описанія наружностей выдуманы самимъ Татищевымъ. Карамзинъ въ числѣ продолжателей Нестора помѣщаетъ автора того отрывка, въ которомъ разсказывается объ ослѣпленіи Василька Теребовльскаго, потомъ указываетъ безъименныхъ лѣтописцевъ: Новгородскаго, Суздальскаго, Кіевскаго, Волынскаго, Псковскаго. Вся характеристика нашихъ лѣтописей заключается въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Къ сожалѣнію, они (лѣтописцы) не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства; но, къ счастію, не вымышляли, и достовѣрнѣйшіе изъ лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними». Этотъ отзывъ, несмотря на свою краткость, любопытенъ и важенъ: долговременное пользованіе лѣтописями, внимательный пересмотръ множества списковъ, съ цѣлію собственно-историческою, для представленія по нимъ судебъ государства, заставили Карамзина отказаться отъ того односторонне-преувеличеннаго мнѣнія, какое было высказано Шлёцеромъ о лѣтописяхъ. Карамзинъ избѣжалъ и другой ошибки Шлёцера, т. е. собственно Татищева, который говоритъ [4]), что послѣ 1156 года «по разнымъ спискамъ видны разныя дополненія по 1203 годъ, гдѣ ужь во всѣхъ лѣтописяхъ разница находится,

[1]) Между явными намъ русскими историками есть древнѣйшій Несторъ, бывшій монахъ Печерскаго монастыря (Тат.). Die erste und einzige Quelle der ältesten russischen Geschichte ist *Nestor* (Schlözer).

[2]) Nach dem Jahre 1748 kam durch Tatisczew, auf die verdächtigste von Tat selbst ehrlich beschriebene Art ein Stück von einer Chronik zum Vorschein, II, 13.

[3]) Несторъ I. 17. —[4]) I, 58.

и хотя рѣдко гдѣ противорѣчатъ, но въ порядкѣ дѣлъ, одинъ то, другой другое прежде положилъ, или пропустилъ, также по пристрастіямъ или обстоятельствамъ одинъ сего, другой другого оправдаетъ». Изъ этихъ словъ Татищева Шлёцеръ вывелъ, что до начала XIII вѣка для каждаго времени былъ *только одинъ* лѣтописецъ, который начиналъ тамъ, гдѣ предшественникъ его окончилъ; что различія въ сужденіяхъ лѣтописцевъ начинаются только послѣ этого времени. Карамзинъ не повторилъ этого ошибочнаго мнѣнія, но и не опровергнулъ его, вслѣдствіе чего оно осталось въ силѣ и воспрепятствовало нѣкоторымъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ замѣтить, что и до XIII-го вѣка для каждаго времени былъ *не* одинъ только лѣтописецъ, что и до XIII вѣка встрѣчаемъ различныя сужденія, различные взгляды на одно и то же явленіе.

Сказавъ о продолжателяхъ Нестора, Карамзинъ перечисляетъ лучшіе списки лѣтописей, причемъ говоритъ: «Въ каждомъ изъ нихъ есть нѣчто особенное и дѣйствительно историческое, внесенное, какъ надобно думать, современниками, или по ихъ запискамъ». Эти слова недовольно ясны и повели позднѣйшихъ изслѣдователей къ запутанностямъ. Начали расуждать о запискахъ, противополагая ихъ лѣтописямъ, дѣлая ихъ источниками для лѣтописей; но надобно было показать прежде различіе между записками и лѣтописью. Словомъ *записки* мы переводимъ *мемуары*, и, въ смыслѣ историческихъ источниковъ, подъ этимъ словомъ не разумѣемъ ничего болѣе. Итакъ, въ XI, XII, XIII и слѣдующихъ вѣкахъ у насъ была мемуары! Конечно, не то хотѣлъ сказать Карамзинъ... Подобно всѣмъ предшествовавшимъ русскимъ историкамъ, первую главу своей Исторіи Карамзинъ посвятилъ разсказу о судьбѣ народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область до основанія Русскаго государства. Эта глава превосходна, какъ искусный перечень преданій, живой разсказъ событій, хотя должно замѣтить, что эти событія взяты совершенно отдѣльно, безъ указанія на связи ихъ съ событіями послѣдующими. Зная утомительныя изслѣдованія о томъ же предметѣ писателей предшествовавшихъ, Татищева, Щербатова, нельзя не удивляться искусству, съ какимъ Карамзинъ сдѣлалъ первую главу своей Исторіи удобною для чтенія легкостью разсказа, выборомъ подробностей; нельзя не удивляться здравому смыслу, съ какимъ онъ обошелъ безрезультатные толки о происхожденіи народовъ и народныхъ именъ. Для образца, мы должны указать на статью, въ которой Карамзинъ касается вопроса о происхожденіи славянъ и первомъ появленіи ихъ въ исторіи. Разсказавъ о готеахъ, онъ прибавляетъ, что историкъ ихъ, Іорнандъ, въ числѣ другихъ покоренныхъ Германарихомъ народовъ, упоминаетъ и о венедахъ: «Сіе извѣстіе (говоритъ Карамзинъ) для насъ любопытно и важно: ибо Венеды, по сказанію Іорнанда, были единоплеменники Славянъ, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Р. Хр., было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверной океанъ, и гдѣ живутъ Венеды... Во время Плинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы и граничили къ югу съ Дакіею. Птоломей, астрономъ и географъ II столѣтія, полагаетъ ихъ на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, сказывая, что оно издревле называлось Венедскимъ. Слѣдственно ежели Славяне и Венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и Грекамъ и Римлянамъ, обитая на югѣ отъ моря Балтійскаго. Изъ Азіи-ли они пришли туда, и въ какое время, не знаемъ и считаемъ Венедовъ Европейцами, когда Исторія находитъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того, они самыми обыкновеніями и нравами отличались отъ Азіатскихъ народовъ».

Сказавъ о разселеніи славянъ по Европѣ, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, Карамзинъ переходитъ къ разселенію племенъ славянскихъ въ нынѣшней Россіи. Здѣсь исторіографъ уже не могъ обойти *вѣчно* спорнаго вопроса о волохахъ, потѣснившихъ славянъ съ Дуная. Ближайшимъ, достойнымъ вниманія изслѣдователемъ, занимавшимся этомъ вопросомъ, былъ Тунманъ, съ которымъ Карамзинъ и долженъ былъ войти въ полемику. Онъ приступаетъ къ вопросу такъ: «Несторъ пишетъ, что Славяне издревле обитали въ странахъ Дунайскихъ и, вытѣсненные изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами (донынѣ живущими въ Венгріи), перешли въ Россію, въ Польшу и въ другія земли». Надобно сказать, что вопросъ о волохахъ рѣшенъ Карамзинымъ проще и, такъ-сказать, основательнѣе, чѣмъ у позднѣйшихъ изслѣдователей, которые принимаютъ волохавъ то за кельтовъ, то за римлянъ; основательнѣйшимъ мнѣніе Карамзина мы назвали потому, что оно основывается на свидѣтельствахъ двухъ лѣтописцевъ, русскаго и венгерскаго. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что венгры, пришедши въ Дунайскую область, прогнали оттуда волоховъ, которые прежде нихъ овладѣли здѣсь землею славянской; венгерскій лѣтописецъ подтверждаетъ русскаго, говоря, что венгры именно нашли на Дунаѣ волоховъ. Но, справедливо возражая противъ Тунманова смѣшенія волоховъ съ болгарами, Карамзинъ, какъ нерѣдко бываетъ, увлекся другою ошибкою Тумнана [1]) и повторяетъ, что славяне были вытѣснены изъ Мизіи болгарами, а изъ Панноніи волохами, тогда какъ лѣтописецъ ни полслова не говоритъ о томъ, чтобъ нашествіе болгаръ

[1]) Или скорѣе Шлёцера, который въ 1769 году въ своей Geschichte von Russland напечаталъ: „Diese Slaven ein ursprünglich europäisches Volk hatten von je herrin Ungarn, an dem nördlichen Ufer der Donau, gewohnt. Im fünften Jahrhundert nach Christi Geburt zog sich ein Theil desselben, von den Wlachen und Bulgaren verdrungen, gegen den Dnepr. hin und baute Kiew".

на Мизію, на жившихъ тамъ славянъ, подало поводъ къ изгнанію, переселенію послѣднихъ въ сѣверныя страны. Далѣе, признавая благоразумными замѣчанія митрополита Платона насчетъ сказанія о путешествіи Апостола Андрея, Карамзинъ не только приводитъ это сказаніе въ подтвержденіе пребыванія славянъ на сѣверѣ въ I вѣкѣ, но даже опровергаетъ имъ Тунмана и Гаттерера. Потомъ Карамзинъ предлагаетъ нѣсколько гаданій о томъ, что, быть-можетъ, андрофаги, меланхлены, невры Геродотовы, геты принадлежали къ племенамъ славянскимъ. Но, заплативъ невольно дань сфинксу, стерегущему обыкновенно входъ въ исторіи каждаго народа и предлагающему таинственныя загадки историку, Карамзинъ спѣшитъ оговориться: «Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только явными свидѣтельствами современниковъ. Итакъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія, вопросъ: «откуда и когда Славяне пришли въ Россію»? опишемъ, какъ они жили въ ней задолго до того времени, въ которое образовалось наше государство». Относительно этой оговорки, впрочемъ, надобно замѣтить, что здѣсь смѣшаны догадки позднѣйшихъ изслѣдователей съ преданіями, записанными въ лѣтописяхъ; на вопросъ, откуда пришли славяне въ Россію? отвѣчаетъ преданіе, занесенное въ лѣтопись; на вопросъ: Когда пришли они?—отвѣчаетъ догадка позднѣйшихъ изслѣдователей. Конечно, нельзя поставить рядомъ преданія о движеніи славянъ съ Дуная, вслѣдствіе натиска отъ волховъ съ мнѣніями позднѣйшихъ ученыхъ, что эти волхи были кельты или римляне трояновы, или что невры, меланхлены и андрофаги были славяне.

Карамзинъ приводитъ извѣстіе лѣтописи о разселеніи племенъ славянскихъ въ нынѣшней Россіи, вѣрно смотритъ на преданіе объ основаніи Кіева, хоть напрасно освобождаетъ отъ общаго приговора извѣстіе о Кіевцѣ Дунайскомъ. Нельзя не остановиться на слѣдующемъ мнѣніи о полянахъ: «Многіе Славяне, единоплеменные съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ, въ Кіевской губерніи, и назвались *Полянами* отъ чистыхъ полей своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ Ляховъ, основателей государства Польскаго». Если поляне назвались такъ отъ мѣстности, отъ чистыхъ полей нынѣшней Кіевской губерніи, то едва ли можно сближать ихъ съ ляхами, обывателями береговъ Вислы, которые и назвались отъ своей мѣстности, или отъ чего нибудь другого. Если ужь сближать полянъ съ поляками по созвучію названій, то должно предположить, что это названіе произошло первоначально на берегахъ Вислы, и переселенцы перенесли его отсюда на берега Днѣпра. Правиленъ взглядъ на финскія племена; но мнѣніе о происхожденіи литовскаго племени отъ смѣшенія славянъ, финновъ и германцевъ—мнѣніе, казавшееся основательнымъ во времена Карамзина, теперь отвергнуто наукою, вслѣдствіе новыхъ изысканій.

Отрицая подчиненіе финскихъ и латышскихъ племенъ славянскимъ во времена дорюриковскія, Карамзинъ указываетъ причину, почему славяне въ эти времена не могли быть завоевателями; это потому, что они жили особенно, *по колѣнамъ:* но эта форма быта, это любопытное выраженіе: *по колѣнамъ*—не объясняются. *Поколѣнный* бытъ и междоусобіе не только препятствовали славянамъ россійскимъ быть завоевателями, но предавали ихъ въ жертву врагамъ внѣшнимъ—аварамъ, казарамъ и, наконецъ, варягамъ. Здѣсь авторъ останавливается на вопросѣ: «Кого Несторъ именуетъ Варягами?» При рѣшеніи этого вопроса, Карамзинъ долженъ былъ выбирать между разными мнѣніями, явившимися уже въ XVIII столѣтіи; онъ выбралъ мнѣніе о происхожденіи скандинавскомъ, въ пользу котораго говорили и ясныя свидѣтельства источниковъ и авторитеты писателей позднѣйшихъ; сбивчивое мнѣніе Татищева, натянутое Ломоносова, вынужденное ново-миллеровское и забытое Тредьяковскаго—всѣ эти мнѣнія не могли соперничать съ мнѣніемъ, которое мастерски изложилъ еще Байеръ и потомъ подтвердилъ первый авторитетъ времени, Шлёцеръ, мужъ ученый и славный, по собственному выраженію Карамзина.—Глава оканчивается превосходнымъ разсужденіемъ о Несторовой хронологіи.

Содержаніе третьей главы составляетъ физическій и нравственный характеръ славянъ древнихъ. Глава начинается опредѣленіемъ причинъ разности народовъ, и, согласно съ Болтинымъ, главная причина указывается въ разности климатовъ. Славяне были бодры, сильны, неутомимы, благодаря умѣренному и даже холодному климату обитаемыхъ ими странъ. Нравственныя качества славянскаго племени представлены преимущественно съ свѣтлой стороны; не умолчено и о порокахъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, приводятся и оправданія: напр., жестокость противъ грековъ объясняется местію, какую должны были питать славяне къ грекамъ за жестокости послѣднихъ. При описаніи обычаевъ, о славянахъ западныхъ говорится одинаково-подробно, какъ и о славянахъ восточныхъ; а такъ-какъ извѣстій объ обычаяхъ славянъ западыхъ сохранилось въ источникахъ гораздо болѣе, то изложеніе обычаевъ, общественнаго быта, религіи славянъ западныхъ преобладаетъ надъ описаніемъ быта славянъ восточныхъ, или русскихъ. Поляне, древляне, радимичи съ своимъ бытомъ, какъ описываетъ его начальный русскій лѣтописецъ, какъ-бы исчезаютъ, и, вмѣсто нихъ, въ памяти читателя необходимо остается Виннета, Аркона, картина избранія герцога въ славянской Каринтіи, тѣмъ болѣе что описанія быта славянъ западныхъ и восточныхъ поставлены рядомъ, какъ дополняющія другъ друга.

Въ IV главѣ Карамзинъ приступаетъ къ разсказу о началѣ Государства Россійскаго. Не онъ первый долго задумывался надъ этимъ событіемъ, стараясь объяснить его. Миллеръ Щербатовъ, Бол-

тинъ, Шлёцеръ уже высказали свое мнѣніе относительно побужденій къ призванію князей и цѣли его. Но удивительно здѣсь то, что всѣ эти писатели, позволяя себѣ разныя толкованія лѣтописнаго извѣстія, никакъ не хотѣли принимать этого извѣстія вполнѣ, никакъ не хотѣли признать тѣхъ побужденій и цѣлей, какія выставлены лѣтописцемъ, и придумывали свои, тогда-какъ нужно было сдѣлать что нибудь одно: или отвергнуть вполнѣ извѣстіе лѣтописца, или, принявъ его, принять вполнѣ, со всѣми изложенными въ немъ побужденіями и цѣлями, и объяснять эти побужденія и цѣли, какъ они представлены у лѣтописца, по обстоятельствамъ времени, а не придумывать вмѣсто нихъ своихъ побужденій и цѣлей. Лѣтописецъ говоритъ: «Изгнали Варяговъ за море и начали сами собою владѣть; и не было въ нихъ правды, возсталъ родъ на родъ и начались усобицы. Тогда сказали: поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами, рядилъ и судилъ поправдѣ». Теперь у насъ, при чтеніи этихъ строкъ, невольно раждается мысль: какъ было хорошо, какъ облегчалось бы пониманіе русской исторіи, если бы всѣ ея событія были разсказаны въ лѣтописяхъ съ такою полнотою, какъ эта! Но, какъ нарочно, позднѣйшіе писатели остались недовольны именно этимъ полнымъ изложеніемъ, начали придумывать свои объясненія. Миллеръ, не обращая никакого вниманія на слова лѣтописца, что князья были призваны для избѣжанія внутренняго безнарядья, вслѣдствіе отсутствія правды, призваны были судить и рядить, Миллеръ объявилъ, что князья были призваны преимущественно для защиты границъ. Щербатовъ пошелъ дальше: для него догадка Миллера является не какъ догадка только, но какъ истина неоспоримая, какъ будто бы въ лѣтописи такъ именно и сказано, что князья были призваны для защиты границъ: «Достойно примѣчанія и то (говоритъ Щербатовъ), что Новгородцы, избравъ себѣ въ государи сихъ трехъ князей..., единственно токмо препоручили имъ, дабы они границы отъ вражескихъ нападеній защищали». Болтинъ былъ ближе къ истинѣ: онъ привелъ въ связь явленіе, которымъ начинается русская исторія, съ послѣдующими явленіями новогородской исторіи, и объявилъ, что Рюрикъ съ братьями были призваны съ такимъ же значеніемъ, съ какимъ послѣ призывались князья въ Новгородъ; но, имѣя ложное понятіе о значеніи послѣдующихъ князей Новгородскихъ, началъ, подобно Миллеру и Щербатову, говорить только о защитѣ границъ и о предводительствѣ войскамъ. Шлёцеръ принимаетъ мнѣніе предшественниковъ, толкуя, что племенамъ нужны были только защитники, пограничные стражники. Но онъ дѣлаетъ уступку лѣтописи и прибавляетъ, что князья могли быть обержупанами, оберстаршинами, даже судьями; а потомъ опять сбивается, приводитъ мнѣніе Миллера, какъ провидѣвшаго истину, и, чтобъ подтвердить миллеровскую истину, начиная толковать о неопредѣленномъ значеніи слова *Князь*, какъ будто это значеніе въ лѣтописи не опредѣлено словами: владѣть, судить, рядить по правдѣ! Карамзинъ также представилъ свое объясненіе: по его мнѣнію, варяги, будучи образованнѣе славянъ и финновъ, правили послѣдними безъ угнетенія и насилія; бояре славянскіе вооружили народъ противъ варяговъ, изгнали ихъ, но не умѣли возстановить древнихъ законовъ и ввергнули отечество въ бездну золъ междуусобія. Тогда вспомнили о выгодномъ и покойномъ правленіи норманскомъ, и призвали князей. Понятно, что это мнѣніе гораздо ближе къ дѣлу, гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ мнѣніе предшествовавшихъ писателей; по Карамзину, варяги владѣли, а не грабили только, какъ утвержденъ Шлёцеръ. И дѣйствительно, если лѣтописецъ говоритъ, что, по изгнаніи варяговъ, изгнавшіе стали сами владѣть, то ясно, что варяги владѣли; начавши владѣть сами, племена не могли установить наряда, и призваны были князья. Конечно, предположеніе о высшей образованности варяговъ введено нѣсколько произвольно; чтожъ касается бояръ, то у лѣтописца говорится, что всталъ родъ на родъ; но родъ предполагаетъ родоначальниковъ; у Карамзина же являются бояре, ибо мы видѣли, что въ предъидущихъ главахъ онъ не остановился надъ объясненіемъ быта, который онъ назвалъ поколѣннымъ. Но всего важнѣе для насъ во мнѣніи Карамзина то, что здѣсь остаются неприкосновенными извѣстія лѣтописи о цѣли призванія—важно то, что Карамзинъ не увлекся авторитетомъ Шлёцера и отринулъ господствующее мнѣніе о пограничныхъ стражникахъ. Но съ меньшею справедливостію онъ отступаетъ отъ Шлёцера въ томъ, что признаетъ одною догадкой и вымысломъ извѣстія о новгородскихъ событіяхъ, находящихся въ Никоновскомъ спискѣ. Мы не думаемъ, чтобъ было справедливо объясненіе Шлёцера, почему эти извѣстія находятся только въ Никоновскомъ спискѣ, потому что самъ же онъ приводитъ свидѣтельство Степенной Книги; но, конечно, Карамзинъ не могъ представить никакого объясненія, зачѣмъ эти извѣстія были выдуманы и внесены въ Никоновскій списокъ и Степенную Книгу...

Мысль Шлёцера, что, въ раздачѣ Рюрикомъ городовъ мужамъ своимъ, лежали начатки феодальной системы, повторена и у Карамзина съ оговоркою «*кажется*»; но отвергнуто предположеніе Шлёцера, что руссы, нападавшіе на Константинополь въ 866 году, не были руссы Аскольда и Дира; принято мнѣніе большинства писателей съ любопытнымъ замѣчаніемъ, что Аскольдъ и Диръ могли и ранѣе 864 года овладѣть Кіевомъ. При извѣстіи о начаткахъ христіанства въ Кіевѣ, помѣщено слѣдующее объясненіе успѣховъ новой религіи: «Славяне исповѣдывали одну вѣру, а варяги другую; впослѣдствіи увидимъ, что древніе государи Кіевскіе наблюдали священные обряды первой, слѣдуя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ,

которыхъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло быть искреннимъ, и самая государственная польза заставляла князей не препятствовать успѣхамъ новой вѣры, соединявшей ихъ подданныхъ, славянъ, и надежныхъ товарищей ихъ, варяговъ, узами духовнаго братства». Мы не можемъ раздѣлить теперь мнѣніе Карамзина о значительной разницѣ между религіею славянъ и варяговъ; мы знаемъ изъ лѣтописей, что дружина княжеская, подъ которою Карамзинъ разумѣетъ варяговъ, смѣялась надъ христіанами, тогда какъ не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отчужденія варяговъ отъ славянскаго язычества. Несмотря на то, замѣчаніе Карамзина любопытно въ томъ отношеніи, что онъ обратилъ вниманіе на отношеніе религіи двухъ народовъ, чего не дѣлали писатели предшествовавшіе; правда, Татищевъ обратилъ на это вниманіе, но онъ кіевскихъ идоловъ Владимірова времени сдѣлалъ варяжскими. Описаніе княженія Рюрикова Карамзинъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Память Рюрика, какъ перваго Самодержавца Россійскаго, осталась безсмертною въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его княженія было твердое присоединеніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ народу Славянскому въ Россіи, такъ, что Весь, Меря, Мурома наконецъ обратились въ Славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и вѣру».

Пятая глава посвящена княженію Олега-правителя. Это княженіе, о которомъ въ лѣтопись внесено довольное количество преданій, даетъ Карамзину возможность впервые выказать свой взглядъ, свое мѣрило для оцѣнки лицъ и событій. Олегъ, пылая славолюбіемъ героевъ, идетъ на югъ съ цѣлью завоеваній; въ Кіевѣ онъ хитростію убиваетъ Аскольда и Дара, и Карамзинъ спѣшитъ произнести приговоръ надъ этимъ поступкомъ: «Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго». Вотъ изображеніе Олега послѣ похода на грековъ: «Сей Герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствіе. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго, могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое—и смерть его казалась потомству чудесною». Приведя преданіе о смерти Олеговой, авторъ продолжаетъ: «Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что лѣтописецъ повѣтствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стеналъ и проливалъ слезы*. Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? Итакъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными... Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы».

Изъ предшествовавшихъ Карамзину русскихъ писателей, каждый предлагалъ свое объясненіе причинъ, почему Олегъ предпринялъ походъ на югъ, къ Кіеву. Такъ, напр., Татищевъ торжество Олега надъ Аскольдомъ и Диромъ приписывалъ тому, что послѣдніе приняли христіанство и тѣмъ вооружили противъ себя язычниковъ, призвавшихъ Олега; Щербатовъ, слѣдуя «Синопсису» и «Ядру Россійской Исторіи», думалъ, что Олегъ хотѣлъ воспользоваться слабостію Кіевскихъ князей, потерпѣвшихъ пораженіе подъ Константинополемъ; Шлёцеръ объявилъ всѣ эти *историзированія и политизированія* [1]) чистыми вымыслами, объявилъ, что единственымъ побужденіемъ къ походу для Олега былъ завоевательный духъ. Карамзинъ говоритъ, что Олегъ предпринялъ походъ, «пылая словолюбіемъ героевъ». Но Карамзинъ не послѣдовалъ Шлёцереву мнѣнію о договорахъ съ греками, призналъ ихъ достовѣрность и, послѣдуя Болтину, вывелъ изъ этихъ договоровъ слѣдующее: «Сей договоръ представляетъ намъ Россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣютъ торговлю внутреннюю и внѣшнюю».

Шестая глава—княженіе Игоря, не представляетъ замѣчательныхъ особенностей; между этою главою въ I томѣ «Исторіи Государства Россійскаго» и между третью главною перваго тома «Исторіи Россійской» князя Щербатова мало разницы (исключая, разумѣется, слога). Мы видѣли отзывъ Карамзина объ Олегѣ; слѣдовательно имѣемъ право ожидать подобнаго же объ Игорѣ; «Игорь въ войнѣ съ Греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажется, и великихъ свойствъ его: онъ сохранилъ цѣлость Россійской Державы, устроенной Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ имперіею, былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить торжественно Бога Христіанскаго, и вмѣстѣ съ Олегомъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимости, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ», и проч.

Но большое различіе отъ Щербатова и другихъ предшествовавшихъ писателей находимъ въ началѣ седьмой главы, гдѣ говорится о дѣятельности княгини Ольги. Предшествовавшіе писатели передавали преданіе о мести Ольгиной надъ древлянами, какъ фактъ несомнѣнный во всѣхъ подробностяхъ, позволяя себѣ только иногда наивныя восклицанія на счетъ наивности древлянъ [2]). Но такое пониманіе Шлёцеръ объявилъ невѣроятно-жалкимъ и предложилъ свое образцовое объясненіе происхожденія преданій объ Ольгѣ и раздѣленіе ихъ.

[1]) Wir wollen abhören, wie unsere Historicker pragmatisch historisiren und politisiren.

[2]) Какъ, напр., восклицаніе Ломоносова: „О, деревенская простота!“

Карамзинъ воспользовался замѣчаніями Шлёцера, но ограничилъ ихъ и указалъ важное значеніе народныхъ преданій для историка: «Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія подробности*[1]), отчасти несогласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію Исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной сказки; но, какъ истинное происшествіе, должно быть ихъ основаніемъ, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени: то мы повторили Несторовы простыя сказки о мести и *хитростяхъ Ольгиныхъ*».

Причиною, побудившею Ольгу къ принятію христіанства, Щербатовъ выставлялъ недостаточность славянскаго идолослуженія, которую Ольга, одаренная великимъ разумомъ, не могла не понять, особенно слыша о чистѣйшей вѣрѣ грековъ; по Карамзину, Ольга, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, могла убѣдиться въ святости христіанскаго ученія, съ которымъ могла познакомиться въ Кіевѣ, и пожелала креститься, тѣмъ болѣе-что достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный чувствуетъ суетность земнаго величія. О причинахъ, заставившихъ ее отправиться въ Константинополь за крещеніемъ, ни тотъ, ни другой не говорятъ. Изъ предшествовавшихъ писателей, одни отвергали лѣтописное преданіе о предложеніи Греческаго императора Ольгѣ, другіе старались объяснять его; Карамзинъ послѣдовалъ первымъ.

Касательно войны Святослава съ греками, Щербатовъ, поставивъ рядомъ извѣстіе русскаго лѣтописца съ извѣстіями византійскими, склоняется въ пользу послѣднихъ. Шлёцеръ раздѣляетъ мнѣніе Щербатова, приходитъ въ отчаяніе отъ извѣстій лѣтописи о войнѣ Святослава съ греками, никакъ не хочетъ согласиться, чтобъ эти извѣстія принадлежали Нестору, и единственное утѣшеніе находитъ въ надеждѣ, что современемъ отыщутся списки, въ которыхъ дѣло разсказывается иначе, чѣмъ въ спискахъ, до насъ дошедшихъ. Карамзинъ слѣдуетъ Щербатову и Шлёцеру, но не выражается рѣшительно, и тѣмъ приближается болѣе къ первому, чѣмъ ко второму.

Восьмая глава, содержащая въ себѣ разсказъ объ усобицахъ между сыновьями Святослава, не представляетъ замѣчательныхъ особенностей противъ шестой главы второй книги Щербатова, имѣющей то же содержаніе.

Въ девятой главѣ разсказываются событія княженія Владимірова. Это княженіе, относительно обильнѣйшее разнородными событіями, чѣмъ всѣ предшествовавшія княженія, даетъ впервые видѣть порядокъ, которому Карамзинъ, подобно предшествовавшимъ писателямъ, будетъ слѣдовать при распредѣленіи событій. Это порядокъ лѣтописный, хронологическій; событія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ въ лѣтописи, по годамъ, а не совокупляются, по однородности своей, по внутренней связи между ними. Но безсвязность лѣтописная должна была тяготить такого художника, каковъ былъ Карамзинъ: онъ старается сдѣлать ее незамѣтною въ своей Исторіи, и для этого употребляетъ искусные внѣшніе переходы между событіями, слѣдующими въ лѣтописи другъ за другомъ только по порядку лѣтъ.

Главное событіе княженія Владимірова—великая религіозная перемѣна: принятіе христіанства. Явленія, относящіяся къ религіозной дѣятельности Владиміра, сперва какъ язычника, потомъ какъ христіанина, какъ равноапостольнаго князя,—эти явленія естественно выдѣляются изъ среды остальныхъ, заставляютъ историка соединять ихъ объясненіемъ причины перехода отъ однихъ къ другимъ, причемъ и открывается необходимо внутренняя связь между ними. Потомъ лѣтопись предлагаетъ извѣстія о другихъ, ужь второстепенныхъ по своему значенію, явленіяхъ: о покореніи племенъ славянскихъ, о наступательныхъ войнахъ на разныя страны и народы, о войнахъ оборонительныхъ противъ степныхъ варваровъ, о нѣкоторыхъ внутреннихъ распоряженіяхъ; всѣ эти явленія подраздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ группъ; но Карамзинъ располагаетъ событія въ порядкѣ лѣтописномъ, хронологическомъ. Сперва говорится о хитрости Владиміра относительно варяговъ, о ревности къ язычеству, потомъ о разнородныхъ войнахъ, и здѣсь является разсказъ о принятіи христіанства. Извѣстіе объ убіеніи двухъ варяговъ-христіанъ вставлено между извѣстіями о войнѣ съ ятвягами и радимичами, причемъ сказано, что Владиміръ велѣлъ бросить жребій, тогда какъ въ лѣтописи объ участіи князя не говорится. Вообще, разсказъ объ этомъ событіи любопытенъ, потому что показываетъ взглядъ Карамзина на то, въ какомъ отношеніи долженъ быть разсказъ историка къ разсказу лѣтописца. Въ лѣтописи, напр., читаемъ: «Онъ (Варягъ) стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ... рече: аще суть бози, то единаго собе послютъ бога, да имутъ сынъ мой». У Карамзина: «Отецъ, держа сына за руку, съ твердостію сказалъ: ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій».

Между историками XVIII вѣка былъ споръ о побужденіяхъ Владиміра къ походу на Корсунь. Щербатовъ думалъ, что походъ былъ предпринятъ съ цѣлію принятія крещенія; Болтинъ, на основаніи Татищева, утверждалъ, что походъ былъ предпринятъ для полученія руки царевны Анны. Карамзинъ принялъ мнѣніе Щербатова вмѣстѣ съ объясненіемъ, зачѣмъ Владиміръ, для принятія христіанства, хотѣлъ предварительно воевать съ греками. Касательно извѣстія о начаткахъ книжнаго ученія на Руси при Владимірѣ, Щербатовъ разсуждаетъ такъ: «И тогда же разсуждая (Владиміръ), что всѣянное сѣмя святаго Евангелія не можетъ довольно вкорениться во вновь обращен-

[1]) Напечатанное курсивомъ,—напечатано такъ у самого Карамзина.

ныхъ изъ идолопоклоненія народахъ, есть ли прежняя суровость и невѣжество въ нихъ пребудутъ: чего ради онъ повелѣлъ учредить училищи». Карамзинъ говоритъ то же самое: «Владиміръ взялъ лучшія, надлежащія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить Россіянъ. Чтобъ утвердить Вѣру на знаніи книгъ Божественныхъ, Великій Князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи». Щербатовъ и Карамзинъ вполнѣ удовлетворительно объясняютъ причины этого поступка Владимірова, и мы не можемъ принять односторонняго объясненія позднѣйшихъ изслѣдователей [1]); но Щербатовъ и Карамзинъ не правы въ томъ, что говорятъ о заведеніи училищъ, тогда какъ въ лѣтописи объ училищахъ нѣтъ ни слова.

Между извѣстіями о войнахъ печенѣжскихъ помѣщенъ разсказъ о пирахъ Владиміра и его благотворительности къ народу, послѣ чего слѣдуетъ извѣстіе о *вирахъ*. Это извѣстіе раздѣлено на двѣ части, причемъ слова, относящіяся ко второй части, приставлены къ первой. Касательно второй части: «Оже вира, то на оружьи и на коняхъ буди», въ примѣчаніи высказано недоумѣніе, куда отнести *буди:* ко Владиміру или къ вирѣ? но въ текстѣ это слово отнесено къ Владиміру. Вторая часть извѣстія представлена въ видѣ увѣщанія къ войнѣ, и авторъ воспользовался этимъ, чтобъ связать два извѣстія, неимѣющія отношенія другъ къ другу— извѣстіе о вирахъ съ извѣстіемъ о войнѣ печенѣжской. Въ этомъ послѣднемъ извѣстіи совершенно правильно объяснено выраженіе: *верховные вои*, чѣмъ позабыли воспользоваться нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи.

Десятая и послѣдняя глава перваго тома содержитъ въ себѣ извѣстіе о состояніи древней Россіи, отъ Рюрика до смерти Владиміра Святаго. Князь Щербатовъ ведетъ разсказъ о политическихъ событіяхъ отъ Рюрика до смерти Юрія Долгорукаго и тутъ только останавливается, чтобъ взглянуть на внутреннее состояніе русскаго общества въ пройденный періодъ. Карамзинъ счелъ за нужное остановиться на смерти Владиміра Святаго, обозрѣть состояніе новорожденнаго русскаго общества во время язычества и при первомъ князѣ христіанскомъ. Этотъ обзоръ очень любопытенъ, потому что въ немъ, хотя кратко, указано на всѣ важнѣйшія общественныя отношенія. Вначалѣ представлена огромность Русской государственной области въ самый первый вѣкъ ея бытія, хотя не упомянуты причины столь быстраго распространенія государственной области и слѣдствія такой громадности ея для будущаго. Указано значеніе князя въ словахъ призывавшихъ его племенъ: «Хотимъ князя, да владѣетъ и правитъ нами по закону». Мы ужь говорили, какъ этимъ взглядомъ отличается Карамзинъ отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, которые представляли первыхъ князей въ видѣ пограничныхъ стражниковъ. Указаны отношенія дружины къ князьямъ... По нашему мнѣнію, во всей главѣ дано слишкомъ много значенія норманскому элементу, который совершенно отдѣленъ отъ туземнаго. Относительно законодательства, Карамзинъ думаетъ, что варяги принесли въ Россію общіе гражданскіе законы, которые начали господствовать, вытѣснивъ прежніе славянскіе обычаи. «Варяги, законодатели нашихъ предковъ (говоритъ Карамзинъ), были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Славяне заимствовали отъ варяговъ искусство мореплаванія». Такимъ образомъ мы видимъ, что *варяжская система* образовалась впервые въ разбираемой главѣ; начальный періодъ Русской исторіи является ужь здѣсь варяжскимъ, хотя еще и не названъ такъ.

Карамзинъ упоминаетъ и о вліяніи духовенства; не сомнѣвается, что оно въ первыя времена рѣшало не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла; но отвергаетъ уставъ Владиміровъ на томъ основаніи, что въ немъ находится имя патріарха Фотія. Далѣе упомянуто кратко о древнемъ чиноначаліи, подробнѣе, удовлетворительнѣе о торговлѣ, деньгахъ, причемъ объясняется происхожденіе кожаныхъ денегъ и вмѣстѣ утверждается существованіе монетъ серебряныхъ. Въ статьѣ объ успѣхахъ разума говорится о переводѣ Св. Писанія, о происхожденіи языка книжнаго и народнаго; потомъ слѣдуетъ разсужденіе о ремеслахъ и искусствахъ. Заключается глава статьею о нравахъ, которые представляютъ, по словамъ Карамзина, смѣсь варварства съ добродушіемъ. Здѣсь повторена мысль Болтина, высказанная противъ Щербатова, что одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей. Вообще, мы должны замѣтить, что вся эта глава, какъ первый опытъ многосторонняго обзора новорожденнаго русскаго общества, имѣетъ важное значеніе въ нашей исторической литературѣ.

III.

Второй томъ начинается разсказомъ о любопытныхъ отношеніяхъ между сыновьями Св. Владиміра. И княженіе послѣдняго наступило послѣ усобицъ и братоубійствъ; но эти усобицы произошли вслѣдствіе извѣстнаго столкновенія между Кіевскимъ и Древлянскимъ князьями, спустя довольно-долгое время послѣ безспорнаго утвержденія сыновей Святославовыхъ, каждаго на его столѣ, отъ отца назначенномъ. Иной характеръ носитъ усобица сыновей Владиміровыхъ: здѣсь прежде всего лѣтописецъ выводитъ на сцену двоихъ братьевъ—самаго старшаго и одного изъ самыхъ младшихъ. Права перваго, повидимому, безспорны; младшій прямо признаетъ ихъ, и, несмотря на то, дружина обнаруживаетъ явное предпочтеніе въ пользу младшаго, въ Кіевѣ замѣтно колебаніе; старшій видитъ въ

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ въ «Исторіи Россіи», т. I, прим. 261. (Изданіе Товар. «Общ. Польза», гл. VII, стр. 173, прим. 2.)

младшемъ опаснаго соперника, сознаетъ непрочность свою на отцовскомъ столѣ, употребляетъ различныя средства, чтобъ привлечь къ себѣ кіевлянъ, и, несмотря на кротость младшаго брата, который самъ лишилъ себя средствъ къ борьбѣ, старшій злодѣйствомъ освобождается отъ соперника, который не перестаетъ казаться ему опаснымъ. Какъ же нашъ историкъ взглянулъ на эти любопытныя отношенія? Какъ изобразилъ ихъ?

Разсказъ лѣтописца, исполненный благоговѣнія къ нравственному характеру младшаго брата, исполненный глубокаго негодованія къ убійцѣ его, прежде всего произвелъ сильное впечатлѣніе на нравственное чувство историка, и это сильное впечатлѣніе опредѣлило характеръ повѣствованія послѣдняго. «Святополкъ, похититель престола» (читаемъ мы въ началѣ оглавленія первой главы втораго тома). Святополкъ похититель, потому-что онъ злодѣй. Младшій братъ падаетъ жертвою своей нѣжной чувствительности; властолюбецъ не довольствуется однимъ преступленіемъ: онъ убиваетъ еще двоихъ братьевъ—такъ завязывается на югѣ кровавая драма. Для ея вполнѣ удовлетворяющей нравственное чувство развязки, является мститель съ сѣвера; но прежде, на этомъ сѣверѣ, въ Новгородѣ, происходятъ также событія, которыя должны были одинаково сильно поразить нравственное чувство историка: и здѣсь лѣтописецъ разсказываетъ о враждахъ, убійствахъ; но все забывается, когда Ярославъ говоритъ новгородцамъ о страшныхъ преступленіяхъ Святополка: многочисленное войско собирается и выступаетъ съ княземъ для наказанія братоубійцы, который заслуживаетъ проклятіе современниковъ и потомства. «Имя Окаяннаго осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго князя: ибо злодѣйство есть несчастіе». Отношенія между сыновьями Владиміра были однимъ изъ тѣхъ оазисовъ, которыхъ Карамзинъ, по его собственному выраженію, искалъ среди пустыни; въ разсказѣ объ этихъ отношеніяхъ Карамзинъ высказался вполнѣ, какъ человѣкъ и какъ повѣствователь; вотъ почему этотъ разсказъ такъ важенъ для насъ. У предшествовавшаго историка, князя Щербатова, видимъ попытку объяснить поведеніе новгородцевъ; но Карамзинъ остался вполнѣ вѣренъ первому впечатлѣнію, произведенному на него разсказомъ лѣтописца.

Вторая глава содержитъ въ себѣ княженіе Ярослава въ Кіевѣ. Мы не будемъ останавливаться на приговорахъ поведенію Мстислава Тмутороканскаго послѣ Лиственской битвы: зная господствующій взглядъ автора, мы въ правѣ ожидать подобныхъ приговоровъ. Но мы должны остановиться надъ объясненіемъ происхожденія такъ называемой удѣльной системы. «Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобъ вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ удѣльнаго правленія. Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій Князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствію слѣпой любви родительской, которая обратилась въ несчастное обыкновеніе». По Щербатову, Ярославъ отдалъ Новгородъ Владиміру, «желая себя облегчить въ тягости правленія, таковымъ учинившимся ради великаго пространства его владѣній».

И Щербатовъ почелъ не безполезнымъ показать содержаніе законовъ ярославовыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Русской Правды»; но не изложилъ причины, почему это не безполезно. По Карамзину: «Сей остатокъ древности, подобный двѣнадцати доскамъ Рима, есть вѣрное зеркало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи». Признавая такую важность Русской Правды, Карамзинъ посвящаетъ ей цѣлую третью главу. Между статьею Карамзина о Русской Правдѣ и статьею Щербатова о томъ же памятникѣ огромная разница, показывающая, какіе успѣхи сдѣлала русская наука въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Карамзинъ разсматриваетъ сначала, какъ законодатель утвердилъ личную безопасность и неотъемлемость собственности, потомъ общія постановленія для улики и оправданія, наконецъ законы о наслѣдствѣ. Мы видѣли, какъ уже прежде Карамзинъ высказалъ свой взглядъ относительно источника древняго русскаго законодательства: по его мнѣнію, Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію; при изложеніи Русской Правды, онъ остается вѣренъ этому взгляду. Наконецъ, Карамзинъ воспользовался Русскою Правдою для опредѣленія гражданскихъ степеней въ древней Россіи, и вывелъ изъ ея статей слѣдующія два заключенія, важныя по вліянію своему на послѣдующія мнѣнія о древне-русской исторіи: первое заключеніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ, причемъ мнѣніе Монтескьё о древнихъ германскихъ законахъ прилагается къ древнимъ русскимъ, и прилагается несовсѣмъ удачно, ибо въ предшествующемъ изложеніи того, чѣмъ виновный платилъ за вину, заключается опроверженіе словъ Монтескьё, равно какъ въ статьѣ о ключникахъ и проч. Второе важное заключеніе состоитъ въ томъ, что варяги не завоевали Россію, ибо въ статьѣ о вирахъ нѣтъ различія между варягомъ и славяниномъ. Взаключеніе считаемъ не лишнимъ сравнить слѣдующіе отзывы Щербатова и Карамзина о Русской Правдѣ: «Я не буду (говоритъ Щербатовъ) оправдывать сіи законы; ибо, дабы полезность ихъ знать, надлежало бы точнѣе имѣть свѣдѣніе о всѣхъ обрядахъ, правахъ, упражненіяхъ и обычаяхъ сихъ народовъ и войти въ точное состояніе ихъ, чего намъ невозможно учинить; я могу только то предложить, что ни одни россіяне пенями за смертоубійство наказывали, но и всѣ почти сѣверные народы то чинили, которого можетъ быть сіи Россійскіе законы подражаніемъ были». По мнѣнію Карамзина, уставъ Ярославовъ содержитъ въ себѣ пол-

ную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними нравами.

Мы видимъ, что Карамзинъ отвергнулъ шлёцерово дѣленіе Русской исторіи на пять главныхъ періодовъ: на Россію рождающуюся, раздѣленную, и т. д. Мы не постояли за дѣленіе Шлёцера, ибо оно часто внѣшнее, не дающее ни малѣйшаго понятія о ходѣ Русской исторіи, какъ Русской исторіи; мы признали дѣленіе Карамзина лучшимъ, причемъ показали несостоятельность возраженій послѣдующихъ писателей противъ этого дѣленія. Шлёцеръ какъ сказано, понялъ два свои первые періода:—Россія рождающаяся и Россія раздѣленная—чисто внѣшнимъ образомъ, ибо не показалъ отношеній, необходимой связи между этими двумя періодами, между этими двумя названіями, не показалъ, что Россія потому была необходима раздѣленною, что была только-что родившеюся. Такъ понимаемъ мы дѣло теперь, но не такъ понимали его въ XVIII вѣкѣ, не такъ понимали его и въ началѣ XIX: Карамзинъ отвергнулъ дѣленіе Шлёцера точно такъ, какъ послѣдующіе писатели, вмѣсто того, чтобъ точнѣе опредѣлить дѣленіе Карамзина на Древнюю, Среднюю и Новую Русскую Исторію отвергли его, какъ несправедливое. Мы видѣли, на какомъ основаніи Карамзинъ отвергнулъ шлёцерову характеристику перваго періода—Россія рождающаяся: «Вѣкъ Св. Владиміра», говоритъ онъ, «былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія». Но, отвергнувъ, что Россія до половины XI вѣка была рождающеюся, Карамзинъ естественно не призналъ связи между Россіею до-Ярослава и Россіею послѣ-него; отвергнувъ рожденіе государства, признавъ это государство въ самомъ началѣ могущественнымъ и славнымъ, онъ по тому самому не призналъ въ послѣдующемъ періодѣ постепеннаго, хотя труднаго и медленнаго возрастанія и окрѣпленія государства; этотъ періодъ явился для историка только временемъ бѣдствій, временемъ слабости и разрушенія. Вотъ что говоритъ Карамзинъ о времени, наступившемъ по смерти Ярослава I: «Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ—Владимірову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ; не умѣли соединить частей въ цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями... Но Россія намъ Отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго, отъ начала до нынѣшней степени онаго... Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть Отечество».

При такомъ взглядѣ на характеръ времени, протекшаго отъ смерти Ярослава I-го до образованія Московскаго государства, Карамзинъ естественно не остановился надъ объясненіемъ отношеній между потомками Ярослава I-го. «Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ». Вотъ все, что находимъ у него объ отношеніяхъ между сыновьями Ярослава. Кн. Щербатовъ объ этихъ отношеніяхъ выражается такъ: «Хотя и видѣли мы, что каждый изъ владѣющихъ въ Россіи князей особливо свое княженіе правилъ, однако во всемъ томъ, что касалось до общаго блага и великой важности было, въ томъ они всѣ съ общаго согласія поступали».

Извѣстно, какимъ сильнымъ возраженіемъ, со стороны талантливаго Неймана, подвергся разсказъ Карамзина объ отношеніяхъ между сыновьями Ярослава I-го [1]). Между этими возраженіями есть нѣкоторыя, дѣйствительно вполнѣ основательныя; но со многими нельзя согласиться. Основательно опровергнуты положенія, что Игорь получилъ удѣлъ не отъ отца, а отъ старшаго брата; что уже въ то время существовали частные и особенные удѣлы; что Игорь сначала получилъ удѣлъ перваго, а потомъ втораго рода; о довѣренности, оказанной Ростиславомъ Катапану, о торжественномъ объявленіи послѣдняго касательно смерти Ростиславовой; о побужденіяхъ херсонцевъ убить Катапана; о характерѣ Ростислава; о значеніи его смерти для тогдашней Россіи; о побужденіяхъ Всеслава Полоцкаго къ войнѣ съ Новгородомъ; о побужденіяхъ Ярославичей къ войнѣ съ Всеславомъ. Нельзя согласиться также съ Карамзинымъ насчетъ причинъ побѣды черниговцевъ надъ половцами; насчетъ побужденій, которыя имѣлъ Изяславъ взогнать торгъ на гору, потому-что мы не можемъ знать въ подробности всѣхъ обстоятельствъ того времени; не можемъ признать внезапности перехода отъ дружественныхъ отношеній между Ярославичами къ враждебнымъ; не думаемъ, чтобъ поведеніе Олега можно было приписать одному врожденному властолюбію, потому что князь, несправедливо-лишенный волости, и безъ особеннаго властолюбія могъ желать пріобрѣсти ее, тѣмъ болѣе-что ничего не знаемъ о ласкахъ, которыя оказывалъ ему дядя Всеволодъ. Но, съ другой стороны, неосновательно возраженіе Неймана противъ того, что всѣ Ярославичи дѣйствовали сообща при переводѣ Игоря въ Смоленскъ изъ Владиміра. Карамзинъ имѣлъ полное право утверждать это на основаніи множественной формы *посадиша*, тѣмъ болѣе-что въ разсказѣ лѣтописца объ освобожденіи Судислава прямо показаны Ярославичи дѣйствующими сообща; различіе же, которое хочетъ Нейманъ установить ме-

[1]) Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 113—Архивъ Историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачовымъ, кн. I.

жду первымъ и вторымъ случаемъ — явная натяжка. Сказавъ о занятіи Тмутороканя Ростиславомъ Владиміровичемъ, изгнавшимъ оттуда Глѣба, сына Святославова, Карамзинъ продолжаетъ: «Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ: племянникъ его, *уважая дядю*, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія; но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ». Нейману не понравился этотъ разсказъ; онъ сравниваетъ его съ разсказомъ лѣтописца: «Иде Святославъ па Ростислава къ Тмутороканю; Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявься его; но нехотя противу стрыеви своему оружья взяти». Нейманъ говоритъ: «Вотъ простой разсказъ лѣтописи. Ни слова объ уваженіи»! Потомъ самъ задаетъ себѣ вопросъ: «Но развѣ не доказываетъ уваженіе Ростислава къ дядѣ то, что онъ отступалъ передъ нимъ и добровольно отдалъ ему городъ»? и отвѣчаетъ: «Разумѣется, не доказываетъ какого нибудь особеннаго уваженія со стороны Ростислава, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ снова выгналъ его сына. Поведеніе Ростислава должно бы намъ казаться въ высшей степени страннымъ и необъяснимымъ, еслибъ обычаи того времени не давали намъ ключа къ объясненію этой загадки. Уваженіе къ старымъ родичамъ, именно къ тѣмъ, которые заступали мѣсто отца, было обязанностью, освященною обычаемъ, котораго никто изъ благомыслящихъ людей не смѣлъ нарушить. У Ростислава ужь не было въ-живыхъ отца; поэтому братъ отца, дядя, заступилъ для него мѣсто отца. Уваженіе, которымъ онъ былъ ему обязанъ, было уваженіемъ чисто-личнымъ: онъ не смѣлъ поднять противъ него меча. На сына дяди, бывшаго съ нимъ однихъ лѣтъ, или даже моложе его, эта обязанность не простиралась». Нейманъ утверждаетъ, что уваженіе, которое Ростиславъ питалъ къ дядѣ, было священною обязанностію, что это уваженіе было личное и въ то же время говоритъ, что въ лѣтописи объ уваженіи ни слова, а потомъ говоритъ, что здѣсь нѣтъ какого-нибудь особеннаго уваженія!...

Далѣе слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющи дань у Касогъ и въ инѣхъ странахъ, сего же убоявшеся Грьци». Карамзинъ переводитъ такъ: «Скоро народы горскіе Касоги и другіе должны были признать себя данниками юнаго героя, такъ что его славолюбіе и счастіе устрашили Грековъ». Нейманъ не соглашается съ тѣмъ, что Ростиславъ силою заставлялъ Касоговъ и другіе народы платить себѣ дань. Онъ говоритъ: «Слова лѣтописи, находящіяся во всѣхъ спискахъ, указываютъ на то, что дань бралась безъ всякаго сопротивленія, и что взиманіе ея было соединено съ покойнымъ обладаніемъ Тмутороканью». Но спрашивается: чего же испугались греки, если Ростиславъ жилъ мирно въ Тмуторокани, не распространялъ своихъ владѣній и спокойно только пользовался данью, которую издавна нѣкоторые сосѣдніе народы платили его княжеству? Почему же они не боялись Глѣба Святославича, который до Ростислава княжилъ въ Тмуторокани? Нейманъ самъ понималъ неосновательность своего возраженія, и потому старался прикрыть его новою натяжкою: «Кажется (говоритъ онъ), что греки не столько боялись Ростислава лично, сколько послѣдствія его дѣятельности, то-есть основанія независимаго княжества въ Тмуторокани». Но чѣмъ независимѣе было это княжество отъ остальной Руси, тѣмъ слабѣе, тѣмъ меньше, слѣдовательно, надлежало бояться его.

Такъ какъ одна изъ цѣлей нашего настоящаго изслѣдованія — разсмотрѣть «Исторію Государства Россійскаго» въ связи съ предшествовавшими явленіями русской исторической литературы, то мы должны здѣсь замѣтить, что нѣкоторыя положенія Карамзина, справедливо или несправедливо опровергаемыя Нейманомъ, находятся и у князя Щербатова. Напримѣръ, Щербатовъ точно такъ же въ перемѣщеніи Игоря изъ Владиміра въ Смоленскъ видитъ общее дѣйствіе Ярославичей; о поведеніи Ростислава относительно дяди, Щербатовъ говоритъ: «Ростиславъ же свято ль наблюдая почтеніе къ дядѣ своему, или ради какихъ другихъ причинъ, получа извѣстіе о пришествіи Святослава, изъ Тмуторокани вышелъ». Причина страха грековъ предъ Ростиславомъ, у Щербатова выставлена та же, что и у Карамзина; отношенія Катапана къ Ростиславу разсказаны иначе, именно такъ, какъ хочетъ Нейманъ, а причина умерщвленія Катапана херсонцами та же самая, что и у Карамзина.

Любопытно сравнить у обоихъ историковъ начало разсказа о княженіи Всеволода Ярославича, потому что здѣсь впервые обнаружилась эта особенность древней русской исторіи, что великому князю наслѣдовалъ братъ, а не сынъ. Щербатовъ пораженъ странностью явленія и начинаетъ придумывать объясненія ему. Онъ говоритъ такъ: «Всеволодъ, бывъ отъ роду 48-ми лѣтъ, взошелъ послѣ смерти брата своего Изяслава на главное Россійское Кіевское Княженіе. Хотя сіе его возшествіе на престолъ и не совершенно порядочно является, потому что послѣ Изяслава остались сыновья уже въ довольномъ возрастѣ, чтобъ принять правленіе княженія отца ихъ; однако по невоспослѣдовавшимъ отъ этого никакимъ смущеніямъ, и потому, что упоминается, что Всеволодъ далъ Ярополку, сыну Изяславу, Владимеръ съ придачею еще Турова, мнится мнѣ, что это возведеніе его на Кіевскій престолъ учинено вслѣдствіе учиненнаго между имъ и Ярополкомъ какого-то договору; коему обычаю, чтобъ братъ послѣ брата въ престолахъ наслѣдовалъ, и впредь почти всегда послѣдовали, яко будемъ имѣть случай о семъ яснѣе предложить». Щербатовъ яснѣе, по его мнѣнію, предложилъ это въ концѣ V-й книги своей «Исторіи», гдѣ говоритъ: «О состояніи Россіи, ея законовъ, обычаевъ и правленій»; его объясненіе здѣсь состоитъ въ слѣдующемъ: князья всегда сами предводительствовали войскомъ—это была ихъ главная

обязанность; князь малолѣтній не могъ исполнить ее: отсюда и преимущество, какое получили дядья предъ племянниками въ наслѣдствѣ престола. Разумѣется, мы только съ уваженіемъ и любопытствомъ можемъ смотрѣть на эту первую остановку надъ любопытнѣйшимъ изъ явленій нашей древней исторіи, на первую попытку объяснить его. Таковъ обычный ходъ нашей науки—начинать со внѣшняго, ближайшаго къ понятіямъ историка, и потомъ, вглядываясь все внимательнѣе и внимательнѣе въ глубь вѣковъ, объяснять неудобопонятныя для насъ явленія древности согласнѣе не съ нашими, но съ тогдашними понятіями и обычаями. Такъ ужь у самаго Щербатова мы видимъ два первые шага на упомянутомъ поприщѣ: сначала встрѣчаемъ объясненіе договоромъ, явленіемъ чисто-случайнымъ, потомъ древній порядокъ престолонаслѣдія объясняется ужь особенными обстоятельствами того времени, которое требовало всегда совершеннолѣтняго князя. Карамзинъ пошелъ еще далѣе: онъ объясняетъ явленіе не случайнымъ обстоятельствомъ, не договоромъ и не потребностію постоянной внѣшней защиты, а тогдашнимъ образомъ мыслей, тогдашними нравами: «Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ великокняжескій! Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ права старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ».

Княженіе Всеволода Ярославича описано у Карамзина правильнѣе, чѣмъ у Щербатова, относительно подробностей, напр., генеалогическихъ; смуты, произведенныя недовольными князьями, у обоихъ историковъ описаны одинаково: у Карамзина, впрочемъ, дѣйствующія лица и событія характеризованы согласнѣе съ понятіями новѣйшаго времени; недовѣріе къ Татищеву еще болѣе приближаетъ Карамзина къ Щербатову, котораго онъ [1]) защищаетъ отъ Болтина, крѣпко стоявшаго за Татищева. Въ сводѣ Татищева, напр., сказано, что Ярополкъ Изяславичъ собирался идти на Всеволода за то, что послѣдній отдалъ часть его волости Давиду Игоревичу. Карамзинъ отвергаетъ это на основаніи древнѣйшихъ списковъ; но и въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи связь выраженій такова, что не допускаетъ инаго объясненія. «Всеволодъ же пославъ приведе й (Давида), и вда ему Дорогобужъ. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода». Касательно отношенія разсказа Карамзина къ разсказу лѣтописца, сравнимъ слѣдующее мѣсто: у лѣтописца—«приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и сотвори миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять Чернигову; Ярополкъ же сѣдѣ Володимери». У Карамзина: «Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ и заключивъ миръ съ его сыномъ Мономахомъ, въ Волыни, получилъ обратно свое княженіе».

[1]) Прим. 148 (изд. Тов. «Общ. П.», т. II, гл. III, стр. 346, прим. 3).

Сравнимъ нѣсколько мѣстъ и въ разсказѣ о княженіи Святополка. У лѣтописца: «Наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажъ»; у Карамзина: «Область Кіевская, изнуренная войнами, источенная данями, опустѣла». У лѣтописца Мономахъ говоритъ: «Здѣ стояче черезъ рѣку, въ грозѣ, створимъ миръ съ ними (половцами)»; у Карамзина: «Половцы видятъ блескъ мечей нашихъ и не отвергнутъ мира». Слова князей на Любечскомъ съѣздѣ въ лѣтописи: «Почто губимъ русскую землю, сами нося котору дѣюще? а Половци землю нашю несутъ розно, и ради суть оже межи нами рати; да понѣ отселѣ имемъ ся въ едино сердце и блюдемъ русскыи земли». У Карамзина: «Они (князья) благоразумно разсуждали, что Отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душею и сердцемъ, унять внѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ, и успокоить Государство, заслужить любовь народную». Слова дружины Святополковой и Мономаха у лѣтописца: «Они же рѣкоша: не веремя нынѣ погубити смерьды отъ рольи. И рѣче Володимеръ: како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рѣкуще: хощеть погубити смерды и рольи смердомъ? но се дивно ми, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердь тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ и проч.». У Карамзина: «Дружина великаго князя говоритъ, что весна неблагопріятна для военныхъ дѣйствій, что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба».

Описаніе княженія Святополкова, заключающееся въ шестой главѣ втораго тома, оканчивается слѣдующимъ любопытнымъ мѣстомъ: «Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти добраго, девяностолѣтняго старца Яна, славнаго воеводы, жизнью подобнаго древнимъ христіянскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія. Отселѣ путеводителями нашими будутъ другіе, также современные лѣтописцы». Татищевъ, какъ ужь было сказано выше, первый началъ отыскивать мѣсто, гдѣ долженъ былъ остановиться начальный лѣтописецъ Несторъ; онъ думалъ, что отыскалъ это мѣсто подъ 1093 годомъ, гдѣ находится *Алинь*; другое алинь находится тамъ, гдѣ явно говоритъ Сильвестръ, игуменъ Выдубецкаго Монастыря; слѣдовательно, заключаетъ Татищевъ, весь разсказъ, заключающійся между двумя именами, между 1094 и 1116 годами принадлежитъ уже Сильвестру, а не Нестору. Мюллеръ не соглашается съ Татищевымъ на томъ основаніи, что и далѣе 1093 года, подъ 1096-мъ годомъ говоритъ такъ же монахъ Кіевопечерскаго, а не Выдубецкаго монастыря, а именно, при описаніи нашествія половцевъ на Кіевъ, встрѣчаемъ вы-

раженіе: «*Намъ* сущимъ по кельямъ почивающимъ». Шлёцеръ, согласился съ Мюллеромъ и объявилъ, что, вѣроятно, Несторъ продолжалъ писать до 1116 года; что приписка Сильвестра служитъ не окончаніемъ его труда, но началомъ. Карамзинъ (въ примѣчаніи къ приведенному выше мѣсту) согласился съ Мюллеромъ и Шлёцеромъ относительно замѣчанія Татищева, но объявилъ, что Сильвестръ былъ не продолжателемъ Нестора, а только переписчикомъ: «Тутъ *написалъ* (говоритъ Карамзинъ) значитъ *списалъ*; въ концѣ многихъ рукописныхъ евангелій, псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи. Еслибъ Сильвестръ былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ бы шести лѣтъ безъ описанія, которое ужъ слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ инаго, для насъ безъимяннаго человѣка. Судя по кратости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безъимянный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года; ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе». Отнотительно мѣста, гдѣ именно остановился Несторъ, Карамзинъ говоритъ, что съ точностью опредѣлить его нельзя: *вѣроятно*, что оно находится около 1110 года, подъ которымъ во многихъ древнихъ спискахъ встрѣчаемъ слова Сильвестровы.

Въ концѣ главы, заключающей въ себѣ княженіе Мономаха, мы съ любопытствомъ останавливаемся на оцѣнкѣ характера этого знаменитаго дѣятеля нашей древней исторіи. И у Щербатова, и у Карамзина находимъ оцѣнку характера Мономаха, какъ человѣка и владѣтеля вообще, безъ отношенія ко времени и народу, котораго онъ былъ представителемъ. У Щербатова читаемъ: «Сей государь, какъ довольно изъ исторіи его можно было примѣтить, былъ нрава кроткаго, довольно храбръ, но не ищущій войны, а паче желая чрезъ доброе согласіе и мирные договоры до желаемаго конца достигнуть». У Карамзина: «Владиміръ отличался христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ; не менѣе хвалятъ лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу, снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе. Онъ не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго, и никто изъ древнихъ Князей Русскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства: потому-что онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели». Подобный же отзывъ встрѣчаемъ и о сынѣ Мономаха, Мстиславѣ. Превосходныя достоинства послѣдняго, по мнѣнію Карамзина, удерживали частныхъ князей въ границахъ благоразумной умѣренности; кончина его разрушила порядокъ. Различіе въ характерѣ новыхъ усобицъ, начавшихся по смерти Мстислава, и прежнихъ — не показано, равно какъ не уяснены новыя отношенія, возникшія между членами мономахова потомства. Виною смуты выставлена слабость новаго великаго князя, Ярополка, которая обнаружилась въ излишней снисходительности. Изъ разсказа лѣтописца и самого автора мы не видимъ, однако, въ чемъ состояла слабость и излишняя снисходительность Ярополка: мы видимъ только стараніе великаго князя при распредѣленіи волостей удовлетворить какъ старшимъ, такъ и младшимъ родичамъ, и этимъ удовлетвореніемъ возстановить спокойствіе на Руси. Ярополкъ былъ уже близокъ къ своей цѣли, какъ вдругъ страшныя движенія брата Вячеслава разрушили его добрыя намѣренія и повели къ новой усобицѣ, въ которой, конечно, мы не имѣемъ права упрекать Ярополка. Касательно Супойской битвы, имѣвшей такое важное значеніе въ этой усобицѣ, сравнимъ разсказъ лѣтописца и разсказъ Карамзина. У перваго читаемъ: «И вскорѣ Ярополкъ, съ дружиною своею и съ братьею, ни вой своихъ съждавше, ни нарядившеся гораздо, устремишася боеви, мняще, яко не стояти Ольговичемъ противъ нашей силѣ, и бывшю съступленію обѣими полкама, и бишася крѣпко, но вскорѣ побѣгоша Половцы Олговѣ, и погнаша по нихъ Володимерича дружина лутшая, а князя ихъ Володимерича бьяхся со Олговичи. И бысть брань люта, и мнози отъ обоихъ падаху. Видивше же братья вся, Ярополкъ, Вячеславъ, Гюрди и Андрей, полкы своя възмятены, отъѣхаша въ свояси. Тысячный же съ бояры ихъ переже гнаша по Половчихъ, избиша ѣ и воротишася опять на полчище, и не обрѣтоша князьи своея, и упадоша Олговичемъ въ руцѣ, и тако изъимаша ѣ». Изъ этого разсказа ясно видно, что было причиною неудачи Владиміровичей: неосторожность, самонадѣянность въ самомъ началѣ,—войска было мало и то не было устроено; отъ этого и безъ того малочисленнаго войска отдѣлилась еще лучшая дружина для преслѣдованія половцевъ, вслѣдствіе чего *всѣ четверо* Мономаховичей, несмотря на то, что бились крѣпко, принуждены были оставить поле сраженія, видя полки свои взмятенными. У Карамзина этотъ разсказъ переданъ такъ: «Въ жестокой битвѣ на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дружины своей, она гналась за половцами и была отрѣзана непріятелями; потому что Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія». Но если мы не можемъ быть довольны разсказомъ о княжескихъ отношеніяхъ, то въ то же время не можемъ не признать вѣрности замѣчанія Карамзина о времени перемѣны въ новгородскомъ бытѣ.

Разсказъ о княженіи Всеволода Ольговича и о борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ носитъ такой же характеръ, какъ и разсказъ о княженіи Ярополка. Любопытнѣе для насъ мнѣніе автора о важномъ событіи, послѣ котораго главная сцена дѣйствія переносится съ юга на сѣверъ. Князь Щербатовъ останавливается на смерти Юрія Долгорукаго, помѣщаетъ обзоръ внутренняго состоянія Россіи, и въ слѣдующей затѣмъ первой главѣ шестой книги говоритъ: «Кончина великаго князя Георгія великія перемѣны въ Россіи приключила, и такъ можно сказать совсѣмъ ей новый видъ дала; ибо какъ во все время жизни своей

князь Георгій не преставалъ или добиваться, или сохранять кіевскій престолъ, самое сіе привело въ такое ослабленіе сіе первое Россійское Княженіе, что ужъ послѣ смерти его оно владычествовать другими не могло... Какъ тогда Суздальское Княженіе простиралось на Владиміръ, Ростовъ, Москву и съ одной стороны касалось кіевскому и черниговскому, а съ другой границамъ Болгаръ, и сверхъ того, по пространности своей, довольно-многолюдно было, то ужъ силою своею стало власть кіевскую превышать, и частая перемѣна князей кіевскихъ, ихъ междоусобныя войны, частыя нашествія Половцевъ, а съ другой стороны непрерывное и покойное царствованіе сего князя Андрея учинило, что сіе его княженіе еще при жизни его стало владычествующимъ, или первымъ княженіемъ Россіи почитаться». Такимъ образомъ Щербатовъ ограничился только указаніемъ причинъ усиленія сѣвернаго Суздальскаго княжества предъ Кіевскимъ. Карамзинъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны: онъ не коснулся причинъ усиленія Суздальскаго княжества и обратилъ все свое вниманіе на причины, заставившія Андрея Боголюбскаго предпочесть сѣверъ югу; по его мнѣнію, Суздальская область вовсе не была сильнѣе Кіевской; она была спокойнѣе послѣдней, но менѣе образована; Владиміръ, по его словамъ, былъ обязанъ своею знаменитостью нелюбви Андреевой къ Южной Россіи. «Ѳеатръ алчнаго честолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія Южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва небеснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ Землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые намѣстниками Долгорукаго, единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ; основалъ новое Великое Княженіе Суздальское или Владимірское и приготовилъ Россію Сѣверовосточную быть, такъ сказать, сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ». Тогда-какъ у Щербатова Югозападная Русь изнемогла вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а Сѣверовосточная возвысилась, заняла ея мѣсто, вслѣдствіе того, что въ ней этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ не было, у Карамзина Сѣверовосточная Русь обязана своимъ возвышеніемъ единственно личнымъ достоинствамъ Андрея Боголюбскаго и нерасположенію его къ Югозападной Руси, которая казалась ему обителью скорби и предметомъ гнѣва небеснаго. По мнѣнію Карамзина, сила Андрея заключалась единственно въ его добродѣтеляхъ: «Сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же (тотчасъ по смерти отца) завоевать древнюю столицу».

Добродѣтели Андрея давали ему превосходство, силу предъ прочими князьями, разумъ превосходный заставилъ его стремиться къ искорененію вредной удѣльной системы: «Андрей Георгіевичъ, ревностно занимаясь благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, свою область: то есть отмѣнилъ несчастную систему удѣловъ, княжилъ единовластно и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ».

IV.

Мы видѣли, какъ оба историка, и Щербатовъ и Карамзинъ, признали важность дѣла Андрея Боголюбскаго, оставшагося, по полученіи старшинства, жить на сѣверѣ; оба они остановились на этомъ событіи, оба старались объяснить его: Щербатовъ приписалъ его усиленію сѣвера предпочтительно предъ югомъ, Карамзинъ—личнымъ отношеніямъ Андрея; ни тотъ, ни другой не коснулись слѣдствій событія. Карамзинъ, при описаніи побужденій Андрея къ предпочтенію сѣвера, намекнулъ объ особенностяхъ характера сѣвернаго народонаселенія; но, говоря потомъ о характерѣ Андрея, о значеніи его княженія, не повторилъ этого намека, выразилъ сожалѣніе, что Андрей, по своему личному расположенію, покинулъ югъ для сѣвера, и такимъ образомъ Карамзинъ ясно высказалъ мысль, что и югъ былъ вполнѣ способенъ къ произведенію того порядка вещей, который утвердился на сѣверѣ. Вотъ этотъ любопытный отзывъ объ Андреѣ: «Боголюбскій, мужественный, трезвый и прозванный за его умъ вторымъ Соломономъ, былъ, конечно, однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному Единовластію, и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли, еслибъ жилъ въ Кіевѣ, унялъ Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ, облагодѣтельствованныхъ природою, издавна обогащенныхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей тѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные Удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичъ; но, ослѣпленный пристрастіемъ къ сѣверовосточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ новое сильное Государство, нежели возстановить могущество древняго на Югѣ». Причины

смерти Андреевой разсмотрѣны Карамзинымъ и Щербатовымъ независимо отъ общаго характера дѣятельности этого князя; независимо отъ новаго значенія, пріобрѣтеннаго сѣверомъ при Андреѣ, разсмотрѣно Карамзинымъ и дѣло епископа Ѳеодора, которое онъ, однако, называетъ удивительнымъ и важнымъ. На борьбу съ Ростиславичами не обращено особеннаго вниманія.

Любопытныя событія, происходившія на сѣверѣ по смерти Андрея Боголюбскаго, разсказаны у Щербатова и у Карамзина почти одинаково; важное разсужденіе лѣтописца, раскрывающее предъ нами тогдашнія отношенія городовъ другъ къ другу, у обоихъ историковъ не приведено въ цѣлости, особо, а нѣкоторыя мѣста изъ всего отдѣльно вставлены въ разсказъ о событіяхъ, отчего смыслъ разсужденія теряетъ свою силу; вообще важнѣйшія отношенія, которыя связуютъ разсказываемыя событія съ предъидущими, не являются на первомъ планѣ; притомъ, однако, мы должны замѣтить, что разсказъ Карамзина гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ разсказъ Щербатова: у перваго не встрѣчаемъ тѣхъ неумѣстныхъ разсужденій о причинахъ событій, какія находимъ у втораго, каково, напримѣръ, расужденіе, почему суздальцы и ростовцы обратились въ бѣгство въ битвѣ съ Михаиломъ Юрьевичемъ.

На дѣятельность Всеволода III-го оба историка смотрятъ одинаково. По Щербатову, Всеволодъ «какъ силою своею, такъ и мудростію всю Россію почти въ подданствѣ у себя содержалъ»; Карамзинъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Имѣя тайныя намѣренія, онъ (Всеволодъ) не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей, чтобъ не усилить тѣмъ Кіевскаго и Смоленскаго, равно противныхъ замышляемому имъ Единовластію». Въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Всеволодъ, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ Россіи счастливые дни единовластія. Но, признавая въ Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III-мъ стремленія къ единовластію, оба историка не признаютъ ничего подобнаго въ ихъ преемникахъ, порываютъ преданіе, постоянно сохранявшееся у сѣверныхъ князей, порываютъ необходимую связь явленій, вслѣдствіе чего періодъ отъ смерти Всеволода III-го до самаго Іоанна Калиты лишенъ у нихъ всякаго значенія; ничто не связываетъ дѣятельности Калиты и дѣятельности Всеволода III-го. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ началѣ главы о состояніи Россіи съ XI-го до XIII-го вѣка: «Ярославъ, могущественный и самодержавный, подобно Св. Владиміру, раздѣлилъ Россію на Княженія; хотѣлъ, чтобъ старшій сынъ его, называясь Великимъ Княземъ, былъ Главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобъ Удѣльные Князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его. Отдавъ ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наслѣдники его, сильнѣйшіе другихъ Князей, могутъ удерживать ихъ въ границахъ нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между собою, или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I-й долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II-й отвѣтствовалъ какъ подсудимый на вопросы Князей Удѣльныхъ. Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Систему Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами».

При такомъ взглядѣ понятно, почему авторъ не далъ особеннаго значенія знаменитымъ событіямъ, послѣдовавшимъ на сѣверѣ по смерти Всеволода III-го; почему не только Георгій и Константинъ Всеволодовичи являются недостойными преемниками отца своего и дѣда, не умѣвшими поддержать ихъ стремленій, но даже и любопытная, рѣзко выдающаяся дѣятельность третьяго брата, Ярослава, не нашла себѣ надлежащей оцѣнки. Въ то время, какъ Мстиславъ Удалой величается искуснымъ политикомъ, Ярославъ называется только надменнымъ и мстительнымъ, и причиною борьбы его съ Новгородомъ являются только эти его качества.

Мы привели взглядъ Карамзина на дѣятельность Андрея Боголюбскаго, брата его Всеволода III-го и преемниковъ ихъ, какъ этотъ взглядъ выраженъ въ началѣ VII-й главы III-го тома. Глава эта, заключающая изображеніе состоянія Россіи съ XI-го до XIII-го вѣка, очень замѣчательна и сама-по себѣ, особенно же заслуживаетъ вниманія по сравненію съ подобною же главой у Щербатова, которую безконечно превосходитъ, несмотря на то, что, при настоящемъ состояніи науки, мы со многимъ въ ней ужь не можемъ согласиться. Высказавъ приведенное мнѣніе о характерѣ дѣятельности князей, Карамзинъ говоритъ, что «Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кромѣ Полоцкой: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенные Удѣлы, и Князья первыхъ стали послѣ называться Великими въ отношеніи къ частнымъ или *Удѣльнымъ*, отъ нихъ зависѣвшимъ»; въ примѣчаніи же онъ говоритъ: «Въ семъ смыслѣ Рязанскіе, Тверскіе, иногда Смоленскіе и Черниговскіе именовались Великими, а не Мѣстными, какъ сказалъ Болтинъ. Послѣднее названіе принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Князь *Мѣстный* значилъ то же, что *Помѣстный*, онъ былъ ниже Удѣльнаго или Владѣтельнаго».

Но здѣсь прежде всего нужно было определить время, когда князья рязанскіе, тверскіе, смоленскіе стали называться великими. Конечно, не въ періодъ съ XI-го до XIII-го вѣка; Болтинъ не правъ: названіе *мѣстныхъ* князей не относится къ князьямъ рязанскимъ, тверскимъ, смоленскимъ, а принадлежитъ дѣйствительно позднѣйшему времени; но также точно къ позднѣйшему времени принадлежитъ и названіе *удѣльныхъ князей*, и потому не можетъ быть допущено при изображеніи періода съ XI до XIII вѣка; нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобъ *мѣстный князь* былъ ниже удѣльнаго; потому-что въ памятникахъ *мѣстный* употребляется вмѣсто *удѣльнаго*, противополагаясь великому; напримѣръ: «Земля наша и сущихъ окрестъ насъ братій нашихъ, великихъ князей дрьжавы и помѣстныхъ князей и начальниковъ, елико кто подъ собою имѣетъ, вси суть въ благочестіи».

Причиною междоусобій Карамзинъ вполнѣ справедливо полагаетъ спорное право наслѣдства: «Мы уже замѣтили выше (говоритъ онъ), что по древнему обычаю не сынъ, но братъ умершаго Государя, или старшій въ родѣ долженствовалъ быть его преемникомъ. Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ столицѣ по кончинѣ Святополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣтелей Черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли похитителей Великокняжескаго достоинства и воевали съ ними». Карамзинъ обратилъ вниманіе и на то, что состояніе сосѣднихъ государствъ помѣшало имъ воспользоваться усобицами русскихъ князей; замѣтилъ неопредѣленность въ отношеніяхъ между властію княжескою и городами; указалъ на значеніе духовенства, дружины, на состояніе войска, торговли, художествъ, наукъ, нравовъ. Обо всемъ этомъ сказано кратко; многаго еще остается желать читателю; но высказанныя положенія большею частію справедливы. Менѣе другихъ удовлетворительны положенія относительно дружины: «Каждый городъ (говоритъ Карамзинъ) имѣлъ особенныхъ ратныхъ людей, Пасынковъ или Отроковъ Боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ) и Гридней или простыхъ Мечниковъ, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины». Основанія, почему пасынковъ авторъ считаетъ отроками боярскими, не показаны, и показать ихъ изъ источниковъ нельзя. Далѣе нельзя понять также, почему гридни называются простыми мечниками, и что такое будутъ мечники непростые. Но мы должны замѣтить также, что вопросъ о древней дружинѣ и теперь еще чрезвычайно труденъ для рѣшенія; слѣдовательно, не можемъ требовать много отъ перваго опыта.

Мы видѣли, что Карамзинъ не призналъ преемства стремленій между Всеволодомъ III-мъ и его потомками; несмотря на то, надъ Ярославомъ, самымъ замѣчательнымъ изъ сыновей Всеволода III-го, произнесенъ слѣдующій приговоръ: «Ярославъ, въ юности жестокій и непримиримый отъ честолюбія, украшался и важными достоинствами: благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію въ государственныхъ несчастіяхъ, былъ возобновителемъ разрушеннаго Великаго Княженія». Но, вѣрный своему взгляду, авторъ не показываетъ, какая была цѣль и какія были слѣдствія честолюбія Ярослава, чѣмъ это честолюбіе разнилось отъ честолюбія Всеволодова и Андреева.

Не знаемъ, почему должны мы назвать Ярослава жестокимъ, если сравнить его поведеніе съ поведеніемъ отца и дяди? Если же дѣйствительно Ярославу принадлежитъ честь возобновленія разрушеннаго великаго княженія, то это такой подвигъ, который долженъ поставить его наряду величайшихъ государей, особенно если вспомнимъ, что на это возобновленіе онъ могъ употребить не болѣе семи лѣтъ. Что-нибудь одно: или возобновленіе не было трудно, т. е. разрушеніе, причиненное татарами, не было очень сильно, или Ярославу исторія не воздаетъ достойной чести, если не только не даетъ ему мѣста выше или наровнѣ съ Мономахомъ, Андреемъ Боголюбскимъ и Всеволодомъ III-мъ, но даже ставятъ его несравненно ниже ихъ. Вслѣдствіе того же взгляда, по которому стремленіе Боголюбскаго и брата его не передаются въ наслѣдство потомкамъ, Александръ Невскій изображается только какъ добродѣтельный человѣкъ, какъ государь, заслужившій своими нравственными качествами сильную любовь подданныхъ, безъ показанія отношенія его дѣятельности до дѣятельности предшественниковъ: какъ въ Ярославѣ не виденъ сынъ Всеволода III-го и племянникъ Боголюбскаго, такъ въ Невскомъ не виденъ сынъ Ярослава и внукъ Всеволода III-го. Вотъ какъ описывается погребеніе Св. Александра, послѣ чего авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ значенія этого князя: «Тѣло Великаго Князя уже везли въ столицу; несмотря на жестокій зимній холодъ, Митрополитъ, Князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ-хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному защитнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего Князя! Имя Святаго, ему данное, гораздо выразительнѣе Великаго, ибо Великими называютъ обыкновенно счастливыхъ; Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчить жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоин-

ства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государства. Самые легкомысленные Новгородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго Князя, говоря, что «онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю Русскую». Послѣднія строки, безъ вѣдома автора, связываютъ дѣятельность Александра Невскаго съ дѣятельностію его отца и дѣда, и отличаютъ дѣятельность его отъ дѣятельности, напримѣръ, Мстислава Храбраго, который также пользовался сильною народною любовью во всѣхъ концахъ Руси. Александръ стремился къ измѣненію новгородскаго быта точно такъ же, какъ стремились къ этому его отецъ и дѣдъ, тогда какъ въ Мстиславѣ мы не видимъ подобныхъ стремленій.

Вслѣдствіе того же основнаго воззрѣнія, авторъ не допускаетъ связи между дѣятельностію Ярослава и Василія Ярославичей и дѣятельностію предшественниковъ ихъ; но всего явственнѣе выражается этотъ основный взглядъ при изображеніи усобицы между сыновьями Невскаго, Димитріемъ и Андреемъ. Упраздненіе стараго обычая, по которому великокняжеское достоинство принадлежало старшему въ родѣ, это упраздненіе не признается явленіемъ, необходимо-ведшимъ къ установленію новаго порядка вещей, къ утвержденію единовластія; вслѣдствіе чего не признается важнымъ значеніе тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали этому упраздненію, каковы были: Михаилъ Хоробритъ Московскій и Андрей Александровичъ Городецкій. О первомъ упомянуто вскользь; дѣятельность втораго разсматривается независимо отъ общаго хода событій, безъ отношенія къ предъидущему и послѣдующему: Андрей является княземъ, возставшимъ противъ стараго обычая для удовлетворенія своему честолюбію, и неразбиравшимъ средствъ для этого удовлетворенія, называется злобнымъ сыномъ отца, столь великаго и любезнаго Россіи. Мы замѣтили уже, что взглядъ, по которому нѣтъ преемства стремленій между Всеволодомъ III-мъ и потомками его, этотъ взглядъ историкомъ XIX-го вѣка наслѣдованъ отъ историка XVIII-го вѣка, есть общій у Карамзина съ Щербатовымъ. Какъ оба историка сходятся другъ съ другомъ при описаніи событій XIII-го и начала XIV-го вѣка, всего яснѣе видно изъ отзывовъ обоихъ о дѣятельности великаго князя Андрея Александровича: у Щербатова Андрей: «жегомый честолюбіемъ и побуждаемый къ оному единымъ бояриномъ и совѣтникомъ своимъ Семеномъ Тонгліевичемъ, поѣхалъ въ орду, гдѣ напередъ низкими своими поступками и великими дарами у корыстолюбивыхъ татарскихъ вельможъ вкрался въ любовь, и оклеветаньями своими брата своего князя Димитрія имъ подозрительна сдѣлалъ». Потомъ Щербатовъ приписываетъ даже преждевременную смерть Андрея непомѣрному честолюбію.

По смерти Андрея открывается новая усобица, точно съ такимъ же характеромъ, какъ и усобица между Александровичами, причемъ Тверской князь Михаилъ соотвѣтствуетъ положеніемъ своимъ Димитрію, а Юрій Московскій—Андрею, съ тою разницею, что Юрій еще менѣе разборчивъ въ средствахъ, чѣмъ Андрей; слѣдовательно читатель имѣетъ право ожидать отъ историка такого же строгаго приговора и Юрію, какой произнесенъ былъ надъ Андреемъ. И дѣйствительно, въ началѣ описанія борьбы встрѣчаемъ слѣдующія строки: «Современные лѣтописцы винятъ одного Князя Московскаго, который, въ противность древнему обыкновенію, спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ. Сверхъ сего, Георгій по качествамъ черной души своей заслуживалъ всеобщую ненависть, и едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святѣйшимъ законамъ человѣчества». Но любопытно, что въ концѣ разсказа приговоръ этотъ ужь значительно смягченъ при описаніи погребенія Юрія: «Князь Іоаннъ (Калита) и самый народъ проливалъ искреннія слезы, умиленный столь бѣдственною кончиною Государя хотя и недобродѣтельнаго, однакожъ знаменитаго умомъ и славными предками».

До-сихъ-поръ, при разсматриваніи дѣятельности каждаго князя въ отдѣльности, отъ общаго хода событій, опредѣлившагося на сѣверѣ со временъ Андрея Боголюбскаго, историку было легко произносить свои приговоры; но теперь эта легкость начинаетъ исчезать, когда обнаруживаются важныя слѣдствія этихъ постоянныхъ стремленій, значенія которыхъ прежде историкъ не признавалъ. Борьба идетъ съ прежнимъ характеромъ, дѣятели употребляютъ такія же средства для достиженія своей цѣли; но эта цѣль становится теперь яснѣе для историка, и онъ, съ одной стороны, принужденъ признать важность цѣли, важное значеніе дѣятельности лицъ, стремившихся къ ней; съ другой стороны, по нравственному чувству, которое такъ отличаетъ разбираемаго нами писателя, онъ долженъ произнести приговоръ и средствамъ, употреблявшимся для достиженія цѣли. Мы замѣтили, что уже относительно характера Юрія Московскаго нашъ авторъ нашелся принужденнымъ смягчить свой прежній приговоръ: понятно, что эта перемѣна во взглядѣ на дѣятельность князей должна быть еще замѣтнѣе при опредѣленіи дѣятельности брата Юріева, Іоанна Калиты. Что въ его предшественникахъ являлось безцѣльнымъ честолюбіемъ, то теперь называется мудрою политикою: «Благоразумный Іоаннъ, видя, что всѣ бѣдствія Россія произошли отъ несогласія и слабости Князей, съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ Удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ... Такъ Московскій Бояринъ или Воевада, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ Государемъ... Самые владѣтели Рязанскіе долженствовали слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, сѣтуя въ развалинахъ

и спротствуя безъ Александра Михайловича, ужь не смѣла помышлять о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей Князь возвратился бодрый, дѣятельный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ Великокняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости Ханской? Владѣтели удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверскаго Князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго. Боясь утратить первенство и лестное для властолюбія, и нужное для спокойствія Государства, Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника».—Такимъ образомъ Іоаннъ Калита, послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, является первымъ княземъ, который начинаетъ стараться присвоить себѣ верховную власть надъ другими князьями; мысль о единовластіи является у него вдругъ, безъ приготовленія, безъ связи съ предъидущими явленіями. Этотъ приговоръ высказывается еще рѣзче заключеніе разсказа о княженіи Калиты, гдѣ говорится, что послѣдній «указалъ наслѣдникамъ путь къ единовластію и величію». Но, допустивъ важность цѣли, хотя со временъ Іоанна Калиты, Карамзинъ, по нравственному чувству, не могъ вполнѣ оправдать средствъ, которыми эта цѣль достигалась: «Справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе (указаніе пути къ единовластію), простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Политики. Судъ Исторіи, единственный для Государей — кромѣ суда Небеснаго—не извинитъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога».

Признаніе стремленій къ единовластію, хотя со временъ Іоанна Калиты, было важнымъ шагомъ впередъ у историка XIX вѣка, ибо предшествовшій историкъ XVIII вѣка, кн. Щербатовъ, еще не обращаетъ вниманія на это значеніе Калиты, и такъ отзывается о характерѣ послѣдняго: «Что касается до его обычая, онъ былъ человѣкъ весьма набожный, щедръ къ бѣднымъ. Однако при сихъ добродѣтеляхъ не неприступенъ былъ къ честолюбію, хотя для достиженія до своихъ намѣреній скрытымъ образомъ и великимъ терпѣніемъ доходилъ, что самое было причиною, что, не проникая оныхъ не столь его, какъ татары, такъ и россійскіе князья опасались, однако онъ достигъ дотого, что низложилъ съ престола князя Александра Михайловича, и осторожности свои противу сего предпріимчиваго князя толь далеко распростерлъ, что наконецъ и причиною смерти его учинился. Что касается до храбрости, мы не видимъ, чтобъ онъ гдѣ ее показалъ, или-бъ и имѣлъ случай показать, ибо весьма убѣгалъ отъ войны. Таковый тихій и скромный его нравъ былъ причиною, что онъ во всю жизнь за главный предметъ себѣ имѣлъ исполнить волю татарскую и слѣпо во всемъ имъ повиновался. Но самый недостатокъ сей въ блистательныхъ способностяхъ и твердости дѣйствительно къ пользѣ Россіи послужилъ, ибо татары, по симъ причинамъ ничего отъ него не опасаясь, оставили его спокойно сидѣть на великомъ княженіи; и сіе во все время его правленія продолжавшееся спокойствіе дало случай великому княженію владимірскому и московскому отъ опустошеній татарскихъ исправиться и долгое сіе правленіе народъ нѣкоимъ образомъ пріучилъ къ повиновенію великому князю и къ обязанности къ нему и къ его потомству, которое по благосклонности татарской, царствуя послѣ князя Іоанна Даниловича, и достигло наконецъ до освобожденія Россіи отъ ига ихъ».

И при описаніи важнаго событія, давшаго торжество Москвѣ надъ Тверью, Іоанну надъ Александромъ, именно при описаніи возстанія тверичей противъ Шевкала и татаръ его, Карамзинъ проницательнѣе Щербатова. Послѣдній такъ разсуждаетъ: «Ханъ Узбекъ пораженъ бѣсновѣріемъ къ магометанскому закону, не токмо употреблялъ всѣ свои силы, дабы оный въ татарскихъ и другихъ нехристіанскихъ народахъ ему подвластныхъ утвердить, но также хотѣлъ на разореніи вмѣстѣ и правленія великихъ князей и вѣры христіанскія его въ Россіи распростерть, и сего ради послать сего посла (Шевкала)» и проч. Карамзинъ сомнѣвается въ справедливости этого слуха; онъ говоритъ: «Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія Татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить Россіянъ въ Магометанскую Вѣру, убить Князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолъ, и всѣ города наши раздать своимъ Вельможамъ. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ Политикою Хановъ, хотѣвшихъ всегда быть покровителями Духовенства и Церкви въ набожной Россіи». У Щербатова явленіе взято отдѣльно само-по-себѣ, какъ оно разсказано у лѣтописца; у Карамзина оно ужь повѣряется рядомъ другихъ явленій, приводится въ связь съ общимъ ходомъ событій.

Но, съ другой стороны, мы не должны забывать и тѣхъ попытокъ, которыя сдѣлала наука XVIII-го вѣка для объясненія нѣкоторыхъ любопытнѣйшихъ явленій внутренней жизни нашего народа, тѣмъ болѣе-что результаты этихъ попытокъ сдѣлались такъ плодотворны въ наукѣ XIX вѣка. Щербатовъ останавливается на отъѣздѣ тверскихъ бояръ въ Москву, и такъ разсуждаетъ объ этомъ явленіи: «Тогда-какъ таковыя дѣла въ областяхъ новгородскихъ происходили, князь Александръ пребывалъ въ Твери, гдѣ вскорѣ новыя ему огор-

ченія отъ неудовольствія на его тверскихъ бояръ учинились, которые и отъѣхали отъ него въ Москву къ великому князю Іоанну. Лѣтописатели наши не мало не повѣствуютъ о причинахъ сего неудовольствія, и трудно безъ всякихъ знаковъ поступка сего князя, его ли оправдать, или бояръ обвинить. Тако не въ утвержденіе, но токмо яко догадку нужную для связи дѣяній и проницанія тайныхъ причинъ дѣлъ, осмѣлюсь предложить, что долговременное пребываніе князя Александра въ Псковѣ и оказуемая къ нему вѣрность отъ Псковитянъ можетъ быть склонили его, и по пріѣздѣ въ Тверь, взять многихъ псковскихъ бояръ съ собою, и правленіе имъ препоручить, что, можетъ статься, и огорчило бояръ тверскихъ: ибо точно помянуто, что бояре отъ него отъѣхали. Самый сей отъѣздъ боярскій требуетъ изъясненія, какимъ образомъ они могли покинуть своего природнаго князя и отъѣхать къ другому: хотя въ лѣтописцахъ и не обрѣтается изъясненія о семъ, но мню, что съ основаніемъ могу приложить къ изъясненію сего, найденное о нравѣ бояръ въ грамотѣ духовной великаго князя Іоанна Даниловича: А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску-Ворькову, аже иметь сыну моему, которому служити, село будетъ за нимъ: не иметь ли служити дѣтямъ моимъ, село отоимутъ».—Здѣсь конечно нужно было основаться на другомъ, болѣе ясномъ свидѣтельствѣ княжескихъ договоровъ; но важна попытка объяснить одно изъ любопытнѣйшихъ явленій нашей древней исторіи и объяснить темныя, недоказанныя извѣстія лѣтописи другими дополнительными источниками. Карамзинъ почти слово въ слово повторилъ замѣчаніе Щербатова, даже сослался на то же самое мѣсто духовнаго завѣщанія Калиты, не упомянувъ также о повторяющемся постоянно въ княжескихъ договорахъ условіи, которое еще опредѣленнѣе указываетъ на боярскіе отъѣзды: «А боярамъ межъ насъ и слугамъ вольнымъ воля». Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Карамзинъ: «Въ сіе время многіе Бояре Тверскіе переѣхали въ Москву съ семействами и слугами; что было тогда не безчестною измѣною, но дѣломъ весьма-обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу Князя Великаго или Удѣльнаго, Бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые Вельможи завидовали. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ» и прочее.

Сынъ Калиты, Симеонъ, называется у Карамзина хитрымъ и благоразумнымъ; но братъ его Іоаннъ, державшій послѣ него Великое Княженіе, называется тихимъ, миролюбивымъ и слабымъ, потому-что въ лѣтописи онъ названъ кроткимъ, тихимъ и милостивымъ. Но мы не знаемъ, имѣлъ ли историкъ право, вмѣсто третьяго прилагательнаго «милостивый», поставить *слабый*, тѣмъ болѣе-что справедливость такого отзыва не видна изъ дѣлъ Іоанновыхъ, какъ они описаны у лѣтописца. Другое дѣло какъ они описаны у историка: назвавъ съ самаго начала Іоанна слабымъ, историкъ въ каждомъ его поступкѣ видитъ признакъ слабости. Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ Рязанскимъ, по словамъ историка; но должно было прибавить, что съ Олегомъ Рязанскимъ былъ заключенъ миръ, вовсе небезвыгодный для Москвы, ибо, отдавъ нѣкоторыя волости, Москва пріобрѣтала другія; надобно замѣтить также, что въ войнѣ съ Олегомъ Рязанскимъ не всегда былъ счастливъ и сынъ Іоанновъ, Димитрій, котораго никто не называетъ слабымъ. Іоаннъ, по словамъ историка, терпѣливо сносилъ ослушаніе новгородцевъ въ первое время своего княженія; но мы должны замѣтить, что при войнѣ съ Рязанью и во время опустошеній, причиненныхъ черною смертью, нельзя было думать о Новгородѣ. Представленіе о слабости Іоанна завело такъ далеко историка, что онъ приписалъ ей волненіе въ другихъ независимыхъ княжествахъ, какъ будто Московскій князь имѣлъ на нихъ тогда какое-нибудь вліяніе. Наконецъ слабости Іоанновой приписывается происшествіе въ Москвѣ съ тысяцкимъ Алексѣемъ Петровичемъ; но самъ историкъ говоритъ, что это происшествіе осталось подъ завѣсою тайны; слѣдовательно, какой же рѣшительный отзывъ мы можемъ произнести о немъ и о дѣйствіяхъ великаго князя по этому случаю? Однимъ словомъ, нѣтъ ни единаго поступка, изъ котораго бы мы могли заключить о слабости Іоанновой; но есть, наоборотъ, такіе, изъ которыхъ можемъ заключить о противномъ. Князь Щербатовъ выставилъ ихъ на видъ, хотя также принялъ во вниманіе отзывъ лѣтописца. «Однако при всемъ семъ являлось (говоритъ онъ), что онъ толико мудрости къ тихому своему обычаю пріобщалъ, что никогда честолюбіе другихъ князей не могло осмѣлиться спокойство его нарушить, какъ сіе видно по здержанію имъ честолюбія князя Константина Суздальскаго, и по недопущенію посла татарскаго поставить границъ между Московскаго и Рязанскаго Княженій».

Разсказъ о княженіи Димитрія Константиновича Суздальскаго Карамзинъ начинаетъ такъ: «Избранный Ханомъ, Великій Князь въѣхалъ во Владиміръ, къ удовольствію жителей, обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и Митрополита; но Алексій, благословивъ его на княженіе, возвратился въ Москву, чтобъ исполнить обѣтъ святителя Петра и жить близъ его чудотворнаго гроба». Мы должны замѣтить, что въ источникахъ не говорится ничего объ обѣщаніи князя Димитрія Константиновича снова возвысить достоинство Владиміра: притомъ же мы ничего не можемъ заключить о намѣреніяхъ и надеждахъ Димитрія по кратковременности его княженія. Возстаніе малолѣтняго Димитрія Московскаго противъ Димитрія Суздальскаго авторъ приписываетъ внушеніемъ вдовствующей

княгини московской, митрополита Алексія и вѣрныхъ бояръ, которые пеклись о благѣ отечества и государя. Но почему же бояринъ Андрея Городецкаго, Семенъ Тонильевичъ, внушившій своему князю мысль о возстаніи противъ Димитрія Переяславскаго, не представленъ также человѣкомъ, заботившимся о благѣ отечества и государя, а напротивъ,—представленъ злодѣемъ? Это потому, что авторъ не признаетъ ничего общаго между дѣятельностію предшественниковъ Калиты и дѣятельностію его потомковъ, и въ стремленіи послѣднихъ къ собранію земли находитъ перерывъ послѣ смерти Симеона Гордаго до вступленія на престолъ Димитрія Іоанновича: «Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія. Іоаннъ Іоанновичъ и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими немногіе Государи славятся въ Исторіи». Мы видѣли, что нѣтъ основанія въ Іоаннѣ II-мъ видѣть князя слабаго, разстроившаго то, что было сдѣлано его предшественниками. О кратковременномъ же княженіи Димитрія Суздальскаго мы рѣшительно не можемъ произнести никакого приговора; мы видимъ только одно, что Москва была сильнѣе Суздаля и, слѣдовательно, при Іоаннѣ II не было разстроено то, что было создано при Калитѣ и Симеонѣ; видимъ, что «Провидѣніе», по словамъ Карамзина, «даровало Димитрію Московскому пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ»; но эти мудрые совѣтники были и при Іоаннѣ: если, какъ выражается Карамзинъ, они воспитали величіе Россіи во время малолѣтства Димитріева, то они не могли губить это величіе при отцѣ послѣдняго, кроткомъ, тихомъ и милостивомъ князѣ.

Отношеніе дѣятельности Калиты и Симеона Гордаго къ дѣятельности Димитрія Донскаго опредѣляется такъ: «Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечъ. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благословенныя Геніемъ Россіи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу, и народу уничиженному возвратилъ благородство духа».

Первымъ дѣломъ въ княженіе Димитрія Іоанновича было вторичное изгнаніе Димитрія Суздальскаго изъ Владиміра. Карамзинъ описываетъ это событіе такъ: «Юный внукъ Калитинъ выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю изгналъ Димитрія Константиновича изъ Владиміра, осадилъ его въ Суздалѣ, и, въ доказательство великодушія, позволилъ ему тамъ властовать какъ своему присяжнику». До насъ не дошли договоры между обоими Димитріями, и потому мы никакъ не можемъ опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ находился послѣ того Суздальскій князь къ Московскому: въ отношеніяхъ ли присяжника или въ другихъ какихъ либо. Лѣтописецъ говоритъ, что Димитрій Московскій *взялъ волю свою* надъ Суздальскимъ; но въ чемъ состоитъ эта воля,—мы не знаемъ; ближе всего заключить, что Суздальскій князь отказался навсегда отъ притязаній на великое княженіе Владимірское. Въ изгнаніи князей Галицкаго и Стародубскаго изъ ихъ отчинъ Карамзинъ видитъ ясно оказавшуюся мысль великаго князя или умныхъ бояръ его мало-по-малу искоренить систему удѣловъ. «Но, отнимая удѣлы свойственниковъ дальнихъ (говоритъ нашъ авторъ), Великій Князь не хотѣлъ поступить такъ съ ближнимъ, и Княженіе Московское оставалось еще раздробленнымъ». Это сказано по случаю договора, заключеннаго между Димитріемъ и двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ. Карамзинъ не признаетъ нужнымъ сравнить этотъ договоръ съ договорами предшествовавшими и обратить вниманіе на особенности его; онъ говоритъ, что договоръ былъ выгоденъ для обоихъ. Любопытно посмотрѣть, какъ переводятся статьи этого важнаго договора. Въ подлинникѣ: «жити ны потому, какъ то отцы наши жили съ братомъ своимъ съ старѣйшимъ, зъ дядею нашимъ съ Княземъ съ великимъ съ Семеномъ. А тобѣ брату моему молодшему Князю Володимеру, держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно, а добра ти мнѣ хотѣти во всемъ: а мнѣ Князю великому, тобе брата своего держати въ братствѣ, безъ обиды во всемъ». Въ переводѣ: «мы клянемся жить подобно нашимъ родителямъ; мнѣ, Князю Владиміру, уважать тебя, Великаго Князя, какъ отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мнѣ, Димитрію, не обижать тебя и любить, какъ меньшаго брата». Но мы знаемъ, что въ договорѣ отцовъ Димитріева и Владимірова съ старшимъ братомъ Симеономъ не было условія: «держать Великое Княженіе честно и грозно»; это Карамзинъ заблагоразсудилъ перевести: «повиноваться твоей верховной власти». Далѣе въ подлинникѣ: «А которые слуги потягли къ дворьскому, а черные люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не принимати, но блюсти ны ихъ съ одинаго, такоже и численныхъ людей». Въ переводѣ: «Людей черныхъ, записанныхъ въ Сотни, мы не должны принимать къ себѣ въ службу, ни свободныхъ земледѣльцевъ, мнѣ и тебѣ вообще подвѣдомыхъ». Исключивъ слугъ, зависѣвшихъ отъ дворскаго, авторъ перевелъ «численныхъ людей» свободными земледѣльцами, и выраженіе: «мнѣ и тебѣ вообще подвѣдомыхъ» отнесъ только къ численнымъ людямъ. Въ подлинникѣ: «А что наши ординици и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ», въ переводѣ: «выходцамъ ордынскимъ отправлять свою службу, какъ въ старину бывало», и прибавлено замѣчаніе: симъ именемъ означались Татары, коимъ наши Князья дозволяли селиться въ Россійскихъ городахъ». Здѣсь исключены дѣлюи, касательно же ордынцевъ, изъ договора великаго князя Симеона съ братьями видно, что это были плѣнники, выку-

пленные изъ Орды. Въ подлинникѣ: «а тобѣ, брату моему молодшему, мнѣ служити безъ ослушанья по згадцѣ, како будеть мнѣ слично, и тобѣ брату моему молодшему; а мнѣ тебе кормити по твоей службѣ. А коли ти будеть всѣсти со мною на конь, а кто будеть твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ниживеть, тѣмъ быти подъ твоимъ стягомъ»; въ переводѣ: «ты, меньшій братъ, участвуй въ моихъ походахъ воинскихъ, имѣя подъ княжескими знаменами всѣхъ бояръ и слугъ своихъ; за что во время службы твоей будешь получать отъ меня жалованье». Здѣсь перемѣненъ порядокъ условій; обѣщаніе: «а мнѣ тебе кормити по твоей службѣ» никакъ не можетъ относиться только къ походу; выраженіе: «кормити по твоей службѣ» никакъ не можетъ относиться ко времени службы. Въ подлинникѣ: «А коли мы будеть гдѣ отпущати своихъ воеводъ изъ Великаго Княженья, тобѣ послати своихъ воеводъ съ моими воеводами вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ся ослушаеть, того ми казнити, а тобѣ брату моему со мною. А кого коли оставити у тебя бояръ, про то ти мене доложити, то ны учините по згадцѣ; кому будеть слично ся остати, тому остатися, кому ѣхати, тому ѣхати». Это важное условіе совершенно исключено въ переводѣ.

За договоромъ между двоюродными братьями слѣдуетъ описаніе смутъ нижегородскихъ, въ которыхъ великій князь Московскій принималъ дѣятельное участіе. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ: во время страшнаго мороваго повѣтрія умеръ великій князь Нижегородскій, Андрей Константиновичъ, старшій братъ Димитрія Константиновича Суздальскаго. Послѣдній хотѣлъ занять Нижній; но здѣсь ужь засѣлъ третій, самый младшій братъ, Борисъ Константиновичъ, который и не пустилъ старшаго въ Нижній. Въ это самое время сынъ Димитріевъ, Василій, вынесъ изъ орды отцу въ третій разъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское; но Димитрій, испытавъ ужь два раза силу Москвы, предпочелъ теперь отказаться отъ ярлыка въ пользу Димитрія Московскаго съ тѣмъ, чтобъ послѣдній помогъ ему за это овладѣть Нижнимъ: «Князь Димитрій Константиновичъ приде въ Новгородъ Нижній, и не поступися ему княженія новгородскаго братъ его меньшій, князь Борисъ Константиновичъ. Того же лѣта приде изъ орды князь Василій Кирдяпа Суздальскій, сынъ Димитріевъ, и вынесе ярлыки на Княженіе Великое Владимірское князю Димитрію Константиновичу Суздальскому; онъ же не восхотѣ, и оступися великаго княженія володимерскаго Великому Князю Дмитрею Ивановичю Московскому, а испросилъ у него силу къ Новугороду къ Нижнему на своего меньшаго брата, на князя Бориса Константиновича». Карамзинъ въ своемъ разсказѣ поставилъ вынесеніе ярлыковъ и отказъ Димитрія Константиновича принять ихъ—прежде смерти князя Андрея Константиновича и спора между его братьями, Димитріемъ и Борисомъ, отдѣлилъ, слѣдовательно, отказъ Димитрія Константиновича принять ярлыкъ отъ просьбы его къ Димитрію Московскому о присылкѣ войска на помощь: «Между тѣмъ въ Сараѣ одинъ ханъ смѣнялъ другого, преемникъ Мурутовъ, Азисъ, думалъ также низвергнуть Калитина внука, и Димитрій Константиновичъ снова получилъ Ханскую грамоту на Великое Княженье, привезенную къ нему изъ Орды весною сыномъ его, Василіемъ; но сей Князь, видя слабость свою, далъ знать Димитрію Московскому, что онъ предпочитаетъ его дружбу милости Азиса, и навѣки отказывается отъ достоинства Великокняжескаго. Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель; однакожь Димитрій Іоанновичъ изъявилъ ему за то благодарность. Андрей Константиновичъ преставился въ Нижнемъ: желая наслѣдовать сію область, и свѣдавъ, что она уже занята меньшимъ братомъ его, Борисомъ, Князь Суздальскій прибѣгнулъ къ Московскому» и проч.

Подъ 1364 годомъ въ лѣтописи помѣщено извѣстіе о большомъ пожарѣ въ Москвѣ; подъ 1367-мъ извѣстіе о заложеніи каменнаго Кремля, причемъ лѣтописецъ какъ хочетъ-будто соединить намѣреніе великаго князя укрѣпить свой городъ каменными стѣнами съ намѣреніемъ усилиться насчетъ другихъ князей: «Князь великій Дмитрій Ивановичъ заложа градъ Москву камену и начаша дѣлати безпрестанно и всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю». Карамзинъ, описавъ большой пожаръ, продолжаетъ: «Видя, сколь деревянныя укрѣпленія ненадежны, Великій Князь въ общемъ совѣтѣ съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и съ Боярами, рѣшился построить каменный Кремль, и заложилъ его весною въ 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать мѣры для безопасности отечества и столицы, когда Россія уже явно дѣйствовала противъ своихъ тирановъ (татаръ): могли ли они добровольно отказаться отъ господства надъ нею и простить ей великодушную смѣлость»? Эти слова составляютъ переходъ къ извѣстію о побѣдахъ князей Рязанскаго и Нижегородскаго надъ двумя татарскими мурзами. Описавъ эту побѣду, авторъ продолжаетъ: «Сіи ратныя дѣйствія предвѣщали важнѣйшія. Великій Князь, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Ордою многоглавою, старался утвердить порядокъ внутри отечества. Своевольство Новгородцевъ возбудило его негодованіе» и проч. Здѣсь также ясно можно видѣть, какъ обыкновенно Карамзинъ соединяетъ событія, слѣдующія въ лѣтописи одно за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ: извѣстіе о пожарѣ соединяется съ извѣстіемъ о построеніи каменной крѣпости, какъ причина съ слѣдствіемъ; но немедленно тутъ же для построенія каменнаго Кремля отыскивается другая причина, потому что это событіе необходимо связать съ побѣдами Рязанскаго и Нижегородскаго надъ татарами, побѣдами, которыя не находились ни въ какой связи съ московскими событіями, по отдѣльности Рязани и Нижняго отъ Москвы. Но

эти побѣды представляются приготовленіемъ Московскаго великаго князя къ рѣшительной борьбѣ съ ордою, потому-что нужно было сдѣлать переходъ отъ борьбы Рязани и Нижняго съ татарами къ дѣламъ московскимъ; а такъ какъ эти дѣла касались Новгорода, то понадобилось сказать, что Димитрій Іоанновичъ потому хотѣлъ унять новгородскихъ разбойниковъ, что старался утвердить порядокъ внутри отечества, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ ордою...

За разсказомъ объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду слѣдуетъ разсказъ о событіяхъ тверскихъ, который начинается такъ: «Самая язва не прекратила междоусобія Тверскихъ Князей». Надобно замѣтить, что язва именно была причиною междоусобій, потому что споры возникли за отчины князей, умершихъ отъ язвы. Москва приняла дѣятельное участіе въ тверскихъ усобицахъ; самый дѣятельный изъ тверскихъ князей, Михаилъ Александровичъ, былъ зазванъ въ Москву, подъ предлогомъ дружескихъ соглашеній, и задержанъ здѣсь. Въ началѣ разсказа объ этомъ событіи Карамзинъ говоритъ: «Прозорливые совѣтники Димитріевы, боясь замысловъ Михаила, который называлъ Великимъ Княземъ Тверскимъ и хотѣлъ возстановить независимость своей области, употребили хитрость». Въ концѣ разсказа онъ отзывается о поступкѣ московскихъ бояръ такъ: «Обманъ, недостойный Правителей мудрыхъ»! Здѣсь должно замѣтить, что титулъ великаго князя, употребленный Михаиломъ Тверскимъ, никакъ не могъ возбудить подозрительности въ Москвѣ, потому-что такой титулъ употребляли князья Смоленскій, Нижегородскій, Рязанскій, Пронскій, и никогда Московскіе князья не оспаривали его у нихъ. Мы не можемъ умолчать также о любопытномъ изложеніи побужденій, заставлявшихъ Михаила ѣхать въ Москву: «Михаилъ желалъ видѣть столицу Димитрія (уже славную тогда въ Россіи), узнать его лично, бесѣдовать съ благоразумными Вельможами Московскими». Что касается описанія всѣхъ этихъ событій у предшествовавшаго историка, князя Щербатова, то у него нѣтъ такихъ переходовъ между событіями, какія употребляются Карамзинымъ, и чрезъ это во многихъ случаяхъ сохраняется большая вѣрность источникамъ; но за то у Карамзина мы не встрѣчаемъ тѣхъ странностей, которыя попадаются у Щербатова. Примѣромъ такихъ странностей можетъ служить разсужденіе Щербатова о построеніи каменнаго Кремля—разсужденіе, начавшееся довольно-благовидно: «Великій князь Димитрій, не упуская ни единаго случая къ утвержденію своея власти и къ усиливанію Россіи, пользуясь съ одной стороны несогласіями хановъ татарскихъ, а съ другой—покоемъ Россіи и подобострастіемъ къ нему всѣхъ князей, предпріялъ градъ Москву каменными стѣнами оградить, чтобъ, чрезъ сіе учинить ее въ состояніи сопротивляться нападеніямъ, и толико удержать враговъ, чтобъ онъ могъ силы собрать; ибо въ такое время, въ которое искусство осаждать и брать града можно сказать почти не знаемо было, укрѣпленный градъ могъ долгое время удержать сильнѣйшее воинство и великимъ подкрѣпленіемъ быть тому, кому онъ принадлежалъ. Сихъ ради причинъ великій князь, согласяся съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ, начали строеніе сея каменныя ограды, которую мню быть прежде построенную, гдѣ нынѣ стѣна, называемая Китай, можетъ статься, что и самое имя сіе было стѣнѣ сей дано въ изъявленіе подданства ханамъ татарскимъ, коихъ единое колѣно дѣйствительно тогда владѣло Китаемъ».

Щербатовъ вездѣ считаетъ своею непремѣнною обязанностію объяснять причины явленія, во что бы ни стало. У Димитрія Московскаго началась война съ Олегомъ Рязанскимъ; лѣтописцы причинъ войны не объявляютъ. Щербатовъ говоритъ: «Видимъ по грамотамъ великихъ князей, что прежде толь твердый союзъ между великимъ княземъ и симъ Олегомъ былъ, что онъ и во всегдашніе посредники въ случающихся несогласіяхъ между княземъ тверскимъ и в. княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ избранъ былъ; что-же помутило сію дружбу и добрую повѣренность? За недостаткомъ извѣстій принуждены здѣсь сіе догадками пополнить: не самое ли сіе посредство и было причиною сего несогласія, когда Олегъ въ случающихся по сему дѣлахъ пристрастіе свое къ князю тверскому показывалъ». Щербатовъ приводитъ свое объясненіе какъ догадку; Карамзинъ поступаетъ рѣшительнѣе; онъ говоритъ: «Явился новый непріятель, который хотя и не думалъ свергнуть Димитрія съ престола Владимірскаго, однакожь всѣми силами противоборствовалъ его системѣ Единовластія, ненавистной для Удѣльныхъ Князей: то былъ смѣлый Олегъ Рязанскій, который еще въ государствованіе Іоанна Іоанновича показалъ себя врагомъ Москвы. Озабоченный иными дѣлами, Димитрій таилъ свое намѣреніе унизить гордость сего Князя, и жилъ съ нимъ мирно: мы видѣли, что Рязанцы ходили помогать Москвѣ, тѣснимой Ольгердомъ. Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татаръ, Великій Князь скоро нашелъ причину объявить войну Олегу неуступчивому сосѣду, всегда готовому спорить о неясныхъ границахъ между ихъ владѣніями». Итакъ причиною войны объявлена неуступчивость Олега въ пограничныхъ спорахъ, причемъ сказано еще, что Олегъ противоборствовалъ системѣ единовластія, хотя этому противоборству противорѣчитъ помощь, оказанная рязанцами Москвѣ. О гордости Олега мы ничего не знаемъ; о пограничныхъ спорахъ также; замѣтимъ еще, что если система единовластія была ненавистна для удѣльныхъ князей, то она не могла быть ненавистна для Олега, потому что онъ никогда не былъ удѣльнымъ княземъ, но былъ великимъ, независимымъ отъ Московскаго.

Всюду замѣтны слѣды этого воззрѣнія, по которому одинъ только Владимірско-Московскій князь

былъ великимъ, а всѣ другіе, и Рязанскій, и Нижегородскій, и Тверской—его удѣльными, ему подчиненными. Такъ, при описаніи гибели татарскаго посла въ Нижнемъ, авторъ говоритъ: «Вопреки, можетъ быть, слову, данному Ханомъ, Послы Мамаевы, пріѣхавъ въ Нижній съ воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошняго Князя Димитрія Константиновича и гражданъ: сей Князь, исполняя, какъ вѣроятно, предписаніе Московскаго, велѣлъ или дозволилъ народу умертвить Пословъ... Не извѣстно, старался ли Димитрій Константиновичъ или Великій Князь оправдать сіе дѣло предъ судилищемъ Ханскимъ; по крайней мѣрѣ гордый Мамай не стерпѣлъ такой явной дерзости и послалъ войско опустошить предѣлы Нижегородскіе... Сія месть не могла удовлетворить гнѣву Мамаеву: онъ клялся погубить Димитрія и россійскіе мятежники взялись ему въ томъ споспѣшествовать». Такъ какъ Нижегородскій князь не зависѣлъ отъ Московскаго, то нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ онъ исполнилъ придписаніе послѣдняго; въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобъ Мамай клялся погубить Димитрія Московскаго за нижегородское дѣло; изъ нихъ ясно видно только, что враждебныя отношенія между Мамаемъ и великимъ княземъ Московскимъ начинаются не прежде того времени, какъ Иванъ Вельяминовъ и Некоматъ вооружили хана противъ Димитрія въ пользу Михаила Тверскаго. По поводу Ивана Вельяминова авторъ говоритъ: «Мы упоминали о знаменитости Московскихъ чиновниковъ, называемыхъ Тысячскими, которые, подобно Князьямъ, имѣли особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно съ древнимъ обычаемъ, чтобъ предводительствовать ихъ людьми военными». Чтобъ тысяцкіе избирались гражданами и имѣли особенную благородную дружину, на это нѣтъ указаній въ источникахъ; въ Новгородѣ тысяцкій дѣйствительно избирался вмѣстѣ съ посадникомъ, но это явленіе принадлежитъ къ особенностямъ новгородскаго быта; касательно же другихъ городовъ есть ясныя свидѣтельства, что тысяцкіе назначались князьями—говорится, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ, сказалъ ему: «ты держи тысячу». Что касается дружины тысяцкаго, то авторъ ссылается на одиннадцатую главу IV-го тома своей «Исторіи», гдѣ дѣйствительно опять читаемъ, что тысяцкій былъ окруженъ благородною, многочисленною дружиною; но опять не видимъ основанія такому утвержденію; если въ лѣтописи сказано, что тысяцкій Алексѣй Петровичъ Хвостъ пострадалъ отъ своей дружины, то здѣсь слово *дружина* употреблено, какъ часто употребляется въ смыслѣ *свои, товарищи, своя братья*, т. е. бояре, ибо сейчасъ же говорится, что въ гибели Алексѣя Петровича подозрѣвались большіе бояре Михаилъ и зять его Василій Васильевичъ (Вельяминовъ), которые уже никакъ не могли быть въ дружинѣ тысяцкаго.

Непріязнь между Мамаемъ и великимъ княземъ разгорѣлась; царевичъ Арапша напалъ на русскіе предѣлы и разбилъ соединенныя войска московское и нижегородское вслѣдствіе оплошности воеводъ и воиновъ; эта оплошность въ лѣтописи изображается такъ: «Они же оплошишася и небреженьемъ хожаху; доспѣхи своя вскладоша на телеги а ины въ сумы, а у иныхъ сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ѣздятъ порты своя съ плечъ спускавъ, а петли растегавъ: бяше бо имъ варно, а гдѣ наѣхаху въ зажитьи медъ, или пиво испиваху». У Карамзина: «Утомленные зноемъ, сняли съ себѣ латы и нагрузили ими телѣги; спустивъ одежду съ плечъ, искали прохлады, другіе разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, чтобъ пить крѣпкій медъ или пиво. *Знамена стояли уединенно, копья, щиты лежали грудами на травѣ*». Это только картина; важнѣе для насъ отношеніе разсказа историка къ разсказу лѣтописца въ извѣстіи о церковныхъ дѣлахъ, вставленныхъ между дѣлами ордынскими и литовскими. Въ лѣтописи: «Алексій же митрополитъ, умоленъ бывъ и принуженъ, *не* посули быти прошенья его, но извѣствуя святительски, паче же пророчески, рече: азъ не доволенъ благословити его (Митяя), по оже дасть ему Богъ и св. Богородица и патріархъ и вселенскій соборъ»; въ другихъ лѣтописяхъ: «Алексѣй же глагола: изневоленъ есмь благословить его; но ему же дастъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, и пресвѣщенный патріархъ и вселенскій соборъ того и азъ благославляю». У Карамзина: «Алексѣй благословилъ Митяя, какъ своего Намѣстника, прибавивъ: если Богъ, Патріархъ и Вселенскій соборъ удостоятъ его править Россійскою Церковію». Далѣе авторъ говоритъ: «Онъ (Митяй) медленно готовился къ путешествію въ Царьградъ, желая, чтобъ Димитрій велѣлъ прежде Святителямъ Россійскимъ поставить его въ Епископы». Для подтвержденія своихъ словъ, онъ приводитъ мѣсто изъ Троицкой лѣтописи: «Но и еще дотолѣ, прежде даже не пойде къ Царюграду, всхотѣ безъ Митрополита поставитися въ Епископы», и въ скобкахъ замѣчаетъ: «а не въ Митрополиты, какъ у Князя Щербатова и Штриттера». Но Щербатовъ и Стриттеръ опирались на свидѣтельство другого лѣтописца, находящееся въ Никоновомъ спискѣ: «И восхотѣ (Митяй) ити въ Царьградъ къ патріарху на поставленіе и паки на ину мысль преложись, и нача бесѣдовати къ великому князю, глагола: писано есть въ апостольскихъ правилахъ сице: два или три епископа да поставляютъ единаго епископа, тако же и въ отеческихъ правилѣхъ писано есть, и нынѣ убо да снидутся епискупи рустіи пять, или шесть да мя поставятъ епископа *и первосвятителя*». Далѣе въ лѣтописи о путешествіи Митяя: «Та же пріидоша въ орду въ мѣсто половецкое и въ предѣлы татарская, и проходящимъ имъ орду и тамо ятъ бысть Митяй со всѣми сущими его Мамаемъ, и немного удержа его Мамай у себя, и паки отпусти

его съ миромъ и съ тихостью, еще же и приводити его повелѣ». У Карамзина: «За предѣлами Рязанскими, въ степяхъ Половецкихъ, Митяй былъ остановленъ Татарами, и не испугался, зная уваженіе ихъ къ сану духовному. Приведенный къ Мамаю, онъ умѣлъ хитрою лестію снискать его благоволеніе».

Послѣ изложенія дѣлъ церковныхъ, авторъ снова обращается къ ордынскимъ отношеніямъ, къ описанію Куликовской битвы. Это описаніе очень важно въ исторіи русской исторической критики по характеру источниковъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о событіи; эти источники состоятъ изъ разнаго рода болѣе или менѣе украшенныхъ сказаній, которыя должны быть очищены внимательною критикою. Предшествовавшіе Карамзину писатели — князь Щербатовъ, Стриттеръ — пользовались безъ критической очистки самымъ подробнымъ сказаніемъ, какое только могли имѣть: не такъ поступилъ Карамзинъ; вотъ что говоритъ онъ объ источникахъ описанія Куликовской битвы: «Мы имѣемъ два описанія сей войны: одно дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ Ростовской и другихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, а другое, напечатанное съ разными отмѣнами въ Кіевскомъ Синопсисѣ и въ Никоновской Лѣтописи, баснословное и сочиненное, можетъ быть, въ исходѣ XV вѣка Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, какъ то именно означено въ одномъ спискѣ его, хранящемся въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго... Не говоря о сказочномъ слогѣ, замѣтимъ явную лжь всей второй повѣсти. Тамъ сказано, чтъ Димитрій, готовясь къ походу, совѣтовался въ Москвѣ съ Кипріаномъ Митрополитомъ; что онъ прикладовался къ образу Св. Богоматери, написанному Евангелистомъ Лукою, и что въ Донскомъ сраженіи убито восемь или даже пятнадцать Князей Бѣлозерскихъ; но Кипріана еще не было тогда въ Москвѣ, образа, написаннаго Лукою, также, и Князь Ѳедоръ Романовичъ Бѣлозерскій, убитый на Дону вмѣстѣ съ сыномъ, не имѣлъ иныхъ родственниковъ, кромѣ брата, именемъ Василія, коего сыновья слѣлались уже гораздо послѣ роданачальниками князей Андомскихъ, Кемскихъ, Бѣлосельскихъ и другихъ. Историки кн. Щербатовъ и Штриттеръ повторили сію сказку. Слѣдуя во всемъ Ростовскому Лѣтописцу, мы, впрочемъ, не отвергаемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ вѣроятныхъ и сбыточныхъ, въ ней находящихся: ибо думаемъ, что авторъ ея могъ пользоваться преданіями современниковъ».

При описаніи Куликовской битвы также любопытно для насъ изображеніе характера и поведенія Олега Рязанскаго, ибо это изображеніе показывается намъ, въ какой степени авторъ могъ предаваться сочувствію источникамъ, которыми пользовался. Въ украшенныхъ сказаніяхъ о Куликовской битвѣ сколько превозносится Димитрій, столько же порицается Олегъ Рязанскій, который называется «велерѣчивымъ и худымъ, несохранившимъ своего христіанства, льстивымъ сотоньщикомъ, поборникомъ бесерменскимъ» и т. п. У Карамзина Олегъ представленъ соотвѣтственно этому отзыву: «Къ симъ двумъ главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества (Мамаю и Ягайлу) присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе опасный могуществомъ, но зловреднѣйшій коварствомъ: Олегъ Рязанскій, воспитанный въ ненависти къ Московскимъ Князьямъ, жестокосердый въ юности, и зрѣлымъ умомъ мужескихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Димитрія, онъ началъ искать его благоволенія; будучи хитръ, уменъ, велерѣчивъ, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ въ общихъ дѣлахъ государственныхъ и посредникомъ въ гражданскихъ дѣлахъ Великаго Княженія съ Тверскимъ. Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо сокрушить Россію,—страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ нетолько спасти свое княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошелъ въ переговоры съ Моголами и съ Литвою». Князь Щербаковъ не говоритъ о характерѣ Олега; онъ приводитъ только слѣдующія причины поступка Рязанскаго князя: «Олегъ, князь рязанскій, предвидя, что первое устремленіе татаръ будетъ на его области, а притомъ завидуя власти великаго князя московскаго, и негодуя на него за отнятіе у него Коломны, вознамѣрился совокупясь съ татарами, воевать противъ великаго князя Димитрія Іоанновича. Они (Олегъ и Ягайло) весьма въ томъ увѣрены были, что великій князь Димитрій не осмѣлится ожидать пришествіи мамаева, но какъ скоро услышитъ о приближеніи его, то оставя свои области, въ отдаленныя страны уйдетъ и оставитъ владимірскаго и московскаго великихъ княженій престолы праздны; и тако надѣялись оставленныя княженія между собою раздѣлить».

Послѣ Куликовской битвы объ отношеніяхъ Московскаго великаго князя къ Рязанскому мы знаемъ изъ лѣтописей, что Олегъ бѣжалъ въ Литву, и что Димитрій послалъ своихъ намѣстниковъ управлять Рязанью; но до насъ дошелъ отъ описываемаго времени договоръ, заключенный между Димитріемъ и Олегомъ; слѣдовательно, мы должны заключить, что Олегъ скоро успѣлъ опять утвердиться въ свой отчинѣ; какъ это произошло—источники ничего не говорятъ. Вѣрный своему взгляду на характеры обоихъ соперниковъ, Димитрія и Олега, историкъ такъ объясняетъ это явленіе: «Хитрый Олегъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанникомъ, умѣлъ тронуть его (Димитріеву) чувствительность знаками раскаянія и возвратился на престолъ. Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ; суровый Олегъ могъ помнить обиды, а не благотворенія».

Любопытно разсужденіе автора о значеніи Куликовской битвы, тѣмъ болѣе-что князь Щербатовъ ничего не говоритъ о немъ. Перенесясь воображеніемъ за четыреста слишкомъ лѣтъ, историкъ такъ описываетъ мысли и чувства предковъ: «Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе

неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ... и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными, служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III-го, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ». Авторъ счелъ также нужнымъ объяснить, почему Димитрій не хотѣлъ воспользоваться побѣдою, гнать Мамая до береговъ Ахтубы и разрушить Сарай: «Не будемъ обвинять Великаго Князя въ оплошности (говоритъ онъ). Татары бѣжали, однакожь все еще сильные числомъ и могли въ Волжскихъ Улусахъ собрать полки новые; надлежало идти въ слѣдъ за ними съ войскомъ многолюднымъ: какимъ образомъ продовольствовать оное въ степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а Россіяне долженствовали бы везти хлѣбъ съ собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имѣя лошадей, непріученныхъ питаться одною изсохшею травою. Множество раненыхъ требовало призрѣнія, и побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи. Думая, что Мамай никогда ужь не дерзнетъ возстать на Россію, Димитрій не хотѣлъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны, и, въ надеждѣ заслужить счастіе умѣренностію, возвратился въ столицу». Здѣсь мы не видимъ той причины, приводимой лѣтописцами, которые говорятъ, что послѣ Куликовской битвы была на Руси радость великая, но была и печаль большая по убитыхъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся Земля Русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей Землѣ Русской...

Объ отношеніяхъ Москвы и Рязани въ послѣднее время княженія Димитрія Донскаго, въ лѣтописяхъ разсказано такъ: «Князь Олегъ Рязанскій суровѣйшій, взя Коломну, пришелъ изгономъ. Того-же лѣта (1384) князь великій Димитрій Ивановичъ, собравъ воинства многа отовсюду и посла ратью брата своего изъ двоюродныхъ князя Володимера Андреевича на великаго князя Олега Рязанскаго и на всю землю его, и тогда на томъ бою убиша бояръ многихъ московскихъ и лучшихъ мужей новогородскихъ (Нижняго Новогорода) и переславскихъ. Убиша жь тогда и крѣпкаго воеводу великаго князя Димитрія Ивановича князя Михаила Андреевича Полотцкаго, внука Олгердова. Князь великій Димитрій Ивановичъ иде въ монастырь къ Живоначальной Троице и глаголаше съ моленіемъ преподобному игумену Сергію, дабы шелъ отъ него самъ преподобный игуменъ Сергій посольствомъ на Рязань ко князю Олегу о вѣчномъ мирѣ и о любви». Щербатовъ, приведя извѣстіе лѣтописца о битвѣ между москвичами и рязанцами, говоритъ: «Впрочемъ, не обрѣтаемъ, какой былъ конецъ сего боя, однако потому, что болѣе о происхожденіяхъ сего похода не поминается, можемъ заключить, что означенный бой неудаченъ былъ московскимъ войскамъ». Разсказъ Карамзина: «Димитрій надѣялся вмѣстѣ съ народомъ, что сіе рабство (татарское) будетъ недолговременно; что паденіе мятежной Орды неминуемо, и что онъ воспользуется первымъ случаемъ освободить себя отъ ея тиранства. Для того Великій Князь хотѣлъ мира и благоустройства внутри отечества; не мстилъ Князю Тверскому за его вражду, и предлагалъ свою дружбу самому вѣроломному Олегу. Сей послѣдній неожидаемо разграбилъ Коломну: Димитрій послалъ туда войско подъ начальствомъ Князя Владиміра Андреевича, но желалъ усовѣстить Олега, зная, что сей Князь любимъ Рязанцами и могъ быть своимъ умомъ полезенъ отечеству. Мужъ, знаменитый святостію, Игуменъ Сергій, взялъ на себя дѣло миротворца».

При описаніи ссоры между Димитріемъ Донскимъ и двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ, Карамзинъ приводитъ договоръ, заключенный между ними, и при этомъ замѣчаетъ: «Сія грамота наиболѣе достопамятна тѣмъ, что она утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ Великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древній, по коему племянники долженствовали уступать оное дядѣ. Владиміръ именно признаетъ Василія и братьевъ его, въ случаѣ Димитріевой смерти, законными наслѣдниками Великаго Княженія». Щербатовъ даже не упоминаетъ объ этой достопамятной грамотѣ. При изображеніи характера Димитрія Донскаго, Карамзинъ слѣдуетъ похвальному слову, которое осталось намъ отъ того времени; но, приведя слова панегирика, Карамзинъ замѣчаетъ: «Такимъ образомъ Лѣтописцы изображаютъ намъ добрыя свойства сего Князя; и славя его, какъ перваго побѣдителя Татаръ, не ставятъ ему въ вину, что онъ далъ Тохтамышу разорить Великое Княженіе, не успѣлъ собрать войска сильнаго, и тѣмъ продлилъ рабство отечества до временъ своего правнука. Димитрій сдѣлалъ, кажется, и другую ошибку: имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался онымъ: желая ли изъявить великодушное безкорыстіе? Можетъ быть, онъ не хотѣлъ изгнаніемъ Михаила Тверскаго, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думалъ, что Олегъ, хитрый, дѣятельный, любимый подданными, лучше Московскихъ Намѣстниковъ сохранитъ безопасность юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, если искренно съ нимъ примирится для блага отечества». Мы видѣли разсказъ лѣтописей объ окончаніи войны между Москвою и Ря-

занью; притомъ Карамзинъ уже объяснилъ разъ поведеніе Димитрія относительно Твери и Рязани, говоря, что Димитрій ждалъ случая освободить себя отъ тиранства татаръ, а потомъ хотѣлъ мира внутри отечества, не мстилъ князю Тверскому и предлагалъ дружбу Олегу.

Замѣтивъ въ договорной грамотѣ Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ, важную новость, что дядя отказался отъ старшинства въ пользу племянника, Карамзинъ не упоминаетъ о столь же важной новости въ завѣщаніи Димитрія Донскаго, который впервые благословляетъ сына своего, Василія, Великимъ Княженіемъ Владимірскимъ, и называетъ это княженіе своею отчиною; но въ началѣ княженія Василія Димитріевича, Карамзинъ говоритъ: «Димитрій оставилъ Россію, готовую снова противоборствовать насилію Хановъ: юный сынъ его, Василій, отложилъ до времени мысль о независимости, и былъ возведенъ на престолъ во Владимірѣ Посломъ Царскимъ, Шахматомъ. Такимъ образомъ достоинство Великокняжеское сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Уже никто не спорилъ съ нимъ о сей чести». Характеръ правленія Василія Димитріевича авторъ выводитъ изъ того обстоятельства, что вначалѣ, по молодости своей, великій князь могъ править только съ помощію бояръ. «Окруженный усердными Боярами и сподвижниками Донскаго, онъ (Василій) заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцати-шестилѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ Аристократіи, движимой болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія, равно удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей». Надобно замѣтить, что и княженіе отца Василіева, Димитрія, началось при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ; слѣдовательно, чтобъ опредѣлить характеръ княженія Василіева, должно было опредѣлить и характеръ княженія Димитріева.

Въ началѣ княженія Василія находимъ извѣстіе о ссорѣ его съ дядею, Владиміромъ Андреевичемъ. Въ лѣтописяхъ не приведена причина ссоры; историкъ объясняетъ это явленіе такъ: «Опасаясь правъ дяди Василіева, Князя Владиміра Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе Бояре стѣснили, кажется, его власть и не хотѣли давать ему надлежащаго участія въ правленіи. Владиміръ ни въ чемъ не нарушилъ договора, заключеннаго съ Донскимъ—бывъ всегда ревностнымъ стражемъ отечества, и довольный жребіемъ князя второстепеннаго—оскорбился неблагодарностію племянника, и со всѣми ближними уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, а изъ Серпухова въ Торжокъ». Должно замѣтить, что если Владиміръ Андреевичъ не нарушалъ договора, былъ доволенъ своимъ жребіемъ, то онъ не могъ обнаруживать притязаній на права, основанныя на старшинствѣ, отъ котораго онъ отказался по договору; нарушилъ ли Серпуховскій князь договоръ свой, или нѣтъ — неизвѣстно, слѣдовательно нѣтъ права обвинять его въ этомъ нарушеніи. Съ другой стороны, по той же самой причинѣ, т. е. по молчанію источниковъ, нѣтъ права обвинять и бояръ московскихъ. Извѣстно только то, что великій князь, мирясь съ дядею, долженъ былъ дать ему двѣ волости—обстоятельство, могущее вести къ заключенію, что дядя не былъ доволенъ своимъ жребіемъ. Договоръ, заключенный между Василіемъ и Владиміромъ, замѣчателенъ по сильной недовѣрчивости, выраженной дядею и племянникомъ другъ къ другу. Князь Щербатовъ замѣтилъ эту особенность.

При описаніи борьбы великаго князя Василія Димитріевича съ князьями Суздальско-Нижегородскими, Карамзинъ говоритъ объ одномъ изъ послѣднихъ, Симеонѣ, что великій князь позволилъ избрать ему убѣжище въ Россіи, и Симеонъ добровольно удалился въ *независимую* область Вятскую. Это мнѣніе о независимости Вятки господствовало до послѣдняго времени, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ источниковъ о противномъ: потомки князей Суздальскихъ-Нижегородскихъ, въ договорѣ съ Димитріемъ Шемякою, называютъ Вятку прадѣдиною, дѣдиною и отчиною своею, наравнѣ съ Суздалемъ, Нижнимъ и Городцомъ. Великій князь Василій Димитріевичъ, овладѣвъ тремя послѣдними городами, овладѣлъ вмѣстѣ и Вяткою, которую отдалъ брату своему Юрію Димитріевичу, а тотъ завѣщалъ ее своимъ сыновьямъ. Послѣ описанія борьбы Василія съ князьями Нижегородскими и Новгородомъ Великимъ, авторъ обращается къ дѣламъ восточнымъ — къ нашествію Тамерланову. Извѣстно, что это нашествіе ограничилось взятіемъ Ельца; несмотря на то, разсказъ о Тамерланѣ занимаетъ у Карамзина нѣсколько страницъ, потому-что подробно описываются предшествовавшія его завоеванія и образъ жизни. Такая долговременная остановка надъ Тамерланомъ объясняется тѣмъ, что его блистательные, поражающіе воображеніе подвиги были для автора оазисомъ среди пустыни, и онъ не преминулъ воспользоваться ими, чтобъ оживить однообразное повѣствованіе о событіахъ, мало-говорящихъ воображенію.

О великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ авторъ произнесъ слѣдующій приговоръ: «Василій Димитріевичъ преставился на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ съ именемъ Властителя благоразумнаго, не имѣвъ любезныхъ свойствъ отца своего, добросердечія, мягкости въ нравѣ, ни пылкаго воинскагом ужества, ни великодушія геройскаго, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый Князьями, народомъ, уважаемый друзьями и непріятелями». Это различіе между характеромъ отца и сына основывается на томъ, что до насъ дошло похвальное слово Донскому и не дошло подобнаго же сочиненія, написаннаго въ честь сына его. Что же касается до характера сына Василія Димитріевича, Василія Васильевича Темнаго, то на первыхъ строкахъ разсказа о его кня-

женіи находимъ приговоръ, которому авторъ остается вѣренъ во все продолженіе разсказа: «Новый Великій Князь имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ государствованія, онъ зависѣлъ отъ Совѣта Боярскаго, но не могъ равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ». Извѣстно, съ какими затрудненіями соединенъ былъ въ описываемое время сборъ войска: отъ этого проистекало то явленіе, что, когда непріятель подступалъ внезапно, великіе князья не имѣли средствъ отразить его, покидали столицу и уѣзжали въ сѣверныя области для сбора полковъ: такъ поступили Димитрій Донской при нашествіи Тохтамыша, Василій Димитріевичъ при нашествіи Едигея. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ непріятель подходилъ съ юга, и потому великимъ князьямъ была возможность удалиться въ сѣверныя области; но когда непріятель являлся съ сѣвера, то куда было удалиться? Такъ именно случилось въ княженіе Василія Васильевича, когда дядя его, Юрій, напалъ врасплохъ съ сѣвера: великій князь принужденъ былъ выйдти къ нему навстрѣчу съ нестройною толпою, какую только могъ собрать, и, разумѣется, не могъ съ нею держаться противъ заранѣе собраннаго войска Юріева, бѣжалъ на сѣверо-западъ, въ чужую область Тверскую, оттуда въ Кострому, и здѣсь долженъ былъ отдаться въ руки дядѣ, который уже владѣлъ всѣмъ великимъ княжествомъ. Авторъ описываетъ это событіе такъ: «Юный Василій Василіевичъ ничего не вѣдалъ до самаго того времени, какъ Намѣстникъ Ростовскій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Юрій въ Переславлѣ. Уже Совѣтъ Великокняжескій не походилъ на Совѣтъ Донскаго или сына его: безпечность и малодушіе господствовали въономъ. Вмѣсто войска отправили Посольство на встрѣчу къ Галицкому Князю съ ласковыми словами» и проч. Здѣсь мы должны, для сравненія, привести слова того же автора при описаніи поведенія Димитрія Донскаго и совѣтниковъ его во время Тохтамышева нашествія: этимъ описаніемъ поведеніе великаго князя Василія и его совѣта вполнѣ оправдается: «Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что отъ важнаго урона, претерпѣннаго Россіянами въ битвѣ Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудѣли людьми военными; наконецъ совѣтники Димитріевы только спорили о лучшихъ мѣрахъ для спасенія отечества, и Великій Князь, потерявъ бодрость духа, вздумалъ, что лучше обороняться въ крѣпостяхъ, нежели искать гибели въ полѣ. Онъ удалился въ Кострому» и проч. За проигранную битву въ 1434 году Василій называется слабодушнымъ; но вотъ описаніе битвы того же Василія съ двоюроднымъ братомъ его, Василіемъ Косымъ: «Готовились къ битвѣ; но Косой, считая обманъ дозволенною хитростію, требовалъ перемирія. Неосторожный Василій заключилъ оное и распустилъ воиновъ для собиранія съѣстныхъ припасовъ. Вдругъ сдѣлалась тревога: полки вятскіе во всю прыть устремились къ Московскому стану, въ надеждѣ плѣнить Великаго Князя, оставленнаго ратниками. Тутъ Василій Васильевичъ (Темный) оказалъ смѣлую рѣшительность: увѣдомленный о быстромъ движеніи непріятеля, схватилъ трубу воинскую и, подавъ голосъ своимъ, не тронулся съ мѣста. Въ нѣсколько минутъ станъ наполнился людьми: непріятель, вмѣсто оплошности, вмѣсто изумленія, увидѣлъ предъ собою блескъ оружія и стройные ряды воиновъ, которые однимъ ударомъ смяли его, погнали, разсѣяли». Эта битва, о которой, къ счастію, дошли до насъ подробности, ясно показываетъ, что неуспѣхъ другихъ битвъ нисколько не зависѣлъ отъ личности Василія, который отличался не слабодушіемъ, а напротивъ, храбростію въ битвахъ. Несмотря на то, когда, потомъ, Василій, застигнутый врасплохъ татарами и не имѣя войска, удалился изъ Москвы за Волгу, по примѣру отца и дѣда, авторъ говоритъ: «Махметъ съ легкимъ войскомъ явился подъ стѣнами Москвы, откуда Василій, боязливый, малодушный, бѣжалъ за Волгу». Въ другой разъ въ 1445 году, Василій, надѣясь на возможность собрать сильные полки, вышелъ противъ татаръ, но былъ обманутъ другими князьями; несмотря на то, схватился съ вдвое многочисленнымъ непріятелемъ, опять показалъ необыкновенное личное мужество, и однако былъ подавленъ силами враговъ, взятъ въ плѣнъ. Авторъ описываетъ это событіе правильно: «Непріятель опаснѣйшій явился съ другой стороны, Царь Казанскій, Улу-Махметъ, взялъ Старый Новгородъ Нижній и шелъ къ Мурому. Великій Князь собралъ войско: Шемяка, Іоаннъ Андреевичъ Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій и Василій Ярославичъ Боровскій находились подъ Московскими знаменами. Махметъ отступилъ: передовой отрядъ нашъ разбилъ Татаръ. Не желая во время тогдашнихъ зимнихъ холодовъ гнаться за Царемъ, Великій Князь возвратился въ столицу. Весною пришла вѣсть, что Махметъ осадилъ Нижній-Новгородъ, послалъ сыновей къ Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собрать ихъ Василій Васильевичъ съ одною Московскою ратію пришелъ въ Юрьевъ... Чрезъ нѣсколько дней присоединились къ Москвитянамъ Князья Можайскій, Верейскій и Боровскій, но съ малымъ числомъ ратниковъ. Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ и не далъ ему ни одного воина; а Царевичъ Бердата, другъ и слуга Россіянъ, еще оставался назади. Великій Князь расположился станомъ близъ Суздаля... Сдѣлалась общая тревога, Великій Князь, схватилъ оружіе, выскочилъ изъ шатра, и, въ нѣсколько минутъ устроивъ рать, бодро повелъ оную впередъ... Сражались толпы съ толпами, воинъ съ воиномъ, долго, упорно; вездѣ число одолѣло, Россіяне, положивъ на мѣстѣ 500 Моголовъ, были истреблены. Самъ Великій Князь, личнымъ мужествомъ заслужилъ похвалу—имѣя простреленную руку, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать язвъ на головѣ, плечи и грудь синія отъ уда-

ровъ — отдался въ плѣнъ». Въ этотъ правильный разсказъ, изъ котораго такъ ясно видны причины неудачи, нисколько независѣвшія отъ Василія, въ этотъ разсказъ авторъ не преминулъ однако вставить ему укоризну: говоря о малочисленности войска, онъ прибавляетъ: «Силы Государства Московскаго не уменьшились: только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства». Далѣе авторъ говоритъ: «Несмотря на пороки или недостатки Василія, Россіяне Великаго Княженія видѣли въ немъ единственнаго законнаго Властителя и хотѣли быть ему вѣрными»; а чрезъ нѣсколько страницъ читаемъ: «Москвитяне усердно молили Небо избавить ихъ отъ Властителя недостойнаго (Шемяки): воспоминали добрыя качества слѣпца (Василія) его ревность въ правовѣріи, судъ безъ лицепріятія, милость къ Князьямъ Удѣльнымъ, къ народу, къ самому Шемякѣ».

Авторъ не могъ не упомянуть также о важныхъ заслугахъ Василія Темнаго для Московскаго государства, о соединеніи всѣхъ (кромѣ одного) удѣловъ Московскаго княжества, объ упроченіи вліянія надъ Рязанью, надъ Новгородомъ. Объ отношеніяхъ къ послѣднему, авторъ говоритъ: «Такимъ образомъ Великій Князь смирилъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго». Мы знаемъ, что Московскіе великіе князья стремились медленно, но постоянно, шагъ за шагомъ къ единовластію; каждый въ свою очередь дѣлаетъ новый шагъ впередъ, у каждаго въ предсмертныхъ распоряженіяхъ видимъ что нибудь новое, упрочивавшее новый порядокъ вещей. Василій Темный, желая узаконить новый порядокъ престолонаслѣдія и отнять у враждебныхъ князей всякій предлогъ къ смутѣ, еще при жизни назвалъ старшаго сына великимъ княземъ, объявивъ его соправителемъ. Димитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ: Василій Дмитріевичъ не рѣшился сдѣлать этого, зная о притязаніяхъ брата Юрія; Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своего отчиною, великимъ княженіемъ, но считаетъ великое княженіе Владимірское неразрывно-соединеннымъ съ Московскимъ, вслѣдствіе чего Владиміръ и другіе города этого княжества смѣшиваетъ съ городами московскими. При распредѣленіи волостей между сыновьями, Темный распоряжается такъ, что старшій сынъ получаетъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря ужъ о значеніи городовъ и о величинѣ областей; такимъ образомъ эти младшіе сыновья получили удѣлъ, но старшему даны были всѣ матеріальныя средства держать младшихъ подъ своею рукою. Замѣтимъ, что и сынъ Василія, Іоаннъ III, также оставилъ удѣлы младшимъ сыновьямъ. Несмотря на то, Карамзинъ и здѣсь не преминулъ сдѣлать отзывъ не къ чести Василія: «Такимъ образомъ онъ (Великій) снова возстановилъ удѣлы, довольный тѣмъ, что Государство Московское (за исключеніемъ Верей) остается подвластнымъ одному Дому его, и не заботясь о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ: ибо думалъ болѣе о временной пользѣ своихъ дѣтей, нежели о вѣчномъ государственномъ благѣ; отнималъ города у другихъ Князей только для выгодъ собственнаго личнаго властолюбія; слѣдовалъ древнему обыкновенію, не имѣлъ твердости быть навѣки основателемъ новой, лучшей системы правленія, или Единовластія... Василій преставился на сорокъ-седьмомъ году жизни, хотя несправедливо именуемый первымъ Самодержцемъ Россійскимъ со временъ Владиміра Мономаха, однакожъ дѣйствительно приготовивъ многое для успѣховъ своего преемника: началъ худо; не умѣлъ повелѣвать, какъ отецъ и дѣдъ его повелѣвали; терялъ честь и Державу, но оставилъ Государство Московское сильнѣйшимъ прежняго: ибо рука Божія, какъ бы вопреки малодушному Князю, явно влекла оное къ величію, благословивъ доброе начало Калиты и Донскаго».

Замѣтимъ нѣкоторыя частности въ повѣствованіи о княженіи Василія Темнаго. Въ разсказѣ о войнѣ Витовта съ Новгородомъ находимъ слѣдующее мѣсто, чрезвычайно важное для статистики новгородской области въ первой половинѣ XV-го вѣка: «Витовтъ осадилъ Порховъ.. Въ городъ начальствовалъ посадникъ Григорій и знаменитый мужъ Исаакъ Борецкій: они выѣхали къ непріятелю и предложили ему 5,000 рублей, и новгородцы, приславъ Архіепископа съ чиновниками въ станъ Литовскій, также старались купить миръ серебромъ. Витовтъ взялъ 10,000 рублей, за плѣнниковъ же особенную тысячу... Сія дань была тягостна для Новгородцевъ, которые собирали ее по всѣмъ ихъ областямъ и въ Заволочьи; каждые десять человѣкъ вносили въ казну рубль: слѣдственно въ Новгородской землѣ находилось не болѣе ста-десяти тысячъ людей или владѣльцевъ, платившихъ государственныя подати». Изъ этихъ словъ выходитъ, что Витовтъ взялъ съ порховцевъ 5,000, да потомъ съ новгородцевъ 11,000, итого 16,000 рублей; такъ или почти такъ значится дѣйствительно въ Псковской Лѣтописи, гдѣ сказано, что новгородцы дали Витовту 15,000 рублей; но здѣсь для насъ главный авторитетъ представляетъ Новгородская Лѣтопись, которая говоритъ, что «Порховичи докончаша за себе 5000 рублевъ и Новгородцы другую 5,000 серебра, а шестую неполную; и то серебро браша на всѣхъ мѣстахъ новгородскихъ и по Заволочію съ десяти человѣкъ рубль».

Въ разсказѣ о спорѣ въ Ордѣ между великимъ княземъ Василіемъ и дядею его Юріемъ, читаемъ: «Іоаннъ Димитріевичъ умѣлъ склонить всѣхъ Ханскихъ Вельможъ въ пользу своего юнаго Князя, представляя, что имъ будетъ стыдно, если Тегиня одинъ доставитъ Юрію санъ Великокняжескій: что сей Мурза необходимо присвоитъ себѣ власть и надъ Россіею и надъ Литвою, гдѣ господствуетъ другъ Юріевъ Свидригайло». Въ лѣтописи: «И

коли царь по его (Тягини) слову тако учинитъ, и въ васъ тогда что будетъ? Князь Юрій князь великій будетъ на Москвѣ, а въ Литвѣ князь великій побратимъ его Свидригайло, а Тегиня во Ордѣ и во царѣ волею лучши васъ» Потомъ, въ разсказѣ о возобновленіи борьбы между Василіемъ и дядею его, насъ останавливаетъ объясненіе любопытное и, по нашему мнѣнію, вѣрное, почему новый порядокъ вещей былъ благопріятнѣе для общаго спокойствія, чѣмъ старый: «Сынъ, восходя на тронъ послѣ отца, оставлялъ все, какъ было, окруженный тѣми же Боярами, которые служили прежнему Государю; напротивъ того, братъ, княжившій дотолѣ въ какомъ нибудь особенномъ Удѣлѣ, имѣлъ своихъ Вельможъ, которые, переѣзжая съ нимъ въ наслѣдованную по кончинѣ брата землю, обыкновенно удаляли тамошнихъ Бояръ отъ правленія и вводили новости, часто вредныя. Столь явныя выгоды и невыгоды вооружили всѣхъ противъ старой мятежной системы наслѣдственной и противъ Юрія». Описывая вторичное торжество Юрія надъ племянникомъ, авторъ говоритъ: «Юрій снова объявилъ себя Великимъ Княземъ, договорными грамотами утвердилъ союзъ съ племянниками своими. Достойно замѣчанія, что сіи грамоты начинаются словами: *Божіею милостію*, которыя прежде не употреблялись въ государственныхъ постановленіяхъ». Должно замѣтить, что слова: «*Божіею милостью*» употреблены ужъ прежде въ договорной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ. Приведя потомъ договоръ великаго князя Василія съ Шемякою, Карамзинъ говоритъ: «Шемяка, слѣдуя обыкновенію, именуетъ Василія старѣйшимъ братомъ, отдаетъ себя въ его покровительство, обязывается служить ему на войнѣ и платить часть Ханской дани, съ условіемъ, чтобъ Великій Князь одинъ сносился съ Ордою, не допуская Удѣльныхъ Владѣтелей ни до какихъ хлопотъ». Изъ этихъ словъ выходитъ, какъ будто непосредственное сношеніе съ Ордою было тягостною обязанностью, которую удѣльные князья старались сложить съ себя, тогда какъ это было одно изъ важнѣйшихъ правъ великаго князя, которое онъ ревниво берегъ для одного себя: это былъ главный признакъ независимости князя, его старшинства. Въ разсказѣ объ отношеніяхъ новгородскихъ находимъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Гораздо благоразумнѣе можно было искать сего предвѣстія (предвѣстія близкаго паденія Новгорода) въ его нетвердой системѣ политической, особенножь, въ возрастающей силѣ великихъ князей, которые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ, подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Однѣ непрестанныя опасности Государства Московскаго, со стороны Моголовъ и Литвы, не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію совершеннаго покоренія сей народной Державы, которую они старались только обирать, зная богатство ея купцовъ. Такъ поступилъ и Василій».

Какъ въ описаніи княженія Василія Димитріевича самый длинный разсказъ посвященъ подвигамъ Тамерлана, такъ въ описаніи княженія Василія Темнаго самый длинный разсказъ посвященъ Флорентійскому собору, который, безспорно, имѣетъ важное значеніе въ русской исторіи, но не можетъ входить въ нее со всѣми подробностями. Очень любопытенъ для насъ прямо-относящійся къ русской исторіи разсказъ о пріемѣ Исидора въ Москвѣ, по отношенію къ указанному прежде взгляду автора на характеръ великаго князя Василія: «Такимъ образомъ хитрость, рѣдкій даръ слова и великій умъ сего честолюбиваго Грека (Исидора) оказались безсильными въ Москвѣ, бывъ побѣждены здравымъ смысломъ Великаго Князя, увѣреннаго, что перемѣны въ Законѣ охлаждаютъ сердечное усердіе къ оному, и что неизмѣнные Догматы отцевъ лучше всякихъ новыхъ мудрованій. Узнавъ же, что Исидоръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ изъ монастыря, благоразумный Василій не велѣлъ гнаться за нимъ» и проч.

При описаніи возстанія Шемяки и князя Можайскаго, авторъ говоритъ: «Главными ихъ наушниками и подстрекателями были мятежные Бояре умершаго Константина Димитріевича, завистники Бояръ Великокняжескихъ». Въ лѣтописи: Здумавше сіи (Шемяка и Можайскій) своими злыми совѣтники, иже тогда быша у нихъ Константиновичи и прочіи бояре ихъ». Здѣсь подъ Константиновичами разумѣется извѣстный бояринъ Никита Константиновичъ съ братьями, игравшій такую важную роль въ дѣлѣ, какъ врагъ Темнаго; авторъ же подъ Константиновичами уразумѣлъ бояръ князя Константина Димитріевича. Въ извѣстіи объ отношеніяхъ Василія Темнаго къ князьямъ Суздальскимъ, читаемъ: «Столь же снисходительно поступилъ Василій и со внуками Кирдяпы; оставилъ ихъ господствовать въ Нижнемъ, въ Городцѣ, въ Суздалѣ, съ условіемъ, чтобъ они признавали его своимъ верховнымъ повелителемъ, отдали ему древніе ярлыки Ханскіе на сей Удѣлъ, не брали новыхъ и вообще не имѣли сношенія съ Ордою». Карамзинъ при этомъ ссылается на договоръ, заключенный между Василіемъ Темнымъ и однимъ изъ потомковъ Суздальскихъ князей, Иваномъ Васильевичемъ; но въ этомъ договорѣ находимъ, что Василій Темный пожаловалъ Ивану Васильевичу только Городецъ да три волости въ Суздалѣ — о Нижнемъ и Суздалѣ ни слова; о братьяхъ же Ивановыхъ говорится предположительно: «А добьютъ челомъ тобѣ Великому Князю моя братья князь Александръ и князь Василей и тобѣ жаловати ихъ вотчиною, ихъ жеребья по старинѣ, что за ними было. А чѣмъ еси мене пожаловалъ Городцомъ и жеребьями брата моего княжимъ Андрѣевымъ: и тобѣ того подъ мною блюсти, а не вступатися». Для примѣра, въ какомъ отношеніи находится разсказъ историка

къ извѣстію источниковъ, сравнимъ разсказъ автора о послѣдней битвѣ Василія Темнаго и Шемяки съ разсказомъ лѣтописей о томъ-же событіи. Въ лѣтописи: «Ходилъ князь великій на князя Дмитрія, хотя идти къ Галичу, и бысть ему вѣсть, что пошелъ къ Вологдѣ, и князь великій пойде на Иледамъ да Обнору, хотя идти на него къ Вологдѣ. Бывшу же ему у Николы на Обнорѣ, и пріиде къ нему вѣсть, что опять воротился къ Галичу, и князь великій воротился Обнорою на низъ да Костромою вверхъ и пріиде на Желѣзный Борокъ къ Ивану Святому, и слышавъ, что князь Дмитрій въ Галичѣ, а людей около его много, а городъ крѣпитъ, и пушки готовитъ, и рать пѣшая у него, и самъ предъ городомъ стоитъ со всею силою. Князь же великій, слышавъ то, и положивъ упованіе на Господѣ Бозѣ, начатъ отпущати князей своихъ и воеводъ со всею силою своею, а большой былъ воевода князь Василій Ивановичъ Оболенскій, а прочихъ князей и воеводъ многое множество; потомъ же и царевичевъ отпустилъ и всѣхъ князей ихъ съ ними. Пріидоша же подъ Галичъ, а князь Дмитрей таки стояше на горѣ подъ городомъ со всею силою не поступя ни съ мѣста. Воеводы же великаго князя поидоша съ озера къ горѣ, опасаясь, понеже бо гора крута, и выправясь изъ тѣхъ враговъ взыдоша на гору, и поидоши полки вмѣстѣ, и бысть сѣча зла; и поможе Богъ великому князю, многихъ избиша, а лутшихъ всѣхъ изымаша рукама, а самъ князь едва убѣже, а пѣшую рать мало не всю избиша». У Карамзина: «Василій хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно; призвалъ многихъ Князей, Воеводъ изъ другихъ городовъ, и составилъ ополченіе сильное. Шемяка, *думая сперва уклониться отъ битвы*, пошелъ къ Вологдѣ, но, вдругъ перемѣнивъ мысль, расположился станомъ близъ Галича: укрѣплялъ городъ, *ободрялъ жителей* и всего болѣе надѣялся на свои пушки. Василій, лишенный зрѣнія, не могъ самъ начальствовать въ битвѣ: Князь Оболенскій предводительствовалъ Московскими полками и союзными Татарами. Оставивъ Государя за собою, подъ щитами вѣрной стражи, они стройно и бодро приближались къ Галичу. Шемяка стоялъ на крутой горѣ, за глубокими оврагами; приступъ былъ труденъ. *То и другое войско готовилось къ жестокому кровопролитію съ равнымъ мужествомъ: Москвитяне пылали ревностію сокрушить врага ненавистнаго, гнуснаго злодѣяніемъ и вѣроломствомъ; а Шемяка обѣщалъ своимъ первенство въ Великомъ Княженіи со всѣми богатствами Московскими.* Полки Васильевы имѣли превосходство въ силахъ, Дмитріевы выгоду мѣста. *Князь Оболенскій и Царевичи ожидали засады въ дебряхъ; но Шемяка не подумалъ о томъ, воображая, что Москвитяне выйдутъ изъ овраговъ утомленные, разстроенные и легко будутъ смяты его войскомъ свѣжимъ:* онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ непріятель отъ береговъ озера шелъ медленно по тѣснымъ мѣстамъ. Наконецъ Москвитяне достигли горы и дружно устремились на ея высоту; задніе ряды ихъ служили твердою опорою для переднихъ, встрѣченныхъ сильнымъ ударомъ полковъ Галицкихъ. Схватка была ужасна: давно Россіяне не губили другъ друга съ такимъ остервененіемъ... Москвитяне одолѣли; истребили почти всю пѣхоту Шемякину и плѣнили его Бояръ; самъ Князь едва могъ спастися».

Послѣ описанія княженія Василія Темнаго, въ концѣ V-го тома, помѣщена любопытная глава, содержащая въ себѣ обзоръ состоянія Россія отъ нашествія Татаръ до Іоанна III-го. Она ничинается слѣдующими словами: «Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ Читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія». Изъ этого вступленія читатель уже догадывается, какое могущественное вліяніе на состояніе Россіи отъ половины XIII-го до половины XV-го вѣка будетъ приписано монголамъ: на это состояніе авторъ смотритъ, какъ на слѣдствіе двувѣковаго порабощенія. Конечно, читатель здѣсь съ самаго начала не можетъ освободиться отъ нѣкотораго недоумѣнія. Авторъ говоритъ: «Предложимъ мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія»; ясно, что авторъ хочетъ говорить о состояніи Россіи предъ вступленіемъ на престолъ Іоанна III-го, въ шестидесятыхъ годахъ XV-го вѣка, ибо только это состояніе могло быть слѣдствіемъ *двувѣковаго* порабощенія; но въ заглавіи читаемъ: «Состояніе Россіи отъ нашествія Татаръ до Іоанна III-го». Это различіе очень важно, ибо если какое-нибудь нравственное явленіе, считающееся въ числѣ слѣдствій двувѣковаго татарскаго ига, мы найдемъ въ первыхъ годахъ этого ига, то будемъ имѣть причину усумниться, дѣйствительно ли это явленіе есть слѣдствіе ига, зная, что каждое историческое явленіе для утвержденія вліянія своего на народную нравственность требуетъ продолжительнаго времени.

«Раздѣленіе нашего отечества (говоритъ авторъ) и междоусобныя войны истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія... Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушилась мечемъ и пламенемъ Княжескихъ междоусобій, такъ, что въ XIII вѣкѣ, мы уже отставали отъ Державъ Западныхъ въ государственномъ образованіи». Но извѣстно, что въ то самое время, какъ отечество наше страдало отъ раздѣленія и междоусобій, державы западныя страдали отъ того же самаго. «Сѣнь варварства (продолжаетъ авторъ), омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались... Въ сіе же время Россія, терзаемая Моголами, напрягала силы свои един-

ственно для того, чтобъ неисчезнуть: намъ было не до просвѣщенія! Если бы Моголы сдѣлали у насъ тоже, что въ Китаѣ, въ Индіи, или что Турки въ Греціи, еслибъ, оставивъ степи и кочеваніе, переселились въ наши города: то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ Государства. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ Князей. Но такъ называемые *Послы Ординскіе* и Баскаки, представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали что хотѣли; самые купцы, самые бродяги Могольскіе обходились съ нами, какъ съ слугами презрительными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ? Нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучивались низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноземныхъ тирановъ. Отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности. Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпѣненіе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости, неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокіе судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ, и бываютъ слѣдствія частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: «не убивайте виновнаго; жизнь Христіанина священна»: не менѣе добросердечный побѣдитель Мамаевъ, Димитрій, уставилъ торжественную смертную казнь, ибо не видалъ инаго способа устрашать преступниковъ. Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ: иго татарское ввело тѣлесныя наказанія; за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ Княжеской и народной жизни злобы; чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость въ нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожь дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ Россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ».

Увѣщаніе Мономаха дѣтямъ — не убивать ни праваго, ни виноватаго—не служитъ доказательствомъ, что подобныхъ дѣйствій не было въ его время: еслибъ не было, то ненужно было бы и запрещать; прежде монгольскаго нашествія мы знаемъ, что Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича; слѣдовательно нельзя сказать, чтобъ торжественная смертная казнь была установлена Димитріемъ Донскимъ. Авторъ говоритъ, что отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты отечество наше походило на темный лѣсъ, относительно общественной безопасности, и въ доказательство приводитъ одно только извѣстіе лѣтописи, что Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбойниковъ и воровъ. Хотя въ источникахъ можно отыскать и болѣе указаній относительно разбоевъ, но все же выраженіе «темный лѣсъ» — останется слишкомъ рѣзкимъ, особенно, если сравнимъ извѣстія изъ XIV вѣка съ многочисленными извѣстіями о состояніи общественной безопасности во времена позднѣйшія, напримѣръ въ XVII вѣкѣ, и съ извѣстіями о состояніи общественной безопасности въ другихъ сосѣднихъ государствахъ въ XIV-же вѣкѣ—въ государствахъ, которыя не знали татаръ. Тѣлесныя наказанія не были введены татарами, потому что въ «Русской Правдѣ» встрѣчаемъ извѣстія о мукахъ или тѣлесныхъ истязаніяхъ, которымъ подвергался виновный; тѣлесныя наказанія существовали вездѣ въ Европѣ, но были ограничены извѣстными отношеніями сословными; у насъ же, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, такихъ сословныхъ отношеній не было, откуда въ древней нашей исторіи безразличіе касательно тѣлесныхъ наказаній. Если тѣлесныя наказанія принесены татарами, то какимъ образомъ встрѣчаемъ ихъ въ Псковѣ во время его самостоятельности, въ Псковѣ, который не зналъ татаръ?

По мнѣнію автора, внутренній государственный порядокъ измѣнился также вслѣдствіе татарскаго вліянія: города потеряли свой прежній бытъ. Прежде самъ авторъ сказалъ, что ханы желали единственно быть нашими господами издали, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ князей. Еслибъ города въ началѣ монгольскаго ига сохраняли свой прежній бытъ, то легко было бы имъ удержать его, задаривая хановъ при спорахъ съ князьями деньгами, поддерживая то того, то другого князя, какъ то дѣлали новгородцы. Но вполнѣ справедливо замѣтилъ авторъ о перемѣнѣ отношеній дружины къ князю вслѣдствіе утвержденія единовластія: «Въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтверждалась законная свобода Бояръ переходить изъ службы одного Князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ, Бояринъ съ своею многочисленною дружиною

ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичъ, во Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія... Но когда южная Россія обратилась въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число Владѣтельныхъ Князей уменьшилось, а власть Государева сдѣлалась неограниченнѣе въ отношеніи къ народу: тогда и достоинство Боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ Бояринъ Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы».

Москва, по мнѣнію автора, возвысилась такъ же вслѣдствіе монгольскаго вліянія: «Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ Удѣловъ Владимірскихъ, ступила первый шагъ къ знаменитости при Даніилѣ, которому внукъ Невскаго, Іоаннъ Димитріевичъ, отказалъ Переславль Залѣсскій, и который, побѣдивъ Рязанскаго Князя, отнялъ у него многія земли. Сынъ Даніиловъ, Георгій, зять Хана Узбека, присоединилъ къ своей области Коломну, завоевалъ Можайскъ и выходилъ въ Ордѣ Великое Княженіе Владимірское; а братъ Георгіевъ, Іоаннъ Калита, погубивъ Александра Тверскаго, сдѣлался истиннымъ Главою всѣхъ другихъ Князей, обязанный тѣмъ не силѣ оружія, но единственно милости Узбековой, которую снискалъ онъ умною лестію и богатыми дарами». Чтобъ объяснить, какимъ образомъ Іоаннъ Калита пріобрѣлъ средства дѣлать богатые дары хану и скупать цѣлыя области, авторъ высказываетъ мнѣніе, что «иго Татаръ обогатило казну Великокняжескую исчисленіемъ людей, установленіемъ поголовной дани и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростію Князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: «Баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ Владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ». Для подтвержденія этого мнѣнія, авторъ въ примѣчаніи ссылается на разсказъ свой о кончинѣ Михаила Тверскаго подъ 1318-мъ годомъ; но въ этомъ разсказѣ можно найти только слѣдующее извѣстіе, относящееся къ дѣлу, извѣстіе, которое однако нисколько не подтверждаетъ приведеннаго мнѣнія: «Призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ Хану всей опредѣленной дани. Великій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами». Здѣсь мы, для большей точности, должны сравнить слова автора съ разсказомъ лѣтописца; авторъ говоритъ: «Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ Хану всей опредѣленной дани». Въ лѣтописи: «Въ единъ убо день собрашася вси князи ординьскыя въ едину вежу за царевъ дворъ, и покладаху многы грамоты со многымъ замышленіемъ на князя Михаила, глаголюще: «Многы дани поималъ еси на городѣхъ нашихъ, царю же не далъ еси». Такимъ образомъ въ лѣтописи нѣтъ ни слова о баскакахъ, что очень для насъ важно при опредѣленіи степени монгольскаго вліянія. Откуда князья ордынскіе взяли грамоты — объ этомъ также говоритъ лѣтопись впереди: «Великый же князь Юрій Даниловичъ пакы съимася съ Кавгадыемъ, и поидоста напередъ въ Орду, поимши князи всѣ низовскіе съ собою, и бояре съ городовъ и отъ Новогорода, по повелѣнію окаяннаго Кавгадыя; и написаша многа лжесвидѣтельства на блаженнаго великаго князя Михаила».

Не признавъ, какъ мы видѣли, въ преемникахъ Боголюбскаго, сѣверныхъ князьяхъ, постоянныхъ стремленій къ единовластію, не признавъ значенія усобицъ княжескихъ на сѣверѣ до временъ Калиты, отдѣливъ стремленія послѣдняго отъ стремленій его предшественниковъ, авторъ призналъ единовластіе слѣдствіемъ монгольскаго вліянія и выразилъ мнѣніе, что Россія безъ монголовъ, вѣроятно, погибла бы отъ усобицъ княжескихъ: «Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе, и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ». Прежде авторъ показалъ намъ, что усиленіе Москвы начинается съ тѣхъ поръ, какъ Переяславль присоединился къ ней; потомъ Даніилъ Александровичъ, побѣдивъ Рязанскаго князя, отнялъ у него многія земли; сынъ его, Георгій, присоединилъ Коломну, завоевалъ Можайскъ, объявилъ себя соперникомъ Тверскаго князя; правда, что братъ Юріевъ, Калита, одолѣлъ Тверь съ помощію полковъ татарскихъ, но прежде на югѣ наемные полки половецкіе играли нерѣдко такую же рѣшительную роль, и, однако, никто не говоритъ о могущественномъ вліяніи половецкомъ на судьбы древней Южной Руси...

По мнѣнію автора: «однимъ изъ достопамятныхъ послѣдствій Татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего Духовенства, размноженія Монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика Хановъ, утѣсняя народъ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ, снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто, изъ уваженія къ Пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ... Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ Обителяхъ, и, мѣняя одежду Княжескую, Боярскую на мантію Инока, способствовали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и Государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ дви-

жимымъ и недвижимымъ. Всякой, готовясь умереть, что-нибудь отказывалъ Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ Ордынскихъ и Княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія Епископовъ, Монаховъ, оставалось еще немало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новгородскіе Святители употребляли Софійскую казну въ пользу государственную... Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ Монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя Обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только уваженіемъ, но и достояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма немногіе изъ нынѣшнихъ монастырей Россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени». Справедливо, что ханы покровительствовали Церкви и ея служителямъ; но явленія, которыя выставляются здѣсь слѣдствіемъ этого покровительства, существовали и прежде татаръ, существовали въ одинаковой степени и въ Руси Литовской, и въ Новгородѣ, и во Псковѣ, неподверженныхъ татарскому вліянію. Такъ и до татаръ знатнѣйшіе люди въ Руси искали мира душевнаго въ святыхъ обителяхъ; обыкновенно передъ смертію отказывали что-нибудь монастырямъ, церквамъ... Съ другой стороны, не должно думать, чтобъ татары въ своихъ набѣгахъ и послы ханскіе щадили церкви и монастыри: лѣтописи говорятъ противное. Наконецъ, касательно положенія, что большая часть монастырей осталась памятникомъ татарскаго времени, исторія Церкви опровергаетъ его, указывая, что до конца XIII-го вѣка, то-есть во время тягчайшаго ига, не возникло ни одного монастыря. Монастыри и знаменитѣйшіе изъ нихъ начинають основываться уже въ московскую эпоху, во время почти безопасное отъ татарскихъ насилій (см. Исторію Россійской Церкви, періодъ II, стр. 76 и 152).

Далѣе, авторъ совершенно справедливо описываетъ характеръ русскаго духовенства, отличая его отъ духовенства римскаго: «Несмотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, свойственнаго Духовенству Западной Церкви, и, служа Великимъ Князьямъ въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ Княжескихъ Митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь меча мірскаго, сей обыкновенной угрозы Папъ для ослушниковъ ихъ воли. Однимъ словомъ, Церковь наша вообще не измѣнилась въ своемъ главномъ, первобытнымъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы, умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и Христіанскія, и государственныя добродѣтели. Милости Ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея Пастырей: они въ Батыева времена благословляли Россіянъ на смерть великодушную, при Димитріи Донскомъ на битвы и побѣду... Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми Политиками-Философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная. Въ Западныхъ странахъ Европейскихъ Духовная власть присвоила себѣ мірскую оттого, что имѣла дѣло съ народами полудикими—Готѳами, Лонгобардами, Франками,—которые, овладѣвъ ими и принявъ Христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями: а Греческая Церковь возсіяла въ Державѣ благоустроенной, и Духовенство не могло толь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святой Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму». Читая эти строки, удивляешься, какъ могло возникнуть противъ Карамзина возраженіе, будто бы онъ не уяснилъ вліянія Греческой Церкви въ русской исторіи!

Показавъ степень татарскаго вліянія, авторъ обращается къ вопросу, въ какихъ сферахъ этого вліянія быть не могло: онъ отрицаетъ вліяніе татаръ на обычаи народные, гражданское законодательство, домашнюю жизнь, русскій языкъ, причемъ замѣчаетъ: «Вообще съ XI вѣка мы подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ всей важной части государственнаго благоустройства... Не менѣе отстали мы и въ искусствѣ ратномъ: мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не узнали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ Главные чиновники государственные: Бояре Старшіе, Большіе, Путные (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, путевые и другіе), Окольничіе или ближніе къ Государю люди, и Дворяне, были истиннымъ сердцемъ, лучшею благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались Дворомъ Великокняжескимъ. Вторый многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ назывался Дѣтьми Боярскими; въ нихъ узнаемъ прежнихъ Боярскихъ Отроковъ; а Княжескіе обратились въ Дворянъ». Здѣсь должно замѣтить, что дѣти боярскія никакъ не могли образоваться изъ боярскихъ отроковъ, а дворяне изъ княжескихъ, ибо во все описываемое время дѣти боярскія занимаютъ степень высшую предъ дворянами. Бояре путные опредѣляются у автора помѣстными, которымъ давались земли, доходы казенные, путевые и другіе; въ примѣчаніи 115-мъ о боярахъ путныхъ онъ говоритъ рѣшительно: «Такъ назывались Бояре, коимъ давались земли съ правомъ собирать на путяхъ или дорогахъ пошлину». Это догадка, основанная на словѣ *путь*, а не на извѣстіяхъ источниковъ. Чтожъ касается до положенія о происхожденіи казаковъ, то оно до-сихъ-поръ

остается удовлетворительнѣйшимъ. «Вѣроятно, что имя Козаковъ въ Россіи древнѣе Батыева нашествія, и принадлежало Торкамъ и Берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище Малороссійскихъ Козаковъ. Торки и Берендѣи назывались Черкасами: Козаки также. Вспомнимъ Касоговъ, обитавшихъ, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; вспомнимъ и страну Казахію, полагаемую Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сихъ же мѣстахъ; прибавимъ, что Оссетинцы и нынѣ именуютъ Черкесовъ Касахами: столько обстоятельствъ вмѣстѣ заставляютъ думать, что Торки и Берендѣи назывались Черкасами: назывались и Козаками; что нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли покориться ни Монголамъ, ни Литвѣ, жили, какъ вольные люди, на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами, приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія, смѣшались съ ними, и, подъ именемъ Козаковъ, составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ десятаго вѣка, обитавъ въ области Кіевской, ужъ сами были почти Русскими».

V.

Мюллеръ, въ сочиненіи своемъ о Новгородѣ, высказалъ такое мнѣніе объ Іоаннѣ III: «Великому князю Василію наслѣдовалъ сынъ его Іоаннъ, мудрый и мужественный государь, который не только свергнулъ татарское иго, но и началъ подчинять своему скиперту малыя княжества и тѣмъ положилъ основаніе послѣдующей силѣ и внутреннему величію государства». Шлёцеръ, въ введеніи къ своей «Россійской Исторіи» говоритъ объ Іоаннѣ: «Наконецъ явился великій человѣкъ, который отомстилъ за сѣверъ, освободилъ свой угнетенный народъ и страхъ оружія своего распространилъ до самыхъ столицъ своихъ тирановъ. Подъ творческими руками Іоанна образовалось могущественное государство, которое превосходитъ величиною всѣ государства міра. Россія исполинскими шагами пошла отъ завоеванія къ завоеванію; большія государства стали ея провинціями; отторгнутыя области возвратились подъ державу своихъ древнихъ и законныхъ владѣтелей, и безпокойные сосѣди должны были покупать миръ уступкою цѣлыхъ странъ». Далѣе, при описаніи четвертаго періода русской исторіи, онъ говоритъ: «Іоаннъ Васильевичъ, побуждаемый своею безсмертною супругою Софіею, вооружился для спасенія государства, соединилъ въ одно многія малыя княжества, и чрезъ это такъ усилился, что не только могъ свергнуть иго татаръ, но даже подчинить себѣ ихъ собственныя царства». Наконецъ князь Щербатовъ такъ описываетъ Іоанна: «Онъ былъ разуменъ и дальновиденъ: свидѣтельствуютъ то его дѣла и мудрыя учрежденія; ибо никогда нечаянная война его не находила неготоваго къ брани, и всѣ почти свои брани окончилъ съ меньшимъ, елико возможно, кровопролитіемъ; пріобрѣлъ себѣ самодержавную державу надъ Новымъ Городомъ и покорилъ Тверское Княженіе, не толь силою оружія своего, коль мудрыми своими поступками, и принудя и самые вольные народы любить свою власть. Разными образами сыскалъ способъ присоединить къ Московскому Княженію въ полную себѣ власть и другія удѣльныя княженія и чрезъ сіе самое прекратилъ всѣ междоусобія и безпокойства, которыя Россію колебали и ослабливали ее. Старался съ европейскими государствами имѣть союзы и сообщенія, дабы чрезъ сіе просвѣтить свои народы въ нужныхъ вещахъ; чего ради и множество чужестранныхъ разныхъ художниковъ въ Россію выписывалъ; а притомъ сими союзами въ Европѣ хотѣлъ учинить нѣкоторый перевѣсъ и силѣ татарской. Тщателенъ онъ былъ содержать союзъ съ Менглигиреемъ, ханомъ крымскимъ, какъ для устрашенія всегдашнихъ враговъ Россіи, поляковъ и литовцевъ, такъ дабы и болѣе татаръ большія орды всегда въ раздѣленіи содержать, отъ подданства которыхъ онъ первый почти освободился. Строгій исполнитель вѣры, во всю жизнь свою показывалъ совершенное набожіе, исполняя то строеніемъ храмовъ, почтеніемъ къ духовному чину, и истребленіемъ ересей. Можно еще сказать, что самая твердость его въ греческомъ католицкомъ законѣ много ему и въ политическихъ дѣлахъ послужила: ибо, бывъ почитаемъ истиннымъ защитникомъ православной вѣры, ту часть новгородцевъ, которые не хотѣли ради разности вѣръ поддаться полякамъ и литовцамъ, по самой обязанности къ вѣрѣ, въ доброжелательствѣ къ себѣ удержалъ; и когда началась брань съ княземъ Александромъ Литовскимъ, тогда многіе князья и съ вотчинами своими по единовѣрію подъ власть великаго князя московскаго предались. Знающій въ военномъ тогдашняго времени искусствѣ, но елико можно избѣгающій отъ войны, яко отъ величайшаго государствамъ зла. Хотя сей государь и не во многіе походы самъ ходилъ, но я не думаю, чтобы сіе было отъ недостатка личныя его храбрости; но за лучшее почиталъ чрезъ воеводъ своихъ всегда дѣйствовать, представляя себѣ изнутри государства, равно дѣйствія войскъ своихъ учреждать, нежели обратя свои вниманія на единую войну, оставить какую другую часть государства безъ нужнаго призрѣнія».

Таково было утвердившееся до Карамзина мнѣніе о значеніи Іоанна III въ нашей исторіи: Іоаннъ положилъ основаніе силѣ и величію государства Русскаго; подъ творческими его руками образовалось могущественное государство; онъ собралъ Русскую Землю; онъ освободилъ ее отъ татарскаго ига, прекратилъ всѣ междоусобія и безпокойства. Уже въ разсказѣ о дѣятельности предшественниковъ Іоанновыхъ Карамзинъ раза два намекаетъ объ отношеніи дѣятельности ихъ къ дѣятельности Іоан-

на; такъ, при опредѣленіи значенія Куликовской битвы, мы встрѣчаемъ замѣчательныя, вполнѣ справедливыя слова: «Мамаево побоище доказало возрожденіе силъ Россіи, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ». Здѣсь предки Іоанна III представлены одинаково съ нимъ великими; разница заключается въ большемъ и меньшемъ счастіи. Потомъ, разсказавъ о походѣ Василія Темнаго на Новгородъ, Карамзинъ заключаетъ: «Такимъ образомъ Великій Князь, смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго». Читатель, на основаніи этихъ немековъ, въ правѣ ожидать, что авторъ представитъ Іоанна довершителемъ дѣла предковъ, равно великихъ, довершителемъ дѣла уже легкаго, какъ всякое довершеніе приготовленнаго, и встрѣчаетъ въ началѣ описанія княженія Іоаннова слѣдующія строки: «Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки Княжескія; но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется Держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но Правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ. Посольства Великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ Дворамъ знаменитымъ; Посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: Императоръ, Папа, Короли, Республики, Цари Азіятскіе привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новгорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія; Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей Исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ-три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы Россіянъ».

Въ этой картинѣ насъ останавливаютъ слова, что со временъ Іоанна III исторія уже не описываетъ безсмысленныхъ дракъ княжескихъ. Слова эти чрезвычайно важны, потому что въ нихъ поставлено главное отличіе государственной исторіи, начинающейся со временъ Іоанна III, отъ исторіи предшествующей, которая характеризуется безсмысленными драками княжескими. Почему древняя Русская исторія принимаетъ здѣсь у Карамзина такой характеръ, отчасти объясняется сказаннымъ прежде о значеніи времени, послѣдовавшаго за смертію Ярослава I: «Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Государство, шагнувъ, такъ сказать въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ передъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ». Но если авторъ не признаетъ смысла въ борьбѣ княжеской ни до Всеволода III, ни послѣ него, то мы видѣли, что онъ даетъ смыслъ борьбѣ, начиная со временъ Іоанна Калиты, которому и его преемникамъ онъ приписываетъ стремленія къ единовластію; слѣдовательно исторія перестаетъ описывать безсмысленныя драки княжескія уже со временъ Іоанна Калиты, а не со временъ только Іоанна III. «Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ». Если здѣсь: *исчезаетъ* принять въ смыслѣ продолжающагося дѣйствія, а не оконченнаго, то это будетъ признакъ не одного княженія Іоаннова, но и предшественниковъ его; принять же въ смыслѣ дѣйствія оконченнаго нельзя, ибо разновластіе не исчезло въ княженіе Іоанна III.—«Образуется Держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической». Извѣстно, что Россія не вступала въ политическую систему Европы до временъ Петра Великаго; при Іоаннѣ ближайшими могущественными державами были имперія Римско-Германская и Турецкая; императоръ Фридрихъ и сынъ его, Максимиліанъ, какъ скоро увидали, что Московскій князь не можетъ быть имъ полезенъ въ Германіи и Нидерландахъ, тотчасъ же прекратили съ нимъ сношенія; сношенія съ Турціею ограничивались дѣлами торговыми. Важный интересъ заключали въ себѣ, какъ и прежде, отношенія къ державамъ сосѣднимъ: къ Швеціи, Ливоніи, Литвѣ и Ордамъ Татарскимъ; Московское государство не участвуетъ во времена Іоанна ни въ одномъ общеевропейскомъ событіи, слѣдовательно не занимаетъ мѣста въ политической системѣ Европы. Касательно же политической системы Азіи, мы ничего не знаемъ.—«Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества». Эти черты, опять общія княженію Іоанна III съ княженіями его предшественниковъ; какъ у него, такъ и у нихъ были три важныя цѣли: утвержденіе единовластія, борьба съ татарами, борьба съ Литвою; разница въ средствахъ, которыя приготовлялись предшественниками и которыми пользовался Іоаннъ. Тоже должно сказать и о союзахъ: если Іоаннъ крѣпко держался союза съ ханомъ Крымскимъ противъ

Литвы, то это не былъ первый опытъ; дѣдъ его, Василій Димитріевичъ также находился въ союзѣ съ татарами противъ Литвы: «Устрояются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ». Относительно перваго вѣрнѣе было бы сказать: устрояются многочисленнѣйшія воинства; второе—справедливо. — «Посольства великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ Дворамъ знаменитымъ». Мы видимъ пословъ московскихъ только при двухъ знаменитыхъ Дворахъ: австрійскомъ и турецкомъ; не видимъ ихъ ни въ Испаніи, ни во Франціи, ни въ Англіи. — «Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія». Мы не знаемъ, что авторъ разумѣлъ подъ этими остатками.

Характеръ Іоанна вообще представленъ правильно: «Въ лѣта пылкаго юношества онъ изъявлялъ осторожность, свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ и ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дерзкой отважности; ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правило вѣка».

Василій Темный оставилъ въ наслѣдство сыну борьбу съ новооснованнымъ царствомъ Казанскимъ. Эта борьба при Іоаннѣ III-мъ началась по слѣдующему поводу, описанному у Карамзина согласно съ источниками: «Царевичъ Касимъ, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ Удѣлъ на берегу Оки Мещерскій городокъ, названный съ того времени Касимовымъ; жилъ тамъ въ изобиліи и спокойствіи; имѣлъ сношенія съ Вельможами Казанскими и, тайно приглашенный ими свергнуть ихъ новаго Царя, Ибрагима, его пасынка, требовалъ войска отъ Іоанна, который съ удовольствіемъ видѣлъ случай присвоить себѣ власть надъ опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточныя границы, подверженныя впаденіямъ ея хищнаго, воинственнаго народа». Но прежде этого авторъ приводитъ еще другую причину похода на Казань, которая служитъ связью между этимъ извѣстіемъ о походѣ и двумя или тремя другими разнородными извѣстіями, а именно: «Истекала (говоритъ авторъ) седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра по Греческимъ Хронологамъ: суевѣріе съ концемъ ея ждало и конца міру. Сія несчастная мысль, владычествуя въ умахъ, вселяла въ людей равнодушіе ко славѣ и благу отечества; менѣе стыдились государственнаго ига, менѣе плѣнялись мыслію независимости, думая, что все не надолго... Огорчаясь вмѣстѣ съ народомъ, Великій Князь сверхъ того имѣлъ несчастіе оплакать преждевременную смерть юной, нѣжной супруги, Маріи... Къ горестнымъ случаямъ сего времени Лѣтописцы причисляютъ и то, что Первосвятитель Ѳеодосій, добродѣтельный, ревностный, оставилъ Митрополію... Наконецъ Іоаннъ предпріялъ воинскими дѣйствіями разсѣять свою печаль и возбудить въ Россіянахъ духъ бодрости. Царевичъ Касимъ» и т. д., какъ уже приведено выше. Относительно того, что мысль о скоромъ концѣ міра вселяла въ людей равнодушіе ко славѣ и благу отечества, авторъ ссылается на два источника: во-первыхъ, на предисловіе къ «Церковному Кругу», гдѣ сказано: «Нѣцыи мнѣша, яко скончеваемѣ седмой тысущи быти и скончанію міра яко же и преже скончеваемѣй шестой тысущи сицево же мнѣніе объдержаше «люди»; во-вторыхъ, на слова псковичей владыкѣ Іонѣ: «При семъ послѣднемъ времени о церквахъ Божіихъ смущенно сильно».

За разсказомъ о походахъ казанскихъ слѣдуетъ разсказъ о первой войнѣ Новгородской. Разсказъ этотъ вообще правиленъ, согласенъ съ источниками, и мы должны остановиться только на нѣкоторыхъ немногихъ мѣстахъ, требующихъ объясненія. При описаніи борьбы сторонъ въ Новгородѣ мало выставлено значеніе православія, которое было главнымъ препятствіемъ къ соединенію Новгорода съ Литвою, о чемъ замѣтилъ князь Щербатовъ. Дѣятельность Марѳы Борецкой авторъ выставляетъ какъ явленіе, противное древнимъ обыкновеніямъ и нравамъ славянскимъ, которые, по мнѣнію автора, удалили женской полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ гражданства. Намъ не нужно здѣсь говорить о древнихъ обыкновеніяхъ и нравахъ славянскихъ, намъ нужно только вспомнить, что Марѳа была мать знаменитаго семейства Борецкихъ, стоявшихъ на первомъ планѣ въ Новгородѣ, а извѣстно, какое обширное вліяніе имѣли матери семействъ надъ своими дѣтьми; намъ извѣстно, что князья наши, умирая, завѣщавали сыновьямъ не выступать изъ воли матери, слушаться ея, полагаться во всемъ на ея рѣшенія, и мы видимъ дѣйствительно, что эти завѣщанія свято исполнялись сыновьями, которые ничего не дѣлали безъ благословенія матери; послѣ этого намъ нельзя удивляться, что Марѳа Борецкая имѣла такое вліяніе на дѣла въ Новгородѣ. О договорѣ новгородцевъ съ Казимиромъ авторъ говоритъ: «Многочисленное посольство отправилось въ Литву съ богатыми дарами и съ предложеніемъ, чтобы Казимиръ былъ главою Новгородской Державы на основаніи древнихъ уставовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условія и написали грамоту». Но, сравнивъ эту грамоту съ грамотами, которыя заключались съ великими князьями Московскими, мы находимъ разницу, а именно: въ Казимировой грамотѣ не встрѣчаемъ условія держать княженіе честно и грозно, но встрѣчаемъ условія о правѣ короля раздавать волости, грамоты вмѣстѣ съ посадникомъ, не лишать волостей безъ вины; нѣтъ условія о правѣ короля брать даръ со всѣхъ волостей новгородскихъ, о правѣ охотиться въ извѣстныхъ мѣстахъ, посылать своего человѣка за Волокъ и проч. Начало явнаго движенія стороны Борецкихъ въ пользу Казимира описывается у автора такъ: «Посолъ, возвратясь въ Новгородъ, объявилъ народу о милостивомъ расположеніи

Іоанновомъ. Многіе граждане, знатнѣйшіе чиновники и нареченный Архіепископъ Ѳеоѳилъ хотѣли воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ прекратить опасную распрю съ Великимъ Княземъ; но скоро открылся мятежъ, какого давно не бывало въ сей народной Державѣ». Слѣдуетъ описаніе значенія Марѳы Борецкой, послѣ чего авторъ продолжаетъ: «Вивя, что Посольство Боярина Никиты сдѣлало въ народѣ впечатлѣніе, противное ея намѣренію, и расположило многихъ гражданъ къ дружелюбному сближенію съ Государемъ Московскимъ, Марѳа предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на Вѣчѣ и торжественно сказали, что настало время управиться съ Іоанномъ» и проч. Это событіе описано невполнѣ согласно съ источниками, гдѣ приводится обстоятельство, которымъ воспользовались Борецкіе: въ то время, какъ посольство боярина Никиты давало перевѣсъ сторонѣ московской, явились послы псковскіе съ такою рѣчью: «Насъ великій князь, и нашъ государь поднимаетъ на васъ; отъ васъ же, своей отчины, челобитья хочетъ. Если вамъ будетъ надобно, то мы за васъ, свою братью, ради отправить посла къ великому князю, бить челомъ о мирѣ». Это посольство дало Борецкимъ предлогъ кричать противъ Москвы: такъ объясняется дѣло изъ посланія къ новгородцамъ митрополита Филиппа, который пишетъ: «Ваши лиходѣи наговориваютъ вамъ на великаго князя: опасную грамоту онъ владыкѣ нареченному далъ, а между тѣмъ псковичей на васъ поднимаетъ, и самъ хочетъ на васъ идти. Дѣти! такія мысли врагъ дьяволъ вкладываетъ людямъ: князь великій еще до смерти владыки и до вашего челобитья объ опасной грамотѣ послалъ сказать псковичамъ, чтобъ они были готовы идти на васъ, если вы не исправитесь, а когда вы прислали челобитье, такъ и его жалованье къ вамъ тотчасъ пошло». Карамзинъ приводитъ посланіе митрополита, но эти слова опускаетъ; опускаетъ также любопытное указаніе митрополита на Борецкихъ: «Многія у васъ люди молодые, которые еще не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и побораты по благочестіи, а иные, оставшись по смерти отцевъ ненаказанными, какъ жить въ благочестіи, собираются въ сонмъ и поощряются на земское нестроеніе».

Описавъ покореніе Новгорода, авторъ обращается къ его происхожденію, устройству, причинамъ паденія. Касательно происхожденія новгородскаго быта онъ говоритъ: «Не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, какъ думали нѣкоторые писатели, но въ первобытномъ составѣ всѣхъ Державъ народыхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Глариса надлежитъ искать образцовъ Новгородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измѣны или несправедливости, и рѣшать все важное и чрезвычайное въ общихъ совѣтахъ». Здѣсь историкъ XIX-го вѣка взглянулъ на дѣло гораздо глубже, чѣмъ предшественники его, историки XVIII-го вѣка, которые, удовольствовавшись внѣшнимъ, случайнымъ сходствомъ новгородскаго быта съ бытомъ вольныхъ городовъ нѣмецкихъ, заключили, что первый образовался по подражанію послѣдняго; Карамзинъ отвергаетъ это подражаніе и предполагаетъ общее сходство въ начальномъ образованіи общинъ, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ. Но мы не можемъ вполнѣ согласиться и съ его мнѣніемъ, потому что бытъ Новгорода, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ самимъ авторомъ, не ведетъ своего происхожденія изъ глубокой древности; самъ авторъ говоритъ, что новгородцы, при пользованіи извѣстными правами, ссылались на жалованную грамоту Ярослава Великаго; самъ авторъ, въ девятой главѣ втораго тома, опредѣлилъ время, когда посадники начали избираться новгородцами. Принимая положеніе Монтескьё относительно причинъ твердости государствъ, Карамзинъ причиною паденія Новгорода полагаетъ утрату воинскаго мужества, происшедшую отъ усиленія торговли и увеличенія богатства: «Паденіе Новгорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя и почти свободный отъ ига Монголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатыя Новгородцы стали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы. Ополченія Новгородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ?» Но если мы и примемъ эту причину паденія Новгорода, то не можемъ принять ее одну: если, съ одной стороны, новгородцы, вслѣдствіе умноженія богатства, теряли воинское мужество, то, съ другой стороны, великіе князья все болѣе и болѣе усиливались; легко было бороться Новгороду до XIV вѣка съ князьями слабыми, ведшими другъ съ другомъ постоянныя усобицы; трудно и наконецъ невозможно стало ему бороться съ преемниками Калиты, располагавшими всѣми силами Сѣверо-Восточной Руси. Самъ Карамзинъ, при описаніи похода отца Іоаннова на Новгородъ, совершенно справедливо указываетъ причины слабости послѣдняго, говоря: «Лѣтописцы повѣствуютъ, что внезапное паденіе тамошней великолѣпной Церкви Св. Іоанна наполнило сердца ужасомъ,

*

предвѣстивъ близкое паденіе Новгорода: гораздо благоразумнѣе можно было искать сего предвѣстія въ его нетвердой системѣ политической, особенно же въ возрастающей силѣ Великихъ Князей, которые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Однѣ непрестанныя опасности Государства Московскаго, со стороны Моголовъ и Литвы, не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію совершеннаго покоренія сей Державы. Можно еще взять ранѣе и сказать, что одна только усобица съ Московскимъ княземъ помѣшала Михаилу Тверскому совершенно покорить Новгородъ».

Еще до перваго похода Іоаннова на Новгородъ, началась пересылка съ Римомъ, по поводу сватовства великаго князя Московскаго на Софіи Палеологъ, племянницѣ послѣдняго императора Византійскаго. Это сватовство и бракъ описаны у Карамзина подробно и вообще вѣрно, связно, безъ перерыва другими извѣстіями, находящимися въ лѣтописяхъ по хронологическому порядку. Что касается слѣдствій этого важнаго для Россіи событія, то авторъ говоритъ: «Главнымъ дѣйствіемъ сего брака было то, что Россія стала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ Императоровъ Византійскихъ, и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались Государственныя сношенія, пересылки; увидѣли Москвитянъ дома, и въ чужихъ земляхъ; говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущество. Сверхъ того, многіе Греки, пріѣхавшіе къ намъ съ Царевною, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ Художествахъ и въ языкахъ, особенно въ Латинскомъ, необходимомъ тогда для внѣшнихъ дѣлъ Государственныхъ; обогатили спасенными отъ Турецкаго варварства книгами Московскія церковныя библіотеки и способствовали велелѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго, такъ, что съ сего времени столица Іоаннова могла дѣйствительно именоваться Новымъ Царемградомъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдственно паденіе Греціи, содѣйствовавъ возрожденію Наукъ въ Италіи, имѣло счастливое вліяніе на Россію».

Мы должны замѣтить, что по поводу брака Іоаннова на Софіи начались сношенія только съ одною Венеціею; изъ грековъ, пріѣхавшихъ съ Софіею, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и языкахъ *очень немногіе*; авторъ не могъ назвать намъ многихъ. Какіе пышные обряды Византійскаго Двора сообщили Московскому Двору выѣзжіе греки во времена Іоанна III, — этого авторъ также не показалъ и, по нашему мнѣнію, показать не могъ. Не пріѣхавшіе съ Софіею греки, но сама Софія имѣла для Московскаго Государства великое значеніе, характеръ котораго такъ ясно поняли и передали намъ современники; авторъ прешелъ молчаніемъ ихъ свидѣтельства; только при извѣстіи о кончинѣ Софіи говоритъ вообще о ея вліяніи: «Онъ (Іоаннъ) лишился тогда супруги: хотя, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности, но умъ Софіи въ самыхъ важныхъ дѣлахъ Государственныхъ, ея полезные совѣты и наконецъ долговременная свычка между ими сдѣлали для него сію потерю столь чувствительною, что здоровье Іоанново, дотолѣ крѣпкое, разстроилось».

Извѣстіе объ отправленіи въ Венецію Толбузина, который имѣлъ порученіе вывезти оттуда искуснаго архитектора, составляетъ естественный переходъ къ извѣстіямъ о постройкахъ, которыми украсилась Москва при Іоаннѣ III: «Соборный храмъ Успенія, основанный Св. Митрополитомъ Петромъ, уже нѣсколько лѣтъ грозилъ паденіемъ, и Митрополитъ Филиппъ желалъ воздвигнуть новый по образцу Владимірскаго. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь съ торжественнымъ обрядомъ. Сей храмъ еще не былъ достроенъ, когда Филиппъ Митрополитъ преставился, испуганный пожаромъ». Здѣсь читателя необходимо останавливаетъ пробѣлъ между извѣстіями: «вызывали отовсюду строителей» и: «храмъ еще не былъ достроенъ». Кто же строилъ? Выраженіе: «вызывали отовсюду строителей» не соотвѣтствуетъ разсказу лѣтописца, который говоритъ: «Помысли Филиппъ Митрополитъ церковь соборную воздвигнути: призва мастеры, Ивашка Кривцова да Мышкина, и нача имъ глаголати, аще имутся дѣлати? Мастери же изымашася». Далѣе: «Преемникъ его (Филипповъ) Геронтій также ревностно пекся о ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала. Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобъ воздвигнуть храмъ, достойный быть первымъ въ Россійской Державѣ, Іоаннъ послалъ въ Псковъ за тамошними каменьщиками, учениками Нѣмцевъ, и велѣлъ Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать въ Италіи Архитектора, опытнаго для сооруженія Успенской каѳедральной церкви». Здѣсь псковскіе каменьщики противополагаются архитектору; выходитъ, что архитекторомъ Успенскаго Собора былъ вызванный изъ Италіи Аристотель, а каменьщиками—вызванные изъ Пскова работники; но по лѣтописи, вызванные изъ Пскова люди были вовсе не каменьщиками, но такими же архитекторами, какъ и Аристотель, и лѣтописецъ одинаково называетъ ихъ мастерами церковными; по лѣтописи выходитъ, что великій князь сначала хотѣлъ поручить строеніе церкви псковскимъ мастерамъ, но потомъ передумалъ, и послалъ для строенія Успенскаго Собора за архитекторомъ въ Италію, а псковскимъ архитекторамъ поручилъ строеніе другихъ церквей: они построили Троицкій Соборъ въ Сергіевѣ Монастырѣ, Благовѣщенскій Соборъ на великокняжескомъ дворѣ, соборныя церкви въ Златоустовскомъ и Срѣтенскомъ Монастыряхъ, церковь Ризъ положенія на Митрополичьемъ Дворѣ.—Въ разсказѣ о построеніи Теремнаго Дворца авторъ говоритъ: «Сильный пожаръ обратилъ весь

городъ въ пепелъ. Государь переѣхалъ въ какой-то большой домъ на Яузу, къ церкви Св. Николая Подкопаева, и рѣшился соорудить дворецъ каменный». Въ лѣтописи: «Тогда же былъ князь великій у Николы Подкопаева у Яузы въ христіяньскихъ (крестьянскихъ) дворехъ». Взаключеніе разсказа читаемъ: «Угождая Государю, знатные люди также начали строить себѣ каменные домы: въ лѣтописяхъ упоминается о палатахъ Митрополита, Василія Ѳедоровича Образца и Головы Московскаго, Дмитрія Владиміровича Ховрина. Здѣсь мы должны указать на невѣрность, которая можетъ повести къ значительнымъ недоразумѣніямъ: Званія Головы Московскаго въ описываемое время не было; одинъ изъ сыновей боярина Владиміра Григорьевича Ховрина, Иванъ Владиміровичъ, носилъ не званіе, но прозвище *Голова*, откуда потомство его получило фамилію Головиныхъ; въ лѣтописи подъ 1485 годомъ читаемъ: «Того же лѣта Дмитрей Володимеровъ сынъ Ховринъ палату кирпичную и ворота заложи, и соверши й», и потомъ подъ тѣмъ же годомъ: «Того же лѣта Василей Образецъ и Голова Володимеровъ сынъ заложиша палаты кирпичны», здѣсь разумѣется подъ Головою Иванъ Владиміровичъ, и его нельзя смѣшивать съ братомъ его, Дмитріемъ Владиміровичемъ, который головою не былъ и не назывался.

Начиная съ княженія Іоанна III-го, намъ важно въ «Исторіи Государства Россійскаго» слѣдить за извѣстіями о дипломатическихъ сношеніяхъ Московскаго государства съ державами иностранными, провѣрить эти извѣстія по источникамъ, потому-что источники эти до-сихъ-поръ большею частію еще не изданы. Начнемъ съ дѣлъ крымскихъ, и сравнимъ, для примѣра, извѣстіе о посольствѣ бояръ Семена Борисовича въ 1486 году и Димитрія Васильевича Шеина—въ 1487: въ «Исторіи Государства Россійскаго» читаемъ: «Кромѣ обыкновенныхъ гонцевъ, отправлялись въ Тавриду и знаменитые Послы: въ 1486 году Семенъ Борисовичъ, въ 1487 Бояринъ Димитрій Васильевичъ Шеинъ съ ласковыми грамотами и дарами, весьма умѣренными». Въ источникахъ находится слѣдующій наказъ боярину Семену Борисовичу: «Беречь накрѣпко, чѣмъ царь съ королемъ (Казимиромъ) не мирился, ни канчивалъ. А взмолвитъ царь о томъ: князь великій съ королемъ послы ссылается,—ино молвити такъ: послы межь ихъ ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ о порубежныхъ, а гладости ни которые и миру осподарю нашему великому князю съ королемъ нѣтъ. Чтобъ еси пожаловалъ, послалъ своихъ людей на королеву землю, занежъ король тебѣ недругъ и осподарю моему недругъ, инобы недругу вашему чѣмъ истомнѣе, тѣмъ бы лутши, а осподаря нашего великаго князя люди безпрестанно емлютъ королеву землю». Если Менгли-Гирей спроситъ: «Я иду; князь великій идетъ ли»?—то отвѣчать: «Всхочешь свое дѣло дѣлати, поѣдешь на короля, ино велми добро, а осподаря моего о томъ обошлешь, и осподарь мой одинъ человѣкъ на короля, а твое дѣло да и свое дѣлаетъ какъ ему Богъ поможетъ». Учнетъ царь посла своего посылати къ великому князю, ино говорити царю о томъ, чтобы съ посломъ лишнихъ людей не было. Похочетъ царь самъ поити воевати на литовскую землю, а Семена захочетъ съ собою пояти, и Семену у него отговариватися, а начнетъ царь свой ходъ откладывати семенова деля отговора, и Семену съ нимъ поити, а не отговариватися, а поидетъ король на великаго князя, и Семену о томъ царю говорити, чтобъ царь самъ сѣлъ на конь да пошелъ на литовскую землю воевати, а самому Семену тогды о своемъ ходу не отговариватися, а съ царемъ поити. А похочетъ царь послать воевати литовскіе земли, или самъ поити, а всхочетъ итти къ Путивлю или на Сѣверу, и Семену говорити, чтобъ царь послалъ воевати или самъ пошелъ на Подолье или на кіевскіе мѣста». Въ наказѣ Шеину читаемъ: «Говорити накрѣпко, чтобъ Менгли-Гирей пошелъ на Орду, или брата своего послалъ, а какими дѣлами не пойдетъ, говорити о томъ, чтобъ царь на короля пошелъ. Послу идти съ царемъ на Литву только въ томъ случаѣ, когда цари Муртоза и Седнахметъ пойдутъ на великаго князя, ибо они пойдутъ по наущенію литовскому; если же эти цари не пойдутъ на Москву, то послу отговариваться отъ похода съ Менгли-Гиреемъ на Литву; а не отговорится, а за тѣмъ будетъ царю не ити на литовскую землю, и послу съ царемъ поити. Беречи крѣпко, чтобъ царь съ королемъ не мирился. Если же царь скажетъ, что королевъ посолъ у него сидитъ изымапъ, и князь великій, что ему приказалъ о послѣ королевѣ?—то отвѣчать: «Король, господине, какъ тебѣ недругъ, такъ и моему осподарю недругъ: ино чѣмъ недругу досаднѣе, такъ лутчи». Шеину наказано было не уѣзжать изъ Крыма ни весной, ни лѣтомъ, а беречь того, чтобъ царь шелъ или на Орду, или на короля, а великаго князя обсылать обо всемъ. Для этихъ обсылокъ встрѣчаемъ такое распоряженіе: «А се ѣхати съ Дмитреемъ съ Шеинымъ татаромъ, а проводити имъ Дмитрея въ Перекопъ въ Орду: изъ Ростунова, изъ Щитова, изъ Коломны, изъ Ловичина, изъ Суражика, изъ Берендѣева, изъ Ижва». Одиихъ изъ этихъ татаръ посолъ долженъ былъ отпустить, другихъ оставить съ собою «въ Перекопѣ на лежанье вѣстей для».

Объ отношеніяхъ Іоанна къ Литвѣ при жизни Казимира, авторъ разсуждаетъ такъ: «Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя Державами, ни которая не хотѣла явной войны. Казимиръ, уже старый и всегда малодушный, боялся твердаго, хитраго, дѣятельнаго и счастливаго Іоанна, увѣнчаннаго славою побѣдъ; а Великій Князь отлагалъ войну по внушенію государственной мудрости: чѣмъ болѣе медлилъ, тѣмъ болѣе усиливался и вѣрнѣе могъ обѣщать себѣ успѣха, неусыпно стараясь вредить Литвѣ, казался гото-

вымъ къ миру и не отвергалъ случаевъ объясняться съ Королемъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ». Мы знаемъ также, что во все это время Казимиръ былъ занятъ дѣлами прусскими, богемскими и венгерскими, а потомъ былъ лишенъ средствъ дѣйствовать такъ, какъ бы ему хотѣлось вслѣдствіе отношеній своихъ къ сеймамъ и вслѣдствіе отношеній Литвы къ Польшѣ. Выборъ существенныхъ чертъ изъ дипломатическихъ сношеній Іоанна съ Казимиромъ вообще сдѣланъ удачно. Извѣстно, что въ сношеніяхъ Іоанна съ сыномъ Казимировымъ, Александромъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ спорныхъ пунктовъ былъ титулъ Іоанновъ—«государя всея Руси», котораго не хотѣлъ уступить Александръ. О началѣ спора по этому предмету авторъ говоритъ такъ, при извѣстіи о посольствѣ Загряжскаго въ Литву: «Въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряжскому, Іоаннъ по своему обыкновенію назвалъ себя Государемъ всей Россіи». Здѣсь выраженіе: «по своему обыкновенію» можетъ смутить читателя: дѣйствительно во внутреннихъ грамотахъ титулъ *всея Руси* употреблялся уже давно великими князьями Московскими; но въ сношеніяхъ съ Литовскимъ Дворомъ онъ былъ здѣсь употребленъ впервые Іоанномъ. Какъ хорошо авторъ понималъ обязанность историка передавать читателямъ своимъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, всего лучше видно изъ рѣчи Іоанна III посламъ литовскимъ, пріѣхавшимъ за дочерью его, Еленою: «Государь вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами: да будетъ! Отдаемъ за него дочь свою. Онъ долженъ помнить условіе, скрѣпленное его печатію, чтобы дочь наша не перемѣняла закона ни въ какомъ случаѣ, ни принужденно, ни собственною волею. Скажите ему отъ насъ, чтобы онъ дозволилъ ей имѣть придворную церковь Греческую. Скажите, да любитъ жену, какъ Законъ Божественный повелѣваетъ, и да веселится сердце родителя счастіемъ супруговъ! Скажите отъ насъ Епископу и Панамъ вашей Думы Государственной, чтобы они утверждали Великаго Князя Александра въ любви къ его супругѣ и въ дружбѣ съ нами. Всевышній да благословитъ сей союзъ»! Въ подлинникѣ эта рѣчь читается такъ: «И вы отъ насъ молвите брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чемъ нашъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобы нашей дочери никоторыми дѣлы къ римскому закону не нудилъ; а и похочетъ наша дочи приступити къ римскому закону, и мы своей дочери на то воли не даемъ, а князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобы межь насъ про то любовь и прочная дружба не нарушилася. Да молвите отъ насъ: какъ оже дастъ Богъ наша дочи будетъ за нимъ, и онъ бы нашу дочерь, а свою великую княгиню жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ мужемъ жены держати, а мы бы слышечи на своей дочери его жалованье, были о томъ веселы. Чтобы учинилъ насъ деля, велѣлъ бы нашей дочери поставити церковь нашего греческаго закона, на переходѣхъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобы ей близко къ церкви ходити, а его бы жалованье въ нашей дочери намъ добре слышети. Да молвите отъ насъ бискупу, да и панамъ вашей братьи, всей радѣ, да и сами того поберегите, чтобы братъ нашъ и зять нашу дочерь жаловалъ, а межи бы насъ братство и любовь и прочная дружба не нарушилась доколеи дастъ Богъ».

Встрѣча великой княжны Елены съ женихомъ Александромъ Литовскимъ описывается у Карамзина такъ: «Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать Елену на пути и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны, окруженный Дворомъ и всѣми Думными Панами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ, богато украшенныхъ». Въ источникахъ это описаніе читается такъ: «И князь великій великую княжну встрѣтилъ до города за три версты, да тутъ на жеребцѣ сталъ и тапкана (экипажъ Еленинъ) стала же, и тутъ отъ великаго князя послали къ тапканѣ поставъ сукна чермного, а у тапканы послали по сукну великаго же князя камку бурскую зъ золотомъ и великая княжна изъ тапканы на камку вышла, а за нею боярыни вышли же, а Князь Великій на сукно съ жеребца сшелъ, да по сукну къ великой княжнѣ пошолъ да великой княжнѣ далъ руку, да и къ себѣ ее принялъ, да и о здоровьѣ испросилъ, да великой княжнѣ велѣлъ опять поити въ тапкану, а боярынямъ, княгинѣ Марьи, да Русалкинѣ женѣ руку далъ же, а самъ князь великій на жеребца пошелъ». О наказѣ, полученномъ Еленою отъ отца, авторъ говоритъ»: Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать и проч.». Въ этомъ и прочемъ мы находимъ любопытныя извѣстія объ обычаяхъ того времени и о нѣкоторыхъ политическихъ отношеніяхъ; такъ, напримѣръ, если какой-нибудь панъ дастъ обѣдъ для Елены, то женѣ его быть на обѣдѣ, а самому ему не быть; Елена не должна была допускать къ себѣ князей, выходцевъ московскихъ, Шемячича и другихъ, еслибъ захотѣли ей челомъ ударить.

Описывая новыя неудовольствія, возникшія между Москвою и Литвою, авторъ говоритъ: «Всѣ неудовольствія Александровы происходили, кажется, отъ того, что онъ жалѣлъ о городахъ, уступленныхъ имъ Россіи, и съ прискорбіемъ оставлялъ Елену Греческою Христіанкою. Іоаннъ не отнялъ ничего новаго у Литвы послѣ заключенія договора; видя же упрямство, несправедливость и грубость зятя, бралъ свои мѣры». Изъ источниковъ оказывается, что дѣло шло о торопецкихъ волостяхъ, захваченныхъ бояриномъ Ива-

номъ Васильевымъ, и другихъ порубежныхъ земляхъ и водахъ. Черезъ посла своего, Зенка, въ 1497 году, Александръ говорилъ: «Слали есмо до тебя о тыхъ же нашихъ обидныхъ дѣлѣхъ и о поправленью границъ старыхъ *подлѣ докончанія*, абы еси земли и водъ нашихъ велѣлъ поступитися».

Мы видѣли уже, какъ авторъ выставилъ значеніе Іоанна III-го въ началѣ разсказа о его княженіи; взаключеніе разсказа онъ повторяетъ и распространяетъ прежде высказанныя положенія: «Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ Государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ: онъ есть Герой не только Россійской, но и Всемірной Исторіи... Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія Князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія Государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростью умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступилъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ Татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и былъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ; хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрахъ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобно нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитыхъ Государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ Политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новгородскую, захватывая Удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустыней Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обратилъ на себя вниманіе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами; съ любопытствомъ обозрѣвая Престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ Политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа».

На этой въ высшей степени замѣчательной статьѣ мы должны необходимо остановиться, потому-что въ ней авторъ даетъ читателю много средствъ для правильной оцѣнки знаменитаго княженія Іоанна III.

Вполнѣ справедливо мнѣніе автора, что Іоаннъ былъ избранъ Провидѣніемъ, чтобъ рѣшить надолго судьбу народа русскаго. Дѣйствительно, еслибъ въ это важное время, въ половинѣ XV-го вѣка, на престолѣ Московскомъ явился государь, не столько способный, какъ Іоаннъ III, воспользоваться приготовленными отъ предшественниковъ средствами и необыкновенно-благопріятными внѣшними обстоятельствами и когда нужно было дать послѣдній ударъ нѣкоторымъ обветшалымъ явленіямъ, для упроченія новаго высшаго государственнаго устройства, то судьба юнаго Московскаго государства была бы иная. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ авторъ, что ничто не дѣлается вдругъ, и что предшествовавшіе Іоанну князья Московскіе, начиная съ Калиты, многое приготовили для единовластія и внутренняго могущества Россіи; «но Россія (говоритъ Карамзинъ) при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней». Дѣйствительно, Московское государство предъ княженіемъ Іоанна можно сравнить съ памятникомъ, который былъ приготовленъ, но еще не былъ открытъ; Іоанну суждено было снять полотно, закрывавшее памятникъ. Въ приведенномъ разсужденіи авторъ очень вѣрно описываетъ подвиги предшественниковъ Іоанновыхъ; препятствія, съ которыми они должны были бороться. Благодаря этому описанію, читателю легко сравнить положеніе Іоанна и его предшественниковъ, и опредѣлить ихъ значеніе. Великодушный Димитрій Донской побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу, тогда какъ при Іоаннѣ III Волжская Орда была уже такъ слаба, что Ахматъ безъ битвы бѣжалъ отъ Угры; и когда онъ былъ убитъ Иваномъ, то сыновья его уже не могли снова усилиться и грозить Москвѣ, подобно Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, ибо имѣлъ соперникомъ могущественнаго Витовта, тогда какъ Іоаннъ, дѣйствуя съ такимъ-же благоразуміемъ, но имѣя соперниками слабыхъ Казиміра и Александра, могъ присоединить къ Москвѣ отъ Литвы обширныя области. Отецъ Іоанна, Василій Васильевичъ,

былъ занятъ послѣднею ожесточенною усобицею, наконецъ успѣлъ побѣдить всѣхъ внутреннихъ враговъ, соединить почти всѣ удѣлы, ослабить окончательно Новгородъ, и если оставилъ удѣлы младшимъ сыновьямъ, то такъ же распорядился и самъ Іоаннъ; но у послѣдняго не было соперниковъ ни въ дядѣ, ни въ двоюродныхъ братьяхъ; родные доставляли ему мало безпокойства, ибо, вслѣдствіе распоряженій Василія Темнаго, не имѣли средствъ противиться старшему брату, и потому Іоаннъ, спокойный внутри, имѣлъ всю возможность заниматься дѣлами внѣшними и распространить границы своихъ владѣній. Однимъ словомъ, мы не можемъ не повторить вполнѣ справедливаго отзыва, сдѣланнаго нашимъ авторомъ о предшественникахъ Іоанновыхъ въ первой главѣ пятаго тома, гдѣ онъ говоритъ, что Мамаево побоище «доказало возрожденіе силъ Россіи, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, которому судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но *равно великихъ*».

По словамъ автора, до Іоанна III Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. При Іоаннѣ III, собственно говоря, горизонтъ оставался тотъ же самый, ибо все вниманіе великаго князя было обращено на Литву и на Орду въ ея подраздѣленіяхъ, на Орду Волжскую, на Казань и Крымъ. Правда, начались-было сношенія съ Австрійскимъ Дворомъ, но скоро и прекратились безъ всякаго результата, ибо государи увидали, что у нихъ нѣтъ общихъ интересовъ; сношенія съ Даніею не имѣли большихъ результатовъ; только сношенія съ государствами итальянскими принесли пользу, ибо оттуда послы наши привозили художниковъ; сношеній съ Швеціею нельзя считать новыми, ибо новгородцы и прежде сносились съ этою державою; сношенія съ Турціею смѣнили прежнія сношенія съ Греціею, но ограничились одними торговыми интересами. Карамзинъ прекрасно опредѣлилъ положеніе Іоанна относительно государствъ европейскихъ, кромѣ сосѣднихъ: «съ любопытствомъ обозрѣвая Престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя». Дѣйствительно, роль Іоанна ограничивалась только обозрѣніемъ престоловъ и царствъ, разумѣется, не всѣхъ, потому-что Испанія, Франція и Англія оставались внѣ политическаго горизонта; Іоаннъ не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя, ибо дѣла всѣхъ другихъ государствъ, кромѣ сосѣднихъ— Литвы, нѣмцевъ Ливонскихъ, Швеціи, Орды,—были для насъ дѣлами чуждыми.

«Совершая сіе великое дѣло (продолжаетъ Карамзинъ), Іоаннъ преимущественно занимался устроеніемъ войска. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья Боярскимъ Дѣтямъ, обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходомъ помѣстья (отъ сего умножилось число ратниковъ); принималъ въ службу и многихъ Литовскихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою-рѣкою въ особенной слободѣ. Съ сего времени также начинаются *Разряды*, которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ полковъ: Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Сторожеваго или Запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу, но преводитель Большаго Полку былъ главнымъ». Дѣйствительно, какъ видно изъ лѣтописи, число войскъ московскихъ при Іоаннѣ III значительно увеличилось; перемѣнъ же въ устройствѣ войска не произошло никакихъ: обычай давать служилымъ людямъ села подъ условіемъ службы и въ награду за нее, встрѣчаемъ въ Сѣверной Руси еще во времена Іоанна Калиты. Въ его завѣщаніи читаемъ распоряженіе относительно села Богородицкаго, отданнаго Борису Воркову: «если этотъ Ворковъ», говоритъ великій князь, «будетъ служить которому-нибудь изъ моихъ сыновей, то село останется за нимъ; если же перестанетъ служить дѣтямъ моимъ, то село отнимутъ». По свидѣтельству ближайшаго ко времени и достойнѣйшаго вѣроятія писателя, Герберштейна, особую слободу за Москвою-рѣкою для тѣлохранителей своихъ построилъ великій князь Василій Іоанновичъ. Мы теперь знаемъ, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ разряды восходятъ даже до временъ Димитрія Донскаго. Что при Іоаннѣ III не было сдѣлано перемѣнъ въ строѣ русскаго войска, доказываютъ разряды его времени, въ которыхъ видимъ древнѣйшее раздѣленіе войска на полки: Большой, Передовой и. т. д.

«Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наровнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничьихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго: Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ самъ Государственнаго Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго». Званіе конюшаго и казначея встрѣчаемъ гораздо ранѣе; въ завѣщаніяхъ предшественниковъ Іоанновыхъ читаемъ: «А кто будетъ моихъ казначеевъ и тіуновъ» и т. д., о конюшемъ упоминается въ лѣтописи еще подъ 1185 годомъ и послѣ.

«Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ Государь, на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ дѣйствовать всегда осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ

твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій?—славу. Іоаннъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ, а великія Державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ Исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова. Нѣмецкіе, Шведскіе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго; а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба, безъ сомнѣнія, велики, но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую Государственную систему Европы и ревностно заимствуя Искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобъ пекся о просвѣщеніи умовъ Науками. Призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому Монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ Исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества».

Чрезвычайно важно и вполнѣ справедливо здѣсь заключеніе автора, что великія державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ. Чтобъ примѣнить это положеніе къ нашей исторіи, стоитъ только вспомнить сказанное авторомъ прежде, что ничто не дѣлается вдругъ; что достохвальные успѣхи князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества; что судьба назначила Іоанну III совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ. Соединивъ эти положенія, вполнѣ вѣрныя, получимъ положеніе также вполнѣ вѣрное, что Россія образовалась не механическимъ слѣпленіемъ частей, но превосходнымъ умомъ цѣлаго ряда государей, въ числѣ которыхъ знаменитое мѣсто занимаетъ Іоаннъ III, но не исключительно, и нельзя сказать, что Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла отъ нашествія монголовъ, а Россія нынѣшняя образована Іоанномъ: ибо въ такомъ случаѣ какое же значеніе мы дадимъ дѣятельности предшественниковъ Іоанновыхъ, одинаково съ нимъ великихъ? Какое значеніе дадимъ дѣятельности Іоанна Калиты, собирателя Земли Русской, Димитрія Донскаго—побѣдителя Мамаева? Какое значеніе дадимъ дѣятельности Ярослава Всеволодовича, котораго авторъ называетъ возобновителемъ разрушеннаго великаго княженія, дѣятельности сына его, Александра Невскаго? Что же касается до сравненія дѣятельности Іоанна III съ дѣятельностію Петра Великаго, то отношеніе между ними ясно: дѣятельность Іоанна къ дѣятельности Петра относится какъ начало къ концу. Іоаннъ, наслѣдовавшій Московское государство, почти ужъ собранное, спокойный, слѣдовательно, внутри, первый имѣлъ досугъ обратить взоры на государства Западной Европы и началъ заимствовать оттуда плоды цивилизаціи, призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства. Преемники его все болѣе и болѣе усиливали эти средства; въ XVII-мъ вѣкѣ поняли, что отъ вызова иностранцевъ мало пользы: что нельзя оставлять науку и искусство монополіею иностранцевъ; что для преуспѣянія и могущества Россіи нужно, чтобъ сами русскіе сравнялись въ знаніи и въ искусствѣ съ ними: и вотъ уже царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вызываетъ иностранцевъ съ тѣмъ, чтобъ они учили русскихъ тому, что сами знаютъ, а Петръ Великій употребляетъ для этого рѣшительныя, окончательныя мѣры.

«Онъ (Іоаннъ) умножилъ Государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, росписавъ земледѣльцевъ на сохи, и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ хозяйственныхъ произведеній и деньгами, что записывалось въ особенныя книги». Совершенно справедливо, что государственные доходы умножились пріобрѣтеніемъ новыхъ областей; что-жъ касается до лучшаго порядка въ собираніи дани, то росписаніе на сохи существовало гораздо прежде до Іоанна. Относительно торговли можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, что она должна была усилиться при Іоаннѣ. Наконецъ мы должны указать на обстоятельное и живое изложеніе законовъ Іоанновыхъ.

Приступая къ изображенію государствованія преемника Іоаннова, Василія, Карамзинъ опредѣляетъ такъ характеръ новаго великаго князя: «Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи, подобно отцу, ревнителемъ Самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ Политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшалъ важныя дѣла въ Совѣтѣ Бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ, ихъ мнѣніемъ, утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ Монархической власти, но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для Государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ

хитростію; не унизилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ Самодержавія». Въ концѣ повѣствованія о княженіи Василія встрѣчаемъ новый замѣчательный отзывъ объ этомъ государѣ: «Василій стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей исторіи между двумя великими характерами, Іоанномъ III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глаза наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ—первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ, второму—въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели,—онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранялся, двигался впередъ шагами, размѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти и приближался къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не геніемъ, но добрымъ Правителемъ; любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую немногіе Вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и нерѣдко губятъ; Василіи сохраняютъ, утверждаютъ Державы, и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію».

Прежде всего покажемъ отношеніе этого отзыва о Василіи къ отзыву о томъ же государѣ предшествовавшаго историка, князя Щербатова: «Что касается до обычая сего государя, то хотя не обрѣтаемъ мы въ немъ толь блистательныхъ качествъ, каковыми отличался его родитель и которыми отличался его сынъ, царь Іоаннъ Васильевичъ, однако обрѣтаемъ въ немъ сіе набожіе несуевѣрное и на добродѣтели основанное, которое есть основаніе твердыхъ правилъ мудраго правительства; сію мудрость не спѣшащую дѣлами и жертвующую иногда тщетную славу для пользы Государства; сію твердость въ слѣдствіи дѣлъ, могущую довести до конца труднѣйшія предпріятія. Онъ всегда старался отбѣгать отъ войны, почитая ее всегда вредною государствамъ, а паче по тогдашнимъ обстоятельствамъ Россіи; однако, въ случаѣ справедливаго защищенія себя, никогда отъ нея не убѣгалъ; но твердо показывалъ, что онъ готовъ ее со всею бодростію производить», и проч.

Если отъ этихъ отзывовъ о характерѣ и дѣятельности Василіевой мы обратимся къ отзывамъ современниковъ о знаменитомъ сынѣ Іоанна и Софіи, то найдемъ, что, по отзыву боярина Берсеня, Василій былъ гораздо строжайшимъ ревнителемъ государственнаго начала, чѣмъ отецъ его, Іоаннъ III; этотъ отзывъ подтверждается Герберштейномъ, по словамъ котораго Іоаннъ былъ начинателемъ, а Василій совершителемъ дѣла. Что же касается до сравненія Василія съ отцомъ его въ другихъ отношеніяхъ, то съ увѣренностію можно сказать только, что онъ менѣе славился воинскимъ счастіемъ, чѣмъ отецъ, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ.

Въ началѣ княженія Василія встрѣчаемъ со стороны его смѣлую попытку, которую авторъ оцѣняетъ весьма справедливо: «Въ Августѣ 1506 года Король Александръ умеръ: Великій Князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ, именно, соединеніемъ Литвы, Польши и Россіи, ежели убѣдитъ своихъ пановъ избрать его въ Короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ даетъ клятву покровительствовать Римскій Законъ, будетъ отцомъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели Государь единовѣрный. Наумовъ долженъ былъ сказать то же Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николаю Радзивилу и всѣмъ думнымъ Вельможамъ. Мысль смѣлая и по тогдашнимъ обстоятельствамъ удивительная, внушенная нетолько властолюбіемъ Монарха-юноши, но и проницаніемъ необыкновеннымъ. Литва и Россія не могли дѣйствительно примириться иначе, какъ составивъ одну Державу; Василій, безъ наставленія долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сію важную для нихъ обѣихъ истину; и еслибъ его желаніе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую исторію. Василій хотѣлъ отвратить бѣдствія двухъ народовъ, которые въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о древнихъ и новыхъ границахъ. Эта кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелью одного изъ нихъ; повинуясь Государю общему, въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полунощной Европы». Что же касается до изложенія наказа, даннаго Наумову, то въ источникахъ этотъ наказъ читается такъ: «Приказалъ (Василій) сестрѣ, чтобъ она похотѣла и говорила бъ бискупу и панамъ и всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ похотѣли его государства и служити бъ похотѣли, а нѣчто учнутъ опасатца за вѣрою, и государь ихъ въ томъ ни въ чемъ не нарушитъ, какъ было при королѣ, а жаловать хочетъ и свыше того. Ко князю Войтеху, бискупу виленскому, пану Николаю Радзивиллу и ко всей радѣ приказывалъ о томъ же, чтобъ они похотѣли его на Государство Литовское». Какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ сношеніяхъ мы видимъ, что дѣло идетъ о Государствѣ Литовскомъ, которое признается отдѣльнымъ.

И при Василіи Іоанновичѣ, вмѣстѣ съ дѣлами литовскими, на первомъ планѣ стоятъ дѣла крымскія. При жизни старика Менгли-Гирея начинались неудовольствія, но явнаго разрыва еще не было. Авторъ говоритъ, что Менгли-Гирей всего болѣе желалъ, чтобъ государь позволилъ пасынку его, Абдыл-Летифу, сверженному царю Казанскому, ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью; Василій не согласился на это, но далъ Летифу вольность, городъ (Юрьевъ) и заключилъ съ нимъ условія. «Они состояли въ томъ, чтобъ Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить Россіи, не выѣз-

жать самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣлъ сношенія съ Литвою, ни съ другими нашими врагами». Эта договорная грамота Летифа съ великимъ княземъ вся очень замѣчательна, ибо показываетъ положеніе служилыхъ татарскихъ царевичей, число которыхъ не ограничивалось въ то время однимъ Летифомъ. Грамота Летифа какъ владѣльца юрьевскаго, вообще похожа на договоры удѣльныхъ князей съ великими; между прочимъ въ ней читаемъ: «Куда пойду съ тобою (говоритъ Летифъ) на твое дѣло, или куда меня пошлешь на свое дѣло съ своею братіею или съ своими людьми, или куда одного меня пошлешь на свое дѣло, и мнѣ, и моимъ уланамъ и князьямъ и козакамъ нашимъ, ходя по вашимъ землямъ, не брать и не грабить своею рукою ничего, надъ христіанами никакихъ насилій не дѣлать: не захватывать и не грабить пословъ и гостей, также русскихъ плѣнниковъ, которые побѣгутъ изъ Орды. Что у васъ великихъ князей, Янай царевичъ въ городкѣ Мещерскомъ, и Шихъ-Авліаръ царевичъ въ Сурожикѣ, то мнѣ Летифу имъ зла не мыслить, ихъ улановъ, князя и козаковъ не принимать, если бы даже которые Уланы, Князья и Козаки ушли отъ нихъ въ Орду, въ Казань или въ другую какую нибудь страну и захотѣли бы оттуда ко мнѣ, то мнѣ ихъ также не принимать. Также мнѣ отъ тебя, великаго князя, татаръ не принимать, и тебѣ отъ меня людей не принимать, кромѣ Ширинова рода да Базрыкова, да Аргинова, да Кипчакова». Кромѣ требованія относительно Летифа, авторъ подробно говоритъ и о другихъ требованіяхъ Менгли-Гиреевыхъ: «Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астрахани; обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сигизмунда; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбьихъ зубовъ, латъ и серебряной чары; требовалъ какой-то дани, платимой ему Князьями Одоевскими.» Для насъ въ источникахъ особенно важны тѣ извѣстія, изъ которыхъ всего яснѣе можно видѣть характеръ Крымской Орды и, слѣдовательно, характеръ ея отношеній къ Московскому государству. Такъ напримѣръ, Менгли-Гирей писалъ великому князю Василію: «Братъ мой и князь великій Ямгурчай-Салтану опричь десяти портище соболье да 2000 бѣлки, да 300 горностаевъ не убавливая посыловалъ, а нынѣча отъ тебя Василій Морозовъ не привезъ такъ... Отъ моихъ мурзъ и отъ князей 20 тѣхъ осталися, которымъ пошлина не достала, и ты бъ имъ прислалъ по сукну, а только имъ не пришлешь, и они молвятъ—*шертъ съ насъ доловъ*, да много намъ о томъ учнутъ докучати, и намъ бы докуки не было».

Мы должны здѣсь ограничиться только нѣкоторыми указаніями на отношеніе разсказа исторіографа къ извѣстіямъ источниковъ, еще неизданныхъ, ибо не можемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ повѣствованія о дѣлахъ Василіевыхъ, спѣша къ тѣмъ любопытнымъ временамъ, взглядъ автора на которыя отличается болѣе замѣчательными особенностями. Но мы не можемъ не остановиться нѣсколько на четвертой главѣ VII тома, въ которой излагается состояніе Россіи при Іоаннѣ III-мъ и Василіи Іоанновичѣ.

«Въ сіе время (говоритъ авторъ) отечество наше было какъ бы новымъ свѣтомъ, открытымъ Царевною Софіею для знатнѣйшихъ Европейскихъ Державъ. Въ слѣдъ за нею Послы и путешественники являлись въ Москву, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя исторія Россіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи. Контарини, Павелъ Іовій, Францискъ да-Колло, въ особенности Герберштейнъ, старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой Державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества». Этими словами авторъ указываетъ на четыре источника, которыми онъ преимущественно пользовался при изображеніи Россіи Іоанновой и Василіевой; вся эта четвертая глава VII тома есть не иное что, какъ прекрасное извлеченіе изъ Герберштейновой книги съ дополненіями извѣстій изъ трехъ другихъ поименованныхъ иностранцевъ и немногихъ извѣстій изъ русскихъ источниковъ.

Мы видѣли, какое важное вліяніе уступилъ авторъ татарамъ; онъ остается вѣренъ своему взгляду, и, упоминая о жестокихъ пыткахъ и казняхъ, описываемыхъ Іовіемъ и Герберштейномъ, говоритъ: «Обыкновеніе ужасное, данное намъ Татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями». Мы видимъ, однако, въ то же время и у народовъ, незнавшихъ татаръ, у народовъ Западной Европы, неменѣе жестокія пытки и казни. Торговля описывается по Герберштейну, и говорится, что она была въ цвѣтущемъ состояніи. Извѣстія иностранныя Герберштейна и другихъ путешественниковъ можно было бы дополнить русскими извѣстіями изъ статейныхъ списковъ, преимущественно литовскихъ и крымскихъ, изъ которыхъ можемъ узнать, какими правами пользовались купцы того или другого народа въ московскихъ владѣніяхъ, изъ какихъ городовъ русскіе купцы ѣздили за границу, въ какія именно мѣста ѣздили они и съ какими товарами, какимъ образомъ производили торговлю, какія пошлины платили, какимъ притѣсненіямъ подвергались: принявъ въ соображеніе послѣднія извѣстія, можно уже съ большею увѣренностію заключить, въ цвѣтущемъ или нецвѣтущемъ состояніи находилась торговля въ описываемое время.

Авторъ обратилъ вниманіе на любопытный вопросъ о земельномъ владѣніи и высказалъ положеніе, что «Князья, Бояре, воины и купцы искони владѣли землями. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечемъ въ

такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія».

Говоря о правахъ и обычаяхъ, авторъ приводитъ свидѣтельство Павла Іовія, что русскіе не любятъ католиковъ, а евреями гнушаются и не дозволяютъ имъ въѣзжать въ Россію; но изъ статейныхъ литовскихъ списковъ мы узнаемъ, что запрещеніе жидамъ въѣзжать въ Московское государство послѣдовало только въ царствованіе Іоанна IV. Наконецъ приведемъ изъ разсматриваемой главы вполнѣ справедливый отзывъ автора о состояніи художествъ въ Московскомъ государствѣ при Іоаннѣ III и сынѣ его Василіи: «Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ находились у насъ тогда и другіе иноземные художники и ремесленники. Толмачъ Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ Историку Іовію портретъ Великаго Князя Василія, писанный, безъ сомнѣнія, не Русскимъ живописцемъ. Герберштейнъ упоминаетъ о Нѣмецкимъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на Россіянкѣ. Искусства Европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ Государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не вѣръ и не языковъ, а человѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ; но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Москвѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: «Хорошее отъ всякаго хорошо», и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ». Такимъ образомъ, видимъ, что въ XVI вѣкѣ художества переселялись къ намъ, но не утверждались на русской почвѣ, ибо художниками были одни иностранцы; въ XVII вѣкѣ явилось стремленіе утвердить науки и художества на русской почвѣ, заставить самихъ русскихъ людей заниматься ими, а въ XVIII вѣкѣ употреблены были для того рѣшительныя мѣры: такимъ образомъ ясно становится для насъ отношеніе Іоанна III и его преемниковъ къ Петру Великому, и мы не имѣемъ нужды заниматься рѣшеніемъ вопроса, кто изъ этихъ двухъ вѣнценосцевъ,—Іоаннъ III или Петръ Великій,—благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества: оба поступили благоразумно и согласно съ истинною пользою отечества; одинъ началъ, а другой кончилъ. Вотъ почему мы заступились за достоинство дѣленія русской исторіи, предложеннаго Карамзинымъ, за введеніе средней исторіи—отъ Іоанна III до Петра Великаго.

VI.

Съ восторгомъ привѣтствовалъ Карамзинъ времена Іоанна III-го, прельщавшія его рядомъ громкихъ событій, достойныхъ пера историка, избавлявшія его отъ мелкихъ событій старины удѣльной, отъ безсмысленныхъ дракъ княжескихъ, по его выраженію. Мы видѣли, какъ, вслѣдствіе этого прельщенія, историкъ XIX вѣка не только принялъ вполнѣ мнѣнія историковъ XVIII вѣка о значеніи Іоанна III-го, но еще болѣе увеличилъ это значеніе, не усомнился сравнивать дѣятельность Іоанна III-го съ дѣятельностію Петра Великаго, прямо отдавая преимущество первой. Еще съ большимъ восторгомъ привѣтствовалъ онъ знаменитое царствованіе Іоанна IV-го, при описаніи котораго талантъ его могъ найдти для себя обильную пищу, могъ высказаться въ полномъ блескѣ и достойнымъ образомъ довершить твореніе: «Оканчиваю Василія Ивановича [писалъ Карамзинъ къ Тургеневу [1]], и мысленно уже смотрю на Грознаго: какой славный характеръ для *исторической живописи!* Жаль, если выдамъ Исторію безъ сего любопытнаго царствованія; тогда она будетъ, какъ павлинъ безъ хвоста».

Но прежде описанія славнаго характера для исторической живописи, историку нужно было описать правленіе великой княгини Елены и правленіе боярское. Малолѣтство Іоанна IV-го принадлежитъ къ тѣмъ любопытнымъ эпохамъ, въ которыя разрѣшаются великіе историческіе вопросы, великія историческія борьбы. Сѣверо-восточная Русь объединилась: образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всея Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльныхъ, лишенныхъ отчинъ своихъ потомками Калиты; вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка вещей, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ, всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе среди служилыхъ людей московскихъ, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему, полному развитію, а другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи во имя старыхъ исчезнувшихъ отношеній, необходимы были столкновенія, которыя и видимъ въ княженіе Іоанна III и сына его,—столкновенія, которыя выражаются въ судьбѣ Патрикѣевыхъ, Ряполов-

[1]) „Москвит." 1856 г., № 1.

скихъ, Холмскаго, Берсеня. Но вотъ великому князю Василію Іоанновичу наслѣдуетъ малолѣтній сынъ его Іоаннъ, который остается все еще малолѣтнымъ и по смерти матери своей, правившей государствомъ; въ челѣ управленія становятся люди, несочувствовавшіе стремленіямъ князей Московскихъ: какъ же поступятъ теперь эти люди? Оправдаютъ ли свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлали пользы государственной? уразумѣютъ ли, что безсмысленно вызывать навсегда исчезнувшую старину, навсегда исчезнувшія отношенія, что они этимъ вызовомъ могутъ вызвать только тѣни, лишенныя дѣйствительнаго существованія? сумѣютъ ли признать необходимость новаго порядка, но, не отказываясь при этомъ отъ старины, сумѣютъ ли заключить сдѣлку между старымъ и новымъ во благо, въ укрѣпленіе государству? сумѣютъ ли показать, что отъ старины остались крѣпкія начала, которыя, при искусномъ соединеніи съ новымъ, могутъ упрочить благосостояніе государства? Или эти люди не воспользуются благопріятнымъ для себя временемъ, въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ разрознятъ свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не сумѣютъ даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса и, потерявъ сочувствіе народонаселенія, навлекутъ на себя страшную кару и дадутъ поведеніемъ своимъ законность, освященіе новому порядку вещей, дадутъ ему возможность достигнуть полнаго развитія?

Вотъ вопросы, которые должны были рѣшиться въ малолѣтство Іоанна IV-го. Оба историка—и кн. Щербатовъ и Карамзинъ—въ самомъ началѣ своего разсказа уже приготовляютъ читателя къ смутамъ, волненіямъ, слѣдствіямъ слабости правленія въ малолѣтство государя. Князь Щербатовъ говоритъ просто и коротко: «Малолѣтство великаго князя и самое его рожденіе слабость правленія предвѣщало». Но Карамзинъ старается ввести читателя въ тогдашнее общество московское, заставляетъ его подслушивать тогдашніе толки, мнѣнія, опасенія: «Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его, но и страхъ: что будетъ съ государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтняго властителя; никогда, если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу,—не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Братья государевы и двадцать бояръ знаменитыхъ составляли верховную думу. Два человѣка казались важнѣе всѣхъ иныхъ по ихъ особенному вліянію на умъ правительницы: старецъ Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василіемъ назначенный быть ея главнымъ совѣтникомъ, и конюшій бояринъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Полагали, что сіи два вельможи, въ согласіи между собою, будутъ законодателями думы, которая рѣшала дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ великаго князя и его матери». Всѣ эти: *опасались, полагали*—были-бы чрезвычайно важны, еслибъ хотя изъ одного слова источниковъ можно было видѣть, чего опасались, что полагали въ Москвѣ въ 1533 и 1534 годахъ. Остановимся теперь на довольно-важномъ положеніи, что дума рѣшала дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ великаго князя и его матери. До насъ дошли грамоты по внутреннимъ дѣламъ отъ времени правленія Елены, но въ нихъ мы не находимъ имени послѣдней при имени ея сына; въ примѣчаніи къ означенному положенію, Карамзинъ говоритъ: «Напримѣръ, во всѣхъ бумагахъ дѣлъ внутреннихъ писали: «повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя государя Ивана Васильевича всея Руси и его матери, благочестивой царицы, великой государыни Елены», или «Князь великій и мать его великая княгиня, посовѣтовавъ о томъ съ бояры, повелѣли». Цитуются два мѣста изъ Синодальной Лѣтописи. Но большая разница между извѣстіемъ лѣтописца о рѣшеніи дѣла, и между извѣстіемъ правительства о немъ въ грамотѣ; что форма: «повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя и его матери, благочестивой *царицы* Елены»—есть лѣтописная вольность, и не могла употребляться въ правительственныхъ грамотахъ, доказательствомъ служитъ выраженіе: *благочестивой царицы*, ибо Елена не могла употреблять такого титула.

Чрезъ нѣсколько дней по кончинѣ великаго князя Василія, уже былъ заключенъ братъ его, удѣльный князь Юрій Ивановичъ. При описаніи этого событія, Карамзинъ говоритъ: «Бояре, излишне осторожные, представили великой княгинѣ, что если она хочетъ мирно управлять съ сыномъ, то должна заключить Юрія, властолюбиваго, привѣтливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для государя младенца. Говорили, что бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеждѣ своевольствовать ко вреду отечества; что другіе родственники государевы должны ожидать такой же участи—и сіи мысли, естественнымъ образомъ, представляясь уму, сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшаго брата, Андрея, но и на племянниковъ, князей Бѣльскихъ. Князь Симеонъ Ѳеодоровичъ Бѣльскій и знатный окольничій Иванъ Лятцкій, родомъ изъ Пруссіи, мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ, готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Литвою: недовольные правительствомъ, они сказали себѣ, что Россія не есть ихъ отечество, тайно снеслись съ королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Литву». Здѣсь историкъ хочетъ объяснить отъѣздъ князя Бѣльскаго и воеводы Лятцкаго въ Литву, и объясняетъ его слухами: «Говорили, что бояре хотѣли погубить Юрія въ надеждѣ своевольствовать; что другіе родствен-

ники государевы должны ожидать такой же участи». Первая часть слуха основана на слѣдующемъ мѣстѣ одной лѣтописи: «Діаволъ вложа имъ мысль сію, вѣдяше бо, аще не поиманъ будетъ князь Юрьи, не тако воля его совершится въ грабленіи и въ убійствахъ». Но лѣтописецъ говоритъ только, что дьяволъ, зная, что слѣдствіемъ заточенія князя Юрія будутъ грабежи и убійства, вложилъ боярамъ мысль заточить его, и ни сколько не говоритъ, чтобъ бояре, желая своевольствовать, именно съ этою цѣлью заключили князя Юрія, обычное у лѣтописца объясненіе дурнаго дѣла внушеніемъ дьявола выставлено какъ говоръ народный, обвиняющій бояръ въ намѣренномъ преступленіи для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. Но если историкъ позволилъ себѣ очень свободное толкованіе словъ лѣтописца, то еще большую вольность позволилъ онъ себѣ, придумавъ, совершенно-независимо отъ источниковъ, другой слухъ: «Говорили, что другіе родственники государевы должны ждать такой же участи». Этого слуха нѣтъ вовсе въ лѣтописяхъ; ясно, что историкъ внесъ его отъ себя, для объясненія бѣгства князя Бѣльскаго; но этимъ средствомъ цѣль достигается все же не вполнѣ, ибо если читатель, повѣривъ объясненію, какъ основанному на источникахъ, успокоится относительно поступка князя Бѣльскаго, то поступокъ Лятцкаго, непринадлежавшаго къ родственникамъ государевымъ, останется безъ объясненія. Щербатовъ объясняетъ дѣло прямо отъ себя соперничествомъ между вельможами.

При описаніи внѣшнихъ сношеній въ правленіе Елены, именно дѣлъ крымскихъ, читаемъ: «Слѣдствіемъ литовскаго союза съ ханомъ было то, что царевичъ Исламъ возсталъ на Саипъ-Гирея за Россію, какъ пишутъ, вспомнивъ старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ вельможъ, свергнулъ хана и началъ господствовать подъ именемъ царя. Исламъ, боясь турковъ, предложилъ тѣсный союзъ великому князю. Бояре московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго хана, велѣли ѣхать князю Александру Стригину посломъ въ Тавриду; сей чиновникъ своевольно остался въ Новогородкѣ и написалъ къ великому князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно Калгою, именуется царемъ, и недавно, въ присутствіи литовскаго посла Горностаевича, далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи. Сіе извѣстіе было несправедливо: Стригину объявили гнѣвъ государевъ, и вмѣсто него отправили князя Мещерскаго къ Исламу». Здѣсь пропущено, неизвѣстно почему, очень любопытное извѣстіе о причинѣ отказа князя Стригина ѣхать въ Крымъ; Стригинъ вотъ что писалъ къ великому князю: «Нынѣ Исламъ къ тебѣ къ государю послалъ посольствомъ Темеша, и того Темеша въ Крыму не знаютъ и имени ему не вѣдаютъ, и въ томъ Богъ воленъ да ты государь: опалу ли или казнь на меня на своего холопа учинить, а мнѣ противу того исламова посла Темеша не мочно идти!» Щербатовъ упомянулъ объ этой отговоркѣ князя Стригина.

Событія, послѣдовавшія за смертію Елены у обоихъ историковъ, у Щербатова и у Карамзина, описываются одинаково, иногда почти слово-въ-слово; но потомъ разсказъ Карамзина полнотою содержанія начинаетъ превосходить разсказъ Щербатова, потому-что послѣдній не имѣлъ двухъ важныхъ источниковъ, которыми пользовался первый: Синодальной лѣтописи подъ № 351 [1]) и Псковской лѣтописи. Несмотря, однакожь, на это большое количество важныхъ источниковъ, и Карамзинъ находился въ одинаково-затруднительномъ положеніи, зависящемъ отъ характера источниковъ нашей древней исторіи вообще. Во время малолѣтства великаго князя и по смерти матери его, правившей государствомъ, на первомъ планѣ являются бояре, которые начинаютъ борьбу между собою, смѣщаютъ другъ съ друга. Источники говорятъ объ этихъ борьбахъ, этихъ смѣнахъ, но очень неудовлетворительно. У Щербатова было много источниковъ, благодаря которымъ, онъ могъ подробно описать, какой когда гонецъ отправлялся въ Крымъ, съ чѣмъ присылали пословъ своихъ ногайскіе князья, и на какомъ дворѣ въ Москвѣ останавливались эти послы, и сколько съ ними было лошадей; но эти источники не сказали ему, что князь Иванъ Шуйскій былъ удаленъ вслѣдствіе усиленія стороны князя Ивана Бѣльскаго, который сдѣлался правителемъ. Карамзинъ нашелъ лѣтопись, которая разсказала ему объ этомъ; но какъ разсказала? Карамзинъ, напримѣръ, не узналъ изъ ея разсказа, куда дѣвался князь Иванъ Шуйскій послѣ окончательнаго торжества своего надъ Бѣльскимъ. Поразительно видѣть, какъ лѣтописцовъ мало занимали главныя пружины явленій, какъ привыкли они къ обычнымъ формамъ въ своемъ разсказѣ! Напримѣръ: драгоцѣнный псковскій лѣтописецъ, который разсказываетъ намъ о поведеніи областныхъ намѣстниковъ во время правленія Шуйскихъ, о перемѣнахъ, происшедшихъ въ этомъ отношеніи при Бѣльскомъ, ничего не знаетъ, или не хочетъ ничего знать ни о Шуйскихъ, ни о Бѣльскомъ. Въ Царственной Книгѣ встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: «И велѣлъ князь великій у себя быти отцу своему Даніилу митрополиту всея Руссіи и сказа отцу своему Даніилу митрополиту: много королевы неправды, что самъ король на христіанство воеводъ своихъ посылаетъ, а Татаръ наводитъ. и много отъ него кровь льется христіанская; да и то сказалъ князь Василій митрополиту, что хочетъ воеводъ своихъ послать съ людьми королевы земли воевати противъ его неправды. Митрополитъ же рече великому князю: вы государи православные, пастыри христіанству; тебѣ государю подобаетъ христіанство отъ насилія боронити; а намъ и всему священному собору за тебя государя и за твое вой-

---

[1]) Теперь эта лѣтопись уже не имѣетъ означеннаго у Карамзина №.

ско Бога молити. Великому князю, разговоривавшему такимъ образомъ съ митрополитомъ, было четыре года. Въ малолѣтство Димитрія Донскаго управляли также бояре: собирая здѣсь и тамъ мимоходныя упоминовенія о томъ или другомъ бояринѣ въ лѣтописи, подмѣчая боярскія имена въ приписахъ къ духовнымъ грамотамъ великокняжескимъ, можно отыскать *имена* бояръ, бывшихъ въ малолѣтство Димитрія, но только имена, не больше. О могущественныхъ боярахъ, которые дѣйствовали на измѣненіе политики московской въ княженіе Василія Димитріевича, мы узнаемъ изъ письма хана Едигея. При Іоаннѣ III, при Василіи Іоанновичѣ точно также мы встрѣчаемъ имена бояръ только при описаніи походовъ. Теперь мы, вслѣдствіе возмужалости науки, вслѣдствіе возбужденія многихъ новыхъ важныхъ вопросовъ, слѣдимъ съ напряженнымъ вниманіемъ за этими отрывочными, краткими извѣстіями лѣтописца о дѣйствующихъ лицахъ, приводимъ ихъ въ связь и достигаемъ любопытныхъ результатовъ; но все это совершается съ большими усиліями; большая разница, когда сами источники наводятъ историка на важные вопросы и тутъ-же даютъ средство разрѣшить ихъ полнотою, обиліемъ подробностей о дѣйствующихъ лицахъ, живымъ ихъ представленіемъ, или когда историкъ, вслѣдствіе извнѣ возбужденныхъ вопросовъ, долженъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ допрашивать молчаливыя лѣтописи. При этомъ надобно обращать также вниманіе на характеръ таланта въ историкѣ; талантъ Карамзина былъ именно такого рода, что требовалъ возбужденія отъ источниковъ. Намъ смѣшно теперь видѣть, какъ у князя Щербатова изъ одного Сильвестра сдѣлано два; но если мы войдемъ въ положеніе Щербатова, впервые начавшаго разбираться въ источникахъ временъ Іоанна IV, и если обратимъ вниманіе на характеръ этихъ источниковъ, то подобная странность намъ объяснится: въ главныхъ источникахъ, въ лѣтописяхъ о Сильвестрѣ упомянуто одинъ разъ мимоходомъ, а у Курбскаго это лицо выставлено въ полусвѣтѣ, является таинственнымъ, загадочнымъ. У Карамзина не найдемъ уже подобныхъ странностей, вопервыхъ, потому, что Карамзинъ шелъ по проложенной дорогѣ, былъ второй дѣятель, разбиравшійся въ тѣхъ же самыхъ матеріалахъ; во-вторыхъ, потому, что Карамзинъ былъ сильнѣе Щербатова талантомъ, не могъ такъ теряться въ извѣстіяхъ источниковъ, какъ иногда терялся Щербатовъ. Несмотря на то, однако, и у Карамзина, по вышеозначенному характеру источниковъ мы не найдемъ не только сколько нибудь цѣлостнаго изображенія характеровъ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ, но даже не найдемъ указаній на характеры, значеніе цѣлыхъ родовъ; напримѣръ: при описаніи свадьбы царя Іоанна, онъ говоритъ слѣдующее: «Между тѣмъ знатные сановники, окольничіе, дьяки, объѣзжали Россію, чтобъ видѣть всѣхъ дѣвицъ благородныхъ и представить лучшихъ невѣстъ государю; онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной, которой мужъ, Романъ Юрьевичъ, былъ окольничьмъ, а свекоръ бояриномъ Іоанна III-го. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ». Авторъ счелъ нужнымъ только подъ 1547 годомъ сказать о происхожденіи Захарьиныхъ-Юрьиныхъ, причемъ указалъ только на перваго извѣстнаго прародителя и на ближайшаго боярина Юрія Захарьевича, тогда какъ читатель долженъ былъ давно уже быть знакомъ съ этимъ знаменитымъ родомъ, однимъ изъ важнѣйшихъ между боярскими родами Московскаго княжества, члены котораго играли первую роль въ княженіе Василія Дмитріевича, и потомъ не утратили своего важнаго значенія, несмотря на приплывъ княжескихъ фамилій, оттиравшихъ старинные московскіе боярскіе роды отъ первыхъ лѣтъ; въ каждое княженіе кто-нибудь изъ членовъ этого рода заставляетъ говорить о себѣ лѣтопись; но лѣтопись упоминаетъ о нихъ разъ-два, кратко, мимоходомъ; эти извѣстія записаны и у Карамзина, но не отдѣльно отъ другихъ извѣстій: они затерялись и для автора и для читателя, и цѣлый родъ, имѣющій особенное любопытное значеніе, потерялъ его. Тоже должно замѣтить и о лицѣ, которое выступаетъ на главную сцену по кончинѣ великой княгини Елены, именно о князѣ Василіи Васильевичѣ Шуйскомъ: «Князь Василій Васильевичъ (говоритъ Карамзинъ) занималъ первое мѣсто въ совѣтѣ при отцѣ Іоанновомъ, занималъ оное и при Еленѣ и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ея временщика (князя Телепнева-Оболенскаго), который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовалъ надъ думою. Изготовивъ средства успѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ бояръ и чиновниковъ, сей властолюбивый князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя главою правленія; въ седьмой день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ юному Іоанну особъ: его надзирательницу, боярыню Агриппину, и брата ея, князя Телепнева, оковать цѣпями, заключить въ темницу, несмотря на слезы, на вопль державнаго отрока». Здѣсь о прежней дѣятельности князя Шуйскаго говорится только, что онъ занималъ первое мѣсто въ думѣ при отцѣ Іоанновомъ и при матери; но въ лѣтописи есть извѣстіе о Шуйскомъ, которое говоритъ намъ гораздо болѣе о немъ, чѣмъ извѣстіе о первомъ мѣстѣ въ думѣ; это извѣстіе, поставленное на мѣсто послѣдняго, приготовило бы читателя, дало бы ему знать, какихъ поступковъ онъ долженъ ждать отъ Шуйскаго, человѣка способнаго дѣйствовать рѣшительно, быстро, предупреждать другихъ, и дѣйствовать въ то же время круто; это извѣстіе помѣщено и у Карамзина подъ 1514 годомъ, въ описаніи княженія Василія Іоанновича, послѣ разсказа объ Оршинской битвѣ: «Съ первою вѣстію о нашемъ несчастіи прискакали въ Смоленскъ нѣкоторые раненые въ битвѣ чиновники великокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе тамошніе бояре думали, подобно Сигизмунду, что

Россія уже пала; совѣтовались между собою, съ епископомъ Варсонофіемъ, и рѣшились измѣнить государю. Епископъ тайно послалъ къ королю своего племянника, съ увѣреніемъ, что если онъ немедленно пришлетъ войско, то Смоленскъ будетъ его. Но другіе вѣрные бояре донесли о семъ умыслѣ намѣстнику, князю Василію Шуйскому, который, едва успѣлъ взять измѣнниковъ и самаго епископа подъ стражу, увидѣлъ знамена литовскія: самъ Константинъ (Острожскій) съ шестью тысячами отборныхъ воиновъ явился предъ городскими стѣнами. Тутъ Шуйскій изумилъ его и жителей зрѣлищемъ ужаснымъ: велѣлъ на стѣнѣ, въ глазахъ Литвы, повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ святителя, надѣвъ на нихъ собольи шубы, бархатъ, камки, а другимъ привязалъ къ шеѣ серебряные ковши или чарки, пожалованные имъ отъ великаго князя». Такъ вотъ этотъ Шуйскій, поступившій такъ рѣшительно въ первое время по смерти Елены, вотъ Шуйскій, который поступаетъ и послѣ такъ же рѣшительно съ своими врагами!

Князя Василія Шуйскаго смѣнилъ въ правленіи братъ его Иванъ, о которомъ Карамзинъ говоритъ такъ: «Князь Иванъ Шуйскій не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру; былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ; но не терпѣлъ совмѣстниковъ; повелѣвалъ въ думѣ какъ деспотъ, и въ дворцѣ какъ хозяинъ, и величался до нахальства; напримѣръ, никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресло государево; однимъ словомъ, изъявлялъ всю низкую, малодушную спесь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи; писали, что онъ расхитилъ казну и наковалъ себѣ изъ ея золота множество сосудовъ, велѣвъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его ближніе, клевреты, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажиточныя мѣста или должности государственныя. Владычество Шуйскихъ ознаменовалось слабостію и робкимъ малодушіемъ въ политикѣ московской; бояре даже не смѣли отвѣтствовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго посла и купить вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани; хвалились своимъ терпѣніемъ предъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъясняясь, что казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, не двигаемъ ни волоса для защиты своей земли. Бояре хотѣли единственно мира и не имѣли его; заключили союзъ съ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, и видѣли безполезность онаго. Послы ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ, грабилъ въ Каширскомъ уѣздѣ. Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно».

Конечно, всякій, прочтя это описаніе поведенія князя Шуйскаго, пожелаетъ узнать, откуда взято оно. Оно взято изъ письма самого Іоанна къ князю Курбскому: *упрекали, писали* относится къ одному Іоанну. Но слова Іоанна переданы у автора неправильно, и, вслѣдствіе этой неправильности, скрыто особенное важное значеніе ихъ; они читаются такъ: «Едино воспомяну; намъ бо въ юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не приклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински». Въ изложеніи Карамзина выпущены слова: *отца нашего*, и прибавлены *кресла*, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. Шуйскій опирается локтемъ и клалъ ногу на постель отца Іоаннова, и этотъ поступокъ, кромѣ нахальства, имѣетъ еще другое значеніе, особенно если мы приведемъ его въ связь съ извѣстіемъ о поступкѣ Тучкова, находящимся въ томъ же письмѣ Іоанновомъ. Сношенія съ Крымомъ въ правленіе Шуйскихъ представлены несправедливо. Еще въ правленіе Елены, вслѣдствіе единовластія, утвердившагося въ Крыму, и угрозъ хана Саипъ-Гирея, имѣвшаго теперь возможность дѣйствовать противъ Москвы, положено было, въ угоду Саипу, не начинать наступательныхъ движеній на Казань, а стараться кончать дѣло мирными переговорами. Шуйскіе продолжали, слѣдовательно, поведеніе предшествовавшаго правительства; но если, съ одной стороны, Шуйскіе приводили въ исполненіе рѣшеніе прежняго правительства, то, съ другой, они не измѣнили ни въ чемъ прежнихъ отношеній великаго князя къ хану въ ущербъ достоинству перваго; такъ, когда въ Москвѣ увидѣли, что шертная грамота, присланная ханомъ, заключала въ себѣ исчисленіе подарковъ, какіе именно должно было отправлять въ Крымъ, бояре не приняли этой грамоты, какъ не принимали подобныхъ прежніе великіе князья; когда узнали о нападеніи Иминь-Салтана, то пословъ крымскихъ отдали подъ стражу: всѣ эти подробности опущены въ разсказѣ историка.

Шуйскіе были отстранены отъ правленія; ихъ мѣсто заступили князь Бѣльскій и митрополитъ Іоасафъ; объ этой перемѣнѣ историкъ говоритъ такъ: «Сторона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовать съ умѣренностію и благоразуміемъ. Не было ни опалъ, ни гоненій. Правительство стало попечительнѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупотребленія власти уменьшились. Смѣнили нѣкоторыхъ худыхъ намѣстниковъ, и псковитяне освободились отъ насилій князя Андрея Шуйскаго, отозваннаго въ Москву. Дума сдѣлала для нихъ тоже, что Василій сдѣлалъ для новгородцевъ: возвратилъ имъ судное право. Цѣловальники, или присяжные, избираемые гражданами, начали судить всѣ уголовныя дѣла независимо отъ намѣстниковъ». Учрежденіе великаго князя Василія въ Новгородѣ состояло въ томъ, что съ намѣстниками началъ судить староста ку-

пецкій, а съ тіунами цѣловальники; о перемѣнѣ же, послѣдовавшей въ правленіе Бѣльскаго, Псковскій лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: «Бысть жалованіе государя нашего Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси до всей своей русской земли, млада возрастомъ 11 лѣтъ и старѣйша умомъ: до своей отчины милосердова, показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всѣмъ гродомъ большимъ и по пригородомъ, и по волостемъ, лихихъ людей обыскивати самымъ крестьянамъ межъ себя по крестному цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, а не водя къ намѣстникомъ и къ ихъ тивуномъ лихихъ людей». Итакъ въ Новгородѣ выбраны были цѣловальники для суда съ намѣстниками и тіунами, и не означено, для какого суда; въ Псковѣ же уголовныя дѣла отходили отъ намѣстниковъ и тіуновъ и передавались въ вѣдѣніе самихъ обывателей, которые должны были руководиться такъ-называемыми губными грамотами. Слѣдовательно нельзя сказать, что для псковитянъ сдѣлано было то же, что Василій сдѣлалъ для новгородцевъ. Нельзя сказать также, чтобъ это было сдѣлано для однихъ псковитянъ, ибо лѣтописецъ ясно говоритъ, что жалованіе государя было до всей Русской Земли. Слова лѣтописца подтверждаются многими губными грамотами, дѣйствительно относящимися къ этому времени; но любопытно, что до насъ дошли губныя грамоты, данныя прежде, въ правленіе Шуйскихъ, какъ, напримѣръ, грамоты бѣлозерцамъ и каргопольцамъ 1539 года. «Народъ (говоритъ авторъ) отдохнулъ въ Псковѣ; славилъ милость Великаго Князя и добродѣтель бояръ». Въ лѣтописи: «Начаша Псковичи за Государя Бога молити и Пречистую Богородицу и святыхъ чудотворцевъ о его жалованьи до своея отчины, что показа милость до сиротъ своихъ»—и только! Намъ понятно, почему авторъ прибавилъ: «и добродѣтель бояръ»: ему показалось страннымъ, какъ лѣтописецъ не упоминаетъ ничего о боярахъ, когда бояре управляли за малолѣтствомъ великаго князя: но именно то, что кажется намъ страннымъ въ лѣтописи, то мы и должны отличать и сохранять неизмѣннымъ, какъ особенность вѣка, общества, литературы.

Бѣльскій былъ свергнутъ, умерщвленъ Шуйскими, которые снова захватили въ свои руки правленіе, наконецъ, тринадцатилѣтній Іоаннъ, выведенный изъ терпѣнія поступками князя Андрея Михайловича Шуйскаго, оставшагося старшимъ въ родѣ, велѣлъ умертвить его. «Варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ вельможею, явила, что бѣдствія Шуйскихъ не умудрили преемниковъ ихъ; что не законъ и не справедливость, а только одна сторона надъ другою одержала верхъ, и насиліе уступило насилію: ибо юный Іоаннъ, безъ сомнѣнія, еще не могъ властвовать самъ: князья Глинскіе съ друзьями повелѣвали его именемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что съ того времени бояре начали имѣть страхъ отъ государя. Опалы и жестокость новаго правленія дѣйствительно устрашили сердца. Сослали Өеодора Шуйскаго-Скопина, князя Юрія Темкина, Өому Головина и многихъ иныхъ чиновниковъ въ отдаленныя мѣста: а знатнаго боярина, Ивана Кубенскаго, посадили въ темницу; онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ нравомъ. Казнь, изобрѣтенная варварствомъ, была участію сановника придворнаго, Аөанасія Бутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрѣзали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа. Чрезъ пять мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, Государь снова возложилъ на него опалу, также на князей Петра Шуйскаго, Горбатаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца боярина Өеодора Воронцова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству митрополита, но ненадолго. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Өеодора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между боярами, и досадовалъ, когда Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости».

Прочтя эти строки, читатель никакъ не можетъ освободиться отъ мысли, что все, описанное здѣсь, случилось вдругъ, непосредственно за казнью Андрея Шуйскаго, тогда какъ событія эти совершались въ теченіе трехъ лѣтъ! Читатель, чтобъ уяснить себѣ дѣло, причины опалъ, долженъ, разумѣется, прежде всего спросить: кто же были эти люди, подвергшіеся опаламъ? не упоминаются ли имена ихъ прежде въ лѣтописяхъ, и если упоминаются, то при какихъ случаяхъ? Два самые вопіющіе поступка, которые позволили себѣ Шуйскіе и сторонники ихъ въ малолѣтствѣ Іоанна, были: сверженіе и умерщвленіе князя Бѣльскаго и сверженіе митрополита Іоасафа, потомъ изгнаніе Воронцова. Кто же были главные сторонники Шуйскихъ въ обоихъ этихъ дѣлахъ? Въ первомъ: «Пойманъ бысть Великаго Князя бояринъ, князь Иванъ Өедоровичъ Бѣльской, безъ Великаго Князя вѣдома, совѣтомъ боярскимъ, того ради, что его государь въ приближеніи держалъ и въ первосовѣтникахъ, да Митрополита Іосафа; и бояре о томъ вознегодоваша на князя Ивана и на Митрополита и начаше зло совѣтовати со своими совѣтники; а со княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ обсылатися въ Володимеръ. А князь Иванъ Шуйскій тое же ночи пригонилъ изъ Володимери въ Москву безъ Великаго Князя велѣнія, а напередъ его пригонилъ *сынъ его князь Петръ;* а въ томъ совѣтѣ быша бояря: *Князь Михайло, да князь Иванъ Кубенскіе, Князь Дмитрій Палецкой»*. Объ изгнаніи Воронцова говорится: «Великаго Князя бояря: Князь Иванъ и Князь Андрей Михайловичи Шуйскіе, да *Князь Өедоръ Ивановичъ Шуйскій* да совѣтницы князья: Дмитрій Шкурлатовъ, да князь Иванъ Щемяка, да князь Иванъ Турунтай Пронскіе, да Алексѣй Басмановъ, и иные совѣтницы взволновашеся между собою предъ Великимъ Княземъ и предъ Митрополитомъ, въ столовой избѣ у Великаго Князя на совѣтѣ. Князь Андрей Шуй-

ской, да Кубенской и Палецкой въ томъ совѣтѣ съ ними были же, изымаша Ѳедора Воронцова за то, что его Государь жалуетъ и бережетъ; и биша его по ланитамъ, и платіе на немъ ободраша, и хотѣша его убити. И посла къ нимъ Государь Митрополита. И въ кою пору отъ Государя Митрополитъ ходилъ къ Шуйскимъ, и въ ту пору *Ѳома Петровъ, сынъ Головина* у Митрополита на мантію наступилъ и мантію на Митрополитѣ подралъ». Итакъ, вотъ гдѣ являются лица, подвергшіяся опалѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ казни Андрея Шуйскаго: изъ нихъ одинъ только Кубенскій подвергся смертной казни; другіе, послѣ кратковременной опалы, оставались съ прежнимъ значеніемъ, и вотъ когда послѣ вспыхнуло возмущеніе, и убитъ былъ родной дядя Великаго Князя по матери, князь Глинскій, виновниками дѣла лѣтописецъ называетъ князя *Ѳедора Шуйскаго* и князя *Юрія Темкина*, которые вначалѣ, какъ главные совѣтники Андрея Шуйскаго, подверглись заточенію тотчасъ послѣ его казни. Говоря объ опалахъ, которымъ подверглись эти лица, объ одномъ только Кубенскомъ авторъ говоритъ, что онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался постоянствами, умомъ, тихимъ нравомъ. Быть можетъ, Кубенскій и отличался умомъ; но, конечно, читателя поразитъ извѣстіе, что тихимъ нравомъ отличался человѣкъ, котораго мы видимъ въ числѣ главныхъ дѣйствователей при насильственныхъ движеніяхъ; читатель, конечно, поспѣшитъ узнать, откуда все это свидѣтельство о Кубенскомъ?—оно взято изъ Курбскаго.

Сочиненія князя Курбскаго принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ источниковъ нашей древней исторіи. Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ вельможъ московскихъ и, конечно, самый образованный изъ нихъ, достойный въ этомъ отношеніи соперникъ Грознаго, Курбскій явился защитникомъ старинныхъ притязаній княжескихъ и дружинныхъ; не имѣя возможности бороться съ Іоанномъ другими средствами, онъ вступилъ съ нимъ въ литературную борьбу, вызвалъ его на оправданія своихъ поступковъ, оправдывая поступки свои и своей партіи; съ этою же цѣлью, съ цѣлью оправдать себя и свою сторону и обвинить Іоанна, написалъ обзоръ его царствованія. Сочиненія Курбскаго драгоцѣнны тѣмъ, что авторъ ихъ, въ пылу страсти, обнаруживаетъ намъ тайныя мысли и чувства не только свои, но и цѣлой партіи, интересы которой онъ защищалъ, и чрезъ это указываетъ историку на такія отношенія, которыя бы безъ него остались навсегда тайною; но, съ другой стороны, сочиненія Курбскаго, какъ имѣющія цѣлью оправдать во всемъ однихъ и обвинить во всемъ другихъ, тѣмъ самымъ чужды безпристрастія и не могутъ служить источникомъ при опредѣленіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Драгоцѣннѣйшій источникъ для исторіи царствованія Іоанна IV, вскрывающій намъ главныя пружины дѣйствій, и въ то же время самый мутный источникъ относительно подробностей—сочиненія Курбскаго, разумѣется, не могли быть оцѣнены съ перваго раза какъ должно; и если Карамзинъ, пользуясь ими послѣ Щербатова, не понялъ какъ слѣдуетъ ихъ значенія, то въ оправданіе его должно сказать, что и послѣдующіе ученые долго не могли понять его. У насъ такъ мало были до сихъ поръ знакомы съ исторической литературою XVII вѣка, что въ 1842 году, во второмъ изданіи сочиненій князя Курбскаго, мы встрѣчаемъ слѣдующія слова издателя: «До появленія въ свѣтъ IX тома Исторіи Государства Россійскаго, у насъ признавали Іоанна Государемъ великимъ; видѣли въ немъ завоевателя трехъ царствъ и еще болѣе мудраго, попечительнаго законодателя. Знали, что онъ былъ жестокосердъ, но только по темнымъ преданіямъ, и отчасти извиняли его во многихъ дѣлахъ, считая ихъ необходимыми для утвержденія благодѣтельнаго самодержавія. Самъ Петръ Великій хотѣлъ оправдать его. Это мнѣніе поколебалъ Карамзинъ». Еслибъ издатель Курбскаго потрудился познакомиться съ исторіею Щербатова, то, разумѣется, сказалъ бы, что противъ этого мнѣнія сильно вооружался и князь Щербатовъ; мы не скажемъ, впрочемъ, чтобъ оно было впервые поколеблено послѣднимъ, ибо самое желаніе Петра Великаго оправдать Іоанна показываетъ намъ, что была нужда въ этомъ оправданіи. Характеръ дѣятельности Іоанна IV, заключая въ себѣ двѣ противоположныя стороны, былъ предметомъ спора, какъ для ближайшаго, такъ и для болѣе отдаленнаго потомства. Умъ человѣческій не любитъ соединенія противоположностей и отъ этой нелюбви много страдала и, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ много страдаетъ историческая наука; если извѣстное историческое лицо одною стороною своей дѣятельности производитъ благопріятное впечатлѣніе, то нѣтъ недостатка въ писателяхъ, которые стараются показать, что это лицо во всѣхъ случаяхъ жизни было образцомъ совершенства; или, наоборотъ: найдя въ дѣятельности какого-нибудь историческаго лица темныя пятна, стараются показать, что и во всѣхъ остальныхъ его поступкахъ нѣтъ ничего хорошаго; а если что и есть хорошее, то принадлежитъ не ему, а другимъ. Большая часть писателей поступаютъ въ этомъ случаѣ добросовѣстно, по убѣжденіямъ, не задавая себѣ вопроса: что станется съ исторіею, если она наполнится дѣятелями, или вполнѣ хорошими, или вполнѣ дурными? Такъ и при оцѣнкѣ характера Іоанна IV явились противоположныя мнѣнія: люди, пораженные величіемъ и нравственною красотою нѣкоторыхъ его дѣяній, не хотѣли вѣрить страшнымъ извѣстіямъ о его жестокостяхъ или старались ослабить эти извѣстія, оправдать самые поступки; другіе, наоборотъ,—пораженные извѣстіями о жестокостяхъ, не хотѣли признавать достоинства другихъ поступковъ Грознаго. Въ такомъ видѣ вопросъ перешелъ къ историкамъ, и первый долженъ былъ заняться имъ князь Щербатовъ, у котораго,

между другими источниками, были и сочиненія Курбскаго. Первый вопросъ, представившійся Щербатову, былъ вопросъ: вѣрить или невѣрить извѣстіямъ Курбскаго?—потому что Курбскій писалъ подъ вліяніемъ сильной вражды къ Іоанну. Имѣя въ виду эту вражду, Щербатовъ не вѣритъ Курбскому, что Іоаннъ только вслѣдствіе клеветы ласкателей своихъ, вдругъ, безъ всякаго повода со стороны Сильвестра и Адашева съ товарищи, удалилъ ихъ отъ себя и началъ преслѣдовать; Щербатовъ объясняетъ перемѣну въ Іоаннѣ другимъ оброзомъ, показывая, что въ этой перемѣнѣ виноваты были и тѣ люди, которыхъ постоянно защищаетъ Курбскій. Но, освободивъ себя отъ односторонности взгляда Курбскаго, пополнивъ то, чего недостаетъ у послѣдняго, Щербатовъ принимаетъ всѣ частныя показанія его, какъ истинныя; Щербатову нужно было знать только одно: по ненависти къ Іоанну, Курбскій не приписываетъ ли ему лишнихъ жестокостей? Убѣдившись изъ сличенія другихъ источниковъ, что Курбскій не преувеличиваетъ дѣла, Щербатовъ успокоился и пользовался всѣми извѣстіями Курбскаго, какъ несомнѣнно вѣрными; характеръ же сочиненія князя Курбскаго, главное достоинство его—указаніе на отношеніе дѣятельности Іоанна IV къ дѣятельности отца и дѣда, матери и бабки, какъ понималъ эти отношенія Курбскій съ товарищи,—остались тайною для Щербатова. Тайною остались они и для Карамзина: давая полную вѣру показаніямъ Курбскаго объ Іоаннѣ IV, онъ не хочетъ знать о тѣхъ показаніяхъ объ Іоаннѣ III и сынѣ его Василіи; не хочетъ знать о той связи, которою соединяется дѣятельность Іоанна IV съ дѣятельностію отца и дѣда, которую показалъ Курбскій, хотя со своей точки зрѣнія, но показалъ, въ чемъ и состоитъ его главное и, можно сказать, единственное достоинство. Съ другой стороны, принимая всѣ извѣстія Курбскаго о царствованіи Іоанна IV, внеся ихъ въ текстъ своего разсказа, Карамзинъ, однако, не хочетъ принять основной мысли Курбскаго, и такимъ образомъ допускаетъ въ своемъ разсказѣ противорѣчіе, темноту, что дѣлаетъ разсказъ неудовлетворительнымъ; отношенія Іоанна къ Сильвестру и Адашеву описаны по Курбскому, и въ то же время Іоаннъ вездѣ является самостоятельнымъ. Представивъ дѣятельность Іоанна вездѣ самостоятельною, Карамзинъ, при описаніи болѣзни царя, говоритъ, однако, слѣдующее: «Съ сего времени онъ (Іоаннъ) непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою отъ нихъ (Сильвестра и Адашева) зависимость, и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать посвоему». Иногда же Карамзинъ, не желая опустить извѣстія, сообщеннаго Курбскимъ и, въ то же время, не желая выставить Іоанна несамостоятельнымъ, передѣлываетъ извѣстія Курбскаго, смягчаетъ ихъ, что, конечно, также не способствуетъ удовлетворительности разсказа. Напримѣръ, при описаніи приступа къ Казани, у Карамзина читаемъ: «Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести, ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе, измѣнился въ лицѣ и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. Съ нимъ были (пишетъ Курбскій) великіе синклиты, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ: они дали совѣтъ государю, а государь явилъ великодушіе: взялъ святую хоругвь и сталъ передъ царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ». У Курбскаго: «И зѣло ему не токмо лицо измѣнявшесь, но и сердце сокрушися. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его, повелѣша хоругвь великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ царскихъ, подвинути, и самого царя, хотяще и нехотяще, за бразды коня взявъ, близъ хоругви поставиша: понеже были нѣцыи, между сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцевъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ».

Мы сказали, что указаніе на связь дѣятельности Іоанна IV-го съ дѣятельностію отца и дѣда составляетъ главное и, можно сказать, единственное достоинство сочиненія Курбскаго. Не такъ думали Щербатовъ и Карамзинъ; не такъ думали ученые позднѣйшіе, и потому мы не имѣемъ никакого права оставить такого отзыва недоказаннымъ. Издатель сочиненій Курбскаго въ 1842 году далъ такой отзывъ о достоинствѣ ихъ: «Исторія Курбскаго замѣчательна не потому только, что она произведеніе пера современника, участвовавшаго въ дѣлахъ государственныхъ; она имѣетъ высокія достоинства: съ природною силою ума, съ врожденнымъ даромъ слова соединяя свѣдѣнія разнообразныя, Курбскій постигъ тайну историческаго искусства, коего образцы имѣлъ безъ сомнѣнія предъ глазами, и оставилъ обыкновенную стезю лѣтописцевъ. Доселѣ наши историки разсказывали происшествія безъ всякой связи, безъ малѣйшаго единства внутренняго, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ; Курбскій смотрѣлъ выше: стараясь объяснить причины Іоанновыхъ поступковъ, добрыхъ и злыхъ, онъ имѣлъ цѣль опредѣлительную и устремлялъ къ ней всѣ свои мысли. (Эта мысль, что первая блестящая половина царствованія Іоанна не есть слѣдствіе самостоятельной дѣятельности его, но слѣдствіе совѣтовъ Сильвестра и Адашева съ товарищи.) На сей мысли основано сочиненіе Курбскаго; она связываетъ всѣ событія и сообщаетъ имъ то единство, безъ котораго нѣтъ изящнаго. Руководствуясь ею, авторъ начерталъ двѣ картины противоположныя: въ одной видимъ блескъ и славу, видимъ рядъ героевъ, завоевателей Казани, Астрахани, Ливоніи, грозныхъ мстителей за отечество; двадцати-лѣтній государь ведетъ ихъ къ побѣдамъ; съ знаменемъ въ рукѣ останавливаетъ бѣгущее войско подъ стѣнами Казани, или смѣло, съ

малочисленною дружиною, спѣшитъ встрѣтить несмѣтное войско татаръ крымскихъ. Въ другой картинѣ видимъ иное зрѣлище: тутъ являются уже скоморохи и человѣкоугодники, а храбрые синклиты выходятъ только на смерть позорную. Страшное слово: убіенъ — паки убіенъ, паки погубленъ такой-то бояринъ, такой-то стратигъ, безпрестанно повторяемое, наводитъ ужасъ на читателя. Прекрасное въ цѣломъ, въ планѣ, сочиненіе Курбскаго не менѣе замѣчательно и въ подробностяхъ: историкъ описывалъ не по слуху, а по собственнымъ наблюденіямъ, по крайней мѣрѣ большую часть важнѣйшихъ событій. Дѣла минувшія рѣзко запечатлѣвались въ его памяти, и ему стоило только, подобно Ксенофонту, нарисовать картину живую, разнообразную. Не только въ описаніи похода казанскаго, при всякомъ случаѣ Курбскій обнаруживаетъ умъ наблюдательный, глубокое познаніе сердца человѣческаго; когда онъ говоритъ о битвахъ, мы живо представляемъ ратное поле, движеніе войскъ, сѣчу; когда разсказываетъ о бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ, мы слышимъ шипѣніе змѣи. Какъ послушенъ ему языкъ русскій! Какъ величественно его изображеніе доблестей и какъ язвительны его горькія укоризны! Смѣло можно сказать: рѣдкій изъ нашихъ писателей умѣлъ владѣть такъ удачно сильнымъ, величественнымъ словомъ нашимъ».

Сочиненіе Курбскаго, по мнѣнію издателя, прекрасно въ цѣломъ, въ планѣ, потому что построено на одной главной мысли; но вѣрна ли эта главная мысль? Занявшись этимъ вопросомъ, издатель оставляетъ его нерѣшенымъ. Но посмотримъ, по крайней мѣрѣ, искусно-ли Курбскій провелъ свою основную мысль, не встрѣчается ли при этомъ проведеніи несообразностей, противорѣчій, отнимающихъ довѣренность у автора и, конечно, мѣшающихъ сочиненію быть прекраснымъ въ цѣломъ, въ планѣ? Курбскій приписываетъ перемѣну въ поведеніи Іоанна тому, что отдалены были хорошіе совѣтники и приближены дурные; но вслѣдствіе чего же, когда произошло это удаленіе хорошихъ и приближеніе дурныхъ совѣтниковъ? Курбскій говоритъ, что это произошло вслѣдствіе совѣта Вассіана Топоркова: «такову искру безбожную всѣялъ (Топорковъ), отъ него же во всей святой русской землѣ таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся, о немъ же свидѣтельствовать словесы много непотреба. Понеже дѣломъ сія прелютѣйшая злость произвелася, якова никогда же въ нашемъ языцѣ бывала, отъ тебя бѣды начала пріемше, яко напреди нами плодъ твоихъ прелютыхъ дѣлъ вкратцѣ изъявится. Яко многое воинство, такъ безчисленное множество всенародныхъ человѣковъ ни отъ кого прежде, только отъ тебя Вассіана Топоркова будучи наквашенъ, всѣхъ тѣхъ предреченныхъ различными смертьми погубилъ (Іоаннъ)». Послѣ этого мы ждемъ немедленно описанія слѣдствій совѣта Вассіанова; но проходятъ года и ничего подобнаго не видимъ; самъ Курбскій говоритъ: «Потомъ паки, аки бы въ покаяніе вниде, и не мало лѣтъ царствовалъ добрѣ: ужаснулся бо о наказаніяхъ оныхъ отъ Бога, ово перекопскимъ царемъ, ово казанскимъ возмущеніемъ»; а потомъ, когда сталъ говорить объ удаленіи Сильвестра и Адашева и началѣ казней, все это приписано ласкателямъ и клеветникамъ, которые увѣрили Іоанна, что жена его была отравлена Сильвестромъ и Адашевымъ, и Вассіанъ съ его совѣтомъ забытъ.

Обратимся и къ подробностямъ. На первыхъ страницахъ разсказа Курбскаго находимъ описаніе дурнаго воспитанія Іоаннова: лѣтъ двѣнадцати Іоаннъ уже привыкалъ проливать кровь животныхъ: пѣстуны не останавливали его; будучи лѣтъ четырнадцати и больше, началъ уже наносить вредъ людямъ: ласкатели хвалили его за это; когда приблизился къ семнадцатому году, тогда «прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, именемъ князь Иванъ Бѣльскій. По малѣ же времени, онъ же самъ повелѣлъ убити такожде благородное едино княже, именемъ Андрея Шуйскаго, изъ рода княжатъ суздальскихъ». Здѣсь говорится, что князь Иванъ Бѣльскій былъ убитъ, когда Іоаннъ былъ шестнадцати лѣтъ; но это убійство послѣдовало, когда Іоаннъ былъ двѣнадцати лѣтъ, то есть, въ 1542 году. Издатель хвалитъ Курбскаго за то, что онъ возвысился надъ предшествовавшими русскими историками (то есть лѣтописцами), которые разсказывали происшествія безъ малѣйшаго единства внутренняго, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Но что же было бы съ нашею исторіею, еслибъ всѣ лѣтописцы захотѣли смотрѣть такъ же высоко, какъ Курбскій, и такъ безцеремонно обращаться съ хронологіею, относить къ 1546 году событіе, случившееся въ 1542? Въ 1546 году Курбскому было восьмнадцать лѣтъ: какъ же онъ могъ забыть, что случилось въ это время? но если забылъ, то что же онъ за историкъ-очевидецъ; какъ можно сказать, что «дѣла минувшія рѣзко запечатлѣлись въ его памяти, и ему стоило только, подобно Ксенофонту, передать вѣрно свои впечатлѣнія, чтобъ нарисовать картину живую, разнообразную»? Неужели эта картина живая и разнообразная: «убилъ, по малѣ времени ублилъ, а потомъ убилъ», безъ всякаго изложенія причинъ? Чтобъ оцѣнить Курбскаго, стоитъ только спросить: какое понятіе имѣли бы мы о времени Іоанна IV, еслибъ, кромѣ Курбскаго не дошло до насъ никакихъ источниковъ? Какъ, напримѣръ, ловко умолчено о характерѣ князя Андрея Шуйскаго: такъ-какъ, по взгляду Курбскаго, всѣ жертвы Іоанновы суть превосходные люди, герои добродѣтели, то читатели должны причислить и Андрея Шуйскаго къ героямъ добродѣтели! А Кубенскій названъ мужемъ *тихимъ!* Но мы еще должны будемъ возвратиться къ Курбскому.

Послѣ описанія смутъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ казнь Кубенскаго и Воронцова, Карамзинъ присту-

паетъ къ описанію двухъ важныхъ событій въ жизни Іоанна: женитьбы и царскаго вѣнчанія, послѣ котораго онъ первый принялъ титулъ царя.

«Великому князю исполнилось семнадцать лѣтъ отъ рожденія» (говоритъ Карамзинъ, приступая къ своему новому разсказу); это было въ 1546 году; Іоаннъ родился въ 1530 году, слѣдовательно въ 1546 году ему было только шестнадцать, а не семнадцать лѣтъ. Согласно съ лѣтописями, авторъ выводитъ самого Іоанна объявляющимъ митрополиту рѣшеніе свое вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, затѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ принятіе царскаго титула. Здѣсь, разумѣется, всякаго остановитъ это любопытное явленіе: то, чего не рѣшались сдѣлать возрастные отецъ и дѣдъ, на то рѣшился шестнадцатилѣтній Іоаннъ! Авторъ, не входя въ рѣшеніе вопроса: могъ ли Іоаннъ самъ-по-себѣ принять такое рѣшеніе, или нѣтъ, намекаетъ, что оно было внушено ему другими: «Онъ (Іоаннъ) велѣлъ митрополиту и боярамъ готовиться къ сему великому торжеству, какъ бы утверждающему печатію вѣры святой союзъ между государемъ и народомъ. Оно было не новое для московской державы: Іоаннъ III вѣнчалъ своего внука на царство (однако, ни дѣдъ, ни внукъ не принимали царскаго титула); но совѣтники великаго князя, желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича, говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе перемѣны, происшедшей въ характерѣ Іоанна вслѣдствіе приближенія Сильвестра и Адашева: мы уже видѣли отношеніе этого описанія къ сочиненію Курбскаго, и потому намъ остается взглянуть на отношеніе къ этому сочиненію разсказа нашего автора о вторичной перемѣнѣ характера Іоаннова вслѣдствіе удаленія Сильвестра и Адашева.

Карамзинъ, подобно Щербатову, отступаетъ отъ Курбскаго въ томъ, что не ставитъ главною причиною перемѣны въ Іоаннѣ совѣтъ Вассіана Топоркова; но, согласно съ нѣкоторыми лѣтописями, указываетъ эту причину въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанновой: «Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способы къ исправленію въ одной Вѣрѣ, ибо самые дерзкіе развратители Царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитить юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣреность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась: но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась; благодарный имъ за мудрые совѣты, Государь пересталъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для Монарха. Напримѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа... Дворъ былъ наполненъ людьми, преданными этимъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, нетерпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры. Іоаннъ не унималъ злословія, ибо уже скучалъ излишне строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; не мыслилъ оставить добродѣтели: желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтись. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ... Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви ко благу. Хотя Государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ Кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ Думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года».

Относительно главной мысли Курбскаго, которую авторъ, повидимому, не хочетъ принимать, мысль, что все хорошее, совершившееся въ царствованіе Іоанна, было не слѣдствіемъ самостоятельной дѣятельности его, но слѣдствіемъ дѣятельности Сильвестра и Адашева, причемъ Іоаннъ являлся только покорнымъ исполнителемъ воли наставниковъ своихъ,—относительно этой мысли важны въ приведенномъ мѣстѣ слова, опредѣляющія качества Іоанна: «Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ». Конечно, здѣсь историку, прежде произнесенія такого рѣшительнаго приговора, нужно было бы показать изъ поступковъ Іоанна, почему онъ считаетъ умъ послѣдняго болѣе острымъ, чѣмъ основательнымъ. Если же дѣйствительно умъ Іоанна былъ болѣе остръ, чѣмъ основателенъ, то не выйдетъ ли правъ Курбскій въ своей основной мысли? Особенно покажется онъ правъ читателю, ко-

торый встрѣтилъ такое выраженіе: «благодарный имъ за мудрые совѣты, государь пересталъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ». Такъ-какъ это было предъ 1560 годомъ, то значитъ, что до этого времени Іоаннъ находился подъ руководствомъ; въ этой мысли читатель убѣдится совершенно, когда увидитъ, что авторъ называетъ Сильвестра и Адашева наставниками Іоанна. Такъ основная мысль Курбскаго, несмотря на старанія автора отстранить ее, господствуетъ въ его разсказѣ и сужденіяхъ.

Курбскій такимъ образомъ объясняетъ перемѣну, происшедшую въ Іоаннѣ съ 1560 года: «Когда Іоаннъ оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, то платитъ оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же онъ это начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего отгоняетъ отъ себя двухъ мужей, Сильвестра пресвитера и Адашева, ни въ чемъ предъ нимъ невиноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Что же они клевещутъ и шепчутъ на ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они и сказали, что извели ее тѣ мужи, Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услышавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то письмами, то черезъ митрополита, чтобъ дана была имъ очная ставка съ клеветниками. Что же умышляютъ клеветники?—писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, и царю говорятъ: «Если допустишь ихъ къ себѣ на очи, то очаруютъ они тебя и дѣтей твоихъ; притомъ все войско и народъ любитъ ихъ больше чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ каменьями. Но если даже этого и не будетъ, то свяжутъ тебя опять и покорятъ въ себѣ въ неволю». Царь хвалитъ совѣтъ, начинаетъ любить совѣтниковъ, связываетъ себя и ихъ клятвами, вооружаясь какъ на враговъ на мужей неповинныхъ и на всѣхъ добрыхъ, добра хотящихъ ему и душу за него полагающихъ. И что же прежде всего дѣлаетъ? Собираетъ соборъ изъ бояръ и духовенства. Что же дѣлаютъ на этомъ соборѣ?—читаютъ вины вышеозначенныхъ мужей заочно. Митрополитъ говоритъ: «Надобно привести обвиненныхъ сюда, чтобъ выслушать, что они будутъ отвѣчать на обвиненія». Всѣ добрые были согласны съ нимъ, но ласкатели вмѣстѣ съ царемъ возопили: «Нельзя этого сдѣлать, потому что они вѣдомые злодѣи и волшебники великіе, очаруютъ царя и насъ погубятъ, если придутъ». И такъ судили ихъ заочно. Сильвестра заточили на островъ, что на Ледовитомъ Морѣ, въ монастырь Соловецкій. Адашевъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда въ нововзятый городъ ливонскій, назначается туда воеводою, но не надолго: когда враги его услыхали, что и тамъ Богъ помогаетъ ему, потому что многіе города ливонскіе хотѣли поддаться ему по причинѣ его доброты, то прилагаютъ клеветы къ клеветамъ, и царь приказалъ перевесть его въ Дерптъ и держать подъ стражею; чрезъ два мѣсяца онъ занемогъ здѣсь горячкою и умеръ. А Сильвестръ еще прежде, чѣмъ изгнанъ былъ, увидавъ, что царь не по Богѣ всякія вещи начинаетъ, претилъ ему и заставлялъ много, но онъ отнюдь не внималъ и къ ласкателямъ умъ и уши приклонилъ: тогда пресвитеръ, видя, что царь уже отвратилъ отъ него свое лицо, отошелъ въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащій, и тамъ, постригшись въ монахи, провождалъ чистое житіе. Но клеветники, услыхавъ, что монахи тамошніе держатъ его въ чести, изъ зависти и изъ боязни, чтобъ царь, услыхавъ объ этомъ, не возвратилъ его къ себѣ, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что соборомъ осудили его». Итакъ, по разсказу Курбскаго сперва выходитъ, что дѣло началось отгнаніемъ Сильвестра и Адашева; что это отгнаніе послѣдовало по смерти царицы Анастасіи, въ отравленіи которой они были обвинены; а потомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся въ въ Кирилловѣ-Бѣлозерскомъ монастырѣ [1]; что враги его потомъ, изъ зависти и страха, составили клевету, осудили заочно и отправили его въ Соловки; слѣдовательно дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отвратилъ отъ него лицо свое. Что же заставило Іоанна отвратить лицо отъ Сильвестра? Объ этомъ Курбскій не говоритъ, и, перемѣшавъ порядокъ событій какъ бы намѣренно, поставивъ позади то, что должно быть напереди, чтобъ замять дѣло, обмануть читателя, удовольствовать его одною причиною, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины нерасположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться. Объ Адашевѣ Курбскій говоритъ, что онъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда, назначается въ Феллинъ воеводою уже послѣ смерти царицы Анастасіи; но извѣстно, что Адашевъ еще въ маѣ 1650 года отправленъ былъ въ походъ на Ливонію въ третьихъ воеводахъ большаго полка.

Для поясненія и пополненія разсказа Курбскаго мы должны обратиться къ другимъ источникамъ: у насъ ихъ нѣтъ, кромѣ разсказа самого царя Іоанна въ отвѣтномъ письмѣ его къ Курбскому. Въ этомъ разсказѣ мы не находимъ никакой запутанности, никакихъ недомолвокъ и утаекъ: Іоаннъ, съ своей точки зрѣнія, разсказываетъ по порядку всѣ поступки Сильвестра, Адашева и стороны ихъ, возбуждавшія въ немъ враждебныя чувства, до самаго путешествія изъ Можайска съ больною царицею, Анастасіею, во время котораго между нею и Адашевымъ, или его приверженцами, произошла сильная размолвка, послѣ чего Іоаннъ удалилъ Адашева и его ближайшихъ совѣтниковъ. Сильвестръ,

---

[1]) Потому что точно также опредѣляется у Курбскаго и монастырь, въ который отправился Іоаннъ на богомолье послѣ болѣзни: «монастырь сто миль отъ Москвы лежащій».

видя паденіе друзей своихъ, удалился самъ въ Кирилловъ монастырь; послѣ этого съ членовъ стороны Сильвестра и Адашева взята была клятва разорвать вѣчную связь съ этими лицами; но они нарушили клятву и стали хлопотать о томъ, какъ бы возвратить Сильвестра и Адашева ко Двору и дать имъ прежнее значеніе; тогда Іоаннъ употребилъ мѣры рѣшительныя: начались казни. Въ разсказѣ Карамзина мы находимъ очень слабое вліяніе извѣстій, сообщаемыхъ Іоанномъ, вліяніе разсказа Курбскаго господствуетъ: удержана рѣзкость, внезапность перехода въ отношеніяхъ царя къ Сильвестру и Адашеву, рѣзкость перехода отъ расположенія къ холодности: мы видѣли, что у Курбскаго Іоаннъ, несмотря на совѣтъ Вассіана Топоркова, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не измѣнялся въ своемъ поведеніи и въ отношеніяхъ къ Сильвестру и Адашеву, потомъ вдругъ удалилъ послѣднихъ по обвиненію въ отравѣ Анастасіи, что и было бы удовлетворительно для читателя, еслибъ Курбскій подконецъ не прибавилъ, что Сильвестръ еще прежде удалился, замѣтивъ перемѣну въ поведеніи Іоанна и невнимательность къ его совѣтамъ: Карамзинъ, допустивъ перемѣну въ чувствахъ Іоанна къ Сильвестру и Адашеву послѣ болѣзни, говоритъ: «Но великодушіе, оказанное имъ (Іоанномъ) послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца, хотя государь ужъ перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнился замѣтно въ правилахъ. Такъ было до весны 1560 года. Въ сіе время холодность государева къ Адашеву и Сильвестру столь ясно обнаружилась, что они увидѣли необходимость удалиться отъ двора». Что же дало поводъ къ обнаруженію холодности? Путешествіе изъ Можайска, какъ намъ извѣстно по лѣтописямъ, было въ концѣ 1559 года; оскорбленіе, здѣсь нанесенное, было послѣднимъ, о которомъ упоминаетъ Іоаннъ, и вслѣдъ за этимъ видимъ удаленіе Адашева и Сильвестра. Относительно причинъ дальнѣйшаго гоненія опять приведенъ разсказъ Курбскаго, никого немогущій удовлетворить, будто бы враги Сильвестра и Адашева испугались, что перваго уважали кирилловскіе монахи, а втораго граждане ливонскіе, и поспѣшили отъ нихъ избавиться клеветою; опять опущено безъ вниманія извѣстіе Іоанна, что дальнѣйшее гоненіе произошло вслѣдствіе движенія приверженцевъ Сильвестра и Адашева для возвращенія своимъ главамъ прежняго значенія, извѣстіе вполнѣ-удовлетворительное; ибо странно было-бъ предположить, чтобъ этого движенія со стороны такой многочисленной партіи не было. Но если и до сихъ поръ вліяніе Курбскаго такъ могущественно въ разсказѣ Карамзина, то съ этихъ поръ оно становится исключительнымъ; все дальнѣйшее поведеніе Іоанна разсматривается съ точки зрѣнія Курбскаго; объясненія поступковъ Іоанновыхъ, встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ, или приводятся вскользь въ текстѣ, съ возраженіями, или относятся къ примѣчаніямъ, причемъ важнѣйшія извѣстія опускаются, какъ, напримѣръ, опущено извѣстіе Бѣльскаго въ дѣлѣ Козлова съ боярами.

Такимъ образомъ, взглядъ Карамзина на характеръ и дѣятельность Іоанна IV-го опредѣлился преимущественно подъ вліяніемъ Курбскаго, вотъ почему мы должны были остановиться довольно долго надъ опредѣленіемъ значенія этого источника. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ представлены у Карамзина нѣкоторыя, болѣе другихъ замѣчательныя событія царствованія Іоаннова.

Въ началѣ описанія о нашествіи Крымскаго хана Саип-Гирея, въ 1541 году, читаемъ слѣдующее: «Тайно готовясь къ войнѣ, ханъ приглашалъ и царя Казанскаго идти на Россію: къ счастію нашему, имъ неудобно было дѣйствовать въ одно время: первый ждалъ весны и подножнаго корма въ степяхъ, а второй, не имѣя рати судовой, боялся лѣтомъ оставить за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣгства, Россіяне могли-бъ утопить казанцевъ. Ободряемый нашимъ долговременнымъ терпѣніемъ и бездѣйствіемъ, Сафа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 г., миновавъ Нижній-Новгородъ, успѣлъ безпрепятственно достигнуть Мурома, но далѣе не могъ ступить ни шага. Сафа-Гирей бѣжалъ назадъ. Этотъ не весьма-удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: тамошніе князья и знатнѣйшій изъ нихъ, Булатъ, тайно писалъ въ Москву, чтобъ государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убить или выдать намъ Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у вельможъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду. Бояре велѣли немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимірѣ. Еще ханъ Саип-Гирей скрывалъ свои замыслы, и обояре угадывали, что царь Казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай, собрали войска въ Коломнѣ. Весною узнали въ Москвѣ, что ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею ордою». Здѣсь извѣстія, что ханъ Крымскій приглашалъ хана Казанскаго идти на Россію и что, къ счастію, имъ неудобно было дѣйствовать въ одно время—объясненіе, придуманное самимъ авторомъ. Извѣстно, что когда имъ можно было дѣйствовать въ одно время, то ханъ Казанскій не боялся оставлять лѣтомъ за собою Волгу, какъ то было въ 1521 году; по лѣтописямъ дѣло объясняется легче: Крымскій ханъ соглашался не безпокоить Москвы большими нашествіями только подъ условіемъ, что Москва не будетъ стараться изгонять Гиреевъ изъ Казани, и какъ только узналъ, что московскія войска двинулись на востокъ, самъ двинулся на сѣверъ со всею ордою: «Прибѣжили къ великому князю изъ Крыма два полонянина, и сказали великому князю, что пріѣхалъ передъ ними со Москвы въ Крымъ царевъ человѣкъ, и сказалъ царю, что князь великій воеводъ своихъ съ многими людьми послалъ ко Казани, а передъ нимъ и пошли. А царь забылъ своей правды и дружбы, началъ наряжаться на Русь». Бояре не угадывали, что царь Казанскій

дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ; они знали навѣрное, что война съ Казанью должна быть вмѣстѣ и войною съ Крымомъ, и потому спѣшили собрать войско въ Коломнѣ.

Важнѣйшимъ дѣломъ внѣшней политики во вторичное правленіе Шуйскихъ, по признанію Карамзина, было только перемиріе съ Литвою на семь лѣтъ. «Хотѣли и вѣчнаго мира (говоритъ авторъ), но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались размѣна плѣнныхъ: король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобъ литовскіе плѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобъ россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды». Въ источникахъ поведеніе короля объясняется легче: послѣ Оршинской битвы въ его рукахъ было много знатныхъ московскихъ плѣнниковъ и онъ прямо объявлялъ, что ему нѣтъ выгоды мѣнять знатныхъ москвичей на простыхъ литвиновъ, находившихся въ плѣну у русскихъ; что если послѣдніе хотятъ освобожденія своихъ воеводъ, то пусть дадутъ за нихъ города.

Четвертая глава VIII тома принадлежитъ къ числу самыхъ блистательныхъ главъ въ «Исторіи Государства Россійскаго»: въ ней заключается описаніе взятія Казани. Здѣсь во всемъ блескѣ могъ выказаться талантъ Карамзина, заключающійся въ умѣньи живописать знаменитыя картинныя событія. Понятно, если авторъ ищетъ пищи своему таланту, если ищетъ предметовъ, которые дадутъ этому таланту высказаться во всей полнотѣ, понятно, слѣдовательно, почему Карамзинъ такъ скучалъ древнею русскою исторіею, и, за недостаткомъ въ ней блестящихъ, картинныхъ событій, брался описывать дѣянія Тамерлана, почему онъ такъ прельщался царствованіемъ Іоанна IV, которое, по красивости, сравнивалъ съ павлинымъ хвостомъ. Это сравненіе, вырвавшееся у писателя въ откровенной бесѣдѣ съ другомъ, драгоцѣнно для насъ, потому что ни одинъ критикъ не въ состояніи придумать выраженія, въ которомъ бы такъ вѣрно, такъ наглядно высказался характеръ таланта карамзинскаго, условившій, разумѣется, и взглядъ писателя на свой предметъ—на исторію. «Какой славный характеръ для исторической живописи»! восклицаетъ историкъ о Іоаннѣ IV; вслѣдъ затѣмъ у него вырывается сравненіе съ павлинымъ хвостомъ, и это сравненіе разоблачаетъ передъ нами образъ воззрѣній писателя на свой предметъ, разоблачаетъ таинственную связь представленій; такое сравненіе не могло явиться даромъ, безъ причины: сравниваемые предметы одинаково поразили сравнивающаго удивительнымъ сочетаніемъ блестящихъ цвѣтовъ. Пораженный этимъ блескомъ, писатель истощилъ свое искусство, чтобъ передать его во всей полнотѣ читателю, удержать эту яркость, ослѣпляющую зрѣніе, желая соблюсти всю силу внѣшняго впечатлѣнія. Понятно, почему Карамзинъ, принимая авторитетъ Курбскаго, однако отступаетъ отъ извѣстій послѣдняго при описаніи блестящихъ событій первой половины царствованія Іоаннова, старается смягчить, переиначить эти показанія. Юный монархъ совершаетъ великіе подвиги: мудрецъ въ собраніи архіереевъ и бояръ, указующій на злоупотребленія и на средства исправить ихъ; герой на полѣ ратномъ, ведущій войско подъ стѣны враждебнаго города и сокрушающій ихъ разумными распоряженіями и личною храбростію—вотъ Іоаннъ! Для красоты описанія это лицо необходимо и необходимо именно въ такомъ положеніи, въ какомъ выставляютъ его лѣтописи, а не въ такомъ, въ какомъ видимъ его у Курбскаго; еслибъ Карамзинъ принялъ представленіе Курбскаго—что всѣ эти подвиги совершены не Іоанномъ, а руководителями его, которые увлекали слабаго, устрашеннаго юношу волею-неволею подъ хоругвь—то что было бы съ картиною? Кто не знаетъ этого описанія?

«Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне передъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Ужъ восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слово: да будетъ едино стадо и единъ пастырь!—грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть; увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверьми царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвали другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: съ нами Богъ! полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, и казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: Алла! Алла! призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣрили глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ. Но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; ужъ не береглись, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взби-

рались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... и въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Св. Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія ужь развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду».

Это описаніе, такъ ласкающее нашъ русскій слухъ, есть произведеніе могучаго таланта. Но наука имѣетъ свои требованія, и мы должны сравнить приведенное описаніе съ источникомъ, именно съ сказаніемъ, находящимся въ Царственной Книгѣ: «Того же дни разрядя государь по мѣстомъ, гдѣ кому быти, и отпустилъ, да всякъ готовится и строитъ, гдѣ кому повелѣно быти. И всѣмъ государь приказалъ готовиться къ третіему часу дни воскресенія. И съ суботы на недѣлю въ нощи той былъ государь наединѣ со отцемъ своимъ духовнымъ со Андреемъ протопопомъ, и нача вооружатися, юмшакъ на себя класти. И прислалъ къ государю князь Михайло Воротынской: «размыслъ (инженеръ) де и зеліе подъ городъ подставилъ, а съ города-де его видѣли, и не возможно де до третьяго часу мѣшкати». Царь же благочестивый посылаетъ по всѣмъ полкомъ возвѣстити, да вскорѣ вси уготовятся на брань. Самъ же государь иде въ церковь, и повелѣ правило по скору совершити; а самому государю многія слезы отъ очію своего испущающу, и у Бога милости просяще; свѣту же приближившуся, отпустилъ царь воеводъ, а велѣлъ на урочномъ мѣстѣ стати у города, а своего царскаго приходу ожидати. А самъ царь государь литоргію велѣлъ начати, хотяше бо святыни коснутися, и соверша литоргію отдати Божія Богови, и поѣхати со свой полкъ. Литоргіи же начѣншу сштрашно же убо и умиленію достойно въ то время благочестиваго царя видѣти въ церкви вооружена стояща, доспѣху убо на немъ ничимъ же прикрыту, но тако и всѣмъ сущимъ съ нимъ вооруженнымъ и тщащимся къ смертному часу за благочестіе. И се пріиде время на литоргіи чести св. Евангеліе, солнцу уже восходящу, и егда кончаше діаконъ, и возгласи послѣднюю строку въ Евангеліи: и будетъ едино стадо и единъ пастырь— и абіе якоже сильный громъ грянулъ, и вельми земля дрогну и потрясеся. Благочестивый же царь изъ церковныхъ дверей мало поступи, и видѣ градскую стѣну подкопомъ вырвану; и страшно убо зрѣніемъ земля, яко тма являшесь и на великую высоту восходяще, и многія бревна и людей на высоту возметающе поганыхъ. Царю же благовѣрному на молитву уклонившуся, и слезы къ слезамъ прилагаше, и послѣ того діакону тако глаголющу ектенію (слѣдуютъ слова ектеніи), и се внезапу вторый подкопъ градскую стѣну грознѣе перваго сотвори и множество гражданъ на высотѣ являшесь овымъ на полы перерваннымъ, а инымъ же руцѣ и нозѣ оторвани, и со великой высоты бревна падаху во градъ, и множество нечестивыхъ побивше. И пойде воинство царское со всѣхъ странъ на градъ, и вси воини православніи Бога на помощь призвавше и кликнувше: съ нами Богъ! и со всѣхъ сторонъ вскорѣ устремишась на поганыхъ. Татарове же во граде сквернаго своего Магмета лживаго и совѣтниковъ его призываютъ къ себѣ на помощь и говорятъ: вси помремъ за юртъ! и бьющимся обоимъ въ воротахъ и на стѣпахъ крѣпце. Царь же благочестивый стоя въ церкви и моля Создателя Бога, такожде и вси людіе съ великимъ воплемъ и плачемъ призывая Бога на помощь и священницы служаще въ олтари съ слезами литоргію свершахy. И се пріиде нѣкій ближній царевъ глагола ему: се, государь, время тебѣ ѣхати, яко убо бьющимся твоимъ со невѣрными, и многіе полки тебя ожидаютъ. Царь же отвѣща ему аще до конца пѣніе дождемъ, да свершенную милость отъ Христа получимъ. И се вторая вѣсть пріиде отъ града: великое время царю ѣхати, да укрѣпятся воини, видѣвъ царя. Царь же воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и слезы многія пролія, и рече: не остави мене Господи Боже мой! и не отступи отъ мене, воньми въ помощь мою! И пріиде къ образу чудотворца Сергія, и приложися къ нему, и причастися святыя воды, и доры вкусивъ, тако и богородична хлѣба и литоргіи скончание бывши, благословляетъ его отецъ его духовный, изрядный Андрей протопопъ животворящимъ крестомъ. Исходитъ царь изъ церкви молитвою вооруженъ, и обращся къ своимъ богомольцемъ рекъ: меня благословите и простите за православіе пострадати, и вы безпрестанно Бога молите, а намъ молитвою помогайте. И вступаетъ государь въ бранное стремя, и всходитъ на конь и по скору поиде къ полку своему ко граду; и видѣ государь знамена христіанскія уже на стѣнахъ градскихъ».

Въ этомъ разсказѣ, который такъ тяжелъ и сухъ сравнительно съ своимъ воспроизведеніемъ у Карамзина, читатель однако остановится на любопытномъ описаніи положенія главнаго дѣйствующаго лица, описаніе, которое проливаетъ большой свѣтъ на характеръ Іоанна; вмѣстѣ съ этимъ читатель поразится совершенно противоположною постановкою фигуры Іоанновой у Карамзина. Въ лѣтописи Іоаннъ, молящійся съ глубокими воздыханіями и слезами, проникнутый религіознымъ чувствомъ, которое одно его поддерживаетъ: у историка эти черты стерты, и однимъ словомъ, словомъ «спокойно», котораго нѣтъ въ источникѣ и быть не могло, данъ лицу совершенно иной характеръ: «Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію». Читатель замѣтилъ также невѣрность въ одной подробности: источникъ не говоритъ, чтобъ Іоаннъ пріобщался Св. Таинъ.

Представленіе Іоанна во второй половинѣ его царствованія, въ IX-мъ томѣ «Исторія Государства Россійскаго», представленіе, совершенно согласное съ представленіемъ Курбскаго, проистекаетъ также изъ господствующаго стремленія автора, такъ

ясно имъ самимъ высказаннаго въ приведенномъ отзывѣ его о характерѣ Іоанна IV: еслибъ историкъ сталъ останавливаться надъ каждымъ извѣстіемъ, подвергать его критикѣ, указывать на явленія объясняющія, и нѣкоторые вопросы оставлять нерѣшенными вслѣдствіе недостатка пояснительныхъ свидѣтельствъ, то «славный характеръ для исторической живописи» потерялъ бы очень много, чего Карамзинъ, по свойству своего таланта, никакъ не могъ допустить. Извѣстно, какое впечатлѣніе производятъ на читателя описанія казней въ IX томѣ, причемъ историкъ-живописецъ достигаетъ своей цѣли; но историкъ настоящаго времени не можетъ позволить себѣ подобнаго описанія казней въ подробностяхъ, ибо не можетъ никакъ поручиться за вѣрность этихъ подробностей. Откуда почерпнуты они? изъ Курбскаго, Гваньини, Таубе и Крузе. Но эти повѣствователи или противорѣчатъ другъ другу въ подробностяхъ, или, когда имѣемъ возможность сравнить эти подробности съ источниками, неподлежащими сомнѣнію, то онѣ оказываются ложными. Такъ, напримѣръ, у Курбскаго читаемъ объ архіепископѣ Казанскомъ Германѣ: «И по дву днѣхъ обрѣтенъ во дворѣ своемъ мертвъ епископъ оный». Карамзинъ при этомъ долженъ сказать: «Германъ не черезъ два дни умеръ, а въ 1567 году, ноября 6-го». Въ подробностяхъ о кончинѣ князя Владиміра Андреевича Курбскій противорѣчитъ Таубе и Крузе; Гваньини противорѣчитъ этимъ троимъ повѣствователямъ, Одерборнъ противорѣчитъ всѣмъ; Карамзинъ, не обращая большаго вниманія на Гваньини и Одерборна, останавливается только на свидѣтельствѣ писателей болѣе для него авторитетныхъ, именно на Курбскомъ и Таубе съ Крузе, и такъ какъ они противорѣчатъ другъ другу, то онъ рѣшаетъ, кто справедливѣе: «Таубе и Крузе находились тогда при царѣ, а Курбскій въ Литвѣ; сказаніе первыхъ достовѣрнѣе». Но эти достовѣрные свидѣтели, равно какъ Курбскій, говорятъ, что вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ погибли и всѣ сыновья его, а въ памятникѣ, неподлежащемъ сомнѣнію, именно въ завѣщаніи Іоанна, говорится о сынѣ князя Владиміра, какъ о лицѣ живомъ. Завѣщаніе царя было извѣстно автору.

Мы обязаны также обратить вниманіе на нѣкоторыя положенія, которыя принимаются безъ возможности повѣрки и до сихъ поръ имѣютъ силу; таково, напримѣръ, положеніе о происхожденіи Донскихъ казаковъ: «Важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣлалась новая воинственная республика, составленная изъ людей, говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдающихъ нашу вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь европейскихъ съ азіятскими чертами, людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣздниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои,—говоримъ о славныхъ Донскихъ казакахъ, выступившихъ тогда на ѳеатрѣ исторіи. *Нѣтъ сомнѣнія*, что они же назывались прежде Азовскими, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона; грабили московскихъ купцовъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими воеводами въ степи для развѣдыванія о ногаяхъ или крымцахъ, и безпокоили набѣгами Украйну. Они считались Россійскими бѣглецами; искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодоносныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ султану, какъ государю Азовской земли; но казаки гнушались зависимостію отъ Магометанскаго царства, признали надъ собою верховную власть Россіи— и въ 1549 году вождь ихъ Сарызманъ, именуясь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣпости на Дону: они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ; обязывались служить вдали бдительною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и, водрузивъ знаменіе креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой державы въ виду у султана». Донскіе казаки, выходцы изъ предѣловъ Московскаго государства, никогда не находились въ подданствѣ у Турецкаго султана; ихъ никакъ не должно смѣшивать съ турецкими азовскими казаками, которые во время усиленія нашихъ Донскихъ казаковъ не переставали враждебно дѣйствовать противъ нихъ и вообще противъ русскихъ людей: такъ въ 13 № Крымскихъ Дѣлъ, подъ 1569-мъ годомъ въ разсказѣ Семена Мальцева читаемъ: «Послалъ меня царь и государь въ Ногаи, и язъ государскіе дѣла здѣлалъ, и на Переволокѣ пришли на насъ Азовскіе казаки и меня взяли замертво ранена». Всего яснѣе о различіи Азовскихъ казаковъ отъ русскихъ, Донскихъ, видно изъ грамоты московскаго посла въ Крымъ Нагаго къ государю (Дѣла Крыма, № 10, стр. 125): Нагой пишетъ, что ему нельзя послать вѣсть въ Москву, потому-что «Азовскіе казаки съ твоими государевыми казаками не въ миру». Мы не можемъ теперь принять извѣстіе Карамзина объ уничтоженіи Опричнины въ 1572 году; г. Бередниковъ въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ актамъ Археографической Коммисіи указалъ на акты, которыми подтверждается извѣстіе лѣтописей о царѣ Симеонѣ, а вмѣстѣ и существованіе Опричнины послѣ 1572 года; мы должны прибавить, что догадка г. Бередникова о тождествѣ двухъ названій для одного и того же учрежденія вполнѣ подтверждается извѣстіемъ неизданной лѣтописи изъ Библіотеки Волынскаго, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Пораженные характеромъ Іоанна IV-го, перемѣнами, происходившими въ образѣ его дѣйствій, занятые преимущественно объясненіемъ этихъ пере-

мѣнъ, оба историка, и Щербатовъ и Карамзинъ, естественно, приписали имъ гораздо большее вліяніе на ходъ событій, чѣмъ какое они въ самомъ дѣлѣ имѣли; такъ, напримѣръ, извѣстный ходъ знаменитой войны съ Баторіемъ приписанъ исключительно состоянію духа Іоанна и его поведенію относительно старыхъ, искусныхъ, опытныхъ воеводъ, тогда какъ ходъ войны съ Баторіемъ необходимо условливался тогдашнимъ военнымъ устройствомъ. Для удостовѣренія въ этомъ стоитъ только вспомнить, какъ велись войны съ Литвою при отцѣ Іоанна и при немъ самомъ: многочисленныя, но нестройныя массы войска входили въ непріятельскія области, опустошали ихъ и возвращались; Литва, подобно Московскому государству, не имѣла постояннаго войска: но здѣсь и тамъ владѣльцы земельныхъ участковъ должны были, по требованію государства, выступать въ походъ; но въ Литвѣ, по извѣстному ея государственному устройству, сборъ войска происходилъ гораздо медленнѣе и являлось его гораздо менѣе, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ, чѣмъ и объясняются успѣхи послѣдняго, взятіе Смоленска, Полоцка. Но Стефанъ Баторій перемѣнилъ прежній образъ веденія войны: онъ вывелъ въ поле дружины ратниковъ иноплеменныхъ, но искусныхъ, привыкшихъ къ войнѣ, какъ своему ремеслу, и предпринялъ быстрое, наступательное движеніе, являясь тамъ, гдѣ его не ждали; и здѣсь причина его успѣха, ибо и послѣ московскія войска въ войнахъ съ поляками и шведами постоянно терпѣли пораженія въ чистомъ полѣ, до тѣхъ поръ, пока не введено и устроено было постоянное войско, пока побѣдитель Полтавскій не провозгласилъ тоста за здоровье своихъ учителей въ военномъ искусствѣ. Что же касается до поведенія Іоанна IV-го въ войнѣ съ Баторіемъ и въ сношеніяхъ съ ханомъ Крымскимъ послѣ сожженія Москвы, то оно было одинаково съ поведеніемъ его предшественниковъ въ подобныхъ случаяхъ: стоитъ только вспомнить поведеніе Іоанна III на берегахъ Угры; уступать при неудачѣ и выжидать обстоятельствъ благопріятнѣйшихъ, не спуская глазъ съ цѣли,—было правиломъ Московскихъ государей.

Щербатовъ, взаключеніе разсказа о дѣлахъ Іоанна IV-го, снова обращается къ характеру послѣдняго, снова старается объяснить перемѣну, въ немъ происшедшую. Карамзинъ изобразилъ Іоанна по Курбскому, и въ то же время, не допуская мысли Курбскаго, что первая половина царствованія не принадлежитъ Іоанну, отказывается взаключеніе объяснить характеръ этого государя, и говоритъ: «Несмотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна есть для ума загадка, и мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ». Но умъ не успокоивается, пока не разрѣшитъ загадокъ, и потомъ изображеніе Іоанна IV-го, сдѣланное Карамзинымъ, немедленно же встрѣтило сильныя возраженія, которыя будутъ разсмотрѣны нами въ своемъ мѣстѣ [1]). Царствованіе Іоанна IV-го, какъ обыкновенно, оканчивается у Карамзина краткимъ обзоромъ внутренней дѣятельности; здѣсь мы остановимся только на одномъ важномъ положеніи, утвердившемся въ наукѣ, на положеніи о думныхъ дворянахъ: «Какъ въ Приказахъ, такъ и въ областныхъ правительствахъ или судахъ главными дѣйствователями были дьяки-грамотѣи, употребляемые и въ дѣлахъ посольскихъ, ратныхъ, въ осадахъ, для письма и для совѣта, къ зависти и неудовольствію дворянства воинскаго. Умѣя не только читать и писать лучше другихъ, но зная твердо и законы, преданія, обряды, дьяки или приказные люди составляли особенный родъ слугъ государственныхъ, степенію ниже дворянъ и выше жильцовъ или нарочитыхъ дѣтей боярскихъ, гостей или купцовъ именитыхъ; а дьяки Думные уступали въ достоинствѣ только Совѣтникамъ государственнымъ: боярамъ, окольничимъ и новымъ Думнымъ Дворянамъ, учрежденнымъ Іоанномъ въ 1572 году, для введенія въ Думу сановниковъ отличныхъ умомъ, хотя и не знатныхъ родомъ». При такомъ точномъ опредѣленіи времени учрежденія думныхъ дворянъ, авторъ ссылается на статью, помѣщенную въ XX-й части «Древней Россійской Вивліоѳики»; но онъ былъ въ правѣ не руководствоваться показаніями этой статьи, имѣя въ рукахъ источники, которые говорятъ совершенно противное: дѣла посольскія говорятъ намъ о дворянахъ, засѣдавшихъ съ боярами въ Думѣ прежде 1572 года, о дѣтяхъ боярскихъ, засѣдавшихъ въ Думѣ до совершеннолѣтія Іоанна. Такъ, при пріемѣ литовскихъ пословъ, въ 1542 году, читаемъ: «Да въ избѣ жъ были у Великаго Князя и дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ, и которые въ думѣ не живутъ»; при описаніи переговоровъ съ литовскими послами 1570 года, говорится: «А у сего дѣла бояре были, да дворяне, которые живутъ у государя съ бояры».

Послѣ Іоанна IV-го историку представился другой чудный характеръ для исторической живописи — характеръ Бориса Годунова. Для описанія временъ Годунова и самозванца у Карамзина, кромѣ князя Щербатова, былъ еще другой предшественникъ, исторіографъ XVIII-го вѣка, Миллеръ, который произнесъ надъ Годуновымъ такой приговоръ: «Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, по остротѣ ума и необыкновенному искусству въ дѣлахъ правленія, *долженъ быть включенъ въ число величайшихъ людей своего времени*. Но его нравственный характеръ не соотвѣтствовалъ достоинствамъ умственнымъ, отчего и происходитъ, что объ немъ обыкновенно слышится мало хорошаго... Борисъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые для достиженія верховной власти считаютъ всѣ средства позволенными».... Щербатовъ, по собственному

[1]) Въ статьѣ «О русской исторической литературѣ послѣ Карамзина».

признанію, много пользовавшійся сочиненіемъ Миллера, ослабляетъ нѣсколько приговоръ послѣдняго относительно умственныхъ достоинствъ Годунова, и съ самаго начала преимущественно выставляетъ его недостатки нравственные: «Сей Годуновъ былъ человѣкъ, исполенный честолюбія, коварный, захватчивый, мстительный, и *ничего священнымъ не почитающій, лишъ бы что могло довести его до конца его намѣреній*. Не видно, чтобъ онъ какими знатными своими подвигами пріобрѣлъ себѣ какую именитость; ибо, начавъ свою службу съ 1571 года, былъ рындою при царевичѣ Іоаннѣ Іоанновичѣ въ походѣ противъ Крымскаго царя, уже въ 1577 былъ пожалованъ крайчимъ, и во время похода царя Іоанна Васильевича оставленъ при царевичѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ вторымъ, что можетъ быть и было первое основаніе любви къ нему отъ сего младаго князя и по восшествіи его на престолъ, ибо легко могъ толь хитрый мужъ вкрасться въ сердце младаго добродушнаго князя; въ 1579 году былъ въ походѣ на Лифляндію и противъ польскаго короля Стефана Баторія, въ коемъ ничего знаменитаго учинено не было, а въ 1591 году пожалованъ онъ въ бояре, и былъ на свадьбѣ царя Іоанна Васильевича на Нагой дружкою, а жена его свахою. Можетъ статься, помогло ему толь скоро достигнуть въ чинъ боярскій супружество его на дочери Малюты Скуратова, любимца царя Іоанна Васильевича... Годуновъ при всѣхъ своихъ порокахъ былъ разуменъ, предвѣдущъ и трудолюбивъ... Сей мужъ былъ одаренъ великимъ разумомъ и искусствомъ и, какъ видно, довольнымъ трудолюбіемъ; къ тому же, кажется, что и самое сердце его довольно было преклонно къ правосудію и къ благодѣяніямъ. Конечно бы такія естественныя дарованія могли послужить къ великой пользѣ отечества его, если бы сіе отечество не было несчастно тѣмъ, чтъ онъ жилъ, что сестра его была супругою, и что онъ служилъ слабому государю. Представивъ, каковъ былъ царь Борисъ Өеодоровичъ, и что, поощряя его страсти, ввело его въ преступленія, воззримъ на него, яко на другова человѣка, поврежденнаго уже счастіемъ и стеченіемъ обстоятельствъ. Онъ, при вышеозначенныхъ хорошихъ качествахъ былъ честолюбивъ до крайности, яко весь поступокъ его доказуетъ; пышенъ, какъ видно по его зданіямъ и по великолѣпію, введенному ко двору и въ государство; скрытенъ въ своихъ дѣлахъ, яко сіе доказуютъ пріѣзды Князя Шведскаго, котораго прямыя причины въ сокровеніи остались, и князя Датскаго, которыя тогда лишь открылись, когда ихъ онъ самъ открыть восхотѣлъ; хитръ, могъ враждебнаго ему Митрополита Діонисія привести быть противникомъ желаемаго разрушенія брака сестры его съ царемъ Өеодоромъ, примирившись съ Шуйскимъ, дабы имъ пагубу сдѣлать; непримиримъ къ своей враждѣ, яко поступокъ его съ самыми Шуйскими и другими доказуетъ; коваренъ и притворенъ, какъ явился онъ яко бы отреченіями своими отъ престола; подозрителенъ до крайности и мстителенъ, яко изгнаніемъ и убіеніемъ многихъ изъ роду Романовыхъ себя оказалъ; являя притомъ, что онъ не устрашался проливать безвинныя крови; незнающъ въ военномъ искусствѣ, и едвали имѣющій довольно бодрости духа, чтобъ быть самому въ дѣйствіи военномъ, ибо по крайней мѣрѣ видно, что онъ нигдѣ вблизи непріятеля не видалъ; и наконецъ: не было никакого преступленія, котораго бы онъ не готовъ былъ содѣлать для достиженія до своихъ намѣреній. Что избраніе его было чрезъ единые его происки учинено, что обмоченный кровію царей своихъ, ясно въ воздаяніе за учиненныя убійства онъ сѣлъ на ихъ престолъ, и преступленіями достигъ наслѣдникомъ ихъ учиниться, сіе по исторіямъ царя Өеодора Іоанновича и его самого довольно видно: однако, взошедъ беззаконнымъ образомъ на престолъ, пріялъ убійственными руками скипетръ и державу Владиміра Мономаха окромѣ тѣхъ преступленій, которыя подозрѣніями и мщеніемъ побужденъ былъ содѣлать, можно сказать, что въ правленіи своемъ явилъ себя мудрымъ государемъ: содержалъ миръ съ окружными народами, не давая упадать военному чину; правосудіе въ его царствованіе со всею точностію, но и съ умѣренностію къ послѣднему изъ народа было исполняемо; кичливость бояръ и обиды, чиненные ими, благопристойнымъ образомъ были укрощены; границы Россійскія укрѣплены; казна государственная сохранена и умножена; торговля поощрена; во время голода народъ спомоществованъ; зданія содѣланы, и словомъ: могъ бы сей назваться великій государь и отецъ отечества, еслибъ не хищность, не развратъ, не убійства и преступленія его до престола довели».

Карамзинъ принялъ безъ повѣрки приговоръ предшественниковъ относительно характера Борисова, ибо этотъ приговоръ не могъ не прельстить его: великій человѣкъ, могшій быть великимъ государемъ и отцомъ отечества, поддался страсти, честолюбію, которое увлекло его къ преступленію, и это преступленіе отравляетъ все, губитъ преступника, несмотря на все его величіе, на все стремленіе къ добру, и ввергаетъ государство въ бездну золъ:—какое явленіе для исторической живописи! Мы думаемъ, что Пушкинъ принялъ характеръ Бориса, какъ онъ представленъ у Карамзина не потому только, что преклонялся предъ авторитетомъ послѣдняго: это представленіе характера Борисова точно также прельстило и Пушкина, какъ прельстило самаго Карамзина. Щербатовъ, сообразуясь съ извѣстіями источниковъ, не выставляетъ дѣятельности Годунова въ выгодномъ свѣтѣ, не даетъ ей виднаго мѣста до царствованія Өеодора Іоанновича. Карамзинъ поступаетъ иначе; онъ знакомитъ своихъ читателей съ Годуновымъ еще въ царствованіе Іоанна IV-го: уже здѣсь выставляетъ его такимъ, какимъ онъ является во все послѣдующее время, и, за неимѣніемъ извѣстій въ источникахъ, прибѣгаетъ къ догадкамъ, чтобъ возвысить значеніе Годунова еще при Грозномъ: приведя извѣстіе (не-

вѣрное, какъ мы видѣли) объ уничтоженіи опричнины въ 1572 году и упомянувъ о Малютѣ Скуратовѣ, авторъ говоритъ: «Любовь къ нему (къ Малютѣ) государева начинала тогда возвышать и благороднаго юношу, зятя его, свойственника (?) первой супруги отца Іоаннова, Бориса Ѳеодоровича Годунова, въ коемъ уже зрѣли и великія добродѣтели государственныя и преступное властолюбіе. Въ сіе время ужасовъ юный Борисъ, украшенный самыми рѣдкими дарами природы, сановитый, благолѣпный, прозорливый, стоялъ у трона окравовленнаго, но чистый отъ крови, съ тонкою хитростію избѣгалъ гнуснаго участія въ смертоубійствахъ, ожидая лучшихъ временъ, и среди звѣрской опричнины сіяя не только красотою, но и тихостію нравственною, наружно увѣтливый, внутренно неуклонный въ своихъ дальновидныхъ замыслахъ. Болѣе царедворецъ, нежели воинъ, Годуновъ являлся подъ знаменами отечества единственно при особѣ монарха, въ числѣ его первыхъ оруженосцевъ, и еще не имѣя никакого знатнаго сана, уже былъ на Іоанновой свадьбѣ (въ 1571 году) дружкою царицы Марѳы, а жена его, Марія, свахою: что служило доказательствомъ необыкновенной къ нему милости государевой. *Можетъ быть*, хитрый честолюбецъ Годуновъ, желая имѣть право на благодарность отечества, содѣйствовалъ уничтоженію опричины».

Такимъ образомъ, Годуновъ съ самаго начала является предъ читателями уже совсѣмъ готовый, со всѣми дальновидными замыслами, тогда какъ Щербатовъ нѣсколько разъ повторяетъ, что замыслы эти созрѣвали постепенно, вслѣдствіе обстоятельствъ. Оба историка согласны въ томъ, что Годуновъ учредилъ патріаршество для собственныхъ цѣлей, для подкрѣпленія себя вообще, по Щербатову; прямо для достиженія престола,—по Карамзину. «Предложено уже выше (говоритъ Щербатовъ), какимъ образомъ въ 1587 году, митрополитъ Діонисій происками Годунова былъ низверженъ съ престола россійскія митрополіи и на его мѣсто Іовъ, преданный сему гордому любимцу, былъ посвященъ. Коль на самаго Іова Годуновъ ни полагалъ надежду, коль санъ его ни былъ почтенъ въ Россіи, но данный имъ примѣръ низверженіе митрополита могъ также и на сего обратится, а для сего и надлежало учредить новую степень дотого небывалую, которая бы саномъ своимъ отвращала всѣ могущія учиниться покушенія и противу его; надлежало польстить духовный россійскій чинъ, учиня его подъ властію изъ среды ихъ избираемому патріарху; учинить съ перваго виду полезнѣйшее дѣло для церкви россійской извлеченіемъ ея отъ повиновенія отдаленнымъ и чужеземнымъ патріархамъ; и наконецъ. надлежало наградить и паче къ себѣ привязать самого сего Іова». По Карамзину: «Борисъ, равно славолюбивый и хитрый, промыслилъ еще дать новый блескъ своему господству; Годуновъ, еще называясь подданнымъ, искалъ опоры: ибо предвидѣлъ обстоятельства, въ коихъ дружба царицы не могла быть достаточна для его властолюбія—и спасенія; обуздывалъ бояръ, но читалъ въ ихъ сердцѣ злую зависть, ненависть справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ; имѣлъ друзей; но они имъ держались, и съ нимъ бы пали, или измѣнили бы ему въ превратности рока; благотворилъ народу, но худо вѣрилъ его благодарности въ невольномъ чувствѣ своихъ внутреннихъ недобродѣтельныхъ побужденій къ добру, и зналъ, что сей народъ въ случаѣ важномъ обратитъ взоръ недоумѣнія на бояръ и духовенство; хотѣлъ польстить честолюбію Іова титломъ высокимъ, чтобъ имѣть въ немъ тѣмъ усерднѣйшаго и знаменитѣйшаго пособника; ибо наступилъ часъ рѣшительный, и самовластный вельможа дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго.» Смерть царевича Димитрія и избраніе Годунова у обоихъ историковъ описаны одинаково; на законъ 1592 года оба смотрятъ также одинаково.

Разсказъ о появленіи самозванца Карамзинъ начинаетъ такъ: «Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную». Возникновеніе мысли о самозванствѣ въ головѣ монаха объясняется слѣдующимъ образомъ: «Пользуясь милостію Іова, онъ (Отрепьевъ) часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ: видѣлъ пышность царскую и плѣнился ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу». Описавъ, какъ Самозванецъ въ первый разъ открылъ о своемъ царственномъ происхожденіи, Карамзинъ продолжаетъ: «Такъ къ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго монарха и сѣсть на его престолъ, въ державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ богомъ, и гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ царямъ, и гдѣ присяга, данная государю избранному, для вѣрноподданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безумнымъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли—Литву! Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи вездѣ усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ отъ князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина: туда устремился и Самозванецъ». Послѣ разныхъ похожденій Самозванецъ открывается Вишневецкому: «Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Ѳеодоровъ; и Сигизмундъ отвѣтство-

валъ, что желаетъ его видѣть; онъ уже былъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе равностными доброхотами Самозванца: папскимъ нунціемъ Рангони и пронырливыми іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстью малодушнаго Сигизмуда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая. Въ самомъ-дѣлѣ, что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего нельзя было имъ требовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе короля и нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные іезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для однихъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, а подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. Должно отдать справедливость уму разстриги: предавъ себя іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, народному праву и мнѣнію многихъ знатныхъ вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги... Но способы его (Лжедимитрія) еще не соотвѣтствовали важности замысла. Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ подвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Зная свойство мятежныхъ Донскихъ казаковъ, зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои, Лжедимитрій послалъ на Донъ съ грамотою. Удальцы донскіе сѣли на коней, чтобъ присоединиться къ толпамъ Самозванца. Въ городахъ, селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ Лжедимитрія къ Россіянамъ, съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить, а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской, обрадовались: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставлялъ знамя для собранія вольницы: онъ поднялъ и казаковъ Запорожскихъ. Столько движенія, столько гласныхъ происшествій, могли ли утаиться отъ Годунова? Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова, онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь замыслами своихъ тайныхъ враговъ, искалъ заговора въ Россіи, подозрѣвалъ бояръ; призвалъ въ Москву царицу-инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій Монастырь съ патріархомъ, воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предположеннаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну; но царица-инокиня, равно какъ и бояре, ничего не знали. Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ манифистомъ. Сей манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украйнѣ, гдѣ не только подвижники Хлопковы и слуги опальныхъ бояръ, ненавистники Годунова—не только низкая чернь, но и многія люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго діакона въ союзникѣ короля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ляхами, въ витязѣ ловкомъ и искусномъ владѣть мечемъ и конемъ, въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпанное Мнишекомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ идти навстрѣчу къ Димитріевой тѣми: подозрѣвалъ бояръ и вручилъ имъ судьбу свою. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличъ мертваго: слѣдовательно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію царевича; но они не любили Бориса! Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи самозванцевъ и не понимая столь дерзкаго обмана; любя древнее племя царей и съ жадностью слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Россіяне тайно же предавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно, какимъ нибудь чудомъ, достойнымъ его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника. По крайней мѣрѣ сомнѣвались, и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души, слѣдовалъ мыслями за московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи: чѣмъ судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ государствѣ; расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно. Войско шло, повинуясь царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ».

Такъ объясняются появленіе и успѣхъ Самозванца: «Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ инокомъ». Понятно, что любопытство читателя сильно затрогивается извѣстіемъ, что мысль о самозванствѣ была внушена Отрепьеву какимъ-то злымъ инокомъ; читатель желаетъ подробностей, онъ не находитъ ихъ въ примѣчаніи, гдѣ авторъ ссылается на Бера, то есть Бурсова; но послѣдній злаго инока выставляетъ не самостоятельнымъ внушителемъ злой мысли, но орудіемъ враговъ Годунова: «Wie nun

der Teufel sichet, dass mit Gifft und Mordt nichts zu verrichten seyn will, Gibt er ihnen (врагамъ Бориса) einen andern Grif im Sinn, nämlich eine Lüge fürzunehmen, brauchten auch ein recht wunderlich und teufelisch instrument dazu. Es var ein Münch Chrisca Alrepio genannt. Derselbige (weilen er und alle Münche es mit den Verrähtern und Mentmachern wider den Boris hieltem) wird dazu bewogen, dass, er sich auf die Fahrt begebe. Dieser hatte solches Befehlig: er solle ins Reich Polen ziehen und in grosser Geheim nach einen solchen Jungling sich umbthun, der dem zu Uglitz ermordeten Demetrie an Alter und Gestalt mogte ätnlich zeyn, und wann er solchen antrefe, denselbcn dahin bereden, das er sich für den Demetrium ausgebe, und dass ihn Gott der Herr zu der Zeit, als er sollen ermordet werden, durch getreue Leute in grosser Geheim davon bringen lassen, und wäre an seiner Stelle ein ander Knabe umbgebracht worden». Князь Щербатовъ предлагаетъ тоже объясненіе, догадывается, что самозванецъ былъ орудіемъ враговъ Борисовыхъ: «Можетъ быть, кто нибудь вложилъ въ него первыя мысли пріять на себя сіе великое имя. Когда, можетъ статься онъ показалъ нѣкоторую къ сему преклонность, то не было ли еще кого изъ знатныхъ, который какъ по ненависти на царя Бориса, такъ и для своего возвышенія, поелику легко считалъ возстановленнаго сего слабаго кумира низринуть, и самому его мѣсто занять, тайно его къ тому побуждалъ; ибо въ самомъ дѣлѣ, не нахожу я почти возможности вѣрить, чтобъ сынъ боярской, бывъ менѣе двадцати лѣтъ юноша, и постриженный въ монашескій чинъ, могъ выдумать, и еще меньше самъ собою упорствовать въ такомъ великомъ предпріятіи».

Характеръ Лжедимитрія, поведеніе его на престолѣ, доказательства самозванства его изложены Карамзинымъ, согласно съ предшествовавшими историками Мюллеромъ и княземъ Щербатовымъ. Что касается до характера Шуйскаго, то князь Щербатовъ является адвокатомъ его противъ современныхъ писателей: «Не легко (говоритъ онъ) начертать обычай сего несчастнаго государя, который былъ возведенъ въ смутное время на престолъ, принужденъ былъ претерпѣвать нареканія въ несчастіяхъ Россіи, которымъ онъ не былъ причиною и которымъ помогать не могъ. Что онъ былъ человѣкъ честолюбивый и хитрый, то сіе доказуетъ единое слѣдствіе его при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ о смерти царевича Димитрія, такъ же, что, невзирая на всю непріязнь Бориса Годунова къ его роду, онъ всегда старался снискать его пріязнь. Не меньше его хитрость, проницательный разумъ и дальновидность являются въ учиненіи заговора противъ Разстриги, и съ какою твердостію, остроуміемъ и прозорливостію сіе исполнилъ, ибо и въ самомъ жару толь опаснаго дѣйствія предусматривалъ, что Польская Республика будетъ требовать удовольствія за побіенныхъ поляковъ и за безчестіе посламъ; все сіе, колико могли допустить обстоятельства, отвратилъ. Неизвѣстно намъ подлинно, употреблялъ ли онъ какіе происки для полученія престола; но думаю, что главный его прискъ былъ предъ самымъ симъ учиненная отечеству услуга, убіеніемъ гнуснаго самозванца, тирана и разорителя вѣры. Но воззримъ на его разумъ въ дѣлахъ управленія государства. Хотя намъ остается единый его указъ 1607 года о крестьянахъ, съ котораго времени ихъ, перешедшихъ на прежнія ихъ жилища возвращать, и какое наблюденіе о семъ должно земское благочиніе имѣть; то и въ семъ мы обрѣтаемъ столько провидѣнія, разума и справедливости, что онъ конечно и просвѣщеннѣйшимъ временамъ могъ бы честь сдѣлать. Впрочемъ, поступки его политическіе въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ изъявляютъ его дальновидность. Заключенные договоры съ королемъ шведскимъ и требуемая помощь отъ Швеціи показуютъ, что онъ проникъ, коликая есть польза самаго короля шведскаго Карла IX не допустить польскому королю усилиться и Россію ослабить. Есть-ли же, наконецъ, слѣдствіе противное показало, въ томъ не онъ, а обстоятельства причиною. Если мы воззримъ на его храбрость и знаніе военнаго искусства, то и въ семъ случаѣ не можемъ мы не воздать ему достойной похвалы. Повсюду, гдѣ онъ былъ употребленъ начальникомъ войска, имѣлъ успѣхъ. Распредѣленіе войскъ, назначеніе имъ мѣстъ толь великое искусство показуютъ, а особливо во время похода его подъ Тулу; и оное есть таково въ распоряженіи разныхъ отрядовъ, что можетъ примѣромъ и искуснымъ нынѣшнимъ вождямъ быть. Онъ, можетъ статься, почти единый чувствовалъ въ тогдашнее время великое сіе и неоспоримое правило, что безъ добраго устроенія вся храбрость воиновъ въ ничто обращается: чего ради выбравъ изъ чужестранныхъ писателей и составилъ ратной уставъ въ 1607 году, который былъ дополненъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1621 году. Что касается до твердости его духа, то оную онъ въ неисчетныхъ случаяхъ показалъ. Наконецъ, что касается до его благосердія, то если онъ во всю жизнь свою сіе единое содѣлалъ, что присягою своею учинилъ право Россіянамъ не быть безъ суда наказуемымъ, и чтобъ наказаніе единаго виновнаго на родъ его не простиралося, за сіе бы единое достоинъ онъ былъ вѣчныя хвалы. Однимъ словомъ: кто возметъ на себя трудъ сличить сіе мое начертаніе съ его исторіею, тотъ ясно усмотритъ, что сей государь былъ мудръ, продлителенъ, храбръ, искусенъ въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ, и что сердце его склонно было къ милосердію. Но онъ былъ несчастенъ, а несчастіе не токмо лишило его способовъ полезное что для государства содѣлать, но и самого свело въ монахи, и потомъ въ плѣнъ, гдѣ и скончался».

Такимъ образомъ Щербатовъ не даетъ характеру Шуйскаго, въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ вы-

ставленному, никакого вліянія на обстоятельства: вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ Шуйскій не могъ сдѣлать ничего полезнаго, несмотря на свои достоинства. У Карамзина характеръ Шуйскаго представленъ гораздо удовлетворительнѣе: онъ уже даетъ видѣть читателю, хотя и несовсѣмъ ясно, вліяніе характера и поведенія Шуйскаго на ходъ событій: «Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ ковъ, могъ быть только вторымъ Годуновымъ лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцарясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и вѣру! Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ; съ наружностію невыгодною, даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ вельможа, снискать любовь гражданъ, честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность къ легковѣрію, коей желаетъ зломысліе, и въ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Васильевой въ борееніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ государства! Василій (говоритъ лѣтописецъ) нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому лично, безъ вины и суда. Оказалось неудовольствіе; слышали ропотъ. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтимъ еще необыкновенное своевольство въ народѣ и шаткость въ умахъ: ибо частыя перемѣны государственной власти рождаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ. Россія же въ теченіе года имѣла четвертаго самодержца, и не видала нужнаго общаго согласія въ послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго, его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство». Здѣсь вмѣстѣ съ вліяніями характера Василіева на событія показано вліяніе и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. У Щербатова на эти обстоятельства обращено болѣе вниманія: тамъ онъ обращаетъ вниманіе на законъ 1592 года, на голодъ, бывшій въ царствованіе Годунова.

Критики, разсматривающіе «Исторію Государства Россійскаго» преимущественно съ точки зрѣнія художественной, справедливо предпочитаютъ XII-й томъ всѣмъ предшествовавшимъ: событія, здѣсь разсказанныя такого рода, что давали обильную пищу таланту автора. Съ точки зрѣнія научной XII-й томъ теперь намъ кажется слабѣе предшествовавшихъ, потому что у насъ много новыхъ матеріаловъ, объясняющихъ удовлетворительнѣе эпоху; но статья наша не можетъ имѣть цѣлію указаніе отношеній «Исторіи Государства Россійскаго» къ настоящимъ средствамъ нашей науки, ибо мы имѣемъ дѣло не съ современнымъ сочиненіемъ. Карамзинъ остановился на событіяхъ 1611 года; но взглядъ свой на послѣдующія событія онъ высказалъ въ особой статьѣ (О древней и новой Россіи); въ этой статьѣ для насъ важнѣе всего именно взглядъ автора на отношеніе между древнею и новою Россіею. Вотъ этотъ взглядъ:

«Царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексія, Ѳеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ, отъ частныхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ; но примѣръ начиналъ дѣйствовать и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ и въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Это измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ. Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольства вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства, онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ — и все перемѣнилось. Этою цѣлью было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ европейскихъ. Потомство воздало

усердную хвалу сему безсмертному государю и личнымъ его достоинствамъ и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую; исправилъ, умножилъ войско; одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани; издалъ многіе законы мудрые; привелъ въ самое лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академіи; наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для Самодержцевъ дарованіе: употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобъ выбрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди,—и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ сенатѣ, въ кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ, и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I-го, Іоанна III-го, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и—что неменѣе важно—учредили твердое въ ней правленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое. Князья Московскіе приготовили оное».

Въ этихъ словахъ всего яснѣе высказывается отношеніе Карамзина, какъ историка, къ его предшественникамъ. Въ продолженіе XVIII вѣка громадный образъ Петра долго закрывалъ собою образы своихъ предшественниковъ, всю древнюю русскую исторію: не по мнѣнію только несвѣдущихъ иноземцевъ, Петръ былъ творцомъ нашего величія государственнаго; русскіе и самые свѣдущіе были того же мнѣнія, и сочиненіями своими утверждали его у современниковъ и у потомства. Стоитъ вспомнить Ломоносова, его осьмую оду:

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Или въ четвертой одѣ, строфу, начинающуся словами: «Воззри на трудъ и громку славу». Это оды; а вотъ и слова прозаика, собирателя матеріаловъ, Крѣкшина: «Егда же благослови Богъ изъ тьмы возсіяти свѣту и возсіяти въ сердцахъ сыновъ россійскихъ, даровалъ свѣту Петра Великаго... Ты (обращается къ Петру) насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя были въ невѣдѣніи, и отъ всѣхъ порицаемы невѣждами, нитчоже имущи, ничтоже знающи. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, разума, мужества, храбрости, премудрости. До тебя всѣ нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицаютъ первыми». Но, во второй половинѣ вѣка уже возникла мысль объ отношеніяхъ древней и новой Россіи, объ отношеніяхъ дѣятельности Петра Великаго къ дѣятельности его предшественниковъ; возникъ вопросъ: дѣйствительно ли свѣтъ возсіялъ только съ царствованія Петра? дѣйствительно ли русскіе до Петра занимали послѣднее мѣсто? дѣйствительно ли были достойны презрѣнія? Болтинъ поставилъ себѣ цѣлію доказать противное, и вслѣдствіе этого Карамзинъ въ XIX вѣкѣ могъ сказать: «Мы, Россіяне, имѣя передъ глазами свою исторію, скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I-го, Іоанна III-го?». Легко понять, какое важное значеніе въ нашей исторической литературѣ имѣло возбужденіе этого вопроса: между древнею и новою Россіею перекинутъ былъ мостъ; Петру Великому нашлись предшественники, узнали какъ приготовлялось дѣло Петра: «Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать—и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи». Но зданіе науки строится долго и съ трудомъ великимъ; тотъ же Карамзинъ, который, вслѣдствіе трудовъ предшественниковъ своихъ, могъ перекинуть мостъ между древнею и новою Россіею, найдти *Среднюю Исторію*—отъ Іоанна III-го до Петра Великаго, тотъ же самый Карамзинъ увеличилъ пропасть, отдѣлявшую древнюю русскую исторію отъ средней, порвалъ всякую связь между дѣятельностію Іоанновъ московскихъ и предшественниковъ ихъ: «Забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I-го, Іоанна III-го, которые, можно сказать, *изъ ничего* воздвигли державу сильную». Не согласившись назвать Петра творцомъ величія Россіи, Карамзинъ не усумнился назвать творцомъ величія Россіи Іоанна III-го, потому что объ отношеніяхъ древней и средней исторіи не поднимался вопросъ ни до него, ни въ его время; мысль о значеніи Іоанна III-го, какъ творца величія Россіи, была наслѣдована Карамзинымъ отъ его предшественниковъ и развита имъ съ особенною любовію, именно подъ вліяніемъ вопроса, поднятаго въ исторической литературѣ Болтинымъ: при стремленіи возстановить значеніе древней русской исторіи желалось найдти въ ней лицо, которое бы можно поставить на одинаковой высотѣ съ главнымъ дѣятелемъ новой исторіи и даже еще показать превосходство главнаго героя древней исторіи предъ главнымъ героемъ новой.

Таково было отношеніе: «Исторіи Государства Россійскаго» къ источникамъ и къ трудамъ предшествовавшихъ историковъ. Теперь мы должны обратиться къ другому вопросу: каково было отношеніе «Исторіи Государства Россійскаго» къ послѣдующимъ трудамъ по русской исторіи? Только при рѣшеніи этого вопроса можно будетъ понять все великое значеніе разбираемаго творенія.

АВГУСТЪ-ЛЮДВИГЪ ШЛЕЦЕРЪ[1].

I.

Обширные, почтенные труды были совершены въ XVIII столѣтіи по русской исторіи русскими людьми и чужестранными учеными, призванными на служеніе русской наукѣ. Поле было необозримое и нетронутое: потребно было изумительное трудолюбіе и сила воли, чтобъ отважиться на его расчистку, и однако дѣлатели явились, и честно совершили свое поприще. Много было сдѣлано этими неутомимыми работниками, много относительно времени и силъ человѣческихъ; но мало относительно обширности предмета. Дѣло было только еще въ началѣ: собирали матеріалы, знакомили съ ихъ содержаніемъ, останавливались на любопытныхъ эпохахъ, поразительныхъ явленіяхъ и старались изложить, объяснить ихъ; но вопросъ о критикѣ источниковъ не поднимался еще надлежащимъ образомъ: для этого явился Шлёцеръ.

Германская наука, въ первой половинѣ XVIII вѣка, дала русской наукѣ, для обработанія русской исторіи, двухъ ученыхъ, имена которыхъ всегда будутъ произносимы съ уваженіемъ въ исторіи нашей литературы,— Байера и Мюллера. Байеръ явился въ Россію уже ученымъ, пріобрѣтшимъ извѣстность; но, къ сожалѣнію, поприще Байера на Руси было непродолжительно, и незнаніе языка русскаго, древняго и новаго, позволяло ему касаться только немногихъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ онъ могъ довольствоваться одними иностранными языками, какъ напримѣръ при мастерскомъ своемъ рѣшеніи вопроса о происхожденіи варяговъ-руси. Мюллеръ пріѣхалъ въ Россію двадцати лѣтъ, и всѣ силы своей долгой молодости посвятилъ Россіи, русской наукѣ: отъ береговъ Невы до береговъ Амура, въ архивѣ московскомъ и въ областныхъ архивахъ по сю и по ту сторону Уральскаго хребта, неутомимый Мюллеръ черпалъ извѣстія о судьбахъ необозримой страны, такъ недавно еще открытой для Европы, выписывалъ, переписывалъ, собиралъ, безпрерывно развлекаемый вопросами, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ. Архиваріусъ, профессоръ, академикъ, исторіографъ, путешественникъ, географъ, статистикъ, журналистъ, Мюллеръ былъ вѣчнымъ работникомъ при громадной машинѣ русской цивилизаціи. Мюллеръ работалъ неутомимо надъ отысканіемъ, собираніемъ матеріяловъ изъ разныхъ эпохъ русской исторіи, для объясненія той или другой стороны въ настоящей жизни русскаго народа, а между тѣмъ въ его старомъ отечествѣ, въ Германіи, наука шла впередъ; и когда утомленный Мюллеръ потребовалъ у Германіи себѣ помощника, который бы трудился подобно ему, содѣйствовалъ ему въ отыскиваніи и собираніи матеріаловъ, въ приведеніи ихъ въ порядокъ, въ составленіи катологовъ,—Германія выслала ему Шлёцера, представителя новой науки. Мюллеръ не понималъ уже, чего хотѣлъ Шлёцеръ; требованія Мюллера Шлёцеръ считалъ странными, унизительными для себя, и двое ученыхъ, хотѣвшіе жить и дѣйствовать вмѣстѣ, скоро растолкнулись двумя враждебными силами, изъ которыхъ одна называется *старымъ*, а другая *новымъ*.

Что же новаго сдѣлала историческая наука въ Германіи послѣ Мюллера? какъ воспитался Шлёцеръ? почему онъ явился съ новыми требованіями, которыхъ уже не понималъ Мюллеръ?

Шлёцеръ родился, 5 іюля 1735 года, отъ сельскаго пастора въ графствѣ Гогенлое-Кирхбергскомъ, лишился отца на пятомъ году жизни, и ранняя нужда закалила характеръ безпомощнаго сироты, который самъ долженъ былъ пробивать себѣ дорогу въ жизни. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ дѣда своего по матери, пастора Гайгольда, потомъ въ городской школѣ въ Лангенбургѣ; отсюда въ 1745 году, слѣдовательно будучи десяти лѣтъ, Шлёцеръ написалъ дѣду Гайгольду латинское письмо; дѣдъ отвѣчалъ ему: «Скажи мнѣ сущую правду—ты это письмо не самъ написалъ? Это тебѣ новый учитель написалъ? Если же ты самъ написалъ письмо, то тебѣ нечего больше дѣлать въ Лангенбургѣ, я переведу тебя въ Эрингенъ». Но планъ скоро перемѣнился: Шлёцера перевели не въ Эрингенъ, а въ Вертгеймъ, гдѣ начальникомъ школы былъ Шульцъ, мужъ старшей

[1]) August Ludwig Schlözer's öffentliches und Privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. Göttingen, 1802.—August Ludwig von Schlözer's öffentliches und Privat-Leben, aus originaler Kunden vollständig beschrieben von dessen ältesten Sohne Christian von Schlözer. Leipzig, 1828.—Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt und erklärt von A. L. Schlözer. Göttingen, 1802.

сестры Шлёцера, въ домѣ котораго послѣдній могъ жить. Здѣсь десятилѣтній ребенокъ уже началъ самъ давать уроки и, такимъ образомъ, съ ранней молодости привыкъ добывать себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ преподавателя; здѣсь-то, когда все вокругъ него уже спало, ребенокъ сидѣлъ надъ мелкимъ шрифтомъ маленькихъ изданій классиковъ и пріобрѣлъ навсегда сильную близорукость. Въ 1752 году Шульцъ объявилъ своему семнацатилѣтнему воспитаннику, что ему нечему больше у него учиться, Шлёцеръ перешелъ въ Виттенбергскій университетъ; здѣсь онъ не встрѣтилъ ни одного преподавателя, который бы имѣлъ на него сколько нибудь сильное вліяніе; другое было въ Гёттингенѣ, куда онъ перешелъ года два спустя. Здѣсь онъ встрѣтилъ знаменитаго Михаэлиса, начинавшаго своими лекціями новую эпоху въ исторической наукѣ. Михаэлисъ, при изученіи еврейскихъ древностей, впервые началъ требовать критики текста, изслѣдованія точнаго значенія словъ, знакомства съ родственными еврейскому языками, съ обычаями Востока и его поэзіею, воскрешалъ такимъ образомъ прошедшее живою обстановкою настоящихъ отношеній. Подъ вліяніемъ чтеній Михаэлиса опредѣлился навсегда характеръ ученой дѣятельности Шлёцера [1]). Какъ большая часть живыхъ, любознательныхъ дѣтей, Шлёцеръ давно уже питалъ страсть къ путешествіямъ; чтенія Михаэлиса дали опредѣлительную цѣль пламеннымъ мечтамъ молодаго человѣка, и путешествіе на библейскій Востокъ сдѣлалось завѣтною думою Шлёцера, наполнявшею всю его молодость. Шлёцеръ началъ усердно заниматься арабскимъ языкомъ; какъ онъ смотрѣлъ на свою цѣль, видно изъ письма его къ матери, которая ничего больше не желала, какъ видѣть сына гдѣ-нибудь подлѣ себя деревенскимъ пасторомъ: «Прежде», пишетъ ей Шлёцеръ, «дѣйствительно не о чемъ было больше думать; но потомъ я самъ замѣтилъ въ себѣ божественное призваніе, влекущее мое сердце къ предметамъ высшимъ. Я принялъ намѣреніе совершить далекое и дорого-стоящее путешествіе, и въ доказательство, что это намѣреніе есть дѣйствительно божественное призваніе, Провидѣніе указало мнѣ пути, которые предъ глазами всѣхъ людей таинственны и совершенно неожиданны. На такомъ-то пути я нахожусь теперь, и дѣло, которымъ я занимаюсь, есть Божіе дѣло. Кто хочетъ мѣшать этому дѣлу намѣренно, изъ своекорыстныхъ

[1]) Вотъ что самъ Шлёцеръ писалъ объ этомъ вліяніи Михаэлису: „Est praeterea aliud in me beneficium tuum, si non tam illustre (дѣло идетъ о рекомендаціи Шлёцера въ Швецію), aeque tamen magnum, aut majus etiam, si quid priori illo majus esse potest, disciplina tua. Nunquam ita ingratus adversus eam fui, quin, ut primum me illi commisissem, animadverterem illico, quantum auditiones tua e cum superiorum praeceptorum meorum auditionibus differant; sed tanquam qui, ex diuturna caligine in solem protracti, dispicere incipiunt, ita laetabar vehementissime, meamque mihi felicitatem gratulabar, qua casu quodam, nullius impulsu Gottingam delatus, in talem praeceptorem incidissem“.

цѣлей, тому я буду противиться во имя Бога, меня призывающаго; кто же будетъ мѣшать моему дѣлу по невѣдѣнію, о томъ я сожалѣю и молю Всевышняго, да отпуститъ ему грѣхъ его».

Самъ Шлёцеръ называлъ свое прпредпріятіе дорого стоящимъ; на такое далекое путешествіе дѣйствительно нужно было много денегъ, а у него денегъ не было; для ихъ накопленія онъ долженъ былъ еще много и долго трудиться. Михаэлиса просили сыскать домашняго учителя въ Стокгольмъ; онъ предложилъ это мѣсто Шлёцеру, и тотъ отправился въ Швецію; на дорогѣ въ Гамбургѣ познакомился съ книгопродавцемъ Хейсомъ, издателемъ газеты Postreuter, и взялъ отъ него порученіе за 25 талеровъ въ годъ сообщать политическія извѣстія изъ Стольгольма. Эта обязанность корреспондента политической газеты сильно развила въ Шлёцерѣ любовь къ политикѣ, какъ послѣ самъ онъ разсказывалъ. Стокгольмъ оставилъ Шлёцеръ въ 1756 году и отправился въ Упсалу, гдѣ передъ толпою грубыхъ, бѣдныхъ студентовъ, сидѣвшихъ на лекціяхъ въ овчинныхъ тулупахъ, читали Ире, Линней. Шлёцеръ близко сошелся съ Ире, изучалъ готскій переводъ Евангелія Улфилы, занимался исландскимъ языкомъ. Изъ Упсалы черезъ годъ онъ отправился опять въ Стокгольмъ, въ домъ къ богатому купцу Зееле, у котораго занимался нѣмецкою корреспонденціею. Здѣсь Шлёцеръ, среди занятій въ купеческой конторѣ, написалъ свой первый литературный опытъ: «Новѣйшая Исторіи литературы въ Швеціи»; кромѣ того, не оставлялъ занятій арабскимъ и финскимъ языками и началъ у одного пріятеля учиться попольски. Зееле очень полюбилъ молодаго труженика; по цѣлымъ вечерамъ Шлёцеръ долженъ былъ ему разсказывать о прошедшемъ и настоящемъ; но, въ этихъ разсказахъ, любознательнаго купца всего болѣе занимала исторія торговли; съ особеннымъ любопытствомъ слушалъ онъ, что во времена Моисея былъ народъ, производившій обширную торговлю и вѣроятно посѣщавшій берега Швеціи. Это такъ увлекло Зееле, что онъ предложилъ Шлёцеру написать на шведскомъ языкѣ Исторію торговли, и вызвался быть издателемъ книги. Шлёцеръ принялъ предложеніе, и въ 1758 году выдалъ «Исторію торговли и мореплаванія», которая потомъ, въ 1761 году, была переведена на нѣмецкій языкъ Гадебушемъ.

Но жалованье за труды въ купеческой конторѣ и выручка за книгу объ исторіи древней торговли употреблялись для накопленія капитала, а капиталъ этотъ назначался попрежнему для путешествія на Востокъ. Любопытенъ планъ, который составлялъ въ это время Шлёцеръ для осуществленія своей любимой мысли: планъ этотъ покажетъ намъ, какія свѣдѣнія молодой ученый считалъ необходимыми для изученія древностей библейскаго Востока; какъ во взглядѣ Шлёцера на изученіе древностей отразился взглядъ Михаэлиса, который на своихъ лекціяхъ толковалъ о Линнеѣ и

Монтескьё, о естественныхъ наукахъ и политикѣ, о земледѣліи и скотоводствѣ. Прежде всего Шлёцеръ хотѣлъ въ Данцигѣ изучить торговыя операціи и привлечь на свою сторону богатыхъ купцовъ, которые должны были войдти въ его виды и дать ему денежное вспоможеніе; еслибъ это ему удалось,—ѣхать на годъ въ Германію для изученія сельскаго хозяйства и промысловъ, но два года еще прожить собственно въ Гёттингенѣ для изученія физическихъ и математическихъ наукъ и древностей, наконецъ пробыть нѣсколько времени въ Гамбургѣ для изученія мореплаванія. Отсюда хотѣлъ онъ отправиться въ Смирну, сыскать мѣсто при одной изъ тамошнихъ купеческихъ конторъ, въ то же время заниматься арабскимъ языкомъ и выискивать случая обойдти пѣшкомъ сосѣднія страны.

Семилѣтняя война заставила Шлёцера избрать своимъ мѣстопребываніемъ, вмѣсто Данцига, Любекъ. Здѣсь онъ, какъ слѣдовало ожидать, не нашелъ людей, которые бы вошли въ его планы относительно путешествія на Востокъ; онъ занимался здѣсь преподаваніемъ въ разныхъ домахъ; кромѣ того, приготовилъ къ печати два сочиненія: біографіи знаменитыхъ шведскихъ мужей и собраніе шведскихъ анекдотовъ; за первое онъ получилъ отъ издателя по два талера за листъ; за второе получилъ двадцать семь червонцевъ, хотя оно состояло только изъ девяти съ половиною писанныхъ листовъ; наконецъ Шлёцеръ продолжалъ изданіе своей «Исторіи шведской литературы». Ошибшись въ разсчетѣ относительно любекскихъ купцовъ, Шлёцеръ, въ апрѣлѣ 1759 года, отправился въ Гёттингенъ, откуда въ іюнѣ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Я въ Гёттингенѣ, и бѣгаю безъ устали изъ одной коллегіи въ другую; издобно вамъ знать, что я призналъ необходимымъ для моей цѣли (т. е. для путешествія на Востокъ) изученіе медицины. Пробуду здѣсь вѣроятно года два, потомъ поѣду въ Швецію на полгода, потомъ въ Бордо, потомъ въ Амстердамъ, потомъ въ Лиссабонъ, потомъ въ Египетъ и Месопотамію». Но онъ не отправился ни въ Бордо, ни въ Амстердамъ, ни въ Лиссабонъ: отправился прямо на Востокъ, только не въ Месопотамію, а въ Россію.

Въ декабрѣ 1760 года, гёттингенскій профессоръ Бюшингъ вызванъ былъ въ Петербургъ для занятія мѣста пастора при тамошней нѣмецкой церкви Св. Петра. При этомъ случаѣ Бюшингъ получилъ просьбу отъ своего родственника и друга Мюллера, пріискать ему помощника для ученыхъ занятій и вмѣстѣ домашняго учителя. Бюшингъ обратился съ этою просьбою къ Михаэлису, и тотъ, зная задушевную мысль Шлёцера, счелъ своею обязанностію предложить мѣсто ему: Михаэлисъ представлялъ Шлёцеру, что изъ Россіи можетъ онъ совершить путешествіе на Востокъ, и новость пути придастъ этому путешествію большой интересъ; путешествіе можетъ быть совершенно покойнѣе и безопаснѣе, потому что, безъ сомнѣнія, русская академія, а быть можетъ и само правительство, будетъ ему покровительствовать, и русское вліяніе при Константинопольскомъ Дворѣ доставитъ ему такія выгоды, какими не пользовался еще ни одинъ европейскій путешественникъ. «Совершить далекое путешествіе, имѣя въ виду еще дальнѣйшее—кого больше меня могло прельстить подобное предложеніе»? говоритъ самъ Шлёцеръ. «Предложеніе Мюллера быть у него домашнимъ учителемъ за сто рубл. въ годъ считалъ я для себя столь же мало унизительнымъ, какъ мало унизительнымъ считалъ для себя въ романахъ молодой маркизъ находиться въ услуженіи у отца своей возлюбленной дамы».

Но здѣсь уже видимъ мы начало тѣхъ недоразумѣній, которыя необходимо должны были повести къ враждѣ между Мюллеромъ и Шлёцеромъ: Мюллеръ вызывалъ студента, домашняго учителя, который долженъ былъ также помогать ему и заниматься тѣмъ, что онъ самъ ему укажетъ; Шлёцеръ же не считалъ себя студентомъ только, но извѣстнымъ писателемъ, котораго знали и уважали ученыя знаменитости Германіи; онъ смотрѣлъ на мѣсто у Мюллера не какъ на цѣль, но какъ на средство для достиженія другой цѣли; видѣлъ, что условія для него унизительны, а между тѣмъ принималъ ихъ. Онъ видѣлъ въ отдаленіи только мѣсто невыгодное, но временное и ведущее къ желанной цѣли; видѣлъ преимущественно эту цѣль, исполненіе своего желанія; видѣлъ одного себя, и позабылъ о другомъ человѣкѣ, о Мюллерѣ, у котораго были также свои цѣли, свои желанія; однимъ словомъ, вражда Мюллера съ Шлёцеромъ произошла изъ того же источника, изъ котораго происходятъ обыкновенно всѣ столкновенія и вражды человѣческія, изъ стремленія видѣть вездѣ только одного себя, а въ другихъ видѣть только или орудія, или препятствія при достиженіи своихъ цѣлей, не признавать въ другихъ одинакаго съ собою права, права имѣть свои цѣли, свои желанія. Какъ обыкновенно также бываетъ, обѣ стороны считали себя правыми. Шлёцеръ считалъ себя въ правѣ утверждать, что поступилъ съ Мюллеромъ добросовѣстно: онъ писалъ къ Мюллеру о своемъ планѣ путешествія на Востокъ; и Мюллеръ отвѣчалъ, что для осуществленія этого плана въ Россіи легко можно найдти случай. Но старикъ, разумѣется, улыбнулся надъ мечтою студента и не захотѣлъ, въ наказаніе за эту мечту, лишить его мѣста и возможности выгодно устроить свою судьбу въ Россіи.

Шлёцеръ принялъ мѣсто у Мюллера, какъ влюбленный маркизъ принималъ мѣсто слуги у отца своей дамы; но, допустивъ причину, онъ не хотѣлъ допускать слѣдствій: согласившись быть у Мюллера домашнимъ учителемъ за сто рублей въ годъ, онъ началъ досадовать на него, зачѣмъ онъ смотритъ на него какъ на домашняго учителя, приглашеннаго за сто рублей въ годъ. Онъ просилъ у Мюллера выслать ему денегъ на путевыя

издержки; тотъ прислалъ ему десять дукатовъ; Шлёцеръ обидѣлся: «Петербургскій сапожникъ не выслалъ бы меньше подмастерью, котораго выписывалъ изъ Германіи!» Но путевыя издержки должны были соотвѣтствовать годовому жалованью; сапожникъ могъ быть гораздо богаче Мюллера и подмастерье могъ получать у него больше ста рублей. Такъ начались уже неудовольствія, досады, прежде личнаго свиданія. Самолюбіе одного изъ самыхъ самолюбивыхъ, самыхъ желчныхъ и самыхъ жесткихъ людей было оскорблено.

Однако первое впечатлѣніе, произведенное на Шлёцера Мюллеромъ, его семействомъ и домомъ, способно было изгладить прежнія непріятныя чувства. У Мюллера былъ большой каменный домъ на Васильевскомъ острову, въ 13-й линіи, на набережной; все обличало здѣсь не роскошь, но довольство; у Мюллера былъ хорошій нѣмецкій столъ, былъ свой экипажъ; онъ получалъ 1700 рублей жалованья и не имѣлъ долговъ. Самъ Мюллеръ, имѣвшій 56 лѣтъ отъ роду во время первой встрѣчи съ Шлёцеромъ (въ 1761 году), былъ чрезвычайно красивый мужчина, поразительно высокаго роста и крѣпости. Эти физическія качества также не мало содѣйствовали къ его переселенію въ Россію изъ отечества, Прусской Вестфаліи, потому что прусскіе вербовщики не давали ему покоя; даже послѣ, когда онъ, уже въ званіи русскаго профессора, путешествовалъ по Германіи, то вездѣ въ Пруссіи предлагали ему вопросъ, не хочетъ ли онъ вступить въ военную службу. Но всего любопытнѣе для насъ выслушать отзывы Шлёцера о нравственномъ характерѣ Мюллера: «Это былъ остроумный, находчивый человѣкъ; изъ маленькихъ его глазъ выглядывалъ сатиръ. Въ образѣ мыслей его было какое-то величіе, справедливость, благородство. Горой стоялъ онъ за честь Россіи, несмотря на то, что тогда держали его еще въ черномъ тѣлѣ; въ сужденіяхъ о правительствѣ былъ чрезвычайно воздерженъ. Достоинства Мюллера не были какъ должно оцѣнены, потому что, во-первыхъ, онъ не могъ пресмыкаться; во-вторыхъ, ему чрезвычайно много вредила по службѣ его горячность. Отъ этого природнаго недостатка не могли излѣчить его гоненія, претерпѣнныя имъ въ академіи по возвращеніи изъ Сибири; напротивъ: онъ усилился въ немъ еще болѣе отъ глубокаго чувства своего собственнаго достоинства и отъ сознанія ничтожества гонителей. Онъ нажилъ себѣ множество враговъ между товарищами отъ властолюбія, между подчиненными отъ жесткости въ обращеніи. Онъ въ литературномъ дѣлѣ былъ то же самое, что Мюнихъ въ военномъ. Будучи самъ неутомимо трудолюбивъ и точенъ во всемъ, требовалъ и отъ другихъ обоихъ этихъ качествъ въ одной степени».

Мы не имѣемъ возможности повѣрить это изображеніе. Трудно заподозрить Шлёцера въ пристрастіи, потому что изображеніе чрезвычайно лестно для Мюллера. Правда, въ изображеніи Мюллера, которое написано Бюшингомъ, родственникомъ, другомъ и почитателемъ его, мы не найдемъ указанія на тѣ недостатки, о которыхъ говоритъ Шлёцеръ: но неужели Мюллеръ былъ безъ недостатковъ? Причиною его служебныхъ неудачъ и гоненій оба, и Бюшингъ и Шлёцеръ, полагаютъ неумѣніе ползать, искать. Шлёцеръ прибавляетъ еще горячность, но тутъ же говоритъ, что эта горячность увеличивалась отъ сознанія собственнаго достоинства и ничтожества гонителей, а далѣе говоритъ, что этотъ чрезвычайно вспыльчивый человѣкъ не позволилъ себѣ съ нимъ, Шлёцеромъ, ни разу ни одной вспышки: значитъ, Мюллеръ былъ горячъ съ Шумахерами, Таубертами, не могъ удержать себя тамъ, гдѣ видѣлъ несправедливости, оскорбленія, а въ другихъ случаявъ, какъ говоритъ Бюшингъ, былъ застѣнчивъ, робокъ, особенно тамъ, гдѣ нужно было искать, выставлять себя.

Семейство Мюллера состояло изъ жены и четверыхъ дѣтей. Прислугу составляли: кучеръ — русскій; экономка — шведка; крѣпостная служанка — чухонка (русскихъ крѣпостныхъ иностранцы, кромѣ фабрикантовъ, не могли имѣть) и нѣсколько другихъ русскихъ служанокъ. Въ домѣ жили двое пансіонеровъ, братья Кондоиди, съ своимъ гофмейстеромъ, двое нѣмецкихъ студентовъ, къ которымъ присоединился теперь третій, Шлёцеръ, и скоро потомъ четвертый, извѣстный Бакмейстеръ. Въ это время множество нѣмцевъ пріѣзжало въ Петербургъ искать мѣстъ и счастья. Многіе пріѣзжали не только безо всякихъ рекомендательныхъ писемъ, но даже безъ гроша денегъ въ карманѣ, и до пріисканія мѣста должны были жить въ городѣ, гдѣ жизнь была очень дорога. Въ такой крайности они обращались къ извѣстному по своему великодушію Мюллеру, и жили у него мѣсяца по три. Мюллеръ же доставлялъ имъ мѣста домашнихъ учителей. Въ домѣ у него слышались постоянно четыре языка: нѣмецкій, русскій, финскій и шведскій, и часто пятый — французскій.

Расположившись у Мюллера, Шлёцеръ задалъ себѣ три дѣла: во-первыхъ, выучиться порусски; во вторыхъ — помогать Мюллеру въ изданіи его «Русскаго Историческаго Сборника» (Sammlung Russischer Geschichte), что можно было дѣлать и не выучившись еще порусски, потому что у Мюллера было множество нѣмецкихъ манускриптовъ; въ-третьихъ, заняться источниками русской исторіи, читать лѣтописи, для чего нужно было еще изученіе церковно-славянскаго языка. Учителя русскаго языка, какого нужно было Шлёцеру, онъ не нашелъ. Надобно было заниматься одному. Другой грамматики онъ не могъ достать, кромѣ той, которая приложена къ Вейсманову нѣмецко-латино-русскому лексикону; лексикономъ служилъ Cellarius; но гораздо болѣе помогалъ живой лексиконъ — Мюллеръ; первая русская книга, которую Шлёцеръ сталъ переводить, было изданное Мюллеромъ описаніе Камчатки, Крашенинникова. Въ

одинъ мѣсяцъ сдѣланы были такіе успѣхи, что Мюллеръ сталъ разсказывать о нихъ, какъ о чудѣ. Однако Шлёцеръ самъ признается, что русскій языкъ достался ему гораздо труднѣе, чѣмъ всѣ пятнадцать языковъ, которые онъ изучалъ прежде. Первое затрудненіе состояло уже въ томъ, что при изученіи этого новаго языка онъ долженъ былъ изучать новый алфавитъ. Здѣсь впрочемъ помогъ ему греческій алфавитъ, изъ котораго копты и славяне заимствовали свои алфавиты. Шлёцеру была знакома уже и русская буква *ш*, въ которой онъ узналъ одну изъ буквъ еврейскаго алфавита: «Изобрѣтатель славянскаго алфавита», говоритъ онъ, «въ этомъ заимствованіи показалъ себя гораздо умнѣе изобрѣтателя нѣмецкаго алфавита». Греческій языкъ помогалъ Шлёцеру не только при чтеніи русскихъ словъ, но даже и при пониманіи ихъ. Но всего болѣе помогала ему *охота за корнями,* какъ онъ выражается, охота, въ которой онъ упражнялся съ одиннадцатаго года своего возраста; зная сто корней въ какомъ нибудь языкѣ, Шлёцеръ уже легко усвоивалъ себѣ четыреста производныхъ словъ. Потомъ, при изученіи нѣсколькихъ языковъ, онъ увидалъ, что изъ десяти коренныхъ словъ почти всегда девять было такихъ, какія можно найдти и въ другомъ какомъ нибудь языкѣ, а иногда въ двухъ-трехъ языкахъ вмѣстѣ, и первоначальное тождество этихъ словъ въ разныхъ языкахъ можно было доказать по вѣрнымъ правиламъ, безъ дѣтски-натянутыхъ словопроизводствъ. Въ это время, словопроизводства, основанныя на одномъ только внѣшнемъ сходствѣ звуковъ, словопроизводства, которыми прославились Рудбекъ заграницею, Тредьяковскій—у насъ, возбуждали отвращеніе и смѣхъ въ ученыхъ, каковъ былъ, напримѣръ, Мюллеръ; сравнительная же этимологія, какъ наука съ вѣрными правилами только что начиналась. Мюллеръ не имѣлъ никакого понятія объ этихъ новостяхъ, говоритъ Шлёцеръ, и хотя онъ признавался, что *nach, natt, nox, notte, nuit,* νύξ, *neigth, ночь,* что *ego, io, je,* ἐγώ, *ich, ek, iag, я* и проч. одно и то же слово, и что сходство между греческимъ ὄρος и славянскимъ *гора* не можетъ быть случайнымъ; хотя онъ признавалъ это и удивлялся, какъ самъ прежде не замѣтилъ, что славянинъ идею нахожденія выражаетъ точно такъ же, какъ и римлянинъ: *in-venio на-ити,* однако когда Шлёцеръ начиналъ увѣрять его, что *viel* и *plurimus, finster* и *tenebrae* происходятъ изъ одного корня (первое чрезъ посредствующія слова πολύς и шведское *flere,* второе чрезъ древнее германское *thimster* и славянское *тьма*), то этого Мюллеръ уже никакъ не могъ понять и начиналъ бранить новаго филолога Рудбекомъ. Шлёцеръ приставалъ къ Мюллеру съ вопросомъ: что означаютъ вообще русскія окончанія: *есть, тель, въ, шій;* тотъ не понималъ вопроса, потому что, говоритъ Шлёцеръ, въ его студенческіе годы еще не существовала философія языка. Въ примѣръ, какъ онъ прилагалъ новыя, неизвѣстныя Мюллеру хитрости при изученіи русскаго языка, Шлёцеръ приводитъ изученіе слова: всемилостивѣйшему: а) корень: *мил, mil, mild* во всѣхъ нѣмецкихъ діалектахъ, несомнѣнно греческое μειλ въ μείλια, μείλιχος, μειλιχία, и проч.; б) формація: отъ *милъ* существительное *милость,* отсюда прилагательное *милостивъ* (ср. латинскую форму *ivum*); е) декомпозиція: *все* отъ *весь,* греческое πᾶς; д) флексія: *ѣйшій, ѣйшему* правильная превосходная степень (*s* вездѣ знакъ превосходной степени: *elementi-ss-imus, gnädig-s-ter,* κράτι-σ-τος; *ему* дательный мужескаго рода единственнаго числа (ср. *de-m, ih-m,* древнешведское *her-rano-m*).

Вторымъ занятіемъ Шлёцера, какъ мы видѣли, было помогать Мюллеру при изданіи его «Русскаго Историческаго Сборника». Русская географія и статистика были главнымъ содержаніемъ разговоровъ между Мюллеромъ и Шлёцеромъ, и здѣсь было иное дѣло, чѣмъ въ филологическихъ разговорахъ: здѣсь уже Шлёцеръ былъ приводимъ въ изумленіе громадными познаніями Мюллера и громаднымъ собраніемъ рукописныхъ сочиненій по всѣмъ возможнымъ предметамъ. Часто, говоритъ Шлецеръ, когда за чаемъ или за обѣдомъ заходилъ разговоръ о Бухаріи, или о рѣкѣ Амурѣ, или о горныхъ промыслахъ, Мюллеръ бралъ меня въ свой кабинетъ, вытаскивалъ рукописи одну за другою, то русскія, то нѣмецкія, и приговаривалъ: «Здѣсь работа и для васъ, и для меня, и для десятерыхъ другихъ на цѣлую жизнь».—«Но когда я», продолжаетъ Шлёцеръ, «умолялъ его, чтобъ позволилъ мнѣ взять какую нибудь рукопись съ собою, то онъ мнѣ говорилъ: «Не горячитесь, еще будетъ время, не должно торопиться». Въ семь мѣсяцевъ, проведенные мною у Мюллера, я получилъ отъ него только четыре рукописи».

Но что всего больше лежало на сердцѣ у Шлёцера—это русскія лѣтописи: это была, по собственному признанію, вторая завѣтная мечта его жизни послѣ восточнаго путешествія. Передъ нимъ было нетронутое поле, которое онъ первый долженъ былъ обработать; его прельщала честь быть первымъ издателемъ, первымъ объяснителемъ лѣтописей народа, перваго по своему могуществу въ Европѣ. Онъ уже изучилъ грамматику древняго славянскаго языка (Москва, 1722 года), чтобъ понимать языкъ Нестора. Когда онъ потомъ читалъ житія святыхъ и переводы твореній греческихъ святыхъ отцовъ на церковно-славянскомъ языкѣ, то изумлялся богатству, великолѣпію и силѣ послѣдняго въ звукахъ и выраженіи. Въ составленіи словъ ни одинъ языкъ, кромѣ греческаго, не можетъ съ нимъ соперничать, по мнѣнію Шлёцера: Гомеръ, переведенный на церковно-славянскій языкъ, будетъ лучшій переводъ.

Страсть къ занятіямъ и умѣнье заниматься, обнаруженныя Шлёцеромъ, заставили Мюллера, еще въ 1762 году, толковать о помѣщеніи своего домашняго учителя въ академію, сначала въ зва-

ніи адъюнкта. Но мѣсто адъюнкта не удовлетворяло Шлёцера. Вотъ какъ онъ самъ разсуждалъ о своихъ достоинствахъ и соотвѣтственныхъ имъ претензіяхъ: «Я долженъ былъ заниматься русскими лѣтописями, критикою ихъ. Что были за люди, которые славились тогда своими познаніями въ русской исторіи? Люди безо всякаго ученаго образованія; люди, которые читали только свои лѣтописи, не зная, что внѣ Россіи существовала исторія; люди, которые не знали никакого другого языка, кромѣ своего отечественнаго: Татищевъ зналъ только по-нѣмецки, князь Щербатовъ только по-французски. Но я, по крайней мѣрѣ, былъ ученый критикъ, четыре года учился въ школѣ Геснера, Михаэлиса, Ире. Я былъ въ этомъ отношеніи единственный человѣкъ въ Россіи; я уже съ 1755 года былъ авторомъ, и мои сочиненія не подвергались ни одной неблагосклонной рецензіи. Большая часть тогдашнихъ членовъ Санктпетербургской академіи конечно не могли стыдиться моего товарищества. Какъ адъюнктъ, я долженъ былъ получать триста рублей жалованья. Слишкомъ мало! Мюллеръ говорилъ: я началъ съ двумя стами рублей.—Я отвѣчалъ ему: вы начали на двадцатомъ году вашей жизни, а мнѣ ужь скоро будетъ двадцать семь лѣтъ, я уже давно началъ, и не на русскія деньги». Другихъ условій Шлёцеръ также не хотѣлъ принять, не хотѣлъ заключать и обычнаго контракта съ академіею на пять лѣтъ, тогда какъ Мюллеръ толковалъ объ обязательствѣ не оставлять никогда русской службы, потому что ученому, занимающемуся русскою исторіею, могутъ быть ввѣрены государственныя тайны, и нельзя потомъ позволить ему уѣхать за границу и обнародовать ихъ: самъ Мюллеръ былъ связанъ такимъ обязательствомъ.

Мюллеръ разсердился на упрямца, не хотѣвшаго, по его мнѣнію, собственнаго счастія и, говоря съ нимъ въ послѣдній разъ объ адъюнктствѣ въ академіи (май 1762 года), кончилъ такъ: «Ну такъ ничего не остается больше вамъ дѣлать, какъ съ первымъ кораблемъ отправиться назадъ въ Германію».—«Эти слова», говоритъ Шлёцеръ, «показались мнѣ неблагородными, несправедливыми. Цѣлые полгода, съ большими усиліями работалъ я на совершенно новомъ для меня полѣ; самыя тяжелыя пріуготовительныя работы были уже кончены, до вершины горы оставалось мнѣ пройти менѣе половины; и вотъ, когда только-что я началъ съ удовольствіемъ и выгодою пожинать посѣянное въ потѣ лицѣ, мнѣ говорятъ: ступай домой! Въ эти шесть мѣсяцевъ я изучилъ много, узналъ то, о чемъ ни одинъ нѣмецкій ученый не имѣлъ понятія: какая польза изъ всего этого выйдетъ для моихъ будущихъ ученыхъ занятій? Какая польза для меня и въ финансовомъ отношеніи? Капиталецъ, приготовленный для путешествія на Востокъ, я не только не увеличилъ, но еще значительно истратилъ. Но что всего болѣе меня оскорбляло, такъ это то, что я былъ еще завлеченъ (gelockt) надеждою, которую мнѣ подалъ письменно честный человѣкъ, надеждою, что онъ будетъ помогать моему любимому плану; но теперь честный человѣкъ называетъ этотъ мой любимый планъ прямо мнѣ въ лицо *вздоромъ* (Grille)! Тутъ въ первый разъ покинуло меня счастливое юношеское легкомысліе, поддерживавшее меня до сихъ поръ. Я открылъ, что вступаю въ двадцать восьмой годъ моей жизни: это открытіе было для меня ново и ужасно. Я потерялъ цѣлый годъ, и двадцать седьмой годъ моей жизни—драгоцѣнный годъ! неоцѣнимая потеря для человѣка въ томъ возрастѣ, когда настанетъ время думать о вѣрномъ будущемъ, особенно для человѣка, который хотя и не заносится вверхъ, однако и не можетъ выносить застоя! Чтобъ не потерять этотъ драгоцѣнный годъ безвозвратно, я принялъ намѣреніе прожить еще годъ въ Россіи. Я понималъ по-русски; у меня были двѣ лѣтописи: вотъ уже у меня былъ въ рукахъ матеріалъ, который я могъ издать въ Германіи для перваго опыта, и потомъ восполнить пробѣлъ средневѣковой русской исторіи, отъ 1050 до 1450 года, хотя и не изъ самыхъ лѣтописей, но по русскимъ же пособіямъ (auctoribus secundariis)—вотъ какой былъ мой планъ; но чтобъ привести его въ исполненіе, мнѣ необходимо было еще годъ жить и работать въ Петербургѣ.

«Но жить цѣлый годъ на свой счетъ въ Петербургѣ, гдѣ все такъ дорого, было мнѣ нельзя. Я сталъ просить Мюллера доставить мнѣ на одинъ годъ мѣсто домашняго учителя, обязываясь давать уроки четыре часа въ день за 200 рублей съ квартирою и содержаніемъ, тогда какъ многіе французскіе парикмахеры имѣли мѣста домашнихъ учителей за 400 и за 600 рублей. Этотъ годъ, говорилъ я Мюллеру, хочу я употребить на переводы съ русскаго, и также помогать ему, Мюллеру, въ изданіи его «Историческаго Сборника». Но Мюллеръ остался глухъ къ моимъ просьбамъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ ѣхать при русскомъ посольствѣ въ Пекинъ. Но что я сталъ бы дѣлать въ Китаѣ, гдѣ всѣ иностранные посланники содержатся какъ невольники, гдѣ безъ сторожа нельзя сдѣлать ни шага изъ дому? Потомъ, что бы я сталъ дѣлать въ Китаѣ, не зная по-китайски? начать же учиться по-китайски одному, или при помощи китайскаго переводчика Разсохина—для этого уже было мало времени. Я отказался отъ Китая, и просилъ опять о мѣстѣ домашняго учителя; но все понапрасну! Я былъ точно оглушенъ. Неужели, думалъ я, этотъ человѣкъ не хотѣлъ исполнить моего желанія за то только, что я не хотѣлъ служить слѣпымъ орудіемъ для выполненія его плана? ибо исполнить мою просьбу, найдти мнѣ мѣсто домашняго учителя было для него такъ легко. Съ перваго раза могло показаться, что онъ поступаетъ такъ изъ мщенія: но этого въ настоящемъ случаѣ слишкомъ мелкаго чувства я никакъ не могъ согласить съ обычною возвышенностію его мыслей и

поступковъ; нѣтъ, это не было мщеніе; это было другое чувство, которому часто поддаются и благородные характеры: это было ученое тщеславіе, соперничество, зависть. Русскому исторіографу, который до сихъ поръ, какъ исторіограф, сдѣлалъ очень мало (хотя отчасти и не по своей винѣ), было очень непріятно *заграничное* изданіе Русской Исторіи. Видя, что я успѣлъ сдѣлать въ шесть мѣсяцевъ, онъ легко могъ заключить, что я въ состояніи былъ сдѣлать въ слѣдующіе двѣнадцать мѣсяцевъ: то есть то, чего исторіографъ не сдѣлалъ въ двадцать лѣтъ и никогда не могъ сдѣлать. Теперь я понялъ, почему этотъ дѣятельный человѣкъ стѣснялъ мою дѣятельность, почему онъ не позволялъ мнѣ работать, не давалъ своихъ рукописей. Почитатели Мюллера извиняли его здѣсь тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на меня какъ на человѣка, который не останется въ Россіи, но, собравши матеріялы о ея исторіи и настоящемъ состояніи, уѣдетъ издавать ихъ въ Германію. Такъ какъ тогда въ Россіи, вслѣдствіе поступка Гмелина, смотрѣли подозрительно на такихъ людей, то Мюллеръ боялся черезъ меня нажить себѣ непріятностей. Но, во-первыхъ, почему Мюллеръ не позволялъ мнѣ обрабатывать своихъ безчисленныхъ рукописей подъ своимъ надзоромъ, для себя, для своего «Иторическаго Сборника»? Во-вторыхъ, развѣ я былъ тогда единственный иностранный собиратель матеріяловъ въ Петербургѣ? Развѣ не собиралъ ихъ также прилежно Бекманъ и еще больше Бюшингъ, которому самъ Мюллеръ сообщалъ ихъ столько для напечатанія за границей? Въ-третьихъ, изъ множества статей о Россіи, которыя я потомъ издалъ, есть ли хотя одна, которую бы я пріобрѣлъ въ Петербургѣ непозволительнымъ образомъ? Ясно, что единственною причиною, по которой Мюллеръ теперь, и послѣ еще разъ въ 1764 году, хотѣлъ моего совершеннаго удаленія изъ Россіи, была не боязнь, что я обнародую государственныя тайны и навлеку этимъ на него непріятности, ибо онъ меня вызвалъ, но онъ чувствовалъ свою старость, свою слабость въ слогѣ, свое незнаніе иностранныхъ литературъ: онъ не хотѣлъ, чтобъ что нибудь было издано по русской исторіи не подъ его именемъ».

Такъ разсуждалъ Шлёцеръ о своихъ отношеніяхъ къ Мюллеру послѣ шестимѣсячнаго знакомства съ нимъ; эти отношенія въ короткое время время уже успѣли опредѣлиться: они были явно враждебныя, или, по крайней мѣрѣ, казались Шлёцеру такими. Ложное положеніе обоихъ въ отношеніи другъ къ другу началось еще, какъ мы видѣли, въ Гёттингенѣ, началось оно съ десяти дукатовъ. Мюллеръ вызываетъ Шлёцера какъ домашняго учителя для дѣтей и помощника для ученыхъ трудовъ своихъ: Шлёцеръ ѣдетъ въ Россію только для того, чтобъ удобнѣе отправиться на Востокъ. Мюллеръ, видя способности и трудолюбіе молодаго человѣка, предлагаетъ ему мѣсто адъюнкта въ академіи съ извѣстными условіями: Шлёцеръ не соглашается на условія и выставляетъ на видъ путешествіе на Востокъ; Мюллеръ, не понимая, какъ можно предпочитать аравійскія степи академическимъ кресламъ, называетъ планъ Шлёцера вздорнымъ; говоритъ, что если человѣкъ, съ такою охотою желающій заниматься русскою исторіею, не хочетъ быть академикомъ, то зачѣмъ же ему оставаться въ Россіи, пусть съ первымъ кораблемъ отправляется назадъ въ Германію. Шлёцеръ оскорбляется еще болѣе, находитъ эти слова неблагородными и несправедливыми: самъ Мюллеръ завлекъ его въ Россію надеждою на осуществленіе любимой мечты, а теперь гонитъ назадъ, когда Шлёцеръ, по его собственнымъ словамъ, только-что началъ пожинать плоды своихъ занятій русскимъ языкомъ. Мюллеръ предлагаетъ ему самое лучшее средство пожинать эти плоды: стать членомъ С.-Петербургской академіи; но Шлёцеръ не соглашается, говоритъ, что хочетъ ѣхать въ Аравію. Начать съ такимъ жаромъ заниматься русскимъ языкомъ и лѣтописями, оказать при этомъ такіе большіе успѣхи и ѣхать продолжать эти занятія, пользоваться плодами этихъ успѣховъ въ Аравіи—этого Мюллеръ уже понять никакъ не могъ, не могъ удержаться отъ роковаго слова: *вздоръ*, которое такъ оскорбляло, раздражало Шлёцера. Шлёцеръ проситъ у Мюллера мѣсто домашняго учителя на одинъ годъ; Мюллеръ не доставляетъ ему такого мѣста; Шлёцеръ обвиняетъ его въ нежеленіи исполнить его просьбу, тогда какъ ему такъ легко найти мѣсто; но можемъ ли мы въ томъ положиться на слова Шлёцера, что Мюллеру было тако легко найти ему мѣсто? Изъ нѣсколькихъ условій, предложенныхъ Шлёцеромъ, не забудемъ одного: онъ требовалъ мѣста на *одинъ годъ*. Много ли Мюллеръ могъ найдти отцовъ, которые бы согласились взять къ своимъ дѣтямъ учителя только на годъ? Положимъ, что кто нибудь согласился бы взять Шлёцера на годъ, но могъ не согласиться на другія условія относительно часовъ или денегъ; вспомнимъ, что отъ иностранца-учителя требовалось обыкновенно, чтобъ онъ былъ и гувернеромъ, на что не соглашался Шлёцеръ. Кромѣ того, могли быть и другія причины, почему Мюллеръ не хотѣлъ рекомендовать Шлёцера въ домашніе учители: намъ извѣстенъ тяжелый характеръ Шлёцера, особенно въ близкихъ отношеніяхъ; что этотъ характеръ высказывался очень непріятнымъ образомъ во время пребыванія Шлёцера въ домѣ Мюллера, свидѣтельствуетъ Бюшингъ въ своей біографіи Мюллера: можно ли было требовать отъ послѣдняго, чтобъ онъ рѣшился рекомендовать такого *домашняго* учителя?

Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ отношеніяхъ, раздраженный Шлёцеръ нашелъ *удовлетворительную* для себя причину, почему Мюллеръ не хотѣлъ доставить ему мѣсто домашняго учителя, почему указывалъ ему обратный путь въ Германію. Это была зависть, боязнь

чтобъ Шлёцеръ не превзошелъ его въ своихъ трудахъ по русской исторіи, не прославился болѣе его за границею. Но не Мюллеръ ли хлопоталъ о томъ, чтобъ Шлёцеръ не только остался въ Россіи для занятій русскою исторіею, но и остался навсегда? Мюллеръ боялся, чтобъ Шлёцеръ не прославился своими заграничными изданіями по русской исторіи? Но еслибъ Шлёцеръ остался при академіи, то что мѣшало ему свои труды по русской исторіи сдѣлать также извѣстными за границею? Мюллеръ самъ издавалъ почти всѣ свои сочиненія на двухъ языкахъ, на русскомъ и нѣмецкомъ; то же самое могъ бы дѣлать Шлёцеръ и затмить Мюллера и въ Россіи и въ Германіи. Мюллеръ могъ бояться этого, и однако, какъ видно, не боялся или умѣлъ великодушно подавить свою боязнь, когда хотѣлъ, чтобъ Шлёцеръ остался адъюнктомъ при академіи.

Не соглашаясь быть адъюнктомъ академіи, Шлёцеръ вдругъ началъ просить Мюллера, чтобъ онъ доставилъ ему очистившееся мѣсто корректора въ академической типографіи. Мюллеръ разразился смѣхомъ, называлъ послѣ этого Шлёцера corrector vitiorum academicorum, а Шлёцеръ сердился все больше и больше.

Мюллеръ могъ доставить Шлёцеру мѣсто адъюнкта только при законныхъ условіяхъ, при обязательствѣ служить не менѣе пяти лѣтъ; но въ академіи были люди, которые могли обойдти требованіе закона, доставить Шлёцеру мѣсто адъюнкта безусловно, и постарались это сдѣлать хотя бы потому только, что Мюллеръ не предполагалъ возможности это сдѣлать, хотя бы для того только, чтобъ доставить Мюллеру непріятную минуту, показавши, что если кто хочетъ что-нибудь получить, тотъ долженъ бросить Мюллера и обратиться къ нимъ, его врагамъ. Таковъ былъ Таубертъ, библіотекарь академіи, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ правитель академической канцеляріи и въ этомъ званіи правитель академіи, потому что президентъ, гетманъ графъ Кирила Разумовскій, не имѣлъ времени заниматься ея дѣлами. Когда Шлёцеръ разсказалъ ему свою исторію (Шлёцеръ говоритъ, что разсказывалъ только факты, безъ малѣйшей жалобы на Мюллера), Таубертъ отвѣчалъ: «Вы останетесь у насъ, вы будете довольны». Шлёцеръ обратился къ нему съ просьбою о мѣстѣ корректора, и въ отвѣтъ получилъ то же восклицаніе, что и отъ Мюллера: «Какъ! лучше быть корректоромъ безъ чина съ 200 руб. жалованья, чѣмъ адъюнктомъ съ 300-ми?» Шлёцеръ объяснилъ ему, что все препятствіе къ принятію адъюнктскаго мѣста состоитъ въ обязательствѣ служить пять лѣтъ, и чрезъ нѣсколько времени получилъ слѣдующія предложенія: 1) быть адъюнктомъ при академіи на *неопредѣленное* время съ жалованьемъ по 360 рублей въ годъ; заниматься русскою исторіею и переводами; 2) имѣть мѣсто учителя при дѣтяхъ графа Разумовскаго съ квартирою, столомъ, мебелью, прислугою. Понятно, что Шлёцеръ принялъ эти предложенія.

Когда Мюллеръ узналъ объ этомъ отъ Тауберта, все уже было обдѣлано. «Ядъ и желчь закипѣли въ его груди; обыкновенное благородство и великодушіе покинули его совершенно», говоритъ Шлёцеръ. Прочтя эти слова, мы ожидаемъ, что вотъ Мюллеръ начнетъ теперь употреблять всѣ возможныя средства, чтобъ вредить Шлёцеру, закричитъ о неблагодарности, станетъ чернить его во всѣхъ углахъ; устно и печатно, прямо отъ своего имени и черезъ другихъ начнетъ терзать каждое сочиненіе Шлёцера, объявлять никуда негоднымъ, и прочее тому подобное. Вмѣсто этого, Шлёцеръ сообщаетъ намъ слѣдующее доношеніе Мюллера президенту академіи, графу Разумовскому:

«Я уже старъ и обремененъ занятіями; если постигнетъ меня смерть, то многое начатое мною останется недоконченнымъ ко вреду россійской исторіи. Для избѣжанія этого необходимо было бы придать мнѣ молодаго ученаго, знающаго науки историческія, древности, необходимые европейскіе и отчасти восточные языки, который бы могъ подъ моимъ руководствомъ заниматься изданіемъ собранныхъ мною историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи и другихъ сѣверныхъ и азіятскихъ народахъ, и продолжать эти занятія и послѣ моей смерти. Не находя подобнаго человѣка здѣсь, я въ прошломъ году выписалъ на мой счетъ изъ Гёттингена кандидата господина Шлёцера, который былъ мнѣ рекомендованъ, какъ человѣкъ, могущій вполнѣ удовлетворить моимъ требованіямъ, и который жилъ полгода въ моемъ домѣ для того, чтобъ я могъ повѣрить эту рекомендацію. Теперь я вполнѣ убѣдился, что означенный г. Шлёцеръ знаетъ ученые языки, латинскій и греческій, отчасти еврейскій и арабскій; кромѣ своего отечественнаго языка, знаетъ языки французскій и шведскій, имѣетъ свѣдѣнія въ историческихъ наукахъ, особенно въ исторіи сѣверныхъ народовъ, которою онъ занимался во время своего пребыванія въ Швеціи, и здѣсь въ Петербургѣ съ немалымъ успѣхомъ занимался русскою исторіею. Онъ уже издалъ на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ разныя историческія книги, которыя были приняты учеными съ одобреніемъ. Кромѣ того, въ кратковременное свое здѣсь пребываніе, онъ такъ прилежно занимался русскимъ языкомъ, что теперь уже можетъ переводить съ русскаго на иностранные языки, чему свидѣтельствомъ служатъ два переведенныя имъ и напечатанные указа. Вслѣдствіе чего смѣю рекомендовать его вашему сіятельству съ просьбою назначить его адъюнктомъ съ обыкновеннымъ адъюнктскимъ жалованьемъ и съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи онъ могъ быть профессоромъ, если на самомъ дѣлѣ покажетъ плоды своего прилежанія въ русской исторіи».

Что же нашелъ здѣсь Шлёцеръ оскорбительнаго для себя? въ чемъ, по его мнѣнію, выказались здѣсь ядъ и желчь, которыя питалъ противъ него Мюллеръ? «Какъ высоко этотъ человѣкъ говоритъ здѣсь о себѣ!»—восклицаетъ Шлёцеръ. Дѣйствительно, его познанія во всемъ, относящемся къ

Россіи, были изумительно велики: но это одно могло ли доставить ему высокій почетъ? Во всѣхъ отрасляхъ иностранной литературы былъ онъ невѣжда и долженъ былъ быть такимъ. Калмыцкій лама можетъ знать о своемъ народѣ и о своей землѣ болѣе, чѣмъ всѣ европейскіе ученые вмѣстѣ; но это даетъ ли ему право превозноситься надъ ними всѣми? И наоборотъ, съ какою отвратительною гордостію говоритъ онъ обо мнѣ! Онъ, который двадцати лѣтъ, еще до окончанія академическаго курса, былъ адъюнктомъ, и двадцати пяти лѣтъ, не будучи ничѣмъ еще извѣстенъ публикѣ, и не зная по-русски, былъ профессоромъ,—онъ не постыдился двадцати семи-лѣтняго ученаго трактовать какъ кандидата, котораго онъ выписалъ за 100 рублей».

Здѣсь, при удобномъ случаѣ, высказалось наконецъ то чувство, которое заставляло Шлёцера питать враждебное чувство къ Мюллеру,—это оскорбленное самолюбіе. Шлёцеръ считалъ себя гораздо выше Мюллера по способностямъ и ученому приготовленію, и между тѣмъ принужденъ былъ стать адъюнктомъ Мюллера; Мюллеръ, этотъ невѣжда, этотъ калмыцкій лама, осмѣлился рекомендовать его, хвалить какъ новичка, кандидата, котораго онъ выписалъ за 100 рублей; Мюллеръ, который долженъ былъ преклониться передъ нимъ, признать его своимъ учителемъ при первомъ появленіи его въ Петербургѣ,—Мюллеръ осмѣлился пойдти наперекоръ его желаніямъ, осмѣлился смѣяться надъ нимъ, назвать вздоромъ планъ его путешествія на Востокъ! Вся бѣда произошла оттого, что Мюллеръ принялъ къ себѣ въ домъ не того, кого ожидалъ. Шлёцеръ самъ объявилъ, что онъ принялъ на себя роль маркиза, переодѣвшагося слугою; но, сказавши это, онъ самъ обличилъ себя въ обманѣ: онъ переодѣтый вошелъ въ домъ Мюллера, выдалъ себя не за того, кѣмъ былъ, нанявшись къ Мюллеру въ домашніе учителя за 100 рублей: кто же былъ обманщикъ и кто обманутый? кто имѣлъ больше права сердиться?

И обманъ продолжался, то-есть Шлёцеръ съ Таубертомъ продолжали обманывать Мюллера: Шлёцеръ поступилъ адъюнктомъ къ Мюллеру, вслѣдствіе требованія и рекомендаціи послѣдняго; если эта рекомендація показалась такъ оскорбительною для Шлёцера, то зачѣмъ же онъ съ Таубертомъ не отвергъ ея? Если Шлёцеръ считалъ унизительнымъ для себя быть помощникомъ Мюллера; если думалъ, и дѣйствительно имѣлъ право думать, что связь съ Мюллеромъ, подчиненность ему можетъ препятствовать успѣху его ученыхъ занятій, что они не могутъ понимать другъ друга и должны безпрестанно сталкиваться и мѣшать другъ другу, что новая заплата раздеретъ еще больше ветхое рубище:—то зачѣмъ же онъ не сказалъ этого прямо Тауберту, Теплову, Разумовскому? Зачѣмъ всемогущій въ академіи Таубертъ не создалъ для него совершенно независимаго отъ Мюллера положенія? Послѣ присяги въ академической канцеляріи, Шлёцеръ съ Мюллеромъ поѣхали вмѣстѣ домой, и дорогою старикъ началъ говорить: «Ну вотъ, теперь вы начнете свои адъюнктскія занятія; прежде всего составите реестръ къ послѣднему тому «Русскаго Историческаго Сборника». Шлёцеръ отвѣчалъ: «Составлять реестры слишкомъ унизительно для адъюнкта императорской академіи!» Но для чего же Шлёцеръ взялъ мѣсто вслѣдствіе представленія Мюллера, который требовалъ себѣ помощника при изданіи собранныхъ имъ матеріаловъ? Но, по крайней мѣрѣ, отвѣтъ былъ коротокъ и яcенъ: Мюллеръ съ этихъ поръ не давался уже болѣе въ обманъ, покончилъ съ Шлёцеромъ, не предлагалъ ему болѣе ни составлять реестры, ни что-либо другое. Онъ не могъ поступить благоразумнѣе и, надобно прибавить, благороднѣе. Шлёцеръ освободился отъ Мюллера, и, вмѣсто составленія реестровъ къ «Историческому Сборнику», вмѣсто перевода и изданія разнородныхъ матеріаловъ, могъ посвятить свое время и свои ученыя средства занятіямъ источниками древней русской исторіи. Колумбъ плылъ въ Восточную Индію—и открылъ Америку; Шлёцеръ плылъ въ Палестину и Аравію—и нашелъ Нестора, котораго имя такъ тѣсно соединилось съ его именемъ и дало ему безсмертіе. Шлёцеръ увѣряетъ, что онъ ни сколько не думалъ еще покидать намѣреніе посѣтить Востокъ; но тутъ же говоритъ, что нѣкоторыя работы по русской исторіи отлагалъ до возвращенія изъ Іерусалима: занятія русскою исторіею заходили слѣдовательно за путешествіе на Востокъ; за этою прежде исключительно любимою цѣлію виднѣлась другая любимая цѣль. Бѣдная восточная литература!—у нея явилась страшная соперница, и переодѣтый маркизъ, рѣшившійся пойдти въ услуженіе для удовлетворенія своей страсти, недолго останется вѣренъ предмету первой любви.

По собственному признанію Шлёцера, древняя русская исторія была съ тѣхъ поръ любимымъ его занятіемъ: его прельщала новость, неразработанность предмета, при занятіи которымъ безъ особеннаго таланта и учености можно было легко заслужить благодарность образованной публики, нужно было только знать порусски и трудиться. Читать лѣтописи было ему еще очень трудно: безпрестанно попадались ему мѣста, слова, обороты, которыхъ никто и никакая книга объяснить ему не могли. Это заставило его прервать переводъ печатавшагося тогда при академіи списка лѣтописи и сравненіе его съ другими рукописями, заставило его вообще отказаться отъ критическаго изученія лѣтописей и заняться пріуготовительными работами. Прежде всего ему хотѣлось составить полную генеалогію всѣхъ Русскихъ князей до пресѣченія Рюриковой династіи. Иностранца непріятно поразилъ обычай русскихъ лѣтописцевъ называть князей только по имени да по отечеству, почему въ одномъ вѣкѣ встрѣчается пять Святославовъ и изъ нихъ трое съ однимъ отечествомъ: неудивительно, что Шлёцеръ не понялъ причины этого

обычая, когда у насъ и теперь, сто лѣтъ спустя, не хотятъ еще понять ея и продолжаютъ толковать о владѣніяхъ въ древней Руси, о князьяхъ черниговскихъ, смоленскихъ, волынскихъ, тогда какъ лѣтописцы не знаютъ ихъ, а знаютъ только Святославовъ, Ростиславовъ, Мстиславовъ. Чтобъ избѣжать смѣшенія князей, прежде всего необходимо было имѣть родословныя таблицы; таблицы, напечатанныя Ломоносовымъ и Мюллеромъ, Шлёцеръ нашелъ очень неудовлетворительными; лучшія нашелъ онъ въ рукописномъ Татищевѣ; но гораздо болѣе пользы принесли ему огромныя, изъ многихъ листовъ составленныя таблицы отъ Рюрика до Елисаветы, съ краткими указаніями главнѣйшихъ событій, должно быть Ѳеофана Прокоповича. Шлёцеръ переписалъ и сличилъ всѣ эти таблицы, причемъ естественно нашелъ множество варіантовъ въ генеалогическихъ и хронологическихъ показаніяхъ: но, по крайней мѣрѣ, у него уже была основа. Потомъ спѣшилъ онъ составить общее обозрѣніе событій, особенно четырехъ совершенно неизвѣстныхъ ему вѣковъ (отъ 1050 до 1450 г.). Таубертъ доставилъ ему для этого списокъ Татищева; но и Татищевъ былъ еще труденъ для Шлёцера: по крайней мѣрѣ онъ не могъ дѣлать изъ него извлеченій скоро. Но вотъ, къ неописанной радости Шлёцера, Таубертъ доставилъ ему два рукописныхъ фоліанта изъ академической библіотеки, содержащіе нѣмецкій переводъ одной изъ полнѣйшихъ лѣтописей. Переводчикъ, какъ узналъ Шлёцеръ изъ устныхъ преданій, былъ нѣмецкій ученый, именемъ Селлій, принявшій православіе и бывшій потомъ монахомъ въ Александро-Невской лаврѣ подъ именемъ Нестора. Рука въ этихъ фоліантахъ была небрежна, но разборчива; переводъ сдѣланъ вѣрно, слово въ слово. 31 іюля 1762 года началъ Шлёцеръ извлекать изъ Селліева перевода и къ 25 сентября осилилъ уже половину фоліанта. Но какъ же извлекалъ Шлёцеръ? Онъ не слѣдилъ за связью событій, но отыскивалъ великихъ князей, которыхъ исторія была особенно богата событіями и важна. Легко понять, какъ вѣрно должно было быть представленіе Шлёцера о Русской исторіи, составившееся изъ подобныхъ извлеченій! Но не должно забывать, что такъ обыкновенно начиналось историческое изученіе; не должно забывать, что, 50 лѣтъ спустя, у насъ хотѣли было начать писать Русскую исторію съ великаго князя, котораго правленіе было богаче событіями, съ Іоанна III.

Чѣмъ далѣе шелъ Шлёцеръ въ изученіи лѣтописей, тѣмъ явственнѣе становилось для него, что въ русскихъ лѣтописяхъ все было византійское. Поэтому онъ началъ изучать византійцевъ, Георгія Пахимера, Константина Багрянороднаго. Византійскій духъ находилъ онъ на каждой страницѣ лѣтописей, въ образѣ мышленія и представленія предметовъ, даже въ словахъ и выраженіяхъ: и здѣсь и тамъ монахъ называется старцемъ и чернорizцемъ, принять схиму значитъ постричься въ монахи и т. п. Это заставило его обратиться къ Дюканжеву Glossarium mediæ Graecitatis. Какъ удивлялся онъ, находя здѣсь русскія слова, которыхъ никто прежде не думалъ искать въ Константинополѣ! Какъ обыкновенно бываетъ, важность открытія была преувеличена Шлёцеромъ: византійское вліяніе на памятники древней нашей литературы, и особенно на лѣтописи, вовсе уже не такъ сильно, какъ показалось сначала Шлёцеру, объяснившему себѣ нѣсколько словъ изъ Дюканжева лексикона; но это убѣжденіе въ важности византійскаго вліянія, убѣжденіе, высказанное Шлёцеромъ, до сихъ поръ еще сильно въ нашей наукѣ. Скоро Шлёцеръ замѣтилъ, что съ помощію Дюканжа и византійцевъ нельзя объяснить себѣ очень многихъ словъ въ лѣтописяхъ, словъ, утратившихся въ новомъ русскомъ языкѣ; ученикъ Михаэлиса вспомнилъ правило учителя: «если въ еврейскомъ языкѣ какое-нибудь слово встрѣчается одинъ разъ или очень рѣдко, то ищи его въ родственныхъ діалектахъ»,—и обратился къ изученію славянскихъ нарѣчій. Первыми пособіями ему при этомъ изученіи были: 1) Поповича Untersuchungen vom Meere, 1750, и 2) Францеля Origines linguæ sorabicæ, 1693. Познакомившись съ византійцами, Дюканжемъ, потомъ съ Поповичемъ и Френцелемъ, Шлёцеръ провозгласилъ: «Кто рѣшается заниматься русскими лѣтописями, не изучивъ византійской литературы и славянскихъ нарѣчій, похожъ на тѣхъ чудаковъ, которые хотятъ объяснять Плинія, не зная естественной исторіи и технологіи!» Намъ не нужно распространяться о значеніи этого Шлёцерова положенія въ исторіи нашей науки.

Подлѣ этихъ трудовъ, открытій, которыми полагалось такое прочное основаніе научной обработкѣ источниковъ Русской исторіи, видимъ еще другую дѣятельность Шлёцера, педагогическую, которую мы также не можемъ оставить безъ вниманія, принимая въ соображеніе то вліяніе, какое она имѣла въ свое время. Мы видѣли, что Шлёцеръ, по рекомендаціи Тауберта, получилъ еще мѣсто домашняго учителя при дѣтяхъ графа Разумовскаго, гетмана Малороссійскаго и президента академіи наукъ. «Графъ Кирилла», говоритъ Шлёцеръ, «былъ хорошій человѣкъ, и потому хотѣлъ дать сыновьямъ своимъ хорошее воспитаніе; въ средствахъ къ тому онъ не нуждался, получая 600,000 рублей годоваго дохода. Но главное препятствіе къ воспитанію гетманскихъ дѣтей представляла маменька: тогда какой-то умный человѣкъ присовѣтовалъ отцу удалить дѣтей отъ маменьки, не высылая ихъ однакоже изъ Петербурга. Совѣтъ былъ принятъ, и вотъ нанятъ былъ большой домъ на Васильевскомъ островѣ, въ 10-й линіи, и прилично меблированъ. Здѣсь поселились трое молодыхъ графовъ Разумовскихъ—Алексѣй, Петръ и Андрей; съ ними вмѣстѣ воспитывались еще три мальчика—Тепловъ, Олсуфьевъ и Козловъ. Гувернеромъ при дѣтяхъ былъ Mr. Bourbier, французскій лакей, но образованный лакей,

умѣвшій писать пофранцузски безъ ошибокъ, потому что много читалъ. При немъ были три учителя, которые жили въ домѣ и обѣдали: одинъ полуученый, іезуитскій воспитанникъ изъ Вѣны и двое ученыхъ, два адъюнкта академіи, Румовскій математикъ и Шлёцеръ; другіе учителя пріѣзжали давать уроки. Содержаніе института стоило графу ежегодно 10,000 рублей, а содержался онъ великолѣпно, по словамъ Шлёцера, который съ восторгомъ говоритъ не объ одной внѣшней обстановкѣ жизни въ этомъ институтѣ; онъ съ восторгомъ говоритъ о согласіи, которое было постоянно между гувернеромъ и учителями, о юношеской веселости, которая господствовала въ домѣ. Шлёцеръ занимался сначала шесть часовъ въ недѣлю, и—что было всего важнѣе для него—никто не мѣшался въ его занятія; онъ могъ учить такъ, какъ хотѣлъ. Какъ же онъ училъ? Чтобъ успѣшнѣе шелъ латинскій языкъ, онъ съ самаго начала сталъ говорить полатыни съ учениками, началъ преподавать географію полатыни. Но чтобы ученики могли объясняться полатыни не объ однихъ научныхъ предметахъ, для этого сдѣланъ былъ большой выборъ фразъ изъ комедій Теренція и Плавта: «Такимъ образомъ ожилъ у насъ», говоритъ Шлёцеръ, «древнеримскій разговорный языкъ». Маленькій Тепловъ долженъ былъ, по требованію отца, особенно заниматься латинскимъ языкомъ: для этого ребенка Шлёцеръ выбралъ, преимущественно изъ Марціала и Овена, 172 большихъ и малыхъ стихотвореній, которыя Таубертъ велѣлъ напечатать при академіи подъ заглавіемъ: Epigrammata, in quibus tirocinium ponere latinæ linguæ queant. Книга начиналась маленькими пьесами изъ 2, 3, 4 строкъ и оканчивалась длинными стихотвореніями Овидія Pyramus et Thisbe и Ariadne Theseo. Общій планъ преподаванія составленъ былъ безъ Шлёцера и онъ не нашелъ въ немъ географіи! Шлёцеръ потребовалъ немедленно географіи отъ Тауберта, оберъ-инспектора института; мало того, онъ представилъ необходимость другой науки для дѣтей одного изъ первыхъ вельможъ, необходимость *познанія отечества*,—такъ онъ назвалъ статистику. Въ 10-й линіи Васильевскаго острова былъ сдѣланъ первый опытъ преподаванія русской статистики человѣкомъ, котораго имя съ такимъ уваженіемъ упоминается въ исторіи этой науки. Первый урокъ начался вопросами: «Какъ велика Россія сравнительно съ Германіею и Голландіею? Что такое юстицъ-коллегія? Какимъ товаромъ производитъ торговлю русскій человѣкъ? Откуда получаетъ онъ свое золото и серебро»? Новая наука такъ понравилась Тауберту, что Шлёцеръ, кромѣ шести латинскихъ уроковъ, долженъ былъ взять еще пять уроковъ статистики и получилъ за это 100 рублей прибавочнаго жалованья. Понятно, что самъ учитель только тутъ началъ заниматься статистикою Россіи; какъ легко было ему сначала заниматься ею, показываетъ слѣдующій случай: осенью 1763 года спросилъ онъ въ одной купеческой компаніи, почему нынѣшнею весною вывезено было пеньки гораздо менѣе, чѣмъ прежде, и означилъ цифру вывоза: одинъ маклеръ отвелъ его въ сторону и просилъ не дѣлать впередъ подобныхъ вопросовъ и не обнаруживать такихъ опасныхъ знаній. «Васъ могутъ принудить», сказалъ онъ, «объявить, отъ кого вы получили это извѣстіе, и вы сдѣлаете черезъ это человѣка несчастнымъ». Здѣсь Шлёцеръ приглашаетъ читателя сравнить такое жалкое состояніе русской статистики съ тѣмъ обиліемъ статистическихъ матеріяловъ, которое мы видимъ послѣ, благодаря просвѣщенному взгляду императрицы Екатерины II-й.

Понятно, что Шлёцеръ долженъ былъ сначала преподавать своимъ воспитанникамъ русскую статистику по иностраннымъ, исполненнымъ ошибокъ источникамъ; но скоро Таубертъ, по знакомству съ президентами и членами коллегій, началъ доставлять ему источники чистые, изъ которыхъ Шлёцеръ дѣлалъ извлеченія; потомъ о каждомъ предметѣ статистики составлялъ маленькія рукописныя книжки и роздалъ ихъ своимъ воспитанникамъ; на книжкахъ была надпись: «à l'usage de l'Académie de la X ligne (т. е. Васильевскаго острова). Русская географія явилась въ такомъ же маленькомъ форматѣ и быстро распространилась; многіе домашніе учителя списывали ее; по ней преподавалась русская географія и въ академической гимназіи. Скоро Mr. Bourbier, гувернеръ, обязанный преподавать всеобщую исторію, не сладилъ съ нею и передалъ ее также Шлёцеру. Всеобщая исторія была болѣе извѣстна тогда, чѣмъ статистика: ее преподавали обыкновенно по учебнику Curas съ вопросами и отвѣтами, переведенному на русскій языкъ съ прибавкою русской исторіи. Въ 1762 году вышло уже второе изданіе этой книги; по ней преподавали въ гимназіи; но Шлёцеръ не хотѣлъ преподавать по ней, началъ составлять свой учебникъ, и при этомъ составленіи напалъ на тѣ мысли, которыя послѣ развивалъ онъ на лекціяхъ въ Гёттингенѣ. Въ С.-Петербургѣ, приноравливаясь къ потребностямъ русскихъ учениковъ своихъ, Шлёцеръ пришелъ къ мысли, что надобно ввести въ исторію цѣлые народы, едва прежде извѣстные въ ней по имени: калмыки и монголы, думалъ онъ, потрясавшіе вселенную, гораздо важнѣе ассиріянъ или лонгобардовъ. Но если, по мнѣнію (совершенно впрочемъ ложному) Шлёцера, для русскихъ учениковъ важнѣе было знать подробности монгольской исторіи, чѣмъ лонгобардской, то зачѣмъ же онъ послѣ перенесъ это уваженіе къ монголамъ въ Гёттингенъ, гдѣ преподавалъ нѣмцамъ, для которыхъ конечно подробности лонгобардской исторіи были важнѣе подробностей монгольской? Это объясняется изъ матеріяльности стремленій Шлёцера: въ исторіи своей онъ поражается только матеріяльнымъ величіемъ, пренебрегая проявленіямъ духовныхъ силъ человѣка и народовъ: въ его глазахъ

Мильтіадъ—деревенскій староста въ сравненіи съ Аттилою или Тамерланомъ; геттингенскіе слушатели Шлёцера помнятъ, какъ горячо онъ защищалъ съ каѳедры права внѣшней жизни или матеріяльные интересы противъ духовныхъ требованій [1]). Мы конечно не можемъ сочувствовать этому взгляду Шлёцера; мы очень хорошо знаемъ, что для счастія и спокойствія человѣческихъ обществъ матеріяльныя стремленія должны быть сдерживаемы, а не защищаемы, не поощряемы, ибо они всегда и вездѣ могущественно обнаруживаются безо всякой защиты и поощренія; мы знаемъ, что они должны быть поставлены въ служебное отношеніе къ духовнымъ требованіямъ; въ исторіи мы видимъ осязательно истину священнаго изреченія: «Духъ есть иже живитъ, плоть не пользуетъ ничесоже». Мы знаемъ, когда являются Аттилы, Тамерланы и другіе потрясатели вселенной; когда общество презритъ духовную жизнь, духовныя силы, когда предастся чувственности, матеріяльнымъ стремленіямъ, когда воздвигнетъ алтари Молоху, требующему кровавыхъ жертвъ: тогда и являются на историческую сцену вожди нечистыхъ силъ, чтобъ овладѣть запродавшеюся имъ добычею. Заслуга Шлёцера состоитъ не въ установленіи вѣрныхъ взглядовъ на явленія всемірной исторіи: его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ ввелъ строгую критику, научное изслѣдованіе частностей, указалъ на необходимость полнаго, подробнаго изученія вспомогательныхъ наукъ для исторіи. Благодаря Шлёцеровой методѣ, наука стала на твердыхъ основаніяхъ, ибо онъ предпослалъ изученію исторической физіологіи занятіе исторической анатоміею; по счастію, судьба привела самого мастера въ Россію, чтобъ поставить и русскую исторію на это прочное основаніе.

Наступилъ 1764-й годъ. Шлёцеръ приближался къ тридцатому году своей жизни. Ему было хорошо и пріятно въ Петербургѣ; но его безпокоило будущее. «До сихъ поръ», писалъ онъ къ Михаэлису, «перекочевывалъ я, какъ номадъ, изъ одной науки въ другую, не по юношеской вѣтрености, но увлекаемый теченіемъ обстоятельствъ. Многоразличныя свѣдѣнія, которыя я чрезъ это пріобрѣлъ, должны быть мнѣ полезны, когда я наконецъ остановлюсь на чемъ нибудь одномъ». Путешествіе на Востокъ, по его словамъ, еще не выходило у него изъ мыслей, хотя можно сомнѣваться въ искренности его словъ. Опредѣляясь въ академію, Шлёцеръ думалъ, что Таубертъ будетъ смотрѣть иначе на восточное путешествіе, чѣмъ Мюллеръ, но ошибся и ошибку свою замѣтилъ скоро: «Мнѣ нельзя было открыть рта о путешествіи на Востокъ», говоритъ Шлёцеръ: «мнѣ смѣялись въ лицо, меня называли мечтателемъ, искателемъ приключеній». Оплакавши любимую мечту своей молодости, какъ слѣдуетъ съ причитаніями, успокоивши самолюбіе свое тѣмъ, что судьба не хотѣла осуществить эту мечту, что, какъ нарочно, умеръ и Редереръ, человѣкъ, у котораго одного только можно было выучиться медицинѣ, что и въ арабскомъ языкѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, не сдѣлано было ни шага впередъ (какъ будто это было возможно, еслибъ Шлёцеръ три года назадъ все еще жилъ мыслію о путешествіи на Востокъ?),—успокоивши себя такимъ образомъ, Шлёцеръ началъ думать, слѣдуетъ ли ему посвятить себя вполнѣ настоящему своему занятію, издавать русскія лѣтописи, создать русскую статистику, распространить въ великомъ русскомъ народѣ познанія о другихъ народахъ. Первое, изученіе русскихъ лѣтописей, было для него всего привлекательнѣе. Препятствія были преодолѣны: онъ зналъ порусски; мало того, по стеченію случайностей, онъ былъ способнѣе къ этому изученію, чѣмъ всякій другой:—онъ зналъ сѣверную, византійскую и восточную литературы. «Но какая же», думалъ Шлёцеръ, «будетъ мнѣ награда, если я, измѣнивъ первому моею плану, посвящу себя русской исторіи? При счастливомъ случаѣ, мѣсто экстраординарнаго профессора съ 660 рублей жалованья, и въ самомъ счастливомъ случаѣ мѣсто ординарнаго профессора съ 860 рублей жалованья! Но въ Петербургѣ этимъ жить нельзя, особенно если жениться. Меня прельщали надеждою, что я могу занять мѣсто Мюллера, мѣсто россійскаго императорскаго исторіографа съ 1200 рублей жалованья; но Мюллеръ былъ здоровый, крѣпкій пятидесятивосьми-лѣтній мужчина, который легко могъ прожить еще лѣтъ двадцать». Шлёцеръ началъ думать, что надобно оставить Россію и въ Германіи издать свои Russica, т. е. пріобрѣтенные матеріялы по русской исторіи и статистикѣ. Въ апрѣлѣ 1764 года онъ подалъ доношеніе въ академію, гдѣ, во-первыхъ, просилъ о трехлѣтнемъ отпускѣ въ Германію; во-вторыхъ, просилъ, что если академія одобряетъ его дѣятельность и считаетъ достойнымъ оставаться при ней, то чтобъ соблаговолила сообщить ему свое рѣшеніе до его отъѣзда; что онъ ожидаетъ приказанія представить академіи планъ занятій, которыя онъ намѣренъ предпринять въ будущемъ для пользы наукъ вообще и для распространенія ихъ въ русской публикѣ. Между тѣмъ Шлёцеръ уже подалъ въ академію опытъ подъ заглавіемъ: Periculum antiquitatis russicæ, graecis collustratæ luminibus; здѣсь заключались четыре статьи: I) Nestoris ex Kedreno ristituti specimena. II) Нѣкоторыя непонятныя слова въ Несторѣ; также изслѣдованіе о греческомъ огнѣ. III) Lingua russica græcissans triplici vocabulorum genere demonstrata. IV) Объясненіе окончанія *вичъ* въ отчественныхъ именахъ, напримѣръ Ивановичъ, и проч. Главная тема Шлёцера состояла здѣсь въ томъ, что изслѣдователь русской исторіи долженъ разумѣть погречески, и особенно изучать Византійцевъ.

---

[1]) Schlosser's Geschichte des XVIII Jahrhunderts. IV, 261.

Академія потребовала планъ; Шлецеръ представилъ ихъ два. Первый заключалъ въ себѣ «Мысли о способѣ, какъ должна быть обрабатываема русская исторія». Главная тема здѣсь была та, что русская исторія еще не могла быть изучаема, но долженствовала быть создана. Это созданіе другимъ европейскимъ государствамъ стоитъ вѣковыхъ трудовъ; но при методическомъ прилежаніи, которое даетъ возможность избѣгать ошибокъ, сдѣланныхъ другими, можно поставить русскую исторію также высоко въ 50 лѣтъ. Шлецеръ предложилъ для этого слѣдующія работы и себя въ работники: I) Studium monumentorum domesticorum, изученіе отечественныхъ памятниковъ, т. е. лѣтописей. Лѣтописи должны быть обработываемы: a) *критически* (съ малою критикою): рукописи одной и той же лѣтописи должны быть собраны, ихъ различныя чтенія сравнены, и прежде всего долженъ быть добыть чистый, вѣрный текстъ; b) *грамматически:* добытый текстъ долженъ быть объясненъ, потому что въ немъ встрѣтятся многія, нынѣшнимъ русскимъ людямъ уже болѣе не вразумительныя слова, которыхъ значеніе должно отыскивать въ славянскомъ переводѣ Библіи, въ остальныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, должно освѣдомляться о немъ у русскихъ людей, знакомыхъ съ древнею отечественною литературою; c) *исторически:* лѣтописи и другія историческія сочиненія должны быть сравнены другъ съ другомъ по содержанію, отмѣчены особенности и лишки. II) Studium monumentorum extrariorum (изученіе чужестранныхъ памятниковъ); здѣсь Шлёцеръ замѣтилъ, какъ бѣдна будетъ русская исторія, составленная изъ однѣхъ своихъ лѣтописей, ибо хроники польскія, венгерскія, шведскія, преимущественно (?) византійскія и монголо-татарскія, даже нѣмецкія, французскія и папскія, начиная съ X-го вѣка, заключаютъ въ себѣ извѣстія о Россіи. Критическое изученіе должно производиться такимъ образомъ: всѣ рукописи, сколько бы ихъ ни было, должны получить постоянныя имена и быть описаны дипломатически; всю русскую исторію раздѣлить на отдѣлы, всего лучше по великимъ князьямъ, о каждомъ отдѣлѣ составить особую книгу, въ которую занести всѣ сравненія, объясненія, дополненія и противорѣчія, изъ всѣхъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Для предварительнаго обзора Шлёцеръ хотѣлъ составить Учебникъ Русской Исторіи, безъ критики, по Татищеву и Ломоносову.

Второй планъ касался распространенія свѣдѣній въ рускомъ народѣ. Милліоны людей, представлялъ Шлёцеръ, могутъ читать и писать, сотни тысячъ могутъ читать книги и страстно стремятся къ пріобрѣтенію свѣдѣній. Но иностранные языки извѣстны немногимъ, слѣдовательно надобно помогать большинству въ пріобрѣтеніи познаній посредствомъ переводовъ! Кто же долженъ помогать? Разумѣется, академія, столь богатая средствами; ея призваніе состоитъ не въ томъ только, чтобъ дѣлать открытія по наукамъ для цѣлаго міра; ея русскій міръ къ ней ближе. Но что она сдѣлала? Въ первые годы ея существованія (1726—1736) Байеръ и другіе издали очень хорошіе, самостоятельные, непереводные учебники для молодаго императора Петра II-го, но съ 1736 по 1764 печальное затишье, и ни одного самостоятельнаго сочиненія, все одни переводы: латинскіе комментаріи академіи заключали въ себѣ конечно важныя статьи, но русскіе не читали ихъ, русскіе считали большія суммы, которыя шли на академію, и громко говорили, что за такія большія суммы народъ получаетъ только календарь; отъ этого уменьшается уваженіе къ иностранцамъ, изъ которыхъ преимущественно состояла академія. Послѣдняя, по мнѣнію Шлецера, должно была употребить слѣдующія средства для распространенія свѣдѣній въ русскомъ народѣ: распространять эти свѣдѣнія въ малыхъ пріемахъ; Римскую исторію, напримѣръ, издатъ не въ двадцати шести томахъ, а въ одномъ или двухъ; многотомныя классическія сочиненія иностранныхъ писателей не издавать: венгры слишкомъ поторопились перевести на свой языкъ Esprit des Lois; даже легкія всѣмъ доступныя иностранныя сочиненія должно не переводить, а передѣлывать. Шлёцеръ предлагалъ свои услуги при составленіи учебниковъ или народныхъ книгъ, по предметамъ, ему извѣстнымъ, по исторіи, географіи и статистикѣ; онъ предлагалъ или передѣлывать уже существующія иностранныя сочиненія, или изъ девяти хорошихъ сочиненій составлять десятое. Слогъ должено былъ легкій, такой, какъ въ книжкахъ pour l' Académie de la X ligne, слѣдовательно и переводъ ихъ на русскій языкъ долженъ быть также легокъ, всякій молодой русскій студентъ могъ принять его на себя; о правильности его могъ судить самъ Шлёцеръ; за чистотою языка могъ наблюдать одинъ изъ русскихъ ученыхъ. Большая часть академиковъ одобрили планы Шлёцера; но Ломоносовъ подалъ слѣдующее мнѣніе: «Отзывы иностранныхъ профессоровъ о познаніяхъ господина Шлецера въ русскихъ древностяхъ не могутъ быть приняты во вниманіе, потому что они, какъ иностранцы, сами не имѣютъ о нихъ ни какого понятія. Что касается до меня, то я думаю, что упомянутый Шлецеръ долженъ еще много учиться, прежде чѣмъ быть профессоромъ русской исторіи. При томъ же для него нѣтъ и мѣста въ академіи: господа Мюллеръ и Фишеръ занимаютъ должности профессоровъ исторіи, а я самъ пишу Русскую Исторію; слѣдовательно упомянутый Шлецеръ не можетъ быть русскимъ историкомъ и нѣтъ ему мѣста». Начались жаркіе споры; чтобъ положить имъ конецъ, рѣшено было подавать письменно голоса: Эпинусъ, Штелинъ, Фишеръ, Леманъ, Браунъ и Цейхеръ подали свои мнѣнія въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ для Шлёцера, но указывали только на то обстоятельство, что для него нѣтъ мѣста при академіи; Ломоносовъ, въ своемъ мнѣніи, удивлялся дерзости Шлёцера, который, «проведя очень немного времени въ Россіи, и то въ

кругу иностранцевъ, уже возмнилъ, что можетъ при опредѣленіи значенія словъ соперничать съ старыми учеными, при созданіи русской исторіи указывать источники и предписывать законы; возмнилъ, что понимаетъ древній славянскій языкъ не хуже кого-нибудь изъ нашихъ ученыхъ. Онъ не можетъ ссылаться на примѣръ Шведа Ире, который при объясненіи древнихъ нѣмецкихъ манускриптовъ явился искуснѣе, чѣмъ нѣмецъ Вахтеръ; пусть Шлецеръ вспомнитъ, что изъ славянскихъ языковъ нѣтъ для него ни одного отечественнаго, что ни одного изъ нихъ онъ не изучилъ, а въ русскомъ новичекъ; и пусть, съ другой стороны, представитъ себѣ кого-нибудь изъ русскихъ, съ младенчества напитаннаго народнымъ русскимъ языкомъ и славянскою грамотою, уже въ преклонныхъ лѣтахъ находящагося, всѣ церковныя книги, на древнемъ славено-моравскомъ языкѣ написанныя прилежно прочетшаго, всѣ областныя нарѣчія русскаго языка, всѣ слова, въ дворцѣ, между духовенствомъ и въ народѣ употребительныя, изучившаго, сверхъ того знающаго польскій и другіе родственные языки, за литтературныя заслуги свои особенную похвалу пріобрѣтшаго! не дерзокъ ли покажется тотъ, кто съ таковымъ захочетъ соперничать? Наглость Шлецеровскихъ требованій ясна для каждаго, кто знаетъ труды, мною для отечественнаго языка и отечественной исторіи подъятые». Сильное раздраженіе Ломоносова противъ Шлецера проистекало, во-первыхъ, отъ сильнаго раздраженія его противъ нѣмецкой стороны въ академіи, особенно противъ Тауберта, а Шлёцеръ былъ кліентомъ Тауберта; Ломоносову казалось, что Таубертъ выставляетъ ему въ Шлёцерѣ соперника по занятіямъ русскою исторіею и русскимъ языкомъ, что видно изъ начальныхъ строкъ его отзыва [1]). Этотъ новопріѣзжій нѣмецъ уже осмѣлился соперничать съ нимъ, первымъ русскимъ писателемъ, осмѣлился сочинить русскую грамматику! Извѣстенъ отзывъ Ломоносова объ этой грамматикѣ, написанный въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и приведенный отзывъ объ исторической программѣ: «Хотя всякъ россійскому языку искусный легко усмотрѣть можетъ сколь много нестерпимыхъ погрѣшностей въ сей печатающейся безпорядочной грамматикѣ находится, показующихъ сочинителевы великіе недостатки въ такомъ дѣлѣ; но больше удивится его неразсудной наглости, что зная свою слабость и вѣдая искуство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, не обинулся приступить къ этому, и какъ бы нѣкоторой пигмей поднялъ Алпійскія горы. Но больше всего оказывается не токмо незнаніе, но и сумазбродство въ произведеніи словъ россійскихъ. Кромѣ многаго что развратно и здравому разсудку противно, внесены еще ругательныя чести и святости разсужденія». Приведя нѣсколько словопроизводствъ, напримѣръ, *князь* отъ Knecht и проч., Ломоносовъ заключаетъ: «Изъ сего заключить можно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина». Во-вторыхъ, Шлёцеръ въ своемъ Periculum, представленномъ въ академію, затронулъ прямо Ломоносова: въ начальной лѣтописи встрѣчается слово *суда;* Ломоносовъ въ своей Исторіи перевелъ это слово чрезъ *проливъ*, Зундъ; Шлёцеръ опровергнулъ это толкованіе на томъ основаніи, что проливъ нельзя сжечь, какъ сказано въ лѣтописи, и представилъ изъ Дюканжа другое объясненіе, что *суда* означало ровъ, обнесенный палисадомъ и находившійся предъ Константинополемъ. Шлёцеръ разсказываетъ и о личномъ столкновеніи своемъ съ Ломоносовымъ: однажды Шлёцеръ въ академической канцеляріи занимался переводомъ одного указа на нѣмецкій языкъ; Ломоносовъ, вошедшій въ это время въ канцелярію, взялъ у него переводъ, на первыхъ строкахъ котораго находилось выраженіе Glück und Wohlstand des Reiches. «Wohlstand», замѣтилъ Ломоносовъ, «употреблено здѣсь неправильно: это значитъ только decorum». Шлёцеръ возразилъ, что Wohlstand имѣетъ еще другое значеніе. «Вы еще слишкомъ молоды, чтобъ поправлять меня», сказалъ на это Ломоносовъ. «Молодой нѣмецъ знаетъ по-нѣмецки лучше, чѣмъ старый русскій», отвѣчалъ Шлёцеръ и ушелъ.

Второй важный для рѣшенія дѣла отзывъ былъ отзывъ Мюллера, какъ исторіографа. Мюллеръ писалъ: «Такъ какъ мнѣ достаточно извѣстны способности и прилежаніе г. Шлёцера, то я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ можетъ оказать услуги академіи, если захочетъ посвятить ей нѣсколько лѣтъ или всю свою жизнь; но такъ какъ я вѣрно знаю, что къ этому побудить его не возможно, то считаю безполезными всѣ попытки подобнаго рода. Если онъ обяжется служить два, три, пять, положимъ десять лѣтъ, то чѣмъ долговременнѣе будетъ его пребываніе въ Россіи, тѣмъ болѣе онъ добудетъ въ свои руки извѣстій о ней, которыми по возвращеніи въ Германію онъ воспользуется съ большою для себя выгодою: но я не вижу, что же выйдетъ изъ этого для чести и пользы Россіи? Притомъ, писать о Россіи въ Германіи чрезвычайно трудно, еслибъ даже кто имѣлъ при себѣ вѣрныя извѣстія и лѣтописи, ибо у писателя всегда будетъ при этомъ множество сомнительнаго и неизвѣстнаго, чего ему тамъ никто объяснить не въ состояніи. Склонность къ свободѣ въ писаніи можетъ заставить напечатать многое, что здѣсь будетъ непріятно. Нельзя, по моему мнѣнію, давать въ руки иностранцу, не желающему оставаться въ Россіи, такія извѣстія, изъ которыхъ онъ послѣ можетъ сдѣлать употребленіе, не соотвѣтствующее здѣшнимъ намѣреніямъ. Если г. Шлецеръ согласенъ посвятить всю свою жизнь русской исторіи

[1]) Doleo eius temeritatem, quam quidem excusandam existimo, quod non proprio, ut videtur, instinctu, sed aliorum potius suasu ductus, graviora quam exiles adhuc nervi illius in nostratibus literis ferre queant attrectare ausus sit.

и службѣ Россійской имперіи, то никто болѣе меня не можетъ быть этому радъ, потому что тогда достигнута будетъ цѣль, для которой я его вызвалъ, держалъ полгода у себя, снабжалъ всѣмъ нужнымъ, давалъ жалованье. Тогда онъ будетъ продолжать то, что я началъ, но, препятствуемый другими занятіями, не могъ кончить; ни въ чьи другія руки я не передамъ съ такою охотою мои рукописи. Но если этого достигнуть нельзя, то думаю, что академія должна постараться извлечь изъ способностей и прилежанія г. Шлёцера всю возможную пользу: можно назначить его иностраннымъ членомъ съ пенсіею, при чемъ обязать его безъ вѣдома академіи не печатать ничего, что касается до Россіи, или лучше всѣ сочиненія свои о Россіи присылать сюда для напечатанія. Если попадутся въ нихъ ошибки, то онѣ могутъ быть здѣсь исправлены, сомнительныя, неизвѣстныя вещи могутъ быть объяснены; печатать здѣсь еще тѣмъ удобнѣе, что въ сочиненіи о Россіи часто нужно приводить русскія слова и цѣлыя мѣста изъ лѣтописей, которыя не могутъ быть иначе напечатаны, какъ русскими буквами. Желаю я, чтобы сюда вмѣсто г. Шлёцера былъ вызванъ искусный и трудолюбивый человѣкъ, который бы еще при моей жизни могъ работать надъ всѣми неоконченными статьями. Самъ я не рѣшаюсь на мой собственный счетъ сдѣлать вторую попытку, потому что первая такъ мало удалась мнѣ».

Шлёцеръ считаетъ этотъ отзывъ Мюллера гораздо опаснѣе для себя, чѣмъ отзывъ Ломоносова: «Мюллеровъ планъ», говоритъ Шлёцеръ, «былъ ясенъ: онъ хотѣлъ удалить меня изъ Петербурга; я долженъ былъ остаться подъ условіемъ, какого я никогда принять не могъ, и это онъ зналъ лучше всякаго другого. Но у меня были извѣстія и лѣтописи, которыя я долженъ былъ взять съ собою и издать ихъ за-границею. Предложить отнять ихъ у меня—для этого Мюллеръ былъ слишкомъ тонокъ, онъ боялся общественнаго мнѣнія за-границею, и потому придумалъ другое средство сдѣлать эти извѣстія и рукописи и за-границею для меня неупотребительными: связать мнѣ руки пенсіею».

Пусть, по мнѣнію Шлёцера, отзывъ Мюллера былъ для него опаснѣе отзыва Ломоносова; но послѣдній не ограничился однимъ отзывомъ: узнавъ, что ненавистный иностранецъ собралъ разныя извѣстія о Россіи, рукописи и ѣдетъ за-границу, чтобъ тамъ издать все это, онъ обратился прямо къ сенату съ донесеніемъ объ угрожающей опасности; сенатъ предписалъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не выдавать Шлёцеру паспорта, а канцеляріи академической отобрать у него неизданныя историческія извѣстія. Встревоженный Таубертъ рано утромъ пріѣхалъ къ Шлёцеру на квартиру, схватилъ рукописи, которыя прежде ему передалъ, и объявилъ, что можетъ быть бумаги его подвергнутся пересмотру. Пересмотра однако не было; Шлёцеръ получилъ только запросъ изъ академической канцеляріи, бралъ ли онъ изъ библіотеки книги и рукописи для списыванья; какія именно бралъ, когда; когда списалъ, съ какою цѣлію, и возвратилъ ли ихъ опять въ библіотеку. Понятно, что адъюнкту академіи, обязавшемуся «упражняться въ собраніи и сочиненіи всякихъ до Россійской исторіи касающихся извѣстій», легко было отвѣчать на эти вопросы. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и паспорта Шлёцеру не выдавали; тогда онъ чрезъ генералъ-рекетмейстера Козлова, отца одного изъ своихъ воспитанниковъ, подалъ просьбу императрицѣ; въ концѣ просьбы Шлёцеръ испрашивалъ всемилостивѣйшаго соизволенія продолжать начатые труды: «подъ собственнымъ ея величества покровительствомъ, въ безопасности отъ притѣсненій и всякаго рода препятствій обработать прагматически древнюю русскую исторію отъ начала монархіи до пресѣченія Рюрикова Дома, по образцу всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, согласно съ вѣчными законами исторической истины и добросовѣстно, какъ слѣдуетъ вѣрнѣйшему ея величества подданному. Въ случаѣ же, если онъ, Шлёцеръ, не будетъ имѣть счастія достигнуть этого лучшаго изъ своихъ желаній, да удостоится онъ и по отъѣздѣ своемъ пребывать въ связи съ академіею ея величества въ качествѣ иностраннаго члена-пансіонера». Любопытно видѣть, какъ Шлёцеръ воспользовался мыслію Мюллера о званіи иностраннаго члена-пансіонера, мыслію, которая казалась ему такъ опасною въ предложеніи Мюллера!

Черезъ нѣсколько дней Таубертъ получилъ приказаніе передать всѣ акты, относящіеся къ Шлёцерову дѣлу, секретарю императрицы, Теплову. Тепловъ былъ прежде адъюнктомъ академіи, наставникомъ ея президента, гетмана Разумовскаго; его сынъ, какъ мы видѣли, воспитывался вмѣстѣ съ сыновьями послѣдняго; Шлёцеръ поэтому былъ ему очень хорошо извѣстенъ; кромѣ того, Тепловъ былъ заклятый врагъ Мюллера и пріятель Тауберта: Шлёцеръ понялъ, что его дѣло попало въ хорошія руки. Дѣйствительно, скоро послѣ того Тепловъ передалъ ему вопросъ императрицы: «хочетъ ли онъ остаться на ея службѣ и какъ?» Шлёцеръ испросилъ дозволенія представить письменно планъ, и представилъ три плана, изъ которыхъ императрица имѣла утвердить, какой ей было угодно: 1) Путешествіе на Востокъ для собранія коммерческихъ извѣстій въ гаваняхъ Чернаго и Средиземнаго морей; 2) Занятіе древнею русскою исторіею, и охотнѣе при академіи художествъ, подъ начальствомъ Бецкаго, чѣмъ при академіи наукъ; 3) Оставить его на два года работать въ Гёттингенѣ, съ титуломъ и жалованьемъ члена академіи, которая назначитъ ему предметы для занятій или предоставитъ ему самому ихъ выборъ; безъ академической цензуры не будетъ онъ ничего печатать о Россіи; если онъ выдержитъ это двухгодовое испытаніе, то можно будетъ его вызвать для исполненія перваго или втораго плана. (Значитъ, теперь академическая цензура не связывала ему рукъ за границею!) Таубертъ далъ знать Шлёцеру, что

императрица избрала второй планъ, и что онъ долженъ представить дальнѣйшія условія. Подъ диктовку Тауберта, онъ написалъ слѣдующія: Быть при академіи наукъ въ качествѣ профессора и ординарнаго члена по историческому классу, какъ скоро академія получитъ новый уставъ; пользоваться всѣми правами и жалованьемъ ординарнаго академика, въ ожиданіи чего будетъ получать по 860 рублей въ годъ. Древняя русская исторія будетъ его главнымъ занятіемъ; онъ будетъ снабженъ всѣми необходимыми пособіями для этого; будетъ имѣть полную свободу пользоваться всѣми книгами, рукописями и мемуарами императорской библіотеки. Кромѣ историческихъ разысканій, онъ будетъ заниматься и другими предметами, особенно касающимися торговли и воспитанія, когда угодно будетъ ея императорскому величеству удостоить его своими приказаніями. Дабы онъ имѣлъ возможность обнаружить свое усердіе предъ глазами публики, дабы его сочиненія не были запрещаемы, его превосходительство, Тепловъ, будетъ защищать его отъ враговъ и, въ случаѣ нужды, повергать его жалобы къ подножію престола. Контрактъ этотъ будетъ заключенъ на пять лѣтъ. Будущею весною будетъ ему позволено отправиться въ Германію на три мѣсяца. Если условія не будутъ приняты, то ему дана будетъ свобода возвратиться немедленно въ отечество.

Но прежде чѣмъ эти условія были утверждены, Шлёцеръ долженъ былъ преодолѣть большое искушеніе, ибо вмѣсто нихъ Тепловъ предложилъ ему слѣдующія: «Въ ожиданіи мѣста при академіи, Шлёцеръ получаетъ 600 рублей жалованья и будетъ зависѣть только отъ его превосходительства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Теплова, обязаннаго доставить ему всѣ нужныя пособія для занятій, которыя будутъ на него возложены. Онъ будетъ получать приказанія ея величества чрезъ означеннаго Теплова и чрезъ него же отдавать отчетъ въ сдѣланномъ. Какъ скоро академія получитъ новый уставъ, онъ вступитъ въ нее въ качествѣ ординарнаго академика. Контрактъ заключается на три года. Шлёцеръ пользуется столомъ и квартирою въ домѣ его превосходительства». Шлёцеръ хорошо понялъ, что значилъ подобный контрактъ; ему предлагали перемѣнить ученыя занятія на административныя. Служба подъ начальствомъ Теплова представляла несомнѣнныя выгоды и могла повести далеко. «Но», думалъ Шлёцеръ, «это уже въ третій разъ я долженъ мѣнять свои занятія! Востокомъ я пожертвовалъ для русской исторіи, а теперь русскою исторіею долженъ пожертвовать для новыхъ неизвѣстныхъ занятій, и пробыть три года на испытаніи! А если, по прошествіи этихъ трехъ лѣтъ, я буду принужденъ оставить Россію, то тридцати-четырехъ лѣтъ что еще въ четвертый разъ начну въ Германіи?» Шлёцеръ отказался отъ предложеній Теплова, и 4 января 1765 года условія его относительно вступленія въ академію были утверждены, причемъ условіе о покровительствѣ было измѣнено такимъ образомъ: «Дабы его историческія статьи и другіе труды могли безпрепятственно являться въ печати, дозволяется ему всеподданнѣйше представлять ихъ ея императорскому величеству или тому, на кого отъ нея будетъ возложенъ просмотръ ихъ».

Въ февралѣ 1766 года возвратился Шлёцеръ въ Гёттингенъ, и пробылъ тамъ до іюля. Все это время онъ не былъ безъ дѣла; по рекомендаціи Михаэлиса, пригласилъ для академической гимназіи ученаго конректора, Стриттера, впослѣдствіи знаменитаго автора Memoriæ populorum; написалъ двадцать пять отвѣтовъ на запросы академіи, касающіеся разныхъ предметовъ; занимался рѣшеніемъ вопроса «*о Лехѣ*» по поводу преміяльной задачи института Яблоновскаго въ Данцигѣ; печаталъ свое сочиненіе: «Опытъ русскихъ лѣтописей» (Probe russischer Annalen); написалъ статью: «Memoriæ slavicæ» для королевскаго ученаго общества, и для гёттингенскихъ ученыхъ вѣдомостей занимался рецензіею историческихъ сочиненій, касавшихся сѣверной Европы. По возвращеніи въ Петербургъ, Шлёцеръ предался своему занятію, отыскиванью и сравненью рукописныхъ лѣтописей; при этомъ онъ искалъ между русскими себѣ помощника, и нашелъ его въ переводчикѣ при академіи, Башиловѣ, который получилъ очень хорошее школьное образованіе, но не имѣлъ познаній въ исторіи и тѣмъ менѣе въ исторической критикѣ; скоро пріобрѣлъ онъ тѣ и другія подъ руководствомъ Шлёцера и, по словамъ послѣдняго, могъ бы обезсмертить свое имя въ исторіи русской исторической литературы, еслибъ по достоинству былъ оцѣненъ академіею; но Башиловъ оставилъ ее и умеръ въ 1770 году въ званіи секретаря сената. При главномъ и любимомъ занятіи своемъ, сличеніи текста лѣтописей, Шлёцеръ не упускалъ изъ виду другихъ, которыя бы могли знакомить русскихъ людей съ ихъ древнею исторіею и съ надлежащимъ способомъ издавать древніе памятники; съ этою цѣлію въ 1767 году онъ издалъ Русскую Правду буква въ букву. Такое изданіе Шлёцеръ хотѣлъ противоположить безобразному изданію кенигсбергскаго списка лѣтописи, сдѣланному по Таубертову распоряженію Барковымъ, который позволилъ себѣ добавленія, выпуски и замѣненіе древнихъ формъ языка новыми. Въ 1768 году изданъ былъ Судебникъ царя Іоанна Башиловымъ подъ руководствомъ Шлёцера. Чтобъ приготовить русскихъ людей къ чтенію лѣтописей, Шлёцеру хотѣлось издать такой списокъ, языкъ котораго не былъ бы очень древенъ, не отвращалъ бы читателей непонятными словами, а съ другой стороны былъ бы по возможности полонъ, заключалъ бы въ себѣ событія русской исторіи отъ начала до XVII вѣка; этимъ требованіямъ удовлетворялъ Никоновскій списокъ, и, въ 1767 году, Шлёцеръ вмѣстѣ съ Башиловымъ издали первую часть списка до 1094 года; вторую часть до 1237 года издалъ одинъ

Башиловъ, но по плану Шлёцера. Мы видѣли, что изученіе византійскихъ историческихъ писателей Шлёцеръ провозгласилъ необходимымъ приготовительнымъ трудомъ для русскаго историка; но есть ли возможность ученому, имѣющему въ виду громаду собственно русскихъ источниковъ, прочесть еще сорокъ фоліантовъ византійскихъ писателей, прочесть отъ доски до доски, чтобъ не пропустить ни малѣйшаго извѣстія, относящагося къ русской исторіи? Шлёцеръ считалъ необходимымъ, чтобъ одинъ какой-нибудь ученый принялъ на себя исполинскій трудъ—извлечь изъ Византійцевъ всѣ извѣстія, относящіеся къ русской исторіи. Когда Стриттеръ потерялъ мѣсто конректора при академической гимназіи, то Шлёцеръ, при содѣйствіи академика Фишера, убѣдилъ другихъ академиковъ и самого директора академіи, графа Орлова (Владиміра), возложить на него упомянутый трудъ: «Если я оказалъ какія нибудь услуги при распространеніи историческихъ свѣдѣній, то, быть можетъ, это самая большая изъ нихъ», говорилъ самъ Шлёцеръ.

Мы видѣли также, что Шлёцеръ въ своей академической программѣ обѣщалъ, прежде критическаго изданія лѣтописей, удовлетворить какъ можно скорѣе потребности русскаго общества—издать Краткій Учебникъ Русской Исторіи, составленный безъ критики, изъ готовыхъ матеріяловъ, преимущественно по Татищеву. Съ этою цѣлію, въ 1769 году, онъ издалъ Tableau de l'histoire de Russie, гдѣ означены были только періоды русской исторіи; книжка была тотчасъ же переведена на русскій, датскій и итальянскій языки. Въ томъ же году, въ такомъ же маленькомъ карманномъ форматѣ, онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ *Исторію Россіи, первая часть, до основанія Москвы* (Geschichte von Russland. Erster Theil bis auf die Erbauung von Moskau im I. 1147). Такъ какъ эта книжка была первымъ учебникомъ Русской исторіи въ собственномъ смыслѣ (не говоря о Синопсисѣ и Ядрѣ), то мы и должны на ней остановиться. Въ предисловіи Шлёцеръ говоритъ: «Введеніе составлено заботливо: но я не стою за отрывокъ русской исторіи до основанія Москвы. Я написалъ его пять лѣтъ тому назадъ для дѣтей: для этого употребленія онъ былъ довольно хорошъ. Для серьезныхъ читателей я не способенъ написать связную русскую исторію, тѣмъ менѣе для ученыхъ историковъ-критиковъ. Хотя я очень старался, чтобъ не сказать чего нибудь несправедливаго, но есть ли возможность избѣжать ошибокъ при извлеченіи извѣстій изъ лѣтописей нисколько не обработанныхъ? Но какъ бы ни былъ несовершенъ мой трудъ, все же онъ можетъ быть полезенъ: изъ него окажется, что русскія лѣтописи вовсе не похожи на сѣверныя Konunga längder, не заключаютъ въ себѣ только сухое перечисленіе именъ и чиселъ, но содержатъ событія, надъ которыми можно думать, содержатъ ряды событій, которыя можно превратить въ пищу для духа. О, еслибъ этотъ трудъ мой черезъ десять лѣтъ сдѣлался безполезенъ! т. е. если бы лѣтописи въ это время были критически обработаны, и изъ нихъ былъ бы составленъ прагматическій, вполнѣ удовлетворительный учебникъ русской исторіи»!

Введеніе, которое занимаетъ почти треть книжки, раздѣляется на двѣ части: первая содержитъ статью объ основаніи Русскаго государства, вторая—раздѣленіе на періоды и краткій обзоръ событій, въ нихъ заключающихся. Въ первомъ параграфѣ первой части авторъ говоритъ о народахъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи до основанія государства; во второмъ—о славянахъ, которые признаются исконнымъ европейскимъ народомъ: «Славяне искони европейскій народъ, жили въ Венгріи, на сѣверномъ берегу Дуная; въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х. часть ихъ, вытѣсненная Влахами и Булгарами, удалилась къ Днѣпру, и основала Кіевъ» и т. д. Въ третьемъ говоритъ о варягахъ, которые признаются корсарами изъ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Въ четвертомъ—о призваніи князей: «Новгородъ по изгнаніи Варяговъ былъ свободенъ: но скоро въ немъ возникли внутреннія безпокойства, естественное зло демократическихъ государствъ; соперничество возбудило ненависть, составились партіи; бургомистръ и совѣтъ были не въ состояніи охранить свободу, справедливость и гражданъ. Тогда Гостомыслъ, старецъ, имѣвшій большое вліяніе на своихъ согражданъ, далъ имъ совѣтъ избрать въ государи иностранныхъ князей. Какъ Вортигернъ предложилъ притѣсненнымъ Бриттамъ Саксонцевъ, такъ Гостымыслъ предложилъ Новгородцамъ прежнихъ враговъ ихъ—Хазаровъ и Норманновъ».—Взаключеніи статьи авторъ говоритъ: «Суевѣріе и невѣжество прежнихъ вѣковъ исказили исторію всѣхъ народовъ. Тоже случилось и съ нашею исторіею. Было время, когда нашихъ предковъ узнавали уже при построеніи Вавилонской башни, находили Славянъ при осадѣ Трои, этихъ истыхъ Европейцевъ помѣщали въ Прикавказьи или на Волгѣ. Было время, когда думали, что Тобольскъ получилъ свое имя отъ Тубала, Москва отъ Месеха, правнука Ноева, и Кіевъ отъ Ки, потомка этого Меcеха. Показывали патентъ, полученный Новгородомъ отъ Александра Македонскаго; составляли родословныя, въ которыхъ Рюрикъ по прямой линіи происходилъ отъ Римскаго императора Августа, и т. д. Невѣжество изобрѣло эти нелѣпости; исторія, руководимая здравымъ смысломъ и критикою, презираетъ ихъ, и Ѳедоръ Эминъ послѣдній, который имъ вѣритъ».

Во второй части введенія помѣщено знаменитое раздѣленіе на періоды, которое такъ долго господствовало и провозглашалось съ университетской каѳедры, раздѣленіе на пять періодовъ. Русь раждающаяся, раздѣленная, угнетенная, побѣдоносная, процвѣтающая. Съ такого чисто внѣшняго дѣленія, по необходимому закону, должна была

начаться наука. «Вначалѣ Провидѣніе даровало Русскому государству семь правителей, изъ которыхъ каждый чѣмъ нибудь содѣйствовалъ благу государства, и послѣднее достигло обширныхъ размѣровъ и могущества; но едва оно этого достигло, какъ раздѣленію Владиміра и Ярослава повергло его въ прежнюю слабость, слѣдствіемъ которой было иго монгольское. Но вотъ явился великій человѣкъ: подъ творческими руками Іоанна III образовалось могущественное государство; Россія исполинскими шагами пошла отъ завоеванія къ завоеванію: цѣлыя царства содѣлались ея провинціями; отторгнутыя нѣкогда земли возвратились подъ ея державу, и безпокойные сосѣди должны были получить миръ съ потерею цѣлыхъ областей». При такомъ внѣшнемъ взглядѣ на исторію государства историку, разумѣется, не было дѣла до постепенности внутренняго развитія общества, до изображенія характеровъ дѣйствующихъ лицъ, соотвѣтственно той эпохѣ, въ которую они являются. Это всего рѣзче замѣтно въ книжкѣ Шлёцера, который любитъ сравнивать лица глубокой древности съ лицами новой исторіи; такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о Святославѣ: «Онъ былъ великодушенъ какъ Карлъ XII, который не оскорблялъ никого, кто не навлекалъ на себя его мщенія, и не прощалъ никому, кто его оскорблялъ; чувствителенъ къ прекрасной Малушѣ, какъ тотъ къ Аврорѣ Кёнигсмаркъ; несчастливъ подобно Карлу, ибо долженъ былъ пасть предъ могуществомъ Греческой имперіи, и потомъ на возвратномъ пути былъ убитъ печенѣгами». Любопытно также изображеніе Владиміра Великаго: «Великъ на войнѣ и въ мирѣ, страшенъ сосѣдямъ, обожаемъ войскомъ, которому щедро раздавалъ плоды своихъ побѣдъ, а самъ ѣлъ деревянными ложками; усердно заботился о процвѣтаніи своей Земли, строилъ города, учреждалъ школы, завелъ торговлю съ Волжскими Болгарами, и посылалъ путешественниковъ въ Вавилонъ и Египетъ, чтобы пересадить искусства съ береговъ Евфрата и Нила на берега Днѣпра и Дона». А между тѣмъ о Русской Правдѣ сдѣлано слѣдующее (единственное) замѣчаніе: «Ярославъ далъ Новгороду знаменитое городовое право, въ которомъ вырванный изъ бороды волосъ оцѣнивается въ четыре раза больше, чѣмъ отрѣзанный палецъ». О порядкѣ престолонаслѣдія у древнихъ русскихъ князей Шлёцеръ разсуждаетъ такъ по поводу безпокойствъ, происходившихъ въ княженіе Всеволода I-го: «Двое послѣднихъ великихъ князей, Изяславъ и Святославъ, оба оставили уже возрастныхъ сыновей; но Россія не имѣла опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія; дядя, если онъ былъ сильнѣе или хитрѣе племянниковъ, овладѣвалъ престоломъ, который принадлежалъ послѣднимъ, и племянники должны были довольствоваться удѣлами».

Всѣ эти труды свои Шлёцеръ называетъ введеніями, приготовительными работами, captationes benevolentiae. Главнымъ занятіемъ своимъ считалъ онъ критическую обработку лѣтописей, и въ 1769 году, во время пребыванія своего въ Гёттингенѣ, издалъ пробный листъ, подъ заглавіемъ: «Annales Russici, slavonice et latine cum varietate lectionis ex codd. X. Lib. I. usque ad annum 879». Продолженія не было. Еще въ 1766 году въ академіи произошли перемѣны, непріятныя для Шлёцера: директоромъ ея назначенъ былъ графъ Владиміръ Орловъ; сначала Таубертъ оставался съ прежнимъ значеніемъ при новомъ начальникѣ, въ званіи совѣтника, попрежнему вмѣстѣ съ графомъ управлялъ академическою канцеляріею, т. е. академіею; потомъ канцелярія была уничтожена, и вмѣсто нея учреждена коммисія изъ шести академиковъ, подъ предсѣдательствомъ графа; Таубертъ, покровитель Шлёцера, потерялъ чрезъ это всякое значеніе. Осенью 1767 года Шлёцеръ отправился въ Гёттингенъ, и не возвращался болѣе въ Петербургъ. «Въ 1770 году, по истеченіи срока моему контракту съ академіею», думалъ Шлёцеръ, «мнѣ уже будетъ тридцать пять лѣтъ; съ 860 рублями въ Петербургѣ нельзя пользоваться никакими удовольствіями жизни: пріобрѣту ли я что нибудь литературными трудами—не извѣстно. Профессоръ не имѣлъ значенія въ обществѣ, если онъ, по крайней мѣрѣ, не коллежскій совѣтникъ; движеніе къ чинамъ и большому жалованью медленно, болѣе же скорое къ нимъ движеніе оскорбитъ товарищей; во всякой другой коллегіи служить было выгоднѣе, чѣмъ при академіи; кто хотѣлъ идти дальше и скорѣе, оставлялъ ее. Я утомился, lassus maris et viarum; пятнадцать лѣтъ, проведенныя мною между проектами и опасностями, казались мнѣ тридцатью; я жаждалъ покоя, хотѣлъ жениться, жить въ тиши и работать, быть независимымъ». Отпускъ Шлёцеру оканчивался весною 1769 года, контрактъ—въ началѣ 1770; онъ вступилъ въ переговоры съ академіею, просилъ позволенія остаться въ Германіи на неопредѣленное время, на томъ основаніи, что для составленія комментарій къ лѣтописямъ ему необходима гёттингенская библіотека; просилъ, чтобъ и Стриттеръ отпущенъ былъ въ Гёттингенъ на нѣкоторое время, для дополненія своихъ Memoriae populorum изъ другихъ анналистовъ, кромѣ Византійцевъ; просилъ, чтобъ при немъ, Шлёцерѣ, находилось постоянно нѣсколько молодыхъ русскихъ людей, которые бы учились у него исторической критикѣ, какъ то было съ Башиловымъ; при этомъ Шлёцеръ просилъ 1,000 рублей жалованья въ годъ, чина надворнаго совѣтника и, въ случаѣ женитьбы, обезпеченія ежегодной пенсіи женѣ въ 200 рублей. Шлёцеръ соглашался вступить навсегда въ русскую службу, если ему дадутъ званіе исторіографа съ чиномъ коллежскаго совѣтника и 1,500 рублей жалованья (!!). Академія отвѣчала, что Шлёцеръ можетъ оставаться при ней на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и всѣ прочіе ея члены. Послѣдніе были оскорблены желаніемъ Шлёцера проѣдать свое жалованье въ Германіи, какъ они выража-

лись, и Шлёцеръ остался въ Гёттингенѣ, гдѣ онъ былъ назначенъ дѣйствительнымъ профессоромъ (титулярнымъ былъ онъ уже съ 1764 года). «Съ тяжелымъ сердцемъ», говоритъ Шлёцеръ, «разстался я съ русскою исторіею, которая въ продолженіи восьми лѣтъ, лучшихъ лѣтъ моей жизни, была главнымъ и любимымъ моимъ занятіемъ».

Но, и разставшись съ русскою исторіею, Шлёцеръ не переставалъ съ горячимъ участіемъ слѣдить за ея успѣхами въ Россіи и за границею; сильно радовало его дѣятельное изданіе источниковъ, лѣтописей; сильно огорчалъ его недостатокъ ученаго приготовленія, ученыхъ пріемовъ въ людяхъ, писавшихъ о русской исторіи, издававшихъ ея источники: «Многіе», говоритъ Шлёцеръ, «толковали о томъ, что безъ сравненнаго Нестора нельзя ничего начать, но только никто не хотѣлъ заняться этимъ сравненіемъ, и эти господа продолжали, какъ и прежде, въ свободное время заглядывать въ двѣ, три рукописи, сравнивать ихъ cavalièrement и выбирать чтеніе, какое понравится, не заботясь о томъ, принадлежитъ ли оно Нестору или явилось вслѣдствіе неразумія переписчика. Величайшій изъ русскихъ знатоковъ русской исторіи, Болтинъ, вопреки ясному показанію лѣтописей, выдалъ вмѣстѣ съ Татищевымъ Руссовъ за Финновъ, а Варяжское море за Ладожеское озеро; объявилъ подлиннымъ отрывокъ Іоакимовой лѣтописи, отъ котораго отказался Мюллеръ, отказались даже Ломоносовъ и Щербатовъ; толкуютъ объ остъ-индской торговлѣ чрезъ Россію до временъ Рюрика, о монетѣ Ярослава I-го, наконецъ выкопали изъ могилы давно почившаго Мосоха и Скиѳа, Афетова правнука». Тутъ экс-профессоръ русской исторіи потерялъ всякое терпѣніе и написалъ «Нестора».

29 ноября 1800 года началось печатаніе «Нестора»; когда оно уже приходило къ концу, Шлёцеръ обратился къ Крюднеру съ вопросомъ, можетъ ли онъ посвятить, или по крайней мѣрѣ поднести свое сочиненіе императору Александру. Крюднеръ отвѣчалъ, что государь *съ удовольствіемъ* принимаетъ посвященіе. Шлёцеръ отослалъ Крюднеру экземпляръ; но Крюднеръ въ это самое время умираетъ, и Шлёцеру даютъ знать, что экземпляръ, назначенный для государя императора, потерянъ. Шлёцеръ пишетъ объ этомъ происшествіи къ министру коммерціи, графу Румянцеву, и тотъ спѣшитъ поднести государю свой экземпляръ. Вслѣдствіе этого Шлёцеръ получаетъ бриллiантовый перстень, при письмѣ, которое приводитъ въ восторгъ старика, особенно выраженіе, что подарокъ есть faible marque de son estime. «Grand Dieu!» восклицаетъ Шлёцеръ въ письмѣ къ сыну: «такъ пишетъ императоръ, императоръ Россійскій, профессору»! Затѣмъ Шлецеру присланъ былъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени; когда онъ обратился съ вопросомъ къ графу Румянцеву, имѣетъ ли онъ право вырѣзать себѣ печать, на которой бы хотѣлось ему изобразить русскаго инока (Нестора), — то Румянцевъ прислалъ ему желаемый гербъ, начерченный сенаторомъ Козодавлевымъ.

Шлёцеръ и анти-историческое направленіе[1].

I.

Задолго еще до Шлёцера начались изслѣдованія объ инокѣ Кіево-Печерскаго монастыря Несторѣ, какъ первомъ русскомъ лѣтописцѣ, о времени и обстоятельствахъ его жизни, о сочиненіяхъ его, о значеніи его лѣтописи. Этими изслѣдованіями — изслѣдованіями Татищева, Мюллера, — Шлёцеръ пользовался; подобно предшественникамъ своимъ, онъ призналъ несомнѣннымъ существованіе Нестора, перваго русскаго лѣтописца, въ XI вѣкѣ. Но въ этомъ вопросѣ Шлёцеръ впервые взглянулъ на явленіе собственно исторически, началъ разсматривать явленіе лѣтописца не отдѣльно, какъ это дѣлалось прежде, а въ связи съ современнымъ состояніемъ русскаго общества, занялся рѣшеніемъ вопроса о возможности появленія лѣтописца въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ при обстоятельствахъ временныхъ и мѣстныхъ. Изъ разсмотрѣнія этихъ обобстоятельствъ Шлёцеръ вывелъ возможность лѣтописи; послѣ, такъ-называемые, скептики отрицали возможность явленія, также основываясь на современномъ состояніи общества; защитники Нестора утверждали противное, опять на томъ же основаніи: но основаніе это было положено Шлёцеромъ, который задалъ вопросы: какъ житель Приднѣпровья въ XI вѣкѣ могъ достигнуть извѣстной степени образованности? какъ напалъ онъ на мысль написать лѣтопись и написать ее на отечественномъ языкѣ? кто служилъ ему образцомъ? изъ какихъ источниковъ почерпалъ онъ извѣстія? и какъ вообще онъ поступалъ при своемъ лѣтописаніи? Возможность извѣстной степени образованности Шлёцеръ объяснилъ христіанствомъ и постояннымъ сообщеніемъ Кіева съ Византіею; византійскія лѣтописи могли быть занесены на Русь, и такимъ образомъ русскій человѣкъ могъ придти къ мысли стать бытописателемъ своего народа; образцами его были византійскіе лѣтописцы, а не авторы сагъ; что же касается до источниковъ, то многое онъ описывалъ какъ современникъ, остальное по устнымъ преданіямъ. Осторожный и проницательный критикъ, Шлёцеръ остановился предъ вопросомъ: имѣлъ ли Несторъ предъ глазами древнѣйшія письменныя извѣстія? Несторъ, по мнѣнію Шлёцера, начинаетъ свою лѣтопись чисто по-византійски, съ раздѣленія земли между сыновьями Ноя; но изложеніе его не византійское, а библейское. «Философскихъ идей объ исторіи народовъ», говоритъ Шлёцеръ, «никто не станетъ требовать отъ приднѣпровскаго инока XI вѣка; мало говоритъ онъ о внутренней исторіи Руси; его болѣе занимаютъ внѣшнія событія, войны, и т. п. Но, несмотря на всѣ недостатки, русскій лѣтописецъ возвышается надъ позднѣйшими исландскими и польскими разсказчиками на столько же, на сколько разсудокъ, хотя часто заблуждающійся, возвышается надъ постоянною глупостію».

«Философскихъ идей объ исторіи народовъ никто не станетъ требовать отъ приднѣпровскаго инока XI вѣка». Такъ условіями мѣста и времени объяснился, опредѣлился характеръ лѣтописи: мы не въ правѣ отъ лѣтописца XI вѣка ожидать того, что привыкли встрѣчать у историковъ XIX вѣка; но мы въ правѣ ожидать отъ него добросовѣстной, безприкрасной передачи видѣннаго и слышаннаго; въ этомъ отношеніи Несторъ превосходенъ, возвышается надъ современными и даже позднѣйшими лѣтописцами другихъ народовъ; и потому онъ *главный* источникъ первоначальной исторіи сѣвера. Какъ же этотъ главный источникъ представляетъ намъ первобытный сѣверъ вообще и до-рюриковскую Россію въ особенности? Это представленіе должно оправдать отзывъ Шлёцера о *честномъ* Несторѣ: «*Честный* Несторъ представляетъ свою страну до Рюрика пустынею, гдѣ живетъ нѣсколько народцевъ, которыхъ онъ называетъ всѣхъ по имени, которыхъ мѣста жительства часто съ точностію опредѣляетъ; эти народцы живутъ осѣдло, не кочуютъ, живутъ въ городахъ, то-есть въ огороженныхъ деревняхъ. Первымъ шагомъ къ образованности у нихъ было появленіе монарха, вторымъ принятіе христіанства». Чтобъ понять всю важность этого Шлёцерова вывода изъ показаній Нестора, стоитъ только вспомнить, что имъ были убиты представленія о древней Руси, къ которымъ пріучали русскихъ людей XVIII вѣка Елагины и Эмины. Шлёцеръ вывелъ строгую науку, древній лѣтописецъ раскрылъ свой простой, правдивый разсказъ, и произведенія бездарныхъ риторовъ упразднились; съ появленіемъ законнаго царя исчезли самозванцы.

---

[1]) См. о жизни Шлёцера, «Русскій Вѣстникъ» 1856 г. т. II, № 8, стр. 489—533. (Стр. 1541—1578 настоящаго изданія).

Шлёцеръ коснулся и вопроса о языкѣ лѣтописи Несторовой. «Когда же», спрашивалъ онъ, «славянская литература будетъ имѣть своего Вахтера, своего Ире, которые сравнятъ славянскія нарѣчія между собою и съ ихъ общимъ источникомъ?» Шлёцеръ не ограничился однимъ заданіемъ вопроса, однимъ изъявленіемъ желанія, но самъ приступилъ къ изслѣдованію о языкѣ церковно-славянскомъ, потомъ изложилъ исторію русской исторіографіи. Понятно, что Шлёцеръ, имѣя въ виду исключительно критику источниковъ, не могъ вполнѣ оцѣнить достоинства трудовъ Татищева, Щербатова, Болтина; его отталкивало отъ нихъ отсутствіе критики, какъ онъ понималъ ее, отсутствіе ученаго приготовленія, ученой обработки вопросовъ; при односторонности своего направленія, онъ забывалъ, что для русскихъ людей, кромѣ объясненія темныхъ мѣстъ Нестора, важно было объясненіе и княжескихъ отношеній въ древней Россіи, и характера Іоанна Грознаго, и событій Смутнаго времени. Вотъ почему во второй половинѣ XVIII вѣка Шлёцеръ видитъ въ русской исторіографіи шагъ назадъ, тогда какъ мы теперь видимъ большой шагъ впередъ; несмотря на то, Шлёцеръ все же умѣетъ найти достоинства и въ Татищевѣ, и въ Щербатовѣ, и въ Болтинѣ; его отзывы о нихъ далеко не такъ неблагосклонны, какъ отзывы, которые мы встрѣчаемъ во второй четверти XIX вѣка,—отзывы людей, не почетшихъ за нужное передъ произнесеніемъ суда надъ писателемъ познакомиться съ его сочиненіемъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ статей Шлёцеръ приступаетъ къ главному труду—своду рукописей, разбору каждаго слова, нуждающагося въ объясненіи, указанію источниковъ, откуда почерпалъ Несторъ свои извѣстія, сличенію извѣстій другихъ авторовъ и т. п. Мы не будемъ распространяться о важномъ значеніи этого труда въ русской наукѣ, перваго, превосходнаго образца низшей исторической критики: это значеніе давно уже признано. Мы не будемъ входить также въ подробный разборъ каждаго изъ мнѣній Шлёцера: эти мнѣнія и сужденія, споры о нихъ между позднѣйшими учеными также хорошо извѣстны. Мы обратимъ вниманіе читателей на тѣ достоинства Шлёцерова труда, которыя сохранили вполнѣ свою поучительность въ настоящее время, которыя въ настоящее время имѣютъ быть-можетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ имѣли когда-либо прежде.

Шлёцеръ находилъ высокій интересъ въ занятіяхъ начальною русскою лѣтописью; самъ говорилъ, что это было его любимое занятіе; Шлёцеръ нашелъ въ Несторѣ важныя достоинства, предпочелъ его всѣмъ другимъ современнымъ лѣтописцамъ, и, по своему обычаю, рѣзко выразилъ это предпочтеніе: несмотря на то, онъ умѣлъ удержаться въ должныхъ границахъ, не увлекся своимъ любимымъ писателемъ. Признавъ достовѣрность Несторовой лѣтописи, показавъ возможность появленія лѣтописца въ Приднѣпровьи XI вѣка, Шлёцеръ и смотритъ на него какъ на лѣтописца начальнаго, какъ на монаха XI вѣка, на общество имъ описываемое, какъ на общество новорожденное, первоначальное: «Философскихъ идей объ исторіи народовъ никто не станетъ требовать отъ приднѣпровскаго инока XI вѣка. Мало говоритъ онъ о внутренней исторіи Руси, его болѣе занимаютъ внѣшнія событія, войны и т. п.». Зная, что имѣетъ дѣло съ начальнымъ лѣтописцемъ, Шлёцеръ знаетъ также, что имѣетъ дѣло съ начальнымъ, первобытнымъ обществомъ; критикъ потому уважаетъ Нестора, что въ простомъ разсказѣ его не находитъ ничего, что бы не соотвѣтствовало этому первобытному состоянію. Гласно и рѣшительно высказалось мнѣніе, что разсказъ объ извѣстномъ времени въ жизни извѣстнаго общества долженъ соотвѣтствовать этому времени во всѣхъ чертахъ своихъ, это соотвѣтствіе выставлено какъ непогрѣшительная повѣрка подлинности памятника, оно выставлено главною нравственною обязанностію повѣствованія, и трудъ, отличающійся такимъ соотвѣтствіемъ, названъ *честнымъ*.

Шлёцеръ указалъ на законъ историческаго развитія положеніемъ, что все великое въ природѣ начинается съ малаго [1]). Отсюда необходимое заключеніе для историка, что это малое и должно быть представлено малымъ, не должно быть похоже на позднѣйшее великое, образовавшееся вѣковымъ путемъ постепеннаго движенія. Несторъ есть *честный* лѣтописецъ, потому что, описывая начало государства, разсказывая о бытѣ племенъ, вошедшихъ въ составъ его, изображаетъ малое малымъ, простое простымъ. Отъ сознанія этой честности, какъ главной обязанности историка, проистекало у Шлёцера это уваженіе къ извѣстіямъ источниковъ, отвращеніе отъ произвольныхъ прибавокъ и украшеній: другіе позволяли себѣ прибавлять, что Рюрикъ при концѣ своей жизни былъ боленъ и слабъ; что онъ остальное время своего правленія провелъ въ покоѣ, занимаясь внутреннимъ устроеніемъ государства: «А я?» говоритъ Шлёцеръ:—«я не знаю *ничего*, потому что Несторъ не говоритъ ничего объ этомъ. Два первые года по смерти Рюрика ничѣмъ не наполнены въ исторіи; а мнѣ бы очень хотѣлось знать, что случилось въ эти важные годы! Какъ вели себя недовольные въ Новгородѣ? спрашивали ли ихъ о преемствѣ престола? признали ли они наслѣдственное право Игоря и опекунское правленіе Олега? Не было ли опять безпокойствъ, и какъ велъ себя Олегъ при этомъ? Все это и многое другое хотѣлось бы мнѣ знать: но исторія ничего не говоритъ, а вымыслами нельзя наполнять историческихъ пробѣловъ» [2]).

Елагины и Эмины, стараясь вымыслами оживлять и украшать лѣтописныя извѣстія, предста-

---

[1]) Несторъ, III, 24: Siehe da, die Wiege Deines alten grossen festen Reichs, Russischer Alexander! es hat, wie alles Grosse in der Natur, klein angefangen.

[2]) Несторъ, III, 33, 37, 40.

вляя первыхъ князей въ видѣ монарховъ XVIII вѣка, не могли однако сообщить начальной русской исторіи никакого величія: Шлёцеръ, ограничиваясь одними краткими, сухими извѣстіями лѣтописца, умѣлъ показать величіе событій и величіе заслугъ историческихъ дѣятелей: «Кто прочелъ исторію этихъ четырехъ всемірно-историческихъ людей (Рюрика, Олега, Ольги и Владиміра) у Татищева, Ломоносова, Щербатова, Елагина и другихъ, тотъ нелегко пойметъ великое, общезанимательное, которое источники дѣйствительно представляютъ, ибо это великое погребено подъ хламомъ мелочей, постороннихъ прибавокъ, нейдущихъ къ дѣлу разсужденій, преувеличеній, народныхъ сказокъ». Шлёцеръ указалъ на важное значеніе дѣятельности Олега, который положилъ начало будущему величію Россіи, могущественному вліянію ея на всемъ сѣверѣ, умѣлъ понять важность утвержденія Олега въ Кіевѣ, соединенія сѣвера съ югомъ [1]. Шлёцеръ, имѣя дѣло только съ краткими, сухими извѣстіями лѣтописца, честно обходясь съ ними, не позволяя себѣ никакихъ прибавокъ, лучше всѣхъ риторовъ понялъ величіе русскаго народа, населителя третьей части земнаго шара, давшаго ей гражданственность, исторію [2]; въ этомъ отношеніи Шлёцеру принадлежитъ первый разумный взглядъ на русскую исторію; ему принадлежитъ научное введеніе русскаго народа въ среду европейскихъ историческихъ народовъ. Путемъ честнаго, строго-научнаго обращенія съ источниками уразумѣвъ достоинство русской исторіи, Шлёцеръ требовалъ, чтобъ она обрабатывалась достойнымъ образомъ, а не такъ, какъ изображали ее риторы XVIII вѣка [3]. То же честное обращеніе съ источниками дало Шлёцеру возможность уразумѣть различіе начала русской исторіи отъ начала исторіи другихъ европейскихъ государства: будучи иностранцемъ, нѣмцемъ, онъ не увлекся однако норманизмомъ, хотя, по ясности туземныхъ и чужихъ извѣстій, и не могъ не признать первыхъ князей норманнами: «Между пятью народцами, дѣйствующими въ началѣ русской исторіи, только одинъ принадлежитъ къ славянскому племени—новгородцы (да развѣ еще кривичи); и эти новгородцы не отличаются ничѣмъ предъ другими, не первенствуютъ. Несмотря на то, славяне становятся главнымъ народомъ новой монархіи, и поглощаютъ не только четыре остальные народца, но и самихъ завоевателей: все становится славянскимъ! Черезъ 200 лѣтъ отъ варяговъ не остается ни малѣйшаго слѣда; даже скандинавскія собственныя имена послѣ Игоря исчезаютъ изъ княжескаго Дома и замѣняются славянскими. Славянскій языкъ не терпитъ ни малѣйшей перемѣны отъ норманскаго языка повелителей. Совершенно иначе происходитъ въ Италіи, Галліи, Испаніи и другихъ странахъ: сколько германскаго внесено франками въ латынь галловъ! Новое доказательство, что норманнскія дружины, поселившіяся въ странѣ, не были многочисленны» [4].

II.

Намъ не нужно много распространяться о важномъ значеніи главныхъ положеній Шлёцера въ исторіи нашей науки. Изслѣдованія Шлёцера ограничиваются начальнымъ періодомъ русской исторіи; о дальнѣйшемъ ходѣ событій онъ имѣлъ ошибочныя понятія по недостатку подробнаго фактическаго изученія; онъ только началъ, но началъ какъ слѣдуетъ, именно, *началъ съ начала*, и потому его трудъ легъ въ основу историческаго направленія въ нашей наукѣ. Все великое начинается съ малаго; чтобъ опредѣлить правильно это малое и наблюдать многосторонне и, по возможности, непогрѣшительно за его возрастаніемъ въ большое, надобно вникнуть въ простой, правдивый разсказъ честнаго лѣтописца, не искажая его, не примѣшивая къ нему представленій, изъ другого времени взятыхъ. Вопросъ: что было въ нынѣшней Россіи въ то время, какъ на ней еще русскаго имени не было?—вопросъ этотъ, правильно, на основаніи лѣтописныхъ показаній рѣшенный,—чрезвычайной важности, ибо только посредствомъ его рѣшенія мы получимъ ключъ къ уразумѣнію начала нашего государства и дальнѣйшей его исторіи. Какъ же изображаетъ намъ лѣтописецъ это до-рюриковское состояніе своей страны? «Честный Несторъ представляетъ свою страну до Рюрика пустынею, гдѣ живетъ нѣсколько народцевъ». Страна—пустыня, и какая пустыня, какихъ размѣровъ? Это громадная равнина отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Каспійскаго до Балтійскаго! Если эта обширная страна въ половинѣ IX вѣка была пустынею, то могла ли она скоро перестать быть пустынею, скоро населиться? Явные слѣды постепеннаго и медленнаго населенія ея мы видимъ въ продолженіе всей нашей исторіи, видимъ, какъ древніе юж-

[1]) Несторъ Ш, 5, 6.

[2]) Тамъ же, стр. 26, 27. Das grösste Drittel unsers Erdtheils, der unwirthbare Nordöstliche Norden diesseit der Ostsee bis zum Eismeer und Ural, dessen Dasein kein Grieche und Römer erfaren hatte, wohin noch kein Deutscher gedrungen war weil die Entfernung zu gross war. Siehe da bildete sich vor 1000 Jahren, durch Amalgamirung mehrer ganz verschiednen Horden, ein Volk, Russen genannt, das mit der Zeit Menschheit in Gegenden bringen sollte, die von dem Vater der Menschheit bis dahin vergessen zu sein schienen. Ein Zusammenfluss, eine Verkettung von Zufälligkeiten, leitete diese hohe Zwecke auf eine auffallende Weise. Menschen waren hier, vielleicht schon seit Jahrtausenden, aber nur wenige, sie wonten auf einer ungeheuren Strecke Landes zerstreut, one Verbindung unter sich, die die Verschiedenheit der Sprachen und Sitten erschwerte: und Menschheit ist doch nur das Werk de la population *rassemblée*, u. s. w.

[3]) Несторъ, II, 282.

[4]) Несторъ. III, 21, 22.

ные князья, какъ потомъ сѣверные князья, государи Московскіе, тяготятся малочисленностію народонаселенія, стараются увеличить послѣднее; въ XV, XVI, XVII вѣкахъ путешественники описываютъ большую часть страны пустынею, покрытою на обширныхъ пространствахъ дремучими лѣсами, болотами, по которымъ можно ѣздить только зимою, а не лѣтомъ. Вспомнимъ, какое ничтожное относительно пространства народонаселеніе имѣло Московское государство при переходѣ своемъ во Всероссійскую имперію и послѣ, въ XVIII вѣкѣ! Но, вспомнивши все это, мы не будемъ удивляться медленности государственнаго развитія, медленности установленія наряда въ Землѣ великой, ибо знаемъ, какъ огромное пространство съ рѣдко-разбросаннымъ народонаселеніемъ препятствуетъ быстротѣ и правильности отправленій государственнаго организма. Какія важныя явленія нашей исторіи, нашей жизни легко объясняются, когда историкъ начнетъ съ начала, когда начнетъ съ того, что страна наша въ половинѣ IX вѣка была пустынею, по которой рѣдко были разсѣяны разные народцы, что до половины IX вѣка здѣсь не было исторіи!

Честный лѣтописецъ изображаетъ восточную равнину до Рюрика пустынею, гдѣ живетъ нѣсколько народцевъ; но какъ онъ изображаетъ бытъ этихъ народцевъ? «Каждый жилъ особо съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ, свой обычай имѣлъ». На сѣверѣ, въ нѣкоторыхъ племенахъ эти особные роды были приведены къ единству подъ одну общую власть сперва силою; потомъ, когда эта власть была отстранена, родовая особность высказалась вновь въ усобицахъ: «всталъ родъ на родъ; но средство прекратить это положеніе было недавно испытано, и общая власть призывается. Призванные князья, благодаря соединеннымъ силамъ призвавшихъ племенъ, заставляютъ и всѣ другія племена восточной равнины подчиниться одной общей власти: происходитъ соединеніе племенъ, вмѣсто племенъ видимъ волости, каждую съ своимъ княземъ; но эти князья суть члены одного нераздѣльнаго рода, и эта нераздѣльность поддерживаетъ единство Русской Земли во время государственнаго младенчества; потомъ волости соединяются въ одно государство, многіе князья исчезаютъ, является единовластіе. Внутренній процессъ государственнаго объединенія оканчивается, тяжелый, медленный процессъ опять вслѣдствіе громадности страны, составляющей свой отдѣльный міръ. По окончаніи этого процесса, государство получаетъ возможность войдти въ систему европейскихъ государствъ съ сильнымъ, по своимъ средствамъ, вліяніемъ, но въ то же время подвергаясь вліянію и другихъ государствъ, что необходимо въ общей жизни народовъ, необходимо для успѣховъ народной жизни.

Но мы не можемъ высказать это послѣднее положеніе, какъ общепринятое, ибо существуетъ мнѣніе противное, существуетъ направленіе, противоположеное *историческому* направленію, которое начинается Шлёцеровымъ Несторомъ. Въ чемъ состоитъ это направленіе, которое мы должны назвать *анти-историческимъ*, оказывается изъ положеній, высказанныхъ его послѣдователями.

Первое положеніе состоитъ въ томъ, что у восточныхъ славянъ, и у славянъ вообще, не было родоваго быта, а если и былъ, то рушился во времена до-историческія. Отрицать господство родоваго быта у славянъ въ половинѣ IX вѣка и сильное вліяніе его послѣ въ отношеніяхъ самыхъ видныхъ, именно въ отношеніяхъ княжескихъ и вельможескихъ, можно только отвергая свидѣтельства честныхъ лѣтописцевъ и другихъ неоспоримыхъ источниковъ, чего послѣдователи историческаго направленія позволить себѣ не могутъ. Послѣдователи анти-историческаго направленія могли это сдѣлать, или заподазривая подлинность лѣтописи, или перетолковывая ясный смыслъ лѣтописныхъ извѣстій, употребляя натяжки. Они предпочли второй способъ. Тамъ, гдѣ на сценѣ прямо явленіе изъ родоваго быта, какъ напримѣръ, если братья владѣютъ нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, тамъ послѣдователи анти-историческаго направленія видятъ явленіе семейное! Лѣтописецъ говоритъ ясно, что у восточныхъ славянъ каждый жилъ особо съ родомъ своимъ и владѣлъ имъ: нѣтъ, говорятъ; это значитъ, что славяне владѣли по родамъ, цѣлымъ родомъ совокупно,—и такимъ образомъ, вопреки своему желанію, прямо доказываютъ господство родоваго быта. Всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ языкомъ древнихъ памятниковъ, извѣстно, что слово: «родъ» употреблялось для означенія современной совокупности всѣхъ живыхъ родственниковъ: послѣдователи анти-историческаго направленія отвергаютъ и это; говорятъ, что слово «родъ» означало только семью; родовыя княжескія отношенія они объясняютъ тѣмъ, что князья не были славянскаго племени, не указывая на тотъ не славянскій народъ, у котораго это явленіе было бы въ такой степени развито, и умалчивая о тѣхъ славянскихъ народахъ, у которыхъ оно было развито.

Отвергнувши родовой бытъ, послѣдователи анти-историческаго направленія поставили изначальную общину договорную, провозгласили, что общинный бытъ есть господствующее явленіе нашей исторіи. Тщетно имъ говорятъ, что существованія общиннаго быта въ Россіи никто не оспариваетъ; тщетно говорятъ имъ, что бытъ этотъ и въ гораздо большемъ развитіи видимъ въ исторіи другихъ народовъ; тщетно говорятъ имъ, что явленіе должно быть объяснено исторически: послѣдователи анти-историческаго направленія продолжаютъ утверждать, что былъ общинный бытъ, господствовалъ— и только! Какъ начался, вслѣдствіе какихъ причинъ усиливался или ослаблялся, въ какія эпохи замѣчаемъ это усиленіе или ослабленіе?—на эти вопросы они не отвѣчаютъ. Были вѣчевые города, говорятъ они. Дѣйствительно были, и давно уже

историки обратили вниманіе на эти города, на ихъ *исторію*, указывая происхожденіе вѣчеваго быта, его развитіе и упадокъ. Были вѣчевые города въ началѣ общественной русской жизни, исчезли при образованіи государства, которое исключило это форму городоваго или областнаго быта. Сначала видимъ особые, замкнутые, самостоятельные роды; потомъ, вслѣдствіе извѣстныхъ вліяній, эти роды замѣняются обществами, члены которыхъ соединены не родственною связью, обществами, болѣе или менѣе самостоятельно управляющимися; но эти общества, или общины, такъ же замкнуты и особны, такъ же страдаютъ эгоизмомъ, какъ и роды; народъ, который остановится на этой ступени, недолго можетъ поддерживать свою самостоятельность. Чтобъ достигнутъ высшей ступени развитія, чтобъ достигнуть единства государственнаго, яснаго сознанія объ этомъ единствѣ и способности пожертвовать всѣмъ для его сохраненія, народъ долженъ отказаться отъ этой общинной особности, пожертвовать ею, а потомъ, когда государство окрѣпнетъ, когда сознаніе о его единствѣ утвердится,—тогда вопросъ о той или другой формѣ областнаго управленія можетъ рѣшиться такъ или иначе, вслѣдствіе различныхъ условій. Мы знаемъ, какъ въ Московскомъ государствѣ рѣшаемъ былъ этотъ вопросъ; какъ давалось самостоятельное управленіе мірамъ, мѣстнымъ общинамъ, какъ потомъ, вслѣдствіе стремленія частей государственнаго организма къ большему развитію, община мѣстная должна была пасть передъ сословною, образованіе которой было дѣломъ новой Россіи, завѣщаннымъ ей старою. При этомъ мелькала неясная мысль о возможности не исключать мѣстную общину сословною, а соединить ихъ; но, какъ обыкновенно бываетъ, одно начало, пролагая себѣ дорогу, стремилось исключить совершенно другое; способность, не утрачивая стараго, соединять его съ новымъ, есть принадлежность поколѣній, крѣпкихъ просвѣщеніемъ, крѣпкихъ мудростію гражданскою. Объ этомъ надѣемся поговорить подробнѣе въ другой статьѣ.

Новгородъ не поддержалъ Ростова, Псковъ выдалъ Новгородъ — вотъ обычное поведеніе общинъ! Сѣверовосточная Россія для объединенія своего, для собранія земли, отреклась отъ вѣчеваго быта. У народовъ историческихъ, въ извѣстныя эпохи, замѣчаемъ извѣстныя симпатіи и антипатіи, показывающія историку, какое начало вырабатываетъ въ себѣ народъ, начало, необходимое для продолженія его исторической жизни, для выхода на болѣе широкій путь: отсюда понятно у московскихъ лѣтописцевъ это отвращеніе къ вѣчу, это нерасположеніе къ новгородцамъ, вѣчникамъ, крамольникамъ. Что выиграла сѣверовосточная Русь этимъ отреченіемъ отъ вѣчеваго быта, показалъ ясно 1612 годъ, когда народъ, вслѣдствіе сознанія государственнаго единства, могъ встать какъ одинъ человѣкъ для охраненія этого единства.

Третій вопросъ, котораго коснулись послѣдователи анти исторического направленія, былъ вопросъ о земскихъ соборахъ. Вотъ мнѣніе ихъ о происхожденіи этого явленія [1].

«До московскаго періода, при множествѣ отдѣльныхъ княжествъ, мы безпрестанно (?) видимъ вѣча, видимъ сильный элементъ совѣщательный. Что же съ нимъ сталось, съ этимъ элементомъ? Внутри государственнаго состава произошла перемѣна. Отношенія государя къ дружинѣ перемѣнились. А что же отношенія государя къ землѣ? Перемѣнились ли они или нѣтъ? какъ перемѣнились? и чѣмъ стали они? Какъ отразилась или обозначилась правительственная перемѣна въ отношеніи къ народу?

«Древнія областныя вѣча, не всегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣшивавшія нерѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразились, при единодержавіи, въ земскій соборъ всей Россіи,— явленіе, уже имѣющее одну чисто нравственную силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности, силу, къ которой обращалось правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Обратимся къ самой исторіи, къ самымъ событіямъ. Первымъ движеніемъ Іоанна царя было: созвать на Красную площадь земскій соборъ. На этомъ соборѣ царь возвѣстилъ только Землѣ, что наступила новая эпоха, новыя между ними отношенія. На этомъ соборѣ царь и Земля увидались другъ съ другомъ, и ярко выступилъ новый составъ Россіи: единый царь и вся Земля. Созваніе земскаго собора было собственнымъ дѣйствіемъ Іоанна, внушенное сознаніемъ значенія царя въ Россіи. Новое возвѣщенное начало, заявившее себя созваніемъ отъ царя перваго земскаго собора, было приложено къ дѣлу впослѣдствіи. Въ 1566 году, Іоаннъ IV созвалъ опять земскій соборъ и спрашивалъ мнѣнія, мириться ли съ Польшею на предложенныхъ ею условіяхъ, или воевать, требуя большихъ уступокъ. Если скажутъ, что созваніе земскаго собора не имѣло того значенія, что это было личное дѣйствіе Іоанна, его личное желаніе, то въ отвѣтъ на это мы укажемъ на цѣлый рядъ земскихъ соборовъ, отсюда возникающихъ и продолжающихся вплоть до самаго Петра I, такъ что послѣдній земскій соборъ распускается отъ имени Петра. Намъ скажутъ, что этихъ соборовъ мы не видимъ ни въ царствованіе Θеодора, ни въ царствованіе Годунова. Отвѣчаемъ на это, во-первыхъ, что, начиная съ царя Михаила Θеодоровича, нельзя уже не признать цѣлаго ряда соборовъ, и что все таки первый земскій соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ царемъ. Во-вторыхъ, только о нѣкоторыхъ соборахъ сохранились извѣстія полныя, цѣлые протоколы засѣданій, объ иныхъ извѣстія краткія; объ иныхъ узнаемъ изъ грамотъ, до нихъ касающихся, а объ иныхъ изъ грамотъ, даже не касающихся до нихъ, но гдѣ однако ясно и опредѣленно о нихъ говорится въ нѣсколькихъ строкахъ. Итакъ, мы можемъ предполо-

[1] Русск. Бесѣда, 1856. № IV, Критика, стр. 1 и сл.

жить, что земскіе соборы могли быть при Θеодорѣ и Борисѣ, но что извѣстія о нихъ или потеряны, или существуютъ въ другихъ грамотахъ, между множествомъ постороннихъ словъ».

Въ этомъ изложеніи мнѣнія о соборахъ вполнѣ обнаруживается способъ, какой употребляютъ послѣдователи анти-историческаго направленія въ своихъ разсужденіяхъ. До московскаго періода были вѣча, былъ сильный элементъ совѣщательный. Что съ нимъ сталось въ періодъ московскій? Его нѣтъ, говорятъ намъ источники; мало того, въ этихъ самыхъ источникахъ находимъ сильныя выходки противъ него; если этотъ элементъ былъ силенъ, то зачѣмъ онъ исчезъ, зачѣмъ не обнаруживался при дѣлѣ собиранія Земли? — что ему мѣшало? Ясно, слѣдовательно, что новое общество строилось на другихъ началахъ, исключавшихъ вѣчевой элементъ; и дѣйствительно, когда Іоаннъ III потребовалъ отъ вѣчеваго Новгорода, чтобъ онъ принялъ обычаи московскіе, и новгородцы спросили, какіе это обычаи, то Іоаннъ отвѣчалъ: не быть вѣчу. И вотъ этотъ совѣщательный элементъ, котораго не было въ новой сѣверовосточной Руси, вдругъ является, воскресаетъ при новомъ титулѣ, который принялъ Іоаннъ IV! Не являлся онъ, когда дѣло собиранія Земли совершилось на фактѣ, при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи, государяхъ *всея Руси*, и явился только тогда, когда Іоаннъ IV назвалъ себя царемъ! Преображеніе одного явленія въ другое можно допустить только тогда, когда между ними есть очевидная связь, когда можно указать на посредствующія звенья, посредствующія формы; но можно ли сближать между собою явленія, между которыми нѣтъ никакой связи, которыя отдѣлены другъ отъ друга вѣками? Созваніе выборныхъ на Красную площадь не было слѣдствіемъ существованія когда-то и гдѣ-то вѣчей; не было и явленіемъ случайнымъ, не было личнымъ дѣйствіемъ Іоанна: это явленіе вытекало естественно и необходимо изъ отношеній царя къ дружинѣ, изъ естественнаго стремленія найти себѣ опору противъ заподозрѣнной дружины. Зачѣмъ Іоаннъ созвалъ выборныхъ, что онъ имъ сказалъ? То, что въ его малолѣтство бояре беззаконствовали, и онъ не былъ виноватъ въ этихъ беззаконіяхъ; теперь, когда онъ возмужалъ, самъ принялъ власть,—подобныхъ беззаконій уже не будетъ. Какъ несправедливо приписывать усиленіе выборнаго начала въ областномъ управленіи борьбѣ Іоанна съ дружиною, ибо это усиленіе началось прежде Іоанна вслѣдствіе ясно высказавшихся государственныхъ потребностей: точно также несправедливо приписывать созваніе выборныхъ чему-либу иному, а не этой борьбѣ, ибо здѣсь побуженія, проистекающія прямо изъ этой борьбы, ясно высказываются. Авторъ приведеннаго мнѣнія о происхожденіи собора отъ вѣча говоритъ, что соборъ 1566 года, по поводу войны Литовской, былъ приложеніемъ къ дѣлу начала, заявившаго себя въ созваніи выборныхъ на Красной площади. Дѣйствительно связь между этими явленіями ясна: они оба проистекали изъ одного источника; но между ними было еще посредствующее, однородное имъ явленіе: это обращеніе Іоанна къ московскимъ горожанамъ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу. Но если созваніе выборныхъ на Красную площадь, обращеніе къ горожанамъ московскимъ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу и призывъ на соборъ 1566 года, кромѣ духовенства, бояръ и дворянъ, также приказныхъ людей, гостей и лучшихъ купцовъ московскихъ, суть явленія однородныя, изъ одной причины проистекающія: то уже ни въ какомъ случаѣ они не могутъ подтверждать мнѣнія, что здѣсь высказалась мысль народная, что соборъ 1566 года былъ соборомъ *всей Россіи*,—ибо намъ извѣстно, кто былъ на этомъ соборѣ: духовенство, бояре, окольничіе, казначеи, государевы дьяки, дворяне и дѣти боярскія первой и второй статьи, помѣщики съ западныхъ литовскихъ границъ, какъ люди, которымъ болѣе другихъ были знакомы мѣстныя отношенія, дьяки и приказные люди, гости, лучшіе купцы московскіе. Гдѣ же выборные изъ городовъ, изъ областей? гдѣ же *вся* Земля, позванная на совѣтъ вслѣдствіе объединенія государства?—значитъ, гости и лучшіе купцы *московскіе* были представителями всѣхъ областей объединенной Россіи?

Самому автору приведеннаго мнѣнія представилось сильное выраженіе: «Намъ скажутъ, что земскихъ соборовъ мы не видимъ ни въ царствованіе Θеодора, ни въ царствованіе Годунова». Какъ же онъ опровергаетъ это возраженіе? «Начиная съ царя Михаила Θеодоровича, нельзя уже не признать цѣлаго ряда соборовъ, и все-таки первый земскій соборъ былъ созванъ первымъ русскимъ царемъ». Выходитъ, что при царѣ Иванѣ было единое государство и мысль народная высказывалась на совѣтѣ всей Земли; при царѣ Михаилѣ было то же самое; что же было при царѣ Θеодорѣ и при царѣ Борисѣ? Единство государственное рушилось стало-быть, и мысль народная замолкла? Любопытно это «*все-таки*»: «все-таки первый земскій соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ царемъ». Какъ легко человѣку, который не обладаетъ предметомъ своего мышленія, но которымъ этотъ предметъ обладаетъ, впасть въ мистицизмъ! развѣ это не мистицизмъ—настаивать на таинственную связь перваго собора съ первымъ царемъ? Но еще любопытнѣе второй отвѣтъ автора: Земскіе сборы *могли* быть при Θеодорѣ и при Годуновѣ, но извѣстія о нихъ потеряны! Спрашивается, чего нельзя доказать такимъ образомъ? Всякое явленіе, которое намъ нужно, *могло* быть, а если о немъ нѣтъ извѣстій въ источникахъ, то это потому, что они потеряны: вопросъ порѣшенъ!

Мы привели мнѣніе автора о возможности соборовъ при царѣ Θеодорѣ и Борисѣ Годуновѣ для показанія способа, какой употребляютъ послѣдователи анти-историческаго направленія при рѣшеніи

ученыхъ вопросовъ. Что же касается до фактовъ, то въ началѣ царствованія Ѳеодора, если мы и не можемъ рѣшительно указать на настоящій земскій соборъ, то, по крайней мѣрѣ, можетъ указать на приготовленія къ нему, ибо со смертію Іоанна IV уже начинается время смутъ, изъ которыхъ государство могло выйдти только съ помощію всей Земли, начинается время дѣйствительныхъ земскихъ соборовъ. По смерти Іоанна IV уже возникъ вопросъ, кому изъ двоихъ сыновей его быть царемъ,—ибо старшій, царевичъ Ѳеодоръ, признавался неспособнымъ. Возникли вслѣдствіе этого безпокойства, поддерживаемыя честолюбцами. Англичанинъ Горсей говоритъ, что 4-го мая 1584 года созванъ былъ соборъ (praliament), на которомъ присутствовали митрополитъ, архіепископы, епископы, игумены и все дворянство (all the nobility Whatsoever); наши лѣтописи говорятъ: «По преставленіи государя І. В. пріидоша изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитые люди изъ всего государства Московскаго и молиша со слезами государя царевича Ѳеодора Іоанновича, чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ». Мы не знаемъ, были ли эти именитые люди изъ городовъ на соборѣ, или дѣло ихъ ограничилось только просьбою царевичу Ѳеодору. Но кто были эти посланные люди? названіе «*именитый*»—неопредѣленно означаетъ вообще *знатнаго* человѣка; Горсей говоритъ, что на соборѣ было дворянство, и надобно замѣтить, что англичане въ этомъ отношеніи очень точны, они постоянно различаютъ дворянство и горожанъ: тотъ же Горсей въ томъ же мѣстѣ говоритъ о безпокойствахъ между дворянствомъ и горожанами. Джонъ Мерикъ о Годуновѣ говоритъ, что онъ былъ избранъ, кромѣ дворянства, и всѣми горожанами. Но какъ бы то ни было, для насъ важно то, что великій вопросъ о престолонаслѣдіи, поднявшійся впервые, впервые вызываетъ участіе всей Земли, здѣсь впервые слышится ея голосъ, ибо на Красной площади, гдѣ говорилъ царь Іоаннъ Васильевичъ, ничьего голоса, кромѣ его, не было слышно; на соборѣ 1566 года выборныхъ изъ городовъ не было; а въ 1584 году явились именитые люди (кто бы они ни были) изъ всѣхъ городовъ всего Московскаго государства и просили царевича Ѳеодора принять престолъ. Тотъ же самый великій вопросъ объ избраніи царя повторился по смерти Ѳеодора и былъ рѣшенъ всею Землей на соборѣ. Началась эпоха смутъ, явилось нѣсколько искателей престола, наконецъ на Москвѣ не стало болѣе никакого царя; боярская дума, преданная иновѣрцу Владиславу, не удовлетворяла требованіямъ Земли, и Земля, чрезъ своихъ представителей, должна была принять на себя правительство; грамоты писались отъ имени всей Земли; по очищеніи Земли, соборъ избираетъ царя, которому даетъ слово, что смуты не повторятся болѣе; что, несмотря на страшное разстройство всѣхъ государственныхъ отправленій, у новаго государя будутъ средства установить нарядъ и укротить враговъ. Это положеніе государства и это обѣщаніе, данное Землей новому государю, условливали если не постоянный земскій соборъ, то, по крайней мѣрѣ, очень частое его созываніе, что и видимъ на самомъ дѣлѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Состояніе государства, значеніе собора, его необходимость въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича всего яснѣе видны изъ переписки новаго царя съ земскимъ совѣтомъ еще до прибытія Михаила въ Москву; такъ онъ пишетъ изъ Ярославля: «Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси богомольцу нашему Кириллу митрополиту Ростовскому, архіепископамъ, епископамъ и всему освященному собору, боярамъ нашимъ и окольничимъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ большимъ, и приказнымъ людямъ, и жильцамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, головамъ стрѣлецкимъ, сотникамъ, атаманамъ, козакамъ, стрѣльцамъ, гостямъ, торговымъ и изъ городовъ пріѣзжимъ людямъ и всѣмъ Московскаго государства всѣхъ чиновъ людямъ. Писали вы къ намъ, чтобъ намъ идти къ Москвѣ вскорѣ, и прислали роспись, что у васъ на Москвѣ, на дворцѣ всякихъ запасовъ: и по той росписи запасовъ во дворцѣ мало, и съ обиходъ нашъ того не будетъ и на пріѣздъ нашъ. А которые сборщики отъ васъ посланы, по городамъ для кормовъ: и тѣ сборщики къ Москвѣ не бывали, а денегъ ни въ которомъ приказѣ въ сборѣ нѣтъ, а Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей до конца разорено, на нашъ обиходъ запасовъ и служилымъ людямъ на жалованье денегъ и хлѣба сбирать не съ кого. Атаманы и козаки безпрестанно намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьѣ, о своихъ и конскихъ кормахъ, а намъ ихъ пожаловать нечѣмъ и кормовъ давать нечего. И вамъ бы приговоръ учинить: чѣмъ намъ ратныхъ людей жаловать, и свои обиходы полнить, и бѣдныхъ служилыхъ людей чѣмъ кормить и поить, и ружнымъ и оброчникамъ на жалованье деньги и хлѣбные всякіе запасы давать? и про то бъ вамъ про все учинить полный приговоръ, какъ кому быть и къ намъ отписать вскорѣ. А то вамъ самимъ и всему Московскому государству, служилымъ и жилецкимъ людямъ, вѣдомо: учинились мы царемъ вашимъ прошеньемъ и челобитьемъ, а не своимъ хотѣньемъ; крестъ намъ цѣловали вы своею волею; и вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованье, намъ служить, и о всякомъ дѣлѣ радѣть, и приговоръ свой учинить, какъ то всему быть».

Авторъ приведеннаго мнѣнія о соборахъ говоритъ: «Отстоявъ свою независимость, Русская Земля вновь призвала государство и вновь поставила себѣ царя, избраннаго всею Землею. Отсюда начинается уже цѣлый рядъ земскихъ соборовъ: государство часто призываетъ Землю на совѣтъ. Три первые царя изъ роду Романовыхъ охотно собираютъ земскіе соборы, какъ скоро встрѣчается

важное дѣло, касающееся до всей Россіи. При одномъ царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ насчитывается до 12 земскихъ соборовъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, для обсужденія Уложенія, былъ собранъ земскій соборъ. Когда Малороссія просила царя о присоединеніи ея къ Россіи, то рѣшеніе этого важнаго вопроса было предложено также земскому собору». (Замѣтимъ, что по малороссійскому дѣлу было два собора.)

При царѣ Михаилѣ 12 соборовъ, а въ долговременное и обильное важными событіями царствованіе Алексѣя Михайловича только два (собственно 3)! Для послѣдователей анти-историческаго направленія это ничего не значитъ, ибо имъ нѣтъ нужды до исторіи явленія; вотъ почему происхожденіе собора у нихъ мистически соединено съ принятіемъ царскаго титула Іоанномъ IV, а окончаніе также мистически соединено съ именемъ Петра, ибо послѣдній соборъ, по ихъ мнѣнію, распущенъ именемъ Петра, хотя Петръ былъ въ то время младенецъ. Но для послѣдователей историческаго направленія эта разница, что при царѣ Михаилѣ было 12 соборовъ, а при царѣ Алексѣѣ только 2, чрезвычайной важности, ибо это ясно показываетъ вымираніе явленія, ослабленіе причины, его производившей. При царѣ Михаилѣ государство находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи; у правительства, какъ мы видѣли, не было никакихъ средствъ, и оно постоянно обращалось за этими средствами къ Землѣ, созывало соборы, требуя отъ нихъ средствъ для извѣстнаго предпріятія. Но мало-по-малу государство оправилось, пріобрѣло средства, и соборы по дѣламъ внѣшней политики, для войнъ, прекращаются. Послѣдній такого рода соборъ былъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, именно по случаю присоединенія Малороссіи, и въ обстоятельствахъ созванія собора ясно видно, что явленіе вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужнымъ еще исполнить изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія. 6 сентября 1653 года, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ гетману Богдану Хмельницкому ближняго стольника Родіона Стрѣшнева и дьяка Бредихина, а въ вѣрющей грамотѣ писалъ: «Послали мы, для нашихъ государскихъ дѣлъ, къ тебѣ и ко всему войску Запорожскому ближняго нашего стольника... а съ нимъ послали къ тебѣ наше государское жалованье, и о чемъ они тебѣ говорить учнутъ, и тебѣ бъ имъ въ томъ вѣрить»[1]). Что же должны были говорить гетману Стрѣшневъ и Бредихинъ? Объ этомъ даетъ знать самъ гетманъ въ отпискѣ къ царю: «Зѣло утѣшилися есмя, когда грамоту прочитали есмы, отъ твоего царскаго величества присланную до насъ, всего войска Запорожскаго, черезъ ближняго стольника Р. М. Стрѣшнева и дьяка М. Бредихина, которые намъ объявили, что твое пресвѣтлое царское величество пожаловалъ насъ *и изволилъ принять подъ свою крѣпкую руку*. И мы тому обрадовались вельми, и ради твоему пресвѣтлому царскому величеству вѣрно во всемъ служить и крестъ цѣловать»[2]). Итакъ, *6-го сентября* государь послалъ къ гетману съ объявленіемъ, что онъ принялъ его въ подданство, а *1-го октября* созванъ былъ соборъ для разсужденія о томъ, принять ли гетмана въ подданство! Положимъ, что Алексѣй Михайловичъ былъ увѣренъ въ согласіи собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде; но въ такомъ случаѣ для чего созывать вторично соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе? Если же хотѣли большаго, окончательнаго удостовѣренія, то зачѣмъ было созывать соборъ послѣ рѣшенія дѣла? При Михаилѣ Өеодоровичѣ, при каждой новой войнѣ, требовавшей особыхъ издержекъ, сбора десятой деньги, созывался земскій соборъ; при царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ, передъ началомъ войны съ турками, сборъ десятой деньги рѣшили духовенство, бояре, окольничіе и думные люди. Такимъ образомъ, земскій соборъ, бывшій слѣдствіемъ извѣстныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ XVII вѣкѣ, вымираетъ съ уничтоженіемъ этихъ причинъ, вымираетъ въ древней же Россіи, прекращается въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и неправильно авторъ приведеннаго мнѣнія распущеніе послѣдняго собора соединяетъ съ именемъ малолѣтняго Петра: «Царь Өеодоръ Алексѣевичъ», говоритъ онъ,—«въ свое короткое царствованіе созывалъ два собора: одинъ—для уничтоженія мѣстничества; на этомъ соборѣ были только служилые люди, ибо вопросъ о мѣстничествѣ до Земли не касался: Земля не служила и не мѣстничалась. Другой—былъ земскій соборъ, предметъ котораго былъ весьма важенъ. Онъ былъ созванъ для уравненія всякихъ службъ и податей». Первый соборъ на счетъ мѣстничества не былъ земскимъ соборомъ, слѣдовательно о немъ и говорить не слѣдовало въ статьѣ «О земскихъ соборахъ»; наука требуетъ точности; такихъ соборовъ, какъ соборъ о мѣстничествѣ, созывалось много и прежде, и въ XVI вѣкѣ. Что же касается до созванія выборныхъ для уравненія службъ и податей, то и это—не земскій соборъ, такимъ онъ нигдѣ и не назывался. Если же угодно подобныя созыванія выборныхъ изъ областей называть земскими соборами, то упомянутое созваніе 1682 года вовсе не будетъ въ такомъ случаѣ *послѣднимъ* земскимъ соборомъ, и не нужно распущеніе послѣдняго земскаго собора мистически соединять съ именемъ Петра, ибо обычай этотъ существовалъ и въ XVIII вѣкѣ точно такъ же, какъ въ XVII; здѣсь нѣтъ, слѣдовательно, грани между древнею и новою Россіею. Такъ въ царствованіе Петра II, въ 1728 года, для сочиненія Уложенія велѣно было выслать, къ Москвѣ, изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ отъ шляхетства. При Аннѣ Іоанновнѣ

[1]) С. г. г. и д. III, № 156.

[2]) Тамъ же, № 159.

повелѣно опредѣлить къ составленію Уложенія добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію Сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ. При императрицѣ Елисаветѣ, въ 1761 году, также по поводу сочиненія Уложенія, правительство объявило: «Какъ оное сочиненіе Уложенія, для управленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ, и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать. Того ради Пр. Сенатъ приказали: къ слушанію того Уложенія изъ городовъ изъ всякой провинціи, кромѣ новозавоеванныхъ, тако жъ Сибирской, Астраханской и Кіевской губерній, штабъ или оберъ-офицеровъ, происшедшихъ изъ дворянъ, и знатнаго дворянства, не выключая изъ того и вѣчно отставныхъ отъ всѣхъ дѣлъ, токмо къ тому дѣлу достойныхъ, по два человѣка изъ каждой провинціи, за выборомъ всѣхъ тѣхъ городовъ шляхетства; ежели же они кого изъ обрѣтающихъ въ С.-Петербургѣ, у статскихъ дѣлъ, къ означенному дѣлу выбрать пожелаютъ, то въ томъ дается имъ на волю; по тому жь и купцовъ за такимъ же отъ купечества выборомъ по одному человѣку. Губернаторамъ, воеводамъ, также и магистрату въ тѣ ихъ выборы ни во что не вступать». Потомъ велѣно выслать къ слушанію Уложенія изъ дворянъ и купечества тобольскаго, иркутскаго, кіевскаго, нѣжинскаго и оренбургскаго. Намъ не нужно говорить объ извѣстной Коммисіи для Уложенія при Екатеринѣ II.

Переходя къ новой Россіи, къ объясненію отношенія ея къ Руси древней, послѣдователи историческаго направленія тѣсно связываютъ обѣ половины русской исторіи—допетровскую и послѣпетровскую; въ явленіяхъ послѣдней видятъ результаты явленій первой. Послѣдователи противнаго направленія отрицаютъ эту связь, отрицаютъ законность происхожденія явленій новой Россіи изъ явленій древней, видятъ въ первыхъ уклоненіе отъ естественнаго, правильнаго хода, замѣчаемаго ими во вторыхъ. «Время», говорятъ они[1], «есть мыслимое, внѣшнее выраженіе и ограниченіе развитія, есть форма, которая безпрестанно готова распасться въ ничто безъ внутренняго содержанія, безъ того, что совершается во времени. Этой формы и содержанія невозможно разнять человѣку въ трудѣ земнаго развитія: но еще опаснѣе смѣшать и слить ихъ, ибо тогда ускользнетъ вѣчное и существенное. То, что *послѣ*, окажется тогда непремѣнно *выше*, несмотря на то, что по отношенію къ прежнему существенному развитію оно можетъ быть ниже. И вотъ примѣръ. Мы знаемъ форму просвѣщенія, господствующую у насъ въ оболочкѣ времени послѣднихъ полутораста лѣтъ; но и прежде того мы видимъ на Руси существеннѣйшее стремленіе къ просвѣщенію, шагъ за шагомъ выражавшее себя яснѣе и яснѣе: выводятъ отсюда, что просвѣщеніе новой Руси есть искомая задача древней, есть удовлетвореніе и отвѣтъ на ея стремленія. Но, *можетъ статься*, тѣ былыя стремленія разногласятъ въ сущности съ новою формой? *Можетъ статься*, донынѣ хранятся въ глубинѣ народа отъ древности иныя задатки, иныя требованія, какъ слабая искра, пепломъ закрытая и для поверхностнаго взгляда темная, въ сравненіи со свѣтомъ поверхностнаго просвѣщенія? Видите ли, что основа заблудившагося вывода лежитъ въ смѣшеніи формы и содержанія»?

Ничего не видимъ, ибо вы намъ ничего не показали. Вы сказали: *можетъ статься*, есть тутъ что-нибудь, и непосредственно послѣ этого: *можетъ статься*, позволяете себѣ говорить: «видите ли, что вы ошибаетесь, не усматривая, что тутъ *дѣйствительно* есть что-то»! Но обратимся къ фактамъ. Приведенное мнѣніе высказано по поводу важнаго явленія въ исторіи просвѣщенія древней Руси, именно собранія книгъ Священнаго Писанія воедино, сдѣланнаго извѣстнымъ Новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ въ XV вѣкѣ. Оказывается, что дѣло это совершено неудовлетворительно, а именно: текстъ занятъ былъ не всегда древнѣйшій и лучшій; текстъ, взятый изъ списковъ толковыхъ, не вездѣ очищенъ отъ толкованій и кой-гдѣ перебитъ вносками; порядокъ въ послѣдованіи книгъ всюду почти соображенъ съ латинскою Библіею; нѣкоторыя оглавленія и предисловія заимствованы не только съ подлинника латинскаго, но даже и нѣмецкаго; нѣкоторыя книги ветхозавѣтныя или мѣста изъ нихъ, въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ неизвѣстныя Геннадію или затерявшіяся, приняты имъ въ переводѣ съ латинскаго.

Для послѣдователей историческаго направленія это явленіе вполнѣ понятно: трудъ Геннадія былъ первый опытъ собранія книгъ Св. Писанія воедино, опытъ, предпринятый при очень неудовлетворительномъ состояніи просвѣщенія, и потому не могшій быть совершенъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Но иначе считаютъ своею обязанностію смотрѣть на дѣло послѣдователи анти-историческаго направленія. Дѣло, совершенное въ древней Руси, не можетъ имѣть недостатковъ; если же имѣетъ ихъ, то это вина не общества, а частнаго лица, совершившаго трудъ. И вотъ Геннадій подвергается упрекамъ за небрежность, за нежеланіе отыскать славянскія рукописи и выбрать изъ нихъ древнѣйшія и лучшія. Не хотятъ объяснять дѣло самымъ простымъ и естественнымъ образомъ, что рукописи древнѣйшія и лучшія были рѣдки, неизвѣстны, затеряны по разнымъ угламъ обширной страны; что Геннадій и его сотрудники, несмотря на все свое желаніе и стараніе, не могли отыскать, и, отыскавши, по недостатку необходимыхъ познаній, не умѣли выбрать лучшаго; нѣтъ, изъ желанія

[1] Русск. Бес. 1856, II, Критика, стр. 45.

отстоять мысль о непогрѣшительности древней Руси, предпочитаютъ осыпать упреками одно изъ самыхъ почтенныхъ лицъ нашей древней исторіи! Прекрасныя древнія рукописи были на Руси; но вотъ когда одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ (если не самый просвѣщенный) пастырей Церкви задумалъ собрать воедино книги Св. Писанія, то не могъ найдти, или не умѣлъ выбрать лучшихъ! Кажется, это явленіе должно служить самымъ лучшимъ мѣриломъ просвѣщенія на Руси въ XV вѣкѣ.

Доказывая, что Геннадій заставлялъ переводить нѣкоторыя книги съ латинскаго по небрежности, по нежеланію заняться хорошенько дѣломъ, а не потому, что греческій текстъ былъ неизвѣстенъ и недоступенъ, говорятъ: «На Руси, стоявшей въ постоянныхъ и ближайшихъ сношеніяхъ съ Греціей, на Руси, употреблявшей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греческій языкъ даже при богослуженіи, принимавшей къ себѣ множество Грековъ, а въ Грецію посылавшей столько путешественниковъ, столько иноковъ и торговыхъ людей на постоянное житье; имѣвшей въ греческихъ монастыряхъ своихъ особыхъ переписчиковъ; въ языкѣ торговыхъ перехожихъ людей, Варяговъ, сохранившей на половину слова греческія; справлявшей постоянно, и въ это самое время, текстъ св. книгъ конечно не безъ подлинника греческаго; наконецъ продолжавшей переводить съ греческаго нѣкоторыя книги и незадолго передъ тѣмъ имѣвшей въ главѣ духовенства Грека, митрополита Фотія: на этой Руси не было людей, достаточно знающихъ греческій языкъ? Положимъ. Но при этомъ да потрудятся объяснить намъ: какъ на этой же Руси, въ этотъ же вѣкъ Геннадія, нашлись достаточные переводчики съ языка латинскаго, который никогда не привлекалъ особеннаго расположенія нашего народа, называвшаго все католичество латинствомъ? Какъ у Геннадія нашлись люди для переводовъ съ нѣмецкаго, съ языка того народа, который по преимуществу названъ на нашемъ языкѣ нѣмымъ, какъ бы не признанъ даже языкомъ, или, по счастливому выраженію Нестора, признанъ за языкъ, но только *языкъ нѣмъ*»?

Любопытно, что авторъ считаетъ труднымъ отвѣтъ на свои вопросы, употребляетъ выраженіе: да потрудятся! Кто же не знаетъ, что въ вѣкѣ Геннадія и послѣ латинскій и нѣмецкій языки были необходимы для внѣшнихъ сношеній; что у насъ были постоянно толмачи латинскіе и нѣмецкіе, къ числу которыхъ принадлежалъ извѣстный Димитрій, помогавшій Геннадію своими познаніями? Что же касается до языка нѣмецкаго, то въ Новгородѣ и Псковѣ, епархіи Геннадіевой, вслѣдствіе безпрерывныхъ связей съ нѣмцами, должны были всегда находиться знатоки нѣмецкаго языка. Просимъ также автора указать намъ на *множество* Грековъ, на *столько* путешественниковъ, иноковъ и торговыхъ людей; но еслибъ даже ихъ было дѣйствительно *множество* и *столько*, то неужели всякій Грекъ, всякій купецъ, паломникъ и монахъ былъ способенъ заняться важнымъ дѣломъ перевода или исправленія книгъ? Да попробуетъ авторъ, встрѣтивши перваго богомольца, возвратившагося съ Аѳона, изъ Константинополя, предложить ему перевести что-нибудь съ греческаго! Неужели авторъ думаетъ, что и Варяги способны заняться этимъ дѣломъ, и что греческія слова, сохранившіяся въ ихъ языкѣ, были слѣдствіемъ знакомства нашихъ предковъ съ греческою литературой? Гдѣ доказательства, что въ Геннадіево время происходило исправленіе св. книгъ съ греческаго подлинника? Какое вліяніе могло имѣть греческое происхожденіе митрополита Фотія на вѣкъ Геннадіевъ? Должны мы наконецъ остановиться и на томъ, что послѣдователи анти-историческаго направленія называютъ у нашихъ лѣтописцевъ *счастливыми* выраженіями; къ этимъ выраженіямъ они относятъ выраженіе *языкъ нѣмъ*, для обозначенія языка иностраннаго, непонятнаго; происхожденіе такого выраженія понятно какъ слѣдствіе младенческаго взгляда, и *счастливымъ* можно назвать его развѣ по отношенію къ извѣстному выраженію «*счастливое младенчество*». Если выраженіе счастливо, значитъ оно—вѣрно, вѣрно само по себѣ, вѣрно для всѣхъ временъ, значитъ, по мнѣнію послѣдователей анти-историческаго направленія, языкъ германцевъ дѣйствительно языкъ нѣмъ? Этотъ взглядъ на иностранные языки очень любопытенъ; надобно надѣяться, что онъ будетъ изложенъ въ надлежащей полнотѣ.

Отъ существованія въ XV вѣкѣ людей, знающихъ латинскій и нѣмецкій языки, авторъ, не обративши вниманія на служебное значеніе этихъ людей, заключилъ о существованіи людей, знающихъ греческій языкъ, способныхъ заняться переводомъ книгъ съ греческаго, исправленіемъ старыхъ переводовъ по греческому подлиннику. Но авторъ встрѣтилъ непреодолимое возраженіе; какими же средствами онъ думалъ преодолѣть его? «Вы указываете», говоритъ онъ, «на Максима Грека, который, немного лѣтъ спустя, вызванъ былъ въ Москву, потому что здѣсь не находили хорошо знающихъ греческій языкъ.—Позвольте сказать, что это несправедливо; не потому былъ вызванъ Максимъ, а для того, чтобы служить ему руководителемъ и исправителемъ свѣдѣній и занятій; явленіе это подтверждаетъ только наше исконное стремленіе къ просвѣщенію и само говоритъ въ подтвержденіе нашихъ сношеній съ Греціею. Другимъ дѣломъ Максима, за которое тотчасъ и посадили его по пріѣздѣ, былъ разборъ книжныхъ русскихъ сокровищъ, которыя въ то время и послѣ такъ удивляли иностранцевъ, и для которыхъ именно нуженъ былъ иностранецъ, со свѣдѣніями иностранныхъ университетовъ. И вотъ новый вопросъ противъ того предположенія, будто бы въ нашихъ книгохранилищахъ не находили въ то время—чего же?—даже греческаго текста Библіи».

Сначала уступимъ, согласимся, что Максимъ Грекъ былъ призванъ для того, чтобъ служить

руководителемъ и исправителемъ свѣдѣній и занятій, также для того, чтобъ разобрать книжныя русскія сокровища. Отсюда выходитъ прямо, что русскіе люди конца XV и первой половины XVI вѣка не могли сдѣлать ничего исправнаго безъ помощи ученаго грека, пріобрѣтшаго свою ученость въ иностранныхъ университетахъ; не могли оцѣнить и разобрать своихъ книжныхъ сокровищъ. Спрашиваемъ теперь: какое же право имѣлъ авторъ порицать Геннадія за то, что онъ не умѣлъ найдти того, что ему было нужно, не умѣлъ выбрать лучшаго, не умѣлъ исправить того, что у него было? Не ясно ли, слѣдовательно, что погрешности дѣла Геннадіева были слѣдствіемъ состоянія современнаго общества, а не личности самого дѣлателя. Далѣе авторъ говоритъ, что призывъ Максима для исправленія и руководства подтверждаетъ наше исконное стремленіе къ просвѣщенію; но какъ же тотъ авторъ позволилъ себѣ вооружиться противъ положенія, что въ древней Руси существовало исконное стремленіе къ просвѣщенію; что потребность эта высказывалась все яснѣе и яснѣе, и наконецъ нашла себѣ удовлетвореніе въ мѣрахъ, знаменующихъ дѣятельность новой Россіи. Если въ XVI вѣкѣ для исправленія, руководства и разбора своихъ сокровищъ, которымъ не знали цѣны, не умѣли пользоваться, понадобился воспитанникъ иностранныхъ университетовъ, то на какомъ основаніи считать какимъ-то уклоненіемъ отъ законнаго пути сближеніе съ иностранными университетами въ XVIII вѣкѣ? Не ясно ли, что древняя Русь собственными средствами не могла удовлетворить своему исконному стремленію, и средство къ этому удовлетворенію, употребленное новою Русью, было естественно, необходимо, законно, и было не ново, потому что употреблялось уже и древнею Русью?

Наконецъ мы не можемъ исполнить просьбу автора, не можемъ позволить ему сказать, будто несправедливо, что Максимъ Грекъ былъ вызванъ по недостатку въ Москвѣ людей, хорошо знающихъ греческій языкъ. Извѣстно, что Максимъ Грекъ былъ переводчикъ, а не руководитель только; какъ онъ переводилъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ученикъ его, знаменитый Зиновій Отенскій: «Когда пришелъ отъ Св. Горы Максимъ, то великій князь Василій повелѣлъ ему переводить толковую псалтирь съ греческаго языка на русскій; Максимъ взялъ толмачей латинскихъ и перевелъ псалтирь съ греческаго языка на латинскій, а толмачи латинскіе перевели съ латинскаго на русскій, потому что Максимъ по-русски плохо разумѣлъ.» Еслибъ въ то время въ Москвѣ были люди, знавшіе греческій языкъ, то для чего Максиму было поступать такимъ образомъ: переводить сначала на латинскій языкъ?

Чтобъ оправдать древнюю Русь въ недостаткѣ просвѣщенія и возложить всю вину на Геннадія, авторъ старается доказать, что въ XVI вѣкѣ дѣлу Геннадія не сочувствовали, не одобряли его: «По совершеніи дѣла Геннадія, оно впослѣдствіи не было признано открыто, служебно, письменно и дѣйствительно ни государствомъ, ни Церковію и духовенствомъ». Но спрашиваемъ: какія формы, по мнѣнію автора, должна была употребить древняя Русь для выраженія этого признанія? Дѣло, совершенное архіепископомъ, нуждалось ли въ какомъ-нибудь признаніи? Признаніе было полное и торжественное; одинъ списокъ Геннадіева труда принадлежалъ митрополиту Варлааму, который отдалъ его, какъ вкладъ по своей душѣ и по своихъ родителяхъ, въ Троицкій монастырь; второй принадлежалъ царю Іоанну; третій—епископу Рязанскому; наконецъ, что всего важнѣе, когда князь Константинъ Острожскій обратился въ царю Іоанну съ просьбою прислать ему полный списокъ Библіи для печатанія, царь послалъ ему списокъ Геннадіевскій: ясный знакъ, что въ Москвѣ признавали этотъ трудъ вполнѣ достойнымъ.

Мы должны довольно долго остановиться на этомъ анти-историческомъ взглядѣ на трудъ Геннадія, ибо взглядъ этотъ показываетъ всего яснѣе, къ чему ведетъ вообще анти-историческій взглядъ на древнюю Россію: если признали своею задачею доказывать превосходство древняго русскаго общества, то необходимо должны всѣ явленія, которыхъ нельзя назвать превосходными, приписать случайности, сложить всю вину несовершенства на историческаго дѣятеля. Послѣдователи историческаго направленія съ глубокимъ сочувствіемъ остановятся на дѣлѣ Геннадія, скажутъ слово сочувствія и тому обществу, въ которомъ могло явиться такое дѣло, особенно когда знаютъ, при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ развивалось это общество. А послѣдователи анти-историческаго направленія, во-первыхъ, должны выставить въ черномъ свѣтѣ трудъ и характеръ совершителя труда, лишить древнюю Русь одного изъ лучшихъ ея людей; во-вторыхъ, употребить тяжелую и крайне-неловкую натяжку, утверждая, что трудъ не былъ признанъ обществомъ. Но одною этою натяжкою ограничиться уже стало нельзя, ибо у всякаго читателя готово возраженіе: пусть Геннадій, вслѣдствіе личныхъ своихъ недостатковъ, не хотѣлъ и не умѣлъ сдѣлать дѣло какъ должно; но какъ же однако восхищаться состояніемъ общества, которое не имѣло полнаго списка священныхъ книгъ? Все же, значитъ, Геннадій совершилъ великое дѣло. Какъ же отвѣчать на это возраженіе?—иначе нельзя, какъ прибѣгнувши къ самому отчаянному средству. Зачѣмъ имѣть полный списокъ св. книгъ? стоитъ ли это труда? «Неужели (говоритъ авторъ разбираемой статьи) для древней Руси можетъ служить какимъ-нибудь упрекомъ то, что не всѣ св. книги были у ней собраны и записаны въ одинъ списокъ? По свойству жизни ея, не чаявшей гибели, было ли даже нужно, необходимо или естественно предпринимать такой трудъ, какъ бы предъ смертію, ради одной только пользы потомковъ? И естественно ли цѣлому народу заботиться о такомъ письмен-

номъ завѣщаніи духовномъ, о какомъ въ правѣ думать только отдѣльный человѣкъ, да и тотъ не всегда думаетъ? чтобъ сокровищъ моихъ не разбросали, долженъ ли я при жизни держать всѣ ихъ въ кучѣ?»

Вѣрные своему взгляду, послѣдователи анти-историческаго направленія нынче должны развѣнчать одно знаменитое историческое лицо древней Руси, завтра принуждены будутъ сдѣлать это съ другимъ, и т. д. Въ XV вѣкѣ Геннадій предпринялъ ненужный трудъ; въ XVI митрополитъ Макарій составилъ свои знаменитыя Минеи, громадный сборникъ извѣстныхъ тогда книгъ религіознаго содержанія. Во-первыхъ, зачѣмъ было предпринимать такой трудъ ради одной только пользы потомковъ?—древняя Русь въ немъ не нуждалось. Притомъ же въ этомъ сборникѣ видимъ погрѣшности; трудъ съ погрѣшностями не былъ достоинъ древней Руси, это личное дѣло Макарія, онъ одинъ долженъ быть осужденъ за ошибки, которыя произошли по его небрежности. Надъ Сильвестромъ уже произнесенъ приговоръ: въ его «Домостроѣ» находятся правила, которыя не могутъ намъ теперь нравиться: древнее русское общество не могло выставить такихъ требованій, Сильвестръ ихъ выдумалъ отъ себя, и потому долженъ быть одинъ осужденъ.

Но Сильвестръ и Макарій, въ глазахъ послѣдователей анти-историческаго направленія, вовсе не такъ виноваты, какъ Геннадій, ибо этотъ Новгородскій архіепископъ осмѣлился объявить, что въ современномъ ему русскомъ обществѣ господствовало сильное невѣжество, даже между людьми, долженствовавшими учить другихъ, и требовалъ учрежденія школъ. Геннадій такимъ образомъ является въ XV вѣкѣ человѣкомъ новой Россіи, человѣкомъ отрицательнаго направленія. Да не подумаютъ читатели, что это наша собственная догадка, нашъ собственный выводъ;—нѣтъ: послѣдователи анти-историческаго направленія, не обинуясь, высказали свое мнѣніе на-счетъ Геннадія. Въ Синодальной Библіотекѣ хранится псалтирь, переведенная въ концѣ XVII вѣка переводчикомъ Посольскаго Приказа Фирсовымъ. Фирсовъ возбудилъ страшное негодованіе послѣдователей анти-историческаго направленія: ибо этотъ *выскочка*, какъ они его величаютъ, осмѣлился въ припискѣ къ своей книгѣ сказать слѣдующее: «Свидѣтельствована сія св. книга псалтирь со многихъ печатныхъ древнихъ книгъ, ради истинныя вѣдомости, въ разумѣ, и увѣренія неразумныхъ и простыхъ людей, понеже нашъ Россійскій народъ грубый и неученый, не токмо простыя, но у духовнагочина: истинныя вѣдомости и разума во Св. Писаніи не ищутъ, и ученыхъ людей поносятъ, и укоряютъ, и еретиками ихъ называютъ». Авторъ разбираемой статьи замѣчаетъ: «Геннадій такъ-же точно жаловался на необразованность своего времени. Видно, что во всѣ времена люди отрицательнаго направленія одинаковы».

Бѣдные ревнители просвѣщенія въ древней Руси! не избѣжали вы участи ревнителей просвѣщенія Россіи новой; не спасло васъ то, что вы жили въ XIV, XV, XVI вѣкахъ: тѣмъ не менѣе, вы люди новаго времени, выскочки, люди отрицательнаго направленія. Кипріанъ, Курбскій, архимандритъ Діонисій, и товарищи его, знаменитые мученики просвѣщенія въ XVII вѣкѣ,—все это люди отрицательнаго направленія, потому что жаловались на невѣжество современнаго имъ общества. Отрицательнаго направленія будутъ и церковные соборы XVII вѣка, которые въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ Геннадіевы, жалуются на необразованность своего времени! Уже не говоримъ о Матвѣевѣ, этомъ архивыскочкѣ; о Нащокинѣ, этомъ человѣкѣ отрицательнѣйшаго направленія. Арсеній Глухой, товарищъ Діонисія по исправленію книгъ, такъ писалъ: «Есть иные и таковы, которые на насъ ересь возвели, кои едва и азбукѣ умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбукѣ писмена гласныя и согласныя и двоегласныя, а еже 8 частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, то имъ ниже на разумъ всхаживало». Жалоба на необразованность времени, отрицательное направленіе! А было отчего Арсенію Глухому сдѣлаться человѣкомъ отрицательнаго направленія: кузнецы и другіе ремесленники московскіе хотѣли побить исправителей книгъ, ибо люди положительнаго направленія распустили между ними слухъ, что исправители книгъ хотятъ огонь изъ міра вывесть. Какое же основаніе слуха?—исправители уничтожили въ требникѣ лишнія слова: «*и огнемъ*», въ молитвѣ при водоосвященіи!

Такимъ образомъ, послѣдователи анти-историческаго направленія сами дошли до того необходимаго вывода, что направленіе, которое они называютъ отрицательнымъ и которое по ихъ мнѣнію, господствуетъ въ новой русской исторіи, существовало также и въ древней исторіи. Ужь не начать ли намъ новую русскую исторію съ XV вѣка, со временъ Геннадія? Но вотъ въ XIV вѣкѣ слышатся жалобы митрополита Кипріана на невѣжество составителей толстыхъ сборниковъ; а тамъ, изъ глубокой древности, слышимъ жалобы на преданность язычеству, на суевѣрія, которыми зараженъ народъ: это тоже жалобы на невѣжество; слѣдовательно, тоже отрицательное направленіе. Гдѣ же мы наконецъ найдемъ покой отъ этого отрицательнаго направленія?—въ половинѣ IX вѣка? но и здѣсь, о ужасъ! племена, призывающія князей, говорятъ: «Въ землѣ нашей наряда нѣтъ». Жалоба на дурное состояніе современнаго общества значитъ опять отрицательнаго направленіе! Кому угодно избѣжать отрицательнаге направленія, тотъ пусть занимается чѣмъ-нибудь другимъ, а не исторіею, ибо то, въ чемъ онъ видитъ отрицательное направленіе, есть начало *историческое*, начало движенія, начало развитія, безъ котораго исторіи нѣтъ.

Такъ и русская исторія начинается съ тѣхъ поръ, какъ племена сказали: «Въ нашей землѣ нѣтъ наряда: будемъ искать средствъ, чтобъ установить

его». Исторіи не было, когда дреговичи и радимичи, дулѣбы и вятичи жили при господствѣ блаженнаго положительнаго направленія, не сознавая потребности выйдти изъ своего состоянія и не сознавая средствъ къ этому выходу. Насъ упрекнутъ въ повтореніи вещей всѣмъ извѣстныхъ, если мы скажемъ, что назначеніе человѣка—жить въ обществѣ; что только въ обществѣ себѣ подобныхъ, при постоянномъ и безпрепятственномъ размѣнѣ мыслей и плодовъ своей дѣятельности, при раздѣленіи занятій, при взаимномъ вспомоществованіи можетъ онъ развивать свои способности, извлекать изъ нихъ всевозможное для себя и для другихъ добро. Но что справедливо въ отношеніи къ одному человѣку, то справедливо и въ отношеніи къ цѣлому народу, который также можетъ развиваться и совершенствовать свой бытъ, и въ нравственномъ, и въ матеріяльномъ отношеніи, только въ обществѣ другихъ народовъ. Что мы замѣчаемъ въ народѣ, который живетъ особнякомъ? Необходимо застой; ибо только разнообразное, новое, противоположное оживляетъ мысль и дѣятельность человѣка, мысль и дѣятельность народа; однообразіе формъ, господствующее въ народѣ, который живетъ особнякомъ, необходимо усыпляетъ мысль и заставляетъ смотрѣть человѣка и цѣлый народъ на это постоянство формъ, какъ на нѣчто необходимо-вѣчное, носящее въ самомъ себѣ условіе самостоятельности и вѣчности, однимъ словомъ—какъ на нѣчто божественное. У народовъ языческихъ это ведетъ прямо къ обоготворенію формъ и отношеній, постоянно существующихъ, освященныхъ этимъ постоянствомъ, долговременностію; но и народы христіанскіе, если долго живутъ особнякомъ, не освобождаются отъ суевѣрнаго поклоненія формамъ, обряду, буквѣ, чему яснымъ доказательствомъ служитъ русское раскольничество, естественный и необходимый плодъ особой жизни народа.

Противъ этого послѣдователи анти-историческаго направленія возражаютъ [1]): «Китай и Японія жили въ полнѣйшемъ разобщеніи съ остальнымъ человѣчествомъ: но, сколько намъ извѣстно, никто до сихъ поръ не оспаривалъ у нихъ оригинальности развитія. Правда, они стоятъ можетъ-быть ниже всѣхъ въ семьѣ человѣчества, но вовсе не по развитости или безцвѣтности своего развитія, а по ложности духовныхъ началъ, изъ которыхъ вытекла ихъ неоспоримо богатая образованность. Возьмемъ другой примѣръ въ Европѣ. Изъ всѣхъ западныхъ народовъ въ сравнительно-большемъ разобщеніи съ другими развивалась Англія; со всѣхъ сторонъ обнесенная моремъ, она, по самому своему положенію, вела болѣе сосредоточенную въ себѣ жизнь, чѣмъ Франція или Австрія; но помѣшало ли это оригинальности и самостоятельности ея развитія? Въ правѣ ли мы думать, что она менѣе внесла отъ себя и болѣе заимствовала у другихъ общечеловѣческихъ истинъ, чѣмъ ея сосѣди на европейскомъ материкѣ?»

Мы согласны, что Китай и Японія ниже всѣхъ въ семьѣ человѣчества по ложности духовныхъ началъ, изъ которыхъ вытекла ихъ образованность. Но какое средство для Китая и Японіи стать на высшую степень въ семьѣ человѣчества, измѣнить ложныя духовныя начала своей образованности на истинныя?—Принятіе христіанства, вступленіе въ семью христіанскихъ народовъ, отреченіе отъ своей замкнутости, исключительности! Всѣ нехристіанскіе народы имѣютъ ложныя духовныя начала своей образованности; ложность этихъ началъ именно и выражается въ томъ, что народы эти должны жить особно, не могутъ признать народнаго братства, каждый кланяется своему богу, а въ этомъ поклоненіи и лежитъ основа замкнутой, отталкивающей народности. Отсюда и проистекаетъ эта основная форма жизни языческаго міра—разобщенность и вражда, въ силу которыхъ народы существовали насчетъ другъ друга, то есть сильнѣйшій покорялъ себѣ слабѣйшіе, образовывались громадныя царства и падали, смѣняя другъ друга,—явленіе, котораго не терпитъ новое европейское общество, основанное на совершенно иномъ началѣ, на христіанствѣ. Христіанство упразднило языческое распаденіе на варваровъ, еллиновъ, скиѳовъ; оно не упразднило отдѣльныхъ народностей, но подчинило ихъ высшему началу, началу единства всѣхъ народовъ во Христѣ, единомъ Пастырѣ единаго стада. Любопытно, что въ древнемъ языческомъ мірѣ высшей образованности, до какой только могло достигнуть языческое общество, достигла Греція, и почему?—потому что формы ея политической жизни представляютъ что-то похожее на формы политической жизни новой христіанской Европы. Греція была раздѣлена на множество отдѣльныхъ государствъ, которыя, при особности своего внутренняго управленія, были соединены однако однимъ общимъ началомъ, сознаніемъ своего еллинизма, учрежденіями, которыя поддерживали это сознаніе. Такъ благодѣтельно бываетъ это взаимнодѣйствіе особности и общности! Какъ вредно, слѣдовательно, выводить одно изъ этихъ началъ изъ должной ему мѣры!

Что же касается до примѣра Англіи, то, конечно, это обмолвка со стороны почтеннаго автора, приведшаго этотъ примѣръ, ибо извѣстно, что Англія, несмотря на то, что обнесена моремъ, постоянно принимала самое дѣятельное участіе въ общей жизни Европы: стоитъ только вспомнить, что изученіе исторіи Англіи невозможно безъ изученія исторіи Франціи: такъ тѣсно связаны судьбы этихъ двухъ странъ! Стоитъ только вспомнить участіе Англіи въ крестовыхъ походахъ; о новой исторіи, начиная съ протестантизма, мы уже не говоримъ; наконецъ замѣтимъ, что на почвѣ Англіи столкнулись двѣ крѣпкія народности—саксонская и норманно-французская; изъ взаимно-

[1]) Русск. Бесѣд. 1856, № 2, Смѣсь, стр. 103.

дѣйствія этихъ двухъ народностей и произошла крѣпкая народность англійская. Если уже указывать въ Европѣ на государства, которыя, особенно въ новой исторіи, начали отличаться большею сосредоточенностію въ себѣ самихъ, меньшимъ внутреннимъ участіемъ въ общеевропейской жизни, такъ это государства Пиренейскаго полуострова, и слѣдствія этого положенія ихъ очевидны.

Мы имѣемъ возможность изучить характеръ древняго русскаго общества въ большей или меньшей полнотѣ въ настоящее время на одномъ изъ сословій, именно,—на сословіи земледѣльческомъ, въ общихъ чертахъ одинаковомъ вездѣ. Однообразіе, простота занятій, подчиненіе этихъ занятій природнымъ условіямъ, надъ которыми трудно взять верхъ человѣку, однообразіе формъ быта, разобщеніе съ другими классами народа, ведетъ въ земледѣльческомъ сословіи къ господству формъ давностію освященныхъ, къ безсознательному подчиненію обычаю, преданію, обряду. Отсюда въ этомъ сословіи такая удержливость относительно стараго, такое отвращеніе къ нововведеніямъ, осязательно полезнымъ, такое безсиліе смысла предъ подавляющею силою привычки. Въ земледѣльческомъ сословіи сохранились преданія, обряды, идущіе изъ глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледѣльца объясненія смысла обряда, который онъ такъ суевѣрно соблюдаетъ,—вы не получите другого отвѣта, кромѣ: «такъ водится»; но попробуйте нарушить обрядъ или часть его,—вы взволнуете человѣка, цѣлое общество, которые придутъ въ отчаяніе, будутъ ждать всѣхъ возможныхъ бѣдствій отъ нарушенія обряда. Но понятно, какую помощь оказываетъ это сословіе государству, когда послѣднее призоветъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Поэтому справедливо называютъ земледѣльческое сословіе по преимуществу охранительнымъ. Почтенныя свойства этого сословія, *какъ сословія*, не могутъ быть оспариваемы; но что же, если цѣлый народъ живетъ въ формѣ быта земедѣльческаго сословія?

Необходимое въ государствѣ противодѣйствіе этой формѣ представляетъ городъ, какъ центръ торговли, мануфактурной промышленности, умственной дѣятельности. Здѣсь разнообразіе занятій именно такихъ, гдѣ человѣкъ вполнѣ владѣетъ предметомъ и можетъ совершенствовать его до безконечности, гдѣ, слѣдовательно, онъ имѣетъ полную возможность упражнять, совершенствовать свои умственныя способности; безпрестанное столкновеніе съ людьми изъ различныхъ сферъ общественной дѣятельности, изъ различныхъ странъ, расширяютъ горизонтъ, окриляютъ мысль и ведутъ народъ къ успѣхамъ *гражданственности*. Это слово: *гражданственность* всего лучше показываетъ намъ значеніе города въ народной жизни.

Итакъ, если человѣкъ для полноты своего человѣческаго развитія долженъ жить въ обществѣ себѣ подобныхъ; если народъ для полноты своего народнаго развитія долженъ жить въ обществѣ другихъ народовъ: то вопросъ рѣшенъ о значеніи петровской эпохи, эпохи преобразованія, вопросъ рѣшенъ объ отношеніяхъ древней Россіи къ новой. Древнее русское общество, несмотря на величіе подвиговъ, совершенныхъ имъ въ дѣлѣ внѣшняго государственнаго созиданія, въ преодолѣніи препятствій, этому созиданію противопоставленныхъ, не могло двигаться далѣе на пути нравственныхъ и матеріяльныхъ улучшеній, не вступивъ въ семью европейско-христіанскихъ народовъ, да и по характеру своему не могло не вступить въ эту семью при первой возможности. Слѣдствія особной жизни такъ явны въ нашей древней исторіи, что о нихъ не нужно много распространяться; безсознательное, суевѣрное подчиненіе обычаю, обряду формѣ, буквѣ, ослабленіе вѣры въ духъ, который живитъ, слишкомъ явны. Древная Россія именно пребывала въ формахъ быта земледѣльческаго; въ ней господствовало село, деревня; городъ не имѣлъ того значенія, какое мы теперь съ нимъ соединяемъ: это было укрѣпленіе для защиты отъ непріятельскаго нашествія, это былъ административный центръ—и только; городскіе жители точно также занимаются хлѣбопашествомъ, какъ сельчане и деревенщики; мануфактурная промышленность находится на самой низкой ступени развитія.

Чтобъ выйти изъ состоянія застоя, оцѣпенѣнія нравственнаго, чтобъ понять себя и свое, для человѣка и для народа одно средство—сообщество съ другими людьми, другими народами, и вотъ Россія въ началѣ XVIII вѣка вступаетъ въ это сообщество. Какія же должны быть слѣдствія этого вступленія? Мы видѣли, что въ народѣ, живущемъ долгое время особнякомъ, развитіе мысли задерживается постояннымъ однообразіемъ формъ быта, начинаетъ господствовать безсознательное подчиненіе преданію, обычаю, обряду. Необходимымъ слѣдствіемъ этого безсознательнаго подчиненія старинѣ бываетъ безсознательное же подчиненіе новому, когда подобный народъ вдругъ входитъ въ сообщество съ другими народами, болѣе развитыми, болѣе образованными. Вотъ почему такъ страненъ упрекъ, дѣлаемый Петру Великому и вообще русскимъ людямъ XVIII вѣка за то, что они рабски подражали чужому, брали все безъ разбора, не обращая вниманія на свое, на приложеніе чужаго къ своему: подобный разборъ, подобная разсудительность, безпристрастная оцѣнка своего и чужаго могли бы быть только слѣдствіемъ развитаго сознанія;—но какъ же оно могло быть развито прежде, при безсознательномъ подчиненіи принятому, освященному вѣками? Это ясное различеніе своего и чужаго, это разумное, глубокое обращеніе вниманія на себя и на свое могло быть только плодомъ долговременной жизни народа въ обществѣ другихъ народовъ, могло быть только плодомъ долговременнаго упражненія мысли народной, плодомъ глубокаго просвѣщенія. Вслѣдствіе безсознательнаго

подчиненія своему, стариною освященному, человѣкъ, когда разъ освобождался отъ этого подчиненія, являлся совершенно чистымъ, ибо прежняя связь его съ своимъ и старымъ существовала безъ вѣдома его разума, коренилась только въ одной половинѣ его существа, безъ вѣдома другой. Русскій человѣкъ XVIII вѣка явился совершенно чистымъ, вполнѣ готовымъ къ воспринятію новаго, однимъ словомъ—явился ребенкомъ, ребенкомъ чрезвычайно способнымъ, воспріимчивымъ, но ребенкомъ, для котораго наступила пора ученія, пора подражанія,—ибо что такое ученіе, какъ не подражаніе?

Юнъ былъ русскій народъ въ началѣ XVIII вѣка, юнъ во всю жизнь былъ и геніяльный представитель этого народа—Петръ Великій. Эта неутомимая дѣятельность, эта страстная воспріимчивость, чуткость къ всѣмъ явленіямъ, безпокойное обращеніе вниманія на все, пытливость, торопливое желаніе все узнать, до всего дотронуться самому, все попробовать, все сработать самому!—развѣ это не ясныя черты юности?—развѣ мы не видимъ въ Петрѣ геніяльнаго юношу, передъ которымъ открылся вдругъ новый міръ явленій, и который, побуждаемый благородною жадностію, хочетъ забрать все себѣ?

Даровитый воспріимчивый ребенокъ начинаетъ учиться; узнаетъ много новаго, чего другіе не знаютъ: первое необходимое слѣдствіе этого въ ребенкѣ гордость, чувство своего превосходства надъ другими, желаніе высказывать это превосходство, хвастаться, щеголять новопріобрѣтеннымъ знаніемъ. Новое, чужое, что имъ пріобрѣтено, имѣетъ для него необыкновенную прелесть; старое, свое, всѣмъ извѣстное, всѣмъ доступное—не имѣетъ никакой. Ребенокъ необходимо педантъ, ибо не имѣетъ силы овладѣть новымъ предметомъ, и овладѣть самимъ собою при пользованіи этимъ предметомъ, и потому носится съ нимъ, всѣмъ показываетъ и хвастаетъ: отсюда страсть употреблять некстати научныя положенія и слова, страсть употреблять иностранныя слова вмѣсто своихъ, говорить безъ нужды на иностранномъ языкѣ, подражать иностраннымъ обычаямъ, даже и такимъ, которые ничѣмъ не лучше своихъ прежнихъ. Все это мы видимъ у русскихъ людей XVIII вѣка, и все это было естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ состоянія русскаго общества въ допетровское время: чего древняя Русь не завѣщала, того новая вдругъ изъ ничего создать не могла; для созданія новаго, чего именно не доставало древней Руси, потребны были вѣка.

Существуетъ странное мнѣніе, что такъ-называемый петровскій переворотъ совершился насильственно въ томъ смыслѣ, что противники его выставляли ему разумное сопротивленіе. Этого не было, и быть не могло; извѣстій объ этомъ нѣтъ нигдѣ. Человѣкъ, который не хотѣлъ перемѣнить стараго покроя своего платья и сбрить бороды, не разсуждалъ такъ: «Неразумно мѣнять свое, приспособленное къ климату, на чужое; не можетъ произойти отсюда никакой пользы: одежда должна служить внѣшнимъ выраженіемъ народности» т. д. Онъ не хотѣлъ измѣнить покроя одежды и сбрить бороду въ силу безсознательнаго подчиненія ведущемуся изъ старины обычаю, нарушить который онъ считалъ грѣхомъ. Точно также и приверженцы новаго брили бороды и надѣвали нѣмецкое платье, безсознательно увлекаясь стремленіемъ къ новому, безсознательно подчиняясь силѣ новаго начала, подъ вліяніе котораго вступалъ тогда народъ русскій. Приверженцы новаго не разсуждали такъ: «Правда, что одежда должна служить внѣшнимъ выраженіемъ народности; но у насъ на первомъ планѣ вопросъ: къ семьѣ какихъ народовъ долженъ принадлежать народъ русскій? Онъ долженъ принадлежать къ семьѣ народовъ европейско-христіанскихъ, а покрой одежды его есть азіятскій: слѣдовательно, долженъ быть измѣненъ; и притомъ согласіе всѣхъ европейскихъ народовъ ознаменовать свое единство однимъ покроемъ платья есть такое прекрасное явленіе, что мы, русскіе, не имѣемъ права не подражать имъ въ этомъ».

Недоразумѣнія, споры, искаженія фактовъ происходятъ отъ непростительной для уважающаго науку человѣка привычки навязывать настоящія наши воззрѣнія предкамъ. Чтобъ объяснить себѣ явленія петровскаго времени мы должны обратиться къ современникамъ Петра. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнны извѣстія и взгляды Посошкова, человѣка изъ народа, человѣка непріязненнаго къ иностранцамъ и, потому, вполнѣ безпристрастнаго. Подозрительность, непріязнь къ иностранцамъ ясно видна изъ его словъ: «Не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою; они торгуютъ торгами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлахъ они и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что вмѣняютъ. Не компанствами ли они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ, а самою истиною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высоко была, а наши всегда бъ въ поношеніи были, и всегда бъ ихъ за господъ себѣ имѣли».

Посмотримъ же теперь, какъ этотъ русскій человѣкъ петровскаго времени разсуждаетъ о старинѣ и преобразованіи. «Паче вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ пешися о невещественномъ богатствѣ, то есть о истинной правдѣ. Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи ни мало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато. Что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣнія себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублей

*

теряютъ. Не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ, а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная, и какіе указы ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ. И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами, отъ обидъ, богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно: такожде и славы добрыя намъ не нажить, понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія, и отъ разбоевъ. И какія гибели ни чинятся, а все отъ неправды».

Какія же средства предлагаетъ Посошковъ для искорененія главнаго, основнаго зла, которымъ страдало древнее русское общество и которое передавалось новому во всей полнотѣ? Прежде всего Посошковъ предлагаетъ средства насильственныя. Убѣжденіе въ пользѣ крутыхъ насильственныхъ мѣръ должно было господствовать въ древней Руси и въ первой половинѣ XVIII вѣка, и было опять необходимымъ слѣдствіемъ неразвитости сознанія, было слѣдствіемъ уваженія ко внѣшнему, къ веществу, непризнанія могущества силъ духовныхъ въ человѣкѣ и обществѣ. Убѣжденіе въ недѣйствительности насильственныхъ мѣръ, въ необходимости для прекращенія пороковъ дѣйствовать на внутреннюю природу человѣка посредствомъ просвѣщенія, нравственно-религіознаго воспитанія, общественнаго мнѣнія—такое убѣжденіе есть плодъ сознанія, плодъ просвѣщенія, и могло явиться только позднѣе. Такого убѣжденія мы не можемъ искать въ петровское время, и потому Посошковъ говоритъ: «Аще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ, быть уже такъ. А не такимъ страхомъ не чаю я того злаго коренія истребить: аще бо кая и земля вельми задерпѣетъ, и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сняти: тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти».

Вторая мѣра, предлагаемая Посошковымъ,—это коренной переворотъ, совершенное разрушеніе стараго зданія и созданіе новаго. Эта страсть къ кореннымъ переворотамъ, къ полному отрицанію стараго и созданію новаго, есть также плодъ неразвитости сознанія. Одна крайность — безсознательное подчиненіе старому — ведетъ необходимо къ другой крайности — къ безсознательному стремленію къ новому. Вообще всѣ крутые, коренные перевороты, въ какомъ бы смыслѣ ни происходили и откуда бы ни шли, сверху или снизу, суть слѣдствіе неразвитости сознанія, дѣтства народнаго, и способны къ нимъ обыкновенно бываютъ тѣ народы, которые, при видимой возмужалости, сохраняютъ въ своемъ характерѣ много дѣтскаго. Ясный признакъ неразвитости сознанія, дѣтскости, представляетъ намъ и то явленіе, когда постановленія безпрерывно измѣняются. Дѣти — безжалостный, истребительный народъ: что ни дай имъ,—все сломаютъ; они любятъ и строить—карточные домики, безпрестанно разрушаютъ ихъ сами, чтобъ вновь строить; а если вѣтеръ сдуетъ, сердятся, кричатъ и плачутъ. Коренные, насильственные перевороты суть слѣдствія отчаянія, нетерпѣливости, а это также дѣтскія качества, слѣдствія слабости. Вотъ почему Посошковъ, представитель петровскаго времени, разсуждаетъ такъ: «Ради совершенныя правды никоими дѣлы, древнихъ уставовъ не измѣня, самого правосудія насадить и утвердить невозможно. Видимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: то какъ дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто готовы (замѣчательное противорѣчіе вышесказанному!). И того ради, не измѣня древнихъ порядковъ, сколько ни бившись, покинуть будетъ. Не токмо суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и поподробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхія не разсыпавъ всея, и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити».

Повидимому, справедливо разсуждаетъ Посошковъ; но когда дошло дѣло до того, какъ, разрушивши старую храмину и очистя каждое бревно отъ гнилости, создать новую, то и обнаружилось, съ какимъ обществомъ имѣемъ мы дѣло. Когда человѣкъ почувствуетъ несостоятельность стараго, своего, и съ неразвитымъ сознаніемъ переходитъ къ новому, чужому, то какъ онъ обыкновенно поступаетъ? Своего самостоятельно образовавшагося убѣжденія онъ не имѣетъ, ибо къ старому у него были безсознательныя отношенія, разнообразіе новыхъ явленій поражаетъ его одиночно, безъ внутренней связи между ними: — и онъ становится эклектикомъ, выбираетъ то, что кажется ему получше, и, набравши такимъ образомъ отовсюду всякой всячины, думаетъ, что поступилъ какъ нельзя лучше. Какъ совѣтуетъ Посошковъ поступать при составленіи новаго уложенія? «Правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложенія и новоустановленныя гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, новосостоявшіяся и древнія указныя статьи собрать, и по приказамъ изъ прежнихъ, вершенныхъ дѣлъ, выписать такіе приговоры, на которыя дѣла ни въ уложеньяхъ, ни въ новоуказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣняясь, надлежитъ учинить пункты новые, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить. И къ тѣмъ русскимъ разсужденіямъ, прежнимъ и нынѣшнимъ, приложить изъ нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять и присовокупить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и турецкій судебникъ перевести на славянскій

языкъ и прочіе ихъ судебные и съ гражданскаго устава порядки управительные переписать, и кои сличны намъ, то бы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче нѣмецкаго правленія. И того ради и дѣла у нихъ скоро и право рѣшатъ, и бумаги, по нашему, много не тратятъ, а и хлѣба напрасно не теряютъ, а наипаче купечество праведно хранятъ».

Узнавши такое мнѣніе русскаго человѣка петровской эпохи, намъ нисколько неудивительно уже будетъ встрѣтить въ 1715 году резолюцію на докладъ генерала Вейде: достать иностранныхъ ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ. Эти иностранные ученые отправляли свою должность посредствомъ толмачей. Послѣднее обстоятельство казалось крайне затруднительнымъ, и потому данъ былъ наказъ резиденту при Австрійскомъ Дворѣ Веселовскому достать изъ чеховъ и моравовъ шрейберовъ. Въ 1716 году уже придумано было новое, лучшее средство: послать въ Кёнигсбергъ человѣкъ сорокъ молодыхъ подъячихъ учиться, чтобъ послѣ быть въ коллегіяхъ, но дожидаться этихъ подъячихъ было долго, а потому въ 1717 году предложено шведскимъ плѣннымъ вступить въ гражданскую службу при коллегіяхъ. Въ 1718 году видимъ указъ: объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру шведскихъ, о переводѣ шведскаго уложенія и объ учиненіи свода россійскихъ законовъ со шведскими; объ опредѣленіи въ губерніяхъ должностныхъ лицъ согласно съ шведскимъ земскимъ управленіемъ. Какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка слабо развито было сознаніе о необходимости знать свое, и какъ потомъ, благодаря большему и большему просвѣщенію, это сознаніе укоренялось, видно всего лучше изъ исторіи изученія своего, прошедшаго и настоящаго. Когда, въ царствованіе Анны Іоанновны, учрежденъ былъ кадетскій корпусъ, не имѣвшій вначалѣ значенія спеціальнаго военнаго училища, то въ немъ преподавалась универсальная исторія и *исторія нѣмецкаго государства*. При учрежденіи Московскаго университетѣ въ философскомъ факультетѣ назначенъ былъ профессоръ исторіи для показанія исторіи универсальной и *россійской*. Наконецъ потребность знать свое во всей силѣ высказывается въ инструкціи, данной Екатериной II князю Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей: «Пока дѣти учатся языкамъ, начать географію общую и частную Россійской имперіи. Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобъ знали какъ возможно лучше. Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія, лишь примѣняясь къ оной, представлять надлежитъ. Исторію россійскую имъ знать нужно, и для нихъ сочиняется». Мы не можемъ въ настоящей статьѣ разсмотрѣть всѣ явленія второй половины XVIII вѣка, въ которыхъ ясно видно различіе этой половины вѣка отъ предшествующей, ясно видны признаки возмужалости народа, развитія сознанія, обращенія отъ внѣшняго къ внутреннему, обращенія вниманія на самихъ себя, на свое. Надѣемся поговорить объ этомъ подробнѣе въ особой статьѣ.

Итакъ, если мы, не впадая въ мистицизмъ, сохраняя власть надъ предметомъ познаваемымъ, а не позволяя ему владѣть нами, будемъ внимательно слѣдить за ходомъ явленій нашей исторіи, то связь между такъ-называемой древнею и такъ-называемою новою Россіей будетъ ясна; ясенъ будетъ и характеръ дѣятельности великаго историческаго лица, которое стоитъ на грани между древнею и новою Россіей. Историкъ не можетъ настраивать своего повѣствованія о дѣлахъ Петра Великаго на тонъ хвалебныхъ пѣснопѣній въ стихахъ и прозѣ, крекшинскихъ и ломоносовскихъ, не можетъ восклицать, что Петръ внесъ свѣтъ въ Россію, что Петръ привелъ русскихъ людей отъ небытія въ бытіе, и т. п. Историкъ очень хорошо знаетъ, что вѣкъ Петра былъ вѣкомъ не свѣта, а разсвѣта; съ разсвѣтомъ начинается движеніе, пробужденіе, но разсвѣтъ, полумракъ, мерцаніе условливаетъ также хожденіе ощупью, спотыканіе, захожденіе не туда, куда надобно, вслѣдствіе неяснаго различенія предметовъ. Величіе Петра состоитъ въ томъ, что онъ началъ великое дѣло народнаго просвѣщенія, съ юношескою силой и самоотверженіемъ отдалъ этому дѣлу всего себя и, въ силу своей геніальности, въ короткое время сдѣлалъ изумительно много, разумѣется, въ внѣшнемъ, матеріальномъ отношеніи преимущественно, ибо его призваніе было начинать, *а человѣкъ всегда и во всемъ начинаетъ со внѣшняго*. Христіанскіе народы не могутъ дѣлать изъ своихъ героевъ боговъ и полубоговъ: религія и наука за одно тому противятся. Вотъ почему наука не можетъ принять ни того мнѣнія, по которому дѣятельности Петра приписываются сверхъ-естественные, нечеловѣческіе размѣры, ни того, по которому Петру приписывается также сверхъ-естественное, нечеловѣческое дѣло, будто онъ, одною своею волей, совратилъ народъ съ настоящаго пути. Какъ безусловные поклонники Петра, такъ и его противники грѣшатъ одинаково, ибо одинаково дѣлаютъ человѣка богомъ; и у тѣхъ, и у другихъ взглядъ на дѣятельность Петра ненаучный, анти-историческій. Историческій народъ, каковъ русскій, не допускаетъ дѣятелей подобныхъ гунскимъ, татарскимъ, Аттиламъ, Чингисханамъ, Тамерланамъ, которые силою своей воли увлекаютъ народныя массы, передвигаютъ ихъ съ одного мѣста на другое; повинуясь увлекающей силѣ, народы эти движутся стремительно, но потомъ останавливаются, возвращаются къ прежнему образу жизни, когда вождей нѣтъ болѣе. У народовъ историческихъ великій дѣятель есть

полный представитель своего народа въ извѣстную эпоху, выполнитель потребностей, чувствуемыхъ народомъ въ извѣстное время, вождь, за которымъ народъ идетъ свободно и продолжаетъ начатое дѣло, когда вождя уже нѣтъ болѣе. Таковъ былъ, именно, Петръ Великій, полный представитель своего народа, сынъ своего вѣка, передовой человѣкъ въ томъ стремленіи, которое являлось какъ необходимое. Любопытно, что люди, которые такъ часто говорятъ о любви къ русскому, къ русской исторіи, позволяютъ себѣ унижать русскій народъ, низводить его на степень неисторическаго народа, предполагая, что одинъ человѣкъ могъ увлечь его на неправый путь. Если намъ скажутъ, что масса низшаго народонаселенія не послѣдовала за Петромъ, осталась при старомъ, то мы отвѣтимъ, что движеніе, сообщенное Петромъ, не было движеніемъ въ родѣ сообщеннаго Чингисханомъ своему народу: физически двигаться цѣлый народъ можетъ за своимъ вождемъ, но нравственно не можетъ; это нравственное движеніе совершается въ продолженіе вѣковъ. Вспомнимъ, какъ принималось христіанство: когда въ Новгородѣ явился волхвъ, то масса простаго народа бросилась къ нему; подлѣ епископа остался только князь съ дружиной. Дѣло извѣстное, что восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ.

Но не всѣ послѣдователи анти-историческаго направленія указываютъ паденіе самобытной русской образованности въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, въ эпоху Петра Великаго; нѣкоторые начинаютъ гораздо раньше [1]): «Древне-русская, православно-христіанская обязованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія, и создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному,— эта образованность, которой слѣды до сихъ поръ еще сохраняются въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи, прежде чѣмъ могла принести прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ». Признавши, что дерево самобытной древне-русской образованности не только безплодно, но и безцвѣтно, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: «Чья вина была въ томъ, что древне-русская образованность не могла развиться и господствовать надъ образованностью Запада»? и отвѣчаетъ: «Нельзя не предположить, что хотя сильныя внѣшнія причины, очевидно, противились развитію самобытной русской образованности, однакоже упадокъ ея совершился и не безъ внутренней вины русскаго человѣка. Стремленіе къ внѣшней формальности, которое мы замѣчаемъ въ русскихъ раскольникахъ, даетъ поводъ думать, что въ первоначальномъ направленіи русской образованности произошло нѣкоторое ослабленіе еще гораздо прежде петровскаго переворота,—когда же мы вспомнимъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка были сильныя партіи между представителями тогдашней образованности Россіи, которыя начали смѣшивать христіанское съ византійскимъ, и по византійской формѣ хотѣли опредѣлить общественную жизнь Россіи, еще искавшую тогда своего равновѣсія,—то мы поймемъ, что въ это самое время, и можетъ быть въ этомъ самомъ стремленіи, и начинался упадокъ русской образованности. Ибо, дѣйствительно, какъ скоро византійскіе законы стали вмѣшиваться въ дѣло русской общественной жизни, и для грядущаго Россіи начали брать образцы изъ прошедшаго порядка Восточно-Римской имперіи:—то въ этомъ движеніи ума уже была рѣшена судьба русской коренной образованности. Подчинивъ развитіе общества чужой формѣ, русскій человѣкъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности живаго и правильнаго возрастанія въ самобытномъ просвѣщеніи, и хотя сохранилъ святую истину въ чистомъ и неискаженномъ видѣ, но стѣснилъ свободное въ ней развитіе ума и тѣмъ подвергся сначала невѣжеству, потомъ, вслѣдствіе невѣжества, подчинился непреодолимому вліянію чужой образованности».

Итакъ древне-русская образованность, создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянно памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному, могла допустить внутреннюю порчу русскаго человѣка, могла позволить ему принять какую-то чуждую форму, которая испортила все дѣло! На такой превосходной почвѣ, каковы древніе коренные русскіе нравы, могло вырости что же?—забвеніе одной изъ необходимыхъ основъ общественной добродѣтели: уваженіе къ святынѣ правды! «Если есть какое зло въ Россіи (говоритъ авторъ разбираемей статьи), если есть какое-нибудь неустройство въ ея общественныхъ отношеніяхъ, если есть, вообще, причины страдать русскому человѣку: то всѣ онѣ первымъ корнемъ своимъ имѣютъ неуваженіе къ святости правды». Авторъ рѣшился объявить, что это неуваженіе къ святости правды явилось въ послѣднія 150 лѣтъ, вслѣдствіе господства чуждой образованности. А громкіе голоса противъ неправды, дошедшіе до насъ изъ древней Руси, когда не было чуждой образованности, голоса, сохранившіеся во множествѣ памятниковъ? Ужь не отнести ли лучше начало неуваженія къ правдѣ къ концу XV и началу XVI вѣка и приписать втѣсненію чуждой формы? Мы порицаемъ раскольниковъ за уваженіе къ формѣ; а сами приписываемъ ей какое могущество? Народъ живетъ въ высокомъ, блаженномъ состояніи, нравы его проникнуты постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному, человѣческаго къ божественному:—и вотъ является какая-то чуждая форма,

1) «Русская Бесѣда» 1857 г., № 1, Науки, стр. 2 и слѣд.

незваная, непрошеная,— и все портитъ! Намѣстникъ, волостель не уважаетъ правды,— здѣсь вліяніе одной формы, положимъ византійской; а въ Новгородѣ цѣлый конецъ можно было поднять посуломъ: здѣсь вліяніе какой формы?— тоже византійской? Да и что это за чуждыя византійскія формы, когда мы знаемъ, что формы, господствовавшія въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, были произведеніемъ внутреннихъ условій русской общественной и государственной жизни?

Бѣдная, бѣдная русская исторія! Послѣднія полтораста лѣтъ должны быть изъ нея вычеркнуты: здѣсь порча вслѣдствіе господства чуждой образованности. Но, по крайней мѣрѣ, древняя допетровская исторія остается у насъ?—Нѣтъ, изъ нея должны быть исключены два вѣка, XVI XVII, самые блестящіе, самые любопытные, самые зиждительные вѣка!—ибо здѣсь также порча отъ византійской формы. Да кромѣ того изъ древней русской исторіи надобно исключить всѣ тѣ знаменитыя лица, которыя жаловались на недостатки современнаго имъ общества, за недостатокъ образованности, ибо это все вольнодумцы, выскочки, люди отрицательнаго направленія! И такое разрушеніе русской исторіи производится во имя любви къ ней! Послѣ этого истинные любители русской исторіи не имѣютъ ли права сказать: «Читая сочиненія послѣдователей анти-историческаго направленія, невольно думаешь: что за несчастная судьба толкнула ихъ и толкаетъ постоянно на предметъ, котораго терпѣть они не могутъ»?

Любопытнѣе всего то, что послѣдователи анти-историческаго, отрицательнаго направленія обвиняютъ другихъ—въ чемъ же?—въ отрицательномъ направленіи! Вышла книга объ областныхъ учрежденіяхъ въ XVII вѣкѣ, авторъ которой указываетъ на недостаточность этихъ учрежденій и тѣмъ самымъ указываетъ на необходимость новаго порядка, который и явился въ вѣкѣ послѣдующемъ. И вотъ со стороны послѣдователей анти историческаго направленія поднялись крики: отрицательное направленіе! Авторъ означенной книги говоритъ, что судъ въ древней Руси разсматривался съ точки зрѣнія частнаго права, что судья кормился отъ суда. Ему возражаютъ [1]): «Извѣстно всѣмъ, что никакое общество не можетъ существовать безъ суда—конечно, не въ смыслѣ кормленія,—что судъ составляетъ существенную потребность всякаго общества—конечно, не ради поборовъ, съ ними сопряженныхъ,— такъ въ чемъ же заключалось понятіе народа о томъ, что есть судъ самъ по себѣ и чѣмъ долженъ быть судья для подсудимыхъ, въ чемъ выражалось это понятіе и какъ оно относилось къ офиціальному воззрѣнію служилаго сословія? Эти вопросы не со стороны примыкаютъ къ главному тезису; они въ немъ содержатся, и взявшись опредѣлить характеръ цѣлаго общественнаго устройства по характеру судебныхъ учрежденій, нельзя было миновать ихъ разрѣшенія. Если не нашлось для этого никакихъ данныхъ въ юридическихъ актахъ, въ чемъ позволительно усомниться, то вольно-жь было ими ограничиваться. Здѣсь *вѣроятно* пригодилась бы къ дѣлу справка съ проповѣдями и посланіями, посредствомъ которыхъ Церковь проводила въ гражданское общество идеальныя понятія, прививавшіяся ко всѣмъ сословіямъ; *можетъ-быть*, и повѣствованія лѣтописцевъ, особенно тѣ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ народныхъ преданій, дали бы указаніе для воспроизведенія понятій древней Руси о правдѣ и о судѣ».

Можно ли позволить себѣ при важныхъ возраженіяхъ употреблять слова: *вѣроятно*, *можетъ быть*? Далѣе: есть ли какой-нибудь народъ на свѣтѣ, который бы понималъ судъ иначе, какъ судъ правый? Народъ требуетъ суда праваго, а до того, кто его судитъ, ему дѣла нѣтъ. Творится судъ правый—народъ молчитъ; беззаконствуетъ судья, грабитъ подсудимыхъ—раздаются жалобы. Эти громкія жалобы, дошедшія насъ изъ древней Руси, свидѣтельствуютъ о неправомъ судѣ, и, въ то же самое время, свидѣтельствуютъ, что жалующіеся, подсудимые, и верховная власть, подтверждающая законность жалобъ, также Церковь, напоминающая о судѣ правомъ, имѣютъ иное понятіе о судѣ, чѣмъ судьи. Этотъ разладъ между идеальными понятіями и дѣйствительностію и служитъ намъ мѣркою для оцѣнки общественнаго состоянія, и заставляетъ насъ произнести приговоръ, что это состояніе было неудовлетворительно, требовало выхода изъ него, и если общество ищетъ этого выхода, то оно вполнѣ оправдано, возбуждаетъ въ насъ полное сочувствіе. Но жалоба—какого рода она? Если мнѣ попадается подъ руку юридическій актъ, или множество актовъ такого содержанія: Кузьма прибилъ Ивана безвинно, а судья, взявши посулъ съ Кузьмы, обвинилъ Ивана же,—то эти акты не имѣютъ для меня, какъ для историка, никакого значенія, не могу я на ихъ основаніи произнести приговора относительно нравственнаго состоянія общества; не могу сказать, что въ извѣстное время судьи беззаконствовали, ибо это отдѣльные случаи. Но если въ актѣ земскаго собора цѣлое сословіе говоритъ: «Мы разорены не войною, а московскою волокитою», то я не имѣю никакого права отвергнуть это свидѣтельство, какъ голосъ всей Земли. Заподазриваютъ юридическіе акты, указываютъ на лѣтописи. Мы не станемъ говорить, что въ лѣтописяхъ, *вѣроятно*, *можетъ-быть*, ничего не найдемъ; въ лѣтописяхъ мы найдемъ кой-что: Годуновъ, говоритъ лѣтописецъ, старался искоренить всяточничество, но никакъ не могъ. При описаніи извѣстнаго видѣнія въ Успенскомъ соборѣ, читаемъ страшныя слова: «Неправеденъ судъ творятъ и правымъ насилуютъ и грабятъ чуждая имѣнія, нѣсть истины во всемъ народѣ»; уже не

1) Русск. Бес. 1857, I, Критика, стр. 105.

говорю о жалобахъ псковскаго лѣтописца. Это для XVII вѣка; а если обратимся къ глубокой старинѣ, къ тому блаженному времени, когда русскіе нравы были проникнуты постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному,— то найдемъ, что у народа слово *тіунъ* было синонимомъ беззаконника.

Историку встрѣчается явленіе, о которомъ современники выражаются, положимъ, такъ: «мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ». Историкъ, пораженный такимъ явленіемъ, начинаетъ разыскивать причины, по которымъ оно произошло, а ему кричатъ: «Какъ не стыдно? Какое одностороннее, отрицательное направленіе! Толкуетъ объ одной мерзости запустѣнія, а святаго мѣста не видитъ, у народа была не одна мерзость запустѣнія, было и святое мѣсто». Разумѣется, историку отвѣчать легко на эти крики: «Если бы мерзость запустѣнія была на приличномъ ей мѣстѣ, а не на святомъ, то я бы о ней и не говорилъ».

Положительная сторона въ трудахъ по русской исторіи обозначилась ясно; послѣдователи историческаго направленія съ глубокимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдятъ за строеніемъ великаго зданія; замѣчаютъ, какъ участвуетъ въ этой постройкѣ каждый вѣкъ, каждое поколѣніе, что прибавляетъ къ зданію прочнаго, остающагося; участіе къ строителямъ, къ передовымъ людямъ въ дѣлѣ созиданія усиливается при видѣ тѣхъ страшныхъ препятствій, съ которыми они должны были бороться; съ особеннымъ сочувствіемъ прислушиваются къ жалобѣ на недостатокъ свѣта. И вотъ, наконецъ, является свѣтъ, сначала слабый, потомъ постепенно распространяется; но чѣмъ болѣе распространяется онъ, тѣмъ болѣе чувствуется въ немъ нужда, требуется, чтобъ все зданіе было освѣщено, чтобъ всѣ работники видѣли другъ друга и тѣмъ согласнѣе могли дѣйствовать; чтобъ не было темныхъ угловъ, куда бы могли укрыться и лѣнь и зло; отовсюда слышится громкій, утѣшительный вопль: «Свѣта! больше свѣта!».

А тутъ слышатся другіе голоса: «Что ваше зданіе? Началось оно строиться хорошо, матеріялъ былъ свой, крѣпкій; но ничего не вышло, ни цвѣта, ни плода; съ конца XV вѣка уже начало подгнивать; выскочки, люди отрицательнаго направленія стали кричать, что свѣта нѣтъ, взяли свѣтъ чужой и стало еще темнѣе прежняго».

Анти-историческое, отрицательное направленіе высказалось, кажется, вполнѣ. Кажется, между послѣдователями его уже начинаетъ пробуждаться сознаніе его несостоятельности; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ ихъ поэтовъ недавно сказалъ:

> .... какъ плащемъ, рядясь борьбою
> Пустой, не давшею плода,
> Стою предъ жизнію живою
> Безъ животворнаго труда.
> Порывъ, упрекъ, негодованья,
> Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причетъ!
> Увы! путь мертвый отрицанья
> Плодовъ живыхъ не принесетъ!

Пользуемся этими прекрасными стихами, чтобы окончить статью словомъ сочувствія: Богъ помочь на новой дорогѣ!